

Гос.

Цѣна въ бумажкѣ . . . . 6 руб.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 25 Іюля 1878.

Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

ЖИВОПИСНОЕ

ОБОЗРѢНІЕ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

1878.

(ГОДЪ ШЕСТЫЙ)

Цѣна въ бумажкѣ .... 6 руб.
» » коленкоровомъ переплетѣ .... 7 руб.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
1878.

Оглавленіе II тома „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“ за 1878 годъ.

Портреты.

Картины въ приложеніяхъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 Іюня 1878 года.

Живописное Обозрѣніе

№ 27. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к.

С.-Петербургъ, 2 Іюля 1878 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20.

Годъ VI.

На мельницѣ.

Разсказъ **Б. Левина.**

(См. рисунки на стр. 534, 535 и 538.)

Въ небѣ тучи пробѣгаютъ,
Льетъ луна свой блѣдный свѣтъ
На печальныя руины—
Мавзолеи прошлыхъ лѣтъ.

Непривѣтливо чернѣетъ
Лѣсъ нагорный въ сторонѣ,
Крики птицъ ночныхъ оттуда
Раздаются въ тишинѣ.

Нѣтъ кругомъ жилья людского,
Нѣтъ веселыхъ огоньковъ,
Все безлюдно, но въ затишьѣ
Раздается звукъ шаговъ.

То, отыскивая на ночь
Хоть какой нибудь пріютъ,
Каменистою дорогой
Два охотника идутъ.

Посреди нѣмыхъ развалинъ
Возникаютъ въ ихъ умахъ:
Суевѣрныя преданья
О давно минувшихъ дняхъ:

О баронахъ знаменитыхъ,
Жившихъ въ этой сторонѣ,
Выѣзжавшихъ на разбои
Въ полуночной тишинѣ;

О грозѣ—небесной карѣ,
Превратившей ихъ притонъ
Въ груду мрачную развалинъ
За грѣхи былыхъ временъ;

О подземныхъ стонахъ, слышныхъ
Въ этомъ мѣстѣ роковомъ,
И тѣняхъ, встающихъ въ полночь
Изъ подъ плитъ, поросшихъ мхомъ.

И охотники угрюмо,
Ускоряя шагъ, идутъ
Къ старой мельницѣ въ долину,
Гдѣ готовъ для нихъ пріютъ.

Къ счастью, къ ней дойдти не трудно:
Издалека видитъ взоръ
На прозрачномъ фонѣ неба
Крылья мельничныя съ горъ.

Точно крестъ надъ божьимъ храмомъ,
Поднимаются они,
Надъ жилищемъ, гдѣ привѣтно
Блещутъ мирные огни.

Тишь здѣсь царствуетъ святая,
Только слышно близъ жилья,
Какъ шумятъ, не умолкая,
Струйки быстраго ручья.

Серебрясь при лунномъ свѣтѣ,
Бѣднымъ труженникамъ онъ
Гармоническимъ журчаньемъ
Навываетъ сладкій сонъ.

Входятъ путники спокойно
Къ этимъ труженникамъ въ домъ
И простые люди мѣсто
Имъ даютъ предъ очагомъ.

Послѣ ужина отрадно
Отдохнуть имъ у огня,
Гдѣ сплотилась дружелюбно
Вся хозяйская семья.

Начинаются бесѣды
И находится сейчасъ
Небылицъ и былей страшныхъ
У охотниковъ запасъ.

Говорятъ они: «Какъ страшенъ
Путь въ горахъ, гдѣ много лѣтъ
Красовался гордый замокъ,
Причинявшій много бѣдъ

Чудно замокъ былъ построенъ,
Все роскошно было въ немъ:
Башни, стрѣльчатыя окна,
Масса зелени кругомъ....

Въ этомъ замкѣ жилъ когда-то
Феодалъ, старикъ баронъ
И пиры давалъ на славу
Всѣмъ своимъ сосѣдямъ онъ.

Только плохо доставалось
Крѣпостнымъ его рабамъ,
Да сбившимся съ дороги
Проѣзжавшимъ богачамъ.

Въ тѣ вѣка молчалъ постыдно
Передъ силою законъ;
Попиралъ его ногами,
Тотъ, кто знатенъ и силенъ.

И баронъ, подобно многимъ,
Не боялся ничего,
Укрываясь, точно въ крѣпость,
Въ стѣны замка своего.

Онъ рабовъ томилъ работой,
Податями разорялъ
И въ наложницы насильно
Дочерей ихъ юныхъ бралъ.

Богачей проѣзжихъ смѣло
Съ пьяной сволочью нахалъ
Настигалъ въ дорогѣ ночью
И до нитки обиралъ.

Эти грозные разбои
Называлъ «охотой» онъ
И дрожали всѣ, услышавъ,
Что «охотится» баронъ.

Но однажды, утомленный
Долгимъ рысканьемъ въ потьмахъ,
Выбралъ онъ себѣ на отдыхъ
Домъ лѣсничаго въ горахъ.

Въ этомъ домикѣ лѣсничій
Жилъ съ старушкою женой
И съ молоденькою дочкой,
Доброй феею лѣсной.

На окошкѣ, точно птичка,
Мира свѣтлаго полна,
Посреди цвѣтовъ душистыхъ,
Проводила дни она.

Смотритъ въ этотъ лѣсъ, бывало,
Съ тихой пѣсней на устахъ,
Съ дѣтской ясностью во взорѣ
И съ работою въ рукахъ.

И, какъ къ птичкѣ коршунъ хищный,
Утромъ, пѣсней пробужденъ,
Къ ней подкрался незамѣтно
Съ злой усмѣшкою баронъ:

«Я не зналъ, что здѣсь такая
Красота въ лѣсу цвѣтетъ,
Что ее отъ господина
Мой лѣсничій бережетъ.

«У меня лишь въ замкѣ мѣсто
Для подобной красоты,
И сегодня же со мною
Жить въ него поѣдешь ты».

Услыхавъ слова барона,
Безотвѣтна и блѣдна,
Встала дѣвушка, но бѣгствомъ
Не могла спастись она.

Какъ въ когтяхъ, въ своихъ объятьяхъ
Заключилъ ее старикъ
И изъ кухни мать въ испугѣ
Услыхала слабый крикъ.

Мигъ прошелъ — и на колѣни
Передъ нимъ упала мать,
Умоляя господина
Ихъ сокровища не брать.

«Взять старуху! крикнулъ слугамъ
Оглушительно баронъ, —

Да зажать ей ротъ покрѣпче.
Что бы смолкъ на долго онъ!»

Слуги бросились, какъ звѣри,
На несчастную, а дочь
Захватилъ баронъ съ собою,
Чтобъ скорѣй умчаться прочь.

На коня онъ сѣлъ и ѣдетъ
Вдоль лѣстной опушки съ ней,
Вдругъ изъ лѣса кто-то вышелъ,
Грянувъ громко: «Стой, злодѣй»!

И за этимъ крикомъ слѣдомъ
Быстро выстрѣлъ прозвучалъ...
Былъ онъ мѣтокъ: прямо въ сердце
Бѣдной жертвѣ онъ попалъ.

Задрожалъ баронъ въ испугѣ,
Шпоры онъ въ коня всадилъ
И помчался, — новый выстрѣлъ
Сонный воздухъ огласилъ.

Конь подстрѣленный рванулся,
Закусивши удила,
И понесся, по ручьями
Кровь его уже текла.

Не домчится онъ до замка,
Нужно спѣшится скорѣй,
Въ лѣсъ бѣжать, — въ лѣсу барона
Не найдетъ уже злодѣй.

Соскочилъ баронъ на землю,
Побѣжалъ, — но передъ нимъ
На пути стоятъ деревья
Войскомъ страшнымъ и густымъ.

Мрачно смотрятъ исполины
Глухо ропщутъ и шумятъ
И вѣтвистыя ихъ руки
Злобно въ воздухѣ дрожатъ.

Такъ и кажется барону,
Что число ихъ все растетъ,
Что за массой ихъ стѣною
Масса новая встаетъ.

Хлещутъ вѣтви ихъ со злобой
По рукамъ и по лицу
И сухія сучья ноги
Обвиваютъ бѣглецу.

Тщетно думаетъ пробраться
Онъ къ владѣніямъ своимъ:
Заслонила всѣ дороги
Рать лѣсничаго предъ нимъ.

А за нимъ все ближе, ближе
Слышны твердые шаги
И уйдти отъ нихъ нѣтъ силы,
Силы нѣтъ себя спасти.

«Стой»! надъ самымъ ухомъ крикнулъ
Громкій голосъ. Пораженъ
Этимъ крикомъ, на колѣни
Опускается баронъ.

Передъ нимъ стоитъ лѣсничій,
Взявъ за стволъ свое ружье
И поднявъ его, онъ молвитъ:
«Ну, платись теперь за все!

Но не стоишь ты заряда:
Пуля бьетъ враговъ въ борьбѣ, —
Издыхаютъ подъ прикладомъ
Псы, подобные тебѣ»...

Въ тотъ же день, когда лѣсничимъ
Былъ въ лѣсу убитъ баронъ,
Старый замокъ страшной бурей
Былъ въ руины превращенъ.

Съ той поры ночной порою
И въ лѣсу и на горахъ
Слышенъ шумъ, — то тѣнь барона
Укрывается въ кустахъ,

А за ней, ломая сучья,
Быстро двигаясь впередъ,
Исполинскими шагами
Тѣнь лѣсничаго идетъ,

Раздаются стоны, крики, —
И окрестный весь народъ
Это «дьявольской охотой»
Съ давнихъ поръ уже зоветъ!»...

Нѣтъ конца разсказамъ страшнымъ,
Но давно пора и спать:
Мельникъ съ старою хозяйкой
Стали медленно зѣвать.

Всѣ встаютъ, но дочь хозяевъ,
Бѣлокурое дитя,
Ночь среди такихъ разсказовъ
Просидѣла-бъ, не шутя.

Тѣ разсказы ей и ночью
Будутъ грезится во снѣ,
Вызывая скорбь и слезы
У малютки въ тишинѣ.

И поутру, проводивши
Дорогихъ гостей, она,
Прислонясь къ стѣнѣ, быть можетъ,
И поплачетъ здѣсь одна.

Да, поплачетъ, потому что
Тутъ на мельницѣ у нихъ
Нѣтъ такихъ преданій страшныхъ,
Нѣтъ разсказчиковъ такихъ.

Миръ святой царитъ надъ ними.
И проводитъ человѣкъ,
Честный трудъ свой совершая,
Здѣсь безъ бурь кровавыхъ вѣкъ.

Состояніе дикихъ народовъ.

Ст. Шафгаузена.

(*Продолженіе.*)

Внутренняя духовная жизнь народа опредѣляется тѣми представленіями, которые дѣлаютъ себѣ люди относительно божества и будущей жизни. Нѣкоторые дикари слывутъ за неимѣющихъ и слѣда религіи, но даже полное отсутствіе всякихъ внѣшнихъ религіозныхъ обрядовъ не дозволяетъ еще дѣлать подобнаго заключенія. Древніе германцы не имѣли изображеній боговъ и храмовъ, потому что имъ было чуждо искуство. Темное представленіе о высшемъ существѣ присуще, повидимому, всѣмъ народамъ; оно должно быть, по всей вѣроятности, и у жителей Андаманскихъ островов, равно какъ и цейлонскихъ Ведда, остатковъ первобытнаго населенія страны. Самые дикіе бушмены и туземцы Вандименовой земли вѣрятъ въ злого духа, котораго они боятся. (Никсонъ, англійскій епископъ въ Тасманіи, не могъ, однако, обратить этихъ послѣднихъ въ христіанство, вслѣдствіе ихъ крайней неразвитости, и долженъ былъ, наконецъ, отказаться отъ всякихъ усилій въ этомъ отношеніи). У печереговъ есть уже слово для обозначенія бога, которому они покланяются; американскіе индѣйцы называютъ этого бога «великимъ духомъ», а Ливингстонъ хвалитъ кафровъ за ихъ чистыя понятія о божествѣ. Гиппаръ, бывшій три года въ плѣну у патагонцевъ, говоритъ, что ни одинъ изъ нихъ не приступитъ къ ѣдѣ или питью, не обратясь прежде лицомъ къ солнцу причемъ онъ отламываетъ часть отъ яства или проливаетъ часть напитка, произнося слѣдующую молитву: «Отецъ, великій господинъ, властитель міра, возлюбленный, пошли мнѣ ежедневно хорошую пищу, хорошую воду и хорошій сонъ. Я бѣденъ; голоденъ ты? Скудна моя пища, но вкуси отъ нея, если хочешь!» Не то ли же это возліяніе, какъ у древнихъ римлянъ? Но грубость нравовъ граничитъ такъ близко съ самыми благороднѣйшими чертами, встрѣчаемыми иногда, въ душѣ дикарей, что у тѣхъ же патагонцевъ, при рожденіе ребенка, родители рѣшаютъ: жить ему или умереть, вслѣдствіе чего, часто, тутъ же душатъ дѣтей.

Обращеніе дикарей въ христіанство затруднительно потому, что имъ недостаетъ того нравственнаго развитія, которое всегда подготовляетъ почву для новаго и плодотворнаго ученія, какъ мы то видимъ въ исторіи. Одна женщина изъ дикаго племени Айетовъ (на Филиппинскихъ островахъ) говорила: «Какимъ образомъ, можетъ быть божество въ небѣ, когда камень, который я бросаю вверхъ, снова падаетъ на землю?» Эскимосы долго сопротивлялись всѣмъ усиліямъ миссіонеровъ братской общины, впервые основавшей миссію въ Гренландіи, въ 1721 г. Они отклоняли ученіе, говоря: «Покажите намъ бога, котораго вы описываете, и мы повѣримъ вамъ, и будемъ ему служить, а то вы изображаете его такимъ высокимъ и непонятнымъ; какъ намъ къ нему добраться? Онъ и не захочетъ о насъ заботиться; мы призывали его, когда были больны и голодны, но онъ, какъ будто, насъ и не слышитъ. Ваше небо, ваши духовныя радости и ваше блаженство, можетъ быть, и довольно хороши для васъ, но намъ все это скучнымъ кажется; намъ требуются моржи, рыба и птицы, потому что нашей душѣ также худо безъ нихъ, какъ и нашему тѣлу; мы хотимъ лучше попасть къ Торнгарсуку, у котораго мы найдемъ все въ изобиліи, и безъ малѣйшаго труда!» Мёлгаузенъ *), защищающій индѣйцевъ противъ насилій со стороны бѣлаго племени, спрашивалъ одного делаварца, почему онъ не посѣщаетъ ни одной изъ сосѣднихъ христіянскихъ церквей; тотъ отвѣчалъ ему со смѣхомъ: «Слишкомъ много лгутъ въ молитвенныхъ домахъ у бѣлыхъ! Говорятъ: не укради, а крадутъ у индѣйцевъ ихъ землю; люби своего ближняго,—а не хотятъ молиться вмѣстѣ съ неграми; потомъ, сколько церквей здѣсь: методисты, католики, протестанты, пресвитеріанцы... и всѣ говорятъ: мы одни хороши, всѣ другіе обманываютъ. Индѣйская церковь, лѣсъ и степь, хороши; у лѣса и степи одинъ языкъ!» Глава племени галасскихъ негровъ говорилъ миссіонеру Крапфу: «Намъ не зачѣмъ обращаться въ христіанство, потому что мы не видимъ, чтобы христіане были лучше насъ». Европейцы слишкомъ часто заслуживали подобный строгій приговоръ со стороны простыхъ сыновъ природы, и теряли всякое вліяніе надъ ними, вслѣдствіе своихъ собственныхъ позорныхъ дѣлъ и дурного примѣра. Замѣчательно то упорство, съ которымъ, по Шерцеру, индѣйцы тропической Америки, придерживаются своей языческой религіи, хотя номинально, они состоятъ уже христіанами цѣлыхъ 300 лѣтъ. До сего времени, прячутъ они своихъ идоловъ подъ христіанскими алтарями, передъ которыми совершаютъ, молитву. Ал. фонъ-Гумбольдтъ приводитъ возмутительный примѣръ слѣпого рвенія, увлекшаго миссіонеровъ даже до похищенія людей. Одинъ миссіонеръ повелъ свое индѣйское племя, на Гуавіарѣ, въ походъ противъ другого, враждебнаго племени. Они нашли, въ одной хижинѣ, мать съ тремя дѣтями; отецъ ушелъ на рыбную ловлю. Женщина пыталась бѣжать, но была настигнута въ саваннѣ; ее связали, вмѣстѣ съ дѣтями, и отправили въ Сан-Франциско. Миссіонеры надѣялись, что она не найдетъ пути домой, но, тоскуя по остальнымъ дѣтямъ, она дѣлала нѣсколько попытокъ къ бѣгству; каждый разъ, однако, ее ловили, наказывали и, наконецъ, разлуча съ дѣтьми, отправили вверхъ по Атобицо, въ другую миссію, на Ріо-Негро. Несчастной удалось какъ-то развязать дорогою свои веревки, и она выпрыгнула изъ лодки въ воду, доплыла до лѣваго бе-

*) Мёлгаузенъ: Путешествіе въ горныя страны Сѣв. Америки, 1860.

рега и спряталась здѣсь въ кустахъ, на утесѣ. Ее снова поймали, высѣкли и повлекли, завязавъ руки на спину, въ гавитскую миссію. Одушевляемая одною мыслью: освободить своихъ дѣтей и снова возвратиться съ ними на родину, она совершила подвигъ, невозможный, повидимому. Индѣйцы, находившіеся при миссіи, распустили веревки, изъ состраданія къ плѣнницѣ, видя, что ея руки были покрыты кровавыми язвами; она перегрызла зубами остальныя узы и исчезла на слѣдующее утро. Черезъ четыре дня, ее увидѣли уже по близости Сан-Франциско, гдѣ томились ея дѣти. Она пробралась, такимъ образомъ, черезъ лѣсныя чащи въ дождливое время года, не боясь темныхъ ночей и выступившихъ изъ береговъ рѣкъ,—единственныхъ путей сообщенія, между нѣкоторыми мѣстами; то вплавь, то пробивая себѣ путь сквозь иглистыя, перепутанныя растенія, рѣзавшія ей тѣло, и питаясь одними черными муравьями, она совершила труднѣйшій переходъ, для того только, чтобы снова попасться въ руки неумолимыхъ людей, которые наградили ея материнское самоотверженіе тѣмъ, что отослали ее въ дальнѣйшую миссію, при верхнемъ Ореноко, гдѣ несчастная мать, потерявъ всякую надежду снова увидѣть своихъ дѣтей, умерла добровольною смертью отъ голода. Гумбольдтъ былъ растроганъ при видѣ того утеса, на западномъ берегѣ Атабацо, на которомъ несчастная искала спасенія. Его завутъ «Скала матери». «Если въ этихъ пустыняхъ едва виднѣнъ человѣческій слѣдъ, восклицаетъ Гумбольдтъ, — то названіе этого утеса, незыблемаго памятника природы, служитъ вѣчнымъ напоминовеніемъ о нравственной испорченности нашего племени, о добродѣтели дикихъ и варварствахъ цивилизованныхъ людей... Эта скала хранитъ память о жертвѣ ханжества и грубости ничтожныхъ людей, именовавшихъ себя служителями религіи, которая поставляетъ любовь къ ближнему, въ числѣ своихъ первыхъ заповѣдей. Капитанъ Сно *) сообщаетъ, что англійскіе миссіонеры на фалкландскихъ островахъ выманиваютъ у матерей, туземокъ Огненной Земли, ихъ дѣтей, съ цѣлью дать имъ воспитаніе; но вслѣдъ за поступкомъ, въ который онѣ вовлекаются подарками, бѣдныя матери испытываютъ раскаяніе. Въ недавнее время, вся команда одной англійской шкуны была перерѣзана, и дикіе объявили военнымъ судамъ, присланнымъ для расправы съ ними, что они не хотятъ имѣть сношеній съ бѣлыми, ворующими у нихъ дѣтей.

Весьма распространенный у дикихъ народовъ обычай, окружать особымъ попеченіемъ погребеніе мертвыхъ, снабжая ихъ притомъ не только яствами и оружіемъ, но даже человѣческими жертвами, въ видѣ женъ и слугъ, служитъ доказательствомъ того, съ какою легкостью человѣкъ усвоиваетъ себѣ понятіе о будущей жизни и о томъ, что смерть служитъ лишь переходомъ къ ней. Австралійцы погребаютъ своихъ мертвыхъ послѣ солнечнаго заката; при появленіи первой звѣзды, жрецъ восклицаетъ: «Смотрите, вотъ онъ идетъ съ своимъ огненнымъ посохомъ!» Обитатели острововъ Товарищества считаютъ звѣзды за души умершихъ и придаютъ имъ имена любимыхъ лицъ. Падучія звѣзды—это души, преслѣдуемыя злымъ духомъ и ищущія спасенія на землѣ. Делавары говорили Лоскіелю: «Индѣйцы не могутъ умирать навѣки, потому что даже индѣйская рожь возрождается и ростетъ снова». У аминовъ, одно и то же слово служитъ для обозначенія души и тѣни; въ этомъ видна замѣчательная глубина понятія.

Но тѣ же дикари, питающіе въ себѣ мысль о томъ, что выше земного, не сознаютъ собственнаго униженія, допускающаго ихъ, подобно звѣрямъ, до пожиранія тѣлъ своихъ убитыхъ враговъ. Ничто не внушаетъ намъ такого отвращенія и не оскорбляетъ такъ нашего человѣческаго чувства, какъ людоѣдство, которое мы привыкли признавать за самое низшее уклоненіе человѣческой природы. Ал. фонъ Гумбольдтъ выразился, можетъ быть, слишкомъ мягко, говоря, что, упрекая дикарей въ людоѣдствѣ, мы походимъ на брамина съ береговъ Ганга, который вздумалъ бы выговаривать намъ, европейцамъ, за то, что мы питаемся мясомъ животныхъ. Между питаніемъ звѣринымъ или человѣчьимъ мясомъ остается громадное различіе. Но людоѣдство составляетъ не всегда еще доказательство первобытной дикости; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, оно является слѣдствіемъ лишь позднѣйшаго вырожденія. Гохштетеръ доказываетъ, что новозеландцы усвоили себѣ этотъ обычай лишь послѣ того, какъ у нихъ истребились породы крупныхъ птицъ. Благодаря свиньямъ, введеннымъ еще Кукомъ, и распространенію христіанства, отвратительный обычай искоренился въ Нов. Зеландіи; послѣдній случай людоѣдства былъ въ 1843 году. Но въ іюлѣ 1865 г., въ Англію дошло извѣстіе о погибели миссіонера, д-ра Фолькнера, звѣрски убитаго маорисами. Они бросили его внутренности собакамъ, пили его кровь и пожрали сердце, печень и другія части его тѣла. Необходимость поддержать свое существованіе доводитъ до людоѣдства не однихъ дикихъ, чему мы видимъ ужасные примѣры въ голодные годы, равно какъ при осадѣ городовъ или кораблекрушеніяхъ. Но людоѣдство, какъ вѣрное доказательство дикости нравовъ, господствовало почти у всѣхъ древнихъ европейскихъ народовъ; оно было весьма распространено и въ Америкѣ, гдѣ племя атакапасъ и получило свое названіе отъ этого обычая. Ал. фонъ Гумбольдтъ слышалъ, еще въ Кассикіарѣ, объ одномъ алькадѣ, который откормилъ одну изъ своихъ женъ и съѣлъ ее. Людоѣдство существуетъ еще доселѣ между жителями южнаго океана, равно какъ въ Бразиліи, западной Африкѣ и даже въ Индіи. Жители остр. Фиджи, по словамъ Мэтью, учатъ даже своихъ дѣтей убивать дѣтей плѣнныхъ.. Эти дикари считаются за наиболѣе развитыхъ и, въ то же время, за самыхъ кровожадныхъ островитянъ. При постройкѣ себѣ жилищъ, они зарываютъ своихъ рабовъ живьемъ въ землю; при погребеніи владѣльцевъ, рабы тоже умерщвляются цѣлыми массами; при спускѣ боевыхъ лодокъ на воду, рабы служатъ живыми вальками. Въ декретскомъ округѣ, вся низшая каста обречена исключительно на жертвоприношенія и на доставленіе собою мяса при публичныхъ пиршествахъ, которыя устраиваются въ торжественныхъ случаяхъ. Эти несчастные влачатъ столь жалкое существованіе, что встрѣчаютъ смерть не только съ смиреніемъ, но своего рода удовольствіемъ. На мѣстномъ нарѣчіи, «трупъ» и «съѣстное» обозначаются тѣмъ же словомъ: «бакола». Человѣческое тѣло зажаренное и приправленное, считается однимъ изъ лучшихъ подарковъ, которые можно сдѣлать друзьямъ. Подобный трупъ приносятъ на носилкахъ, въ сидячемъ положеніи, съ тщательно согнутыми и подвязанными оконечностями; лицо у него раскрашено красною краской, голова убрана перьями, въ рукахъ палка или вѣеръ. *) Согласно обнародованнымъ, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, свѣдѣніямъ, о тѣхъ же островахъ, **) уэсленьянскіе проповѣдники жили, однако, между упомянутыми кровожаднѣйшими племенемъ въ мирѣ нѣсколько лѣтъ, не подвергаясь никакому насилію. Ихъ увѣренность въ безопасности доходили до того, что двѣ мужественныя женщины, достойныя сподвижницы этихъ миссіонеровъ, мистриссъ Лейтъ (Lyth) и Кальвертъ, узнавъ, что на сосѣднемъ отъ нихъ островѣ готовится умерщвленіе военноплѣнныхъ и людоѣдное пиршество, сѣли въ лодку и безстрашно отправились вдвоемъ на мѣсто отвратительной оргіи. Онѣ прибыли нѣсколько поздно; десять жертвъ уже пало; однако, три были еще живы. Англичанки смѣло подошли къ дикимъ и стали требовать помилованія для этихъ послѣднихъ. Вождь людоѣдовъ былъ пораженъ изумленіемъ передъ неустрашимостью женщинъ и тотчасъ же согласился на ихъ просьбу. «Пусть будетъ такъ, воскликнулъ онъ. Мертвые умерли, живые да живутъ!» Земанъ *) разсказываетъ (въ 1861 году), что въ Сомосомо, самомъ злодѣйскомъ углѣ на островахъ Фиджи, уже три года, какъ нѣтъ людоѣдства, и королева принадлежитъ къ самымъ набожнѣйшимъ христіанкамъ. Въ главномъ городѣ, Бау, благодаря усиліямъ уэсленьянцевъ, тоже прекращено людоѣдство съ 1854 г. Земану удалось еще видѣть большіе чугунные котлы, въ которыхъ жарились человѣческія жертвы. Но непрочность подобныхъ успѣховъ цивилизаціи, видна изъ сообщеній Эгерштрома **), живущаго много лѣтъ на остр. Фиджи, когда они на время были снова совершенно покинуты европейцами: 300,000 туземныхъ жителей совершенно были предоставлены себѣ. Кофейныя и хлопчато бумажныя плантаціи стояли безъ обработки, по недостатку рукъ; горныя племена вели войну съ береговыми племенами. Плѣнныхъ изрубливали въ куски, зажаривали въ печахъ и съѣдали. Шумъ этихъ оргій преслѣдовалъ Эгерштрома днемъ и ночью. Французы, владѣющіе Новою Каледоніей съ 1853 года, не успѣли до сего времени искоренить на ней людоѣдства и были вынуждены опредѣлить смертную казнь за каждый подобный случай. Лучшимъ средствомъ для уничтоженія варварскаго обычая, можно считать распространеніе животной пищи, чему служитъ примѣромъ Нов. Зеландія и племя ботокудовъ. Одинъ изъ главнѣйшихъ вождей на южноокеанскихъ островахъ, не даромъ говорилъ англійскому капитану, упрекавшему его за жестокій обычай: «Хорошо вамъ толковать; у васъ быковъ вдоволь, а у насъ нѣтъ другого быка, кромѣ человѣка». Для подобныхъ странъ, свинья явилась дѣйствительно культурнымъ животнымъ, благодаря тому, что она размножается всюду легко. Но самые звѣрскіе обычаи, приводящіе насъ въ содроганіе, кажутся совершенно иными тѣмъ племенамъ, среди которыхъ они распространены, что видно изъ слѣдующаго разсказа Рида: одинъ негръ изъ западно-африканскаго племени, чувствуя приближеніе своей смерти вдали отъ родины, горько плакалъ о томъ, что тѣло его будетъ съѣдено червями, а не родственниками и друзьями. Тѣмъ не менѣе, лишь только дикари отстаютъ отъ людоѣдства, они начинаютъ стыдиться подобнаго обычая и, большею частью, даже отрицаютъ, что ихъ предки такъ поступали. Очень многія негрскія племена внутренней Африки, увѣряютъ, что обвиненіе ихъ въ людоѣдствѣ, не болѣе какъ вымыселъ торговцевъ рабами. Но Маджіаръ утверждаетъ, что негры Биге пожираютъ своихъ плѣнныхъ; тоже говоритъ дю-Шалью о племени Фанъ къ востоку отъ Габоона. Форстеръ, бывшій свидѣтелемъ людоѣдства въ Нов. Зеландіи, разсказываетъ, что одинъ молодой туземецъ острововъ «Товарищества» выказалъ при этомъ благородное отвращеніе къ такому обычаю, уже искорененному на его родинѣ; онъ убѣжалъ, чтобы не видѣть гнуснаго зрѣлища и облегчилъ свое сердце слезами. Не у всѣхъ, даже самыхъ дикихъ племенъ господствуютъ кровожадные обычаи; весьма часто, они сохранились только отъ древнихъ временъ,

*) Ausland, 1861, № 46.

*) Quarterly Review. 1855.

**) Ausland, 1855, № 17.

*) Ausland, 1861, № 13 и 15.

**) Вестерманъ: Illustrirte deutsche Monatshefte. September, 1864.

Дочь лѣсничаго.

(Къ расказу «На мельницѣ».)

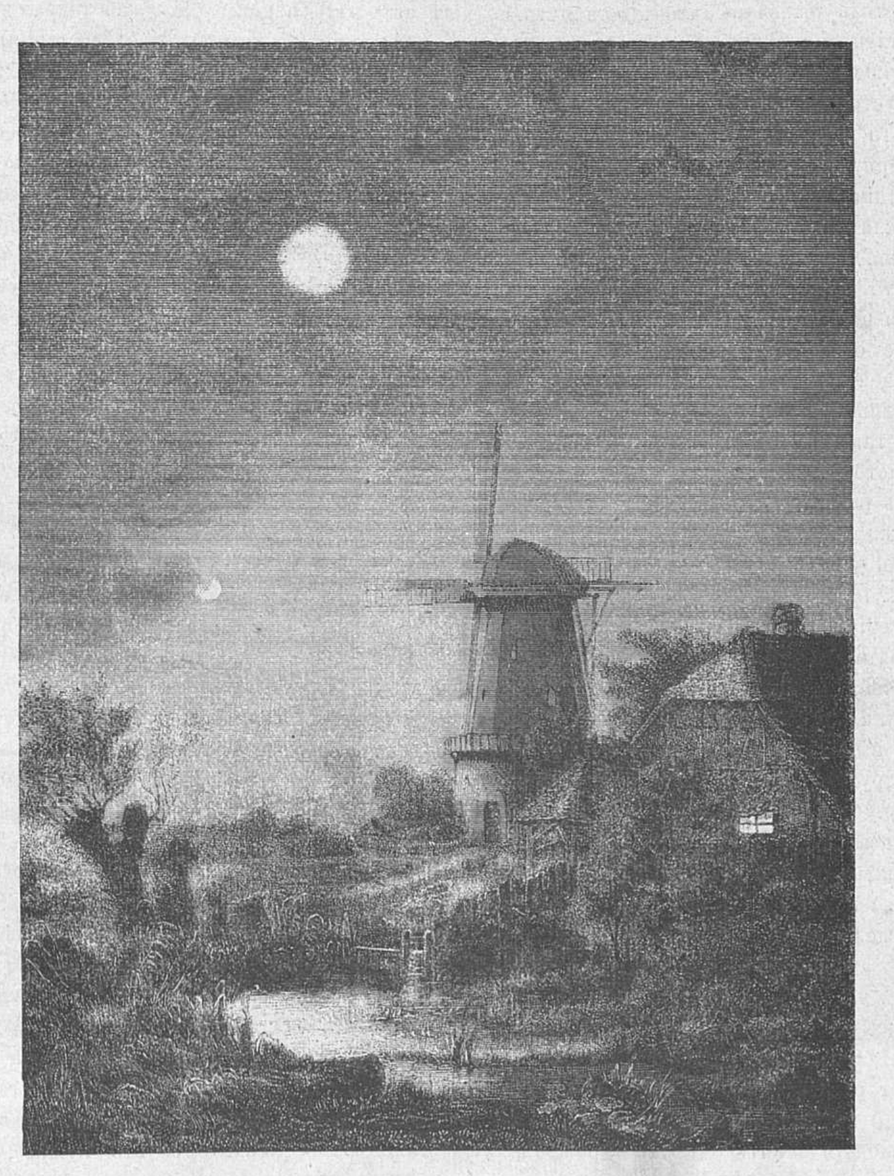
нося даже характеръ священнаго обряда. Едва ли не самый отвратительный примѣръ въ этомъ родѣ представляетъ празднество въ племени баттосовъ на Суматрѣ. Плѣнные или преступники приговариваются быть съѣденными за живо, что происходило еще въ 1847 г. по свидѣтельству Юнгхуна *) Жертва привязывается къ столбу; какой нибудь раджа вынимаетъ свой ножъ и вырѣзываетъ изъ тѣла несчастнаго первый кусокъ; онъ поднимаетъ его, ликуя, вверхъ и обсасываетъ его, съ блестящими отъ жадности глазами, потомъ подходитъ къ костру, слегка поджариваетъ мясо и пожираетъ его. Тогда всѣ присутствующіе кидаются на кровавую жертву, рвутъ съ нея мясо, поджариваютъ его на огнѣ и ѣдятъ съ солью и перцемъ, не смущаясь воплями страдальца, гибнущаго такою страшною смертью. Скелетъ убирается потомъ прочь. Баттосы **) не малайскаго, а индоевропейскаго происхожденія, и ихъ природный культъ считается болѣе древнимъ, нежели браминская и буддійская религіи. По свидѣтельству Эппа ***), они крѣпко сложены, воинственны и развиты въ отношеніи искуствъ; такъ, они умѣютъ плавить металлы, обрабатывать желѣзо и мѣдь, писать на бамбукѣ. Авторъ надѣется, что кровожадные обычаи искоренятся между ними въ ближайшемъ будущемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

*) Юнгхунъ. Племена баттосовъ на Суматрѣ. 1847.
**) Ausland, 1860, № 32.
***) Ausland, 1861, № 30.

Развалины замка.
(Къ разсказу «На мельницѣ»).

Мельница при лунномъ свѣтѣ.
(Къ разсказу «На мельницѣ»).

Очерки изъ военной жизни.

Эдмонда де-Амичиса. Переводъ съ итальянскаго.

(Продолженіе.)

Два деньщика.

Деньщикъ № 2-й.

Четыре года прожили они вмѣстѣ, и ни разу во все это время не забывали они: одинъ — свою роль офицера, другой — свою роль солдата. Одинъ солдатски-строгій, другой солдатски-послушный... Они любили другъ друга; но то было чувство грубое, суровое, молчаливое, не бросавшееся въ глаза, скрывавшее нѣжный порывъ подъ грубыми выходками; чувство это краснорѣчиво, когда молчатъ, и выглядитъ неуклюже и смѣшно, когда высказывается. Солдатъ вообще врагъ всякихъ наружныхъ проявленій чувствъ; онъ привыкъ, если на него нападаетъ желаніе плакать, крѣпко стискивать губы и молча глотать слезы, чтобы не казаться слабымъ и изнѣженнымъ. Разговоръ между этими, офицеромъ и солдатомъ, всегда шелъ краткій, быстрый, надломленный; они понимали другъ друга на полу-словѣ, по однимъ взглядамъ, по однимъ жестамъ. «Прикажете еще что-нибудь, ваше благородіе?» — «Ничего». — «Можно мнѣ идти?»—«Ступай».—Вотъ обыкновенная разговорная формула, отъ которой они никогда не отступали ни на одну іоту. И такъ проходили дни, мѣсяцы, годы, — прошли четыре года, — на зимнихъ квартирахъ, въ лагерѣ, въ походѣ, на войнѣ, и мало-по-малу въ сердцахъ обоихъ сослуживцевъ выросло чувство глубокое, суровое и почти не сознаваемое ими самими. Было столько деликатности, столько любви, столько души въ этомъ солдатскомъ лаконизмѣ, въ этомъ неизмѣнномъ молчаніи, въ этомъ безмолвномъ обмѣнѣ взглядовъ, изъ которыхъ одинъ говорилъ: «сдѣлай то», а другой отвѣчалъ: «я ужь понялъ»,—что для хорошо знакомаго съ натурами обоихъ самыя восторженныя выраженія любви показались бы фальшью въ сравненіи съ этими.

Случалось имъ быть другъ возлѣ друга на поляхъ сраженія въ торжественныя минуты, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ непріятельскихъ пушекъ, когда при каждомъ свистѣ пуль одинъ быстро оборачивалъ голову въ сторону другого и думалъ, вздыхая съ облегченіемъ: «и эта, слава Богу, пронеслась мимо». Случалось имъ вмѣстѣ проводить длинныя ночи на аванпостахъ, ночи холодныя и дождливыя, когда ноги утопали въ болотѣ, и вѣтеръ свободно гулялъ вокругъ; утромъ же, когда подходилъ батальонъ на смѣну, они улыбались другъ другу, какъ бы говоря: «теперь возвратимся въ лагерь, ободрись, ты теперь можешь отдохнуть».

Очень часто впродолженіе длинныхъ лѣтнихъ походовъ, они оба заразъ оборачивались назадъ, считая мили по краямъ дороги, часто насчитывали они ихъ болѣе сорока, когда же доходили до послѣдней, то обмѣнивались успокоивающимъ и довольнымъ взглядомъ, который, казалось, говорилъ: «еще двѣ... еще одна... сейчасъ дойдемъ».

Не разъ вечеромъ, когда каждый въ лагерѣ зналъ, что ночью его разбудятъ выстрѣлы, и мысленно подготовлялся къ бою, офицеръ ложился въ палаткѣ, а солдатъ подкладывалъ подъ него шинель, чтобы защитить его отъ холодныхъ ночныхъ испареній. «Добраго вечера, г. лейтенантъ», говорилъ солдатъ, удаляясь, и офицеру казалось, что голосъ его слегка дрожитъ и даже, что послѣднее слово застряло у него въ горлѣ; и прощальный привѣтъ офицера звучалъ точно въ томъ же тонѣ. Иной разъ, когда одинъ подавалъ другому письмо, и тотъ съ жадностью протягивалъ руку, чтобъ схватить его, едва замѣтная улыбка скользила по лицамъ обоихъ; одинъ хотѣлъ сказать: «это письмо изъ дома; я узнаю почеркъ; это отъ твоей матери». «Спасибо, хотѣлъ отвѣтить другой, что ты мнѣ заранѣе хотѣлъ доставить удовольствіе».

А послѣ того снова возвращались къ прежнимъ безмолвнымъ и суровымъ привычкамъ. Ни

разу акуратный солдатъ, являясь къ своему офицеру, чтобы просить объ отпускѣ, не забывалъ военной выправки, смотрѣлъ ему смѣло въ глаза, выпрямляя голову, энергически подносилъ руку къ кепи, вытягивался въ струнку, неподвижный и суровый. Удаляясь, онъ поворачивалъ на лѣво кругомъ, какъ это дѣлалось во фронтѣ.

Они жили вмѣстѣ всего четыре года, но солдатъ, поступившій въ вѣстовые съ перваго же года службы, уже оканчивалъ свой срокъ.

Но вотъ пришло приказаніе распустить старшихъ по службѣ солдатъ. Въ этотъ день между начальствующимъ и подчиненнымъ разговоръ мало чѣмъ былъ оживленнѣе обыкновеннаго; но сердца обоихъ долго бесѣдовали вмѣстѣ.—«Прикажете еще что?»—«Ничего... вышло приказаніе распустить старшихъ по службѣ; черезъ десять дней ты можешь ѣхать».

Послѣдовало краткое молчаніе, во время котораго глаза ихъ избѣгали встрѣчи. — «Можно идти?»—«Ступай себѣ». Этотъ разъ присовокуплено было себѣ, а это былъ уже большой шагъ на пути къ нѣжностямъ.

Сердце сжалось у обоихъ; но не у обоихъ одинаково. Одинъ терялъ друга, даже болѣе, чѣмъ друга, брата, который любилъ его глубоко и вмѣстѣ почтительно. Другой точно также терялъ друга, брата, но одинъ оставался, другой возвращался домой. А это было для него огромнымъ утѣшеніемъ. Вернуться домой! Послѣ столькихъ лѣтъ, столькихъ опасностей!.. Когда столько разъ вечеромъ, въ то время, какъ раздаются долгіе и грустные звуки вечерней зори, а подъ палатками погасаютъ огоньки, и во всемъ этомъ подвижномъ лагерѣ, недавно еще столь оживленномъ и веселомъ, водворяется глубокая тишина,—на бѣднягу нападало глубокое уныніе, и, закрывъ лицо руками, онъ съ грустью думалъ о матери и спрашивалъ себя: «Что-то дѣлаетъ теперь моя бѣдная старуха?» — Вернуться домой! Когда такъ часто при приближеніи ночи, онъ прислушивался среди болтовни земляковъ къ знакомымъ звукамъ домашнихъ деревенскихъ напѣвовъ, тѣмъ, что пѣлись когда-то давно дома, лѣтомъ, когда всю ночь проводили на гумнѣ, любовались на великолѣпное лунное освѣщеніе и, среди многихъ голосовъ товарищей и родныхъ, слухъ нѣжно ласкалъ одинъ отчетливый, звучный, серебристый голосокъ, который такъ прямо и хваталъ за сердце; когда такъ часто благословлялъ эти пѣсни, какъ привѣтъ съ родимой стороны... вернуться!.. Вернуться неожиданно. Снова увидать эти поля, эти села; издали узнать родимую кровлю; прійти, запыхавшись, на это дорогое гумно, увидать передъ собой сестренку, ставшую уже взрослой дѣвушкой, брата поменьше, теперь уже юношу, представить себѣ, какъ къ ихъ возгласамъ присоединятся крики остальныхъ, кинуться въ ихъ объятія, потомъ вырваться ото всѣхъ, побѣжать домой, звать старуху-мать, видѣть, какъ она бѣжитъ на встрѣчу съ раскрытыми объятіями, со слезами на глазахъ, броситься къ ней на шею и почувствовать, какъ эти дорогія руки сжимаютъ тебя—одна мысль о блаженствѣ этой минуты способна усладить всякую горечь, залѣчить всякую рану.

Тѣмъ не менѣе бѣдному юношѣ часто приходила на умъ и предстоящая разлука съ своимъ офицеромъ. Къ тому же настоящій солдатъ не легко разстается съ грубой шинелью, которая нѣсколько лѣтъ служила ему и одѣяломъ, и подушкой и которую ему такъ часто приходилось и чинить, и мыть, и чистить; онъ не покидаетъ ее безъ извѣстной тревожной и уничижительной нѣжности; онъ чувствуетъ то же, что испытываешь, разставаясь съ другомъ, съ которымъ часто ссорился и съ которымъ хотѣлъ бы продолжать пикировку, но котораго въ сущности всегда уважалъ и любилъ. Какъ часто будешь ошибкою искать рукою этихъ кармановъ сзади, куда въ карцерѣ пряталась всегда трубка при появленіи дежурнаго офицера. Какая досада, что ихъ больше не найдешь!..

А нашъ офицеръ задумался и не прибавилъ ни одного слова къ обычнымъ приказаніямъ. Съ солдатомъ было тоже; но взгляды ихъ чаще и дольше останавливались другъ на другѣ и, казалось, говорили: «Ты страдаешь, я это знаю». Деньщикъ исполнялъ свои обязанности медленнѣе, чтобы дольше оставаться въ домѣ и хоть эти послѣдніе дни вознаградить себя за неизбѣжную разлуку. Спачала онъ дѣйствовалъ съ извѣстною медлительностью, затѣмъ съ нарочно-заученой медленностью; наконецъ, дѣлалъ видъ, что вытираетъ пыль со столиковъ и стульевъ; но, по большей части, онъ безсознательно водилъ полотенцомъ, углубленный въ свои грустныя думы, не прикасаясь ни до чего. А тѣмъ временемъ офицеръ стоялъ передъ зеркаломъ, прямой и неподвижный, съ скрещенными на груди руками; въ зеркалѣ отражался образъ деньщика, и онъ внимательно слѣдилъ за каждымъ его шагомъ, за движеніями, за выраженіемъ лица и старательно избѣгалъ его взглядовъ, быстро обращая глаза къ потолку съ разсѣяннымъ видомъ, лишь только тотъ оборачивался —«Можно идти, ваше благородіе?»—«Ступай себѣ». — И деньщикъ уходилъ. Но не успѣвалъ онъ еще сойти двухъ ступенекъ, какъ въ комнатѣ раздавалось нетерпѣливое— «Пойди сюда»,—и онъ возвращался.—«Прикажете еще что?» — «Ничего. Я хотѣлъ тебѣ сказать... ничего, ничего; завтра сдѣлаешь, ступай себѣ».— Онъ, казалось, призывалъ его только затѣмъ, чтобъ взглянуть на него еще разъ, а когда солдатъ уходилъ вторично, онъ долго и пристально смотрѣлъ на выходную дверь.

Наконецъ, наступилъ день отъѣзда. Офицеръ сидѣлъ дома за столикомъ противъ затворенной двери. Черезъ полчаса деньщикъ его долженъ былъ прійти взять свой отпускъ отъ него и уѣхать. Онъ курилъ, посылая кверху облака дыма, и разсѣянно слѣдилъ глазами за ихъ медленнымъ и кругообразнымъ движеніемъ, пока они не сливались съ воздухомъ. Дымъ, проходя мимо глазъ, вызывалъ непрошенныя слезы, и нашъ офицеръ отъ времени до времени вытиралъ глаза рукою, удивляясь однако крупнымъ каплямъ которыя ему приходилось вытирать, такъ-что, чего-добраго, можно было принять изъ за дѣйствительныя слезы. Онъ приписывалъ ихъ дыму, хотѣлъ обмануть себя насчетъ своихъ чувствъ, скрыть ихъ отъ самого себя, приписать сигарѣ то, что было единственно слѣдствіемъ душевнаго волненія.

«Вѣдь этого надо было ожидать, размышлялъ онъ. — Съ какой же стати такъ огорчаться этимъ? Развѣ я не зналъ, когда бралъ его къ себѣ, что онъ не останется при мнѣ вѣчно? Развѣ не зналъ, что служба его продлится всего пять лѣтъ?... И что у этого человѣка есть и земля, и семейство, и домъ, въ которомъ онъ родился и выросъ, откуда уѣхалъ печальный и куда вернется съ радостью. Не предполагалъ-же я, что онъ останется солдатомъ изъ угожденія мнѣ?.. Это было-бы эгоистично... Да я и то эгоистъ. Какія узы признательности или дружбы связываютъ этого человѣка со мной? Что я ему сдѣлалъ? Чѣмъ онъ обязанъ мнѣ? О, конечно, многимъ! Онъ никогда ничего не видалъ и не слыхалъ отъ меня, кромѣ грубостей. Всегда я обращаюсь къ нему съ этой проклятой инквизиторской рожей... ужь таковъ мой характеръ. Что могу я съ нимъ подѣлать? Напрасно бы я старался, я не съумѣлъ-бы подобрать словъ, чтобъ выразить извѣстныя чувства. Да вдобавокъ... ихъ и не слѣдуетъ выражать... Но все-таки слѣдовало обращаться съ нимъ хоть нѣсколько человѣчески! Теперь онъ уходитъ. Онъ вернется домой, станетъ работать въ полѣ, заживетъ прежней жизнью, мало по малу потеряетъ всю военную выправку, забудетъ все... и полкъ, и товарищей, и своего прямого начальника. Ничего; лишь-бы ему понравилась его новая жизнь. А я, могу-ли я его забыть? Сколько времени пройдетъ прежде, чѣмъ я привыкну къ новому лицу, прежде, чѣмъ по-утру, просыпаясь, мнѣ не казалось бы, что вижу его передъ собой, гдѣнибудь въ углу комнаты, вижу, какъ онъ двигается тихо и безмолвно, чуть дыша и стараясь какъ можно скорѣе справить свои дѣла и удалиться, чтобы не разбудить меня раньше времени... Какъ часто, едва проснувшись, буду звать его по имени!... Сколько лѣтъ товарищества, привязанности, преданности, усердной службы, и вотъ онъ отходитъ... Да что и говорить! Безъ этого нельзя и съ этимъ слѣдуетъ примириться!... А какой славный малый! Какое у него сердце! Если когда-нибудь въ походѣ, подавленный усталостью, изнуренный жаромъ, удушенный пылью, останавливался я на минуту и водилъ глазами вокругъ, какъ бы отыскивая воду, тотчасъ же передо мной появлялась кожаная фляга, и надъ ухомъ раздавался голосъ:—Ваше благородіе, угодно пить?—это былъ онъ. Онъ бывало тайкомъ уйдетъ изъ шеренги и побѣжитъ отыскивать воды... далеко, пожалуй... кто знаетъ куда; возвращается онъ въ одно мгновеніе, запыхавшись, покрытый потомъ, изнуренный, подкрадывается ко мнѣ сзади и ждетъ все время, пока я выражу желаніе напиться. Если иной разъ въ лагерѣ я ложился отдыхать подъ тѣнью дерева, а солнце тѣмъ временемъ по немногу добиралось до меня и ударяло прямо въ лицо, заботливая рука вколачивала мнѣ сбоку вѣтки съ листьями, или натягивала палатку, или накладывала другъ на друга три, четыре ранца, или растягивала шинель на пирамидѣ изъ ружей, и солнце переставало меня безпокоить. Чья же была это рука. Его, всегда и вездѣ его. Едва добрались до этапа, послѣ шести, семи, восьми часовъ ходьбы, едва разложили палатки, онъ исчезаетъ, а я сейчасъ-же начинаю его искать, громко звать по всему лагерю, кипятиться, кричать,—и гдѣ онъ, кто знаетъ, куда онъ могъ пропасть, посмотрите, что за своеволіе, прошу покорно, какое поведеніе, какъ только онъ вернется, я покажу ему, какъ себя вести, лишу его свободнаго дня!... и такъ далѣе, все въ этомъ же духѣ. Минуту спустя, ужь я вижу его вдали; согнувшись въ три погибели, онъ идетъ, безпрестанно спотыкаясь и путаясь, и несетъ на спинѣ цѣлый возъ соломы. Справа и слѣва къ нему бросаются и хотятъ урвать хоть горсточку соломы, онъ бранится, путается въ шнуркахъ палатокъ, перескакиваетъ заборы и рвы, топчетъ подъ ногами ранцы и сорочки, растянутыя на солнцѣ и, спотыкаясь на спящихъ, вызываетъ съ ихъ стороны цѣлую бурю ругательствъ и проклятій. Потомъ онъ подходитъ ко мнѣ, бросаетъ солому на землю, издаетъ глубокій вздохъ, вытираетъ лобъ, и...—«Ваше благородіе, сконфуженно обращается онъ ко мнѣ,—я замѣшкался, не правда-ли? Что жъ прикажете, я долженъ былъ идти далеко!»—Онъ разстилалъ солому по травѣ во весь ростъ человѣческій, съ одной стороны выше, подкладывалъ подъ нее свой ранецъ, вмѣсто подушки и, оборачиваясь ко мнѣ:—«Хорошо-ли такъ, ваше благородіе?»— «Ай, да молодецъ, думалъ я, напрасно же я сердился на тебя»... «Ступай, говорилъ я, ступай отдохни, тебѣ это нужно».—Но хорошо-ли такъ? настаивалъ онъ; не то пойду еще принесу.—«Да, да, хорошо, ступай отдыхать, не теряй больше времени». Если, когда-нибудь ночью, во время похода, сонъ меня одолѣвалъ и я шелъ, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, шатаясь съ одной стороны дороги на другую, лишь только я подходилъ слишкомъ близко къ краямъ рва,

чья-то рука бережно обхватывала меня и тихонько притягивала на середину дороги, а заботливый и почтительный голосъ шепталъ:—«Осторожнѣе, ваше благородіе, тамъ ровъ».—И всегда онъ!... Но что же я для него сдѣлалъ, что онъ такимъ образомъ окружалъ меня попеченіями и нѣжностью, чисто материнскими?... Что я имѣю, что я такое, чтобы внушить ему такую беззавѣтную, почтительную любовь? Каковы мои заслуги передъ этимъ человѣкомъ, живущимъ только для меня и готовымъ, я увѣренъ, съ радостью отдать мнѣ свою жизнь? Зачѣмъ, съ какой стати, этотъ бѣдный юноша, съ грубыми чертами лица, съ почерствѣлыми отъ заступа руками, съ закаленными въ трудѣ и лишеніяхъ членами, этотъ юноша безъ развитія, безъ воспитанія, рожденный и выросшій въ отдаленномъ деревенскомъ захолустьѣ, незнакомый съ правами городской жизни, сдѣлался по отношенію ко мнѣ вѣжливымъ и робкимъ, какъ красная дѣвушка, удерживая дыханіе, чтобы не разбудить меня, слегка дотрогиваясь до моей одежды, чтобъ удалить отъ канавы, кончиками пальцевъ подавая мнѣ письмо, какъ будто боясь осквернить его своимъ прикосновеніемъ и считая себя осчастливленнымъ отъ одной моей благосклонной улыбки, одного моего вѣжливаго слова, одного моего поклона, одного одобрительнаго взгляда... Что это значитъ? Да, надо сознаться, что сердце человѣческое подъ этой грубой одеждой узнаетъ новыя ощущенія, невѣдомыя тому, кто не былъ солдатомъ. Люди не предполагаютъ въ насъ другихъ чувствъ, кромѣ тѣхъ, которыя волнуютъ наши души въ военное время; какъ мало насъ знаютъ люди! они не знаютъ, что сердце солдата не только не старѣетъ, но молодѣетъ и становится доступнымъ наиболѣе нѣжнымъ чувствамъ прежнихъ лѣтъ юности и ими живетъ и согрѣвается гораздо болѣе, чѣмъ бурными и тревожными забавами военнаго времени. О, кто не былъ солдатомъ, никогда не пойметъ моихъ настоящихъ чувствъ; они для него недоступны! Надо было провести много ночей на бивуакѣ, сдѣлать много походовъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, часто нести аванпостную службу подъ прямымъ дождемъ, страдать отъ холода и жажды, и всегда имѣть при себѣ друга, который, то подстилаетъ подъ васъ свою шинель, чтобъ предостеречь отъ холода, то вытираетъ промокшія платья, то подноситъ глотокъ воды, то предлагаетъ ломтикъ хлѣба, лишая себя того, что подаетъ вамъ. Деньщикъ! Слуга!... Есть же люди, способные его такъ называть! О, что за поруганіе!.. Когда этотъ человѣкъ является передо мной, вотъ на этомъ самомъ порогѣ и кланяется мнѣ, и обращаетъ ко мнѣ взглядъ, полный робкой и нѣжной покорности, я чувствую, что невольное движеніе, которымъ я показываю ему опустить руку, настолько же почтительно, на сколько почтителенъ его видъ, когда онъ поднимаетъ ее...—И этотъ человѣкъ покидаетъ меня... оставляетъ меня одного, уѣзжаетъ, не возвратится болѣе! Но, нѣтъ, нѣтъ, я поѣду его отыскивать, когда онъ будетъ въ отставкѣ. Провинцію его я знаю, спрошу названіе его прихода, его села, помчусь туда, застану его, когда онъ работаетъ въ полѣ, назову его по имени.—«Ты не узнаешь болѣе своего офицера?»--«Кого я вижу? Ваше благородіе! Вы ли это!» воскликнетъ онъ съ волненіемъ... «Да, да, мнѣ нужно было, мнѣ хотѣлось тебя видѣть!... Пойди сюда, другъ мой, обними меня...»

Въ эту минуту онъ услыхалъ на лѣстницѣ робкіе, тихіе и неровные шаги; поступь казалась нерѣшительною, какъ будто поднимающійся не рѣшался войти. Онъ напрягаетъ слухъ, не поворачивая, однако, головы; шаги приближаются; сердце его сжимается; онъ оборачивается—вотъ онъ, тутъ передъ нимъ—это его деньщикъ!

Лицо солдата было взволновано и глаза красные; онъ поклонился, сдѣлалъ шагъ впередъ и остался неподвиженъ, смотря на своего офицера. А тотъ повернулъ голову въ противоположную сторону.

— Я уѣзжаю, ваше благородіе.

— До свиданія, отвѣчаетъ тотъ, стискивая губы при каждомъ словѣ и продолжая смотрѣть въ другую сторону.—До свиданія... Желаю тебѣ хорошо доѣхать... вернуться домой... работать... продолжать жить, какъ честный человѣкъ... какъ жилъ ты до сихъ поръ... До свиданія!...

— Ваше благородіе! восклицаетъ дрожащимъ голосомъ солдатъ, придвигаясь къ нему.

— Ступай, ступай, смотри не опоздай. Ступай, ужь поздно, иди скорѣе.

И онъ протянулъ ему руку, которую солдатъ крѣпко сжалъ.

— Счастливаго пути... и не забывай меня, слышишь... Вспоминай изрѣдка своего лейтенанта.

Бѣдный юноша хотѣлъ отвѣтить; онъ пытался было вымолвить хоть слово, но у него вырвался стонъ; онъ пожалъ вторично руку своего офицера, повернулся, посмотрѣлъ на дверь, снова посмотрѣлъ на офицера, который продолжалъ смотрѣть въ другую сторону, сдѣлалъ еще шагъ впередъ...

— Ахъ, господинъ лейтенантъ!—воскликнулъ онъ, рыдая, и выбѣжалъ изъ комнаты.

А тотъ, оставшись наединѣ, окинулъ комнату взоромъ и устремилъ неподвижный взглядъ на выходную дверь, затѣмъ онъ облокотился на столикъ и уткнулъ голову въ руки, двѣ крупныя слезы образовались у него во впадинахъ глазъ, заблестѣли тамъ и быстро, быстро скатились, какъ бы боясь быть замѣченными. Онъ провелъ рукою по глазамъ, посмотрѣлъ на сигару,—она погасла; ахъ, теперь это были настоящія слезы; онъ опустилъ голову еще ниже и далъ волю своимъ слезамъ... и, дѣйствительно, онъ въ нихъ нуждался!

Брюсовъ календарь.

Статья II.

Нѣкоторыя черты изъ характеристики людей, родившихся подъ однимъ изъ двѣнадцати созвѣздій, въ которыя вступаетъ ежегодно солнце.

♈

1. Созвѣздіе Овна.

Мужчина, родившійся между 12 числомъ марта и 12 числомъ апрѣля, подъ вліяніемъ планеты Марсъ, одаренъ хорошимъ тѣлосложеніемъ, хотя и малокровенъ. Глаза у него большіе, волосы вьются. Краснорѣчивъ и любезенъ. Смѣлъ и гордъ. Нетерпѣливъ и мстителенъ. Вспыльчивъ, хотя вскорѣ и сожалѣетъ о томъ. Склоненъ къ скупости. Скоро влюбляется, и скоро можетъ разлюбить. Въ своей молодости перенесетъ много непріятностей. Изучивъ многія науки, съ охотой займется военнымъ образованіемъ, которое и доставитъ ему извѣстность и почести. Любитъ хорошо поѣсть и выпить. Часто хвораетъ; иногда страдаетъ безсонницей. Любитъ почетъ и славу; пользуется уваженіемъ. Иногда отказываетъ себѣ во многомъ. Твердо переноситъ потери и неудачи, но умѣетъ снова возвратить потерянное. Хотя желаетъ богатства, но оно не дается ему. Будетъ лучшій между братьями, и переживетъ отца. Дѣти его будутъ честные люди. Подверженъ болѣзнямъ въ ногахъ и въ головѣ. Если женится, то въ августѣ или въ сентябрѣ. Если доживетъ до 24 лѣтъ, то можетъ прожить до 71 года.

Женщина, родившаяся подъ созвѣздіемъ Овна, въ большинствѣ случаевъ красавица, веселаго характера и добраго сердца. Будетъ религіозна и глубоко любить своего мужа. Зависть и клевета много причинятъ ей горя.

♉

2. Созвѣздіе Тельца.

Мужчина, родившійся между 12 числомъ апрѣля и 12 числомъ мая подъ вліяніемъ планеты Венеры, склоненъ къ меланхоліи. Тѣлосложенія здороваго; роста болѣе средняго; плечи широкія, руки и зубы большія. Походка горделивая. Смиренъ, но гордъ. Любитъ одѣваться щеголевато. Находитъ удовольствіе въ музыкѣ и пѣніи. Богатъ будетъ только подъ старость, и тогда доволенъ будетъ вполнѣ своею судьбой. Тѣ, кому благотворитъ, отплатятъ ему неблагодарностью. Будетъ любимъ болѣе чужими, чѣмъ близкими. Зла никому не желаетъ. Незлопамятенъ и скоро прощаетъ обиды. Подверженъ болѣзнямъ шеи, плечъ и глазъ. Если переживетъ 28 лѣтъ, то можетъ дожить и до 70 лѣтъ.

Женщина, родившаяся подъ созвѣздіемъ Тельца, одарена полнотою тѣла; имѣетъ пріятный голосъ; веселый умъ. Не смотря на чистоту своего нрава, ей предстоитъ много непріятностей отъ людей недоброжелательныхъ. На лицѣ родимое пятнышко. Снятся ей тяжелые и странные сны. Перенесетъ многія болѣзни.

♊

3. Созвѣздіе Близнецовъ.

Мужчина, родившійся между 12 числомъ мая и 12 числомъ іюня, подъ вліяніемъ планеты Меркурій, одаренъ живымъ и добрымъ характеромъ, воспріимчивымъ умомъ и благочестіемъ. Волосы и глаза черные; лобъ высокій; носъ и шея длинныя. Имѣетъ знаки на ногтяхъ и на груди. Тѣлосложенія слабаго. Краснорѣчивъ. Любитъ похвастать. Когда разсердится, говоритъ много. Своимъ образованіемъ обязанъ преимущественно вліятельнымъ лицамъ. Проводитъ время болѣе въ праздности; но взявшись за дѣло, работаетъ энергически. Скоро посѣдѣетъ. Счастье улыбается ему въ срединѣ жизни. Будетъ женатъ и, можетъ быть, не одинъ разъ. Жена доставитъ ему богатство. Хотя будетъ имѣть много друзей, но они не принесутъ ему счастья. Большой любитель ботаники, и охотно управляетъ чужими имѣніями. Переживетъ братьевъ и отца, но наслѣдства отъ нихъ не получитъ. Его жена или близнецъ сама или подаритъ его близнецами. Всѣ предпріятія по части разныхъ промысловъ, будутъ приносить ему выгоду, только за исключеніемъ произведеній земли. Если проживетъ 25 лѣтъ, то можетъ дожить и до 60 лѣтъ.

Женщина, родившаяся подъ созвѣздіемъ Близнецовъ, одарена тонкимъ, проницательнымъ умомъ; любитъ музыку, пѣніе, и живопись. Охотница до путешествій въ чужія страны. Подвергнется несправедливому обвиненію, но, будучи оправдана, вернется на родину. Ея друзья къ ней мало расположены изъ зависти. Одинъ изъ двухъ мужей будетъ суровъ и несправедливъ къ ней. Что касается кончины, то ей предстоитъ та же, что и мужчинѣ, родившемуся подъ однимъ съ нею созвѣздіемъ.

♋

4. Созвѣздіе Рака.

Мужчина, родившійся между 12 числомъ іюня и 12 числомъ іюля, подъ вліяніемъ Луны, бываетъ флегматическаго характера; сырой комплекціи и тученъ. Хотя мудръ и любитъ искуства, но непостояненъ въ своихъ желаніяхъ. Не всегда бываетъ правдивъ. Желаетъ богатства и стремится къ нему. Бояззивъ въ болѣзни, которая будетъ у него въ ногахъ и въ рукахъ. Сильно раздражается въ гнѣвѣ, но обыкновенно смиренъ и молчаливъ. Вѣритъ доброму въ людяхъ, хотя переноситъ много обидъ. Весьма трудолюбивъ, но пріобрѣтеннаго не склоненъ беречь. Съ успѣхомъ окончивъ образованіе, живетъ надеждой быть счастливымъ. Уступчивъ больше съ

25

чужими, чѣмъ съ друзьями. Разсудителенъ во многомъ, но небрежно относится къ своимъ дѣламъ. Скрытность составляетъ особенность его характера. Легко увлекается прекраснымъ поломъ. Будетъ два раза женатъ, но вполнѣ счастливъ не будетъ. Ведетъ знакомство съ злыми людьми, которые и будутъ причиной большихъ для него непріятностей. Переживетъ братьевъ, и подъ конецъ жизни будетъ менѣе богатъ. Морскія путешествія ему будутъ полезны и выгодны. Склоненъ къ водяной болѣзни. Если проживетъ 23 года, то доживетъ до 60 лѣтъ.

Женщина, родившаяся подъ созвѣздіемъ Рака, склонна къ гнѣву; нетерпѣлива, раздражительна, но скоро успокоивается. Около 30 лѣтъ возраста выходитъ замужъ, и принесетъ мужу много добра и почета. Должна опасаться укушенія звѣря или собаки.

♌

5. Созвѣздіе Льва.

Мужчина, родившійся между 13 числомъ іюля и 15 днемъ августа, подъ вліяніемъ Солнца, холерическаго темперамента; худощавъ; мужественъ; постояненъ. Имѣетъ большія губы и толстую шею; малыя брови и высокую грудь. Незлобенъ, смѣлъ, веселъ, правдивъ, ученъ и уменъ. Не обращаетъ вниманія на завистниковъ и клеветниковъ своихъ. Любимъ болѣе посторонними, чѣмъ людьми близкими. Прекрасный полъ будетъ къ нему весьма благосклоненъ. Въ старости будетъ имѣть не мало заботъ и трудовъ. Братьевъ своихъ переживетъ, а съ сестрами будетъ имѣть непріятности по поводу раздѣла наслѣдства. Со второй женою будетъ долго жить, но она переживетъ его. Опасная болѣзнь будетъ у него въ правомъ боку, и вообще онъ подверженъ многимъ болѣзнямъ еще съ молодыхъ лѣтъ. Переживъ 31 годъ, можетъ дожить до 80 лѣтъ.

Женщина, родившаяся подъ созвѣздіемъ Рака, обладаетъ сильнымъ и гордымъ характеромъ. Откровенна, рѣшительна, благоразумна, склонна болѣе къ щедрости, чѣмъ къ скупости. Занимается искуствами, которыя и доставляютъ ей средства къ жизни. Перенесетъ много болѣзней. Ей предстоятъ два брака, которыми достигнетъ счастья и почета.

♍

6) Созвѣздіе Дѣвы.

Мужчина, родившійся между 16 днемъ августа и 13 днемъ сентября, подъ вліяніемъ Меркурія, бываетъ меланхоликъ, красивъ, кротокъ; имѣетъ небольшой лобъ; вообще худощавъ. При скромномъ поведеніи, склоненъ къ зависти. Рѣчь его быстрая, порывистая. Охотникъ давать совѣты. Проницателенъ и остроуменъ. Хотя честныхъ убѣжденій, но легко увлекается дурнымъ и хорошимъ, вслѣдствіе довѣрчивости. Всего болѣе расположенъ къ людямъ, родившимся подъ другими созвѣздіями. Переживетъ своихъ родителей. Не скупъ на обѣщанія, но не всегда исполняетъ ихъ. Любитъ постройки, и потому охотно изучаетъ архитектуру. Имѣетъ способность къ изобрѣтеніямъ. Краснорѣчивъ, и охотно даетъ объясненія. Жена его невсегда будетъ соглашаться съ нимъ. Въ предпріятіяхъ своихъ имѣетъ успѣхъ; въ путешествіяхъ удачу. Состояніе свое не проживетъ, а увеличитъ. Проживъ 40 лѣтъ, можетъ дожить до 60 лѣтъ.

Старый замокъ.

(Къ разсказу «На мельницѣ»).

Женщина, родившаяся подъ созвѣздіемъ Дѣвы, имѣетъ много общаго съ характеромъ мужчины, родившимся подъ тѣмъ же созвѣздіемъ, но переноситъ легче непріятности отъ близкихъ себѣ людей; будетъ счастлива, умна, разсудительна, добросовѣстна; охотно навѣщаетъ больныхъ. Изученіемъ разныхъ искуствъ будетъ доставлять себѣ средства къ жизни. Долгое время будетъ нерасположена къ сосѣдямъ. Зима будетъ для нея пріятнѣе лѣта. Желая многого, ей удастся, послѣ большихъ непріятностей, заслужить любовь и почетъ отъ двухъ мужей, которымъ она сдѣлаетъ много добра. Хотя подвержена будетъ многимъ болѣзнямъ, но первый ребенокъ ея будетъ жить долго.

Дочь мельника.

(Къ разсказу «На мельницѣ»).

♎

7) Созвѣздіе Вѣсовъ.

Мужчина, родившійся между 14 днемъ сентября и 13 днемъ октября, бываетъ одаренъ замѣчательнымъ умомъ; скроменъ; веселаго права, хотя и вспыльчивъ. Охотникъ до щегольства и похвалы. Очень трудолюбивъ. Особенно любитъ женщинъ и искутва. Забывчивъ. Имѣетъ знакъ на лицѣ, или на тѣлѣ. Глаза пріятныя, выразительныя, хотя и часто мигаетъ; носъ болѣе обыкновеннаго; большія брови и бородавки на шеѣ. Ростъ болѣе средняго; лицо блѣдное, но вообще красивое. Ходитъ съ наклоненною головой. Ранѣе 24 лѣтъ ему жениться не слѣдуетъ. На помощь дѣтей своихъ не долженъ разсчитывать. Женясь зимою, онъ будетъ очень любить свою жену. Наиболѣе будетъ счастливъ въ половинѣ своей жизни. Въ путешествіяхъ будетъ имѣть успѣхъ. Переживъ отца, умретъ въ своемъ отечествѣ.

Женщина, родившаяся подъ созвѣздіемъ Вѣсы, будетъ одарена красотою и бѣлизною тѣла. Любитъ наряды, танцы, пѣніе и рукодѣлье. Многимъ мужчинамъ вскружитъ голову, и много одержитъ побѣдъ надъ ними, и выйдетъ наконецъ замужъ, не по любви. Въ старости подвержена будетъ многимъ болѣзнямъ.

♏

8) Созвѣздіе Скорпіона.

Мужчина, родившійся между 14 днемъ октября и 14 днемъ ноября, имѣетъ гордый характеръ; голову круглую; лобъ большой и широкій; губы толстыя, волосъ много. Въ своихъ рѣшеніяхъ, непоколебимъ. Кому дѣлаетъ добро, тѣ не любятъ его, и желая добра всѣмъ, самъ имѣетъ много недоброжелателей. Нелюдимъ; скупъ; боязливъ Сближаясь съ женщинами, будетъ ими очень любимъ, въ виду склонности его къ пріятнымъ съ ними отношеніямъ. Не чуждъ зависти, и въ гнѣвѣ своемъ бываетъ жестокъ. Охотникъ до морскихъ путешествій. Достигнетъ почета женитьбою. Разстроитъ свое состояніе для тѣхъ кто послѣ будетъ клеветать на него. Честолюбивъ, и будетъ находить удовольствіе въ похвалахъ себѣ. Любитъ игру, хорошо поѣсть, и попить. Пользуется хорошимъ сномъ. Будетъ лучшій между братьями. Много о себѣ думаетъ. Переживетъ своихъ родителей. Въ дѣтяхъ своихъ и въ супружествѣ будетъ счастливъ. Подверженъ лихорадкамъ. Проживъ до 40 лѣтъ, можетъ прожить и до 79 лѣтъ.

ПАРИЖСКАЯ ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА.

Ева и змій.

Группа **Джерацце**, рисовалъ **Монтефуско**.

Женщина, родившаяся подъ созвѣздіемъ Скорпіона, получитъ чрезъ своего мужа, но не долго будетъ жить съ нимъ въ согласіи. Характеръ имѣетъ непостоянный. Скоро раздражается и приходитъ въ гнѣвъ. Любитъ притворяться, и говоритъ не всегда правду. Охотно выводитъ изъ терпѣнія другихъ, и перемѣняетъ мѣста жительства. Легко однихъ ненавидитъ, а другимъ завидуетъ. Отъ болѣзни глазъ или печени должна опасаться смерти.

♐

9. Созвѣздіе Стрѣлка.

Мужчина, родившійся между 14 днемъ ноября и 13 днемъ декабря, будетъ добръ, вѣренъ, правдивъ, благодаренъ; никому, болѣе себя, вреда не дѣлаетъ. Веселаго характера, и тихаго нрава. Боязливъ, и скоро впадаетъ въ печаль. Любимъ народомъ. Бываетъ богатъ. Духовное званіе ему полезнѣе мірского; оставаясь въ послѣднемъ, будетъ имѣть двухъ женъ, а перейдя въ духовное званіе будетъ имѣть двухъ друзей, отъ которыхъ получитъ богатство и почетъ. Лицо имѣетъ продолговатое, хорошіе глаза, большія брови; носъ съ кривизною; верхніе зубы больше нижнихъ; знакъ на груди. Если женится, будетъ любимъ женою. Дѣти его будутъ умны и образованы. Если переживетъ 28 лѣтъ, то можетъ дожить до 80 лѣтъ.

Женщина, родившаяся подъ созвѣздіемъ Срѣлка, будетъ хороша собой; брюнетка; характера болѣе мужского. Перенесетъ много непріятностей отъ пересудовъ и толковъ. Обладая страстнымъ темпераментомъ, будетъ имѣть двухъ мужей, и въ зрѣломъ возрастѣ пріобрѣтетъ хорошее состояніе.

♑

10. Созвѣздіе Козерога.

Мужчина, родившійся между 13 днемъ декабря и 11 днемъ января, имѣетъ полное, круглое лицо; смотритъ болѣе внизъ, наклонивъ голову; глаза и брови большіе; губы толстыя; волосы курчавые; толстая шея; высокая грудь. Худощавъ въ тѣлѣ, имѣетъ знакъ на груди. Достигнетъ извѣстности и славы. Религіозенъ; задумчивъ и нелюдимъ. Не все говоритъ, что думаетъ. На чужое добро щедръ, на свое скупъ бываетъ. Охотно заботится о людяхъ ему постороннихъ. Невсегда вѣренъ данному слову. Скоръ на обѣщанія, но медлитъ ихъ исполненіемъ. Прекрасному полу слѣдуетъ его опасаться, такъ какъ онъ большой до него любитель, и охотникъ пожуировать съ дамами, хорошо поѣсть и выпить. Бываетъ вспыльчивъ, боязливъ и неблагодаренъ. Достигнуть богатства стоитъ ему большихъ усилій, и много перенесетъ труда и заботъ до сорокалѣтняго возраста. Подъ созвѣздіемъ, въ которомъ родился, долженъ ожидать смерти. Счастливъ въ покупкахъ и продажахъ; но не дорожитъ тѣмъ, что пріобрѣтено имъ неправдою. Съ близкими родными будетъ въ дурныхъ отношеніяхъ. Подверженъ болѣзнямъ глазъ, языка и печени. Если женится, то на вдовѣ. Переживъ 22 года, можетъ пережить и 40 лѣтъ.

Женщина, родившаяся подъ созвѣздіемъ Козерога, одарена разумомъ и скромностью. Благотворительность ея привлечетъ къ ней общее расположеніе. Отъ чужихъ получитъ почести и богатство. Можетъ быть два раза замужемъ. Очень любитъ дѣтей. Большія будетъ имѣть непріятности отъ сосѣда.

♒

11. Созвѣздіе Водолея.

Мужчина, родившійся между 11 днемъ января и 9 днемъ февраля, имѣетъ продолговатое лицо и длинный носъ. Брюнетъ. Молчаливъ и тихъ. Ненавидитъ ложь. Вспыльчивъ; несообщителенъ. Любитъ народъ и охоту. Другіе будутъ мало принимать въ немъ участія. Тридцати лѣтъ достигнетъ покойной жизни. Два раза будетъ женатъ; первый разъ на дѣвицѣ, второй разъ на вдовѣ; будетъ ими очень любимъ, и сильно привязанъ къ дѣтямъ своимъ, которымъ грозитъ ранняя смерть. Ѣстъ мало; бываетъ скупъ и лѣнивъ. Большой любитель прекраснаго пола. Съ братомъ своимъ будетъ въ ссорѣ. Скоро посѣдѣетъ. Лучшій между братьями, и переживетъ своихъ родителей. Если проживетъ 32 года, то можетъ прожить и до 80 лѣтъ.

Женщина, родившаяся подъ созвѣздіемъ Водолея, одарена разумомъ; будетъ богата и въ большомъ уваженіи; увеличитъ свое состояніе. Немного вспыльчива; худо слышитъ. Имѣетъ примѣту, или знакъ на лицѣ. Другія черты ея характера и жизни имѣютъ сходство съ характеромъ и жизнью мужчинъ, родившихся подъ однимъ съ нею созвѣздіемъ.

♓

12. Созвѣздіе Рыбъ.

Мужчина, родившійся между 9 числомъ февраля и 12 числомъ марта, имѣетъ флегматическій темпераментъ. Роста средняго. Родимый знакъ на спинѣ или на рукахъ. Короткій шагъ. Характера честнаго и доброжелательнаго. Склоненъ къ скупости. Любитъ хорошо поѣсть. Неразговорчивъ, скрытенъ и непостояненъ. Слабаго здоровья. Боязливъ и недовѣрчивъ. Вспыльчивъ и раздражителенъ. Между братьями старшій. Скоро составитъ себѣ карьеру. Любитель рыбной и звѣриной ловли. Жена его будетъ другой вѣры, и чрезъ нее получитъ почетъ и достатокъ въ жизни. Долженъ опасаться сварливости женщинъ, которыя и могутъ быть причиною его смерти.

Женщина, родившаяся подъ созвѣздіемъ Рыбъ, будетъ высокаго роста. При честномъ характерѣ, будетъ хитра и рѣзва, иногда, какъ ребенокъ. Ей не избѣгнуть ссоры съ сосѣдомъ. Духовными лицами будетъ очень почитаема. Перенесетъ много непріятностей. Наибольшее счастье въ жизни испытаетъ съ первымъ мужемъ. Въ старости будетъ наслаждаться семейными радостями.

Названіе двѣнадцати созвѣздій напоминаетъ только древность науки астрономіи, потому, что въ эти созвѣздія, въ указанное время, солнце вступало во времена, весьма отъ насъ отдаленныя, болѣе двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ, вслѣдствіе явленія, извѣстнаго подъ именемъ предваренія равноденствій, точка весенняго равноденствія значительно передвинулась, такъ что въ наше время она находится между Водолеемъ и Рыбами. А потому не слѣдуетъ принимать буквально, что въ январѣ солнце бываетъ дѣйствительно въ созвѣздіи Водолея, въ февралѣ въ созвѣздіи Рыбъ, въ мартѣ въ созвѣздіи Овна, и такъ далѣе. На могущее же явиться у читателей замѣчаніе, что въ такомъ случаѣ предсказанія Брюса не представляютъ для нихъ желаемаго интереса, мы обращаемъ ихъ вниманіе на то обстоятельство, что каждое изъ двѣнадцати созвѣздій относится къ двумъ разнымъ половинамъ слѣдующихъ одинъ за другимъ мѣсяцевъ; слѣдовательно, если не вполнѣ, то хотя на половину можно принять въ соображеніе все, относящее до характеристики и жизни, какъ поклонниковъ дамъ, такъ и ихъ повелительницъ. Во всякомъ случаѣ, провѣрить правильность составленныхъ гороскоповъ очень легко. Припомнивъ число мѣсяца въ который родился кто либо изъ близкихъ родныхъ или друзей, прочитать подходящее объясненіе одной изъ описанныхъ въ созвѣздіяхъ характеристикъ, и убѣдиться тогда въ степени правдивости или ошибочности гороскоповъ, составленныхъ по календарю Брюса.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Паскарель.

Романъ Уида.

Переводъ А. А. Разсказовой.

(*Продолженіе.*)

VI.

Я сказалъ уже, что не армія собирается на войну, а весь народъ съ оружіемъ въ рукахъ спѣшитъ черезъ Минчіо, чтобы сразиться съ старымъ наслѣдственнымъ врагомъ. Когда одно сердце бьется въ милліонахъ людей, народъ непобѣдимъ. Люди не могутъ побѣдить его, а Богъ не захочетъ. Война съ нѣмецкой имперіей! Это старый военный кличъ. Вѣроятно, мы не слабѣе своихъ предковъ, проходя, какъ и они, подъ жгучимъ солнцемъ, ослѣпляемые пылью, съ тьмами москитовъ, жалящихъ наше тѣло, съ тяжелыми ранцами за плечами. Мы простые волонтеры, но изъ всѣхъ силъ стараемся дѣлать должное. Намъ предстоитъ тяжелая, трудная задача въ этой плодоносной землѣ Виргилія. Нашъ свѣтъ такъ усталъ; онъ видѣлъ такъ много героевъ, такъ много рѣзни; ему все надоѣло, прискучило и теперь онъ едва ли откроетъ свои сонные уши, чтобы выслушать о новомъ великомъ дѣяніи. Однакожъ рѣдко ему приходилось видѣть явленія возвышеннѣе этого могучаго потока народной жизни, стремящагося въ равнины Минчіо, съ такою же силой, какъ сама Минчіо во время наводненія несется изъ объятій матери Гарда.

Дворянинъ сражается рядомъ съ поселяниномъ. Молодой маркизъ покидаетъ свою мраморную виллу съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ сапожникъ оставляетъ свою лавченку на перекресткѣ. Князь маршируетъ по полю, засѣянному просомъ, плечо къ плечу съ мѣдникомъ и работникомъ мозаики. Вотъ, чѣмъ мы сильны теперь, крѣпки, какъ цѣпь, каждое звено которой закалено въ огнѣ.

Люди, идущіе и сражающіеся возлѣ меня, смѣялись и шутили со мной тысячи разъ въ маскарадахъ и гуляньяхъ карнавала, и я могу помочь имъ кое чѣмъ. Даже итальянецъ теряетъ бодрость, когда ему приходится идти по колѣно въ грязи подъ непрерывнымъ осеннимъ дождемъ, утолять свою жажду грязной водою изъ ручья; даже итальянецъ не можетъ шутить и быть веселымъ, когда приходится шагать цѣлый день съ тяжелымъ ружьемъ и ранцемъ за плечами, по растрескавшейся отъ зноя землѣ, когда его товарищи падаютъ одинъ за другимъ отъ солнечнаго удара, а рои москитовъ страшно жужжатъ надъ свѣжими ранами. Я стараюсь изъ всѣхъ силъ ободрить ихъ веселостію и примѣромъ — по ночамъ, когда мы раскладываемъ костры изъ боязни получить болотную лихорадку и чтобы просушить наше мокрое платье, или днемъ, во время ходьбы по сухимъ, утомительнымъ дорогамъ съ тьмами мошекъ, облѣпляющихъ наши воспаленныя горла. Иногда мнѣ это очень трудно. Война, и въ лучшемъ смыслѣ, тяжелая работа; также тяжела и жизнь, тяжело и у меня на сердцѣ.

Бѣдняжка Токко умеръ здѣсь. Этотъ семнадцатилѣтній мальчикъ, веселый, какъ жаворонокъ, оставилъ мастерскую и работу, шутки и смѣхъ флорентинской уличной жизни и пошелъ со мной на войну. Шальная пуля сразила его подъ Маджентой, когда мы шли по полю, засѣянному пшеницей, подъ градомъ пуль. Я не могъ остановиться, чтобы подать ему помощь. Кровавое море въ одну секунду увлекло меня за милю отъ того мѣста, гдѣ онъ палъ, и цѣлый день безъ отдыха мы бились съ непріятелемъ на вытоптанномъ полѣ пшеницы, подъ знойнымъ солнцемъ.

Когда позже мнѣ удалось отыскать его, онъ былъ еще живъ. Выпивъ глотокъ воды, онъ поднялъ тяжелыя вѣки и улыбнулся. Онъ узналъ меня, хотя была ночь. Онъ умиралъ.

— Великое дѣло—смерть за Италію, сказалъ онъ съ прояснившимся лицомъ; затѣмъ по немъ пробѣжала смертная дрожь, рука его выпустила мою, его члены выпрямились и все было кончено... Боже мой, какъ печаленъ свѣтъ.

VII.

Рафаелино я стараюсь держать на сколько возможно болѣе при себѣ. Всѣ обращаются съ нимъ нѣжно, какъ съ дѣвочкой. Въ войскѣ тысячи такихъ же молоденькихъ мальчиковъ, но въ его хорошенькомъ невинномъ личикѣ, въ его золотыхъ кудряхъ, въ его свѣтлыхъ, печальныхъ глазахъ есть что-то располагающее въ его пользу самыя загрубѣлыя сердца ветерановъ. Мальчикъ какъ-то чуждъ всего. Музыка его душа. Весь этотъ громъ артиллеріи, ржаніе умирающихъ лошадей, звонъ стали, паденіе деревьевъ, горящіе дома должны казаться ему адомъ. У него всегда испуганный взглядъ. Однакожь, въ своемъ родѣ онъ храбръ. Разъ я нашелъ его сидящимъ въ высокой ржи: онъ слушалъ съ напряженнымъ, удивленнымъ взглядомъ. Я заговорилъ съ нимъ, привелъ въ себя и заставилъ уйти изъ подъ выстрѣловъ австрійской батареи, обстрѣливавшей эти поля, снаряды которой ложились шагахъ въ десяти отъ него.

— Что вы тамъ дѣлали? спросилъ я его съ сердцемъ.

— Я слушалъ пѣніе кузнечика, отвѣчалъ онъ, доставая изъ своего ранца старинную маленькую скрипку и стараясь изобразить на ней пѣснь кузнечика.

Онъ игралъ жалобу кузнечика, не замѣчая окружавшихъ его грубыхъ солдатъ; въ глазахъ у многихъ изъ нихъ стояли слезы. Внезапно прервавъ свою музыку и отбросивъ свою скрипку, онъ пошелъ съ понуренной головой въ землянку, въ которой жило насъ человѣкъ двѣнадцать. Я послѣдовалъ за нимъ и нашелъ его въ слезахъ.

— Что такое? спросилъ я.

Онъ, какъ дѣвочка, глубже спряталъ свое лицо.

— Только что я такъ любилъ музыку и жилъ ею... а теперь... я не знаю... я думаю и чувствую, и могу другихъ заставлять чувствовать, но во мнѣ нѣтъ болѣе гармоніи. Я измѣнилъ ей и потому умираю... Во всемъ, что я дѣлаю, я вижу только ея лицо, слышу ея голосъ. Она теперь ничѣмъ не можетъ быть для меня, это невозможно! Она такая знатная, а я нищій.

И такъ, кроткое сердце этого ребенка разбито.

Слѣдующій день послѣ пѣсни кузнечика былъ свидѣтелемъ упорной, яростной борьбы на этихъ смѣющихся плодородныхъ поляхъ. Впослѣдствіи борьбу эту называли сраженіемъ подъ Монтебелло.

— Мы отправляемся туда черными отъ пороха, а оттуда вернемся красными отъ крови, сказалъ одинъ изъ солдатъ, и это была правда. Мы обмакиваемъ красную флорентинскую лилію и бѣлый савойскій крестъ въ кровь, до тѣхъ поръ, пока они не получаютъ одинъ оттѣнокъ.

Ослѣпляющій зной и духота. Солнце опаляетъ бѣлыя потрескавшіяся дороги, поломанные виноградники, вытоптанную пшеницу, уничтоженные фруктовые сады. Грустно! По временамъ то тамъ, то тутъ поднимаются густыя облака пыли и дыма, медленно движутся темныя, тяжелыя массы. На этой большой равнинѣ идетъ битва. Какъ она идетъ въ другихъ мѣстахъ, не знаю. Тамъ, гдѣ я, мы крѣпко держимся противъ австрійцевъ въ виллѣ, ея дворахъ и садахъ. Это обширная, старинная постройка, обнесенная толстыми высокими стѣнами, съ большими, пустыми комнатами съ облупившимися, вылинявшими отъ солнца фресками. Ея владѣлецъ давно скрылся, неизвѣстно куда. Около колодца на центральномъ дворѣ сидитъ ея единственный сторожъ, старикъ-садовникъ, и смотритъ безсмысленнымъ взоромъ на происходящую вокругъ него битву.

Какъ мы сражаемся—про то знаетъ Богъ, а я не знаю. Насъ человѣкъ сто съ небольшимъ, австрійцевъ много. Утромъ эту позицію занимали они, въ полдень мы отняли ее и отстаиваемъ съ тѣхъ поръ противъ самыхъ отчаянныхъ приступовъ... Солнечные часы на стѣнѣ показываютъ четыре. Какъ барабанная дробь трещитъ ружейная перестрѣлка; густой дымъ застилаетъ все пространство; убитые падаютъ одинъ за другимъ, по широкой каменной лѣстницѣ, подъ цвѣтущіе олеандры. Каждая ступень оспаривается съ ожесточеніемъ. Весь полъ залитъ кровью. Адскій шумъ въ ушахъ. Въ минутные перерывы я слышу пѣніе птички. Взглядываю на верхъ и вижу ее надъ моей головой, щебечущую на вѣточкѣ виноградной лозы, увивающей большое, лишенное стеколъ, окно. Рядомъ молоденькое невинное, хорошенькое, какъ у херувима, личико поднято и слушаетъ ее. Оно такъ не согласуется съ раздирающей сценой вокругъ. Оно бѣло, какъ снѣгъ, губы также бѣлы и крѣпко сжаты. Рафаелино ни на секунду не отходитъ отъ меня... Мы ждемъ подкрѣпленія; его нѣтъ, какъ нѣтъ. Какъ идетъ битва въ другихъ мѣстахъ, никто не можетъ сказать. Здѣсь же непріятель тѣснитъ насъ все сильнѣе и сильнѣе во дворѣ и саду. Весь отрядъ собрался вокругъ меня и смотритъ на меня, какъ на начальника. Не знаю, какъ это случилось: перебиты ли всѣ командиры или почему нибудь другому. Я руковожу отрядомъ,—это дѣлается какъ-то само собою,—я, простой волонтеръ, такой же солдатъ, какъ и всѣ они. Въ минутные перерывы, которые бываютъ въ самой ожесточенной борьбѣ, я оглядываюсь съ безпокойствомъ. Мое платье прострѣлено во многихъ мѣстахъ, но странно, я не чувствую ранъ, кости всѣ цѣлы; вокругъ меня люди падаютъ, какъ каштаны въ лѣсу осенью. Насъ осталось очень немного. Счастье намъ измѣняетъ. Къ бѣлымъ мундирамъ присоединились егеря и тѣснятъ насъ страшно. Мы еще удерживаемъ за собою лѣстницу и внутренній дворъ—на долго ли? Если бы я могъ послать кого-нибудь къ мосту за милю отсюда, тамъ сардинцы, они бы прислали намъ подкрѣпленіе...

Рафаелино, отрывая свои глаза отъ птички, взглядываетъ на мое лицо, читаетъ на немъ мои мысли и шепчетъ сквозь шумъ:

— Я проползу между лаврами и побѣгу, тополи скроютъ меня. Разъ у рѣки, до моста добраться не трудно.

Я не отвѣчаю. Этотъ мальчикъ дорогъ мнѣ. Добраться до моста возможно; но если только взявшій на себя это порученіе будетъ замѣченъ непріятелемъ—смерть неизбѣжна, такъ какъ вся дорога усыпана тирольцами, которые цѣлятъ въ людей такъ же вѣрно, какъ въ серпъ на своихъ горахъ.

— Нѣтъ, опасность слишкомъ велика, отвѣчаю я коротко.—Я запрещаю вамъ.

Рафаелино поднимаетъ свою золотую головку; солнце черезъ открытое окно какъ бы окружаетъ ее сіяніемъ. Лицо его вспыхиваетъ лихорадочнымъ румянцемъ.

— А я не повинуюсь вамъ! отвѣчаетъ онъ быстро.—Прежде васъ Италія!

Съ этими словами онъ смѣло пускается въ путь; вотъ онъ на открытомъ воздухѣ, затѣмъ я теряю его изъ вида въ гущѣ кустарниковъ, едва я имѣю время прошептать за него ту безсознательную молитву, съ которой самые беззаботные люди въ минуту опасности обращаются къ Богу; затишье кончено, битва возобновляется, егеря врываются во внутренній дворъ, пуля поражаетъ старика, сидящаго у колодца; я ближе собираю вокругъ себя своихъ товарищей, и мы всѣми силами отстаиваемъ прихожую виллы подъ убійственнымъ перекрестнымъ огнемъ австрійцевъ.

Здѣсь наступаетъ самая мрачная, самая ужасная минута моей жизни. Тѣни на солнечныхъ часахъ удлиняются, четверть пятаго. Мое маленькое войско уменьшилось на половину послѣ того, какъ пѣла птичка. Картечь сыплется, какъ горохъ. Если сейчасъ же не придутъ сардинцы...

Тѣни все удлиняются. Это уже не простая перестрѣлка, а отчаянная, дьявольская борьба лицомъ къ лицу, грудь съ грудью на мраморныхъ лѣстницахъ, на мозаичномъ полу, скользкомъ отъ крови. Нѣсколько егерей находятъ позади виллы другую лѣстницу, взбираются по ней и нападаютъ на насъ сзади, тѣсня внизъ съ большой лѣстницы, такъ что мы находимся между двумя непріятельскими отрядами, какъ въ тискахъ. Насъ не болѣе пятидесяти и то половина раненыхъ и ослабѣвшихъ отъ зноя и жажды. Въ этихъ тискахъ, съ егерями, нападающими въ тылъ, съ тирольцами, тѣснящими насъ на штыки своихъ товарищей, мы боремся одинъ Богъ знаетъ какъ, въ страшной свалкѣ и путаницѣ, во дворѣ, въ саду подъ зрѣющими виноградными гроздьями. Если сардинцы не придутъ сейчасъ же, мы всѣ будемъ зарѣзаны, какъ стадо барановъ. Однакожь, все это время я думаю не о сардинцахъ, а о дорогомъ мальчикѣ, пробирающемся съ опасностію жизни между камышами, подъ тополями; время отъ времени, не смотря на всю лютость борьбы, я поворачиваю голову и взглядываю на зеленое пространство позади лавровъ, откуда онъ долженъ вернуться...

Непріятели рубятъ насъ, какъ капусту; люди падаютъ, какъ хлѣбные колосья подъ серпомъ. Я и остающіеся еще въ живыхъ, успѣваемъ очистить возлѣ себя небольшое пространство, прислоняемся спинами къ воротамъ виллы и, такимъ образомъ, защищаемъ тылъ отъ нападенія... Въ эту минуту я вижу Рафаелино. Онъ бѣжитъ, а не ползетъ, какъ лисица между тростниками, какъ бы это слѣдовало; онъ бѣжитъ прямо, босыми ногами, какъ во дни дѣтства по камнямъ Вероны, чтобы ничѣмъ не стѣснять своего бѣга; его перепутанные волосы раздуваются вокругъ лица; по дорогѣ онъ гдѣ-то подобралъ разорванное знамя, и цвѣта свободной Италіи развѣваются надъ его головой. Этотъ милый, нетерпѣливый, храбрый мальчикъ машетъ имъ и кричитъ мнѣ. Онъ знаетъ, что въ положеніи, подобномъ нашему, минута колебанія ослабѣвшей надежды... и все безвозвратно потеряно.

— Держитесь еще десять минутъ, кричитъ онъ,—они сейчасъ будутъ.

При этихъ словахъ на него сыплется дождь зеленыхъ листьевъ; онъ отбрасываетъ страннымъ неестественнымъ движеніемъ назадъ съ лица свои кудри, останавливается на минуту, шатается и падаетъ на землю лицомъ впередъ посреди виноградныхъ лозъ и лавровъ. Австрійцы подстрѣлили его изъ-за лавровой изгороди... Не знаю, что во мнѣ происходитъ при этомъ, знаю только, что въ эту минуту я дѣлаюсь похожъ на разъяреннаго, раненаго льва пустыни, я чувствую, что обладаю его силой.

Видя паденіе Рафаэлино, я подъ градомъ выстрѣловъ устремляюсь на ряды нападающихъ, разрываю ихъ съ яростію, передъ которой, какъ передъ грознымъ горнымъ потокомъ, отступаютъ австрійцы. Я помню только, что дѣйствую такъ подъ вліяніемъ агоніи боли и мщенія и что прежде, чѣмъ прошли обѣщанныя десять минутъ, прежде, чѣмъ сардинцы пришли на помощь, мы, какихъ-нибудь человѣкъ тридцать,—усталые, окровавленные, выпираемъ болѣе сильнаго непріятеля изъ двора, сада, посылаемъ его на встрѣчу смерти, подъ острое оружіе и копыта лошадей сардинской кавалеріи, мчащейся вдоль

рѣки къ намъ на выручку. И тогда,—когда все кончено, когда мѣсто осталось за нами и по всей долинѣ люди ликуютъ побѣду Италіи—тогда я иду къ дорогому дитяти туда, гдѣ онъ упалъ на землю, на разорванное трехцвѣтное знамя съ подломанными розоватыми цвѣтами лавра, нависшими надъ его хорошенькой головкой... Умеръ ли онъ?... Нѣтъ еще. Когда я беру его на руки, его тяжелыя съ голубыми жилками вѣки приподнимаются, въ глазахъ его улыбка. Но я, видавшій много разъ, какъ люди умираютъ, знаю, что это смерть.

— Дайте мнѣ, шепчетъ онъ такъ тихо, что едва можно разобрать слова.

Его грудь прострѣлена и онъ внутренно исходитъ кровью.

Я знаю, чего онъ хочетъ. Я растегиваю его ранецъ и достаю оттуда маленькую скрипку, на которой онъ игрывалъ при лунномъ свѣтѣ, подъ аркой въ мастерской мѣдника въ Веронѣ... Онъ благодаритъ меня глазами и пробуетъ играть... Напрасно; силы измѣняютъ ему, руки опускаются, тяжелый вздохъ вырывается изъ его груди.

— Отдайте это отъ меня ей, продолжаетъ онъ.—Быть можетъ, она будетъ вспоминать меня иногда.

Потомъ онъ поднимаетъ голову, какъ истомленное дитя, цѣлуетъ меня въ щеку и опять улыбается солнцу.

— Поютъ-ли умершіе кузнечики въ присутствіи Бога? спрашиваетъ онъ. Дрожь пробѣгаетъ по его лицу, вѣки опускаются, и я знаю, что онъ не видитъ болѣе солнца...

Вечеромъ того дня похвалы сыплются на меня со всѣхъ сторонъ, всѣ громко восхваляютъ мое присутствіе духа, храбрость и умѣнье командовать при защитѣ виллы; даже самъ король удостоилъ меня нѣсколькими милостивыми словами на полѣ битвы. И я, Паскарель, я, актеръ, пріобрѣлъ себѣ славное имя солдата, достойное имени умершихъ предковъ, живущихъ въ каменныхъ статуяхъ по стариннымъ монастырямъ. Я все слышу, какъ во снѣ, вижу, какъ черезъ густой туманъ. Въ ушахъ моихъ раздается только пѣснь кузнечика, который умолкъ навсегда со своей чудной музыкой, жившей въ его невинной душѣ; передъ глазами моими мертвое тѣло Рафаэлино, съ пучкомъ цвѣтовъ олеандра на груди, освѣщенное бѣлымъ свѣтомъ луны въ большой пустынной залѣ виллы, гдѣ мы положили его.

О Боже! какъ жестоко заглушить громкую пѣсню въ горлѣ пѣвчей птички! Боже! этотъ чудный разсвѣтъ не будетъ имѣть полудня, этотъ нѣжный бутонъ не разовьется въ роскошный цвѣтокъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Лэди Джени Грей.

(Рис. стр. 16.)

Исторія несчастной Джени Грей, конечно, извѣстна каждому, кто хотя немного знакомъ съ всеобщей исторіею. Эта юная поэтическая личность была жертвою политическихъ интригъ, которыя возвели ее, противъ ея воли, на англійскій престолъ, но которыя не могли спасти ее отъ преслѣдованій ея кровожадной соперницы, жаждавшей королевской власти. Дочь одного изъ безпощаднѣйшихъ властителей Англіи, Марія, одержавъ побѣду надъ партіей несчастной Джени Грей, спачала, повидимому, думала пощадить свою юную соперницу, но это рѣшеніе смѣнилось быстро другимъ и Джени Грей была осуждена на казнь. Но Марія боялась, что невинность, молодость и красота несчастной тронутъ и разжалобятъ народъ, и потому осужденную рѣшено было казнить въ тюрьмѣ. Джени Грей, не смотря на то, что ей было всего 17 лѣтъ, вынесла съ замѣчательной стойкостью смертный приговоръ, она смотрѣла, какъ казнили ея юнаго, страстно любимаго ею мужа, она отказалась отъ перехода изъ протестанства въ католичество, она хладнокровно подошла къ эшафоту и, заявивъ, что вся ея вина состояла въ томъ, что она не имѣла духа, не смотря ни на что, отказаться отъ престола, безъ всякаго волненія положила голову на эшафотъ. Множество поэтовъ описывало судьбу этой несчастной королевы, множество художниковъ изображало разные моменты изъ ея недолгой жизни. Въ 1834 году казнь Джени Грей послужила сюжетомъ для одной изъ лучшихъ картинъ Поля Делароша, получившаго за эту картину медаль.

Элеонора Белль, картину которой наши читатели найдутъ въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала, выбрала изъ жизни Джени Грей не трагическій, а вполнѣ мирный моментъ, но этотъ моментъ характеризуетъ личность Джени Грей. Джени Грей принадлежала къ числу тѣхъ рѣдкихъ женщинъ, которыя уже съ самого ранняго возраста полюбили мирную жизнь и отдались всецѣло наукѣ. Тихая сельская жизнь, греческіе и латинскіе классики, нѣжныя супружескія отношенія, вотъ все, что могло составить счастіе для этой кроткой личности, которую политическіе интриганы насильно возвели на престолъ. Картина Элеоноры Белль представляетъ тотъ моментъ, когда къ леди Грей вошелъ ея учитель, сэръ Роджеръ Ашамъ, учившій и будущую королеву Елизавету, и, заставъ свою ученицу за чтеніемъ одного изъ латинскихъ классиковъ, взялъ изъ ея рукъ книгу, чтобы объяснить молодой дѣвушкѣ непонятныя для нея мѣста. Эта картина исполнена замѣчательно хорошо и вполнѣ передаетъ и прелестный образъ ученицы и серьезный образъ знаменитаго учителя, оставившаго потомству не мало интересныхъ свѣдѣній о той, которой пришлось такъ недолго пользоваться его уроками и совѣтами.

Наши ближніе.

(Фельетонные наброски.)

XI.

Отрывки изъ записной книжки стараго холостяка.

II.

„Старый волкъ“.

...Во дни моего давно минувшаго дѣтства, всѣ мы, дѣти-сосѣди, знали «стараго волка». Старый волкъ, сдѣлавшійся сѣрымъ отъ лѣтъ, оборваннымъ вслѣдствіе разныхъ житейскихъ бурь и невзгодъ, неряшливымъ, потому что ему было уже нечего заботиться о своей внѣшности, проходилъ каждый день утромъ мимо насъ за своей добычей, сердито ворча что-то себѣ подъ носъ и огрызаясь, если его задѣвали. Задѣвать стараго волка было не опасно, потому что онъ еле волочилъ ноги и едва-ли могъ справиться даже съ ребенкомъ.

Старый волкъ, прежде чѣмъ его назвали волкомъ, считалъ себя человѣкомъ.

Судьба сыграла съ нимъ скверную шутку при самомъ его рожденіи. Кто-то родилъ его, но кто именно—этого не зналъ никто и менѣе всего онъ самъ. Люди нашли его на улицѣ и оставили его жить, вслѣдствіе какихъ побужденій—это неизвѣстно. Онъ былъ худъ, длиненъ, костлявъ, лохматъ и отличался замѣчательно большой пастью съ здоровенными, выдающимися зубами. Какъ его вспоили и вскормили—этого онъ не помнилъ; въ его памяти уцѣлѣло только воспоминаніе о томъ, что всѣ его гоняли, что всѣ его называли прожорой, что всѣ кричали ему: «ну, ты, волченокъ!» Онъ даже не помнилъ, была-ли у него въ дѣтствѣ опредѣленная берлога: ему вспоминалось, что онъ ночевалъ и на улицѣ, и въ дворницкой, и въ ночлежномъ притонѣ, и у какого-то чиновника, писавшаго кляузныя бумаги мужикамъ и пившаго «мертвую». Этотъ чиновникъ посылалъ его въ кабаки за водкой, дралъ его за волосы, училъ съ истязаніями грамотѣ. Въ одинъ прекрасный день чиновникъ скоропостижно умеръ и люди, пришедшіе хоронить его, сказали: «надо его воспитанника куда-нибудь приткнуть». Маленькій волченокъ, умѣвшій уже читать и писать, скоро превратился въ писца захолустнаго полицейскаго управленія. Онъ сталъ впервые получать деньги—три рубля въ мѣсяцъ. На эти средства онъ долженъ былъ добывать себѣ берлогу и пищу, потому что теперь его уже считали способнымъ къ ихъ добыванію и перестали бросать ему даровыя подачки. Онъ не умѣлъ существовать на три рубля и сталъ изыскивать средства, чтобы добыть побольше: онъ расписывался за безграмотныхъ за двѣ копѣйки; онъ писалъ просьбы и письма невѣждамъ, взимая за это пятаки и гривенники; онъ дежурилъ за товарищей, получая отъ нихъ четвертаки; при помощи этихъ доходовъ онъ кое какъ сводилъ концы съ концами и имѣлъ свою берлогу, укрываясь въ ней отъ людей, не вредя никому.

Ему шелъ уже двадцать пятый годъ, когда съ нимъ случилось одно совершенно неожиданное для него обстоятельство: однажды, весною, вечеромъ, къ нему вошла его квартирная хозяйка.

— Что это вы все дома одни сидите? сказала она и присѣла около него, игриво ударивъ его жирной рукою по костлявой колѣнкѣ.

— А съ кѣмъ же сидѣть? спросилъ онъ, съ удивленіемъ глядя на нее.

Ей было за тридцать лѣтъ; она была полная, краснощекая, дюжая женщина; у нея были мошенническіе, бѣгавшіе по сторонамъ глаза; на ней красовался пестрый нарядъ. При первомъ взглядѣ на нее, можно было опредѣлить, что она любитъ хорошо поѣсть и попить, что она любитъ наряжаться, что она не выкажетъ особенной разборчивости въ средствахъ, если дѣло коснется удовлетворенія ея привычекъ и желаній.

— Такой молоденькій и не можетъ найдти съ кѣмъ бы сидѣть! лукаво улыбнулась она и еще болѣе игриво потрепала его по плечу.

Онъ сдвинулся на край стула, точно боясь, что его хотятъ побить.

Она увидала, что онъ не понимаетъ нѣжныхъ заигрываній, и приступила къ дѣлу проще, прямѣе, безцеремоннѣе. Она пробудила въ немъ новую животную страсть, о существованіи которой въ себѣ онъ и не подозрѣвалъ: онъ зналъ, что мужчины сходятся съ женщинами, что одни заводятъ любовницъ, а другіе женъ, но онъ не думалъ никогда о томъ, что и ему когда нибудь будетъ необходимо нужно обзавестись любовницей или женой. Послѣ перваго визита къ нему квартирной хозяйки, волкъ вдругъ понялъ, что ему не только не худо было сблизиться съ женщиной, но что онъ не можетъ обойтись безъ подруги жизни, что именно ее-то и не доставало ему въ жизни. Послѣ этого открытія волкъ пришелъ въ такое блаженное настроеніе духа, что началъ впервые хохотать, осклабляя свою громадную пасть, когда квартирная хозяйка, разыгравшаяся съ нимъ, ерошила ему волосы и щекотала его подъ мышками, засунувъ свои пухлыя руки подъ его сюртукъ.

Черезъ недѣлю она, жалуясь на скаредность своего пропойцы-мужа, попросила его, своего душоночка, купить ей шляпку, душа его въ своихъ теплыхъ объятіяхъ. Черезъ мѣсяцъ она плакала передъ нимъ, своимъ амурчикомъ, о томъ, что имъ придется разстаться, такъ какъ мужъ не даетъ денегъ и ей нечѣмъ платить за эту квартиру. Черезъ пять мѣсяцевъ она въ волненіи говорила ему, своему неоцѣненному сокровищу, что онъ будетъ скоро отцемъ и что нужно подумать объ участи ихъ будущаго ребенка.

Рѣзня въ Чараганскомъ дворцѣ.

Черезъ годъ она упрекала его, своего тирана и злодѣя, за то, что онъ не умѣетъ добывать денегъ, какъ всѣ порядочные люди. Черезъ два года она стала замѣчать, что не станетъ же она любить даромъ его, урода. Онъ сталъ изыскивать средства для того, чтобы она не бросила его, чтобы она не гнала его; онъ кланялся изъ-за денегъ, онъ подличалъ изъ-за денегъ, онъ давилъ и тѣснилъ всѣхъ, кого могъ, изъ-за денегъ, но бросить ее онъ даже и не думалъ. Ему была нужна женщина, но она, какъ по пальцамъ, объяснила ему, что его, урода, рожу, болвана, никто не полюбитъ, что такихъ-то, какъ онъ, и съ деньгами прогонитъ каждая женщина, что только она, слабая дура, связалась съ нимъ изъ жалости, да развязаться не можетъ,—и онъ боялся именно той минуты, когда она вдругъ рѣшится развязаться съ нимъ.

— Ты хоть бы дѣтей-то пожалѣлъ, кровопивецъ ты этакій, говорила она ему.—Загубилъ мою молодость, такъ и ихъ еще загубить хочешь!

— Да гдѣ же мнѣ достать денегъ? покорно говорилъ онъ.

— А ты хоть украдь, а чтобъ были, приказывала она.

Онъ и кралъ.

У нихъ было трое дѣтей. Волкъ любилъ ихъ по своему. Когда онъ, по приказанію ихъ матери, покупалъ имъ гостинца и обновы—они вѣшались ему на шею и это было пріятно ему. Когда имъ хотѣлось выпросить что нибудь у него—они смиренно и нѣжно ластились къ нему и это умиляло его. Сначала онъ дѣлалъ для нихъ только то, что приказывала ихъ мать или что выпрашивали они,—потомъ у него явилась потребность дѣлать имъ сюрпризы по своему собственному побужденію, чтобы они лишній разъ повисли у него на шеѣ, лишній разъ поцѣловали его. Эти ласки успокоивали, смягчали его послѣ цѣлаго дня службы, гдѣ одни распекали его по начальнически, другіе называли кровопійцею за вымогательства, третьи сулили ему «ни дна, ни покрышки», за то, что онъ кривилъ душой не въ ихъ пользу, а въ пользу ихъ противниковъ, въ свою очередь говорившихъ ему: «ну ужь ты и обдерешь, какъ липку, если попасть тебѣ въ лапы!» Да, принося подарки дѣтямъ и ихъ матери, онъ наслаждался ихъ ласками и ему казалось, что онъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ люди. Это продолжалось до той поры, когда всѣ подобныя мечты должны были разсѣяться передъ грубою дѣйствительностью: его выгнали со службы и, чтобы онъ не сомнѣвался, не заблуждался на счетъ того, кто онъ, дали ему «волчій паспортъ».

— Осрамилъ ты меня, разбойникъ! Загубилъ ты меня, душегубецъ! кричала на него его бывшая квартирная хозяйка.—Уходи ты съ глазъ моихъ! Чтобы нога твоя не была въ моемъ домѣ!

Онъ рѣшился протестовать, объявивъ, что домъ не ея, а его—его «собственный домъ».

— Да съ чего ты это взялъ? Откуда это у тебя домъ-то явился? На чье имя домъ-то написанъ? кричала ему она.

Онъ широко открылъ глаза, вспомнивъ, что онъ точно купилъ домъ на ея имя, чтобы никто не спросилъ, изъ какихъ средствъ онъ пріобрѣлъ домъ. Онъ крикнулъ ей въ отчаяніи, чтобы она подавилась этимъ домомъ, а что онъ кое-какъ проживетъ съ дѣтьми и безъ дома.

— Какія это такія у тебя дѣти? послышался ея отвѣтъ.—Дѣти-то мои, моего мужа, а ты, проходимецъ этакій, опозорилъ только меня, беззащитную...

Онъ вспомнилъ, что, дѣйствительно, онъ былъ только проходимецъ, случайно попавшій въ чужую семью: у нея былъ мужъ законный, настоящій. Правда, этотъ мужъ жилъ постоянно гдѣ-то на кухнѣ, въ кабакахъ, въ трактирахъ, но онъ все же былъ мужъ, а не проходимецъ въ отношеніи ее. Пятнадцать лѣтъ объ этомъ мужѣ никто не думалъ, никто не спрашивалъ, никто не заботился, но этотъ мужъ существовалъ и могъ явиться на помощь къ женѣ по первому ея востребованію: онъ былъ старъ, дряхлъ, хилъ, изможенъ тѣломъ, но онъ былъ силенъ и непобѣдимъ со своею «законностью».

Въ тотъ же день проходимецъ и мужъ встрѣтились въ одномъ и томъ же кабакѣ, дружески роспили штофъ, по пріятельски всплакнули о своей горькой долѣ, но къ ночи мужъ вернулся въ домъ своей жены, а проходимецъ остался на улицѣ...

Таково было прошлое «стараго волка». Настоящее его, то есть то время, когда всѣ уже звали его «старымъ волкомъ», когда онъ самъ не сомнѣвался въ томъ, что онъ «старый волкъ», было еще болѣе трагично.

...«Все понять, значитъ, все простить» — это изрѣченіе генія, избавленнаго отъ труда и голода наслѣдственнымъ имуществомъ.

«Старый волкъ» не былъ геніемъ и не имѣлъ наслѣдственныхъ капиталовъ; вѣроятно, вслѣдствіе этого онъ понялъ все, что ему нужно было понять, и не простилъ ничего. То, что ему нужно было понять, было не сложно и просто: женщина, которую онъ любилъ по своему и для которой онъ запятналъ свою совѣсть, выгнала его изъ его собственнаго дома и отняла у него дѣтей, которыхъ онъ тоже любилъ по своему и для которыхъ онъ также кривилъ душою; онъ не имѣлъ ни наслѣдственнаго, ни благопріобрѣтеннаго имущества и, вмѣсто всякихъ капиталовъ, въ его карманѣ былъ «волчій паспортъ», закрывавшій ему, за его прошлые смертные грѣхи, входъ во всѣ мѣста, гдѣ можно было заработать службою кусокъ хлѣба; люди, называвшіеся его друзьями, пріятелями, знакомыми и сослуживцами, оставили его и должны были оставить его, «оставленнаго въ подозрѣніи» взяточника, такъ какъ они знались съ нимъ только ради занимаемаго имъ мѣста, ради находившихся въ его карманѣ денегъ, ради имѣвшейся у него возможности помочь имъ въ дѣлахъ; онъ былъ, по натурѣ, по воспитанію и по складу жизни, нелюдимымъ, угрюмымъ и не интереснымъ человѣкомъ, съ отталкивающей физіономіей и съ неловкими манерами, такъ что люди могли только сторониться отъ него, а не сближаться съ нимъ; все это онъ понялъ и въ душѣ его, вмѣсто чувства прощенія и примиренія, зародилась ненависть. Къ кому? Ко всѣмъ и ко всему: къ судьбѣ, къ жизни, къ людямъ.

Рядомъ съ ненавистью въ немъ пробудился страхъ передъ будущимъ: чѣмъ онъ будетъ жить? что будетъ съ нимъ, если у него не будетъ ни гроша? какъ будутъ издѣваться люди надъ нимъ, когда онъ упадетъ, голодный, на мостовой? Ему смутно вспоминались слова единственной женщины, говорившей съ нимъ откровенно: «кому ты, уродъ, нуженъ безъ денегъ-то!» «ишь пасть-то у тебя, какъ у волка, а силы-то заячьи, пріобрѣсти гроша не умѣешь!» «подъ заборомъ бы ты съ голоду умеръ, если бы я не научила тебя гроши сколотить!» Онъ вспоминалъ все подробнѣе и подробнѣе, всѣ эти мелочи и боялся все больше и больше за себя, за урода, который никому не нуженъ безъ денегъ, у котораго большая пасть и малыя силы, который можетъ умереть подъ заборомъ безъ умѣнья сколачивать гроши.

Онъ началъ задумываться о средствахъ для добыванія денегъ безъ службы и для уменьшенія своего волчьяго аппетита.

— Вотъ «старый волкъ» пошелъ на добычу, говорили про него по утрамъ сосѣди, видя его, худого, небритаго, оборваннаго, идущимъ по улицѣ, и, дѣйствительно, они не ошибались: онъ точно шелъ на добычу.

Какая добыча могла достаться ему? Онъ подбиралъ на улицѣ гвозди, тряпки, бумажки, щепки; онъ пріобрѣталъ краденыя вещи за безцѣнокъ; онъ писалъ кляузныя бумаги; онъ просилъ христа ради; онъ заходилъ на чужія кухни за кускомъ хлѣба, за костями, которыя онъ обгладывалъ, какъ волкъ, и которыя продавалъ потомъ людямъ, покупающимъ все, даже и обглоданныя волкомъ кости.

Всѣ видѣли, какъ онъ ходитъ на добычу, но никто не видалъ, какъ онъ ходитъ за покупкою провизіи для удовлетворенія своего аппетита, своихъ потребностей: онъ не покупалъ никогда ничего. Когда онъ бывалъ голоденъ—онъ ждалъ того случая, когда его кто нибудь накормитъ; когда у него донашивалась одежда,—онъ ждалъ того случая, когда ему подарятъ другую затасканную одежду. Если ему давали денегъ на хлѣбъ или на одежду—онъ оставался голоднымъ или полунагимъ: тратить эти деньги онъ не рѣшался, потому что, по его убѣжденію, ему нужно было беречь деньги «на черный день». Онъ никогда не давалъ себѣ отчета, какой именно день покажется ему «чернымъ днемъ» и насколько можно было назвать переживаемое имъ время «красными днями». Сначала онъ нанималъ маленькую опрятную комнату отъ жильцовъ; потомъ онъ занялъ грязный уголъ; наконецъ, онъ поселился въ кухнѣ за печкою. Онъ падалъ постепенно все ниже и ниже: сперва онъ былъ опрятнымъ бѣднякомъ, потомъ онъ сталъ грязнымъ нищимъ; сначала онъ былъ скупымъ человѣкомъ, впослѣдствіи онъ сдѣлался алчнымъ скрягою. Помѣстившись въ кухнѣ за печкою, онъ жилъ какъ въ могилѣ, которую еще не завалили землею и камнями. Онъ не могъ входить въ свое помѣщеніе; туда можно было только влѣзать: оно было длиною въ ростъ человѣка, шириною—въ ширину человѣка. Здѣсь онъ прожилъ шесть лѣтъ въ грязи, въ духотѣ, наслаждаясь одною мыслью о томъ, что его тутъ держатъ даромъ хозяева, тронутые его унизительными слезами и мольбами.

— Дураки, дураки! бормоталъ онъ про себя съ лукавой и злой усмѣшкой. — Пусть держатъ, пусть держатъ... Дураки!..

Но въ одинъ прекрасный день онъ пришелъ въ ужасъ, узнавъ случайно, чего можетъ стоить ему это даровое помѣщеніе и какого сорта добродушіемъ отличаются его дураки-хозяева. Пробираясь однажды своей осторожной волчьей походкой въ свою берлогу и нащупывая въ потьмахъ подвальнаго корридора дверь, онъ услышалъ за этой дверью громкій разговоръ.

— Вотъ ужь истинно помойная-то яма! говорилъ одинъ женскій голосъ. Чего, чего не нанесено сюда! Ужь и какъ же вы его это держите у себя. Грязи-то тутъ не оберешься отъ него!

— Что дѣлать, мать моя, что дѣлать, по неволѣ держимъ, отвѣчалъ другой голосъ, въ которомъ старый волкъ узналъ голосъ своей добросердечной «дуры-хозяйки».—Не вѣкъ же будетъ жить, когда-нибудь и сдохнетъ, все кое что перепадетъ намъ, въ могилу съ собой ничего не возьметъ...

— А много у него накоплено-то?

— Не знаю, мать моя, не знаю, вотъ какъ передъ Богомъ говорю. Мужъ вотъ не вѣритъ то же: «врешь, говоритъ, баба, вѣрно ужь слазила, пошарила». А гдѣ же мнѣ? Посмотришь, а онъ еще замѣтитъ да скажетъ, скаредъ, что его обокрали... Отъ такого чорта, прости Господи, всего станетъ...

— Ну, этакого-то и обокрасть не грѣхъ. Мой Митрій и то говоритъ: «диву это я даюсь, какъ его до сихъ поръ не укокошили!..»

«Старый волкъ» широко открылъ глаза съ вы-

раженіемъ тупого ужаса и заскрежеталъ зубами; онъ торопливо, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, нащупалъ дверь и вошелъ въ кухню; разговаривавшія женщины отшатнулись въ испугѣ и замолчали; онъ поспѣшно, спотыкаясь, со стонами влѣзъ за печку и началъ осторожно, но быстро увязывать свой скарбъ...

На слѣдующее же утро онъ исчезъ, выписавшись за городъ...

Настапъ новый періодъ жизни для «стараго волка»: онъ перебрался не за городъ, а въ другую часть города, гдѣ его не знали; онъ нанялъ отдѣльную квартиру и заперся въ ней. Эта квартира состояла изъ одной кухни, походившей болѣе на чуланъ, на хлѣвъ, на собачью конуру, чѣмъ на жилое помѣщеніе для человѣка. Но волкъ былъ доволенъ ею, потому что у нее было такое маленькое окно, что въ него не могъ бы пролѣзть даже и ребенокъ, и была такая здоровая дверь, что ее не легко было бы сломать даже и очень сильному человѣку. Кромѣ того эта дверь замыкалась простымъ и висячимъ замками снаружи, и задвигалась тяжелой задвижкой извнутри. Здѣсь «старый волкъ» былъ уже вполнѣ застрахованъ отъ людей, здѣсь онъ могъ жить безъ нихъ, выходя изъ своей берлоги только затѣмъ, чтобы поѣсть и утащить къ себѣ какую-нибудь добычу. Онъ радовался удобству своего новаго помѣщенія и потому, что сюда можно было сносить всякій хламъ, не имѣя надобности тотчасъ же продавать этотъ хламъ «за безцѣнокъ»: въ прежнемъ помѣщеніи за печкой было невозможно держать все, что добывалось, и нужно было продавать добытое; продавать же вещи людямъ значило, по мнѣнію «стараго волка», давать людямъ возможность надувать и обсчитывать продающаго, такъ какъ настоящей цѣны никто не дастъ за вещь, покупаемую не въ лавкѣ, а у частнаго лица.

Возвращаясь въ свою берлогу и затворивъ на замокъ и на задвижку двери, «старый волкъ» начиналъ рыться среди своего скарба, сортируя вещи, откладывая въ одну кучу тряпки, въ другую гвозди, въ третью бумажки. Онъ занимался этимъ поспѣшно, суетливо, шевеля губами, качая головой и что-то ворча себѣ подъ носъ. Иногда какой-нибудь обломокъ стекла останавливалъ его вниманіе на цѣлые часы: «старый волкъ» теръ этотъ обломокъ о тряпки, смотрѣлъ на него на свѣтъ, прикладывалъ къ лицу,—ему все казалось, что, можетъ быть, это не стекло, а драгоцѣнный камень, брилліантъ.

Довольно долго продолжалась здѣсь для него вполнѣ счастливая, вполнѣ безмятежная жизнь: люди, никогда не заглядывавшіе въ его берлогу, перестали тревожить его и даже стали относиться къ нему съ извѣстнымъ добродушіемъ, какъ къ жалкому нищему, который никого не трогаетъ и имѣетъ довольно доброе сердце,—о послѣднемъ обстоятельствѣ люди узнали или, лучше сказать, догадались, увидавъ, что старый бѣднякъ любитъ дѣтей. Дѣло въ томъ, что «старый волкъ» почти ежедневно ласкалъ дѣтей, жившихъ по сосѣдству. Увидитъ онъ какого-нибудь мальчугана, играющаго въ садикѣ или на улицѣ, подойдетъ къ нему, погладитъ его по головѣ, поцалуетъ его рученки и, въ концѣ концовъ, тихо спрашиваетъ его шепелявымъ голосомъ:

— Ню, клошечка моя, хелувимчикъ мой, что ты дашь сталому дѣдушкѣ?.. что дашь?..

Дитя суетъ въ руки добраго дѣдушки то леденецъ, то сухарь, то деньги, то какую-нибудь вещь.

— Ты у мамаши, голубчикъ мой, въ комодѣ поищи... въ комодѣ... Да никому не говоли, что ты даешь бѣдному сталичку... иглушечки... иглушечки... Христосъ съ тобой, клошечка... въ комодѣ поищи, нѣтъ ли чего... въ комодѣ...

И мальчикъ искалъ у матери въ комодѣ, нѣтъ ли тамъ чего нибудь, что можно дать «бѣдному дѣдушкѣ»...

Въ эту пору случилось обстоятельство, окончательно смутившее «стараго волка».

Возвратившись однажды домой и начавъ разбирать свой хламъ, онъ услыхалъ шорохъ и замеръ на мѣстѣ: онъ увидалъ, что одна изъ кучъ шевелится. Затаивъ дыханіе и не шевелясь отъ ужаса, онъ сталъ всматриваться: изъ кучи выбѣжала крыса, осмотрѣлась во всѣ стороны, понюхала воздухъ и снова скрылась въ тряпкахъ. Старикъ бросился, какъ сумасшедшій къ кучѣ и сталъ разбрасывать своими темными, костлявыми руками тряпки, отыскивая крысу; но ее уже не было. Утомленный этой возней, онъ, тяжело дыша, упалъ на постель и началъ уже мало по малу успокоиваться, когда подъ постелью опять послышался шорохъ: онъ быстро вскочилъ и началъ сильно стучать ногами—шорохъ утихъ...

Значитъ, крысы ѣдятъ его добро во время его отсутствія? — эта мысль клиномъ засѣла въ его головѣ и уже не давала ему болѣе покоя. На слѣдующій день онъ торопливо, мрачный и озабоченный, сбѣгалъ къ сосѣдямъ попросить хлѣба и вернулся тотчасъ же домой: входя въ комнату, онъ, какъ ему казалось, снова слышалъ шорохъ и видѣлъ пробѣжавшую крысу. Онъ рѣшился не выходить на слѣдующій день изъ своей берлоги.

— Подохнутъ проклятыя, бормоталъ онъ смотря по сторонамъ блуждающими глазами,—не посмѣютъ при мнѣ... Подохнутъ, тогда опять пойду за хлѣбомъ... Проклятыя, проклятыя!.. погодите, погодите—подохнете!...

Онъ сталъ сторожить и пугать крысъ, охраняя свое добро.

— Пшли... пшли.., кишъ, проклятыя! бормоталъ онъ, слыша шорохъ.—У-у! Погодите, погодите,—всѣ подохнете, всѣ!..

Но крысы не дохли и, слыша все яснѣе и яснѣе ихъ шорохъ, онъ еще усерднѣе сторожилъ и пугалъ ихъ, ожидая, что вотъ-вотъ онѣ подохнутъ...

Ихъ число росло и росло, кажется, не по днямъ, а по часамъ, такъ что у него не оставалось ни минуты даже для сна, и онъ не спалъ, сторожа и пугая ихъ...

Наконецъ, онъ почувствовалъ, что онѣ такія большія, такія быстроногія, начинаютъ бѣгать по его тѣлу, по его лицу...

— Пшли, пшли... у-у, проклятыя! уже совсѣмъ тихо бормоталъ онъ, не имѣя силъ пошевелить ни ногой, ни рукой...

А число крысъ все росло и росло, шорохъ все усиливался, возня ихъ на тѣлѣ «стараго волка» все увеличивалась, но «старый волкъ» уже не шевелилъ и губами, потому что онъ сталъ уже не «старымъ волкомъ», а медленно разлагающимся трупомъ, надъ которымъ, какъ надъ падалью, могли справлять безпрепятственно свой пиръ всѣ, для кого кажется лакомымъ и это блюдо...

— При комъ взломали двери? спрашивалъ судебный приставъ у дворника, входя въ комнату, гдѣ былъ изъѣденный крысами трупъ.

— При полиціи, отвѣчалъ дворникъ.

— Зачѣмъ меня сейчасъ не позвали? Судебный слѣдователь былъ?

— Были-съ. Они и по сейчасъ у хозяина...

Собрались въ конуру полицейскіе, судебный слѣдователь, докторъ, дворники.

— Не тронь, не тронь! Чего ты тамъ шаришь! кричалъ приставъ на дворника.

Судебный слѣдователь слѣдилъ зоркими глазами за тѣмъ, какъ разрывали весь хламъ.

— Нужно убрать его, пересмотрѣть все въ тюфякѣ, говорилъ приставъ.

Трупъ потащили вонъ.

— Обыскать прежде платье на немъ! говорилъ приставъ, останавливая дворниковъ.

Начали обыскивать покойника.

— Вездѣ деньги, деньги и деньги! говорилъ приставъ и вдругъ обернулся къ кому то съ рѣзкимъ вопросомъ: — Я васъ попрошу покуда не трогать вещей, мы все осмотримъ послѣдовательно...

Началась опись.

— Ну, стоитъ ли это вписывать, замѣтилъ кто-то приставу.—Гроша стоитъ...

— Это что же? спросилъ приставъ, взявъ вещь, о которой шла рѣчь.—А-а, камея... Укралъ вѣрно гдѣ-нибудь, мерзавецъ...

— Да, вѣрно, послышался отвѣтъ.

— Ну ее къ чорту! Что тамъ дальше-то?

Кто-то крикнулъ:

— Пара старыхъ панталонъ!

Одинъ изъ присутствующихъ что-то заботливо загонялъ въ сторону ногою и, наконецъ, уронивъ изъ рукъ носовой платокъ, нагнулся поднять его.

— Что это вы? послышался вопросъ.

— Платокъ уронилъ.

Господинъ, уронившій платокъ поднялъ, весь красный, голову къ верху и съ выраженіемъ невиннаго младенца сунулъ поспѣшно платокъ въ свой карманъ, словно боясь уронить изъ него какую-нибудь драгоцѣнность.

У всѣхъ присутствующихъ горѣли глаза, была видна какая то лихорадочность въ движеніяхъ, было какое то болѣзненное желаніе, чтобы всѣ встали здѣсь другъ къ другу спинами и, чтобы ни одинъ изъ нихъ не смотрѣлъ, что дѣлаетъ другой, а передъ ними среди гвоздей, тряпокъ и сухихъ корокъ хлѣба, все росло и росло число ассигнацій, червонцевъ, золотыхъ бездѣлушекъ, валявшихся въ пыли, на полу, въ углахъ, въ тряпьѣ...

— Да какіе же это такіе порядки! Родныхъ дѣтей лишаютъ отцовскаго наслѣдства! Это дневной грабежъ! Я съ нимъ пятнадцать лѣтъ въ сожитіи находилась, онъ ничего на воспитаніе дѣтямъ не далъ. Я все сама...

Эти крики раздавались изъ устъ бывшей квартирной хозяйки «стараго волка», прочитавшей въ газетахъ, что послѣ него осталось тридцать тысячъ и явившейся за наслѣдствомъ къ судебному приставу.

— Вы можете, сударыня, обратиться въ судъ, объяснялъ старухѣ приставъ, — но я долженъ васъ предупредить, что изъ этого ничего не выйдетъ. У васъ нѣтъ никакихъ правъ на полученіе наслѣдства.

— Какъ никакихъ правъ? кричала просительница. — А дѣти? Да я свидѣтелей приведу, что онъ погубилъ меня, злодѣй, что онъ своихъ дѣтей мнѣ подбросилъ. Я вездѣ дойду, вездѣ!

Приставъ долго уговаривалъ старуху, долго объяснялъ ей дѣло и, наконецъ, замѣтилъ что у него нѣтъ времени для разговоровъ съ ней. Въ тотъ же день къ нему явился какой то немолодой человѣкъ, съ мягкими манерами и слащавымъ голосомъ, заявившій, что покойный «старый волкъ» былъ воспитанникомъ его дяди.

— Такъ что же вамъ угодно? спросилъ приставъ.

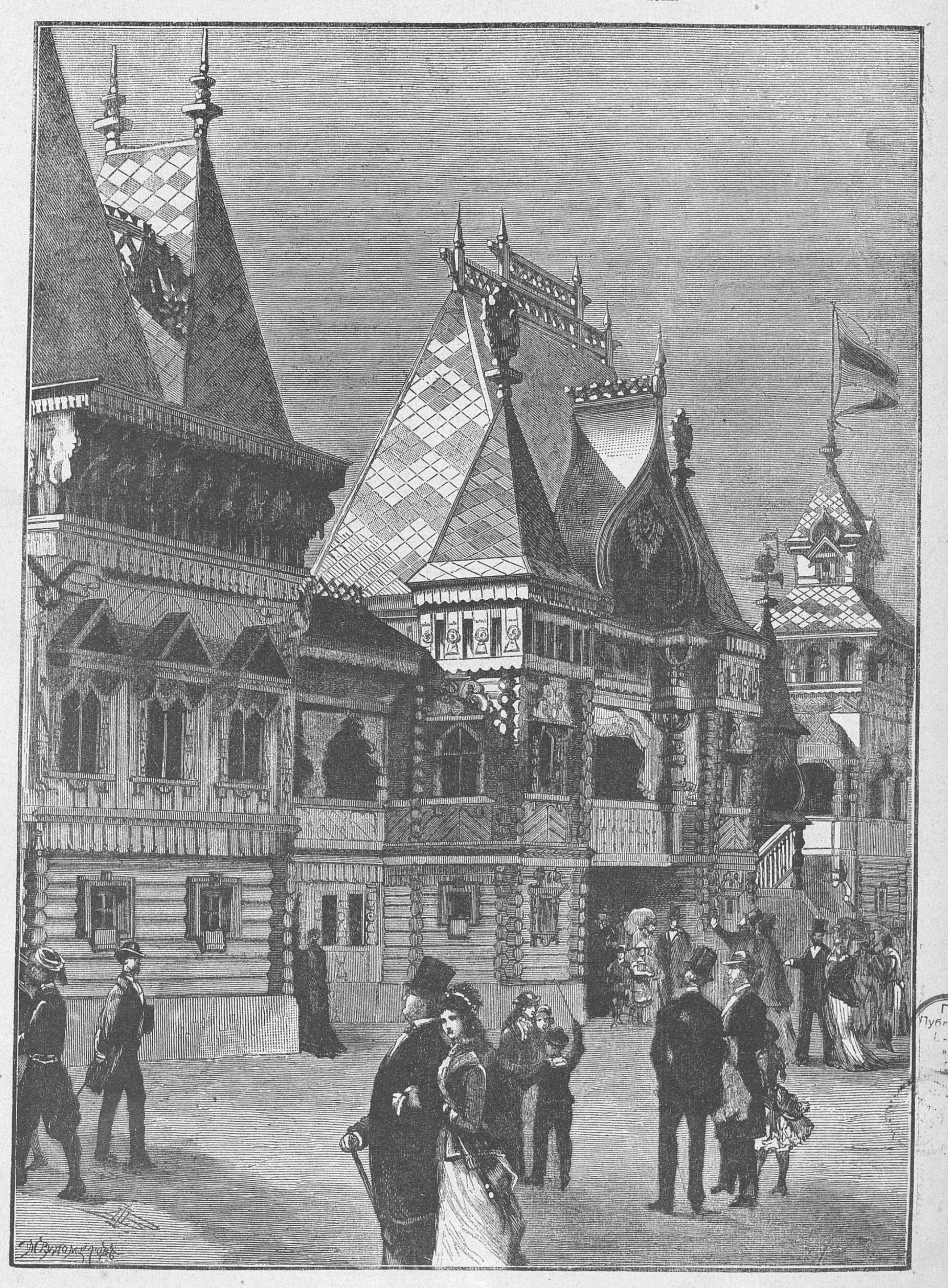
— Нельзя ли... знаете, мнѣ хотѣлось бы... видите ли, началъ посѣтитель, не умѣя выразить своего желанія.—Я думаю, что это имущество все равно въ казну пойдетъ, такъ нельзя ли найти какой-нибудь законъ, чтобы оно къ намъ перешло... Покойный, я вамъ долженъ признаться, былъ незаконнымъ сыномъ моего дяди и наслѣдовалъ послѣ него все, хотя имѣніе моего дяди должно было перейти къ моему отцу... Нельзя ли, знаете, какъ-нибудь выхлопотать... оставленныя имъ деньги принадлежатъ нашей семьѣ... онъ

Картина Э. БЕЛЛЪ.

Леди Джени Грей и ея учитель.

Рисовалъ на деревѣ **Вейкельгертнеръ**.

ПАРИЖСКАЯ ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА.

Русскій павильонъ.

тогда воспользовался тѣмъ, что моего отца не было здѣсь, и укралъ имущество дяди... Онъ вообще былъ грязная личность... и даже въ его аттестатѣ...

— Извините, пожалуйста, я ничѣмъ не могу быть вамъ полезенъ, отвѣтилъ приставъ.

— Но совѣтъ... я прошу только вашего совѣта, настаивалъ посѣтитель.

— Мой совѣтъ: оставьте въ покоѣ это наслѣдство, сказалъ приставъ.

— Но какъ же такъ?.. Это имущество украдено у моего дяди... и вдругъ его отдадутъ въ казну?.. Имѣемъ же мы право хлопотать... украденное...

— Дѣлайте, что вамъ угодно, но я тутъ ни причемъ...

— Я и мои родные поблагодарили бы васъ...

— Мнѣ, право, некогда! сказалъ приставъ.

Эта смерть взволновала весь городъ; вездѣ говорили о ней, какъ о чемъ то выходящемъ изъ ряда вонъ.

— Право, даже не жаль такихъ людей, когда слышишь, что съ ними случилось какое-нибудь несчастіе, съ омерзѣніемъ говорила одна молоденькая барыня, слушая чтеніе газетнаго отчета о смерти старика.—Вѣдь могъ бы жить спокойно и счастливо въ семьѣ, уважаемый ближними...

— Это просто умопомѣшательство, замѣтилъ какой то серьезный господинъ.—Такихъ людей нужно бы сажать въ сумасшедшіе дома, отобравъ у нихъ имущество подъ опеку...

— Ахъ, мнѣ право иногда дѣлается страшно за человѣчество, когда я читаю о подобныхъ нравственныхъ уродахъ, жеманно произнесла пожилая дѣвица.

— Но это же рѣдкія исключенія! замѣтилъ серьезный господинъ.

— Но неужели же всѣ его капиталы такъ и пойдутъ въ казну? спросила молоденькая барыня.

— Разумѣется, въ казну, отвѣтилъ серьезный господинъ.

— Ахъ, это ужасно! А можетъ быть, у него есть родные, несчастные, голодные, выгнанные вонъ этимъ изувѣромъ, содрогнулась пожилая дѣвица.

Двое молодыхъ людей смѣялись, толкуя объ этомъ случаѣ.

— Вотъ бы намъ такого дядюшку имѣть, смѣялся одинъ.

— Были бы у Матильды новые рысаки, хохоталъ другой.

— У насъ деньги не завалялись бы долго, замѣтилъ первый.

— Да, протерли бы мы имъ глазки, замѣтилъ второй.

Въ подвалѣ дома, гдѣ жилъ старикъ, разсуждали какія то двѣ темныя личности.

— Прозѣвали мы, братъ, дѣльце! говорила одна изъ темныхъ личностей.

— Да, ничего, славная бы была пожива, говорила другая личность.

— Говорилъ, братъ, я тебѣ, что у стараго чорта есть кока съ сокомъ...

— И хлопотъ бы немного было и такъ на ладонъ дышалъ...

Такъ толковали про своего умершаго собрата, про стараго волка молодые... **Нѣкто.**

Новости наукъ и жизни.

— Допущеніе женщинъ къ слушанію университетскихъ лекцій. Лондонскій университетъ въ общемъ собраніи лицъ, получившихъ въ этомъ университетѣ ученыя степени, большинствомъ 242 голосовъ противъ 132, утвердилъ мнѣніе университетскаго совѣта относительно умѣстности допустить женщинъ къ слушанію курсовъ и испытаніямъ на ученыя степени по всѣмъ отраслямъ знанія на одинаковыхъ правахъ съ мужчинами. Окончательное рѣшеніе вопроса будетъ зависѣть отъ парламента, въ который въ нынѣшнюю же сесію внесенъ будетъ билль о соотвѣтственномъ измѣненіи университетскаго устава.

— Обильный ловъ. Недавно окончившійся въ нынѣшнемъ году ловъ сельдей въ Астрахани, по словамъ «Астраханскаго Справочнаго Листка», былъ особенно обиленъ. Всѣми астраханскими рыбопромышленниками поймано и заготовлено сельдей сто пятьдесятъ одинъ милліонъ рыбъ (включая въ то число пять милліоновъ, принадлежащихъ черноярскимъ рыбопромышленникамъ); болѣе противъ прошлаго года на 46 милліоновъ. Подешевѣютъ-ли черезъ это сельди? можно сомнѣваться, потому что въ нашей торговлѣ ничего предвидѣть нельзя, такъ какъ ею большею частію руководитъ правило: «ндраву моему не препятствуй». Вотъ и въ Петербургѣ небывалый ловъ, но и цѣна на рыбу небывалая по своей дороговизнѣ. Слухъ ходитъ о стачкѣ торговцевъ рыбою. Это очень вѣроятно, потому что никакой основательной причины дороговизны рыбы въ Петербургѣ отыскать невозможно.

— Проектъ аквариума въ Петербургѣ. Въ Петербургѣ проектируется въ настоящее время устройство аквариума. Г. Поповъ, кандидатъ университета, торгуетъ свободные участки земли на новой Адмиралтейской набережной, и ему удалось, по слухамъ, привлечь къ предпріятію еще двухъ, трехъ лицъ. Аквариумы, такъ же, какъ и зоологическіе сады, составляютъ необходимую принадлежность общественной жизни большихъ городовъ. Въ Лондонѣ устроенъ знаменитый вестминстерскій аквариумъ. Въ Англіи завели еще аквариумы Ливерпуль, Брайтонъ, Моргатъ, Соутпортъ, Скарборугъ, Ротсай. Въ Аркашонѣ, Гаврѣ, Брюсселѣ, Гаагѣ аквариумы частью строятся, частью готовы. Къ Кёльнѣ, Гамбургѣ и Берлинѣ они отличаются своей величиной и количествомъ видовъ животныхъ; въ Франкфуртѣ-на Майнѣ изготовленъ проектъ четвертаго. Между существующими аквариумами неапольскій выдается не только своимъ характеромъ научнаго учрежденія, но превосходитъ всѣ прочіе по богатству и красотѣ живущихъ въ немъ животныхъ; Неаполитанскій заливъ въ особенности благопріятствуетъ устройству аквариума; рыболовство достигло въ немъ высшаго развитія, а очертанія береговъ и свойство морского дна обусловливаютъ такое разнообразіе морской фауны, какое почти не встрѣчается у другихъ береговъ Аппенинскаго полуострова. Попытка устройства большого аквариума была сдѣлана въ Петербургѣ, въ 1870 г., на мануфактурной выставкѣ, и владѣтель его не остался въ проигрышѣ.

— Дезинфекціонная жидкость. Къ числу дезинфекціонныхъ средствъ, играющихъ такую важную роль въ современной гигіенѣ, принадлежитъ изобрѣтенная провизоромъ фармаціи въ Варшавѣ, г. Ленчовскимъ, дезинфекціонная жидкость, составъ которой, однако, неизвѣстенъ. Имъ получено свидѣтельство отъ варшавской врачебной управы, въ которомъ, на основаніи произведеннаго управою химическаго анализа, подтверждается, что это «дезинфекціонное средство въ составѣ своемъ не заключаетъ никакихъ вредныхъ здоровью соединеній», почему управа разрѣшаетъ выдѣлку и продажу его, какъ «средства, уничтожающаго зловоніе». Въ то же время, въ газетахъ напечатано извѣстіе о производствѣ въ Петербургѣ опытовъ надъ этою жидкостью. Отъ 15-ти до 20-ти капель ея, налитыхъ на окончательно испорченные предметы, издававшіе невыносимое зловоніе, уничтожали, черезъ 10—20 минутъ, это зловоніе; оставался только одинъ освѣжающій запахъ, похожій на туалетный уксусъ. Для того, чтобъ очистить испорченный воздухъ въ комнатѣ, достаточно налить 15—20 капель на кусокъ ваты. О пользѣ подобной жидкости въ больницахъ и т. п. мѣстахъ было бы излишне распространяться.

— Опять голодъ въ Индіи. Кажется голодъ въ Индіи сталъ хронической болѣзнью страны. Майскіе нумера индійскихъ газетъ полны извѣстіями о голодѣ въ различныхъ мѣстахъ Индіи. Около Жунагахара, въ Гузератѣ, произошли сильные безпорядки; сельское населеніе, собравшись громадными массами, грабитъ деревни тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ еще голода. Округъ Хазара, по сѣверозападной границѣ, также посѣщенъ этимъ страшнымъ бѣдствіемъ. Корреспондентъ газеты «Times of India» сообщаетъ, что при этомъ тамъ свирѣпствуетъ тифозная лихорадка. «Весьма часто попадаются люди, нѣвшіе ничего впродолженіи нѣсколькихъ дней. Всего болѣе страдаютъ женщины и дѣти» Видъ ихъ описывается ужаснымъ; они походятъ на движущіеся скелеты, обтянутые кожею. Въ сѣверозападныхъ провинціяхъ нѣкоторые округа: Агра, Матра и Рай-Барели до сихъ поръ не оправились отъ прошлогодняго голода. Цѣны на рисъ такъ поднялись, что бѣдные люди не могутъ добывать себѣ вполнѣ достаточнаго количества для ѣды. Тѣ же вѣсти получены изъ Каттіавара.

— Орудія разрушенія. Въ нѣмецкихъ газетахъ пишутъ, что на сталелитейномъ заводѣ извѣстнаго Круппа отливается громадное орудіе, которое будетъ имѣть въ длину 10 метровъ. Снарядъ этого чудовища будетъ вѣсить 550 килограмовъ и потребуетъ для заряда 120 килогр. пороху. Два такія орудія уже изготовлены заводомъ нѣсколько раньше: одно изъ нихъ, находившееся на филадельфійской выставкѣ, было подарено турецкому правительству, другое орудіе пріобрѣтено Россіею и третье, отливка котораго производится въ настоящее время, предназначается для Норвегіи, по заказу ея.

По распоряженію англійскаго морского министерства на фабрикѣ-торпедо Торнэейкрофта, въ Чисвикѣ, заказаны были сто смертоносныхъ орудій новой системы, торпедо-рыбы, которыя, при быстротѣ передвиженія (въ 40 морскихъ миль въ часъ), обладаютъ страшно разрушительнымъ свойствомъ, на разстояніи 1000 ярдовъ. Торпедо это пускается въ ходъ посредствомъ ракеты и съ бѣшеною быстротою двигается впередъ, на глубинѣ 15 футовъ подъ поверхностью воды. Голова рыбы-торпедо наполнена динамитомъ и окружена множествомъ острыхъ, какъ бритвы, ножей, для того, чтобы уничтожать торпедныя сѣти и чтобы не послѣдовало преждевременнаго взрыва. Взрывъ происходитъ при столкновеніи торпедо съ твердымъ тѣломъ и до того страшенъ, что разрушаетъ въ одинъ мигъ самое большое броненосное судно, истребляетъ гранитныя стѣны, скалы и пр. Изобрѣтатель этой ужасной машины разрушенія—пасторъ Рамусъ.

— Новая клиника. Въ непродолжительномъ времени предположено приступить къ осуществленію дѣла, которое желала осуществить еще при своей жизни великая княгиня Елена Павловна. Дѣло это—«клиническій институтъ», въ которомъ молодые врачи, по окончаніи курса въ медикохирургической академіи или медицинскомъ факультетѣ университетовъ, могли бы подготовиться, при вполнѣ научной обстановкѣ, къ практической дѣятельности. Устройство означеннаго института послѣдуетъ подъ ближайшимъ руководствомъ доктора Эйхвальда, бывшаго лейбъ медикомъ при ея высочествѣ; къ тому же завѣщанный ему капиталъ, въ размѣрѣ 80 тысячъ рублей, онъ пожертвовалъ для той же цѣли. На устройство клиническаго института, т. е. сооруженія подходящаго зданія, и снабженіе его полнымъ обзаведеніемъ, исчислена сумма въ 500 тысячъ рублей. Въ настоящее время на этотъ предметъ имѣется на-лицо только 300 тысячъ. Въ виду этого на первое время предположено пустить въ ходъ не весь институтъ, а лишь нѣкоторые главнѣйшіе его отдѣлы. Прежде всего будетъ возведена между прочимъ больница. Вновь воздвигаемое зданіе будетъ находиться близъ Таврическаго сада.

— Люлькокачатель. Одна дама обратилась недавно къ Эдиссону съ вопросомъ, не можетъ ли онъ придумать самодѣйствующій аппаратъ для качанія люлекъ, такъ-какъ на нянекъ полагаться невозможно. Эдиссонъ обѣщался исполнить желаніе дамы и прислалъ ей черезъ нѣсколько дней слѣдующій аппаратъ: вблизи люльки ставится телефонъ; коль-скоро ребенокъ начинаетъ кричать, пластинка телефона приходитъ въ сотрясеніе, сотрясенія эти проходятъ сначала чрезъ особый столбъ, потомъ черезъ электро-

магнитъ и, благодаря этому, усиливаются на столько, что въ состояніи привести въ движеніе рычагъ, который начинаетъ качать люльку тихо и равномѣрно. Когда же ребенокъ перестаетъ кричать, то пластинка телефона остается въ спокойствіи и рычагъ прекращаетъ свое дѣйствіе.

— **Астрономическія открытія.** Астрономическій міръ пораженъ неожиданнымъ сообщеніемъ, что на нашей лунѣ образовалась новая огнедышащая гора. Открытіемъ этимъ мы на этотъ разъ обязаны доктору Герману Клейну въ Кельнѣ, который, въ теченіи послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ, спеціально занимался изслѣдованіемъ поверхности луны. До сихъ поръ всѣ, произведенныя въ теченіи болѣе ста лѣтъ, изслѣдованія Шретера, Гершеля, Медлера и др., объ образованіи на лунѣ новаго кратера, были тщетны, такъ что полагали, что луна совершенно выгорѣвшее, окаменѣвшее тѣло, мертвый міръ. Такое мнѣніе оказывается нынѣ ошибочнымъ, такъ какъ теперь доказано, что на лунѣ происходитъ дѣятельность могучихъ силъ. По сообщенію доктора Клейна, новый кратеръ находится въ средней части луны, на западѣ отъ другого кратера Гигинуса, на большой равнинѣ, и представляется въ періодъ первой четверти луны черною бездною, въ 4000 метровъ въ діаметрѣ. Внутреннее его пространство, слѣдовательно, такъ велико, какъ занимаемое городомъ Кельномъ пространство и, за исключеніемъ кратера Кипонеа, онъ превосходитъ всѣ кратеры на нашей землѣ. Все пространство на западъ отъ кратера покрыто обломками скалъ.

— **Полезная книга.** Товариществомъ «Общественная польза» издано въ переводѣ С. Ламанскаго сочиненіе д-ра Вильгельма фон-Бецольда, ординарнаго профессора физики при политехническомъ институтѣ въ Мюнхенѣ «Ученіе о цвѣтахъ по отношенію къ искуству и техникѣ». Авторъ предлагаемаго сочиненія поставилъ себѣ задачею, ознакомить въ общедоступной формѣ, художника и техника съ физическими и физіологическими ученіями о цвѣтахъ, и показать всю важность вѣрнаго пониманія и знанія свойствъ цвѣта, какъ для искуства, такъ и для фабрикаціи художественныхъ произведеній. Съ этою цѣлью авторъ, въ первыхъ двухъ главахъ излагаетъ физическую основу ученія о цвѣтахъ, т. е. разсматриваетъ происхожденіе и сущность цвѣта. Въ третьей главѣ авторъ изслѣдуетъ впечатлѣнія, которыя производятъ въ нашемъ глазѣ цвѣта, когда они на него дѣйствуютъ отдѣльно или цѣлыми групами, т. е. излагаетъ ученіе о смѣшеніи цвѣтовъ. Въ четвертой главѣ разсматриваетъ ученіе о контрастѣ, т. е. о вліяніи, оказываемомъ на наше сужденіе о цвѣтѣ, присутствіемъ другого цвѣта. Наконецъ, въ послѣдней главѣ авторъ старается добытые въ предъидущихъ главахъ результаты приложить къ ученію о сопоставленіи цвѣтовъ; для этой цѣли онъ разсматриваетъ орнаментику и живопись у различныхъ народовъ, какъ съ эстетической, такъ и съ исторической точекъ зрѣнія.

— **Б. А. Павловичъ.** Наша педагогическая литература лишилась виднаго дѣятеля въ лицѣ скончавшегося въ воскресенье, въ дер. Лигово, отъ чахотки, Бориса Антоновича Павловича. Покойный извѣстенъ былъ «Разсказами изъ русской исторіи», «Исторіей Греціи и Рима», «Исторической хрестоматіей». Послѣдняя составлена была имъ вмѣстѣ съ г. Гуревичемъ. Преподавая исторію, г. Павловичъ издалъ, между прочимъ, разсужденіе «О значеніи и цѣляхъ элементарнаго курса исторіи въ среднеучебныхъ общеобразовательныхъ заведеніяхъ». Много статей Бориса Антоновича, преимущественно по критикѣ и библіографіи, напечатано въ журналахъ "Педагогическій музей», «Семья и Школа», въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (до 1875 г.) и другихъ повременныхъ изданіяхъ.

— **Самоубійство.** Газетѣ «Голосъ» пишутъ изъ Вольска, саратовской губерніи: «Въ ночь съ 17-го на 18-е іюня, въ номерахъ гостиницы Андреевскаго, выстрѣломъ изъ револьвера, направленнымъ въ сердце, лишилъ себя жизни бывшій здѣсь проѣздомъ драматическій писатель, Федоръ Дмитріевичъ Карѣевъ. Послѣ него осталась записка слѣдующаго содержанія: «Вѣчное проклятіе жалкому ничтожеству и абсолютной пошлости, впродолженіи семнадцати лѣтъ имѣвшей дерзость и нахальство считать и признавать себя моею законною женою».

— **Насильственныя смерти и вскрытія тѣлъ.** По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по всѣмъ губерніямъ, какъ европейскимъ, такъ и сибирскимъ, за 1876 годъ, случаевъ отравленія было: отравленій мышьякомъ 183, сулемою, 32, другими неорганическими ядами 73, рыбнымъ и колбаснымъ ядами 58, другими органическими ядами 89, спиртомъ 1,031. Наибольшее число случаевъ отравленія рыбнымъ и колбаснымъ ядомъ обнаружено въ варшавской губерніи. Отрава спиртомъ представляла наиболѣе заурядное явленіе, и только въ одной губерніи (витебской) и въ одномъ градоначальствѣ (таганрогскомъ); излишекъ употребленія спирта не былъ причиною смерти жителей. Въ теченіи того же года, въ Россіи обнаружено слѣдующее число преждевременныхъ смертей: удавились 341, повѣсились 1,179, умерли отъ ранъ, нанесенныхъ холоднымъ оружіемъ 862, умерли отъ ранъ огнестрѣльныхъ 463, закусаны животными 42, умерли отъ паденій, ушибовъ, «смятія и раздавленія» 1,633, утонули 1,161, задушены отъ воспрепятствованія дыханію 462, задохлись отъ недостатка или измѣненія составныхъ частей воздуха 236, подавились пищею и другими предметами 58, замерзли 542, умерли отъ голода 36, умерли отъ ожоговъ и сгорѣли 210, поражены молніей 68; случаевъ смертей отъ воспаленія 1,288, отъ апоплексіи внутреннихъ органовъ 2,614, отъ разрыва большихъ кровеносныхъ сосудовъ 265, отъ эксудатовъ 475, отъ изъязвленій и прободеній 123; случаевъ омертвенія было 34. Мертворожденныхъ было 959. За гнилостью найденныхъ труповъ, причины смерти остались неопредѣленными въ 977 случаяхъ. Въ общемъ числѣ случаевъ смерти «насильственной» было: случаевъ самоубійства 1,784, смертоубійства 2,304, дѣтоубійства 396; смерти младенцевъ, оставленныхъ безъ помощи 350, смерти отъ «болѣзненныхъ причинъ» 4,800, смерти «сомнительной» 1,033. Всѣхъ вскрытій мертвыхъ тѣлъ въ губерніяхъ было произведено 14,294; всѣхъ судебномедицинскихъ актовъ, по разнымъ предметамъ было выдано врачами 88,747. По приблизительному разсчету, на каждаго изъ занимающихъ штатныя должности уѣздныхъ городовыхъ и полицейскихъ врачей приходилось по 65-ти актовъ. Освидѣтельствованіе живыхъ людей было произведено въ слѣдующихъ случаяхъ: беременности 607, послѣродового состоянія 791, растлѣнія и изнасилованія 754, мужеложства 22, скотоложства 27, раненій 8,817, другого рода поврежденій 22,649, опредѣленія состоянія умственныхъ способностей 4,093, опредѣленія состоянія здоровья по требованію суда 16,084.

Смѣсь.

— **Спрутъ.** Морская газета «Яхта», приводитъ весьма интересный разсказъ, заимствованный ею изъ австралійской газеты «Warrnambool Standard» и напоминающій собою эпизодъ изъ извѣстнаго романа Виктора Гюго «Les travailleurs de la mer», въ которомъ герой романа Жильятъ, подвергается нападенію спрута. «Одному водолазу, по имени Смэльо, поручено было взорвать подводную скалу въ устьѣ Майны, близъ Бельфаста, въ колоніи Викторія, въ Австраліи. 7-го февраля мина была взорвана, послѣ чего необходимо было извлечь со дна моря осколки каменной глыбы, заграждающіе свободный входъ въ рѣку. Для этого Смэльо опустился самъ на дно моря, чтобы прикрѣпить къ цѣпямъ развалившіяся части скалы и поднять ихъ на верхъ. Во время этой работы, когда онъ стоялъ передъ однимъ изъ камней, смѣлый водолазъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то крѣпко сжалъ ему руку. Обернувшись, онъ увидѣлъ возлѣ себя громаднаго спрута. Сильнымъ движеніемъ онъ попробовалъ освободиться отъ нежданнаго товарища, но головоногъ, отдѣлившись отъ скалы, за которую держался, охватилъ его еще за ноги поперекъ тѣла. Къ счастью, Смэльо не потерялъ присутствія духа: сообразивъ, что спрутъ, не придерживаясь болѣе за камень, легко могъ быть вытащенъ наверхъ, онъ свободною рукою энергично дернулъ за веревку, и подалъ сигналъ, чтобы его подняли. На поверхности, товарищи легко освободили храбреца изъ ужасныхъ объятій чудовища, которое, бдагодаря каучуковой водолазной одеждѣ, бывшей на Смэльо, не успѣло нанести ему почти никакого вреда. Каждая изъ восьми ногъ головонога имѣла 4 фута длины и была толщиною въ человѣческій кулакъ. Ноги по всей своей длинѣ покрыты двойнымъ рядомъ присасывающихся щупальцевъ, посредствомъ которыхъ животное крѣпко держитъ свою добычу. По словамъ Смэльо, у напавшаго на него чудовища, несомнѣнно хватило бы силы, чтобы удержать подъ водою трехъ человѣкъ».

— **Образчикъ нашего суевѣрія.** Корреспондентъ «Моск. Вѣдом.» разсказываетъ слѣдующій курьезный случай: Въ 12 верстахъ отъ Лебедяни, въ женскомъ монастырѣ, проживаетъ одна мірская, удрученная лѣтами женщина, извѣстная въ народѣ подъ именемъ «Сонечки» и пользующаяся авторитетомъ прорицательницы. Къ ней-то въ критическихъ обстоятельствахъ прибѣгаетъ нашъ русскій люцъ, за разными совѣтами и выслушиваетъ ея аллегорическіе отвѣты на свои запросы. За недѣлю до Троицына дня кто-то изъ лебедянскихъ жителей (изъ прекраснаго пола) полюбопытствовалъ узнать у «Сонечки-прорицательницы» о своей будущей судьбѣ, и къ крайнему недоумѣнію услыхалъ отъ нея пророческія слова, заключающіяся въ томъ, что «на Троицынъ день исчезнетъ молъ съ лица земли вся Лебедянь посредствомъ огня, за ея тяжкіе грѣхи», Бывшая у «Сонечки» женщина приходитъ домой и разсказываетъ своимъ домашнимъ о небывалой еще до сихъ поръ ожидающей богоспасаемый городъ, катастрофѣ; тѣ — сосѣдямъ, съ разными прибавленіями и прикрасами... И вотъ страшная вѣсть съ быстротой молніи облетаетъ городъ, и начинается всеобщая кутерьма. Жители не на шутку всполошились: кто бросился застраховывать свой домъ, кто собирать свои пожитки и весь домашній скарбъ и тащить въ погреба и другія безопасныя мѣста, кто готовился при первой тревогѣ отвозить своихъ дѣтей въ близъ лежащій лѣсъ. На ярмаркѣ, въ общественномъ саду, въ трактирахъ и вообще во всѣхъ многолюдныхъ мѣстахъ нигдѣ не было другого разговора, кромѣ какъ о предстоящемъ пожарѣ. Ночью, наканунѣ Троицына дня, многіе собирались въ кружки у своихъ домовъ и разсуждали какъ поступать во время ожидающаго ихъ несчастія? Наконецъ настаетъ давно ожидаемый Троицынъ день. Въ этотъ великій праздникъ, многіе изъ жителей не рѣшались даже идти къ обѣднѣ, боясь на случай пожара оставить свои дома. Нѣкоторые выходили за ворота, высматривая на всѣ четыре стороны—не видать ли гдѣ дыма! Но день, проведенный въ томительномъ ожиданіи, прошелъ; вотъ и ночь на исходѣ, а пожара все нѣтъ какъ нѣтъ; только слышится таинственный говоръ сидящихъ на улицѣ жителей, для которыхъ домъ и пожитки—вся жизнь. Проходитъ ночь, проходитъ и Духовъ день, а въ городѣ все спокойно и благополучно. Кто правъ, кто виноватъ (Сонечка или разказчица), неизвѣстно, но только и понынѣ пока все обстоитъ благополучно и ничто не нарушаетъ спокойствія суевѣрныхъ жителей, напуганныхъ преслoвутою прорицательницей, уже начинающею, впрочемъ, въ глазахъ многихъ, терять свой авторитетъ.

— **Интересный процессъ.** Испанскій посланникъ въ Вашингтонѣ, Антоніо Мантилло де-ласъ-Ріосъ, явился надняхъ въ качествѣ отвѣтчика предъ гражданскимъ судомъ Нью-Іорка, по иску съ него 100,000 долларовъ сеньоромъ Фернандо Гупраломъ. Истецъ заявляетъ, что въ 1876 и 1877 годахъ онъ, по порученію дона Антоніо, состоялъ шпіономъ у донъ Карлоса, сопровождалъ претендента во всѣхъ его поѣздкахъ по Америкѣ и Европѣ, сообщалъ о всѣхъ его дѣя-

ніяхъ, о лицахъ, съ которыми онъ имѣлъ сношенія, и пр. Посланникъ обѣщалъ ему за то 100,000 дол., и такъ какъ онъ ихъ не заплатилъ, то шпіонъ подалъ на него искъ.

— Дешевая покупка земли. Многіе, пишетъ корреспондентъ «Спб. Вѣдом.» изъ Уфы, изъ здѣшнихъ купцовъ, мѣщанъ и промышленниковъ всякаго рода, желая составить себѣ состояніе и обезпечить таковое за своимъ потомствомъ, явились благодѣтелями башкиръ, предлагая къ ихъ услугамъ деньги за ничтожную по цѣнности вещь—землю. Дѣти восточной природы, беззаботныя и вѣчно нуждающіяся въ предметахъ первой необходимости, весьма легко попадаются на удочку ловкихъ торгашей, выжимающихъ въ свою пользу народныя силы и богатство. Покупки совершаются по очень выгодной для будущихъ землевладѣльцевъ цѣнѣ. Обыкновенно одинъ рубль денегъ, пудъ ячменя или проса на душу, или если не зерно, то фунтъ чаю, или красная и зеленая тибетейка обезпечиваютъ за пріобрѣтателемъ тысячу или нѣсколько тысячъ десятинъ земли самаго лучшаго качества. Недавно оренбургскій генералъ-губернаторъ подтвердилъ строгое запрещеніе вступать въ сдѣлки съ башкирами о покупкѣ земель до размежеванія ихъ. Это предписаніе немножко смутило любителей легкой наживы, но, впрочемъ, они не унываютъ, разсчитывая на благодушіе башкиръ, которые, получивъ подобные вышеупомянутымъ задатки, по своей душевной добротѣ, не откажутся отъ заключенія, подъ какимъ-нибудь фиктивнымъ видомъ (векселей, или другихъ долговыхъ обязательствъ), запродать и, получивши еще рубликъ на десятину, совершать въ свое время формальную купчую крѣпость.

Евреи и устрицы. Изъ Амстердама сообщаютъ, что въ средѣ голландскихъ евреевъ, отличающихся необыкновенною набожностію, господствуетъ сильное волненіе, вызванное категорически поставленнымъ вопросомъ: воспрещаетъ-ли моисеевъ законъ употребленіе въ пищу устрицъ? До сихъ поръ евреи ѣли устрицъ, на томъ основаніи, что устрица принадлежитъ къ разряду рыбъ, не имѣющихъ чешуи и плавательнаго пузыря и употребленіе которыхъ въ пищу, слѣдовательно, евреямъ воспрещено. Нынѣ же выступилъ одинъ извѣстный раввинъ, пользующійся большимъ авторитетомъ въ средѣ своихъ единовѣрцевъ, и, будучи горячимъ сторонникомъ ученій Дарвина, смѣло заявляетъ, что евреи могутъ ѣсть устрицы, такъ какъ устрица не рыба, а растеніе. Это смѣлое открытіе раввинановатора вызвало броженіе въ лагерѣ евреевъ-ортодоксовъ, которые считали этотъ вопросъ настолько важнымъ, что созываютъ въ Амстердамѣ международный сангедринъ (совѣтъ) раввиновъ и приглашаютъ Дарвина предсѣдательствовать въ немъ. Сангедринъ и его президентъ должны рѣшить вопросъ: есть-ли устрица рыба или растеніе? Отъ рѣшенія этого вопроса отчасти и зависитъ цѣна на устрицы, такъ какъ въ случаѣ причисленія сангедриномъ устрицы къ растительному царству, цѣны на нее должны возвыситься, такъ какъ явятся милліоны новыхъ потребителей ея.

— Кто долженъ кормить? По словамъ «Петербургскаго Листка», 14 мая, въ общемъ собраніи общества покровительства животнымъ обсуждался вопросъ: какъ спасти отъ голода и болѣзни 82 лошади, принадлежащія г. Бочарскому? Дѣло въ томъ, что по второй улицѣ Песковъ, въ домѣ подъ № 16, 3-го мая, по опредѣленію окружного суда, въ обезпеченіе претензіи дворянина Змиградскаго къ Бочарскому, арестованы 82 лошади и сданы на храненіе и прокормъ купцу Тулякову. На самомъ же дѣлѣ, кормленіе ихъ прекращено окончательно, и бѣдныя животныя постепенно приближаются къ голодной смерти. Независимо отъ этого, въ общество была представлена въ пузырькахъ та вода, которую даютъ этимъ лошадямъ и всѣ присутствующіе члены были поражены какъ темнокоричневымъ ея цвѣтомъ, такъ и отвратительнымъ гнилостнымъ запахомъ. По заключенію присутствовавшихъ ветеринаровъ, подобная вода въ самомъ скоромъ времени можетъ породить сибирскую язву. Послѣ долгаго обсужденія, порѣшили немедленно написать прошеніе къ предсѣдателю окружнаго суда, съ просьбою предложить судебному приставу подвергнуть этихъ лошадей немедленной продажѣ, такъ какъ прокормленіе и храненіе ихъ, при подобномъ положеніи, очевидно, является невозможнымъ.

— Противница карточной игры. Президентъ Сѣверо-американскихъ Штатовъ Гейсъ пригласилъ недавно на карточный вечеръ троихъ изъ своихъ друзей, министровъ Шермана, Томпсона и Эвертса. Приглашенные явились въ назначенный часъ и прошли, согласно условію, въ библіотеку, гдѣ застали, однако, не одного президента, но, къ своему сожадѣнію, и его жену. Супруга Гейса встрѣтила гостей очень любезно и просто не могла наговориться о ихъ домашнемъ житьѣ-бытьѣ. Наконецъ, Шерманъ, видя, что золотое время уходитъ, вѣжливо спросилъ даму, не занята-ли она чѣмъ-либо по хозяйству, такъ какъ тогда они не желаютъ задерживать и стѣснять ее. Но г-жа Гейсъ угадала ловушку и любезно отвѣчала, что она вполнѣ свободна; что она посвятила эти часы своему мужу; что ея главное удовольствіе бесѣдовать съ нимъ и его друзьями. Шерманъ, конечно, поспѣшилъ показать видъ, что очень радъ этому; Эвертсъ началъ длинную рѣчь о счастьи супружества; Томпсонъ только заморгалъ глазами, а самъ президентъ не могъ удержаться отъ зѣвоты. Но вотъ пробило 11 часовъ и гости поспѣшили уйти, сказавъ прежде, что время прошло для нихъ незамѣтно, что они никогда еще не проводили вечеръ такъ пріятно и проч. и проч. На другой день Гейсъ увидѣлся съ друзьями и покорно замѣтилъ имъ: «Не идетъ у насъ дѣло на ладъ; жена моя терпѣть не можетъ игры; она, правда, ничего не говоритъ, но за то дѣйствуетъ и вы сами видѣли какъ».

Телеграммы.

Вѣна, 20-го іюня. Состоялся приказъ о мобилизаціи еще трехъ дивизій, «для усиленія войскъ въ Кроаціи и Далмаціи». Оффиціозная пресса объясняетъ эту мѣру тѣмъ, что турки собрали въ Босніи и Герцеговинѣ 40,000 (!) войска, и еще 20,000 (!) между Новымъ Базаромъ и Призрендомъ.

Константинополь, 21-го іюня. Въ Сан-Стефано особая коммисія занята опредѣленіемъ трехъ послѣдовательныхъ линій отступленія русской арміи.

Сегодня пріѣхалъ сюда князь Дондуковъ-Корсаковъ для пріема оружія для болгарскихъ дружинъ. Согласно оффиціальной депешѣ, занятіе Болгаріи продлится еще цѣлый годъ.

Берлинъ, 23-го іюня. Изъ-за вопроса о Батумѣ, конгрессъ вчера находился въ критическомъ положеніи, но повидимому конгрессъ сообразуется съ желаніями Россіи. Германія въ первый разъ рѣшительно высказала свое мнѣніе въ пользу Россіи. Бисмаркъ обратилъ вниманіе уполномоченныхъ на то, что Россія принесла достаточно жертвъ и что нельзя навязывать ей новую уступку.

— 26-го іюня. Сегодня конгрессъ обсуждаетъ вопросы о Батумѣ и плаванія по турецкимъ проливамъ. На частныхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ въ субботу, Англія согласилась съ предложеніемъ русскихъ уполномоченныхъ, что Батумъ останется порто-франко и открытымъ; но въ то же время англійскіе уполномоченные предложили русскимъ подписать декларацію, въ силу которой Англія, получаетъ право двинуть свой военный флотъ черезъ турецкіе проливы въ Черное море, если Россія въ извѣстный срокъ не сроетъ батумскихъ укрѣпленій и если русскія военныя суда будутъ заходить въ Батумъ. Полагаютъ, что въ сегодняшнемъ засѣданіи конгресса, Англія будетъ вынуждена отказаться отъ этихъ требованій, ибо въ противномъ случаѣ конгрессъ кончится неудачей въ послѣднемъ своемъ засѣданіи.

Относительно Бессарабіи и Килійскихъ рукавовъ остались въ силѣ постановленія сан-стефанскаго договора. Всѣ придунайскія крѣпости должны быть срыты—и военнымъ судамъ запрещено плаваніе по Дунаю.

Англія дѣлаетъ приготовленія къ занятію острова Кипра. Извѣстіе о протекторатѣ Англіи надъ Малой Азіей произвело здѣсь сильное впечатлѣніе; но пока нѣтъ подтвержденія изъ оффиціальныхъ источниковъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Контора редакціи «Живописнаго Обозрѣнія» покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ при перемѣнѣ адреса высылать **старый адресъ съ бандероли и почтовыми марками:**

при перемѣнѣ городск. адреса на иногород. 85 к.
иногороднаго на городской............ 1 р.
иногороднаго на иногородній.......... 24 к.

Безъ означенныхъ приложеній адресъ не перемѣняется.

Въ случаѣ же неполученія кѣмъ либо изъ гг. подписчиковъ нумера журнала, контора покорнѣйше проситъ заявить объ этомъ немедленно по полученіи слѣдующаго нумера, чтобы имѣть возможность отыскать на почтѣ утерянный нумеръ. Заявленія, поступающія позже назначеннаго срока, остаются безъ послѣдствій.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 1 Іюля 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

№ 28. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою — 7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 9 Іюля 1878 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

Андре Шенье.

Ст. Г. Глинскаго.

Безспорно, Андре Шенье принадлежитъ къ числу самыхъ талантливыхъ поэтовъ Франціи. Неоцѣненный при жизни, онъ впервые удостоился похвальнаго отзыва черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ своей смерти. Его полемическія статьи, помѣщавшіяся въ журналахъ и листкахъ временъ французской революціи, и бывшія причиной его печальной смерти, — вмѣсто друзей и поклонниковъ, даже въ средѣ близкихъ ему людей, доставили ему множество недоброжелателей. Къ ихъ числу, между прочими, нужно отнести и родного его брата, Мари-Жозефа Шенье. О стихотвореніяхъ же Андре Шенье, за исключеніемъ одной небольшой поэмы Jeu de Paume, посвященной Луи Давиду, извѣстному живописцу и маленькаго стихотворенія Sur les Suisses, кромѣ небольшого кружка близкихъ людей — никто не зналъ. Въ этомъ, какъ равно и въ томъ, что онъ осмѣливался полемизировать съ людьми безгранично сильными въ то время, нужно усматривать главную причину всѣхъ его неудачъ, огорченій и, наконецъ, печальной, ничемъ не заслуженной, смерти на эшафотѣ. Жизнь его поучительна и любопытна. Родившійся и воспитывавшійся среди перерождающагося общества, среди броженія новыхъ идей геніальныхъ помысловъ и геніальныхъ ошибокъ, Шенье, какъ страстная и впечатлительная натура, не могъ остаться равнодушнымъ ко всему происходившему вокругъ него. Еженъ Гюго, братъ Виктора Гюго, сейчасъ послѣ перваго изданія поэтическихъ произведеній Шенье, 1819 года въ Conservateur littéraire, отзывался объ его талантѣ слѣдующимъ образомъ: «Этотъ талантъ, чтобы ни говорили, принадлежитъ къ числу самобытныхъ, полныхъ элегической любви и восторгающихъ душу дарованій. Идилліямъ Шенье недостаетъ, быть можетъ, отдѣлки; встрѣчаются въ нихъ выраженія, которыя не трудно замѣнить болѣе изящными, правильными, а все-таки намъ извѣстны очень немногія въ этомъ родѣ произведенія французской литературы, чтеніе которыхъ доставляло бы такое наслажденіе, какъ чтеніе идиллій Шенье.

Андре Шенье.

(Съ портрета, сдѣланнаго въ тюрьмѣ.)

Но особенно рельефно выступаетъ весь талантъ молодого поэта въ его элегіяхъ: здѣсь онъ вполнѣ оригиналенъ. Мы надѣемся, что элегіи Шенье, несмотря на всѣ ихъ недостатки, останутся на всегда образцами, а ихъ творца мы смѣло называемъ отцомъ французской элегіи». Такъ отзывался въ 1819 году о талантѣ и произведеніяхъ Шенье одинъ изъ самыхъ безпристрастныхъ и дѣльныхъ критиковъ того времени. Хотя нельзя не видѣть нѣкотораго преувеличенія въ этихъ словахъ, однако, нужно согласиться, что въ нихъ много правды. Съ того по настоящее время появилось много критическихъ статей, предметомъ которыхъ были Шенье и его произведенія, и во всѣхъ повторяется одна и та же мысль, что, помимо недостатковъ, Шенье принадлежитъ къ числу очень крупныхъ талантовъ.

Мари-Андре Шенье родился въ Константинополѣ 29 октября 1762 года. Мать его, Santi-L'homaka, была родною сестрою бабушки Тьера. Она была гречанка, а красота ея и умъ въ то время были общеизвѣстны. Андре былъ третьимъ сыномъ Луи Шенье, генеральнаго консула Франціи. Шенье еще ребенкомъ былъ перевезенъ во Францію и здѣсь до девятаго года своей жизни воспитывался подъ руководствомъ сестры своего отца, женщины образованной и умѣвшей развить молодой умъ своего воспитанника. Подъ небомъ южной Франціи, среди прекрасной, приводившей мальчика въ восторгъ, природы, молоденькій Андре съ любовью весь предался чтенію. Тутъ-то привыкъ онъ проводить цѣлые часы одинъ, гдѣ-нибудь на берегу рѣки или въ чащѣ лѣса: онъ передумывалъ, переживалъ все прочитанное. Послѣ возвращенія Луи Шенье, около 1773 года, въ Парижъ, молодого Шенье и двухъ старшихъ его братьевъ отдали въ Наварскую коллегію. Здѣсь Шенье перевелъ одну оду Сафо; первая эта попытка, хотя и недостойна печати, тѣмъ не менѣе носитъ уже задатки его таланта. Двадцати лѣтъ онъ вступилъ въ военную службу. Послѣ шестимѣсячнаго пребыванія въ Страсбургѣ, Шенье, которому противно стало бездѣйствіе его товарищей, тратившихъ все свое время на пирушки и попойки, бросилъ службу и возвратился въ Парижъ. Здѣсь онъ продолжалъ свои труды: въ его портфелѣ было уже нѣсколько

начатыхъ произведеній. Онъ старался завести знакомство съ представителями науки и искуства, и къ числу людей, съ которыми онъ сошелся, принадлежатъ такіе ученые, какъ Лавуазье, и такіе художники, какъ Давидъ, Шенье, котораго завѣтною мечтою было желаніе знать все, что только доступно человѣку, работалъ безъ устали: онъ вставалъ до зари, иногда цѣлыя ночи проводилъ за книгой. Такой образъ жизни былъ причиной серьезной болѣзни. Шенье увидѣлъ себя вынужденнымъ бросить на время почти всѣ свои занятія. Двое изъ его товарищей, братья Трюдены, предложили ему ѣхать съ ними въ Швейцарію. Нѣсколько поправившись, Шенье вмѣстѣ съ ними уѣхалъ на нѣкоторое время. Въ его бумагахъ найдены нѣкоторыя воспоминанія о его пребываніи въ Швейцаріи; между прочимъ, есть и начатыя поэмы. Всѣ онѣ, однако, принадлежатъ къ числу первыхъ опытовъ. Сейчасъ послѣ возвращенія изъ Швейцаріи, французскій посланникъ въ Лондонѣ, графъ Люцернскій, предложилъ ему ѣхать съ нимъ въ Англію. По всей вѣроятности, въ Лондонѣ нашему молодому поэту жилось не особенно хорошо; такое мнѣніе, по крайней мѣрѣ, можно вывести изъ нѣкоторыхъ писемъ, найденныхъ послѣ его смерти въ его бумагахъ.

Эта впечатлительная и ко всему чуткая натура печалилась чужимъ горемъ и плакала надъ недостатками людей, мѣшающими имъ жить удобно и хорошо. Перемѣна мѣстожительства, новыя впечатлѣнія, новые люди—стали его первой необходимостью. Этимъ объясняется его странствія изъ одного мѣста въ другое до 1790 года, когда онъ рѣшился возвратиться въ Парижъ, избирая его мѣстомъ своего пребыванія на всегда. Только теперь, въ первый разъ, Шенье приводитъ въ порядокъ свои бумаги: много-раньше начатые наброски поэмъ и большихъ произведеній получаютъ окончательную формировку. Шенье, изучившій греческихъ поэтовъ и восхищенный ихъ слогомъ, старается подражать имъ во внѣшней формѣ, но, съ другой стороны, расширяетъ кругозоръ ихъ понятій. Конецъ XVIII столѣтія, новыя идеи, новая, только что пробуждающаяся, жизнь, все это не позволяетъ Шенье стать только подражателемъ древнихъ. Къ этому времени относятся его поэмы: L'invention, въ которой онъ излагаетъ свою мысль попробовать новаго пути, Hermès, въ которомъ, подобно Лукрецію, Шенье старается объяснить природу вещей, но, конечно, на основаніи современныхъ научныхъ воззрѣній, далѣе L'art d'aimer, Suzanne и нѣсколько другихъ. Шенье, не любившій хвастаться передъ другими своими твореніями, высказывалъ свои надежды и планы только въ кружкѣ своихъ друзей. Кружокъ этотъ былъ крайне малъ. Братъ Мари-Жозефъ, Лебренъ, Рушеръ, Депанжъ и Дебразе — вотъ почти всѣ его друзья. Шенье избѣгалъ случаевъ и собраній, гдѣ можно было блеснуть, работалъ въ тиши и вдали отъ свѣта.

1789 годъ насталъ для Франціи. Переворотъ, измѣнившій весь строй общества, вырвалъ нашего поэта изъ уединенія, заставилъ его бросить гармоническій языкъ музъ и всецѣло предаться общественнымъ интересамъ. Тогда то въ Journal de Paris началъ свою публицистическую дѣятельность тотъ, который намѣренъ былъ никогда не бросаться въ водоворотъ общественной жизни: Андре Шенье началъ строить зданіе, подъ развалинами котораго пришлось ему погибнуть. Шенье занялъ тогда то положеніе, которое способны занять немногіе: одаренный высшимъ умомъ и храбростью, онъ говорилъ правду въ глаза всѣмъ партіямъ, всѣмъ кружкамъ. Эта храбрость свойственна только людямъ, не преслѣдующимъ личныхъ интересовъ. Не принадлежать ни къ какому кружку, откровенно высказывать свое мнѣніе и служить только и единственно истинѣ—вотъ какую задачу поставилъ себѣ Шенье. Въ то время это было не безопасно. Нужно было обладать тѣми способностями, какими обладалъ Шенье, нужно было любить истину такъ, какъ онъ ее любилъ, чтобы рѣшиться пойти по тому опасному пути, какой избралъ Шенье. Онъ пожертвовалъ даже дружбою горячо любимаго имъ брата, ради правды, ради истины. Это крайне характерно. Когда Друзья Конституціи (Les amis de la Constitution) основали свой кружокъ, Мари-Жозефъ Шенье рѣшился сдѣлаться его членомъ. Андре же предугадывалъ, какое значеніе долженъ имѣть этотъ клубъ и какое непоправимое зло долженъ онъ причинить дѣлу, достойному славы. Вотъ почему Андре, одинъ изъ первыхъ, въ статьяхъ своихъ, горячо возставалъ противъ затѣй новообразованной ассоціаціи. Мари-Жозефъ, быть можетъ, обольщенный похвалами нѣкоторыхъ членовъ, или, что вѣрнѣе, разсчитывавшій на ихъ поддержку въ театрѣ, горячо сталъ защищать новый клубъ. Необходимо замѣтить, что Мари-Жозефъ написалъ нѣсколько трагедій, не пользующихся особенною славою. Защищая свой клубъ противъ обвиненій брата, онъ вдался съ нимъ въ полемику, изъ которой легко вывести заключеніе, что Мари-Жозефъ колебался въ выборѣ между дружбою и уваженіемъ брата, и интересами своей партіи. Лучшимъ доказательствомъ того, что эта догадка справедлива, служитъ то обстоятельство, что онъ самъ, Мари-Жозефъ, нѣсколько времени спустя, оставилъ Друзей Конституціи, знаменитыхъ въ лѣтописяхъ исторіи подъ названіемъ Якобинцевъ. И такъ, правда восторжествовала. Хотя и до сихъ поръ еще часто можно встрѣтить ни на чемъ неоснованное мнѣніе объ окончательномъ разрывѣ дружелюбныхъ отношеній обоихъ братьевъ, однако, мнѣніе это несправедливо. Мари-Жозефъ до конца жизни сохранилъ въ сердцѣ своемъ всю ту любовь и уваженіе, которыхъ былъ достоенъ Андре.

Принципы революціи 1789 года нашли въ Андре Шенье самаго ревностнаго поборника. Характеръ Шенье объясняетъ намъ ту роль, какую онъ игралъ въ политическомъ движеніи: онъ былъ крайнимъ энтузіастомъ. Его энтузіазмъ доходилъ иногда до фанатизма. Притомъ, необходимо замѣтить, что онъ былъ крайне впечатлительнымъ и нервнымъ, и никогда онъ не преслѣдовалъ личныхъ интересовъ. Шенье готовъ былъ провести всю жизнь за работой, не ища славы и популярности; однако, событія 1789 г. и вліяніе друзей и товарищей по Обществу 1789 года (la Société de 1789), были причиной того, что поэтъ-Шенье, извѣстный не многимъ, сталъ знакомымъ всей читающей Франціи, какъ политическій дѣятель-Шенье.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Пѣсня Фортуніо.

Изъ **Альфреда Мюссе**. Пер. **С. А. Андреевскаго**.

О, если бъ ту, кого люблю я,
Могли вы знать!
Ее за царство не хочу я
При васъ назвать.

Она мила, какъ ангелъ чистый
Въ своей красѣ,
И вьется волосъ золотистый
Въ ея косѣ.

Ея капризамъ я послушно
Готовъ служить;
Для милой голову, гдѣ нужно,
Я радъ сложить.

Ужь тайной страсти всѣ мученья
Я перенесъ,
Душа изныла отъ томленья
И грудь — отъ слезъ.

Но имя милой не хочу я
Сказать при васъ:
Его на сердцѣ схороню я
Въ послѣдній часъ!

Карлъ Раупп.

Ст. **П. Библіофила**.

Лѣто въ полномъ разгарѣ; стоятъ знойные душные дни; людей тянетъ куда-нибудь за городъ, къ берегамъ рѣкъ, озеръ и морей, туда, гдѣ еще вѣетъ свѣжестью, гдѣ дышется свободнѣе въ эти томительныя жары. Вотъ цѣлая семья нѣмецкихъ крестьянъ, повидимому, совсѣмъ переселилась на большую, причаленную къ берегу, среди высокихъ камышей, лодку, и всѣмъ привольно здѣсь: на лодкѣ пахнетъ свѣжимъ сѣномъ, наваленнымъ въ нее, съ широкаго озера, называемаго окрестными жителями «баварскимъ моремъ», тянетъ прохладою, вдали вырисовываются очертанія прибрежныхъ горъ. Здѣсь всѣмъ хорошо и привольно: женщины, эти неутомимыя работницы, полощутъ бѣлье, мужчины отдыхаютъ послѣ работы, дѣти шлепаютъ по водѣ, защищаясь отъ раскричавшейся на нихъ утки, и даже маленькій вахластый щенокъ, поднявшись на сѣнѣ на переднія лапки, смотритъ съ любопытствомъ на происходящую передъ нимъ сцену войны дѣтей съ уткою. Эта простая выхваченная изъ жизни сценка, съ хорошо переданными выраженіями физіономій, съ прекраснымъ ландшафтомъ, принадлежитъ кисти извѣстнаго нѣмецкаго художника профессора Карла Раупа, посвятившаго себя жанру и ландшафтной живописи.

Карлъ Раупп, уроженецъ Дармштадта. Онъ родился въ 1837 году и провелъ первые годы жизни на своей мирной и скромной родинѣ. Съ 1855 года по 1858 годъ, онъ посѣщалъ художественную школу при шедельскомъ институтѣ, во Франкфуртѣ, гдѣ его занятіями руководилъ Ю. Беккеръ. Сдѣлавшись потомъ ученикомъ мюнхенской академіи, Раупп примкнулъ къ школѣ Карла Пилоти, подъ руководствомъ котораго онъ работалъ съ 1860 года по 1865 годъ. Потомъ онъ основалъ свою собственную частную школу живописи, а въ 1868 году, былъ приглашенъ занять профессорское мѣсто въ художественной школѣ въ Нюрнбергѣ. Раупп посвящалъ свои силы исключительно жанру и ландшафту, выбирая сюжеты по преимуществу изъ жизни простого народа, изъ окрестностей «баварскаго моря». Прекрасно владѣя красками, онъ не всегда справляется съ формами. Его смѣлыя, сильныя и колоритныя картины расходятся въ очень значительномъ количествѣ, попадая большею частью въ частныя руки и отправляясь въ значительномъ числѣ въ Америку. Въ 1872 году онъ принялъ участіе въ иллюстрированіи изданія Шмидта и Штилера «Изъ нѣмецкихъ горъ».

Паскарель.

Романъ Уида.

Переводъ **А. А. Разсказовой**.

(*Продолженіе.*)

Ея Исторія. — Лопнувшій мыльный пузырь.

Отецъ велѣлъ мнѣ надѣть богатое красное, съ золотомъ, платье, украсить голову и грудь брильянтами, его подаркомъ, и приготовиться въ костюмированному балу во дворецъ, такъ какъ вся Флоренція опьянѣла отъ радости.

У насъ, на виллѣ, около церкви Санта-Маргарита, тихо и спокойно, хотя и сюда доходитъ шумъ ликованій народа, какъ глухіе отголоски морскихъ волнъ... Я сказала и отцу, и прислугѣ, что устала и нерасположена смотрѣть сегодня на городской праздникъ. Но это не правда; истина же въ томъ, что видъ веселья и крики ра-

дости заставляютъ меня содрогаться до глубины души...

Онъ не умеръ, онъ даже вышелъ съ именемъ героя изъ боя за свободу и объединеніе всего итальянскаго народа,—такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ молва, награждая его зеленой вѣтвью патріота, вмѣсто бумажныхъ лавровъ актера.

Я не могу идти въ его Флоренцію сегодня, въ знаменательный день возвращенія побѣдоносныхъ войскъ. Я боюсь увидѣть его лицо, смотрѣть, какъ чужая, изъ веселой толпы на него, быть можетъ, изувѣченнаго, во всякомъ случаѣ, утомленнаго, покрытаго пылью, пожалуй, храмлющаго отъ долгой ходьбы подъ знойнымъ солнцемъ. А бѣдняжка Ино; мои опрометчивыя слова послали его на войну подъ пушечные и ружейные выстрѣлы. Никто не слышалъ о немъ, я тоже ничего не могу узнать о немъ, слабомъ мальчикѣ, ничтожной пылинкѣ среди громадныхъ полей. Какая нужда людямъ до него? Я не могу добиться, живъ или умеръ веселый товарищъ моихъ игръ, который пѣлъ со мной въ памятный день карнавала въ Веронѣ. И я виновата, если его постигла горькая судьба; я послала его за смертію... Ахъ! зачѣмъ только мы, легковѣрныя, непостоянныя, глупыя существа, называемыя женщинами, живемъ на вредъ другимъ, бывая нерѣдко причиной смерти достойныхъ, честныхъ людей; и все дѣлаемъ мы съ беззаботностью ребенка, ловящаго мухъ. Боже, какъ мнѣ тяжело. Но вотъ день клонится къ вечеру, я не могу болѣе пользоваться роскошью грустнаго уединенія. Отецъ и кузенъ не потерпятъ отказа. Я надѣваю на себя платье съ брильянтами, срисованное живописцемъ Варіо и готовлюсь къ ночному празднеству. Какая удивительная, драгоцѣнная вещь это платье. Весь шлейфъ изъ золотой ткани, пунцовая юбка усыпана спереди мелкими брильянтами. Оно было сдѣлано по желанію отца, съ старинной флорентинской картины. Ко мнѣ подходитъ мой кузенъ. Онъ такъ вѣжливъ, граціозенъ, но я никогда не могу заглушить въ себѣ недовѣріе къ нему, какое-то непріятное воспоминаніе появляется во мнѣ при звукѣ его голоса, всегда довольно жесткаго, несмотря на все его стараніе придать ему мягкость.

Сегодня вечеромъ, онъ въ двадцатый разъ умоляетъ меня отвѣтить взаимностью на его любовь. Онъ искренно любитъ меня, въ этомъ я не сомнѣваюсь; и отецъ не разъ старался убѣдить меня, что счастіе всей моей будущности въ рукахъ этого человѣка.

Въ этотъ вечеръ его настойчивость возмущаетъ меня.

— Разъ на всегда, говорю я ему, съ нетерпѣніемъ, — запомните мой отвѣтъ; я такъ часто повторяла его вамъ: нѣтъ! нѣтъ и нѣтъ!

— Неужели же я такъ ненавистенъ вамъ? спрашиваетъ онъ тихо.

Я смотрю ему прямо въ глаза и говорю:

— Да.

Кротостью отъ него не отдѣлаешься. Тогда скрытое зло въ немъ просыпается.

— Это ваше послѣднее слово?

— Самое послѣднее.

— Ну-съ, говоритъ онъ съ зловѣщей улыбкой,—мнѣ надо вамъ кое-что разсказать. Путешествуя по вашей дорогой Италіи, мнѣ пришлось разъ провести зиму въ Веронѣ. Во время карнавала былъ, конечно, костюмированный балъ. Я пошелъ туда. Въ толпѣ я увидѣлъ хорошенькое, злое, дикое существо, которое, потихоньку убѣжавъ изъ дому, пришло туда же позабавиться. Я заплатилъ за нее при входѣ; и такъ, я знаю...

Онъ остановилъ жестомъ крикъ, готовый вырваться изъ моего горла: теперь я поняла, почему мнѣ такъ непріятенъ его голосъ.

— Постойте, выслушайте меня. Моя исторія не длинна. Я не имѣлъ понятія о томъ, кто была эта легкомысленная, капризная дѣвушка; впослѣдствіи я узналъ, что она по праву или нѣтъ носила то же имя, какъ и я. Я потерялъ ее изъ виду въ Веронѣ, но въ то же лѣто увидѣлъ ее позже, въ обществѣ странствующаго актера и опять выпустилъ ее. Что мнѣ было до нея? Около этого же времени, вслѣдствіе нѣсколькихъ смертей и разныхъ случайностей въ моей фамиліи, земли и титулъ перешли къ тому, отъ кого давно отреклись всѣ родные за его распутную жизнь—къ изношенному, обнищавшему игроку, которому досталось, такимъ образомъ, громадное состояніе. Я зналъ его, такъ какъ приходился ближайшимъ его родственникомъ, а въ его дочери узналъ свою старинную знакомую изъ маскарада въ Веронѣ. За тѣмъ—хотя это очень глупо съ моей стороны—я влюбился въ нее. Да, я люблю ее, въ этомъ клянусь, и все, что можетъ предложить мужчина любимой женщинѣ, я предлагаю ей. Но если она будетъ отворачиваться отъ меня, если она на мои слова будетъ отвѣчать отказомъ, съ своей надменной граціей, въ которой, до сихъ поръ, еще такъ много дикости, то пусть она бережется, потому что, хотя она и держитъ себя по королевски, она только незаконнорожденное дитя и хотя никто не знаетъ этого, кромѣ меня, ея мать, флорентинская пѣвица, не была замужемъ.

Вся кровь прилила къ моему лицу. Не помня себя, я ударила его по лицу вѣтвью гранатнаго дерева, которую держала въ рукахъ.

— Это ложь! закричала я.

Онъ отодвинулся отъ меня, блѣдный, какъ смерть, и, низко кланяясь, сказалъ:

— Подите, спросите вашего отца.

— И вы смѣете вызывать меня на это!

— Подите, спросите, повторяетъ онъ со спокойной улыбкой.

Я пошла. Нѣтъ сомнѣнія, въ моей наружности выражалось сильное волненіе; лицо мое горѣло, я чувствовала себя потерянной; меня била лихорадка.

— Правда ли это спросила я.

Отецъ посмотрѣлъ мнѣ въ лицо, съ едва замѣтной улыбкой.

— Что такое? спросилъ онъ.

— Что моя мать не была вашей женой?

— Что-жъ изъ этого? отвѣчалъ онъ;—Маріучія считала ее моей женой. Считай и ты, если тебѣ этого хочется.

Мой собственный голосъ душитъ меня, когда я говорю:

— Маріучія считала ее женой. Значитъ это была ложь? Это вашъ отвѣтъ.

Онъ холодно посмотрѣлъ на меня.

— Она была пѣвицей. Я не могъ жениться на ней. И для чего? Ты бы никогда не узнала этого, еслибъ была умнѣе и слушала своего кузена. Подобныя вещи легко скрыть въ одной и той же фамиліи, но если онѣ становятся извѣстными постороннимъ, онѣ причиняютъ много хлопотъ, необходимо бываетъ открывать истину. И что-же тебѣ-то до этого? У тебя есть все. Тебя зовутъ леди, никто не пробовалъ еще проникнуть въ нашу тайну. Денегъ я тебѣ могу оставить не мало, дорогихъ украшеній у тебя очень много. Я люблю тебя, Нелла. Ты хороша, какъ картина, твоя грація очаровательна и мужчинъ ты дурачишь, съ чисто женскимъ искуствомъ; но, послушай меня, выходи за своего кузена. Съ его стороны не будетъ разспросовъ, старое имя укрѣпится за тобою безъ всякихъ зловѣщихъ преградъ. Маріучія была слѣпая, глупая старуха; она воображала, что твоя мать моя законная жена, и кто бы сталъ разубѣждать ее въ этомъ? Ба, зачѣмъ ты на меня такъ смотришь. Я никогда не говорилъ лжи. Выходи за твоего кузена и никто не узнаетъ объ этомъ? Это умретъ съ вами.

Я молчу.

Мой отецъ встаетъ со своего покойнаго сидѣнья, съ безпокойствомъ, которое въ первый разъ на моихъ глазахъ заступаетъ мѣсто ясной безмятежности и хочетъ погладить меня по волосамъ. Но я въ испугѣ отодвигаюсь отъ него.

— Нелла, милое дитя, зачѣмъ принимать все такъ близко къ сердцу? сказалъ онъ съ полунасмѣшкой, съ полусожалѣніемъ.—И въ чемъ ты можешь пожаловаться на меня? Навѣрное, ни въ чемъ. Большая часть отцовъ, на моемъ мѣстѣ, заперли бы тебя въ монастырь, или выучили какому-нибудь ремеслу, или же оставили, какъ модель, на жертву твоимъ друзьямъ живописцамъ. Я же обращался съ тобой, какъ съ моей наслѣдницей. И я — я обѣщалъ твоей матери при ея смерти — никому не говорить о твоемъ происхожденіи, даже твоему другу, странствующему актеру, который съ фуріей настоящаго безумнаго итальянца, упрекалъ меня въ нерадѣніи къ моимъ родительскимъ обязанностямъ. И никто не знаетъ, кромѣ твоего кузена, открывшему тайну въ Веронѣ, по твоей же опрометчивости. Онъ глубоко, искренно любитъ тебя, но если ты вооружишь его противъ себя, чѣмъ я могу помочь тебѣ? Ничѣмъ. Онъ поразитъ тебя страшнымъ оружіемъ — истиной. И ты почувствуешь свое паденіе. Ты сыпала золото по королевски, ты изъ тѣхъ дикихъ, капризныхъ, безполезныхъ созданій съ хорошенькимъ личикомъ и голосомъ птички, которыя любятъ свѣтъ только тогда, когда онъ устланъ мягкими бархатными коврами. Будь же умна, пользуйся временемъ, укрѣпи за собой мѣсто леди, выходи замужъ за кузена.

Съ этими словами отецъ ушелъ изъ комнаты, утомленный непріятнымъ для него разговоромъ.

Неужели же все въ мірѣ—ложь?

Что я чувствую? Едва ли я сама знаю. Я дѣйствую подъ вліяніемъ язвительнаго, горькаго, всепожирающаго стыда, который жалитъ меня, какъ укушеніе скорпіона.

О, бѣдное, безумное дитя, сидѣвшее на поломанной лѣстницѣ за чищеніемъ бобовъ у ногъ Маріучіи, величавшееся славнымъ прошлымъ и такимъ же будущимъ, къ которому призвано золотою, волшебной цѣпью рожденія. О, тщеславная мечтательница, глупѣе ребенка выдувающаго мыльные пузыри на солнцѣ, пришедшая сюда черезъ горы съ нѣсколькими гульденами въ карманѣ, въ полной увѣренности, что блестящая судьба откроетъ тебѣ свои объятія какъ скоро ты войдешь во врата юга!

А моя бѣдная мать! Посреди горькаго разочарованія глаза мои наполняются жгучими слезами, при мысли о ней, о ея позорѣ! Боже, я не осуждаю ее! Вѣроятно, ея вина — вина любви была чище и невиннѣе моей алчности богатства и титула.

Мой кузенъ раздвигаетъ руками олеандры, входитъ и смотритъ на меня.

— Ну, такъ какъ-же? тихо спрашиваетъ онъ.— Видите, я сказалъ вамъ правду. Какъ же теперь: да или нѣтъ?

Какъ тигрица, я повертываюсь къ своему преслѣдователю. Во мнѣ является страстное желаніе ударить его по лицу, какъ я сдѣлала это въ сумерки зимняго дня въ Веронѣ.

— Нѣтъ, кричу я ему.— Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Неужели вы думаете, что моя боязнь сильнѣе ненависти. Вы очень ошибаетесь. Нѣтъ, говорю я. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Слышите ли вы? Нѣтъ, хотя бы пришлось мнѣ сейчасъ умирать.

Въ эту минуту я такое же оскорбленное, разсерженное дитя, какъ и то, которое бѣжало отъ него въ сумерки по веронскимъ улицамъ.

Не прибавляя болѣе ни слова, я ухожу въ свою комнату, замыкаю за собою дверь и срываю съ себя, какъ бѣшенная, мой великолѣпный, красный съ золотомъ костюмъ. Блестящая юбка падаетъ разорванной, драгоцѣнный шлейфъ смятъ,

Картина КАРЛА РАУППА.

У берега.

какъ оторванные бурею листья. Я сбрасываю драгоцѣнные каменья съ головы и груди, вырываю бриллянтовую розу изъ волосъ. Всѣ эти вещи мнѣ кажутся постыдными, ненавистными, отвратительными; это подарки моего отца и потому, по справедливости, мои, но они для меня прокляты, какъ плата за смерть и позоръ моей матери. Между мной и отцомъ нѣтъ болѣе ничего общаго. Законъ мнѣ не даетъ права надъ нимъ, не хочу и я признавать его правъ надо мной. Вся моя душа возмущается, что я ѣла его хлѣбъ, тратила его золото. Мною овладѣваетъ сумасшедшее рѣшеніе. Я не останусь здѣсь, чтобы подвергаться насмѣшкамъ женщинъ, надъ которыми царила, и улыбкамъ мужчинъ, лежавшимъ у моихъ ногъ. Ни часу болѣе не хочу я оставаться въ этомъ второмъ раю лжи, который сладко усыплялъ меня, какъ цвѣтокъ ядовитаго упаса. Я безполезное существо. Да, это правда. Но у меня еще есть голосъ. Имъ восхищались при дворахъ, теперь имъ будутъ восхищаться всѣ. Я могу сдѣлаться опять прежней учелло. Ахъ, нѣтъ! это невозможно. Я не могу сдѣлаться опять прежнимъ беззаботнымъ ребенкомъ съ веселыми пѣснями, для внимательно-слушающихъ тосканцевъ.

Наступилъ вечеръ. Солнце закатилось. Ночныя тѣни покрыли высоты Санта-Маргарита. Оставляя позади себя все, что я имѣла, каждую золотую монету, каждый камень, каждую бездѣлушку, всѣ мои драгоцѣнные наряды, брилльянты, которымъ нѣтъ цѣны, я завертываюсь въ темный плащъ, набрасываю на голову вуаль и безъ мѣдной монетки въ карманѣ, отмыкаю калитку сада и выхожу. На порогѣ я останавливаюсь и бросаю взглядъ назадъ. Обширныя комнаты ярко освѣщены. Оставляю ли я ихъ съ сожалѣніемъ? Нѣтъ. Вся моя жизнь сгорѣла со стыда, вся моя душа выболѣла отъ лжи. Но посреди всего этого я чувствую, какъ по мнѣ пробѣгаетъ радостная дрожь. Вся эта роскошь большого свѣта была для меня позолоченнымъ рабствомъ. Я жажду свѣжаго вѣтра, дикихъ холмовъ, милой свободы, нестѣсненнаго движенія и мирнаго сна послѣ дневной усталости. И въ тоже время, о Боже! я содрогаюсь при мысли, что моя жизнь будетъ одинока, всегда одинока. Я буду видѣть восходъ солнца сквозь слезы, вокругъ меня на землѣ будетъ вѣчное безмолвіе, потому что для меня нѣтъ больше «Любви».

Не думая о томъ, что можетъ выпасть на мою долю, безъ гроша въ карманѣ, чтобы найти уголъ, куда приклонить свою усталую голову, я выхожу изъ сада, прохожу черезъ лѣсъ, какъ сломанный цвѣтокъ, колеблемый вѣтромъ, и направляюсь къ городу. Они думаютъ, что я сижу въ своей комнатѣ, сегодня меня не будутъ искать, а завтра я буду далеко отсюда, отыскивая какой-нибудь работы. Мнѣ не на что даже купить себѣ кусокъ хлѣба.

Конечно, я была въ такомъ же положеніи въ этомъ самомъ городѣ, когда сидѣла и рыдала подъ деревьями, какъ нищая; но тогда у меня были мои золотые сны, все мнѣ казалось возможнымъ. А теперь у меня нѣтъ даже и надежды, одна только засохшая роза, которую я завѣщаю положить со мной въ гробъ, какъ старая Жіудетта. Боже! неужели тутъ все мое будущее.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

На дальнемъ Западѣ.

Путевые наброски Сѣверной Америки.

Ст. А. И. Елишева.

(*Продолженіе.*)

III.

По Южному Канзасу.

Весна.—Піонерскіе поѣзда.—Американская система колонизаціи.—Актъ о даровомъ надѣлѣ.—Излюбленныя мѣста переселеній.—Близкое истощеніе запаса свободныхъ земель.—Великая Американская пустыня.—Въ путь-дорогу!—Русскій Б. и его гостинница.—Индепенденсъ.—На жатвѣ.—„Толока".—Жатвенныя машины.—Воскресенье у фермера.—Вопросъ о бумажныхъ деньгахъ.—Какъ малыя хозяйства пользуются машинами.—Обширное хозяйство.—Симпатіи американцевъ къ Россіи.—Земледѣліе перестаетъ быть тяжкимъ трудомъ.—Двѣ недѣли пахоты.—Положеніе врачей въ Соед. штатахъ.—Отношеніе американцевъ къ религіознымъ дѣламъ.—Католицизмъ.—Гостепріимство.—На молотьбѣ.—Къ мировому!

Во всякомъ чисто земледѣльческомъ краѣ весна—время всеобщаго пробужденія, время хозяйственныхъ плановъ и мечтаній, и начало оживленной дѣятельности. Въ западной Америкѣ это, кромѣ того, время переселеній. Когда на голубомъ весеннемъ небѣ покажутся, вытянувшіяся съ юга на сѣверъ, вереницы перелетныхъ птицъ, по грязной, еще голой, землѣ съ востока на западъ тянутся бѣлые піонерскіе фургоны. Неповоротливые быки, увязая въ растворившемся черноземѣ, медленно тащатъ эти, «корабли пустыни»—Prairie Schooner — по едва пробитой степной дорогѣ. Возлѣ идетъ, погоняя и покрикивая на животныхъ, самъ хозяинъ. Въ передней части телѣги, часто стоитъ маленькая чугунная печь, а сзади привязаны 2—3 стула — первая мебель поселенца. Изъ-за бѣлыхъ полотняныхъ покрышекъ выглядываютъ загорѣлыя на весеннемъ солнце дѣтскія лица. Обозъ состоитъ изъ 10—30 телѣгъ; въ дальній и опасный путь ихъ собирается больше. По сторонамъ и сзади, молодые фермера и дѣвушки верхами гонятъ скотъ. Ѣдутъ люди съ большими семьями, ѣдетъ и, только что начинающая свою самостоятельную жизнь, молодежь. У всѣхъ у нихъ одна вѣра, одни надежды и помыслы: «Тамъ, гдѣ-то далеко, на западѣ, еще довольно земли; всякій найдетъ тамъ отличный участокъ, благодатная почва котораго всѣхъ накормитъ и напоитъ, всякій найдетъ тамъ свой «домъ»... А черезъ 2—3 года трудовъ, явится излишекъ, возможность окружить себя нѣкоторымъ комфортомъ, построить для дѣтей школу. Только вотъ какъ индѣйцы... Ну, да у насъ столько здоровенныхъ и храбрыхъ ребятъ! Одинъ долговязый Томъ уберетъ десятокъ индѣйцевъ»...

Американецъ избалованъ обиліемъ земли. Если изъ пяти участковъ данной мѣстности занятъ одинъ, онъ уже жалуется, что ему тѣсно и его тянетъ дальше на западъ. Отсюда-то это постоянное движеніе съ востока, движеніе не только изъ старыхъ, густо населенныхъ штатовъ, но и изъ малонаселенныхъ еще прерій, на западъ отъ Миссисипи.

Американское законодательство относительно свободныхъ государственныхъ земель, имѣющее постоянно въ виду устранить всѣ искуственныя преграды къ равномѣрному распредѣленію населенія по территоріи союза, болѣе всего способствуетъ этимъ переселеніямъ. Вотъ главныя основанія колонизаціонной системы Соед. штатовъ. Вся земля, принадлежащая Уашингтонскому правительству, дѣлится на квадраты, называемые городовыми округами — townships — линіями, соотвѣтствующими градусамъ широты (Base lines) и долготы (Range lines). Эти линіи идутъ на разстояніи 6 миль одна отъ другой и, слѣдовательно, одинъ township имѣетъ 36 кв. миль. Каждая изъ этихъ квадратныхъ миль называется Section и имѣетъ 640 акровъ. Одна четвертая часть Section—160 акровъ—составляетъ одинъ участокъ—количество земли, признаваемое законодательствомъ, соотвѣтствующимъ рабочимъ силамъ одного семейства.

Всѣ, размежеванныя такимъ образомъ, государственныя земли могутъ быть пріобрѣтены слѣдующими путями:

1) Нѣкоторые участки, особо назначаемые президентомъ, продаются съ публичныхъ торговъ. Если же за недостаткомъ покупателей, они останутся за правительствомъ, то ихъ разрѣшаютъ продавать и безъ публичныхъ торговъ всякому, кто дастъ опредѣленную сумму за акръ.

2) Если поселенецъ безъ всякаго разрѣшенія со стороны правительства поселится на участкѣ государственной земли и обработаетъ извѣстную его часть, онъ можетъ, пользуясь правомъ первой купли (preemtion right), пріобрѣсти его по опредѣленной цѣнѣ *). Этимъ порядкомъ не могутъ пріобрѣтать земли лица, покинувшія свои собственныя имѣнія въ томъ же штатѣ, съ тѣмъ, чтобы поселиться на правительственной землѣ, а также вообще собственники 320 акровъ на территоріи Соед. штатовъ.

3) Но главное основаніе всѣхъ узаконеній о государственныхъ земляхъ составляетъ актъ о даровомъ надѣлѣ, такъ называемые Homestead Act. Вотъ его сущность: всякій гражданинъ Соед. штатовъ, въ возрастѣ 21 года или иностранецъ, пожелающій сдѣлаться гражданиномъ и исполнившій, требуемыя въ этомъ случаѣ закономъ, формальности, имѣетъ право занять правительственный участокъ въ 160 акровъ земли, цѣною 1 д. 25 центовъ или въ 80 акровъ цѣною въ 2 д. 50 центовъ за акръ. Вмѣсто всякой платы законъ требуетъ, чтобы поселенецъ далъ письменное клятвенное обѣщаніе, что онъ беретъ надѣлъ собственно для себя, для поселенія и обработки. Проживъ пять лѣтъ на участкѣ, обработавъ извѣстную его часть и не отлучаясь въ теченіи этого времени, болѣе чѣмъ на 6 мѣсяцевъ изъ своей фермы, поселенецъ пріобрѣтаетъ его въ полную собственность. Земли, доставшіяся этимъ путемъ, не подлежатъ публичной продажѣ за долги, сдѣланные ихъ владѣльцемъ прежде полученія патента на полную собственность участка. На основаніи права первой купли (preemtion right) и закона о даровомъ надѣлѣ, землю можно брать только разъ въ жизни. Въ южныхъ штатахъ правительственныя земли могутъ быть пріобрѣтены только на основаніи послѣдняго акта. Предполагаютъ и по всему союзу замѣнить имъ всѣ остальные способы пріобрѣтенія земли.

Результаты этой системы колонизаціи оказались вполнѣ соотвѣтствующими желаніямъ американцевъ. Пустынныя преріи запада быстро заселяются и, какъ выражается одинъ національный поэтъ, «шире и шире покрываютъ землю волны человѣческаго моря».

Эти людскіе потоки переселеній каждый годъ принимаютъ нѣсколько излюбленныхъ направленій. Еще такъ недавно мѣстомъ, куда преимущественно отправлялись эмигранты, была Калифорнія, потомъ Айоэ, Канзасъ, Тексасъ, Небраска, а въ эту весну много народу двинулось въ почти еще не населенную, лѣсистую территорію Уашингтонъ. Говорятъ, что всякому, владѣющему хорошо топоромъ, заработокъ тамъ обезпеченъ. Одинъ сосѣдній фермеръ продавалъ свою землю и собирался на мулахъ поселиться туда черезъ почти весь американскій материкъ и скалистыя горы. Это ему казалось выгоднѣе, чѣмъ ѣхать съ большой семьей по желѣзной дорогѣ. Кромѣ того много фургоновъ шло въ территорію Аризону.

Когда я смотрѣлъ на эти двигавшіеся мимо поля, гдѣ я работалъ, поѣзда піонеровъ, мнѣ невольно приходило въ голову, что вѣдь будетъ же конецъ этимъ переселеніямъ на новыя мѣста, будетъ конецъ этимъ новымъ мѣстамъ. И онъ наступитъ гораздо скорѣй, чѣмъ многіе думаютъ. Хотя площадь незанятой земли еще велика, но это уже не тѣ благодатныя преріи, на которыхъ расположились штаты Иллинойсъ и Айоэ. Генералъ арміи Соед. штатовъ, Газенъ, долго жившій въ западныхъ территоріяхъ, говоритъ **), что удобная земля этого края уже вся занята, оставшіяся же пространства должны быть причислены, къ такъ называемой, Великой Американской пустынѣ, (Great American Desert), которой по безплодію еще въ теченіи многихъ вѣковъ, если не

*) По цѣнѣ всѣ земли раздѣлены на два класса: по 1 д. 25 центовъ и по 2 дол. 50 центовъ за акръ.

**) Homes in Arkansas, St. Louis, 1876 г. стр. 22.

вѣчно, суждено оставаться дикой и необработанной. Такимъ образомъ, $^1/_3$ Техаса и Канзаса, половина Небраски, $^7/_8$ Дакоты, $^1/_5$ Миннезоты, вся Новая Мексика, Колорадо, Айомингъ, Монтана, Идаго, Утахъ, Аризона и Невада и $^2/_3$ Калифорніи, Орегона и Уашингтона — пространство, составляющее 1.200,000 квад. миль или почти половину всей территоріи союза, на которомъ могло бы помѣститься 40 такихъ штатовъ, какъ Индіана, совершенно не годны для земледѣлія. Удобная же земля въ немъ небольше, чѣмъ занимаетъ площадь равную штату Огайо. Остальное пространство; если и удобно для скотоводства, то все-таки трава на немъ такъ бѣдна, что 100 его акровъ могутъ прокормить не болѣе скота, чѣмъ 1 акръ плодородной почвы въ штатахъ Иллинойсѣ и Айоэ. Но дѣйствительное богатство этого края заключается въ его минералахъ, отъ разработки которыхъ зависитъ все его будущее.

Я слишкомъ зажился у своего земляка, у котораго я поселился въ послѣднее время. Давно пора было въ путь-дорогу, давно хотѣлось на родину послѣ полутора годовыхъ скитаній. Пробывъ много времени въ одномъ мѣстѣ, мнѣ слѣдовало наверстать его быстрѣе, чѣмъ прежде, подвигаясь впередъ на востокъ. Сборы въ путь были не долги и я, отправивъ накопившіяся у меня книги и вещи съ дилижансомъ до Индепенденса, опять съ своей сумкой, пледомъ и револьверомъ пустился въ дорогу. Я рѣшилъ не гнаться теперь особенно за работой и только браться за нее за хорошую плату.

Почти во весь первый переходъ мѣстность была чрезвычайно гориста. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ холмы усыпаны сплошь камнями, между которыми пустилъ свой корень низкорослый и коренастый дубнякъ—такъ называвшій black jack.

Дорогу пересѣкаютъ частые ручьи.

Въ лощинкахъ, ими образуемыхъ, пріютились маленькія фермы, имѣвшія совершенно другой видъ, чѣмъ въ преріи. Онѣ утопали въ темно-зеленой, блестящей листвѣ, окружавшихъ деревьевъ. Не смотря на то, что я старался не брать ничего лишняго, моя дорожная сумка оказалась слишкомъ тяжелой. Поздно вечеромъ я едва дошелъ до городка Перу, гдѣ одинъ русскій, нѣкто Б., недавно открылъ гостинницу. Онъ сидѣлъ на террасѣ своего новаго дома и въ самомъ благодушномъ настроеніи наслаждался прелестнымъ весеннимъ вечеромъ. Вѣроятно, онъ мечталъ о томъ, скоро ли сдѣлаетъ пристройку, чтобы принимать больше путешественниковъ, скоро ли уплатитъ остальную сумму за домъ, купленный въ разсрочку... А вотъ, какъ пойдетъ черезъ Перу желѣзная дорога, о тогда!..

Б. поселился въ этомъ городкѣ всего мѣсяца два тому назадъ, съ цѣлію открыть гостинницу. Дѣла его шли великолѣпно; онъ самъ не ожидалъ такого успѣха. Бывшая тутъ плохенькая и грязненькая гостинница уже потеряла всѣхъ своихъ гостей, которые останавливались теперь у Б. Кромѣ того нѣкоторые изъ горожанъ имѣли у него постоянный столъ. Послѣднее время среди городского населенія въ Соед. штатахъ все болѣе и болѣе начинаетъ входить въ обычай имѣть столъ, а иногда и жить, въ гостинницахъ, даже семейнымъ людямъ. Въ этомъ невинномъ фактѣ, мы, конечно, не можемъ, подобно, г. Жанне, видѣть признака «развращенія нравовъ».

На другой день рано утромъ я разстался съ земляками. Наступила страдная работа — жатва пшеницы. Этотъ хлѣбъ снимаютъ здѣсь раньше сѣнокоса. Чѣмъ дальше подвигаешься на востокъ, тѣмъ гуще становится населеніе и фермы. Больше воздѣланной земли и меньше преріи. Вездѣ на поляхъ видны люди и трещатъ жатвенныя машины. Не смотря на то, что кругомъ было, повидимому, много дѣла, сколько я ни спрашивалъ работы, посылаютъ все дальше. Такимъ образомъ, я къ вечеру дошелъ до г. Индепенденса, гдѣ оканчивается вѣтвь желѣзной дороги въ южный Канзасъ. Кругомъ этого города, какъ мнѣ говорили, было особенно много пшеницы. Въ гостинницѣ, я за завтракомъ въ первый разъ увидѣлъ негра за однимъ столомъ съ бѣлымъ. Въ Америкѣ это возможно только на крайнемъ западѣ, къ почвѣ котораго еще не успѣли привиться закорелые предразсудки. Въ штатѣ Нью-Іоркъ, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ безобразной сцены, когда толпа бѣлыхъ заставила своими насмѣшками выйти вонъ негритянку, сѣвшую было въ общественную карету. Несомнѣнно, что умственный уровень массы негровъ будетъ еще долго ниже, чѣмъ у бѣлыхъ. Но все-таки совершенно необъяснима та антипатія, которую питаютъ эти расы другъ къ другу. Не смотря на всѣ столь громко заявленные принципы равенства людей, безъ различія цвѣта кожи, до сихъ поръ еще негры имѣютъ храмы и школы отдѣльно отъ бѣлыхъ. Орденъ массоновъ, ревнитель равенства и братства, также предписываетъ черно, кожимъ группироваться въ отдѣльныя ложи. На улицѣ въ Индепенденсѣ я нашелъ много фермеровъ, которые пріѣхали въ городъ нарочно за рабочими. Но поденная плата на жнивѣ была вовсе не такъ высока, какъ я предполагалъ. За вязку сноповъ предлагали по $1^1/_2$ дол. въ день на готовыхъ харчахъ. Мнѣ уже представлялось нѣсколько случаевъ попасть на жатву, но когда я говорилъ, что еще отъ роду не вязывалъ сноповъ, меня отказывались взять на работу. Но, наконецъ, я нашелъ таки охотника поучить меня этому искуству. Мнѣ дали по $1^1/_4$ дол. въ день. Тутъ же я усѣлся на ресорные козлы зеленаго фермерскаго фургона и поѣхалъ съ своимъ новымъ хозяиномъ. Его ферма была всего миляхъ въ 4—5 отъ города въ долинѣ рѣки Сикоморы. Переѣхавъ эту рѣчку по желѣзному висячему мосту и выбравшись изъ прибрежнаго густого и высокаго тростника на маленькій пригорокъ, мы увидѣли всю долину, какъ на ладони. Это было одно громадное поле пшеницы, раскинувшееся по обѣимъ сторонамъ небольшого, скрываемаго кустами, ручья. Тамъ и сямъ по полю виднѣлись бревенчатыя дома. По узкой, прямой дорожкѣ, между двумя стѣнами хлѣбовъ, подъѣхали мы къ утопавшей въ золотистой пшеницѣ, хаткѣ моего хозяина. На маленькомъ дворѣ была только одна, окруженная кучами навоза, конюшня, да жатвенная и сѣяльная машины. Мы пріѣхали вечеромъ и я, сильно уставъ, хотѣлъ только лечь поскорѣе спать. Мнѣ и другому рабочему приготовили постели на чердакѣ.

О, Алекъ! чуть свѣтъ окликнулъ меня хозяинъ. Послѣ завтрака мы стали запрягать лошадей. Въ это время пришли еще четверо сосѣднихъ фермеровъ. У американцевъ также очень въ ходу обычай, называемый въ Россіи «помочью» или «толокой». На такія работы, какъ жниве, молотьба и проч., гдѣ нужно сразу большое количество рукъ, фермеръ приглашаетъ сосѣдей, а потомъ самъ отработываетъ имъ такое же количество дней.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Производство индѣйскихъ шалей на всемірной парижской выставкѣ.

Положеніе Европы натянуто, берлинскій конгрессъ, въ сущности, не приводитъ ни къ какимъ выводамъ, всѣ опасаются за будущее, но тѣмъ не менѣе парижская выставка — это мирное состязаніе народовъ—привлекаетъ вниманіе всѣхъ, заставляя хотя на минуту забыть о завтрашнемъ днѣ. Мы уже представили нашимъ читателямъ нѣсколько картинъ этой выставки: «Ночныя работы на выставкѣ», «Пріемъ президентомъ иностранныхъ гостей», «Общій видъ выставки съ птичьяго полета», «Главный входъ на выставкѣ», «Русскій павильонъ», русскіе картины, посланыя на выставку, статуя Доре и двѣ итальянскія группы, красующіяся на выставкѣ, все это наши читатели уже имѣютъ передъ собою. Въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала, мы помѣщаемъ картину «Работы индійцевъ на выставкѣ» и эта картина, снята съ натуры, требуетъ объясненія.

Цѣлыя массы посѣтителей парижской выставки останавливаются передъ мастерской, гдѣ совершается производство индѣйскихъ шалей въ одной изъ галерей зданія. Два работника-индійца работаютъ здѣсь на глазахъ у публики, приготовляя тѣ знаменитыя кашемировыя шали, которыя, не смотря ни на какую конкуренцію, изготовляются только въ Индіи. Смотря на способъ этой работы и на ея медленность, можно только удивляться, что эти шали не цѣнятся еще дороже. Узоръ этихъ шалей дѣлается при помощи ручной работы; ткачъ сидитъ здѣсь за крошечнымъ станкомъ, въ квадратный метръ величины и, при помощи шерстей различныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, выдѣлываетъ узоры на каймахъ въ 30 сентиметровъ шириною. Узоры выдѣлываются не по извѣстному нарисованному рисунку, но по рукописи, въ которой, какъ въ модныхъ журналахъ, указано, что и какъ долженъ онъ дѣлать, чтобы вышелъ извѣстный узоръ. Когда каймы готовы,—онѣ переходятъ въ руки другого работника, соединяющаго ихъ вмѣстѣ. Потомъ къ шалѣ придѣлывается бахрома—и шаль готова. Индіецъ, находящійся подлѣ ткача, производитъ только вышитыя шали—чудеса тонкости и изящества, возбуждающія зависть всѣхъ посѣтительницъ выставки. Только посмотрѣвъ на способы производства индійскихъ шалей, понимаешь, почему онѣ стоятъ на столько дороже европейскихъ шалей, изготовляемыхъ фабричными способами.

Пестролиственныя растенія.

Въ послѣднее время, любители садоводства обратили особенное вниманіе на разведеніе пестролиственныхъ растеній, продающихся подъ общимъ моднымъ названіемъ «panachées». Мода на нихъ такъ сильна, что едва ли не ежедневно появляются объявленія о новомъ видѣ «panachée», при чемъ особенно усердствуютъ голландскіе садоводы. Въ спеціальной газетѣ ихъ «Sempervirens», постоянно помѣщаются изображенія новыхъ, затѣйливо-испещренныхъ растеній въ этомъ родѣ, что служитъ лучшимъ доказательствомъ той быстроты, съ которою «panachées» находятъ своихъ цѣнителей,—и той выгоды, разумѣется, которую извлекаютъ изъ ихъ разведенія профессіональные садоводы.

Покупатели не подозрѣваютъ, однако, что пестрота листьевъ, такъ восхищающая ихъ, ничто иное, какъ болѣзнь, своего рода «бѣлокровіе». Такимъ образомъ, намъ слѣдовало бы смотрѣть на эти модныя украшенія нашихъ садовъ и жилищъ не съ удовольствіемъ, а съ состраданіемъ,—какъ на слишкомъ блѣднолицыхъ женщинъ; различіе болѣзни только въ томъ, что она происходитъ не отъ недостатка желѣза въ организмѣ, какъ то бываетъ при человѣческомъ бѣлокровіи. Настоящія причины сказанной болѣзни у растеній не выяснены еще, но извѣстно, что растенія, выведенныя въ темнотѣ, дѣлаются блѣдными, что доказывается опытами надъ картофелемъ, посаженнымъ въ подвалѣ. Это явленіе основывается на томъ, что хлорофиловыя зерна растительныхъ клѣточекъ производятъ только подъ вліяніемъ свѣта крахмальныя зерна, дающія основное питательное вещество для питанія клѣтчатки. Эти хлорофиловыя зерна должны

воспринимать изъ воздуха углекислоту (какъ газообразное питательное вещество); эта послѣдняя разлагается лишь подъ вліяніемъ воздуха на углеродъ и кислородъ, причемъ, первый идетъ на питаніе растенія, а кислородъ возвращается, въ видѣ озона, въ атмосферу, служа для оживленія животнаго міра. На основаніи этого, можно понять причину блѣдности у растеній: въ блѣдной зелени или вовсе нѣтъ хлорофиловыхъ зеренъ, или они почему либо остаются неспособными воспринимать углекислоту и образовать крахмалъ. Но чѣмъ именно вызывается это болѣзненное состояніе листьевъ, еще вопросъ нерѣшенный. Мы знаемъ только, что хлорофиловыя (растительно-зеленыя) зерна равносильны кровянымъ тѣльцамъ въ нашемъ организмѣ, съ тѣмъ различіемъ, что первыя воспринимаютъ углекислоту, а вторыя—кислородъ. На этомъ явленіи основывается сходство между бѣлокровіемъ растеній и человѣка.

Растительное «бѣлокровіе» (употребляемъ это слово за неимѣніемъ лучшаго) извѣстно съ давнихъ временъ. Къ числу пораженныхъ имъ растеній принадлежитъ красивая, знакомая всѣмъ, ленточная трава, болѣзненный видъ которой отличается такимъ постояннымъ характеромъ, что Линней принималъ ее за особую породу «Phalaris picta» между тѣмъ, какъ это та же обыкновенная, европейская «Phalaris arundinaca», но пораженная болѣзнью, вслѣдствіе которой она покрыта бѣлыми полосами. Изъ иноземныхъ растеній, извѣстно тоже давно японская «Aucuba» съ пестрыми желтоватыми листьями.

Пестролиственныя растенія получаютъ свое болѣзненное расположеніе наслѣдственно, но преимущественно при разведеніи отсадками, а не черезъ сѣмяна. Новѣйшія разновидности получены всѣ черезъ отсадки.

У нѣкоторыхъ растеній листья даже не испещрены только пятнами, а бѣлѣютъ вполнѣ или цѣлыми частями. Эта уродливость находитъ тоже любителей. Вообще, пестролиственники представляютъ замѣчательное явленіе, потому что отличаются не только разнообразіемъ своихъ узоровъ, но иногда и своей красивостью. Нѣкоторые рисунки, повторяясь неизмѣнно, вполнѣ естественнымъ путемъ, составляютъ отличительный признакъ извѣстныхъ породъ. Таковы, напр., серебристыя пятна на листьяхъ бигоніи. Садоводы употребляютъ всякія усилія съ цѣлью усовершенствовать подобныя образованія, что и достигнуто ими въ «Bigonia rex». Смотря по узорамъ, пестролиственныя растенія носятъ названія «мраморныхъ», «полосатыхъ (зебровыхъ)», «пятнистыхъ», «мозаичныхъ», «серебристыхъ», «двуцвѣтныхъ», «трехцвѣтныхъ» и т. д.

Названіе «пестролиственниковъ» не строго научное, а практично-садовое, потому что къ этой интересной группѣ относятся различныя растенія, и притомъ не только травы, но кусты, и даже деревья, что позволяетъ составлять изъ нихъ самыя разнообразныя садовыя украшенія. Нашъ рисунокъ даетъ понятіе объ эфектѣ подобной группировки зелени, хотя, разумѣется, понятіе слабое, по причинѣ отсутствія красокъ, составляющихъ главную красоту этихъ прихотливыхъ узоровъ. На рисункѣ представлены нами лишь нѣкоторые виды изъ семействъ мѣтельковыхъ: (Tillandsia musaica), стручковыхъ (Erythrina parcellii), древовидныхъ проскурняковъ (Abutilon sellovanium), безлепестныхъ (Dieffenbachia Brasiliensis), древовидныхъ молочаевъ (Croton majesticum) и фиговыхъ (Ficus parcellii), Но какъ ни прекрасны клумбы и бордюры изъ такихъ растеній, здравый вкусъ требуетъ разнообразія и здѣсь: пестролиственники должны непремѣнно оттѣняться одноцвѣтною зеленью, иначе произойдетъ пестрота, утомительная для глаза и при которой потеряется самая прелесть фантастическихъ узоровъ, представляемыхъ этими любопытными растеніями.

Рѣзня въ Чараганскомъ дворцѣ.

Помѣщенный въ прошломъ нумерѣ нашего журнала рисунокъ, представляетъ одну изъ кровавыхъ сценъ, не разъ повторявшихся въ Константинополѣ въ послѣднее время. Въ концѣ мая с. г. сторонники экс-султана Мурада явились во дворецъ Чараганъ, въ которомъ жилъ Мурадъ, съ цѣлью заставить этого послѣдняго стать во главѣ возстанія. Около двухсотъ человѣкъ, подъ начальствомъ нѣкоего Али-Суави, темной и мало-извѣстной личности, 20 мая, силою вторгнулось въ Чараганскій дворецъ Мурадъ, не подозрѣвая намѣренія толпы, вышелъ на встрѣчу и спросилъ, что имъ угодно.—Иди съ нами, воскликнулъ Али-Суави, — провозгласимъ тебя султаномъ въ Топъ-Капу, гдѣ народъ уже ждетъ тебя!

Братъ султана не особенно охотно принялъ это предложеніе. Али-Суави тогда схватилъ его за руку и силою старался увести съ собою.

Между тѣмъ полиція, подъ начальствомъ Гасанъ-бея, подоспѣла во дворецъ. Тогда началась ужасная рѣзня въ буквальномъ смыслѣ. Кровь лилась потоками. Али-Суави подъ ударами штыковъ палъ однимъ изъ первыхъ. Не прошло получаса—а залы и садъ Чараганскаго дворца были усѣяны трупами.

Національный праздникъ въ Парижѣ.

18 (30) іюня 1878 года останется вѣчно памятнымъ днемъ для французовъ и занесется во французскую историческую хронику, какъ счастливый, отрадный день народнаго торжества. Въ этотъ день Парижъ, а съ нимъ и вся Франція, торжествовали свое возрожденіе, праздновали окончательное утвержденіе республиканской формы правленія, какъ единственной, при которой возможно умиротвореніе партій во Франціи, которыя, во имя династическихъ цѣлей постоянно волновали страну, бросая ее, то въ революцію, то въ клерикальную реакцію. Каждая такая перемѣна сопровождалась тяжкими репресаліями. Массы гражданъ гибли въ междоусобныхъ бояхъ и на эшафотахъ, теряли свои силы и способности въ тюрьмахъ и въ ссылкѣ. Какъ же было не радоваться французамъ, если они твердо вѣрятъ, что къ нимъ болѣе не возвратятся печальныя времена междоусобной вражды и кровавыхъ возмездій, которыми знаменовали свое торжество партіи-побѣдительницы. Вѣря въ это, французы всецѣло, беззавѣтно отдавались восторгу, торжествуя свой національный праздникъ, который, дѣйствительно, былъ національнымъ, а не по имени только, какъ это часто случается.

Праздникъ начался утромъ открытіемъ статуи республики, при чемъ министръ внутреннихъ дѣлъ, Марсеръ, сказалъ прекрасную прочувствованную рѣчь, главной темой которой было положеніе, что республиканская форма правленія во Франціи признана теперь всѣми французами, а не одной республиканской партіей. Рѣчь его вызвала шумныя единодушныя рукоплесканія; по окончаніи ея, публика потребовала марсельезу; военная музыка заиграла этотъ національный маршъ и десятки тысячъ голосовъ подхватили его.

Вскорѣ послѣ открытія статуи республики начался концертъ въ тюльерійскомъ саду; въ концертѣ участвовали тысяча музыкантовъ и пѣвцевъ. Здѣсь въ первый разъ былъ исполненъ гимнъ «vive la France!» написанный Деруледомъ и положенный на музыку извѣстнымъ Гуно. Однакожъ, этотъ гимнъ не особенно понравился публикѣ и она снова потребовала марсельезу. Народная масса и здѣсь пѣніемъ акомпанировала оркестру.

Концертъ въ тюльерійскомъ саду былъ не единственный; въ различныхъ мѣстахъ города были устроены концерты и балы; всѣ площади превратились въ бальныя залы; парижское населеніе съ увлеченіемъ танцовало на открытомъ воздухѣ и такъ сильно было желаніе его праздновать на улицѣ національное торжество, что всѣ театры вынуждены были на этотъ день отмѣнить обычныя представленія.

Весь городъ былъ разукрашенъ флагами; ихъ было такъ много, что нѣкоторые дома были буквально покрыты ими. Кромѣ французскихъ (безъ исключенія трехцвѣтныхъ), развѣвалось не мало и иностранныхъ флаговъ; изъ флаговъ чуждыхъ національностей, болѣе всего замѣчалось русскихъ флаговъ, можетъ быть, потому, что нашъ и французскій флаги имѣютъ одинакіе цвѣта, только иначе расположенные.

Настоящій праздникъ начался въ сумерки. Парижъ освѣтился милліонами огней. Всѣ дома, церкви и сады, сверху до низу, были увѣшаны разноцвѣтными фонарями. Электрическій свѣтъ и бенгальскіе огни освѣщали фонтаны, сады и болѣе выдающіяся зданія. Особенно роскошно и великолѣпно былъ освѣщенъ булонскій лѣсъ. Вотъ какъ описываетъ это освѣщеніе и фейерверкъ въ саду, парижскій корреспондентъ газеты «Голосъ»:

«На всѣхъ вѣточкахъ деревьевъ, повѣшены были многочисленные круглые фонари оранжеваго цвѣта. Когда, вечеромъ, фонари эти были зажжены, булонскій лѣсъ превратился въ очарованный садъ, въ которомъ всѣ деревья казались усѣянными большими горящими фруктами. Всѣ главныя аллеи, ведущія къ озерамъ, были освѣщены, сверхъ того, непрерывными рядами газовыхъ рожковъ, которые не только шли по обѣимъ сторонамъ аллеи, но и окружали множество тріумфальныхъ воротъ, башней и воздушныхъ зàмковъ. Вензелямъ съ буквами R. F. (République Française) не было конца. Самыя озера представляли волшебный видъ. Они на всемъ пространствѣ окаймлены были непрерывными линіями газовыхъ огней; островки, скалы, воздушная огненная альгамбры, устроенная на озерѣ—все это свѣтилось и отражалось въ водѣ. Разноцвѣтные бенгальскіе огни и электрическія солнца, искусно расположенные въ чащѣ лѣса, окружающаго озеро, освѣщали и бросали фантастическіе рефлексы и тѣни на милліоны людей, наполнявшихъ садъ. Нѣсколько сотень гондолъ, украшенныхъ флагами и освѣщенныхъ венеціянскими фонарями, разъѣзжали по озеру; на нѣкоторыхъ изъ нихъ находились оркестры, игравшіе все время. Въ девять часовъ начался на озерахъ и вокругъ нихъ фейерверкъ, который продолжался безъ перерыва цѣлый часъ. Изъ всѣхъ уголковъ сада и островковъ непрерывно взлетали ракеты, звѣзды, солнца, букеты и увеличивали фантастическій эфектъ всей этой сцены. Знаменитый пиротехникъ Руджіери устроилъ фейерверкъ, богаче и изящнѣе котораго свѣтъ еще не видывалъ. Тутъ были, между прочимъ, букеты и огненные фонтаны, вышиною въ шестиэтажные дома, которые въ продолженія нѣсколькихъ минутъ безпрерывно извергали разноцвѣтные огни. Публика находилась въ какомъ-то нѣмомъ экстазѣ; она не смѣла ни аплодировать, ни кричать, какъ бы опасаясь, что при первомъ шумѣ, все это очарованіе исчезнетъ и она пробудится отъ своего фантастическаго сна»...

Роскошные фейерверки были сожжены также на Монмартрѣ и около Итальянской заставы. Сама публика устроила тоже множество небольшихъ фейерверковъ.

Въ 10 час. вечера началось факельное ше-

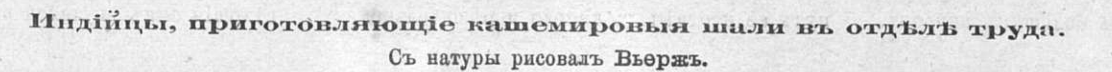
ПАРИЖСКАЯ ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА.

Заря жизни.
Группа итальянскаго скульптора **Баркалье**.

ПАРИЖСКАЯ ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА.

Индійцы, приготовляющіе кашемировыя шали въ отдѣлѣ труда.

Съ натуры рисовалъ **Вьоржъ**.

ствіе; кирасиры и драгуны несли факелы въ рукахъ, а впереди ихъ двигались верхомъ нѣсколько оркестровъ музыки. Процессія двинулась отъ пассійскихъ воротъ, обошла булонскій лѣсъ, а потомъ черезъ елисейскія поля, направилась въ тюльерійскій садъ. Громадная, необозримая толпа народа сопровождала это величественное шествіе.

На праздникъ 30 іюня, въ Парижъ съѣхалась масса гостей, какъ французовъ, изъ другихъ городовъ и деревень, такъ и иностранцевъ. По самому умѣренному счету, слѣдуетъ допустить, что въ этотъ день Парижъ имѣлъ не менѣе четырехъ милліоновъ населенія. Все оно, за исключеніемъ дряхлыхъ стариковъ, дѣтей и больныхъ, толпилось на улицахъ. Полиція нигдѣ и ни во что не вмѣшивалась; она заботилась о направленіи движенія нѣсколькихъ десятковъ тысячъ экипажей; хлопотала о томъ, чтобы экипажи не стѣсняли пѣшеходовъ. Установленіе же порядка, лежало на самой публикѣ и порядокъ вездѣ былъ образцовый; не случилось нигдѣ ни драки, ни скандала; почти вовсе не было несчастныхъ случаевъ отъ огня.

Все было такъ хорошо и торжественно на этомъ праздникѣ; такой искренній восторгъ и одушевленіе выражались на лицахъ всѣхъ, что даже заклятые враги современнаго порядка во Франціи, не могли не сознаться, что такого величественнаго праздника имъ никогда еще не приходилось видѣть. Къ счастію парижанъ, весь день 30 іюня, кромѣ ранняго утра, продержалась прекрасная погода».

Декамеронъ.

Сказки Джіовани Боккачіо.

(Переводъ Н. И. Шульгина.)

День второй.

Сказка VIII.

Добродѣтель восторжествовала.

(Разсказанная г-жею Элизой.)

Съ того времени, какъ господство надъ римской имперіей перешло отъ французовъ къ нѣмцамъ, оба народа взаимно возненавидѣли другъ друга и между ними началась нескончаемая война. Французскій король, не ограничиваясь обороной своихъ владѣній, рѣшился перенести войну за свои границы. Для этого, собравъ значительныя военныя силы, онъ вторгнулся въ непріятельскую землю. Не оставилъ онъ дома и сына; молодой человѣкъ сопровождалъ отца въ этомъ походѣ. Передъ своимъ отъѣздомъ въ экспедицію, король подумалъ о томъ, чтобы на время своего отсутствія назначить намѣстника для управленія государствомъ; выборъ его палъ на одного изъ его вассаловъ, Готье, графа д'Анжера, умнаго и способнаго человѣка. Правда, графъ до сихъ поръ успѣлъ выказать свой талантъ только въ военномъ дѣлѣ, но потому-ли, что король разсчитывалъ на его вѣрность болѣе, чѣмъ на вѣрность другихъ вельможъ, или же потому, что желалъ дать ему отдыхъ отъ военныхъ подвиговъ, но только онъ оставилъ графа во Франціи съ титуломъ намѣстника королевства.

Графъ принялся за исполненіе своихъ отвѣтственныхъ обязанностей съ благоразуміемъ и осторожностію. Хотя онъ облеченъ былъ самой широкой властію, но счелъ необходимымъ, въ болѣе или менѣе серьезныхъ дѣлахъ, каждый разъ совѣтоваться съ королевою и ея невѣсткою. Обѣ эти принцессы были ввѣрены королемъ его заботамъ и охранѣ. Но онъ продолжалъ относиться къ нимъ, какъ къ высшимъ, не позволяя себѣ даже и намекнуть, что власть его распространяется и на нихъ. Готье было сорокъ лѣтъ отъ роду: онъ былъ красивъ собою и прекрасно сложенъ, одѣвался онъ съ большимъ вкусомъ.

Вскорѣ послѣ своего назначенія намѣстникомъ, онъ потерялъ жену, оставившую ему двухъ малолѣтнихъ дѣтей, сына и дочь.

Государственныя дѣла ставили графа часто въ необходимость видѣться съ королевой и ея невѣсткой. Послѣдняя всегда съ удовольствіемъ принимала его и любила съ нимъ бесѣдовать. Мало-по-малу, отъ уваженія къ его достоинствамъ и таланту, принцесса перешла къ любви. Готье сталъ нравиться ей, какъ красивый мужчина, къ тому же свободный, такъ какъ онъ былъ вдовцемъ. Понятно, она желала возбудить и въ немъ взаимную любовь къ себѣ. Но какъ это сдѣлать? Онъ былъ почтителенъ къ ней и только. Она могла сама объявить ему о своей любви, но ее удерживала стыдливость. Наконецъ, у нея страсть взяла верхъ надъ разсудкомъ и она рѣшилась сама сдѣлать первый трудный шагъ.

Однажды, оставшись одна, она послала за графомъ. Не подозрѣвая объ ея намѣреніяхъ и предполагая, что онъ нуженъ принцессѣ для сообщенія ему о какомъ-нибудь государственномъ дѣлѣ, графъ поспѣшилъ на зовъ. Принцесса пригласила его сѣсть на софу подлѣ нея. Графъ естественно спросилъ ее, что ей угодно приказать ему. Она ничего не отвѣчала. Онъ повторилъ свой вопросъ. Прекрасная дама, сильно покраснѣвъ, отвѣчала одними вздохами. Графъ не могъ ничего понять. Наконецъ, глаза принцессы наполнились слезами и она сказала съ сильнымъ волненіемъ:

— Мой другъ, вы очень умны и опытны и умѣете цѣнить и прощать людскую слабость; вы знаете, что мы, женщины, слабѣе васъ, мужчинъ. Какъ благоразумный судья, вы рѣшите, что проступокъ достоинъ порицанія въ большей или меньшей степени, смотря по тому, кѣмъ онъ совершенъ. Кто посмѣетъ отрицать, что женщина, живущая трудомъ, предавшись любовнымъ приключеніямъ, будетъ болѣе виновна, чѣмъ женщина знатная и богатая. Мнѣ кажется, что удобства жизни должны въ нѣкоторой степени служить извиненіемъ пользующейся ими женщинѣ, если она отдается любви; она еще болѣе достойна снисхожденія, если любитъ человѣка мудраго и добродѣтельнаго. Я молода, мой мужъ оставилъ меня, а вы такъ честны и разумны, мудрено-ли, что я влюбилась въ васъ. Я знаю, что поступаю не хорошо, сознаваясь вамъ въ моей любви; но моя любовь такъ сильна, что въ виду ея ничто условныя приличія; женщины высокаго положенія осудятъ себя на вѣчное мученіе, если захотятъ слѣпо слѣдовать обычаямъ, обязательнымъ для женщинъ низшихъ классовъ. Я не боюсь сознаться вамъ, мой милый другъ, что маленькій божокъ, подчиняющій своей власти не только слабыхъ женщинъ, но и самыхъ сильныхъ и мужественныхъ мужчинъ, ранилъ меня въ сердце своей пылающей стрѣлой и зажегъ во мнѣ самую пылкую и живую страсть къ вамъ. Знаю, что если бъ моя любовь открылась, меня осудили бы, но что мѣшаетъ намъ хранить ее подъ покровомъ глубокой тайны? Сама же я нахожу себѣ извиненіе въ вашей наружности, въ вашихъ достоинствахъ, въ вашемъ рѣдкомъ умѣ. Страсть вообще ослѣпляетъ, но въ отношеніи васъ, это правило не имѣетъ смысла. Во мнѣніи всѣхъ, кто васъ знаетъ, вы красивѣйшій, любезнѣйшій и умнѣйшій изъ французовъ. Размыслите о томъ, что я высказала, и вы найдете оправданіе моему поступку, вы пожалѣете меня и не отринете...

Обильныя слезы помѣшали ей продолжать; она пыталась говорить, но онѣ душили ее; въ изнеможеніи она положила свою голову на плечо графа.

Мужественный Готье, изумленный и оскорбленный странными словами принцессы, оттолкнулъ ее и отвѣчалъ твердо и рѣшительно:

— Подумали-ли вы, что сказали, сударыня, и за кого вы меня принимаете? Моя честь мнѣ слишкомъ дорога и она повелѣваетъ мнѣ отвергнуть недостойную любовь. Я соглашусь лучше вытерпѣть самую мучительную смерть, чѣмъ позволю себѣ нанести оскорбленіе моему королю и повелителю.

При такомъ неожиданномъ отвѣтѣ принцесса впала въ ярость.

— Неблагодарный! сказала она.—Каково мнѣ было, отринувъ стыдливость, первой сдѣлать признаніе! И что же? Ты отвергаешь меня и этимъ наносишь мнѣ самое тяжкое оскорбленіе. Ты, значитъ, хочешь моей смерти, варваръ? Пусть будетъ такъ! Если ты осуждаешь меня на смерть отъ стыда и оскорбленія, то прежде ты самъ будешь жертвой моего мщенія. О, я призову смерть на твою голову, или же ты сгніешь въ постыдной ссылкѣ.

При этихъ словахъ она растрепала свои волосы, разорвала свое платье и стала кричать изо всей мочи:

— Помогите! помогите! Графъ д'Анжеръ посягнулъ на мою честь!

Графъ, размысливъ, что его возвышеніе возбудило зависть и что есть не мало людей, которые пожелаютъ воспользоваться этой клеветой, чтобъ погубить его, поспѣшилъ выйти изъ дворца и, придя къ себѣ домой и взявъ своихъ дѣтей, бѣжалъ въ Кале.

На крики принцессы сбѣжалось нѣсколько придворныхъ; видя ее, утопающей въ слезахъ, они не стали сомнѣваться въ истинѣ ея разсказа. Они рѣшили, что графъ, вѣроятно, употребилъ всю силу своего ума, чтобы соблазнить принцессу, а когда это не удалось, прибѣгъ къ насилію но не успѣлъ совершить задуманнаго злодѣянія. Они бросились въ домъ графа, но не найдя его тамъ, взволновали народъ, который ринулся въ комнаты, разграбилъ и разломалъ все, что тамъ было, затѣмъ самый домъ разрушилъ до основанія.

Тотчасъ же было послано въ лагерь донесеніе о происшествіи королю и его сыну. Конечно, поступокъ графа показался имъ омерзительнымъ. Король издалъ указъ, въ силу котораго, изгонялся на вѣчныя времена изъ Франціи не только самъ графъ, но и все его нисходящее потомство. Далѣе была обѣщана значительная сумма тому, кто представитъ графа, живого или мертваго.

Между тѣмъ, невинный, добродѣтельный Готье, бѣгство котораго, однакожь, дѣлало вѣроятнымъ тяготѣвшее надъ нимъ обвиненіе, съ своими дѣтьми, благополучно прибылъ въ Кале, сѣлъ на корабль, идущій въ Англію и, высадившись на англійскій берегъ, тотчасъ же отправился въ Лондонъ, переодѣвшись въ платье нищаго. Всю дорогу онъ наставлялъ дѣтей, что надо терпѣливо переносить бѣдность, на которую ихъ осудила судьба, а также ни въ какомъ случаѣ не проговариваться о своемъ происхожденіи. Мальчику, по имени Люи, было девять лѣтъ, а дѣвочкѣ, Віолантѣ, семь; хотя они были малы, но смышленны и отлично поняли наставленія отца, что послужило имъ на пользу, какъ мы увидимъ впослѣдствіи. Для большей безопасности, отецъ перемѣнилъ имъ имена: мальчика назвалъ Перро, а дѣвочку Жаннетой. Войдя въ Лондонъ въ лохмотьяхъ, они поселились въ бѣдной лачугѣ; истративъ же небольшую сумму денегъ, которую успѣли захватить съ собою, они принялись за прошеніе милостыни.

Однажды утромъ, когда они стояли на церковной паперти, вышедшая изъ церкви, жена министра заинтересовалась дѣтьми графа и спросила, откуда онъ и его-ли это дѣти? Готье отвѣчалъ, что онъ родомъ изъ Пикардіи, что его старшій сынъ впутался въ непріятную исторію,

вслѣдствіе чего онъ, Готье, принужденъ былъ оставить отечество вмѣстѣ съ двумя другими своими дѣтьми. Дама имѣла чувствительное сердце, къ тому же дѣвочка ей очень понравилась.

— Послушай, любезный, сказала она графу,— отдай мнѣ дѣвочку, мнѣ очень нравится ея личико; если она будетъ вести себя хорошо, я постараюсь сдѣлать для нея все, что возможно.

Нечего и говорить, что отецъ былъ въ восторгѣ отъ ея предложенія и тотчасъ же согласился на него; онъ нѣжно простился съ дочерью и отдалъ ее великодушной дамѣ.

Найдя пріютъ дочери, графъ сталъ подумывать о томъ, какъ бы пристроить и сына. Переходя вмѣстѣ съ сыномъ съ мѣста на мѣсто за прошеніемъ милостыни, онъ пришелъ въ главный городъ на островѣ Уэльсѣ, гдѣ и остановился на время отдохнуть. Здѣсь именемъ англійскаго короля правилъ губернаторъ, человѣкъ богатый и щедрый. Графъ и его сынъ часто появлялись на дворѣ у губернатора за милостыней. Маленькій сынъ губернатора, любившій играть на дворѣ съ сверстниками знатнаго происхожденія, какъ-то разъ по капризу пригласилъ Перро принять участіе въ ихъ играхъ. Перро выказалъ удивительную ловкость во всѣхъ играхъ, чѣмъ обратилъ на себя вниманіе самого губернатора, который захотѣлъ узнать, чей онъ сынъ. Когда же получилъ въ отвѣтъ, что мальчикъ сынъ бѣдняка, часто приходящаго сюда за милостыней, губернаторъ призвалъ къ себѣ отца.

— Уступи мнѣ своего сына, сказалъ онъ,—я позабочусь о немъ.

Какъ ни тяжело было разставаться съ мальчикомъ бѣдному отцу, однакожь, онъ тотчасъ же согласился.

Помѣстивъ, такимъ образомъ, и сына, и дочь, графъ оставилъ Англію и переселился въ Ирландію. Въ Станфордѣ онъ поступилъ на службу къ одному изъ мѣстныхъ дворянъ, занявъ должность среднюю между пажемъ и лакеемъ.

Время шло и Віоланта, носившая имя Жаннеты, выросши, стала красавицей и продолжала пользоваться расположеніемъ своей благодѣтельницы. Ея хорошее поведеніе и способности доставили ей уваженіе самого министра. Такое же уваженіе ей оказывали, какъ всѣ домашніе, такъ и гости министра, и его жены. Она была такъ симпатична, что невозможно было относиться къ ней иначе и каждый, кто узнавалъ ее, отъ души желалъ ей достигнуть богатства и высокаго положенія. Ея благодѣтельница, не могшая открыть тайну ея происхожденія, но подозрѣвавшая, что во всякомъ случаѣ она не изъ простого званія, желала выдать Жаннету замужъ за достаточнаго и честнаго промышленника. Но Господь Богъ, рѣдко оставляющій добродѣтель безъ награды на землѣ, въ Своей благости рѣшилъ иначе и не допустилъ, чтобы Жаннету выдали замужъ за человѣка гораздо ниже ея знатнаго происхожденія.

У министра и его жены былъ единственный сынъ, котораго они нѣжно любили и онъ былъ вполнѣ достоинъ ихъ любви. Онъ былъ красивъ собой, мужественъ, но характера мягкаго и человѣколюбиваго. Молодой человѣкъ былъ шестью годами старше Жаннеты. Находясь постоянно въ обществѣ молодой дѣвушки и находя ее красивой, любезной и граціозной, онъ искренно полюбилъ ее. Но считая ее дѣвушкой низкаго происхожденія, онъ не только не осмѣливался просить у отца ея руки, но еще тщательно скрывалъ отъ всѣхъ свою любовь, опасаясь этимъ открытіемъ причинить какую-нибудь непріятность Жаннетѣ. Эта необходимость постоянно скрывать свои чувства дурно повліяла на его здоровье, онъ сталъ горевать, удаляться отъ общества и, наконецъ, опасно занемогъ. Врачи, неимѣвшіе возможности узнать ни причины, ни симптомовъ его болѣзни, не знали, чѣмъ лечить его и сомнѣвались въ его выздоровленіи. Отецъ и мать сильно горевали, видя опасное положеніе ихъ сына. Со слезами на глазахъ, они заклинали его объяснить имъ причину его болѣзни. Сынъ отвѣчалъ только одно, что онъ чувствуетъ страшную тяжесть на своемъ сердцѣ, и отвѣтъ свой сопровождалъ глубокими вздохами. Жаннета, уже изъ признательности къ своимъ благодѣтелямъ, прилагала особенную заботу о больномъ. Разъ она вошла къ нему въ комнату, въ ту минуту, какъ молодой докторъ щупалъ ему пульсъ. Лишь-только замѣтилъ ее больной, щеки его покрылись румянцемъ и пульсъ забился болѣе учащенными ударами. Хотя онъ не произнесъ ни одного слова, врачъ понялъ, что молодая дѣвушка дорога больному, и не отнималъ своей руки отъ пульса. Жаннета тотчасъ же вышла и пульсъ сдѣлался вялымъ, какимъ былъ всегда сначала болѣзни. Искусный врачъ рѣшилъ, что отчасти открылъ причину болѣзни своего паціента. Чтобы окончательно убѣдиться въ вѣрности своего предположенія, подъ предлогомъ спросить дѣвушку о чемъ то, онъ велѣлъ пригласить къ себѣ Жаннету. Появилась Жаннета и пульсъ ускорился, что продолжалось до тѣхъ поръ, пока дѣвушка находилась въ комнатѣ больного. Врачъ не сомнѣвался болѣе, что открылъ истинную причину болѣзни своего паціента и тотчасъ же отправился къ его отцу и матери, и сказалъ имъ, что желаетъ поговорить съ ними наединѣ.

— Выздоровленіе вашего сына, началъ онъ, когда они остались одни,—зависитъ не отъ моего искусства, а отъ доброй воли Жаннеты. Я узналъ объ этомъ по нѣкоторымъ признакамъ, хотя дѣвушка, какъ мнѣ кажется, сама ничего не подозрѣваетъ. Дѣлайте, какъ знаете, но предупреждаю васъ, если вамъ дорога жизнь вашего сына, нельзя терять времени; иначе я не отвѣчаю за его выздоровленіе; если печаль его продлится, медицина не въ состояніи спасти его.

Отецъ и мать были сильно озадачены такимъ открытіемъ, однакожь, имъ было отрадно узнать, что болѣзнь ихъ сына излечима; къ тому же имъ тотчасъ же, въ одно время, пришла въ голову мысль, что, можетъ быть, дѣло обойдется и безъ свадьбы. Уговорившись, какъ приняться за дѣло, они отправились къ сыну.

— Мой милый сынъ, сказала мать, цѣлуя его,—никогда я не думала, что у тебя есть отъ меня тайны; между тѣмъ, ты долженъ знать, что я не отказываю тебѣ ни въ чемъ; я готова исполнить всякое твое желаніе, въ особенности, если, какъ теперь, отъ исполненія его зависитъ твое выздоровленіе. Ты не хотѣлъ открыть мнѣ своего сердца, но милосердный Богъ, еще нежелающій призывать тебя къ Себѣ, внушилъ мнѣ догадку, что у тебя любовная болѣзнь. Почему же ты боишься сдѣлать мнѣ признаніе? Развѣ я не знаю, что такая слабость извинительна человѣку твоего возраста. Какъ могъ ты подумать, что чрезъ это я стану уважать тебя менѣе. Напротивъ, такое открытіе обрадовало бы меня, потому что оно свидѣтельствовало бы о переходѣ твоемъ въ мужественный возрастъ. Не упорствуй же болѣе, милый сынъ; открой мнѣ свои чувства и смѣло разсчитывай на снисхожденіе горячо любящей тебя матери. Выкинь изъ своего сердца меланхолію, разстроивающую твое здоровье, и думай только о своемъ выздоровленіи. Повторяю, я согласна на все, что способно доставить тебѣ удовольствіе. Удали изъ твоего ума всякую боязнь и говори смѣло; я же постараюсь убѣдить ту, которую ты полюбилъ. Я была бы дурной матерью, еслибы не сдѣлала всего, что возможно для твоего удовольствія.

Эта рѣчь сперва сконфузила слишкомъ скромнаго молодого человѣка, однакожь, видя, что мать искренно желаетъ помочь его горю, онъ ободрился и заговорилъ твердымъ голосомъ.

— Меня заставило скрывать мою любовь, матушка, то убѣжденіе, что большинство людей, достигнувъ зрѣлаго возраста, забываютъ, чѣмъ они были въ молодости, отвѣчалъ сынъ.— Но видя, что вы составляете исключеніе, я охотно признаюсь вамъ и назову предметъ моихъ мечтаній. Если вы уговорите ее полюбить меня, вы возвратите мнѣ жизнь и даруете величайшее счастіе.

Мать, разсчитывавшая, что со стороны Жаннеты не можетъ встрѣтиться препятствій ни въ какомъ случаѣ, кивнула головой въ знакъ утвержденія, что все устроится отлично и просила назвать предметъ его любви.

— Я думаю, вы угадали, продолжалъ сынъ,— что я влюбился въ вашу Жаннету; ея красота и рѣдкія качества заставили меня полюбить ее страстно, пылко. Отчаяваясь получить отъ нея взаимность и опасаясь, что вы не согласитесь отдать мнѣ ее въ жены, я не рѣшался никому признаться въ своей любви, даже самой Жаннетѣ; необходимость скрывать свои чувства и послужила причиной моей болѣзни. Послѣ этого признанія, предупреждаю васъ, что я умру, если моя любовь не будетъ раздѣлена.

Понимая, что сынъ прежде всего нуждается въ утѣшеніи и что опасно дѣлать ему какое бы то ни было возраженіе, мать отвѣчала съ улыбкой:

— Если это единственная причина твоей болѣзни, милый сынъ, ты можешь вполнѣ успокоиться; предоставь мнѣ дѣйствовать и все уладится отлично.

Какъ только надежда поселилась въ сердцѣ молодого человѣка, онъ сталъ поправляться. Между тѣмъ мать, искавшая случая переговорить съ Жаннетой, постоянно затруднялась, какъ начать переговоры, такъ она вѣрила въ добродѣтель молодой дѣвушки; наконецъ, рѣшилась: она спросила у нея внезапно, подъ видомъ шутки, не имѣетъ ли она любовника? Жаннета, сильно покраснѣвъ, отвѣчала:

— Я не вижу въ этомъ необходимости; бѣдной дѣвушкѣ, изгнанной изъ отечества и живущей на чужой счетъ, неприлично думать о любовныхъ приключеніяхъ.

— Однакожь, моя милая, возразила дама,—я не хочу, чтобы такая милая и прелестная дѣвушка, какъ вы, не испытала любовныхъ утѣхъ; я льщу себя надеждою, что вы будете довольны сдѣланнымъ мною для васъ выборомъ.

— Чувствуя глубокую признательность, сударыня, отвѣчала Жаннета,—къ вамъ, извлекшей меня изъ нищенскаго состоянія, въ которомъ, можетъ быть, мой отецъ находится и до сихъ поръ, и воспитавшей меня, какъ свою собственную дочь, я всегда повиновалась и буду слѣпо повиноваться вашимъ приказаніямъ. Но въ этомъ случаѣ я позволю себѣ ослушаться васъ, хотя съ полной благодарностію приму изъ вашихъ рукъ мужа, зная хорошо, что вы не выберете недостойнаго человѣка. Вы знаете, что честь—единственное наслѣдство, полученное мною отъ родителей; я должна и хочу сохранить ее незапятнанной до послѣдняго моего вздоха.

Этотъ отвѣтъ показалъ дамѣ, что ей нечего разсчитывать на согласіе Жаннеты сдѣлаться любовницей ея сына. Она не могла не одобрить достойной всякой похвалы твердости молодой дѣвушки; однакожь, жизнь ея сына висѣла на волоскѣ и она рѣшилась сдѣлать еще попытку.

— Какъ, Жаннета, еслибъ вы понравились нашему молодому и красивому королю, вы и тогда упорствовали бы въ своемъ отказѣ?

— Король, отвѣчала Жаннета, нисколько не колеблясь,—получитъ отъ меня такой же отказъ, какъ и всякій другой мужчина; я никогда не соглашусь на то, что противно чести.

Дама удивлялась добродѣтели и твердости

этого милаго ребенка и отказалась отъ дальнѣйшихъ убѣжденій, но все-таки, желая сдѣлать еще одинъ опытъ, она сказала своему сыну, что когда онъ совсѣмъ оправится, она оставитъ его наединѣ съ молодой дѣвушкой и тогда отъ него самого будетъ зависѣть уговорить ее.

Молодого человѣка нисколько не удовлетворило это предложеніе; видя, что мать не сдержала даннаго ему слова, онъ снова впалъ въ прежнюю болѣзнь. Его мать, замѣчая, что ему съ каждымъ днемъ становится все хуже и хуже, и опасаясь, что его вскорѣ можетъ постигнуть смерть, откровенно разсказала все Жаннетѣ, умоляя ее спасти ея сына, но молодая дѣвушка по прежнему осталась непреклонна. Убѣдясь, что всѣ ея попытки тщетны, дама разсказала обо всемъ своему мужу и они вмѣстѣ порѣшили принять Жаннету въ свою семью. Не безъ грустнаго чувства они рѣшались на это, но выбора не было: лучше пусть сынъ вступитъ въ неравный бракъ, чѣмъ умретъ съ горя, сказали они. Жаннета благославила Бога, неоставившаго ее Своими милостями. Но какъ ни былъ блистателенъ для нея этотъ бракъ, она, однакожь, не захотѣла открыть своего происхожденія, и вступила въ него подъ именемъ дочери скромнаго жителя Пикардіи. Больной въ короткое время поправился и къ нему возвратилась его обычная веселость. По совершеніи брака, онъ объявилъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ.

Перро, слуга въ домѣ губернатора, выросши, такъ же, какъ и сестра его, съумѣлъ заслужить расположеніе своего господина, чего достигъ своимъ умомъ и ловкостію. Никто, лучше его, не умѣлъ метать копье; онъ превосходилъ всѣхъ въ военныхъ упражненіяхъ того времени; однимъ словомъ, имъ всѣ восхищались и удивлялись ему. Дворяне прозвали его Перро пикардецъ, и подъ этимъ именемъ онъ былъ извѣстенъ на всемъ островѣ. Богъ, не оставившій сестры, простеръ Свои милости и на брата. Онъ сохранилъ молодого человѣка отъ заразительной болѣзни, свирѣпствовавшей на островѣ и унесшей половину его населенія. Изъ остальной половины три четверти удалились въ сосѣднія страны, спасаясь отъ заразы, такъ что островъ казался совершенно обезлюденнымъ. Губернаторъ, его жена, ихъ сынъ, ихъ племянники, ихъ родные сдѣлались жертвой заразы. Только одна дочь губернатора пережила свою знаменитую фамилію. Молодая дѣвушка стала наслѣдницей громаднаго состоянія. Перро не оставлялъ ее и выказывалъ ей самую искреннюю преданность Она была въ томъ возрастѣ, когда дѣвушки выходятъ замужъ; ея признательность къ Перро за его услугу скоро перешла въ любовь, и богатая наслѣдница, посовѣтовавшись съ нѣкоторыми оставшимися въ живыхъ знакомыми, рѣшилась выйти замужъ за молодого пикардца. Она подарила ему земли, владѣя которыми, онъ, въ силу закона, сталъ сеньеромъ. Чрезъ нѣсколько времени, англійскій король, освѣдомившійся о смерти губернатора, а также о рѣдкихъ достоинствахъ, храбрости и женитьбѣ Перро, утвердилъ за молодымъ человѣкомъ мѣсто, которое занималъ его покойный тесть.

Такова была счастливая судьба дѣтей графа д'Анжера, и не подозрѣвавшаго объ ихъ возвышеніи.

Прошло восемнадцать лѣтъ съ той поры, какъ этотъ несчастный отецъ бѣжалъ изъ Парижа. Испытавъ не мало несчастій и огорченій, чувствуя, что терпѣніе его истощается, а старость предъявляетъ свои требованія, онъ пожелалъ узнать, что сталось съ его дѣтьми. Тяжелая работа и возрастъ совершенно измѣнили черты его лица, но физическій трудъ далъ ему силы и способность легче переносить путешествіе пѣшкомъ, чѣмъ въ то время, какъ онъ оставилъ Францію. Онъ распростился съ ирландцемъ, у котораго служилъ и, одѣтый въ бѣдное платье, отправился на островъ Уэльсъ. Придя въ городъ, гдѣ онъ оставилъ Перро, онъ узналъ, что его сынъ достигъ званія губернатора, наслаждается здоровьемъ, богатствомъ и почестями. Нечего и говорить, что графъ очень обрадовался, но не захотѣлъ объявить о себѣ, пока не развѣдаетъ, что сталось съ Жаннетой. Онъ отправился въ Лондонъ, распросилъ о дамѣ, которой вручилъ

Декамеронъ. Сказка VIII.

свою Жаннету и узналъ, что она замужемъ за сыномъ своей благодѣтельницы. Блестящая судьба дѣтей утѣшила бѣднаго старика.

Желая увидѣть свою дочь, графъ бродилъ ежедневно подлѣ ея дома. Однажды Жакъ Ламіенсъ, мужъ Жаннеты, встрѣтивъ старика графа, изъ жалости, приказалъ своимъ слугамъ ввести его въ домъ и накормить.

Жаннета уже имѣла нѣсколько дѣтей, изъ ко-

Декамеронъ. Сказка VIII.

торыхъ старшему пошелъ осьмой годъ. Малютки, увидя графа, стали ласкаться къ нему, точно они почувствовали инстинктивно, что этотъ старикъ ихъ дѣдушка. Графъ отвѣчалъ имъ тѣмъ же; между дѣдомъ и внучатами установилась такая тѣсная связь, что дѣти ни за что не хотѣли разстаться съ старикомъ, хотя ихъ гувернеръ настоятельно этого требовалъ. Пришла сама мать и пригрозила имъ наказаніемъ, если они не послушаются своего наставника. Дѣти пустились въ слезы, говоря, что имъ хочется побыть съ добрымъ старичкомъ, и что они любятъ его больше, чѣмъ своего гувернера. Жаннета расхохоталась. Засмѣялся и графъ, вставая, чтобы привѣтствовать хозяйку дома. Графъ такъ измѣнился, что дочь не признала его. Видя, что ея дѣтямъ очень понравился старикъ нищій и они плачутъ, не желая разлучиться съ нимъ, Жаннета сказала гувернеру, чтобы онъ не трогалъ ихъ еще нѣкоторое время и затѣмъ вышла. Вслѣдъ за этимъ въ комнату вошелъ ея мужъ. Узнавъ отъ гувернера о томъ, что произошло здѣсь, Жакъ сказалъ съ досадой:

— Оставьте ихъ; яблоко не далеко падаетъ отъ яблони; они въ маменьку; въ нихъ отражается ея низкое происхожденіе.

Графъ былъ оскорбленъ этими словами, но, привыкнувъ къ униженію, онъ промолчалъ и только пожалъ плечами. Однакожь, Жакъ тотчасъ же раскаялся въ вырвавшихся у него словахъ. Онъ такъ любилъ своихъ дѣтей, что захотѣлъ сдѣлать имъ удовольствіе и предложилъ старику графу остаться у него на службѣ. Тотъ отвѣчалъ, что онъ очень радъ, но умѣетъ только ходить за лошадьми, чѣмъ онъ занимался въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Жакъ принялъ его на службу конюхомъ и лучшимъ удовольствіемъ старика была игра съ внучатами, по окончаніи его обычной работы на конюшнѣ.

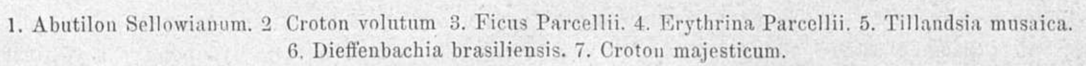
Въ то время, какъ происходили описанныя событія, французскій король, заключивъ перемиріе съ нѣмцами, отдалъ Богу душу. Ему наслѣдовалъ его сынъ, жена котораго была причиной ссылки графа. Какъ только истекъ срокъ перемирію, война возобновилась, съ еще большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ минувшая. Новый король просилъ помощи у англійскаго короля, своего родственника, и тотъ послалъ корпусъ войскъ, подъ командою Перро и Жака Ламіенса. Графъ д'Анжеръ, разсчитывая, что его не могутъ уже узнать во Франціи, поѣхалъ съ своимъ зятемъ въ качествѣ его конюха. Во время войны, какъ опытный полководецъ, онъ не одинъ разъ далъ полезные совѣты своему зятю и сыну, что нѣсколько удивило ихъ, но не остановило на себѣ ихъ вниманія.

Новой королевѣ пришлось не долго носить корону. Во время войны она опасно заболѣла и умерла. Когда пришелъ ея конецъ, она почувствовала раскаяніе, призвала къ себѣ руанскаго архіепископа, слывшаго за святого человѣка, и на исповѣди объявила ему, что графъ д'Анжеръ невиновенъ въ преступленіи, взведенномъ ею на него, и что объ этомъ слѣдуетъ доложить королю. Это заявленіе она сдѣлала затѣмъ въ присутствіи нѣсколькихъ знатныхъ особъ, прося и ихъ вмѣстѣ съ архіепископомъ разсказать королю объ ея тяжкомъ грѣхѣ и просить его о возвращеніи графа и его дѣтей въ отечество, если кто-нибудь изъ нихъ остался въ живыхъ, и объ отдачѣ имъ ихъ имѣній.

Узнавъ о смерти своей жены и объ открытіи, сдѣланномъ ею на исповѣди, король, смущенный страшной несправедливостію къ графу д'Анжеру, поспѣшилъ провозгласить при трубныхъ звукахъ, въ лагерѣ и во всемъ королевствѣ, что онъ щедро вознаградитъ того, кто принесетъ ему извѣстіе о графѣ или его дѣтяхъ, которымъ, вслѣдствіе публичнаго признанія королевою невиновности графа, дозволяется вернуться на родину, причемъ графу возвращаются его имѣнія и почести и король постарается вознаградить его за сдѣланную противъ него несправедливость.

Послѣ прочтенія королевской прокламаціи въ лагерѣ, графъ просилъ Жака, своего господина, пригласить Перро, заявляя при томъ, что онъ укажетъ имъ того, кого ищетъ французскій король. Какъ только они сошлись, графъ, оста-

Рисунокъ ОСКАРА НЕЙМАНА.

1. Abutilon Sellowianum. 2. Croton volutum. 3. Ficus Parcellii. 4. Erythrina Parcellii. 5. Tillandsia musaica.
6. Dieffenbachia brasiliensis. 7. Croton majesticum.

Пестролиственныя растенія.

ваясь въ одеждѣ конюха, сказалъ Перро, который уже думалъ самъ явиться къ королю:

— Перро, знаешь-ли ты, что Жакъ—мужъ твоей сестры, которую онъ взялъ безъ всякого приданаго? Вмѣсто него, Жакъ получитъ награду, обѣщанную французскимъ королемъ тому, кто дастъ ему извѣстіе о тебѣ; я хочу также, чтобы онъ получилъ награду, обѣщанную за Віоланту; а также и за представленіе меня, графа д'Анжера, твоего отца.

Сильно взволнованный этимъ открытіемъ, Перро, во время рѣчи графа, пристально всматривавшійся въ него, теперь узналъ въ немъ своего отца, упалъ передъ нимъ на колѣни и, цѣлуя ихъ, вскричалъ:

— Ахъ, мой отецъ! мой милый отецъ! Какъ я радъ видѣть васъ!

Жакъ до того былъ изумленъ словами графа, что не зналъ, что ему дѣлать и что говорить. Припоминая, что онъ не разъ дурно обращался съ своимъ тестемъ, онъ тоже упалъ передъ нимъ на колѣни и сталъ умолять его о прощеніи. Графъ поднялъ его и нѣжно расцѣловалъ. Затѣмъ, взаимно разсказавъ свои приключенія, зять и сынъ хотѣли одѣть старика, но онъ рѣшительно отказался, сказавъ, что желаетъ представиться своему монарху въ платьѣ конюха. Жакъ явился къ французскому королю и объявилъ, что можетъ представить ему графа д'Анжера, а также его сына и дочь, вмѣстѣ съ тѣмъ, желаетъ получить обѣщанныя награды. Король приказалъ приготовить три великолѣпные подарка.

— Вы получите ихъ, когда исполните свое обѣщаніе, сказалъ король.

— Вотъ графъ д'Анжеръ, сказалъ Жакъ, выдвигая впередъ графа.—А вотъ его сынъ, прибавилъ онъ, указывая на Перро;—дочери же его, моей жены, здѣсь нѣтъ, но вы увидите ее чрезъ нѣсколько дней.

Всмотрѣвшись въ графа, король узналъ его, не смотря на перемѣну, какую произвели въ немъ годы, усталость и горе. Король выказалъ большую радость, и приказалъ немедленно подать одежды, подобающія его званію, и предложилъ ему богатый экипажъ. Онъ обласкалъ Перро и горячо благодарилъ Жака за доставленное ему удовольствіе. Онъ спросилъ, какъ это случилось, что графъ служилъ у него конюхомъ, когда онъ женатъ на его дочери. Когда Жакъ удовлетворилъ его любопытство, король вручилъ ему назначенные подарки.

— Примите эти прекрасные и богатые подарки отъ моего государя, сказалъ графъ,—и увѣрьтесь, что мать вашихъ дѣтей не низкаго происхожденія.

Жакъ призвалъ свою жену въ Парижъ. Тоже сдѣлалъ Перро съ своей женою. Проживъ здѣсь довольно долгое время, они съ согласія короля вернулись въ Англію. Съ горестью и со слезами разстались они съ графомъ д'Анжеромъ, который оставался во Франціи. Получивъ свои имѣнія и высшую государственную должность, графъ дожилъ до глубокой старости, любимый и уважаемый всѣми.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Обо всемъ.

(Эксплуатація религіознаго чувства.—Юродивые и странники.—Отношеніе къ нимъ нашего народа.—Суевѣріе, распространенное въ разныхъ слояхъ нашего общества.—Загадочное преступленіе во вкусѣ понсонъ-дю-терайлевскихъ романовъ.—Преступленіе на тонѣ въ С.-Петербургѣ.)

Перенесемся, читатель, въ страшное захолустье, въ одинъ изъ медвѣжьихъ угловъ нашего отечества, въ с. Пупки, скопинскаго уѣзда, рязанской губ. Дѣйствіе происходитъ въ наше время, но можно подумать, что какою-нибудь волшебною силою, мы перенесены въ XVII столѣтіе, въ до-петровскую Русь. Идетъ, какъ всегда, столкновеніе зла съ невѣжествомъ, наивностью и добродушіемъ; зло, конечно, торжествуетъ, хотя въ данномъ случаѣ оно получило возмездіе въ приговорѣ рязанскаго окружнаго суда, присудившаго къ разнымъ наказаніямъ представителей зла.

Проживалъ въ с. Пупки однодворецъ, Исай Чубаровъ; достатки у него были не богъ-вѣсть какіе, но жилъ онъ не бѣдно. Женился онъ на дочери поручика, Авдотьѣ Ивановнѣ, на барышнѣ, бѣлоручкѣ. Прижили они троихъ дѣтей: сына Михаила и дочерей—Пелагею и Наталью. Между тѣмъ хозяйство Чубарова постепенно приходило въ упадокъ и, наконецъ, дошло до того, что нашъ однодворецъ изъ состоятельнаго земледѣльца обратился почти въ нищаго. Въ такихъ случаяхъ, болѣе энергичные изъ нашихъ сельчанъ, рѣшаются покинуть родную деревню и идутъ на востокъ и юго-востокъ, гдѣ, по народному повѣрью, «земли много, бери ее сколько хочешь, прокормиться тамъ легко». И Чубаровъ, со всей своей семьей, направился въ оренбургскую губернію, но вскорѣ умеръ въ дорогѣ. Жена его и дѣти вернулись назадъ въ Пупки и поселились въ своей полуразрушенной избѣ. Что предпринять для добыванія средствъ къ пропитанію? Дѣти еще не подросли, мать ихъ, женщина немолодая, къ тому же изъ барышень, къ черной работѣ не способна. Надѣла вся семья сумы черезъ плечо и стала побираться Христовымъ именемъ. Дѣти собирали себѣ пропитаніе по близости, въ окрестностяхъ; мать же ходила изъ монастыря въ монастырь; побывала и въ Іерусалимѣ. Раздумывая о своемъ положеніи во время долгихъ странствій, когда ей приходилось сталкиваться съ разными людьми, Авдотья Чубарова пришла къ убѣжденію, что, принявшись ловко за дѣло, у насъ можно эксплуатировать народное невѣжество, наивность и добродушіе. И составила она планъ дѣйствій, который стала приводить въ исполненіе по возвращеніи въ Пупки, въ свою полуразрушенную избу.

Пустила она слухъ, что намѣрена устроить страннопріимный домъ, куда будетъ принимать дѣтей-сиротъ. Конечно, примись за дѣло она одна, изъ него ничего бы не вышло. Для успѣха надо было пустить что-нибудь сильно-дѣйствующее на суевѣрные умы темнаго люда, съ которымъ приходилось вступить въ сношенія, который можно было эксплуатировать. Въ очень многихъ мѣстахъ нашего отечества странники и юродивые пользуются высшимъ авторитетомъ въ глазахъ темной массы, имъ вѣрятъ слѣпо. Авдотья Чубарова отыскала юродиваго въ лицѣ отставного горниста Вырыпаева. «Онъ былъ замѣчательно набожный солдатъ, сказалъ про Вырыпаева настоятель петро-павловской пустыни архимандритъ Герасимъ, допрошенный на судѣ, какъ свидѣтель,—и невольно обращалъ на себя мое вниманіе, когда онъ, бывало, часто приходилъ молиться въ мою пустынь. Въ послѣдствіи онъ вышелъ въ отставку и однажды явился ко мнѣ, съ его бывшимъ фельдфебелемъ, и они просили меня принять ихъ въ монастырь. Я согласился и заставилъ ихъ сторожить монастырскій лѣсъ. Потомъ Вырыпаевъ впалъ въ юродство, вооружился противъ нюханья табаку, завелъ кинжалъ и началъ пугать монаховъ, встрѣчаясь съ ними въ лѣсу и набрасываясь на нихъ съ кинжаломъ, со словами: «Я съ тебя антихристово пятно сорву» и стращалъ ихъ убійствомъ. Въ то же время я замѣтилъ, что онъ началъ пить». На вопросы защиты, отецъ Герасимъ сообщилъ, что юродивые юродствуютъ всегда съ умомъ и дѣлаютъ такъ, чтобъ этого другіе не замѣчали, ради обличенія другихъ въ ихъ порокахъ. «Вырыпаевъ впалъ въ прелесть духовную», сказалъ отецъ Герасимъ и пояснилъ, что «впадать въ прелесть духовную» значитъ мнить о себѣ высоко, какъ о лицѣ святомъ, которому нѣтъ равнаго по его строгой жизни и воздержанію.

Такого-то союзника избрала себѣ Чубарова и не ошиблась въ своемъ разсчетѣ. Вырыпаевъ дѣйствовалъ такъ ловко, что вскорѣ о немъ стали говорить, какъ о человѣкѣ, ведущемъ благочестивую жизнь. Къ нему потянулись за совѣтами и указаніями не только изъ ближайшихъ окрестностей, но даже изъ мѣстъ довольно отдаленныхъ. Для Вырыпаева была выстроена келья, въ видѣ пристройки къ дому Чубаровой, имѣвшая тайное сообщеніе съ комнатой Авдотьи. Обыкновенно посѣтитель заходилъ сперва къ хозяйкѣ, она его ловко выспрашивала и Вырыпаевъ, слышавшій каждое слово, всегда могъ дать подходящій отвѣтъ. Грубаго и свирѣпаго Вырыпаева удерживала у Авдотьи связь съ дочерью. Другая дочь сошлась тоже съ странникомъ Егоромъ Аносовымъ. По словамъ Аносова, онъ и Вырыпаевъ «натаскали богатство Чубаровымъ»; они «собирали сотнями и тысячами, полагая, что все пойдетъ на богадѣльню». А какъ легко собирались ими деньги, видно изъ слѣдующаго, характеристичнаго показанія одного изъ потерпѣвшихъ, крестьянина Смирнова:

«Съ Вырыпаевымъ я познакомился въ вологодской губерніи, когда онъ ходилъ въ соловецкій монастырь («къ Соловчикимъ») и зашелъ къ намъ. Я въ то время жестоко пьянствовалъ, развратничалъ. Мы съ братомъ держали въ то время три кабака. Потомъ онъ ушолъ, я пересталъ пить и развратничать. Потомъ мнѣ ужасно захотѣлось повидаться съ Вырыпаевымъ; я началъ тосковать, скучать, у меня были одни только мысли въ головѣ: гдѣ бы повидать Вырыпаева?» Однажды пришолъ въ село Аносовъ, странникъ. Онъ сказалъ мнѣ, что Вырыпаевъ находится въ селѣ Пупки, что тамъ строится благоугодное заведеніе и что на это заведеніе дѣлаютъ повсемѣстные сборы. Я какъ всею душою и сердцемъ желалъ повидать его, я съ Аносовымъ пошолъ въ Пупки, взялъ съ собою 800 рублей и отдалъ ихъ Чубаровой, чтобъ успокоить Никиту. Потомъ я вернулся домой. Аносовъ пришелъ во второй разъ, позвалъ меня въ Пупки, я отправился вмѣстѣ съ нимъ и захватилъ съ собою 2,000 рублей и передалъ ихъ Авдотьѣ. Я и теперь желаю всею душою устроить благоугодное дѣло и никогда не отступлюсь отъ него. Я посылалъ вагонъ лѣса, а потомъ еще четыре вагона, съ тѣмъ, чтобъ онъ былъ доставленъ въ Пупки для богадѣльни. Когда лѣсъ прибылъ въ Скопинъ, его пораспродали. Когда я пришелъ въ Пупки вторично—это было на праздникъ Покрова—то тутъ убѣдился, что Чубаровы мошенники. Какъ у нихъ два дома были уже построены, мы вошли въ одинъ изъ нихъ, велѣли самоварчикъ поставить и тутъ стали говорить, что Чубаровы насъ обманываютъ. Вмѣстѣ съ нами были: Аносовъ, и Никита, и другіе. Вдругъ прибѣжала Наталья, самоваръ скинула, Егорку (Аносовъ) за волосы схватила, потаскала; потомъ Михайло (Чубаровъ) пришолъ: «Что вы за люди?» да какъ хлясь Аносова по уху; мы ему, онъ намъ, потаскали насъ порядкомъ. Насъ связали и посадили въ полицію за наши же добрыя дѣла. Тамотка мы сказали, что съ купцомъ подрались, потому все хотѣли въ тайнѣ соблюсти, какъ по священному писанію. Насчотъ Вырыпаева и Аносева я такъ вѣрю, какъ въ Бога, и что теперь на нихъ 10,000 руб. подписать желаю. А про Чубаровыхъ я убѣдился, что они мошенники. Я и теперь желаю богадѣльню, все сдѣлаю, и такъ Никиту уважаю за то, что онъ меня два раза по шеѣ ударилъ и у меня весь хмѣль прошолъ и съ тѣхъ поръ я человѣкомъ сталъ, и все ему сдѣ-

лаю. Вырыпаевъ, когда я деньги давалъ, онъ ничѣмъ не интересовался и всегда былъ въ юродствѣ. Всѣхъ денегъ я затратилъ на это дѣло до 7,000. Вырыпаевъ всегда былъ въ разномъ положеніи: то онъ выругаетъ, а то такъ и ударитъ, такъ мнѣ легче... судите меня, какъ хотите, а мнѣ легче».

Подобное же показаніе далъ и другой пострадавшій, мельникъ Оксановъ. И онъ выгораживаетъ Вырыпаева, и онъ говоритъ, что не жалѣетъ потерянныхъ денегъ, что и теперь желаетъ подписать 10,000 рублей на богадѣльню. Замѣчательно, на судѣ слишкомъ ясно обнаружились развратъ, пьянство и мошенничество Вырыпаева и Аносова, а свидѣтели продолжали твердить, что это люди святой жизни. Они ухаживали въ особенности за Вырыпаевымъ; во время судебныхъ перерывовъ, приносили ему пищу, поили квасомъ. Вообще Аносовъ и Вырыпаевъ, получали обильную пищу въ тюремныхъ замкахъ. Отряженные особенные люди слѣдовали за подсудимыми изъ города въ городъ, изъ острога въ острогъ и ни на минуту не покидали обоихъ странниковъ. И не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что какъ только окончится срокъ ихъ заключенія (они присуждены на 3 года и 3 мѣс. въ исправительное арестантское отдѣленіе) и они выйдутъ на свободу, они снова пріобрѣтутъ себѣ массу поклонниковъ и снова будутъ «натаскивать богатство» для новыхъ любовницъ, которыя, въ свою очередь, будутъ эксплуатировать ихъ. И еслибы еще объ этихъ проходимцахъ такъ думали только люди темные, неграмотные, но съ ними одинаково мыслятъ и представители болѣе образованныхъ классовъ. Такъ, судебный слѣдователь тверского окружнаго суда, Вознесенскій, называетъ Вырыпаева и Аносова «людьми высокой христіанской нравственности, которые проходили ее въ жизни самымъ дѣломъ». Когда его спросили, почему же Вырыпаевъ и Аносовъ, зная, что Чубаровы мошенничаютъ, продолжаютъ жить съ ними, судебный слѣдователь отвѣчалъ: «Если они не разставались съ нею, Чубаровою, въ своей трудной доли у ней, то мнѣ думается потому, что люди не одинаково смотрятъ на жизнь и на самихъ себя въ жизни: одни, при всевозможнаго рода удобствахъ, все чѣмъ-то недовольны, ни чѣмъ не занимаясь и ни надъ чѣмъ не трудясь, говорятъ, что утомились и ищутъ отдыха, при разныхъ развлеченіяхъ ищутъ утѣшеній; другіе же умѣютъ находить довольство въ недостаткахъ, отдыхъ въ трудахъ и утѣшеніе въ огорченіяхъ». Наконецъ, на вопросъ, чѣмъ онъ объясняетъ себѣ безобразное поведеніе Вырыпаева на судѣ (онъ бранился самыми неприличными словами, такъ что его принуждены были безпрестанно удалять изъ залы), слѣдователь сказалъ: «Я думаю, что Вырыпаевъ желаетъ подъ личиною этого безобразія, скрыть въ себѣ свой высокій, нравственный строй и избѣжать чести и славы, которыя онъ могъ бы заслужить отъ всѣхъ въ противномъ случаѣ».

При помощи Аносова и Вырыпаева, у Чубаровой вскорѣ вмѣсто полуразрушенной избы явились два хорошіе дома и Авдотья устроила у себя обитель, куда стала сзывать молодыхъ дѣвушекъ, будто бы, для совмѣстной благочестивой жизни и молитвы, въ дѣйствительности же для разврата. «Ты думаешь, онѣ въ самомъ дѣлѣ богомолки, сказалъ Михаилъ Чубаровъ сотскому с. Пупки,—онѣ наши (т. е. его, Аносова и Вырыпаева) любовницы, впрочемъ, тѣ только, которыя получше». Такихъ дѣвушекъ было въ обители 17 и, при ихъ содѣйствіи, Авдотья выманивала деньги отъ посѣтителей, число которыхъ постоянно увеличивалось. Кого же изъ посѣтителей нельзя было поймать на удочку пьянства и разврата, для тѣхъ существовала другая приманка—сироты. Авдотья брала къ себѣ дѣтей, увѣряя, что опекаетъ ихъ, въ дѣйствительности же, дѣти исполняли всѣ домашнія работы, въ то время, какъ взрослые пьянствовали и развратничали. Приманка сиротами дѣйствовала особенно успѣшно. Наши крестьяне, не избалованные судьбою, всегда съ особеннымъ сочувствіемъ относятся къ сиротамъ, всегда готовы помочь имъ. По словамъ обвинительнаго акта, пожертвованія въ пользу сиротъ привозились возами и сами жертвователи оставались работать безплатно на землѣ Чубаровыхъ. Несмотря на массу пожертвованій въ ихъ пользу, самимъ сиротамъ жилось плохо, ихъ ничему не учили, только заставляли непосильно работать.

Развратъ и пьянство въ обители влекли за собой частые скандалы, требовавшіе вмѣшательства полицейскихъ властей. Разъ Михаилъ Чубаровъ прибѣжалъ къ старостѣ съ просьбой унять бунтъ у нихъ въ обители. Сельскія власти отправились туда, перевязали пьяныхъ мужчинъ и женщинъ, и отправили подъ карауломъ въ полицейское управленіе. Вырыпаевъ и Аносовъ буйствовали болѣе другихъ и кричали, что все имущество Чубаровыхъ натаскано ими, что Наталья и Пелагея Чубаровы были ихъ любовницами, а теперь отказываются продолжать связь, потому что нашли себѣ любовниковъ получше и помоложе. Такіе скандалы повторялись очень часто. О нихъ знали всѣ и между тѣмъ увѣренность въ святости Вырыпаева и Аносова, въ благотворительности Чубаровыхъ нисколько не колебалась и наивные добродушные люди продолжали обогощать мошенниковъ.

Очень возможно, что Чубаровы вмѣстѣ съ своими странниками и до сихъ поръ продолжали бы обирать темныхъ людей, если бы жадность не побудила ихъ рискнуть на дѣло, приведшее ихъ на скамью подсудимыхъ.

Въ рязанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ находится рясофорная монахиня Ювеналія, въ міру дѣвица изъ дворянъ Юлія Токарева. Принадлежавшая ей земля, въ количествѣ 90 десятинъ, соблазнила Чубаровыхъ и они рѣшили овладѣть ею непремѣнно. Токарева очень любила принимать у себя странниковъ и юродивыхъ, что было какъ разъ на руку пунковской шайкѣ. Она отрядила на развѣдки къ Токаревой Аносова. Пришелъ онъ въ монастырь и сталъ разсказывать сестрѣ Ювеналіи о святости Вырыпаева, о благочестивомъ житіи Чубаровыхъ, о томъ, что старуха Чубарова удостоилась побывать въ Іерусалимѣ и теперь посвятила всю свою жизнь на призрѣніе сиротъ, и намѣрена устроить св. обитель въ сел. Пупки. Далѣе хитрый странникъ, провѣдавшій, что Ювеналія честолюбива, ловко намекнулъ, что она, какъ женщина образованная и свѣдущая въ св. писаніи, могла бы сдѣлаться настоятельницей новой обители, а для достиженія этого нужно немного: пусть она только пожертвуетъ въ пользу благого дѣла принадлежавшую ей землю. Странникъ ловко попалъ въ цѣль; Ювеналія стала сдаваться, тогда онъ предложилъ ей самой съѣздить въ Пупки и познакомиться съ «благочестивой женой Авдотьей». Токарева поѣхала вмѣстѣ съ Аносовымъ. Странникъ и тутъ повелъ дѣло очень ловко. Онъ не привезъ свою спутницу прямо въ домъ Чубаровыхъ, а заѣхалъ прежде на мельницу Оксанова, хорошо зная, что мельникъ будетъ распространяться о «подвижничествѣ» Вырыпаева. Такъ и случилось. Наслушавшись похвалъ юродивому, сестра Ювеналія подъѣхала къ дому Чубаровыхъ вполнѣ подготовленная всему тамъ удивляться и всѣмъ восхищаться. И вотъ вступила она на первую ступеньку крыльца, ее встрѣчаетъ старуха Чубарова съ пукомъ зажженныхъ восковыхъ свѣчей, «по іерусалимски», поясняетъ хозяйка дома. Вошли въ комнату, которая была уставлена образами и освѣщена множествомъ лампадъ и большихъ свѣчей. Потомъ начались повѣствованія о путешествіяхъ къ святымъ мѣстамъ. Чубарова говорила, что состоитъ въ тайномъ постриженіи подъ именемъ Евпраксіи, показывала монашеское одѣяніе и, наконецъ, разсказала, что мѣсто, на которомъ живетъ, благословлено подъ монастырь іерусалимскими патріархами и сезеновскимъ затворникомъ Иваномъ Ивановичемъ. При этомъ былъ показанъ желѣзный посохъ Ивана Ивановича въ 17 фунтовъ вѣсу. Окончивъ разсказъ, Чубарова свела Токареву въ комнату Вырыпаева, котораго въ то время не было. Черезъ приподнятую половицу были видны портреты затворниковъ и Чубаровой въ монашескомъ одѣяніи. Подготовивши такимъ образомъ, Чубарова начала уговаривать Токареву пожертвовать землю въ пользу предполагаемой богадѣльни. Убѣжденія продолжались и на слѣдующій день, при участіи Никиты Вырыпаева. Продолжая убѣжденія, Чубарова провела Токареву въ свою комнату и сняла висѣвшій на стѣнѣ саквояжъ; подъ нимъ оказалось окошечко къ затворнику, закрытое иконою. Потомъ послѣдовала слѣдующая сцена: на возгласъ Чубаровой «братъ-отецъ, благослови!» Вырыпаевъ, не показываясь, пробормоталъ что-то, а потомъ узнавъ, что Токарева желаетъ выслушать его совѣтъ, началъ говорить, что это мѣсто благословлено для монастыря, что онъ видѣлъ тутъ огненный столбъ и, наконецъ, посовѣтовалъ 60 десятинъ запродать и пожертвовать, а 30 десятинъ сдать въ аренду. Видя, что Токарева все еще сомнѣвается, Вырыпаевъ подалъ чрезъ окошко икону Божіей Матери и велѣлъ бросить жребій: по его указанію Токарева написала два билета, положила ихъ за образъ и, помолившись, вынула одинъ съ надписью «продать и пожертвовать». Послѣ этого, наконецъ, Токарева выразила согласіе. Лошади были приготовлены заранѣе, и Чубаровы, мать и сынъ, не медля ни минуты, повезли ее въ Скопинъ и совершили запродажную запись на 60 десятинъ у нотаріуса Быковскаго, въ которой было означено полученіе Токаревою 3,000 р.; остальныя 30 десятинъ она сдала Михаилу Чубарову въ аренду на 12 лѣтъ по особому условію. Въ тотъ же вечеръ, когда вернулись въ Пупки, Аносовъ принесъ бумагу отъ затворника, на которой Токарева должна была росписаться въ полученіи 3,000 руб. Вслѣдствіе новыхъ убѣжденій она подписала и этотъ документъ, заручившись обѣщаніемъ Чубаровой уплатить ея долги въ количествѣ 1,700 р.; остальныя деньги рѣшила пожертвовать на богадѣльню.

Черезъ 4 мѣсяца шайка уговорила Токареву продать и остальныя 30 десятинъ, и купчая была совершена у того же нотаріуса на всѣ 90 дес. Но узнавъ, что Чубаровы обманываютъ ее, Токарева не явилась для подписи купчей крѣпости и продажа несостоялась. Но у Михаила Чубарова была росписка Токаревой въ полученіи 3,000 руб. по первой запродажной записи. Ихъ и взыскалъ съ нее Чубаровъ. Для удовлетворенія его претензіи была продана земля, принадлежавшая Токаревой.

Жалоба на эту мошенническую продѣлку вызвала судебный процессъ, раскрывшій подробности дѣяній Чубаровыхъ, Аносова и Вырыпаева.

Въ этомъ дѣлѣ представляютъ интересъ не размѣры мошенничества, ничтожныя по сравненію съ милліонными результатами другихъ грабительскихъ продѣлокъ, также подвергшихся обсужденію и рѣшенію суда. Это дѣло важно потому, что разъясняетъ, какъ еще легко у насъ эксплуатировать религіозное чувство населенія, какъ легко вліять на народныя массы проходимцамъ, въ родѣ юродиваго Вырыпаева и странника Аносова. Противъ темной силы, представляемой юродствомъ и странничествомъ, безсильны поли-

ИТАЛЬЯНСКІЕ ТИПЫ.

Пиккола (дѣвочка).

ИТАЛЬЯНСКІЕ ТИПЫ.

Пикколо (мальчикъ).

цейскія мѣры и судебные приговоры; побороть ихъ можетъ только хорошая школа, да улучшеніе экономическаго состоянія народа. Сѣрый деревенскій людъ, живущій въ курной или грязной, тѣсной избѣ, ѣздящій по ужаснымъ проселочнымъ дорогамъ, ѣдящій плохо, и самую грубую пищу, особенно склоненъ къ суевѣрію, легко поддается эксплуататору, дѣйствующему на его чувство.

Впрочемъ, одинъ ли сѣрый людъ у насъ легко поддается суевѣрію. Въ прошломъ нумерѣ нашего журнала, читатели прочли о прорицательницѣ Сонечкѣ, пользующейся большимъ авторитетомъ въ г. Лебедяни. Вздумалось ей взболтнуть, что въ Духовъ день сгоритъ весь городъ и жители богоспасаемаго града засуетились, на нихъ напалъ страхъ. Корреспондентъ, сообщившій это извѣстіе, говоритъ, что такъ какъ, къ счастію, пожара не было, то Сонечка стала терять свой авторитетъ. Едва-ли. Найдутся люди, которыя постараются объяснить, что Сонечка же и отвратила бѣду отъ города и — что весьма вѣроятно — прорицательница не только не потеряетъ своего авторитета, но пріобрѣтетъ еще большее обаяніе.

Можно-ли обвинять деревню и уѣздный городъ, когда въ столицѣ, въ Петербургѣ (о Москвѣ нечего и упоминать), суевѣрія не оберешься, оно безпрестанно напоминаетъ о своей живучести. Недавно судилась цыганка, промышлявшая гаданьемъ. И что же оказалось? Въ ея гаданье вѣрили и къ ней прибѣгали не только купчихи (имъ, заплывшимъ жиромъ и не знающимъ, что съ собой дѣлать отъ праздности — какъ не вѣрить въ гаданіе!), но и женщины, принадлежащія къ образованному кругу. И въ Петербургѣ заходятъ юродивые, и здѣсь не мало барынь, которыя на приходъ странника къ нимъ въ домъ, смотрятъ, какъ на высшую благодать, и чествуютъ всякихъ проходимцевъ.

Въ западно-европейской литературѣ ежегодно выходитъ масса романовъ, пишущихся съ спеціальной цѣлію дѣйствовать на нервы читателей и до крайности раздражать ихъ чувства. Въ такихъ романахъ, повидимому, самыя невозможныя событія слѣдуютъ одно за другимъ. Читатель, прочитывая такой романъ, задыхается отъ волненія и ожиданія, но окончивъ его обыкновенно говоритъ: «сказка!» Каково же бываетъ его изумленіе, когда, въ дѣйствительной жизни, время отъ времени, осуществляются событія, которыя онъ считалъ сказкою. Можно еще, пожалуй, не удивляться, если такія событія совершаются въ Италіи или Испаніи, подъ жаркимъ небомъ, среди страстнаго, вспыльчиваго населенія; но когда онѣ случаются въ странѣ гиперборейской, подъ хладнымъ ингерманландскимъ небомъ, въ Петербургѣ, позволительно выразить крайнее изумленіе. И удивились же петербуржцы, узнавъ, что въ ихъ городѣ совершилось преступленіе во вкусѣ понсонъ-дю-терайлевскихъ романовъ.

На Васильевскомъ островѣ, въ 9-й линіи, въ домѣ № 22 пришлось передѣлать дворницкую, для чего понадобилось рыть землю. Рабочіе, выбросивъ нѣсколько лопатъ земли, наталкиваются на одинъ трупъ, затѣмъ на другой. Волосы у нихъ встаютъ дыбомъ; въ ужасѣ они бросаютъ работу и даютъ знать полиціи. Въ городѣ начинаются толки. Всегда есть люди, которымъ кажется, что они все знаютъ, все могутъ предвидѣть. Нечего и говорить, что они съ особенной страстностью принялись отыскивать разъясненіе причинъ совершившагося преступленія: трупы, конечно, могли попасть во дворъ дома только вслѣдствія убійства. Допустивъ убійство, слѣдовало найти разъясненіе его мотивовъ. Разумѣется, самые подходящіе вѣчно-повторяющіеся мотивы многочисленныхъ преступленій: любовь и ревность. Нѣсколько времени ими и объяснялось загадочное преступленіе. Теперь дѣло начинаетъ разъясняться. Вотъ что пишутъ въ «Пет. Вѣд.»: «Мѣсто, гдѣ разыгралась кровавая драма, домъ подъ № 22, можно назвать почти уединеннымъ. Въ каменномъ двухъэтажномъ домѣ и въ деревянномъ одноэтажномъ флигелѣ были заняты всего три квартиры и притомъ людьми спокойными, неимѣющими обыкновенія входить въ чужія дѣла. Дворницкая помѣщалась въ глубинѣ двора и примыкала къ саду. По имѣющимся теперь въ дѣлѣ указаніямъ, оказывается, что эта дворницкая, благодаря своему уединенному положенію, замѣняла, въ нѣкоторомъ родѣ, игорный домъ для лицъ низшаго класса, куда собирались для игры и попоекъ, разные знакомые дворника дома подъ № 22. Есть указанія на то, что въ попойкахъ принимали участіе и женщины. Сюда же являлся проводить вечера, а иногда и цѣлыя ночи, дворникъ изъ дома подъ № 28. Вѣроятно, фортуна ему не повезла. По крайней мѣрѣ, извѣстно, что въ одинъ прекрасный день, хозяинъ дома подъ № 28, обнаружилъ по дому растрату денегъ, въ количествѣ болѣе 70 руб. Растрата была совершена дворникомъ, который помянутую сумму съ жильцовъ собралъ, а хозяину не представилъ. Хозяинъ, конечно, разгорячился, покричалъ на дворника и обѣщалъ даже передать дѣло суду. Проходитъ два-три дня — и дворникъ исчезаетъ безслѣдно. Въ книгахъ участка помѣчено: «крестьянинъ такой-то выбылъ, не давъ отмѣтки». Одновременно съ этимъ полиція начала замѣчать, что передъ домомъ подъ № 22, панель и улица остаются не выметенными въ теченіе четырехъ дней. Входятъ въ дворницкую. Тамъ не оказалось ни самого дворника, ни вещей его, кромѣ хозяйскаго топора и лопаты. Въ участкѣ отмѣтили: «крестьянинъ такой-то выбылъ, не давъ отмѣтки». Одновременное исчезновеніе двухъ дворниковъ не обратило на себя ничьего вниманія, тѣмъ болѣе, что оба они собирались вскорѣ уѣзжать въ деревню. Можетъ быть, это дѣло такъ бы и кануло навѣки въ Лету, если бы не понадобилось передѣлать дворницкую въ домѣ подъ № 22. Стали рыть канавку для фундамента — нашли одинъ трупъ, значительно уже разложившійся, немного дальше — другой такой же. Явилось предположеніе: не принадлежатъ ли найденные трупы исчезнувшимъ дворникамъ? Навели справки на родинѣ. Оказалось, что пропавшіе тамъ не появлялись и извѣстій о нихъ уже давно не получалось. Начались розыски. Явились даже подозрѣнія, болѣе или менѣе основательныя. Нѣсколько лицъ, противъ которыхъ есть довольно важныя улики, уже задержаны. 28 іюня, при чисткѣ выгребныхъ ямъ въ домѣ подъ № 22, были найдены: пиджакъ суконный, двѣ фуражки, изъ которыхъ одна кожаная, а другая суконная, пара синихъ деревенскихъ подштанниковъ, пара ластиковыхъ штановъ, ситцевая мужская рубашка, женская юбка и подушка въ красной ситцевой наволочкѣ. Принадлежность этихъ вещей кому либо еще не опредѣлена. Одно не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что эти вещи попали въ выгребную яму не случайно: одно изъ двухъ — или на нихъ были слѣды убійства, или онѣ были брошены для того, чтобы выбытіе дворника въ деревню казалось правдоподобнѣе».

По этому дѣлу производится слѣдствіе.

Отъ этого еще пока загадочнаго преступленія, перейдемъ къ другому, совершившемуся слишкомъ явно въ томъ же Петербургѣ. Преступленіе это принадлежитъ къ разряду самыхъ возмутительныхъ. Преступники — пятеро мужчинъ, жертва — женщина. Вотъ какъ разсказано объ этомъ преступленіи въ «Бирж. Вѣд.»: Компанія, состоявшая изъ пятерыхъ мужчинъ, изъ которыхъ младшему было лѣтъ 35, раннимъ утромъ, въ 5 часовъ по полуночи, находясь нѣсколько навеселѣ, отправилась на тоню. Встрѣтивъ здѣсь неизвѣстную молодую женщину, одѣтую весьма прилично, люди эти возымѣли дикій замыселъ — завладѣть случайно по пути попавшеюся имъ женщиною и безотлагательно дать полный произволъ своимъ чувственнымъ инстинктамъ. Задумано — сдѣлано. Несмотря на сопротивленія и крики несчастной жертвы, совершилась ужаснѣйшая по своимъ циническимъ подробностямъ сцена. Двое изъ означенной подгулявшей компаніи были главными дѣйствующими лицами насилія, остальные усердно способствовали его совершенію, отнявъ у жертвы всякую возможность къ сопротивленію. Злодѣи (иначе трудно назвать героевъ такого возмутительнаго дѣянія) выпустили жертву на свободу только сутки спустя, продержавъ ее предварительно въ кутузкѣ мѣстнаго полицейскаго участка. Несчастная женщина, вырвавшись изъ гнусной засады, безотлагательно обратилась къ акушеру, который по освидѣтельствованіи призналъ ее въ послѣднемъ періодѣ беременности. Вслѣдствіе поданной жалобы въ административномъ порядкѣ, немедленно было назначено дознаніе, которое и подтвердило справедливость жалобы.

Н. И.

Новости наукъ и жизни.

— Нашъ фабричный прогрессъ. «Голосу» сообщаютъ, что при разсмотрѣніи узорочныхъ газовыхъ матерій, доставленныхъ московскими фабрикантами, эксперты класса № 32-й выставки, выражали сомнѣніе относительно подлинности происхожденія тканей и остановились на предположеніи, что эти матеріи были выработаны не въ Москвѣ, а въ Ліонѣ! Почетный членъ попечительнаго совѣта нашего художественно-промышленнаго музея, г. Наталисъ Рондо, занимающій на выставкѣ должность предсѣдателя экспертовъ по классу № 34-й (шолковое производство), обратилъ вниманіе на это обстоятельство и немедленно отправилъ въ «московскій вспомогательный комитетъ по участію Россіи въ парижской всемірной выставкѣ 1878 года», образцы матерій, возбудившихъ сомнѣніе, причемъ просилъ сличить ихъ, «въ присутствіи французскаго консула», съ производящимися на фабрикахъ издѣліями. Просьба была исполнена безотлагательно, а потомъ въ Парижъ были отправлены образцы, взятые на фабрикахъ Бородина, Никитина, Горяева и комп., Тимашева, Золотаревой и Рыбакова, при сертификатѣ за подписью В. И. Бутовскаго и французскаго консула, въ доказательство того, что выставленные и возбудившіе сомнѣніе товары, были дѣйствительно изготовлены въ Москвѣ. Изъ офиціальной переписки съ г. Рондо, оказывается, что поводомъ къ возбужденію нынѣ разъяснившагося сомнѣнія послужила «поистинѣ замѣчательная фабрикація тканей». «Во Франціи, Англіи и Германіи (пишетъ г. Наталисъ Рондо) до сихъ поръ не вѣрятъ, что русское мануфактурное дѣло сильно двинулось впередъ и что теперь оно даетъ издѣлія, неуступающія произведеніямъ лучшихъ иностранныхъ фабрикъ. Мнѣ нѣтъ надобности объяснять (продолжаетъ онъ), до какой степени важно дать въ этомъ случаѣ удовлетвореніе экспертной коммисіи; удостовѣреніе въ томъ, что эти газовыя матеріи были дѣйствительно выработаны въ Москвѣ, дастъ возможность воздать русской промышленности полную честь, безъ всякого ограниченія (sans aucune réserve), за успѣхи въ мануфактурномъ дѣлѣ, по всей справедливости, необыкновенные».

— Избраніе Виктора Гюго. Иностранныя газеты сообщаютъ, что Викторъ Гюго избранъ директоромъ французской академіи. Обыкновенно выборы въ директора происходили безъ всякой борьбы; но на этотъ разъ реакціонеры, засѣдающіе въ академіи, хотѣли примѣнить сюда политику. Они воспротивились избранію маститаго поэта, подъ тѣмъ предлогомъ, что «онъ предсѣдательствовалъ на столѣтнемъ юбилеѣ Вольтера». Предводителемъ этой оппозиціи явился извѣст-

ный критикъ-доктринеръ графъ д'Оссонвиль. Между нимъ и Эрнестомъ Легуве произошла даже довольно крупная полемическая стычка. Но, не смотря на всѣ усилія правой стороны академіи, В. Гюго получилъ 10 голосовъ, тогда какъ противъ него былъ поданъ только 1 голосъ, а 5 членовъ академіи воздержались отъ подачи голосовъ. Въ числѣ послѣднихъ были, между прочимъ, пользующійся столь печальной извѣстностью, Эмиль Олливье, бывшій министръ Наполеона III, Надаръ авторъ исторіи французской литературы и «химикъ» Дюма; герцогъ Брольи опоздалъ; онъ пріѣхалъ, когда выборы уже кончились. Безсиліе свое правая сторона академіи выказываетъ уже второй разъ. Она такъ же безуспѣшно интриговала противъ Ренана и историка Анри Мартена, получившихъ, однакожь, на послѣднихъ выборахъ значительное большинство голосовъ.

— **Г. Н. Жулевъ.** 30-го іюня, въ $4^1/_2$ часа по полудни, скончался послѣ продолжительной болѣзни одинъ изъ нашихъ юмористическихъ поэтовъ Гавріилъ Николаевичъ Жулевъ, 45 лѣтъ отъ роду. Покойный получилъ воспитаніе въ театральномъ училищѣ и былъ выпущенъ въ русскую драматическую труппу, въ которой и прослужилъ установленный срокъ, послѣ котораго вышелъ въ отставку. Жулевъ началъ свою литературную дѣятельность въ «Искрѣ»; затѣмъ работалъ въ «Будильникѣ», «Петербургскомъ Листкѣ» и наконецъ послѣдніе годы въ «Петербургской Газетѣ». Онъ писалъ подъ псевдонимомъ «Скорбный поэтъ», «Дебютантъ» и «Гусь». Въ шестидесятыхъ годахъ стихотворенія его вышли отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ «Пѣсни скорбнаго поэта». Затѣмъ имъ былъ изданъ сборникъ стихотвореній «Ба! Знакомыя все лица!» Покойный Г. Н. Жулевъ въ сотрудничествѣ съ другими лицами написалъ слѣдующія пьесы: «Петербургскіе когти», «Петербургскій Фигаро», «Со ступеньки на ступеньку», «Золотая удочка» и «Черненькіе и бѣленькіе».

— **Вертящійся аэростатъ.** Въ «Бирж. Вѣд.» сообщаютъ, что на парижской выставкѣ, въ отдѣлѣ Аргентинской республики, находится модель новаго устройства аэрострата, изобрѣтеннаго Дэпла, изъ Буэносъ Айреса. Этотъ аэростатъ отличается отъ прочихъ тѣмъ, что онъ приводится въ движеніе посредствомъ винтовъ и можетъ быть управляемъ подобно кораблю. Онъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей: двойного шара, внѣшнія стѣнки котораго металлическія и могутъ быть сдѣланы изъ желѣза, цинка или мѣди, а внутреннія сшиты изъ плотной шелковой матеріи, сложенной вдвое. На поверхности шара укрѣпленъ спиралеобразно, начинаясь съ верхней точки шара и оканчиваясь у нижняго его отверстія, неподвижный парусъ; подъ шаромъ находится лодка, имѣющая видъ большой пароходной каюты съ окнами и дверью, стоящей на платформѣ, по которой можно ходить вокругъ каюты. По обѣимъ сторонамъ этой платформы помѣщены колеса, также имѣющія видъ пароходныхъ, съ крыльями, называемыми изобрѣтателемъ «подвижными парусами». Впереди платформы находится руль, а на противоположной сторонѣ винтъ въ горизонтальномъ положеніи. Черезъ весь описанный аппаратъ идетъ вертикальная ось, одинъ конецъ которой укрѣпленъ въ самой верхней точкѣ шара, а другой конецъ, проходя чрезъ центръ каюты и платформы, оканчивается подъ платформою или, лучше сказать, въ ней самой большимъ винтомъ. Эта ось приспособлена такимъ образомъ, что съ ея поворотомъ поворачивается лишь одинъ шаръ вмѣстѣ съ нижнимъ винтомъ, но лодка вмѣстѣ съ платформою, колесами, рулемъ и горизонтальнымъ винтомъ не участвуетъ въ этомъ вращательномъ движеніи, не будучи подобно шару соединена съ осью. Модель этого новаго аэростата, представленная на выставку изобрѣтателемъ и названная имъ «Le demi-monde» (полуміръ), — небольшой величины; она приводится въ дѣйствіе посредствомъ двухъ рукоятокъ, находящихся позади лодки на платформѣ; большая изъ нихъ служитъ для того, чтобы приводить въ движеніе или останавливать два вышеупомянутыхъ боковыхъ колеса съ подвижными крыльями; посредствомъ же меньшей рукоятки сообщается вращательное движеніе вертикальной оси, а слѣдовательно и винту, находящемуся подъ платформой, заставляя этотъ винтъ вертѣться въ ту или другую сторону. Въ настоящемъ же аэростатѣ вмѣсто этихъ рукоятокъ дѣйствуетъ паровая машина въ 10 или 12 лошадиныхъ силъ, помѣщенная внутри каюты. При аэростатѣ Дэпла водородъ, наполняющій шаръ, служитъ не для поднятія аэростата, а лишь для приданія ему равновѣсія въ воздушномъ пространствѣ; поднятіе же аэростата производится слѣдующимъ образомъ: нижній винтъ, будучи приведенъ въ вращательное движеніе, заставляетъ вертѣться и укрѣпленный на одной оси шаръ, который, вертясь, и поднимается по перпендикулярной линіи вверхъ вслѣдствіе лишь спиралеобразно расположеннаго по его поверхности неподвижнаго паруса; для поступательнаго движенія аэростата по горизонтальной линіи, служатъ боковыя колеса и горизонтальный винтъ, а руль служитъ для управленія аэростатомъ.

По разсчету, сдѣланному Дэпла, натуральная величина изобрѣтеннаго имъ воздушнаго аппарата должна быть слѣдующая: діаметръ шара въ 61 метръ (одинъ метръ равняется 1,406 аршина); платформа, на которой помѣщается каюта, руль и горизонтальный винтъ, должна имѣть поверхность въ 2,300 кв. метровъ, изъ коихъ 1,584 метра занимаетъ самая каюта. Соотвѣтственно такимъ размѣрамъ вышеупомянутыхъ частей аппарата, нижній винтъ имѣетъ 25 метровъ въ діаметрѣ, а каждое изъ боковыхъ колесъ 28 метровъ. Въ шаръ вышеуказаннаго объема входитъ около 100,544 кубическихъ метровъ водорода; такое количество водорода въ состояніи поднять тяжесть, равную $703,812^1/_3$ кило, т. е. около 43,875 пудамъ! Вѣсъ же всѣхъ частей аэростата разсчитанъ такимъ образомъ, что, прибавивъ къ нему вѣсъ баласта, помѣщаемаго на днѣ лодки, равнаго трети всей тяжести, поднимаемой шаромъ, остается еще болѣе 222,000 кило, т. е. около 13,875 пудовъ на пассажировъ, багажъ и прочія вещи. Словомъ, если изобрѣтеніе Дэпла окажется осуществимымъ, то міръ увидитъ воздушнаго Левіафана двигающагося со скоростью 136,560 метровъ въ часъ (около 120 верстъ). Надобно еще замѣтить, что аэростатъ Дэпла будетъ двигаться впередъ не по прямой горизонтальной линіи, а по волнообразной, и притомъ въ безвѣтренномъ пространствѣ, такъ что, въ случаѣ значительнаго вѣтра, аэростатъ долженъ подняться приблизительно на 4,000 метровъ отъ уровня моря. Вертящимся аэростатъ названъ потому, что только при вращательномъ движеніи онъ можетъ двигаться впередъ, ибо, вертясь, онъ своимъ неподвижнымъ парусомъ сообщаетъ движеніе боковымъ колесамъ, которыя для движенія впередъ соединяются другъ съ другомъ посредствомъ особаго механизма; вмѣстѣ же съ этими колесами приходитъ въ движеніе и горизонтальный винтъ. Постройка этого аэростата въ указанномъ размѣрѣ обойдется въ три милліона франковъ.

— **Марокскій султанъ.** Скончавшійся внезапно марокскій султанъ, Сиди-Мулей-Гассанъ, былъ второй сынъ султана Сиди-Могамеда и родился въ 1837 году въ Мекинэ, губернаторомъ котораго состоялъ его отецъ. Когда послѣдній достигъ престола, Сиди-Мулей-Гассанъ получилъ дипломатическое порученіе къ испанскому двору, а затѣмъ губернаторское мѣсто. На престолъ взошелъ онъ въ 1873 году. Покойный султанъ принадлежалъ къ числу реформаторовъ и желалъ привить европейскую цивилизацію въ Марокко.

— **Лѣсохозяйственный атласъ.** Лѣсное общество послало на всемірную выставку лѣсохозяйственный статистическій атласъ Европейской Россіи, составленный подъ редакціею П. Верехи и А. Матерна и изданный обществомъ, съ параллельными русскимъ и французскими текстами. Мы находимъ въ немъ карты распространенія лѣсовъ, распредѣленія общей площади лѣсовъ по губерніямъ, въ отношеніи къ пространству губерній, распредѣленія площади лѣсовъ казенныхъ, въ отношеніи къ пространству губерній, распредѣленія общей площади лѣсовъ по губерніямъ въ отношеніи къ числу жителей губерніи, распредѣленія общей прощади лѣсовъ по губерніямъ въ отношеніи къ числу жителей губерній, распредѣленія площади лѣсовъ казенныхъ устроенныхъ къ неустроеннымъ, размѣра эксплуатаціи лѣсовъ казенныхъ, средняго валоваго дохода отъ казенныхъ лѣсовъ въ деньгахъ.

— **Новая газета.** Извѣстному литератору г. Гурсу, по сообщенію газетъ, разрѣшено изданіе, подъ его редакціею, большой политической и литературной газеты «Русская Правда». Изданіе газеты начнется, какъ слышно, съ 1-го сентября этого года здѣсь, въ С.-Петербургѣ.

Смѣсь.

— **Новое общество.** Въ Петербургѣ открыло дѣйствія с.-петербургское общество торговопромышленныхъ приказчиковъ-спеціалистовъ. Оно имѣетъ цѣлью служить посредникомъ между торговцами и промышленниками съ одной стороны, а съ другой стороны лицами, предлагающими свои услуги въ качествѣ приказчиковъ, рекомендуя первымъ благонадежныхъ и знающихъ свое дѣло приказчиковъ и другихъ служащихъ, а послѣднимъ доставляя соотвѣтственныя ихъ спеціальнымъ занятіямъ служебныя мѣста. Желающій вступить въ общество обязанъ во 1-хъ представить въ правленіе общества письменное удостовѣреніе о своемъ спеціальномъ знаніи и благонадежности отъ того торговаго дома или лица, гдѣ онъ находился на службѣ; во 2-хъ внести въ кассу общества единовременно двѣсти сорокъ рублей на образованіе средствъ общества. За дѣйствія своихъ членовъ общество отвѣчаетъ предъ торговцами и промышленниками, какъ своимъ основнымъ капиталомъ, такъ и оборотнымъ, и дивидендымъ.

— **Картинка изъ нашихъ нравовъ.** Газета «Правда» сообщаетъ, что надняхъ происходили выборы гласныхъ въ верхнеднѣпровскомъ земскомъ собраніи. На выборы, по довѣренности жены своей, Софьи Ковалевской, явился мужъ ея, Викторъ Ковалевскій, съ законнымъ уполномочіемъ. Въ довѣренности она уполномочила его «избирать въ гласные людей честныхъ, избѣгать выбора сѣдыхъ, слѣпыхъ, хромыхъ, юродивыхъ и служившихъ въ прежнемъ трехлѣтіи». Избиратели-гласные взбаламутились: «Вонъ, вонъ изъ собранія!» закричали они съ прибавленіемъ крѣпкихъ русскихъ словъ. Избиратель Ковалевскій былъ изгнанъ изъ собранія.

— **Самый искусный въ мірѣ стрѣлокъ.** По словамъ «Chasse Illustrée», въ Нью Іоркъ прибылъ удивительный стрѣлокъ. Называется онъ д-ръ Карверъ и его считаютъ искуснѣйшимъ стрѣлкомъ въ мірѣ. Еще въ дѣтствѣ онъ былъ похищенъ индійцами Дакота, между которыми и прожилъ 16 лѣтъ. Девятилѣтнимъ мальчикомъ, онъ билъ уже на лету птицъ, изъ карабина, и впослѣдствіи на столько сдѣлался искуснымъ, что индійцы считали его сверхъ-естественнымъ существомъ. Даже верхомъ на лошади онъ рѣдко давалъ промахъ по птицѣ, и билъ дикихъ звѣрей и бизоновъ, держа карабинъ на колѣнѣ и не цѣлясь. По отъѣздѣ отъ индійцевъ, докторъ Карверъ участвовалъ въ стрѣлковыхъ состязаніяхъ въ Сан-Франциско и въ другихъ городахъ, и слава объ его подвигахъ распространилась по всему побережью Тихаго океана. Въ Аукландѣ, въ Калифорніи, онъ послѣдовательно разбилъ 2,000 стеклянныхъ шаровъ, за исключеніемъ только семи. Въ другой разъ онъ разбилъ 50 шаровъ, сидя на лошади, скакавшей во весь опоръ. Докторъ Карверъ увѣряетъ, что ему случалось разбивать пулею шары, сидя на лошади, перепрыгивавшей въ данную минуту чрезъ изгородь въ четыре фута высотою. Онъ также хорошо стрѣляетъ на слухъ, какъ и на глазъ. Однажды ему завязали глаза и онъ попалъ пулею въ находившійся позади него колокольчикъ. Объяснить свое непостижимое искусство онъ не можетъ, но увѣряетъ, что оно далось ему само собою, естественно.

Телеграммы.

Константинополь, 28-го іюня. Здѣсь распространились слухи, что русскія войска въ скоромъ времени очистятъ окрестности Константинополя и отступятъ на линію укрѣпленій у Чаталджи. Турецкіе коммиссары отправляются для осмотра мѣстности и водворенія турецкихъ выходцевъ; но по нѣкоторымъ, происходящимъ здѣсь приготовленіямъ, можно заключить, что Порта предполагаетъ двинуть свои войска на позиціи, которыя будутъ очищены русскими.

Пера, 29-го іюня. Сегодня адмиралъ Уольслей, съ двумя броненосцами и частью индійскихъ войскъ долженъ занять островъ Кипръ.

Берлинъ, 30-го іюня. Франція изъявила согласіе подписать постановленія берлинскаго конгресса, но, по слухамъ, сдѣлаетъ оговорку относительно англо-турецкой конвенціи и захвата Кипра Англіей. Послѣ конгресса начнутся особые переговоры между Франціей и Англіей по поводу этой конвенціи. Лордъ Биконсфильдъ успокоиваетъ Ваддингтона разоблаченіями насчетъ того, что Германія и Россія неоднократно предлагали Англіи завладѣть Египтомъ, но что Англія отказалась отъ этого предложенія «въ интересахъ Франціи» и потому, что желала сохранить съ ней дружественныя отношенія. Тѣмъ не менѣе французскіе дипломаты ни мало не утѣшились и враждебно настроены къ Англіи.

— 1-го іюля. Сегодня въ три часа началось послѣднее засѣданіе конгресса; всѣ уполномоченные пріѣхали въ парадной формѣ. Князь Бисмаркъ произнесъ рѣчь, въ которой высказалъ удовольствіе, что довелось довершить мирное дѣло. Графъ Андраши благодарилъ Бисмарка именемъ конгресса, за руководительство совѣщаніями. При этомъ всѣ члены конгресса встали со своихъ креселъ и поклонились князю Бисмарку. Бисмаркъ въ свою очередь благодарилъ членовъ конгресса.

— 2-го іюля. Къ рѣшенію конгресса оставить въ силѣ постановленія парижскаго трактата, относительно прохода военныхъ судовъ черезъ турецкіе проливы, маркизъ Салисбюри сдѣлалъ слѣдующее заявленіе, которое присоединено къ протоколамъ конгресса: «обязательства Англіи, вытекающія изъ запрещенія прохода военныхъ судовъ по Дарданельскому проливу, исчерпываются обѣщаніемъ передъ Портою уважать всѣ, рѣшенія Порты по этому предмету».

Въ силу этой деклараціи, Порта можетъ приглашать Англію, какъ дружественную и союзную державу, посылать англійскія военныя суда въ проливы или содержать ихъ тамъ постоянно.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

27-й тиражъ выигрышей Государственнаго Банка.

На основаніи высочайше утвержденнаго 13-го ноября 1864 года положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ и согласно утвержденнымъ г. министромъ финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа, 1-го іюля 1878 года Правленіемъ Банка, въ присутствіи членовъ Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію с.-петербургской городской думы и депутатовъ отъ с.-петербургской биржи и публики, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 1-го займа 1864 года.

Выигрыши пали на слѣдующіе билеты:

Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	Нумера серій	№№ билет.	Сумма выигрыша.
16,711	6	200,000	102	14	по пятисотъ рублей каждый.	3,249	30	по пятисотъ рублей каждый.	6,042	27	по пятисотъ рублей каждый.
14,653	12	75,000	107	40		3,262	17		6,164	16	
12,005	44	40,000	132	46		3,266	29		6,178	19	
11,498	31	25,000	310	38		3,341	34		6,194	36	
5,765	15	10,000	386	2		3,366	50		6,387	47	
11,290	36	10,000	406	15		3,394	41		6,581	16	
18,487	43	10,000	478	13		3,418	3		6,683	30	
3	22	8,000	493	4		3,516	28		6,697	29	
1,958	24	8,000	497	14		3,556	24		6,712	12	
12,317	46	8,000	670	17		3,638	28		6,755	6	
17,360	15	8,000	720	43		3,761	8		6,806	50	
19,746	46	8,000	772	40		3,762	35		6,811	16	
5,886	16	5,000	794	41		3,766	33		6,827	24	
7,446	29	5,000	944	31		3,771	20		6,941	37	
7,541	26	5,000	1,105	35		3,885	31		7,000	21	
7,639	43	5,000	1,452	12		3,920	28		7,063	2	
8,163	38	5,000	1,508	46		4,209	31		7,086	43	
13,277	14	5,000	1,577	27		4,226	22		7,131	10	
17,875	21	5,000	1,630	17		4,343	50		7,175	24	
18,282	50	5,000	1,668	17		4,352	12		7,278	8	
637	14	1,000	1,767	10		4,425	27		7,302	23	
751	29	1,000	1,830	1		4,430	29		7,334	5	
1,159	43	1,000	1,851	7		4,497	26		7,371	14	
2,905	40	1,000	1,868	43		4,528	39		7,426	37	
3,060	39	1,000	1,962	20		4,533	4		7,473	40	
3,106	40	1,000	2,054	5		4,822	4		7,497	31	
3,169	37	1,000	2,058	44		4,869	47		7,781	47	
5,394	26	1,000	2,090	10		4,945	17		7,914	37	
5,718	10	1,000	2,224	11		5,095	45		8,013	3	
7,241	13	1,000	2,428	2		5,137	26		8,118	8	
7,698	10	1,000	2,539	21		5,181	37		8,148	17	
8,500	50	1,000	2,564	41		5,247	29		8,263	3	
11,538	40	1,000	2,761	27		5,345	3		8,282	28	
12,452	37	1,000	2,799	10		5,393	19		8,358	30	
12,465	34	1,000	2,908	30		5,393	29		8,401	37	
13,906	9	1,000	2,924	26		5,569	42		8,469	25	
14,997	6	1,000	2,975	43		5,620	42		8,648	83	
16,554	48	1,000	3,014	26		5,668	42		8,709	3	
17,632	3	1,000	3,036	46		5,714	45		8,825	26	
18,906	49	1,000	3,064	7		5,765	15		8,881	44	
2	11	500	3,089	46		5,815	38		9,257	20	
52	26	500	3,122	24		5,844	47		9,264	22	
55	12	500	3,159	46		6,025	35		9,272	40	

Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.
9,398	27	по пятисотъ рублей каждый.	12,329	40	по пятисотъ рублей каждый.	15,415	12	по пятисотъ рублей каждый.
9,509	17		12,364	4		15,508	5	
9,770	16		12,397	28		15,583	3	
9,774	22		12,452	1		15,716	50	
9,912	44		12,534	33		16,147	47	
9,941	22		12,593	42		16,183	24	
9,968	47		12,620	17		16,218	42	
10,071	32		12,636	19		16,262	13	
10,128	20		12,698	46		16,303	4	
10,189	13		12,700	44		16,494	34	
10,202	47		12,719	24		16,508	48	
10,212	36		12,798	12		16,592	18	
10,253	8		12,827	33		16,596	39	
10,262	8		13,036	4		16,755	15	
10,312	40		13,182	50		16,851	8	
10,405	42		13,215	38		17,146	19	
10,407	12		13,218	35		17,136	6	
10,442	35		13,280	9		17,253	50	
10,548	23		13,399	12		17,373	6	
10,628	18		13,438	34		17,385	18	
10,664	24		13,907	18		17,488	39	
10,696	39		13,970	14		17,496	50	
10,754	5		14,002	41		17,576	1	
10,788	3		14,031	9		17,615	4	
11,059	30		14,126	18		17,688	40	
11,093	8		14,132	46		17,724	18	
11,194	48		14,225	10		17,830	36	
11,235	18		14,225	13		17,964	27	
11,323	2		14,426	21		17,974	34	
11,484	23		14,582	32		17,998	7	
11,661	20		14,654	11		18,142	44	
11,661	22		14,698	16		18,222	12	
11,696	16		14,751	31		18,330	15	
11,699	47		14,781	10		18,418	41	
11,747	30		14,800	33		18,673	4	
11,862	7		14,816	41		18,813	41	
11,873	17		14,852	30		18,890	31	
11,894	25		14,938	8		19,011	22	
11,907	47		15,008	10		19,181	3	
12,043	17		15,032	42		19,357	35	
12,056	1		15,182	33		19,443	15	
12,118	2		15,389	37		19,504	49	
12,224	18		15,402	15		19,999	46	

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го октября 1878 года.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 1-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1864 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ правленіи Государственнаго Банка 1-го іюля 1878 года.

Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій
1,314	1,838	4,158	4,584	5,617	6,110	7,594	9,372	11,166	11,787	12,514	13,933	16,649	18,016	19,125
1,609	2,282	4,245	4,744	5,757	6,135	8,438	9,576	11,565	11,905	12,528	15,023	16,661	18,246	19,629
1,807	3,132	4,310	5,181	5,906	7,246	9,116	10,432	11,607	11,954	12,989	15,760	17,069	18,372	19,656
1,815	3,180	4,417	5,404	5,937	7,372	9,239	10,716	11,633	11,971	13,114	16,202	17,083	18,791	

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 125 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го октября 1878 г. въ Государственномъ Банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ.

При этомъ нумерѣ «Живописн. Обозрѣн.» разсылается гг. подписчикамъ приложеніе: № 12 «Парижскія моды».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 Іюля 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

Живописное Обозрѣніе

№ 29. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 16 Іюля 1878 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

Шахъ и матъ.

(Отрывокъ изъ дневника.)

Разсказъ Н. Ф. Бажина.

I.

Однако же, эта исторія становится по временамъ просто тягостною. Конечно, въ ней есть и свои свѣтлыя страницы, но... одно уже то, что мнѣ иногда такъ и хочется поднять руку, чтобы ощупать шею, — нѣтъ ли на ней какой-нибудь веревки или желѣзной цѣпи, въ родѣ тѣхъ, какими обыкновенно приковываютъ собакъ. Впрочемъ, если и нѣтъ, то это все-таки не особенно большое утѣшеніе, потому что, на самомъ дѣлѣ, я несомнѣнно прикованъ. Я могу, если мнѣ угодно, пройдтись кругомъ справа налѣво, могу, если это мнѣ больше нравится, идти слѣва направо, могу отойдти немного въ эту сторону или въ другую, или въ третью, но, во-первыхъ, ни въ какомъ случаѣ не дальше, чѣмъ на длину цѣпи и, во вторыхъ, съ непремѣннымъ условіемъ сейчасъ же возвратиться обратно... Но и этимъ еще не все сказано. Всякое существо, прикованное настоящею желѣзною цѣпью, все-таки сохраняетъ за собою хоть нѣкоторую тѣнь свободы, — именно свободу мысли и воображенія. Мысленно оно можетъ унестись, куда ему угодно, — за тысячи или за десятки тысячъ верстъ, въ глубокое прошлое или въ самое отдаленное будущее, и можетъ пробыть въ этомъ путешествіи сколько ему угодно времени. Тогда какъ у меня и мысль прикована. Могу и я, разумѣется, устремиться мыслію куда-нибудь за облака или въ широкое море общественной жизни съ ея вопросами, но вдругъ, среди этихъ великихъ вопросовъ, во мнѣ возникнетъ какой-нибудь, очень маленькій вопросъ, въ родѣ того, напримѣръ, что «отчего это Юлія Сергѣевна смотритъ сегодня такой разстроенной?» и этотъ крошечный вопросъ разомъ ставитъ меня опять на прежнее мѣсто. Выходитъ нѣчто въ родѣ того, что какъ будто бы меня потянули за мою цѣпь и напомнили мнѣ о ней. То же самое, когда я читаю какую бы то ни было книгу; то же самое, когда я занятъ какимъ бы то ни было дѣломъ; всегда то же самое и вездѣ то же самое. Удивительно пріятное положеніе!

Михаилъ Мункачи.

(См. «Жив. Об.» № 17, стр. 335.)

Недавно мнѣ нужно было съѣздить въ Тверь и повидаться съ сестрой, которую не видалъ уже года три. Я поѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ, что возвращусь домой, по крайней мѣрѣ, въ первыхъ числахъ августа, то есть никакъ не раньше, какъ черезъ два мѣсяца. Но только что я сѣлъ въ вагонъ, мной овладѣла такая скука, хандра, тоска, что удивительно не то даже, что я прожилъ въ Твери полторы недѣли, а то, что я не вернулся обратно съ третьей же станціи.

Сегодня мнѣ взбрело въ голову, что, можетъ быть, на пароходѣ скука не въ такой степени властна надъ людьми, какъ въ вагонѣ желѣзной дороги. Мы, то есть я, Юлія Сергѣевна, тетушка Олимпіада Ивановна и ея Митя, —сидѣли на пристани и праздно наблюдали за движеніемъ на пароходѣ, готовившимся отплыть въ дальнѣйшій путь. Пароходъ, разводившій свои пары, гудѣлъ и пыхтѣлъ такъ убѣдительно заманчиво, пассажиры съ узелками въ рукахъ и съ дорожными сумками черезъ плечо суетились такъ заразительно...

— А что если бы пойти, сѣсть и уѣхать безъ дальнихъ размышленій? замѣтилъ я.

— Станціи двѣ-три, отвѣчала Юлія Сергѣевна, какъ будто сборы парохода производили и на нее то же впечатлѣніе, что на меня.

— Нѣтъ, зачѣмъ двѣ-три, что въ нихъ!..

— Такъ куда же?..

— Да до конца. Напримѣръ, на Кавказъ, къ дядѣ; онъ давно уже проситъ «утѣшить» его и пріѣхать къ нему «не на долго», — годика на два, на три...

Юлія Сергѣевна посмотрѣла на меня очень пристально и потомъ быстро отвернулась, нервно пожавъ плечами.

— Этого еще не доставало! тихо воскликнула она и, облокотившись рукою на перила, порывисто прижалась щекою къ ладони.

Во взглядѣ ея было столько упрека, грусти и печальнаго недоумѣнія, что у меня по сердцу точно будто прокатилась какая-то горячая, жгучая волна. Удивительно, умное положеніе! Уже года два, я знаю очень хорошо, что она смотритъ на меня, какъ на своего «добраго», «лучшаго», «вѣрнѣйшаго» друга, потерять котораго, ей было бы вовсе не весело, и однако же, до сихъ

поръ не могу равнодушно встрѣтить ея ласковаго взгляда, не могу не вздрогнуть всѣми нервами, когда она, случайно, пожметъ мнѣ руку крѣпче, чѣмъ обыкновенно. Все это было бы, конечно, совершенно естественно въ какомъ-нибудь юношѣ, но мнѣ, разсудительному, большому, почти сорокалѣтнему дураку, имѣвшему достаточно времени, чтобы научиться владѣть собой,—какъ будто бы даже и неловко краснѣть, блѣднѣть и внезапно терять нить своихъ мыслей, Богъ знаетъ изъ-за чего...

II.

Не можетъ быть почти ни малѣйшихъ сомнѣній въ томъ, что Юлія Сергѣевна смотритъ на меня только, какъ на добраго друга, но любитъ ли она кого-нибудь другого или не любитъ— вотъ въ чемъ вопросъ. Прежде мнѣ казалось, что ея сердце, какъ говорится, совершенно свободно,—но съ нѣкотораго времени меня начинаютъ тревожить кое-какія подозрѣнія. Вотъ уже почти полгода, или даже больше, у нея появилась какая-то тайна, которой прежде не было и слѣда. Сегодня Юлія Сергѣевна встревожена, задумчива и въ высшей степени разсѣяна, но что такое встревожило ее,— я не знаю и, очевидно, не долженъ знать. Завтра она вся полна радости и счастья, оживлена, добра до безконечности, мила, какъ никогда, но какое солнце озарило и согрѣло ее своими лучами—это опять таки тайна и должно быть тайною... Послѣ завтра Юлія Сергѣевна, среди самаго отвлеченнаго разговора, вдругъ встрепенется при какомъ-нибудь выраженіи, взволнуется, раскраснѣется; и вобще нельзя не замѣтить, что это выраженіе задѣло ее прямо за сердце, но почему и какое отношеніе оно имѣетъ къ ней—это все тайна... Конечно, я не разспрашиваю ее, я не стараюсь залѣзть непрошеннымъ гостемъ въ ея душу, я даже дѣлаю видъ, что не замѣчаю за нею ничего особеннаго или страннаго, но, разумѣется, мнѣ нисколько не легче отъ этого.

Напримѣръ, вчерашнее ея восклицаніе: «этого еще не доставало!»—что оно могло значить? Очевидно, что она чувствовала себя въ эту минуту далеко не счастливою женщиною, но что съ нею, въ чемъ ея горе и какія неудачи или страданія приходится переживать ей? — этого я не знаю, какъ не знаетъ, кажется, и никто другой...

Или, на дняхъ,—должно быть, третьяго дня, въ пятницу,—между нами зашелъ какой-то самый пустой разговоръ, по поводу только что прочитанной книги. Не помню теперь—къ чему, я сказалъ нѣчто въ родѣ того, что не знаю ничего возмутительнѣе лжи, какая бы она ни была, большая или маленькая, наглая, или такъ называемая невинная. Юлія Сергѣевна сразу отнеслась какъ то слишкомъ горячо къ этому далеко не новому и не интересному изрѣченію.

— Полноте; есть вещи гораздо болѣе возмутительныя, отвѣчала она, вдругъ какъ-то притихнувъ и измѣнившись въ лицѣ. И, наконецъ, что такое правда и что такое ложь, и развѣ въ нихъ дѣло? Иная правда гораздо хуже лжи и есть бездна случаевъ, когда счастье и спокойствіе людей поддерживаются только ложью, а правда непремѣнно разбила бы все...

— Ну... я не позавидовалъ бы такому счастію! довольно равнодушно замѣтилъ я.

Она встала, нѣсколько порывисто, и начала ходить по комнатѣ.

— Разумѣется, я говорю объ исключительныхъ случаяхъ, сказала она послѣ нѣкотораго молчанія;—только о тѣхъ случаяхъ, когда человѣку нужно прибѣгнуть ко лжи, нельзя обойтись безъ нея и когда онъ никому не вредитъ ею...

— Кто же лжетъ безъ всякой нужды; всѣ лгутъ потому, что находятъ это нужнымъ или выгоднымъ, отвѣчалъ я.

Опять молчаніе, мѣрный стукъ маленькихъ ножекъ и шелестъ платья. Затѣмъ, черезъ минуту, снова раздался ея голосъ, еще болѣе серьезный и волнующійся. Она говорила:

— Представьте себѣ, напримѣръ, что близкій и дорогой вамъ человѣкъ лежитъ при смерти, умираетъ... Умирая, онъ умоляетъ васъ исполнить его послѣднюю просьбу и передаетъ вамъ ее... Допустимъ, что почему бы то ни было вы не можете, рѣшительно не можете исполнить этой просьбы.. Что же вы скажете этому умирающему человѣку? Вы такъ-таки прямо и скажете ему: «нѣтъ, я этого не сдѣлаю?» Вы отравите ему послѣднія минуты его существованія? Пусть человѣкъ умретъ въ тоскѣ и страданіи, но за то да здравствуетъ принципъ правды?! Да?

— Право, не знаю, какъ бы я поступилъ въ этомъ случаѣ, отвѣчалъ я.—Но знаю только то, что если бы всѣ придерживались вашего взгляда на этотъ вопросъ, то на свѣтѣ было бы еще сквернѣе и жить, и умирать, чѣмъ теперь. Кому же послѣ этого можно бы было вѣрить? Мой хорошій другъ говоритъ мнѣ, напримѣръ, одно, но почему же я долженъ быть увѣренъ, что онъ говоритъ непремѣнно правду, а не благородную ложь, которая, по его мнѣнію, болѣе прилична въ данномъ случаѣ, чѣмъ истина. Мой самый лучшій другъ обѣщаетъ мнѣ, при моей кончинѣ, исполнить все, о чемъ я его прошу, но почему я буду знать, что онъ даетъ эти торжественныя обѣщанія и клятвы для того только, чтобы «успокоить» меня, а затѣмъ забыть о нихъ?... Нѣтъ, Юлія Сергѣевна; лично я предпочелъ бы грубую правду и такихъ людей, что если они говорятъ «да»,—то значитъ дѣйствительно да, а если «нѣтъ»,—то и на самомъ дѣлѣ нѣтъ...

Впрочемъ, дѣло вовсе не въ томъ, что говорилъ я и что отвѣчала она. Дѣло въ томъ, что Юлія Сергѣевна, постоянно блистающая своею рѣдкою правдивостью, до такой степени горячо взяла подъ свою защиту необходимость лгать въ нѣкоторыхъ случаяхъ, что, право, можно подумать, будто она защищала сама себя и свои собственныя дѣянія, совершенныя ли уже ею или только еще задумываемыя, это все равно... Что же, наконецъ, такое дѣлается съ нею?

III.

Мнѣ кажется, что она влюблена... А впрочемъ, можетъ быть, и нѣтъ; не знаю, ничего не знаю, кромѣ только того, что вокругъ меня довольно темно, и я стараюсь отыскать въ этой темнотѣ нѣчто мной потерянное. Временами кажется, что вотъ, пашелъ, сейчасъ сіе потерянное блеснуло, какъ разъ на этомъ самомъ мѣстѣ. Но ищешь, ищешь на «этомъ самомъ мѣстѣ» и, въ концѣ концевъ, приходишь къ тому заключенію, что блескъ былъ не здѣсь или даже, пожалуй, его и вовсе не было въ дѣйствительности.

Сегодня вечеромъ я не засталъ Юліи Сергѣевны. Она ушла къ Туманскимъ. Часа три я просидѣлъ съ Олимпіадой Ивановной и ея Митей; потомъ пошелъ домой, но вмѣсто дома попалъ въ садикъ на Александровской улицѣ и расположился въ немъ, какъ на часахъ, около самой рѣшетки, отдѣлявшей тротуаръ отъ боковой аллеи. Если Юлія Сергѣевна воротится домой тоже пѣшкомъ и если она не захочетъ сдѣлать добрый крюкъ, версты въ полторы, то непремѣнно пройдетъ мимо меня. Тогда я окликну ее, остановлю и провожу до ея квартиры.

Погода была пасмурная. Все небо заволокло тучами, дулъ легкій сырой вѣтеръ и отъ времени до времени принимался накрапывать дождь, поэтому садикъ быстро пустѣлъ, и, наконецъ, я остался въ немъ почти совершенно одинъ, если не считать двухъ или трехъ пьяныхъ, заснувшихъ кое-гдѣ и на скамьяхъ, и просто на травѣ. Хотя я и не спалъ, и не дремалъ, но все-таки, мнѣ кажется, былъ для нихъ достойнымъ товарищемъ. Съ какой, въ самомъ дѣлѣ, стати я усѣлся въ эту глупую засаду между кустами акацій и сирени? Съ чего мнѣ могло придти въ голову поджидать Юлію Сергѣевну и навязываться ей въ провожатые, когда ей, можетъ быть, вовсе не до меня, и даже мое появленіе будетъ ей просто въ тягость? Удивительно умная затѣя! Подобныя фантазіи уже не въ первый разъ появлялись у меня, какъ по внезапному вдохновенію, но до сихъ поръ всегда я успѣвалъ во время сообразить ихъ нелѣпость.

Внутренно ворча на самого себя, что сдѣлать глупость несравненно легче, чѣмъ ее исправить, или загладить, я уже поднялся со скамейки, какъ въ глубинѣ аллеи показались двѣ приближавшіяся фигуры, обѣ въ свѣтломъ. Это были—Туманскій въ своемъ свѣтломъ пальто и Юлія Сергѣевна въ сѣренькомъ платьецѣ и соломенной шляпѣ. Они шли довольно быстро, такъ что, когда я вышелъ на тротуаръ, — поровнялись со мною и перегнали меня, продолжая идти по аллеѣ. До меня долеталъ голосъ Туманскаго, тихій, убѣдительный, и какъ будто оправдывающійся, но словъ я не слышалъ.

— Но что же такое вы послѣ этого?! воскликнула вдругъ Юлія Сергѣевна, внезапно остановившись.—Вы тряпка, жалкая тряпка, которую можно скомкать, изорвать, бросить подъ ноги!..

Въ гнѣвѣ она скомкала въ рукахъ свой носовой платокъ, разорвала его, бросила и пошла дальше. Туманскій молча наклонился, поднялъ его и, догнавъ Юлію Сергѣевну, опять заговорилъ что-то и еще убѣдительнѣе, еще жалобнѣе, чѣмъ прежде.

Въ первую минуту мнѣ показалось, что теперь все ясно, все понятно и больше не остается мѣста никакимъ сомнѣніямъ. Юлія Сергѣевна любитъ Туманскаго, Туманскій тоже не равнодушенъ къ ней, но онъ женатъ, онъ не находитъ въ себѣ достаточно силы, чтобы бросить свою семью,—вотъ и все, вотъ вся тайна, такъ давно носившаяся передъ моими глазами. Теперь она перестала быть тайною для меня, и если я не хочу играть очень жалкой роли, если я не хочу подвергаться безпрестаннымъ искушеніямъ, надѣлать какихъ-нибудь глупостей, то мнѣ слѣдовало бы немедленно убраться куда-нибудь подальше. Убраться! Но это легко сказать «убраться!» При одной только мысли о томъ, что подлѣ меня уже не будетъ этой милой мнѣ и дорогой женщины, что я уже не буду видѣть ее, не буду слышать ея голоса, — на меня напала такая подавляющая тоска, какой я давно не испытывалъ.

Нѣтъ, я не уѣду. И такъ какъ нужно же чѣмъ нибудь объяснить мою рѣшимость остаться здѣсь, то я стараюсь увѣрить себя, что тайна, все-таки остается тайною, что Юлія Сергѣевна можетъ такъ же мало любить Туманскаго, какъ любитъ меня, и что подслушанныя мною слова не доказываютъ ровно ничего, такъ какъ они могли быть сказаны ею и другу, и хорошему знакомому, и кому угодно. Не знаю, насколько эти доводы убѣдительны вообще, но такъ какъ я усиленно стараюсь убѣдить себя, то отчасти и убѣждаюсь.

IV.

Сегодня я видѣлъ Юлію Сергѣевну мелькомъ, и при томъ, такою пасмурною и задумчивою, что, перекинувшись съ нею двумя-тремя словами, оставилъ ее въ покоѣ.

Но Туманскій положительно не хочетъ дать мнѣ покоя и не выходитъ у меня изъ головы. Что такое онъ за человѣкъ? За что она полюбила его, если только дѣйствительно полюбила, въ чемъ, разумѣется, можно и сомнѣваться при добромъ желаніи. Высокій блондинъ, съ открытымъ и широкимъ лицомъ, съ ясными голубыми глазами, съ русыми волосами, то небрежно длинными, то слишкомъ коротко подстриженными и вѣчно спутанными... Лѣнивыя движенія; легкая

улыбка на губахъ; большія руки... Говоря откровенно, теперь онъ не особенно нравится мнѣ, но, сколько я помню, въ первый разъ, когда я его увидѣлъ, онъ произвелъ на меня хорошее впечатлѣніе прямого и добродушнаго человѣка.

Мнѣ приходилось и приходится довольно часто встрѣчаться съ нимъ у нашихъ общихъ знакомыхъ, но въ домѣ у него я былъ всего только раза три-четыре и столько же разъ имѣлъ удовольствіе принимать его у себя. Какимъ образомъ между нами не завязалось болѣе короткаго знакомства—это тоже довольно подозрительное обстоятельство. Оно подозрительно потому, что съ самого начала нашего знакомства, между нами установились очень хорошія отношенія и потомъ, почти вдругъ, и именно въ то самое время, когда я сталъ замѣчать нѣкоторую странность и таинственность въ Юліи Сергѣевнѣ, Туманскій разомъ, какъ будто бы отошелъ отъ меня прочь. Что такое съ нимъ сдѣлалось: былъ ли онъ настолько проницательнѣе меня, что заподозрилъ во мнѣ соперника; дошли ли до него какіе-нибудь дурные толки, которыхъ довольно бродитъ о всякомъ человѣкѣ?—тогда я мало интересовался этимъ вопросомъ. Если человѣкъ идетъ отъ меня прочь,—то этого уже совершенно достаточно, чтобы и мнѣ уйти отъ него, такъ какъ я никогда не имѣлъ привычки навязывать кому бы то ни было мою драгоцѣнную особу. Конечно, теперь мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ, что именно, въ то время въ Туманскомъ только что зарождалась его любовь къ Юліи Сергѣевнѣ и именно оттого онъ и сталъ смотрѣть на меня почти враждебно, что усмотрѣлъ во мнѣ соперника. Все одно къ одному, одно къ одному, какъ говорится, хотя справедливо и то, что изъ двадцати подозрѣній не составишь даже одного неопровержимаго факта.

У Туманскаго, дѣйствительно, должно быть, не особенно рѣшительный и твердый характеръ. Мнѣ вспоминается, что съ годъ назадъ, на какомъ-то обѣдѣ, чуть ли не на имянинахъ у стариковъ Володѣевыхъ, объ этомъ очень много говорили и хозяева, и жена Туманскаго, и самъ онъ, весело подсмѣивавшійся надъ собой. Въ концѣ обѣда, Туманскій откинулся къ спинкѣ своего стула, забросилъ за нее обѣ руки и съ румянцемъ на щекахъ, съ добродушной улыбкой на губахъ, показалъ мнѣ смѣющимися глазами на старинные часы, стоявшіе въ углу въ высокомъ, краснаго дерева футлярѣ-шкафчикѣ.

— Вотъ она, эмблема нашего брата—безхарактернаго человѣка,—маятникъ! сказалъ онъ. Направо—налѣво, направо—налѣво, впередъ и назадъ... Постоянно находиться въ движеніи—не дни, не мѣсяцы и даже не годы, а цѣлые десятки лѣтъ,—и все-таки не сдѣлать ни одного шага впередъ! Вѣчно идти, идти и, въ концѣ концевъ, не сдвинуться съ мѣста! Не ужасное ли это положеніе?

— Впрочемъ, продолжалъ онъ, смѣясь,—одинъ мой товарищъ, тоже не отличавшійся непреклонностью характера, убѣдительно доказывалъ мнѣ, что нерѣшительность и безхарактерность—это несомнѣнный признакъ богатства внутренней жизни. Когда у человѣка нѣтъ сердца, ему ничего не стоитъ идти вездѣ напролом, тогда какъ мы, бѣдные, безпрестанно смотримъ себѣ подъ ноги, чтобы кого-нибудь не раздавить. Когда у человѣка всего только одна мысль, ему легко стремиться впередъ, куда она увлекаетъ его, но какъ скоро у него много мыслей, и притомъ онѣ безпрестанно смѣняются одна другою, растутъ, зрѣютъ и преображаются — тогда совсѣмъ другое дѣло... Не правда-ли?...

Очень можетъ быть, что онъ дѣйствительно мягкій, добродушный, честный человѣкъ, очень мало думаетъ о себѣ, съ большимъ запасомъ беззаботности и безалаберности... А говорятъ, что, по большей части, именно такими людьми и увлекаются женщины, подобныя Юліи Сергѣевнѣ, то есть такія, у которыхъ нѣтъ недостатка, ни въ характерѣ, ни въ рѣшимости... Что мудренаго, что въ самомъ дѣлѣ мудренаго, во всемъ этомъ?!.

Наконецъ, жена Туманскаго, насколько я могъ составить себѣ понятіе о ней, представляется мнѣ одною изъ тѣхъ хорошенькихъ, маленькихъ и граціозныхъ женщинъ, которыя постоянно изображаютъ изъ себя балованныхъ и неопытныхъ дѣтей, немогущихъ ступить ни шагу безъ посторонней поддержки, но при этомъ всегда умѣютъ оковать всѣхъ близкихъ къ нимъ, мужей, отцовъ и матерей, такими тяжелыми цѣпями, что изъ нихъ никто не вырвется... Туманскій можетъ, пожалуй, полюбить другую женщину, но покинуть свою супругу... это онъ врядъ ли въ состояніи сдѣлать.

Все одно къ одному и одно къ одному, но вмѣстѣ съ тѣмъ ничего нѣтъ опредѣленнаго и не подлежащаго сомнѣнію... Даже скучно вертѣться въ этомъ колесѣ... можетъ быть, все это вѣрно, а можетъ быть, и ничего нѣтъ вѣрнаго; любитъ и не любитъ; уѣхать и остаться... Скучно, скучно, скучно, потому что это опять тѣ же безконечныя качанія маятника, который не остановится до тѣхъ поръ, покуда его не остановятъ насильно... Примемъ морфія...

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Обнаруженная любовь.

(Новогреческая пѣсня.)

Стих. **А. Шамиссо**. Пер. **А. Алѣева**.

Тамъ ночью лобзались мы, крошка,
Никто не примѣтилъ насъ тамъ;
Лишь звѣзды насъ видѣли съ неба,
Мы вѣрили этимъ звѣздамъ.

Вдругъ звѣздочка, съ неба упавши,
Насъ выдала морю тотчасъ,
А море веслу, а весло то
Сказало матросу о насъ.

Онъ спѣлъ о насъ милой, пускаясь
Въ далекій опасный свой путь; —
Теперь-же на всѣхъ перекресткахъ
О насъ даже дѣти поютъ!...

Моя хроника.

П. А. Салманова.

(*Продолженіе.*)

Глава III.

Покойникъ.—Утопленникъ.—Буря.—Леченіе косноязычія.

15 іюля 1826 года, я испыталъ первое радостное чувство ученика, котораго отпустили на каникулы. Во всѣхъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ то время каникулы начинались обыкновенно съ 15 іюля и оканчивались 31 августа. Нѣтъ надобности говорить, что шесть недѣль вакацій, такъ семинаристы называли каникулярное время, прошли для меня, какъ одно отрадное мгновеніе. Кто изъ учащихся не испыталъ высокаго наслажденія первыхъ каникулъ? Но вотъ наступило и 1 сентября. Мы собрались въ классъ къ 8 часамъ утра. Въ 9 часовъ явился Смирновъ и повелъ насъ въ церковь. Ректоръ, архимандритъ Оссія, при большемъ собраніи духовенства, чернаго и бѣлаго, отслужилъ молебенъ и затѣмъ насъ, какъ барановъ, погнали въ хлѣвы свои. Я не съумѣю дать другого названія классамъ, которые были сыры, грязны, не топились зимою, а согрѣвались только однимъ дыханіемъ многочисленнаго сборища дѣтей, столь же грязныхъ, какъ и самые классы.

Послѣ молебна, ректоръ съ учителями отправился въ 4-й классъ, оттуда въ 3-й, наконецъ, и къ намъ во 2-й классъ. Учитель Смирновъ былъ на первомъ планѣ и держалъ въ рукахъ переводный списокъ учениковъ. Гордое и злое лицо его отражало на себѣ, въ присутствіи ректора, смиреніе и страхъ. Съ рябого лица его катился потъ, который онъ утиралъ грязнымъ, ситцевымъ платкомъ. Я смотрѣлъ то на него, то на каменныя стѣны класса, столь-же черныя, столь-же испорченныя, столько-же покрытыя влагою, какъ и лицо Смирнова, и находилъ между тѣмъ и другимъ большое сходство. Ректоръ, обращаясь ко всѣмъ ученикамъ, сказалъ довольно грубо.

— Вотъ вамъ Петръ Ивановичъ прочтетъ: кого выведутъ въ слѣдующій 3-й классъ, кого оставятъ въ томъ-же классѣ и кого, за дурное поведеніе и за дурные успѣхи въ наукахъ, исключатъ совсѣмъ изъ училища.

У всѣхъ замерло сердце. Мы всѣ, притаивъ дыханіе, какъ будто ожидали страшнаго суда Христова. Смирновъ началъ.

— За благонравіе и успѣхи слѣдующіе ученики удостоиваются перевода въ 3-й классъ: Василій Мстиславскій, Петръ Салмановъ, Андрей Уваровъ и другіе.

Я вздогнулъ отъ радостной мысли, что избавляюсь отъ Петра Ивановича Смирнова и снова перехожу въ тотъ классъ, гдѣ на первыхъ порахъ учителя обошлись со мною справедливо.

Нужно оговориться. Переходомъ изъ 3-го во 2-й классъ, я въ сущности не потерялъ ничего. Въ 1-мъ и во 2-мъ классахъ положено учиться по году; въ 3-мъ же и 4-мъ классѣ по два года. Такимъ образомъ, если кто переходилъ изъ 2-го въ 3-й классъ въ годъ нечетный, тотъ учился въ 3-мъ классѣ только одинъ годъ, и если въ продолженіе года оказывалъ успѣхи, переводился въ 4-й классъ. Такъ случилось и со мною. Изъ 3-го въ 4-й классъ я былъ переведенъ черезъ годъ, но уже не въ числѣ первыхъ, а во второмъ разрядѣ. Я крѣпко лѣнился въ 3-мъ классѣ и апатіею моею къ ученью обязанъ Смирнову. Грустно сознаться, что Смирновыхъ, которые сразу съумѣютъ поселить въ ребенкѣ отвращеніе къ ученію, еще и въ настоящее время, сколько я замѣтилъ, встрѣчается довольно въ учебныхъ заведеніяхъ.

1827 годъ памятенъ для меня двумя событіями: смертію ректора Оссіи и учителя Любимова. Оссія умеръ въ октябрѣ мѣсяцѣ. Всѣмъ ученикамъ петровскаго училища приказано было въ день погребенія Оссіи явиться въ 8 часовъ утра на выносъ тѣла въ Златоустовъ монастырь. Въ назначенное время явились ученики всѣхъ классовъ безъ исключенія. Отслушали обѣдню и отпѣваніе, простились съ тѣломъ и должны были, не смотря на грязь, холодъ и дождь, провожать его на кладбище. Но назначенный на мѣсто Оссіи ректоромъ протоіерей архангельскаго собора Василій Ивановичъ Кутневичъ, предупредилъ такое для мальчиковъ горе, сказавъ, что теперь сыро и холодно, а до кладбища далеко и что дѣти могутъ отправляться по домамъ; при чемъ добавилъ, чтобы всѣ дѣти шли въ комнаты архимандрита, гдѣ каждому ребенку, большему и малому, приказано было дать по ложкѣ кутьи, по стакану сладкаго чая и по теплому калачу.

Дьяконы, особенно старались провозглашать «вѣчную память» священно-архимандриту Оссіѣ, но такъ какъ покойный очень мало сдѣлалъ при жизни, то вѣчная объ немъ память и ограничилась однимъ днемъ погребенія и окончилась вмѣстѣ съ послѣднимъ кускомъ калача, который проглотилъ послѣдній мальчикъ.

Черезъ недѣлю, послѣ похоронъ Оссіи—это было, какъ сейчасъ помню, 30 октября—во время послѣобѣденнаго класса, въ промежутокъ времени отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ, вошелъ къ намъ учитель греческаго языка, Василій Се-

Картина ЛАНДГРЕНА.

Брошенный цыганенокъ.

меновичъ Страховъ, и объявилъ, что товарищъ его, а нашъ учитель греческаго языка, Иванъ Алексѣевичъ Любимовъ скончался. Всѣ ученики опечалились; многіе даже заплакали, въ томъ числѣ и я. И едва-ли со времени открытія петровскаго училища былъ учитель болѣе снисходительный и болѣе деликатный въ обращеніи съ учениками, какъ Любимовъ. Въ этомъ отношеніи, онъ и трезвый, и пьяный не измѣнялъ самому себѣ.

— Кто изъ васъ любилъ покойника? спросилъ Страховъ.

— Всѣ, закричали мы единогласно.

— А не хочетъ-ли кто изъ васъ читать по немъ псалтырь?

— Я, я, я, закричало нѣсколько голосовъ. Я кричалъ сильнѣе прочихъ.

Страховъ записалъ имена объявившихъ желаніе читать псалтырь по покойномъ и назначилъ каждому ученику по часу чтенія. Мнѣ досталось читать въ тотъ-же день отъ 9 до 10 часовъ вечера.

Промежутокъ времени отъ 4 до 9 часовъ я не потерялъ даромъ. Я успѣлъ сходить домой, напиться чаю съ сдобными булками и прійти во время въ училище. Въ назначенное время, именно въ 9 часовъ, съ замираніемъ сердца я вступилъ за порогъ бѣдной квартиры учителя. Въ ней никого не было, кромѣ одного изъ моихъ товарищей. Онъ стоялъ блѣдный, какъ полотно, и читалъ на распѣвъ псалмы царя Давида. Когда я отворилъ дверь; мальчикъ вздрогнулъ; но когда увидалъ, что это пришелъ я, онъ бросился изъ комнаты, точно сумасшедшій, едва не сшибъ меня съ ногъ и если-бы я не остановилъ его уже за дверями и не отдалъ ему картуза, онъ, вѣрно, убѣжалъ бы безъ фуражки.

Признаюсь откровенно, это обстоятельство на меня сильно подѣйствовало. Я струсилъ. Однако, пересиливая себя, на сколько это было для меня возможно, я довольно бодро вошелъ въ комнату, гдѣ находился покойникъ. Тѣло его еще не было положено въ гробъ. Трупъ лежалъ на двухъ деревянныхъ, простыхъ, ничѣмъ не покрытыхъ столахъ и былъ покрытъ простынею, на этотъ разъ однако-же, чистою, откуда она взялась,—не знаю. Въ головахъ у него стоялъ церковный подсвѣчникъ съ восковою свѣчею, не менѣе 5 фунтовъ. Зажженная свѣча ярко освѣщала маленькую и бѣдную комнату Любимова, отбрасывая отъ себя исполинскую тѣнь на стѣнѣ и на потолкѣ комнаты. Я поклонился до земли покойнику, перекрестился, попросилъ у Бога смѣлости и безстрашно принялся за чтеніе. Тишина была дѣйствительно мертвая. Звуки моего голоса, отражаясь въ маленькой комнатѣ Любимова, снова возвращались ко мнѣ, какъ будто-бы насъ читало двое. Я старался не глядѣть на покойника, лицо котораго было закрыто, не покрыты были только его кудрявые волосы. Такъ прошло болѣе четверти часа; я уже началъ привыкать къ своему положенію и смѣло взглянулъ на покойника. Мнѣ показалось, какъ будто-бы онъ дышетъ и, въ самомъ дѣлѣ, простыня надъ его грудью сильно колыхалась и курчавые волосы покойника шевелились. Я обмеръ на мѣстѣ и чувствовалъ, какъ волосы дыбомъ поднялись на моей головѣ. Нѣтъ силъ ни молиться, ни читать, ни даже бѣжать изъ комнаты. Въ то же самое мгновеніе, вѣтеръ на улицѣ завылъ съ яростью и если-бы не такая огромная свѣча,—я остался бы въ потьмахъ. Вѣтеръ заходилъ по комнатѣ. Я догадался въ чемъ дѣло. Обратилъ вниманіе на окно и увидалъ, что одно стекло разбито; зимнія рамы еще не были вставлены въ комнатѣ, а можетъ быть, для бѣдныхъ учителей ихъ вовсе не полагалось; но ни какъ уже не могъ преодолѣть овладѣвшаго мною ужаса. Тихо и дрожащимъ отъ страха голосомъ я продолжалъ чтеніе; вѣтеръ завываетъ и снова колеблется простыня на покойникѣ, какъ будто-бы онъ сейчасъ хочетъ встать и схватить меня. Между тѣмъ, дождикъ стучится въ окно къ покойнику, а я читаю и читаю, и внутренно, молюсь: «Господи, спаси меня и помилуй!»

На стѣнныхъ, плохихъ часахъ пробило, наконецъ, десять. Я взглянулъ на покойника. Простыня колыхалась и волосы его развѣвались отъ вѣтра. Снова ужасъ. Но вотъ отворилась дверь и товарищъ мой явился на порогѣ, въ сопровожденіи сторожа. Я вздохнулъ свободнѣе; взялъ фуражку, перекрестился, отдалъ поклонъ покойнику и выбѣжалъ изъ комнаты, давъ себѣ слово никогда не читать псалтыря надъ покойниками, сколько бы я не любилъ ихъ при жизни.

Почти обезумленный, выбѣжалъ я на улицу. Тьма страшная; дождь хлещетъ въ глаза; вѣтеръ завываетъ и шепчетъ мнѣ въ уши о покойникѣ, который какъ будто бѣжитъ за мною и хватаетъ за шинельку. Я бѣгу все шибче и шибче и черезъ три четверти часа уже дома. Ужаса нѣтъ. Страхъ прошелъ. Осталась одна только радость: учитель Страховъ сказалъ, что всѣ тѣ, которые будутъ читать псалтырь по покойникѣ, если пожелаютъ, могутъ не приходить въ классъ двое сутокъ.

Всякій догадается, что я пожелалъ воспользоваться этою льготою и почти все время въ эти оба дня лежалъ въ постели, находя неизъяснимое удовольствіе переворачиваться съ одного бока на другой. На третій день я отправился въ петровское училище. Любимова въ тотъ день отпѣвали. Я былъ вмѣстѣ съ другими въ церкви, подошелъ къ его тѣлу, поцѣловалъ его въ голову и въ губы. Я уже не боялся его, и горько плакалъ. Миръ твоему праху, Любимовъ! Пьянство твое есть психологическое явленіе. Я не смѣю называть его лично въ тебѣ порокомъ.

Дни идутъ за днями, и мѣсяцы за мѣсяцами незамѣтно, наступилъ сентябрь 1828 года. Прошло уже два года, какъ я обучаюсь въ петровскомъ училищѣ и привыкъ къ своему положенію. Дома я счастливъ. Отецъ съ матерью возлагаютъ на меня великія надежды и просятъ меня наблюдать за двумя младшими братьями: Александромъ и Сергѣемъ, которыхъ въ сентябрѣ 1828 года намѣрены записать въ то же петровское училище. Вотъ ихъ, наконецъ, и записали во 2-й классъ. Я поднялся выше цѣлою головою и чувствую себя въ роли большого. Я покровитель моихъ младшихъ братьевъ! Они отъ меня совершенно зависятъ. Отецъ даетъ мнѣ лично пятіалтынный на обѣдъ намъ троимъ. Такимъ образомъ, и самое содержаніе моихъ братьевъ зависитъ отъ меня. Это мнѣ очень льститъ, и я уже ни въ чемъ не уступаю моей сестрѣ Натальѣ, родившейся въ августѣ мѣсяцѣ 1810 года,—слѣдовательно, старше меня 7 годами. Чувство равенства закрадывается въ мою душу. Я уже начинаю думать, почему я долженъ уступать ей за то только, что она старше. Чѣмъ виноватъ я, что она родилась раньше меня и кто изъ насъ полезнѣе для семейства? У нея нѣтъ особенныхъ занятій; а у меня на попеченіи два брата. Я любилъ моихъ братьевъ и никогда не старался выказывать передъ ними своего первенства, да и нельзя было не любить ихъ: Александръ былъ до такой степени тихій, кроткій, уступчивый и благородный ребенокъ, что самый злой человѣкъ никогда не нашелъ-бы причины обидѣть такого мальчика. Сергѣй-же, хотя былъ характера и въ дѣтствѣ живого, энергическаго, неуступчиваго и самостоятельнаго, но былъ такой веселый мальчикъ, что на него нельзя было сердиться, онъ могъ разсмѣшить всякаго. Мы всѣ трое до того любили другъ друга, что никогда не разлучались и спали даже всегда вмѣстѣ, обнявшись другъ съ другомъ.

Братья мои проходили въ училище со мною только одинъ мѣсяцъ; затѣмъ ихъ взяли домой обратно, вотъ по какому случаю: по училищамъ духовнаго вѣдомства вышло распоряженіе, по которому родители имѣли право на своихъ дѣтей, записанныхъ въ училище, брать билеты и давать имъ воспитаніе дома, представляя ихъ только въ училище къ Рождеству и предъ каникулами къ экзамену. Отецъ мой воспользовался этимъ дозволеніемъ; нанялъ для нихъ учителя, студента московской семинаріи Тимофея Ильича Шкинскаго—тихаго, умнаго и хорошаго молодого человѣка. Не только братьямъ, но и мнѣ онъ былъ полезенъ въ моихъ занятіяхъ и началъ пріохочивать меня къ ученію, къ которому я, благодаря умнымъ дѣйствіямъ петровскихъ учителей, не чувствовалъ особенной симпатіи.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Базаръ.

Стих. А. М-ва.

Оловянные солдаты
У тебя, ребенокъ мой,
Исковерканы и смяты
Чьей-то грубою рукой.

Но не плачь, дитя, надъ ними
И ложись спокойно спать:
Завтра будешь ты другими
Такъ же весело играть.

Я куплю тебѣ ихъ много,
Въ латахъ, въ шлемахъ, на коняхъ,
И пройдетъ твоя тревога
О поломанныхъ войскахъ.

На базарѣ жизни можно
Все, что вздумаешь купить,
И при деньгахъ безтревожно
Жизнь прожить и не тужить.

Знанья, почести, имѣнья,
Все, къ чему въ умѣ своемъ
Ты почувствуешь влеченье,
Покупается на немъ.

Денегъ нѣтъ,—такъ есть работа
На базарѣ томъ, а съ ней
Можно выйдти изъ подъ гнета
Горькой бѣдности своей.

Если хочешь, можно скоро
Изучить тамъ всѣ пути:
Лжи, пронырства и позора,
Чтобъ къ успѣху добрести.

Одиночествомъ томимы,
Добываемъ мы себѣ
Здѣсь кружокъ друзей любимый
И спокойствіе въ семьѣ.

Можетъ всякія утраты
Онъ легко вознаградить
И взамѣнъ игрушки смятой
Сотни новыхъ подарить.

Зная это, мальчикъ милый,
Можно спать покойнымъ сномъ,
Только нужно до могилы
Людямъ помнить объ одномъ:

Знай, что совѣсти безъ пятенъ
Сколько лѣтъ ни проживешь,
Какъ ни сдѣлаешься знатенъ
Ты въ продажѣ не найдешь.

Паскарель.

Романъ Уида.

Переводъ А. А. Разсказовой.

(Окончаніе.)

Я дрожу отъ страха при входѣ въ городъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я боюсь также остановиться и оглянуться назадъ. Мнѣ слышится позади въ прохладномъ ночномъ воздухѣ голосъ Маріучіи;

«Жить на счетъ позора и горя вашей матери, нѣтъ, душа моя, будьте мужественны, сто разъ лучше смерть!»

Что это? начало сумашествія. Не знаю, не думаю. Я вхожу, не останавливаясь, въ городъ. Весь городъ стонетъ отъ восторга и крика. Таковъ бываетъ военный кличъ львовъ. Вся набережная освѣщена милліонами ламп и горящихъ факеловъ. Мосты—это линіи огня. Гран-Веккіо блеститъ, какъ маякъ, на темномъ небѣ. Рѣка—это море разноцвѣтныхъ огней отъ разнообразныхъ шаровъ, которыми иллюминованы суда. Смѣхъ и музыка, хоры голосовъ и звонъ трубъ, двигающіяся массы людей становятся все гуще и шумнѣе по мѣрѣ того, какъ я приближаюсь къ центру города.

Ночи какъ бы не существуетъ, свѣтло, какъ днемъ. Длинныя гирлянды перекинуты съ одной стороны улицы на другую. Старинные угрюмые дома скрыты подъ массами цвѣтовъ и зелени. Подъ ногами цвѣты, надъ головою лабиринтъ розъ. Въ самыхъ бѣдныхъ, перекосившихся окнахъ непремѣнно висятъ хоть по корзинѣ цвѣтовъ. Царство свѣта и цвѣтовъ замѣнило царство смерти. Флоренція опьянѣла отъ свободы и празднуетъ побѣду.

У каждыхъ воротъ стоятъ группы солдатъ, пьютъ и пляшутъ. Оружіе составлено въ козлы на площадяхъ. Вокругъ съ пѣснями танцуютъ женщины. Запыленные, побывавшіе на войнѣ рекруты разсказываютъ небывалыя вещи благоговѣйно слушающей толпѣ. Столы съ угощеніемъ вездѣ подъ звѣзднымъ небомъ, подъ раскачиваемыми вѣтромъ гирляндами. Колокола звонятъ; пушки салютуютъ; цѣлыя группы разноцвѣтныхъ ракетъ летятъ въ разныхъ мѣстахъ высоко въ облака. Въ церквяхъ поютъ благодарственное молебствіе, во дворцахъ будутъ танцовать до утра.

Веселье заставляетъ меня живѣе чувствовать холодъ и усталость. Будь у меня свой уголъ, я бы съ отчаяніемъ бросилась въ него, лишь бы не слышать смѣха, не видѣть свѣта. Я замѣчаю, что всѣ смотрятъ на меня съ удивленіемъ. Я, закутанная въ черный плащъ и вуаль, представляюсь темнымъ пятномъ на лучезарномъ сіяніи. Предо мной разступаются съ почтеніемъ, сдерживаютъ громкій смѣхъ, когда я прохожу мимо. Они думаютъ, что я оплакиваю воина, положившаго свою голову въ маисовыхъ поляхъ въ тѣни Альповъ. Да, я, дѣйствительно, оплакиваю умершаго—умершіе дни, умершую любовь, умершую свободу... Но своихъ мертвецовъ я убила собственными руками, сознательно. Теперь я одинока и я заслужила это. Однакожъ, справедливость тяжела, она давитъ мою жизнь, какъ свинецъ. И я, закутываясь плотнѣе, иду все дальше и дальше въ самый центръ города.

Здѣсь толпа народа еще гуще; темныя лица сіяютъ; голоса звенятъ цѣлымъ потокомъ радостныхъ словъ; яркія, праздничныя одежды весело выдѣляются на темномъ фонѣ сѣрыхъ каменныхъ домовъ; у нихъ слезы на глазахъ по умершимъ и смѣхъ гордости за живыхъ. И изъ устъ въ уста, какъ въ ночь карнавала, переходитъ одно имя:

Паскарелло! Паскарель!

Я схватываю за юбку мимо бѣгущую женщину:

— Онъ здѣсь? Паскарель? спрашиваю я.

Она вырываетъ платье изъ моихъ рукъ, говоря торопливо:

— Да! онъ говоритъ съ народомъ на площади Синьоріи. Сказываютъ, что онъ совершилъ великіе подвиги на войнѣ.

Не помня себя, я бросаюсь вмѣстѣ съ толпой подъ арки Уфици, гдѣ развѣвается бѣлое съ краснымъ знамя, какъ во время карнавала. Площадь набита народомъ. Всѣ лица повернуты въ одномъ направленіи къ лѣстницѣ Лоджіи Орканьи, откуда въ старину гремѣли ораторы. Тамъ, на ступенькѣ, между двумя львами, стоитъ Паскарель и говоритъ съ Флорентинцами. Надъ головой его развѣвается знамя съ краснымъ крестомъ, на немъ одежда волонтера, на груди крестъ за храбрость, а на камняхъ у его ногъ лавровые вѣнки и букеты лилій, поднесенные ему народомъ. Луна освѣщаетъ его изящное, темное лицо, его высокій поэтическій лобъ, его задумчивые глаза, въ которыхъ видиѣется мысль ученаго и храбрость воина.

Громадная толпа молчитъ, всѣ слишкомъ сильно любятъ его, и боятся потерять хотя одно его слово. Онъ былъ дорогъ имъ прежде, а теперь, вернувшись съ знойныхъ, пропитанныхъ кровью полей съ ореоломъ геройскихъ подвиговъ, совершенныхъ имъ, съ вѣтвями лавра, увивающими жезлъ арлекина, онъ сталъ для нихъ священнымъ.

Я прислоняюсь въ тѣни нижней ступеньки и смотрю на него, и упиваюсь мелодичными звуками его голоса, пока моя любовь къ нему и невозвратимая потеря не доводятъ меня до сумашествія. Однакожъ, я слышу все, что онъ говоритъ.

— Знаете ли вы какъ святой Михаилъ создалъ итальянца? разсказываетъ онъ имъ фантастическую легенду, своимъ образнымъ звучнымъ тосканскимъ языкомъ, и такъ громко, что голосъ его ясно слышенъ въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ площади.—Не знаете,—какой стыдъ! Это произошло слѣдующимъ образомъ: давно, давно, когда свѣтъ былъ только что созданъ изъ хаоса, Господь Богъ, какъ вы всѣ, конечно, знаете, захотѣлъ отдохнуть въ седьмой день. Четыре святыхъ ангела: Георгій, Денисъ, Яго и Михаилъ окружали его съ опущенными крыльями, со вложенными въ ножны огненными мечами... Тогда сказалъ имъ Богъ: «Взгляните на всѣ эти куски и остатки, разсыпанные по земному шару. Соберите ихъ и сдѣлайте изъ нихъ четыре племени, чтобы населить землю». Они повиновались и принялись за работу. Святой Георгій взялъ кусокъ чистаго золота и громаднѣйшей кусокъ свинцу, спряталъ золото въ свинецъ такъ, что никто не могъ бы догадаться о его существованіи, послалъ его прыгать и скакать по землѣ и назвалъ его англійскимъ народомъ... Святой Яго взялъ пузырь, наполненный воздухомъ, вложилъ въ него лисье сердце и волчьи зубы и когда онъ надулся, какъ лягушка, желающая сравняться съ воломъ, отправилъ его на землю подъ именемъ испанца... Святой Денисъ сдѣлалъ лучше: онъ поймалъ летящій солнечный лучъ, перевязалъ его бантомъ изъ яркихъ лентъ, пустилъ его на землю, какъ народъ Франціи; но увы! онъ сдѣлалъ двѣ ошибки, не вложилъ въ него баласту и окрасилъ ленты въ цвѣтъ крови. Святой Михаилъ, замѣтивъ всѣ ихъ ошибки, взялъ тоже солнечный лучъ и много другихъ вещей: бархатную маску, стальной кинжалъ, звукъ лютни, сердце ребенка, вздохъ поэта, поцѣлуй влюбленнаго, райскую розу и серебряную струну отъ лиры ангела. Со всѣми этими вещами онъ пришелъ и преклонилъ колѣна передъ трономъ Отца небеснаго: «Великій Боже, чтобы сдѣлать совершеннымъ мое созданіе, молилъ онъ, даруй мнѣ улыбку Божію». И Богъ улыбнулся... Тогда святой Михаилъ послалъ свое твореніе на землю и назвалъ его итальянцемъ... Но, къ несчастію,—вѣрно такъ ужь было суждено,—Сатана, наблюдавшій за всѣмъ изъ дверей ада, подумалъ: «Если я не испорчу его произведенія, земля будетъ раемъ въ Италіи». И, вынувъ лукъ зависти, выпустилъ изъ него отравленную стрѣлу, и стрѣла попала въ райскую розу и перебила серебряную струну ангела... И до сего дня въ глазахъ итальянца живетъ улыбка Бога, но живетъ также въ его сердцѣ отравленная стрѣла дьявола. Нѣкоторые называютъ эту зазубренную стрѣлу «Жестокостью», нѣкоторые «Суевѣріемъ», нѣкоторые, «Невѣжествомъ», нѣкоторые «Іезуитскими кознями»: можетъ быть, ядъ исходитъ изъ всѣхъ четырехъ. Какъ бы тамъ ни было, на обязанности каждаго итальянца лежитъ вырывать старательно эту стрѣлу, чтобы у дѣтей ихъ дѣтей оставалась одна улыбка Божія... Тамъ, въ долинахъ, мы сдѣлали много; остальное должны докончить вы, «свободная Нація».

Голосъ его звучитъ надъ притихшей, оробѣвшей толпой сначала, какъ призывная труба; затѣмъ, понемногу стихаетъ, подобно тихому вѣтру на безбрежномъ морѣ и падаетъ въ толпу съ торжественностію молитвы.

— Мы, итальянцы, заканчиваетъ онъ медленно.—Велико наше наслѣдство, также великъ и нашъ долгъ.

Онъ обнажаетъ голову и съ минуту стоитъ молча. Молчитъ и народъ, многіе молятся, стоя на колѣняхъ.

Онъ спускается съ лѣстницы Лоджіи: руки его полны цвѣтовъ. Могучій крикъ вырывается единодушно изъ устъ всего народа. Подобный крикъ можетъ исходить только тогда, когда въ груди десятковъ тысячъ людей бьется сердце, одушевленное однимъ и тѣмъ же желаніемъ. Онъ проходитъ мимо меня, я схватываю его руку и цѣлую ее. Такъ многіе дотрогиваются до него, что онъ не замѣчаетъ моего поцѣлуя. Да и какъ онъ, посреди шумнаго праздества и свѣта, можетъ замѣтить черную фигуру, припавшую къ его ногамъ.

Онъ проходитъ мимо; толпа со смѣхомъ и слезами хватаетъ его, поднимаетъ на плечи и несетъ съ криками черезъ площадь: женщины осыпаютъ его цвѣтами. У него осталось искуство, краснорѣчіе, сила слова и меча, и любовь его дорогого города. Не естественно ли, что онъ позабылъ меня? А у меня?..

Я падаю въ безсиліи на нижнюю ступень Лоджіи. Площадь пустѣетъ. Народъ расходится въ разныя стороны.

Я потеряла счетъ времени; колоколъ бьетъ часы одинъ за другимъ. Должно быть, близко полночь. Я сижу, уперевъ голову въ руки, разбитая, измятая, какъ лиліи вокругъ меня. Я не думаю ни о судьбѣ своей, ни о будущемъ. Въ ушахъ моихъ все еще раздается его голосъ; я думаю о моей потерянной жизни.

Еслибъ я была терпѣливѣе, еслибъ я была искреннѣе, еслибъ я была довѣрчивѣе... нѣтъ, я желала величія, и оно ускользнуло и унизило меня. И я дотронулась до его руки, глядѣла въ его лицо, была такъ близко къ нему, какъ пыль у ногъ его; а между тѣмъ я не могу ожидать отъ него ни взгляда, ни слова. Никогда пока я жива. Съ чѣмъ можно будетъ сравнить мою любовь теперь, какъ не съ прошеніемъ милостыни безпріютной нищей?

Приближаются чьи-то шаги. Я вздрагиваю и поднимаю голову. Я вижу его, освѣщеннаго луной, какъ видала много разъ въ то счастливое лѣто, когда мы вмѣстѣ ходили по молчаливымъ улицамъ старинныхъ, опустѣлыхъ городовъ или по усѣяннымъ макомъ хлѣбнымъ полямъ.

Но теперь голова его опущена, лицо блѣдно и печально; а вмѣсто звуковъ мандолины слышно бряцаніе сабли по мостовой. Онъ идетъ черезъ площадь; онъ совсѣмъ одинъ. Проходя мимо меня онъ останавливается и смотритъ. Его добрая душа не можетъ не сочувствовать горю всякаго живого существа. Онъ видитъ только наклоненную человѣческую фигуру, плачущую въ то время, какъ всѣ другіе веселятся. Онъ останавливается предо мною, какъ передъ совершенно чуждой ему женщиной.

— Что съ вами, о чемъ вы горюете, когда всѣ радуются? спрашиваетъ онъ.

Я не могу отвѣчать. Охотно бы я вскочила и

убѣжала отъ него, но ноги мои какъ бы приросли къ мрамору.

Онъ дотрогивается до меня съ состраданіемъ.

— Вы еще молодая женщина? вы оплакиваете умершаго воина?

Съ крикомъ я обхватываю его ноги и приклоняю къ нимъ мою голову. Да я оплакиваю умершаго!

Какъ бы по инстинкту онъ срываетъ съ меня вуаль и поворачиваетъ мое лицо къ лунѣ. И тогда... о, тогда! Я не оплакиваю болѣе ночь всѣхъ Святыхъ на возвышенностяхъ Фьезоле.

— Но я теперь ничто... ничто... ничто! говорю я ему часъ спустя, когда мой разсказъ конченъ.

Онъ отвѣчаетъ мнѣ улыбкой, обнимая меня.

— У меня тоже нѣтъ ничего! И такъ, мы ровны теперь, мое сокровище. Ахъ, милая моя! вы научились теперь думать такъ же, какъ и я, что лучшія вещи, которыя можетъ намъ дать свѣтъ: не много смѣху и не много любви?

Я обвиваю руками его шею, прислоняю свою щеку къ его и говорю.

— Лучше скажите не много смѣху и много, много любви.

И этого довольно, довольно теперь и въ будущемъ. Любовь сильнѣе смерти, любовь подобна вѣчности; она покинетъ землю вмѣстѣ съ нами, когда наши души отдѣлятся отъ тѣла, и достигнетъ высшаго совершенства въ иной жизни, въ иномъ мірѣ; любовь то, что время не можетъ охладить, что горе не въ силахъ ослабить,—она радость и блаженство.

Городъ поблѣднѣлъ отъ ночныхъ тѣней. Рѣка, какъ отдаленныя волны моря, глухо плещется о сваи старинныхъ мостовъ. Флаги съ краснымъ крестомъ развѣваютъ по вѣтру свои бѣлыя складки; жители успокоились. Луна блеститъ въ гербахъ на щитахъ древней республики. Львы, бѣлѣющіеся посреди зелени лѣсныхъ лавровъ, стерегутъ мѣсто общественной свободы. Лѣстница усѣяна розами и лиліями. Около рѣки слышно пѣніе людей еще не утомленныхъ дневнымъ торжествомъ... Не всегда ли съ такой обстановкой вспоминается Флоренція?

Тучи цвѣтовъ, звуки лютни, журчаніе смѣха, вздохъ глубокой радости, заглушаемый лаской, дальніе отголоски народнаго веселья, тихое широкое море серебристаго луннаго свѣта, каменные фавны и грифы, увитые зелеными листьями ползучихъ растеній, скульптурныя фигуры святыхъ и пророковъ, возвышающихся надъ толпою шаловливыхъ масокъ, благоуханіе моря и горъ, проносимое на крыльяхъ вѣтра по темнымъ мраморнымъ переходомъ, а въ священной тишинѣ ночной, подъ шумъ паденія фонтана, ускоренное біеніе пульса, молчаливое прикосновеніе губъ любовниковъ—вотъ дыханіе и жизнь этого города лилій, города любви. Построенная на полѣ цвѣтовъ въ лѣтнюю ночь «Убійцей льва» для матери «Эроса», Флоренція—дочь боговъ и царица людской свободы; Флоренція—поэтъ и рай «Любви».

Андре Шенье.

Ст. Г. Глинскаго.

(*Окончаніе.*)

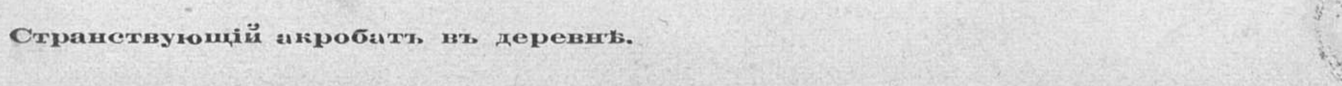
Личный характеръ Шенье опредѣлилъ его политическія воззрѣнія и роль, которую ему суждено было сыграть въ самые тревожные годы французской революціи. Женственная, нервная и въ высшей степени впечатлительная его природа, была причиной его печальной кончины. Безспорно, что то положеніе, которое занялъ Шенье въ политическихъ движеніяхъ, на первый взглядъ, по меньшей мѣрѣ, можно назвать двусмысленнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, страннымъ кажется, какъ можно въ одно и то же время привѣтствовать новыя идеи, французскую революцію, провозглашеніе свободы и стоять въ довольно дружескихъ отношеніяхъ, даже защищать въ печати, что дѣйствительно и дѣлалъ Шенье, Людовика и его партію. Шенье, одаренный отъ природы высшимъ умомъ и, свойственнымъ людямъ чуткимъ ко всему прекрасному, желаніемъ всеобщаго счастія, стремился къ тому, чтобы провести въ жизнь общества новыя начала безъ пролитія капли крови. Это было результатомъ его, можетъ быть, и не практичнаго, но вполнѣ честнаго и широкаго взгляда на жизнь. Онъ дорожилъ каждою единицей; добиваясь свободы, онъ хотѣлъ сдѣлать свободными даже и тѣхъ, кто всѣми силами боролся противъ нея. Вотъ почему Шенье не примкнулъ ни къ какому кружку, ни къ какой партіи. Это было главною причиной всѣхъ обвиненій, которыя градомъ сыпались на его голову со стороны его враговъ, обвинявшихъ Шенье во всемъ, въ чемъ только можно обвинить даровитаго и имѣющаго извѣстное значеніе публициста. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, Шенье съ гордостью говоритъ о томъ, что онъ не принадлежитъ ни къ какой партіи, что онъ стремится только къ истинѣ. При такихъ воззрѣніяхъ, въ то время, развѣ только случайно, можно было спастись отъ враговъ. Это было тѣмъ невѣроятнѣе для Шенье, чѣмъ болѣе онъ расходился съ тѣмъ кружкомъ, съ которымъ, въ самомъ началѣ своей дѣятельности довольно близко сошелся. Шенье съ такою страстью предался отыскиванію истины, что не съумѣлъ промолчать ни разу, когда чувствовалъ, что слѣдовало сказать правду, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда это было для него не то, чтобы удобно, но, по крайней мѣрѣ, благоразумно. Въ его полемическихъ статьяхъ встрѣчаются очень часто откровенно высказанныя, нелестныя мнѣнія о характерѣ и поступкахъ людей, занимавшихъ въ то время самыя высокія и вліятельныя положенія въ обществѣ. Правда не всегда нравится, даже можно сказать, что правда никогда не нравится, особенно въ дѣлѣ личныхъ поступковъ и стремленій; не будемъ же удивляться, что правдой Шенье нажилъ себѣ въ десятеро больше враговъ, чѣмъ друзей. У послѣднихъ не было средствъ для защиты своего друга и притомъ ихъ было очень не много; у первыхъ было и желаніе погубить Шенье и всѣ необходимыя для этого средства...

Шенье съ восторгомъ привѣтствовалъ провозглашенныя французскою революціею 1789 года идеи. Не смотря на то, что онъ провелъ свои юные годы въ семьѣ старыхъ дворянъ, не смотря на свое дворянское происхожденіе и воспитаніе въ духѣ стараго времени, Шенье не воздержался отъ выраженія своихъ чувствъ, по поводу провозглашенія новыхъ, обновляющихъ идей, въ которыхъ онъ усматривалъ задатки и основы новой жизни. Онъ воспѣлъ принципы 1789 года въ прекрасномъ, по содержанію и формѣ стихотвореніи, которое смѣло можно назвать поэмой. Эта поэма (Jeu de Paume), сначала въ рукописи, а потомъ (1791 г.) и въ печати въ громадномъ количествѣ экземпляровъ разошлась по всему Парижу и по всей странѣ. Имя Шенье стало популярно. Его любили и ненавидѣли въ одно и тоже время: друзья, которыхъ, какъ мы уже говорили, было очень немного, восхищались, враги—«имъ же нѣсть числа»—нападали на него. Нѣкоторый, сравнительно большой успѣхъ этой поэмы, поощренія друзей и, по всей вѣроятности, желаніе играть нѣкоторую роль въ обществѣ—были причиною того, что Шенье забылъ о литературныхъ своихъ занятіяхъ. Греческіе поэты, книги и поэзія были имъ забыты. Онъ бросился въ водоворотъ кипучей, общественной жизни. Этотъ моментъ въ жизни Шенье составляетъ поворотный пунктъ въ его дѣятельности: юный поэтъ превращается въ политическаго дѣятеля.

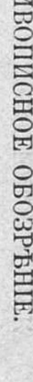
Сначала, будучи членомъ Общества 1789 г., Шенье напечаталъ въ № 13 «Journal de la Société de 1789» статью, излагающую его воззрѣнія на вопросъ, занимавшій тогда всѣхъ публицистовъ. Статья носитъ заглавіе: Avis aux Français sur leurs veritables ennemis. Статья эта пользовалась громаднымъ успѣхомъ: она выдержала въ очень короткое время нѣсколько отдѣльныхъ изданій и переведенная на всѣ европейскіе языки, доставила и за границей извѣстность молодому публицисту. Станиславъ-Августъ велѣлъ ее перевести на польскій языкъ и прислалъ Шенье золотую медаль, въ знакъ своей признательности. Людовикъ XVI и его приближенные, слѣдившіе внимательно за всѣмъ, что могло имъ угрожать или помочь, нашли въ этой статьѣ многое, оправдывающее ихъ надежды. Со времени появленія этой статьи, имѣвшей нѣкоторый успѣхъ въ средѣ консерваторовъ, и по всей вѣроятности, по этому поводу, Шенье все болѣе и болѣе расходился съ тѣмъ кружкомъ, въ которомъ онъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ. Увѣряютъ даже, что онъ былъ первою причиной распаденія кружка. Кондорсе душа Общества 1789 года, окончательно сошелся съ якобинцами и общество перестало существовать, какъ нѣчто цѣльное, вѣское, съ чѣмъ приходилось бы считаться. Это крайне огорчило Шенье. Въ изданной имъ, въ 1791 году, небольшой брошюрѣ подъ заглавіемъ: Réfléxions sur l'esprit de parti (размышленія о духѣ партіи), Шенье вполнѣ искренно, не щадя ни враговъ, ни друзей—открываетъ истину. Онъ вполнѣ искренно излагаетъ свои мнѣнія о причинахъ распаденія общества и взвѣшиваетъ поступки и цѣли всѣхъ тогдашнихъ обществъ и лицъ, занимавшихъ болѣе или менѣе видное и вліятельное положеніе. Имя Шенье, какъ умнаго и честнаго публициста, все болѣе и болѣе упрочивало себѣ извѣстность. Сражаясь перомъ, говоря все то, что по его мнѣнію было необходимо сказать, возвышая свой голосъ,—единственное оружіе, которымъ онъ надѣялся открыть свободный доступъ истинѣ въ общество,—и притомъ, желая избѣгнуть критической минуты, полной анархіи—Шенье поставилъ себя въ исключительное и опасное положеніе. Обвиняемый новою партіею въ ретроградныхъ попытяхъ, подозрѣваемый всѣми въ измѣнѣ, бѣдный Шенье подвергался нападкамъ со стороны тѣхъ и другихъ. Не трудно было предвидѣть развязку. Въ такія времена, какъ времена французской революціи, не принадлежать къ господствующей фракціи—одно и то же, что осудить себя на вѣрную гибель.

Шенье, волей не волей, бросившій свои литературныя занятія, намѣревался занять какое-нибудь положеніе въ политическомъ мірѣ. Попытка, однако, не удалась. Ему хотѣлось попасть въ число членовъ законодательнаго собранія и поэтому онъ старался, чтобъ его зачислили въ кандидаты на эту должность. Незначительное число голосовъ, полученныхъ имъ на выборахъ, было причиной того, что желанія его не исполнились. Шенье, однако, не отчаявался; ему хотѣлось еще разъ попробовать счастья. При помощи прокурора-синдика Редерера его фамилія была внесена въ списокъ двухъ сотъ лицъ, назначаемыхъ для образованія жюри присяжныхъ при уголовномъ судѣ. Между тѣмъ, съ каждымъ днемъ, положеніе Шенье становилось все болѣе и болѣе опаснымъ. Своими статьями, въ которыхъ онъ затрогивалъ самые важные политическіе вопросы, Шенье возбудилъ противъ себя многихъ изъ высокопоставленныхъ лицъ. Наконецъ, то, что онъ сталъ какъ бы защитникомъ Людовика XVI, осужденнаго преобладающею партіей, возбудило противъ него открытое прес-

Картина М. МУНКАЧИ.

Странствующій акробатъ въ деревнѣ.

Испанскій павильонъ.

лѣдованіе. Ему велѣно было оставить Парижъ въ 1793 году Шенье отправился въ Руанъ, затѣмъ поселился въ Версалѣ, гдѣ жилъ нѣкоторое время у своего брата Мари-Жозефа, употребившаго всѣ средства, чтобъ защитить брата отъ нападеній враговъ. Если бы не печальное происшествіе въ Пасси,—арестъ его друга, Пасторета,—по всей вѣроятности, Андре, подъ опекой брата, одинокій, окруженный книгами, всѣми забытый, провелъ бы долгіе годы за любимыми занятіями. Но узнавъ объ арестѣ, Шенье ѣдетъ въ Пасси. Къ несчастью, онъ пріѣхалъ въ домъ Пасторета, какъ разъ въ то время, когда производили у него обыскъ и арестовали г-жу Пасторетъ. Конечно, враги умѣли воспользоваться этимъ случаемъ. Его считаютъ подозрительною личностью, арестуютъ, везутъ въ Парижъ, заключаютъ въ тюрьму... Никакія старанія, никакія выкупныя суммы не оказываютъ своего дѣйствія. Можно даже сказать, что это еще болѣе раздражало его враговъ. Въ то время, одинъ только путь былъ открытъ къ спасенію: это полное забвеніе. Оставалось погибать, или быть забытымъ... Мари-Жозефъ, котораго Робеспьеръ ненавидѣлъ, понималъ, что старанія его могутъ только повредить брату. Спасти Андре—для него было невозможно; Мари-Жозефъ могъ сдѣлать только одно — погибнуть вмѣстѣ съ братомъ. Нашлись люди, которые упрекали Мари-Жозефа въ томъ, что у него не хватало храбрости для защиты брата. Но возможно ли въ чемъ нибудь подобномъ упрекать человѣка, принявъ въ соображеніе всѣ тогдашнія условія? Лучшимъ доказательствомъ тому, что Мари-Жозефъ не заслуживаетъ этихъ упрековъ то, что мать Шенье, обожавшая Андре и горько оплакивавшая его смерть, до самой смерти жила у Мари-Жозефа. За то несчастный отецъ, огорченный арестомъ сына, не могъ молчать: онъ думалъ слезами вымолить для сына прощеніе. Неопытный старикъ! Онъ все разсчитывалъ на то, что его выслушаютъ, что ему повѣрятъ! Его дѣйствительно выслушали: «Не можетъ быть, удивился, одинъ изъ вліятельныхъ террористовъ, къ которому отецъ Андре обратился съ просьбою приступить къ разбору дѣла его сына, въ полной увѣренности, что его найдутъ невиновнымъ,—не можетъ быть, чтобъ его еще не судили! Будьте увѣрены, черезъ три дня его будутъ судить?» Старикъ былъ въ восторгѣ. Ему казалось, что сына его освободятъ, что самые строгіе судьи не могутъ найти его виновнымъ. Но, къ сожалѣнію, судьи иначе смотрѣли на это дѣло...

Долгіе часы, дни и мѣсяцы томился бѣдный поэтъ въ темницѣ. Послѣдніе дни своего пребыванія въ тюрьмѣ св. Лазаря, Шенье посвятилъ приведенію въ порядокъ всѣхъ своихъ бумагъ. Не подозрѣвая даже, чѣмъ можетъ кончиться его дѣло, онъ мечталъ о томъ, чтобъ сейчасъ послѣ освобожденія издать полное собраніе своихъ сочиненій. Въ его бумагахъ найденъ былъ отрывокъ предисловія, которое онъ намѣренъ былъ напечатать въ 1-мъ томѣ своихъ сочиненій. Изъ него мы видимъ, какъ критически относился Шенье къ своимъ стихотвореніямъ. Нисколько не преувеличивая ихъ значенія, онъ вполнѣ откровенно признается, что изъ числа многихъ имъ сочиненнымъ стихотвореній, только тѣ, которыя онъ печатаетъ, по его мнѣнію, имѣютъ нѣкоторыя достоинства. «Если читатель останется ими недоволенъ, говоритъ далѣе Шенье, тѣмъ лучше, что я уничтожилъ большую часть другихъ. По крайней мѣрѣ, читатель не будетъ на меня сердиться за то, что я былъ бы причиной напрасной траты времени».—Надежды его не сбылись: сочиненіямъ Шенье суждено было явиться впервые только 1819 г., т. е., черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ его смерти. Въ тюрьмѣ св. Лазаря, одинъ изъ товарищей Шенье, художникъ Сюве, написалъ его портретъ, единственный, который остался послѣ смерти Шенье.

Обвиняемый въ измѣнѣ, въ распространеніи статей, защищающихъ тиранію, возстающихъ противъ свободы, названный мятежникомъ, Андре Шенье отказался отъ защиты и молча выслушалъ смертный приговоръ. Ему противно было говорить съ людьми, которые во имя справедливости и свободы обвиняли ни въ чемъ неповиннаго человѣка, въ измѣнѣ, лишь только потому, что онъ не хотѣлъ сойдтись съ ними, что онъ не хотѣлъ пристать къ ихъ партіи... Исполненіе приговора было назначено на 25 іюля 1794 года. Вмѣстѣ съ нимъ, той же участи подверглись тридцать семь человѣкъ, въ числѣ которыхъ были живописецъ Рушеръ, Монталамберъ, Монморанси и др.

25 іюля 1794 года, въ восемь часовъ утра, Андре Шенье не стало...

Отдыхъ въ африканской степи.

Африканскія степи представляютъ собою громадныя пространства, покрытыя травою или кустарникомъ, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Несмотря на нѣкоторыя мѣстныя отличія въ характерѣ почвы, растительности и царствѣ животныхъ, всѣ эти степи имѣютъ между собою нѣчто общее, свойственное всему африканскому материку; такъ, путешественникъ, видѣвшій нубійскія степи, найдетъ знакомыя ему черты, напримѣръ, даже и въ Калагари, лежащей уже въ землѣ кафровъ.

Скудная, растущая клочками зелень, съ жесткими, иногда узловатыми, стеблями и какъ-то карикатурно торчащими вверхъ и въ стороны листьями, принимающими видъ щетокъ, бородъ, иголъ, гребней и пр., кактусо-подобные молочаи (euphorbia), метлообразныя мирты, колоссальныя конопли и, наконецъ, какъ главное растеніе этихъ странъ, акаціи всевозможныхъ видовъ,—такова флора, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ африканскихъ степей. Къ мѣстнымъ особенностямъ принадлежатъ: къ югу отъ экватора,—тянущіяся на нѣсколько дней пути и однообразныя до тошноты, чащи эбеновыхъ деревьевъ (Bauhinia); къ сѣверу безобразныя путаницы, почти безлистнаго Capparis sodada, и какъ бы покрытыя мукою, постоянно сочащія млечный сокъ, Aselepiae procera. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, песчаною, глинистою или каменистою почвою высятся горы, стоящія одинокими пиками и группами, на подобіе маяковъ, руководящихъ путника въ этомъ безпредѣльномъ, зеленомъ морѣ.

Степная фауна всей Африки имѣетъ сходство между собою. Какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ, встрѣчаются львы, леопарды, ягуары, шакалы, лисицы. Полосатая гіена, свойственная сѣверу африканскаго материка, уступаетъ мѣсто болѣе крупнымъ хищникамъ, по мѣрѣ приближенія къ экватору, но грызуны разныхъ видовъ попадаются во множествѣ повсюду, равно какъ мелкія и крупныя животныя изъ семейства отрыгающихъ жвачку: антилопы, зебры, буйволы, жирафы и т. д.

Пустынная область Сахары отдѣляется отъ лѣсистой, собственно экваторіальной полосы Африки, громаднымъ степнымъ поясомъ, отмѣченнымъ вышеуказанными характеристическими чертами. Извѣстный путешественникъ, Робертъ Гартманъ, провелъ нѣсколько времени въ той части этой мѣстности, которая простирается къ югу Нубіи и востоку Судана, отъ 18° до 12° сѣверн. широты. Рисунокъ, прилагаемый къ нашей статьѣ, снятъ Гартманомъ акварелью на мѣстѣ, а именно, близь деревни Каркоджа въ Сенаарѣ. Художникъ избралъ исключительно этотъ ландшафтъ потому, что изображенная на немъ растительность, совершенно тожественна съ встрѣчаемою даже на самомъ югѣ Африки; такъ, здѣсь видна красноствольная акація, съ ея вѣеро-образною листвою, на ряду съ безпорядочно-растущими кустами какамута (Acacia campylocantha), китеры (Ac. laeta) и пр., покрывающими тоже кафрскія и бетчуанскія степи. Это сходство поражало уже и другихъ путешественниковъ: Мора, Гана и Эндемана, знакомыхъ съ характеромъ африканскаго материка.

Степи представляютъ предметъ разнообразнѣйшихъ наблюденій для любознательнаго путешественника. Не только каждое время года, но даже каждый часъ дня имѣютъ здѣсь свой особый характеръ. Такъ, въ свѣтлое апрѣльское утро, напримѣръ, между 6—8 часами по полуночи, голуби воркуютъ, зяблики свистятъ, усатая мухоловка выкрикиваетъ оригинально по своему, телефонъ звонко перекликается съ платистроі. Граціозныя газели и болѣе степенныя антилопы пробираются стаями, иногда попарно или въ одиночку, сквозь сухую траву и кустарникъ. Рысь высматриваетъ добычу, навостря свои длинныя уши; степная кошка играетъ, потачивая свои когти о сѣро-зеленые стволы каперсовыхъ деревьевъ. Ястребъ паритъ величаво въ безоблачной атмосферѣ, между тѣмъ, какъ орелъ-фигляръ забавляется тутъ же своими удивительными скачками и кувырканьями, заслужившими ему отъ абиссинцевъ прозвище «небесной обезьяны».

Но наступаетъ полдень и картина перемѣняется. Глинистая земля успѣла растрескаться подъ лучами солнца, палившими ее втеченіе нѣсколькихъ часовъ. Воздухъ дрожитъ надъ раскаленой пустыней и создаетъ обманчивые миражи передъ глазами измученнаго жаждой и усталостью путника. Все замираетъ... птицы укрылись подъ листву и лишь изрѣдка шелестнетъ кустъ, задѣтый отяжелѣвшимъ крыломъ, или чирикнетъ матка, угоманивая неспокойныхъ птенцовъ. Даже ястреба возвратились изъ своихъ воздушныхъ странствій, и дремлятъ, съ сытымъ желудкомъ, опустя крылья и прикорчившись въ самыхъ забавныхъ позахъ на голой землѣ, высохшей до степени кирпича. Стая антилопъ и жирафовъ ищетъ убѣжища подъ деревьями,—но мало тѣни даютъ эти деревья, обильные болѣе сучьями, чѣмъ листвою, на подобіе австралійскихъ. Вся картина этого отдыха носитъ характеръ вполнѣ райской безмятежности: птицы и четвероногія отдыхаютъ, не боясь другъ друга; полуденный зной миритъ всѣхъ, и самый мелкій звѣрекъ спитъ рядомъ съ буйволомъ, зеброй или камелеопардомъ. Одни только хищники остаются вѣчными врагами всѣхъ прочихъ животныхъ и заставляютъ ихъ озираться боязливо, даже и въ этотъ часъ полуденнаго покоя...

Судебная ошибка.

Романъ Ф. Буагобея. Переводъ С. И. Воскресенской.

Глава VII.

Тереза Леконтъ и Люи Лекокъ были совершенно счастливы. Ихъ помолвка совершилась безъ всякихъ драматическихъ перипетій: познакомясь съ Люи на вечерѣ у общихъ знакомыхъ, Тереза призналась своей матери, что молодой красивый брюнетъ, приглашавшій ее три раза на танцы, нравится ей; несравненно болѣе, нежели тѣ два претендента, которые уже были оффиціально представлены ей, а Люи, съ своей стороны, отправился на слѣдующій день, рано утромъ, къ старику Лекоку и объявилъ ему, что ради такой невѣсты, онъ готовъ послушаться отца и проститься съ холостой жизнью. Результатомъ всѣхъ этихъ объясненій было свиданіе старика Лекока съ г-жею Леконтъ, и взаимное согласіе родителей на бракъ молодыхъ людей. Лекокъ, сообщая о томъ, что его сынъ влюбился по уши въ Терезу, прибавилъ, что оставитъ ему послѣ себя шестьсотъ

тысячъ франковъ, изъ которыхъ готовъ выдать тотчасъ же половину молодымъ на обзаведеніе. Правда, Тереза Леконтъ была еще богаче: за нею было полмилліона приданаго, а послѣ смерти матери, она должна была наслѣдовать еще милліонъ, но, тѣмъ не менѣе, г-жа Леконтъ сдѣлала старику, лишь ради формы, нѣкоторыя ходячія возраженія: ея дочь была еще слишкомъ молода... молодой человѣкъ не пріобрѣлъ еще положенія въ свѣтѣ... Въ сущности, будущая теща Люи была въ восторгѣ отъ такого мужа для своей Терезы (потому что у тещъ бываетъ тоже свой идеалъ зятя); молодой Лекокъ олицетворялъ собою ея мечты и все дѣло уладилось, такимъ образомъ, очень мирно, къ общему удовольствію. Лекокъ-отецъ, какъ тонкій знатокъ человѣческихъ сердецъ, съумѣлъ окончательно плѣнить вдову покойнаго банкира своею прямотою и откровенностью и, черезъ три недѣли послѣ своего перваго свиданія, Тереза и Люи получили разрѣшеніе уже оффиціально называться женихомъ и невѣстой.

Они блаженствовали вполнѣ. Каждый день, къ вечеру, молодой человѣкъ спѣшилъ въ Булонь-на-Сенѣ, обѣдалъ у своей тещи, гдѣ его ждалъ всегда готовый приборъ, наслаждался бесѣдой съ своею невѣстой, въ которую влюблялся болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ, и уѣзжалъ обратно въ десять часовъ. Г-жа Леконтъ, овдовѣвъ, оставила за собою въ Парижѣ небольшую квартирку на случай пріѣзда, и поселилась на постоянное жительство въ своемъ великолѣпномъ подгородномъ имѣніи. Старикъ Лекокъ отправлялся къ ней тоже каждое воскресенье, приказывая, въ этихъ случаяхъ, докладывать о себѣ не иначе, какъ подъ однимъ именемъ «де-Жантильи».

Онъ былъ бы готовъ и на другія уступки въ пользу невиннаго чванства г-жи Леконтъ, потому что бракъ сына радовалъ его до-нельзя и по многимъ причинамъ. Старикъ изучилъ характеръ своего Люи до послѣдней тонкости и подмѣчалъ въ немъ, съ самаго дѣтства, крайне пылкую и, въ то же время, сосредоточенную натуру. Съ лѣтами, Люи сдѣлался благоразумнымъ и даже степеннымъ, но въ немъ таилась прирожденная страстность и способность на бурныя увлеченія. Вообще, темпераментъ его не согласовался съ его разсудкомъ. Благодаря воспитанію и собственной работѣ надъ собой, Люи былъ, — по крайней мѣрѣ, по внѣшности, — трудолюбивымъ, спокойнымъ и даже холоднымъ молодымъ человѣкомъ. Онъ очень рано отказался отъ легкихъ удовольствій, и товарищи не знали за нимъ никакихъ любовныхъ похожденій; но подобное благоразуміе, которое восхитило бы менѣе смѣтливаго отца, внушало сильное безпокойство старому Лекоку. Онъ зналъ по опыту, что огонь, таящійся подъ пепломъ, производитъ опаснѣйшіе пожары, и что порохъ дѣйствуетъ тѣмъ разрушительнѣе, чѣмъ болѣе онъ былъ сдавленъ передъ моментомъ своего взрыва. Опасаться же взрывовъ было возможно, и по весьма основательнымъ поводамъ. Находясь еще въ Англіи, Люи, которому было тогда всего только шестнадцать лѣтъ, хотѣлъ похитить одну двѣнадцатилѣтнюю миссъ, дочь сосѣдняго фермера, и это обстоятельство вынудило Лекока отправить слишкомъ воспламеняющагося школьника для окончанія образованія въ Германію.

Но вышло по пословицѣ: изъ огня, да въ полымя. Юноша недолго оставался спокойнымъ въ тихомъ университетскомъ городкѣ, въ который переселилъ его отецъ: онъ возгорѣлъ новою страстью къ одной изъ мѣстныхъ Гретхенъ, и дѣло грозило зайти далеко, еслибы Лекокъ не успѣлъ принять снова во время свои мѣры. Возвратясь во Францію, Люи успокоился. Онъ принялся горячо за свои учебныя занятія и кончилъ курсъ права и послѣдовавшій затѣмъ практическій искусъ самымъ примѣрнымъ образомъ, не развлекаясь никакими сердечными увлеченіями. Но старикъ не переставалъ опасаться бури, которая могла перевернуть вверхъ дномъ все это мирное, — слишкомъ мирное, по его мнѣнію,— существованіе. Между тѣмъ, вмѣсто ожидаемаго такъ трепетно урагана, боги ниспосылали легкій зефиръ, который счастливо направлялъ молодого человѣка въ мирную гавань супружества. Чего было желать лучшаго? Этотъ бракъ представлялъ собою всѣ данныя для счастія. Люи испытывалъ дѣйствительную, глубокую страсть къ своей невѣстѣ. Увидавъ ее въ первый разъ, онъ почувствовалъ то сердечное сотрясеніе, о которомъ, такъ часто говорятъ романисты, и которое посѣщаетъ людей такъ рѣдко въ нашъ положительный вѣкъ. Отводя Терезу на ея мѣсто послѣ перваго танца, молодой человѣкъ далъ себѣ слово жениться на ней. И онъ сдержалъ бы его, если бы даже родители вздумали противиться этому браку и у дѣвушки не было бы ни гроша приданаго.

«Счастье наше, что она родилась не прачкой!» подумалъ старикъ Лекокъ, когда Люи объявилъ ему, что влюбился въ Терезу Леконтъ.

Эта любовь усиливалась съ каждымъ днемъ; часы, проводимые вдалекѣ отъ невѣсты, казались молодому человѣку безконечными. Не смотря, однако, на все блаженство, которое онъ испытывалъ возлѣ нея, онъ являлся въ домъ своей будущей тещи иногда съ пасмурнымъ лицомъ. Это настроеніе измѣнялось, впрочемъ, тотчасъ при первой привѣтливой улыбкѣ Терезы; такъ было и черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ старый Лекокъ категорически отказался отъ всякаго участія въ розыскахъ по дѣлу въ улицѣ Арбалетъ. Люи пріѣхалъ къ своей невѣстѣ съ озабоченной физіономіей, но развеселился за обѣдомъ. Выйдя изъ-за стола, г-жа Леконтъ принялась за чтеніе газеты, чтобы не мѣшать молодымъ людямъ, которые бесѣдовали вполголоса, сидя въ той же комнатѣ у камина. Они говорили о своемъ будущемъ, строили планы на счетъ свадебной поѣздки... Воркованіе двухъ голубковъ было прервано неожиданнымъ восклицаніемъ г-жи Леконтъ.

— Наконецъ-то! сказала она, откладывая въ сторону газету.—Кажется, найдутъ злодѣя, убившаго двухъ несчастныхъ въ улицѣ Арбалетъ!

— Какихъ несчастныхъ, мама? разсѣянно спросила Тереза.

Она только что толковала съ Люи о Неаполитанскомъ заливѣ, о лимонныхъ рощахъ, о вѣчно голубомъ небѣ... и преступленіе въ улицѣ Арбалетъ врывалось грубо въ эти мечты.

— Какъ! сказала г-жа Леконтъ съ изумленіемъ,—ты не слыхала, что убили молодую женщину... запрятали ее въ чемоданъ... и тотъ же разбойникъ убилъ Лере... негоціанта... Я знавала Лере... онъ помѣщалъ у насъ деньги при твоемъ покойномъ отцѣ...

— Вы читали «Граціеллу», Люи? спросила вполголоса Тереза. Ей было пріятнѣе говорить съ своимъ женихомъ, чѣмъ слушать мрачный разсказъ объ убійствахъ.

— Удивительно! сказала г-жа Леконтъ.—Дѣвочки тупѣютъ, когда ихъ просватаютъ. Тебѣ нѣтъ дѣла до того, что людей рѣжутъ у нихъ на квартирѣ, въ столицѣ?.. Подожди, вотъ и у насъ что-нибудь случится... вокругъ насъ лѣсъ...

— Люи насъ защититъ, мама! возразила Тереза, глядя съ любовью на своего красавца-жениха.

— Если Люи будетъ прогуливаться съ тобою по Неаполитанскому заливу, то ему мудрено будетъ защищать меня здѣсь! сказала, смѣясь, г-жа Леконтъ.

— Я не думаю, чтобы вы подвергались здѣсь малѣйшей опасности, замѣтилъ молодой человѣкъ,—но если вамъ будетъ непріятно остаться одной, то отчего и вамъ не поѣхать съ нами?

— О, нѣтъ, дѣти мои, я васъ только стѣсню. Когда я вышла за моего милаго покойнаго мужа, мы отправились на двѣ недѣли въ Фонтенбло... тамошній лѣсъ не стоитъ вашихъ италіянскихъ померанцовыхъ рощъ... но я помню очень хорошо, что мы были въ восторгѣ оттого, что гуляли въ немъ только вдвоемъ... И къ тому же, я пошутила: я нисколько не боюсь. У насъ такая отличная прислуга... все люди испытанные, служатъ у насъ давно... и грудью за насъ постоятъ, я въ этомъ увѣрена... Но, какъ хотите, Люи, нельзя похвалить нашу полицію. Она должна не допускать подобныхъ ужасовъ... или, по крайней мѣрѣ, ловить тѣхъ, которые губятъ людей.

Если-бы г-жа Леконтъ знала о прежнихъ отношеніяхъ Лекока-отца къ полиціи, она не затрогивала бы вопроса о поимкѣ преступниковъ; но она и не подозрѣвала, что старикъ былъ нѣкогда сыщикомъ. Конечно, Лекокъ былъ олицетворенною честностью; пріобрѣтенныя имъ деньги поступили въ его карманъ не иначе, какъ въ видѣ законной награды, но у г-жи Леконтъ были свои буржуазные предразсудки и она была бы очень озадачена, узнавъ всю истину о его прошломъ. Можетъ быть, она и не дала бы своего согласія на бракъ дочери. Но Тереза не покорилась бы предразсудку. Она горячо и непоколебимо любила своего жениха, хотя эта привязанность и не проявлялась въ страстныхъ порывахъ. Простодушная, невинная, выросшая въ честной, степенной семьѣ, она была почти незнакома со зломъ, вѣрила въ свое будущее счастье, и всякій печальный разсказъ тревожилъ ее только безсознательно, какъ неловкій диссонансъ, нарушающій пріятную мелодію. Люи счелъ, однако, своимъ долгомъ вставить какое-нибудь слово въ отвѣтъ на замѣчаніе своей будущей тещи.

— Вы говорите, что есть надежда открыть убійцъ? спросилъ онъ.

— Да, отчасти, отвѣчала г-жа Леконтъ.—Эту бѣдняжку набальзамировали и выставили въ Моргѣ. Полагаютъ, что ее признаетъ кто-нибудь и тогда...

— О, мама, перебила Тереза, — что за мрачный разговоръ! Богъ съ нею, съ этою женщиною... поговоримъ о другомъ... Кстати, Люи, мой браслетъ?..

— Извините меня, проговорилъ молодой человѣкъ съ смущеніемъ.—Я хотѣлъ зайти къ ювелиру передъ моимъ отъѣздомъ сюда, но оказалось невозможнымъ... Завтра же онъ будетъ у васъ...

— И я скажу кстати нѣсколько словъ, вмѣшалась г-жа Леконтъ.—Я надѣюсь, Люи, что вы не станете дѣлать безразсудствъ по поводу свадебной корзинки. У васъ прекрасное состояніе, это правда, но экономія никогда не мѣшаетъ. Мой покойный мужъ часто повторялъ это мнѣ и былъ правъ; по этому...

Эта благоразумная рѣчь была прервана появленіемъ того самаго слуги, который, за нѣсколько дней тому назадъ, докладывалъ о приходѣ Толбіака.

— Какой-то человѣкъ... спрашиваетъ г-на де-Жантильи, сказалъ онъ.

— Что за человѣкъ? спросилъ Люи, удивленный такой странной формой доклада.

— Не особенно хорошо одѣтъ, пояснилъ слуга.

— Какой-нибудь нищій... но я не могу понять, зачѣмъ онъ явился съ просьбою ко мнѣ сюда.

— Нѣтъ, сударь, возразилъ лакей, — это не проситель. Онъ говоритъ, что по важному дѣлу...

— Не тотъ ли, что уже былъ?... спросила г-жа Леконтъ, но прежде, чѣмъ слуга успѣлъ отвѣтить ей, неизвѣстный посѣтитель самъ безцере-

ПАРИЖСКАЯ ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА.

Японскій отдѣлъ.

монно выглянулъ въ полуотворенную дверь и г-жа Леконтъ вскрикнула отъ испуга.

Чтеніе газетъ подготовило ее къ большой впечатлительности и ей показалось, что она видитъ передъ собою атамана разбойничьей шайки. Люи не испугался, конечно, но былъ возмущенъ нахальствомъ незнакомца.

— Выпроводите этого человѣка! сказалъ онъ, вставая и обращаясь къ слугѣ. Но было уже поздно: незнакомецъ вошелъ въ гостиную, уклонясь отъ лакея, и отвѣсилъ поклонъ всему обществу.

Онъ не походилъ ни на джентльмена, ни на милліонера, потому что былъ одѣтъ, какъ принарядившійся рабочій, но ничто въ немъ не обличало тоже мошенника, или «просителя по домамъ».

Г-жа Леконтъ, смотря на это добродушное лицо, почти успокоилась; Тереза была немного взволнована, но Люи едва владѣлъ собою.

— Что вамъ нужно? Кто вамъ позволилъ войти сюда? проговорилъ онъ, подходя прямо къ странному гостю. Тотъ поклонился еще разъ очень смиренно и отвѣчалъ:

— Прошу извиненія... Имѣю я честь говорить съ г-жею Леконтъ и г. де-Жантильи?

— Вы не ошиблись, отвѣчала вдова, желавшая избѣжать сцены. — Потрудитесь объяснить, что вамъ угодно?

— Желательно бы наединѣ, сказалъ гость, поглядывая искоса на лакея. — Дѣло конфиденціальное...

— Это уже слишкомъ! воскликнулъ Люи, дѣлая шагъ впередъ, чтобы вытолкать наглеца. Но г-жа Леконтъ остановила его.

— Прошу васъ, Люи! сказала она настойчиво.—А вы, Антуанъ, ступайте, прибавила она, обращаясь къ слугѣ.—Только будьте здѣсь, подъ рукою.

Незнакомецъ не шелохнулся при видѣ наступавшаго на него молодого человѣка и устремилъ пристальный взглядъ ему прямо въ лицо, какъ бы желая проникнуть въ самую глубь его души. Это продолжалось всего какія-нибудь три-четыре секунды, но Тереза уловила этотъ взглядъ и поблѣднѣла, смутно предчувствуя какую-то опасность для своего жениха.

— Мы теперь одни, сказала г-жа Леконтъ.— Говорите.

— Дѣло простое, отвѣчалъ незнакомецъ.— Мнѣ посчастливилось найти портфель... и съ деньгами... порядочную даже сумму... Я не богатъ, но честный человѣкъ. Въ этомъ портфелѣ находились и нѣкоторыя записки... между прочимъ, адресъ г-жи Леконтъ, въ Булони-на-Сенѣ. Я подумалъ: пойду я прямо къ этой госпожѣ, вмѣсто того, чтобы отдать находку комиссару моего квартала... оно выйдетъ скорѣе и проще...

— Это прекрасно съ вашей стороны, воскликнула г-жа Леконтъ, — но вы ошибаетесь. Ни я, ни моя дочь не теряли денегъ...

— Въ такомъ случаѣ, бумажникъ принадлежитъ г. Жантильи. Эта фамилія тоже находится на запискѣ...

— Нѣтъ... и я ничего не терялъ, проговорилъ Люи, но съ такимъ смущеніемъ, что Тереза не могла не почувствовать изумленія. «Странно», подумала она.

— Не покажете ли вы намъ этотъ портфель? спросила она у незнакомца.

— Извините, сударыня, отвѣчалъ онъ, какъ бы съ нерѣшительностью, но дѣлая такое внушительное удареніе на своихъ словахъ, что его колебаніе не могло не казаться искуственнымъ,— извините... я, разумѣется, имѣю полное довѣріе... но вы понимаете... можно отдать вещь и не настоящему хозяину... оно бываетъ...

— Это невыносимо, наконецъ! воскликнулъ Люи, обращаясь къ г-жѣ Леконтъ.—Прикажите мнѣ выгнать этого господина...

— Позвольте, сказала Тереза незнакомцу,— я опишу вамъ примѣты портфеля. Онъ изъ русской кожи?

— Кто его знаетъ, отвѣтилъ онъ. — Но если вы скажите цвѣтъ...

— Темнокрасный... съ позолоченнымъ замкомъ... на которомъ двѣ буквы: Л и Ж.

— Такъ оно и есть! А внутри сколько отдѣленій?

— Три.

— Вѣрно. А сколько было денегъ?

Тереза не отвѣтила на этотъ послѣдній вопросъ, но сказала, обращаясь къ своему жениху:

— Но это вашъ портфель, Люи. Или вы забыли, что это мой подарокъ?

— Простите, отвѣтилъ глухимъ голосомъ молодой человѣкъ,—но я никакъ не могъ подозрѣвать, что дѣло идетъ именно о вещи... которая...

— Но вы уже знали о своей потери? Я понимаю теперь все... Вотъ причина, почему вы были такъ грустны сегодня, при вашемъ пріѣздѣ. И я угадываю, сколько денегъ было въ портфелѣ: пять тысячъ франковъ, цѣна моего браслета... Не краснѣйте... я не сержусь болѣе за то, что вы его не привезли, но отчего вы не хотѣли прямо разсказать всю правду? Или вы боялись, что васъ забранятъ? прибавила она, улыбаясь.

— Пять тысячъ! воскликнула г-жа Леконтъ.— Такая значительная сумма! Я надѣюсь, что честный находчикъ не откажется принять, съ нашей стороны, хорошее вознагражденіе...

— Нѣтъ, сударыня, возразилъ незнакомецъ,— не надо мнѣ ничего. Въ чемъ же было бы и достоинство, еслибы мы брали награды за нашу честность?.. Довольно съ меня и того, что, благодаря мнѣ, не пропали у г. де-Жантильи его деньги... да еще и сувенирчикъ отъ такой прекрасной дѣвицы... Во всякомъ случаѣ, счастье, что я вздумалъ ткнуться сегодня въ Моргъ...

(Продолженіе будетъ.)

Наши ближние.

(Фельетонные наброски.)

XII.

История дурака.

Онъ былъ дуракъ. Это еще не бѣда, потому что дуракамъ—счастье. Скверно то, что онъ не принадлежалъ къ числу смиренно сознающихся въ своей глупости дураковъ, а надменно воображалъ, что онъ умный. Такіе дураки не могутъ разсчитывать на счастіе. Онъ и не былъ счастливъ, по крайней мѣрѣ, ему никто и никогда не завидовалъ.

Его родители начали замѣчать, что онъ глупъ, когда ему минуло семь лѣтъ. Въ это время онъ бросился однажды въ прудъ спасать брошеннаго туда кѣмъ-то щенка. Онъ едва не утонулъ самъ, перепачкалъ и перемочилъ свое новенькое платье, и послѣ долгихъ усилій съ торжествующимъ видомъ, съ щенкомъ на рукахъ, явился домой.

— Дуррак! съ презрѣніемъ пробормоталъ его отецъ, выслушавъ его разсказъ о спасеніи щенка.

Его заперли на цѣлый день одного въ дѣтскую, оставили безъ обѣда, но онъ былъ на столько глупъ, что даже не раскаялся въ своемъ поступкѣ, и когда его выпустили изъ заключенія, прежде всего спросилъ:

— Кормили-ли собачку?

На будущность такого ребенка нельзя было возлагать надеждъ.

Второй поступокъ, показавшій еще яснѣе его глупость, былъ совершенъ имъ на девятомъ году жизни: онъ увидалъ, что пять мальчишекъ напали на маленькую дѣвочку и стали ее бить, отнимая у нея лакомства. Онъ вступился за дѣвочку и, засучивъ рукава, принялся за рукопашную расправу съ ея врагами. Воспользовавшись удобной минутой, дѣвочка спаслась бѣгствомъ, а ему подбили глазъ, встрепали волосы и разорвали воротъ у рубашки. По своей глупости онъ, вѣроятно, не предвидѣлъ такого исхода, взявъ на себя роль заступника дѣвочки передъ врагами, болѣе сильными, чѣмъ онъ. Умный человѣкъ разсчиталъ бы, насколько силенъ противникъ, и прошелъ бы мимо.

Когда онъ пришелъ домой, его отецъ только всплеснулъ руками и замѣтилъ женѣ:

— Взгляните вы на этого дурака, въ какомъ онъ видѣ!

Мать дурака чуть не упала въ обморокъ.

— Ничего, я ее таки отстоялъ! Они тоже будутъ меня помнить! говорилъ въ волненіи дуракъ, разсказывая свой геройскій подвигъ.

— Боже мой, что изъ этого болвана выйдетъ! пришелъ въ отчаяніе отецъ.

— Это какой-то Донъ-Кишотъ! воскликнула болѣзненно мать.

Но хуже всего было то, что этотъ дуракъ чуть не поссорилъ своихъ отца и мать съ однимъ изъ лучшихъ ихъ друзей. Этотъ другъ, не мало содѣйствовавшій имъ по залогу ихъ имѣній, имѣлъ маленькую слабость: онъ являлся слишкомъ часто въ гости и иногда не во время. Это не могло не раздражать иногда хозяевъ, хотя они и продолжали видѣть въ немъ своего лучшаго друга, и потому они нерѣдко при его визитахъ замѣчали:

— Ахъ, опять притащился! Вѣчно придетъ не во время! И вѣдь видитъ, что его не принимаютъ, а все-таки лѣзетъ! Понять не можетъ, что онъ только мѣшаетъ!

Дуракъ ежедневно слышалъ эти фразы отъ отца и матери и въ одинъ прекрасный день, когда лакей вѣжливо сказалъ другу дома, что «господа-съ уѣхали», дуракъ взглянулъ прямо въ лице гостю и отчетливо проговорилъ:

— Папа удивляется, зачѣмъ вы лѣзете къ намъ, когда васъ не принимаютъ. Ужъ если всегда говорятъ, что нѣтъ дома, такъ и перестали бы ходить!

Но этого мало.

Возвратившись въ комнату, дуракъ на вопросъ отца: «уѣхалъ ли гость?» торжественнымъ тономъ заявилъ:

— Онъ ужъ теперь не полѣзетъ надоѣдать! Я ему сказалъ, что стыдно ѣздить туда, гдѣ не принимаютъ!

Отецъ вскочилъ, какъ ужаленный, и схватилъ сына за плечо.

— Ты... ты это сказалъ ему... въ глаза?... крикнулъ онъ, тряся мальчика.

— Да, ужъ теперь не пріѣдетъ! отвѣтилъ дуракъ, повидимому, изумившись, что отецъ такъ больно трясетъ его за плечо.

— Боже, это весь уѣздъ, вся губернія узнаетъ! воскликнула мать, хватаясь за голову.

Дуракъ не понималъ ни своей вины, ни положенія своихъ родителей. А имъ нужно было въ скоромъ времени перезаложить черезъ своего друга еще одно имѣніе.

— Уберите его, уберите съ глазъ моихъ долой, не то я не знаю, что я съ нимъ сдѣлаю! кричалъ отецъ, отбрасывая отъ себя дурака.

Дѣйствительно, его нужно было убрать съ глазъ долой, чтобы онъ не надрывалъ сердца родителей. Его отправили куда-то далеко, далеко въ училище на полный пансіонъ.

Съ перваго раза онъ произвелъ на всѣхъ—на гувернеровъ, на учителей и на товарищей—отличное впечатлѣніе. Выросшій въ деревнѣ, жившій больше въ лѣсу, чѣмъ въ комнатѣ, недоступный по своей глупости угрызеніямъ совѣсти за свои поступки, онъ выглядѣлъ бодрымъ, румянымъ, сильнымъ и здоровымъ мальчуганомъ. Съ перваго раза всѣ нашли даже, что у него живые

и бойкіе синіе глаза, что у него откровенное и доброе выраженіе лица, что онъ неглупо и точно отвѣчаетъ на вопросы, но, къ сожалѣнію, разочарованіе настало скоро.

Какъ всѣ тупоумные дураки, онъ началъ досаждать своимъ гувернерамъ и учителямъ своими «это отчего?» «почему это такъ, а не этакъ?» «что это такое?» «какъ это дѣлается?» Недостатокъ ума и сообразительности сказался тотчасъ же.

Русскій учитель диктовалъ классу стихотвореніе:

«Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда,
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда».

— Это онъ вретъ, вдругъ выпалилъ дуракъ.— У насъ въ деревнѣ птицы всегда вили гнѣзда, такъ, бывало, хлопочутъ, хлопочутъ, даже драку поднимутъ...

— Извольте молчать, когда вамъ диктуютъ! крикнулъ учитель.—Туда же свои дурацкія замѣчанія дѣлаетъ!

Другой разъ вышла еще глупѣе исторія. Въ классѣ читали стихи, вдругъ дуракъ обращается къ учителю и спрашиваетъ:

— Петръ Ивановичъ, что значитъ: «бразды пушистыя вздымая?»

— Если вы ничего не понимаете, такъ хоть умѣйте языкъ держать за зубами, отвѣтилъ учитель.

Впрочемъ, яснѣе всего высказалась его глупость во время урока ариѳметики: классъ рѣшалъ устно задачи. Учитель прочелъ слѣдующую задачу:

— Пятерымъ мальчикамъ дали по четыре яблока, одинъ изъ нихъ отнялъ у одного всѣ яблоки, у другого три, у третьяго два и у четвертаго одно; сколько стало у него яблоковъ?

— А они и не поколотили его за это? вдругъ спросилъ дуракъ.

Классъ разразился смѣхомъ, но учитель вышелъ изъ себя за это полное невниманіе ученика къ предмету занятій. Учитель только послѣ убѣдился, что подобныя выходки мальчугана происходили не отъ невниманія, а просто отъ крайней его глупости.

Правда, ученики долго оставались въ дружескихъ отношеніяхъ съ дуракомъ, но это именно и происходило оттого, что они вполнѣ поняли его глупость и потѣшались надъ нимъ.

Какъ-то изъ дому прислали ему гостинцевъ и денегъ, одинъ мальчуганъ, всѣми загнанный, всегда смиренный, всегда робкій, всегда заискивающій, началъ ему говорить:

— Вотъ ты счастливецъ, тебѣ все присылаютъ! Нѣтъ, мнѣ не пришлютъ; я сирота и здѣсь-то изъ милости держатъ.

— Такъ ты и бери у меня, что тебѣ надо! отвѣтилъ дуракъ.

Тотъ все и взялъ, и вечеромъ смѣялся, угощая своихъ товарищей надъ тѣмъ, какъ онъ «Лазаря спѣлъ» и какъ дуракъ развѣсилъ уши. Но дуракъ, видя, какъ весело смѣется бѣдный сирота въ кругу своихъ пріятелей, былъ совершенно доволенъ.

— Вонъ какой пиръ устроилъ, разсуждалъ онъ, — а съѣлъ бы я одинъ все — и веселья не было бы.

Другіе товарищи обращались всегда къ нему, когда имъ была нужна защита, такъ какъ онъ былъ силенъ, и обыкновенно синяки, долженствовавшіе украшать ихъ, являлись на немъ за его геройство, но чаще всего его избирали депутатомъ, когда весь классъ отказывался отвѣчать трудный урокъ, когда въ щахъ появлялись тараканы и нужно было поднять бунтъ противъ эконома, когда наконецъ, нужно было пожаловаться директору на несправедливо поставленные какимъ-нибудь учителемъ баллы. Дуракъ брался смѣло и горячо за всѣ подобныя дѣла, отсиживалъ въ карцерѣ, выдерживалъ порки — и не раскаявался, а даже гордился по своей глупости своимъ заступничествомъ за товарищество.

— Если бы въ васъ была хоть капелька здраваго смысла, то вы бы поняли, куда ведетъ васъ ваше поведеніе, говорилъ однажды директоръ стоявшему передъ нимъ дураку, уже насчитывавшему семнадцать лѣтъ жизни.—Васъ въ концѣ концовъ могутъ исключить изъ училища!

— Я, кажется, никогда не сдѣлалъ никакой подлости, отвѣтилъ дуракъ.

— Съ вами говорить нельзя, потому что вы не понимаете, что вамъ говорятъ! Вы не подлости дѣлаете, но вы ведете себя возмутительно глупо, пошло, героя какого-то разыгрываете, впутываетесь не въ свои дѣла...

— Я стою за товарищество, отвѣтилъ дуракъ.

— Здѣсь нѣтъ-съ товарищества; здѣсь есть ученики и начальство, и первые должны исполнять требованія второго! Вотъ и все! Помните это, да кстати помните и то, что вы вылетите отсюда за первую новую продѣлку.

И вѣдь вылетѣлъ—не внялъ умнымъ совѣтамъ и вылетѣлъ. И еще за что же?

Какъ-то вечеромъ въ воскресный день онъ гулялъ по городскому бульвару и вдругъ услышалъ слабыя женскія восклицанія:

— Ахъ, оставьте меня! Ахъ, что же вы ко мнѣ пристаете! Какъ вамъ не стыдно? Я совсѣмъ не такая, а даже напротивъ! пищалъ женскій голосъ.

Этого было довольно, чтобы дуракъ бросился на помощь: въ потьмахъ онъ увидалъ мужчину, старавшагося обнять защищавшуюся отъ него дѣвушку. Дуракъ налетѣлъ на мужчину, не поглядѣлъ даже, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, толкнулъ его кулакомъ въ грудь и сшибъ съ ногъ. Но противникъ успѣлъ вцѣпиться въ него и произошла свалка, привлекшая вниманіе прохожихъ. Когда борцовъ розняли,—они увидали, что они знакомые: избитый ловеласъ былъ гувернеръ дурака. Этотъ скандалъ дорого обошелся обоимъ: гувернеръ потерялъ мѣсто, а дуракъ получилъ отпускную изъ учебнаго заведенія и могъ теперь возвратиться на отдыхъ въ домъ своего отца. Такимъ образомъ онъ сдѣлалъ несчастнымъ своего гувернера, повредилъ себѣ и помѣшалъ дѣвушкѣ завести интрижку.

— Дуракъ этакій говорила она.—Оскандалилъ меня попусту, а ужь тотъ совсемъ готовъ былъ за мною идти...

Дуракъ лишилъ ее вечерняго заработка, потому что она только тѣмъ и жила, что перепадало ей отъ заигрывающихъ съ дѣвушками господъ.

Къ счастію отца и матери дурака, они были избавлены судьбою отъ новаго горя: они уже лежали въ могилѣ, когда выгнали изъ училища ихъ сына, и блудный сынъ засталъ въ своемъ деревенскомъ домѣ только своего старшаго брата съ семьею и своихъ старшихъ сестеръ-дѣвицъ. Онъ поселился здѣсь, такъ какъ въ имѣніи была и его доля. Его обманчивая наружность заставила семью ошибиться на его счетъ и родные приняли его радушно, видя въ немъ откровеннаго, простого и веселаго добраго-малаго. Сестры даже сразу сдѣлали его повѣреннымъ своихъ тайнъ, а молоденькая жена его брата какъ-то особенно нѣжно пожала его руку. Братъ оказался менѣе нѣжнымъ, но и онъ сказалъ ему довольно привѣтливо:

— Ну, вотъ вмѣстѣ хозяйничать будемъ! Все же поможешь, а то одному трудно...

Но разочарованіе настало быстро.

— Вы чѣмъ же здѣсь занимаетесь? спрашивалъ пріѣзжій у сестеръ.

— Ахъ, скука такая, никто почти не ѣздитъ къ намъ, самихъ никуда не вывозятъ, братъ все съ мужиками возится, тараторили сестры.

— Да дѣлаете-то вы что? спрашивалъ пріѣзжій.

— Что же намъ дѣлать? Отъ скуки музыкой вотъ занимаемся, вышиваемъ, читаемъ...

— Не много же у васъ дѣла.

— Что жь намъ полы, что ли, мыть? обидѣлись сестры.

— Да мало ли дѣла есть; нашли бы если бы захотѣли... Учились бы чему нубудь, ребятишекъ учили бы, подготовились бы къ какой-нибудь дѣятельности, хоть бы бабничать научились...

— Ахъ, ты совсѣмъ мужикъ!.. Бабничать! Вотъ-то выраженія у тебя!..

Вечеромъ барышни играли на фортепьяно.

— Да вы и играть-то не умѣете, замѣтилъ братъ.—Допотопные романсы какіе-то бренчите...

Барышни надулись.

— Я вѣдь вамъ говорила, что вы небрежно относитесь къ музыкѣ, замѣтила жена ихъ старшаго брата.—Музыка требуетъ серьезнаго отношенія, ей нужно отдаться душею или лучше вовсе не играть...

— Да, это правда, замѣтилъ пріѣзжій.—Такъ-то играть, только время терять; ни себѣ, ни людямъ удовольствія нѣтъ.

— Это ты потому такъ говоришь, что сама не умѣешь играть, накинулись барышни на жену брата.

— Да, не умѣю и не стану бренчать, какъ вы, не чувствуя въ себѣ призванія къ музыкѣ, отвѣтила она.

— И потому и завидуешь другимъ, кто играетъ, горячились дѣвушки.

— Только не вамъ. Я завидую тѣмъ, у кого есть способности, потому что человѣку позволительно сожалѣть о томъ, что у него нѣтъ тѣхъ или другихъ способностей. Хуже, когда человѣкъ вполнѣ доволенъ собою и не видитъ, чего ему не достаетъ...

Хозяйка встала и предложила брату своего мужа пройдтись по саду.

Они пошли.

— Ахъ, ты не можешь себѣ представить, какъ мнѣ тяжело здѣсь жить, говорила она ему, взявъ его подъ руку.—Ты видишь, какъ пусты и какъ капризны твои сестры; твой братъ вѣчно возится и ссорится съ мужиками, стараясь утянуть лишній грошъ; мнѣ не съ кѣмъ поговорить, не съ кѣмъ посовѣтоваться... Я такъ рада твоему пріѣзду, ты свѣжій, живой человѣкъ... Я надѣюсь, что ты будешь моимъ другомъ...

— Я всегда готовъ тебѣ помочь, какъ съумѣю, отвѣтилъ дуракъ, гордясь уже въ душѣ, что его избираютъ другомъ и совѣтникомъ.

Жена его брата крѣпко пожала ему руку. Они дошли до берега рѣки и присѣли на скамью.

— Это мое любимое мѣсто, сказала она.— Сюда я часто ухожу отъ домашнихъ сценъ и дрязгъ и при видѣ этой широкой дали, при видѣ этой рѣки, уносящей куда-то свои волны, мнѣ хочется бѣжать и бѣжать отсюда, отъ этой узкой животной жизни, отъ этихъ эгоистическихъ разсчетовъ и окунуться съ головой въ водоворотъ полезной общественной дѣятельности...

— За какую же дѣятельность хочешь ты взяться? спросилъ серьезно дуракъ.

— Развѣ я знаю! воскликнула она.—Мнѣ еще нужны указанія, совѣты, подготовка... Ты, милый мой, подумаешь когда нибудь со мною объ этомъ? Да? Поговоримъ, поищемъ вмѣстѣ, авось до чего нибудь и додумаемся! Я въ тебя вѣрю. Ты выглядишь такимъ энергичнымъ, сильнымъ...

Она припала къ его плечу.

— Мнѣ такъ хорошо съ тобою! прошептала она.—Зачѣмъ я не знала тебя прежде, я никогда не вышла бы замужъ за твоего брата.

— Ты его не любишь? спросилъ дуракъ.

— Нѣтъ... теперь не люблю...

— А прежде?

— Прежде я была дѣвочкой, меня обманула его наружность... Но теперь, когда я увидала тебя, я перестала его любить....

Она обняла дурака.

— Полно, тихо проговорилъ онъ, слабо отстраняя ее.— Поговоримъ серьезно о твоихъ планахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу теперь ни о чемъ говорить, я хочу любоваться тобою, горячо воскликнула она.

— Ну, если мы амурами будемъ заниматься, такъ пользы изъ этого выйдетъ мало и твоя жизнь сдѣлается только еще хуже.

— Что мнѣ за дѣло, если я полюбила тебя!

— Ты вспомни, что я съ братомъ въ хорошихъ отношеніяхъ и обманывать его не желаю, да и серьезнаго изъ нашей любви не можетъ ничего выйдти, потому что я передъ тобою еще совсѣмъ мальчишка...

— Чтожь ты меня старухой, что-ли, считаешь? нѣсколько раздражительно замѣтила жена его брата.

— Нисколько... Но все же мы не пара и было бы подло съ моей стороны, если бы я сталъ увѣрять тебя, что я могу серьезно полюбить тебя, играть же въ любовь съ замужней женщиной и притомъ съ женой брата—это ужь чортъ знаетъ что такое...

Она надулась.

— Ну, такъ что-же ты придумала на счетъ своего будущаго? спросилъ дуракъ.

— Ахъ, отстань, пожалуйста! сердито проговорила молодая женщина.—Очень тебя интересуетъ мое будущее!

— Отчего-же нѣтъ? Ты сама-же сказала, что ты видишь во мнѣ теплыя отношенія къ людямъ...

— Да, только не ко мнѣ!... Сперва разнѣжничался, влѣзъ въ душу, вскружилъ мнѣ голову, а потомъ, когда я увлеклась,—прочелъ мнѣ грубую натацію... Рудинъ!...

Въ ея голосѣ слышались слезы.

— Я увлекалъ тебя? воскликнулъ ничего не понимавшій дуракъ.

— Да, да... Развѣ я не видѣла, какіе взгляды ты на меня бросалъ, какъ крѣпко ты пожималъ мнѣ руки, какъ становился на мою сторону въ спорахъ съ сестрами... Я живу въ деревнѣ, меня обмануть легко... Я, конечно, ничего не скажу своему мужу, но ты оскорбилъ меня, ты сдѣлалъ меня несчастною...

Она уже рыдала.

Дуракъ только пожалъ плечами, не попросилъ извиненія, не поцѣловалъ ея руки, не разцаловалъ ея заплаканныхъ глазъ.

— Я вижу, что ты совсѣмъ съ ума сошла, грубо проговорилъ онъ и, поднявшись съ мѣста, ушелъ.

Черезъ минуту она подняла голову, осмотрѣлась и, увидавъ, что ея спутника уже нѣтъ, воскликнула съ полнымъ презрѣніемъ:

— Господи, вотъ-то дуракъ!

Съ этого времени все женское населеніе дома вооружилось противъ дурака и стало относиться къ нему съ полнѣйшимъ презрѣніемъ и ядовитою ироніею. Когда онъ входилъ въ комнату, молодыя женщины начинали хихикать. Но дуракъ не обращалъ никакого вниманія на выходки женщинъ и смотрѣлъ на нихъ, какъ на надоѣдливыхъ мухъ. Впрочемъ, большую часть дня онъ проводилъ внѣ дома: онъ или читалъ книги, лежа гдѣ нибудь въ лѣсу, или занимался съ мужиками разными толками, находя должно быть болѣе подходящимъ для себя общество неотесанныхъ лапотниковъ, чѣмъ общество образованныхъ людей. Онъ даже учился у мужиковъ разнымъ занятіямъ: пробовалъ подковывать лошадей, принимался косить, помогалъ въ починкѣ изломаннаго моста.

— Гдѣ ты по цѣлымъ днямъ пропадаешь? сердился на него братъ.—Не худо бы мнѣ по хозяйству помочь, да поучиться, какъ надо хозяйничать.

— Ну, братъ, у тебя многому не научишься, отвѣтилъ дуракъ.—Такъ-то хозяйничать, какъ ты, и Держиморда съумѣлъ-бы.

— Какой Держиморда? спросилъ братъ.

— А тотъ, что скулы мужикамъ сворачивалъ, отвѣтилъ дуракъ, вѣроятно, убѣжденный, что онъ сказалъ остроумную фразу.

Братъ очень разсердился.

— Такъ я Держиморда! Такъ я только скулы умѣю сворачивать! кричалъ онъ.—Ну, такъ знай же, что я не намѣренъ ихъ сворачивать для такого дармоѣда, какъ ты. Отдѣляйся отъ меня я хозяйничай самъ, какъ знаешь! Отецъ раздѣлилъ насъ еще при жизни, онъ оставилъ тебѣ «Березовку» и я, какъ ты знаешь, занимался въ ней хозяйствомъ только для твоей-же пользы. Проси себѣ другого попечителя и убирайся изъ моего дома.

Дуракъ очень обрадовался. Теперь онъ могъ дурить, сколько его душѣ угодно. Попечителю, взятому съ вѣтра, что за дѣло до его глупостей! Рѣшился дуракъ хозяйствомъ не заниматься, а сдать землю въ аренду мужикамъ на то время, покуда онъ будетъ учиться. Ну и, конечно, продешевилъ по глупости: гдѣ бы можно взять тысячи, а онъ взялъ только какихъ нибудь пятьсотъ рублей съ мужиковъ. Умные люди не могли не замѣтить ему, что онъ отдаетъ землю слишкомъ дешево, а онъ только одно и отвѣчаетъ:

— Съ меня довольно!

Послѣ ужь сосѣди замѣчали его старшему брату, показывая на голову:

— Вашъ братъ, кажется, немного того!

— Да просто дуракъ, совсѣмъ дуракъ! отвѣчалъ братъ, пожимая плечами.

А дуракъ и не тужитъ, очень доволенъ своею сдѣлкой и не замѣчаетъ, что его мужики надули.

Поѣхалъ онъ въ столицу приготовляться къ экзамену и узналъ братъ, что дуракъ не въ университетъ, не въ академію поступилъ, а въ технологи пошелъ—лучшаго ничего выбрать не могъ, точно кузнецомъ думалъ сдѣлаться.

Долго о немъ не было ни слуху, ни духу, какъ вдругъ узнаетъ братъ, что дуракъ въ свою «Березовку» пріѣхалъ и хочетъ продавать ее. Поспѣшилъ братъ къ нему, не желая, чтобы «Березовка» попала въ чужія руки. Пріѣзжаетъ—дурака и узнать нельзя: возмужалъ, загорѣлъ, бородой обросъ—мужикъ мужикомъ выглядитъ.

— Я слышалъ, что ты «Березовку» продавать хочешь, сказалъ братъ.

— Да, продаю, отвѣтилъ дуракъ.

— Какъ же ты мнѣ не написалъ объ этомъ, я бы охотно купилъ ее.

— Да у меня ужь есть покупатели.

— Кто это?

— Мои арендаторы берутъ.

— Опять надуютъ тебя, грошъ дадутъ...

— Дадутъ, сколько мнѣ нужно...

— Да развѣ можно продавать имѣнія за столько, сколько нужно? Нужно брать столько, сколько они стоютъ.

— Ну, а я возьму столько, сколько мнѣ нужно, отвѣтилъ дуракъ.

— Чтожь ты дурака передъ ними хочешь разыграть или облагодѣтельствовать ихъ желаешь? засмѣялся съ досадой братъ.

— А ужь это мое дѣло, ради чего я такъ поступаю, отвѣтилъ спокойно дуракъ, котораго по обыкновенію ничто не пронимало.

Толковалъ, толковалъ съ нимъ братъ и плюнулъ.

— Ты не просто дуракъ, а идіотъ, въ съумасшедшій бы домъ тебя надо упрятать или подъ опеку бы отдать, сказалъ онъ.

— Чтожь, попробуй, усмѣхнулся дуракъ, словно поддразнивая брата.

Братъ уѣхалъ.

Продалъ дуракъ за-ничто свое имѣніе мужикамъ и поѣхалъ служить на какой-то заводъ, тогда какъ могъ бы жить себѣ бариномъ безъ всякой работы и заботы. Да, наконецъ, если ужь очень хотѣлось благодѣтеля разыгрывать,—ну, далъ бы приданое сестрамъ, племянниковъ своихъ, дѣтей брата, наградилъ бы, а то такъ совсѣмъ чужимъ за-ничто отдалъ землю, а тѣ ему, можетъ быть, и спасибо-то не сказали, хотя они и по сю пору самыми богатыми мужиками въ губерніи послѣ его подарка слывутъ. Впрочемъ, ему ужь видно такъ на роду было написано дѣлать весь вѣкъ глупости и умереть отъ глупости.

Дѣло въ томъ, что около завода, гдѣ онъ служилъ, не было школы. Конечно, дуракъ сейчасъ явился на помощь. Деньги-то, полученныя за имѣнія, были еще въ карманѣ, ну, значитъ, и надо было ихъ куда нибудь бросить: сейчасъ онъ началъ хлопотать объ устройствѣ школы около завода. Пошла у него работа, выстроилась школа, открыли ее, начались въ ней занятія—дуракъ въ восторгѣ: онъ, молъ, народному образованію споспѣшествуетъ, а того не понимаетъ, что у него ради этого споспѣшествованія, на черный день гроша не осталось и придется теперь ему весь свой вѣкъ жить трудомъ, какъ какому-нибудь простому мужику. Мало того: сталъ онъ возиться съ этой школой, на которую всѣ свои послѣднія деньжонки ухлопалъ, какъ съ сырымъ яйцомъ, точно тамъ его родныя дѣти воспитывались и особенно привязался онъ къ одному мальчугану. Ничего въ этомъ мальчуганѣ и особеннаго не было, такъ себѣ чумазый мужицкій мальчишка, только одинъ дуракъ и могъ провидѣть въ немъ какія-то особенныя способности да таланты.

— Это нашъ будущій техникъ, говорилъ онъ про мальчишку, видя, что тотъ разныя машины строитъ.

Этотъ техникъ и стоилъ ему жизни.

Захворалъ однажды техникъ, а въ это время и случись въ деревнѣ, въ которой заводъ находился, пожаръ. Всѣ бросились тушить огонь и дуракъ въ томъ числѣ. Прибѣжалъ онъ на пожаръ, видитъ, что горитъ изба, гдѣ жилъ его любимецъ.

— Гдѣ Ваня? крикнулъ онъ.

— Ай, батюшки, въ избѣ остался! завыла какая-то баба.

Дуракъ стремглавъ бросился къ горящей избѣ.

— Стойте, стойте! кричали ему.—Теперь ужь не спасти! Онъ уже задохся, вѣрно!

Но дуракъ ничего не слушалъ, приказалъ онъ себя облить водою, смочилъ въ какомъ-то ведрѣ свой плэдъ и бросился въ огонь. Всѣ такъ и замерли,—ждутъ, что-то будетъ. Прошло какихъ-нибудь двѣ-три минуты, какъ онъ снова показался среди огня, держа въ рукахъ, что-то закутанное въ плэдъ.

— Берите ребенка! крикнулъ онъ и самъ свалился на землю.

Сбѣжался къ нему народъ, развернули плэдъ, глядятъ, техникъ ничего—живъ, стали тогда помогать самому дураку, а онъ лежитъ безъ чувствъ и кровь изъ головы льетъ, зашибло его въ избѣ какой-то головней, должно быть, и какъ только хватило у него силы выбѣжать изъ избы—никто и понять не могъ.

Такъ черезъ два дня онъ и умеръ.

Хоронили его, конечно, съ почетомъ, потому что все-таки человѣческую душу спасъ. Но вѣдь мальчишку-то онъ спасъ, а себя-то убилъ, да и не могъ не убить, потому что всѣ и тому-то дивились, что онъ не погибъ въ избѣ и съ мальчикомъ. Конечно, каждый добрый человѣкъ радъ

Рисунокъ Г. ДОРЕ́.

Скупецъ и кладъ.

Съ эскиза ГАРТМАНА, рисовалъ М. ГОФМАНЪ.

Полуденный отдыхъ въ африканской степи.

спасти ближняго, но только дуракъ способенъ идти на спасеніе ближняго тогда, когда и надежды почти нѣтъ спасти, когда только себя можно погубить этимъ самымъ желаніемъ-то спасти другого. Впрочемъ, надо сознаться, никто не называлъ его дуракомъ за этотъ послѣдній его поступокъ, такъ какъ кто же рѣшится бранить покойника, сдѣлавшаго хотя и глупый, но все же подвигъ. Только одна какая-то баба, родственница спасеннаго техника, плача надъ покойникомъ сказала о немъ мѣткое слово.

— Умеръ ты нашъ, блаженненькій, умеръ! причитала она, цѣлуя покойника.

— Да, вѣдь онъ и точно былъ у насъ немного того... блаженный, сказалъ директоръ завода, возвращаясь съ похоронъ дурака.

Нѣкто.

Берлинскій договоръ.

Во имя Бога Всемогущаго.

Его Величество Императоръ Всероссійскій, его величество императоръ германскій, король прусскій, его величество императоръ австрійскій, король богемскій и пр. и апостолическій король Венгріи, президентъ французской республики, ея величество королева соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи, императрица Индіи, его величество король Италіи и его величество императоръ оттомановъ, желая разрѣшить, въ смыслѣ европейскаго строя, согласно постановленіямъ парижскаго трактата 30-го марта 1856 года, вопросы, возбужденные на Востокѣ событіями послѣднихъ лѣтъ и войною, оконченною сан-стефанскимъ прелиминарнымъ договоромъ, единодушно были того мнѣнія, что созваніе конгресса представляло бы наилучшій способъ для облегченія ихъ соглашенія.

Вслѣдствіе сего, вышепоименованныя величества и президентъ французской республики назначили своими уполномоченными, а именно:

Его Величество Императоръ Всероссійскій:

князя Александра Горчакова, своего государственнаго канцлера,

графа Петра Шувалова, генерала-отъ-кавалеріи, своего генерала-адъютанта, члена государственнаго совѣта и своего чрезвычайнаго и полномочнаго посла при ея великобританскомъ величествѣ

и Павла Убри, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, своего чрезвычайнаго и полномочнаго посла при его величествѣ императорѣ германскомъ, королѣ прусскомъ;

Его величество императоръ германскій, король прусскій:

князя Оттона Бисмарка, своего президента совѣта министровъ Пруссіи, государственнаго канцлера.

Бернарда-Эрнеста Бюлова, своего государственнаго министра и государственнаго секретаря въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ

и Клодвига-Карла-Виктора, князя Гогенлоэ-Шиллингсфюрста, князя Ратиборскаго и Корвейскаго, своего чрезвычайнаго и полномочнаго посла при французской республикѣ, оберкамергера баварскаго двора;

Его величество императоръ австрійскій, король богемскій и апостолическій король Венгріи:

графа Юлія Андраши, Чикъ-Шентъ-Кирали и Крашна-Горка, испанскаго гранда 1-го класса, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, своего министра императорскаго двора и иностранныхъ дѣлъ, фельдмаршала-лейтенанта своихъ армій,

графа Луи Кароліи Наги Кароли, камергера и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, своего чрезвычайнаго и полномочнаго посла при его величествѣ императорѣ германскомъ, королѣ прусскомъ

и барона Генриха Геймерле, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, своего чрезвычайнаго и полномочнаго посла при его величествѣ королѣ Италіи;

Президентъ французской республики:

Вилліама-Генриха Ваддингтона, сенатора, члена института, министра статс-секретаря въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ,

Карла Реймонда де-ла-Кроа-де-Шевріера, графа де-Сен-Валье, сенатора, чрезвычайнаго и полномочнаго посла Франціи при его величествѣ императорѣ германскомъ, королѣ прускомъ

и Феликса Ипполита Депре, государственнаго совѣтника, полномочнаго министра 1-го класса, завѣдывающаго департаментомъ политическихъ дѣлъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ;

Ея величество королева соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи, императрица Индіи:

высокопочтеннаго Веньямина Дизраэли, графа Биконсфильда, виконта Гюгенденъ, пэра парламента, члена тайнаго совѣта ея величества, перваго лорда казначейства ея величества и перваго министра Англіи,

высокопочтеннаго Роберта Артура Талбота Гаскойнъ Сесиль, маркиза де-Сэлисбери, графа де-Салисбери, виконта Кренборна, барона Сесиль, пэра парламента, члена тайнаго совѣта ея величества въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ

и высокопочтеннаго лорда Одо Вильяма Леопольда Росселя, члена тайнаго совѣта ея величества, своего чрезвычайнаго и полномочнаго посла при его величествѣ императорѣ германскомъ, королѣ прускомъ;

Его величество король Италіи:

графа Луи Корти, сенатора, своего министра иностранныхъ дѣлъ

и графа Эдуарда де-Лонней, своего чрезвычайнаго и полномочнаго посла при его величествѣ императорѣ германскомъ, королѣ прускомъ;

и Его величество императоръ оттомановъ:

Александра Каратеодори-пашу, своего министра публичныхъ работъ,

Мехмеда-Али-пашу, мушира своихъ армій

и Саадулла-бея, своего чрезвычайнаго и полномочнаго посла при его величествѣ императорѣ германскомъ, королѣ прускомъ,

кои, вслѣдствіе предложенія австро-венгерскаго двора и по приглашенію германскаго двора, собрались въ Берлинѣ, снабженные полномочіями, найденными въ надлежащей и установленной формѣ.

Вслѣдствіе счастливо установившагося между ними согласія, они постановили нижеслѣдующія условія:

Статья I. Болгарія образуетъ изъ себя княжество самоуправляющееся и платящее дань, подъ главенствомъ его императорскаго величества султана; она будетъ имѣть христіанское правительство и народную милицію.

Статья II. Болгарское княжество будетъ заключать въ себѣ нижеслѣдующія територіи:

Граница слѣдуетъ на сѣверѣ по правому берегу Дуная, начиная отъ старой границы Сербіи до пункта, который будетъ опредѣленъ европейскою комисіей къ востоку отъ Силистріи и оттуда направляется къ Черному морю, на югъ отъ Мангаліи, которая присоединяется къ румунской територіи. Черное Море образуетъ восточную границу Болгаріи. На югъ граница подымается по руслу ручья, начиная отъ устья его, близъ котораго находятся деревни Ходжакьей, Селамкьей, Айваджикъ, Кулибе, Суджулукъ; пересѣкаетъ косвенно долину Деликамчика, проходитъ къ югу отъ Белибе и Кемгалика и къ сѣверу отъ Хаджимагале, перейдя черезъ Деликамчикъ въ $2^1/_2$ километрахъ выше Ченгея; достигаетъ гребня въ пунктѣ, лежащемъ между Текенликомъ и Айдосбреджа и слѣдуетъ по оному чрезъ Карнабадъ-Балканъ, Пришевицу-Балканъ, Казанъ-Балканъ, къ сѣверу отъ Котла до Демиркапу. Граница эта продолжается по главной цѣпи Большого-Балкана и слѣдуетъ по всему ея протяженію до вершины Косица.

Здѣсь она оставляетъ хребетъ Балкана, спускается къ югу между деревнями Тиртопъ и Дужанцы, изъ коихъ первая остается за Болгаріей, а вторая за Восточной Румеліей, до ручья Тузлудере, слѣдуетъ по его теченію до слiянія его съ Топольницею, потомъ по этой рѣкѣ до соединенія ея съ Смовскіодере близъ деревни Петричево, оставляя за Восточною Румеліей пространство съ радіусомъ въ два километра выше этого соединенія, поднимается между ручьями Смовскіодере и Каменица, слѣдуя по линіи водораздѣла; потомъ на высотѣ Войнька поворачиваетъ къ югозападу и достигаетъ по прямому направленію пункта 875-го, обозначеннаго на картѣ австрійскаго генеральнаго штаба.

Граничная линія пересѣкаетъ въ прямомъ направленіи и верхній басейнъ ручья Ихтимандере, проходитъ между Богдиною и Караулою, достигаетъ линіи водораздѣла басейновъ Искера и Марицы, между Чамурлы и Гаджираломъ, слѣдуетъ по этой линіи, по вершинамъ Велика-Могилы чрезъ перевалъ 531-й, Змайлицы-Врхъ, Сумнатицы и примыкаетъ къ административной границѣ Софійскаго санджака, между Сиври-Ташъ и Чадиртепе.

Отъ Чадиртепе граница, направляясь къ югозападу, слѣдуетъ по линіи водораздѣла между басейнами Места-Карасу съ одной стороны и Струма-Карасу съ другой, пролегаетъ по гребнямъ Родопскихъ горъ, называемыхъ Демиркапу, Искофтепе, Кадимесаръ-Балканъ и Аджигедюкъ до Капетникъ-Балкана и сливается такимъ образомъ съ прежнею административною границею Софійскаго санджака.

Отъ Кипетникъ-Балкана граница обозначается линіей водораздѣла между долинами Рыльска-рѣка и Бистрица-рѣка слѣдуетъ по отрогу, называемому Воденица-Планина, спускается въ долину Струмы при сліяніи этой рѣки съ Рыльска-рѣкою, оставляя деревню Баракли за Турціей. Она поднимается за симъ къ югу отъ деревни Іелешница, достигаетъ по кратчайшей линіи цѣпи горъ Голема-Планина у вершины Гитка и тутъ примыкаетъ къ прежней административной границѣ Софійскаго санджака, оставляя однако за Турціей весь басейнъ Сухой рѣки.

Отъ горы Гитка западная граница направляется къ горѣ Црни-Врхъ по горамъ Карвена-Ябука, слѣдуя по старой административной границѣ Софійскаго санджака въ верхнихъ частяхъ басейновъ Егрису и Лепницы, достигаетъ вмѣстѣ съ нею гребней Бабиной Поляны и оттуда горы Црни-Врхъ.

Отъ горы Црни-Врхъ граница слѣдуетъ по водораздѣлу между Струмою и Моравою по вершинамъ Стрешера-Вилоголо и Машидъ-Планина, далѣе чрезъ Гасину, Црна-Трава, Дарковска и Драйница-Планина и чрезъ Дешчани-Кладанецъ достигаетъ водораздѣла Верхняго-Суково и Моравы, идетъ прямо на Столъ и спускаясь оттуда пересѣкаетъ дорогу изъ Софіи въ Пиротъ въ разстояніи 1,000 метровъ, къ сѣверозападу отъ деревни Сегуша; она поднимается потомъ по прямой линіи на Видличъ-Планину и оттуда на гору Радочина, въ цѣпи горъ Коджа-Балканъ, оставляя за Сербіей деревню Дойкинци, а за Болгаріей деревню Сенакосъ.

Отъ вершины горы Радочина граница направляется къ западу по гребню Балканскихъ Горъ чрезъ Чипровецъ-Балканъ и Стара Планина до прежней восточной границы Сербскаго княжества возлѣ Кулы-Смиліева-Чука и оттуда этою же границею до Дуная, къ которому она примыкаетъ у Раковицы.

Это разграниченіе будетъ установлено на мѣстѣ европейскою комисіей, въ которой державы, подписавшія трактатъ, будутъ имѣть своихъ представителей. Само собою разумѣется:

1) Что эта комисія приметъ во вниманіе необходимость для его величества султана быть въ состояніи защитить границы Балкановъ въ Восточной Румеліи.

2) Что въ районѣ 10-ти километровъ вокругъ Самакова не могутъ быть воздвигаемы укрѣпленія.

Статья III. Князь Болгаріи будетъ свободно избираемъ населеніемъ и утверждаемъ Блистательною Портою съ согласія державъ. Ни одинъ изъ членовъ династій, царствующихъ въ великихъ европейскихъ державахъ, не можетъ быть избираемъ княземъ Болгаріи.

Въ случаѣ, если званіе князя болгарскаго останется незамѣщоннымъ, избраніе новаго князя будетъ произведено при тѣхъ же условіяхъ и въ той же формѣ.

Статья IV. Собраніе именитыхъ людей Болгаріи, созванное въ Трновѣ, выработаетъ, до избранія князя, органическій уставъ княжества.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ болгаре перемѣшаны съ населеніями турецкимъ, румынскимъ, греческимъ и другими, будутъ приняты во вниманіе права и интересы этихъ населеній по отношенію къ выборамъ и выработкѣ органическаго устава.

Статья V. Въ основу государственнаго права Болгаріи будутъ приняты слѣдующія начала:

Различіе въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и исповѣданіяхъ не можетъ послужить поводомъ къ исключенію кого либо или непризнанію за кѣмъ либо правоспособности во всемъ томъ, что относится до пользованія правами гражданскими и политическими, доступа къ публичнымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и отличіямъ или до отправленія различныхъ свободныхъ занятій и ремеслъ, въ какой бы то мѣстности ни было.

Всѣмъ болгарскимъ уроженцамъ, а равно иностранцамъ обезпечивается свобода и внѣшнее отправленіе всякаго богослуженія; не могутъ быть также дѣлаемы какія либо стѣсненія въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіозныхъ общинъ и въ сношеніяхъ ихъ съ ихъ духовными главами.

Статья VI. Временное управленіе Болгаріи до окончательнаго составленія органическаго устава Болгаріи будетъ находиться подъ руководствомъ россійскаго императорскаго комисара. Для содѣйствія ему, съ цѣлью наблюденія за ходомъ временного управленія, будутъ призваны императорскій оттоманскій комисаръ и консулы, для сего назначенные прочими державами, подписавшими настоящій трактатъ. Въ случаѣ разногласія между консулами, оно будетъ разрѣшаться большинствомъ голосовъ, а при несогласіи этого большинства съ императорскимъ россійскимъ комисаромъ или императорскимъ оттоманскимъ комисаромъ, представители въ Константинополѣ державъ, собравшись на конференцію, постановляютъ рѣшеніе.

Статья VII. Временное управленіе не можетъ быть продолжено долѣе срока девяти мѣсяцевъ отъ дня размѣна ратификаціи настоящаго трактата.

Когда органическій уставъ будетъ оконченъ, немедленно послѣ сего будетъ приступлено къ избранію князя Болгаріи. Какъ только князь будетъ водворенъ, новое управленіе будетъ введено въ дѣйствіе и княжество вступитъ въ полное пользованіе своею автономіей.

Статья VIII. Трактаты о торговлѣ и судоходствѣ, а равно всѣ конвенціи и отдѣльныя соглашенія, заключенныя между иностранными державами и Портою и нынѣ дѣйствующія, сохраняютъ свою силу въ княжествѣ Болгаріи и въ нихъ не будетъ сдѣлано никакого измѣненія, по отношенію къ какой бы то ни было державѣ, до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ на то согласія съ ея стороны.

Никакихъ транзитныхъ пошлинъ не будетъ взиматься въ Болгаріи съ товаровъ, провозимыхъ чрезъ княжество.

Подданные и торговля всѣхъ державъ будутъ пользоваться въ ней совершенно одинаковыми правами.

Льготы и привилегіи иностранныхъ подданныхъ, равно какъ права консульской юрисдикціи и покровительства въ той мѣрѣ, какъ онѣ были установлены капитуляціями и обычаями, останутся въ полной силѣ до тѣхъ поръ, пока не будутъ измѣнены съ согласія заинтересованныхъ сторонъ.

Статья IX. Размѣръ ежегодной дани, которую Болгарское княжество будетъ платить верховному правительству, внося ее въ банкъ, имѣющій быть указаннымъ впослѣдствіи времени Блистательною Портою, будетъ опредѣленъ по соглашенію между державами, подписавшими настоящій трактатъ, къ концу перваго года дѣйствія новаго управленія. Эта дань будетъ исчислена по разсчету средней доходности княжества.

Болгарія будетъ обязана нести на себѣ часть государственнаго долга имперіи; державы, при опредѣленіи дани, примутъ въ разсчетъ ту часть долга, которая должна будетъ пасть на долю княжества по справедливому распредѣленію.

Статья X. Болгарія заступаетъ императорское оттоманское правительство въ его обязанностяхъ и обязательствахъ по отношенію къ обществу рущукско-варнской желѣзной дороги, со времени обмѣна ратификацій настоящаго трактата. Свѣденіе прежнихъ счетовъ предоставляется соглашенію между Блистательною Портою, правительствомъ княжества и управленіемъ этого общества.

Равнымъ образомъ Болгарское княжество заступаетъ, въ соотвѣтственной долѣ, Блистательную Порту въ ея обязательствахъ, принятыхъ ею какъ относительно Австро-Венгріи, такъ и общества эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ въ Европейской Турціи по окончанію, соединенію и эксплуатаціи желѣзнодорожныхъ линій, находящихся на его территоріи.

Конвенціи, необходимыя для окончательнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ, будутъ заключены между Австро-Венгріей, Портою, Сербіею и Болгарскимъ княжествомъ немедленно послѣ заключенія мира.

Статья XI. Оттоманская армія не будетъ болѣе пребывать въ Болгаріи; всѣ старыя крѣпости будутъ срыты на счетъ княжества по истеченіи года или раньше, если можно; мѣстное правительство приметъ немедленно мѣры къ ихъ уничтоженію и не можетъ сооружать новыхъ. Блистательная Порта будетъ имѣть право располагать по своему желанію военнымъ матерьяломъ и другими предметами принадлежащими оттоманскому правительству, которые остались въ дунайскихъ крѣпостяхъ, уже очищенныхъ войсками въ силу перемирія 31-го января, равно какъ и тѣми, которые найдутся въ крѣпостяхъ Шумлѣ и Варнѣ.

Статья XII. Собственники-мусульмане или другіе, которые поселятся внѣ княжества, могутъ сохранить въ немъ свои недвижимости, отдавая ихъ въ аренду или въ управленіе другимъ лицамъ.

На турецко-болгарскую комисію будетъ возложено окончательное рѣшеніе, въ теченіи двухъ лѣтъ, всѣхъ дѣлъ, касающихся способа отчужденія, эксплуатаціи или пользованія за счетъ Блистательной Порты какъ государственными имуществами, такъ и принадлежащими духовнымъ учрежденіямъ (вакуфы), равно какъ и вопросовъ, касающихся до могущихъ быть замѣшанными въ нихъ интересовъ частныхъ лицъ.

Уроженцы Болгарскаго княжества, путешествующіе или проживающіе въ другихъ частяхъ Оттоманской Имперіи, будутъ подчинены властямъ и законамъ оттоманскимъ.

Статья XIII. На югѣ отъ Балкановъ образуется провинція, которая получитъ наименованіе «Восточной Румеліи» и которая останется подъ непосредственною политическою и военною властью его императорскаго величества султана на условіяхъ административной автономіи. Она будетъ имѣть генералъ-губернаторомъ христіанина.

Статья XIV. Восточная Румелія граничитъ къ сѣверу и сѣверозападу съ Болгаріей и вмѣщаетъ въ себѣ территоріи, заключающіяся въ слѣдующемъ очертаніи:

Начиная съ Чернаго моря, пограничная линія поднимается по руслу ручья, начиная отъ устья его, близъ котораго находятся деревни Хаджакьей, Селамкьей, Айваджикъ, Кулибе, Суджулукъ, косвенно пересѣкаетъ долину Деликамчикъ, проходитъ къ югу отъ Белибе и Кемчаликъ, и къ сѣверу отъ Хаджимахале, перейдя черезъ Деликамчикъ въ $2^1/_2$ километрахъ выше Ченгея, достигаетъ гребня въ пунктѣ, лежащемъ между Текенликомъ и Айдосъ-Бреджа, и слѣдуетъ по немъ черезъ Карнабадъ-Балканъ, Пришевицу-Балканъ, Казанъ-Балканъ, къ сѣверу отъ Котла до Демиркапу. Она продолжается по главной цѣпи Большого Балкана и слѣдуетъ по всему протяженію до вершины Косица.

Въ этомъ мѣстѣ западная граница Румеліи оставляетъ гребень Балкана, спускается къ югу между деревнями Пиртонъ и Дужанцы, изъ коихъ первая остается за Болгаріей, а вторая за Восточною Румеліей, до ручья Тузлудере, слѣдуетъ по его теченію до сліянія его съ Топольницею, потомъ по этой рѣкѣ до сліянія ея съ Смовскіодере, близъ деревни Петричево, оставляя за Восточною Румеліей пространство съ радіусомъ въ два километра выше этого соединенія, поднимается между ручьями Смовскіодере и Каменица, слѣдуя по водораздѣлу, затѣмъ на высотѣ Войняка поворачиваетъ къ югозападу и достигаетъ въ прямомъ направленіи пункта 875-й карты австрійскаго генеральнаго штаба.

Граничная линія пересѣкаетъ въ прямомъ направленіи верхній басейнъ ручья Ихтимандере, проходитъ между Богдиною и Караулою, достигаетъ водораздѣла басейновъ Искера и Марицы, между Чамурлы и Хаджиларомъ, слѣдуетъ по этой линіи по вершинамъ Велика-Могилы, черезъ перевалъ 531, Змайлицы-Врхъ, Сумнатицы и примыкаетъ къ административной границѣ Софійскаго санджака между Сивриташъ и Чадыртепе.

Граница Румеліи отдѣляется отъ границы Болгаріи у горы Чадыртепе, слѣдуя по водораздѣлу басейновъ Марицы и ея притоковъ съ одной стороны и Места-Карасу и ея притоковъ съ другой, и беретъ направленія юговосточное и южное по гребню горъ Деспотодагъ къ горѣ Крушева (исходной точкѣ граничной черты сан-стефанскаго договора).

Отъ горы Крушева граница совпадаетъ съ границею, опредѣленною сан-стефанскимъ договоромъ, т. е. идетъ по цѣпи Черныхъ-Балканъ (Кара-Балканы), по горамъ Кулачидагъ, Эшекъ-Чепелю, Караколасъ и Ишикларъ, откуда она спускается прямо къ юговостоку на соединеніе съ рѣкою Ардою, по руслу которой идетъ до пункта, лежащаго близь деревни Адачали, которая остается за Турціей.

Отъ этого пункта граничная линія поднимается до гребня Бештепедагъ, по которому тянется и спускается, пересѣкая Марицу въ пунктѣ, лежащемъ въ пяти километрахъ выше моста Мустафа-паша; за симъ она направляется къ сѣверу, по водораздѣлу между Демирханлидере и мелкими притоками Марицы, до Кюделеръ-Баира, откуда идетъ на востокъ къ Сакаръ Баиру, потомъ пересѣкаетъ долину Гунджи, направляясь къ Буюкъ-Дербенту, оставляя его на сѣверѣ, такъ же какъ и Суджакъ. Изъ Буюкъ-Дербента она идетъ снова по водораздѣлу между притоками Тунджи на сѣверѣ и Марицы на югѣ, на высотѣ Кайбилара, которая остается за Восточной Румеліей, проходитъ къ югу отъ В. Алмалы между басейномъ Марицы на югѣ и разными рѣчками, впадающими прямо въ Черное море, между деревнями Белевринъ и Алатли; она слѣдуетъ къ сѣверу отъ Караплика по гребнямъ Восны и Сувака, по линіи, отдѣляющей воды Дуки отъ водъ Карагачъ-Су и примыкаетъ къ Черному морю между двумя рѣками, носящими тѣ же названія.

Статья XV. Его величеству султану предоставляется право заботиться о защитѣ морскихъ и сухопутныхъ границъ области, воздвигая укрѣпленія на этихъ границахъ и содержа въ нихъ войско.

Внутренній порядокъ охраняется въ Восточной Румеліи туземною стражею при содѣйствіи мѣстной милиціи.

При формированіи какъ стражи, такъ и милиціи, коихъ офицеры назначаются султаномъ, будетъ принято во вниманіе, смотря по мѣстностямъ, вѣроисповѣданіе жителей

Его императорское величество султанъ обязуется не употреблять въ пограничныхъ гарнизонахъ иррегулярныхъ войскъ, какъ-то: баши-бузуковъ и черкесовъ. Регулярныя же войска, назначаемыя для этой службы, ни въ какомъ случаѣ не будутъ размѣщаться по обывательскимъ домамъ. При переходѣ чрезъ область, войска эти не будутъ дѣлать въ ней остановокъ.

Статья XVI. Генералъ-губернатору предоставляется право призывать оттоманскія войска въ случаѣ, еслибъ внутреннему или внѣшнему спокойствію области угрожала какая-либо опасность. Въ данномъ случаѣ Блистательная Порта обязана поставить въ извѣстность представителей державъ въ Константинополѣ о принятомъ ею рѣшеніи и о причинахъ, его вызвавшихъ.

Статья XVII. Генералъ-губернаторъ Восточной Румеліи будетъ назначаемъ Блистательною Портою съ согласія державъ на пятигодичный срокъ.

Статья XVIII. Немедленно послѣ обмѣна ратификацій настоящаго трактата, будетъ назначена европейская комисія для разработки совмѣстно съ Портою оттоманскаго устройства Восточной Румеліи. На комисіи этой будетъ лежать обязанность опредѣлить въ трехмѣсячный срокъ кругъ власти и атрибуты генералъ-губернатора, а также образъ административнаго, судебнаго и финансоваго управленія области, принимая въ основу его различныя узаконенія о вилайетахъ и предложенія, внесенныя въ 8-е засѣданіе константинопольской конференціи. Собраніе постановленій относительно Восточной Румеліи послужитъ содержаніемъ для императорскаго фирмана, который будетъ обнародованъ Блистательною Портою и сообщенъ ею державамъ.

Статья XIX. На европейскую комисію будетъ возложена обязанность завѣдывать вмѣстѣ съ Блистательною Портою финансами области впредь до окончательнаго устройства новой организаціи.

Статья XX. Трактаты, конвенціи и международныя соглашенія, какого бы они ни были свойства, заключенные или имѣющіе быть заключенными между Портою и иностранными державами, будутъ примѣняться въ Восточной Румеліи, какъ и во всей Оттоманской имперіи. Льготы и привилегіи, предоставленныя иностранцамъ, къ какому бы состоянію они ни принадлежали, будутъ уважаемы въ этой провинціи. Блистательная Порта принимаетъ обязательство наблюдать въ этой области надъ исполненіемъ общихъ законовъ имперіи, относительно религіозной свободы въ примѣненіи ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ.

Статья XXI. Права и обязательства Блистательной Порты по отношенію къ желѣзнымъ дорогамъ въ Восточной Румеліи остаются неизмѣнными.

Статья XXII. Русскій оккупаціонный корпусъ въ Болгаріи и Восточной Румеліи будетъ состоять изъ шести пѣхотныхъ и двухъ кавалерійскихъ дивизій и не превзойдетъ 50,000 человѣкъ. Онъ будетъ содержаться на счетъ занимаемой имъ страны. Окупаціонныя войска сохранятъ сообщенія съ Россіей, не только чрезъ Румынію, въ силу соглашенія, имѣющаго быть заключеннымъ между обоими государствами, но и чрезъ черноморскіе порты Варну и Бургасъ, въ которыхъ имъ предоставлено будетъ право устроить на все продолженіе занятія необходимые склады.

Срокъ занятія Восточной Румеліи и Болгаріи императорскими войсками опредѣляется въ девять мѣсяцевъ со дня обмѣна ратификацій настоящаго трактата.

Императорское россійское правительство обязуется окончить въ послѣдующій трехмѣсячный срокъ проведеніе своихъ войскъ чрезъ Румынію и совершенное очищеніе этого княжества.

Статья XXIII. Блистательная Порта обязуется ввести добросовѣстно на островѣ Критѣ органическій уставъ 1868 года, съ измѣненіями, которыя будутъ признаны справедливыми.

Подобные же уставы, примѣненные къ мѣстнымъ потребностямъ, за исключеніемъ, однако, изъ нихъ льготъ въ податяхъ, предоставленныхъ Криту, будутъ также введены и въ другихъ частяхъ Европейской Турціи, для коихъ особое административное устройство не было предусмотрѣно настоящимъ трактатомъ.

Разработка подробностей этихъ новыхъ уставовъ будетъ поручена Блистательною Портою въ каждой области особымъ комисіямъ, въ коихъ туземное населеніе получитъ широкое участіе.

Проекты организацій, которые будутъ результатомъ этихъ трудовъ, будутъ представлены на разсмотрѣніе Блистательной Порты.

Прежде обнародованія распоряженій, которыми они будутъ введены въ дѣйствіе, Блистательная Порта посовѣтуется съ европейскою комисіей, назначенною для Восточной Румеліи.

Статья XXIV. Въ тѣхъ случаяхъ, когда между Блистательной Портой и Греціею не послѣдуетъ соглашенія относительно исправленія границъ, указаннаго въ тринадцатомъ протоколѣ берлинскаго конгресса, Германія, Австро-Венгрія, Франція, Великобританія, Италія и Россія, предоставляютъ себѣ предложить обѣимъ сторонамъ свое посредничество для облегченія переговоровъ.

Статья XXV. Провинціи Боснія и Герцеговина будутъ заняты и управляемы Австро-Венгріей. Австро-венгерское правительство, не желая принять на себя управленіе Новобазарскимъ санджакомъ, простирающимся между Сербіей и Черногоріей по направленію на юговостокъ за Митровицу, оттоманское управленіе останется въ немъ въ дѣйствіи попрежнему. Но для того, чтобъ обезпечить существованіе новаго политическаго строя, а также свободу и безопасность путей сообщенія, Австро-Венгрія предоставляетъ себѣ право содержать гарнизоны, а также имѣть дороги военныя и торговыя на всемъ протяженіи этой части прежняго Боснійскаго вилайета.

Съ этою цѣлью правительства Австро-Венгріи и Турціи предоставляютъ себѣ условиться о подробностяхъ.

Статья XXVI. Независимость Черногоріи признается Блистательной Портою и всѣми тѣми высокими договаривающимися сторонами, которыя еще ее не признавали.

Статья XXVII. Высокія договаривающіяся стороны условились о слѣдующемъ:

Въ Черногоріи различіе въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и исповѣданіяхъ не можетъ послужить поводомъ къ исключенію кого-либо или непризнанію за кѣмъ-либо правоспособности во всемъ томъ, что относится до пользованія правами гражданскими и политическими, доступа къ публичнымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и отличіямъ или до отправленія различныхъ свободныхъ занятій и ремеслъ, въ какой бы то мѣстности ни было.

Всѣмъ черногорскимъ уроженцамъ, а равно и иностранцамъ обезпечиваются свобода и внѣшнее отправленіе всякаго богослуженія; не могутъ быть дѣлаемы также какія-либо стѣсненія въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіозныхъ обществъ и въ сношеніяхъ ихъ съ ихъ духовными главами.

Статья XXVIII. Новыя границы Черногоріи опредѣлены слѣдующимъ образомъ:

Граничная черта, начиная отъ Илинобрдо, къ сѣверу отъ Клобука, спускается по Требиньчицѣ къ Гранчарево, которое остается за Герцеговиною, потомъ поднимается вверхъ по теченію этой рѣки до пункта, находящагося въ разстояніи одного километра ниже сліянія Чепелицы и оттуда достигаетъ по кратчайшей линіи высотъ, окаймляющихъ Требиньчицу. Далѣе она направляется къ Пилатову, оставляя эту деревню за Черногоріей, тянется по высотамъ въ сѣверномъ направленіи, по возможности, не удаляясь больше, чѣмъ на шесть километровъ отъ дороги Билекъ-Корито-Гацко, до перевала, находящагося между Сомина-Планиною и горою Чурило; оттуда она идетъ на востокъ чрезъ Вратковичи, оставляя эту деревню за Герцеговиною, до горы Орлинъ. Отъ этого мѣста граница, оставляя Равно Черногоріи, направляется прямо на сѣверо-

востокъ, переходя чрезъ вершины Лебершника и Волуяка, потомъ спускается по кратчайшей линіи на Пиву, пересѣкаетъ ее и примыкаетъ къ рѣкѣ Тарѣ, пройдя между Церквицею и Недвиною. Отъ этого пункта она поднимается вверхъ по Тарѣ до Мойковца, откуда тянется по гребню горнаго отрога до Шишкоезеро. Отъ этой мѣстности она сливается съ прежнею границею до деревни Шекуляре. Отсюда новая граница направляется по гребнямъ Мокрой-Планины оставляя за Черногоріей деревню Мокра, и достигаетъ пункта 2,166 карты австрійскаго генеральнаго штаба, слѣдуя по главной цѣпи и по водораздѣлу между Лимомъ съ одной стороны и Дриномъ, а также Ціевною (Земъ) съ другой.

Далѣе пограничная черта сливается съ существующей нынѣ границею между племенемъ Кучей-Дрекаловичей съ одной стороны, Кучкою-Крайнею и племенами Клементи и Груди, съ другой до равнины Подгорицкой, откуда она направляется на Плавницу, оставляя за Албаніей племена Клементи, Груди и Хоти.

Отсюда новая граница пересѣкаетъ озеро близъ островка Горица-Топалъ и отъ Горица-Топалъ достигаетъ по прямому направленію вершины гребня, откуда направляется по водораздѣлу между Мегуредъ и Калимедъ, оставляя Мрковичъ за Черногоріей и примыкая къ Адріатическому Морю въ В. Кручи.

На сѣверозападѣ границу образуетъ линія, идущая отъ берега между деревнями Шуманы и Зубцы и примыкающая къ крайнему юговосточному пункту нынѣшней границѣ Черногоріи на Вршута-Планинѣ.

Статья XXIX. Антивари и его территорія присоединяются къ Черногоріи на слѣдующихъ условіяхъ:

Мѣстности, лежащія къ югу отъ этой территоріи, согласно вышеизложенному разграниченію до рѣки Бояны, включая Дульциньо, будутъ возвращены Турціи.

Община Спицы до сѣверной границы территоріи, обозначенной въ подробномъ описаніи границъ, будетъ включена въ составъ Далмаціи.

Черногоріи предоставляется полная свобода судоходства по рѣкѣ Боянѣ. Никакія укрѣпленія не будутъ воздвигаемы на протяженіи этой рѣки, за исключеніемъ необходимыхъ для мѣстной защиты скутарской крѣпости, каковыя не могутъ простираться далѣе шести километровъ разстоянія отъ этого города.

Черногорія не можетъ имѣть ни военныхъ судовъ, ни военнаго флага.

Портъ Антивари и всѣ вообще воды Черногоріи останутся закрытыми для военныхъ судовъ всѣхъ націй.

Укрѣпленія, находящіяся между озерами и прибрежьемъ на черногорской территоріи, будутъ срыты, и никакія новыя не могутъ быть возводимы въ этой чертѣ.

Полицейскій надзоръ, морской и санитарный, какъ въ Антивари, такъ и вдоль всего черногорскаго побережья, будетъ производить Австро-Венгрія, посредствомъ легкихъ сторожевыхъ судовъ.

Черногорія введетъ у себя дѣйствующія нынѣ въ Далмаціи морскія узаконенія. Австро-Венгрія, съ своей стороны, обязуется оказывать чрезъ своихъ консуловъ покровительство черногорскому торговому флагу.

Черногорія должна войти въ соглашеніе съ Австро-Венгріей касательно права постройки и содержанія дороги, и рельсоваго пути чрезъ новую черногорскую территорію.

Полная свобода сообщеній будетъ обезпечена на этихъ путяхъ.

Статья XXX. Мусульмане и другія лица, владѣющія недвижимою собственностью въ мѣстностяхъ, присоединенныхъ къ Черногоріи, которые пожелали бы поселиться внѣ княжества, могутъ сохранить за собою свои недвижимости, отдавая ихъ въ аренду или управляя ими при посредствѣ другихъ лицъ.

Ни у кого не можетъ быть отчуждена недвижимая собственность иначе, какъ законнымъ порядкомъ, ради общественной пользы и за предварительнымъ вознагражденіе.

На турецко-черногорскую коммисію будетъ возложено окончательное устройство въ трехлѣтній срокъ всѣхъ дѣлъ, касающихся порядка отчужденія, эксплуатаціи и пользованія, за счетъ Блистательной Порты, имуществъ, принадлежащихъ государству, богоугоднымъ учрежденіямъ (вакуфъ), а также разрѣшеніе вопросовъ, касающихся интересовъ частныхъ лицъ, могущихъ быть затронутыми въ помянутыхъ дѣлахъ.

Статья XXXI. Княжество Черногорія войдетъ въ прямое соглашеніе съ Блистательною Портою, касательно назначенія черногорскихъ агентовъ въ Константинополь и въ другія мѣстности Оттоманской Имперіи, гдѣ это будетъ признано необходимымъ.

Черногорцы, путешествующіе или пребывающіе въ Оттоманской имперіи, будутъ подчинены турецкимъ законамъ и властямъ, согласно общимъ принципамъ международнаго права и обычаямъ, установившимся относительно черногорцевъ.

Статья XXXII. Черногорскія войска будутъ обязаны очистить въ двадцатидневный срокъ со дня обмѣна ратификаціи настоящаго трактата, или же прежде, буде возможно, территорію, занимаемую ими нынѣ внѣ новыхъ предѣловъ княжества.

Оттоманскія войска очистятъ уступленныя Черногоріи территоріи въ тотъ же двадцатидневный срокъ. Имъ, однакожь, будетъ данъ дополнительный пятнадцатидневный срокъ, какъ для очищенія укрѣпленныхъ мѣстъ и вывоза оттуда продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ, такъ и для составленія описи снарядовъ и предметовъ, немогущихъ быть немедленно вывезенными.

Статья XXXIII. Такъ какъ Черногорія обязана

Декамеронъ. Сказка IX.

нести на себѣ часть оттоманскаго государственнаго долга за новыя територіи, присужденныя ей мирнымъ трактатомъ, то представители державъ въ Константинополѣ опредѣлятъ, вмѣстѣ съ Оттоманскою Портою, размѣръ этой части на справедливомъ основаніи.

Статья XXXIV. Высокія договаривающія стороны признаютъ независимость сербскаго княжества при условіяхъ, изложенныхъ въ нижеслѣдующей статьѣ.

Статья XXXV Въ Сербіи различіе въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и исповѣданіяхъ не можетъ послужить поводомъ къ исключенію кого-либо или непризнанію за кѣмъ-либо правоспособности во всемъ

Декамеронъ. Сказка XI.

томъ, что относится до пользованія правами гражданскими и политическими, доступа къ публичнымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и отличіямъ или до отправленія различныхъ свободныхъ занятій и ремеслъ въ какой бы то ни было мѣстности.

Свобода и внѣшнее отправленіе всякаго богослуженія обезпечиваются какъ за всѣми сербскими уроженцами, такъ и за иностранцами и никакія стѣсненія не могутъ быть дѣлаемы въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіозныхъ общинъ и въ сношеніяхъ ихъ съ ихъ духовными главами.

Статья XXXVI. Сербія получаетъ территоріи, заключающіяся въ нижеслѣдующихъ границахъ:

Новая граница слѣдуетъ по нынѣшней пограничной чертѣ, поднимаясь вверхъ по руслу Дрины отъ слiянія ея съ Савою, и оставляя за княжествомъ Малый Зворникъ и Сахаръ, и продолжается вдоль прежней границы Сербіи до Капаоника, отъ котораго отдѣляется на вершинѣ Канилуга. Оттуда она идетъ сначала вдоль западной границы Нишскаго санджака, по южному отрогу Капаоника, по гребнямъ Марины и Мрдаръ-Планины, образующимъ водораздѣлъ басейновъ Ибара и Ситницы съ одной стороны, и Топлицы съ другой, оставляя Преполакъ за Турціей. Затѣмъ она поворачиваетъ къ югу, по водораздѣлу Брвеницы и Медведжи, оставляя весь басейнъ Медведжи за Сербіей, идетъ по хребту Гольянъ Планины (образующему водораздѣлъ между Крива-Ріекою съ одной стороны и Польяницею, Ветерницою и Моравою съ другой) до вершины Польяницы. Потомъ она направляется по отрогу Карпина-Планины до слiянія Коинска съ Моравою, переходитъ эту рѣку, поднимается по водораздѣлу между ручьемъ Коинска и ручьемъ, впадающимъ въ Мораву близъ Нерадовца, и достигаетъ Планины св. Иліи выше Тргвшиты. Отсюда она идетъ по гребню св. Иліи до горы Ключъ и, пройдя чрезъ означенные на картѣ пункты 1,516 и 1,547 и чрезъ Бабину Гору, примыкаетъ къ горѣ Чорной Врхъ.

Начиная отъ горы Чорный Врхъ новая пограничная черта сливается съ пограничною чертою Болгаріи, а именно:

Отъ горы Чорный Врхъ граница слѣдуетъ по водораздѣлу между Струмою и Моравою по вершинамъ Стрешера, Вилоголо и Мешидъ-Планины чрезъ Гачину, Чрна Траву, Дарковску, Драницу-Планъ чрезъ Дескани-Кладенецъ, достигаетъ водораздѣла Верхней Суковы и Моразы, идетъ прямо на Столъ и, спускаясь, оттуда, пересѣкаетъ дорогу изъ Софіи и Пирота въ разстояніи 1,000 метровъ, по сѣверозападу отъ деревни Сегуша; она поднимается потомъ по прямой линіи на Видличъ-Планину и оттуда на гору Радочину въ цѣпи горъ Коджа-Балканъ, оставляя за Сербіей деревню Дойкинчи, а за Болгаріей деревню Сенакосъ.

Отъ вершины горы Радочина, граница направляется къ сѣверозападу по гребню Балканскихъ Горъ чрезъ Ципровецъ-Балканъ и Стару-Планину до прежней восточной границы Сербскаго княжества, возлѣ Кулы-Смиліовы-Чука и оттуда этою же границею до Дуная, къ которому она примыкаетъ у Руковицы.

Статья XXXVII. Впредь до заключенія новыхъ соглашеній въ Сербіи, никакихъ измѣненій не послѣдуетъ въ нынѣ существующихъ условіяхъ комерческихъ сношеній княжества съ иностранными государствами.

Никакой транзитной пошлины не будетъ взиматься съ товаровъ, провозимыхъ чрезъ Сербію.

Льготы и привилегіи иностранныхъ подданыхъ, равно какъ и права консульской юрисдикціи и покровительства останутся, какъ нынѣ существуютъ, въ полной силѣ, пока не будутъ измѣнены съ общаго согласія княжества и заинтересованныхъ державъ.

Статья XXXVIII. Княжество Сербія заступаетъ въ соотвѣтственной долѣ Блистательную Порту въ обязательствахъ, принятыхъ ею какъ относительно Австро-Венгріи, такъ и относительно общества эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ Европейской Турціи, по окончанію, соединенію, а также по эксплуатаціи желѣзнодорожныхъ линій, имѣющихъ быть проведенными на вновь пріобрѣтенной княжествомъ территоріи.

Необходимыя для разрѣшенія этихъ вопросовъ конвенціи будутъ заключены немедленно по подписаніи настоящаго трактата между Австро-Венгріей, Сербіей и княжествомъ Болгаріи въ границахъ его компетентности.

Статья XXXIX. Мусульмане, владѣющіе недвижимою собственностью въ присоединенныхъ къ Сербіи территоріяхъ и которые пожелали бы избрать мѣстожительство внѣ княжества, будутъ имѣть право сохранить въ княжествѣ свои недвижимыя имущества, отдавая ихъ въ аренду, или же поручая управленіе ими другимъ лицамъ.

На турецко сербскую коммисію будетъ возложено окончательное устройство въ опредѣленный срокъ всѣхъ дѣлъ, касающихся порядка отчужденія, экслуатаціи или пользованія за счетъ Блистательной Порты имуществъ, принадлежащихъ государству и богоугоднымъ учрежденіямъ (вакуфъ), а также разрѣшеніе вопросовъ, касающихся интересовъ частныхъ лицъ, могущихъ быть затронуты въ этихъ дѣлахъ.

Статья XL. До заключенія трактата между Турціей и Сербіей, сербскіе подданные, путешествующіе или пребывающіе въ турецкой имперіи, будутъ пользоваться правами согласно, основнымъ началамъ международнаго права.

Статья XLI. Сербскія войска будутъ обязаны очистить въ пятнадцатидневный срокъ со дня обмѣна ратификацій настоящаго трактата мѣстности, невключенныя въ новыя границы княжества.

Отоманскія войска очистятъ въ тотъ же пятнадцатидневный срокъ территоріи, уступленныя Сер-

біи. Имъ будетъ, однакожь, данъ дополнительный пятнадцатидневный срокъ, какъ для очищенія укрѣпленныхъ мѣстъ и вывоза оттуда продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ, такъ и для составленія описи снарядовъ и предметовъ, немогущихъ быть немедленно вывезенными.

Статья XLII. Такъ какъ Сербія обязана нести на себѣ часть отоманскаго государственнаго долга за новыя территоріи, присужденныя ей настоящимъ трактатомъ, то представители державъ въ Константинополѣ, вмѣстѣ съ Блистательною Портою, опредѣлятъ размѣръ этой части на справедливыхъ основаніяхъ.

Статья XLIII. Высокія договаривающіяся стороны признаютъ независимость Румыніи при условіяхъ, изложенныхъ въ двухъ нижеслѣдующихъ статьяхъ.

Статья XLIV. Въ Румыніи различіе религіозныхъ вѣрованій и исповѣданій не можетъ послужить поводомъ къ исключенію кого либо или непризнанію за кѣмъ-либо правоспособности во всемъ томъ, что относится до пользованія правами гражданскими и политическими, доступа къ публичнымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и отличіямъ или до отправленія различныхъ свободныхъ занятій, и ремеслъ въ какой бы ни было мѣстности.

Свобода и внѣшнее отправленіе всякаго богослуженія обезпечиваются какъ за всѣми уроженцами румынскаго государства, такъ и за иностранцами, и никакія стѣсненія не могутъ быть дѣлаемы въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіозныхъ общинъ и въ сношеніяхъ ихъ съ ихъ духовными главами. Подданные всѣхъ державъ, торгующіе и другіе, будутъ пользоваться въ Румыніи, безъ различія вѣроисповѣданій, полнымъ равенствомъ.

Статья XLV. Княжество Румынія уступаетъ обратно Его Величеству Императору Всероссійскому часть бессарабской территоріи, отошедшей отъ Россіи по парижскому трактату 1856 года, ограниченную съ запада русломъ Прута, съ юга русломъ Килійскаго рукава и устьемъ Стараго Стамбула.

Статья XLVI. Острова, составляющіе дельту Дуная, а также островъ Змѣиный, Тульчинскій санджакъ, вмѣщающій округа (казы) Килію, Сулину, Махмудіе, Исакчу, Тульчу, Мачинъ, Бабадагъ, Гирсово, Кюстендже, Меджидіэ, присоединяются къ Румыніи. Княжество кромѣ того получаетъ территорію, лежащую на югъ отъ Добруджи до черты, начинающейся къ востоку отъ Силистріи и оканчивающейся у Чорнаго моря, къ югу отъ Мангаліи.

Очертаніе границы будетъ опредѣлено на мѣстѣ европейскою комисіей, установленною для разграниченія Болгаріи.

Статья XLVII. Вопросъ о раздѣлѣ водъ и рыбныхъ ловляхъ будетъ предложенъ посредничеству европейской дунайской коммисіи.

Статья XLVIII. Никакая транзитная пошлина не будетъ взимаема въ Румыніи съ товаровъ, провозимыхъ черезъ княжество.

Статья XLIX. Конвенціи могутъ быть заключаемы Румыніей для установленія привилегій и круга дѣйствій консуловъ въ дѣлѣ оказыванія ими покровительства въ княжествѣ. Пріобрѣтенныя правà останутся въ силѣ, пока не будутъ измѣнены по общему согласію княжества съ заинтересованными сторонами.

Статья L. До заключенія трактата между Турціей и Румыніей, установляющаго привилегіи и кругъ дѣйствій консуловъ, румынскіе подданные, путешествующіе или пребывающіе въ Отоманской имперіи, отоманскіе подданные, путешествующіе или пребывающіе въ Румыніи, будутъ пользоваться правами, обезпеченными за подданными прочихъ державъ.

Статья LI. Во всемъ, что касается общественныхъ работъ и другихъ предпріятій того же рода, Румынія на всей уступленной ей территоріи заступитъ Блистательную Порту въ ея правахъ и обязанностяхъ.

Статья LII. Для увеличенія гарантій, обезпечивающихъ свободу судоходства по Дунаю, за которою признается общеевропейскій интересъ, высокія договаривающіяся стороны поставляютъ, что всѣ крѣпости и укрѣпленія по теченію рѣки, отъ Желѣзныхъ Воротъ, до ея устья будутъ срыты и что новыхъ возводимо не будетъ. Никакое военное судно не можетъ впредь плавать по Дунаю внизъ отъ Желѣзныхъ Воротъ, за исключеніемъ легкихъ судовъ, предназначаемыхъ для рѣчной полиціи и таможенной службы. Стаціонеры державъ въ устьяхъ Дуная могутъ, однако, подниматься до Галаца.

Статья LIII. Европейская дунайская коммисія, въ коей Румынія будетъ имѣть представителя, сохраняетъ свой кругъ дѣйствій, который отнынѣ распространяется до Галаца при полной независимости отъ територіальныхъ властей. Всѣ договоры, соглашенія, акты и постановленія касательно ея правъ, привилегій, преимуществъ и обязательствъ подтверждаются.

Статья LIV. За годъ до истеченія срока, опредѣленнаго для дѣятельности европейской коммисіи, державы войдутъ въ соглашеніе о продолженіи ея полномочій или объ измѣненіяхъ, которыя они признаютъ необходимыми сдѣлать.

Статья LV. Правила о судоходствѣ, рѣчной полиціи и надзорѣ отъ Желѣзныхъ Воротъ до Галаца будутъ выработаны европейскою коммисіей при содѣйствіи делегатовъ прибрежныхъ государствъ и будутъ согласованы съ тѣми, которыя были или будутъ изданы для участка рѣки внизъ отъ Галаца.

Статья LVI. Европейская дунайская коммисія войдетъ съ кѣмъ слѣдуетъ въ соглашеніе для обезпеченія содержанія маяка на Змѣиномъ островѣ.

Статья LVII. Выполненіе работъ къ устраненію препятствій, которыя представляютъ судоходству Желѣзныя Ворота и пороги, поручается Австро-Венгріи. Прибрежныя государства этой части рѣки окажутъ всѣ облегченія, которыя могутъ потребоваться для успѣха работъ.

Постановленія 6-й статьи лондонскаго договора 13-го марта 1871 года, касательно права взиманія временной таксы для покрытія расходовъ по выполненію вышеозначенныхъ работъ, остаются въ силѣ въ пользу Австро-Венгріи.

Статья LVIII. Блистательная Порта уступаетъ Россійской Имперіи въ Азіи территоріи Ардагана, Карса и Батума, съ портомъ послѣдняго, равно какъ и всѣ территоріи, заключающіяся между прежнею русско-турецкою границею и слѣдующею пограничною чертою:

Новая граница, направляясь отъ Чорнаго моря, согласно пограничной линіи, опредѣленной сан-стефанскимъ договоромъ, до пункта къ сѣверозападу отъ Хорды и къ югу отъ Артвина, продолжается по прямой линіи до рѣки Чоруха, пересѣкаетъ эту рѣку и проходитъ къ востоку отъ Ашмишена, слѣдуя по прямой линіи къ югу, на соединеніе съ русскою границею, обозначенною въ сан-стефанскомъ договорѣ, въ пунктѣ на югъ отъ Наримана, оставляя городъ Ольти за Россіей. Отъ пункта, обозначеннаго близъ Наримана, граница поворачиваетъ къ востоку, проходитъ чрезъ Тебренекъ, остающійся за Россіей, и доходитъ до Пенекчая.

Она идетъ по этой рѣкѣ до Бардуза, потомъ направляется къ югу, оставляя Бардузъ и Іюникьей за Россіей. Отъ пункта, находящагося на западъ, отъ деревни Карауганъ, граница направляется на Меджингертъ, продолжается по прямому направленію до вершины горы Кассадагъ и слѣдуетъ по водораздѣлу притоковъ Аракса на сѣверѣ и Мурадъ-Су на югѣ, до прежней русской границы.

Статья LIX. Его Величество Императоръ Всероссійскій объявляетъ, что его намѣреніе сдѣлать Батумъ порто-франко по преимуществу комерческимъ.

Статья LX. Долина Алашкерта и городъ Баязетъ, уступленные Россіи статьею XIX-ю сан-стефанскаго договора, возвращаются Турціи.

Блистательная Порта уступаетъ Персіи городъ и территорію Котуръ, соотвѣтственно тому, какъ она была опредѣлена смѣшанною англо-русскою комисіей по турецко-персидскому разграниченію.

Статья LXI. Блистательная Порта обязуется осуществить, безъ дальнѣйшаго замедленія, улучшенія и реформы, вызываемыя мѣстными потребностями въ областяхъ, населенныхъ армянами, и обезпечить ихъ безопасность отъ черкесовъ и курдовъ Она будетъ періодически сообщать о мѣрахъ, принятыхъ ею для этой цѣли, державамъ, которыя будутъ наблюдать за ихъ примѣненіемъ.

Статья LXII. Такъ какъ Блистательная Порта выразила твердое намѣреніе соблюдать принципъ религіозной свободы въ самомъ широкомъ смыслѣ, то договаривающіяся стороны принимаютъ къ свѣдѣнію это добровольное заявленіе.

Ни въ какой части Отоманской имперіи различіе вѣроисповѣданія не можетъ подавать повода къ исключенію кого-либо или непризнанію за кѣмъ либо правоспособности во всемъ томъ, что относится до пользованія гражданскими и политическими правами, доступа къ публичнымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и отличіямъ, или до отправленія различныхъ свободныхъ занятій и ремеслъ.

Всѣ будутъ допускаемы, безъ различія вѣроисповѣданій, свидѣтельствовать въ судахъ.

Свобода и внѣшнія отправленія всякаго богослуженія обезпечиваются за всѣми, и никакія стѣсненія не могутъ быть дѣлаемы въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіозныхъ общинъ и въ сношеніяхъ ихъ съ ихъ духовными главами.

Духовныя лица, паломники и иноки всѣхъ націй, путешествующіе въ Европейской или Азіатской Турціи, будутъ пользоваться одинаковыми правами, преимуществами и привилегіями.

Право офиціальнаго покровительства признается за дипломатическими и консульскими агентами державъ въ Турціи, какъ по отношенію вышепоименованныхъ лицъ, такъ и ихъ учрежденій духовныхъ, благотворительныхъ и другихъ, на святыхъ мѣстахъ и въ другихъ мѣстностяхъ.

Права, предоставленныя Франціи, строго сохраняются за нею и, само собою разумѣется, что statu quo на святыхъ мѣстахъ не можетъ подвергнуться никакому нарушенію.

Иноки Аѳонской Горы, изъ какой бы они ни были страны, сохранятъ свои имущества и будутъ пользоваться, безъ всякихъ исключеній, полнымъ равенствомъ правъ и преимуществъ.

Статья LXIII. Парижскій трактатъ 30-го марта 1856 года, а также лондонскій договоръ 13-го марта 1871 года сохраняютъ свою силу во всѣхъ тѣхъ постановленіяхъ, которыя не отмѣнены или не измѣнены вышеприведенными статьями.

Статья LXIV. Настоящій трактатъ будетъ ратификованъ и обмѣнъ ратификацій послѣдуетъ въ Берлинѣ въ трехнедѣльный срокъ, а буде возможно и ранѣе.

Въ силу чего всѣ уполномоченные подписали его, съ приложеніемъ герба своихъ печатей.

Въ Берлинѣ іюля тринадцатаго дня тысяча восемьдесятъ семьдесятъ восьмаго года.

Подписали:

(М. П.) Горчаковъ.
(М. П.) Шуваловъ.
(М. П.) П. Убри.

(М. П.) Ф. Бисмаркъ.
(М. П.) Б. Бюловъ.
(М. П.) Гогенлоэ.

(М. П.) Андраши.
(М. П.) Кароли.
(М. П.) Геймерлэ.

(М. П.) Ваддингтонъ.
(М. П.) Сенъ-Валлье.
(М. П.) Г. Депре.

(М. П.) Биконсфильдъ.
(М. П.) Сэлисбери.
(М. П.) Одо Россель.

(М. П.) Л. Корти.
(М. П.) Лонэ

(М. П.) Ал. Каратеодори.
(М. П.) Мехемедъ-Али.
(М. П.) Садуллахъ.

(Прав. Вѣст.)

Декамеронъ.

Сказки Джіовани Боккачіо.

(Переводъ Н. И. Шульгина.)

День второй.

Сказка IX.

Обличенный клеветникъ.

(Разсказанная г-жею Филоменой.)

Торговыя дѣла привели нѣсколькихъ итальянскихъ купцовъ въ Парижъ и они поселились вмѣстѣ въ одной гостинницѣ, и имѣли общій столъ. Разъ, послѣ ужина, когда вино развеселило ихъ болѣе обыкновеннаго, они избрали темой для своего разговора, любовныя приключенія. Этотъ разговоръ невольно привелъ ихъ къ воспоминанію объ ихъ женахъ, такъ какъ всѣ они, безъ исключенія, были женаты.

— Не знаю, какъ поступаетъ моя жена, сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ,—но я согрѣшилъ противъ нея. Да и какъ устоять противъ иностранки? Я совершилъ невѣрность.

— И я также, сказалъ другой.—Я думаю, что и жена моя не безгрѣшна. Но буду-ли я убѣжденъ въ ея вѣрности, или нѣтъ, отъ этого, конечно, ничто не измѣнится.

— Я держусь такого же мнѣнія, прибавилъ третій.

Съ большимъ или меньшимъ недовѣріемъ къ своимъ женамъ, отнеслись и всѣ остальные, исключая только генуэзца Бернабо Ломелина, который сказалъ, что онъ вполнѣ убѣжденъ въ вѣрности своей жены, хотя она замѣчательная красавица и равная ей по красотѣ едва-ли сыщется во всей Италіи. Затѣмъ онъ перечислилъ ея выдающіяся качества: красоту лица, прекрасное сложеніе, грацію, молодость, живость и веселость характера, любовь къ труду, искуство въ женскихъ работахъ, удивительныя способности хозяйки; онъ прибавилъ, что она умѣетъ управлять лошадьми, дрессировать для охоты птицъ; что она мастерица читать, писать, вести конторскія книги и вообще торговыя дѣла. Описавъ ея качества, онъ возвратился къ обсуждаемому вопросу и заявилъ, что его жена высокочестная, цѣломудренная и добродѣтельная женщина, и онъ убѣжденъ, что будь онъ въ отсутствіи десять лѣтъ, цѣлую жизнь, она все-таки осталась бы безусловно вѣрна ему.

Едва произнесъ онъ послѣднія слова, какъ молодой человѣкъ изъ Піаченцы, по имени Амброджіоло, покатился со смѣху. Желая поднять на смѣхъ Бернабо, онъ спросилъ его, ужь не императоръ-ли далъ ему такую странную привилегію? Бернабо отвѣчалъ съ досадой, что этой милостью онъ обязанъ не императору, а болѣе его могущественному—Господу Богу.

— Я не сомнѣваюсь, возразилъ Амброджіоло,—что вы искренно вѣрите въ то, что говорите. Но, мнѣ кажется, вы мало свѣдущи и мало опытны въ дѣлѣ, которое служитъ предметомъ наше-

го обсужденія. Еслибъ вы откинули свое предубѣжденіе, вы заговорили бы иначе. Не заключайте изъ того, что мы говорили о нашихъ женахъ, что насъ слѣдуетъ пожалѣть, а передъ вашей женой преклониться. Сообразите, что если мы рѣшаемся говорить о нашихъ женахъ такъ неблагопріятно, то это потому, что мы хорошо ознакомились вообще съ женской натурой. Не станете же вы отрицать того, что признаетъ цѣлый свѣтъ, что мужчина совершеннѣйшее твореніе, вышедшее изъ рукъ Творца, а женщина занимаетъ второе мѣсто. Не станете вы также отрицать и того, что мужчина отличается мужествомъ, силой и твердостью характера, а женщина робка и измѣнчива. Я бы могъ подробнѣе развить вамъ, откуда идетъ и въ чемъ состоитъ различіе между обоими полами; но безполезно входить въ такое обсужденіе, потому что это завело бы насъ слишкомъ далеко. Согласитесь же, если болѣе твердый, мужественный и разумный мужчина часто не въ силахъ противиться одолѣвающей его страсти, то что же думать о болѣе хрупкой и слабой женщинѣ? Въ силахъ-ли устоять она противъ лести, противъ подарковъ, противъ поклоненія, которыми завлекаетъ ее влюбленный въ нее мужчина? Думаете-ли вы, что она можетъ долго противостоять такому обольщенію? Вы все-таки скажете, что увѣрены въ своей женѣ, а я отвѣчу вамъ, что съ трудомъ вѣрю вашему убѣжденію или долженъ заключить, что вы слишкомъ просты и довѣрчивы. Какъ ни достойна уваженія ваша жена, но она создана такъ же, какъ и всѣ другія женщины; у нея тѣже средства защиты противъ страстей и ухаживаній. Слѣдовательно, если ежедневный опытъ доказываетъ, что другія женщины не могутъ устоять противъ соблазна, то возможно и очень вѣроятно, что и ваша жена, какъ ни добродѣтельна она, падетъ подобно своимъ сестрамъ. Но если мы допустимъ, что ея паденіе возможно, то вы не имѣете основанія такъ настойчиво поддерживать ваше мнѣніе о ея безусловной вѣрности *).

— Я только купецъ, а не философъ, отвѣчалъ Бернабо,—и какъ купецъ отвѣчаю вамъ, что если то, что вы говорите, случается съ женщинами, то только съ такими, которыя имѣютъ смутное понятіе о чести. Но я знаю хорошо, что истинно честныя женщины тверже, разумнѣе и непреклоннѣе мужчинъ, которые, какъ вы знаете, непрестанно ставятъ западни ихъ добродѣтели. Моя жена принадлежитъ къ числу такихъ честныхъ женщинъ.

— Конечно, отвѣчалъ Амброджіоло,—еслибы каждый разъ, какъ женщина измѣнитъ своему мужу, у нея выросталъ рогъ на лбу, я не сомнѣвался бы, что случаи измѣны были бы очень рѣдки но какъ нѣтъ наружнаго признака, отличающаго разумныхъ женъ отъ легкомысленныхъ, то ихъ чести не грозитъ опасности. Ихъ губитъ только гласность ихъ поступка. Повѣрьте, если женщина убѣждена, что тайна ея проступка будетъ тщательно скрыта, она не задумается совершить его. Я увѣренъ, что если есть между женами вѣрныя своимъ мужьямъ, то онѣ остались таковыми только потому, что никто не пытался совратить ихъ, а слѣдовательно, имъ не представлялось случая совершить измѣну. Хотя я знаю, что мое мнѣніе раздѣляетъ большинство людей, но я не говорилъ бы такъ утвердительно, если бы самъ много разъ не производилъ опыта. Говорю смѣло, что если бы я находился теперь тамъ, гдѣ живетъ ваша честная и добродѣтельная жена, черезъ короткое время она поддалась бы моему соблазну такъ же легко, какъ поддавались другія, которыхъ тоже считали честными, добродѣтельными и вѣрными женами.

— Нашъ споръ можетъ завести насъ слишкомъ далеко, возразилъ Бернабо сердито; — мы будемъ возражать одинъ другому и никогда не кончимъ. Но такъ какъ вы слишкомъ предубѣждены противъ женской добродѣтели и думаете, что ни одна изъ женщинъ не можетъ устоять противъ вашего соблазна, я готовъ согласиться на опытъ и прозакладываю мою голову, что при всемъ вашемъ искуствѣ вы не въ состояніи будете соблазнить моей жены; вы же отвѣтите мнѣ тысячью дукатами, если вернетесь пораженнымъ.

— На кой прахъ мнѣ ваша голова, отвѣчалъ съ раздраженіемъ Амброджіоло: — не солить же ее? Но если вы такъ увѣрены въ моей неудачѣ, отвѣчайте противъ моей тысячи пятью тысячами дукатовъ, которые, конечно, для васъ имѣютъ меньшую цѣну, чѣмъ ваша собственная голова. Отъ такого заклада я не откажусь. О времени вы не упомянули; назначимъ три мѣсяца отъ настоящаго дня; болѣе мнѣ не нужно, чтобы заставить вашу жену провиниться въ томъ же, чѣмъ грѣшатъ другія женщины. Я требую только, чтобы вы въ это время не пріѣзжали въ Геную, а также, чтобы вы ни слова не писали вашей женѣ о нашемъ закладѣ.

Бернабо отвѣчалъ, что онъ согласенъ на всѣ эти условія. Прочіе купцы, опасаясь, какъ бы этотъ закладъ не повлекъ за собой пагубныхъ послѣдствій, тщетно старались отговорить спорщиковъ. Но и Бернабо, и Амброджіоло до того разгорячились, что не хотѣли уже слышать никакихъ благоразумныхъ доводовъ и свой договоръ совершили формальнымъ порядкомъ на бумагѣ.

На другой день Амброджіоло уѣхалъ изъ Парижа въ Геную. Едва пріѣхалъ онъ туда, какъ тотчасъ же принялся за развѣдки. Изъ общаго говора онъ убѣдился, что жена Бернабо дѣйствительно вполнѣ добродѣтельная и недоступная соблазну женщина. Онъ увидѣлъ теперь ясно, что взялся за невыполнимое предпріятіе и что пораженіе его несомнѣнно. Однакожь, онъ рѣшился сдѣлать попытку и началъ съ знакомства съ старухой, бывавшей часто у жены Бернабо, которую та очень любила. Старуха сперва отказала во всякой помощи молодому человѣку, но предложенное ей денежное вознагражденіе соблазнило ее и она согласилась провести Амброджіоло тайно въ комнату добродѣтельной жены. Амброджіоло долженъ былъ сѣсть въ сундукъ, а старуха, объявивъ женѣ Бернабо, что принуждена уѣхать на нѣсколько дней изъ Генуи, попроситъ молодую женщину поставить этотъ сундукъ, для лучшей сохранности, въ ея спальню. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Въ полночь, когда дама уснула крѣпкимъ сномъ, Амброджіоло, открывъ изнутри крышку сундука, вышелъ изъ него. Ночникъ горѣлъ довольно ярко, и при его свѣтѣ Амброжіоло легко могъ осмотрѣть убранство комнаты: мебель, картины и пр., и всѣ эти подробности запечатлѣть въ своей памяти. Потомъ онъ подошелъ къ кровати: дама спала крѣпкимъ сномъ рядомъ съ маленькой дѣвочкой. Женщина была поразительной красоты, и хотя, конечно, она взволновала молодого человѣка, но ему некогда было восхищаться ею; онъ помышлялъ теперь не о красотѣ, а о средствахъ выиграть закладъ; для этого ему надо было убѣдиться, нѣтъ ли на тѣлѣ дамы какого-нибудь знака, знакомство съ которымъ могло бы послужить доказательствомъ, что онъ, утверждая о выигрышѣ заклада, говоритъ правду. Амброджіоло осторожно открылъ одѣяло и замѣтилъ на лѣвой сторонѣ груди у дамы небольшую родинку, обрамленную нѣсколькими русыми волосками. Осмотрѣвъ внимательно этотъ значекъ, Амброджіоло подошелъ къ отпертому комоду, взялъ тамъ кошелекъ, поясъ, кольцо и старое платье, всѣ эти вещи сложилъ въ сундукъ, въ которой вошелъ самъ и заперся, не произведя ни малѣйшаго шума. Онъ пробылъ въ сундукѣ еще день и ночь, которой воспользовался, чтобы лучше осмотрѣть все, что было необходимо для его цѣли. На слѣдующее же утро послѣ второй ночи, какъ было условлено, возвратилась старуха и взяла свой сундукъ. Амброджіоло, выйдя изъ своей узкой тюрьмы, поблагодарилъ старуху за оказанное одолженіе и поспѣшилъ въ Парижъ, куда прибылъ ранѣе истеченія трехъ мѣсяцевъ, съ вещами, украденными имъ у жены Бернабо, которую звали Жиневра. Разумѣется, онъ остановился въ гостинницѣ, гдѣ квартировалъ передъ своимъ отъѣздомъ. Когда, по обыкновенію къ ужину собрались всѣ купцы, присутствовавшіе во время спора Бернабо съ Амброджіоло, послѣдній заявилъ, что онъ выигралъ закладъ, исполнивъ все, что обѣщалъ. Для доказательства, что онъ говоритъ правду, онъ подробно описалъ спальню дамы, разсказалъ сюжеты картинъ, въ ней развѣшанныхъ, и показалъ украденныя вещи, объявивъ, что получилъ ихъ въ подарокъ отъ дамы.

Бернабо, нѣсколько озадаченный, отвѣчалъ, что Амброджіоло вполнѣ точно описалъ спальню въ его домѣ и что привезенныя вещи дѣйствительно принадлежатъ его женѣ, но эти доказательства онъ считаетъ еще недостаточными, потому что Амброджіоло могъ купить вещи у слуги, который также точно могъ сообщить ему и подробное описаніе спальни.

— Я бы думалъ, что ихъ достаточно, сказалъ Амброджіоло,—но если вы желаете еще другихъ, болѣе убѣдительныхъ доказательствъ, я дамъ вамъ ихъ. У вашей жены, г-жи Жиневры, на лѣвой сторонѣ груди находится крупная родинка, обрамленная пятью или шестью русыми волосами, цвѣтомъ своимъ похожими на золотыя нити.

Бернабо былъ пораженъ въ самое сердце. Онъ поспѣшно выѣхалъ изъ Франціи въ Италію и остановился въ своемъ загородномъ домѣ, находящемся въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія отъ Генуи. Отсюда онъ написалъ женѣ, приглашая ее пріѣхать къ нему. Онъ послалъ за ней преданнаго слугу съ двумя лошадьми. Онъ далъ порученіе слугѣ убить ее, какъ только они въѣдутъ въ какое-нибудь глухое мѣсто, а исполнивъ это, вернуться къ нему.

Посланный, пріѣхавъ въ Геную, вручилъ письмо г-жѣ Жиневрѣ, которая, узнавъ изъ него о возвращеніи своего мужа, видимо обрадовалась. Она выѣхала на другой день только въ сопровожденіи слуги, доставившаго письмо. Имъ пришлось проѣзжать черезъ густой лѣсъ. Эта глухая мѣстность была очень удобна для совершенія убійства. Слуга, вынувъ изъ ноженъ мечъ, схватилъ Жиневру за руку.

— Сударыня, сказалъ онъ, — поручите вашу душу Богу; вы должны умереть.

— Боже! вскричала Жиневра съ ужасомъ,— развѣ я сдѣлала тебѣ, жестокій человѣкъ, какое-нибудь зло, что ты хочешь умертвить меня. Но прежде, чѣмъ ты совершишь убійство, скажи мнѣ, какое оскорбленіе нанесла я тебѣ?

— Сударыня, кромѣ добра я ничего отъ васъ не видѣлъ, отвѣчалъ слуга; — не знаю, что сдѣлали вы своему мужу, но только онъ приказалъ мнѣ убить васъ безъ всякой жалости, угрожая повѣсить меня, если я не выполню точно его приказа. Вы видите, мнѣ невозможно ослушаться его приказаній. Богъ свидѣтель, что я горюю о вашей несчастной участи. Приготовьтесь же къ смерти.

— Боже мой! Боже! говорила, рыдая, Жиневра; — беру въ свидѣтели ангеловъ и угодниковъ Божіихъ, что я не знаю за собою ни одного проступка противъ моего мужа, который бы за-

*) Во времена Бокачіо сильно было распространено ученіе о слабости и безнравственности женской натуры, исходящее изъ Рима, противъ котораго возставали сильные умы, въ родѣ автора «Декамерона». *Пр. перев.*

заслуживалъ такого варворскаго наказанія. Прошу тебя, мой другъ, оставь мнѣ жизнь. Не бери на свою душу грѣха человѣкоубійства, совершаемаго тобою изъ угожденія своему господину. Если бы ты могъ прочесть въ глубинѣ моего сердца, ты убѣдился бы, что я невинна и почувствовалъ бы ко мнѣ жалость. Слушай же, ты можешь спасти меня и удовлетворить твоего господина: возьми мое платье и дай мнѣ кое-что изъ твоего дорожнаго мѣшка. Мой мужъ безъ труда повѣритъ, что ты убилъ меня Я же, клянусь тебѣ, уйду такъ далеко, что ни ты, ни онъ и никто въ Генуѣ никогда не услышите обо мнѣ.

Лакей, чувствовавшій отвращеніе къ убійству, легко согласился на это предложеніе. Онъ взялъ у Жиневры ея платье и взамѣнъ отдалъ ей старую куртку и мужскую шляпу, а также вручилъ ей небольшую сумму денегъ и оставилъ ее въ лѣсу, прося ее удалиться отсюда поскорѣе и подальше. Возвратясь къ своему господину, онъ доложилъ ему, что его приказаніе исполнено, причемъ сказалъ, что видѣлъ самъ, какъ волки напали на трупъ его жены.

Бернабо вскорѣ послѣ этого вернулся въ Геную. Внезапное исчезновеніе его жены вызвало толки о преступленіи. Подозрѣніе въ совершеніи его пало на Бернабо и всѣ честные люди отвернулись отъ него.

Между тѣмъ несчастная Жиневра пробыла, скрываясь, въ лѣсу, до наступленія вечера; какъ только стемнѣло, она вошла въ небольшую деревушку, лежавшую за лѣсомъ. Добрая женщина, у которой она попросила пріюта, помогла ей, съ помощью иглы и нитокъ, перешить, по ея росту и таліи, куртку и панталоны, которымъ она придала покрой матроскаго платья. Затѣмъ Жиневра пожертвовала своими длинными прекрасными волосами, которые обрѣзала ей ея гостепріимная хозяйка.

На другой день, переодѣтая матросомъ, Жиневра направилась къ морскому берегу. Здѣсь она встрѣтилась съ каталонскимъ дворяниномъ, по фамиліи Энкарарчъ, владѣльцемъ корабля, бросившаго якорь въ недалекомъ разстояніи отъ порта Альба. Энкарарчъ сошелъ на берегъ, желая освѣжиться у фонтана. Жиневра, узнавъ, что онъ хозяинъ и капитанъ корабля, подошла къ нему и стала просить, чтобы онъ принялъ ее къ себѣ на службу. Энкарарчъ, восхищенный ея умомъ и наружностію, согласился принять ее къ себѣ въ качествѣ слуги. Онъ перевезъ ее къ себѣ на корабль и далъ ей новый хорошій костюмъ. Понятно, что Жиневра тщательно скрыла свой полъ и назвалась другимъ именемъ. Она поступила на службу подъ именемъ Сикурана Финале. Энкарарчъ такъ былъ доволенъ ловкостью и способностью своего слуги, что благодарилъ случай, столкнувшій его съ Сикураномъ.

Корабль шелъ въ Александрію, куда и прибылъ безъ всякихъ приключеній, благодаря попутному вѣтру и хорошей погодѣ. Энкарарчъ, выгодно продавшій грузъ корабля, представился султану, которому привезъ въ подарокъ нѣсколько дрессированныхъ для охоты соколовъ. Монархъ принялъ его милостиво и нѣсколько разъ пригласилъ къ своему обѣду. Сикуранъ во время обѣда каждый разъ служилъ своему господину. Его ловкость и наружность настолько понравились султану, что онъ попросилъ каталонскаго дворянина уступить ему молодого слугу. Энкарарчъ не осмѣлился отказать въ просьбѣ султану, хотя успѣлъ уже привязаться къ Сикурану. Въ короткое время, Сикуранъ такъ полюбился султану, что онъ сдѣлалъ его капитаномъ своей гвардіи и безпрестанно давалъ ему подарки.

Ежегодно въ городѣ Акрѣ, находящемся въ зависимости отъ султана, происходила ярмарка, на которую со всѣхъ странъ стекалось множество купцовъ, христіанъ и сарациновъ. Хотя въ городѣ была своя достаточная военная сила, но султанъ имѣлъ обыкновеніе посылать туда часть своей гвардіи подъ командой офицера, пользовавшагося его особымъ довѣріемъ. На этотъ отрядъ возлагалась спеціальная обязанность охранять пріѣзжихъ купцевъ и ихъ товары. Разъ, когда пришло время ярмарки, Сикурану, успѣвшему изучить языкъ страны, было поручено командованіе надъ гвардейскимъ отрядомъ. Возложенное на него порученіе онъ исполнилъ прекрасно. По обязанности ему часто проходилось вступать въ переговоры съ купцами, между которыми было болѣе всего сициліянцевъ, пизанцевъ, генуэзцевъ и венеціянцевъ. Съ особенной охотой бесѣдовалъ онъ съ ними, такъ какъ ему было слишкомъ дорого воспоминаніе объ отечествѣ.

Войдя разъ въ лавку венеціянскихъ купцовъ, Сикуранъ увидѣлъ между товаромъ принадлежавшій ему кошелекъ и поясъ, что его очень удивило. Скрывъ свое удивленіе, онъ спросилъ самымъ естественнымъ голосомъ, кому принадлежатъ эти вещи и продажныя-ли онѣ? Амброджіоло, прибывшій на ярмарку на венеціянскомъ кораблѣ, и находившійся въ лавкѣ, услышавъ вопросъ начальника султанской гвардіи, отвѣчалъ:

— Эти вещи принадлежатъ мнѣ и я не думаю продавать ихъ; но если они вамъ понравились, мессеръ, позвольте предложить ихъ вамъ въ подарокъ.

Замѣтя ироническую улыбку Амброджіоло, Сикуранъ сдѣлалъ невольно жестъ досады, однакожь тотчасъ овладѣлъ собою и сказалъ по итальянски:

— Ты, вѣроятно, смѣешься тому, что меня, султанскаго гвардейца, интересуютъ бездѣлушки женскаго наряда?

— О нѣтъ, мессеръ, отвѣчалъ Амброджіоло,— я смѣюсь, припоминая, какъ достались мнѣ эти вещи.

— Не будетъ нескромностью съ моей стороны, сказалъ капитанъ,— если я попрошу тебя разсказать, какъ это случилось.

— Эти бездѣлушки, отвѣчалъ Амброджіоло,— какъ и нѣсколько другихъ, мессеръ, подарены мнѣ красавицей генуэзкой, по имени Жиневрой, во время любовнаго свиданія со мной. Она просила меня хранить ихъ въ память любви ея ко мнѣ и потому мнѣ не ловко продать ихъ; но я могу подарить ихъ вамъ, если эти вещи вамъ нравятся. Я не могу смотрѣть на нихъ безъ смѣха потому, что мнѣ всегда приходитъ на память глупость мужа этой дамы, побившагося объ закладъ на пять тысячъ дукатовъ противъ моей тысячи, что я никогда не добьюсь расположенія его жены, вѣрность которой къ нему непоколебима. Я, конечно, принялъ закладъ и, какъ видите, выигралъ. Глупецъ, вмѣсто того, чтобы наказать самого себя за дурацкую довѣрчивость и не сердиться на свою жену, провинившуюся тѣмъ, чѣмъ грѣшны ея подруги,—этотъ глупецъ, какъ мнѣ разсказывали, приказалъ умертвить ее, чѣмъ и отмстилъ ей за ея невѣрность.

Сикуранъ узналъ теперь, что послужило причиной гнѣва Бернабо противъ жены и кто былъ настоящимъ виновникомъ печальнаго происшествія. Рѣшившись непремѣнно наказать преступника, онъ началъ съ того, что посмѣялся надъ обманутымъ мужемъ и пригласилъ Амброджіоло къ себѣ. Вскорѣ онъ такъ сошелся съ итальянцемъ, что Амброджіоло, по окончаніи ярмарки, уѣхалъ домой съ тѣмъ, чтобы вскорѣ вернуться въ Александрію, куда онъ намѣревался перенести свою дѣятельность. Сикуранъ не только обѣщалъ ему свое покровительство, но еще далъ ему денегъ для расширенія торговли. Амброджіоло, видя, что переселеніе принесетъ ему большія выгоды, поспѣшилъ окончить свои дѣла въ Италіи и не замедлилъ переселиться въ Александрію.

Между тѣмъ Сикуранъ, страстно желавшій доказать Бернабо невинность его жены, постарался привлечь генуэзца въ Александрію, что ему удалось сдѣлать при помощи генуэзскихъ купцовъ, тамъ поселившихся. Дѣла Бернабо шли плохо, онъ совсѣмъ обѣднѣлъ и охотно принялъ приглашеніе, поразвѣдать, нельзя-ли ему устроиться въ Александіи. Онъ остановился у друга Сикурана, который и послалъ ему приглашеніе пріѣхать во владѣнія александрійскаго султана.

Для исполненія своего замысла, Сикуранъ заставилъ Амброджіоло разсказать самому султану о его любовномъ приключеніи съ Жиневрой. Этотъ разсказъ позабавилъ монарха. Когда же Бернабо пріѣхалъ въ Александрію, Сикуранъ просилъ султана, который ни въ чемъ ему не отказывалъ, приказать Амброджіоло, чтобы онъ разсказалъ о своемъ приключеніи въ присутствіи обманутаго мужа, который, какъ извѣстился онъ, Сикуранъ, въ настоящее время находится въ Александріи.

— Мнѣ кажется, прибавилъ Сикуранъ,—что Амброджіоло скрываетъ истину и что генуэзецъ поторопился осудить свою жену. Я полагаю, что если ваше величество строго прикажете ему сказать истину, онъ повинуется; если же онъ будетъ упрямо поддерживать ложь, у меня есть средство заставить его сказать правду.

Когда Амброджіоло и Бернабо явились передъ султаномъ, онъ суровымъ тономъ приказалъ первому, не скрывая ничего, разсказать, какимъ образомъ онъ пріобрѣлъ пять тысячъ дукатовъ, угрожая въ противномъ случаѣ, подвергнуть его пыткѣ. Заключивъ изъ этого, что султанъ откуда-нибудь узналъ истину и испуганный угрозою, не смотря на присутствіе Бернабо и всего двора, Амброджіоло передалъ все, какъ было, оправдывая свое преступленіе тѣмъ, что его соблазнило желаніе выиграть крупный закладъ.

Когда онъ окончилъ свое признаніе, Сикуранъ, въ качествѣ лица, приближеннаго къ султану, обратился къ Бернабо.

— А что сдѣлалъ ты съ своей женою? спросилъ онъ генуэзца.

— Увлекаемый гнѣвомъ и ревностію, отвѣчалъ онъ,—въ отчаяніи, что я потерялъ свою честь и деньги, я приказалъ своему слугѣ умертвить ее.

— А что сдѣлалъ слуга съ ея трупомъ?

— Онъ доложилъ мнѣ, что на его глазахъ на трупъ накинулись волки.

Сикуранъ, скрывшій отъ своего государя истинную причину, заставившую его просить объ очной ставкѣ обоихъ купцовъ, обратился къ султану и сказалъ:

— Вы видите, государь, какъ эта дама была несчастлива. Назвавшійся ея любовникомъ, наглой клеветой лишилъ ее чести и разорилъ ея мужа. Слишкомъ легковѣрный ея мужъ, приказалъ убить ее и ея трупъ отдалъ на съѣденіе волкамъ. Вотъ они, нѣжные любовникъ и мужъ. Бьюсь объ закладъ, что еслибы случаю угодно было, чтобы Жиневра явилась здѣсь, передъ нами, ни одинъ изъ нихъ не узналъ бы ее, такъ велика ихъ любовь къ ней! Вы справедливы, государь, и рѣшите, какого наказанія заслуживаютъ они оба. Нѣтъ надобности просить васъ о наказаніи клеветника; его преступленіе слишкомъ велико, чтобы онъ могъ заслужить пощаду; что же касается обманутаго, хотя онъ и недостоинъ прощенія, я все же осмѣлюсь умолять васъ даровать ему прощеніе и, если согласитесь на это, представить сюда его жену.

Султанъ, горячо любившій Сикурана, тотчасъ же согласился исполнить его желаніе и приказалъ привести жену. Легко вообразить, каково

было изумленіе Бернабо, считавшаго свою жену умершей, а также отчаяніе Амброджіоло, который понялъ, что теперь ему уже невозможно ожидать пощады.

Сикуранъ бросился къ ногамъ султана.

— Это я, государь, сказалъ онъ, плача—я, несчастная Жиневра, жена Бернабо. Шесть лѣтъ, переодѣтая въ мужское платье, я живу внѣ отечества, недостойно-оклеветанная подлымъ Амброджіоло,—это я, которую жестокій мужъ осудилъ умереть подъ ножемъ убійцы, а тѣло отдать на растерзаніе дикимъ звѣрямъ.

Говоря это, она раскрыла грудь, чтобы султанъ могъ убѣдиться, что передъ нимъ не мужчина, а женщина. Затѣмъ она обратилась къ Амброджіоло съ упреками за его подлость. Узнавшій ее Амброджіоло не зналъ, что отвѣтить: стыдъ и угрызенія совѣсти сковали ему уста.

Султанъ, никогда не подозрѣвавшій, что Сикуранъ женщина, крайне удивился всему, что онъ видѣлъ и слышалъ. Ему казалось, что все это происходитъ не на яву, а во снѣ. Придя въ себя, онъ воздалъ торжественно похвалу поведенію, мужеству и добродѣтели Жиневры. Онъ подарилъ ей нѣсколько дорогихъ платьевъ и назначилъ нѣсколькихъ женщинъ къ ней въ качествѣ прислужницъ. Во вниманіе къ ея просьбѣ, онъ простилъ Бернабо его жестокость, вызванную его легковѣріемъ. Бернабо, проливая слезы радости и раскаянія, бросился къ ногамъ своей жены, умоляя, чтобы и она простила его.

Добродѣтельная Жиневра съ нѣжностью упрекнула его, затѣмъ сказала, что все позабыла, подняла его и поцѣловала, какъ мужа.

Амброджіоло получилъ тяжкое наказаніе. Султанъ приказалъ привязать его нагого къ столбу, вбитому на холмѣ, посреди города, обмазать его тѣло медомъ и оставить его тамъ до тѣхъ поръ, пока онъ не умретъ отъ жалъ насѣкомыхъ. Все имущество Амброджіоло, цѣнностью въ двадцать тысячъ дукатовъ, было конфисковано въ пользу оклеветанной имъ Жиневры. Затѣмъ султанъ далъ большой пиръ, на который пригласилъ Бернабо, какъ мужа Жиневры, а г-жу Жиневру, какъ женщину, которую онъ уважаетъ болѣе всѣхъ женщинъ въ мірѣ. Снова онъ публично воздалъ должную похвалу ея добродѣтели и подарилъ ей много драгоцѣнностей, цѣнность которыхъ превышала десять тысячъ двойныхъ дукатовъ. Потомъ онъ позволилъ соединившимся супругамъ возвратиться въ Геную. Для ихъ путешествія онъ снарядилъ прекрасный корабль, въ короткое время доставившій ихъ на родину. Бернабо и его жена вернулись въ Геную людьми богатыми и радостно были встрѣчены своими земляками. Жиневра, которую всѣ считали умершею, получала со всѣхъ сторонъ знаки любви и глубокаго уваженія. О ней иначе не говорили, какъ о женщинѣ примѣрной добродѣтели.

Амброджіоло былъ пожранъ осами и слѣпнями, тысячами насѣвшими на его обмазанное медомъ тѣло. Его скелетъ долго еще оставался привязаннымъ къ столбу, чтобы прохожіе помнили о его преступленіи. Его участь показываетъ, что клеветникъ, рано или поздно, будетъ непремѣнно обличенъ и наказанъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Наша первая премія.

При слѣдующемъ, 30 нумерѣ «Живописнаго Обозрѣнія» разошлется первая премія—изслѣдованіе профессора Доуденса о жизни и произведеніяхъ Шекспира. Мы должны сказать нѣсколько словъ объ этой преміи.

Шекспиръ одинъ изъ величайшихъ писателей, какихъ до настоящаго времени создавало человѣчество, и ему по праву принадлежитъ названіе мірового генія. Его имя извѣстно каждому хотя сколько нибудь образованному человѣку; его произведенія переведены на всѣ европейскіе языки; масса ученыхъ занимается изслѣдованіемъ этихъ глубокихъ по мыслямъ произведеній; въ Англіи, въ Германіи, во Франціи, въ Россіи существуютъ цѣлыя «общества», носящія названіе «Шекспировскихъ» и занимающіяся этими изслѣдованіями; можно составить цѣлую большую библіотеку изъ сочиненій, посвященныхъ исключительно этому писателю и его драмамъ. Имѣя въ виду такое общечеловѣческое значеніе великаго драматурга и зная очень хорошо, что массѣ русской публики не всегда доступно и не вполнѣ знакомо все то, что было написано о немъ, редакція нашего журнала рѣшилась выбрать въ европейской литературѣ для перевода на русскій языкъ такой трудъ, въ которомъ былъ бы сдѣланъ сводъ всѣхъ результатовъ новѣйшихъ изслѣдованій о Шекспирѣ. Такимъ трудомъ явилось сочиненіе профессора дублинскаго университета А. Доуденса: здѣсь въ сжатой формѣ точно и подробно изложены всѣ результаты изслѣдованій шекспировскихъ произведеній и всѣ біографическія данныя, касающіяся жизни великаго драматурга. Это сочиненіе даетъ полное понятіе о томъ значеніи, какое имѣетъ Шекспиръ, и о тѣхъ трудахъ, которые были посвящены европейскими учеными разбору сочиненій этого писателя. Мы считаемъ переводъ подобнаго труда необходимымъ для массы русскихъ читателей, не имѣющихъ возможности ознакомиться вполнѣ съ шекспировскою литературою; мы считали этотъ переводъ какъ нельзя болѣе своевременнымъ именно теперь, такъ какъ въ послѣдніе два года русская публика особенно сильно и, какъ намъ кажется, не ради одной только моды, а серьезно заинтересовалась Шекспиромъ, благодаря основанію въ Россіи Шекспировскаго общества и представленіямъ Эрнесто Росси въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Одессѣ и въ Варшавѣ. Дѣлая переводъ этого основательнаго и серьезнаго сочиненія, и предлагая его въ видѣ безплатной преміи своимъ подписчикамъ, мы были глубоко убѣждены, что мы внесемъ въ русскую литературу далеко не лишній вкладъ и что намъ скажутъ спасибо не одни члены русскаго Шекспировскаго общества, заботящіеся о популяризаціи этого писателя, но и всѣ образованные люди, интересующіеся произведеніями представителей европейской образованности.

Но переводя это сочиненіе, редакція нашего журнала не думала и не думаетъ остановиться только на этомъ въ дѣлѣ ознакомленія своихъ подписчиковъ съ Шекспиромъ: познакомивъ господъ подписчиковъ съ послѣдними результатами тѣхъ трудовъ, которые были посвящены на изслѣдованіе произведеній Шекспира, редакція нашего журнала надѣется въ будущемъ году начать изданіе самыхъ произведеній Шекспира въ новыхъ переводахъ съ лучшими иллюстраціями. Такимъ образомъ, наши подписчики мало по малу будутъ имѣть возможность получить въ видѣ «безплатныхъ премій» произведенія великаго писателя и во главѣ этихъ произведеній станетъ настоящая премія, объясняющая ихъ значеніе, ихъ характеръ, ихъ происхожденіе. Мы не знаемъ, удастся-ли намъ вполнѣ осуществить свой планъ и когда именно осуществится онъ вполнѣ, такъ какъ на его осуществленіе потребуется не мало матерьяльныхъ средствъ, времени и труда, но мы все-таки не отказываемся отъ него и уже въ будущемъ году начнемъ изданіе переводовъ шекспировскихъ драмъ въ видѣ безплатныхъ премій къ нашему журналу: сколько драмъ удастся намъ перевести—одну, двѣ или болѣе—это будетъ зависѣть, конечно, отъ степени дальнѣйшаго успѣха нашего журнала: большее число подписчиковъ дастъ намъ возможность дать большее число премій и, такимъ образомъ, исполненіе задуманнаго нами плана будетъ вполнѣ зависѣть отъ того, на сколько заинтересуется этимъ дѣломъ сама публика, мы же, со своей стороны, можемъ только сказать, что мы сдѣлаемъ все зависящее отъ насъ. Наши постоянные подписчики уже, вѣроятно, замѣтили, что редакція нашего журнала идетъ шагъ за шагомъ впередъ въ дѣлѣ улучшенія журнала и даетъ публикѣ все, что только можетъ дать дешевый иллюстрированный журналъ, и потому мы составляемъ тотъ или другой планъ относительно будущаго, смѣло разсчитывая на ихъ сочувствіе и поддержку: отъ степени этого сочувствія, отъ степени распространенія нашего журнала въ массѣ публики, будетъ зависѣть и его улучшеніе и его полнота и число его безплатныхъ премій. Но мы еще будемъ имѣть случай въ концѣ года поговорить о нашихъ планахъ, о способѣ веденія нашего журнала, о стоимости его изданія, теперь же обратимся къ нашей преміи.

Къ изслѣдованію Доуденса о жизни и произведеніяхъ Шекспира, мы приложили пять гравюръ: «Портретъ Шекспира», «Короля Лира съ шутомъ», «Дездемону», «Ромео и Джульету» и «Розалинду». Эти гравюры должны служить образцомъ тѣхъ иллюстрацій, которыя мы намѣрены прилагать въ будущемъ къ переводамъ шекспировскихъ драмъ, если намъ удастся издать эти драмы. Если нашъ планъ осуществится хотя отчасти, то мы постараемся въ будущемъ дать нашимъ подписчикамъ, кромѣ того, еще нѣсколько гравюръ, представляющихъ сцены изъ жизни самого Шекспира, которыхъ мы не могли дать въ настоящее время, такъ какъ намъ хотѣлось прежде всего ознакомить нашихъ подписчиковъ съ образцами иллюстрацій къ произведеніямъ Шекспира. Эти иллюстраціи принадлежатъ карандашу лучшихъ европейскихъ художниковъ и иллюстраторовъ, Гансу Макарту, Геррику, Шауеру и Кабанелю, и рѣзаны на деревѣ заграницей. Портретъ Шекспира сдѣланъ по заказу редакціи съ лучшаго портрета поэта талантливымъ русскимъ художникомъ г. Матэ.

Кстати, говоря о нашей первой преміи, мы должны сказать и о нашей второй преміи о «Свѣточахъ христіанства». Разсылка этой преміи нѣсколько замедлилась вслѣдствіе трудности печатанія гравюры: гравюра эта очень велика, приправка ея на толстой бумагѣ крайне трудна и потому печатаніе идетъ гораздо медленнѣе; чѣмъ можно было ожидать, но мы надѣемся, что мы будемъ имѣть возможность скоро разослать ее подписчикамъ, такъ какъ первые «черновые» оттиски этой громадной гравюры уже имѣются въ редакціи. Медленное изготовленіе подобныхъ работъ зависитъ вполнѣ отъ типографій и торопить типографіи въ этихъ случаяхъ бываетъ не всегда удобно и выгодно: работа, пожалуй, сдѣлается и быстро, но за то плохо, кое-какъ, на скорую руку. Мы и первую нашу премію выпускаемъ позже, чѣмъ разсчитывали, и это произошло опять таки отъ того, что мы не считали возможнымъ торопить типографію, желая, чтобы эта премія имѣла на сколько возможно болѣе изящный видъ: самыя безукоризненныя и крайне дорого стоющія гравюры выходятъ нерѣдко никуда негодными, вслѣдствіе слишкомъ торопливой приправки и слишкомъ спѣшнаго печатанія.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 Іюля 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

№ 30. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. - 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 23 Іюля 1878 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

Вольтеръ.

Ст. П. Библіофила.

«Тридцатаго мая нынѣшняго года, говоритъ Гартвигъ Кёлеръ, исполнилось столѣтіе съ того дня, когда закрылъ свои проницательныя очи Вольтеръ, предвѣстникъ французской революціи, боецъ за духовную свободу человѣка, поэтъ, философъ и человѣкъ, прославлявшійся и ненавидимый, заслуживавшій удивленіе и возбуждавшій страхъ среди своихъ современниковъ. Въ этотъ періодъ времени успѣлъ сойдти въ могилу отжившій міръ, успѣлъ народиться новый міръ съ новыми богами и съ новыми кумирами, съ новыми силами и съ новыми слабостями, съ новою мудростью и съ новыми заблужденіями. Многое измѣнилось за это время, многое улучшилось и многое ухудшилось. Настоящее время имѣетъ свои собственныя задачи, но въ то же время на немъ лежитъ почетная обязанность разрѣшить неразрѣшенныя задачи былыхъ временъ и оказать справедливость тѣмъ людямъ, на плечахъ которыхъ построились современные духовные успѣхи, —людямъ, пробивавшимъ пути для настоящаго времени и постыдно не признаннымъ въ свое время. Вольтеръ одна изъ такихъ личностей. Наше просвѣщенное время съ его гуманистическими стремленіями, составляющими его отличительный признакъ, уже успѣло устранить многія предубѣжденія и замѣчательный французскій мыслитель уже является передъ нами совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ передъ своими современниками. Мы должны смотрѣть на Вольтера, какъ на человѣка, которому нужно многое простить, потому что онъ много согрѣшалъ. Онъ былъ сыномъ своего времени, какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ смыслѣ, въ немъ сосредоточивались всѣ идеи, всѣ теченія и всѣ страсти не только его націи, но и всего его вѣка и, воплощая въ себѣ умственную и нравственную стороны своего времени, онъ въ то же время, вмѣстѣ съ Руссо, Монтескье и Дидро, былъ предвѣстникомъ новѣйшихъ политическихъ, религіозныхъ и соціальныхъ идей».

Франсуа Мари Аруэ де Вольтеръ родился 21 ноября 1694 года въ Парижѣ и уже съ самой ранней юности чувствовалъ непреодолимое стремленіе къ поэзіи, вслѣдствіе чего онъ воспротивился желанію своего отца, который хотѣлъ сдѣлать изъ сына юриста. Уже на двадцать первомъ году жизни, онъ сдѣлался извѣстенъ своими сатирическими выходками и въ 1717 году былъ посаженъ въ Бастилію, такъ какъ его обвиняли въ сочиненіи пасквиля на регента и герцогиню Беррійскую. Во время своего тюремнаго заключенія онъ написалъ трагедію «Эдипъ», игранную въ 1718 году съ большимъ успѣхомъ на сценѣ. У Вольтера были довольно значительныя связи: по выходѣ изъ колегіи Людовика Великаго онъ былъ секретаремъ въ посольствѣ, его крестный отецъ, аббатъ Шатонёфъ, ввелъ его въ дома Нинонъ де-Ланкло, герцога Сюлли, маркиза де ла Фаръ, аббата Шольё. Но всѣ эти связи не скоро доставили ему возможность выйдти изъ Бастиліи: онъ провелъ здѣсь два года. По выходѣ изъ Бастиліи онъ написалъ двѣ трагедіи: «Артемизу» (1720 г.) и «Маріамну» (1725 г.). Эти трагедіи имѣли слабый успѣхъ, но за то послѣдовавшая за ними поэма «Генріада» (1728 г.) поправила дѣло. Столкновеніе съ кавалеромъ де-Роганомъ повело Вольтера къ новому тюремному заключенію и къ изгнанію изъ Франціи. Онъ отправился въ Англію, гдѣ и пробылъ до 1729 года, познакомившись съ англійскою философіею и литературою, что дало ему возможность перенести ихъ на французскую почву. Гоненія, которыя пришлось ему вынести и которыя выносились всѣми во времена Людовика XIV и его преемниковъ, масса самыхъ грубыхъ оскорбленій, выпадавшихъ въ то время на долю частныхъ лицъ, сдѣлали Вольтера страстнымъ противникомъ господствовавшей тогда во Франціи правительственной системы. Рядомъ съ этимъ, подъ вліяніемъ аббата де-Шатонёфъ, въ немъ развилась ненависть и презрѣніе къ католичеству, къ католическому духовенству, которое было ему очень хорошо извѣстно, какъ воспитаннику іезуитовъ. Возвратившись тайкомъ въ Парижъ, онъ занялся коммерческими и финансовыми оборотами, которые дали ему огромные барыши и обезпечили его матеріальное положеніе. Среди этихъ практическихъ занятій онъ ни на минуту не оставлялъ литературныхъ работъ и создалъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ произведеній: «Брутъ» въ 1730 году, «Эрифилъ» въ 1731 г., «Заира» въ 1732 г., «Аделаида Дюгесклэнъ» въ 1734 г., «Храмъ вкуса» въ 1735 г., «Исторія Карла XII», всѣ эти произведенія до-

Вольтеръ въ молодости.
1694—1778.

ставили Вольтеру цѣлый рядъ успѣховъ. Но иногда успѣхъ доставался не дешево въ тѣ времена: въ 1735 году Вольтеръ издалъ свои «Философскія письма» и его постигло преслѣдованіе за нихъ. Онъ долженъ былъ бѣжать изъ Парижа и укрылся въ замкѣ Сирей въ Лотарингіи, гдѣ онъ жилъ въ обществѣ знаменитой Маркизы Дюшатле до 1740 года. Здѣсь онъ написалъ «Основанія философіи Ньютона», трагедіи «Альзира», «Магометъ» и «Меропа», «Рѣчь о человѣкѣ», «Вѣкъ Людовика XIV», «Опытъ о нравахъ и духѣ націй», «Орлеанскую дѣвственницу». Послѣ кратковременной поѣздки въ Берлинъ, онъ былъ приглашенъ французскимъ правительствомъ въ Парижъ и попалъ въ милость при дворѣ. Въ Версали поставили нѣсколько его оперъ, его поклонница Помпадуръ выхлопотала ему званіе придворнаго исторіографа, мѣсто королевскаго камергера и кресло въ академіи. Но милости продолжались недолго: Вольтеръ снова впалъ въ немилость и, издавъ трагедіи «Семирамиду» и «Ореста» въ 1748 и 1749 годахъ, удалился въ Нанси, а потомъ въ Берлинъ, гдѣ Фридрихъ Великій далъ ему помѣщеніе въ своемъ замкѣ, наградилъ его званіемъ своего камергера, орденомъ «pour le mérite» и ежегоднымъ содержаніемъ въ 6000 талеровъ. Но Вольтеръ былъ не изъ тѣхъ людей, которые уживаются. Онъ скоро разсорился съ Фридрихомъ Великимъ и уже въ 1753 году оставилъ Берлинъ и поѣхалъ путешествовать по Германіи. Но его задержали во Франкфуртѣ, такъ какъ Фридриху Великому нужно было отнять у Вольтера свои стихи, сатиры на разныхъ коронованныхъ лицъ, напечатанныя въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ. Посѣтивъ Лейпцигъ, Готу, Франкфуртъ, написавъ «Лѣтописи Имперіи» для герцогини Саксенъ-Веймарской, проѣхавъ черезъ Страсбургъ, Кольмаръ и Ліонъ, Вольтеръ остановился, наконецъ, въ 1758 году въ западной Швейцаріи, въ мѣстечкѣ Фернеѣ и здѣсь въ выстроенномъ имъ домѣ протекли послѣднія двадцать лѣтъ его жизни, замѣчательныя крайне плодотворной и мощной умственной дѣятельностью. Цѣлымъ рядомъ сочиненій, въ родѣ «Философскаго словаря», «Философіи исторіи», «Комментированной Библіи», онъ, стоя во главѣ оппозиціи, произвелъ громадный переворотъ въ тогдашнихъ политическихъ, религіозныхъ и соціальныхъ воззрѣніяхъ, воюя за свободу человѣческаго духа. Рядомъ съ этимъ, онъ успѣвалъ писать множество другихъ произведеній, имѣвшихъ меньшее общественное значеніе, въ родѣ «Китайскаго сироты», «Танкреда», «Исторіи Петра Великаго», безчисленной массы «посланій», «сатиръ», «эпиграммъ», «разсказовъ», тенденціозныхъ «романовъ» и т. п. Кромѣ того онъ велъ самую разнообразную и самую дѣятельную переписку съ сотнями писателей, аристократовъ, царственныхъ особъ, давая свои отзывы, совѣты и наставленія. Рука объ руку съ этой литературной дѣятельностью идутъ знаменитыя заступничества и хлопоты Вольтера о разныхъ лицахъ, дѣлающія ему честь. Такъ онъ заступился за память несчастнаго Жана Каласа. Каласъ, старикъ 68 лѣтъ, былъ почтенный тулузскій негоціантъ, изъ протестантовъ. Однажды Маркъ Антонъ, его старшій сынъ, гуляка и развратникъ, надѣлавшій неоплатныхъ долговъ, былъ найденъ въ своей комнатѣ задавленнымъ. Это было 13 октября 1761 года. Враги Каласа распустили слухи, что несчастный юноша былъ убитъ отцомъ за перемѣну религіи, хотя легко было догадаться, что молодой человѣкъ самъ наложилъ на себя руку. Католическіе священники сдѣлали все, чтобы возбудить народъ: они арестовали всю семью, заковали всѣхъ въ цѣпи, тѣло убитаго было выставлено на показъ, какъ тѣло мученика, народу толковали о чудесахъ, производимыхъ убитымъ, пострадавшимъ за вѣру. Имя Жана Каласа произносилось, какъ имя убійцы. Обвиненіе было принято во вниманіе тулузскимъ парламентомъ и Каласъ былъ казненъ, его дѣти были захвачены въ монастырь, обращены въ католичество и ограблены. Вольтеръ, зная нелѣпость обвиненія и видя ограбленіе дѣтей Каласа, добился пересмотра процесса и при помощи его съ памяти несчастнаго было снято страшное пятно, а дѣтямъ возвращено имущество. По поводу этого дѣла, Вольтеръ написалъ сочиненіе «Sur la tolérance», «О вѣротерпимости», которое нужно бы помнить и теперь многимъ. Другая защита Вольтера касалась Лалли Толендаль, бывшаго губернатора французскихъ владѣній въ Индіи. Во время войны съ англичанами, Лалли былъ осажденъ въ Пондишери и долженъ былъ сдаться, продержавшись нѣсколько мѣсяцевъ съ 700 человѣкъ противъ 22,000 человѣкъ непріятельскаго войска и 14 линейныхъ кораблей, не имѣя ни денегъ, ни жизненныхъ припасовъ. Тѣмъ не менѣе его обвинили въ измѣнѣ, засадили въ Бастилію и, послѣ 18 мѣсяцевъ заключенія, казнили. Вольтеръ защищалъ его память и, наконецъ, въ годъ смерти Вольтера, память Лалли была оправдана, что было крайне важно для семьи покойнаго. Болѣе счастливъ былъ Сирвенъ, кальвинистъ, обвиненный въ Тулузѣ за то, что онъ будто бы убилъ свою дочь, чтобы помѣшать ей перейдти въ католичество. Сирвену удалось бѣжать изъ тюрьмы и пробраться къ Вольтеру, который, при помощи знаменитаго адвоката Эли де-Бомона, спасъ Сирвена отъ казни. Хлопоты по этому дѣлу продолжались девять лѣтъ, съ 1766 года по 1775 годъ. Такъ же горячо принялъ къ сердцу Вольтеръ дѣло крѣпостныхъ людей аббатства С. Клода. Основанное въ 430 году и преобразованное въ VII вѣкѣ, это аббатство обогатилось громадными дарственными имуществами и пользовалось самыми широкими правами; такъ оно могло прощать преступниковъ, давать дворянское достоинство и закрѣпощать каждаго, кто прожилъ годъ на его земляхъ. Противъ послѣдняго злоупотребленія возсталъ Вольтеръ, и ему удалось, въ значительной степени, уничтожить этотъ феодальный обычай, окончательно уничтоженный уже послѣ смерти Вольтера во время революціи. Желая помочь племянницѣ Корнеля, Вольтеръ написалъ и издалъ въ ея пользу «Комментаріи къ сочиненіямъ Корнеля». Подобныхъ отрадныхъ фактовъ можно найдти не мало въ его жизни.

Въ февралѣ 1778 года, Вольтеръ предпринялъ путешествіе въ Парижъ, чтобы посмотрѣть на постановку своей «Ирены» на французской сценѣ. Пріемъ Вольтеру былъ сдѣланъ самый восторженный, какого не запомнятъ парижане. Но эти оваціи и торжества были уже не подъ силу восьмидесятичетырехлѣтнему старику и черезъ три мѣсяца его не стало. Его тѣло было погребено 2 іюня въ монастырской церкви Нотръ-Дамъ де-Селльеръ, а во время революціи оно было торжественно перенесено въ Пантеонъ.

Идеи всегда опережаютъ характеры. Эта истина особенно ярко бросается въ глаза въ XVIII вѣкѣ, когда умственное развитіе нѣкоторыхъ личностей достигло до изумительной высоты, а нравственныя качества этихъ же самыхъ людей были такими же ничтожными, какими были они и у послѣдняго невѣжды. Цѣлая масса противорѣчій представляется нашимъ глазамъ въ этотъ вѣкъ и какой-нибудь Жанъ Жакъ Руссо, проповѣдывавшій новыя основы воспитанія и отдававшій своихъ дѣтей въ воспитательный домъ, является не нравственнымъ уродомъ, а обыкновеннымъ явленіемъ въ этотъ вѣкъ, когда жили Вольтеры, Фридрихи, Екатерины.

«Вольтеръ, говоритъ Кёлеръ, принадлежалъ, какъ человѣкъ, къ числу такихъ же натуръ, какъ Алкивіадъ. Въ немъ находилось мѣсто, хоть на короткое время, для всѣхъ пороковъ и для всѣхъ добродѣтелей. Въ одномъ человѣкѣ соединялись здѣсь нравственность и распущенность, достоинство и низость, честность и подлость, и только безграничное тщеславіе было его постоянной характерной чертой и было подкладкою всѣхъ его дѣяній и стремленій. Его характеръ былъ отталкивающимъ и непріятнымъ, постоянно измѣнчивымъ и неразсчетливымъ. Чтобы достигнуть своихъ цѣлей, Вольтеръ считалъ пригоднымъ каждое средство и постоянно находился съ кѣмъ нибудь во враждѣ. Во время жизни при прусскомъ дворѣ, онъ интриговалъ противъ всѣхъ, завидовалъ всѣмъ и каждому, входилъ въ самыя непозволительныя сдѣлки, продавая съ барышемъ запрещенныя денежныя бумаги, и даже, какъ говорятъ, продавалъ поддѣльные драгоцѣнные камни за настоящіе. Онъ написалъ панегирикъ Людовику XV, и пересолилъ до того, что лесть походила на скандалъ; обращаясь однажды, къ этому ненавистному для Франціи королю, онъ назвалъ его Траяномъ. Онъ былъ льстецомъ и домашнимъ человѣкомъ у распутнаго герцога Ришельё. Желая какъ можно сильнѣе польстить Екатеринѣ II, онъ писалъ ей: «je suis catherin et je mourrai catherin». Онъ называлъ Екатерину «Владычицею», писалъ ей: «тебя хвалимъ, тебя исповѣдуемъ». Онъ былъ у ногъ королевскихъ фаворитокъ, позорившихъ Францію. Онъ писалъ Фридриху Великому: «Вы созданы быть моимъ королемъ, утѣшеніе человѣческаго рода», «я мечтаю о моемъ принцѣ, какъ мечтаютъ о своей любовницѣ». Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ, тому же Фридриху: «Я желалъ бы, чтобы бросили на дно моря всѣ исторіи, гдѣ намъ рисуютъ только пороки и жестокости королей». Но этого мало: въ его переписке вездѣ вы встрѣтите полное пренебреженіе къ народу. «Разумъ восторжествуетъ, пишетъ онъ, по крайней мѣрѣ, у благородныхъ людей, чернь же (la canaille) создана не для него». «Вы правы, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, что женевцы не очень-то умны, но это происходитъ оттого, что народъ начинаетъ дѣлаться здѣсь господиномъ мѣста...» «Тѣ, которые возстаютъ противъ роскоши, замѣчаетъ онъ же,—это недовольные судьбою бѣдняки». Но всѣ эти черты—лесть передъ высшими, стремленіе къ роскоши, склонность къ коварству, презрѣніе къ черни, развратное поведеніе—были принадлежностью не одного Вольтера, а всѣхъ, такъ называемыхъ, благородныхъ людей того вѣка и не эти черты сдѣлали великимъ имя Вольтера. Идеи, послѣдовательно проведенныя въ его сочиненіяхъ и не имѣющія часто ничего общаго съ идеями его интимной переписки, вотъ что оставилъ Вольтеръ въ наслѣдство будущимъ поколѣніямъ, вотъ чѣмъ наводилъ онъ страхъ на тѣхъ же самыхъ французскихъ королей, герцоговъ, куртизанокъ и куртизановъ, передъ которыми онъ такъ низко падалъ и лгалъ.

Мы не имѣемъ никакой возможности подробно указывать на все, что сдѣлалъ Вольтеръ для человѣчества. Мы приведемъ только совершенно вѣрную мысль, высказанную въ книгѣ лорда Брума о Вольтерѣ. «Со временъ Лютера, говоритъ лордъ Брумъ,—нельзя указать ни одного человѣка, которому бы духъ свободнаго изслѣдованія, мало того—освобожденіе ума человѣческаго отъ духовной тираніи, были бы болѣе глубоко обязаны благодарностью». Эта мысль совершенно вѣрна. «Вольтеръ, говоритъ Кольбъ, являлся опорою преслѣдуемыхъ, мстителемъ за безвинно пострадавшихъ и побѣдоноснымъ бойцемъ противъ всякихъ суевѣрій. Умъ, остроуміе, сатирическій талантъ, необыкновенно ловкое литературное изложеніе какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ, значеніе въ самыхъ высшихъ

кружкахъ, до котораго не достигали другіе писатели, все это сдѣлало Вольтера европейскою силою, властью, объ одобреніи которой заботились правители Россіи, Пруссіи и Франціи, и которой удивлялись всѣ образованные народы. Изъ произведеній Вольтера ни одно, конечно, не можетъ претендовать на названіе классическаго произведенія; въ прошломъ столѣтіи эти произведенія были слишкомъ захвалены, относительно ихъ чисто литературныхъ достоинствъ. Его стихи и драматическія произведенія полны ума и остроумія и отличаются блестящими оборотами фразъ; его такъ называемыя философскія сочиненія не столько подходятъ къ тому, что понимается подъ этимъ именемъ въ Германіи, сколько служатъ практическимъ примѣненіемъ здраваго смысла, являются тѣмъ, что французы называютъ житейскою, практическою философіею; его историческія работы лишены нерѣдко основательнаго изученія, но онѣ не просто увлекательно написаны и не только не страдаютъ бывшей тогда въ ходу тяжеловатостью и топорностью ученыхъ произведеній,—нѣтъ, онѣ по своему направленію отвѣчали нуждамъ и требованіямъ времени. «Essai sur les moeurs et sur l'esprit des nations» Вольтера является въ сущности первою исторіею культуры. Многіе упрекали этотъ трудъ за излишнюю страстность и ошибочность. Но какъ бы то ни было, это произведеніе, по своему общему плану, по удивительному умѣнью автора охватить весь предметъ и по практическимъ послѣдствіямъ и значенію, имѣетъ совсѣмъ другую цѣну, чѣмъ сотни другихъ книгъ, авторы которыхъ совершенно правильно и безошибочно выкапываютъ въ старомъ хламѣ самые незначительные факты и, длинно и скучно объяснивъ эти факты, и явленія, воображаютъ, что они, бродящіе въ потьмахъ среди отрытой ими ветоши, имѣютъ право судить о такихъ гигантахъ ума. Несмотря ни на какіе недостатки, Вольтеръ остается самымъ выдающимся и самымъ могущественнымъ по своему вліянію умомъ всѣхъ временъ. Мѣркою для его оцѣнки должно служить не то, что онъ создалъ непосредственно, какъ писатель, а та масса свѣта, который онъ зажегъ всюду, начиная съ высшихъ кружковъ общества и кончая скромными жилищами французскихъ буржуа, ремесленниковъ и поселянъ. Ни одинъ писатель, какой бы то ни было націи, не пробудилъ въ массѣ народа столько здравыхъ идей, сколько пробудилъ онъ, этотъ часто поносимый, тщеславный, малодушный по характеру, и все-таки по истинѣ геніальный человѣкъ, и сколько бы ни порицали его личные недостатки,—человѣчество уважаетъ въ немъ своего побѣдоноснаго застрѣльщика въ борьбѣ за правду, оно уважаетъ въ немъ своего святого».

Вліяніе Вольтера отразилось и въ Россіи. Онъ былъ другомъ и совѣтникомъ Екатерины II, съ которой онъ велъ аккуратно переписку. Екатерина очень цѣнила такого корреспондента, какъ Вольтеръ, и получаемыя отъ него письма читала съ большимъ интересомъ, часто слѣдуя совѣтамъ фернейскаго философа. «При полученіи вашего письма, пишетъ въ одномъ письмѣ императрица Вольтеру,—учинила я смертный грѣхъ; желая нетерпѣливо прочитать его, оставила я кучу прошеній, задержала счастіе моихъ людей!— И даже раскаяться въ семъ не было поводу. Въ имперіи моей нѣтъ казуистовъ и по сіе время я мало о семъ сожалѣю». Въ другомъ мѣстѣ она пишетъ: «Я забыла было увѣдомить васъ, государь мой, что я въ добавокъ къ лекарствамъ, которыя даются въ продолженіе оспы, употребляла три или четыре превосходныхъ лекарства, коими совѣтую всякому благомыслящему въ подобномъ случаѣ пользоваться, а именно: чтеніе «Шотландки», «Кандида», «Добросердечнаго», «Человѣка въ сорокъ талеровъ» и «Принцессы Вавилонской»; послѣ сихъ лекарствъ нельзя чувствовать ни малѣйшей боли». «Я не хочу лишиться, пишетъ она 3 марта 1771 года, ни одной строки вашего сочиненія. Изъ сего вы можете заключить объ уваженіи моемъ къ вашимъ твореніямъ, объ удовольствіи, получаемомъ мною при чтеніи оныхъ и объ отличномъ моемъ почитаніи къ дружбѣ, къ святому пустыннику фернейскому, который называетъ меня своею любимицею; примѣтьте, что я начинаю уже величаться симъ званіемъ». Въ перепискѣ съ Вольтеромъ Екатерина впадаетъ иногда въ тонъ самого Вольтера, хотя съ извѣстною осторожностью. Таково ея шутливое замѣчаніе о чудесахъ. «Я получила письмо, пишетъ она Вольтеру отъ 26 марта 1767 года,—въ которомъ вы совѣтуете мнѣ сдѣлать чудо перемѣною въ здѣшней странѣ климата. Нѣкогда въ семъ городѣ (въ Москвѣ) почитались чудеса за обыкновенное дѣло, или, лучше сказать, простодушный народъ нерѣдко принималъ за чудеса самые обыкновенные случаи. Читая книгу о бывшемъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ соборѣ, нашла я въ предисловіи, что послѣ царской всенародной исповѣди, случилось чудесное явленіе. Солнце въ самый полдень вдругъ открылось, а лучи его ударили на царя и на всѣхъ собранныхъ святыхъ отцовъ. Надобно однакоже къ примѣчанію вашему сказать, что сей государь кончилъ всенародную свою исповѣдь жестокимъ выговоромъ духовному чину за учиненные онымъ безпорядки и потомъ просилъ соборъ исправить какъ самого себя, такъ и все духовенство. Нынѣ все приняло другой видъ; Петръ Великій сдѣлалъ столь строгія предписанія для изслѣдованія чудесъ, и сіи предписанія Синодомъ съ такою точностью исполняются, что я до вашего прибытія не могу отважиться на исполненіе порученнаго мнѣ вами чуда». Екатерина по собственному влеченію и по желанію по возможности оправдать надежды, возлагавшіяся на нее Вольтеромъ и другими учеными ея корреспондентами, наконецъ, и въ видахъ покровительства просвѣщенію, поощряла литературу, занималась ею сама и ласкала писателей. Екатерина очень хорошо понимала значеніе дарованной ею свободы мысли и даже гордилась этимъ вполнѣ современнымъ требованіемъ тогдашней философіи, представителемъ которой былъ Вольтеръ. По словамъ дѣдушки, которому Екатерина влагаетъ свои мысли въ «быляхъ и небылицахъ», «нынѣ разговоры, смѣхъ, горе и все, что вздумать можешь, открыто и громогласно отправляется». Для изъясненія этого дѣдушка говоритъ, что будто «мысли и умы долго были угнетены подъ тяжестью войны, вдругъ, яко плотина отъ сильной водополи, прорвались». Въ «Собесѣдникѣ», издававшемся княгиней Дашковой, при участіи и руководствѣ самой Екатерины, находится одно письмо, въ которомъ говорится: «Держитесь принятаго вами единожды навсегда правила: не воспрещать честнымъ людямъ свободно изъясняться. Вамъ нѣтъ причины страшиться гоненій за истину подъ державою монархини, qui pense en grand homme et qui permet qu'on pense, какъ воспѣвалъ Екатерину даже Вольтеръ». «Державинъ прославлялъ свободу слова данную Екатериной и въ изображеніи Фелицы влагаетъ ей въ уста слѣдующія слова къ народу:

Я вамъ даю свободу мыслить,
Не въ рабствѣ, а въ подданствѣ числить...»

Подъ вліяніемъ тѣхъ же вольтеровскихъ взглядовъ на свободу мысли, Екатерина издала такіе указы, какъ указъ 15 января 1783 года «о вольныхъ типографіяхъ». Въ этомъ указѣ не велѣно «различать типографіи книжныя отъ прочихъ фабрикъ и рукодѣлій» и тѣмъ дозволено было заводить вольныя типографіи, кому угодно, «не спрашивая ни у кого дозволенія». Въ то же время дана была и относительно цензуры свобода почти полная. Цензуры въ то время вовсе не было, а предназначаемыя къ печати книги представлялись для разсмотрѣнія въ управу благочинія или оберъ-полиціймейстеру, но это дѣлалось только для формы, здѣсь же книги вовсе не разсматривались. «Цензуры, говоритъ въ своихъ запискахъ типографщикъ Селивановскій, въ то время (около 1785 г.) не было,—книги разсматривались при управѣ или оберъ-полиціймейстеромъ, т. е. предъявлялись, но не читались. Въ ту пору книга была нѣчто пустое, не важное, и еще не думали, что она можетъ быть вредна». Послѣ указа 1783 года частныя типографіи размножились. «Но формальности, требовавшіяся для печатанія книгъ, говоритъ М. Н. Лонгиновъ, не были опредѣлены. Правила цензуры, возложенной въ столицахъ на управы благочинія, а въ провинціяхъ на мѣстныя власти, не были объяснены никакими инструкціями. На заглавномъ листѣ книги выставлялась обыкновенно общая форма: «печатано въ такой-то типографіи, въ такомъ-то году, съ указнаго дозволенія». Но иногда и изъ этой формы выпускалась та или другая часть ея, особенно послѣдняя, на что, впрочемъ, сначала и не обращали вниманія. Все это вытекало изъ того, что сама Екатерина придерживалась взглядовъ фернейскаго философа и тому подобныхъ мыслителей на свободу мысли. Въ нравственный идеалъ, начерченный рукою самой государыни съ цѣлью слѣдовать ему въ государственной дѣятельности, входитъ, между прочимъ, и требованіе «быть либеральною». Въ своемъ «Наказѣ» она, говоря «о сочиненіяхъ очень язвительныхъ, которыя обыкновенно запрещаютъ въ самодержавныхъ государствахъ», разсуждаетъ, что «весьма беречься надобно изысканія о семъ далече распространять, представляя себѣ ту опасность, что умы почувствуютъ притѣсненіе и угнетеніе: а сіе ничего иного не произведетъ, какъ невѣжество, опровергнетъ дарованія разума человѣческаго и охоту писать отниметъ». Это прямо вольтеровскіе взгляды. Вообще императрица старалась строго держаться принципа—преслѣдовать вредныя дѣйствія, но не мысли, по ихъ неуловимости. Въ одномъ изъ ея писемъ къ князю Вяземскому мы читаемъ: «слова «богопротивныя сборища» еще подлежатъ вопросу, а именно какія?... едва-ли можно учредить слѣдствіе, особливо вещей, состоящихъ въ мысляхъ, а не въ дѣйствіяхъ». Стараясь не стѣснять свободу мысли, Екатерина старалась въ то же время дать толчекъ литературѣ, знакомя русское общество съ произведеніями Вольтера и другихъ ученыхъ. Въ ея время появились цѣлые кружки и общества, занимавшіеся спеціально книжнымъ дѣломъ. Съ 1767 года учреждено было при академіи наукъ особое собраніе, называвшееся «переводнымъ департаментомъ», которому ежегодно отпускалось по 5,000 рублей для уплаты переводчикамъ. Тогда же и въ Москвѣ составилось «частное ученое общество для перевода статей изъ энциклопедіи, состоявшее изъ заслуженныхъ, знатныхъ людей, изъ профессоровъ и изъ молодыхъ людей лучшихъ фамилій». Екатерина въ 1767 году, во время своего путешествія по Волгѣ отъ Твери до Симбирска, перевела при участіи своей свиты «Велисарія» Мармонтеля, почти въ то самое время, когда подлинникъ этой книги жгли въ Парижѣ рукою палача. Въ то время были переведены на русскій языкъ почти всѣ французскіе писатели XVIII вѣка и нѣкоторые англійскіе XVII—XVIII вв. Особеннымъ преимуществомъ пользовался Вольтеръ, за нимъ слѣдовали: д'Аржансъ, Вольней, Гельвецій, Гоббесъ, Деламберъ, Дидро, Локкъ, Рейналь, Ж. Ж. Руссо, Кондильякъ, Циммерманъ, Юмъ и др.

Картина **ГАНСА МАКАРТА.**

Типъ изъ египетскаго альбома художника.

Не мудрено, что при такомъ поощреніи со стороны императрицы сочиненія Вольтера и другихъ философовъ того времени были въ ходу въ Россіи и, по сознанію современниковъ Екатерины, получившихъ воспитаніе въ этотъ вѣкъ, трудно было «избѣжать тогда соблазна отъ лживыхъ прелестей французскаго переворота, который не токмо до глубины нашей, но и до глубины самой Сибири простеръ свое вліяніе на молодые умы». «Сколько позволяютъ судить факты, дошедшіе до насъ, говоритъ М. Н. Лонгиновъ, о временахъ Екатерины, тогда рѣдкій молодой человѣкъ не былъ зараженъ вольнодумствомъ» и особенно люди, близкіе ко двору, и офицеры знаменитыхъ гвардейскихъ полковъ, въ которыхъ служили люди изъ знатныхъ и богатыхъ фамилій. Изъ этихъ полковъ выдвигались почти всѣ дѣятели екатерининскаго времени, какъ при дворѣ, такъ и въ провинціи. Въ біографіяхъ людей того времени, (разумѣется, принадлежащихъ къ большому свѣту) нерѣдкость встрѣтить слѣдующія повѣствованія, какъ, напримѣръ, объ А. Ю. Нелединскомъ-Мелецкомъ: «уѣхалъ въ чужіе краи... Во время семилѣтней войны жилъ въ Парижѣ... постоянно требуя денегъ отъ старухиматери... Пріѣзжаетъ въ Россію, снова уѣзжаетъ въ Парижъ... Въ 1767 году отставной полковникъ (т. е. Нелединскій-Мелецкій) возвратился въ Петербургъ отъявленнымъ поклонникомъ Вольтера...» Это обстоятельство, соединенное съ природнымъ умомъ и приманкою парижской общежительности, а также родственныя связи открыли Александру Юрьевичу доступъ въ частное общество самой императрицы. Вольтеръ къ тому же назвалъ его въ одномъ изъ своихъ писемъ: «un aimable russe»... «Въ 1768 году Нелединскаго-Мелецкаго сдѣлали дѣйствительнымъ камергеромъ, т. е. онъ могъ по своему званію бывать на куртагахъ, въ эрмитажѣ играть съ императрицею въ карты и т. п.» Интереснѣе всего заключительное свѣдѣніе о Нелединскомъ-Мелецкомъ: въ немъ говорится, что Александръ Юрьевичъ умеръ въ глубокой старости, въ 1803 году, «не покинувъ до конца своего волтерьянства». Само собою разумѣется, что «волтерьянство» не застраховывало всѣхъ этихъ людей отъ множества дикихъ и варварскихъ поступковъ, не мѣшало имъ имѣть крѣпостныхъ и т. п. Но идеи и нравы, взгляды и характеры гармонирують между собою вообще очень рѣдко и нужны долгіе и долгіе годы, чтобы человѣкъ научился такъ вести себя, какъ онъ смотритъ на вещи.

Шахъ и матъ.

(Отрывокъ изъ дневника.)

Разсказъ **Н. Ф. Бажина.**

(*Окончаніе.*)

V.

Кажется, и сегодня придется опять прибѣгнуть къ морфію, потому что уже и солнце собирается восходить, и птицы закопошились и зашумѣли въ саду, а сна нѣтъ, какъ нѣтъ и не видно. Сердце работаетъ усиленно, всѣ нервы въ напряженіи, мысли смѣняются новыми мыслями, какъ облака, гонимыя вѣтромъ, а между тѣмъ я, кажется, не пьянъ и не боленъ. Впрочемъ, человѣкъ бываетъ пьянъ не отъ вина только.

Сегодня я обѣщалъ заняться съ Митей тригонометріею, приводящею его въ рѣшительное отчаяніе. Я къ нимъ пришелъ около шести часовъ; Юліи Сергѣевны не было дома. Потомъ, пробило уже восемь, когда мы покончили съ синусами и вышли въ залу; Олимпіада Ивановна по прежнему сидѣла одна, вытянувъ ноги на скамеечку и лѣниво пошевеливая длинными вязальными спицами.

— А Юліи Сергѣевны все нѣтъ? спросилъ я.

Олимпіада Ивановна отвѣчала, что нѣтъ еще, не приходила, но къ девяти часамъ она обѣщала непремѣнно быть дома. Я сказалъ что-то еще на счетъ Юліи Сергѣевны, чуть ли не то, что она въ послѣднее время живетъ удивительно дѣятельною жизнью; Олимпіада Ивановна немедленно опустила на колѣни свое вязанье и подхватила эту тему, точно обрадовавшись возможности поговорить. Она дѣйствительно до такой степени любитъ говорить и отчасти слушать, что какъ скоро завязывается какой бы то ни было разговоръ, тетушка Олимпіада Ивановна уже не въ состояніи ни вязать, ни шить, ни даже штопать. Она всѣхъ знаетъ, всѣхъ называетъ не иначе какъ по именамъ и отчествамъ, хотя бы эти Иваны Ивановичи и Петры Петровичи находились страшно далеко или даже совсѣмъ на небесахъ. Она обо всѣхъ говоритъ такъ сдержанно и деликатно, какъ будто постоянно имѣетъ въ виду, что будущее извѣстно только одному Господу Богу и, кто знаетъ, можетъ быть, эти Иваны Ивановичи и Петры Петровичи еще пригодятся или ей самой, или ея дѣтямъ. Впрочемъ, это совершенно въ порядкѣ вещей, потому что теперь она не больше какъ бѣдная родственница, существующая единственно по добротѣ своей племянницы, и, увы, уже никогда, никогда не воротится то время, когда мужъ тетушки, «покойный Илья Ивановичъ служилъ секретаремъ при Древлянской полиціи». Это было такое время, такое блаженное время, о которомъ Олимпіада Ивановна могла бы, кажется, съ любовью и замираніемъ сердца говорить весь остатокъ своей жизни, не отдыхая и не останавливаясь.

Но на этотъ разъ тема для ея разсказовъ была дана «о Юліи Сергѣевнѣ». Тетушка заговорила, что Юлія Сергѣевна бываетъ по временамъ такая странная, такая непонятная, что, право, трудно придумать—съ какой стороны къ ней подступиться. Все это не было для меня новостью, но, между прочимъ, я впервые услышалъ о двухъ характеристичныхъ случаяхъ изъ жизни Юліи Сергѣевны, о которыхъ Олимпіада Ивановна разсказывала съ видимымъ ужасомъ и какъ будто даже съ нѣкоторымъ опасеніемъ за разсудокъ своей племянницы. Первый случай: Юлія Сергѣевна получила извѣстіе объ опасной болѣзни, постигшей ея покойнаго мужа, въ то время, когда находилась верстахъ въ тридцати отъ него, у своихъ родственниковъ. Немедленно же, почью, въ осеннюю распутицу, въ дождь и бурю она выѣхала домой, не смотря на всѣ увѣщанія—что все равно не доѣдетъ сегодня до него, потому что черезъ рѣку, лежавшую на половинѣ дороги, ее никто не возьмется перевезти. Дѣйствительно, на перевозѣ ей пришлось остановиться: перевозчики не рѣшались ѣхать ни за какія деньги. Юлія Сергѣевна все-таки не покорилась. Она обошла все село изъ избы въ избу и, наконецъ, соблазнила таки предлагаемыми ею большими деньгами какого-то полупьяненькаго бобыля—рыбака, который рискнулъ и перевезъ ее на другой берегъ въ простой рыбачьей лодкѣ...

Второй случай былъ, по словамъ Олимпіады Ивановны, почти на дняхъ. Ей нужно было разыскать какую-то дѣвушку, которая ѣхала въ Петербургъ, чтобы поступить въ томъ самый институтъ, гдѣ училась дочь Олимпіады Ивановны. Юлія Сергѣевна захотѣла помочь теткѣ въ этихъ розыскахъ. Имъ пришлось отправиться въ самый конецъ города, куда-то къ острогу. Улицу и домъ онѣ нашли довольно скоро, но войти въ него оказалось не особенно легко. Почти въ самыхъ воротахъ ихъ встрѣтила озлобленнымъ лаемъ огромная цѣпная собака, яростно прыгавшая на цѣпи, какъ бы стараясь оборвать ее. Она злилась и металась все сильнѣе и сильнѣе, но на ея лай все-таки никто не показывался изъ дома. Олимпіада Ивановна рѣшилась уже махнуть на все рукой и идти обратно, какъ вдругъ Юлія Сергѣевна бросается прямо къ собакѣ, схватываетъ ее обѣими руками за шею и, повернувъ голову къ тетушкѣ, кричитъ ей, что бы та скорѣе проходила во дворъ...

— И, представьте себѣ, ничего! Такъ-таки это ей и сошло съ рукъ! воскликнула въ неописанномъ недоумѣніи Олимпіада Ивановна и даже слегка перекрестилась маленькимъ крестомъ, должно быть, при воспоминаніи о томъ ужасѣ, который она пережила въ тѣ минуты.

VI.

Почти ровно въ девять часовъ раздался звонокъ Юліи Сергѣевны. Она вошла видимо взволнованная и озабоченная, и какъ будто ждала, что ей сейчасъ должны сказать что-то. Но Олимпіада Ивановна говорила о пустякахъ, горничная, хлопотавшая около чайнаго стола, молчала. Юлія Сергѣевна подождала еще и, наконецъ, нѣсколько дрожащимъ голосомъ спросила:

— Даша, меня никто не спрашивалъ?

Получивъ отрицательный отвѣтъ, она посмотрѣла вопросительно на тетку.

— Нѣтъ, кажется, никто и не былъ, подтвердила Олимпіада Ивановна.

Юлія Сергѣевна въ недоумѣніи посмотрѣла на свои карманные часики, потомъ взглянула на стѣнные часы; задумалась, прошлась по комнатѣ, вышла на балконъ и, постоявъ недолго на немъ, опять воротилась въ залу, видимо машинально отвѣчая на разспросы тетки о какой-то портнихѣ.

Въ это время послышался новый звонокъ. Лицо Юліи Сергѣевны покрылось яркимъ румянцемъ; потомъ поблѣднѣло, но она все-таки досказала до конца все то, что начала говорить теткѣ.

— Говорили—отдать въ собственныя руки, послышался въ прихожей чей-то голосъ въ отвѣтъ на невнятныя слова Даши.

Юлія Сергѣевна неторопливо стряхнула въ пепельницу пепелъ съ папиросы, которую закурила въ это время, встала и, такъ же не спѣша, вышла въ прихожую. Тамъ, у двери, стоялъ какой-то мальчикъ, очень похожій по костюму на мальчика изъ трактира, и держалъ въ рукѣ запечатанную записку. Юлія Сергѣевна взяла ее и распечатала. Должно быть, въ этой запискѣ она нашла всего только какихъ-нибудь два-три слова, потому что въ ту-же секунду опустила руку съ нею, подняла голову и глухо сказала:

— Хорошо...

Однакоже она, какъ видно, сама почувствовала, какимъ невнятнымъ, страннымъ, неестественнымъ вышло у нея это слово, потому что сейчасъ же повторила его еще разъ и, сунувъ въ руку мальчика нѣсколько серебряныхъ монетъ, ушла боковою дверью въ другую комнату.

Минутъ черезъ пять она вышла къ чаю, повидимому, совершенно спокойною и, перекинувшись двумя-тремя словами съ Митею насчетъ его несчастной тригонометріи, заговорила со мной о книжкѣ журнала, просмотрѣнной ею сегодня утромъ. Говорила она совершенно спокойно, но самое это спокойствіе, обыкновенно чуждое ей, было очень сквернымъ признакомъ. Глаза ея смотрѣли холодно и даже зло; тонкія черныя брови нѣтъ-нѣтъ и сдвинутся, проложивъ на ея бѣломъ лбу глубокую морщинку; въ ея движеніяхъ и въ посадкѣ головы появилось что-то надменно-гордое, чего я не замѣчалъ за нею прежде.

Послѣ чая, перейдя въ залу и проходя мимо шахматнаго столика, она вдругъ вспомнила, что мы уже нѣсколько вечеровъ какъ даже не прикасались до шахматъ. Она даже оживилась и какъ

будто обрадовалась этимъ холоднымъ фигуркамъ изъ слоновой кости, точно встрѣтила въ нихъ старыхъ, милыхъ друзей, посѣтившихъ ее въ тяжелую минуту. Впрочемъ, это я понимаю: шахматы и для меня бывали не одинъ разъ этими добрыми друзьями, помогавшими мнѣ забыть о томъ, что само не забывалось, прогнать черныя мысли, которыя сами не хотѣли уходить и легче пережить время, которое безъ нихъ пережилось бы очень трудно.

— Только хорошую партію, не спѣша, не какъ-нибудь, просила она, разставляя фигуры.—Даже не придумать-ли намъ опять какое-нибудь пари, чтобы играть внимательнѣе?

Разставляя свои фигуры я случайно коснулся ея руки; она была почти такъ же холодна, какъ и шахматы.

— Пари? повторилъ я самымъ равнодушнымъ тономъ человѣка, который ничего не видитъ, ничего не подозрѣваетъ и думаетъ только о своемъ любимомъ времяпрепровожденіи.—Можно и пари...

— Что же бы такое намъ придумать? спросила она въ недоумѣніи и вдругъ задумалась, больше, больше, глубже, такъ что, наконецъ, ея раздумье стало даже страннымъ.

— Не знаю, произнесла она, наконецъ.—Хотите пари à discrétion?

Я посмотрѣлъ на нее должно быть очень большими глазами и тихо опустился къ спинкѣ кресла.

— А discrétion? повторилъ я растерянно.

— Ну да, à discrétion... кто выиграетъ, тотъ назначаетъ тогда самъ, что хочетъ... Что бы тамъ ни было—все равно... Если онъ велитъ проигравшему ѣхать куда бы то ни было,—тотъ долженъ ѣхать... Велитъ идти въ огонь,—долженъ идти... Прикажетъ совершить преступленіе,—тотъ долженъ быть готовъ и на это... На все, однимъ словомъ... безъ исключенія...

Она говорила, безпрестанно останавливаясь, какъ будто переводя дыханіе... На блѣдныхъ щекахъ ея вдругъ выступалъ румянецъ, глаза блестѣли, губы были слегка раскрыты, точно ловя воздухъ. Чувствовалось, по ея голосу и лицу, что сердце у нея бьется быстро, быстро, голова кружится, а руки, сложенныя на колѣняхъ, нервно вздрагиваютъ. Должно быть, подобное состояніе заразительно, потому что и у меня сердце начинало биться сильнѣе и сильнѣе, и мной овладѣвала лихорадка.

— Ну что же? Страшно? Или и вамъ нужно дать сутки на всестороннее размышленіе? задорно-насмѣшливо спросила она, не замѣчая, что проговаривается или, можетъ быть, не обращая больше никакого вниманія на это.

Я пожалъ плечами и взялъ двѣ пѣшки, чтобы бросить жребій—кому начинать игру.

— А discrétion такъ à discrétion, отвѣчалъ я.

Боже мой! Да не все-ли равно было мнѣ на самомъ дѣлѣ?! Если-бы, безъ всякаго пари, безъ всякой проигранной или выигранной партіи, она просто сказала бы мнѣ въ эту минуту: «иди туда-то и сдѣлай вотъ что»,—разумѣется, я, не раздумывая ни минуты, всталъ бы и пошелъ куда угодно и на что угодно.

Жребій выпалъ—ей играть бѣлыми и, слѣдовательно, начинать игру.

VII.

«Или и вамъ нужно дать сутки на всестороннее размышленіе?» сказала она, вѣроятно, не давая сама себѣ отчета въ томъ, что она говоритъ.

«И вамъ сутки». Слѣдовательно, ясно, что она дала еще кому-то другому сутки «на размышленіе...» Кому же какъ не Туманскому?

Она любитъ его и знаетъ также, что и онъ, съ своей стороны, далеко не равнодушенъ къ ней. Она, гордая, правдивая, рѣшительная женщина, скоро начинаетъ тяготиться и тою незавидною ролью, которую лично ей приходиться играть относительно жены Туманскаго, и тѣмъ положеніемъ въ какомъ находится любимый ею человѣкъ. По всей вѣроятности, она прямо говоритъ ему, что нужно покончить съ этимъ мракомъ и съ этою ложью: «или я, или твоя жена,—выбирай...» Туманскій, въ качествѣ «маятника», разумѣется, безпомощно колеблется изъ стороны въ сторону, но въ результатѣ не двигается съ мѣста. Тогда она бросаетъ ему въ лицо обидное названіе «тряпки, которую можно скомкать, изорвать и бросить подъ ноги» и въ заключеніе объявляетъ ему, что будетъ ждать его рѣшительнаго отвѣта «да» или «нѣтъ» до девяти часовъ вечера слѣдующаго дня. Туманскій опять таки колеблется до послѣдней минуты и, наконецъ, когда уже невозможно болѣе откладывать ни секунды, пишетъ какой-нибудь отчаянный и все-таки неопредѣленный отвѣтъ: «нѣтъ, это превыше силъ моихъ, хотя...» или что либо въ этомъ родѣ.

Конечно, все это одни только предположенія съ моей стороны, одна только гипотеза, построенная на нѣсколькихъ не совсѣмъ твердо опредѣлившихся фактахъ. Но за нее говоритъ уже одно то, что ни одно явленіе, ни одинъ случай за нѣсколько послѣднихъ мѣсяцевъ не противорѣчатъ этой гипотезѣ. Кромѣ того за нее громко говоритъ и то, что ничѣмъ другимъ невозможно объяснить ту перемѣну и всѣ тѣ странности, которыя я замѣчалъ за Юліей Сергѣевной въ теченіи этого года. Что же, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть другое? Какіе факты набрасываютъ, хоть тѣнь сомнѣнія на вѣрность моихъ предположеній? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ...

Далѣе: это пари á discrétion... Оно пришло ей на мысль совершенно случайно и, конечно, такъ сказать, спелось со всѣми тѣми горькими думами и чувствами, которыми она была полна. Она видѣла себя отвергнутою, ради другой женщины, она считала себя оскорбленною тѣмъ предпочтеніемъ, которое было отдано «маятникомъ» этой другой женщинѣ. Что же мудренаго, если она жадно схватилась за это пари «à discrétion», какъ за средство отомстить оскорбившему ее человѣку? Какъ отомстить—это другое дѣло. Очень можетъ статься, что теперь она и сама еще не рѣшила этого, но когда выиграетъ пари, тогда подумаетъ и, наконецъ, объявитъ мнѣ свою волю.

А если нѣтъ? Если ей придется проиграть? Мнѣ кажется, что на этой мысли она даже и не останавливалась серьезно. Мы—почти равносильны въ шахматной игрѣ. Равные же игроки, сколько я ихъ не наблюдалъ въ теченіи своей жизни,—могутъ играть другъ съ другомъ цѣлые годы, и неизмѣнно, всегда, каждый изъ нихъ считаетъ себя сильнѣе своего противника. Каждый изъ нихъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что если онъ иногда проигрываетъ, то потому только, что или играетъ по временамъ небрежно, или рискуетъ, или, наконецъ, бываетъ не «въ расположеніи», но стоитъ ему только серьезно захотѣть выиграть данную партію и онъ ее непремѣнно выиграетъ... Старая вѣчная сказка о большомъ глазами и почти слѣпомъ человѣческомъ самолюбіи!...

Юлія Сергѣевна, очевидно, не намѣрена проигрывать. Обыкновенно въ своей игрѣ, какъ и въ жизни, она вся живетъ нервами, увлекается, торопится, рискуетъ, жертвуетъ одною фигурою за другою, ставитъ все на одну карту... Сегодня же не то: ея нервность сказывается только въ блескѣ ея глазъ, въ легкомъ вздрагиваніи рукъ и губъ, но, какъ бы связанная до поры до времени другою силою, не переходитъ на шахматное поле.

Игра покуда совершенно равна съ обѣихъ сторонъ, если я не ошибаюсь...

VIII.

И все-таки она проиграла... Правда, и сегодня игра еще не совсѣмъ окончена; правда и теперь еще бѣлые и черные совершенно равносильны по количеству фигуръ и пѣшекъ, но ея положеніе таково, что еще два подготовительныхъ хода съ моей стороны, и затѣмъ я скажу ей «шахъ и матъ»,—это «вѣрнѣе смерти», какъ говорилъ одинъ шахматный игрокъ. Юлія Сергѣевна тоже сознаетъ незавидность своего положенія, хотя, какъ видно, еще не совсѣмъ потеряла надежду на то, что, быть можетъ, завтра ее осѣнитъ какая-нибудь счастливая мысль и поможетъ ей спастись отъ пораженія. Она думаетъ, вѣроятно, что утро бываетъ дѣйствительно мудренѣе вечера. Напрасно!

— Кажется, что приходится проиграть, сказала она, оторвавъ, наконецъ, отъ шахматной доски свои глаза.—Только я все-таки попросила бы васъ отложить игру до завтра: я совсѣмъ устала и запуталась въ своихъ разсчетахъ...

Я наблюдалъ за нею уже около четверти часа, съ тѣхъ поръ, какъ для меня стало ясно, что она неизбѣжно должна проиграть, и мнѣ показалось въ высшей степени удивительнымъ то сравнительное спокойствіе, съ которымъ она смотрѣла на грозившій ей проигрышъ. Она была блѣдна, но, вѣроятно, просто отъ усталости; рука ея лежала около шахматной доски спокойно, безъ движенія, не вздрагивая... И когда, наконецъ, эта странная женщина подняла на меня свои глаза, прося отложить игру, въ нихъ виднѣлась, пожалуй, какая-то грустная тѣнь, но вмѣстѣ съ тѣмъ она смотрѣла мягко, почти ласково, и на ея губахъ лежала милая и добрая улыбка съ тѣмъ же легкимъ оттѣнкомъ грусти... Загадочная исторія!

Что же, Юлія Сергѣевна съ самаго начала игры принимала въ разсчетъ, что можетъ и проиграть, и была готова и на это? Можетъ быть, она разсчитывала, что если я, такъ давно любящій ее, потребую, чтобы она сдѣлалась моею женою, то и это будетъ очень хорошимъ, даже слишкомъ страшнымъ мщеніемъ оскорбившему ее человѣку? Или, можетъ быть, она знала меня лучше, чѣмъ я знаю самъ себя и была увѣрена, что я никогда не потребую не только этого, но даже и ничего подобнаго? Можетъ быть, и то; можетъ быть, и другое; все можетъ быть...

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что я не потребую отъ нея ничего такого, что могло бы хоть сколько нибудь быть для нея тягостно или непріятно. На свѣтѣ есть много скверныхъ вещей, но одна изъ самыхъ сквернѣйшихъ на мой вкусъ—это насиліе, въ чемъ бы оно не проявлялось,—въ грубой-ли физической силѣ, въ злоупотребленіи-ли случайными выгодами своего положенія, въ безцеремонномъ-ли вторженіи въ чужую жизнь и въ чужую душу... Нѣтъ, конечно, нѣтъ! Я не попрошу у нея позволенія даже только прикоснуться моими губами къ ея рукѣ, потому что... это опять таки мелкое и глупое насиліе. Когда она не будетъ имѣть ничего противъ этого, она сама отдастъ мнѣ свою руку.

Глупая мысль! Вчера у меня промелькнуло въ головѣ, что если я выиграю, то потребую отъ Юліи Сергѣевны, чтобы она разъяснила мнѣ,—вѣрно или невѣрно я представляю себѣ ея отношенія къ Туманскому... Что можетъ быть умнѣе и возвышеннѣе подобной просьбы или подобнаго требованія?! Нагло вторгнутся въ душу человѣка и не только заглянуть въ нее, какъ въ чужое окно, но требовать еще, чтобы этотъ человѣкъ ввелъ насъ тайкомъ въ домашнюю жизнь и въ домашнюю драму третьяго лица... Нужно сознаться, что эта мысль дѣлаетъ мнѣ большую, даже очень, очень, очень большую честь.

IX.

Однакоже ея спокойствіе пошатнулось и ея

сердце сильно дрогнуло, когда, наконецъ, было произнесено роковое «шахъ и матъ» и наступила минута расплаты. Юлія Сергѣевна и поблѣднѣла, и судорожно сжала одну руку въ другой, и голосъ у нея прерывался, когда она заговорила.

— Ну... побѣдитель... диктуйте вашу волю... бѣдной побѣжденной...

Мнѣ стало какъ-то неловко и вмѣстѣ съ тѣмъ немного грустно, что она какъ будто бы боится меня и взываетъ къ моему великодушію.

— Ага, страшно?! сказалъ я съ нѣсколько насильственной улыбкой.—Я попрошу у васъ,— конечно, если это не будетъ вамъ непріятно,— вашъ большой фотографическій портретъ... непремѣнно en face... въ этомъ самомъ платьѣ...

— Хорошо, тихо отвѣчала она;—я была почти убѣждена, что вы потребуете что нибудь въ родѣ этого.

Она наклонила голову и на секунду прикрыла глаза дрожащею рукою, все еще борясь съ овладѣвшимъ ею волненіемъ и силясь успокоить его.

— Да, вы именно таковы, какимъ я начала считать васъ въ послѣднее время, сказала она потомъ, вставая изъ-за столика, и посмотрѣла на меня вскользь теплымъ, свѣтлымъ взглядомъ, блеснувшимъ мнѣ именно, какъ то солнце, о которомъ я такъ давно мечталъ, что почти уже потерялъ надежду увидѣть когда-либо его восходъ.

Она жалуется, что чувствуетъ себя до такой степени усталою, какъ будто пережила за послѣднее время Богъ знаетъ какія тревоги; она поговариваетъ, что думаетъ на нѣсколько мѣсяцевъ, а можетъ быть, и до будущаго лѣта, уѣхать отъ насъ—куда глаза глядятъ и помыкаться по бѣлому свѣту... Но меня не особенно пугаетъ даже и это: сквозь ту грусть, которую наводитъ на меня мысль, что я не увижу ея такъ долго,— мнѣ все-таки свѣтитъ восходящее солнце, лучезарное, теплое, все заливающее своимъ розовымъ свѣтомъ...

На дальнемъ Западѣ.

Путевые наброски Сѣверной Америки.

Ст. А. И. Елишева.

(*Продолженіе.*)

Въ Америкѣ существуетъ нѣсколько родовъ жатвенныхъ машинъ. Самая простѣйшая изъ нихъ—это преобразованная косилка, у которой перемѣнены ножи и приставлена платформа. До сихъ поръ еще она наиболѣе употребительна. Безчисленное множество фирмъ строитъ эти жнеи и изъ нихъ канзаскіе фермера мнѣ постоянно особенно хвалили Buckeye.

Машина Champion, хотя и легче на ходу, но не такъ прочна.

Второй родъ жатвенныхъ машинъ отличается тѣмъ, что требуетъ всего двоихъ вязальщиковъ, которые стоятъ тутъ же на платформѣ машины. Въ нее впрягаютъ также 2 лошади, что уже служитъ лучшей рекомендаціей ея легкости, такъ какъ, кромѣ приведенія въ дѣйствіе механизма, животныя должны вести еще трехъ человѣкъ и даже не по дорогѣ, а по рыхлому полю.

Недавно же стала входить въ употребленіе жнея съ приборомъ, вяжущимъ снопы проволокою. Повидимому, она представляетъ наиболѣе выгодъ и вытѣснитъ всѣ остальныя.

У моего хозяина была машина перваго рода. Къ ней нужно было пять вязальщиковъ, пара лошадей и одинъ рабочій для управленія ими. Фермеръ показалъ мнѣ, какъ вязать снопы, разставилъ всѣхъ на мѣста, а самъ поѣхалъ съ машиной. У меня сначало, какъ и на всякой новой работѣ, дѣло не клеилось, но потомъ по немногу сталъ поспѣвать за другими.

Давно уже трещитъ машина и, ходя вокругъ нивы и нагибая своимъ махаломъ высокіе толстые стебли пшеницы, срѣзаетъ ихъ «подъ самый корешокъ». Пять человѣкъ растянулись цѣпью вокругъ сжинаемаго участка, едва успѣваютъ вязать снопы. Отвѣснѣе падаютъ лучи горячаго канзасскаго солнца; ни малѣйшій вѣтерокъ не умѣряетъ жары. Ужасно долго не останавливается машина для смазки... Но вотъ она стала и можно напиться согрѣтой солнцемъ воды. Вотъ если бы русскаго кваску... Машина останавливается приблизительно каждые полъ-часа. Долго тянется время до обѣда, но все-таки оно проходитъ. Какъ и на русской «толокѣ», хозяйки угощаютъ рабочихъ на славу. Рыба и цыплята подъ соусомъ, овощи, блинчики, сладкіе пироги, кофе—только недостаетъ супа, чтобы сдѣлать этотъ обѣдъ достойнымъ стола нашего сытаго помѣщика средней руки. Отдыха послѣ обѣда вообще у американцевъ никогда не полагается, а развѣ только присядутъ, чтобы выкурить по трубкѣ.

Подъ вечеръ мы сносили разбросанные снопы въ бабки и сейчасъ же послѣ ужина, вся усталая семья фермера торопилась лечь спать. Такимъ образомъ, мы проработали уже три дня. Наступило воскресенье. Утромъ всѣ долго спали, завтракали и обѣдали, ужина же, чтобы дать отдыхъ хозяйкамъ, у американцевъ по праздникамъ не бываетъ вовсе. Къ обѣду къ намъ пріѣхалъ сосѣдъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Пока гости помогали хозяйкѣ стряпать, у мужчинъ, разсѣвшихся вокругъ камина, шелъ оживленный разговоръ о только что изданномъ въ штатѣ законѣ. Для покровительства овцеводству въ Канзасѣ, представляющемъ дѣйствительно благопріятныя условія для его развитія, было постановлено обложить налогомъ всѣхъ собакъ, чтобы этимъ сократить ихъ число, такъ какъ эти животныя не менѣе волковъ похищаютъ овецъ. Но для фермеровъ-скотоводовъ это было очень невыгодно, потому что они выпуждены держать много собакъ для пастьбы рогатаго скота. Такимъ образомъ, были затронуты интересы многихъ и вотъ поднялся шумъ. Говорили, что, не смотря ни на какія покровительства, овцеводство уже не имѣетъ будущаго потому, что хлопокъ все болѣе и болѣе вытѣсняетъ шерсть; что невозможно выдержать конкуренціи съ Австраліей и т. д. Въ заключеніе горячо объявлялось, что, пускай-молъ, сенатъ постановляетъ, что ему угодно, но что они, фермера, налога платитъ не будутъ.

Въ мужскомъ кружкѣ толковали все время о политикѣ или о хозяйствѣ и т. п., тогда какъ у нашихъ дамъ шли горячіе дебаты о шляпкахъ, бантахъ, оборкахъ и т. д.

Съ того времени, какъ я сталъ хоть немного объясняться по англійски, я не пропускалъ ни одного разговора съ американцами, чтобы не воспользоваться имъ для разъясненія различныхъ, не понятныхъ для меня, какъ иностранца, явленій общественной жизни Союза. Такъ и въ этотъ вечеръ я постарался навести разговоръ на очень близкую западнымъ фермерамъ тему о бумажныхъ деньгахъ (greenbacks), которой отводится много мѣста въ газетахъ. Вотъ какъ объяснили мнѣ это дѣло мой хозяинъ и его сосѣдъ. Послѣ междоусобной войны, когда курсъ бумажекъ былъ очень низокъ, особенно оживленно началось заселеніе Западныхъ Штатовъ по ту сторону Миссисипи. Но переселенцы бываютъ почти исключительно люди бѣдные, которыхъ нужда заставляетъ промѣнять полную комфорта жизнь на Востокѣ на колонизацію дикихъ пустынь. Но и на эти предѣлы человѣческихъ поселеній они переносятъ съ собой потребности цивилизованнаго человѣка. Они привыкли хоть къ нѣсколько сноснымъ путямъ сообщенія, безъ которыхъ немыслима никакая промышленность, къ хорошо устроеннымъ школамъ, храмамъ и т. п. Для всего этого нужны были деньги, которыхъ и недоставало новымъ Штатамъ. Тутъ на помощь явились восточные капиталисты, построили западнымъ фермерамъ на свои деньги школы, мосты, дороги и церкви, и стали съ нихъ получать проценты и, разсроченный на много лѣтъ, капиталъ. Теперь, когда утекло довольно времени послѣ войны, а бумажныя деньги все еще не могутъ стать аль пари, Уашингтонское правительство внесло въ конгрессъ предложеніе, о поднятіи курса бумажныхъ денегъ путемъ государственнаго займа. Всѣ Сѣверо-Восточные штаты Союза поспѣшили поддержать его. Въ случаѣ успѣха, они стали бы получать долги и проценты съ западныхъ штатовъ золотомъ, тогда какъ давали бумажками по низкому курсу. Но при этомъ немедленно пала бы цѣна на земледѣльческіе продукты—единственный источникъ дохода западныхъ штатовъ, долги послѣднихъ же и проценты по нимъ остались бы тѣ же. И вотъ, эти штаты рѣшили всѣми силами воспротивиться принятію упомянутой мѣры правительствомъ, и выбираютъ въ конгрессъ только депутатовъ, заявившихъ себя противъ нее.

Черезъ два дня жатва была кончена и машина переѣхала на сосѣднее полѣ. Здѣсь каждый фермеръ далеко не имѣетъ всѣхъ земледѣльческихъ машинъ, а пользуется нѣкоторыми изъ нихъ отъ сосѣдей. Въ извѣстномъ же районѣ вы всегда найдете всѣ необходимыя машины. Одинъ фермеръ имѣетъ сѣялку, другой жнею, третій перевозную молотилку и т. д. Если же, почему либо, какой-нибудь изъ нихъ не оказывается въ околодкѣ, всегда найдется предпріимчивый человѣкъ, который ее купитъ, зная, что она не будетъ праздной. За пользованіе машинами въ данной мѣстности устанавливается опредѣленная плата. Такъ въ Канзасѣ за косилку берутъ 50 ц., со скошеннаго акра; за сѣялку по 30 центовъ, сажатель маиса—25 центовъ съ акра и т. п. Такимъ образомъ, даже небольшія фермы, для работы на которыхъ не стоило бы заводить дорогостоящихъ машинъ, пользуются всѣми удобствами механической обработки почвы. Не смотря на то, что при такомъ порядкѣ машины бываютъ въ нѣсколькихъ рукахъ, онѣ чрезвычайно долго служатъ. Конечно, большое значеніе имѣетъ привычка къ нимъ рабочихъ, но несомнѣнно, что тутъ еще важнѣе замѣчательная ихъ прочность. Въ Канзасѣ онѣ круглый годъ стоятъ подъ открытымъ небомъ, заносятся снѣгомъ, но незамѣтно, чтобы онѣ были очень чувствительны къ этому.

Сосѣдъ, взявшій машину, пригласилъ и меня помогать ему. Но тутъ пошли проливные дожди, продолжавшіеся цѣлыхъ три дня. Черноземъ полей въ долинѣ до того размокъ, что не было никакой возможности приступить къ работѣ ранѣе 3—4 дней, такъ какъ колесы машины вязли по ступицу въ грязи. Не желая такъ долго сидѣть безъ дѣла, я отправился въ путь. Не много далѣе на сѣверъ отъ долины Сокоморы были долины рѣкъ Фоль-риверъ и Вердегри. Туда я и пошелъ.

Поднявшись на довольно крутую гору, у подошвы которой оканчивалась долина, я около 10 миль на сѣверъ прошелъ возвышенной равниной. Здѣсь было мало фермъ и много незанятыхъ участковъ. Пообѣдать зашелъ въ маленькій домикъ на краю дороги. Старушка, нѣмка изъ Пенсильваніи, радушно приняла меня, извинялась, что нѣтъ горячаго обѣда и дала хлѣба съ молокомъ. Она была изъ той, очень давно населенной нѣмцами, мѣстности Пенсильваніи, гдѣ они въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій чрезвычайно упорно не поддаются вліянію американцевъ и сохраняютъ свой языкъ и нравы. Эта

старуха родилась и успѣла состарѣться въ Соед. Штатахъ и все-таки едва могла сказать нѣсколько словъ по англійски. Отъ платы за обѣдъ она отказалась и только попросила написать мою фамилію по русски.

Передъ вечеромъ я подходилъ къ Фоллъ-риверу. Онъ окаймленъ превосходнымъ лѣсомъ, который не успѣли еще истребить. Спрашивалъ работы на нѣсколькихъ фермахъ, но жнивье вездѣ остановилось по случаю грязи. Въ одномъ домѣ мнѣ посовѣтывали сходить къ какому-то мистеру Кирби, очень богатому фермеру, миляхъ въ 4-хъ въ сторону. Вскорѣ я нашелъ его въ лѣсу при переносной пильной машины, приводимой въ движеніе локомобилемъ. Для послѣдняго нуженъ былъ кочегаръ и мнѣ предложили занять это мѣсто, съ платой только по 50 центовъ въ день. Я, конечно, не согласился, такъ какъ еще думалъ найти работу на жнивье. Сильно уставъ и желая сократить путь, я пошелъ обратно на большую дорогу тропинкой и попалъ въ такое болото, что около мили долженъ былъ идти по-поясъ въ водѣ. А тутъ еще къ тому же пошелъ дождь и на мнѣ не осталось ни одной сухой нитки. Измученный, я набрелъ на какую-то, должно быть, очень богатую ферму. Въ зелени сада стоялъ двуэтажный каменный домъ, съ примыкавшимъ къ нему великолѣпными и обширными хозяйственными постройками. Въ Канзасѣ я не видѣлъ еще такихъ большихъ хозяйствъ. Было уже поздно и я не зналъ даже, далеко ли до ближайшаго городка, а потому рѣшилъ попроситься здѣсь ночевать. Въ передней комнатѣ у камина сидѣлъ въ обыкновенной фермерской курткѣ и широкополой шляпѣ старикъ, и читалъ газету. Я спросилъ у него о работѣ. Пригласивъ сѣсть и обогрѣться, онъ сказалъ, что врядъ ли теперь гдѣ нибудь можно найти ее, пока просохнутъ поля. Онъ жаловался, что пшеница начинаетъ уже сыпаться. Если бы даже и прекратился дождь, все-таки еще долго будетъ грязно. Самъ онъ хотѣлъ уже начать косить пшеницу руками, но въ сосѣднемъ городѣ не оказалось ручныхъ косъ *).

Меня охотно пустили ночевать и я, перемѣнивъ платье, съ наслажденіемъ отдохнулъ вечеромъ въ покойномъ креслѣ у камина.

Хозяинъ сдѣлался еще внимательнѣе со мной, когда узналъ, что я не эмигрантъ, а русскій путешественникъ. Вообще меня, какъ русскаго, вездѣ въ Соед. Штатахъ встрѣчали очень радушно, расспрашивали много о моей родинѣ и выражали ей симпатіи. При этомъ, однако, приходилось слышать иногда такіе вопросы: правда ли, что по Невскому проспекту ходятъ бѣлые медвѣди и т. п. **).

Мой хозяинъ былъ переселенецъ изъ штата Нью-Іоркъ. Онъ промѣнялъ свое хорошее, но небольшое хозяйство на Востокѣ на 1,000 акровъ земли въ Канзасѣ. Когда утромъ я осматривалъ постройки фермы, старикъ показалъ мнѣ между прочимъ машины, на которыхъ онъ преимущественно самъ лично работаетъ. Всѣ онѣ были такого рода, что дѣло рабочаго ограничивалось только управленіемъ лошадьми, сидя на покойныхъ рессорныхъ козлахъ. Видя ихъ, нельзя было не признать, что земледѣлецъ или владѣющій ими почти избавленъ отъ тяжкаго труда. Дѣйствительно, теперь въ Соед. Штатахъ все болѣе и болѣе распространяются такіе плуги и культиваторы, при которыхъ дѣло рабочаго ограничивается только управленіемъ лошадьми, сидя на покойныхъ козлахъ. Уже давно существуютъ машины для нагруженія возовъ сѣномъ на лугу, конныя вилы для метанія стоговъ, жнеи, усовершенствованные молотилки, саломорѣзки и проч. Такъ какъ эти машины, кромѣ удобствъ для рабочаго, отличаются и большей производительностью, то нѣтъ сомнѣнія, что въ недалекомъ будущемъ ими обзаведется каждый фермеръ и земледѣліе перестанетъ быть однимъ изъ самыхъ тяжкихъ видовъ труда.

На слѣдующее утро я отправился къ долинѣ рѣки Вердегри и переплылъ ее на лодкѣ близь мельницы Вердай, приводимой въ движеніе огромной тюрбиной. Впрочемъ, наливныхъ и подливныхъ колесъ, вы почти вовсе не увидите въ Соед. Штатахъ.

Черезъ миль 4 на Востокъ отъ Вердая опять начинаюся холмы, покрытые дубнякомъ. По дорогѣ всѣ поля обнесены изгородями, но посѣвовъ чрезвычайно мало. Не смотря на спѣшное время, я не могъ найти никакой работы. И не потому, что вовсе не нуждались въ рукахъ въ этой мѣстности, а по различнымъ случайностямъ. Вотъ, напримѣръ, вамъ указываютъ на ферму версты полторы отъ дороги и говорятъ, тамъ навѣрно есть работа. Приходите—хозяина нѣтъ дома. Отсюда еще указываютъ одну ферму—тамъ только, что наняли работника и т. д. А между тѣмъ вы уже на 5—8 миль отдалились отъ вашего прямого пути.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

*)Тогда какъ у насъ въ Россіи до сихъ поръ еще въ хозяйственной литературѣ раздаются голоса, что косильныя и жатвенныя машины настолько несовершенны, что ихъ не стоитъ и заводить, въ Америкѣ выросло уже цѣлое поколѣніе фермеровъ, знающихъ только по разсказамъ дѣдушекъ и бабушекъ, что такое серпъ и коса. Американскому фермеру также странно было бы услышать мнѣніе о несовершенствахъ жней и косилокъ, какъ нашему крестьянину о недостаткахъ серпа и косы.

**) Впрочемъ, въ послѣднее время американцы начинаютъ серьезнѣе знакомиться съ Россіей и даже съ нашей литературой. Такъ, напр., въ одномъ журналѣ были переведены нѣкоторыя повѣсти Тургенева. Кромѣ того постоянно появляются статьи о русскихъ нравахъ и обычаяхъ.

Состояніе дикихъ народовъ.

Ст. Шафгаузена.

(*Продолженіе.*)

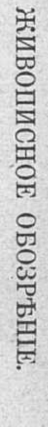
Въ связи съ людоѣдствомъ и, по всей вѣроятности, происходя первоначально изъ одного общаго источника, находятся людскія жертвоприношенія богамъ,—обычай, существующій у дикарей и слѣды котораго ясны у всѣхъ древнихъ народовъ. Согласно Цезарю *), бриты приносили человѣческія жертвы. Даже германскія племена убивали своихъ плѣнныхъ въ честь Одина, до самого VIII столѣтія. Въ Швеціи, жребій рѣшалъ, кому быть принесеннымъ въ жертву богамъ, при чемъ подобная участь выпадала и на долю королей. Аравійскій путешественникъ Ибнъ-Фосгланъ былъ очевидцемъ того, какъ въ 922 г., на Волгѣ, русскіе приносили въ жертву молодую дѣвушку при погребеніи одного знатнаго лица. Онъ подробно описываетъ эту церемонію, совершенную самымъ возмутительнымъ образомъ. Другой аравитянинъ разсказываетъ, что у славянъ-язычниковъ, при смерти ихъ князя, сожигаются вмѣстѣ съ нимъ его слуги, служанки, жены и всѣ близкія ему лица: писецъ, намѣстникъ, собутыльникъ и врачъ. При освященіи большого храма въ Мексико, въ 1486 г., жрецы умертвили 72,000 человѣкъ. Человѣческія убійства въ большомъ употребленіи тоже при дворѣ дагомейскаго короля, гдѣ, повидимому, они служатъ лишь для народной забавы, не выводящейся и доселѣ, не смотря на всѣ настоянія англичанъ. Жиро, присутствовавшій при празднествѣ у дагомейскаго короля въ 1836 г., говоритъ, что, при этомъ случаѣ, были умерщвлены 500—600 человѣкъ; нѣкоторымъ изъ нихъ отрубили головы, другихъ сбросили съ высокой стѣны на штыки; все это единственно для забавы. Согласно «Западно-африканскому Вѣстнику» за 1861 г., при большомъ жертвоприношеніи, устроенномъ королемъ въ честь тѣни его отца, было убито 2,000 человѣкъ; по другимъ свѣденіямъ—даже 7,000. Голландскій купецъ Ейшартъ, жившій при миссіи въ Попо, приводитъ подробное описаніе своего пребыванія въ Дагомеѣ *). Онъ былъ принятъ самимъ королемъ 1-го іюля. Король возсѣдалъ на площадкѣ передъ своимъ дворцомъ, окруженный амазонками; онъ пожалъ Ейшарту руку по-европейски и началъ разговаривать съ нимъ на португальскомъ языкѣ. Послѣ этого, Ейшарту дали понять, чтобы онъ шелъ къ себѣ въ домъ и не выходилъ бы изъ него втеченіи трехъ сутокъ. 5 іюля, его повели опять на большую площадь, на которой въ ту же ночь было умерщвлено множество народа. Первое, что увидѣлъ Ейшартъ—былъ трупъ миссіонера изъ Сіерра-Леоне, по имени Уилльяма Догерти. Онъ былъ распятъ на деревѣ, при чемъ одинъ гвоздь былъ вбитъ ему въ лобъ, другой въ грудь; руки и ноги были тоже пригвождены. Подъ лѣвою мышкою убитаго торчалъ его большой бумажный дождевой зонтикъ. Король сидѣлъ опять на площадкѣ, произнося воинственныя рѣчи; передъ нимъ стоялъ цѣлый рядъ свѣжеотсѣченныхъ головъ; вся площадь была залита кровью. Ейшартъ былъ опять отведенъ домой съ предостереженіемъ: не выходить никуда до солнечнаго захода и не выглядывать на улицу. 10-го числа, его снова повели къ королю на рыночную площадь. Въ этотъ разъ, у него на глазахъ отрубили головы тремъ вождямъ изъ племени ишага. Послѣ этого принесли 24 корзины; въ каждой изъ нихъ лежалъ плѣнный такимъ образомъ, что только голова его была видна. Корзины ставили передъ королемъ, а потомъ бросали пляшущей и ревущей толпѣ, которая быстро обезглавливала несчастныхъ. Каждый, успѣвшій схватить корзину и отрубить одну голову, получалъ, приблизительно, 20 зильбергрошей награды. 11-го числа, повторились тѣ же сцены. Потомъ все было тихо, впродолженіе 10 дней, но, какъ кажется, убійства продолжались по ночамъ. Самое большое побоище произошло 22 іюля. Передъ дворцомъ были построены двѣ эстрады, на каждой изъ нихъ находилось по 16 обреченныхъ на жертву людей и по 4 коня. На третьей эстрадѣ, находившейся внутри дворца, были: 16 женщинъ, 4 коня и 1 аллигаторъ. Всѣ люди были изъ Сіерра-Леоне, взятые въ плѣнъ въ Ишагѣ. Еще сидѣли, связанные вокругъ стола 16 человѣкъ, одѣтые по европейски. Они должны были пить за здоровье короля, который производилъ смотръ своимъ войскамъ, состоявшимъ изъ 40,000 солдатъ и 10,000 амазонокъ, при 24 пушкахъ. Онъ обѣщалъ своей арміи при этомъ случаѣ, новые опустошительные походы. Въ заключеніе, всѣ плѣнные и животныя были убиты, при чемъ обращалось особенное вниманіе на то, чтобы кровь всѣхъ этихъ жертвъ смѣшивалась вмѣстѣ.

Человѣческія жертвы при поминовеніи усопшихъ были въ общемъ употребленіи въ древней Европѣ, исчезая, мало по малу, впродолженіе столѣтій. Въ отдаленныя времена, у жителей Галліи, слуги слѣдовали за своими господами на костеръ, но при Ю. Цезарѣ этотъ обычай уже былъ отмѣненъ **). Въ Эддѣ говорится, что на кострѣ Сигурда и Брунгильды были преданы сожженію слуги, служанки, собаки и соколы. Бонифаціусъ (745 г.) говоритъ, что у вендовъ весьма уважалась та жена, которая убивала себя, съ цѣлью быть сожженною вмѣстѣ съ мужемъ. У поляковъ, еще въ X столѣтіи, вдовѣ рубили голову и сожигали трупъ ея съ мужнинымъ. Гванини, долго жившій между сарматами, гово-

*) Caesar. De bello gall. VI. 16.—Гриммъ.—О сожиганіи труповъ. Берлинъ. 1850.

*) Кельнская газета. 1862.

**) Ю. Цезарь. De bello gall. VI. 19.

Посѣщеніе бѣдныхъ.

ритъ, что въ началѣ XVII столѣтія, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, близъ Курляндіи, знатныя лица хоронились вмѣстѣ съ своими драгоцѣнностями, лошадьми, оружіемъ, двумя охотничьими собаками, однимъ соколомъ и однимъ преданнымъ и наиболѣе любезнымъ покойному слугою, друзья и родственники котораго вознаграждались за это богатыми подарками.

Сожиганія вдовъ въ Индіи, учрежденныя, по словамъ Страбона, изъ необходимости для предотвращенія отравленій пожилыхъ мужей женами, составляютъ остатокъ того же древняго обычая. Благодаря энергическимъ усиліямъ англичанъ, начатымъ по почину лорда Бентинка, а также стараніямъ просвѣщенныхъ индусовъ, изъ которыхъ одинъ, Бобу-Монъ-Лоллъ-Силь обѣщалъ даже 20,000 рупій тому, кто покажетъ первый примѣръ, женясь на индусской вдовѣ, ужасный обычай сожженія прекращенъ въ Индіи. Въ засѣданіи азійскаго общества, 20-го апрѣля 1850 г., Уильсонъ, говоря о человѣческихъ жертвахъ, признавалъ ихъ составною частью древняго индусскаго культа уже во время соединенія браманскихъ толковъ; входя существенно въ ученіе Веды, подобный обычай долженъ считаться древнѣе Рамайяны и Магабараты; онъ возникъ, вѣроятно, около 500 г. до Р. Х. Вожди племени сиковъ объявили себя, въ 1853 г., въ пользу его отмѣны. Послѣднее жертвоприношеніе въ этомъ родѣ, которому былъ свидѣтелемъ одинъ нѣмецкій путешественникъ, произошло въ 1850 г., на одномъ изъ Зондскихъ островозъ, Бали *). При сожженіи Дьювы-Арго, старшаго жреца и раджи гонконгскаго, его семь женъ бросились тоже на костеръ, каждая съ голубцемъ на головѣ. Эти птицы, вырываясь изъ пламени служатъ у малайцевъ эмблемою возносящейся души. У американскихъ индѣйцевъ подобный обычай приносить себя въ жертву уже давно не существуетъ, но старинные писатели, Петръ Мученикъ (Peter Martyr), Клавогеро и Геррера говорятъ, что при смерти вождя, многіе убиваютъ себя, чтобы быть съ нимъ вмѣстѣ и ему прислуживать. Въ обычаяхъ туземцевъ остр. Ванкувера, у западнаго берега Америки, можно еще найти слѣды подобнаго обряда **). При сожженіи трупа вождя, жены его должны лежать на кострѣ, пока жрецъ не позволитъ имъ снова встать; потомъ, онѣ должны собрать кости изъ золы и носить ихъ, впродолженіи трехъ лѣтъ, денно и нощно, въ связкѣ на спинѣ; по прошествіи этого времени, онѣ имѣютъ право снова вступить въ бракъ. На островахъ Фиджи и Нов. Гебридскихъ жены умершаго вождя подвергаются задушенію. Вожди на остр. Бау убили своего соперника и дополнили свою месть еще тѣмъ, что оставили въ живыхъ его вдову, но вѣрная супруга не захотѣла пощады... «Удавите меня скорѣе, воскликнула она, — чтобы я могла съ нимъ соединиться, утѣшить его и дать ему пищи».

Въ горной Гватемалѣ ***), равно какъ въ Индіи, у первобытнаго племени, кондовъ, дѣти приносились въ жертву, что продолжалось до самого послѣдняго времени. Капитанъ Кэмпбель освободилъ, въ 1835 г., болѣе сотни подобныхъ меріевъ (такъ называются жертвы, которыхъ умерщвляютъ съ цѣлью умилостивить богиню земли и испросить отъ нея хорошую жатву). Онъ искоренилъ подобный обычай и у другихъ племенъ. Въ особенности обрекаются на жертву дѣвочки, которыхъ, вообще, стараются истреблять въ округахъ Сурода и Раджпутана, прямо умерщвляя ихъ или выставляя на добычу хищнымъ звѣрямъ. Лордъ Уэлеслей первый запретилъ подобный обычай, и англійское правительство строго слѣдитъ за исполненіемъ изданнаго по этому случаю закона, хотя примѣры его нарушенія не рѣдки и до нашихъ дней. Какъ сообщаетъ капитанъ Макъ-Нейль, джаяпурскіе конды были недовольны, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, отмѣною человѣческихъ жертвоприношеній, потому что втеченіи трехъ послѣднихъ дождливыхъ временъ года стояли засухи и скотъ нуждался въ кормѣ. Конды обратились къ туамульскому раджѣ и просили у него мерія; онъ отклонилъ ихъ просьбу, предлагая имъ, впрочемъ, овецъ и буйволовъ для жертвы. Конды отвергли этотъ подарокъ съ презрѣніемъ и рѣшили, во чтобы то ни стало, принести публичную жертву въ ближайшее полнолуніе. Одинъ кондъ доставилъ, съ этою цѣлью, полевую рабыню, пожилую женщину, купленную за 5 рупій; ее привезли связанную въ деревню, а когда раджа сдѣлалъ попытку ее освободить, то конды упрятали ее далѣе, въ горы. Раджа извѣстилъ тогда съ нарочнымъ англійскую администрацію; черезъ часъ по полученіи извѣстія, былъ высланъ отрядъ изъ 50 солдатъ, подъ начальствомъ надежнаго командира; сдѣлавъ переходъ въ 50 англ. миль въ 38 часовъ, и по самымъ крутымъ горнымъ дорогамъ, солдаты прибыли на мѣсто жертвоприношенія, то есть на плоскую возвышенность Туамюль, находящуюся въ 4,000 ф. надъ уровнемъ моря. Женщина была только что приведена къ жертвенному столбу. Конды, въ числѣ около 5,000 человѣкъ, взялись за оружіе, но, хотя и не безъ борьбы, англичанамъ удалось спасти несчастную. Макъ-Нейль совѣтуетъ англійскому правительству выдавать старшинамъ тѣхъ поселковъ, въ которыхъ численность мужского и женскаго населенія будетъ находима въ правильномъ соотношеніи, какіе либо знаки своего благоволенія. Въ 1860 г., были спасены тридцать человѣкъ, обреченныхъ уже на жертву въ горной мѣстности Ориссы. Кэмпбель *) насчитываетъ, что съ 1837 г. по 1854 г., въ Кондистонѣ было спасено не менѣе, чѣмъ 1,506 меріевъ; число же ежегодныхъ жертвъ, по его свѣдѣніямъ, было не менѣе 150 ч. Когда, въ 1837 г., вожди принесли клятву въ отмѣнѣ обычая, въ Гумсурѣ получили свободу 100 меріевъ. Кэмпбель говоритъ, что дѣти, назначаемыя въ жертву, продаются изъ своей родной деревни въ другую. Передъ самою смертью, жертву напаиваютъ до-пьяна пальмовымъ виномъ, чтобы утопить ее потомъ въ свиной крови, или раздавить между двухъ древесныхъ стволовъ. Такимъ образомъ, здѣсь видно уже стремленіе облегчить предсмертныя муки жертвы. По совершеніи казни, всѣ присутствующіе берутъ по куску еще трепещущаго мяса и зарываютъ его у себя въ полѣ. Приходится ли признать, что во всемъ человѣчествѣ издревле существуетъ загадочное стремленіе приносить искупительныя жертвы изъ себѣ подобныхъ существъ, такъ что никакое искупленіе даже немыслимо безъ подобной жертвы, или же, такъ какъ, вслѣдствіе общаго малаго знакомства съ естественными законами, болѣзни, смерть и всякое зло считаются не иначе, какъ карою мстящаго божества, человѣкъ спѣшитъ самъ наложить на себя наказаніе, принося въ жертву самое для него дорогое, самое близкое и самое цвѣтущее, для того чтобы умилостивить разгнѣванное верховное существо. При настоящемъ развитіи, вносимомъ европейцами во всѣ страны, возникаетъ другой взглядъ и болѣе достойное богопочитаніе. Уже 25 лѣтъ, какъ колесница Джаггернаута не катится болѣе по тѣламъ добровольныхъ мучениковъ, кидавшихся подъ нее, чтобы быть раздавленными ею. Мы видимъ, изъ многочисленнѣйшихъ примѣровъ, постепенное уничтоженіе подобныхъ ужасныхъ обычаевъ. Спикъ (Speke), открывшій источники Нила, видѣлъ племя негровъ, въ которомъ, при началѣ войны, народъ приносилъ въ жертву ребенка, но, иногда, довольствовался и козою. Не напоминаетъ-ли это жертвоприношеніе Ифигеніи въ Авлидѣ, съ вмѣшательствомъ богини Артемиды, спасшій дѣвушку, ниспославъ, вмѣсто нея, бѣлую лань?

Но душа наша, утомленная перечнемъ кровавыхъ обычаевъ дикарей, отдыхаетъ на примѣрахъ добродѣтели, представляемыхъ тѣми же бѣдными сынами природы. На ряду съ самыми варварскими стремленіями, дикарь обнаруживаетъ самыя изумительныя мужество и энергію, вѣрность и преданность, любовь и дружбу, мирящія насъ съ его пороками. Мы должны наблюдать нравы индѣйца въ его зимнихъ стоянкахъ, въ уединеніи его лѣсовъ, говоритъ Шенау; *) тамъ онъ совершенно иной: привѣтливъ, гостепріименъ, веселъ; онъ чувствуетъ здѣсь увѣренность, чуждую ему во всякомъ другомъ положеніи. Не трогательно ли, что индѣйцы не охотно покидаютъ мѣста, на которыхъ погребенъ кто либо изъ ихъ близкихъ? При свирѣпствованіи оспы на остр. Ванкувера, англійскіе офицеры нашли деревню, изъ которой скрылись оставшіеся въ живыхъ: въ каждой хижинѣ, подъ поломъ, было схоронено по 4—5 труповъ мужскихъ, женскихъ или дѣтскихъ. Эпидемія должна была страшно опустошать эти зараженныя жилища. Пришлось сжечь ихъ до тла и засыпать известью все это похоронное мѣсто. Становится понятнымъ, что Манданы на берегахъ Миссури могли вполнѣ вымереть отъ оспы, занесенной къ нимъ мѣховыми торговцами. Не представляетъ ли тоже благороднѣйшаго примѣра мужества чипевескій вождь, старецъ, предлагающій себя въ обмѣнъ за сына (захваченнаго Лисьимъ племенемъ индѣйцевъ), говоря: «Мой сынъ видѣлъ еще лишь нѣсколько зимъ; ноги его еще незнакомы съ стезею битвы; мои волоса побѣлѣли и я увѣшивалъ не разъ могилы моихъ предковъ скальпами вашихъ воиновъ; возведите же лучше на костеръ меня и отпустите моего сына обратно въ мою хижину!» И онъ далъ сжечь себя живымъ, не испустивъ ни одного вопля. Въ племени Чокто, одинъ убійца былъ приговоренъ къ казни; братъ его, замѣтя, что онъ дрожитъ, сказалъ ему: «Ты боишься смерти; имѣй попеченіе о моей семьѣ, а я умру за тебя». Его изрубили въ ту же минуту.

Многое, считаемое нами за варварство, обусловливается у дикихъ нуждою. Если австралійцы хоронятъ живого груднаго младенца вмѣстѣ съ его умершею матерью, то это потому, что не видятъ средствъ къ сохраненію его жизни. Бѣдныя индѣйскія племена предаютъ ослабѣвшихъ стариковъ на жертву голоду при своихъ кочевкахъ. Старцы сами требуютъ этого и прощаются съ своими дѣтьми и ближними въ трогательныхъ выраженіяхъ. На сѣверѣ Германіи, въ мѣстностяхъ, занятыхъ вендами, существуютъ рощи, носящія названіе «Слезныхъ». Здѣсь, по преданію, родные сыновья убивали и погребали родителей, обезсилѣвшихъ отъ лѣтъ и неспособныхъ работать. Прокопій говоритъ, что герулы сожигали стариковъ, жены которыхъ должны были удалиться вслѣдъ за ними, если не хотѣли подвергнуться позору. Тюрингенцы отрубали голову больнымъ, послѣ чего сожигали ихъ трупы. **) Американецъ Голль ***) видѣлъ слѣды подобнаго обычая въ Гренландіи, въ 1860 г. На его глазахъ, эскимосы положили смертельно больную женщину въ снѣговую хижину, покрыли ее мѣхами, оставили ей нѣсколько пищи и потомъ заложили выходъ льдомъ, чтобы несчастная могла умереть въ одиночествѣ. Голль открылъ хижину и оставался при больной до ея смерти.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

*) Ausland. 1852. № 10.
**) Ausland. 1861. № 34.
***) Ausland 1856. № 18.

*) Athaeneum. 1863. № 1881.

*) Ausland. 1857. № 36.
**) Масковъ. Исторія германцевъ. Лейпцигъ. 1737.
***) Geographic. Society. London. 1865.

Судебная ошибка.

Романъ **Ф. Буагобея**. Переводъ **С. И. Воскресенской**.

(Продолженіе.)

— Моргъ! повторила Тереза.—Вы туда ходили, Люи?

— Да... заглянулъ случайно... проходилъ мимо, отвѣчалъ, смутясь, молодой человѣкъ.

— Захотѣли посмотрѣть на «женщину съ пиковой дамой?» Кажется такъ называютъ ее въ газетахъ? замѣтилъ незнакомецъ.—Стало быть, портфель вашъ?.. Вотъ онъ, взгляните.

— Давайте... это мой, проговорилъ Люи съ усиліемъ, протягивая руку.

— Позвольте! Перво-на-перво, я долженъ сосчитать денежки передъ вами, чтобы вы видѣли, что все на лицо...

— Не надо. Я вѣрю вамъ.

— Нѣтъ уже, какъ хотите, а сосчитаю. Акуратность нигдѣ не мѣшаетъ. Изволите видѣть: одинъ, два, три, четыре, пять билетовъ, по 1000 франковъ каждый...

— Я и не сомнѣвался...

— Позвольте, еще не все. Вотъ записка, благодаря, которой я узналъ адресъ г-жи Леконтъ... иначе, гдѣ бы мнѣ васъ искать?..

Жантильи протянулъ опять руку къ портфелю, но незнакомецъ снова удержалъ его.

— Позвольте еще... какая-то фотографія... женскій портретъ... вѣроятно вашъ, сударыня, сказалъ онъ, показывая карточку Терезѣ.

Молодая дѣвушка отвернулась. Женскій инстинктъ подсказывалъ ей, что не слѣдуетъ смотрѣть на этотъ портретъ. Она знала, что это не ея изображеніе. Еще ни разу не рѣшилась она позволить банальному объективу воспроизвести ея нѣжныя черты, которыя могли бы потомъ быть проданы первому встрѣчному. Ревность заговорила въ ея душѣ. Зачѣмъ Люи сохранялъ чей-то чужой портретъ?.. Портретъ женщины молодой и хорошенькой, судя потому, что незнакомецъ счелъ его за портретъ самой Терезы.

Г-жа Леконтъ была тоже взволнована. Она не подозрѣвала Люи въ невѣрности, но смутно сознавала какую-то непріятную тайну среди всѣхъ этихъ недомолвокъ и начинала думать, что честный находчикъ играетъ комедію, цѣль которой оставалась пока неизвѣстной.

Что касалось Люи, то не было сомнѣнія въ томъ, что выставка на показъ фотографической карточки нанесла ему страшный ударъ. Онъ поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ, и схватился за спинку кресла, чтобы не упасть.

Незнакомецъ спокойно наблюдалъ за произведеннымъ имъ эфектомъ.

— Кажется, я ошибся, провзнесъ онъ, какъ бы замѣчая только теперь, что Тереза не смотритъ на карточку.—Я думалъ, сударыня, вашъ портретъ... иначе, я и не осмѣлился бы...

— Дайте сюда, перебилъ его Люи.—Эта фотографія принадлежитъ мнѣ...

— Какъ и все, что въ портфелѣ, сударь; кто же споритъ! Все ваше... и награды мнѣ не нужно, я уже сказалъ... Позвольте только полюбоваться на дамочку... Красивое личико всегда пріятно видѣть.

— Не смѣйте! вскрикнулъ Люи, кидаясь къ нему, чтобы отнять карточку. Но незнакомецъ ловко обогнулъ столъ, поставя его, такимъ образомъ, въ видѣ барьера между собою и молодымъ человѣкомъ. Послѣ такого ловкаго маневра, онъ принялся разсматривать портретъ при свѣтѣ лампы. Тереза, со слезами на глазахъ, подошла тихо къ своему жениху и спросила у него шепотомъ:

— Отчего вы не хотите, чтобы кто-нибудь видѣлъ этотъ портретъ?.. Вы молчите?.. О, Люи, ради Бога, скажите слово... объясните...

— Вотъ тебѣ разъ! воскликнулъ неожиданно незнакомецъ.—Этого уже я не думалъ, не гадалъ!

— Что еще? спросила, вся дрожа, г-жа Леконтъ.

— Да то, сударыня, что это портретъ той самой убитой женщины!

— Не можетъ быть... вы ошибаетесь...

— Какая тутъ ошибка! Я ее видѣлъ въ Моргѣ... Такой головки не позабудешь... Красавица писанная... Она, какъ есть, она!

Тереза, готовая лишиться чувствъ, опустилась въ кресло.

— И посмотрите, до чего только доходятъ эти фотографы! продолжалъ разсуждать незнакомецъ.—Все-то тутъ есть... даже родинка на лѣвой щекѣ... И тотъ же нарядъ... платье съ кружевами... И, чего лучше! пиковая дама тутъ же... только она не на грудь ей прибита, какъ тамъ, на трупѣ, а бѣдняжка держитъ ее въ рукѣ...

— Довольно! закричалъ Люи, подходя къ нему съ сжатыми кулаками.—Я не намѣренъ болѣе выносить вашей нахальной болтовни. Отдайте мнѣ портфель и уходите; иначе...

— Иначе, что? спросилъ странный гость, вкладывая карточку въ портфель и пряча этотъ послѣдній въ карманъ.

— Я позову людей и велю вытолкать васъ за дверь!

— Люи!.. Ради Бога! воскликнула перепуганная г-жа Леконтъ, между тѣмъ, какъ незнакомецъ возражалъ хладнокровно:

— Не совѣтую вамъ прибѣгать къ такимъ мѣрамъ. Вопервыхъ, я за счетъ кулаковъ тоже за себя постою, даже и противъ двухъ человѣкъ, а во-вторыхъ, такое самоуправство обойдется вамъ не даромъ, потому что я, прямехонько отъ васъ, пойду къ комиссару.

Люи позеленѣлъ отъ бѣшенства.

— Если вы осмѣлитесь, проговорилъ онъ, задыхаясь,—я донесу на васъ тому же комиссару, какъ на вора... и докажу, что вы воръ, потому что могу показать платье, которое вы на мнѣ разрѣзали, чтобы украсть этотъ бумажникъ. Дѣло слишкомъ ясное, вещь украденная у меня за нѣсколько часовъ тому назадъ, находится въ вашихъ рукахъ... Я могу только удивляться вашему нахальству... Поймите, что я съ умѣлъ бы уже давно покончить съ вами, если бы не хотѣлъ избавить г-жу Леконтъ и ея дочь отъ слишкомъ непріятной сцены...

— Я, съ моей стороны, вовсе не желаю сценъ! невозмутимо возразилъ посѣтитель.—Я всегда преисполненъ уваженія къ дамамъ, и шума вообще не люблю. Это только вы кипятитесь, молодой человѣкъ...

— Убирайтесь вонъ! закричалъ Люи, выведенный окончательно изъ себя такою фамильярностью. Отдайте мнѣ этотъ портфель... или совсѣмъ не отдавайте... какъ знаете! Мнѣ пріятнѣе предоставить вамъ всѣ эти деньги, чѣмъ быть замѣшаннымъ, даже въ качествѣ истца, въ воровское дѣло... Надѣюсь, что вы теперь довольны и не вздумаете идти къ комиссару!

Незнакомецъ не отвѣтилъ ничего, но стоялъ, вертя въ рукахъ свою шляпу, съ замѣшательствомъ, которое составляло странный контрастъ съ его недавней самоувѣренностью.

— Чего вы ждете еще? съ угрозою спросилъ Люи.

— Я вамъ все объясню, добрѣйшій мой господинъ, отвѣчалъ посѣтитель.—Во-первыхъ, возьмите вы въ толкъ, что я ни въ чемъ неповиненъ. Очень вѣрю, что у васъ украли портфель... но, въ такомъ случаѣ, воръ его потерялъ, а я поднялъ.

— Если бы передъ нами былъ похититель, то онъ не принесъ бы вамъ вещи обратно, мой милый Люи, сказала г-жа Леконтъ, желавшая покончить дѣло миролюбиво.

— Справедливо изволили замѣтить, сударыня! Надѣюсь, что г. де-Жантильи пойметъ такую истину. И пойметъ онъ тоже, что если я не отдаю ему теперь вещицы, то это потому, что я, по совѣсти, обязанъ предъявить комиссару такой портфель, въ которомъ находится портретъ убитой особы. Вы подумайте сами! Полиція себѣ подошвы отбила, бѣгая за убійцей... а тутъ, вдругъ портфель съ такою карточкою... это можетъ навести на слѣдъ... Въ газетахъ то и дѣло пишутъ, что обязанность всякаго честнаго гражданина помогать правосудію, а я себя тоже честнымъ гражданиномъ считаю...

— И вы намѣрены пойти... началъ измѣнившимся голосомъ Жантильи.

— Къ комиссару ... Да, прямехонько отсюда. Я и началъ бы съ того, если бы разобралъ фотографію прежде, чѣмъ заглянулъ къ вамъ, но, понимаете, прежде всего бросились мнѣ въ глаза банковые билеты и записка съ адресомъ... Но вамъ что же?.. деньги свои вы получите изъ полиціи... И даже, мой совѣтъ, если хотите получить ихъ скорѣе, пойдемте вмѣстѣ со мной.

При этомъ предложеніи, сдѣланномъ самымъ ласковымъ голосомъ, молодой человѣкъ невольно вздрогнулъ.

— Къ чему? произнесъ онъ отрывисто.—У меня нѣтъ дѣла къ комиссару. Деньги ваши, если вы ихъ нашли. Я ихъ отъ васъ не требую.

— Мои! какія же онѣ мои!.. Слишкомъ уже вы щедры... Я не принимаю такого подарка... Пойдемъ лучше къ комиссару.

— Я вамъ говорю, что нахожу это лишнимъ.

— Какъ знаете. Разумѣется, рано или поздно, а вы деньги получите, безъ особыхъ хлопотъ съ вашей стороны... Ждать же вамъ, повидимому, не трудно... Нечего дѣлать, пойду покалякать одинъ съ комиссаромъ... Счастливо оставаться!

Онъ поклонился и сдѣлалъ движеніе, чтобы уйти. Г-жа Леконтъ вздохнула свободнѣе. Вся эта сцена давила ее, какъ тяжелый кошмаръ. Люи старался казаться спокойнымъ, но это плохо удавалось ему; Тереза смотрѣла на своего жениха съ выраженіемъ тревоги и еще другого, болѣе тяжелаго чувства.

— Нѣтъ... такъ нельзя... проговорилъ незнакомецъ, дѣлая снова поворотъ къ Жантильи.

— Что вы хотите сказать? воскликнулъ Люи.

— А то, что комиссаръ примется задавать мнѣ сотню вопросовъ о васъ... И то, и сё... Онъ отличный человѣкъ, нашъ комиссаръ, но эти господа любопытствуютъ по обязанности... Къ тому же, послѣ этого происшествія съ пиковой дамой, всѣ они тамъ, въ полиціи, ровно угорѣли... Разумѣется, и есть отчего!.. Стало быть, когда я ему скажу, что портретъ принадлежитъ вамъ, онъ пожелаетъ спросить у васъ, не сама ли убитая подарила вамъ его...

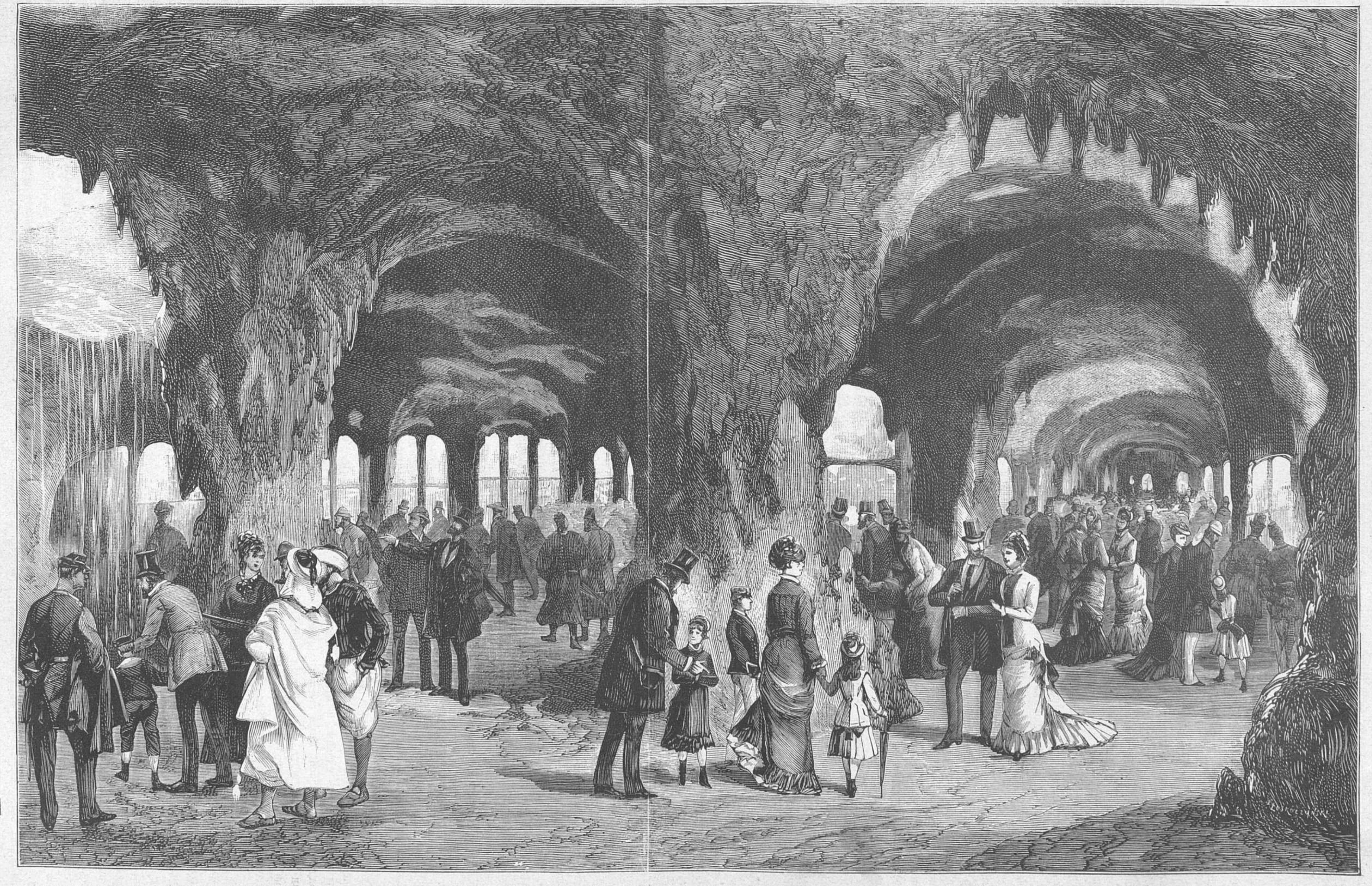
Замѣтивъ, что Тереза поблѣднѣла при этихъ словахъ, незнакомецъ прибавилъ поспѣшно:

— Вздоръ, само собой! Вы купили его у какого нибудь фотографа... дѣло обыкновенное! Но что прикажете дѣлать, эти комиссары уже такой народъ... имъ все объясни, да разъясни... и я готовъ прозакладывать полуштофъ, что онъ пришлетъ за вами... и не позже сегодняшняго же вечера... При томъ, не надѣйтесь, что отрядитъ онъ за вами ливрейнаго лакея...

— Жандармы... въ моемъ домѣ! воскликнула съ испугомъ г-жа Леконтъ.

— Переодѣтые, сударыня; на этотъ счетъ вѣжливость соблюдается, да только оно не легче, потому что этимъ маскарадомъ никого не проведешь... По одной осанкѣ ихъ узнаютъ... И что же пріятнаго, если они появятся? Честн для дома особенной нѣтъ... Право, будь я на мѣстѣ г. де-Жантильи, пошелъ бы я самъ безъ дальнихъ разговоровъ, покончилъ бы все дѣло въ полчаса времени, и успѣлъ бы вернуться сюда, сегодня

ПАРИЖСКАЯ ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА.

Отдѣлъ акваріумовъ.

же вечеромъ, чтобы успокоить этихъ госпожъ... Деньги комиссаръ отдастъ тотчасъ, оставитъ у себя только портретъ...

— Знаете ли, Люн, мнѣ кажется, что этотъ господинъ правъ, сказала г-жа Леконтъ.—Гораздо лучше покончить скорѣе эту глупую исторію. Поѣзжайте... я велю тотчасъ же заложить карету..

— Напрасно, сударыня, сказалъ незнакомецъ. У меня фіакръ взятъ на часы, и лошадь попалась отличная... Мигомъ насъ доставитъ... а то все же время пройдетъ, пока будутъ закладывать... Да притомъ, осмѣлюсь замѣтить, оно лучше, если у комиссарскаго дома не увидятъ вашей кареты... а то, вѣдь, полицейскіе сержанты—народъ дошлый, примутся выпытывать у вашего кучера: кто, откуда... Мы уже лучше въ фіакрѣ.

Эти соображенія показались убѣдительными г-жѣ Леконтъ. Люн, съ своей стороны, казался довольно спокойнымъ.

— Хорошо, сказалъ онъ,—я ѣду съ вами.

Онъ пожалъ руку своей будущей тещѣ и подошелъ проститься съ Терезой.

— Вы мнѣ прощаете? спросилъ онъ ее такъ тихо, что она одна могла его слышать.—Прощаете ту горесть, которую я вамъ причиняю теперь?

— Прощаю, потому что надѣюсь, что вы оправдаетесь, отвѣчала она ему такимъ же шепотомъ.

— Неужели же вы подозрѣваете, что я убилъ эту женщину?

— О, я обвиняю васъ не въ такомъ преступленіи, сказала Тереза, улыбаясь сквозь слезы.—Но вы должны будете объяснить мнѣ... почему вы забыли, что я обѣщала вамъ свой портретъ, и носили при себѣ портретъ другой женщины...

— Мнѣ будетъ не трудно оправдаться въ этомъ! страстно произнесъ молодой человѣкъ.

Онъ поклонился еще разъ г-жѣ Леконтъ и вышелъ въ сопровожденіи незнакомца, который отказался изъ вѣжливости выдти первымъ изъ комнаты.

Старый Антуанъ, увидавъ своего будущаго господина въ такомъ странномъ обществѣ, не позволилъ себѣ, конечно, сдѣлать ему замѣчаніе, но завидя фіакръ, въ который Люн намѣревался сѣсть вмѣстѣ съ незнакомымъ человѣкомъ, рискнулъ подать ему косвенный совѣтъ быть поосторожнѣе.

— Не лучше ли вамъ приказать ѣхать по шоссе, сударь, сказалъ онъ.—Зимою, въ лѣсу глушь... даже жутко немного...

Молодой человѣкъ не отвѣтилъ ничего и направился къ фіакру; незнакомецъ упорно шелъ за нимъ, вмѣсто того, чтобы показывать ему дорогу. Давъ Люн сѣсть въ экипажъ, онъ сказалъ два слова кучеру и захлопнулъ дверцу. Лошадь быстро тронулась съ мѣста.

— Я велѣлъ ѣхать въ объѣздъ, сказалъ незнакомецъ.—Вашъ слуга правъ! зимою, и подъ вечеръ, въ лѣсу не спокойно... Особенно когда везешь такія деньги...

— Не бойтесь, со мною револьверъ, отвѣчалъ Люн, радуясь случаю намекнуть своему спутнику, что онъ будетъ имѣть дѣло не съ безоружнымъ человѣкомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Что же, осторожность никогда не мѣшаетъ... Вы берете револьверъ, даже когда и къ дамамъ ѣздите? И то не лишнее!

— Послушайте, началъ Люн послѣ нѣкотораго молчанія,—я надѣюсь, что теперь, когда мы съ вами помирились, вы не откажетесь принять отъ меня тысячефранковый билетъ послѣ нашего визита къ комиссару?

— Ни до визита, ни послѣ. Я уже вамъ это сказалъ, а у Жана Пьедуша одно слово.

— Пьедушъ! повторилъ молодой человѣкъ, удивленный этимъ довольно страннымъ именемъ.

— Да, меня такъ зовутъ. Я смазчикомъ въ компаніи омнибусовъ... карьера не особенно блестящая, но жить можно... И даже кое-что откладываю... завтра же, можетъ быть, внесу тысчонку въ сберегательную кассу. Это дѣткамъ... у меня ихъ трое.

— Примите же мою тысячу и вы внесете, вмѣсто одной, двѣ тысячи франковъ въ кассу...

— Да нѣтъ же, сказано!.. Но я все думаю: что значитъ судьба! Не пойди я въ Моргъ... Кстати, въ которомъ часу были вы тамъ?

— Около трехъ, рѣзко отвѣтилъ Люн.

— Какъ и я! Можетъ быть, даже вмѣстѣ глазѣли... Только я васъ не призналъ... Впрочемъ, вы были, разумѣется, не въ той самой одеждѣ.. принарядились, чтобы къ дамамъ идти.

— Да, я воротился домой, чтобы переодѣться, и тутъ только замѣтилъ свою пропажу.

— Непріятное ощущеніе! На вашемъ мѣстѣ, я кинулся бы сейчасъ подать заявленіе...

— Мнѣ было нельзя... меня ожидали въ Булони.

— Понимаю. Вы влюблены... а для влюбленнаго свиданіе съ милой дороже бумажника!... Впрочемъ, вы не особенно хотѣли заявлять собственно оттого, что ожидали непріятныхъ разспросовъ по поводу этого портрета...

— Нисколько! живо возразилъ Люн. — Развѣ запрещено имѣть при себѣ фотографію..

— Какую угодно, но не съ физіономіей той особы, которую убили, положили въ чемоданъ, и которая никому неизвѣстна!.. Будь вы невинный младенецъ, полицейскіе придерутся...

Настойчивость съ которою этотъ человѣкъ возобновлялъ разговоръ о непріятностяхъ, грозившихъ Жантильи со стороны полиціи, поразила, наконецъ, жениха Терезы. «Не напрашивается ли онъ на взятку? подумалъ онъ. Всѣ его завѣренія въ честности могутъ быть только однимъ отводомъ». Эта мысль такъ овладѣла умомъ Люн, что онъ рѣшился испытать ея справедливость.

— Я сознаюсь вамъ, сказалъ онъ, притворно небрежнымъ тономъ,—что дѣло для меня не особенно восхитительное. Вы могли догадаться, что дѣвица Леконтъ моя невѣста... и мнѣ будетъ непріятно до крайности...

— Если ваша свадьба разстроится изъ-за пустяковъ, договорилъ Пьедушъ.—Очень даже непріятно!

— Да... Но въ вашей власти уладить дѣло. Я уже просилъ васъ сохранить портфель... но тамъ только пять тысячъ... Я богатъ и моя невѣста тоже... мнѣ ничего не стоитъ утроить эту сумму...

— Пятнадцать тысячъ франковъ... не дурно!

— Двадцать, если потребуете... Вы согласны? Двадцать тысячъ, то есть цѣлый капиталъ для вашихъ дѣтей, если вы согласитесь ничего не говорить комиссару и отдадите мнѣ эту фотографію...

— Оно соблазнительно... Только знаете ли, боюсь...

— Чего вы боитесь?.. Что кто-нибудь узнаетъ о нашей сдѣлкѣ?.. Никогда! А фотографію я сожгу при васъ.

— Нѣтъ... все же страшно... Не сердитесь, но я отказываюсь рѣшительно.

Едва Пьедушъ успѣлъ произнести эти слова какъ увидѣлъ передъ собою дуло револьвера и услышалъ дикій возгласъ:

— Отдайте мнѣ этотъ портретъ, или я васъ убью!

— Поосторожнѣе, молодой человѣкъ! не возмутимо отвѣтилъ Пьедушъ.—Вы вмазываетесь болѣе и болѣе.

Эти слова обдали Жантильи холодной водою. Онъ молча опустилъ свой револьверъ.

— Мы уже не на пустомъ шоссе, а въ городѣ, продолжалъ Пьедушъ.—Выстрѣлъ услышатъ... кучеръ остановится... онъ меня лично знаетъ... соберется народъ... васъ арестуютъ... и уже въ такомъ случаѣ, портретъ, который вамъ такъ дорогъ, приведетъ васъ къ бѣдѣ!

— Я хотѣлъ только васъ напугать... я виноватъ, прошепталъ Люн.—Вы меня раздражили...

— Ладно, я не сержусь... Но, вотъ мы и пріѣхали. Фіакръ, проѣхавъ по набережной Орложъ, повернулъ круто на-право, въѣхалъ въ какія-то большія ворота и остановился передъ входомъ, у котораго стояли два городскіе сержанта.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Весною ночью.

Стих. **А. Е. Алѣева.**

Окружена блестящею толпою
Веселыхъ звѣздъ, свершаетъ путь луна
И льетъ свой свѣтъ надъ рощей и рѣкою
Въ ночномъ безмолвіи она. —

А въ рощѣ той, надъ той рѣкой журчащей
Сидѣли двое: юноша онъ былъ,
Она была ужь дѣвушкой блестящей...
Руками станъ прекрасной онъ обвилъ

И говорилъ съ восторгомъ ей о правдѣ,
О красотѣ, поэзіи, любви, —
И каждый звукъ восторженной тирады
Скрѣпляли пѣньемъ соловьи!

И думалъ я, ихъ слыша въ чащѣ рощи:
О, юность-свѣтъ, любовью ты полна!
Но отчего не высказаться проще
И отчего не вѣчна ты, весна?...

Моя хроника.

П. А. Салманова.

(Продолженіе.)

1828 годъ памятенъ для меня многими событіями, изъ которыхъ нѣкоторыя, надѣюсь, займутъ читателей.

Съ половины мая до половины іюня въ Москвѣ стояли страшные жары; земля такъ разгорѣлась, что на нее нельзя было ступить босыми ногами. Вся природа казалась отъ жаровъ палевою. Люди и животныя отъ нестерпимаго зноя почти жили въ водѣ.

Въ одинъ изъ такихъ дней, именно 2-го іюня, я отправился съ однимъ изъ моихъ товарищей на Москву-рѣку—на тотъ плотъ, на которомъ устроивается Іордань. Какъ сейчасъ помню, я сидѣлъ на концѣ плота и мочилъ себѣ голову, положа фуражку позади себя; между тѣмъ мой товарищъ, фамиліи котораго не помню, своимъ картузомъ старался поймать одну изъ тѣхъ маленькихъ рыбокъ, которыя плавали вокругъ плота. Къ несчастію моему, желаніе моего товарища увѣнчалось успѣхомъ—онъ поймалъ своимъ картузомъ довольно крупнаго пискаря. Я захотѣлъ сдѣлать тоже самое и едва не поплатился за это жизнію. Іордань давно уже была снесена. Щепки, накопившіяся вокругъ Іордани, образовали изъ себя совершенное подобіе твердой земли, а за щепками рыба такъ и плаваетъ, такъ, кажется, сама и просится въ картузъ. Я сдѣлалъ шагъ съ плота и опустился въ воду. Отчаянный крикъ мой испугалъ товарища. Вмѣсто того, чтобы какъ нибудь помочь мнѣ, онъ бросился отъ меня бѣжать безъ оглядки. Я кричалъ и бился на поверхности воды и, не умѣя плавать, два раза опускался въ воду. Я начиналъ уже захлебываться; руки и ноги мои какъ будто корчились; предъ глазами носились круги въ видѣ радуги, я опускался на дно въ глубокомъ мѣстѣ Москвы-рѣки; но едва коснулся дна, снова будто волшебною силою поднялся на поверхность воды. Какъ сквозь сонъ помню: какой-то

крестьянинъ подалъ мнѣ шестъ; я судорожно схватился моими ручонками за шестъ; крестьянинъ притянулъ его къ плоту, схватилъ меня за волосы и вытащилъ на плотъ. Дальше я ничего не помнилъ. Когда же я открылъ глаза, я увидѣлъ, что меня качаютъ на какой-то простынѣ и вокругъ стоитъ толпа народа; въ груди у меня страшно жгло: меня тошнило и по мѣрѣ того, какъ изъ меня выходила вода, мнѣ становилось легче. Черезъ часъ я уже былъ на ногахъ, а черезъ два часа хотя съ большимъ трудомъ, но самъ добрелъ до дому, скрывъ, конечно, отъ отца это обстоятельство и поплатившись за свое неблагоразуміе только четырехдневною болѣзнію.

Въ томъ же мѣсяцѣ 25 числа въ 4-мъ часу по полудни, когда учитель преподавалъ намъ латинскій языкъ, вдругъ сдѣлалось темно, какъ въ сентябрьскую ночь. Раздался сильнѣйшій ударъ грома. Рама вылетѣла. Стекла зазвенѣли и разсыпались по классу. Учитель, ушибленный рамою, какъ съумасшедшій выбѣжалъ изъ класса, а за нимъ всѣ ученики, въ томъ числѣ и я, трясясь отъ страха. И дѣйствительно было чего ужаснуться! Гроза была страшная. Громъ гремѣлъ безпрерывно. Крыши съ училищъ, съ колокольни и съ церкви летали по воздуху, крутясь въ немъ отъ вихря и вѣтра, который вылъ, какъ лѣшій. Молнія сверкала, ярко освѣщая весь видимый небосклонъ. Дождь лилъ, какъ изъ ведра, сваливая на улицѣ людей, которые осмѣливались идти противъ вѣтра. Не болѣе какъ въ три четверти часа рѣка вышла изъ береговъ. Улицы, въ долинахъ, между холмами стали непроходимыми: на нихъ образовались рѣки, по которымъ плавалъ лѣсъ, дрова и разныя домашнія вещи жителей, находившіяся на дворахъ, и все это съ страшною быстротою несло въ рѣку. И не смотря на общее несчастіе, многіе рисковали жизнію, чтобы добыть что-нибудь на свою долю: стоя по колѣна въ водѣ, они ловили все, что попадалось подъ руку.

На другой день приведены были въ извѣстность потери, причиненныя бурей и наводненіемъ: съ 98 церквей снесло кресты, съ 63— крыши, въ четырехстахъ домахъ сдѣлались значительныя поврежденія, а нѣкоторые совсѣмъ разнесены. Съ Большого театра сорвало всю его огромную крышу и отнесло ее на полверсты. У Ивана Великаго оторвало уголъ, которымъ задавило 7 человѣкъ. Во многихъ гористыхъ улицахъ пропала мостовая и полиція недоумѣвала, какъ могла вода унести камни.

Кто бы могъ повѣрить, чтобы я, ребенокъ 11-ти лѣтъ отъ роду, могъ пробѣжать пятиверстное пространство въ такую бурю, какой Москва, вѣроятно, до сихъ поръ никогда не видала. Три раза падалъ я отъ дождя съ вихремъ. На улицѣ, называемой Пречистенкою, меня сбило съ ногъ напоромъ воды и я, захлебываясь, поплылъ въ рѣку, но былъ схваченъ крестьяниномъ и перенесенъ имъ на другую сторону. Почувствовавъ себя внѣ опасности, я вновь пустился бѣжать, сколько позволяли мнѣ мои малыя силы, читая молитвы и призывая Бога спасти меня. Меня еще два раза сваливаетъ на дорогѣ вѣтеръ и дождикъ, но я бѣгу. У дома мѣстнаго священника большой напоръ воды. Меня снова сваливаетъ вода и тащитъ въ рѣку, но я не боюсь, потому что уже почти дома; схватываюсь за тротуарный столбъ и, хотя съ большимъ трудомъ, минуя опасность, взбираюсь на него. Вотъ наконецъ я и у калитки. Калитка, кажется, не заперта, но я не могу отворить ее. Въ это мгновеніе раздается страшный ударъ грома. Вихрь клубится въ воздухѣ и вѣковой заборъ сосѣдей Всеволожскихъ, простиравшійся въ квадратѣ болѣе, чѣмъ на версту, задрожалъ и повалился на землю. Вѣковыя деревья вырвало съ корнемъ, разбросало по саду, по улицѣ, а нѣкоторыя отнесло на Дѣвичье поле. Затѣмъ другой ударъ еще страшнѣе перваго. Калитка нашего дома растворилась съ такою силою, что меня бросило на землю, и вслѣдъ за этимъ ударомъ наступила тьма. Ползкомъ и по памяти, крича во все горло, добрался я до своихъ сѣней, отворилъ дверь и, дрожа всѣми членами, вошелъ въ комнату. Передъ образами ярко горѣла лампада. Отецъ, съ матерью, съ братьями и сестрою стояли на колѣняхъ и молились Богу. Я присоединился къ нимъ, сотворилъ земной поклонъ и горько заплакалъ. Молитвы не было, мысли не было и словъ не было, но я чувствовалъ, что я молился, понимая Бога. И молился такъ, какъ никогда не маливался. И понималъ Бога моимъ маленькимъ благодарнымъ за спасеніе свое сердцемъ, какъ, можетъ быть, и до сихъ поръ не понимаю.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ замѣчательномъ событіи, именно о пріѣздѣ въ томъ году, на счастіе многихъ московскихъ жителей, германскаго уроженца нѣкоего Гильдебрандта.

Нужно замѣтить, что нашъ добрый учитель Тимоѳей Ильичъ Шкипскій страдалъ болѣзнію, излечить которую бываетъ часто безсильна медицина—косноязычіемъ. Для него это было большимъ несчастіемъ. Онъ по своему происхожденію и по полученному образованію долженъ быть священникомъ, а какъ возможно допустить косноязычнаго до священнодѣйствія.

По пріѣздѣ въ Россію, Гильдебрандтъ, избравъ мѣстомъ своего жительства Москву, поселился на Тверской улицѣ, въ домѣ графа Гудовича, откуда объявилъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», что онъ лечитъ отъ косноязычія и всѣ, страдающіе этимъ недостаткомъ, могутъ обращаться къ нему для леченія ежедневно съ 9 часовъ утра до 2-хъ часовъ по полудни. Встрепенулись московскіе заики и многіе изъ нихъ бросились къ Гильдебрандту, не смотря на слухъ, пущенный докторами, что это, вѣроятно, какой-нибудь шарлатанъ или мошенникъ жидъ, пріѣхавшій въ Россію нажиться на счетъ богатыхъ глупыхъ московскихъ заикъ. Тимофей Ильичъ однимъ изъ первыхъ отправился къ Гильдебрандту.

Александръ Ивановичъ Яковлевъ, болѣе другихъ, совѣтывавшій Тимофею Ильичу обратиться къ Гильдебрандту, возбуждавшему въ немъ, какъ въ человѣкѣ болѣе развитомъ, чѣмъ мы, живой интересъ, тотчасъ по возвращеніи Шкипскаго зашелъ къ нему и просилъ его передать ему подробныя свои впечатлѣнія, вынесенныя изъ посѣщенія Гильдебрандта.

— Напрасно, говорилъ Тимофей Ильичъ,— нѣкоторыя называютъ Гильдебрандта шарлатаномъ. Я нашелъ въ немъ умнаго, дѣльнаго и просвѣщеннаго человѣка, который, по его словамъ, цѣлыя пять лѣтъ изучалъ русскій языкъ, собираясь выѣхать изъ своей родины въ Россію и нужно сказать, что онъ русскимъ языкомъ владѣетъ хорошо. Только одно произношеніе обличаетъ въ немъ иностранца. Онъ говорилъ мнѣ, и товарищи, которыхъ я привелъ съ собою могутъ засвидѣтельствовать, что онъ самъ страдалъ тѣмъ же недостаткомъ, которымъ мы страдаемъ и вылечился именно тѣмъ способомъ, которымъ предполагаетъ лечить насъ. Гильдебрандтъ говорилъ, что читая біографію Демосфена, онъ нашелъ въ ней, что Демосфенъ былъ въ высшей степени косноязыченъ и самъ себя излечилъ тѣмъ, что ходилъ на берегъ моря и, подкладывая подъ языкъ камешекъ, выражалъ свои мысли на распѣвъ; мало-по-малу, такимъ способомъ онъ совершенно излечился отъ своего недостатка. Я сдѣлалъ тоже самое съ тѣмъ различіемъ, что я не ходилъ на берегъ моря, подобно Демосфену, а разговаривалъ дома съ своимъ братомъ на распѣвъ, подкладывая подъ языкъ вмѣсто камешка серебряную машинку (которую онъ показалъ намъ), и въ продолженіе 3-хъ мѣсяцевъ совершенно излечился отъ своего природнаго недостатка. И въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ не замѣтно, чтобы онъ когда-нибудь былъ подверженъ косноязычію Если желаете, то каждый изъ васъ, продолжалъ онъ, можетъ получить отъ меня такую машинку, внеся за нее двѣсти рублей. Эта сумма будетъ мнѣ вознагражденіемъ за леченіе, которое я предлагаю вамъ ежедневно, въ продолженіи 3-хъ мѣсяцевъ, съ 9 часовъ утра до 2-хъ часовъ по полудня, для чего вы должны собираться у меня на квартирѣ и разговаривать на распѣвъ подъ непосредственнымъ моимъ наблюденіемъ. Разумѣется, я изъявилъ согласіе и внесъ деньги, благодаря пособію Алексѣя Савича, что сдѣлали и мои товарищи. Съ завтрашняго же дня начинаемъ курсъ леченія.

— Стало быть и правда, что онъ шарлатанъ, сказалъ Яковлевъ.—Дѣльное въ его леченіи одно: разговоръ на распѣвъ и усиленный голосъ, а машинка за которую онъ желаетъ получать съ каждаго по 200 рублей,—чистѣйшее шарлатанство. Подложи подъ языкъ, вмѣсто машинки, камешекъ, который ничего не стоитъ,—результатъ будетъ тотъ же.

На этомъ разговоръ ихъ прекратился.

По истеченіи трехмѣсячнаго леченія, Шкипскій избавился отъ косноязычія; но онъ не переставалъ вѣрить въ цѣлебную силу машинки, подкладывая ее постоянно подъ языкъ, когда разговаривалъ въ обществѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Орангъ-утанъ и шимпанзе

Въ нашемъ журналѣ уже говорилось о замѣчательномъ пріобрѣтеніи, сдѣланномъ берлинскимъ акваріумомъ, которому посчастливилось обогатить свою коллекцію обезьянъ, экземпляромъ гориллы въ живомъ видѣ, чего не удавалось до сихъ поръ ни одному изъ европейскихъ зоологическихъ собраній. Въ продолженіе къ данному нами тогда рисунку, прибавляемъ сегодня другой, на которомъ изображены находящіеся въ томъ же акваріумѣ двѣ обезьяны (самки) породы шимпанзе и орангъ-утанъ. Первой дано прозвище Тшего (на лѣвой сторонѣ рисунка), второй—Кристинхенъ (на правой сторонѣ). Обѣ онѣ очень любятъ играть съ своею пріятельницей, молодою собакой, неопредѣленной породы, при чемъ не обходится безъ взаимныхъ щипковъ и кусаній, что не мѣшаетъ, однако, собакѣ настойчиво проситься снова въ помѣщеніе обезьянъ, которыя, съ своей стороны, принимаютъ ее всегда съ распростертыми объятіями.

Не смотря на весь интересъ, внушаемый человѣчеству обезьяньей породой, въ классификаціи обезьянъ существовало, до самаго послѣдняго времени большое смѣшеніе чѣму не мало способствовало отсутствіе всякой систематичности въ оставленныхъ Бюффономъ и его предшественниками описаніяхъ, хотя и полныхъ интересныхъ подробностей. Неудовлетворительность антропоморфической систематики зависѣла частію и оттого, что Бюффонъ и др. естествоиспытатели могли пользоваться, для своихъ наблюденій, лишь самыми молодыми экземплярами данныхъ породъ. Первое толковое описаніе взрослаго орангъ-утана появилось въ 1780 г., а взрослаго шимпанзе—въ 1835 г. Нельзя не замѣтить при этомъ, что ни одна порода животныхъ не вызывала такихъ преувеличенныхъ разсказовъ, какъ порода обезьяныхъ, и даже со стороны наблюдателей-очевидцевъ, принадлежащихъ, при томъ, къ совершенно противоположнымъ лагерямъ по своимъ убѣжденіямъ. Чело-

вѣкообразность формъ тѣла и самыхъ пріемовъ у обезьянъ такъ поражаетъ зрителя, что онъ выноситъ отъ нея впечатлѣніе, заставляющее его, большею частью, преувеличивать дѣйствительность. Нельзя иначе объяснить себѣ, напр., того факта, что во всѣхъ описаніяхъ говорится о походкѣ обезьянъ лишь въ вертикальномъ положеніи тѣла, между тѣмъ, какъ такая походка пріобрѣтается ими только при дрессировкѣ *). Противоположное мнѣніе о естественности отвѣснаго положенія у шимпанзе и орангъ-утановъ совершенно неосновательно, не смотря на всѣ анатомическія доказательства, приводимыя Пиражомъ, Гроссомъ, Бюффономъ и др. Столь же преувеличены нѣкоторые разсказы о крайней ловкости и совершенно человѣчьихъ пріемахъ у сказанныхъ обезьянъ при ѣдѣ и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что эти послѣднія могутъ быть доведены дрессировкою или систематичнымъ примѣромъ до человѣкоподобныхъ привычекъ, потому что даже менѣе одаренныя породы обезьянъ поражаютъ насъ искуствомъ, съ которымъ онѣ, напримѣръ, даютъ намъ цѣлыя представленія въ циркахъ, по умалчивая о всякомъ обученіи и выдавая все за естественныя способности обезьянъ, мы впадаемъ въ нѣкоторую научную недобросовѣстность. Гуа **) указывалъ уже въ прошломъ столѣтіи на ошибку, въ которую вовлекаются многіе, описывая нравы обезьянъ, но его намекъ пропалъ даромъ. Разсказывая объ одной самкѣ изъ породы орангъ-утановъ, онъ говоритъ: «Я могъ бы прибавить еще многія, очень любопытныя продѣлки ея, но, признаюсь, я не могъ изумляться имъ до такой степени, какъ прочая публика, потому что мнѣ было извѣстно, что эту обезьяну намѣревались везти на показъ въ Европу: слѣдовательно, позволительно было предположить, что ее обучили многому изъ того, что зрители считали за ея природныя склонности...»

Новѣйшія, болѣе безпристрастныя наблюденія надъ антропоморфическими породами отличаются уже большею трезвостью взгляда. Берлинская зоологическая коллекція, въ которой находятся теперь живые экземпляры главнѣйшихъ антропоморфическихъ породъ: гиббонъ, орангъ, шимпанзе и горилья, много способствуетъ распространенію подобныхъ здравыхъ понятій. Большой орангъ Пенго, находившійся тоже здѣсь и котораго особенно старательно наблюдалъ проф. Лихтерфельдъ, отличается особенною величиною и крѣпостью сложенія; судя по строенію его челюсти, его относили уже къ возмужалымъ или близкимъ къ тому экземплярамъ породы, а по отсутствію щечныхъ железъ къ видоизмѣненію, открытому Оуэномъ и подтвержденному Уэллесомъ, подъ названіемъ «Міасъ-кассиръ» (Jimia Morio Ow.) Пизле, сообщающій эти свѣдѣнія въ журналѣ «Natur», говоритъ, что онъ самъ, основываясь на высотѣ роста Пенго, доходившій до 1,11 метра, при вѣсѣ тѣла въ 34 килограмма, считалъ этого оранга вполнѣ возмужалымъ и находилъ гипотезу Оуэна и Уэллеса совершенно правдоподобной. Между тѣмъ, при вскрытіи трупа этого оранга оказалось, что хрящи у него еще не вполнѣ срослись и челюсть не была даже вполнѣ снабжена зубами; слѣдовательно, экземпляръ принадлежалъ еще къ отроческому возрасту. Этимъ объяснилось, почему это громадное животное, не подпускавшее къ себѣ никого въ первое время своего пребыванія въ Берлинѣ, мало по малу утратило свою дикость, и приручилось до такой степени, что даже охотно играло съ своими сторожами. Не доказываетъ-ли подобный фактъ на необходимость отмѣнить подраздѣленіе «Міасъ-кассиръ», оставаясь при прежнемъ простомъ видѣ малайскаго міасъ? Сказанное относится тоже къ видамъ Ншего-Мбуве и Кулу-Камба, возведеннымъ, съ легкой руки Дю-Шалью, въ совершенно особые виды отъ породы шимпанзе.

Оставя въ сторонѣ всѣ научные споры о подобныхъ тонкихъ различіяхъ, нельзя не признать извѣстнаго несходства въ нравахъ, наблюдаемыхъ многочисленныхъ обезьянъ. Молодой берлинскій орангъ-утанъ, азіятецъ по происхожденію, находится постоянно въ какомъ-то меланхолическомъ, сосредоточенномъ раздумьѣ; совершенную противоположность съ нимъ составляетъ уроженецъ Африки, шимпанзе, вѣчно веселый и готовый на всевозможныя дурачества. Всѣ движенія оранга сопровождаются медленностью и осмотрительностью; одна ѣда едва выводитъ его изъ философски-созерцательной неподвижности. Даже въ самомъ дѣтскомъ возрастѣ, оранги лѣнивы и неповоротливы. Маленькій шимпанзе, напротивъ того, олицетворяетъ собою perpetuum mobile и его затѣи до того забавны и увлекательны, что ему часто удается расшевелить даже и своего азіятскаго родственника. Иногда онъ принимается чистить окна, отворять двери, осматривать помѣщеніе всѣхъ прочихъ обезьянъ, словомъ, разыгрываетъ роль сторожа, доводя эти продѣлки до того, что зачастую выводитъ изъ терпѣнія настоящихъ надсмотрщиковъ, но въ тоже время смѣшитъ ихъ такъ, что у нихъ не достаетъ духа сердиться на него. Вмѣстѣ съ такою веселостью нрава, шимпанзе очень податливъ; онъ легко подчиняется своей неизбѣжной неволѣ, но за то гнѣвается не на шутку при всякомъ нарушеніи установленнаго однажды порядка,—напримѣръ, если запоздаютъ подать ему кормъ или сторожъ пройдетъ мимо, не подавъ ему обычнаго лакомства. Орангъ тоже замѣчаетъ подобныя нарушенія, но никогда не позволяетъ себѣ отчаяннаго крика, топанья и кривляній, какъ это дѣлаетъ шимпанзе. Орангъ вообще скупъ на голосовыя изъявленіе, между тѣмъ, какъ шимпанзе не любитъ жалѣть своихъ легкихъ. Онъ начинаетъ тянуть свою любимую ноту: «О... о... о...», начиная отъ густѣйшаго баса и кончая высокимъ сопрано, при всевозможныхъ варьяціяхъ и переходахъ отъ медленнаго темпа къ быстрѣйшему. Орангъ ограничивается рѣдкими звуками, въ родѣ отрывистыхъ, почти мелодичныхъ всхлипываній. Вообще, какъ сказано выше, оранги враги всякихъ внѣшнихъ проявленій чувства; они лѣнивы и вялы до того, что пренебрегаютъ даже чисткою своей персоны, прибéрегая всю свою дѣятельность на устройство себѣ постели по вечерамъ. Упомянутый выше Пенго особенно хлопоталъ въ этомъ отношеніи и любилъ укутываться въ одѣяло до самыхъ ушей. Постель и лакомства—единственные предметы, нѣсколько нарушающіе равнодушіе оранговъ; такимъ образомъ, потеря апетита служитъ единственнымъ признакомъ, по которому можно судить о начинающейся болѣзни у этихъ животныхъ, угрюмость и сосредоточенность не могутъ быть указаніями въ этомъ случаѣ, потому что онѣ составляютъ прирожденное качество азіятскихъ большихъ обезьянъ. Но больной орангъ избѣгаетъ всякаго прикосновенія, упорно кутается весь въ свое одѣяло (какъ было и съ умершимъ Пенго), отбиваясь и кусаясь при малѣйшей попыткѣ взглянуть на него. Понятно, что при страшной силѣ животнаго и его раздражительности, еще болѣе увеличивающейся съ усиленіемъ болѣзни, всякая врачебная помощь становится невозможною. Шимпанзе поступаетъ совершенно иначе. Ни одно животное не ищетъ помощи такъ открыто, не выражаетъ такъ явно своего желанія избавиться отъ страданій, какъ шимпанзе, и не обнаруживаетъ тотчасъ же своей веселости при малѣйшемъ облегченіи болѣзни. Если же помощь безсильна и приближается послѣдній часъ бѣднаго существа, несчастный шимпанзе трогательно смотритъ на человѣка, какъ бы взывая о спасеніи; жалобно прижимаетъ онъ къ груди свои руки, тревожно обводитъ присутствующихъ своими большими темными глазами, сверкающими зловѣщимъ блескомъ, болѣзненно повторяетъ: «О... о... о!» тяжело, прерывисто дышетъ, допускаетъ всякое изслѣдованіе, принимаетъ всякое лекарство, переноситъ безропотно даже самыя тяжелыя операціи и перевязки... Таковъ умирающій шимпанзе, внушающій страданіе каждому зрителю...

*) При этомъ не излишне замѣтить, что и въ естественно-историческихъ музеяхъ, человѣкоподобнымъ обезьянамъ придается почти исключительно отвѣсное положеніе туловища. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и то въ самое послѣднее время, стали придавать имъ другое, болѣе свойственное имъ положеніе.

**) Путешествія ле-Гуа.

Обо всемъ.

(Мѣстный московскій патріотизмъ.—Московскій Лекокъ.—Кратковременность его популярности.—Соучастіе сыщика въ открытомъ имъ преступленіи.—Анонимное письмо.—Несостоятельность прежней системы пополненія штата сыскной полиціи.—Безкорыстіе французскихъ сыщиковъ.—Печальный исходъ акціонернаго предпріятія.—Достойный подражанія починъ финляндскихъ женщинъ).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда у насъ были только двѣ желѣзныя дороги: царскосельская и николаевская, проѣзжая по курской губерніи не на почтовыхъ, а на «вольныхъ ямскихъ», я застрялъ на нѣсколько дней, по случаю нездоровья, въ небольшой деревушкѣ. По обычаю «вольныхъ почтъ», я остановился у ямщика, на лошадяхъ котораго долженъ былъ ѣхать далѣе. Мой хозяинъ былъ человѣкъ зажиточный, пускалъ въ гонъ двѣ тройки, семьей его Богъ не обидѣлъ—жена и шестеро ребятишекъ. Веселый и общительный, онъ былъ до крайности предупредителенъ ко мнѣ и такъ ревностно заботился обо мнѣ, что мнѣ невольно приходила на память басня «Демьянова уха». Съ этимъ чрезмѣрнымъ вниманіемъ, пожалуй, можно было бы примириться, но трудно было вынести непомѣрную болтливость почтеннаго Фомы. Она приводила меня въ дрожь и усиливала мое болѣзненное состояніе. Горячій мѣстный патріотъ и хвастунъ, Фома съ пафосомъ говорилъ о своей деревнѣ; слушая его можно было подумать, что на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ краше его, въ сущности, неказистой деревушки, стоявшей въ степи, даже не при рѣчкѣ, а на берегу узенькаго ручейка.

— Благодать у насъ тутъ, говорилъ Фома,—народъ живетъ по божески, не то, что въ другихъ мѣстахъ.

Какъ-то разъ я замѣтилъ ему, что онъ хватилъ уже черезъ край расхваливая свой муравейникъ.

— Оно точно, можетъ иной разъ и обмолвиться, отвѣчалъ онъ наивно,—да кому свое не любо? Мы что, мы народъ темный, а послушалъ бы ты, какъ московскіе учнутъ расхваливать свою Бѣлокаменную, даже вчужѣ завидно станетъ, поди, лучше Москвы нѣтъ ничего на свѣтѣ.

— Даже лучше вашей деревни?

— Куда ужь намъ.

Но точно раскаявшись въ измѣнѣ своей Андросовкѣ (названіе деревни), Фома произнесъ такой гиперболическій спичъ въ ея восхваленіе, что я рѣшительно потерялся. Теперь уже оказывалось, что и самая Москва не можетъ идти въ сравненіе съ Андросовкой, этимъ земнымъ раемъ, гдѣ почва даетъ чудовищные урожаи, гдѣ воздухъ чистъ и прозраченъ, гдѣ мужи разумны, великодушны и мужественны, гдѣ жены нѣжны и прекрасны... однимъ словомъ, чистнѣйшая счастливая Аркадія!

При чтеніи московскихъ газетъ, восхваляющихъ «первопрестольную столицу», мнѣ всегда представляется Фома. И самыя невозможныя

Рисунокъ Г. ДОРÉ.

На ловлѣ.

Рисунокъ съ натуры ГЕССНЕРА.

Шимпанзе и Орангутангъ.

похвалы своему кумиру эти газеты приподносятъ именно послѣ того, какъ внезапно обуявшій ихъ «червь сомнѣнія», невольно заставитъ ихъ проговориться, что въ Москвѣ-матушкѣ не все идетъ ладно.

Москвичи, если можно такъ выразиться, обожаютъ свой городъ; имъ все мило въ Москвѣ, не исключая грязи и вони, которыми отличается Бѣлокаменная въ такой степени, что съ нею въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, не можетъ идти въ сравненіе ни одинъ русскій городъ. Восхищаются Москвой не одни москвичи, но и большинство пріѣзжихъ изъ подмосковныхъ губерній. Эти заражены мѣстнымъ московскимъ патріотизмомъ, пожалуй, больше самихъ аборигеновъ. Иной степнякъ, принимающій участіе въ обыкновенномъ разговорѣ только односложными звуками, внезапно одушевляется, какъ дѣло коснется Москвы.

— Севрюжина! воскликнетъ онъ, облизываясь отъ пріятнаго воспоминанія.—Гдѣ, кромѣ Москвы, найдете вы такую севрюжину? А балыкъ?..

Если разговоръ происходитъ въ присутствіи петербуржца, онъ, непремѣнно, по своей склонности къ отрицанію, ввернетъ такое замѣчаніе:

— Да, за версту слышно — такой пріятный запахъ въ московскихъ рыбныхъ лавкахъ.

Но почитатель севрюжины не удостоитъ своимъ отвѣтомъ этого дерзкаго замѣчанія, а только пожметъ признательно плечами и перейдетъ къ восхваленію другихъ московскихъ диковинокъ, въ родѣ московской колбасы, московскихъ трактировъ, гдѣ лакеи вмѣсто верхняго платья носятъ рубахи, зовутъ ихъ, половыхъ, мальчиками, хотя у иного мальчика борода сѣдая и взрослые внуки и пр. и пр. Отъ съѣдобныхъ чудесъ восхвалитель переходитъ непосредственно къ сорока сороковъ, къ Ивану великому, къ знаменитымъ колоколу и пушкѣ и т. д. Въ порывѣ восторга похвалитъ онъ и московскую полицію.

— Да-съ, такой сыскной полиціи нигдѣ не найдете, говоритъ расходившійся фанатическій полковникъ Москвы. — Въ Москвѣ проявился свой Лекокъ — Толстиновъ. Да-съ, французскій Лекокъ передъ нашимъ щенокъ... Нашъ-съ самородокъ; французъ сколько лѣтъ учился прежде, чѣмъ взялся за дѣло; а нашъ въ грамомѣ не силенъ, изъ простыхъ людей, на первомъ же дѣлѣ проявилъ такія сыскныя способности, что сразу заткнулъ за поясъ всѣхъ «вашихъ» заморскихъ знаменитостей.

Слово «вашихъ» произносится съ такой ехидной ироніей, что всякое дальнѣйшее возраженіе становится немыслимымъ. Тѣмъ болѣе, что возражателю сейчасъ же приходитъ на умъ, что въ Москвѣ, дѣйствительно, проявился свой Лекокъ, и что о томъ повѣдали не «Современныя извѣстія», газета, какъ извѣстно, отличающаяся весьма странными выходками, навлекшими на нее прозвище «убогонькой»—а газета болѣе серьезная, менѣе пламенная почитательница «Москвы-матушки»,—«Русскія вѣдомости».

Съ легкой руки «Русскихъ вѣдомостей», Толстиновъ по всей Москвѣ пошелъ за «замосковскаго Лекока». Онъ сталъ въ нѣкоторомъ родѣ гордостью пріютившаго его города; съ нимъ носились, его восхваляли и горе было пессимисту, который осмѣливался выражать нѣкоторое сомнѣніе въ способностяхъ новаго «московскаго чуда». И вдругъ, о, злостная судьба! москвичамъ приходится разочароваться въ своей знаменитости, приходится сознаться, что «московскій Лекокъ» не болѣе, какъ обыкновенный мошенникъ.

Въ числѣ другихъ сыщиковъ, въ Москвѣ сыскныя дѣла поручаются квартальному надзирателю З. При немъ, въ качествѣ непосредственныхъ помощниковъ состоятъ два фискала: Толстиновъ и Байструковъ. 19 января настоящаго года у инженера г. Неронова его лакеемъ произведена кража процентныхъ бумагъ и цѣнныхъ вещей, на сумму около ста тысячъ рублей. Воръ, конечно, скрылся. Надзиратель З. и его помощники взялись отыскать вора и украденное. Дѣйствія ихъ, въ особенности Толстинова, были такъ ловки и энергичны, что, дѣйствительно, вскорѣ были отысканы и воръ и украденное. Подробности розыска, которыми заинтересовалась вся Москва, побудили «Русскія вѣдомости» назвать Толстинова «московскимъ Лекокомъ» и это прозвище было утверждено всею Москвою.

Однакожь, новой московской знаменитости пришлось недолго насладиться плодами своей популярности. Ее и прикосновенныхъ съ нею лицъ погубило анонимное письмо, вызвавшее вмѣшательство судебной власти. Произведенное слѣдствіе раскрыло такіе подвиги московскаго Лекока, что его пришлось арестовать и онъ вскорѣ появится на скамьѣ подсудимыхъ.

Толстиновъ и Байструковъ нѣсколько разъ содержались въ тюремномъ замкѣ, за разныя кражи и подлоги, за что и были осуждены въ въ арестантскія роты, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ; сидя въ кіевскомъ тюреммомъ замкѣ Толстиновъ познакомился съ нѣкіимъ Зельцеромъ (онъ же Добровольскій, Поповъ, Топоровъ, Матреновскій, Матренскій и Олейниковъ). Прошло десять лѣтъ. Зельцеръ, бѣжавшій изъ курской тюрьмы, пріѣхалъ въ Москву, гдѣ встрѣтился съ Толстиновымъ. Старые пріятели разговорились; Зельцеръ откровенно объяснилъ свое печальное положеніе. Толстиновъ купилъ ему платье, бѣлье, помогъ деньгами, нанялъ комнату въ номерахъ Егорова (напротивъ канцеляріи г. З.), далъ ему фальшивый паспортъ и помогъ поступить лакеемъ къ г. Неронову съ цѣлью совершенія кражи. Она совершилась, но Зельцеръ, не отдавъ условленной доли товарищу, скрылся. Тогда Толстиновъ въ досадѣ, что его надулъ Зельцеръ, взялся отыскать его. Зная, гдѣ живутъ родные Зельцера, зная также, что тотъ очень любитъ ихъ, Толстиновъ направился туда и, конечно отыскалъ преступника. Толстиновъ, безъ сомнѣнія, предполагалъ, что Зельцеръ покажетъ правду (что и случилось) и тогда выяснится его соучастіе въ преступленіи, но былъ увѣренъ, что судебная власть не повѣритъ извѣстному преступнику, который можетъ наговорить на кого угодно. Къ его несчастію судебный слѣдователь иначе посмотрѣлъ на дѣло и произведеннымъ имъ дознаніемъ, соучастіе московскаго Лекока въ открытомъ имъ преступленіи вполнѣ обнаружилось.

Вмѣстѣ съ Толстиновымъ въ открытіи вора и похищеннаго принимали участіе З. и Байструковъ. Г. З., узнавъ, что Зельцеръ отправилъ въ Николаевъ (херсонской губ.) посылку, въ которой находились всѣ похищенные у г. Неронова банковые билеты, золотыя и брилліантовыя вещи на сумму 90,000 руб., поѣхалъ въ этотъ городъ и получилъ посылку изъ почтовой конторы, но вмѣто того, чтобы раскрыть ее при понятыхъ и въ присутствіи чиновниковъ мѣстной полиціи, отправился съ посылкой въ гостинницу, гдѣ остановился вмѣстѣ съ своимъ фискаломъ Байструковымъ, помогавшимъ ему розыскивать Зельцера, и тогда только пригласилъ полицію и понятыхъ къ себѣ въ номеръ, для освидѣтельствованія посылки, когда уже раскрылъ ее. Неизвѣстно по какой причинѣ, до прихода полиціи, изъ раскрытой уже посылки улетучились лежавшіе тамъ сторублевые кредитные билеты на 3,400 р. У г. Неронова (по его собственному заявленію) не пропали кредитные билеты сторублеваго достоинства, но они были положены въ посылку Зельцеромъ, который получилъ ихъ при размѣнѣ украденныхъ у г. Неронова закладныхъ листовъ московскаго земельнаго банка на 5,000 р.

Далѣе по словамъ газеты «Новости», откуда мы заимствовали вышеизложенныя подробности по дѣлу Зельцера, вскорѣ послѣ поимки Зельцера и врученія, въ присутствіи судебнаго слѣдователя 6 участка, г. Неронову всѣхъ денегъ и вещей, найденныхъ у Зельцера и посылки изъ николаевской почтовой конторы, г. Нероновъ получилъ анонимное письмо, въ которомъ ему деликатнымъ образомъ предлагали заплатить г. З. 10,000 руб. за добросовѣстное исполненіе имъ своей обязанности и 5,000 руб. двумъ его фискаламъ: Толстинову и Байструкову за то, что они содѣйствовали г. З. въ дѣлѣ розысканія Зельцера. Требованіе это было г. Нероновымъ немедленно исполнено; но полученное имъ анонимное письмо, онъ представилъ прокурорскому надзору, почему и начато противъ гг. З., Толстинова и Байструкова законное преслѣдованіе за вымогательство отъ г. Неронова 15,000 рублей.

И такъ Москвѣ пришлось разочароваться въ своей знаменитости! Но да утѣшатся москвичи. Вѣроятно, въ скоромъ времени появится у нихъ новая знаменитость, благо они очень легко раздаютъ патенты на славу и безсмертіе: былъ бы только свой человѣкъ. Къ «своимъ» москвичи очень снисходительны, за то «чужаковъ» по головкѣ не гладятъ, относя къ чужакамъ не только иноземцевъ, но и русскихъ, по выраженію завзятыхъ москвичей,—«зараженныхъ петербургскою цивилизаціею.

Разсказанныя событія уяснили тотъ фактъ, что наша сыскная полиція не отказалась еще пользоваться услугами бывшихъ преступниковъ, знакомыхъ съ тюрьмою и каторгою, не только въ качествѣ шпіоновъ (что практикуется вездѣ), но и въ качествѣ непосредственныхъ помощниковъ. Система эта была когда-то въ большомъ ходу во всей Европѣ, въ особенности во Франціи, но теперь вездѣ оставлена. Замѣна ея совершенно противоположною системою не усилила безнаказанности преступниковъ, какъ предсказывали сторонники прежней системы; на оборотъ, при новой системѣ явилась возможность чаще предупреждать совершеніе преступленія, а главное, теперь не приходится уже встрѣчаться съ тѣмъ безнравственнымъ фактомъ, что сами агенты сыскной полиціи подстрекаютъ къ совершенію преступленія, для того, чтобы имѣть случай захватить преступника на мѣстѣ преступленія и получить слѣдуемую за это, иногда значительную денежную награду.

Въ началѣ настоящаго столѣтія во Франціи вовсе не существовало сыскной полиціи въ настоящемъ значеніи этого слова. Поимка, преступниковъ возлагалась на корпусъ жандармовъ, набираемый случайно. изъ людей, обязанныхъ прослужить извѣстный срокъ въ военной службѣ, а не изъ такихъ, которые чувствовали себя способными и сами желали посвятить себя сыскной службѣ. Ловкіе преступники безнаказано совершали преступленія и смѣялись надъ усиліями жандармовъ изловить ихъ. Недостаточность полицейскаго надзора особенно давала себя чувствовать въ Парижѣ, гдѣ префектъ Англесъ тщетно принималъ энергическія мѣры противъ существующаго зла. Всѣ его старанія не приводили ни къ какимъ результатамъ, пока, наконецъ, самъ бывшій осужденнымъ, но помилованнымъ преступникомъ, Видокъ не организовалъ въ 1817 году отряда сыскной полиціи. При этой организаціи онъ руководился ложнымъ принципомъ, что только тотъ можетъ знать всѣ уловки и ухищренія преступниковъ, кто самъ вышелъ изъ ихъ среды. Надобно отдать справедливость Видоку, дѣятельность его была чрезвычайно успѣшна: онъ предалъ въ руки правосудія многихъ преступниковъ, въ числѣ коихъ было нѣсколько такихъ, которые по многу лѣтъ укрывались отъ

правосудія. Но Видокъ былъ помилованный галерникъ; его помощниками были каторжники, выпущенные на свободу; когда они являлись въ судъ въ качествѣ свидѣтелей и преступники указывали на нихъ, какъ на своихъ бывшихъ товарищей, присяжные колебались произносить обвинительный приговоръ, сомнѣваясь въ правдивости свидѣтельскихъ показаній. Въ 1827 году, Видокъ вышелъ изъ полиціи и его замѣнилъ Коко-Латуръ, бывшій воръ. Онъ дѣйствовалъ такъ же смѣло, какъ и Видокъ, но при немъ съ особенной ясностью обнаружилась безнравственность системы набора агентовъ изъ преступниковъ, такъ что префектъ Жиске рѣшился разомъ покончить съ нею. Въ 1832 году, онъ распустилъ отрядъ, организованный Видокомъ, и набралъ новыхъ людей, въ добросовѣстности и честности, которыхъ онъ былъ вполнѣ увѣренъ. Введенная имъ новая система дѣйствуетъ и до настоящаго времени. Въ сыскную полицію принимаютъ съ большимъ разборомъ; нечего и говорить, что сюда уже болѣе не попадаютъ люди, выдержавшіе наказаніе по судебному приговору за предосудительные поступки; кандидата не зачисляютъ ранѣе, пока не соберутъ самыхъ положительныхъ свѣдѣній о его безукоризненномъ поведеніи; а также, пока не убѣдятся въ его способности къ сыскной службѣ. Въ настоящее время штатъ сыскной полиціи гор. Парижа состоитъ: изъ начальника сыскной полиціи, 4 главныхъ инспекторовъ, и 130 второстепенныхъ. Эти 135 человѣкъ въ 1868 году арестовали 35,751 преступника, изъ которыхъ 31,879 человѣкъ подверглись судебному преслѣдованію.

Разумность и состоятельность новой системы выбора агентовъ сыскной полиціи, изъ людей честныхъ, способныхъ и образованныхъ (въ послѣднее время на это обращается особенное вниманіе) оправдалась на дѣлѣ и въ настоящее время французская сыскная полиція имѣетъ полное право считать себя образцовой. Честность ея агентовъ при исполненіи служебныхъ обязанностей не подлежитъ никакому сомнѣнію. Вотъ одинъ изъ яркихъ примѣровъ, приведенный въ книгѣ Максима Дюкана. Въ 1869 году, къ начальнику парижской сыскной полиціи обратились трое англичанъ: одинъ изъ главныхъ агентовъ лондонской полиціи и двое богатыхъ лондонскихъ брилліантщиковъ. По ихъ словамъ, четыре дня тому назадъ, прикащикъ брилліантщикъ бѣжалъ, захвативъ съ собой драгоцѣнностей на 400,000 франковъ, и они заявили, что воръ, по всей вѣроятности, находится теперь въ Парижѣ. Каково было ихъ изумленіе, когда, описавъ примѣты бѣжавшаго, они получили въ отвѣтъ, что преступникъ уже арестованъ французской полиціей! Приведенный арестантъ оказался тѣмъ, кого искали англичане, которымъ въ тоже время были возвращены украденныя вещи. Такая быстрая поимка преступника показалась имъ чудомъ, но, разумѣется, никакого чуда тутъ не было. Сыскная полиція нашла подозрительнымъ, что молодой человѣкъ, остановившійся въ одной изъ лучшихъ гостинницъ, въ день своего пріѣзда отправился въ ломбардъ заложить пять крупныхъ брилліантовыхъ вещей. Полиція тотчасъ же обревизовала чемоданы этого молодого человѣка; куча брилліантовыхъ вещей, находившихся у него, навела полицію на мысль, не пріобрѣтены ли они посредствомъ преступленія. Остановившись на этомъ предположеніи, полиція арестовала, какъ чемоданы, такъ и ихъ владѣльца. Любопытно, что англійская полиція, по обычаю, потребовала себѣ въ вознагражденіе третью часть похищеннаго, т. е. 133,000 франковъ, но англійскій судъ отказалъ ей въ искѣ. Лондонскіе негоціанты прислали 30,000 франковъ Клоду, начальнику парижской сыскной полиціи, но онъ возвратилъ присланное вознагражденіе, ссылаясь на то, что дѣйствовалъ по обязанностямъ службы, за что получаетъ жалованье отъ французскаго правительства.

Вотъ какъ дѣйствуетъ французская сыскная полиція, не прибѣгающая къ сотрудничеству бывшихъ мошенниковъ, хорошо знакомыхъ съ ухищреніями своихъ прежнихъ товарищей. Если бы москвичи, вмѣсто того, чтобы презрительно относиться къ дѣятельности «чужаковъ», прежде тщательно ознакомились съ нею, они не произвели бы Толстинова въ московскіе Лекоки, зная, что Лекоки создаются иной дѣятельностію.

«Какая-то злая судьба тяготѣетъ надъ нашими акціонерными предпріятіями!» Эти жалостныя слова приходится часто выслушивать отъ вкладчиковъ въ различныя акціонерныя предпріятія. Полноте, господа, одна-ли судьба виновата въ неудачахъ нашихъ промышленныхъ предпріятій? Не мы-ли сами, не наша-ли безпечность и неумѣніе причиной нашихъ потерь? Конечно, нельзя отрицать, что не маловажное вліяніе на значительныя потери въ торговлѣ и промышленности, въ послѣднее время оказало общее положеніе дѣлъ. Война, вызвавшая съ одной стороны потерю курса, съ другой, отвлекшая много молодыхъ рабочихъ силъ на пополненіе арміи, безъ сомнѣнія, повліяла неблагопріятно на ходъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, но основная причина неудачъ все-таки, кроется въ нашемъ неумѣніи толково распорядиться дѣломъ. Вотъ одинъ изъ многихъ фактовъ нашей неумѣлости.

«Русск. Вѣд.» сообщаютъ изъ Ялты, что громадная гостинница «Россія», устроенная тамъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ богатымъ акціонернымъ обществомъ и обставленная на манеръ лучшихъ европейскихъ отелей, не смотря на постоянное присутствіе въ ней пріѣзжающихъ, принуждена была въ началѣ текущаго лѣта ликвидировать дѣла и 750,000-ая гостинница, со всѣмъ движимымъ имуществомъ, продавалась съ аукціоннаго торга за 250,000 р. Причина такого результата, весьма удавшагося вначалѣ предпріятія акціонернаго общества, заключается въ неумѣніи вести дѣло соотвѣтственно средствамъ. Администрація гостинницы, состоявшая изъ цѣлаго ряда директоровъ съ тысячными годовыми окладами, поглощала почти всѣ барыши и, невольно, вела это выгодное дѣло къ печальному исходу. За отсутствіемъ разумнаго «хозяина», все имущество гостинницы, стоившее сотни тысячъ руб., сильно попортилось и потребовало преждевременнаго ремонта; вообще, все начало быстро клониться къ упадку. Акціонеры, чтобы спасти хотъ что-нибудь изъ потраченныхъ денегъ, прибѣгли къ ликвидаціи, и аукціонъ гостинницы «Россія» состоялся около 17 го іюня. Покупателей явилось немного, и она куплена однимъ изъ крупныхъ акціонеровъ г. Чихачевымъ за 325,000 рублей.

Нужны-ли тутъ какіе-нибудь коментаріи?

Въ заключеніе сообщаю пріятную новость. Въ мѣстечкѣ Ивескилэ, въ Финляндіи, собиралась сходка женщинъ для обсужденія вопроса о принятіи какихъ-нибудь мѣръ противъ распространяющейся все болѣе и болѣе роскоши въ одеждѣ. Предсѣдательница, г-жа Лейнбергъ, предложила ввести вновь во всеобщее употребленіе финскую національную одежду, которая красива и потому всѣмъ идетъ. Предложеніе это было принято собраніемъ единогласно.

Будемъ надѣяться, что финляндскія женщины выдержатъ свой характеръ и, продолжая ратовать противъ роскоши, упростятъ свой нарядъ и сдѣлаютъ его возможно дешевымъ, конечно, не на счетъ красоты и изящества, чего достигнуть вовсе не трудно. Доказательствомъ этому, въ противоположномъ смыслѣ, служатъ современныя модныя платья женщинъ. Мода стремится дѣлать ихъ дороже и дороже, но вмѣстѣ съ дороговизной женскій костюмъ становится не только не красивѣе и не изящнѣе, но съ каждымъ годомъ безобразнѣе и безобразнѣе. Одно только приводитъ насъ въ сомнѣніе, что женщины, всегда умѣютъ дѣлать такъ, что дешевое выходитъ очень дорогимъ. Можетъ быть, и финляндскія женщины, замѣнивъ общій модный костюмъ національнымъ финскимъ, удорожатъ его до такой степени, что отцы и мужья пожалѣютъ о стремленіи своихъ дочерей и женъ изгнать роскошь изъ своихъ нарядовъ. У насъ на глазахъ теперь разительный примѣръ, къ чему приводитъ національзированіе женской одежды. Наши русскія женщины, не изъ похвальнаго стремленія къ уменьшенію роскоши, а по велѣнію моды, облачились въ національный русскій костюмъ. И во что обошелся мужьямъ и отцамъ этотъ незатѣйливый нарядъ! Національный лѣтній костюмъ обходится едва-ли не втрое противъ прежняго. Правда, прачки выиграли, и то хоть утѣшительно!

А женщинамъ не мѣшаетъ серьезно подумать объ уменьшеніи роскоши, какъ въ ихъ одеждѣ, такъ и въ жизни. Печальные результаты постоянно усиливающейся роскоши, больше всего отражаются на нихъ же, женщинахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, извѣстный Дюпенъ произнесъ во французскомъ сенатѣ громовую рѣчь противъ роскоши женскихъ нарядовъ, требуя принятія репрессивныхъ мѣръ для ея ограниченія. Рѣчь знаменитаго оратора была принята холодно, потому что онъ преувеличилъ значеніе роскоши, видя въ ней признакъ окончательнаго разложенія общества, непосредственнымъ слѣдствіемъ котораго, бываетъ паденіе государства. Ни французская, ни наша роскошь не перешли предѣловъ, за которые шагнуло общество временъ римской имперіи, главное, современное общество зиждется на иныхъ началахъ, чѣмъ римское, потому и страхъ Дюпена былъ слишкомъ преувеличенный. Но несомнѣнно, что роскошь въ женскихъ нарядахъ и дороговизна семейной жизни, происходящая отъ привычекъ къ роскоши, породили уменьшеніе числа браковъ въ тѣхъ общественныхъ слояхъ, куда проникаетъ роскошь. А уменьшеніе браковъ, прежде всего вредно отзывается на положеніи женщины. Но объ этомъ серьезномъ вопросѣ мы поговоримъ когда-нибудь впослѣдствіи.

Н. И.

Новости наукъ и жизни.

— Недостойная манифестація. Въ «Нов. Вр» пишутъ: Извѣстіе о самоубійствѣ писателя Ф. Д. Карѣева, сообщенное изъ Вольска въ газету «Голосъ» и перепечатанное почти всѣми газетами, въ томъ числѣ и нашей, оказывается недостойной мистификаціей. Теперь «Саратовскій Дневникъ» сообщаетъ, что г. Карѣевъ преспокойно живетъ въ настоящее время въ деревнѣ Слѣпцовкѣ, Аткарскаго уѣзда. Нужно удивляться дерзости неизвѣстнаго (а можетъ быть, и извѣстнаго) мистификатора, приправившаго къ тому же вымышленный фактъ еще болѣе нелѣпыми подробностями.

— Опроверженіе смерти марокскаго султана. Въ «Новостяхъ» сообщаютъ: Испанскія газеты недавно сообщили о кончинѣ марокскаго императора. Нынѣ-же, въ лондонскій «Ricord» пишутъ, между прочимъ, изъ Магадара: «Императоръ пользуется прекраснымъ здоровьемъ и на-дняхъ произвелъ въ Марокко смотръ войскамъ. Пожалуй, въ Европѣ распространятъ слухи о его смерти, но не вѣрьте этому».

— Юбилей. Въ текущемъ году исполняется пятидесятилѣтіе существованія гельсингфорскаго университета. Гельсингфорскій университетъ, собственно говоря, старѣе, такъ какъ онъ прежде былъ въ Або и только въ 1828 году перемѣ-

щенъ изъ Або въ Гельсингфорсъ. Пятидесятилѣтіе его, по слухамъ, рѣшено праздновать, и уже назначена особая коммисія для обсужденія этого вопроса.

— **Памятникъ Гуссу.** 25-го іюня, въ 463 день годовщины сожженія Гусса, въ Констанцѣ, происходило торжественное открытіе монумента, посвященнаго увѣковѣченью этого акта религіознаго изувѣрства.

— **Интересный альбомъ.** По случаю имѣющаго происходить въ Парижѣ 4-го (16-го) августа международнаго археологическаго и антропологическаго конгресса, французскіе антропологи составляютъ исполинскій альбомъ, который будетъ заключать въ себѣ фотографіи красивѣйшихъ женщинъ всѣхъ народовъ.

— **Слушальницы женскихъ курсовъ.** 1 іюля опубликовано слѣдующее правительственное распоряженіе: Государь Императоръ, 24-го іюня 1878 г., высочайше разрѣшить соизволилъ: 1) командировать на три предстоящіе мѣсяца въ распоряженіе военно-медицинскихъ инспекторовъ дѣйствующей и кавказской армій, съ цѣлію распредѣленія по военно-временнымъ госпиталямъ, слушательницъ женскаго врачебнаго курса при петербургскомъ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ, по ихъ желанію, для ухода за больными и ранеными, съ тѣмъ, чтобы: а) окончившія 5-й срокъ обученія и перешедшія въ 5-й годъ, оставаясь подъ руководствомъ врачей, помогали имъ въ наблюденіи за ходомъ болѣзней и въ подаваніи хирургическихъ пособій,—и б) перешедшія въ 4-й годъ, исполняли обязанности фельдшерицъ; 2) дѣятельность тѣхъ и другихъ ограничить исключительно военно-временными госпиталями, дабы, съ замѣною части труда по уходу за больными и ранеными, можно было освобождающихся ординаторовъ и фельдшеровъ распредѣлять по войскамъ и лазаретамъ; 3) содержаніе имъ назначить: а) слушательницамъ старшаго курса и окончившимъ обученіе, жалованья по 75 руб. въ мѣсяцъ и подъемныхъ денегъ по 150 руб. каждой, полностью, сверхъ ординарныхъ прогоновъ въ оба пути, каждой на двѣ лошади; порціоны походные по 50 коп. и полевые по одному рублю въ сутки каждой и перевозныя средства, разсчитывая на каждыя три слушательницы одну пароконную повозку, съ двумя упряжными лошадьми; и б) слушательницамъ, командируемымъ въ качествѣ фельдшерицъ, жалованья по 50 р. въ мѣсяцъ и подъемныхъ денегъ по 100 р. полностью каждой, независимо отъ выдачи ординарныхъ прогоновъ въ оба пути, каждой на двѣ лошади, и отъ производства каждой-же, во все время нахожденія при военно-временныхъ госпиталяхъ, ординарной офицерской порціи,—и 4) тѣмъ и другимъ отпускать каждой квартирное довольствіе по оберъ-офицерскому окладу или, гдѣ можно, отводить квартиру.

— **М. П. Чуриловъ.** Наша литература потеряла много обѣщавшаго дѣятеля, въ лицѣ скончавшегося 1-го іюля отъ тифа, соединеннаго съ дифтеритомъ, Михаила Павловича Чурилова. Покойный воспитывался въ гимназіи въ Кіевѣ; но аттестатъ зрѣлости получилъ въ Харьковѣ. Затѣмъ онъ поступилъ въ Харьковскій университетъ по отдѣлу физико-математическихъ наукъ; но вскорѣ перешелъ на юридическій въ С.-Петербургскій университетъ. Пріобрѣтя обширную эрудицію чтеніемъ классическихъ сочиненій, М. П. отправился за границу и въ Парижѣ занялся статистикою, пользуясь совѣтами извѣстныхъ мѣстныхъ спеціалистовъ. Изданная имъ брошюра по вопросу о причинахъ вырожденія людей, въ которой имъ затрогивались крайне любопытные вопросы соціологіи, доставила ему сразу извѣстность. Затѣмъ онъ написалъ почтенное изслѣдованіе, подъ заглавіемъ «Историческое значеніе военнаго подбора», котовое напечатано въ журналѣ «Слово». Онъ сообщилъ нѣкоторыя выводы и въ географическое общество, оцѣнившее труды его по достоинству. Знаменитый Дарвинъ, до свѣденія котораго, было доведено объ этомъ трудѣ покойнаго, прислалъ ему сочувственное письмо. М. П. Чуриловъ скончался 24-хъ лѣтъ отъ роду. Онъ обладалъ красивою наружностію. Высокій брюнетъ, съ прекраснымъ цвѣтомъ лица, онъ имѣлъ располагающую къ себѣ, открытую физіономію.

— **Среднія и наибольшія глубины великаго океана.** Въ послѣднее время наши познанія о глубинѣ великаго океана увеличились многочисленными измѣреніями, произведенными гидрографами разныхъ морскихъ державъ. Изъ 738 измѣреній, произведенныхъ въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, можно убѣдиться, что до сихъ поръ глубина великаго океана принималась слишкомъ великою, именно 4572 метра (6400.) арш. тогда какъ она не превышаетъ 3370 (4718 ар.), метровъ. Мы приводимъ всѣ измѣренія и располагаемъ ихъ по широтамъ:

	Средняя глубина.
Отъ 54° до 50° сѣв. шир.	3161 метровъ.
» 50 » 40 » »	4422 »
» 40 » 30 » »	4081 »
» 30 » 20 » »	3981 »
» 20 » 10 » »	3776 »
» 10 » 0 » »	3359 »
» 0 » 10 южн. шир.	3312 »
» 10 » 20 » »	3246 »
» 20 » 30 » »	2683 »
» 30 » 40 » »	2818 »
» 40 » 50 » »	2783 »
Среднее	3370 метровъ.

Приведенное число 3370 метровъ выражаетъ среднюю глубину великаго океана; что касается до распредѣленія глубинъ по всему океану, то наибольшая (4655 метр.), въ сѣверномъ полушаріи находится у азіятскаго континента, слѣдовательно въ западныхъ частяхъ океана, а въ южномъ—наибольшая глубина (4000 метр.) находится приблизительно въ серединѣ.

Телеграммы.

Лондонъ, 14-го іюля. Коуэнъ представилъ въ палату общинъ петицію, отъ союза именитыхъ лицъ сѣверныхъ городовъ и Лондона, въ которой ходатайствуется о преданіи графа Биконсфильда суду.

Константинополь, 11-го іюля. Вчера русскіе заняли Шумлу.

Римъ, 10-го іюля. Вчера, поздно вечеромъ, на Piazza Colonna произошла демонстрація, во время которой молодежь кричала: «Да здравствуетъ Тріестъ! Да здравствуетъ Тріентино!» Хотя большая часть публики не принимала участія въ этой демонстраціи, власти приняли всѣ необходимыя мѣры и поставили войска на Piazza Colonna и на Piazza Venezia.

Бывшій вчера, въ воскресенье, 21-го іюля, демократическій митингъ, подъ предсѣдательствомъ Менотти Гарибальди и при участіи 2,500 человѣкъ, принялъ резолюцію, въ которой порицается нарушеніе принципа національности и народоправства, выразившееся въ постановленіяхъ конгресса. Митингъ заявилъ солидарность итальянскаго народа съ народами, проданными на конгрессѣ и напомнилъ Италіи, что существуютъ еще итальянскія земли, подчиненныя чужеземному владычеству. Митингъ вѣритъ въ справедливость и законность близкаго будущаго.

Подобные же митинги были въ Генуѣ, Туринѣ, Пизѣ, Палермо, безъ всякихъ случаевъ столкновенія. Другіе города также намѣреваются созвать подобные же митинги. Только Миланъ не присоединился къ мысли созвать во всѣхъ городахъ Италіи подобные митинги.

— 12-го іюля. Ходятъ слухи, что гарибальдійцы готовятся къ экспедиціи въ Албанію. Нѣсколько гарибальдійцевъ уже уѣхало въ Грецію, съ цѣлью организовать отрядъ для вторженія въ Эпиръ и Өессалію.

Вѣна, 14-го іюля. Очень мало надежды на формальное соглашеніе между Австріей и Турціей.

Клекская гавань и каналъ Станьо-Пикколо закрыты отчасти, вслѣдствіе вооруженій Черногоріи, отчасти для того, чтобъ итальянскіе волонтеры не проникали въ Черногорію. Говорятъ о союзѣ между Черногоріей и Италіей.

— 15 го іюля. Всѣ приготовленія къ оккупаціи Босніи и Герцеговины закончены. Въ прокламаціи, обращенной къ жителямъ обѣихъ провинцій, сказано, что султанъ поручилъ ихъ могущественной защитѣ австрійскаго императора.

— 17-го іюля. Императоръ Францъ-Іосифъ, сказалъ по поводу итальянской агитаціи, что прежде, чѣмъ онъ уступитъ хоть одну пядь земли своей имперіи, онъ предпочтетъ погибель своей династіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 Іюля 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

№ 31. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 30 Іюля 1878 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

Испанская легенда *).

Ст. П. В. Га—на.

Монсерра́.

Въ виду Средиземнаго моря, въ тридцати верстахъ отъ г. Барселлоны, близь такъ называемой королевской дороги, среди высокихъ рощъ, находится гора, Монсерра́, извѣстная въ Испаніи по своимъ религіознымъ воспоминаніямъ. Всѣ волны безчисленныхъ революціонныхъ войнъ разбивались у подножія этой горы, и мирная жизнь ея обитателей не нарушалась ничѣмъ. Еще и теперь, въ монастырѣ, построенномъ на этой горѣ, чествуется ликъ Мадонны за покровительство его въ теченіи девяти столѣтій. Путешественникъ еще издали видитъ возвышающіяся одна надъ другою вершины, и эта гористая мѣстность составляетъ главную замѣчательность всей Каталоніи.

Фантастическими башнями какихъ-то средневѣковыхъ построекъ кажутся высокія вершины горъ, брошенныхъ па массу основанія гигантскихъ скалъ. По скатамъ горъ виднѣется, хотя и рѣдко, могучая растительность, выдерживающая ужасные бури и ураганы со стороны Пиреней. Въ суровой своей красотѣ, Монсерра́ возвышается надъ уровнемъ моря на 3,280 футъ съ вѣнцомъ чудныхъ пирамидальныхъ вершинъ, придающихъ ей какой-то необыкновенный, очаровательный видъ. Самое названіе этой мѣстности, Монсерра́ (распиленная гора), характеризуетъ ея странную форму. Вершины, какъ бы взбирающіяся одна на другую, расходятся иногда, чтобы образовать глубокія ущелья, орошаемыя потоками. Самый значительный изъ нихъ, называемый Санта-Марія, раздѣляетъ эту мѣстность на двѣ различныя части. Болѣе двухъсотъ породъ растеній и деревьевъ украшаютъ берега потока, и густою своею зеленью смягчаютъ суровый видъ дикой мѣстности. Терявшимся въ высотѣ небесной лазури вершинамъ горъ служатъ основаніемъ обширныя пещеры, въ которыхъ природа вѣками устроила своды и смѣлыя аркады, украшенныя каплями и накипью известковаго камня, называемыхъ въ минералогіи сталактитами и сталагмитами. Входы въ эти пещеры какъ бы украшены безчисленными и разнообразными природными наростами изъ алебастра. Путешественники нерѣдко проходятъ равнодушно мимо этой мѣстности, освященной религіозными воспоминаніями. Они любуются только горными вершинами, представляющими замѣчательную игру тѣней и свѣта, при солнечномъ освѣщеніи. Всѣ эти пирамидальныя вершины состоятъ изъ известковыхъ скалъ, различныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, соединеніемъ и связью которыхъ служитъ природный бетонъ. Во всей этой гористой мѣстности, въ окружности до тридцати трехъ верстъ, преобладаетъ известнякъ, и только отчасти песчанникъ съ бѣлымъ кварцемъ. Эта богатая по своимъ контрастамъ мѣстность заслуживаетъ, во всѣхъ отношеніяхъ, внимательнаго осмотра путешественниковъ, тѣмъ болѣе, что восхожденіе на горы вовсе не такъ затруднительно, какъ на вершины Альповъ или Пиренеевъ. Не смотря на всю суровость этой мѣстности, окруженной дикой природой, какъ бы для устрашенія людей, желающихъ искать въ ней убѣжища, религіозное усердіе христіанъ избрало ее мѣстомъ для святой обители. По скалистымъ крутизнамъ устроены были уединенныя кельи отшельниками, жившими въ нихъ со временъ первыхъ вѣковъ христіанства. И въ настоящее время соблюдается въ нихъ уставъ св. Бенуа, съ обѣтомъ жить и умереть, не оставляя этой мѣстности, посвященной сокрушенію о грѣхахъ и подвигамъ покаянія. Кто можетъ описать всѣ ихъ лишенія и тяжелые подвиги, совершенные въ присутствіи одного Бога, и всѣ жертвы, принесенныя ими для спасенія души? Какая поучительная исторія героизма этихъ многочисленныхъ отшельниковъ, жившихъ, одинъ послѣ другого, въ двѣнадцати кельяхъ, разбросанныхъ по крутизнамъ скалъ горы Монсерра́. Размышляя о жизни всѣхъ подобныхъ пустынниковъ, какъ героевъ христіанства, угаснувшихъ въ царствѣ безмолвнаго созерцанія и молитвы, невольно удивляешься могуществу религіи, дающей людямъ силу къ труднѣйшимъ подвигамъ самопожертвованія. Разбросанныя кельи принадлежатъ главной монастырской обители, расположенной на довольно обширной площадкѣ, и состоятъ, кромѣ церкви, изъ построекъ для живущей монашествующей братіи, странопріимнаго дома, и двухъ госпиталей: одного для заболѣвающихъ въ монастырѣ, а другого для приходящихъ богомольцевъ и бѣдныхъ изъ окрестныхъ селеній. Всѣ посѣщающіе монастырь находятъ въ немъ радушное, братское гостепріимство, и въ теченіи трехъ дней живутъ, не платя ничего, какъ бы часто ни посѣщали обитель, въ стѣнахъ которой не одни бѣдняки и дѣти преклоняютъ колѣни предъ ликомъ Мадонны. Въ числѣ пришельцевъ бываетъ нерѣдко и высшее дворянство; даже князья въ простой одеждѣ странника, съ посохомъ въ рукѣ, не считали за оскорбленіе, на пути къ монастырю, принимать подаяніе. Трудно представить себѣ всю братскую заботливость, которою окружаютъ приходящихъ въ Монсерра́. Для иноковъ, покинувшихъ міръ, всѣ посѣщающіе обитель равны въ ихъ мнѣніи и пользуются одинаковыми правами и расположеніемъ, такъ какъ въ нихъ видятъ только братьевъ по Христу, нуждающихся въ помощи, утѣшеніи и совѣтахъ. Невольно удивляешься, какъ подобная мѣстность, замѣчательная по своей геологической формаціи, и географическому положенію, не упоминается у древнихъ географовъ. Преданіе же говоритъ, что эта мѣстность называлась прежде горою Есторсиль, хотя такого названія и не встрѣчается въ древнихъ испанскихъ рукописяхъ. Не смотря на такое умолчаніе древнихъ писателей, всѣ географы среднихъ вѣковъ называютъ ее Mons Serratus или Mons Obserratus, т. е. горою пилы, или распиленною горою. Это названіе и послужило основаніемъ изображенію, на монастырской печати, горы, разрѣзанной на части. Происхожденіе и время основанія старинной церкви на Монсерра́, также неизвѣстно; о ней ничего не говорится въ литературныхъ памятникахъ, сохранившихся послѣ нашествія мавровъ.

Въ первый разъ ея названіе встрѣчается въ жалованной грамотѣ, данной монастырю графомъ Барселоны, дономъ Вильфредомъ, въ 888 году нашей эры. Графъ Сегюръ подтвердилъ эту грамоту, а король Лотаръ возобновилъ ее въ 982 году. Весьма вѣроятно, что сооруженіе церкви Св. Маріи, стоявшей на этой горѣ, относится ко времени, предшествовавшему завоеванію Испаніи маврами. Что касается до основанія монастыря, то онъ сооруженъ былъ, вѣроятно, позднѣе церкви; но самое происхожденіе его основано на благочестивой легендѣ, которую передаемъ здѣсь во всей ея наивной простотѣ. Въ то время, когда побѣдоносный Вильфредъ *) владѣлъ Барселонскимъ графствомъ, которое онъ освободилъ отъ налоговъ, платимыхъ до него Франціи, въ горахъ этого графства жилъ отшельникъ по имени Иванъ Гаринъ (Juan Garin) **),

*) Поэтическую легенду, предлагаемую здѣсь нашимъ читателямъ, мы заимствуемъ изъ рѣдкаго сочиненія Гозанса де Лятура „Историческіе, литературные и архитектурные памятники Испаніи“, напечатаннаго въ два текста, на французскомъ и испанскомъ языкахъ: L'Espagne historique, littéraire et monumentale, par M. P. J. Gauzence de Lastours. Toulouse. 1846. Delsol, libraire-éditeur, rue Tambonnière. (Pages 357—366).

*) Прозванный le velu т. е. косматый.

**) Въ числѣ нашихъ современниковъ, носящихъ фамилію отшельника легенды, Ивана Гарина, въ одномъ изъ фамильныхъ гербовъ имѣется изображеніе горы, какъ и на монастырской печати обители Монсерра. Въ описаніи герба Гарина, копія съ котораго

почитаемый въ окрестностяхъ за великаго подвижника. Еще и теперь, близь монастыря, показываютъ небольшую пещеру, гдѣ спасался отъ суеты мірской знаменитый отшельникъ, находя силу для борьбы съ искушеніями въ постѣ и молитвѣ. Набожность и святость его жизни возбудили сильную ненависть къ нему въ злѣйшемъ врагѣ человѣчества, который, завидуя добродѣтелямъ подвижника, рѣшился довести его до грѣхопаденія. Но когда всѣ хитрыя козни оказались напрасны, тогда врагъ принялъ на себя видъ пустынника и, занявъ одну изъ пещеръ вблизи отшельника, пришелъ къ нему, какъ бы случайно, и съ притворнымъ удивленіемъ заявилъ, что, живя нѣсколько лѣтъ въ этой пустынѣ, прежде не встрѣчался съ нимъ. Отшельникъ дружески принялъ обманщика и возблагодарилъ небо за встрѣчу съ собратомъ, раздѣляющимъ его одиночество, обѣщая жить съ нимъ въ братскомъ согласіи. Уходя, лжеотшельникъ выразилъ желаніе навѣщать подвижника, чтобы укрѣпляться его совѣтами и опытностью въ душевномъ спасеніи, хотя былъ увѣренъ въ своемъ близкомъ торжествѣ надъ нимъ. Но, чтобы вѣрнѣе успѣть въ своемъ замыслѣ, онъ призвалъ на помощь другого демона, овладѣвшаго, по его указанію, тѣломъ дочери правителя Барселоны, для того, чтобы мучить ее жестокими припадками бѣснованія. Всѣ молитвенныя заклинанія отъ злого духа оставались безъ послѣдствій, и припадки съ каждымъ днемъ усиливались у дочери графа, говорившей, что ее могутъ излечить только молитвы отшельника Ивана Гарина, живущаго въ горахъ Монсерра́, въ окрестностяхъ Барселоны. Графъ Вильфредъ поручилъ отыскать его въ горахъ и, узнавъ, гдѣ находилась пещера отшельника, отправился съ больною дочерью въ сопровожденіи свиты. Придя къ отшельнику, графъ разсказалъ ему о мученіяхъ своей дочери, и что только по молитвамъ его послѣдуетъ ея исцѣленіе. Глубоко сожалѣя о постигшемъ дочь графа несчастіи, отшельникъ на колѣняхъ просилъ, со слезами, Всемогущаго объ освобожденіи несчастной отъ власти злого духа, чтобы святое имя Его прославилось тѣми, кто убѣдится въ Его всемогуществѣ. По окончаніи молитвы отшельника, демонъ оставилъ дѣвицу, тотчасъ же почувствовавшую полное облегченіе своихъ страданій, а совершившееся чудо преисполнило благоговѣйнаго удивленія графа и его свиту. Возблагодаривъ Бога за исцѣленіе дочери, графъ сообщилъ Ивану Гарину, что злой духъ угрожалъ вернуться къ дочери и мучить ее по прежнему, если она не останется у Гарина въ пещерѣ въ теченіи девяти дней, для общей съ нимъ молитвы и покаянія. А потому онъ умоляетъ не отказывать ему въ просьбѣ, оставить въ пещерѣ дочь на это время. Велико было удивленіе отшельника, когда онъ услышалъ подобную просьбу; онъ умолялъ графа не настаивать на ней, ссылаясь на пустынность мѣстности, на малую величину своей пещеры, на невозможность прожить у него столько времени дочери графа съ ея свитою, и не скрывалъ отъ него самой опасности, для спокойствія его души, провести девять дней съ его дочерью, красота которой очаровала даже и его, отшельника. Но графъ былъ упрямъ; онъ настаивалъ въ своемъ намѣреніи, желая, чтобы дочь уже безъ свиты осталась у него въ пещерѣ; при этомъ графъ казался такимъ раздраженнымъ, что отшельникъ не рѣшался болѣе противорѣчить ему. Графъ Вильфредъ удалился со свитой въ селеніе Монистроль, въ четырехъ верстахъ отъ Монсерра́, оставивъ свою дочь съ отшельникомъ, который обязанъ былъ руководить ее въ молитвахъ, необходимыхъ для излеченія навсегда отъ мученій демона. Въ это время послѣдній былъ близокъ къ исполненію своего замысла, и пользуясь согласіемъ отшельника принять гостью въ свою пещеру, избралъ очаровательную Аврелію (Audéwe), дочь графа, жертвою для нравственнаго паденія ненавистнаго ему отшельника. Вскорѣ послѣдній почувствовалъ необыкновенный жаръ въ крови; мысли его помрачились; душевныя силы въ немъ ослабѣли; тревога и безпокойство овладѣли имъ; но онъ не унывалъ и, желая бороться съ искушеніемъ, осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ, прося у Господа силъ для подкрѣпленія его душевной слабости. Убѣдясь въ невозможности дальнѣйшей борьбы, онъ рѣшился удалиться отъ опасной для его душевнаго спокойствія дочери графа; но пожелалъ прежде посовѣтоваться съ сосѣдомъ отшельникомъ, который, конечно, отговорилъ его отъ подобнаго намѣренія, доказывая все безразсудство боязни и страха борьбы, могущей доставить ему райскій вѣнецъ, обѣщанный тѣмъ, кто будетъ побѣждать свои страсти. Бѣдный отшельникъ вернулся въ свою пещеру, гдѣ и провелъ еще нѣсколько дней съ меньшими искушеніями. Но подъ конецъ назначеннаго срока рѣшился просить графа взять дочь, такъ какъ наступалъ уже девятый день ея пребыванія въ пещерѣ съ нимъ. Тогда-то врагъ людей удвоилъ усиліе въ своихъ козняхъ, чтобы увлечь отшельника къ грѣхопаденію и, къ несчастію послѣдняго, злой замыселъ вполнѣ удался демону *). Когда же отшельникъ пришелъ въ себя, и понялъ весь ужасъ своего преступленія, то, какъ съумасшедшій, бѣгалъ по горамъ, и въ изнеможеніи отъ усталости и угрызеній совѣсти пришелъ въ пещеру врага, чтобы разсказать ему о своемъ грѣхопаденіи. Мнимый пустынникъ успокоилъ его надеждою на высшее милосердіе, говоря словами св. Писанія, что Христосъ приходилъ на землю не для праведниковъ, а для грѣшниковъ. Успокоивъ нѣсколько совѣсть отшельника, искуситель предложилъ ему отдѣлаться навсегда отъ дочери графа, бывшей причиною его паденія, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, чтобы она не успѣла разсказать о случившемся своему отцу, отъ ужаснаго мщенія котораго невозможно нигдѣ укрыться. Виновный уже въ одномъ преступленіи рѣшился совершить и другое, еще болѣе тяжелое. Возвратясь въ свою пещеру, Гаринъ убилъ дочь графа, и скрылъ ее подъ скалой, на которой впослѣдствіи построена была церковь. Искуситель торжествовалъ; онъ погубилъ душу, преданную Богу. Тогда ложный отшельникъ сбросилъ съ себя маску притворства и явился къ несчастному въ настоящемъ своемъ видѣ. Онъ осыпалъ его насмѣшками за малодушіе и безсиліе всѣхъ прежнихъ молитвенныхъ подвиговъ, разлетѣвшихся въ прахъ при первомъ искушеніи. Все это говорилъ искуситель, желая привести виновнаго къ полному отчаянію въ возможности получить прощеніе и спасти свою душу. Послѣ того искуситель изчезъ, оставивъ въ душѣ несчастнаго отшельника ужасное воспоминаніе о совершенномъ имъ двойномъ преступленіи. Велики были его мученія и угрызенія совѣсти. Въ это время онъ готовъ былъ проклинать свою жизнь и увеличить еще богохульствомъ виновность свою; но милосердіе Божіе не оставляло его и удержало въ минуту его рѣшимости броситься въ пропасть съ вершины самой высокой горы. Тогда несчастный пролилъ горячія слезы о грѣхахъ своихъ и молилъ Господа и Богоматерь о поддержаніи слабыхъ силъ его для покаянія. Молитва облегчила душу отшельника, и онъ рѣшился идти въ Римъ, для исповѣданія папѣ своихъ прегрѣшеній.— Когда же, на десятый день, графъ прибылъ со свитою въ Монсерра́, за своею дочерью, онъ не нашелъ никого въ пещерѣ отшельника. Послѣ всѣхъ напрасныхъ поисковъ, отецъ, убитый горемъ, потерею единственной дочери, вернулся въ Барселону. Въ это время Иванъ Гаринъ отправился въ Римъ, прося подаянія и принося громкое покаяніе предъ народомъ въ часовняхъ и церквахъ, попадавшихся ему на пути. Достигнувъ Рима, онъ выпросилъ аудіенцію у папы и, упавъ ницъ передъ нимъ съ рыданіями, разсказалъ о своихъ преступленіяхъ, выразивъ при этомъ такое глубокое сокрушеніе о грѣхахъ своихъ, что папа, тронутый его искреннимъ раскаяніемъ, даровалъ ему въ нихъ отпущеніе, приказавъ вернуться обратно, а въ наказаніе, чтобы не могъ смотрѣть на небо, идти на рукахъ и колѣняхъ, не только во все время пути до пещеры своей, но до того времени, когда онъ встрѣтитъ трех-мѣсячнаго младенца, который прикажетъ ему встать и ходить по прежнему. При совершеніи только подобнаго чуда онъ, какъ грѣшникъ, можетъ удостовѣриться, что и Господь даровалъ ему свое прощеніе. Съ радостью принялъ несчастный такое суровое испытаніе и, подчиняясь тяжелому наказанію папы, возвратился въ свою пещеру, исполнивъ въ точности его приказаніе, питаясь, во все время пути, только травой и дождевою водой. Вся одежда его обратилась въ лохмотья; наконецъ, и отъ нихъ не осталось слѣда. Дневной зной и холодъ ночной закалили тѣло его до того, что онъ въ состояніи былъ переносить и проливные дожди, и снѣжныя мятели на высокихъ горахъ. Вся кожа его покрылась волосами, на подобіе звѣриной шерсти. Въ такомъ не человѣческомъ видѣ онъ прожилъ семь лѣтъ въ своей пещерѣ.—Желая разогнать не покидавшую грусть о потери дочери, графъ Вильфредъ отправился однажды, со свитой, на охоту въ окрестности Монсерра́, богатыя разнообразною дичью. Прибывъ на мѣсто охоты, онъ приказалъ спустить своры собакъ, которыя бросясь въ лѣсную чащу, вскорѣ взбѣжали на одну изъ скалистыхъ горъ и, остановясь у входа въ пещеру, подняли страшный лай. Когда подошли охотники и вошли въ пещеру, они нашли въ ней несчастнаго отшельника, въ описанномъ уже нами видѣ, и приняли его за необыковеннаго звѣря. Узнавъ о случившемся, графъ приказалъ привести его къ себѣ. Охотники, снова войдя въ пещеру, связали отшельника и привели къ графу, приказавшему отвести его въ Барселону и помѣстить въ отдѣльномъ сараѣ. Вскорѣ послѣ того, семеро мальчиковъ, изъ деревни Монистроль, пасшихъ стадо овецъ, пригнали ихъ къ горѣ Монсерра́, и расположились на ней, на нѣсколько дней. При наступленіи ночи, дѣти увидѣли, какъ передъ ними разверзлось небо и огненные столбы свѣта медленно спускались къ одной изъ пещеръ, лежавшей у подножія большой скалы, быв-

хранится въ герольдіи, сказано: „Въ лѣвой части герба, въ зеленомъ полѣ, видны три золотые хлѣбные колоса, и подъ ними серебряная гора“. Этотъ гербъ, съ грамотою на потомственное дворянство, былъ пожалованъ офицеру Преображенскаго полка, Ананію Гарину, въ 1741 году 31 Декабря, въ числѣ другихъ иностранцевъ служившихъ въ офицерскихъ чинахъ въ Преображенскомъ полку, который, какъ извѣстно, содѣйствовалъ возшествію на перстолъ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. (Смотр. Хронологію Соловьева, С.-П-гъ 1852 г. стр. 133 и 138, и общій гербовникъ дворянскихъ родовъ имперіи). Хронологія поясняетъ, что въ то время, когда перенесена была Олегомъ столица русской земли изъ Новгорода въ Кіевъ (882), и послѣдовала кончина Св. Меѳодія, перваго просвѣтителя славянъ (885), то отшельникъ горы Монсерра, Иванъ Гаринъ, жилъ въ то время (888) въ одной изъ ея пещеръ. Весьма вѣроятно, что корень этой фамиліи находится не въ Испаніи, а въ Германіи, въ числѣ сподвижниковъ Карла Великаго. Такое предположеніе подтверждается и стихотвореніемъ (переведеннымъ, кажется, и поэтомъ Жуковскимъ), „Roland Schildträger“, популярнѣйшаго, послѣ Шиллера, изъ нѣмецкихъ лириковъ Уланда. Въ этомъ стихотвореніи Людвигъ Уландъ, описывая придворное торжество Карла Великаго въ Ахенѣ, вскорѣ послѣ принятія имъ единовластія по смерти Карломана, въ 772 году, между прочимъ говоритъ:

Графъ Ричардъ, архіепископъ Турпинъ,
Фрейгеръ Гейманъ, и баронъ Баварскій,
Милонъ Англантскій, какъ и графъ Гаринъ,
Не пожелали дольше пировать.
Надѣвъ свои кольчуги боевыя,
Вскочили на коней своихъ могучихъ,
И понеслись для Карла добывать
Тотъ талисманъ, что былъ у великана.

Вѣроятно, отрасль этой графской фамиліи и проживала еще въ 1860 году въ сѣверной Италіи, не далеко отъ Ниццы, какъ извѣстно переводчику, бывшему въ то время въ Ниццѣ.

Пр. переводчика.

*) Эта легенда очень напоминаетъ одну изъ извѣстныхъ сказокъ Боккачіо, который, вѣроятно, и слышалъ это преданіе.

шей не далеко отъ нихъ. Вскорѣ послышалось дѣтямъ съ неба и чудное, гармоническое пѣніе ангеловъ. Мальчики наслаждались вполнѣ этимъ прекраснымъ видѣніемъ и чувствовали вмѣстѣ съ удивленіемъ и страхъ, при видѣ подобнаго чуда.

Возвратясь утромъ въ свою деревню, они разсказали роднымъ о томъ, что видѣли въ прошлую ночь. Настоятель церкви въ селеніи, узнавъ о подобномъ чудномъ явленіи, пожелалъ самъ его видѣть и отправился, вмѣстѣ съ другими, по указанію дѣтей; но никому изъ нихъ не пришлось увидѣть необыкновеннаго явленія. Не смотря на это, священникъ заявилъ о разсказѣ дѣтей архіерею, который и прибылъ съ многочисленнымъ духовенствомъ на ту гору, гдѣ видѣли мальчики чудесное явленіе. Въ этотъ разъ, съ наступленіемъ ночи, все собравшееся духовенство увидѣло, какъ небо, разверзаясь съ одной стороны, отдѣляло изъ себя нисходившій огненный столбъ, а также слышно было имъ и чудное пѣніе ангеловъ; когда оно кончилось, прекратился и огненный свѣтъ. На утро, всѣ, видѣвшіе чудо начали отыскивать замѣченную ими наканунѣ пещеру, которую освѣщалъ нисходившій съ неба свѣтъ. Но крутизна горъ, и величина скалъ весьма затрудняли всѣ ихъ поиски. Только подъ вечеръ открыли небольшую пещеру, за громадными камнями, лежавшими передъ нею, у входа въ которую, чувствовалось какое-то необыкновенное благоуханіе. Вошедшіе съ архіереемъ въ пещеру нашли въ ней икону Богоматери. Эта икона находится и въ настоящее время въ главномъ предѣлѣ церкви на Монсерра́; полагаютъ, что она была скрыта въ пещерѣ служителями церкви, во время нашествія мавровъ, преслѣдовавшихъ жестоко христіанъ и разрушавшихъ ихъ церкви. Но Господь не только не допустилъ до утраты иконы, чудесно сохранивъ ее для вѣрующихъ, но и устроилъ такъ, чтобы эта мѣстность сдѣлалась обителью отшельницъ, для прославленія Богоматери. Узнавъ о чудесномъ открытіи иконы, архіерей съ большою торжественностью, въ сопровожденіи всего духовенства и населенія изъ окрестностей, отправился къ пещерѣ. Когда процессія шла на гору съ св. иконою, то вдругъ очутилась въ такой глуши, изъ которой, казалось, не было никакой возможности выйдти; непреодолимыя препятствія окружали ее со всѣхъ сторонъ, какъ бы преграждая ей дальнѣйшій путь. Архіерей понялъ тогда волю Божію и остановилъ процессію, чтобы устроить тутъ же, на мѣстѣ, престолъ, надъ которымъ вскорѣ построена была и церковь. Въ то время, когда чудесное явленіе иконы сдѣлалось извѣстнымъ не только въ Испаніи, но и въ Европѣ, несчастный отшельникъ содержался по прежнему при домѣ графа Вильфреда, въ Барселонѣ. Его показывали всѣмъ, какъ дикаго человѣка, найденнаго въ горахъ. Когда графъ, по случаю праздника Рождества, пригласилъ на обѣдъ всѣхъ именитыхъ лицъ графства, то, послѣ обѣда, нѣкоторые изъ нихъ выразили желаніе посмотрѣть на невиданнаго еще ими дикаго человѣка. По приказанію графа, несчастный отшельникъ былъ введенъ въ зало, гдѣ каждый изъ гостей могъ удобнѣе разсмотрѣть его. Въ это время вошла къ нимъ кормилица съ трехмѣсячнымъ ребенкомъ, единственнымъ сыномъ графа-хозяина.

И только что ребенокъ увидѣлъ отшельника, какъ закричалъ, къ удивленію всѣхъ присутствовавшихъ, и произнесъ: «встань, братъ Иванъ, встань, и держись прямо, потому что Богъ простилъ тебя!» Услышавъ эти слова, онъ всталъ на ноги среди изумленныхъ гостей графа, пришедшихъ въ ужасъ, увидя подобное чудо. Виновный же отшельникъ, получивъ видимое прощеніе свыше, бросился къ ногамъ графа и со слезами разсказалъ ему двойное преступленіе, и всѣ подвиги своего покаянія. Хотя графъ и почувствовалъ снова сильную скорбь о потери дочери, но, не считая возможнымъ наказать того, кто такимъ чудеснымъ образомъ получилъ прощеніе Господа, отправилъ отшельника на Монсерра́, приказавъ ему отыскать трупъ убитой дочери, чтобы похоронить его по обрядамъ церкви. Желая же самъ присутствовать при этомъ, графъ отправился съ нимъ въ сопровожденіи многочисленной свиты и духовенства.

Какое же было ихъ удивленіе, когда, достигнувъ пещеры, гдѣ была зарыта дочь графа, они нашли въ живыхъ молодую графиню, полную силъ, цвѣтущаго здоровья, и въ прежнемъ блескѣ очаровательной красоты! Только легкая царапина была видна на ея шеѣ. Увидѣвъ отца, она выразила живѣйшую радость, но на всѣ распросы его отвѣчала коротко, что обязана своимъ спасеніемъ и сохраненіемъ жизни отъ всѣхъ окружавшихъ ее опасностей одному заступничеству Богоматери, покровительницѣ этой пустынной мѣстности. При этомъ она выразила твердое желаніе остаться на всегда на этой горѣ, и графъ, не желая противиться волѣ Провидѣнія, далъ дочери позволеніе основать здѣсь обитель для набожныхъ отшельницъ.

Какъ только монастырь былъ построенъ, онъ наполнился инокинями изъ лучшихъ семействъ Каталоніи, а дочь графа Вильфреда сдѣлалась первою настоятельницею монастыря. Спустя сто лѣтъ, графъ Борель перевелъ монахинь изъ этой обители въ Барселону, въ монастырь св. Педро де-ля-Пуеллясъ, а на Монсерра́ поселилъ другихъ монахинь, гдѣ и по настоящее время еще живутъ отшельницы. Процвѣтаніе этой обители увеличивалось съ каждымъ столѣтіемъ, и она сдѣлалась первою по богатству и наиболѣе знаменитою въ Испаніи, въ особенности вслѣдствіе преимуществъ данныхъ ей королемъ Фердинандомъ и королевою Изабеллой. Монсерра посѣщали богомольцы изъ всей Европы. Между ними было много знаменитостей, какъ напримѣръ Карлъ V, посѣтившій обитель нѣсколько разъ, въ одеждѣ простого странника. Для всхода на гору, гдѣ находится монастырь, нужно всего до двухъ часовъ времени; подъемъ на нее начинается у деревни Кальватесъ, и кончается трудно проходимою тропинкою, между скалами. Но когда путникъ взойдетъ на плоскогоріе, гдѣ находится церковь, ему открывается очаровательный видъ на Пиренейскія горы, на богатыя села деревни Каталоніи, на множество ручейковъ, орашающихъ покрытыя зеленью покатости горъ, и, наконецъ, на Средиземное море съ Балеарскими островами. Прежде чѣмъ путникъ дойдетъ до новѣйшихъ построекъ монастыря, ему приходится миновать живописно лежащую обитель, воздвигнутую знаменитымъ кардиналомъ Ла-Роверомъ, однимъ изъ бывшихъ настоятелей въ Монсерра́ и возведеннаго въ послѣдствіи на папскій престолъ, подъ именемъ Юлія II. Ея стѣны украшены изображеніями, напоминающими чудесное покровительство Богоматери этой обители. Надъ одною изъ аркадъ ея помѣщенъ былъ и чудотворный образъ, перенесенный въ 1599 году въ церковь, что подтверждается слѣдующею надписью на томъ мѣстѣ, гдѣ находилась икона: «Philippo tertio rege catholico proesente, deiparae Virginis imago hinc in templum novum translata fuit, V. idus jului anno MDXCIX, cùm hoc septingentisannis miraculis claruisset»... т. е. «во время царствованія католическаго короля Филиппа третьяго, чудотворная икона Богоматери, была перенесена отсюда въ новый храмъ, 15 іюля 1599 года, послѣ семивѣковаго прославленія этой мѣстности». Изъ надписи этой видно, что основаніе древней церкви относится къ девятому вѣку христіанства, это подтверждается, впрочемъ, и другими неоспоримыми документами. Въ грамотахъ, о преимуществахъ, дарованныхъ церкви въ Риполли, графомъ Вильфредомъ, говорится, что мѣстность Монсерра́ была тогда уже обитаема, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ первой его грамоты: «Locum quem nominant Monte Serrato et ecelesias, quae sunt in cacumine ipsius montis, vel ad inferiora ejus»...; т. е. «мѣстность называемую Монсерра́, и всѣ церкви, находящіяся на ея гористыхъ вершинахъ, а равно и въ ея окрестностяхъ»... Дарственная эта запись, подтвержденная черезъ годъ Допомъ-Іоргомъ, архіереемъ де-Вигъ, была скрѣплена подписью послѣдняго въ двадцать седьмой годъ царствованія Карла Великаго.

Древняя, первоначальная церковь исчезла, но на развалинахъ ея возникла вскорѣ другая, сохранившаяся до нашихъ дней. Основаніе ей положено королемъ Фердинандомъ; но постройка церкви окончена только въ 1592 году, и освящена въ честь Богоматери архіереемъ де-Вигъ въ сослуженіи съ архіереями: де-Геронъ, д'Ургель, д'Ельна и аббатомъ де-Салинасъ, въ присутствіи вице-короля Каталоніи, Петра де-Габерана, и маркиза де-Наварреса...

Въ монастырскомъ архивѣ главной обители Монсерра хранится и теперь протоколъ, составленный по освященіи этой церкви, за подписью упомянутыхъ лицъ, и предъявляется всѣмъ желающимъ удостовѣрться въ древности происхожденія этой знаменитой въ Испаніи монастырской обители.

На дальнемъ Западѣ.

Путевые наброски Сѣверной Америки.

Ст. А. И. Елишева.

(*Продолженіе.*)

Дубовый лѣсокъ идетъ до самаго Тhауег'а, станціи желѣзной дороги, окруженной лавками и магазинами. Миль пять подвезъ меня какой-то фермеръ. Хозяинъ фермы, на которую я зашелъ по, обѣдать среди дня, недавно поселился и купилъ уже обработанный участокъ, и виноградникъ за 900 долларовъ. Вообще земли въ окрестностяхъ по 5—12 дол. за акръ.

Къ вечеру какой-то прохожій указалъ мнѣ на бѣленькій домикъ вдали, говоря, что тамъ навѣрное есть работа. Я подошелъ къ нему, когда уже стемнѣло. На мой стукъ никто не отворилъ дверей. Было воскресенье и я догадался что хозяева уѣхали въ гости. Окна дома были растворены и на нихъ стояли какія-то вещи. Мимо пролегала дорога и всякій прохожій могъ взять, что ему угодно. Въ Западныхъ Штатахъ на фермахъ вообще совершенно неизвѣстно воровство. Впрочемъ, даже и въ штатѣ Нью-Іоркъ, гдѣ бываетъ много всякого сброду изъ эмигрантовъ, никогда не замыкаютъ ни амбаровъ съ хлѣбомъ, ни конюшень и т. п. Для меня, знакомаго съ жизнью нашей деревни, гдѣ ко всякому имуществу, кромѣ безчисленныхъ замковъ, приставляются и сторожа, подобная имущественная безопасность была въ диковинку.

Хозяева пріѣхали довольно поздно. Дѣйствительно, мнѣ предложили работу съ платою по 1 дол. въ день и съ харчами. Я согласился. На другое утро, мистеръ Кроффордъ, какъ звали фермера, далъ мнѣ культиваторъ, слѣпого мула и лошадь. На этой оригинальной парѣ мнѣ предстояло работать. Маисъ былъ поздняго посѣва и потому еще очень малъ, и его часто заваливало землей; тогда послѣднюю нужно было на ходу отворачивать ногой. Кромѣ того мои животныя постоянно сбивались, такъ какъ лошадь терпѣть не могла мула, не смотря на всѣ признаки уваженія, которые онъ ей оказывалъ. Рядомъ же со мной поѣхалъ и хозяинъ, только на культиваторѣ съ сидѣньемъ.

Пытка въ Венеціи.

Погода стала опять ясная и поля просохли и даже пылились, такъ что я возвращался съ работы весь черный.

У Крофорда была большая семья и самъ онъ былъ маленькій, лѣтъ 50-ти, но еще совершенно бодрый старичокъ и хлопотливый, и дѣльный хозяинъ. Передъ всякой ѣдой онъ, опустивъ смиренно глаза, читалъ молитву и вообще былъ очень набоженъ: выписывалъ двѣ религіозныхъ газеты и журналъ, и не пропускалъ ни одной воскресной школы*). Каждый вечеръ, воротясь съ работы и, перемѣнивъ куртку на чистое платье, онъ садился съ женой читать вслухъ библію. Въ это время изъ другой комнаты слышался веселый смѣхъ молодежи—у хозяина было двѣ взрослыхъ дочери и молодой постоянный работникъ. Обѣ дѣвушки ходили еще въ школу и были чрезвычайно удивлены, когда я помогъ имъ однажды рѣшить алгебраическую задачу: они никакъ не ожидали такой прыти отъ русскаго.

Пропахавъ цѣлую недѣлю, я въ воскресенье, выкупавшись неосторожно, схватилъ лихорадку, довольно обыкновенную въ этихъ мѣстахъ. Хозяинъ совѣтывалъ мнѣ обратиться къ работавшему у него старичку плотнику, увѣряя, что онъ докторъ. Но усумнившись въ его медицинскихъ познаніяхъ, я предпочелъ сходить къ врачу въ ближайшій городокъ. Послѣдній состоялъ всего изъ 20—25 домиковъ. Хатка мѣстнаго эскулапа стояла на самомъ его краю. Когда я пришелъ, онъ кололъ дрова и, прервавъ это занятіе, провелъ меня въ свой кабинетъ, украшенный черепомъ, наборомъ хирургическихъ инструментовъ и другими атрибутами своего званія. Противъ моей болѣзни онъ мнѣ посовѣтывалъ употреблять изобрѣтенное имъ же самимъ патентованное средство, которое я у него же могъ и купить.

Затѣмъ онъ при мнѣ же запрегъ свою лошадку въ богге и отправился на практику. Намъ было по одной дорогѣ и онъ подвезъ меня нѣсколько миль.

Положеніе врачей въ Соед. Штатахъ сравнительно съ другимъ населеніемъ гораздо хуже чѣмъ въ Россіи. Въ большихъ городахъ чрезвычайно трудно добиться хотя небольшой практики.

Въ этомъ случаѣ поучительна попытка одного изъ нашихъ земляковъ. Эмигрировавъ въ Америку безъ всякихъ средствъ, онъ поступилъ въ одинъ изъ медицинскихъ коледжей Нью-Іорка. Содержа себя отчасти корреспонденціями для газетъ, отчасти уроками въ одномъ русскомъ семействѣ, онъ въ три года кончилъ курсъ **).

На первое время онъ поступилъ врачемъ въ нью-іоркскій пріютъ для идіотовъ. Вмѣсто жалованья за свою многочасовую работу, онъ получилъ тамъ только небольшую комнату и столъ—вознагражденіе, за которое не сталъ бы работать послѣдній поденьщикъ. Собравшись кое-какъ со средствами, онъ нанимаетъ квартиру и открываетъ свой office, т. е. докторскую контору. Почти въ теченіи года никто не обратился къ нему за совѣтомъ. Но вотъ однажды врываются два джентльмена въ попыхахъ и просятъ поторопиться къ опасно-больной. Нашъ докторъ мчится на свой первый визитъ, но по данному адресу никого не оказывается. Воротившись же, онъ нашелъ свою квартиру обобранною. Этимъ и кончилась его медицинская практика.

Я слишкомъ уклонился въ сторону отъ моего разсказа. Лекарство доктора не помогло, но я все-таки могъ продолжать работать. Болѣзнь выражалась главнымъ образомъ упадкомъ силъ и питанія. Въ субботу я кончилъ свою пахоту и собирался на завтра уходить, но Крофортъ не пустилъ меня, говоря, что онъ будетъ очень обиженъ, если я уйду отъ него передъ праздникомъ. Въ воскресенье къ нему пришелъ священникъ его исповѣданія—онъ былъ, кажется, унинверсалистъ—и нѣсколько единовѣрныхъ сосѣдей. Въ этотъ день назначена была общая молитва. При безчисленномъ множествѣ всякихъ сектъ въ Америкѣ и при разсѣянности ихъ по обширной территоріи Союза, не каждая изъ нихъ можетъ имѣть особаго проповѣдника для одного какого-либо храма. Отсюда и произошли странствующіе священники, которые, переходя съ мѣста на мѣсто, собираютъ своихъ единовѣрцевъ для богослуженія. Во время молитвы я, смотря на полную благочестія фигуру Крофорда, невольно припомнилъ сцену, происшедшую наканунѣ въ конюшнѣ. Когда я пришелъ туда утромъ, м-ръ Крофордъ, собравшійся вести своего слѣпого мула на продажу, впускалъ ему въ глаза какую-то жидкость. На мой вопросъ, что онъ дѣлаетъ, онъ отвѣчалъ: «Если человѣкъ въ нѣсколько минутъ можетъ сдѣлать 25 дол., то отчего же ихъ ему не сдѣлать?» И дѣйствительно онъ ихъ сдѣлалъ, продавъ мула за 100 дол. Благочестіе Крофорда даетъ мнѣ поводъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніи американцевъ къ религіи вообще. Общее наблюденіе путешественниковъ о томъ, что американцы чрезвычайно индиферентно относятся къ религіознымъ дѣламъ, вполнѣ вѣрно. Несомнѣнно, что въ Соед. штатахъ немыслима такая ожесточенная борьба, какая еще до нашихъ дней происходитъ между католичествомъ и государствомъ въ Германіи. Но, съ другой стороны, нельзя не признать, что многіе писатели слишкомъ умалили значеніе религіи общественной жизни Соед. штатовъ. Конституція такъ опредѣляетъ отношеніе церкви къ государству въ этой странѣ: «конгрессъ никогда не можетъ издавать никакого закона, относящагося къ учрежденію или запрещенію какой либо религіи». По этому всѣ религіозныя секты составляютъ частныя общества, существующія на свои собственныя средства. И хотя къ этимъ обществамъ принадлежитъ менѣе четверти всего населенія союза, тѣмъ не менѣе они представляютъ значительную силу въ жизни народа. Хорошо организованныя и обладающія значительными капиталами, они содержатъ много храмовъ, проповѣдниковъ и благотворительныхъ учрежденій. Одно передъ другимъ, они стараются завоевать себѣ возможно больше адептовъ среди американскихъ дикарей и высылаютъ въ ихъ владѣнія цѣлые отряды миссіонеровъ. Масса газетъ, журналовъ и памфлетовъ издаются ими и даже большія, политическія газеты посвящаютъ особые отдѣлы ихъ интересамъ. Но между этими сектами есть такія, которыя своимъ существованіемъ скорѣе подтверждаютъ, чѣмъ опровергаютъ мнѣніе объ индиферентизмѣ американцевъ къ религіознымъ дѣламъ. Къ числу ихъ принадлежатъ унитаріанцы, которые вмѣсто библіи употребляютъ книгу Ренана «Жизнь Іисуса Христа».

Когда мнѣ случалось спрашивать у фермеровъ, какого они исповѣданія, я обыкновенно получалъ въ отвѣтъ «никакого». Дальше разговоръ не касался, такъ какъ этотъ предметъ видимо интересовалъ ихъ очень мало.

Въ числѣ другихъ сектъ Америки, католичество въ послѣднее время принимаетъ все большее и большее значеніе. Повидимому, оно хочетъ наверстать въ Новомъ Свѣтѣ то, что потеряло въ Старомъ, и взялось за это съ свойственной ему энергіей. Понявъ вкусы американцевъ, католическое духовенство въ Соед. штатахъ старается направить свою дѣятельность на различныя благотворительныя дѣла. Такъ оно содержитъ много пріютовъ, больницъ, общинъ сестеръ милосердія. Но для увеличенія числа своихъ адептовъ, оно главную свою дѣятельность устремляетъ на школы *). Одни женскіе монастыри воспитываютъ безплатно болѣе 300,000 дѣвушекъ. Но особеннымъ рвеніемъ въ этомъ отношеніи отличается орденъ іезуитовъ, имѣющій даже нѣсколько учебныхъ заведеній, именуемыхъ университетами.

Жанне въ своей книгѣ объ Америкѣ прямо говоритъ: «Католичество проникаетъ, такимъ образомъ, въ американское общество посредствомъ воспитанія монашества и вліянія женщины». Въ Соед. штатахъ уже обратили серьезное вниманіе на эти успѣхи и во время вторыхъ выборовъ Гранта, нѣкоторыя преданныя ему газеты приглашали нѣмцевъ вотировать за него потому, что онъ союзникъ Бисмарка въ борьбѣ противъ іезуитизма. Дѣйствительно, этотъ президентъ вездѣ старался помѣшать католичеству, насколько это было въ предѣлахъ его власти. Такъ онъ изгналъ іезуитскихъ миссіонеровъ среди индѣйцевъ изъ Аризоны и Орегона. Общее число католиковъ въ Соед. штатахъ достигаетъ 6 милліоновъ и главную массу ихъ составляютъ ирландцы.

Въ понедѣльникъ я продолжалъ свой путь. Посылаютъ все дальше на югъ, говоря, что тамъ нуждаются въ «рукахъ» для уборки пшеницы. Заночевалъ въ Cherry Vale. Нечего и говорить, что это очень маленькій городокъ: въ этой части Канзаса, всего миляхъ въ 20 отъ индѣйской территоріи, еще некогда было возникнуть большимъ городамъ. Небольшая гостинница была биткомъ набита путешественниками и пріѣзжими фермерами. За ужиномъ у меня были двѣ очень интересныхъ сосѣдки. Это были молоденькія леди, агентши, продающія швейныя машины Виллера и Вильсона. Въ легкомъ крытомъ богге разъѣзжали они по южнымъ графствамъ Канзаса и брали заказы. Съ ними была пробная машина, на которой онѣ учили шить. Дѣла ихъ шли отлично, такъ какъ фермеры этихъ мѣстъ уже успѣли настолько пообжиться, что могли завестись и этою непремѣнною принадлежностью всякаго американскаго семейства, тѣмъ болѣе, что при покупкѣ допускалась разсрочка.

Гостинница была такъ тѣсна, что путешественникамъ пришлось лечь по двое на одной постелѣ. Мнѣ тоже, не смотря на мой протестъ, отвели мѣсто рядомъ съ какимъ-то бородачемъ изъ индѣйской территоріи, однѣ ужасныя шпоры котораго, совершенно такія же, какія носилъ донъ-Кихотъ, невольно внушали къ нему уваженіе.

Отъ Cherry Vale'а, я повернулъ къ востоку на г. Парсонсъ. Слѣдующую ночь провелъ у гостепріимнаго, но очень бѣднаго переселенца изъ Иллинойса. Уже въ теченіи двухъ мѣсяцевъ онъ съ семействомъ постоянно питался только молокомъ и маисовымъ хлѣбомъ. За ночлегъ онъ съ меня ничего не хотѣлъ взять. Не смотря на высокую степень своей цивилизаціи, американцы не утратили, подобно другимъ культурнымъ на-

*) Воскресныя школы въ Америкѣ очень распространены, но имѣютъ совершенно другую цѣль, чѣмъ тѣ, которыя были запрещены правительствомъ въ Россіи въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Въ Соед. Штатахъ это собраніе, имѣющее цѣлью общія молитвы, проповѣди и разсужденія по религіознымъ вопросамъ.

**) Въ Соед. Штатахъ медицинское образованіе находится почти исключительно въ частныхъ рукахъ, а потому плата за слушаніе лекцій довольно высока. За весь курсъ наукъ со всѣми вспомогательными занятіями нужно заплатить около 300 дол Для бывшихъ европейскихъ студентовъ эта плата уменьшается.

*) Когда говорятъ, что въ американскія школы недопускаются духовныя лица, то при этомъ слѣдуетъ разумѣть только общественныя школы, содержимыя на счетъ правительства. Но въ Соед. штатахъ весьма много всякаго рода учебныхъ заведеній, содержимыхъ различными религіозными сектами. Такъ, по словамъ Жанне, изъ 390 высшихъ учебныхъ заведеній въ Соед. штатахъ 200 (не считая даже чисто теологическихъ семинарій), принадлежитъ духовнымъ корпораціямъ, и, конечно, находятся подъ ихъ вліяніемъ.

родамъ, одного изъ лучшихъ обычаевъ дикарей—гостепріимства. Особенно это можно сказать о западныхъ штатахъ. Во время моихъ странствованій мнѣ нерѣдко случалось спать на постелѣ хозяина, тогда какъ самъ онъ спалъ на полу. И это дѣлалось совершенно безкорыстно, такъ какъ нерѣдко фермеры отказываются отъ платы за почлегъ и обѣдъ. Конечно, случалось иногда получать и отказъ въ ночлегѣ. Но это бывало преимущественно на большихъ дорогахъ, гдѣ, при множествѣ путешественниковъ, пріемъ каждаго изъ нихъ обратилъ бы придорожныя фермы въ гостинницы, можетъ быть, вовсе противъ воли ихъ хозяевъ.

Недалеко отъ мѣста моего почлега, мнѣ предложили работу дня на два. Къ фермеру должна была пріѣхать молотильная машина, къ которой и нужна была помощь. Къ вечеру пріѣхалъ локомобиль, а за нимъ и молотилка. Утромъ еще до свѣту машинистъ развелъ пары, а чуть свѣтъ уже послышался гулъ молотьбы. Машина стояла между двухъ скирдъ пшеницы, а локомобиль поодаль. Меня поставили къ самому соломотрясу, для того, чтобы отбрасывать солому, изъ которой тутъ же метали стогъ. Пыль съ мякиной неслась мнѣ прямо въ глаза, а соломы выбрасывалось столько, что я не управлялся передавать ее слѣдующему рабочему. Жаръ еще болѣе усиливалъ утомленіе. Хозяинъ обходитъ рабочихъ съ ведеркомъ и приглашаетъ пить. Нѣсколько разъ втеченіи до обѣденнаго времени, я такъ изнемогалъ, что готовъ былъ бросить работу. Но постоянно случалось, что когда утомленіе доходило до крайнихъ предѣловъ, машина останавливалась или для смазки, или для исправленія чего либо. Послѣ обѣда стало легче, какъ будто ужь привыкъ вдыхать пыль и жариться на солнцѣ. До этого дня я не испытывалъ еще такой тяжелой работы. Сознаніе, что я не бросилъ ее и переломилъ себя, поддерживало и возбуждало меня и я бодро кончилъ день.

Когда послѣ молотьбы, я спросилъ у фермера плату за работу, онъ мнѣ отвѣчалъ, что денегъ у него нѣтъ и просилъ придти какъ-нибудь послѣ. Я ему возразилъ, что не могу этого сдѣлать, такъ какъ совсѣмъ ухожу изъ этой мѣстности. Онъ второй разъ довольно грубо отказалъ мнѣ. Я рѣшился обратиться къ суду. Такіе случаи, когда хозяева не платятъ своимъ рабочимъ, вовсе не рѣдкость въ Америкѣ. Въ особенности часто страдаютъ отъ этого эмигранты. Не зная ни языка, ни законовъ страны, они безропотно покоряются своей участи.

Миляхъ въ 4-хъ отъ Гопкинса, какъ звали моего отвѣтчика, былъ городокъ, куда я и направился, чтобы принести жалобу мировому судьѣ. Помимо желанія неподдаться произволу, я, подавая жалобу, хотѣлъ еще посмотрѣть, какъ отнесется къ подобному случаю американскій судья. Такимъ образомъ, м-ръ Гопкинсъ явился, нѣкоторымъ образомъ, жертвой моей любознательности.

Судья сидѣлъ въ своей пріемной передъ каминомъ и читалъ газету. Когда я ему разсказалъ свое дѣло, онъ, узнавъ, что я путешественникъ, сейчасъ же написалъ повѣстку и отнесъ ее констеблю — полицейскому чиновнику. Къ вечеру онъ вызывалъ къ себѣ Гопкинса. Мнѣ оставалось нѣсколько свободныхъ часовъ, которыми я воспользовался, чтобы написать письмо на родину. Еще до вечера Гопкинсъ разыскалъ меня въ гостинницѣ и уплатилъ заработанныя деньги. Кромѣ того онъ же долженъ былъ вознаградить судью и констебля *). Вообще гражданское судопроизводство въ Америкѣ отличается чрезвычайной медленностью и запутанностью. Мой же судъ кончился скоро, потому что въ Канзасѣ существуютъ особыя постановленія относительно взысканія рабочей платы.

*) Мировые судьи въ Америкѣ получаютъ не жалованье, а установленное вознагражденіе съ тяжущихся.

(*Продолженіе будетъ.*)

Брюсовъ календарь.

Ст. П. В. Га—на.

(*Продолженіе.*)

Статья III.

Политическій и экономическій предсказатель на 200 лѣтъ, начиная съ 1800 года. *)

Брюсъ раздѣлялъ убѣжденіе древнихъ астрономовъ, что солнечная система, на основаніи громадной величины массъ планетъ, ее составляющихъ, имѣетъ непрерывное вліяніе на нашу землю, не смотря на величину разстояній планетъ отъ земли и отъ солнца. Предлагаемъ читателямъ ознакомится, хотя въ извлеченіи, съ мнѣніемъ Брюса о главнѣйшихъ политическихъ событіяхъ въ теченіи каждаго изъ годовъ XIX и XX столѣтій, а также о степени плодородія земли и состоянія атмосферы по временамъ года.

♀

1) Венера. (Ея масса немногимъ болѣе массы земли).

Въ теченіи XIX и XX столѣтій, земля находится подъ вліяніемъ планеты Венера въ слѣдующія 29 лѣтъ, раздѣленныхъ на четыре группы.

Группа 1-я. 1801—1829—1857—1885—1913—1941—1969—1997.

Въ эти года можно ожидать вступленія на престолъ государя, по храбрости своей подобнаго Юлію Цесарю и Александру Македонскому; его царствованіе будетъ полно славы и побѣдъ. Весна—для плодовъ и овощей будетъ хороша; посѣвы для хлѣбныхъ растеній будутъ также хороши.

Лѣто—хотя дождливое, но благопріятное плодамъ.

Осень—теплая и ясная до средины, будетъ потомъ холодная; а потому посѣвы слѣдуетъ дѣлать ранѣе обыкновеннаго.

Зима—сначала сухая, потомъ мокрая, въ концѣ ясная погода и холода. Хорошіе хлѣба. При изобиліи винограда, вино дешево. Урожай яроваго, пшеницы, овощей и плодовъ. Изобиліе рыбы. Частыя мятели.

Группа 2-я. 1807—1835—1863—1891—1919—1947—1975.

Спокойствіе и миръ между просвѣщенными державами; повсемѣстное процвѣтаніе морской и сухопутной торговли.

Весною лучше закупать овесъ, въ виду наступающей дороговизны на всѣ сорты хлѣба. Сбереженный до зимы овесъ, при продажѣ его, принесетъ значительную выгоду. Лѣто—дождливое и много повредитъ уборкѣ хлѣба. Осень—ненастная; виноградъ и фрукты не дозрѣютъ; виноградныя вина вздорожаютъ. Зимою—въ январѣ оттепель и наводненіе; во многихъ мѣстахъ большія отъ того потери.

Группа 3-я. 1812—1840—1868—1896—1924—1952—1980.

Въ эти года воцарится великій государь; процвѣтутъ художества и торговля во многихъ государствахъ; родится великій принцъ.

Весна—тихая и пріятная, хорошіе всходы хлѣба.

Лѣтомъ—жары и засуха. Осень умѣренная и хорошая для овощей, плодовъ и ягодъ. Зима вездѣ постоянная; много будетъ хлѣба и вино дешево.

Группа 4-я. 1818—1846—1874—1902—1930—1958—1986.

Смерть государя; миръ между просвѣщенными государствами; одинъ изъ министровъ обратитъ на себя общее вниманіе своею способностью принести несомнѣнную пользу своему отечеству. Заключеніе важнаго союза, и бракъ великаго государя.

Весна—пріятная, но съ вѣтромъ и дождями. Лѣто—жаркое съ грозами и дождями. Осень—сырая и продолжительная.

Зима—холодная. Хлѣбъ и вино хорошаго качества; но большіе запасы ихъ не слѣдуетъ долго хранить, но выгоднѣе продать.

♄

2) Сатурнъ. (Его масса болѣе массы земли въ $102^1/_2$ раза).

Подъ вліяніемъ Сатурна находятся слѣдующія 30 лѣтъ.

Группа 1-я. 1802—1830—1858—1886—1914—1942—1919—1970—1998.

Большое измѣненіе въ одномъ изъ великихъ государствъ; новый образъ правленія въ одной изъ республикъ; знаменитое сраженіе, и воцареніе великаго государя.

Весна—холодная; поздно разцвѣтутъ деревья; медленно растутъ травы; частыя градобитія. Лѣто—холодное и съ дождями, но іюнь теплый. Осень—холодная и дождливая, а въ ноябрѣ тепло.

Зима—продолжительная съ глубокимъ снѣгомъ; хлѣбъ, не смотря на урожай, будетъ дорогъ; мало будетъ вина; яровой хлѣбъ дуренъ. Осенью опоздаютъ съ посѣвами; плоды и виноградъ хороши, но не вездѣ. Малый уловъ рыбы. Частыя наводненія.

Группа 2-я. 1813—1841—1869—1897—1925—1953—1981.

Война между просвѣщенными государствами; дворянство одного изъ нихъ докажетъ особенную храбрость въ пользу своего государя и отечества.

Весна—сырая, но теплая. Лѣто—въ началѣ и срединѣ также дождливое, но подъ конецъ жаркое. Осень—хорошая. Зима—тяжела будетъ для престарѣлыхъ людей. Всѣ произведенія земли будутъ дешевы, но потомъ вздорожаютъ. Запасы хлѣба будутъ проданы съ выгодой.

Группа. 3-я. 1819—1847—1875—1903—1931—1959—1987.

Великая война между народами; новые законы въ одномъ изъ большихъ государствъ; общее процвѣтаніе торговли, открытіе важной измѣны.

Весна—пріятная. Лѣто—урожайное. Осень—сырая съ вѣтрами. Зима—продолжительная, съ жестокими морозами и глубокими снѣгами; въ январѣ оттепель и наводненіе; хлѣба довольно, но дешевъ не будетъ; только въ немногихъ мѣстностяхъ урожай на виноградъ и фрукты.

Группа 4-я. 1824—1852—1880—1908—1936—1964—1992.

Удивительное изобрѣтеніе, и счастливая битва.

Весна—благопріятная въ началѣ для всѣхъ плодовъ; хлѣбныя растенія и фруктовыя деревья будутъ цвѣсти хорошо. Лѣто—сырое, и вредное для растительности; хлѣбъ не весь будетъ убранъ съ поля. Зима—продолжительная съ жестокими морозами. Дороговизна на хлѣбъ. Въ концѣ января оттепель, и большое наводненіе будетъ причиною значительныхъ потерь и поврежденій.

☉

3) Солнце. (Его масса болѣе массы земли въ $359^1/_2$ тысячъ разъ).

Подъ вліяніемъ солнца, земля находится хотя и постоянно, но въ теченіи слѣдующихъ 28 лѣтъ текущаго и будущаго столѣтій, оно имѣетъ особенное вліяніе.

*) Въ предлагаемой статьѣ нѣтъ астрономическаго отдѣла, содержащаго ежедневныя, въ теченіи каждаго мѣсяца, перемѣны въ погодѣ; какъ равно и характеристики родившихся подъ одною изъ семи планетъ, соотвѣтственно семи днямъ недѣли, такъ какъ указанія о погодѣ по Брюсу, продаются отдѣльною брошюрой; а болѣе подробныя характеристики были уже предложены читателямъ во второй статьѣ о Брюсовомъ календарѣ.

Група 1-я. 1803—1831—1859—1887—1915—1943—1971—1999.

Весьма полезное изобрѣтеніе въ одномъ изъ цвѣтущихъ государствъ; заключеніе мира между сильными державами.

Годъ сухой, теплый, плодородный; рыбы довольно; частыя грозы.

Осенніе посѣвы хороши; овощей мало; сѣна довольно; вина много.

Весна въ началѣ дождливая; въ апрѣлѣ погода перемѣнная; май холодный. Лѣто въ началѣ дурное, потомъ ясное, тихое; дни жаркіе, ночи холодныя; въ іюлѣ холодно. Осень-сухая, ясная; снѣгъ выпадетъ рано. Зима—постоянная, не очень холодная; начнется большими морозами; въ срединѣ зимы оттепель; кончится морозами. Входящія въ эту групу года не всѣ будутъ плодородными; въ началѣ года зерновой хлѣбъ будетъ дорогъ. Мѣстами урожай па виноградъ.

Група 2-я. 1808—1836—1864—1892—1920—1948—1976.

Новый образъ правленія въ одномъ изъ государствъ, и война между державами. Весна—умѣренная и пріятная, полезная для хлѣбныхъ и другихъ растеній. Лѣто—сухое, но очень жаркое. Осень дождливая съ вѣтрами. Зима—не очень холодная. Имѣющимъ запасы хлѣба и вина слѣдуетъ спѣшить ихъ продажей, такъ какъ предстоитъ хорошій на все урожай, и все будетъ дешево. По всей землѣ будетъ народамъ радость и утѣшеніе отъ изобилія въ урожаѣ всѣхъ произведеній земли, а равно и отъ торговыхъ прибылей.

Група 3-я. 1814—1842—1870—1898—1926—1954—1982.

Война между просвѣщенными державами; большое сраженіе.

Весною—все скоро будетъ созрѣвать. Лѣто—жаркое и дождливое.

Осень—влажная и неблагопріятная жатвѣ. Зима—продолжительная съ жестокими морозами.

Група. 4-я. 1825—1853—1881—1909—1937—1965—1993.

Бракъ великаго государя. Мирный договоръ между христіанскими державами. Знаменитая побѣда.

Весна—сухая и холодная, неблагопріятная посѣвамъ и растеніямъ.

Лѣтомъ—дурные всходы хлѣбныхъ растеній до іюля, потомъ дожди и дурная погода до августа. Осень—дождливая и съ вѣтромъ. Зима—умѣренная; въ началѣ года хлѣбъ дорогъ, въ концѣ подешевѣетъ. Плоды незрѣлые. Торговцамъ слѣдуетъ запасаться виномъ.

♂

4.) Марсъ (Его масса почти въ девять разъ болѣе массы земли).

Подъ вліяніемъ Марса находятся слѣдующія 29 лѣтъ:

Група 1-я. 1804—1832—1860—1888—1916—1944—1972—2000.

Кровопролитная война между просвѣщенными народами; открытіе великой измѣны.

Весна—сухая, холодная; хорошая для посѣвовъ, но дурная для растительности. Лѣто—дождливое, неблагопріятное земледѣлію; всходы хлѣба дурные. Осень—сырая, холодная и плодамъ вредная.

Зима—сухая и холодная, снѣжная и непостоянная.

Група 2-я. 1810—1838—1866—1894—1922—1950—1978.

Большое сраженіе; полководцы съ обѣихъ сторонъ отличатся храбростію и распорядительностью. Рожденіе великаго государя.

Миръ между воюющими государствами. Воцареніе великой государыни.

Весна—до апрѣля дождливая. Лѣто—жаркое съ дождемъ и грозами; отъ жары будутъ заразительныя болѣзни. Осень—сырая; урожай на плоды и виноградъ. Зима—очень холодная и продолжительная. Падежъ скота.

Група 3-я. 1821—1849—1877—1905—1933—1951—1989.

Открытіе важнаго заговора въ большомъ государствѣ. Рожденіе знаменитаго принца. Перемѣна въ министерствѣ въ одномъ изъ главнѣйшихъ государствъ.

Весна—холодная и вредная для земледѣлія. Лѣто—очень дождливое.

Осень—сырая. Зима—съ большими морозами, въ особенности при концѣ.

Въ эти года повсемѣстная дороговизна хлѣба, хотя лѣтомъ и подешевѣетъ. Овесъ будетъ дорогъ и постоянно въ цѣнѣ.

Група 4-я. 1827—1855—1883—1911—1939—1967—1995.

Возобновленіе и подтвержденіе союза; кровопролитная война.

Вступленіе въ бракъ одного изъ государей. Рожденіе знаменитаго принца.

Весна—сухая и холодная; худые всходы хлѣба. Лѣто—дождливое съ бурями. Осень—сырая и съ вѣтрами. Зима—умѣренная; къ концу года хлѣбъ будетъ дешевле.

☿

5.) Меркурій (Его масса въ $13^1/_2$ разъ больше массы земли.)

Подъ вліяніемъ Меркурія находятся слѣдующія 28 лѣтъ.

Група 1-я. 1805—1833—1861—1889—1917—1945—1973.

Кровопролитная война между народами; счастливое сраженіе.

Рожденіе принца. Заключеніе союза между нѣкоторыми областями.

Весна—холодная и дождливая. Лѣто—теплое, но съ дождями. Осень—снѣжная и холодная. Зима—умѣренная, но съ бурями и мятелями. Хлѣбъ очень вздорожаетъ въ эти года.

Група 2-я. 1811—1839—1867—1895—1923—1951—1979.

Рожденіе великаго государя. Повсемѣстный миръ между державами, Бракъ великаго государя. Важное изобрѣтеніе.

Весна—холодная до мая. Лѣто—сухое и жаркое. Осень—теплая.

Зима—холодная и снѣжная. Въ эти года будетъ большой урожай на хлѣбъ, виноградъ и плоды; все будетъ дешево.

Група 3-я. 1816—1844—1872—1900—1928—1956—1984.

Миръ между державами. Перемѣна въ министерствѣ. Война между нѣкоторыми владѣтелями, при концѣ года.

Весна—дождливая до апрѣля. Лѣто—жаркое съ заразительными болѣзнями.

Осень—умѣренная, дастъ хорошіе хлѣба, плоды и виноградъ.

Зима—холодная и продолжительная.

Група 4-я. 1822—1850—**1878**—1906—1934—1962—1990.

Великій государь возведетъ на престолъ своего сына. Мирный договоръ.

Заключеніе союза. Великое землетрясеніе.

Весна—сырая и мокрая, вредная плодамъ; хлѣбъ будетъ дешевъ. Лѣто—пріятное, но съ вѣтрами. Осень—прекрасная до конца. Зима—жестокая, съ морозами и глубокими снѣгами; жатва и собираніе плодовъ окончится скоро. Хлѣба хороши и скоро поспѣютъ.

♃

6.) Юпитеръ. (Его масса въ 343 раза болѣе массы земли.)

Подъ вліяніемъ Юпитера находятся слѣдующія 27 лѣтъ:

Група 1-я. 1806—1834—1862—1890—1918—1946—1974.

Въ продолженіе войнъ предшествовавшихъ лѣтъ, полководцы взаимно будутъ остерегаться другъ друга и недавать большихъ сраженій. Заключеніе союза между двумя державами. Одинъ изъ государей учредитъ особыя награды за отличіе въ наукахъ и художествахъ.

Весна—пріятная; всходы хлѣба хорошіе. Лѣто—въ началѣ холодное и дождливое, будетъ потомъ жаркое и сухое. Осень—умѣренная и плодоносная. Зима—холодная и снѣжная.

Група 2-я. 1817—1845—1873—1901—1995.

Воцарится молодой государь. Учрежденъ будетъ рыцарскій орденъ. Счастливое сраженіе. Весна—до апрѣля дождливая. Лѣто—жаркое съ заразительными болѣзнями. Осень—пріятная. Зима—суровая.

Група 3-я. 1823—1851—**1879**—1907—1935—1963—1991.

Тяжкая война между просвѣщенными народами. Сборъ новыхъ большихъ податей съ народа. Рожденіе знаменитаго принца.

Весна—тихая и пріятная. Лѣто жаркое и дождливое. Осень самая прекрасная. Зима—не суровая, умѣренная. Въ эти года предстоитъ урожай на все въ изобиліи, что улучшитъ положеніе народовъ.

Група 4-я. 1812—1851—1884—1898—1940—1968—1996.

Великая война между просвѣщенными государствами. Открытіе измѣны.

Морское сраженіе.

Весна—въ началѣ дождливая, въ концѣ очень пріятная. Лѣто—сырое, но теплое.

Осень—хорошая для посѣвовъ и жатвы. Зима—холодная. Въ эти года изобиліе фруктовъ и винограда. Въ началѣ хлѣбъ дешевъ, а потомъ вздорожаетъ.

☾

7,) Луна. (Масса луны почти въ 80 разъ болѣе массы земли, хотя діаметръ ея въ четыре раза менѣе діаметра земли.)

Подъ вліяніемъ Луны находятся слѣдующія 28 лѣтъ.

Група 1-я. 1809—1837—1865—1893—1921—1949—1977.

Кровопролитная война въ Европѣ. Перемѣна въ министерствѣ. Рожденіе великаго государя. Блистательная побѣда. Народное возмущеніе въ нѣкоторой области.

Весна—непостоянная до конца. Лѣто—болѣе холодное, чѣмъ теплое. Осень—благопріятная земледѣлію. Зима—холодная и непостоянная. Въ эти года—падежъ на скотъ; большой вредъ отъ гусеницъ, мышей и червей. Наводненія.

Група 2-я. 1815—1843—1871—1899—1927—1955—1983.

(Политическихъ предсказаній, на эти года, не напечатано въ календарѣ Брюса.)

Весна—сухая; хлѣбные всходы дурные. Лѣто—въ началѣ пріятное, потомъ дождливое. Осень—сырая, неблагопріятная земледѣлію. Зима—умѣренная.

Група 3-я. 1820—1848—1876—1904—1932—1960—1988.

Рожденіе знаменитаго принца. Воцарится великій государь. Заключеніе мира. Бракъ великаго государя.

Весна—холодная Лѣто—жаркое. Осень—въ началѣ дождливая, а потомъ пріятная. Зима продолжительная съ большими морозами. Въ немногихъ только мѣстахъ будетъ урожай на хлѣбъ и виноградъ.

Група 4-я. 1826—1854—1882—1910—1938—1966—1994.

Рожденіе знаменитаго принца. Процвѣтаніе

Картина ФРЕШЕЛЯ.

Семейная ссора.

Рисунокъ Г. ДОРЕ́.

G. Doré — Bertrand Sc.

Рыбакъ.

искуствъ и художествъ. Мирный договоръ. Открытіе важнаго заговора.

Весна—холодная и вредная плодамъ. Лѣто—не очень пріятное. Хлѣбъ въ цѣнѣ, хотя его будетъ и довольно. Осень—пріятная. Урожай винограда. Зима—безъ большихъ морозовъ. Въ концѣ года хлѣбъ подешевѣетъ.

По мнѣнію Брюса, вліяніе луны въ особенности замѣтно на растеніяхъ, такъ что если сѣять, напримѣръ, ленъ, и коноплю при полнолуніи, то они выростутъ лучше и въ изобиліи. Для посѣва озимого хлѣба Брюсъ считаетъ наилучшими днями: 5, 7, 12, 14, 20, 21, и 29 августа; 3, 4, 12, 22 и 25 сентября. При печатаніи въ Харьковѣ Брюсова календаря вкрались, вѣроятно, ошибки; такъ при повѣркѣ лѣтъ составляющихъ XIX и XX столѣтія, оказывается, что 1828—1856—1887—1892—1912—1929—1961—1985 года вовсе пропущены, а 1811 — 1851 — 1878—1884—1898—1919—1951—1995 года повторяются по два раза. Интересны политическія указанія на 1878 годъ, которыя сдѣланы довольно удачно, на 1879 годъ, которыя грозятъ невеселыми событіями въ будущемъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Весна.

(Посвящ. Александру Константиновичу Шеллеру.)

Стих. **А. Е. Алѣева.**

Весна! весна! Какъ хороша она,
Когда глядишь на небо голубое,
Исполненный довольства и покоя,
Когда въ душѣ твоей такая-же весна!
Но если бродишь ты, исполненъ муки тайной,
По рощамъ и лугамъ, далекій свѣтлыхъ грёзъ,—
Но если смотришь ты сквозь призму жгучихъ слезъ
На міръ подлунный, міръ реальный,—
Не будетъ небо голубое
Тебя восторгомъ наполнять,
Не въ состояньи понимать
Ты будешь счастье неземное!
Но будетъ небо для тебя
Свинцовой тучею покрытымъ
И будетъ для тебя сокрытымъ
Все, что открылъ-бы ты, любя!...

Семейная ссора.

(См. рисунокъ на стр. 92.)

— Ну, ужь и наработался же я сегодня! Теперь можно и пообѣдать, говорилъ Іергъ, направляясь по улицѣ къ своему жилищу.

И дѣйствительно день выдался горячій: работы навалили много, въ мастерской духота, кругомъ гремятъ молоты и визжатъ машины, а заводская печь, точно цѣлый адъ, такъ и дышетъ огнемъ. Но, славу Богу, у Іерга есть свой уголъ, есть своя семья, гдѣ можно отдохнуть въ недолгій обѣденный часъ, не шляясь по разнымъ пивнымъ и кабакамъ. Торопливо вошелъ онъ въ свой домъ — жена встрѣчаетъ его съ улыбкой, ребенокъ протягиваетъ къ нему ручонки, кудластая собаченка виляетъ передъ нимъ хвостомъ,—все привѣтствуетъ его и онъ можетъ приняться спокойно за свой обѣдъ. Іергъ наскоро творитъ молитву, садится къ столу и зачерпываетъ полную ложку супа.

— Фу, хорошо дома! широкою грудью вздыхаетъ онъ, глотая супъ. — А ты супъ-то порядкомъ пересолила, замѣчаетъ онъ, опять запуская ложку въ суповую чашку.

— Ну, ужь и пересолила! возражаетъ жена.— Соли положено столько же, сколько и всегда кладется.

— На́ возьми и попробуй сама, говоритъ Іергъ, подавая ей ложку.

— Нечего мнѣ пробовать, уже нѣсколько раздражительно говоритъ жена, отталкивая ложку.—Сама готовила, такъ и безъ пробы знаю, солонъ ли онъ или нѣтъ. Онъ скорѣе не досоленъ...

— Недосоленъ! недосоленъ!... Прежде попробуй, а потомъ и говори: пересоленъ или недосоленъ.

— А я тебѣ говорю и повторяю, что онъ недосоленъ! Никогда я не пересолю кушанья!

— Ну и солгала! Въ прошлое воскресенье кто извинялся-то, что соль была два раза, вмѣсто одного, въ супъ брошена? Не ты, вѣрно?

Жена вскочила съ мѣста.

— А, такъ, значитъ, я всегда подаю тебѣ пересоленный супъ? Значитъ, я готовить не умѣю! Значитъ, мнѣ только бы гусей да свиней пасти, а не хозяйствомъ заниматься!

— Кто тебѣ говоритъ объ этомъ.

— Кто? кто? Да ты же, ты самъ! Теперь скажешь, что и мясо переварилось, и пиво прокисло, и все я виновата!

— Полно, жена! проговорилъ Іергъ.—Нечего дурить. Тебѣ только о супѣ замѣтили..

— Да ужь я знаю васъ! Вы вѣдь никого не обидѣте, никого не затронете, а у иного сердце кровью обливается отъ вашей-то доброты!

Іергъ громко расхохотался, но въ этомъ смѣхѣ уже слышалось что-то недоброе.

— Сердце кровью обливается, съ проніей замѣтилъ онъ, — ужь не оттого-ли, что супъ кажется мнѣ пересоленымъ?

— Нѣтъ, не оттого, не оттого! А потому, что ты говоришь, что я хозяйничать не умѣю, что у насъ весь домъ идетъ вверхъ дномъ, что я тебя разорю и погублю...

— Молчи! крикнулъ гнѣвно Іергъ. — Что ты вздоръ-то мелешь!

Но жена уже не умолкаетъ. Все, что накипѣло у нея на душѣ по немногу, по каплѣ, выливается теперь наружу, но выливается нелѣпо, непослѣдовательно, потокомъ упрековъ и жалобъ.

— Я же и молчать должна, кричитъ она. — Ты будешь меня и бить, а я все-таки должна молчать! Если я теперь...

— Да замолчишь ли ты, чортъ возьми! крикнулъ Іергъ громовымъ голосомъ и такъ вскочилъ изъ-за стола, что стулъ, на которомъ онъ сидѣлъ, полетѣлъ на полъ.

Іергъ швырнулъ на полъ свою трубку, разбившуюся на двѣ части, и подошелъ къ окну, сложивъ руки и ставъ спиною къ женѣ.

Паденія стула было достаточно для того, чтобы испугать ползавшаго на полу ребенка. Ребенокъ принялся ревѣть и въ тонъ ему начала тихонько подвывать кудластая собаченка. Не обращая вниманія ни на сына, ни на собаку, Іергъ и его жена хранили теперь глубокое молчаніе. Іергъ уже раскаявался въ душѣ за свою минутную вспышку и не зналъ, какъ поправить дѣло. У жены же пробѣгали въ головѣ мрачныя мысли.

«Такъ я много болтаю! думалось ей. — Я отравляю моему мужу обѣдъ своею болтовнею. Ну, теперь во всю жизнь, отъ меня никто не услышитъ ни словечка, хоть бы мнѣ это жизни стоило. Когда понесутъ меня на погостъ, тогда Іергъ раскается, что онъ убилъ свою жену, благо у нея никого не было на свѣтѣ, благо она одна была. Скоро, скоро онъ меня уходитъ, всѣми брошенную»...

И черныя мысли все ростутъ и ростутъ; раздраженная женщина даже и не замѣчаетъ, что около нее происходитъ концертъ дѣтскаго рева и собачьяго воя, — концертъ, какъ бы укоряющій и обвиняющій «тирана-мужа» за то, что онъ смѣетъ обижать свою «беззащитную жену» и нарушать домашній миръ и спокойствіе...

Покуда эти мелькія вспышки и ссоры будутъ происходить изрѣдка и проходить быстро, какъ весеннія дожди и грозы, — Іергъ будетъ привязанъ къ своему дому, къ своей семьѣ. Но горе этому дому и этой семьѣ, если эти вспышки и ссоры станутъ повторяться все чаще и чаще, и будутъ длиться все дольше и дольше,—тогда заводскій свистокъ, возвѣщающій часы завтрака, обѣда и ужина, будетъ служить женѣ Іерга только напоминаніемъ о ея несчастной семейной жизни, а не вѣстникомъ о скоромъ возвращеніи Іерга домой: Іергъ будетъ ходить съ завода не домой, а въ пивныя, въ кабаки, къ товарищамъ, гдѣ нѣтъ ни семейныхъ ссоръ, ни дѣтскаго плача, ни горькихъ упрековъ...

Состояніе дикихъ народовъ.

Ст. **Шафгаузена.**

(*Продолженіе.*)

Весьма многіе основываютъ свое презрительное мнѣніе о дикихъ на томъ, что цивилизація, коснувшись ихъ, не улучшаетъ и не укрѣпляетъ ихъ духа, а только ускоряетъ ихъ конечную гибель. Но лица, провозглашающія подобную аксіому, забываютъ, конечно, что народы, стоящіе нынѣ во главѣ культуры, были тоже дикими за тысячи лѣтъ тому назадъ, и что ни галлы, ни германцы не погибли отъ римскаго просвѣщенія. Мы сами видимъ многіе блестящіе примѣры способности дикихъ къ развитію, и если бы даже подобные случаи были самымъ рѣдкимъ исключеніемъ изъ общаго правила, тѣмъ не менѣе, они должны считаться достаточнымъ доказательствомъ въ пользу возможности возрожденія для дикихъ народовъ. Какъ видно изъ фактовъ, нѣкоторыя дикія племена никакъ не погибли отъ соприкосновенія съ просвѣщеніемъ. Въ Парагваѣ, еще ранѣе 1732 г., іезуиты обратили въ христіанство 140,000 индѣйцевъ, раздѣлили ихъ на 33 села, направили ихъ развитіе и управляли всѣмъ этимъ новымъ государствомъ такимъ образцовымъ способомъ, что ему не отказываютъ въ похвалѣ даже явные враги іезуитскаго ордена. Новѣйшіе писатели признаютъ, что мирное положеніе парагвайской республики, въ которой, не смотря на смѣшеніе расъ, не замѣчается и слѣда племенной ненависти, столь губительной для другихъ государствъ, должно быть приписано только благотворному вліянію сказаннаго народнаго воспитанія. Современное населеніе Мексики состоитъ тоже на половину изъ индѣйцевъ, большая часть, которыхъ обратилась въ трудолюбивыхъ земледѣльцевъ и искусныхъ ремесленниковъ, что замѣчается тоже и въ отношеніи караибскаго племени. Всѣ индѣйцы Экуадора, говорящіе кихуанскимъ нарѣчіемъ, не измѣнились въ своемъ внѣшнемъ видѣ со времени нашествія Пизарро, пишетъ Зиманъ *), они сохранили свою одежду, нравы и обычаи; они не смѣшиваются съ другими племенами и умножаются въ числѣ, между тѣмъ какъ бѣлое и смѣшанное населенія убываютъ съ того времени, какъ прекратился наплывъ новыхъ пришельцевъ. Многіе дикари жадно стремятся къ образованію, и если подобныя попытки не удаются, то нельзя винить въ этомъ однихъ учениковъ. Гернгутеры, основавъ въ Южной Африкѣ колонію Гнаденталь, въ 1792 г., описывали готтентотовъ, какъ смирный пастушескій народъ, съ чистыми нравами и весьма способный къ образованію. Съ теченіемъ времени, даже племена дикихъ бушменовъ, послѣ долгой вражды, обратились, при заключеніи мирнаго договора, съ просьбою къ колонистамъ: доставить и имъ такихъ учителей, какіе были у готтентотовъ. Свободная негрская колонія, Либерія, основанная сѣвероамериканскимъ филантропическимъ обществомъ, въ 1824 г. при мысѣ Мезюрадо, на западномъ берегу Афри-

*) Зиманъ. Плаваніе «Геральда». Лондонъ. 1850.

ки (такъ называемый «перечный берегъ»), обладали, уже въ 1850 г., 1,800 кв. милями земли, при 150,000 негрскаго населенія *); въ 1862 г., по донесенію генер. консула Ральстона **), въ колоніи было полмилліона жителей, между ними 484,000 негровъ, рожденныхъ въ Африкѣ; побережное владѣніе простиралось уже до 600 англ. миль. Либерія служитъ разсадникомъ американской цивилизаціи и протестантства среди африканцевъ; она имѣетъ республиканское правленіе и раздѣляется на 4 графства, изъ которыхъ каждое посылаетъ по два депутата въ сенатъ; сверхъ того, каждое 10,000 жителей избираютъ по одному депутату въ представительное собраніе. Африканцы, усвоившіе себѣ европейскія привычки и не покидающіе подобнаго образа жизни втеченіе трехъ лѣтъ, пріобрѣтаютъ право голоса. Туземнымъ языкомъ признанъ англійскій, и самые значительные вожди окрестныхъ племенъ посылаютъ своихъ сыновей въ Либерію для изученія англійскаго языка и обычаевъ. Бокананъ доставилъ сюда, въ 1858 г., триста негровъ съ одного невольничьяго судна; было бы трудно найти, для нихъ, гдѣ либо лучшія условія жизни. Въ 1866 г., республика заключила съ Португаліей договоръ, въ силу котораго торговля невольниками считается морскимъ разбойничествомъ и наказывается согласно тому. Индѣйскія колоніи, устроенныя съ большими издержками, правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ для защиты туземныхъ племенъ, но управляемыя, по большей части, самымъ позорнымъ образомъ, не даютъ подобныхъ утѣшительныхъ результатовъ. Въ Калифорніи, мѣстное правительство выдаетъ, на сказанный предметъ, ежегодно, 250,000 долларовъ. Хотя, по нѣкоторымъ отзывамъ, индѣйцы, въ предоставленномъ имъ тамъ участкѣ, близь Мендоцино, благоденствовали за нѣсколько лѣтъ тому назадъ, живя, въ количествѣ 4,000 человѣкъ, подъ самымъ отеческимъ управленіемъ ***), тѣмъ не менѣе извѣстно, что въ шестидесятыхъ годахъ, множество индѣйцевъ умерло съ голода въ различныхъ отведенныхъ имъ калифорнійскихъ участкахъ. Въ Номекульталѣ ****), зимою 1858—59 года, болѣе нежели 150 мирныхъ индѣйцевъ съ ихъ женами и дѣтями были убиты колонистами, не смотря на то, что находились въ отведенной имъ долинѣ; несчастные были перестрѣлены среди бѣлаго дня, при чемъ бѣлые не щадили даже и женщинъ съ грудными младенцами. Въ мѣстности близь залива Гумбольдта былъ совершенъ рядъ подобныхъ же убійствъ. Индѣйцы, прогнанные милиціонными войсками въ новыя мѣста, воротились обратно, потому что ихъ понудилъ къ тому голодъ. Вооруженный отрядъ окружилъ ихъ ночью и избилъ всѣхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Такъ сообщали объ этомъ событіи газеты, издаваемыя въ Санъ-Франциско; неудивительно, что при подобномъ образѣ дѣйствій со стороны бѣлыхъ, число индѣйцевъ уменьшилось съ 100,000 ч. на 30,000 ч. Герштекеръ описываетъ тѣхъ же дикарей, какъ добродушное, безобидное, мирное племя, и говоритъ: «Бѣлые называютъ этихъ бѣдняковъ убійцами и злодѣями, когда они, доведенные до отчаянія, лишенные прежней возможности жить охотой, находясь безъ всякихъ средствъ пропитанія и видя передъ собою окровавленные трупы своихъ братьевъ, убитыхъ ни за что, прибѣгаютъ, наконецъ, къ праву возмездія (и какъ рѣдко еще!) и умерщвляютъ часть тѣхъ, которые распространяютъ между ними опустошеніе и смерть». Изгнаніе изъ родныхъ мѣстъ оказываетъ всегда вредное вліяніе на дикихъ. Ирокезцы, до своего переселенія изъ Георгіи, были самымъ нравственнымъ племенемъ между индѣйцами. Въ 1829 г., имъ было предложено, за уступку ихъ правъ, 25 милліоновъ франковъ и область на границахъ штата Арканзасъ. Они отклоняли подобное предложеніе въ адресѣ, скрѣпленномъ 15,000 подписей, но потомъ были вынуждены дать свое согласіе. Съ этого времени, численность ихъ постепенно уменьшается, какъ вслѣдствіе упадка духа, овладѣвшаго всѣмъ племенемъ, такъ и благодаря порокамъ, преступленіямъ и болѣзнямъ. Вашингтонское правительство требовало тоже удаленія индѣйцевъ изъ Висконсина, главный городъ котораго, Мадисонъ, основанъ лишь въ 1837 г.; оно предлагало имъ новыя земли къ западу отъ Миссури. Одинъ американецъ пишетъ по этому поводу: *) «Тяжело было видѣть переселеніе этихъ бѣдняковъ изъ земли, на которой они родились, и которая такъ хороша отъ природы. Только кисть художника могла бы передать все выраженіе ихъ горя... Они покидали землю своихъ отцовъ, самый драгоцѣнный уголъ для нихъ на землѣ; удаляясь на западъ, они послали, съ вершины холма, послѣдній прощальный привѣтъ любимой родинѣ, которую имъ не суждено было видѣть болѣе». Гуроны, нѣкогда могущественное племя, состоятъ нынѣ не болѣе какъ изъ 40—50 семей, живущихъ въ канадской деревнѣ Лоереттъ. Они занимаются охотой и очень трудолюбивы въ отношеніи ремеслъ: изготовляютъ обувь, сани, четки, шейные снурки и пр. на сумму 34,000 долларовъ ежегодно **).

Несправедливѣйшія гоненія дикихъ племенъ, совершаемыя притомъ съ возмутительною жестокостью, подтверждаются самыми неопровержимыми свидѣтельствами. Въ нью-іоркской правительственной газетѣ (16 іюня 1859 г.) говорится о дѣйствіяхъ противъ индѣйцевъ въ Техасѣ; изъ этой статьи видно, что подобныя пограничныя битвы происходятъ, вообще, нижеслѣдующимъ образомъ. Сначала, бѣлые проникаютъ силою на земли дикихъ, захватываютъ ихъ лучшіе лѣса и убиваютъ ихъ дичь, потомъ напаиваютъ несчастныхъ водкою, обираютъ обманнымъ образомъ ихъ имущество, соблазняютъ, похищаютъ и насилуютъ ихъ женъ. Рано или поздно, индѣйцы рѣшаются отомстить и убиваютъ какого-нибудь бѣлаго. Тогда во всѣхъ сосѣднихъ колоніяхъ поднимается тревога; отрядъ бѣлыхъ выступаетъ противъ индѣйцевъ, сжигаетъ ихъ поселки, уничтожаетъ ихъ стада и посѣвы, убивая, съ тѣмъ вмѣстѣ, женщинъ и дѣтей. Индѣйцы считаются дикими звѣрями, которыхъ каждый имѣетъ право убивать безнаказанно. Россъ ***), служившій при сѣверозападной меховой компаніи и имѣвшій возможность хорошо изучить дикихъ на мѣстѣ, говоритъ, что европейцы могутъ всегда избѣжать кровопролитія, если только захотятъ обходиться съ ними справедливо. Индѣйцы требуютъ, напримѣръ, извѣстной платы за переправу черезъ ихъ рѣки; они показываютъ бѣлымъ знаками, гдѣ они должны пристать, потомъ начинаютъ бросать камни пращами, но не нанося путешественникамъ вреда; если же видятъ, что тѣ отправляются далѣе, не соглашаясь платить, тогда они принимаются за свое оружіе, уже не шутя. Россъ показалъ примѣръ мужества и присутствія духа, когда дикари, въ числѣ 400 человѣкъ, явились съ трупами убитыхъ къ блокгаузу, въ которомъ находилось всего 10 человѣкъ гарнизона. Онъ вышелъ къ дикарямъ и успокоилъ ихъ. Надо отдать англійскому правительству справедливость въ томъ, что оно поступало съ индѣйцами, большею частью, очень кротко. Гудсонская компанія *) всегда умѣла поддерживать дружескія сношенія съ индѣйцами, дѣлая имъ подарки, и ведетъ съ ними доселѣ правильную мѣновую торговлю. Численность индѣйскихъ племенъ къ сѣверу отъ 49° сѣв. широты остается въ прежнемъ отношеніи, между тѣмъ какъ къ югу отъ этой пограничной черты она значительно сократилась. Въ Калифорніи, истребительная война противъ индѣйцевъ продолжалась до послѣдняго времени. Американцы зовутъ здѣсь подстрѣливаемыхъ ими индѣйцевъ возмутительно-шутовскимъ именемъ «козелъ». Одного подозрѣнія въ кражѣ достаточно для того, чтобы уничтожить цѣлый индѣйскій лагерь, не щадя ни стараго, ни малаго. Правительственныя войска Соед. Штатовъ, подъ начальствомъ ген. Кларка, противились, въ послѣднее время, выступать противъ индѣйцевъ; они нерѣдко охраняли ихъ даже противъ бѣлыхъ; съ своей стороны, законодательное собраніе стало отказывать въ ассигнованіи средствъ на дальнѣйшія войны съ индѣйцами, такъ что колонисты вынуждены теперь вербовать себѣ огрядыизъ волонтеровъ. Президенту Линкольну ставятъ въ особую заслугу ту твердость, съ которою онъ, втеченіи трехъ лѣтъ, противился содѣйствовать слѣпой жаждѣ мщенія охватившей населеніе въ Минесотѣ. Жители этого штата представили ему адресъ, въ которомъ говорилось, что индѣйцы племени Сіу, напали, безъ малѣйшаго повода, на бѣлое населеніе и убили, среди всякихъ насилій и пытокъ, множество мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Однако, бѣлые одолѣли ихъ и взяли живыми въ плѣнъ 300 человѣкъ, которыхъ приговорили, по военному закону, къ смертной казни. Вашингтонское правительство намекнуло минесотскимъ властямъ, что было бы благоразумнѣе ограничиться казнью лишь нѣсколькихъ человѣкъ (числомъ около 30), уличенныхъ въ злодѣйствахъ; остальные же, виновные лишь въ томъ, что они принимали участіе въ общемъ возстаніи своего племени, могли быть помилованы, или приговорены только къ тюремному заключенію. Но минесотцы возстали противъ такого рѣшенія, описывая преступленія дикихъ и доводя число погибшихъ бѣлыхъ до 1,000 ч. Они прибавляли, что индѣйцы, спасенные отъ казни, неминуемо подвергнутся закону Линча,—а между тѣмъ, введеніе подобныхъ народныхъ расправъ въ Минесотѣ было бы весьма не желательно. Дѣйствительно, шайка изъ 150 жителей, вооруженныхъ топорами, ножами и штыками, пыталась ворваться въ тюрьму, но была отражена правительственными войсками. **) «Times» замѣтилъ, по поводу вышеприведеннаго адреса, что сѣвероамериканцы грозятъ вернуться сами къ дикому состоянію. При другомъ случаѣ, въ Калифорніи, произошло слѣдующее: послѣ одного убійства, совершеннаго индѣйцами, были захвачены 26 индѣйцевъ изъ мирнаго племени; двое изъ нихъ были снова отпущены на свободу, съ тѣмъ, чтобы они доставили настоящихъ убійцъ втеченіи трехъ сутокъ; въ противномъ случаѣ, ихъ товарищи подлежали казни. Освобожденные не воротились, и неповинные 24 человѣка были гнусно умерщвлены. Жестокость, съ которою ведутся войны противъ индѣйцевъ, усматривается, какъ нельзя лучше, изъ слѣдующаго приказа командира 2-го техасскаго полка, полковника Бейтона, одному милиціонному офицеру (этотъ возмутительный документъ былъ опубликованъ въ газетѣ «Nashville-Union»): «До моего свѣденія дошло, что индѣйцы являлись въ мѣсто вашего расположенія для заключенія договора. Конгресъ конфедераціи издалъ законъ, въ силу котораго всѣ враждебно-настроенныя

*) Карлъ Риттеръ. Отчеты берл. географ. общества. 1853.

**) Республика Либерія, ея производительность и богатства.—Журн. Общ. покров. искуству. Лондонъ. 1862.

***) Ausland. 1858. № 40.

****) Ausland. 1862. № 5, 6.

*) Бирдъ. Мадисонъ, столица штата Висконсинъ. 1857.

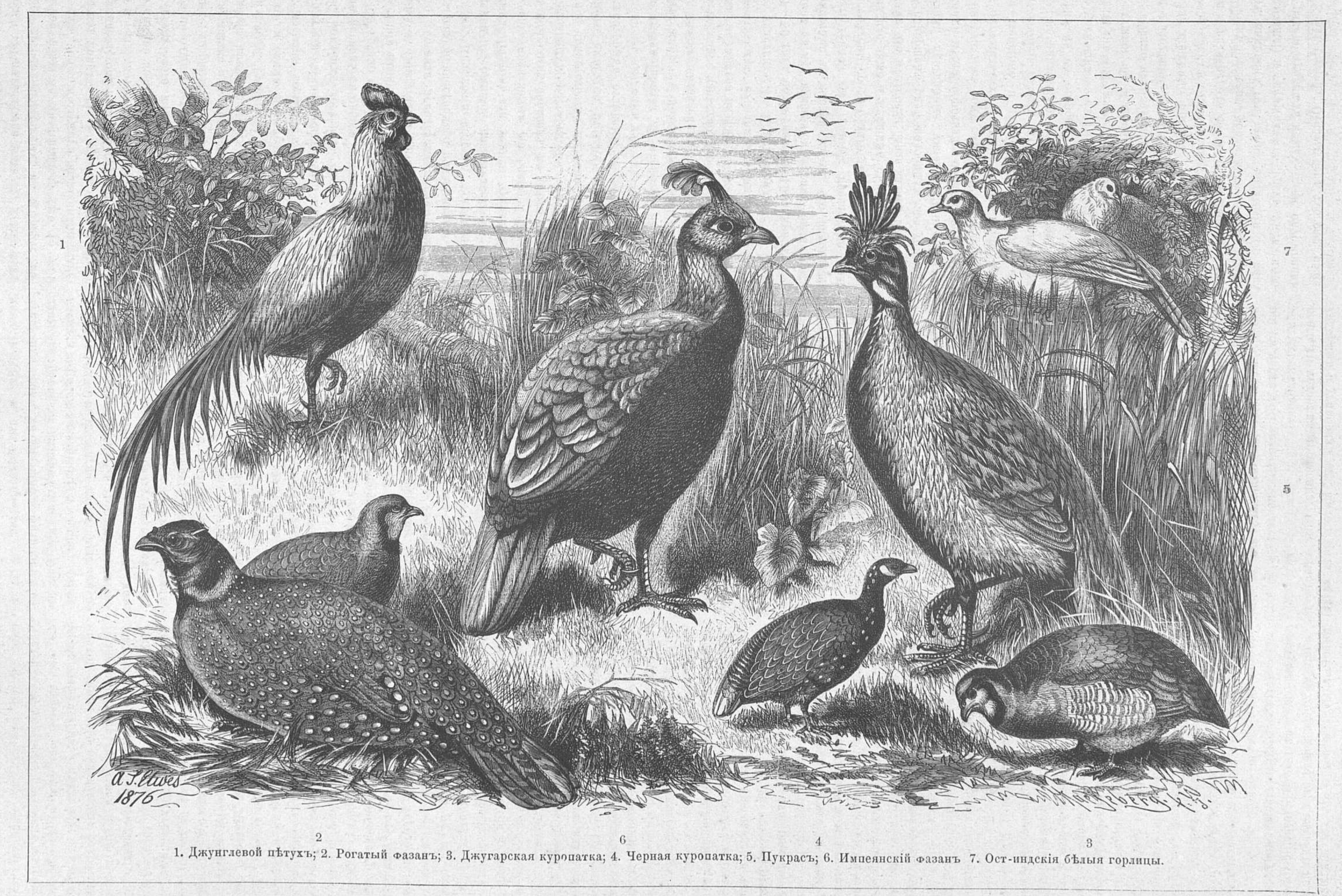
**) Ausland. 1859. № 22.

***) Ausland. 1856. № 1.

*) Ausland. 1860. № 29.

**) Кельнская газета. 1863.

Съ натуры рисовалъ ЭЛЬВЕСЪ.

1. Джунглевой пѣтухъ; 2. Рогатый фазанъ; 3. Джугарская куропатка; 4. Черная куропатка; 5. Пукрасъ; 6. Импеянскій фазанъ 7. Ост-индскія бѣлыя горлицы.

Ост-индскія куриныя породы.

индѣйскія племена подлежатъ истребленію; на основаніи этого, вы употребите всѣ мѣры къ тому, чтобы побудить апаховъ и другія племена явиться къ вамъ для принятія мирныхъ условій. Когда они соберутся, распорядитесь убить всѣхъ возмужалыхъ людей, а дѣтей продайте, чтобы покрыть издержки, съ которыми будетъ сопряжено это истребленіе. Не щадите ничего съ цѣлью обезпечить вѣроятность успѣха, и составьте кордонъ изъ достаточнаго числа войскъ, такъ, чтобы ни одинъ индѣецъ но могъ спастись». Въ одномъ договорѣ, заключенномъ въ шестидесятыхъ годахъ властями округа Гумбольдтъ съ племенемъ Піуто, одинъ изъ параграфовъ гласитъ слѣдующее: «Всѣ индѣйцы должны удалиться изъ округа втеченіе 7 дней, подъ страхомъ смерти». Мѣстная газета называла договоръ выгоднымъ для индѣйцевъ, видѣла въ немъ залогъ мира и приглашала гражданъ «споспѣшествовать его выполненію». Но верхомъ возмутительности служитъ знаменитый военный законъ, изданный мексиканскими властями въ Чигуагуа, въ 1837 г., съ цѣлью прекратить набѣги апаховъ: правительство обѣщало «по 100 долларовъ за скальпъ каждаго взрослаго индѣйца, по 50 долларовъ за женскій скальпъ и по 25 долларовъ за дѣтскій». Это, разумѣется, болѣе, нежели иныя правительства даютъ за голову хищнаго звѣря. Къ чести республики надо сказать, что этотъ варварскій законъ былъ въ силѣ лишь нѣсколько недѣль, и никогда не былъ одобренъ центральнымъ правительствомъ. Но онъ дѣйствовалъ втеченіи своего, хотя бы и кратковременнаго, существованія. Григгъ *), который упоминаетъ о немъ и приводитъ еще другіе примѣры коварства и жестокости бѣлыхъ, видѣлъ самъ, передъ правительственнымъ дворцомъ въ Чигуагуа, группу всадниковъ, которые держали на копьѣ окровавленный скальпъ: они настигли женщину съ ребенкомъ, слѣдовавшую за своимъ племенемъ, и убили ее. Про ребенка они разсказывали, что онъ умеръ... Впрочемъ, не одни американцы и европейцы распространяютъ подобными способами культуру; китайцы вывозили изъ своего отечества на Формозу тигровъ, съ цѣлью истреблять дикарей, но это средство не удалось, потому что туземцы были слишкомъ хорошими охотниками **).

Убавленіе численности населенія почти во всѣхъ странахъ, занятыхъ дикими, доказываетъ всего яснѣе плачевныя условія ихъ существованія. Фонъ Шерцеръ ***), говоря о благосостояніи индѣйскихъ племенъ тропической Америки, дѣлаетъ слѣдующее исчисленіе: въ Гватемалѣ, при 10,000 бѣлыхъ и 100,000 метисовъ (ладиносовъ), существуютъ еще 650,000 индѣйцевъ; въ Гондурасѣ 120,000; въ Санъ-Салвадорѣ 150,000; въ Никарагуа 80,000; въ Коста-Рикѣ 5,000,—слѣдовательно, въ пяти свободныхъ государствахъ Центральной Америки вообще— 1.005,000 индѣйцевъ. Эти племена, придя въ первое соприкосновеніе съ европейцами, уже занимались воздѣлываніемъ земли, между тѣмъ какъ индѣйцы сѣв. Америки знакомы и теперь съ однимъ звѣроловствомъ; по этимъ причинамъ, какъ весьма справедливо замѣчаетъ фонъ Шерцеръ, первыя изъ названныхъ племенъ сохранились, между тѣмъ какъ вторыя обречены на погибель. Въ природѣ нѣтъ рѣзкихъ переходовъ; все въ ней прогрессируетъ постепенно; между тѣмъ, европейская культура требуетъ отъ кочующихъ лѣсныхъ или степныхъ дикарей какихъ-то прыжковъ на пути развитія. Но если вышеназванныя племена центральной Америки сохранились, и даже умножились, какъ полагаетъ Гумбольдтъ, то они не подвинулись впередъ съ того времени, какъ надъ ними тяготѣла рука испанскихъ завоевателей. Ихъ настоящее положеніе, говоритъ фонъ-Шерцеръ, заставляетъ съ трудомъ узнавать въ нихъ потомковъ тѣхъ племенъ, которыя составляли здѣсь благоустроенныя государства еще за три столѣтія тому назадъ. По отзыву д-ра Филиппи *), вымираніе аракуанцевъ въ Чили составляетъ поразительное явленіе, потому что это племя живетъ среди весьма благопріятныхъ условій: они свободные собственники, имѣютъ земли и скотъ, не платятъ никакихъ податей. Причиною сказанной смертности между ними считается ихъ меньшая способность сопротивляться эпидемическимъ болѣзнямъ; бѣлые переносятъ легче оспу и разстройства кишечной системы. Аракуанцы не хотятъ знать оспопрививанія; заболѣвъ оспою, они лечатся только тѣмъ, что кидаются въ студеную воду.

Численность сѣвероамериканскихъ индѣйцевъ неопредѣлена съ точностью; по переписи 1850 г., ихъ насчитывалось въ Соед. Штатахъ до 400,000 ч.; въ 1855 г., ихъ было уже 350,000 **), а по переписи 1860 г., уже только 283,385 ч. Въ 1865 г. ихъ оказалось лишь 200,000, но американскія газеты, много говорившія объ угрожавшемъ въ то время возстаніи всѣхъ западныхъ племенъ, отъ Канады до Мексиканскаго залива, доводили число индѣйцевъ до 320,000. Уменьшеніе населенія среди американскихъ туземцевъ шло еще быстрѣе непосредственно вслѣдъ за завоеваніемъ новой части свѣта испанцами, нежели оно идетъ въ наше время, если вѣрить историческимъ документамъ. Аббатъ Жанти говоритъ, что въ С. Доминго, изъ 1 милліона жителей осталось всего 60,000, и это послѣднее число сократилось до 14,000 въ послѣдующіе 10 лѣтъ. Столь же быстро истреблялось населеніе въ Кубѣ и Ямайкѣ. Португальцы, французы и англичане соперничали между собою, уничтожая съ одинаковою жестокостью караибовъ и другія южно-американскія туземныя племена. Цивилизація нанесла вредъ дикимъ племенамъ самаго отдаленнаго сѣвера. Согласно Этцелю ***), населеніе въ Гренландіи, не смотря на свой умственный прогрессъ, замѣтно уменьшается, за исключеніемъ только сѣверной части острова, въ которой господствуютъ смѣшанные браки съ европейцами. Жители бѣднѣютъ и падаютъ жертвою климатическихъ условій, съ тѣхъ поръ какъ измѣненъ ихъ прежній общественный строй. Они утверждаютъ, что ввели у себя многоженство не изъ чувственности, но ради того только, чтобы имѣть болѣе дѣтей. Стараясь осмѣять и унизить въ ихъ глазахъ ихъ жрецовъ (анакокковъ), о которыхъ купецъ Далагеръ отзывался съ большою похвалою въ 1752 г., европейцы лишили туземцевъ всякаго страха и сдержанности. Въ противоположность тому, на крайнемъ сѣверѣ, а именно подъ 75° сѣв. широты, живетъ эскимоское племя, незатронутое культурой, но отличающееся высокимъ нравственнымъ достоинствомъ. Джонъ Россъ называетъ этихъ эскимосовъ арктическими горцами, и китоловы ведутъ съ ними сношенія. Въ 1818 г., эскимосы были еще враждебны европейцамъ; но въ 1854 г., они спасли отъ голодной смерти д-ра Кэна (Кане) и его товарищей. Капитанъ Шерардъ Осборнъ****) описываетъ этихъ дикарей, какъ породистыхъ, крѣпкихъ и веселыхъ людей съ выпуклой грудью, и зычнымъ голосомъ. Не имѣя ни лодокъ, ни другого оружія, кромѣ изготовляемаго ими изъ костей, они умѣютъ, однако, бить моржей и бѣлыхъ медвѣдей.

Островитяне южнаго океана гибнутъ тоже отъ того яда, который какъ бы вноситъ къ нимъ западная культура. Они истребляются не столько отъ варварскаго преслѣдованія или собственныхъ междоусобій, какъ отъ ряда другихъ, частью неизслѣдованныхъ причинъ, подтачивающихъ ихъ жизненныя силы. Кукъ насчитывалъ на Таити, самомъ большомъ изъ острововъ Товарищества, отъ 150,000 до 200,000 жителей. Въ настоящее время, число ихъ не превышаетъ 15,000. Согласно «Таитскому ежегоднику» за 1863 г., туземцевъ на Таити и Мауруа насчитывалось лишь 7,642 ч., но въ народонаселеніи замѣчался приростъ: однако, при переписѣ, произведенной мѣстными французскими властями, въ 1849 г., населеніе было значительнѣе чѣмъ теперь, а именно, оно опредѣлялось въ 8,082 ч. Подобная судьба столь прекраснаго и сильнаго племени тѣмъ поразительнѣе, что введеніе христіанства въ странѣ казалось залогомъ ея преуспѣянія въ отношеніи нравственнаго и общественнаго прогресса. Д-ръ Каултеръ, врачъ британскаго флота, посѣтившій острова «Товарищества» въ 1836 г., находилъ, что дѣтоубійства, приношенія людскихъ жертвъ и безнравственность совершенно прекратились между туземцами; только въ приморскихъ мѣстахъ, посѣщаемыхъ европейскими и американскими судами, господствовало распутство.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

*) Григгъ. Торговля въ преріяхъ. Нью-Іоркъ. 1844.
**) Ausland. 1860. № 26.
***) Фонъ Шерцеръ. Природа и народная жизнь въ троп. Америкѣ, Лейпцигъ. 1864.

*) Петерманъ. Сообщенія и пр. 1861. № 14.
**) Ausland. 1856. № 25.
***) Этцель. Гренландія. 1860.
****) Географ. Общество. Лондонъ. 1865.

Судебная ошибка.

Романъ **Ф. Буагобея**. Переводъ **С. И. Воскресенской**.

(*Продолженіе.*)

Глава VIII.

— Мы пріѣхали, сказалъ Пьедушъ, отворяя дверцу и ловко выскакивая изъ кареты.

— Вы говорили мнѣ, что мы ѣдемъ къ комиссару? воскликнулъ Люп, который не обращалъ вниманія на направленіе, принятое экипажемъ при въѣздѣ въ Парижъ.

— Все равно, отвѣчалъ Пьедушъ. — Мы въ полицейской префектурѣ.

Молодой человѣкъ выглянулъ въ окно, увидалъ высокое зданіе и невольно откинулся назадъ. Наконецъ, онъ понялъ все и инстинктивно бросился къ другой дверцѣ, но она охранялась Пигашемъ, который, въ роли кучера, помогалъ Пьедушу въ его экспедиціи.

Бѣгство было невозможно... но смерть была лучше безчестія... Люп опустилъ руку въ карманъ.

— Не трудитесь, замѣтилъ ему Пьедушъ.—Я вытащилъ у васъ револьверъ, когда мы ѣхали еще между гренельскимъ и іенскимъ мостами. И, какъ вижу, мѣра была не лишняя. Не мѣшкайте же, выходите.

— Куда вы меня ведете?

— Къ моему начальству... Я полицейскій агентъ.

— Негодяй!

— Напрасно ругаетесь, молодой человѣкъ. Я поступилъ съ вами самымъ вѣжливымъ образомъ. Другой, на моемъ мѣстѣ, арестовалъ бы васъ прямо на глазахъ вашей невѣсты.

Пьедушъ прихвастнулъ немного: ему было бы трудно арестовать молодого человѣка въ домѣ съ многочисленной прислугой, имѣя подкрѣпленіе въ лицѣ одного только Пигаша; но онъ не хотѣлъ брать съ собою никого болѣе, чтобы не дѣлить ни съ кѣмъ славы побѣды.

Несчастный молодой человѣкъ понялъ, что сопротивленіе было невозможно и рѣшился овладѣть собою.

— Указывайте мнѣ дорогу! гордо сказалъ онъ, вступая въ длинный коридоръ, по сторонамъ котораго расположены различныя отдѣленія префектуры.

— Идите впередъ, не собьетесь, отвѣчалъ Пьедушъ, — а мы съ товарищемъ лучше сзади пойдемъ.

Люп понималъ, что его провожатые опасаются

побѣга. Не даромъ Пьедушъ пропускалъ его все время впередъ. Полицейская вѣжливость не болѣе, какъ осторожность.

Въ концѣ коридора была лѣстница. Поднявшись по ней во второй этажъ, Пьедушъ ввелъ арестанта въ обширную пріемную. Три писца, сидѣвшіе у большого стола, взглянули на прибывшаго совершенно равнодушно, и снова принялись за прерванную бесѣду. Такихъ ли они молодцовъ здѣсь видали!.. Пьедушъ, узнавъ отъ сторожа, что начальникъ одинъ, пріотворилъ дверь въ сосѣднюю комнату и юркнулъ туда.

Эта комната служила кабинетомъ начальника сыскной полиціи.

— Ну, что новаго? спросилъ начальникъ Пьедуша, продолжая перебирать свои бумаги.

— Много новаго и важнаго, ваша милость!

— Рапортуй скорѣе... У меня мало времени.

— Во-первыхъ, эта вещица... надѣюсь, не скажете: вздоръ!

Онъ выложилъ на столъ портфель.

— Что такое?.. Банковые билеты?.. Развѣ такія находки касаются до меня? проговорилъ начальникъ, открывая бумажникъ.

— Смотрите далѣе.

— Адресы... Г. де-Жантильи, у г-жи Леконтъ, въ Булони... Я знаю одного Жантильи... или такъ называемаго Жантильи... но тотъ не замѣшанъ ни въ какое уголовное дѣло.

— Смотрите, смотрите еще.

— Фотографическая карточка... Это что?.. Наша убитая!

— Она самая, ваша милость.

— Гдѣ же ты нашелъ этотъ портфель?

— Въ карманѣ одного англійскаго мазурика, который былъ пойманъ въ Моргѣ... часа въ три по полудни.

— И ты докладываешь мнѣ объ этомъ только теперь! Гдѣ этотъ человѣкъ?

— Извините, ваша милость, я разсудилъ, что его не стоитъ къ вамъ вести. Онъ самъ укралъ портфель у другого человѣка...

— Котораго ты выпустилъ изъ рукъ?

— Такъ точно, но поймалъ опять. Это и есть де-Жантильи.

— Я надѣюсь, что ты приставилъ кого-нибудь къ его квартирѣ? Онъ не уйдетъ?

— Лучше того, ваша милость. Я убѣдилъ его самого придти къ вамъ.

— Что ты говоришь!.. И ты совершилъ все это одинъ безъ Толбіака?

— Совершенно одинъ. Извольте прослушать.

Пьедушъ разсказалъ всѣ свои похожденія, прибавивъ въ видѣ букета:

— И я узналъ его! Это тотъ самый молодецъ, который провелъ меня тогда ночью, показавъ фальшивый билетъ!

— Ну, Пьедушъ, если все это такъ, ты можешь разсчитывать на хорошую награду... Толбіакъ, правду сказать, сидитъ себѣ, сложа руки, а ты молодецъ, нечего говорить, молодецъ!.. Введи же сюда этого Жантильи, а самъ обожди въ пріемной; можетъ быть, понадобишься.

— Слушаю, ваша милость... Да, чуть было не забылъ! Вотъ пистолетъ, который я успѣлъ вытянуть у него изъ кармана.

— Хорошо, ступай. Будь увѣренъ, что я поговорю о тебѣ съ г. префектомъ.

Пьедушъ отвѣсилъ поклонъ и вышелъ изъ комнаты. Между тѣмъ начальникъ его приготовился къ той дуэли, которая завязывается между слѣдователемъ и подозрѣваемымъ лицомъ. Всѣ выгоды въ этомъ случаѣ на сторонѣ перваго. Въ его волѣ выбрать способъ атаки, между тѣмъ, какъ допрашиваемый не можетъ предугадать откуда будетъ подведена мина. Сверхъ того, первый вполнѣ владѣетъ собою; второй, естественно, взволнованъ. Такимъ образомъ, борьба далеко не равна. Но много зависитъ здѣсь отъ системы: можно сразу сбить обвиняемаго неожиданностью вопросовъ, или же избрать путь болѣе мягкій: опутать непріятеля сѣтью аргументовъ, почерпнутыхъ изъ его собственныхъ отвѣтовъ, и довести его болѣе медленнымъ, но болѣе вѣрнымъ способомъ, можетъ быть, до невозможности отрицать преступленіе. Начальникъ сыскной полиціи избралъ послѣдній методъ. Для большаго успѣха, онъ передвинулъ одну изъ лампъ на своемъ письменномъ столѣ и нагнулъ ея абажуръ, такимъ образомъ, что весь свѣтъ ея долженъ былъ падать на кресло, въ которомъ приходилось сидѣть де-Жантильи. Онъ спряталъ при этомъ револьверъ въ столъ, а портретъ положилъ подъ преспапье.

Дверь отворилась, Пьедушъ ввелъ арестанта и ретировался въ тотъ же моментъ. Начальникъ полиціи пригласилъ Люи сѣсть. Тотъ повиновался безмолвно. Съ минуту длилось молчаніе. Физіономія молодого человѣка казалась полицейскому до крайности знакомой. Было несомнѣнно, что онъ видалъ ее гдѣ-то, и не только въ тотъ достопамятный вечеръ, когда незнакомецъ съ черной бородой заперъ его въ часовомъ шкафѣ...

— Вы знаете, почему вы здѣсь? спросилъ онъ.

— Знаю, отвѣтилъ Люи,—и удивляюсь тому, что человѣка могутъ арестовать по такимъ ничтожнымъ уликамъ.

«Тотъ же голосъ!» подумалъ полицейскій.

— Позвольте замѣтить, что я не имѣю права пренебрегать даже мелочами въ такомъ важномъ дѣлѣ, продолжалъ онъ громко.—Но если вы дадите мнѣ удовлотворительное объясненіе на счетъ того, какимъ образомъ досталась вамъ карточка, которая нашлась въ вашемъ портфелѣ, я отпущу васъ тотчасъ же...

Лицо молодого человѣка просіяло отъ радости. «А! подумалъ полицейскій, — еслибы ты былъ не виновенъ, голубчикъ, ты нашелъ бы дѣло совершенно естественнымъ, а теперь, очевидно, ты не ожидалъ, что отдѣлаешься такъ дешево».

— У васъ нашли портретъ этой несчастной, продолжалъ онъ громко. — Весьма натурально, что мы ждемъ отъ васъ какихъ-нибудь свѣденій на счетъ ея личности...

— Я не могу ничего сказать вамъ, возразилъ Люи.—Я ее вовсе не знаю.

— Странно... у васъ ея портретъ, а вы ее не знаете... Впрочемъ, вы могли получить карточку отъ кого-нибудь изъ вашихъ пріятелей. Въ такомъ случаѣ, назовите этого человѣка.

— Никто не давалъ мнѣ этого портрета.

— Я васъ не понимаю, г. де-Жантильи.

— Я хочу сказать, что въ бумажникѣ, который былъ у меня украденъ, какъ вамъ уже извѣстно, конечно, не находилось ничего, кромѣ денегъ и адресовъ... Вѣроятно, мошенникъ вложилъ въ него карточку.

— Согласитесь, однако, что ваше предположеніе довольно неправдоподобно. Воръ старается, обыкновенно, опростать бумажникъ, попавшійся ему въ руки, а никакъ не набиваетъ его новыми предметами... Къ тому же, вашего вора арестовали въ тотъ самый моментъ, когда онъ выходилъ изъ Морга... Какимъ способомъ успѣлъ бы онъ совершить подобную манипуляцію?

— Вы не требуете отъ меня, безъ сомнѣнія, чтобы я объяснилъ эту загадку, сухо возразилъ молодой человѣкъ. — Я не изучалъ воровскихъ пріемовъ.

Наступило непродолжительное молчаніе. Полицейскій разсѣянно вертѣлъ въ рукахъ карточку, которую вынулъ изъ подъ преспапье; потомъ онъ неожиданно поднялъ голову и спросилъ:

— Знаете вы по-англійски?

— Знаю, отвѣчалъ съ нѣкоторою запинкою Люи.—Но къ чему этотъ вопросъ?..

— Я хотѣлъ, если вы знакомы съ этимъ языкомъ, попросить васъ перевести мнѣ три слова, написанныя на оборотѣ карточки... Вотъ, видите: forget me not. Я почти догадываюсь о ихъ значеніи, хотя не знаю англійскаго языка... но все же лучше, если вы подтвердите. Forget me not, это должно значить...

— «Не забывайте меня», проговорилъ, блѣднѣя и смущаясь, молодой человѣкъ.

— Я такъ и думалъ. И эта милая просьба подписана очаровательнымъ именемъ: «Магу»... Такъ звали убитую женщину... Она была англичанка, намъ это уже извѣстно.

— Пойманный воръ тоже англичанинъ...

— Правда... И вы полагаете, что онъ былъ любовникомъ этой несчастной?

— Я не полагаю ничего. Я заявляю только о фактѣ.

— Прекрасно... Но согласитесь, что почти невозможно вообразить, чтобы подобная молодая и прекрасная женщина вручила любовное воспоминаніе карманщику... Болѣе вѣроятно, что она подарила свой портретъ какому-нибудь молодому и красивому, изящному джентльмену... какъ вы, напримѣръ.

— Это простое предположеніе... Но я повторяю вамъ, что я увидалъ сегодня и эту женщину, и этотъ портретъ въ первый разъ...

— Вы избрали эту систему? Я считаю ее невыгодною для васъ... но пойдемъ далѣе. Вы отправились въ Моргъ изъ простого любопытства?

— Да... хотя мнѣ и совѣстно въ этомъ сознаться. Я не охотникъ до подобныхъ ужасныхъ зрѣлищъ... Но въ газетахъ столько говорилось объ этомъ убійствѣ, что я не удержался и зашелъ по дорогѣ.

— Съ пятью тысячами франковъ въ карманѣ.

— Мнѣ надо было занести эту сумму къ ювелиру...

— За браслетъ, который вы хотѣли подарить вашей невѣстѣ. Мой агентъ сообщилъ мнѣ это. Вашъ ювелиръ живетъ, вѣроятно, въ Палерояль?

— Нѣтъ, въ улицѣ Мира.

— А вы сами, гдѣ проживаете?..

Молодой человѣкъ вздрогнулъ и проговорилъ съ смущеніемъ:

— Въ улицѣ Мон-Таборъ.

— Слѣдовательно, заходить въ Моргъ было вамъ не совсѣмъ по дорогѣ, какъ бы небрежно замѣтилъ полицейскій, — но ради «женщины съ пиковой дамой» не грѣхъ было сдѣлать и крюкъ... И такъ, вы зашли въ Моргъ...

— Да, и сожалѣлъ о томъ, что увлекся непростительнымъ любопытствомъ... Зрѣлище было ужасное... невыносимое...

— Потому-то вы все и закрывались платкомъ.

— Кто вамъ могъ передать?..

— О, мало ли, что мнѣ передаютъ!.. Я знаю все, по обязанности. А когда вы замѣтили пропажу своего портфеля?

— Воротясь домой.

— Чтобы переодѣться, конечно... Вы не могли поѣхать къ г-жѣ Леконтъ въ костюмѣ, бывшемъ на васъ поутру, въ Моргѣ... Клѣтчатый поджакъ, шерстяной кашне и войлочная шляпа... Довольно странный нарядъ для изящнаго, свѣтскаго молодого человѣка.

— Я не желалъ появиться въ своемъ обыкновенномъ видѣ въ подобномъ мѣстѣ, произнесъ Люи, начинавшій терять самоувѣренность. — Я надѣлъ нарочно все старое.

— Вы мнѣ говорили, что намѣревались зайти къ ювелиру. Вы не боялись, что ваша наружность внушитъ ему мало довѣрія?.. Впрочемъ, вы хотѣли заплатить наличными, да онъ знаетъ васъ давно, безъ сомнѣнія...

Де-Жантильи не отвѣтилъ ничего на эти ироническія замѣчанія, цѣль которыхъ была ему слишкомъ понятна. Онъ сознавалъ, что начиналъ сбиваться въ своихъ отвѣтахъ, и чѣмъ болѣе онъ

путался, тѣмъ болѣе утрачивалъ свое прежнее хладнокровіе. Полицейскій, доведя его до такого состоянія, продолжалъ почти отеческимъ тономъ:

— Слушайте, молодой человѣкъ. Мнѣ кажется, вы избрали ложный путь, и я считаю своимъ долгомъ указать вамъ на это. Вы употребляете всѣ усилія на отрицаніе очевидности. Портретъ принадлежитъ вамъ. Я не могу сомнѣваться въ этомъ, послѣ всѣхъ противорѣчій и неправдоподобій, въ которыя вы впадаете... Я васъ понимаю отчасти: вы занимаете прекрасное положеніе въ свѣтѣ вы намѣреваетесь жениться и вамъ непріятно быть замѣшаннымъ въ уголовное дѣло... Вотъ почему вы придумываете различныя нелѣпости, вмѣсто того, чтобы признаться по-просту, что вы были когда-то въ сношеніяхъ съ этою убитою женщиной... Какъ вы не хотите понять, что обладаніе ея портретомъ не составляетъ еще преступленія и можетъ быть объяснено самымъ естественнымъ образомъ?.. Прибавлю еще, что обязанность всякаго порядочнаго человѣка—содѣйствовать правосудію, что, скрывая отъ насъ что либо, вы поступаете даже нечестно... Надѣюсь, я убѣдилъ васъ... Вы только себѣ вредите, упорствуя въ умолчаніи фактовъ, которые могутъ пролить какой-нибудь свѣтъ на это дѣло... Я увѣренъ, что если бы сама ваша невѣста присутствовала при этомъ допросѣ, то и она умоляла бы васъ не скрывать ничего.

Молодой человѣкъ былъ видимо взволнованъ, но старался овладѣть собою и сидѣлъ, молча и потупивъ глаза.

— Подумайте, она васъ ждетъ съ нетерпѣніемъ, продолжалъ полицейскій, — тревожится, плачетъ... И вамъ стоитъ сказать только нѣсколько словъ для того, чтобы я отпустилъ васъ на свободу тотчасъ же... Между тѣмъ, если вы будете упорствовать въ своемъ запирательствѣ, я буду вынужденъ признать васъ виновнымъ... и отправить... куда отправляютъ заподозрѣнныхъ въ убійствѣ.

Жантильи страшно поблѣднѣлъ, всѣ черты его исказились, но онъ успѣлъ овладѣть собою и сказалъ довольно твердо:

— Я могу сказать только одно: я невиненъ. Дѣлайте со мной, что хотите.

Начальникъ полиціи не ожидалъ такого упорнаго сопротивленія, но оно послужило ему новымъ доказательствомъ виновности Жантильи. Онъ перемѣнилъ тонъ и спросилъ сухо:

— Ваше имя?.. Занятія?.. Мѣстожительство?

— Меня зовутъ Люи де-Жантельи. Квартирую въ улицѣ Мон-Таборъ, № 72. Я докторъ правъ и служу старшимъ клеркомъ у нотаріуса Лабуро.

— У васъ есть состояніе?

— Отецъ мой достаточный человѣкъ.

— Вы живете у него?

— Нѣтъ.

Полицейскій дѣлалъ всѣ эти вопросы небрежно и записывалъ ихъ, какъ бы только для формы, но потомъ вдругъ поднялъ голову и спросилъ въ упоръ:

— Знаете вы г. Лерѐ?

Онъ ожидалъ, что Люи вздрогнетъ при имени негоціанта, убитаго въ улицѣ Арбалетъ, но онъ отвѣтилъ совершенно спокойно:

— Нѣтъ, не знаю.

«Странно, онъ даже не моргнулъ», подумалъ полицейскій.

— А что вы дѣлали вечеромъ въ субботу, 13 января?

Онъ надѣялся, что молодой человѣкъ попадется въ ловушку. У всѣхъ подсудимыхъ бываетъ на-готовѣ обстоятельный разсказъ о томъ, какъ они провели время втеченіе того дня, въ который совершено преступленіе. Но Жантильи отвѣтилъ спокойно:

— Не могу разсказать вамъ съ точностью. Особенныхъ воспоминаній у меня не осталось. По всей вѣроятности, я былъ, какъ и всегда, въ Булони, у г-жи Леконтъ.

— А въ воскресенье, 14 числа?

— То же самое... Но въ этотъ день, отецъ обѣдалъ со мною у г-жи Леконтъ.

— Мы повѣримъ эти показанія. Пока допросъ оконченъ.

— Я могу, слѣдовательно, уйти?

Полицейскій пожалъ плечами, позвонилъ и сказалъ Пьедушу:

— Поскорѣе фіакръ!.. и обожди насъ внизу.

— Куда мы ѣдемъ? спросилъ взволнованнымъ голосомъ молодой человѣкъ.

— На домъ къ вамъ.

— Ко мнѣ!

— Да, я долженъ произвести у васъ обыскъ, а такъ какъ я желаю сдѣлать его въ вашемъ присутствіи, то я вынужденъ взять васъ съ собою... Но будьте спокойны, все обойдется самымъ приличнымъ образомъ и вы не будете нисколько скомпрометированы, на случай, если вамъ удастся доказать свою невиновность... Вы слышали, что я приказалъ моему агенту идти впередъ. Вы же выйдете со мною, какъ будто вы приходили ко мнѣ по своему дѣлу, съ какою-нибудь жалобою, напримѣръ... И когда мы пріѣдемъ къ вамъ, я постараюсь, чтобы вашъ привратникъ не заподозрѣлъ ничего.

— Благодарю васъ за эти предосторожности, сказалъ Люи съ горечью,—но онѣ излишни, если вы рѣшились меня арестовать.

— Вы сами этого хотите. Докажите свою невинность, и я отпущу васъ.

— Доказать мою невиновность! Ваше дѣло доказать, что я виновенъ.

— Совершенно вѣрно... Съ этою цѣлью я и ѣду сдѣлать обыскъ въ вашей квартирѣ.

Сдѣлавъ это логичное заключеніе, полицейскій положилъ карточку къ себѣ въ карманъ, пригласилъ знакомъ Жантильи выдти, и вышелъ самъ вслѣдъ за нимъ. Писцы снова не обратили на него вниманія: они такъ привыкли къ тому, что по одной и той же дорогѣ ходятъ и великосвѣтскіе люди, и профессіональные мошенники... А какой-нибудь посторонній человѣкъ, незнакомый съ полицейскими обычаями, подумалъ бы, что Жантильи и его спутникъ отправляются просто на прогулку.

Пигашъ превратился снова въ кучера, а Пьедушъ сѣлъ въ карету, занялъ мѣсто противъ своего начальника и молодого человѣка.

Люи не говорилъ ни слова втеченіи всей дороги. Спутники его тоже молчали, но переѣздъ былъ недологъ и фіакръ скоро остановился передъ № 72, въ улицѣ Мон-Таборъ.

Жантильи занималъ въ первомъ этажѣ этого дома квартиру, состоявшую изъ четырехъ комнатъ: гостиной, кабинета, спальни и небольшой уборной. Всѣ эти комнаты были расположены вдоль широкаго коридора, благодаря которому въ каждой изъ нихъ былъ свой независимый выходъ. Молодой человѣкъ, проводя большую часть дня внѣ дома, держалъ только одну старую служанку для присмотра за квартирой; другой прислуги у него не было. За отсутствіемъ этой женщины, онъ самъ отворилъ дверь своимъ незванымъ гостямъ. Привратникъ, пропуская его, нисколько не удивился, что онъ возвращается домой въ сопровожденіи какихъ-то двухъ незнакомцевъ.

Начальникъ сыскной полиціи окинулъ быстрымъ взглядомъ кабинетъ, въ который прямо ввелъ ихъ хозяинъ. Въ шкафахъ стояли громадные томы Законовъ и другихъ книгъ, относящихся къ спеціальности Люи; нѣкоторыя полки были заняты произведеніями изящной словесности; на стѣнахъ висѣли двѣ или три картины замѣчательной работы рядомъ съ нѣсколькими старинными гравюрами. Письменный столъ былъ заваленъ дѣловыми бумагами. Вся комната носила характеръ убѣжища, принадлежащаго молодому человѣку, серьезному, преданному труду, но способному тоже интересоваться изящною литературою и искуствомъ. Люди, привычные къ произведенію обысковъ, умѣютъ сразу оцѣнивать подобныя вещи, и полицейскій пересмотрѣлъ только для формы документы, лежавшіе на столѣ и въ его ящикахъ. Люи ожидалъ съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ окончанія всей этой процедуры и потомъ провелъ посѣтителей въ гостиную. Эта комната, убранная по восточному, была очень красива, но и въ ней не было ничего, достойнаго полицейскаго вниманія. За то въ спальной, мѣткій глазъ начальника Пьедуша открылъ тотчасъ же небольшой шкафикъ изъ розоваго дерева, скромно ютившійся въ уголкѣ.

— Позвольте мнѣ ключи отъ этого шкафика, сказалъ онъ, догадываясь, что тайны молодого человѣка должны были заключаться здѣсь.

— Извольте, отвѣтилъ ему холодно Люи.—Я не могу запретить вамъ осмотрѣть этотъ шкафикъ, но я предупреждаю васъ, что въ немъ находятся только семейныя бумаги и частная переписка. Я надѣюсь, что вы возвратите мнѣ все это, когда убѣдитесь, что здѣсь нѣтъ ничего, имѣющаго отношеніе къ занимающему васъ дѣлу...

— Все будетъ возвращено вамъ впослѣдствіи, потому что теперь мнѣ нѣтъ времени заниматься разборомъ этихъ документовъ. Позвольте продолжать обзоръ вашей квартиры, сказалъ полицейскій.

При этихъ словахъ своего начальника, Пьедушъ приподнялъ портьеру, отдѣлявшую спальню Люи отъ уборной.

— Этимъ и заканчивается ваша квартира? спросилъ начальникъ полиціи, окинувъ глазами комнату, снабженную всѣмъ туалетнымъ арсеналомъ современнаго свѣтскаго молодого человѣка.

— Есть еще кухня, сарай для дровъ, насмѣшливо замѣтилъ Люи.

— Мнѣ нѣтъ надобности до этихъ помѣщеній. Я запечатаю теперь при васъ всѣ ваши бумаги и...

Полицейскій не договорилъ, почувствовавъ прикосновеніе Пьедуша. Онъ оборотился и взглянулъ на своего агента, который не говорилъ ничего, но смотрѣлъ на него очень выразительно. Подобный нѣмой разговоръ очень употребителенъ между членами полицейскаго цеха. Начальникъ отвѣтилъ своему подчиненному тоже какъ-то особенно, моргнувъ глазами. Онъ понялъ, что Пьедушъ указываетъ ему взглядомъ на какую-то точку въ задней стѣнѣ уборной. Эта стѣна была обтянута ситцемъ, какъ и всѣ прочія, но рысьи глаза агента открыли, подъ одною изъ складокъ ситца, мѣдную пуговку, присутствіе которой не объяснялось никакою видимою надобностью.

Пьедушъ, по знаку своего начальника, нажалъ эту пуговку, и часть стѣны сдвинулась, какъ шкафная дверь на колесахъ.

— Что съ вами? спросилъ полицейскій, смотря на молодого человѣка. Тотъ хотѣлъ что-то сказать, но голосъ замеръ у него въ груди. Пьедушъ, просунувъ руку со свѣчею за потаенную дверь, разсматривалъ открытое имъ помѣщеніе.

— Вотъ тебѣ разъ! проговорилъ онъ, оборачиваясь съ изумленнымъ видомъ, который говорилъ ясно о какомъ-то неожиданномъ зрѣлищѣ. Начальникъ взялъ тогда свѣчу, въ свою очередь, заглянулъ въ тайникъ и увидалъ передъ собою небольшую каморку, устроенную въ пространствѣ, оставленномъ между фальшивою стѣнкой, обитой ситцемъ, и настоящею стѣной дома. Эта комнатка была безъ окна; стѣны ея были покрыты старинными фландрскимъ обойнымъ тканьемъ, а полъ устланъ ковромъ, изъ рисовой соломы. Мебели не было никакой, кромѣ одного столика, но этотъ столикъ былъ достоинъ осо-

Падшій ангелъ. Группа итальянскаго художника Р. Бельвера.

Итальянскій павильонъ.

беннаго вниманія; онъ былъ черный, лакированный, китайской работы, и на немъ были разложены карты въ извѣстномъ порядкѣ: рядомъ съ королями красныхъ мастей лежали черныя дамы; противъ красныхъ тузовъ помѣщались валеты черныхъ мастей; остальныя карты распредѣлялись подобнымъ же образомъ.

Это открытіе, сдѣланное во всякомъ другомъ домѣ, не компрометировало бы хозяина квартиры. Нѣтъ ничего преступнаго въ раскладываніи пасьянса въ темной комнаткѣ; нѣтъ тоже ничего незаконнаго и въ оставленіи разложенныхъ картъ на столѣ, но начальникъ полиціи помнилъ слишкомъ хорошо столъ съ разложенными на немъ картами, въ томъ будуарѣ, въ которомъ ему пришлось провести столько непріятныхъ часовъ; онъ хранилъ, сверхъ того, теперь же, въ своемъ карманѣ портретъ убитой женщины, которая велѣла изобразить себя съ камеліею въ одной рукѣ и пиковою дамой въ другой... А рядомъ, съ подозрительными картами на столѣ, лежалъ высохшій цвѣтокъ, который было не трудно узнать по его формѣ. Это была камелія.

Такое, слишкомъ странное совпаденіе обстоятельствъ, говорило губительно противъ Жантильи Начальникъ полиціи не могъ понять, какимъ образомъ несчастный молодой человѣкъ былъ на столько неостороженъ, что сохранялъ у себя подобное «вещественное доказательство».

Потаенная комнатка походила почти на молельню. Молодой человѣкъ какъ бы благоговѣйно сохранялъ въ ней наглядныя воспоминанія какого-то былого счастья...

«Онъ обожалъ когда-нибудь эту женщину, думалъ полицейскій. Эти карты... этотъ цвѣтокъ... Все это имѣетъ связь съ какою-нибудь любовною сценой... Онъ убилъ несчастную въ припадкѣ ревности... въ ту минуту, когда она была занята пасьянсомъ... Не съумасшедшій ли онъ?.. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, что его будущій адвокатъ можетъ ораторствовать на тему маніи... Дѣйствительно, человѣкъ въ полномъ разсудкѣ, совершивъ преступленіе, уничтожилъ бы, по крайней мѣрѣ, этотъ столъ съ картами. Не говоря уже объ уликѣ, видъ такого пасьянса долженъ былъ напоминать ему слишкомъ ужасную сцену... Эта красавица раскладывала пасьянсъ, за минуту до своей смерти... держала пиковую даму въ рукѣ... онъ нанесъ ей ударъ и пригвоздилъ эту карту къ ея груди».

При этомъ разсужденіи, полицейскій взглянулъ машинально на столъ и увидалъ, что пиковой дамы не доставало... Это служило послѣднею и несомнѣнною уликой. Онъ вышелъ изъ потаенной комнаты, заперъ снова дверь и сказалъ Пьедушу:

— Я видѣлъ все, что мнѣ требовалось. Ѣдемъ.

— Но неужели, на основаніи видѣннаго, вы заключаете, что я виновенъ? воскликнулъ Люп.

— Я обязанъ только донести о результатахъ обыска, холодно замѣтилъ полицейскій.—Остальное дѣло слѣдователя.

— Но вы рѣшаетесь принять на свою отвѣтственность фактъ, безчестящій меня?.. Поймите, что даже суточный арестъ равносиленъ для меня безчестію... Хотя вы и выпустите меня завтра, но я буду уже заклейменъ... И все это по самому неосновательному подозрѣнію... потому только, что у меня нашелся какой-то портретъ... или по какимъ-то придуманнымъ вами сближеніямъ...

— Вы забываете, что вы предлагали двадцать тысячъ франковъ, сопровождавшему васъ полицейскому агенту, при условіи отпустить васъ на свободу. Вы забываете тоже, что вы покушались на его жизнь, а потомъ на свою. Позволительно думать, что невинный человѣкъ не поступалъ бы такимъ образомъ.

— Я совершенно потерялся и...

— Не пускайтесь въ напрасныя оправданія. Вы арестованы и мнѣ не о чемъ болѣе говорить съ вами.

Молодой человѣкъ выслушалъ довольно твердо эти грозныя слова, простоялъ молча въ то время, какъ опечатывали его бумаги, и спросилъ только подъ конецъ:

— Куда вы намѣрены меня отправить?

— Въ депо префектуры. Завтра съ васъ сниметъ допросъ слѣдователь, а затѣмъ, вы будете препровождены, по всей вѣроятности, въ мазасскую тюрьму.

— Могу я дать знать кому-нибудь, что я арестованъ?

— Если вы подразумѣваете тѣхъ, у кого вы были сегодня, то я не могу вамъ этого разрѣшить.

— Я говорю не о нихъ; я хотѣлъ бы написать только отцу.

— Я распоряжусь увѣдомить его завтра же о вашемъ арестѣ. Гдѣ онъ живетъ?

— На набережной Конти. Домъ № 49.

— Набережная Конти... № 49! повторилъ полицейскій съ изумленіемъ. — И его фамилія: де-Жантильи?

— Лекокъ де-Жантильи.

При этомъ отвѣтѣ, начальникъ, и агентъ переглянулись съ горестнымъ испугомъ.

— Вашъ отецъ—человѣкъ весьма уважаемый, сказалъ начальникъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Я увѣдомлю его лично о томъ, что случилось... Къ сожалѣнію, вотъ все, что я могу для васъ сдѣлать.

Онъ сдѣлалъ знакъ Пьедушу и оба они вышли молча, вслѣдъ за своимъ арестантомъ, изъ его квартиры.

— Бѣдняга Лекокъ! шепнулъ начальникъ на ухо Пьедушу. — А я-то еще предлагалъ ему взяться за этотъ розыскъ... Онъ, пожалуй, умретъ съ горя... Я былъ такъ доволенъ поимкою этого злодѣя, а теперь... вся моя радость испорчена...

— А я, ваша милость, просто провалиться желаю! Лучше бы мнѣ не ходить въ Моргъ!

— Что дѣлать, любезный!.. Непріятно, но, дружба дружбой, а служба службой!.. Смотри же въ оба, чтобы не улизнулъ!

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Ост-индскія куриныя породы.

(Изъ коллекціи принца Уэльскаго.)

Принцъ Уэльскій вывезъ изъ Ост-Индіи много замѣчательныхъ предметовъ, въ томъ числѣ различные экземпляры животныхъ породъ. Количество ихъ было такъ значительно, что собственно для нихъ потребовались два большія транспортныя судна. Вывезены: непаульскій слонъ, тигръ, леопардъ, охотничій леопардъ, джунглевой или губастый медвѣдь (Melursus labiatus), дикая собака (canis primaerus), ост-индскій ихневмонъ (Herpestes griseus), маленькая виверра (Viverricula indica), кошка (Felis viverrina), мускусовый и другіе олени, въ томъ числѣ пестрый олень и кабаній олень (видоизмѣненіе цейлонско-индѣйскаго Cervus porcinus), черная и козья антилопы, зебу и пр. Многіе изъ этихъ рѣдкихъ животныхъ находятся въ нѣсколькихъ экземплярахъ; такъ, напр., непаульскій слонъ имѣетъ своими представителями четырехъ молодыхъ, понятливыхъ слонятъ (бутша). Между привезенными птицами первое мѣсто занимаютъ стадныя. Нѣкоторыя изъ нихъ изображены на нашемъ рисункѣ. Фигура 1—джунглевый пѣтухъ, (gallus bankhiva), считающійся прародителемъ нашихъ домашнихъ куръ. Фиг. 2—рогатый фазанъ (тоже рогатый сатиръ), замѣчательный по двумъ короткимъ рожкамъ, торчащихъ у него надъ глазами (Tragopan satyrus). За нимъ находится джукарская (красная) куропатка (Caccabis chucar), которая изображена на фиг. 3. Рядомъ съ нею находится малорослая, черная куропатка (фиг. 4); за ними (фиг. 5) красуется, съ своимъ великолѣпнымъ головнымъ уборомъ, пукрасъ (Pucrasia macrolopha), представитель мало извѣстный еще фазаной породы, родственной съ трагопаномъ. Фиг. 6 изображаетъ импеянскаго фазана (Lophophorus impeyanus), украшеннаго тоже краснымъ хохломъ. Эта порода составляетъ нѣчто среднее между домашними курами, настоящими фазанами и трагопанами. Нѣкоторые орнитологи относятъ импеяновъ, вмѣстѣ съ павлинами и аргусами, къ общей породѣ косачей. Фиг. 7—пара бѣлыхъ ост-индскихъ горлицъ (Turtur meena).

Всѣ поименованныя животныя прибыли въ Англію въ превосходномъ состояніи, благодаря старательному уходу за ними, и принесены принцемъ въ даръ лондонскому зоологическому саду (въ Реджентъ-Паркѣ), которымъ по справедливости гордятся англичане. Настоящая коллекція еще болѣе украситъ это заведеніе, дѣйствительно не имѣющее себѣ соперниковъ во всей Европѣ.

Новости наукъ и жизни.

— **Сельско-хозяйственныя выставки.** По словамъ «Земл. Газеты» въ настоящемъ 1868 году будутъ слѣдующія сельско-хозяйственныя выставки: 1) Въ г. Гривѣ, курляндской губ., выставка сельскаго хозяйства и промышленности, 19—22 августа. 2) Въ г. Дерптѣ, выставка скота и сельско-хозяйственной промышленности, устраиваемая лифляндскимъ обществомъ, 26—28 августа. 3) Въ г. Саратовѣ, выставка сельскохозяйственная, публичное испытаніе машинъ и конкурсъ плугарей, устраиваемый мѣстнымъ обществомъ сельскаго хозяйства,—въ сентябрѣ. 4) Въ г. Псковѣ, первая выставка предметовъ сельскаго хозяйства, скотоводства и сел.-хоз. промышленности, устраив. мѣстнымъ обществомъ сельскаго хозяйства, — въ сентябрѣ. 5) Въ Москвѣ, выставка молочныхъ продуктовъ, предполагаемая московскимъ обществомъ улучшенія скотоводства въ Россіи. 6) Въ Оберъ-Паленѣ, выставка скота и сельскохозяйственной промышленности, устраиваемая дерптскимъ эстонскимъ с.-х. обществомъ, 14—15 сентября. 7) Въ г. Лугѣ, петербургской губ., шестая выставка сельскохоз. предметовъ изъ лужскаго и смежныхъ уѣздовъ, испытаніе машинъ, и пр., устраиваемая мѣстнымъ обществомъ сельскаго хозяйства,—3—4 сентября. 8) Въ с. Ретовѣ, имѣніи князей Огинскихъ, въ курляндской губ., выставка сельскохоз. животныхъ и предметовъ с.-х. издѣлій, конкурсное состязаніе между земледѣльцами рабочими,—28 сентября—1 октября.

— **Изумительное открытіе.** Капитанъ англійской морской службы Варренъ сдѣлалъ замѣчательное, съ перваго взгляда кажущееся невѣроятнымъ, открытіе, а именно: корабли, обитые желѣзомъ, сильно страдаютъ отъ продолжительнаго соприкосновенія съ соленой водой, особенно въ жаркомъ климатѣ. Подводная часть броненосцевъ обростаетъ въ такой мѣрѣ, что быстрота хода судна уменьшается на $^1/_2$ и болѣе узла. Для предотвращенія этого, покрывали желѣзо тонкимъ слоемъ дерева и потомъ мѣдными листами; это достигаетъ цѣли, но дорого. Капитанъ же Варренъ придумалъ средство оклеивать просто бумагой подводную часть желѣзныхъ судовъ. Цементъ, которымъ прикрѣпляется бумага—его изобрѣтеніе. Оно уже подверглось весьма серьезному практическому испытанію. Военный корабль «Сераписъ» былъ оклеенъ бумагою по способу Варрена передъ послѣднимъ плаваніемъ въ Индію. «Сераписъ» побывалъ въ Бомбеѣ, вернулся назадъ въ Англію, въ Портсмутъ, пробылъ въ гавани, въ водѣ, два мѣсяца; теперь онъ введенъ въ докъ и подвергнутъ осмотру. Оказалось, что бумага дѣйствительно охранила желѣзо какъ нельзя лучше и отлично сохранилась сама, только кое-гдѣ исцарапана. Но это случается въ той же степени и съ мѣдными листами.

— **Новый докторъ юридическихъ наукъ.** Недавно въ бернскомъ университетѣ выдержала экзаменъ на степень доктора юридическихъ наукъ русская еврейка Фанни Моисеевна Берлинъ. Такой же экзаменъ раньше выдержала и г-жа Евреинова, первая изъ русскихъ женщинъ-юристовъ.

— **Е. И. Золотаревъ.** Н. Н. Вакуловскій прислалъ намъ слѣдующую замѣтку: 10-го іюля на Митрофаніевскомъ кладбищѣ погребенъ былъ многообѣщавшій русскій математикъ, профессоръ Егоръ Ивановичъ Золотаревъ. Покойный родился въ 1847 году. Онъ воспитывался въ петербургской пятой гимназіи, курсъ которой кончилъ съ серебряною медалью, а затѣмъ въ петербургскомъ университетѣ, который окончилъ со степенью кандидата физико-математическаго факультета, причемъ по защищеніи разсужденія «Объ одномъ вопросѣ о наименьшихъ величинахъ» оставленъ былъ въ качествѣ привать-доцента. Въ 1869 году онъ получилъ степень магистра математики по защитѣ диссертаціи, подъ заглавіемъ: «Объ одномъ неопредѣленномъ уравненіи третьей степени». Въ 1874 году Егоръ Ивановичъ удостоенъ былъ степени доктора математики по защитѣ замѣчательнаго труда подъ заглавіемъ: «Теорія цѣлыхъ камплексныхъ чиселъ съ приложеніемъ къ интегральному исчисленію». Этотъ трудъ доставилъ автору огромную извѣстность. Одновременно съ университетомъ Егоръ Ивановичъ читалъ лекціи въ строительномъ училищѣ, а затѣмъ приглашенъ былъ преподавателемъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, на мѣсто вышедшаго въ отставку академика О. И. Сомова. Въ университетѣ онъ избранъ былъ въ штатные доценты, а затѣмъ въ экстраординарные профессора. Въ 1877 году его причислила къ своему составу и императорская академія наукъ въ качествѣ адъюнкта по прикладной математикѣ. До того еще имъ представлена была въ академію записка, посвященная доказательству одной изъ формулъ извѣстнаго французскаго математика Ліувиля «по вопросу о взаимныхъ соотношеніяхъ различныхъ численныхъ функцій». Уже членомъ академіи Егоръ Ивановичъ разсмотрѣлъ рядъ трудовъ постороннихъ ученыхъ и представилъ самъ мемуаръ, подъ заглавіемъ: «Приложеніе эллиптическихъ функцій къ вопросамъ о функціяхъ наименѣе и наиболѣе отклоняющихся отъ нуля» и подробную характеристику жизни и трудовъ покойнаго академика О. И. Сомова, послѣ смерти котораго онъ редактировалъ замѣчательный трудъ «Раціональная механика». Для математическаго журнала, Ортмана, покойный доставилъ нѣсколько отчетовъ объ успѣхахъ математики въ Россіи. Математическому обществу въ Москвѣ имъ представлена была записка «Объ одномъ уравненіи, истекающемъ изъ теоріи дѣленія круга». Онъ составилъ нѣсколько любопытныхъ мемуаровъ о квадратныхъ формахъ, сообща съ Александромъ Николаевичемъ Коркинымъ.

22-го іюня Егоръ Ивановичъ ѣздилъ къ роднымъ на Сиверскую станцію. 26 числа поѣхалъ туда вновь, захвативъ необходимыя вещи, съ цѣлью пожить съ родными. Онъ вышелъ на Александровской станціи во время остановки поѣзда; вскорѣ поѣздъ тронулся; желая вскочить въ вагонъ на ходу, Золотаревъ упалъ между вагономъ и платформой. Несчастный получилъ глубокую рану на лѣвой стопѣ и двойной переломъ праваго бедра, которые и свели его преждевременно въ могилу. 7-го іюля, въ 8 часовъ вечера, онъ скончался въ Александровской больницѣ, гдѣ ему суждено было провести послѣднія двѣ недѣли своей недолгой жизни.

Наука вообще, въ Россіи же въ особенности, потеряла въ лицѣ Егора Ивановича замѣчательнаго ученаго: Семья его лишилась въ немъ поддержки, знакомые человѣка честнаго въ настоящемъ смыслѣ этого слова, слушатели университета и института путей сообщенія — талантливаго, преданнаго своему предмету, сочувствовавшаго молодежи, преподавателя.

— **Мегафонъ.** Извѣстный Эдисонъ изобрѣлъ новый инструментъ, мегафонъ, очень полезный для людей, страдающихъ глухотою. «При помощи этого снаряда, говоритъ англійская газета, самый слабый шепотъ явственно слышится на разстояніи 100 метровъ. Инструментъ этотъ для слуха будетъ тѣмъ, чѣмъ служитъ лорнетъ для глаза. Профессоръ Эдисонъ увѣряетъ, что его инструментъ можно очень удобно брать въ театръ и класть себѣ на колѣни. Звуки, доносящіеся до слуха, могутъ быть усиливаемы въ пропорціи 1 къ 50. Въ газетѣ не говорится, однакожь, какъ поступилъ бы профессоръ, если-бы понадобилось предохранить слухъ экспериментатора отъ пушечнаго выстрѣла. Глухіе уже толпами стекаются къ изобрѣтателю. Одинъ глухой на дняхъ слышалъ звукъ органа—удовольствіе, котораго онъ былъ лишенъ втеченіе двадцати лѣтъ.

— **Женскій конгресъ.** По словамъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», въ той самой залѣ, въ которой собирался нѣсколько дней назадъ парижскій литературный конгрессъ, открылся, 25-го іюля, конгрессъ для обсужденія правъ женщинъ. Зала сохраняла то же самое убранство, какъ и во время литературнаго конгресса. Собраніе состояло изъ 300 или 400 человѣкъ, изъ которыхъ немного болѣе половины были женскаго пола. По предложенію генеральнаго секретаря конгресса, Леона Рише, временною предсѣдательницею была избрана г-жа Марія Дерэмъ. Потомъ Леонъ Рише приступилъ къ чтенію списка лицъ, объявившихъ себя сторонниками конгресса. Въ этомъ длинномъ спискѣ стояло много именъ, принадлежавшихъ членамъ различныхъ политическихъ собраній. Итальянская палата депутатовъ имѣла въ немъ своими представителями Бертани и Мауро-Макки; французскій сенатъ: Пельтана; французская палата депутатовъ: Тьерсо, Будвилля, Коде, Ганьёра, Годиссара, Жермэна Касса, Лэзана и Дэшанеля; парижскій муниципальный совѣтъ: Гередіа, Антида Мартена и Морена. Многія изъ иностранныхъ ассоціацій также прислали на женскій конгресъ своихъ представителей. Назовемъ женское общество «солидарности», американское «общество освобожденія женщинъ», англійскую «ассоціацію для отмѣны законовъ о проституціи», флорентинскую ложу «согласія», миланскій «патріотическій союзъ», лондонское «общество покровительства женщинамъ» и «ассоціацію швей». Обязанности президента раздѣлили потомъ между собою Антидъ Мартенъ и г-жа Юлія Уордъ изъ Бостона. Ораторами перваго засѣданія были г-жи Моццони, Юлія Уордъ и Женевьева Грэмъ Джэмсъ.

СМѢСЬ.

— **Кутить — такъ во все.** Въ «Бирж. Вѣд.» пишутъ: 8-го іюля, въ камерѣ мирового судьи 25-го участка (очередной мировой судья Жуковскій) разбиралось пикантное дѣло по обвиненію потомственныхъ почетныхъ гражданъ Степана Овсянникова и Евгенія Варгунина, въ дракѣ и шумѣ въ публичномъ мѣстѣ. Изъ протокола полиціи, составленнаго въ управленіи 4-го участка Петербургской части, видно, что Овсянниковъ и Варгунинъ, заявили градоначальнику жалобу на то, что они были побиты и вытолкнуты изъ дачи № 1, на Крестовскомъ островѣ, гдѣ проживаютъ артистки Крестовскаго сада Зейли-Вейль и Жоржета Питеръ. Вслѣдствіе этой жалобы, помощникъ пристава Гордѣевъ произвелъ дознаніе, по которому оказалось, что, напротивъ, Овсянниковъ и Варгунинъ, ворвавшись въ ночное время на дачу, затѣяли тамъ драку. Зейли-Вейль и Питеръ объяснили, что во время антракта, Овсянниковъ и Варгунинъ предложили имъ ужинъ, за которымъ оба напились пьяны. Овсянниковъ бросалъ въ окно и вдоль комнаты каждый выпитый имъ стаканъ и чуть не попалъ въ оффиціанта, но тотъ отклонился. Затѣмъ они навязывались ѣхать къ артисткамъ на дачу, но, боясь безобразій, онѣ отказались принять ихъ. Спустя полчаса, когда француженки были въ спальнѣ Жоржеты, онѣ услыхали въ столовой громкій мужской голосъ и приперли дверь на крючекъ; мужчина же, оказавшійся Овсянниковымъ, сталъ ломаться въ дверь. Чтобы унять Овсянникова, Зейли-Вейль и Питеръ позвали французскаго подданнаго Гіацинта Меда, который началъ уговаривать Овсянникова, но тотъ замѣтилъ ему, что это не его дѣло. Жоржета отворила дверь и вышла въ столовую. Въ это время Овсянниковъ одною рукою взялъ ея руку и поцѣловалъ, а другою далъ пощечину Гіацинту Меда, послѣ чего завязалась драка, въ которую вмѣшался и вошедшій Варгунинъ; оба они били Меда зонтиками и опрокинули мебель въ столовой. Меда въ началѣ драки послалъ за казакомъ и при помощи спустившагося съ верхняго этажа дачи, ночевавшаго тамъ доктора Эвеніуса, вытолкалъ коммерсантовъ на балконъ. Во время прихода Овсянникова и Варгунина на дачѣ всѣ спали, кромѣ артистокъ, почитатели же Зейли-Вейль и Жоржеты, какъ оказывается, проникли на дачу силою сквозь калитку, что доказывается, какъ сломанною скобою у калитки, такъ и оборваннымъ колокольчикомъ; сломанная скоба пріобщена къ протоколу, какъ вещественное доказательство подвиговъ Овсянникова и Варгунина. Варгунинъ оказался неразысканнымъ, и повѣстка ему не вручена, со стороны же Овсянникова явился повѣренный г. Захаровъ, который прежде всего заявилъ судьѣ, что полиція не имѣла права возбуждать этого дѣла, такъ какъ квартира артистокъ не публичное мѣсто, а что со стороны потерпѣвшихъ не было никакихъ жалобъ. Спрошенные затѣмъ свидѣтели показали: Ульянова, хозяйка дачи, — что она спала въ заднемъ флигелѣ, такъ какъ въ эту ночь ночевалъ въ ея комнатѣ, надъ комнатами артистовъ, докторъ Эвеніусъ, пріѣзжающій изъ города и остающійся иногда ночевать у нея на дачѣ; она была разбужена уже послѣ удаленія Овсянникова, видѣла разбросанную мебель и у калитки сломанную скобу. Зейли-Вейль и Жоржета Питеръ черезъ переводчика объяснили, что онѣ Овсянникова и Варгунина знали и ранѣе, не приняли ихъ у себя по ихъ пьяному состоянію, разсердившись на что, Овсянниковъ и ворвался на дачу. Поцѣловавъ руку Жоржеты, Овсянниковъ извинялся за шумъ и тутъ же отпустилъ «угощеніе» Меда; Эвеніусъ сбѣжалъ на шумъ и помогъ вытолкать Овсянникова съ Варгунинымъ. Послѣдніе пришли часу въ 10-мъ вечера въ Крестовскій садъ трезвыми, а напились уже за ужиномъ вмѣстѣ съ ними въ отдѣльномъ кабинетѣ надъ буфетомъ, гдѣ они находились до 4-го часа ночи. Получившій «угощеніе» Овсянникова, французскій подданный Меда, объяснилъ, что онъ разбуженъ былъ шагами Овсянникова, который сталъ затѣмъ спрашивать, гдѣ Жоржета? На вопросъ, зачѣмъ ему она, Овсянниковъ замѣтилъ, что это не его дѣло, сталъ потомъ ломиться въ дверь, а затѣмъ и ударилъ его; онъ, Меда, билъ сколько могъ Овсянникова и Варгунина, такъ какъ тѣ нападали на него. Эвеніусъ объяснилъ, что какой-то бѣлокурый мужчина, стукомъ въ дверь разбудилъ его и спрашивалъ Жоржету, но, увидя его вмѣсто Жоржеты, извинился и ушелъ внизъ, куда уже на шумъ спустился свидѣтель на помощь Меда, котораго били двое. Поручикъ Бружевскій показалъ, что Овсянниковъ былъ пьянъ, послѣ происшествія жаловался ему, что его французы обидѣли; въ это время Варгунинъ удалился, говоря: «Вовсе я не ожидалъ, чтобы меня, человѣка солиднаго, замѣшали въ такую исторію». Свидѣтель жалобы отъ него не принялъ и посовѣтовалъ Овсянникову вытрезвиться. Защитникъ просилъ дѣло это отложить и вызвать казака и оффиціанта Крестовскаго сада, что и уважено было судьею.

Въ слѣдующее засѣданіе явился и г. Варгунинъ, неразысканный будто бы, какъ гласила справка на повѣсткѣ, призывавшей Варгунина къ предъидущему засѣданію. Варгунинъ прочиталъ въ газетахъ отчетъ о дѣлѣ Овсянникова и его, и увѣдомилъ мирового судью 25-го участка телеграммою, что онъ существуетъ и ко дню засѣданія явится, что нерозысканнымъ онъ не желалъ быть и мѣръ къ тому никакихъ не принималъ, причиною же всему была ошибка разсыльнаго и неправильное указаніе полиціею его адреса. Явившемуся, такимъ образомъ, въ первый разъ на судъ Варгунину мировой судья прочиталъ все производство, начиная съ полицейскаго

протокола и кончая послѣднимъ свидѣтельскимъ показаніемъ. Варгунинъ заявилъ, что онъ ни въ чемъ не виноватъ, былъ въ компаніи съ Овсянниковымъ и пришелъ наверхъ, на дачу Жоржеты, уже на шумъ, никакого участія въ безпорядкахъ не принималъ и никакой даже драки, въ полномъ смыслѣ этого слова, не было. Затѣмъ спрошенъ былъ выставленный защитникомъ Овсянникова, Захаровымъ, свидѣтель оффиціантъ Симаковъ, который объяснилъ, что послѣ представленія артистки Зейли-Вейль и Жоржета ужинали со «Степаномъ Степанычемъ», тутъ былъ и Варгунинъ; замѣтивъ, что стаканъ не въ порядкѣ, «Степанъ Степанычъ» бросилъ его въ каминъ, другихъ же метаній стаканами не было. Кромѣ француженокъ артистокъ въ сосѣдней залѣ было 20 человѣкъ цыганъ, пѣвшихъ по заказу Степана Степановича. Заведеніе не запиралось только потому, что эти гости кутили въ саду. Француженки кончили ужинъ ранѣе, а минутъ черезъ десять уѣхали и «Степанъ Степанычъ» съ Варгунинымъ. Всѣ безъ исключеніи были на веселѣ, въ большей или меньшей мѣрѣ. Казакъ, котораго защитникъ желалъ пригласить для уясненія поведенія Овсянникова по выходѣ изъ дачи Жоржеты, не могъ быть розысканъ. Послѣ рѣчи защитнина г. Овсянникова, а также рѣчи обвинителя, представителя мѣстной полиціи, мировой судья, подробно мотивируя свое рѣшеніе выводами изъ обстоятельствъ дѣла и приводя кассац. рѣшеніе № 160 за 1867 годъ, по смыслу котораго, всякое исключительное происшествіе, нарушившее покой другихъ, исключаетъ значеніе публичности самого мѣста, въ силу подлежащихъ статей, опредѣлилъ: пот. поч. гражд. Степана Овсянникова подвергнуть аресту при тюрьмѣ на 7 дней, Варгунина же, за отсутствіемъ данныхъ къ обвиненію, призвать по суду оправданнымъ.

— **Анекдотъ.** Во французскихъ газетахъ разсказанъ слѣдующій анекдотъ: Князь Бисмаркъ спрашиваетъ лорда Биконсфильда, согласенъ-ли онъ съ назначеніемъ прощальнаго банкета въ субботу (1-го іюля). Въ вопросѣ сквозилъ легкій намекъ на іудейское происхожденіе Бенджамина Дизраэли.

— Какъ! Вы уже хлопочете о прощальномъ банкетѣ? отвѣчаетъ Биконсфильдъ.—Но до субботы все можетъ опять разстроиться. Не значитъ-ли это дѣлить шкуру медвѣдя, пока онъ еще не убитъ?

— Въ такомъ случаѣ, убейте его, медвѣдя, поскорѣе, возражаетъ германскій канцлеръ, разумѣя подъ медвѣдемъ конгрессъ, который давно ему надоѣлъ.

— Именно это и есть мое твердое намѣреніе, отвѣчаетъ англійскій премьеръ съ ядовитой улыбкой.

Бисмаркъ закусилъ губы; онъ забылъ, что «медвѣдь»—популярный, въ европейской сатирической печати, символъ Россіи.

— **Преступленіе изъ-за суевѣрія.** «Голосу» пишутъ изъ Нѣжина, черниговской губерніи: «На разсмотрѣніе здѣшняго окружнаго суда поступило выдающееся по своимъ ужасающимъ подробностямъ дѣло. На разсвѣтѣ 22-го марта, въ селѣ Жолдакахъ, конотопскаго уѣзда, двумя крестьянами найдена была разрытою могила незадолго передъ тѣмъ погребеннаго на кладбищѣ младенца. Трупъ его, лежавшій на землѣ, былъ обнаженъ—на спинѣ его были срѣзаны мягкія части, ноги по тазъ, а руки по плечи—отрѣзаны и все это унесено, за исключеніемъ валявшихся близъ трупа отрѣзанныхъ кистей рукъ и ступней ногъ. Осматривая мѣстность, окружающую кладбище, крестьяне нашли невдалекѣ отъ могилы платокъ, признанный принадлежащимъ казаку Давбышу, жившему невдалекѣ отъ села, въ хуторѣ, у своего зятя, казака Канта. Произведенный въ тотъ же день обыскъ въ хатѣ Канта послужилъ къ открытію лицъ, совершившихъ это преступленіе. Такъ, сельскія власти, производившія обыскъ, нашли въ печи, за дровами, новый муравленный горшокъ, полный мяса, отрѣзаннаго какъ удостовѣрилъ экспертъ, отъ трупа младенца. Несмотря на находку, какъ Кантъ, такъ и жена его упорно отрицали свое участіе въ этомъ дѣлѣ и, только благодаря сознанію зятя ихъ, Давбыша, сознанію вполнѣ достовѣрному, можно было возстановить всѣ подробности этого преступленія. По его словамъ, дѣло происходило такъ: тесть его, Кантъ, къ которому онъ перешелъ жить незадолго до совершенія преступленія, слылъ въ народѣ за вора по профессіи. Однажды онъ уговаривалъ его добыть человѣческаго сала, изъ котораго надѣлать свѣчей, потому что свѣчи эти обладаютъ свойствомъ дѣлать воровъ невидимыми при совершеніи кражъ: по словамъ Канта, если зажечь такую свѣчу въ домѣ, то никто изъ живущихъ не проснется, и вору можно безнаказанно поужинать въ домѣ. Хотя на хуторѣ, гдѣ они жили, и былъ похороненъ незадолго передъ тѣмъ ребенокъ Канта, но онъ счелъ за лучшее отправиться на сельское кладбище, придя куда, разрылъ, въ присутствіи Давбыша, могилу и обрѣзалъ мясо съ младенца. Принеся его потомъ домой, Кантъ сложилъ-было его въ простой, немуравленный горшокъ для перетопки, но жена его дала мужу муравленный горшокъ, такъ какъ, по ея словамъ, немуравленный горшокъ можетъ, при перетопкѣ, впитать въ себя много сала».

— **Совсѣмъ ужь не по графски.** Въ петербургскомъ мировомъ съѣздѣ разбиралось дѣло по обвиненію графомъ Монъ-де-Корветомъ, бывшей его горничной Ефимовой въ кражѣ. Изъ дѣла видно, что однажды графъ избилъ за какую-то провинность Ефимову, а молодая дѣвушка послѣ потасовки въ испугѣ убѣжала изъ дому и пробыла нѣсколько дней у своихъ знакомыхъ. Во время ея отсутствія графъ распорядился взломать ея запертый сундукъ, откуда выбраны были вещи, подаренныя Ефимовой во время ея служенія, при чемъ графъ нашелъ наперстокъ, нѣсколько катушекъ съ нитками, старую коробочку со шпильками, старыя брюссельскія кружева и куски матерій и разную дрянь, составлявшую графскую собственность. По заявленію графа Монъ-де-Корвета полиція привлекла Ефимову къ отвѣтственности за покушеніе на кражу; Ефимова, съ своей стороны, обвиняла графа въ побояхъ и самоуправствѣ; виновною себя не признала, объяснивъ, что изъ взломаннаго сундука у ней пропало много вещей, найденныяже графомъ тряпки и проч. всегда могли находиться у нея, такъ какъ она около двухъ лѣтъ завѣдывала всѣмъ хозяйствомъ, шила и чинила бѣлье и платья. Обвиненіе графъ возбудилъ потому, что она обѣщала жаловаться за побои. Оба дѣла разбирались у мирового судьи 2-го участка; за оскорбленіе дѣйствіемъ, графъ присужденъ былъ къ штрафу въ 50 руб., а Ефимова за кражу къ полуторамѣсячному тюремному заключенію. Оба приговора были обжалованы мировому съѣзду, который, измѣнивъ первый приговоръ, приговорилъ графа Монъ-де-Корвета къ аресту на двѣ недѣли, по дѣлу же о кражѣ отмѣнилъ приговоръ судьи, признавъ Ефимову по суду оправданною.

Телеграммы.

Пера, 19-го іюля. Идутъ приготовленія къ перевозкѣ ста тысячъ русскихъ войскъ въ Одессу; съ этою цѣлью ведутся переговоры о зафрахтованіи англійскихъ транспортныхъ судовъ.

Дервентъ, 21-го іюля. Авангардъ австрійскихъ войскъ прибылъ въ Баньялуку. По извѣстіямъ изъ Сераева, тамошній турецкій губернаторъ, вице-губернаторъ, многіе турецкіе офицеры и австрійскій генеральный консулъ Васичъ, оставили городъ вслѣдствіе притѣсненій со стороны бунтующей черни.

Константинополь, 23-го іюля. Въ Мостарѣ вспыхнуло народное возмущеніе. Каймакамъ и муфтій—умерщвлены. Одинъ улемъ провозглашенъ губернаторомъ. Три турецкихъ баталіона, говорятъ, побратались съ возставшими; три другія батальона объявили себя противъ возстанія и рѣшились присоединиться къ наступающимъ австрійскимъ войскамъ, и дѣйствительно ушли въ Метковичъ, рѣшившись, въ случаѣ необходимости, бѣжать на австрійскую территорію.

Вѣна, 22-го іюля. Газетѣ «Politische Correspondenz» сообщаютъ изъ Константинополя, отъ 3-го августа: «Русскія требованія отъ Порты относительно очищенія Варны, принимаютъ настоятельный характеръ, вслѣдствіе чего Порта объявила русскому послу, что она готова сдѣлать это, если русскіе примутъ на себя обязательство — черезъ восемь дней, послѣ очищенія Варны, отвести свои войска изъ окрестностей Константинополя».

Загадка.

Не рѣдко живу я въ умѣ у людей,
Гощу у богатыхъ я дольше.
Желающихъ мною владѣть — легіонъ,
Но нищъ, — кто владѣетъ мной дольше.

Кто хочетъ, тотъ даромъ получитъ меня,
Весь миръ изъ меня возникаетъ,
Слѣпецъ меня видитъ вездѣ безъ труда,
Нѣмой обо мнѣ разсуждаетъ.

(Разгадка въ слѣдующемъ №.)

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 Іюля 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

№ 32. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. – 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 6 Августа 1878 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

Статуя Профессора МАССАРЕНТИ.

Микель Анджело, въ юности.

Пытка.

Стих. К. Г-ва.

Дома, имѣнья, экипажи,
Все пріобрѣлъ ты. Ты богатъ,
Ты не бояться можешь даже
Въ грядущемъ денежныхъ утратъ.

Но я хотѣлъ бы знать: случайно,
Хоть въ часъ недуга, по ночамъ,
Не возращаешься ли тайно
Ты мыслью къ пережитымъ днямъ?

Не сознаешь ли ты, блѣднѣя,
Что все здѣсь: статуи, ковры
И бронза—только мавзолеи
Въ честь гнусныхъ дѣлъ иной поры?

Что съ каждой вещью этой связанъ
Во минувшемъ чей нибудь укоръ,
Что ради нихъ ты былъ обязанъ
Сносить общественный позоръ?

Боишься ты въ минуты эти,
Что будутъ на пути своемъ
Тобой взлелѣянныя дѣти
Краснѣть при имени твоемъ?

Чему учить ихъ? Смѣло сѣять
Въ умахъ ихъ къ подлости любовь
Иль на своей груди взлелѣять
Своихъ же собственныхъ враговъ?

Какія возвести ограды,
Чтобъ этимъ дѣтямъ до конца
Никто не бросилъ безъ пощады
Въ лицо укора за отца?

„За сестру."

Будничная исторія, **В. А. Алексѣева.**

I.

Въ самомъ верхнемъ этажѣ одного изъ петербургскихъ домовъ, въ маленькой комнаткѣ, передъ открытымъ окномъ, за столомъ сидѣлъ молодой человѣкъ и что-то переписывалъ. По его утомленному виду можно было безошибочно заключить, что онъ проработалъ безъ перерыва всю ночь.

Было часовъ десять утра, когда онъ положилъ перо, всталъ и нѣсколько разъ прошелся по комнаткѣ.

Онъ не былъ красивъ, но что-то мягкое, доброе проглядывало въ его глазахъ.

Высокій лобъ придавалъ всей его физіономіи особенное, умное выраженіе. Немного длинные волосы, небрежно заброшенные назадъ, полныя губы и толстоватый носъ дополняли его неправильную, но симпатичную физіономію.

Молодого человѣка звали Владиміръ Андреевичъ Соснинъ.

Онъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, подошелъ опять къ столу, закурилъ папиросу и опять зашагалъ.

Комнату, въ которой происходила эта сцена, нельзя было назвать привлекательною: небольшая, со сводами, съ окномъ на крышу, заваленная бумагами, книгами и тетрадями, она не выглядѣла уютно.

Соснинъ походилъ такъ минуты двѣ, пока не докурилъ папиросу, потомъ натянулъ на плечи пальто и отправился куда-то, захвативъ только-что оконченную работу.

Часа черезъ полтора онъ возвратился, бросилъ на столъ нѣсколько бумажекъ и серебра и опять принялся за работу.

Со двора доносился до него гулъ уличной жизни: крикъ разнощика, громъ экипажей. Часы гдѣ-то пробили часъ, потомъ два, а Соснинъ какъ-будто ничего неслышитъ и все продолжаетъ писать. Прошло еще съ полчаса. Вдругъ наружная дверь комнаты отворилась и молодая дѣвушка, со связкою книгъ въ рукахъ, тихонько подкралась къ писавшему Соснину и, должно быть, хотѣла какъ-нибудь шалить, но онъ во время оглянулся.

Изъ дверей выглядывалъ какой-то старикъ и весело усмѣхался.

Дѣвушка эта была сестра Соснина—Маша, а пришедшій съ нею старикъ—сосѣдъ Сосниныхъ, ихъ другъ и пріятель, Дмитрій Васильевичъ Алексѣевъ.

Звали этого Алексѣева всѣ его знакомые докторомъ, но рѣшительно никто изъ нихъ не помнилъ чтобъ онъ занимался когда-нибудь практикою.

— Что ты, бѣдный, все пишешь, и не отдыхалъ еще?.. начала было Маша.

— Какъ такъ, я уже ходилъ, перебилъ ее Соснинъ и показалъ рукою на принесенныя деньги.

Маша хотѣла еще что-то сказать, но братъ, поздоровавшись съ докторомъ, уже бѣжалъ по лѣстницѣ за обѣдомъ въ сосѣднюю дешевую кухмистерскую.

— Бѣдный, бѣдный, твердила сестра, смотря вслѣдъ ушедшему брату.

Марья Андреевна чертами лица очень походила на Владиміра; но свѣжесть, женская мягкость и округлость дѣлали ея лицо болѣе чѣмъ хорошенькимъ. Взглядъ ея, глубокій, нѣжный невольно проникалъ въ душу всякаго, кто хотя разъ разговаривалъ съ нею, и надолго оставался въ памяти. Въ ней было много, какъ говорятъ, мальчишечьяго: таже нѣкоторая рѣзкость движеній, рѣзвость и ни тѣни застѣнчивости; но рядомъ съ самой беззаботной дѣтской безпечностью, въ ней проглядывали порывы такихъ глубокихъ чувствъ, что они поставили бы въ тупикъ всякаго, кто захотѣлъ бы покороче узнать эту дѣвственную натуру.

Пока Соснинъ ходилъ за обѣдомъ, Маша съ Дмитріемъ Васильевичемъ стали накрывать на столъ.

Славный, но какой-то странный, чудной, какъ говорили, былъ Алексѣевъ.

Никто не зналъ, что было съ нимъ раньше; кое кто слыхалъ, что онъ когда-то лѣчилъ, и больше ничего.

Маша нѣсколько разъ пробовала распрашивать его объ его прошломъ, но онъ каждый разъ отговаривался, но въ этотъ разъ Алесѣевъ былъ катъ-то особенно веселъ и разговорчивъ. Дорогою разсказалъ ей даже нѣсколько случаевъ изъ своей, какъ видно, богатой впечатлѣніями, молодости. Это еще больше подстрекнуло Машу къ распросамъ.

Грустнымъ, долгимъ взглядомъ посмотрѣлъ старый докторъ на Машу въ отвѣтъ на ея вопросъ. Ей стало совѣстно за свое любопытство.

— Эхъ, Марья Андреевна, никому не говорилъ я, что было со мною; да зачѣмъ бы и вспоминать старое... Вотъ видите: одинъ я теперь, вѣдь ужь никуда и не гожусь; а прежде-то!.. Эхъ, какъ хорошо тогда было; сколько у меня надеждъ да плановъ разныхъ тогда перебывало. Ну, да что долго тянуть! добрыя вы — вотъ я вамъ и разскажу все поскорѣе: женился я, и дочь у меня была... Какъ я любилъ свою Лизу и Машу — дочь-то мою тоже Машей звали... Ихъ нѣтъ ужь теперь... видите... онѣ умерли... Впередъ жена...

Онъ задумался и съ минуту смотрѣлъ вдаль, какъ будто видѣлъ кого-то передъ собою.

— Такъ вотъ, началъ онъ снова,—я разстался съ Лизой... чего я не дѣлалъ, чтобы спасти ее... нѣтъ, нечего не помогло. Я сначала потерялъ совсѣмъ голову, но у меня была дочь и я сталъ жить для нея. Я изъ всѣхъ силъ работалъ, учился, лѣчилъ... и ничего не вышло — долго лелѣялъ я и берегъ свою Машеньку, но и она умерла. Не дай Богъ никому терять любимаго человѣка. Какъ это трудно, Марья Андреевна! Тотъ, кто испыталъ это, только чувствуетъ, а передать словами этого невозможно. Не дай вамъ Богъ никогда это испытать... Я не помню, что со мною было въ первое время. Всѣ мои мечты, радости, все унесли онѣ съ собою въ могилу... И остался я одинъ— ни души кругомъ. Все я тогда бросилъ и вотъ съ тѣхъ поръ никого я не лечу: боюсь—ужь если я ихъ не могъ спасти, такъ гдѣ же другихъ...

Старикъ горько заплакалъ.

Но вотъ онъ чувствуетъ, что чьи-то двѣ руки обняли его и что-то горячее капнуло на безволосую голову.

— Это ты хорошо... спасибо тебѣ, въ первый разъ назвалъ онъ такъ дружески Машу.

Въ дверяхъ показался Соснинъ и немного удивился, увидѣвъ неожиданную картину, но вскорѣ все объяснилось и небольшое семейство усѣлось за столъ.

Вызванное воспоминаніемъ грустное настроеніе дѣдушки Мити, какъ прозвали его Соснины, скоро разсѣялось подъ вліяніемъ нѣжнаго участія и веселой болтовни внучатъ.

Въ концѣ обѣда, послѣ нѣкотораго сопротивленія Марьи Андреевны, куплена была бутылка вина и роспита при взаимномъ пожеланіи всѣхъ благъ и чуть ли не двухсотъ-лѣтней жизни.

Послѣ этого всѣ отправились во вторую и послѣднюю комнату ихъ квартиры—царство Марьи Андреевны.

Эта комната совсѣмъ не походила на первую: почти такая же по размѣрамъ, она выглядѣла очень весело. Чистые обои и занавѣсы, хорошенькая мебель, туалетъ, зеркало, нѣсколько гравюръ по стѣнамъ — все это дѣлало эту комнатку совершенно непохожею на обыкновенныя чердачныя комнаты. Но эта обстановка, рядомъ со свѣтлымъ впечатлѣніемъ, наводила на грустныя думы о затраченныхъ на эту небольшую роскошь деньгахъ, деньгахъ, заработанныхъ недоспанными ночами и непосильнымъ трудомъ.

Эта комнатка была гордостью Соснина и онъ тратилъ на нее всѣ лишнія, по его мнѣнію, деньги. А и не много было этихъ денегъ и Маша знала это, и потому никогда не соглашалась на эти траты, но онъ всегда покупалъ все тайкомъ и она не могла уже отказаться.

Остатокъ дня всѣ трое провели весело въ этой уютной комнаткѣ.

II.

Но далеко не всѣ дни проводили они такъ счастливо, какъ въ этотъ разъ.

Часто и очень часто случалось, что всѣмъ имъ нечего было обѣдать, не говоря уже о чемъ-нибудь бо́льшемъ.

Трудно доставались имъ деньги. Сколько надо было потратить силъ и здоровья, чтобы заработать эти немногія копѣйки, потраченныя на необходимый отдыхъ ихъ усталыхъ организмовъ. И не часто трудъ ихъ вознаграждался такъ щедро, чтобы можно было раскутиться, какъ въ этотъ разъ; чаще же, при всѣхъ усиліяхъ, зарабатывали они только что на самое необходимое, а иногда и необходимаго-то не хватало; но и въ такія тяжелыя минуты не падали духомъ эти молодые, здоровые умомъ люди, а еще съ большимъ усиліемъ принимались за работу.

И день за днемъ тянулась эта, никому не кидающаяся въ глаза, жизнь, этотъ постоянный, такъ мало вознаграждающій и не одну молодую жизнь подкосившій, трудъ. «Вѣчно трудись»— вотъ необходимый девизъ этого бѣднаго люда. «Честно иди впередъ, помогай тѣмъ, кто еще бѣднѣе тебя» — вотъ что сами отъ себя добавляютъ къ нему тѣ изъ нихъ, у которыхъ бѣдность не заглушила порывовъ добраго сердца и стремленій къ правдѣ и добру.

И трудятся, тяжело трудятся эти бѣдные, добрые люди, и не на одни свои удовольствія тратятъ они излишки, а чаще отдаютъ они ихъ тѣмъ, кто еще больше ихъ нуждается. И не одни только излишки, но иногда случается, что и самое необходимое отдаютъ — такой ужъ у нихъ норовъ. И не говорятъ они всѣмъ: «посмотрите на насъ, какіе мы добрые и какъ мы своихъ ближнихъ любимъ», а скрываются они въ своихъ высяхъ и никто не мѣряетъ ихъ трудовъ, и не знаетъ, на что они тратятъ свои заработки.

Къ числу такихъ людей принадлежалъ Соснинъ. Неутомимо работалъ онъ: и уроками, и переводами, и перепискою зарабатывалъ онъ деньги и на нихъ содержалъ и себя, и сестру.

И не одинъ годъ тянулась такая жизнь. Соснину было 17 лѣтъ, а Машѣ 10, когда послѣ смерти отца и матери остались они безъ всякихъ средствъ и зажили трудомъ.

Прошло съ тѣхъ поръ 7 лѣтъ. Соснинъ уже кончилъ курсъ въ университетѣ, а жизнь ихъ почти не измѣнилась: постоянной работы или службы достать онъ себѣ не могъ и кое-какъ перебивался уроками и переводами.

Такъ, день за днемъ, дожили они до тѣхъ поръ, когда Маша держала уже выпускной экзаменъ въ гимназіи. Экзамены сдала она очень хорошо и на первыхъ же порахъ ей предложили мѣсто гувернантки въ одно помѣщичье семейство въ глубь Россіи. Условія были такъ выгодны, что отказаться было бы глупостью.

III.

Въ небольшой извѣстной намъ квартиркѣ была страшная суматоха. Въ чемоданъ, стоявшій по срединѣ комнаты Владиміра, укладывались различныя нужныя Машѣ вещи. Какъ въ подобныхъ случаяхъ водится, многое позабывалось, начинались поиски, новое укладываніе, опять разрывали и такъ далѣе до тѣхъ поръ, пока, по мнѣнію самой Маши, все было, какъ слѣдуетъ.

Призвали извощика и всѣ трое: братъ, сестра и докторъ отправились къ Николаевскому вокзалу.

Дорогой разговоръ вертѣлся около этой поѣздки.

Всѣмъ видимо было грустно, но всѣ храбрились и ободряли другъ друга.

Наконецъ прозвонилъ второй звонокъ и Маша сѣла въ вагонъ. Соснинъ и докторъ подошли къ тому окну, въ которомъ виднѣлась ея хорошенькая головка. Соснинъ взялъ руку сестры и долго не выпускалъ ее. Они уже не говорили, а только смотрѣли другъ на друга, какъ бы желая вдоволь насмотрѣться на милыя черты.

Третій звонокъ — и поѣздъ тронулся.

Въ послѣдній разъ выглянула Маша.

— Прощайте!.. какъ-то рѣзко вырвалось у нея и она заплакала.

Публика почти разошлась, а Соснинъ съ Алексѣевымъ все еще стояли и смотрѣли въ слѣдъ ушедшему поѣзду.

Наконецъ они очнулись и тихонько побрели домой. Глаза доктора были красны.

Скучно, однообразно потянулась для Соснина его одинокая жизнь, какъ будто онъ уже совершилъ все, что былъ призванъ совершить въ жизни. Пригласилъ онъ Дмитрія Васильевича совсѣмъ къ нему перебраться, да не веселѣе стало: тотъ тоже послѣ отъѣзда Маши что-то очень захандрилъ.

До отъѣзда сестры, Соснинъ кое-какъ крѣпился: онъ не хотѣлъ тревожить своею тоскою бѣдную дѣвушку; но за то тѣмъ сильнѣе почувствовалъ онъ свое одиночество, когда возвратился на свой чердакъ и никто не встрѣтилъ его поцѣлуемъ и ласковой улыбкой.

Но бѣдняки не имѣютъ права слишкомъ долго предаваться безполезному горю: они должны работать и своимъ трудомъ кормить себя, и тѣшить тѣхъ, кто живетъ ниже ихъ.

Такъ и Соснинъ, погоревалъ онъ до тѣхъ поръ, пока хлѣба хватило, а какъ вышелъ весь этотъ хлѣбъ, такъ затаилъ онъ въ себѣ свое горе, да и принялся за работу.

И опять, день за днемъ, потянулся трудъ и конца ему не было видно. Съ какимъ-то ожесточеніемъ работалъ Соснинъ, да вѣдь и то сказать: только въ работѣ и находилъ онъ развлеченіе.

Такъ прошелъ годъ. Съ сестрою онъ это время переписывался очень часто и это было для него величайшимъ наслажденіемъ. Въ нѣкоторыхъ своихъ письмахъ Маша описывала ему своихъ новыхъ знакомыхъ и особенно сочувственно отзывалась объ одномъ помѣщикѣ, сосѣдѣ по усадьбѣ. Въ каждомъ письмѣ она находила хоть что-нибудь сказать о немъ.

Соснинъ это замѣтилъ и въ своихъ письмахъ также заговорилъ о немъ.

Дѣло скоро разъяснилось: въ срединѣ второго года, Маша написала брату, что выходитъ замужъ.

Свадьба была назначена черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Трудно описать радость Соснина и доктора, когда они узнали объ этомъ. Они радовались, что наконецъ-то Маша вырвется изъ гнетущей обстановки, что наконецъ-то ихъ любимица заживетъ безъ нужды. За ея будущность они не безпокоились: имъ хотѣлось вѣрить, что Маша не ошиблась въ своемъ выборѣ и что въ домѣ своего мужа она будетъ счастлива.

Всѣ эти переходы отъ горя къ радости, всѣ эти волненія, непосильный трудъ, недоспанныя ночи, худая пища, плохая одежда, все это подломило и безъ того некрѣпкое здоровье Соснина.

Бѣдный, онъ и незаботился о себѣ, онъ только и думалъ, что о счастьѣ своей сестры — единственнаго существа, которое нѣжно, безгранично любило его и своими ласками согрѣвало его бѣдную, холодную, трудовую жизнь.

Для сестры онъ работалъ, для сестры бѣгалъ онъ на уроки съ одного конца города на другой, во всякую погоду, для нея онъ просиживалъ ночи за переводами и не замѣчалъ, какъ день ото дня онъ все болѣе и болѣе худѣлъ, не обращалъ вниманія на боль въ груди и кашель, мучавшій его по ночамъ.

Развязка была близка — поздно пришло извѣстіе о счастьѣ Маши.

IV.

Наступила весна. Настоящая петербургская весна съ тифомъ, лихорадками и прочими прелестями.

Владиміръ Андреевичъ долго крѣпился, но въ одинъ изъ своихъ долгихъ походовъ на уроки простудился и слегъ въ постель.

Бѣдный докторъ не зналъ, что дѣлать; какъ за маленькимъ ребенкомъ, ухаживалъ онъ за своимъ другомъ, но уже ясно сознавалъ, что тому врядъ ли когда-нибудь придется ходить на уроки и снова работать.

Письма отъ Маши приходили все веселѣе и веселѣе. Соснинъ отвѣчалъ ей, какъ могъ, въ томъ же тонѣ.

Онъ, какъ и всѣ почти чахоточные, не вѣрилъ въ возможность своей смерти; ему болѣе, чѣмъ когда либо, хотѣлось жить и оберегать счастье своей сестры.

Прошло два мѣсяца, какъ Соснинъ не выходилъ изъ квартиры и не могъ ничего дѣлать. Скоро небольшой запасъ средствъ истощился и надо было, откуда бы то ни было, достать денегъ, чтобъ непрекратить голодомъ и безъ того недолгіе дни Соснина.

И докторъ сталъ доставать ихъ. Все время ухаживалъ онъ за больнымъ, а чуть тотъ уснетъ поспокойнѣе — докторъ уходилъ.

Чего онъ ни дѣлалъ? На какую трудную работу онъ ни нанимался? И даже, когда не находилось работы, онъ протягивалъ руку и — простите ему — христа-ради просилъ, не для себя, а для совершенно чужого человѣка.

Соснинъ не зналъ, откуда берутся у доктора деньги.

Наконецъ пришло и давно желанное письмо о свадьбѣ Маши. Это извѣстіе сильно обрадовало Владиміра: этотъ день онъ провелъ особенно легко.

Но дѣло приходило къ концу и Алексѣевъ это видѣлъ.

Былъ вечеръ. Больной лежалъ въ забытьѣ. Докторъ сидѣлъ, задумавшись, у него въ ногахъ. Соснинъ пошевелился и открылъ глаза.

— Ахъ, какъ мнѣ легко теперь, я, кажется, начинаю поправляться. Не правда ли? Что-то теперь сестра дѣлаетъ? Надо ей завтра письмо написать, что я былъ болѣнъ, а теперь поправился: можетъ быть, она и пріѣдетъ ко мнѣ... Напиши пожалуста Дмитрій Васильевичъ... Какъ мнѣ теперь хорошо. Отвори окно — вѣдь теперь тепло, можно?

Алексѣевъ отворилъ окно.

— Слушай, Дмитрій Васильевичъ, какъ бы мнѣ теперь хотѣлось чего-нибудь напиться; хоть бы чаю, что ли, а то жажда что-то мучаетъ.

— А вотъ я сейчасъ схожу, засуетился Алексѣевъ и, справившись съ своими финансами, побѣжалъ внизъ, захвативъ съ собою чайникъ.

Минутъ черезъ пять онъ возвратился. Больной уже не былъ такъ спокоенъ: приподнявшись на рукѣ, онъ, казалось, искалъ кого-то глазами.

— Гдѣ же она?.. Куда дѣвалась? Она сейчасъ была здѣсь...

— Что съ тобою? Успокойся! Кого ты ищешь? Но Соснинъ не узналъ доктора.

— Такъ это ты ее спряталъ? Зачѣмъ же ты меня мучаешь?.. Да кто ты?.. А помню... ты тотъ чиновникъ, что мнѣ за уроки не заплатилъ... Зачѣмъ же ты пришелъ? Можетъ быть, ты долгъ принесъ?.. Я не возьму... мнѣ не надо...

Дмитрій Васильевичъ не зналъ, что дѣлать. Наконецъ Соснинъ успокоился и упалъ безжизненно на подушку. Докторъ покрылъ его хорошенько одѣяломъ и сталъ готовить чай.

Прошло съ четверть часа. Больной вздохнулъ. Докторъ подошелъ къ постели.

— Ахъ, какъ опять въ груди тяжело. Дай мнѣ напиться.

Напившись, Соснинъ нѣсколько минутъ молчалъ. Алексѣевъ стоялъ у постели.

— Подними меня... вотъ такъ; сидя, мнѣ лучше... Сядь и ты... Мнѣ все хуже и хуже дѣлается... слышишь... Я, можетъ быть, и умру, такъ ты не забывай Машу. Заботься о ней... помоги ей, если съ нею что нехорошее приключится. Вѣдь ты добрый, ты любишь ее и исполнишь мою просьбу... Смотри же!

Онъ немного помолчалъ, о чемъ-то задумавшись.

— Дай Богъ ей счастья и тебѣ... добрый тоже... Онъ сильно закашлялся.

— Какъ больно грудь! Задых...

Новый припадокъ кашля остановилъ его.

— Маша!.. Дмитрій... живите счастливо... воздуху!..

Онъ захрипѣлъ и упалъ на подушку.

Онъ умеръ.

Прижавшись лицомъ къ груди Соснина, какъ малый ребенокъ рыдалъ осиротѣвшій во второй разъ старикъ, а въ открытое окно врывался веселый гулъ шумной, всепоглощающей столичной жизни.

Состояніе дикихъ народовъ.

Ст. Шафгаузена.

(*Окончаніе.*)

При основаніи французскаго протектората, туземцы выказали свою воинскую доблесть. Они выставляли тысячи воиновъ въ различныхъ сраженіяхъ, но плѣнныхъ не грабили и не мучили, что французы умѣли оцѣнить, великодушно заплативъ за такое великодушіе. Вальполь, бывшій свидѣтелемъ капитуляціи, говоритъ, что таитскіе воины, настоящіе великаны, способные, какъ казалось, проглотить малорослыхъ французскихъ солдатъ, плакали, кладя оружіе, и восклицали: «Англичане обманщики; если бы у насъ были горы золота и равнины серебра, то они пришли бы къ намъ на помощь по первому зову!» *) На Сандвичевыхъ островахъ, по исчисленію Кука (вѣроятно преувеличенному), находилось 400,000 жителей; въ 1823 г., по Гопкинсу **), ихъ было 130,000; въ 1849 только 80,000, а въ 1860 г., на восьми населенныхъ островахъ, включающихъ площадь въ 300 кв. миль, числилось, самое большее, 67,000 канаковъ; чужеземцевъ было уже болѣе 5,000. Не смотря, однако, на такое уменьшеніе населенія, торговыя сношенія съ островами чрезвычайно возросли въ послѣднее время. Въ 1853 г., ввозъ равнялся только 800,000 долларовъ, а вывозъ=700,000 долларовъ. Въ 1862 году, согласно англійскимъ свѣдѣніямъ, одного сахара вывозилось уже на 3,008,603, а въ 1864 году на 10,414,441 фун. стерлинговъ. Въ послѣднее время, въ странѣ сталъ разводиться тоже перуанскій хлопчатобумажный тростникъ, и можно предсказать, что Сандвичевы острова, нахо-

*) Ausland. 1855, № 16.
**) Ausland. 1861, № 33.

Лѣтомъ.

дящіеся къ тому же въ благопріятной связи съ Калифорніей, пріобрѣтутъ скоро на сѣверѣ Тихаго океана тоже значеніе, какъ Вестъ-индскіе острова на Атлантическомъ океанѣ.—Турнеръ *) говоритъ, что и на Гебридскихъ островахъ населеніе быстро уменьшается. Распространеніе болѣзней и междоусобій приписывается здѣсь присутствію миссіонеровъ, усилія которыхъ по обращенію дикарей въ христіанство имѣли рѣшительно обратное дѣйствіе въ послѣднее время. Съ Тонгайскихъ островов, напротивъ того, доходятъ благопріятныя свѣденія. Туземцы обращены въ христіанство методистами, и самъ туземный король, Георгъ, читаетъ проповѣди своимъ подданнымъ. Большая заслуга въ этомъ отношеніи приписывается Новозеландскому епископу, Ультеру Лаури. Предпринимая свои дальнія поѣздки по мѣстному архипелагу въ простой легкой лодкѣ, онъ не позволяетъ своимъ приближеннымъ брать съ собою какое либо оружіе и, не смотря на это, дикіе никогда не позволяли себѣ ни малѣйшей враждебной выходки противъ него или его спутниковъ **). Филиппинскіе острова заселены гуще прочихъ; они образуютъ станцію между Остъ-Индіею и Южнымъ океаномъ, и были уже въ оживленныхъ сношеніяхъ съ азіятскимъ материкомъ еще за 200 лѣтъ до нашей эры. На нихъ считается отъ 4 до 5 мил. жителей, что составляетъ двойное количество противъ австралійскаго населенія. Негриттосы, первоначальное туземное племя, численность которыхъ, на Люсонѣ, доходитъ теперь еще до 25,000, оттѣснены въ горы пришельцами: малайцами, китайцами и испанцами ***). Въ послѣднее время, Нов. Зеландія стала привлекать на себя общее вниманіе: ея великолѣпный, здоровый климатъ и роскошная производительность указываютъ на нее, какъ на самое превосходное мѣсто для колоніи. Туземцы истребляли здѣсь другъ друга среди ожесточенныхъ междоусобій; доказательствомъ ихъ крайняго варварства служитъ то, что еще въ 1827 г., у нихъ существовалъ отвратительный торгъ человѣческими головами, которыя продавались въ высушенномъ видѣ для украшенія домовъ или просто, какъ предметъ любопытства. Но послѣ водворенія англичанъ, такіе нравы перемѣнились. Спачала англичане встрѣтили со стороны туземцевъ упорное сопротивленіе, но они сами отличались такою жестокостью, что Томсонъ, въ своей исторіи покоренія Нов. Зеландіи, говоритъ: «Британцы вели себя, какъ дикіе, а дикіе—какъ цивилизованные люди»;—однако, какъ бы то ни было, но по окончаніи войны, туземцы оказались весьма доступны развитію и обученію всевозможнымъ ремесламъ. Сэръ Джорджъ Грей весьма много содѣйствовалъ ихъ образованію, снабжая денежными средствами миссіонеровъ всевозможныхъ вѣроисповѣданій безразлично. Какъ и всѣ полинезійцы, новозеландцы болтливы до страстности; они имѣютъ тоже наклонность къ стихотворному изложенію рѣчи, подобно сѣвероамериканскимъ индѣйцамъ, при чемъ очень гордятся своимъ нарѣчіемъ и вынуждаютъ англичанъ обучаться ему. Въ 1845 г. при возстаніи вождя Геке, взявшаго городъ Корорарика, дикіе выказали большую сдержанность въ отношеніи колонистовъ: они объявили, что ведутъ войну только противъ англійскихъ солдатъ и англійскаго знамени. Уступая просьбамъ епископа, они не тронули даже бочекъ съ водкою, попавшихся имъ въ руки. Культура дѣлаетъ здѣсь значительные успѣхи: вожди пріобрѣтаютъ пахатныя земли, разработываютъ руды, строятъ суда и пр. Соперничая съ колонистами, туземное населеніе принялось тоже за разведеніе конскихъ табуновъ; сами новозеландцы отличные наѣздники. Старый вождь Рангигайста, нѣкогда собственноручно отрубившій головы 17 плѣннымъ англичанамъ, за то, что при одной схваткѣ, одна изъ его женъ была убита пулею, и скрывавшійся, еще въ 1849 г. отъ англичанъ среди неприступныхъ скалъ, болотъ, лѣсовъ, въ пятидесятыхъ годахъ уже обращалъ все свое вниманіе на постройку дорогъ, подъ руководствомъ одного миссіонера, и утѣшалъ себя тѣмъ, что разъѣзжалъ по этимъ шоссе въ тильбюри *). Такое быстрое превращеніе было безпримѣрнымъ въ исторіи цивилизаціи, но оно оказалось и довольно непрочнымъ. Въ послѣднее время, маорисы (туземцы) стали снова безпокоить колонистовъ, а англичане отвѣчаютъ имъ на то самою истребительною войною. Темныя стороны культуры помогаютъ имъ, съ своей стороны, уничтожать туземное племя. По отзыву одного англійскаго офицера, участвовавшаго въ экспедиціяхъ противъ новозеландцевъ въ 1860—1863 годахъ, англичане сами виноваты въ сказанномъ возобновленіи безпорядковъ. Маорисы прекрасное, способное къ цивилизаціи племя, но оно безжалостно эксплуатировалось англичанами, которымъ, между тѣмъ, стоило только завести земледѣльческія колоніи, научить туземцевъ хозяйству и поддержать ихъ торговлю, чтобы осчастливить ихъ, сохранивъ съ ними постоянныя мирныя сношенія. Вымираніе новозеландцевъ вызвало даже оффиціальное разслѣдованіе отъ правительства **). По англійскимъ отчетамъ оказалось, при этомъ, что бѣлое (европейское) населеніе Нов. Зеландіи возросло, съ 1851 по 1861 г., съ 26,707 на 98,915 ч., между тѣмъ какъ туземцевъ считалось, еще въ 1841 г., около 104,000, а въ 1858 г., уже только 54,467 чел. Въ послѣдующія за тѣмъ 5 лѣтъ, замѣчена еще убыль на 15%, такъ что, въ 1864 г., дикихъ оставалось не болѣе 47,000 чел. Въ декабрѣ 1864 году, въ Нов. Зеландіи находилось уже 171,931 ч. бѣлыхъ, въ томъ числѣ 6,000 германцевъ. Такъ какъ Нов. Зеландія избавлена еще отъ оспенной заразы и прочія европейскія эпидеміи тоже почти неизвѣстны въ ней, а вліяніе спиртныхъ напитковъ очень ничтожно, то причиною убыли населенія полагаются: внутреннія войны, дѣтоубійства (противъ которыхъ принимаются теперь успѣшныя мѣры), кровосмѣшеніе, употребленіе въ пищу гнилыхъ хлѣбныхъ зеренъ (что считается лакомствомъ), и введеніе обычая носить одежду, которая изнѣживаетъ кожу дикарей, закаленную, до того времени, противъ внѣшнихъ вліяній. Уэллесъ ***) указываетъ на образъ дѣйствій голландцевъ, владѣющихъ Целебесомъ съ 1677 г., какъ на рѣзкую противоположность съ поведеніемъ англичанъ. Малайцы, населяющіе этотъ островъ, достигли теперь почти европейской степени развитія. Благосостоянію ихъ крайне способствовало разведеніе кофейныхъ плантацій, основанныхъ голландскими миссіонерами. Голландское правительство, уступая извѣстную часть барыша мѣстнымъ вождямъ, побудило ихъ усердно заботиться объ успѣхѣ этихъ плантацій. Голландія правитъ страною съ разумнымъ деспотизмомъ, который приноситъ здѣсь отличнѣйшіе плоды. Лишь только дикари знакомятся съ возможностью извлекать выгоды изъ почвы, они пріобрѣтаютъ источникъ благосостоянія и вступаютъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, на путь къ улучшенію нравовъ. Такъ, пальмовое масло можетъ считаться для многихъ народовъ западной Африки истинно культурнымъ средствомъ, потому что оно вводитъ ихъ въ постоянныя сношенія съ чужестранцами. Негрскіе вожди сами начинаютъ понимать это. Сулимскій король сказалъ маіору Лайнгу: «Когда я иду на войну, то я трачу порохъ и людей, безъ всякой для себя пользы иной разъ, а если и имѣю какую выгоду, то цѣною вреда для другихъ, что очень несправедливо. Если же я торгую, то дѣлаю добро себѣ и другимъ, не вредя никому». Слѣдующія цифры свидѣтельствуютъ объ увеличеніи торговыхъ сношеній въ сказанныхъ мѣстностяхъ: въ 1787 г., Англія торговала съ Зап. Африкою и Марокко на 72,000 фун. ст.; въ 1810 г., эта цифра возросла до 535,577 фун., а въ настоящее время она равняется уже почти 3 милліонамъ фунтовъ. На мысѣ Доброй Надежды, англичане живутъ болѣе мирно съ туземцами, нежели въ Нов. Зеландіи; голландскіе же колонисты много терпятъ отъ мѣстнаго дикаго племени базутовъ. Британское правительство, проученное нескончаемыми войнами съ кафрами, приняло здѣсь за правило не нарушать независимости свободныхъ дикихъ племенъ.

Почти неизбѣжная гибель именно тѣхъ дикихъ народовъ, которые находятся на болѣе низкой степени человѣческаго развитія, совершенно понятно: лишаясь своей свободы, эти люди, привыкшіе къ бродячей жизни, томятся по ней, подобно дикимъ звѣрямъ, заключеннымъ въ клѣтку. Такова участь новоголландскихъ и ванъ-дименовскихъ туземныхъ племенъ. Но должны ли мы менѣе сожалѣть объ ихъ участи, вслѣдствіе ихъ внѣшняго и душевнаго безобразія, или же намъ не мѣшало бы постараться возвысить и ихъ до болѣе благороднаго человѣческаго образа? По отзыву путешественниковъ, нѣтъ ничего отвратительнѣе вида новоголландской дикарки. Ея поджарыя, кривыя ноги, грушеобразныя, отвислыя груди, которыя она можетъ даже закидывать за плечи, впалые налитые кровью глаза, а иногда еще надрѣзанная на черепѣ кожа, съ постоянно сочащимся изъ нея гноемъ, составляютъ такое гнусное зрѣлище, которое можетъ ясно представить себѣ только человѣкъ, уже видавшій подобныя существа, совершенно нагія, и съ грузомъ домашняго скарба и ребятишекъ на спинѣ. Однако, благодаря хорошей пищѣ, внѣшность многихъ австралійскихъ племенъ улучшилась.—Въ колоніи Викторія насчитывается уже только 1,764 ч., въ Южн. Австраліи 3,540 ч., въ Зап. Австраліи 350 чел. туземцевъ. Стендбриджъ *), прожившій 18 лѣтъ, между внутренними племенами Викторіи въ Южн. Австраліи, описываетъ ихъ, какъ самыхъ грубыхъ людоѣдовъ. Они пожираютъ всѣхъ новорожденныхъ мальчиковъ, если, при ихъ рожденіи, предъидущій ребенокъ еще не началъ ходить; по ихъ убѣжденію, поѣвъ, по возможности болѣе отъ убитаго, онъ будетъ обладать силою за двоихъ. Герштеккеръ **) говоритъ, что племена, сосѣднія съ колоніями Аделаида и Морре, натираютъ себѣ тѣло почковымъ жиромъ, который вырѣзываютъ у своихъ враговъ, съ цѣлью придать себѣ силу тѣхъ, которыхъ они побѣдили. Но тотъ же Герштеккеръ встрѣтилъ, на одномъ изъ островов Торрейскаго пролива, очень добродушное австралійское племя и полагаетъ, вмѣстѣ съ Мургаузомъ, защитникомъ южно-австралійскихъ народовъ, что первою причиною враждебности со стороны дикихъ, бываютъ всегда поступки самихъ европейцевъ. Настоящій характеръ сказанныхъ племенъ выражается въ адресѣ, поданнымъ туземцами Ярры и Гоулбурна мельбурнскому губернатору, съ просьбою переслать его королевѣ Викторіи. Въ этомъ адресѣ говорилось: «Черные племенъ вавуронгъ, бонуронгъ и таравaрагаль посылаютъ это своей матери, королевѣ Викторіи. Мы и другіе черные посылаемъ большую благодар-

*) Турнеръ. Девятнадцать лѣтъ въ Полинезіи. Лондонъ. 1861.

**) Ausland. 1755, № 17.

***) Ла-Жироньеръ. Двадцать лѣтъ на Филип. островахъ, 1853.

*) Ausland. 1855, № 22.

**) Ausland. 1860, № 47 и 1865, № 7.

***) Ausland. 1864.

*) Ausland. 1861, № 20.

**) Герштеккеръ. Путешествія, 1854.

ность нашей матери за многія, многія вещи. Черные бросаютъ свои копья теперь, не сражаются болѣе и живутъ почти такъ, какъ бѣлые люди. Черные слышали, что твой старшій сынъ вступилъ въ бракъ. Очень хорошо! Черные желаютъ ему и тебѣ, его великой матери, Викторіи, всякаго добра. Черные пришли изъ Міама и Миллума къ доброму губернатору съ этой бумагою. Онъ тебѣ больше скажетъ. Всѣ черные, сколько ихъ есть въ окрестной землѣ, съ тѣмъ будутъ согласны. Вотъ и все». Къ документу, въ видѣ подарковъ, были приложены: шкура опоссума и нѣсколькой копій. Туземцы Ванъ-Дименовой земли стали гибнуть съ тѣхъ поръ, какъ англичане обратили этотъ островъ въ колонію для своихъ преступниковъ. Эти подонки европейскаго общества производили здѣсь самыя возмутительныя злодѣйства. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, гналъ передъ собой женщину, которой онъ повѣсилъ на шею, ради потѣхи, голову ея убитаго мужа. Въ 1820 г., на островѣ насчитывалось еще 6,000 ч. туземцевъ, но число ихъ уменьшалось такъ быстро, что въ 1830 г. было сдѣлано предположеніе согнать всѣ уцѣлѣвшія еще племена на полуостровъ Пасманіо. Эта попытка не имѣла, однако, успѣха. Въ 1842 г. частью по уговору, частью по принужденію, они были переселены на Флиндеровъ островъ въ Бассовомъ проливѣ. Въ 1843 г., число этихъ несчастныхъ существъ сократилось до 54 человѣкъ. Въ 1847 г., ихъ переселили еще разъ въ Ойстеръ-Ковъ, гдѣ епископъ Никсонъ *) нашелъ уцѣлѣвшими изъ нихъ, въ 1857 г., всего только 16 человѣкъ. Въ 1860 г., по англійскимъ оффиціальнымъ отчетамъ **) оказывалось, что изъ десяти бывшихъ племенъ на Ванъ-Дименовой землѣ остается всего лишь 14 человѣкъ, а именно 9 женщинъ и 5 мужчинъ, изъ нихъ 4 брачныя, но бездѣтныя пары. Туземцы сами признавали, что ихъ губитъ измѣненный образъ жизни. Въ 1862 г., оставались еще въ живыхъ 1 мужчина и 7 женщинъ; Никсонъ самъ снялъ съ нихъ фотографическіе портреты, которые привезъ въ Европу. На одномъ праздникѣ, данномъ губернаторомъ Гобартъ-Тоуна, въ 1864 г., появился тасманецъ съ тремя женщинами. Они были послѣдними представителями всего племени, исчезнувшаго втеченіе какихъ-нибудь немногихъ лѣтъ ***). Мѣстная газета сочинила уже имъ эпиграфію: «Мы нашли ихъ дикими, жили они, какъ дикіе, и погибли, какъ дикіе!»

Въ послѣднее время было тоже обращено вниманіе на вымираніе полудикихъ азіятскихъ племенъ, подчиненныхъ русскому господству. Сабалискинъ пишетъ въ своихъ «Сибирскихъ письмахъ», помѣщенныхъ въ «Моск. Вѣдомостяхъ», что изъ всей прежней массы сибирскихъ инородцевъ, уцѣлѣли лишь киргизы, якуты, буряты и тунгусы. Остальныя племена исчезли вовсе или сохранились лишь въ самыхъ жалкихъ остаткахъ. Русскіе поступали съ туземцами не лучше, нежели испанцы въ Америкѣ. Нагибъ Степановъ скальпировалъ несчастныхъ бурятъ не хуже, чѣмъ какой-нибудь американскій дикарь; свое прозвище «нагибъ» онъ получилъ вслѣдствіе того, что забавлялся, пригибая молодыя деревья, съ тѣмъ, чтобы привязать къ суку какого-нибудь бурята за косу и потомъ отпустить дерево. Нѣкто Соловьевъ, поставилъ нѣсколько алеутовъ въ рядъ, и потомъ выстрѣлилъ первому изъ нихъ въ ухо изъ винтовки, для того, чтобы видѣть, сквозь сколько головъ пролетитъ пуля. Несчастные инородцы, уцѣлѣвшіе отъ подобныхъ жестокостей, погибали отъ оспы, сифилиса и пьянства.

И такъ, мы видимъ повсюду одни и тѣ же примѣры. Но какъ бы въ доказательство незыблемой силы, которою природа одарила и самого грубаго человѣка, африканскій негръ вынесъ побѣдоносно всѣ испытанія: его топтали въ грязь, втеченіе тысячелѣтій, всѣ господствовавшіе народы истязали его, какъ раба, продавали, какъ подлый товаръ, увозили изъ родины,—словомъ, унижали всячески, и нравственно, и физически,—и онъ не только не погибъ, но находится на пути къ благороднѣйшему человѣческому возрожденію, благодаря великодушному сѣверо-американскому народу. Такимъ образомъ, жалкое положеніе тѣхъ племенъ, которыя коснѣютъ доселѣ въ грубомъ невѣжествѣ, или же падаютъ жертвою самой цивилизаціи, ложится всецѣло на совѣсть образованныхъ націй, если не какъ преступленіе, то какъ позоръ для нашего преславутаго просвѣщенія. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что дикарь способенъ къ прирученію, но наша скороспѣшная культура не хочетъ знать проволочекъ; она гордится тѣмъ, что на мѣстѣ дикаго первобытнаго лѣса воздвигается, въ какіе нибудь два десятка лѣтъ, могущественный городъ, но она не заботится о томъ, что эта самая почва пропитана, можетъ быть, на сквозь кровью жившихъ здѣсь дикарей. На тѣхъ самыхъ берегахъ Нов. Южнаго Валлиса, на которыхъ Кукъ видѣлъ только кочующія кучки туземцевъ, стоятъ теперь города, блестящіе всѣмъ лоскомъ европейскихъ столицъ, украшенные дворцами и церквами, университетами, библіотеками, музеями, театрами. Въ нихъ печатаются газеты, устроиваютъ выставки, концерты, скачки... Англійскія колоніи распространились здѣсь съ поразительной быстротою. Нов. Южн. Валлисъ былъ основанъ въ 1788 г., Тасманія въ 1803 г., Западная Австралія въ 1829 г., Южная Австралія въ 1836 г., Новая Зеландія въ 1840 г., Викторія и Квинслендъ въ 1859 г. Въ 1861 г., общее населеніе австралійскихъ колоній равнялось уже 1,184,858 душамъ. Исчезновеніе какого-нибудь дикаго племени съ лица земли не мѣшаетъ распространенію культуры. Гдѣ свѣтъ, тамъ и тѣнь. На ряду съ великолѣпіемъ нашихъ большихъ городовъ, среди самого утонченнѣйшаго просвѣщенія и комфорта, гнѣздятся нищета, порокъ, преступленіе. Многообразныя препятствія къ свободному человѣческому развитію порождаютъ здѣсь и голодъ, и нравственную испорченность. Но гуманности спѣшитъ на помощь несчастнымъ и тысячи рукъ протягиваютъ имъ посильную дань; это позволяетъ надѣяться, что европейская культура признаетъ когда нибудь своимъ долгомъ почтить и въ дикарѣ человѣка, и сдѣлать, хотя ради своего собственнаго достоинства и прогресса, все возможное для облегченія его злополучной участи.

*) Никсонъ, еписк. тасманской: Крейсерство Бикона, 1857.

**) Кельн. газета, 1861.

***) London News. 1865.

Гуттенъ у Зикингена.

Ст. П. Библіофила.

Картина Вейланда переноситъ насъ въ начало шестнадцатаго столѣтія, къ первымъ временамъ Реформаціи. Ульрихъ Гуттенъ, родившійся 21 апрѣля 1488 года, былъ однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ и самыхъ геніальныхъ бойцовъ за свободу человѣческаго духа. Предназначенный родителями къ монашеской жизни, онъ уже въ 1505 году, безъ вѣдома родителей оставилъ монастырь и отправился въ Кёльнъ, а потомъ въ Эрфуртъ, для изученія греческихъ и латинскихъ классиковъ. Уже въ пору своихъ студенческихъ занятій, Гуттенъ является поэтомъ, обращающимъ на себя вниманіе. Съ 1509 года началось для него время странствованій. Его страстная натура не позволяла ему вести правильную и спокойную жизнь на одномъ мѣстѣ; его вѣчно манило куда то въ новыя мѣста, къ новымъ людямъ. Иногда у него вовсе не было матерьяльныхъ средствъ, но онъ не унывалъ и гостилъ у разныхъ поклонниковъ его таланта. Но покуда его литературная дѣятельность была довольно мирною и скромною и только въ 1513 году, онъ впервые выступилъ смѣлымъ бойцомъ. Герцогъ Ульрихъ Виртембергскій убилъ одного изъ родственниковъ Гуттена и Гуттенъ написалъ противъ тирана пять рѣчей, гдѣ высказалъ свои мысли съ необычайною рѣзкостью и страстностью. Здѣсь впервые онъ сказалъ свою любимую фразу: «я осмѣлился сдѣлать это»—«jacta est alea». За этими рѣчами послѣдовало сочиненіе «Triumphus Capnionis», по поводу нападеній кёльнскихъ доминиканцевъ на Рейхлана и въ этомъ произведеніи, Гуттенъ напалъ на враговъ науки и начинавшагося просвѣщенія умовъ. Въ началѣ 1516 года, появились «Epistolae obscurorum virorum», боровшіяся за гуманизмъ; Гуттенъ, бывшій въ то время въ Болоньѣ, прочелъ ихъ и написалъ рядъ такихъ же писемъ, появившихся въ печати въ видѣ второй части этихъ посланій. Эти письма были какъ бы дополненіемъ къ «Triumphus Capnionis» и въ нихъ Гуттенъ серьезно и съ пафосомъ возстаетъ противъ враговъ гуманизма, поражая ихъ стрѣлами своего негодованія и своей ненависти; вооруженный страшнымъ оружіемъ сатиры, Гуттенъ обличаетъ смѣшное варварство и нравственную несостоятельность этихъ людей. Когда въ 1517 году Гуттенъ вернулся въ Германію, императоръ Максимиліанъ возложилъ на него лавровый вѣнокъ и подарилъ ему драгоцѣнный перстень, сдѣлалъ его университетскимъ ораторомъ и далъ ему званіе придворнаго поэта, взявъ его подъ свою защиту. Съ этого времени жизненной задачей Гуттена становится борьба противъ алчнаго Рима, грабившаго Германію. Въ сочиненіи «De donatione Constantini quit veri habeat», Гуттенъ прямо напалъ на свѣтскую власть папы и смѣло посвятилъ это полемическое произведеніе папѣ Льву X, какъ бы надсмѣхаясь надъ послѣднимъ. Въ 1518 году, Гуттенъ въ своемъ новомъ произведеніи «Ad principes Germanos ut bellum Turcis inferant exhortatoria» указалъ нѣмцамъ, какъ сильно они разъединены, доказалъ необходимость объединенія и выразилъ ту мысль, что только сплотившаяся Германія можетъ бороться съ врагами. Въ это время Гуттенъ оставилъ свою недолгую придворную жизнь и уже въ 1519 году, принялъ участіе въ походѣ противъ герцога Ульриха. Именно въ эту эпоху Гуттенъ примкнулъ съ одной стороны къ Францу Зикингену, а съ другой къ Лютеру. Первый изъ этихъ людей боролся за политическое возрожденіе Германіи, второй сражался за духовное обновленіе страны. Геніальный боецъ сталъ теперь смѣло открывать то безконечное зло, которое приноситъ Римъ Германіи. Финансовый грабежъ и политическая опека были, по его мнѣнію, далеко еще не главными язвами, гораздо было хуже то, что Римъ вносилъ въ Германію нравственную испорченность, что онъ заражалъ особенно сердца людей духовнаго сословія. Первое сочиненіе, написанное въ этомъ смыслѣ, было настоящимъ манифестомъ, прокламаціей противъ Рима; оно появилось за нѣсколько мѣсяцевъ до извѣстныхъ нападеній Лютера на Римъ. Римъ не вынесъ этихъ нападеній и Левъ X потребовалъ отъ архіепископа Альбрехта, чтобы тотъ примѣрно наказалъ кощунство Гуттена. Жизнь Гуттена была въ опасности и вотъ ему пришлось укрыться въ Еберибургъ, къ Францу Зикингену. Францъ фонъ-Зикингенъ былъ однимъ изъ тѣхъ нѣмецкихъ рыцарей, которые были рады придраться къ каждому удобному случаю, чтобы подраться съ сосѣдями, ограбить врага, разорить городъ. Его жизнь состояла изъ цѣлаго ряда войнъ, сраженій, побѣдъ. Но подъ этой грубой оболочкой безпощаднаго солдата, таился благородный духъ и недюжинный умъ.

Францъ умѣлъ угадывать, кто правъ и кто виноватъ, гдѣ таится добро, и гдѣ скрывается зло. Уже при взятіи Штутгарта въ 1519 году, Зикингенъ сталъ на сторону Рейхлина и защитилъ его отъ доминиканцевъ. Потомъ, когда случай свелъ его съ Гуттеномъ, онъ понялъ значеніе стремленій этого ученаго и поддался его вліянію. Гуттенъ, укрывшись въ Еберибургѣ къ Зикингену, старался разъяснить послѣднему все значеніе поднятой Лютеромъ борьбы и все величіе задачъ, исполненіе которыхъ лежитъ на германцахъ въ ихъ борьбѣ съ Римомъ. Картина Вейганда переноситъ насъ именно въ эту эпоху, когда Гуттенъ объяснилъ свои планы и цѣли Лютера Зикингену. Художникомъ отлично схвачено серьезное выраженіе лица объясняющаго Гуттена, нѣсколько насмѣшливое и въ тоже время внимательное выраженіе лица слушающаго Зикингена, положившаго руку на одну изъ своихъ собакъ, и вопросительный взглядъ монаха, только что взявшагося за кувшинъ съ виномъ. Всѣ эти фигуры крайне характерны и типичны; обстановка, среди которой находятся дѣйствующія лица, носитъ на себѣ характеръ той эпохи. Укрѣпленный замокъ Зикингена Еберибургъ, также, какъ и его другой замокъ Ландштуль, сдѣлался съ этого времени «убѣжищемъ справедливости», то есть мѣстомъ, куда могли укрываться преслѣдуемые противники папства и бойцы за объединеніе Германіи. Каспаръ Аквила, Мартинъ Бусеръ, Еколомпадій, проповѣдники евангелія и служители науки, были здѣсь желанными гостями. Къ несчастію, Зикингену и Гуттену пришлось недолго вести борьбу за религіозныя идеи Лютера и за объединеніе Германіи: заступничество Гуттена за Лютера было принято недружелюбно молодымъ императоромъ Карломъ V, а вооруженная борьба Зикингена, оставленнаго союзными съ нимъ дворянами, повела къ пораженію храбраго бойца. Уже 2 мая 1523 года, Францъ фонъ-Зикингенъ былъ смертельно раненъ, а 8 мая его не стало. Въ это же время, Гуттену пришлось бѣжать въ Швейцарію, гдѣ его радушно принялъ швейцарскій реформаторъ Цвингли; но Гуттенъ былъ бодръ только духомъ, а не тѣломъ: еще во дни его молодости, его страстная натура увлекала его нерѣдко на путь разныхъ излишествъ и любовныхъ похожденій, и теперь пришлось жестоко поплатиться за эти грѣхи молодости; отправившись лечится на островъ Уфнау, Гуттеръ былъ пораженъ вѣстью о несчастномъ концѣ своего друга Зикингена, о печальной участи ихъ общаго дѣла и это ускорило его смерть,—уже перваго сентября 1523 года, Ульриха Гуттена не стало. Но какъ бы ни была печальна и тяжела судьба этихъ бойцовъ,— ихъ дѣло не умерло, сѣмяна, посѣянныя ими, дали обильный плодъ и человѣчество смотритъ на нихъ, какъ на своихъ великихъ вожаковъ въ борьбѣ противъ притѣсненій, невѣжества, обскурантизма и духовнаго рабства: только при помощи такихъ бойцовъ Германія могла дойти до того могущества, до котораго она дошла теперь.

Судебная ошибка.

Романъ **Ф. Буагобея**. Переводъ **С. И. Воскресенской**.

(Продолженіе.)

Глава IX.

Былъ прекрасный январьскій день, одинъ изъ тѣхъ дней, которыми Господь радуетъ иногда парижанъ среди зимы. Хорошая погода настраиваетъ къ веселью сердца всѣхъ гражданъ великаго города и немудрено, что старикъ Лекокъ проснулся тоже въ хорошемъ расположеніи духа, совершилъ свой туалетъ, отворилъ окно и въ сотый разъ принялся любоваться чудною панорамою, которая открывается съ набережной Конти. Облокотясь на балконныя перила, старикъ думалъ о будущемъ. Онъ соображалъ, не лучше ли его сыну оставить нотаріатъ, купить хорошую землю въ провинціи и заняться ея разработкой. Невѣста Люи не особенно желала, чтобы ея мужъ былъ обреченъ вѣчно на составленіе контрактовъ, а самъ старикъ только и мечталъ о томъ, какъ бы отдохнуть въ сельской тиши. Слѣдовательно вкусы сходились и самъ Люи, вѣроятно, не былъ на столько привязанъ къ вѣчной кропотнѣ надъ документами, чтобы отстаивать свои занятія...

«А наши-то, продолжалъ разсуждать старикъ, разумѣя подъ именемъ «нашихъ» сыскную полицію, наши-то воображаютъ, что я охотно возьмусь за свое прежнее ремесло! Нѣтъ, я предпочитаю отдохнуть на лонѣ природы. Прошло то времячко, когда говорили, что я иглу въ стогѣ сѣна найду... Господа мошенники могутъ теперь рѣзать женщинъ, сколько имъ угодно, и даже прибивать карты имъ на грудь, но за ними охотиться я болѣе не намѣренъ»...

Эти размышленія были прерваны появленіемъ кареты, запряженной парою красивыхъ лошадей, остановившейся у самыхъ воротъ дома, гдѣ жилъ Лекокъ. Было всего восемь часовъ утра, то есть такое время, когда на набережной Конти не показываются еще собственныя кареты. Старикъ посмотрѣлъ съ любопытствомъ на экипажъ, изъ котораго вышли поспѣшно какія-то двѣ дамы, и изумленіе его возрасло еще болѣе, когда онъ узналъ кучера г-жи Леконтъ.

«Что это значитъ? подумалъ онъ съ безпокойствомъ. Зачѣмъ пріѣхали онѣ въ такую пору!.. Чтобы поспѣть сюда къ восьми часамъ, онѣ должны были отправиться отъ себя почти ночью»...

Раздался звонокъ. Старикъ самъ отворилъ дверь.

— Люи у васъ? быстро спросила Тереза.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Лекокъ,—я не видалъ его со вчерашняго утра... Но войдите же, не стойте здѣсь...

— Вы не видали его! воскликнула молодая дѣвушка съ отчаяніемъ.

— Что это значитъ... вы пугаете меня... объяснитесь...

— О, если бы вы знали, начала г-жа Леконтъ.

— Позвольте, поговоримъ спокойнѣе, сказалъ Лекокъ, затворяя дверь и заставляя своихъ посѣтительницъ войти въ маленькую гостиную, въ которой уже былъ затопленъ каминъ. Но онѣ даже не сѣли и г-жа Леконтъ заговорила взволнованнымъ голосомъ:

— Вотъ что случилось. Вашъ сынъ пріѣхалъ къ намъ, по обыкновенію, къ обѣду. Вечеромъ, часовъ около девяти, какъ мнѣ кажется, какой-то незнакомый человѣкъ настоятельно потребовалъ, чтобы его впустили, говоря, что онъ принесъ бумажникъ съ деньгами, потерянный г. де-Жантильи. Дѣйствительно, онъ показалъ намъ портфель, въ которомъ было пять тысячъ франковъ...

— Тѣ деньги, которыя я далъ вчера Люи на браслетъ. Нехорошо, разумѣется, что мой сынъ теряетъ такія суммы, но если все горе въ этомъ...

— О, перебила г-жа Леконтъ, — я дала бы вдесятеро большую сумму за то, чтобы избавить мою дочь отъ послѣдовавшей затѣмъ сцены... Въ портфелѣ, кромѣ денегъ, находился портретъ этой несчастной, убитой, если не ошибаюсь, въ улицѣ Арбалетъ...

— Что вы говорите... Люи вовсе не знаетъ ее...

— Онъ не отпирался, однако, прошептала Тереза, заливаясь слезами.

— Мнѣ тяжело передавать всѣ подробности, продолжала г-жа Леконтъ, взволнованная почти не менѣе своей дочери.—Но разскажу все въ двухъ словахъ. Этотъ человѣкъ не согласился отдать портфель вашему сыну, не предъявивъ его прежде полицейскому комиссару... Онъ пригласилъ г. де-Жантильи отправиться вмѣстѣ съ нимъ...

— И тотъ былъ такъ глупъ, что согласился!.. Но каковъ былъ съ вида этотъ человѣкъ... Я увѣренъ, это былъ одинъ предлогъ...

— Плохо одѣтъ... лицо простое...

— Понимаю... и Люи уѣхалъ съ нимъ?

— Да, но обѣщая воротиться, чтобы успокоить насъ. Мы прождали его всю ночь и вы можете судить о нашей тревогѣ...

Въ эту минуту, экономка Лекока вошла въ комнату и шепнула ему что-то на ухо. Онъ встрепенулся, говоря:

— Извините меня, мнѣ докладываютъ объ одномъ посѣщеніи, которое находится, по всей вѣроятности, въ связи со всею этой исторіей. Я надѣюсь, что буду въ состояніи успокоить васъ черезъ нѣсколько минутъ.

Онъ вышелъ съ этими словами, не совсѣмъ согласовавшимися съ его разстроеннымъ видомъ, и поспѣшилъ въ свой кабинетъ, въ которомъ его ожидалъ начальникъ сыскной полиціи. Этотъ гость дѣйствительно любилъ старика и потому встрѣтилъ его съ очень смущеннымъ и печальнымъ видомъ.

— Мой сынъ арестованъ! воскликнулъ Лекокъ.

— Вы уже знаете это, тѣмъ лучше! отвѣчалъ полицейскій.—Мнѣ было бы слишкомъ тяжело сообщить вамъ...

— Да, я знаю, что его арестовали у г-жи Леконтъ, которая разсказала мнѣ всю эту исторію съ человѣкомъ, нашедшимъ портфель... Я понялъ, что это былъ кто-нибудь изъ вашихъ агентовъ, но причина ареста неизвѣстна мнѣ. Прошу васъ, не мучьте меня и говорите скорѣе...

Полицейскій не торопился отвѣтить и сидѣлъ, потупя глаза.

— Какая-нибудь любовная интрижка! продолжалъ старикъ.—Меня это удивляетъ, потому что Люи, со времени своего возвращенія во Францію, велъ себя примѣрно: онъ очень влюбленъ въ свою невѣсту. Но молодость бываетъ подчасъ легкомысленна. Я желалъ бы только устранить всякій скандалъ, тѣмъ болѣе, что невѣста моего сына ревнива. И вообще, въ положеніи Люи... Я надѣюсь, что вы поможете мнѣ потушить это дѣло... Вы не отвѣчаете. Что это значитъ? Неужели мой сынъ совершилъ что-нибудь противное чести?.. Не можетъ быть! Ему поручали не разъ значительныя суммы... Къ тому же, я богатъ и даю ему даже болѣе, чѣмъ онъ самъ отъ меня требуетъ...

— Дѣло вовсе не въ деньгахъ, проговорилъ полицейскій угрюмо.

— Такъ въ чемъ же? Говорите, ради Бога! Развѣ вы не понимаете, что пытаете меня на медленномъ огнѣ?

— Соберитесь же съ духомъ, мой старый другъ. — Горькую новость сообщу я вамъ, но лучше вамъ выслушать ее отъ меня, чѣмъ отъ кого другого... Вашъ сынъ подозрѣвается въ тѣхъ убійствахъ, которыя совершены въ улицѣ Арбалетъ.

Старикъ отшатнулся.

— Мой сынъ... эти убійства... Да что я съ ума схожу, что ли... Или вы меня испытываете?.. Нѣтъ, это было бы слишкомъ жестоко...

— Я сказалъ вамъ одну истину, и если я былъ вынужденъ арестовать вашего сына, то на основаніи самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ... Онъ пришелъ въ Моргъ переодѣтый... Въ портфелѣ, который былъ у него украденъ, нашелся портретъ убитой женщины...

— И онъ сознался въ преступленіи? прошепталъ несчастный отецъ.

— Нѣтъ, напротивъ, онъ упорствуетъ въ запирательствѣ, отрицая даже самую очевидность. Онъ увѣряетъ, что даже не зналъ никогда этой женщины, а въ квартирѣ найденъ конвертъ съ адресомъ, написаннымъ его рукою...

— Это еще не доказательство...

Картина РУБЕНСА.

Старуха со свѣчей.

Картина ВЕЙГАНДА.

Гуттенъ у Зиккингена.

— Есть у насъ и другія, болѣе точныя... Мнѣ слишкомъ грустно входить во всѣ эти подробности, но довольно будетъ, если я вамъ скажу, что вашъ сынъ старался дорогою подкупить сопровождавшаго его агента, потомъ хотѣлъ убить его и, наконецъ, покушался лишить жизни самого себя.

— Несчастный не зналъ, что онъ дѣлаетъ... онъ потерялъ голову... Я убѣжденъ въ его полной невинности... и докажу ее...

— Желаю это отъ всего сердца... но не смѣю на то надѣяться... Пьедушъ узналъ въ немъ незнакомца, говорившаго съ нимъ ночью въ улицѣ Арбалетъ...

— Пьедушъ, который служилъ у меня такъ долго... Онъ могъ рѣшиться арестовать моего сына!

— Что дѣлать, онъ исполнялъ свой долгъ. Къ тому же, онъ не зналъ, кого арестуетъ... иначе у него, быть можетъ, не достало бы духа исполнить свою обязанность.

— Боже мой! воскликнулъ съ отчаяніемъ старикъ.—Сегодня же весь Парижъ узнаетъ, что мой сынъ обвиняется въ убійствѣ, и всѣ повѣрятъ этому! Несчастная Тереза услышитъ, что ея женихъ ожидаетъ эшафотъ... Да, эшафотъ, потому что внѣшность противъ него и онъ будетъ осужденъ... Между тѣмъ, онъ невиненъ, хотя и не умѣетъ защититься...

— Послушайте, сказалъ тронутый полицейскій, пожимая ему руку,—отчаяваться еще не слѣдуетъ. Вы сами знаете по опыту, что даже самое дурное дѣло принимаетъ иногда, при слѣдствіи, совершенно другой оборотъ. Вашъ сынъ, объясняясь чистосердечно, можетъ доказать, что онъ былъ лишь косвенно, и притомъ, даже совершенно невольно, быть можетъ, участникомъ преступленія. Ему стоитъ, напримѣръ, привести достовѣрное алиби... На очной ставкѣ съ нѣмымъ, этотъ послѣдній можетъ его не признать.

— Дѣйствительно, этотъ нѣмой... въ немъ весь якорь спасенія... Онъ одинъ можетъ указать настоящаго убійцу... Пусть его сведутъ съ Люи... Я увѣренъ, что эта очная ставка его оправдаетъ... Но вы позволите и мнѣ увидѣться съ моимъ сыномъ?

— Какже! Я выхлопоталъ, хотя и не безъ труда, это разрѣшеніе для васъ, какъ для человѣка, оказавшаго намъ многія, исключительныя услуги. Но я буду присутствовать при всѣхъ вашихъ свиданіяхъ... Если хотите, пойдемте къ нему сегодня же.

— Благодарю васъ, дорогой другъ. Черезъ часъ я буду у васъ... Еще одно слово: кто руководилъ арестомъ?.. Толбіакъ?

— Нѣтъ. Онъ ведетъ дѣло до крайности вяло и мы очень недовольны имъ... Но нельзя отнять у него этотъ розыскъ, потому что некому другому поручить его... До свиданія; мнѣ пора; жду васъ къ себѣ.

Проводивъ своего гостя, старикъ воротился въ гостиную, стараясь казаться спокойнымъ.

— Все это одни пустяки! сказалъ онъ весело.—Люи арестованъ по ошибкѣ... Когда онъ назвалъ меня, господа полицейскіе сами сконфузились, потому что я извѣстенъ имъ съ хорошей стороны, и одинъ изъ начальниковъ отдѣленія префектуры принялъ даже на себя трудъ лично извѣстить меня объ этомъ глупомъ происшествіи. Я отправляюсь тотчасъ же въ префектуру и, можетъ статься, вы увидите Люи скоро... даже сегодня вечеромъ...

Тереза бросилась на шею къ Лекоку и шепнула ему:

— Скажите Люи, что я прощаю ему то горе, которое онъ мнѣ причинилъ!.. но прощаю съ тѣмъ условіемъ, что онъ будетъ носить при себѣ только мой портретъ.

Г-жа Леконтъ плакала отъ радости. Обѣ женщины уѣхали, успокоенныя словами старика и его безмятежнымъ видомъ. Между тѣмъ, онъ едва удерживался отъ слезъ; однакожь, оставшись одинъ, онъ не предался безполезному отчаянію. Онъ понималъ, что надо дѣйствовать, и притомъ не теряя ни минуты. При своей понятной тревогѣ за сына, онъ сознавалъ слишкомъ хорошо, что ему предстоитъ страшная борьба противъ трехъ грозныхъ противниковъ: полиціи, суда и публики, всегда падкой на одни внѣшнія доказательства. Онъ зналъ тоже, что даже оправдательный приговоръ не смываетъ всего пятна съ бывшаго подсудимаго, и что иной разъ довольно одного факта привлеченія къ суду для того, чтобы испортить всю жизнь человѣку. Вотъ почему онъ спѣшилъ повидаться съ сыномъ: онъ надѣялся, что послѣ перваго же чистосердечнаго показанія, его выпустятъ на свободу и, такимъ образомъ, все непріятное происшествіе окончится безъ огласки; будутъ знать о немъ только г-жа Леконтъ и Тереза, расположенныя болѣе сожалѣть бѣднаго молодого человѣка, нежели упрекать его за неблагоразумный поступокъ.

Одѣвшись наскоро, Лекокъ отправился въ префектуру. Онъ вошелъ въ боковыя ворота, желая избѣжать, по возможности, всякой встрѣчи съ своими прежними сослуживцами, но у самаго крыльца увидѣлъ Пьедуша, который какъ будто поджидалъ кого-то. Такая встрѣча не могла быть пріятна старику, однакожь, онъ овладѣлъ тобою и сказалъ ласково:

— Напроказилъ ты, любезный, вчера?.. Ну, что дѣлать, и другой ошибся бы на твоемъ мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ, я благодаренъ тебѣ за то, что ты совершилъ арестъ мирно, безъ шума... Мой сынъ женится и всякій скандалъ въ домѣ невѣсты могъ бы очень повредить ему.

Пьедушъ не вѣрилъ своимъ ушамъ и думалъ, что его бывшій патронъ сошелъ съ ума.

— Твой начальникъ обѣщалъ мнѣ устроить свиданіе съ этимъ вѣтренникомъ, продолжалъ старикъ. — Мы уладимъ дѣло въ пять минутъ, потому что мой молодецъ разскажетъ мнѣ всю правду... Ему слѣдовало бы и начать съ этого, но молодежь иногда теряетъ голову при первомъ столкновеніи съ полиціей... Однако, мнѣ не совсѣмъ здорово толковать на дворѣ... Того и гляди, простуду схватишь... Веди меня... Кстати, ты тоже послушаешь, какъ я намылю ему голову...

— Извините, г. Лекокъ, пробормоталъ Пьедушъ,—но вы не застанете вашего сына въ его камерѣ. Мнѣ приказано обождать васъ здѣсь, чтобы доложить вамъ объ этомъ.

— Гдѣ же онъ?

— У слѣдственнаго судьи... Немножко поторопились, потому что дѣло важное... Но минутъ черезъ десять, г. Люи будетъ снова въ предварительной тюрьмѣ. Первый допросъ всегда не долог...

Лекокъ поблѣднѣлъ. Вѣсть, переданная Пьедушемъ, сразила его. Онъ хотѣлъ видѣться съ сыномъ именно до этого перваго допроса, съ цѣлью узнать отъ него всю истину, присовѣтовать ему извѣстный родъ защиты, предостеречь его противъ нѣкоторыхъ вопросовъ, которые ему слѣдовало ожидать, указать на опасность отъ излишняго многорѣчія, а также и на ту, которая проистекаетъ отъ необходимаго умолчанія фактовъ. Старикъ не допускалъ даже и мысли о виновности своего сына, но онъ боялся неосторожности съ его стороны и, притомъ, онъ зналъ изъ житейской практики, что еще недостаточно быть невиннымъ для того, чтобы быть оправданнымъ.

Теперь было уже поздно. Отвѣты подсудимаго были занесены въ протоколъ... отвѣты, данные въ минуту смятенія, произведеннаго неожиданностью ареста, а они послужатъ основаніемъ для уголовнаго обвиненія!

— Что онъ сказалъ? думалъ съ тревогою бѣдный отецъ.

Въ эту ужасную для него минуту, дверь въ концѣ прохода отворилась и изъ нея показался начальникъ сыскной полиціи, разговаривающій съ однимъ изъ полицейскихъ инспекторовъ; за ними, нѣсколько позади, между двухъ сержантовъ, шелъ Люи, блѣдный, съ поникшею головой... Молодой человѣкъ шелъ неровными шагами, какъ осужденный, который идетъ на эшафотъ... Старику стало страшно. Передъ его помутившимися глазами пронесся, какъ видѣніе, грозный обликъ гильотины... толпа... жандармы... священникъ, сопровождающій осужденнаго.

Морозъ пробѣжалъ по его жиламъ. Начальникъ сыскной полиціи, замѣтивъ бѣднаго отца, сдѣлалъ поспѣшно нѣсколько шаговъ, съ цѣлью заслонить его отъ глазъ Люи, который продолжалъ идти съ опущенной головой. Молодой человѣкъ, дѣйствительно, ничего не замѣтилъ; сержанты довели его до тюрьмы и вошли въ нее вслѣдъ за нимъ, вмѣстѣ съ полицейскимъ инспекторомъ. Пьедушъ скромно ретировался въ сторону; Лекокъ и его другъ, полицейскій, остались одни.

— Что же? спросилъ Лекокъ.

— Не могу сказать вамъ ничего новаго, старый товарищъ. Я надѣялся, что допросъ будетъ назначенъ послѣ полудня, но дѣло такъ важно, что слѣдователь поторопился...

— Это большое несчастіе. Я увѣренъ, что Люи совершенно потерялся и скомпрометировалъ себя своими отвѣтами...

— Нѣтъ, онъ не говоритъ почти ничего, но продолжаетъ стоять на томъ, что портретъ убитой былъ вложенъ въ портфель мошенникомъ...

— Это возможно, согласитесь...

— Невозможно, мой другъ, и вашъ сынъ запутается, такимъ образомъ, совершенно... Ему дали уже очную ставку съ этимъ уличнымъ воромъ, и тотъ привелъ такія подробности, которыя заставили вашего Люи замолчать... А въ такихъ случаяхъ молчаніе равносильно признанію... Сверхъ того, мы собрали справки объ этомъ англичанинѣ, и оказывается, что онъ дѣйствительно прибылъ въ Парижъ только вчера утромъ по сѣверной желѣзной дорогѣ...

— Такъ что мой сынъ продолжаетъ отрицать всякое знакомство съ убитой?

— Да, и этимъ онъ портитъ дѣло. Не говоря уже о пиковой дамѣ, которой именно не хватаетъ въ колодѣ картъ, найденной у него, теперь уже очевидно, что онъ входилъ въ квартиру убитой въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ, то есть, на другой день послѣ совершенія убійства. Я узналъ его голосъ, а Пьедушъ, видѣвшій его въ ту же ночь, узналъ его тоже по его бородѣ, бровямъ, сѣрымъ замшевымъ перчаткамъ... Наконецъ, у него на дому найдены пальто и кашне, бывшія на немъ ночью въ улицѣ Арбалетъ... Вы видите, что уликъ много, и вы окажете ему услугу, присовѣтовавъ не отрицать, по крайней мѣрѣ, того, что уже слишкомъ очевидно.

— Стало быть, вы все же позволяете мнѣ видѣться съ нимъ?

— Я обѣщалъ вамъ это и сдержу слово, притомъ съ разрѣшенія слѣдственнаго судьи, который не противится вашему свиданію съ сыномъ... впрочемъ, только одному, и которое должно произойти въ моемъ присутствіи. Желаю отъ всей души, чтобы вамъ удалось склонить вашего сына къ большей откровенности, потому что, если онъ даже виновенъ, то вина его, можетъ быть, не столь значительна, какъ то кажется при его упорномъ молчаніи... Постарайтесь, чтобы его адвокатъ могъ указать на смягчающія обстоятельства...

Старикъ вздрогнулъ при этой фразѣ, перенесшей его мысленно въ уголовный судъ. Его увѣренность начинала колебаться; однако, онъ

не выказалъ особеннаго волненія и сказалъ довольно твердымъ голосомъ:

— Благодарю васъ, дорогой другъ, и даже самъ попрошу васъ присутствовать при моемъ свиданіи съ сыномъ, но такъ, чтобы онъ васъ не видалъ. Можно это устроить?

— Разумѣется. Камера, которую онъ занимаетъ, расположена для этого очень удобно... Но почему вы этого желаете?

— По тому, что въ вашемъ присутствіи онъ повторитъ только то, что говорилъ слѣдственному судьѣ. Мнѣ же онъ откроетъ свою тайну, и вы убѣдитесь тогда въ его невинности... Вы согласны?

— Отчего же не согласиться... Вы даже оказываете намъ услугу, о которой я не смѣлъ бы васъ просить... Но берегитесь, любезный Лекокъ, предлагаемый вами способъ опасенъ; прибѣгая къ нему, вы ставите на карту все... Предположимъ, что вашъ сынъ виновенъ и признается въ этомъ... Онъ погибнетъ, потому что я, по обязанности, должень буду повторить то, что я слышалъ. Обдумайте хорошенько...

— Я знаю, чѣмъ рискую, но настаиваю на своемъ предложеніи... Я слишкомъ хорошо знаю Люи, чтобы опасаться за него... У него много недостатковъ, но онъ добръ, честенъ, неспособенъ на низость... Скажите мнѣ, что онъ убилъ человѣка въ минуту гнѣва, и я вамъ повѣрю, но если вы станете меня увѣрять, что онъ совершилъ предумышленное убійство, придумалъ гнусныя уловки съ цѣлью скрыть слѣды преступленія, я вамъ отвѣчу: Нѣтъ, этого не можетъ быть!

— Ну, ваше дѣло, любезный товарищъ. Я указалъ вамъ на опасность; отъ васъ зависитъ бояться или не бояться ее... Если вамъ угодно, пойдемте тотчасъ же въ тюрьму. Надѣюсь, вы не употребите во зло нашего снисхожденія?.. Вы не предупредите вашего сына ни словомъ, ни жестомъ, о томъ, что я слушаю вашъ разговоръ?

— Даю вамъ честное слово!

— Въ такомъ случаѣ, идемъ!.. Кстати, Толбіакъ будетъ здѣсь черезъ часъ и переговоритъ съ вами... Онъ жалѣетъ васъ отъ всего сердца и будетъ очень радъ, если невинность вашего Люи будетъ доказана...

Говоря такимъ образомъ, полицейскій ввелъ своего спутника въ тюремный коридоръ и остановился съ нимъ передъ камерою № 10.

Стѣна этой камеры вмѣстѣ съ другими, подобными ей, граничила съ большой свѣтлой и даже веселой на видъ, общей залой, походившей на громадную пароходную каюту, окруженную спальными отдѣленіями. Но пассажиры, помѣщенные въ этихъ каморкахъ, никогда не выходили на палубу. Въ залѣ содержалась мелюзга, попадающаяся ежедневно въ полицейскія сѣти: мелкихъ мошенниковъ и бродягъ загоняютъ въ одну общую залу, гдѣ они спятъ въ повалку, на брошенныхъ имъ на ночь тюфякахъ, а днемъ болтаютъ между собою или поютъ...

Въ отдѣльныхъ камерахъ живутъ не такъ весело. Заключенные въ нихъ принадлежатъ къ болѣе развитымъ классамъ, или же обвиняются въ болѣе тяжкихъ преступленіяхъ, обусловливающихъ необходимость отдѣльнаго заключенія.

Люи де-Жантильи имѣлъ всѣ права на эту грустную привилегію. Съ самаго своего поступленія въ тюрьму, онъ не видѣлъ никого, кромѣ слѣдственнаго судьи и тюремныхъ сторожей. Появленіе отца произвело на него потрясающее впечатлѣніе.

Старикъ сжалъ его въ своихъ объятіяхъ, но эта минута, отданная чувству, была непродолжительна. Лекокъ помнилъ, что нельзя было терять времени и заговорилъ тотчасъ же твердымъ голосомъ:

— Милый мой, ты здѣсь не передъ полиціей и не передъ слѣдователемъ. Ты увѣренъ, что я считаю тебя только жертвою какого-то несчастнаго недоразумѣнія. Объясни его мнѣ. Говори, не стѣсняясь, и не скрывай ничего.

Молодой человѣкъ поблѣднѣлъ и измѣнился въ лицѣ. Было очевидно, что въ душѣ его происходитъ какая-то борьба, но онъ овладѣлъ собою и отвѣтилъ глухимъ голосомъ:

— Мнѣ нечего тебѣ сказать, отецъ... Ты знаешь самъ, въ чемъ меня обвиняютъ. Ты долженъ тоже знать, что я говорилъ въ отвѣтъ на это обвиненіе, потому что ты видѣлся съ полицейскимъ начальствомъ.

— Что ты?.... Что съ тобою? воскликнулъ старикъ, отступая отъ него въ изумленіи. — Или ты обезумѣлъ? Какъ! ты обвиняешься въ преступленіи, за которое грозитъ эшафотъ, можешь смыть это обвиненіе однимъ словомъ, и не хочешь произнести этого слова!... И когда же... когда ты со мною наединѣ...

— Я старался оправдываться; мнѣ не удалось. Не хочу пытаться болѣе.....

— Но ты губишь себя!.... Ты убьешь меня стыдомъ и горемъ... Пожалѣй хотя свою невѣсту..... Вспомни, какъ она тебя любитъ....

— Любила, прошепталъ угрюмо Люи.

— Ты полагаешь, что ея расположеніе измѣнилось? Ты ошибаешься. Она была у меня сегодня, она только и думаетъ о тебѣ...

Молодой человѣкъ вздрогнулъ и отвернулся, чтобы скрыть невольныя слезы.

— Слушай! сказалъ съ живостью старикъ, понявъ, что онъ затронулъ живую струну, — Тереза убѣждена въ твоей невинности, она сказала мнѣ, шутя: «Я такъ обрадуюсь свиданію съ Люи, что буду не въ силахъ побранить его хорошенько, но онъ долженъ будетъ объяснить мнѣ, почему онъ носилъ съ собой портретъ другой женщины».

— Она вамъ говорила это? Она упомянула объ этомъ портретѣ?

— Да, и я увѣренъ, что тебѣ не будетъ стоить большого труда ее успокоить. Она немножко ревнива... Говори же!

— Господь читаетъ въ сердцахъ. Мнѣ нечего прибавлять къ моему оправданію.

— Слѣдовательно, ты повторяешь и мнѣ, что эта фотографическая карточка принадлежала не тебѣ и была вложена въ портфель постороннимъ лицомъ?

— Да.

— Зачѣмъ же ты ходилъ въ Моргъ?.. И еще переодѣтый!

— Пошелъ изъ глупаго любопытства; не желая, чтобы меня узнали въ толпѣ, я надѣлъ старое платье.

— Въ этомъ еще есть правдоподобіе, сказалъ Лекокъ, пораженный тою увѣренностью, съ которою говорилъ его сынъ, — но карты, разложенныя у тебя въ потайномъ мѣстѣ?

— Это... память прошлого, отвѣчалъ, нѣсколько запинаясь, молодой человѣкъ. — Ты знаешь, что, живя въ Гейдельбергѣ, я влюбился въ дочь одного профессора... Мы часто проводили время вмѣстѣ и она любила раскладывать пасьянсы, загадывая о томъ, будетъ-ли она моею женой. Въ тотъ день, когда я объявилъ ей о моемъ отъѣздѣ во Францію, я засталъ ее за пасьянсомъ, который вышелъ. Она взяла съ меня клятву, что я возьму съ собою эти самыя карты, разложу ихъ у себя на столѣ и въ томъ же порядкѣ, какъ бы въ залогъ нашего будущаго счастья, и оставлю ихъ въ такомъ видѣ, пока ты не дашь согласія на нашъ бракъ... Я еще очень любилъ ее, когда ты увезъ меня насильно изъ Гейдельберга, и мнѣ было пріятно исполнить ея ребяческую прихоть. Теперь уже прошло семь лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ пасьянсъ разложенъ въ комнаткѣ, въ которую я даже и не заглядывалъ.

— Зачѣмъ же ты не разсказалъ всей этой исторіи слѣдственному судьѣ?

— Зачѣмъ? Онъ подумалъ бы: выдумка!.. Сверхъ того, я не думаю, чтобы было можно основывать уголовное обвиненіе на одномъ только совпаденіи пасьянсовъ... и на отсутствіи пиковой дамы въ колодѣ.

— Да... Но конвертъ съ твоимъ почеркомъ, найденный въ квартирѣ убитой?

— Это не мой почеркъ.

— Хорошо... а твой голосъ?.. твой костюмъ, вся фигура?.. Полицейскіе говорятъ, что узнали тебя...

— Они ошибаются.

Молодой человѣкъ говорилъ теперь безъ малѣйшаго колебанія. Тонкій наблюдатель могъ бы замѣтить, что вначалѣ Люи какъ будто началъ сдаваться на увѣщанія отца, но потомъ окончательно рѣшился упорствовать въ безусловномъ отрицаніи всѣхъ фактовъ... И эта перемѣна въ его настроеніи совершилась, какъ бы именно, съ той минуты, когда Лекокъ заговорилъ о ревнивомъ безпокойствѣ Терезы, относительно портрета.

— Какъ бы то ни было, дорогой мой Люи, сказалъ старикъ, продолжавшій вѣрить, что его сынъ былъ только жертвою какой-то ужасной судебной ошибки, — внѣшность говоритъ противъ тебя и потребуется много времени для того, чтобы истина открылась. Мнѣ врядъ ли уже придется видѣться съ тобою; ты долженъ надѣяться на одни свои силы при допросахъ. Дѣйствуй, какъ говорятъ тебѣ твое благоразуміе и совѣсть... Но я не покидаю тебя, я буду вести слѣдствіе съ своей стороны и докажу твою невинность!... Ты сомнѣваешься? Напрасно. Ты не знаешь еще, что моимъ ремесломъ было — открывать тайны. Я не говорилъ тебѣ до сихъ поръ, что я занимался по сыскной части. Скрылъ бы я это и навсегда, но мнѣ хочется придать тебѣ бодрости... Знай же....

— Я зналъ и прежде, проговорилъ тихо Люи.

— Зналъ... какимъ образомъ? неосторожно воскликнулъ Лекокъ.

— Я нашелъ, однажды, между твоими бумагами, полицейскій билетъ на твое имя.

Ударъ грома не поразилъ бы такъ старика, какъ этотъ отвѣтъ, вызванный, къ несчастію, имъ самимъ: его сынъ признавался въ томъ, что у него былъ въ рукахъ билетъ агента сыскной полиціи, и это признаніе слышалъ начальникъ, тайно присутствовавшій при разговорѣ сына съ отцомъ. Несчастный молодой человѣкъ однимъ словомъ разрушилъ все то впечатлѣніе, которое могло производить его упорное отрицаніе всякой вины. Какъ же отрицать, что этотъ билетъ былъ тотъ самый, который убійца показалъ ночью Пьедушу, въ улицѣ Арбалетъ? Но старый Лекокъ все еще надѣялся, что Люи скажетъ что нибудь для смягченія этого ужаснаго признанія.

— Ты не говорилъ мнѣ никогда объ этой находкѣ, сказалъ онъ.

— Я боялся, что тебѣ будетъ непріятно.... Но, конечно, мнѣ нечего увѣрять тебя, что я люблю и уважаю тебя по прежнему?...

— Гдѣ же билетъ? Давно ты его нашелъ?

— Нѣсколько дней тому назадъ; я его сжегъ.

— Тотчасъ же?

— Да... Въ каминѣ былъ огонь, я и бросилъ... Ты не доволенъ этимъ?

— О, нѣтъ, отвѣчалъ старикъ, нѣсколько облегченный этими словами. — Но если ты уже знаешь теперь мою прежнюю службу, то знай тоже, что я оставилъ ее только ради тебя, а не потому чтобы утратилъ свои сыскныя способности. И я приложу ихъ къ дѣлу. Прежде всего, надо, чтобы тебѣ дали очную ставку съ нѣмымъ. Онъ долженъ знать настоящаго убійцу.

— Я буду очень радъ этой очной ставкѣ.

— Ты не боишься ея? воскликнулъ старикъ съ восхищеніемъ.—О, чего же еще... еслибы я могъ сомнѣваться въ твоей невинности, однихъ этихъ словъ достаточно для того, чтобы оправдать тебя!.. Но я заговорился съ тобою, а время дорого. Прощай, милый мой. Я скажу Терезѣ, что черезъ три недѣли вы будете обвѣнчаны и поѣдете въ Италію.

— Скажи ей, что я ее люблю и никогда не любилъ никого кромѣ ея! прошепталъ Люи, кидаясь въ его объятія.

Лекокъ вышелъ. Начальникъ сыскной полиціи поджидалъ его въ коридорѣ.

— Я слышалъ вашъ разговоръ, сказалъ онъ, —но долженъ вамъ признаться, что онъ мало разубѣдилъ меня... Вашъ сынъ сдѣлалъ даже важное признаніе... Этотъ билетъ.....

— Который онъ нашелъ у меня? Онъ его сжегъ тотчасъ же, вы слышали.

— Онъ такъ говоритъ, но судъ не будетъ обязанъ ему повѣрить. И замѣтьте непріятное обстоятельство: у васъ былъ билетъ, выданный вамъ лѣтъ двадцадь назадъ, а Пьедушъ говорилъ и прежде, что незнакомецъ показывалъ ему билетъ стараго образца.

— Пьедушъ славный малый, но вы знаете, онъ увлекается....

— О, я не утверждаю ничего; я только указываю вамъ на выгодныя и невыгодныя подробности. Такъ, напримѣръ, сантиментальная исторія о пасьянсѣ можетъ быть даже очень правдоподобна, но ее трудно будетъ провѣрить....

— Отчего? Стоитъ только написать въ Гейдельбергъ.

— Можно, конечно, но я сомнѣваюсь, чтобы героиня этого нѣмецкаго романа, кстати же поумнѣвшая за семь лѣтъ, захотѣла теперь признаться въ томъ, что она раскладывала пасьянсы съ французомъ передъ войною... Однимъ словомъ, шансы плохіе. Но, вотъ и Толбіакъ! Очень кстати!

Сыщикъ, шедшій навстрѣчу Лекоку и его спутнику, поклонился съ особеннымъ почтеніемъ старику и проговорилъ съ чувствомъ:

— Я узналъ о несчастіи, постигшемъ васъ, г. Лекокъ. Прошу васъ вѣрить моему искреннѣйшему участію... И если я, по обязанности службы, долженъ вести это непріятное дѣло, то это не помѣшаетъ мнѣ, въ предѣлахъ моего долга, разумѣется, дѣлать все для раскрытія невинности вашего сына.

— Благодарю васъ, произнесъ старикъ съ чувствомъ.

— Мы всѣ будемъ рады, если вашъ Люи будетъ оправданъ, прибавилъ полицейскій.—Слушайте, Толбіакъ: какже на счетъ очной ставки съ нѣмымъ? Она—самое важное.

— Мое мнѣніе, что именно въ виду ея значенія, ее надо обставить извѣстными условіями, отвѣчалъ сыщикъ послѣ нѣкотораго размышленія.—Я самъ не видалъ еще этого нѣмого — у меня были на то свои причины—но говорятъ, что онъ, въ своемъ родѣ, человѣкъ смышленый. Поэтому, если онъ находился въ услуженіи у подсудимаго.... извините за предположеніе, любезнѣйшій г. Лекокъ!.. то, увидя своего господина здѣсь, или въ мазасской тюрьмѣ, онъ догадается, что дѣло не ладно, и будетъ на сторожѣ. Если же его отвезти въ квартиру г. де-Жантильи, то онъ подумаетъ, что находится на свободѣ, и не станетъ разыгрывать никакой комедіи, встрѣтя своего хозяина... Одно изъ двухъ: если онъ знаетъ г. Люи, то онъ выразитъ, какимъ нибудь образомъ, свое удовольствіе, увидя его; если же онъ ему незнакомъ, то вы опять замѣтите это по его обращенію. Я говорю: замѣтите, потому что вы будете, само собой разумѣется, присутствовать тайно при этомъ свиданіи.

— Средство хорошее, но немножко рискованное, возразилъ полицейскій.—Я имѣю право прибѣгнуть къ нему, потому что мнѣ дано почти безусловное полномочіе по этому дѣлу, однако, все же будетъ лучше посовѣтоваться съ слѣдователемъ....

— Я увѣрелъ, что онъ не откажетъ, если вы предложите и ему присутствовать при этомъ испытаніи... Но что скажете вы, г. Лекокъ? Вы понимаете всю цѣну, которую будетъ имѣть малѣйшее движеніе, вырвавшееся у этого нѣмого при видѣ вашего сына?

— Я все понимаю и настаиваю на этой очной ставкѣ, твердо сказалъ старикъ,—и даже благодарю г. Толбіака, отъ имени моего сына, за его счастливую мысль.

— И такъ, сказалъ сыщикъ, обращаясь къ полицейскому,—сегодня же вечеромъ, часовъ въ восемь, подъ предлогомъ новаго обыска въ его квартирѣ, подсудимый будетъ отвезенъ въ нее... Понятно, онъ тоже не долженъ быть приготовленъ къ этой встрѣчѣ. Пока вы будете дѣлать видъ, что роетесь въ его ящикахъ, одинъ изъ полицейскихъ отворитъ дверь нѣмому. Тотъ приметъ его за слугу, войдетъ... остальное увидимъ.

— Но кто же привезетъ нѣмого?

— Я самъ, если позволите. Онъ меня не знаетъ въ лицо и потому не заподозритъ ни въ чемъ. Но прежде всего, передъ нимъ надо будетъ разыграть комедію такъ, чтобы онъ повѣрилъ тому, что его дѣйствительно выпускаютъ на свободу... Далѣе, позволительно предположить, что если онъ увидитъ у подъѣзда карету... у его господина была какая-то карета, которая, по всей вѣроятности, и поджидала чемоданъ съ трупомъ... Вы помните, сержанты слышали стукъ экипажа?.. если онъ увидитъ, говорю я карету, и подлѣ нея человѣка, хорошо одѣтаго и который будетъ приглашать его жестомъ войти въ экипажъ, онъ не заставитъ себя долго просить..... Онъ не станетъ даже особенно всматриваться въ его наружность...

— Но если онъ замѣтитъ, что ошибается?..

— Невѣроятно. Тотъ господинъ, котораго видѣли сержанты, былъ средняго роста, какъ я; воротникъ пальто былъ у него приподнятъ; я сдѣлаю тоже... Наконецъ, если онъ и разсмотритъ мое лицо, то приметъ меня за, какого-нибудь пріятеля его хозяина... Во всякомъ случаѣ, не станетъ же онъ церемониться, чтобы уѣхать изъ тюрьмы, когда представляется тому возможность... Что же, одобряете вы мой планъ? Я разовью его вамъ еще въ большихъ подробностяхъ.

— Сложно немножко, замѣтилъ полицейскій,—но попробовать можно.... Однако, вы не можете же дѣйствовать одноличпо? Вы взяли бы на себя слишкомъ большую отвѣтственность.

— Избави Богъ! Нѣмой можетъ уйти, не обращая вниманія на меня... гдѣ же мнѣ гнаться за нимъ?.. Я васъ попрошу назначить мнѣ двухъ человѣкъ изъ вашихъ, и такихъ, которые знаютъ этого молодца въ лицо. Они должны находиться у тюремныхъ воротъ, когда онъ выйдетъ, и не выпускать его изъ вида.

— Возьмите Пьедуша и Пигаша...

— Отлично. Только пусть они переодѣнутся хорошенько. Иначе, онъ ихъ можетъ узнать.

— Разумѣется. Заходите ко мнѣ въ двѣнадцать часовъ, Толбіакъ. До тѣхъ поръ, я успѣю переговорить съ слѣдственнымъ судьею. Потомъ мы условимся съ вами на счетъ всѣхъ мелочей, потому что надо все предусмотрѣть, все назначить: время и мѣсто появленія вашей кареты, и мало ли что еще....

— Вы позволите мнѣ побывать у васъ послѣ этой очной ставки? спросилъ Лекокъ у начальника сыскной полиціи.

— Разумѣется, отвѣчалъ тотъ, пожимая ему руку,—и я буду радъ, если сообщу вамъ хорошее.

Толбіакъ ушелъ, разсыпаясь въ новыхъ увѣреніяхъ преданности передъ Лекокомъ, и старикъ воротился домой съ нѣсколько успокоенною душою.

(*Продолженіе будетъ.*)

Моя хроника.

П. А. Салманова.

(*Продолженіе.*)

Глава IV.

Самоубійство хорошаго человѣка.

Приступаю къ описанію ужаснаго событія, которое никогда не изгладится изъ моей памяти. Въ первой главѣ я упомянулъ о жильцѣ моего батюшки—Яковлевѣ. Сколько извѣстно, Яковлевъ былъ побочный сынъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Фалѣева, человѣка богатаго, который не щадилъ денегъ на воспитаніе своего побочнаго сына; Яковлевъ въ совершенствѣ зналъ французскій, нѣмецкій и англійскій языки, отлично рисовалъ и писалъ стихи. Яковлевъ имѣлъ мягкій характеръ. Я никогда не видалъ, чтобы онъ, разсердясь, вышелъ изъ себя. Высшую степень неудовольствія на своего слугу, напримѣръ, онъ выражалъ обыкновенно слѣдующими словами: «Ахъ! какой ты разсѣянный!» Тогда всѣ знали, что Яковлевъ очень разсерженъ. Кто вспомнитъ какъ обращались въ то время со слугами, тотъ согласится, что Яковлевъ былъ человѣкъ гуманный. Я благодарю судьбу, что такой хорошій человѣкъ, во время моего дѣтства, жилъ въ въ домѣ моего отца и былъ знакомъ съ нами. Не говоря уже о томъ, что онъ выучилъ меня читать и писать по французски и по нѣмецки, онъ имѣлъ большое вліяніе на развитіе моего ума и убѣжденій. Яковлевъ имѣлъ уже около 50 лѣтъ. Большой носъ его доказывалъ, что онъ съ молоду не былъ красавцемъ, но болѣе симпатичнаго человѣка найдти было трудно. Знать и не любить Александра Ивановича была вещь невозможная. Особенно онъ былъ милъ и любезенъ послѣ хорошаго стола и доброй бутылки вина, какъ и вообще всѣ люди меланхолическаго темперамента. Онъ такъ умѣлъ разсказывать смѣшныя вещи, что все семейство наше хохотало до слезъ.

За полгода передъ событіемъ, которое я намѣренъ описывать, у него умеръ отецъ въ глубокой старости и умеръ скоропостижно, не оставивъ духовнаго завѣщанія. Явились законные наслѣдники, получили имѣніе, и только изъ одного чувства сострадания выдѣлили ему 10,000 руб. ассигн. Одинъ изъ богатыхъ родственниковъ Яковлева, нѣкто Титъ Савичъ Пироговъ, предложилъ Яковлеву отдать деньги взаимообразно въ его контору съ ежегодною платою по 10%.

— Ну, батюшка Алексѣй Савичъ, сказалъ Яковлевъ, возвратившись съ этого раздѣла,—я не могу уже нанимать у васъ цѣлаго дома; съ нынѣшняго дня я человѣкъ бѣдный, и имѣю только 1,000 руб. ассигн. годового дохода, отдайте домъ въ наймы другому. Но, признаюсь, продолжалъ онъ,—я такъ люблю васъ и ваше семейство, что мнѣ не хотѣлось бы съ вами разстаться. У васъ есть на верху комната при вашей квартирѣ, отдайте мнѣ эту комнату, столъ я буду имѣть у васъ, ваша кухарка будетъ служить мнѣ. Я даю вамъ за это 30 руб. въ мѣсяцъ.

Отецъ мой согласился.

Александръ Ивановичъ крѣпко задумался. Долго сидѣлъ, пагнувши голову и потомъ сказалъ:—Мнѣ не больно, что я долженъ проститься и съ хорошею квартирою и съ мебелью, но мнѣ тяжело разстаться съ слугою, который служилъ у меня около 25 лѣтъ.

Онъ махнулъ рукой и вышелъ.

Недѣли черезъ двѣ, Яковлевъ распродалъ лиш-

нія вещи и разстался съ своимъ слугою, уже старикомъ, который, прощаясь съ Александромъ Ивановичемъ, плакалъ, какъ ребенокъ, приговаривая:

— Все это батюшка вашъ сдѣлалъ, откладывая дѣлать завѣщаніе; нынче да завтра, вотъ и пошли гулять его денежки по чужимъ рукамъ.

— Ахъ, какой ты разсѣянный, развѣ ты можешь говорить такъ мнѣ о моемъ отцѣ. Во всемъ этомъ никто не виноватъ и родные мои, добрые люди, меня не обидѣли.

— Они васъ ограбили, кричалъ, всхлипывая, старикъ,—изъ милліона десять тысячъ дали и заставили васъ жить на чердакѣ.

— Могли и этого не дать, отвѣчалъ успокоительно Яковлевъ. Затѣмъ взялъ старика за голову и поцѣловалъ его въ лобъ.

— Прощай, старикъ, сказалъ онъ;—навѣщай меня почаще.

Съ того времени Александръ Ивановичъ совершенно перемѣнился. Онъ сдѣлался угрюмъ, сосредоточенъ въ самомъ себѣ, избѣгалъ всякаго общества, даже нашего. Присутствіе людей видимо его тяготило, онъ началъ запираться въ комнатѣ, никого къ себѣ не принималъ, кромѣ моего отца, съ которымъ по прежнему былъ друженъ.

19 марта 1829 года, вечеромъ во время чая пришелъ къ намъ Яковлевъ чрезвычайно задумчивый, сдѣлалъ молча поклонъ всему нашему семейству и машинально опустился въ отцовское старое кресло.

— Гдѣ Алексѣй Савичъ? спросилъ разсѣянно Яковлевъ.

— Онъ сегодня въ гостяхъ и возвратится поздно, отвѣчала моя мать.

Яковлевъ взглянулъ на нее очень страннымъ взглядомъ, котораго я никогда не забуду. Замѣтно было, что Яковлевъ не совсѣмъ понялъ отвѣтъ.

Въ это время я робко приближался къ нему. Опять такой же взглядъ, но только продолжительнѣе прежняго, какъ будто онъ всматривался и старался что-то припомнить. Мнѣ стало очень неловко отъ этого пристальнаго взгляда и, когда я опустилъ глаза, я почувствовалъ, что Яковлевъ приблизилъ меня къ себѣ и крѣпко поцѣловалъ въ голову.

На голову мою упала горячая слеза.

Наклонивъ ко мнѣ пылающее лицо, Яковлевъ тихо спросилъ меня:

— Если я умру, тебѣ жалко будетъ меня, Петинька?

У меня на глазахъ навернулись слезы. Опять такой же поцѣлуй въ голову, опять такая же жгучая слеза, какъ и прежде.

— Ступай, мой ангелъ, кушай чай, сказалъ Яковлевъ, подводя меня къ чайному столу, за которымъ сидѣла моя мать.

— Не прикажете-ли чаю? спросила она Яковлева.

— Я нынче ничего не хочу, Анна Матвѣевна, отвѣчалъ онъ, и снова сѣлъ на отцовское кресло съ такою же задумчивостью, какъ и въ первый разъ.

Прошелъ часъ, прошло два, чай давно уже убрали, начали накрывать на столъ для ужина, а Яковлевъ сидѣлъ на томъ же мѣстѣ и въ томъ же положеніи.

Поужинали, начали собирать постели для спанья; младшіе мои братья и четырехлѣтняя сестра моя Марія (умершія спустя годъ послѣ этого событія) легли уже спать, а Яковлевъ все сидѣлъ на томъ же мѣстѣ и въ томъ же положеніи.

— Вы, конечно, дожидаетесь Алексѣя Савича, спросила Яковлева моя мать.

Онъ взглянулъ на нее, потеръ себѣ голову и, какъ будто пробуждаясь отъ долговременнаго сна, сказалъ протяжно.

— Да, я дожидаюсь Алексѣя Савича, но видно я никогда его болѣе не увижу.

Съ этими словами онъ съ чувствомъ поцѣловалъ руку моей матери и, осмотрѣвъ комнату и спящихъ дѣтей, вздохнулъ глубоко, и пошелъ на верхъ въ свою комнату.

На слѣдующій день въ пять часовъ пополудни, когда я уже подходилъ почти къ самому дому, со мною встрѣтилась Анна Яковлевна Гартманъ.

— Знаешь-ли, Петенька, сказала она,—какое несчастіе въ нашемъ домѣ: Александръ Ивановичъ зарѣзался.

У меня подогнулись ноги и я съ трудомъ добрелъ до дому, гдѣ мать разсказала мнѣ слѣдующее: черезъ полчаса послѣ того, какъ ушелъ отъ насъ Александръ Ивановичъ, кухарка наша отправилась къ нему съ чайникомъ, какъ это она обыкновенно дѣлала для того, чтобы Александръ Ивановичъ съ вечера засыпалъ чай, который она утромъ заваривала въ горячей водѣ и вмѣстѣ съ чайнымъ приборомъ приносила въ комнату Яковлева.

Было 10 часовъ вечера, когда постучалась къ нему кухарка. Яковлевъ отворилъ, но былъ недоволенъ ея посѣщеніемъ и съ несвойственной ему грубостью сказалъ ей, чтобы она больше его не безпокоила; однако, насыпалъ въ чайникъ чаю, но поспѣшилъ выпроводить кухарку и заперъ за нею дверь.

На другой день, т. е. 20 марта кухарка, заваривъ чай, понесла его наверхъ въ комнату Яковлева, долго стучалась, но, не получивъ отвѣта, сошла внизъ и объявила моему отцу, что Александръ Ивановичъ не отпираетъ дверей. Тогда отецъ самъ отправился наверхъ, подошелъ къ дверямъ комнаты Яковлева и началъ стучаться. Отвѣта не было. Отецъ усилилъ стукъ, на который пришли другіе жильцы; одинъ изъ нихъ, сколько я помню г. Позняковъ, посовѣтывалъ сломать дверь. Отецъ такъ рванулъ ее, что внутренній крючекъ сломался и всѣ вошли въ комнату.

Представилось страшное зрѣлище, Александръ Ивановичъ безъ движенія лежалъ на постелѣ въ крови съ головы до ногъ. У отца потемнѣло въ глазахъ, онъ сбѣжалъ внизъ и сказалъ испуганнымъ голосомъ моей матери, что Александръ Ивановичъ изошелъ кровью, вѣроятно, отъ кашля.

— Да, отъ кашля, сказалъ внезапно вошедшій жилецъ нашъ Позняковъ.—Хорошъ кашель! Яковлевъ просто на просто зарѣзался!

Отецъ мой, мать, братья и сестры, учитель Шкипскій, были до того поражены этой вѣстью, что не могли вымолвить ни слова.

— Пойдемте посмотрѣть на покойника, сказалъ Позняковъ.

Никто не пошелъ за нимъ, кромѣ отца, послѣдовавшаго за Позняковымъ почти безсознательно.

Явилась полиція, и при полицейскомъ розыскѣ оказалось: Александръ Ивановичъ зарѣзался вѣроятно въ 11 часовъ ночи, такъ какъ жившій напротивъ его нѣкто г. Казариновъ, знавшій Яковлева лично, объявилъ полиціи, что въ комнатѣ Яковлева свѣчи горѣли до 11 часовъ. Сперва онъ проткнулъ себѣ горло перочиннымъ ножемъ; ножъ переломился и половина осталась въ горлѣ. Затѣмъ Яковлевъ, взявъ полотенце, и, заложивъ полотенцемъ рану, взялъ англійскій садовый складной ножъ; раздѣлся до сорочки, засучилъ рукава, окровавленными руками загасилъ свѣчку и такъ хватилъ себя садовымъ ножемъ по горлу, что совершенно перерѣзалъ себѣ горло до шейныхъ позвонковъ.

Самоубійство Яковлева осталось для всѣхъ тайною. Перемѣнѣ состоянія его приписывать нельзя. Яковлевъ никогда не былъ жаденъ къ деньгамъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ истинный философъ. Какая-же причина? Богъ знаетъ. Яковлевъ не оставилъ послѣ себя никакого письма. Весь капиталъ его, состоящій изъ 10,000 руб. ассигн. въ заемномъ письмѣ на Пирогова, нашелся у него въ сундукѣ вмѣстѣ съ другими небольшими деньгами.

Добраго, честнаго, образованнаго Яковлева схоронили на Московскомъ Дорогомиловскомъ кладбищѣ, однакоже безъ отпѣванія тѣла, которое сопровождалъ до кладбища съ теплыми и искренними слезами одинъ отецъ мой.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

(Фельетонные наброски.)

XII.

Отрывки изъ записной книжки стараго холостяка.

III.

Любовный романъ доктора Мазина.

Насъ собралось довольно большое общество на дачѣ. Въ этотъ день газеты разнесли вѣсть объ одномъ романическомъ самоубійствѣ: застрѣлился какой-то молодой человѣкъ, держа въ рукахъ женскій портретъ и оставивъ страстное письмо на имя какой-то отвергнувшей его Лидіи. Естественнымъ образомъ всѣ толки въ нашемъ кружкѣ вертѣлись около этого происшествія дня. Всѣ толковали о несчастной любви, о томъ, до чего она нерѣдко доводитъ людей.

— Начитается человѣкъ въ дѣтствѣ любовныхъ романовъ и живетъ весь вѣкъ съ убѣжденіемъ, что любовныя отношенія людей являются чѣмъ-то высшимъ, неземнымъ. Ну, отвергни или обмани потомъ такого человѣка предметъ его страсти—онъ сейчасъ и сходитъ съума или пускаетъ пулю въ лобъ, точно на всемъ земномъ шарѣ и женщинъ нѣтъ больше, замѣтилъ между прочимъ серьезнымъ тономъ одинъ изъ присутствовавшихъ въ нашемъ кружкѣ мужчинъ.

Это былъ докторъ Мазинъ, господинъ лѣтъ сорока двухъ, еще сохранившій слѣды былой красоты.

— Вы, докторъ, конечно, не сдѣлали бы этого? замѣтила тономъ ироническаго упрека одна молоденькая женщина.

— Не сдѣлалъ бы, сухо отвѣтилъ докторъ.

Молодая женщина сдѣлала насмѣшливую гримаску.

— Желала бы я знать, чтобы вы сдѣлали, если бы васъ самихъ отвергла любимая вами

женщина, настойчиво продолжала его допрашивать молодая женщина.

— Отвергла бы Марья, пошелъ бы къ Дарьѣ, уже совсѣмъ грубо отвѣтилъ докторъ.—Не удалось заполучить лакомаго блюда, такъ нужно довольствоваться ржанымъ хлѣбомъ. Гастрономія—пошлая роскошь, нужно только утоленіе голода.

— Фи, это просто цинизмъ! проговорила молодая женщина, дѣлая опять гримаску.

— Ну, а я считаю цинизмомъ или, если хотите, матерьялизмомъ, распущенностью и самодурствомъ, тотъ взглядъ на любовь, который существуетъ въ обществѣ, серьезно сказалъ докторъ.—Если вы отдѣлите любовь, ставящую человѣка выше животнаго, отъ чисто животныхъ побужденій неизбѣжно присущихъ и человѣку, то вы увидите, что отвергнутыхъ любящихъ людей не можетъ быть, а что бываютъ только отвергнутые любовники. Если мы любимъ человѣка за его нравственныя и умственныя достоинства, то ничто не можетъ развести насъ съ нимъ, мы съумѣемъ его привязать къ себѣ, съумѣемъ подняться до него, съумѣемъ простить его ошибки, съумѣемъ исправить его недостатки и будемъ связаны съ нимъ любовью до тѣхъ поръ, пока не измѣнится вполнѣ онъ или не измѣнимся мы сами, то есть до тѣхъ поръ, пока у насъ не порвется окончательно общая умственная и нравственная связь. Эта связь не обрывается вдругъ и потому не сводитъ съума и не побуждаетъ къ самоубійству. Но отвергнутыхъ и обманутыхъ любовниковъ бываетъ масса, потому что тутъ связь является чисто физическою, матерьялистическую, животною: человѣкъ можетъ быть очень хорошимъ человѣкомъ и очень плохимъ любовникомъ, онъ можетъ прискучить любовницѣ, она можетъ найти лучшаго, ее могутъ развести съ нимъ постороннія причины. Вслѣдствіе этого, если человѣкъ привлеченъ къ женщинѣ только чисто животною страстью, то онъ, конечно, долженъ ждать того, что она отвергнетъ или броситъ его, такъ какъ онъ можетъ не понравиться ей, а измѣнить свою образину не въ его власти, или онъ можетъ показаться ей потомъ хуже чѣмъ казался прежде, или на его мѣсто можетъ явиться лучшій, но онъ будетъ настойчивый самодуръ, грубый матерьялистъ, пошлый циникъ, или романтикъ, не понимающій, что онъ въ сущности является простымъ слугою животныхъ похотей, если онъ сойдетъ отъ этого съума или застрѣлится...

Докторъ говорилъ рѣзко и грубо, такъ что его собесѣдницу нѣсколько покоробило отъ этой бесѣды. Но она не унялась.

— Такъ, по вашему, онъ, если онъ не матерьялистъ, долженъ идти утѣшаться къ другой любовницѣ? съ ироніей спросила она.

— Да-съ: кушать надо всѣмъ и идеалистамъ и матерьялистамъ. Но если не удалось покушать лакомаго блюда, то ѣшь ржаной хлѣбъ, да не сходи отъ этого съума и не стрѣляйся, помня, что на свѣтѣ есть много людей, которымъ и ржаной хлѣбъ-то иногда приходится ѣсть съ мякиною, а главное заруби у себя въ памяти одно правило, что человѣкъ только тѣмъ и отличается отъ животнаго, что у него есть, кромѣ простыхъ животныхъ побужденій, нѣчто болѣе возвышенное, что мы называемъ духовными побужденіями, нравственными интересами и такъ далѣе. Животное, видите-ли, когда ему нечего жрать, ѣстъ своихъ собратьевъ, — человѣкъ же дѣлаетъ это только въ дикомъ состояніи или въ тѣ времена бѣдствій, когда онъ опускается на степень животнаго...

— Это вы въ анатомическомъ театрѣ придумали такую теорію любви или, лучше сказать, разчлененія любви на двѣ части? приставала молодая женщина.

— Да-съ, въ анатомическомъ театрѣ и въ сумасшедшемъ домѣ, сказалъ докторъ и всталъ:— и я думаю, сударыня, что человѣчество только потому и творитъ столько сумасбродствъ изъ за любви, что человѣку не съумѣли внушить съ дѣтства правильнаго взгляда на его отношеніе къ женщинѣ и вскружили ему голову разными глупыми любовными романами. Если вы просмотрите исторію сумасшествій и самоубійствъ изъ за любви, то вы увидите, что люди сходятъ съума и убиваютъ себя не изъ-за любви къ нравственнымъ и умственнымъ совершенствамъ любимаго существа, потому что тутъ не можетъ быть причинъ для сумасшествія или самоубійства, а изъ за чисто животныхъ страстей, возбужденныхъ женщиною. Не удовлетворила женщина животнымъ побужденьемъ мужчины, ну, онъ и сходитъ съума или самъ убивается сейчасъ. Ну-съ, а это значитъ становиться даже ниже животнаго.

Когда докторъ ушелъ съ балкона, всѣ начали осуждать его, говоря, что онъ самъ прозаикъ, циникъ, брюзга, старый холостякъ... Мнѣ, какъ его другу, пришлось вступиться за него и я разсказалъ обществу его исторію, которую сейчасъ прочтетъ читатель.

. . Съ докторомъ Мазинымъ я познакомился очень давно и довольно оригинально. Прихожу я однажды въ купальню на Фонтанкѣ у Измайловскаго моста и вижу, что какой то господинъ въ одеждѣ Адама до грѣхопаденія стоитъ ко мнѣ спиною у противоположной входу стѣны, упершись руками о скамью и прильнувъ лицомъ къ досчатой перегородкѣ. Я вынулъ портсигаръ, закурилъ папиросу и сталъ неторопливо раздѣваться. Господинъ, повидимому, не замѣчалъ моего присутствія. Наконецъ, я уронилъ, снимая свой сапогъ и этотъ шумъ заставилъ очнуться стоявшаго ко мнѣ спиною незнакомца. Онъ быстро обернулся и съ застѣнчивой улыбкой взглянулъ на меня. Я увидалъ очень хорошенькое, сильно раскраснѣвшееся личико совсѣмъ молодого человѣка, почти еще мальчика.

— Извините-съ, я васъ совсѣмъ и не замѣтилъ, какъ вы вошли... думалъ, что никого нѣтъ, заговорилъ онъ торопливо, краснѣя и потупляя разгорѣвшіеся глазенки.—Дамы, знаете, купаются тамъ... любопытно... Сейчасъ жена нашего начальника отдѣленія съ дочерью и гувернанткой пришли...

Онъ говорилъ, и лукаво улыбаясь, и конфузясь въ одно и то же время, какъ пойманный въ шалости школьникъ, еще незнающій, распекутъ ли его за шалость или примутъ участіе въ продолженіи съ нимъ вмѣстѣ этой шалости...

Въ эту минуту въ сосѣднемъ отдѣленіи купальни послышался плескъ воды и юноша замахалъ мнѣ рукою.

— Постойте, постойте, должно быть, въ воду бросились, поспѣшно проговорилъ онъ и снова припалъ лицомъ къ досчатой перегородкѣ.— Плаваютъ! таинственно прошепталъ онъ, на секунду опять обернувшись ко мнѣ лицомъ. — И дочь и гувернантка плаваютъ...

Меня начиналъ разбирать смѣхъ.

— Скажите, вы часто здѣсь упражняетесь въ подобныхъ наблюденіяхъ? спросилъ я его.

— Да... то есть нѣтъ-съ, конфузливо отвѣтилъ онъ, отходя отъ перегородки и останавливаясь передо мною.—Въ будни служба не позволяетъ и то же иногда здѣсь много народу, неловко... попасться можно, потому что мужья купающихъ дамъ могутъ здѣсь присутствовать... обидятся еще и на исторію напорешься... А въ сущности что же... малость это просто... Только вотъ тутъ неловко... Вы если хотите получше разглядѣть, такъ вотъ на ту балку взберитесь, тамъ есть въ перегородкѣ сучокъ, вынимается онъ легко... точно пробка...

Юноша указалъ мнѣ то мѣсто въ купальнѣ гдѣ вынимается сучокъ изъ перегородки.

— Но вѣдь тамъ и удержаться не за что, замѣтилъ я, взглянувъ на то мѣсто, куда указывалъ юноша.

— Нѣтъ-съ, можно... я добился. Правда, первый разъ скользнулъ съ балки въ воду, а потомъ приловчился... верхомъ на балку нужно сѣсть и руками за эти вонъ доски держаться... Тутъ гвоздь есть, такъ за него можно уцѣпиться...

— Э, да вы жизнью готовы рисковать для своихъ наблюденій, засмѣялся я.

— Помилуйте, тутъ не опасно... а оно понятно, я молодой человѣкъ, холостой... ну и любопытно... Нѣтъ, а вы знаете купца Авдѣева дочерей? вдругъ обратился онъ ко мнѣ съ вопросомъ.

— Нѣтъ, не знаю...

— Въ седьмой ротѣ домъ свой у нихъ, около казармъ, пять барышень ихъ, пояснялъ онъ, едва удерживаясь отъ смѣха,—вотъ-то, я вамъ скажу, конструкція такъ конструкція... на нихъ домъ каменный выстроить можно... Я и мать ихъ знаю и горничную, что при нихъ состоитъ... Иногда только вотъ досадно, померную ванну онѣ берутъ... туда никакъ нельзя посмотрѣть... Я, знаете, рядомъ разъ взялъ тоже номерную ванну, думалъ оттуда посмотрѣть, — такъ нѣтъ, доски, знаете, этакія толстыя... правда, подплыть бы можно, нырнувъ снизу подъ перегородку, да скандалъ можетъ выйдти.

Онъ говорилъ скоро, захлебываясь отъ удовольствія, сильно жестикулируя и двигаясь передо мною. Его, повидимому, вовсе не стѣснялъ его адамовскій костюмъ, точно онъ вполнѣ привыкъ быть въ обществѣ въ этомъ воздушномъ одѣяніи. Я раздѣлся и вошелъ въ воду, а мой новый знакомый вынулъ портсигаръ, закурилъ папироску и сталъ прогуливаться подъ навѣсомъ площадки, похлопывая себя по тѣлу и пуская вверхъ колечки дыма. Глядя на него, я подумалъ невольно, что онъ недавно только сошелъ со школьной скамьи и что онъ воспитывался въ закрытомъ заведеніи: его разговоръ напоминалъ школьника на каникулахъ, его безцеремонная прогулка въ адамовскомъ костюмѣ напоминала привычку «полныхъ пансіонеровъ» не стѣсняться въ подобныхъ случаяхъ ничьимъ присутствіемъ.

— Вы бывали въ Парголовѣ? спросилъ онъ меня.

— Бывалъ, отвѣтилъ я.

— Вотъ тамъ хорошо... мы на дняхъ ѣздили туда съ товарищами...

— Пыльно тамъ, замѣтилъ я.

— Да мы больше на озерѣ были... Вотъ, знаете, тамъ отлично устроено: ванны просто изъ рогожечекъ понадѣланы, одна подлѣ другой, купаются больше на открытомъ мѣстѣ, ѣдешь это на лодкѣ или самъ въ ванной за рогожкой притаишься и все видно... тамъ, я вамъ скажу, лафа дачникамъ.

Я смѣялся въ душѣ надъ этимъ оригинальнымъ любителемъ подсматривать за купающимися женщинами; мнѣ какъ-то невольно пришло въ голову, что онъ не только былъ полнымъ пансіонеромъ въ закрытомъ заведеніи, но что кромѣ того, онъ былъ сирота, не имѣлъ семьи, росъ безъ женщинъ.

— Вы, однако, странныя путешествія предпринимаете, сказалъ я.

— Да вѣдь, что же—мы люди молодые... Тоже хочется повеселиться...

— Вы, вѣроятно, недавно еще съ гимназической скамьи сошли? спросилъ я.

— Нѣтъ-съ, я не въ гимназіи воспитывался... Въ гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ былъ... Тоже восемь лѣтъ отсидѣлъ тамъ...

— Вы точно о тюрьмѣ говорите, улыбнулся я.

— Да оно такъ и есть, восемь лѣтъ взаперти сидѣлъ. Все среди товарищей, среди мужчинъ, точно въ монастырѣ... Теперь вотъ только на волю попалъ... Мы вотъ, знаете, съ товарищами тоже въ Ивановъ день ѣздили на Куллербергъ... Вотъ-то, я вамъ скажу, насмотрѣлись на безобразія...

Молодой человѣкъ, присѣвъ верхомъ на перила, началъ торопливо съ сладкой улыбкой и съ воодушевленіемъ разсказывать, чего онъ насмотрѣлся на Куллербергѣ. Онъ говорилъ, какъ мальчикъ, какъ школьникъ, которому все было ново. Я уже не прерывалъ его и поспѣшно одѣвался. Онъ тоже одѣлся и вышелъ со мною изъ купальни.

— Вы гдѣ живете-съ? спросилъ онъ меня.

— На обуховскомъ проспектѣ, отвѣтилъ я.

— А я на Таракановкѣ. У насъ тамъ, знаете, просто... зимой только скучно... ну да я переберусь оттуда къ зимѣ куда-нибудь въ центръ города... теперь-то тамъ очень хорошо, Екатерингофъ близко, ѣздилъ вотъ на челнѣ на острова, около Рѣзваго острова тутъ есть рѣчка, тамъ тоже въ праздники...

Я поспѣшилъ прервать его и простился съ нимъ, такъ какъ я впередъ уже угадывалъ, о чемъ онъ начнетъ говорить...

Прошло мѣсяца два послѣ этой встрѣчи съ юнымъ любителемъ наблюдать за купающимися женщинами; я уже совершенно забылъ о немъ, какъ вдругъ случай снова столкнулъ меня съ нимъ. Я обѣдалъ и просматривалъ газеты въ одномъ изъ трактировъ, и былъ очень удивленъ, услышавъ, что кто-то здоровается со мною.

— Вы, можетъ быть, не узнали меня? послышался мнѣ вопросъ.

Я поднялъ голову и увидалъ юношу, который такъ изумилъ меня въ купальнѣ.

— Мы съ вами купались вмѣстѣ, пояснилъ онъ.

— Помню, помню, улыбнулся я.

— Вы мнѣ позволите за вашъ столъ сѣсть? спросилъ онъ.

— Пожалуйста, отвѣтилъ я.

— Скучно, знаете, одному, пояснилъ онъ.

Онъ усѣлся за столъ и спросилъ себѣ селянки и пироговъ. Онъ былъ по прежнему розовымъ и кругленькимъ мальчикомъ, хотя на этотъ разъ онъ смотрѣлъ какъ-то задумчиво или, лучше сказать, озабоченно.

— Скажите, пожалуйста, вдругъ обратился онъ ко мнѣ послѣ продолжительнаго молчанія нерѣшительнымъ тономъ,—васъ не били женщины?

Я разразился неудержимымъ смѣхомъ.

— Вы, пожалуйста, не обижайтесь, торопливо заговорилъ онъ, смущаясь и краснѣя,—но, знаете, мнѣ очень бы хотѣлось это знать... Чтожь мы холостые люди и намъ нечего церемониться между собою...

— Не били, отвѣтилъ я.

— Странно... очень странно, проговорилъ онъ въ замѣшательствѣ, покусывая свою едва покрывавшуюся пушкомъ верхнюю губу.

— А васъ?.. вѣроятно...

Я не могъ говорить отъ овладѣвшаго мною смѣха.

— Да-съ, вотъ опять вчера вечеромъ... Третій разъ пощечину даютъ, говорилъ онъ смущеннымъ и озабоченнымъ тономъ.—Оно, знаете, не больно, но... я, видите, совершенно неопытенъ по этой части... то есть я еще не знаю, какъ себя держать съ женщинами... Мнѣ хотѣлось бы только узнать вотъ, какъ это я понимать долженъ...

— То есть, что же понимать-то? спросилъ я.

— Да вотъ если бьютъ, пояснилъ онъ.

Я снова разразился смѣхомъ.

— Да, вамъ вотъ смѣшно, потому что вы уже опытный человѣкъ, а я, началъ онъ съ наивнымъ упрекомъ въ голосѣ.—Мнѣ вотъ одинъ товарищъ говорилъ: «э, братъ, женщину тоже не скоро раскусишь; иная такъ тебя отбалуетъ, что искры изъ глазъ посыпятся, а сама влюблена въ тебя, какъ кошка»... Вотъ я теперь и не знаю, какъ же мнѣ быть послѣ того, что она мнѣ дала пощечину. Я, знаете, выходилъ одну горничную тутъ, два мѣсяца ходилъ за нею, глазки ей дѣлалъ, ручки, ну орѣховъ разъ поднесъ... Я, знаете, человѣкъ совсѣмъ неопытный еще и къ тому же робкій... А вотъ вчера попробовалъ обнять, а она мнѣ и дала пощечину... конечно, можетъ быть, на это не стоитъ обращать вниманія, но тоже съ другой стороны, если она всегда будетъ такъ... Оно, знаете, все же неловко, я служу, а она все же горничная... можетъ быть, сосѣдямъ разсказывать станетъ, прислугѣ, на смѣхъ поднимутъ...

— Охота вамъ ловеласничать, вѣдь это просто пошло! проговорилъ я.

— Да, какъ же-съ, вѣдь я тоже человѣкъ молодой, отвѣтилъ мой собесѣдникъ и прибавилъ обидчивымъ тономъ.—Конечно, есть такіе развратники, которые Богъ знаетъ по какимъ домамъ ѣздятъ и сближаются съ разною сволочью... Но я страдать ради этого баловства тоже не желаю... я тоже дорожу собою... вонъ у насъ одинъ чиновникъ гулялъ такъ-то, да и загубилъ себя. Намъ еще гувернеръ разсказывалъ, какіе ужасы бываютъ отъ этихъ посѣщеній, Богъ знаетъ какихъ вертеповъ... И мерзость одна это только... пьянство, разнузданность тамъ... говорятъ тамъ такія нахалки эти женщины, что краснѣть за нихъ надо...

Онъ пустился въ разныя интимныя разсужденія о томъ, какъ опасно молодымъ людямъ развратничать, какъ ему гадко даже смотрѣть на падшихъ женщинъ, какія онѣ бываютъ наглыя, какъ легко въ ихъ кругу запить и замотаться... Все это онъ сообщалъ мнѣ не то съ отвращеніемъ, не то съ застѣнчивостью наивнаго и робкаго мальчугана. Я попробовалъ разъяснить ему, что и его похожденія за горничными тоже очень некрасивы, но онъ стоялъ на одномъ:

— Что же вы прикажете дѣлать, вѣдь я человѣкъ молодой... Конечно, вы скажете, что я могъ бы жениться, но вѣдь мнѣ еще рано жениться и при томъ, гдѣ же мнѣ найдти невѣсту: съ бѣдной я съ голоду умру, а богатая за меня не пойдетъ... А это, что меня ударила горничная, конечно, пустяки... мнѣ только досадно, что я все лѣто на нее ухлопалъ, ходилъ, ходилъ и ни съ чѣмъ отъѣхалъ. Теперь вонъ зима близко, а зимой труднѣе выслѣдить кого-нибудь... всѣ по квартирамъ, взаперти сидятъ. И ужь, видно, я такой неудачникъ, никого знакомыхъ у меня нѣтъ, пріятели все холостяки и безсемейные люди, въ семейныхъ домахъ нигдѣ не бываю, совсѣмъ даже и придумать на могу, гдѣ бы съ барышнями сблизиться...

Почти втеченіи часа слушалъ я жалобы моего оригинальнаго знакомаго; я узналъ, что онъ круглый сирота, что его зовутъ Дмитріемъ Петровичемъ Мазинымъ или Мазей, какъ называютъ его товарищи, что онъ получаетъ двадцать пять рублей въ мѣсяцъ жалованья, что онъ ведетъ очень скромную жизнь, что онъ любитъ въ товарищескомъ кружкѣ играть на гитарѣ, что онъ даже не пьетъ вина, что онъ больше любитъ конфекты, что онъ въ сущности нравственъ, какъ новорожденный младенецъ. Когда мы разставались, онъ попросилъ у меня позволенія придти ко мнѣ и взять у меня «книжечку почитать». Я далъ ему свой адресъ.

Онъ сталъ ходить ко мнѣ изрѣдка, на минуту, постоянно боясь помѣшать мнѣ, стѣснить меня.

Однажды вечеромъ я сидѣлъ дома, какъ вдругъ послышался несмѣлый звонокъ: черезъ двѣ-три минуты ко мнѣ въ комнату вошелъ Мазя. Онъ вошелъ по обыкновенію робко, застѣнчиво, краснѣя и извиняясь, что обезпокоилъ меня, и обѣщаясь сейчасъ же уйдти, если онъ мнѣ помѣшалъ. Я принялъ его ласково... впрочемъ, я принимаю ласково всѣхъ и каждаго, потому что люди—это мои ходячіе бифштексы: тѣмъ болѣе у меня знакомыхъ, тѣмъ болѣе у меня матерьяловъ для наблюденій, а значитъ и для пріобрѣтенія средствъ на бифштексы.

— А вы, что то похудѣли, замѣтилъ я Мазѣ.

— Такая линія вышла, отвѣтилъ онъ въ смущеніи.

— Видно, за горничными много бѣгаете, пошутилъ я.

— Нѣтъ-съ, я бросилъ эти пошлости, отвѣтилъ онъ застѣнчиво.—Удачи мнѣ нѣтъ... даже совсѣмъ напротивъ выходитъ... Я черезъ самыхъ горничныхъ, скажу вамъ откровенно, какъ другу, даже боленъ былъ...

— Неужели? изумился я.

— Да-съ, такая подлость, такая подлость вышла, что вотъ ужь никакъ не ожидалъ, взволнованно произнесъ онъ и прошелся по комнатѣ.

— Да, что же такое случилось съ вами? спросилъ я.

— Мазя осмотрѣлся кругомъ, точно желая удостовѣриться, что мы были одни, и, понизивъ голосъ, сказалъ:

— Я вамъ по дружбѣ готовъ сознаться, только вы, пожалуйста, знаете, никому ни гу-гу... Меня, видите-ли, лакей избилъ...

Онъ перевелъ духъ и заговорилъ скороговоркой.

— Подлецъ, какъ есть подлецъ, хамъ, прямо въ физіономію кулакомъ... такъ и тычетъ, такъ и тычетъ... Намъ, говоритъ, сударь, самимъ эфти дѣвчонки-то самыя нужны!.. Двѣ недѣли послѣ того въ должности не былъ.

— Синяки лечили? спросилъ я, сдерживая свой смѣхъ.

— И синяки и простуду... гардеробъ свой тамъ въ попыхахъ оставилъ, ну и простудился.

Я хохоталъ уже, позабывъ о всякомъ приличіи.

— Да, вамъ хорошо смѣяться, а я вотъ третью квартиру изъ-за этихъ самыхъ горничныхъ перемѣняю, проговорилъ Мазя.—Мизантропія даже какая-то напала, одно время глазъ никуда не показывалъ, такъ противно на людей было смотрѣть... Чтожь, развѣ я виноватъ, что я застѣнчивъ и неопытенъ? Вонъ другіе—ходоки по этимъ дѣламъ, имъ все удается, такъ имъ, конечно, и смѣшно, а мнѣ...

Онъ омрачился и молча заходилъ снова по комнатѣ.

— Ну, а какъ же теперь-то вы? спросилъ я.

— Теперь я совсѣмъ бросилъ эти глупыя ловеласничанья и жениться рѣшился... Сваха даже ко мнѣ ходитъ...

— Ну и что же, нашли невѣсту?

— Нѣтъ еще, неподходящія все покуда навертываются, грустно отвѣтилъ онъ и, помолчавъ, прибавилъ застѣнчиво:—Вы вѣдь сами видите, что я не очень дуренъ собою, а она какихъ-то уродинъ сватаетъ... Не могу же я, не любя, жениться... И безъ того въ жизни все проза да проза... Одна была хорошенькая, такъ совсѣмъ бѣдная и на шеѣ у нея мать-старуха да бабка... Я не могу взять жену съ матерью и бабкою, мнѣ нужно одну жену безъ матери и бабки.

Онъ помолчалъ съ минуту и потомъ заговорилъ снова.

— А ужь если бы вы знали, какъ я теперь жалѣю, что я не пошелъ въ военную службу, такъ это и повѣрить трудно.

— А что?

Рисунокъ Г. ДОРÉ.

Влюбленный левъ.

— Да то, что будь я офицеръ, у меня сейчасъ же домъ каменный былъ бы.

— Неужели?

— Ей Богу-съ! Тутъ есть чайный торговецъ Шляпкинъ, такъ онъ говоритъ, что посватайся за его дочь офицеръ—онъ ее и съ руками и съ ногами отдастъ, хоть бы, говоритъ, голый какой навернулся да гвардеецъ... Это онъ потому, что у его брата дочь вышла замужъ за офицера, егерскаго полка, правда, за неказистаго да все же за гвардейца... А у этого Шляпкина домъ за дочерью-то идетъ въ приданое... да и хорошенькая она...

Онъ опять помолчалъ немного.

— Нѣтъ, какъ вы тамъ ни смѣйтесь, а иногда, знаете, просто въ уныніе впадаешь, заговорилъ онъ.—Жалованье у меня маленькое, едва прожить можно, а не то, что на что-нибудь такое тратить; смѣлости нѣтъ, чтобы, что-нибудь съ налета взять, а между тѣмъ, тоже у меня, какъ и у всякаго, кровь кипитъ, сердце тоже есть... Иногда, знаете, просто, сказать стыдно, плачу дома. Ей Богу-съ, правда! Чтожь, я сознаюсь въ этомъ, я не скрываю этого, потому что я не виноватъ, что мнѣ судьба такая вышла... Будь я богатъ или какой-нибудь нахалъ безчестный, или развратный гуляка, я пашелъ бы себѣ дорогу, я бы турманомъ закрутился, а то... И на какую я службу поступилъ: у насъ и командировокъ никакихъ нѣтъ куда-нибудь въ Москву или тамъ въ провинцію...

— А командировка-то вамъ на что понадобилась? Забыться хотите, что ли?

— Какое забыться! Будь у насъ командировки, такъ я черезъ мѣсяцъ бы женился... Вѣдь это въ Петербургѣ нашъ братъ не скоро невѣсту богатую подцѣпить можетъ, а въ Москвѣ, или гдѣ нибудь въ провинціи женихи нужны, тамъ выходитъ не за кого дѣвушкамъ... Будь у меня теперь хоть тысяча рублей,—я бросилъ бы и службу къ чорту и поѣхалъ бы жениться.

— Ну, а если бы вдругъ не удалось?

— Помилуйте, да вѣдь я же теперь вполнѣ мужчина... Тамъ въ провинціи даже бы за счастье сочла иная богатая невѣста имѣть такого мужа... Я, конечно, похудѣлъ теперь немного, но это пустяки, откормиться скоро можно... Я ужь и то думаю публиковать въ газетахъ, что я ищу мѣсто учителя или управляющаго въ отъѣздъ... Мнѣ все равно, куда ѣхать... я хоть въ Сибирь готовъ, только бы отсюда выбраться, потому что я съ моимъ жалованьемъ и съ моимъ характеромъ совсѣмъ здѣсь зачахну... Вы, помяните мое слово, увидите, что зачахну, да этакъ и поглупѣешь совсѣмъ, потому что только объ этомъ и думаешь... Ей Богу, я въ концѣ концовъ, или идіотомъ сдѣлаюсь, или въ какой-нибудь публичный домъ въ пьяномъ видѣ попаду, да тамъ и околѣю...

Мнѣ стало даже жаль его.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Картина ЗУРЛАНДА.

Степной дорогой съ ярмарки.

Правительственное сообщеніе.

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатано слѣдующее правительственное сообщеніе:

«24-го іюля, въ 9 часовъ вечера, въ одесскомъ военноокружномъ судѣ, было окончено извѣстное дѣло о вооруженномъ сопротивленіи властямъ при обыскѣ, произведенномъ 30-го января нынѣшняго года, на Садовой улицѣ города Одессы. Судъ приговорилъ главнаго виновника по этому дѣлу, Ковальскаго, къ смертной казни, а остальныхъ семь лицъ, оказавшихся виновными, къ болѣе или менѣе тяжкимъ наказаніямъ.

«Ко времени объявленія судомъ приговора, на прилегающихъ къ зданію суда тротуарахъ, собралась значительная толпа любопытныхъ. Когда приговоръ суда сдѣлался извѣстенъ въ публикѣ, изъ толпы стали раздаваться выраженія неудовольствія. Всѣ усилія полиціи заставить толпу разойтись оказались безуспѣшными, вслѣдствіе чего была выдвинута рота солдатъ, которая и разсѣяла тѣснившихся. Но въ то самое время, когда нижніе чины направились въ массу публики, чтобъ принудить ее очистить тротуары, раздалось нѣсколько выстрѣловъ, очевидно, изъ групы преднамѣренно собравшихся злоумышленниковъ, такъ какъ остальная публика начала расходиться безъ всякаго сопротивленія, при чемъ войсками не было произведено ни одного выстрѣла. Жертвами этого новаго преступленія были: трое нижнихъ чиновъ—раненыхъ и двое частныхъ лицъ—убитыхъ. Жизнь раненыхъ нижнихъ чиновъ внѣ опасности.

«Спокойствіе въ городѣ было немедленно возстановлено».

Новости наукъ и жизни.

— **А. И. Рожновъ.** Недавно схоронили одного изъ выдававшихся преподавателей пѣнія, Александра Ивановича Рожнова. Онъ преподавалъ въ институтахъ: екатерининскомъ, смольномъ, павловскомъ и въ придворной пѣвческой капеллѣ. Кромѣ того у него было не мало частныхъ учениць и учениковъ. Вокальная литература обязана ему рядомъ изданій. Назовемъ «Элементар-

ные уроки пѣнія», «Собраніе молитвъ» «Руководство для обученія пѣнію въ народныхъ училищахъ», «Учебникъ пѣнія по цифрамъ» и др.

— **Новая планета Вулканъ.** 17-го (29 го) іюля происходило полное солнечное затмѣніе, которое было видимо, впрочемъ, только въ Сѣверной Америкѣ. Для наблюденія за затмѣніемъ отправились въ территорію Уайомингъ астрономическія экспедиціи. Одному изъ наблюдателей затмѣнія, г. Уатсону, удалось открыть при этомъ, во время наблюденія съ 29-го на 30-е іюля, новую планету. Этотъ извѣстный астрономъ, завѣдывающій обсерваторіей въ Анн-Арборѣ (въ Мичигэнѣ), нашелъ планету «Вулканъ», существованіе которой опредѣлено было великимъ Леверрье вычисленіями его надъ движеніями перигелія орбиты Меркурія и которую онъ безплодно силился отыскать въ теченіи болѣе двадцати лѣтъ. Новое небесное тѣло имѣло, въ моментъ полнаго солнечнаго затмѣнія, блескъ, равный блеску звѣздъ четвертой величины; обстоятельство это указываетъ на значительную поверхность планеты. Вопросъ заключается только въ томъ: занимала ли планета эта положеніе, близкое къ тому, которое можно было бы вывести изъ приблизительныхъ опредѣленій Леверрье? Пока извѣстно только, что небесные координаты «Вулкана» были 8 часовъ 16 минутъ прямого восхожденія и 18° сѣвернаго склоненія. Въ этотъ моментъ, небесные координаты солнца были нѣсколько менѣе восьми часовъ и нѣсколько болѣе 18°. Изъ этого слѣдуетъ, что «Вулканъ» находился нѣсколько къ востоку и ниже солнца, въ разстояніи трехъ или четырехъ діаметровъ солнца. Законы Кеплера указываютъ, что скорость движенія этого небеснаго тѣла должна быть громадна, и этимъ объясняютъ, почему такъ трудно было замѣтить эту планету во время ея прохожденій. Г. Уатсонъ составилъ себѣ спеціальность изъ открытія маленькихъ планетъ. Онъ—авторъ практическаго трактата объ астрономія, весьма цѣнимаго въ Америкѣ, гдѣ онъ разошелся въ нѣсколькихъ изданіяхъ. Во время этого замѣчательнаго затмѣнія, въ первый разъ было доказано, что температура воздуха быстро уменьшается при исчезновеніи солнца. Прямое доказательство столь важнаго факта опредѣлено въ первый разъ съ точностью и отчетливостью, посредствомъ недавно изобрѣтеннаго извѣстнымъ Эдиссономъ инструмента, называемаго микроталиметръ.

— **Летательная машина.** Въ «Бир. Вѣд.» пишутъ: изъ Бостона сообщаютъ въ «Journal de St.-Petersbourg» слѣдующія подробности, относительно происходившаго тамъ 4-го іюля, въ присутствіи приблизительно 50,000 зрителей, испытанія новоизобрѣтенной летательной машины. Изобрѣтатель объявилъ, что онъ поднимется на своей машинѣ лишь на небольшую высоту и, облетѣвъ кругомъ города, спустится опять на прежнемъ мѣстѣ. Между тѣмъ, какъ только были отпущены сдерживавшіе машину канаты, она устремилась съ ужасающей быстротой прямо вверхъ и въ одно мгновеніе оказалась уже на высотѣ 2,000 футовъ надъ поверхностію земли. Очевидно было, что воздухоплаватель не можетъ справиться съ своей машиной. Публика стала уже безпокоиться объ его участи, особенно когда увидала, что машина продолжаетъ подниматься вверхъ, несмотря на всѣ усилія воздухоплавателя, выпустившаго изъ нея часть газа. Наконецъ, изобрѣтателю удалось заставить непокорное свое дѣтище летѣть въ горизонтальномъ направленіи. Быстро промчавшись надъ сосѣдними дачами машина согласилась, наконецъ, спуститься въ маленькомъ городкѣ Фэрнгэмѣ, къ немалому ужасу всего тамошняго населенія. Надѣясь, что при вторичной попыткѣ она будетъ вести себя благопристойнѣе, воздухоплаватель снова поднялся съ коварнымъ намѣреніемъ заставить свою машину вернуться по воздуху опять въ Бостонъ, но не въ состояніи былъ съ нею справиться. Машина выдѣлывала на воздухѣ такія удивительныя и неожиданныя для самого воздухоплавателя штуки, что онъ счелъ болѣе благоразумнымъ спуститься опять на землю. Это ему удалось не безъ нѣкоторыхъ хлопотъ. Затѣмъ, уложивъ въ вагонъ капризное свое дѣтище изобрѣтатель вернулся въ Бостонъ уже по желѣзной дорогѣ. Самъ воздухоплаватель объясняетъ претерпѣнное имъ фіаско неожиданнымъ поврежденіемъ руля у его машины.

— **Неподозрѣваемая опасность.** По словамъ «Бирж. Вѣд.», въ послѣднемъ засѣданіи ученаго парижскаго «общества поощренія» докладывалось чрезвычайно интересное сообщеніе американскаго профессора Смита, состоящаго корреспондентомъ названнаго «общества» по отдѣлу химіи. Въ сообщеніи своемъ профессоръ Смитъ описываетъ одинъ случай взрыва, произошедшій при совершенно новыхъ, никогда и никѣмъ не наблюдаемыхъ обстоятельствахъ. Взрывъ этотъ случился въ маѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года въ городѣ Минніаполисѣ, на одной изъ большихъ мукомольныхъ мельницъ, расположенныхъ на берегу рѣки Миссисипи. Мельницы эти считаются едва ли не наибольшими въ цѣломъ свѣтѣ и дѣйствуютъ при помощи громадныхъ турбинъ, приводимыхъ въ движеніе теченіемъ Миссисипи. Взрывъ произошелъ, повидимому, безъ всякихъ внѣшнихъ причинъ и произвелъ страшныя разрушенія: вся крыша громаднаго зданія взлетѣла на воздухъ, а стѣны представляли груду развалинъ, подъ которой было погребено большое количество погибшихъ рабочихъ. Сосѣднія мельницы и другія каменныя строенія, находившіяся по близости, также болѣе или менѣе пострадали отъ взрыва и сопровождавшаго его сильнаго пожара, распространенію котораго ничто не мѣшало: всеобщая паника совершенно парализировала единичныя усилія небольшой кучки людей, старавшихся удержать распространеніе пламени. «Послѣ самыхъ тщательныхъ изслѣдованій, говоритъ профессоръ Смитъ въ своемъ сообщеніи, — я пришелъ къ заключенію, что въ данномъ случаѣ взрывъ произошелъ отъ скопленія внутри зданія мельницы органическихъ веществъ, въ видѣ мельчайшей пыли, которыя образовала взрывчатую смѣсь, подобную той, какая образуется изъ паровъ, эфира и алькоголя, смѣшанныхъ съ воздухомъ». Подобный фактъ заслуживаетъ самаго серьезнаго изученія, такъ какъ онъ обнаруживаетъ существованіе такой опасности, которая до настоящаго времени не была извѣстна и заявила о себѣ описанною страшною катастрофою. Воспламененіе, по мнѣнію профессора Смита, могло произойти отъ сильнаго нагрѣванія жерноповъ, вращающихся съ необыкновенною быстротою. Сообщеніе г. Смита возбудило чрезвычайный интересъ, и «общество поощренія» поручило своимъ сочленамъ собрать возможно большее количество фактовъ, относящихся къ тому роду весьма мало изслѣдованныхъ явленій, для возможного ознакомленія съ ними.

Смѣсь.

— **Результаты войны для Турціи.** Газета «Süddeutsche Presse» представляетъ слѣдующій сводъ территоріальныхъ перемѣнъ, произведенныхъ берлинскимъ трактатомъ: «Европейская Турція понесла большія потери, и протяженіе ея уменьшилось съ 6,517 до 3,867 квадратныхъ миль, а число жителей съ 10-ти до 6½ мильйоновъ. Сюда входитъ и автономная на будущее время, подъ управленіемъ христіанскаго намѣстника, Восточная Румелія въ 630 квадратныхъ миль съ однимъ мильйономъ душъ, утрата же сюзеренства надъ Румыніей и Сербіей, въ разсчотъ не принята. Новаго княжества Болгаріи, несмотря на подчиненность его султану, къ Турціи, въ тѣсномъ смыслѣ слова, причислить болѣе нельзя; оно обнимаетъ 1,150 квадратныхъ миль, съ 1,700,000 душъ. Въ числѣ ихъ не менѣе 680,000, т. е. 40%. махомеданъ. Менѣе значительно махомеданское меньшинство въ Восточной Румеліи, гдѣ махомеданъ приходится до 270,000 на мильйонъ душъ. Румынія сдѣлалась державною, и съ 2,201 квадратной мили и съ 5,073,000 душъ возросла до 2,290 квадратныхъ миль съ 5,110,000 душъ. Она отдала Бессарабію съ 150 кв. миль и до 135,000 душъ и получила, взамѣнъ того, Добруджу съ 240 кв. миль и до 175,000 душъ. Сербіи болѣе повезло: она до войны располагала пространствомъ земли въ 873 кв. мили 1,360,000 душъ, а теперь увеличилась до 993 кв. миль въ 1,640,000 душъ, слѣдовательно—пріобрѣла 56-ю квадратными милями и 54,000 душъ больше, чѣмъ ей было назначено санстефанскимъ трактатомъ. Наконецъ, Черногорія увеличилась съ 78 кв. миль до 158 и съ 170,000 душъ до 220,000. Австрія займетъ, въ неуступленной Черногоріи части Босніи и Герцеговины 980 кв. миль съ 1.220,000 душъ; въ составъ населенія входятъ 750,000 православныхъ и до 120,000 католиковъ; остальные же—махомедане. Греція, на основаніи постановленій берлинскаго конгресса, должна бы была получить до 200 кв. миль съ 300,000 душъ въ Фессаліи и Эпирѣ, но дѣло это, какъ извѣстно, еще не рѣшено. Россія пріобрѣтаетъ въ Азіи до 600 кв. миль и 800,000 душъ, и, сверхъ того, въ Европѣ Бессарабію, о пространствѣ и числѣ населенія которой, сказано уже выше. Наконецъ, Англіи достался Кипръ съ 173 кв. милями и населеніемъ въ 150,000 душъ».

— **Торговля невольницами.** Въ газ. «Правда» пишутъ: Въ египетскомъ городкѣ Танта, лежащемъ недалеко отъ Каира, бываетъ ежегодно двѣ ярмарки, одна весною, а другая осенью, на которыхъ открыто, покупаются и продаются всякаго рода восточные и европейскіе продукты, а тайно производится весьма обширный торгъ дѣвушками для снабженія гаремовъ одалисками и невольницами. Непубличность этого торга началась только съ царствованія нынѣшняго хедива, запретившаго торгъ невольниками; но правительство, конечно, смотритъ сквозь пальцы, когда дѣло идетъ о доставленіи египетскимъ, марокскимъ и турецкимъ пашамъ необходимыхъ принадлежностей ихъ гаремовъ. На ярмарку въ Танта, торговцы невольниками посылаютъ самый лучшій товаръ и всѣхъ сортовъ, какъ-то: смуглыхъ дочерей Индіи, сладострастныхъ черкешенокъ, черныхъ представительницъ племени Сомали, затѣмъ турчанокъ, сиріянокъ, египтянокъ и пр. Тантаская ярмарка продолжается отъ шести до семи недѣль, но торгъ дѣвушками, начинается только на третьей или четвертой недѣлѣ, ибо торговцы этимъ товаромъ считаютъ болѣе выгоднымъ для себя открыть свой базаръ не раньше, какъ когда всѣ посѣтители ярмарки съѣхались и запросъ сдѣлался болѣе настоятельнымъ.

— **Дѣвушка конокрадъ.** Газета «Nowiny» разсказываетъ что не вдалекѣ отъ г. Казиміра (люб. губ.) вытащенъ былъ недавно изъ Вислы трупъ молодой дѣвушки, со связанными назадъ руками. По произведенному разслѣдованію оказалось, что это трупъ, извѣстной въ сказанной мѣстности, воровки, спеціальностью которой была кража лошадей. Поймавъ лошадь, она обыкновенно переправлялась на ней вплавь на другой берегъ Вислы, и потому очень трудно было ее схватить. Видно, однако, что она была, наконецъ, схвачена и что надъ ней исполненъ былъ судъ Линча. Слѣдствіе энергически производится, но виновные пока не открыты.

— **Ужасныя послѣдствія ошибки.** Одно изъ извѣстнѣйшихъ мексиканскихъ семействъ, проводившее лѣто на дачѣ въ Сантъ-Анжело, получило однажды посылку, которую оно давно уже ожидало. Въ ней должны были находиться различные предметы благотворительности. Пригласивъ своихъ сосѣдей, оно собиралось раскрыть ящикъ, заключавшій посылку, и для этого призвали слугу. Но каково было удивленіе присутствующихъ, когда, открывъ крышку ящика, они увидали въ немъ другой деревянный ящикъ, затѣмъ третій и, наконецъ, герметически закрытый свинцовый ящичекъ. Долго трудился слуга, чтобы открыть послѣдній, но когда, наконецъ, это ему удалось, то вдругъ послѣдовалъ страшный взрывъ, стѣны затряслись и пошатнулись, двери и окна были разрушены. Все въ Сантъ-Анжело заволновалось, всѣ бросились къ мѣсту катастрофы, и здѣсь имъ представилось ужасное зрѣлище: подъ грудами развалинъ разрушенной комнаты, лежало семь, страшно обезображенныхъ труповъ. По изслѣдованіи оказалось, что ящикъ съ динамитомъ былъ выданъ по ошибкѣ. Какова была сила взрыва, можно судить по слѣдующимъ

подробностямъ: трупъ одной изъ женщинъ разорванъ пополамъ; у другой жертвы раздробленъ черепъ; трупъ слуги обезглавленъ, и голова найдена далеко отъ туловища; домъ превращенъ въ развалины, и всѣ сосѣднія строенія, болѣе или менѣе пострадали.

— **Предсказанія.** Въ «Пет. Газ». пишутъ: Въ одномъ изъ нумеровъ «Франкфуртской газеты», за прошлое время были напечатаны нѣкоторыя предсказанія, сдѣланныя умершимъ въ 1873 г., въ францисканскомъ монастырѣ, въ Мюнхенѣ, католическимъ патеромъ Транкилемъ Фольфгангомъ, родившимся въ Англіи. Въ его пророчествахъ на 1878 г., сказано: «новый европейскій конгрессъ въ Берлинѣ; смерть королевы англійской; новое правительство въ Испаніи; полное освобожденіе восточныхъ христіанъ; неудовольствія въ Португаліи, Польшѣ и Венгріи». На 1879 годъ, патеръ Транкиль предрекъ: строгія мѣропріятія противъ возмутителей народовъ; преобразованіе католической церкви самимъ папою и уничтоженіе ордена іезуитовъ; на 1880 годъ— новую эру мира и братство народовъ.

— **Комедія изъ петербургской жизни.** Парижскій корреспондентъ «Пет. Листка» пишетъ: «Бывшій секретарь администраціи петербургскаго театра Буффъ, г. Жаконе, написалъ пьесу, подъ названіемъ «Une couche sociale», которая принята дирекціей театра «Variété». Сюжетъ пьесы взятъ изъ петербургской жизни, и на сцену выведена авторомъ большая часть нашихъ журналистовъ, разные антрепренеры, спекулянты и извѣстные всему Петербургу завсегдатаи публичныхъ зрѣлищъ и увеселеній, съ полными ихъ именами. Мнѣ говорили, что пьеса хороша, и характеры описаны чрезвычайно удачно».

— **Ужасная ревность.** «Голосъ» сообщаетъ, что въ непродолжительномъ времени въ петербургскомъ окружномъ судѣ будетъ слушаться интересное дѣло, могущее дать подробное разъясненіе загадочной смерти воспитанника одной изъ петербургскихъ гимназій, сына полковника Николая Игнатьевича Познанскаго. Смерть послѣвола при слѣдующихъ обстоятельствахъ: въ половинѣ апрѣля, на Святой недѣлѣ, мальчикъ легъ въ постель около 11 часовъ вечера, гдѣ ему проживавшая въ ихъ домѣ уже нѣсколько лѣтъ гувернантка, французская подданная Маргарита Жюжакъ, дала одну ложку лекарства, прописаннаго ихъ домашнимъ врачемъ отъ гландъ, которыми страдалъ покойный. Лекарство состояло изъ небольшой дозы іодистаго кали. На утро красивый и находившійся въ полной силѣ 16-лѣтній мальчикъ былъ найденъ мертвымъ. Такая неожиданная смерть заставила его отца, полковника Познанскаго, принять мѣры къ уясненію причины смерти, и онъ, не обращаясь къ оффиціальнымъ властямъ, черезъ имъ же приглашенныхъ врачей сдѣлалъ вскрытіе трупа, изъ котораго обнаружилось, что смерть послѣдовала отъ значительной дозы солено-кислаго морфія, принятаго внутрь. По изслѣдованіи же лекарства, оставшагося въ бутылочкѣ, въ немъ присутствіе морфія оказалось настолько велико, что одна ложка его должна была заключать въ себѣ болѣе двухъ гранъ морфія — количество, вполнѣ достаточное для причиненія смерти человѣку, непривыкшему къ пріемамъ этого средства. А такъ какъ морфій въ содержаніе лекарства не входитъ и оно было имъ принимаемо и ранѣе того уже нѣсколько разъ, то стало очевиднымъ, что въ него морфій былъ влитъ лишь передъ послѣднимъ пріемомъ. Несчастный отецъ обратился съ заявленіемъ къ полиціи, и расслѣдованіе было начато. Подозрѣніе въ умышленномъ отравленіи покойнаго пало на француженку Жюжакъ, имѣвшую возможность легко пріобрѣсти необходимое количество морфія въ комнатѣ самого хозяина дома, который уже нѣсколько лѣтъ прибѣгалъ къ постояннымъ пріемамъ этого сильнаго средства. Она была арестована и по всей вѣроятности предварительное слѣдствіе, произведенное судебнымъ слѣдователемъ 12-го участка города Петербурга, Кучинскимъ, раскрыло достаточно доказательствъ ея виновности, потому что она и до сего времени находится подъ стражею. Обвинительный актъ составленъ товарищемъ прокурора петербургскаго окружного суда Шидловскимъ, по обвиненію ея въ убійствѣ, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, посредствомъ отравленія (1,453 ст. Улож. о нак.) и, по всей вѣроятности, уже утвержденъ судебною палатою. Мотивомъ преступленія является— страстная любовь сорокалѣтней женщины, нераздѣленная несчастнымъ, шестнадцатилѣтнимъ отрокомъ.

— **Среднія учебныя заведенія во Франціи.** Газета «Nat. Zeit.» сообщаютъ слѣдующія статистическія данныя о положеніи французскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, заимствованныя изъ отчета французскаго министра народнаго просвѣщенія, Барду, и относящіяся въ концу 1876 г. Цифры оффиціальнаго документа представляютъ весьма интересныя данныя о постоянномъ развитіи клерикальныхъ учебныхъ заведеній, въ ущербъ свѣтскимъ. То же явленіе было замѣчено и однимъ изъ предшественниковъ нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія, Дюрюи, въ періодъ съ 1854 года по 1865 годъ; слѣдующее десятилѣтіе дало еще болѣе поразительные результаты. Въ 1865 г., во Франціи числилось независимыхъ отъ государства среднихъ учебныхъ заведеній: 657 свѣтскихъ и 278 конгреганистскихъ; въ 1876 году—494 свѣтскихъ и 309 конгреганистскихъ, слѣдовательно, первыя уменьшились на 163, а послѣднія увеличились на 31. Въ 1864 году, въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ числилось 43,009 воспитанниковъ, въ 1876 году—только 34,897; въ 1866 г. въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ находилось 34,897 воспитанниковъ, въ 1876 году—46,819. Такимъ образомъ, общее число учениковъ, посѣщавшихъ независимыя отъ государства среднія учебныя заведенія, почти не измѣнилось, но при этомъ свѣтскія школы потеряли 11,760 учениковъ, а духовныя пріобрѣли 11,919. Въ эти десять лѣтъ конгрегаціи учредили не менѣе 46 новыхъ пансіоновъ, изъ которыхъ 13 основаны іезуитами, 7—маріистами, 2 лазаристами и 24 различными другими орденами.

— **Судебная ошибка.** Въ елисаветградскомъ окружномъ судѣ, два раза разбиралось дѣло мѣщанина Волощука, обвинявшагося въ убійствѣ; въ 1 разъ Волощукъ былъ признанъ присяжными виновнымъ въ убійствѣ, но судъ призналъ, что присяжными осужденъ невинный и дѣло было передано на новый составъ присяжныхъ; этотъ послѣдній, какъ и первые присяжные, также вынесъ обвинительный приговоръ и Волощукъ былъ приговоренъ судомъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы. По вступленіи приговора суда въ законную силу, Волощукъ отправленъ къ мѣсту своей ссылки. Нынѣ же, какъ передаетъ «Елисаветгр. Вѣстн.», одинъ изъ содержащихся въ елисаветградскомъ тюремномъ замкѣ арестантовъ, заявилъ подлежащей власти, что то убійство, за которое осужденъ Волощукъ, совершенно не Волощукомъ, а имъ. По заявленію этому производится расслѣдованіе чрезъ мѣстнаго слѣдователя и результаты этого расслѣдованія еще неизвѣстны.

— **Карлики.** Въ вестминстерскомъ акваріѣ въ Лондонѣ, показывается въ настоящее время замѣчательное общество карликовъ, состоящее изъ одной дамы (герцогини Лиллипутъ) и двухъ джентльменовъ (барона Литлефингера и графа Розебеттона). Это два брата и сестра, родомъ изъ Болоньи. Барону 30 лѣтъ отъ роду и онъ 35 дюймовъ вышины; графу 28 лѣтъ при $35^1/_2$ дюйм.; герцогинѣ же Лиллипутъ 24 года и 36 д. выш. Карлики эти обращаютъ на себя всеобщее вниманіе и привлекаютъ многочисленныхъ зрителей.

— **Ничего не пожалѣю; но утоплю.** «Русскія Вѣдомости» сообщаютъ: «10-го іюля, въ Москвѣ, въ театрѣ Буффъ, одинъ изъ пѣвцовъ, г. Пушкинъ, пропѣлъ нѣсколько современныхъ куплетовъ о томъ, какъ интендантскіе чиновники на Дунаѣ провіантъ доставляли; куплеты произвели фуроръ, 13-го іюля, въ саду «Эрмитажъ» было особенно много публики и въ томъ числѣ одинъ, небезъизвѣстный въ Москвѣ подрядчикъ военнаго вѣдомства изъ евреевъ, г. М., который ожидалъ большого удовольствія отъ куплетовъ г. Пушкина. Какъ вдругъ пѣвецъ, совершенно неожиданно для посѣтителя, пришедшаго насладиться куплетами объ интендантскихъ чиновникахъ, пропѣлъ народію на одну изъ арій «Аскольдовой могилы», какъ жили евреи въ старину» и персидскій маршъ, «какъ евреи за Дунаемъ бывали, сухари доставляли и въ муку песочку подсыпали». Куплеты эти страшно непонравились г. М., который, говорятъ, поклялся, что если это будетъ ему стоить 30,000 руб. и даже больше, онъ всетаки выгонитъ изъ Москвы дерзскаго куплетиста. Не знаемъ, какимъ образомъ г. М. этого достигнетъ; но говорятъ, что полиція составила по этому поводу нѣсколько актовъ».

— **Купеческіе сынки.** Въ газетѣ «Правда», разсказывается о слѣдующемъ происшествіи въ Люстдорфѣ подъ Одессою: «Надняхъ, вѣроятно, послѣ веселой пирушки, въ Люстдорфъ пріѣхало двое одесскихъ купеческихъ сыновей Е. Въѣхавъ въ Люстдорфъ, они переѣхали двухлѣтнюю дѣвочку; дитя играло у забора улицы, въ 30 шаговъ ширины, и на улицѣ никого не было, кромѣ несчастнаго дитяти и одного господина, который бросился въ догонку за Е., уѣхавшими далѣе, какъ-будто изуродовать, изувѣчить, можетъ быть, убить дитя ничего не значитъ, и даже не стоитъ, чтобъ лошадь на бѣгу останавливать: именно такъ эти господа отвѣтили остановившему ихъ лицу на упрекъ, зачѣмъ они не остановили лошадей, такъ какъ они не могли не видѣть дитяти: «Вы въ лошадяхъ ничего не понимаете, коли не знаете, что онѣ портятся, если ихъ на бѣгу остановить». Съ помощью солдатъ, квартирующихъ въ Люстдорфѣ, гг. Е., которые предварительно еще подрались съ отцомъ несчастнаго дитяти, упрекавшимъ ихъ за ихъ дѣйствія, были приведены въ сельское управленіе, и тамъ былъ старостою составленъ актъ объ этомъ возмутительномъ происшествіи. Утромъ разнесся слухъ, что несчастное дитя умерло; во всякомъ же случаѣ, дитя на всю жизнь изуродовано, такъ какъ личико цѣликомъ ободрано и одно ухо разорвано».

— **Средство избавиться отъ евреевъ.** Въ венгерскую палату депутатовъ депутатомъ Истоци внесено слѣдующее курьезное предложеніе: «Пусть палата заявитъ, что, въ случаѣ, если въ какомъ-нибудь фазисѣ рѣшенія восточнаго вопроса и окончательнаго установленія будущности Востока, со стороны вождей евреевъ или какого-либо европейскаго правительства будетъ возбуждена идея, что не слѣдуетъ ограничиваться только разрѣшеніемъ притязаній на свободу христіанскихъ народовъ Востока, согласно европейскимъ интересамъ, но необходимо также, наконецъ, оказать справедливость еврейскому народу, изгнанному 1800 лѣтъ тому назадъ изъ своей опустошенной родины,— справедливость можетъ быть оказана еврейскому народу тѣмъ, что ихъ родина Палестина должна быть увеличена и превращена въ автономную провинцію, подъ верховною властью или подъ покровительствомъ Порты, или какъ совершенно самостоятельное государство. Такимъ образомъ, еврейскій народъ, который нынѣ, повсюду разсѣянный, вредитъ прогрессу европейскихъ народовъ и развитію христіанской цивилизаціи, перестанетъ быть зломъ, будетъ пользоваться благами собственнаго національнаго правительства и національныхъ учрежденій въ средѣ родственныхъ семитскихъ племенъ. Онъ сдѣлается могучимъ, новымъ, жизненнымъ элементомъ отсталаго, истощеннаго Востока и станетъ сильнымъ рычагомъ цивилизаціи. Пусть палата заявитъ, чтобы венгерское правительство дѣйствовало въ такомъ смыслѣ, чтобы министерство иностранныхъ дѣлъ монархіи не только не противодѣйствовало подобному предложенію, но, напротивъ, поддерживало его всѣми силами, какъ въ общеевропейскихъ интересахъ, такъ въ интересахъ монархіи и Венгріи въ особенности». Почтенный депутатъ ненавистникъ евреевъ и желаетъ избавить отъ нихъ свое отечество. Предложеніе его вызвало въ венгерскомъ парламентѣ всеобщую веселость.

— **Шахматный турниръ.** По словамъ «Times», парижскій международный конгрессъ шахматной игры будетъ самый важный и самый блистатель-

ный изъ всѣхъ, какіе были гдѣ-либо въ этомъ родѣ. Сумма призовъ, предназначенныхъ побѣдителямъ, доходитъ до 12,000 фр., и французское правительство весьма любезно пригласило на него лучшихъ шахматныхъ игроковъ во всѣхъ странахъ свѣта, которые приняли приглашеніе почти всѣ безъ исключенія. Предполагается сыграть 132 партіи, изъ нихъ уже сыграно 48, и до сихъ поръ пальма первенства остается за Россіей: представитель ея, г. Винаверъ, выигралъ уже 8 партій и не проигралъ ни одной.

— **Милліонное мошенничество.** Газетѣ «Times» телеграфируютъ изъ Рима: «Нѣсколько недѣль назадъ, лотерейные игроки были сильно взволнованы извѣстіемъ, что одинъ неаполитанскій священникъ, по фамиліи де-Маттіа, угадалъ кватерну, на которой выигралъ громадную сумму въ 2.100,000 франковъ. Послѣ обстоятельной провѣрки, правительство приказало уплатить деньги; но въ настоящее время оказывается, что это было мошенничество, задуманное де-Маттіа и нѣкоторыми изъ служащихъ при лотерейной конторѣ; служащіе сообразили впослѣдствіи, что священникъ не далъ имъ достаточной доли добычи и дали знать объ этомъ правительству. Вслѣдствіе этого, полиція наложила запрещеніе на 750,000 франковъ, положенныхъ въ неаполитанскій банкъ и въ сохранные банки; но де-Маттіи удалось бѣжать въ Швейцарію».

— **Месть ласточекъ.** Въ «Пет. Газ.» напечатано: Въ веронскихъ газетахъ говорится о слѣдующемъ случаѣ, происшедшемъ въ Каприно-Веронезе, помѣстьи г. Стринга, и подтвержденномъ свидѣтельствомъ очевидцевъ. Въ гнѣздо ласточки забрался зябликъ. Началась жестокая драка, но непрошенный гость ни за что не хотѣлъ убраться, такъ-что уйдти пришлось самой хозяйкѣ гнѣзда. Ласточка улетѣла, но чрезъ три четверти часа вернулась назадъ, предводя огромною стаею своихъ подругъ. Тогда началось прелюбопытное зрѣлище: всѣ ласточки, у которыхъ рты были наполнены землею, бросились къ отверстію гнѣзда и заживо замуровали въ немъ зяблика.

— **Курьезъ, если не выдумка.** По поводу появившагося въ газетахъ объявленія объ отправляемомъ изъ Петербурга на парижскую выставку трехтысячномъ тюникѣ, разсказываютъ, что пресловутый петербургскій интендантскій поставщикъ Малкіель, выписалъ для своей жены къ свадьбѣ своей своячeницы платье, украшенное, по заказу, вышитыми на немъ шелкомъ, въ миніатюрѣ, всѣми звѣрями, находившимися во время всемірнаго потопа въ ноевомъ ковчегѣ. Платье это, представляющее, какъ говорятъ, огромную цѣнность, конкуррируетъ со всѣми произведеніями этого рода, когда-либо являвшимися на всемірныхъ выставкахъ.

— **Потребленіе города Парижа.** По распоряженію сенскаго префекта, парижскій муниципальный совѣтъ опубликовалъ статистическія свѣдѣнія о количествѣ припасовъ, потребляемыхъ Парижемъ. Въ 1877 году, столица поглотила: 133.325,535 кил. мяса, 20.788,859 кил. домашней птицы и дичи, 19.871,001 кил. копченыхъ припасовъ, 25.380,664 кил. рыбы, 2.660,855 кил. устрицъ, 14.979,114 кил. яицъ, 14.099,249 кил. масла. Сверхъ того, въ 61 живодернѣ было убито для продажи конины 10,619 лошадей. Изъ напитковъ было употреблено: 4.343,137 гектолитровъ вина, 106,540 гектолитровъ чистаго алькоголя и ликеровъ, 206,487 гектолитровъ пива, 89,947 гектолитровъ сидра*). Вообще, жизненные припасы въ Парижѣ подешевѣли; цѣны на мясо и рыбу упали, въ размѣрѣ 5 — 8 сант. на килограммъ.

— **Англичане не зѣваютъ.** Ни одинъ народъ не умѣетъ такъ быстро освоиваться во вновь пріобрѣтенномъ краѣ, какъ англичане. На островѣ Кипрѣ, они не только приступаютъ уже къ сооруженію желѣзныхъ дорогъ, но ими начата и постройка англійскаго театра.

*) Килограмъ = 2,4 рус. фунта. Гектолитръ = рус. 8 вед. 1 штофъ.

Телеграммы.

Вѣна, 28-го іюля. Дипломатическій агентъ сербскаго правительства, г. Цукичъ, сообщилъ графу Андраши, что на сербско-боснійской границѣ, вдоль рѣки Дрины, выставленъ обсерваціонный корпусъ, съ цѣлью охранять неприкосновенность границы. Графъ Андраши принялъ «весьма благосклонно» успокоительныя завѣренія представителя Сербіи.

— 28-го іюля. Газетѣ «Politische Correspondenz» телеграфируютъ изъ Константинополя отъ 9 августа: «Генералъ Тотлебенъ соглашается на очищеніе русскими войсками части позицій передъ Константинополемъ, какъ скоро Варна будетъ окончательно сдана русскимъ. Турецкіе офицеры отправились въ Севастополь, чтобъ руководить возвращеніемъ на родину турецкихъ плѣнныхъ».

— 29-го іюля. Здѣсь получены извѣстія, что сербы стрѣляютъ съ береговъ рѣки Савы въ проходящія австрійскія войска. Изъ Албаніи, Старой Сербіи, небольшіе отряды проникли въ Боснію и идутъ на встрѣчу австрійцамъ.

Константинополь, 27-го іюля. Вслѣдствіе дипломатическаго давленія державъ, Порта взяла назадъ меморандумъ, написанный въ отвѣтъ на постановленія берлинскаго конгресса. Она приготовитъ этотъ актъ въ другой редакціи. Варна очищена турецкими войсками.

Разгадка.

Разгадка помѣщенной въ прошломъ № загадки заключается въ отвѣтѣ на вопросъ: «что прикажете?» (Поясненіе разгадки въ слѣдующемъ №.)

Шахматы.

Бѣлые	*Черные*
1) E2—E4.	1) E7—E5.
2) G1—F3.	2) B8—C6.
3) F1—C4.	3) F8—C5.
4) B2—B4.	4) C5—B4:
5) C2—C3.	5) B4—A5.
6) D2—D4.	6) E5—D4:
7) 0—0.	7) G8—F8.
8) E4—E5.	8). .

Слабый ходъ; было бы лучше C1—A3!

8) . . .	8) D7—D5!
9) E5—D6:	9) . . .

Нѣсколько лучше было бы ходить B5.

9) . . .	9) 0—0.
10) D6—C7:	10) A5—C7:
11) C1—A3.	11) F8—E8.
12) C3—D4:	12) C8—G4.

Положеніе черныхъ несравненно лучше, потому что бѣлые немогутъ сохранить пѣшку D.

13) B1—C3	13) G4—F3:
14) D1—F3:	14) D8—D4:
15) C3—B5.	15) D4—F4.
16) F3—F4:	16) C7—F4:
17) G2—G3.	17) F4—E5.
18) A1—B1.	18) A8—D8.
19) F2—F4.	19) E5—B8.
20) B5—C3.	20) B7—B6.
21) C4—B5.	21) E8—E3!
22) A3—B2.	22) C6—D4.
23) C3—D1.	23) D4—F3 †.
24) G1—F2.	24) F6—G4 †.
25) F2—G2.	25) D8—D5 †.
26) D1—F2?	26) . . .

Этимъ ходомъ сдѣланъ большой промахъ и бѣлые не могутъ противостоять чернымъ.

26) . . .	26) F3—H2:
27) F1—D1.	27) D2—F2 †.
28) G2—H3.	28) H7—H5.
29) H3—H4.	29) B8—C7.
30) D1—D7.	30) G7—G6.
31) B5—C6.	31) C7—E5!

Черные ведутъ всю партію превосходно.

32) F4—E5:	32) H2—F3 †.
33) C6—F3:	33) E3—F3:

Бѣлые сдались.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

При этомъ нумерѣ «Живописн. Обозрѣн.» разсылается гг. подписчикамъ приложеніе: № 13, «Парижскія моды».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 Августа 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

№ 33. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. - 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 13 Августа 1878 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

О НАШЕЙ ВТОРОЙ ПРЕМІИ.

Успѣхъ нашего журнала въ настоящемъ году далъ намъ возможность дѣлать улучшенія въ его изданіи, что уже обратило вниманіе нѣкоторыхъ изъ гг. нашихъ подписчиковъ, приславшихъ намъ сочувственные отзывы и заявленія, которыя были приняты во вниманіе Редакціею. Такъ, было приложено нѣсколько гравюръ, отпечатанныхъ на веленевой бумагѣ, которыя, по выраженію одного изъ почтенныхъ нашихъ корреспондентовъ «явилось сюрпризомъ для читателей». Такимъ же сюрпризомъ является и настоящая премія—олеографія портрета извѣстной красавицы **Графини Потоцкой.** Эта олеографія исполняется по заказу Редакціи въ Берлинѣ у извѣстныхъ художниковъ олеографовъ Эстрейха и Гартмана и первые оттиски ея уже получены въ конторѣ Редакціи журнала. Вслѣдствіе этого, Редакція находитъ возможнымъ начать раздачу этой второй преміи гг. городскимъ подписчикамъ, которыхъ просятъ пожаловать за нею въ Контору, ежедневно открытою отъ 11 часовъ утра до 4 часовъ по полудни. Гг. иногородные подписчики получатъ эту премію не позже октября.

Жанъ Жакъ Руссо.

Статья **А. Толивѣровой.**

День столѣтней годовщины смерти Руссо, праздновался въ Парижѣ и Женевѣ.

Въ Парижѣ онъ имѣлъ совершенно семейный характеръ, въ Женевѣ оффиціальный.

Столѣтній юбилей Ж. Ж. Руссо праздновался въ Парижѣ 15 іюля, въ день годовщины взятія Бастиліи, въ циркѣ «Myers». Предсѣдателемъ этого торжества былъ Луи-Бланъ.

Съ ранняго утра толпа народа, не позабывшая своего «protecteur», осаждалаоба входа цирка. Около двухъ часовъ прибылъ Луи-Бланъ и воздухъ огласился звуками: «да здравствуетъ Луи-Бланъ!» «да здравствуетъ республика!»

Грамадное помѣщеніе цирка было переполнено посѣтителями. Когда члены юбилейнаго комитета заняли свои мѣста, оркестръ сыгралъ «Марсельезу», затѣмъ Луи-Бланъ прочелъ двѣ телеграммы: одну отъ итальянскаго народнаго трибуна, Гарибальди, другую отъ членовъ женевскаго юбилейнаго комитета. Послѣ этого сообщенія начались рѣчи. Первая была сказана депутатомъ Марку. Она была очень коротенькая, но преисполненная энтузіазма къ памяти покойнаго. Послѣ Марку говорилъ Луи-Бланъ. Въ блестящемъ изложеніи, Луи-Бланъ напомнилъ присутствующимъ и тѣ заслуги, которыя покойный оказалъ обществу, и тѣ лишенія, которыми была переполнена жизнь великаго Руссо. «Народъ и его страданія были любимой темой Руссо», сказалъ Луи-Бланъ, «да и кому же, какъ не ему, такъ много испытавшему, было возможно съ такой правдивостью описывать его страданія. Онъ, подобно простолюдину, голодалъ и нуждался въ пріютѣ, подобно ему, долженъ былъ заботиться о завтрашнемъ днѣ и снискивать себѣ пропитаніе трудомъ рукъ своихъ. Разъ изнемогая отъ усталости, онъ зашелъ къ одному крестьянину и попросилъ у него пріюта и чего-нибудь для утоленія голода и жажды. Крестьянинъ, боящійся сборщиковъ податей, отнесся къ просьбѣ незнакомца, крайне недовѣрчиво, вынесъ ему сначала ячменнаго хлѣба и молока, но затѣмъ, успокоенный видомъ путника, принесъ ему хорошаго хлѣба, вина и ветчины и тутъ же повѣдалъ Руссо, что онъ вынужденъ былъ прятать ветчину и вино, потому что слишкомъ обремененъ податями и что если бы только узнали, что онъ не умираетъ съ голоду, то онъ былъ бы совершенно разоренъ. Эта исповѣдь заронила въ сердце Руссо искру ненависти къ притѣснителямъ несчастнаго народа.

Съ самаго ранняго возраста, Руссо былъ обреченъ на всевозможныя мытарства. Онъ былъ и писцемъ, и странствующимъ работникомъ, и переписчикомъ нотъ, и простымъ лакеемъ. Будучи ученикомъ у гравера, онъ испыталъ не только голодъ, но и побои. Демонъ его таланта овладѣлъ имъ, когда ему было тридцать семь лѣтъ. Тогда ему нужно было остановиться на одной изъ двухъ доктринъ, —одна, носящая имя свободы, — владычества личнаго я; другая, говорящая людямъ, что гдѣ нѣтъ братства и равенства, тамъ свобода есть только законъ сильнаго».

Превосходна та часть рѣчи Луи-Блана, когда онъ, обратясь къ бюсту Руссо, говорилъ: «О, учитель! ты научилъ меня, что обязанность повиноваться общей волѣ вытекаетъ изъ непремѣннаго условія, служащаго охраной свободы и внѣ котораго нѣтъ ничего кромѣ господства семьи! Я буду повиноваться этой общей волѣ, и буду чтить ее. Ты также научилъ меня, что добро независитъ отъ человѣческихъ условій, и я вмѣстѣ съ жаждой истины и горячей любви къ справедливости, почерпнулъ изъ твоихъ произведеній рѣшимость никогда не закрывать глазъ передъ очевидностью—этимъ свѣтомъ ума; никогда не поступаться совѣстью — этимъ свѣтомъ сердца. Клянусь тебѣ—о, учитель, что если бы мнѣ, подъ страхомъ смерти, повелѣли затушить въ моемъ сердцѣ эти два свѣточа, то я не уступилъ бы ихъ и предпочелъ бы смерть»!

Эти слова вызвали долгонесмолкаемый громъ рукоплесканій и крики: «да здравствуетъ Луи-Бланъ!» «да здравствуетъ республика!» Переходя къ частной жизни Руссо, ея постояннымъ страданіямъ и его врагамъ, ораторъ привелъ слѣдующія многознаменательныя слова одного писателя, который говоритъ: «что безнаказанно нельзя возродить общество и потрясти міръ, и что идеалъ Руссо не былъ идеаломъ его современниковъ, и онъ, живя среди нихъ, представлялъ собою будущій вѣкъ».

Потомъ Луи-Бланъ указалъ на значеніе Руссо въ нравственномъ, соціальномъ и политическомъ возрожденіи Франціи. «Всякая великодушная идея находила себѣ почетное мѣсто въ сочиненіяхъ Руссо, точно также, какъ всякая несправедливая была заклеймена въ нихъ.

Въ развращенный восемнадцатый вѣкъ, вѣкъ пошлаго волокитства и разврата, Руссо первый заговорилъ, что мать должна сама кормить своего ребенка. Онъ первый провозгласилъ равенство между женщиной и мужчиной, высказалъ мысль, что ремесло должно входить въ воспитаніе, создалъ систему профессіональнаго воспитанія и реабилитировалъ трудъ».

Послѣ блестящей рѣчи Луи-Блана говорилъ Гамель. Въ заключеніе Луи-Блана сообщилъ еще объ одной телеграммѣ—отъ синдиката бордоскихъ рабочихъ, затѣмъ послѣ «хора солдатъ» изъ «Фауста» Гуно и оперы Руссо «le Devin du village» празднество кончилось и толпа разошлась при крикахъ: «да здравствуетъ Луи-Бланъ!» «да здравствуетъ республика!»

Празднества столѣтняго юбилея Ж. Ж. Руссо въ Женевѣ продолжались три дня.

Первый день былъ посвященъ пріемамъ, оффиціальной сторонѣ праздника, второй научной и третій учащемуся юношеству. Въ день торжества, колонна отъ 10 до 12 тысячъ человѣкъ, съ музыкой, направилась въ Плампалѣ, гдѣ была воздвигнута колосальная статуя Руссо и тамъ 350-ю пѣвцами была исполнена кантата. Послѣ полудня, многіе городскіе кварталы представляли собой самое разнообразное зрѣлище; гдѣ танцовали на открытомъ воздухѣ, гдѣ обѣдали, гдѣ давались цѣлые концерты, и это длилось далеко за полночь. На другой день, почти каждый часъ собирались публичныя конференціи, на которыхъ разбиралась личность Руссо, какъ политика, соціалиста, литератора, музыканта и ботаника.

На оффиціальномъ банкетѣ, въ которымъ принимали участіе болѣе 2,000 человѣкъ, сенаторъ Пеллетанъ произнесъ блестящую рѣчь, служащую, такъ сказать, прологомъ къ конференціи, долженствующей быть вечеромъ, и которая была дѣйствительно преисполнена оваціями, посвященными памяти знаменитаго юбиляра.

Настоящимъ же торжествомъ, былъ праздникъ молодежи. Около 12,400 мальчугановъ и дѣвочекъ участвовали въ празднествѣ. Городъ на свой счетъ устроилъ для нихъ на лугу Пламналѣ, у подножія колосальной статуи, которое было покрыто цвѣтами, букетами и вѣнками—обѣдъ. Вечеромъ, громадное пространство Пламналѣ было занято 50,000 толпой, былъ спущенъ великолѣпный фейерверкъ, и бенгальскіе огни, освѣщавшіе статую и присутствующихъ то розовымъ, то зеленымъ, то краснымъ, то лиловымъ цвѣтами, придавали какъ толпѣ, такъ и статуѣ, какой-то фантастическій характеръ. Иногда статуя освѣщалась краснымъ цвѣтомъ, а публика голубымъ и бѣлымъ.

По всѣмъ направленіямъ продавались портреты и жизнеописаніе Руссо. Ни одинъ работникъ не проходилъ мимо продавцевъ, не купивши этой брошюрки. Вѣчно страдавшій страданіями другихъ и своими собственными, вѣчно терзаемый сомнѣніями и измѣною друзей, Руссо ни одного раза, впродолженіи своей шестидесяти-шести-лѣтней жизни, не былъ предметомъ оваций.

Въ то время, какъ его современникъ Вольтеръ, за нѣсколько до дней своей смерти, съ тріумфомъ, съ которымъ могутъ сравняться немногіе королевскіе тріумфальныя шествія, въѣзжалъ въ Парижъ и когда его, Вольтера, подъѣхавшаго къ академіи, гдѣ происходило въ этотъ день чрезвычайное засѣданіе, въ голубой каретѣ, усѣянной золотыми звѣздами, вышли встрѣтить академики, Руссо умиралъ бѣднымъ въ чужой семьѣ, Жирардена, которая передъ самой его смертью дала ему пріютъ. Теперь, ознакомивъ читателей съ оваціями, вызванными столѣтней годовщиной Руссо, постараемся, весьма кратко, познакомить ихъ съ крайнѣ поучительной жизнью и дѣятельностью этого великаго французскаго мыслителя и писателя.

Въ 1529 году, когда весь политическій міръ былъ объятъ пламенемъ религіознаго раздора, одинъ парижскій книгопродавецъ, Дидье Руссо, боясь преслѣдованія, бѣжалъ изъ Франціи вмѣстѣ съ своей семьей въ Женеву, гдѣ впослѣдствіи и получилъ права гражданства. Одинъ изъ его потомковъ, Исаакъ Руссо, женатый на дѣвицѣ Бернаръ, имѣлъ двухъ сыновей, изъ которыхъ одинъ, вслѣдствіи дурного воспитанія, вышелъ очень дурнымъ, и куда-то пропалъ безъ вѣсти,—другой-же, по имени Жанъ Жакъ, біографіей котораго мы и займемся, стоилъ жизни своей матери.

Родившись крайне слабымъ, онъ остался живъ, только благодаря заботамъ своей тетки, родной сестры его отца.

Юношескіе годы Руссо прошли въ тяжкихъ испытаніяхъ. Потерявши своего отца, бывши еще отрокомъ, онъ поступилъ въ ученіе къ граверу, который съ нимъ жестоко обращался.

Не будучи въ состояніи переносить голодъ и побои, онъ бѣжалъ отъ гравера и въ шестнадцать лѣтъ не имѣлъ ни семьи, ни отечества, ни крова, гдѣ бы могъ преклонить голову. Онъ умеръ бы съ голоду, если бы въ это критическое для него время случай не свелъ его съ молодой баронессой Варенсъ, которая отвезла его въ Туринъ и тамъ помѣстила въ больницу оглашенныхъ, гдѣ онъ вскорѣ отрекается отъ протестантизма и оставляетъ ее. Очутившись снова лицомъ къ лицу съ бѣдностью, онъ пробуетъ всевозможныя должности: то онъ поступаетъ слугой къ графинѣ Верселлисъ, то лакеемъ къ графу Гувону, и, наконецъ, возвращается къ своей благодѣтельницѣ, баронессѣ Варенсъ, которая, тронутая его бѣдственнымъ положеніемъ и молодостью, рѣшается оставить его у себя.

Живя въ ея домѣ, онъ сначала поступаетъ въ семинарію, затѣмъ занимается музыкой и хотя самъ знаетъ ее еще очень плохо, но уже самъ начинаетъ давать уроки.

Затѣмъ онъ отправляется въ странствованія. Сначала онъ идетъ въ Фрибургъ, изъ Фрибурга въ Лозанну, изъ Лозанны въ Нёшатель, изъ Нёшателя въ Бернъ, изъ Берна въ Парижъ, а оттуда въ Шамбери, куда его влечетъ привязанность къ баронессѣ Варенсъ.

Въ этомъ скитаньи проходитъ его молодость или, вѣрнѣе, продолжительное дѣтство. Въ двадцать четыре года, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, Руссо отправляется вмѣстѣ съ г-жей Варенсъ въ прелестное уединенное мѣстечко «Шарметтъ», и тамъ предается занятіемъ съ такой энергій, съ какой онъ еще никогда не занимался никакимъ дѣломъ; въ этомъ-то уединеніи и усиленныхъ занятіяхъ, онъ пребываетъ нѣсколько лѣтъ.

Измученный придыдущими годами жизни, лишенный привязанности съ самыхъ раннихъ лѣтъ, живя въ благодатной и поэтичной тиши, Руссо впервые почувствовалъ сладостное чувство любви. Баронесса, съ своей стороны, также относилась къ нему очень тепло и онъ, довѣрчивый, какъ ребенокъ, думалъ, что его счастью не будетъ конца. Но на самомъ дѣлѣ вышло иначе. Его отсутствіе, длившееся нѣсколько мѣсяцевъ, охладили къ нему баронессу и она отдала свое сердце другому. Вернувшись, Руссо увидѣлъ, что его мѣсто занято, тогда онъ тотчасъ оставилъ «Шарметтъ» и взялъ мѣсто учителя у Мабли, въ Ліонѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Ахъ, ты доля, горе лютое.

Стих. Д. А. Рубина.

Ахъ, ты доля, горе лютое,
Нужда-бѣдность, злая мачиха,
Ты намѣтила, надумала
Сжить со свѣта добра молодца!..

Жилъ когда-то припѣваючи,
Я съ тобой, змѣей, не вѣдаясь,
Пѣлъ, гулялъ, и въ мысляхъ не было
Что съ тобой когда я встрѣчуся.

Окружила, что туманами,
Что цѣпями заковала ты
Волю, силу богатырскую,
И головушку кудрявую.

Эй, смотри, съ тобой поборемся;
Встрепенусь, какъ яснымъ соколомъ,
Да расправлю крылья-перушки,
Такъ до смерти не увидимся!..

Слива.

Изъ Альфонса Додэ. Пер. А. Вигилянскаго.

I.

Если вы хотите знать,
Какъ влюбляются отъ сливы, —
Я могу вамъ разсказать,
Если вы хотите знать.
О, любовь вползетъ, какъ тать,
Какъ бы дверь ни стерегли вы....
Ну-съ, послушайте, чтобъ знать,
Какъ влюбляются отъ сливы.

II.

Былъ у дяди старый садъ,
У меня была кузина;
О, я былъ ужасно радъ:
Былъ у дяди старый садъ.
Пѣли въ немъ на всякій ладъ
Птички... Чудная картина!
Былъ у дяди старый садъ,
У меня была кузина.

III.

Раннимъ утромъ, до жары,
Мы въ саду гуляли съ Машей,
Свѣжи, молоды, добры,
Раннимъ утромъ, до жары.
Пчелки, мушки, комары
Пѣли гимны дружбѣ нашей:
Раннимъ утромъ, до жары,
Мы въ саду гуляли съ Машей.

IV.

Брали птички, насъ хваля,
Много нотъ довольно трудныхъ:
Si bémol и ut и la
Брали птички, насъ хваля.
А вокругъ — кусты, поля,
Всё въ цвѣтахъ пестрѣли чудныхъ.
Брали птички, насъ хваля,
Много нотъ довольно трудныхъ.

V.

Маша, рѣзвое дитя,
Вся сіяя, шла алеей,
Майской розою цвѣтя.
Маша, рѣзвое дитя,
Бойко прыгая, шутя,
Мнѣ казалась легкой феей....
Маша, рѣзвое дитя,
Вся сіяя, шла алеей.

VI.

Въ темной зелени, въ глуши,
Маша сливы увидала,
Засмѣялась отъ души,
Въ темной зелени, въ глуши:
«Ахъ, какъ сливы хороши»!
И одну изъ нихъ сорвала.
Въ темной зелени, въ глуши,
Маша сливы увидала.

VII.

Мнѣ она сказала: «на»,
Откусивъ сама кусочекъ.

(О, святыя времена!)
Мнѣ она сказала: «на»,
Сливу зубками она
Обвела узоромъ точекъ...
Мнѣ она сказала: «на»,
Откусивъ сама кусочекъ.

VIII.

Вотъ и всё. Но тутъ романъ.
Слива многое открыла...
(О, какой-же я профанъ!)
Вотъ и все. Но тутъ романъ.
И я съѣлъ тотъ талисманъ,
Что кузина укусила.
Вотъ и все. Но тутъ романъ.
Слива многое открыла....

IX.

Читательницамъ.

Вы, mesdames, хотѣли знать,
Какъ влюбляются отъ сливы.
Вотъ: прошу не забывать.
Вы, mesdames, хотѣли знать,
Можетъ быть, въ любви встрѣчать
Вамъ пришлось не тѣ мотивы —
Жаль! А я лишь могъ узнать,
Какъ влюбляются отъ сливы.

Наши сосѣди и ихъ дѣти.

Повѣсть **А. Михайлова.**

I.

Зиму и лѣто мы жили на нашей фермѣ, верстахъ въ пятнадцати отъ города. Семья у насъ была небольшая: отецъ, мать, сестра моего отца—старая дѣва, дядя моей матери—довольно пожилой отставной морякъ, и я, тогда еще ребенокъ. Жизнь наша сложилась какъ-то особенно мирно и тихо. Мой отецъ, обрусѣвшій нѣмецъ, былъ професоръ агрономіи. Онъ дослужился до пенсіи, вышелъ въ отставку и занялся своей фермой, купленной на скопленныя имъ небольшія деньги, да на деньги, бывшія у его сестры и у дяди моей матери. Нѣсколько десятинъ пахотной земли, десятокъ коровъ, небольшое число овецъ и свиней, десятки домашней птицы, четыре лошади, вотъ все, изъ чего состояло наше хозяйство. Съ утра до ночи отецъ усердно работалъ, какъ настоящій нѣмецъ. Онъ или хлопоталъ по дѣламъ фермы, или читалъ сочиненія по сельскому хозяйству и съ нѣмецкою аккуратностью записывалъ свои собственныя наблюденія по этой части, или бродилъ съ ружьемъ за дичью. У матушки тоже было не мало дѣла, такъ какъ собственно домашнее хозяйство лежало на ея отвѣтственности и ей приходилось разсчитывать, чтобы круглый годъ намъ хватало капусты, огурцовъ, яицъ, варенья, масла, сметаны, творогу. Моя тетушка, старая дѣвица, была особа довольно чувствительная и брезгливая, сохранившая до тридцати-пяти лѣтъ способность краснѣть и потуплять глазки, и потому къ грубой работѣ была неспособна. Разъ какъ-то матушка была довольно долго нездорова и поручила ей похозяйничать, но недѣли черезъ три, вставъ съ постели, матушка увидала, что яйца, снесенныя въ это время курами, не были помѣчены карандашомъ и такимъ образомъ нельзя было узнать, которыя изъ нихъ нужно было ѣсть прежде, которыя послѣ.

— Что же это вы не сдѣлали помѣтокъ, Катишь, когда были снесены яйца? спросила матушка у тетки.

— Да я не знала, Мари, когда... начала тетушка и потупила глаза, не кончивъ фразы.

— Не знали, когда неслись куры? переспросила матушка.—Такъ вы бы спросили.

— Мнѣ... мнѣ было стыдно, Мари, потупилась и покраснѣла тетушка.—Я, какъ дѣвушка... Мнѣ неприлично...

Матушка улыбнулась, но хозяйства такъ и не поручала тетушкѣ съ этой поры. Но безъ дѣла не сидѣла и тетушка. Она была рукодѣльница: вязать, шить, вышивать — это было ея дѣло. Золотыя были у нея руки. Разъ она человѣческими волосами матушкинъ портретъ такъ вышила, что всѣ съ перваго раза считали этотъ портретъ нарисованнымъ. И много приходилось ей работать: то бѣлье пополнять, то шарфы да чулки вязать, то платья раскраивать да шить было нужно. Покупать все это готовымъ было невыгодно, да и не изъ чего. Только я, да старый дядя моей матери могли бы, повидимому, сидѣть, сложа руки, но и у насъ была своя работа. Старикъ посвящалъ одну часть дня учебнымъ занятіямъ, а другую—играмъ со мною. То мы съ нимъ, бывало, воюемъ надъ складами, надъ чистописаніемъ, надъ арифметикой, то строимъ зимою ледяныя горы, а лѣтомъ удимъ рыбу, ловимъ бабочекъ, собираемъ жуковъ. Такъ-то всѣ у насъ даромъ времени не тратили и какъ бывало это весело: наработаемся мы днемъ, а вечеромъ или въ праздникъ соберемся всѣ вмѣстѣ и отдыхаемъ — тетушка пасьянсъ раскладываетъ, отецъ читаетъ вслухъ, мать какія-нибудь кружева вяжетъ, я строю домики изъ картъ или строгаю колышки къ граблѣ, черенокъ къ садовому ножу или что-нибудь тому подобное мастерю, а дядя моей матери полулежитъ въ мягкомъ креслѣ и куритъ изъ длиннаго черешневаго чубука съ толстѣйшимъ янтаремъ, пропуская отъ времени до времени изъ-подъ длинныхъ сѣдыхъ усовъ кольца дыма. Вылетаютъ эти бѣлыя кольца, становятся шире и прозрачнѣе и мало по малу исчезаютъ въ полутьмѣ, царящей вверху комнаты, а капитанъ слѣдитъ за ними и—Богъ его знаетъ—не то слушаетъ чтеніе, не то вспоминаетъ старые годы, которые въ его памяти, такъ же, какъ эти кольца дыма, становятся тѣмъ блѣднѣе, чѣмъ большее разстояніе отдѣляетъ ихъ отъ него. Иногда отецъ устанетъ читать и закроетъ книгу, тогда начинаются разговоры о погодѣ, объ урожаѣ, о предстоящихъ праздникахъ, о томъ, кто пріѣдетъ гостить къ намъ. Но о чемъ бы ни заговорили, въ концѣ концовъ, всегда слово останется за капитаномъ и ужь онъ не смолкнетъ вплоть до самого чая. А все потому, что о чемъ бы ни заговорили, капитанъ сейчасъ же произноситъ:

— Да, вотъ и я помню такой же случай.

Этотъ-то самый случай и начнетъ онъ разсказывать подробно, обстоятельно, какъ умѣютъ разсказывать только старики. Правда, разсказы про иные «случаи» мы слышали ежегодно разъ по десяти, про иные—разъ по двадцати, но такъ какъ, съ одной стороны, хорошій разсказъ и десять разъ прослушать не худо, а съ другой—намъ все равно было отдыхать вечеръ подъ его-ли разсказы или среди молчанья, то мы и слушали его, никогда не прерывая. Только тетушка, Катерина Федоровна, иногда въ самомъ началѣ разсказа останавливала капитана:

— Ахъ, Петръ Ивановичъ, вы опять, вѣрно, про этихъ грубыхъ матросовъ говорить будете! восклицала она, потупляя глазки и поправляя вязанныя изъ чернаго шелка полуперчатки, постоянно украшавшія ея руки.

— А хоть бы и про нихъ, говорилъ капитанъ. Развѣ они не люди?

— Ахъ, нѣтъ... Я не то, конфузилась тетушка, никогда не высказывая разомъ того, что хотѣла сказать.

— Такъ что же, Катерина Федоровна. Ужь если вы начали, такъ объяснитесь вполнѣ, настаивалъ капитанъ, любившій все объяснять на чистоту, безъ недомолвокъ.

— Вотъ вы всегда такія грубыя слова приводите, капитанъ, потупляла глаза тетушка.

— Какія же это такія грубыя слова бываютъ, чортъ возьми? Желалъ бы я знать, уже горячился капитанъ.

— Да вотъ... вотъ вы и теперь...

— Что-съ я теперь?

— «Его» помянули!

Тетушка имѣла слабость бояться чорта и никогда не произносила этого слова.

— А! вонъ оно что! начиналъ шумно смѣяться капитанъ.—Это-то вы называете грубыми словами? «Его» боитесь? Ну, ну, не буду его поминать, чортъ его возьми!

Мы смѣялись.

— Вотъ, говорите, что не будете «его» поминать, а сами сейчасъ же и помянули, упрекала его тетушка.

— Ну, хорошо. Знаю я, что вы «его» боитесь. Вонъ и вашъ Лютеръ разъ въ него чернильницей пустилъ. Ну, не будемъ «его» поминать больше. Одинъ разъ не въ счетъ. Только мой разсказъ прервали. На чемъ, бишь, я остановился?

Капитанъ вспоминалъ, на чемъ онъ остановился, и продолжалъ начатый имъ разсказъ.

Любилъ я эти разсказы. Путешествія въ далекія страны, жизнь дикарей, страшныя бури, дѣвственная природа необитаемыхъ острововъ, грозныя битвы, розовенькія, почти дѣвичья, лица молоденькихъ офицеровъ, совершающихъ первое плаванье, и бронзовыя физіономіи старыхъ матросовъ, сроднившихся съ моремъ болѣе, чѣмъ съ сушею, все это ярко рисовалось въ моемъ воображеніи, потому что капитанъ былъ мастеръ разсказывать подробно, отчетливо, серьезно. И то сказать, чѣмъ больше человѣкъ видѣлъ на свѣтѣ, тѣмъ легче ему хорошо разсказывать о томъ, чего не видали другіе.

II.

Такъ-то тихо и мирно шла жизнь у насъ въ «Фриденталѣ». Это названіе далъ нашей фермѣ мой отецъ. Онъ хотя и былъ и професоромъ, и пожилымъ человѣкомъ, а все-же сохранилъ значительную долю нѣмецкой сантиментальности и любви къ поэзіи. Да и то сказать, какое болѣе подходящее названіе могъ онъ придумать для нашей фермы? Правда, капитанъ попробовалъ было предложить, чтобы ее назвали «Афродитой», какъ звали тотъ корабль, на которомъ онъ началъ свою службу. Но большинствомъ голосовъ было рѣшено, что это названіе не подходитъ къ нашей фермѣ и отецъ даже, шутя, замѣтилъ, что сосѣдніе крестьяне, пожалуй, станутъ звать ферму, вмѣсто «Афродиты»—«Афросиньей». Отецъ любилъ острить, хотя это по большей части ему какъ-то не удавалось. Впрочемъ, онъ не смущался и самъ смѣялся при своихъ остротахъ, если отъ нихъ не смѣялись другіе. Такъ и осталось за фермою названіе «Фриденталь».

Съ тѣхъ поръ, какъ я начинаю помнить себя, я помню, что мое сердце согрѣвала самая теплая любовь. Это чувство преобладало надъ всѣми другими чувствами во мнѣ. Я любилъ всѣхъ и все: отца, мать, капитана, тетку, старика слугу, отставного матроса, нашихъ коровъ и лошадей, нашу кривую скотницу Авдотью, лѣсъ, тянувшійся за фермой, рѣчку, протекавшую во ста шагахъ отъ нее. Когда моя мать начала впервые учить меня молиться и сказала:

— Встань, Коля, на колѣни и говори: «спаси, Господи, папу, маму, дѣдушку»... Назови всѣхъ, кого ты любишь.

Я опустился на колѣни и сталъ, сильно картавя, говорить:

— Спаси Господи, папу, маму, дѣдушку, тетю, Пегашку, Матьену, Буенушку...

Матушка улыбнулась и объяснила мнѣ, что я долженъ молиться только за людей, а не за скотовъ. Но я все-таки каждый вечеръ продолжалъ поминать и Пегаску и Буренушку. Когда меня спрашивали:

— Кого ты больше любишь?

Я отвѣчалъ:

— Всѣхъ!

И точно, какъ же мнѣ было не любить Пегаску, когда этотъ кудластый дворовый песъ, не смотря на свое неблагородное происхожденіе, былъ на столько добръ, что очень осторожно возилъ меня въ салазкахъ? Какъ мнѣ была не любить Буренушку, когда ея молоко дало возможность укрѣпиться моему очень хилому при началѣ жизни здоровью? А лѣсъ — сухой сосновый лѣсъ—развѣ онъ не укрѣпилъ меня своимъ смолистымъ ароматомъ? Развѣ не была такою же, какъ моя тетя Катя баловницею сосѣдняя рѣчка, дававшая мнѣ возможность лѣтомъ купаться, ловить рыбу, кататься на лодкѣ, а зимой строить ледяныя горы и скользить на конькахъ по ровному льду? Да, я любилъ всѣхъ и все, что окружало меня, и очень серьезно былъ увѣренъ, что меня знаютъ и любятъ не одни люди, но и этотъ лѣсъ, и эта рѣка, и эти коровы. Я никогда не забывалъ собрать со стола объѣдки хлѣба, чтобы накормить ими куръ; я всегда старался выпросить ломтики хлѣба для Пегаски, для Буренушки, для нашей Машки, рабочей лошади съ старыми, добрыми, тупыми глазами.

— Я рада, что Кока у насъ такой добрый, сантиментально говорила тетушка, смотря, какъ я, окруженный курами, сыплю имъ кормъ.

Она вообще любила «чувствительныя» картины.

— Никакой я особенной доброты не вижу въ томъ, что онъ куръ кормитъ, замѣчалъ капитанъ, пожимая плечами.

Тетушка нѣсколько обижалась, что капитанъ не удивляется моей добротѣ.

— Да, но онъ никогда о другихъ не забудетъ и каждымъ кускомъ подѣлится, возражала тетушка.

Капитанъ улыбался.

— Да, когда самому въ глотку больше не лѣзетъ, такъ отчего же и не подѣлиться съ курами, насмѣшливо произносилъ онъ.

Тетушка окончательно оскорблялась.

— Какія у васъ выраженія, капитанъ, ужасалась она, уже порывисто поправляя свои полуперчатки. — Въ «глотку» не лѣзетъ!.. Можно ли такъ говорить о ребенкѣ?.. У кого нашли «глотку!..» Кока не мужикъ... Это у мужиковъ «глотки»... Вообще я замѣчаю, что вы умышленно не хотите видѣть ничего хорошаго въ Кокочкѣ.

Капитанъ безцеремонно смѣялся.

— Не умышленно, сударыня, не умышленно, говорилъ онъ, горячась, — а потому что ничего ни хорошаго, ни дурного еще и быть то не можетъ въ такомъ шишѣ.

Тетушка выходила изъ себя отъ обиды.

— Въ «шишѣ?» восклицала она.—Это Кока-то «шишъ?..» Вы его ужь скоро Богъ знаетъ какъ назовете... «Шишъ!..» Скажите, пожалуйста! Да я послѣ этого съ вами ни слова объ немъ не скажу.

Капитанъ подергивалъ свой усъ и тоже не на шутку сердился.

— И не говорите, сударыня, и не говорите! отрывисто бормоталъ онъ.—Вы только избалуете своими похвалами мальчишку. Онъ и Богъ вѣсть, что о себѣ возмечтаетъ. И что находятъ хорошаго въ избалованномъ мальчонкѣ! Курамъ головъ не свертываетъ, потому что видитъ, что эти куры для него же яйца несутъ. Пегаску гладитъ, потому что тотъ за побои ему зубы покажетъ, а за ласки руку лижетъ. Къ вамъ ласкается...

Тетушка гнѣвно прерывала капитана, учащенно моргая глазами.

— Капитанъ, капитанъ, вы меня на одну доску съ Пегаской ставите! кричала она.

Капитанъ смущался. Онъ чувствовалъ, что онъ сдѣлалъ неловкость.

— Я, сударыня, къ слову, оправдывался онъ.

Ж. Ж. Руссо въ саду Эрмитажа.

— Прекрасно, прекрасно! Куры, Пегаска и я! Хороши сравненія! разводила руками тетушка.

— Вы меня не такъ поняли, сударыня.

— Нѣтъ, я васъ очень понимаю. Я дѣвушка, такъ меня легко обидѣть.

— Но вы, сударыня, знаете, что я васъ уважаю.

— Хорошо уваженіе!

— Ну, позвольте вашу ручку.

— Да, вотъ вы всегда такъ: обидите, а потомъ ручку.

Тетушка начинала смягчаться. Она очень любила, когда капитанъ цѣловалъ у нея руку. Капитанъ же, какъ человѣкъ стараго вѣка, любилъ подходить «къ ручкѣ» при встрѣчахъ съ женщинами.

— Ну, ну, чортъ побери, не буду! говорилъ онъ веселымъ тономъ.

— Ужь хоть «его» то не поминайте! замѣчала тетушка.

Затѣмъ слѣдовало полное примиреніе: капитанъ цѣловалъ ручку тетушки, тетушка обнимала меня, какъ обнимаютъ униженнаго и оскорбленнаго, и тишина, и миръ водворялись снова, впрочемъ не на долго. Черезъ день, черезъ два, минутная перестрѣлка между тетушкой и капитаномъ начиналась снова и, надо правду сказать, начиналась всегда изъ-за меня. Обыкновенно тетушка начинала превозносить мои добродѣтели, а капитанъ начиналъ тотчасъ же отрицать ихъ. Страннѣе всего въ этихъ перестрѣлкахъ было то, что капитанъ былъ въ душѣ не менѣе тетушки увѣренъ, что лучше меня нѣтъ никого на свѣтѣ. Но тетушка считала нужнымъ высказывать это убѣжденіе, а капитанъ считалъ необходимымъ скрывать его. Ради этого и возгорались войны. Эти войны сдѣлались еще чаще, когда верстахъ въ двухъ отъ нашей фермы поселилось одно помѣщичье семейство, имѣвшее много дѣтей.

До пріѣзда сосѣдей тетушка просто расхваливала меня, не имѣя возможности дѣлать какія-нибудь сравненія. Теперь она стала возвеличивать меня, торжественно отыскивая недостатки въ чужихъ дѣтяхъ. А что можетъ быть легче, какъ отыскать недостатки въ другомъ человѣкѣ? Была бы только охота заниматься этимъ дѣломъ.

III.

Викторъ Петровичъ и Марфа Павловна Коробовы—такъ звали нашихъ новопріѣзжихъ сосѣдей—были когда-то богаты. Но они не умѣли работать и умѣли проживать доставшееся имъ по наслѣдству богатство. Въ одинъ прекрасный день они увидали, что у нихъ остается отъ всего богатства одна ничтожная деревушка и большая семья, которая требуетъ ѣды, одежды, обуви, образованія.

Викторъ Петровичъ былъ въ это время шарообразнымъ старикомъ съ лоснящейся лысиной, съ двойнымъ отвислымъ подбородкомъ, съ маленькими, заплывшими жиромъ глазами; онъ постоянно ходилъ въ халатѣ и туфляхъ на босую ногу, привыкъ спать по двѣнадцати часовъ въ сутки, любилъ наѣдаться до усталости поросятами подъ хрѣномъ, пирогами съ сочной начинкой, борщами со свининой и уже потерялъ всякую способность къ какой бы то ни было службѣ. Марфа Павловна, была маленькая подвижная женщина съ жиденькими волосиками, взбитыми въ букли и украшенными большимъ чепцомъ съ пестрыми бантами; она привыкла носить пышныя платья яркихъ цвѣтовъ; она любила шумно болтать въ обществѣ, играть въ карты, не сидѣть дома и уже не могла принудить себя расчетливо вести хозяйство и въ трудныя минуты жизни, когда у ней оказывался недостатокъ въ деньгахъ, она находила возможнымъ только падать въ обморокъ или кричать, ломая руки, въ истерическихъ рыданіяхъ:

— Господи, что же это будетъ, что будетъ съ нами?.. Это все ты виноватъ, Викторъ Петровичъ. Ты растратилъ всѣ мои деньги на свои обѣды, ты не могъ сыскать себѣ доходнаго мѣста.

— Ну, матушка, я-то тутъ не причемъ, вяло возражалъ Викторъ Петровичъ, кряхтя и охая.— Наряжалась бы меньше, да въ карты не играла бы, тогда и не дошли бы до нищеты.

— Боже мой, Боже мой, этого только не доставало, рыдала Марфа Павловна.— Онъ меня упрекаетъ! Онъ! Да другой бы мужъ всѣхъ знакомыхъ обѣгалъ, извернулся бы какъ-нибудь, чтобы успокоить жену, а онъ...

— Да какъ же извернуться то? Куда я пойду? лѣниво замѣчалъ Викторъ Петровичъ.

— Куда, куда? И онъ еще спрашиваетъ? Ну, къ Митьковымъ, къ Добрынинымъ, къ Фоминымъ...

Марфа Павловна пересчитывала всѣхъ знакомыхъ, у которыхъ можно было, по ея мнѣнію, занять деньги. Викторъ Петровичъ, кряхтя и охая, натягивалъ на свое тучное тѣло просторный и мѣшковатый сюртукъ и лѣниво тащился къ знакомымъ выпрашивать деньги.

Ни ему, ни его женѣ никогда и въ голову не приходилъ вопросъ о томъ, откуда они возьмутъ средства для отдачи занимаемыхъ денегъ.

У Коробовыхъ были двѣ дочери. Одна, Павла Викторовна, была желчная и озлобленная высохшая дѣва сорока лѣтъ, съ шипящимъ голосомъ, съ пожелтѣвшимъ лицомъ, съ тонкими губами и съ признаками рѣдкихъ усовъ надъ углами рта. Другая, Аделаида Викторовна, была запуганная и вѣчно слезливо жалующаяся вдова, маленькаго роста, съ личикомъ въ кулачекъ, точно скомканнымъ и съежившимся отъ вѣчныхъ слезъ, жалобъ и плаксиво покорныхъ улыбочекъ. Аделаида Викторовна когда-то вышла замужъ противъ воли родителей за бѣднаго гвардейскаго офицера. Жениха своего она не любила, но вышла за него замужъ потому, что ей не хотѣлось остаться въ дѣвушкахъ, подобно сестрѣ. Проживъ нѣсколько лѣтъ съ мужемъ очень небогато, она осталась вдовою безъ копѣйки денегъ и съ четырьмя дѣтьми. Работать она не привыкла, бороться съ нуждою у нея не было силы и она пошла просить пріюта у отца и у матери. Коробовы встрѣтили дочь не особенно ласково. Марфа Павловна воскликнула:

— Боже мой, Боже мой, какое на тебѣ платье! Что сказали бы Митьковы, Добрынины, Фомины, если бы они увидали мою дочь въ такомъ рубищѣ!

Затѣмъ съ Марфой Павловной сдѣлалась истерика.

Истерики всегда выражали, что Марфа Павловна «тронута» или «огорчена».

— Шутка ли, сколько ртовъ теперь накормить надо, вздохнулъ Викторъ Петровичъ.—У насъ и для себя то теперь иногда не хватаетъ, иной разъ въ проголодь изъ-за стола встаешь, а тутъ вонъ—пятеро нахлѣбниковъ!..

Больше всего досталось непрошенной нахлѣбницѣ отъ Павлы Викторовны.

— Ну что: была за-мужемъ? кричала она на весь домъ.—Утѣшилась? Четверыхъ дѣтей нарожала, а теперь? другіе и корми ихъ. Чью долю утягивать будете теперь? Мою! Папаша четверти поросенка для нихъ не пожертвуетъ, мамаша ни одного чепца не уступитъ въ ихъ пользу, а все съ меня потянутъ. А я и сама еще хочу пожить; я, можетъ быть, тоже за-мужъ хочу выйдти... И кто съ твоими ребятишками возиться будетъ? Нянекъ не изъ чего нанимать. Ты, можетъ быть, думаешь меня въ няньки превратить? Такъ и не думай! Не мои дѣти, не я ихъ рожала, не я ихъ и няньчить буду!

Аделаида Викторовна все слушала и плакала, но изъ дому родительскаго не уходила. Такой ужь былъ у нея характеръ. Бывало, и мужъ сердится и кричитъ на нее, что она много денегъ тратитъ, а она безотвѣтно плачетъ,—плачетъ до тѣхъ поръ, что мужъ устанетъ кричать и сердиться и успокоится; тогда Аделаида Викторовна осушитъ свои крошечные глазки и начнетъ слащаво улыбаться, ласкаясь къ мужу, и тратить по прежнему деньги на всякіе пустяки. Разсказывали про нее такой случай; пошла она смотрѣть однажды какой-то парадъ и встала на мѣсто, гдѣ не позволяли стоять публикѣ. Къ ней подошелъ полицейскій офицеръ и замѣтилъ:

— Здѣсь, сударыня, стоять нельзя.

Аделаида Викторовна вся вспыхнула и заморгала глазками, но не трогалась съ мѣста.

— Я васъ попрошу удалиться, пояснилъ ей офицеръ.

— Извините, я право, право, не знала, начала она дрожащимъ голосомъ, продолжая стоять.

— Потрудитесь пройдти куда нибудь въ другое мѣсто, довольно мягко повторилъ офицеръ, видя смущеніе молоденькой женщины.

— Мнѣ такъ стыдно... такъ стыдно, пробормотала Аделаида Викторовна и залилась слезами, не дѣлая ни шагу въ сторону.

Офицеръ растерялся и началъ ее уговаривать, но Аделаида Викторовна все плакала и плакала. Наконецъ, офицеръ выбился изъ силъ.

— Ну, хорошо, хорошо, останьтесь, проговорилъ онъ, махнувъ рукою.—Ахъ, ужь эти женскія слезы!

Аделаида Викторовна отерла глазки, помахала платкомъ передъ лицомъ и оно озарилось ея обычной улыбкой. Такъ она и досмотрѣла парадъ съ того мѣста, на которомъ не позволяли стоять другимъ.

Одни говорили, что она поступала такъ, вслѣдствіе своей крайней хитрости, другіе говорили, что она дѣлала это отъ большой глупости.

Когда она поселилась у своихъ родителей съ четверыми дѣтьми, Коробовымъ пришлось совсѣмъ плохо. И прежде они едва сводили концы съ концами, а теперь и вовсе не знали, чѣмъ жить. Думали они, думали и рѣшились, наконецъ, перебраться въ свою деревню, благо тамъ хоть за квартиру платить было не нужно—свой домъ былъ у нихъ въ деревнѣ. Правда, домъ этотъ, давно непоправляемый, пришелъ въ ветхость, вездѣ дуло, всюду половицы скрипѣли, во всѣхъ комнатахъ обои потрескались и висѣли клочьями, но Коробовы кое-какъ устроились: въ самыхъ дурныхъ комнатахъ помѣстили прислугу и замужнюю дочь съ ея дѣтьми, себѣ взяли комнаты получше, а самую лучшую комнату сдѣлали гостиной. Накупили они въ городѣ дрянныхъ гипсовыхъ статуетокъ и разставили ихъ по угламъ гостиной; забрали въ лавкахъ въ долгъ нѣсколько кусковъ дешеваго пестраго ситцу и сдѣлали изъ него драпировки на окна и на двери; привезли съ собой какой-то разбитый рояль, который придавалъ болѣе изящный видъ этой комнатѣ, хотя играть на немъ было почти невозможно; убрали мѣсто около дивана плющемъ и остались очень довольны, что гости будутъ считать ихъ домъ «хорошо отдѣланнымъ домомъ». Въ сущности, Коробовымъ была тяжела необходимость жить въ деревнѣ и если кто нибудь радовался переселенію ихъ въ нашу глушь, такъ это дѣти Аделаиды Викторовны: въ городѣ ихъ могли еще кое какъ удержать отъ бѣготни по двору и по улицѣ, говоря имъ:

— Что о васъ говорить-то будутъ! Вѣдь васъ за уличныхъ мальчишекъ считать будутъ!

А здѣсь они не слыхали и этого: съ утра и до ночи бѣгали они по деревнѣ, по саду, по полямъ и только голодъ загонялъ ихъ домой; впрочемъ, иногда они и къ обѣду домой не являлись, а добывали себѣ пропитаніе Богъ знаетъ гдѣ—въ одномъ мѣстѣ молока попьютъ, да хлѣба поѣдятъ, въ другомъ раздобудутъ рѣпы да огурцовъ, въ третьемъ—яицъ да картофеля пріобрѣтутъ и испекутъ ихъ гдѣ нибудь въ лѣсу на лужайкѣ, разложивъ огонь. Уже мѣсяца черезъ два послѣ ихъ пріѣзда въ наши края, начали носиться слухи, что внучата Коробова—просто шайка воровъ.

Поведеніе этихъ дѣтей и заставляло мою добрую тетушку торжественно говорить капитану:

— Вотъ вы Коку не цѣните, а видите каковы другія-то дѣти.

— Э, сударыня, да можетъ быть Николашка на ихъ мѣстѣ поступалъ бы еще хуже, отвѣчалъ капитанъ.

Тетушка ужасалась его нелюбви ко мнѣ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Передвиженія живыхъ существъ.

Статья **А. Елисѣева.**

Движеніе есть одна изъ характеристическихъ функцій животнаго организма, отличающая его, хотя и не совсѣмъ опредѣленно, отъ растительнаго, также въ нѣкоторыхъ случаяхъ проявляющаго родъ движенія. Движеніе же поступательное или передвиженіе свойственно почти исключительно животнымъ организмамъ, хотя многіе изъ нихъ, какъ, напр., полипы, губки проводятъ всю свою жизнь въ зрѣломъ возрастѣ, прикрѣпившись къ какому-нибудь неподвижному предмету. Передвиженіе въ средѣ окружающей есть самый характеристическій родъ движенія животныхъ, который позволяетъ данному организму, при помощи нѣкоторыхъ органовъ и приспособленій, по извѣстнымъ механическимъ законамъ и физіологическимъ явленіямъ, переноситься съ одного мѣста на другое и тѣмъ облегчать себѣ борьбу за существованіе. Смотря по роду среды окружающей и движеніе это можетъ представлять различные роды, зависящіе вполнѣ отъ условій статическихъ и динамическихъ. Воздухъ, вода, земля, будучи населены безчисленнымъ множествомъ зрѣлыхъ и несовершенныхъ организмовъ, и составляютъ среды, ихъ окружающія; примѣняясь къ условіямъ среды, все живое стремится приспособиться всѣми своими жизненными силами къ наиудобнѣйшимъ способамъ передвиженія. Начиная отъ простѣйшаго вида движеній, совершаемаго еще не спеціальными органами, а всею массою, что мы замѣчаемъ у низшихъ животныхъ,—такъ называемаго амёдообразнаго, до совершеннѣйшаго полета фрегата, аллюровъ лошади, требующихъ массы изысканій для точнѣйшаго изученія, мы наталкиваемся на всевозможные виды движеній, совершаемые также всевозможными способами и органами. Ложноножки (псевдоподіи) протея и корненожекъ (Rhizopoda), мерцательные волоски инфузорій, мясистые отростки актиній и плавательныя нити прочихъ полиповъ, червеобразные присоски и иглы иглокожихъ, лучи и амбулякральные придатки лучистыхъ, мускулистая нерасчлененная нога мягкотѣлыхъ, кольца и присоски червей, лапки и клешни ракообразныхъ, лапки и крылья насѣкомыхъ, плавники и хвостъ рыбы, лапки, хвостъ и крылья пресмыкающихся и птицъ, хвостъ, крылья, лапы, рука млекопитающихся и нога человѣка,—все это только различные органы передвиженій и, можно сказать, еилзамѣтныя измѣненія одного и того же органа, если взглянуть на нихъ съ сравнительно-анатомической точки зрѣнія. Приложенные рисунки (A, B, C, D, E, F, G) представляютъ нѣсколько типовъ органовъ передвиженія у низшихъ безпозвоночныхъ животныхъ. Всѣ разнообразнѣйшіе виды движеній и передвиженій можно привести къ механической работѣ, органы движеній къ механическимъ аппаратамъ, и разсматривать жи-

вотныхъ, какъ машины или жизненные механизмы. Таковыя воззрѣнія, уже съ давнихъ поръ имѣющія свое мѣсто въ наукѣ, объяснили многое непонятное въ дѣятельности живыхъ организмовъ и принесли несомнѣнную пользу не только чистымъ, но и прикладнымъ наукамъ, особенно практикѣ. Эта послѣдняя черпала свои вдохновенія и изобрѣтала геніальные планы изъ природы и слѣдуя природѣ. Только видя въ этой послѣдней примѣры искуства плаванія и полета, практика могла попытаться, слѣпо копируя природу, усвоить и человѣку тѣ же пріемы и тѣ же способы, которые дала природа въ даръ тѣмъ организмамъ, которые имѣли въ томъ настоятельную нужду и обусловливались въ томъ своею средою обитанія.

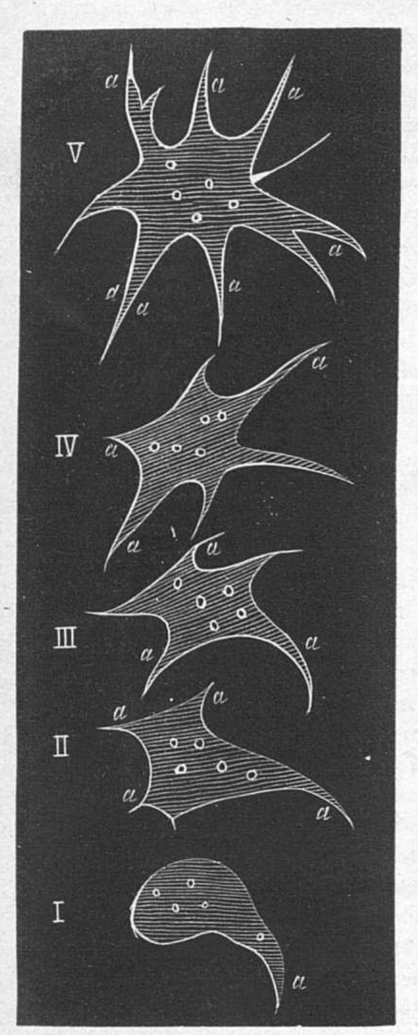

Рис. A. Различныя стадіи движенія протея, который, выпуская изъ своего тѣла ложноножки (*a*, *a*, *a*) и прикрѣпляясь посредствомъ ихъ къ предметамъ, переползываетъ, притягивая все тѣло.

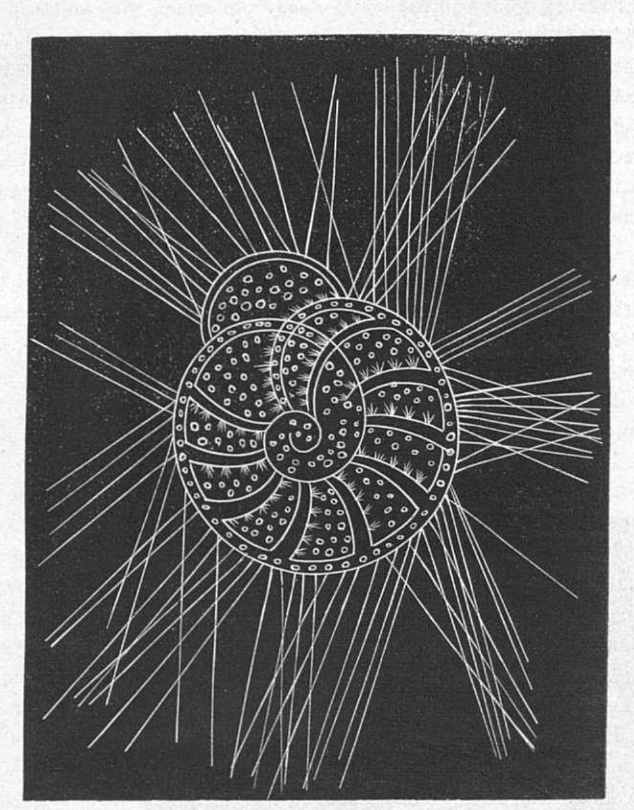

Рис. B. Многокамерная корненожка (Foraminifera). Изъ многокамерной известковой скорлупы черезъ отверстія она выставляетъ безчисленное количество нитевидныхъ отростковъ (ложноножекъ) протоплазмъ, которыя, по желанію, можетъ втягивать обратно.

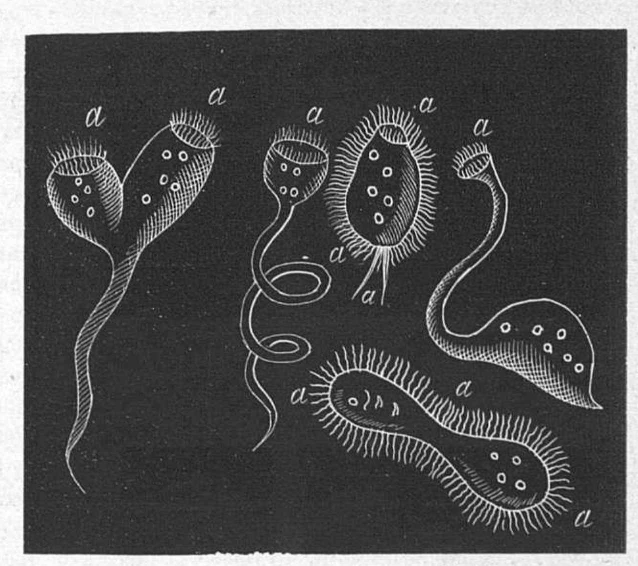

Рис. C. Различныя формы инфузорій. Мерцательные волоски для движенія (*a*), у однѣхъ покрываютъ все тѣло, а у другихъ сидятъ только около рта (Peristoma).

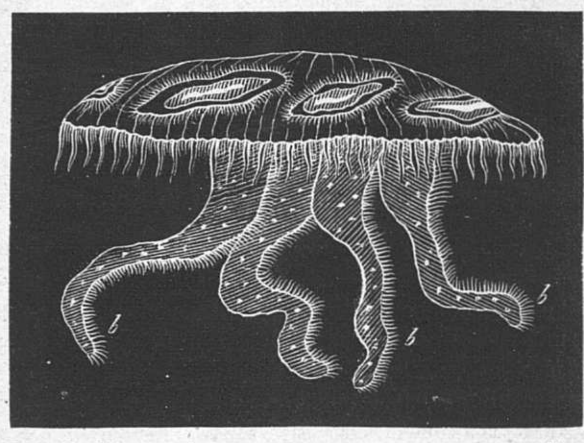

Рис. D. Медуза (полипъ). Нитеобразные присоски (*b*).

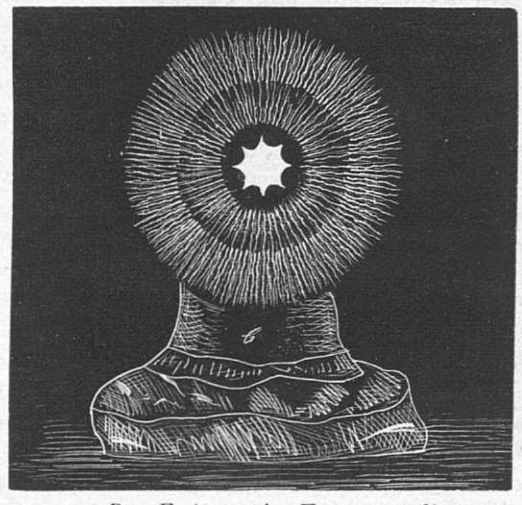

Рис. E Актинія. Присосокъ (*b*).

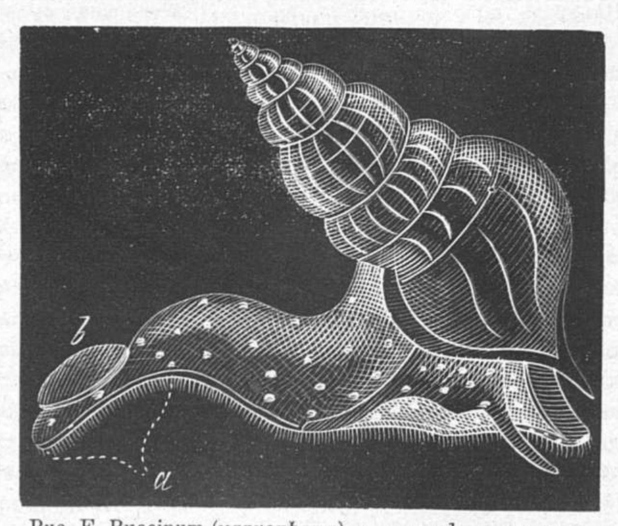

Рис. F. Buccinum (мягкотѣлыя), *a*—нога, *b*—крышечка, запирающаяся входъ въ раковину.

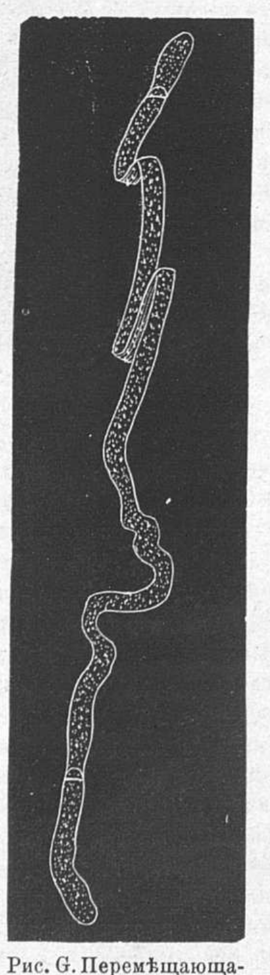

Рис. G. Перемѣщающаяся грегарина движеніемъ своей плазмы.

Посмотрите на форму и приспособленія рыбы къ плаванію, дающія ей возможность столь быстро, свободно и неутомимо вращаться въ родной стихіи, и вы получите наивыгоднѣйшую форму идеальнаго корабля. Если бы практика могла предолѣть эмпирическія затрудненія, что она и сдѣлаетъ, безъ всякаго сомнѣнія, въ будущемъ, и построить судно по тому же плану, какому слѣдовала природа въ твореніи рыбы, то она достигнетъ совершенства. Новѣйшія изобрѣтенія мониторовъ и подводныхъ лодокъ, предъугаданныя Борелли, изучавшимъ форму рыбъ еще въ XVII ст., вполнѣ оправдываютъ наше положеніе. Если до сихъ поръ многіе изъ проектовъ и не удавались, то это происходило не отъ ложности механическихъ и математическихъ умозрѣній, а отъ неправильно избраннаго пути или самомалѣйшихъ недосмотровъ, которыхъ не терпитъ природа. Устройство наиудобнѣйшей и наисовершеннѣйшей машины для передвиженій по землѣ и воздуху также требуетъ не однихъ умозрительныхъ апріорныхъ выводовъ, а прямыхъ опытовъ и наблюденій надъ подобными же живыми механизмами, построенными природою вполнѣ цѣлесообразно и примѣнительно къ условіямъ. Въ послѣднее время, особенно воздушные аппараты стремятся стать хотя слабымъ подражаніемъ природнымъ механизмамъ для летанія и изобрѣтатели, повидимому, стали на истинную точку зрѣнія. Поэтому, очевидно, какое огромное значеніе надо придавать наблюденію надъ движеніями живыхъ существъ, получившему свое начало уже съ давнихъ поръ, но поставленному раціонально только въ послѣднее время. Много ученыхъ занимались и занимаются до сихъ поръ выясненіемъ механическихъ явленій въ живомъ организмѣ; въ числѣ ихъ, мы должны поставить извѣстныя имена: Борелли, Беклара, Гирна, Фолькмана, Гельмгольца, Э. Вебера, Плато, Венсана, Гуаффона, Мерша, Буле, Лекока, Дюгуле, Колена, Чіотти, Уатстона, Петтигрью, Жирара, Прешльта, Губера, де-Люси, Гартинса, Колена, Эби, Марея и его ученика Карлѐ и многихъ другихъ. Одно перечисленіе стольких ученыхъ можетъ указать, что вопросъ о значеніи животной механики заинтересовалъ многихъ и успѣлъ уже стать на научную почву, опираясь на физику, химію

механику съ одной стороны, анатомію и физіологію съ другой. Одни изъ перечисленныхъ ученыхъ занимались изученіемъ превращенія физическихъ силъ и тѣмъ дали основаніе животной механикѣ, дѣлая наблюденія надъ термодинамикой и животной теплотою; другіе изучали живое мышечное волокно, мышечную волну, что послужило къ лучшимъ выводамъ міографіи *); тогда какъ третьи опредѣляли формы механической работы, самую силу, гармонію органовъ и ихъ функцій. Съ давнихъ поръ началось и изученіе аллюровъ, т. е. различныхъ способовъ поступательнаго движенія различныхъ животныхъ, что привело особенно къ плодоносным результатамъ. Изученія эти производились почти надъ всѣми высшими классами животнаго царства: млекопитающимися, птицами, рыбами, пресмыкающимися и насѣкомыми. Лучше всего были изучены два первые класса и послѣдній; такъ опредѣлены у многихъ изъ млекопитающихся— давленіе, производимое на землю, сопротивленія тѣлу во время ходьбы, вертикальныя и горизонтальныя колебанія, найдены графическіе способы изображенія аллюровъ. У птицъ математически точно опредѣлили эллиптическій путь верхушки крыла, измѣненіе самой плоскости крыльевъ, реакціи движеній крыла, и быстрота мышечныхъ актовъ. Въ полетѣ насѣкомыхъ опредѣлили количество взмаховъ крыльевъ, синхронизмъ ихъ движеній, измѣненіе плоскости крыла, выражены графически пояса путей, проводимыхъ различными точками крыла, чертежи его движеній, троекторія полета и выяснена сущность механизма паренія. Съ довольно большею наглядностью было произведено Мареемъ искуственное воспроизведеніе полета насѣкомыхъ и были дѣланы въ его лабораторіи даже попытки къ воспроизведенію полета птицъ, хотя и съ гораздо меньшимъ успѣхомъ. До послѣдняго времени наука животной механики достигла только вышеприведенныхъ результатовъ, хотя еще много ей предстоитъ сдѣлать въ недалекомъ будущемъ. Въ своемъ историческомъ теченіи она шагъ за шагомъ и рука объ руку слѣдовала за успѣхами механики, физики, химіи и физіологіи, такъ какъ во всѣхъ своихъ частностяхъ всецѣло зависѣла отъ нихъ. Провозглашенный Декартомъ—автоматизмъ животныхъ нашелъ себѣ много сторонниковъ между англійскими, нѣмецкими и французскими натуралистами и, не смотря на свою эксцентричность, принесъ много пользы нашей наукѣ, освѣтивъ поле ея воззрѣній. Позднѣе автоматизмъ животныхъ, преобразованный въ частностяхъ, далъ раціональное основаніе выводамъ животной механики, приравнявъ мускулы къ приводамъ, а кости къ рычагамъ механизмовъ и распространивъ на тѣ и другіе одни и тѣ же законы статики и динамики. Открытіе законовъ единичности матеріи и единства физическихъ силъ въ природѣ было краеугольнымъ камнемъ всѣхъ изысканій, потому что показало, вопреки прежнимъ воззрѣніямъ, что въ мірѣ органическомъ дѣйствуютъ тѣ же факторы, какъ и въ мірѣ неорганическомъ. Проявленія свѣта, теплоты, механической работы, электричества, химическаго сродства и взаимодѣйствія въ организмахъ дѣйствуютъ совершенно также, какъ и въ тѣлахъ неорганическихъ, потому что одинакія причины производятъ и одинакія слѣдствія, что всѣ выводы наукъ физическихъ вполнѣ примѣнимы и къ силамъ, проявляющимся въ живыхъ существахъ. Для полнаго ихъ познанія нужно только измѣрить ихъ напряженность и работу, что и составляетъ главную трудность изученія, по причинѣ огромной сложности живыхъ организмовъ. Установленіе единицы теплоты, работы, электрической силы и др. дало возможность опредѣлить количество активныхъсилъ, ихъ напряженность или энергію въ данномъ тѣлѣ. Многія изъ такихъ опредѣленій надъ живыми существами производились также, какъ и надъ тѣлами неорганическими; такъ, опредѣлены были количества тепловыхъ единицъ животныхъ, единицъ работы, вѣса, тепловой силы веществъ питательныхъ, давшее возможность вычислить какое количество свободной силы должно дать окисленіе, въ формѣ-ли теплоты или механической работы. Другія опредѣленія потребовали спеціальныхъ приборовъ, иногда весьма сложныхъ; такъ, Бекларъ первый съ помощью своего остроумнаго прибора пытался доказать, что въ человѣческихъ мускулахъ теплота можетъ превращаться въ механическую работу и обратно. Гирнъ старался найти эквивалентъ механической работы въ живыхъ существахъ, что ему, по причинѣ трудности задачи, не удалось совершенно, хотя изыскатель и шелъ къ цѣли вѣрнымъ путемъ.

Отъ этого недалеко было и до измѣренія движеній живыхъ организмовъ, которыя можно раздѣлить на двѣ категоріи—движенія, совершающіяся внутри организмовъ пассивно, не поддающіяся силѣ воли и безсознательныя, каковы, напр., кровеобращеніе, сокращеніе сердца, стѣнокъ кишечнаго канала, желёзъ и т. п.—и движенія сознательныя, зависящія отъ воли, которая сообщаетъ имъ быстроту, энергію, продолжительность, каковы мышечныя движенія, способствующія перемѣщенію и разнообразные моменты сознательной жизни. Движенія безсознательныя, какъ трудно поддающіяся опыту и наблюденію, еще недостаточно выяснены съ механической точки зрѣнія; извѣстны только самые механизмы до точности, общее понятіе о на-

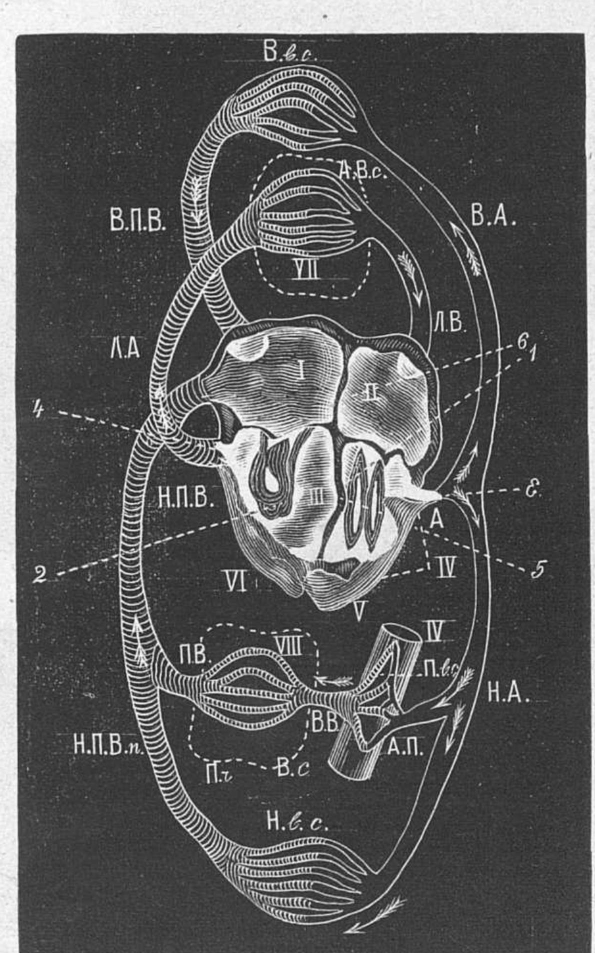

Рис. 1. Схематическое изображеніе кровеобращенія. Сосуды со штрихами обозначаютъ сосуды, несущіе темную кровь и находящіеся въ сообщеніи съ правою частью сердца (вены и легочные артеріи).

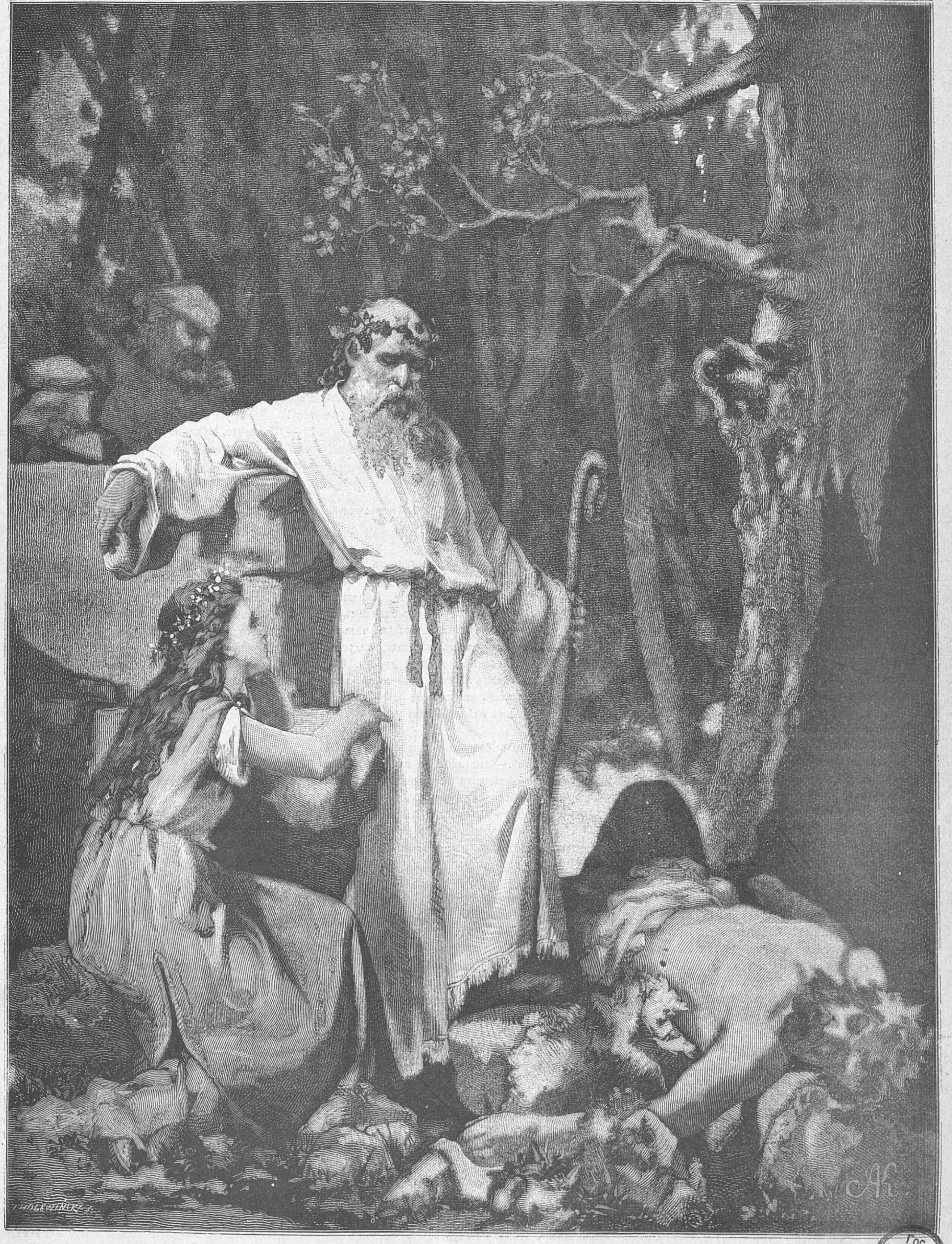
правленіи движеній, отчасти сила, рѣдко ритмъ и только. Изо всѣхъ безсознательныхъ движеній лучше всего изслѣдовано кровеобращеніе, надъ которымъ со времени Гарвея трудились и трудится множество физіологовъ, но не смотря на это сдѣлано еще сравнительно немного. Такъ дознанъ путь его и можно схематически представить движеніе крови; дознано, что это движеніе происходитъ отъ сокращенія и расширенія сердца, измѣрено количество ударовъ въ минуту, обратно пропорціональное массѣ тѣла; изучили въ совершенствѣ строеніе сердца и большихъ его сосудовъ. Приравнивая сердце къ механизму, мы находимъ, что общее гидравлическое устройство сердца и сосудистой системы, вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ гидравлики, которыя можно требовать отъ подобнаго аппарата. Такъ полости сердца, всѣ артеріи и системы волосныхъ сосудовъ, особенно лѣваго предсердія снабжены чрезвычайно толстыми слоями мышцъ, которые, составляя двигательныя части механизма, сжимаясь при сокращеніи, гонятъ кровь изъ сердца въ сосудъ; для гидравлическихъ потребностей, желудочки и артеріи снабжены клапанами, то закрывающими, то отпирающими доступъ крови. (Рисунокъ 1 представляетъ сердце, разрѣзанное по длинѣ; видны его 4 полости, въ желудочкахъ слои мышцъ и клапаны зубчатые и полулунные. I—правое предсердіе, II—лѣвое, III—правый желудочекъ, IV—лѣвый, V—верхушка сердца, VI—верхушка праваго желудочка, VII—легкія, VIII—печень, IX—кишечный каналъ. 1—двузубчатый клапанъ, 2—трезубчатый клапанъ, 3—полулунные клапаны аорты, 4—полулунные клапаны легочной артеріи, 5—перегородка желудочковъ, 6—перегородка предсердій, А—аорта, В. А—верхняя артерія, Н.А—нижняя артерія, В.в.с—Система волосныхъ сосудовъ верхнихъ частей тѣла, Н.в.с—Система волосныхъ сосудовъ нижнихъ частей тѣла. А.П—артеріальный потокъ органовъ пищеваренія, В.П.В—верхняя полая вена, Н.П.В—нижняя полая вена, П.в.с—система волосныхъ сосудовъ органовъ пищеваренія; Печ. В.с — система волосныхъ сосудовъ печени, П.В—печеночная вена. Н.П.В.п—венозный потокъ нижней части тѣла, Л.А—легочная артерія, Л.В.с—легочные волосные сосуды, Л.В.—легочная вена, В.В—воротная вена). Ближе всего сердце можно сравнить съ нагнетательнымъ насосомъ, снабженнымъ клапанами, обусловливающими и регулирующими направленіе кровяного потока. Такъ точно вычислены всѣ силы этой машины, такъ гармонично ихъ взаимодѣйствіе, что при малѣйшемъ поврежденіи клапановъ обнаруживается неправильность въ кровеобращеніи всего тѣла. Очевиднымъ признакомъ механической работы сердца, служатъ его удары, въ которыхъ можно легко различать три темпа: расширеніе или діастола желудочковъ, когда предсердія сокращаются, сокращеніе или систола желудочковъ, когда предсердія расширяются и пауза, когда сердце находится въ покоѣ. Для того, чтобы понять, какова сила этой удивительной машины, которая, несмотря на свою незначительную величину и рыхлость матеріала, дѣйствуетъ съ такою энергіею и продолжительностью, надо вспомнить, что этотъ маленькій аппаратъ заставляетъ среднимъ количествомъ 35 фунтовъ крови въ одну минуту обратиться во всемъ тѣлѣ, проникнувъ въ самыя его потаенныя мѣста. Ни одна человѣческая машина при всей остроумности своего изобрѣтателя при такой малой сложности и величинѣ, не могла бы выдерживать почти пудовое давленіе и сокращаться подъ этимъ да-

*) Міографія—всестороннее изученіе мышечныхъ движеній.

Картина **ЗОНДЕРЛАНДА.**

Не поймаешь!

Картина АЛЬХИМОВИЧА.

Верховный жрецъ Лиздейко на развалинахъ храма Перкуна.

(Сцена изъ временъ языческой Литвы.) Рисовалъ авторъ, гравировалъ **Головинскій.**

вленіемъ болѣе ста тысячъ разъ въ одни сутки. Такова сила, устройство и дѣйствіе одного изъ внутреннихъ двигательныхъ органовъ тѣла, движеніе котораго совершается безъ участія воли и даже не можетъ быть ей подчинено никакимъ образомъ. Скрытность такихъ органовъ представляетъ главную причину того, что движенія ихъ не могутъ быть изучены съ механической точки зрѣнія такъ, какъ можно изучать движенія видимыхъ органовъ.

Наблюденія надъ этими послѣдними составляютъ главный предметъ животной механики, которому посвящено большинство изслѣдованій. Разнообразность такого движенія и орудій, при помощи которыхъ они совершаются, принудила изслѣдователей примѣнить различные методы изслѣдованій и изобрѣсти нѣкоторые аппараты. Основаніемъ всякаго метода можетъ служить обобщеніе различныхъ выводовъ и подведеніе этихъ обобщеній подъ нѣкоторую законность. Разсматривая столь различные акты движеній, какъ ползаніе змѣи, летаніе птицы, бѣгъ лошади и плаваніе рыбы, мы замѣчаемъ въ нихъ нѣкоторую общую черту; такъ во всѣхъ этихъ передвиженіяхъ тратится извѣстная сила, толкающая въ противоположныхъ направленіяхъ два тѣла, болѣе или менѣе оказывающія сопротивленія, изъ которыхъ одно есть опора, а другое перемѣщающееся тѣло. Единичность въ сущности передвиженія по отношенію къ средѣ, въ которой послѣднее совершается, представляетъ различныя формы, абсолютно тожественныя, но различающіяся только по виду примѣнительно къ условіямъ окружающимъ. По отношенію къ средѣ, обусловливающей передвиженія, они раздѣляются на земныя, водныя и воздушныя категоріи, еще подраздѣлимыя на разряды по способу перемѣщенія. Такъ первый родъ движенія—земной, можетъ раздѣляться на передвиженіе, совершаемое специальными органами, при которомъ сила стремится оттолкнуть опору по направленію обратному предполагаемому движенію перемѣщающагося тѣла, какъ напр., ходьба, бѣгъ, прыганіе, галопъ, и на движенія, совершаемыя усиліемъ всего тѣла безъ помощи обособленныхъ органовъ—ползанье, которое, по своей сущности, есть ни что иное, какъ притягиваніе тѣла животнаго къ точкѣ опоры. Первый родъ передвиженій свойственъ только высшимъ животнымъ, а второй—низшимъ и весьма немногимъ изъ высшихъ. Движенія, подобныя послѣднему виду, мы видимъ въ движеніи протея, корненожекъ, и особенно близкія у слизняковъ. Передвиженія водное представляютъ еще болѣе разнообразія: гребленіе животныхъ и птицъ, плаваніе рыбы при помощи ударовъ хвоста и движеній плавниковъ, особенные сложные виды передвиженія многихъ моллюсковъ и т. п.; всѣ эти движенія по сущности своей—отталкиванія отъ точки опоры воды, сопровождаемыя многими побочными актами мышечныхъ движеній. Въ передвиженіяхъ воздушныхъ у млекопитающихся, птицъ и насѣкомыхъ крылья косвенно ударяютъ по воздуху, отталкивая его по одному направленію и тѣмъ сообщая тѣлу противоположное движеніе. Въ передвиженіяхъ, совершаемыхъ специальными органами у всѣхъ болѣе или менѣе высшихъ животныхъ, есть еще одна общая характерная черта—мышечныя движенія. Мышечное движеніе, совершаясь само по себѣ, производитъ движеніе органа и потому прежде разсмотрѣнія различныхъ родовъ движенія, мы разсмотримъ мышечное движеніе. Мышца есть волокнистый элементъ нашего тѣла, обладающій способностью сокращаться при раздраженіи, который облекаетъ почти всѣ наши органы и служитъ для того, чтобы производить различные роды движеній. Посредствомъ особенныхъ пучковъ соединительной ткани—сухожилій, онѣ прикрѣпляются къ поверхностямъ костей и, при сокращеніи, тянутъ эти послѣднія, которыя, такимъ образомъ, служатъ точками опоры и рычагами и при томъ бездѣятельными, такъ какъ могутъ дѣйствовать только при помощи мышечныхъ сокращеній. Сокращенія эти вызываются или произвольно подъ вліяніемъ симпатическихъ нервовъ или вслѣдствіе раздраженій. Сокращеніе измѣняетъ молекулярное строеніе мышечной массы, напрягая ея волокна и измѣняя даже скрытое электричество, которое изъ положительнаго при сокращеніи дѣлается отрицательнымъ, что заставляетъ думать, что въ мышцѣ постоянно проходитъ слабый электрическій токъ, на чемъ основано даже устройство мышечной гальванической цѣпи, при чемъ масса мускуловъ дѣйствуетъ подобно слабому гальваническому столбу и можетъ приводить въ движеніе другіе мускулы. Раздраженія, возбуждающія мускульное сокращеніе, весьма разнообразны; таковы: щипаніе, колонье, химическіе реактивы, гальваническій токъ и др., посредствомъ которыхъ раздраженіе передается отъ одного конца мышцы въ другой, хотя на видъ и мгновенно, но въ сущности требуетъ нѣкотораго времени. Постепенная передача можетъ быть замѣвена только при помощи нѣкоторыхъ пишущихъ аппаратовъ, называемыхъ міографами, откуда взялось и слово «міографія», обозначающее результаты наблюденій надъ міографами.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Судебная ошибка.

Романъ Ф. Буагобея. Переводъ С. И. Воскресенской.

(*Продолженіе.*)

Глава X.

Уже совершенно стемнѣло, когда, въ десяти шагахъ отъ входа въ мазасскую тюрьму, остановилась красивая небольшая карета, запряженная вороной лошадью; кучеръ былъ закутанъ въ мѣховой воротникъ. Изъ нея вышли два человѣка, которые направились къ площади, ведущей къ дебаркадеру ліонской желѣзной дороги. Оба они оглядывались, какъ бы ища кого-то, и одинъ изъ нихъ проговорилъ вполголоса:

— Странно... имъ слѣдовало бы уже быть на мѣстѣ.

— Нельзя быть слишкомъ требовательнымъ, возразилъ другой.—Эти люди не изъ желѣза же выкованы... Не бѣда, если они зашли пропустить по рюмочкѣ. Собственно говоря, не они запоздали, а мы немного поторопились...

— Однако, если черезъ пять минутъ они не появятся, намъ будетъ почти некогда передать имъ послѣднія инструкціи... Вы сами понимаете, Толбіакъ, что мы съ вами взяли на себя большую отвѣтственность, и что изъ-за одного какого-нибудь упущенія можетъ выдти бѣда... Чего только стоило мнѣ выхлопотать позволеніе на эту комедію, которую мы хотимъ разыграть! Постараемся же, чтобы она вышла у насъ безъ промаховъ.

— Я въ этомъ увѣренъ. Мы обдумали всѣ предосторожности...

— Да, но я настаиваю на томъ, что не мѣшало бы предусмотрѣть всякія случайности... Ваша карета должна будетъ остановиться именно на томъ мѣстѣ, гдѣ она теперь стоитъ... Вы увѣрены въ вашемъ кучерѣ... Да?.. Онъ не удивится, что вы заставляете его два раза въ одинъ вечеръ останавливаться передъ тюрьмой?

— Онъ думаетъ, что я жду пріятеля съ ліонской дороги.

— Хорошо! Когда вы отдадите приказанія Пьедушу и Пигашу, вы отвезете меня въ префектуру, а сами возвратитесь сюда ровно въ восемь часовъ. Нѣмого выпустятъ именно въ восемь...

— О, я-то не опоздаю, а ранѣе мнѣ и не зачѣмъ быть здѣсь, потому что вы не поспѣете въ улицу Монъ-Таборъ прежде половины девятаго, а моя лошадь довезетъ меня туда въ двадцать пять минутъ. Кстати, кто же доставитъ нѣмого обратно въ тюрьму?

— Мои агенты... Но что это ихъ, негодяевъ, не видно до сихъ поръ?.. Кстати, какого вы мнѣнія о результатѣ нашего испытанія?.. Я, съ своей стороны, очень люблю и уважаю старика Лекока, но сынъ его низкій злодѣй, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

— Да. Если нѣмой его признаетъ, всякое сомнѣніе исчезнетъ. Но вотъ и наши... Они ищутъ насъ.

Дѣйствительно, на площади показались: Пьедушъ, въ костюмѣ коммиссіонера, и Пигашъ, въ видѣ разсыльнаго, съ фуражкою, на которой красовались буквы: П. Л. М.*). Они разговаривали съ какимъ-то человѣкомъ, судя по его одеждѣ, рабочимъ на желѣзной дорогѣ.

— О, это слишкомъ! проворчалъ начальникъ сыскной полиціи,—я ихъ проберу хорошенько. Калякаютъ съ какимъ-то незнакомымъ человѣкомъ, когда ихъ ждутъ... Наконецъ-то! произнесъ онъ строго, завидя подбѣгавшаго къ нему Пьедуша. — Вамъ обоимъ слѣдуетъ быть на сторожѣ передъ тюрьмой, а вы разговорами забавляетесь!

— Извините, ваша милость... по намъ приказано быть на мѣстѣ къ семи, а теперь шесть часовъ сорокъ.

— Съ кѣмъ вы болтали?

— Это стрѣлочникъ съ орлеанской дороги. Онъ сталъ разспрашивать меня объ одномъ служащемъ на ліонской линіи, своемъ старомъ знакомомъ. Если бы я сказалъ ему, что никого тутъ не знаю, онъ сразу догадался бы, что я нарядился, какъ шутъ. Надо было свою роль поддержать. Ну, я разсказалъ ему цѣлую исторію... а онъ пригласилъ меня за то глотнуть рюмку... и я не могъ отказаться... все для поддержанія роли, ваша милость..

— Ты слишкомъ увлекаешься этой ролью, я вижу... Слушай же.—Ты видишь эту карету?.. За пять минутъ до восьми часовъ, она воротится сюда и остановится на томъ же мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ.

— Слушаю. А потомъ, какъ вы уже говорили...

— Я повторю тебѣ всю инструкцію. Вы оба, съ Пигашемъ, стойте у тюрьмы, разговаривая между собою... Часовой будетъ предупрежденъ и оставитъ васъ въ покоѣ. Ровно въ восемь часовъ нѣмой выйдетъ черезъ калитку, что возлѣ воротъ. Въ ту же минуту г. Толбіакъ покажется изъ своего экипажа и сдѣлаетъ знакъ нѣмому. Вотъ тутъ-то и надо не зѣвать!

— Зачѣмъ зѣвать, ваша милость.

— Если онъ сядетъ въ карету съ г. Толбіакомъ, дѣло въ шляпѣ и вамъ слѣдуетъ только вскочить въ первый попавшійся фіакръ и отправиться къ намъ, въ улицу Монъ-Таборъ. Если же онъ пойдетъ далѣе, не замѣтивъ г. Толбіака, или не понявъ его знаковъ, то вы пуститесь за нимъ, незамѣтнымъ образомъ; потомъ, если онъ не будетъ знать, куда идти, вы подойдете къ нему, уговорите его какъ нибудь слѣдовать за вами, и привезете его къ намъ, или приведете пѣшкомъ, какъ вамъ это покажется удобнѣе... Но, такъ или иначе, вы не потеряете его изъ вида и доставите его въ улицу Монъ-Таборъ. Я буду тамъ. Понялъ ты?

— Совершенно понялъ, ваша милость.

— Смотри же, не оплошай! Отъ тебя зависитъ сохранить у насъ свое мѣсто.

Произнеся эту заключительную угрозу, полицейскій взялъ подъ руку Толбіака и направился къ ожидавшему ихъ экипажу.

*) Парижъ—Ліонъ—Марсель.

— Насъ совсѣмъ за дураковъ считаютъ, проговорилъ Пьедушъ, пожимая плечами. — Цѣлый часъ твердитъ то, что уже давно сказано...

Въ эту минуту кто-то тронулъ его за плечо, говоря:

— Извините, пріятель, но желалось бы мнѣ спросить: знаете вы этихъ двухъ господъ, что въ каретѣ уѣхали?

Пьедушъ быстро оборотился и увидалъ передъ собою того самаго рабочаго съ орлеанской желѣзной дороги, съ которымъ незадолго передъ тѣмъ онъ угощался въ винномъ погребкѣ... Удивленный вопросомъ, онъ отвѣчалъ съ благоразумною осторожностью:

— Этихъ господъ? Въ первый разъ имѣю удовольствіе видѣть! У меня нѣтъ знакомыхъ между людьми, имѣющими собственные экипажи, пріятель!.. А распрашивали они меня о новой линіи, что открылась въ Бургоніи... Какъ будто не могутъ сдѣлать два шага и прочесть объявленіе на станціи... На видномъ мѣстѣ виситъ!.. Но эти богачи всѣ на одинъ покрой: чѣмъ самому шевельнуться, они наровятъ укоротить свободное время у нашего брата—бѣдняка! Много у насъ его, свободнаго-то времени!

— А я думалъ было, что вы ихъ знаете, продолжалъ рабочій.—Жаль. Одинъ-то изъ нихъ мнѣ знакомъ.

— Который?

— Тотъ, что повыше. Безъ бороды.

— Должно быть, самъ хозяинъ кареты, потому что онъ пропустилъ другого впередъ. Такъ вотъ вы какъ! Знаетесь съ такими... Счастливецъ!

— Я его вовсе не знаю... а только имя его и адресъ мнѣ извѣстны.

— Позвольте и намъ полюбопытствовать, что за птица...

— Фамилія его: Толбіакъ... Толбіакъ де... Далѣе не припомню. А живетъ онъ въ улицѣ Годо... Далеконько это отъ меня, оттого я и не успѣлъ еще у него побывать... Но завтра буду свободенъ и пойду непремѣнно.

— Дѣльцо къ нему есть? спросилъ Пьедушъ, не пропускавшій, по профессіональной привычкѣ, ни одного случая, чтобы заставить людей проболтаться.—Вѣрно желаете, чтобы онъ похлопоталъ за васъ у начальства?

— Нѣтъ, вовсе не то! Мнѣ надо отдать ему его деньги, которыя онъ потерялъ вмѣстѣ съ своею визитною карточкой.

— Что же, вамъ представлялся теперь прекрасный случай...

— Во-первыхъ, деньги не со мною, и во-вторыхъ, я желаю съ нимъ потолковать...

— И то вѣрно! Онъ долженъ отсыпать вамъ малую толику въ награду...

— Наплевать мнѣ на его награду! Я вовсе не за тѣмъ хочу его видѣть, чтобы съ нимъ такіе разговоры вести... Вы только подумайте: приходитъ онъ ко мнѣ на стрѣлку, на прошлой недѣлѣ, заводитъ бесѣду о какомъ-то наслѣдствѣ, которое, будто бы, моей дочери причитается, а потомъ уходитъ, да такъ, что моя малютка видитъ что онъ деньги по пути роняетъ... Она вслѣдъ за нимъ... а тутъ поѣздъ... Чуть жива осталась!.. Я еще съ нимъ поговорю, попрошу его объяснить, что вся эта исторія значитъ.

— Вотъ какія штуки! воскликнулъ Пьедушъ, выслушавъ со вниманіемъ короткій разсказъ рабочаго.—Однако, я съ вами заболтался... Жена давно ждетъ меня, и съ товарищемъ... Вотъ этотъ обѣщался сегодня отужинать у насъ.

— Я васъ задержалъ, извините! сказалъ рабочій.—До свиданія! Если случится вамъ быть на орлеанской станціи, спросите Пьера Камбремера. Меня всѣ тамъ знаютъ... и мы чокнемся, по сегодняшнему!

— Идетъ! Ждите насъ въ скоромъ времени.

Отойдя съ Пигашемъ до угла улицы Шарбонье, и удостовѣрясь, что стрѣлочникъ удалился къ станціонному двору ліонской желѣзной дороги, Пьедушъ разсмѣялся и сказалъ своему товарищу:

— И не подозрѣваетъ, что собирается поругаться съ оберъ—сыщикомъ!.. Однако, хорошъ Толбіакъ! Вотъ какъ онъ время проводитъ, вмѣсто того, чтобы настоящимъ дѣломъ заняться... Умѣлъ только всѣмъ нашимъ пыли въ глаза напустить... У него на умѣ одни наслѣдства... Да, ну, къ чорту его! У меня на сердцѣ другое: жаль мнѣ старика Лекока... Избаловалъ сынка, и теперь плакать надъ нимъ приходится!

— Да, плохія дѣла, произнесъ Пигашъ.— И мнѣ этотъ Толбіакъ не по-сердцу. И что это за умудренія такія съ каретами и съ очною ставкою на дому? Развѣ нельзя было свести подсудимаго съ нѣмымъ въ самой тюрьмѣ? Это все на англійскій манеръ, значитъ... По моему, одни пустяки. Но наши всѣ безъ ума отъ этого господина... обошелъ ихъ.

— А ты прими еще то во вниманіе, что такія хитрыя закорючки не всегда удаются... И обиднѣе всего, что за неудачу отвѣтимъ мы.

— Это такъ, но что прикажешь! философски замѣтилъ Пигашъ.—Не всякому суждено быть генераломъ, или хотя офицеромъ... а удары получать приходится солдату. Однако, половина восьмого пробило! Пора намъ на мѣсто!

Пьедушъ кивнулъ головою въ знакъ согласія и прислонился, вмѣстѣ съ товарищемъ, къ тюремной стѣнѣ, въ десяти шагахъ отъ выхода.

Было очень холодно и выпадалъ небольшой снѣгъ. Часовой укрылся въ свою будку. Прохожіе болѣе и болѣе рѣдѣли на бульварѣ, но за то движеніе къ сторонѣ ліонскаго дебаркадера усиливалось. По довольно крутому подъему, который ведетъ къ станціи, катились фіакры, нагруженные чемоданами, собственные экипажи, омнибусы, мѣстность оживлялась по мѣрѣ приближенія отхода курьерскаго поѣзда.

— Какъ глупъ Толбіакъ! не умѣлъ выбрать другого времени для своей комедіи! проворчалъ Пьедушъ.

Дѣйствительно, полицейскимъ было трудно услѣдить за многочисленными экипажами, сновавшими передъ ними. Впрочемъ, восьми часовъ еще не было. На станціонныхъ часахъ пробило три четверти и движеніе усилилось еще болѣе: время отхода поѣзда наступало, и пассажиры спѣшили цѣлыми массами. Прошло еще десять минутъ и когда минутная стрѣлка часовъ достигла цифры XI, изъ-за угла Ліонской улицы показалась карета, которая остановилась по другую сторону тюремнаго выхода, въ десяти шагахъ отъ него, слѣдовательно, въ двадцати шагахъ отъ двухъ полицейскихъ.

— Это онъ, прошепталъ Пьедушъ.—Я не могу разобрать цвѣта кареты, но лошадь та самая... Только чудится мнѣ, что кучеръ не въ мѣху, какъ тогда... Что это онъ, дьяволъ, не засвѣтилъ получше своихъ фонарей? горятъ совсѣмъ тускло.

— Да кому быть-то другому? Кто полѣзетъ къ тюрьмѣ? замѣтилъ Пигашъ. Пьедушъ умолкъ, вѣроятно, согласясь съ нимъ. Пробило восемь и калитка тюрьмы отворилась. Сторожъ выпустилъ нѣмого на улицу.

Полицейскіе не шелохнулись. Имъ была предписана чисто пассивная роль. Они должны были только наблюдать за движеніями освобожденнаго, и послѣдовать за нимъ въ случаѣ, если бы онъ не сѣлъ въ карету. Нѣмой сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и потомъ остановился, какъ бы ослѣпленный свѣтомъ станціонныхъ фонарей и испуганный движеніемъ экипажей. Онъ стоялъ, какъ вкопанный, не зная, повидимому, на что рѣшиться.

Въ эту самую минуту какая-то другая карета, запряженная вороной лошадью и съ кучеромъ въ мѣховомъ воротникѣ, медленно отдѣлилась отъ ряда экипажей, направлявшихся къ станціи, и остановилась въ четырехъ метрахъ отъ тюремныхъ воротъ, заслоняя собою экипажъ, прибывшій пятью минутами ранѣе ея. Сомнѣваться было нельзя: эта послѣдняя карета была настоящая, то есть, та, которую должны были ожидать Пьедушъ и Пигашъ. При свѣтѣ ея фонарей, горѣвшихъ очень ярко, полицейскіе могли явственно различить цвѣтъ кареты, масть лошади и обшитую мѣхомъ кучерскую шинель. Къ тому же, дверца кареты открылась, какой-то мужчина, закутанный въ широкое и длинное пальто, вышелъ и сдѣлалъ знакъ нѣмому, въ эту минуту поворотившему къ нему голову. Не колеблясь нисколько, нѣмой понялъ приглашеніе и направился къ экипажу. Господинъ въ пальто, пропустя его впередъ, вскочилъ вслѣдъ за нимъ въ карету и захлопнулъ дверцу; кучеръ тронулъ лошадь и экипажъ быстро исчезъ изъ вида, умчась вдоль мазасскаго бульвара и едва не задѣвъ своимъ колесомъ полицейскихъ.

— Сварганили! произнесъ Пигашъ.—Ловко! А теперь, такъ какъ намъ дозволено нанять фіакръ на казенный счетъ, то мы побережемъ свои сапоги, не такъ ли?..

— Тише! отвѣчалъ ему Пьедушъ, схватывая его за руку.

— Что еще? спросилъ Пигашъ, но, въ ту же минуту, самъ едва не вскрикнулъ отъ изумленія: карета, прибывшая первая на мѣсто и не скрытая болѣе другою каретой, подвигалась шагомъ впередъ и изъ полуоткрытой ея дверцы высовывалась голова... какъ двѣ капли воды похожая на голову Толбіака де-Тенпебре. Пьедушъ произносилъ про себя: «съ нами крестная сила!» когда лошадь,—вороная лошадь,—остановилась неподалеку отъ тюремной калитки. Сѣдокъ вышелъ изъ кареты и принялся смотрѣть пристально на эту калитку. По его костюму и всѣмъ пріемамъ нельзя было не узнать Толбіака. Пигашъ находился еще въ полномъ отупленіи, но Пьедушъ, болѣе смѣтливый, начиналъ понимать, что произошло нѣчто, заставившее ихъ сдѣлать громаднѣйшій промахъ. Чтобы выяснить дѣло скорѣе, онъ бросился къ Толбіаку. Тотъ встрѣтилъ его и Пигаша суровыми и рѣзкими словами:

— Я вамъ запретилъ двигаться съ мѣста. Отправляйтесь сейчасъ же обратно. Восемь уже било. Нѣмой выйдетъ тотчасъ. Онъ не долженъ видѣть насъ вмѣстѣ...

— Нѣмой! пробормоталъ Пьедушъ,—но... его и слѣдъ простылъ.

— Что? Помѣшался ты?

— Никакъ нѣтъ. А только онъ сѣлъ въ ту карету, которая умчалась сейчасъ по бульвару.

— И ты выпустилъ его, негодяй! воскликнулъ Толбіакъ, схватывая несчастнаго агента за шиворотъ съ очевидно грубымъ намѣреніемъ.

— Оставьте меня! воскликнулъ Пьедушъ, нерасположенный переносить такое обращеніе.

— Нѣтъ, ты объясни мнѣ сначала свое поведеніе, мошенникъ!

— Прошу не ругаться, возразилъ Пьедушъ, тоже грубо вырываясь изъ его рукъ. — Это, что называется, съ больной головы на здоровую! Сами виноваты, а сваливаете на другихъ!

— Ты смѣешь говорить мнѣ...

— Я говорю, что со всѣми вашими выдумками, вы изволили срѣзаться. Вамъ слѣдовало остановиться съ своею каретой поближе къ выходу; не позволять другой каретѣ стоять передъ вашимъ носомъ...

— Но ты видѣлъ мой экипажъ и узналъ его...

— Не могу сказать. Фонари у васъ тусклы, а вашъ кучеръ снялъ мѣховой воротникъ... Правда, что теперь онъ опять въ немъ, но когда вы пріѣхали, его не было.

— Лжешь.

— Нѣтъ, не лгу; не могъ же я отгадать, что точно такой экипажъ, какъ у васъ, явится сюда... ровно въ восемь часовъ!

— Я говорилъ тебѣ, что буду здѣсь безъ пяти минутъ восемь, и былъ!

— Противъ этого я не спорю, но если бы даже я захотѣлъ остановить нѣмого, когда онъ влѣзалъ въ ту карету, я этого не могъ бы сдѣлать; развѣ что накинуться на него и схватить... а это въ мою инструкцію не входило.

— Ты зналъ, что я долженъ выйти изъ кареты, подозвать знакомъ нѣмаго...

— Какой-то господинъ вашего роста и въ вашей одеждѣ совершилъ всѣ эти штуки. Вотъ спросите моего товарища: онъ тоже видѣлъ. Забавная исторія, я разсказываю все какъ было.

— Исторія до того забавна, сурово произнесъ Толбіакъ, — что я попрошу тебя ее объяснить.

— Объяснить? Что объяснять?

— О, не представляйся дуракомъ! Ты понимаешь меня очень хорошо. Тебѣ заплатили за то, чтобы ты выпустилъ изъ рукъ нѣмого...

— Теперь уже я васъ спрошу: въ умѣ ли вы, г. Толбіакъ?

— Сколько ты получилъ отъ старика Лекока за тотъ фокусъ, который совершился здѣсь?

— Отъ г. Лекока!.. Да я не видалъ его съ утра!

— Это еще надо будетъ доказать. Насъ ждутъ въ улицѣ Монъ-Таборъ. Вы оба поѣдете туда со мною, и мы посмотримъ, какъ взглянетъ вашъ начальникъ на это дѣльце!

— Да, воскликнулъ Пьедушъ,— если тутъ было мошенничество, то совершилъ его или я, или вы. Начальство разберетъ, кто виноватый. Вотъ кстати какой-то фіакръ; я сяду въ него съ Пигашемъ... не бойтесь, не улизну. Я самъ желаю, чтобы правда выплыла наружу.

— Хорошо, сказалъ сыщикъ,— я поѣду слѣдомъ за вами, и такъ какъ моя лошадь лучше вашей, то я не боюсь, что вы убѣжите отъ меня. Но я предупреждаю васъ обоихъ, что если вашъ начальникъ послушаетъ моего совѣта, то засадитъ васъ сегодня же въ тюрьму, какъ сообщниковъ подсудимаго.

— Ладно, еще посмотримъ, возразилъ Пьедушъ, пожимая плечами. —Только позвольте спросить, отчего, если лошадь у васъ такъ быстра, вы не бросились въ погоню за тою каретой, въ которой скрылся нѣмой? Вы не скажете, я надѣюсь, что я вамъ помѣшалъ? Я объявилъ вамъ тотчасъ же. Все это я передамъ начальству, будьте увѣрены.

Онъ вскочилъ въ фіакръ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ.

— Вотъ, влопались-то! промолвилъ Пигашъ.—Не похвалятъ насъ.

— Чтобъ имъ всѣмъ провалиться! воскликнулъ взбѣшенный Пьедушъ. —Надоѣло мнѣ работать съ подлецомъ, который обѣщаетъ мнѣ тысячу франковъ, а устраиваетъ дѣло такъ, чтобы меня изъ службы выгнали!.. Ну, пусть выгоняютъ и цѣлуются съ своимъ Толбіакомъ!

Товарищи не обмѣнялись болѣе ни словомъ, пока фіакръ не остановился въ улицѣ Монъ-Таборъ.

Бѣдный старикъ Лекокъ сторожилъ здѣсь уже съ восьми часовъ, стоя напротивъ квартиры, въ которой должна была рѣшиться участь его сына.

Декамеронъ. Сказка X.

Декамеронъ. Сказка X.

Декамеронъ. Сказка X.

Онъ видѣлъ, какъ пріѣхалъ начальникъ сыскной полиціи, въ одной каретѣ съ слѣдователемъ и подсудимымъ. Вслѣдъ за ними вошелъ въ квартиру еще одинъ полицейскій агентъ въ статскомъ платьѣ, а два полицейскихъ сержанта остались у входа на улицѣ, готовые явиться наверхъ по первому зову начальника. Приходилось ожидать одного Толбіака, который долженъ былъ привезти нѣмого... И какъ забилось сердце у несчастнаго отца, когда онъ увидалъ наемный фіакръ и тѣсно слѣдовавшую за нимъ собственную карету, остановившіеся у дома № 72. Полицейскіе и Толбіакъ вышли изъ этихъ двухъ экипажей и скрылись въ ворота... Лекокъ не успѣлъ разсмотрѣть ихъ хорошенько, но былъ увѣренъ, что вмѣстѣ съ ними вошелъ и нѣмой.

Наступили минуты томительнаго ожиданія... Старикъ слѣдилъ съ трепетомъ за огнемъ, переходившимъ изъ комнаты въ комнату... Наконецъ ворота отворились кто-то вышелъ, подозвалъ четвероместный фіакръ... нѣсколько человѣкъ сѣли въ него, одинъ изъ сержантовъ вскочилъ на козлы и экипажъ двинулся по направленію къ префектурѣ. Въ то же время, на тротуарѣ показались начальникъ полиціи, слѣдователь и Толбіакъ. Поговоривъ немного, они разстались: Толбіакъ сѣлъ въ свою карету, слѣдователь въ тотъ фіакръ, въ которомъ пріѣхали Пьедушъ и Пигашъ, а начальникъ полиціи, оставшись одинъ, медленно пошелъ къ улицѣ Кастильонъ.

Лекокъ бросился на встрѣчу своему старому другу.

— Что же, спросилъ онъ.

— А! это вы! сказалъ тотъ сухо. — Какимъ образомъ вы здѣсь?

— Я не могъ вытерпѣть... мнѣ хотѣлось узнать поскорѣе.. Вы можете понять сами... Гдѣ же мой сынъ?.. Чѣмъ кончилось все?

— Вы не подозрѣваете?

— Нѣтъ, проговорилъ старикъ, удивленный этимъ сухимъ и почти ироническимъ тономъ.—Я видѣлъ, какъ пріѣхали Толбіакъ... полицейскіе... нѣмой, но...

— Нѣмого вы не могли видѣть, потому что онъ не явился. Онъ убѣжалъ... или, вѣрнѣе сказать, его похитили.

— Похитили!.. Кто его похитилъ?

— Вы будете очень добры, если сообщите это мнѣ... я могу вамъ только сказать, что сильно подозрѣваю Пьедуша въ пособничествѣ этой продѣлкѣ...

— Его! можетъ ли быть! Мнѣ кажется, онъ не таковъ, чтобы могъ измѣнить своему долгу...

— Это выяснится въ скоромъ времени, но пока оба эти молодца, Пьедушъ и Пигашъ, посидятъ подъ замкомъ...

— А мой сынъ? спросилъ со страхомъ Лекокъ.

— Вашъ сынъ! забудьте лучше о немъ... врядъ ли уже удается вамъ его увидѣть... Я не скрою, что и вамъ лично, можетъ быть, придется еще отвѣчать.

— Говорите яснѣе. Я ничего не понимаю.

— Дѣло ясное, однако. Очная ставка вашего сына съ этимъ нѣмымъ была бы невыгодна для подсудимаго... это теперь уже очевидно, въ виду новыхъ уликъ...

— Какихъ уликъ?

— Вы меня извините, если я не сочту возможнымъ посвятить васъ во всѣ подробности слѣдствія. Довольно того, что мы теперь знаемъ

навѣрное, что вашъ сынъ убилъ и мужчину, и женщину въ улицѣ Арбалетъ. Нѣмой могъ его признать, и этотъ нѣмой исчезъ. Кому было выгодно заставить его исчезнуть? Кому, какъ не отцу подсудимаго?

— Вы подозрѣваете меня! воскликнулъ съ негодованіемъ старикъ.—Меня, который разсчитывалъ на эту очную ставку, чтобы доказать невинность Люи! Вы развѣ забыли, что я первый просилъ васъ свести моего сына съ этимъ нѣмымъ?

— Вы хорошо понимали, что не рискуете ничѣмъ, прося объ этой очной ставкѣ. При вашемъ умѣ, вашемъ богатствѣ, имѣя преданныхъ людей между нашими же агентами, вы могли отлично устроить это похищеніе... Извините меня, г. Лекокъ, но вся эта исторія не послужитъ на пользу подсудимому, напротивъ...

— Вы обвиняете меня, вы произносите приговоръ надъ моимъ сыномъ, проговорилъ съ отчаяніемъ старикъ.

— Я васъ не обвиняю и не имѣю права произносить приговоры надъ кѣмъ бы то ни было. Но я обязанъ не щадить негодяевъ... и тѣхъ, которые стараются помѣшать ходу правосудія. Болѣе мнѣ нечего вамъ сказать. Я былъ вашимъ другомъ, но эта дружба обошлась мнѣ очень дорого. Наши сношенія должны прекратиться... Прощайте!

При этихъ жесткихъ словахъ, начальникъ сыскной полиціи кивнулъ головою и удалился.

Лекокъ, пораженный тѣмъ, что услышалъ, остался на мѣстѣ, не пытаясь удержать его, не пытаясь оправдываться. Что ему было до личнаго обвиненія, такъ незаслуженно павшаго на него? Онъ думалъ только о своемъ сынѣ, одного его онъ хотѣлъ защитить... и онъ не терялъ еще надежды на его спасеніе...

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Декамеронъ.

Сказки Джіовани Боккачіо.

(Переводъ Н. И. Шульгина.)

День второй.

Сказка X.

Старику и подагрику жениться не слѣдуетъ.

(Разсказанная Діонео.)

Недавно еще въ Пизѣ жилъ судья, отличавшійся умомъ и способностями, но крайне слабый здоровьемъ, рано состарѣвшійся, почти одряхлѣвшій, къ тому же одержимый подагрой. Звали его Ричіардо ди-Чинзика и онъ обладалъ большимъ состояніемъ. Не смотря на его слабость и болѣзненность, ему пришла въ голову блажная мысль—жениться; ему казалось, что онъ въ силахъ будетъ вынести бремя супружеской жизни. Къ еще большему для него несчастію, онъ пожелалъ имѣть жену молодую и красавицу. Конечно, еслибъ на его умъ не нашло затмѣніе, онъ разсудилъ бы, что именно этихъ качествъ онъ и не долженъ искать въ женѣ, принявъ въ соображеніе свой старческій возрастъ и слабость здоровья. Онъ часто давалъ совѣты другимъ, но не подумалъ примѣнить ихъ къ самому себѣ. Выборъ его остановился на дочери мессера Лотто Гваланди, по имени Бартоломеа. Она положительна была самой красивой дѣвушкой въ Пизѣ. Отличалась она удивительной бѣлизной кожи, что ярко выдвигало ее среди пизанскихъ женщинъ, страдающихъ наслѣдственнымъ недостаткомъ: желтизною кожи. На сдѣланное предложеніе, Чинзика тотчасъ же получилъ согласіе родителей Бартоломеи, приказавшихъ дочери выходить замужъ безъ всякихъ разсужденій. Свадьба была отпразднована весело и съ большимъ великолѣпіемъ.

Сдѣлавшись мужемъ юной, красивой и рѣзвой женщины, Чинзика очень скоро убѣдился, что онъ сдѣлалъ большую ошибку. Сознавшись въ ней искренно, онъ могъ бы еще поправить ее разводомъ. Но человѣкъ бываетъ часто слѣпъ и безуменъ, когда дѣло коснется его эгоизма. Отказаться отъ жены казалось немыслимымъ достопочтенному судьѣ, между тѣмъ подагра и полное разслабленіе организма твердили ему ежеминутно, что онъ долженъ вести самую умѣренную жизнь и избѣгать всякихъ волненій. И вотъ, желая сохранить при себѣ жену и вмѣстѣ не разстраивать окончательно своего чрезмѣрно-слабаго здоровья, онъ прибѣгъ къ слѣдующей хитрости. Онъ объяснилъ своей молоденькой женѣ, что извѣстные дни въ году супруги обязаны проводить вполнѣ цѣломудренно, оставаясь между собою только въ братскихъ отношеніяхъ. Вечеромъ, наканунѣ такого дня, они должны удаляться каждый въ отдѣльную комнату и проводить время въ самосозерцаніи и благочестивыхъ размышленіяхъ. На слова жены, что она не знаетъ точно, въ какіе именно дни надо слѣдовать этой программѣ, Чинзика отвѣчалъ, что каждый разъ онъ будетъ предупреждать ее. И вотъ, передъ наступленіемъ сумерекъ, во время обычнаго дневного отдыха, онъ бралъ въ руки небольшой календарь, изданный въ Равеннѣ, и провозглашалъ, что завтра праздникъ такому-то святому или постъ, слѣдовательно день, канунъ котораго долженъ быть посвященъ самосозерцанію, почему супруги должны разлучиться и удалиться каждый въ свою комнату. Пятница, суббота и воскресенье спеціально принадлежали къ числу такихъ дней. Такимъ образомъ выходило, что въ каждый день недѣли приходился или праздникъ или постъ. Если прибавить къ этому, что Чинзика былъ чрезвычайно ревнивъ, не отпускалъ жены изъ дому и очень рѣдко принималъ у себя гостей, мы должны будемъ согласиться, что молодая женщина была права, говоря, что ее гложетъ тоска, что ей скучно.

Чинзика понималъ, что скука плохой совѣтникъ и что Бартоломеѣ могутъ приходить въ голову самыя сумасбродныя мысли. «Надо чѣмъ-нибудь развлечь ее», рѣшилъ онъ. У подножія Черной горы у него былъ хорошенькій загородный домъ. Онъ пригласилъ много гостей и вся компанія отправилась на эту дачу, съ цѣлію развлечься рыбной ловлей. На ловлю поѣхали въ двухъ баркахъ; въ одну сѣли мужчины, принявшіе на себя обязанности рыбаковъ, въ другую хозяйка съ ея подругами, принимавшія участіе въ ловлѣ только какъ зрительницы. Всѣмъ было чрезвычайно весело, шелъ оживленный разговоръ; ловля было удачна и компанія незамѣтно удалилась въ море за нѣсколько миль отъ берега. Вскорѣ, однакожь, ихъ пріятное развлеченіе было внезапно прервано появленіемъ знаменитаго корсара того времени, Паганина изъ Монако. Замѣтивъ барки, Паганинъ поплылъ къ нимъ. Барки пошли на утекъ, но было уже поздно. Корсаръ скоро настигъ барку, въ которой помѣщались дамы. Быстро окинувъ взглядомъ группу дамъ, онъ былъ пораженъ красотой Бартоломеи, по сравненію съ которою остальныя дамы показались ему дурнушками, хотя нѣкоторыя изъ нихъ были и хорошенькія. Оставивъ въ покоѣ прочихъ дамъ, Паганинъ перетащилъ на свою барку только одну Бартоломею, что совершилось въ виду ея мужа, барка котораго уже приближалась къ берегу. Корсаръ не преслѣдовалъ его изъ опасенія встрѣтиться съ сторожевымъ судномъ, такъ какъ на берегу, вѣроятно, уже замѣтили его появленіе.

Нечего и говорить, что судья въ высшей степени былъ взбѣшенъ этимъ приключеніемъ. Онъ разразился криками и проклятіями. Кто увезъ его жену и куда?—онъ не зналъ. Одно было несомнѣнно, что похититель — корсаръ. Всѣхъ вообще корсаровъ возненавидѣлъ Чинзика съ этого времени, и твердилъ каждому встрѣчному въ Пизѣ, что необходимо истребить всѣхъ до одного этихъ разбойниковъ.

Между тѣмъ Паганинъ, восхищенный красотой и молодостью своей плѣнницы, страстно влюбился въ нее. Онъ былъ холостъ и рѣшилъ удержать ее при себѣ, какъ жену. Онъ окружилъ ее самымъ предупредительнымъ вниманіемъ и употребилъ всѣ старанія, чтобы утѣшить ее, потому что она горько плакала. Его усилія сопровождались такимъ полнымъ успѣхомъ, что уже на слѣдующій день красавица обходилась съ нимъ нѣжно и ласково. Черезъ короткое время молодые люди зажили воркующими голубками, такъ что когда корабль прибылъ въ Монако, изъ ума Бартоломеи успѣли уже улетучиться и судья, и календарь и всякое воспоминаніе о томъ образѣ жизни, какой она вела въ домѣ мужа. Въ Монако ей жилось весело; она испытывала такъ много развлеченій, что ей некогда было скучать. Корсаръ подарилъ ей великолѣпный гардеробъ, богато отдѣлалъ ея комнату и относился къ ней такъ нѣжно и почтительно, какъ бы къ законной женѣ. Любовь молодыхъ людей другъ къ другу росла съ каждымъ днемъ.

Между тѣмъ поиски Ричіардо Чинзика увѣнчались успѣхомъ. Узнавъ, куда увезли его милую Бартоломею, онъ порѣшилъ отправиться за нею самъ, не считая кого-либо другого достойнымъ или способнымъ вступить въ переговоры съ похитителемъ. Онъ далъ себѣ слово не скупиться и уплатить выкупъ, какъ бы велика ни была цѣна, назначенная корсаромъ. Безъ приключеній прибылъ онъ въ Монако и, выйдя на берегъ, тотчасъ же увидѣлъ свою жену. Она тоже замѣтила его и поспѣшила къ Паганину предупредить его о пріѣздѣ Ричіардо. Молодые люди условились, что каждому изъ нихъ дѣлать и говорить во время предстоящаго визита.

На слѣдующій день Чинзика пришелъ въ домъ корсара. Паганинъ принялъ его очень вѣжливо и тщательно скрылъ, что ему извѣстно, кто такой гость и зачѣмъ онъ пришелъ. Судья, конечно, поспѣшилъ сообщить о цѣли своего посѣщенія. Дрожащимъ отъ волненія голосомъ, онъ сталъ умолять Паганина отдать ему его жену, за что онъ внесетъ ему слѣдуемый выкупъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ я исполню ваше желаніе, мессеръ, если это возможно, отвѣчалъ веселымъ тономъ Паганинъ.—Правда, у меня находится молодая женщина, но ваша-ли она жена, этого я не знаю, потому что не имѣю чести знать васъ, а она сама никогда не говорила мнѣ, что была замужемъ. Сколько я могу судить по наружности, вы должно быть честный человѣкъ; я могу сдѣлать для васъ одно: доставить вамъ свиданіе съ этой женщиной. Если вы ея мужъ, она узнаетъ васъ тотчасъ же и если затѣмъ она пожелаетъ возвратиться съ вами, я не стану ей препятствовать; мало того, назначеніе выкупа я предоставляю вашему благоусмотрѣнію, я убѣжденъ, что вы, какъ честный человѣкъ, не воспользуетесь моимъ довѣріемъ къ моему ущербу. Но если она не признаетъ васъ своимъ мужемъ или откажется слѣдовать за вами, вы должны покориться своей участи. Надѣюсь, вы не сомнѣваетесь, что я могу достойно содержать жену, даже такую, какъ эта молодая женщина, которую я признаю красивѣйшей и любезнѣйшей женщиной въ мірѣ.

— О, клянусь вамъ, вскричалъ Ричіардо,—это моя жена, въ чемъ вы сами сейчасъ убѣдитесь; какъ только она увидитъ меня, она бросится ко мнѣ на шею. Охотно принимаю предложенныя вами условія.

— Въ такомъ случаѣ, идемте, сказалъ корсаръ,—и вы увидите ее.

Они вошли въ сосѣднюю комнату и послали за дамой. Вскорѣ пришла и она, разодѣтая и блестящая, точно звѣзда. Она поклонилась и по-

смотрѣла на своего мужа, точно на совершенно незнакомаго ей человѣка. Судья, ожидавшій нѣжнаго, ласковаго пріема, былъ изумленъ такой холодностью. «Можетъ быть, подумалъ онъ, чтобы утѣшить себя,—печаль и страданія, преслѣдующія меня съ того момента, какъ ее похитили, до такой степени измѣнили меня, что я сталъ неузнаваемъ».

— Ахъ! мой другъ, сказалъ онъ вслухъ,— какъ сильно упрекаю я себя, что мнѣ пришла идея везти тебя на рыбную ловлю. Страшное горе и страданія посѣтили меня съ той поры, какъ я потерялъ тебя. Не увеличивай же ихъ, оставаясь холодной ко мнѣ и не узнавая меня. Развѣ не видишь ты, что я твой мужъ Ричіардо, пріѣхавшій сюда затѣмъ, чтобъ увезти тебя въ Пизу, уплатя выкупъ, размѣръ котораго этотъ честный человѣкъ предоставляетъ назначить мнѣ самому.

— Не ко мнѣ-ли относятся ваши слова? отвѣчала съ легкой улыбкой Бартоломеа.—Но посмотрите на меня хорошенько, вы, безъ сомнѣнія, принимаете меня за другую. Я-же не могу припомнить, чтобы гдѣ-нибудь васъ встрѣчала.

— Подумай хорошенько, моя милая, о томъ, что ты сказала! Посмотри на меня попристальнѣе и ты не станешь болѣе сомнѣваться, что я Ричіардо Чинзика.

— Извините меня, мессеръ, если я останусь при своихъ словахъ. Я слишкомъ хорошо разсмотрѣла васъ и утверждаю, что вижу васъ въ первый разъ.

Бѣдный судья былъ въ отчаяніи. Но тутъ ему пришло на мысль, что Бартоломеа говоритъ такъ въ присутствіи Паганина, котораго боится. Онъ попросилъ корсара разрѣшить ему остаться наединѣ съ молодой женщиной и тогда она, по всей вѣроятности, измѣнитъ свое мнѣніе. Бартоломеа пригласила мужа въ свою комнату. Когда они усѣлись тамъ, она опустила глаза въ землю и закусила губы, чтобы не расхохотаться.

— О, мое сердце, моя милая, моя добрая подруга, сказалъ Чинзика,—неужели ты все еще не узнаешь своего Ричіардо, который любитъ тебя болѣе своей жизни. Какъ могло это случиться, что ты забыла меня? Развѣ я такъ перемѣнился. Ради Бога, душечка, посмотри на меня; не можетъ быть, чтобы ты не узнала меня.

Бартоломеа не выдержала и захохотала.

— Какъ вы просты, однакожь, сказала она,— если повѣрили, что я дѣйствительно не узнала, что вы—Ричіардо Чинзика, мой мужъ. Но имѣете-ли вы право жаловаться, если я показывала видъ, что не узнаю васъ? Поступали-ли вы со мной, какъ слѣдовало, въ то время, какъ я жила въ вашемъ домѣ. Если бы вы въ самомъ дѣлѣ любили меня такъ, какъ вы говорите, если бы я дѣйствительно была мила вамъ, вы не запирали бы меня, вы не позабыли бы, что я молодая женщина, что мнѣ необходимы развлеченія. Вы скажете, почему же я не требовала ихъ, но я слишкомъ молода, а присущая нашему полу стыдливость побуждаетъ насъ молчать о многомъ, что мы желали бы высказать. Если судейскія обязанности, (что, впрочемъ неправда) препятствовали вамъ быть внимательнымъ мужемъ, тогда зачѣмъ-же вы женились? И что еще вы выдумали съ вашимъ календаремъ? Вѣдь если-бы рабочіе на вашихъ земляхъ придерживались вашего календаря и проводили въ самосозерцаніи дни выдуманныхъ вами праздниковъ, несомнѣнно вы не собрали-бы ни одной жатвы. Если-бы я оставалась съ вами, я непремѣнно зачахла-бы отъ скуки и слезъ, и я очень рада, что случай отдалъ меня въ руки Паганина. Здѣсь я повела иную жизнь, и видите, я поздоровѣла и похорошѣла. Паганинъ незабываетъ, что я молодая женщина и предоставляетъ мнѣ столько развлеченій, сколько можетъ. Надо пользоваться жизнію, пока мы молоды; предаваться же самосозерцанію успѣемъ и въ старости. Не удивляйтесь-же, что я предпочитаю Паганина вамъ, мучавшему меня своею ревностью и державшему меня, точно въ тюрьмѣ. Самое лучшее вы сдѣлаете, мессеръ, если тотчасъ-же вернетесь домой. Отправляйтесь же безъ замедленія; желаю вамъ благополучнаго пути. Право, я вовсе не нужна вамъ. Предавайтесь же по прежнему самосозерцанію, живите по вашему календарю и да продлитъ Господь ваши дни.

Эта рѣчь пронзила сердце бѣднаго Ричіардо. Нѣсколько разъ онъ думалъ прервать ее, но вспомнивъ, что находится въ домѣ корсара, сдерживалъ свое нетерпѣніе.

— И ты, милый другъ, рѣшаешься говорить со мной такимъ образомъ! воскликнулъ онъ, когда Бартоломеа замолчала.— Какъ можешь забывать ты о своей чести и о чести твоей фамиліи? Возможно-ли, ты предпочитаешь оставаться съ этимъ человѣкомъ въ качествѣ его любовницы и жить вѣчно въ смертномъ грѣхѣ, вмѣсто того, чтобы, какъ честная женщина, вернуться къ своему мужу въ Пизу? Подумай, если ты перестанешь нравиться Паганину, онъ выброситъ тебя за дверь; между тѣмъ, если ты поѣдешь со мною, я до конца дней моихъ не перестану любить тебя, а послѣ моей смерти ты останешься знатной дамой и получишь все мое состояніе. Неужели постыдная и преступная страсть доведетъ тебя до того, что ты попрешь ногами свою честь и оставишь нѣжно-любящаго тебя мужа! Умоляю тебя, мое сердце, одумайся и возвратись со мною. Теперь, когда мнѣ извѣстны твои вкусы и желанія, я постараюсь угодить тебѣ. Я болѣе никогда не стану говорить тебѣ о самосозерцаніи. Веселись сколько душѣ твоей угодно. Прошу тебя, милочка, измѣни свое рѣшеніе и согласись вернуться съ твоимъ мужемъ, который, съ той поры, какъ тебя похитили у него, не знаетъ ни минуты покоя и страшно страдаетъ отъ горя и печали.

— Вы говорите мнѣ о моей чести, отвѣчала Бартоломеа,— когда уже нельзя вернуть того, что случилось. Но развѣ мои родители заботились о моемъ счастіи и моей чести, когда, не спрашивая моего согласія, отдавали меня за васъ замужъ. Если они такъ мало заботы прилагали обо мнѣ, почему же я должна заботиться о нихъ. Вамъ тоже нѣтъ причины негодовать на меня; что я такое была для васъ? Мнѣ-же жить хорошо; знайте, что Паганинъ оказываетъ мнѣ самое предупредительное вниманіе и уважаетъ меня, какъ настоящую жену, въ то время, какъ въ Пизѣ на меня смотрѣли, какъ на вещь, необходимую для выставки; вы меня презирали и заставляли страдать. Паганинъ совсѣмъ другой человѣкъ; я отъ него вижу постоянную ласку, уваженіе и искреннюю любовь. Судите сами, могу ли я не желать остаться съ нимъ. Вы говорите, что готовы исполнять мои желанія, что вы измѣните жизнь. Но я вамъ не вѣрю. Вы не въ состояніи измѣнить свои привычки, да еслибы измѣнили, вы не выдержите и умрете. Посмотрите, какъ вы слабы, блѣдны, худы. Въ заключеніе скажу вамъ, что если Паганинъ меня прогонитъ, я все-таки не возвращусь къ вамъ. Будьте увѣрены, что даже и въ томъ случаѣ, когда-бы мнѣ пришлось протянуть руку за подаяніемъ, вамъ я ее не протяну. Но я не боюсь, что Паганинъ когда-нибудь разстанется со мною; я хорошо знаю его чувства ко мнѣ и увѣрена, что онъ меня страстно любитъ. Не сомнѣвайтесь же, что мое рѣшеніе безповоротно, я хочу и останусь здѣсь. Уходите-же скорѣе, иначе я позову Паганина и не пеняйте, если тогда случится съ вами какая-нибудь непріятность.

Ричіардо понялъ теперь, какую ошибку сдѣлалъ онъ, что онъ не принялъ въ разсчетъ большую разницу въ лѣтахъ и выбралъ себѣ въ жены юную красавицу. Онъ вышелъ изъ комнаты сконфуженный, униженный, съ отчаяніемъ въ сердцѣ. Встрѣтивъ Паганина, онъ пробормоталъ ему нѣсколько словъ, на которыя не получилъ никакого отвѣта.

Такимъ образомъ попытка Ричіардо потерпѣла рѣшительную неудачу и онъ вернулся въ Пизу грустный, страдающій. Его сограждане, вмѣсто того, чтобы пожалѣть его, встрѣтили его насмѣшками и безпрестанно намекали ему на невѣрность его жены. Эти насмѣшки до такой степени подѣйствовали на него, что онъ вскорѣ умеръ.

Узнавъ объ его смерти, Паганинъ женился на Бартоломеи, въ любви которой онъ былъ вполнѣ увѣренъ. Свадьба ничего не измѣнила въ ихъ привычкахъ, они по прежнему продолжали вести веселую счастливую жизнь.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Любовный романъ доктора Мазина.

(*Окончаніе.*)

Прошло около шести лѣтъ послѣ этого визита Мази ко мнѣ: судьба меня забросила въ другія мѣста и заставила потерять на время изъ виду моихъ петербургскихъ знакомыхъ. Когда я снова возвратился въ Петербургъ, мнѣ, разумѣется, и въ голову не приходило, что я встрѣчусь снова съ Мазей. Я зналъ его такъ недолго, такъ мало интересовался имъ, что воспоминаніе о немъ совершенно изгладилось изъ моей памяти. Но случай опять столкнулъ меня съ нимъ: я встрѣтилъ своего стараго знакомаго на улицѣ и прошелъ бы мимо него, если-бы онъ не окликнулъ меня совсѣмъ робкимъ голосомъ.

— Извините, можетъ быть, вамъ непріятно видѣть меня, сказалъ онъ, остановившись передо мною.

Я взглянулъ на него, узналъ его, протянулъ ему руку. Но меня поразилъ его видъ: Мазя былъ худъ, блѣденъ, плохо одѣтъ. Не смотря на зимнее время, онъ былъ въ легонькомъ пальто съ поднятымъ воротникомъ, его панталоны были довольно потасканы, его фуражка была какая-то измятая, потертая, порыжѣвшая...

— Что съ вами, Мазя? спросилъ я, забывъ его имя и отчество, и прибавилъ:—Извините, что я васъ такъ называю, но...

— Ничего, ничего, я очень радъ... очень благодаренъ, я думалъ, вы погнушаетесь, заговорилъ онъ торопливо, конфузливо, какъ смущенная дѣвушка.—Я плохо одѣтъ... многихъ это теперь смущаетъ... а я, ахъ если бы вы знали, что со мной дѣлается...

— Успокойтесь, ласково сказалъ я.—Зайдемте ко мнѣ, потолкуемъ...

— Я взялъ его подъ руку и повелъ къ себѣ. У него навернулись на глазахъ слезы.

— Вы... вы... очень, очень добрый человѣкъ! пробормоталъ онъ и пожалъ мнѣ руку.

Я дошелъ съ нимъ до своей квартиры и ввелъ его въ свой кабинетъ.

— Ну, обогрѣйтесь, отдохните, разсказывайте свои похожденія, сказалъ я, бросая зажженную бумажку въ печь, гдѣ уже лежали дрова. Мазя былъ видимо взволнованъ, тронутъ и смущенъ.

— Давно, давно никто меня не принималъ такъ дружески, сказалъ онъ,—всѣ бросили, всѣ отвернулись, боятся даже...

— Да полноте вы волноваться.. Вы еще молоды, перемелется рожь—мука будетъ, сказалъ я, дотрогиваясь до его плеча.

Онъ вдругъ притянулъ меня къ себѣ и крѣпко поцѣловалъ. Изъ его глазъ хлынули слезы.

— Мазя! что вы! Полноте, голубчикъ! сказалъ я, взволнованный не на шутку, и погладилъ его по головѣ, какъ ребенка.

— Нѣтъ... ничего... Это пройдетъ! Я не стыжусь, что я плачу... цѣлуюсь... Если бы у меня былъ отецъ, если бы у меня была мать, они не могли бы болѣе обласкать меня, чѣмъ вы сегодня... Всѣ и за человѣка-то перестали меня считать, смотрятъ со страхомъ.. помѣшаннымъ считаютъ...

Онъ расплакался навзрыдъ и въ этихъ слезахъ было что-то женское, ребяческое, нервное. Прошло не менѣе часу, прежде чѣмъ мнѣ удалось совершенно успокоить его и узнать его исторію.

— Вы помните, что я за человѣкъ былъ шесть лѣтъ тому назадъ, спросилъ онъ меня.

— Какъ вамъ сказать, Мазя,—я васъ мало зналъ, отвѣтилъ я.

— Ну, да, мало знали, а все же видѣли, что я былъ неопытный и застѣнчивый, быть можетъ. немного глуповатый мальчуганъ-пошлякъ, думавшій только о женскихъ юбкахъ.

Я улыбнулся.

— Пожалуй, я зналъ даже и болѣе, я зналъ, что вы любили наблюдать за женщинами безъ юбокъ, но это еще не характеристика человѣка.

— Ахъ, да во мнѣ тогда ничего больше и не было: начитавшійся романовъ, жаждавшій поэзіи любви, напуганный разсказами о послѣдствіяхъ разврата, я вырвался на волю изъ закрытаго заведенія и попалъ въ незнакомый мнѣ городъ, гдѣ были уже не одни мальчики, а и дѣвушки, гдѣ передъ моими глазами совершались любовные романы, гдѣ молодежь только и говорила о любви,—ну, и явилось у меня одно желаніе, одна потребность, одна страсть сойдтись съ этими дѣвушками, узнать ихъ, полюбить ихъ и въ то же время было у меня отвращеніе къ простымъ связямъ съ падшими женщинами, которыхъ я боялся.. Вамъ нечего разсказывать мои тогдашнія смѣшныя и пошлыя похожденія: вы ихъ знаете...

— Да, до того времени, когда вы задумали искать невѣсту..

— Вотъ въ это-то время я и узналъ впервые женщинъ или, лучше сказать, одну женщину, другихъ я не зналъ, да, можетъ быть, и не узнаю. Разъ меня послали съ бумагами къ одному изъ моихъ начальниковъ. Я отнесъ ему бумаги, откланялся и пошелъ изъ его кабинета, какъ вдругъ въ дверяхъ мнѣ встрѣтилась какая-то молодая, прекрасно одѣтая дама. Я сконфузился, покраснѣлъ и далъ ей дорогу. Я не успѣлъ затворить еще дверей, какъ за мной послышался въ кабинетѣ вопросъ:

— Что это за дѣвочка въ мундирѣ?

— Это нашъ служащій, Мазинъ, послышался отвѣтъ моего начальника.

Я покраснѣлъ еще болѣе и удалился.

Дня черезъ три начальникъ призвалъ меня къ себѣ и поручилъ мнѣ свезти какой-то свертокъ по данному мнѣ адресу. На адресѣ я прочелъ: «Большая Морская, домъ № 21, ея высокоблагородію Эммѣ Адольфовнѣ Брёзъ». Я отправился по адресу, нашелъ домъ, нашелъ квартиру госпожи Брёзъ и позвонилъ у дверей. Ко мнѣ вышла горничная, молоденькая и бойкая дѣвушка, и спросила: «отъ кого вы»? Я сказалъ. Меня попросили подождать и минутъ черезъ пять пригласили въ комнату. Горничная провела меня черезъ богато убранную гостиную съ малиновою шелковою мебелью, съ малиновыми шелковыми занавѣсями и портьерами и ввела въ небольшой кабинетъ съ мягкими коврами, съ мягкими диванчиками, съ массой цвѣтовъ и картинъ въ золоченыхъ рамахъ. На одной изъ голубыхъ кушетокъ полулежала вся въ бѣломъ та самая дама, которую я встрѣтилъ у своего начальника: это была еще совсѣмъ юная красавица, какихъ мнѣ еще не удавалось встрѣчать въ жизни.

— А, это вы! сказала она, кивнувъ своей головкой.—Мы уже знакомы. Я видѣла васъ на дняхъ у Ивана Петровича. Садитесь.

Она указала мнѣ на кресло. Я былъ красенъ, какъ ракъ, и смущенъ до послѣдней степени. Вы вѣдь знаете, какъ я былъ тогда застѣнчивъ. Я поставилъ на кресло свой цилиндръ и сѣлъ на него. Послышался трескъ моей шляпы,—я присѣлъ еще плотнѣе, растерявшись окончательно. Госпожа Брёзъ улыбнулась и покачала головкой.

— Вы всегда такой застѣнчивый! спросила она, кусая губки, чтобы скрыть свой смѣхъ.

Я кое-какъ пробормоталъ:

— Извините, я не бываю въ обществѣ.

— Но вы такъ милы, откровенно сказала она, осматривая меня съ ногъ до головы.

Я чуть не расплакался отъ смущенія.

— Вы еще совсѣмъ мальчикъ, сказала она.

— Мнѣ... мнѣ двадцать второй годъ, пробормоталъ я.

— Неужели?.. я не дала бы вамъ и девятнадцати лѣтъ... Вы только на годъ старше меня... У васъ есть семья?..

— Нѣтъ-съ, я одинъ.

— Совсѣмъ одинъ? спросила она, лукаво прищуривъ глазки.

— Да... то есть родныхъ у меня нѣтъ, сказалъ я.

— Ну, а, вѣрно, есть какая-нибудь невѣста, подруга жизни?

Я потупился и пробормоталъ:

— Я совсѣмъ одинъ.

Я не помню, о чемъ она спрашивала меня еще, потому что у меня все спуталось въ головѣ, въ глазахъ ходили зеленые и красные круги, а она все пристальнѣе, все ласковѣе смотрѣла на меня. Наконецъ, я всталъ, чтобы идти; она протянула мнѣ руку, я подошелъ къ ней поближе и, право, не могу вамъ сказать теперь, что сдѣлалось со мной въ эту минуту,—знаю только, что я пошатнулся, упалъ передъ нею, прильнулъ губами къ ея рукѣ, къ ея платью, къ ея груди. Какой-то сладкій голосъ шепталъ мнѣ на ухо: «милый, красавчикъ!..» Съ этой минуты для меня началась новая жизнь: я сходилъ съ ума отъ любви, я жилъ только этою любовью, я ходилъ, какъ въ туманѣ, до того часа, когда я могъ предаться этой любви. Я не знаю, какъ любятъ другіе, какъ любятъ другихъ женщинъ, но моя любовь къ Эммѣ походила на сумасшествіе и сама Эмма, казалось, испытывала тоже самое. Она говорила мнѣ, что она впервые въ жизни встрѣтила такого «мальчика», какъ я, что она никогда не предполагала, чтобы можно было такъ любить, какъ люблю я, что иногда ей даже становится страшно со мною, хотя она и не знаетъ, почему. И то сказать, вѣдь это была моя первая любовь! Эмма просила меня только не заикаться о нашемъ сближеніи Ивану Петровичу, моему начальнику, и назначала мнѣ свиданія только въ извѣстные часы. Почему я долженъ былъ скрывать свою любовь отъ Ивана Петровича, почему я могъ приходить къ Эммѣ только въ извѣстные часы и то съ чернаго хода, я объ этомъ не спрашивалъ тогда, сумашествуя отъ любви. Эмма говорила, что Иванъ Петровичъ ея опекунъ и благодѣтель, что онъ будетъ сердиться, если узнаетъ о нашихъ свиданіяхъ, и я не справлялся, не задумывался о дальнѣйшемъ. Да развѣ и могъ я думать о чемъ-нибудь, кромѣ того, что въ такой-то часъ я буду снова счастливъ?

Иванъ Петровичъ, кажется, ничего не подозрѣвалъ и, по странной случайности, какъ мнѣ казалось тогда, самъ посылалъ меня иногда съ письмами къ госпожѣ Брёзъ. Только однажды произошла совершенно неожиданная для меня исторія. Разъ я пришелъ къ Ивану Петровичу по его зову. Онъ велѣлъ мнѣ затворить двери въ кабинетѣ и пригласилъ меня сѣсть. Я опустился на кончикъ стула.

— Вы, кажется, не женаты? спросилъ онъ.

— Нѣтъ-съ, отвѣтилъ я.

— И не имѣете въ виду невѣсты? сдѣлалъ онъ еще вопросъ.

— Нѣтъ-съ, повторилъ я.

— Оно и хорошо. Съ вашимъ жалованьемъ женитьба не ведетъ къ добру, это только къ распложенію нищихъ ведетъ, сказалъ онъ.—Но чтобы вы сказали, если бы вамъ предложили жениться на женщинѣ богатой?

Я молчалъ: я сознавалъ, что я теперь не женюсь ни на комъ, хотя бы мнѣ предложили милліоны.

— Видите ли, бываютъ такіе случаи, когда женщинѣ нужно непремѣнно выйдти замужъ за кого бы то ни было, небрежно пояснилъ Иванъ Петровичъ.—Но выйдти не для того, чтобы жить съ мужемъ, а для того, чтобы имѣть имя и не оставить незаконныхъ дѣтей. Меня просили устроить такую свадьбу, если я найду скромнаго и тихаго бѣдняка изъ благородныхъ. Я остановился на васъ, потому что вы, по отзывамъ вашихъ ближайшихъ начальниковъ, совсѣмъ красная дѣвушка.

Иванъ Петровичъ иронически улыбнулся.

— Кромѣ того я знаю, что у васъ нѣтъ ни родныхъ, ни близкихъ, продолжалъ онъ.—Вы бѣдны и потому вамъ не будутъ лишними нѣсколько тысячъ. Я похлопочу даже о васъ, чтобы вамъ дали лучшее мѣсто въ видахъ полезнаго служенія...

Я молчалъ: я начиналъ бояться, потому что Ивана Петровича могъ разсердить мой отказъ.

— Но вы, пожалуйста, не думайте, что жена стѣснитъ васъ въ чемъ-нибудь, продолжалъ Иванъ Петровичъ.—Она даже не заглянетъ къ вамъ въ квартиру. Вы обвѣнчаетесь и разойдетесь...

Я рѣшительно не зналъ, что сказать, и, сдѣлавъ надъ собой усиліе, пробормоталъ:

— Но, можетъ быть, она... то есть онѣ... не знаютъ...

— Кто это? Mademoiselle Брёзъ? Нѣтъ, она видѣла васъ уже раза три и согласна, сказалъ Иванъ Петровичъ.

— Modemoiselle Брёзъ? вырвалось у меня невольно восклицаніе.

Иванъ Петровичъ съ удивленіемъ вопросительно взглянулъ на меня.

— Что же это васъ такъ удивляетъ? спросилъ онъ.—Ну да, mademoiselle Брёзъ. Ей нужно выйдти замужъ за дворянина, за чиновника. Конечно, ей все равно, будете ли это вы или кто-нибудь другой, потому что она тотчасъ же послѣ свадьбы уѣдетъ на нѣкоторое время заграницу...

— Заграницу? повторилъ я безсознательно.

Рисунокъ Г. ДОРЕ́.

Разбитый кувшинъ.

Картина А. ОРЛОВСКАГО.

Персидскій всадникъ.

— Да... Впрочемъ, все дальнѣйшее не касается васъ, сухо сказалъ Иванъ Петровичъ. — Подумайте и дайте завтра мнѣ отвѣтъ.

Я вышелъ, какъ въ туманѣ, и понесся къ Эммѣ.

— Эмма, Эмма, послушай, вѣдь онъ это лжетъ, вѣдь это неправда? кричалъ я, вбѣгая къ ней.

— Что съ тобой? Кто и что лжетъ? спросила она, съ изумленіемъ глядя на меня.

— Да Иванъ Петровичъ... Онъ говоритъ, чтобы я женился на тебѣ. Что ты уѣдешь...

— Ну?

— Вѣдь это же неправда? Я женюсь на тебѣ, но не затѣмъ, чтобы разойдтись, чтобы ты уѣхала... Я не хочу...

— Тише, тише, успокойся! проговорила она.— Ты совсѣмъ мальчикъ... Ну да, мнѣ нужно выйдти замужъ по извѣстнымъ причинамъ и я выбрала тебя, потому что ты мнѣ понравился... Чтожь тутъ такого ужаснаго?

— Да, но зачѣмъ-же тогда онъ говорилъ о томъ, что намъ надо разойдтись, что ты уѣдешь?

— Мы вовсе не разойдемся, а будемъ видѣться, будемъ, пожалуй, жить вмѣстѣ послѣ моего возвращенія изъ-заграницы.

— Но если тебѣ нужно ѣхать заграницу, то вѣдь и я могу ѣхать съ тобой...

— Ахъ, Богъ мой, ты ничего не понимаешь! Меня повезетъ заграницу Иванъ Петровичъ, такъ какъ онъ ѣдетъ туда на полгода лечиться. Какъ же можетъ онъ допустить, чтобы ѣхалъ и ты...

— Иванъ Петровичъ?.. Что же намъ до Ивана Петровича?..

— А кто же насъ будетъ содержать?

Я въ недоумѣніи остановился передъ нею. Она покачала головой и притянула меня къ себѣ.

— Ахъ ты бѣдный мой мальчугашка, бѣдный мальчугашка! проговорила она, лаская меня.— Ты, точно пансіонерка, ничего не понимаешь!

Дѣйствительно, я ничего не понималъ, покуда она не объяснила мнѣ всего. Дѣло въ томъ, что Эмма была падшая женщина, попавшая на содержаніе къ Ивану Петровичу. Его стѣсняло ея положеніе и онъ хотѣлъ ее облагородить, поднять. Онъ подыскалъ ей жениха изъ нашихъ чиновниковъ, человѣка немолодого и некрасиваго. Она боялась выйдти замужъ за этого господина, такъ какъ ей казалось, что онъ захочетъ прибрать ее къ рукамъ и можетъ досаждать ей, пользуясь своими правами мужа. Она пріѣхала къ Ивану Петровичу дать отвѣтъ относительно своего замужества, именно въ тотъ день, когда встрѣтила впервые меня. Я поразилъ ее своею красотою и застѣнчивостью и она сказала Ивану Петровичу, что она гораздо охотнѣе вышла бы замужъ за такого «теленка», какъ я, чѣмъ за старика пройдоху. Она такъ ясно доказала Ивану Петровичу, что имъ будетъ выгоднѣе имѣть въ видѣ подставнаго мужа трусливаго и забитаго мальчика, чѣмъ опытнаго дѣльца, что Иванъ Петровичъ рѣшился послать меня къ ней съ порученіемъ и дать этимъ ей возможность убѣдиться, дѣйствительно ли я «простъ и недалекъ». Такимъ образомъ, онъ познакомилъ меня съ Эммой. Эмма послѣ перваго-же моего визита объявила Ивану Петровичу, что я совершенный дуракъ и мокрая курица.

— Ты не сердись на меня за это, сказала она мнѣ. — Я это говорила потому, что старикашка мой могъ приревновать меня къ тебѣ и тогда мнѣ нечего бы и думать сдѣлаться твоею женою! А ты знаешь, что я съ ума схожу отъ тебя!

Потомъ Иванъ Петровичъ, убѣжденный доводами Эммы, согласился съ нею, что такой мужъ, какъ я—робкій, застѣнчивый, бѣдный, глупый и неопытный—будетъ очень удобенъ, и рѣшился объясниться со мною.

— Я тебя не предупредила объ этомъ, потому что я думала, что ты давно понялъ мои отношенія къ Ивану Петровичу, сказала она.—Я была убѣждена, что ты будешь радъ возможности жениться на мнѣ...

— Ты съума сошла! воскликнулъ я.—Радоваться возможности жениться на тебѣ, когда ты будешь жить съ этимъ негодяемъ!

— Ахъ, полно съумасшествовать! Вѣдь ты же зналъ и прежде, что я не дѣвушка, что, значитъ, я жила или живу съ кѣмъ-нибудь, такъ чего-же ты волнуешься? Иванъ Петровичъ нуженъ намъ потому, что и ты, и я нищіе... Ну, женишься, съѣзжу я съ нимъ заграницу, а потомъ поселимся вмѣстѣ... Онъ и ѣздитъ-то ко мнѣ не часто...

— Ни за что, ни за что! Слышишь ты, я не хочу, чтобы ты жила съ нимъ! крикнулъ я.— Если ты меня любишь, такъ и живи со мною! Я женюсь на тебѣ, но женюсь по своей волѣ, а не ради Ивана Петровича, не для него!

— Ну, полно! тихо сказала она, успокоивая меня, и вздохнула.—Ты еще лучше такимъ, какимъ ты сталъ теперь, замѣтила она, лаская меня.—Ты теперь совсѣмъ мужчиной выглядишь...

— Такъ ты согласна бросить этого урода? сказалъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ, голубчикъ, этого нельзя, задумчиво произнесла она,—я не могу жить въ бѣдности... Нѣтъ, я ужь знаю, что значитъ бѣдность. Я уже на шестнадцатомъ году продалась изъ-за куска хлѣба...

— Такъ на что же ты разсчитываешь? спросилъ я.

— Ну, подождемъ нѣсколько дней, ты одумаешься, поймешь, что намъ иначе нельзя быть, тогда поженимся, я уѣду на время..

— Этого не будетъ и не будетъ! топнулъ я ногою.—Я не женюсь на чужой любовницѣ, не женюсь за деньги, данныя мнѣ любовникомъ моей невѣсты...

— Злой, злой! Ты хочешь, чтобы я вышла замужъ за того гнуснаго старикашку, котораго сваталъ за меня Иванъ Петровичъ, проговорила она, почти плача.

— Ты ни за него не выйдешь, ни за когонибудь другого! закричалъ я.—Ты будешь моею женою, бросивъ Ивана Петровича, или я...

Я сжалъ кулаки: я готовъ былъ ударить ее въ эту минуту.

— Ну, не сердись! испуганно сказала она.— А если я его брошу, то ты согласишься жениться на мнѣ?

— И ты еще спрашиваешь! проговорилъ я.

— Ну, хорошо, милый, хорошо, я подумаю...

Она обвила меня руками, она цѣловала мои глаза, мои руки.

— Какой ты ревнивый! шептала она.—Я не знала, что ты такой... Красавецъ мой!

Я опять опьянѣлъ отъ ея ласкъ, и не замѣтилъ, какъ пролетѣло время.

— Ну, ты ступай теперь, сказала она, наконецъ, мнѣ, взглянувъ на часы,—Иванъ Петровичъ пріѣдетъ. Я должна объясниться съ нимъ, сказать ему...

— Не принимай его, вотъ и все объясненіе, сказалъ я.—А завтра я скажу ему, что я отказываюсь отъ его предложенія. Потомъ, когда онъ уѣдетъ заграницу, мы и повѣнчаемся.

— Нѣтъ, такъ нельзя, сказала она.—У меня есть долги, пусть онъ ихъ сначала заплатитъ... Нѣтъ, нѣтъ, такъ нельзя... Намъ надо повѣнчаться до его отъѣзда, тогда онъ все заплатитъ, а то какъ же...

Она въ волненіи заходила по комнатѣ.

— Нѣтъ, ты иди, иди! бормотала она, потирая свой лобъ.—Ахъ, какъ же это мы будемъ жить... у тебя ничего, у меня тоже... Тебѣ откажутъ отъ мѣста... Нѣтъ, я совсѣмъ съума сошла... Это невозможно...

— Что невозможно? спросилъ я.

— Да какъ же, у меня три тысячи долгу; если онъ не заплатитъ, то, что же я стану дѣлать? А потомъ-то, потомъ-то что? Ахъ, какая я дура, что сказала тебѣ, что я выйду за тебя замужъ... Развѣ я могу?..

Въ передней послышался звонокъ.

— Уходи, уходи! Черезъ черную лѣстницу уходи! проговорила она, хватая меня за руку.

Я не знаю, что сдѣлалось со мною въ эту минуту. Я забылъ все на свѣтѣ и помнилъ только одно, что эта женщина, которую я безумно любилъ, выталкиваетъ меня, чтобы принять противнаго ей самой любовника. Въ моей головѣ мелькнула мысль, что мнѣ стоитъ только сдѣлать скандалъ и Иванъ Петровичъ броситъ ее самъ, и тогда—тогда она будетъ по неволѣ моею.

— А вотъ мы увидимъ, что ты сдѣлаешь, когда онъ узнаетъ, что ты и его обманывала! Онъ не то, что я, онъ не проститъ, ради любви! закричалъ я ей въ бѣшенствѣ и, рванувшись отъ нее, побѣжалъ къ парадному ходу.

— А, такъ ты погубить меня хочешь! задыхающимся голосомъ проговорила она и бросилась за мною

Въ эту минуту въ переднюю входилъ Иванъ Петровичъ.

— Ахъ, слава Богу, это вы! воскликнула по французски Эмма.—Этотъ человѣкъ чуть не убилъ меня... Онъ, вѣрно, пьянъ... Онъ требуетъ, чтобы я прогнала васъ, чтобы я была его любовницей...

— Она лжетъ, она была моею любовницею, она васъ обманываетъ, закричалъ я.

— Негодяй! прошептала она задыхающимся отъ злобы и страха голосомъ.

Но Иванъ Петровичъ уже обнялъ одною рукою прижавшуюся къ нему и трепещущую Эмму и съ омерзеніемъ проговорилъ горничной:

— Уберите его!

Онъ пошелъ съ Эммой въ гостиную, я рванулся за ними, но горничная старалась удержать меня; мнѣ стоило не малыхъ усилій, чтобы вырваться изъ ея рукъ, однако, это мнѣ удалось и я влетѣлъ въ гостиную, подбѣжалъ къ Эммѣ и схватилъ ее за горло... Она захрипѣла подъ моими руками.

Когда я теперь вспоминаю все это,—мнѣ кажется, что я вижу страшный сонъ, съ тяжелымъ вздохомъ кончилъ свой разсказъ Мазя.

— Вы ее задушили? тихо спросилъ я.

— Гдѣ ужь мнѣ, тряпкѣ! Силишки не хватило! безнадежно махнулъ онъ рукою.

Мой гость помолчалъ немного и потомъ снова продолжалъ свой разсказъ:

— Я очнулся въ больницѣ. По тому, какъ со мной обращались, я понялъ, что меня считаютъ за страдающаго душевной болѣзнью. Но это меня нисколько не взволновало. Мнѣ было все равно, какъ на меня смотрятъ. Въ моей душѣ была какая-то пустота, какая-то полная апатія. Я пилъ и ѣлъ, когда мнѣ давали пить и ѣсть; я вставалъ съ постели, когда мнѣ совѣтовали пройдтись по саду. Около меня были съумасшедшіе люди, они говорили разный вздоръ, а я молча смотрѣлъ на нихъ, молча слушалъ ихъ. Прошло не мало времени, когда доктора нашли, что меня можно выпустить на свободу, хотя я и не просилъ ихъ о томъ. Я вышелъ на волю: у меня уже не было ни мѣста, ни денегъ, ни порядочной одежды и не было даже твердой увѣренности, что я дѣйствительно здоровый человѣкъ. Я не умѣю сказать вамъ, какъ я перебивался первое время, и какъ я перебиваюсь и теперь...

— Вы нашли мѣсто? спросилъ я.

— Нѣтъ, я и не искалъ мѣста, я нашелъ коекакіе грошевые уроки и поступилъ въ академію...

— Въ академію? спросилъ я.

— Да, захотѣлось сильныхъ ощущеній, трупы

рѣзать, на умирающихъ смотрѣть... Теперь я уже на второмъ курсѣ, но вы не думайте, что я совсѣмъ здоровъ... Я уже два раза чуть чуть не попалъ снова въ отдѣленіе душевнобольныхъ... Какіе-то припадки со мною дѣлаются... Разъ Эмму опять встрѣтилъ и погнался за ея коляской... въ другой разъ Ивана Петровича чуть не исколотилъ... Вонъ и сегодня расплакался у васъ... нервничаю вообще...

Онъ горько усмѣхнулся.

— Ну, это пройдетъ, вы вѣрно плохо живете, не досыпаете и не доѣдаете, вотъ нервы-то и разстраиваются еще больше, сказалъ я.

— Да, всего бываетъ, вздохнулъ онъ. —Въ колею еще, знаете, не вошелъ, изъ дурака въ умные превратиться не легко.

По его лицу опять скользнула ироническая улыбка.

— Да ужъ и судьба-то ваша вышла такая необыкновенная, замѣтилъ я.

— А обыкновенная-то какая бы должна была быть? спросилъ онъ и прищурился, глядя на меня.—Вотъ насъ вышло не мало въ одно время изъ училища. Одинъ истаскался на Невскомъ и, наконецъ, погибъ въ публичномъ домѣ отъ разврата и пьянства; другой сошелся съ какою-то модисткою и уже пятаго незаконнорожденнаго ребенка отсылаетъ теперь въ воспитательный домъ; третій женился на богатой купчихѣ, которая бьетъ его башмаками по щекамъ, четвертый... ну этотъ счастливо отдѣлался—не развратился въ разныхъ Эльдорадо, не сдѣлался посѣтителемъ публичныхъ домовъ, не соблазнялъ швеекъ и горничныхъ, плодя незаконнорожденныхъ и населяя воспитательный домъ, не продалъ себя за деньги богатой женѣ, а полюбилъ честно честную дѣвушку и скромно женился на ней... въ чахоткѣ теперь вотъ только; не сегодня, такъ завтра умретъ, а дома голодная жена и трое оборванныхъ ребятишекъ... Я, знаете, теперь иногда предаюсь философскимъ размышленіямъ въ качествѣ умопомѣшаннаго, съ горькой проніей продолжалъ Мазинъ,—и все мнѣ хочется найдти систему, по которой слѣдовало бы жить бѣднякамъ-юношамъ. Должны-ли они развратничать съ падшими женщинами, должны-ли они развращать еще не павшихъ женщинъ, должны-ли они продавать сами себя, какъ публичныя женщины, должны-ли они честно жениться тотчасъ по возмужалости и плодить нищихъ, или есть еще какой-нибудь, покуда неизвѣстный намъ выходъ?.. Я, право, иногда прихожу въ недоумѣніе, когда подумаю, на которомъ изъ этихъ путей скорѣе нравственно гибнетъ человѣкъ и гдѣ онъ приноситъ болѣе вреда обществу, и въ такія минуты все человѣчество представляется мнѣ какой-то массой съумасшедшихъ, поставившихъ себя въ такія условія, изъ которыхъ, какъ ни бейся, какъ ни вертись, не выйдешь ни чистымъ, ни нравственнымъ, ни честнымъ: сближеніе бѣдняка—а изъ бѣдняковъ-то и міръ состоитъ—съ проститутками ведетъ къ пьянству, къ загулу, къ нравственной, а иногда и къ физической гибели, потому что проститутка это отверженное существо, это гуляка, это что-то такое, къ чему можно прикасаться только въ пьяномъ видѣ и что неизбѣжно грязнитъ и губитъ юношу; сближеніе съ честными дѣвушками ведетъ, или къ населенію воспитательныхъ домовъ незаконными дѣтьми, или къ созданію голодающей семьи, къ истощенію собственныхъ силъ въ борьбѣ съ нищетою; сближеніе съ богатыми... ну, ужь продавать-то себя во всякомъ случаѣ плохо... Я, впрочемъ, невмѣняемъ и потому все вижу въ мрачномъ освѣщеніи.

Слушая Мазина, я не узнавалъ его теперь: изъ глуповатаго или, вѣрнѣе сказать, наивнаго и неопытнаго мальчугана, онъ превратился въ эти шесть лѣтъ въ очень умнаго человѣка, но складъ его ума былъ какой-то пародоксальный, какой-то оригинальный; онъ возмужалъ за послѣдніе годы и, повидимому, научился сурово бороться съ невзгодами, но въ то же время онъ былъ способенъ на такія выходки, какъ его выходка при входѣ ко мнѣ; печать чего-то неладнаго, чего-то страннаго лежала на характерѣ, на поступкахъ, на взглядахъ этого человѣка.

— А знаете-ли, что я способенъ былъ бы сдѣлать теперь? сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Я, если бы ко мнѣ пришла теперь Эмма, способенъ бы былъ жениться на ней. Я ее замучилъ бы, истиранилъ бы, билъ бы ее, быть можетъ, но повѣрьте мнѣ, что никто бы не могъ ее любить такъ, какъ я... Она, впрочемъ, и сама это знаетъ... она боится встрѣчаться со мною...

Прошло еще не мало лѣтъ; случай успѣлъ въ эти годы опять разлучить меня съ Мазинымъ и потомъ снова свести съ нимъ. На этотъ разъ мнѣ уже невозможно было узнать моего стараго пріятеля, такъ онъ возмужалъ, такъ сталъ серьезенъ. Въ немъ не было и слѣдовъ ни прежняго розовенькаго мальчугана, ни того изстрадавшагося молодого бѣдняка, какимъ знавалъ я его въ былые годы. Это былъ серьезный докторъ-практикъ съ дѣловымъ видомъ, съ сдвинутыми бровями, съ пристальнымъ вдумчивымъ взглядомъ. Онъ, напротивъ того, узналъ меня сразу и остановилъ, широко открывъ мнѣ свои объятія.

— Вотъ-то не ожидалъ тебя уже увидѣть еще разъ въ жизни, проговорилъ онъ мнѣ дружески.

Мы никогда не говорили другъ другу прежде ты, но это обращеніе на ты вышло какъ-то такъ естественно, что мнѣ самому было странно заговорить теперь съ нимъ на вы: мы оба и обрадовались другъ другу и взволновались, точно передъ нами вдругъ воскресло все прошлое.

— Ты свободенъ сегодня? спросилъ онъ меня.

— Свободенъ, отвѣтилъ я.

— Ну, значитъ, ко мнѣ! проговорилъ онъ.

Я не отказывался; я былъ радъ провести съ нимъ время.

— Ты не женатъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, братъ, когда могъ жениться — не женился, а теперь... теперь мнѣ сорокъ лѣтъ.

— Что-жь, еще можно.

— Нѣтъ, дружище, въ эти годы умные люди не женятся, а развѣ ихъ только женятъ... Ну, меня даже и не женятъ—слава Богу, тертый калачъ...

— Ужь будто въ сорокъ лѣтъ и нельзя жениться, сказалъ я.

— Можно и въ шестьдесятъ, да глупо, отвѣтилъ онъ.—На какой-нибудь тридцатилѣтней дѣвѣ не радость жениться, а взять дѣвушку лѣтъ семнадцати, восемнадцати,—ну, такъ это значитъ украсить себя къ пятидесяти годамъ рогами...

— А вдовы-то на что, разсмѣялся я.

— Покойниковъ, братъ, боюсь, пошутилъ онъ,—пожалуй, въ спальню придутъ семейное счастіе нарушать... Нѣтъ, ужь гдѣ намъ жениться: лучшіе годы изъ-за хлѣба бьешься, а потомъ глядишь и поздно поэзіей любви наслаждаться. Да кстати я такую спеціальность въ медицинѣ избралъ, что только прозу любви знаю, ужь больно непривлекательна эта проза, чортъ ее возьми!

Онъ съ минуту помолчалъ.

— Впрочемъ, я и не раскаяваюсь, что я холостъ, замѣтилъ онъ,—я думаю, что чаще мужьямъ приходится раскаяваться въ томъ, что они женаты, чѣмъ холостякамъ въ томъ, что они холосты. Я, братъ, недавно у Свифта вычиталъ одно отличное изрѣченіе. Онъ говоритъ: «у супружества много дѣтей: раскаянье, ссоры, бѣдность, ревность, болѣзнь сплинъ, отвращеніе и т. д.». Пожалуй, что старикъ-то и правъ! Тоже не глупый былъ человѣкъ.

— А ты все по старому пародоксы любишь? замѣтилъ я.

— Да вѣдь знаешь-ли, что мнѣ приходитъ иногда въ голову? задумчиво сказалъ онъ.—Мнѣ кажется, что и вся жизнь человѣчества не болѣе, какъ самый невѣроятный парадоксъ.

Мы дошли до дома, гдѣ онъ жилъ. Онъ ввелъ меня въ свою квартиру. Небольшое, но уютное жилище Мазина было обставлено недурно, вездѣ было видно стремленіе къ удобству, къ комфорту. Каминъ, мягкія кресла, качалка, ковры, все это было удобно, изящно, манило къ отдыху. Хозяинъ оставилъ меня на нѣсколько минутъ, чтобы распорядиться на счетъ обѣда. Я отъ нечего дѣлать сталъ разсматривать альбомы, лежавшіе на столѣ у камина. Въ одномъ изъ альбомовъ, гдѣ были карточки актрисъ, танцовщицъ, извѣстныхъ кокотокъ, мое вниманіе остановила на себѣ карточка неизвѣстной мнѣ красавицы: это была прелестная бѣлокурая женщина лѣтъ двадцати пяти или тридцати: она была снята на карточкѣ въ костюмѣ «Прекрасной Елены», съ большимъ разрѣзомъ на подолѣ, изъ-подъ котораго выставлялась обтянутая въ трико красивая нога; шея, плечи и грудь красавицы были обнажены и поражали красотой линій. Я невольно залюбовался этимъ изображеніемъ.

— На Эмму любуешься? спросилъ меня Мазинъ, незамѣтно приблизившись ко мнѣ и взглянувъ черезъ мое плечо.

— Это она? спросилъ я, взглянувъ на него.

— Да... сохранилась еще бабенка, сказалъ онъ небрежно.—Ей уже за тридцать перевалило, когда она снималась въ этомъ костюмѣ.

Онъ говорилъ о ней совершенно спокойно и равнодушно.

— Ты встрѣчалъ ее потомъ? спросилъ я.

— Какъ же, встрѣтились какъ-то, сказалъ онъ.

— Ну и что же?

— Ничего, съ недѣлю покуралесилъ съ нею, отвѣтилъ онъ.—Огонекъ у нее еще прежній сохранился, хотя немного и стала расплываться. Только надоѣла она мнѣ потомъ, все ей хотѣлось старую идиллію любви возобновить, да не вытанцовывалось это, ну, я и махнулъ на нее рукой, да тутъ же кстати, Марго пріѣхала въ Петербургъ... Ты видѣлъ ее?... Это, знаешь, такой сорванецъ дѣвчонка, что мертваго расшевелитъ...

Романъ доктора Мазина былъ оконченъ и забытъ.

Нѣкто.

Правительственное сообщеніе.

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатано слѣдующее правительственное сообщеніе: «Въ 9 часовъ утра, въ пятницу, 4-го сего августа, шефъ-жандармовъ, генералъ-адъютантъ Мезенцовъ, во время обычной своей утренней прогулки, шелъ по Михайловской площади отъ часовни у Гостиннаго двора на Невскомъ, въ сопровожденіи отставного полковника Макарова. На углу Большой Итальянской улицы и Михайловской площади, близь дома кондитера Кочкурова, на него неожиданно бросился неизвѣстный молодой человѣкъ, прилично одѣтый, въ сѣромъ пальто и въ очкахъ, сильно ударилъ его кинжаломъ въ верхнюю часть живота и побѣжалъ по Большой Итальянской улицѣ. За нимъ въ погоню бросился полковникъ Макаровъ, съ крикомъ: «держи, держи!» при чемъ, размахивая зонтикомъ, безсознательно ударилъ убійцу. Въ ту же минуту другой молодой человѣкъ, столь-же прилично одѣтый, въ длинномъ синемъ пальто и въ черной круглой пуховой шляпѣ, съ черными усами, выстрѣлилъ почти въ упоръ изъ револьвера въ полковника Макарова; пуля пролетѣла мимо головы послѣдняго. Оба убійцы, пользуясь мало-

людствомъ Итальянской улицы, вскочили на ожидавшія ихъ въ Итальянской, дрожки, запряженныя хорошею вороною лошадью. На козлахъ сидѣлъ молодой кучеръ съ черными усами, безъ бороды. Сѣвъ на дрожки, злоумышленники съ Итальянской понеслись по Малой Садовой и скрылись. Полковникъ Макаровъ, безуспѣшно кричавшій «ловите, держите!»—возвратился къ раненому, который, не потерявъ присутствія духа, на вопросъ испуганныхъ приказчиковъ Кочкурова—кого ранили? отвѣчалъ, что рана нанесена ему, при чемъ указалъ на свою окровавленную одежду. При помощи полковника Макарова и вышедшаго изъ сосѣдняго дома камергера Бодиско, генералъ-адъютантъ Мезенцовъ дошелъ по Итальянской до угла Малой Садовой, гдѣ его посадили на извозчика. Оттуда онъ доѣхалъ до своей квартиры у Цѣпного моста, на Фонтанкѣ. Значительное истеченіе крови вскорѣ обезсилило раненаго. Приглашенный въ 11 час. утра докторъ Мамоновъ, осмотрѣвъ больного, нашелъ, что его положеніе весьма серьезно. Вѣсть о катастрофѣ быстро разнеслась по Петербургу. Изумленная, негодующая толпа народа, собравшись на мѣстѣ происшествія, долго не расходилась, толкуя объ ужасномъ событіи. Прибывшіе вслѣдъ за докторомъ Мамоновымъ врачи, оказали всѣ должныя пособія раненому. Но не смотря на всѣ ихъ усилія, шефъ жандармовъ, генералъ-адъютантъ Мезенцовъ, въ 5 часовъ 15 минутъ того же 4-го августа, скончался».

Телеграммы.

Вѣна, 1-го августа, вторникъ. Вѣнскій кабинетъ обратился въ Петербургъ и въ Берлинъ съ тожественной нотой, въ которой возбуждаетъ вопросъ, какія мѣры слѣдуетъ принять, чтобъ побудить Порту исполнить постановленія берлинскаго конгресса.

Бѣлградъ, 3-го августа. Сербія сосредоточиваетъ свои войска по Дринѣ и занимаетъ пограничныя мѣстности, оставленныя турками. Арнаутское населеніе присоединяется къ боснійскимъ инсургентамъ.

Бухарестъ, 4-го августа. Передача Россіи части Бессарабіи послѣдуетъ въ концѣ августа.

Берлинъ, 4-го августа. Сегодня рано утромъ Гедель обезглавленъ. Смертный приговоръ утвержденъ 8-го августа наслѣднымъ принцемъ въ Гамбургѣ. При смертной казни присутствовало только 50 человѣкъ, судьи, полиція и городскіе власти. Онъ быстро взошелъ на три ступени эшафота, гдѣ голова его была отсѣчена однимъ ударомъ топора. Общество и печать удовлетворены тѣмъ, что Гедель не былъ помилованъ.

Нью-Іоркъ, 7-го августа. По извѣстіямъ, полученнымъ изъ Чили, весьма вѣроятно, что скоро вспыхнетъ война между Чили и Аргентинскою республикою. Чилійское правительство дѣлаетъ обширныя приготовленія къ войнѣ, требующія большихъ денежныхъ расходовъ, вслѣдствіе чего нѣкоторые банкирскіе дома прекратили свои платежи звонкою монетою.

Шахматы.

Бѣлые	*Черные.*
1) E2—E4.	1) E7—E5.
2) F2—F4.	2) F8—C5.
3) G1—F3.	3) D7—D6.
4) B2—B4.	4) ...

Способъ атаки, заслуживающій полнаго вниманія.

4) ...	4) C5—B4.
5) C2—C3.	5) B4—C5.

A5 невозможно ходить вслѣдствіе: 6) A4 † и 7) F4—E5:

6) F1—C4.	6) B8—C6.
7) D2—D4.	7) E5—D4:
8) C3—D4:	8) C5—B6.

Вслѣдъ за B4 † бѣлые ходятъ 9) F1 и даже 9..., D7. 10) B3, F6. 11) E5, DE 12) D5 и взяли бы фигуру. Или 9 ..., F6. 10) D5, E4: 11) DC. BC. 12) F7 †, F7: 13) B3 †, D5. 14) E5 †, E8. 15) B4:, A6 †. 16) G1 и т. д.

9) 0—0.	9) C8—G4.
10) C1—B2.	10) G4—F3:
11) F1—F3:	11) G8—F6.
12) G1—H1.	12) 0—0.

Послѣ 12) ..., E4: слѣдовало бы 13) D5! которое имѣло бы для бѣлыхъ важное значеніе.

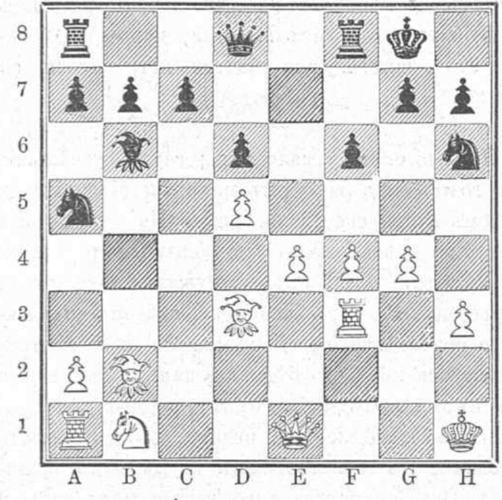
13) D4—D5.	13) C6—A5.
14) C4—D3.	14) F6—G4.
15) D1—E1.	15) F7—F6.

Неизбѣжно.

16) H2—H3.	16) G4—H6.
17) G2—G4.	17) ...

Положеніе партіи послѣ 17 хода бѣлыхъ:

Черные.

Бѣлые.

17) ...	17) D8—D7.

Еслибы черные попробовали посредствомъ C7—C6 разстроить центръ бѣлыхъ, то вслѣдъ за нимъ моглабы послѣдовать прекрасная комбинація: 18) F3—G3, C6—D5: 19) G4—G5, F6—G5: 20) F4—G5:, B6—F2 21) G5—H6:, F2—E1: 22) G3—G7 †, G8—H8 23) G7—G6 † и т. д.

18) E1—H4.	18) C7—C6.
19) B1—D2.	19) A8—E8.

Съ играно отлично, D8 уже потому нельзя было ходить, что бѣлые немедленно отвѣчали бы съ A1—G1.

20) G4 - G5.	20) F6—G5:
21) F4—G5:	21) F8—F3:
22) D2—F3:	22) E8—F8!
23) A1— F1.	23) B6—D8!
24) H4—G3.	24) H6—F7.

У бѣлыхъ фигуры занимаютъ превосходныя позиціи; черные, въ дѣйствительности, ведутъ игру одной фигурою менѣе.

25) F3—D4!	25) ...

Хорошо разсчитанный, рѣшающій участь партіи ходъ. На 25) H3—H4, черные могли бы укрыться посредствомъ C6—D5: и F7—E5.

25) ...	25) F7—G5:

Въ случаѣ F7—E5 то 26) F8 †, F8: 27) E6 †, G8 28) E5:, DE 29) E5: и черные проиграли бы, потому что 30) B8! угрожало-бы CD, 30) ED 31) F5!

26) D4—F5.	26) ...

26) F8 †, F8: 27) H4, H3 †! 28) H3:, H3: 29) E6 †, K— 30) G2 привело бы также къ побѣдѣ.

26) ...	26) H7—H6.

Если F6, то 27) F6:, GF 28) H4 и т. д.

27) H3—H4.	27) C6—D5:
28) H4—G5:	28) D8—G5:
29) E4—D5:	29) A5—C4.
30) F5—H6 †.	30) G5—H6:
31) F1—F8 †.	31) G8—F8:
32) D3—C4:	32) B7—B5.
33) C4—E2.	33) D7—E7.
34) G3—F3 †.	34) F8—G8.
35) F3—G4.	35) E7—E8.
36) B2—C3!	36) A7—A6.
37) H1—G2.	37) G8—H8.
38) E2—D3.	38) H8—G8.
39) D3—G6.	39) E8—D8.
40) G4—E6 †.	40) G8—H8.
41) G2—F3.	41) A6—A5.
42) G6—F7.	42) H6—G5.

Окончательное положеніе партіи.

Черные.

A B C D E F G H

Бѣлые.

Бѣлые даютъ матъ въ три хода. (Замѣчательно, что никакія жертвы и усилія не могутъ остановить матъ далѣе третьяго хода: 1) G6, F8. 2) H5 † 1)...., G8. 2) G8: и 3) H7 относ. G7: † 1)...., F6 † 2) F6:).

Поясненіе загадки.

Разгадка, помѣщенной въ № 31 загадки, заключается въ словѣ, которое нужно прибавить къ каждой изъ слѣдующихъ восьми строкъ:

У многихъ людей въ умѣ нѣтъ —
Богачамъ дѣлать легко —
Многіе любятъ не творить —
Тотъ нищій, у кого нѣтъ —

Намъ даромъ легко не имѣть —
Говорятъ, что міръ созданъ изъ —
Видятъ слѣпые всегда —
Всѣ нѣмые не говорятъ —

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

При этомъ нумерѣ «Живописн. Обозрѣн.» разсылается гг. подписчикамъ приложеніе: «Жизнь и Хозяйство», выпускъ IV.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 Августа 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ .Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

Живописное Обозрѣніе

№ 34. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 20 Августа 1878 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

Наши сосѣди и ихъ дѣти.

Повѣсть А. Михайлова.

(*Продолженіе.*)

IV.

Въ одинъ изъ теплыхъ лѣтнихъ вечеровъ, когда вся наша семья собралась на большомъ балконѣ за чайнымъ столомъ, мимо нашего дома по большой дорогѣ проѣхали два воза. Возы были невелики и, должно быть, не тяжелы, такъ какъ лошади шли очень свободно. Это перевозилось имущество Коробовыхъ и нашъ разговоръ невольно перешелъ на нихъ.

— Мы, конечно, не станемъ сближаться съ ними, мой другъ? замѣтила моя мать, обращаясь къ отцу.

— Какъ хочешь, Маша, отвѣчалъ отецъ.—Ты знаешь, я такъ занятъ, что мнѣ во всякомъ случаѣ не придется часто встрѣчаться съ ними, особенно лѣтомъ.

— У нихъ, говорятъ, испорченныя дѣти, замѣтила тетушка,—и я бы не желала, чтобы они вліяли на Коку.

— Ну, дурное къ хорошему не пристанетъ, ввернулъ свое слово капитанъ.

— Ахъ, Кока такъ довѣрчивъ, такъ мягокъ, заволновалась тетушка.

— Да, положите палецъ ему въ ротъ — не откуситъ! процѣдилъ сквозь зубы капитанъ.

Матушка видѣла, что сейчасъ начнется сраженіе, и поспѣшила прекратить споръ въ началѣ.

— За Колю, ma chère, начала она, — я никогда не буду бояться, покуда около него стоитъ дядя. Я не хочу сближаться съ Коробовыми просто потому, что мы люди разныхъ взглядовъ: они жили и живутъ праздно, распущенно, лѣниво, а мы простые работники,—намъ не ихъ пиры, а простой отдыхъ нуженъ въ свободное время. Относительно же ихъ дѣтей—я была бы даже рада, если бы мы могли сдѣлать для нихъ какое нибудь добро. Дѣти не виноваты, что они дурны.

Отецъ допилъ въ это время чай, всталъ и по обыкновенію поцѣловалъ матушку въ лобъ передъ уходомъ съ балкона. Матушка подняла на него глаза,—она не замѣтила, что онъ допилъ

Князь Бисмаркъ,

Предсѣдатель Берлинскаго конгресса.

чай, и не знала, почему ему вздумалось поцѣловать ее.

— Что ты? спросила она.

— За чай благодарю, отвѣтилъ онъ, улыбаясь.

— А!

Но мнѣ почему-то тогда показалось, что отецъ благодарилъ поцѣлуемъ мою мать не за одинъ чай, а и за ея доброе намѣреніе относительно чужихъ дѣтей.

— Кромѣ того и Колѣ не худо бы имѣть товарищей, замѣтила матушка.

— Ну, хороши товарищи будутъ эти сорванцы! пожала плечами тетушка.

— Лучше дурные, чѣмъ никакихъ, тихо сказала матушка.—Я боюсь, что Коля выростетъ слишкомъ избалованнымъ ребенкомъ...

Тетушка начала было спорить, но матушка остановила ее, сказавъ, что все покажетъ время.

На другой день я и капитанъ отправились удить рыбу. Не успѣли мы выйдти на большую дорогу, какъ передъ нами показалась старомодная карета на высокихъ рессорахъ. Дребезжа и звеня стеклами, взвизгивая однимъ расшатавшимся колесомъ, она начала равняться съ нами. Въ открытое окно ея дверцы высунулась всклокоченная голова мальчика съ исхудалымъ и блѣднымъ лицемъ. Замѣтивъ насъ, онъ сдѣлалъ уморительную гримасу, поднявъ ноздри къ верху и скрививъ глаза, и высунулъ намъ языкъ. Въ ту же минуту чья-то рука быстро оттащила его за шиворотъ отъ окна и передъ нами появилась въ окнѣ женская голова съ взбитыми волосами и въ пестромъ вязаномъ изъ шерсти платкѣ съ множествомъ кисточекъ и бахромокъ. Голова быстро и привѣтливо закивала въ нашу сторону. Мы такъ оторопѣли съ капитаномъ, что расшаркались на пескѣ и расшаркались именно тогда, когда карета была уже довольно далеко.

— Вотъ и сосѣди пріѣхали, засмѣялся капитанъ.

— Дядя, отчего у этой дамы такое бѣлое лицо? У нея вѣрно рожа? спросилъ я.

— Рожа? захохоталъ дядя.

— У нея вѣрно рожа, болѣзнь такая на лицѣ, и потому она присыпала его мѣломъ; Матрена говоритъ, что отъ рожи мѣлъ только и помогаетъ.

— А! Можетъ быть, можетъ быть, смѣялся капитанъ.—Только если ты когда нибудь встрѣтишься съ нею, такъ не спрашивай ее, для чего она лицо присыпаетъ мѣломъ.

— Почему-же, дядя?

— Почему? Потому... потому... Капитанъ замялся.—Ну да чортъ съ ней! Пойдемъ къ рѣкѣ!

Капитанъ никакъ не могъ мнѣ объяснить, почему не должно спрашивать у этой дамы, зачѣмъ она посыпаетъ лицо пудрою, которую я принялъ за мѣлъ. Ему было неловко пояснять мнѣ, ребенку, что старуха Коробова дѣлала это изъ кокетства, желая казаться бѣлѣе и красивѣе.

— И какія у нея черныя брови, продолжалъ я сообщать дядѣ свои наблюденія,—точно углемъ нарисованы.

— Да, да, углемъ, бормоталъ капитанъ, о чемъ-то размышляя.

Я посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ: онъ никогда не былъ такъ задумчивъ, какъ теперь.

— Жаль, жаль! вдругъ пробормоталъ онъ, вздыхая.—Что-жъ, надо попробовать... Попытка не пытка... Маша права...

— Ты объ чемъ это говоришь, дядя? спросилъ я.

Капитанъ остановился.

— Ты видѣлъ этого мальчугана? спросилъ онъ.

— Который языкъ намъ показалъ? спросилъ я у дяди.

— Да.

— Видѣлъ.

— Хотѣлъ бы ты быть такимъ?

— Я? Что ты, дядя! Онъ...

— Ну, а какъ ты думаешь, лучше-ли было бы для него или нѣтъ, если бы онъ не былъ такимъ?

— Я думаю, лучше...

— Ну, вотъ и надо устроить такъ, чтобы ему было лучше.

Капитанъ зашагалъ впередъ.

— Дядя, что же ты хочешь сдѣлать? нерѣшительно спросилъ я.

— Учить его вмѣстѣ съ тобою.

Я смутился.

— Онъ намъ языкъ показалъ!

— Ну, вотъ и надо сдѣлать, чтобы онъ никому больше не показывалъ языка.

V.

Если бы моя семья вовсе не желала сближаться съ Коробовыми, то ей все-таки пришлось бы познакомиться съ ними. Отъ Марфы Павловны нельзя было никакими замками замкнуться.

На третій же день послѣ своего пріѣзда въ деревню, она явилась къ намъ въ сопровожденіи своей старшей дочери съ визитомъ. Въ пестромъ платьѣ, вся въ бантахъ, набѣленная, нарумяненная, съ подведенными бровями, она стремительно влетѣла къ намъ въ гостиную и начала, подпрыгивая, какъ шаловливое дитя, лобызать матушку, тетушку, меня,—точно дорогихъ друзей послѣ долгой разлуки встрѣтила, а мы и знали ее только потому, что лѣтъ пять тому назадъ раза три видѣли.

— Ахъ, какъ у васъ здѣсь мило, душа моя, восторженно говорила она моей матери, высовывая голову то въ одно, то въ другое окно.— Какой видъ! Взгляни, Полина! Должно быть, отсюда представляется чудная картина во время заката. Я съ моей дочерью, мой ангелъ, непремѣнно когда-нибудь соберусь къ вамъ вечеромъ. Мы съ моей дочерью такъ любимъ картину солнечнаго заката!... Я вообще люблю, знаете, равнины, равнины... эту даль... Горы меня стѣсняютъ, душатъ... Скажите, кто это вамъ связалъ такую чудную косыночку? Вѣрно, Катерина Федоровна? О, золотыя, золотыя ручки!... Моя дочь тоже вяжетъ, но у нея нѣтъ узоровъ... Вы, голубчикъ Катерина Федоровна, конечно, одолжите ей рисунки?... О, да сколько у васъ здѣсь книгъ! Это просто цѣлая библіотека. Вотъ счастье для моей дочери! Она такъ любитъ, такъ любитъ читать! Вы не откажете, разумѣется, ей въ книгахъ? Ей, бѣдняжкѣ, такъ скучно здѣсь. Мы съ дочерью привыкли къ обществу, къ театру... Я надѣюсь, что вы придете къ намъ въ воскресенье? Мы ждемъ васъ къ обѣду, всѣхъ, всѣхъ. И не возражайте! Разсержусь, право, разсержусь. Вы меня обидите. Мы съ дочерью только на васъ и разсчитываемъ. Мы такіе близкіе сосѣди!

Марфа Павловна все это говорила, кривляясь, подергивая головой, не переводя дыханія, бросаясь отъ предмета къ предмету, не слушая отвѣтовъ и, убѣдившись, должно быть, что она вполнѣ очаровала насъ, отправилась домой. Ея длинная, высохшая и нѣсколько сутуловатая дочь слѣдовала за нею, какъ тѣнь, и хранила гробовое молчанье. Матушка не хотѣла идти въ воскресенье на обѣдъ къ Коробовымъ, но случилось иначе: въ воскресенье, чѣмъ свѣтъ, мы получили записочку, напоминавшую намъ, что насъ ждутъ. Матушка не знала, что отвѣтить. Сказаться больной—это заставило бы Коробову прилетѣть къ намъ. Солгать, что къ намъ пріѣхали гости изъ города—это тоже заставило бы Коробову прилетѣть къ намъ. Однимъ словомъ, что ни придумывала матушка, въ концѣ концовъ всетаки выходило, что если мы не пойдемъ къ Коробовымъ, то они вернутся къ намъ съ расспросами, съ упреками, съ жалобами на наше нежеланіе сходиться съ ними. Въ городѣ отъ навязчивыхъ знакомыхъ легче отдѣлаться, чѣмъ въ деревнѣ. Подумавъ, матушка, наконецъ, рѣшила, что пойдутъ къ Коробовымъ только она, тетка и я. Мы отправились къ самому обѣду. Коробова опять облобызала насъ всѣхъ, упрекнула матушку за то, что не пришли мой отецъ и капитанъ, потомъ обратилась къ мужу:

— Это все изъ-за васъ, Викторъ Петровичъ! Вы не могли собраться сдѣлать визита къ добрымъ сосѣдямъ. Лѣнь было влѣзть въ свой сюртукъ. Вы всегда компрометируете меня и ссорите со всѣми. Я женщина, привыкшая къ свѣтскимъ приличіямъ, а вы ведете себя Богъ знаетъ какъ.

— Матушка, да я собирался, началъ оправдываться со вздохомъ Викторъ Петровичъ, но Марфа Павловна и не слушала.

— Собирались, собирались! почти кричала она, закидывая голову.—Ужь лучше бы не оправдывались! Что подумаютъ о васъ Иванъ Федоровичъ и Петръ Ивановичъ? Пріѣхали въ деревню и не могли сосѣдямъ сдѣлать визита! Гиппопотамъ вы неповоротливый, гиппопотамъ и больше ничего!

Матушка пробовала увѣрить Марфу Павловну, что мой отецъ и капитанъ не пришли вовсе не потому, что ждали перваго визита со стороны Коробова, но Марфа Павловна и слушать не хотѣла. Изливъ на мужа весь свой гнѣвъ, она перешла къ похваламъ на мой счетъ:

— Ахъ, какой красавецъ вашъ Кока, какъ онъ себя держитъ, какая доброта написана на его лицѣ! восклицала она, ломаясь и изгибаясь всѣмъ корпусомъ.

Въ эту минуту вошла ея младшая дочь и ввела дѣтей, которыя старались спрятаться другъ за друга и такъ стянули назадъ юбку матери, что робкая женщина едва переступала съ ноги на ногу.

— Нѣтъ, взгляните, взгляните на этихъ дикарей! воскликнула Марфа Павловна, вздернувъ плечи.—На кого они похожи? Хуже деревенскихъ мальчишекъ. Что же вы стоите? Кланяйтесь... Я и моя дочь ума не приложимъ, въ кого они... Ну, чего вы изъ подлобья-то смотрите... Подойдите къ Кокѣ, пожмите ему руку, шаркните ногой...

Три мальчугана, двѣнадцати, десяти и девяти лѣтъ, хмуро приблизились ко мнѣ и пожали мнѣ руку какъ-то урывками, какъ иногда трусливыя собаченки дергаютъ изъ-подтишка за платье разсердившаго ихъ человѣка. Мнѣ скорѣе было больно, чѣмъ пріятно отъ этихъ торопливыхъ пожатій, сдѣланныхъ какъ бы украдкой. Затѣмъ мальчики отошли въ сторону и, скучившись вмѣстѣ, изъ подлобья осматривали насъ; старшій изъ нихъ обкусывалъ свои ногти. Четвертый ребенокъ Аделаиды Викторовны была шестилѣтняя дѣвочка, она вовсе не подошла ко мнѣ и завернулась въ юбку матери, какъ завертываются червяки въ листья. Мы только чувствовали ея присутствіе, потому что она громко сопѣла, задыхаясь въ своемъ импровизированномъ футлярѣ. И безъ того неловкая и конфузливая до крайности, Аделаида Викторовна теперь растерялась вовсе, съ трудомъ переступая по полу и стараясь развернуть изъ своей юбки маленькую дикарку.

— Нѣтъ, каково воспитаніе, каково воспитаніе! восклицала Марфа Павловна, извиваясь, какъ угрь.—Адель рѣшительно портитъ ихъ, у нея нѣтъ никакихъ воспитательныхъ способностей. Я съ моею дочерью рѣшительно не понимаемъ, какъ можно было выходить замужъ, не имѣя способности воспитывать дѣтей. Адель дождется того, что они погибнутъ гдѣ-нибудь въ Сибири. Каково тогда будетъ?

Аделаида Викторовна заморгала глазами.

— Чѣмъ-же я виновата? прошептала она, добывая на всякій случай изъ кармана платокъ.

— Ахъ, не надо было выходить замужъ! Если бы ты осталась въ дѣвушкахъ, то у тебя не было бы дѣтей, или если бы ты вышла за богатаго, то у тебя были бы гувернантки. А теперь у тебя есть дѣти и нѣтъ никакихъ воспитательныхъ способностей, поясняла Марфа Павловна, дѣлая выразительные жесты.

Аделаида Викторовна тихонько отирала свои маленькіе глазки.

— Матушка, когда-же обѣдать-то? спросилъ Викторъ Петровичъ, словно очнувшись отъ сна.— Соловьевъ баснями не кормятъ!... А я васъ сегодня угощу такою свиньею, сударыня моя, обратился онъ къ моей матери,—что пальчики оближете. Я, знаете, ее изъ города привезъ, самъ тамъ откармливалъ, и ужъ чего, чего она, моя голубушка, не ѣла! И во что только шло. За то вѣдь еще при жизни кожа лопаться начала. Ей Богу. А когда кололи, такъ жиру, жиру столько было, что и до мяса нельзя было добраться. Я самъ и присутствовалъ, когда кололи ее, родную. Боялся, чтобы не попортили. И знаете, это жиръ-то розовый, прозрачный!

— Ну, да ужь полно тебѣ расписывать, сами увидятъ, перебила Марфа Павловна, подергивая плечами.—Проси лучше гостей къ столу.

— Прошу покорно, прошу покорно! оживился Викторъ Петровичъ и зашаркалъ похожими на обрубки бревенъ ногами.

Всѣ сѣли за столъ.

— Алексѣй съ однимъ блюдомъ, Василій и Павелъ безъ послѣдняго, быстро проговорила Павла Викторовна, обращаясь къ своей матери.

— Прекрасно, прекрасно! укоризненнымъ тономъ замѣтила Марфа Павловна, смотря на мальчиковъ и разводя руками.—Хоть гостя постыдились бы, что вы такъ себя ведете.

Въ эту минуту старшій изъ мальчиковъ, худой и высокій юноша, рѣзкимъ движеніемъ поднялся съ мѣста.

— Куда ты? спросила Марфа Павловна.

— Знаете, что я супу вашего не люблю, такъ чего-жъ мнѣ смотрѣть, какъ другіе ѣдятъ, отрывисто пробормоталъ онъ.

— Не смѣй выходить изъ-за стола! приказала Марфа Павловна.—Не то тебя и безъ чаю оставятъ.

— Ну, и останусь безъ чаю, еще отрывистѣе произнесъ мальчикъ.

— Это все плоды вашего воспитанія, Аделаида Викторовна, обратилась хозяйка къ дочери, размахивая руками.

— Лёша, Лёша, что ты дѣлаешь! воскликнула Аделаида Викторовна и заморгала глазками.

Мальчикъ не обратилъ никакого вниманія на слова матери и направился къ двери.

— Такъ не изволь же и являться въ комнату до утра, крикнула ему вслѣдъ Марфа Павловна.

Мальчикъ даже не обернулся и скрылся изъ комнаты. Черезъ минуту гдѣ-то сильно хлопнула дверь.

— Каковъ характерецъ! воскликнула хозяйка.—Я увѣрена, ангелъ мой, что вашъ Кокочка не детъ себя не такъ, какъ эти дикари.

Матушка вспыхнула.

— Мы Николая никогда не наказываемъ, проговорила она.

— Потому что не заслуживаетъ, прервала ее хозяйка. — Вы, конечно, понимаете, что наказывать не легко. Но когда передъ вами постоянно дѣти дѣлаютъ мерзости, когда они смотрятъ волчатами, то другого средства нѣтъ, какъ наказаніе.

— Я думаю, лаской можно сдѣлать все изъ дѣтей, замѣтила матушка. — Нужно только, чтобы они научились любить...

— Да, научишь ихъ любить! желчно воскликнула Павла Викторовна.

— А вы пробовали научить ихъ этому? рѣзко спросила матушка и посмотрѣла прямо въ лицо Павлѣ Викторовнѣ.

Это было сухое, желтое и злое лицо.

— Это не мое дѣло, отрывисто отвѣчала Павла Викторовна,—они не мои дѣти.

— А вы думаете, что любить нужно только своихъ дѣтей? уже насмѣшливо спросила матушка.

Павла Викторовна нахмурилась еще болѣе, но ничего не отвѣтила.

— Что же это вы, барынька, ничего не кушаете? прервалъ эту бесѣду Викторъ Петровичъ.—Охъ, ужь эти женщины: заводятъ разговоры за столомъ, а кушанья такъ нетронутыя и остаются... Вы моей свиньи то попробуйте.

— Благодарю, я очень мало ѣмъ, сухо отвѣтила моя мать.

Она, дѣйствительно, почти ничего не ѣла и была не въ духѣ. Какъ всѣ нервные люди, она не умѣла скрывать своихъ чувствъ. Это не ускользнуло отъ вниманія хозяевъ и они, повидимому, обидѣлись. Обѣдъ прошелъ вяло. Послѣ обѣда подали кофе на балконъ. Два мальчугана, остававшіеся съ нами, потихоньку показывали мнѣ языки. Потомъ они подошли къ попугаю и начали говорить:

— Ты, Кокочка, умница?

— Нѣтъ, Кокочка дуракъ, дуракъ! Кокочку вздуть надо!

При этихъ словахъ раздавался ихъ громкій смѣхъ. Я очень ясно слышалъ, что, обращаясь къ попугаю, они называли его не «Попочкой», а «Кокочкой» и бросали при этомъ взгляды на меня. Стоя около матери, я тихо шепталъ ей:

— Пойдемъ домой!

Наконецъ, мать сочла возможнымъ, не нарушая приличій, распрощаться съ хозяевами. Мы вышли изъ ихъ дома и пошли молча домой.

— Какіе скверные мальчишки! наконецъ заговорилъ я.

Мать взглянула на меня какъ-то странно, не то съ грустью, не то съ упрекомъ.

— Не скверные, а жалкіе, съ удареніемъ произнесла она.

Съ минуту длилось молчаніе.

— Надо непремѣнно пріучить ихъ къ нашему дому, проговорила мать, какъ бы про себя.

— Я, мама, не буду съ ними дружиться, они злые, дурные, заговорилъ я.

— Нѣтъ, ты сойдешься съ ними и постараешься ихъ полюбить, просто отвѣтила мать.

Тетушка заволновалась.

— Вы рискуете, ma chère, заговорила она.— Вы подвергаете опасности нравственность своего сына. Вы хотите поставить его на скользкій путь, испортить его.

— Нѣтъ, я хочу его исправить, потому что онъ уже испорченъ, отвѣтила матушка не безъ грусти.

Тетушка всплеснула руками отъ ужаса и притянула меня къ себѣ, какъ бы выражая этимъ что она готова защищать меня отъ всѣхъ враговъ.

— Кока испорченъ, Кока! восклицала она.

— Да, изъ него выработывается грубый эгоистъ: мы пріучили его любить только тѣхъ, кто любитъ его, твердо и серьезно отвѣтила мать.

Я затаилъ дыханіе и внимательно слушалъ ее.

— Мнѣ очень грустно, продолжала она тѣмъ же тономъ,—что нашему мальчику прежде всего бросились въ глаза не болѣзненныя лица, не тяжелое положеніе этихъ дѣтей, а ихъ дурныя стороны. А между тѣмъ мы даже не можемъ сказать, что эти дѣти дѣйствительно хуже его.

— Мари, Мари, что вы говорите! воскликнула тетушка. — Эти дѣти не хуже его! Эти дикари, показывающіе языки, грозящіе кулаками!..

— Это просто дурныя привычки, холодно прервала ее матушка. — Нашъ мальчикъ самъ виноватъ, что они такъ отнеслись къ нему,— онъ даже не подошелъ къ нимъ, не протянулъ имъ руки.

Я почувствовалъ, что я впервые вызвалъ серьезное неудовольствіе матери. Чисто по дѣтски я сообразилъ, что этого неудовольствія не было бы безъ встрѣчи съ дѣтьми сосѣдей, и еще болѣе не взлюбилъ этихъ дѣтей. Поднимаясь на крыльцо нашего дома, мы встрѣтили капитана.

— Ну, какъ провели время? спросилъ онъ.

— Это грустная жизнь, отвѣтила матушка.— У васъ есть свободное время, дядя? спросила она капитана.

Онъ тревожно взглянулъ на нее.

— Конечно, отвѣтилъ онъ.—Какое же можетъ быть у меня дѣло...

— Мнѣ нужно съ вами поговорить.

Она взяла дядю подъ руку и, даже не взглянувъ на меня, прошла съ нимъ въ нашъ садъ. Я стоялъ съ опущенной головой.

— Несчастный ребенокъ, несчастный! воскликнула тетушка и прижала меня къ своей высохшей, но все еще любвеобильной груди.

Вышла трогательная сцена.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

У колодца.

Стих. Нико Ники.

Я въ деревню вхожу... У колодца стоитъ
Рослый парень съ красою-дѣвицей...
Невеселое, видно, онъ ей говоритъ:
Раскраснѣлась въ слезахъ молодица.

И мнѣ чудится близкій рекрутскій наборъ,
И немилаго мужа угрозы,
И, быть можетъ, страданья... быть можетъ, позоръ...
И мнѣ слышатся стоны и слезы.

„Черный кабинетъ" во Франціи.

(по Эмилю Кенигу.)

«Чернымъ кабинетомъ» во Франціи называлось особое учрежденіе, находившееся въ связи съ почтовою администраціею и имѣвшее цѣлью, посредствомъ искуснаго вскрыванія писемъ, разоблачать тайны частной корреспонденціи, показавшейся почему нибудь подозрительной, и доводить ихъ до свѣдѣнія правительства.

Обычай нарушенія почтовой тайны былъ завѣщанъ практикою царствованія Людовика XI и явился одновременно съ учрежденіемъ почтъ. Когда Людовикъ XI учредилъ французскую почту, возложивъ на королевскихъ курьеровъ почтовую службу, исполняемую до того времени университетскими посыльными,—то этимъ курьерамъ было вмѣнено въ обязанность принимать лишь письма, предварительно прочитанныя правительствомъ. Ришелье, руководствуясь тою же мыслью, какую мы находимъ у Монтэскьё: «составить заговоръ нынѣ труднѣе, ибо, со времени учрежденія почтъ, частныя тайны сдѣлались общественною тайною»,—придалъ Черному кабинету правильную организацію и усовершенствовалъ процессъ вскрыванія писемъ, что кардиналъ называлъ по-просту «размягченіемъ сургуча». Никто, конечно, не станетъ удивляться этой мѣрѣ при такомъ королѣ, какимъ былъ Людовикъ XI, но вмѣстѣ съ тѣмъ трудно вѣрится, чтобы Кончини, Мазарини или Дюбуа были щепетильнѣе въ этомъ случаѣ Людовика XI, хотя и нѣтъ на то прямыхъ фактовъ.

При Людовикѣ XIV Черный кабинетъ получилъ правительственную санкцію; различныя должности этого учрежденія переходили наслѣдственно къ членамъ одного семейства, которые спеціально подготовлялись для этой дѣятельности. Эти чиновники были столь же ловки, какъ и преданны. Когда какой-нибудь политическій дѣятель поручался контролю Чернаго кабинета, то прежде всего снимали оттискъ съ печати подозрѣваемаго, а затѣмъ процессъ вскрыванія и запечатыванія писемъ производился съ такимъ искуствомъ, что не было ни малѣйшей возможности обнаружить нескромность Чернаго кабинета, хотя бурбонская монархія, благодаря ему, овладѣвала тайнами не только во Франціи, но даже въ цѣлой Европѣ. «Бычачій глазъ» Чернаго кабинета проникалъ въ чертоги богачей и въ подвалы бѣдняковъ, раскрывалъ тайные планы, заговоры и дипломатическія интриги, читалъ письма принцевъ крови, посланниковъ, дворянъ и простого люда.

Людовикъ XV благодушно развлекался демаскированіемъ тайнъ частной жизни, предоставивъ политическія цѣли особому бюро, директорами котораго были принцъ Конти и графъ Брольи. Придворная дама маркизы Помпадуръ, г-жа де-Гуссе, пишетъ въ своихъ мемуарахъ: «Король приказалъ сообщать Шуазелю почтовыя тайны, т. е. извлеченіе изъ вскрытыхъ писемъ, а этой милости не удостоивался никогда д'Аржансонъ. Впрочемъ, Шуазель злоупотреблялъ тайнами и забавлялъ своихъ друзей передачей пикантныхъ фактовъ и любовныхъ интригъ, о которыхъ онъ узнавалъ изъ вскрытыхъ писемъ. Шесть чиновниковъ снимали оттиски съ печатей тѣхъ писемъ, вскрытіе которыхъ было имъ поручено, дѣлая это посредствомъ шариковъ изъ ртути; печать держали надъ кубкомъ съ горячей водой до тѣхъ поръ, пока не расплавлялся сургучъ, затѣмъ письма вскрывали, дѣлали изъ него выписки и запечатывали обратно. Съ этими выписками еженедѣльно являлся особый чиновникъ для доклада, какъ какой-нибудь министръ». Въ этихъ словахъ есть невѣрности: водяные пары могутъ распустить развѣ облатку, но никакъ не смолу, что же касается ртути, то здѣсь нужно подразумѣвать смѣсь ея съ серебромъ (амальгама),—вещество сначала мягкое, а потомъ быстро отвердѣвающее и способное давать такой чистый оттискъ, что его трудно отличить отъ настоящей печати. Впослѣдствіи искуство вскрыванія писемъ значительно усовершенствовалось, а во времена рес-

ЧЛЕНЫ БЕРЛИНСКАГО КОНГРЕССА.

Графъ П. А. Шуваловъ.

Князь М. Д. Горчаковъ.

Лордъ Биконсфильдъ.

Маркизъ Салисбэри.

Каратеодори-Паша.

Виддингтонъ.

Корти.

Графъ Андраши.

тавраціи, когда оно достигло высшей степени процвѣтанія, извѣстнѣйшіе химики не побрезгали довести искусство «размягченія сургуча», до такого совершенства, какого дай Богъ достигнуть въ болѣе полезномъ дѣлѣ.

Людовикъ XVI хотѣлъ положить конецъ скандалу и декретомъ отъ 18 августа 1775 г., постановилъ, что «тайна корреспонденціи гражданъ составляетъ святыню, въ которую не долженъ проникать ни глазъ суда, ни частныхъ лицъ». Чиновники должны были давать присягу въ томъ, что они будутъ уважать тайну писемъ въ цѣломъ королевствѣ. Но вскорѣ слабохарактерный король позволилъ убѣдить себя, что такая честная щепетильность не всегда бываетъ практичною. Черный кабинетъ возобновилъ свои дѣйствія и въ такихъ размѣрахъ, что въ инструкціяхъ, данныхъ въ 1789 г., избирателями своимъ депутатамъ, первое мѣсто было отведено настойчивымъ домогательствамъ о томъ, чтобы нарушенію тайны корреспонденціи былъ положенъ конецъ и чтобы чиновники, позволившіе себѣ подобную нескромность, подлежали строгому наказанію. Но уже 25 іюля 1789 г. Робеспьеръ, отвѣчая Мирабо, сказалъ. «Безъ сомнѣнія, письма должны считаться неприкосновенными; но когда цѣлой націи грозитъ опасность посягательства на ея свободу, тогда должно считать похвальнымъ то, что въ другое время было бы преступленіемъ. Пощада заговорщикамъ составляетъ измѣну народу».

8 іюля 1790 г. національное собраніе, вслѣдствіе отчета Бирона, вычеркнуло изъ бюджета суммы, назначавшіяся на содержаніе Чернаго кабинета. Но, не смотря на это, въ томъ же іюлѣ, во время заговоровъ эмигрантовъ, были конфискованы депеши графа д'Артуа къ Кастельнау, французскому посланнику въ Женевѣ. Одинъ изъ депутатовъ предложилъ, чтобы всѣ письма, захваченныя въ періодъ парижскихъ волненій, были сберегаемы въ опредѣленномъ мѣстѣ для представленія ихъ національному собранію, если таковое сочтетъ эту мѣру соотвѣтственной. Но Мирабо возсталъ противъ этого предложенія со всѣмъ пыломъ своего краснорѣчія: «Прилично ли націи, которая хочетъ быть свободною, говорилъ онъ,—воскрешать и примѣнять къ дѣлу инквизицію? Какъ! послѣднее убѣжище свободы будетъ оскорблено тѣми, которымъ народъ поручилъ охрану своихъ правъ!» и т. д. Собраніе рукоплещетъ оратору и переходитъ къ очередному порядку, даже болѣе: 14 августа 1790 года объявлена неприкосновенность тайны корреспонденціи, а 26 того же августа постановлено, что администрація и почтовые чиновники должны присягать въ томъ, что они будутъ свято хранить тайну корреспонденціи и обнаруживать всѣ ея нарушенія. Одновременно опредѣлены суровыя наказанія виновникамъ—штрафы, тюремное заключеніе и потеря гражданскихъ правъ. Послѣ бѣгства изъ Вареня, національное собраніе было обречено на тяжелое испытаніе: въ руки его попали два письма, адресованныя королю. Эти письма могли раскрыть вѣроломные замыслы Людовика XVI, да къ тому же они попали въ руки собранію уже распечатанными; но собраніе не соблазнилось ихъ содержаніемъ и рѣшило, запечатавъ, отослать по адресу.

Робеспьеръ, считавшій прежде условное нарушеніе почтовой тайны дозволительнымъ, 28 января 1791 г., по поводу корреспонденціи, представленной на разсмотрѣніе собранія, сказалъ съ трибуны: «Какимъ образомъ узнали, что содержаніе этихъ писемъ враждебно собранію? Была, значитъ, нарушена тайна писемъ? Но вѣдь это покушеніе на общественную нравственность!» Хотя затѣмъ 9 декабря 1794 г. снова было постановлено, что «тайна писемъ въ районѣ республики не можетъ быть нарушаема», но при управленіи термидористовъ, когда продажность полиціи достигла крайнихъ размѣровъ, это постановленіе оставалось мертвою буквою.

Первая имперія воскресила Черный кабинетъ. Префекты присвоили себѣ право конфискаціи на почтѣ всѣхъ писемъ, казавшихся имъ подозрительными. Оригинальнѣйшія и интереснѣйшія, самыя забавныя и самыя серьезныя корреспонденціи представлялись императору при особомъ рапортѣ. Республиканецъ пишетъ къ республиканцу, роялистъ къ роялисту, мужъ къ женѣ, братъ къ сестрѣ, сынъ къ матери, любовникъ къ любовницѣ—и никто изъ нихъ не подозрѣваетъ, что чрезъ ихъ плечо заглядываетъ въ ихъ письма предательскій глазъ. При всѣхъ тайныхъ свиданіяхъ, при всѣхъ интимныхъ бесѣдахъ Наполеонъ I былъ ироническимъ или грознымъ свидѣтелемъ, сообразно тому, считалъ ли онъ человѣческія страсти комедіею или драмою. Впослѣдствіи, въ «Мемуарахъ на островѣ св. Елены», императоръ увѣрялъ, что письма вскрывались на почтѣ весьма рѣдко. Письма частныхъ людей, вскрытыя совершенно, или же опять запечатанныя, отсылались адресатамъ большею частью нечитанными. Средство это употреблялось скорѣе съ цѣлью предостереженія корреспондирующихъ, чѣмъ для выслѣживанія тайнъ. «Я пользовался, говоритъ онъ, между прочимъ, — Чернымъ кабинетомъ главнымъ образомъ для выслѣживанія тайной корреспонденціи моихъ министровъ, придворныхъ, высшихъ офицеровъ, Бертье Дюрока». Вскрытыя письма не обнаруживали ни малѣйшаго слѣда этой предательской операціи, такъ что даже Дюрокъ, довѣреннѣйшій изъ императорскихъ слугъ, не подозрѣвалъ, что императоръ читаетъ его письма. Утверждая, что письма вскрывались на почтѣ весьма рѣдко, Наполеонъ сознавался однакожъ, что на дѣло насилованія тайнъ писемъ расходовалось 600,000 франковъ. Впрочемъ, Наполеонъ осуждалъ Черный кабинетъ не потому, чтобы онъ считалъ его учрежденіемъ безнравственнымъ, а скорѣе потому, что онъ убѣдился въ безполезности этого учрежденія. Онъ сѣтовалъ, что его опаснѣйшіе враги искусно избѣгали сѣтей Чернаго кабинета и однажды сознался Ласъ-Казасу въ томъ, чему трудно вѣрится: «У меня былъ одинъ министръ, изъ корреспонденціи, котораго я не могъ перехватить ни одного клочка!» Даже такой безсовѣстный министръ, какъ Савари, не менѣе строго относился къ Черному кабинету. «Часто, говоритъ онъ,—средство, помощью котораго власть думаетъ открыть истинную правду, служитъ для того, чтобы хорошо обдуманная ложь попала въ руки той же власти. Честнѣйшій человѣкъ можетъ быть скомпрометированъ письмомъ, котораго никогда не читалъ, а прочитавъ, не понялъ бы. Я говорю это по собственному опыту».

При Бурбонахъ на содержаніе Чернаго кабинета по прежнему ассигновалось 600,000 фр. изъ тайныхъ суммъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ Кабинетѣ занималось 22 чиновника, въ числѣ которыхъ были особы высокаго положенія. Послѣ паденія Виллеля (1828), который повлекъ за собою паденіе префекта полиціи Делявана, новое министерство объявило оффиціально, что Черный кабинетъ въ почтовомъ вѣдомствѣ уничтоженъ. Но это была весьма нехитрая игра словъ, такъ какъ Черный кабинетъ былъ только перенесенъ въ другое мѣсто. Іюльское правительство приняло Черный кабинетъ въ наслѣдство и при буржуазномъ королѣ Люи-Филиппѣ агенты Чернаго кабинета по прежнему получали свое содержаніе. Въ отчетѣ тайныхъ суммъ министерства иностранныхъ дѣлъ за 1837 годъ значится 65,000 фр. чиновникамъ бывшаго Чернаго кабинета. При министерствѣ Гизо въ 1847 г. случился курьезъ, что шведскому посланнику, въ конвертѣ его правительства, были доставлены депеши, адресованныя прусскому посланнику, тогда какъ послѣдній получилъ депеши шведскаго правительства.

При второй имперіи Черный кабинетъ съ 21 ноября 1853 г. сбросилъ маску; его система обратилась въ политическую систему, съ открытою практикою. Каждый префектъ имѣлъ право, чрезъ посредство уполномоченнаго имъ комиссара, истребовать на почтѣ извѣстную корреспонденцію, давая росписку въ полученіи писемъ. Если эти письма возвращались обратно на почту, то они отсылались по адресу съ почтовымъ штемпелемъ: «вскрытъ по внушенію правосудія». При чемъ тутъ правосудіе и какимъ образомъ кассаціонный судъ съумѣлъ помирить свое постановленіе съ статьею 181 кодекса о наказаніяхъ—это остается загадкой. Между тѣмъ вышеозначенная статья гласитъ: «каждый чиновникъ почтоваго вѣдомства, оказавшійся виновнымъ въ похищеніи или вскрытіи писемъ, подлежитъ денежному штрафу отъ 16 до 500 франковъ, а также тюремному заключенію отъ 3 до 5 мѣсяцевъ и лишенію права службы отъ 5 до 10 лѣтъ».

Какъ ни откровенно велось дѣло, но Черный кабинетъ продолжалъ дѣйствовать одновременно и совершенно независимо. Большая часть парижскихъ корреспондентовъ иностранныхъ газетъ знала объ этомъ по опыту. Припомнимъ процессъ де-Флера на основаніи перехваченныхъ корреспонденцій изъ Парижа, появившихся въ бельгійскихъ и другихъ газетахъ; впослѣдствіи было издано распоряженіе, по которому парижскій корреспондентъ, уличенный въ сообщеніи иностраннымъ газетамъ и журналамъ компрометирующихъ правительство фактовъ, преслѣдовался французскимъ судомъ. Выслѣживаніе распространителей такихъ свѣденій было организовано въ громадныхъ размѣрахъ. Не менѣе дѣятельнымъ оказывался Черный кабинетъ во время періодическихъ паломничествъ, предпринимаемыхъ легитимистами въ Фрошдорфъ и орлеанистами въ Клермонтъ. Письма вскрывались посредствомъ разрѣзыванія одной стороны конверта острой бритвой. Вложивъ письмо обратно, разрѣзанное мѣсто смазывали бумажной массой, которая высыхаетъ весьма быстро, не оставляя ни малѣйшихъ слѣдовъ вскрытія.

Но всѣ эти штуки оказались безсильными въ виду увеличившейся до громадныхъ размѣровъ корреспонденціи. Цифра писемъ на французскихъ почтахъ достигла 700 милліоновъ, и Черный кабинетъ долженъ былъ безсильно опустить руки, даже еслибы, какъ при Людовикѣ XI, имѣлъ право возвращать почтѣ письма распечатанными.

Люи-Наполеонъ пользовался услугами Чернаго Кабинета преимущественно для выслѣживанія переписки французскихъ эмигрантовъ. «Что значитъ насилованіе тайны писемъ, пишетъ одинъ изъ этихъ изгнанниковъ,—для правительства, совершившаго столько другихъ насилій!» Честные почтальоны возмущались наглостію, съ которою бонапартистская полиція, впродолженіи многихъ лѣтъ, слѣдила за тайнами частной жизни изгнанниковъ. Неудивительно, что корреспонденція, адресованная въ Бельгію къ извѣстному автору «Фонаря», возбуждала особое любопытство бонапартистскихъ фискаловъ. Будущій депутатъ департамента Сены, остроумно замѣчалъ, что то письмо вѣрнѣе всего достигнетъ рукъ г. Вандаля, главнаго директора почтъ, которое будетъ адресовано на имя Ганри Рошфора. Одинъ нѣмецкій посланникъ преостроумно дурачилъ французское правительство, сообщая ему все то, что онъ считалъ щекотливымъ для личной передачи. Онъ писалъ депешу своему правительству, что то-то и то-то онъ исполнить не въ состояніи, и эту депешу подавалъ на почту. А такъ какъ Черный кабинетъ всего менѣе щадилъ диплома-

тическую корреспонденцію, то содержаніе депеши сейчасъ же дѣлалось извѣстнымъ французскому правительству къ вящшему его удовольствію; между тѣмъ всѣ важныя и дѣйствительно секретныя депеши, нѣмецкій дипломатъ пересылалъ заграницу чрезъ своихъ курьеровъ.

Упомянутый выше директоръ почтъ Вандаль, такъ далеко подвинулъ свое служебное усердіе, что предписалъ контролировать корреспонденцію между французскими же властями. Онъ дѣлалъ тогда облаву на какое-то письмо гр. Шамбора. Это распоряженіе остроумно стали звать «вандализмомъ». Атакованный по этому случаю прессой, Вандаль свалилъ вину на Араго, бывшаго почтъ-директоромъ въ 1848 г., увѣряя, что и тотъ прибѣгалъ къ подобнымъ же средствамъ. Араго отвѣтилъ, что изданный имъ циркуляръ предписывалъ вскрывать лишь такія письма, въ которыхъ заключались предметы, подлежащіе пошлинѣ, и къ тому же вскрывать въ присутствіи адресатовъ. Чиновникамъ строжайше было запрещено чтеніе этихъ писемъ. Трудно по этому видѣть что-нибудь общее между распоряженіемъ Вандаля и циркуляромъ Араго. Тѣмъ не менѣе Руэръ пытался, хотя и тщетно, оправдать Вандаля и всѣми силами удерживалъ его на мѣстѣ, хотя самъ Вандаль добивался отставки. Было наряжено строжайшее слѣдствіе надъ чиновниками почтамта, чтобы узнать, какимъ образомъ содержаніе вандальскаго циркуляра проникло въ прессу и въ публику; но и этотъ шагъ былъ сдѣланъ такъ неловко, что пресса опять все разузнала и начала такъ жестоко хлестать остроумнаго почтъ-директора, что слѣдствіе должны были прекратить.

Въ заключеніе скажемъ, что во время коммуны Черный Кабинетъ дѣйствовалъ въ широкихъ размѣрахъ и даже Гамбетта не брезгалъ услугами этого обветшалаго учрежденія.

Передвиженія живыхъ существъ.

Статья **А. Елисѣева.**

(*Окончаніе.*)

Первый и довольно сложный міографъ былъ устроенъ Гельмгольцемъ и усовершенствованъ Фолькманномъ и Людвигомъ. Одинъ изъ простѣйшихъ и удобнѣйшихъ приборовъ этого рода былъ устроенъ Мареемъ, посредствомъ котораго судороги мышцъ, т. е. ихъ быстрыя конвульсивныя движенія при раздраженіи, въ видѣ волны передающіяся отъ одного конца въ другой, пишутся особеннымъ образомъ въ видѣ кривыхъ. Устройство этого аппарата основано на примѣненіяхъ гальваническаго тока и рычага. На рисункѣ 2 представленъ металлическій штативъ, на которомъ прикрѣплены винтами двѣ подставки. Верхняя оканчивается щипчиками, а нижняя штифтикомъ. Въ щипчикахъ ущемляется икряная мышца лягушки (a) за кость голени (b), а сухожиліе (c) прикрѣпляется къ рычагу (A), который можетъ подниматься и опускаться, вращаясь около оси. Нервъ (Nervus ischiadicus) (d), къ которому проводятъ гальваническіе приводы (p, p), раздражающіе его, вызываетъ въ мышцѣ быстрыя сокращенія, сопровождаемыя небольшими паузами. Каждое движеніе мышцы волоконцемъ (сухожиліемъ) (c) передается рычагу, который своимъ штифтикомъ чертитъ кривыя, то опускаясь, то поднимаясь, на вращающемся цилиндрѣ (B), закопченномъ сажею. Съ прибавленіемъ добавочныхъ частей къ этому міографу, можно дѣлать опыты даже надъ неотдѣленными мышцами, что даетъ возможность оставить органъ при нормальныхъ условіяхъ его дѣятельности. Различными побочными способами и приспособленіями на міографахъ, которыхъ мы не будемъ описывать, достигаютъ весьма точнаго графическаго изображенія различныхъ формъ мышечной судороги.

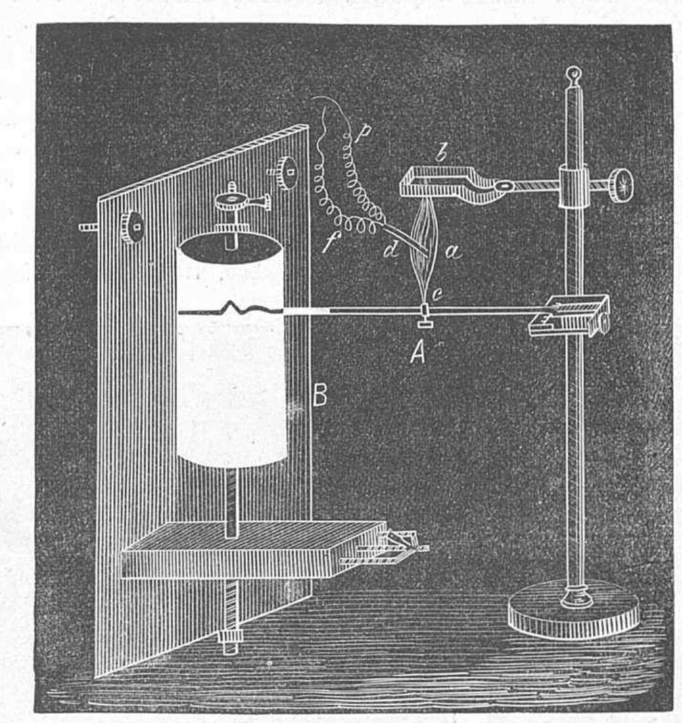

Рис. 2.

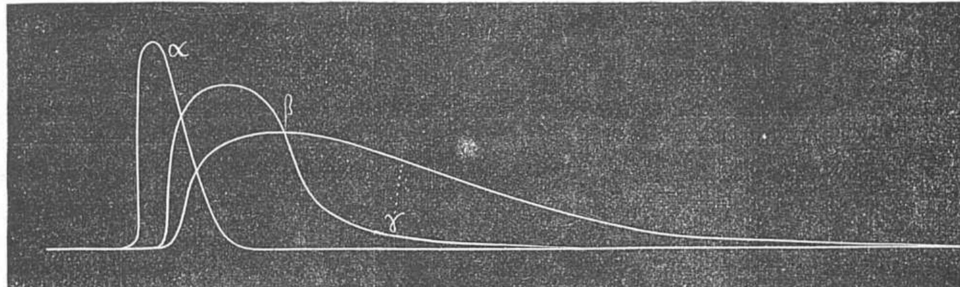

Рис. 3.

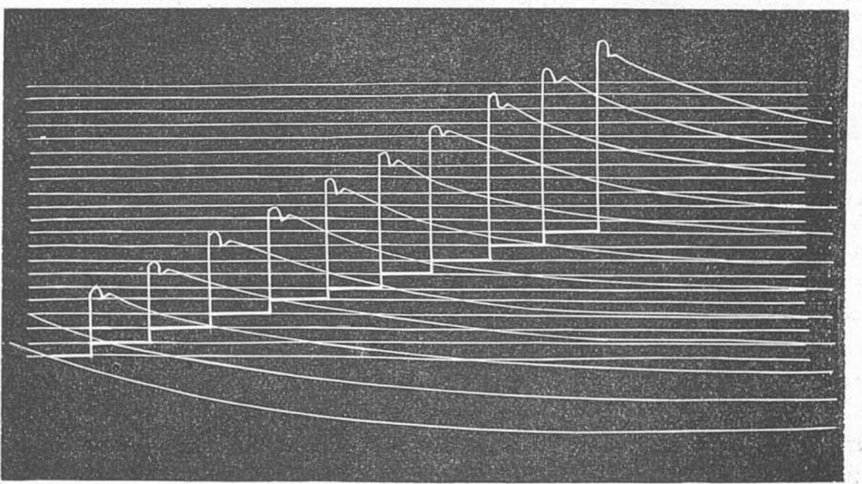

Рис. 4.

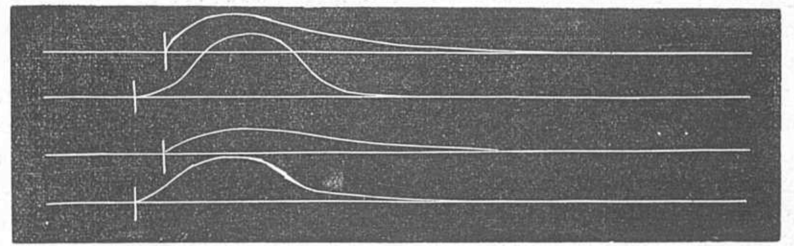

Рис. 5.

Такъ на (рис. 3) представлена (міографическая кривая, судороги соотвѣтственно степени усталости мышцы α) — свѣжая мышца, β) нѣсколько усталая, γ) совсѣмъ утомленная. На (рис. 4) графически изображены измѣненія судороги въ мышцѣ, постепенно отравляемой вератриномъ. Внизу съ лѣвой стороны видны первыя послѣдствія отравленія. Всѣ эти изысканія показываютъ, что мышцы, сокращаясь или удлиняясь, проходятъ извѣстныя фазы, характеръ которыхъ находится въ зависимости отъ различныхъ моментовъ. При міографическихъ опытахъ иногда можно замѣчать при раздраженіи мышцъ, что на ихъ поверхности образуются выпуклости и впадины, то появляющіяся, то пропадающія на подобіе волны. Эби, доказавъ, что это явленіе вполнѣ нормально, далъ ему названіе мышечной волны; которая, начинаясь въ точкѣ раздраженія, распространяется по обѣ стороны мышцы. При нѣкоторомъ приспособленіи къ своему міографу, Марей далъ возможность графически изучить явленіе мышечной волны. На рис. 5 показано не только направленіе мышечной волны, но и двѣ различныя скорости ея. (При этомъ замѣтимъ еще, что если мышцу подвергнуть раздраженіямъ одинаковой интенсивности, то она укорачивается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ чаще повторялись сокращенія, такъ что можно получить слѣды вибрацій, а въ тонѣ мышечнаго звука всѣ измѣненія квинты, что наблюдается приложеніемъ уха къ сокращающейся мышцѣ) На основаніи формы мышцы можно опредѣлить ея сократимость, а слѣдовательно и мышечную работу; а потому, если мышца толста и коротка, она даетъ большое усиліе на небольшомъ пространствѣ; если длинна и тонка, то опишетъ большее пространство и дастъ менѣе силы. Специфическая сила мышечной ткани у различныхъ животныхъ различна и опредѣляется сообразно какой единицѣ поперечнаго сѣченія, соотвѣтствуетъ извѣстное усиліе, производимое мышцею. Такъ, по Веберу, мышца лягушки даетъ силу въ 692 грамма на квадратный сантиметръ сѣченія; человѣческая по Костеру—1087 грм., птичья по Марею около 1200 гр. По этому одушевленные двигатели можно сравнивать съ машинами, работающими при извѣстнотъ давленіи. О лягушкѣ можно сказать, напр., что она работаетъ при давленіи меньшемъ, чѣмъ одна атмосфера, о человѣкѣ, что онъ производитъ работу подъ давленіемъ большимъ, чѣмъ одна атмосфера; у птицъ же это давленіе еще больше. Сообразно своимъ назначеніямъ, какъ костная, служащая рычагами, такъ и мышечная, служащая приводами, системы, приспособляясь къ своимъ функціямъ, измѣняются благопріятно, что легко замѣтить, разсматривая кости и мышцы примѣнительно къ ихъ движеніямъ.

Изучивъ болѣе или менѣе съ разныхъ сторонъ элементарнаго двигателя-мышцу, мы можемъ приступить и къ изученію самого передвиженія въ его разнообразныхъ типахъ. Одинъ изъ типовъ передвиженій—водный—изученъ менѣе всего, хотя еще Борели въ XVII в. тщательно изучалъ форму

и приспособленія рыбъ къ плаванію, примѣняя свои выводы къ плавательнымъ снарядамъ человѣка. Позднѣе французскій ученый Фуко, обратившій свое вниманіе также на этотъ вопросъ, проводитъ интересную паралель между толкающими винтами парохода и плавательными снарядами рыбъ. «Машины, построенныя человѣкомъ, говоритъ онъ, состоятъ изъ большаго числа частей, независимыхъ другъ отъ друга и соприкасающихся между собою лишь въ нѣкоторыхъ точкахъ; напротивъ, у животныхъ всѣ части ткани принадлежатъ другъ другу, всѣ ткани связаны между собою неразрывно. Этого требуетъ функція питанія, совершающаяся непрерывно, функція, которой подчинено все живое во время своего существованія. Понятна слѣд. абсолютная невозможность вращательнаго движенія одной части вокругъ другой, когда эти части составляютъ сплошную массу». Въ этихъ послѣднихъ словахъ выражается чрезвычайно ясно различіе въ сущности строенія между рыбами и судами съ самыми остроумнѣйшими механизмами, и видна та дорога, по которой должна идти корабельная архитектура, чтобы достигнуть совершенства. Этимъ и закончимъ разсужденіе о передвиженіи водномъ, о которомъ въ наукѣ существуетъ чрезвычайно мало изысканій, и то запутанныхъ и не ведущихъ ни къ чему, упоминать о которыхъ было бы здѣсь безполезно.

Совсѣмъ въ иныхъ условіяхъ находится изученіе передвиженія воздушнаго, которое разсматривается обыкновенно, какъ два типа—полетъ насѣкомыхъ и полетъ птицъ. Самые механизмы этихъ полетовъ разнятся между собою на столько, что смѣшивать ихъ или считать за одно, какъ дѣлаютъ многіе, невозможно. Изъ способа прикрѣпленія маховыхъ перьевъ у птицъ, очевидно, что сопротивленіе воздуха можетъ дѣйствовать только снизу вверхъ, потомъ плоскость крыльевъ птицъ не однообразна, а представляетъ рѣзкія измѣненія, такъ оно внутри сильно изгибается книзу и къ заду, а у верхушки горизонтально, наконецъ, самая форма и анатомическое устройство птицы гораздо удобнѣе для полета, чѣмъ у насѣкомыхъ, а потому, и понятно, отчего первыя превосходятъ послѣднихъ и быстротою, и неутомимостью, и продолжительностью полета. Что при этомъ и развивается тѣми и другими огромная сила можно вывести изъ опытовъ Марея надъ сарычемъ (Buteo subbuteo), который развилъ при полетѣ силу въ 12 килогр. 600 гр. или по 1298 грам. на каждый квадратный центиметръ поперечнаго сѣченія мышцы, и изъ наблюденій надъ частотою взмаховъ крыльевъ. Изучая полетъ насѣкомыхъ, мы обратили свое вниманіе ранѣе всего на частоту взмаховъ крыльевъ, которая у различныхъ родовъ насѣкомымъ видоизмѣняется весьма значительно. Послѣднее даже можно замѣтить, прислушиваясь въ звукамъ, производимымъ различными насѣкомыми; такъ ухо слышитъ самыя высокія ноты при полетѣ комаровъ и нѣкоторыхъ мухъ; звуки ниже,—когда летитъ пчела или шмель; еще ниже при полетѣ бражниковъ и жуковъ. Полетъ чешуекрылыхъ, особенно дневныхъ, вообще безвученъ вслѣдствіе малой частоты взмаховъ. Частоту взмаховъ опредѣляютъ камертономъ и графически, держа пинцетомъ насѣкомое, такъ, чтобы оно взмахами крыльевъ слегка касалось цилиндра, быстро вертящагося на своей оси и покрытаго закопченною бумагой, на которой получается такимъ образомъ довольно ясный чертежъ. Еще лучше и удобнѣе тоже самое достигается прикалываніемъ или приклеиваніемъ насѣкомаго около вертящагося цилиндра, чѣмъ пользовался и я при своихъ наблюденіяхъ; при сравненіи чертежей при тѣхъ и другихъ условіяхъ, они оказываются одинаковыми; такимъ образомъ прикалываніе насѣкомаго, давая болѣе удобствъ, не вліяетъ ни на силу, ни на чистоту крыловыхъ взмаховъ. Такъ, найдено, что у обыкновенной мухи цифра, выражающая чистоту взмаховъ, равна 330, у пчелы—190, у стрекозы—28, у капустницы (Pontia brassica)—9. Мною было получено нѣсколько данныхъ, которыя выражены въ слѣдующей таблицѣ.

Майскій жукъ (Melontha vulgaris)....	23
Стрекоза плоская (Libellula depressa).	24
Перевязочникъ (Limenitis populi)....	11
Перламутровка (Argynnis Niobe).....	9
Лицепа (Lycaena Cyllarus)?.........	10
Махаонъ (Papilio machaon).........	12
Бражникъ (Smerinthus tiliae)?.........	6
Бражница (Sphinx pinastri)..........	5
Пяденница (Geometra papilionaria)...	8
Хвоевертка (Coecyx comitana).......	11?
Навозная муха (Musca meridiana)....	170
Оводъ (Oestrus bovis).............	(315)
Слѣпень (Tabanus rosticus).........	340
Ручейникъ (Tipula pratensis)........	140
? Комаръ об. (Colexpipiens)........	372

При этомъ надо замѣтить, что оба крыла насѣкомыхъ совершаютъ движенія въ одно и тоже время, что и составляетъ такъ называемый синхронизмъ колебаній. Прикасаніемъ крыльевъ къ вертящемуся цилиндру, можно легко при нѣкоторомъ навыкѣ получать чертежи поясовъ путей крыльевъ, которые, будучи собраны въ одно, и дадутъ полную картину двигающагося крыла. Приклеивъ листочекъ золота къ верхушкѣ крыла осы или зачернивъ его тушью и освѣтивъ солнечнымъ лучемъ насѣкомое, можно получить свѣтовое изображеніе послѣдовательныхъ положеній крыла, походящее приблизительно на удлиненную цифру 8, что и представлено, хотя не совсѣмъ ясно, на рис. 6. Чтобы опредѣлить при этомъ неизвѣстное направленіе движенія крыла, стоитъ только взять полированную стеклянную палочку, закопченную на свѣчкѣ, и держать ее перпендикулярно къ движенію крыла въ разныхъ положеніяхъ (а, а′, в, в′) и мы можемъ убѣдиться по стиранію копоти, что въ а и в′ крыло имѣетъ нисходящее направленіе, а въ а′ и в—восходящее. (См. рис. 6). Съ помощью не особенно сложнаго аппарата, Марей искуственно воспроизвелъ движеніе крыла насѣкомаго, опираясь на тотъ фактъ, что у насѣкомыхъ мышечная дѣятельность только поднимаетъ и опускаетъ крыло. Самый аппаратъ состоитъ изъ привода, который посредствомъ колеса съ безконечнымъ ремнемъ (а) и рычага сообщаетъ гибкой пластинкѣ (в) быстрыя движенія взадъ и впередъ въ отвѣсномъ направленіи. Прикрѣпимъ къ ней тонкую перепонку В и растянемъ ее такъ, чтобы (в) замѣняла ей жилку; тогда мы воспроизведемъ въ сущности крыло насѣкомаго и даже всѣ движенія, совершаемыя имъ, что можно замѣтить, освѣщая верхушку пластинки, которая тогда будетъ описывать кривую въ видѣ 8. (См. р. 7). Самая сущность поступательнаго движенія насѣкомаго состоитъ въ томъ, что оно, какъ будто отталкивая крыльями воздухъ, упирается и движется въ направленіи, противоположномъ тому, въ которомъ движется воздушная струя. Марей устроилъ даже приборъ, съ замѣчательною точностью воспроизводящій полетъ насѣкомыхъ во всѣхъ его видахъ; такъ, посредствомъ его наблюдается измѣненіе наклоненій плоскости колебанія крыльевъ, измѣряется тяжесть, подымаемая ими, частота взмаховъ и т. п., приборъ этотъ по причинѣ его особенной сложности мы описывать не будемъ.

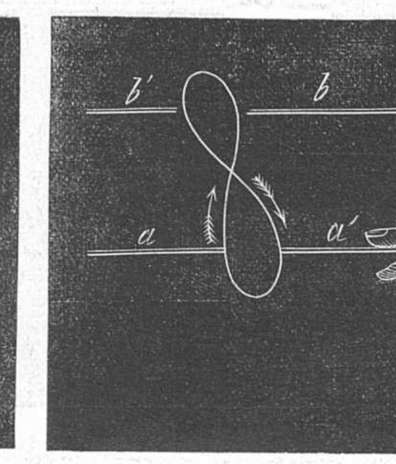

Рис. 6.

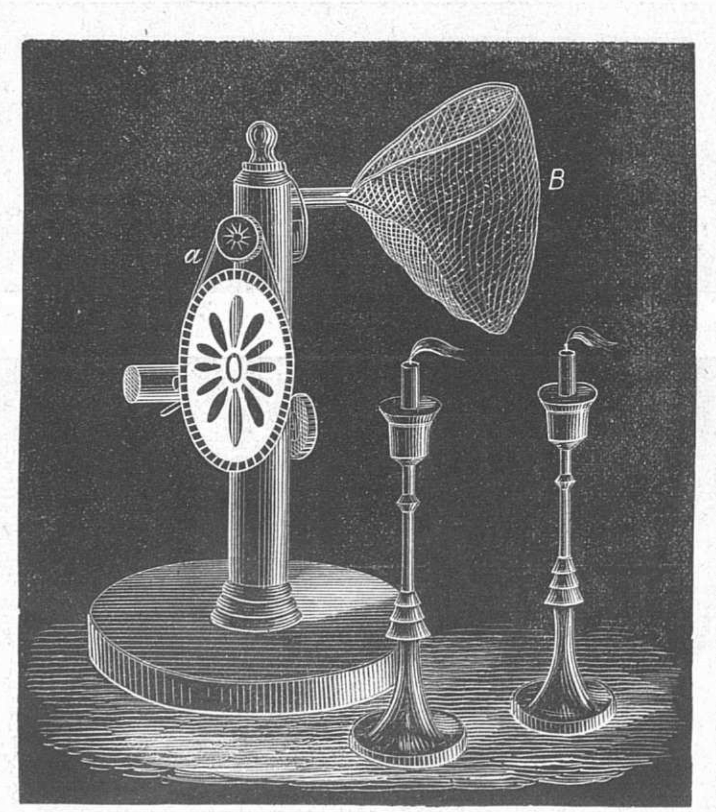
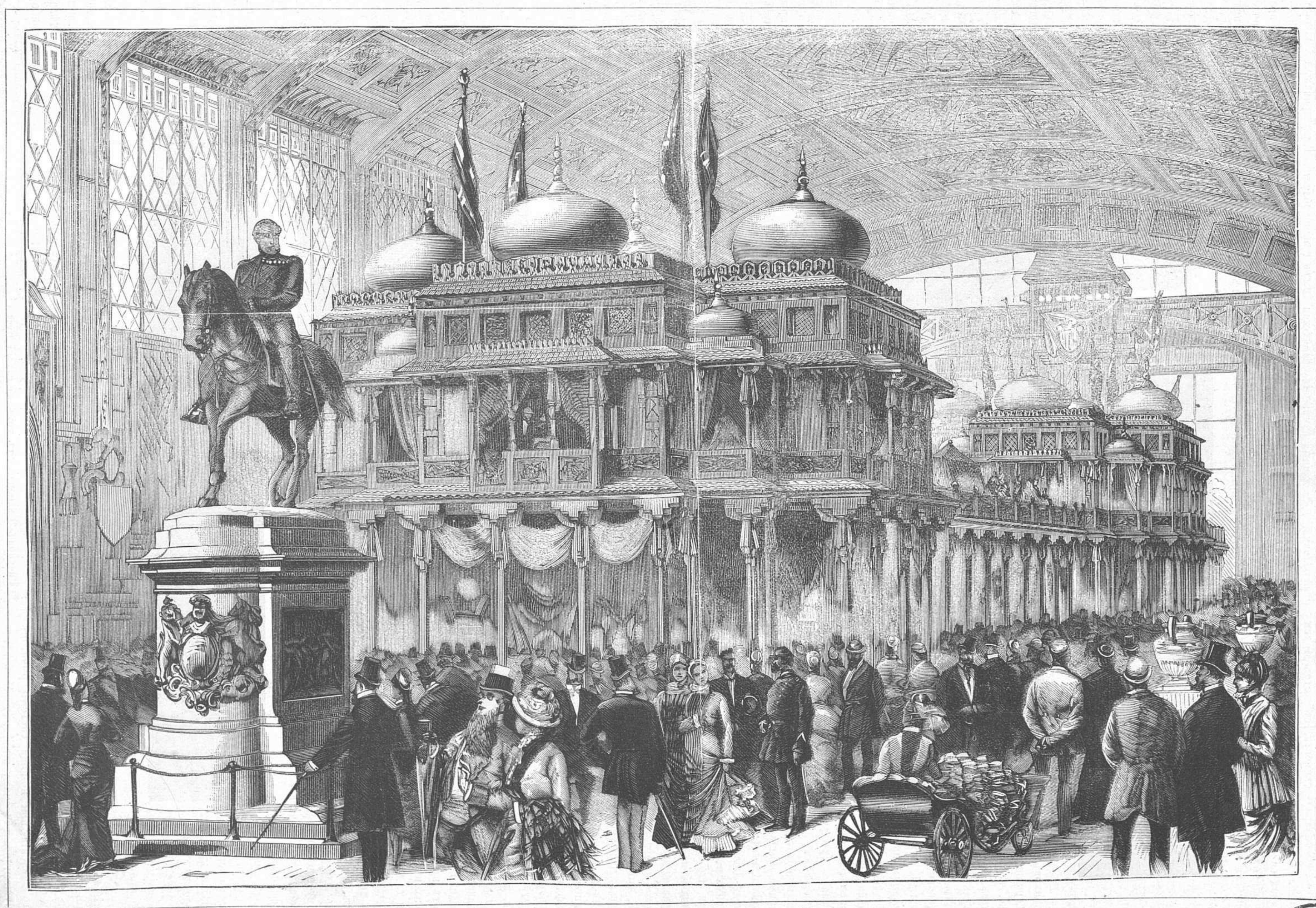

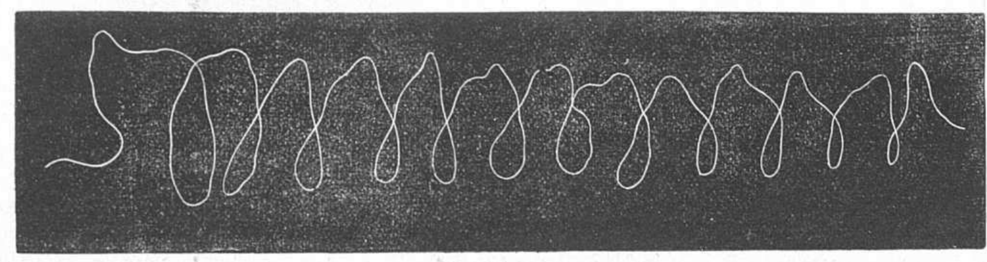
Рис. 7.

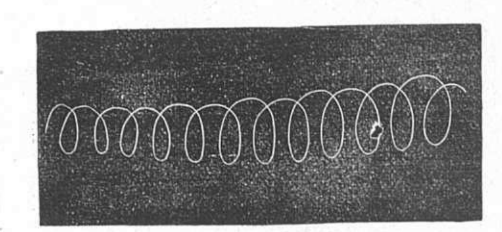
Указавъ еще выше на различія полета насѣкомыхъ и полета птицъ гораздо сложнѣйшаго, мы замѣтили, что сила, развивающаяся при полетѣ тѣхъ и другихъ, чрезвычайно велика, что вполнѣ гармонируетъ съ быстротою актовъ летанія и его продолжительностью. Потребное для этого огромное развитіе грудныхъ мышцъ, не замѣчаемое у насѣкомыхъ, зависитъ прямо отъ условій летанія, которое требуетъ у птицъ гораздо болѣе усилія, чѣмъ у насѣкомыхъ. Быстрота мышечныхъ актовъ, у первыхъ необходима уже потому одному, что только, быстро двигая

Индійскій павильонъ принца Валлійскаго.

крыльями, птица можетъ найти себѣ точку опоры и преодолѣть сопротивленіе воздуха, которое для вытѣсняющей плоскости возростаетъ пропорціонально квадрату скорости, съ которою движется данная плоскость. Самая форма птицы, давая ей самое устойчивое выгодное положеніе и равновѣсіе, помогаетъ ей въ тоже время парить въ воздухѣ, то есть скользить по немъ безъ нашъ рис. 8, изображаетъ эллиптическій путь верхушки крыла сарыча, полученный черченіемъ ея о закопченную стѣнку, при чемъ видно неравенство размаха.*) Различныя измѣненія траекторіи птичьяго крыла зависятъ отъ измѣненія самой плоскости крыла, которое, не имѣя жилки въ основаніи, подобно жилкѣ насѣкомыхъ, находится въ совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ крылья

Рис. 8.

Рис. 9.

взмаховъ крыльевъ несравненно болѣе, чѣмъ насѣкомымъ. Этому послѣднему, впрочемъ, еще очень способствуетъ отношеніе поверхности крыльевъ и вѣса тѣла между собою; птицы съ сравнительно большими крыльями отличаются парящимъ полетомъ, а птицы съ короткими или узкими крыльями чаще придерживаются гребнаго полета. Интересны въ этомъ отношеніи опыты де-Люси и Гартинса, которые составили изъ своихъ наблюденій таблицы. Выводы ихъ показали, что животныя крупныя и тяжелыя поддерживаются въ воздухѣ поверхностью крыльевъ гораздо меньшею, чѣмъ животныя мелкія. По этимъ соображеніямъ индуктивно можно вывести, что человѣку для того, чтобы поддерживать свое тѣло въ воздухѣ и летать, потребны крылья, немного большія двухъ съ половиною метровъ длиною. Частота взмаховъ крыльевъ получалась графически при помощи телеграфнаго пишущаго прибора, прикрѣпляемаго къ концу крыла такъ, чтобы онъ, при перемѣнныхъ движеніяхъ крыла замыкалъ и размыкалъ гальваническую цѣпь. Такъ, найдено было, что воробей дѣлаетъ въ секунду времени 13 взмаховъ, голубь—8, сова—5 и т. д.; впрочемъ эти цифры находятся въ зависимости и отъ того, устала ли птица или нѣтъ, начинаетъ ли она летать или останавливается. Къ этому еще прибавимъ, что съ помощью электрическаго и міографическаго методовъ, можно опредѣлить продолжительность поднимания крыла и продолжительность его опусканія, что не представляетъ особеннаго интереса безъ обобщенія выводовъ, которыхъ еще получено очень мало. Посредствомъ остроумнаго и точнаго прибора, основаннаго на давленіи воздуха на эластическую пластинку или перепонку и передачѣ этого давленія при помощи системы рычаговъ пишущему эластическому штифтику, Марей получилъ множество графическихъ чертежей, поясняющихъ путь крыльевъ во время полета. Такъ

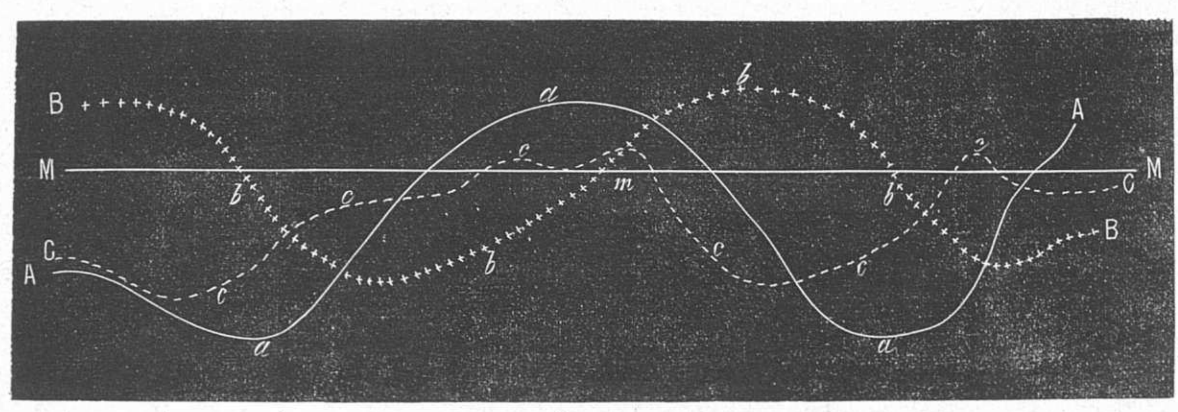

Рис. 10.

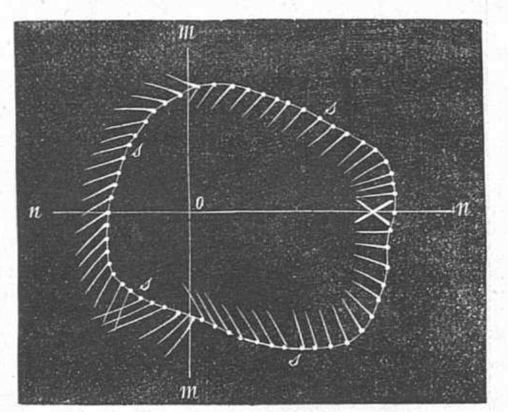
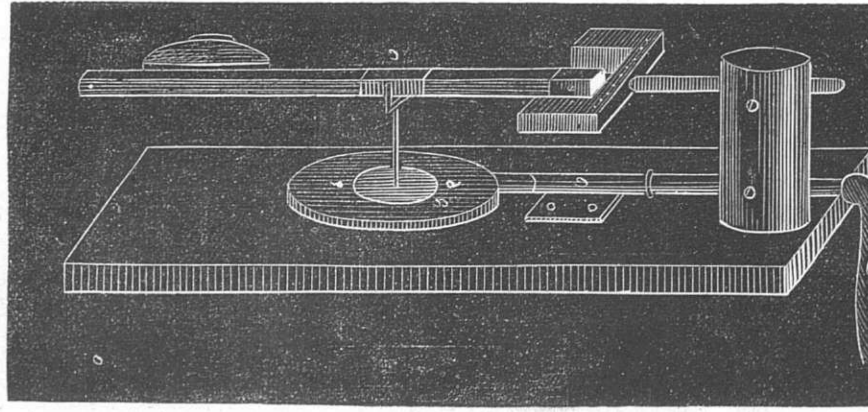
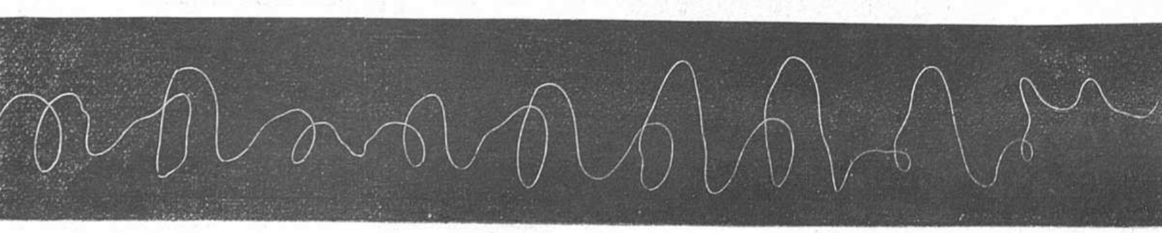

Рис. 11.

Рис. 12.

Рис. 13.

послѣднихъ, еще потому, что маховыя перья не представляютъ сплошной плоскости, а пропускаютъ, раздвигаясь, сопротивляющійся воздухъ. Три кривыя, означенныя на нашемъ чертежѣ

*) Рисунокъ 9 изображаетъ тотъ же самый путь начертанный при помощи дрожанія Уэтстоновой пластинки, настроенной въ унисонъ безъ всякихъ колебаній на пути.

(рис. 10) различными линіями указываютъ пути различныхъ движеній крыла сарыча, изслѣдованныя Мареемъ съ помощью нѣсколькихъ удачныхъ приспособленій. Такъ кривая AA показываетъ движенія крыла взадъ и впередъ, BbbB—движенія снизу вверхъ, CccC—указываетъ вращеніе крыла вокругъ лопаточно-плечеваго сочлененія: чѣмъ выше поднималась эта кривая надъ осью абсциссъ (MmM), тѣмъ выше поднимался и нижній край крыла. Эти кривыя, первыя двѣ вмѣстѣ, или послѣдняя одна, позволяютъ намъ построить изъ отдѣльныхъ точекъ замкнутую кривую (SSS), изображающую путь сарыча. Такъ кривая (CccC), представляя чертежъ вращенія крыла въ разныя мгновенія, своими положительными и отрицательными ординатами, соотвѣтствуетъ тригонометрическимъ тангенсамъ угловъ, образуемыхъ крыломъ съ осью тѣла (См. рис. 11). При самыхъ размахахъ крыльевъ и при разрѣзываніи ими воздуха, тѣло претерпѣваетъ цѣлый рядъ толчковъ внизъ и вверхъ, происходящій отъ ряда толчковъ поступательнаго движенія, что придаетъ полету порывистый характеръ. Реакціи движеній крыла на тѣло птицы бываютъ вертикальныя и горизонтальныя, и совмѣстное изученіе этихъ обоихъ рядовъ можетъ дополнить теорію птичьяго полета. Измѣреніе вертикальныхъ реакцій воспроизводится съ помощью аппарата, изображеннаго на рис. 12, имѣющаго своею основою барабанчикъ (a) съ рычагомъ (b), укрѣпленный на дощечкѣ, которая приклеивается воскомъ къ головѣ птицы или ея спинѣ. Барабанчикъ снабженъ свинцовою массою, помѣщающеюся на концѣ рычага и дѣйствующею своею инерціею. Она оказываетъ сопротивленіе вертикальнымъ колебаніямъ тѣла и, такимъ образомъ, заставляетъ перепонку барабанчика понижаться, когда тѣло подымается, и снова распрямляться, когда тѣло опускается. Отъ этого поперемѣннаго выпрямленія и западанія перепонки получается теченіе воздуха, которое, будучи передано черезъ трубку (c) пишущему прибору, выразитъ въ видѣ кривой вертикальныя колебанія тѣла. Опыты, произведенные съ помощью этого прибора, показали, что величины вертикальныхъ колебаній весьма различны и выражаются различными кривыми по роду и даже по виду птицы. Измѣряя вмѣстѣ съ тѣмъ еще кривую измѣненія

скорости, мы получимъ общую кривую колебаній, выражаемую у сарыча сложнымъ чертежемъ (Рис. 13). Фигура эта, если произвести тщательный математическій анализъ ея, показываетъ вполнѣ линію движенія птицы въ пространствѣ. При каждомъ оборотѣ крыла, птица дѣлаетъ два восхожденія, за коими слѣдуютъ два опусканія; колебанія эти неравны: большее, какъ извѣстно соотвѣтствуетъ опусканію крыла, малое его подниманію. Видно также, что подниманіе крыла кверху сопряжено съ потерею скорости, которая обратно пропорціональна высотѣ восхожденія. Принимая въ соображеніе этотъ анализъ кривой колебаній, мы можемъ сказать, что птицы при полетѣ дѣйствуетъ на воздухъ крыломъ, какъ наклонною плоскостью и, своею реакціею на это сопротивленіе, двигаютъ свое тѣло вверхъ и впередъ. Примѣняя теоретическіе и практическіе выводы изъ механики движенія птицъ и насѣкомыхъ къ летающимъ приборамъ, мы можемъ когда нибудь достигнуть полнаго воспроизведенія полета птицъ, къ чему уже давно стремится практика, но это составляетъ задачу будущаго времени, которому уже приготовлены научныя основанія. Самый вопросъ возможности будущаго летанія въ воздухѣ не представляется, слѣдовательно, невѣроятнымъ, если только вспомнить, какіе успѣхи сдѣлали наука и искусство въ послѣднія времена, и безъ сомнѣнія, еще большіе сдѣлаютъ въ будущемъ.

Судебная ошибка.

Романъ Ф. Буагобея. Переводъ С. И. Воскресенской.

(*Продолженіе.*)

Глава XI.

Черезъ недѣлю послѣ описанныхъ происшествій, старикъ Лекокъ сидѣлъ на скамьѣ въ тюльерійскомъ саду. Онъ не замѣчалъ холоднаго вѣтра, который гналъ ему въ лицо опавшіе листья, не видѣлъ и сострадательныхъ взглядовъ, которые бросали на него всѣ прохожіе, невольно обращавшіе вниманіе на скорбное, безотрадное выраженіе его лица; не вспоминалъ онъ и о своихъ любимцахъ, воробьяхъ, чирикавшихъ нетерпѣливо вокругъ него, въ тщетномъ ожиданіи привычнаго корма...

Онъ не видѣлъ и не слышалъ ничего. Его мысли были далеко... тамъ, гдѣ страдалъ его сынъ и гдѣ могла рѣшаться его участь. И передъ взволнованнымъ воображеніемъ старика проносились грозныя картины суда, съ ихъ пошло-трагическими подробностями: дѣло идетъ о жизни или смерти человѣка, а публика осаждаетъ вліятельныхъ лицъ, вымаливая себѣ билеты на входъ, какъ на заманчивое представленіе въ театрѣ...

— Здравствуйте, г. Лекокъ, произнесъ чей-то робкій голосъ.

Старикъ вздрогнулъ, оборотился и увидалъ передъ собою Пьедуша, растрепаннаго, оборваннаго, походившаго на только что выпущеннаго изъ тюрьмы арестанта.

— Да, ваша милость, это я, сказалъ онъ, видя, что Лекокъ какъ бы не узнаетъ его сразу.— Я, вашъ прежній подчиненный, и никого у меня, кромѣ васъ, не осталось. Меня выгнали, и подъ арестомъ еще недѣлю продержали, да по два раза въ день на допросъ таскали... Все выпытывали у меня то, о чемъ я знать не могу. Ну, бились, бились, видятъ, что съ меня ничего не возьмешь, такъ и вытолкали на улицу; это вчера утромъ было. Весь мой капиталъ: краюха хлѣба подъ мышкой и одиннадцать су въ карманѣ. Хлѣбъ я отдамъ ребятишкамъ, а деньги въ зачетъ булочницѣ, которая кормила бѣдняжекъ, спасибо ей, пока я былъ подъ замкомъ... Пошелъ было я за мѣсячнымъ жалованьемъ въ префектуру... какъ бы не такъ! сполна удержали за проступокъ по службѣ... Нечего дѣлать, пришлось заложить сюртукъ... вотъ, отчего я и не въ туалетѣ, ваша милость.

Старикъ слушалъ, не прерывая, этотъ не совсѣмъ связный разсказъ, но смотрѣлъ на Пьедуша пристально, какъ бы желая проникнуть въ самую глубь его души.

— Вы сердитесь на меня, сказалъ бывшій полицейскій трепетнымъ голосомъ.— Вы не можете простить мнѣ того, что я, именно я, арестовалъ вашего сына. О, если бы это можно было передѣлать!.. Или, если бы я только зналъ, что это вашъ сынъ!

— Я не сержусь, проговорилъ старикъ.

— Неужели? Вы прощаете мнѣ? О, это меня утѣшаетъ въ моемъ горѣ! Меня мучило болѣе всего именно то обстоятельство, что я надѣлалъ вамъ печали. Къ несчастію, зла поправить я уже не могу.

— Почему знать...

— О, если бы это было возможно!.. Слушайте, ваша милость; говорить, такъ ужь говорить... я не скрою отъ васъ, что сначала я самъ, какъ и всѣ прочіе, былъ увѣренъ, что совершилъ убійство г. Люи, но теперь, я прозакладываю свою голову, что онъ чистъ, какъ снѣгъ!

— Поможешь ты мнѣ доказать его невинность?

— Готовъ всячески! Только, я долженъ вамъ сказать, ваша милость, что начальство строжайше запретило мнѣ заниматься какими-нибудь розысками, открытіями, или чѣмъ либо въ этомъ родѣ... Если только сунешься, сказано мнѣ, такъ безъ всякаго суда тебя въ тюрьму упрячемъ! Вотъ оно, что, какимъ же я способомъ могу вамъ служить?

— Я могу употребить тебя въ дѣло, не компрометируя тебя. Отвѣчай сперва на мои вопросы. Знаешь ты, на чемъ стоитъ теперь дѣло моего сына?

— Пигашъ шепнулъ мнѣ два слова вчера мимоходомъ. Ему легче сошло съ рукъ, чѣмъ мнѣ. Его оставили на службѣ, только жалованье за полмѣсяца удержали. И онъ на меня нисколько не дуется; пріятелями остались... Да! вы спрашиваете о дѣлѣ. Пигашъ говоритъ, что слѣдствіе ведутъ быстро, на всѣхъ парахъ... Уликъ нашли множество.

— Какія же?

— Ваша милость... боюсь васъ огорчить.

— Ничего, говори все.

— Если приказываете... Ну, толкуютъ, что у г. Люи на квартирѣ найдена... трость съ свинцовымъ набалдашникомъ... и на ней кровяныя пятна... Этою тростью онъ, будто бы, убилъ старика, тѣло котораго нашли въ столовой... Потомъ, есть еще какое-то письмо отъ г. Люи къ убитой женщинѣ; въ письмѣ разныя угрозы. Нѣмого всюду розыскиваютъ, но еще не открыли, хотя разослали по всей Франціи телеграммы. Но если его и не найдутъ вовсе, другихъ уликъ болѣе, чѣмъ достаточно. Такъ говорятъ, ваша милость; чужія слова повторяю. А поступитъ дѣло въ уголовный судъ черезъ два мѣсяца. Очень спѣшатъ обвинительный актъ составить.

— Два мѣсяца! повторилъ Лекокъ. — Это болѣе, чѣмъ мнѣ нужно. Но, послушай: нѣмого похитили при тебѣ, и ты — ты хорошо знаешь, что я тутъ не при чемъ. Подозрѣваешь ты кого-нибудь?

— Не могу сказать; только странно мнѣ то, ваша милость, что Толбіакъ позволилъ себя надуть такъ просто. Что-то даже не вѣрится, и если бы начальство меня послушало, то не насъ съ вами заподозрили бы они во всей этой штукѣ! Вообще, человѣкъ онъ загадочный; возьмите уже одно то, что онъ все съ какими-то наслѣдствами возится. И послушали бы вы, напримѣръ, что мнѣ про него одинъ стрѣлочникъ разсказывалъ.

— Пьедушъ, перебилъ рѣзко Лекокъ,—ты говорилъ мнѣ о своей преданности. Согласенъ ты ввѣриться мнѣ безусловно? Чувствуешь ли ты въ себѣ достаточно силы на то, чтобы пожертвовать всѣмъ для одной нашей цѣли?

— Я готовъ на все, ваша милость, особенно, если буду увѣренъ, что ребятишки мои не останутся въ это время безъ хлѣба.

— Обѣщаю тебѣ пристроить ихъ къ одной доброй женщинѣ, которая будетъ ходить за ними, какъ родная мать.

— О, если такъ, ваша милость, то я вашъ, душою и тѣломъ! На случай, если бы «наши» вздумали дурить надо мной, Пигашъ дастъ мнѣ знать. Да и что, въ самомъ дѣлѣ, развѣ я не свободный гражданинъ, какъ другіе? Никто не имѣетъ права меня угнетать, если я зла не дѣлаю.

— Ты не безпокойся о своемъ бывшемъ начальствѣ; мы отсюда уѣдемъ.

— Надолго?

— Не могу опредѣлить.

— Но куда же мы отправляемся?

— Пьедушъ, ты сказалъ, что готовъ мнѣ служить; если такъ, то не распрашивай ничего и повинуйся слѣпо; въ противномъ случаѣ, ты мнѣ не слуга.

— Это вѣрно, ваша милость. Служить,—такъ служить безпрекословно. Если прикажете, я за вами въ Китай поѣду.

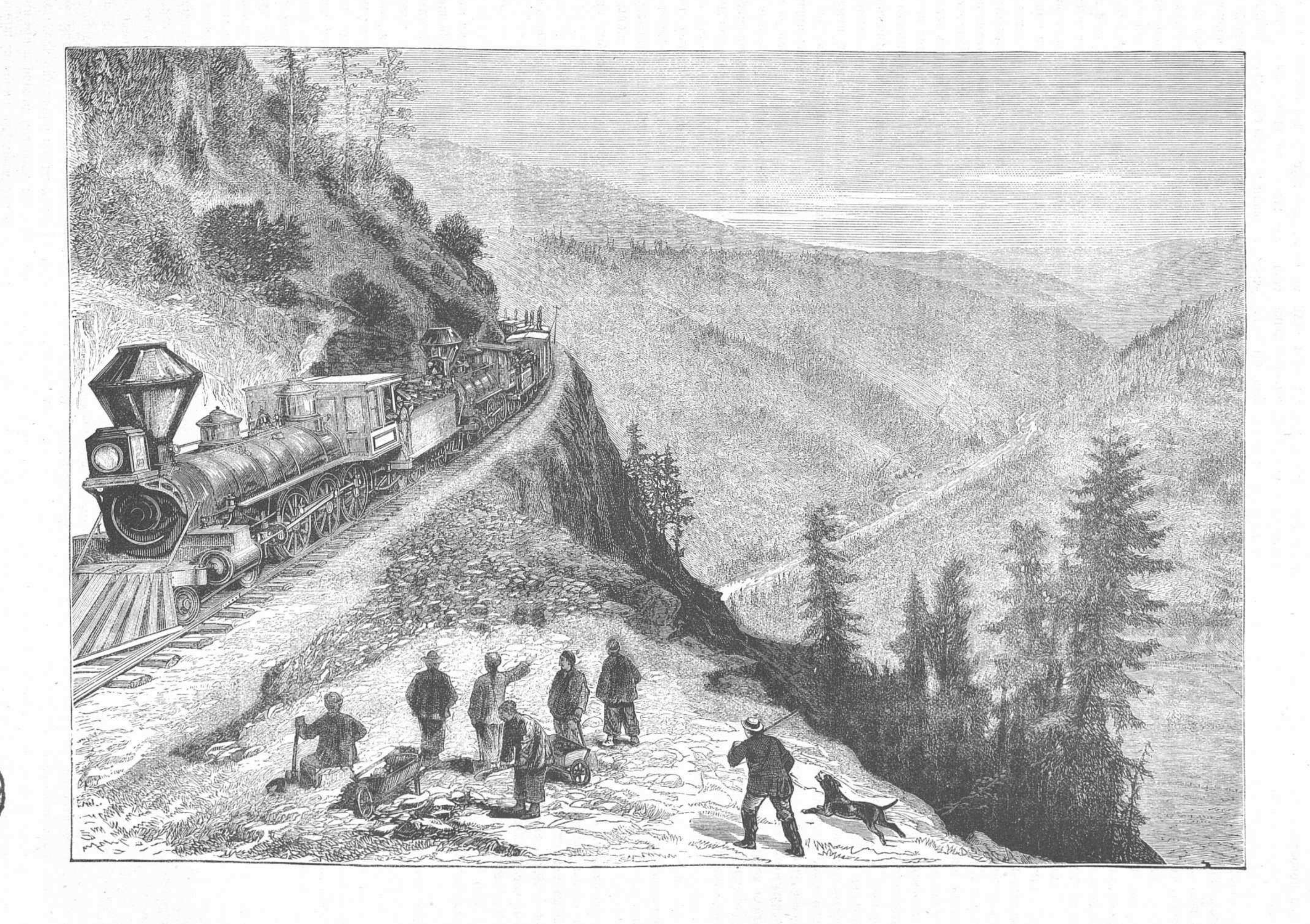
— Хорошо, сказалъ старикъ, поднимаясь съ мѣста,—я не знаю еще, куда меня занесетъ судьба, но я разсчитываю на тебя, старый товарищъ. Ты поможешь мнѣ доказать невинность моего сына. А теперь, намъ слѣдуетъ разойтись, для того, чтобы насъ не застали вмѣстѣ. Прощай! Приходи ко мнѣ сегодня вечеромъ, въ десять часовъ... Я разскажу тебѣ подробнѣе, чего жду отъ тебя.

Собесѣдники разстались, но съ этой минуты между ними былъ заключенъ союзъ на жизнь и на смерть.

Глава XII.

Прошло три мѣсяца со времени совершенія убійства въ улицѣ Арбалетъ, и въ залѣ суда толпилась взволнованная ожиданіемъ публика. Всѣ мѣста были заняты; билеты добывались на-расхватъ; въ трибунахъ тѣснились представители всѣхъ высшихъ парижскихъ сословій, въ томъ числѣ дамы свѣта и полусвѣта, газетные репортеры, модныя актрисы, заѣзжіе иностранцы. Между послѣдними, обращалъ на себя особенное вниманіе одинъ индѣйскій набобъ, величественный старикъ съ длинною бѣлою бородою, одѣтый роскошно по восточному и въ сопровожденіи черномазаго служителя, который стоялъ неподвижно за своимъ господиномъ, привлекая на себя, не менѣе его, вниманіе публики. Всѣ лорнеты были обращены на эти двѣ эксцентрическія личности и только входъ подсудимаго далъ другое направленіе общему любопытству.

Люи Лекокъ вошелъ спокойно, но онъ былъ очень блѣденъ и сѣлъ, не глядя на публику. Онъ сказалъ только нѣсколько словъ своему адвокату,—одной изъ современныхъ знаменитостей, лично пожелавшему его защищать,—потомъ облокотился на балюстраду, склонилъ голову на руки и остался неподвижнымъ, какъ статуя. Прекрасныя зрительницы, жаждавшія прочесть на его лицѣ всевозможныя волненія, были разочарованы. Подсудимый какъ бы не подозрѣвалъ того, что на карту поставлена его жизнь. Онъ держалъ себя самоувѣренно и даже высокомѣрно. Публика этого не любитъ. Смущенный, растерянный видъ обвиняемаго ей болѣе по вкусу, и она готова называть хладнокровіе наглостью, а покорность судьбѣ—безчувственностью. Но еслибы тѣ, которые находили, что подсудимый не довольно проникнутъ ужасомъ своего положенія, могли читать въ его душѣ, то они измѣнили бы свое мнѣніе..

Мѣстность въ Калифорніи, гдѣ въ 1848 году впервые нашли золото.

Помимо страшнаго обвиненія, тяготѣвшаго надъ нимъ, несчастный зналъ, что Тереза вызвана въ качествѣ свидѣтельницы, и ему представлялась заранѣе та пытка, которой должна была подвергнуться бѣдная дѣвушка, при этомъ публичномъ вторженіи въ святыню ея отношеній къ любимому человѣку; онъ зналъ тоже, что его отецъ куда-то исчезъ изъ Парижа, вѣроятно, вслѣдствіе того, что его заподозрѣли въ похищеніи нѣмого. Все это наносило ему душевные удары, но онъ рѣшился затаить свои мученія и выслушать все, даже смертный приговоръ, съ стойкостью солдата, котораго не заставляетъ унизиться даже вѣрная смерть.

Впрочемъ, дамы были не особенно враждебно настроены къ подсудимому; онѣ успѣли замѣтить, что онъ очень красивъ. По всей вѣроятности, рѣшили онѣ, несчастный молодой человѣкъ былъ вовлеченъ въ преступленіе своими пылкими страстями; а кто много любилъ, къ тому нельзя не испытывать снисхожденія.

Но всѣ толки и перешептыванія смолкли передъ возгласомъ судебнаго пристава: — «Судъ идетъ!»

Судьи появились, присяжные заняли свои мѣста и въ залѣ водворилось торжественное молчаніе.

— Ваше имя, подсудимый? спросилъ президентъ суда.

— Люи-Альберъ Лекокъ.

— Вы назывались иногда и другою фамиліей, на которую не имѣете права?

— Мой отецъ былъ извѣстенъ подъ этою фамиліею и потому я...

— Хорошо; это несущественно. Ваши лѣта?

— Двадцать восемь лѣтъ.

— Гдѣ вы родились?

— Въ Парижѣ.

— Ваши занятія?

— Я докторъ правъ.

— Вы обвиняетесь въ совершеніи двоякого убійства. Садитесь и выслушайте внимательно чтеніе обвинительнаго акта.

Подсудимый опустился на прежнее мѣсто, а секретарь сталъ внятно читать:

«Въ ночь съ 13 на 14 января, около трехъ часовъ по полуночи, два городскіе сержанта, принадлежавшіе къ одной изъ полицейскихъ бригадъ 13-го парижскаго округа, остановили, на углу улицы Корвизаръ и Алуэтъ, человѣка, который несъ чемоданъ значительныхъ размѣровъ. Подозрѣвая, что задержанный ими — воръ, сержанты отвели его въ участокъ, не обративъ вниманія на другого человѣка, который шелъ въ нѣсколькихъ шагахъ передъ носильщикомъ и успѣлъ скрыться по направленію къ бульвару. По осмотрѣ чемодана, въ немъ оказался трупъ молодой и красивой женщины, убитой ударомъ кинжала въ сердце. Оружіе было оставлено въ ранѣ, на которую убійца пригвоздилъ карту, пиковую даму, какъ бы желая подписать тѣмъ свое кровавое дѣло. Носильщикъ далъ понять знаками, что онъ глухонѣмой. Это заявленіе подтвердилось экспертизою. Ожидать разъясненій отъ подобнаго человѣка было трудно, тѣмъ болѣе, что онъ, по всей вѣроятности, игралъ лишь второстепенную роль во всемъ происшествіи. Но на слѣдующій же день, благодаря дѣятельнымъ розыскамъ, произведеннымъ подъ руководствомъ начальника сыскной полиціи, стало извѣстнымъ, что убійство было совершено въ улицѣ Арбалетъ. Жертва его, молодая женщина, поселившаяся незадолго передъ тѣмъ въ роковомъ для нея домѣ; личность этой несчастной еще не удостовѣрена; но, по нѣкоторымъ даннымъ, она признается за англичанку. — Въ томъ же домѣ, но въ другой комнатѣ, былъ найденъ еще трупъ одного негоціанта, по имени Лере, убитаго тупымъ оружіемъ. Оба преступленія, очевидно, совершены однимъ и тѣмъ же лицомъ, и были въ связи между собою; очевидно и то, что убійца намѣревался скрыть оба трупа одинаковымъ путемъ. Цѣлью преступленія не могъ быть грабежъ, потому что при убитыхъ остались драгоцѣнныя вещи и деньги. Сверхъ того, не было никакихъ слѣдовъ взлома, и убійца, по всѣмъ признакамъ, былъ коротко знакомъ съ жильцами квартиры, въ которую онъ и былъ впущенъ безъ затрудненія. Убитая, какъ слѣдуетъ предположить, поддерживала предосудительныя сношенія съ вышесказаннымъ негоціантомъ, и если эти сношенія не выяснены вполнѣ слѣдствіемъ, то лишь потому, что какъ онъ, такъ и она, имѣли свои причины для сохраненія ихъ въ тайнѣ: негоціантъ былъ человѣкъ семейный; у англичанки былъ другой любовникъ, котораго она обманывала. Этотъ любовникъ, заставъ ее съ своимъ соперникомъ, за ужиномъ, убилъ ихъ обоихъ. Все заставляетъ придти къ тому предположенію, что мотивомъ преступленія были ревность и месть. Во всякомъ случаѣ, одинъ только подсудимый имѣлъ поводъ къ совершенію этого двойного убійства. Онъ сынъ человѣка, который пріобрѣлъ значительный капиталъ, благодаря ремеслу,— если не постыдному, то во всякомъ случаѣ, не обнаруживаемому слишкомъ явно; воспитаніе онъ получилъ блестящее, при чемъ провелъ нѣсколько лѣтъ сначала въ Англіи, потомъ въ Германіи и, наконецъ, во Франціи, гдѣ получилъ степень кандидата и потомъ доктора правъ. Онъ избралъ себѣ нотаріальную профессію, готовился купить извѣстную въ Парижѣ контору и вступить въ бракъ съ молодою особою изъ самой почтенной фамиліи, но рука провидѣнія открыла его преступныя дѣйствія. Собранныя улики подтверждаютъ слишкомъ ясно его виновность. При немъ найденъ фотографическій портретъ убитой. Она изображена раскладывающею пасьянсъ. Этотъ портретъ былъ заказанъ въ единственномъ экземплярѣ, какъ заявилъ о томъ спрошенный фотографъ,—заказанъ самою жертвой, рукою которой на оборотѣ карточки написано нѣсколько словъ, объясняющихъ вполнѣ назначеніе этой послѣдней: несчастная подарила ее Лекоку, въ воспоминаніе минутъ, знаменательныхъ въ исторіи ея любви къ нему и связанныхъ съ раскладываніемъ пасьянса... И что же? Въ потайной комнатѣ, принадлежащей къ квартирѣ подсудимаго, найденъ столъ, на которомъ разложена колода картъ въ такомъ же порядкѣ, какъ на портретѣ... мало того: въ этой колодѣ недостаетъ одной карты, именно той пиковой дамы, которая пригвождена къ сердцу убитой. Подсудимый старался объяснить это совпаденіе, но его доводы слишкомъ неправдоподобны. Сверхъ того, дознано, что подсудимый старался проникнуть въ домъ улицы Арбалетъ въ ночь съ 14 на 15 января, то есть, на вторыя сутки послѣ убійства. Онъ не былъ захваченъ тогда же, лишь благодаря недоразумѣнію со стороны полицейскихъ агентовъ, но эти послѣдніе признали его при очной ставкѣ, не по лицу его, которое онъ закрывалъ въ ту ночь, но по его голосу и нѣкоторымъ подробностямъ одежды. Ему удалось обмануть ихъ тогда съ помощью полицейскаго билета, а изъ его собственныхъ признаній выходитъ, что въ его обладаніи находился билетъ, выданный полиціею Лекоку-отцу, занимавшему нѣкогда должность агента при сыскномъ отдѣленіи. Далѣе, въ квартирѣ подсудимаго найдена трость съ свинцовымъ набалдашникомъ, на которомъ оказались еще слѣды крови. Этою тростью былъ, безъ сомнѣнія, нанесенъ смертельный ударъ г. Лере. Въ домѣ улицы Арболетъ найденъ конвертъ съ адресомъ на имя Маріи Фасситъ (имя жертвы), а почтовый штемпель, наложенный на этомъ конвертѣ, признанъ за принадлежащій конторѣ, находящейся близъ площади «Французскаго театра». Адресъ написанъ рукою подсудимаго, которому приходилось заниматься у нотаріуса, живущаго въ улицѣ Риволи, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ названной почтовой конторы. Наконецъ, подсудимый не могъ выяснить, гдѣ именно онъ находился впродолженіи двухъ ночей: съ 13 на 14 и съ 14 на 15 января, а слѣдователь, которому было поручено дѣло Лекока, получилъ отъ неизвѣстнаго лица письмо, написанное сполна подсудимымъ; содержаніе этого письма равносильно признанію, потому что въ немъ заключаются угрозы, слишкомъ явно указывающія на имѣющее совершиться, двойное убійство. Въ отвѣтъ на всѣ эти неотразимыя улики, подсудимый ограничивается сухимъ отрицаніемъ, которое опровергается свидѣтельскими показаніями и фактами. Онъ жалуется тоже на то, что ему не было дано очной ставки съ глухонѣмымъ, взятымъ съ чемоданомъ, въ которомъ находилось тѣло убитой. Сказанная очная ставка не могла состояться, вслѣдствіе прискорбнаго обстоятельства. Глухонѣмой успѣлъ скрыться, въ ту минуту, когда его вывели изъ мазасской тюрьмы, съ цѣлью произвести требуемую очную ставку. Имя и мѣстожительство этого нѣмого были еще неизвѣстны, не смотря на всѣ усилія разузнать что либо по этому предмету, и самъ отецъ подсудимаго, при пособничествѣ измѣнившаго своему долгу полицейскаго, благопріятствовалъ побѣгу арестанта. Самъ Лекокъ-отецъ исчезъ одновременно съ этимъ полицейскимъ, убѣдясь, вѣроятно, въ виновности своего сына, и понявъ необходимость окончательно скрыть нѣмого, какъ опаснаго свидѣтеля. Но такой поступокъ, не извинительный даже со стороны отца, не можетъ служить препятствіемъ къ правильному ходу правосудія. Подсудимый совершилъ гнусное злодѣяніе и исчезновенія одной улики еще недостаточно для того, чтобы всѣ другія потеряли свою законность и силу... Изложивъ подробности дѣла, слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ о самой личности подсудимаго. Онъ велъ правильную жизнь и, сколько извѣстно, не совершилъ ничего предосудительнаго со времени своего возвращенія во Францію. Въ отношеніи его профессіональныхъ занятій, получены тоже самые одобрительные отзывы; денежное его положеніе было весьма хорошо; наконецъ, онъ собирался вступить въ бракъ съ дѣвицей, приносившей ему значительное приданое. Возникаетъ даже подозрѣніе: не побудило ли его убить Марію Фасситъ именно то опасеніе, что его сношенія съ этой особой будутъ открыты и заставятъ семью невѣсты отвергнуть его?... Гг. присяжные обсудятъ этотъ вопросъ. Но если Люи Лекокъ не былъ ни развратникомъ, ни мотомъ, достовѣрно тоже и то, что у него не было друзей и что онъ избѣгалъ общества, равно какъ и всѣхъ удовольствій, дозволительныхъ въ его возрастѣ; однимъ словомъ, онъ велъ жизнь уединенную и даже таинственную. Характеръ его отличался запальчивостью и, въ тоже время, большою скрытностью. Такой человѣкъ могъ задумать и совершить убійство... На основаніи чего, Лекокъ (Люи-Альберъ) обвиняется въ томъ, что и пр.»

Чтеніе этого акта было прослушано присяжными и публикой въ благоговѣйномъ молчаніи. Даже индѣйскій набобъ, отлично понимавшій по-французски, не пропустилъ ни одного слова.

— Подсудимый, произнесъ президентъ суда, пригласивъ Люи встать,—обвиненіе противъ васъ весьма тяжко. Вы будете имѣть случай оспаривать его во время допросовъ, но я спрашиваю васъ, продолжаете ли вы отрицать всякое участіе ваше въ этомъ дѣлѣ?

— Отрицаю, произнесъ твердо молодой человѣкъ.

— Я обязанъ вамъ замѣтить, что вы ухудшаете, такимъ образомъ, свое положеніе. Обвиненіе утверждаетъ и надѣется доказать, что вы со-

вершили два гнусныя убійства, но оно воздерживается отъ опредѣленія мотивовъ, руководившихъ вами. Вы слишкомъ развиты для того, чтобы не понять, что побужденія, подъ вліяніемъ которыхъ вы дѣйствовали, должны смягчать или усиливать вашу вину... Такъ, напримѣръ, человѣкъ, убившій другого въ минуту бѣшенства, заслуживаетъ нѣсколько большее снисхожденіе. чѣмъ тотъ, который совершилъ убійство, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ... Вы молчите?

— Мнѣ нечего приводить въ свое оправданіе. Я говорю просто: я невиненъ.

Этотъ твердый отвѣтъ произвелъ сильное впечатлѣніе на публику, но президентъ продолжалъ:

— Вы упорствуете въ однажды принятой системѣ... Можетъ быть, вамъ придется раскаяться. Прошу васъ теперь отвѣчать на мои вопросы. Когда вы воротились во Францію?

— Назадъ тому восемь лѣтъ.

— Изъ Германіи?

— Да. Я учился въ гейдельбергскомъ университетѣ.

— Не бывали ли вы тамъ въ домѣ одного профессора?

— Да, профессора богословія. Я сватался за его дочь и не получилъ отказа, но мой отецъ воспротивился этому браку.

— А прежде гдѣ вы жили? Въ Англіи?

— Да, нѣсколько лѣтъ.

— Вы говорите, слѣдовательно, по англійски?

— Говорю.

— Съ кѣмъ вы были знакомы въ Англіи?

— Со многими семействами... Въ особенности бывалъ я у нѣкоторыхъ зажиточныхъ фермеровъ.

— Вы даже хотѣли похитить дочь одного изъ нихъ?

— Это справедливо.

— Какъ ее звали?

— Джіорджина Смитъ.

— А вы не знавали тамъ женщины, по имени Марія Фасситъ?

— Нѣтъ.

Сдѣлавъ еще нѣсколько вопросовъ, на которые подсудимый отвѣчалъ съ тою же твердостью и видимою правдивостью, президентъ продолжалъ:

— Вы говорите, что, въ послѣднее время, вы проводили всѣ вечера въ домѣ г-жи Леконтъ. Но вы уходили отъ нея довольно рано, часовъ въ девять или десять. Обвиненіе полагаетъ, что вы доканчивали свои вечера въ улицѣ Арбалетъ.

— Обвиненіе ошибается.

— Но вы уѣхали отъ г-жи Леконтъ, 13 января, въ десятомъ часу. Куда вы отправились?

— Я доѣхалъ по конно-желѣзной дорогѣ до площади Согласія, а оттуда прошелъ домой.

— Трудно оспаривать такія увѣренія, потому что вашъ привратникъ не слѣдилъ особенно за вашимъ приходомъ, но совершенно случайно, у него осталось въ памяти, что вы возвратились, на слѣдующій день, въ воскресенье, то есть, въ ночь съ 14 на 15 число, очень поздно...

— Это правда. Я обѣдалъ вмѣстѣ съ моимъ отцомъ у г-жи Леконтъ, проводилъ его до набережной Конти и воротился къ себѣ, въ улицу Монъ-Таборъ, сдѣлавъ обходъ по улицѣ Монмартръ, бульваромъ и улицей Мира...

— Худое время избрали вы для прогулки: было холодно и шелъ снѣгъ.

— Да, но у меня болѣла голова и я думалъ, что прогулка меня освѣжитъ.

При этомъ отвѣтѣ, въ публикѣ пронесся легкій ропотъ, а президентъ произнесъ съ удареніемъ:

— Обвиненіе подтверждаетъ, что вы показывались, въ эту ночь, въ улицѣ Арбалетъ и что вы успѣли ускользнуть отъ полицейскихъ, показавъ имъ полицейскій билетъ, найденный вами у вашего отца... Вы сами сознались, что этотъ билетъ былъ у васъ.

— Я нашелъ его, дѣйствительно, но истребилъ тотчасъ же. У меня были на то свои причины.

— Вы не желали, чтобы онъ попалъ на глаза семьѣ вашей невѣсты, не знавшей, что вы сынъ бывшаго сыщика. На это вамъ можно замѣтить, что было мало вѣроятія, чтобы, этотъ билетъ попался какъ-нибудь на глаза г-жи Леконтъ или ея дочери... Но какъ бы то ни было, полицейскіе, бывшіе дежурными въ ту ночь у дома улицы Арбалетъ, узнаютъ васъ положительно. Одинъ изъ нихъ не явился, онъ бѣжалъ, вскорѣ послѣ того какъ нѣмой скрылся, чему онъ способствовалъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но его начальникъ и другіе свидѣтели подтвердятъ показаніе... Сверхъ того, существуютъ противъ васъ и матеріальныя улики. Приставъ, возьмите эти алебастровые снимки съ слѣдовъ и поставьте ихъ на полъ, эти снимки, гг. присяжные, изображаютъ слѣды, оставленные на снѣгѣ, только что выпавшемъ въ ту ночь и покрывавшемъ дворъ передъ домомъ. Первые изъ нихъ принадлежатъ глухонѣмому; вторые—человѣку, который выходилъ одновременно съ нимъ изъ дома; третьи—тому, который вошелъ въ домъ на слѣдующую ночь по совершеніи преступленія. Слѣды, оставленные въ первую ночь, казались, сначала загадочными, потому что всѣ они направлялись только къ дому; обратныхъ вовсе не было. Можно было подумать, что люди только вошли въ этотъ домъ, а обратно не выходили, но скоро было угадано, что убійца и его сообщникъ имѣли предосторожность выдти изъ дома, пятясь... На слѣдующую ночь, убійца не успѣлъ уже повторить эту продѣлку, потому что онъ очень спѣшилъ уйти. Подсудимый, подойдите и поставьте свою правую ногу въ снимки, которые вамъ укажутъ.

Люи вышелъ изъ-за рѣшетки, за которою помѣщаются подсудимые, и выступилъ на середину залы. Публика заколыхалась подъ вліяніемъ любопытства. Особенно заволновались женщины; онѣ поднялись положительно всѣ, желая удостовѣриться: красива ли нога у подсудимаго?

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Мѣсторожденіе золота въ Калифорніи.

(См. рисунокъ на стр. 156.)

1848 годъ нынѣшняго столѣтія останется навсегда памятнымъ годомъ въ исторіи Европы и Америки, хотя событія, придавшія особенное значеніе этому году въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ, имѣли совершенно различный характеръ. Когда въ Европѣ совершалась французская революція, низвергнувшая съ престола орлеанскую династію и взволновавшая всѣ европейскія государства,—въ Америкѣ происходили волненія другого рода: въ романтической мѣстности американскаго Запада, въ Калифорніи, недалеко отъ нынѣшняго городка Сакраменто, жилъ въ сороковыхъ годахъ, долго скитавшійся по свѣту, скромный уроженецъ Швейцаріи, изъ города Базеля, капитанъ фонъ-Зуттеръ; желая усилить работу на своемъ пильномъ заводѣ, приводившимся въ движеніе при помощи воды, онъ въ февралѣ 1848 года, спустилъ массу воды изъ ближайшей къ заводу горной рѣчки и эта масса воды, смывъ верхніе слои земли, обнажила громадныя залежи золота,—съ этой минуты началась въ Калифорніи та золотая горячка, которая долго волновала умы американцевъ никакъ не менѣе, чѣмъ февральская революція волновала умы европейцевъ. Впрочемъ, волненіе было вполнѣ понятно: новые золотые пріиски давали возможность необыкновенно быстро обогатиться, такъ какъ самъ Зуттеръ въ нѣсколько дней добылъ золота на 225 долларовъ. Сохранить въ тайнѣ свое открытіе онъ не могъ и уже черезъ нѣсколько дней мѣстность начала наполняться всевозможными искателями счастья, богатства, наживы. Эти люди стекались сюда со всѣхъ концовъ свѣта и здѣсь разыгрывались возмутительные грабежи, кровавыя убійства, потрясающія драмы и странныя комедіи. Но неправильная разработка золотыхъ пріисковъ массою авантюристовъ смѣнилась, въ сравнительно короткій промежутокъ времени, правильнымъ ремесленнымъ производствомъ и на мѣсто дикой поэзіи явилась будничная проза: крупные капиталисты захватили землю въ свои руки и простые работники стали получать относительно небольшую плату за свой тяжелый трудъ. Количество золота, добытаго здѣсь, очень велико: съ 1848 года по 1875 годъ, здѣсь добыто золота на 1300 милліоновъ долларовъ; въ 1853 году, золота было добыто на 63 милліона долларовъ, а въ 1874 году на 17,707,124 доллара; по этимъ цифрамъ видно, что золотые пріиски въ значительной степени истощились; впрочемъ, кромѣ золота, эта мѣстность даетъ много серебра, желѣза, свинцу, платины, ртути; одного серебра было добыто здѣсь въ 1874 году на 967,857 долларовъ, а ртути въ томъ же году было добыто 28,000 бутылокъ. Мѣстность, сдѣлавшаяся знаменитой послѣ открытія Зуттера, крошечный домикъ котораго стоитъ въ глубинѣ долины, очень красива и отличается могучей растительностью. Недавно сюда проведена желѣзная дорога, идущая по откосу горы около страшнаго обрыва и отличающаяся разными приспособленіями для того, чтобы тормозить колеса и очищать передъ поѣздомъ путь. Проѣзжая по этой желѣзной дорогѣ, путешественникъ теперь встрѣчаетъ на каждомъ шагу людей въ странныхъ одѣяніяхъ, съ косичками на затылкахъ, съ желтоватыми лицами и узенькими глазами—это новые рабы Америки, кули, китайцы, привозимые сюда для удешевленія труда.

Уничтоженіе рыбы.

Распространеніе пароходства и сопряженныя съ тѣмъ выгоды вносятъ свою долю вреда въ народное хозяйство. Такъ, пароходное движеніе положительно вредитъ рѣчному рыболовству. Еще вначалѣ текущаго столѣтія, рѣка Тейссъ до того изобиловала карпами, что ихъ можно было ловить руками. Въ настоящее время, эту рыбу почти совершенно разогнали пароходы, въ особенности буксирные. Въ верхней Эльбѣ и ея притокахъ: Молдавѣ, Эгерѣ и пр., водились, въ прежнее время, лососи въ такомъ изобиліи, что въ XVI вѣкѣ, въ Богеміи было оффиціально запрещено кормить прислугу лососями чаще, чѣмъ два раза въ недѣлю. Въ наши дни, лососи составляютъ и въ Богеміи уже предметъ роскоши.

Опустошенія, производимыя подобнымъ же образомъ среди морской рыбы, должны быть тоже весьма значительны, хотя за ними нельзя услѣдить столь наглядно. Англійское правительство, обращающее большое вниманіе на рыболовство, какъ на важную отрасль заработка для большой части населенія и значительный источникъ народнаго богатства, и продовольствія, назначаетъ, время отъ времени, спеціальныя коммиссіи для наблюденія за положеніемъ ловли лососей, морскихъ раковъ, устрицъ и пр. Заимствуемъ изъ недавно опубликованнаго подобною коммиссіею отчета слѣдующія данныя, свидѣтельствующія объ опустошеніяхъ, производимыхъ еще другими губительными факторами и доходящихъ даже до трудно вообразимыхъ размѣровъ. Руководясь многими, впрочемъ, весьма раціональными побужденіями, англійское правительство воспрещаетъ бить нѣкоторыхъ дикихъ птицъ, втеченіе цѣлаго года или извѣстныхъ мѣсяцевъ; въ разрядъ пощаженныхъ такимъ образомъ птицъ входятъ и многія морскія породы. Но нѣкоторыя изъ нихъ оказываются положи-

тельно вредными въ слѣдующемъ отношеніи: по вычисленіямъ названной коммиссіи *), число существующихъ въ Шотландіи гэннетовъ (Jula bassanno, птица изъ породы пеликановъ) доходитъ до 510,000; каждый гэннетъ съѣдаетъ ежедневно, среднимъ числомъ, по 6 сельдей; такимъ образомъ, у шотландскихъ береговъ уничтожается ежегодно 1.110.060,000 сельдей, что составляетъ итогъ, превышающій на 37% все количество той же рыбы, ловимой втеченіи года шотландскими рыбопромышленниками. По показанію свидѣтелей, допрошенныхъ коммиссіею, наибольшее безполезное истребленіе молодого рыбьяго помета происходитъ при ловляхъ рыбы у голландскихъ и германскихъ береговъ. На вопросъ, было ли бы желательно, въ виду международныхъ интересовъ, охранять общими мѣрами рыбу втеченіе извѣстныхъ ежегодныхъ періодовъ, свидѣтели отвѣчали, что «такое огражденіе принесло бы, безспорно, большую пользу рыболовству, но что оно не примѣнимо на практикѣ, потому что при запрещеніи ловить рыбу въ извѣстное время года, огромная часть населенія останется безъ своего исключительнаго заработка.

Ловлѣ лососей, еще весьма значительной въ Англіи, угрожаетъ свое бѣдствіе, начинающее распространяться и на форелей. Въ періодъ метанія икры весною, лососи идутъ, какъ извѣстно, по рѣкамъ внутрь страны. Но въ послѣдніе годы было замѣчено, что лососи поражаются при этомъ какою-то загадочною болѣзнью: ежедневно сотни ихъ всплывали мертвые на поверхность воды. Пораженіе начиналось, обыкновенно, съ хвоста и головы рыбы, распространяясь потомъ на все ея тѣло; мясо больной рыбы оказывалось протухлымъ и негоднымъ въ пищу; при этомъ, больная рыба видимо испытывала большія страданія: она была неспокойна, металась изъ воды и пр. Спачала причина болѣзни оставалась неразъясненною, но такъ какъ первая большая смертность была замѣчена въ р. Твидѣ, по берегамъ которой расположены многочисленные заводы, то зло было приписано нечистотамъ, стекающимъ въ рѣку изъ этихъ заводовъ; заводчики отклонили, однако, отъ себя обвиненіе, указывая на то, что рыба дохнетъ и выше ихъ заводовъ. Явленіе сдѣлалось еще болѣе загадочнымъ, когда даже и въ рѣкахъ, кристаллически прозрачныхъ отъ самого своего истока до устья, оказалась тоже больная рыба. Къ стыду англійскихъ ихтіологовъ, тщетно ломавшихъ себѣ голову надъ таинственнымъ вопросомъ, дальнѣйшія наблюденія показали, что дѣло состояло не въ собственной болѣзни рыбы, а въ паразитномъ растеніи, Saprolegnia ferax, къ сожалѣнію, слишкомъ знакомомъ всѣмъ содержателямъ акваріевъ. Это губчатое растеніе настилается на рыбу въ видѣ легкой плѣсени, повидимому удобосмываемой, но если дѣйствительно начать обмывать рыбу, то окажется, что тѣло ея, находящееся подъ этою плѣсенью, уже поѣдено и загнило. Смерть наступаетъ при распространеніи пораженія на дыхательные органы. По заявленію экспертовъ, saprolegnia ferax зарождается только въ прѣсной чистой, а не въ соленой и не въ нечистой водѣ, что, по мнѣнію одного глубокомысленнаго ученаго, указываетъ рыбѣ на путь спасенія. Къ несчастію, почтенный профессоръ не называетъ тѣхъ способовъ, которыми можно внушить лососямъ, что имъ не слѣдуетъ покидать моря и соваться въ прѣсную воду. Впрочемъ, заболѣвающая рыба инстинктивно поворачиваетъ назадъ, къ морю, но, большею частью, уже не успѣваетъ доплывать до него и дохнетъ въ пути.

---

*) На какихъ статистическихъ данныхъ основано это вычисленіе,—остается неизвѣстнымъ.

(Второй восточный заемъ.—Антропологическая выставка въ Москвѣ.—До-реформенные порядки въ Новой Ладогѣ.—Почему они обнаружились?—Предложеніе г. Шиманскаго.—Открытіе преступниковъ, совершившихъ загадочное убійство на Васильевскомъ островѣ.—Насилованія.—Похищенный ребенокъ.—Двѣ новыя звѣздочки на театральномъ небосклонѣ.)

Недавно окончившаяся война наша съ Турціею за освобожденіе славянъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ, естественно, потребовала громадныхъ чрезвычайныхъ расходовъ. Уже самое названіе «чрезвычайные» показываетъ, что не представляется возможности покрыть ихъ обыкновенными средствами, которыми располагаетъ наше государственное казначейство. Еще во время самой войны было сдѣлано нѣсколько займовъ, но полученными рессурсами покрыты, и то не вполнѣ, только расходы собственно военнаго времени. Но за нимъ послѣдовало крайне напряженное политическое положеніе, потребовавшее содержанія въ готовности сильной арміи, что повело къ новымъ чрезвычайнымъ расходамъ. Вотъ эти-то расходы военнаго времени и предположено покрыть внутреннимъ вторымъ восточнымъ займомъ.

11-го августа послѣдовалъ слѣдующій Высочайшій указъ, данный на имя министра финансовъ: Для преподанія государственному казначейству средствъ къ покрытію чрезвычайныхъ расходовъ, вызванныхъ прошлою войною, заключить внутренній 5% заемъ на нарицательный капиталъ 300.000,000 рублей выпускомъ пятипроцентныхъ облигацій этого займа въ 100 и 1,000 рублей, на основаніяхъ, утвержденныхъ министромъ финансовъ. Заемъ сей вносится въ государственную долговую книгу подъ названіемъ: второй восточный заемъ. Теченіе процентовъ по облигаціямъ сего займа начинается со 2-го іюля 1878 года, и таковые будутъ уплачиваемы, начиная съ 2-го января 1879 года, черезъ каждые шесть мѣсяцевъ, на сроки 2-го января и 2-го іюля, тѣмъ же порядкомъ, который установленъ для купоновъ перваго восточнаго займа. Погашеніе облигацій имѣетъ быть произведено въ теченіи 49-ти лѣтъ, для чего образуется особый фондъ посредствомъ отчисленія ежегодно ½ процента съ нарицательной суммы займа, и фондъ сей, съ присовокупленіемъ процентовъ на облигаціи, погашенныя въ предыдущіе годы, употребляется ежегодно на выкупъ облигацій по биржевой цѣнѣ, когда она будетъ ниже нарицательной стоимости облигацій, а въ противномъ случаѣ—по тиражу, по нарицательной ихъ цѣнѣ.

17, 18 и 19 августа, происходила подписка на облигаціи этого займа, какъ въ самомъ государственномъ банкѣ, такъ и въ конторахъ его въ Москвѣ, въ Нижнемъ Новгородѣ, въ Ригѣ, въ Харьковѣ, въ Кіевѣ и въ Одессѣ. Подписная цѣна облигацій 93 за 100; сумма эта вносится слѣдующимъ образомъ: 12 руб. при подпискѣ; 11—отъ 1 до 5 сентября 1878 г.; затѣмъ по 10 руб. въ числа между 1 и 5-мъ въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ 1878 г.; въ январѣ, февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ 1879 г.; въ январскій взносъ зачитывается купонъ или полугодовые проценты, т. е. 2 р. 50 к. При подпискѣ подписавшемуся выдается именная квитанція; при второмъ взносѣ—временныя свидѣтельства, по желанію, на предъявителя или именныя. Государственный банкъ, а также и его конторы, принимаютъ временныя свидѣтельства и подлинныя облигаціи (которыя будутъ получены тѣми, кто внесетъ прямо всю сумму) втеченіи восьми мѣсяцевъ со дня открытія займа въ залогъ съ выдачею подъ нихъ ссудъ въ размѣрѣ 90% суммы произведенныхъ уплатъ изъ процента не болѣе 5% годовыхъ.

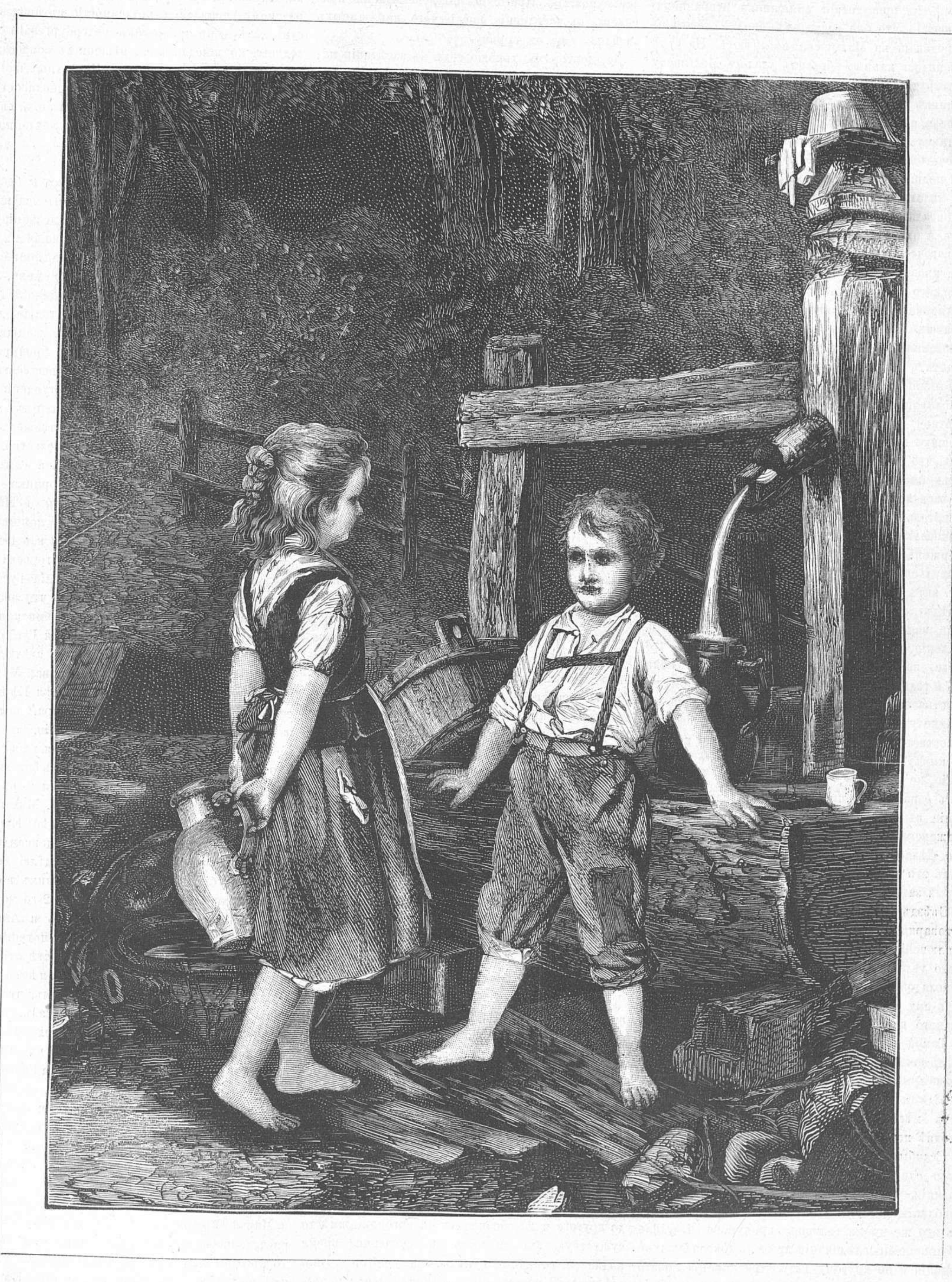
Московское общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи намѣрено устроить лѣтомъ будущаго 1879 года антропологическую выставку, цѣль которой заключается, какъ въ ознакомленіи публики съ задачами антропологіи, такъ и въ полученіи средствъ для составленія въ Москвѣ по возможности полнаго антропологическаго музея. Въ объявленіи, напечатанномъ въ газетахъ, перечислены всѣ предметы, которые будутъ допущены на эту выставку. Сюда относятся сочиненія, карты, фотографіи, бюсты, манекены, модели, разнаго рода вещи, однимъ словомъ, все, что имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ палеонтологіи, этнографіи и до-исторической археологіи. Очень жаль, что нельзя будетъ выставить наши до-реформенные порядки, которые время отъ времени проявляются то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ. Такъ недавно существованіе ихъ обнаружилось въ Новой Ладогѣ. Весьма вѣроятно, что еще очень долгое время никто не узналъ бы, что они здѣсь практикуются,—провинціальная глушь не любитъ выносить соръ изъ своей избы,—еслибъ не случайное обстоятельство, помогшее ихъ обнаруженію.

Знаменитый генералиссимусъ Суворовъ построилъ въ Новой Ладогѣ церковь. Въ нынѣшнемъ году она реставрирована и на ея освященіе прихожане пригласили потомка рымникскаго героя, свѣтлѣйшаго князя Александра Аркадьевича Суворова, который числится гражданиномъ Новой Ладоги. Вмѣстѣ съ тѣмъ, князь Суворовъ состоитъ почетнымъ мировымъ судьею въ новоладожскомъ уѣздѣ. Во время пребыванія его въ Новой Ладогѣ состоялось засѣданіе мирового съѣзда и князь засѣдалъ въ числѣ судей. Случаю угодно было, чтобы въ числѣ гражданскихъ дѣлъ въ это засѣданіе разбиралась жалоба крестьянъ глажевской волости, д. Лохово, на довѣреннаго купца Кононова, купца Малышева, о взысканіи 400 р. за вывозку дровъ. Ободренные присутствіемъ князя Суворова, истцы и свидѣтели рѣшились показать сущую правду, ни о чемъ не умалчивая и не смягчая неказистыя подробности дѣла. И вотъ что обнаружилось: Крестьяне продали Малышеву дрова съ обязательствомъ вывезти ихъ на берегъ, гдѣ складывали ихъ кладчики Малышева. По условію класть дрова слѣдовало мѣрою съ наружной стороны 9½ четвертей, а съ задней 10½ четв. Кладчики Малышева сложили не по уговору; крестьяне заспорили и обратились къ волостному старшинѣ съ просьбою провѣрить кладку. Старшина, при понятыхъ, повѣрилъ и оказалось, что дрова сложены съ наружной стороны въ 11, а съ задней въ 12 четвертей. Объ этомъ составленъ былъ законный актъ.

Казалось бы дольше спорить не о чемъ; оставалось только Малышеву удовлетворить обиженныхъ и дѣлу конецъ. Но, пользуясь тѣмъ, что до-реформенные порядки въ Новой Ладогѣ не сданы еще въ архивъ, Малышевъ не захотѣлъ платить за обмѣръ. При существованіи стараго суда, тяжба съ богатымъ почти всегда кончалась

Рисунокъ Г. ДОРЕ́.

Врачи.

Поцалуй, — пропущу!

въ пользу богатаго, хотя бы право было и не на его сторонѣ. Малышевъ хотѣлъ доказать, что и теперь можно прибѣгнуть къ старому обычаю тамъ, гдѣ удержались до-реформенные порядки. И, дѣйствительно, крестьяне, чрезъ короткое время, въ присутствіи помощника исправника, подписали, что они расчетомъ вполнѣ довольны и претензій на Малышева не имѣютъ. На судѣ выяснилось какимъ образомъ удалось Малышеву достигнуть такого неожиданнаго результата. Помощникъ исправника, пріѣхавъ на квартиру Малышева, созвалъ крестьянъ и бранью, и угрозами заставилъ ихъ подписаться на условіи, что они разсчетомъ довольны. По показанію крестьянъ, они подписались изъ страха: деньги нужны были для уплаты податей; еслибъ они, крестьяне, не подписались, Малышевъ затянулъ бы выдачу денегъ, а ихъ за неплатежъ податей, по ихъ характеристическому выраженію, «перепороли бы». Далѣе, крестьяне показали, что когда смѣнили глажевскаго старшину, заступившагося за нихъ и составившаго правильный актъ, они собирались идти въ Петербургъ — всѣ старосты и по три крестьянина съ общества, — просить Государя защитить ихъ отъ полиціи.

Бывшій глажевскій старшина, добросовѣстно исполнившій свою обязанность, сталъ первой жертвой до-реформенныхъ порядковъ, процвѣтавшихъ въ Новой Ладогѣ. На судѣ онъ показалъ, что послѣ составленія акта, онъ получилъ письменный приказъ отъ помощника исправника явиться къ нему, на квартиру Малышева. Представитель полиціи встрѣтилъ его ругательствами и сказалъ, что онъ заводитъ кляузы. Когда же старшина попросилъ помощника исправника отправиться на мѣсто и провѣрить составленный имъ актъ, онъ былъ вытолкнутъ въ шею за дверь. Вслѣдъ за этимъ, по представленію своего помощника, исправникъ представилъ губернатору объ удаленіи отъ должности старшины. Говорятъ, что когда, на основаніи ст. 23 положенія, 27 іюня 1874 года, губернаторъ предложилъ уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію войти по предмету окончательнаго удаленія глажевскаго волостнаго старшины въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, то уѣздное присутствіе, не имѣющее, по закону, права не исполнить означеннаго предложенія, сдѣлало представленіе въ губернское присутствіе объ удаленіи глажевскаго волостнаго старшины, прибавивъ, что «дѣлаетъ это съ крайнимъ сожалѣніемъ, такъ какъ это единственный въ уѣздѣ старшина, который защищаетъ интересы крестьянъ.

Съѣздъ призналъ искъ крестьянъ правильнымъ, а товарищъ прокурора, графъ Нессельроде, далъ заключеніе, что такъ какъ, при разборѣ настоящаго дѣла, имъ усмотрѣны незаконныя дѣйствія новоладожской полиціи, то онъ проситъ передать ему дѣло для возбужденія противъ нея уголовнаго преслѣдованія.

Такой исходъ дѣла, конечно, принятъ съ полнымъ сочувствіемъ мѣстной публикой. Хорошо бы, еслибы случайности, въ родѣ пребыванія на съѣздѣ князя Суворова, повторились и въ другихъ мѣстахъ нашего отечества, гдѣ еще не вполнѣ исчезли до-реформенные порядки!

Еслибы еще разсказанное злоупотребленіе было единичнымъ въ практикѣ новоладожской полиціи, можно было бы отнести его къ злоупотребленію однимъ лицомъ своей властію. Но нѣтъ. Въ это же время товарищъ прокурора возбудилъ уголовное преслѣдованіе противъ новоладожской полиціи и по другому дѣлу. При копаніи новаго Сязьскаго канала произошло неудовольствіе между рабочими и однимъ изъ подрядчиковъ. Пріѣхала полиція и уговорила рабочихъ выбрать довѣренныхъ, которые обратились бы къ мировому судьѣ съ жалобой. Рабочіе выбрали 8 человѣкъ и отправили ихъ въ городъ, уполномочивъ подать жалобу мировому судьѣ. Эти уполномоченные крестьянѣ были схвачены на дорогѣ и приведены въ ближайшее волостное правленіе по иниціативѣ полиціи былъ созванъ волостной судъ и приговорилъ уполномоченныхъ къ наказанію розгами. Приговоръ былъ немедленно приведенъ въ исполненіе, послѣ чего наказанныхъ засадили еще въ тюрьму.

Да, повторимъ, хорошо если въ засѣданіи мироваго съѣзда присутствуютъ такіе почетные мировые судьи, какъ князь Суворовъ!

Значительную часть петербургской публики, проживающей на дачахъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Петербурга, соединенныхъ съ нимъ конно-желѣзнымъ путемъ, нынѣшнее лѣто сильно волновалъ вопросъ о неправильномъ взиманіи на городскихъ конно-желѣзныхъ дорогахъ высшей противъ таксы платы. Нѣкоторые изъ постоянныхъ пассажировъ составляли протоколы о злоупотребленіяхъ допускаемыхъ управленіемъ конно-желѣзными дорогами и горячились до такой степени, точно дѣло шло о какомъ-нибудь изъ самыхъ существенныхъ жизненныхъ вопросовъ. Припоминается мнѣ слѣдующій случай. Отвалилъ изъ Лѣсного вагонъ, наполненный пассажирами. Двое моихъ сосѣдей толковали о томъ, что опоздали выѣхать и боятся, какъ бы вагонъ не сошелъ съ рельсовъ, — что вначалѣ лѣта случалось зачастую, — и вслѣдствіе этого не произошло новое, очень непріятное для нихъ, промедленіе. Пріѣзжаемъ мы на первый разъѣздъ и останавливаемся. Стоимъ четверть часа. Сосѣди мои въ отчаяніи. Что? Какъ? и Почему? Узнаемъ, что идущій къ намъ на встрѣчу вагонъ остановленъ для составленія протокола. Болѣе нетерпѣливые изъ пассажировъ нашего вагона ушли впередъ, узнать о томъ, что случилось. Оказалось, что сзади пассажирскаго вагона ѣхалъ товарный, чего, будто бы, по правиламъ не слѣдовало. Публика, вообще недовольная порядками на конно-желѣзныхъ дорогахъ, придралась къ случаю и потребовала составленія протокола о незаконныхъ дѣйствіяхъ управленія конно желѣзныхъ дорогъ. Я привожу этотъ примѣръ для того, чтобы показать, въ какой степени была раздражена публика. Никому въ голову не приходило, что виновато не столько управленіе конно-желѣзныхъ дорогъ, сколько городская управа, написавшая объявленіе о таксѣ за проѣздъ по городскимъ желѣзнымъ дорогамъ такъ темно, что его можно было толковать какъ угодно. Управленіе конно-желѣзными дорогами толковало его въ свою пользу и взимало увеличенную плату; публика— въ свою и не желала платить увеличенной платы, которую, впрочемъ, платила, такъ какъ по иной таксѣ желѣзная дорога возить не хотѣла. Между тѣмъ городская управа безмолствовала...

Наконецъ, когда волненіе утихло и публика признала себя побѣжденной, т. е. стала безпрекословно платить по будто бы увеличенной таксѣ, вопросъ о неправильномъ взиманіи платы за проѣздъ подвергся обсужденію с.-петербугской городской думы. Гласный Шиманскій сдѣлалъ очень удобное предложеніе для предотвращенія въ будущемъ всякой возможности спора о таксѣ. По мнѣнію г. Шиманскаго необходимо: 1) поставить въ пунктахъ разъѣздовъ линіи конно-желѣзныхъ дорогъ столбы съ обозначеніемъ на нихъ цѣны за проѣздъ отъ одного пункта до другого и 2) обозначить на вагонахъ вмѣсто существующихъ на нихъ въ настоящее время надписей, конечные пункты, между которыми они слѣдуютъ. Предложеніе г. Шиманскаго было поддержано г. Домонтовичемъ, а г. Матвѣевскій сообщилъ, что недавно у мироваго судьи 14 участка окончено дѣло по иску купца Евангулова съ товарищества конно-желѣзныхъ дорогъ излишне взятой съ него платы за проѣздъ. Мировой судья призналъ въ принципѣ неправильными дѣйствія товарищества, взимающаго плату свыше утвержденной думою таксы.

Предложеніе г. Шиманскаго передано для разработки въ городскую управу. Авось-либо управа отрѣшится отъ присущей петербургскому городскому управленію медленности въ производствѣ дѣлъ и, въ интересахъ петербургскаго населенія, не замедлитъ съ рѣшеніемъ вопроса по предложенію г. Шиманскаго. Извѣстно, что петербургская дума очень боится торопливости и медленность дѣлопроизводства считаетъ своей высшей добродѣтелью, видя въ этой медленности признакъ мудрой осторожности...

Въ одной изъ нашихъ предъидущихъ бесѣдъ было разсказано объ открытіи, взволновавшемъ Петербургъ, и о первоначальномъ дознаніи по поводу этого открытія. Во дворѣ дома № 22, въ 9-й линіи, Васильевскаго острова, найдены были два трупа. Дознаніемъ было обнаружено, что это, несомнѣнно-убитые, дворники Денисъ Ивановъ и Михаилъ Григорьевъ. Въ настоящее время открыты преступники и... «Ищите женщину», очень часто говорятъ французскіе прокуроры, когда имъ докладываютъ о совершившемся преступленіи... И въ загадочномъ преступленіи въ 9-й линіи (теперь уже вполнѣ открытомъ) женщина играла видную роль. При дальнѣйшемъ ходѣ слѣдствія обнаружилось обстоятельство, которымъ не замедлилъ воспользоваться слѣдователь. Оказалось, что у убитаго дворника Григорьева проживали какіе-то Андрей и Марья, называвшіеся мужемъ и женою и помогавшіе дворнику въ его работѣ; они уѣхали изъ Петербурга вслѣдъ за изчезновеніемъ Григорьева. Далѣе оказалось, что Марья, по фамиліи Густова, не жена Андрея, а его любовница, и что оба они проживаютъ въ клинскимъ уѣздѣ, московской губ. Ихъ арестовали. Сначала Марья Густова, а за нею Андрей Киселевъ разсказали слѣдующее: У сосѣдняго дворника дома Петрова, № 20-й, крестьянина псковской губ., Алексѣя Ефимова, есть любовница, прачка Александра, которая жила напротивъ нихъ, по 8-й линіи, въ домѣ № 33-й. Женщина эта, вѣчно пьяная, распутная, кромѣ Алексѣя Ефимова, находилась въ любовной связи со многими другими лицами и, въ томъ числѣ, съ дворникомъ дома № 22-й, Михаиломъ Григорьевымъ. Замѣчая это, Алексѣй Ефимовъ постоянно ревновалъ къ нему Александру и, какъ послѣ показали сосѣди, за недѣлю до совершенія убійства, бѣгалъ даже за нимъ по улицѣ съ топоромъ. Въ день убійства, 2-го мая, Денисъ Ивановъ, Михаилъ Григорьевъ и Алексѣй Ефимовъ были въ трактирѣ, гдѣ пьянствовали до самаго вечера, послѣ чего всѣ вмѣстѣ отправились въ дворницкую къ Григорьеву, и вотъ тутъ-то Алексѣй Ефимовъ, пользуясь тѣмъ, что Ивановъ уснулъ, а Григорьевъ задремалъ, нанесъ этому послѣднему нѣсколько смертельныхъ ударовъ лопатою, прежде принесенною имъ изъ своего дома. Но въ тотъ моментъ, когда Григорьевъ отъ боли началъ стонать, проснулся, на свою бѣду, Ивановъ, и Ефимовъ, не желая, чтобы былъ свидѣтель совершеннаго имъ преступленія, бросился на Иванова и также убилъ его тою же лопатою. Андрей и Марья были при убійствѣ и скрывали слѣды преступленія, помогая зарывать въ землю тѣла обоихъ убитыхъ. Затѣмъ Андрей и Марья скрылись, а Ефимовъ, чрезъ два дня расчитавшись съ хозяиномъ, отправился на мѣсто въ одно изъ пригородныхъ селеній. Узнавъ, что ищутъ и подозрѣваютъ не его, Ефимовъ, продолжавшій любить Александру, пришелъ къ ней и ихъ обоихъ арестовали.

Перейдемъ къ преступленію, которое въ послѣднее время случается чаще, чѣмъ прежде,

хотя, конечно, не достигло тѣхъ ужасающихъ размѣровъ, какими оно отличалось въ средніе вѣка. Я говорю о кражѣ дѣтей.

Лѣтъ 8 тому назадъ въ гор. Петровскѣ (дагестанской области), по словамъ газеты «Кавказъ», когда въ немъ былъ циркъ нѣкоего Вольфа, пропалъ безъ вѣсти трехлѣтній мальчикъ. Родители его, люди небогатые, употребили все, что возможно, для отысканія пропавшаго, но усилія ихъ оказались тщетными: мальчикъ сгибъ безвозвратно; родители поплакали о немъ и съ теченіемъ времени позабыли. Нынче лѣтомъ въ Петровскъ прибылъ циркъ Комаровскаго; въ его труппѣ, составленной большею частью изъ бывшей труппы Вольфа, оказался одинадцатилѣтній мальчикъ, по фамиліи Дашкевичъ, гимнастъ и наѣздникъ. Братъ пропавшаго мальчика, по нѣкоторымъ примѣтамъ, узналъ его въ мнимомъ Дашкевичѣ и сообщилъ о томъ своей матери, живущей гдѣ-то недалеко отъ Петровска.

Объ этомъ происшествіи производится теперь слѣдствіе. Будемъ ожидать къ какимъ результатамъ приведетъ оно. Извѣстно, что похищенныя дѣти, большею частію, впослѣдствіи становятся уличными комедіантами, клоунами, акробатами, наѣздниками и пр., а еще чаще, нищими. По этому ничего нѣтъ мудренаго, что и въ данномъ случаѣ оправдается, что Дашкевичъ—тотъ самый мальчикъ, о которомъ идетъ рѣчь.

Давно уже я ни слова не говорилъ о театрѣ. И на этотъ разъ отвожу ему въ своей хроникѣ очень небольшое мѣсто. На сцены лѣтнихъ театровъ въ окрестностяхъ Петербурга обыкновенно съѣзжаются московскія и провинціальныя знаменитости. Но нынче лѣтомъ, гостей у насъ было немного, т. е. выдающихся своимъ талантомъ. Московскую знаменитость, г-жу Ермолову, я, къ сожалѣнію, не видѣлъ. О другой знаменитости, но уже провинціальной, г-жѣ Глѣбовой говорить не приходится; о ней такъ много говорено, что прибавить къ расточаемымъ ей похваламъ уже нечего, а говорить объ однихъ недостаткахъ, не касаясь хорошихъ, слишкомъ извѣстныхъ, сторонъ ея исполненія, очень неудобно. По этому лучше остановлюсь на восходящихъ звѣздочкахъ на театральномъ небосклонѣ. Въ ораніенбаумскомъ и лѣсномъ театрахъ въ нынѣшнее лѣто часто появлялась начинающая артистка, игравшая подъ псевдонимомъ Лоллы. Простота исполненія, природная наивность, живость и даже нѣкоторая угловатость, нелишенная граціи, и напоминающая шаловливаго ребенка,—вотъ тѣ достоинства, которыми молодая артистка сразу завоевала себѣ любовь публики, довольно шумно выражающей свое сочувствіе юной исполнительницѣ. Дѣйствительно, г-жа Лолла принадлежитъ къ числу тѣхъ артистокъ, которыя какъ бы созданы для роли ingenue. Если г-жа Лолла будетъ строго придерживаться до времени,—пока изъ нея не разовьется настоящая артистка,—этого амплуа, она будетъ доставлять истинное наслажденіе зрителямъ. Но если она, по примѣру начинающихъ молодыхъ артистокъ, будетъ хватать много новыхъ ролей, не останавливаясь передъ сильными драматическими ролями, она не разовьетъ своего таланта и не выйдетъ изъ разряда посредственностей. Къ нашему горю, у насъ очень легко производятъ въ знаменитости. Начинающая артистка, наслушавшись отъ поклонниковъ своего возникающаго таланта, что она чуть не геній, возмнитъ себя великою артисткою, а тогда пиши пропало, изъ нея уже ничего не выйдетъ. Будемъ надѣяться, что г-жа Лолла не увлечется лестью и аплодисментами и будетъ добросовѣстно работать надъ своимъ развитіемъ. Конечно, если она желаетъ посвятить себя сценѣ, если же она будетъ оставаться просто «любительницей», то она можетъ увлекаться восторженными похвалами ея таланту и считать себя великою артисткою, вѣдь большинство «любительницъ» воображаютъ себя таковыми.

Другая звѣздочка—еще ребенокъ, г-жа Ильина. Говорятъ, она дочь извѣстной артистки александринскаго театра и учится у своей матери. Эта дѣвочка играла въ Лѣсномъ театрѣ, въ дѣтскомъ спектаклѣ, въ пьесѣ В. Александрова «Чудовище», въ которой такъ хороша г-жа Савина. Юная артистка играла роль г-жи Савиной и выказала несомнѣнный самобытный талантъ. Вѣроятно, мать возила ее въ театръ посмотрѣть г-жу Савину. Дѣти, какъ извѣстно, переимчивы, но въ игрѣ г-жи Ильиной не было и тѣни подражанія г-жѣ Савиной. Въ тотъ же вечеръ она играла, конечно, слабѣе, роль горничной Саши въ пьесѣ «Воздушные замки»; но играла живѣе и осмысленнѣе прочихъ исполнителей и прекрасно читала стихи. Кажется, можно безошибочно предсказать, что изъ нея выйдетъ истинная артистка, если она поступитъ на сцену.

Скажу еще нѣсколько словъ о даровитомъ актерѣ, который почему-то не попадаетъ на сцену александринскаго театра, хотя занялъ бы тамъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Я говорю о г. Киселевскомъ. Онъ положительно любимецъ публики, печать относится къ нему сочувственно и всѣ безъ исключенія рецензенты называютъ его талантливымъ артистомъ. Почему же онъ не поступаетъ на сцену александринскаго театра? Пифія, разрѣши эту загадку!

Н. И.

Новости наукъ и жизни.

— **В. П. Полисадовъ.** Скончавшійся недавно, протоіерей Василій Петровичъ Полисадовъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ духовныхъ людей. Пройдя 6-лѣтній курсъ въ костромской духовной семинаріи и 4-лѣтній въ московской духовной академіи, онъ былъ въ 1842 году опредѣленъ баккалавромъ по кафедрѣ исторіи философскихъ системъ, въ новооткрытую тогда казанскую духовную академію, но въ томъ же году перемѣщенъ профессоромъ богословскихъ наукъ въ петербургскую духовную семинарію. Послѣ 5-лѣтней службы въ этой должности, онъ былъ назначенъ священникомъ къ миссіи нашей въ Швейцаріи, но по случаю войны между кантонами этой республики прожилъ два года въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ и четыре года (съ 1849 по 1853) въ Парижѣ, при тамошней нашей церкви, послѣ чего перемѣщенъ священникомъ въ православную церковь въ Берлинѣ, гдѣ и пробылъ до самаго вызова его на кафедру с.-петербургскаго университета въ іюнѣ 1855 г. Пятилѣтнее преподаваніе богословскихъ наукъ въ здѣшней семинаріи дало ему возможность изучить основательно всѣ части православнаго богословія, а 11-лѣтнее пребываніе въ странахъ Западной Европы позволило ознакомиться не только съ богословской литературою христіанскаго Запада, но и съ самыми методами преподаванія богословскихъ наукъ, какъ въ римско-католическихъ, такъ и въ протестантскихъ университетахъ. Кромѣ того онъ слѣдилъ и за преподаваніемъ другихъ наукъ, въ особенности, физіологіи. Понятно, что лекціи его обратили на себя общее вниманіе. Для юристовъ же онъ читалъ церковное законовѣдѣніе. До приглашенія своего въ университетъ, онъ уже получилъ извѣстность рядомъ ученыхъ статей. Въ 1870 году, онъ вынужденъ былъ оставить кафедру, къ глубокому сожалѣнію какъ профессоровъ, такъ и слушателей.

Эти краткія свѣдѣнія дополняемъ слѣдующей замѣткой, сообщенной намъ Н. Н. Вакуловскимъ: находясь заграницей Василій Петровичъ слушалъ въ фрейбургскомъ университетѣ лекціи извѣстныхъ обширною ученостью богослововъ: Штрауденмайера, Гиртера, Майера и др. Въ парижской Сорбоннѣ онъ посѣщалъ тщательно публичныя лекціи аббата Маре «О достоинствѣ человѣческаго разума и необходимости божественнаго откровенія» и прослушалъ курсы: Св. Писанія—у аббата Глера, церковной исторіи — у аббата Ресевера и другіе. Въ берлинскомъ университетѣ, В. П. слушалъ богослововъ: Ницша, Генгстенберга, Штрауса «не тюбингенскаго» и лекціи профессора Вутке «О вліяніи Гегелевой философіи на религію», да его же курсъ по исторіи религій. Лекціи по философіи В. П. слушалъ: въ Сорбоннѣ — у Жюля Симона, въ Collège de France—у Франка, въ берлинскомъ университетѣ—у Тренделенбурга, Альтгаупта и Жоржа—логику и психологію; у Мишле онъ слушалъ лекціи исторіи философіи.

В. П. произнесъ немало дѣльныхъ проповѣдей; но они не напечатаны. Въ Берлинѣ имъ изданы были на нѣмецкомъ языкѣ проповѣди, сказанныя въ Александровской колоніи, близъ Потсдама, а на французскомъ, сказанныя тамъ во время говѣнія румыновъ и др. православныхъ изъ чужеземцевъ. Въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» помѣщена статья В. П. «Борьба неоплатонической философіи съ христіанствомъ, и побѣда христіанства надъ язычествомъ», въ «Духовной Бесѣдѣ» — «Состязаніе православнаго грека Ликургоса со студентами богословскаго факультета въ берлинскомъ университетѣ», въ «Страникѣ» — критическія статьи о парижской газетѣ Union Chrétienne, отчетъ о чтеніяхъ Боннекемпфера о православной церкви; въ «Духѣ христіанина»—о путешествіи нашей духовной миссіи въ Парижѣ и т. д.

— **Вредъ морфія.** Тонкіе нервы, проходящіе по всему человѣческому тѣлу, передаютъ мозгу ощущеніе боли или удовольствія. Донося, такимъ образомъ, человѣку о томъ, что у него прищемленъ палецъ, обожжена рука и пр., они совершаютъ только свою обязанность; его уже дѣло при этомъ, принять свои мѣры для устраненія зла. Но, въ большинствѣ случаевъ, мы стараемся не прекратить самое зло, а лишь заставить замолчать вѣстника. «Какъ бы уменьшить боль», такова наша первая мысль при болѣзненномъ ощущеніи. Къ счастію, большая часть мѣръ, принимаемыхъ съ этою цѣлью, служитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и къ уничтоженію самой причины боли; такъ, напр., холодная вода, употребленная при порѣзѣ или обжогѣ, дѣйствуетъ противовоспалительно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, успокоиваетъ боль. Тоже можно сказать о горячихъ припаркахъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Боль, происходящая отъ излишняго утомленія, «утихаетъ» черезъ простое отдохновеніе всего тѣла и преимущественно, тѣхъ органовъ, которые подвергались спеціальному напряженію. Все, что способствуетъ уравновѣшенію кровеобращенія и сообщенію тѣлу нормальной (но не излишней) теплоты, способствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ успокоенію нервовъ и уменьшенію боли или непріятнаго ощущенія. Сильная испарина тоже полезна въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Одинъ больной, страдавшій сильною головною невральгіей, облегчалъ свою боль, постукивая, безъ устали, сначала одною ногою, потомъ другою, впродолженіе извѣстнаго времени; когда кровь приливала къ ногамъ, головная боль уменьшалась. Съ тою же цѣлью, можно дѣлать, одновременно, холодныя примочки къ головѣ и горячія къ ногамъ. — Многія изъ упомянутыхъ средствъ, безъ сомнѣнія, только палліативны, но они раціональны и не приносятъ вреда. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же о морфіѣ,—средствѣ, которымъ весьма многіе больны (въ особенности женщины) крайне злоупотребляютъ въ послѣднее время. Это происходитъ, безъ сомнѣнія, отъ непониманія опасности. Страшная боль утихаетъ при помощи, повидимому, совершенно невиннаго средства. Больной вздыхаетъ свободнѣе и сердобольные окружающіе полагаютъ, что противъ болѣзни требовался именно морфій. Но такое мнѣніе совершенно ошибочно. Морфій только усыпилъ нервы, указывавшіе на зло и просившіе о помощи противъ него. Безспорно, что природа наилучшій медикъ и что она посылаетъ намъ исцѣленіе преимущественно во время сна,—но этотъ сонъ долженъ быть естественный, и добиться его можно не съ помощью морфія, а приведя тѣло въ благопріятное состоя-

ніе, для чего требуется: открыть поры кожи (посредствомъ ваннъ или растираній), очистить желудокъ и кишечный каналъ, доставить легкимъ чистый воздухъ и окружить больного, вообще, возможной чистотой и спокойствіемъ. Но прибѣгая къ морфію, человѣкъ ослабляетъ свою нервную систему, ни мало не искореняя зла. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ повторенія пріемовъ морфія (въ видѣ вспрыскиваній или иначе), больной привыкаетъ къ лекарству, которое не производитъ уже ожидаемаго дѣйствія. Это ведетъ къ увиличенію пріемовъ, влекущихъ за собой, наконецъ, положительное потрясеніе нервной системы. Несчастный паціентъ доходитъ до положенія пьяницы, погубившаго себя злоупотребленіемъ алькоголя. — Нельзя, при этомъ, не обратить вниманія родителей на тѣ «успокоивающіе» дѣтскіе сиропы, которые находятся въ заграничной продажѣ. Ихъ успокоительное свойство основано тоже на морфіѣ или парегорикѣ, лауданумѣ и т. п. Подобныя средства могутъ употребляться лишь съ большой осмотрительностью, по предписанію врача, между тѣмъ какъ любящія, но не разумныя матери слишкомъ легко прибѣгаютъ къ нимъ при всякомъ малѣйшемъ нездоровьи ребенка.

Смѣсь.

— **Свѣденія о Франклинѣ.** 19-го іюля, вышла изъ нью-іоркскаго порта шкуна «Эотенъ», отправляющаяся въ арктическія моря, съ цѣлью отыскать остатки экспедиціи Франклина. Шкуна находится подъ командой капитана Барро. Поводомъ къ экспедиціи послужили ложки сэра Джона Франклина съ его гербомъ и именемъ. Въ Гудзоновомъ заливѣ капитанъ Барро встрѣтилъ эскимосовъ, у которыхъ Барро купилъ эти ложки. Эскимосы сказали ему, что корабль, на которомъ они нашли ложки, былъ затертъ льдомъ у острова близъ Галлоуэлля. Экипажъ судна, въ которомъ находился также Франклинъ, былъ переведенъ эскимосами въ мѣстность близъ мыса Энглефильда, 640 миль отъ Уэль-Поэнта, гдѣ они всѣ, одинъ за другимъ, умерли отъ голода, холода и разныхъ болѣзней. Тамъ же эскимосы похоронили ихъ. Сдѣланное эскимосами, кромѣ того, важное сообщеніе состоитъ въ томъ, что бѣлые люди оставили множество книгъ, въ которыя они постоянно что-то вписывали. Книги похоронены вмѣстѣ съ ними въ Энглефильдѣ. Мѣсто это находится внутри страны на разстояніи 900 миль, и туда еще не проникала ни одна экспедиція. Капитанъ Барро взялъ съ собою въ нынѣшнюю экспедицію нѣсколько эскимосовъ, какъ путеводителей.

— **Замѣчательная коллекція.** Въ «Новостяхъ» пишутъ: Въ Лондонъ привезена цѣнная коллекція китайскихъ книгъ, купленная по порученію британскаго музея за 15,000 ф. ст. Коллекція эта помѣщена въ музеѣ и заключаетъ въ себѣ не менѣе 2,500 томовъ, т. е. почти всю литературу китайской имперіи. Заключающіяся въ этой драгоцѣнной коллекціи сочиненія обнимаютъ періодъ отъ 1150 г. до Р. Х. до 1700 христіанскаго лѣтоисчисленія; словомъ, періодъ въ 2800 лѣтъ. Китайскій титулъ коллекціи этой слѣдующій: «Кинъ-Тингъ-Ку-Кинъ-Ту-Шу-Тзи-Тшонгъ», т. е. «полное собраніе сочиненій и рисунковъ, древнихъ и новыхъ, составленное съ разрѣшенія императора». Коллекція эта собрана была по повелѣнію императора Канга-Ки. Богдыханъ этотъ, находившійся въ наилучшихъ отношеніяхъ съ миссіонерами и ознакомившійся съ европейскою культурою, былъ превосходный знатокъ литературы своей страны. Во время своихъ ученыхъ изслѣдованій, онъ имѣлъ случай убѣдиться, насколько съ теченіемъ времени мѣняются языкъ и выраженія и, желая создать памятникъ тогдашняго состоянія китайской литературы, онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы собраны были всѣ существовавшія, въ данный моментъ, литературныя произведенія и напечатаны особымъ изданіемъ. Іезуиты-миссіонеры содѣйствовали императору въ выполненіи этой задачи. Подъ ихъ руководствомъ былъ отлитъ мѣдный шрифтъ. Все это изданіе отпечатано было въ количествѣ ста экземпляровъ, которые богдыханъ роздалъ своимъ родственникамъ и друзьямъ, въ качествѣ почетнаго подарка. Шрифтъ былъ, затѣмъ, переплавленъ, и изъ него выдѣлали монету. Поэтому новое изданіе было невозможно. Изъ первоначальныхъ ста экземпляровъ, многіе съ теченіемъ времени потерялись; гдѣ же находятся остальные — китайцы скрываютъ даже отъ своихъ ученыхъ. Пріобрѣтенная британскимъ музеемъ въ Лондонѣ коллекція была собственностью одного изъ потомковъ лица, получившаго одинъ экземпляръ отъ императора Канга-Га въ подарокъ. Это, безспорно, драгоцѣнное пріобрѣтеніе.

Телеграммы.

Вѣна, 8-го августа. Послѣ жаркаго сраженія, Сераево взято австро-венгерскими войсками вчера, 7-го августа. Подробности будутъ сообщены позже.

Константинополь, 7-го августа. Въ виду двусмысленнаго поведенія Порты, рѣшено не приступать къ посадкѣ на суда, расположенной подъ стѣнами Константинополя арміи до тѣхъ поръ, пока Варна не будетъ окончательно очищена турецкими войсками.

Бѣлградъ, 10-го августа. Постановленія конгресса, относящіяся къ Сербіи, обнародованы оффиціально. Прокламація князя Милана объявляетъ оффиціально возстановленіе мира. Страна празднуетъ сегодня день провозглашенія своей независимости.

Берлинъ, 11-го августа. Здѣсь получена турецкая нота по поводу притязаній Греціи. Въ этой нотѣ Порта, изложивъ обстоятельства дѣла, говоритъ, что она не можетъ уступить притязаніямъ Греціи и угрожаетъ, что дѣло европейскаго мира можетъ быть поколеблено, если европейскія державы откажутся посовѣтовать Греціи взять назадъ свои требованія. Въ здѣшнихъ свѣдущихъ кружкахъ думаютъ, что Порта въ концѣ концевъ, уступитъ. Германія совѣтуетъ отвѣчать на эту ноту коллективной нотой всѣхъ державъ, участвовавшихъ въ берлинскомъ конгрессѣ.

Пера, 12-го августа. Порта отложила сдачу Батума до 12-го сентября, чтобъ имѣть время успокоить жителей и предупредить столкновенія.

Разградъ, 13-го августа. Исключая оккупаціонной арміи, все соберется въ Россію.

Шахматы.

Бѣлые	*Черные*
1) D2—D4.	1) E7—E6.
2) C2—C4.	2) D7—D5.
3) C4—D5:	3) E6—D5:
4) B1—C3.	4) G8—F6.
5) G1—F3.	5) B8—C6.
6) C1—G5.	6) F8—E7.
7) E2—E3.	7) 0—0.
8) F1—D3.	8) C8—G4.
9) A1—C1.	9) C6—B4.

Начало неправильной комбинаціи.

10) D3—B1.	10) F6—F4.
11) G5—F4.	11) C7—C5?

Теперь слѣдовало бы ходить C3: Послѣ G5? бѣлые ходили бы навѣрно C7:.

12) D4—C5:	12) E4—C5:
13) A2—A3.	13) G4—F3:
14) G2—F3:	14) B4—C6.
15) C3—D5:	15) ...

Главный интересъ игры состоитъ въ томъ, какимъ образомъ воспользуются бѣлые своимъ теперешнимъ преимуществомъ положенія, и какъ, несмотря на искусную защиту своего противника, принудятъ его къ сдачѣ.

15). . .	15) C5—E6.
16) D5—F7 †.	16) C6—E7:
17) D1—D8:	17) A8—D8:
18) F4—E5.	18) E7—C6.
19) E5—C3.	19) F8—E8.
20) E1—F1.	20) G7—G6.
21) H1—G1.	21) E6—C7.
22) F3—F4.	22) C7—D5.
23) C3—E1.	23) D8—D6.
24) B1—C2.	24) E8—D8.
25) H2—H4.	25) H7—H5.
26) F4—F5.	26) G8—H7.
27) G1—G5.	27) H7—H6.
28) F5—G6:	28) F7—G6:
29) C1—D1.	29) ...

Теперь угрожаетъ D1—D5: и G6 †, а также G6—C6 †.

29) . . .	29) C6—E7.

Чернымъ не остается ничего другаго. E3 †,

30) F1—G1.	30) D8—D7.
31) G1—H5.	31) B7—B6.
32) H2—G3.	32) D7—C7.
33) C2—B1.	33) C7—C6.
34) E3—E4.	34) D5—C7.
35) D1—D6:	35) C6—D6:
36) E1—B4.	36) D6—D1.
37) B4—E7:	37) D1—B1:
38) E7—F6.	38) B1—G1 †.
39) G3—F3.	39) G1—G5:
40) F6—G5 †.	40) H6—G7.
41) F3—E3.	41) G7—F7.
42) G5—F4.	42) C7—E6.
43) F4—B8.	43) A7—A6.
44) F2—F4.	44) E6—C5.
45) B8—D6.	45) C5—B7.
46) D6—C7.	46) B6—B5.
47) F4—F5.	47) B7—C5.
48) C7—E5.	48) G6—F5:
49) E4—F5:	49) . . .

Теперь побѣда обезпечена за бѣлыми, потому что черные немогутъ укрыть своей пѣшки H.

49) . . .	49) C5—B3.
50) E3—F4.	50) B3—D2.
51) E5—C3.	51) D2—C4.
52) F4—G5.	52) F7—G8.
53) G5—H5:	53) G8—H7.
54) H5—G5.	54) A6—A5.

55) G5—F6. и черные сдались.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

При этомъ нумерѣ «Живописн. Обозрѣн.» разсылается гг. подписчикамъ приложеніе: 14-й и 15-й «Парижскія Моды».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 Августа 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

№ 35. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 27 Августа 1878 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

Жанъ Жакъ Руссо.

Статья **А. Толивѣровой.**

(*Окончаніе.*)

Быть учителемъ совсѣмъ не согласовалось съ характеромъ Руссо. Пробывши на этомъ поприщѣ не болѣе года, онъ оставилъ его и еще разъ, прежде чѣмъ посвятить себя другому дѣлу, поѣхалъ взглянуть на Шарметтъ, это уединенное мѣстечко, гдѣ онъ, еще такъ недавно, былъ вполнѣ счастливъ. По дорогѣ туда, слабохарактерный и довѣрчивый Руссо, можетъ быть, надѣялся, что разъ потерянная любовь, при встрѣчѣ, пробудится снова, и что онъ снова будетъ счастливъ, но онъ, какъ и слѣдовало ожидать, ошибся и уже совершенно разочарованный оставилъ Шарметтъ, чтобы болѣе никогда туда не возвращаться.

Оставя Шарметтъ, онъ вооружился твердымъ намѣреніемъ устроить свою жизнь болѣе устойчиво. Зная основательно музыку, снабженный нѣкоторыми вѣскими рекомендаціями, онъ направился въ Парижъ и тамъ представилъ свою работу въ академію наукъ. Его работа была встрѣчена благосклонно, но существенной пользы не принесла никакой. Потерпѣвши неудачу, онъ не замедлилъ взять мѣсто секретаря у графа Монтегю, назначеннаго въ то время посланникомъ въ Венецію. Но и здѣсь Руссо остается не долго, такъ какъ Монтегю вскорѣ, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, долженъ былъ вернуться во Францію. Оставшись снова безъ средствъ къ существованію, Руссо, какъ-то случайно, попадаетъ въ салонъ г-жи Дюпэнъ и тамъ встрѣчается съ различными учеными, литераторами и музыкантами. Въ это переходное время, онъ пишетъ новую оперу «des Muses galantes», но ей, точно также, какъ и предшествующей, не суждено было увидѣть свѣтъ. Тогда онъ беретъ предложенное ему г-жею Дюпэнъ мѣсто ея домашняго секретаря съ 900 ливровъ годового жалованья. Въ это время, Дижонская академія предлагаетъ конкурсъ на тему о томъ: «послужило ли возрожденіе наук и искуства къ улучшенію или ухудшенію нравовъ».

Жанъ Жакъ Руссо.

Объ этомъ конкурсѣ Руссо узнаетъ совершенно случайно. Идя навѣстить друга своего Дидро, посаженнаго въ Венсенскій замокъ за еретическую метафизику и неуваженіе къ господству любовницъ, онъ дорогой перелистывалъ номеръ газеты «Mercure» и на одномъ изъ столбцевъ увидѣлъ объявленіе о конкурсѣ.

«Въ этотъ моментъ», разсказывалъ Руссо Дидро, «я точно переродился. У меня закружилась голова отъ прилива самыхъ разнообразныхъ мыслей. Идеи съ необыкновенной поспѣшностью смѣняли одна другую. Это не испытанное мною доселѣ ощущеніе повергло меня въ какое-то оцѣпененіе, мнѣ вдругъ сдѣлалось тяжело дышать и я упалъ въ безпамятствѣ подлѣ какого-то дерева, и когда очнулся, то мой жилетъ былъ смоченъ слезами, хотя я не помню, когда и о чемъ я плакалъ».

Дидро, выслушавши его, сказалъ: «Начинайте работать: тѣ мысли, которыя вы выскажете по этому предмету, конечно, никѣмъ другимъ, кромѣ васъ, высказаны не будутъ». Руссо, еще при чтеніи программы конкурса рѣшилъ произнести приговоръ наукѣ и искуству. Подъ вліяніемъ сильнѣйшаго умственнаго возбужденія, Руссо изготовляетъ работу и получаетъ премію. Когда въ городѣ разнеслась вѣсть, что дижонская премія досталась Руссо, въ литературѣ поднялся цѣлый ураганъ споровъ, на первыхъ порахъ не знали, кому поручить защиту оскорбленной литературы.

Полный упоенія отъ только что перечувствованнаго успѣха, Руссо спокойно принялъ вызовъ и тутъ впервые высказалъ могучую силу своего полемическаго таланта. Его отвѣтъ Готье, нантскому академику, можетъ служить образцомъ превосходнаго стиля и глубины мысли. Вскорѣ, въ рядахъ его противниковъ выступилъ король Станиславъ. Руссо, съ большимъ достоинствомъ, возражалъ на обвиненія короля и король, въ свою очередь, выслушивалъ эти возраженія съ тѣмъ тактомъ, который возвышаетъ монарха и вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не унижаетъ гражданина. Избравъ своимъ

девизомъ Vitam impendere vero, Руссо, сильный своею искренностью, положилъ себѣ за принципъ говорить всегда и вездѣ правду, только одну правду.

Полученная премія какъ будто, прояснила мысли Руссо, того Руссо, который почти до сорока-лѣтняго возраста не имѣлъ опредѣленной цѣли и, такъ сказать, жизненной нити, послѣ же полученіи преміи онъ считалъ свою задачу вполнѣ опредѣлившейся. Но, чтобы всецѣло отдаться истинѣ и жить только ради ее, ему нужно было встать выше общественнаго мнѣнія, во-первыхъ, а во-вторыхъ, выше стремленія къ наживѣ. На литературный трудъ онъ смотрѣлъ не какъ на источникъ добыванія денегъ, а только, какъ на проводникъ къ распространенію своего ученія въ массѣ. Любя страстно народъ и страдая его страданіями, онъ стремился бросить лучъ свѣта въ эту массу, которая разлагалась отъ своего невѣденія. Брошенный, въ силу различныхъ обстоятельствъ, въ круговоротъ большого свѣта, гдѣ ему приходилось встрѣчаться съ людьми, къ которымъ онъ чувствовалъ глубочайшее презрѣніе, онъ не подчинялся ни ихъ взглядамъ, ни ихъ языку. Его честная натура ненавидѣла тотъ лоскъ и ту свѣтскую приправу, которую въ обществѣ привыкли называть образованіемъ, а на языкѣ простыхъ смертныхъ— ложью и притворствомъ. Не смотря на свою подъ часъ гнетущую, бѣдность, Руссо не допускалъ, подобно фернейскому патріарху, ни пенсій, ни субсидій. Онъ всегда нуждался. Костюмъ его былъ крайне бѣдный и отчасти небрежный. Этотъ костюмъ никогда не замѣнялся другимъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда Руссо нужно было являться передъ лицомъ какихъ нибудь высокопоставленныхъ особъ.

Когда имя Руссо сдѣлалось извѣстнымъ, ему предлагали всевозможныя занятія, но онъ, не допуская подчиненія и зависимости, ограничивался самою скромной ролью, а именно перепиской нотъ и ролей, и жилъ въ крошечной комнаткѣ пятаго этажа. Но это нисколько не помѣшало обществу заниматься философомъ, который во имя независимости и свободы отказался отъ важныхъ должностей и живетъ въ пятомъ этажѣ, переписывая за шесть су роль.

Когда, на королевскомъ театрѣ, въ первый разъ была поставлена опера Руссо «le Devin du Village», не отличающаяся особенными достоинствами, но привлекшая публику своими задушевными мелодіями, ея авторъ былъ вызванъ безчисленное множество разъ. И тутъ Руссо остался вѣренъ себѣ, онъ предсталъ передъ публикой въ своемъ изношенномъ платьѣ, съ небритой бородой и нечесаннымъ парикомъ. Этотъ видъ нисколько не поразилъ публику, напротивъ, она нашла его очень пикантнымъ. Тутъ же, въ театрѣ, ему предложили представиться королю и хлопотать о пенсіи. Онъ отклонилъ и то, и другое. Вскорѣ та же дижонская академія предложила новый конкурсъ, сюжетомъ которому послужилъ вопросъ «о происхожденіи и причинахъ неравенства между людьми». Кому же, какъ не Руссо, этому сыну XVIII вѣка, вѣка привилегій, когда неравенство давало себя чувствовать на каждомъ шагу,—было написать объ этомъ близкомъ ему предметѣ.

Но, не смотря на талантливость изложенія и глубину, его работа о «неравенствѣ» не была удостоена преміи и премія досталась аббату Тальберту. Но эта неудача не помѣшала имени Руссо съ каждымъ днемъ пріобрѣтать все большую и большую извѣстность. Его буквально осаждали со всѣхъ сторонъ съ заявленіями сочувствія и онъ, желая отдохнуть, оставилъ Францію и поѣхалъ въ Женеву, чтобы тамъ подышать чистымъ воздухомъ родныхъ полей и вспомнить свое дѣтство.

Нужно ли говорить, что встрѣча, оказанная ему въ Женевѣ, была по истинѣ трогательная. На первыхъ порахъ, онъ хотѣлъ совсѣмъ тамъ остаться, но затѣмъ снова вернулся во Францію и тамъ напечаталъ свою работу «о неравенствѣ».

Между друзьями Руссо во Франціи, нужно упомянуть о г-жѣ Эпине, женѣ одного богатѣйшаго арендатора, которая, обладая несомнѣннымъ умомъ, привлекла къ себѣ философа настолько, что онъ, вопреки своимъ правиламъ держаться какъ можно дальше отъ богатыхъ, рѣшился переѣхать къ ней въ замокъ, Эрмитажъ. Живя въ этомъ земномъ раю, среди тишины, Руссо составилъ программу своей «Элоизы» и написалъ первыя главы. Г-жа д'Эпине относилась къ нему крайне сочувственно, но это длилось не долго. Руссо познакомилъ г-жу д'Эпине съ однимъ молодымъ человѣкомъ по имени Гриммомъ, который въ то время нуждался въ работѣ. Гриммъ былъ человѣкъ крайне образованный, ловкій и очень хорошъ собой. Появившись въ салонѣ г-жи д'Эпине, онъ скоро завладѣлъ ея сердцемъ. Руссо, волнуемый ревностью, не замедлилъ написать ему письмо, полное упрековъ, а Гриммъ, въ свою очередь, употребилъ все свое вліяніе, чтобы поссорить Руссо съ г-жею д'Эпине. Онъ достигъ этого очень скоро, и Руссо, послѣ двухъ-лѣтняго пребыванія въ «Эрмитажѣ», долженъ былъ его оставить. Разрывъ съ Гриммомъ, г-жою д'Эпине и затѣмъ съ Дидро, заронилъ въ чувствительное сердце Руссо искру недовѣрія къ людямъ.

Уѣхавъ въ уединенное мѣстечко Монъ-Луи, вмѣстѣ съ Терезой Левассоръ, бѣлошвейкой, которую онъ встрѣтилъ случайно въ отелѣ и которая впослѣдствіи, сдѣлавшись его женою, разбила всю его жизнь, Руссо принялся за работу. Тамъ онъ написалъ своего «Эмиля», который нужно отнести къ перламъ его работъ. Въ этомъ уединеніи его навѣстилъ маршалъ Люксанбургъ, который первый и предложилъ ему издать эту работу. Кто могъ знать, что книга, изданная маршаломъ и пэромъ Франціи, испытаетъ такую участь. Не успѣла она увидѣть свѣтъ, какъ была тотчасъ же арестована, а авторъ ея долженъ былъ спастись отъ преслѣдованія бѣгствомъ. Моментъ, въ который появилась книга Руссо, былъ моментомъ гоненія на іезуитовъ. Парламентъ, вотировавшій законъ объ ихъ изгнаніи, въ то же самое время боялся, чтобы за снисхожденіе къ Руссо за его «Эмиля» его не заподозрили въ невѣріи. Такимъ образомъ, Руссо сдѣлался жертвой политики болѣе осторожной, нежели похвальной. Вторичный пріѣздъ Руссо въ Женеву, послѣ того какъ во Франціи его «Эмиль» находился въ опалѣ, рѣзко отличался отъ перваго. Женева, находясь подъ вліяніемъ французскаго министерства, съ одной стороны, и недовольства женевской аристократіи, которая не могла простить Руссо его народныхъ принциповъ, съ другой,—не дала ему у себя пріюта. Тогда онъ уѣхалъ въ Иверденъ, но и тутъ ему нельзя было долго оставаться. Бернскій сенатъ рѣшилъ за «Эмиля» и «Общественный договоръ», которые, по мнѣнію сената, недостойны быть сожженными рукой палача, выслать Руссо изъ предѣловъ Швейцаріи. Эта мѣра была вызвана не тѣми мотивами, въ силу которыхъ онъ былъ высланъ изъ Женевы, но словамъ самого Руссо, здѣсь онъ натолкнулся на партію «вѣрующихъ», которые не хотѣли имѣть у себя еретика. Кромѣ этого, въ изгнаніи его изъ Івердена принимали участіе Вольтеръ и Гриммъ.

Въ то время почти всѣ, кромѣ Бернардена де-Сенъ-Піерра и г-жи Роланъ, относившихся къ его таланту съ благоговѣніемъ, нападали на Руссо. Гриммъ, Дидро, д'Аламберъ и Вольтеръ старались всѣми силами втоптать его въ грязь и разсказывали о немъ самыя необычайныя вещи.

Не имѣя домашняго очага, такъ какъ Тереза Левассеръ была женщина совершенно необразованная и грубая отъ природы, поссорившая его со всѣми его друзьями, а также и средствъ къ существованію, такъ какъ работами Руссо обогащались одни книгопродавцы-издатели, а ему оставались самыя скудныя средства — Руссо оставилъ Швейцарію и передъ отъѣздомъ отказался отъ права гражданства, даннаго ему Женевой.

Изъ Івердена онъ переѣхалъ въ Невшатель, находившійся подъ покровительствомъ Пруссіи, и тамъ былъ радушно встрѣченъ лордомъ Кетомъ. Старый маршалъ Шотландіи былъ честнѣйшій человѣкъ, но съ большими странностями. Онъ, съ перваго же дня знакомства полюбилъ Руссо и часто называлъ его своимъ дикимъ сыномъ. Живя въ маленькой деревенькѣ Мотье, расположенной въ живописной мѣстности, одѣтый въ простое американское платье, дававшее отдыхать его больнымъ членамъ, Руссо старался всѣми силами заставить позабыть о себѣ. Онъ занимался ботаникой и держался отъ всѣхъ въ сторонѣ. Но это не помогло ему. Когда лордъ Кетъ уѣхалъ въ Берлинъ, пасторъ деревушки Мотье, Монмоленъ, отказавшій Руссо въ причащеніи, всталъ во главѣ его враговъ и возстановилъ противъ него чернь, которая день и ночь, окружая его жилище, бросала въ его окна каменьями и требовала, чтобы онъ оставилъ Мотье. Руссо подчинился ихъ требованію и переѣхалъ на островъ Сенъ-Піерръ, прекрасное уединенное мѣстечко, но и тутъ онъ не долго оставался: его попросили удалиться.

Скитаніе изъ мѣста въ мѣсто, постоянныя преслѣдованія то со стороны католиковъ и протестантовъ, то со стороны роялистовъ, республиканцевъ, энциклопедистовъ и куртизановъ, привели Руссо въ крайне возбужденное состояніе. Онъ чувствовалъ себя одинокимъ въ борьбѣ съ своими современниками и тѣмъ вѣкомъ, въ которомъ онъ жилъ и дѣйствовалъ.

Жоржъ Зандъ, въ своей прекрасной статьѣ: «По поводу Шарметтъ» напечатанной въ «Revue des Deux Mondes» за 1863 г., говоритъ:

«Не былъ ли Руссо осужденъ и изгнанъ за то, что написалъ «Эмиля»? Не былъ ли онъ также отвергнутъ протестантами, и долженъ былъ скрываться, какъ виновный? Ожидалъ ли онъ, что его будутъ преслѣдовать монархія и республика, и эта анафема, исходящая отъ обѣихъ церквей? А когда онъ скрылся, ища себѣ убѣжища въ деревнѣ, хижинѣ, чтобы только заставить забыть о себѣ, настоящіе зловѣщіе философы Гриммъ и $к^{0}$ начали нападать на него самымъ лукавымъ образомъ, такъ что ихъ нападки превзошли нападки всѣхъ ханжей Швейцаріи и Франціи? Кто эти люди, которые хотятъ все это опровергнуть? Развѣ нѣтъ доказательствъ? Развѣ для одного Руссо не существуетъ исторіи?»

Да, нападковъ на Руссо было много. Разочарованій еще болѣе. Когда онъ писалъ свою Элоизу, вокругъ его царила нравственная засуха, насмѣшки, педантизмъ, холодная разсчетливость, и онъ, не смотря на это, первый заговорилъ о любви, о серьезныхъ къ ней отношеніяхъ и о равноправности между мужчиной и женщиной. И, кажется, эта прямая рѣчь, полная искренности, должна бы была зажечь въ сердцахъ женщинъ искру сильнаго чувства къ ихъ автору! Но что же вышло на самомъ дѣлѣ? этотъ человѣкъ, изящный, любящій, не могъ найти на своемъ жизненномъ пути женщины, которая бы могла его полюбить. Г-жа Варенсъ не поняла его, г-жа д'Удето, сестра д'Эпине, которую Руссо полюбилъ искренно,—тоже. И онъ связалъ свою жизнь съ женщиной грубой, ничтожной, которую онъ, не смотря на все это, до самой своей смерти старался облагородить; но это ему не уда-

лось: жесткость и грубость Терезы Лавассеръ остались тѣми же. Она скучала съ нимъ и отъ скуки пьянствовала и развратничала. Въ 1840 г. въ Женевѣ была еще жива восьмидесяти девяти лѣтняя женщина, по имени Маделона Месснеръ, которая лично знала Руссо и разсказывала, что когда она была маленькая, то очень часто вмѣстѣ съ своими товарками, пугала Руссо, боявшагося, какъ извѣстно, сыщиковъ. «Бывало, говорила Маделона Месснеръ, спрячешься за деревья и когда Руссо, задумавшись, идетъ мимо насъ, мы и кричимъ ему: «Берегитесь, господинъ Руссо, васъ завтра арестуютъ». О Терезѣ Левассеръ она отзывалась очень дурно: «Она заставляла насъ носить въ фартукахъ каменья на свою терассу и разъ подучила насъ напугать Руссо, мы и разбили каменьями окна его комнаты, тогда онъ, бѣдный, такъ напугался, что на другое же утро бѣжалъ, и мы, когда его не стало, потеряли послѣдній кусокъ хлѣба; онъ былъ добрый и всякому помогалъ». Тереза часто прибѣгала къ подобнымъ средствамъ и когда ей не хотѣлось гдѣ нибудь оставаться или она желала отдѣлаться отъ друзей Руссо, которые всѣ, безъ исключенія, ее не любили, она начинала его запугивать. По поводу Терезы мы приведемъ выдержку изъ той же статьи Жоржъ Зандъ:

«Главная ошибка Руссо, говоритъ она, была, можетъ быть, въ томъ, что онъ избралъ себѣ въ подруги женщину ниже себя, которая, зная его добрый характеръ и возбужденное разными сомнѣніями воображеніе, такъ легко поддающееся наговорамъ—эксплуатировала его. Но такіе люди, какъ Руссо, впадая въ ошибки, не теряютъ своего величія. Правда, подобныя Терезы, женщины съ маленькимъ умомъ, могутъ мучить, возбуждать, омрачать это величіе, испортить жизнь, но, не смотря на страшныя усилія съ ихъ стороны, имъ не удается низвести жертву до своего уровня».

Тяжелая жизнь Руссо вылилась не словами, а воплемъ въ его письмѣ къ Куанде.

«Мой юный другъ, пишетъ онъ, пожалѣйте меня, пожалѣйте мою бѣдную, сѣдѣющую голову, которая, носясь изъ мѣста въ мѣсто, не знаетъ, куда преклониться. Слухи, которые о ней распускаютъ, справедливы лишь на половину».

Извѣстно, что о Руссо многіе говорили, что онъ помѣшанный, и онъ самъ начиналъ въ это вѣрить. Въ своей «Исповѣди», Руссо изобразилъ всѣ свои сомнѣнія, печали и всѣ тѣ страданія, которыми была полна его жизнь.

Когда лордъ маршалъ уѣхалъ въ Берлинъ, Руссо также оставилъ Мотье и направился туда же. Въ Страсбургѣ, гдѣ его встрѣтили съ большимъ энтузіазмомъ, онъ получалъ письма отъ друзей, которые совѣтовали ему уѣхать въ Англію, гдѣ историкъ Давидъ Юмъ обѣщалъ ему во всемъ содѣйствовать.

И вотъ, ему выхлопатываютъ позволеніе проѣхать черезъ Францію, гдѣ онъ могъ видѣться съ своими друзьями, и вмѣстѣ съ Давидомъ Юмомъ отправиться въ Англію.

По пріѣздѣ туда все начинаетъ ему улыбаться. Англійское общество принимаетъ его съ распростертыми объятіями, наслѣдникъ престола дѣлаетъ ему визитъ, его спутникъ окружаетъ его самыми дружескими заботами, нанимаетъ для него хорошее помѣщеніе въ деревнѣ, выхлопатываетъ пенсію.

Юмъ для Руссо дѣлается настоящимъ богомъ, но это поклоненіе длится всего шесть мѣсяцевъ. По истеченіи шести мѣсяцевъ, Руссо уже превращается въ его врага. Затѣмъ, ему вдругъ представляется, что онъ англійской плѣнникъ, что за нимъ постоянно слѣдятъ. Подъ этимъ впечатлѣніемъ, Руссо сожигаетъ всѣ листы, вновь написанные для «Эмиля», долженствующіе служить дополненіемъ ко второму изданію и бѣжитъ во Францію. По дорогѣ въ Дуврѣ онъ говоритъ публично рѣчи.

Вернувшись въ Парижъ, онъ ведетъ совершенно отшельническую жизнь. И разъ встрѣтившись съ Бернардиномъ Сенъ Пьерромъ, Руссо говоритъ ему: «Бываютъ дни, когда я хочу быть одинъ. Я такъ бываю доволенъ, когда никого не встрѣчу во время моихъ одинокихъ прогулокъ, Тогда я сознаю, что во мнѣ никто не нуждается точно также, какъ и я не нуждаюсь ни въ комъ. Я былъ бы вполнѣ несчастливъ, если бы я встрѣчалъ васъ каждый день, но если бы я васъ совсѣмъ не встрѣчалъ, то былъ бы еще несчастнѣе». Потомъ, какъ будто опомнившись, онъ прибавляетъ, «впрочемъ, я болѣе не допускаю близости, я закрылъ мое сердце».

За шесть недѣль до смерти, живя въ усадьбѣ д'Ерменонвиллѣ у Жирардена, Руссо окружаетъ себя всевозможными животными. Его утѣшеніемъ было: игра на фортоньяно и пѣсни соловья, которыми онъ заслушивался.

Живя у Жирардена, онъ былъ окруженъ заботами и особенно любилъ его дѣтей. Когда онъ умеръ, то многіе утверждали, что онъ умеръ насильственной смертью; на самомъ дѣлѣ смерть произошла отъ удара.

3-го іюля 1778 г. Руссо всталъ рано, но не пошелъ на обычную прогулку, потому что долженъ былъ дать урокъ музыки старшей дочери Жирардена. Передъ уходомъ, онъ растворилъ окно и началъ смотрѣть на поля, освѣщенныя яркимъ солнцемъ.

Но тутъ онъ упалъ на подоконникъ и началъ кричать о помощи. Когда всѣ сбѣжались, то увидѣли, что онъ поранилъ объ окно себѣ лобъ. Тогда его положили на кровать, на которой онъ черезъ нѣсколько минутъ умеръ.

Въ день смерти Руссо исполнилось шестьдесятъ шесть лѣтъ.

Онъ былъ похороненъ сначала въ Ерменонвиллѣ, а затѣмъ перенесенъ въ Пантеонъ.

Такъ кончилась многострадальная жизнь Руссо, этого чудака, какъ его называли. При жизни онъ былъ покрытъ нареканіями и гонимъ отовсюду, послѣ смерти его боготворятъ и ставятъ на недосягаемую высоту.

Наши сосѣди и ихъ дѣти.

Повѣсть А. Михайлова.

(*Продолженіе.*)

VI.

Не знаю, о чемъ говорила мать съ капитаномъ, но я былъ твердо увѣренъ, что она жаловалась ему на меня. Однако, вечеромъ, когда мы всѣ собрались къ чаю, я не замѣтилъ ни на лицѣ капитана, ни на лицѣ матери слѣдовъ неудовольствія. Они держали себя по обыкновенію ласково и добродушно относительно меня, какъ будто въ этотъ день ничего не случилось особеннаго. Послѣ чаю я простился со всѣми и пошелъ спать. Я не могъ заснуть довольно долго. Мнѣ вспоминались всѣ впечатлѣнія пережитаго дня и я никакъ не могъ понять, почему мать огорчилась, что я не сошелся съ такими дурными дѣтьми, какъ внучата Коробовыхъ. Такъ же не понималъ я, почему она называетъ ихъ жалкими и несчастными. Въ сущности я даже не зналъ, что значитъ быть несчастнымъ,— убогихъ, нищихъ, сиротъ, вотъ кого я считалъ до сихъ поръ несчастными. Но и на ихъ несчастіе я смотрѣлъ въ сущности крайне равнодушно: я готовъ былъ имъ помочь, чѣмъ могъ, но и только. У меня не было такого сознанія несчастій, которое покупается только личнымъ опытомъ. Я самъ до сихъ поръ испыталъ только любовь, довольство, исполненіе всѣхъ желаній. Я былъ слишкомъ счастливъ.

Коробовы начали посѣщать насъ довольно часто, но они постоянно являлись безъ дѣтей. На вопросъ моей матери, отчего они не приводятъ съ собой дѣтей, Марфа Павловна постоянно отвѣчала:

— Ахъ, это такія испорченныя дѣти, что съ ними совѣстно являться куда нибудь въ гости. Матушка при этомъ какъ-то странно пожимала плечами.

— Я думаю, изъ дѣтей, какъ изъ воска, можно сдѣлать все, что угодно, вскользь замѣчала она.

Иногда къ намъ приходила и одна Аделаида Викторовна. Забитая, робкая, вѣчно готовая плакать, она, очевидно, стремилась въ нашъ домъ, чтобы отдохнуть отъ семейныхъ бурь и дрязгъ. Иногда она слезливо жаловалась на свое положеніе.

— Зачѣмъ же вы живете у своихъ родителей, если вы имъ въ тягость? спрашивала моя мать.

— Но куда же я пойду съ дѣтьми? восклицала Аделаида Викторовна, начиная моргать глазами, что всегда означало приближеніе слезъ.

— Вы знаете хорошо языки, вы могли бы давать уроки, замѣчала матушка.—Дѣтей вы могли бы опредѣлить куда-нибудь. Нужно бы похлопотать объ этомъ...

— Я ничего не знаю, неопытна я, уже плакала Аделаида Викторовна.

— И зачѣмъ вы не приводите дѣтей къ намъ съ собой? говорила ей моя мать.

— Они не идутъ. Они такія дикія у меня, почти стонала Аделаида Викторовна.—Но они добрыя. Вы не вѣрьте, что они такъ дурны... Я испортила ихъ, но они добрыя...

— Я и не думаю о нихъ ничего дурного, успокаивала ее мать, — и я очень желала бы пріучить ихъ къ нашей семьѣ. Мой Коля тоже своего рода дикарь и они были бы другъ другу полезны.

Но дѣти все-таки не шли къ намъ.

Прошло нѣсколько недѣль. Однажды капитанъ и я сидѣли на берегу рѣки и ловили рыбу. Вдругъ мы услыхали дѣтскіе голоса. Мы обернулись и увидали сыновей Аделаиды Викторовны. Замѣтивъ насъ, мальчики внезапно смолкли и пошли быстрѣе, чтобы поскорѣе миновать насъ.

— Господа, рыбу не хотите ли половить съ нами? крикнулъ имъ капитанъ.—Клюетъ отлично, на уху какъ разъ наловимъ.

Мальчики искоса посмотрѣли на насъ.

— Можно, пожалуй, здѣсь же и сварить завтракъ, продолжалъ капитанъ.—Идите помогать.

Мальчики переглянулись, но не трогались съ мѣста. Очевидно, имъ и хотѣлось подойдти къ намъ и въ то же время было какъ-то неловко.

— Да что вы боитесь меня, что ли? засмѣялся капитанъ.—Я не кусаюсь.

— Есть чего бояться! отрывисто и сквозь зубы замѣтилъ старшій изъ мальчиковъ.

— Такъ, вѣрно, ухи не хотите? А уха будетъ на славу.

Мальчикъ усмѣхнулся и сдѣлалъ шагъ по направленію къ намъ.

— Только вотъ сухихъ бы сучьевъ надо добыть, продолжалъ капитанъ, уже какъ бы про себя.

— Я достану, тутъ въ лѣсу есть, очень развязно и быстро произнесъ средній братъ и толкнулъ младшаго.—Побѣжимъ! шепнулъ онъ ему.

Двое младшихъ братьевъ скрылись, а старшій подошелъ къ намъ, глядя изъ подлобья.

— Вотъ ножъ. Умѣете чистить рыбу? спросилъ дядя.

— Чего жь тутъ не умѣть, тѣмъ же отрывистымъ тономъ отвѣтилъ мальчикъ.

— Ну, такъ за дѣло! Время терять нечего. Я вѣдь люблю все по военному дѣлать, засмѣялся дядя.

Младшіе братья принесли между тѣмъ охабки сучьевъ.

Картина КНАУСА.

Церемоніяльный маршъ.

— Картофелю бы въ уху хорошо, да луку, замѣтилъ вскользь капитанъ.

— Это можно. Здѣсь недалеко огородъ одинъ есть, быстро замѣтилъ средній изъ братьевъ.

— Чей это огородъ? невиннымъ тономъ спросилъ дядя.

— Матвѣя Лысаго, отвѣтилъ мальчикъ.

— А! произнесъ капитанъ.—Зачѣмъ же чужое брать, когда есть свое! Мы лучше откомандируемъ Николая домой за картофелемъ и лукомъ. Кстати котелокъ принесетъ, да соли и хлѣба захватитъ.

Я нѣсколько смутился. Вся эта затѣя капитана мнѣ казалась странною. Для чего варить на берегу уху, когда насъ ждетъ дома сытный и отличный обѣдъ? Но когда капитанъ поручилъ мнѣ сходить домой за необходимыми приправами для ухи—мнѣ стало совсѣмъ досадно. Я внутренно былъ недоволенъ, что я долженъ услуживать этимъ мальчикамъ, которые присоединились къ намъ, даже не поздоровавшись. Но непріятное чувство еще болѣе усилилось, когда дядя обратился къ младшему изъ братьевъ и сказалъ:

— Ступай-ка съ Николаемъ, а то онъ одинъ не стащитъ всего; онъ у насъ не силенъ.

Мальчикъ немного потупился, но все-таки всталъ, чтобы идти со мною.

— Коля, скажи дома, что я велѣлъ всего дать, что нужно для ухи, крикнулъ мнѣ капитанъ, сдѣлавъ удареніе на словахъ: «я велѣлъ».

Я пошелъ со своимъ спутникомъ молча. Я былъ недоволенъ, онъ дичился. Если бы кто нибудь въ эту минуту заглянулъ въ наши души, то вѣрно сказалъ бы, что дурной ребенокъ, въ сущности, не онъ, а я. Онъ былъ только смущенъ, испуганъ необходимостью войдти въ чужой домъ, а я былъ раздраженъ мыслью, что я оказываю услугу нелюбимымъ мною дѣтямъ. Этотъ мальчикъ былъ первымъ человѣкомъ, про котораго я могъ сказать, что я его не люблю. Когда мы подошли къ дому, мой спутникъ односложно пробормоталъ:

— Я подожду!

И онъ остался ждать у воротъ.

Я вошелъ въ домъ и отрывисто недовольнымъ тономъ передалъ матери порученіе капитана. Мать быстро встала со своего мѣста, чтобы распорядиться на счетъ отпуска провизіи, а тетушка, всплеснувъ руками, воскликнула:

— Капитанъ просто начинаетъ съ ума сходить!

— Очень мило придумалъ—завтракать на воздухѣ такъ пріятно, улыбнулась матушка.—И ты, я думая, очень доволенъ, что побудешь въ кругу дѣтей, замѣтила она мнѣ.

Я промолчалъ: я не умѣлъ лгать, а сказать правду мнѣ было стыдно или, вѣрнѣе сказать, я боялся, что правда почему-то разсердитъ мою мать.

Она надавала мнѣ гораздо большее число предметовъ, чѣмъ просилъ капитанъ; она положила въ котелокъ и масла, и яицъ, и кусокъ вареной говядины. Когда я выходилъ изъ воротъ, мальчуганъ встрѣтилъ меня съ широко открытыми глазами, однимъ прыжкомъ подскочилъ ко мнѣ, нагнулся лицомъ къ котелку и неподражаемымъ тономъ удивленія и восторга воскликнулъ:

— Дали!

Только много времени спустя, припоминая эту сцену, я началъ понимать все глубокое значеніе этого восклицанія. Только человѣкъ глубоко сомнѣвавшійся въ успѣхѣ своего дѣла, могъ встрѣтить такимъ восклицаніемъ успѣшный результатъ своей попытки. Мальчуганъ безъ церемоніи выхватилъ у меня изъ рукъ мою ношу и, какъ охмѣлѣвшій отъ радости дикарь, подскакивая и подпрыгивая, помчался впередъ. Мнѣ даже стало смѣшно глядѣть на его прыжки. Онъ чуть не кувыркался отъ радости. Я пришелъ къ мѣсту нашего импровизированнаго завтрака нѣсколькими минутами позже мальчугана и засталъ всю компанію въ хлопотахъ. Тутъ чистилась рыба, рѣзался картофель, крошился лукъ, разводился огонь. Капитанъ являлся настоящимъ командиромъ.

— А дома-то васъ къ завтраку-то не будутъ ждать? спросилъ онъ, отдавая какое-то приказаніе.

— Да, есть у насъ завтракъ! отрывисто отвѣтилъ старшій изъ братьевъ, подбрасывая прутьевъ въ огонь.—Хлѣба корка—вотъ и завтракъ.

— Лукъ-то вы весь искрошите, приказалъ дядя.—Послѣ такой ухи вы, пожалуй, и обѣдать дома не будете.

— И такъ бы не обѣдали, сегодня всѣ безъ обѣда наказаны, отвѣтилъ средній братъ, не утерпѣвшій и положившій въ ротъ кусокъ хлѣба.

— Попробуй-ка, довольно ли соли, обратился капитанъ къ старшему брату и тутъ же спросилъ:—Да чего вы къ намъ не приходите?

Братья промолчали, точно совсѣмъ не слыша вопроса. Они, должно быть, и сами теперь не знали, почему они не приходили къ намъ.

— Вотъ зашли бы завтра, мы до завтрака пойдемъ въ лѣсъ грибовъ искать. Послѣ прогулки-то аппетитъ волчій разыграется.

Братья переглянулись, но опять ничего не отвѣтили.

— Теперь можно и за ѣду приниматься! скомандовалъ дядя.

Всѣ принялись за ѣду. Не ѣлъ только я. Я сказалъ, что мнѣ не хочется ѣсть, но я лгалъ. Причиною моего отказа было то, что я былъ недоволенъ ухаживаньемъ дяди за этими испорченными, полуоборванными, неопрятными дѣтьми и кромѣ того я не могъ ѣсть изъ одного котелка съ ними: я былъ слишкомъ брезгливъ и мнѣ было гадко ѣсть эту уху, которая была приготовлена кое-какъ и въ которую опускались чужія ложки. Капитанъ, казалось, не замѣчалъ моего жалкаго выраженія лица и шутилъ и съ мальчуганами, и со мною. При воспоминаніи теперь объ этой сценѣ, я часто представляю себѣ, какимъ смѣшнымъ выглядѣлъ я тогда. Я сидѣлъ, какъ мокрая курица, и походилъ гораздо болѣе на дикаря, чѣмъ внучата Коробовыхъ. Завтракъ между тѣмъ кончился, кончился только тогда, когда три брата уничтожили послѣдніе слѣды ухи и послѣднія крошки хлѣба.

— Такъ значитъ мы завтра въ лѣсъ? спросилъ дядя, окончивъ завтракъ.

Братья молчали.

— Три ели на перекресткѣ у «Старой могилы» знаете? спросилъ онъ.

«Старой могилой» называлось мѣсто, гдѣ по преданію былъ убитъ и похороненъ какимъ-то убійцею проходившій по дорогѣ нищій. Это было въ полуверстѣ отъ нашей фермы.

— Знаемъ, отвѣтили братья.

— Ну, вотъ тамъ и соберемся къ девяти часамъ. Да отпустятъ-ли васъ?

— Рады будутъ, что уйдемъ, отвѣтилъ старшій изъ братьевъ.

— Ну и отлично! Прощайте.

Капитанъ протянулъ руку дѣтямъ. Они пожали ее какъ-то неумѣло. Видно было, что никто и никогда не протягивалъ имъ дружески руки. Я ждалъ, что они поклонятся или протянутъ руки и мнѣ, но они повернули на дорогу къ своему дому и скоро исчезли за лѣскомъ, повидимому, не обративъ ровно никакого вниманія на меня.

— Экіе славные парни! весело сказалъ дядя, шагая рядомъ со мною къ дому.

— И не кланяются даже, невольно сорвалось у меня съ языка.

— Да, да, и не кормятъ ихъ дома и кланяться не учатъ, проговорилъ дядя.—Научись они кланяться—тогда каждый бы ихъ кормитъ и любить сталъ. Вѣдь на свѣтѣ много такихъ дураковъ, которые за то только и любятъ человѣка, что онъ ножкой расшаркиваться умѣетъ, да прилично держать себя научился. Тоже заслуга большая!

Мнѣ стало какъ-то неловко отъ этихъ словъ, я смутно чувствовалъ, что дядя смѣется надо мною. Когда мы пришли домой, мать начала разспрашивать капитана о нашемъ завтракѣ. Капитанъ рисовалъ самыми яркими красками веселость дѣтей и прелести завтрака на воздухѣ.

— Жаль только, что дѣти-то испорченныя, закончилъ онъ разсказъ,—Николая могутъ испортить.

Матушка вопросительно посмотрѣла на него.

— Онъ такой добрый и нѣжный, сейчасъ поддастся ихъ вліянію, продолжалъ очень развязно капитанъ.—Вотъ они даже поклониться людямъ не умѣютъ, ну и онъ сейчасъ же подумалъ, что кланяться глупо и головой даже не кивнулъ имъ.

По губамъ матушки скользнула едва замѣтная усмѣшка, а я весь вспыхнулъ.

— Они сами мнѣ не поклонились, быстро проговорилъ я.

— Да, да, даже головой не кивнули, ну ты и подумалъ, что это такъ и слѣдуетъ дѣлать, и самъ то же сдѣлалъ.

— Я говорила, я говорила, что они испортятъ Коко, заволновалась тетушка.

Въ своей наивности она даже и не подозрѣвала, что надъ ея «бѣднымъ Кокочкой» играютъ злую шутку.

— Виноватъ, виноватъ, ошибся, сказалъ капитанъ.—Сначала я думалъ, что дурное къ хорошему не пристанетъ, а теперь вижу, что ошибался. Еще хорошо, что они языковъ Николаю не показывали, а то они-то ему показали бы три языка, а ему-то пришлось бы имъ только одинъ показать. Обидно было бы мальчику!

Капитанъ разразился неудержимымъ смѣхомъ. Я и тетушка были обижены.

VII.

Капитанъ, кажется, не надѣялся, что дѣти соберутся въ назначенный часъ слѣдующаго дня у «Старой могилы». Это было замѣтно, потому радостному тону, которымъ онъ встрѣтилъ мальчиковъ по утру, крикнувъ имъ:

— А молодежь исправна!

Я рѣшился на этотъ разъ поклониться моимъ новымъ знакомымъ и протянулъ имъ руку. Они ее пожали довольно крѣпко, даже больно, и видимо были довольны предстоящей прогулкой. Проходивъ довольно долго по лѣсу и набравъ порядочно грибовъ, мы пошли домой. Дядя посмотрѣлъ на часы.

— Эге, ужь поздно, сказалъ онъ.—У насъ отзавтракали. Ну, ничего. Мы пройдемъ въ садъ и намъ принесутъ туда чего нибудь перекусить.

Я удивился, почему дядя хочетъ завтракать не въ нашемъ домѣ, а въ саду. Но мальчикамъ, повидимому, очень понравилось это предложеніе. Завтракать же въ нашемъ домѣ они, быть можетъ, и не согласились бы. Они были слишкомъ дики. Когда мы пришли въ садъ и усѣлись около садоваго столика, капитанъ скомандовалъ разбирать грибы, а мнѣ велѣлъ сказать, чтобы намъ дали чего-нибудь поѣсть. Черезъ четверть часа вся компанія ѣла съ волчьимъ аппетитомъ. Среди самаго разгара завтрака къ намъ незамѣтно подошла моя мать. Два младшіе брата вытаращили на нее глаза не безъ комическаго испуга, а старшій какъ-то угловато и порывисто поднялся съ мѣста, шаркнулъ по песку ногой и быстро опустился на скамью, весь красный, какъ ракъ. Поклонъ вышелъ очень смѣшонъ, но матушка

даже не улыбнулась. Она протянула мальчику руку. Онъ торопливо хотѣлъ ее пожать, но вдругъ взглянулъ на свою руку и пробормоталъ:

— У меня-съ руки грязны.

— Такъ вы бы прошли въ домъ и вымыли ихъ, а то непріятно, когда руки въ землѣ, замѣтила она и все-таки пожала его руку.—Много набрали грибовъ?

— Много-съ...

— Я все поганокъ набралъ, вдругъ какой-то фистулой крикнулъ младшій изъ братьевъ и расхохотался.

Матушка тоже разсмѣялась и, обойдя столъ, поцаловала въ голову ребенка. Онъ зардѣлся и потупился.

Черезъ пять минутъ всѣ уже болтали безъ умолку.

— Оставайтесь у меня обѣдать, сказала матушка.—Я пошлю сказать вашему семейству, чтобы васъ не ждали.

— Некому ждать-то, процѣдилъ сквозь зубы старшій изъ братьевъ.

— Все же надо сообщить. Я пойду распорядиться на счетъ этого. Кстати пойдемте мыть руки.

Мальчики встали. Матушка пошла рядомъ съ старшимъ изъ братьевъ и, совершенно просто обнявъ его одною рукою около таліи, начала разговаривать съ нимъ. Онъ шелъ съ сконфуженнымъ видомъ, дѣлалъ неровные шаги, но не вырывался изъ ея объятій и тихо отвѣчалъ на ея вопросы.

— Вотъ можете здѣсь мыться, сказала она, подводя его къ умывальнику.—Умойтесь и приходите ко мнѣ на балконъ.

Она прошла на балконъ и остановилась съ задумчивымъ видомъ у перилъ. Веселость и ласковое выраженіе, озарявшія за минуту ея лицо, смѣнились теперь выраженіемъ грусти. Минутъ черезъ пять по направленію къ балкону пошелъ и старшій изъ братьевъ. Увидавъ матушку, безмолвно стоящую у перилъ, онъ несмѣло остановился въ дверяхъ.

— А! вотъ и вы! проговорила матушка, какъ бы очнувшись отъ тяжелаго сна.—Теперь можно пожать вашу руку? улыбнулась она ему привѣтливою улыбкою и опустилась на диванчикъ.

Она протянула мальчику обѣ руки и хотѣла пожать его руки, но онъ быстрымъ движеніемъ наклонилъ голову и поцаловалъ ея руку. Она подняла на него глаза, полные слезъ.

— Сядьте, проговорила она, сажая его возлѣ себя и снова положивъ свою руку около его таліи.

— Какъ у васъ здѣсь хорошо! невольно проговорилъ мальчикъ, обводя глазами балконъ, украшенный безчисленнымъ множествомъ самыхъ разнообразныхъ растеній и цвѣтовъ.

Цвѣты—это были любимцы, дѣти моего отца, моей матери и тетки.

— Вы, Алексѣй, не будете теперь избѣгать нашего дома? спросила мать, глядя въ глаза мальчугану.

— Нѣтъ, какъ-то тихо и стыдливо прошепталъ онъ.

Не прошло и часу, какъ дѣти совершенно освоились съ нашей семьей. Два младшіе брата были страшные шалуны и за ними приходилось зорко смотрѣть, чтобы они чего нибудь не разбили или не сломали. Старшій же братъ, напротивъ того, держалъ себя, какъ взрослый. Онъ былъ еще нѣсколько дикъ, его движенія были порывисты и угловаты, но сквозь эту грубую оболочку поминутно прорывались слѣды замѣчательной, почти женственной, доброты и очень свѣтлаго природнаго ума. Когда матушка какъ-то мелькомъ спросила, давно ли они переселились къ Коробовымъ, Алексѣй отвѣтилъ:

— Мѣсяцевъ семь. Мы три дня безъ куска хлѣба сидѣли. Мамаша все плакала, братья и сестра тоже. Они такіе плаксивые. Ну, она и пошла къ Коробовымъ.

— И онъ плакалъ, и онъ плакалъ! крикнулъ средній братъ.

— Я не отъ того, пробормоталъ Алексѣй съ видимымъ смущеніемъ.

— Не отъ голода, а отчего же? спросила мать.

— Меня прибили тогда, отвѣтилъ онъ отрывисто.

— Прибили? За что же?

— Хлѣба укралъ, проговорилъ мальчикъ.

Я посмотрѣлъ на него почти съ испугомъ. До сихъ поръ я никогда еще не видалъ вора. Про воровъ я только слышалъ «страшные разсказы» сначала отъ своей покойной няни, которая въ сказкахъ употребляла слово «воръ-разбойникъ», потомъ отъ тетушки, которая, по своей привычкѣ все преувеличивать, говорила: «ахъ, я все боюсь, что къ намъ заберутся воры и всѣхъ насъ перерѣжутъ». Такимъ образомъ, въ моей головѣ рано сложилось понятіе о ворѣ, какъ о человѣкѣ, готовомъ не только обокрасть, но и убить. О ворѣ же, который крадетъ иногда ради голода, я ни отъ кого не слыхалъ. Услышавъ признаніе Алексѣя, я ждалъ, что моя мать разсердится, что она послѣ этого не станетъ принимать въ нашъ домъ этихъ испорченныхъ дѣтей. Но моя мать только грустно замѣтила:

— Да, тяжело вамъ жилось!

Это меня удивило: она жалѣла человѣка, который былъ воромъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

У Ржи.

Стих. **Нико Ники.**

Я на́ полѣ. Раскинулся
Вдали туманный боръ,
Какъ будто отодвинулся,
Чтобъ дать полямъ просторъ.

Желтѣетъ рожь, волнуется...
Ну, будетъ урожай!
Стоитъ мужикъ, любуется:
— «Кормилица, спасай!

Второй годокъ питаемся
Древесною корой,
Мякиной пробавляемся,
Соломкой, лебедой!» —

Желтѣетъ рожь высокая,
Волнуясь, какъ рѣка...
Дошла-же, знать, глубокая
Молитва мужика!

Воздушный шаръ на привязи.

(См. рис. стр. 173 и 181).

Одно изъ любопытнѣйшихъ развлеченій на настоящей парижской всемірной выставкѣ представляетъ, безспорно, поднятіе на извѣстную высоту въ воздушномъ шарѣ, прикрѣпленномъ, посредствомъ веревки громадныхъ размѣровъ, къ земной поверхности. Этотъ шаръ, сооруженный Жираромъ, самый большой изъ всѣхъ шаровъ, какіе появлялись до сихъ поръ. По словамъ корреспондента «Рус. газеты», откуда мы заимствуемъ подробности о шарѣ Жирара, этотъ шаръ имѣетъ діаметръ въ 36 метровъ (130 футовъ), слѣдовательно, окружность его равняется 113 метрамъ (360 фут.). Поверхность его равна 4,000 кв. метровъ (43,056 кв. фут.), а вмѣстимость 25,000 куб. метровъ (882,800 куб. фут.). Чтобы судить о величинѣ его, надо припомнить, что знаменитый «Великанъ», Надара, лѣтъ 15 тому назадъ изумлявшій своей величиною, вмѣщалъ въ себя всего 6,000 куб. метровъ.

Въ лодкѣ шара Жирара можетъ помѣститься 50 человѣкъ. Онъ будетъ подыматься каждый разъ на 600 метровъ (281 сажень) вверхъ и на этой высотѣ будетъ оставаться четверть часа. За удовольствіе осматривать Парижъ съ этой высоты пассажиръ въ лодкѣ платитъ 20 франковъ. Этимъ путешествіемъ, однакожь, пользуются не для одного развлеченія; на шарѣ подымаются и ученые для производства метеорологическихъ опытовъ.

Оболочка шара состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 1) изъ муслина; 2) полосы каучука, 3) чрезвычайно солиднаго холста, спеціально для этой цѣли приготовленнаго, 4) второй полосы каучука, 5) опять холста, 6) полосы волоконизированнаго каучука, 7) муслина, 8) лака, образованнаго изъ льнянаго масла и содержащаго въ себѣ каучукъ, растворенный въ теребентинѣ, и 9) наконецъ, полосы бѣлой, цинковой краски. Каждый метръ этой оболочки вѣситъ одинъ килограмъ (около 2 фунтовъ); существенное свойство такой оболочки заключается въ томъ, что она почти совершенно не пропускаетъ черезъ себя водородъ. Такимъ образомъ, одна оболочка вѣситъ 4000 киллограммовъ (240 пудовъ). Сѣтка, образованная изъ веревки, имѣющей 11 миллиметровъ (около $1/2$ дюйма) въ діаметрѣ, вѣситъ 300 киллограммовъ. Кабель, имѣющій болѣе 600 метровъ, вѣситъ столько же. Лодка, кромѣ своего естественнаго вѣса и вѣса 50 пассажировъ, имѣетъ еще 3000 киллограммовъ балласта. Оболочка шара состоитъ изъ 1,456 кусковъ. Швъ, соединяющій ихъ между собою, имѣетъ длины 6 верстъ. Какъ не кажется громадной эта цифра, она значительно умалится въ нашемъ представленіи, если мы припомнимъ, что на нѣкоторыя модныя женскія платья съ оборками, плиссе и необозримыми шлейфами употребляется шва болѣе версты, и это на маленькую фигурку, которая въ сравненіи съ шаромъ Жирара покажется чуть не мухой.

Большое затрудненіе представляла сѣтка; при веревкѣ въ 11 миллиметровъ въ діаметрѣ, всѣ узлы, необходимые для образованія сѣтки, въ концѣ концовъ, заняли бы страшный объемъ, а треніе этихъ узловъ объ оболочку, могло бы сильно повредить шару. Поэтому, пришлось избѣжать узловъ; веревка была раздѣлена на небольшіе куски, соотвѣтствующіе величинѣ сторонъ сѣтки, и въ точкахъ перекрещиванія, эти куски веревки были соединяемы при помощи тесемокъ, обмазанныхъ дегтемъ. Съ той стороны, гдѣ лигатура прикасается къ оболочкѣ шара, веревка покрыта кускомъ мягкой кожи, такъ что треніе почти невозможно. Для производства этой громадной сѣтки пришлось построить огромный циркъ, окруженный балконами въ три яруса, гдѣ сразу 110 рабочихъ работали надъ сѣткой, подъ управленіемъ гг. Іонъ и Дардо.

Образованіе матеріи для оболочки, разрѣзыванія ея на части, однимъ словомъ, все производство оболочки совершалось въ мастерской, построенной ad hoc во дворѣ Тюльери. Каждый метръ оболочки обошелся въ 14 франковъ, значитъ, вся поверхность шара стоитъ 56,000 фр. Веревки и производство сѣтки обошлись въ 50,000 франк. Стоимость всего шара милліонъ франковъ.

Начало жизни.

(Лекціи профессора **П. Мартина Дункана**).

Что такое жизнь?—вотъ вопросъ, который задавали себѣ мыслящіе люди всѣхъ временъ и народовъ; задаютъ его и до сихъ поръ. Что это за чудесная сила, дающая намъ возможность мыслить, соображать, сознавать свое существованіе, воспринима́ть въ пищу вещество, отличное отъ нашего, и превращать его въ наше собственное; воспроизводить потомство и передавать ему нѣчто изъ нашихъ личныхъ свойствъ?

Что эта за чудная сила, превращающая твердое ячменное зерно въ растеніе, подобное тому, изъ котораго оно произошло? Что это за сила, способствующая бѣлку, желтку и яичной плевѣ образовать цыпленка съ его удивительно устроенными не ьями, костями, мускулами и нервами?

Человѣческая мудрость, наука, религія, останавливаются передъ вопросомъ: что такое жизнь? Откуда и куда?—вотъ къ чему невольно сводится наше мышленіе, и человѣкъ былъ бы недостоинъ своего существованія, если бы не пробовалъ разрѣшить эту загадку. Много было попытокъ разрѣшить этотъ вопросъ. Законодатели всѣхъ вѣроисповѣданій, натуральные философы, метафизики, физики, химики и даже поэты старались разрѣшить его каждый по своему; а ихъ борьба за убѣжденія и, къ сожалѣнію, желаніе насильно навязать другимъ свои мнѣнія, составляютъ одну изъ самыхъ грустныхъ, и въ то же время замѣчательныхъ главъ исторіи человѣческаго прогресса. Изученіе этихъ главъ, составляющихъ значительную часть литературъ всѣхъ временъ и у всѣхъ народовъ, приводитъ къ заключенію, что, даже не смотря на поразительные успѣхи новѣйшей науки, все еще трудно найти удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ: что такое жизнь? Люди, въ прежніе вѣка жертвовавшіе своей жизнью, для доказательства правильности ихъ точки зрѣнія на этотъ вопросъ, не могли рѣшить его; не рѣшенъ онъ и въ наше время и мы съ грустью должны сознаться, что передъ нами все еще стоитъ загадка, разрѣшеніе которой превышаетъ наши ограниченныя способности. Правда, открытія, сдѣланныя новѣйшей наукой, и средства, какими мы располагаемъ, даютъ намъ возможность тщательно наблюдать за всѣми живущими тварями, наблюдать за проявленіями жизни, за ея зачинаніями. Мы можемъ теперь сравнивать силы и способности живыхъ существъ съ силами отжившей матеріи или матеріи, никогда не пользовавшейся жизнью. Этотъ методъ сравненія составляетъ основаніе науки о жизни, но все-таки вопросъ все еще остается не вполнѣ разрѣшеннымъ.

Держась этого сравнительнаго метода, о которомъ я упомянулъ, я возьму для сравненія съ живущими веществами предметъ неодушевленный, напримѣръ, паровую машину. Многіе изъ моихъ слушателей, конечно, довольно основательно могутъ замѣтить мнѣ, что паровая машина, не смотря на свое почти совершенное устройство, не можетъ быть сравниваема съ человѣкомъ, обладающимъ свободной волей, воображеніемъ, или съ растеніемъ, или даже съ нѣкоторыми изъ низшихъ организмовъ. Многіе могутъ, наконецъ, спросить, какое отношеніе имѣетъ паровая машина къ вопросу, что такое жизнь? Возраженіе это, съ перваго взгляда, основательное, легко опровергается уже тѣмъ, что каждому, вѣроятно, не разъ случалось слышать сравненія машинъ съ живыми существами, не разъ приходилось встрѣчать въ наукѣ подобныя же сравненія, часто говорятъ: такой-то работникъ аккуратенъ и исправенъ, какъ машина; или, эта машина въ столько-то лошадиныхъ силъ. Анатомъ, изслѣдуя человѣческое тѣло, говоритъ о «животной механикѣ», о рычагахъ, связяхъ, подпоркахъ. Изслѣдуя обращеніе крови, онъ сравниваетъ сердце съ нагнетательнымъ насосомъ. Физіологъ упоминаетъ о клапанахъ въ жилахъ. Существуетъ и еще причина, заставляющая сравнивать живое существо съ усовершенствованной машиной. Въ животномъ царствѣ, наибольшая часть работы производится съ наименьшимъ усиліемъ и этотъ самый законъ господствуетъ въ животной механикѣ. Наука идетъ далѣе. Одинъ изъ первоклассныхъ ученыхъ доказываетъ, что при сравненіи животнаго съ паровой машиной, животное оказывается наиболѣе экономнымъ изъ двухъ. Докторъ Жюль увѣряетъ, что топливо для паровика, то пища для животнаго. Машина для произведенія извѣстной, безостановочной работы требуетъ опредѣленнаго количества топлива, во время подложеннаго. Также и человѣкъ, которому предстоитъ извѣстная работа, и лошадь, готовящаяся къ скачкамъ, нуждаются въ опредѣленномъ количествѣ пищи, движенія и воздуха. Но несомнѣнно, что животное извлекаетъ больше изъ своей пищи, чѣмъ машина изъ топлива; рабочій матерьялъ въ животномъ производитъ большую сумму работы, чѣмъ въ машинѣ. Изъ этого вы можете видѣть, что для сравненія неодушевленныхъ предметовъ и ихъ силъ съ живыми существами имѣется нѣкоторое основаніе.

Не мѣшаетъ замѣтить, что сравнивать слѣдуетъ или сложныя машины съ сложными организмами, или же гораздо лучше, простыя машины съ простѣйшими организмами. Чтобы познакомить съ устройствомъ паровыхъ машинъ человѣка, не имѣющаго о нихъ никакого понятія, нельзя начинать прямо съ сложнаго паровика съ его холодильниками, рычагами, эксцентриками и т. п.; слѣдуетъ познакомить его сначала съ простѣйшею машиною, чтобы показать ему первоначальные законы, на основаніи которыхъ дѣйствуютъ сложныя,—надо показать ему машину-игрушку. Кто не видалъ ея? Это простая стеклянная трубочка съ открытымъ верхомъ и закругленнымъ въ видѣ шарика нижнимъ концомъ. Трубочка плотно закрывается пробкой, къ которой прикрѣпленъ поршень или кусочекъ проволоки. Въ пузырекъ наливается вода, пробка вгоняется, пока возможно, въ трубочку, глухой конецъ которой подносится къ пламени спиртовой лампочки. Вода скоро закипаетъ, трубочка наполняется невидимыми парами и пробка поднимается, отъ напора сгустившихся паровъ, вслѣдствіе усилившейся теплоты. Вы снимаете съ огня трубочку и дуете на нее, пары охлаждаются и сжимаются, а давленіе воздуха на пробку сверху гонитъ ее опять внутрь. Это повторяется много разъ, производя постоянно поднятіе и опусканіе пробки и поршня. На концѣ проволоки можно придѣлать ручку и колесо, и вотъ маленькая машина готова. Это простѣйшая форма паровика. Глядя на нее, самый не образованный человѣкъ пойметъ главную причину движенія; но если онъ вздумаетъ заглянуть поглубже, ему не мало придется потрудиться, чтобъ яснѣе вникнуть въ устройство машины и причины движенія.

Теперь перейдемъ къ простѣйшимъ животнымъ, конструкція которыхъ наименѣе сложна и посмотримъ на жизнь, какъ на могущественную силу, какъ на средство къ работѣ.

Вотъ одинъ изъ простѣйшихъ организмовъ. Въ мѣстахъ, гдѣ проточная вода чиста, не заражена водостоками большихъ городовъ, гдѣ ростетъ въ изобиліи мелкая водяная травка, можно иногда встрѣтить любопытное микроскопическое животное. Ловить его слѣдуетъ осторожно, и это дѣлается такъ: бутылку съ широкимъ горлышкомъ погружаютъ на дно потока и вынимаютъ пробку, вода врываясь въ горлышко бутылки, наполняетъ сосудъ, который опять затыкается пробкой и вынимается изъ воды. Быть можетъ, съ водой попало въ него и то любопытное, очень рѣдкое животное, которое можно принять за оживленную паутину. Хотя въ общемъ видъ его вѣренъ на прилагаемомъ рисункѣ, но въ дѣйствительности животное несравненно блѣднѣе и болѣе похоже на размокшую гумми. На стеклѣ, подъ микроскопомъ, оно занимаетъ довольно много мѣста и выглядитъ какъ нѣчто неопредѣленное, лентообразное. На концахъ ленты множество мелкихъ отростковъ или волосиковъ, выдающихся значительно впередъ, какъ миніатюрная паутина. Арахнула—имя животнаго—представляетъ обыкновенно не прямую линію, а ломанную, и не рѣдко случается, что все животное принимаетъ паутинообразную форму. Латинское название свое arachnula—маленькій паукъ, оно получило отъ сходства съ этимъ насѣкомымъ. Съ перваго взгляда подъ микроскопомъ оно показывается пятномъ, въ которомъ при неопредѣленности формъ никакъ нельзя предполагать присутствія жизни. Болѣе же продолжительное наблюденіе, когда перепуганное животное, очутившись на стеклѣ и прикрытое сверху другимъ тонкимъ стеклышкомъ для удержанія воды отъ стеканія, успокоится, наконецъ,—покажетъ очень слабое движеніе въ его внутренности. Глазъ уже не можетъ оторваться отъ этого пятна, пока не изслѣдуютъ его внимательнѣе. Наружная часть его окрашена блѣднѣе внутренней, болѣе похожа на воду, чѣмъ середина, имѣющая слабо зернистый видъ. Эта гуммиобразная матерія становится, очевидно, плотнѣе къ серединѣ, хотя въ ней ничего нѣтъ, кромѣ крошечныхъ зернышекъ и другихъ побольше, въ родѣ маленькихъ капель масла, легко пропускающихъ черезъ себя свѣтъ. Въ одномъ или двухъ мѣстахъ находятся пространства, вѣроятно, наполненныя водою, должно быть потому, что бѣлкообразная масса здѣсь менѣе плотна. Эти мѣста называются пустыми пространствами или пустотой. Одно изъ этихъ пространствъ сейчасъ удивитъ васъ. Оно быстро сожмется, какъ бы уничтожится, затѣмъ медленно опять увеличится до своего прежняго объема и опять сократится. И такъ, передъ нами тѣло, имѣющее зернистый видъ. Оно нѣжнѣе снаружи и опредѣленнѣе внутри. Сейчасъ вокругъ него и въ немъ начнутся любопытныя движенія. Посмотримъ сначала на внутреннее. Маленькіе зернушки и шарики начинаютъ порывисто двигаться внутри животнаго; почти тоже происходитъ на его поверхности; на самой оконечности зернышки мѣняютъ свои мѣста, какъ бы двигаемыя какою-то невидимой силой. Такое движеніе или «теченіе» этого особеннаго вещества совершается правильно во всѣхъ своихъ частяхъ. Пустое же пространство продолжаетъ все время то открываться, то закрываться. Еще немного и форма животнаго измѣняется, движеніе усиливается на одномъ концѣ, именно около нитеобразныхъ щупальцевъ. Они сжимаются, сокращаются, отчего все тѣло животнаго чувствуетъ толчокъ. Толчки эти производятъ не сотрясеніе, а какъ бы переливаніе всего тѣла по направленію толчка. Оно видоизмѣняется то въ форму шара, то въ большое плоское пятно и опять принимаетъ свой первоначальный видъ. Во время движенія, его отростки втягиваются внутрь, какъ бы исчезаютъ, но едва животное принимаетъ свою прежнюю форму, они вытягиваются опять и своими оконечностями прилипляются къ стеклу или кусочку травы, положенному подъ микроскопомъ.

Устройство этого животнаго самое простое. Въ немъ не видно ни мускуловъ, ни нервовъ, ни кровеносныхъ сосудовъ, ничего, чѣмъ бы можно объяснить сокращеніе тѣла и его движенія. Наблюдая долѣе, мы увидимъ какъ другое микроскопическое животное, безконечно маленькое существо, дотрогивается на своемъ пути до перепончатой матеріи арахнулы и погружается въ нее. Ужасное происшествіе! оно уже болѣе не выйдетъ изъ нея. Скоро мы замѣтимъ, какъ микроскопическое животное начнетъ двигаться внутри арахнулы и, наконецъ, изчезнетъ. Арахнула увеличивается, впрочемъ, не переходя за извѣстные размѣры, но форма остается таже. Вся жизнь ея заключается въ движеніи и ростѣ. Пищей ей служитъ все, что подвернется подъ руку. Притомъ арахнула должна дышать. Ей необходимо присутствіе въ водѣ какого-то газа для дыханія, потому что, если тонкое стеклышко,

удерживающее воду подъ микроскопомъ, покрываетъ ее слишкомъ долго и тѣмъ препятствуетъ доступу воздуха, животное становится вялымъ, вытягивается, движенія его прекращаются и оно умираетъ. И такъ, эта особенная матерія — не простая матерія; въ ней находятся маленькія зернышки и масляннстые шарики; эта матерія принимаетъ пищу, не похожую на себя и превращаетъ ее въ свою собственную, что способ-

Прошедшимъ лѣтомъ, дѣлая наблюденія надъ водою, въ которой по преимуществу водятся амебы, я, какъ и всѣ естествоиспытатели, работающіе съ микроскопомъ, долго смотрѣлъ на одну точку, гдѣ вода, повидимому, была совершенно прозрачна, какъ вдругъ увидалъ крошечную крапинку. Я замѣтилъ, что эта точка росла, но мой микроскопъ былъ не достаточно силенъ, чтобы открыть ее раньше. Эта точка все увели-

закрывалось. Осторожнымъ обращеніемъ я съумѣлъ продлить свои наблюденія надъ этимъ существомъ, то вглядываясь въ него, то отставляя въ сторону, позаботившись предварительно о томъ, чтобы не было недостатка въ воздухѣ и пищѣ. Вода не должна была стекать, но не слѣдовало ее и прикрывать плотно, чтобы не прекратить доступа воздуху. Спустя нѣкоторое время, центральная часть этого существа стала тем-

Картина **КОМАНСА.**

Римлянка.

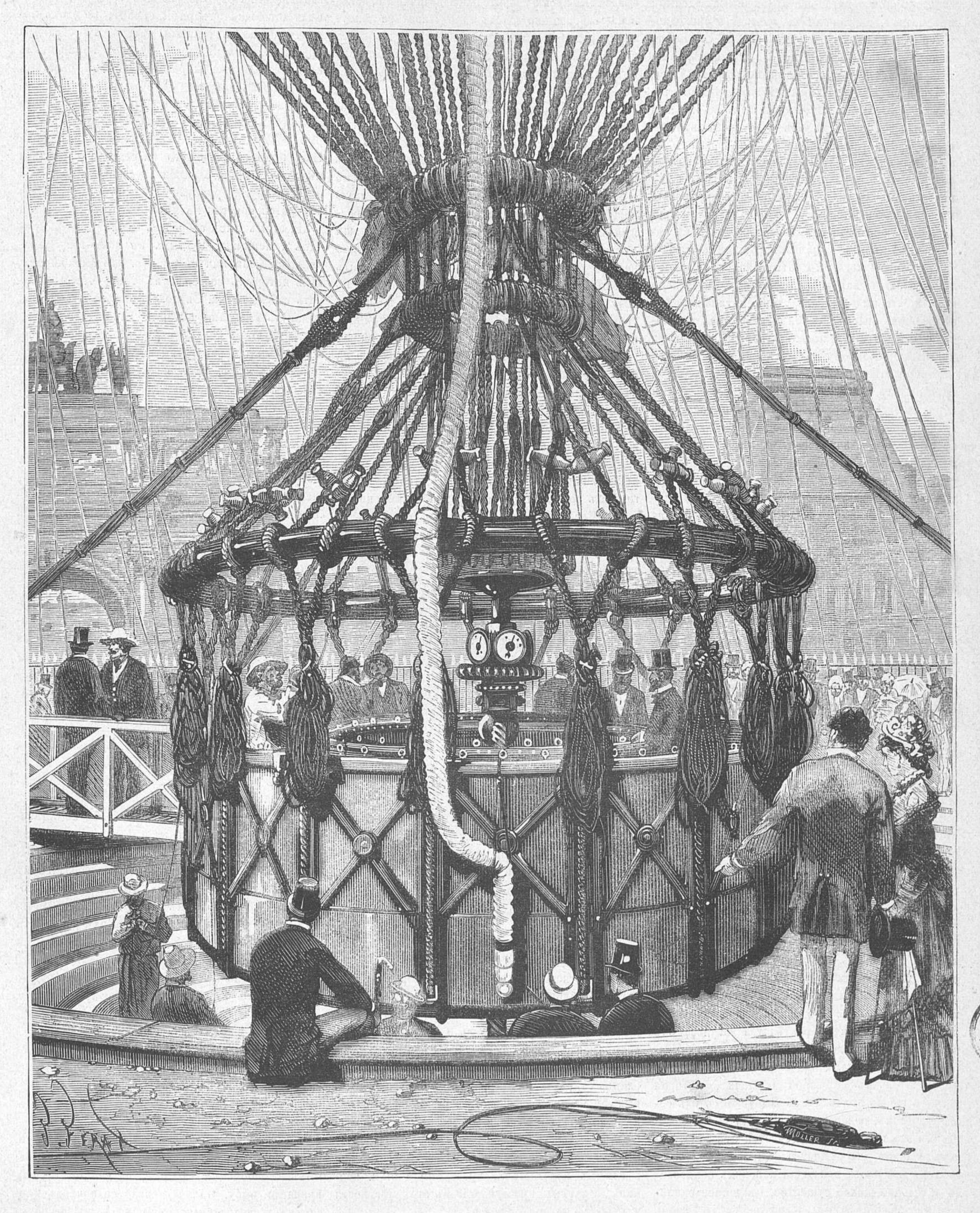

ствуетъ ея росту; далѣе мы видимъ, что ей необходимо присутствіе въ водѣ какого-то газа для дыханія и жизни. Болѣе объ этомъ маленькомъ существѣ ничего неизвѣстно.

Въ этой же водѣ можно встрѣтить другое существо, имя котораго всѣ слыхали, рѣже или чаще; это—микроскопическій протей или амеба, названный такъ за непрерывное движеніе и безпрестанно измѣняющуюся форму.

чивалась впродолженіи шести, восьми часовъ и очень походила на маленькій прозрачный кусочекъ гумми въ водѣ. Она выпускала изъ себя во всѣ стороны волосообразные отростки и безпрестанно измѣняла свою форму. Внутренность ея была совершенно однообразна—ни слѣда зернышекъ,—но въ срединѣ одно изъ тѣхъ пустыхъ пространствъ, которыя мы видѣли въ арахнулѣ, и которое сокращалось, открывалось и опять

нѣть, появилось нѣсколько зернышекъ, животное начало двигаться туда и сюда, постоянно направляясь однимъ концомъ впередъ. Чаще всего оно принимало форму руки, ладонь которой двигалась вслѣдъ за остальной частью. Передняя оконечность была усѣяна маленькими отростками, безпрестанно мѣнявшими свою форму и даже иногда совершенно втягивавшимися назадъ. Движеніе имѣло видъ какъ бы переливанія все-

Шаръ на привязи.

го тѣла животнаго, которое однакожь сохраняло при этомъ опредѣленную форму, выпуская время отъ времени свои щупальцы. Животное, очевидно, старалось держаться между микроскопической травкой и питалось крошечными зелеными предметами, двигавшимися въ водѣ и приходившими съ нимъ въ соприкосновеніе, но не во всякомъ мѣстѣ, а въ одномъ особенномъ, тамъ, гдѣ маленькій закругленный конецъ, казалось, соединялся съ остальнымъ тѣломъ. Когда что нибудь находилось по близости этого мѣста, шея нагибалась, или одинъ изъ отростковъ вытягивался и, схватывая добычу, препровождалъ ее во внутренность. Разъ случилось, что животное совершенно притихло, внутренность же его, не переставая, двигаясь; зернышки и маленькіе кусочки путешествовали съ одного мѣста на другое. Иногда все это порывисто бросалось къ одной какой-нибудь сторонѣ наружной оболочки, такъ, что думалось, что вотъ сейчасъ животное лопнетъ. Нѣтъ, наружная плева была на столько крѣпка, что выдерживала ударъ, хотя напорь казался очень силенъ. Зеленыя вещества, проглоченныя животнымъ, лопались внутри, продолжая двигаться по одному направленію съ остальною внутренностію, затѣмъ, постепенно изчезали, а остатки ихъ выходили на поверхность тѣла и сбрасывались въ воду. Случалось и такъ, что тѣльца, проглоченныя амебою, приближались къ пространствамъ, наполненнымъ водою и задерживались здѣсь, какъ въ кладовой, для будущаго употребленія. Животное быстро росло. Чѣмъ болѣе оно потребляло пищи, тѣмъ быстрѣе становились его движенія, тѣмъ оно становилось дѣятельнѣе и скорѣе росло. Затѣмъ аппетитъ изчезъ; однакожь, оно продолжало держаться по сосѣдству съ зеленой травкой. Скоро возобновились его странствованія, на этотъ разъ очень неровныя, то порывисто-быстрыя, то очень медленныя. Наконецъ, я замѣтилъ какое то особенное вещество внутри амебы, окруженное тоненькой пленкой. На приложенномъ рисункѣ представлена сильно увеличенная амеба, двигающаяся въ обратномъ направленіи. Внизу верхній конецъ ея, налѣво большой отростокъ, подъ которымъ находится отверстіе для принятія пищи. На верху пространство съ запасной пищей, ниже пустое пространство, которое, при продолжительномъ наблюденіи сокращается, закрывается и опять открывается. Эти измѣненія совершаются совершенно правильно по нѣсколько разъ въ минуту, когда животное здорово. Немного ниже, родъ полумѣсяца изъ блѣдно-окрашенной матеріи, черезъ которую легко проникаетъ свѣтъ; а большая масса въ видѣ шара внутри, называемая ядромъ, очевидно, окружена тонкой пленкой. Въ арахнулѣ нѣтъ ничего подобнаго. Строеніе амебы не все одного рода: бѣлкообразная масса находится по краямъ, густая внутри, а пленка, окружающая ядро, имѣя другой видъ, другое дѣйствіе па свѣтъ, должна, конечно, имѣть и другой химическій составъ. Продолжая наблюденія, можно видѣть, какъ ядро раздѣлится на два; обѣ половинки продолжаютъ путешествовать во внутренности животнаго, пока одна изъ нихъ не приблизится къ наружной оболочкѣ, которая тотчасъ же въ этомъ мѣстѣ выпускаетъ изъ себя отростокъ, совершенно окружая имъ ядро, и затѣмъ эта новая нога отдѣляется отъ тѣла. Теперь у насъ два существа. Животное раздѣлилось на двѣ части и каждая изъ нихъ образовала отдѣльное живое существо, одаренное одинаковыми способностями и потребностію пищи. Наблюдая это животное впродолженіе многихъ дней, я убѣдился, что какъ скоро доступъ воздуха прекращался, внутренность его начинала двигаться медленнѣе, образовывая изъ себя шаръ; наружная часть становилась плотнѣе, измѣняясь въ тонкую перепонку. Разныя любопытныя перемѣны слѣдовали одна за другою. Часть бѣлковидной массы превратилась въ крошечные шарики, легко пропускавшіе черезъ себя свѣтъ, какъ черезъ маслянистое вещество; другая собралась въ куски значительной величины и, наконецъ, совершенно неожиданно животное лопнуло; содержимое вылилось въ воду и раздробилось на милліоны крошечныхъ существъ, каждое изъ которыхъ начало двигаться. Такова жизнь и развитіе одной изъ большихъ амебъ.

Если мы будемъ здѣсь разсматривать проявленіе жизни, то прежде всего замѣтимъ, что животное появилось впервые около микроскопической водяной травки и, конечно, образовалось не просто изъ воды. Животное росло медленно и только когда оно начало принимать видимую пищу, въ строеніи его тѣла стали являться разныя измѣненія. Доказать необходимость пищи для этого животнаго легко, такъ какъ не трудно найдти умирающую съ голоду амебу. Стоитъ только опустить ее въ кипяченую воду или въ воду фонтана, не содержащую въ себѣ водяныхъ травъ. И что же? животное тотчасъ же приметъ видъ кусочка гумми, оно едва движется, скоро движенія прекращаются и оно разсыпается на безжизненныя части. Смерть влечетъ всѣ слѣдующія за нею перемѣны. Можно также уморить голодомъ амебу, давая ей пищу, но въ кипяченной водѣ, не содержащей никакихъ газовъ. Хотя животное и принимаетъ пищу, но ему не достаетъ чего-то, что способствуетъ пищеваренію, измѣненію пищи въ собственное вещество животнаго. Безъ сомнѣнія, для амебы необходимъ кислородъ. Кислородъ, механически распускаясь въ водѣ, доходитъ до амебы въ жидкомъ состояніи. Амеба пропитана водой, хотя не растворяется въ ней. Вода, съ содержимымъ въ ней кислородомъ, входитъ въ животное и, нѣтъ сомнѣнія, что сокращеніе пустыхъ пространствъ имѣетъ какое-нибудь соотношеніе съ обращеніемъ воды въ тѣлѣ. Эти пустыя пространства, конечно, втягиваютъ въ себя воду, черезъ какія-нибудь отверстія въ тонкой наружной ткани и гонятъ ее туда и сюда по всему тѣлу; но и самые сильные микроскопы не въ состояніи открыть куда именно вода входитъ въ тѣло амебы. Съ помощію кислорода и жизненной силы, пища превращается въ вещество животнаго. Движенія его тоже зависятъ отъ количества пищи. Когда пища изсякаетъ, или животному измѣняетъ пищеварительная способность—измѣняется химическій составъ животнаго. И такъ, жизнь амебы состоитъ изъ различныхъ механическихъ движеній и химическихъ измѣненій.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Лабрадорскіе пираты.

Во французской Бретани, во время Реставраціи, существовала шайка преступниковъ, которая, во время бури, подавала кораблямъ ложные сигналы, наводившіе ихъ на скалы и подводные камни; корабли разбивались и бандиты грабили трупы несчастныхъ, выкинутыхъ на берегъ, подчасъ убивая раненыхъ. Похожденія жертвъ, ограбленныхъ разбойниками, но оставшихся въ живыхъ, послужили сюжетомъ для многихъ французскихъ романовъ и повѣстей. Энергическими мѣрами, принятыми французскимъ правительствомъ, а еще болѣе, помощью, оказанною мѣстнымъ населеніемъ, преступники были пойманы, а затѣмъ преступленіе въ этой мѣстности уже болѣе не повторялось.

Подобное же преступленіе минувшей осенью было открыто въ англійской Канадѣ. Никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы въ наше время, въ цивилизованной свободной странѣ могло совершиться такое варварство, но несомнѣнные факты доказали его существованіе.

26 августа изъ нью-іоркской гавани вышло норвежское трехмачтовое китоловное судно, Оли-Сель; оно отправлялось на промыселъ въ Гренландское море. Пройдя благополучно проливъ, отдѣляющій Новую землю отъ Лабрадора, Оли-Сель вошло въ Сѣверный океанъ; въ этотъ моментъ поднялся сильный вѣтеръ, 13 сентября превратившійся въ бурю. Судномъ командовалъ капитанъ Одонто, хорошо знакомый съ этимъ моремъ. Онъ направилъ всѣ усилія, чтобы удалить свое судно отъ мыса Чарльза, окруженнаго подводными камнями и скалами, миновать которые во время бури рѣшительно невозможно. Надо было во что бы то ни стало направиться къ сѣверу. Буря, однакожь, усиливалась; мачты одна за другой рухнули и судно съ страшной быстротой понесло къ мысу Чарльзу.

На этомъ мысѣ собралась толпа людей, мужчинъ и женщинъ, одѣтыхъ въ лохмотья, рыбаками, съ фонарями въ рукахъ. Это были пираты, цѣль которыхъ состояла въ томъ, чтобы ускорить гибель судна. Свѣтомъ фонарей они хотѣли обмануть капитана, который наведетъ судно на ближайшую къ берегу скалу и оно разобьется, а вѣтеръ вынесетъ трупы погибшихъ на берегъ.

Можетъ быть, такъ и случилось бы, еслибы еще можно было управлять судномъ. Но оно и безъ того неслось по волѣ вѣтра къ этой скалѣ. Прошло нѣсколько минутъ и судно разбилось въ дребезги.

Первымъ былъ выброшенъ на берегъ матросъ Фэбрисъ, единственный пережившій кораблекрушеніе. Пираты, точно стая коршуновъ, накинулись на него. Предполагая, что имѣютъ дѣло съ трупомъ, они не церемонились съ молодымъ человѣкомъ. Они стали стягивать съ него платье, при чемъ онъ почувствовалъ, что ногти рвутъ его тѣло. Онъ пришелъ въ себя и неистово закричалъ. Хищники, грабившіе его, въ ужасѣ разбѣжались. Но вскорѣ, понявъ, что мертвецъ кричать не можетъ, они обнажили ножи и пошли на несчастнаго. Фэбрисъ приподнялся и, вытащивъ изъ кармана револьверъ, который, къ счастію, оказался при немъ, приготовился къ защитѣ. Увидя это пираты остановились.

— Оставьте его въ покоѣ, сказалъ, повидимому, ихъ начальникъ. — А вы, прибавилъ онъ, обращаясь къ Фэбрису,—не безпокойтесь, мы не сдѣлаемъ вамъ зла, только отойдите и не мѣшайте намъ.

Понятно, что Фэбрису ничего болѣе не оставалось, какъ согласиться на это условіе; могъ-ли онъ противиться двадцати человѣкамъ? Онъ поднялся на холмъ, сѣлъ тамъ и былъ свидѣтелемъ возмутительнаго грабежа, который затѣмъ послѣдовалъ. Трупы одинъ за другимъ выкидывало на берегъ; разбойники раздѣвали ихъ до нага, а когда наступилъ день, сложили ихъ одинъ на другой у подножія скалы. Фэбрисъ видѣлъ все это, онъ жадно слѣдилъ, не спасся-ли кто-нибудь еще изъ его товарищей... нѣтъ, всѣ погибли, только онъ одинъ пережилъ общее несчастіе.

Прошелъ уже часъ послѣ восхода солнца и разбойники, нагрузивъ добычей корзины, приготовились идти домой, какъ прибѣжалъ часовой и сказалъ, что вдали показался отрядъ регулярныхъ войскъ. Въ Лабрадорѣ за грабежъ тѣлъ, выброшенныхъ на берегъ кораблекрушеніемъ, полагается висѣлица. Надо было принять мѣры, чтобы въ глазахъ солдатъ пойти за людей честныхъ. Разбойники заранѣе, на всякій случай, припасли рыбу. Они наложили ее поверхъ корзинъ съ награбленнымъ добромъ, и, такимъ образомъ, могли прослыть за рыбаковъ, возвращающихся съ рыбной ловли. Корзины были нагружены на дрянныхъ, мохнатыхъ лошаденокъ, которыхъ вели въ поводу преимущественно женщины. Фэбрисъ также былъ посаженъ на лошадь. Толпа, окруживъ лошадей, двинулась въ путь.

На Фэбриса накинули плащъ и шляпу мѣстнаго издѣлія, чтобы онъ ничѣмъ не отличался отъ своихъ невольныхъ товарищей. Рядомъ съ его лошадью выступалъ начальникъ шайки.

— Слушай, сказалъ онъ Фэбрису, — если ты пикнешь слово, ты умрешь. Изъ-за твоей болтовни насъ могутъ повѣсить, но какъ только ты раскроешь ротъ, я всажу тебѣ этотъ ножъ подъ лопатку.

Фэбрисъ ничего не отвѣтилъ.

Когда толпа, поднявшись на гору, намѣревалась спускаться съ нея на другую сторону, на встрѣчу ей показался эскадронъ 7-го драгунскаго канадскаго полка.

— Стой! закричалъ эскадронный командиръ.— Кто вы такіе? Откуда идете?

— Мы рыбаки; сейчасъ только вытянули закинутую вчера сѣть, отвѣчалъ смѣло начальникъ шайки.—Можетъ быть, вамъ требуется рыба; у насъ былъ удачный ловъ.

— Нѣтъ, не надо. А не везете-ли вы контрабанду? спросилъ офицеръ.

— Какъ это можно! Такими дѣлами мы не занимаемся. И развѣ вы не знаете, что къ этому берегу не пристаетъ ни одинъ корабль по своей волѣ; ихъ прибиваетъ сюда иногда во время бури, и то разбитыхъ.

— Ну, ступайте своей дорогой, рѣшилъ офицеръ.

Въ тотъ моментъ, когда разбойники проходили мимо солдатъ, Фэбрисъ ударилъ свою лошадь въ бока и она сдѣлала скачекъ въ сторону солдатъ.

— Спасите меня отъ этихъ разбойниковъ! вскричалъ Фэбрисъ.—Они возвращаются съ грабежа.

— Проклятіе! проревѣлъ начальникъ шайки грабителей, убѣдясь, что матросъ обманулъ его бдительность.—Спасайся, кто можетъ! закричалъ онъ, вскакивая на лошадь, нагруженную корзинами и ударяя ее по шеѣ.

Товарищи этого негодяя хотѣли послѣдовать его примѣру, но ихъ плохо-кормленныя лошади, неся на спинѣ кромѣ всадника, еще грузъ, были неспособны на быстрый бѣгъ. О сопротивленіи нечего было и думать: что могли подѣлать разбойники съ своими ножами, противъ солдатъ, вооруженныхъ ружьями и револьверами. Оставалось сбросить корзины и искать спасенія въ бѣгствѣ.

Разбойники такъ-и сдѣлали. Но и драгуны не зѣвали. Они поскакали за бѣглецами и перехватали большую часть изъ нихъ.

Женщины молили о пощадѣ; онѣ ссылались на то, что неволею пошли за мужьями. Однакожь, слезы ихъ не подѣйствовали на эскадроннаго командира; онъ отвѣчалъ, что не имѣетъ права отпустить ихъ и что одинъ только судъ можетъ опредѣлить степень ихъ вины. Всѣ пойманные преступники были отведены въ ближайшую тюрьму. Вскорѣ ихъ судили. Руководители были повѣшены; остальные, въ томъ числѣ и женщины, приговорены къ тяжкимъ работамъ и заключены въ исправительный домъ.

Что касается Фэбриса, онъ встрѣтилъ горячее сочувствіе въ мѣстномъ обществѣ. Оправившись отъ испытанныхъ волненій, онъ воротился на родину.

Судебная ошибка.

Романъ Ф. Буагобея. Переводъ С. И. Воскресенской.

(Продолженіе.)

Глава XII.

Набобъ, очень внимательно слѣдившій за преніями, тоже привсталъ, чтобы видѣть результатъ испытанія.

— Этотъ широкій слѣдъ, гг. присяжные, принадлежитъ глухонѣмому, сказалъ президентъ.— Другой, меньшій, оставленъ человѣкомъ, сопровождавшимъ этого глухонѣмого. Лекокъ, поставьте вашу ногу въ этотъ слѣдъ.

Подсудимый повиновался и всѣ увидали, что у него нога изящная, съ высокимъ подъемомъ, обутая щегольски. Она вошла въ слѣдъ такъ свободно, что въ публикѣ раздался шепотъ, благопріятный для обвиняемаго. Но президентъ заставилъ молодого человѣка поставить ногу и въ третій слѣдъ. Въ этотъ разъ, она вошла въ него довольно плотно.

— Я замѣчу гг. присяжнымъ, сказалъ прокуроръ,—что слѣды могутъ измѣняться въ объемѣ, сообразно тому, болѣе или менѣе тяжело, или болѣе, или менѣе быстро ступаетъ по землѣ человѣкъ. Въ первую ночь убійца не торопился; во вторую онъ хотѣлъ убѣжать.

— Я же, возразилъ защитникъ,—обращаю вниманіе гг. присяжныхъ на крайнее различіе между двумя указанными слѣдами.

— Присяжные оцѣнятъ это, произнесъ президентъ, между тѣмъ какъ подсудимый возвращался на свое мѣсто.—Перейдемъ къ другимъ уликамъ... Подсудимый, вы утверждаете, что портретъ убитой женщины не принадлежалъ вамъ, а былъ вложенъ въ вашъ портфель тѣмъ человѣкомъ, который укралъ его у васъ. Какимъ образомъ объясните вы тогда слова, написанныя на оборотѣ карточки: forget me not! Гг. присяжные знаютъ, что эта фраза значитъ: «Не забудьте меня».

Нѣкоторые изъ присяжныхъ кивнули головой, желая убѣдить публику, что они понимаютъ по-англійски.

— Эти слова относятся не ко мнѣ, спокойно отвѣтилъ подсудимый.

— Довольно странно, однако, что эта женщина изобразила себя раскладывающею пасьянсъ, и что у васъ, въ потайномъ кабинетѣ, найденъ совершенно такой же пасьянсъ... Мало этого: у женщины въ рукахъ пиковая дама... и именно этой карты не достаетъ въ той колодѣ, которую вы храните, какъ драгоцѣнность... Эта карта нашлась на сердцѣ заколотой жертвы.

— Я уже объяснилъ эти совпаденія г. слѣдователю.

— Да, вы старались доказать, что, находясь въ Германіи, вы раскладывали пасьянсъ съ одною молодой дѣвушкою, въ которую вы были влюблены, и что, не смотря на вашъ скорый бракъ съ дѣвицею Лекоптъ, вы сохраняли эти разложенныя карты въ воспоминаніе о счастливыхъ минутахъ. Къ сожалѣнію для васъ, отецъ этой дѣвушки, къ которому былъ сдѣланъ запросъ въ Гейдельбергъ, формально опровергаетъ ваше показаніе.

— Молодая дѣвушка, о которой идетъ рѣчь, вышла замужъ, послѣ войны, за прусскаго офицера, возразилъ подсудимый.—Весьма естественно, что она не желаетъ даже вспоминать обо мнѣ.

Этотъ отвѣтъ произвелъ тоже хорошее впечатлѣніе. Президентъ не настаивалъ и продолжалъ:

— Набалдашникъ трости, найденной у васъ, запятнанъ кровью. Предполагается, что эта трость послужила орудіемъ для убійства г. Лере...

— Я никогда не зналъ г. Лере.

— Вы могли не знать его прежде, но могли застать его у г-жи Фасситъ и убить въ минуту гнѣва...

Люи Лекокъ не отвѣтилъ ничего, но на лицѣ его выразилось въ первый разъ втеченіе всего допроса, нѣкоторое волненіе. Президентъ замѣтилъ это и продолжалъ настойчиво:

— Говорите... можетъ быть, вы не такъ виновны, какъ кажется. Этотъ человѣкъ могъ васъ оскорбить... ударить въ лицо... Вы забылись и нанесли ему ударъ.

Всѣ глаза устремились на подсудимаго; онъ поднялъ голову и произнесъ съ усиліемъ:

— Повторяю, что я никогда не видалъ г. Лере.

Публика шелохнулась, а президентъ произнесъ медленно и сурово:

— Вы упорствуете въ своемъ жалкомъ способѣ защиты. Предваряю васъ еще разъ, что вы вредите себѣ, потому что противъ васъ остаются еще важныя улики и, сказавъ чистосердечно истину, вы могли бы, по крайней мѣрѣ, заслужить нѣкоторое снисхожденіе отъ гг. присяжныхъ... Вотъ конвертъ на имя Маріи Фасситъ. Почеркъ вашъ.

— Нѣтъ.

— Приставъ, передайте присяжнымъ этотъ конвертъ, для сличенія съ другимъ документомъ, несомнѣнно написаннымъ рукою подсудимаго.

Пока бумаги передавались изъ рукъ въ руки, публика дѣлала свои замѣчанія на счетъ подсудимаго,—замѣчанія, вообще, не особенно благопріятныя для бѣднаго молодого человѣка. Его молодость и симпатичная внѣшность расположили сначала всѣхъ присутствовавшихъ въ его пользу, но упорство, съ которымъ онъ отвѣчалъ на всѣ увѣщанія президента, заставило публику перемѣнить свое настроеніе.

— Эксперты произнесутъ свое мнѣніе на счетъ почерка, сказалъ президентъ, принимая бумаги обратно отъ пристава.—Но вотъ письмо, которое вы признаете своимъ.

— Да, сказалъ Люи съ живостью,—но...

— Вы представите свои объясненія послѣ того, какъ я его прочитаю. Прошу гг. присяжныхъ выслушать со вниманіемъ.

Онъ началъ читать:

«Моя милая Мери...» Замѣтьте, гг. присяжные, что письмо написано по французски, но въ имени «Марія» соблюдено англійское правописаніе: «Мери». Такъ звали убитую женщину... Я продолжаю.

«Моя милая Мери, я люблю тебя всею душою. Я уже доказалъ тебѣ это и клянусь, что не разлюблю тебя никогда. Зачѣмъ же ты мучишь меня? Зачѣмъ не соглашаешься бѣжать со мною? Развѣ ты не принадлежишь мнѣ всецѣло и дѣлишь свою привязанность? Ты напрасно толкуешь мнѣ о своихъ обязанностяхъ. Что значатъ обязанности для того, кто любитъ! Развѣ нѣтъ и у меня своего долга, но я забываю его для тебя. Мой отецъ никогда не одобрилъ бы моего намѣренія посвятить тебѣ всю мою жизнь, но я пренебрегаю всѣмъ этимъ. А ты, ты говоришь о какихъ-то правахъ чужого лица... Кто онъ, этотъ человѣкъ, котораго ты боишься и ненавидишь? Что заставляетъ тебя такъ унижаться передъ нимъ? Я теряю всякое терпѣніе, наконецъ. Сжалься надо мною, согласись бѣжать... Умоляю тебя именемъ нашей любви!

«Если же ты откажешь мнѣ, Мери; если ты не рѣшишься свергнуть съ себя иго этого злодѣя, то ты заставишь меня совершить преступленіе. Счастье ему, что мнѣ не пришлось до сихъ поръ встрѣтить его у тебя. Я убилъ бы его на мѣстѣ... Но нѣтъ, ты рѣшишься вырваться на свободу и мы скроемся вмѣстѣ. Чего ты боишься? Если онъ осмѣлится преслѣдовать тебя, развѣ я не выступлю твоимъ защитникомъ? Да и нельзя ему уѣхать, бросить свои дѣла, ты это знаешь. Согласись, прошу тебя снова. Хочешь, чтобы я явился за тобой черезъ три дня, вечеромъ, въ то время, когда онъ отъ тебя уходитъ? Жду съ сердечнымъ трепетомъ твоего отвѣта. Знай только, что лучше мнѣ умереть сто разъ, лучше видѣть тебя мертвою у моихъ ногъ, чѣмъ отказаться отъ тебя».

— Это письмо подписано: «Люи», сказалъ президентъ.—Подсудимый, что можете вы сказать въ объясненіе?

— Письмо написано, дѣйствительно, мною, отвѣчалъ молодой человѣкъ,—но не теперь, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

— Кому оно написано?

— Женщинѣ, которую я тогда любилъ.

— Назовите ее.

— Не могу.

— Почему же?

— Я не хочу компрометировать ее.

Въ публикѣ раздался смѣхъ и различныя восклицанія.

По водвореніи тишины, президентъ произнесъ строго.

— Подсудимый, подобныя увертки не ведутъ ни къ чему. Ваше письмо выдаетъ ваше преступленіе; оно почти описываетъ его заранѣе: Мери, это ваша жертва; человѣкъ, угнетавшій ее, это г. Лере, котораго вы ненавидѣли, какъ соперника. Вы писали, что убьете его, если встрѣтите его у этой женщины... такъ и случилось. Изъ всего видно, что несчастная хотѣла бѣжать; вещи ея были уложены, горничная уже отправлена впередъ... Но бѣжала Мери Фасситъ не отъ того человѣка, котораго вы называли ея преслѣдователемъ; она хотѣла скрыться отъ васъ, изъ страха передъ вашими угрозами. Она сообщила г. Лере о своемъ намѣреніи и онъ пришелъ провести съ нею послѣдній вечеръ по ея приглашенію. Это достовѣрно, потому что при немъ нашли записку, въ которой она звала его къ себѣ къ десяти часамъ вечера. Вы явились и застали ихъ обоихъ за ужиномъ... Завязалась ссора... Остальное понятно. Сознаетесь вы?

Молодой человѣкъ страшно поблѣднѣлъ во время этой рѣчи, но онъ не потупилъ глазъ и сказалъ твердымъ голосомъ:

— Клянусь Богомъ, я не убилъ Маріи Фасситъ.

Этотъ отвѣтъ былъ принятъ публикою въ мрачномъ молчаніи. Никто не сомнѣвался болѣе въ виновности подсудимаго. Защитникъ его, желая нѣсколько ослабить эфектъ этой сцены, поднялся съ мѣста и попросилъ президента суда удостовѣрить присяжныхъ, что приведенное письмо было доставлено прокурору неизвѣстнымъ лицомъ.

— Я прошу гг. присяжныхъ, прибавилъ онъ, обратить тоже вниманіе на слѣдующее обстоятельство: предположивъ, что все произошло такъ, какъ изложено г. президентомъ, нельзя объяснить себѣ, какимъ образомъ мой кліентъ запасся заранѣе чемоданомъ, съ цѣлью скрыть въ него трупъ... Ссора вышла неожиданная и потому онъ не могъ предвидѣть, что убьетъ Мери Фасситъ и г. Лери. Нельзя тоже предположить, что онъ привелъ съ собою глухонѣмого...

— Вы разовьете всѣ эти доводы въ своей защитительной рѣчи, перебилъ его президентъ,— но я замѣчу вамъ только, что чемоданъ принадлежалъ самой Мери Фасситъ, а за глухонѣмымъ преступникъ могъ сходить и по совершеніи убійства... Подсудимый, желаете вы сказать еще что-нибудь?

— Нѣтъ, г. президентъ.

— Вы можете садиться. Приставъ, введите перваго свидѣтеля.

Свидѣтелей было немного. Обвиненіе ограничилось только самыми необходимыми лицами, а защита не могла вызвать никого. Единственный свидѣтель, который могъ принести ей пользу, глухонѣмой, исчезъ безслѣдно. Первымъ былъ выслушанъ начальникъ сыскной полиціи. Онъ говорилъ очень сдержанно, но подтвердилъ съ особой настойчивостью, то обстоятельство, что онъ самъ и его агенты, преимущественно же изчезнувшій Пьедушъ, признали въ подсудимомъ того человѣка, который приходилъ на другую ночь послѣ убійства въ улицу Арбалетъ. Угольщикъ и его жена выразились съ меньшей увѣренностью. Они показали, что подсудимый очень походилъ на одного господина, приходившаго къ Маріи Фасситъ, но они не могли быть твердо увѣрены въ его личности. Воръ-англичанинъ сказалъ, что онъ вовсе не зналъ убитой и не вкладывалъ ничего въ портфель,—въ чемъ и не могло быть сомнѣнія.

Вслѣдъ за этими предстало еще нѣсколько маловажныхъ свидѣтелей, нѣкоторые знакомые Лере, фотографъ, дѣлавшій портретъ, различные

Звонарь Смюльдерса.

поставщики Маріи Фасситъ; затѣмъ были выслушаны врачи-эксперты, долго и глубокомысленно пояснявшіе присяжнымъ и публикѣ, какимъ образомъ были нанесены раны убитымъ и сколько времени протекло между ихъ послѣднимъ ужиномъ и смертью; такъ же пространно говорили, но съ большимъ знаніемъ дѣла, каллиграфы-эксперты о толстыхъ и тонкихъ чертахъ, о взмахахъ и закругленіяхъ въ почеркѣ, доказывая, что адресъ на конвертѣ, найденномъ въ квартирѣ убитой, былъ написанъ рукой подсудимаго. Было тоже прочитано письмо содержателя того англійскаго пансіона, въ которомъ провелъ нѣкоторое время Люн Лекокъ. Въ этой атестаціи говорилось, что молодой человѣкъ велъ себя непокорно и старался даже соблазнять дочерей сосѣднихъ фермеровъ. Гейдельбергскій профессоръ, письмо котораго было тоже прочитано, отвергалъ съ негодованіемъ всякую мысль о томъ, чтобы его дочь могла заниматься пасьянсами съ какимъ-нибудь французомъ, хотя бы и до франко-прусской войны.

Наконецъ, была выслушана и Тереза Леконтъ. Ея мать, очень больная, не могла явиться въ судъ, и бѣдная молодая дѣвушка была вынуждена вынести одна эту пытку. Она подошла къ столу вся въ черномъ, какъ бы уже нося трауръ по своемъ женихѣ. Лицо ея было закрыто густымъ вуалемъ. Ея появленіе произвело сильное впечатлѣніе на публику. Всѣ глаза обратились къ ней; одинъ только подсудимый отвернулся, повидимому, для того, чтобы сказать нѣсколько словъ своему адвокату.

Президентъ суда выказалъ особенное вниманіе къ Терезѣ; онъ приказалъ подать ей стулъ, далъ ей время оправиться и вѣжливо пригласилъ ее поднять вуаль и снять перчатку для принесенія присяги.

— Сударыня, сказалъ онъ,—потрудитесь сказать, въ которомъ часу ушелъ г. Лекокъ изъ дома вашей матери, вечеромъ 13 января?

— Около половины десятаго, отвѣчала Тереза едва слышнымъ голосомъ.

— А на другой день, 14-го числа?

— Въ десять часовъ.

— Эти показанія вѣрны, сударыня, и судъ благодаритъ васъ за нихъ, вполнѣ оцѣнивая ваше грустное положеніе. Но мы ждемъ отъ васъ еще большаго... Подсудимый держится системы упорнаго отрицанія. Такъ какъ, до самого рокового дня преступленія, онъ велъ жизнь человѣка вполнѣ порядочнаго, то все, что онъ могъ бы привести въ свое оправданіе, было бы встрѣчено всѣми съ сочувствіемъ, въ чемъ онъ самъ, безъ сомнѣнія, увѣренъ... Но онъ, повторяю, упорствуетъ въ своемъ запирательствѣ, отрицая даже самую очевидность. Позволительно думать, что имъ руководитъ какое-то непонятное чувство,—можетъ быть, ложный стыдъ, боязнь признаться въ какомъ-нибудь заблужденіи, несравненно болѣе извинительномъ, чѣмъ приписываемыя ему преступленія, по такомъ, которое ему болѣе тяжело обнаружить... Если-бы онъ рѣшался высказать правду, онъ, вѣроятно, оказался бы менѣе виновнымъ; если же онъ будетъ упорствовать въ прежней системѣ, то онъ самъ подтвердитъ этимъ отсутствіе всякихъ смягчающихъ обстоятельствъ.

— Я увѣрена, что онъ никогда не лгалъ, прошептала дѣвушка.

— Желаю, чтобы гг. присяжные раздѣлили ваше убѣжденіе, сударыня. А теперь, прошу васъ, отвѣтить мнѣ на слѣдующій вопросъ... вѣря, при томъ, что я предлагаю его вамъ съ самымъ благимъ намѣреніемъ: полагаете вы, что Люн Лекокъ искренно любилъ васъ?

— Да, я такъ думаю, отвѣчала Тереза слабымъ голосомъ.

— Вы слышате, подсудимый, сказалъ президентъ, обращаясь снова къ молодому человѣку.— Неужели вы не захотите сдѣлать попытку къ оправданію, даже и теперь, когда отвѣтъ вашей невѣсты облегчаетъ вамъ этотъ путь?

Люн Лекокъ вздрогнулъ и поднялся съ мѣста. Казалось, что онъ хочетъ что-то сказать... Вся зала замерла въ ожиданіи... Даже набобъ утеръ невольную слезу.

— Говорите! повторилъ президентъ, самъ едва

пересиливая свое вниманіе.—Говорите! Моими устами умоляетъ васъ сама ваша невѣста.

Подсудимый сдѣлалъ движеніе... слово было готово сорваться съ его языка, но глаза его встрѣтились съ заплаканными глазами Терезы и онъ быстро откинулся назадъ, говоря:

— Нѣтъ... нѣтъ... я... не могу сказать ничего.

Тереза пошатнулась; приставъ, стоявшій возлѣ нея, едва успѣлъ подхватить ее на руки и вывелъ, полубезчувственную, изъ залы.

Съ минуту длилось молчаніе; потомъ президентъ спросилъ съ оффиціальною сухостью:

— Подсудимый, желаете вы привести что-нибудь въ свою защиту?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Люи.

— Объявляю судебное слѣдствіе законченнымъ. Слово за обвинительной властью.

Эта фраза прозвучала, какъ похоронный звонъ. Всякій понималъ, что участь подсудимаго рѣшена, и прокуроръ, въ своей обвинительной рѣчи, не счелъ даже нужнымъ особенно взывать къ безпристрастію присяжныхъ. Онъ сказалъ только заключеніе: «Гг. присяжные, вы слышали подробности дѣла; вы не захотите оставить безнаказаннымъ подобное гнусное преступленіе; не смягчаемое никакими обстоятельствами.»

Публика вздрогнула. Обвинитель требовалъ головы подсудимаго.

Одинъ только Люи Лекокъ остался невозмутимымъ. Онъ понималъ, что все кончено, но покорялся своей участи.

Но его защитникъ не считалъ еще дѣла проиграннымъ. Онъ всталъ и произнесъ горячую, прочувствованную рѣчь, въ который выставилъ ярко и образно всю недостаточность приведенныхъ уликъ, неполноту слѣдствія. И онъ закончилъ свою блестящую защиту слѣдующими словами:

— Вамъ говорятъ, гг. присяжные, что общественная справедливость требуетъ наказанія виновнаго... Но еще важнѣе для общества: спасти голову невиннаго отъ плахи!.. Нельзя обвинить человѣка на основаніи однихъ предположеній... Между тѣмъ, все обвиненіе построено только на нихъ.

Публика была тронута; нѣкоторые изъ присяжныхъ даже утирали слезы. Но можно сожалѣть человѣка до слезъ, и все же не быть убѣжденнымъ въ его невинности.

Защита и обвиненіе обмѣнялось еще нѣсколькими словами; потомъ подсудимый былъ удаленъ изъ залы.

Присяжные совѣщались два часа. Наконецъ, они вошли снова и старшина произнесъ роковое:

— Да, подсудимый виновенъ.

Публика ждала, замирая, еще нѣсколькихъ словъ. Но ихъ не было произнесено. Присяжные не нашли смягчающихъ обстоятельствъ... Слѣдовательно, это былъ смертный приговоръ.

Когда подсудимаго снова ввели въ залу, онъ взглянулъ на своего защитника; тотъ постарался избѣжать его взгляда. Молодой человѣкъ понялъ все, и когда президентъ суда спросилъ его, не имѣетъ ли онъ чего возразить противъ примѣненія степени наказанія, онъ отвѣтилъ холодно:

— Нѣтъ. Я не желаю аппелировать.

— Вы имѣете на это трехдневный срокъ, замѣтилъ ему президентъ, взволнованный болѣе, чѣмъ самъ осужденный.

Толпа разошлась въ суровомъ молчаніи. Всѣ находили приговоръ справедливымъ, но испытывали въ то же время какое-то смутное сознаніе неудовлетворенности. Недоставало именно того яснаго убѣжденія, которое заставляетъ публику мириться даже съ самымъ строгимъ приговоромъ.

Когда Люи Лекокъ проходилъ по тюремному коридору, одинъ изъ сторожей сунулъ ему въ руку записку такого содержанія:

«Вашъ отецъ умоляетъ васъ подать сегодня на аппеляцію».

Въ то же время, Тереза Леконтъ, выходя изъ свидѣтельской комнаты, получила записку съ слѣдующими словами: «не предавайтесь отчаянію. Клянусь вамъ, я его спасу». «Лекокъ».

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Звонарь Смюльдерса.

(Рис. стр 176).

Извѣстный механикъ въ Местрихтѣ, Смюльдерсъ, изобрѣлъ инструментъ, при помощи котораго можно звонить въ колокола, съ соблюденіемъ музыкальной гармоніи, употребляя при томъ не болѣе физическихъ усилій, какъ при игрѣ на фортепьяно, такъ какъ и въ этомъ инструментѣ приходится ударять руками по клавишамъ.

Посредствомъ двухъ педалей, подобныхъ педалямъ въ органѣ, человѣкъ, управляющій инструментомъ, приводитъ въ движеніе два маховыхъ колеса, вѣсящихъ каждый 100 килограммовъ (244 фунта). Оба маховые колеса насажены на общую, довольно объемистую ось, снабженную девятью рядами зубцовъ. Въ каждомъ ряду столько зубцовъ, сколько колоколовъ приводится въ движеніе.

Къ оси прикрѣплены штифтики, сообщающіеся съ языками колоколовъ. Эти штифтики подвижные; во время игры на звонарѣ, они нѣсколько приподнимаются и приходятъ въ соприкосновеніе съ зубцами оси, которые отвѣчаютъ имъ сильнымъ ударомъ. Этотъ ударъ штифтики передаютъ сообщающимся съ ними языкамъ, а тѣ въ свою очередь ударяютъ о стѣны колокола.

Благодаря механизму, скрытому въ герметически закупоренномъ ящикѣ, — тайна котораго извѣстна пока одному изобрѣтателю, — только одинъ зубецъ ударяетъ въ сообщающійся съ нимъ штифтикъ. Безъ этого приспособленія, вмѣсто одного удара въ колоколъ, разомъ получалось бы нѣсколько. Тонъ и мелодію даетъ спеціально приспособленная клавіатура. Партитура разыгрывается ударомъ о клавиши; ударъ передается соотвѣтствующему зубцу на оси, а зубецъ ударяетъ о штифтикъ. Слѣдовательно правильность мелодіи зависитъ отъ искуства человѣка, управляющаго клавишами, отъ котораго потребуется знаніе читать ноты, потому что, при дѣйствіи звонаря, звонить придется по нотамъ.

Педали, вращающія ось, приводятся въ движеніе ногами человѣка, управляющаго инструментомъ; можно вращать ихъ и ручкой, но въ такомъ случаѣ, музыканту, перебирающему руками клавиши, потребуется помощникъ для верченія ручки.

Звонарь Смюльдерса, былъ испробованъ въ Местрихтѣ въ присутствіи органистовъ и пономарей всѣхъ церквей города и всѣ они нашли новое изобрѣтеніе превосходнымъ и чрезвычайно удачнымъ. Очень вѣроятно, что звонарю Смюльдерса предстоитъ широкое распространеніе.

Наши ближніе.

Фельетонные наброски.

XII.

(Отрывки изъ записной книжки стараго холостяка.)

3.

«Дядюшка изъ Америки».

. . . Какъ радовались всѣ его родные, когда онъ возвратился въ Россію на «Аскольдѣ» изъ долговременнаго кругосвѣтнаго плаванія! Но больше всѣхъ радовался онъ самъ своему возвращенію на родину, потому что, «чортъ возьми, въ гостяхъ хорошо, а дома лучше того». Тамъ приходилось переносить бури и тревоги, исполнять обязанности службы, чиниться чуть не въ каждомъ портѣ, почти перестраивать разшатавшееся судно въ Японіи, безучастно смотрѣть на чужую жизнь и пить со скуки; здѣсь можно было отдыхать, разсказывать тысячи случаевъ изъ своихъ воспоминаній и, главное, наслаждаться ласками многочисленной родни, сжимавшей въ теплыхъ объятіяхъ «милаго дядю изъ Америки», какъ назвала его въ шутку одна изъ его племянницъ. Всѣ были въ восторгѣ, всѣ неуставали слушать его, когда онъ явился впервые въ Петербургъ, и болѣе всѣхъ восторгался онъ самъ: когда онъ ѣхалъ обратно въ Кронштадтъ послѣ визитовъ къ роднымъ, онъ былъ до того счастливъ, до того веселъ, что, пошатываясь и улыбаясь, пѣлъ себѣ подъ носъ: «И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ»,—напѣвая въ сотый разъ эту строчку, онъ все старался припомнить окончаніе этого «романса», никакъ не догадываясь, что это строка изъ «Горя отъ ума», а не изъ романса.

— Ну, ужь и выдумалъ, что мнѣ привезти, пренебрежительнымъ тономъ говорила одна изъ его племянницъ, послѣ его отъѣзда.—Шарфъ изъ японскаго крепона! Безобразіе какое! Не могъ привезти кружевную косынку изъ Парижа!

— Ахъ, да у него же совсѣмъ нѣтъ вкуса, замѣтила другая племянница.—Ну, ты посмотри, что это за вѣеръ онъ подарилъ мнѣ. Какія-то уродливыя китайскія фигурки, небывалые звѣри, кривые деревья, точно на чайныхъ ящикахъ, и все такъ мелко вырѣзано. Кто же носитъ такіе вѣера? Не могъ выбрать какого-нибудь бѣлаго атласнаго, съ блестками, съ пухомъ на концахъ, чтобы годился для бала...

— Съ чего это дядюшка выдумалъ, что я играю въ шахматы? разсуждалъ молодой его племянникъ.—Привезъ какіе-то шахматы изъ Китая. Они мнѣ вовсе не нужны. Ну, ружье бы привезъ, чтоли, тамъ, или охотничій костюмъ, а то шахматы!..

— Это ему, братъ, съ пьяныхъ глазъ померещилось, что ты не охоту, а шахматы любишь, замѣтилъ другой племянникъ.

— Развѣ только... А онъ точно должно быть, любитъ клюкнуть, сказалъ первый изъ племянниковъ.

— Да ужь, братъ, одинъ носъ достаточно свидѣтельствуетъ о слабости сего джентльмена, къ горячительнымъ напиткамъ, рѣшилъ второй.

— Да, измѣнился братъ, очень измѣнился, вздыхала сестра пріѣзжаго.—Огрубѣлъ какъ-то, что-то солдатское въ манерахъ появилось и эти постоянныя «чортъ возьми» просто съ ума могутъ свести!

— Извѣстно, другъ мой, къ чему пріучаетъ холостая жизнь, вѣчное скитанье на кораблѣ, постоянный разгулъ съ товарищами, замѣтилъ ея солидный мужъ.

— Ты когда-нибудь замѣть ему, Жакъ, чтобы онъ немного сдерживался при дѣвицахъ: онъ сегодня вѣдь такіе анекдоты разсказывалъ, что я готова была убѣжать изъ комнаты...

— Ты еще не все слышала, а что онъ намъ, мужчинамъ, разсказывалъ!

— То есть кому это вамъ, мужчинамъ?

— Мнѣ и сыновьямъ...

— Какъ и Жоржъ, и Сержъ были тутъ? Ахъ, да онъ ихъ совсѣмъ испортитъ. Онъ, должно быть, совсѣмъ опустился въ нравственномъ отношеніи... И то сказать, три года такой жизни много значутъ!..

Но почтенная семья замѣтивъ всѣ эти недостатки пріѣзжаго, замѣтила въ немъ одинъ еще болѣе крупный недостатокъ: дядюшка изъ Америки былъ очень простоватъ и довѣрчивъ; его было легко обмануть и подкупить въ свою пользу малѣйшей лаской; онъ не умѣлъ отличить, кто ближе ему по кровной связи и по искреннему чувству. Вслѣдствіе этого недостатка, дядюшка изъ Америки посѣтилъ и одарилъ, не только семью своей родной сестры, но также посѣтилъ и ода-

рилъ и семью своего покойнаго двоюроднаго брата, семью недостойную никакой любви, семью вѣчно нуждавшуюся, а потому алчную до денегъ, семью, неимѣвшую, наконецъ, никакихъ правъ на щедрости дядюшки изъ Америки, такъ какъ покуда у него существовали болѣе близкіе родные, то есть семья его родной сестры. Послѣдняя семья на другой же день послѣ визита дядюшки изъ Америки откомандировала одного изъ своихъ членовъ въ «недостойную семью», чтобы посмотрѣть, что привезъ этой семьѣ «дядюшка изъ Америки». Къ величайшему ужасу командированнаго оказалось, что члены недостойной семьи тоже получили и шарфъ изъ японскаго крепона, и китайскій вѣеръ, и шахматы изъ слоновой кости, однимъ словомъ, все то, что получила и семья родной сестры пріѣзжаго,—но хуже всего было то, что недостойная семья собиралась «на дняхъ» посѣтить дядю въ Кронштадтѣ. Это сообщеніе произвело въ семьѣ родной сестры неописанный переполохъ и взрывъ негодованія на недостойную семью дошелъ до послѣднихъ предѣловъ, когда командированный въ эту семью членъ передалъ въ своемъ кружкѣ слѣдующую, слышанную имъ въ недостойной семьѣ, фразу:

— Ужь кто же можетъ быть ближе насъ Ивану Сергѣевичу,—вѣдь онъ и жилъ съ нашимъ покойнымъ отцемъ и Анна его единственная крестная дочь... а крестная-то дочь, какъ говорится въ законѣ, ближе родной...

— И въ какомъ это такомъ законѣ онѣ нашли это? Желала бы я знать! Это любопытно! волновалась родная сестра пріѣзжаго.

— Ахъ, maman, чего же вы хотите отъ нихъ,—они совсѣмъ необразованныя! съ пренебрѣженіемъ замѣтила старшая племянница пріѣзжаго, сердившаяся, что дядя не привезъ ей кружевной косынки изъ Парижа.

— Но надо будетъ и намъ съѣздить, надо его какъ-нибудь предупредить на ихъ счетъ, а то они его совсѣмъ обойдутъ, тревожилась родная сестра пріѣзжаго.

— Не съѣздить ли мнѣ одному? спросилъ ее мужъ.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, онъ можетъ подумать, что мы отдаляемся отъ него... Ахъ, какъ это непріятно... Я вовсе не хотѣла везти къ нему дѣтей... Нѣтъ, да мы должны... я, наконецъ, родная сестра... я вовсе не желаю, чтобы кто-нибудь вторгался въ наши семейныя отношенія... какая-нибудь бывшая... Ахъ, да нѣтъ, это надо ему разъяснить... открыть глаза...

Родная сестра пріѣзжаго теряла голову...

— Охъ, жохи какіе, Жоржку своего командировали высмотрѣть, что намъ Иванъ Сергѣевичъ привезъ, говорили между тѣмъ въ недостойной семьѣ.—Теперь лопнутъ отъ зависти да ничего, на здоровье! Надо вотъ только съѣздить къ нему, къ голубчику нашему, а то еще наплетутъ на насъ чего-нибудь.

— Да поѣдемте завтра, предложила младшая дочь недостойной семьи.

— Что-жь, завтра такъ завтра, рѣшила мать.— Вотъ-то взбѣсится сестрица родная, узнавъ, что мы, чужіе-то, раньше ее вздумали навѣстить его, нашего благодѣтеля!

Вся недостойная семья радовалась при мысли о бѣшенствѣ родной сестры пріѣзжаго...

... Они встрѣтились у него всѣ: и члены достойной семьи и члены недостойной семьи, и стоило посмотрѣть, что за турниръ произошелъ здѣсь. Сначала всѣ эти люди перецаловались между собою и съ дядюшкой изъ Америки; потомъ, когда хозяинъ побѣжалъ распоряжаться по хозяйству, чтобы угостить своихъ дорогихъ гостей, между гостями произошла ѣдкая пикировка, чуть-чуть не дошедшая до крупной брани и слезъ; далѣе, когда хозяинъ снова вернулся въ общество своихъ гостей, гости набросились на него съ такими ласками, улыбками, заискиваніями, какъ будто они хотѣли разорвать его на части и унести эти частицы, какъ святыню, себѣ на память. Дядюшка изъ Америки растрогался, разчувствовался и, уже пропуская пятую рюмку вина за закуской, заговорилъ о томъ, что ему предлагаютъ видный и выгодный постъ въ Петербургѣ и что онъ хочетъ «бросить, наконецъ, навсегда якорь».

— Ахъ Жанъ, какъ я буду рада, если мы опять будемъ жить вмѣстѣ, какъ мы жили въ дѣтствѣ, восторженно произнесла его родная сестра. — Довольно тебѣ странствовать и толкаться богъ знаетъ гдѣ...

— Я думаю, Ивану Сергѣевичу самое лучшее обзавестись своей собственной семьей, замѣтила мать недостойной семьи.

— Ну, онъ въ такихъ лѣтахъ, что ему не легко сдѣлать приличную партію, замѣтила родная сестра хозяина.—Тоже не радость на какой-нибудь отжившей вдовѣ жениться...

— Я думаю, за Ивана Сергѣевича не только какая-нибудь отжившая вдова пойдетъ, а любая молоденькая барышня, возразила мать недостойной семьи.

— Да, съ цѣлью приставить ему рога! ядовито прошипѣла родная сестра хозяина.

— Ну, есть и не такія дѣвушки, еще болѣе ядовито проговорила мать недостойной семьи.— Вѣдь это тамъ—въ клубахъ, да въ собраніяхъ вертушки разныя воспитуются, а Иванъ Сергѣевичъ, слава Богу, не бѣдный человѣкъ и можетъ жениться на дѣвушкѣ бѣдной, выросшей въ скромной семьѣ.

— Да ужь я, конечно, на деньгахъ не женился бы, согласился хозяинъ. — Мнѣ нужна жена, а не деньги. Деньги и безъ жены найдутся...

Родная сестра хозяина была возмущена: она ясно видѣла, что эта недостойная женщина хочетъ продать свою дочь.

— Боже мой, они совсѣмъ опутаютъ брата! восклицала она, возвращаясь домой со своимъ семействомъ.—Впрочемъ, кажется, онъ крестилъ дѣвочекъ, онъ не можетъ ни на которой изъ нихъ жениться...

— Нѣтъ, maman, онъ крестилъ только Анню, а Катя можетъ выйдти за него замужъ, замѣтилъ старшій сынъ. Ну, и хорошая же парочка будетъ, не разъ поплачетъ дядя...

— Она, кажется, вѣтренница? спросила мать.

Ея сыновья переглянулись между собою и лукаво улыбнулись.

— Нѣтъ, эту свадьбу надо будетъ разстроить, надо будетъ открыть глаза брату, вздохнула родная сестра пріѣзжаго.

— Это, maman, очень не трудно сдѣлать, но дядя можетъ разсердиться на насъ, замѣтилъ ея старшій сынъ.

— Боже мой, неужели она не оставила въ покоѣ даже васъ? съ ужасомъ спросила мать.

Оба брата улыбнулись.

По пріѣздѣ домой, мать призвала къ себѣ одного изъ сыновей.

— Жоржъ, я должна серьезно поговорить съ тобой, сказала она. — Изъ нашего послѣдняго разговора я съ горечью убѣдилась, что эта дѣвчонка вступила съ тобой въ какія-то грязныя отношенія. Ты еще совсѣмъ мальчикъ...

— Мнѣ, maman, двадцать первый годъ, замѣтилъ сынъ.

— Ты еще совсѣмъ мальчикъ, сказала мать,— и я желала бы, чтобы мой Жоржъ остался какъ можно дольше мальчикомъ. Но, конечно, если дѣвушка вѣшается сама на шею юношѣ, то онъ легко можетъ пасть. Я хотѣла бы знать, какія отношенія существуютъ между вами...

— Но, maman...

— Мнѣ нужно это для моего спокойствія...

— Если ты требуешь, сказалъ сынъ,—я, пожалуй, разскажу, но мнѣ, право, неловко...

— Я мать и ты можешь мнѣ говорить все, какъ сказалъ бы на исповѣди священнику...

— Это, maman, были просто шалости. Мы съ Сержемъ ухаживали за ней...

— Какъ, она увлекала обоихъ... двухъ братьевъ! воскликнула мать, всплеснувъ руками.

— Но я же тебѣ говорю, что это были шалости, сказалъ сынъ.—Свиданья въ саду, поцалуи, мы ее...

— Письма, письма есть-ли? прервала его мать.

— Есть, отвѣтилъ сынъ.

— Ты передашь ихъ мнѣ!

— Но, maman...

— Ты передашь ихъ мнѣ! Ахъ, Богъ мой, что это за падшее созданье! И на такой-то дѣвушкѣ хотятъ женить оглупѣвшаго старика! Я надѣюсь, Жоржъ, что ты поймешь, надъ какою пропастью ты стоялъ и остепенишься...

Сынъ поцаловалъ руку матери и вышелъ.

— Что? на допросѣ былъ? спросилъ его братъ.

— Да, разсказалъ про наши ухаживанья за Катей.

— Ну-у! для чего?

— Да оно, знаешь, лучше. Maman разстроитъ эту свадьбу и намъ будетъ опять возможно играть съ дѣвченкой въ любовь.

— Играть въ любовь! Если бы она вышла за дядю, тогда можно бы и подальше завести игру.

— Ну, братъ, дядюшка и намъ нуженъ: его сердить и выпускать изъ рукъ не слѣдуетъ. Старикашка-то, кажется, простъ, да мать говоритъ, что у него и деньга порядочная скоплена.

— Ну да, а жди, когда умретъ...

— Да онъ, братъ, на сушѣ быстро скапутится. Онъ пьетъ изрядно и, кажется, на счетъ женскаго пола спеціалистъ.

— А ты видѣлъ, какія я у него японскія картины подцѣпилъ? И какъ сдѣланы: фигуры нарисованы, а одежда настоящая изъ шелку сдѣлана, превосходно...

— Только ужь игры воображенія тутъ много, всѣ эти изображенія чистая фантазія, въ натурѣ это невозможно.

— Ну да, у насъ невозможно, а въ Японіи— чортъ ихъ знаетъ, что тамъ творится.

Въ этотъ же вечеръ въ недостойной семьѣ шли толки другого рода. Мать недостойной семьи рѣшала съ дѣтьми, какъ они будутъ жить, когда Катя выйдетъ замужъ за Ивана Сергѣевича—всѣ вмѣстѣ, или на два дома? Самый вопросъ о женитьбѣ Ивана Сергѣевича на Катѣ, не подлежалъ уже никакому сомнѣнію.

— Но какъ же я съ нимъ, мама, жить буду? Онъ старый! замѣтила Катя.

— Ну, мать моя, со старымъ да съ богатымъ не штука прожить, а вотъ посмотрѣла бы я, какъ бы ты съ молодымъ-то, да съ голымъ прожила, замѣтила мать.—А ты лучше подумай, какъ бы его изъ рукъ не выпустить, да привлечь къ себѣ.

— Удивительно! И не такихъ заставляли по себѣ вздыхать! проговорила дочь.

Въ первый же слѣдующій пріѣздъ въ Петербургъ Иванъ Сергѣевичъ заѣхалъ снова въ недостойную семью и заночевалъ здѣсь. Онъ чувствовалъ себя въ этой семьѣ гораздо лучше, чѣмъ въ семьѣ родной сестры, такъ какъ здѣсь люди жили по просту, сейчасъ закуску ему на столъ ставили, просили сюртукъ разстегнуть и вообще были и сами на распашку и другихъ не стѣсняли. Вечеромъ Катя играла на фортепьяно и пѣла: «Ты скоро меня позабудешь». Иванъ Сергѣевичъ млѣлъ отъ восторга и совсѣмъ растерялся, когда Катя шепнула ему:

— Ахъ, если бы вы никогда отъ насъ не уѣзжали!

Когда нужно было идти спать, она сказала ему, что она сама постлала ему постель и что она всю ночь не будетъ спать, мечтая о немъ. Братья Кати далеко за полночь бесѣдовали съ Иваномъ Сергѣевичемъ о разныхъ фривольныхъ предметахъ и замѣтили, между прочимъ, что Катя—огонь-дѣвчонка. Иванъ Сергѣевичъ совсѣмъ растаялъ и на слѣдующій день, встрѣтившись съ Катей, съ чувствомъ сжалъ ея руку, а Катя неожиданно прижалась къ нему и прошептала:

— Какой вы хорошій!

Все шло отлично, «своимъ путемъ», какъ выражалась мать недостойной семьи.

Иванъ Сергѣевичъ сталъ все чаще и чаще пріѣзжать изъ Кронштадта прямо въ квартиру недостойной семьи, даже и не заглядывая къ родной сестрѣ, не потому, что онъ ее не любилъ, а потому, что недостойная семья не выпускала его отъ себя. И то сказать, какъ ему было вырваться куда-нибудь изъ этого дома: то шли тутъ закуски и толки съ молодыми людьми, то Катя играла на фортепьяно и пѣла: «Не уѣзжай голубчикъ мой!» Въ одинъ прекрасный день Иванъ Сергѣевичъ рѣшился... Онъ, можетъ быть, и не рѣшился бы, но случай такой вышелъ: наканунѣ у него произошла такая сцена съ Катей...

— Господи, точно мичманъ какой увлекся! бормоталъ Иванъ Сергѣевичъ, вспоминая эту сцену.—Впрочемъ, чтоже, я никакой подлости не сдѣлалъ; все равно, когда сдѣлается моею женою, такъ и не то будетъ. Пошалилъ немного, а что за дѣвушка, что за дѣвушка! И вѣдь нужно же ей было вчера явиться такой сиреной! Надо будетъ объясниться.

Ну, и объяснился, получилъ согласіе, возликовалъ. На радостяхъ онъ поѣхалъ къ родной сестрѣ: надо же ее извѣстить о предстоящей свадьбѣ.

— Жанъ, бѣдный Жанъ, что ты хочешь дѣлать, въ какую исторію ты попалъ! воскликнула родная сестра дядюшки изъ Америки.

— Что такое? Я тебя не понимаю? взволновался онъ.

— Ахъ, еслибы я могла это предвидѣть!... Да нѣтъ, развѣ можно было предвидѣть такую мерзость... это просто гнусно... низко... Ахъ, бѣдный, бѣдный Жанъ!...

Сестра даже отерла слезы на глазахъ.

— Да разскажи ты мнѣ, чортъ возьми, что случилось? топнулъ ногою братъ.

— Да вѣдь она жила... фи! даже говорить скверно!... она жила съ моими мальчиками, она и ихъ увлекла! воскликнула сестра.—Я случайно нашла ея письма къ нимъ... свиданія тамъ у нихъ... и все такое...

Дядюшка изъ Америки заходилъ быстрыми шагами по комнатѣ, ероша свои волосы.

— Чортъ возьми!... Что же это значитъ?... Ты разскажи толкомъ! бормоталъ онъ, топнувъ ногою.—Дурака нашли, пѣньтюха, одурачить хотѣли... Ну, разсказывай!...

— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу... замахала рукой сестра.—Вотъ тутъ у меня письма ея... Да нѣтъ, пусть лучше мальчики сами разскажутъ тебѣ... Они, кажется, у себя... Только ты не говори, бѣдный мой Жанъ, что ты женишься, чтобы не выставлять себя въ смѣшномъ свѣтѣ, а такъ разговорись о ней, выспроси.. Они проболтаются...

Иванъ Сергѣевичъ отправился къ «мальчикамъ» и навелъ рѣчь на Катю..

— Да, славныя тѣлеса, сказалъ Сержъ.

Иванъ Сергѣевичъ краснѣлъ на старости лѣтъ, слушая разсказы своихъ племянниковъ о своей невѣстѣ. Онъ далеко не такъ хорошо, не такъ подробно зналъ ея достоинства и прелести, какъ они. Его сцена съ нею блѣднѣла передъ ихъ сценами съ нею.

— Да, чортъ возьми, жениться вы на ней оба хотѣли, что ли? крикнулъ наконецъ дядя.

Племянники расхохотались.

— Развѣ на такихъ женятся, дядя!

Иванъ Сергѣевичъ подумалъ, что вѣдь и дѣйствительно на такихъ не женятся. Но какъ же это его дурачила она? Какъ же она смѣла его обманывать? Хорошъ бы онъ былъ, женившись на ней! Еще хорошо, что племянники ничего не знаютъ, а то на смѣхъ подняли-бы.

— А что, дядя, вамъ она не разставляла своихъ сѣтей? спросилъ вдругъ племянникъ Жоржъ.

— Еще бы... еще бы... проговорилъ дядя, въ сильномъ смущеніи.

— Ну, да вѣдь вы старый воробей, васъ на мякинѣ не обманешь...

— Еще бы... еще бы... пробормоталъ дядя.

— Охъ, грѣховодникъ, вѣрно тоже ужь поиграли съ барышней! похлопалъ дядю по колѣнкѣ племянникъ Сергѣй.

Дядюшка изъ Америки какъ-то глуповато подмигнулъ вмѣсто отвѣта.

— Ахъ, милый Жанъ, это вѣдь цѣлый комплотъ, заговоръ, утѣшала вечеромъ брата родная сестра.—Тамъ, они всѣ, вѣрно, въ заговорѣ, и мать и дѣти. Знаютъ, какъ ты добръ и довѣрчивъ, ну, и рѣшились сдѣлать тебя жертвой гнусной интриги. Можетъ быть, она, эта дѣвчонка, даже въ такомъ положеніи, что ей нужно выйдти замужъ. Я, право, не знаю, какъ ты отдѣлаешься отъ нихъ; они, конечно, станутъ играть роль невинныхъ...

— Ну да, невинные! Сергѣй вонъ мнѣ разсказывалъ, что онъ... загорячился дядюшка изъ Америки.

— Да я знаю, знаю, перебила его сестра, боясь подробностей. Вѣдь у меня же вонъ на столѣ лежатъ ея письма... Но я только о томъ говорю, что они станутъ притворяться и плакать передъ тобою, объясняя, что дѣвушка, просто увлеклась Сержемъ...

— Да вѣдь и Егоръ разсказывалъ, что онъ тоже съ нею... перебилъ сестру дядюшка изъ Америки,

— Ну да, ну да, поспѣшила прервать его сестра,—я все знаю, все, но они-то станутъ вывертываться... Безъ борьбы они тебя не выпустятъ изъ рукъ...

— Да что я, малолѣтокъ, что ли? крикнулъ братъ.—Плевать я на нихъ хотѣлъ. Забылъ я у нихъ что-нибудь, что-ли?

Иванъ Сергѣевичъ негодовалъ, сестра его утѣшала. Она говорила про распущенность недостойной семьи, про то, что сыновья тамъ уже попиваютъ, хотя они и мальчишки, что обѣ дочери завлекаютъ разныхъ неопытныхъ людей, распѣвая имъ романсы, что мать семейства старается оставлять дочерей на единѣ съ мужчинами, что завлекаемыхъ мужчинъ стараются споить виномъ, что подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, нѣжныхъ романсовъ, сальныхъ намековъ, мужчины попадаются въ сѣти этихъ сиренъ. Иванъ Сергѣевичъ сознавалъ, что сестра права, что въ недостойной семьѣ дѣлается все именно такъ, какъ описываетъ она.

— Конечно, ихъ цѣль ясна, закончила сестра. —Они хотѣли тебя женить на Катѣ, чтобы скрыть ея грѣхи и прибрать къ рукамъ твое состояніе... Они, вѣроятно, разсчитывали, что ты проживешь не долго... И то сказать, молодая жена легко можетъ уморить мужа твоихъ лѣтъ, а имъ, конечно, только и нужна была твоя смерть... У меня сердце обливается кровью, какъ я подумаю, что они хотѣли съ тобою сдѣлать, Жанъ!...

Потомъ сестра начала объяснять брату, какъ должна быть устроена порядочная семья, какъ хорошо жить въ порядочной семьѣ, какъ благотворно вліяетъ на человѣка аккуратная и уютная жизнь въ благородной семьѣ. Иванъ Сергѣевичъ понялъ, что благородная семья—это семья его сестры и снова растаялъ отъ благодушнаго настроенія, когда одна изъ племянницъ звонко и горячо поцаловала его во время вечерняго чая и спросила:

— Дядя, вы любите пѣніе?

— Люблю! отвѣтилъ дядя.

— Такъ что же вы не велите мнѣ спѣть?

Дядя даже растерялся отъ этого милаго вопроса.

— Она у меня въ институтѣ первою кончила классы пѣнія, пояснила мать.

— Вы, дядя, не стѣсняйтесь со мною и говорите, что вамъ нравится и что не нравится, сказала племянница тономъ наивной дѣвочки.

Она сѣла къ фортепьяно и запѣла.

«И чего я искалъ тамъ? въ умиленіи думалъ Иванъ Сергѣевичъ.—У чужихъ людей любви и правды искалъ!»

Иванъ Сергѣевичъ бросилъ якорь, какъ онъ выражался самъ, или, говоря проще, взялъ мѣсто въ Петербургѣ и поселился у своей сестры. Съ этого времени для него началась блаженная жизнь стараго холостяка, пригрѣтаго семьею добрыхъ родственниковъ.

Правда, онъ помѣстился въ домѣ своей сестры въ одной изъ самыхъ неудобныхъ комнатъ, но это случилось по его доброй волѣ и противъ всякаго желанія его родныхъ. Сестра предлагала ему взять комнату «мальчиковъ», говоря, что они могутъ спать кое-какъ и въ залѣ, что они могутъ какъ нибудь приготовлять свои лекціи въ какомъ нибудь свободномъ углу, что они могутъ, ради дяди кое-какъ перебиться, пока не кончатъ курса въ университетѣ, что они могутъ и должны поступиться своими удобствами для своего единственнаго родного дяди. Но Иванъ Сергѣевичъ не хотѣлъ принимать этихъ жертвъ. Онъ настоялъ на томъ, чтобы его помѣстили въ надворной комнатѣ.

— Жанъ, Жанъ, я не знаю, какъ благодарить тебя за твою доброту, говорила со слезами на глазахъ его родная сестра. Но ради Бога, скажи откровенно, если тебѣ покажется неудобнымъ жить въ этой комнатѣ. Ты знаешь, что вся наша квартира къ твоимъ услугамъ. Если бы тебѣ понадобилась моя спальня—я и ее уступлю тебѣ, только бы ты былъ покоенъ. Славу Богу, ты у насъ одинъ...

Иванъ Сергѣевичъ былъ растроганъ. Впрочемъ его теперь трогало до слезъ все.

— Дядя, душечка, милый, возьми ложу на бенефисъ Петрова, говорила ему младшая племянница и обнимала его, душила его въ своихъ объятіяхъ.

Онъ былъ въ восторгѣ: его еще никогда не цаловала такъ горячо ни одна порядочная дѣвушка, потому что цаловать такъ горячо мужчину порядочная дѣвушка можетъ только въ томъ случаѣ, если этотъ мужчина приходится ей близкимъ родственникомъ и притомъ не молодымъ, а пожилымъ родственникомъ.

— Мама, мы поѣдемъ въ благородное собраніе на балъ? спрашивала его старшая племянница у своей матери.

— Ахъ, нѣтъ, у отца нѣтъ денегъ, отвѣчала мать.—Надо отказаться отъ этого бала.

— Но мнѣ такъ хотѣлось бы, вздыхала дочь.

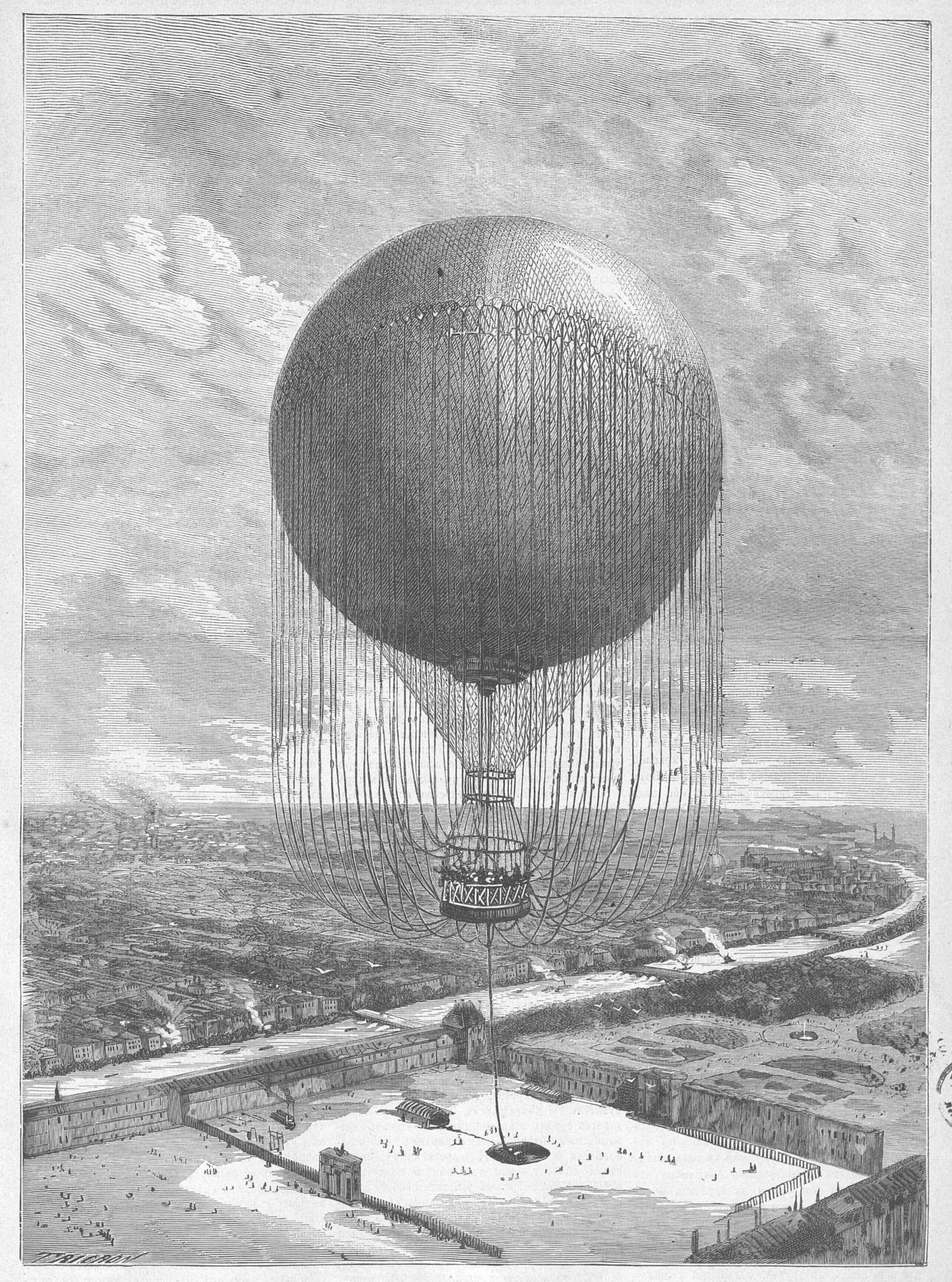
— Мало-ли чего намъ хочется! Надо сообразоваться со средствами, замѣчала мать.—Я понимаю, что молоденькимъ дѣвушкамъ тяжело сидѣть дома, но нужно пріучаться къ лишеніямъ. Вашъ отецъ не такъ богатъ, чтобы баловать васъ.

— Ну, что за глупости, отчего и не поѣхать, замѣтилъ Иванъ Сергѣевичъ.—Пустяковъ стоятъ всѣ эти тамъ платья бальныя, карета... Я дамъ дѣвочкамъ денегъ...

— Не надо, не надо, Жанъ! возражала его сестра.—Зачѣмъ ихъ баловать? Онѣ, конечно,

Рисунокъ Г. ДОРЕ́.

Левъ и мышь.

Шаръ на привязи.

рады пользоваться добротой дяди, но надо же и стыдъ знать. Было бы странно обирать тебя для ихъ прихотей...

— Э, полно! возражалъ Иванъ Сергѣевичъ.— Стоитъ считать гроши! Есть деньги—ну, и пусть веселятся дѣвочки!

— Нѣтъ, нѣтъ, я тебѣ этого не позволю сдѣлать! настаивала сестра,—и не говори...

Но Иванъ Сергѣевичъ уже таинственно подмигивалъ «дѣвочкамъ». Черезъ полчаса онѣ шептались съ нимъ въ его комнатѣ на счетъ стоимости бальныхъ платьевъ.

— Дядя, какія бы намъ платья сдѣлать? говорили онѣ.

— Я думаю, бѣлыя, съ этакими, знаешь, вырѣзками вотъ здѣсь, пояснялъ Иванъ Сергѣевичъ, проводя рукой около шеи одной изъ племянницъ.—А то тоже хорошо черныя прозрачныя, какъ они тамъ по вашему называются, чтобъ тутъ, знаешь, безъ подкладки было и просвѣчивало, говорилъ Иванъ Сергѣевичъ, опять проводя рукой по плечамъ и груди племянницы.

— Да, да, черныя, это чудесно! Я съ бѣлыми камеліями сдѣлаю, а Женя съ пунсовыми, восторженно восклицала старшая сестра.

— Дядя, а ты поѣдешь съ нами? спрашивала младшая сестра.

— Отчего же не поѣхать, поѣду, соглашался Иванъ Сергѣевичъ.

— Душонокъ, душонокъ! сжимала его въ объятіяхъ одна изъ племянницъ.—Вотъ-то maman удивится, когда намъ принесутъ платья! Только ты не проговорись, голубчикъ!

Иванъ Сергѣевичъ былъ въ восторгѣ и хранилъ тайну отъ сестры, шушукаясь съ племянницами и наслаждаясь ихъ поцалуями, волновавшими его кровь.

— Что не просидѣли еще стульевъ надъ лекціями? смѣялся Иванъ Сергѣевичъ, заходя къ племянникамъ.

— Да и рады бы, дядя, не сидѣть, да нельзя выйдти, вздѣхалъ одинъ изъ племянниковъ.

— А что? спрашивалъ Иванъ Сергѣевичъ.

— Министерство финансовъ пусто! смѣялся другой племянникъ. Будь деньги, ужь были бы мы сегодня у Берга. Тамъ бенефисъ Макса и Каммила будетъ играть сцену изъ Прекрасной Елены... Ты, дядя, видѣлъ ее, Каммилу-то?.. Вотъ сложеніе-то!.. Въ Прекрасной Еленѣ она вѣдь выходитъ чуть не въ костюмѣ Евы... Ужь если бы деньги были...

— Ну, ну, молчите, мальчишки! грозилъ Иванъ Сергѣевичъ пальцемъ племянникамъ. — Никому ни гугу!.. Берите ложу и поѣдемъ!..

— А потомъ... дядя, на пикникъ свезешь? плутовато улыбался младшій племянникъ.

— Охъ ты, вѣтрогонъ! грозилъ ему дядя пальцемъ.

Онъ платилъ и за ложу у Берга, и за ужинъ на пикникѣ, и за... ну, за все платилъ, за что платятъ молодые люди, возвращаясь домой въ шесть часовъ утра. И какія же головомойки доставались ему отъ сестры и за то, что онъ балуетъ «дѣвочекъ», и за то, что онъ потакаетъ «мальчикамъ». Но именно въ этихъ-то головомойкахъ и была особенная прелесть для Ивана Сергѣевича: онъ смущался и волновался, слушая ихъ, потомъ шопотомъ передавалъ о нихъ «дѣвочкамъ» и «мальчикамъ», затѣмъ придумывалъ съ племянницами и племянниками, какъ бы половчѣе на слѣдующій разъ провести мать, наконецъ, приходилъ въ совершенно блаженное настроеніе, когда его душили въ горячихъ объятіяхъ эти молодыя, нѣжныя и любящія созданія. Эти молодыя, нѣжныя и любящія созданія не разлучались съ нимъ никогда; какъ вѣрные рабы, окружали они его вездѣ и всюду; они замѣнили для него всѣхъ его друзей, товарищей и знакомыхъ; они не подпускали никого къ нему даже и тогда, когда внезапная болѣзнь уложила его въ постель, и съ мужественною выносливостью чередовались у его кровати. Старый холостякъ былъ счастливъ вполнѣ и сознавалъ, что у него есть своя семья, что онъ не умретъ на чужихъ рукахъ, что его глаза закроютъ любящіе родные...

— Нѣтъ, не можетъ быть, врутъ карты, говорила однажды вечеромъ его племянница, гадая въ гостиной.

— А что? полюбопытствовала мать.

— Да вотъ все выходитъ, что будто выздоровѣетъ, сказала дочь.

— Ну, глупости! Не можетъ же этого быть, проговорила мать.—Докторъ Горвицъ вчера еще сказалъ, что нѣтъ никакой надежды.

— По духовной, мама, намъ сейчасъ все отдадутъ или еще судиться надо будетъ? спросила другая дочь.

— Ахъ, какая ты глупенькая, замѣтила мать.— О чемъ же тутъ судиться, когда все намъ законнымъ образомъ отказано...

— Но вѣдь у него есть еще какой-то племянникъ, вашего и его брата сынъ, сказала дочь.

— Ему же ничего не отказано по духовной, а дядя могъ распоряжаться своимъ состояніемъ, какъ ему угодно. У него все благопріобрѣтенное, пояснила мать.

— Я, мама, еще разъ загадаю, сказала дочь, тасуя карты.—Это будетъ въ третій разъ—самый вѣрный. Что выйдетъ, то и будетъ...

Нѣкто.

Правительственное сообщеніе.

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» опубликовано слѣдующее правительственное сообщеніе:

«Рядъ возмутительныхъ и преступныхъ дѣяній, предпринятыхъ горстью злонамѣренныхъ лицъ, съ цѣлью поколебать существующій въ Россіи строй государственнаго управленія, достигъ 4-го сего августа крайней степени злодѣянія совершеніемъ, въ здѣшней столицѣ, убійства шефа жандармовъ генералъ адъютанта Мезенцова.

«Правительство, несмотря на обнаруживавшіяся по временамъ проявленія пропаганды преступнаго свойства, съ особеннымъ долготерпѣніемъ направляло всѣ подлежавшія судебному преслѣдованію дѣла о пропагандистахъ путемъ, указаннымъ закономъ, воздерживаясь отъ принятія какихъ-либо особыхъ чрезвычайныхъ мѣръ.

«Нынѣ терпѣніе правительства исчерпано до конца; нынѣ оно считаетъ долгомъ и своею святою обязанностью, по отношенію къ каждому честному и доброму гражданину русскаго государства, оградить общественную, частную жизнь и права собственности отъ тѣхъ правонарушеній, которыя, по ихъ зловредному и преступному свойству, задерживаютъ спокойное и правомѣрное развитіе государственной жизни, и правильное исполненіе разнородными органами управленія возложенныхъ на нихъ закономъ обязанностей.

«Правительство не можетъ и не должно относиться къ людямъ, глумящимся надъ закономъ и попирающимъ все, что дорого и священно русскому народу, — такъ, какъ оно относится къ остальнымъ вѣрноподданнымъ Русскаго Государя. Еще менѣе можетъ оно оставаться равнодушнымъ къ тѣмъ кровавымъ преступленіямъ, которыми люди, выдѣлившіеся изъ среды добрыхъ гражданъ государства, ознаменовали свою возмутительную дѣятельность. Требуя правъ гражданства своимъ извращеннымъ, лишеннымъ здраваго смысла идеямъ,—они попираютъ идею о законности и законахъ государственныхъ; проповѣдуя свободу,—они угрозами и подметными письмами вознамѣрились угнетать свободу тѣхъ, которые исполняютъ свои обязанности по чувству долга и совѣсти; ратуя за принципъ своей личной неприкосновенности,—они не гнушаются прибѣгать къ убійствамъ изъ-за угла!

«Въ виду сего, правительство отнынѣ съ неуклонною твердостью и строгостью будетъ преслѣдовать тѣхъ, которые окажутся виновными или прикосновенными къ злоумышленію противъ существующаго государственнаго устройства, противъ основныхъ началъ общественнаго и семейнаго быта и противъ освященныхъ закономъ правъ собственности.

«Русскій народъ во всеуслышаніе провозглашаетъ нарушителей государственнаго и общественнаго спокойствія и виновниковъ совершенныхъ преступленій—отверженниками, и съ негодованіемъ отворачивается отъ ихъ кровавой дѣятельности. Онъ громко требуетъ и ожидаетъ защиты отъ законныхъ властей, и проситъ правительство вырвать съ корнемъ позорящее русскую землю зло.

«Представители нашихъ сословныхъ и общественныхъ учрежденій высказались въ этомъ смыслѣ, а цѣлый рядъ полученныхъ разными правительственными учрежденіями частныхъ писемъ и заявленій отъ лицъ всѣхъ классовъ населенія, не исключая и крестьянскаго, свидѣтельствуютъ, что населеніе имперіи возмущено до глубины души дѣятельностью преступниковъ и пропагандистовъ лжеученій, чуждыхъ русскому народу.

«Но какъ бы ни были тверды и стойки дѣйствія правительства, какъ бы строго и неуклонно ни слѣдовали исполнители правительственныхъ мѣропріятій велѣніямъ ихъ долга и совѣсти, съ какимъ бы презрѣніемъ и гражданскимъ, мужествомъ ни относились правительственныя власти къ повторяемымъ угрозамъ шайки злодѣевъ,—правительство должно найти себѣ опору въ самомъ обществѣ и потому считаетъ нынѣ необходимымъ призвать къ себѣ на помощь силы всѣхъ сословій русскаго народа для единодушнаго содѣйствія ему въ усиліяхъ вырвать съ корнемъ зло, опирающееся на ученіе, навязываемое народу при помощи самыхъ превратныхъ понятій и самыхъ ужасныхъ преступленій.

«Русскій народъ и его лучшіе представители должны на дѣлѣ показать, что въ средѣ ихъ нѣтъ мѣста подобнымъ преступникамъ, что они дѣйствительно считаютъ ихъ отверженниками и что каждый вѣрноподданный Русскаго Государя будетъ всѣми зависящими отъ него мѣрами способствовать правительству къ искорененію нашего общаго внутренняго врага.

«Въ заключеніе правительство считаетъ своимъ долгомъ обратиться къ молодому, учащемуся поколѣнію, съ напоминаніемъ и просьбою— зрѣло обдумать и взвѣсить прискорбныя и тяжкія послѣдствія, которымъ оно себя подвергаетъ, увлекаясь распространяемыми въ его средѣ лжеученіями. Добросовѣстное и здравое отношеніе къ наукѣ, соединенное съ трудолюбіемъ, всегда было и будетъ лучшимъ и надежнѣйшимъ охранителемъ отъ вступленія на ложный путь соблазна. Встрѣчавшіяся же до сего времени уклоненія отъ этой непреложной, освященной опытомъ истины, къ величайшему прискорбію уже сгубили безвременно не мало жертвъ изъ среды молодыхъ людей, по своимъ способностямъ подававшихъ надежды на болѣе свѣтлую и полезную для общаго блага будущность».

Новости наукъ и жизни.

— **Гумфри Деви.** Въ «Бирж. Вѣд.» пишутъ: Заграницей готовятся чествовать столѣтіе рожденія сера Гумфри Деви, извѣстнаго англійскаго химика. Мы слышали, что приглашеніе къ участію въ торжествѣ получено и нашимъ «физико-химическимъ обществомъ».

Сынъ поселянина, Деви сначала былъ ученикомъ у сельскаго хирурга и вмѣстѣ съ тѣмъ аптекаря; на 15-мъ году онъ поступилъ къ другому хирургу, у котораго ревностно началъ изучать естественныя науки и особенно химію. Знакомство съ Жильбертомъ повлекло къ знакомству съ естествоиспытателемъ Беддосомъ, который принялъ 19-лѣтняго Деви помощникомъ въ свою лабораторію въ Бристолѣ. Изслѣдованіямъ о природѣ и о дѣйствіяхъ вдыханія газовъ, онъ былъ обязанъ тѣмъ, что въ 1799 г. былъ поставленъ во главѣ пневматическаго заведенія въ Клифтонѣ, занимавшагося практическими опытами надъ вліяніемъ различныхъ газовъ, а въ 1801 г. французскій институтъ, за его работы

по гальванизму, далъ ему наполеоновскую медаль. Вскорѣ послѣ того онъ принялъ приглашеніе на каѳедру профессора химіи въ Royal Institution въ Лондонѣ и имѣлъ блистательный успѣхъ. Къ 1807 г. относится его открытіе металлическихъ основаній въ плотныхъ алкалоидахъ, составившее эпоху въ исторіи химіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, при посѣщеніяхъ Ньюгетской тюрьмы для улучшенія вентиляціи въ этомъ большомъ и зачумленномъ зданіи, онъ нажилъ себѣ опасную лихорадку. По полученіи въ 1812 г. баронскаго титула, онъ въ 1813 г. предпринялъ путешествіе на континентъ, въ сопровожденіи Фарадея. Изобрѣтеніе Деви названной по его имени предохранительной лампы для каменноугольныхъ копей относится къ 1815 г. Въ 1820 г., онъ единогласно избранъ былъ президентомъ «королевскаго общества», и это избраніе повторялось ежегодно до 1827 г., когда ударъ заставилъ его оставить это мѣсто. Напрасно онъ старался возстановить здоровье пребываніемъ въ Италіи. Послѣ продолжительной болѣзни, онъ умеръ въ Женевѣ въ 1827 году. У насъ переведены были въ 1832 году въ Спб. его основанія земледѣльческой химіи.

— **Почтовая дѣятельность.** Въ «Прав. Вѣст.» напечатаны слѣдующія сравнительныя свѣдѣнія о количествѣ корреспонденціи, пересланной въ теченіе вторыхъ полугодій 1876 и 1877 годовъ:

	Во 2-й половинѣ 1876 года.	Во 2-й половинѣ 1877 года.
Простыхъ писемъ....	43.119,507	55.217,587
Бандеролей........	3.990,767	3.671,512
Заказной корреспонденціи..........	2.105,208	2.202,611
Пакетовъ..........	3.434,311	4.299,973
Въ нихъ цѣнностей..	826.042,742	1.131,700,379
Посылокъ..........	942,867	1.008,467
Въ нихъ цѣнностей..	78.039,539	46.742,009
Періодическихъ изданій............	27.948,551	54.376,486
Итого штукъ..	81.541,211	120,775,636
Цѣнностей....	904.082,281	1.178.442,388

— **А. М. Брянская.** 4 августа скончалась, послѣ продолжительной болѣзни, бывшая артистка императорскихъ театровъ Анна Матвѣевна Брянская. Въ теченіи 27-ми лѣтъ, А. М. Брянская не покидала русской драматической сцены. Она дебютировала 8-го февраля 1814 года, въ опереткѣ «Казакъ-стихотворецъ», въ роли Маруси; въ 1841 году, 4-го іюня, она появилась на сценѣ въ послѣдній разъ. Какъ артиска старой школы, она отличалась строго выработанною дикціею и серьезнымъ изученіемъ ролей, при чемъ благодаря своимъ природнымъ дарованіямъ, производила впечатлѣніе въ сильныхъ драматическихъ сценахъ. Въ свое время, она была любимицею публики, которая цѣнила въ ней серьезное отношеніе къ искуству. А. М. Брянская любила театръ и всегда интересовалась имъ. Въ послѣдніе годы, болѣзнь глазъ препятствовала ей посѣщать театры. Въ нынѣшнемъ году, она уже почти не вставала съ постели.

— **Государственный банкъ.** «Новое Время» передаетъ въ видѣ слуха о предстоящей перестройкѣ зданія нашего государственнаго банка, созданнаго итальянцемъ Джакомо Гваренги. Нижній этажъ полукруглаго корпуса, теперь сплошь занятый квартирами служащихъ, предполагается перестроить подъ помѣщеніе операціонныхъ отдѣленій банка, къ которымъ имѣетъ доступъ публика; въ верхнемъ же этажѣ будутъ сосредоточены помѣщенія исключительно для занятій служащихъ. Сообщеніе между обоими этажами будетъ производиться внутренними лѣстницами; для передачи распоряженій будутъ служить разговорныя трубки, а бумаги будутъ передаваться посредствомъ элеваторовъ.

— **Лондонскій банкъ.** Этотъ богатѣйшій въ мірѣ банкъ, представляетъ собою 4-хъ-угольное зданіе, съ нѣсколькими дворами, котораго различныя помѣщенія назначены для выдачи, пріема и заготовленія банковыхъ билетовъ и золотой монеты. Здѣсь занимаются до 1,000 должностныхъ лицъ получающихъ около 1,000,000 р. с. содержанія, и кромѣ того работаютъ машины. Ежегодно выпускается бумажныхъ денегъ на сумму 130,000,000 р. с. и чеканится изъ слитковъ страшный запасъ серебряной и золотой монеты, которой должно быть въ наличности около 93,000,000 р. с., кромѣ 180,000,000 р. складочнаго капитала. Въ переднихъ залахъ множество чиновниковъ занято уплатою процентовъ по государственнымъ займамъ, или пріемомъ уплатъ. За этими залами, во дворѣ есть огромная паровая машина, двигающая машины всего зданія, валы, маховыя колеса, рычаги и молоты. Она предоставлена самой себѣ: утромъ къ ней является работникъ, подкладываетъ каменный уголь, зажигаетъ его и удаляется. Отдѣльныя машины гладятъ, полируютъ и гравируютъ стальныя доски (на нихъ печатаются банков. билеты), другія растираютъ чернила, или линуютъ, складываютъ и сшиваютъ 300 счетныхъ книгъ и т. д. Монеты сталкиваются палочкой съ особыхъ вѣсовъ въ ящикъ, въ которомъ другія машины разрѣзаютъ ихъ на отдѣльныя. Когда смотришь на работу этихъ машинъ, то почти готовъ вѣрить волшебству.

— **Воздѣлываніе хлопка въ Соединенныхъ штатахъ.** Многіе думали, что уничтоженіе невольничества будетъ имѣть дурное вліяніе на хлопчатобумажную промышленость Соединенныхъ Штатовъ и что она не выдержитъ конкуренціи Бразиліи и Индіи. Но данныя, приводимыя въ послѣдней книжкѣ берлинскаго журнала «Statistische Correspondenz», говорятъ совершенно противное. Если сравнивать количество ежегодно добываемаго хлопка за три самые урожайные года невольническаго времени съ цифрами за послѣдніе три года, получается слѣдующій выводъ:

	тюковъ.		тюковъ.
Въ 1859 году	3,994,000.	Въ 1876 году	4,669,000.
» 1860 »	4,824,000.	» 1877 »	4,485,000.
» 1861 »	3,826,000.	» 1878 »	4,759,000.
въ среднемъ.	4,215,000.	въ среднемъ.	4,637,000.

Этотъ прогрессъ объясняется тѣмъ, что, послѣ уничтоженія невольничества, громадныя плантаціи рабовладѣльцовъ распались большею частью на множество мелкихъ хозяйствъ, и, такимъ образомъ, наемный трудъ фермера, опиравшійся на рабовъ, замѣнился личнымъ трудомъ мелкаго собственника, нуждающагося только въ немногихъ наемныхъ работникахъ.

— **Н. В. Мезенцовъ.** «Русскій Инвалидъ» сообщаетъ слѣдующія біографическія подробности о покойномъ генералъ-адъютантѣ Мезенцовѣ: «Николай Владиміровичъ Мезенцовъ, получивъ воспитаніе въ домѣ родителей, поступилъ на службу въ л.-гв. преображенскій полкъ въ 1845 году унтеръ-офицеромъ, а въ 1847 г. былъ произведенъ въ прапорщики въ тотъ же полкъ; затѣмъ по случаю войны съ венграми въ 1849 г. находился въ походѣ гвардіи къ западнымъ предѣламъ имперіи. Въ восточную войну 1853—1856 гг. Н. В. Мезенцовъ, въ чинѣ подпоручика былъ командированъ въ распоряженіе командовавшаго третьимъ, четвертымъ и пятымъ пѣхотными корпусами генералъ-адъютанта князя Горчакова, а впослѣдствіи былъ назначенъ его адъютантомъ. Въ этомъ званіи Николай Владиміровичъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ нашихъ сначала на Дунаѣ, а потомъ въ Крыму. Пользуясь довѣріемъ князя Горчакова, Н. В. Мезенцовъ былъ неоднократно посылаемъ съ особыми порученіями, какъ къ князю Меншикову въ Севастополь, такъ и къ генералу Муравьеву на Кавказъ. Въ сраженіи 4-го августа на Черной рѣчкѣ, штабсъ-капитанъ Мезенцовъ принималъ дѣятельное участіе и съ того времени до окончанія осады Севастополя находился въ составѣ гарнизона. За боевыя отличія въ теченіе восточной войны Н. В. Мезенцовъ былъ награжденъ орденами: св. Станислава 2-й степени, св. Анны 3-й степени, св. Владиміра 4-й степени и золотою саблею съ надписью «за храбрость». Съ окончаніемъ военныхъ дѣйствій капитанъ Мезенцовъ, будучи переименованъ въ подполковники, оставался при князѣ Горчаковѣ до кончины послѣдняго въ 1861 г., а затѣмъ по Высочайшему повелѣнію сопровождалъ тѣло покойнаго въ Севастополь. По возвращеніи изъ Севастополя, подполковникъ Мезенцовъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству, съ оставленіемъ по армейской пѣхотѣ. Затѣмъ произведенный въ полковники, Н. В. Мезенцовъ въ 1864 г. былъ назначенъ исправляющимъ должность начальника штаба корпуса жандармовъ и управляющаго III отдѣленіемъ собственой Его Величества канцеляріи, а съ производствомъ въ слѣдующемъ году въ генералъ-маіоры, утвержденъ въ этой должности. Въ 1871 г. генералъ-маіоръ Мезенцовъ назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству, а черезъ два года, произведенный въ генералъ-лейтенанты (въ 1874 году), назначенъ товарищемъ шефа жандармовъ и главнаго начальника III отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Удостоиваясь неоднократно получать Монаршее благоволеніе за примѣрное исполненіе служебныхъ обязанностей, Н. В. Мезенцовъ 30-го декабря 1876 г. былъ назначенъ шефомъ жандармовъ и начальникомъ III отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Кромѣ того, въ званіи члена комитетовъ кавказскаго и по дѣламъ царства польскаго, Николай Владиміровичъ принималъ дѣятельное участіе въ ихъ работахъ. Послѣднею наградою ему было пожалованіе 2-го декабря 1877 года ордена св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго съ мечами.

— **Паллавичино.** Италія потеряла одного изъ самыхъ лучшихъ своихъ гражданъ, самаго старшаго изъ представителей ея геройской борьбы за освобожденіе отъ иностраннаго владычества: 4 августа, умеръ, имѣя 82 года отъ роду, Георгій Паллавичино-Тривульціо. Газеты всѣхъ оттѣнковъ, отъ консервативной «Perseveranza» до республиканскаго «Dovere», поспѣшили отдать дань высокаго уваженія патріотизму и твердости характера покойнаго, и всѣ, безъ исключенія, признаютъ за нимъ огромное вліяніе на судьбы Италіи. Маркизъ Георгій Паллавичино родился въ Миланѣ 24 апрѣля 1796 года, въ семействѣ, которое принадлежитъ къ самымъ знатнымъ въ средѣ ломбардской аристократіи. Получивъ въ домѣ своей матери суровое республиканское образованіе, онъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ посвятилъ себя политической жизни, вступивъ въ тайное общество карбонаровъ, «федерацію», цѣлью котораго было подготовить умы къ возстанію противъ Австріи. Когда, въ 1821 году, поднялось возстаніе въ Піемонтѣ, Паллавичино отправился въ Туринъ, въ качествѣ депутата отъ Ломбардіи, и тамъ вступилъ въ сношеніе съ принцемъ Кариньянскимъ. Эта поѣздка, нѣкоторое время спустя, послужила поводомъ къ его аресту въ Миланѣ, со стороны австрійской полиціи. Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ тюрьмѣ, онъ былъ, вмѣстѣ съ другими, осужденъ на смерть. Приговоръ этотъ, однако, не былъ утвержденъ императоромъ, и смертная казнь была замѣнена 20-лѣтнимъ заключеніемъ въ крѣпостяхъ. Въ числѣ подвергшихся этому жестокому наказанію былъ и знаменитый Сильвіо Пеллико, скорбная повѣсть котораго, разсказанная имъ въ книгѣ «Le vie prigioni», обошла весь образованный міръ, возбудивъ сочувствіе къ автору и ненависть къ его гонителямъ. Первыя 10 лѣтъ своего тяжкаго заключенія, Паллавичино провелъ въ крѣпости Шпильбергѣ; оттуда онъ, въ знакъ милости къ нему Франца I, былъ переведенъ въ Градишку, изъ Градишки въ Любляну и потомъ въ Прагу. По возвращеніи въ Миланъ, онъ былъ отданъ подъ надзоръ полиціи и оставался нѣкоторое время внѣ всякаго участія въ политической жизни своей страны. Но событія 1848 года вызвали его снова на публичную арену, и онъ, однимъ изъ первыхъ, явился на площадь провозгласить освобожденіе Ломбардіи отъ иноземныхъ притѣснителей. Когда же австрійскія войска снова вошли въ Миланъ, онъ долженъ былъ искать убѣжища внѣ предѣловъ родины. Живя, во время своего изгнанія, въ Туринѣ, но, путешествуя время отъ времени въ Швейцарію и Парижъ, онъ, вмѣстѣ съ другими изгнанниками, въ числѣ которыхъ былъ и знаменитый венеціянскій диктаторъ Даніилъ Маннинъ, успѣлъ образовать «національное итальянское общество», которое стремилось сблизить горячихъ патріотовъ радикальнаго закала

съ партіей умѣренныхъ либераловъ и выработала програму освобожденія Италіи, при помощи соединенія силъ народныхъ съ регулярною арміей сардинскаго короля. Когда Гарибальди, въ 1860 году, освободивъ отъ Бурбоновъ Сицилію, явился, въ сопровожденіи небольшой свиты, въ Неаполь и провозгласилъ себя диктаторомъ, то для организаціи тамъ новаго правительства обратился къ Паллавичино и просилъ его принять на себя эту обязанность, съ званіемъ продиктатора. Паллавичино согласился на предложеніе, только подъ условіемъ, чтобъ новая провинція была присоединена къ итальянскому королевству, что и было осуществлено плебисцитомъ 21 октября 1860 года. Два года спустя, во время министерства Ратацци, Паллавичино былъ назначенъ префектомъ въ Палермо, но недолго оставался въ этой должности, будучи не въ силахъ противиться явившемуся туда Гарибальди для организаціи похода противъ Рима, вопреки волѣ правительства. Когда мечты стараго патріота о единой и свободной Италіи дошли, въ 1866 году, до своего осуществленія, Паллавичино обратился тогда мыслями къ внутреннему устройству отечества, рекомендуя, въ качествѣ сенатора, правителямъ экономію въ расходованіи народныхъ денегъ, содѣйствіе развитію политической свободы и провозглашеніе права всеобщей подачи голосовъ, обусловливая его полученіемъ, по крайней мѣрѣ, элементарнаго образованія. Послѣднимъ актомъ политической дѣятельности Паллавичино была, говоритъ миланская газата «Secolo», телеграмма, посланная имъ, два мѣсяца назадъ, на миланскій митингъ въ пользу мира. Въ этой телеграммѣ онъ высказывалъ свои пожеланія относительно братства народовъ на почвѣ свободы и національности. Въ итальянскихъ газетахъ напечатана телеграмма отъ 5 августа короля Гумберта къ женѣ покойнаго, маркизѣ Аннѣ, выражающая глубокую скорбь, раздѣляемую и королевою, о потерѣ Италіей великаго патріота. Рядомъ съ нею напечатана и трогательная телеграмма президента совѣта министровъ Кайроли, свидѣтельствующая всѣми уважаемой маркизѣ живѣйшее сожалѣніе цѣлой націи о потерѣ великаго гражданина. Газеты говорятъ также о множествѣ телеграммъ, получаемыхъ семействомъ покойнаго со всѣхъ концовъ Италіи и отъ знаменитыхъ иностранцевъ.

— **В. И. Чаславскій.** Н. Н. Вакуловскій прислалъ намъ слѣдующую замѣтку: Самоубійства получаютъ къ глубокому прискорбію распространеніе въ ученомъ мірѣ. Недавно лишь отравился Александръ Лаврентьевичъ Чекановскій, недавно легъ подъ поѣздъ и былъ имъ раздавленъ, членъ физическаго общества г. Гаркена, какъ 19 числа этого мѣсяца застрѣлился Василій Ивановичъ Чаславскій. Что побудило его къ этому, рѣшить трудно. Правда, онъ жаловался въ послѣднее время на нездоровье; но обстоятельства его жизни были благопріятныя. Покойный занималъ мѣсто редактора статистическаго отдѣленія министерства государственныхъ имуществъ и былъ матеріяльно обезпеченъ.

Въ лицѣ Василія Ивановича, умершаго на 44-мъ году мы потеряли виднаго дѣятеля. Кто читалъ статьи его «О крестьянскихъ отхожихъ промыслахъ» (въ Сборникѣ государственныхъ знаній) и «Объ общинномъ землевладѣніи» (въ Отечественныхъ запискахъ), могъ ознакомиться съ его блестящею эрудиціею и широкимъ кругозоромъ. По его мысли учреждено было здѣшнее общество земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ, гдѣ В. И. имѣлъ должность секретаря и вообще первое время принималъ самое дѣятельное участіе.

Съ 1869 года онъ состоялъ членомъ-сотрудникомъ вольнаго экономическаго общества по третьему его отдѣленію. При устройствѣ этимъ и географическимъ обществами экспедиціи для изслѣдованія хлѣбной производительности и торговли Россіи, ему поручено было въ 1872 году изслѣдованіе одного изъ важнѣйшихъ районовъ—центральнаго. Затѣмъ ему же предложено было изслѣдованіе приазовскаго и донскаго районовъ, что онъ выполнилъ успѣшно въ 1873 году. Въ составъ донского района, должно замѣтить, были включены также кубанская область, ставропольская губернія и часть Закавказья. Отчеты его напечатаны были въ «Извѣстіяхъ» географическаго общества за 1872 и 1873 годы. Въ «Трудахъ» вольнаго экономическаго общества за 1874 г., имъ помѣщена была статья: «О культурѣ зерновыхъ хлѣбовъ въ нѣкоторыхъ изъ горскихъ ауловъ у сѣвернаго предгорья Кавказа и на различной высотѣ между Владикавказомъ и Тифлисомъ». Подробные же отчеты Василія Ивановича напечатаны были въ двухъ частяхъ въ «Трудахъ» экспедиціи. Географическое общество удостоило его въ 1873 году золотою медалью по представленію отдѣленія статистики. Особымъ приложеніемъ къ № 1 и 2 журнала «Сельское хозяйство и лѣсоводство» за 1871 г. помѣщенъ былъ трудъ В. И. о хлѣбопашествѣ и хлѣбной производительности въ волынской губерніи. Въ № 3 и 4, онъ подвергъ подробному разбору данныя по этой части, собранныя для кіевской и подольской губерніи, Ю. Янсономъ. Эти-то и другіе труды и обратили на него вниманіе обоихъ обществъ. Послѣ покойнаго остается, какъ мы слышали, нѣсколько любопытныхъ рукописныхъ трудовъ, которые, должно надѣяться, будутъ переданы кому либо для изданія.

Смѣсь.

— **Курьезная месть.** Въ «Моск. Вѣд.» разсказывается слѣдующій случай. Какой-то англичанинъ, путешествуя по Швейцаріи, спросилъ въ одной гостинницѣ чашку бульона, за которую съ него взяли десять франковъ. Англичанинъ, безъ возраженій, заплатилъ требуемую сумму и уѣхалъ; но онъ рѣшился отомстить содержателю гостинницы за баснословную цѣну, которую тотъ принудилъ его заплатить за чашку бульона. Черезъ нѣсколько дней содержатель гостинницы получилъ изъ весьма отдаленной мѣстности «нефранкированное» письмо. Въ немъ были только двѣ строки: «Милостивый государь! вашъ бульонъ былъ хорошъ, но немного дорогъ». Черезъ мѣсяцъ явилось другое напоминаніе, потомъ третье, четвертое и т. д. Разгнѣванный путешественникъ былъ неистощимъ въ своей изобрѣтательности. Содержатель гостинницы получалъ по почтѣ корзину, изъ нея торчали ноги дичины; корзинку открывали, въ ней оказывались только однѣ ноги и листъ бумаги, все съ тѣми же строками: «Милостивый государь! вашъ бульонъ былъ хорошъ, но немного дорогъ». Изъ колоній высылался ящикъ съ этикетомъ: «Отборный кофе». Содержатель гостинницы франкировалъ посылку, открывалъ ящикъ и находилъ песокъ и неизбѣжное: «Милостивый государь! вашъ бульонъ» и т. д. Онъ получалъ нефранкированныя письма, съ приказаніемъ приготовить извѣстное количество комнатъ; комнаты приготовлялись; никто не являлся, и содержатель гостинницы несъ расходы и убытки. Исторія о десяти франкахъ за чашку бульона попала въ газеты и перешла оттуда въ гиды. Путешественники, перелистывая гидъ, чтобы узнать, гдѣ имъ остановиться, встрѣчались съ разсказомъ о бульонѣ и разумѣется, выбирали другую гостинницу. Несчастный содержатель разорился, а преемникъ его принужденъ былъ перемѣнить названіе отеля.

— **Оригинальный способъ вызывать сочувствіе публики.** Директоръ олимпійскаго театра въ Нью-Йоркѣ, замѣтилъ недавно, что одинъ изъ посѣтителей галереи постоянно освистывалъ извѣстную танцовщицу Сангали, и именно, въ ту минуту, когда она исполняла самыя трудныя па. Директоръ всмотрѣлся въ этого господина и увидавъ, что это клакеръ, объявилъ ему, что онъ выгонитъ его изъ театра, если онъ еще разъ осмѣлится свистать. «Какъ, вы хотите прогнать меня? возразилъ клакеръ,—а между тѣмъ отецъ Сангали даетъ мнѣ каждый разъ по піастру, чтобы я освистывалъ его дочь. Публика, видите-ли, приходитъ тогда въ ярость и начинаетъ неистово аплодировать».

Телеграммы.

Берлинъ, 15-го августа. По словамъ частной телеграммы, присланной въ «Norddeut. Algemeine Zeitung» изъ Вѣны, въ субботнемъ засѣданіи совѣта австро-венгерскихъ министровъ, графъ Андраши успѣлъ доказать необходимость подписанія конвенціи съ Портою. Конвенціей этою верховная власть султана въ Босніи будетъ признана, по отношенію же къ требованію Порты на счетъ ограниченія срока оккупаціи будетъ допущено только то, что оккупація будетъ названа временною.

— 20-го августа. Здѣсь произведены обыски у русскихъ студентовъ; нѣсколько человѣкъ арестовано.

Константинополь, 16-го августа. Генералъ-адъютантъ Тотлебенъ, пригласилъ Порту отправить извѣстное число регулярныхъ турецкихъ войскъ въ горы Родопа, такъ какъ тамъ опять вспыхнуло возстаніе. Въ окрестностяхъ Ксанти, произошло столкновеніе между инсургентами и русскими передовыми постами.

Рущукъ, 20-го авг. Турки замедляютъ очищеніе Варны: они требуютъ, чтобъ русскія власти предварительно помогли имъ собрать десятину, или предлагаютъ выкупить ее. Болгары санджаковъ силистрійскаго, тырновскаго и рущукскаго рѣшили выбрать княземъ Болгаріи графа Игнатьева, оказавшаго большія услуги болгарской народности въ теченіи своей продолжительной дипломатической дѣятельности въ Турціи.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Въ слѣдующемъ, 36 № будетъ напечатано стихотвореніе г. Щешинскаго «Русской арміи».

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

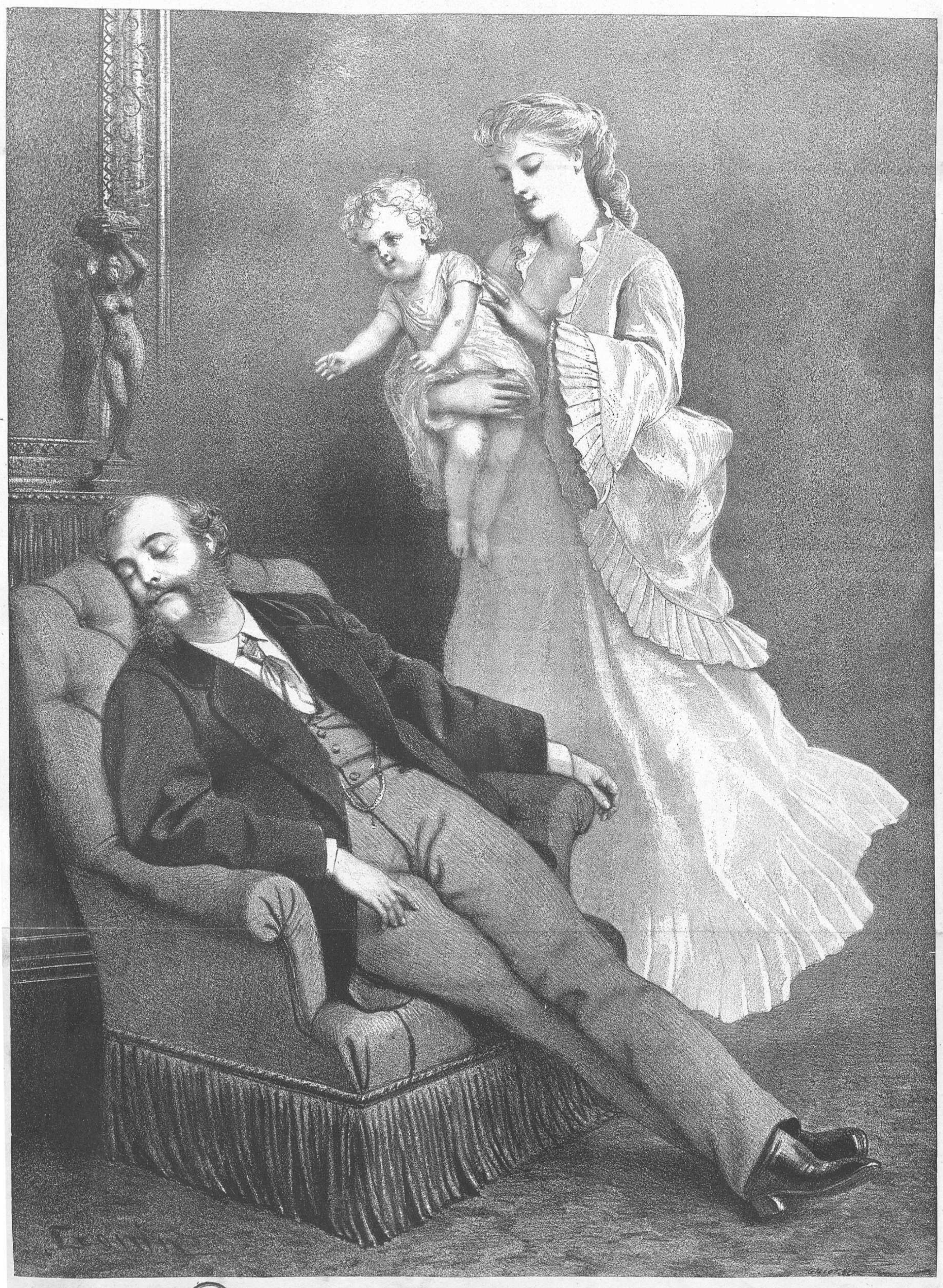
Объявленія.

При этомъ нумерѣ «Живописн. Обозрѣн.» разсылается гг. подписчикамъ художественное приложеніе «Сонъ стараго холостяка».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 Августа 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

СНИМОКЪ СЪ КАРТИНЫ ГОНЕНА.

Приложеніе къ 35-му нумеру «Живописнаго Обозрѣнія» 1878 г.

Дозволено цензурою. СПб. 21 Августа 1878 г.

СОНЪ СТАРАГО ХОЛОСТЯКА.

Типографія Императорской Академіи Наукъ (В. О., 9 л., № 12).

№ 36. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. – 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 3 Сентября 1878 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Съ будущаго 37-го № «Живописнаго Обозрѣнія» начнется печатаніе иллюстрированной повѣсти **Н. Н. Каразина**, «Андронъ Голованъ».

Русской арміи.

Народной чести стражъ и сила!
Ты съ незапамятныхъ временъ
Лучами славы озарила
И русскій стягъ, и русскій тронъ.
Давно знакомъ въ пространствахъ міра
Твоихъ орловъ побѣдный лётъ,
И съ давнихъ поръ баяновъ лира
О русскихъ подвигахъ поётъ

Неувядаемой красою
По нынѣ блещетъ та пора,
Когда, ведомая рукою
И грознымъ геніемъ Петра,
Ты рубежи младой Россіи
До двухъ раздвинула морей,
И львиной стойкостью своей
Сломила злобныя стихіи...
Упёрлась въ невскіе брега,
И на поляхъ родной Полтавы
Добыла лавръ безсмертной славы
И гордо вспрянула въ вѣка!

Во времена Екатерины
Твои окрѣпшія дружины,
Съ вождями грозными въ бояхъ,
Прошли Дунай, поля Тавриды,
Отмстили прежнія обиды,
И чадъ Батыя стёрли въ прахъ.
Властитель гордаго Стамбула
Передъ тобой затрепеталъ,
Когда твой кликъ отъ водъ Кагула
До башень Чесмы прозвучалъ.

Съ твоими-жь храбрыми полками
Великій Рымника герой
Проникъ, альпійскими хребтами,
Въ страну Гельвеціи златой;
Низвергся громомъ на долины,
И натискъ Галловъ задержалъ.
Тамъ новый лавръ его сѣдины
Хвалою новою вѣнчалъ.

И тотъ сраженъ твоимъ ударомъ,
Кто ставилъ царствамъ свой законъ,
Кто войнъ губительнымъ пожаромъ
Европу всю повергъ въ полонъ
И, увлекаемый судьбою,
Повёлъ на Русь полъ міра рать...
Но подъ пылавшею Москвою
Простился съ яркою звѣздою,
И долженъ былъ вернуться вспять.

Тогда орелъ твой гордоглавый
Чрезъ волны Рейна пролетѣлъ,
И стягъ Россіи величавый
Надъ древнимъ Лувромъ засвѣтлѣлъ.
Благословенный Вождь полнощный
Тамъ поступилъ, какъ истый Россъ—
Онъ вѣтвь оливъ, десницей мощной,
Усталой Галліи принесъ.

Прошли года́. Рубежъ Востока
Наслѣдникъ Дарія мутитъ,
И рать отступниковъ пророка
Роскошной Грузіи грозитъ.
Но подъ стѣнами Эривани
Твоихъ мечей тяжелый взмахъ
Смиряетъ въ персахъ жажду брани,
И проситъ мира гордый Шахъ.

Эллада вся, взломавъ оковы,
Взываетъ къ вольности святой...
Герои русскіе готовы...
И грянулъ Наваринскій бой!...
Но горделивъ Османъ надменный,
Сзываетъ рать онъ новыхъ силъ,
И край славянскій, соплеменный,
Ордой свирѣпой наводнилъ.
Явилась ты, оплотъ Россіи,
И, развернувъ свой грозный строй,
Громишь и давишь вражьи выи
Побѣдоносною пятой...
У ногъ твоихъ Адріанополь!
Развѣянъ турокъ бранный чадъ;
На зовъ царя Константинополь
Изъ праха двигаетъ Бѣлградъ.

Когда тронъ Австріи шатался
Подъ дружнымъ натискомъ мадьяръ,
И юный Габсбургъ, юный царь,
За гибель царства опасался—
Сверкнули русскіе штыки...
И предъ полночнымъ исполиномъ
Слагаютъ мечъ подъ Дебречиномъ
Гергея смѣлые полки.

Когда же снова на Россію
Слетѣлось сонмище враговъ—
У черноморскихъ береговъ
Нашъ Севастополь поднялъ выю.
Возстали грозною стѣной
Его безсмертные герои...
На бастіонахъ русской Трои
Вскипѣлъ кровавый, страшный бой.
Валились груды тѣлъ на груду,
Эвксина брегъ пылалъ огнёмъ,
Твои бойцы являлись всюду
Съ открытой грудью и челомъ.
И круглый годъ свинцовымъ градомъ
Врагъ наши форты осыпалъ,
Орудій пасть зіяла адомъ,
А Севастополь—все стоялъ!
Стоялъ, по поясъ погруженный
Въ крови защитниковъ святой,
И міръ дивился, пораженный
Гигантской, славною борьбой.
Хоть часъ насталъ... твердыня пала,
Но честь Россіи спасена,
И обновлённая она
Подъ новымъ солнцемъ засіяла,
Какъ встарь, величія полна.

Съ тобой державный жрецъ свободы
Границы Азіи смирилъ,
И полудикіе народы
Струёй гражданства надѣлилъ.
Кавказа хладныя вершины
Поникли ницъ передъ тобой,
И знойной Грузіи долины
Вкусили радостный покой.
На небосклонѣ Туркестана
Заря желанная взошла...
И отдалённая Фергана
Къ ногамъ имперіи легла.

И днесь, когда пожаръ кровавый
Объялъ весь край сѣдыхъ Балканъ,
Когда на подвигъ величавый
Возстала Русь въ главѣ славянъ—
Чрезъ ширь кипучаго Дуная,
Чрезъ горы, дебри и снѣга́
Ты понеслася, рать родная,
На тѣ завѣтные брега,
Гдѣ башни древней Византіи
Еще Олегъ нашъ добывалъ,
Гдѣ крестъ святой со стѣнъ Софіи
Въ вѣка́ минувшіе сіялъ.
Въ виду эскадры Альбіона
Ты дѣлаешь геройскій шагъ;
Тебѣ съ разшатаннаго трона
Покорно внемлетъ падишахъ.
И тамъ, у синихъ волнъ Босфора,
Съ дѣтей Болгаріи родной,
Ты цѣпи рабства и позора
Срываешь мощною рукой.
Молчатъ враждебныя стихіи...
О мирѣ молитъ самъ Османъ.

Такъ, день великій для Россіи
Сталъ днемъ свободы для славянъ

Хвала тебѣ, нашъ русскій воинъ!
Она пройдетъ изъ вѣка въ вѣкъ,
И ты вполнѣ ея достоинъ—
Какъ богатырь и человѣкъ.
Ты грозный левъ въ потокахъ крови,
Передъ тобой трепещетъ врагъ;
Но бой лишь смолкъ—ты полнъ любви...
И плѣнникъ знаетъ твой очагъ...
Въ твоемъ шатрѣ его встрѣчаетъ
Гостепріимство и покой,
За дружной чашею съ тобой
Онъ плѣнъ и раны забываетъ.
И непреклонный врагъ Христа,
Подъ сѣнью русскаго креста,
Такъ безмятежно дни проводитъ,
Какъ бы въ странѣ родной своей,
И въ побѣдителяхъ друзей
Онъ съ удивленіемъ находитъ.

Затихъ орудій страшный громъ.
Насталъ конецъ кровавой мести.
Спѣши, нашъ воинъ, съ поля чести
Въ родимый край, въ отцовскій домъ!
Здѣсь ждутъ тебя любовь и лира,
Ряды объятій, шумныхъ встрѣчъ;
Спѣши вкусить всѣ блага мира
До новыхъ войнъ, до новыхъ сѣчь!

Но вѣренъ ли желанный часъ,
Иль Альбіонъ заставитъ насъ,
Среди нависшаго тумана,
Еще поднять булатный мечъ
И на пространствахъ Индостана
Свѣтильникъ вольности возжечь?...
Тогда знакомою стезёю
Стремясь, какъ встарь, на бранный пиръ,
Неси привычною рукою
Народамъ: честь, любовь и миръ!
Пусть русскій стягъ, въ ихъ скорбной долѣ,
И берегъ Ганга осѣнитъ...
И пусть Господь, на бранномъ полѣ,
Твой каждый шагъ благословитъ.

Э. Щешинскій.

Начало жизни.

(Лекціи профессора **П. Мартина Дункана**).

(*Продолженіе.*)

Перейдемъ теперь къ другой формѣ. Есть другое живое существо, которое едва ли справедливо относить къ животнымъ. Научное его имя Aethalium, многіе называютъ его дубильными цвѣтами. Видѣть его можно въ парникахъ теплицъ: небольшія пятна окрашенной грязи. Не менѣе часто можно найдти его въ старыхъ погребахъ, на винныхъ или пивныхъ боченкахъ, тамъ, гдѣ есть капель съ крышъ. Жизнь его состоитъ въ слѣдующемъ: въ свободно движущейся водѣ, прежде всего можно замѣтить крошечное существо, какъ очень маленькую амебу, съ небольшими волосообразными отростками на одномъ только концѣ. Эти волосики двигаются во всѣ стороны и движеніе ихъ на столько сильно, что увлекаетъ за собой все животное, которое, какъ и амеба, можетъ измѣнять свою форму. Спустя нѣсколько времени волосики втягиваются и исчезаютъ, тогда маленькое созданіе почти невозможно отличить отъ амебы. Является потребность въ пищѣ, затѣмъ вытягиваются различныя части тѣла и болѣе уже не исчезаютъ. Пища его состоитъ изъ микроскопическихъ животныхъ и зеленыхъ двигающихся вещицъ, поглощая которыхъ, животное быстро увеличивается. Когда же воды становится мало, или лужа высыхаетъ, оно начинаетъ рости. Слѣдуетъ замѣтить, что два, три изъ этихъ существъ соединяются вмѣстѣ, образуя одну общую массу; если же продолжаютъ жить отдѣльной жизнью, то ихъ волокна быстро удлинняются и, дотрогиваясь другъ до друга, перепутываются въ видѣ сѣти. Разсматривая внимательно строеніе этого существа, приходишь къ заключенію, что оно почти такое же, какъ у амебы, но съ болѣе опредѣленной внутренностію и внѣшностію. Внѣшняя часть, плева, очень нѣжна; внутренняя же зерниста, наполнена масляністыми шариками и болѣе похожа на твердую гумми. Внутренняя часть обладаетъ силой независимаго движенія и можетъ выпускать отростки черезъ внѣшнюю, такъ что даже внѣ воды, въ сколько нибудь влажномъ воздухѣ, ея маленькія волокна продолжаютъ двигаться по стѣнѣ или боченку, какъ будто сохраняя въ себѣ часть жизни. Они поднимаются на нѣсколько дюймовъ и опускаются на прежнее мѣсто. Этихъ животныхъ всегда легко достать для опыта и химическимъ анализомъ доказано, изъ чего состоятъ они, и каковы результаты ихъ химической внутренней работы, т. е., какъ они живутъ, какъ перерабатываютъ пищу въ свое вещество съ помощію нѣкоторыхъ газовъ.

Это вещество извѣстно подъ именемъ «протоплазмы». Я останавливался такъ долго на его описаніи потому, что господствуетъ мнѣніе, что протоплазма не имѣетъ никакого строенія и что удивительныя движенія амебы и другихъ подобныхъ животныхъ, происходятъ просто изъ жизненнаго начала, не имѣющаго никакого строенія. Это большая ошибка. Не мѣшаетъ себѣ усвоить прежде, чѣмъ идти далѣе, что въ простѣйшихъ организмахъ есть два рода матеріи, и что при дыханіи и питаніи въ нихъ постоянно происходятъ химическія измѣненія. Въ другихъ, болѣе сложныхъ, организмахъ—по двѣ, по три и болѣе химическихъ составныхъ частей, особенно когда они начинаютъ стариться. Въ этихъ существахъ впродолженіи всей ихъ жизни происходитъ постоянная перемѣна формы и химическаго состава. Хотя я замѣтилъ, что приведенные мною примѣры представляютъ собою простѣйшія изъ формъ жизни, тѣмъ не менѣе, онѣ все-таки довольно сложны.

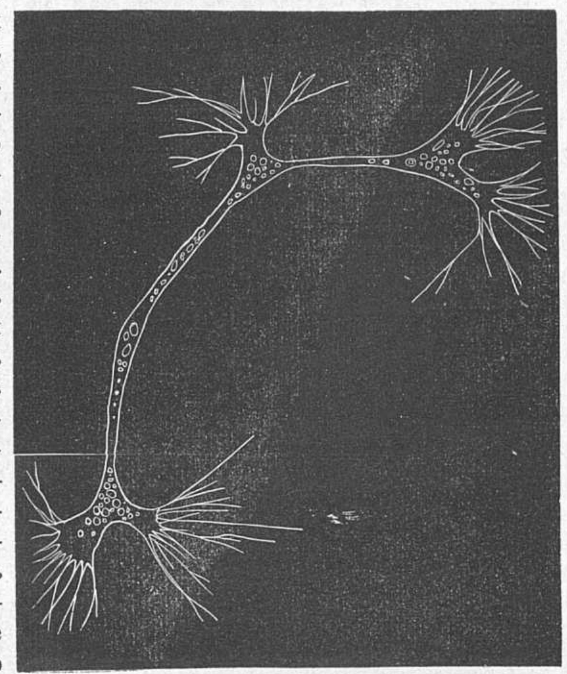
Прежде, чѣмъ говорить болѣе подробно объ этомъ веществѣ, не мѣшаетъ замѣтить, что оно существуетъ во всемъ животномъ и растительномъ царствѣ. Вещество, дающее красный цвѣтъ человѣческой крови, тщательно наблюдаемое при извѣстныхъ обстоятельствахъ, имѣетъ тоже сократительное и расширительное движеніе. Въ растеніяхъ, наблюдаемыхъ подъ микроскопомъ, внутреннія движенія протоплазмы вполнѣ очевидны. Тѣ же результаты жизни встрѣчаются и въ высшихъ животныхъ и въ растеніяхъ.

Протоплазма требуетъ пищи не одинаковой съ собою, но имѣющей отличный отъ нея химическій составъ; она своей собственной силой перерабатываетъ принятую ею пищу въ такую же, какъ сама, протоплазму. Для этого въ живыхъ существахъ необходимо присутствіе кислорода. Животное дышетъ, перевариваетъ пищу съ помощію кислорода. Даже болѣе: кислородъ, входя во внутрь, разлагаетъ до нѣкоторой степени пищу, измѣняетъ ея химическій составъ, измѣняетъ также строеніе первоначальной протоплазмы и выходитъ, наконецъ, изъ тѣла съ струей воды въ видѣ углекислаго газа, состоящаго изъ углерода и кислорода. Что же означаетъ это явленіе? Химическій анализъ протоплазмы показываетъ, что она состоитъ изъ углерода, кислорода, водорода и азота съ примѣсью сѣры и фосфора, пропорціи которыхъ не извѣстны, такъ какъ протоплазма, подверженная безпрестаннымъ измѣненіямъ, не можетъ пробыть двухъ минутъ въ одинаковомъ составѣ. Она—то, что называютъ сложнымъ тѣломъ и весьма не прочнымъ сложнымъ, легко измѣняющимся въ другія тѣла. Ея пища состоитъ изъ протоплазмы въ родѣ себя и изъ другихъ разноцвѣтныхъ оживленныхъ предметовъ. Такъ какъ пища изъ протоплазмы такого же состава, какъ она сама, то на ней не стоитъ останавливаться. Другая же, изъ зеленаго вещества въ мелкихъ водяныхъ растеніяхъ, состоитъ изъ углерода, водорода и кислорода. Но этой пищи не довольно для животнаго, потому что ему необходимъ азотъ. Въ протоплазмѣ содержится азотъ, въ зеленомъ веществѣ его нѣтъ. Запасъ его получается, вѣроятно, въ видѣ солей изъ воды, которыя тѣло животнаго впитываетъ и разлагаетъ. Но для превращенія солей въ окрашивающее вещество протоплазмы, необходимо присутствіе кислорода и жизненной силы и слѣдствіемъ поглащенія кислорода бываетъ выдыханіе углекислоты и разложеніе крахмалистаго зеленаго вещества. Какъ это происходитъ въ протоплазмѣ—неизвѣстно, но наблюденія показали, что послѣ пищеваренія что-то выкидывается изъ животнаго, и это выкидываемое, вѣроятно, содержитъ въ себѣ азотъ. И такъ, процессъ дыханія почти одинаковъ, какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ животныхъ. Положимъ, мы прекратимъ доступъ кислорода, оставимъ животное впродолженіе нѣкотораго времени жить въ одной и той же водѣ, заботливо удаляя отъ нея крошечныя растенія. Что же случится? Протоплазма сдѣлается менѣе подвижной, въ ней появится крахмалистое вещество, т. е. вещество безъ азота, ее окружитъ особенная плева, которая по нѣкоторымъ признакамъ тоже не содержитъ азота. Эта наружная плева и плева ядра не содержатъ въ себѣ азота, а только углеродъ, кислородъ и водородъ. Онѣ состоятъ изъ протоплазмы и могутъ быть названы сложными тѣлами. Очевидно, въ протоплазмѣ происходитъ любопытная химическая работа, подражать которой искуственными средствами нѣтъ никакой возможности, хотя вѣрно то, что она подчинена тѣмъ же законамъ, какъ работа въ лабораторіи. Возможно ли, напримѣръ, какимъ бы то ни было способомъ образовать протоплазму и ея продукты. Химики своимъ искуствомъ достигли не до образованія протоплазмы изъ ея составныхъ элементовъ, а до произведенія нѣкоторыхъ сложныхъ тѣлъ, образуемыхъ протоплазмой. Имъ удалось дойти до этого въ своихъ лабораторіяхъ, но съ тою разницею, что результаты ихъ трудовъ остаются химическими соединеніями, не имѣющими физической силы, свойственной живымъ существамъ. Нѣкоторыя изъ этихъ сложныхъ тѣлъ, произведенныхъ природой, дѣйствуютъ самостоятельно, искуственныя же лишены этого качества. Человѣкъ не можетъ создать живое существо, и хотя составляющіе его элементы могутъ быть соединены въ одно цѣлое, но имъ не будетъ доставать силы жизни. Всѣ протоплазмическія вещества содержатъ углеродъ. Этотъ элементъ, кажется, совершенно необходимъ для жизни; жизнь невозможна безъ углерода: гдѣ есть жизнь, тамъ долженъ быть углеродъ. Жизнь и углеродъ неразлучны, все равно, какъ магнитъ неразлученъ съ желѣзомъ и никелемъ.

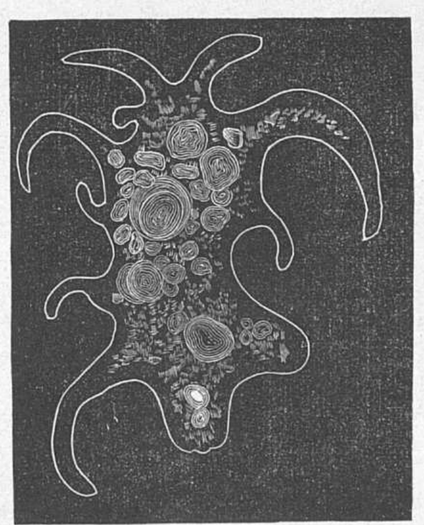
Заглянемъ поглубже въ природу вещей. Тѣ, которые бывали на морскомъ берегу въ теплую лѣтнюю ночь, замѣтили, конечно, великолѣпный желтоватый свѣтъ на волнахъ, образующихся отъ движенія лодки. Попробуйте бросить камень въ тихую поверхность моря въ лѣтнюю ночь; произведенныя вами волны освѣтятся особымъ фосфорическимъ свѣтомъ. Или, плывя на пароходѣ ночью, взгляните на носъ судна, вы увидите, что онъ весь въ огнѣ, отъ обдающихъ его брызгъ и пѣны, и, кажется, что не волны плещутъ на него, а онъ стремится къ волнамъ; а по обѣимъ сторонамъ судна тянутся линіи свѣта, иногда въ нѣсколько ярдовъ длины. Если зачерпнуть въ ведро морской воды и сберечь ее до утра, въ ней окажется множество микроскопическихъ животныхъ, называемыхъ «ноктилука»;

величиною каждое въ маленькую булавочную головку. Животное имѣетъ круглую форму; съ одного конца выдается отростокъ, значительно большій, чѣмъ у амебы, а подъ нимъ другой маленькій. Между двумя отростками находится отверстіе, ведущее внутрь животнаго. Наружная сторона животнаго покрыта тонкой перепонкой или плевой; внутренность состоитъ изъ студенистаго вещества—протоплазмы. Въ мѣстахъ, гдѣ студенистое вещество соединяется съ наружной оболочкой, находится много блестящихъ, маслянистыхъ шариковъ. Отростокъ двигается очень быстро, это единственный способъ передвиженія животнаго. Въ немъ нѣтъ мускуловъ; движеніе же происходитъ отъ сокращенія и выпрямленія протоплазмы. Онъ силой вытягивается въ одномъ направленіи и быстро сжимается въ другомъ. Пища животнаго состоитъ изъ микроскопическихъ животныхъ, почти такихъ же, какъ оно само, состоящихъ главнымъ образомъ, изъ протоплазмы. Проходя поблизости двухъ отростковъ, они дотрогиваются до студенистой массы и погружаются въ нее. Тамъ они перевариваются. Животное поглощаетъ кислородъ и выдыхаетъ изъ себя углекислоту. Когда же температура моря возвышается до извѣстной степени, и если передъ тѣмъ море волновалось и содержитъ въ себѣ много воздуху, что-то проникаетъ между протоплазмой и маслянистыми шариками, и производитъ свѣтъ. Можетъ быть, кислородъ протоплазмы, полученный ею изъ воды, проходя въ соприкосновеніе съ углеродной, маслянистой матеріей, подъ дѣйствіемъ жизни производитъ столь быстрыя движенія, что порождаетъ свѣтъ. Разсматриваемое подъ микроскопомъ, животное не издаетъ постояннаго свѣта, оно мерцаетъ и скоро теряетъ свою силу; но чѣмъ больше пищи, чѣмъ чище вода, чѣмъ сильнѣе токъ кислорода, тѣмъ ярче производимый имъ свѣтъ. Животное «краснѣетъ» кстати и не кстати. Это въ немъ избытокъ жизненности и явленіе это производится на счетъ питанія и дыханія животнаго. Что если бы и мы, отъ крови, приливающей къ нашимъ лицамъ, не краснѣли, а блестѣли, какъ эти животныя! Здѣсь мы видимъ механическій порывъ пищи, соприкасающейся съ особымъ родомъ матеріи, въ неустановившемся состояніи, составляющей результатъ химическихъ и механическихъ измѣненій.

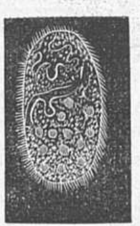
Дѣлая еще шагъ впередъ отъ этихъ простѣйшихъ формъ, мы остановимся на обыкновенномъ микроскопическомъ животномъ и разсмотримъ его. Водится оно почти во всякой водѣ и называется «леукофрисъ». Оно окружено тонкой плевой или мѣшечкомъ, состоящимъ, какъ и всѣ подобныя перепонки или мѣшечки, изъ вещества, химически сходнаго съ крахмаломъ. Остальное тѣло состоитъ изъ обыкновенной протоплазмы съ азотомъ, болѣе плевчатой, непосредственно подъ перепонкой, болѣе плотной и зернистой внутри. Изъ протоплазмы, особенно у одного конца животнаго, выходитъ множество крошечныхъ волосиковъ, выдающихся наружу. Только они и двигаются вмѣсто всего остальнаго тѣла, которое не двигается, какъ у амебы; но вся сила движенія животнаго кажется сосредоточенной въ этомъ полукругѣ волосиковъ, называемыхъ рѣсничками. Они двигаются, какъ отростокъ ноктикулы, но несравненно скорѣе, до семисотъ или восьмисотъ разъ въ минуту. Для движенія ихъ внизъ потребно усиліе, движеніе вверхъ назадъ происходитъ вслѣдствіе собственной эластичности. Такъ какъ движенія эти совершаются съ необычайной быстротой, они производятъ въ водѣ теченія; вода отталкивается назадъ и животное уносится ею прямо или кругообразно. Питается оно, какъ амеба и другія такого же рода пищей, которая приходитъ въ соприкосновеніе съ бѣлкообразной протоплазмой, окруженной рѣсничками, въ томъ мѣстѣ, гдѣ отсутствуетъ плева. Въ строеніи этого существа уже виденъ шагъ впередъ: вмѣсто внутренности, находящейся въ полужидкомъ состояніи, въ ней проходитъ трубочка, отъ которой вокругъ идутъ другія меньшія, заканчивающіяся мѣшечками. Чтобы яснѣе различить ихъ, слѣдуетъ прибавить въ воду немного кармину, потому что проникая внутрь тѣла, онъ окрашиваетъ ихъ. Хотя эти мѣшечки имѣютъ видъ желудка, но дѣйствуютъ они не такъ, какъ желудокъ, потому что мѣняютъ свои мѣста, и пища не попадаетъ въ нихъ. Что они должны имѣть какое-нибудь отношеніе къ пищеваренію,—очевидно. У этого животнаго есть еще другая особенность: вся внутренность его движется кругообразно, увлекая съ собою трубочку съ мѣшечками. Здѣсь опять тотъ же родъ пищи: поглощеніе кислорода и выдыханіе углекислоты.

Арахнула. (См. № 35.)

Амеба. (См. № 35.)

Леукофрисъ.

Перейдемъ къ другой формѣ животныхъ. Они похожи на пучекъ маленькихъ колокольчиковъ, стебельки которыхъ прикрѣплены къ кусочку водоросли. Въ верхней своей части это животное имѣетъ форму колокольчика, а изъ нижней выходитъ тонкая трубочка. При болѣе внимательномъ изслѣдованіи окажется, что колокольчикъ этотъ окруженъ тонкой плевой, какъ и то животное, о которомъ мы только что говорили открытая же его часть украшена рядомъ рѣсничекъ, расположенныхъ въ формѣ спирали. Тѣло состоитъ изъ бѣлковидной, зернистой протоплазмы, въ одномъ только мѣстѣ образуя большое пустое пространство, подверженное очень сильнымъ сокращеніямъ. На днѣ колокольчика находится любопытной формы тѣльце, въ видѣ лошадиной подковы, химическій составъ котораго разнится отъ тѣла животнаго и одинаковъ съ ядромъ амебы. На заднемъ концѣ, возлѣ ядра, изъ протоплазмы выходитъ цѣлый рядъ тонкихъ, какъ волосокъ, волоконъ, слившихся вмѣстѣ, которыя, проходя внутри трубочки, прикрѣпляютъ ее къ предмету, на которомъ сидитъ животное. Затѣмъ остается еще плева съ трубочкой, наполненной протоплазмой. Каждаго наблюдателя поражаетъ количество работы, производимой этими созданіями, собранными въ большомъ количествѣ въ одномъ мѣстѣ. Вся вода по близости постоянно въ движеніи и вертится, какъ въ водоворотѣ. Маленькія животныя, попавшія въ него, подкидываются, бросаются въ разныя стороны и, несмотря на всѣ дѣлаемыя ими усилія, не могутъ выдти изъ него. Результатомъ этого движенія бываетъ то, что какое-нибудь существо быстро вносится въ отверстіе чашечки, покрытое волосиками, и дотрогивается до протоплазмы. Послѣ болѣе или менѣе продолжительной работы рѣсничками, которыя дѣйствуютъ не всѣ сразу, а поочередно и производятъ сильныя теченія воды, животное быстро опускается внизъ; это происходитъ отъ того, что волокны въ стеблѣ свертываются, увлекаютъ съ собою стебель и даютъ ему форму пробочника. Животное затворяется, вкладываетъ рѣснички внутрь себя и принимаетъ видъ небольшой шишки на концѣ ствола. Черезъ нѣсколько времени, стволъ опять выпрямляется, животное развертывается и начинается снова работа. Здѣсь уже мы видимъ примѣръ двигающей жизненной силы; встрѣчаемъ что-то въ родѣ мускуловъ — извѣстная часть стебля обладаетъ способностью сжиманія и движетъ все маленькое животное. Къ тому же ритмъ, или поочередное сжиманіе рѣсничекъ останавливаетъ на себѣ особенное вниманіе. Имѣя одинаковый съ преждеупомянутыми животными составъ тѣла, принимая одинаковую съ ними пищу, вдыхая тотъ же газъ, выдыхая углекислоту, это животное одарено особенной способностью ритмическаго движенія и замѣчательной силой свертыванія стебля. Способъ размноженія этихъ животныхъ достоинъ удивленія. Они не разламываются, какъ амебы, на тысячи крошечныхъ кусочковъ, каждый изъ которыхъ дѣлается живымъ существомъ, но подвержены любопытнымъ превращеніямъ, измѣненію формы и участи. Если мы прослѣдимъ исторію ихъ жизни, намъ представятся два разные способа размноженія. Иногда при основаніи колокольчика можно видѣть небольшой наростъ, который постепенно увеличивается; затѣмъ, вокругъ него появляется рядъ рѣсничекъ и онъ становится маленькимъ бутономъ, совершенно похожимъ на первоначальное животное. Бутонъ этотъ отламывается и плаваетъ на свободѣ пока не найдетъ удобнаго мѣста, чтобы пустить стволъ. Другой способъ размноженія еще удивительнѣе. Послѣ принятія животнымъ значительнаго количества пищи, особенно въ стоячей водѣ, гдѣ нѣтъ достаточно свѣта и кислорода, вокругъ всего животнаго, за исключеніемъ стебля, образуется плева. По внутреннему, хотя очень слабому движенію, можно видѣть, что животное еще живо; въ такомъ положеніи существо это остается по цѣлымъ мѣсяцамъ, до появленія болѣе благопріятныхъ условій жизни, какъ-то: свѣжей воды и воздуха. Иногда же, вслѣдствіе ли времени, или необходимости самому отыскать свѣжіе запасы, внизу колокольчика образуется

рядъ волосиковъ или рѣсничекъ, стебель переламывается, и свободное животное уплываетъ. Впослѣдствіи оно сжимается по серединѣ и дѣлится на двѣ части. Обѣ плаваютъ, какъ различныя существа. Въ нижней образуется маленькое отверстіе, которое становится ртомъ. Оба живутъ различной жизнью и носятъ другое имя, не похожее на имя своихъ родителей. Приходитъ наконецъ время, когда имъ надоѣдаетъ бродячая жизнь, они становятся осѣдлыми, садятся ртомъ внизъ и выпускаютъ изъ него стволъ, который кажется какъ бы продолженіемъ рта. Настоящій же ротъ образуется на другомъ концѣ животнаго, около котораго скоро опять выростаютъ рѣснички, и все животное принимаетъ форму своего родителя. Здѣсь мы встрѣчаемся съ превращеніемъ животнаго, совершенно новой формой жизни, развивающейся впродолженіи того, что мы называемъ цикломъ существованія и однако сопровождаемой тѣмъ же химическимъ составомъ, той же пищей.

Теперь, доведя обозрѣніе до извѣстной точки, не мѣшаетъ бросить бѣглый взглядъ назадъ: мы видѣли постепенное усовершенствованіе строенія, все увеличивающуюся рабочую силу; мы наблюдали за нѣжнымъ первобытнымъ веществомъ, которое, очевидно, состоитъ не изъ одного, а изъ двухъ различныхъ элементовъ; мы замѣтили, что когда оно живо, оно содержитъ въ себѣ много воды и одно или болѣе изъ сокращающихся пустыхъ пространствъ, видѣнныхъ нами у всѣхъ животныхъ. Мы убѣждены, что для ихъ жизни необходимо присутствіе кислорода и полагаемъ, что они выпускаютъ изъ себя въ воду процессомъ выдыханія—углекислоту, и что, благодаря только способности вдыханія кислорода совершается превращеніе пищи въ протоплазму. Далѣе мы перейдемъ къ существамъ, ведущимъ совершенно иную жизнь, которыя поглощаютъ главнымъ образомъ газъ, выдыхаемый животными—углекислоту—и выдыхаютъ кислородъ. Существа эти извѣстны подъ именемъ «растеній».

(*Продолженіе будетъ.*)

Статуя МАССАРЕНТИ.

Рафаэль Санціо.

Честь солдата.

(Очеркъ **Жюля Кларети.**)

— Да что вамъ толковать о знамени?! часто раздавался голосъ старика-капитана Фужереля, сидящаго въ кругу знакомыхъ въ небольшомъ трактирѣ города Вернона.—Что вамъ толковать о знамени! повторялъ капитанъ, возвышая голосъ и ударяя по столу кулакомъ. — Вы не знаете, вы и понятія не имѣете о томъ, что такое знамя? Нужно быть солдатомъ; нужно быть вдали отъ родины, не слышать родного языка; нужно постоянно повторять себѣ во время трудныхъ походовъ въ странѣ враговъ, что въ этомъ трех-

цвѣтномъ, шелковомъ кускѣ, виднѣющемся вдали, среди товарищей, живетъ отдаленная родина; нужно видѣть во время сраженія этотъ, нерѣдко разрываемый непріятельскими пулями, кусокъ матеріи, чтобы понимать, чтобы чувствовать, какъ дорого солдату наше сокровище—знамя! Да, въ этомъ одномъ словѣ, въ этомъ пустомъ для васъ звукѣ, въ этомъ одномъ предметѣ сосредоточивается все, что составляетъ жизнь каждаго изъ насъ: родной уголъ, первая улыбка ребенка, первая любовь юноши, ласки матери, наставленія отца, первый другъ, первая слеза, надежды, мечты, воспоминанія... Да, друзья мои, знамя олицетворяетъ все это... Знамя—это честь полка, его гордость, его слава, выписанная огненными буквами на полинялыхъ трехцвѣтныхъ складкахъ, это какъ бы совѣсть храбрецовъ, готовыхъ идти въ огонь и въ воду по одному его мановенію, это олицетворенная обязанность, долгъ, со всѣмъ тѣмъ, что въ этомъ словѣ есть прекраснаго и великаго... Удивляйтесь же теперь, что мы его любимъ, это наше старое, дырявое знамя, что защищаемъ его собственной грудью, несмотря на градъ пуль и удары штыковъ... Оно связываетъ насъ въ неустрашимую, дружную семью... Отдать знамя—страшный позоръ! Отнять знамя у полка—это тоже, что опозорить каждаго солдата! Нѣтъ, нѣтъ, чортъ возьми, вы не можете понять страданія и муки солдата, если онъ знаетъ, что его знамя, его честь въ рукахъ у непріятеля... Какой-то внутренній голосъ безъ устали, днемъ и ночью, повторяетъ ему: «твое знамя у нихъ! его отняли у тебя! имъ гордятся теперь!..» Да, эта мысль мучитъ солдата, не даетъ ему покоя, лишаетъ возможности работать, думать, иногда сводитъ въ могилу!.. А вы говорите: «что-жь такое это ваше знамя? Знакъ полка и ничего больше. А здѣсь ли оно или тамъ для васъ все равно!» Да, можетъ быть, оно и знакъ только, но стоитъ солдату взглянуть на этотъ знакъ, чтобъ воодушевиться, сдѣлаться неустрашимымъ. Этотъ знакъ—это его жизнь, его честь... Да что съ вами объ этомъ толковать, оканчивалъ капитанъ, махнувъ рукою,—вы этого никогда не поймете...

Окончивъ такую рѣчь, капитанъ Фужерель впадалъ въ какое-то полудремотное состояніе. Глаза его, за минуту блиставшіе огнемъ, принимали обыкновенное, спокойное выраженіе. Капитанъ видимо задумывался о невозвратимомъ прошломъ: о времени великихъ подвиговъ и великихъ побѣдъ. Обыкновенные слушатели старика молча расходились, зная хорошо, что ничего ужь больше отъ капитана не услышатъ. Капитанъ Фужерель принадлежалъ къ числу задумчивыхъ неразговорчивыхъ людей. Голосъ его очень рѣдко раздавался въ небольшомъ кафе Вернона, куда ежедневно вечеромъ капитанъ заходитъ выпить рюмочку и прочесть газету. Многіе годы жители Вернона видѣли стараго капитана въ городскомъ кафе, на углу небольшой улицы, ведущей въ церковь. Каждый вечеръ въ одно и то же время можно было видѣть капитана у одного и того же стола. Часовъ въ девять капитанъ оставлялъ свое мѣсто и уходилъ домой.

Фужерель сидѣлъ всегда у этого столика. Случалось иногда, что еще до его прихода, кто-нибудь изъ новыхъ или рѣдкихъ посѣтителей кафе занималъ любимое мѣсто стараго воина, тогда лакей подходилъ къ гостю и остерегалъ слѣдующими словами:

— Это мѣсто занимать нельзя, это «столъ капитановъ»...

Это названіе давно было знакомо обыкновеннымъ посѣтителямъ кафе, и хотя уже долгое время приходилъ только одинъ Фужерель, но названіе все еще удерживалось, какъ бы на память о товарищѣ капитана, приходившемъ съ нимъ прежде. Въ то давнопрошедшее время Фужерель со своимъ товарищемъ занимали всегда однѣ и тѣ же мѣста у мраморнаго стола, носившаго и до послѣдняго времени названіе «стола капитановъ».

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ можно ихъ было встрѣтить на улицахъ и въ кафе Вернона всегда вдвоемъ: посѣтители кафе до сихъ поръ помнятъ ихъ играющими въ домино у стола капитановъ или молча смотрѣвшими игру другихъ.

Старики наши неохотно заводили новыя знакомства. При ихъ задумчивомъ, хотя и не мрачномъ, характерѣ и не особенной охотѣ къ болтовнѣ, это вполнѣ понятно. Они не нуждались въ новыхъ знакомствахъ и потому еще, что вполнѣ довольствовались воспоминаніями давно минувшихъ дней, эхомъ полныхъ славы сраженій и посѣщимися въ ихъ воображеніи лицами давно погибшихъ товарищей—воиновъ. Взаимная, неразрывная дружба, связующая ихъ при концѣ жизни составляла ихъ единственное счастіе. Дружба Фужереля и Малепера,—такъ назывались наши капитаны,—продолжалась уже многіе годы. Познакомились они на службѣ въ одномъ и томъ же полку, недолго послѣ знакомства подружились и, никогда не ссорившись, прожили вмѣстѣ до поздней старости. Посовѣтовавшись между собой, недолго послѣ знакомства, почти одновременно зачислились въ баталіонъ гренадеръ старой императорской гвардіи. Съ того времени они почти никогда не разлучались. Фужерель, родомъ изъ Нормандіи, очень рано, почти ребенкомъ, покинувъ родное село, въ качествѣ добровольца, не щадя крови и труда, храбро сражался подъ знаменами обожаемой родины и дослужился капитанскихъ эполетъ. Исторія жизни его друга Малепера почти такая же. Сынъ рыболова изъ Лормона, въ окрестностяхъ Бордо, Малеперъ всю свою жизнь посвятилъ горячо любимой имъ Франціи, которую въ то время Наполеонъ I запутывалъ въ рядъ кровавыхъ сраженій и безконечныхъ тревогъ. Послѣ многихъ лѣтъ труда, невзгодъ и лишеній Малеперъ добился званія капитана, получилъ крестъ почетнаго легіона и небольшой пенсіонъ, едва хватающій на удовлетвореніе необходимыхъ жизненныхъ потребностей. Къ счастію, онъ, подобно Фужерелю, немного заботился о своей жизни. Было бы необходимое — а тамъ ничего больше и не нужно. Воспоминанія славныхъ дней вознаграждали ихъ за все.

Въ послѣднихъ войнахъ первой имперіи наши капитаны принимали дѣятельное участіе. Кровь свою они проливали и у стѣнъ Смоленска, и въ Германіи и во Франціи, а послѣ возвращенія Наполеона съ острова Эльбы они находились въ рядахъ старой гвардіи у Ватерлоо, сражаясь за своего императора, окруженнаго со всѣхъ сторонъ превосходными силами непріятелей. Каждый изъ нихъ дѣлалъ все, что зависѣло отъ него, чтобы храбро пасть на полѣ сраженія. Оба они, раненые, окровавленные, истративъ до конца всѣ силы и средства пали вмѣстѣ съ послѣдними каре старой гвардіи и остались на полѣ среди безчисленнаго множества красныхъ мундировъ. Возвратившись на родину, послѣ выздоровленія, они увидѣли на престолѣ обожаемаго ими императора — новаго короля; вмѣсто трехцвѣтнаго знамени—бѣлое; новые мундиры, новые кокарды... да и въ добавокъ встрѣчали людей, называющихъ солдатъ Нея «лоарскими разбойниками»... Друзья наши грустно задумались, увидѣвъ себя одинокими, никому ненужными, безъ друзей, безъ надеждъ, со скуднымъ жалованьемъ, скупно оплачивающимъ ихъ раны. Что-жь имъ оставалось дѣлать? Какую жизнь слѣдовало вести въ новой Франціи этимъ двумъ храбрецамъ, которыхъ одни называли бонапартистами, другіе якобинцами? Чтобы взлелѣять въ себѣ хоть тѣнь надежды, Фужерель и Малеперъ стали увѣрять другъ друга, что не вѣчно же, въ самомъ дѣлѣ, на престолѣ останется Бурбонъ, что раньше или позже, положеніе дѣлъ измѣнится, а потому главная ихъ обязанность — спокойно выжидать. Нужно было найти тихій, мирный уголокъ, куда бы можно удалиться и вдали отъ новыхъ людей и новой жизни дожидать возвращенія того, что уцѣлѣло только въ ихъ умахъ и сердцахъ, къ чему они привыкли чуть не съ малыхъ лѣтъ. Тогда-то друзья-капитаны рѣшились отыскать уголокъ, гдѣ можно бы было отдохнуть и, главное, спокойно выждать...

Двадцать лѣтъ прошло съ того времени, когда одинъ оставилъ свои нормандскіе яблони, а другой бордосскіе виноградники; двадцать лѣтъ вели они скитальческую жизнь, подобно блуждающимъ рыцарямъ, всегда въ походахъ, всегда въ движеніи, не отдыхая никогда. Чего, чего они не испытали въ жизни? И радость побѣдителей и горе побѣжденныхъ. Словомъ, двадцать лѣтъ неусыпнаго труда и постоянныхъ сраженій. Но въ такое продолжительное время, домашніе очаги пустѣютъ, родители и родные отходятъ въ лучшую жизнь. И наши оба пріятеля не нашли на родинѣ и слѣдовъ прошлаго. На мѣстѣ домика въ Лормонѣ, въ которомъ Малеперъ родился, онъ увидѣлъ постоялый дворъ, служившій вмѣстѣ съ тѣмъ и почтовою станціей. А Фужерель на вопросъ, гдѣ живутъ его родители и родные въ Пресаньи, получилъ отвѣтъ отъ кого-то, долго припоминающаго себѣ его фамилію:

— Да, дѣйствительно, сказалъ тотъ равнодушно,—я что-то слышалъ объ этихъ людяхъ. Ахъ, да—они переселились въ Паси и всѣ вымерли.

Нѣсколько дорогихъ именъ, написанныхъ неумѣлою рукою на крестахъ и камняхъ, покрывающихъ могилы любимыхъ существъ—вотъ все, что Фужерель и Малеперъ нашли, возвратившись на родину. Деревенское кладбище—и больше ничего! И такъ, они очутились одни-одинехоньки на бѣломъ свѣтѣ; никому не нужны теперь эти лишніе люди на землѣ, эти бонапартисты, эти якобинцы... Это сознаніе одиночества еще крѣпче затянуло узелъ ихъ взаимной дружбы и они порѣшили жить вмѣстѣ, пройти остатокъ жизненнаго пути рука объ руку. По совѣту Фужереля они порѣшили жить въ Нормандіи. Поселившись въ нормандскомъ прекрасномъ городкѣ Вернонѣ, они соединили въ одно свои небольшія средства и, такимъ образомъ, достигли извѣстной степени благосостоянія тѣмъ легче, что съ давнихъ поръ привыкли довольствоваться немногимъ. Жизнь ихъ, если можно такъ выразиться, стала абсолютнымъ покоемъ послѣ абсолютнаго движенія. Ихъ прошлое отъ настоящаго раздѣлялось цѣлою пропастью пережитыхъ волненій и обманутыхъ надеждъ; между прошлымъ и настоящимъ сходства никакого!

Однообразныя занятія, все тѣ же разговоры о дорогихъ предметахъ, общія воспоминанія, однѣ и тѣ же прогулки, дѣлали ихъ жизнь до того однообразной, что обоимъ старикамъ казалось, что пребываніе ихъ въ Вернонѣ не болѣе, какъ отдыхъ послѣ трудовъ, необходимый для подкрѣпленія силъ на новые подвиги. Проходящіе дни за днями, стали похожи на долгіе, монотонные зимніе вечера. Избранный ими городокъ Вернонъ, съ своими живописными улицами, располагаетъ къ тихой, мирной жизни. Слѣды прошлаго, виднѣющіеся въ разныхъ уголкахъ городка, еще усиливаютъ это расположеніе. Сена безъ шуму, спокойно и тихо протекаетъ подъ старымъ, покрытымъ мхомъ и плесенью каменнымъ мостомъ; здоровый, полный аромата воздухъ Вернона и Вернонета, деревни расположенной по ту сторону рѣки, веселыя, улыбающіяся лица прохожихъ и старыя, сѣрыя зданія—все это манитъ къ спокойствію и тишинѣ. Никакого шуму, никакой суеты! Развѣ только нѣсколько солдатъ, составляющихъ весь мѣстный горнизонъ, отличается

отъ всѣхъ горожанъ сильнѣйшимъ постукиваніемъ коблуковъ по мостовой, иногда веселою пѣсней... Словомъ, все населеніе Вернона, состоящее по большей части изъ рентьеровъ и старыхъ отставныхъ военныхъ, любителей садоводства,— живетъ спокойною жизнью въ этомъ живописномъ городкѣ Нормандіи.

— Откровенно тебѣ сказать, замѣчалъ иногда Малеперъ своему товарищу,—я бы охотно промѣнялъ всѣ ваши настойки и наливки на двѣ бутылки нашего медока. Но, не смотря на это, долженъ отдать полную справедливость Нормандіи: здѣсь живется хорошо и старѣешься, какъ-то не замѣчая этого...

А между тѣмъ нужно признаться, удовольствія нашихъ капитановъ были крайне однообразны и немногочисленны. Утренняя прогулка по бульвару была главнымъ ихъ развлеченіемъ. Каждый день по утру друзья-капитаны, болтая о прошломъ, отправлялись по алеѣ городского бульвара, высаженнаго съ обѣихъ сторонъ тѣнистыми деревьями и, дойдя до парка Биси, почти всегда останавливались въ немъ для того, чтобы начертить на пескѣ планъ какого нибудь сраженія, которое всегда было предметомъ ихъ оживленнаго разговора. Такъ, сами этого не замѣчая, они доходили до Вальмейскаго лѣса, откуда послѣ короткаго отдыха, тѣмъ же путемъ возвращались обратно въ городъ. Затѣмъ, поспоривъ и поболтавъ еще на обратномъ пути, два героя заходили въ ресторанъ, въ которомъ обыкновенно обѣдали. Здѣсь, поклонившись присутствующимъ, они, молча, занимали мѣста за обѣденнымъ столомъ, не принимая почти никакого участія въ общемъ разговорѣ. Отобѣдавъ, поклономъ благодарили всѣхъ за компанію и уходили въ кафе, гдѣ за домино, газетою и чернымъ кофе дожидались девяти часовъ. Церковная башня извѣщала ихъ объ этомъ: съ первымъ ударомъ башенныхъ часовъ Фужерель и Малеперъ уходили домой. Придя домой друзья пожимали другъ другу руки на прощанье и запирались въ своихъ компатахъ.

Черезъ нѣсколько времени, утомленные прогулкою и болтовнею, наши капитаны засыпали сномъ праведниковъ, мечтая о золотомъ времени побѣдъ и восторговъ...

У каждаго изъ нихъ надъ кроватью висѣла шпага и военныя украшенія, какъ эмблема ихъ военнаго званія. Трудно, почти невозможно было пройти имъ около кровати, чтобы хоть мелькомъ не взглянуть на эти предметы. И сколько разъ это случалось, столько разъ лица ихъ осѣнялись улыбкой, ясно говорящей, что по ихъ глубокому убѣжденію царствованіе Бурбоновъ только временное. Старый республиканскій духъ, сохранившійся въ нихъ во всей своей чистотѣ и силѣ, какъ бы нашептывалъ имъ постоянно, что не долго и не прочно царствованіе Людовика XVIII. Однако дни, недѣли, мѣсяцы чередовались, годы проходили за годами, капитаны старѣлись, а Карлъ X, вступивъ на престолъ послѣ своего брата, и не думалъ оставлять его.

— Что-жъ, говорилъ иногда Фужерель, съ замѣтною горечью въ голосѣ,—наше дѣло, какъ видно, кончено! Да, другъ мой, никогда ужь намъ больше не командовать, никогда! Надо другимъ уступить свое мѣсто! Ревматизмы начинаютъ надоѣдать, да и человѣкъ свыкся съ этимъ угломъ!... Кто его знаетъ, можетъ быть, казарменный воздухъ показался бы намъ слишкомъ тяжелымъ... Да, да, дружище, распростимся навсегда съ прекрасными надеждами! Видно ужь суждено намъ умереть капитанами... только капитанами...

И оба капитана задумывались о невозвратимомъ прошломъ, о будущемъ безъ надеждъ, безъ великихъ цѣлей...

Послѣ 1830 года, Фужерель и Малеперъ начали поговаривать о поступленіи на службу. Но въ сущности имъ было трудно разстаться съ любимымъ городкомъ и съ той жизнью, полною тишины и спокойствія, къ которой они привыкли, безъ которой на врядъ ли могли бы обойтись. Они въ теченіи двухъ трехъ десятковъ лѣтъ привыкли ко всему, что ихъ окружало: и къ краснвымъ личикамъ молоденькихъ сосѣдокъ, и къ поклонамъ прохожихъ, питающихъ искреннее уваженіе и любовь къ «своимъ капитанамъ», и къ старымъ, сѣрымъ домамъ города. Покончить со всѣмъ этимъ у нихъ не доставало храбрости, тѣмъ болѣе, что страсть къ приключеніямъ съ годами притихла. Прошлое доставляло имъ обильный, неисчерпаемый матеріялъ для воспоминаній объ немъ, что въ нѣкоторой степени мирной жизни капитановъ придавало нѣкоторый оттѣнокъ прошлой, военной жизни. Не разъ, среди глубокой ночной тишины имъ грезились образы военныхъ, кровавыхъ временъ... Вотъ почему жители Вернона послѣ горячихъ іюльскихъ дней имѣли удовольствіе встрѣчать за обѣдомъ въ ресторанѣ и за домино и чернымъ кофе въ городскомъ трактирѣ старыхъ «своихъ капитановъ», къ которымъ они привыкли, съ которыми, такъ сказать, весь городъ сросся съ давнихъ поръ.

Многіе годы общей жизни, общія воспоминанія такъ тѣсно связали обоихъ товарищей неразрывною дружбою, что они никогда и не думали разставаться. Казалось, Фужерель и Малеперъ взаимно дополняли другъ друга. Какъ часто бываетъ, быть можетъ, и въ данномъ случаѣ, твердою основою ихъ взаимной дружбы, было нѣкоторое различіе въ ихъ нравственныхъ и физическихъ качествахъ. Фужерель высокаго роста, худощавый, съ блѣднымъ лицомъ и просѣдью, посеребрившей его когда-то темные волосы, былъ суровѣе своего товарища. Малеперъ же, хотя и высокаго роста, но гораздо толще и полнѣе своего товарища, охотно смѣялся и шутилъ. Это различіе характеровъ нисколько не мѣшало гармоніи ихъ жизни. У Фужереля была одна страсть, поглощающая почти всѣ небольшія его сбереженія; этою страстью былъ табакъ: онъ курилъ почти постоянно, утромъ—послѣ завтрака, днемъ—на прогулкѣ, вечеромъ—за чтеніемъ. Чѣмъ табакъ былъ для Фужереля, тѣмъ же испанское вино было для его друга. Съ какимъ удовольствіемъ Малеперъ подносилъ къ губамъ рюмку хереса, можно было судить по веселому выраженію его лица, принимавшему тогда самый искренній веселый видъ, Фужерель, шутя, называлъ его «чувственнымъ». Нужно, однако, отдать полную справедливость поклоннику испанскихъ винъ, эта страсть была самою невинною его прихотью. Рюмка хереса для возбужденія апетита, стаканчикъ мадеры за обѣдомъ—вотъ и все, чѣмъ вполнѣ довольствовался Малеперъ.

— Это въ память испанскихъ и португальскихъ войнъ, говорилъ Малеперъ, объясняя свою страсть къ испанскимъ винамъ.

Фужерель не порицалъ этой роскоши Малепера, а этотъ послѣдній такъ же относился къ страсти своего друга къ заграничнымъ табакамъ. Малеперъ на любимое имъ вино, а Фужерель на заграничный табакъ тратили всѣ свои крошечныя сбереженія. Кромѣ того, Фужерель, по мѣрѣ возможности пріобрѣталъ самыя разнообразныя трубки и мундштуки, которые рядами висѣли на маленькой лѣстничкѣ, носившей громкое названіе «музея».

Никто не могъ бы ихъ упрекнуть ни въ какомъ тайномъ грѣшкѣ. Столько разъ храбро встрѣчавшіе смерть, наши старики въ молодости своей не могли и думать о сердечныхъ порывахъ. У нихъ не было для этого достаточно свободнаго времени. Они ни разу не задумывались о томъ, что человѣку суждено любить и быть любимымъ, стать отцомъ семейства, а при концѣ жизни съ радостью смотрѣть на своихъ дѣтей, вступающихъ на арену жизни съ надеждою завоевать себѣ счастіе. И вотъ, остались они одни, безъ семьи, безъ сердечныхъ воспоминаній, если не считать мимолетныхъ связей и гарнизонныхъ любовныхъ похожденій. Забытые, всѣми оставленные, проживая послѣдніе годы своей жизни въ тихомъ уголкѣ своей родины, наши капитаны однако не считали себя обиженными, не разыгрывали роли страдальцевъ. Они были глубоко убѣждены, что свой долгъ исполнили честно, и этого было для нихъ довольно. Они сами говорили о себѣ, что принадлежатъ къ числу тѣхъ людей, которымъ отечество замѣняетъ семью и отреченіе для которыхъ должно быть закономъ. Какъ солдаты, они всегда поступали честно, какъ люди, были безупречны. На старости лѣтъ оба воина, съ спокойною совѣстью наслаждались солнцемъ и воздухомъ, повторяя, что имѣютъ полное право отдохнуть послѣ труда. Они охотно держались въ сторонѣ, не любили суеты и шума; всегда молчаливые—они, однако, понимали, что, какъ остатки великаго крушенія, они заслужили себѣ полное уваженіе...

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Моя хроника.

П. А. Салманова.

(*Продолженіе.*)

Глава V.

1830 годъ. Холера.

Приступаю къ описанію года, богатаго печальными воспоминаніями для всего русскаго народа. Кончились каникулы. Наступило 1 сентября и я отправился въ свое училище, въ которомъ находился уже четыре года; отслужили молебенъ, прочли списки учениковъ, переходящихъ въ высшіе классы; меня тамъ не было; я былъ оставленъ за малолѣтствомъ въ одномъ и томъ же классѣ еще на два года. Хотя я и зналъ, что вышло предписаніе, по которому дозволялось переводить изъ училища въ семинарію воспитанниковъ не ранѣе 15 лѣтняго возраста, а мнѣ было только 13 лѣтъ, но все таки я долженъ сознаться, что вынесъ непріятныя чувства, оставшись еще на два года въ такомъ классѣ, въ которомъ мнѣ дѣлать было нечего.

Одного горя человѣку всегда бываетъ мало. Я не могъ безъ ужаса смотрѣть на искаженныя лица моихъ наставниковъ, у которыхъ страхъ былъ на лбу написанъ, причину этого страха я узналъ тотчасъ же. Испуганные товарищи сообщили мнѣ, что мы должны скоро всѣ умереть, потому что на-дняхъ будетъ страшная моровая язва, которая называется «холера-морбусъ» и что эта язва гораздо хуже чумы, о которой я слыхалъ ужасающіе разсказы отъ моего отца и дѣда.

Такое извѣстіе скверно подѣйствовало бы не только на мальчика моихъ лѣтъ, но и на взрослаго, особенно, когда и дома на лицахъ отца, матери и всѣхъ домашнихъ я видѣлъ то-же ужасающее выраженіе.

Нѣсколько дней объ этой язвѣ говорили шепотомъ; страхъ смерти какъ бы запечаталъ уста москвичей. Черезъ нѣсколько дней, однакожь, шепотъ перешелъ въ вопль, потому что въ городѣ начали показываться признаки моровой язвы, захватывавшей свои жертвы въ расплохъ.

Испуганная администрація, при появленіи эпидеміи, которой не зная ни свойства, ни характера и въ которой россійская медицина ничего не смыслила,—приняла самыя нераціональныя мѣры. Оно хватало на улицѣ всѣхъ больныхъ; чѣмъ бы они ни захворали, также пьяницъ, которыхъ тошнило отъ излишняго употребленія водки и пива, сажала въ карету и везла въ больницы, каковыхъ было устроено 20, по количеству частей города (Москва въ то время имѣла 20 ча-

стей). Ежедневныя афиши, издаваемыя по распоряженію московскаго оберъ-полиціймейстера Муханова были рѣшительно безразсудны, онѣ скорѣй пугали, чѣмъ успокоивали народъ. Ни въ одной афишѣ не было сказано, чтобы захворавшій выздоровѣлъ при пособіи медицины. Къ этимъ неразсудительнымъ дѣйствіямъ полиціи присоединилось и другое: Москву оцѣпили и учредили карантинъ; перешедшій чрезъ городской валъ изъ Москвы или въ Москву тайкомъ, но замѣченный и схваченный стражею,—подвергался разстрѣлянію на самомъ мѣстѣ своего перехода. Такимъ образомъ, торговля пріостановилась и сдѣлалась страшная дороговизна предметовъ первой необходимости. Многолюдная Москва казалась опустѣвшею, мертвая тишина царствовала въ ней днемъ и ночью. Изрѣдка только проѣдетъ вечеромъ громадная фура съ нѣсколькими десятками умершихъ и тянется эта страшная процессія, сопровождаемая одними только солдатами, за заставу; крестится прохожій, встрѣчая такую фуру и съ трепетомъ бѣжитъ домой, если только на дорогѣ не схватитъ его болѣзнь отъ испуга и не поволокуть несчастнаго въ больницу, откуда его на другой день повезутъ точно въ такой-же фурѣ, какую онъ встрѣтилъ на дорогѣ.

Медицина дѣйствовала еще не разсудительнѣе. Единственнымъ пособіемъ къ предохраненію отъ холеры,—она придумала хлоровую известь, которую и приказала носить каждому на груди, а ночью класть подъ подушкой. Сильный, ядовитый запахъ хлоровой извести скорѣй развивалъ холеру, чѣмъ предохранялъ отъ нея. Мудрено-ли, что послѣ этого невѣжественный классъ народа въ Москвѣ сталъ подозрѣвать докторовъ въ намѣреніи отравлять народъ. Трусость и невѣжество медицины, при первоначальномъ появленіи холеры, до такой степени были велики, что подозрѣніе простолюдиновъ въ отношеніи къ медикамъ, старающимся будто-бы развивать болѣзнь, имѣло всѣ виды вѣроятія.

Одинъ только московскій военный генералъ-губернаторъ князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, да митрополитъ московскій Филаретъ выказали себя людьми достойными своихъ мѣстъ и своего званія. Первый изъ нихъ предъ появленіемъ холеры выслалъ изъ Москвы пришлый рабочій классъ народа, а особенно фабричныхъ людей, чѣмъ самымъ предупредилъ бунтъ въ Москвѣ, котораго Петербургъ въ 1831 году не избѣгъ безъ принятія этой мѣры; а можно смѣло ручаться, что при озлобленіи простого народа на медиковъ, бунтъ московскій былъ бы страшнѣе петербургскаго и всѣ московскіе доктора за ихъ глупость и незнаніе дѣла, были-бы растерзаны озлобленнымъ народомъ. Второй,—т. е. митрополитъ Филаретъ приказалъ учредить крестные ходы, чтобы народъ, находилъ для себя отраду и исцѣленіе отъ угрожающаго зла.

Никогда не забуду того впечатлѣнія, которое я вынесъ изъ молитвы осенью, подъ открытымъ пасмурнымъ небомъ на Дѣвичьемъ полѣ. Всѣ прихожане Знаменской въ Зубовѣ церкви, сопровождаемые хоругвіемъ и священникомъ, стояли на колѣняхъ съ открытыми головами, читая общую молитву объ избавленіи отъ смерти и когда священникъ произносилъ народу слово религіознаго утѣшенія, изъ сосѣднихъ церквей, именно: отъ Неопалимой Купины, отъ Крестовоздвиженской на Вражкахъ церкви, изъ церквей Саввы Освященнаго, Семи Вселенскихъ Соборовъ, изъ Новодѣвичьяго монастыря появилась та же процессія, сопровождаемая хоругвіемъ, священниками, звономъ и покрыла собою все пространство Дѣвичьяго поля. Картина была величественная! Даровитый поэтъ тогдашняго времени, Шатровъ, уже старый и ослѣпшій, передалъ намъ это событіе въ гармоническихъ и прекрасныхъ стихахъ своихъ, которые читались съ восторгомъ. Распоряженія Филарета были благодѣтельны: надежда на Бога, какъ будто воскресила народъ. Онъ начиналъ выходить изъ нравственной апатіи и какой-то не медикъ, но простой мѣщанинъ нашелъ средство исцѣлять холеру припарками къ животу изъ сѣнной трухи, согрѣтой горячею водою. Способъ этого леченія, избавившій въ то время нѣкоторыхъ отъ смерти, былъ опубликованъ во всеобщее свѣденіе особыми афишами отъ полиціи и очень благодѣтельно подѣйствовалъ на народъ, который съ того времени начинаетъ уже вѣрить въ свое спасеніе отъ смерти и, всегда религіозный, относитъ свое будущее спасеніе отъ холеры одному Богу, который услышалъ, наконецъ, грѣшную молитву русскаго человѣка!

24 сентября я простился съ старшею сестрою моею Натальею, которая 24 августа вышла замужъ за добрѣйшаго моего учителя Тимофея Ильича Шкипскаго, назначеннаго въ то время священникомъ въ село Хотлинки.

Въ день свадьбы моей сестры никто и не подозрѣвалъ, что надъ Москвою виситъ грозная туча смерти; а вотъ ровно черезъ мѣсяцъ она посѣтила уже Москву со всѣми своими ужасами. 24 сентября Шкипскому непремѣнно нужно было отправиться на мѣсто, потому что при церкви, въ которую онъ былъ назначенъ священникомъ, на слѣдующій день, т. е. 25 сентября, былъ храмовой праздникъ во имя Сергія преподобнаго.

Съ тяжелымъ чувствомъ простились мы, то есть я, отецъ и мать съ сестрою и зятемъ. Иначе и быть не могло. Никто изъ насъ не могъ ручаться ни за одинъ день жизни; а сестра съ зятемъ отправлялись въ село за 30 верстъ отъ Москвы въ то самое время, когда всѣ свиданія съ московскими жителями запрещены подъ страхомъ смерти.

Грустно и безотрадно проходили дни за днями. Холера усиливалась съ каждымъ днемъ; все народонаселеніе Москвы находилось подъ тяжелымъ чувствомъ страха смерти. Одинъ я только не боялся холеры, очень былъ радъ, что на мою долю выпали такія продолжительныя каникулы. Счастливая жизнь ребенка! онъ ничего не боится и имѣетъ свои личныя соображенія, которыми живетъ независимо отъ всего міра. Самыя занятія мои показывали, что я не боялся холеры. Въ то время, когда мимо нашихъ оконъ везли фуры съ мертвыми тѣлами, я, какъ сейчасъ помню, списывалъ стихи съ тетради своего товарища.

27 ноября въ нашемъ приходѣ былъ храмовой праздникъ Знаменія Пресвятыя Богородицы. Отецъ мой очень уважалъ этотъ праздникъ, любилъ позвать въ этотъ день своихъ родныхъ и добрыхъ знакомыхъ, задать имъ хорошій обѣдъ и роспить съ ними бутылку лиссабонскаго вина, а послѣ обѣда заняться пуншемъ, бывшимъ тогда во всеобщемъ употребленіи. Нѣтъ надобности говорить, что я готовился къ этому празднику всегда за нѣсколько дней и ожидалъ его съ большимъ нетерпѣніемъ

Наканунѣ праздника, т. е. 26 числа вечеромъ, я отправился въ баню. Обмывъ свое молодое тѣло, я изъ бани тихо отправился домой. На дорогѣ мнѣ сгрустнулось по сестрѣ. «Вотъ, разсуждалъ я, если бы она была здѣсь, мы всѣ вмѣстѣ провели бы праздникъ пріятнѣе, а то ужь двѣ недѣли мы не имѣемъ письма отъ нихъ и не знаемъ: жива ли, здорова ли она?» Съ этими мыслями я приблизился къ дому и когда растворилъ дверь, ведущую въ наши комнаты — кто опишетъ мой восторгъ?! Я увидѣлъ сестру и зятя, сидящихъ въ залѣ за самоваромъ вмѣстѣ съ моею матерью. Мы бросились въ объятія другъ друга и отъ радости заплакали.

— Какъ вы пробрались къ намъ? спросилъ я въ порывѣ радости, подпрыгивая на одной ногѣ. —Вѣдь въ Москву, говорятъ, никого не пускаютъ.

— Хлопотъ было много, отвѣчалъ зять.—Не доѣзжая двухъ верстъ до Калужской заставы, есть дача Кирьякова, которая имѣетъ садъ на протяженіи четырехъ верстъ,—оканчивающійся у самаго берега Москвы рѣки, какъ разъ противъ хамовническихъ казармъ. Ну, я съ сестрою вашею и шелъ по сугробамъ четыре версты пѣшкомъ, задыхаясь отъ усталости; затѣмъ пошли по льду по Москвѣ рѣкѣ, вышли въ Хамовникахъ и черезъ Хамовническій переулокъ пробрались сюда.

— Ахъ, какъ я радъ, что вы пріѣхали, а я сейчасъ только объ васъ думалъ, намъ безъ васъ и праздникъ не въ праздникъ. Да зачѣмъ же вы такъ много колесили; вѣдь вы сестру совсѣмъ уморили!

— Но объ этомъ, Петенька, много и долго толковать нечего. Одно скажу тебѣ, иначе нельзя было.

Помнится мнѣ, что зять съ сестрою прогостили у насъ съ недѣлю. Наканунѣ ихъ отъѣзда пріѣхалъ къ нимъ бурмистръ изъ имѣнія г. Кашкина, которому принадлежало село Хотлинки, Сергѣй Ивановъ, лихой, хитрый и очень смѣтливый крестьянинъ. Онъ одѣлъ сестру въ крестьянское платье, посадилъ ее на возъ съ дровами, приспособилъ ее къ своему обозу и въ 4 часа утра отправился съ нею провести ее черезъ заставу. Онъ и дѣйствительно, какъ я впослѣдствіи слышалъ, провезъ ее черезъ заставу благополучно, съ зятемъ случилось несчастіе: когда онъ хотѣлъ пробраться за черту, обозначенную натянутымъ канатомъ и, нагнувшись — однимъ быстрымъ движеніемъ, очутился по другую сторону каната, то есть уже внѣ Москвы онъ былъ замѣченъ жандармомъ, который остановилъ его. Два золотыхъ, сунутые въ руку жандарма, спасли моего зятя отъ катастрофы.

1 декабря я отправился къ моему дѣдушкѣ въ село Казино, славившееся въ то время красавицами дѣвушками, и принадлежавшее генеральши Циммерманъ. Съ стѣсненнымъ сердцемъ выслушалъ я извѣстіе 6 декабря, что холера прекращается, карантины сняты, въ Москву открытъ свободный доступъ каждому, присутственныя мѣста также открыты, а училища откроютъ 1 января. Сами посудите, много ли времени до 1 января: нужно разстаться съ милыми дѣвицами, которыя смотрѣли на меня въ то время, какъ на ребенка и ласкали, что мнѣ очень нравилось, и вдругъ всего этого лишиться, отправиться въ училище и получать потасовки отъ учителей. О холера! о холера! Зачѣмъ ты такъ скоро прекратилась!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Брюсовъ календарь.

Ст. П. В. Га—на.

(Окончаніе.)

Статья IV.

Какъ предузнавать хорошую или дурную погоду? Отвѣчая на этотъ вопросъ, Брюсъ старается дать цѣлый рядъ примѣтъ, по которымъ, по его мнѣнію, можно предугадать, какая будетъ погода. Эти примѣты крайне интересны и мы приводимъ ихъ по группамъ.

I. По небеснымъ свѣтиламъ.

Солнце.

1) Когда солнце при восходѣ своемъ очень ярко, и облака, окружающія его, краснаго цвѣта, то день будетъ ненастный, и чаще бываетъ дождь съ вѣтромъ.

2) Когда величина солнца, при восходѣ его, кажется нѣсколько болѣе обыкновенной, то будетъ дождь.

Пилигримъ.

Картина БЕРСО.

Лѣсная нимфа.

3) Если солнце кажется блѣднѣе обыкновеннаго, то это служитъ признакомъ близкаго дождя, а когда оно чисто и ярко, то будетъ хорошая погода.

4) Если около солнца будетъ утромъ видѣнъ бѣловатый кругъ, то въ тотъ день предстоитъ сильная буря.

5) Когда солнце при закатѣ своемъ кажется окружено синеватымъ или чернымъ кругомъ, то это предвѣщаетъ также сильную бурю.

6) Если солнце при захожденіи своемъ имѣетъ красный цвѣтъ, то сильные вѣтры будутъ продолжаться нѣсколько дней.

7) Когда при солнечномъ восходѣ облака закрываютъ его, и солнечные лучи видны вверху облаковъ, то это предвѣщаетъ дождь; если же солнечные лучи видны изъ средины облаковъ, то предстоитъ буря съ дождемъ.

8) Если около солнца сбираются облака съ разныхъ сторонъ, то это признакъ сильной бури.

9) Когда солнце заходитъ за облака, будетъ на утро дождь; если же при захожденіи солнца облака будутъ спускаться за нимъ, то слѣдуетъ ожидать сильныхъ вѣтровъ.

10) Если солнце при захожденіи кажется блѣднымъ, то будетъ западный вѣтеръ.

Луна.

11) Блѣдная луна предвѣщаетъ дождь; яркая луна—хорошую погоду.

12) Луна, окруженная яснымъ кругомъ, расширяющимся по немногу и опять исчезающимъ, предвѣщаетъ ясную погоду; когда же луна имѣ-

етъ два, или болѣе такихъ круговъ, или хотя и одинъ, но неясный и туманный, то будетъ морозъ. Если кругъ красноватъ, то будетъ вѣтеръ, а зимою—снѣгъ.

13) Ежемѣсячно, на пятый день, послѣ появленія новолунія или первой ея четверти, бываетъ почти всегда сильная буря.

14) Когда луны не видно до четвертаго дня послѣ ея новолунія во время южнаго вѣтра, то погода во весь лунный тотъ мѣсяцъ будетъ бурная.

Звѣзды.

15) Если звѣзды кажутся неясными, и едва видны, то будетъ дождь.

16) Когда малыхъ звѣздъ не видно на чистомъ небѣ, то будетъ буря; а если въ одной сторонѣ неба видно звѣздъ болѣе обыкновеннаго, то съ той стороны слѣдуетъ ожидать сильныхъ вѣтровъ, лѣтомъ съ дождемъ, а зимою съ большими морозами.

II. По атмосферическимъ явленіямъ.

Облака и туманъ.

17) Красныя облака, предъ закатомъ солнца, обѣщаютъ на другой день ясную погоду.

18) Темныя или красныя облака предъ восхожденіемъ солнца предвѣщаютъ дождь.

19) По утрамъ красныя облака служатъ признакомъ дождя или вѣтра, а иногда того и другого вмѣстѣ.

20) Если туманъ, опускаясь, ложится на землю, то это признакъ хорошей погоды; когда же подъ вечеръ туманъ отъ земли или отъ воды поднимается, то предстоитъ жаркій день.

21) Когда облака ходятъ не высоко, то будетъ холодная погода; густыя и бѣлыя облака предвѣщаютъ градъ.

22) Въ лѣтнее время, если на чистомъ небѣ покажется въ верху облачко, то будетъ жестокая буря.

23) Въ зимнее время, по утрамъ, если два, три дня съ ряду будутъ видны бѣлыя облака, то это предвѣщаетъ сильные морозы и снѣгъ; если же облака будутъ темныя, то предстоитъ дождь. Когда же облака къ вечеру красны, а утромъ сѣроваты, то слѣдуетъ ожидать ясной погоды.

24) Если во время жатвы падаетъ туманъ, или стоитъ надъ прудами или болотами, то будетъ дождь.

Молнія и радуга.

25) Молнія зимою, предвѣщаетъ бурю; а при ясномъ небѣ—вѣтеръ.

26) Радуга не всегда бываетъ только послѣ дождя, она бываетъ видна и передъ дождливой погодой. Радуга послѣ дождя предвѣщаетъ хорошую погоду; чѣмъ зеленѣе радуга, тѣмъ больше будетъ дождя, а чѣмъ краснѣе радуга—больше вѣтра.

27) Если радуга въ синеватой части очень свѣтла, то это признакъ хорошей погоды.

28) Радуга утромъ, или вскорѣ послѣ полудня, предвѣщаетъ дождь; а вечерняя радуга—пріятную погоду.

29) При пасмурномъ небѣ, радуга ночью, противъ луны, есть признакъ къ хорошей погодѣ съ мелкимъ дождемъ.

30) Если двѣ радуги видны, то чрезъ два, или три дня слѣдуетъ ожидать дождя.

31) Когда отъ дождя въ лужахъ видны пузыри, то это служитъ предзнаменованіемъ продолжительнаго и болѣе сильнаго дождя.

32) Когда море кажется черноватымъ, и на поверхности его будетъ расходиться пѣна, и появятся вдругъ волны съ лопающимися на нихъ пузырями, то это предвѣщаетъ приближеніе жестокой и долговременной бури.

III. По царству животныхъ.

Птицы.

33) Аистъ, стоящій на обѣихъ ногахъ, потряхивающій крыльями и въ нихъ прячущій носъ свой, предвѣщаетъ бурю; такъ какъ аистъ въ другое время стоитъ, подобно журавлю, на одной ногѣ.

34) Воробьи, летающіе или строющіе себѣ гнѣзда, предвѣщаютъ хорошую погоду.

35) Гуси и лебеди, моющіеся, предвѣщаютъ дождь.

36) Когда утки квакаютъ, плескаясь въ водѣ, то будетъ дождь; если же утки ведутъ себя на водѣ тихо, то это предвѣщаетъ громъ.

37) Цыплята, ищущіе закрытаго мѣста, предвѣщаютъ непостоянную погоду и дождь.

38) Когда ласточки низко летаютъ, слѣдуетъ ждать вѣтра съ дождемъ.

Рыбы и раки.

39) Когда на поверхности моря играетъ рыба и тюлени, то вскорѣ будетъ буря.

4) Раки, выползающіе на землю, предвѣщаютъ бурю и дурную погоду.

Кошки.

41) Когда кошка прячется на печку или ищетъ теплаго мѣста, то будетъ морозъ.

42) Если кошка лижетъ хвостъ, и голову прячетъ, то будетъ вскорѣ дождь.

Судебная ошибка.

Романъ **Ф. Буагобея**. Переводъ **С. И. Воскресенской**.

(*Продолженіе.*)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава I.

Парижъ полонъ контрастовъ. Въ одномъ и томъ же домѣ его гнѣздятся веселье и скорбь, нищета и богатство, и подобно смерти, которая стучится, то въ роскошныя палаты, то въ жалкій подвалъ, бѣдствіе внезапно посѣщаетъ ликующую семью, въ то самое время, когда счастье стучится къ тѣмъ, которые о немъ не смѣли и помышлять.

Уже цѣлыхъ три мѣсяца грустила набережная Конти. Окна красивой квартиры почтеннаго Лекока оставались закрытыми; букинисты тщетно поджидали радушнаго, шутливаго старика, такъ любившаго поощрять ихъ торговлю... Грустили по немъ и бѣдные въ околоткѣ, и воробьи въ тюльирійскомъ саду... Но еще печальнѣе было въ булоньской виллѣ, созданной, повидимому, лишь для счастливыхъ людей. Г-жа Леконтъ, убитая горемъ, хотѣла покинуть эти мѣста, даже вовсе уѣхать изъ Франціи, но Тереза упросила ее остаться. Она продолжала вѣрить въ невинность Люи и не теряла надежды на его спасеніе, потому что была убѣждена въ намѣреніи Лекока спасти сына. Она горѣла желаніемъ высказать старику, что и она остается вѣрною несчастному, покинутому всѣми, но Лекокъ исчезъ изъ Парижа... Ей оставалось одно: плакать, молиться и вспоминать, съ мукою на сердцѣ, о тѣхъ счастливыхъ дняхъ, въ которые будущее сулило ей блаженство..

У Толбіака де-Теншебре было гораздо веселѣе. Этотъ уважаемый джентльменъ испытывалъ различныя житейскія удачи, что отражалось на всей его домашней обстановкѣ и позволяло ему угощать на славу своихъ друзей обоего пола. Ему положительно «везло». Поимка убійцы несчастной Маріи Фасситъ, возвысила англійскаго сыщика въ глазахъ полицейскаго начальства; хотя, собственно, изловилъ его Пьедушъ, но злополучный № 29 такъ очернилъ себя бѣгствомъ глухонѣмого, что полицейскія власти забыли о его недавнихъ заслугахъ и приписывали всю честь дѣла исключительно одному Толбіаку. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря исчезновенію старика Лекока, устранялось всякое непріятное соперничество для почтеннаго г. Теншебре. До сего времени, во всякихъ затруднительныхъ случаяхъ, полиція обращалась за совѣтомъ къ дядѣ Лекоку; теперь его не было и ничто незатмѣвало славы его преемника. — «Необыкновенно находчивъ!» говорили о немъ. Вѣдь именно онъ настоялъ на томъ, чтобы помѣстить въ газетахъ слѣдующее извѣщеніе: «Каждое лицо, обладающее какимъ либо документомъ, способнымъ выяснить тайну событія въ улицѣ Арбалетъ, приглашаетъ доставить оный прокурорскому надзору». Подобныя публикаціи приняты въ Англіи, но не вошли еще во французскую судебную практику; однакожь, совѣтъ Толбіака былъ принятъ и далъ превосходнѣйшій результатъ: на слѣдующій же день, прокуроръ получилъ «отъ неизвѣстнаго» письмо, написанное Люи Лекокомъ Маріи Фосситъ, и имѣвшее столь рѣшительное вліяніе на роковой приговоръ присяжныхъ.

Такимъ образомъ, Толбіакъ торжествовалъ и, пользуясь своимъ досугомъ послѣ осужденія молодого Лекока, проводилъ время самымъ пріятнымъ образомъ. Его финансовое положеніе было очень блестяще, потому что онъ заработалъ не мало денегъ въ Лондонѣ, благодаря своему ремеслу, и надѣялся пріобрѣсть еще болѣе въ Парижѣ. Этихъ денегъ онъ не копилъ, надѣясь составить себѣ капиталъ черезъ отысканіе наслѣдниковъ О'Сюлливана: въ этомъ случаѣ, ему приходилось получить десять процентовъ съ десяти милліоновъ... Такъ объявилъ онъ, по крайней мѣрѣ, въ префектурѣ, обращаясь въ нее за различными справками, доставить которыя ему тамъ не могли, но за то дали ему разрѣшеніе добывать ихъ всякими личными средствами. Пользуясь этимъ позволеніемъ, онъ проводилъ часть утра въ своемъ кабинетѣ, разбирая разные документы по пресловутому маіорскому наслѣдству, а иногда пропадалъ на цѣлыя сутки, не объявляя своей прислугѣ, куда уѣзжаетъ. Въ этихъ случаяхъ онъ не бралъ своего экипажа, но уходилъ изъ дома пѣшкомъ и возвращался въ фіакрѣ, съ очевиднымъ намѣреніемъ скрыть всякіе слѣды своихъ розысковъ. Впрочемъ, онъ не былъ болѣе у г-жи Леконтъ, вѣроятно, находя, что было бы неприлично говорить съ нею о дѣлахъ въ такое печальное время; точно также не видался онъ и съ Камбремеромъ, можетъ быть, помня его непривѣтливый пріемъ. Стрѣлочникъ являлся самъ къ нему нѣсколько разъ, съ намѣреніемъ возвратить ему потерянныя золотыя монеты, чуть было не стоившія жизни его дочери, но постоянно не заставалъ его дома и кончилъ тѣмъ, что оставилъ деньги у привратника съ просьбою передать ихъ неуловимому Теншебре.

«Г-ну Теншебре не до васъ и не до какихъ-нибудь пяти-шести золотыхъ!» подумалъ привратникъ, видавшій у своего жильца не такихъ посѣтителей. Дѣйствительно, Толбіакъ вращался теперь въ самомъ модномъ или, лучше сказать, веселомъ обществѣ: онъ сближался преимущественно съ молодыми людьми, вырвавшимися изъ-подъ опеки, богатыми иностранцами, пріѣхавшими въ Парижъ покутить, и тѣми дамами полусвѣта, которыя блестѣли своими экипажами и туалетами въ Булоньскомъ лѣсу.

Одна изъ этихъ дамъ, англичанка, недавно появившаяся на парижскомъ горизотѣ и уже обратившая на себя общее вниманіе своей роскошью, пользовалась особеннымъ расположеніемъ Теншебре. Онъ бывалъ чуть не каждый день въ ея салонѣ, гдѣ собиралось смѣшанное, но элегантное общество. Ему случилось быть тутъ и въ тотъ вечеръ, когда всѣ посѣтители встрепенулись, заслышавъ слѣдующій докладъ раззолоченаго по всѣмъ швамъ лакея:

— Его свѣтлость, Джаферъ, набобъ багурскій!

Хозяйка, Арабелла Дизни, привстала, между тѣмъ, какъ глаза всѣхъ присутствовавшихъ обратились на новаго гостя, носившаго такое странное, но звучное имя.

Онъ заслуживалъ, впрочемъ, такого вниманія

своей внѣшностью. Это былъ величественный старикъ, одѣтый въ роскошный, восточный костюмъ. Его великолѣпный нарядъ, бѣлоснѣжная борода, смуглый цвѣтъ лица, яркіе глаза и бѣлые зубы тотчасъ же расположили въ его пользу сердца всѣхъ дамъ; мужчины нашли тоже, что онъ очень приличенъ и оказали ему радушный пріемъ. Что касается хозяйки, она пошла къ нему на встрѣчу и горячо поблагодарила его за то, что онъ не пренебрегъ ея приглашеніемъ...

Арабелла Дизни присвоила себѣ спеціальную обязанность принимать всѣхъ замѣчательныхъ иностранцевъ, являвшихся изъ вѣдомыхъ и невѣдомыхъ земель въ Парижъ, съ цѣлью испить чашу его наслажденій. Имѣя агентовъ во всѣхъ лучшихъ парижскихъ гостинницахъ, ловкая англичанка узнавала тотчасъ же о прибытіи всякихъ милліоперовъ или владѣтельныхъ князей, и посылала къ нимъ немедленно приглашеніе «почтить своимъ присутствіемъ ея четверги». Такимъ образомъ, узнавъ, что въ столицѣ появился богатый багурскій набобъ, она поспѣшила раскрыть передъ нимъ настежь двери той роскошной квартиры, которую она занимала на бульварѣ Гаусманъ.

Вообще, Арабелла вела ловко свои дѣла. Она жила въ Парижѣ не болѣе четырехъ мѣсяцевъ, но уже пріобрѣла большую извѣстность. Явилась она прямо изъ Лондона и разомъ ослѣпила извѣстный кругъ общества роскошью своей обстановки, почему никто не считалъ нужнымъ освѣдомляться о ея прошломъ. Поговаривали, впрочемъ, что она находится подъ покровительствомъ одного, очень богатаго, лорда, который долженъ былъ временно разстаться съ нею, во избѣжаніе большого скандала, но намѣревался призвать ее скоро обратно въ Англію. Теншебре, встрѣчавшій ее прежде въ Лондонѣ, подтверждалъ эти слухи и много способствовалъ къ введенію красавицы въ извѣстные круги столицы. Вообще, онъ помогалъ ей, какъ другъ дома, и даже въ этотъ разъ, послѣ перваго обмѣна привѣтствій между нею и индѣйскимъ набобомъ, онъ поспѣшилъ отрекомендоваться гостю и обратился къ нему съ фразою на англійскомъ языкѣ, полагая, что это нарѣчіе болѣе знакомо его свѣтлости, чѣмъ французское, но индѣецъ отвѣтилъ ему по французски, хотя и съ сильнымъ восточнымъ акцентомъ:

— Извините меня, но изъ всѣхъ европейскихъ языковъ, мнѣ знакомъ только тотъ, на которомъ я теперь объясняюсь. Я родился не въ англо-индѣйскихъ владѣніяхъ, а въ Пондишери, и служилъ, какъ и вся моя семья, только Франціи... вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ патріотическаго чувства, я не захотѣлъ выучиться говорить по англійски...

— Такое чувство дѣлаетъ вамъ честь, ваша свѣтлость, сказалъ нѣсколько озадаченный Толбіакъ.

— А я должна считать себя счастливой, подхватила Арабелла, кокетливо,—если ваша свѣтлость дѣлаете уступку въ мою пользу... потому что я англичанка, какъ по рожденію, такъ и по душѣ.

— О, возразилъ набобъ весело,—я не простираю своего патріотизма до немилости къ вашимъ соотечественницамъ... когда онѣ такъ прекрасны, какъ вы, сударыня!

Этотъ комплиментъ очень понравился хозяйкѣ и могъ быть вполнѣ чистосердеченъ, потому что Арабелла была еще очень хороша, хотя и перешла за предѣлы первой молодости.

У нея были бѣлокурые волосы прелестнѣйшаго оттѣнка, кожа ослѣпительной бѣлизны, алыя губы и блестящіе голубые глаза. Эту привлекательную наружность портило только неискренность въ выраженіи лица. Арабелла улыбалась обворожительно, но не смотрѣла никому прямо въ глаза. Подаривъ и теперь набоба самою милой улыбкой, она оставила его съ Теншебре, а сама пошла встрѣтить новыхъ гостей.

— Какая прекрасная женщина! сказалъ набобъ, смотря ей вслѣдъ.—И какъ я обязанъ ей за ея приглашеніе!.. Вы ее хорошо знаете?

— Какъ сказать? отвѣчалъ Толбіакъ.—Мистриссъ Дизни очень радушна и ея домъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ въ Парижѣ. Я бываю у нея часто, потому что нахожу въ этомъ удовольствіе... и надѣюсь, что буду имѣть честь встрѣчать и васъ здѣсь не рѣдко, ваша свѣтлость? Вы путешествуете, вѣроятно, только ради развлеченія?

— Конечно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и по дѣлу... Сверхъ того, я люблю изучать нравы... какъ же мнѣ, гражданину французской колоніи, не постараться изучить Францію? И, признаюсь вамъ, мнѣ здѣсь все нравится, начиная даже съ правосудія. Я слѣдилъ съ величайшимъ любопытствомъ за всѣми подробностями послѣдняго процесса... знаете, того, въ которомъ приговоренъ къ смерти молодой человѣкъ.

— Убійца Маріи Фасситъ? Помню, газеты сообщали о вашемъ присутствіи въ судебной залѣ.

— Неужели? Я не думалъ, чтобы газеты занимались мною!

— Можетъ ли быть иначе? Ваша личность не можетъ не превлекать общаго вниманія.

— Если вы хотите заставить меня повѣрить такой любезности, то представьте меня здѣшнему обществу... Г-жа Дизни занята, но я желалъ бы, не теряя времени, познакомиться ближе со всѣми гостями... Можетъ быть, я старъ немножко для этого, но...

— О, ваша свѣтлость, перебилъ Толбіакъ, улыбаясь,—высокій санъ и богатство,—это вѣчный патентъ на молодость! Я знаю, по крайней мѣрѣ, что таково мнѣніе всѣхъ красавицъ, которыя здѣсь на лицо...

— Отрекомендуйте же меня имъ, сдѣлайте милость! Но, прежде, чѣмъ вы сдѣлаете мнѣ эту услугу, позвольте мнѣ сказать кое-что о себѣ, для того, чтобы вы поняли хорошенько причину, побуждающую меня сойтись ближе съ парижскимъ обществомъ... не совсѣмъ подходящимъ для человѣка моихъ лѣтъ, чтобы вы ни говорили... Дѣло въ томъ, что я состою послѣднимъ въ моемъ родѣ. Я потерялъ недавно единственнаго сына...

Теншебре сдѣлалъ знакъ соболѣзнованія. Набобъ продолжалъ:

— Между тѣмъ, я очень богатъ... Если я умру, не сдѣлавъ никакого распоряженія, все мое состояніе перейдетъ въ государственную казну... а мнѣ было бы желательно обезпечить потомковъ одного человѣка, нѣкогда спасшаго жизнь моему отцу. Къ несчастію, я ихъ не знаю, и если я прибылъ въ Европу, то преимущественно съ желаніемъ ихъ найти.

— Если я могу быть вамъ полезенъ, проговорилъ и поспѣшно всталъ Толбіакъ, заранѣе облизываясь при мысли о громадныхъ «коммиссіонныхъ», которыя можно было нажить при такомъ удобномъ случаѣ.

— Я буду очень радъ, если вы захотите помочь мнѣ, отвѣчалъ набобъ, — и я увѣренъ, что вамъ, при вашихъ обширныхъ связяхъ, будетъ легче совершить то, что ставитъ меня, чужестранца, въ большое затрудненіе. Но я не сказалъ вамъ еще имени этого человѣка, друга моего отца... Онъ служилъ въ англійской арміи; звали его: О'Сюлливанъ.

— О'Сюлливанъ! повторилъ Толбіакъ. — Неужели маіоръ Джэкъ О'Сюлливанъ, служившій въ 33-мъ пѣхотномъ полку?

— Онъ самый...

— И умершій въ 1811 году, въ Пуна?

— Какъ! вы знаете все это? воскликнулъ набобъ. — Но, въ такомъ случаѣ, вамъ извѣстны, быть можетъ, и его наслѣдники? О! если вы доставите мнѣ какія-нибудь свѣденія о нихъ, вы сдѣлаете мнѣ громаднѣйшую услугу, и моя благодарность къ вамъ будетъ безгранична!

Физіономія Толбіака де-Теншебре въ эту минуту представляла собою очень интересное поле для наблюденій. На ней выражались одновременно: изумленіе, корысть и безпокойство.

Наслѣдство О'Сюлливана составляло главную цѣль въ существованіи почтеннаго сыщика. Онъ покинулъ Англію единственно ради этого дѣла, но не говорилъ о немъ никому, кромѣ высшаго полицейскаго начальства. Понятно, вторженіе всякаго посторонняго лица въ ту область, которую Толбіакъ считалъ по справедливости золотымъ дномъ, должно было внушать ему тревогу; но, съ другой стороны, неожиданно появившійся соревнитель не грозилъ, повидимому, обратиться въ его соперника, потому что обѣщалъ даже прибавить еще свой роскошный вкладъ въ богатую сокровищницу... Всѣ эти мысли промелькнули въ головѣ Толбіака, и привели его къ тому заключенію, что надо прежде всего осторожно изслѣдовать поле дѣйствія.

— Ваша свѣтлость, сказалъ онъ послѣ краткаго молчанія,—удивлены потому, что встрѣчаете француза, знакомаго такъ хорошо съ подробностями жизни человѣка, умершаго шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ и въ другой части свѣта... Дѣло въ томъ, что я жилъ довольно долго въ Англіи и былъ коротко знакомъ съ однимъ изъ директоровъ бывшей остиндской компаніи; онъ-то разсказывалъ мнѣ часто о маіорѣ О'Сюлливанѣ и, въ особенности, о его наслѣдствѣ...

— Наслѣдствѣ, переспросилъ индѣецъ.—Стало быть, онъ оставилъ состояніе?

— И довольно значительное, сказалъ Толбіакъ, не желавшій объяснять дѣла точнѣе.— Но, до сихъ поръ, наслѣдники не показываются... Однако, можно быть почти увѣреннымъ, что весь родъ О'Сюлливановъ не вымеръ, потому что у покойнаго маіора были четыре сестры, которыя всѣ имѣли дѣтей. Но онѣ сами умерли въ нищетѣ, а дѣти ихъ разсѣялись...

— О, зачѣмъ не удалось мнѣ узнать ранѣе всей этой печальной исторіи! проговорилъ набобъ.

— Все состояніе маіора составилось отъ продажи земель, принадлежавшихъ ему въ Канадѣ и не имѣвшихъ никакой цѣнности при его жизни, продолжалъ Толбіакъ.—Впослѣдствіи, на этомъ мѣстѣ былъ основанъ городъ и участки продались за громадную сумму... Но это случилось спустя нѣсколько лѣтъ послѣ кончины маіора; такимъ образомъ, не смотря на многократные вызовы, опека не нашла до сихъ поръ наслѣдниковъ... правильнѣе говоря: наслѣдника, потому что, согласно англійскимъ законамъ, въ боковыхъ линіяхъ, ближайшій родственникъ исключаетъ всѣхъ остальныхъ...

— Благодарю васъ за эти свѣденія, я воспользуюсь ими, если мнѣ посчастливится, сказалъ индѣецъ.

— Осмѣлюсь спросить, что именно думаете вы сдѣлать? спросилъ Толбіакъ съ нѣкоторою нерѣшительностью.

— Что я сдѣлаю?.. Если отыщется ближайшій родственникъ покойнаго маіора, и все наслѣдство будетъ присуждено ему, какъ вы говорите, то я раздѣлю свое состояніе между прочими родственниками, которымъ не достанется ничего.

— Весьма справедливая и по истинѣ, благая мысль. Бѣдные люди благословятъ васъ... и вы насладитесь зрѣлищемъ ихъ счастья... потому что, если я хорошо понялъ васъ, вы не заставите ихъ ждать, а тотчасъ же облегчите ихъ участь?...

— Да, воскликнулъ набобъ,—я скажу имъ: придите ко мнѣ, будьте моими дѣтьми, все мое

принадлежитъ вамъ!... Но я не смѣю надѣяться на такое счастье... Гдѣ мнѣ найдти этихъ людей, которые не явились на многократные вызовы, какъ вы говорите. Придется отказаться отъ этой мечты...

— Зачѣмъ же? возразилъ Толбіакъ.—Лично вамъ, ваша свѣтлость, нельзя, конечно, взять на себя хлопоты, сопряженные съ подобными розысками, но если кто-нибудь другой... опытный въ такихъ дѣлахъ...

— Кто же? спросилъ индѣецъ.

— Въ Парижѣ есть много людей, спеціально посвятившихъ себя такой профессіи. Я могу найдти кого нибудь.

— О, я буду вамъ очень благодаренъ! За деньгами я не постою, и если требуется часть суммы впередъ...

— Будьте увѣрены, что я вскорѣ доставлю вамъ самаго лучшаго агента! сказалъ Толбіакъ, у котораго глаза загорѣлись.—Я напишу завтра же въ Лондонъ, чтобы получить нѣкоторыя нужныя справки, а потомъ представлю вамъ кого слѣдуетъ, и вы останетесь довольны.

— Благодарю васъ заранѣе, и надѣюсь, что нашъ сегодняшній разговоръ послужитъ основой къ прочному и дружескому знакомству... Вы сдѣлаете мнѣ честь бывать у меня? Я живу,— пока, разумѣется,—въ Гранд-Отелѣ; впослѣдствіи, я намѣреваюсь купить здѣсь собственный домъ, въ которомъ устроюсь уже съ большимъ комфортомъ... я желалъ бы лучше всего пріобрѣсти хорошую виллу въ окрестностяхъ Парижа... Мы, восточные жители, любимъ расположиться не тѣсно.

— Я могъ бы порекомендовать вамъ одинъ прекрасный загородный домъ. Если это можетъ доставить вамъ удовольствіе, то я справлюсь, не продается ли онъ.

— Вы слишкомъ любезны, не знаю какъ и выразить вамъ мою признательность.

— Ваша свѣтлость, сказала Арабелла, подходя въ эту минуту,—мои пріятельницы сердятся на г. Теншебре за то, что онъ совершенно завладѣлъ вами. Позвольте мнѣ представить ихъ вамъ.

Набобъ согласился съ улыбкой властителя, привыкшаго къ угожденіямъ со стороны прекрасной половины человѣческаго рода, и очаровательныя сирены, наполнявшія гостиную Арабеллы, постарались наперерывъ приковать къ себѣ его вниманіе. Онъ отвѣчалъ любезностью на любезность и окончательно привлекъ къ себѣ всѣ женскія сердца, изъявивъ желаніе сыграть въ баккара.

— Кстати, сказала хорошенькая блондинка, по имени Эрминія,—талія кончилась, бѣдный Гюставъ проигрался до-чиста и ваша свѣтлость можетъ его замѣнить.

Всѣ игроки взглянули съ удовольствіемъ на индѣйца, подходившаго къ столу, подъ руку съ Эрминіей. Они только что раздѣлили между собой небольшую сумму, проигранную юнымъ франтомъ, который былъ извѣстенъ у дамъ полусвѣта подъ фамильярною кличкою «Гюстава», безъ означенія всякой фамиліи, и надѣялись поживиться жирнѣе на счетъ восточнаго гостя.

— Я не ожидалъ, что буду играть сегодня, замѣтилъ набобъ,—поэтому со мною всего двадцать тысячъ франковъ наличными; но я могу дать чекъ на Ротшильда, почему прошу гг. партнеровъ и, въ особенности дамъ, не ограничивать игры ничтожною ставкою, изображаемою моими двадцатью банковыми билетами...

Эта рѣчь произвела сильное и пріятное впечатлѣніе. Мужчины приготовились къ серьезной игрѣ; женщины обрадовались случаю подцѣпить нѣсколько золотыхъ монетъ. Эрминія, усѣвшаяся рядомъ съ его свѣтлостью, была внѣ себя отъ радости и не обращала вниманія на недоброжелательные взгляды, которые кидали на нее завистливыя подруги. Игра началась, но съ первыхъ же картъ, счастье стало рѣшительно покровительствовать набобу. Онъ выигрывалъ постоянно; его противники удвоивали, утроивали свои ставки; Джаферъ не переставалъ забирать ихъ деньги... черезъ какіе нибудь два часа, онъ получилъ болѣе двухъ тысячъ луидоровъ и состоялъ кредиторомъ пяти или шести прелестныхъ особъ, которыя не намѣревались, конечно, отдать когда нибудь свои долги такому милліонеру. Эрминія была должна ему тысячу двѣсти франковъ; Толбіакъ проигралъ три тысячи; Арабелла не принимала участія въ игрѣ. Она только наблюдала за нею, и когда баккара кончился, она отвела Толбіака въ сторону и сказала ему нѣсколько словъ по англійски. Онъ отвѣчалъ ей:

— Онъ не передергиваетъ, будь спокойна; я замѣтилъ-бы; меня не проведешь!... Ему просто валитъ чертовское счастье.

Его свѣтлость, какъ истый вельможа, выносилъ свое торжество скромно, безъ побѣдоносныхъ замашекъ. Онъ принялъ чашку чая изъ рукъ хозяйки дома, но отказался отъ ужина и уѣхалъ, любезно обѣщая побывать въ слѣдующій четвергъ и предложить «реваншъ» проигравшимся. Толбіакъ проводилъ его до передней, подтверждая ему свое обѣщаніе прислать ловкаго агента, который отыщетъ наслѣдниковъ маіора, хотя бы на днѣ морскомъ. Набобъ разсыпался въ благодарностяхъ и вышелъ въ сопровожденіи своего черного слуги, который ожидалъ его среди толпы другихъ лакеевъ. Не смотря на свой черный цвѣтъ кожи, этотъ служитель, слѣдовавшій повсюду за своимъ господиномъ, принадлежалъ не къ чистой негритянской породѣ; у него не было толстыхъ губъ и курчавыхъ волосъ, отличающихъ сыновъ Африки; не обладалъ онъ тоже ихъ подвижнымъ и болтливымъ характеромъ, потому что, во все продолженіе своего дежурства въ передней, онъ не шевельнулся и не разинулъ рта, хотя вокругъ него раздавались говоръ и смѣхъ.

Набобъ сѣлъ въ красивый наемный ландо вмѣстѣ съ своимъ приближеннымъ слугою, и приказалъ кучеру ѣхать въ Гранд-Отель. Лишь только экипажъ тронулся, черный спросилъ:

— Ну, что, ваша милость?

— Да, что, дружище, я нисколько не жалѣю о томъ, что побывалъ у этой дамы, отвѣтилъ ему индѣецъ.—Я заставилъ Толбіака разговориться и повыудилъ у него многое.

— Вотъ оно какъ!

Еслибы гости, бывшіе у Арабеллы Дзини, или она сама съ своимъ другомъ, Теншебре, послушали бы разговоръ, происходившій теперь въ каретѣ, они изумились бы до крайности. Черный слуга объяснялся по-французски, безъ всякаго затрудненія, и самъ набобъ рѣшительно утратилъ то иностранное произношеніе, которымъ отличалась еще такъ недавно его французская рѣчь. Однимъ словомъ, вмѣсто Джафера, набоба багурскаго, и его слуги, вывезеннаго изъ Индіи, сидѣли теперь въ каретѣ, другъ передъ другомъ, старый Лекокъ и его вѣрный Пьедушъ.

Старикъ нашелъ такой маскарадъ необходимымъ для своихъ цѣлей, и не затруднился привести его въ исполненіе въ Парижѣ,—самой удобной аренѣ для появленія различныхъ загадочныхъ милліонеровъ, всегда носящихъ весьма громкіе титулы и прибывшихъ изъ далекихъ странъ. Онъ обратилъ все свое состояніе въ деньги, на что ему потребовалось не болѣе недѣли времени, отправился въ Лондонъ, вмѣстѣ съ Пьедушемъ, и купилъ тамъ у одного раззорившагося индѣйскаго принца его документы, съ которыми воротился въ Парижъ. Относительно самой гримировки, не могло быть уже ни малѣйшаго затрудненія. Бывшій сыщикъ и его помощникъ, были мастерами въ этомъ дѣлѣ: они умѣли измѣнять не только свой костюмъ и физіономію, но и самые пріемы. Лекокъ обладалъ даже рѣдкимъ даромъ перемѣнять свой голосъ. Пьедушъ, не искусившійся до такой степени, обрекъ себя, для большей безопасности, на полное безмолвіе, не изумлявшее никого, потому что, какъ объяснялъ всѣмъ набобъ, его слуга, Али, понималъ только по-индусски.

Но иногда, этотъ Али переодѣвался въ обыкновенное европейское платье, выходилъ изъ нумера своего господина, улучивъ для этого минуту, въ которую не было никого въ коридорѣ, и отправлялся за справками къ Пигашу или въ другія мѣста.

— Вы надѣетесь узнать, что нибудь именно черезъ этого Толбіака? продолжалъ расспрашивать Пьедушъ.

— Да. Во всякомъ случаѣ, я знаю уже теперь, что онъ за-одно съ этою Арабеллой. Я слышалъ, какъ онъ сказалъ ей по-англійски: «Есть новенькое». Онъ будетъ самъ у меня наняхъ... Я очень радъ, что придумалъ начать съ нимъ рѣчь о наслѣдствѣ... Онъ попался на удочку, а мнѣ что-то говоритъ, что съ этимъ наслѣдствомъ связаны главныя тайны Толбіака... Замѣть странность: О'Сюлливанъ, его ближайшіе наслѣдники, Арабелла и убитая женщина, — все это англичане! Самъ Толбіакъ только наполовину французъ... необходимо прослѣдить съ точностью родословную потомства маіора. Если мнѣ только удастся открыть, что Марія Фасситъ происходила прямо изъ этой семьи, то все остальное разъяснится уже само собою... Но, что Люп? Видѣлъ его, Пигашъ?

— Самъ-то не видѣлъ, но онъ сдружился съ однимъ изъ тюремныхъ сторожей... Это ему обходится по одному литру водки въ день, не болѣе... Сегодня же, этотъ сторожъ разсказывалъ Пигашу, что г. Люп все пишетъ...

— Пишетъ! повторилъ съ испугомъ Лекокъ, опасаясь, что несчастный молодой человѣкъ довѣряетъ бумагѣ свои душевныя впечатлѣнія и готовитъ тѣмъ противъ себя послѣднія, подавляющія улики... Одно неосторожное слово, вырвавшееся въ минуту отчаянія, можетъ быть перетолковано, какъ признаніе...

— Пишетъ, какъ кажется, своей невѣстѣ, продолжалъ Пьедушъ.

— А что... говорятъ? спросилъ Лекокъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Да говорятъ нехорошее, какъ у насъ, въ префектурѣ, такъ и въ тюрьмѣ, отвѣчалъ Пьедушъ, какъ бы нехотя.—Полагаютъ, что аппеляція не будетъ принята... потому что дѣло-то произвело уже слишкомъ сильное впечатлѣніе... потомъ, вашъ сынъ не простой человѣкъ, а воспитанный... Къ тому же, двухъ «послѣднихъ» помиловали... Трехъ сряду уже не годится...

— Жизнь человѣка зависитъ отъ такого счета! произнесъ съ горькою улыбкою старикъ. — Но сколько же времени остается еще намъ?

— Мѣсяцъ, ваша милость, отвѣчалъ Пьедушъ измѣнившимся голосомъ. — У насъ пятое мая... Слѣдовательно, аппеляція будетъ окончательно разсмотрѣна вначалѣ іюня... Развѣ только...

— Что такое?

— Кассаціонная палата можетъ получить приказъ ускорить рѣшеніе... Помните, какъ въ томъ дѣлѣ... лѣтъ двѣнадцать назадъ?.. Докторъ отравилъ женщину и... тогда обдѣлали все въ одну недѣлю.

— Недѣлю! повторилъ, вздрагивая, несчастный отецъ.—Нѣтъ... этого не будетъ, не можетъ быть... Я самъ затяну дѣло... напишу отъ чужого имени письмо, обѣщая раскрыть новыя обстоятельства.

— Знаете что, ваша милость: угольщикъ и

Рисунокъ КИРХНЕРА

Финстермюнцъ въ Тиролѣ.

его жена не признали въ лицо г. Люи... Между тѣмъ, по ихъ же словамъ, къ Маріи Фасситъ ходилъ какой-то господинъ, кромѣ негоціанта. Я уже подружился съ угольщикомъ и надѣюсь, что онъ натолкнется на этого незнакомца.

— Можно ли разсчитывать на такую случайность!.. Но я не запрещаю тебѣ сойтись съ этимъ овернцемъ; ничѣмъ не слѣдуетъ пренебрегать. Я самъ хочу познакомиться ближе съ одною изъ пріятельницъ Арабеллы, и надѣюсь узнаю отъ нея многое... Передай Люи, черезъ Пигаша, что мы не перестаемъ работать и просимъ его не терять бодрости...

Карета остановилась у подъѣзда гостинницы и Лекокъ обратился снова въ набоба, а Пьедушъ въ его молчаливаго слугу.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Еретикъ.

(Статья **П. Скромнаго**).

19 іюня 1155 г., въ Римѣ, была совершена казнь; на зарѣ, когда еще тѣни ночи лежали надъ вѣчнымъ городомъ и полоса свѣта загоралась лишь на дальнемъ востокѣ, слуги римскаго префекта повѣсили знаменитаго преступника. Затѣмъ тѣло казненнаго сожгли и пепелъ бросили въ мутныя волны Тибра. Такъ кончилъ свою жизнь Арнольдъ Брешіанскій.

Нечего дивится этой жестокости и виртуозности въ исполненіи казни. Человѣчество на этотъ счетъ чрезвычайно изобрѣтательно. Какихъ только родовъ казни оно ни выдумывало. Терзала людей католическая инквизиція, казнила ихъ и евангелическая реформація. Казнили людей вредныхъ, казнили и проповѣдниковъ прогресса и цивилизаціи; святая невинность и грубое преступленіе обагряли своею кровію нерѣдко одну и ту же землю.

Въ чемъ же состояла вина казненнаго? Онъ былъ и кромѣ того бунтовщикъ-демагогъ. Съ этимъ мнѣніемъ согласны были власть свѣтская и духовная. Обвиненія тяжкія! Но насколько они справедливы—это другой вопросъ. Нельзя довѣрять пристрастному суду современниковъ; судъ безпристрастный принадлежитъ потомству, имъ владѣетъ исторія. Она по праву развѣнчиваетъ увѣнчанныхъ, а гонимыхъ и погибшихъ позорную смертью вводитъ въ пантеонъ великихъ людей и благодѣтелей человѣчества.

Арнольдъ былъ осужденъ, какъ еретикъ и бунтовщикъ. Но, потомство, въ лицѣ современныхъ намъ историковъ, судитъ о немъ иначе. Арнольдъ былъ несумасброднымъ фанатикомъ, говоритъ одинъ изъ нихъ, а представителемъ великой реформаторской идеи. Въ своей дѣятельности онъ руководился не грезами, какъ дѣлали многіе мечтатели, и ясными словами св. писанія, которое онъ глубоко изучилъ. (Hagenbach. Kirchengeschichte II, 267). Другой нѣмецкій историкъ въ осужденномъ еретикѣ и бунтовщикѣ видитъ великаго дѣятеля важнаго и обильнаго событіями историческаго момента. По его мнѣнію, идеалъ, къ которому стремился Арнольдъ, должно признать прекраснымъ, а энергію, употребленную для его осуществленія, глубоко-почтенною (Fridrich Böhringer. Die Kirche Christi etc. II, 1 Abtheil.). Лоронъ говоритъ, что Арнольдъ пострадалъ за идеи, на которыхъ зиждется современный государственный порядокъ. По его мнѣнію, Арнольдъ принадлежитъ къ числу тѣхъ великихъ людей, которыхъ должно чтить человѣчество (Lauvent. Etudes sur l'histoire de l'humanite. La Papaute et l'Empise. 365). Нѣтъ нужды цитировать отзывовъ объ Арнольдѣ другихъ историковъ. Почти всѣ признаютъ, что онъ жертва прогресса и ратоборецъ за благотворную идею, осуществленіе которой принесло пользу человѣчеству.

Въ настоящей статьѣ мы намѣреваемся познакомить читателя съ этою историческою личностію. Мы разскажемъ вкратцѣ достовѣрно извѣстное о жизни и дѣятельности этого реформатора.

Арнольдъ родился въ Ломбардіи, въ Брешіи, вѣроятно, въ началѣ XII в. Кто были его родители, какова первоначальная обстановка, впечатлѣнія дѣтства и первое образованіе — объ этомъ мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ свѣденій. Первыя извѣстія объ Арнольдѣ, мы имѣемъ уже, какъ о дѣятелѣ опредѣленнаго характера и направленія, краснорѣчивомъ проповѣдникѣ, обличителѣ современнаго ему строя жизни и смѣломъ реформаторѣ. Можетъ быть, печальное положеніе церкви, борьба ея съ государствомъ и низкая нравственность духовенства въ самомъ раннемъ возрастѣ взволновали его чувства и заставили его умъ искать средствъ для исцѣленія язвъ времени. Нѣтъ ничего удивительнаго, что еще въ юношѣ зародились первые неясные планы реформъ и улучшеній. Въ Италіи того времени все наталкивало на нихъ человѣка съ искреннымъ сердцемъ и чуткимъ умомъ. Но рѣдко впечатлѣнія дѣтства и юношескія мечты, безъ благопріятныхъ обстоятельствъ и добрыхъ вліяній въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, опредѣляютъ характеръ человѣка и даютъ ему строго выдержанное направленіе. Юношеская впечатлительность Арнольда могла отупѣть въ зрѣломъ возрастѣ; богатая матеріяльная обстановка затмить молодыя мечты о бѣдности; и быстрое движеніе вверхъ по іерархической лѣстницѣ, хоть бы, напр., до епископства, могло бы поставить Арнольда оффиціально, по должности, поборникомъ господства католической церкви надъ государствомъ. Въ такомъ случаѣ юношескіе протесты замолкли бы, а дѣятельность его приняла бы другое направленіе. Арнольдъ явился обличителемъ злоупотребленій духовенства, и современнаго ему папства вообще. Сложись обстоятельства жизни иначе—и мы увидѣли бы въ немъ воскресшаго Гильдебранда или втораго Бернарда Клервосскаго. Энергія воли, беззавѣтная искренность убѣжденія и обязательная привлекательность личности могли бы поставить его въ ряду этихъ личностей и на разной высотѣ съ ними. Но Арнольдъ подпалъ такому вліянію, которое развило первоначальныя юношескія мечты до опредѣленныхъ реформаторскихъ плановъ, освѣтило ему обстоятельства времени и направило его къ разрушенію именно того, что создалъ Гильдебрандъ и поддерживалъ Бернардъ. Такое вліяніе испыталъ Арнольдъ во время пребыванія во Франціи.

Любознательный юноша не могъ утолить свою жажду въ Италіи. Неизсякаемымъ источникомъ схоластической мудрости въ то время была Франція; тамъ происходили словесные турниры между учеными бойцами. Туда стремилось юношество со всѣхъ концовъ тогдашняго міра. Однихъ влекло честолюбіе. Кто желалъ быстро двигаться вверхъ по іерархической лѣстницѣ долженъ былъ пріобрѣсти славу ученаго. Католической церкви нужны были ученые и она, какъ учрежденіе демократическое, всегда болѣе, чѣмъ какое-нибудь другое учрежденіе, покровительствовала талантамъ и учености. Другіе шли по безкорыстной любви къ наукѣ. У лучшихъ людей того времени была, можетъ быть, малопонятная для современнаго, болѣе практическаго, юношества, горячая любовь къ наукѣ для науки. Наука тогда не была практическою, она не вела къ открытіо и изобрѣтенію въ нашемъ смыслѣ. Привлекалъ самый процессъ мысли: логическое разчлененіе темнаго понятія восторгало схоластика болѣе, можетъ быть, чѣмъ изобрѣтеніе парохода, а распутанный софизмъ приводилъ въ неистовую радость. Юношество падко къ извѣстности, къ славѣ. Въ вѣка европейской юности многіе стремились къ ней. То была не наша слава, не наша извѣстность:—слава безъ обстановки, извѣстность безъ удобствъ жизни. Схоластическій мудрецъ удовлетворялся славою босого, въ дырявой рясѣ, славою, которая съ голоду питается кореньями, и живетъ въ хижинѣ, сплетенной изъ сучьевъ руками усердныхъ учениковъ. Можетъ быть, юноша Арнольдъ пылалъ такимъ славолюбіемъ и мечталъ выступить на арену схоластическаго турнира и побѣдою тамъ обезсмертить свое имя. Кажется, такое стремленіе къ безкорыстной славѣ, такая идея служенія истинѣ, могла соотвѣтствовать натурѣ Арнольда, насколько мы ее понимаемъ.

Какъ бы то ни было, Арнольдъ взялъ страннический посохъ и, перешагнувъ Альпы, очутился во Франціи. Куда идти и у кого учиться? Этотъ вопросъ рѣшался самъ собою. Въ то время болѣе всѣхъ слышался бретонецъ Петръ Абеляръ, его звѣзда ярче всѣхъ горѣла на тогдашнемъ схоластическомъ небѣ. Этотъ богатырь діалектики въ то время уже побѣдилъ въ диспутахъ своихъ учителей, предъ нимъ преклонялись съ благоговѣніемъ такіе люди, какъ Бернардъ Клервосскій, «докторъ медоточивый, опора папъ»! Нечего говорить, что любознательное юношество тѣсною толпою окружало великаго учителя и переходило за нимъ съ мѣста на мѣсто во время его печальныхъ странствованій. У ногъ этого великаго учителя сѣлъ и итальянецъ Арнольдъ изъ Брешіи. Это было, когда Абеляръ испыталъ уже много радости и много горя, послѣ его громкихъ побѣдъ и первыхъ несчастій, послѣ исторіи его печальной любви, осужденія на Стасонскомъ соборѣ (1121 г.) и изгнанія изъ монастыря св. Діонисія. Прибытіе Арнольда во Францію совпадало съ тѣмъ временемъ, когда Абеляръ бѣжалъ отъ преслѣдованій и поселился въ пустынѣ, близъ Ножани на Сенѣ. Эта пустыня быстро наполнилась учениками и почитателями великаго схоластика: они терпѣли голодъ, непогоду и другія невзгоды, лишь бы только быть съ любимымъ учителемъ. За недостаткомъ пропитанія, ученики Абеляра принуждены были питаться кореньями, на подобіе древнихъ анахоретовъ, живя въ шалашахъ и хижинахъ, построенныхъ собственными руками изъ вѣтвей и соломы. Вотъ къ этому-то ученому братству, къ этимъ аскетамъ, жаждущимъ схоластической мудрости, присоединился Арнольдъ. Понятно, что пребываніе здѣсь должно было сильно повліять на него; отсюда онъ могъ вынести дѣйствительно любовь къ истинѣ, серьезность, строгость права. Здѣсь его идеальныя стремленія должны были получить особенную напряженность, а юношескія мечты опредѣленную форму. Абеляръ училъ не словомъ только, но и примѣромъ. Его несчастія, беззавѣтная любовь къ наукѣ, мужество въ несчастіи и аскетическая строгость права, послѣ юношескихъ увлеченій, были назидательною проповѣдью для его учениковъ. Примѣръ учителя сильно вліялъ на Арнольда, въ здоровой нравственной атмосферѣ Абеляровой пустыни, образовалась нравственная личность молодого итальянца. А это едва-ли не лучшее и желательное дѣло школы.

Что же собственно усвоилъ Арнольдъ отъ своего учителя? При недостаткѣ данныхъ мы не можемъ дать на этотъ вопросъ опредѣленнаго и положительнаго отвѣта. Но мы вправѣ сдѣлать предположеніе, основываясь на мнѣніяхъ объ Арнольдѣ его современниковъ. Арнольдъ получилъ извѣстность не какъ неутомимый схоластикъ и тонкій діалектикъ; о его борьбѣ и побѣдахъ или пораженіяхъ на аренѣ схоластическихъ состязаній молчатъ лѣтописцы. Это служитъ доказательствомъ, что Арнольда въ школѣ Абеляра не занимали преимущественно теоретическіе вопросы. Неменѣе бить противника

неумолимыми ergo... ergo; не искуство расчленить понятіе до послѣднихъ его волоконъ занимали Арнольда въ школѣ Абеляра. Неразрѣшимый софизмъ и обоюдно острая дилемма для него были дѣломъ второстепеннымъ. Если не это привлекало Арнольда къ Абеляру, то гдѣ же пунктъ соприкосновенія между учениками и учителемъ? Если Арнольдъ не учился діалектикѣ у Абеляра, то что же онъ могъ вынести изъ школы непобѣдимаго діалектика? Геніальный учитель имѣетъ обыкновенно свойство разнообразно вліять на различныя натуры; онъ даетъ всякому, что тотъ можетъ усвоить. Абеляръ былъ именно такимъ учителемъ. Одни у него учились діалектикѣ, пріобрѣтали направленіе теоретическое. Но не надо забывать, что авторъ—«Theologia christiana» и «Sic et non» былъ творцемъ «Scito te ipsem»—этики, сочиненія нравственнаго. Вопросы чисто нравственные занимали Абеляра на столько же, какъ и вопросы познанія, и въ нихъ онъ оказался глубокимъ мыслителемъ, умѣющимъ отъ нравственнаго факта перейти къ цѣлому настроенію, отъ явленія къ причинѣ, отъ дѣла къ намѣренію... Нравственныя идеи Абеляра, какъ и его теоретико-догматическія положенія, произвели увлеченныхъ послѣдователей и порицателей. На всѣхъ своихъ учениковъ Абеляръ вліялъ идеально нравственно, но нѣкоторые, мало расположенные къ вопросамъ догматико-теоретическимъ, дѣлали своею спеціальностію вопросы нравственные. Такіе, уходя отъ Абеляра, или разрабатывали нравственность по методу и началамъ теоретически, или старались осуществить практически, исправляя себя и назидая другихъ.

Вотъ именно это послѣднее направленіе и принялъ Арнольдъ. Онъ былъ поглощенъ вопросами нравственными, въ своей жизни принялъ характеръ монашескій, аскетическій. Нравственная чистота была его первою и главною жизненною задачею. И въ этомъ отношеніи онъ преуспѣлъ настолько, что, вѣроятно, могъ, не смотря на молодость, поспорить въ аскетическомъ самоотреченіи и ограниченіи съ многоопытными и строгими монахами. Даже заклятые враги его не могли указать никакого пятна въ его нравственности, а народъ почиталъ его святымъ. Самъ Бернардъ, постоянно и неуклонно ратовавшій противъ его ученія, преслѣдовавшій его съ фанатизмомъ, долженъ былъ отдать достойную дань уваженія его монашескому самоотреченію и нравственной чистотѣ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Память.

(Естественно-научный этюдъ.)

Обыкновенно подъ именемъ памяти подразумѣвается способность души сохранять впечатлѣнія. Намъ кажется, однакожь, что такое опредѣленіе черезчуръ узко и одностороннее, ибо не только одна душа обладаетъ этой способностью: весь организмъ человѣка помнитъ все то, что когда-либо и какъ-нибудь оказывало на него вліяніе. Такъ, неоспоримыми фактами должно считать наслѣдственность наружныхъ признаковъ, т. е. формы организма, наслѣдственность инстинкта, память внѣшнихъ вліяній на тѣло, память умственныхъ впечатлѣній и, наконецъ, память, разъ усвоенныхъ привычекъ.

Наслѣдственность формъ тѣла — фактъ настолько извѣстный, что объ немъ не стоило бы и распространяться, если бы, однакожь, именно вслѣдствіе своей очевидности, фактъ этотъ не былъ разсматриваемъ зачастую слишкомъ легко и поверхностно. Мы постоянно употребляемъ нѣкоторыя пословицы,—въ родѣ, напр., яблоко не далеко падаетъ отъ яблони, или: каковъ отецъ, таковъ и сынъ,—въ подтвержденіе той правды, что индивидуальныя особенности предковъ наблюдаются и на ихъ потомствѣ, и подобная аргументація разрѣшаетъ вопросъ о наслѣдственности. Не только животныя, но и растенія отличаются тою присущею имъ особенностью, что они похожи на родительскіе организмы. Молодыя поколѣнія, въ своей организаціи, всегда копируютъ предыдущія генераціи. Прежде всего форма и размѣры. Молодая земляника, по формѣ похожа на родительскій экземпляръ того растенія; котята представляютъ репродуцію обоихъ родителей; мыши родятся маленькими и, доживъ до глубокой (въ мышиномъ масштабѣ) старости, не переростаютъ своихъ родителей. За то потомство слона или кита, своею громадностью, всегда напоминаетъ размѣры родительскихъ экземпляровъ. Цвѣтъ шерсти, кожи, перьевъ или чешуи у молодой генераціи всегда такіе же, какими отличались ихъ родители. Роза, всегда бываетъ красною, если только родительскій экземпляръ былъ окрашенъ въ такой же цвѣтъ; мы отличаемъ аиста отъ другихъ птицъ, благодаря отчасти его окраскѣ, и если удивляемся чему-нибудь, какъ особенной рѣдкости, то говоримъ, что это бѣлый воронъ. Мы такъ свыклись съ опредѣленною окраскою шерсти собаки, что зеленая или голубая шерсть на собакѣ привела бы насъ въ полнѣйшее недоумѣніе. Мы распознаемъ породы рыбъ не столько по ихъ формѣ, сколько по величинѣ и цвѣту ихъ чешуи, которые считаются нами постоянными. Сказанное примѣнимо въ равной мѣрѣ и къ голосу; и хотя голосъ, кажется, скорѣе долженъ считаться результатомъ подражанія, чѣмъ прирожденнымъ признакомъ, тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что собаки мяукать, а кошки лаять не могутъ, ибо хотя и возможны нѣкоторыя измѣненія въ голосѣ родственныхъ по организаціи видовъ, но измѣненія эти наблюдаются только въ извѣстныхъ границахъ, и то чрезвычайно узкихъ. Привитыя благородныя породы плодовыхъ деревьевъ къ вѣтвямъ дикихъ сортовъ, даютъ плодъ, свойственный культурной породѣ, причемъ всѣ качества этого новаго плода тождественны съ качествами плода привитого растенія. Фактъ этотъ доказываетъ, что растенія обладаютъ чѣмъ-то вродѣ памяти и что они одарены способностью противудѣйствовать новымъ вліяніямъ, которыя—казалось-бы, должны произвести совершенно противуположныя послѣдствія.

Обратимся теперь къ категоріи другихъ, не менѣе интересныхъ, фактовъ. Я буду говорить о такъ называемыхъ остаточныхъ, или рудиментарныхъ органахъ,—органахъ ненужныхъ, присутствіе которыхъ, кажется, ничѣмъ не оправдываемою игрою природы. У зародышей многихъ жвачныхъ домашнихъ животныхъ, напр., у телятъ, наблюдаются въ верхней челюсти клыки, исчезающіе впослѣдствіи, такъ какъ они совершенно ненужны травояднымъ животнымъ. У зародышей кита, до самаго ихъ рожденія, можно видѣть зубы, хотя взрослые киты вовсе не имѣютъ зубовъ. Эмбріологія открываетъ намъ еще болѣе поразительные факты: въ клювахъ птичьихъ зародышей констатировано присутствіе зубовъ, т. е. органовъ, совсѣмъ лишнихъ для птичьяго организма (Haeckel, Schöpfungsgeschichte и Ch. Darwin, Origin of species. гл. XIII). Анатомія обнаруживаетъ у взрослыхъ животныхъ нѣкоторые органы, присутствіе которыхъ, не оправдывается никакими потребностями организма: у многихъ видовъ животныхъ, обитающихъ въ мѣстахъ, лишенныхъ свѣта, напр., у кротовъ, ужей, ящерицъ, рыбъ, раковъ, улитокъ, червей и т. д., имѣются глаза, которыя, однако, ничего не видятъ (Haeckel, ib.). Далѣе—мы находимъ крылья у животныхъ не летающихъ, и пр., у страуса, казуара, у пѣшей саранчи, у нѣкоторыхъ жуковъ, у клоповъ; крылья пингвина служатъ ему для плаванія, а не для летанія. У самцовъ всѣхъ животныхъ и у человѣка, существуютъ грудныя железы и — что еще удивительнѣе, эти груди иногда выдѣляютъ молоко (Haeckel ibid; Darwin, Origin XIII; Darwin, Descent of Man, I, 1). Всѣ позвоночныя имѣютъ двѣ лопасти легкихъ, но змѣи и змѣевидныя ящерицы, вслѣдствіе съуженія и удлинненія ихъ тѣла, имѣютъ только одну легочную лопасть, вполнѣ развитую и нормально производящую свои отправленія; другая лопасть замѣчается въ зачаточномъ, неразвитомъ видѣ. Причина ясна: двѣ лопасти не могутъ помѣститься въ грудной клѣткѣ, а потому одна изъ нихъ, по необходимости, должна была подвергнуться атрофіи (Haeckel, ibid.). Той же причиной объясняется атрофированіе таза у змѣй, хотя аналогія обнаружила въ скелетѣ пресмыкающихъ слѣды таза. Можно бы насчитать множество такихъ фактовъ, но мы предпочитаемъ выбирать изъ нихъ такіе, которые относятся къ человѣку. Тѣло человѣка въ нѣсколькихъ мѣстахъ покрыто волосами, хотя это обстоятельство не оправдывается ни какою цѣлесообразностью. Брови состоятъ изъ волосъ одинаковой длины, но случается встрѣчать субъектовъ, у которыхъ на бровяхъ выростаетъ нѣсколько длинныхъ волосъ и эта особенность способна, повидимому, передаваться наслѣдственно. Эти волосы слѣдуетъ отнести къ категоріи Vibrissae — усиковъ, которые у насѣкомыхъ замѣняютъ органы осязанія. По мнѣнію Гекеля, люди не могутъ произвольно мыслить своими умами, хотя у нихъ существуютъ всѣ нужные для этого мускулы и хотя и можно видѣть субъектовъ, достигшихъ, правда, съ большимъ трудомъ, этой возможности. Въ верхней части человѣческаго уха (helix) находится выпуклость, которую можно ощупать пальцами, а иногда и видѣть, и которая, по мнѣнію Дарвина, есть ничто иное, какъ остатокъ высокихъ ушей; да и теперь мы можемъ наблюдать, что у домашнихъ животныхъ —собаки, свиньи, коровы—вслѣдствіе неупотребленія, уши почти всегда обвислыя, тогда какъ у дикихъ животныхъ — волка, кабана, оленя — уши торчатъ вверхъ. Во внутреннемъ глазномъ углу человѣка находится совершенно безполезная полулунная заслонка, атрофированный остатокъ третьяго вѣка, существующаго въ глазахъ птицъ, гадовъ и у многихъ рыбъ, напр., у акулы. У взрослаго человѣка мы находимъ неразвитый хвостъ, состоящій изъ 3 — 5 позвонковъ, причемъ у женщинъ этотъ хвостъ бываетъ обыкновенно на одинъ позвонокъ длиннѣе. Здѣсь же кстати будетъ сказать о ненормальномъ развитіи грудей у женщинъ. Извѣстны случаи двухъ паръ грудей у женщинъ, какъ можно видѣть самокъ млекопитающихъ животныхъ съ лишними сосками, хотя такіе соски обыкновенно даютъ очень мало молока. Подъ эту же категорію слѣдуетъ подвести фактъ существованія нѣсколькихъ бородавокъ на одной груди или, напр., пяти отдѣльныхъ грудей, часто выростающихъ на плечахъ или же бокахъ; впрочемъ, факты эти можно объяснять аномаліями или болѣзненными уродливостями, подобно тому, какъ двойной рядъ зубовъ, зубы, выростающіе на нёбѣ, лишніе пальцы и т. п. Вышеупомянутые остаточные органы не только ненужны и безполезны ихъ обладателямъ, но часто бываютъ прямо вредными и грозятъ опасностью, какъ, напр., червевидный отростокъ кишки (processus vermiformis). Органъ этотъ весьма важный въ организмѣ травоядныхъ, гдѣ онъ по длинѣ иногда въ три раза превосходитъ длину всего тѣла—у человѣка является совершенно безцѣльнымъ и даже вреднымъ, ибо твердыя частицы пищи, напр., зерна, кости, попадая въ этотъ отростокъ, могутъ вызвать воспаленіе.

Обратимся теперь къ фактамъ, касающимся памяти тѣла вообще. Тѣло человѣка, какъ и во-

Рисунокъ Г. ДОРÉ.

Дафнисъ.

Картина **ГАЗЕМАНА.**

Сапожникъ и башмачникъ.

обще каждый организмъ, обладаетъ способностью запоминать вліяніе разныхъ болѣзней. Привитая оспа, какъ утверждаетъ медицина, дѣйствуетъ впродолженіи будто бы 7 лѣтъ, хотя и не по отношенію ко всѣмъ организмамъ. Сифилисъ нынѣ считается неизлѣчимою болѣзнью и организмъ сохраняетъ память о немъ впродолженіи всей жизни. Измѣненія, вызываемыя въ организмѣ пьянствомъ, переходятъ даже изъ поколѣнія въ поколѣніе, а чахотка — положительно болѣзнь наслѣдственная, появляющаяся болѣе или менѣе въ одно и то же время въ жизни нѣсколькихъ поколѣній. Нынѣ никто не станетъ оспаривать тотъ фактъ, что сумашествіе, душевныя болѣзни и даже странности характера подлежатъ вліянію закона наслѣдственности, причемъ разнообразныя ненормальныя умственныя уклоненія развиваются прогрессивно съ каждымъ послѣдующимъ поколѣніемъ. Вотъ, для примѣра, исторія одного психически больного семейства:

Первое поколѣніе: Ревматизмъ. Пьянство. Нравственное паденіе до состоянія скотства.

Второе поколѣніе: Наслѣдственное пьянство. Пароксизмы маніи. Общая нечуствительность.

Третье поколѣніе: Трезвость. Ипохондрія. Веселое помѣшательство. Идіотизмъ. Кровожадные инстинкты.

Четвертое поколѣніе: Умственное безсиліе. Пароксизмы бѣшенства на 16 году. Полное идіотство и вѣроятность безплодія.

Болѣзненное состояніе постепенно осложняется, превращаясь, наконецъ, въ совершенное помѣшательство (Maudsley — Physiology und patology of Mind, II, гл. I и Griesinger — Scelenkrankheiten, кн. II, гл. II, § 92). Весьма естественно, что начальная причина, вызывающая въ послѣдующихъ поколѣніяхъ умственныя уклоненія, можетъ дѣйствовать постепенно уже въ первомъ поколѣніи. Употребленіе спиртныхъ напитковъ дѣйствуетъ на умственныя способности сначала только временно. За тѣмъ уже въ организмѣ пьяницы начинаются извѣстныя измѣненія, проявляющіяся главнымъ образомъ въ механическомъ поврежденіи волосныхъ кровеносныхъ сосудовъ, вслѣдствіе чего является ненормальная краснота кожи, а внутри, напр., въ мозгу, происходятъ кровоизліянія и всасываніе крови въ мозгъ; ясно, что при подобномъ измѣненіи органовъ, по необходимости измѣняются и зависящія отъ нихъ функціи. Подобный индивидуумъ можетъ произвести только слабое потомство и это тѣмъ болѣе вѣроятно даже а priori, такъ какъ самое зачатіе можетъ случиться въ моментъ подобнаго, такъ сказать, алкоголическаго состоянія организма, когда каждый атомъ послѣдняго болѣе или менѣе пьянъ. Рожденное при такихъ условіяхъ существо уже отъ самаго своего рожденія есть, безъ сомнѣнія, существо ненормальное, патологическое и, вслѣдствіе этого, не можетъ дать жизни здоровымъ поколѣніямъ; бываютъ, правда, исключенія, но не настолько существенныя, чтобы изъ-за нихъ колебался общій законъ, по которому индивидуумы, подъ напоромъ наслѣдственныхъ вліяній, не только подготовляются, но отъ рожденія осуждаются на жертву помѣшательству, или что умственныя страданія приходятъ на свѣтъ вмѣстѣ съ своими жертвами.

Безъ сомнѣнія, часто весьма трудно судить объ истинномъ характерѣ психическаго состоянія: человѣкъ можетъ впродолженіе извѣстнаго времени держать себя нормально, ничѣмъ не обнаруживая болѣзненнаго состоянія; часто даже смерть наступаетъ раньше, чѣмъ успѣетъ проявиться психическая ненормальность. Вотъ примѣръ: Пьеръ Петето, на 71 г. жизни, убиваетъ свою жену, мотивируя свое преступленіе тѣмъ, что ея крайняя расточительность такъ мучила его и вызывала столько ссоръ, что это, наконецъ, должно было кончиться. Петето присужденъ къ смертной казни. Однако, здѣсь важенъ тотъ фактъ, что, помимо совершенно толковаго и обстоятельнаго изложенія мотивовъ преступленія, убійца дѣйствовалъ тѣмъ не менѣе совершенно безсознательно. Его скупость, его ненависть къ женѣ были слѣдствіемъ болѣе глубокой причины: его пра-прадѣдъ и дѣдъ также убили своихъ женъ. Слѣд., въ данномъ случаѣ, мы видимъ атавическую наслѣдственность, т. е. перескакивающую чрезъ одно поколѣніе (Despine—Psychologie naturelle, Paris, 1868, т. II, стр. 570).

Примѣръ этотъ очень типиченъ, но отнюдь не единственный. Такъ, напр., одинъ маніакъ на 30 году лишаетъ себя жизни. Его сынъ, достигнувъ, почти того же возраста, дважды покушается на самоубійство. Другой отецъ бросился въ воду въ извѣстномъ возрастѣ; сынъ его погибъ тою же смертью и въ томъ же возрастѣ (Th. Ribot—L'hérédité, Paris, 1873, стр. 175 и 176).

Факты эти доказываютъ, что психическія болѣзни передаются наслѣдственно и, находясь въ извѣстной связи съ измѣненіями организма, способствуютъ тому, что организмъ теряетъ способность производить потомство. Вотъ почему количество психически-больныхъ не возрастаетъ прогрессивно, а остается болѣе или менѣе постояннымъ по отношенію ко всей массѣ народонаселенія. Конечно, здѣсь рѣчь идетъ только о наслѣдственныхъ психическихъ болѣзняхъ, такъ какъ различныя случайности могутъ различно вліять на общее количество душевно-больныхъ. Если, однако, отрицательныя качества ума составляютъ результатъ наслѣдственности, то естественно, что наслѣдственность нормальныхъ качествъ и даже качествъ положительныхъ, еще болѣе правдоподобна и даже можетъ считаться фактомъ (Galton Hereditary Genius, гл. XVII). Сравненіе мозга низшихъ животныхъ съ мозгомъ высшихъ убѣждаетъ въ томъ, что послѣднія получили въ наслѣдіе отъ первыхъ органъ этотъ въ значительно усовершенствованномъ видѣ. Усовершенствованіе это произошло, благодаря вліянію двухъ факторовъ: 1) естественнаго подбора, по которому экземпляры болѣе сильные оставили послѣ себя потомство, а слабые сошли со сцены безъ потомства, или же произвели потомство еще болѣе слабое и 2) борьбы за существованіе, разрѣшающей положительнымъ образомъ вопросъ о существованіи въ пользу тѣхъ, которые лучше умѣютъ приспособляться къ трудностямъ жизни, благодаря сравнительно болѣе развитому мозгу и вытекающимъ отсюда благопріятнымъ послѣдствіямъ. Сравненіе мозга обезьянъ съ человѣческимъ, а также мозговъ дикаго и цивилизованнаго человѣка говоритъ въ пользу прогрессированія этого органа не только по его объему, но также и по качеству, такъ такъ цивилизованный человѣкъ имѣетъ возможность питаться лучше и чрезъ это улучшать даже химическій составъ своего мозга.

Существованіе психологической памяти можно считать положительнымъ фактомъ. Мы помнимъ болѣе или менѣе обстоятельно все то, что когда нибудь встрѣтило насъ въ жизни. Эта память, можетъ быть, болѣе или менѣе устойчивою и проявляться различнымъ образомъ; есть люди съ лингвистическою памятью (Гумбольдтъ, Меццофанти), съ памятью универсальною (Кювье), съ памятью комбинацій (Мюрфи) и т. д. Что память, въ извѣстной степени присуща всѣмъ людямъ—видно изъ того, что люди умѣютъ говорить и понимаютъ рѣчь другихъ людей. Анализъ человѣческой рѣчи, произведенный съ надлежащею тщательностью, имѣлъ бы большую цѣнность примѣнительно къ психологической сторонѣ вопроса. Но размѣры статьи не позволяютъ намъ уклоняться отъ избраннаго нами предмета—памяти. Никто не подозрѣваетъ, даже, какъ обширна сфера этой памяти. Китайскій языкъ обладаетъ 40,000 словъ; англійскій словарь Джонсона заключаетъ въ себѣ 58,000 словъ, а словарь Уэбстера—70,000 словъ. Человѣкъ средняго образованія распоряжается отъ 3 до 4 тыс. словъ; ораторъ—до 10,000. Въ заведеніи для глухонѣмыхъ въ Берлинѣ употребляется до 5,000 разнообразныхъ знаковъ. Приходскій священникъ одного изъ фризскихъ острововъ увѣряетъ, что одинъ рабочій въ разговорахъ довольствовался запасомъ лишь 300 словъ. Безъ сомнѣнія, это весьма скудный умственный матеріалъ, но тѣмъ не менѣе и онъ представляется цѣлымъ сокровищемъ, если принять во вниманіе, что 300 словъ могутъ образовать несмѣтное число сочетаній, массу мыслей, сообразно тому, произносимъ ли мы мысль съ утвердительной или отрицательной интонаціей, дѣлаемъ ли мы вопросъ и т. д.

Всѣмъ извѣстна сила привычки, отъ которой часто трудно отрѣшиться. Многіе, по привычкѣ, употребляютъ слова и выраженія, неимѣющія никакого смысла; другіе покручиваютъ рукою сбритые до-чиста усы; мотаютъ головою, съ цѣлью отбросить со лба остриженные коротко волосы; кузнецъ безцѣльно постукиваетъ молотомъ даже и тогда, когда переворачиваетъ уже скованное желѣзо; парикмахеръ стрижетъ ножницами воздухъ, запуская гребенку въ волосы и т. д. Все это—слѣдствіе привычки. Являясь на свѣтъ Божій, мы приносимъ съ собою слабый организмъ, обладающій только извѣстными инстинктами, и этотъ организмъ долженъ всему научиться, ко всему привыкнуть. Взгляните на ребенка, пытающагося вложить себѣ что нибудь въ ротъ; сколько здѣсь тщетныхъ усилій! Рука не повинуется волѣ хозяина, блуждаетъ направо и налѣво, наука сопровождается горькими слезами и зачастую даже болью. Взрослый человѣкъ попадетъ въ ротъ, даже въ потьмахъ, ничуть не обдумывая связанныхъ съ этимъ поступковъ. Это происходитъ вслѣдствіе привычки къ правильнымъ движеніямъ, вслѣдствіе ассоціаціи движеній, точно также, какъ мы припоминаемъ что либо, благодаря ассоціированію понятій (Albert Lemoine L'habitude et l'instinct, Paris, 1875 г. р. 6). Предложите провальсировать человѣку, никогда не танцовавшему вальса, помимо полнѣйшей охоты, онъ не съумѣетъ сдѣлать правильно ни одного па, тогда какъ опытный вальсеръ закружится съ быстротою молніи, благодаря памяти, какою обладаютъ его ноги. Рука опытнаго піаниста бѣгаетъ по клавишамъ быстрѣе, чѣмъ мы можемъ услѣдить за ея движеніями, а новичекъ потѣетъ и путается надъ своими гаммами. Это примѣръ памяти рукъ. Физіологическій законъ, по которому объясняются эти факты, можно формулировать слѣдующимъ образомъ: каждая дѣятельность сначала бываетъ сознательною, обдуманною, впослѣдствіи же переходитъ въ автоматическую и становится привычкою, или такъ наз. второю природою. Consuetudo est altera natura.

Человѣческая нравственность сформировалась путемъ накопленія и выбора извѣстныхъ привычекъ. Мы оцѣниваемъ характеръ человѣка по среднему качеству его поступковъ: добръ и честенъ тотъ, кто поступаетъ всегда хорошо и честно, и на оборотъ. Но нравственность вырабатывается путемъ привычекъ, которыя могутъ быть и хорошими, и дурными. Никто не рождается преступникомъ, но также нельзя родиться честнымъ. Сначала на насъ вліяетъ примѣръ другихъ, потомъ мы начинаемъ самостоятельную практику:—поступаемъ и хорошо, и дурно, испытываемъ послѣдствія того и другого, и вкушаемъ плоды нашихъ поступковъ; слѣдуетъ сравненіе, моментъ интеллектуальный, совершенная сознательность; затѣмъ является то или другое рѣшеніе и дѣя-

тельность съ сознаніемъ средствъ и цѣлей. Мало по малу все это переходитъ въ привычки, а всѣ наши привычки можно уподобить рельсамъ, по которымъ пробѣгаетъ вся наша жизнь. Нравственность автоматическая есть самая высшая, ибо она исключаетъ возможность колебаній и уклоненія съ хорошаго пути.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Новости наукъ и жизни.

— **Второй восточный заемъ.** Государственный банкъ, объявляетъ, что произведенная въ немъ, во всѣхъ его конторахъ и отдѣленіяхъ, а также и въ польскомъ банкѣ въ Варшавѣ, подписка на 5% облигаціи второго восточнаго займа, въ теченіе трехъ дней: 17, 18 и 19 августа сего года, дала слѣдующіе результаты:

въ государств. банкѣ въ С.-Петербургѣ подписалось	на	212.853,400 р.
» московской конторѣ	»	45.715,600 »
» рижской конторѣ	»	5.873,000 »
» одесской конторѣ	»	5.793,800 »
» харьковской конторѣ	»	4.319,900 »
» прочихъ конторахъ и отдѣленіяхъ	»	24.664,500 »
и въ польскомъ банкѣ	»	5.148,100 »

Вся подписная сумма составила 304.368,300, т. е. болѣе на 4.368,300 р. противъ предложенной къ подпискѣ суммы. Излишне подписанная сумма будетъ скинута банкомъ съ крупныхъ подписчиковъ, начиная отъ одного милліона руб. подписки, по соразмѣрности. Для однихъ петербургскихъ крупныхъ подписчиковъ, означенная скидка составляетъ около двухъ съ половиною ($2\frac{1}{2}$) процентовъ.

— **Подводная лодка.** Старшій механикъ военнаго парохода «Днѣпръ» корпуса инженеръ-механиковъ, поручикъ Н. Н. Тверской, изобрѣлъ подводную лодку, идея которой вполнѣ одобрена кораблестроительнымъ отдѣленіемъ морского техническаго комитета. Морское министерство, по словамъ газеты «Яхта», выдало изобрѣтателю, съ Высочайшаго разрѣшенія, шесть тысячъ рублей, и въ настоящее время уже производится, подъ наблюденіемъ самого изобрѣтателя, постройка небольшой лодки въ родѣ торпедо.

— **Печальная катастрофа.** По словамъ «Русск. Вѣдом.», 22-го августа, въ девятомъ часу утра, въ ракетной мастерской военной лабораторіи, на четвертой верстѣ за Рогожскою заставой произошелъ взрывъ какого-то состава, приготовленнаго для фейерверка. Катастрофа эта имѣла весьма печальныя послѣдствія: 14 изъ работавшихъ въ лабораторіи солдатъ-артиллеристовъ получили страшные обжоги, и кромѣ того сгорѣло деревянное зданіе, въ которомъ они работали. Въ третьемъ часу пожаръ окончился, и пожарныя команды четырехъ ближайшихъ частей, Лефортовской, Рогожской, Басманной и Яузской, возвратились домой. Что взрывъ былъ не особенно силенъ—видно изъ того уже, что стѣны лабораторіи сгорѣли, а не были разрушены. Всѣхъ работавшихъ въ лабораторіи солдатъ въ моментъ взрыва было болѣе двадцати человѣкъ, изъ которыхъ только сказанные четырнадцать не могли выйти, а остальные, какъ стоявшіе у самаго входа, были или счастливо выброшены силою взрыва въ двери, или же успѣли выйти сами. За какія нибудь десять минутъ до взрыва, въ лабораторіи былъ весь составъ мѣстнаго начальства, и, какъ передаютъ названной газетѣ, изготовленіе фейерверка было уже почти закончено. Отчего произошелъ взрывъ—пока еще не выяснено. Всѣхъ пострадавшихъ отправили въ военный госпиталь, гдѣ въ пять часовъ двое изъ нихъ уже умерли. Изъ остальныхъ двѣнадцати, по мнѣнію дежурнаго врача, развѣ что половина только останется въ живыхъ. Кромѣ этихъ четырнадцати, вытащенныхъ изъ пламени, говорятъ, что одинъ, пятнадцатый, такъ и сгорѣлъ внутри зданія. При тушеніи пожара раненъ одинъ изъ пожарныхъ солдатъ.

— **Зубы изъ бумаги.** Начали приготовлять искуственные зубы изъ бумаги. Зубы эти, изготовленные изъ бумажной массы, своею прочностью и своимъ сходствомъ съ натуральными зубами, превосходятъ все видѣнное до сихъ поръ.

— **Новый романъ.** И банкиры начинаютъ заниматься литературой. Баронъ Фердинандъ Ротшильдъ, написалъ романъ подъ заглавіемъ «Broni». Романъ только что вышелъ въ Лейпцигѣ.

— **Новая опера.** Англійская газета «Akademy» сообщаетъ, что Верди пишетъ новую оперу: «Montezuma». Она будетъ поставлена въ Миланѣ, на театрѣ La Scala.

— **Открытіе каменнаго угля.** Землевладѣлецъ Сабинъ Осиповичъ Вычинскій, богатый помѣщикъ, живущій въ деревнѣ Голоногъ, Бендзинскаго уѣзда, Петроковской Губерніи, сообщилъ надлежащимъ мѣстнымъ властямъ о томъ, что, въ іюлѣ, въ участкѣ земли Вергинія названнаго помѣстья, при помощи буравленія почвы, на глубинѣ $249\frac{1}{2}$ футовъ подъ поверхностью земли, имъ открыты довольно значительные залежи каменнаго угля, толщиною въ $3\frac{1}{2}$ фута. Открытіе это сдѣлано на участкѣ земли, принадлежащемъ также зажиточному землевладѣльцу Семену Сигизмундовичу Константу, жителю той же деревни Голоноги.

— **Землетрясеніе.** Нынѣшнее лѣто ознаменовалось довольно рѣдкимъ для средней полосы Европы, явленіемъ природы; 26-го (14-го) августа произошло землетрясеніе, дѣйствіе котораго было ощущено на всемъ пространствѣ отъ Везера до Сены и отъ верхне-рейнской равнины до береговъ Нѣмецкаго моря. Это явленіе было впрочемъ рѣдкостью только для новѣйшихъ поколѣній; вообще же землетрясенія далеко не составляютъ даже въ средней Европѣ такого необычайнаго явленія, какъ иные думаютъ. Землетрясенію 26-го августа не предшествовало никакихъ космическихъ или метеорологическихъ явленій. Оно имѣло волнообразное движеніе, болѣе въ ширину, чѣмъ въ вышину. Этимъ объясняется то, что, не смотря на весьма ощутительные подземные удары, вредъ, причиненный землетрясеніемъ, былъ сравнительно не великъ. Однако все же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи и Бельгіи, между прочимъ, въ округахъ Ахена и Кёльна, трескались стѣны домовъ, валились фабричныя трубы и колокольни, колокола звонили сами собою, громоотводы колебались изъ стороны въ сторону. Жители въ ужасѣ бросались вонъ изъ домовъ. Всѣ лица, наблюдавшія это явленіе согласно показываютъ, что колебанія земли начинались не вдругъ, а постепенно и, достигнувъ своей высшей степени, постепенно ослабѣвали. Продолжительность ударовъ показывается различно, отъ 1 до 30 секундъ. Первый ударъ, по среднему выводу изъ показаній, продолжался 6 секундъ. Въ продолженіе этого времени замѣчались отдѣльныя колебанія. Одни говорятъ, что было два удара, а другіе увѣряютъ, что ихъ было три. Колебанія сопровождались глухимъ шумомъ, напоминавшимъ грохотъ проѣзжающей тяжело нагруженной телѣги, причемъ шумъ этотъ достигалъ своей высшей степени раньше, чѣмъ достигало ея колебаніе земли. Мѣстами ощущались глухіе удары. По наблюденіямъ, сдѣланнымъ въ другихъ мѣстахъ, повтореніе явленія 26-го августа, въ особенности въ одинаковой или сильнѣйшей степени, представляется мало вѣроятнымъ.

— **Археологическія находки.** Результаты новѣйшихъ изслѣдованій археолога Россама въ Ассиріи нынѣ доставлены въ британскій музей, получившій, такимъ образомъ, весьма цѣнное приращеніе своихъ археологическихъ рѣдкостей. Изъ Ниневіи Россамъ привезъ не менѣе 1,400 камней съ надписями, въ томъ числѣ нѣкоторыя имѣютъ громадное значеніе, какъ, напр., надписи о сотвореніи міра. Въ Нимрудѣ, Россамъ открылъ колоссальное зданіе, повидимому, служившее ассирійцамъ храмомъ. Судя по надписямъ, зданіе это сооружено одновременно съ храмомъ Соломона. Въ зданіи этомъ находятся алтарь, мѣста для сидѣнья и все то, что въ то время требовалось для идолопоклонства. На горѣ Белавра, неутомимый археологъ открылъ храмъ, исключительно посвященный богамъ и богинямъ войны. Здѣсь также находятся въ большомъ количествѣ трофеи изъ военныхъ походовъ королей средней ассирійской имперіи. Болѣе всего обратила на себя вниманіе Россама бронзовая колонна, болѣе 20 футовъ вышины, на бокахъ которой отмѣчены подробности военнаго похода, совершеннаго въ девятомъ столѣтіи до Р. Х.

— **Статистика самоубійствъ.** Германское статистическое бюро сообщаетъ о самоубійствахъ въ Пруссіи, чрезвычайно интересныя свѣдѣнія, которыя могутъ служить блестящимъ доказательствомъ, что явленія эти слѣдуютъ извѣстнымъ законамъ независимо отъ какихъ бы ни было случайностей. Слѣдующая таблица показываетъ число самоубійствъ за 1869—1876 года:

	Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего.
Въ 1869 году...	2,570	616	3,186
» 1870 » ...	2,334	629	2,963
» 1871 » ..	2,183	510	2,723
» 1872 » ...	2,363	587	2,950
» 1873 » ...	2,216	610	2,826
» 1874 » ...	2,527	548	3,075
» 1875 » ..	2,683	595	3,278
» 1876 » ...	3,189	728	3,917

Такимъ образомъ, съ 1873 года, числа самоубійствъ постоянно выростаетъ и въ 1876 году достигло того же размѣра, какъ во Франціи въ 1874 и 1875 годахъ, именно 15 самоубійствъ на 100,000 жителей.

Постоянно повторяющаяся правильность самоубійствъ выражается не только въ ихъ числѣ и распредѣленіи между двумя полами, но замѣчается также въ отношеніи выбора мѣста, времени и средства къ лишенію себя жизни. Нижеслѣдующая таблица показываетъ, что мужчины предпочитаютъ вѣшаніе, а женщины въ одинаковой степени практикуютъ, какъ это средство, такъ и утопленіе.

Изъ лишившихъ себя жизни:

	Въ 1874 г.		Въ 1875 г.		Въ 1876 г.	
	мужч.	жен.	мужч.	жен.	мужч.	жен.
Повѣсилось..	1,613	259	1,746	260	2,047	292
Утопилось...	312	188	320	238	443	317
Застрѣлилось.	383	6	339	6	442	4
Отравилось...	47	39	70	47	75	53
Перерѣзали себѣ горло..	69	15	76	13	70	22

Изслѣдованіе причинъ, побудившихъ къ самоубійствамъ, весьма затруднительно, и, насколько было возможно, дало слѣдующіе результаты:

	Въ 1874 году.	Въ 1875 году.	Въ 1876 году.
Отвращеніе къ жизни	331	433	426
Физическія страданія	211	182	243
Умопомѣшательство..	822	850	1,039
Пороки...........	331	355	431
Горе.............	329	360	457
Раскаяніе и стыдъ...	293	262	318
Неизвѣстныя причины	534	581	729

Смѣсь.

— **Старѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ.** Такой человѣкъ живетъ въ Колумбіи. На собраніи медиковъ, происходившемъ въ Бостонѣ, докторъ Луи Гернандесъ сообщилъ о своемъ посѣщеніи креола, сельскаго хозяина Мигуэля Солиса, живущаго у подножья Сьерры Мезины, которому сто восемьдесятъ лѣтъ. Сосѣди его увѣряютъ, однако, что онъ гораздо старѣе. Нѣкоторые изъ старшихъ поселенцевъ, которымъ уже за восемьдесятъ лѣтъ, говорили, что, когда они еще были мальчиками, Солисъ былъ уже столѣтнимъ старцемъ. И дѣйствительно, подпись Мигуэля Солиса находится въ числѣ подписей лицъ, жертвовавшихъ на сооруженіе францисканскаго монастыря въ Санъ-Себастьянѣ, въ 1712 году. Докторъ Гернандесъ нашелъ этого замѣчательнаго старца вполнѣ бодрымъ и работавшимъ въ своемъ саду. Кожа его имѣла видъ пергамента, его длинные, бѣлоснѣжные волосы обвивали его голову подобно тюрбану, и глаза его блестѣли такимъ огнемъ, что посѣтитель вздрогнулъ, когда старецъ пристально посмотрѣлъ на него. Солисъ отвѣчалъ весьма привѣтливо и отчетливо на всѣ предложенные ему вопросы и заявилъ, что онъ дожилъ до такой глубокой старости—лишь благодаря умѣренному и правильному образу жизни, такъ какъ онъ никогда не ѣлъ и не пилъ через мѣру. «Я ѣлъ только разъ въ день, сказалъ онъ, но сытно»,

такъ что для его обѣда, состоящаго изъ питательныхъ блюдъ, требуется болѣе получаса. «Но въ полчаса нельзя скушать болѣе, чѣмъ можно переварить въ 24 часа. Говядину я не особенно люблю. Первое и пятнадцатое число каждаго мѣсяца я пощусь и тогда я пью столько воды, сколько могу проглотить. Прежде, чѣмъ приступить къ ѣдѣ, я даю пищѣ остыть, и этой мѣрѣ предосторожности я приписываю свою долговѣчность». Индѣйцы вѣрятъ, что Солисъ продалъ свою душу дьяволу, который, взамѣнъ того, поддерживаетъ его жизнь.

— **Фирма Гашета.** Русской читающей публикѣ хорошо знакома парижская книгопродавческая фирма «Kachette et C°». На-дняхъ «République Française» сообщила нѣкоторыя цифры, иллюстрирующія производительность этой фирмы. Годовой оборотъ ея 15,000,000 франковъ; среднимъ числомъ, въ теченіе круглаго года она издаетъ по тому въ день; у ней на службѣ состоитъ 5,000 человѣкъ; и она ежегодно отсылаетъ за границу до 200,000 тюковъ и посылокъ.

— **Изъ-за бутылки пива.** Изъ Липкова, Ковенской губерніи, пишутъ газетѣ «Новости», что на-дняхъ тамъ произошла война... изъ-за бутылки пива. Вотъ исторія этой войны. Въ кабакѣ у Лейбы Бинесъ крестьянинъ не захотѣлъ заплатить за выпитую имъ бутылку пива. Шинкарь, съ находившимися въ кабакѣ евреями, приступилъ къ должнику. Защиту должника приняли на себя нѣсколько христіанъ, и обѣ стороны принялись, посредствомъ кулаковъ, доказывать, кто правъ и кто виноватъ. На шумъ прибѣжала съ базара толпа крестьянъ и присоединилась къ воюющимъ, нанося удары, чѣмъ попало... Наконецъ, война кончилась... и оказалось, что какой-то еврей и сынъ шинкаря убиты; другой сынъ и дочь его тяжело ранены. Многіе другіе тоже не вернулись здоровыми съ поля битвы.

— **Долото, какъ орудіе самоубійства.** Одесская газета «Правда» сообщаетъ о слѣдующемъ оригинальномъ способѣ самоубійства: 2 августа, столяръ Лебедевъ, желая лишить себя жизни, приставилъ къ горлу острое долото и нѣсколько разъ ударилъ по немъ молотомъ, такъ что долото прорѣзало глотку и вошло въ горло. Лебедевъ отправленъ въ еврейскую больницу».

— **Мужественные мореплаватели.** Французскія газеты сообщаютъ, что 1 августа въ Фальмутъ пришла небольшая парусная шлюпка, имѣя экипажъ только изъ двухъ человѣкъ. «Nautilus», такъ называется эта шлюпка, 14 іюня вышла изъ Бостона, съ тѣмъ, чтобы, переплывъ океанъ, пристать въ Гаврѣ и отправить суденышко на парижскую выставку. Размѣры шлюпки крайне миніатюрные: длина ея по палубѣ равняется 19 фут., а по килю только 15 ф., ширина 9 ф. и высота палубы отъ киля 2 ф. 5 д. Экипажъ шлюпки состоитъ изъ двухъ американцевъ, братьевъ Андрью; оба поражаютъ своимъ молодцоватымъ и бодрымъ видомъ, и, повидимому, 48-дневное плаваніе въ океанѣ не оставило на нихъ наружности, кромѣ густого загара, никакихъ знаковъ утомленія.

— **Оригинальное завѣщаніе.** По словамъ «Орловскаго Вѣстника», одинъ изъ капиталистовъ гор. Орла, нѣкто Бухвостовъ, составилъ слѣдующее оригинальное завѣщаніе: Весь имѣющійся у него капиталъ въ 580,000 рублей г. Бухвостовъ завѣщалъ Черногоріи, съ тѣмъ чтобы на этотъ капиталъ былъ открытъ въ Черногоріи же банкъ. Изъ прибылей этого банка часть должна быть употреблена на организацію и содержаніе школъ въ странѣ, и четырехъ стипендіатокъ въ учительскихъ семинаріяхъ для подготовленія учительскаго персонала, другая же часть имѣетъ быть выдаваема беднѣйшимъ изъ черногорскихъ дѣвушекъ, при выходѣ ихъ замужъ, въ качествѣ приданаго.

— **Романическія имена.** Извѣстный французскій писатель Леонъ Гозланъ, сдѣлалъ любопытныя наблюденія по вопросу о вліяніи литературы на имена дѣтей. Когда Расинъ написалъ трагедію «Эсфирь», всѣ придворныя дамы начали давать это имя своимъ новорожденнымъ дочерямъ. Отсюда происходитъ то безчисленное множество графинь, маркизъ и герцогинь Эсфирь... которое встрѣчается въ мемуарахъ этого времени. Руссо ввелъ своею «Новою Элоизой» въ моду имена Юліи и Клары. Въ XVIII вѣкѣ было почти правиломъ называть старшую дочь Юліей, вторую—Кларой. Арно распространилъ своими романами имена Батильды и Урсулы. Всѣ парижскія Меланіи обязаны своимъ именемъ сочиненіямъ Лагарпа. Г-жа Коттенъ ввела въ моду Матильдъ, а Шатобріанъ—имя Аттала, которое процвѣтаетъ между дочерями парижскихъ привратниковъ.

— **Умершіе отъ голода.** По донесеніямъ статсъ-секретаря по дѣламъ Индіи, цифра умершихъ отъ голода въ Индіи сильно преувеличена. Говорили о шести милліонахъ, а на самомъ дѣлѣ оказывается, что погибло всего только (?!) 1,350,000 человѣкъ. По статистическимъ даннымъ оказывается, что голодъ въ Индіи періодически наступаетъ каждые десять лѣтъ и что правительство для отвращенія его должно каждые десять лѣтъ израсходовать 15,000,000 фунт. ст.

— **Суевѣріе.** Изъ Бійска пишутъ «Сыну Отечества», что въ одной изъ деревень, расположенныхъ въ горахъ Алтая, между рѣками Біей и Катунью, случилось такое происшествіе: одна молодая женщина, вскорѣ послѣ выхода замужъ своднымъ бракомъ, задумавъ отбиться отъ мужа, или по другимъ причинамъ, заявила обществу, что бывшій воспитатель мужа ея А., посадилъ въ нее 17 бѣсовъ. Ее начали отчитывать и увѣряли, что 16 бѣсовъ отчитали и они вылетѣли изъ нея: но 17-го бѣса ни какъ выжить изъ нея не могутъ. Она чудеситъ, ерошитъ на себя волосы и произноситъ разныя предсказанія. Собралась сходка селянъ, на которой рѣшено было призвать колдуна и допросить. А., какъ ни въ чемъ невинный, признанія на сходкѣ противъ обвиненія не сдѣлалъ; поэтому, потребована была туда прорицательница, которая смѣло подтвердила свое заявленіе и, указывая на воспитателя мужа, говорила, что бѣсовъ въ нее посадилъ онъ. Тогда подбѣгаетъ одинъ изъ общественниковъ и спрашиваетъ ее:—«А корову мою тогда-то, кто извёлъ»?—«Онъ», отвѣчаетъ она, указавъ на воспитателя.—«Коня моего кто извелъ»? спросилъ другой.—«Онъ».—«А петеля»? спрашиваетъ третій.—«Все онъ же», отвѣчаетъ женщина. Четвертому вздумалось спросить: «Здоровы ли наши въ Россіи»? На это получился такой отвѣтъ; «это—овцы не нашего стада». Собраніе общественниковъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, рѣшило: высѣчь колдуна розгами, что исполнено и, притомъ не очень снисходительно, да и, разумѣется, какое можетъ быть снисхожденіе къ колдуну! Ему задана была такая порка, что онъ долго не могъ опомниться. Завязалось дѣло. Судъ приговорилъ многихъ виновныхъ къ тюремному заключенію на 15 сутокъ, въ томъ числѣ и колдуна, но за что именно онъ подвергся наравнѣ съ виновными наказанію—нельзя было относительно этого добиться толка. Между тѣмъ, въ этой деревнѣ возникло другое дѣло по донесенію старосты. Прорицательница, наконецъ, родила ребенка, а по понятіямъ жителей—17-го бѣса. Этотъ бѣсъ, по увѣренію очевидцовъ, былъ страшенъ: съ большою головою, маленькими глазами, уподобляющимися точкамъ на безмѣнѣ. А такъ какъ бѣсы покорны осинѣ, то присутствовавшіе при родахъ и рѣшили взять осиновый колъ и, раздвоивъ его, этими щипцами схватили родившагося и тотчасъ бросили въ растопленную печку.

— **Замѣчательное самоубійство.** Ньюйоркская газета «Courrier des Etats Unis», отъ 28-го іюля, сообщаетъ оригинальный фактъ: «Въ Капронѣ, въ штатѣ Иллинойсѣ образованный, но утомленный жизнью человѣкъ, нѣкто Джорджъ Борлей, возвѣстилъ, недавно, на 23-е іюля, лекцію въ либеральномъ духѣ, съ примѣчаніемъ, что доставитъ слушателямъ рѣдкое удовольствіе быть свидѣтелями переселенія человѣка въ «вѣчное ничто», такъ какъ, по окончаніи лекціи, онъ застрѣлится. Цѣна за входъ была назначена по одному фунту стерлинговъ съ персоны, и со сбора предположено было покрыть издержки на погребеніе лектора и пріобрѣсти для мѣстной библіотеки сочиненія Гексли и Дарвина. Лекція состоялась въ назначенный вечеръ и въ высшей степени заинтересовала весьма многочисленныхъ слушателей; по окончаніи же ея, Борлей сдержалъ слово: онъ пустилъ себѣ пулю въ лобъ прежде, чѣмъ его успѣли отъ этого удержать. Программа была исполнена добросовѣстно, и лекторъ упалъ въ объятія друзей своихъ безъ всякихъ признаковъ жизни».

Телеграммы.

Бѣлградъ, 23-го августа. Вслѣдствіе постановленія совѣта сербскихъ министровъ, князь Миланъ, за себя и за членовъ своего дома, принялъ титулъ «высочества».

Константинополь, 24-го августа. Англійскій флотъ не покидаетъ Мраморнаго моря. Слухъ объ отплытіи его въ Артаки опровергнутъ. Вѣроятно, это поведетъ къ замедленію въ отправкѣ русскихъ войскъ на родину.

Вѣна, 28-го августа. Получено извѣстіе изъ Босніи о частномъ пораженіи австрійскихъ войскъ. Отрядъ, производившій приступъ на крѣпостцу у Бахачъ, къ югу отъ Баньялуки, былъ отбитъ съ большими потерями.

На Дунаѣ дѣла австрійцевъ поправились, и Шапари перешелъ въ наступленіе. Инсургенты отступили отъ Добоя.

Лондонъ, 27-го августа. «Агентству Рейтера» телеграфируютъ изъ Константинополя, отъ 7-го сентября: «Мегеметъ-Али-паша, ускользнувъ отъ отряда албанскихъ повстанцевъ, силою въ 150 человѣкъ, которые хотѣли окружить его въ Яковѣ, укрылся въ одномъ изъ сараевъ; здѣсь онъ былъ окруженъ инсургентами и убитъ, вмѣстѣ съ его свитою, состоявшею изъ 20-ти человѣкъ. Поводомъ къ этому послужило то, что Мегеметъ-Али-паша отказался организовать нападеніе на австрійскія войска.

«Батумскій муниципалитетъ сдалъ, вчера, городъ русскимъ, которые вступаютъ въ Батумъ безъ сопротивленія. Эмиграція лазовъ продолжается.

Батумъ, 25-го августа. Сегодня, въ полдень, наши войска вступили въ Батумъ и на берегу моря водрузили русскій флагъ. Жители приняли насъ радушно; Дервишъ-паша лично встрѣтилъ наши войска за городомъ. Турки продолжаютъ готовиться къ выѣзду.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 Сентября 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

№ 37. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 10 Сентября 1878 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

„Андронъ Голованъ."

Разсказъ изъ жизни въ лѣсахъ далекаго Востока.

Н. Н. Каразина.

сю ночь бушевала снѣжная мятель, «пурга», по здѣшнему, не затихла и къ утру, а, напротивъ того, съ разсвѣтомъ, еще сильнѣй разыгралась.

Въ лѣсу въ такую мятель еще ничего, полъгоря, густая чаща древесныхъ стволовъ, непролазныя дебри кустарныхъ зарослей, защищаютъ путника отъ чудовищныхъ ударовъ разгулявшагося вихря, дробятъ волны снѣжныхъ шкваловъ, осаживаютъ ихъ у опушекъ высокими наметями; быстро выростаетъ этотъ спасительный валъ, принимая на себя новые, хлестко набѣгающіе наносы, — и если только Богъ поможетъ оплошавшему промышленнику, застигнутому непогодою на открытомъ мѣстѣ, добраться до такого вала, если сохранилось у него еще силъ преодолѣть это препятствіе, пробиться сквозь эту снѣжную, еще пока рыхлую, не слѣжавшуюся массу,—онъ спасенъ!.. Въ его ушахъ уже не раздается заунывный вой и разбойничій посвистъ злого вѣтра, его лицо не рѣжетъ, словно ножами, оледѣнѣлымъ снѣгомъ, его глаза уже видятъ, куда идти, какого направленія держаться, усталая, надорвавшаяся грудь дышетъ вольнѣе... Тихо, уютно въ темномъ, дремучемъ лѣсу, валитъ снѣгъ сверху, да только покойно; мягкія, бѣлыя звѣздочки ровнымъ слоемъ устилаютъ кочковатую мшистую почву, заваленную сплошь осеннею перегнилью, пожелтѣлою листвой, корявымъ, сухимъ буреломомъ, словно теплый паръ стелется по низу, синеватымъ туманомъ, инеемъ осѣдая на болѣе высокихъ вѣтьвяхъ деревьевъ; отъ этой тишины, отъ этого относительнаго тепла клонитъ ко сну, одолѣваетъ не отвязная дремота измученнаго путника, и не боится онъ теперь этого сна, смѣло готовится къ ночлегу, выбираетъ корягу съ корневою ямою около, стаскиваетъ сюда сучья посуше, моху, листья,—черезъ минуту и огонекъ готовъ; весело потрескиваетъ красное пламя, перебѣгая съ сучка на сучекъ, коробя смолистую кору, шипятъ отъ жару и словно плачутъ оледѣнѣлые прутья, а тамъ, гляди, и самая толща пня тлѣть начинаетъ... Такой костеръ уже безъ присмотра, разъ налаженный опытными руками, всю ночь прогоритъ, до самого свѣта грѣть будетъ спящаго, заворачивайся только съ головою и съ ногами въ теплый волчій яргакъ, да и спи себѣ съ Богомъ, покойно.

Но горе, великое горе, тому, кто, захваченный пургою въ расплохъ, не добредетъ до жилья, пріюта человѣческаго, не добредетъ до лѣса, пріюта всякой четвероногой твари; «желѣзный человѣкъ»—якутъ и тотъ непытается даже бороться съ мятелью, переворачиваетъ свои легкія санки и ложится подъ нихъ, отдавая себя на волю Господню... Высокій снѣжный курганъ намететъ въ такомъ мѣстѣ, и, когда стихнетъ, уляжется непогода, случается, что и хватитъ у бѣдняги силъ выкорабкаться изъ-подъ снѣга, а то такъ и остается тамъ, вплоть до весны, когда солнце и теплые ливни растопятъ снѣгъ, раскроютъ его холодную могилу.

Опытные люди заблаговременно предвидятъ близость пурги,—и какъ только появятся на горизонтѣ ея грозные признаки, принимаютъ мѣры,—а какія мѣры? ищи скорѣе, гдѣ укрыться можно, пока глазъ далеко видитъ, если въ пути находишься, а если дома сидишь, такъ уже лучше и не трогайся съ мѣста, пережидай непогоду, пока совсѣмъ не уляжется.

Предвидя пургу хозяинъ и скотину свою обережетъ, во дворъ, загонитъ, собакъ даже припрячетъ и не гонитъ на улицу; варнаку-бродягѣ и тому дастъ пріютъ, не боясь исправничьяго наѣзда,—который съумасшедшій, не жалко своей головы, презирая мятель, самъ рвется въ путь, Христомъ Богомъ умолитъ такого не ѣздить, а оставаться. Торгашъ дворникъ за пріютъ и тепло не беретъ даже денегъ въ такую пору, только за харчи на счетахъ выкладываетъ — не задержать путника, дать ему выѣхать, силою не остановить, если больно упрямиться, по здѣшнему, значитъ принять великій грѣхъ на свою душу, самому себѣ впередъ такую же лютую смерть готовитъ.—Таковъ уже обычай ведется по всей Сибири—съ изстари и на нарушителя этого обычая люди смотрятъ, какъ на нехристя, чертого брата... Нѣтъ преступленія большаго, отказать путнику въ пріютѣ передъ пургою, хотя въ этой сторонѣ случаются и такіе путники, что, пожалуй, пріюта, жилья человѣческаго, больше, чѣмъ самой пурги, бояться, съ дороги, доброю волею, сворачиваютъ, завидя жилье, словно медвѣдь травленный, большой обходъ дѣлаютъ, и боязливо косятся на привѣтливые дымки надъ трубами приземистыхъ избъ, тревожно прислушиваясь къ лаю сабакъ въ той сторонѣ, робко вздрагивая при каждомъ звукѣ, изъ далека долетѣвшаго, болѣе всего страшнаго человѣческаго голоса.

Такіе боязливые попадаются, впрочемъ, рѣдко,—они бываютъ только изъ тѣхъ, что плохо знаютъ русскій народъ и въ первый разъ пользуются своею краденою волею.

Вотъ и этотъ изъ такихъ должно быть. Цѣлый

день просидѣлъ онъ за кустами у самой опушки лѣсной; передъ нимъ растилалась снѣжная, слегка волнистая совершенно открытая мѣстность, только на горизонтѣ чуть чуть синѣлись далекіе лѣса, къ тѣмъ лѣсамъ и надо было пробраться бродягѣ!.. Ну какъ увидитъ кто на открытомъ мѣстѣ?! Тиха, безлюдна равнина, да дорога по ней змѣится, санная проѣзжая, не слишкомъ, положимъ, торная, безъ столбовъ верстовыхъ, а все-таки людьми проложенная, не медвѣдями,—медвѣжьихъ тропъ этотъ человѣкъ уже привыкъ не бояться и пользовался ими безъ страха и смущенія. Вела эта людская дорога по склону пригорка, пропадала за нимъ, а потомъ снова показывалась, поворачивая влѣво оврагомъ, снова всползала на верхъ и опять исчезала, и вотъ тутъ-то, въ этомъ самомъ мѣстѣ чуть чернѣлись, разорванныя цѣпью съ дюжину курныхъ избушекъ, а покривившаяся колокольня, старой деревянной церкви—это послѣднее обстоятельство болѣе всего пугало человѣка, засѣвшаго въ опушкѣ, въ чащѣ, обезлиственнаго орѣшника.—Рѣшилъ онъ выждать ночи, когда стемнѣетъ, и разсчитывалъ, что за эту длинную, зимнюю ночь, успѣетъ онъ незамѣтно пройти верстъ тридцать, а тамъ, къ утру значитъ, навѣрное, снова въ лѣсу очутится, снова въ безопасности, до слѣдующей перебѣжки по открытому мѣсту...

Видѣлъ человѣкъ, что къ вечеру, что-то странное стало твориться въ воздухѣ; багровымъ краснымъ шаромъ блеснуло солнце на самомъ горизонтѣ, въ эту минуту его только и видно было за весь день, заалѣли гребни холмовъ, словно червоннымъ золотомъ окрасились... Тихо, тихо стало кругомъ... каждый звукъ, самый легкій, далекій и тотъ отчетливо въ этой гробовой тишинѣ слышался... Верстъ за пять въ деревнѣ уныло завыли собаки,—а кажется будто вотъ тутъ, сейчасъ, за этимъ кустомъ, заголосили косматые сторожа... чуть видна по дорогѣ быстро двигающаяся, черная, двойная точка, то бѣгутъ саночки, запряженныя маленькою, толстоногою лошаденкою, а скрипъ полозьевъ такъ и рѣжетъ ухо,—чекнула подкова, задѣтая на бѣгу о другую, словно въ колоколъ ударило, крикнулъ, погоняя, сѣдокъ, такъ и загудѣло по степи отъ этого выклика — и къ замирающему звуку его голоса присоединилось что-то другое, злобное, свистящее, словно какія-то невидимыя крылатыя чудища заносились надъ снѣжною равниною, срывая мановеніемъ своихъ крыльевъ мелкую снѣжную пыль... Быстро погасли послѣдніе отблески багроваго золота—«закурилась степь», по мѣстному выраженію, а еще пока ничего, все кругомъ хорошо видно, не сплошь, а отдѣльными струями налетаетъ вѣтеръ, сорветъ снѣгъ съ открытаго гребня, покружитъ его немного и броситъ.—Здѣсь уже опять тихо, а въ другомъ мѣстѣ кружится,—это и есть самые злые признаки, послѣдніе уже вѣстовщики свирѣпой пурги, подвигающейся съ сѣверо-востока.

«Пора!» думаетъ человѣкъ за кустами, беретъ свою суковатую палку, оглядывается еще раза два кругомъ и рѣшается, наконецъ, показаться изъ своего убѣжища...

Настоящая пора—его сразу хлестнуло сильнымъ порывомъ вѣтра, чуть съ ногъ не сбило и сѣрую шинель распахнуло—странная эта шинель была у путника, совсѣмъ не по здѣшнему климату одежда—одно сукно, да и то чуть не все въ клочьяхъ, мѣху никакого не подложено, за то на спинѣ, ради украшенія желтый квадратикъ былъ нашитъ, какъ разъ между лопатокъ, по самой серединѣ—шапка на головѣ у человѣка была якутская мѣховая, на шеѣ намотанъ платокъ цвѣтной, па ногахъ штаны сѣрыя же, короткія, а самыя ноги, одна въ сапогѣ, а другая тряпьемъ обернута и веревочками перевязана; на этой-то ногѣ—путникъ носилъ особое украшеніе, тяжелый браслетъ, съ болтавшимся на немъ одинокимъ звѣномъ желѣзной же цѣпи... Тяжелъ ли былъ этотъ браслетъ, или отъ другой какой причины, только путникъ шагалъ не ровно, онъ все, именно эту, украшенную ногу оттягивалъ на ходу, сильнѣе наступая на другую ногу, лишенную украшеній...

Не старъ былъ этотъ человѣкъ, да и не особенно молодъ, борода курчавая, небольшая, носъ прямой—тонкій, глаза большіе такіе, темные, а во кругъ глазъ еще того темнѣе, щеки впалыя, блѣдныя, шрамъ свѣжій на одной изъ нихъ, должно быть на сучекъ въ лѣсу напоролся...

Хлещетъ путника вѣтромъ въ бокъ, хлещетъ съ затылка, бьетъ прямо въ лицо, а онъ все себѣ идетъ, приваливая на одну ногу, и не боится онъ пурги, правда, еще только начинающейся, его даже будто радуютъ, тѣшатъ эти снѣжные порывы, быстро заметающіе за нимъ глубокіе слѣды его ногъ, и украшенной и не украшенной...

Не разъ травленные, побывавшіе въ гоньбѣ волки, часто выбираютъ для своихъ воровскихъ походовъ—подходящую погоду, или—пѣшую заметь, или верхній снѣгъ—звѣри дѣлаютъ это сознательно, скрывая свои слѣды, отъ опытнаго глаза промышленника. Кто знаетъ, можетъ быть, этотъ человѣкъ радовался, глядя на мятель, подчиняясь тождественному инстинкту самосохраненія...

И онъ все шелъ и шелъ...

Теперь онъ уже ничего не видѣлъ вокругъ себя — охваченный со всѣхъ сторонъ, разыгравшимся во всю свою силу снѣжнымъ вихремъ. Сбился онъ съ пути, съ разъ взятого направленія, или нѣтъ, онъ уже не могъ сообразить... Онъ шелъ и только... Вся его задача была въ томъ, чтобы переставлять ноги и плотнѣе кутаться въ свою изодранную, сѣрую шинель... Всѣ его силы, вся энергія, всѣ мысли, казалось, сосредоточились на выполненіи этой единственной задачи.

Одинокій, затерянный въ хаосѣ сибирской пурги—этотъ человѣкъ пока еще шелъ.

II.

Лѣсъ, кругомъ лѣсъ, безъ конца, безъ просвѣта.

Вѣками ростутъ эти коллосальные кедры и лиственница, и падаютъ, подкошенные своею старостью, а не топоромъ человѣческимъ. Рухнетъ, насквозь прогнившій, проточенный червемъ, уже потерявшій листву вѣковой гигантъ, застонетъ кругомъ отъ его паденія, тысячи молодыхъ порослей и побѣговъ раздавитъ его грузное, изрытое временемъ, поросшее косматымъ мохомъ тѣло, не бѣда!.. Нѣтъ убыли лѣсу!—Новыя тысячи зеленой молодежи, питаясь трупомъ прадѣда, вновь поднимутъ свои кудрявыя головки,—обовьютъ его, какъ вѣнкомъ, уберутъ, прикроютъ, нескоро и найдешь такую могилу...

Не на ровномъ мѣстѣ выросъ этотъ лѣсъ, съ горы на гору стелется его дремучая, непролазная чаща, прорѣзанная глухими оврагами, суходолами, топкими, гніющими болотами, частыми, спокопъ вѣка проложенными тропами звѣриными, населенная обильно всякою живою тварью, гнѣздящейся и вверху, высоко, въ этихъ кудрявыхъ, развѣсистыхъ кронахъ и въ дуплахъ корявыхъ стволовъ, и въ трущобахъ низовыхъ кустовъ, и въ мягкомъ коврѣ перегноя и мха, подъ корнями, далеко расползшимися, между собою перепутанными — не разберешь даже, какой корень какому дереву даетъ питаніе... Милліонами голосовъ стонетъ, звенитъ и переливается эта разнообразная жизнь, и въ этихъ звукахъ слышна не одна и та же мелодія, нѣтъ — тутъ опытное ухо слышитъ и мотивы разсвѣта, и мотивы, полуденнаго жара и пѣсню вечерняго заката и длинную, колыбельную пѣснь глухой темной ночи... Тутъ слышны и звуки тревоги, гнѣва, кровавой борьбы—тутъ слышны голоса любви и мира... Рѣдко только, очень рѣдко раздается здѣсь голосъ человѣческій, а уже съ этимъ голосомъ, непремѣнно, какъ неразлучный спутникъ его, громовой ударъ ружейнаго выстрѣла...

Смотришь съ высокой горы на такой лѣсъ.... Безъ конца, теряясь въ синевѣ небосклона, растилается волнующееся море разнообразнѣйшей зелени, всевозможныхъ формъ и оттѣнковъ... Вонъ цѣлымъ обществомъ сплотились во едино кудрявыя, мелкохвойныя лиственицы, усѣянныя золотистыми шишками, вонъ свѣтлымъ пятномъ, словно изумрудъ, горитъ на солнце веселая береза и сквозь кружева ея зазубренныхъ листочковъ просвѣчивается серебристо-бѣлый стволъ, а рядомъ гигантъ кедръ, выше всѣхъ головою — темный, такой угрюмый, не только внизъ, на то, что тамъ, подъ ногами, даже на вершины сосѣдей, густую тѣнь стелетъ... Дальше, тамъ, гдѣ словно раздвинулся немного лѣсъ, окружая мокрую поляну, дрожатъ пепельно-зеленоватые листья осины, съ сѣрыми матовыми стволами, чернѣетъ извилистый сукъ, засохшій, расщепленный ударомъ молніи, а дальше опять пошла мѣшанина, всего понемногу, а за нею полосою идутъ развѣсистыя кроны сосенъ, краснѣютъ высокія, прямыя, какъ калоны, стволы, залитые душистою смолою,—и такъ все дальше и дальше, пока уже глазъ не можетъ различить подробностей, въ этомъ вѣчномъ царствѣ растительнаго міра.

Хорошъ лѣсъ лѣтомъ, чуденъ и осенью, одѣтый золотомъ и пурпуромъ умирающей листвы, грандіозенъ и величественъ въ суровую зиму, покрытый серебрянымъ инеемъ и тяжелыми снѣговыми шапками.

Этотъ лѣсъ, о которомъ я теперь разсказываю,—глухая тайга сибирская...

Въ концѣ зимы, въ началѣ марта, время самыхъ свирѣпыхъ, налетныхъ мятелей и быстро наступающихъ за ними первыхъ признаковъ весны, туманныхъ оттепелей, по тропѣ, проложенной днищемъ глубокаго оврага, чуть замѣтно, вьющейся въ концѣ кустовъ, шли два человѣка и съ ними кудлатая—острорылая, вертлявая собаченка, весело помахивающая на ходу своимъ пушистымъ, въ колечко свитымъ хвостикомъ. Дѣло было рано утромъ, только что разсвѣло, морозное, голубое небо просвѣчивало вверху, чуть слышно хрустѣлъ снѣгъ, подъ мягкою обувью

пѣшеходовъ, за то колокольчикъ звонилъ—и разносился по лѣсу подавленный эхомъ веселый лай собаченки.

Шедшій впереди былъ мужчина высокаго роста, широкоплечій, съ густою рыжею бородою, съ загрубѣлою словно дубленою кожею на лицѣ, изрытомъ и морщинами—слѣдами времени, и другими знаками, слѣдами былыхъ боевыхъ схватокъ... Большіе сѣрые глаза бородача смотрѣли сурово и пристально впередъ, словно пронизывая лѣсную чащу... Онъ шелъ твердою и быстрою поступью, не заботясь о своемъ спутникѣ, а тому не разъ приходилось въ подбѣжку догонять своего товарища.

На головѣ у него была шапка мѣховая, изъ пушистаго лисьяго хвоста, одѣтъ онъ былъ въ косматомъ волчьемъ полушубкѣ, шерстью внутрь, шерстью и внаружу, ременный поясъ съ тяжелою мѣдною пряжкою плотно стягивалъ его талію, за поясомъ сзади топоръ, за плечами сибирка-винтовка, «гранчатка», по здѣшнему, съ подогнутыми къ стволу подсошками, въ рукахъ крѣпкая вязовая рогатина, съ перекладиною и широкимъ ножемъ на концѣ, прикрученномъ прочно къ древку сыромятными ремнями... На широкой спинѣ приложены были на всякій случай пара якутскихъ лыжъ, неравно «оттеплетъ»—такъ чтобы нога въ глубокомъ снѣгу не вязла, изъ мягкаго сапожнаго голенища выглядывалъ роговой черенокъ охотничьяго ножа, дополнявшаго вооруженіе рыжебородаго...

Другой спутникъ былъ ребенокъ лѣтъ десяти, одѣтый также, какъ и его «батька»—только оружія малому не полагалось, а волокъ онъ холщевую сумку съ ржаными лепешками и кускомъ вяленой оленины, и волокъ онъ эти запасы не на плечахъ своихъ, а на маленькихъ саночкахъ, которыя были захвачены, конечно, не съ такою только скромною цѣлью, а вѣрно для чего-нибудь другого, на всякій случай.

Странное впечатлѣніе производилъ своимъ видомъ этотъ ребенокъ, усердно ста ающійся не отстать отъ большого,—и безъ того судьба наградила его большою головою, не по росту, а тутъ еще эта шапка косматая, на самыя уши надвинутая,—словно не идетъ, а катится, подпрыгивая, этотъ живой, косматый шарикъ—и какіе глазенки были у этого шарика, темные, живые, точно у соболя, такъ и бѣгали они по сторонамъ, веселымъ огонькомъ искрились... Ожиданіе чего-то, крайне интереснаго, выражалось въ этихъ глазахъ, съ дѣтскихъ губъ не разъ уже срывались нетерпѣливые, короткіе вопросы.

— Онъ теперь спитъ, батька? запыхавшись, говорилъ ребенокъ.

— Спитъ, коротко отвѣчалъ батька, не оборачиваясь на ходу, мелькомъ не взглянувъ на спрашивающаго.

— А мы его разбудимъ? сново, помолчавъ, начиналъ ребенокъ.

— Разбудимъ!

— Онъ большой, батька, страш...шенный!... зубище... во-какіе!... лапы когтястыя!...

— А кто его знаетъ... должно большой.

— А больше того, что прошлый разъ мы—убили?

— Молчи!

Съ полчаса шли молча. Батька ни слова,—сынишка тоже молчитъ, хоть и хочется ему снова начать свои расспросы, только собаченка зачуяла что-то подъ гнилой валежиной, снѣгъ лапами роетъ, визжитъ—заливается... Назадъ отскочила, припала на переднія лапы, оглянулась на путниковъ, а тѣ уже порядочно отошли. Подумалъ песикъ, повертѣлъ головою, приподнялъ заднюю лапку, тявкнулъ еще разокъ, на прощанье съ валежиною и тѣмъ, что подъ нею пряталось, и пошелъ скачками догонять хозяевъ...

— Батька, а батька! Дай нонѣ я пальну... Ты его на рогатину примай, а я пальну.

— Дурный... отвѣтилъ батька, — и на этотъ разъ улыбнулся, пріостановился на ходу и смазалъ сына легонько рукою по шапкѣ...—Да ты, «голованъ», и винтовки въ рукахъ не удержишь...

— Чтожь, она не тяжелая... Батька, а батька!... а онъ ревѣть будетъ?...

— Заревѣтъ, небось!

— У, у, у! потрясъ головою ребенокъ и глаза даже зажмурилъ, пытаясь подражать медвѣжьему реву.

— Молчи! снова обрѣзалъ батька.—Смотри у тебя «варнашка» лепешки поѣстъ... Вишь, какъ санки обнюхиваетъ... Знай свое дѣло, береги провіантъ, медвѣжонокъ!...

— Медвѣжонокъ! «Голованъ» весело засмѣялся... Медвѣжонокъ о четырехъ лапахъ, батька!...

— А ты о сколькихъ?

— Я-то?!...

Поглядѣлъ Голованъ на свои руки, на ноги взглянулъ—и впрямь, думаетъ, четыре—только какже это? раздумье взяло ребенка, заставило его помолчать немного, а тѣмъ временемъ всѣ трое забрались въ такую чащу, что еле еле продирался передній, прокладывая своими мощными плечами дорогу въ этой сплошной путаницѣ оледѣнѣлыхъ вѣтвей низовой заросли...

Долго они шли по такой дорогѣ, да и дороги уже не было, тропа далеко сзади осталась,—цѣликомъ ломили значитъ; раза два топоромъ приходилось прорубаться... часа два поработали эдакъ,—стало какъ будто просторнѣй.

Пріостановился большой, озирается, —духъ затаилъ «Голованъ»,—Варнашка съ наскоку вбѣжалъ на большую, вывороченную бурею коряжину, а коряжина эта вся сучьями завалена, толстымъ слоемъ снѣга покрыта, только чуть въ одномъ мѣстѣ, вровень съ землею, небольшая продушина чернѣетъ. Дыбомъ, щетиною поднялась шерсть на собачьемъ хребтѣ, захлебывается лаемъ Варнашка и сверху на эту самую продушину смотритъ...

— Горячится, собака проклятая, процѣдилъ сквозь зубы большой.—Эй, Голованъ, уйди прочь, стань вонъ тамъ у сосны да поглядывай, а близко не суйся...

— Я, батька!...

— Уйди-же ты, каторжный!...

Заторопился бородатый,—сразу по куржаку*) на хворостѣ узналъ, что самъ дома. Теперь одна забота: какъ бы не выскочилъ до времени. Отмѣрилъ глазомъ девять шаговъ,—шапку снялъ, перекрестился, наладилъ гранчатку, пороху на полку подсыпалъ, пальцемъ кремень ощупалъ, рогатина подлѣ,—вотъ она, топоръ тоже въ снѣгу торчитъ, рукояткою кверху, чтобы во время схватиться было удобно... Готово!

И Варнашка понялъ, что готово, пуще принялся лаять, лапами рыться... поварчиваетъ даже песъ отъ злости, такъ и рвется въ продушину—а Голованъ, отбѣжалъ было по приказу отцовскому, а теперь опять близко подошелъ, шагахъ въ трехъ за отцомъ держится...

*) Куржакъ — иней, образующійся отъ дыханія медвѣдя у отверстія берлоги - у лаза.

— Бери его! Бери! покрикаетъ бородатый на собаку; швырнулъ въ дыру кускомъ промерзшей, оледѣнѣлой коры. Крѣпко лежитъ хозяинъ *), не хочетъ показываться...

— Бери его бери!...

Словно мячикъ, кувыркомъ свернулся сверху Варнашка. Большая, темная масса разомъ раздвинула продушину, разметала сучья и ринулась на охотника. Гулко грянула гранчатка, да пуля пошла верхомъ, по самому темени хватила вскользь... Отъ могучаго удара когтистой лапы рогатина, подлетѣла кверху и въ снѣгъ тычкомъ ткнулась...

— Врешь, не уйдешь! прохрипѣлъ бородачъ. Ножъ только у него въ рукахъ остался.—И видитъ Голованъ, что оплошалъ на этотъ разъ батька... Возятся оба въ глубокомъ снѣгу такъи брызжетъ алая кровь, а чья,—медвѣжья или человѣчья, не разберешь сразу, вѣрно и та и другая...

Сгребъ ребенокъ топоръ въ обѣ рученки; блѣдный, какъ снѣгъ, губа закушена, приноравливаетъ, какъ бы отца выручить,—и ничего ему не страшно; онъ и этого рева, что гудитъ по лѣсу, какъ будто и не замѣчаетъ... Задѣлъ его медвѣдь лапою, отлетѣлъ онъ кубаремъ шаговъ на пять, поднялся на ноги... опять къ медвѣдю, а тотъ уже недвижимъ лежитъ, рыломъ въ снѣгъ уткнувшись, только уши его круглыя чуть вздрагиваютъ, да вставшая дыбомъ шерсть медленно укладывается...

— Батька! окликнулъ ребенокъ...

Чуть-чуть простоналъ батька подъ медвѣдемъ. И видна только отъ батьки нога въ сапогѣ, да пола волчьяго полушубка...

— Батька... Батька!...

И стона уже больше теперь не слышно...

— Батька!...

Варнашка теребитъ медвѣдя сзади, такъ и впился въ его, околѣлаго, зубами—Голованъ тоже рученками ухватился за мѣхъ, тащитъ... Не подъ силу ребенку такая тяга...

А кругомъ-то все выворочено, изрыто, весь снѣгъ въ крови, ручьемъ это кровь рыхлый снѣгъ буравитъ.. Воронье налетѣло, насѣли по сучьямъ и нней съ нихъ отряхиваютъ.

— Батька! батька!... безъ устали, надрываясь, кричитъ ребенокъ, не плачетъ только, а дуетъ обоими кулаченками по неподвижной черной головѣ звѣря съ бѣлою проточиною посрединѣ.. и голосъ его охрипъ, надорвался, уже не слышится въ немъ ничего свѣжаго, дѣтскаго, такъ только вытье одно, на варнашкино похожее...

Часъ прошелъ, другой уже къ концу близится;—обезсилѣлъ Голованъ, припалъ на медвѣжью голову — то забудется на минуту, словно заснетъ, то снова очнется и звать своего батьку приймется...

Темнѣть стало въ лѣсу, снѣговыя хлопья сверху мягко, ровно падаютъ... тепло такъ стало, Варнашка уже къ санкамъ навѣдался, закусилъ и снова лаять принялся,—забѣгая то спереди, то сбоковъ, то сзади, а Голованъ спитъ... Какъ онъ заснулъ и не замѣтилъ. И не сонъ это былъ, а тяжелый обморокъ отъ волненія и крайней устали.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

МОНОЛОГЪ.

Стих. **Омулевскаго.**

О, молодость! заманчивы твои
Холоднымъ опытомъ не спугнутыя грезы,
Тепломъ и солнцемъ скрашенные дни,
И устъ, и щекъ твоихъ непокупныя розы,
Лишь начатой борьбы таинственная даль
И рѣдкая, безслѣдная печаль.

Но жизнь полна соблазновъ; у нея
Порой, какъ у змѣи, подъ яркой чешуею

*) Хозяинъ — одно изъ многихъ названій медвѣдя въ Восточной Сибири.

Фаворитъ.

Таится ядъ,—и счастіе твое,
Когда она тебѣ не отравитъ покою,
Не вызоветъ въ душѣ мученій длинный рядъ...
О, смерть не такъ страшна, какъ этотъ ядъ!

Ты коротка, тебѣ не дважды цвѣсть;
Лазурь твоихъ небесъ измѣнчива,—бери же
У жизни все, что честнаго въ ней есть,
Что къ подвигамъ прямѣй ведетъ и ближе,
Что мысли придаетъ увѣренность въ себѣ
И мощную энергію въ борьбѣ.

Трудись: ни что не прочно безъ труда;
Взгляни кругомъ, учись: источникъ твой — природа —
Безъ устали работаетъ всегда,
Чтобъ старости не знать, чтобъ яркій лучъ восхода
Ни блеска не терялъ, ни прежней чистоты, —
Такъ будь же ей подобною и ты!

Иди впередъ, но знай, что до тебя
Такимъ же шли путемъ другія поколѣнья;
Что ихъ со тьмой упорная борьба
Дала тебѣ самой возможность просвѣтленья;
Что могутъ указать ошибки ихъ пути —
Куда тебѣ не слѣдуетъ идти.

Иди впередъ, но каждый новый шагъ
Соразмѣряй съ потребностью народной,
Чтобъ на тебя открыто даже врагъ
Не смѣлъ смотрѣть съ насмѣшкою холодной;
Чтобъ онъ не наложилъ позорное пятно
На то, что совершить тебѣ дано.

Впередъ! впередъ! За далью вѣковой
Героямъ предстоитъ награда міровая:
Тамъ плоть и кровь отъ силы роковой
Воспрiметъ грезъ твоихъ блестящая плеяда —
И родъ людской сольется въ братскій поцѣлуй...
О, молодость! красуйся и ликуй!

Начало жизни.

(Лекціи профессора **П. Мартина Дункана.**)
(Продолженіе.)

Прежде, чѣмъ заняться устройствомъ и исторіей жизни существъ, значительно разнящихся съ тѣми, о которыхъ я уже говорилъ, я остановлюсь мимоходомъ на игрушкѣ, бывшей одно время въ модѣ въ большихъ городахъ, которая между тѣмъ удобна для наблюденій за развитіемъ первоначальной жизни. Я говорю о стеклянномъ шарѣ съ водой, наполненномъ водяными растеніями, рыбами и т. п.,—о маленькомъ акваріумѣ. Имѣя у себя акваріумъ, надо стараться поддерживать въ немъ относительно одинаковое количество какъ растительной, такъ и животной жизни. Равновѣсіе здѣсь необходимо. Если недостаточно растительности, животныя умираютъ, если растительности слишкомъ много, животныя тоже умираютъ. Главное искуство въ содержаніи акваріума состоитъ въ поддерживаніи въ немъ растительности, т. е. мелкихъ растеній, содержащихъ въ себѣ зеленое вещество и выдѣляющихъ или выдыхающихъ изъ себя кислородъ.

Здѣсь происходитъ круговое обращеніе, потому что животныя питаются зеленымъ веществомъ и поглощаютъ кислородъ, выдыхаемый растеніями, а растенія, въ свою очередь, поглощаютъ газъ, называемый углекислотой, выдыхаемый животными. Этотъ чудный балансъ дѣлаетъ изъ маленькаго шара съ водой предметъ для научныхъ наблюденій. Въ акваріумахъ большихъ городовъ животныя получаютъ кислородъ, въ соединеніи съ азотомъ, посредствомъ накачиванія воздуха искуственнымъ образомъ, а не изъ растеній.

Заглянемъ поглубже въ положеніе вещей въ акваріумѣ и изслѣдуемъ воду. Вода, постоявши нѣсколько дней въ акваріумѣ, потеряетъ свою чистоту; для жизни животныхъ она еще хороша, но если мы дадимъ ей испариться, въ ней окажется осадокъ разныхъ солей. Въ ней мы найдемъ сѣрнокислую известь, углекислую известь, селитрокислый поташъ и немного фосфорнокислой соли. Кромѣ этихъ элементовъ тутъ же найдутся кусочки организма животныхъ и растеній, немного протоплазмы, часть которой болѣе или менѣе растворима и разные сборные предметы, такъ что вода далеко не такъ чиста, какъ, напримѣръ, дождевая или дистилированная. Будь она такой, въ ней ничто не могло бы существовать, потому что и животная и растительная жизнь требуютъ присутствія этихъ веществъ. Присутствіе въ водѣ солей, содержащихъ сѣру, фосфоръ, азотъ, известь, поташъ и магнезію, существенно необходимо для питанія растеній.

Мы разсмотримъ теперь нѣкоторыхъ изъ крошечныхъ обитателей акваріума, ведущихъ совершенно иную жизнь, чѣмъ оживленная паутина, напримѣръ, или леукофрисъ. Лѣтомъ въ прудахъ около мелкихъ водяныхъ растеній или въ акваріумѣ водится множество крошечныхъ предметовъ, называемыхъ «перанема»,—что означаетъ «дикій, свободный»,—свободно плавающее растеніе. Оно имѣетъ форму удлиненнаго съ одной стороны шара съ длиннымъ, выходящимъ изъ него отросткомъ, и состоитъ изъ клѣтчатой перепонки, удлиненной на концѣ въ видѣ волоса. На концѣ этого отростка находится волокно или нить чистой протоплазмы. Протоплазма наполняетъ отростокъ и внутренность мѣшка въ видѣ водянистой массы, которая и есть протоплазма этого растенія. Движется оно различными способами. Прежде всего мѣшечекъ не сохраняетъ постоянно одну и ту же форму; онъ, какъ амеба, можетъ измѣнять ее. Выходящая изъ него нить постоянно движется взадъ и впередъ, но не быстро, какъ, напримѣръ, у вортицелы; движеніе это похоже какъ бы на сгибаніе верхняго сустава пальца, который своею оконечностью прилѣпляется и притягиваетъ за собой все растеніе. Такимъ образомъ, движется перанема, выставляя впередъ свой хлыстообразный отростокъ. Другой способъ передвиженія—ползаніе. И какъ бы для облегченія этого движенія, наружная перепонка растенія покрыта маленькими бороздками. Мѣшечекъ никогда не бываетъ совершенно полонъ. Свой зеленый цвѣтъ онъ получаетъ отъ маленькихъ зернышекъ, содержащихся внутри жидкой протоплазмы. Внутри перепонки протоплазма студениста и совершенно прозрачна; въ срединѣ ея собранныя въ кучу находятся маленькія зеленыя зернышки. Это растеньице постоянно движется день за днемъ, недѣля за недѣлей, преимущественно по сосѣдству съ сломанной растительностію. Оно движется не быстро и не принимаетъ никакой существенной пищи, какъ животныя, о которыхъ мы говорили. Въ тѣлѣ его нѣтъ другихъ отверстій кромѣ обнаженнаго кончика протоплазмы и ни одно твердое тѣло не можетъ пройти черезъ тонкую наружную перепонку, не испортивъ ея. А этого не случается; но во время движенія черезъ тонкую оболочку просачивается вода, содержащая въ себѣ растворъ углекислаго газа и нѣкоторыя изъ солей, о которыхъ упомянуто выше. Внутренняя протоплазма, бѣлкообразная масса, находится постоянно въ движеніи, увлекая съ собою и зернышки, и движеніе это не прекращается все время. Протоплазма состоитъ изъ нѣсколькихъ элементовъ: всегда изъ углерода, кислорода, водорода, азота, небольшой части сѣры и фосфору. Впродолженіи жизни растенія она подвержена постояннымъ измѣненіямъ. Каждое движеніе, повторяющееся много разъ въ минуту, влечетъ за собой необходимое измѣненіе ея химическаго состава. Химическія соединенія не могутъ оставаться долго въ одномъ и томъ же видѣ, такъ что формула, о которой я скажу въ концѣ лекціи, вѣрна въ одно время и совершенно ложна спустя нѣсколько секундъ.

Въ протоплазмѣ перанемы находятся маленькіе зеленые шарики. Такъ какъ они находятся въ листьяхъ растеній и имѣютъ зеленый цвѣтъ, ихъ называютъ хлорофилемъ. Главная ихъ особенность заключается въ томъ, что они разнятся своимъ составомъ отъ протоплазмы. Они содержатъ въ себѣ въ самомъ незначительномъ количествѣ азотъ; въ протоплазмѣ же его очень много. Разница такъ велика, что если мы опустимъ протоплазму въ эфиръ она не растворится, а, напротивъ, окрѣпнетъ, хлорофиль же растворится. Вещество, наиболѣе подходящее къ нему по составу, и внѣшняя оболочка животнаго состоитъ изъ матеріи, называемой клѣтчаткой, они имѣютъ много сходства съ веществомъ, извѣстнымъ подъ именемъ крахмала. Во всѣхъ этихъ веществахъ нѣтъ азоту, тогда какъ въ протоплазмѣ его много. Отчего же это происходитъ? При движеніи перанемы вода съ ея солями проникаетъ черезъ паружную оболочку въ протоплазму и, увеличивая ея объемъ, производитъ въ ней постоянныя перемѣны. Пища эта замѣчательна по своей простотѣ. Вмѣсто того, чтобы жить на счетъ подобныхъ себѣ существъ, какъ тѣ созданія, о которыхъ мы говорили раньше, это растеніе питается такъ называемымъ «сырьемъ», сырымъ матеріяломъ. Главная его пища вода, содержащая углекислоту. Углекислота входитъ съ водой въ тѣло растенія въ соединеніи съ фосфорнокислой известью, сѣрнокислой известью и другими солями. Животная жизнь не принимается совсѣмъ или въ очень маломъ количествѣ. Азотъ входитъ черезъ посредство аміака или селитрокислой соли, растворенныхъ въ водѣ. Прежде всего протоплазма поглощаетъ ихъ въ себя для образованія новой протоплазмы, затѣмъ изъ остатковъ съ помощію свѣта она перерабатываетъ ихъ въ другія сложныя, т. е. во внутренней хлорофиль и наружную клѣтчатку. Сфабрикованныя новыя вещества совершенно непохожи на старыя. Конечно, васъ удивляетъ, какъ изъ такихъ простыхъ элементовъ образуются столь сложныя вещества, которыхъ химики, не смотря на всѣ усилія съ ихъ стороны, никакъ не могутъ сдѣлать. Наконецъ, протоплазма подъ дѣйствіемъ жизни и свѣта разлагаетъ внутри себя часть пищи и высвобождаетъ нѣкоторыя вещества. Подъ вліяніемъ свѣта и жизни на углекислоту, углеродъ остается внутри растенія съ небольшимъ количествомъ кислорода, остальной же кислородъ выпускается въ воду. Тоже происходитъ почти во всѣхъ растеніяхъ. Переработанный углеродъ не имѣетъ грязнаго вида, но въ соединеніи съ небольшимъ количествомъ кислорода и водорода производитъ удивительное сложное, именуемое хлорофилемъ, а остальной кислородъ выпускается. Его вообще немного. Проходя черезъ тонкую оболочку мѣшечка, онъ невидимо выходитъ въ воду въ видѣ пузырьковъ. Нѣкоторыя, крупныя растенія на солнцѣ выдыхаютъ, видимо для глаза, значительное количество кислорода, который, въ видѣ быстро слѣдующихъ одинъ за другимъ пузырьковъ, поднимается отъ вершины растенія въ свѣжей водѣ акваріума. И такъ, эти крошечныя растенія обращаютъ сырой матеріялъ въ обработанныя произведенія: протоплазму, хлорофилъ и клѣтчатку.

Въ началѣ лекціи я говорилъ, что животное питается обработанными произведеніями, а теперь объясняю, что эти произведенія обрабатываются растеніемъ. Производство это хотя очень сложно, но можетъ быть легко объяснено; оно не переходитъ за предѣлы того, что называется «философіей химіи». Въ немъ участвуютъ два важные дѣятеля: вліяніе свѣта и таинственный принципъ жизни.

Возьмемъ другую форму жизни, весьма обыкновенную во всякой стоячей водѣ. Въ прудахъ, особенно въ концѣ осени, поверхность покры-

вается зеленью, но не отъ водяной чечевицы, потому что если зачерпнуть стаканъ этой воды и взглянуть на свѣтъ, въ ней окажутся очень маленькіе движущіеся предметы. Подъ микроскопомъ—сильно увеличивающимъ—они будутъ подходить по своему виду къ перанемѣ, только съ двумя отростками вмѣсто одного. Оба отростка или рѣснички движутся взадъ и впередъ, хотя и не быстро, и приводятъ въ движеніе все тѣльцо. Наружное одѣяніе этого шарика,—они имѣютъ видъ шара,—состоитъ изъ липкой перепонки. Внутри бѣлкообразная протоплазма и зеленыя тѣльца хлорофиля и довольно большихъ размѣровъ водянистое пустое пространство. Водятся они во множествѣ и живутъ точно такою же жизнію, какъ перанемы, т. е., поглащаютъ изъ воды углекислоту и соли, и обращаютъ ихъ въ протоплазму; часть газа разлагается для образованія хлорофиля и т. д. Работаютъ они очень много. Впродолженіи цѣлыхъ недѣль они движутся въ водѣ, добывая изъ нея свое топливо, въ формѣ водянистаго раствора, проникающаго черезъ паружную оболочку. Внутри идетъ свое движеніе и своя химическая работа. Если прудъ начинаетъ высыхать, или они доходятъ до конца обмелѣвшей воды, они становятся осѣдлыми, всякая работа прекращается, рѣснички втягиваются во внутрь, перепонка покрываетъ ихъ совершенно и въ такомъ положеніи они остаются цѣлыми мѣсяцами въ видѣ маленькихъ шариковъ съ хлорофилемъ внутри, подверженные развѣ какимъ-нибудь случайнымъ измѣненіямъ. Иногда они краснѣютъ. Въ прудахъ часто можно видѣть красную пѣну, состоящую изъ этихъ микроскопическихъ предметовъ. Это происходитъ, вѣроятно, отъ дѣйствія воздуха (когда они высыхаютъ) на желѣзо, входящее въ составъ хлорофиля, хотя и въ очень незначительномъ количествѣ. Съ наступленіемъ хорошей погоды весной они начинаютъ размножаться слѣдующимъ замѣчательнымъ образомъ. Хотя въ нихъ нѣтъ никакихъ признаковъ жизни, они лопаются по серединѣ, перепонка затягиваетъ обнаженное мѣсто, и, такимъ образомъ, каждая клѣточка дѣлится на двѣ; двѣ на четыре; четыре на восемь и такъ далѣе; размноженіе идетъ очень быстро. Но чѣмъ же они живутъ? они сидятъ на влажной землѣ бывшей подъ прудомъ или камнемъ. Жить они могутъ только воздухомъ. Правда, они берутъ кое-что изъ того, на чемъ сидятъ, но главная часть ихъ пища получается изъ воздуха.

Какъ видите, теперь мы бесѣдуемъ о предметѣ совершенно отличномъ отъ тѣхъ, съ которыми до сихъ поръ имѣли дѣло. Въ жизни зеленой плесени,—потому что мы говоримъ о плесени, подобной той, какую мы видимъ на деревьяхъ,—происходитъ два видоизмѣненія: одно въ водѣ, другое на землѣ. Что она извлекаетъ изъ воздуха? Животное не можетъ жить воздухомъ, это мы знаемъ по собственному опыту, но растенія могутъ. Въ атмосферѣ всегда находится въ небольшомъ количествѣ углекислота, особенно много ея по сосѣдству съ разлагающейся растительностью, гдѣ преимущественно любитъ жить плесень. Тутъ же неизбѣжно присутствіе газа, называемаго аміакомъ, состоящаго изъ азота и водорода. Растенія питаются этими газами. Газъ проникаетъ черезъ перепонку, вѣроятно, въ сыромъ видѣ, входитъ въ протоплазму и развивается въ ней подъ вліяніемъ жизни и свѣта въ хлорофилъ, т. е. углекислота разлагается, углеродъ удерживается, а кислородъ возвращается въ воздухъ. Эти микроскопическія растенія такимъ образомъ очищаютъ воздухъ, также какъ и воду. Хлорофилъ, зеленое окрашивающее вещество древесныхъ листьевъ и другихъ растеній, есть одно изъ величайшихъ благодѣяній человѣчества, такъ какъ и люди и животныя выдыхаютъ углекислоту, которая поглощается растеніями и возвращается ими въ видѣ кислорода. Это маленькое растеніе, живя на счетъ воздуха, разлагаетъ газы, обращаетъ часть ихъ въ твердое тѣло, быстро размножается, двоясь и раздѣляясь безчисленное множество разъ, пока не покрываетъ собой значительныя пространства. Кто не видалъ зеленой плесени на древесной кожѣ. Почти каждое дерево съ подсолнечной стороны покрыто ею. И въ такомъ видѣ она будетъ жить впродолженіи многихъ поколѣній, пока какой-нибудь особенный случай, дождь или наводненіе не оторвутъ ее. Если эти кругленькія клѣточки попадутъ въ воду, онѣ—или, лопаясь, произведутъ новую, въ родѣ описанной сначала, клѣточку съ двумя волосками на концѣ, или опускаясь на дно пруда въ близкомъ разстояніи отъ воздуха, образуютъ какъ бы плеву изъ зеленаго вещества, состоящую изъ множества расположенныхъ другъ возлѣ друга клѣточекъ. Такъ они живутъ продолжительное время, пока не придетъ день, въ который клѣточки лопнутъ, давая существованіе маленькому движущемуся предмету. Этимъ природа хотѣла увѣковѣчить свое твореніе, продолжить его существованіе въ сырости, въ сухости и мокротѣ. Мы видимъ, что кромѣ постояннаго движенія, вещество это обладаетъ силой, способностію передавать будущимъ поколѣніямъ энергію и даръ жизни. Маленькіе шарики лопаются такъ быстро, образуя постоянно новые, что невольно приходишь къ заключенію, что каждый атомъ, каждая безконечно малая частичка протоплазмы одарена силами цѣлаго.

Этотъ необыкновенный циклъ событій между животными и растеніями—растенія, очищающія воздухъ для животныхъ—дѣлитъ оживленное или живущее царство природы на двѣ опредѣленныя групы: растеній и животныхъ. Но въ природѣ не можетъ быть рѣзкихъ переходовъ. Есть существа, которыхъ нельзя причислить къ растеніямъ, нельзя причислить и къ животнымъ. Теперь займемся ими. Многія изъ нихъ съ свойствами растеній соединяютъ питаніе и дыханіе животнаго; главная же ихъ особенность та, что онѣ вторгаются въ жизнь другихъ существъ. Съ минуты ихъ появленія на свѣтъ до самой смерти они заняты уничтоженіемъ жизни или измѣненіемъ химическаго состава другихъ предметовъ. Остановимся на одномъ изъ такихъ замѣчательныхъ существованій, про которое не знаешь, что сказать: растеніе это или животное.

Многіе, вѣроятно, видали въ концѣ осени на оконной рамѣ прилипшую плотно муху, окруженную какъ бы дымчатымъ кольцомъ. Приглядѣвшись къ ней внимательно, вы увидите, что хоботокъ ея крѣпко прильнулъ къ стеклу, ноги тоже и ее окружаетъ дымчатаго цвѣта матерія. Муха умерла отъ голода, стараясь извлечь что нибудь питательное изъ стекла. Что же это означаетъ? Если мы поймаемъ эту муху за недѣлю до ея смерти и вскроемъ тѣло, мы найдемъ боковыя пространства насѣкомаго, черезъ которыя проходитъ воздухъ, необходимый для дыханія, наполненными крошечными шариками. Они имѣютъ круглую форму и состоятъ изъ протоплазмы внутри и очень тонкой перепонки снаружи. Животное переполнено ими; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ продолговатую форму и образуютъ родъ сѣти внутри мухи. Наружная оболочка этого гриба (fungus) состоитъ изъ безазотистой перепонки, внутренняя — протоплазма — содержитъ азотъ. Хлорофиля здѣсь нѣтъ, нѣтъ сложныхъ тѣлъ, только простая протоплазма. Фунгусъ питается соками мухи,—ея болѣе или менѣе водянистой протоплазмой. Все питаніе мухи переходитъ въ фунгусъ. Чѣмъ болѣе муха ѣстъ, чѣмъ болѣе она летаетъ, тѣмъ сильнѣе становится грибъ, потому что онъ принимаетъ болѣе пищи, быстрѣе дышетъ. Фунгусъ поглощаетъ кислородъ и выдыхаетъ углекислоту, также какъ и муха. Наконецъ, муха въ изнеможеніи садится на окно и умираетъ, тогда фунгусъ начинаетъ жить насчетъ ея остатковъ, пока она не разложится; въ это время маленькая круглая клѣточка значительно измѣняется, принимаетъ форму треугольной шляпы и выходитъ изъ насѣкомаго, образуя вокругъ него особенную дымчатую пыль. Фунгусъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ «ахлія», за свою совершенную безцвѣтность. Онъ живетъ въ темнотѣ, такъ какъ внутри мухи нѣтъ свѣта. Положимъ, одна изъ этихъ мухъ упадетъ въ свѣжую воду аквариума, въ которомъ водятся маленькія раковины, какъ напр., улитки. Спустя нѣсколько времени вы замѣтите, что улитка, водяное растеніе и др. въ вашемъ аквариумѣ захирѣли. Если вы возьмете кусочекъ раковины или сосѣдняго съ нею растенія и изслѣдуете его подъ микроскопомъ, вы найдете совершенно необыкновенное явленіе. Здѣсь произошло слѣдующее. Я производилъ наблюденія не только надъ раковинами, но и надъ вещами несравненно болѣе твердыми, послѣдствія вездѣ были одни и тѣ же. Вы знаете, что раковины эти состоятъ изъ углекислой извести съ небольшою примѣсью органической протоплазмы, которая своимъ присутствіемъ скрѣпляетъ углекислую известь. Отчего завяло растеніе, отчего испорчена раковина? Оттого, что маленькіе шарики изъ мухи поселились въ нихъ. Какъ только они находятъ себѣ подходящую точку опоры, они начинаютъ рости. Они поглощаютъ кислородъ изъ воды, какъ животныя. Первымъ ихъ дѣломъ выпустить изъ своей протоплазмы въ растеніе отростокъ, т. е. крошечный кусочекъ протоплазмы, тотчасъ же покрывающійся тонкой пленкой, отчего онъ получаетъ видъ нити съ жидкимъ содержимымъ. Живетъ онъ на счетъ протоплазмы растенія, поглощаетъ хлорофилъ и разлагаетъ и его, и протоплазму, углубляясь постоянно въ растеніе во всѣхъ направленіяхъ. Если нѣтъ ничего болѣе, ахлія довольствуется этимъ; но если растеніе соприкасается съ раковиной (все равно будь это въ прѣсной или соленой водѣ), она начинаетъ просверливать и ее. Попробуйте изслѣдовать черезъ нѣсколько времени кусочекъ раковины, вы увидите, что вся ея твердая часть изрыта маленькими ходами, наполненными жидкой протоплазмой, окруженной замѣчательно тонкой пленкой. Какъ только одинъ изъ этихъ микроскопическихъ предметовъ дотрогивается до раковины, онъ выпускаетъ изъ себя углекислоту, которая, дѣйствуя непосредственно на углекислую известь раковины, образуетъ изъ нея двууглекислоту (bicarbonate), а двууглекислота растворима и уносится водой. Такъ образуется сначала дыра, обращающаяся скоро въ ходъ. Внутри этой протоплазмы происходитъ движеніе, хотя чрезвычайно слабое, которымъ и газъ и двууглекислая известь выносятся понемногу наружу по продѣланнымъ ходамъ. Впрочемъ, это еще вопросъ не вполнѣ точно изслѣдованный. Быть можетъ, вода попадаетъ въ ходы между стѣнкой и клѣточкой, и вымываетъ оттуда углекислоту; странное же существо только выѣдаетъ дорогу и живетъ на счетъ протоплазмы раковины. Наконецъ, протоплазма въ этихъ нитяхъ скопляется, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ болѣе плотныя массы и изъ каждой изъ нихъ образуется существо, подобное тому, отъ котораго произошло. Оно пробуравливаетъ родителя во всѣхъ направленіяхъ крошечными трубочками, которыя, доходя до стѣнки родительской трубочки, пробуравливаютъ ее и идутъ далѣе въ раковину, пока въ той остается хотя одно цѣлое мѣсто. Ничего не можетъ быть проще жизни этого паразита, который существовалъ и въ очень древнія времена. Однажды я и нѣсколько нѣмцевъ,

работая надъ древними ископаемыми, которыя жили въ девонской формаціи за долго до образованія каменнаго угля, напали на слѣды этого паразита. Древнѣйшія и новѣйшія паразитныя животныя до такой степени сходны между собою, что достаточно взглянуть на одно изъ нихъ и его работу, чтобы имѣть понятіе объ обоихъ.

Жизнь эта стоила того, чтобы остановиться на ней, чтобы изслѣдовать существо, живущее вдали отъ свѣта, не производящее внутри себя сложныхъ тѣлъ, но гибельно дѣйствующее на окружающія его другія существа.

(*Продолженіе будетъ.*)

Художественный плафонъ.

(Рис. стр. 213.)

На послѣдней ежегодной художественной выставкѣ въ Вѣнѣ, приковывала къ себѣ общее вниманіе декоративная картина Бергера, художника еще начинающаго и образовавшаго свою технику и вкусъ подъ руководствомъ проф. Энгерта. Бергеръ родился въ 1850 г.; въ 1874 г., онъ получилъ, такъ называемый, «римскій» дипломъ и отправился въ Италію, гдѣ избралъ себѣ главнымъ пребываніемъ Римъ и Венецію. Декоративные эскизы, высланные имъ изъ Венеціи, сразу обратили на себя вниманіе въ германскихъ художественныхъ кружкахъ. Живя потомъ въ Римѣ, Бергеръ работалъ много и усердно, и главнымъ плодомъ его занятій въ вѣчномъ городѣ явился плафонъ, изображающій «апофеозъ мира, какъ покровителя искуствъ». Эта великолѣпная картина, исполненная во вкусѣ возрожденія, доказываетъ, что художникъ изучалъ не безслѣдно мастеровъ великой эпохи, и нѣмцы справедливо привѣтствуютъ въ немъ даровитѣйшаго исполнителя декоративной живописи, имѣющей въ настоящее время своихъ представителей почти исключительно только въ одной Франціи. Твореніе Бергера замѣчательно тѣмъ, что художникъ умѣлъ избѣгнуть рабскаго подражанія классическимъ образцамъ, чѣмъ и объясняется его успѣхъ. Его картина можетъ служить образцомъ чистоты стиля и въ тоже время она совершенно современна; въ ней счастливо сочетаются: духъ классики и новѣйшіе художественные пріемы.

Надо замѣтить, что картина была помѣщена на вѣнской художественной выставкѣ самымъ невыгоднымъ образомъ: она висѣла вертикально, между тѣмъ, какъ она назначается для плафона. Такимъ образомъ, крайне искусное перспективное расположеніе, не только утрачивало свое достоинство, но представлялось даже отчасти невѣрнымъ и колоритъ картины казался слишкомъ блѣднымъ; въ сущности же, этотъ кажущійся недостатокъ составляетъ достоинство картины Бергера, потому что она назначается для свѣтлаго плафона, на которомъ обыкновенныя масляныя картины кажутся всегда какъ бы грязными, во избѣжаніе чего необходимо было употребить болѣе нѣжные тоны.

Сюжетъ картины понятенъ: миръ, держащій въ одной рукѣ оливковую вѣтвь, въ другой фортуну, возсѣдаетъ на престолѣ, окруженный великолѣпными цвѣточными гирляндами. По ступенямъ трона стелется златотканный коверъ, символъ благосостоянія, порождаемаго миромъ. Мальчикъ, съ лирою въ рукахъ, ударяетъ по ея струнамъ, извлекая изъ нея звуки, чарующіе женщинъ, склоняющихся съ восторженною улыбкою черезъ перила... Въ глубинѣ фона виднѣется абрисъ храма мира, надъ которымъ порхаютъ ангелы, держащіе въ рукахъ гербъ.

Бергеръ извѣстенъ также, какъ отличный портретистъ и жанристъ. Въ настоящее время онъ находится въ Вѣнѣ.

Честь солдата.

(Очеркъ **Жюля Кларети.**)

(*Продолженіе.*)

Впрочемъ, у нихъ была одна любовь, одно утѣшеніе, способное наполнить цѣлую ихъ жизнь. Правда, они пали у Ватерлоо, но окончили свое военное поприще дѣломъ, достойнымъ имени великаго подвига, которое вполнѣ удовлетворяло ихъ совѣсть, какъ гражданъ и воиновъ. И неудивительно, что одно воспоминаніе, одинъ намекъ на происшедшее тогда оживляли потухшіе ихъ старческіе глаза!..

Въ этотъ памятный день, 18 іюня 1815 года, когда неимовѣрный успѣхъ великаго полководца, державшаго Францію въ своихъ желѣзныхъ рукахъ—близился къ концу и, наконецъ, рушился, среди грома пушекъ и стона земли,—въ этотъ памятный день Фужерель и Малеперъ, въ толпѣ побѣжденныхъ, до послѣдней минуты чувствовали въ груди своей сердце, бьющееся святой любовью для дорогого отечества. Еще утромъ того дня они сражались съ ружьемъ въ рукахъ и одержали побѣду. Кто могъ предвидѣть, что впереди ихъ ждетъ пораженіе? Разбитые англичане уже задумывали оставить поле сраженія, не довѣряя своему мужеству. Только несокрушимая твердость характера Веллингтона спасла ихъ отъ вѣрной гибели. Стойкость Веллингтона, а не что нибудь другое—дала время солдатамъ Блюхера и Бюлова добраться до поля сраженія въ то время, когда послѣдніе ряды англичанъ готовы были пасть подъ ударами побѣдоносной императорской гвардіи. Старые гренадеры, дожидая своей очереди, волей неволей принуждены были наблюдать, не принимая участія въ кровавомъ дѣлѣ на Мон-Сен-Жанъ, за ходомъ этого гигантскаго сраженія. Страшный громъ пушекъ съ правой стороны вселялъ въ нихъ надежду, что Груши подоспѣлъ съ помощью. Съ нетерпѣніемъ, сжимая кулаки, старые гренадеры ждали, когда же, наконецъ, позволятъ имъ броситься на враговъ, чтобы стереть ихъ съ лица земли... Имъ казалось, что сраженіе длится слишкомъ долго; они не понимали почему Ней не уничтожилъ до сихъ поръ еще отряда Понсомби, «красныхъ дѣтей Веллингтона» и шотландскихъ горцевъ? Они были увѣрены въ побѣдѣ; они не могли допустить, чтобы враги ихъ вышли побѣдителями; ихъ бѣсило только то, что побѣда заставляетъ ждать себя слишкомъ долго...

Вдругъ, подъ вечеръ, когда императорская армія разсчитывала на вѣрную побѣду, неожиданно явившійся Блюхеръ со свѣжими силами въ одно мгновеніе измѣнилъ ходъ боя, бросивъ страхъ въ ряды французовъ. Каждый французъ былъ увѣренъ, что Лобау, которому удалось отрѣзать Бюлова, съумѣетъ не допустить Блюхера до Мон-Сен-Жана. Никѣмъ не ожидаемое появленіе Блюхера разрушило всѣ ихъ надежды... Изъ всей храброй французской арміи одна только старая гвардія оставалась нетронутой. Остальные корпуса съ ранняго утра выдерживали напоръ непріятеля. Прусскія колонны, выходившія одна за другою изъ Планшенуа, давили все на пути: пѣхота, кавалерія, кирасиры Миланда, уланы Нея, канониры,—всѣ толпятся, давятъ другъ друга... Страшный, ужасный безпорядокъ! Въ гвардіи одно спасеніе, на нее одна надежда! Старая гвардія напрягаетъ всѣ свои силы для того, чтобы остановить враговъ. А количество ихъ ростетъ и ростетъ, кажется, изъ земли выходятъ: войско Блюхера и англичане Веллингтона съ громкимъ «ура» спускаются съ того холма, на которомъ за нѣсколько часовъ французскія пули сѣяли смерь въ ихъ рядахъ.

Какъ бы сросшись съ землею въ одно цѣлое, солдаты старой гвардіи, точно каменная стѣна, сжимая ружья, съ бѣшенствомъ въ груди ожидали послѣдней аттаки непріятеля. Ихъ каре — настоящія крѣпости. Подъ градомъ вражескихъ пуль ряды ихъ рѣдѣютъ, колыхаются, наконецъ, падаютъ, засѣвая трупами мѣсто, на которомъ сослужили послѣднюю службу своему отечеству. Пять каре уже пало, но три еще цѣлы! Генералы Пети и Морванъ, среди своихъ солдатъ, гордо смотрятъ на толпу непріятелей. Трупы англійскихъ и прусскихъ солдатъ со всѣхъ сторонъ окружаютъ нашихъ гвардейцевъ. Среди этихъ героевъ стояли наши капитаны — Фужерель и Малеперъ. Съ саблями въ рукахъ они съ обѣихъ сторонъ отбивались отъ напирающихъ враговъ. Они оба находились вблизи знамени. Новая потеря въ ихъ рядахъ: офицеръ, державшій знамя, раненъ въ високъ! Смертельно раненый храбрецъ этотъ до послѣдней минуты держалъ знамя. Наконецъ, лишившись чувствъ, онъ палъ на землю, всю пропитанную кровью.

— Фужерель, крикнулъ въ отчаяніи Малеперъ,—Фужерель! Бери знамя!

Фежерель схватилъ знамя изъ рукъ умирающаго и потрясъ имъ гордо надъ головами товарищей: вызовъ, брошенный въ глаза непріятелю! Въ эту минуту пуля попала въ знамя: орелъ размозженъ, сорванъ ею... Капитанъ чувствовалъ, какъ знамя дрогнуло въ его рукахъ, точно живое существо. А пруссаки двигали свои черныя массы на уступающихъ поле битвы французовъ. Нѣсколько гвардейцевъ, оторвавшись отъ горсти храбрецовъ, уже бѣжали по дорогѣ въ Женанъ. Тогда Фужерелю показалось, что онъ слышитъ вырвавшійся изъ груди Малепера крикъ, крикъ отчаянія, въ которомъ просьба и приказаніе соединялись въ одно грозное цѣлое. Крикъ этотъ просилъ и приказывалъ ему спасти знамя. Среди облаковъ чернаго дыма взоры нашихъ друзей встрѣтились. Они поняли другъ друга: все было потеряно, оставалось только умереть.....

— Ихъ слишкомъ много, едва слышно произнесъ Малеперъ.

Между тѣмъ пруссаки были ужь готовы отнять знамя у оставшейся въ живыхъ горсти старыхъ гренадеръ. Нужно было во что бы то ни стало отстоять его. Если защитить невозможно—необходимо его уничтожить... Фужерель опустилъ знамя, оборвалъ шелковую матерію и передалъ ее Малеперу со словами:

— Зарой его въ землю!

Тутъ же, у ихъ ногъ, среди труповъ убитыхъ и раненыхъ валялось сломанное ружье. Малеперъ вырылъ этимъ ружьемъ въ мягкой землѣ глубокую яму, бросилъ въ нее клочки шелковаго знамени, покрылъ ихъ землею и, притоптавъ ногами эту свѣжую могилу съ дорогими остатками, съ чувствомъ гордости, присущимъ человѣку, исполнившему свой долгъ, поднялъ голову и спокойно смотрѣлъ на толпу все ближе подступавшихъ враговъ. Фужерель, зорко слѣдившій за работою своего друга, увидѣвъ, что знамя спрятано отъ непріятеля и никогда ему не достанется, крикнулъ звучнымъ голосомъ:

— Да здравствуетъ Франція! Теперь можно умирать!

И оба, среди криковъ радости и стоновъ побѣжденныхъ, счастливые тѣмъ, что спасли свое знамя отъ позора, бросили оставшуюся палку въ лицо стрѣлявшимъ въ нихъ пруссакамъ.....

Только отрядъ Камброна оставшійся въ живыхъ, окруживъ Наполеона, желающаго найти смерть вмѣстѣ со своими храбрыми воинами, — только онъ одинъ, среди павшихъ товарищей, гордо поднималъ голову. Послѣдніе солдаты великой арміи готовы были умереть, но сдаться — никогда!..

Фужерель и Малеперъ оставлены были на полѣ сраженія среди умершихъ отъ ранъ и убитыхъ. Воздухъ, пропитанный запахомъ дыма и парами теплой крови, удушливая атмосфера на-

Картина Г. ВЕРТГЕЙМЕРА.

Дѣвушка съ гусями.

Картина Ж. БЕРГЕРА.

Художественный плафонъ.

полненная сыростью, гнилыми міазмами, земля, пропитанная кровью, стоны умирающихъ товарищей и враговъ, ржаніе раненыхъ лошадей,— все это одуряющимъ образомъ подѣйствовало на нашихъ тяжело раненыхъ друзей. Они, долгое время принимаемые за убитыхъ, лежали подъ открытомъ небомъ, что еще сильнѣе подѣйствовало на состояніе ихъ здоровья. Когда, наконецъ, убѣдившись, что они не убиты, а только ранены, ихъ перенесли въ сосѣдній хуторъ — они вздохнули немного свободнѣе. Крестьяне, принявшіе ихъ на излеченіе, ухаживали за ними, какъ могли и какъ умѣли. Къ этимъ добрымъ людямъ наши капитаны попали съ пустыми карманами, въ разорванномъ платьѣ, безъ гроша за душою, такъ что, выздоровѣвъ, они были принуждены пѣшкомъ возвращаться на родину. Во все время этого путешествія ихъ никакъ нельзя было принять за офицеровъ, до того они были похожи на нищихъ. Но какое имъ было дѣло, за кого ихъ принимаютъ? Они были счастливы, зарывъ въ землю, скрывъ отъ непріятеля свое единственное сокровище, обожаемое больше всего на свѣтѣ: знамя. Вѣдь, этотъ трехцвѣтный кусокъ матеріи былъ олицетвореніемъ ихъ народной чести, самимъ дорогимъ отечествомъ!

И сколько разъ наши капитаны вспоминали страшный вечеръ, когда среди павшихъ товарищей они, со шпагой въ рукѣ, бѣшено рвались впередъ для защиты своего императора. Сколько разъ они вспоминали ту минуту, въ которую похоронили честь своего полка, предали землѣ знамя, чтобы оно не попало въ руки врага.

При каждомъ такомъ воспоминаніи, Фужерель и Малеперъ гордо подымали головы и, подавая другъ другу руки, говорили:

— Не взяли его! Не найдутъ его! У нихъ нѣтъ знамени старой гвардіи!

Эта увѣренность была ихъ утѣшеніемъ. Эти лишніе люди могли съ гордостью говорить про себя, что они, а не кто другой, спасли честь полка, честь старой гвардіи, а слѣдовательно и честь отечества. Вотъ почему, сколько разъ старики капитаны заговаривали о прошломъ, а это случалось очень часто, столько разъ они улыбались какою-то особенною, полною счастія улыбкою. Фужерель потиралъ руки, а Малеперъ замѣчалъ:

— Ну, дружище! Рюмочку мадеры въ честь знамени! Въ этомъ не смѣешь ему отказать!

И тихо, мирно текла жизнь стариковъ въ Вернонѣ. Оба довольные собой, увѣренные въ томъ, что исполнили свой долгъ, что спасли «честь Франціи», Фужерель и Малеперъ не питали другого чувства къ людямъ, кромѣ любви.

Въ одинъ изъ праздниковъ наши друзья, по обыкновенію отобѣдавъ въ гостинницѣ, отправились въ кафе, чтобы прочесть газету и выпить «свою» рюмочку. Здѣсь за «столомъ капитановъ» Фужерель и Малеперъ заняли свои мѣста. Первый, покуривая трубочку и раздумывая о чемъ-то, слѣдилъ за игрою на бильярдѣ, а Малеперъ просматривалъ только что присланныя парижскія газеты. Внезапно чтецъ измѣнился въ лицѣ, пальцы его руки судорожно сжали газетный листъ, который съ шумомъ упалъ на его колѣни. Фужерель съ удивленіемъ и безпокойствомъ смотрѣлъ на своего друга, который поблѣднѣлъ, какъ полотно; губы его дрожали, по всему было видно, что старикъ переживаетъ одну изъ самыхъ скверныхъ минутъ. Онъ походилъ на задыхающагося.

— Что съ тобою, Малеперъ? спросилъ Фужерель, испуганный страннымъ видомъ своего товарища.

— Что со мной?! съ какою-то горечью повторилъ Малеперъ. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но отъ сильнаго волненія голосъ его замиралъ въ груди. Поднявъ газету, Малеперъ сказалъ:

— Прочти!

Фужерель безнадежно кивнулъ головою, думая, что кто нибудь изъ ихъ старыхъ товарищей отошелъ въ вѣчность и хотѣлъ узнать только фамилію того, кто на вѣки простился съ ними, какъ вдругъ, бросивъ взглядъ на указанныя Малеперомъ строки, онъ почувствовалъ дрожь во всемъ тѣлѣ. Кровь хлынула ему въ голову, Фужерель остолбенѣлъ. Прошла минута гробового молчанія.

— Можетъ ли быть? произнесъ онъ наконецъ.—Какъ? Оно у нихъ?..

— Прочти! повторилъ едва слышно Малеперъ.

Фужерель прочелъ ужасныя слова.

Это было извѣстіе, перепечатанное изъ одной берлинской газеты.

Вотъ оно:

«На дняхъ окончена поправка памятника Фридриха Великаго въ Гарнизонъ-Кирхѣ въ Потсдамѣ. Памятникъ разукрашенъ французскими знаменами, отнятыми у французовъ въ сраженіи у Ватерлоо. Между ними находятся: орелъ драгунъ императрицы и знамя перваго полка гвардейскихъ гренадеръ».

— Знамя! вскричалъ Фужерель, бросивъ газету.—У нихъ наше знамя!

— Не все еще, прибавилъ Малеперъ, не сводя глазъ со своего друга.

Фужерель читалъ:

«Это послѣднее... (Наше знамя! вздохнулъ Фужерель) найдено на полѣ сраженія 15 іюня 1815 года. Гренадеры разорвали его и зарыли въ землю. Только на слѣдующій день, при рытіи ямъ для погребенія труповъ, удалось найти куски шелковой матеріи гренадерскаго знамени. Княгиня Гогенлоэ собственноручно сшила этотъ замѣчательный трофей, который въ настоящее время украшаетъ памятникъ нашего великаго Фридриха».

— Знамя, наше знамя! повторялъ Фужерель, тронутый до слезъ этимъ неожиданнымъ извѣстіемъ.—Нашли его, взяли его! Ахъ, чортъ возьми, взяли его, оно у нихъ!.. И какъ они это пишутъ?.. «Украшаетъ памятникъ ихъ Фридриха»!.. Да, Малеперъ, прибавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія,—да, дожили мы до позора!..

— Да, да, повторялъ Малеперъ. Губы его лихорадочно дрожали.

Какое разочарованіе! Какое страшное пробужденіе! Эта мысль, эта увѣренность, что среди крушенія великой арміи имъ удалось спасти честь ея, что они не дали непріятелю права гордиться пораженіемъ перваго полка гвардейскихъ гренадеръ,—эта одна мысль, болѣе двадцати лѣтъ утѣшавшая ихъ, вдругъ оказалась миражемъ, пустою мечтой... Увѣренность, что они спасли разорванное знамя, въ жизни ихъ была необходимостью, безъ которой жизнь становилась невыносимою, невозможною. Извѣстіе берлинской газеты въ одно мгновеніе уничтожило, унесло куда-то все спокойствіе ихъ жизни... Имъ, старымъ служакамъ, казалось теперь, что фамиліи ихъ внесены въ позорный списокъ измѣнниковъ отечеству, предателей...

«Наше знамя въ рукахъ у враговъ!» Одна эта фраза, повторяемая безчисленное число разъ, занимала ихъ, не давала покоя, мучила ихъ... Они до того забылись, что не слышали девяти ударовъ башенныхъ часовъ и, Богъ знаетъ, какъ долго оставались бы въ гостинницѣ, еслибы лакей не замѣтилъ имъ:

— Уже десять часовъ, господа капитаны.

Первый разъ въ жизни они пробыли въ гостинницѣ до такого поздняго часа. На возвратномъ пути, все раздумывая о печальномъ извѣстіи, оба воина молчали. На прощаньи, пожимая другъ другу руки, оба товарища высказали взглядами ту сердечную, жгучую боль, которая не позволяла имъ и слова выговорить. Лежа въ постели они долго не могли уснуть. Каждому изъ нихъ казалось, что видитъ передъ собою слова проклятой статьи, разбившей, уничтожившей все ихъ счастіе.

На слѣдующій день всѣ встрѣчавшіе капитановъ на прогулкѣ замѣтили, что старики сильно измѣнились. «Должно быть, случилось что-нибудь непріятное со стариками», говорили они. Фужерель съ видимой злостью постукивалъ палкой, какъ бы выражая этимъ угрозу кому-то отсутствующему, а Малеперъ шевелилъ губами, время отъ времени произнося какія-то невнятныя слова. Погода стояла прекрасная. Наши капитаны этого и не замѣчали. Если бы кто нибудь спросилъ ихъ, свѣтитъ ли солнце, они затруднились бы отвѣтомъ. Во все время прогулки они ни слова не произнесли о знамени. Такъ часто дѣлаютъ родители, избѣгая разговора о потерѣ дорогого ребенка.

Въ гостинницѣ всѣ были изумлены, услышавъ отказъ Малепера выпить рюмку вина передъ обѣдомъ.

— Благодарю тебя, пить не буду! сказалъ Малеперъ лакею, поставившему передъ нимъ на подносѣ рюмку хереса, какъ это онъ дѣлалъ обыкновенно не дожидаясь приказанія Малепера.

Лакей съ удивленіемъ смотрѣлъ на капитана.

— Съ сегодняшняго дня я вовсе пить не буду, прибавилъ Малеперъ.

— Вѣдь ты говорилъ, замѣтилъ Фужерель,— что не можешь обѣдать безъ вина?...

— Да... прежде! отвѣчалъ Малеперъ.

— Прежде?... Да вѣдь это значитъ вчера.

— Цѣлая пропасть раздѣляетъ сегодняшній день отъ вчерашняго...

— Это правда! согласился Фужерель.

Когда за обѣдомъ Малеперъ отказался отъ вина, всѣ присутствующіе съ искреннимъ участіемъ обратились къ нему съ вопросомъ: не боленъ ли онъ? Это предположеніе легко было сдѣлать, такъ какъ и Малеперъ и Фужерель были блѣдны и печальны.

Возвращаясь изъ гостинницы Фужерель, самъ этого не замѣчая, напѣвалъ мотивъ какого-то военнаго марша.

— Точно за упокой поешь, замѣтилъ Малеперъ.

— Это больше всего идетъ ко мнѣ сегодня. Все, что во мнѣ еще живо было вчера, сегодня умерло: надежда, радость, вѣра... Да, знаешь вѣдь что?

— Знаю, односложно отвѣтилъ Малеперъ.

Вечеромъ, по обыкновенію, капитаны посѣтили кафе. Лакей недоумѣвалъ, получивъ отрицательный отвѣтъ на вопросъ: прикажутъ-ли, господа капитаны, подать «рюмочки»?

— Не буду пить, сказалъ Фужерель.

— Я тоже, прибавилъ Малеперъ.

— Не прикажете ли, началъ было лакей.

— Съ сегодняшняго дня мы пить не будемъ, въ одинъ голосъ капитаны прервали вопросъ.

Изъ всего было видно, что въ жизни капитановъ случилось что-то печальное, какая-то струна лопнула. Капитаны и странная перемѣна образа ихъ жизни—стали предметомъ многихъ разговоровъ. Посѣтители кафе предположили, хотя безъ основанія, что старые воины заложили половину годичнаго жалованья и потеряли деньги въ какомъ-то неудавшемся предпріятіи. Чтобы, однако, ни говорили жители Вернона, нужно имъ отдать полную справедливость, что перемѣна въ образѣ жизни капитановъ нисколько не уменьшила того уваженія, какимъ съ давнихъ поръ они пользовались у всѣхъ жителей, если не знавшихъ ихъ лично, то по крайней мѣрѣ, встрѣчавшихъ очень часто въ гостинницѣ или на улицѣ. Если и дѣлались въ городѣ разныя догадки на счетъ капитановъ, такъ это просто болталось отъ нечего дѣлать.

Время, между тѣмъ, уходило: годы чередова-

лись годами; воздержность капитановъ вошла у всѣхъ въ пословицу.

Фужерель бросилъ курить. Иногда только, притомъ нужно замѣтить очень рѣдко, онъ вынималъ изъ своего «музея» небольшую трубку, накладывалъ въ нее табаку и, стоя у открытаго окна своей комнаты, наслаждался ароматическимъ дымомъ турецкаго табака. А табакъ нужно было беречь—это были остатки табаку, купленнаго еще до рокового дня, когда онъ рѣшился бросить эту прихоть. Затѣмъ, трубка, какъ ненужное орудіе, пряталась въ музей. Воздержность же Маленера была безусловна: единственнымъ его напиткомъ была вода.

Все это дѣлалось не безъ причины. Каждый изъ нашихъ капитановъ догадывался по какимъ соображеніямъ другой отказываетъ себѣ въ единственномъ удовольствіи. Живя долго вмѣстѣ, раздѣляя и горе и радость, Фужерель и Маленеръ, наконецъ, сжились до того, такъ привыкли другъ къ другу, что думали, безпокоились и болтали почти всегда объ одномъ и томъ же. Они безъ словъ понимали другъ друга: иногда достаточно было одного взгляда, одного движенія, чтобы они вполнѣ поняли другъ друга. Въ такихъ случаяхъ мысль какъ бы раздваивается или, вѣрнѣе сказать, двѣ мысли составляютъ одну: одна душа живетъ въ двухъ тѣлахъ. Фужерель и Маленеръ не говорили ни слова о своихъ намѣреніяхъ, а все-таки они взаимно понимали другъ друга, какъ бы инстинктивно угадывали свои мысли.

Задушевная мечта обоихъ друзей, о которой они ни слова не сказали другъ другу, храня ее въ потаенныхъ уголкахъ своихъ сердецъ и окружая глубокимъ молчаніемъ и тишиною,—принадлежала къ числу тѣхъ любимыхъ желаній, которыя поглощаютъ, охватываютъ все существо человѣка, составляя единственную цѣль его жизни. Такія желанія бываютъ велики и невозможны въ одно и тоже время: онѣ похожи на желаніе открытія новыхъ міровъ, всемірнаго счастія или чего нибудь подобнаго. Каждый изъ двухъ капитановъ рѣшилъ, что нужно, необходимо ѣхать въ Потсдамъ, какъ только удастся скопить необходимыя на эту поѣздку средства, и тамъ взять, украсть, разорвать, сжечь, истребить—одному Богу извѣстно какимъ способомъ—то знамя перваго полка старыхъ гренадеръ, которое теперь приводитъ въ восторгъ толпы любопытныхъ нѣмцевъ. Мысль объ этой поѣздкѣ родилась въ головахъ Фужереля и Маленера въ одно и тоже время, въ тотъ самый день, когда они узнали, что защищенное отъ позора ихъ собственной грудью знамя служитъ лучшимъ украшеніемъ памятника Фридриха Великаго въ Потсдамѣ, что имъ, ихъ дорогимъ знаменемъ, гордятся нѣмцы. Не было силы во всемъ мірѣ, не было средства, способнаго остановить капитановъ на пути къ осуществленію своего проекта или способнаго доказать имъ его невозможность. Они были глубоко убѣждены, что этого требуетъ отъ нихъ долгъ стараго солдата. Совѣсть—эта чуткая ко всему совѣсть старыхъ гренадеръ—повелѣвала имъ какъ можно скорѣе исполнить это намѣреніе... «Какой же это солдатъ, думали они, оставляетъ свое знамя въ рукахъ у непріятеля»? Что они все еще оставались въ Нормандіи, можно приписать только одному: недостатку средствъ. Въ то время поѣздка изъ Вернона въ Потсдамъ обходилась не дешево, а капитаны не были богаты. Вотъ почему старые гвардейцы, не говоря ничего другъ другу о своихъ намѣреніяхъ, рѣшили отказать себѣ въ нѣкоторыхъ удовольствіяхъ для того, чтобы копить сберегаемыя деньги, изъ которыхъ современемъ должна была образоваться необходимая для поѣздки въ Потсдамъ сумма.

Нѣсколько лѣтъ прошло со времени печальнаго извѣстія, перепечатаннаго изъ нѣмецкихъ газетъ, а собираемые по грошамъ капиталы еще не достигли желаемой и необходимой цифры. Трудно описать радость стариковъ-воиновъ, когда, наконецъ, они убѣдились, что собранныя мелкія серебрянныя монеты, промѣненныя на нѣсколько золотыхъ монетъ, составляютъ какъ разъ сумму необходимую для поѣздки въ Потсдамъ. Убѣдившись въ этомъ, оба капитана рѣшили объявить другъ другу тайну, какъ казалось каждому изъ нихъ, не совсѣмъ хорошо извѣстную другому. Это былъ радостный, свѣтлый день въ жизни нашихъ друзей.

— Я давно угадалъ твою тайну, дружище, говорилъ Фужерель своему товарищу.

— И я зналъ, что ты задумалъ, сказалъ Маленеръ,—но ты былъ такъ счастливъ, когда на мой вопросъ, почему ты бросилъ курить, ты отвѣчалъ: «да, такъ себѣ», что я и не хотѣлъ больше разспрашивать...

— Обманщикъ! шутилъ Фужерель,—вѣдь ты увѣрялъ, что не любишь мадеры!

— И это правда, мой другъ. Дѣйствительно, я теперь не люблю мадеры... Все мнѣ опротивѣло... Я думаю только о нашемъ знамени, которое нужно взять у нихъ обратно. Это единственная моя мечта, единственное желаніе... Да, по правдѣ сказать, воздержность еще никого не убила. Если бы я съ того рокового дня позволилъ себѣ хоть полъ-франка издержать на вино, мнѣ кажется оно бы обожгло мнѣ ротъ, потому что это были бы краденыя деньги у моей копилки...

— У тебя была копилка, смѣялся Фужерель,—я такъ просто пряталъ въ бумажку...

— А много ли приберегъ?

— Девятьсотъ франковъ!

— Я, тысячу триста!

— О Крезъ! воскликнулъ Фужерель,—да, какъ это ты съумѣлъ такъ много скопить?

— Я только размѣнялъ купонъ, безполезно валявшійся въ моемъ кошелькѣ, улыбнулся Маленеръ,—и сразу пріобрѣлъ пятьсотъ франковъ!

— Славный же ты малый! засмѣялся Фужерель.—Ну, поцѣлуй же меня!

Приказаніе немедленно было исполнено.

— Какъ это хорошо понимать другъ друга! послѣ минутнаго молчанія произнесъ Маленеръ. — Вѣдь и тебѣ жизнь была бы въ тягость, зная что оно тамъ?

— Оно у насъ будетъ, у насъ! Не позволимъ же, мы ругаться надъ нашимъ знаменемъ!

— Когда же ѣдемъ?

— Я готовъ хоть завтра!

— Отлично! Завтра такъ завтра. У меня паспортъ въ карманѣ.

— Вотъ еще почему, добавилъ Фужерель,—до Потсдама далеко, а задача не легкая... Иному она, пожалуй, показалась бы и смѣшной! Да объ этомъ нечего и толковать... Если бы мы этого не сдѣлали теперь, тогда ужь лучше сразу нужно было отъ нея отказаться, да и жить себѣ, точно животное, безъ горя и радости, глупо прозябать... Нѣтъ, нѣтъ, ѣдемъ, не теряя времени...

Передъ отъѣздомъ старые капитаны приводили все въ порядокъ: укладывали въ комоды старые мундиры съ почернѣлыми эполетами, бѣлье, кое-какія книги. Фужерель, хранившій всѣ свои мундиры, начиная съ унтеръ-офицерскаго, осматривалъ ихъ съ истинною любовью. Каждая мелочь, каждое пятно возбуждали въ его памяти образы изъ прошлой, славной жизни... Эти уцѣлѣвшіе остатки мундировъ и эполетъ—это вѣдь исторія его жизни! Сложивъ ихъ въ одинъ комодъ вмѣстѣ съ вещами Маленера, среди которыхъ крестъ почетнаго легіона занималъ первое мѣсто, Фужерель заперъ ящикъ и отдалъ его старушкѣ-хозяйкѣ, у которой они нанимали квартиру, со словами:

— Въ случаѣ, если бы мы не возвратились, продайте все это, а деньги раздайте бѣднымъ...

— Батюшки-свѣты, что это вы воевать собираетесь? спрашивала не на шутку испуганная хозяйка.

— Что-то въ этомъ родѣ, отвѣтилъ Фужерель.

Не легко имъ было оставлять любимый городокъ, въ которомъ жилось такъ уютно, такъ удобно!.. Они испытывали какое-то странное чувство, не то печальное, не то радостное. Чувство страха и радости, испытываемое ими столько разъ въ жизни передъ войною имѣло много общаго съ тѣмъ, что они испытывали, оставляя теперь Вернонъ. Имъ казалось, что ихъ зоветъ въ дорогу какой-то могучій и сильный голосъ... Повиноваться ему, повиноваться безпрекословно они считали своимъ долгомъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Рафаэль.

(Рис. въ № 36, стр. 188.)

Художникъ Массаренти не придалъ своему Рафаэлю ходячаго типа болѣзненнаго, изможденнаго юноши, подъ которымъ принято изображать великаго творца Мадонны Сикстинской. Если даже и справедливо преданіе, согласно которому Рафаэль погибъ вслѣдствіе потери крови, вызванной излишествомъ молодости, то и этого еще недостаточно для того, чтобы усвоить ему, съ юныхъ лѣтъ, ту болѣзненную наружность, которою его обыкновенно награждаютъ живописцы и скульпторы. Но совершенно ли достовѣрно и вышесказанное преданіе? Рафаэль, умирая, былъ заваленъ работою: сверхъ своихъ картинъ, онъ занимался архитектурными трудами и наблюдалъ за раскопками и коллекціями древнихъ произведеній. Трудно представить себѣ, чтобы человѣкъ, принявши на себя столько занятій, былъ изнѣженнымъ существомъ или обладалъ отъ природы слабымъ тѣлосложеніемъ, неспособнымъ выдержать никакого усилія.

Давно уже сказано, что стиль выражаетъ самого человѣка. Стиль Рафаэля полонъ не только граціи, но и силы; онъ служитъ въ искуствѣ какъ бы выраженіемъ всего очарованія, заключеннаго въ юности,—юности милой, привлекательной, поэтичной, но и здоровой: его ангелы и мадонны не походятъ на существа, сотканныя изъ одного райскаго дуновенія; они воплощаютъ въ себѣ свѣжесть и могучесть, подобно тому, какъ была свѣжа, здорова и могуча сама кисть Рафаэля.

Такъ понялъ великаго художника Массаренти, и его Рафаэль, при всей своей миловидности, дѣлаетъ впечатлѣніе здороваго, сильнаго, хорошо сложеннаго юноши, которому не зачѣмъ худѣть и принимать умирающій видъ для того, чтобы найти высокое вдохновеніе.—Статуя Массаренти имѣла большой успѣхъ на филадельфійской выставкѣ.

Лѣсная нимфа.

(Рис. въ № 36, стр. 193.)

Картина Берсо обратила на себя общее вниманіе знатоковъ на парижской выставкѣ. Свѣжая прелесть и обворожительность формъ женскаго тѣла, переданы художникомъ въ совершенствѣ и въ полномъ гармоническомъ сочетаніи съ нѣжной очаровательностію лѣсной тиши, окружающей красавицу. Цѣломудренныя лѣсныя нимфы чтились древними греками, какъ богини, и дерзновенный глазъ смертнаго лишь украдкою проникалъ въ ихъ убѣжища. Нимфа, изображенная на нашемъ рисункѣ, сидитъ тихо и покойно подъ зеленымъ древеснымъ покровомъ, который защищаетъ ее отъ нескромнаго взора; вода съ любовнымъ шепотомъ струится у ея ногъ... Ху-

дожникъ съумѣлъ какъ бы вырвать страницу изъ прелестнаго лѣсного разсказа...

Судебная ошибка.

Романъ **Ф. Буагобея**. Переводъ **С. И. Воскресенской**.

(*Продолженіе.*)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава II.

Индѣйскіе князья встаютъ не рано у себя на родинѣ, и Джаферъ не измѣнялъ этой привычкѣ. Онъ оставался невидимымъ до полудня и вѣрный Али, спавшій всегда у порога его спальни, не пропускалъ къ своему владыкѣ никого, прежде чѣмъ тотъ снималъ запрещеніе. Сановитые азіятцы имѣютъ тоже привычку обѣдать наединѣ; поэтому слуги гостинницы только приносили кушанья въ нумеръ, ставили ихъ на столъ и почтительно удалялись; одинъ только Али имѣлъ честь прислуживать его свѣтлости и питался потомъ остатками отъ его трапезы, всегда очень обильными, потому что Джаферъ заказывалъ ежедневно обѣдъ на нѣсколько человѣкъ.

Такимъ образомъ, индѣецъ и его слуга вели очень уединенную жизнь, нисколько не теряя отъ этого въ уваженіи прислуги, болѣе наклонной презирать тѣхъ, которые сближаются съ нею.

При появленіи какого-нибудь гостя или просителя,—а эти послѣдніе были не рѣдки, потому что они мигомъ пронюхиваютъ о пріѣздѣ богатыхъ иностранцевъ,—Али безмолвно бралъ подаваемую ему карточку, относилъ ее къ своему господину и потомъ возвращался, съ тѣмъ же безмолвіемъ, за лицомъ, желавшимъ видѣть набоба. Этотъ церемоніалъ исполнялся также непреложно, какъ и вся дневная программа набоба, который выѣжалъ или скрывался въ свою спальню всегда въ опредѣленные часы, проводя, по предположенію слугъ, большую часть дня въ куреніи трубки.

На другой день, послѣ вечера у Арабеллы Дизни, мнимый набобъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и отдавалъ нѣкоторыя приказанія Пьедушу, когда въ прихожей раздался звонокъ. Пьедушъ пошелъ принять посѣтителя, между тѣмъ какъ Лекокъ принялъ на своей софѣ величественную позу, достойную набоба багурскаго. Черезъ минуту, Пьедушъ, вѣрный своей роли, ввелъ въ комнату человѣка, наружность котораго не располагала въ его пользу. Бородатый, косматый, сморщенный какъ старое яблоко, одѣтый бѣдно, почти нищенски, въ грязномъ сюртукѣ, точно снятомъ съ чужихъ плечъ, и безъ всякаго признака бѣлья, этотъ странный господинъ отличался еще неопредѣленностью возраста. Рѣшительно нельзя было сказать, молодъ онъ или старъ. Нижняя часть его лица была совершенно закрыта всклокоченною бородою, а глаза прятались за огромными зелеными очками. Эта непривлекательная внѣшность дополнялась сутуловатыми плечами и кривыми ногами.

Набобъ посмотрѣлъ на гостя и тотчасъ же рѣшилъ, что передъ нимъ переодѣтый и гримированный человѣкъ. Пьедушъ, съ своей стороны, успѣлъ незамѣтно бросить своему патрону взглядъ, въ которомъ говорилось: «будьте на сторожѣ!»

— Ваша свѣтлость, произнесъ глухимъ голосомъ гость,—фамилія моя: Гольцъ, и я являюсь къ вамъ отъ имени г. Толбіака.

— Да, я знаю, отвѣчалъ Лекокъ, съ совершенно княжескимъ видомъ.—Садитесь.

Гольцъ присѣлъ на край кресла, поставилъ шляпу себѣ на колѣни, нюхнулъ табаку изъ деревянной табакерки, высморкался громко, съ помощью клѣтчатаго платка, и началъ:

— Ваша свѣтлость, г. Толбіакъ объяснилъ мнѣ, чего вы желаете. Моя спеціальность состоитъ именно въ отысканіи отсутствующихъ лицъ и затерянныхъ наслѣдствъ. Я могу сослаться на нѣсколько успѣховъ... даже весьма неожиданныхъ успѣховъ въ этихъ дѣлахъ. Я надѣюсь, поэтому, что мнѣ удастся удовлетворить вашему великодушному намѣренію осчастливить наслѣдниковъ покойнаго маіора О'Сюлливана.

— Мнѣ говорили, что вы очень искусны, сказалъ набобъ, съ цѣлью затянуть разговоръ, чтобы лучше изучить посланца Толбіака.

— Я люблю говорить прямо, чтобы не терять времени, продолжалъ Гольцъ,—и потому скажу вамъ, что дѣла подобнаго рода обходятся не дешево. Приходится писать, наводить справки, разсылать агентовъ... Такъ, напримѣръ, недавно, при хлопотахъ по одному наслѣдству Роже, мнѣ пришлось добывать метрическія свидѣтельства всѣхъ Роже во Франціи, и даже заграницей. Но лицо, заинтересованное въ полученіи наслѣдства, дало мнѣ впередъ на расходы...

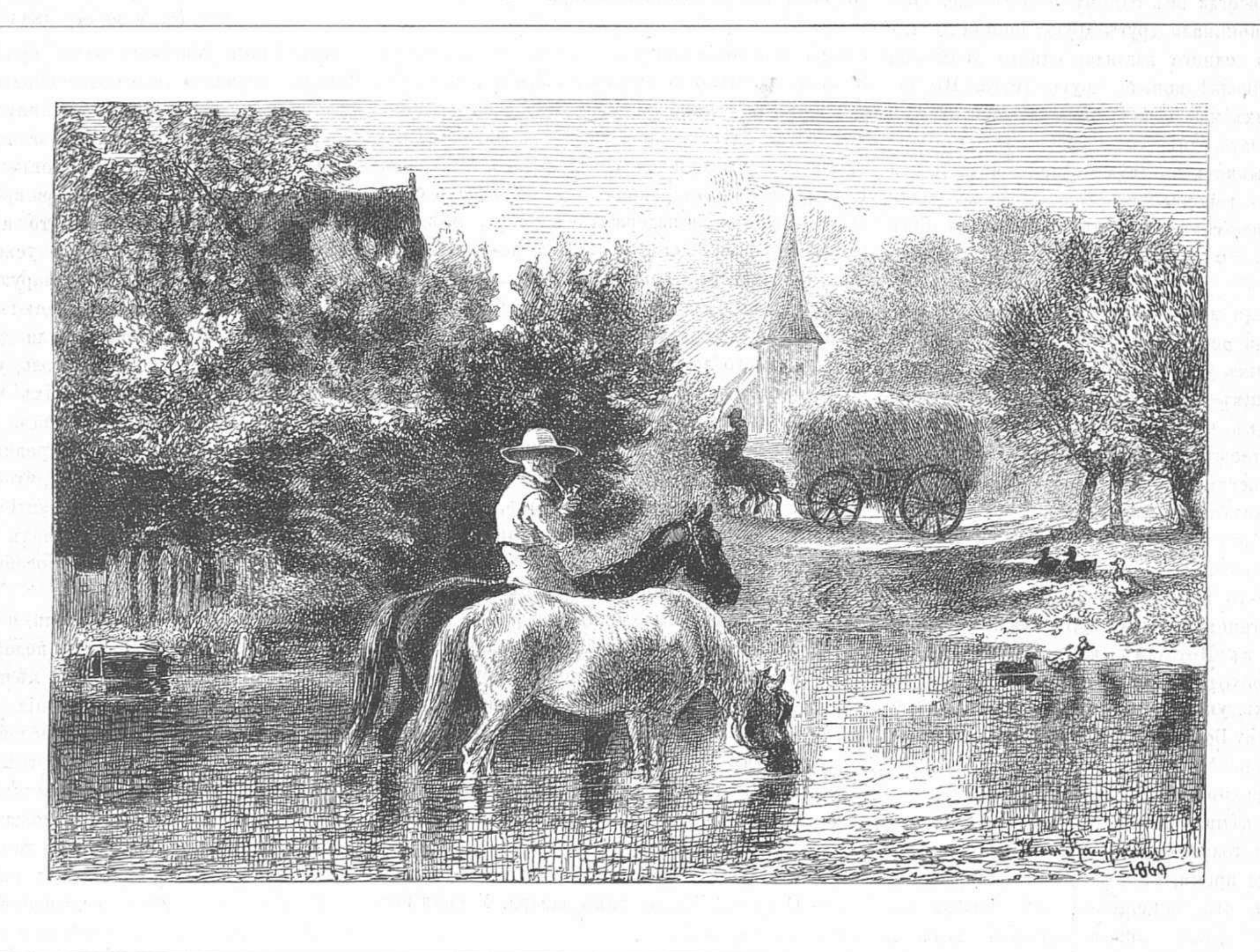
«Иначе и не могло быть, замѣтилъ набобъ, поглядывая на измятую шляпу агента. Тотъ понялъ намекъ и возразилъ развязно:

— Ваша свѣтлость, полагаете, конечно, что я слишкомъ бѣденъ для того, чтобы найти необходимыя деньги у себя? Позвольте мнѣ васъ разувѣрить. Я одѣтъ некрасиво, это правда, но при этомъ у меня свой разсчетъ. Если бы я щеголялъ, меня не принимали бы за человѣка надежнаго. Я хожу въ поношенномъ платьѣ, потому что не хочу, чтобы меня смѣшивали съ тѣми, которыя надуваютъ народъ съ помощью своего портного. Но хотя я не богачъ, то все же человѣкъ съ достаткомъ, и если я прошу своихъ кліентовъ выдавать мнѣ впередъ сумму на расходы, то это опять вслѣдствіе системы: по моему убѣжденію всѣ поиски должны совершаться на счетъ того, кто надѣется получить большіе барыши.

— Съ моей стороны затрудненій не будетъ, сказалъ набобъ съ улыбкою.—Довольно вамъ для начала десять тысячъ франковъ?

— Совершенно достаточно! отвѣчалъ Гольцъ. —Когда эти деньги у меня выйдутъ, я представ-

Рисунокъ КАУФМАНА.

Осенній вечеръ.

лю вамъ полный отчетъ о томъ, куда я ихъ употребилъ... и если придется сдѣлать еще какой-нибудь расходъ, то вы прибавите, что потребуется.

— Согласенъ, сказалъ индѣецъ, запуская руку подъ подушку дивана и вынимая оттуда пачку банковыхъ билетовъ, заколотыхъ булавкою.— Примите.

Гольцъ живо протянулъ руку, схватилъ деньги и сунулъ ихъ въ карманъ своего порыжѣлаго сюртука.

Совершая это движеніе съ замѣчательной быстротою, онъ нагнулъ голову, и набобъ успѣлъ въ это мгновеніе увидать, поверхъ очковъ, настоящіе глаза Гольца.

— Понимаю теперь! сказалъ онъ про себя.— И такъ, продолжалъ онъ громко,—я могу надѣяться, что вы въ скоромъ времени сообщите мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о семействѣ, которымъ я интересуюсь?

— Въ весьма скоромъ, ваша свѣтлость. Мои агенты не мѣшкаютъ и разсѣяны по всему міру... У меня есть основаніе полагать, что потомки О'Сюлливана живутъ во Франціи или въ Англіи. Но прежде, чѣмъ приступить къ дѣлу, позвольте мнѣ предложить вамъ одинъ вопросъ.

— Сколько угодно, но позвольте мнѣ тоже прежде, чѣмъ я вамъ отвѣчу, дать одно порученіе моему управляющему.

Съ этими словами набобъ всталъ, медленно направился въ гостиную и вышелъ въ переднюю, не забывъ притворить за собою наглухо дверь. Али стоялъ здѣсь неподвижно, какъ подобало восточному слугѣ. Лекокъ подошелъ къ нему и сказалъ ему вполголоса:

— Знаешь ты, кто этотъ молодецъ?

— Агентъ Толбіака, извѣстно! отвѣтилъ тѣмъ же шепотомъ Пьедушъ.

— Лучше, мой любезный. Это самъ Толбіакъ.

— Что вы! Толбіакъ не старъ, не сутуловатый, волосъ у него мало...

— Онъ. Я совершенно увѣренъ.

— Въ такомъ случаѣ, честь ему и слава! Онъ такъ мастерски состряпалъ себѣ рожу, что его не узнаютъ въ самой префектурѣ!

— Можетъ быть, но я-то старый воробей, меня не проведешь, я успѣлъ разсмотрѣть его глаза, когда онъ нагнулся, этого было довольно.

— Хорошо... А что̀, если и онъ васъ узналъ?

— Никакимъ образомъ! Я провелъ съ нимъ три часа въ комнатѣ, освѣщенной сорока свѣчами, и выдержалъ самое строгое повѣрочное испытаніе съ его стороны. Повѣрь, что онъ считаетъ меня заправскимъ набобомъ; иначе, если бы онъ догадывался, что я Лекокъ, онъ не посмѣлъ бы играть со мною комедію.

— Но отчего онъ явился самъ, а не подослалъ къ вамъ кого-нибудь? Это было бы для него безопаснѣе.

— Онъ не хочетъ вмѣшивать никого въ это дѣло, что служитъ лучшимъ подтвержденіемъ того, что я напалъ на хорошій слѣдъ. Если бы наслѣдство маіора не было драгоцѣнно для самого Толбіака, онъ не трудился бы такимъ образомъ... Но будетъ разговаривать... онъ еще, пожалуй, подслушиваетъ...

— Немного пойметъ; мы говоримъ шепотомъ.

— Ладно, все же надо поторопиться... Сколько времени нужно тебѣ для того, чтобы вымыться, переодѣться въ порядочнаго буржуа и поспѣть на бульваръ, противъ нашего отеля?

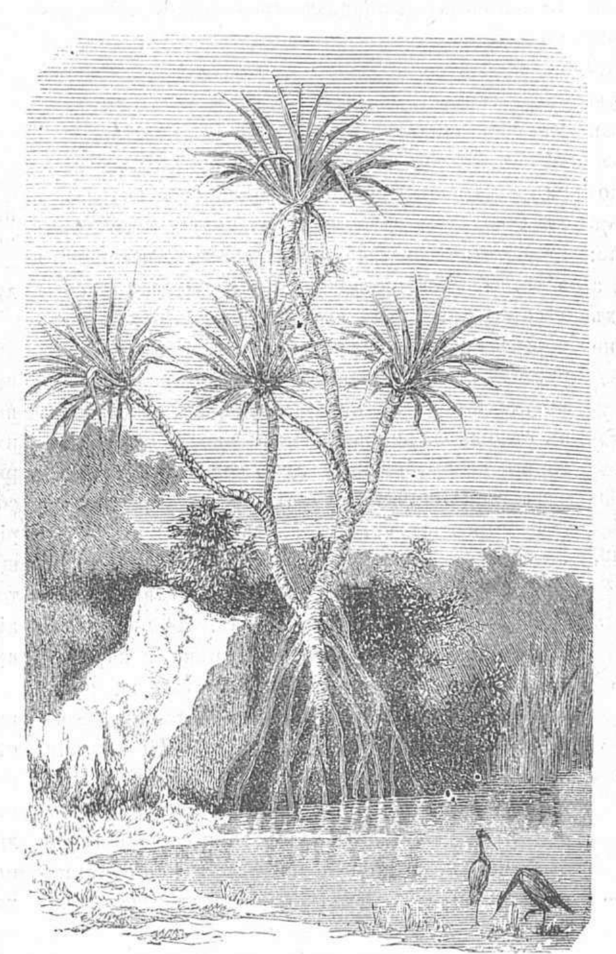
— Двадцать минутъ, ваша милость. Эта черная краска, которой я мажу себѣ физіономію, держится какъ чортъ знаетъ что! Если бы только переодѣться, то это я мигомъ, но на перемѣну цвѣта лица требуется долгое время.

— Не безпокойся, я задержу его двадцать пять минутъ. Какъ видишь, тебѣ дается еще пять лишнихъ. Но когда онъ выйдетъ на тротуаръ, ты не выпустишь его изъ вида... Я увѣренъ, что онъ направится не домой, въ улицу Годо, а куда-нибудь въ особое мѣстечко, гдѣ онъ мѣняетъ свою кожу... Еслибы намъ только открыть это мѣсто, я убѣжденъ, что мы увидали бы тамъ много интереснаго! Смотри же, не зѣвай!

Съ этими словами набобъ отворилъ тихонько дверь передней и воротился через гостиную въ кабинетъ. Гольцъ по прежнему сидѣлъ на кончикѣ кресла и привскочилъ при входѣ индѣйца. Тотъ сдѣлалъ ему знакъ снова сѣсть, занялъ свое прежнее мѣсто на диванѣ и сказалъ привѣтливо:

— Вы намѣревались что-то сказать?

— Точно такъ, ваша свѣтлость. Вы изволили объяснить г. Толбіаку, который передалъ это

Панданы.

мнѣ, что вы намѣреваетесь обогатить потомство маіора О'Сюлливана; г. Толбіакъ замѣтилъ вамъ, что покойный оставилъ десять милліоновъ франковъ, которые, по закону, должны достаться ближайшему изъ наслѣдниковъ по боковой линіи; тогда вы сказали, ваша свѣтлость, что вы раздѣлите свои богатства между тѣми родственниками маіора, которые останутся бѣдными...

— Это вѣрно.

— Прекрасно и, какъ слѣдуетъ предположить, родственниковъ этихъ найдется не мало. Но представимъ такой случай: всѣ они вымерли за исключеніемъ одного, который, такимъ образомъ, будетъ уже богатъ, получивъ милліоны маіора. Какъ вы поступите тогда?

Набобъ задумался на минуту и потомъ произнесъ съ разстановкою:

— Признаюсь вамъ, такая возможность не приходила мнѣ въ голову... Я полагалъ, что въ родѣ, состоявшемъ изъ четырехъ отраслей, непремѣнно окажется болѣе одного потомка... И, признаюсь вамъ, это было бы для меня пріятнѣе, потому что мое состояніе позволяетъ мнѣ осчастливить большое число людей... Но, разумѣется, надо все предвидѣть. Что же, если кровь О'Сюлливана течетъ теперь въ жилахъ только одного человѣка, это не можетъ служить поводомъ къ тому, чтобы я лишилъ его выраженій моей признательности. Я обогащу этого человѣка.

Говоря такимъ образомъ, мнимый набобъ не спускалъ глазъ съ своего собесѣдника и замѣтилъ на его лицѣ выраженіе удовольствія: Гольцъ выпрямился даже, какъ человѣкъ, съ груди котораго спало тяжелое бремя.

— Будьте увѣрены, ваша свѣтлость, сказалъ онъ,—что я употреблю всѣ усилія...

— А какъ скоро надѣетесь вы успѣть?

— Потребуется-таки время... Сами понимаете, затрудненія громадныя.

— Послушайте, мы не говорили еще объ одномъ, именно о справедливомъ вознагражденіи за ваши труды. Вы сами назначите эту цифру; какова бы она ни была, я соглашаюсь на нее заранѣе, но предлагаю вамъ удвоить ее, если вы успѣете кончить дѣло къ извѣстному сроку, напримѣръ...

— Черезъ мѣсяцъ?

— Я желалъ бы скорѣе: черезъ двѣ недѣли:

— Двѣ недѣли... скоренько! Но я сдѣлаю все, чтобы угодить вашей свѣтлости. И, чтобы не терять ни минуты, ухожу.

Гольцъ всталъ, почтительно поклонился и вышелъ. Но, сойдя съ крыльца, онъ направился къ улицѣ Мира, что было не по дорогѣ къ улицѣ Годо. Это, впрочемъ, нисколько не удивило Пьедуша. Онъ понималъ, что Толбіакъ не захочетъ воротиться домой, не переодѣвшись.

«Куда онъ направляетъ свои шаги? думалъ бывшій № 29, осторожно слѣдя за мнимымъ агентомъ.—Не къ англичанкѣ, потому что та свила себѣ гнѣздо на бульварѣ Гаусманъ... Но маршируй, любезный, куда угодно, я отъ тебя не отстану».

Толбіакъ поворотилъ въ улицу Мира. Пьедушъ перешелъ на другую сторону тротуара, боясь, чтобы онъ его не замѣтилъ; дѣйствительно, Толбіакъ останавливался по временамъ у магазиновъ, какъ бы глазѣя на окна, по исподтишка наблюдалъ за прохожими. Но Пьедушъ разыгрывалъ свою роль тоже мастерски и Толбіакъ спокойно повернулъ въ улицу Огюстенъ. Здѣсь Пьедушъ счелъ болѣе благоразумнымъ отстать немного, потому что эту улица очень узка и въ ней легче замѣтить преслѣдованіе; такимъ образомъ онъ позволилъ Толбіаку уйти шаговъ на двадцать впередъ. Тотъ, повидимому, не торопился особенно, но, подходя къ улицѣ Антенъ, внезапно ускорилъ шагъ; Пьедушъ послѣдовалъ его примѣру, но никакъ не ожидалъ того непріятнаго сюрприза, который былъ ему подготовленъ: по улицѣ Антенъ ѣхалъ пустой фіакръ; Толбіакъ подозвалъ кучера, вспрыгнулъ въ экипажъ и захлопнулъ дверцу.

— Ахъ, подлецъ! пробормоталъ сквозь зубы Пьедушъ.—Онъ не нанялъ фіакра на бульварѣ, потому что ихъ тамъ много и за нимъ могли бы послѣдовать... Выбралъ же такое мѣстечко, гдѣ всего только одинъ экипажъ на лицо!.. Нечего сказать, хитеръ, какъ самъ чортъ!

Фіакръ поворотилъ и направился къ площади Биржи... Какимъ способомъ не упустить его изъ вида, когда по близости не было ни одного экипажа? Пьедушъ былъ готовъ заплакать отъ злобы, но онъ помнилъ, что минуты дороги и потому бросился, не размышляя, вслѣдъ за удаляющимся фіакромъ. Однако, по мѣрѣ того, какъ онъ бѣжалъ, имъ овладѣвали безпокойныя мысли.

Конечно, онъ былъ напрактикованъ отлично для такого бѣга, какъ солдатъ, совершившій не одинъ походъ, и какъ полицейскій, не разъ гонявшійся за мошенниками; ему не трудно было, по этому, слѣдить за измученною извощичьей клячей, но Пьедушъ, изображалъ собой степеннаго буржуа, и его нарядъ и вся осанка мало согласовались съ тою оживленною рысью, которой онъ бѣжалъ въ эту минуту. Нѣкоторые прохожіе начинали уже обращать на него вниманіе. «Чего добраго, примутъ еще за вора и начнутъ кричать: Держи!» думалъ бѣдный Пьедушъ, не желавшій вступать въ какія-нибудь объясненія съ городскими сержантами.

Но, не смотря на свои справедливыя опасенія, онъ продолжалъ бѣжать, стараясь только принять видъ человѣка, который догоняетъ омнибусъ... Какъ ни былъ искусенъ подобный маневръ, онъ не могъ, однако, продолжиться безконечно; фіакръ поворачивалъ и въ такія улицы, въ которыхъ омнибусы не ходятъ... Наконецъ, небо сжалилось надъ бѣднымъ охотникомъ: на площади французскаго театра стоялъ фаэтонъ. Пьедушъ прыгнулъ въ него, сказалъ два слова кучеру и могъ продолжать свое преслѣдованіе болѣе покойнымъ образомъ. Но куда ѣхалъ Толбіакъ? Онъ переправился черезъ Карусельную площадь, черезъ мостъ Святыхъ-Отцовъ, потомъ пустился по набережной...

«Да, онъ ѣдетъ къ орлеанской желѣзной дорогѣ! сказалъ себѣ Пьедушъ. Вѣрно хочетъ съ Камбремеромъ поговорить... Только странно: зачѣмъ онъ остановился у подъѣзда вокзала, а не вошелъ въ боковыя ворота, изъ которыхъ несравненно ближе до стрѣлки? Однако, надо не терять его изъ вида».

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Осенній вечеръ.

См. стр. 216.

Поблекшихъ листьевъ шумъ я слушу подъ ногами,
Въ рѣдѣющемъ лѣсу смолкаетъ бодрый гамъ,
Крестьянскіе возы съ тяжелыми снопами,
Поднявъ сухую пыль, ныряютъ по холмамъ,
Въ багровыхъ облакахъ заходитъ солнце рано,
И сталъ короче день, и стала ночь длиннѣй
И вѣетъ холодомъ отъ бѣлаго тумана,
Встающаго съ болотъ все чаще, все сильнѣй...
Вотъ и залетныхъ птицъ какихъ-то вереница
Отъ близкихъ непогодъ уносится на югъ
И по тебѣ, давно забытая столица,
Въ моей душѣ опять тоска проснулась вдругъ...
Мнѣ снятся улицы, блестящія огнями,
Я слышу стукъ колесъ и голоса людей,
Я вижу сотни лицъ, омоченныхъ слезами
Глубокихъ радостей и тягостныхъ скорбей;
Вездѣ стремленіе помѣряться съ судьбою
Запасомъ силъ своихъ, вездѣ слѣды трудовъ,
Усилій и побѣдъ, упорною борьбою
И кровью купленныхъ втеченіи вѣковъ;
Тревога вѣчная толпы многоголовой
Уснувшій будитъ умъ, волнуетъ въ сердцѣ кровь
И я стремлюсь туда, по прежнему готовый
Дѣлить съ собратьями и злобу и любовь
И всѣми нервами со всѣмъ живущимъ свѣтомъ
Хочу изжить я все, что изживаетъ вѣкъ,
Съ сознаніемъ, что я въ водоворотѣ этомъ
Страдалъ за то, къ чему стремится человѣкъ,
Тамъ бури страшныя бываютъ благодатны,
Тамъ, какъ на пиръ, идетъ въ сраженіе боецъ,
Тамъ лавра вѣчнаго и розы ароматной
Вплетаются листки въ терновый нашъ вѣнецъ...

Но прежде чѣмъ уйти на поле вѣчной битвы
Съ запасомъ новыхъ силъ и бодрости въ груди,
Край мирный, за тебя я возложу молитвы,
Чтобъ миновалъ пожаръ селенія твои,
Чтобъ вплоть до осени тебѣ хватило хлѣба,
Чтобъ не гнала изъ избъ голодныхъ нищета,
Чтобъ мора на людей не посылало небо
И сохранило ихъ отъ падежа скота...

А. М.

Панданны.

Житель умѣренныхъ, а тѣмъ болѣе холодныхъ странъ, перенесенный отъ монотонныхъ пейзажей страны сосенъ и елей подъ тѣнь пальмъ и баобабовъ, подавляется тою причудливостью и разнообразіемъ картинъ, которыя развертываетъ передъ его глазами богатая тропическая природа. Окунувшись въ пресыщенную ароматомъ, влагою и теплотою атмосферу, возбужденный безпрерывнымъ нервнымъ напряженіемъ, отуманенный хаотическимъ обиліемъ формъ, человѣкъ становится невольнымъ рабомъ окружающихъ его волшебныхъ картинъ и не можетъ оторваться отъ нихъ, какъ бабочка, увязшая въ сладостномъ нектарѣ цвѣточной чашечки.

Преимущественно же эта прихотливость и разнообразіе формъ наблюдаются въ растительномъ царствѣ экваторіальныхъ странъ, гдѣ каждая мѣстность имѣетъ свой особый колоритъ. Въ знойныхъ равнинахъ тропической Америки, вы удивляетесь страннымъ кактусамъ, которые въ видѣ колоннъ, шаровъ или группами, въ видѣ гигантскихъ канделябровъ, разбросаны по выжженной солнцемъ равнинѣ. На благодатныхъ оазисахъ песчанаго океана—Сахары, гордо высятся стройные стволы финиковыхъ пальмъ, а тамъ сплелась въ одну исполинскую темную массу богатая листва тропическаго дѣвственнаго лѣса. Гибкія вьющіяся ліаны опутали стволы лѣсныхъ гигантовъ, которые, какъ Лаокоонъ въ борьбѣ съ змѣями, простираютъ на воздухъ свои руки—вѣтви, тщетно пытаясь вырваться изъ могучихъ объятій. Верхушки деревьевъ сплелись въ сплошной, непроницаемый сводъ, сквозь который не пробивается лучъ солнца. Внизу царитъ таинственный сумракъ, атмосфера пропитана сыростью, нога утопаетъ въ мягкомъ коврѣ зеленыхъ мховъ; кругомъ тишина, изрѣдка лишь нарушаемая паденіемъ сраженнаго временемъ какого-нибудь патріарха лѣсовъ. Но вотъ лѣсъ разорвался зеркальной полосой рѣки, и картина, какъ бы мановеніемъ волшебнаго жезла, измѣняется. На залитомъ солнцемъ зеленомъ фонѣ разбросаны яркія цвѣточныя гирлянды орхидій, магнолій и пассифлоровъ; въ воздухѣ снуютъ миріады яркихъ птицъ и насѣкомыхъ, поверхность рѣки отливаетъ золотомъ и серебромъ рыбьей чешуи, а лѣсъ полонъ звуковъ, сочетающихся въ громкій и дикій концертъ дѣвственнаго лѣса.

На нашемъ рисункѣ (стр. 217) «Панданны», изображенъ уголокъ одного тропическаго пейзажа, правда, довольно угрюмый, но оригинальный. Подобные виды часто встрѣчаются въ Африкѣ. Устья тропическихъ рѣкъ образуютъ низменныя дельты, на которыхъ разростается флора болотной и водной тропической растительности, которая, въ свою очередь, обусловливаетъ избытокъ животной жизни. Изъ прибрежнаго ила, какъ сѣрыя каменныя массы, выглядываютъ спины зарывшихся въ нихъ бегемотовъ; тамъ, въ зарosляхъ, виднѣется граціозная, пугливая фигура водяного козла; на отмеляхъ, какъ бревна, грѣются на солнцѣ отвратительные крокодилы. Мѣстность кишитъ всевозможною птицею—ибисами, фламинго, цаплями, марабу и т. д.

Характерный колоритъ такому пейзажу придаютъ растенія эти съ воздушными корнями, подпирающими стволъ растенія какъ бы палками; растенія эти принадлежатъ къ двумъ ботаническимъ группамъ: панданновъ и Rhysophora. Во время разливовъ рѣки, эти воздушные корни играютъ роль барьера, задерживая между собою плывущія по теченію растительныя и животныя вещества, которыя подъ лучами тропическаго солнца разлагаются весьма быстро, заражая атмосферу продуктами гніенія. Эти міазматическія испаренія обусловливаютъ необитаемость такихъ мѣстъ: здѣсь царство разныхъ злокачественныхъ лихорадокъ и насколько привольны мѣста эти для животной и растительной жизни, настолько же они пагубны для человѣка и въ особенности для европейца. Здѣсь вѣрнѣе всего оправдывается пословица, что «человѣкъ не безнаказанно ходитъ подъ пальмами».

(Торжественная встрѣча возвращающейся съ войны гвардіи петербургскимъ населеніемъ.—Искренность восторговъ и сочувствія.—«Жидъ» обижаетъ. —Отвращеніе евреевъ къ производительному труду. — Новая попытка создать еврейскія земледѣльческія колоніи.—Развитіе прессы въ Германіи.)

Бываютъ дни въ жизни человѣческихъ обществъ, въ которые каждый искренно, беззавѣтно предается охватившему его чувству радости и торжества, когда забываются будничныя распри, когда человѣкъ становится самимъ собою и сбрасываетъ вѣчно носимую имъ маску лицемѣрія и натянутости, когда его оставляетъ присущее ему недовѣріе, заставляющее его подозрительно смотрѣть на своего сосѣда. Хороши такіе дни и долго не забываетъ ихъ тотъ, кому пришлось пережить ихъ.

Именно такіе дни переживало петербургское населеніе на этой недѣлѣ. Руководимое чувствомъ искренней привязанности, оно, безъ всякаго внѣшняго побужденія, радостно, торжественно привѣтствовало возвращающіяся съ поля битвъ войска, покрытые славой совершенныхъ ими подвиговъ и доказавшіе, что кровавыя картины войны не убили въ нихъ чувства гуманности. Встрѣчи полковъ гвардіи были истинно-народнымъ праздникомъ, устроеннымъ всѣми и каждымъ.

И обстоятельства благопріятствовали тому, чтобы начало праздника, т. е. первый день встрѣчи, вышло особенно торжественнымъ. Погода стояла превосходная, совершенно лѣтняя, день былъ праздничный, что позволило огромной массѣ петербургскаго населенія собраться подлѣ тріумфальныхъ воротъ у московской заставы. Образовалась толпа въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, въ которой смѣшались люди всѣхъ сословій; всѣми собравшимися руководило одно чувство, лица у всѣхъ были веселыя, радостныя. Народъ толпился на улицѣ, на балконахъ, въ окнахъ, на крышахъ домовъ Забалканской улицы (переименованной изъ Царскосельскаго проспекта). Тріумфальныя ворота были украшены флагами и щитами, испещренными надписями именъ полковъ и названій мѣстностей, ознаменованныхъ подвигами гвардейцевъ. По обѣ стороны воротъ, полукругомъ, устроены мѣста для зрителей, а на платформахъ караульныхъ домовъ — ложи, съ правой стороны, для членовъ императорской фамиліи, съ лѣвой, для высшаго духовенства. Ложи и мѣста декориро-

ваны краснымъ сукномъ, зеленью и флагами. Члены думы, окруженные представителями ремесленныхъ цеховъ съ ихъ значками, стояли на площадкѣ, плотно утрамбованной пескомъ.

Въ $12^1/_2$ часовъ прибылъ высокопреосвященный митрополитъ Исидоръ; въ $12^3/_4$ ихъ императорскія высочества, великій князь Владиміръ Александровичъ съ супругою и великая княгиня Александра Іосифовна; а ровно въ часъ государь Наслѣдникъ Цесаревичъ съ Цесаревной. Между тѣмъ, показались головные ряды лейбъ-гвардіи егерскаго полка. Наслѣдникъ Цесаревичъ подъѣхалъ къ полку и поздравилъ его съ возвращеніемъ, затѣмъ его императорское высочество возвратился на площадку и остановился у ложи императорской фамиліи.

Музыканты лейбъ-егерскаго полка заиграли маршъ и полкъ двинулся черезъ тріумфальныя ворота. Какъ только первые ряды вошли на площадку, народная масса привѣтствовала его радостными криками и посыпался на солдатъ дождь вѣнковъ и букетовъ. И офицеры, и солдаты были глубоко тронуты такимъ задушевнымъ, искреннимъ пріемомъ. Черезъ мгновеніе ружья украсились букетами и вѣнками. Корзины прекрасныхъ цвѣтовъ и множество вѣнковъ были брошены государыней Цесаревной и великими княгинями.

Установилась тишина; по командѣ «шапки долой», полкъ сталъ на молитву и начался молебенъ, который отслужилъ преосвященный митрополитъ. По окончаніи молебна и провозглашеніи вѣчной памяти павшимъ воинамъ, митрополитъ, подойдя къ полковому командиру, генералу Челищеву, благословилъ полкъ образомъ. Затѣмъ подошелъ товарищъ городского головы (самъ голова въ отсутствіи) и громко прочелъ отъ имени столичнаго населенія, слѣдующій адресъ петербургскаго городского общества:

«Войска гвардейскаго корпуса! Съ благодарною молитвою и съ хлѣбомъ-солью, по древнему русскому обычаю, с.-петербургское городское общество встрѣчаетъ и сердечно привѣтствуетъ васъ отъ имени всѣхъ обывателей столицы. Привѣтствіе наше, одинаково относящееся въ вашемъ лицѣ и ко всей побѣдоносной россійской арміи, вызвано не только одною радостью о возвращеніи вашемъ въ столицу, но и благоговѣйнымъ воспоминаніемъ о тѣхъ чудесахъ беззавѣтной храбрости, мужества, самоотверженія, стойкости и терпѣнія, которыя были выказаны въ борьбѣ съ непріятелемъ и препятствіями, поставляемыми природою. С.-петербургское городское общество съ трепетомъ сердечнымъ въ продолженіе 10 мѣсяцевъ ежечасно слѣдило за вами: страдало вашими страданіями, ликовало, торжествуя ваши побѣды. Вы изумили міръ своими подвигами, вы высоко подняли имя русскаго солдата, и благословеніе отечества почіетъ на главахъ вашихъ, увѣнчанныхъ новыми лаврами. Гордясь, какъ и всѣ русскіе, вашими заслугами передъ родиною и взирая на освобожденныя вами одновѣрныя намъ народности, вызванныя нынѣ къ политически-самостоятельной жизни, с.-петербургское городское общество, во главѣ всего столичнаго населенія, отъ всего сердца восклицаетъ: «Да здравствуютъ войска гвардейскаго корпуса! Да здравствуетъ вся побѣдоносная русская армія!»

Окончивъ чтеніе адреса, г. Яковлевъ подалъ полковому командиру на серебряномъ блюдѣ хлѣбъ-соль, ранѣе благословленную митрополитомъ. Раздалось громовое «ура» и снова посыпался дождь букетовъ и цвѣтовъ. Командиръ полка, батальонные командиры и многіе офицеры удостоились получить букеты и вѣнки изъ рукъ Цесаревны и великихъ княгинь. Точно также Цесаревна на каждое знамя сама возлагала вѣнки.

Полкъ съ музыкою двинулся по улицамъ къ своимъ казармамъ, привѣтствуемый на всемъ пути восторженными восклицаніями столичнаго населенія. По прибытіи въ казармы, полкъ снова былъ встрѣченъ городскою депутаціей. Огромные полковые дворы были уставлены столами для обѣда. Г. Яковлевъ съ чаркою въ рукахъ провозгласилъ здоровье Государя Императора, Наслѣдника Цесаревича, всего царствующаго дома, храбрецовъ лейбъ-егерей, всей русской арміи, командира полка, ген. Челищева и офицеровъ. На эти тосты, встрѣченные громкимъ «ура», полковой командиръ отвѣчалъ приглашеніемъ солдатъ поблагодарить «столицу и ея представителей, гласныхъ городской думы», устроившихъ имъ такую радостную, теплую встрѣчу, какой они и «не ожидали».

Такова была встрѣча лейбъ-егерей, возвратившихся въ столицу послѣ слишкомъ годоваго отсутствія. Искренній восторгъ, съ которымъ привѣтствовали мужественныхъ воиновъ ихъ сограждане, послужитъ лучшимъ вознагражденіемъ имъ за перенесенные ими труды и лишенія. Хорошія минуты пережили они въ этотъ достопамятный для нихъ день, 3 сентября. Долго не забудутъ они его, какъ не забудетъ его и привѣтствовавшее ихъ съ такимъ радушіемъ и такой искренностью, петербургское населеніе.

4 сентября происходила встрѣча лейбъ-гвардіи измайловскаго и финляндскаго полковъ, а также одной изъ батарей пѣшей гвардейской артиллеріи. Програма встрѣчи была таже, какъ и наканунѣ, съ тою только разницею, что преосвященного митрополита не было и молебенъ былъ отслуженъ настоятелемъ сергіевской пустыни. Народу у московской заставы было значительно менѣе, чѣмъ наканунѣ, во-первыхъ, потому, что былъ будничный день, а во-вторыхъ, и потому, что войскамъ приходилось идти къ своимъ казармамъ по большему числу улицъ, то встрѣчавшее ихъ городское населеніе сосредоточилось не въ одномъ, а во многихъ мѣстахъ. Особенно большія толпы собрались на Вознесенскомъ проспектѣ, Гороховой и Большой Морской улицахъ, а также на Николаевскомъ мосту и граничащихъ съ нимъ набережныхъ, не говоря уже о сборищахъ подлѣ казармъ.

На долю измайловцевъ, финляндцевъ и артиллеристовъ выпали такія же горячія привѣтствія, какъ и на долю егерей; ихъ также осыпали дождемъ букетовъ и цвѣтовъ. Встрѣча 4 сентября отличалась только одной особенностью отъ праздника 3 сентября. Финляндскому полку пришлось проходить черезъ тріумфальную арку, устроенную на Большой Морской. Эта арка предназначалась для встрѣчи преображенскаго и павловскаго полковъ, которымъ назначено войти въ Петербургъ 8 сентября. Арка еще не была окончена къ 4 сентября, но устроители ея, узнавъ, что путь финляндскаго полка будетъ лежать черезъ Большую Морскую и предполагая, что полкъ подойдетъ сюда съ Вознесенскаго проспекта, поспѣшили и успѣли окончить только одну сторону арки, обращенную къ этому проспекту. Между тѣмъ, полкъ измѣнилъ направленіе; онъ прошелъ по Гороховой и вошелъ въ арку съ неоконченной стороны. Такимъ образомъ встрѣча въ этомъ пунктѣ не вполнѣ удалась.

Эта прекрасно-устроенная и убранная зеленью и цвѣтами, а также украшенная приличными событію надписями, арка устроена частною инціативою, на деньги жителей Большой Морской. Въ подпискѣ на этотъ предметъ главное участіе приняли яхтъ-клубъ, правленія четырехъ страховыхъ обществъ, нѣкоторые домовладѣльцы, хозяева магазиновъ и вообще обыватели этой улицы, одной изъ самыхъ богатѣйшихъ въ столицѣ. Арка устроилась по проекту архитектора Г. Б. Пранга, который взялъ на себя и производство работъ.

Финляндскому полку, послѣ прохода черезъ эту тріумфальную арку, предстояла еще новая торжественная встрѣча. Всѣ зданія на набережной Васильевскаго острова были роскошно украшены флагами и коврами. Окна, балконы, крыши были переполнены зрителями; всѣ суда разцвѣтились флагами; на реяхъ и мачтахъ вездѣ былъ народъ. Всѣ магазины на островѣ были заперты. При сходѣ съ моста, полкъ былъ встрѣченъ депутаціею отъ университета и ученыхъ обществъ, съ ректоромъ университета, профессоромъ Бекетовымъ, во главѣ, привѣтствовавшимъ полкъ рѣчью отъ имени депутаціи. На эту рѣчь народная масса отвѣчала нескончаемымъ «ура!» Когда полкъ двинулся далѣе, народъ смѣшался съ солдатами, которыхъ можно было замѣтить только по подымавшимся надъ головами штыкамъ съ воткнутыми въ нихъ цвѣтами.

У дома морского училища была построена на средства васильеостровскаго общества изящная часовня. Подлѣ нея ожидали полкъ: причтъ церкви морского училища, депутація отъ васильеостровскаго общества, павловское военное и морское училища. Когда полкъ подходилъ къ часовнѣ, къ ней подъѣхала его высочество великая княгиня Александра Іосифовна, вмѣстѣ съ великимъ княземъ Вячеславомъ Константиновичемъ. Великая княгиня желала во второй разъ привѣтствовать полкъ, шефомъ котораго состоитъ ея супругъ. Послѣ молебствія полковому командиру была поднесена депутаціею отъ васильеостровскихъ жителей большая икона, хлѣбъ-соль на большомъ серебряномъ подносѣ и прочитанъ адресъ. Выслушавъ его командиръ полка полк. Тенперъ отвѣчалъ прочувствованною рѣчью. Затѣмъ ея высочество пожелала пропустить мимо себя полкъ, но исполнить это оказалось невозможнымъ, потому что нельзя было отдѣлить толпу отъ полка и передъ ея высочествомъ, по словамъ «Рус. Инвалида» совершилось оригинальное, но вмѣстѣ и знаменательное шествіе: впереди шли депутаты острова, неся хоругви; за ними солдаты, съ обнаженными и обвитыми лавровыми вѣнками головами, несли поднесенныя имъ три иконы, двѣ большія просвиры, которыми ихъ благословила игуменья Новодѣвичьяго монастыря, три блюда съ хлѣбомъ-солью и два адреса; за ними знамена въ вѣнкахъ, а потомъ, длинною вереницею, частію по одному, тянулись солдаты въ перемежку съ толпою.

Уже было почти шесть часовъ, когда полкъ собрался на Смоленскомъ полѣ, гдѣ полковой священникъ отслужилъ молебенъ, послѣ чего полкъ отправился къ казармамъ. Здѣсь на улицѣ были накрыты столы съ обѣдомъ отъ городского общества. Нечего и говорить, что къ обѣду приступили съ хорошимъ апетитомъ финляндцы, выступившіе изъ Пулкова, гдѣ они имѣли ночлегъ, въ пятомъ часу утра. Въ Пулковѣ финляндцевъ встрѣтили также съ хлѣбомъ-солью и въ честь ихъ былъ спущенъ фейерверкъ и роскошно иллюминована обсерваторія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и прочіе полки встрѣтятъ такой же радушный пріемъ въ дни своего прихода въ Петербургъ. Всѣ остальныя гвардейскія части войдутъ въ столицу 8 *), 14 и 20 сентября. Если при встрѣчахъ въ эти дни войскъ произойдутъ какія-нибудь особенности, мы не замедлимъ сообщить объ нихъ нашимъ читателямъ.

Въ рядахъ весело и радостно привѣтствовавшей публики замѣчалось, конечно, не мало грустныхъ лицъ.

— Что, братцы, куда дѣвался Трофимъ Ивановъ, солдатикъ 3-й роты? спрашивала съ дрожью въ голосѣ молодая бабенка. Блѣдность лица доказывала, какъ у нея сильно сжималось сердце

*) Статья эта писана 7 сентября.

Картина Ф. ШЛЕССЕРА.

Юные покупатели.

Желѣзная дорога въ Нью-Іоркѣ.

отъ ожиданія, что вдругъ она получитъ роковой отвѣтъ.

Но прежде, чѣмъ получила этотъ отвѣтъ, она угадала его, взглянувъ на солдата, къ которому былъ обращенъ ея вопросъ.

— Подъ Горнымъ Дубнякомъ... тамъ его и похоронили.

Молодая женщина утерла кулакомъ заструившіяся по ея лицу слезы.

И часто спрашивавшія получали отвѣты, заставлявшіе затуманиться ихъ лица;... рука невольно тянулась въ карманъ за платкомъ, и отходила въ сторону несчастная, не желая, чтобы ея горе служило диссонансомъ въ общемъ радостномъ, веселомъ настроеніи.

Все это время солдаты были героями дня; каждому хотѣлось съ ними поговорить; и солдаты, въ свою очередь, жаждали вылить свою душу. И вопросы и отвѣты дѣлались просто, безъ всякой задней мысли.

Привелось мнѣ какъ-то ѣхать по конно-желѣзной дорогѣ. Вхожу въ вагонъ, свободное мѣсто оказалось рядомъ съ бравымъ унтеромъ, съ георгіевскимъ крестомъ. Это было послѣднее свободное мѣсто. Вслѣдъ за мной вошла молодая женщина и встала у запертыхъ дверей, ведущихъ на платформу кучера.

— Господа, подвинемтесь, сказалъ унтеръ,— дадимъ барышнѣ мѣсто.

Кто-то замѣтилъ, что мѣста заняты полнымъ комплектомъ пассажировъ и будетъ слишкомъ тѣсно, если сядетъ еще новое лицо.

— Да вѣдь барышня, убѣдительно говорилъ унтеръ,—устанетъ; а что тѣсно, такъ въ такой-ли еще тѣснотѣ люди живутъ; вотъ хоть бы у насъ въ палаткахъ, во время войны...

Мы подвинулись и барышня заняла мѣсто.

Разговорился я съ этимъ унтеромъ, такимъ внимательнымъ дамскимъ кавалеромъ, и оказалось, что онъ съ самаго утра (былъ уже второй часъ по полудни) ѣздитъ взадъ и впередъ по конкѣ.

— Хорошо такъ ѣздить, говорилъ онъ,—ну и поговоришь съ тѣмъ, другимъ... весело!

— А каково жилось-то вамъ тамъ? спросилъ сосѣдъ унтера, не то купецъ, не то мѣщанинъ,— чай много натерпѣлись вы, сердешные?

— Всего было, землякъ, отвѣчалъ унтеръ; — иной разъ идешь-идешь и ногъ подъ собой не чувствуешь, такъ устанешь. И жару и холоду было вдоволь... Да все это бы ничего, вотъ только «жидъ» крѣпко обижалъ.

— Какой-такой жидъ? полюбопытствовалъ я.

— Поставщикъ... отъ него шло намъ продовольствіе... Изъ-за него не разъ приходилось голодать... Жаденъ ужь онъ очень...

Затѣмъ полился безъискуственный разсказъ о злоупотребленіяхъ агентовъ пресловутаго товарищества по продовольствію дѣйствующей арміи, очень похожій на многочисленные разсказы, которые нерѣдко воспроизводились въ корреспонденціяхъ различныхъ газетъ, и нашихъ и иностранныхъ.

«Жидъ обижаетъ», говорятъ солдаты. «Жидъ все забралъ въ руки и дохнуть не даетъ»,—такую фразу безпрестанно можно услышать въ мѣстностяхъ, переполненныхъ еврейскимъ населеніемъ. Относительно обиды, нанесенной «жидомъ» солдату не можетъ быть никакого сомнѣнія. Точно также едва ли можно относиться съ нимъ къ жалобамъ, исходящимъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ евреи забрали въ свои руки всю промышленность и торговлю края. Правда, въ послѣднее время у насъ до болѣзненности развилась слабость жаловаться на всѣхъ и все, однакожь, нельзя не сознаться, что жалоба на евреевъ имѣетъ основаніе. Дѣйствительно, евреи, благодаря изумительно-развитому между ними духу сплоченности, способствовали обѣднѣнію преимущественно крестьянскаго населенія, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они многочисленны.

Все зло происходитъ оттого, что очень немногіе изъ евреевъ занимаются производительнымъ трудомъ. Большинство же предпочитаетъ принимать на себя обязанности посредниковъ между производителями и потребителями. Еврей безъ гроша въ карманѣ становится мелкимъ комиссіонеромъ. Какъ только онъ успѣваетъ скопить нѣсколько рублей, онъ принимается за торговлю. Между евреями въ высочайшей степени развита язва скупничества, барышничества. Нерѣдко продуктъ, попавшій отъ производителя въ руки еврея-скупщика, прежде, чѣмъ дойдетъ до потребителя, перебываетъ у 10 другихъ скупщиковъ. Понятно, что каждый изъ барышниковъ желаетъ получить извѣстный процентъ за то, что подержалъ въ своихъ рукахъ сказанный продуктъ. Всѣ эти проценты долженъ уплатить потребитель и, такимъ образомъ, возникаетъ поразительная дороговизна, отъ которой жутко приходится потребителямъ. Для того же, чтобы могла существовать возможность многократнаго перекупа продукта, барышники, стакнувшись, устанавливаютъ возможно-низкую цѣну, платимую ими за продуктъ. Въ концѣ-концовъ выходитъ, что теряютъ и производители и потребители, а въ барышахъ остаются одни скупщики.

Нѣкоторые изъ нашихъ публицистовъ увѣряютъ, что зло барышничества развилось оттого, что, въ силу существующихъ у насъ законовъ, евреи скучиваются только въ извѣстныхъ мѣстностяхъ; и что если бы евреямъ разрѣшено было жить во всей Россіи, зло значительно уменьшилось бы. Едва ли такое мнѣніе можно считать основательнымъ. Если евреи и въ новыхъ мѣстахъ своего поселенія будутъ заниматься только факторствомъ и торговлею, язва барышничества въ силу этого не уменьшится, но лишь приметъ большее распространеніе, установившись и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ до сихъ поръ населеніе отъ нея менѣе страдало.

Не питая привязанности вообще къ производительному труду, евреи питаютъ особенное нерасположеніе къ земледѣлію. Наше правительство давно уже пыталось создать классъ евреевъ-земледѣльцевъ. Въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ были устроены еврейскія земледѣльческія колоніи; переселеннымъ туда евреямъ были дарованы значительныя льготы. И не смотря на все это, земледѣліе между евреями не привилось. Новые земледѣльцы вскорѣ обратились въ факторовъ и барышниковъ, сдавъ въ аренду христіанамъ свою землю. Мало того, нѣкоторыя колоніи принялись за преступныя занятія. Лѣтъ двадцать тому назадъ мнѣ пришлось провести нѣсколько часовъ въ еврейской земледѣльческой колоніи въ херсонской губерніи. Евреи совершенно спокойно разсказали мнѣ, что вся ихъ колонія занимается конокрадствомъ. «Охъ, не легкое наше занятіе! говорилъ разсказчикъ.—Кое-когда получишь хорошій барышъ, а то взлупятъ тебя такъ, что потомъ цѣлый мѣсяцъ пролежишь! И далеко не весь барышъ попадаетъ въ свой карманъ; со многими приходится дѣлиться!» Разсказы о ловкихъ продѣлкахъ конокрадовъ были до такой степени наивны; разсказчики были такъ убѣждены, что ихъ занятіе вовсе не преступно, а составляетъ только спеціальный видъ занятія, дающаго «гешефтъ»; что, право, не могло быть и рѣчи о ихъ нравственной распущенности. Впослѣдствіи я узналъ, что не только эта еврейская колонія, но и многія другія подобныя же колоніи сплошь занимаются конокрадствомъ. Такимъ образомъ, правительственная мѣра, отъ которой ожидали благихъ послѣдствій, не привела ни къ чему и въ настоящее время осталось очень немного еврейскихъ колоній, гдѣ сами евреи занимаются земледѣліемъ. Большинство же, или закрылось совсѣмъ, колонисты переселились въ другія мѣста и земли переданы въ другія руки; или, если колонисты и остались на прежнихъ мѣстахъ жительства, то земли ихъ отданы въ аренду крестьянамъ, а сами колонисты принялись за обычныя занятія евреевъ: факторство и барышничество.

Теперь снова зашла рѣчь о созданіи класса евреевъ-земледѣльцевъ въ Россіи. Эту миссію принимаетъ на себя «всемірный еврейскій союзъ». Слѣдовательно иниціаторами являются евреи, обладающіе большими состояніями.

«Всемірный еврейскій союзъ» задумалъ устроить въ Россіи еврейскія колоніи. Для этого онъ полагаетъ, затративъ около 6 милліоновъ рублей, купить у русскаго правительства 200 тысячъ десятинъ земли, изъ которой надѣлять евреевъ по 20 десятинъ на семейство. Затѣмъ, затративъ еще 4 милліона, союзъ полагаетъ дать колонистамъ средства устроить себѣ дома и завести все необходимое для хозяйства. Все полученное евреями, по проекту, должно быть ими выплачено въ 50 лѣтъ, съ тѣмъ, что на первыя 10 лѣтъ дается льгота. Для большаго обезпеченія возврата, союзъ полагаетъ просить правительство установить спеціальный налогъ или обезпечить возвратъ суммами свѣчного сбора. Несмотря на обиліе своихъ средствъ, союзъ еще медлитъ приступить къ дѣлу; чтобы побудить его къ ускоренію, одинъ изъ одесскихъ евреевъ совѣтуетъ всѣмъ западно-русскимъ евреямъ подавать адресы союзу отъ своихъ мѣстечекъ.

Положимъ, что предполагаемая «еврейскимъ союзомъ» сдѣлка состоится и наше правительство согласится продать ему 200 тысячъ десятинъ земли, хотя въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ въ Россіи дозволено жить евреямъ, въ распоряженіи правительства находится немного свободной земли. Пріобрѣтенной землей будетъ надѣлено 10 тысячъ семействъ, т. е. въ крайнемъ случаѣ будетъ привлечено къ земледѣльческому труду и отъ земледѣлія будетъ существовать около 100,000 человѣкъ обоего пола, считая въ томъ числѣ и стариковъ, неспособныхъ къ работѣ, и дѣтей. Эта цифра очень мала, если принять во вниманіе все еврейское населеніе въ Россіи. Слѣдовательно мѣра, принимаемая «еврейскимъ союзомъ», принадлежитъ къ числу тѣхъ паллиативовъ, которые только слегка замазываютъ прорѣхи и нисколько не разрѣшаютъ вопроса. Наконецъ, мѣра еврейскаго союза можетъ сопровождаться нѣкоторымъ успѣхомъ только въ такомъ случаѣ, если евреи согласятся сдѣлаться дѣйствительными земледѣльцами, что сомнительно, судя по прежнимъ примѣрамъ.

Ими они ни въ какомъ случаѣ не сдѣлаются, если наше правительство согласится продать союзу земли въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ не разрѣшено жить евреямъ. Въ восточной Россіи, гдѣ много еще свободныхъ земель находится въ распоряженіи правительства, барышничество развито очень мало, а факторство еще слабѣе. Здѣсь широкое поле для примѣненія евреями ихъ любимыхъ занятій. По всей вѣроятности, очень немногіе изъ евреевъ, поселившись здѣсь, съ любовію займутся земледѣліемъ; большинство же изъ нихъ не устоитъ передъ соблазномъ и ударится въ факторство и барышничество.

Зависть беретъ иногда, когда приходится натыкиваться на статистическія цифры, касающіяся которой нибудь изъ западно-европейскихъ странъ. Газета «Printing Times», говоря о развитіи прессы въ Германіи, приводитъ цифру напечатанныхъ и проданныхъ экземпляровъ газетъ. Въ прошломъ году въ Германіи продано два милліарда, триста милліоновъ экземпляровъ газетъ. Когда-то мы достигнемъ даже четвертой части этого количества, хотя пропорціонально населе-

нію у насъ должно бы продаваться почти двойное число, т. е. 4 миллiарда. **Н. И.**

Правительственное сообщеніе.

Въ «Правит. Вѣст.» напечатано слѣдующее правительственное сообщеніе:

«Въ прибавленіи къ № 80 и въ № 81 «Правительственнаго Вѣстника» отъ 10-го и 11-го апрѣля 1878 года, помѣщено было правительственное сообщеніе о безпорядкахъ въ кіевскомъ университетѣ и рѣшеніе университетскаго суда отъ 29-го марта текущаго года, утвержденное совѣтомъ университета, а за симъ и попечителемъ кіевскаго учебнаго округа, коимъ между прочимъ постановлено (п. 2): 75 студентовъ, изобличенныхъ въ сходкахъ и неповиновеніи университетскимъ властямъ, но прежде незамѣченныхъ въ неодобрительномъ поведеніи, удалить изъ университета на два года, съ тѣмъ, чтобы въ теченіе 2 лѣтъ, считая въ томъ числѣ и 1877—78 академическій годъ, не принимать ихъ ни въ университетъ св. Владиміра, ни въ какое либо другое учебное заведеніе. Нынѣ, во вниманіе къ молодости и неопытности означенныхъ 75 студентовъ и на основаніи ходатайства о нихъ совѣта университета св. Владиміра, наложенное на нихъ взысканіе сокращается на одинъ годъ, и затѣмъ желающимъ изъ нихъ разрѣшается съ начала 1878—79 академическаго года поступить какъ въ сей, такъ и въ другіе университеты и вообще во всѣ высшія учебныя заведенія, на основаніи правилъ, для сихъ послѣднихъ установленныхъ, на тѣ курсы, на которыхъ они числились до увольненія, безъ зачета минувшаго 1877—78 академическаго года. Притомъ требуется, чтобы желающіе воспользоваться допускаемымъ снисхожденіемъ въ сокращеніи срока, на который они по рѣшенію суда удалены изъ университета,—при прошеніяхъ о принятіи ихъ вновь въ число студентовъ университетовъ и въ другія высшія учебныя заведенія, независимо отъ сознанія въ нихъ своей вины, представляли удостовѣренія гг. губернаторовъ въ томъ, что они, послѣ удаленія изъ университета, во все время пребыванія внѣ Кіева, при своихъ семействахъ и отдѣльно отъ нихъ, а кіевскіе уроженцы и въ самомъ Кіевѣ, вели себя хорошо и никакими предосудительными поступками не дали повода къ сомнѣнію въ ихъ нравственной и политической благонадежности. При самомъ же принятіи означенныхъ выше лицъ въ университетъ или другое высшее учебное заведеніе, отъ нихъ будетъ взята подписка въ строгомъ исполненіи на будущее время правилъ заведенія, какъ нынѣ существующихъ, такъ и тѣхъ, которыя вновь будутъ устанавливаемы, съ предвареніемъ, что въ случаѣ новаго нарушенія съ ихъ стороны сихъ правилъ въ стѣнахъ заведенія, а равно въ случаѣ обнаруженнаго участія ихъ въ нарушеніи общихъ полицейскихъ порядковъ внѣ заведенія,—они подвергнутся высшей мѣрѣ дисциплинарнаго взысканія, не исключая и удаленія изъ заведенія навсегда, безъ права поступленія въ какое либо другое.

Новости наукъ и жизни.

— Встрѣча генерала Радецкаго. 31 августа крейсеръ добровольнаго флота «Москва» привезъ въ Одессу ген. Радецкаго и волынскій полкъ, первымъ переправившійся чрезъ Дунай и доблестно сражавшійся на Шипкѣ. Толпы народа на берегу встрѣтили ихъ привѣтственными криками. Когда генералъ Радецкій вышелъ на пристань, восторгъ публики не зналъ границъ при видѣ героя: послѣ громоваго «ура!», несмолкавшаго въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, народъ поднялъ героя на руки и, осыпавъ путь цвѣтами, вѣнками и букетами, съ оваціею пронесъ его до экипажа».

— Если бы состоялось. Цѣна газоваго освѣщенія въ Петербургѣ безобразно велика (въ нѣсколько разъ выше, чѣмъ въ Лондонѣ и Парижѣ.) По этому каждый, кого интересуетъ вопросъ объ этомъ освѣщеніи, конечно, съ удовольствіемъ прочтетъ слѣдующее извѣстіе, сообщенное въ «Голосѣ»: Изъ хорошаго источника мы узнали, что 1-го сентября группа здѣшнихъ и парижскихъ дѣльцовъ представила думѣ, на основаніи объявленныхъ условій, предложеніе касательно газоваго предпріятія въ столицѣ; одинъ изъ здѣшнихъ первоклассныхъ банкировъ письменно заявилъ, при этомъ, готовность доставить думѣ немедленно 9 милльоновъ рублей для выкупа концессіи у газоваго общества и хотѣлъ даже тотчасъ внести, въ видѣ залога, одинъ милліонъ рублей. Группа эта берется значительно понизить цѣну за газъ, если дума передастъ ей газовое дѣло на 30 лѣтъ; если же на 50 лѣтъ, то назначаемая группою цѣна на газъ изумительно низка; такое пониженіе возможно потому, что къ освѣщенію должно быть примѣнено новое изобрѣтеніе, которое, при равномъ свѣтѣ, сберегаетъ количество употребленнаго газа.

— Новая побѣда. На парижской всемірной выставкѣ, изъ числа десяти владѣльцевъ сахарныхъ заводовъ и фабрикъ въ привислинскомъ краѣ семь получили золотыя медали за превосходную выдѣлку фабрикуемаго ими сахара. Сравнительно съ заводчиками сахара прочихъ государствъ, фабриканты сахара въ привислинскомъ краѣ получили на выставкѣ, въ Парижѣ, высшія награды за свои издѣлія.

Индо-европейская желѣзная дорога. Еще въ 1875 году, на одномъ изъ засѣданій географическаго общества, въ Парижѣ, французскій министръ путей сообщенія Котаръ, главный помощникъ Фердинанда Лессепса, подалъ мысль о постройкѣ индо-европейской желѣзной дороги. Длина этой линіи, по вычисленіемъ г. Котара, должна составлять отъ Парижа, черезъ Варшаву, до Оренбурга 4,500 верстъ, отъ Оренбурга до Пешауэра 2,640 верстъ и отъ Пешауэра до Калькутты 2,520 верстъ, а всего отъ Парижа до Калькутты 9,660 верстъ. Въ настоящее время, въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ «Журнала Министерства Путей Сообщенія» помѣщена весьма интересная статья инженера путей сообщенія, г. Ходзько, заключающая въ себѣ проектъ постройки той же дороги изъ Парижа, черезъ Варшаву, Тифлисъ и Пешауэръ, до Калькутты, на протяженіи 8,940 верстъ, т. е. короче предыдущей дороги на 720 верстъ. По первой дорогѣ, черезъ Оренбургъ, дѣлая по 40 верстъ въ часъ, придется платить за проѣздъ изъ Парижа въ 10 дней 1,100 франковъ за каждаго человѣка, а по второй дорогѣ въ девять дней 990 франковъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ настоящее время поѣздка моремъ изъ Парижа до Калькутты совершается въ 20 дней и обходится въ 2,200 франковъ. Предполагая, что проектъ постройки желѣзной дороги изъ Парижа до Калькутты, рано или поздно, долженъ осуществиться, инженеръ Ходзько проектируетъ постройку теперь же желѣзной дороги изъ Тифлиса до Владикавказа.

— Средство удешевить продажную цѣну керосина. Л. Э. Нобель, владѣлецъ значительныхъ керосиновыхъ заводовъ на Кавказѣ, недавно обратился съ ходатайствомъ въ правленіе общества грязе-царицынской желѣзной дороги, объ уступкѣ ему обществомъ въ долгосрочное арендное владѣніе участка, принадлежащей дорогѣ земли въ Царицынѣ, подъ устройство желѣзныхъ резервуаровъ для керосина. Цѣль такой аренды г. Нобеля заключается въ томъ, чтобъ, устранивъ перевозку бочекъ подъ керосинъ съ сѣвера Россіи до Баку, что, какъ извѣстно, обходится очень дорого и замѣтно вліяетъ на вздорожаніе русскаго керосина, перевозить этотъ продуктъ до Царицына водою, наливомъ, въ спеціально для этого устроенныхъ имъ пароходахъ и баржахъ, изъ которыхъ, по прибытіи въ Царицынъ, перекачивать керосинъ въ устроенные въ землѣ, по американскому образцу, большіе желѣзные резервуары, а изъ нихъ уже разливать керосинъ въ бочки, по мѣрѣ надобности, для отправки въ мѣсто назначенія. Правленіе общества грязе-царицынской желѣзной дороги сочувственно отнеслось къ его мысли: избраніе города Царицына главнѣйшимъ пунктомъ отправленія груза, количество котораго съ каждымъ годомъ будетъ непремѣнно возрастать, обезпечиваетъ за грязе-царицынскою желѣзною дорогою весьма значительную перевозку керосина. Г. Нобель, заручившись согласіемъ общества на свое ходатайство, обратился въ министерство путей сообщенія съ просьбою о разрѣшеніи ему устройства проектируемыхъ имъ резервуаровъ на общественной землѣ, которое уже выдало разрѣшеніе въ техническомъ отношеніи на осуществленіе этого ходатайства. Остановка только за утвержденіемъ правительства долгосрочной аренды въ установленномъ порядкѣ. Правленіе общества грязе-царицынской желѣзной дороги полагаетъ отдать г. Нобелю въ аренду на 30-лѣтній срокъ, до семи десятинъ собственной земли, съ тѣмъ условіемъ, что впродолженіи первыхъ 12-ти лѣтъ аренднаго срока, г. Нобель, наравнѣ съ прочими отправителями товаровъ, строющими свои склады на царицынской станціи, пользуется отводимою ему въ аренду землею — безвозмездно, въ слѣдующія девять лѣтъ платитъ обществу ежегодно по 4,800 рублей и, наконецъ, въ послѣднія девять лѣтъ обязывается платить обществу ежегодно по 9,600 рублей.

— Печь г. Алексѣева. Для устраненія неудобствъ сколки льда и снѣга на городскихъ улицахъ въ гигіеническомъ отношеніи, и для возможнаго сокращенія издержекъ на вывозъ льда и снѣга, извѣстный горный инженеръ П. Н. Алексѣевъ проектировалъ особую печь для обращенія загрязненнаго льда и снѣга въ чистую воду, которая можетъ быть безопасно спускаема по городскимъ трубамъ въ рѣки и каналы. Съ основною мыслью этого предложенія нѣкоторыя наши ученыя общества уже ознакомлены; усовершенствованія же первоначальнаго типа апарата, изобрѣтеннаго г. Алексѣевымъ, за послѣднее время, сдѣлаются достояніемъ публики, какъ слышно, зимою нынѣшняго года. Какъ ни странно на первый взглядъ, тѣмъ неменѣе изобрѣтателю посчастливилось повысить процентъ полезнаго дѣйствія сжигаемаго топлива до такой значительной степени, что перетопка уличнаго льда и снѣга становится болѣе выгодною, чѣмъ нынѣ существующій вывозъ этихъ продуктовъ въ твердомъ видѣ за городъ. Проектированная печь удобно перемѣщается съ одного мѣста на другое; получаемая вода, до выхода изъ апарата, очищается; грязные осадки концентрируются и, такимъ образомъ, легко могутъ быть вывозимы безъ большихъ расходовъ. По отзывамъ спеціалистовъ, издержки на топливо, при усовершенствованномъ за послѣднее время апаратѣ г. Алексѣева, будутъ настолько незначительны, что эту печь ожидаетъ широкое примѣненіе нетолько въ Петербургѣ, но и въ другихъ большихъ городахъ Россіи.

Смѣсь.

— Какъ надуваютъ у насъ казну. Въ одесской газетѣ «Правда» пишутъ: «Въ началѣ войны, полевому интендантству было поручено озаботиться сдѣлать запасъ спирта для войскъ дѣйствующей арміи. Интендантство пріобрѣло значительное количество спирта отъ разныхъ подрядчиковъ, уплативъ полностью деньги, какъ за самый спиртъ, такъ и за слѣдуемый съ него акцизъ, въ чемъ и получило квитанціи. Съ наступленіемъ лѣта, интендантство поставлено было въ тупикъ относительно способа сбереженія купленнаго спирта: необходимо было нанять подвалы для храненія въ нихъ спирта, назначивъ къ этимъ подваламъ смотрителей, слѣдить за процентомъ усушки спирта, которая неминуемо должна была послѣдовать по случаю лѣтняго времени и болѣе или менѣе продолжительнаго стоянія спирта въ подвалахъ, а между тѣмъ, доставленіе спирта въ армію должно было производиться постепенно, по мѣрѣ надобности. Въ эту трудную для интендантства минуту, къ нему на помощь явились содержатели спиртовыхъ складовъ, которые взялись помочь интендантству. Содержатели складовъ предложили интендантству слѣдующую комбинацію: интендантство передаетъ содержателямъ складовъ весь имѣющійся у него запасъ спирта съ тѣмъ, чтобъ содержатели складовъ, по мѣрѣ требованія со стороны

интендантства, доставляли ему спиртъ такого-же качества и достоинства, причемъ предложили интендантству, въ видѣ процента, по $1/4$ лишнихъ градуса на каждый градусъ занятаго спирта, такъ что вмѣсто милліона, напримѣръ, градусовъ спирта, содержатели складовъ должны были представить интендантскому вѣдомству 1,250,000 градусовъ спирта. Сдѣлка, повидимому, выгодная и интендантство приняло предложеніе содержателей складовъ, выдавъ имъ весь запасъ спирта вмѣстѣ съ квитанціями объ уплатѣ за него акциза. Въ то время градусъ спирта на складахъ стоилъ около 2 к. и сверхъ того за каждый градусъ по питейному уставу взыскивается 7 коп. акциза; этотъ акцизъ при вывозѣ спирта за границу, согласно уставу о питейномъ сборѣ, возвращается обратно лицамъ, предъявившимъ квитанцію въ уплатѣ акциза за выпускъ спирта изъ подвала. Это хорошо знали содержатели спиртовыхъ складовъ, но, по всей вѣроятности, не знало интендантское вѣдомство, и когда складчики подвозили спиртъ къ границѣ, то предъявляли полученныя отъ интендантства квитанціи, по которымъ имъ возвращали полностью по 7 коп. принятаго акциза за каждый вывезенный за границу градусъ спирта. Такимъ образомъ, содержатели спиртовыхъ складовъ, давъ интендантству лишнюю $1/4$ градуса на каждый градусъ спирта стоимостью полъ или три четверти копѣйки, сами заработали по 7 коп. Барышъ хорошъ! А между тѣмъ, эти деньги должны были поступить въ пользу правительства».

— **Зараженіе отъ вѣнка.** Въ Одессѣ восьмилѣтній мальчикъ принесъ домой вѣнокъ изъ цвѣтовъ, взятый имъ на кладбищѣ, съ свѣжей могилы. Спустя три дня, мальчикъ этотъ безъ всякой видимой причины заболѣлъ весьма опасно и, несмотря на всѣ поданныя ему во время медицинскія пособія, въ скоромъ времени умеръ. По произведенному дознанію оказалось, что вѣнокъ этотъ лежалъ сперва на тѣлѣ, а потомъ на гробѣ и, наконецъ, на могилѣ умершаго отъ дифтерита. По убѣжденію врачей, болѣзнь мальчика (тоже сильный дифтеритъ) была непремѣннымъ послѣдствіемъ заразы отъ вѣнка изъ цвѣтовъ. По мнѣнію тѣхъ же врачей, зараженіе въ подобномъ случаѣ совершается весьма быстро; они утверждаютъ, что достаточно даже подержать въ рукахъ такой вѣнокъ, бывшій на умершемъ отъ дифтерита, чтобъ тотчасъ же заразиться этою ужасною болѣзнью.

— **Трудно найти работу даже и очень талантливому человѣку.** Недавно застрѣлился извѣстный военный писатель Рюстовъ. Причина его смерти нѣкоторое время оставалась неизвѣстной. Теперь она раскрылась. Въ швейцарской газетѣ «Basler Nachrichten» помѣщено въ извлеченіи письмо, въ которомъ Рюстовъ объясняетъ своей дочери причины, побудившія его покончить съ собою самоубійствомъ. Подобное рѣшеніе, принятое человѣкомъ, обладавшимъ такими геніальными способностями и такимъ всестороннимъ серьезнымъ образованіемъ, какъ Рюстовъ, единственно вслѣдствіе того, что ему трудно было найти работу, посредствомъ которой онъ могъ бы добыть себѣ честнымъ трудомъ кусокъ хлѣба, не лишено значенія. Прощаясь со своей дочерью, Рюстовъ говоритъ ей: «Ты видишь, милая Аннели, что не каждый, кто ищетъ работу, находитъ ее. Несмотря на признанное всѣми обширное основательное образованіе и способность къ труду, отецъ твой не могъ пріискать себѣ занятій. Съ другой стороны, ты видишь, что тутъ же, въ Цюрихѣ, многіе, образованіе которыхъ ограничивается почти однимъ только умѣньемъ читать и писать, занимаютъ важныя должности, на которыхъ они, разумѣется, ничего путнаго сдѣлать не могутъ и затѣмъ принимаютъ участіе въ разныхъ дутыхъ предпріятіяхъ, гдѣ и преслѣдуютъ единственную доступную ихъ пониманію цѣль—наживу. Ты не забудешь этого, милое дитя, и никогда не скажешь бѣдняку, который попроситъ у тебя милостыни, что если бъ онъ хотѣлъ, то пашелъ бы себѣ работу. Нерѣдко бываетъ, что самый лучшій рабочій не находитъ себѣ занятія. Съ другой стороны, зачастую, человѣкъ, во всѣхъ отношеніяхъ негодный, находитъ возможность жить припѣваючи, безъ всякаго труда. Благодарю Бога, что послѣ меня остаются однѣ лишь дочери. Если бы у меня были сыновья, я могъ бы опасаться, что они, для того, чтобы жить безбѣдно, вынуждены будутъ сдѣлаться негодяями...»

Телеграммы.

Берлинъ, 1-го сентября. Князь черногорскій извѣстилъ европейскія державы, что онъ принужденъ опять взяться за оружіе, чтобы принудить Порту къ исполненію условій мира.

Румынское правительство разослало державамъ циркулярную ноту, въ которой выражаетъ готовность выполнить касающіяся его статьи берлинскаго трактата.

Вѣна, 29-го августа. По оффиціальному донесенію отъ 36 дивизіи, изъ Баньялуки, отъ 9-го сентября, непріятель, несмотря на повсемѣстно оказанное имъ сопротивленіе, обращенъ былъ, 8-го сентября, у Клино (?), къ отступленію во всѣхъ направленіяхъ и полному бѣгству. Цитадель занята австрійцами. Вся окрестность Клино очищена отъ непріятеля. Разоруженіе населенія въ окрестностяхъ Баньялуки продолжается безпрепятственно.

— 3-го сентября. Окончательно рѣшено не продолжать военныхъ дѣйствій далѣе на югъ за Сераево. Генералу Филипповичу, поручено обратить все вниманіе на гражданское устройство Босніи. Въ городахъ и сельскихъ округахъ будутъ учреждены мѣстныя управленія, по выборамъ населенія, но во главѣ ихъ будутъ поставлены австрійскіе чиновники. Новая раскладка налоговъ будетъ произведена на основаніи десятиннаго сбора. Уголовный кодексъ будетъ введенъ австрійскій, но съ примѣненіемъ къ корану; почта и телеграфы поступили въ вѣденіе австрійцевъ.

Батумъ, 4-го сентября. Сегодня увезены отсюда послѣдніе турецкіе солдаты и плѣнные. Князь Святополкъ-Мірскій окончилъ пріемъ батумской области и организацію батумскаго губернаторства. Все спокойно.

Афины, 5-го сентября. По всѣмъ признакамъ, война Греціи съ Турціей неизбѣжна. Движеніе народа принимаетъ все большіе и большіе размѣры. Образованъ отрядъ въ 4,000 волонтеровъ. Королева отправляется съ важною миссіей въ Ливадію.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Премія „СВѢТОЧИ ХРИСТІАНСТВА", копія съ картины профессора Генриха Семирадскаго.

для Гг. годовыхъ подписчиковъ на журналъ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ"

получена Редакціею и немедленно разошлется навернутою на палкѣ тѣмъ изъ Гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые выслали деньги на укупорку и почтовые издержки.

Гг. городскіе подписчики благоволятъ получать ее въ Конторѣ Редакціи (Новый пр. № 20) съ 11-ти до 4 хъ часовъ ежедневно, кромѣ праздниковъ.

Редакція обращаетъ вниманіе гг. иногородныхъ подписчиковъ, еще не выславшихъ денегъ на пересылку этой преміи, что она не высылается имъ теперь же потому, что при высылкѣ ея при нумерѣ журнала въ сложенномъ видѣ — гравюра, вслѣдствіе своихъ значительныхъ размѣровъ и толщины бумаги, неизбѣжно сомнется и испортится. Контора Редакціи считаетъ необходимымъ сообщить объ этомъ обстоятельствѣ Гг. подписчикамъ, увѣдомляя ихъ притомъ, что по полученіи денегъ на укупорку и пересылку картины, она будетъ немедленно пересылаться по указаннымъ адресамъ. Всѣмъ же остальнымъ Гг. подписчикамъ не выславшимъ на почтовыя издержки денегъ—премія будетъ выслана при послѣднемъ за настоящій годъ, т. е. 52 нумерѣ журнала, Контора Редакціи дѣлаетъ эту отсрочку въ виду могущихъ еще поступить заявленій о пересылкѣ картины навернутою на палку въ видѣ посылки. Деньги на укупорку и пересылку преміи отдѣльной посылкой, **75 коп.**, могутъ быть высланы въ Контору журнала **почтовыми марками.**

NB. Гг. подписчиковъ, уже выславшихъ и имѣющихъ выслать деньги на почтовые издержки, Контора журнала проситъ обозначить точно адресъ, обращая вниманіе, есть ли на обозначаемой ими станціи пріемъ и выдача **всякаго рода кореспонденціи,** такъ какъ на станціяхъ, на которыхъ нѣтъ пріема и выдачи всякаго рода корреспонденціи, **доставка посылокъ не принимается** почтамтомъ.

При этомъ нумерѣ «Живописн. Обозрѣн.» разсылается гг. подписчикамъ приложеніе: № 16-й «Парижскія Моды».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 Сентября 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

№ 38. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 17 Сентября 1878 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

Картина В. КАУЛЬБАХА.

Сумасшедшій домъ.

„Андронъ Голованъ."

Разсказъ изъ жизни въ лѣсахъ далекаго Востока.

Н. Н. Каразина.

(*Продолженіе.*)

III.

Долго-ли, коротко-ли спалъ Голованъ, только слышитъ онъ, что Варнашка теперь уже его самого теребитъ зубами за воротъ и поварчиваетъ на самое ухо, да такъ жалостливо, боязно скулитъ песъ, будто чуетъ что-то недоброе.

Очнулся ребенокъ, дрожитъ весь отъ холода; промерзла напотѣлая рубаха... Темно кругомъ; стѣною, безъ просвѣта, надвинулись со всѣхъ сторонъ старыя сосны... Черная темень внизу; вверху, высоко-высоко, чуть теплится, серебряная звѣздочка.

Дыбомъ встала шерсть на собакѣ, хвостъ словно прилипъ къ заду; не знаетъ на какую лапку ступить песикъ и къ мальчугану жмется, встать не даетъ на ноги.

А кругомъ слышно, какъ потрескиваетъ сухой валежникъ, лязгаютъ голодныя челюсти... Тамъ и сямъ въ густой чащѣ искрятся красныя искорки...

Понялъ въ чемъ дѣло Голованъ; видѣлъ и слышалъ все это не разъ, въ длинныя зимнія ночи, выглядывая въ крохотное оконце батьковой сторожки... Оробѣлъ малышъ, потому зналъ, чѣмъ дѣло кончиться можетъ...

— Падаль зачуяли, окаянные, мелькнула у него въ головѣ отцова поговорка...

Взвизгнулъ Варнашка, словно ошпаренный; въ два прыжка очутился у лаза берложьяго, мелькнулъ на мгновеніе его пушистый хвостъ въ темной дырѣ и скрылся, скатился туда же и Голованъ за нимъ,—да и въ самую пору... Завыло волчье горло, другое подтянуло, тамъ третье, четвертое, — черныя пятна вынеслись изъ кустовъ на поляну, одинъ, съ разбѣга, черезъ медвѣдя, издохшаго, перемахнулъ и у самаго лаза острымъ рыломъ въ снѣгъ ткнулся... Въ мигъ собралось ихъ штукъ тридцать; которые сразу теребить «падаль» принялись, которые полукругомъ сѣли у берлоги и воютъ жалобно, задравъ морды кверху.

— Пронеси Господь, съ нами сила крестная... шепчетъ Голованъ.—Сгложутъ, язва каторжная, моего батьку!...

А въ глубинѣ берлоги ворчитъ и похрюкиваетъ что-то, да еще въ два голоса,—какъ вскочили Голованъ съ собакою сюда, такъ и начали хрюкать, а то молча сидѣли, притаившись. Это были медвѣжата недѣльные, большеголовые такіе, коротенькіе... Одинъ бочкомъ, бочкомъ по стѣночкѣ пробирается,—глупъ малый, не соображаетъ, что страшнѣе—новые ли гости или тѣ, что у входа сидятъ... Добрался дуракъ до лаза, да какъ фыркнетъ вонъ и вздохнуть не успѣлъ, какъ только клочья отъ него полетѣли...

Трое остались въ ямѣ—Голованъ, Варнашка, да другой медвѣжонокъ,—сидятъ всѣ трое, молча. Пробовалъ было мишка царапнуть мальчика лапою, когда тотъ уже очень близко подобрался и ощупывать его началъ, да тотъ его кулачонкомъ по рылу, вотъ онъ и стихъ, смирился.....

Цѣлую ночь пировали волки на полянѣ. Сквозь берложій лазъ видно было, что такое голодное звѣрье продѣлывало...

Рвали и теребили звѣри издохшаго медвѣдя, да стащить не могли съ мѣста, не потому, что не подъ силу было, а безъ толку дѣло дѣлали, въ разныя стороны тянули—елозитъ только медвѣжій трупъ по батькину тѣлу, да глубже его въ снѣгъ заталкиваетъ, трещитъ изодранная зубами медвѣжья шкура, хрустятъ его кости на волчьихъ зубахъ... Одинъ ледащій волченокъ, не пускаютъ его старые къ настоящему кушанью, такъ онъ поясъ ременный раздобылъ и гложетъ, прихвативъ его передними лапами, зубами о желѣзо лязгаетъ, должно быть пряжка попала... Жрутъ волки, давно знать такой добычи не знали!—Иной отхватитъ шматъ медвѣжатины, въ сторону отбѣжитъ, къ кустамъ, да тамъ и заляжетъ, озираючись... Тѣ, что лазъ сторожили, по одиночкѣ, одинъ за другимъ бросили, къ чорту свою службу, да къ общему дѣлу пристали... Одинъ, въ суматохѣ, лапою напоролся на что-то, должно быть, въ снѣгу на косарь рогатный наткнулся, взвылъ, отпрыгнулъ и лапу свою окровавленную сталъ зализывать, другой на него наскочилъ, да зубами за загривокъ,—разодрались въ кровь и еще къ нимъ пристали...

Адъ въ лѣсу, да и только! Сопятъ, визжатъ, воютъ, словно угорѣлые, мечутся волки—стономъ стонетъ лѣсъ, птица, перепуганная, всполошенная шумомъ, порхаетъ, сѣрый сычъ загудѣлъ въ дуплѣ... Зубъ на зубъ не попадаетъ отъ страха у Голована, Варнашка насторожился, сидитъ теперь бодро, сюда молъ не доберутся, а медвѣженокъ клубкомъ косматымъ забился въ уголъ, не разберешь въ этомъ клубкѣ, гдѣ голова, гдѣ лапы... И тепло какъ въ берлогѣ, привольно, мягко, такъ бы и не вылѣзъ отсюда... И спать хочется и страхъ беретъ, со сномъ борется... «Пронеси Господь—съ нами сила крестная!»...

И куда это ушли волки? было ихъ такъ много, а теперь ни одного нѣтъ... Слѣды на снѣгу ясно видны, утолоку сдѣлали страшную! Кругомъ, даже на низахъ кустарника клочья шерсти, тряпье, все въ крови. И въ лѣсу свѣтло стало: вверху небо золотистое, межь стволовъ за оврагомъ тоже яркимъ золотомъ просвѣчиваетъ... Варнашка изъ берлоги выскочилъ уже и ночные слѣды обнюхиваетъ... Оглодали медвѣжью тушу порядкомъ волки, ногу батькину, что видна была изъ подъ нея, тоже... Воронъ что слетѣлось на эту красную, исковерканную «падаль»,—голосу иного не слыхать за ихъ карканьемъ. Вылѣзъ и Голованъ, по отцовской привычкѣ скребетъ рученкою свой затылокъ, думаетъ, «что же ему теперь дальше дѣлать надо?»

Только медвѣженокъ лежитъ себѣ, знай, клубкомъ, выглянулъ было разъ изъ-подъ лапы, да увидѣлъ человѣка съ собакою, и снова закрылся.

День насталъ морозный, солнечный; засверкалъ, заискрился серебромъ лѣсъ, словно въ нарядъ самый праздничный убранный; поднялось солнце уже высоко, добралось лучами своими и до этой утолоки окровавленной.

IV.

Ѣсть захотѣлось Головану, да такъ, что даже рѣзь въ животѣ почувствовалъ мальчикъ.

Отыскалъ онъ салазки, волки ихъ въ кусты затащили, отыскалъ и котомку, порванную въ клочья. Былъ въ этой котомкѣ кусокъ мяса сушенаго,—волки съѣли, были еще лепешки, тѣхъ волки ѣсть не станутъ,—претитъ имъ отъ хлѣбного; гдѣ же эти лепешки? не видать нигдѣ, сколько не шарилъ по снѣгу руками Голованъ, затерялись, не найдешь, а, можетъ, и Варнашка слопалъ, успѣлъ таки песъ позавтракать, не даромъ онъ невинными такими глазами вверхъ поглядываетъ, словно его служба теперь такая, чтобы за воронами надзоръ держать...

А ѣсть очень хочется Головану, да и морозъ не свой братъ, насквозь пробираетъ, хотя и тихо въ лѣсу, не вѣтрено. А дома тепло, дома у нихъ печка есть большущая, пузатая, жерло—во-какое! Какъ натопитъ, бывало, батька, такъ хоть рубаху снимай,—жарко!—дома есть и мясо, и лепешки, и щи остались въ горшкѣ, съ капустою и грибами... щи эти хоть и холодные теперь, батька-то ихъ, передъ уходомъ, въ сѣнцахъ, на полкѣ поставилъ, надъ дверями, да ихъ разогрѣть долго-ли... Дома все есть!...

Такъ думалъ и соображалъ Голованъ и, надумавшись вволю, сталъ собираться домой, туда, гдѣ его ожидаютъ всѣ эти, соблазнительныя для голоднаго желудка, сокровища...

Батьку-то какъ-же теперь тутъ оставить?... А вѣдь его не донести на рукахъ, самъ не пойдетъ, потому поколѣлъ... то бишь, померъ, а можетъ, это медвѣдь померъ, а батько поколѣлъ... разница-то есть, а въ чемъ—не сообразишь, да впрочемъ, все едино: поколѣлъ, померъ, одно слово, значитъ, теперь его нѣту... Вотъ какъ былъ у насъ большой, бѣлый песъ, звали его Палканъ, здоровый песъ былъ, разъ волка одинъ за шиворотъ сгребъ и въ избу къ намъ втащилъ, да тоже поколѣлъ и нѣтъ его. Палкашку батька тогда въ оврагѣ зарылъ, батьку также зарыть нужно, только какже его зарывать?! Вѣдь снѣгъ, земли нѣту, а батька Палкашку, это хорошо Голованъ помнилъ, въ землю зарылъ, а не въ снѣгъ, значитъ и батьку въ землю надо—это значитъ послѣ, потому что послѣ снѣга опять земля будетъ, а послѣ земли опять снѣгъ, тамъ опять земля,—и когда земля бываетъ, тогда тепло и зелено все, а снѣгъ, — холодно и бѣло. А домой все-таки надо, тамъ щи и лепешки.—Варнашка, пойдемъ домой! закончилъ Голованъ свои размышленія, стоя надъ безобразною массою изуродованныхъ труповъ...

Забралъ Голованъ санки, уложилъ на нихъ отцовскую винтовку, топоръ, ножъ, весь снарядъ охотничій, что только пособралъ да отыскалъ въ изрытомъ снѣгу, потащилъ свой возъ, да тяжело, не подъ силу пришлось—вотъ бы Варнашку запречь на подмогу, да молодъ окаянный, не привыченъ къ такой работѣ, вишь! гоняетъ по кустамъ, словно очумѣлый; былъ бы Палканъ, тотъ собака солидная, тотъ возилъ здорово; надо видно бросить санки, до другого раза; надумано—сдѣлано. Затолкалъ Голованъ санки съ кладью въ медвѣжью берлогу, вспомнилъ и про ея жильца, что съ нимъ ночь короталъ, какже его тутъ оставить? Вѣдь онъ тоже, чай, ѣсть хочетъ, самъ кормиться не можетъ, надо и его взять въ избу, на готовые харчи.—Ну ты, ворочайся! Идемъ съ нами, косолапый!..

Упирается косолапый, хрюкатню такую поднялъ, какъ его за уши на свѣтъ божій поволокли, царапаться началъ—съѣздилъ его Голованъ раза два по мордѣ, долго возился, упарился, возившись, а выволокъ таки, отвязалъ отъ саней веревку и намоталъ ее медвѣженку на шею—потянули друга милаго и какъ потянули:—Голованъ веревку-то черезъ плечо себѣ перекинулъ, обѣими руками за конецъ взялся и тащитъ, а Варнашка сзади за штаны медвѣженка похватываетъ, прытп поддаетъ, тотъ бѣжитъ, обертывается, а все-таки впередъ подается... съ часъ шли такъ, а потомъ присмирѣлъ звѣренышъ, попривыкъ, пошелъ вольнѣе.

Далеко пришлось идти до дому; труднѣе всего было оврагами, да густолѣсьемъ на знакомую тропу выйти—спасибо, Варнашка пособилъ, тотъ дорогу лучше Голована помнилъ, какъ только

видитъ песъ, что сбиваться начали, сейчасъ свою службу вспомнитъ, броситъ медвѣженка, отбѣжитъ впередъ, въ стороны помечется немного, сразу начуетъ дорогу и лаять примется:—иди молъ сюда прямо на голосъ.

Раза два отдыхать всѣ трое принимались. Великъ-ли день зимній, хотя бы и въ началѣ марта,—не успѣли и разглядѣть путники какое-такое солнце бываетъ, а оно уже и спряталось за деревьями. Впрочемъ, всѣ трое на торный путь изъ трущобы за-свѣтло выбрались—помогъ Господь! Еще пройти съ часъ и дома будутъ... Вонъ видна на увалѣ старая сосна, громомъ разбитая, съ этою сосною поровняться да на горку выбраться, оттуда уже видны будутъ кедровники черные, а влѣво отъ нихъ—дичковая заросль, что по веснѣ, вся розовая, бѣлымъ цвѣтомъ покрывается, тамъ и избенка ихняя... близко, значитъ!...

А въ хорошемъ мѣстѣ пріютилась батькова избенка!

На южномъ, солнечномъ скатѣ оврага, въ гущинѣ дикихъ яблонь, какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ кончается тѣнь отъ столѣтнихъ кедровъ, когда солнце, въ лѣтнюю пору, достигаетъ самого высокаго мѣста на своемъ пути и отсюда уже начинаетъ склоняться къ западу,—виднѣлась старая, поросшая мохомъ и травою, сѣрая крыша, а надъ нею черная, закоптѣлая, обуглившаяся даже труба, плетневая, густо смазанная глиною и снутри, и снаружи. Изба была въ одинъ срубъ, тепло замшено мохомъ; оконцо выходило маленькое, всего въ полъ аршина, и въ рамѣ, заклеенной бумагою, даже кусочекъ стеклушка вставленъ, чтобы видѣть было хорошо. Дверь была въ одинъ щитъ, на березовыхъ, крученыхъ петляхъ и запиралась снутри колышкомъ,—съ той стороны, гдѣ дверь, былъ еще полусрубокъ приложенъ, въ родѣ сѣнцевъ выходило, надъ избою крыша на два ската, а надъ сѣнцемъ въ одинъ, навѣсомъ; изъ сѣней тоже дверь наружу, потяжеле и покрѣпче, и на желѣзныхъ петляхъ, а запоромъ у этой двери служилъ большой брусъ и закладывался этотъ брусъ тоже въ желѣзныя петли, такую дверь не выломаешь сразу, какъ не надсѣдайся. Внутри избы, больше половины всего мѣста занимала печь, обыкновенная, русская, только не изъ кирпичей сложенная, а глинобитная, безъ лежанки и съ покатымъ верхомъ, между печью и стѣною палати для спанья изъ плетня ивоваго и мохомъ сухимъ пастланы, подъ полатями, на стѣнѣ, на колкахъ вся охотничья снасть развѣшана, подъ полатями двѣ кадки для запасу и ларь самодѣльный изъ горбылей, глубокій такой. Какъ, бывало, Голованъ залѣзетъ туда, чтобы достать со дна, что надо, такъ безъ отцовской подмоги назадъ не выберется. У окошка въ переднемъ углѣ, столъ, доска на двухъ пняхъ и другая доска пониже—скамейка, а на дворѣ, подъ окошкомъ тоже такая-же скамейка приложена снаружи, въ переднемъ углу—черная, закопченная доска и на ней два пятна посвѣтлѣе—батька все крестился на эту доску, когда куда въ дорогу собирался... Въ сѣняхъ жерди протянуты и на жердяхъ, на распялахъ шкуры сушились. Около сѣней,—къ стѣнѣ самой навалена была куча хворосту, чтобы топливо подъ рукою было. Шагахъ въ десяти отъ избы, пониже, ко дну оврага, гряды отецъ выкопалъ, сажалъ что-то, да ничего путнаго кромѣ крапивы не выросло, а еще ниже, на самомъ днѣ—ключъ билъ, родникъ, и такой бойкій, что зимою, въ самые страшенные морозы не замерзалъ...обледѣнѣетъ весь, сосульками уберется, а все бьетъ живая струя и паръ отъ нея по дну оврага стелется.

Въ эту-то избу и добрались наши путники втроемъ, въ ту самую пору, какъ только въ лѣсу путемъ темнѣть начало.

Зналъ Голованъ, какъ надо отворять тяжелую, сѣнную дверь, онъ вѣдь всегда отворялъ ее своему батькѣ; взобрался онъ на кучу хворосту, оттуда на плоскую крышу, тамъ жерди пораздвинулъ, внизъ спустился, стащилъ брусъ съ петлей—ну и готово! пожалуйте, милости просимъ!

Разхозяйничался Андронъ наславу. Первымъ долгомъ «косолапаго», въ ларь запряталъ, сиди молъ тамъ смирно! Затѣмъ ототкнулъ затычку, что въ трубѣ была, хворосту сухого натаскалъ въ печь, досталъ огниво отцевское съ полки, огонь высѣкъ, растопилъ мигомъ, такъ что даже паръ повалилъ отъ нахолодившихъ бревенъ сруба; досталъ и горшокъ съ полки надъ дверями и въ самый огонь сунулъ... Варнашка тоже помогать хотѣлъ, все подъ ногами вертѣлся, да по угламъ нюхалъ, на заднія лапки подымался и въ ларь наровилъ заглянуть, когда туда Мишку засадили:—какъ, молъ, тамъ устроился жилецъ на новой квартирѣ?..

А уже ночь настоящая настала; красная полоса свѣта легла изъ оконца, вдоль по снѣгу, до самыхъ яблонь-дичковъ дотянулась... Досталъ Голованъ лепешекъ, немного ихъ, однако, оказалось, всего штукъ десятокъ, одну самъ закусилъ, другую Варнашкѣ, а третью медвѣженку въ ларь бросилъ, только не ѣстъ тотъ, церемонится, и здѣсь, какъ и въ берлогѣ, въ уголъ забился и въ клубокъ косматый свернулся.

Обжегся Андронъ Голованъ, какъ хватилъ изъ горшка первую ложку щей, не торопись, значитъ, ѣшь полегоньку, степенно, какъ батька, бывало, ѣдалъ:—возьметъ ложку, хлебнетъ, откуситъ хлѣба, ложку на столъ положитъ, ѣдко прожевываетъ... Такъ и Голованъ началъ ѣсть, по примѣру отцовскому...

V.

Не такъ, чтобы уже очень давно, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Голованъ началъ сознавать самого себя и все то, что вокругъ него дѣлалось, онъ видѣлъ и зналъ только своего батьку, эту самую сторожку, въ томъ самомъ видѣ, какъ она и теперь была, лѣсъ кругомъ, эти кедры, эти яблоньки-дички, этотъ родникъ, стараго кобеля Палкашку, покойника уже, и щенка Варнашку, успѣвшаго уже превратиться въ здоровую мохнатую собаку сибирку.

Все это облеклось передъ нимъ въ образы опредѣленные и вполнѣ сознательные, даже изученные имъ до нѣкоторой степени, все остальное или не существовало для него вовсе, или же рисовалось въ его воображеніи въ самыхъ неясныхъ, туманныхъ очертаніяхъ.

Батька, это большой такой человѣкъ, больше всего живого, что только видѣлъ Голованъ въ лѣсу, за исключеніемъ развѣ только медвѣдя, да и то, когда тотъ на дыбки станетъ;—волоса у батьки и борода рыжіе, совсѣмъ такіе, какъ шерсть у лисицы лѣтомъ, шапка мѣховая, съ наушниками, рубаха бѣлая, а иногда и красная, короткій полушубокъ, высокіе сапоги съ гвоздями, самые головки шкурою обернуты и ремнями у щиколотокъ прикручены; у батьки есть двѣ винтовки, обѣ граначатки; одну онъ съ собою бралъ, а другая все время на своемъ мѣстѣ виситъ, безъ дѣла; батька говорилъ ему, что та была несчастливая винтовка... Голованъ не разъ уже спрашивалъ у батьки: зачѣмъ несчастливая? да батька не говорилъ, ругался только каждый разъ на такой вопросъ.

Батька каждый день уходилъ изъ избы, а иногда и по нѣскольку дней пропадалъ — его, Голована, тогда запиралъ дома и строго на строго не приказывалъ огня разводить въ печи... Провіанту Головану отпускалось въ такіе дни готоваго, и Палкашка уходилъ съ батькою, а Голованъ сидѣлъ и ждалъ... Когда батька возвращался, Голованъ еще издалека слышалъ его приближеніе.

Батька всегда свисталъ громко,—такъ громко, что какъ только прокатится по лѣсу отцовскій посвистъ,—такъ даже всѣ птицы въ яблонникѣ перестанутъ чиликать, примолкнутъ.

Первымъ подбѣгалъ къ двери Варнашка и лапами начиналъ царапаться;—песъ съ одной стороны просится, скулитъ, а ребенокъ съ другой толчется и кричитъ:—Ба-а-а-атька!

А батька его никогда съ пустыми руками домой не возвращался; всегда что нибудь да притащитъ; то лисицъ пару, то кабана приволочетъ на салазкахъ, или на еловыхъ вѣтвяхъ, то козу дикую, маленькихъ еще звѣрьковъ приносилъ часто и птицу разную.

Сейчасъ распросы пойдутъ:—что за звѣрь, да какъ его батька добылъ?..

Батька всегда охотно говорилъ объ этихъ дѣлахъ; сынишкѣ разсказывалъ такія хорошія вещи, такія занятныя, что послѣ его разсказовъ всю ночь Головану не спится и чудеса мерещатся.

Батька печь растопитъ, поѣсть сваритъ;—добыча на полу лежитъ, посреди избы, около добычи Палкашка, клубкомъ свернувшись, и Голованъ съ другого бока, а батька разсказываетъ... Отрывисто говоритъ, словно сердится что-то,—нѣтъ-нѣтъ, да черезъ слово-другое и выругается, а занятно выходитъ, такъ-бы и слушалъ все, безъ конца, безъ передышки!

Много узналъ диковинъ Голованъ изъ разсказовъ отцовскихъ. Всякаго звѣря—лапку только покажи ему, хоть хвоста кончикъ, сразу узнаетъ... Зналъ онъ и изюбря, и лося, и рысь—кошку злую, хитрѣйшую, и хорька, и бѣлку, и глухаря птицу, и корсака, и рассомаху, и куницу, и курну, и барсука—острорылаго землекопа, соболя всего только два раза видѣлъ...

Отецъ тогда шибко ругался, доволенъ былъ, значитъ, уже очень. Голованъ даже слова его помнилъ, какъ онъ говорилъ, держа звѣрька за переднія лапки и помахивая мягкимъ, пушистымъ хвостомъ по лицу ребенка.

— Эхъ, рѣдки стали, подлецы! говорилъ батька.—Это, братъ, что?! понюхай-ка! знаешь, чѣмъ пахнетъ? Не знаешь!.. то-то, дуракъ!—Коли бы на день да по такой штукѣ, да что на день, на недѣлю бы пришлось такъ...

Тутъ батька только рукою махнулъ и отвернулся, не договорилъ дальше...

Это все очень хорошо Голованъ помнилъ.

Разъ, только разъ всего, приходили сюда еще двое, такихъ точно, какъ батька, видомъ: и одежа такая и росту такого же, и тоже съ винтовками; собакъ только, какъ Палкашка съ Варнашкою, съ тѣми не было. Откуда пришли эти двое—Голованъ не зналъ, куда ушли—тоже.

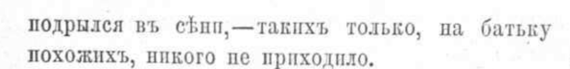
Когда они пришли, батьки дома не было. Голованъ одинъ сидѣлъ въ избѣ, въ заперти, по обыкновенію, и очень испугался, завидѣвъ гостей въ окошко, такъ испугался, что забился въ уголъ, подъ шкуры и примолкъ, не отозвался, когда тѣ кричали и дверь трясли изо всей мочи.

Ребенокъ помнилъ, что пришлецы Максима звали какого-то; послѣ уже, когда батька вернулся, Голованъ узналъ, что батька-то и есть этотъ самый Максимъ.

Когда всѣ трое вошли въ избу, гости въ уголъ взглянули, подъ крышею, гдѣ доска черная съ свѣтлыми пятнами висѣла, и что-то руками сдѣлали, эдакъ на крестъ, ото лба на животъ, отъ одного плеча на другое. Батька тоже дѣлалъ это иногда, да Голованъ не зналъ, зачѣмъ, а теперь когда и другіе сдѣлали, онъ понялъ только, что должно быть такъ и надо, и самъ принялся за тоже. Батька ничего про это ему не разсказывалъ, и не объяснялъ, а тотъ и не спрашивалъ... Только съ этого времени, черная доска получила для ребенка какое-то особенное, полное таин-

ственности значеніе, онъ даже сталъ пугаться этихъ, расположенныхъ треугольникомъ свѣтлыхъ, словно протертыхъ чѣмъ-то пятнышекъ, особенно, когда приходилось оставаться одному, глазъ на глазъ съ этою загадочною доскою.

Съ тѣхъ поръ, какъ ушли эти двое, никто больше не приходилъ, то есть не то, чтобы вовсе никто,—приходили волки зимою, чуть не каждую ночь, и выли, глядя на жилье, разъ даже хорекъ подрылся въ сѣни,—такихъ только, на батьку похожихъ, никого не приходило.

Батька звѣря и птицу приносилъ изъ лѣсу, а муку, изъ которой они лепешки пекли, масло жидкое, зеленое, соль и еще воду какую-то, горькую, прегорькую, изъ села. А что такое это село, Голованъ не зналъ; зналъ только, что гдѣ-то очень далеко, потому что, когда батька приносилъ вышесказанные предметы, то всегда дней пять, а то и больше не былъ дома. Приходилъ всегда сердитый и на вопросъ Голована: а гдѣ это, батька, село? недобрымъ голосомъ, даже съ предварительной затрещиною, отвѣчалъ:

— А тамъ, куда тебѣ и носа своего совать не зачѣмъ...

Ну какъ же тутъ его распрашивать о селѣ,— похоже ли оно на лѣсъ, или на что нибудь другое?..

Годъ тому назадъ онъ узналъ только дорогу, по которой можно было попасть въ это таинственное село. Это было тогда, когда батька сталъ его иногда брать въ свои походы. И то Голованъ узналъ далеко не все, что слѣдовало.

Разъ они долго, долго шли по лѣсу, ночевали два раза и огонь тогда разводили. Сперва шли знакомыми для ребенка мѣстами, а потомъ свернули такимъ глухимъ мѣстомъ, что иную пору батька топоромъ прорубался; на третьи сутки мелколѣсье пошло, за большимъ оврагомъ, гдѣ протекалъ сердитый ручей и каменья большущіе лежали, вывороченные. Шли они все на моховую сторону, то есть на ту, съ которой деревья наиболѣе опушены мохомъ, значитъ, на сѣверъ. Выбрались они, наконецъ, на широкую тропу и ужъ эта тропа вывела ихъ вовсе изъ лѣса.

И вотъ, видѣлъ тутъ Голованъ диковину, большую, большую гору, совсѣмъ голую, ни одного-то на ней кусточка и поднималась эта гора безъ конца, въ самый край неба упиралась. Здѣсь батька велѣлъ Головану сидѣть и его дожидаться, и изъ кустовъ на опушку не вылѣзать,—а самъ пошелъ прямо на гору, все меньше и меньше становился, наконецъ, совсѣмъ сталъ—одна точка, съ муху величиною, и спрятался.

Хотѣлъ, было, и Голованъ пойти по отцовскимъ

За чтеніемъ.

Рисунокъ Пьянтковскаго.

слѣдамъ, да побоялся. Разстались они рано, рано утромъ, всю ночь шли передъ этимъ, а вернулся батька, когда солнце уже совсѣмъ сѣло и принесъ мѣшокъ муки, другой мѣшочекъ по меньше, что-то въ синюю бумагу завороченное и бутылку воды горькой, а четыре шкуры, что съ собою взялъ, не принесъ, должно быть, въ этомъ самомъ селѣ оставилъ.

Вотъ все, что зналъ Голованъ о селѣ.

У Голована и мать была; только странная мать, совсѣмъ не такая какъ у другихъ бываетъ.

Вотъ у медвѣженка, напримѣръ, тоже мать была, медвѣдица большая, что батьку задавила. Не разъ случалось батькѣ козъ убивать съ дѣтенышами, тоже матокъ значитъ,—свиней съ поросятами; одну убили разъ такую, что батька у нея изъ живота повынималъ поросятокъ, крохотныхъ, голенькихъ еще... Сколько гнѣздъ онъ видалъ, даже тутъ близко въ яблонникѣ—сперва яички тамъ, а послѣ птенчики пойдутъ и мать у нихъ есть и отецъ, мать сѣренькая, а отецъ покрасивѣе, или желтый весь, или съ хохломъ, или съ грудочкою красною, какъ ягода на кустахъ. Подъ самою крышею у нихъ даже есть такое гнѣздо и каждую весну сидитъ въ немъ матка-самочка; а у него не такая мать, совсѣмъ особенная... Она тамъ, по ту сторону ручья, подъ старою сосною лежитъ. Глядѣть, такъ просто куча земли, на муравьиную издали похожая, поросшая густымъ бурьяномъ, а надъ этою кучею два бруска, крестъ на крестъ гвоздемъ сколоченные... вотъ и все!...

Батька ходилъ сюда съ нимъ вмѣстѣ и его одного отсылалъ. Это бывало, обыкновенно послѣ того, какъ Батька, не ходя на охоту, цѣлый день просиживалъ на порогѣ, молча и все изъ бутылки горькую воду прихлебывалъ... Сдѣлается такой страшный, глаза покраснѣютъ, шататься начнетъ, когда встанетъ на ноги, и руками за все хватается. Вотъ тогда и пойдутъ за оврагъ.

Прійдутъ, бывало, отецъ постоитъ молча съ минуту, насупится, брови сдвинетъ, а шапку объ земь ударитъ—потомъ заревѣтъ, какъ волкъ, завоетъ, ляжетъ грудью на кучу и землю цалуетъ, а рукою все со лба на грудь, съ одного плеча на другое.

Его, Голована, тоже заставитъ землю цаловать...

— Тебя, волченокъ, родила, сама сгибла,— сказалъ онъ разъ ему въ такую минуту и такъ зло поглядѣлъ на него, что ребенокъ испугался и въ кусты спрятался; а послѣ все прошло. Послѣ того всякій разъ батька ласковѣе на сына поглядывалъ, по косматой головенкѣ гладилъ его— спать ложился, спалъ долго, все метался и говорилъ что-то во снѣ, не разберешь что, какъ будто звалъ кого-то, а на другой день все проходило, все начиналось по старому... до новаго посѣщенія.

Какъ только отецъ останется дома и за бутылку съ горькою водою возьмется, такъ уже Голованъ и зналъ, что пойдутъ они за оврагъ, къ матери и все, что за этимъ должно слѣдовать.

Вотъ какая мать была у Андрона Голована.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Еретикъ.

Статья П. Скромнаго.

(*Продолженіе.*)

Съ такимъ-то настроеніемъ, и, понятно, съ немалымъ запасомъ знаній и нѣкоторою жизненною опытностію возвратился Арнольдъ на родину. Но не въ монастырскомъ уединеніи, не подъ тяжестью аскетическихъ подвиговъ онъ сталъ пробовать свои молодыя силы. Богато одаренная натура влекла его на поприще общественной дѣятельности. Онъ не выдумывалъ себѣ дѣла, окружающая его жизнь указала ему, что надо дѣлать. Арнольдъ былъ менѣе всего сухимъ кабинетнымъ мыслителемъ и теоретикомъ, онъ возбуждался впечатлѣніями жизни. Какія же обстоятельства возбуждали Арнольда и что въ явленіяхъ, поражавшихъ его, особенно вліяло на него? Этотъ вопросъ вызываетъ на обстоятельный разсказъ о политическихъ и церковныхъ событіяхъ Италіи въ XII ст., о состояніи папства, духовенства вообще, о нравственномъ состояніи итальянскаго общества и о возникшихъ въ немъ въ это время съ особенною силою національныхъ стремленіяхъ.

Въ это время заложенное Гильдебрандомъ зданіе средневѣковаго папства продолжаетъ разростаться. Оно быстро подвигается въ концу, но еще не окончено. Католическая церковь уже свободна отъ государства. Но на этомъ папы не желаютъ остановиться. По идеямъ Гильдебранда, государство должно подчиниться церкви, всѣ власти сосредоточиться въ единой власти римскаго первосвященника и всѣ учрежденія, вся жизнь человѣческая идти подъ опекою этой единой власти. Къ этому единству стремятся среднія вѣка, — это характерная, — имъ свойственная идея. Но такое единство еще недостигнуто, идея находится еще въ борьбѣ и должна побѣдить не мало препятствій для полнаго своего осуществленія. Противъ нея еще стоитъ государство, которое желаетъ, если не господства надъ церковью, то, по крайней мѣрѣ, самостоятельности; противъ нея ратуетъ самостоятельность городовъ. Понятно, что въ это время кризиса всѣ дѣйствующія силы чрезвычайно напрягаются, даровитыя личности раздѣляюся на лагери, ведутъ ожесточенную борьбу, живутъ лихорадочною жизнію. Въ эту-то борьбу идей и направленій ринулся, по возвращеніи на родину, Арнольдъ. На нее вызвала чуткость его натуры, къ ней обязывало его нравственное чувство; его глубокая религіозность и богословское образованіе опредѣлили его отношеніе къ этому историческому вопросу. Онъ явился противникомъ теократическихъ идей Гильдебранда, защитникомъ самостоятельности государства и обличителемъ духовенства. Цѣлая вереница непререкаемыхъ для него истинъ убѣдила его противостать историческому теченію. Церковь—царство духовное: зачѣмъ же она дѣлается свѣтскимъ государствомъ? Власть духовная—надъ совѣстью, внутреннимъ міромъ человѣка; сфера ея дѣятельности—сфера чисто религіозная и нравственная. Все свѣтское, матеріяльное, внѣшнее принадлежитъ другой власти. Самъ Христосъ училъ различать, что принадлежитъ Кесарю и что Богу. Апостолы не только признавали эту власть практически, но и теоретически проповѣдывали подчиненіе ей. Гильдебрандовскія тенденціи противорѣчатъ непререкаемымъ законодателямъ церкви, Христу и его апостоламъ. Церковь перваго вѣка, церковь Христа и апостоловъ, была учрежденіемъ чисто духовнымъ. Это было царство глубокаго религіознаго убѣжденія и чистой нравственности. Они не подчинялись міру и не подчинялись никакой власти въ своей сферѣ, признавая одного законодателя Христа и одинъ законъ божественное откровеніе, они отрицали всякій другой законъ и всякую другую власть. Церковь, какъ царство духовное, имѣла обнять весь міръ, покорить всѣ народы... Но какъ? Не силою оружія, не политическою агитаціею, ни низверженіемъ троновъ и тѣхъ политическихъ и общественныхъ учрежденій, которыя существовали у той или другой народности; а кроткою проповѣдью о царствѣ Божіемъ, Христѣ распятомъ и нравственной чистотѣ. Всякій законъ гражданскій она признавала, всякой власти въ обыкновенной политической жизни подчинялась. Небесный учитель, обличивъ неразумную толпу, когда та думала видѣть въ немъ царя земного и, пораженная высотою его ученія и обиліемъ чудесныхъ дѣлъ, хотѣла провозгласить его своимъ властителемъ. Апостолы не имѣли и не хотѣли имѣть ни свѣтскихъ должностей, ни свѣтской власти; они отдавали всѣ свои силы проповѣди устройству христіанскаго общества. Ужели папа, свѣтскій властитель, желающій притомъ подчинить себѣ другихъ царей—послѣдователь Христа? Ужели кардиналы и прелаты, управляющіе городами, занятые свѣтскими дѣлами, собирающіе дани и налоги, могутъ назваться намѣстниками апостоловъ? Нѣтъ и нѣтъ! Церковь, отступившая отъ своего ископпаго образца, сдѣлавшаяся свѣтскимъ, мірскимъ учрежденіемъ, желающая подчинить себѣ міръ, сама подчинилась міру, подпала его господству. Она изобилуетъ богатствами мірскими, но лишена благъ духовныхъ. Пастыри церкви—цари и князья свѣтскіе, по менѣе всего наставники и вожди духовные. У нихъ нѣтъ времени для проповѣди и наученія, они заняты войною, охотою, легкомысленными потѣхами. Примѣръ ихъ жизни не только не можетъ научить народъ, но положительно развращаетъ. Народъ оставленъ безъ наученія, онъ алчетъ и жаждетъ истины.

Такой церковный идеалъ воодушевляетъ Арнольда. Явленія тогдашней церковной жизни менѣе всего соотвѣтствовали такому идеалу, даже болѣе, они возмущали и не особенно щекотливое нравственное чувство. Еще живо было въ народѣ воспоминаніе о возмутительномъ времени порнократіи (правленіи развратницъ), когда развратныя римлянки сажали на престолъ св. Петра своихъ любовниковъ и дѣтей, прижитыхъ отъ папъ-любовниковъ. На папскомъ престолѣ возсѣдали развратные мальчики. Это ли намѣстники Христа, наслѣдника князя апостоловъ. Папы, съ мечемъ въ рукахъ, предводительствующіе войскомъ, разсыпающіе проклятія и возмущающіе подданныхъ противъ законныхъ государей, сбирающіе дани и подати — развѣ намѣстники Христа? Ужели не вооружаться противъ такого порядка вещей? Не обязанность ли каждаго вѣрующаго бичевать такія явленія? Высшее духовенство подражало своему главѣ и менѣе всего напоминало тѣхъ самоотверженныхъ проповѣдниковъ, которые силою слова, величіемъ самоотреченія и героизмомъ мученичества побѣдили міръ Христу. Прелаты жили въ богатствѣ на подобіе свѣтскихъ князей и бароновъ, воевали, выкармливали соколовъ и собакъ для охоты, и вообще всецѣло были заняты такого рода удовольствіями. О духовенствѣ низшемъ нечего и говорить; оно по грубости права и неразвитости, за чрезвычайно малыми исключеніями, рѣшительно не выдѣлялось изъ народной массы. Вотъ та почва, на которой приходилось дѣйствовать Арнольду; вотъ какія впечатлѣнія поражали его идеально настроенный умъ и щекотливое нравственное чувство! Всему этому Арнольдъ считалъ священною обязанностію противостать и началъ строгую обличительную проповѣдь.

Арнольдъ говорилъ противъ роскоши и легкомысленной жизни духовенства. Вотъ общая тема его проповѣди. Рѣчь его была услышана въ Италіи и произвела не только сильное впечатлѣніе, но положительное волненіе. Это объясняется отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что Арнольдъ говорилъ объ явленіи, которое было у каждаго на глазахъ, которое уже поражало и возбуждало нравственное чувство многихъ. Но кромѣ этого, и самая личность проповѣдника придавала вѣсъ его словамъ, возбуждала вѣру, клала особенное впечатлѣніе. Молодой проповѣдникъ училъ своею жизнію, какъ и словомъ. Жизнь его была настолько чиста, что народъ считалъ его святымъ и пророкомъ. Понятно, что изъ искренняго

сердца, нравственно чистаго человѣка, должна была вылиться свободною волною истинно-трогательная проповѣдь: сердце дѣлаетъ краснорѣчивымъ. Не надо забывать при томъ, что Арнольдъ былъ человѣкъ не обычныхъ способностей и имѣлъ ораторскій талантъ. Одинъ современникъ говоритъ, что рѣчь Арнольда отличалась богатствомъ и разнообразіемъ словъ и выраженій, хотя и не хочетъ приписать ему богатства мыслей. Другой замѣчаетъ, что рѣчи Арнольда текли плавно, какъ елей, но поражали, какъ стрѣлы. При такихъ условіяхъ, какъ и надо было ожидать, рѣчь проповѣдника имѣла громадное вліяніе на народъ. Лица духовныя и прежде не имѣли какого-нибудь авторитета, и теперь потеряли всякое уваженіе. Въ это время даже многимъ было стыдно своего духовнаго званія. Это сторона отрицательная. Мы не можемъ, за недостаткомъ данныхъ, опредѣлить, перешелъ или нѣтъ Арнольдъ въ этомъ отношеніи границу мудрой осторожности, и не желаемъ изъ отрывочныхъ словъ Оттона Фризингенскаго, явно къ Арнольду не расположеннаго, ставить въ вину Арнольду такой результатъ его проповѣди. Намъ даже не понятна и та разсудительность, которой требуетъ въ этомъ отношеніи Берингеръ. Конечно, высшее духовенство и вообще клерикалы съ своей точки зрѣнія могутъ называть Арнольда демагогомъ, льстившимъ своевольному народу, и бунтовщикомъ, вооружившимся противъ духовныхъ сановниковъ. На этотъ счетъ могутъ быть различные взгляды, обличалъ духовенство Арнольдъ, обличали его также и многія другія лица, пользовавшіяся по праву въ католической церкви большимъ уваженіемъ и даже окруженныя ореоломъ святости, хоть бы и противникъ Арнольда, Бернардъ. Проповѣди и обличенія Бернарда называютъ мудрыми, пастырскими назиданіями и святыми совѣтами, а проповѣди Арнольда демогагическими происками разнузданнаго народнаго трибуна. Правда, результаты были различны; Бернардъ подчинялъ народъ тѣмъ властямъ, которыя онъ порицалъ. Арнольдъ возбуждалъ противъ нихъ народъ. Но не подражалъ ли Арнольдъ, противникъ Гильдебранда, именно ему, а никому другому въ выборѣ средствъ. Гильдебрандъ, для проведенія въ дѣло своихъ идей, являлся прежде всего и главнымъ образомъ демагогомъ: онъ заставлялъ королей трепетать предъ собою тѣмъ, что возмущалъ противъ нихъ недовольныхъ подданныхъ, желая узаконить безбрачіе духовенства, онъ возбуждалъ противъ женатыхъ священниковъ ихъ прихожанъ. Арнольдъ и Гильдебрандъ обращаются одинаково къ народу, къ толпѣ. Тотъ и другой слѣдовательно пользовались одними средствами и для одинаковыхъ цѣлей исправленія церковнаго порядка, улучшенія нравовъ клира. Арнольдъ былъ простой чтецъ (низшая іерархическая степень) брешіанской церкви и потому ему прилично названіе домагога и возмутителя. Гильдебрандъ сидѣлъ на высокомъ престолѣ св. Петра, въ тройной коронѣ; потому его называютъ мудрымъ реформаторомъ.—Трудно, конечно, въ виду вопіющаго зла, въ горячихъ обстоятельствахъ, человѣку съ пылкою душою, и съ такими нравственными идеалами, какими отличался Арнольдъ, соблюсти въ проповѣди рекомендуемую въ кабинетѣ ученыхъ нѣмцевъ, спустя восемь сотъ лѣтъ, границу умѣренности. При томъ не надо забывать, что Арнольдъ не ограничивался одною отрицательною стороною. Онъ имѣлъ положительный идеалъ; бѣглыми штрихами мы очертили этотъ идеалъ, безспорно чистый и высокій. Арнольдъ въ своихъ проповѣдяхъ не скрывалъ своего идеала и высказывалъ его ясно. Онъ говорилъ, что церковь должна возвратиться къ ея первоначальной чистотѣ, въ какой она пребывала въ вѣкъ апостольскій, должна сбросить съ себя бремя чисто мірскихъ дѣлъ и обязанностей. Огромныя же богатства, ею накопленныя, и владѣнія уступить государству; мірское принадлежитъ власти мірской. Отдайте имущества князьямъ и королямъ, пусть они распоряжаются ими для блага своихъ подданыхъ, говорилъ Арнольдъ; тогда церковь будетъ свободна отъ столкновеній съ властями свѣтскими, тогда у нея будетъ ея собственная область—совѣсти, нравственности, религіознаго чувства. Папа, высшія и низшія духовныя лица должны быть исключительно заняты своимъ духовнымъ дѣломъ, наученіемъ и назиданіемъ. Пусть они, по примѣру апостоловъ, трудятся надъ созиданіемъ духовнаго царства Божія на землѣ, церкви. Духовные должны питаться отъ добровольныхъ приношеній вѣрующихъ. Вотъ положительный идеалъ Арнольда. Мы не знаемъ въ какой формѣ Арнольдъ предлагалъ эти мысли народу, но можемъ полагать, сообразуясь съ тѣмъ, что знаемъ о его привлекательной нравственной личности и его ораторскомъ талантѣ, что и самая форма его рѣчи была очень увлекательна и не слишкомъ рѣзка. Недаромъ Бернардъ предостерегаетъ отъ Арнольда, какъ отъ такого оратора, въ медоточивой рѣчи котораго подлитъ ядъ; недаромъ выразительно говоритъ, что Арнольдъ при своемъ постничествѣ алчетъ погибели душъ. Идеализмъ Арнольда дѣйствительно опасенъ для римскаго духовенства; въ каждомъ самомъ скромномъ поученіи своемъ, Арнольдъ ратуетъ противъ вѣкового и величаваго зданія папства. Каждое изъ положеній Арнольда съ папской точки зрѣнія ересь, за каждое изъ нихъ можно взвести на костеръ. Католическій историкъ Бароній недаромъ считаетъ Арнольда патріархомъ политическихъ еретиковъ. Арнольдъ говоритъ съ точки зрѣнія церкви апостольской и, конечно, долженъ считаться еретикомъ церковью римскою, потому что эта церковь позабыла апостольскій идеалъ, наслѣдовала традиціи языческаго Рима, присвоила его формы и стремилась вмѣсто духовнаго царства основать царство политическое. Но былъ ли на самомъ дѣлѣ еретикомъ Арнольдъ? Всѣ почти христiане, безъ различія вѣроисповѣданія, не признаютъ въ мысляхъ Арнольда ничего возмутительнаго. Напротивъ, онъ проповѣдалъ тѣ начала, на основѣ коихъ зиждутся всѣ современныя общества и государства. Эти начала считаются теперь политическою мудростію, но съ точки зрѣнія властей XII вѣка, дѣятельность Арнольда была признана бунтомъ и опаснымъ вольномысліемъ. Манфредъ, архіепископъ брешіанскій, не на шутку оробѣлъ при видѣ движенія, произведеннаго чтецомъ Арнольдомъ. Онъ тотчасъ же сообщилъ о своихъ опасеніяхъ римскому собору и папѣ Иннокентію. Папа отъ полноты власти, и отцы, бывшіе на соборѣ, положили: запретить чтецу Арнольду проповѣдывать и изгнать его изъ Италіи, какъ опаснаго человѣка. Постановленіе 23-го канона римскаго собора 1139 года, назидательны, именно съ той стороны, что Арнольдъ не былъ отлученъ отъ церкви, слѣдовательно, въ его ученіи не было найдено ересей. Если бы можно было доказать въ его ученіи ересь, то, конечно, соборъ не отнесся бы къ нему такъ снисходительно. Еретику была бы непремѣнно присуждена смертная казнь или, въ крайнемъ случаѣ, тѣсное тюремное заключеніе въ монастырѣ. Ссылка, къ которой былъ присужденъ Арнольдъ, доказываетъ, что противъ его жизни, какъ и противъ ученія, ничего нельзя было сказать: и жизнь хороша и ученіе не дурно. Но Арнольдъ все-таки казался не удобнымъ въ Брешіи и вообще въ Италіи для духовныхъ властей, какъ объ этомъ и доносилъ важный церковный сановникъ Манфредъ, архіепископъ брешіанскій.

Для Арнольда теперь уже не было мѣста въ Италіи. Изгнанный изъ родины, онъ снова взялъ страннической посохъ и пошелъ во Францію къ своему учителю Абеляру. Но не въ добрый часъ предпринялъ онъ свое путешествіе. Въ это время былъ самый разгаръ ожесточенной борьбы Абеляра съ Бернардомъ. И борьба приходила къ концу, печальному для Абеляра. Медоточный докторъ располагалъ несравненно большими средствами, чѣмъ тѣ, какія находились у Абеляра. Богатырь діалектики вызывалъ Бернарда на торжественный диспутъ, но Бернардъ уклонился отъ вызова. Вмѣсто того, онъ требовалъ, чтобы Абеляръ отказался отъ своихъ положеній, призналъ авторитетъ и смирился предъ властями. Бернардъ обратился къ духовнымъ властямъ, чтобы они силою уняли Абеляра. Онъ съ гнѣвомъ писалъ въ Римъ: «осмѣивается вѣра простыхъ людей, обнажаются тайны Божіи, нанося-ся поруганіе отцамъ, все присвояетъ себѣ разумъ человѣческій». Если принять во вниманіе то громадное вліяніе, которое имѣлъ на своихъ современниковъ Бернардъ, то не удивительно, что надъ головою Абеляра собралась гроза. Однакожь, опасность, грозившая учителю, не заставила ученика оставить его. Уваженіе къ учителю, общность идей, признаніе верховнаго начала разума и свободнаго изслѣдованія, преданность идеѣ и беззавѣтная смѣлость побудила Арнольда, не смотря на опасности, стать на сторонѣ Абеляра. Узнавъ объ этомъ, Бернардъ сейчасъ написалъ въ Римъ, что «Арнольдъ сталъ оруженосцемъ Голіафа, т. е., Петра Абеляра; магистръ Петръ и Арнольдъ опять возстаютъ на Господа и Христа его». Бернардъ произвелъ сильную агитацію противъ Абеляра; всѣ духовныя власти были противъ него, это и понятно: духовная власть должна была принять сторону защитника авторитета и традиціи, а не критики и свободнаго изслѣдованія. Для магистра Петра эта борьба была послѣднею въ его бурной жизни. На сенскомъ соборѣ во Франціи, 1140 года, принципы Абеляра были осуждены. Отцы рѣшили сжечь сочиненія магистра Петра, самого его принудить къ безусловному отреченію и послѣ этого подчинить его тѣсному монастырскому заключенію.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Сумасшедшій домъ.

(См. рис. на стр. 225.)

«Не дай мнѣ Богъ сойдти съума».

Не безъ основанія вырвалось это восклицаніе у нашего великаго поэта: для человѣка мыслящаго нѣтъ ничего страшнѣе сумасшествія. Сойдти съума, потерять именно тѣ способности, которыя дѣлаютъ человѣка выше простого животнаго, служить пугаломъ, предметомъ сострадания или насмѣшекъ для ближнихъ, не понимать, что происходитъ кругомъ, и не имѣть силы воли управлять своими дѣйствіями—это такая пытка, такая казнь, такой позоръ, передъ которыми останавливаешься въ ужасѣ и невольно повторяешь за поэтомъ:

Нѣтъ, лучше петля иль тюрьма!

Какія мученія испытываетъ человѣкъ, сходя постепенно съума, сознавая во время свѣтлыхъ промежутковъ, что онъ теряетъ разсудокъ, что онъ скоро станетъ ниже всякаго животного. Нужно видѣть людей въ этомъ состояніи, чтобы понять весь ужасъ ихъ положенія, чтобы не осуждать ихъ, когда они въ эти свѣтлые промежутки налагаютъ на себя руки. Да, смерть лучше сумасшествія. Положеніе сумасшедшихъ глубоко поразило и знаменитаго художника В. Каульбаха, когда ему пришлось работать въ сумасшедшемъ домѣ, и, послѣ долгихъ мучительныхъ размышленій объ этомъ предметѣ, художникъ создалъ свою знаменитую картину, копія съ которой находится передъ глазами нашихъ

читателей. На этой картинѣ, каждый образъ полонъ драматическаго значенія. Взгляните на женщину на правой сторонѣ картины: черты ея лица искажены, она завернула въ тряпки полѣно и укачиваетъ его,—она думаетъ, что она держитъ на рукахъ ребенка. Быть можетъ, это несчастная мать, потерявшая всѣхъ своихъ любимыхъ дѣтей; быть можетъ, эта женщина сошла съума оттого, что ея дѣти не умерли, но, хуже того, отплатили ей черною неблагодарностью за ея заботы, сдѣлались ея врагами, запрятали ее въ сумасшедшій домъ, чтобы воспользоваться ея имѣніемъ, и довели ее до безумія. А развѣ менѣе драматична фигура идіота, вообразившаго себя царемъ, держащаго вмѣсто скипетра палку, надѣвшаго вмѣсто короны какія-то бумажки на свою скорбную голову? Притѣсненія, оскорбленное самолюбіе, удары судьбы довели его до этого состоянія; ему казалось, что онъ долженъ былъ быть царемъ, а не пресмыкаться передъ людьми,—и вотъ онъ теперь сидитъ съ тупою важностью на дворѣ сумасшедшаго дома въ позѣ правителя. А сколько животной, скотской страсти видите вы въ этихъ двухъ женщинахъ бросившихся обнимать мужчину. Какъ отвратительны онѣ со своими ласками. Какой путь должны были онѣ пройдти, чтобы дойдти до этого состоянія. Вообще, смотря на картину В. Каульбаха, нельзя не задуматься: здѣсь нѣтъ фигуръ, не имѣющихъ значенія, не наводящихъ на размышленіе.

За чтеніемъ.

(См. рис. на стр. 228.)

Рисунокъ Пьятковскаго представляетъ одну изъ простыхъ лѣтнихъ сценъ: двѣ красивыя дѣвушки сошлись въ бесѣдкѣ за кофе и читаютъ вслухъ, задумываясь надъ книгой, обсуждая прочитанное. Имъ такъ хорошо въ этотъ теплый лѣтній день, въ тѣни бесѣдки, обвитой вьюнами. Ихъ интересуетъ книга, ихъ не манитъ никуда изъ этого затишья деревенскаго дома. Пьятковскій съумѣлъ очень мило передать эту тишину, этотъ миръ лѣтняго утра въ деревенской глуши, гдѣ отдыхаютъ люди отъ шума, дрязгъ и невзгодъ городской жизни.

Судебная ошибка.

Романъ **Ф. Буагобея**. Переводъ **С. И. Воскресенской**.

(*Продолженіе.*)

Пьедушъ проворно выскочилъ изъ экипажа и вошелъ въ пассажирскую залу вслѣдъ за Гольцемъ, который не остановился здѣсь, а прошелъ въ кассу. Пьедушъ слѣдилъ за нимъ издалека. Онъ рѣшился, въ случаѣ нужды, взять тоже билетъ и поѣхать, куда потребуется, лишь бы достигнуть своей цѣли, но, къ своему изумленію, онъ увидѣлъ, что Толбіакъ не приближается къ кассѣ, а только внимательно перечитываетъ названія станцій на объявленіяхъ, которыми были увѣшаны стѣны. Нельзя было, однако, предположить, что онъ явился въ вокзалъ съ единственною цѣлью изучить топографію орлеанской желѣзной дороги. Пока Пьедушъ старался проникнуть тайну поведенія Толбіака, вниманіе его было внезапно отвлечено появленіемъ двухъ лицъ, которыхъ онъ никакъ не ожидалъ встрѣтить: угольщикъ и его супруга ввалились въ залу, кряхтя подъ цѣлымъ возомъ самыхъ разнокалиберныхъ вещей: подушекъ, мѣшковъ, кастрюль и всякой домашней утвари.

— Здѣсь даютъ билеты въ Орильякъ? спросилъ угольщикъ, обращаясь къ кассиру.

— Здѣсь, отвѣчалъ тотъ, — но орильякскій поѣздъ отправится не ранѣе, какъ черезъ полтора часа.

— Это и славно! сказалъ угольщикъ.—Намъ будетъ время перекусить... не такъ ли, Жанетта?

Угольщица открыла ротъ, чтобы отвѣтить, но, вмѣсто того, издала какое-то глухое восклицаніе и указала мужу на высокую, худощавую женщину, бѣлокурую и одѣтую очень нарядно. Эта дама вышла изъ очень щегольскаго экипажа и направилась прямо къ кассѣ.

— Что такое? спросилъ угольщикъ, но жена не успѣла ему ничего объяснить, потому что одинъ изъ кондукторовъ вѣжливо попросилъ супруговъ не загораживать дороги своими пожитками и посидѣть въ общей залѣ до отправленія орильякскаго поѣзда. Оверньцы безпрекословно повиновались, но когда они проходили мимо Пьедуша, Жанетта сказала своему мужу:

— Да ты всмотрись! Вѣдь это она, горничная нашей сосѣдки! англичанка, которая скрылась въ ту самую ночь, когда убили ея госпожу!

— Господа! не угодно ли въ вагоны! Поѣздъ сейчасъ отойдетъ! закричалъ оберъ-кондукторъ.

Дама, на которую указала угольщица, уже взяла билетъ и торопилась къ выходу на платформу. Въ то же самое время, Толбіакъ вышелъ изъ своего угла и приблизился за ней къ выходу. Пьедушъ былъ такъ пораженъ восклицаніемъ угольщицы, что забылъ на минуту о Гольцѣ, но тотчасъ же оборотился снова къ нему... Удивительное дѣло! Этотъ Гольцъ, вовсе не подходившій къ кассѣ, предъявилъ теперь билетъ сторожу и тотъ пропустилъ его за завѣтную рѣшетку, между тѣмъ какъ Пьедушъ остался, по принятому выраженію, какъ ракъ на мели.

Онъ не потерялъ, однако, присутствія духа и бросился къ кассѣ.

— Билетъ! закричалъ онъ, въ то самое мгновеніе, когда кассиръ начиналъ уже запирать свою форточку.

— Стоило бы вамъ отказать, замѣтилъ кассиръ.—Вы почти часъ прогуливаетесь по залѣ и ждете послѣдней минуты, чтобы брать билетъ.

— Право, не моя вина, проговорилъ Пьедушъ.

— Ну, ладно... Говорите скорѣе: на какую станцію? Какой классъ?

— Я... я не знаю... То есть, нѣтъ... Однимъ словомъ, дайте мнѣ билетъ того самого класса и на ту станцію, на которую ѣдетъ одинъ господинъ... вмѣстѣ съ дамой...

— Вы смѣяться вздумали! сказалъ гнѣвно кассиръ, захлопывая форточку подъ самымъ носомъ бѣднаго Пьедуша, но тотъ не унялся; онъ началъ стучать кулаками въ рѣшетку.

— Послушайте, сказалъ ему строго кассиръ,—если вы станете шумѣть, я кликну городскаго сержанта.

— Нѣтъ, вы послушайте... Мнѣ необходимо ѣхать... поѣздъ еще на станціи.. Пустите меня... въ какой классъ хотите... я заплачу когда пріѣду...

— Куда? Вы сами того не умѣете сказать... Знаете ли что? Мнѣ сдается, что вы шпіонъ... Упустили кого-нибудь?.. Тѣмъ хуже для васъ, но помогать вамъ я не обязанъ. Пеняйте на себя, что опростоволосились.

— Я шпіонъ! Что вы, помилуйте! воскликнулъ Пьедушъ, успѣвшій немного оправиться. — Совсѣмъ напротивъ... Я только стараюсь поймать одного господина, потому что съ нимъ уѣхала моя жена!

— Ваша жена!

— Да, мошенникъ соблазнилъ ее и похитилъ... Умоляю васъ, пропустите меня!

— Вполнѣ сочувствую вашему положенію, сказалъ кассиръ съ невольной улыбкою,—но если бы я и пропустилъ васъ, то было бы уже поздно. Слышите свистокъ?

Пьедушъ схватилъ себя за волосы. Злодѣй ускользнулъ! прошипѣлъ онъ въ бѣшенствѣ.

— До какого мѣста ѣдетъ этотъ поѣздъ? спросилъ онъ съ отчаяніемъ.

— До Орлеана, но останавливается на каждой станціи... а ихъ счетомъ двадцать три, отвѣчалъ кассиръ насмѣшливо.—Я посовѣтовалъ бы вамъ купить «Указатель», если вы желаете поймать вашу супругу.

Пьедушъ отошелъ отъ кассы внѣ себя отъ досады.

Потратить столько ловкости на преслѣдованіе, перерядиться такимъ великолѣпнымъ образомъ, бѣжать полчаса за лошадью, и все это для того, чтобы покончить такъ глупо!

— Мнѣ стыдно будетъ на глаза показаться старику, разсуждалъ Пьедушъ. — Тѣмъ болѣе стыдно, что я даже не понимаю, какимъ образомъ могъ выдти за рѣшетку этотъ подлецъ? Я не спускалъ съ него глазъ и знаю, что онъ къ кассѣ не подходилъ... Откуда же у него билетъ явился?.. Развѣ абониментный... или просто «пропускъ» изъ префектуры... Но, въ обоихъ случаяхъ, онъ долженъ былъ бы визировать его въ кассѣ... Что же это такое, въ самомъ дѣлѣ?

Онъ задумался и потомъ ударилъ себя кулакомъ по лбу.

— А что, если это женщина?.. Дѣло возможное... Она была въ двухъ шагахъ отъ него, когда я имѣлъ глупость отворотиться на минуту... Она могла сунуть ему билетъ... взявъ два у кассира... Но если это такъ, то я не потерялъ труда, а напротивъ! Такое открытіе очень важно... Теперь, прежде всего, слѣдуетъ побесѣдовать съ угольщиками.

Пьедушъ слышалъ весь разговоръ супруговъ съ кассиромъ и потому зналъ, что имъ остается ждать еще цѣлый часъ. Онъ отправился въ багажную залу и засталъ тамъ мужа и жену; они сидѣли рядомъ на своихъ узлахъ и ѣли колбасу съ чеснокомъ, запивая ее виномъ изъ бутылки. Подойти къ нимъ было легко, но завязать разговоръ, да еще о щекотливомъ предметѣ, затруднительно. Оверньцы вообще народъ подозрительный и осторожный. Надо было дѣйствовать ловко и съ особенною сноровкой.

«Прежде всего, рѣшилъ Пьедушъ, требуется задержать эту чету въ Парижѣ».

Онъ сталъ прохаживаться взадъ и впередъ, кидая на нихъ привѣтливые взгляды и изучая ихъ физіономію и характеръ. Супруги были молоды оба; мужъ — рослый, здоровый дѣтина; жена — недурна собой. Ѣли они съ большимъ апетитомъ, пили усердно и смѣялись между собой почти безпрестанно. Познакомиться съ такими веселыми людьми было легче, чѣмъ съ угрюмыми, и потому Пьедушъ, замѣтивъ, что онъ успѣлъ обратить на себя ихъ вниманіе, обратился къ нимъ прямо съ такимъ восклицаніемъ:

— Бьюсь объ закладъ, что мы съ вами земляки!

— Проиграете, сказалъ мужъ.—Вы родились не въ Оверни, потому что выговоръ у васъ настоящій парижскій.

— Все же я наполовину оверньецъ; моя мать была родомъ оттуда.

— Не изъ Орильяка ли?..

— Нѣтъ, изъ Иссуара.

— Почти все равно! До Иссуара отъ насъ рукой подать. Значитъ мы оба правы и потому разопьемъ каждый свою бутылку.

— Нѣтъ, я проигралъ и плачу за обѣ.

— Что же, отъ добра не отказываются... вы же славный человѣкъ на видъ... Такъ ли, Жанетта?

— Само собой, сказала угольщица.

— Такъ идемъ къ буфету.

— Идемъ. Намъ еще три четверти часа времени остается.

И, забравъ весь свой скарбъ, угольщикъ и его жена пошли за Пьедушемъ на другой конецъ дебаркадера.

«Начало хорошее», думалъ Пьедушъ, который

САЛОНЪ 1878 ГОДА ВЪ ПАРИЖѢ.

Картина ЛЕКОНТА де-НУИ.

Христіане у гроба Богоматери въ Іерусалимѣ. Рѣзалъ на деревѣ Тришонъ.

Картина А. ФЕЙЕРБАХА.

Смерть Аретино.

рѣшилъ заставить ихъ, во что бы то ни стало, пропустить поѣздъ.

— Какъ васъ звать-то, однако? спросилъ угольщикъ.

— Меня? Баландье, отвѣчалъ Пьедушъ съ невозмутимой серьезностью.—И самъ я торговалъ когда-то углемъ. Теперь живу процентиками съ капитала.

— Мы еще до этого не дошли, но надѣемся... а зовутъ меня Галупья... Жанъ Галупья... А женѣ моей имя Жанна... Жанна Кутоленъ.

— Очень пріятно слышать... такъ и пахнетъ Оверныо!.. Но знаете что: у буфета стоять придется; это не весело. Не лучше ли намъ перейти въ тотъ кафе, на набережной, противъ рѣшетки?

— Отлично, только какъ бы намъ поѣзда не пропустить, замѣтилъ Жанъ.

— Зачѣмъ пропускать! станціонные часы будутъ какъ разъ передъ нами.

— Я я съ нихъ глазъ не спущу, сказала Жанна.

— Значитъ, рѣшено! воскликнулъ Пьедушъ.— Идемъ!

Черезъ минуту, всѣ трое сидѣли уже подъ зеленымъ навѣсомъ распивочной, имѣвшей претензію слыть за «кафе». Пьедушъ усадилъ своихъ знакомцевъ такимъ образомъ, что деревья въ кадкахъ, украшавшія крыльцо, заслоняли отъ мужа и жены станціонные часы.

Угощеніе началось; послѣ третьей рюмки угольщики разсказывали уже своему амфитріону о своихъ дѣлишкахъ.

— Мы ѣдемъ съ женою на родину, къ теткѣ Кувиньонъ, говорилъ Жанъ.—У этой тетки землица есть; она хочетъ подѣлить ее между мною и моими братьями, съ тѣмъ, чтобы мы выплачивали ей пожизненную ренту. Вотъ, я и ѣду, потому что, ежели заглазно, то мнѣ отведутъ, разумѣется, самый худшій участокъ. Но черезъ мѣсяцъ я ворочусь, и тогда, милости просимъ къ намъ!

«Черезъ мѣсяцъ мнѣ тебя уже не потребуется, подумалъ Пьедушъ,—но теперь, я тебя не выпущу, можешь быть увѣренъ!»

— Эй, гарсонъ! бутылку коньяку, да смотри, настоящаго!

Коньякъ развязалъ еще болѣе языки.

— Вы гдѣ поживаете, буржуа? спрашивалъ Жанъ.

— Въ улицѣ Лаппъ... знаете, въ предмѣстьѣ Сент-Антуанъ, отвѣчалъ Пьедушъ. — А вы гдѣ?

— А мы, въ улицѣ Арбалетъ...

— Арбалетъ... позвольте, что такое было въ улицѣ Арбалетъ?.. Ахъ, да! тамъ убили женщину... Я ходилъ въ Моргъ на нее посмотрѣть.

— И мы ходили... Красивая, нечего сказать. Мы ее и живую часто видали... Нельзя было не видѣть... потому, сосѣди, замѣтила Жанна.

— Васъ, пожалуй, какъ свидѣтелей вызывали?

— Какже!.. И по моему, вовсе не этотъ Лекокъ убилъ бѣдняжку.

— Почему вы такъ думаете?

— Да онъ никогда у нея не бывалъ... Мы такъ и показали на судѣ, что не признаемъ его, но судья велѣлъ намъ садиться и вся недолга.

— Кто же убійца, по вашему? спросилъ Пьедушъ, принимая нарочно недовѣрчивый видъ.

— Ну, сказать навѣрное трудно, начала угольщица, но мужъ перебилъ ее, говоря:

— Полно, что болтать о томъ, чего не знаешь!.. И не наше дѣло вовсе...

— Отчего не наше? возразила Жанна.—Я видѣла своими глазами, мнѣ кажется!

— Неужто самого убійцу видѣли? спросилъ Пьедушъ, еще недовѣрчивѣе.— Разскажите-ка намъ.

— Она вамъ разскажетъ! сказалъ угольщикъ, видимо боявшійся, чтобы его жена не сказала чего лишняго.—Никакого убійцы мы не видали, но дѣло въ томъ, что у этой англичанки была горничная, которая исчезла въ тотъ самый вечеръ, когда убили ея госпожу... Слѣдуетъ предположить, что у нея были свои причины бѣжать.

— Конечно, замѣтилъ Пьедушъ,—и если бы ее могли найти...

— Ее искали, но плохо, должно быть, потому, что она не уѣзжала изъ Парижа, или же въ него воротилась.

— Какъ! неужели вы ее видѣли?

— Видѣли, землякъ, и не дальше, какъ за минуту.

— Гдѣ же?

— Тутъ же, въ вокзалѣ... и вы сами на нее смотрѣли, можетъ быть, да только не догадались... Такая высокая женщина, блондинка... Одѣта нарядно, точно принцесса! Вѣрно, хорошее мѣсто нашла, послѣ того какъ убили ея госпожу... Въ прежнее время она одѣвалась попроще... Все это странно, разумѣется, но только этого мало еще, чтобы говорить, какъ Жанетта, что убилъ бѣдняжку не Лекокъ, а кто-нибудь изъ знакомыхъ этой горничной... Однако, не пропустить бы намъ поѣзда...

— Еще успѣете. Послѣдній стаканчикъ за здоровье вашей тетушки.

— Хорошо, только чтобы это былъ въ самомъ дѣлѣ послѣдній! Слышите вы?

Часы били пять. Угольщикъ поднялся съ мѣста.

— Пять! сказалъ онъ.—А поѣздъ отправляется за десять минутъ до пяти часовъ! Вотъ тебѣ разъ!

— Ничего, проговорила Жанетта, помѣшивая стаканъ грога,—мы можемъ поѣхать на слѣдующемъ, въ полночь... Или завтра...

— Нѣтъ, дѣло не ладное, проворчалъ угольщикъ.—Если я не поспѣю въ Орильякъ во время, они сварганятъ все безъ меня... и тогда, прощай хорошій участокъ! Знаю я своихъ братцевъ.

— Послушайте, сказалъ Пьедушъ,—такъ какъ я виноватъ нѣкоторымъ образомъ въ томъ, что вы опоздали, то я заглажу свою вину, и самымъ блестящимъ образомъ: я доставлю вамъ возможность заработать здѣсь болѣе денегъ, чѣмъ вы получили бы, пріобрѣтя свой хорошій участокъ!

— Это вы что такое говорите?

— А вотъ что: хотите получать по сорока франковъ въ день?

— Сорокъ франковъ! Въ умѣ ли вы?

— И еще десять на долю вашей супруги.

— Всего пятьдесятъ?

— Да, и будете получать ихъ каждый вечеръ, сполна.

— Оно даже очень хорошо... но я не знаю... Такія деньги отваливаютъ обыкновенно не за совсѣмъ чистыя дѣла.

— Не бойтесь на этотъ счетъ... Я еще не все сказалъ. Когда вы покончите дѣло успѣшно, вамъ выдадутъ особую награду: три тысячи франковъ...

— Три тысячи! За что?

— За то, что вы отыщете ту горничную, о которой вы говорили.

— Вотъ оно куда пошло, протянулъ Жанъ.— Вы, стало быть, сыщикъ?

— Нѣтъ. Развѣ я похожъ на сыщика?

— Нисколько! воскликнула Жанетта, чувствуя уже большое расположеніе къ Пьедушу.

— Ну, похожъ или не похожъ, а кто его знаетъ, пробормоталъ угольщикъ.—Все же надо разобрать, кто эти деньги даетъ и зачѣмъ...

— Я вамъ все скажу, отвѣчалъ Пьедушъ.— Вы замѣтили въ судѣ старика... одѣтъ какъ турокъ, въ чалмѣ...

— Какже, вся одежда расшита золотомъ, брилліанты на всѣхъ пальцахъ...

— Онъ самый. Представьте же себѣ, что я тоже былъ въ судѣ... приставъ тамъ есть одинъ, родственникъ мнѣ... онъ меня провелъ и доставилъ мѣстечко, какъ разъ позади этого принца...

— Это принцъ?

— Да, индѣйскій, и страшный богачъ... Но простъ; разговорился со мной...

— Онъ говоритъ по-французски?

— Отлично... И знаете, что онъ мнѣ сказалъ? По его мнѣнію, Лекокъ невиновенъ; въ Индіи его не осудили бы ни за что; нельзя приговорить человѣка къ смерти безъ всякихъ доказательствъ... и такъ далѣе, и такъ далѣе... Однимъ словомъ, приговоръ его взбѣсилъ и онъ принялся нанимать меня, чтобы я отыскалъ нѣмого и горничную, безъ которыхъ и судъ не въ судъ... Какъ вамъ это нравится?

— Что этимъ богачамъ... съ жиру всякія затѣи выдумываютъ...

— Ну, какъ бы тамъ ни было, предлагаетъ этотъ принцъ мнѣ пятьдесятъ франковъ ежедневно и три тысячи сверхъ того, если я успѣю, прежде, чѣмъ казнятъ Лекока, найти нѣмого или служанку...

— А если обоихъ?

— Тогда, вмѣсто трехъ тысячъ, шесть!.. Но, какъ оно ни заманчиво, я не надѣялся добыть эту награду; во-первыхъ, я не особенно нуждаюсь, во-вторыхъ, я веду жизнь регулярную, утомляться не люблю... Гдѣ мнѣ гоняться, розыскивать... И я даже сталъ забывать объ моемъ индѣйцѣ и его предложеніи, но если мнѣ удалось сойтись съ вами, а выходитъ, что вы знаете горничную, то отчего мнѣ не переуступить дѣло вамъ?.. Что вы скажете?

— Да, произнесъ угольщикъ,—дѣло стоящее того, чтобы о немъ поразмыслить... Гдѣ онъ живетъ, вашъ принцъ?

— Въ Гранд-отелѣ, на бульварѣ, неподалеку отъ церкви св. Магдалины.

— Далеконько отъ насъ, да и не пустятъ меня къ нему, если я пойду.

— Пустятъ, если онъ прикажетъ, но зачѣмъ вамъ ходить? Я могу увѣдомить его и быть между вами посредникомъ... Что же, идетъ?

— Идетъ... только гдѣ буду я получать деньги? И всякій ли день?

— Всякій день, и гдѣ вамъ будетъ угодно... У меня, у васъ... Только, признаюсь вамъ, мнѣ нѣтъ особой охоты показываться ежедневно въ улицу Арбалетъ... тамъ, я думаю, полиція такъ и шпіонитъ; еще, пожалуй, примѣтятъ и ни за что къ дѣлу притянутъ... Ко мнѣ ходить вамъ тоже не совсѣмъ удобно... У меня сосѣди самый болтливый народъ!.. Лучше всего, выберемъ нейтральную почву: гдѣ нибудь въ ресторанѣ... Есть у васъ такой на примѣтѣ?

— Есть. На Госпитальномъ бульварѣ, подъ вывѣскою «Вѣчный огонь».

— Отлично. Приходите туда ежедневно въ семь часовъ... Я васъ ужиномъ угощу и денежки вручу... И такъ, завтра же жду васъ.

— Позвольте, позвольте, я все же толкомъ не знаю, какъ мнѣ за дѣло приняться. Гдѣ мнѣ искать эту служанку?

— Конечно, не въ улицѣ Арбалетъ, а гдѣ нибудь въ модныхъ частяхъ города. Прогуливайтесь тамъ.

— Прогуливаться! А моя торговля?

— Мнѣ кажется, вы оставляли ее для того, чтобы ѣхать къ вашей теткѣ?

— Да полно тебѣ ломаться! воскликнула угольщица.—Вѣдь мы уговорились съ кузеномъ Пьеромъ на счетъ того, что онъ присмотритъ за нашею лавочкою?

— Ну, хорошо; положимъ, что мы даже услѣдили за этою англичанкой, что тогда? хватать ее?

— Избави Богъ! Вы только не теряйте ее изъ вида и узнайте, гдѣ она живетъ.

— Легко сказать! Она въ своемъ экипажѣ, а мы пѣшкомъ...

— Возьмите фіакръ, обѣщайте десять франковъ кучеру на водку, если онъ не отстанетъ отъ этой кареты...

— Десять франковъ! Какъ онъ распоряжается!

— Ну, землякъ, я вижу, что вы еще мнѣ не вѣрите, сказалъ Пьедушъ. — Вотъ же вамъ въ задатокъ... Я знаю, что принцъ мнѣ отдастъ.

Съ этими словами онъ вынулъ два луидора и двѣ пяти франковыя монеты и положилъ ихъ на столъ.

— Получайте за день!

Угольщикъ жадно посмотрѣлъ на деньги, но все еще колебался. Жанетта разрѣшила недоумѣніе; она быстро сгребла монеты и положила ихъ въ карманъ, говоря:

— Ты не захочешь обидѣть г. Баландье своимъ отказомъ, Жанъ!

— Нечего дѣлать, произнесъ тотъ.—Я согласенъ, г. Баландье. Прикажете ждать эту англичанку здѣсь? Можетъ быть, она и воротится... безъ багажа поѣхала... вѣрно только на какую-нибудь дачу.

— Да, отнесите свои вещи домой, потомъ воротитесь сюда къ послѣднему поѣзду... Ранѣе она врядъ ли пріѣдетъ.

— А завтра опять ее ждать?

— Нѣтъ, это будетъ безполезно, потому что она можетъ воротиться съ дачи на лошадяхъ. Завтра же часамъ къ тремъ ваша супруга пріодѣнется и вы отправитесь съ нею Елисейскія поля и въ Булонскій лѣсъ. Смотрите пристально на всѣ экипажи... Эта горничная, какъ видно, живетъ сама барыней со времени смерти своей госпожи... И если завтра ничего не увидите, то возобновите прогулку послѣ завтра, потомъ опять...

— И по пятидесяти франковъ за каждый такой день!

— Да, а вечеромъ еще ужинъ въ «Вѣчномъ огнѣ».

— Великолѣпно!.. Что за счастье, подумаешь, что случай свелъ насъ съ вами!.. Будьте покойны, постараемся... Три тысячи въ перспективѣ— штука недурная... Есть же на свѣтѣ такіе дураки, которые бросаютъ подобныя деньги для своей потѣхи!.. Но намъ же лучше... И такъ, до свиданія, г. Баландье!

— До свиданія.

Простясь съ своими новыми знакомцами, Пьедушъ заплатилъ по счету и вышелъ изъ трактира. Первый человѣкъ, представившійся его глазамъ, былъ Пьеръ Камбремеръ, направлявшійся отъ дебаркадера къ набережной. Пьедушъ узналъ его сразу и припомнилъ тотчасъ же его странный разсказъ о поведеніи Толбіака, чуть было не погубившаго дочь стрѣлочника. Старикъ Лекокъ, которому Пьедушъ сообщилъ, въ свое время, всѣ эти подробности, вмѣстѣ съ намеками Толбіака на наслѣдство, которое могло достаться дочери Камбремера, сначала не обратилъ особеннаго вниманія на этотъ разсказъ, но впослѣдствіи мысли его измѣнились, и онъ поручилъ Пьедушу разъяснить, если будетъ возможно, загадочныя дѣйствія Толбіака въ этомъ отношеніи. До этой минуты Пьедушу не удавалось встрѣтиться съ Пьеромъ, но настоящій день былъ, вѣроятно, отмѣченъ счастливымъ знакомъ въ его жизни: Толбіакъ ускользнулъ у него изъ рукъ, это было непріятно, конечно, но за то была найдена горничная убитой Маріи Фасситъ, а теперь, случай посылалъ Пьедушу и Камбремера. И къ довершенію счастья, стрѣлочникъ шелъ не одинъ, а съ дѣвочкою, по всей вѣроятности, его дочерью. Присутствіе этой малютки давало Пьедушу прекрасный предлогъ для того, чтобы заставить Камбремера повторить разсказъ о своей встрѣчѣ съ Толбіакомъ.

Однако, Камбремеръ видѣлъ прежде Пьедуша въ образѣ разсыльнаго при Ліонской желѣзной дорогѣ; подойти къ нему теперь, нося личину добродушнаго старичка-буржуа, было довольно затруднительно. Но бывшій № 29 не даромъ славился въ полиціи своею находчивостью и такою способностью «передѣлывать свою физику», что ему могъ бы позавидовать любой актеръ. Онъ разомъ выпрямился, стеръ платкомъ свои подрисованныя морщины, сдернулъ прочь парикъ и отклеилъ фальшивыя бакенбарды. Послѣ этой метаморфозы, онъ направился къ рѣшеткѣ, раскачивая на ходу руками и плечами, по привычкѣ всѣхъ тѣхъ, которымъ приходится таскать на себѣ тяжелыя вещи.

Камбремеръ не замѣчалъ его, потому что шелъ, нагибаясь къ разговаривавшей съ нимъ малюткѣ, но Пьедушъ маневрировалъ такимъ образомъ, что долженъ былъ сойтись съ нимъ въ одно время у рѣшетки. Ему удалось даже толкнуть его, какъ бы невзначай.

— Поосторожнѣе! сказалъ стрѣлочникъ.

— Это вы, товарищъ! воскликнулъ Пьедушъ въ отвѣтъ.

— Товарищъ! повторилъ Камбремеръ. — Я васъ не знаю.

— То есть, память у васъ плоха. Но я не таковъ: я помню, какъ вы меня угощали виномъ въ погребѣ, что напротивъ ліонскаго вокзала.

— Дѣйствительно... припоминаю... Но это было уже такъ давно...

— Не очень: этой зимою, въ январѣ. Я очень хорошо помню, потому что оставилъ службу въ февралѣ.

— Да... вы были тогда разсыльнымъ, мнѣ кажется?

— Именно... но, отработавъ десять лѣтъ, можно сказать: будетъ! Особенно, когда у васъ умретъ кузенъ, котораго вы отроду не видали, и оставитъ вамъ капиталецъ... Я живу теперь своими доходами, пріятель!

— Вотъ какое вамъ счастье!

— Счастье... какъ сказать? Иной разъ скучно безъ дѣла. Когда нѣтъ ни жены, ни дѣтей, время слишкомъ тянется. И потому я радъ-радешенекъ, если мнѣ удается встрѣтить хорошаго знакомаго, съ которымъ позволительно чокнуться... Что же, идетъ? Я угощаю.

— Благодарю, отвѣтилъ холодно Камбремеръ,—я не пью никогда среди дня.

— Ну, это не по-пріятельски! Вы сами, назадъ тому три мѣсяца, приглашали меня провѣдать васъ какъ нибудь, а теперь, когда мы встрѣтились, вы знать меня не хотите! И тѣмъ болѣе мнѣ обидно, что я у васъ въ долгу: тогда вы меня подчивали, теперь мой чередъ...

— Послушайте, сказалъ Пьеръ, — я бы не прочь, будь я одинъ, но со мною малютка; вы понимаете, что ей веселѣе бѣгать въ Ботаническомъ саду, нежели сидѣть съ нами въ погребкѣ. Я вышелъ именно для того, чтобы погулять съ нею.

— Ладно, противъ этого я спорить не буду, но мы сдѣлаемъ такъ: я пойду вмѣстѣ съ вами въ Ботаническій садъ; тамъ есть кафе у самого входа; мы выпьемъ по рюмочкѣ, дѣвочку угостимъ пирожками и она будетъ играть на нашихъ глазахъ... Какая она хорошенькая у васъ! Кстати, что же наслѣдство?

— Какое наслѣдство?

— Да то, о которомъ напѣвалъ вамъ этотъ господинъ, чуть было не подсунувшій вашу дѣвочку подъ локомотивъ...

— Развѣ я вамъ это разсказывалъ?..

— Какже... Вы увидали меня на бульварѣ съ этимъ самымъ господиномъ и догнали меня за тѣмъ, чтобы спросить, знаю ли я его.

— Помню теперь, помню! И вы сказали мнѣ, что видите его въ первый разъ... Странный онъ человѣкъ! Я заходилъ къ нему разъ десять, чтобы отдать его деньги, и никогда не могъ его застать. Кончилось тѣмъ, что я оставилъ деньги у привратника, съ просьбою передать...

— Но мнѣ интересно на счетъ наслѣдства... Неужели онъ вралъ?

— Вѣроятно... а впрочемъ, не далѣе какъ вчера, я вздумалъ пересмотрѣть бумаги моей покойной жены, и что же? Выходитъ, что она была родомъ изъ довольно важной ирландской фамиліи.

— Неужели?

— Да, по документамъ такъ.. Прадѣдъ моей жены былъ ирландскій лордъ.

— А вы и не подозрѣвали?

— Она сама этого не знала. И неудивительно: когда я на ней женился, она была уже сиротой и простою фабричной работницей. Звали ее: Полина Бернье.

— Бернье... это не ирландское имя.

— А дѣвичья фамилія ея матери была: Гишаръ.

— Тоже не ирландское прозвище.

— Вѣрно, но мать моей тещи, то есть, бабка моей жены, звалась въ дѣвушкахъ: Елизабета О'Сюлливанъ... И отецъ ея владѣлъ помѣстьемъ въ окрестностяхъ Дублина. Не странно ли подумать, что въ жилахъ моей маленькой Марты течетъ знатная кровь, между тѣмъ, какъ ея мать и бабка жили своимъ трудомъ, какъ и я самъ, ея отецъ... И мои родители простые поселяне... Но все это не особенно интересно для васъ, а Мартѣ хочется поскорѣе въ садъ... До свиданія!

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнулъ Пьедушъ.—Такъ не разстаются... Я пойду съ вами, тѣмъ болѣе, что мнѣ хочется потолковать съ вами еще объ этомъ наслѣдствѣ. Знаете, вы кстати заговорили о немъ со мною, потому что я знаю одного человѣка, который только тѣмъ и занимается, что наслѣдства и наслѣдниковъ розыскиваетъ. Онъ явился ко мнѣ съ объявленіемъ о томъ, что я прихожусь четвероюроднымъ племянникомъ одному корентенскому мяснику, который умеръ бездѣтнымъ и безъ завѣщанія, оставя шестьдесятъ тысячъ франковъ... Я даже не подозрѣвалъ его существованія, и если сдѣлался капиталистомъ, то только благодаря старику Вине... Этого откапывателя наслѣдствъ зовутъ: Вине.

— И г. Толбіакъ де-Тепшебре не по этой ли части?

— Это тотъ, что деньги разсыпалъ? Можетъ быть, но я полагаю, что для васъ будетъ вѣрнѣе обратиться къ дядѣ Вине. Онъ честный человѣкъ, лишняго за комиссію не сдеретъ... Но что же мы разговариваемъ посреди улицы? Пойдемте въ садъ, и уже хотите ли, нѣтъ ли, а я заставлю васъ выпить со мною рюмочку.

Съ этими словами Пьедушъ взялъ подъ руку Камбремера и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ вверхъ по набережной, къ Аустерлицкому мосту.

Маленькая Марта весело прыгала около отца, но не выпуская его руки изъ своей. Она безпрестанно взглядывала на него и въ ея глазахъ читались чувства, рѣдко замѣчаемыя у дѣтей ея лѣтъ. Въ этомъ взорѣ была видна любовь страстная и серьезная; любовь ребенка, воспитаннаго въ суровой школѣ несчастія, привыкшаго къ лишеніямъ бѣдной и трудовой жизни, сознающаго неизбѣжность борьбы для завоеванія себѣ мѣста на свѣтѣ, и уже умѣющаго оцѣнивать самоотверженіе отца, работающаго безъ устали для добыванія хлѣба семьѣ. И Марта не просто любила этого отца; она боготворила его. Она тосковала въ его отсутствіи, и вся расцвѣтала счастіемъ и гордостью, если ей удавалось идти объ руку съ этимъ честнымъ работникомъ, котораго такъ дружески привѣтствовали всѣ въ околоткѣ. Его желанія были для нея закономъ, и въ настоящую минуту, замѣтя, что Камбремеръ былъ какъ бы радъ бесѣдѣ съ повстрѣчав-

шимся ему человѣкомъ, дѣвочка не звала болѣе отца въ Ботаническій садъ, довольствуясь прогулкой по одной набережной. Впрочемъ, этотъ незнакомецъ нравился ей: у него было такое доброе лицо! Пьедушъ, съ своей стороны, смотрѣлъ съ нѣжностью на дѣвочку, напоминавшую ему его собственныхъ ребятишекъ. Онъ подозвалъ проходившую торговку съ пирожками и накупилъ у нея кучу лакомствъ для Марты. Дѣвочка приняла угощеніе съ удовольствіемъ, но не прежде, какъ спросила на то позволеніе у отца. Пьедушъ указалъ Камбремеру на небольшой кафе, очень приличнаго вида и на террасѣ котораго было мало посѣтителей.

— Чего лучше! воскликнулъ онъ.—Мы будемъ сидѣть на свѣжемъ воздухѣ, и ваша дѣвочка можетъ играть у нас на глазахъ.

Камбремеръ не противился болѣе приглашенію. Онъ не имѣлъ причинъ не довѣрять пріятелю, хотя и свалившемуся къ нему съ неба; вообще, между рабочимъ классомъ не считается страннымъ принимать угощеніе даже отъ мало знакомыхъ людей. Въ этомъ, быть можетъ, менѣе «комильфотности», но, безъ сомнѣнія, болѣе сердечности, чѣмъ въ англійскомъ обычаѣ, не позволяющемъ человѣку даже смотрѣть на тѣхъ, которые не были ему представлены.

Сверхъ того, слова Пьедуша заставили Камбремера подумать не на шутку о томъ, что онъ не имѣлъ права упускать случай, хотя бы и малонадежный, къ обезпеченію своей дочери въ будущемъ. Онъ не былъ корыстенъ; съ той минуты, какъ онъ сталъ себя помнить, онъ не ѣлъ дароваго хлѣба, и выросъ въ томъ убѣжденіи, что при доброй волѣ можно всегда найти себѣ работу и, слѣдовательно, имѣть пропитаніе. Однимъ словомъ, онъ обладалъ вполнѣ тою беззавѣтностью рабочаго, которую богатые люди клеймятъ часто именемъ непредусмотрительности и безпечности, но которая, въ сущности, составляетъ только бодрую покорность судьбѣ. Но онъ зналъ тоже, что его жизнь была въ зависимости отъ случайностей, столь частыхъ на желѣзныхъ дорогахъ. Мало ли подобныхъ ему работниковъ гибло на рельсахъ. И если ему было суждено умереть такимъ образомъ, Марта оставалась одна на свѣтѣ. Онъ вспоминалъ о всѣхъ тѣхъ страданіяхъ, которыя пришлось вынести его бѣдной женѣ во время ея дѣвичьей жизни; несчастная работала на бумагопрядильной фабрикѣ десять часовъ въ сутки и получала за это плату, едва дававшую ей возможность не умереть съ голода, при томъ была предоставлена въ добычу всякимъ соблазнамъ и всякимъ насиліямъ. Ему становилось страшно при мысли, что подобная же участь ждетъ Марту, которой не удастся, быть можетъ, встрѣтить честнаго человѣка, способнаго предложить ей соединить два горя, съ тѣмъ, чтобы создать изъ нихъ единое счастье... Онъ не могъ, поэтому, оставить безъ вниманія словъ Пьедуша.

— Вы полагаете, что этотъ Вине, услужившій вамъ, поможетъ и мнѣ въ моемъ дѣлѣ? сказалъ онъ, осушивъ первую рюмку.

— Я въ этомъ вполнѣ увѣренъ, отвѣчалъ Пьедушъ,—и если вы желаете, я сведу васъ къ нему, когда вамъ будетъ угодно... Онъ живетъ въ улицѣ Рокетъ, близехонько отъ той площади, гдѣ казнятъ, и принимаетъ ежедневно отъ восьми до десяти вечера.

— Что же, я повидался бы съ нимъ очень охотно. Я не особенно надѣюсь на это наслѣдство и даже думаю, что этотъ Толбіакъ посмѣялся надо мной. Но какъ бы то ни было, грѣхъ мнѣ будетъ не попытать счастія для ребенка.

— И притомъ, вамъ это ничего не будетъ стоить. Старикъ Вине беретъ деньги только въ случаѣ выигрыша наслѣдства. Когда же мы къ нему пойдемъ.

— Сегодня я не могу, далъ слово одному пріятелю побывать у него въ первый праздникъ. Онъ ждетъ меня и его дочка тоже... дѣвочка однихъ лѣтъ съ моей, вы понимаете, мнѣ не хотѣлось бы лишить Марту удовольствія... Но въ четвергъ я буду снова свободенъ.

— Въ четвергъ, хорошо. Я буду ждать васъ ровно въ восемь на площади Шато-д'О, и отведу васъ къ Вине.

— Ладно. Я принесу съ собою бумаги; онъ пересмотритъ ихъ... Любопытно въ своемъ родѣ. Всякія метрическія свидѣтельства, удостовѣренія въ смерти, свадебные договоры и даже какая-то картина, изображающая дерево съ именами разныхъ О'Сюлливановъ на вѣтвяхъ. Мать моей Полины сохранила все это, но моя жена никогда не открывала пакета, и счастье еще, что она не употребила его на растопку!

— Вине разберетъ вамъ все, будь написано по французски или по англійски... Онъ всѣ языки разумѣетъ.

— Имена тамъ болѣе англійскія, но есть и французскія... напримѣръ: Леконтъ. Мать его была тоже урожденная О'Сюлливанъ.

— Леконтъ! повторилъ Пьедушъ.

— Знаете вы такого? спросилъ Камбремеръ, замѣтя перемѣну на лицѣ своего собесѣдника.

— Я знаю съ десятокъ Леконтовъ, отвѣчалъ Пьедушъ.—Одинъ завелъ мелочную лавку въ улицѣ Тампль, другой краснодеревецъ...

— Про моего говорится, если не ошибаюсь, что онъ клеркомъ у какого-то нотаріуса... Я, впрочемъ, взглянулъ только мелькомъ на его брачное свидѣтельство.

— А не припомните, въ которомъ году этотъ Леконтъ женился?

— Кажется, что въ 1855.

«Двадцать лѣтъ назадъ съ небольшимъ, подумалъ Пьедушъ, — а невѣстѣ Люи Лекока девятнадцать лѣтъ и зовутъ ее Тереза Леконтъ... Что, если... Но, нѣтъ. Во Франціи столько же Леконтовъ, сколько Дюрановъ или Мартеновъ. Впрочемъ, Тереза Леконтъ дочь банкира; а старшій клеркъ нотаріуса можетъ легко превратиться въ банкира. Надо сообщить обо всемъ этомъ моему старику. А пока не худо направить этого стрѣлочника къ г-жѣ Леконтъ и ея дочкѣ. Самому мнѣ не слѣдъ туда показываться; дядѣ Лекоку тоже нельзя; это разстроило бы его планы. Между тѣмъ Пьеръ Камбремеръ, разговаривая съ г-жами Леконтъ о наслѣдствѣ, можетъ получить отъ нихъ драгоцѣнныя свѣденія на счетъ дѣла, такъ занимающаго этого мошенника Толбіака. Камбремеръ не увидится съ почтеннымъ Вине, то есть, съ дядей Лекокомъ, ранѣе четверга; было бы отлично, если бы онъ успѣлъ до того времени побывать въ Булони-на-Сенѣ».

— Послушайте, пріятель, сказалъ онъ громко,—я знавалъ еще одного Леконта, который занимался нотаріальными или биржевыми дѣлами, что-то въ этомъ родѣ. Прежде, чѣмъ поступить на ліонскую желѣзную дорогу, я былъ слесаремъ и мнѣ привелось ставить всѣ замки въ томъ домѣ, который выстроилъ себѣ этотъ Леконтъ въ Булони-на-Сенѣ. Онъ-то умеръ, но его вдова и дочь живутъ въ томъ же домѣ... Вамъ не худо бы побывать у нихъ.

— Это зачѣмъ?

— А затѣмъ, чтобы узнать, не звалась ли мать покойнаго Леконта въ дѣвушкахъ: О'Сюлливанъ.

— Согласитесь, что это было бы весьма странное совпаденіе, и явиться мнѣ къ этимъ дамамъ, не зная ничего навѣрное по этому предмету, будетъ очень рисковано... Подъ какимъ предлогомъ я войду? Вдова банкира не водится съ простыми рабочими. Ея прислуга выгонитъ меня.

— Позвольте, вамъ стоитъ только сказать, что вы хотите сообщить нѣкоторыя свѣденія на счетъ наслѣдства. Будьте покойны, васъ примутъ. Какъ ни богаты люди, а разбогатѣть всегда не прочь, въ особенности женщины, и нѣтъ причинъ полагать, чтобы г-жа Леконтъ составляла исключеніе.

— Ну, допустимъ, что я и побесѣдую съ нею, но какой же мнѣ отъ этого барышъ?

— А тотъ, что вы разузнаете, можетъ быть, что-нибудь вамъ еще неизвѣстное и очень полезное... хотя бы для того только, чтобы разсказать это дядѣ Вине, который съумѣетъ извлечь изъ всего, что нужно. Напримѣръ, если г-жа Леконтъ сообщитъ вамъ, кто такой именно былъ глава рода О'Сюлливановъ, это уже будетъ весьма важный шагъ... Право, не откладывайте визита. Живетъ г-жа Леконтъ въ Булони, на набережной, 4-го сентября; большой каменной домъ, среди сада стоитъ. Вамъ его всякій укажетъ.

— Что же, пожалуй, проговорилъ Камбремеръ,—хотя, правду сказать, всѣ эти прогулки не особенно для меня занимательны. Но дѣло касается Марты, и потому... Но гдѣ же она? Я ее не вижу...

Онъ всталъ, озираясь съ безпокойствомъ.

— Она играла тутъ сію минуту, сказалъ Пьедушъ.—Вѣрно, бѣгаетъ гдѣ нибудь неподалеку... Такъ и есть! Смотрите, она заглядѣлась на этого шарманщика съ обезьяной.

Камбремеръ подозвалъ Марту и она тотчасъ же подбѣжала къ нему.

— Ты можешь играть, сказалъ онъ,— но смотри, не уходи далеко.

Дѣвочка прыгнула къ нему на шею, поцѣловала его въ обѣ щеки и кинулась снова въ толпу, окружавшую шарманщика.

— Что за прелестный ребенокъ! сказалъ Пьедушъ.—И видно, что въ ней есть ирландская кровь, бѣлокуренькая, съ большими голубыми глазами, сама бѣленькая...

— Она походитъ на свою бѣдную мать, отвѣтилъ Камбремеръ, невольно прослезясь.

— Когда подростетъ, будетъ красавицей, такъ что богатство ей будетъ къ лицу, продолжалъ Пьедушъ.

— Была бы только счастлива, это все, что я прошу у Бога.

— Если вы хотите этимъ сказать, что не въ деньгахъ счастье, то я замѣчу вамъ, что онѣ всетаки дьявольски способствуютъ этому счастью. И на основаніи этого, я жду васъ въ четвергъ...

— Непремѣнно. Но мы съ вами бранимъ г. Толбіака, а не будь его, мнѣ и не пришло бы въ голову порыться въ старомъ чемоданѣ, принадлежавшемъ моей тещѣ. Не могу только выяснить себѣ до сихъ поръ, чего онъ хотѣлъ отъ меня.

— А мнѣ кажется, я это угадываю, сказалъ Пьедушъ.—Онъ занимается, какъ и старикъ Вине, розысканіемъ наслѣдствъ, но только съ цѣлью содрать такое вознагражденіе съ наслѣдниковъ, что они и получкѣ рады не будутъ... Есть и такіе артисты въ Парижѣ, которые ищутъ наслѣдствъ ради прямого грабежа...

— Это какже? Вѣдь для полученія наслѣдства нужно обладать извѣстными правами.

— Хорошо, но положимъ, что законныхъ наслѣдниковъ человѣкъ десять, и что одному изъ нихъ приходитъ въ голову устранить девять прочихъ...

— Какимъ образомъ? Неужели убить ихъ?

— Развѣ не убиваютъ людей и изъ-за болѣе пустыхъ поводовъ?.. Знаете, на вашемъ мѣстѣ, я сторожилъ бы дѣвочку.

— Я и то чуть не лишился ея. Она спаслась тогда только чудомъ изъ-подъ локомотива... И послушайте, ваши слова внушаютъ мнѣ мысль: не нарочно ли уже разронялъ свои деньги этотъ Толбіакъ между рельсами?

— А что, дѣло возможное, отвѣчалъ Пьедушъ, пораженный этой догадкою. — Но гдѣ же

опять ваша Марта? Шарманщикъ ушелъ, пока мы тутъ разговаривали... Неужели она побѣжала вслѣдъ за нимъ?

Камбремеръ поднялся съ мѣста и сталъ кликать Марту, но ее не оказывалось. Тогда онъ бросился за уголъ бесѣдки, заслоняющей входъ въ партеры Ботаническаго сада. Здѣсь было много народа; дѣти бѣгали взадъ и впередъ, по Марты не было. Обезумѣвшій отъ испуга отецъ побѣжалъ впередъ, не разсуждая; онъ кричалъ только: «Марта! Марта!» но отвѣта не было. Пьедушъ, отставшій немного, потому что ему надо было расплатиться въ кафе, слѣдовалъ за нимъ, тоже встревоженный до крайности. Но онъ скоро вздохнулъ свободнѣе, увидавъ, что дѣвочка уже бѣжала на встрѣчу отцу, поворотившему въ боковую аллею. Камбремеръ схватилъ ее на руки съ крикомъ:

— Милая, какъ ты меня напугала!

Марта осыпала его поцѣлуями и проговорила, хлопая въ ладоши:

— Моя правда вышла! Я знала, что ты еще въ кафе сидишь... Она лгала, эта злая женщина, которая хотѣла меня увести. Выдумала, что ты уже дома...

— Женщина? спросилъ Камбремеръ задыхающимся голосомъ.

— Да, папа, старая такая женщина; схватила меня за руку, тащитъ, но я такъ укусила ее, что она выпустила меня поневолѣ...

— Мошенница! воскликнулъ стрѣлочникъ, — я же ей задамъ!..

Пьедушъ удержалъ его за плечо.

— Пріятель, я васъ предостерегалъ на счетъ дѣвочки, сказалъ онъ.—То, что теперь случилось, служитъ подтвержденіемъ моихъ словъ: ее хотятъ запрятать... устранить такъ или иначе, по поводу этого наслѣдства. Не теряйте времени на погоню за негодяйкой, которую вы и не успѣете поймать, а побывайте лучше поскорѣе у моего Вине... И такъ, досвиданія, въ четвергъ!

Онъ ушелъ, прежде, чѣмъ Камбремеръ успѣлъ отвѣтить ему и направился прямо домой, горя нетерпѣніемъ сообщить своему патрону о результатѣ своихъ похожденій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Христіане у гроба Богоматери въ Іерусалимѣ.

(Рис. стр. 232).

Картина эта, копія съ которой представлена въ настоящемъ нумерѣ «Жив. Об.», обратила на себя особенное вниманіе всѣхъ посѣтителей ежегодной художественной выставки (салонъ) въ Парижѣ. Она была однимъ изъ лучшихъ украшеній выставки нынѣшняго года. Художникъ удивительно ловко умѣлъ соединить въ своей картинѣ сильное религіозное чувство съ высокимъ поэтическимъ оттѣнкомъ. И въ техническомъ отношеніи эта картина безукоризненна. Всѣ извѣстные критики отнеслись къ ней вполнѣ сочувственно и причислили ее къ разряду образцовыхъ произведеній французской живописи.

Смерть Аретино.

(Рис. стр. 233).

Какъ жилъ, такъ и умеръ... Пьетро Аретино испустилъ духъ среди шумной оргіи, и художникъ изобразилъ тотъ моментъ, въ который безпечный поэтъ падаетъ, какъ пораженный громомъ, съ бокаломъ въ рукахъ. Аретино былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей эпохи возрожденія: остроумный и владѣя образцовымъ слогомъ, онъ былъ главнымъ раздавателемъ похвалъ и порицаній обществу, но, при всей мѣткости своихъ сужденій, далеко не отличался безпристрастіемъ. Главнымъ кумиромъ его были деньги, въ жертву которымъ онъ приносилъ все. Его по справедливости называли бичомъ всѣхъ, и духовныхъ, и свѣтскихъ магнатовъ, потому что его перо не щадило никого. Вліяніе Аретино увеличивалось еще и потому, что у него заискивали знатные люди, страшившіеся его ѣдкой сатиры; сверхъ того, онъ умѣлъ, когда желалъ, очаровывать людей своею любезностью, почти столько же, какъ ужасалъ ихъ крайнею распущенностью своихъ нравовъ. Тиціанъ питалъ искреннюю дружбу къ этому баззастѣнчивому писателю, сонеты котораго не напечатаются въ наше время нигдѣ безъ значительныхъ пропусковъ и смягченій. Подобнымъ же образомъ дорожили сближеніемъ съ нимъ не только другіе извѣстные художники, какъ Джуліо Романо, Микель-Анджело, Себастіано дель-Піомбо и пр., но и знатнѣйшіе вельможи, и даже прекраснѣйшія и образованнѣйшія женщины той эпохи. Вакханаліи, происходившія частью у него, частью въ домѣ Тиціана, принадлежатъ къ любопытнѣйшимъ культурно-историческимъ чертамъ пятнадцатаго столѣтія. И среди этой распущенности, продажное перо Аретино воздавало хвалы тому, кто платилъ ему щедро, и брызгало желчью на другихъ, болѣе скупыхъ, или оставлявшихъ безъ вниманія его выходки. Въ довершеніе характеристики Аретино, слѣдуетъ сказать, что онъ, не смотря на всю разнузданность своихъ нравовъ, имѣлъ притязаніе получить санъ кардинала.

Картина Фейербаха принадлежитъ къ первымъ произведеніямъ этого художника и доставила ему громкую извѣстность во всей Германіи.

Финстермюнцъ.

Западныя окраины Австріи.

(Рис. въ № 36, стр 197).

Дорога, идущая отъ Тараспа внизъ, по нижнему Энгадину, тянется вдоль рѣки, которую слѣдуетъ признать за Дунай, хотя географы упорно приписываютъ это послѣднее имя ея притоку, отъ котораго она шумно освобождается при Пассау. Сначала эта дорога довольно однообразна, хотя и съ нея открывается видъ на сверкающіе ледники Пицъ-Лата, но по мѣрѣ приближенія къ Мартинбрукскому ущелью, ландшафтъ становится грандіознѣе. Иннъ стремится здѣсь съ ужасною силою между узкихъ береговъ, катя свои бурныя волны черезъ имперскую границу. Мѣстечко Наудерсъ, пунктъ отдохновенія для туристовъ, пожелавшихъ покинуть почтовую дорогу для того, чтобы совершить восхожденіе пѣшкомъ, лежитъ въ трехстахъ метрахъ надъ рѣкою, но чтобы подняться къ нему, требуется не менѣе часа времени. Вправо отъ путника высятся гнейсовыя скалы, о которыя плещетъ стремящійся съ югозапада Иннъ. Если бы ему удалось пробить эту стѣну, то онъ слился бы съ Эччемъ, который течетъ, о бокъ съ нимъ, не болѣе какъ въ одной милѣ воздушнаго разстоянія; въ этомъ случаѣ, Иннъ, собирающій дань съ 70 глетчеровъ, принесъ бы свои волны въ даръ Адріатикѣ, а не Черному морю, и Дунай, которымъ такъ гордится Австрія, былъ бы довольно ничтожной рѣкой. Но Инну захотѣлось проложить себѣ русло лѣвѣе, черезъ болѣе мягкіе слои новѣйшихъ горныхъ формацій, хотя и въ самой центральной альпійской массѣ, и онъ, подъ именемъ Дуная, орошаетъ не долину Ломбардіи, а стѣны Линца и Вѣны, протекаетъ не вдалекѣ отъ Траунштейна и Этчера, пробивается сквозь желѣзныя ворота.

Если, добравшись до Наудерса, путникъ вздумаетъ вступить въ разговоръ съ словоохотливымъ содержателемъ трактира въ этомъ горномъ мѣстечкѣ, то услышитъ отъ него, приблизительно, слѣдующее:

— Съ вырубкою лѣсовъ зимы стали здѣсь суровѣе. Дилижансы, поддерживающіе сообщеніе между Боценомъ и Ландекомъ, подвергаются зимою крайней опасности. Случается часто, что даже почту нельзя пересылать иначе, какъ съ пѣшими «бѣгунами», потому что лошади не въ состояніи пробираться между снѣжными завалами. Однимъ словомъ, Наудерсъ такое мѣстечко, которое служитъ даже штрафнымъ постомъ для общественной стражи. Но, не смотря на такой характеръ, Наудерсъ заслуживаетъ вниманія, благодаря своему сосѣдству съ финстермюнцскимъ ущельемъ и Ортлеромъ. Это ущелье, въ прежнее время служило лучшимъ оплотомъ южнаго Тироля противъ сѣверныхъ враговъ. Чтобы понять всѣ трудности, съ которыми приходилось бороться вторгающемуся врагу, надо спуститься къ Финстермюнцу не по извилинамъ вновь проложенной удобной дороги, а по прежнему «Козьему» пути. Въ настоящее время прежній Финстермюнцъ, прикрывавшій мостъ надъ пучиною, упразненъ, но его массивныя укрѣпленія, съ выступами и башенками, выдающіяся среди обрывистой, почти отвѣсной дороги, еще существуютъ, служа нагляднымъ изображеніемъ средневѣковыхъ временъ, между тѣмъ, какъ новая крѣпость, расположенная геометрически правильнымъ рисункомъ на широкомъ, устроенномъ по всѣмъ правиламъ современной техники, гладкомъ шоссе, воплощаетъ собою нашу предпріимчивую, искусную, но лишенную всякой поэзіи, эпоху...

Повидимому, финстермюнцское ущелье непроходимо для войска, даже при самыхъ малыхъ средствахъ со стороны обороняющагося,—не говоря уже о томъ сопротивленіи, которое можетъ представить ему новѣйшій Финстермюнцъ. Но грозная крѣпость можетъ оказаться безвредной со всѣми своими громами. Къ югу отъ нея тянется покрытая глетчерами долина Лангтауферъ; надъ нею господствуетъ горный хребетъ въ 10,000 ф. вышины, называемый Бѣлоозернымъ, потому что среди него, въ котловинѣ, лежитъ озеро, питаемое снѣгами ледниковъ. Въ мартѣ 1796 г., фельдмаршалъ-лейтенантъ Лаудонъ провелъ по этимъ высотамъ небольшой австрійскій отрядъ. Такимъ образомъ, по странной игрѣ судьбы, самимъ австрійцамъ пришлось совершить первый обходъ своей крѣпости. Они достигли Прутца черезъ Каунзерталь, и напали на неожидавшаго ихъ непріятеля. Мартъ мѣсяцъ—самый страшный въ этихъ горахъ и потому маленькій отрядъ считалъ себя еще счастливымъ, потерявъ на пути лишь нѣсколько сотень человѣкъ, погибшихъ отъ снѣговыхъ заваловъ и стужи. Туристы, обозрѣвающіе эти горныя окрестности только лѣтомъ, во время наиболѣе благопріятной поры, могутъ составить себѣ, однако, понятіе о громадныхъ трудностяхъ перехода, какъ по финстермюнцскому ущелью, такъ и по тому пути, который былъ избранъ Лаудономъ.

Въ тростникахъ на Рейнѣ.

(Рис. стр. 240).

Въ своемъ теченіи между Эльзасомъ и Баденомъ Рейнъ образуетъ множество рукавовъ, покрытыхъ тростникомъ и камышами. Эти острова богаты всякою дичью, и неожиданный шорохъ часто пугаетъ молодыхъ эльзаскихъ поселянокъ, приходящихъ сюда жать тростникъ на топливо. То вспорхнетъ большая птица, задѣвая крыломъ за высокіе стебли, то быстро проносятся серны, раздвигая на пути тростниковую чащу. Одинъ изъ подобныхъ моментовъ удачно схваченъ художникомъ.

(Петербургъ коритъ Москву, а Москва Петербургъ. —Всероссійская пресса.—Москвичъ искреннѣе петербуржца.—«Горе отъ ума» на сценѣ московскаго малаго театра.—Трагедія въ Одессѣ.—Ужасное положеніе трехъ людей, любящихъ другъ друга.—Оправдательный приговоръ суда.)

Давно уже зародилось соперничество между древней столицей, Москвой, и Петербургомъ, этимъ «окномъ, прорубленнымъ Петромъ въ Европу»;—зародилось оно съ самаго дня основанія «невской» столицы и съ той поры петербуржцы и москвичи неустанно корятъ другъ друга. Петербуржецъ не можетъ говорить о Москвѣ иначе, какъ съ нѣкоторой ироніей; москвичъ отвѣчаетъ тою же монетою Петербургу, хотя охотно копируетъ петербургскія моды и обычаи, водворившіеся въ петербургскомъ свѣтскомъ обществѣ. Москвичъ, при встрѣчѣ съ петербуржцемъ, непремѣнно похвастается икрой, балыкомъ, бѣлужиной, севрюжиной, которые въ Москвѣ не въ примѣръ лучше, чѣмъ въ Петербургѣ; не забудетъ онъ также превознести трактиръ Тѣстова, эту жемчужину россійскихъ трактировъ. Петербуржецъ, не желая оставаться въ долгу, съ гордостью указываетъ на сига, лососину, а главное, на корюшку, которымъ невская вода придаетъ такой нѣжный и пріятный вкусъ; а чтобы отразить камень, брошенный въ него въ видѣ трактира Тѣстова, превознесетъ трактиръ Палкина, хозяинъ котораго выстроилъ для своего «заведенія» храмину и на внутреннюю ея отдѣлку ухлопалъ такія денежки, о затратѣ которыхъ на украшеніе «заведенія» никогда и не снилось ни одному московскому трактирщику. Москвичъ коритъ петербуржца «чиновничьей цивилизаціей» и оторванностію отъ «народныхъ корней». Петербуржецъ обзываетъ москвичей «обскурантами, китайцами»; московская пресса послѣдняго времени даетъ ему обильную пищу для ироніи въ этомъ направленіи. «Ваша пресса ретроградная, вы ее поддерживаете, вы аплодируете самымъ безобразнымъ ея выходкамъ, значитъ вы солидарны съ нею», говоритъ петербуржецъ москвичу. «Хороши и ваши публицисты и разъяснители общественнаго мнѣнія! отвѣчаетъ москвичъ.—У насъ, по крайней мѣрѣ, все на чистоту выкладываютъ, а ваши нюнятъ, лицемѣрятъ, а поскобли-ка хорошенько многихъ изъ нихъ и по окончаніи этой операціи выйдетъ очень неказистая фигура».

Коря другъ друга прессой, и петербуржецъ, и москвичъ, съ перваго взгляда, оба правы; оба вѣрно оцѣниваютъ и петербургскую и московскую прессу. Но является вопросъ: развѣ петербургская и московская пресса на самомъ дѣлѣ вполнѣ отражаютъ мысли и чувства петербургскаго и московскаго населеній. Развѣ, наконецъ, у насъ есть дѣйствительно «петербургская» и «московская» пресса, а не всероссійская? Не такъ еще давно большинство періодическихъ изданій, издававшихся въ Москвѣ, держалось либеральнаго направленія, въ то время, какъ въ Петербургѣ большинство прессы ретроградничало, и въ ней ратоборствовали преимущественно большіе и маленькіе Булгарины. Въ Москвѣ издавались «Телескопъ» и «Московскій Наблюдатель»; въ Петербургѣ «Сѣверная Пчела» и «Библіотека для чтенія». Если бы петербургская и московская пресса служили отраженіемъ мыслей и чувствъ петербургскаго и московскаго общества, то принципы, господствующіе въ ней, были бы руководящими и въ соотвѣтствующихъ обществахъ. Но этого въ дѣйствительности не было, потому что и петербургская и московская пресса были «всероссійской» прессой, имѣвшей свой главный контингентъ читателей въ провинціи; столичное же населеніе давало сравнительно небольшой процентъ читающихъ. Такъ остается и до сихъ поръ; у насъ есть «всероссійская» пресса, но спеціальной «петербургской» или «московской» не существуетъ». И Петербургъ и Москва не выработали своего отличительнаго характера, какой, напримѣръ, выработалъ Парижъ, и хотя еще Грибоѣдовъ сказалъ, что на всѣхъ московскихъ лежитъ особый отпечатокъ, но этотъ отпечатокъ болѣе внѣшній и въ немъ мало характеристичнаго. По этому и петербуржцу и москвичу нечего корить другъ друга мѣстной прессой.

Москвичъ, однакожь, правъ, укоряя петербуржца лицемѣріемъ и говоря, что въ Москвѣ все больше на чистоту дѣйствуютъ. Петербуржецъ, засидѣвшійся въ Петербургѣ нѣсколько лѣтъ и потомъ посѣтившій Москву, если пожелаетъ остаться искреннимъ, долженъ будетъ сознаться, что въ словахъ москвича есть доля правды.

Нѣсколько лѣтъ я не былъ въ Москвѣ и провелъ въ ней послѣдніе дни августа и первые сентября нынѣшняго года. Не мало перемѣнъ нашелъ я въ Бѣлокаменной. Правда, въ ней остались прежнія грязь и вонь въ дворахъ и на улицахъ; мостовыя ея по прежнему отвратительны; по прежнему въ ней процвѣтаютъ барышники, толпящіеся у дверей театровъ и предлагающіе билеты въ спектакль по увеличенной цѣнѣ; все это остается неприкосновеннымъ, въ первобытной чистотѣ. Но Москва украсилась многими новыми домами; въ ней начинаютъ появляться изящныя зданія, какихъ не встрѣтишь и въ самомъ Петербургѣ? Извозчичьи экипажи тоже улучшились; допотопныхъ калиберовъ не осталось и слѣда; дрожки большею частію крытыя и всѣ на лежачихъ рессорахъ; при ѣздѣ на нихъ, несмотря на ужасную мостовую, не приходится испытывать той мучительной пытки, которая хорошо знакома петербуржцамъ, осужденнымъ ѣздить на линейкахъ съ стоячими рессорами.

Не знаю, какъ другіе петербуржцы, но я и мои спутники, при въѣздѣ въ Москву, тотчасъ же почувствовали желаніе какъ можно скорѣе пообѣдать, при чемъ мы всѣ признались другъ другу, что такого аппетита, какой посѣтилъ насъ теперь, мы никогда не ощущали въ Петербургѣ. Поэтому, умывшись и переодѣвшись въ гостинницѣ Дюссо, гдѣ мы остановились, мы немедленно направились къ трактиру Тѣстова, столь восхваляемому москвичами (увы! какъ слава преходяща! давно-ли москвичи гордились трактиромъ Гурина, а теперь о немъ совершенно позабыли). День былъ праздничный. Входимъ и не вѣримъ своимъ глазамъ: половые въ будничныхъ бѣлыхъ рубахахъ. Извѣстно, что Москва настолько чествуетъ праздничные дни, что во всѣхъ главнѣйшихъ трактирахъ, въ эти дни, половые смѣняютъ каленкоровые бѣлыя рубахи на шелковыя. Для разрѣшенія нашего недоумѣнія, мы обратились съ вопросомъ къ половому: «что сей сонъ значитъ»?

— Хозяинъ отмѣнили-съ, отвѣчалъ онъ бойко.

Но почему хозяину вздумалось отмѣнить древній обычай, мы и не узнали.

Посѣтителей въ трактирѣ было много; половые, въ числѣ которыхъ не мало очень молоденькихъ мальчиковъ, летали съ необычайной быстротой, принося въ рукахъ по нѣсколько тарелокъ. На всѣхъ столахъ шелъ оживленный разговоръ; мнѣнія выражались громко и прямо; ни одинъ изъ посѣтителей, очевидно, истыхъ москвичей, не оглядывался несмѣло по сторонамъ во время разговора, что составляетъ привычку петербуржца, который никогда не рѣшается громко говорить въ публичномъ мѣстѣ и притомъ имѣетъ странное обыкновеніе оглядываться по сторонамъ, точно боится, что ближайшій сосѣдъ изъ незнакомыхъ ему людей неблагопріятно перетолкуетъ его слова и, пожалуй, обидится ими. Москвичи, посѣтители трактира Тѣстова, говорили такъ громко, что съ ближайшихъ столовъ до насъ доносилось каждое слово. Нѣкоторые изъ говорившихъ выражали довольно оригинальныя, подчасъ абсурдныя мнѣнія, но выражали ихъ просто, искренно, безъ всякой рисовки. Невольно припомнились мнѣ петербуржцы, изъ которыхъ рѣдкій рѣзко и прямо выражаетъ свое мнѣніе. Большинство же старается говорить такъ, чтобы можно было заключить, что онъ держится двухъ противоположныхъ мнѣній; чтобы сторонники одного мнѣнія причислили его къ своимъ, но и противники ихъ думали бы тоже, что онъ принадлежитъ къ ихъ лагерю. Этимъ виляніемъ петербуржцы стали отличаться особенно въ послѣднее время. На языкѣ такихъ петербуржцевъ это называется «осторожностью». «Лучше жить въ мирѣ со всѣми, говорятъ они,—а то не ровенъ часъ, на кого нападешь!» Понятно, что такая система приводитъ къ лжи и натянутости въ отношеніяхъ людей между собой, а отсюда развивается «скука», которая до того тяготитъ теперь петербуржцевъ, что они рѣшительно не знаютъ, что и придумать, чтобы избавиться отъ нея. Конечно, много причинъ содѣйствуютъ развитію скуки въ нашемъ обществѣ, но лицемѣріе и неискренность занимаютъ не послѣднее мѣсто между ними. Не знаю, меньше ли скучаютъ москвичи, чѣмъ петербуржцы,—у меня мало данныхъ для правильнаго вывода,—но если судить по внѣшности, то кажется, что меньше. Разумѣется, какъ бы искренно и правдиво ни было общество, но если въ немъ дѣйствуютъ и другія причины, развивающія скуку, оно будетъ скучать. Въ нашемъ же обществѣ такихъ причинъ дѣйствуетъ не мало.

Пообѣдавъ вплотную, почти по-московски, мы, двигаясь медленно, добрели до кассы малаго театра. Къ нашему счастію, намъ не пришлось имѣть дѣло съ барышниками. Въ кассѣ еще не были проданы нѣсколько ложь бель-этажа (по словамъ москвичей, эти мѣста очень рѣдко попадаютъ въ руки къ барышникамъ. И въ этомъ случаѣ богатые люди пользуются преимуществомъ!). Московскій малый театръ, какъ зрительная зала, устроенъ далеко не удобно. Насъ въ ложѣ сидѣло всего четверо и изъ нея (№ 3) видно было очень плохо, не только сидѣвшимъ на заднихъ стульяхъ, но и на переднихъ. Между тѣмъ цѣны на мѣста въ маломъ театрѣ поразительно высоки, несравненно выше петербургскихъ. И публика въ театрѣ иная, все больше «чистая». Смотря на нее, и припоминая цѣны, невольно приходитъ на мысль, что Москва крѣпко еще держится традиціи, что театръ устроенъ исключительно для «господъ». Элементъ населенія, въ послѣднее время начинающій все въ большемъ и большемъ числѣ показываться въ петербургскихъ театрахъ, въ Москвѣ совершенно отсутствуетъ, какъ въ былое время, когда на появленіе его въ театрѣ посмотрѣли бы, какъ на чудо и, пожалуй, оскорбились бы.

Изъ нѣсколькихъ пьесъ, видѣнныхъ мною въ московскихъ театрахъ, я остановлюсь только на

исполненіи «Горе отъ ума» въ маломъ театрѣ. Г-жа Федотова еще не вернулась въ Москву и, къ моему великому горю, на этотъ разъ мнѣ не удалось увидѣть ее. Исполненіе «Горе отъ ума» на сценѣ малаго театра, въ послѣднее время понесшей нѣсколько незамѣнимыхъ, вѣроятно на долгое время, утратъ, произвело самое благопріятное впечатлѣніе на меня, привыкшаго видѣть плачевное исполненіе этой геніальной комедіи на сценѣ александринскаго театра. Такого «ансабля», говоря театральнымъ языкомъ, мнѣ давно не приходилось видѣть. Нельзя сказать, чтобы каждая отдѣльная роль была исполнена вполнѣ хорошо; нѣтъ, встрѣчалась и заурядная игра, но въ общемъ все шло гладко, ни одинъ изъ исполнителей не производилъ диссонанса, не оскорблялъ эстетическаго чувства зрителя. Говорить ли о Самаринѣ-Фамусовѣ? Иванъ Васильевичъ Самаринъ настолько извѣстенъ, какъ лучшій исполнитель этой роли въ настоящее время (если не единственный, воспроизводящій ее вполнѣ реально), что, право, мои похвалы ровно ничего не прибавятъ къ тому, что было много разъ писано объ этомъ арстистѣ. Г. Ленскій — иное дѣло, о немъ, какъ о Чацкомъ писали мало. Судя по шумнымъ рукоплесканіямъ, которыми публика малаго театра встрѣтила этого артиста, слѣдуетъ заключить, что г. Ленскій принадлежитъ къ числу ея любимцевъ. Рукоплесканія во время спектакля показываютъ также, что Ленскій-Чацкій вполнѣ удовлетворялъ публику. Но точно-ли г. Ленскій, артистъ безспорно талантливый, вполнѣ удовлетворяетъ исполненіемъ роли Чацкаго? Къ сожалѣнію, не вполнѣ; какъ ни подкупаетъ г. Ленскій горячимъ исполненіемъ, страстностью, талантливостью, но чувствуется, что въ игрѣ его чего-то недостаетъ. Г. Ленскій болѣе всего подчеркиваетъ тѣ мѣста роли, которыя касаются любви Чацкаго къ Софьѣ; ихъ г. Ленскій исполняетъ хорошо; что же касается тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ Чацкій является обличителемъ общественныхъ язвъ, г. Ленскій мѣстами былъ неудовлетворителенъ; онъ видимо опасался пересолить и впасть въ излишній пафосъ, потому и случилось, что нѣкоторыя сцены онъ провелъ холоднѣе, чѣмъ слѣдовало, «недосолилъ», если можно такъ выразиться. Во всякомъ случаѣ, пріятно посмотрѣть на Ленскаго въ роли Чацкаго.

Изъ остальныхъ исполнителей болѣе другихъ выдается г-жа Рыкалова, игравшая Хлестову. Покойная Линская была неподражаемо хороша въ этой роли; многія другія исполнительницы, которыхъ мнѣ приходилось видѣть въ Петербургѣ, даютъ каррикатуру, а не типъ. Въ исполненіи г-жи Талановой снова пришлось видѣть типъ, созданный Грибоѣдовымъ. Удивительно хорошъ г. Никифоровъ въ маленькой роли г. N. Надо быть очень талантливымъ артистомъ, чтобы на сценѣ воспроизвести типъ, когда въ распоряженіи актера только нѣсколько фразъ; г. Никифоровъ это сдѣлалъ и, по всей справедливости, былъ награжденъ громкими рукоплесканіями публики. Г-жа Никулина превосходная Лиза, хотя въ ней уже нѣтъ той живости и той наивной прелести, какими она очаровывала нѣсколько лѣтъ тому назадъ; уже не дѣйствуютъ въ той мѣрѣ тѣ качества ея таланта, которыя давали право считать г-жу Никулину лучшей «ingenue» на русской сценѣ. Г-жа Ермолова — хорошая Софья; прекрасная наружность, походка, жесты — все въ г-жѣ Ермоловой подкупаетъ зрителя и онъ невольно выражаетъ свое сочувствіе артисткѣ, хотя исполненіе ею роли Софьи мѣстами и не совсѣмъ ровное. Впрочемъ, роль Софьи едва ли не самая трудная въ репертуарѣ, — не для исполненія, а для полученія успѣха. Нѣтъ въ ней словъ, произнесеніе которыхъ талантливою артисткой электризуетъ публику; нѣтъ въ ея характерѣ чертъ, возбуждающихъ сильное негодованіе, воспроизведеніемъ которыхъ артистка могла бы подѣйствовать на нервы зрителей и взволновать ихъ. Софья просто барышня и еще выросшая на почвѣ крѣпостного права; всѣ ея помыслы направлены къ тому, чтобы найти поскорѣе мужа, а главное такого, который былъ бы покорнымъ слугой своей жены. Софья, вѣроятно, слышала не мало разсказовъ о томъ, какъ мужья-самодуры тиранятъ своихъ женъ и, естественно, желала избѣжать подобной участи. Драматическихъ мѣстъ совсѣмъ нѣтъ въ этой роли. Воспроизвести на сценѣ типъ такой барышни не трудно, но очень трудно своимъ исполненіемъ вызвать симпатіи зрителей, отъ которыхъ нельзя же требовать холодной разсудочности при оцѣнкѣ сценическаго представленія, по самой натурѣ своей и въ силу обстановки, при которой оно совершается, дѣйствующаго преимущественно на нервы публики. Вотъ почему на долю артистки, исполняющей роль Софьи, рѣдко достаются рукоплесканія. Г-жа Ермолова правдиво исполнила свою роль, а это все, что требуется; истинный артистъ никогда не долженъ прибѣгать къ шаржу, хотя перѣдко случается, что именно шаржировка и обезпечиваетъ за нимъ успѣхъ. Взять хотя бы г. Вильде, исполнявшаго въ этотъ вечеръ роль Скалозуба. Если судить по аплодисментамъ, то публика осталась довольна исполненіемъ г. Вильде. Однакожь, г. Вильде очень далекъ отъ идеальнаго исполнителя этой роли. Скалозубъ въ исполненіи Вильде вышелъ слишкомъ каррикатуренъ. Впрочемъ, нельзя за это строго винить г. Вильде; онъ не принадлежитъ къ числу крупныхъ талантовъ и ему, конечно, очень трудно отрѣшиться отъ традиціи, а по театральной традиціи роль Скалозуба исполняется именно такъ, какъ воспроизводитъ ее г. Вильде и какъ въ Петербургѣ воспроизводитъ г. Варламовъ. Другой примѣръ шаржировки въ этотъ вечеръ представилъ г. Бергъ, говорятъ, актеръ талантливый, но положительно непонявшій роли Репетилова. Нечего и сравнивать его съ геніальнымъ Репетиловымъ — покойнымъ Сосницкимъ; многіе изъ самыхъ заурядныхъ исполнителей этой роли должны быть поставлены выше г. Берга.

Еще слѣдуетъ упомянуть о гг. Рѣшимовѣ и Садовскомъ, очень прилично съигравшихъ роли Молчалина и Загорѣцкаго, хотя и тотъ и другой только приближались къ типамъ, созданнымъ Грибоѣдовымъ, а не воспроизводили ихъ.

Довольно о Москвѣ, къ которой мнѣ придется еще возвратиться въ слѣдующей статьѣ. Я долженъ поговорить о трагедіи изъ дѣйствительной жизни, случившейся въ Одессѣ: братоубійствѣ, совершившемся при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ. Факты для моего разсказа я заимствую изъ статьи, напечатанной въ газетѣ «Новости»

Прологъ. Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ. Въ семьѣ Енкуватовыхъ два сына студента: старшій, Дометій, на медицинскомъ факультетѣ, младшій, Пименъ, въ петровской академіи. Дометій жилъ у родныхъ, а Пименъ за-городомъ подлѣ своей академіи. Въ домѣ Енкуватовыхъ жила горничная, крестьянка Степанида, которой еще не было 16 лѣтъ. Ее нельзя назвать ни красавицей, ни хорошенькой, но она привлекаетъ своей мягкостью и добротой. Когда въ нее влюбился Дометій, она не знала грамотѣ, а теперь читаетъ и понимаетъ серьезныя книги, что показываетъ въ ней способность къ высшему развитію. Дометій такъ полюбилъ молодую дѣвушку, что вскорѣ женился на ней. Братья, часто видѣвшіеся между собою, очень любили другъ друга.

Черезъ 3 мѣсяца послѣ женитьбы, Дометій вмѣстѣ съ братомъ, были арестованы по нечаевскому дѣлу. Во время ихъ заключенія, Степанида много работала, чтобы помогать родителямъ мужа, людямъ бѣднымъ. Судъ приговорилъ Енкуватовыхъ къ тюремному заключенію, отбывъ которое они были высланы на жительство въ г. Бахмутъ, куда пріѣхали также жена Дометія и его мать. Дометій давалъ уроки въ городѣ, а Пименъ до пріисканія занятій жилъ у него на квартирѣ. Здѣсь Пименъ влюбился въ жену брата и, разъ гуляя съ нею, едва не совершилъ надъ нею насилія, отъ чего она спаслась хитростію, обѣщавъ на слѣдующій день отдаться ему добровольно. Придя домой она разсказала все мужу. Результатомъ вышло переселеніе матери Енкуватовыхъ вмѣстѣ съ Пименомъ на другую квартиру. Пименъ нѣсколько разъ пытался повидаться съ женою брата, но это ему не удалось и онъ оставилъ свои преслѣдованія.

Но вотъ братьямъ разрѣшено было переселиться въ Одессу. Здѣсь, къ ихъ несчастію, они снова стали жить на одной квартирѣ. Первое время Пименъ не возобновлялъ своихъ попытокъ добиться любви братниной жены; онъ даже уѣхалъ въ Сербію добровольцемъ, но черезъ 3 или 4 мѣсяца вернулся въ Одессу оборванный и безъ всякихъ средствъ къ жизни. До пріисканія мѣста онъ поселился у брата, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ работать въ одной изъ мѣстныхъ газетъ, что давало ему очень небольшія средства къ жизни.

Дометій сталъ замѣчать, что братъ боленъ, по цѣлымъ часамъ сидитъ, задумавшись, не говоря ни слова и часто проявляетъ страсть ко всѣмъ животнымъ наслажденіямъ. Оба брата были всесторонне развитые люди; Пименъ обладалъ замѣчательной силой воли, а Дометій былъ добръ, мягокъ и нѣсколько безхарактеренъ. Когда черезъ два мѣсяца, по возвращеніи Пимена изъ Сербіи, жена сказала ему, что Пименъ снова пристаетъ къ ней, онъ рѣшительно потерялся, не зная, что ему предпринять. «Я вѣрилъ въ честность своей жены, говорилъ онъ на судѣ, и съ этой стороны мнѣ нечего было бояться. Нужно было во всякомъ случаѣ удалить брата лишь для спокойствія жены, ибо преслѣдованія Пимена дошли до того, что Степанидѣ не разъ приходилось просиживать цѣлые дни подъ воротами, въ ожиданіи моего возвращенія со службы.

Лѣтомъ прошлаго года Пименъ получилъ мѣсто въ городской управѣ. Воспользовавшись этимъ, Дометій переѣхалъ за городъ, въ предмѣстье Молдаванку, разсчитывая, что братъ не послѣдуетъ туда. Но Пименъ переѣхалъ съ ними и еще больше сталъ мучить бѣдную женщину. Дометій рѣшился, наконецъ, переговорить съ братомъ. Онъ потребовалъ, чтобы Пименъ уѣхалъ и оставилъ ихъ въ покоѣ. Но Пименъ на это рѣшительно не согласился. Мало того, онъ, въ свою очередь, потребовалъ, чтобы удалился Дометій, потому что, по его мнѣнію, жена его не любитъ, и если не раздѣляетъ любви его, Пимена, то оттого, что вѣчно видитъ передъ собою мужа. Дометій отвѣчалъ, что братъ ошибается, но если онъ замѣтитъ, что Степанида его любитъ, онъ немедленно удалится. Переговоры кончились тѣмъ, что братья порѣшили остаться жить вмѣстѣ, а для испытанія чувствъ Степаниды, Дометій долженъ былъ, по возможности, удаляться отъ жены. Онъ долженъ былъ спать въ гостиной вмѣстѣ съ братомъ и не имѣлъ права слѣдить за женой и братомъ, предоставя имъ полную свободу дѣйствій.

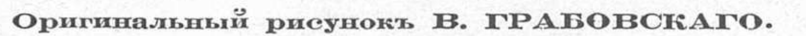
Положеніе всѣхъ трехъ было самое ужасное. Жена, конечно, ничего не знала объ уговорѣ, состоявшемся между братьями.

«Лежа ночью на диванѣ, говорилъ съ рыданьями Дометій на судѣ, я слышалъ не разъ, какъ Пименъ вставалъ съ своей постели и отправлялся въ спальню моей жены, я слышалъ каж-

Картина ЮНДТА.

Въ тростникахъ на Рейнѣ.

Оригинальный рисунокъ В. ГРАБОВСКАГО.

Наводненіе.

дое ихъ движеніе, каждое слово, я былъ нѣмымъ свидѣтелемъ борьбы честной женщины съ дикою страстью моего брата, я не разъ слышалъ, какъ онъ угрожалъ ей; я видѣлъ не разъ, какъ онъ выходилъ изъ спальни моей жены съ поднятыми кулаками, проклиная ее и грозя убить всѣхъ. Я уходилъ на службу и возвращался домой съ замирающимъ сердцемъ, думая каждый разъ, что я застану дома какое нибудь несчастье; но я мучился, страдалъ и терпѣлъ... Я думалъ, что онъ этимъ излечится отъ своей страсти; я хотѣлъ дать ему, какъ разумному и развитому человѣку, возможность убѣдиться, что я не стою поперегъ его дороги. А если-бы случилось противное, то... то я самъ-бы удалился...»

А вотъ какъ его жена, также въ своемъ показаніи, данномъ суду, характеризуетъ свое ужасное положеніе:

«Я не знала причины перемѣны, происшедшей въ поведеніи мужа, и меня это мучило. Были минуты, когда мнѣ жаль становилось Пимена, но, въ общемъ, мое чувство къ нему сводилось къ ненависти. Да, я его ненавидѣла... Онъ былъ причиной моихъ страданій, мнѣ приходилось бороться съ нимъ до изнеможенія, мнѣ приходилось беречь себя, дѣтей и мужа отъ какого-нибудь ужаснаго несчастія, такъ какъ онъ грозилъ убійствомъ; я не разъ проводила ночи подъ воротами или въ дворницкой. Къ мужу я не хотѣла обращаться, во-первыхъ, боясь какого-нибудь несчастья, а во-вторыхъ, въ виду его странной холодности. Мнѣ показалось... что онъ больше меня не любитъ...»

Всѣ трое мучились, страдали и не умѣли придумать выхода изъ своего ужаснаго положенія. Пименъ безпрестанно проявлялъ самую необузданную ревность къ брату. Несчастная женщина, не зная, какъ бы успокоить своего мучителя, стала отрекаться отъ связи съ мужемъ. Положеніе, наконецъ, стало невозможнымъ; нужно было найти какой-нибудь исходъ изъ него. Сами дѣйствующія лица драмы его не находили, за нихъ распорядился случай. Наступилъ послѣдній актъ трагедіи: совершилось братоубійство. Братъ убилъ своего нѣжно-любимаго брата.

16-го августа прошлаго года Дометій Енкуватовъ съ женою отправились къ его крестной матери и пробыли тамъ цѣлый день. Пимена не было дома, когда они уходили, но когда вернулись, застали его блѣднымъ, расхаживающимъ по комнатѣ. Вскорѣ всѣ они легли спать: Дометій на диванѣ, Пименъ тутъ же въ комнатѣ у дверей спальни, гдѣ спала жена его брата.

«Часу въ третьемъ пополуночи, разсказывалъ Дометій на судѣ, я былъ разбуженъ шумомъ, выходившимъ изъ спальни моей жены; я ясно слышалъ, какъ жена кричала: «Уходите! Оставьте меня!» Я приподнялся на постели и сталъ прислушиваться. Для меня было ясно, что въ спальнѣ жены—братъ и что бѣдная жена борется съ нимъ. Сердце у меня сжалось; я нѣсколько разъ порывался встать, бѣжать въ спальню и защитить бѣдную женщину, но этого не сдѣлалъ, боясь оглаской обезчестить жену, ибо я зналъ, что безъ скандала между мною и братомъ дѣло не обошлось-бы, если бы я ворвался въ спальню,—а въ сосѣдней комнатѣ спала прислуга. Я сталъ прислушиваться дальше. Я ясно слышалъ просьбы, мольбы и слезы жены. Голосъ ея дрожалъ. Она говорила шопотомъ; она, повидимому, тоже боялась огласки, а еще больше столкновеніе между нами. Чрезъ нѣсколько минутъ я услышалъ глухой стонъ брата со словами: «А, такъ вотъ какъ! Иди-же, полюбуйся, какъ онъ будетъ храпѣть у меня въ рукахъ!» и, вслѣдъ за тѣмъ, въ дверяхъ спальни появилась блѣдная фигура брата съ поднятыми вверхъ руками, а сзади цѣплялась за него Степанида и умоляющимъ голосомъ просила его вернуться въ спальню. Въ это время у меня помутилось въ глазахъ, въ головѣ какъ-то странно застучало... Я видѣлъ его блѣдную фигуру передъ собою, я ясно видѣлъ, потому что въ спальнѣ горѣла лампадка... Я видѣлъ, какъ онъ направился къ моей постели, я слышалъ глухое рыданіе жены, уцѣпившейся за его рубаху. Я... я моментально вскочилъ съ постели, схватилъ револьверъ, лежавшій подъ подушкой, и выстрѣлилъ въ брата; онъ пошатнулся и упалъ головой въ спальню (глухое и продолжительное рыданіе, доходящее до истерики). Да, господа! Я... я убилъ своего брата. Судите меня, казните! Я братоубійца!»...

Отъ нахлынувшихъ слезъ онъ долго не могъ говорить. Наконецъ, когда нѣсколько успокоился, продолжалъ:

«Когда онъ упалъ, тогда я взглянулъ на жену. Она стояла, какъ мертвая, прислонившись къ косяку дверей спальни. Братъ застоналъ и глухимъ шопотомъ произнесъ: «Дай перо и бумагу. Я напишу нѣсколько словъ полиціи, я скажу, что я самъ себя убилъ». Я отвѣчалъ ему, что не желаю избѣгать кары. Тогда братъ съ видимымъ усиліемъ вскрикнулъ:

— Бога ради, стрѣляй, стрѣляй въ голову... въ голову... хоть одну пулю, я страшно мучаюсь, покончи, умоляю!»... Я хотѣлъ исполнить его просьбу, но у меня въ глазахъ потемнѣло, я не видѣлъ головы. «Умилосердись, умоляю тебя, въ голову хоть одну пулю!»... Раздался второй разъ глухой стонъ брата. Я нагнулся и выстрѣлилъ еще два раза; но я не зналъ, куда стрѣляю. Онъ произнесъ послѣднее слово: «Простите!» и уже больше не двигался. Онъ упалъ въ дверяхъ спальни жены, головой въ спальню. Я тотчасъ выбѣжалъ во дворъ, разбудилъ хозяина, объявилъ ему, что я убилъ брата, и просилъ дать знать полиціи. Меня арестовали».

Что же случилось до наступленія кровавой развязки, мы узнаемъ изъ слѣдующихъ словъ показанія г-жи Енкуватовой, даннаго на судѣ: «Я уже спала, какъ пришелъ Пименъ и потушилъ лампадку, горѣвшую въ спальнѣ. Когда онъ вошелъ, я не слышала; я только услышала, когда онъ сѣлъ у ногъ моихъ на кровати. Я проснулась и стала требовать, чтобы онъ зажегъ лампадку и удалился. Онъ пошелъ отыскивать спички, нашелъ, но разсыпалъ ихъ... Поднявъ съ земли спичку, онъ зажегъ ею лампадку и возвратился къ моей постели. Онъ сталъ требовать у меня подробнаго отчета, гдѣ я была съ мужемъ и какъ провела день. Я ему разсказала.

— «Неправда! воскликнулъ онъ, ты ходила съ нимъ въ другое мѣсто; вы прячетесь отъ меня. Ты ходила, чтобы имѣть съ нимъ сношеніе, я это знаю!» Я продолжала его увѣрять, что мы были въ гостяхъ. Затѣмъ, когда онъ хотѣлъ лечь возлѣ меня, я вскочила съ постели и сказала, что если онъ не уйдетъ, то я позову прислугу. Онъ поблѣднѣлъ и съ поднятыми руками выбѣжалъ изъ спальни, говоря: «Такъ ты такъ! Иди-же, полюбуйся, какъ онъ будетъ храпѣть!» Я вцѣпилась въ его рубашку и умоляла его возвратиться въ спальню. Потомъ... я уже не помню, что было»...

Присяжные вынесли оправдательный приговоръ подсудимому.

Ужасныя бываютъ положенія въ жизни! **Н. И.**

Новости наукъ и жизни.

— Благодѣтельное изобрѣтеніе. Въ «Голосѣ» пишутъ: Въ Павловскѣ, на пруду у розоваго павильона, въ присутствіи ихъ императорскихъ высочествъ, великихъ князей, Сергѣя и Павла Александровичей и Дмитрія и Вячеслава Константиновичей, генералитета, офицеровъ и собравшейся публики, произведены были опыты надъ изобрѣтенными г. Брафманомъ плавательными снарядами для людей и лошадей. Осѣдланная лошадь съ одѣтымъ сѣдокомъ свободно и спокойно проплыла довольно значительное пространство по глубокому мѣсту, причемъ голову держала высоко, а сѣдокъ былъ погруженъ въ воду лишь ногами, оставаясь самъ сухимъ. Потомъ, снабженный плавательнымъ снарядомъ, тотъ же солдатъ плавалъ самъ безъ лошади. Поднявъ руки вверхъ и оставаясь безъ движенія, солдатъ погружался въ воду лишь немного выше пояса; при этомъ онъ свободно дѣлалъ ружейные пріемы и т. п. Опыты были вполнѣ удачны. Послѣ опытовъ, г. Брафманъ показалъ ихъ высочествамъ образцы изобрѣтенныхъ имъ снарядовъ для переправы орудій и другихъ тяжестей и непромокаемые, герметически запирающіеся мѣшки для переправы пороха, сухарей, амуниціи и т. п. Снаряды эти очень просты и легки. Снарядъ для человѣка вѣситъ не болѣе двухъ фунтовъ, такъ что его можно носить въ карманѣ. Надуваніе и одѣваніе снаряда требуетъ самаго незначительнаго времени. Сдѣланные опыты внушаютъ убѣжденіе, что съ примѣненіемъ этихъ снарядовъ къ военному дѣлу, они значительно облегчатъ трудъ при переправѣ чрезъ рѣки, озера и проч. и спасутъ жизнь многихъ воиновъ и лошадей. Сверхъ того, эти снаряды могутъ оказать весьма важныя услуги при крушеніи судовъ и пароходовъ. Съ означеннымъ снарядомъ въ карманѣ, каждый путешественникъ всегда можетъ быть увѣренъ, что въ случаѣ несчастія снарядъ спасетъ ему не только жизнь, но и до 40 фунтовъ имущества.

— Замѣна стараго стиля новымъ. Въ будущемъ году въ Петербургѣ долженъ состояться всероссійскій съѣздъ естествоиспытателей и врачей. На этомъ съѣздѣ будетъ, между прочимъ, обсуждаться важный вопросъ о проектѣ введенія во всей Россіи, въ офиціальныхъ сношеніяхъ и въ частныхъ сдѣлкахъ, исчисленія времени по новому стилю. Главнѣйшимъ мотивомъ къ составленію этого проекта, кромѣ астрономическихъ наблюденій, уже и теперь исчисляемыхъ нашими обсерваторіями по новому стилю, служитъ то обстоятельство, что существованіе у насъ двухъ различныхъ стилей, новаго и стараго, сопряжено съ большими неудобствами и трудностями, а иногда даже съ невозможностью веденія двойного исчисленія. Въ настоящее время въ метеорологическихъ и астрономическихъ наблюденіяхъ русскими учеными ведется новый стиль счисленія, который принятъ въ общежитіи и въ употребленіи въ губерніяхъ Привислинскаго и Прибалтійскаго Краевъ и Финляндіи, гдѣ также встрѣчаются иногда неудобства, вслѣдствіе того, что офиціальнымъ стилемъ въ этихъ мѣстностяхъ служитъ старый стиль, а въ общежитіи—новый.

— К. Н. Филипповъ. Русское искусство потеряло не мало въ лицѣ скончавшагося въ Ялтѣ, академика батальной живописи, Константина Николаевича Филиппова. Чахотка унесла его на 48-мъ году жизни. Покойный написалъ массу картинъ; сюжеты для своихъ произведеній онъ бралъ изъ севастопольской, кавказской и итальянской войнъ; во время послѣдней онъ сопровождалъ отрядъ Гарибальди. Въ прошломъ году, К. Н. ѣздилъ въ самое трудное время въ Карсъ.

— Кардиналъ Франки. Скончавшійся недавно статсъ-секретарь папы Льва XIII, кардиналъ Франки, родился въ Римѣ 25 іюня 1819 года. Въ началѣ нынѣшняго года онъ состоялъ генеральнымъ префектомъ священной конгрегаціи пропаганды вѣры, кардиналъ-прелатомъ и патрономъ церкви св. Маріи въ Трастевере. Одно время онъ исполнялъ обязанности папскаго нунція въ Мадритѣ, а послѣ ватиканскаго собора былъ командированъ въ Константинополь съ цѣлью уладить армянскій вопросъ. На посту префекта конгрегаціи пропаганды, на мѣстѣ совершенно новомъ, Франки успѣлъ ознакомиться съ положеніемъ религіознаго дѣла внѣ Италіи. При выборѣ папы, кардиналъ Ганги поставилъ его послѣднимъ въ спискѣ кандидатовъ на престолъ св. Петра. Пекки, по избраніи папою, назначилъ Франки статсъ-секретаремъ.

— Литература о Сербіи. Н. Н. Вакуловскій доставилъ намъ слѣдующую замѣтку: 10 августа послѣдовало провозглашеніе независимости Сербіи. Интересующимся этимъ государствомъ, ко-

торому, безъ сомнѣнія, суждено играть роль въ исторіи, сообщаетъ указанія на важнѣйшія статьи, напечатанныя у насъ въ послѣдніе десять лѣтъ до начала сербско-турецкой недавней распри. Въ 1865 г. въ «Современникѣ» напечатана статья «Сербское село». Въ 1866 г. въ № 38 «Современной лѣтописи» были описаны національныя празднества, происходившія въ Новомъ садѣ, а въ № 4 «Филологическихъ записокъ» приведено сербское сказаніе о св. Саввѣ. Въ 1869 г. №№ 46, 48 и 51 «Всемірной иллюстраціи» помѣщались очерки изъ жизни сербовъ. Въ 1870 г. въ «Вѣстникѣ Европы» напечатаны статьи г. Н. Попова «Военныя поселенія сербовъ» и П. Ровинскаго «Бѣлградъ, его хозяйство и общественная жизнь». Въ 1871 г., въ «Бесѣдѣ» печатались «Очерки старой Сербіи», Ф. Балетича. Въ «Военномъ сборникѣ» напечатана статья о вооруженныхъ силахъ Сербіи, Черногоріи, Греціи и Румыніи. Въ «Архивѣ судебной медицины» появилась статья И. Паржницкаго о холерѣ и состояніи санитарной части въ Сербіи въ 1866 г. Въ «Московскихъ университетскихъ извѣстіяхъ» напечатаны народныя сербскія сказки и легенды. Въ 1872 г. въ «Духовной бесѣдѣ» напечатанъ историко-статистическій очеркъ православной сербской церкви. Въ 1873 г., въ № 326 «Русскаго Міра» напечатаны «Очерки Сербіи» Н. Я. В—на; въ № 340 «Голоса» появилась статья В. Макушева «Воззрѣнія серба на отношенія Россіи къ западному славянству». Въ 1874 г., Н. А. Поповъ напечаталъ въ № 10 «Православнаго обозрѣнія» статью о состояніи православной церкви въ Сербіи, а Л. В. Березинъ въ №№ 6 и 7 «Христіанскаго чтенія» краткій очеркъ исторіи сербской православной церкви въ Хорватіи, Славоніи и Далмаціи. Въ № 33 «Нивы» напечатана сербская народная пѣсня «Два Якшича» (Яковлевича), а въ №№ 281 и 295 «Сына отечества» появились «политическія замѣтки о Сербіи» г. Л. Б. Въ 1876 г. въ № 8 «Знанія» разобрана книга «Кнежевина Србиъя», а также «Юрьевъ день и свадьба у сербовъ». Въ Изв. Моск. общ. Естествоиспытателей», т. XX, явилась замѣтка Мочводина о сербскомъ черепѣ XII столѣтія.

— **Гей-Люссакъ.** Мы сообщили недавно, что въ нынѣшнемъ году исполняется столѣтіе рожденія сэра Гумфри Деви. Одновременно почти приходится чествовать столѣтіе рожденія и другого знаменитаго ученаго Гей-Люссака, оказавшаго своими трудами большое вліяніе на дальнѣйшіе успѣхи физики и химіи. Имя Гей-Люссака извѣстно каждому образованому человѣку со школьной скамьи. Желательно, чтобы и наши ученыя учрежденія приняли участіе въ предполагаемомъ заграницею торжествѣ. Гей-Люссакъ устроилъ чрезвычайно простой сифонный барометръ, указалъ способъ для опредѣленія законовъ поднятія жидкостей въ волосныхъ трубкахъ, доказалъ неизмѣняемость объема тѣлъ отъ намагничиванія. Онъ опредѣлилъ скорость звука, доказалъ, что при нормальномъ давленіи, газы расширяются на 0,375 первоначальнаго объема при увеличеніи температуры отъ 0° до 100°, работалъ по вопросу о расширеніи жидкостей, по воросу объ отношеніи теплоемкостей газовъ. Гей-Люссакъ нашелъ, что ледъ испаряется, и что его пары имѣютъ такую же упругость, какъ пары воды, охлажденные до той же температуры. Ему принадлежитъ одинъ изъ первыхъ по времени, довольно точныхъ, способовъ опредѣленія объема, а затѣмъ и плотности пара.

— **Г. Е. Щуровскій.** Н. Н. Вакуловскій доставилъ намъ слѣдующую замѣтку: Москва недавно праздновала 50-лѣтній юбилей Григорія Ефимовича Щуровскаго. Онъ родился въ 1803 г. января 30-го, въ Москвѣ, отъ небогатыхъ родителей. Лишившись во время войны 1812 года послѣдняго достоянія, родители Г. Е. помѣстили его въ мѣстный воспитательный домъ. Достаточная подготовка позволила ему поступить въ классическое отдѣленіе, курсъ котораго въ то время былъ не меньше гимназическаго. Здѣсь Г. Е. пробылъ восемь лѣтъ, въ 1822 году былъ переведенъ въ университетъ на средства опекунскаго совѣта. Зачисленный на медицинскій факультетъ, Щуровскій посѣщалъ усердно и лекціи физико-математическаго факультета. Естественными науками онъ заинтересовался еще въ воспитательномъ домѣ, гдѣ физику и естественную исторію читалъ проф. Ловецкій. Для медиковъ естественную науку, добавлю, читалъ адъюнктъ Гольдбахъ. Получивъ въ 1826 году званіе лекаря 1-го отдѣленія, Щуровскій былъ оставленъ при академіи, а черезъ два года, сдавши экзаменъ на степень акушера и доктора, былъ опредѣленъ въ воспитательный домъ на мѣсто Ловецкаго, бывшаго его наставника, перешедшаго въ университетъ. 29 мая 1829 года, Щуровскій защищалъ докторскую диссертацію «De Erysipelate». Въ 1831 году Щуровскій опредѣленъ при воспитательномъ домѣ младшимъ медикомъ или ординаторомъ, а въ 1832 году по случаю перемѣщенія адъюнкта Фишера въ физико-математическій факультетъ, занялъ его мѣсто, т. е. лектора естественной исторіи при медицинскомъ факультетѣ. Въ 1833 году ему поручено было и чтеніе минералогіи. Занимаясь преимущественно сравнительной анатоміей, въ то время обратившей на себя вниманіе ученыхъ, Щуровскій написалъ рядъ статей по этой отрасли знаній въ издававшихся университетомъ «ученыхъ запискахъ». Редакціей этого изданія завѣдывали: Давыдовъ, Перевощиковъ, Шевыревъ и Щуровскій. Г. Е. помѣстилъ здѣсь рядъ извѣстій въ смѣси. Болѣе объемистыми статьями его были: 1) «О частномъ развитіи сердца птицъ и сходствѣ онаго съ общимъ развитіемъ того же органа въ цѣломъ животномъ царствѣ — 1833, августъ; 2) О головныхъ позвонкахъ высшихъ животныхъ»— 1834, февраль и мартъ; 3) «Теорія образованія яйца» 1834 г.—октябрь; III в. 4) «Объ ископаемыхъ животныхъ и растеніяхъ въ геологическомъ отношеніи»—1835 г., февраль; и 5) «Объ участіи физики и химіи въ успѣхахъ минералогіи». Послѣдняя статья есть рѣчь, произнесенная Щуровскимъ въ торжественномъ собраніи университета, 1836 г., іюня 9-го. Въ 1834 году появилась первая часть отдѣльнаго сочиненія Щуровскаго «Органологія животныхъ». Въ 1835 году Щуровскій отказался отъ преподаванія естественной исторіи медикамъ и утвержденъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ минералогіи въ физико-математическомъ факультетѣ. При введеніи въ дѣйствіе новаго университетскаго устава, Щуровскій зачисленъ былъ преподавателемъ минералогіи и геогнозіи по второму отдѣленію философскаго факультета. Затѣмъ онъ получилъ командировку на Уралъ и Алтай, плодомъ которой были сочиненія, появившіяся въ 1841 и 1846 годахъ, «Уральскій хребетъ въ физико-географическомъ отношеніи» и «Геологическое путешествіе по Алтаю, съ историческими и статистическими свѣденіями о Колывано-воскресенскихъ заводахъ». По Алтаю Г. Е. путешествовалъ въ 1844 году. Въ это время онъ былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ минералогіи, и назначенъ старшимъ врачемъ при воспитательномъ домѣ. Г. Е. устроилъ въ университетѣ минералогическій музеумъ. Въ 1848—49 г. Щуровскій избранъ былъ деканомъ физико-математическаго факультета. Остальные научные труды Г. Е. помѣщены: въ «Вѣстникѣ естественныхъ наукъ» — статьи «Объ ископаемомъ или каменномъ углѣ», «О черноземѣ», «О коралловыхъ островахъ»; «Краткая біографія Леопольда фон-Буха». Въ «Магазинѣ землевѣденія и путешествій», издававшемся Фроловымъ, — «О ледникахъ», «О русскихъ каменноугольныхъ бассейнахъ, и особенно о Донецкомъ, въ нынѣшнемъ ихъ развитіи», «О Леопольдѣ фон-Бухѣ». Въ «Москвитянинѣ» появилось нѣсколько принадлежащихъ Г. Е. рецензій. Минералогическіе термины были объяснены имъ на русскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ. Наконецъ онъ перевелъ и дополнилъ книгу Ле-Бле «Exploration des terrains carbonifères du Donetz, executée de 1837 à 1839, sous la direction de M. A. Démidoff etc».

Смѣсь.

— **Побѣгъ арестантовъ.** Харьковскій корреспондентъ сообщаетъ, что утромъ 29-го августа, въ началѣ четвертаго часа, въ камерѣ, гдѣ помѣщались ссыльнокаторжные, уже приговоренные судомъ за разныя преступленія, и ожидавшіе отправки въ Сибирь или въ центральныя каторжныя тюрьмы, сдѣлался шумъ. Камера была немедленно отперта и арестанты заявили, что изъ ихъ числа (53 человѣка) бѣжали 11 человѣкъ. Тотчасъ же была сдѣлана общая повѣрка всѣхъ арестантовъ, причемъ оказалось, что кромѣ этихъ 11-ти человѣкъ бѣжалъ еще политическій преступникъ, обвинявшійся въ убійствѣ жандарма, при безплодной попыткѣ освободить другого политическаго преступника, подъ Харьковомъ, и именовавшій себя Фоминымъ. Побѣгъ произведенъ чрезъ подкопъ. Изъ нижняго этажа острога, галерея подкопа идетъ подъ стѣну зданія, подъ ограду, выходитъ въ огороды, въ сторону вокзала желѣзной дороги, и оканчивается на 26 аршинъ позади наружной стѣны острога. Если добавить, что, по слухамъ, фундаментъ острога врытъ на 15 аршинъ въ землю, то какъ же велика была сила, способная преодолѣть всѣ эти, почти невозможныя трудности; какъ велика была масса земли, вынутой изъ такой громадной галереи, а, между тѣмъ, этого никто не видѣлъ, никто не замѣтилъ и слѣдовъ подкопа, т. е. земли. Этого мало. Понятно, что изъ камеры, въ которой сидѣли 53 человѣка, могли бѣжать нетолько 11, но даже и всѣ; совершенно, однако, непонятно бѣгство Фомина, заключеннаго въ особую, одиночную камеру, гдѣ онъ просидѣлъ всего едва ли три недѣли? При арестѣ его, на вокзалѣ желѣзной дороги, онъ очень хладнокровно замѣтилъ, что «этотъ арестъ, въ сущности, ни къ чему не ведетъ, такъ какъ все равно его освободятъ товарищи», и товарищи сдержали свое слово. На слѣдующій день въ окрестностяхъ города были арестованы четверо изъ бѣжавшихъ, а позднѣе, ночью, еще одинъ.

— **До чего можетъ довести страхъ.** Негры въ мистическомъ настроеніи доходятъ нерѣдко до изступленія. Доказательствомъ можетъ служить слѣдующее ужасное происшествіе, случившееся недавно, во время полнаго солнечнаго затмѣнія: Негры не подозрѣвали, что оно наступитъ. Вдругъ солнце померкло и стало дѣлаться все темнѣе и темнѣе. Тогда всѣ негры, какъ мужчины, такъ и женщины, бросились на землю и подняли страшный вопль. Нѣкоторые изъ нихъ закричали, что наступило свѣтопреставленіе, и вся толпа къ пламенной молитвѣ повергласъ на колѣни. Одинъ негръ, у котораго голова была наполнена дурно понятыми библейскими воспоминаніями, твердо убѣжденный, что наступилъ конецъ міра, но не имѣвшій охоты участвовать въ этой катастрофѣ, вскричалъ: «Я отправлюсь туда, гдѣ даже труба архангела Гавріила не разбудитъ меня». Съ этими словами онъ побѣжалъ къ себѣ на квартиру, къ женѣ и дѣтямъ. Въ рукѣ держалъ онъ заступъ. Его жена, увидѣвъ своего мужа въ подобномъ состояніи умоизступленія, убѣжала и начала звать на помощь. Негръ схватилъ тогда своего 12-ти лѣтняго сына и со словами: «Я хочу, чтобы ты отправился со мною на другой берегъ Іордана», нанесъ мальчику сильный ударъ по головѣ. Бросивъ окровавленнаго сына, негръ взялъ изъ колыбели грудного младенца, отрубилъ ему голову и приподнялъ послѣдняго по направленію къ солнцу. Двѣ маленькія дочери негра, бывшія свидѣтельницами этого побоища, со страху забились подъ кровать и, такимъ образомъ, избѣжали взоровъ кровожаднаго убійцы, который, выбѣжавъ затѣмъ изъ дома, поднялся на крышу и бритвою перехватилъ себѣ горло.

— **Истязаніе.** Корреспондентъ «Сына Отечества» пишетъ изъ Тульчина, подольской губ., что «тамъ недавно возникло дѣло объ истязаніи тестемъ невѣстки. Не болѣе двухъ мѣсяцовъ назадъ, священникъ села К. выдалъ замужъ за семнадцатилѣтняго сына, отставного жандарма Машлая, бывшую у него на воспитаніи сироту. Какъ водится, въ такихъ случаяхъ, невѣсту снабдили приличнымъ приданымъ, а родители, въ благодарность за кладъ, отысканный въ невѣсткѣ, приподнесли батюшкѣ и сестрицамъ его жены дѣйствительные и обѣщаемые подарки. Всѣ думали,

что дѣло устроилось; однако, уже чрезъ нѣсколько дней, между новобрачными началось несогласіе, а чрезъ мѣсяцъ, жена оставляетъ мужа и новыхъ родителей и убѣгаетъ къ своимъ родственникамъ въ другую деревню. Такъ какъ, по народнымъ воззрѣніямъ, мужъ, а тѣмъ болѣе тесть, имѣетъ право жизни и смерти надъ невесткою, даже можетъ ее «рѣзать на кусочки», то отецъ и сынъ немедленно отправились на поиски и, естественно, прежде всего прибыли къ священнику, бывшему ея опекуну, прося его посодѣйствовать имъ въ поимкѣ. Бѣглянку въ скоромъ времени отыскали гдѣ-то въ погребѣ и привели къ бывшему опекуну. Священникъ, въ общемъ ареопагѣ домочадцевъ, присудилъ высѣчь «взбѣсившуюся овцу» розгами. Поощряемые добрымъ примѣромъ гуманнаго отношенія священника, Машлаи окончательно убѣдились въ традиціонномъ правѣ абсолютно распоряжаться женщиною, какъ вещью. Слѣдствіемъ начавшихся, послѣ этого, притѣсненій былъ вторичный побѣгъ жены изъ дома мужа. На этотъ разъ роль умиротворителя принялъ на себя самъ тесть. Узнавъ, что невѣстка поступила въ поденьщицы къ священнику села Н. (куда она прибыла какъ къ благочинному, съ жалобою на высѣкшаго ее опекуна), онъ запасается арканомъ, садится верхомъ на лошадь и отправляется на мѣсто работы невѣстки. Чтобъ не быть узнаннымъ, онъ переодѣвается и, такимъ образомъ, схватываетъ свою жертву. Натѣшившись «по солдатски» надъ пойманною невѣсткою, онъ привязываетъ ее арканомъ къ шеѣ лошади, самъ садится верхомъ и, такимъ образомъ, шествуетъ въ свою деревню, отстоящую отъ мѣста дѣйствія въ пятнадцати верстахъ, усердно подгоняя палкою шедшую возлѣ него пристяжную. Этотъ поступокъ, какъ и безчисленное множество другихъ такого же рода, такъ и канулъ бы въ вѣчность, но, какъ нарочно, на него наткнулся одинъ сострадательный человѣкъ, который подалъ заявленія объ этомъ становому приставу. Начато было предварительное дознаніе, обнаружившее какъ самый фактъ истязанія, такъ и вызвавшія его причины. Истязанная прямо высказала, что своего мужа она не можетъ любить, жить съ нимъ не будетъ, хотя бы приковывали ее къ нему, и скорѣе согласна сидѣть подъ арестомъ, чѣмъ возвратиться къ нему. На слѣдствіи, всѣ, въ простотѣ сердца, показывали голую правду, такъ что обнаружился нетолько фактъ истязанія, но также грубаго животнаго насилія надъ несчастною. Послѣ дознанія, послѣдовалъ приказъ объ арестѣ преступника.

— **Дорогая желѣзная дорога.** Въ Перу строится желѣзная дорога, имѣющая соединить перуанское побережье Тихаго океана съ низменностью Амазонской рѣки и ея притоковъ. Дорога эта сооружается въ гористой мѣстности, почти на высотѣ Монблана. Постройка 172 километровъ дороги обошлась въ 161 мил. франковъ; слѣдовательно, одинъ километръ стоитъ 936,000 франковъ.

— **Морская змѣя.** Бетуманъ, писатель изъ Христіаніи, сообщаетъ парижскому корреспонденту газеты «Daily News», что 25-го августа въ Алезундѣ, на норвежскомъ берегу, между Бергеномъ и Дронттельмомъ появилась морская змѣя. Однимъ изъ свидѣтелей при появленіи чудовища былъ г. Іоахимъ Андерсонъ, датскій консулъ въ Алезундѣ и бывшій членъ выставочнаго жюри въ Филадельфіи по рыбнымъ ловлямъ. Въ полдень, въ воскресенье, 25-го августа, онъ находился близъ Алезунда въ Вальдерзундъ-фіордѣ въ лодкѣ, вблизи отъ которой неожиданно поднялась на поверхность воды змѣя. Г. Андерсонъ и его спутники имѣли возможность разсмотрѣть голову, размѣры которой равняются головѣ большой собаки; только она очень плоска и значительно съуживается къ шеѣ. Туловище казалось имъ длиною въ двадцать метровъ (10 саженъ) и шириною въ двѣ трети метра. На змѣѣ не было ни гребня, ни чешуи. Находившіеся въ лодкѣ пустились-было въ погоню за змѣею и преслѣдовали ее въ теченіи почти часа, и хотя они и тревожили чудовище, однакожъ, оно не выказывало желаніе уйти. Въ одинъ изъ слѣдующихъ двухъ дней змѣя снова появилась. Такъ какъ погода была хорошая и море спокойное, то цѣлая флотилія лодокъ отправилась преслѣдовать чудовище. Вслѣдствіе быстроты движеній змѣи, погоня оказалась неудачною, такъ какъ змѣя окончательно скрылась подъ водою и не появлялась болѣе.

Шахматы.

Бѣлые	*Черные*
1) E2—E4.	1) C7—C5.
2) G1—F3.	2) E7—E6.
3) B1—C3.	3) B8—C6.
4) F1—B5.	4) C6—D4
5) F3—D4:	5) C5—D4:
6) C3—E2.	6) G8—F6.
7) E2—G3.	7) .

По нашему мнѣнію положеніе бѣлыхъ теперь относительно лучше.

7) ...	7) F8—D6.
8) D1—B3.	8) D6—B8.
9) B2—B3.	9) A7—A6.
10) B5—D3.	10) D7—D6.
11) C1—B2.	11) E6—E5.
12) 0—0.	12) 0—0.
13) F2—F4.	13) F8—E8.

Весьма неопредѣленный ходъ. Бѣлые приступаютъ теперь къ рѣшительной атакѣ.

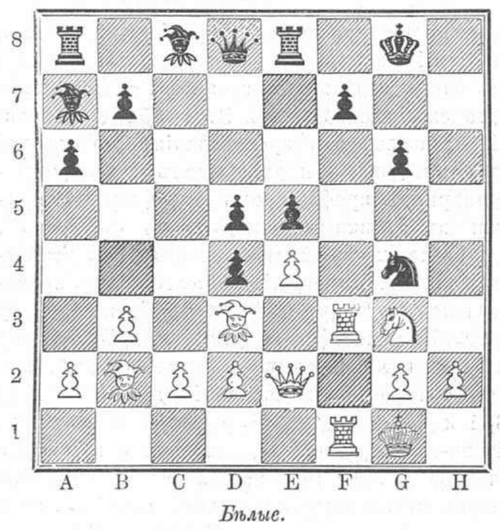
14) G3—H5.	14) F6—G4.
15) F1—F3.	15) G7—G6.

Очень ясно, что ходы: H2: G4 или H4 † не привели бы къ положительнымъ результатамъ.

16) H5—G3.	16) B8—A7.
17) F4—F5.	17) D6—D5.
18) F5—G6:	18) H7—G6:
19) A1—F1.	19) ...

Положеніе партіи послѣ 19 хода бѣлыхъ:

Черные.

Бѣлые.

19) ...	19) D5—E4: ?

Эта ошибка рѣшаетъ участь партіи.

20) E2—E4:	20) C8—E6.
21) E3—E7: !	21) ...

Это совершенно правильно разсчитанная жертва.

21) ...	21) E6—F7:
22) F1—G3.	22) D8—G5.

Если бы оппонентъ захотѣлъ воспользоваться башней, то послѣ ходовъ 23) G6 †, E7; 24) A3 †, D7: 25) D6 † или 23) ..., F8: 24) A3 †, E7, 25) C4! и т. д. получилъ бы матъ.

23) E4—B7:	23) G5—H4.
24) H2—H3.	24) G4—F6.
25) F7—G7 †.	25) G8—H8.
26) G7—G6:	26) E8—G8.
27) G6—F6:	27) E5 - E4.
28) B7—E4!	28) отказались.

Телеграммы.

Рущукъ, 9-го сентября. Сегодня главная квартира выступила изъ Санъ-Стефано. По измѣнившимся обстоятельствамъ, она переводится въ Адріанополь, вмѣсто Варны, какъ предполагалось раньше.

Вѣна, 9-го сентября. Газетѣ «Polit. Corresp.» телеграфируютъ изъ Константинополя: Вчера началось очищеніе русскихъ позицій близъ Константинополя. Дивизія Скобелева выступила вчера въ Чаталджу. Русская главная квартира покинетъ Санъ-Стефано между 23 и 24 сентября; мѣстное полицейское управленіе уже вчера было передано туркамъ.

«Русскія войска совершенно очистили Эрзерумъ».

Лондонъ, 11-го сентября. «Агентству Рейтера» телеграфируютъ изъ Калькуты, отъ 22-го сентября: «Офицеръ Шира-Али въ Алимусьидѣ отказалъ британскому посольству въ разрѣшеніи продолжать поѣздку и занялъ войсками высоты, господствующія надъ проходомъ. Предводитель посольскаго эскорта, маіоръ Каваньяри, предостерегъ названнаго офицера, что его поступокъ будетъ считаться равносильнымъ поступку самого эмира, послѣ чего британское посольство возвратилось въ Пешаверъ».

— Газета «Times» говоритъ: «Образъ дѣйствій эмира составляетъ для Англіи оскорбленіе, которое можетъ повлечь за собою серьезнѣйшія послѣдствія. Теперь вопросъ перестаетъ быть мѣстнымъ, индійскимъ; не подлежитъ сомнѣнію, что Ширъ-Али принялъ союзъ Россіи».

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 Сентября 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

№ 39. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. - 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 24 Сентября 1878 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

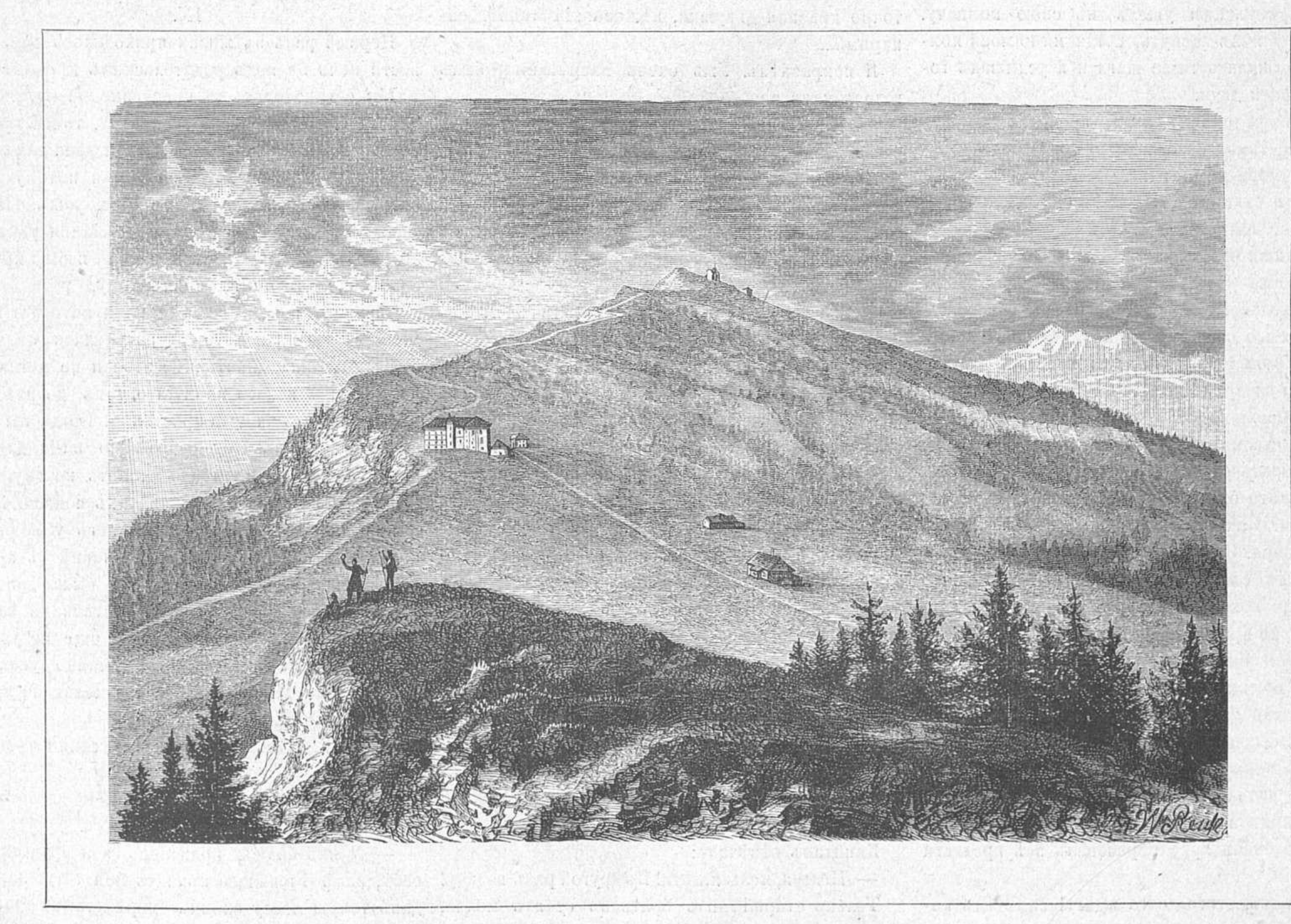
Наши сосѣди и ихъ дѣти.

Повѣсть А. Михайлова.

(*Окончаніе.*)

Съ этого дня дѣти нашихъ сосѣдей сдѣлались нашими частыми гостями. Я былъ еще на-столько ребенкомъ, что не могъ оставаться въ натянутыхъ отношеніяхъ съ моими сверстниками и не играть съ ними, когда они играли, прыгали и смѣялись, да еще какъ задушевно смѣялись! За три комнаты былъ слышенъ ихъ неудержимый, буйный и искренній смѣхъ. Но все-таки въ моихъ отношеніяхъ къ нимъ проглядывала нелюбовь къ нимъ. Я не забывалъ, что они дикари, что они воровали, что ихъ же бабушка называла ихъ испорченными дѣтьми, что моя тетушка приходила въ ужасъ отъ каждаго ихъ шага и негодовала на нихъ за то, что они шалятъ, громко хохочутъ, забываютъ иногда поздороваться съ присутствующими и вообще отличаются дурными манерами. Младшему изъ братьевъ она дала названіе «Блудливаго кота», средняго называла «Сорви голова», а про старшаго говорила, что это «Волчепокъ».

Если бы въ это время кто-нибудь попристальнѣе вглядѣлся въ нашу семью, тотъ увидалъ бы, что у насъ образовалось два лагеря. Я и тетка принадлежали къ одному; дядя и мать къ другому лагерю. Одинъ отецъ, сильно занятый лѣтомъ полевыми работами, не вмѣшивался ни во что и сохранялъ строжайшій нейтралитетъ. Когда я вспоминаю это время, то ясно сознаю, какъ во мнѣ начали тогда открываться многія невѣдомыя до тѣхъ поръ качества. Прежде я любилъ всѣхъ, теперь я открылъ въ себѣ способность если не ненавидѣть, то не любить людей, и нужно сознаться, что эта нелюбовь основывалась не на серьезныхъ причинахъ, а просто на дурныхъ слухахъ, ходившихъ про нелюбимыхъ мною людей да на непріятномъ впечатлѣніи, вынесенномъ мною изъ первой встрѣчи съ ними. До сихъ поръ всѣ восхищались моею добротою, тѣмъ, что

Восходъ солнца на Риги.

я дѣлилъ съ Пегаской и Буренушкой каждый кусокъ хлѣба и готовъ былъ услужить каждому, теперь же мнѣ было досадно, когда я долженъ былъ подѣлиться лакомствомъ съ этими дѣтьми или когда мнѣ нужно было оказать имъ какую-нибудь услугу. Прежде я никогда не доѣдалъ лакомствъ, которыя давались мнѣ; теперь мнѣ казалось, что я долженъ лишать себя необходимаго, дѣлясь съ этими дѣтьми. Мнѣ казалось даже,

что мать обдѣляетъ меня, ради нихъ. Я, повидимому, никогда не былъ брезгливымъ, но при первомъ же разѣ, когда мнѣ пришлось ѣсть изъ одного котелка съ этими дѣтьми уху, я отказался отъ ѣды. Но хуже всего было то, что до сихъ поръ я не имѣлъ привычки сплетничать, подмѣчать въ комъ-нибудь дурныя стороны и съ тайнымъ злорадствомъ выставлять подмѣченное мною дурное на видъ, а въ эти дни я сталъ ежедневно дѣлиться своими наблюденіями, сначала со всей семьей, а потомъ только съ тетушкой, такъ какъ остальные члены семьи, выслушавъ мои замѣчанія, или указывали мнѣ на мои собственные недостатки или оправдывали обвиняемыхъ мною, но оправдывали такъ, какъ будто хотѣли мнѣ сказать:

— И ты былъ бы такимъ же при такой жизни. Впрочемъ, ты былъ бы, можетъ быть, хуже ихъ, такъ какъ и теперь, поставленный въ самыя хорошія условія, ты дуренъ и золъ.

Быть можетъ, я довольно скоро освободился бы вполнѣ отъ непріязненнаго чувства къ этимъ дѣтямъ, если бы не ихъ бабушка и не моя тетушка. Коробова постоянно разсказывала про нихъ самые небывалые ужасы, тетушка же подхватывала эти разсказы на лету и волновалась. Я не могъ понять въ тѣ годы, что Коробова наговариваетъ на своихъ внучатъ потому, что она не любитъ ихъ, считая ихъ главною причиною своего переселенія въ деревню, а тетушка огорчается не столько поведеніемъ этихъ дѣтей, сколько мыслью о вліяніи ихъ «дурныхъ манеръ» на меня.

Такъ шло время. Однажды вечеромъ я простился съ семьей и ушелъ въ свою комнату. Еще я не успѣлъ заснуть, когда мимо моей комнаты послышались тихіе шаги и я услышалъ голоса матери и дяди.

— Но вамъ самимъ, дядя, придется терпѣть неудобства, тихо сказала мать, когда они проходили мимо моей комнаты.

— Что я сахарный, что ли? засмѣялся капитанъ.

— Я слишкомъ злоупотребляю вашей добротой, еще тише раздался голосъ матери.

— Нисколько! едва слышно отвѣтилъ дядя.— Вѣдь это я же самъ придумалъ. Да это и необходимо. Урокъ нуженъ, а то изъ него чортъ знаетъ что за дрянь выйдетъ...

— Да, но...

Голоса стали едва слышны, такъ что я не могъ разобрать словъ.

«О чемъ это они говорятъ? думалось мнѣ. Не обо мнѣ ли? Какъ жаль, что я не слыхалъ всего ихъ разговора. Завтра, можетъ быть, узнаю».

Я заснулъ съ мыслью узнать все завтра. Но завтра было похоже на наши обычные будничные дни и не принесло никакихъ перемѣнъ. Прошелъ еще и еще день. Все шло по старому. Отецъ, по обыкновенію, читалъ вслухъ по вечерамъ, капитанъ разсказывалъ исторіи про замѣчательные «случаи» изъ своей походной жизни и восхищалъ меня путешествіями.

— Ахъ, когда я выросту, я буду путешествовать, воскликнулъ однажды я, когда капитанъ ужь что-то очень ярко обрисовалъ всѣ прелести путешествія.

— Э, братъ, этого долго ждать! замѣтилъ капитанъ. — Вотъ отправимся-ка теперь путешествовать.

— Теперь? переспросилъ я съ недоумѣніемъ и посмотрѣлъ на отца и на мать.

— Да. Вотъ водопадъ въ Нарвѣ можно посмотрѣть, сказалъ дядя.

— А мама, началъ я.

— Что мама? Не пуститъ, думаешь? Упросимъ.

— Я отпустила бы его, но не съ кѣмъ, отвѣтила мать.

— Со мною, промолвилъ капитанъ.

— Съ вами, дядя? Что-жь, пожалуй.

— Ну, такъ, братъ, завтра же и тронемся въ путь.

Я недоумѣвалъ.

— Рано думаете отправиться? спросила мать у капитана.

— Да, часа въ три.

— Такъ надо кое-что собрать изъ бѣлья для Коли.

Тетушка сидѣла съ широко открытыми глазами и переводила свой взглядъ отъ капитана къ матери, отъ матери къ отцу. Наконецъ, мать поднялась, чтобы идти собрать мнѣ бѣлье.

— Мари, куда вы? спросила тетка.

— Бѣлье собрать Николаю, завтра у меня будетъ мало времени, отвѣтила матушка.

— Да вы шутите? недовѣрчиво произнесла тетка.

— Нѣтъ.

— Но однако, какъ же такъ вдругъ... Кока не привыкъ...

— Да, вотъ одинъ мой знакомый говорилъ все, что онъ тогда начнетъ плавать, когда привыкнетъ, началъ капитанъ.

Отецъ улыбнулся и спросилъ:

— Ну и что же?

— Ну, такъ вплоть до самой смерти и не привыкъ, захохоталъ капитанъ.

— Какъ это вѣжливо! воскликнула тетушка.— Кажется, ничего нѣтъ страннаго, что я боюсь за Коку. Онъ не привыкъ путешествовать, онъ слабъ...

— Да, можетъ быть, ты и точно трусишь? серьезно спросилъ меня капитанъ.—Ты вѣдь точно красная дѣвушка, нѣжненькій такой, сахарный...

Я покраснѣлъ. Ужь очень насмѣшливъ былъ голосъ капитана.

— Чего мнѣ трусить, отвѣтилъ я. — Я очень радъ.

Я говорилъ, какъ во снѣ. Это путешествіе было такъ внезапно, такъ неожиданно. Еще часъ тому назадъ я не повѣрилъ бы, если бы мнѣ сказали, что завтра же я на нѣсколько дней покину родительскій кровъ.

— Но вы насъ довезете? спросилъ капитанъ у отца.

— Куда? До первой деревни, пожалуй. Дальше не могу, лошади нужны, отвѣтилъ отецъ.

— А какъ же тамъ-то вы сдѣлаетесь? взволновалась тетушка.

— Сыщемъ какую-нибудь телѣгу или по образу пѣшаго хожденія отправимся, отвѣтилъ капитанъ.

— Нѣтъ, да вы просто всѣ надсмѣяться надо мной сговорились, проговорила тетушка и, недовольная, быстро ушла изъ комнаты, поправляя полуперчатки.

На другой день около третьяго часа, небольшая тележка моего отца уже была выдвинута изъ сарая и приготовлялась къ нашему отъѣзду, когда къ намъ пришли дѣти нашихъ сосѣдей. Ихъ удивилъ нашъ отъѣздъ и младшіе два брата начали вѣшаться къ капитану съ просьбами:

— Возьмите и насъ!

Капитанъ отвѣчалъ:

— Нельзя, нельзя, дѣти! Въ другой разъ возьму!

Только старшій изъ братьевъ стоялъ молча, понуривъ голову, и изъ подлобья глядѣлъ на приготовленія къ отъѣзду. Въ это время онъ на минуту показался жалкимъ даже мнѣ. Казалось въ его головѣ носилась мысль о томъ, что вотъ другія дѣти куда вздумаютъ, туда и ѣдутъ, тогда какъ онъ долженъ вѣчно жить на одномъ и томъ же мѣстѣ, слушать одни и тѣ же попреки.

— А хорошъ онъ? какъ-то глухо спросилъ онъ, не обращаясь ни къ кому и, кажется, не сознавая, что онъ говоритъ вслухъ.

— Кто онъ? спросилъ его дядя.

— Водопадъ, пояснилъ мальчуганъ.

— Очень хорошъ, отвѣтилъ капитанъ.—А отчего бы тебѣ не поѣхать съ нами?

По худому лицу Алексѣя разлился слабый румянецъ, и его большіе сѣрые глаза приняли то плѣнительное выраженіе радости и ласки, которое стало мнѣ вполнѣ знакомымъ и дорогимъ въ позднѣйшіе годы.

— Я... я... отчего же, забормоталъ онъ и совсѣмъ растерялся.

Капитанъ уже распоряжался: далъ знать нашимъ сосѣдямъ, что онъ хочетъ похитить Алексѣя на нѣсколько дней, и сообщилъ матушкѣ, что нехудо дать лишняго бѣлья для нашего неожиданнаго спутника. Все это случилось совершенно внезапно, но, по правдѣ сказать, все это было неожиданно и внезапно для всѣхъ, кромѣ дяди и матери, которые находились въ заговорѣ противъ меня. Они уже два дня тому назадъ рѣшили, что Алексѣй поѣдетъ съ нами.

Черезъ часъ наша тележка уже катилась по ровной дорогѣ для того, чтобы высадить насъ верстъ за восемь и оставить одних въ бѣдной деревушкѣ по дорогѣ къ Нарвѣ. Два младшіе брата Алексѣя довольно долго бѣжали за нами, кувыркаясь и прыгая по пыльной дорогѣ, и въ воздухѣ звонко раздавались крики этихъ дикарей:

— А-а-а! Го-го-го! Валяй! Гопъ-гопъ! Поѣхали!

Наконецъ, крики стали менѣе ясны и потомъ смолкли. Когда я обернулся назадъ, то увидѣлъ, что средній изъ братьевъ стоитъ на головѣ, а младшій кувыркается на пыльной придорожной травѣ.

IX.

Первый разъ въ жизни приходилось мнѣ провести ночь не подъ родительскимъ кровомъ.

Мы остановились въ крестьянской избѣ. Такъ какъ дѣло было близко къ вечеру, то мы прежде всего усѣлись ужинать. Матушка дала намъ значительное количество съѣстного и потому нашъ первый ужинъ былъ довольно хорошъ. Послѣ ужина мы прошлись по деревнѣ. Меня удивляли эти почернѣвшія, покосившіяся избы, крытыя соломой и готовыя, повидимому, развалиться. Единственная небольшая деревня, которую я видѣлъ въ жизни и которая находилась недалеко отъ насъ, была зажиточнѣе этой и не могла еще дать вполнѣ яснаго понятія о томъ, до чего можетъ доходить нищета крестьянъ. Когда мы вернулись снова въ избу, избранную нами для ночлега, меня уже начинало клонить ко сну. Размѣщаться на ночь пришлось, какъ попало. Я рѣшился лечь на лавкѣ, Алексѣй легъ у печки на полу, дядя помѣстился тоже на лавкѣ въ противоположномъ углу избы. Ночь была довольно ясная, бѣловатая и въ избѣ царствовалъ какой-то фантастическій полусвѣтъ. Я еще не успѣлъ заснуть, когда мой взглядъ случайно упалъ на бѣлый столъ. На столѣ суетливо мелькало что-то живое. Я невольно вздрогнулъ.

— Дядя, здѣсь тараканы, испуганно проговорилъ я.

— Нѣтъ, это прусаки, съ неподражаемымъ хладнокровіемъ отвѣтилъ капитанъ.

— Я ихъ боюсь, произнесъ я и представилъ себѣ, какъ бы начала кричать моя тетушка, увидавъ такую массу своихъ смертельныхъ враговъ.

— Они сами трусы, только пошевелись—сейчасъ убѣгутъ, успокоительно сказалъ Алексѣй.— Да они и не кусаются.

Не смотря на это поясненіе, я невольно думалъ о прусакахъ и мнѣ начинало казаться, что они уже ползаютъ по мнѣ. Въ то-же время я чувствовалъ, что мнѣ очень жестко спать, и вспоминалъ не безъ горечи о своей мягкой, чистенькой постели. «И стоитъ ли этотъ водопадъ того, чтобы такъ мучиться»? мелькало у меня въ умѣ.

— Тебѣ, я думаю, жестко, Алексѣй? вдругъ

спросилъ дядя у нашего спутника, точно угадывая мою мысль.

— Нѣтъ. Дома тоже не мягче спать, почти сквозь сонъ отвѣтилъ Алексѣй.

— Значитъ, привыкъ?

— Да.

Голоса дяди и Алексѣя были какъ-то дремотны, впрочемъ, быть можетъ, это мнѣ такъ только показалось, такъ какъ я самъ уже начиналъ дремать, все плотнѣе прижимаясь къ стѣнкѣ, потому что передъ моими глазами становился все больше и больше одинъ изъ таракановъ; наконецъ, онъ принялъ видъ человѣка и я узналъ въ немъ Алексѣя; онъ наклонился ко мнѣ и тихо проговорилъ: «я не кусаюсь, чего ты боишься?» Я спалъ и уже видѣлъ первый сонъ.

Наше путешествіе совершалось довольно медленно: гдѣ въ телѣгѣ, гдѣ пѣшкомъ. Во все время нашего странствованія Алексѣй изумлялъ не только меня, но и самаго капитана, своею выносливостью, невзыскательностью и какимъ-то наивно добродушнымъ отношеніемъ ко всякимъ неудобствамъ. Разъ намъ пришлось лечь спать даже безъ молока и яицъ, которыхъ мы не достали въ чухонской деревнѣ, и мы ограничились однимъ «пустымъ» чаемъ и кускомъ плохого чернаго хлѣба. Намъ не спалось довольно долго, такъ какъ изба, гдѣ мы на этотъ разъ ночевали, была ужъ очень плоха, грязна и изобиловала насѣкомыми. Мы перекидывались отъ скуки отрывочными фразами.

— Эхъ, вдругъ началъ Алексѣй веселымъ юмористическимъ тономъ,—теперь бы поросеночка подъ хрѣномъ, да этакъ мисочку борщецу съ колбасиками, а потомъ это, знаете, телятины хорошій ломоть съ свѣжепросольными огурчиками, да послѣ для отпущенія грѣховъ простоквашки горшечекъ маленькій побольше,—первый сортъ было бы дѣло.

Дядя расхохотался, я тоже не могъ удержаться отъ смѣха, такъ какъ Алексѣй очень удачно подражалъ голосу Коробова.

— Погоди, погоди, воевода, что-то запоешь, если еще два-три дня пустого чаю похлебаешь, смѣялся дядя.

— За то водопадъ увижу, задорнымъ тономъ произнесъ Алексѣй.

— Ну, а что если бы теперь сейчасъ коляска пріѣхала и быстро доставила бы насъ домой,—поѣхалъ бы ты домой или продолжалъ бы дорогу, какъ теперь, по образу пѣшаго хожденія? спросилъ дядя.

— Ну вотъ, съ чего бы я поѣхалъ домой? воскликнулъ Алексѣй. Отправились водопадъ смотрѣть, такъ и надо его увидѣть.

— А, можетъ быть, онъ и не стоитъ того, чтобы на него смотрѣть?

— Ну, увидимъ, тогда и разсудимъ, отвѣтилъ Алексѣй и вдругъ окликнулъ меня: Коля, спишь?

Я не отвѣтилъ. Я начиналъ дремать и потому мнѣ не хотѣлось говорить. Тогда Алексѣй обратился къ дядѣ, но онъ заговорилъ очень тихо.

— А, знаете ли что, капитанъ, произнесъ онъ.

— Нѣтъ, не знаю. А скажешь, буду знать, отвѣтилъ шутливо дядя.

— Кажется, вашему Колѣ непріятно, что я поѣхалъ съ вами, проговорилъ Алексѣй. — Онъ не то сердится на меня, не то просто не хочетъ со мною дружить.

— Ну, вотъ выдумалъ! замѣтилъ капитанъ. Охота обращать вниманіе на пустяки. Николай у насъ добрый, онъ всѣхъ любитъ и меня за то, что съ нимъ занимаюсь и играю, и свою тетушку за то, что она его лобызаетъ, и корову за то, что она ему молоко даетъ... Онъ вообще добрый...

Я слушалъ, притаивъ дыханіе: опять обидная нотка звучала въ голосѣ капитана.

— Онъ вотъ, какъ твой дѣдушка, каждую свинью готовъ приласкать, когда она въ жиръ пойдетъ передъ убоемъ, вдругъ закончилъ капитанъ.

Я ждалъ, что скажетъ Алексѣй, но онъ молчалъ. Мнѣ было и стыдно и больно; мнѣ хотѣлось подняться и броситься къ Алексѣю на шею, извиниться передъ нимъ, сказать и ему и дядѣ, что они ошибаются, что я умѣю любить, что я не такой дурной мальчикъ, какъ они меня представляютъ себѣ; но какой-то ложной стыдъ мѣшалъ мнѣ исполнить мое желаніе. Прошло нѣсколько минутъ, какъ вдругъ я услышалъ голосъ Алексѣя.

— Счастливъ онъ, тихо проговорилъ мальчуганъ грустнымъ тономъ.—Хорошо ему живется у васъ. Я, кажется, Богъ знаетъ, что-бы готовъ бы былъ сдѣлать, чтобы хоть въ хлѣву у васъ жить, а не у Коробовыхъ. Тамъ совсѣмъ пропадешь. То они ругаются, то мать плачетъ...

Меня поразила грусть, слышавшаяся въ голосѣ мальчугана, и мнѣ стало жаль его. Довольно долго я думалъ о словахъ капитана, о своемъ поведеніи, о своихъ привязанностяхъ и впервые краснѣлъ за себя. Утромъ я рѣшился объясниться съ Алексѣемъ. Проснувшись, я увидалъ, что Алексѣй уже всталъ и возится, укладывая въ дорожный мѣшокъ наши вещи. Я, не поднимаясь съ мѣста, смотрѣлъ на него и впервые мнѣ понравилось его серьезное, правильное и худенькое личико, разгорѣвшееся теперь отъ работы.

— Тебѣ ничего изъ мѣшка не нужно? спросилъ меня Алексѣй, увидавъ, что я проснулся.

— Ничего, отвѣтилъ я.

— Ну, такъ и уложу въ него все, сказалъ онъ.—Капитанъ сейчасъ придетъ и тронемся въ путь.

Въ моей головѣ промелькнула мысль о томъ, что Алексѣй во все время дороги дѣлалъ все возможное, чтобы услужить и мнѣ и капитану, что я пользуюсь его услугами, отплачивая за нихъ очень дурно, и мнѣ опять стало стыдно. Я теперь даже удивлялся, какъ могъ я такъ враждебно относиться къ нему, доброму, услужливому и простому товарищу. Но почему же я такъ относился къ нему? Почему я не любилъ его? Потому, что его не взлюбила моя тетушка?

А почему она не любила его? Потому, что у него не было приличныхъ манеръ?

Да, если бы Алексѣй расшаркался передъ ней при первой встрѣчѣ, если бы онъ обнялъ меня при первомъ нашемъ свиданіи, если бы онъ подошелъ къ ручкѣ моей матери, тетушка стала бы называть его «очаровательнымъ». Но онъ дичился и былъ грубъ при началѣ нашего знакомства, и она не взлюбила его, стала называть «волченкомъ». Но развѣ такъ выглядятъ волченки?

— Что ты на меня такъ смотришь? вдругъ спросилъ Алексѣй, поднимаясь съ полу и замѣтивъ, что я пристально наблюдаю за нимъ.

Я молча протянулъ ему руку и, угловато, неловко пожавъ его руку, совсѣмъ растеряннымъ голосомъ пробормоталъ:

— Дядя это правду говорилъ, только я...

Алексѣй съ наивнымъ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на меня.

— Что такое говорилъ дядя? спросилъ онъ.

— Сегодня ночью, помнишь?

— А-а! ты не спалъ? Съ чего-жь ты притворялся?.. Ахъ, полотенца-то я и забылъ, ихъ надо будетъ еще уложить! вдругъ воскликнулъ онъ, увидавъ на столѣ два полотенца.—Ты въ карманъ къ себѣ не положишь ли ихъ?

— Хорошо.

Мнѣ было какъ-то неловко, что Алексѣй не продолжалъ дальше начатаго мною разговора. Я, по правдѣ сказать, ждалъ чувствительной сцены, примиренія, прощенія, слезъ и объятій.

Бывало это съ тетушкой: провинюсь я передъ нею въ чемъ нибудь, она сейчасъ надуется, я тоже, потомъ часа черезъ два она начинаетъ тяжело такъ, тяжело вздыхать, я все дуюсь, но уже сердце мое усиленно бьется, наконецъ тетушка начинаетъ съ кѣмъ нибудь разговоръ о томъ, какъ тяжело видѣть людскую неблагодарность и нечувствительность, тогда я чувствую, что у меня подступаютъ къ горлу слезы, такъ какъ я понимаю намеки тетушки, и, улучивъ первую удобную минуту, бросаюсь къ ней на шею, она судорожно сжимаетъ меня въ объятіяхъ и плачетъ, я тоже сжимаю ее въ объятіяхъ и тоже плачу. А тутъ—началъ я объясненіе, а онъ вспомнилъ, что забылъ уложить полотенца!

«Онъ меня не любитъ вовсе, подумалъ я.— Это я самъ его оттолкнулъ отъ себя. Надо показать ему, что я не такой, какимъ меня считаютъ».

Я сталъ ласковѣе съ Алексѣемъ, я даже заискивалъ въ немъ, стараясь доказать дядѣ и ему, что я лучше на самомъ дѣлѣ, чѣмъ они думаютъ. Я даже и не замѣтилъ, что опять таки я не просто полюбилъ его, а принуждаю себя любить его, чтобы возстановить свою репутацію нѣжнаго мальчика, то есть любилъ его, какъ дѣдушка свиней любилъ, по мѣткому выраженію дяди.

X.

Съ этого дня начался переломъ въ моихъ отношеніяхъ къ Алексѣю: я старался выказать ему свою любовь и, незамѣтно для самаго себя, дѣйствительно полюбилъ его. Я былъ еще совсѣмъ дитя и мое сердце откликалось на каждую ласку, а Алексѣй не былъ скупъ на ласки, на нѣжную заботливость, на чисто товарищескую услужливость. Довольно было мнѣ сдѣлать шагъ на встрѣчу къ нему, чтобъ его доброе сердце, неизбалованное любовью и ласками, вполнѣ отозвалось на мой призызъ. Онъ радъ былъ нянчиться со мною, видя, что я уже не сторонюсь болѣе отъ него. Сблизившись съ нимъ, я узналъ впервые, какъ дурно жилось ему, какъ много онъ перенесъ, какъ тяготитъ его мысль о томъ, что ждетъ его дальше въ домѣ Коробовыхъ. Если разсказы капитана о путешествіяхъ развивали въ моемъ воображеніи яркія картины жизни въ невѣдомыхъ мнѣ странахъ, то разсказы Алексѣя о своей жизни показали мнѣ оборотную медаль человѣческаго существованія, открыли мнѣ тайну тѣхъ невзгодъ, которыя переносятъ люди въ нищетѣ, среди злыхъ родственниковъ, среди полной разрозненности. Что-то въ родѣ чувства состраданія, что-то въ родѣ желанія помогать ближнимъ закралось въ мою дѣтскую душу. Капитанъ пристально, хотя и незамѣтно для меня, слѣдилъ за мною, за моимъ сближеніемъ съ Алексѣемъ, за моимъ перерожденіемъ. Разъ, когда мы насмотрѣлись на водопадъ и уже вполнѣ покойно ѣхали обратно, онъ сказалъ мнѣ:

— Ну, вотъ скоро и кончится прогулка. Разойдемся по домамъ, а тамъ и совсѣмъ разойдемся.

— Какъ разойдемся, дядя? спросилъ я.

— Обыкновенно, какъ расходятся. Твой отецъ долженъ будетъ переѣхать въ Петербургъ, тебя пора отдать въ гимназію, ну, а Коробовы съ Алексѣемъ въ деревнѣ останутся.

Алексѣй сидѣлъ, нахмуривъ брови.

— Убѣгу я отъ нихъ, тихо проговорилъ онъ.

— Куда? спросилъ капитанъ. — По лѣсамъ, что ли, блуждать будешь, акридами и дикимъ медомъ питаться станешь?

— Все равно хоть въ свинопасы пойду, а лишь бы не у нихъ жить, сказалъ Алексѣй.

— Такъ тебя зимой и возьмутъ въ свинопасы, проговорилъ дядя.

Мнѣ стало невыносимо жаль Алексѣя и мое сердце сжалось при мысли о разлукѣ съ нимъ. Мы всѣ примолкли, всѣ смотрѣли невесело.

Картина **ТЕХЕНДОРФА.**

Дѣвушка съ фруктами.

— Ну, мы тебя, Алексѣй, здѣсь спустимъ, сказалъ капитанъ, когда мы поровнялись съ домомъ Коробовыхъ.—Явись къ своимъ, а потомъ заходи къ намъ. Алексѣй всталъ. Я протянулъ ему руку и горячо поцѣловалъ его.

— Ты скорѣй приходи! прошепталъ я взволнованнымъ голосомъ.

Онъ, не спѣша, понуро пошелъ къ своему дому.

— Коля! Коля! кричала мнѣ черезъ нѣсколько минутъ моя тетушка, встрѣчая меня на крыльцѣ съ распростертыми объятіями.

— Ну, какъ путешествовали? спросила мать, цѣлуя меня.

— Отлично, отлично! отвѣчалъ за меня капитанъ.

Я стоялъ передъ матерью и чувствовалъ, какъ сильно билось мое сердце. Я испытывалъ не радость свиданія, но тревогу за близкую разлуку съ Алексѣемъ.

— Мама, милая, проговорилъ я въ смущеніи, —возьми къ намъ Алексѣя.

Это были первыя слова, сказанныя мною при встрѣчѣ съ родными. Мать съ недоумѣніемъ посмотрѣла на меня, а потомъ на капитана, точно ища объясненія моихъ словъ. Капитанъ молчалъ: онъ самъ не ожидалъ отъ меня подобной просьбы...

Черезъ мѣсяцъ наша семья перебралась въ Петербургъ и сильно увеличилась: въ ея составъ вошли сыновья Аделаиды Викторовны, которая съ радостью отдала намъ ихъ. При помощи моего отца, ей удалось достать мѣсто классной дамы въ какомъ-то пріютѣ, гдѣ она и помѣстилась съ дочерью.

Съ этой поры мое развитіе пошло по новому пути и при помощи дѣтей-товарищей я пересталъ быть тѣмъ эгоистомъ, какимъ я былъ до сихъ поръ. Наши сосѣди и ихъ дѣти принесли мнѣ пользу...

Изъ Андре Шенье.

Пер. П. В. Га-на.

Счастливое дитя.

Она ужъ взрослою красавицей была,
Когда ребенкомъ малымъ былъ я только;
И помню я, какъ улыбаясь мнѣ,
Къ себѣ меня сажала на колѣни,
И полную давала волю мнѣ
Играть ея кудрями золотыми,
И обнимать ея прелестный станъ,
И щечки даже цѣловать у ней —
Въ виду ея поклонниковъ угрюмыхъ.
Имъ, какъ на зло, красавица тогда
Мои уста и глазки цѣловала!
Тѣ съ завистью смотрѣли на меня
И, глубоко вздыхая, говорили:
— «О, сколько ласкъ растрачено напрасн
«Тебѣ, тебѣ, счастливое дитя!

Память.

(Естественно-научный этюдъ.)

(*Окончаніе.*)

Чтобы быть послѣдовательными въ изложеніи фактовъ, намѣченныхъ въ началѣ этой статьи, намъ остается сказать нѣсколько словъ объ инстинктѣ. Инстинктъ есть унаслѣдованная отъ предковъ несознательная память извѣстныхъ движеній, въ виду и вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ жизни, вліяющихъ на организмъ. Иначе—инстинктъ есть память тѣла. Вотъ превосходный примѣръ, приведенный Аутенритомъ. Куколка шелкопряда устраиваетъ въ верхней части своего кокона двойной сводъ, изъ жесткихъ волоконъ, соединенныхъ между собою на верхушкѣ тончайшими ниточками; этотъ сводъ открывается при самомъ незначительномъ давленіи извнутри, но представляетъ сильное сопротивленіе давленію извнѣ. «Если бы куколка, говоритъ Аутенритъ,—дѣлая коконъ, соображала и обдумывала, то должна была бы имѣть въ виду: 1) что въ коконѣ ей предстоитъ преобразиться изъ гусеницы въ куколку; 2) что въ этомъ состояніи она можетъ подлежать вліянію разнообразныхъ случайностей и не будетъ въ силахъ помочь себѣ, если заблаговременно не подумаетъ о надлежащей защитѣ; 3) что изъ кокона ей прійдется современемъ выйдти въ видѣ бабочки, не имѣя ни соотвѣтственныхъ органовъ, ни силъ для того, чтобы пробить сводъ, сдѣланный ею въ то время, когда она была еще куколкой, и не обладая, какъ другія бабочки—способностью выдѣлять ѣдкую жидкость, которая бы разрушила пряжу кокона;—словомъ, что если она заблаговременно не позаботится о томъ, какъ ей выйти изъ своей тюрьмы, то ей прійдется умереть, не увидѣвъ даже свѣта божьяго. Кромѣ того, куколка должна бы была предвидѣть во время своей работы, что для ея выхода изъ кокона въ видѣ бабочки, будетъ достаточно, если она устроитъ себѣ дверцы, легко отпирающіяся извнутри и трудно извнѣ, и что этого легко достигнуть, запирая отверстіе твердыми волокнами. Наконецъ, она должна бы была предвидѣть, что для этой постройки можетъ служить шелкъ и что сама работа должна производиться тщательно и искусно. Между тѣмъ, всей этой премудрости куколка не могла перенять отъ своихъ родителей, ибо они перестали жить еще тогда, когда она была яичкомъ; нельзя также предположить, что свои знанія она пріобрѣла путемъ опыта и упражненія, ибо коконъ свивается ею лишь разъ въ жизни; о подражаніи здѣсь не можетъ быть и рѣчи, ибо жизнь ея прошла въ уединеніи; наконецъ, не послужитъ здѣсь и разсудокъ: будучи личинкою, она ползала по тому дереву, на которомъ родилась, питалась его листьями, которые всегда были къ ея услугамъ; чтобы не упасть на землю, цѣплялась ногами за вѣтви, въ дождь пряталась подъ листья. Правда, нѣсколько разъ, вслѣдствіе сознательныхъ движеній, она сбрасывала съ себя кожу, но дѣлала это лишь потому, что ей было тѣсно и неловко въ старой кожѣ; однакожь, во все это время, она ни разу не обматывала себя шелкомъ. Конечно, во всей этой несложной жизни трудно усмотрѣть какіе либо, развивающіе разсудокъ, мотивы». (Wundt—Vorlesungen über die Menschen—und Thierseele, гл. 51). Приведенный примѣръ заключаетъ въ себѣ все, что только можно бы было сказать объ инстинктѣ, помимо того, что онъ непосредственно касается одного шелкопряда.

Инстинктъ предполагаетъ полнѣйшую безсознательность движеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ совершеннѣйшую независимость ихъ отъ воли. Безъ сомнѣнія, обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ принужденъ жить извѣстный организмъ, среда, къ которой волей-неволей онъ долженъ приспособиться, весьма замѣтно вліяютъ на строеніе организма, на его размѣры, на форму отдѣльныхъ органовъ, словомъ, на все тѣло и, наконецъ, на образъ жизни. Очевидно, что образъ жизни долженъ находиться въ извѣстномъ соотношеніи и согласіи съ дѣйствіями, сопряженными съ удовлетвореніемъ потребностей, обусловливающихъ самое существованіе организма. Ежели волкъ равнодушно проходитъ мимо грядокъ съ капустой, а кроликъ не высказываетъ поползновеній броситься на ягненка, то въ этомъ нѣтъ ничего неожиданнаго, такъ какъ образъ жизни, зависящій отъ организаціи, является лишь слѣдствіемъ неизбѣжныхъ причинъ, также какъ и все въ мірѣ, а въ томъ числѣ и инстинктъ. Всѣ животныя, которыя, родившись, не умѣли, или не могли сосать, должны были погибнуть, тогда какъ другія дожили до старости и передали потомству свою организацію, благодаря которой, они не погибли въ борьбѣ за существованіе.

Каждый органъ, взятый отдѣльно, функціонируетъ вполнѣ автоматически, слѣд., и общая дѣятельность всѣхъ органовъ по необходимости тоже автоматична. Намъ могутъ замѣтить, что человѣкъ не автоматъ же, такъ какъ его дѣйствія носятъ характеръ сознательности. Но тутъ замѣшаны многія причины, часто упускаемыя изъ виду. Положимъ, человѣкъ хочетъ ѣсть и имѣетъ пищу. Можно-ли предположить, чтобы онъ въ данномъ случаѣ не ѣлъ два, три дня? Онъ можетъ поститься, или желаетъ заморить себя голодомъ. Но здѣсь уже два желанія, двѣ воли: человѣкъ хочетъ ѣсть, но рядомъ съ этимъ онъ желаетъ, посредствомъ умерщвленія плоти, снискать блаженство загробной жизни; или, томимый голодомъ, онъ въ то же время тяготится жизнью. Въ результатѣ онъ уступитъ преобладающему желанію, сулящему болѣе удовольствія. Человѣкъ, въ ряду прочихъ животныхъ, обладаетъ наиболѣе развитымъ воображеніемъ, которое и обусловливаетъ эту борьбу желаній.

И такъ, человѣкъ поступаетъ автоматически, подчиняясь вліянію извѣстныхъ побужденій, а его поступки могутъ быть объяснены тѣмъ же закономъ, по которому тѣло, подъ вліяніемъ нѣсколькихъ силъ, дѣйствующихъ на него одновременно, двинется по направленію діагонали параллелограмма, построеннаго на линіяхъ, выражающихъ направленіе дѣйствія силъ.

По мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ, явленія инстинкта распадаются на нѣсколько группъ. Такъ, есть инстинкты охранительные, напр., вкуса, обонянія и т. п.; инстинкты перехода съ мѣста на мѣсто, вслѣдствіе недостатка пищи зимою, хотя эти инстинкты дѣйствуютъ зачастую несвоевременно и безцѣльно, какъ напр., зимніе перелеты съ мѣста на мѣсто громадныхъ стай самокъ зяблика въ Англію, безъ всякихъ видимыхъ, или понятныхъ причинъ, а единственно вслѣдствіе инстинкта (Natural History of Selbourne by William Jardeen, 1851, стр. 130—131). Есть еще инстинкты строительные—у бобровъ, муравьевъ, пчелъ, пауковъ и т. д.; любовные инстинкты, являющіеся лишь функціею половыхъ органовъ; инстинкты стадности, вслѣдствіе котораго животныя одного вида собираются въ стада (Flourence—De l'instinct et de l'intelligence des animaux); инстинкты самосохраненія вродѣ ловкости, съ которою животныя избѣгаютъ своихъ враговъ. Птица, спокойная при видѣ летающей зерноядной птицы-же, пугается, прячется или прибѣгаетъ къ другимъ средствамъ самообороны при видѣ хищной птицы; инстинкты накопленія пищевыхъ запасовъ на зиму, доказывающіе, впрочемъ, скорѣе участіе разума, нежели слѣпой и безсознательной силы инстинкта.

Какъ ни поверхностна эта группировка, но даже и она показываетъ, какъ обширна область инстинкта и какъ много фактовъ животной жизни слѣдуетъ отнести къ этой категоріи *). Разсерженный человѣкъ, въ ссорѣ съ кѣмъ-нибудь, подниматъ нѣсколько верхнюю губу, обнажая при этомъ клыки, какъ бы желая укусить врага и—по Дарвину—(Emotions hyman and animals, X), клыкъ обнажается обыкновенно съ той стороны, съ которой находится врагъ. Дѣлается это вполнѣ инстинктивно, ибо если бы разсерженный подумалъ о томъ, что онъ дѣлаетъ, то, нѣтъ сомнѣнія, онъ нашелъ бы свой поступокъ и неприличнымъ, и безцѣльнымъ. Но онъ уподобляет-

*) Любознательному читателю мы рекомендуемъ книгу Despine'a—Psychologie naturelle, Paris, 1868, т. I, стр. 51—61, гдѣ можно найдти классификацію инстинктовъ.

ся въ данномъ случаѣ дикому, кровожадному животному единственно вслѣдствіе инстинкта, т. е. тѣхъ безсознательныхъ побужденій, которыя онъ унаслѣдовалъ отъ своихъ дикихъ предковъ. Также объясняется вставаніе волосъ дыбомъ на головѣ во время испуга. Въ данномъ случаѣ, для насъ не важенъ механизмъ этого движенія, ни его анатомическія и физіологическія подробности, доказывающія, что у человѣка остались еще мускулы (occipito frontalis), двигающіе кожу на головѣ;—для насъ важно то, что человѣкъ обладаетъ возможностью проявленія такихъ поступковъ, которые понятны только по отношенію къ животнымъ (Delestre—Etude des passions appliquée aux beaux-arts, Paris, стр. 71 и 72).

Для полноты картины, намъ остается сказать нѣсколько словъ о привычкахъ въ мірѣ неорганическомъ. Существуетъ мнѣніе, высказанное впервые, кажется, Аристотелемъ, что «привычки не наблюдаются въ мірѣ неорганическомъ. Можно бросать камень вверхъ сколько угодно и все-таки самъ камень, безъ участія силы, приводящей его въ движеніе, не въ состояніи подняться на воздухъ». Къ этимъ словамъ знаменитаго древняго философа добавляетъ Лемуанъ (L'habitude et l'instinct, Paris, 1875, стр. 8—11) замѣчаніе, что хотя земля, брошенная когда-то въ пространство, движется и теперь въ томъ же направленіи, но причина здѣсь не въ привычкахъ земного шара, а въ извѣстныхъ законахъ, управляющихъ его движеніемъ. «C'est la loi»—вотъ что должно разрѣшить вопросъ. Но если движенія небесныхъ тѣлъ управляются извѣстными законами, то и все въ мірѣ подчиняется какимъ-нибудь законамъ. А если законы управляютъ міромъ вообще, то они должны распространяться на каждое явленіе въ частности. Движеніе небесныхъ тѣлъ подчинено извѣстнымъ законамъ, но и дѣйствіе силы привычки тоже не обходится безъ законовъ. Очевидно, въ этомъ отношеніи между движеніемъ земли и привычками нѣтъ никакой разницы. Ссылка же на то, что камень не можетъ самъ собою подняться на воздухъ, равносильна тому, если бы стали доказывать, что человѣкъ не можетъ привыкнуть ходить вверхъ ногами, слышать носомъ, или видѣть ногтями. Впрочемъ, вотъ факты, показывающіе всю ошибочность упомянутаго мнѣнія.

Неорганическія тѣла большею частью принимаютъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, кристаллическую форму. Но эта форма вѣроятнѣе всего, обусловливается формою атомовъ, изъ которыхъ состоитъ тѣло, такъ что форма атома должна считаться прототипомъ массы, въ составъ которой входитъ данный атомъ. При томъ не слѣдуетъ забывать, что міръ неорганическій служитъ матеріаломъ для міра органическаго и что законы, управляющіе первымъ, по необходимости распространяются и на второй. Положеніе это, справедливое въ теоріи, подкрѣпляется кромѣ того массой фактовъ. Такъ, простѣйшіе организмы принимаютъ формы, свойственныя тѣламъ неорганическимъ. Всѣ растительныя и животныя клѣточки, кровяные шарики болѣе или менѣе шарообразны и т. д. Повторяемость первичныхъ кристаллическихъ формъ въ мірѣ растительномъ и животномъ—явленіе весьма обыкновенное. Правильность угловъ восковой кельи пчелъ, при чемъ большій уголъ всегда равенъ 109° 28′, а меньшій=70° 32′,—постоянство отношенія одной кельи къ другой даетъ право считать ихъ тѣлами, имѣющими весьма много общаго съ кристаллами. «Восковая келья» говоритъ Митчель,—представляется какъ бы формой, въ которой можетъ быть отлитъ естественный кристаллъ... Нельзя считать невозможнымъ, чтобы воскъ, какъ тѣло кристаллическое само по себѣ, не могъ укладываться въ извѣстныя формы, давая пчеламъ возможность, во время постройки келій, пользоваться этимъ его качествомъ». (J. G. Wood. Homes without hands, гл. XXIII).

Многочисленнѣйшіе факты этой же категоріи раскрываются анатоміей и физіологіей. Изъ яйца насѣкомаго выходитъ гусеница, гусеница превращается въ куколку, куколка—въ бабочку. Жизнь бабочки представляетъ, такимъ образомъ, какъ бы сравнительную зоологію насѣкомаго. Оно своею формою послѣдовательно напоминаетъ тотъ или другой организмъ, какъ бы сохраняя воспоминаніе усилій, положенныхъ его предками съ цѣлью охранить себя въ борьбѣ за существованіе среди разнообразныхъ враждебныхъ обстоятельствъ. Изъ яйца лягушки рождается головастикъ, превращающійся послѣдовательно изъ рыбы въ ящерицу и затѣмъ въ лягушку, обладающую въ извѣстной степени признаками и рыбы, и ящерицы.

Мы привели здѣсь самые общеизвѣстные факты, но область ихъ весьма обширна, а научный анализъ ихъ убѣждаетъ, что въ природѣ существуетъ память внѣшнихъ вліяній па организмы и что память эта весьма устойчива и прочна, ибо она сохранилась впродолженіе милліоновъ лѣтъ, передаваясь организмами наслѣдственно. Такъ, напр., мать, больная во время беременности оспой, можетъ передать заразу зародышу, ибо существуютъ факты, что у такого дитяти оспа впослѣдствіи не прививается. Подобное же вліяніе оказываетъ на зародышъ психическое состояніе беременной, которое, будучи состояніемъ физіологическимъ, но не патологическимъ, вліяетъ тѣмъ не менѣе весьма ощутительно на организмъ матери, а слѣд. и на зародышъ. Часто приходится слышать, что беременная испуганная пожаромъ или какимъ-нибудь животнымъ, рождаетъ ребенка съ явными послѣдствіями этого испуга—въ видѣ огненныхъ пятенъ на тѣлѣ, или же кусковъ кожи, покрытыхъ волосами. Хотя эти факты, насколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не дождались провѣрки и научнаго объясненія, но, намъ кажется, что въ извѣстной степени они возможны, ибо плодъ до его рожденія составляетъ органическую часть матери (но не органъ) и живетъ ея жизнью, какъ жили общею жизнью извѣстные сіамскіе близнецы. Объ этомъ довольно положительно высказывается Спенсеръ: «Если организмъ А, вслѣдствіе какой нибудь особенной причины или особеннаго условія жизни, измѣнился и принялъ форму А′, то неизбѣжно слѣдуетъ, что всѣ отправленія А′, включая сюда и производительныя, должны въ нѣкоторой степени разниться отъ отправленій А. Такъ какъ организмъ есть комбинація ритмически дѣйствующихъ частей, находящихся въ состояніи подвижного равновѣсія, то не можетъ измѣниться дѣйствіе и строеніе какой-нибудь части безъ того, чтобы не измѣнились дѣйствія и строенія всѣхъ остальныхъ частей; совершенно подобно тому, какъ не можетъ измѣниться движеніе или масса какого-либо изъ тѣлъ солнечной системы безъ того, чтобы не произошло переустройство по всей системѣ. А если при измѣненіи организма А, обратившагося въ А′, должно произойти измѣненіе во всѣхъ его отправленіяхъ, то потомство А′ никакъ не можетъ быть тѣмъ же, чѣмъ было бы оно, если бы организмъ остался А». (Гербертъ Спенсеръ — Основанія біологіи, Спб., т. I, ч. II, гл. VIII, стр. 186).

Эти апріористическіе доводы, которыми Спенсеръ пользуется въ вопросѣ о наслѣдственности, могутъ, какъ кажется, съ равнымъ успѣхомъ послужить въ подтвержденіе того, что всѣ внѣшнія вліянія должны воздѣйствовать и на зародышъ, ибо онъ, хотя и посредственно, подверженъ этимъ вліяніямъ.

Человѣкъ безпрерывно получаетъ впечатлѣнія. Внѣ его происходятъ тысячи явленій, о которыхъ онъ освѣдомляется, благодаря дѣйствію его чувствъ, которыя суть только развѣтвленія нервной системы. Концы нервовъ раздражаются извѣстнымъ движеніемъ, которое посредствомъ нерва передается мозгу. Не всѣ части мозга получаютъ впечатлѣнія одновременно; впечатлѣніе запаха достигаетъ, какъ кажется, особыхъ органовъ, которые спеціально узнаютъ запахи. Органы эти, или же органъ, будучи лишь частью мозга, состоятъ изъ нервныхъ клѣтокъ, которыя, въ свою очередь, состоятъ изъ атомовъ, сгруппированныхъ извѣстнымъ образомъ. Память внѣшнихъ вліяній, присущая мозгу, присуща вмѣстѣ съ тѣмъ каждой отдѣльной частичкѣ тѣла. Память пребываетъ въ каждой нервной клѣточкѣ и даже въ каждомъ органическомъ элементѣ тѣла (Mausdley, loc. cit., I, IX), ибо если бы наше тѣло не могло запоминать впечатлѣній, то не могло бы быть и самой памяти. Посмотримъ теперь, какимъ образомъ доходятъ до мозга и дѣйствуютъ въ немъ эти впечатлѣнія, а для этого прибѣгнемъ къ аналогіи. «Положимъ, говоритъ Дрэперъ—на холодный, полированный кусокъ металла какой-нибудь предметъ, напр., облатку, дохнемъ на нее, и когда потъ уничтожится, снимемъ облатку. На гладкой поверхности самый острый глазъ не отыщетъ и слѣда какой-нибудь формы, но если опять дохнуть на металлъ, то сейчасъ же появится фигура облатки и это можно повторить многократно. Мало того, если подобный кусокъ металла спрягать такъ, чтобы ничто не могло его попортить и продержать его нѣсколько мѣсяцевъ (мы прятали его цѣлый годъ), а затѣмъ, вынувъ, дохнуть, то опять фигура облатки выступитъ совершенно рельефно. Если листъ бумаги, на которомъ лежитъ ключъ, выставить на нѣсколько минутъ на солнечный свѣтъ, и затѣмъ, снявъ ключъ, быстро внести листъ бумаги въ темноту, то на бумагѣ ясно будетъ замѣтенъ слѣдъ ключа; если оставить этотъ листъ въ темномъ мѣстѣ впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а затѣмъ, опять-таки въ темной комнатѣ, положить на горячій металлъ, то очертаніе ключа воспроизведется совершенно ясно». Другія тѣла могутъ сохранить способность воспроизведенія формы нѣсколькихъ предметовъ, «которые появятся въ томъ же порядкѣ, въ какомъ они были положены первоначально». (Human physilogy statical and dynamical, II, XIV).

Дрэперъ пытается примѣнить сказанное для объясненія памяти, и независимо отъ самого метода, нужно сознаться, что аналогія, приведенная Дрэперомъ, можетъ считаться весьма важною.

Характеръ и сущность мозговыхъ процессовъ для насъ недоступны и на этотъ счетъ могутъ быть только болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія. Мозгъ, получая впечатлѣніе, приходитъ въ движеніе *). Очень возможно, что, вслѣдствіе этихъ впечатлѣній, частички мозга принимаютъ какую нибудь особую группировку, или же въ нихъ происходятъ извѣстныя измѣненія, относительно химическаго ихъ состава, т. е. извѣстная часть атомовъ, потребленная извѣстной мозговой работой, уступаетъ мѣсто новымъ частицамъ, группирующимся сообразно происшедшимъ въ мозгу перемѣнамъ.

Но жить—значитъ расходовать. Человѣческое тѣло, какъ и каждый организмъ, подлежитъ болѣе или менѣе быстрой метаморфозѣ. Молешотъ, напр., говоритъ, что тѣло наше возобновляется совершенно въ продолженіи 22 дней (Kreislauf des Lebens, т. I, гл. XII), причемъ, частички природы, вступающія въ нашъ организмъ въ видѣ пищи, преобразуются въ тѣло, а затѣмъ, отживши, выдѣляются въ видѣ пота и всевозможныхъ другихъ введеній. Такимъ образомъ, въ выдѣле-

*) Baine, On the study of charakter, 1861, IV.

ніяхъ человѣческаго тѣла уносятся частицы, одаренныя памятью внѣшнихъ вліяній на организмъ. Тѣ частицы мозга, которыя за минуту передъ тѣмъ были заняты возвышеннѣйшими идеями и чувствами, въ концѣ-концовъ, обращаются въ мочу, съ которою уносится все, что обладало способностью памяти. А такъ какъ мы констатировали, что все тѣло и каждая его частица обладаютъ способностью памяти, то слѣд. моча, какъ результатъ функцій организма, является гробомъ памяти и всего того, что только могло помнить.

Все тѣло, а слѣд. и мозгъ, вслѣдствіе постояннаго возобновленія, не могутъ закрѣпить впечатлѣнія, ибо мысль—невозможная безъ участія памяти—есть ничто иное, какъ движеніе матеріи (Moleschott, loc. cit., т. II). Частичка *a* восприняла когда то, положимъ, свѣтовое впечатлѣніе и вслѣдствіе этого принуждена была, согласно физическимъ законамъ, совершить извѣстное движеніе. Но, исполнивъ эту физическую работу, частичка начала изнашиваться. Положимъ, что износилась не вся мозговая клѣточка, а только $^4/_{10}$ ея атомовъ; спустя нѣкоторое время погибло еще $^2/_{10}$, затѣмъ еще $^3/_{10}$ и, наконецъ, остальная $^1/_{10}$, послѣ чего клѣточка исчезла безслѣдно, а ея мѣсто заняла другая, новая клѣточка. Послѣдняя, не видя того, что видѣла ея предшественница (многія вещи мы видимъ только разъ въ жизни), не можетъ имѣть объ этомъ никакихъ свѣденій, не можетъ помнить того, чего не была непосредственнымъ свидѣтелемъ.

Такъ какъ не весь мозгъ измѣняется сразу, а только отдѣльныя его части, по очереди уступаютъ мѣсто новымъ органическимъ продуктамъ, то можетъ явиться предположеніе, что здѣсь существуетъ что-то въ родѣ передачи отъ одной клѣточки къ другой, т. е. что въ мозгу, какъ и въ человѣческомъ обществѣ, господствуетъ традиція. Но, допуская это, не слѣдуетъ забывать:

1) Что человѣкъ помнитъ хорошо и ясно лишь то, что онъ видѣлъ или слышалъ непосредственно, и хуже то, объ чемъ онъ слышалъ отъ другихъ или же читалъ. Если допустить первую традицію, то слѣпой долженъ пребывать въ постоянномъ обманѣ: ему должно казаться, что онъ видитъ, что и дѣйствительно бываетъ вслѣдъ за утратой зрѣнія.

2) Традиція постепенно стирается и, наконецъ, исчезаетъ или измѣняется до того, что ее трудно узнать. Максъ Мюллеръ (Essais sur la mythologie comparée, Paris, 1874, стр. 182), говоритъ, что мифологія есть ничто иное, какъ забытый языкъ древности. Тотъ, кто 10 лѣтъ не игралъ на скрипкѣ, долженъ учиться вновь, такъ какъ здѣсь не поможетъ и традиція. Какъ можно ко всему привыкнуть, такъ равнымъ образомъ легко и забыть многое.

Мозгъ, мало по малу, забываетъ все, что прежде ему было извѣстно, подобно тому, какъ послѣ выхода зрителей изъ театральной залы, въ ней не остается воспоминаній о бывшемъ спектаклѣ; память исчезла потому, что зрители оставили театральную залу.

И такъ, факты привели насъ къ весьма трудной дилеммѣ: съ одной стороны, мы имѣемъ неоспоримые доводы въ пользу существованія памяти вездѣ, гдѣ намъ ни вздумается искать ее; съ другой—эти факты парализируются рядомъ другихъ, доказывающихъ безпрестанное возобновленіе организма, т. е. безпрестанную замѣну отжившихъ частицъ новыми. Но мы, въ нашемъ этюдѣ, вовсе ничуть и не думали разрѣшить эту многотрудную дилемму, да къ тому она и не можетъ разсчитывать на болѣе или менѣе удачное рѣшеніе. Работа наша ограничивалась подборомъ и группировкою фактовъ, весьма малоизслѣдованныхъ въ настоящее время. Изучая существо психическихъ процессовъ, по необходимости, приходится считаться съ молекулами, что само по себѣ обусловливаетъ всю гипотетичность нашихъ сужденій. Тѣмъ безвыходнѣе положеніе изслѣдователя въ виду того, что въ настоящее время не имѣется такихъ совершенныхъ микроскоповъ, которые могли бы раскрыть для науки тайны атомовъ и ихъ механики.

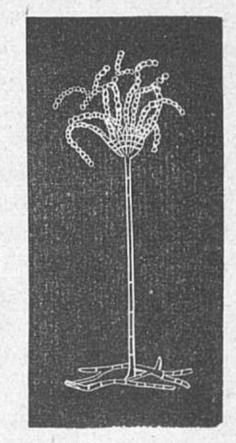
Начало жизни.

(Лекціи профессора **П. Мартина Дункана.**)

(*Окончаніе.*)

Это изслѣдованіе привело насъ къ другому предмету большой хозяйственной важности. Всѣ знаютъ маленькое растеніе, извѣстное подъ именемъ дрожжей. Если вы возьмете немного дрожжей съ пришедшаго въ броженіе пива, вымоете ихъ въ тепловатой водѣ и положите подъ микроскопъ, вы увидите, что онѣ состоятъ изъ множества маленькихъ шариковъ, соединенныхъ между собою въ видѣ цѣпи. Сотни ихъ помѣщаются на пространствѣ величиною въ обыкновенную булавочную головку. Подъ сильно увеличивающимъ микроскопомъ можно различить, что онѣ состоятъ изъ тонкой наружной оболочки и сильно водянистой внутренней протоплазмы, не содержащей въ себѣ зеленыхъ зернышекъ, а крошечныя частицы маслянистаго вещества; въ этой протоплазмѣ встрѣчаются пустыя пространства, наполненныя водою. Наблюдая за одной изъ этихъ клѣточекъ можно видѣть, какъ движется внутри протоплазма,—движеніе похоже на теченіе, — наружная же часть неподвижна. Такъ какъ всегда можно достать дрожжей для анализа, то легко опредѣлить химически ихъ составныя части. Попробуемъ выростить дрожжи. Если опустить клѣточку въ простую воду, она разбухаетъ, вода входитъ въ нее, образуя нѣсколько водянистыхъ пространствъ, но клѣточка не размножается и скоро умираетъ. Но если мы возьмемъ соли, находящіяся въ сокѣ винограда или толченный солодъ въ водѣ и опустимъ туда дрожжей, онѣ будутъ рости. Соли эти состоятъ главнымъ образомъ: изъ летучей виннокаменнокислой щелочи, небольшого количества сѣрнокислой магнезіи и соединенія фосфорной кислоты и поташу. Эти три вещества положительно необходимы. А отчего? если взять немного дрожжей высушить ихъ и истолочь, получится зола, которая, разложенная химически, будетъ состоять изъ сѣрной кислоты, фосфорной кислоты, азотистой кислоты, селитряной кислоты, извести, поташу, магнезіи и соды; потому-то растеніе требуетъ себѣ соотвѣтственной пищи. Кромѣ этихъ солей въ составъ дрожжей входятъ и другія вещества. Протоплазма, кромѣ упомянутыхъ солей, содержитъ въ себѣ углеродъ, водородъ, азотъ и кислородъ. Въ наружной перепонкѣ клѣточки нѣтъ азота, но другіе элементы: углеродъ, водородъ и кислородъ входятъ въ составъ ея. Если мы посадимъ или посѣемъ дрожжи въ жидкость, содержащую эти соли и воду при комнатной температурѣ, онѣ начнутъ рости. Что мы подразумѣваемъ подъ словомъ «рости?» Клѣточки впитываютъ въ себя воду съ солями и небольшое количество кислорода, получаемаго водою изъ воздуха. Изъ этого образуется протоплазма. Весь азотъ входитъ внутрь, не оставаясь снаружи. Протоплазма увеличивается въ объемѣ, разрываетъ перепонку и выходитъ наружу въ видѣ шишки, которая постепенно покрывается такой же перепонкой. Маленькій шарикъ, въ свою очередь, образуетъ другой и такъ идетъ далѣе. Протоплазма прежде выростаетъ внутри и прорывается, а потомъ уже покрывается перепонкой. И это продолжается до тѣхъ поръ, пока есть годная для питанія пища. Какъ скоро нѣтъ болѣе солей, ростъ дрожжей прекращается. Вода высыхаетъ—высыхаетъ и растеніе, но не умираетъ. Можно его опять опустить въ свѣжую воду съ необходимой пищей и опять повторится тоже явленіе.

Посмотримъ теперь какой вредъ могутъ надѣлать дрожжи. Достанемъ чистаго алкоголя и особенный видъ дрожжей, очень сильныхъ и съ очень крупными клѣточками; клѣточки эти не только круглы, но и продолговаты и образуютъ родъ сложной сѣти. Опустимъ эти дрожжи на поверхность алкоголя или виннаго спирта и выставимъ на воздухъ. Онѣ не будутъ жить долго и скоро умрутъ; но если въ спиртъ прибавить выжитаго винограднаго соку или немного обыкновенной пищи дрожжей—амміаку, фосфорнокислой извести и т. п., въ дрожжахъ тотчасъ же появится жизнь на счетъ этихъ веществъ. Для жизни ихъ нуженъ газъ для дыханія—кислородъ, который онѣ и поглощаютъ въ большомъ количествѣ изъ воздуха и не только поглощаютъ сами, но собираютъ запасъ его въ петляхъ сѣти и тотчасъ же начинаютъ портить алкоголь. Вслѣдствіе простого прибавленія кислорода къ алкоголю, онъ окисляется и превращается въ альдегидъ и уксусную кислоту. Не будемъ тревожить его. Наконецъ, весь алкоголь обратится въ уксусную кислоту или уксусъ отъ дѣйствія дрожжей, на верху которыхъ появится тогда голубоватая плесень, такая, какую всякій, конечно, видалъ на вареньѣ. Разсматриваемая подъ микроскопомъ, она очень красива и состоитъ изъ множества крошечныхъ длинныхъ клѣточекъ, заканчивающихся кисточкой также изъ маленькихъ, по бусообразныхъ клѣточекъ, расположенныхъ рядами. Она называется пенисиліумъ. Бусообразныя клѣточки на вершинѣ пенисиліума точно такого же устройства, какъ и обыкновенныя, только протоплазма въ нихъ болѣе концентрирована. Достигши извѣстной величины онѣ перестаютъ рости и лопаются. Если содержимое или споры упадутъ на благопріятную для нихъ почву, они произведутъ растеніе, подобное тому, отъ котораго произошли. Пенисиліумъ—это живущія въ воздухѣ дрожжи.

Рис. 4. Пенисиліумъ.

Сдѣлаемъ теперь другой опытъ. Возьмемъ палочку и погрузимъ дрожжи въ жидкость, когда она уже обратилась въ уксусную кислоту, онѣ потянутъ къ себѣ кислородъ изъ воздуха или изъ другихъ источниковъ и совершенно уничтожатъ уксусную кислоту и измѣнятъ взаимное положеніе элементовъ. Углеродъ, водородъ и кислородъ обратятся въ воду и въ вездѣсущую углекислоту, такъ что получится совершенное уничтоженіе алкоголя. Жаль только, что это разрушеніе не можетъ быть произведено въ большихъ размѣрахъ, люди не большіе охотники до уксусу и не стали бы много употреблять его. Наконецъ, уничтожается и самый уксусъ, превращаясь въ газъ и воду. Это замѣчательное дѣйствіе происходитъ отъ вліянія кислорода, какъ разрушающаго элемента на сложное, называемое алкоголемъ.

Но еще замѣчательнѣе, что не только оживленные предметы, но и нѣкоторыя, безжизненныя тѣла производятъ подобное же дѣйствіе. Вещество, называемое платиной, взятое въ очень маломъ количествѣ, впитываетъ въ себя кислородъ, а опущенное въ алкоголь выпускаетъ его изъ себя и производитъ уксусную кислоту. Здѣсь мы имѣемъ паралельныя явленія въ природѣ: одно производимое жизненной силой, другое безжизненной матеріей.

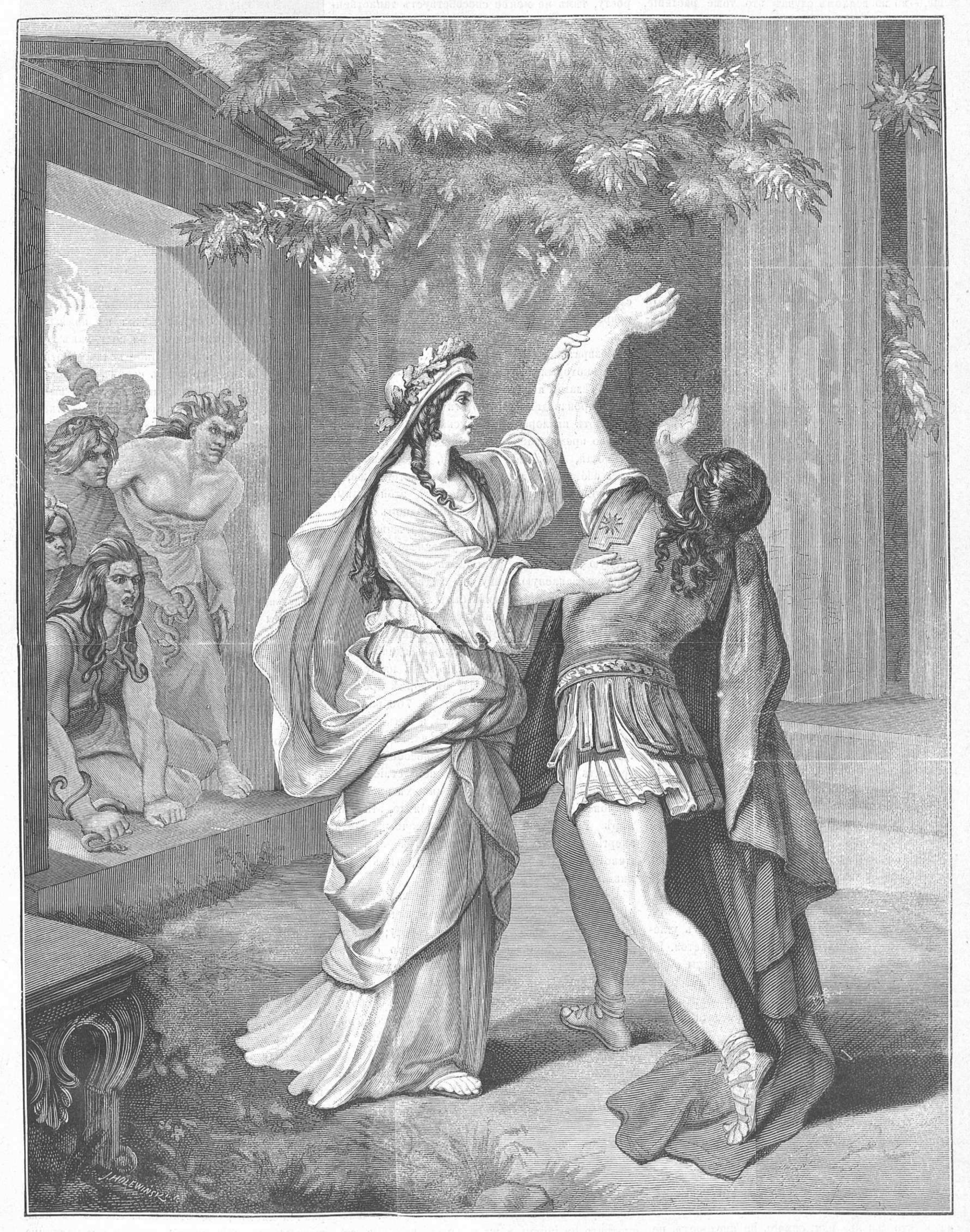
Посмотримъ, что могутъ надѣлать дрожжи, из-

Картина ЭБЕРЛЕ.

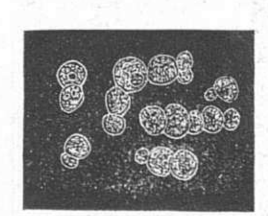
Обѣдъ съ добрыми друзьями.

Картина В. КАУЛЬБАХА.

Ифигенія.

мѣняя и совершенно разрушая прочныя химическія соединенія. Доказательствомъ этому служитъ обыкновенное пивовареніе. Дрожжи, употребляемыя здѣсь, другого рода,—клѣточки меньше,—но во всякомъ случаѣ это тоже растеніе, но находящееся въ другихъ условіяхъ. Возьмемъ особый родъ сахару, напр., сахару, добытаго изъ солоду или винограда, очистимъ его и положимъ на верхъ немного дрожжей или примѣшаемъ къ нему дрожжи и оставимъ въ комнатной температурѣ или болѣе возвышенной. Спустя нѣсколько времени появятся пузырьки, наполненные углекислотой. Ростъ чрезвычайно медленъ, а если внимательно осмотрѣть клѣточки дрожжей, то увидимъ, что онѣ хотя увеличились, но внутренняя протоплазма сдѣлалась водянистѣе. Ростъ скоро совсѣмъ останавливается. Углекислота вышла изъ растенія, сахаръ нисколько не измѣнился. Попробуйте прибавить къ сахару солей, о которыхъ я говорилъ — (онѣ всѣ содержатся въ солодѣ и сокѣ винограда)—и у васъ появится пища для дрожжей, которую онѣ начнутъ тотчасъ же поглощать. Какъ скоро дрожжи попали въ эту смѣсь при соотвѣтствующей температурѣ, пузырьки съ углекислотой начинаютъ быстро выходить на поверхность жидкости,—это роковой газъ въ боченкахъ пивовара. Сахару въ этой смѣси становится все меньше и меньше, и все больше и больше того, что намъ извѣстно подъ именемъ виннаго спирта. Наконецъ, сахаръ совершенно исчезаетъ и замѣняется виннымъ спиртомъ; растеніе же значительно выростаетъ. Погруженное въ жидкость изъ солода, оно требуетъ кислорода и солей, и кислородъ добывается имъ изъ сахара. Сахаръ—химическое сложное—разбивается на другія сложныя. Онъ не весь обращается въ газъ; только нѣкоторая часть его принимаетъ газообразное состояніе; изъ остальной образуется другое сложное, т. е. съ уничтоженіемъ кислорода образуется алкоголь, а кислородъ, проникая въ растеніе, способствуетъ его росту; часть же его выходитъ, въ видѣ углекислоты, какъ это мы видѣли въ фунгусѣ и животныхъ организмахъ, о которыхъ говорили выше. Такова жизнь этого вещества. Подъ обезкисливающимъ вліяніемъ сахара, у насъ получается двѣ части углекислоты и двѣ части остающагося алкоголя.

Рис. 5. Дрожжи, растеніе.

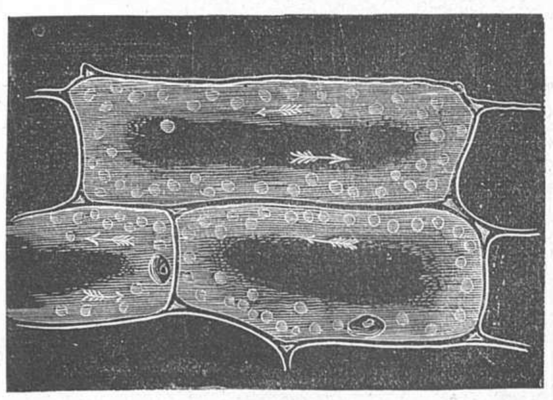
Дрожжи, питаясь свойственной имъ пищей, добываютъ кислородъ изъ сахару. Кислородъ способствуетъ переработкѣ пищи въ протоплазму, а въ соединеніи съ излишнимъ углеродомъ, подъ вліяніемъ энергіи жизни, образуетъ углекислоту, а излишекъ свободно улетучивается. Во время процесса роста часть протоплазмы обращается въ другія сложныя, какъ-то: глицеринъ и янтарную кислоту. Газы, развивающіеся во время процесса роста, суть: углекислота, азотъ, водородъ и азотистая окись.

Произведено было не мало опытовъ, чтобы убѣдиться, чисто ли это механико-химическій процессъ, или тутъ проявляется вліяніе жизни. Либихъ, много лѣтъ тому назадъ, замѣтилъ, что когда 9,899 частей сахару исчезали и измѣнялись въ алкоголь, дрожжи увеличивались всего на 152 части. Около 30 изъ нихъ состояли изъ наружной части клѣточки. Изъ этого онъ выводилъ, что такъ какъ результатъ роста не великъ, то химическая работа должна быть очень сильна и что жизнь, или спросъ на кислородъ, не оказываетъ на нее слишкомъ большого вліянія. Однакожъ съ каждымъ годомъ біологи и химики все болѣе убѣждаются, что это не простой химическій процессъ, но что для дрожжей необходимъ кислородъ, который онѣ берутъ изъ сахара, разлагая его, и что количество выдыхаемой углекислоты и воспринимаемаго кислорода, хотя не имѣетъ слишкомъ замѣтнаго отношенія къ росту, тѣмъ не менѣе способствуетъ таинственному принципу жизни. Разъ начавшее дѣйствовать растеніе не ослабляетъ своей энергіи, пока не раздробитъ химическое сложное на два другія.

Считаю нужнымъ сдѣлать замѣчаніе, что углекислота, такъ легко измѣняемая самыми маленькими растеніями въ углеродъ и кислородъ, въ лабораторіи оказывается очень прочной матеріей. Требуется много усилій, чтобы извлечь изъ нея черный уголь или даже отдѣлить кислородъ въ соединеніи съ какими-нибудь солями. Это не невозможно, но требуетъ много хлопотъ. То, что достигается съ такимъ трудомъ въ лабораторіи, въ природѣ совершается легко. Ни при какихъ обстоятельствахъ невозможно соединить въ лабораторіи простые элементы въ сложныя тѣла, въ родѣ тѣхъ, какія производитъ природа, и придать имъ особенности ихъ строенія.

Возвратимся опять назадъ. Я уже говорилъ, что нѣкоторыя живыя существа питаются твердыми тѣлами, которыя мы называемъ обработанными произведеніями; что эти живыя существа требуютъ кислорода и выпускаютъ углекислоту; что во время работы кислорода въ ихъ внутренности, небольшія частички, содержащія въ себѣ азотъ, выкидываются вонъ. Растеніе же, о которомъ я упоминалъ въ началѣ этой главы, поглощаетъ сырой матеріалъ въ жидкомъ состояніи и обработываетъ его для пользы животныхъ. Оно поглощаетъ ядовитую углекислоту, выдыхаемую животными, разлагаетъ ее внутри себя, образуя запасную пищу въ видѣ хлорофиля и крахмала, которые могутъ быть легко обращены ими въ протоплазму и выпускаетъ изъ себя газъ, живительный для животныхъ. Рабочая сила олицетворяется въ протоплазмѣ, производящей движеніе. Такъ, напр., «вортисела» есть настоящій типъ машины. Протоплазма, въ формѣ крошечныхъ волосиковъ, движущаяся до 700 разъ въ минуту, производитъ водоворотъ, и чѣмъ быстрѣе она движется, тѣмъ больше получаетъ пищи и тѣмъ больше увеличивается ея способность употреблять въ пользу эту пищу, вслѣдствіе большаго количества газовъ, приходящихъ въ соприкосновеніе съ протоплазмой. Вѣроятно, эта—по мѣрѣ пріобрѣтенія пищи — увеличивающаяся энергія дала философамъ поводъ говорить, что животное болѣе экономная машина, чѣмъ паровикъ.

Кромѣ того нѣкоторыя вещества, о которыхъ я упоминалъ, особенно «торула» или дрожжи производятъ тоже химическую работу; но въ этой химической работѣ нѣтъ ничего сверхъестественнаго, вся она легко объясняется химиками и подчинена тѣмъ же законамъ, которые соблюдаются въ лабораторіяхъ. Другая работа, производимая этими существами—это способность самодѣленія—дѣлимость протоплазмы на мельчайшія частицы и передача этимъ частицамъ—новымъ маленькимъ созданіямъ—всѣхъ свойствъ и энергіи ихъ родителей. Существованіе ихъ безконечно, они продолжаютъ жить безъ перерыва въ водѣ и воздухѣ. Теперь посмотримъ, не можетъ ли слово «энергія» быть приложимо тоже къ механической работѣ. Попробую объяснить вамъ, что есть нѣкоторое основаніе говорить о силахъ и энергіи по отношенію къ растеніямъ. Возьмемъ для примѣра герань. Разсмотрите ея корни, и вы увидите, что они состоятъ изъ маленькихъ клѣточекъ, расположенныхъ одна возлѣ другой. Срѣжемъ герань повыше на половинѣ стебля и надѣнемъ на него изогнутую стеклянную трубочку; нальемъ въ нее ртути, поставимъ растеніе на солнце и будемъ поливать его. Вы увидите, что жидкость, пройдя

Рис. 6. Движеніе протоплазмы и воды въ растительныхъ клѣточкахъ.

по стеблю вверхъ, подыметъ своимъ напоромъ ртуть. Въ нѣкоторыхъ опытахъ значительная колона ртути высоко поднималась струей воды, просачивавшейся вверхъ по корнямъ. Это называется работой. Энергія жизни не позволяетъ растеніямъ впитывать въ себя воду, какъ губка, но брать только опредѣленное количество и посылать ее вверхъ по всѣмъ своимъ частямъ. Количество ртути, поднятой на нѣкоторую высоту, изображаетъ собою силу всасыванія, втягивающаго снизу воду съ помощію энергіи или силы жизни. И такъ, мы имѣемъ право говорить о жизни, какъ объ энергіи. Но что означаетъ слово «энергія»? Это модное слово замѣнило собою то понятіе, которое прежде выражалось словомъ: «сила».

Все существующее дѣлится, какъ вамъ извѣстно, на живущее и неимѣющее жизни. До сихъ поръ мы занимались живущимъ, остановимся на одну минуту на неоживленномъ, на свойствахъ вещей неодушевленныхъ, и сравнимъ ихъ силы съ энергіей жизни. Если мы возьмемъ кусочекъ желѣза, и физикъ, и химикъ скажутъ, что онъ дѣйствительно существуетъ; мы видимъ и ощущаемъ его нашими чувствами. Но мы знаемъ, что химическія и математическія изысканія доказали, что дальше извѣстнаго предѣла желѣзо не можетъ дѣлиться. Настаетъ минута, въ которую послѣдній атомъ желѣза становится недѣлимымъ, и мы никакими средствами не можемъ «создать» желѣза. Его нельзя уничтожить никакой химической операціей. Оно все-таки гдѣ нибудь да будетъ. Во всѣхъ химическихъ операціяхъ вѣсы ясно доказываютъ химику, что каково бы ни было дѣйствіе элементовъ на желѣзо, изъ него ничто не теряется, ничто не прибавляется. Человѣкъ ничего не можетъ совершенно уничтожить, не можетъ ничего создать, не можетъ измѣнить желѣзо въ другую матерію. Желѣзо, ясно, обладаетъ нѣкоторой силой, и эта сила называется «энергіей матеріи». Возьмемъ кусочекъ желѣза и привяжемъ его на шнурокъ, онъ потянетъ шнурокъ и это будетъ энергія, результатъ тяготѣнія. Подвѣсимъ этотъ кусокъ желѣза въ видѣ маятника и поднимемъ въ одну сторону—въ немъ вполнѣ сохраняется еще вся его первоначальная энергія. Опустимъ его, онъ начнетъ двигаться и въ ту же минуту эта первоначальная энергія исчезаетъ, уступая мѣсто другой—энергіи движенія. Первоначальная энергія дѣйствуетъ на то, что называется «скоростью»; маятникъ поднимается на противуположную сторону, теряя постепенно энергію движенія, которая превращается опять въ первоначальную энергію положенія. И такъ, колебанія эти повторяются много разъ, становясь слабѣе съ каждымъ разомъ. Отъ тренія желѣза или маятника о воздухъ развивается небольшое количество теплоты; и хотя энергія не теряется и не можетъ теряться, но она измѣняется въ другія формы; одна форма энергіи замѣняетъ другую,

но не исчезаетъ. Первоначальная энергія—энергія положенія ослабѣла. Маятникъ не поднимается до высоты точки отправленія, если ему не дать новый толчокъ или не употребить въ дѣло магнитъ, т. е. постороннюю силу ввести въ первоначальную, часть которой раздробилась, но не уничтожилась. Слѣдовательно, законъ таковъ: главная сила дробится на второстепенныя; для поддержанія ея въ одномъ положеніи требуется посторонняя сила, которая, въ свою очередь, тоже ослабѣваетъ болѣе или менѣе.

Теперь посмотримъ на жизнь съ механической точки зрѣнія, какъ на величайшую изъ всѣхъ силъ. Животное производитъ движеніе и удивительную химическую работу. Оно можетъ производить свѣтъ и электричество. Но всѣ эти произведенія, соединенныя вмѣстѣ, не произведутъ жизни. Онѣ необходимы для жизни, но не составляютъ ее. Первоклассная энергія, измѣняясь постоянно, не можетъ быть преобразована, если она не будетъ восполняться чѣмъ-то таинственнымъ, о чемъ мы ничего не знаемъ.

Мыслящіе люди нашего времени дѣлаютъ большую ошибку, раздѣляя мертвую матерію съ ея силами и живую матерію на двѣ совершенно различныя категоріи. Живая матерія въ дѣйствительности принадлежитъ къ той же категоріи, какъ и мертвая. Вы можете испортить ее до извѣстной степени, но не создать новую или уничтожить ее совершенно. Составляющіе ее элементы будутъ существовать въ какихъ бы то ни было соединеніяхъ. Это нѣчто не разрушимое, не сотворимое человѣкомъ. И энергія жизни не можетъ быть имъ создана или уничтожена. И потому принятое дѣленіе на мертвую матерію или предметы, принадлежащіе къ неодушевленному царству природы и ихъ силы съ одной стороны, и живыя существа и ихъ силы съ другой, какъ вещи между собою вполнѣ несходныя,—совершенно ложно. Вѣроятно, провѣривъ ваши мысли и вчитавшись въ произведенія нѣкоторыхъ новѣйшихъ писателей, вы увидите, что хотя и вы, и они допускаете, что все существующее создано однимъ Создателемъ, но вы и они приписываете мертвыя силы злому началу, а живыя доброму. Это большая ошибка, и происходитъ она отъ предвзятаго рѣшенія людей, жившихъ до насъ, не признавать за человѣкомъ права разсматривать жизнь такъ, какъ дѣлалъ это я въ настоящей статьѣ. Къ тому же они были склонны смотрѣть на жизнь только какъ на чудесный, недосягаемый, непостижимый духъ. Но смѣю думать, что хотя я и не могъ вполнѣ объяснить, что такое жизнь, я сколько нибудь способствовалъ къ уясненію этого таинственнаго вопроса.

Составъ протоплазмы: въ ста частяхъ содержится—углероду 52, кислороду 21, водороду 7, азоту 13, и остальное сѣры и фосфору.

Подъ вліяніемъ жизни она измѣняется въ два сложныя: 1) содержащія азотъ и 2) безъазотистыя, каковы: хлороформъ: C_{18}, H_{22}, O_5, (N_2C) и клѣтчатка C_6, H_{10}, O_2.

При образованіи хлорофиля углекислота CO_2, разлагается и часть кислорода свободно улетучивается.

Виноградный сахаръ состоитъ изъ C_6, H_{12}, O_6, и дѣлится на двѣ части алкоголя $= 2C_2, H_6, O$, и двѣ части углекислоты $=2CO_2$, которая улетучивается.

Честь солдата.

(Очеркъ **Жюля Кларети.**)

(*Продолженіе.*)

Настала минута отъѣзда. Почтовая карета тронулась съ мѣста и наши капитаны оставили Вернонъ. Стукъ колесъ о мостовую, уличный шумъ, по временамъ доходящіе до нихъ крики—все это, по какой-то странной причинѣ, напомнило имъ давно прошедшее время и опять передъ ними носились образы изъ ихъ походной, трудовой жизни...

Предпринятое путешествіе было трудно, путь далекій. Но руководящая ими мысль, точно свѣтящая путеводная звѣзда, казалось, сокращала время и разстояніе. Можно поручиться, что нашимъ воинамъ одинъ и тотъ же образъ виднѣлся на краю горизонта. Одинъ этотъ образъ способенъ былъ вооружить ихъ терпѣніемъ. Это было ихъ дорогое знамя, гордо возвышавшееся среди штыковъ и дыма... По временамъ имъ казалось, что они вовсе не ѣдутъ, что это путешествіе—мечта, сонъ, плодъ фантазіи и больше ничего: они такъ долго мечтали объ этомъ путешествіи, столько дней, недѣль, мѣсяцевъ носились съ этой мечтой, что теперь, сидя въ почтовой каретѣ, имъ казалось просто невозможнымъ, чтобы они ѣхали въ Берлинъ... въ Потсдамъ!..

— Одного я только боюсь, сказалъ однажды Малеперъ своему товарищу:—мнѣ все кажется, что я не доѣду до Потсдама...

— Отчего-же? спросилъ Фужерель.

— Я и самъ не знаю! задумчиво отвѣчалъ Малеперъ.

Между тѣмъ разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ нѣмецкаго Версаля, съ каждымъ оборотомъ колесъ почтовой кареты становилось меньше. Минувъ Рокруа, они въѣдутъ въ предѣлы Бельгіи... «Неужели правда, что мы еще разъ въ жизни должны проститься съ французскою землею?» спрашивали они другъ у друга, не довѣряя или, вѣрнѣе сказать, не будучи въ состояніи увѣрить себя, что это возможно и въ томъ случаѣ, когда родина оставляется не для кровавыхъ сраженій и побѣдъ, а для цѣлей самыхъ мирныхъ. Старики-инвалиды не переставали мечтать о побѣдахъ и въ послѣдніе годы жизни.

Малеперъ, утомленный дорогой, не безъ основанія былъ задумчивъ и печаленъ. Головная боль и колотье въ боку безпокоили старика. Малеперъ старался не обращать никакого вниманія на свое нездоровье. Блѣдность товарища не ускользнула однакожъ отъ вниманія Фужереля.

— Не боленъ ли ты, Малеперъ? спрашивалъ онъ съ безпокойствомъ.

— Пустое, немного голова болитъ. Да это пройдетъ...

Наконецъ, они доѣхали до самой границы. Въ Живе, Фужерель, замѣтившій, что Малеперъ сильно измѣнился въ лицѣ, какъ-то притихъ и по временамъ глубоко вздыхалъ—началъ къ нему приставать съ распросами, какъ онъ себя чувствуетъ.

— Ничего, я здоровъ, отвѣчалъ на всѣ распросы Малеперъ, не желавшій говорить правды.

Старый гвардеецъ, однакожь, былъ серьезно боленъ. Несносная мигрень одолѣвала старика, но онъ старался не обращать на это никакого вниманія. Голова все ниже опускалась на грудь; глаза горѣли какимъ-то страннымъ огнемъ... Но Малеперъ старался одолѣть все это мыслью, что въ концѣ пути Потсдамъ, а въ Потсдамѣ—знамя!

Болѣзнь разыгрывалась и Малеперъ серьезно захворалъ, такъ, что его товарищу пришла въ голову мысль остановиться на нѣкоторое время въ этой деревушкѣ. Фужерель сильно настаивалъ на этомъ, но Малеперъ не хотѣлъ согласиться, обнадеживая товарища тѣмъ, что все это пустяки и не сегодня, такъ завтра пройдетъ. Сидя на скамейкѣ у воротъ станціоннаго дома, Малеперъ смотрѣлъ въ сторону Мозы: передъ его глазами разстилалась огромная равнина, краями опирающаяся о небеса. Это были уже бельгійскія владѣнія. «А за ней и Германія!» раздумывалъ Малеперъ.

Вечерѣло. Издали во французскомъ лагерѣ раздавались звуки барабана. Погода стояла прекрасная. Тучи комаровъ носились въ воздухѣ. Все тѣмъ же грустнымъ взоромъ обозрѣвалъ Малеперъ прекрасный пейзажъ и мысленно разговаривалъ съ своею родиной, которую черезъ нѣсколько минутъ придется покинуть. «Еще нѣсколько шаговъ и мы уже внѣ Франціи! Увижу ли я ее еще когда-нибудь!» думалось старику.

Кондукторъ приглашалъ пассажировъ садиться. Лошади были уже готовы. Фужерель долженъ былъ громко позвать своего товарища, чтобы вывести его изъ состоянія какого-то оцѣпенія, въ которое болѣзнь и грустныя думы погрузили старика. Кое-какъ, превозмогая сильную боль, Малеперъ дошелъ до кареты, но при входѣ въ нее ноги отказались ему служить. Шумъ въ головѣ и мигрень побѣдили стараго воина. Онъ вполнѣ сознавалъ, что въ такомъ состояніи невозможно думать о продолженіи пути, что слѣдуетъ отдохнуть день, другой. Но, увидѣвъ въ каретѣ бельгійскаго офицера, Малеперъ выпрямился, не желая выказать свое безсиліе передъ иностранцемъ: какихъ усилій стоила ему эта гордость, объ этомъ зналъ только онъ одинъ! Страшно блѣдный, измученный и печальный старикъ-капитанъ дѣлалъ всѣ усилія, напрягалъ послѣднія остатки старческихъ силъ и, выпрямившись, гордо посматривалъ на бельгійскаго офицера: онъ считалъ бы себя опозореннымъ, еслибы замѣтилъ, что его безсиліе не ускользнуло отъ глазъ иностранца!

Нѣсколько разъ Фужерель совѣтовалъ своему другу остановиться для отдыха на какой-нибудь станціи, но Малеперъ ни за что не хотѣлъ согласиться, объясняя, что онъ не боленъ, а просто усталъ. Въ Кельнѣ, однакожь, несмотря на всѣ усилія и энергію Малепера преодолѣть боль и продолжать путь дальше, онъ принужденъ былъ согласиться на предложеніе Фужереля остановиться въ этомъ городѣ дня на два для отдыха. Болѣзнь, между тѣмъ, усиливаясь съ часу на часъ, принимала угрожающіе размѣры. Фужерель былъ въ отчаяніи. Онъ зналъ хорошо своего друга, никогда не умѣющаго передъ кѣмъ бы то ни было описывать своихъ страданій. Малеперъ и теперь не говорилъ Фужерелю всей правды, какъ онъ себя чувствуетъ. Фужерелемъ овладѣвало какое-то грустное предчувствіе. Ему казалось, что дальнѣйшій путь придется совершать ему одному, что другъ его не будетъ въ состояніи вынести всѣхъ невзгодъ труднаго путешествія.

— Если ты ужь непремѣнно настаиваешь на томъ, чтобы здѣсь остановиться, сказалъ Малеперъ,—пусть будетъ по твоему. Можетъ быть, ты правъ. Два дня отдыха, да двѣ ночи въ постели—это лучшее лекарство! Глупая усталость, вздумалось же ей надоѣдать мнѣ именно теперь!

Малеперъ при помощи Фужереля кое-какъ дотащился до гостинницы, въ которой они намѣрены были остановиться. Лихорадка и головная боль не позволяли старику даже правильно думать, не говоря о томъ, что онъ не могъ произнести ни слова. Товарищъ его только по блѣдному лицу Малепера угадывалъ всѣ его муки.

На какой-то отдаленной, узенькой и грязной улицѣ имъ удалось отыскать гостинницу. Надпись надъ воротами «Кельнская гостинница», написанная рукою какого-то не особенно ловкаго и опытнаго въ своемъ дѣлѣ маляра, служила какъ бы предвѣстникомъ не особеннаго комфорта, но за то дешеваго удобства. Фужерелю предложили небольшую комнату въ одно окно. За желтыми занавѣсками красовались двѣ кровати простого дерева. Постель чистая и опрятная, чисто вымытый полъ, столъ и нѣсколько стульевъ,—чего же болѣе. Два воина, недолго раздумывая, согласились взять ее.

На дворѣ совсѣмъ стемнѣло. Фужерель зажегъ свѣчу, а Малеперъ, отказавшись отъ скромнаго ужина, состоящаго изъ дичи и краснаго вина, торопился лечь въ постель.

— Завтра все это пройдетъ, обнадеживалъ себя больной.—Нужно только выспаться какъ слѣдуетъ!

На слѣдующій день проснувшись около десяти часовъ, Малеперъ хотѣлъ сейчасъ же встать, но лишь сталъ на ноги, какъ сильное головокруженіе заставило его присѣсть на кровати.

— Что это со мной? пробормоталъ бѣдный старикъ.

Онъ еще разъ пробовалъ привстать... Въ комнатѣ раздался крикъ старика, претерпѣвающаго ужасныя мученія. На крикъ Малепера подбѣжалъ къ нему его другъ. Бѣдный старикъ безъ чувствъ лежалъ у кровати на полу. Послѣ долгихъ усилій, Фужерелю удалось привести его въ чувство. Малеперъ долго хранилъ упорное молчаніе; на всѣ вопросы Фужереля, онъ отвѣчалъ жестами. Фужерель былъ въ отчаяніи. Наконецъ, Малеперъ печально улыбнулся и проговорилъ тихимъ, едва слышнымъ голосомъ:

— Не сердись, мой другъ, на меня за эту глупую остановку!

Фужерель отъ волненія не могъ произнести ни слова. Сильнымъ пожатіемъ руки Малепера, онъ выразилъ ему искреннее дружеское участіе. Они оба понимали другъ друга безъ словъ, безъ долгихъ разговоровъ. Одно пожатіе руки, одинъ жестъ замѣняли имъ вполнѣ цѣлыя предложенія. Фужерель старался успокоить своего друга, хотя сильно за него безпокоился. Онъ никогда еще не видѣлъ, чтобы Малеперъ поддавался болѣзни. Крѣпкаго тѣлосложенія, смѣлый, храбрый, не поддающійся физической боли, старикъ Малеперъ имѣлъ полное основаніе хвастаться своимъ здоровьемъ. Привыкшій имѣть дѣло съ картечью и пулями, старикъ-капитанъ шутилъ надъ горячками, называя ихъ «пи-пи». Если такой человѣкъ говоритъ, что онъ боленъ, можно быть увѣреннымъ, что онъ дѣйствительно сильно страдаетъ. Вотъ почему Фужерель безпокоился болѣзнью своего друга. Притомъ Фужерель имѣлъ нѣкоторые предразсудки; храбрецы, привыкшіе глядѣть смерти въ лицо, не моргнувъ глазомъ, имѣютъ свои слабыя стороны. Герой имѣетъ много общаго съ ребенкомъ. Самые мужественные солдаты придаютъ большое значеніе тому, пройдетъ ли первая пуля около лѣваго или праваго уха. Фужерель только теперь вспомнилъ, что, уѣзжая изъ Вернона, онъ сказалъ хозяйкѣ: «въ случаѣ, если не вернемся...» Теперь только ему пришло въ голову, что эта фраза имѣетъ много общаго съ болѣзнью Малепера. Не скажи онъ ея хозяйкѣ, быть можетъ, другъ его не захворалъ бы?

Здоровье Малепера съ каждымъ днемъ ухудшалось. Фужерель, видя, что Малеперъ не можетъ встать съ постели и притомъ страданія его увеличиваются, рѣшился призвать доктора. Еслибы онъ самъ заболѣлъ, онъ ни за что не согласился бы пригласить доктора, утверждая, что самая скверная болѣзнь—это лекарство, а самый скверный человѣкъ—докторъ, прописывающій микстуры и пилюли, но ради друга, желая ему помочь, облегчить страданія, Фужерель хотѣлъ испытать и это средство. Исполнить это, однакожь, было не легко: въ гостинницѣ никто не зналъ французскаго языка. На каждомъ шагу приходилось имѣть дѣло съ нѣмцами, которые, ни слова не понимая по-французски, широко открывали глаза, не умѣя догадаться, чего отъ нихъ требуетъ взволнованный старикъ. Фужерель выходилъ изъ себя, объясняя имъ жестами и звуками, чего отъ нихъ требуетъ, а слушатели, отчасти нарочно, не хотѣли его понимать. Старому воину казалось, что онъ находится въ пустынѣ, гдѣ нѣтъ ни друга, ни знакомаго, никого, кто могъ бы помочь ему отыскать доктора. Ему было досадно, больно, что онъ не можетъ помочь своему другу. Были минуты, когда онъ подумывалъ о томъ, какъ бы перевезти Малепера во Францію. Больше, чѣмъ когда-нибудь, Фужерель обожалъ свою родину. Нѣмецкая почва, казалось, жгла его подошвы. Наконецъ, ему удалось отыскать доктора. Это былъ строгій, холодный, ученый нѣмецъ, весь поглощенный своею спеціальностью. Малеперъ, увидя его, вскричалъ:

— Кто это?... Кто сказалъ, что я боленъ?..

— Другъ мой, упрашивалъ его Фужерель,—не сердись. Тебѣ необходимо посовѣтоваться съ докторомъ. Вспомни, Малеперъ, чѣмъ скорѣе выздоровѣешь, тѣмъ скорѣе мы будемъ въ Потсдамѣ, тѣмъ скорѣе увидимъ знамя!..

Этого было достаточно, чтобы заставить Малепера повиноваться всѣмъ приказаніямъ доктора. Одно это слово: «знамя», вооружавшее во все время пути больного капитана неимовѣрнымъ терпѣніемъ, и въ настоящую минуту оказало свое чудотворное дѣйствіе. Онъ отвѣчалъ на всѣ вопросы доктора. Старый нѣмецъ, съ подобающей его званію чисто нѣмецкой строгостью и холодностью, разспрашивалъ о ходѣ болѣзни, о всѣхъ подробностяхъ ихъ путешествія. Окончивъ

Т. Эдисонъ.

разспросы и поблагодаривъ больного, онъ также строго и чинно, какъ вошелъ, направился къ выходу.

— Это серьезная болѣзнь, объяснялъ онъ вышедшему съ нимъ въ коридоръ Фужерелю.—Это опасная горячка, притомъ приливъ крови къ мозгу. Больного необходимо лечить, строго соблюдая всѣ мои предписанія и совѣты, а главное, нужно за нимъ прилежно ухаживать.

— Въ этомъ не будетъ недостатка, отвѣчалъ Фужерель, съ нѣкоторою гордостью посматривая на ученаго нѣмца, какъ бы желая сказать ему, что это не твое, а мое дѣло.

И дѣйствительно, съ этой минуты, ни на шагъ не отходя отъ кровати больного, Фужерель заботливо ухаживалъ за своимъ другомъ. Онъ часто читалъ вслухъ, чтобы развлечь Малепера. Иногда, сидя у кровати, мучимый сомнѣніями и грустными предчувствіями, Фужерель по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ въ окно, самъ не сознавая, что дѣлаетъ. Иногда тяжелые шаги прусскихъ солдатъ, идущихъ по улицѣ, заставляли его очнуться, вызывая какое-то странное чувство боли въ его сердцѣ. Случалось, Малеперъ, услышавъ шумъ на улицѣ, спрашивалъ:

— Что это?.. Откуда этотъ шумъ.

— Не обращай на это вниманія, отвѣчалъ тогда Фужерель, смотрѣвшій на улицу, — это... рабочіе идутъ на фабрику! лгалъ старикъ, чтобы не причинять горя своему другу.

Да, незавидно было положеніе двухъ старыхъ героевъ въ чужомъ городѣ, въ маленькой гостинницѣ котораго они принуждены были на время искать пріюта. Сколько разъ Фужерель, сидя у окна, а Малеперъ, лежа больной въ постели, думали о томъ, какъ не уютно здѣсь, среди чужихъ, непонимающихъ ихъ языка, непонимающихъ ихъ желаній, несочувствующихъ ихъ стремленіямъ! За то, сколько разъ повторяли они, какъ имъ дорога родина, родной уголъ, среди своихъ, гдѣ каждый ихъ знаетъ, гдѣ все, даже цвѣты, кажется, улыбаются своему человѣку!

Болѣзнь Малепера усиливалась съ каждымъ днемъ. Старикъ страшно исхудалъ за послѣдніе дни. Глаза его горѣли какимъ-то страннымъ огнемъ; блѣдное лицо, впалыя щеки, изнуренный видъ—все это дѣлало его непохожимъ на того улыбающагося старика-капитана, котораго привыкли видѣть жители Вернона на прогулкѣ и въ кафе, на углу узенькой улицы, ведущей въ церковь. Бѣдный старикъ лежалъ безъ сознанія. Въ бреду онъ произносилъ какія-то слова, разсказывалъ о какихъ-то сраженіяхъ, но во всемъ этомъ не было никакой связи. Утомленный разсказами и лихорадочными движеніями рукъ, Малеперъ впадалъ въ глубокое забытье: онъ лежалъ, тяжело дыша, не двигаясь, совсѣмъ лишенный силъ... Бѣдный Фужерель, не зная, какъ помочь своему товарищу, всматривался въ его лицо, сохранившее и въ эти послѣднія минуты слѣды мужской красоты. Голова Малепера просилась на полотно: это была голова стараго героя, съ чисто французскими чертами, въ которыхъ нетрудно было прочесть всѣ качества стараго воина: неустрашимую храбрость, честность, силу воли и безпредѣльную любовь и преданность своей родинѣ...

— Бѣдный другъ, шепталъ Фужерель,—на то ли ты родился, чтобъ умирать среди чужихъ?..

Крупныя слезы, катившіяся по щекамъ старика, были лучшимъ доказательствомъ ихъ искренней дружбы.

Однажды, среди глубокой ночи, Фужерель по обыкновенію сидѣлъ у стола и читалъ французскую книгу, купленную днемъ. Малеперъ послѣ дневныхъ страданій спалъ тяжелымъ сномъ. Время отъ времени губы его шевелились, произнося какія-то угрозы, какія-то названія, изъ которыхъ, впрочемъ, Фужерель, жадно прислушивающійся къ малѣйшему шороху за занавѣскою, ничего не могъ понять. Фужерель подошелъ къ кровати Малепера. Больной вдругъ проснулся, присѣлъ на кровати, опираясь одною рукой о подушки и вытянувъ другую, онъ указывалъ пальцемъ на стѣну... Мутные глаза его искали чего-то, губы шевелились, но отъ волненія онъ не могъ произнести ни слова. Наконецъ, едва слышнымъ голосомъ онъ пробормоталъ:

— Фужерель!.. Сними это! сними!.. Прошу тебя... я не могу на это смотрѣть... я не хочу этого видѣть!..

Фужерель подошелъ къ больному, старался его успокоить и ласковымъ тономъ спросилъ:

— Что съ тобой? скажи, чего ты хочешь?

— Сними это, оно меня мучитъ, произнесъ Малеперъ, указывая на стѣну, гдѣ висѣли двѣ картинки, въ желтыхъ деревянныхъ рамкахъ.

Фужерель еще раньше замѣтилъ ихъ, но не посмотрѣлъ, что на нихъ изображено. Это были два рисунка лубочной работы; одинъ представлялъ конецъ сраженія у Лейпцига, на другомъ было нарисовано пораженіе и бѣгство французовъ у Ватерлоо.

— Сними это! повторялъ Малеперъ. — Это ложь! У нихъ нѣтъ нашего знамени, они не могли его взять! Мы его въ землю зарыли... ты пом-

пишь это, Фужерель... Я тебѣ говорю, что они не могли его найти!.. Эти рисунки врутъ, врутъ безсовѣстно... ты самъ знаешь, что они врутъ!..

Малеперъ вдругъ конвульсивно завертѣлся на кровати: онъ хотѣлъ сорвать ненавистныя картинки, но, лишившись чувствъ, упалъ пластомъ издавая протяжный, болѣзненный стонъ. Фужерель заботливо уложилъ его въ постель, накрылъ одѣяломъ и прислушивался къ его дыханію. Потомъ, желая угодить товарищу, онъ снялъ обѣ картинки и положилъ ихъ на столъ.

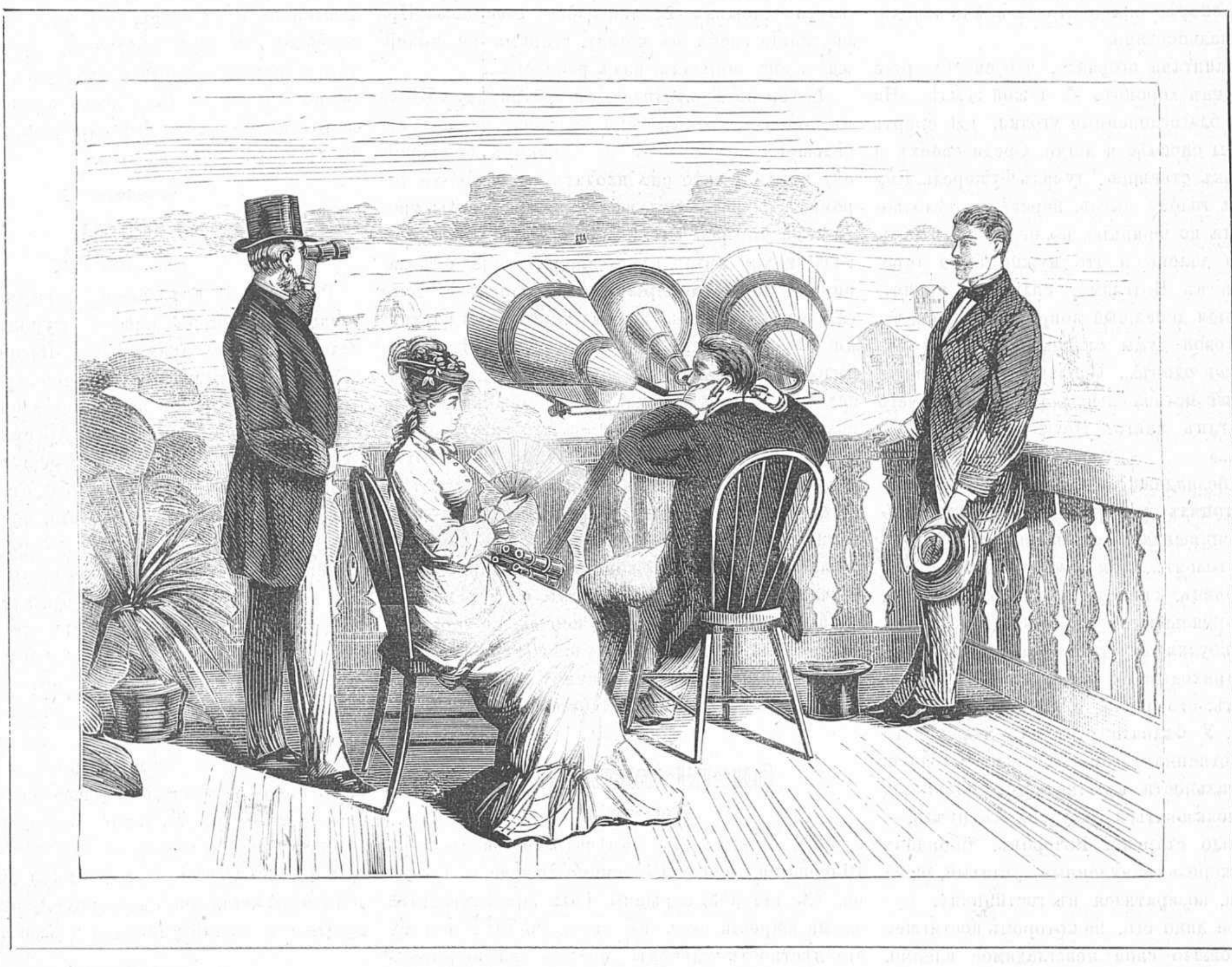
Малеперъ спалъ два часа подъ рядъ, не проснувшись ни разу.

Когда Фужерель, желавшій освѣдомиться, спитъ-ли больной, подошелъ къ его кровати, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ Малепера озирающагося кругомъ спокойными, грустными глазами. Это сильно обезпокоило его. Малеперъ призвалъ своего друга, и ровнымъ, хотя слабымъ голосомъ, сказалъ:

обѣтованная земля, но не каждому суждено ее увидѣть. Я чувствую, что мнѣ придется здѣсь остаться... Моя судьба, видно, ужь такая: мнѣ суждено сложить голову подъ чужимъ небомъ. Помнишь, Фужерель, какъ въ Майнцѣ чуть чуть не умеръ я отъ ранъ въ госпиталѣ... Одно только досадно, что приходится такъ глупо умереть, не исполнивъ своего долга... Тебѣ счастье, Фужерель, ты будешь тамъ... Ахъ, какъ я тебѣ завидую... Какъ хочется видѣть его, какъ хочется отнять его, если они дѣйствительно его украли. У меня теперь только одна просьба къ тебѣ, добрый другъ. Слушай, Фужерель. Напрасно ты меня обнадеживаешь, я знаю, что мнѣ скоро придется съ тобою разстаться... Въ наши лѣта малѣйшій вѣтеръ разбиваетъ такой хламъ, какъ мы, хотя прежде и умѣли мы бороться съ ураганами... Вотъ видишь, Фужерель, когда все это кончится, когда меня ужь не будетъ, ты долженъ ѣхать одинъ въ Потсдамъ, ты одинъ долженъ

Въ маленькой комнаткѣ водворилась ничѣмъ не прерываемая тишина. Малеперъ съ каждою минутою чувствовалъ себя хуже и хуже. Фужерель не скрывалъ передъ товарищемъ, какъ тяжело ему разставаться съ нимъ на всегда: слезы были сильнѣе стараго воина. Малеперъ съ каждою секундою дѣлался слабѣе: онъ ужь не могъ говорить. Рано утромъ на слѣдующій день, когда первые лучи солнца коснулись земли, Фужерель стоялъ на колѣняхъ у трупа своего отошедшаго въ вѣчность товарища.

Фужерель никогда не забылъ послѣднихъ словъ своего покойнаго друга: они врѣзались ему въ память; онъ, казалось ему, слышал ихъ постоянно въ малѣйшемъ шумѣ на улицѣ; среди глубокой ночи, оставаясь одинъ съ своими воспоминаніями, онъ слышалъ ихъ такъ, какъ будто кто-нибудь повторялъ ихъ въ его спальнѣ... Малеперъ, казалось ему, сильнѣе его любилъ родину, больше выстрадалъ, чѣмъ онъ...

Мегафонъ.

— Какъ ты добръ, другъ мой! По моей милости ты сталъ теперь сидѣлкою. Не сердись за это на меня... Впрочемъ, другъ мой, это скоро кончится: не долго тебѣ няньчится съ больнымъ. Конецъ близокъ..

— Ахъ, ты вѣчно острилъ... Даже и ночью вздумалъ шутить!.. Только, скажу тебѣ по правдѣ, эта шутка не у мѣста! преодолѣвая душившія его слезы, старался смѣяться Фужерель.

— Нѣтъ, другъ мой, это не шутка, грустно отвѣчалъ Малеперъ.—Я чувствую, что конецъ близокъ... Чтожъ дѣлать? Не отъ насъ это зависитъ... Ахъ! добрый мой другъ, если съ кѣмъ жаль мнѣ разстаться, если жаль кого бросить на всегда, будь увѣренъ, что только тебя одного...

— Рано еще жалѣть, Малеперъ, рано, старался въ прежнемъ духѣ говорить Фужерель.— Вотъ видишь, тебѣ лучше теперь, а десяти дней не пройдетъ и мы будемъ въ Потсдамѣ! Слышишь, чортъ возьми, въ Потсдамѣ!

— Да, да, покачалъ головою Малеперъ,—это

исполнить то, въ чемъ помочь тебѣ я ужь не могу.. Вырви ты у нихъ наше знамя и перевези его во Францію; а когда оно будетъ у тебя въ рукахъ, когда будетъ твоимъ, нашимъ, возвратись на то мѣсто, гдѣ сложишь мои старыя кости и, ударивъ ногою въ могилу твоего вѣрнаго друга, скажи только: Малеперъ, знамя отнято! а я, клянусь, услышу тебя!

Послѣднія слова старика-капитана, произнесенныя торжественнымъ тономъ среди ночной тиши, казались звуками, исходящими изъ міра духовъ. Фужерель, котораго душили слезы, не могъ ни слова произнести: онъ дрожалъ какъ осиновый листъ. Послѣ минутнаго молчанія, Малеперъ спросилъ:

— Фужерель, ты даешь мнѣ это обѣщаніе. Правда?

Фужерель выпрямился во весь ростъ и, пожимая руку Малепера, рѣшительнымъ и звучнымъ голосомъ произнесъ:

— Клянусь, будетъ по твоему!

Картина послѣднихъ минутъ жизни Малепера, какъ живая, воскресала передъ нимъ и во снѣ, и на яву. Онъ все видитъ своего друга, сидящимъ на кровати, съ рукою протянутой по тому направленію, гдѣ висѣли двѣ картины, онъ слышитъ слова Малепера:

— Нѣтъ, нѣтъ... Это ложь!.. Ихъ слишкомъ много было!.. Знамя!.. Наше знамя!

Послѣ этихъ словъ его друга не стало...

Боже мой, какъ грустно оставаться одному на свѣтѣ: послѣдній, единственный другъ оставилъ Фужереля! Его жизнь разбилась. Смерть уносила лучшую ея половину. Фужерель долго всматривался въ лицо дорогого покойника. Лампа горѣла на столѣ. Солнце заглядывало въ окно. Фужерель не замѣтилъ, что день наступилъ, что лампа не нужна. Герой-воинъ былъ убитъ горемъ...

Кто-то постучался въ дверь. Фужерель машинально произнесъ обычное: «Войдите!» На порогѣ появился докторъ.

— Какъ-же? лаконически спросилъ онъ.

Фужерель, вмѣсто отвѣта, указалъ на кровать.

Докторъ произнесъ только какое-то односложное слово, въ родѣ а-а! и осмотрѣлъ покойника.

— Не въ моихъ силахъ было спасти его... Если хотите воспользоваться моими услугами, я готовъ предложить ихъ вамъ. Погребеніе и всѣ необходимыя формальности, я могу взять на себя... Вамъ самимъ не легко будетъ съ этимъ справиться...

Докторъ, никогда въ жизни не измѣнявшій своей строгости и холодности, и теперь говорилъ любезно, но спокойно. Это раздражало Фужереля. Въ первую минуту ему хотѣлось вытолкать доктора за дверь, но, опомнившись и разсудивъ, что ученый нѣмецъ не имѣлъ никакой причины волноваться и ничѣмъ его не обидѣлъ, а напротивъ, предложилъ ему свои услуги,—Фужерель принялъ предложеніе, поблагодарилъ доктора и съ нимъ вмѣстѣ отправился въ городъ, чтобъ какъ можно скорѣе покончить со всѣми необходимыми формальностями.

Стараго капитана огорчало, что своего друга онъ принужденъ хоронить въ чужой землѣ... «На родинѣ есть благословенные уголки, гдѣ смерть показалась бы сноснѣе и легче. Среди своихъ и смерть не такъ страшна», думалъ Фужерель. Ему приходила въ голову мысль, перевезти тѣло покойнаго друга во Францію, но, не говоря о томъ, что это было далеко и что нужно было торопиться ѣхать въ Потсдамъ, сильнымъ препятствіемъ являлся денежный вопросъ... «Впрочемъ, заканчивалъ свои думы старикъ-воинъ, не будетъ онъ здѣсь одинъ!... Сколько тутъ нашихъ товарищей уже погибло... и для чего, для чего погибло ихъ такъ много? Неужели свѣту безъ нихъ лучше?...»

Фужерель безнадежно махнулъ рукою. Казалось, онъ отгонялъ тысячи неразрѣшимыхъ вопросовъ, тѣснившихся, сталкивающихъ другъ друга въ его головѣ... При помощи доктора, ему удалось, наконецъ, къ вечеру обдѣлать всѣ необходимыя формальности; онъ бѣгалъ по всѣмъ улицамъ и закоулкамъ, отыскивалъ канцеляріи, въ каждой приходилось разспрашивать о разныхъ мелочахъ; его плохо, а иногда и совсѣмъ не понимали. У бѣднаго старика, огорченнаго потерею единственнаго друга, кружилась голова. Всѣ эти формальности, крючкотворы чиновники, желающіе попользоваться при удобномъ случаѣ,— все это бѣсило старика. Вечеромъ, окончивъ всѣ дѣла, Фужерель, измученный, усталый, едва двигая ногами, возвратился въ гостинницу. Суровое, блѣдное лицо его, на которомъ постигшее его горе наложило свое неизгладимое клеймо, было красиво тою красотою, которой описать невозможно: эта красота свойственна людямъ много выстрадавшимъ и много передумавшимъ. На вопросъ горничной, не приготовить-ли ему постели въ другой комнатѣ, Фужерель отвѣчалъ:

— Благодарю, я здѣсь останусь.

Фужерель до утра просидѣлъ, не ложась ни на минуту. Не смотря на усталость, онъ не былъ въ состояніи уснуть: сонъ бѣжалъ отъ него. Бѣдный старикъ вспоминалъ прошлое: картины военной жизни, потомъ мирный уголокъ въ Вернонѣ, малѣйшія подробности изъ жизни покойнаго друга,—все это ярко обрисовывалось и воскресало въ его памяти. Сколько несбыточныхъ мечтаній, сколько геройскихъ порывовъ, сколько желаній, надеждъ, сколько любви—и все это пропало, всего этого нѣтъ! Остался только бездыханный трупъ, безчувственное тѣло... «Да, жизнь глупая, скверная штука!» почти вслухъ проговорилъ капитанъ.

Насталъ день, а Фужерель все думалъ о своемъ другѣ: онъ не могъ свыкнуться, примириться съ мыслью, что онъ остался одинъ, что другъ покинулъ его навсегда... Погода стояла скверная: дождь и грязь даже дѣловыхъ людей задерживала дома. Фужерель съ поникшею головою шелъ одинъ за гробомъ своего товарища. Онъ ничего не видѣлъ, что происходило около него. Нельзя было, однако, не замѣтить, что прохожіе не снимаютъ шляпъ передъ покойникомъ. Фужерель невольно обратилъ на это вниманіе.

«Они и не знаютъ, что это ты лежишь въ гробу, мой бѣдный Малеперъ, думалъ старикъ. Не то во Франціи: тамъ проводили бы тебя съ честью... Что-жъ дѣлать? Я здѣсь... ты долженъ и этимъ довольствоваться»...

На улицѣ часто раздавались голоса прохожихъ, обращавшихъ вниманіе на сѣдую открытую голову стараго воина, провожавшаго черный гробъ, безъ всякихъ украшеній.

— Французъ, говорили они.

Вдали отъ мраморныхъ памятниковъ, въ самомъ отдаленномъ углу богатаго кладбища, подъ тѣнью старыхъ деревьевъ, у самаго забора, Фужерель сложилъ останки своего товарища... При опусканіи гроба въ могилу, старикъ не выдержалъ: онъ зарыдалъ, какъ ребенокъ...

Фужерель возвратился въ гостинницу. Входя въ комнату, которая ему казалась прежде небольшой, онъ нашелъ ее слишкомъ обширной: ему чудилось, что онъ входитъ въ какой-то огромный склепъ... Онъ посмотрѣлъ кругомъ: кровать, на которой умеръ Малеперъ, приняла тотъ видъ, какой имѣла въ то время, когда онъ нанималъ этотъ номеръ. Тѣ же занавѣси, тоже самое одѣяло, тѣ же подушки, даже двѣ картинки занимали опять свое мѣсто на стѣнѣ... Этого было слишкомъ... Фужерель сорвалъ ихъ, бросилъ на полъ и, съ какимъ-то бѣшенымъ удовольствіемъ, успокоивающимъ его разстроенные нервы, сталъ топтать ихъ ногами. Нѣсколько успокоившись, онъ велѣлъ спросить, сколько съ него слѣдуетъ. Подали счетъ. Фужерель, уплативъ по счету, спросилъ сколько онъ долженъ возвратить за уничтоженныя имъ картинки и сейчасъ же заплатилъ. Хозяинъ, не церемонясь, объявилъ двойную цѣну, Фужерель, не торгуясь, съ какимъ-то страннымъ удовольствіемъ положилъ на столъ требуемую сумму...

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Солнечный восходъ надъ Риги.

(Рис. стр. 245).

Риги — одна изъ замѣчательнѣйшихъ горъ Швейцаріи, между кантонами Швица и Люцерна. Съ главной вершины Риги представляется самый широкій видъ на окрестности и потому эта мѣстность наиболѣе посѣщается иностранцами, желающими вполнѣ насладиться видами горной природы. Риги, поднимаясь то отлогими террассами, то обрывистыми утесами, стоитъ одиноко, отдѣльно отъ другихъ горъ, омываемая съ южной и западной сторонъ Фирвальдштетскимъ озеромъ, а съ сѣверной и восточной стороны Цугскимъ и Ловерцкимъ озерами. Высшій пунктъ Риги, носящій названіе Ригикульмъ, доходитъ до 1,800 метровъ надъ поверхностью моря и 1,363 метровъ надъ поверхностью Фирвальдштетскаго озера. Здѣсь находятся три гостинницы, построенныя въ 1848, 1856 и 1873 годахъ На юговостокѣ отъ этой вершины находится Ротштокъ (1,663 метра надъ поверхностью моря), а между ними лежитъ Штаффель (1,594 метра надъ поверхностью моря), гдѣ есть лечебное заведеніе для пріѣзжающихъ. Вообще въ окрестностяхъ Риги природа очень хороша и здорова, вслѣдствіе чего здѣсь построено въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько лечебныхъ заведеній. До постройки желѣзной дороги, на Риги взбирались пѣшкомъ, на что требовалось 3 или 4 часа. Такъ какъ число иностранцевъ, посѣщавшихъ Риги, доходило до 40,000 въ годъ, то рѣшились построить желѣзную дорогу на гору. Теперь здѣсь имѣется нѣсколько линій желѣзныхъ дорогъ и эти дороги принадлежатъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ сооруженій, такъ какъ поѣзду приходится спускаться на небольшомъ пространствѣ съ значительной вышины внизъ и наоборотъ. При подъемѣ на Риги и при спускѣ съ горы поѣздъ состоитъ только изъ локомотива и пассажирскаго вагона; вагонъ не слѣдуетъ за локомотивомъ, а идетъ впередъ на гору, не будучи прикрѣпленъ къ ломомотиву; зубчатыя колеса помогаютъ поѣзду не скользить по рельсамъ, а захватываться зубцами за зубцы дороги; особыя приспособленія могутъ останавливать поѣздъ мгновенно. Съ Риги можно осматривать мѣстность, которую можно бы обойдти только въ 80 часовъ; на западъ отсюда видна Юра, на сѣверо-востокъ видно до Шварцвальда, на юго-западъ, на югъ и на юго-востокъ видно до бернскихъ, унтервальденскихъ и урнскихъ Альпъ, всего 11 кантоновъ и 13 озеръ. Это, быть можетъ, единственная въ мірѣ мѣстность, представляющая такую широкую и разнообразную панораму. Особенно хорошъ на Риги восходъ солнца, заливающаго своими лучами всѣ окрестныя, то зеленыя, то покрытыя снѣгомъ горы.

Ифигенія.

(Рис. стр. 253).

Рисунокъ В. Каульбаха, помѣщенный въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала, служитъ иллюстраціей къ драмѣ Гёте: «Ифигенія въ Тавридѣ» и изображаетъ ту сцену третьяго акта драмы, когда Орестъ встрѣчается со своею сестрою Ифигенiей въ храмѣ Артемиды, преслѣдуемый Евменидами, напоминающими ему о совершенномъ имъ преступленіи. Евмениды, эти олицетворенные упреки совѣсти, постоянно преслѣдуютъ его за то, что онъ убилъ свою мать, отмщая ей за своего отца; среди этихъ мученій, онъ попадаетъ въ Тавриду (Крымъ), въ храмъ Артемиды, гдѣ жрицею служитъ его сестра, обязанная приносить въ жертву богинѣ каждаго иноземца, заходящаго сюда. Сестра хочетъ спасти брата, но онъ, мучимый упреками совѣсти, готовъ умереть, такъ какъ для него жизнь страшнѣе смерти. Сестрѣ удается уговорить его и, въ концѣ концовъ, онъ рѣшается бѣжать вмѣстѣ съ нею изъ Тавриды. В. Каульбахомъ, по обыкновенію, превосходно переданы классическія фигуры Ореста и Ифигеніи и хорошо схвачены выраженія лицъ Евменидъ, терзающихъ душу Ореста своими упреками и угрозами.

О морской болѣзни.

(Ст. **Оскара Кометана**).

Если вы, читатель, когда либо совершали длинный переѣздъ по морю и страдали при этомъ отъ морской болѣзни, вы согласитесь со мною, что это одна изъ самыхъ непріятнѣйшихъ болѣзней. Характеристическими симптомами ея служатъ: глубокое уныніе, полнѣйшее равнодушіе къ себѣ самому и всему окружающему, наконецъ, непобѣдимое отвращеніе къ пищѣ и особенно къ блюдамъ, наиболѣе любимымъ въ здоровомъ состояніи.

Такъ какъ за рѣдкими исключеніями морская болѣзнь исчезаетъ послѣ нѣсколькихъ дней перехода, и такъ какъ она, даже для тѣхъ, кто сильнѣе и дольше другихъ страдаетъ ею, не представляетъ никакой опасности, о ней забываютъ тотчасъ же по выздоровленіи. Мало того, всегда найдутся охотники весело посмѣяться надъ вынесшими этотъ непріятный недугъ.

Въ самомъ дѣлѣ, на нѣкоторыя болѣзни, причиняющія немало страданія, окружающіе смо-

тритъ какъ бы шутя, хотя самому больному вовсе не до шутокъ. Эти болѣзни слѣдовало бы назвать, если читатели позволятъ мнѣ употребить столь несообразное выраженіе,—комическими болѣзнями человѣчества. Дѣйствительно, иногда бываетъ трудно удержаться отъ смѣха здоровому при видѣ сценъ, являющихся результатомъ морской болѣзни въ первые дни плаванія. Движеніе корабля необходимо должно не одинаково дѣйствовать на различные организмы. Каждый боленъ по своему, и проявленія морской болѣзни столь же разнообразны, какъ разнообразны отдѣльные индивидуумы.

Бросимъ взглядъ на подвижную сцену, называемую кораблемъ и посмотримъ на драматическихъ актеровъ, противъ желанія разыгрывающихъ на ней свою печальную роль.

Въ минуту отъѣзда, и экипажъ, и пассажиры, всѣ на палубѣ. Лица оживленныя, улыбающіяся, каждый вызываетъ на бой стихіи, и если говорятъ о морской болѣзни, то только для смѣху. Люди, ѣдущіе въ первый разъ, которые, слѣдовательно, не испытали морской болѣзни, расположены смѣяться болѣе другихъ. Многіе хвастаются, что не подвержены морской болѣзни, на томъ основаніи, что ѣздили въ каретѣ, сидя спиною къ лошадямъ, или катались въ лодкѣ по рѣкѣ.

Около этихъ скептическихъ насмѣшниковъ, которые черезъ нѣсколько часовъ будутъ лежать совершенно уничтоженные, съ потускнѣвшими глазами, желтымъ лицомъ, головой, склоненной какъ громадный лимонъ, на своемъ стеблѣ; стоитъ опытный путешественникъ; онъ, съ улыбающимся видомъ, вынимаетъ часы и говоритъ:

— Два часа, вѣтеръ зюдъ-зюдъ-вестъ; теперь я пока здоровъ, но часамъ къ четыремъ или пяти я буду боленъ, сильно боленъ, страшно боленъ и у меня только достанетъ времени пойти сдѣлать всѣ нужныя распоряженія и поѣсть чего нибудь.

— А, милостивый государь, вы подвержены морской болѣзни? спрашиваетъ ироническимъ тономъ человѣкъ лѣтъ сорока, небольшого роста съ свѣтло-голубыми живыми глазками, съ длинными, заботливо нафабренными усами.

— Ахъ, Богъ мой! да, безъ сомнѣнія, отвѣчаетъ опытный путешественникъ,—и я къ тому же въ худшемъ положеніи, чѣмъ другіе, потому что предвижу свои страданія съ отчетливой ясностію астронома, возвѣщающаго затмѣніе. Вѣроятно, мѣрное колебаніе волнъ, какъ выражаются поэты, которые, къ сожалѣнію, пишутъ стихи не въ каютѣ при зюдъ-зюдъ-вестѣ, не производитъ на васъ никакого дѣйствія?

— Полагаю, что не произведетъ. Я плотно сложенъ, устойчивъ на ногахъ, не подверженъ головокруженію и обладаю исправнымъ желудкомъ, а морская болѣзнь, какъ мигрень и обмороки—привилегія женскаго пола, готоваго пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы показаться въ интересномъ видѣ.

— А вы, безъ сомнѣнія, на столько любезны, что не желаете отнять у дамъ частицу наслажденія ихъ привилегіей?

— А главное, я на столько здоровъ.

— И такъ, милостивый государь, желаю вамъ пребывать въ вожделѣнномъ здравіи. А мнѣ позвольте воспользоваться короткими минутами, остающимися до начала моей болѣзни.

— Сдѣлайте одолженіе; честь имѣю кланяться.

Спустя два часа послѣ этого разговора, веселая физіономія маленькаго человѣчка, съ нафабренными усами, вытягивается. Онъ блѣднѣетъ, становится молчаливымъ, отвѣчаетъ односложными словами, подноситъ руку ко лбу, какъ бы отгоняя дурныя мысли. Вотъ онъ испускаетъ глубокій вздохъ и громовымъ голосомъ кричитъ:

— Человѣкъ, чашку!

— Нѣтъ ни одной свободной.

— Хорошо, хорошо, безъ нея обойдусь.

Увы! какъ-то онъ обойдется?

Море, вмѣсто того, чтобы успокоиться, становится все бурнѣе; волны, величиною съ небольшія горы, играютъ кораблемъ, подкидываютъ его съ одной стороны на другую, съ носа на корму, происходитъ килевая качка, столь вредная для чувствительнаго желудка. Маленькій человѣчекъ кричитъ на этотъ разъ уже съ отчаяніемъ:

— Человѣкъ, я-же просилъ чашку!

— Сію минуту! пошли за новыми, сейчасъ принесутъ!

— Сію минуту будетъ поздно, отвѣчаетъ глухимъ голосомъ онъ, еще недавно хваставшійся, что у него очень исправный желудокъ; лицо его изъ желтаго уже становится зеленымъ.

Вотъ идетъ больной, которому болѣзнь не мѣшаетъ ни говорить, ни ѣсть. Онъ прогуливается по мостику, разговариваетъ о политикѣ, философіи, торговлѣ, религіи, о стучащихъ духахъ; только время отъ времени онъ проситъ васъ извинить его на минуту, уходитъ въ подвѣтренную сторону и возвращается продолжать разговоръ. Онъ страдаетъ отъ морской болѣзни, какъ другіе отъ насморка.

Нѣкоторые больные горько раскаяваются, что поѣхали по морю. Они готовы отдать все свое состояніе, лишь бы пристать къ берегу, будь то хотя островъ Робинзона Крузо. Тотъ, по крайней мѣрѣ, не страдалъ отъ морской болѣзни. Такой больной умоляетъ своихъ друзей, капитана, юнгу, повара, горничную, весь экипажъ выбросить его за бортъ во имя страдающаго человѣчества. Жалобы его выслушиваютъ спокойно, насвистывая мотивъ польки, или предлагаютъ ему кусокъ ветчины, или сардинку въ маслѣ, которыхъ онъ съ отвращеніемъ отталкиваетъ.

Не менѣе заслуживаетъ наблюденія больной, скрывающій изъ самолюбія свои мученія. Все въ немъ говоритъ о страданіи: онъ блѣденъ, черты лица сильно измѣнились, глаза сдѣлались больше и ушли глубже; у него неповоротливый языкъ, бѣлыя десны, а онъ всѣхъ увѣряетъ, что совершенно здоровъ, и что морская болѣзнь не болѣе, какъ игра воображенія. Ѣстъ онъ очень мало, но старается увѣрить всѣхъ, что у него страшный апетитъ и жалуется, что пассажирамъ полагается только четыре ѣды въ день.

Женщины болѣе подвержены морской болѣзни, чѣмъ мужчины, дѣти же страдаютъ ею очень рѣдко. Однакожъ, мнѣ приходилось видѣть молодыхъ мужчинъ, крѣпкихъ, здоровыхъ, до такой степени страдавшихъ отъ морской болѣзни во все время плаванія, что они по цѣлымъ недѣлямъ не принимали никакой пищи; въ то же время молодыя, нѣжныя дамы, нечувствительныя къ качкѣ, читали, вышивали, пѣли, танцовали, кокетничали и не пропускали ни одной ѣды. Мнѣ приходилось тоже видѣть дѣтей, страдавшихъ отъ морской болѣзни, и даже грудныхъ; впрочемъ, послѣднія страдали въ томъ случаѣ, когда кормилица сама заболѣвала отъ качки.

Морская болѣзнь не щадитъ тоже и животныхъ. Ничего не можетъ быть комичнѣе жалкаго состоянія барановъ, свиней, куръ, утокъ и индюковъ въ началѣ плаванія при довольно сильномъ вѣтрѣ. Для сохраненія равновѣсія, они гнутся на право, когда корабль идетъ на лѣво, и на лѣво, когда корабль перегибается на право. Всѣ они стоятъ на одномъ и томъ же мѣстѣ и для поддержанія равновѣсія качаются такъ усердно и правильно, что можно ихъ принять за труппу отлично выдрессированныхъ животныхъ.

Самый смѣшной изъ всѣхъ—индюкъ. Мясистые, зубчатые наросты и ярко красный гребешокъ, украшающіе голову почтенной птицы, въ морѣ дѣлаются блѣдными и вялыми. Индюкъ смотритъ на васъ и не видитъ. Вы грозите ему, онъ не сходитъ съ мѣста, а только качается. Время отъ времени онъ закрываетъ одинъ глазъ, не спуская съ васъ другого и не видя васъ. Иногда онъ поднимаетъ одну ногу, закрывая тоже одинъ глазъ; но въ этомъ положеніи качка дѣйствуетъ на него еще сильнѣе, и онъ быстро принимаетъ свое прежнее положеніе. Индюкъ, какъ и всѣ другія животныя, отказывается отъ пищи во время болѣзни. Морская болѣзнь постепенно ослабѣваетъ, животныя возрождаются къ жизни, начинаютъ ѣсть. Это бываетъ на третій или четвертый день путешествія.

Много было сдѣлано опытовъ, но и до сихъ поръ еще ищутъ средства противъ морской болѣзни и не нашли его. Изъ всѣхъ пальятивныхъ средствъ, самое дѣйствительное и самое пріятное—шампанское. Его пьютъ для возстановленія силъ послѣ болѣзни, но, разумѣется, такимъ дорогимъ лекарствомъ могутъ пользоваться только люди богатые.

Совершенно основательно говорятъ, что на судахъ большой вмѣстимости, качка не столь чувствительна, какъ на малыхъ; меньше страдаютъ отъ нея на парусныхъ, чѣмъ на паровыхъ.

На пароходахъ, къ другимъ неудобствамъ, присоединяется еще постоянное дрожаніе отъ машины, которое нисколько не мѣшаетъ ни боковой, ни килевой качкѣ, и влечетъ за собой головную боль. Одинъ запахъ горѣлаго масла, когда вѣтеръ гонитъ его на васъ, можетъ причинить морскую болѣзнь, даже у самой морской свинки.

Тѣмъ не менѣе, если вамъ предстоитъ длинное морское путешествіе, я вамъ совѣтую отправляться на пароходѣ, а не на парусномъ суднѣ, потому что изъ всѣхъ морскихъ неудобствъ самое большое—оставаться долго въ морѣ.

Томасъ Эдисонъ.

«Нѣтъ, невозможно допустить, чтобы одинъ человѣкъ способенъ былъ въ такое короткое время, совершить такъ много изобрѣтеній и еще такихъ, въ возможность которыхъ едва-ли бы повѣрили нѣсколько лѣтъ тому назадъ!» Эти слова можно было нерѣдко услышать отъ закоренѣлыхъ скептиковъ, когда имъ случалось читать о новыхъ изобрѣтеніяхъ Эдисона, необычайно быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ. «Вѣроятно, существуетъ нѣсколько Эдисоновъ, продолжали скептики;—случаю угодно было, чтобы нѣкоторые изъ нихъ одновременно явились изобрѣтателями, а молва приписываетъ ихъ всѣ одному изъ этихъ Эдисоновъ».

Очень можетъ быть, что въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Англіи найдется нѣсколько человѣкъ, носящихъ фамилію «Эдисона», но изобрѣтатель только одинъ—геніальный Томасъ Эдисонъ, которому теперь отъ роду всего 31 годъ (онъ родился въ февралѣ 1847 года).

Т. Эдисонъ не принадлежитъ къ числу баловней фортуны. Напротивъ, для него, какъ и для многихъ выдающихся личностей, фортуна вначалѣ была злою мачихою. Родители Т. Эдисона, люди бѣдные, жили въ штатѣ Огайо и занимались земледѣліемъ. Они не имѣли средствъ дать сыну блестящаго образованія; окончивъ курсъ въ элементарной школѣ, Томасъ, имѣя отъ роду всего 11 лѣтъ, не желая обременять своихъ недостаточныхъ родителей, сталъ самъ добывать себѣ насущный хлѣбъ. Черезъ его родной городъ, Миланъ, пролегаетъ желѣзная дорога; спросъ на газеты здѣсь немаловажный и Томасъ сдѣлался разносчикомъ газетъ. Торгуя, онъ продолжалъ учиться, но самъ, безъ пособія учителей, потому что получалъ слишкомъ ничтожные доходы отъ своего промысла и, слѣдовательно, ему нечѣмъ было платить за уроки.

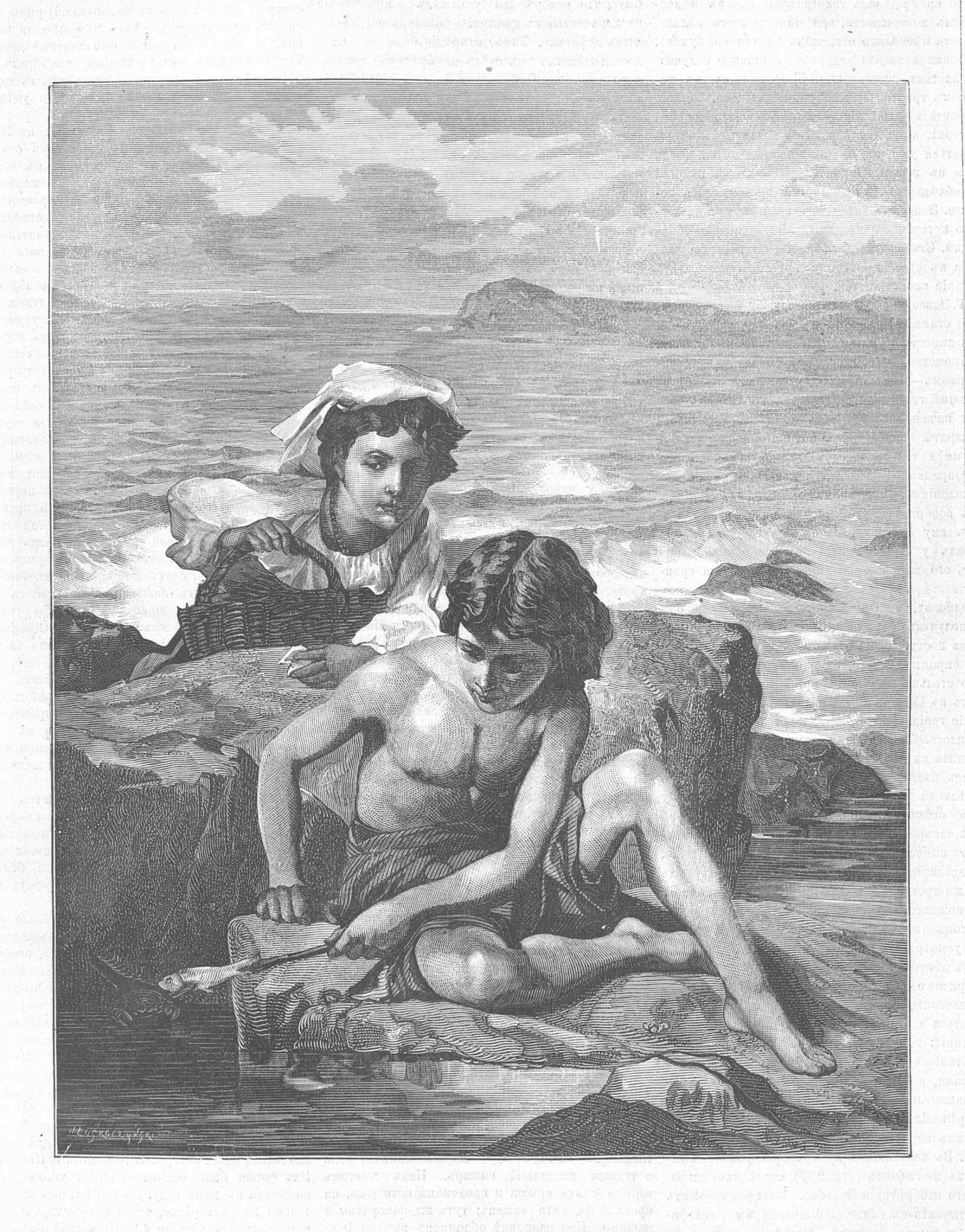
Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Неустанно ра-

ПАРИЖСКАЯ ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА.

Кабильскіе башмачники.

Картина А. ЖУРДАНА.

Дѣти-рыбаки въ Италіи.

боталъ мозгъ мальчика и юноши, жаждавшаго выбиться изъ жалкой колеи полуголоднаго человѣка. Много страдалъ онъ, много провелъ безсонныхъ ночей, все думалъ, думалъ и наконецъ, выдумалъ... продавать листокъ собственнаго изданія. Эдисонъ добылъ типографскихъ буквъ; насаживая ихъ на вращающійся валикъ, онъ въ одно время дѣлалъ типографскій наборъ и достигалъ возможности, при помощи этого валика, дѣлать нѣсколько оттисковъ на моченой бумагѣ. Оттиски выходили недурные, а главное получался листокъ, составленный Т. Эдисономъ, въ которомъ трактовалось о событіяхъ дня. Успѣхъ оправдалъ ожиданія изобрѣтательнаго юноши: листокъ, выходившій разъ въ недѣлю, сталъ продаваться уже въ 700 экземплярахъ. Но... (безъ «но» въ жизни замѣчательныхъ людей никогда не обходится)... жизнь листка продолжалась недолго. Эдисонъ напечаталъ въ немъ скандалезную исторію одной дамы, вліятельной въ околодкѣ. Статья надѣлала шумъ; послѣдовала жалоба въ судъ и Эдисону пришлось прекратить изданіе своего листка.

Т. Эдисонъ поступилъ на службу на телеграфную станцію желѣзной дороги; его спеціальной обязанностію была отправка ночныхъ депешъ. Знакомство съ удивительной силой—электричествомъ—вызвало къ дѣятельности изобрѣтательный геній юноши. Эдисонъ предложилъ своему начальнику устроить новый электрическій аппаратъ, посредствомъ котораго можно бы было, имѣя только одну телеграфную проволоку, одновременно посылать депеши по всѣмъ направленіямъ. Начальникъ былъ не изъ бойкихъ. Онъ вообразилъ, что Эдисонъ спятилъ съума и далъ ему отставку. Одинъ ловкій спекуляторъ укралъ у Эдисона это его изобрѣтеніе; выдавъ его за свое, онъ примѣнилъ его на практикѣ.

Эдисонъ, конечно, протестовалъ и хотя онъ не получилъ удовлетворенія и долженъ былъ снова поступить на службу въ телеграфъ на самое скромное мѣсто, однакожь, дѣло его надѣлало столько шума, что пріобрѣло ему извѣстность въ Соединенныхъ штатахъ. Вскорѣ положеніе геніальнаго изобрѣтателя значительно измѣнилось. Телеграфная компанія «Уніонъ» заключила съ нимъ слѣдующее условіе: Она обязалась платить Эдисону по 100 долларовъ въ недѣлю съ тѣмъ, чтобы имѣть право покупки у него всѣхъ его изобрѣтеній, основанныхъ на силѣ элекричества. Цѣна, которую должна платить компанія за пріобрѣтаемое изобрѣтеніе, опредѣляется особымъ присяжнымъ экспертомъ или же третейскимъ образомъ. Если же компанія не пожелаетъ воспользоваться изобрѣтеніемъ, Эдисонъ имѣетъ право располагать имъ по своему усмотрѣнію.

Съ дѣятельностію Эдисона какъ изобрѣтателя, рядомъ съ которымъ нельзя никого поставить въ настоящее время, наши читатели могли ознакомиться изъ описанія знаменитѣйшихъ его изобрѣтеній: телефона и фонографа,—описаній, напечатанныхъ въ нашемъ журналѣ вмѣстѣ съ рисунками, изображающими эти инструменты. Мы познакомили нашихъ читателей и съ другими изобрѣтеніями геніальнаго американца—элекрическимъ перомъ, люлькокачателемъ, аэрофономъ и пр. Въ настоящемъ нумерѣ представляемъ рисунокъ мегафона (стр. 257), послѣдняго остроумнаго изобрѣтенія Эдисона. Мегафонъ можетъ дѣйствовать въ связи съ фонографомъ и телефономъ, а также отдѣльно. Мегафонъ усиливаетъ звукъ по желанію и потому вполнѣ пригоденъ для глухихъ. Вообще же мегафонъ усиливаетъ самый слабый звукъ на очень большомъ разстояніи.

Изъ послѣднихъ изобрѣтеній Эдисона, обращаетъ также вниманіе «микротазиметръ», инструментъ для вычисленія самомалѣйшихъ движеній. Для этого своего изобрѣтенія, Эдисонъ воспользовался уже не электричествомъ, а свойствами расширенія и сжиманія тѣлъ отъ тепла и холода.

Послѣ телефона и фонографа ничто уже не можетъ казаться невѣроятнымъ. Очень можетъ быть, что вскорѣ мы услышимъ о примѣненіи электричества къ движенію поѣздовъ по желѣзнымъ дорогамъ. Такое открытіе было бы благодѣтельнѣйшимъ изъ всѣхъ изобрѣтеній послѣдняго времени. Оно спасло бы отъ истребленія лѣса тамъ, гдѣ топливомъ въ паровозахъ служатъ дрова, и уменьшило бы расходованіе каменнаго угля, въ огромномъ количествѣ сожигаемаго локомотивами желѣзныхъ дорогъ. Не надо забывать, что и каменно-угольныя копи истощаются и добываніе каменнаго угля представляетъ все большія и большія трудности, потому, что для добычи его приходится углубляться все дальше и дальше, а это сопряжено, какъ съ опасностью для рабочихъ въ копяхъ, такъ и съ значительнымъ возрастаніемъ расходовъ для эксплоатаціи копей.

Новости наукъ и жизни.

— **Взрывъ на патронномъ заводѣ.** 9-го сентября, въ $2^1/_4$ часа дня, на Выборгской сторонѣ, въ снаряжательномъ отдѣлѣ петербургскаго патроннаго завода, что рядомъ съ товарною станціею финляндской желѣзной дороги, въ снаряжательной мастерской, помѣщающейся въ каменномъ одноэтажномъ зданіи, длиною около 30-ти саженъ, гдѣ производится насыпка патроновъ, ихъ вывѣрка, взвѣшиваніе и разоруженіе, произошолъ взрывъ разоруженныхъ патроновъ. Дѣломъ разоруженія занимались женщины подъ надзоромъ техниковъ. Внутренность мастерской представляетъ изъ себя казарму во всю величину флигеля съ двумя выходами: одинъ—въ укупорочное отдѣленіе, а другой—въ узкій коридоръ, ведущій на дворъ. Въ мастерской работало до ста мужчинъ и женщинъ; женщинъ было большинство, такъ какъ мужчины занимаются лишь перетаскиваніемъ ящиковъ съ патронами. Очевидцы о самомъ взрывѣ разсказываютъ такъ: первоначально вспыхнулъ порохъ въ правомъ углу мастерской отъ входа въ укупорочное отдѣленіе, которое отдѣляется каменною стѣною. При первомъ гулѣ взрыва всѣ рабочіе бросились вонъ, въ противоположную сторону мастерской, т. е. къ коридору, такъ какъ въ окна выскочить не было возможности, потому что рамы желѣзныя, а переплеты ихъ всего по пяти вершковъ въ квадратѣ. У дверей и въ самомъ коридорѣ произошла свалка, такъ какъ всѣ хотѣли выскочить скорѣе; нѣкоторыхъ сильно помяли; между тѣмъ, взрывы продолжались, все зданіе наполнилось густымъ пороховымъ дымомъ, такъ какъ силою взрыва разбило многія ближайшія окна; отъ ежеминутно повторявшихся взрывовъ, пламя не прекращалось и какъ огненная пелена висѣло надъ скученными у дверей рабочими, въ духотѣ и темнотѣ не различавшими даже своихъ. Офицеръ, бывшій въ отдѣлѣ и сидѣвшій за конторкою, вылѣзъ въ форточку окна. Отъ постоянныхъ взрывовъ загорѣлись ящики съ разряженными и не разряженными патронами, почему патроны также стали взрываться; рабочіе, успѣвшіе вырваться на свободу, привернули рукава и стали поливать через окна ящики и тушить ихъ. Вызванные по телеграфу пожарные окончательно потушили возникшій пожаръ. Надъ мѣстомъ взрыва снята крыша и проломанъ потолокъ, на протяженіи пяти саженъ; тутъ же попорчены и машины. При раскопкѣ обломковъ вынуто было 17 обгорѣвшихъ труповъ мужчинъ и женщинъ, которыхъ трудно различить—такъ трупы обгорѣли; сверхъ того, до 30-ти человѣкъ помѣщено въ клиническій госпиталь съ болѣе или менѣе тяжкими обжогами и увѣчьями. Причину взрыва съ достовѣрностью еще нельзя опредѣлить, такъ какъ ближайшіе къ мѣсту взрыва рабочіе, всѣ погибли; полагаютъ же, что вспыхнулъ, отъ неосторожности работницъ, порохъ, просыпанный изъ разряженныхъ патроновъ. Такъ какъ всѣ работы въ отдѣлѣ производятся паровою силою, то машина была остановлена лишь чрезъ пять минутъ послѣ взрыва. Къ счастію еще, въ это время въ снаряжательныхъ воронкахъ было мало пороха, почему взрывы, происшедшіе въ нихъ, были очень слабы и ничего не попортили. Взрывы патроновъ продолжались минутъ 20 и вызвали переполохъ даже на станціи финляндской дороги. Трупы убитыхъ такъ обгорѣли, что братъ не могъ найти трупъ сестры, а мужъ узналъ трупъ жены только по клочку ситцевой юбки уцѣлѣвшей на трупѣ.

— **Ужаснѣйшій взрывъ.** Въ Англіи, въ Монмоузширѣ, или въ Южномъ Уэльсѣ, въ старой эберкоргской шахтѣ, принадлежащей къ обществу эббвуэльской каменноугольной и желѣзной промышленности въ Эберкорнѣ, произошелъ страшный взрывъ. Въ первый моментъ опасались было за жизнь 350 человѣкъ, но дѣйствительное число погибшихъ оказывается 280, хотя опасаются, что изъ вынесенныхъ заживо восьмидесяти двухъ многіе должны умереть вслѣдствіе полученныхъ увѣчій. Вскорѣ послѣ полудня, когда 373 человѣка, находившіеся въ утренней смѣнѣ, работали въ шахтѣ, произошелъ страшный взрывъ. Люди, находившіеся при спускѣ наверху шахты, узнали о взрывѣ по грохоту и густому столбу дыма, выходившему изъ шахты вслѣдъ за взрывомъ. Когда несчастье сдѣлалось извѣстнымъ, директоръ копей и другія служащія лица были немедленно же увѣдомлены о случившемся и тотчасъ приняты были мѣры для доставленія помощи рабочимъ, за жизнь которыхъ такъ сильно опасались. Въ числѣ первыхъ спустился въ шахту правительственный инспекторъ; но хаосъ и смѣшеніе были до того велики, что прошло нѣкоторое время, пока можно было приступить къ розысканію труповъ. Взрывъ произвелъ страшное опустошеніе; во время его погибло шестьдесятъ лошадей. Восемьдесятъ два спасенные рабочіе находились на разстояніи около 400 шаговъ отъ дна шахты. Остальные были разбросаны по галереямъ, идущимъ на нѣсколько миль въ разныя стороны.

— **Батумская желѣзная дорога.** Газета «Голосъ» слышала, что въ непродолжительномъ времени предполагается командировка правительственной коммиссіи для изысканія пути къ сооруженію соединительной желѣзнодорожной вѣтви отъ Батума къ поти-тифлисской желѣзной дорогѣ.

— **Желѣзная дорога на Везувій.** Давно задуманная желѣзная дорога на Везувій будетъ вскорѣ совершившимся фактомъ, послѣ того какъ итальянское министерство путей сообщенія одобрило представленный ему банкиромъ Облайтомъ проектъ и выдало концессію. Дорога будетъ канатно-проволочная.

— **Торговля на берегахъ Африки.** Мало кто имѣетъ точное понятіе о развитіи голландской торговли на берегахъ западной Африки, особенно въ странахъ, лежащихъ близь устьевъ Конго. Повидимому, она прочно утвердилась въ этихъ мѣстахъ и, конечно, будетъ играть не маловажную роль въ успѣхахъ цивилизаціи этой части свѣта. Въ Роттердамѣ существуетъ "Общество африканской торговли" и его усиліямъ, главнымъ образомъ, обязаны голландцы устройству своихъ факторій на Конго. Цифры о дѣятельности этого общества почерпнуты изъ мемуаровъ доктора Кана изъ Амстердама. Первыми, начавшими торговлю съ этой частью Африки были два судовладѣльца изъ Роттердама Кердейкъ и Пинкофъ. Ихъ фирма была основательницей упомянутаго общества въ 1869 году. Въ 1871 г. оно владѣло только 10 факторіями, число которыхъ въ 1877 году возрасло уже до 44. Населеніе факторій состоитъ изъ европейскихъ приказчиковъ, механиковъ, работниковъ, каменьщиковъ и плотниковъ, кромѣ большого числа негровъ изъ Кабинды для разныхъ грубыхъ работъ. Торговля между главной конторой на мысѣ Банама, сѣвернымъ устьемъ Конго и другими, производится посредствомъ паровыхъ и парусныхъ судовъ.

Между Роттердамомъ и Банамой установлено правильное паровое сообщеніе 4 раза въ годъ. Въ факторіяхъ въ 1873 году проживало: 50 приказчиковъ, 30 инженеръ-механиковъ и работниковъ, 12 агентовъ и столько же капитановъ и лоцмановъ на паровыхъ и другихъ судахъ, торгующихъ съ этими берегами. Торговля общества даетъ блестящіе результаты. Директоръ его въ общемъ собраніи 1877 г. показалъ, что ввозъ 1876 г. превышалъ ввозъ 1875 г. на 1.400,000 флориновъ. О положеніи различныхъ факторій, извѣстія самыя благопріятныя. Чистый доходъ достигъ 355,050 флориновъ, а дивидендъ $7^1/_2$ процентовъ. Между предметами вывоза и ввоза первое мѣсто занимаютъ: пальмовое масло, каучукъ, разные сортыкамеди и кофе очень хорошаго качества. Прежде значительный вывозъ земляного орѣха, теперь уменьшился. Обработка кунжута и лаксмута занимаетъ много рукъ. Обработка хлопка все увеличивается. Въ странѣ месамидовъ и на берегахъ Конго найдена мѣдная руда, которая, несмотря на ея богатство, еще плохо эксплуатируется. Ввозъ состоитъ главнымъ образомъ, изъ мануфактурныхъ произведеній, частью изъ Англіи, частью изъ Швейцаріи. Общество посылаетъ значительные грузы посуды, выдѣлываемой въ Мастрихтѣ. Спиртъ, ромъ, порохъ идутъ изъ Голландіи; ружья, сабли и другое оружіе изъ Бельгіи. Оптическія стекла и другія малоцѣнныя вещи, судя по тому количеству, въ которомъ они ввозятся, составляютъ важный предметъ торговли.

— **Новый торговый путь.** Австралійская газета «Sidney Herald» указываетъ на близость революціи въ кругосвѣтномъ передвиженіи товаровъ. До сихъ поръ вся торговля Европы съ Австраліей и съ Японіей шла водой черезъ Индію, Африку, а за послѣдніе годы черезъ Суэцъ. Недавно въ Австралію прибыли агенты солидной американской компаніи, имѣющей въ виду опредѣлить количество ежегодно передвигамыхъ товаровъ, по преимуществу шерсти, отправляемой въ Англію. Если количество окажется окупающимъ расходы, то немедленно же будетъ установлено торговое движеніе на Сан-Франциско водой, отъ Сан-Франциско до Нью-Іорка желѣзной дорогой, и затѣмъ опять водой. По времени путь несомнѣнно кратчайшій. Австралійскіе и англійскіе капиталисты сильно расположены въ пользу осуществленія этого проекта, и весьма вѣроятно, что Соединенные Штаты въ непродолжительномъ будущемъ получатъ выгоды самаго доходнаго на земномъ шарѣ торговаго пути.

— **Новыя пушки.** На оружейномъ заводѣ Виттена, въ Вестфаліи, изготовляются по заказу русскаго правительства скорострѣльныя пушки Пальмкранца. У этихъ пушекъ всѣ стволы расположены не кругомъ одной оси, а въ горизонтальной плоскости, рядомъ другъ возлѣ друга, что въ свою очередь, даетъ возможность стрѣлять изъ всѣхъ стволовъ одновременно. Въ пушкѣ большихъ размѣровъ имѣется только четыре ствола, и она будетъ предназначена исключительно для вооруженія большихъ военныхъ судовъ; въ пушкѣ же меньшихъ размѣровъ, какими будутъ вооружены меньшія суда, имѣется 10 стволовъ. Изъ большой пушки можно выпустить въ минуту отъ 150 до 300 пуль, а изъ малой—отъ 800 до 1,400 пуль. Дѣйствительность выстрѣловъ изъ обѣихъ пушекъ не оставляетъ желать ничего большаго. На произведенныхъ опытахъ выяснилось, что щитъ, состоящій изъ трехъ, вмѣстѣ склепанныхъ, желѣзныхъ листовъ (въ $^3/_8$ дюйма толщиною каждый), не только легко пробивался пулями, но онѣ углублялись еще почти на дюймъ въ броневую плиту, находящуюся позади щита. Впервые орудія Пальмкранца появились въ шведскомъ флотѣ, откуда они перешли затѣмъ и къ намъ. Въ настоящее время, они приготовляются въ значительномъ количествѣ для нашего правительства на вестфальскомъ заводѣ Виттенъ и ими будутъ вооружены суда для обороны противъ минныхъ лодокъ. Особое преимущество малыхъ пушекъ Пальмкранца, состоитъ еще въ томъ, что онѣ очень легки и удобно могутъ переноситься людьми, и, слѣдовательно, для нихъ неизвѣстны никакія препятствія, чѣмъ не можетъ похвастаться самая легкая горная батарея, для передвиженія которой необходимы лошади.

— **Берлинъ—морской портъ.** Одно время много говорилось о проектѣ сдѣлать Парижъ морскимъ портомъ. Подобная же мысль зародилась въ Германіи относительно Берлина. Таковъ, по крайней мѣрѣ, смыслъ брошюры, о которой недавно говорили всѣ нѣмецкія газеты. Берлинъ предполагается сдѣлать морскимъ портомъ посредствомъ канала, соединяющаго Балтійское море съ Нѣмецкимъ. Каналъ этотъ пройдетъ отъ Куксгафена или Глюкштадта на Берлинъ и оттуда на Одеръ, ниже Шведта. Издержки по прорытію исчислены авторомъ проекта слишкомъ невѣроятные, что-то около 150 милліоновъ марокъ (марка по номинальной цѣнѣ 38 коп). Вся нѣмецкая торговля, въ такомъ случаѣ, должна будетъ перейти изъ Гамбурга и Бремена на Берлинъ.

— **Въ воздушномъ шарѣ на Сѣверный полюсъ.** Въ настоящее время много говорятъ о проектѣ, превосходящемъ смѣлостію всѣ опыты, сдѣланные въ области воздухоплаванія. Дѣло идетъ о путешествіи на аэростатѣ къ Сѣверному полюсу. Въ первую минуту естественно приходитъ въ голову, что это мистификація, что это одинъ изъ тѣхъ увлекательныхъ, но не выполнимыхъ разсказовъ, какъ путешествіе черезъ Атлантическій океанъ въ «Необыкновенныхъ исторіяхъ» Эдгарда Поэ, или «Пять недѣль на аэростатѣ» Жюля Верна. Однакожь, дѣло это вполнѣ серьезное. Проектъ разсматривается въ настоящую минуту во французскомъ обществѣ воздухоплаванія, а мысль объ этомъ колоссальномъ предпріятіи принадлежитъ Спвелю и Кроце-Спинели, двумъ аэронавтамъ, погибшимъ въ лодкѣ Зенита во время поднятія на большую высоту 15 апрѣля 1875 года. Сивель и Кроце-Спинели полагали, что воздухоплаватель поставленъ внѣ вліянія тѣхъ ужасныхъ, неизвѣстныхъ феноменовъ природы, которые разстраиваютъ самыя точныя вычисленія, самую мудрую предусмотрительность науки. Воздушный шаръ не боится ни льдовъ, ни бурь; для побѣды надъ полярнымъ климатомъ достаточно снабдить его продолжительной силой восхожденія—это не такъ трудно, и задача рѣшена. Съ другой стороны, воздухоплаватель не боится морозовъ, которые мореплаватель сравниваетъ съ сотней ударовъ бича, даваемыхъ ежедневно. Самый страшный холодъ переносится легко на аэростатѣ. Какъ бы ни велика была сила вѣтра, путешественникъ не отморозитъ лица и рукъ; пламя свѣчи, горящей въ лодкѣ, не колеблется, потому что шаръ несется въ одномъ направленіи съ вѣтромъ. Шаръ, который общество воздухоплаванія построитъ для путешествія на Сѣверный полюсъ, будетъ не обыкновенный, наполняющійся газомъ, а монгольфьеръ съ необходимыми приспособленіями.

— **Вулканическое изверженіе на островѣ Танна (въ Океаніи).** Англійскій консулъ въ Нумеи извѣщаетъ о случившемся на островѣ Танна вулканическомъ изверженіи. При первомъ ударѣ землятресенія дно порта въ западной его части, поднялось, покрайней мѣрѣ, на 50 брассовъ (морская сажень въ 6 футъ) надъ поверхностью воды. Новый вулканъ открылся около Сульфорбея, между старымъ вулканомъ и бухтой. «Вся лѣвая сторона порта Резолюшенъ, говоритъ одинъ очевидецъ, затянута была парами». Чрезъ нѣсколько дней произошло второе, болѣе сильное изверженіе, сопровождаемое продолжительнымъ землятресеніемъ, и дно порта поднялось еще разъ на 50 брассовъ, оставивъ только узкій проходъ. Въ небольшомъ разстояніи отъ западной оконечности вышли три скалы. Передъ входомъ въ гавань, тамъ, гдѣ прежде глубина достигала $5^1/_2$ брассовъ, теперь не болѣе 15 футъ. Приливъ въ 50 футовъ высоты снесъ западную оконечность и разрушилъ плантаціи туземцевъ. При этомъ, къ счастію, никто не погибъ; все населеніе острова удалилось на вершины горъ. Одно судно было подкинуто волнами между деревьевъ, отливъ снесъ его назадъ, но оно лишилось двухъ якорей и двухъ шлюпокъ. Море волновалось на двѣ мили отъ входа въ портъ; полагаютъ, что причиной этого явленія—образованіе новой мели. Передъ изверженіемъ дулъ сильный перемѣнный вѣтеръ. Старый вулканъ былъ въ полной дѣятельности; слышались глухіе раскаты, и изъ кратера выкидывались цѣлыя скалы. Громадный приливъ былъ чисто мѣстнымъ явленіемъ, также какъ и изверженіе; по другую сторону пролива и то и другое были едва замѣтны. Возвышенность въ западной части порта, позади скалы, извѣстной подъ именемъ Пирамиды Кука, была снесена въ море и образовала новый мысъ. Пирамида Кука возвышается теперь на 40 футъ выше прежняго надъ поверхностью воды. Между двумя сильными ударами землетрясенія было нѣсколько меньшихъ. Въ западной части острова земля треснула и опустилась. Часть земли была унесена волнами, всѣ плантаціи уничтожены. Туземцы, повидимому, не особенно огорчены этимъ. Не успѣла вода сбыть, какъ они принялись вновь за посадку. Большія деревья уцѣлѣли. Гавань на столько уменьшилась и обмелѣла, что едва ли теперь доступна для большихъ судовъ. Рыба была какъ бы парализована изверженіемъ; она потеряла способность плавать и въ большомъ количествѣ покрывала берегъ.

— **Вулканъ Тонгариро.** Знаменитый вулканъ Новой Зеландіи Тонгариро, былъ, наконецъ, изслѣдованъ англичаниномъ Коппели, которому удалось добраться до самой вершины. Моарисы, считающіе этотъ вулканъ священнымъ, парализовали до сихъ поръ всѣ попытки, предпринимаемыя англійскими колонистами для его изслѣдованія. Этотъ вулканъ лежитъ почти въ центрѣ сѣвернаго острова и хотя высота его не превышаетъ 6,500 футовъ, онъ болѣе неприступенъ, чѣмъ Еджекомба или Рикапеху, имѣющіе болѣе 10,000 футовъ высоты. Хотя Коппели не встрѣчалъ личной задержки, но ему пришлось побороть всѣ препятствія, какія только могли придумать туземцы для замедленія его пути. Они угнали его лошадей, унесли оружіе, сѣдла, почти все, что было съ нимъ, даже его рисунки. Однакожь, онъ побѣдилъ всѣ трудности и съ помощью нѣкоторыхъ, болѣе вліятельныхъ представителей племени, относившихся къ нему дружелюбнѣе другихъ, изслѣдовалъ кратеръ, снялъ нѣсколько рисунковъ и фотографій, опредѣлилъ положеніе разныхъ возвышенностей. На возвратномъ пути, сверхъ всякаго ожиданія, онъ былъ очень любезно принятъ туземцами. Моарисы, отбросивъ суевѣрные предразсудки, привѣтствовали его именемъ горы: «Здравствуй Тонгариро!» говорили они ему при встрѣчѣ.

— **Новая экспедиція въ Африку.** Носятся слухи, что географическое общество въ Англіи, снаряжаетъ новую экспедицію для изслѣдованія центральной Африки. Страна, лежащая между Момбаза и горою Кенія и Викторія-Ніанза, будетъ предметомъ изслѣдованія этой экспедиціи.

Смѣсь.

— **Морское чудовище.** Рыбаки мыса Агдъ были въ отчаяніи каждый разъ, какъ они закидывали сѣти, они вытаскивали ихъ разорванными зубами неуловимаго животнаго. Наконецъ, дѣло разъяснилось и врагъ былъ пойманъ. Мишель Гираль, владѣлецъ небольшой рыбачей лодки, только что собрался вытянуть неводъ, какъ сильное сотрясеніе едва не опрокинуло его хрупкое судно. Два матроса, составлявшіе экипажъ, и хозяинъ принимаются за работу. Неводъ увлекаетъ ихъ съ быстротою двѣнадцати узловъ въ часъ. Судно то ныряетъ, то поднимается отъ сильныхъ подергиваній. Въ такомъ критическомъ положеніи проводятъ они всю ночь. На зарѣ, на помощь къ погибающимъ рыболовамъ пришло большое китоловное судно. Соединенными усиліями двухъ экипажей успѣли, наконецъ, вытянуть на бортъ китолова сильно порванную сѣть, въ одномъ изъ кусковъ которой запуталась, какъ въ гигантскомъ рѣшетчатомъ мѣшкѣ, громадная рыба изъ породы акулъ—настоящее морское чудовище вѣсомъ слишкомъ 1.000 килограмовъ (2,400 фунтовъ). Длина чудовища отъ головы до оконечности хвоста 5 метровъ (7 аршинъ), окружность $4^1/_2$ метра, отверстіе пасти 1 метръ;

верхняя челюсть вооружена рядомъ пиловидныхъ зубовъ, длиною въ пять сантиметровъ; на нижней—такой же рядъ зубовъ, за которымъ помѣщается двойной рядъ крючковъ, въ родѣ тѣхъ, которыми украшены полки мясныхъ лавокъ. Съ помощью веревокъ и талей, чудовище было вытянуто на набережную города. Вскрытіе и осмотръ внутренностей этого безпокойнаго гостя, произведенный въ присутствіи многочисленной толпы любопытныхъ, показалъ его неслыханную прожорливость. Голова, ноги и нѣкоторыя части туловища осла и два, наполовину переварившихся тунца, помѣщались въ его обширномъ желудкѣ.

— Спасенный отъ акулъ. Шкуна Кари-Лонгъ изъ Стоктона (Соединенные-Штаты), находилась на пути изъ Буэносъ-Айреса въ Нью-Іоркъ, къ югу отъ экватора въ 200 миляхъ отъ бразильскаго берега, когда вахтенный матросъ извѣстилъ, что видѣнъ парусъ. Спачала думали, что матросъ ошибся, но по болѣе внимательномъ наблюденіи открыли плоское судно, ежеминутно изчезавшее за волнами. Когда разстояніе уменьшилось, оказалось, что это бамбуковый плотъ. На вертикально утвержденной палкѣ развѣвалась рубашка, принятая сначала за парусъ. По серединѣ плота на сундукѣ сидѣлъ полураздѣтый негръ, съ весломъ въ рукахъ. По движеніямъ его открывавшагося и закрывавшагося рта можно было догадаться, что онъ зоветъ на помощь, хотя звуки не долетали. По лицу его безпрестанно пробѣгала судорога ужаса. Со шкуны была спущена шлюбка. Трудно было подойти къ плоту, который былъ окруженъ спереди, сзади, съ боковъ громадными акулами. Однакожь, шлюбка подошла и бѣднякъ былъ взятъ на нее и доставленъ па шкуну. Вступивъ за бортъ, онъ потерялъ сознаніе. Онъ находился въ самомъ плачевномъ состояніи. Все тѣло его было покрыто ранами, на которыхъ образовались соляные кристалы. Страшно опухшій языкъ вспѣлъ изо рта, а худоба его имѣла въ себѣ что-то ужасающее. Очнувшись, онъ нѣсколько разъ чуть слышнымъ голосомъ произнесъ «пить». Ему влили въ ротъ не много воды; это его значительно оживило, но пять или шесть дней прошло прежде, чѣмъ онъ настолько поправился, что могъ разсказать послѣдовательно свое приключеніе. Онъ говорилъ по португальски; только одинъ человѣкъ изъ всего экипажа понималъ нѣсколько словъ на этомъ языкѣ. Частью жестами, частью словами онъ передалъ свою исторію, достовѣрность которой была подтверждена впослѣдствіи въ портѣ Мотанца. Человѣкъ, спасенный отъ акулъ, мулатъ, уроженецъ Пернамбуко, по имени Эмануель Гомецъ де-Сильва. Присужденный за воровство къ двадцатилѣтнимъ работамъ на островѣ Фернандо-Норона, онъ отработалъ 10 лѣтъ, по прошествіи которыхъ, имъ овладѣло неудержимое желаніе повидаться съ матерью и сестрой, оставшимися въ Пернамбуко. Онъ подговорилъ къ побѣгу двухъ другихъ ссыльныхъ, Антоніо Перейра де-Сильва и Жуана Браберо. Они потихоньку построили плотъ и уплыли на немъ почью, захвативъ съ собою немного хлѣба и воды. На второй день Антоніо, по неосторожности упалъ въ воду и въ глазахъ товарищей былъ съѣденъ акулами. На четвертый день Браберо умеръ отъ истощенія, и Эмануель бросилъ его трупъ акуламъ, думая этимъ отъ нихъ отдѣлаться. Поглотивъ и эту добычу, чудовища не переставали слѣдовать за плотомъ. Эмануель полагаетъ, что прошло десять дней со времени его отъѣзда изъ Фернандо-Норона до минуты его спасенія. Послѣ смерти второго товарища, боязнь быть съѣденнымъ акулами не давала ему заснуть. По ночамъ онъ слышалъ вокругъ себя ужасающій шумъ тренія челюстей и открыванія и закрыванія пасти. Запасъ воды давно изсякъ; оставалось немного заплѣсневѣлаго хлѣба, но опухоль языка не позволяла ему ѣсть. Спасенный Эмануель прибылъ въ Нью-Іоркъ на Кари-Лонгѣ, на которомъ во время переѣзда исполнялъ должность матроса. Здоровье его совершенно поправилось.

— Спасшійся ребенокъ. Корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей» пишетъ о слѣдующемъ замѣчательномъ случаѣ, происшедшемъ въ Кременчугѣ: Подходилъ поѣздъ; стрѣлочникъ, передвигая рельсы, повернулся къ шедшему скорымъ ходомъ поѣзду. Тутъ онъ увидѣлъ, что его единственный малолѣтній сынъ сидитъ на рельсахъ, по которымъ долженъ былъ пройдти поѣздъ. Оставивъ свой постъ, онъ успѣлъ бы еще спасти сына, но въ такомъ случаѣ поѣзду грозила неминуемая катастрофа. Стрѣлочникъ былъ солдатъ; скрѣпя сердце, зажмуривъ глаза, онъ остался у стрѣлки. Промчался поѣздъ; всѣ видѣвшіе, что происходило, но не оказавшіе помощи изъ боязни или по ненаходчивости, бросились къ раздавленной поѣздомъ невинной жертвѣ; ребенокъ оказался не только живъ, но и невредимъ.

Телеграммы.

Константинополь, 18-го сентября. По извѣстіямъ изъ Аѳинъ, полученнымъ Портой, Греція снаряжаетъ дѣйствующую армію въ 40,000 человѣкъ, съ большимъ резервомъ изъ милиціонеровъ. Уже сдѣланъ заемъ въ 50 мил. драхм. на расходы по мобилизаціи.

Лондонъ, 13-го сентября. Лордъ Салисбюри обратился къ санктъ-петербургскому кабинету съ нотой, въ которой проситъ объясненій относительно цѣли отправки русскаго посольства къ афганскому эмиру; въ заключеніе англійское правительство выражаетъ желаніе узнать, какого образа дѣйствій Россія намѣрена держаться по отношенію къ Афганистану.

— 14-го сентября. Большинство здѣшнихъ газетъ, даже газета «Daily News», требуетъ энергическаго образа дѣйствій противъ Афганистана, находя, что одной военной демонстраціи недостаточно. Газета «Times» совѣтуетъ занять, до наступленія зимы, три важные пункта Афганистана.

Въ «Times» телеграфируютъ изъ Калькуты, отъ 25-го сентября: «Когда британскому посольству отказано было въ разрѣшеніи вступить въ афганскія владѣнія, комендантъ Алимусыда сказалъ маіору Каваньяри, что только чувства личной дружбы мѣшаютъ ему застрѣлить его».

— 18-го сентября. Газетѣ «Times» телеграфируютъ изъ Калькутты, отъ 29-го сентября; «Приготовленія къ походу въ Афганистанѣ продолжаются самымъ энергическимъ образомъ. О военныхъ силахъ Шира-Али ничего достовѣрнаго неизвѣстно; между тѣмъ, изъ вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію, наиболѣе труднымъ оказывается вопросъ о возможности враждебнаго образа дѣйствій пограничныхъ племенъ, которыя легко могли бы выставить 100,000 бойцовъ.

Парижъ, 15-го сентября. Великобританское правительство дало знать по телеграфу, чтобы былъ немедленно усиленъ флотъ въ Персидскомъ заливѣ; распоряженіе это сдѣлано въ виду того, что между шахомъ персидскимъ и эмиромъ афганистанскимъ существуетъ союзъ и Англія опасается русскаго вліянія на этихъ владѣтелей.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Премія „СВѢТОЧИ ХРИСТІАНСТВА“, копія съ картины профессора Генриха Семирадскаго.

для Гг. годовыхъ подписчиковъ на журналъ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

получена Редакціею и немедленно разошлется навернутою на палкѣ тѣмъ изъ Гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые выслали деньги на укупорку и почтовые издержки.

Гг. городскіе подписчики благоволятъ получать ее въ Конторѣ Редакціи (Новый пр. № 20) съ 11-ти до 4-хъ часовъ ежедневно, кромѣ праздниковъ.

Редакція обращаетъ вниманіе гг. иногородныхъ подписчиковъ, еще не выславшихъ денегъ на пересылку этой преміи, что она не высылается имъ теперь же потому, что при высылкѣ ея при нумерѣ журнала въ сложенномъ видѣ — гравюра, вслѣдствіе своихъ значительныхъ размѣровъ и толщины бумаги, неизбѣжно сомнется и испортится. Контора Редакціи считаетъ необходимымъ сообщить объ этомъ обстоятельствѣ Гг. подписчикамъ, увѣдомляя ихъ притомъ, что по полученіи денегъ на укупорку и пересылку картины, она будетъ немедленно пересылаться по указаннымъ адресамъ. Всѣмъ же остальнымъ Гг. подписчикамъ не выславшимъ на почтовыя издержки денегъ—премія будетъ выслана при послѣднемъ за настоящій годъ, т. е. 52 нумерѣ журнала, Контора Редакціи дѣлаетъ эту отсрочку въ виду могущихъ еще поступить заявленій о пересылкѣ картины навернутою на палку въ видѣ посылки. Деньги на укупорку и пересылку преміи отдѣльной посылкой, **75 коп.,** могутъ быть высланы въ Контору журнала **почтовыми марками.**

NB. Гг. подписчиковъ, уже выславшихъ и имѣющихъ выслать деньги на почтовые издержки, Контора журнала проситъ обозначить точно адресъ, обращая вниманіе, есть ли на обозначаемой ими станціи пріемъ и выдача **всякаго рода кореспонденціи,** такъ какъ на станціяхъ, на которыхъ нѣтъ пріема и выдачи всякаго рода корреспонденціи, **доставка посылокъ не принимается** почтамтомъ.

При этомъ нумерѣ «Живописн. Обозрѣн.» разсылается гг. подписчикамъ приложеніе: № 17-й «Парижскія Моды».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 Сентября 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

№ 40. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. – 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 1 Октября 1878 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

Картина К. ГРОБА.

Дѣдъ и внукъ.

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ на 1879 годъ.

Журналъ «**ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ**» будетъ издаваться въ будущемъ, 1879 году, по той же програмѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ настоящемъ, 1878 году.

Гг. годовые подписчики получаютъ при подпискѣ премію, уже полученную Редакціею и состоящую изъ **олеографической картины.**

Втеченіе года будетъ выдана вторая художественная премія, тоже **олеографія**, а также **иллюстрированная литературная премія.** Кромѣ того Редакція въ свое время предложитъ гг. подписчикамъ еще одну премію по своему выбору, какъ она это сдѣлала и въ нынѣшнемъ, 1878 году, съ преміей «**Свѣточи Христіанства**».

Въ первыхъ нумерахъ будущаго, 1879 года, между прочими, появятся слѣдующія произведенія: «*Мужъ и жена*», романъ **А. Михайлова;** поэма **Омулевскаго;** «*Лѣсное Хозяйство*», статья **Н. В. Шелгунова**, «*Козлы отпущенія*», разсказы **Н. И. Саверина** и повѣсть **К. М. Станюковича.** Изъ гравюръ, между прочимъ, будутъ помѣщены копіи съ картинъ: **Брюлова, Гуна, Мещерскаго** и **Шварца.**

Редакція намѣрена въ будущемъ году дать рядъ копій съ картинъ русскихъ художниковъ, а также біографіи замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ нашей общественной дѣятельности. Эти біографіи будутъ составляться подъ редакціей **А. К. Шеллера (А. Михайлова)** и **Н. И. Шульгина.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣсяца.
Безъ пересылки..................	**6 р.**	**3 р. 50к.**	**1 р. 80 к.**
Съ пересылкою и доставкою........	**7 р.**	**4 р.**	**2 р.**

Подписка принимается: Въ Главной Конторѣ Журнала «**Живописное Обозрѣніе**» въ С.-Петербургѣ, Новый проспектъ, домъ № 20.

„Андронъ Голованъ.“

Разсказъ изъ жизни въ лѣсахъ далекаго Востока.

Н. Н. Каразина.

(*Продолженіе.*)

VI.

Съ мѣсяцъ прошло времени, какъ сталъ жить одинъ Голованъ безъ своего батьки.

Медвѣженокъ уже попривыкъ къ своему новому положенію, пересталъ быть дикаремъ, огрызаться, да царапаться. Теперь онъ уже на заднія лапы становился и изъ ларя выглядывалъ съ любопытствомъ, безъ всякаго страха осматривая все, что только въ избѣ дѣлалось. Варнашка надзоръ имѣлъ за молодымъ звѣрькомъ самый строгій и совсѣмъ вонъ изъ ларя вылазить не дозволялъ... Запахъ такой пошелъ отъ Мишки по дому, крѣпкій, какъ вотъ въ берлогѣ бываетъ и около нея, когда къ лазу на вѣтеръ подходишь...

Мало по малу, стали привыкать Голованъ съ Варнашкою къ своему одиночеству, а то съ начала тяжело было обоимъ и страшно даже, особенно ночью.

Собака иногда по цѣлымъ часамъ выла и бѣгала куда-то на долго, по старымъ слѣдамъ... Голованъ или въ избѣ, или около держался, по близости, боялся еще одинъ отлучаться далеко отъ дому.

Еще до свѣта, рано утромъ, по старой привычкѣ просыпался Голованъ, и первымъ дѣломъ огонь разводилъ въ печи. За ночь въ избѣ становилось холодно и даже бѣлый иней проступалъ на замшенныхъ бревенчатыхъ стѣнахъ, особенно у окна и въ углу, гдѣ висѣла доска темная.— Труту и сухого корья было запасено вдоволь еще батькою, живо разгарались дрова въ печи, свѣтло становилось въ избѣ, весело трещало красное, живое такое пламя. Просыпался Мишка, ворчалъ и лезъ на дыбки, просыпался Варнашка, потягивался, оттягивая назадъ, то одну заднюю лапу, то другую, махалъ своимъ хвостомъ и царапался въ дверь, озираясь на молодого хозяина: «выпусти—молъ, дѣлое есть важное!» Черные тараканы за печью, усатые такіе, тѣ не любятъ свѣта, тѣ сейчасъ бѣготню подымутъ суетливую и по щелямъ прячутся... Начинаетъ Голованъ свое хозяйничанье.

Заботливый батька наготовилъ провіанту довольно: три окорока медвѣжьихъ, кабаньихъ штукъ пять, сушенаго мяса, тонко-рѣзаннаго, въ ремни скрученнаго,—вязка, только поднять подъ силу; осталось еще и муки не мало, соли, даже воды горькой въ бутылкѣ, да она теперь уже не требуется; попробывалъ было ребенокъ этой воды, изъ любознательности, да потомъ цѣлый часъ плевался, Мишкѣ далъ, такъ тотъ ничего, даже облизываться началъ и опять потянулся рыломъ за прибавкою.

Стряпня Голована была не затѣйлива: отрѣжетъ мяса вяленаго, положитъ въ горшокъ, нальетъ воды и въ огонь, какъ пойдутъ поверхъ пузыри, забулькаетъ черезъ край, значитъ готово!—тащи назадъ и ѣшь на здоровье. Варнашка его стряпнею не брезгалъ. А вотъ лепешки ему неудавались сначала, и помнилъ онъ хорошо, какъ ихъ батька изъ муки дѣлалъ, а не такъ выходило, то уголь углемъ вытащитъ изъ печи, то совсѣмъ, какъ будто и въ печи не были, сырыя, а то и такъ бывало: съ одного боку черно, даже дымъ идетъ, а съ другого—одно тѣсто комковатое. Впрочемъ, ѣсть можно было. Мишка лепешками тѣми пробавлялся, что не доѣстъ, въ уголъ ларя запрячетъ и прикроетъ чѣмъ ни попало, чтобы никому постороннему незамѣтно было.

Цѣлый день возится Голованъ, то въ избѣ по хозяйству, то въ сѣняхъ, то на дворѣ, Варнашка отъ него ни шага, вмѣстѣ разговоръ ведутъ и отлично понимаютъ другъ друга; когда близко, что нибудь не доброе подбирается, собака первая зачуетъ и вѣсть дастъ—ея лай, вытье, злое рычаніе, маханье хвостомъ, дыбомъ шерсть на загривкѣ, все это было ясно Головану, изо всего этого слагались цѣлыя сложныя понятія, цѣлыя представленія для ребенка, даже сравнительно бѣдные способы подобныхъ выраженій у медвѣженка-Мишки, и тѣ скоро поняты были Голованомъ, и мохнатый, подростающій на славу, косолапикъ, скоро сроднился съ мальчикомъ, пересталъ быть существомъ ему чуждымъ, отвѣтивъ на привязанность молодого хозяина, такою же сильною, если даже не сильнѣйшею, привязанностью. Всѣ трое сдружились и составили семью, хотя и нѣсколько оригинальную, но, навѣрное, болѣе прочную и вѣрную, чѣмъ многія, исключительно, человѣческія семьи.

Приходилось Головану отлучаться, если и не очень далеко, то все-таки на столько, чтобъ часа на два, на три не возвращаться, мальчикъ бралъ съ собою Варнашку, а Мишка оставался въ заперти; помня, въ подобныхъ случаяхъ, наставленіе батьки, Голованъ слово въ слово передавалъ эти наставленія медвѣженку, и тотъ понималъ; понималъ, впрочемъ, только, что послѣ этой рѣчи, ребенокъ уйдетъ и вернется не скоро. Мишка, слушая наставленіе, понятно, скучалъ и угрюмо пряталъ свою, широкую во лбу и заостренную книзу, морду, между передними лапами.

Въ одну изъ такихъ отлучекъ, медвѣженокъ и вылѣзъ въ первый разъ изъ ларя, конечно, самовольно, за что и былъ наказанъ судьбою. Звѣрь поднялся на дыбки, уцѣпился лапами, сталъ карабкаться, и перевѣсилъ тяжелый ларь; значитъ, и въ Мишкѣ за это время вѣсу прибыло достаточно—ларь качнулся на бокъ, Мишка ткнулся рыломъ съ размаху объ полъ, поднялъ ревъ страшный и заметался по избѣ, съ перепуга, сворачивая съ мѣста скамьи и все, что на пути попадалось. Всѣ эти препятствія еще болѣе пугали медвѣженка, онъ шарахнулся въ двери, вышибъ ее плечомъ и очутился въ сѣняхъ; тамъ, вверху, подъ крышей, сіялъ лазъ, гдѣ просвѣчивало сѣрое небо и колыхалась вершина сосѣдняго дерева. Мишка туда, цѣпляясь когтями по срубу, что по лѣстницѣ, выбрался на крышу, распугалъ, въ свою очередь, воронъ и голубей, да тамъ и засѣлъ, не рѣшаясь уже спуститься внизъ, ни опять назадъ, въ темныя сѣни, ни по кучѣ хворосту и бурелому на наружный дворикъ; тутъ его, на крышѣ и нашли вернувшіеся Голованъ съ Варнашкою и на прежнее мѣстожительство водворили, только уже не въ ларь, а держали на свободѣ.

VII.

Теплѣе и теплѣе становилось съ каждымъ днемъ.

Сплошные туманы, за ночь поднявшіеся въ лѣсу, такъ и не расходились до полудня, скрывая за собою всѣ окрестности. Густая сѣрая завѣса стояла въ воздухѣ неподвижно, навѣвая тоску и скуку на все живое. И нетолько опытный, зоркій глазъ промышленника, но и болѣе острое зрѣніе дикаго звѣря не въ силахъ было проникнуть за эту глухую завѣсу, хотя сколько нибудь въ даль... Въ пяти шагахъ исчезала земля подъ ногами... Эти дичковыя заросли, съ ихъ молодыми темно-малиновыми отпрысками, этотъ серебристо-матовый пвнякъ, эти черные кедры, залитые смолою, поросшіе клочьями сѣдого моха, все это скрылъ за собою туманъ... Жутко, боязно, тоскливо становится человѣку передъ этою нѣмою, неумолимою стѣною; нѣсколько шаговъ впередъ и—тамъ уже все полно таинственности, неизвѣстности... Привычныя къ лѣснымъ походамъ ноги теряютъ свою увѣренность, исчезаютъ разстоянія, теряется мѣра, зрѣніе безполезно... Всѣ звуки лѣса иначе раздаются въ

этихъ густыхъ, плотныхъ тучахъ паровъ, и дико, фальшиво принимаются ухомъ промышленника... И въ такую пору, въ лѣсу, сильнѣе чувствуется страхъ полнаго отчужденія отъ всего остальнаго міра, страхъ забытости, одиночества.

Сидитъ Андронъ Голованъ на порогѣ своей избушки и робко поглядываетъ на эти тяжелыя, туманныя стѣны, надвигающіяся на него со всѣхъ сторонъ, насторожившись, сидитъ съ нимъ и Варнашка и моргаетъ глазами при каждомъ звукѣ весенней капели... Сильнѣе забилъ бойкій родникъ въ оврагѣ, сюда доносится его живой говоръ, только не такой, какъ всегда, а особенный—глухой такой, басистый, словно льютъ изъ ушата въ большую глубокую бочку. Грачи налетѣли, не видно ихъ, а тамъ, гдѣ-то, уже очень высоко, слышно ихъ гортанное карканіе и тревожное хлопанье мокрыми крыльями... Что-то грузное пробирается кустами, за оврагомъ, трещитъ и ломится сухой буреломъ и валежникъ, носовой сапъ и словно вздохи ворчливые доносятся оттуда... и Мишка, заслышавъ эти именно звуки, завозился въ сѣняхъ, безпокойно озирается и нерѣшительно отвѣчаетъ на нихъ похожимъ сапомъ, похожими вздохами... Это онъ, значитъ, родича своего почуялъ, тоже косолапаго, которому, должно быть, шибко надоѣлъ его берложій постъ и, зачуявъ тепло, рѣшилъ онъ выбраться оттуда раньше, чѣмъ слѣдуетъ по обычаю... Вотъ онъ и бродитъ теперь, на каждомъ шагу проваливаясь по самое рыло въ разрыхленный снѣгъ, мокнетъ въ колдобинахъ, рѣжетъ лапы объ ледъ, взломанный имъ же самимъ на лѣсныхъ лужахъ.

Раздрябли, размокли отъ этихъ весеннихъ тумановъ, невылазные глубокіе снѣжные сугробы и наметы, нога по колѣно проваливается, а гдѣ и по поясъ увязнуть можно, если не совсѣмъ съ головою; на лыжахъ даже шагу ступить нельзя, и тѣ засасываетъ... Быстро таетъ толстая ледяная кора на бочагахъ, на болотахъ; пухнутъ, вздуваются мелкіе ручьи и ломятъ ледъ своими прибывающими водами...

Рѣки бушуютъ въ оврагахъ и съ грохотомъ, съ плескомъ катятся ихъ грязныя, пѣнистыя волны, смалывая все на пути, все, что не встрѣтятъ въ своемъ бѣшенномъ напорѣ. Столѣтнія деревья, подмытыя въ корняхъ половодьемъ, клонятся, клонятся, исподоволь сползаютъ, наконецъ, совсѣмъ, и несетъ вешняя вода эти гигантскіе кедры и сосны, измалывая въ щепы ихъ вѣковые, смолистые трупы...

Иные голоса, иные звуки оглашаютъ теперь таёжные дебри, и, покрывая собою весь этотъ вешній гулъ, изрѣдка проносится грозный раскатъ перваго весенняго грома.

Весна идетъ!

И въ эту глухую, заваленную снѣгомъ, промерзшую, непролазную, дикую тайгу—тоже забирается желанная гостья.

Въ такую пору человѣкъ въ лѣсъ не заглядываетъ; тамъ онъ ничего не найдетъ себѣ путнаго, а на смерть можетъ на каждомъ шагу натолкнуться. Въ эту пору и для звѣря настаетъ бездорожье и тотъ наровитъ, гдѣ бы выбрать мѣстечко повыше, да посуше, чтобы выждать и пересидѣть эту бурливую пору.

Иной день выдается красный; туманъ поднимется и исчезнетъ, словно разойдется весь въ воздухѣ, истреплется въ клочья, цѣпляясь въ кудрявыхъ вершинахъ лѣса, синее небо проглянетъ, колыхнетъ теплый вѣтеръ деревья, словно дождь польется съ намокшихъ черныхъ вѣтвей потоки воды, мелкая птаха зачирикаетъ весело, много ея уже весны ради налетѣло, а снѣгъ такъ и таетъ, такъ и убываетъ на глазахъ; по оврагамъ, на южныхъ склонахъ, на взлобнахъ уваловъ, на открытыхъ полянахъ уже давно чернѣютъ, разростаясь съ каждымъ часомъ, кочковатыя, поросшія прошлогоднею желтою травою, заваленныя мягкимъ ковромъ палой, гніющей листвы, проталины... Почки на ивнякѣ, на осинахъ, на мелкой заросли пухнутъ и лопаются, разнося въ воздухѣ смолистый, чудный такой запахъ весны и пробуждающейся жизни.

Иной день будто и назадъ повернуло дѣло: нахмурится небо, подуетъ злой вѣтеръ совсѣмъ съ другой стороны, съ дождемъ, въ перемѣшку повалятъ вновь снѣжные хлопья, а то и ледяная крупа, снова корою льда одѣнутся вѣтви деревьевъ, пахохлится все пернатое и сидитъ неподвижно на этихъ оледѣнѣлыхъ вѣтвяхъ, поглядывая съ недоумѣніемъ кругомъ! Ужь не рано ли, молъ, прилетѣли мы сюда, въ эту сторону... но вотъ снова проглянуло солнце, снова тепло и приволье, снова веселые звуки вешнихъ водъ... Забыты минутныя невзгоды, случайный капризъ суроваго климата, эти послѣднія, предсмертныя конвульсіи полугодовой зимы...

Но все-таки еще много пройдетъ времени, пока уляжется расходившаяся на славу весна, пока сбѣгутъ излишнія, все разрушающія воды, войдутъ ручьи въ свои законные берега, хотя немного просохнетъ разбухшая почва, окрѣпнутъ тропы, можно будетъ ступать по нимъ ногою человѣческою. Тогда уже все зелено кругомъ, тогда въ тѣневыхъ мѣстахъ, въ густой чащѣ широкихъ листьевъ, забѣлѣютъ граціозныя гроздочки бѣлыхъ, душистыхъ ландышей, словно голубыя звѣзды загорятся на солнце подснѣжники, запестрятъ на скатахъ уваловъ желтые одуванчики, и розовымъ цвѣтомъ одѣнутся дичковыя заросли. Тогда вылѣзутъ изъ своихъ берлогъ и остальные косолапые и жадно наваливаются на молодые побѣги травы пострѣла, желтовато-зеленою, сочною щетиною покрывающія землю всюду, куда только не доберется оживляющій лучъ весенняго солнца.

Истый промышленникъ не любитъ такого времени... «красно-то красно, да не путевое» говоритъ онъ, и звѣрь худъ, совсѣмъ за зиму отощалый, и шерсть на немъ ни къ чорту не годится, клочьями лѣзетъ, гроша не стоитъ, да и бить его не годится, не по Божьему будетъ, потому онъ, весны ради о потомствѣ думаетъ, старается; его убить теперь, все равно, что цѣлую семью уничтожить, это даже и не разчетливо; въ такую пору промышленникъ сидитъ дома и къ охотничьей, лѣтней порѣ сготовляется. Батька Максимъ, тоже вотъ, все сидѣлъ дома, гранчатки правилъ, чистилъ, вывѣрялъ, дробь раскатывалъ свинцевую, пули лилъ, снасть чинилъ—и въ село не ходилъ даже за бездорожьемъ, а съѣстной запасъ на годъ заготавливалъ, чтобы на все лежачее время—хватало бы.

VIII.

И вышла такая бѣда, что къ этому самому лежачему времени—именно съѣстного запаса и не хватило у Голована съ его сожителями.

Кормились они въ волю «своя рука владыка, мѣры не знала», да и Варнашка много кралъ изъ сѣней. Муку почти всю Голованъ истратилъ на лепешки своего издѣлія, а что осталось въ пересыпѣ, подъ палатями, такъ то Мишка выскребъ до чиста, воспользовавшись отсутствіемъ хозяина и сторожа. Ужь ругалъ его, ругалъ Голованъ за это, всѣ слова бранныя перебралъ, какія только у батьки перенялъ, были и такія слова, что и значенія ихъ не зналъ мальчикъ, а произносилъ и грозился избить «косолапаго» до полусмерти, а тотъ себѣ глядитъ на мальчугана, да лапами рыло мучное обтираетъ и облизывается. Варнашка тоже было лаять принялся, да бросилъ, вспомнилъ, должно быть, песъ, что и самъ въ такихъ дѣлахъ не чистъ, ну, да вѣдь бранью что возьмешь, запасы все-таки вышли и добывать ихъ надобно.

Голованъ, однако, не особенно унывалъ при этихъ обстоятельствахъ. Вышли, такъ вышли! У батьки тоже не безъ конца тянулись, выходили, онъ тогда въ село сбирался, а Голованъ развѣ не можетъ пойти въ село?... Страшно-то оно, точно что страшно, дѣло новое, совсѣмъ незнакомое, а пойти, отчего не пойти? пойти можно!

Мальчикъ уже разъ собрался идти, да чуть не потонулъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ въ лѣтнюю пору и признака воды не было, значитъ, надо было обождать, не время еще!

И вотъ, прождавъ еще съ недѣлю, кое какъ прокормившись остатками, и, уложивъ въ котомку немного на дорогу, Голованъ собрался снова, крѣпко на крѣпко заказавъ Мишкѣ-вору «изъ дому ни шагу!»

Пустился въ путь Голованъ вмѣстѣ съ Варнашкою.

Ново и чудно казалось ребенку въ этомъ, быстро-зеленѣющемъ лѣсу; и собака чувствовала себя въ какомъ-то особенномъ, восторженномъ состояніи духа, какъ угорѣлая носилась въ разныя стороны, описывала круги, весело лаяла безъ толку и значенія; то принималась какъ будто искать что-то внизу, подъ кочками, взрывая лапами сырую землю, да такъ усердно, что клочья моха летѣли во всѣ стороны, то, задравъ морду кверху, пускалась въ догонку за птицами и, остановившись неподвижно на всемъ скаку, слѣдила за ихъ полетомъ своими живыми, разгорѣвшимися глазами...

И Головану не шлось тихо, степенно, какъ подобаетъ истому промышленнику, такъ вотъ его и подмывало пуститься бѣгомъ, взапуски съ Варнашкою... Крикнулъ ястребъ высоко, высоко, да рѣзко такъ, словно сталью по стеклу царапнулъ, Голованъ тоже перенялъ у него этотъ выкликъ, перенялъ, да и смолкъ, испугался самъ своего голоса, подхваченнаго лѣснымъ эхомъ...

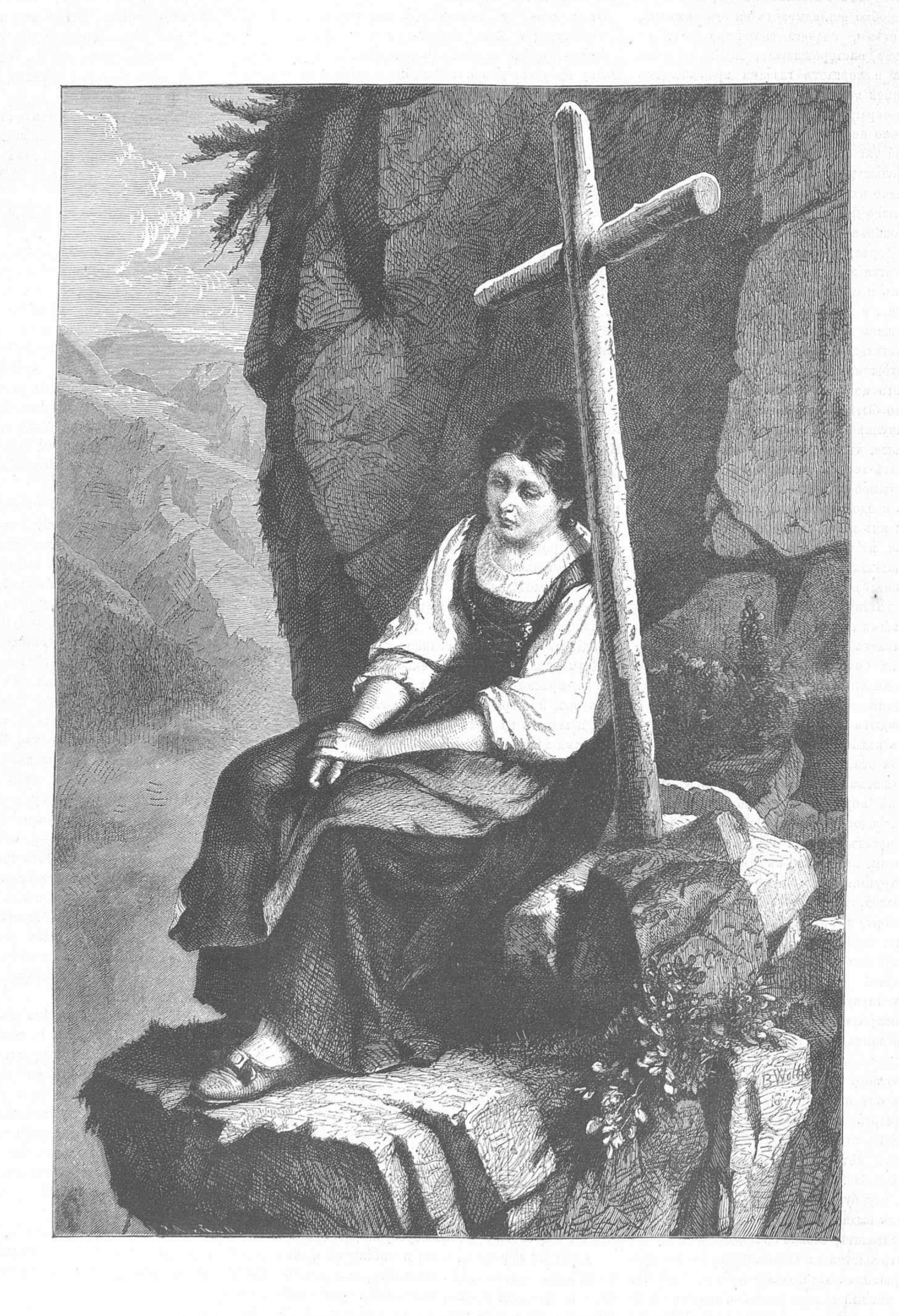
Бойко, ходко подавались впередъ наши путешественники. До самого полудня шли безъ отдыха. Внимательно оглядываясь, узнавалъ Голованъ знакомыя мѣста. Узналъ и вѣтлу старую, дуплястую, снизу обугленную. Здѣсь они, разъ съ батькою, кабана-дикаря палили, оттого и обуглилось... Вспомнилось это дѣло Головану, да такъ живо, такъ ясно, что ему даже померещился батька, съ пучкомъ горящаго смольняка, наклонившійся надъ толстымъ, щетинистымъ трупомъ «лѣсовика-хрюкалы». Вотъ тутъ именно и было это дѣло: здѣсь батька, здѣсь онъ сидѣлъ, опорки у него еще развязались и онъ ихъ налаживалъ... Тутъ вотъ Палкашка лежалъ и мухъ зеленыхъ ловилъ рыломъ, чавкалъ все, а Варнашки съ ними не было, Варнашка еще махонькій былъ, онъ въ сѣняхъ въ кошёлкѣ лежалъ и все скулилъ, просился чего-то...

Каждое мѣсто, каждая примѣта въ лѣсу наводила на Голована все новыя и новыя воспоминанія и онъ шелъ и шелъ впередъ, не замѣчая, какъ уже начали измѣнять ему его крохотныя ножки, не ладно обутыя, безъ отцовскаго присмотра... И Варнашка уже угомонился, идетъ степенно, рядомъ съ хозяиномъ, по сторонамъ перешталъ уже метаться, сталъ вопросительно поглядывать на Голована:—«что-же, молъ, не пора-ли и привальчикъ легенькій сдѣлать, да перекусить чѣмъ по обычаю?»

Распуталась одна нога на ходу, присѣлъ Голованъ переобуться, да такъ и заснулъ, самъ не помня, какъ это случилось, привалился головкою на котомку и захранѣлъ, а Варнашка обнюхала его, оглядѣлась кругомъ; поворчала и свернулась тоже клубочкомъ.

Проснулся мальчикъ, а солнце уже на склонъ пошло, перевалило свою самую высокую точку подъема, прохладно такъ стало въ лѣсу, даже и слишкомъ прохладно. Озябъ Голованъ, проспавши на сырой холодной землѣ, закусилъ, подѣли-

Картина **ВОЛЬЦЕ**.

Крестъ въ горахъ

ся съ товарищемъ и снова въ путь пустился, оглядѣвшись и намѣтивъ, пока еще знакомую, дорогу.

Заночевали они первый разъ въ дорогѣ, выбравши укромное мѣстечко: на увалѣ, за большимъ камнемъ. Пробовалъ было мальчикъ огонь развести, да дѣло не выгорѣло, сколько онъ не бился, не загорается, да что хочешь, сырье, и трутъ что-то перестадъ дѣйствовать, сколько не щелкалъ Голованъ о кремень отцовскимъ огнивомъ.

Мальчикъ щелкаетъ, искорки красныя отскакиваютъ, Варнашка глядитъ и за каждымъ ударомъ глазами моргаетъ, а все нѣтъ толку, все ничего не выщелкивается и не вымаргивается, такъ и бросили, легли спать безъ тепла и въ потемкахъ.

А жутко, страшно такъ стало въ лѣсу, въ эту темную, сырую, холодную ночь, таёжную.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Галилей.

(Изъ Гейне.)

Стих. А. Немеровскаго.

О, солнце! Не гасни въ дали голубой,
Пали нашу землю сильнѣе!
Пусть знаютъ, что умъ геніальный собой
Зажгла вѣковая идея.....

Прекрасный, какъ ангелъ, старикъ Галилей,
Святой представитель науки,
Гонитель неправды, въ темницѣ своей
Выноситъ ужасныя муки.

Но въ чемъ виноватъ онъ? За что онъ сидитъ
Вдали отъ веселаго свѣта?
Открылъ онъ, что солнце недвижно стоитъ,
А вертится наша планета.

Монахи рѣшили, что онъ—еретикъ,
Что гибель приноситъ и вредъ онъ;
За это быть долженъ безбожный старикъ
Суду инквизиціи преданъ.

А судъ повторилъ, что идеей смущенъ
Старикъ еретической, лживой;
Достоенъ ужасной погибели онъ —
Умретъ еретикъ нечестивый!

Вращайся-жъ быстрѣе, о шаръ нашъ земной;
О, солнце, свѣтися-же краше!
Пускай отъ рѣшенья такого тоской
Сердца переполнятся наши!....

Взгляните: предъ вами встаетъ со скамьи
Старикъ величавый, суровый,
Готовый отвергнуть идеи свои,
Проклясть убѣжденья готовый.

И ницъ передъ судьями палъ Галилей,
Взложивъ на евангелье руки,
Отрекся отъ мысли преступной своей
Великій питомецъ науки.

Но вдругъ онъ поднялся и, топнувъ ногой,
Воскликнулъ въ ужасномъ волненьи:
«И все-таки вертится шаръ нашъ земной,
А солнце стоитъ безъ движенья»!..

Изъ Сенеки.

Стих. А. М. Иванова.

Мужайся! мальчишкамъ къ лицу лишь боязнь:
Ты мужъ—иди смѣло на казнь.

Мужайся! пусть колъ тебя въ будущемъ ждетъ;
Но честь на колѣ не умретъ.

Мужайся! предъ пыткой дрожатъ лишь рабы—
Ты честный противникъ судьбы.

Мужайся! всѣхъ славныхъ губила судьба,
Какъ губитъ теперь и тебя.

Мужайся! ты къ смерти идешь, смерть любя —
И смерть да утѣшитъ тебя!

Судебная ошибка.

Романъ Ф. Буагобея. Переводъ С. И. Воскресенской

(*Продолженіе.*)

Глава III.

Прошло нѣсколько дней послѣ того, какъ Пьедушъ, вслѣдъ за своей неудачей въ погонѣ за Толбіакомъ, встрѣтилъ вознагражденіе своему усердію въ лицѣ супруговъ Галупья и стрѣлочника Камбремера. Условіе, заключенное имъ съ угольщикомъ, исполнялось съ строгою точностью: каждый вечеръ, онъ угощалъ ихъ въ «Вѣчномъ Огнѣ» и вручалъ имъ, отъ имени набоба, пятьдесятъ франковъ. Но мужу и женѣ все еще не посчастливилось повстрѣчать загадочной горничной, хотя они не щадили себя и добросовѣстно ходили каждое утро и вечеръ въ Елисейскія поля и Булонскій лѣсъ.

Старикъ Лекокъ, не надѣясь на большой успѣхъ съ этой стороны, ждалъ съ нетерпѣніемъ посѣщенія Камбремера, отъ котораго онъ могъ получить свѣденія, способныя уяснить поведеніе Толбіака; но все это было тоже гадательно, и несчастный отецъ помышлялъ съ ужасомъ о томъ, что апелляціонный срокъ быстро сокращается, унося, съ каждыми сутками, часть надеждъ на спасеніе.

Толбіакъ, въ образѣ Гольца, побывалъ еще разъ у набоба съ извѣстіемъ о томъ, что онъ напалъ на слѣдъ родственниковъ маіора, но онъ не сказалъ ничего болѣе опредѣленнаго, и поѣздка его по орлеанской дорогѣ, вмѣстѣ съ бывшею горничной Маріи Фасситъ, осталась неразрѣшенной загадкой. Но, сопоставляя донесенія Пьедуша съ разсказами угольщиковъ и Камбремера, Лекокъ приходилъ къ заключенію, что онъ не ошибался въ своихъ предположеніяхъ, и что убійство въ улицѣ Арбалетъ имѣло съ наслѣдствомъ О'Сюлливана какую-то связь, выслѣдить которую, онъ не былъ еще въ состояніи. Его поразило тоже открытіе какого-то «Леконта» въ числѣ родственниковъ маіора, и онъ почти не сомнѣвался въ томъ, что Тереза могла имѣть права на свою долю наслѣдія въ большомъ капиталѣ, о которомъ шла рѣчь. Но если бы даже эта догадка была безошибочной, все это мало поясняло суть дѣла. Чтобы не терять времени понапрасну, набобъ продолжалъ посѣщать г-жу Дизни, которая не переставала быть крайне любезною съ нимъ. Онъ сдѣлалъ даже два или три визита хорошенькой Эрминіи, закадычному другу Арабеллы, знавшей всѣ ея тайны, какъ она говорила. Но если она была, дѣйствительно, посвящена въ эти тайны, то хранила ихъ свято, потому что набобъ узналъ отъ нея, въ видѣ легкихъ намековъ, только то, что бѣлокурая Арабелла не всегда царила въ раззолоченыхъ салонахъ, а живала и въ болѣе простыхъ апартаментахъ. Эрминія дала тоже понять, что права Толбіака на титулъ владѣтельнаго барона, съ частичкою «де», были не исторически достовѣрны, но она ограничилась, въ этомъ отношеніи, полу-шутками, такъ что Лекокъ даже пожалѣлъ о времени, потраченномъ на это знакомство. Тѣмъ желательнѣе было ему теперь повидаться съ Камбремеромъ, съ которымъ онъ долженъ былъ потолковать подъ именемъ Вине.

Съ своей стороны, Камбремеръ желалъ поскорѣе переговорить съ такимъ опытнымъ человѣкомъ, чтобы выдти изъ того раздраженія и тревоги, въ которыхъ онъ находился въ послѣдніе дни. Бесѣда съ Пьедушемъ возбудила въ немъ самыя противоположныя чувства. Онъ не могъ не радоваться той мысли, что Марта будетъ богата, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ пугался опасностей, которыми грозилъ путь къ этому богатству. Различныя обстоятельства оправдывали его безпокойство. Въ день его разговора съ Пьедушемъ, незнакомая женщина хотѣла увести дѣвочку; далѣе, Марта разсказывала отцу, что за нею постоянно слѣдитъ, при ея возвращеніи изъ школы, какой-то человѣкъ въ блузѣ и съ большой палкой въ рукѣ. Этотъ человѣкъ не заговаривалъ съ нею, но смотрѣлъ на нее съ такимъ злымъ выраженіемъ, что она всегда старалась убѣжать поскорѣе подальше.

Послѣ такого разсказа, Камбремеръ не могъ оставаться спокойнымъ и долженъ былъ принять мѣры къ охраненію дочери. Самъ онъ, по своей службѣ, не могъ постоянно провожать дѣвочку, но онъ попросилъ начальницу школы, въ которую ходила Марта, не отпускать ее домой иначе, какъ вмѣстѣ съ другими дѣтьми. Сверхъ того, онъ обратился съ просьбою къ своей сосѣдкѣ по квартирѣ, прачкѣ по ремеслу и очень порядочной женщинѣ, наблюдать, по возможности, за дѣвочкою въ отсутствіи отца. Послѣ происшествія на рельсахъ, онъ уже боялся брать ее съ собою на стрѣлку; такимъ образомъ, онъ долженъ былъ поневолѣ поручать посторонимъ лицамъ надзоръ за тѣмъ, что ему было дороже всего на свѣтѣ. Такъ было и въ тотъ день, когда онъ, воспользовавшись свободнымъ временемъ, отправился, по совѣту Пьедуша, къ вдовѣ Леконтъ. Онъ уѣзжалъ тѣмъ спокойнѣе, что Марта, уставъ отъ игры съ другими дѣтьми, вздумала лечь спать гораздо ранѣе обыкновеннаго. Камбремеръ попросилъ сосѣдку не будить ребенка и отправился поспѣшно къ Аустерлицкому мосту, отъ котораго отходилъ пароходъ. По разсчету Пьера, онъ могъ быть у г-жи Леконтъ въ восемь часовъ и воротиться домой къ десяти.

Въ то самое время, какъ онъ ѣхалъ внизъ по Сенѣ, Тереза сидѣла съ своею матерью въ той гостиной, въ которой такъ часто приходилось ей весело разговаривать съ женихомъ. Г-жа Леконтъ старалась убѣдить дочь уѣхать на время изъ Франціи. По ея мнѣнію, это было самое лучшее: оставаться въ Парижѣ было для нея и для Терезы слишкомъ тяжело, даже въ случаѣ смягченія приговора, потому что смертная казнь могла быть замѣнена лишь пожизненной каторгой... Невѣста каторжника!.. Это было слишкомъ ужасно... Но Тереза не хотѣла слышать объ отъѣздѣ; онъ казался ей какимъ-то постыднымъ бѣгствомъ. Къ тому же, она продолжала твердо вѣрить въ невинность Люи, несмотря на всѣ улики, несмотря на его собственное молчаніе, несмотря на приговоръ присяжныхъ и на общее убѣжденіе. Она вѣрила, потому что любила.

Разговоръ объ отъѣздѣ повторялся нѣсколько разъ, но Тереза отвѣчала постоянно отказомъ. Это поселило даже между матерью и дочерью, если не холодность,—онѣ слишкомъ любили другъ друга для этого,—то нѣкоторую принужденность и молчаливое недовольство. Едва только рѣчь касалась этого несчастнаго предмета, Тереза старалась перемѣнить разговоръ или даже уходила изъ комнаты, подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ. Въ этотъ день г-жа Леконтъ отказалась первая отъ всякой дальнѣйшей попытки убѣдить дочь, при видѣ того унынія, съ которымъ молодая дѣвушка встрѣтила ея первыя слова.

— Богъ съ тобою! сказала она, вставая и цѣлуя Терезу въ лобъ.—Я пойду лучше, помолюсь о томъ, чтобы Господь сохранилъ тебя отъ отчаянія и внушилъ тебѣ болѣе здравый взглядъ на вещи...

Молодая дѣвушка не отвѣтила и, оставшись одна, вышла на балконъ, бывшій свидѣтелемъ столькихъ нѣжныхъ бесѣдъ ея съ женихомъ... Она простояла нѣсколько времени, облокотясь на перила и погрузясь въ тяжелыя думы... Какой-то говоръ заставилъ ее очнуться. Она посмотрѣла въ ту сторону, откуда слышались голоса, и увидала, что Антуанъ, старшій изъ слугъ дома,

спорилъ у рѣшетки съ какимъ-то человѣкомъ, одѣтымъ подобно принарядившемуся рабочему.

Старый слуга, получившій приказъ не принимать никого, буквально исполнялъ его. Онъ не долго разсуждалъ съ посѣтителемъ и захлопнулъ рѣшетку ему передъ носомъ. Незнакомецъ удалился съ огорченнымъ видомъ.

Эта сцена пробудила тяжелое воспоминаніе въ сердцѣ Терезы. Этотъ самый Антуанъ впустилъ того рокового полицейскаго агента, который арестовалъ де-Жантильи. Увидавъ теперь, что онъ говоритъ съ какимъ-то скромно одѣтымъ человѣкомъ, Тереза невольно подумала, что этотъ незнакомецъ явился не иначе, какъ по дѣлу, относящемуся до ея несчастнаго жениха. Эта догадка не основывалась ни на чемъ, но при томъ крайнемъ напряженіи нервной системы, въ которомъ находилась бѣдная дѣвушка, каждое, даже самое незначительное обстоятельство, принимало въ ея глазахъ преувеличенное значеніе. Она думала, что отецъ Люи искалъ средствъ для тайнаго сообщенія съ нею, и потому, при видѣ незнакомца, ей пришло тотчасъ въ голову, что Антуанъ прогналъ, быть можетъ, такого человѣка, который несъ ей какое нибудь драгоцѣнное извѣстіе. Съ этою мыслью, она вышла поспѣшно изъ гостиной и спустилась внизъ, чтобы разспросить Антуана, но его не было въ передней; тогда она сошла въ садъ и встрѣтила тамъ садовника, который сказалъ ей, что Антуанъ пошелъ въ Сен-Клу, чтобы отнести письмо на почту. Тереза рѣшилась подождать его возвращенія, но вечеръ былъ такъ хорошъ, что ей не хотѣлось возвращаться въ комнаты и она пошла вдоль аллеи, тянувшейся по окраинѣ парка. Вилла, построенная покойнымъ Леконтомъ, была обращена фасадомъ къ Сенѣ. Здѣсь, передъ парадными крыльцомъ, разстилался роскошный цвѣтникъ, который соединялся, по обѣимъ сторонамъ дома, съ прекраснымъ, живописнымъ садомъ; далѣе, за садомъ начиналась настоящая роща, въ которой были только прочищены аллеи для прогулки. Старый банкиръ былъ человѣкъ съ артистическимъ чутьемъ; онъ пощадилъ старыя деревья, не обратилъ дикихъ лѣсныхъ лужаекъ въ усыпанныя пескомъ площадки и дозволилъ лѣсному шиповнику развиваться на полной свободѣ. Такимъ образомъ, природный лѣсъ сливался съ искуственнымъ садомъ, и домъ тонулъ въ массѣ чудной зелени. Рѣшетка, окружавшая паркъ, скрывалась подъ покровомъ густого плюща, защищая гуляющихъ отъ нескромныхъ взглядовъ прохожихъ. Вдоль нея, по наружной сторонѣ, шла проселочная дорога, соединявшая рѣку съ Лоншанскимъ ипподромомъ. Она тянулась по пустопорожнимъ мѣстамъ, которыми пользовались булонскія прачки для просушки бѣлья, да бродяги для того, чтобы соснуть на солнышкѣ. Жители виллы рѣдко выходили на эту дорогу, однако, въ оградѣ парка, были продѣланы двѣ калитки, служившія иногда прислугѣ для сокращенія пути въ Булонь.

Тереза шла сначала по аллеѣ, надъ которою высокіе вязы образовывали густой зеленый сводъ своими вѣтвями; потомъ эта аллея съуживалась, и переходила въ тропинку, извивавшуюся между дикими порослями, окаймлявшими рѣшетку. Молодая дѣвушка любила эту аллею. Какъ часто гуляла она по ней вмѣстѣ съ Люи, слушая его увѣренія въ привязанности и строя самые розовые планы о будущемъ... Все прошло... рухнули всѣ надежды...

Тереза шла, поглощенная этими тяжелыми мыслями. Легкій шумъ внезапно вывелъ ее изъ задумчивости... Кто-то подвигался осторожно по проселочной дорогѣ и, присмотрясь хорошенько, молодая дѣвушка увидала человѣка, заглядывавшаго въ садъ сквозь зелень плюща. Тереза не была труслива; она приняла незнакомца просто за прохожаго, старавшагося подсмотрѣть, что дѣлается въ саду. Подобные случаи были не рѣдки и она уже привыкла къ нимъ. Однако, она ускорила шаги, чтобы убѣдиться въ томъ, послѣдуетъ ли за нею этотъ человѣкъ; ей показалось, что онъ не двинулся съ мѣста, но она вспомнила опять о незнакомцѣ, котораго не впустилъ Антуанъ... Можетъ быть, это былъ тотъ самый человѣкъ... онъ искалъ случая переговорить съ нею... сообщить ей что-нибудь о Люи...

Она въ волненіи опустилась на скамью, стоявшую противъ одной изъ калитокъ, и стала прислушиваться; но все было тихо и никто не показывался на дорогѣ.

«Вѣрно, я ошиблась», подумала молодая дѣвушка и встала, чтобы идти домой, вспомнивъ, что мать могла безпокоиться объ ея отсутствіи, но, въ эту самую минуту, къ ея ногамъ упалъ камень, завернутый въ бумажку. Тереза, не колеблясь, подняла его, развернула бумагу и прочла:

«Если вы хотите знать о Люи, то выходите на дорогу. Васъ ждутъ».

Она бросилась къ калиткѣ, не разсуждая о томъ, что довѣряться анонимной запискѣ было опасно. Она полагалась на свое предчувствіе, говорившее ей, что человѣкъ, не допущенный Антуаномъ, былъ присланъ къ ней именно отцомъ Люи. И если предположеніе было вѣрно, то все объяснялось такъ естественно: этотъ незнакомецъ, неполучивъ доступа въ домъ, старался найти какой-нибудь способъ, чтобы переговорить съ Терезой; увидавъ въ паркѣ женщину, онъ догодался, что это была она и, не смѣя кричать, придумалъ вызвать ее этой запиской.

Терезѣ было извѣстно, что слуги имѣли обыкновеніе прятать ключъ отъ калитки въ выемку, устроенную съ этою цѣлью въ каменномъ фундаментѣ ограды. Она нашла этотъ ключъ, отворила калитку и вышла на дорогу. Тутъ только подумала она о томъ, что поступаетъ довольно рискованно. На дорогѣ, отѣненной большими вѣтвями деревьевъ, склонившихся черезъ парковую ограду, было уже очень темно; но вправо, гдѣ лѣсъ былъ не такъ высокъ, можно было еще разбирать предметы, и Тереза увидѣла двухъ людей, притаившихся у рѣшетки. Далѣе виднѣлась какая-то темная масса, которую можно было принять за экипажъ. Сообразивъ, что мѣстность была очень пустынна и что всякій призывъ о помощи не могъ долетѣть до виллы, молодая дѣвушка отступила снова съ дороги и остановилась на порогѣ калитки. Тогда одинъ изъ людей отдѣлился отъ стѣны и направился къ Терезѣ. Она собрала все свое мужество и дала ему приблизиться, но, когда онъ былъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, она замѣтила, что онъ вовсе не походилъ, по росту и по походкѣ, на того человѣка, который говорилъ съ Антуаномъ. Ей сдѣлалось страшно и она хотѣла захлопнуть калитку, но незнакомецъ сказалъ вполголоса:

— Его отецъ желаетъ васъ видѣть.

— Его отецъ! повторила она. — О, я знала, что онъ его не покинетъ!.. Гдѣ же онъ?

— Въ двухъ шагахъ отсюда... Въ этой каретѣ, которая стоитъ на дорогѣ. Онъ не смѣетъ показываться, потому что, вы знаете, полиція его ищетъ. Ваше свиданіе съ нимъ будетъ коротко... онъ даже не выйдетъ изъ экипажа, но ему необходимо получить отъ васъ одно очень, важное, свѣденіе...

— Я готова идти, сказала просто Тереза.

Незнакомецъ тотчасъ же пошелъ впередъ, дѣлая ей знакъ слѣдовать за нимъ. Товарищъ его продолжалъ стоять неподвижно на прежнемъ мѣстѣ. Тереза прошла мимо него безъ всякаго вниманія, но, черезъ мгновеніе, она почувствовала, что кто-то обхватываетъ ее сзади двумя руками. Въ ту же минуту, человѣкъ, шедшій впереди ея, оборотился и зажалъ ей ротъ платкомъ.

Она могла только вскрикнуть задыхающимся голосомъ:

— Помогите!.. Помогите!

Ей не удалось повторить этого призыва, потому что ей крѣпко завязали ротъ и уже уносили ее къ каретѣ, кучеръ которой сидѣлъ съ бичемъ въ рукахъ, готовый хлестнуть лошадей и скрыться съ безлюдной дороги.

Однако, крикъ дѣвушки не былъ тщетнымъ; онъ былъ услышанъ тѣмъ самымъ человѣкомъ, который слѣдилъ за нею сквозь рѣшетку парка, но не рѣшился выступить впередъ, пока она разговаривала съ мнимымъ посланцемъ Лекока.

Этотъ человѣкъ догналъ похитителей въ три прыжка, и ударилъ палкою по головѣ того, который держалъ Терезу. Ударъ пришелся такъ мѣтко, что злодѣй повалился на мѣстѣ, выронивъ изъ рукъ свою жертву. Товарищъ его, на котораго тоже посыпались палочные удары, былъ до того ошеломленъ неожиданностью атаки, что бросился бѣжать, покинувъ своего сообщника на произволъ судьбы. Избавитель Терезы подумалъ прежде всего о ней. Онъ развязалъ платокъ, покрывавшій ей лицо, и хотѣлъ взять ее на руки, чтобы унести скорѣе съ опаснаго мѣста, но замѣтилъ, что она не лишилась чувствъ и была въ состояніи идти. Она даже проговорила слабымъ голосомъ:

— Благодарю васъ... и прошу, не покидайте меня... Рѣшетка осталась отворенною... пойдемте, мы будемъ въ безопасности за оградой.

— Не бойтесь ничего, сказалъ незнакомецъ.— Обопритесь на мою руку.

Тереза повиновалась, но когда она вошла въ паркъ и ея спутникъ заперъ калитку на ключъ, силы ее оставили и она опустилась на ту самую скамью, на которой сидѣла передъ тѣмъ, какъ получила предательскую записку.

Незнакомецъ стоялъ возлѣ нея, молча, ожидая, чтобы она заговорила. Тереза не могла разсмотрѣть его лица, но ей казалось, что она узнаетъ того человѣка, котораго не захотѣлъ впустить старый слуга. Она не ошиблась. Догадываясь, что она ждетъ отъ него какого-нибудь объясненія, неизвѣстный сказалъ ей почтительно:

— Я очень радъ, сударыня, что мнѣ пришло на мысль слѣдить за вами вдоль рѣшетки. Значитъ, оно вышло лучше, что вашъ слуга не захотѣлъ допустить меня... Будь иначе, я не случился бы здѣсь въ ту минуту, когда эти бездѣльники бросились на васъ.

— Такъ это были вы! Вы хотѣли переговорить съ моею матерью?

— Съ г-жею Леконтъ.

— Я дочь ея.

— Я разумѣю г-жу Леконтъ, вдову парижскаго банкира.

— Вы у нея, она будетъ очень рада принять васъ. Если вы хотите, я васъ тотчасъ проведу къ ней.

— Благодарю васъ, сударыня, но я думаю, что вы не успѣли еще оправиться отъ своего испуга. Не лучше ли мнѣ отложить мое посѣщеніе до другого дня?..

— Зачѣмъ? Вы имѣли, по всей вѣроятности, цѣль... Можетъ быть, даже очень важную... Пойдемте; я совершенно пришла въ себя.

— Не могу не удивляться вашему мужеству, сударыня, и думаю, что дѣйствительно будетъ лучше, если я провожу васъ до дома. Другіе злоумышленники притаились, пожалуй, гдѣ-нибудь... могутъ перелѣзть черезъ ограду...

— Вы правы, сказала Тереза.—Пойдемте.

Она пошла обратно по той же дорогѣ, рядомъ съ своимъ избавителемъ, который, казалось, былъ смущенъ своимъ случайнымъ положеніемъ. Тереза, взволнованная всѣмъ происшедшимъ, ду-

мала, однако, болѣе о томъ, что скажетъ ей этотъ человѣкъ, котораго она продолжала считать довѣреннымъ лицомъ Лекока, чѣмъ о той опасности, которой она подвергалась. Но она не знала, какъ приступить къ разговору; незнакомецъ началъ самъ, послѣ нѣкотораго молчанія:

— Я полагаю, сударыня, что вамъ не худо послать кого-нибудь изъ вашихъ людей тотчасъ же на дорогу... Я надѣюсь, что я не убилъ этого молодца, но, кто его знаетъ... можетъ быть, и хватилъ слишкомъ усердно... Въ такомъ случаѣ, надо же заявить... Да если онъ только раненъ, нельзя же оставить его безъ пособія.

— Послушайте, сказала твердымъ голосомъ Тереза,—я вамъ обязана жизнью, но у меня къ вамъ просьба... Умоляю васъ не говорить никому, даже моей матери, о томъ, что случилось.

— Однако, сударыня, если ударъ былъ смертельный...

— Вамъ нечего будетъ себя упрекать: вы нанесли этотъ ударъ, защищая меня отъ насилія... И если бы васъ вздумали обвинять, то я засвидѣтельствую всю истину... Но, повѣрьте, никто жаловаться не будетъ... потому что, какъ вы сами должны догадаться, меня хотѣли погубить тѣ же лица, которыя способствовали осужденію Люи...

— Люи, повторилъ незнакомецъ въ недоумѣніи.

— Да его отецъ сообщилъ вамъ, вѣроятно... Вы, присланы имъ, я угадала это.

— Извините, сударыня, но я васъ не понимаю... Я не знаю, о комъ вы говорите.

— Какъ! Вы не отъ него? Вы не принесли мнѣ...

Она не договорила, увидавъ, въ сосѣдней аллеѣ свѣтъ фонаря, и услышавъ голосъ своей матери. Догадываясь, что г-жа Леконтъ, встревоженная ея отсутствіемъ, ищетъ ее, Тереза обратилась къ своему спутнику и проговорила поспѣшно:

— Во всякомъ случаѣ, еще разъ прошу васъ: ни слова объ этомъ происшествіи... и не опровергайте того, что я буду говорить.

Она пошла быстро навстрѣчу матери и сказала ей:

— Я заставила тебя безпокоиться, мама? Прости меня... за то, я привела тебѣ такого человѣка, который сообщитъ тебѣ важныя вещи.

Картина, представляемая четырьмя дѣйствующими лицами этой сцены, была очень своеобразна. Незнакомецъ, крайне сконфуженный, мялъ въ рукахъ свою шляпу. Г-жа Леконтъ, непріятно изумленная тѣмъ, что встрѣтила свою дочь въ обществѣ неизвѣстнаго человѣка, смотрѣла на обоихъ, не зная, къ кому изъ нихъ обратиться за объясненіемъ. Антуанъ, пораженный не менѣе своей госпожи, глядѣлъ, вытаращивъ глаза, на человѣка, не пущеннаго имъ на порогъ дома. Одна Тереза казалась спокойной и продолжала естественнымъ голосомъ:

— Все вышло изъ того, что Антуанъ слишкомъ поусердствовалъ. Онъ не принялъ посѣтителя, который, увидя меня въ саду, обратился ко мнѣ, и я сочла своимъ долгомъ доставить ему случай переговорить съ тобою, мама. Не пойдемъ ли мы въ гостиную?

Болѣе ничего не оставалось дѣлать. Г-жа Леконтъ покорилась необходимости.

— Не угодно ли вамъ? сказала она, направляясь къ дому, чтобы покончить поскорѣе сцену, которую находила почти неприличною.

— Съ кѣмъ имѣю я честь говорить? спросила она довольно сухо, приглашая знакомъ гостя занять кресло возлѣ ея дивана.

— Сударыня, началъ онъ съ видимымъ замѣшательствомъ,—имя мое совершенно неизвѣстно вамъ, и вы даже удивитесь, быть можетъ, моей смѣлости придти сюда, когда я вамъ скажу, что я простой рабочій, служащій стрѣлочникомъ на Орлеанской желѣзной дорогѣ. Зовутъ меня Пьеръ Камбремеръ.

— Прошу васъ объяснить мнѣ причину вашего посѣщенія, сказала вдова.

Камбремеръ пошевелился на своемъ креслѣ, посмотрѣлъ въ одну сторону, въ другую, и, очевидно, не зналъ, съ чего начать.

Наконецъ, онъ рѣшился приступить къ дѣлу прямо, безъ околичностей.

— Вы найдете мой вопросъ страннымъ, сударыня, сказалъ онъ,—но я желалъ бы получить отъ васъ одно свѣденіе... Какъ звалась мать г. Леконта, вашего покойнаго мужа? Не была ли она изъ фамиліи О'Сюлливанъ?.. Именно, Джорджина О'Сюлливанъ?

На лицѣ г-жи Леконтъ выразилось изумленіе, но она возразила тѣмъ же холоднымъ тономъ:

— Если бы и такъ, какое дѣло до этого постороннимъ?

— Я объясню вамъ сейчасъ, началъ Камбремеръ, успѣвшій немного оправиться.—Моя покойная жена, оставившая мнѣ малолѣтнюю дочь, была бѣдная работница, какъ и ея мать, но происходила изъ хорошей ирландской фамиліи: О'Сюлливанъ...

— О'Сюлливановъ много въ Ирландіи, перебила г-жа Леконтъ.

— Такъ мнѣ и говорили, и я никогда не вздумалъ бы розыскивать родню моей жены, еслибы добрые люди не присовѣтовали... Недавно, перебирая разныя старыя бумаги, я нашелъ цѣлый фамильный списокъ и увидалъ изъ него, что одна изъ тетокъ моей тещи, дѣвица О'Сюлливанъ, вышла замужъ, въ 1819 году, за г. Жозефа Леконта, занимавшаго, въ то время, у нотаріуса...

— Моего дѣда звали Жозефъ! воскликнула Тереза, слушавшая разговоръ со вниманіемъ.

Г-жа Леконтъ, знавшая очень хорошо, что отецъ ея покойнаго мужа служилъ въ нотаріальной конторѣ, а мать была ирландка, по фамиліи О'Сюлливанъ, не торопилась, однакожь, признавать родство своей дочери съ дочерью какого-то рабочаго; сверхъ того, она сильно подозрѣвала, что этотъ человѣкъ намѣревался эксплуатировать родственныя отношенія, и потому рѣшилась воздерживаться отъ всякихъ лишнихъ изліяній.

— Бабка моей жены звалась: Елизабета, продолжалъ, между тѣмъ, Камбремеръ,—а ея сестра, вышедшая за г. Леконта, была Джорджина, какъ я уже сказалъ...

— Все это такъ, подхватила Тереза.—Ты мнѣ столько разъ разсказывала, мама, что меня хотѣли даже назвать Джорджиной, въ честь прабабушки...

— Въ такомъ случаѣ, робко произнесъ стрѣлочникъ,—я не ошибся, и моя маленькая Марта приходится вамъ кузиной... О, не бойтесь, сударыня! продолжалъ онъ, увидя непріязненное выраженіе на лицѣ матери Терезы,—я вовсе не ищу, чтобы вы признали мою малютку своею родственницею; я знаю, что мы принадлежимъ не къ одному обществу и что я не могу знаться съ вами. Не думайте тоже, что я желаю просить у васъ какой нибудь помощи или покровительства... Я зарабатываю себѣ средства къ жизни, благодареніе Богу! и не нуждаюсь ни въ комъ.

— Въ такомъ случаѣ, сказала вдова, смягченная этими словами,—потрудитесь объяснить, чего вы желаете отъ меня.

— Отъ васъ, сударыня, ничего. Но я хотѣлъ собрать справки, потому что, если моей Мартѣ придется получить наслѣдство со стороны О'Сюлливановъ, то и ваша дочь будетъ имѣть право на свою часть... Надежды на это наслѣдство очень шатки, конечно, но если что случится, я не замедлю васъ увѣдомить, для того, чтобы вы могли требовать свою долю.

Г-жа Леконтъ была тронута такимъ безкорыстіемъ.

— Извините меня, сказала она Камбремеру,—если я встрѣтила довольно сухо ваши первыя слова; это потому, что я никакъ не ожидала найти себѣ родственниковъ. Мой покойный мужъ старался не разъ отыскать кого-нибудь изъ потомковъ своего прадѣда, О'Сюлливана, но всѣ его поиски не повели ни къ чему. Но на какихъ именно документахъ основываете вы наше родство?

— Собственно документовъ у меня нѣтъ, но въ спискѣ, о которомъ я говорю, помѣчены мѣста и время рожденія всѣхъ лицъ; слѣдовательно, не трудно будетъ вытребовать и самые акты.

— Это вѣрно... и я прошу васъ, милостивый государь, вѣрить тому, что ни я, ни моя дочь не постыдимся никогда признавать вашу Марту нашею родственницей, сказала г-жа Леконтъ, уже совершенно ласковымъ голосомъ.

— Вы приведете ее къ намъ, не такъ ли? прибавила Тереза, бросивъ на него взглядъ, тронувшій Пьера до глубины души.

— Но только, прибавила г-жа Леконтъ,—я должна васъ предупредить, что врядъ-ли наши ожиданія на счетъ наслѣдства осуществятся. Мать моего мужа принадлежала къ очень бѣдной семьѣ.

— Я знаю, сударыня, но я не могъ оставить безъ вниманія рѣчей одного господина, изъ-за котораго чуть было не погибла моя дочь...

— Какъ его зовутъ? спросила г-жа Леконтъ.

— Г. Толбіакъ де-Теншебре. Я узналъ его адресъ, впрочемъ, совершенно случайно... Самъ онъ—личность довольно загадочная... Но я не хочу болѣе безпокоить васъ сударыня... Еще только одно слово: я буду совѣтоваться объ этомъ дѣлѣ съ однимъ человѣкомъ, который берется обо мнѣ хлопотать; позволяете вы мнѣ сообщить ему, что ваша дочь происходитъ, по женской линіи, тоже изъ рода О'Сюлливанъ?

— Даю вамъ на это полное разрѣшеніе и даже прошу васъ сообщить мнѣ результатъ вашей бесѣды съ этимъ человѣкомъ...

— Я увижу его завтра.

— А послѣ-завтра, вы приведете къ намъ Марту, снова прибавила Тереза, протягивая Камбремеру руку.

Выйдя на набережную, онъ постарался привести въ порядокъ свои мысли. Чего ни случилось въ этотъ вечеръ! Самымъ важнымъ событіемъ была, конечно, его драка съ похитителями Терезы... Надо было, кстати, взглянуть, что сталось съ человѣкомъ, который упалъ на землю подъ его ловкимъ ударомъ... «Удивительно, думалъ при этомъ Пьеръ, направляясь къ мѣсту побоища,—кто могъ желать сдѣлать зло такой милой, доброй дѣвушкѣ?.. И какимъ образомъ она, повидимому, такая сострадательная, не чувствовала ни малѣйшаго участія къ несчастному, можетъ быть, испустившему духъ, потому что ему не подали пособія?... И отчего она скрываетъ все отъ матери».

Камбремеръ не зналъ, что Тереза считала своихъ похитителей врагами и палачами Люи Лекока, и потому не могла питать къ нимъ ни малѣйшей жалости. Она имѣла тоже свои причины скрывать происшествіе отъ г-жи Леконтъ; заговоря о немъ, Тереза была бы вынуждена объяснить, зачѣмъ она вышла на дорогу, то есть, открыть свои сношенія съ старымъ Лекокомъ, а она дала обѣщаніе сохранять ихъ втайнѣ. Все это было неизвѣстно Камбремеру, и поведеніе молодой дѣвушки ставило его въ тупикъ. Но еще болѣе изумился онъ, не найдя никого на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ оставилъ человѣка, оглушеннаго его ударомъ. Пьеръ оглядѣлъ все мѣсто кругомъ, но тѣла не оказывалось.

— Молодцы! сказалъ онъ.—Значитъ, воротились и подобрали этого,—живого или мертваго,—и увезли, чтобы не оставить уликъ. Ну, и ладно!

Онъ пошелъ, торопясь, къ станціи конно-желѣзной дороги, разсчитывая воротиться въ Парижъ этимъ путемъ, но недавняя сцена похищенія не выходила у него изъ головы и напомнила ему о женщинѣ, старавшейся увести Марту изъ Ботаническаго сада. Ему стало какъ-то жутко при этомъ воспоминаніи и онъ охотно подогналъ бы вагонныхъ лошадей, чтобы прибыть скорѣе домой. Нетерпѣніе овладѣло имъ даже до такой степени, что сойдя съ имперіала на площади Согласія, онъ нанялъ фіакръ, чтобы добраться скорѣе къ себѣ. Фіакръ былъ большею роскошью для бѣднаго труженика, но Пьеромъ начинала овладѣвать такая странная тоска, что онъ рѣшился на этотъ чрезвычайный расходъ. Выйдя изъ экипажа у своей квартиры, Камбремеръ, расплачиваясь съ извощикомъ, услышалъ довольно странную фразу.

— Это вѣрно его привезли, сказала какая-то прачка, стоявшая у воротъ. На дворѣ поднялся общій говоръ, забѣгали люди, но стрѣлочникъ зналъ, что фіакры въ этомъ бѣдномъ кварталѣ большая рѣдкость, и потому не удивился производимому впечатлѣнію. Онъ прошелъ прямо къ сосѣдкѣ, подъ надзоромъ которой оставилъ дочь; но едва онъ отворилъ дверь, эта женщина поднялась съ мѣста и воскликнула:

— Вотъ какія вы шутки шутите!

— Шутки? повторилъ онъ въ недоумѣніи.

— Да... не похоже на васъ... Ладное-ли дѣло пугать такъ народъ...

— Что такое, тетка Сорбье?.. Я не понимаю.

— Ну, да, не понимаете!.. Хотя малютку-то пожалѣли бы... Вѣдь она вся посинѣла съ испуга!

— Что! произнесъ Камбремеръ, блѣднѣя самъ, какъ мертвецъ.—Гдѣ она?.. Гдѣ?

— Гдѣ! это уже слишкомъ! Сами за нею присылали...

— Я... присылалъ...

— И еще какую фрю прислали!.. Хвостомъ вертитъ... жена мэра въ Шантильи... дама патронесса... и еще не знаю что!.. А только не понравилась она мнѣ... такъ и хотѣлось ей залѣпить...

Несчастный отецъ начиналъ понимать, что его постигло что-то ужасное.

— Говорите: что случилось? сказалъ онъ такимъ голосомъ, что г-жа Сорбье остановила потокъ своего многорѣчія, а другія женщины, столпившіяся изъ любопытства на порогѣ, придвинулись ближе, переглядываясь съ испугомъ.

— Случилось... случилось то, что вы лучше меня знать должны! сказала прачка.—Съ часъ времени послѣ того, какъ вы ушли... Марта уже давно спала... подъѣзжаетъ экипажъ... нарядный такой... изъ него выскакиваетъ барыня, влетаетъ сюда на дворъ, какъ бомба... Здѣсь живетъ стрѣлочникъ, Пьеръ Камбремеръ?.. Здѣсь, говоримъ... А дочь его гдѣ?.. Вамъ на что?.. А на то, говоритъ, что я пріѣхала сюда только ради добраго дѣла, и вы напрасно принимаете меня такъ неучтиво... и потомъ, то и другое... Словомъ, тараторила полчаса... Ахъ, чтобъ тебя, думаю...

— Разсказывай скорѣе, тетка Сорбье, шеп-

Картина Е. ШТАММЕЛЯ.

Приглашеніе на свадьбу.

Рѣзалъ на деревѣ **Л. Гейтландъ.**

нула прачкѣ другая женщина, видя страданіе на лицѣ Камбремера.

— Сейчасъ. Сказала мнѣ эта барыня: Я пріѣхала за дѣвочкой. Камбремера придавило буфферами... онъ чуть живъ... хочетъ благословить дочь...

— И вы ее отпустили? вскрикнулъ Пьеръ.

— Поставьте себя на мое мѣсто! Какже было не отпустить?.. Разумѣется, разбудила, одѣла...

Пьеръ не сказалъ ничего и кинулся въ ту каморку, въ которой стояла постель Марты... Маленькая кроватка была пуста.

Я разскажу все, я опишу портретъ этой бездѣльницы... чтобы ей ни дна, ни покрышки!.. Поймаютъ ее, отыщутъ... и я выцарапаю ей глаза, какъ Богъ святъ!

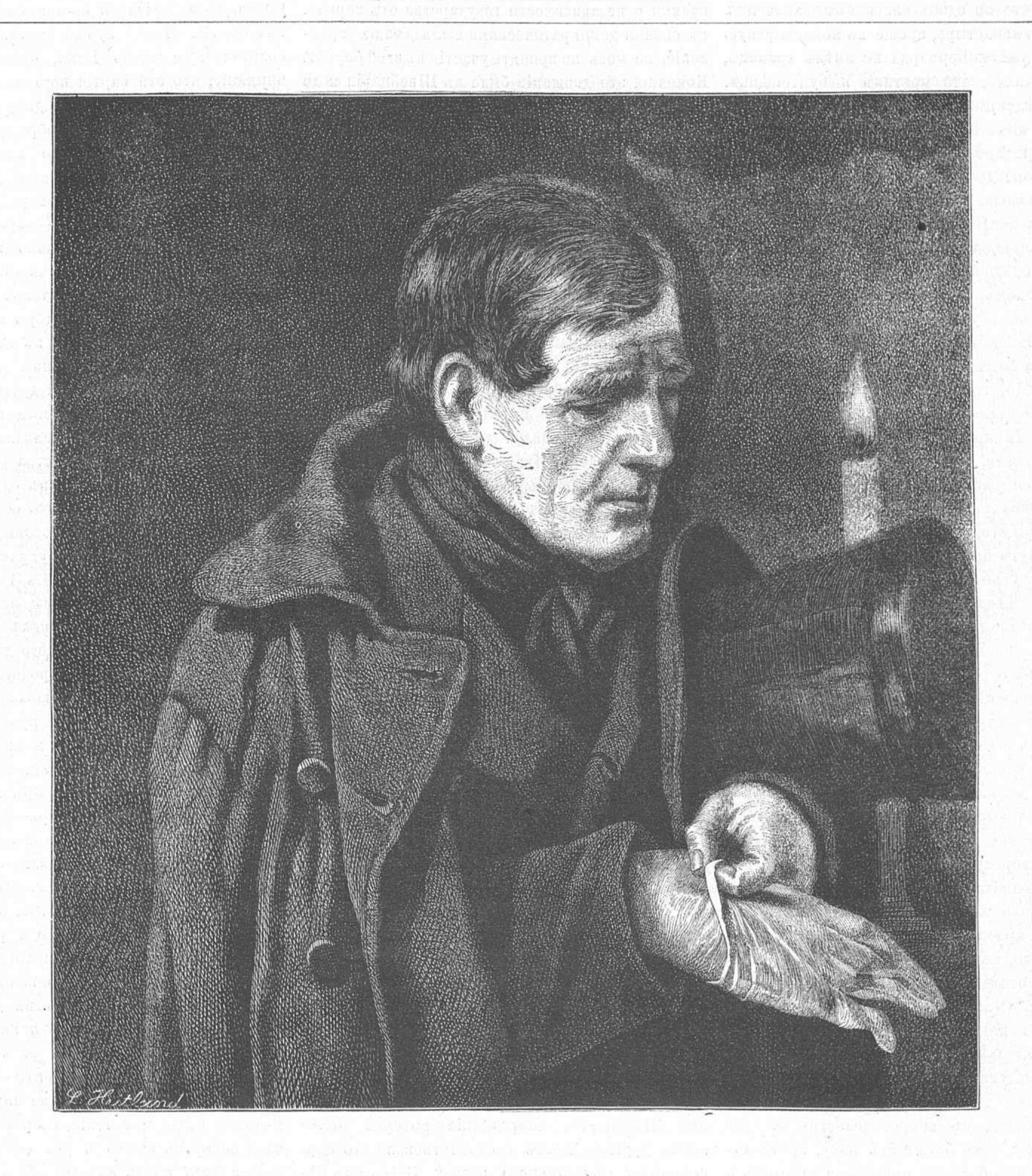
— Куда экипажъ-то поѣхалъ? спросилъ кто-то въ толпѣ.

— Къ бульвару Италія... и помчался же, я вамъ скажу!... Лошади рыжія...

— Увезли изъ города... убьютъ, шепталъ Камбремеръ.

— Не убьютъ! Ободритесь. Идемъ къ комис-

Картина Е. ШТАММЕЛЯ.

Приглашеніе на похороны.

Рѣзалъ на деревѣ **Л. Гейтландъ**.

Несчастный отецъ упалъ на колѣни и зарыдалъ. Женщины, послѣдовавшія за нимъ, стояли сначала молча, потомъ вдругъ разразились проклятіями противъ злодѣйки, разыгравшей такую предательскую комедію. Тетка Сорбье стояла, блѣдная, какъ смерть. Но она опомнилась первая.

— Слушайте, сказала она, тряся Камбремера за плечо,—я безсмысленная, я скотина, я заслуживаю, чтобы вы мнѣ голову разможжили! Но это дѣлу не поможетъ... А вотъ что: пойдемте тотчасъ же къ комиссару, подадимъ объявленіе.

сару! повторяла прачка.

— Какъ могла Марта повѣрить... она, такая понятливая... она знала, что сегодня не мое дежурство...

— Что прикажете дѣлать! Она слишкомъ любитъ васъ, поэтому все забыла въ эту минуту... Но, не теряйте времени, Камбремеръ... Пойдемте скорѣе.

Несчастный отецъ понималъ, что добрая женщина говоритъ дѣло и пошелъ вслѣдъ за нею.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Еретикъ.

Статья П. Скромнаго.

(*Продолженіе.*)

Мы не отвлеклись въ сторону, въ нѣсколькихъ словахъ напомнивъ читателю печальную судьбу средневѣковаго защитника свободы мысли, Петра Абеляра. Такая же участь постигла и его ученика, Арнольда. Абеляръ преклонился предъ авторитетомъ, нашелъ убѣжище и миръ съ церковью въ Клюнійскомъ монастырѣ при посредствѣ кроткаго аббата Петра достопочтеннаго. Такимъ образомъ, въ пользу католическаго духовенства была принесена благородная жертва. Едва ли слѣдуетъ слишкомъ строго осуждать за это Абеляра. Силамъ человѣческимъ есть предѣлъ. Онъ сложилъ оружіе послѣ жизни, исполненной великихъ превратностей и постоянной борьбы за идею, сложилъ его на закатѣ дней, когда силы его совершенно ослабѣли. Но если можно избавить отъ строгаго суда дряхлаго старца, то юноша и мужъ, полный силъ, не заслуживаютъ снисхожденія, въ случаѣ, если они

выкажутъ слабость; они должны быть во всеоружіи, должны высоко держать свое знамя. Для нихъ нѣтъ извиняющихъ обстоятельствъ. Арнольдъ былъ въ полномъ цвѣтѣ силъ, планы его еще не осуществились; дѣятельность его была еще впереди. Ему ли послѣдовать за многострадальнымъ старцемъ учителемъ? ему ли цѣною отреченія искать мира и въ тѣсной монастырской кельѣ забыть широкую арену общественной дѣятельности? Арнольдъ не подчинялся. Бернардъ съ ужасомъ видѣлъ, что и послѣ опредѣленія собора и папскаго осужденія еретикъ пользуется свободою во Франціи; онъ выражалъ соболѣзнованіе, что ни одинъ епископъ не заключитъ Арнольда въ монастырь, проще въ монастырскую тюрьму. Но ужасъ Бернарда не имѣлъ границъ, когда онъ узналъ, что еретикъ и бунтовщикъ, дважды осужденный, имѣетъ сильнаго покровителя — и, въ комъ же? въ папскомъ легатѣ! Вѣротерпимость рѣдкое свойство во всякое время, тѣмъ болѣе она достойна похвалы въ эпоху насилія и произвола. Ею и отличался папскій легатъ Гвидо-а-Кастеллисъ. Не смотря на свое высокое положеніе, которое могло быть компрометировано сношеніемъ съ такимъ подозрительнымъ человѣкомъ, каковъ былъ Арнольдъ, легатъ принялъ въ немъ участіе, — великодушіе, рѣдкое у лица высокопоставленнаго, обыкновенно слишкомъ хорошо сознающаго выгоды своего высокаго положенія, чтобы портить его участіемъ къ человѣку, прославленному еретикомъ и бунтовщикомъ. Кромѣ природной кротости характера и вѣротерпимости, происходившей отъ хорошаго образованія и уваженія къ нравственно-чистой личности Арнольда, Гвидо принялъ участіе въ судьбѣ послѣдняго, между прочимъ, и потому, что онъ проникнутъ былъ величайшимъ уваженіемъ къ Абеляру, у котораго онъ учился вмѣстѣ съ Арнольдомъ. Гвидо оказался настолько человѣчнымъ и великодушнымъ, что даже пріютилъ Арнольда въ своемъ домѣ и допустилъ его къ своей трапезѣ. Бернардъ, все приготовившій для торжества правовѣрія надъ ересью, не могъ, конечно, остановиться въ виду этого покровительства. Онъ обратился съ письмомъ къ Гвидо. А въ этомъ письмѣ съ обыкновеннымъ своимъ искуствомъ, въ изящныхъ, благочестивыхъ фразахъ «медоточивый докторъ» набрасываетъ инсинуаціи противъ Арнольда. Мы въ данномъ случаѣ мало интересуемся слогомъ и образомъ выраженія знаменитаго доктора, и потому не будемъ приводить анализа его письма къ легату Гвидо. Тема краснорѣчиваго письма та, что поступокъ Гвидо, если даже его объяснить самыми хорошими мотивами, неблаговиденъ и далѣе упорствовать въ покровительствѣ Арнольду можетъ только недругъ папы и врагъ Господа. Такой назидательный выводъ, конечно, могъ заставить призадуматься такое высокопоставленное лицо, какъ папскій легатъ. Вопросъ былъ поставленъ ясно: кто покровительствуетъ еретику Арнольду, тотъ осуждаетъ папу, противится ему. Такимъ образомъ, природная кротость и разумная вѣротерпимость становилась въ противорѣчіе съ высокимъ положеніемъ. Къ несчастію, выходъ изъ этого положенія на этотъ разъ былъ такой же, какой бываетъ въ большинствѣ случаевъ: кротость и вѣротерпимость были побѣждены высокимъ положеніемъ и должностными обязанностями. Арнольдъ остался теперь беззащитнымъ во Франціи. Гонимому скитальцу нужно было позаботиться о новомъ убѣжищѣ. Онъ отправился въ свободолюбивую Швейцарію и тамъ нашелъ убѣжище и, что для него было важнѣе, удобное мѣсто для распространенія и проведенія въ дѣло своихъ антіерархическихъ реформаторскихъ идей.

Въ это время въ Швейцаріи, какъ и въ Ломбардіи, родинѣ Арнольда, шла борьба между духовнымъ и свѣтскимъ началомъ. Аббаты сильныхъ монастырей имѣли такую же власть, какъ епископы ломбардскихъ городовъ, они фактически были князьками и пользовались властію надъ землями, вассалами и сильно тѣснили города и гражданъ. Эти послѣдніе, конечно, желали большой свободы и пользовались всякимъ случаемъ, чтобы ослабить невыгодную опеку монаховъ и устроить болѣе независимое гражданское управленіе. Они успѣли кое-что отвоевать. Но и власти духовные ставили всякія препоны этимъ ихъ свободолюбивымъ стремленіямъ. Словомъ, дѣло не обходилось безъ борьбы. Арнольдъ съ своими идеями о независимости государства отъ церкви, съ своими демократическими взглядами на управленіе, не могъ не принять участія въ этой борьбѣ. Конечно, это движеніе было въ Швейцаріи и до него, могло совершиться и безъ его прямого участія, по тѣмъ не менѣе его прибытіе въ Швейцарію было многознаменательно. Онъ могъ выяснить гражданамъ ихъ, можетъ быть, неясныя стремленія, воодушевить и, такимъ образомъ, способствовать успѣху гражданской самостоятельности въ борьбѣ ея съ церковною опекою. И здѣсь, какъ почти вездѣ въ жизни Арнольда, для насъ нѣтъ свидѣтельства, что онъ именно сдѣлалъ и какъ? Но тѣмъ не менѣе мы знаемъ, что онъ чрезвычайно много сдѣлалъ для швейцарской свободы, не смотря на кратковременность своего пребыванія тамъ. Средневѣковый хроникеръ кратко, но выразительно говоритъ объ этомъ: «Онъ явился учителемъ и въ короткое время распространилъ свое душевредное ученіе». И Бернардъ, въ письмѣ къ епископу Констанскому, замѣчаетъ, что въ его епархіи Арнольдъ «пожираетъ народъ, какъ крошки хлѣба». Блюститель правовѣрія и поборникъ авторитета, Бернардъ, думалъ доканать Арнольда и здѣсь, но на этотъ разъ безуспѣшно. Бернардъ писалъ въ своемъ обыкновенномъ стилѣ епископу констанскому Герману, что въ его домъ, или лучше въ ввѣренный его смотрѣнію домъ Божій проникъ тать и удивляется, какъ епископъ не воспрепятствовалъ ему расхищать достояніе Христово, души вѣрныхъ. Думаемъ, что епископъ Германъ съ великимъ бы удовольствіемъ воспрепятствовалъ, если бы имѣлъ власть надъ цюрихскими гражданами, защитниками Арнольда. Въ концѣ письма своего, Бернардъ даетъ епископу назидательный совѣтъ, какъ поступить съ этимъ воромъ, проникшимъ въ домъ Божій. Оказывается, что онъ съ большею охотою приказалъ бы связать Арнольда, чѣмъ изгнать его, чтобы онъ не бродилъ въ другихъ мѣстахъ и не вредилъ болѣе. Другими словами, Бернардъ совѣтуетъ употребить насиліе противъ Арнольда и захватить его въ свои руки. Но Германъ не могъ выполнить этого совѣта, хотя, можетъ быть, и желалъ бы отдѣлаться отъ тревожнаго гостя.

Арнольдъ по своей волѣ оставилъ гостепріимную Швейцарію, направленіе которой болѣе всѣхъ другихъ мѣстъ соотвѣтствовало его церковному и гражданскому идеалу. Здѣсь онъ сѣялъ не на безплодной почвѣ. Но ему хотѣлось болѣе широкой нивы. Онъ удалился въ Римъ, чтобы въ столицѣ католичества произвести желаемую церковно-гражданскую реформу. Здѣсь былъ съигранъ послѣдній актъ его жизненной драмы. Чтобы понять его дѣятельность въ Римѣ, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о стремленіяхъ современныхъ ему римлянъ.

Общій вопросъ того времени объ отношеніи власти свѣтской и духовной нигдѣ не былъ въ такомъ напряженномъ положеніи, какъ въ Римѣ. Здѣсь смѣшеніе власти свѣтской и духовной было самое непосредственное. Папа фактически давно уже сдѣлался государемъ Рима и его власть поглотила всѣ другія. Но римляне еще не совсѣмъ подчинились этой духовно-свѣтской опекѣ первосвященника короля. Въ Римѣ постоянно шла оживленная борьба партій. Главныхъ партій было три: папа и его приверженцы, императоръ и его союзники и, наконецъ, самый Римъ. Партіи перемѣшивались между собою и поочередно брали перевѣсъ одна надъ другими. Иногда папа, какъ свѣтскій владѣтель, подчинялъ себѣ всѣ другія власти; иногда императоръ становился главою Рима, а папа властію подчиненною; случалось и такъ, что народъ римскій заявлялъ свои верховныя права и пытался осуществить старое республиканское устройство Рима. Словомъ, въ Римѣ не было недостатка въ горючемъ матеріалѣ и постоянно шла оживленная борьба. Чтобы лучше понять напряженную политическую жизнь Рима, нужно принять во вниманіе, что эти партіи постоянно перекрещивались между собою въ народной борьбѣ и становились въ самыя разнообразныя положенія. Если папа пріобрѣталъ всю власть надъ Римомъ — противъ него становился императоръ въ союзѣ съ Римомъ; если императоръ стремился пріобрѣсти большую власть — народъ вооружался противъ него въ союзѣ съ папою; народъ начиналъ выказывать республиканскія стремленія и желалъ пріобрѣсти самостоятельное гражданское управленіе — папа и императоръ вмѣстѣ ратовали противъ народа. Короче, въ этой неустанной борьбѣ, сегодняшній союзникъ завтра дѣлался врагомъ, а врагъ становился другомъ. Въ описываемое нами время, стремленіе къ верховному господству надъ Римомъ, заявлялъ самъ Римъ, народъ римскій. Обстоятельства благопріятствовали этимъ стремленіямъ и въ одно время можно было думать, что за папою останется только его духовная власть и первосвященническое достоинство, а городъ будетъ управляться властію сената и народа римскаго. Съ 1137 по 1154 г. императоры не были въ Римѣ, не было ни одного похода въ Италію, такъ какъ имъ въ самой Германіи было слишкомъ много дѣла. Въ этотъ-то промежутокъ времени народная республиканская партія значительно усилилась. На античной почвѣ Италіи никогда не пропадали древнія римскія традиціи, итальянцы жили воображеніемъ въ древнемъ мірѣ и не теряли надежды видѣть снова Римъ центромъ міра. Объ этомъ думали и папы, они стремились къ верховному господству надъ міромъ, къ подчиненію своей власти всѣхъ королей и народовъ. Но римляне думали иначе: они мечтали о республиканскомъ Римѣ, о новомъ гражданскомъ устройствѣ, о первенствующей власти сената и народа римскаго. Всемірной теократической монархіи папъ, они противопоставили республику; они отрицали всякое значеніе папы и вліяніе его на дѣла гражданскія сводили къ нулю. Папа и Римъ стали другъ противъ друга и на этотъ разъ побѣдителемъ остался Римъ. Папѣ Иннокентію II пришлось со скорбію видѣть это торжество народной партіи. Римляне взяли Капитолій, избрали сенатъ и начали войну съ папою и его союзниками. Папѣ нельзя было ждать помощи отъ императора, занятаго дома, и онъ умеръ въ печали въ 1143 г. Слѣдующимъ за нимъ папамъ: Целестину II, Луцію II, Евгенію III, Анастасію IV до Адріана IV, т. е. до 1154 г. приходилось видѣть въ Римѣ республику и не пользоваться свѣтской властью надъ городомъ. Правда, папы имѣли сторонниковъ, вели войну съ римскимъ народомъ, но безуспѣшно. Папа Луцій II во главѣ своихъ приверженцевъ сдѣлалъ приступъ къ Капитолію, гдѣ былъ новый сенатъ, но результатъ былъ только тотъ, что папа поплатился жизнію. Преемникъ его, Евгеній, точно также напрасно неоднократно пытался проникнуть въ Римъ и овладѣть имъ, но въ концѣ концовъ долженъ былъ удалиться изъ Италіи во Францію. Его учитель Бернардъ выступилъ на защиту его правъ про-

тивъ римскаго народа. Онъ писалъ къ римлянамъ, обѣщая имъ блага за подчиненіе и угрожалъ наказаніемъ за упорство. Но римляне не обратили вниманія на его совѣты. Бернардъ писалъ императору Конраду, чтобы тотъ спѣшилъ въ Италію, водворилъ тамъ порядокъ и возстановилъ папу въ его правахъ. Аргументація Бернарда была хорошо разсчитана, онъ напомнилъ обязанности императора, какъ вѣрнаго сына церкви и главы государства, намекнулъ на опасность римскаго движенія для императорской власти, на возможность утратить всякое вліяніе на Италію. Все тщетно: Конрадъ былъ занятъ въ Германіи и ничего не предпринималъ.

Теперь, вѣроятно, Бернардъ припомнилъ мудрый совѣтъ, преподанный имъ Герману, епископу констанскому на счетъ Арнольда. Если бы Германъ связалъ Арнольда и заключилъ его въ тюрьму, пожалуй, римское республиканское движеніе не приняло бы столь широкихъ размѣровъ. Дѣло въ томъ, что во всемъ этомъ движеніи принималъ горячее непосредственное участіе Арнольдъ. Прибывъ изъ Швейцаріи въ Римъ, онъ сталъ во главѣ народнаго движенія, явился вождемъ и организаторомъ его. Арнольдъ жилъ своею горячею фантазіею въ древнемъ мірѣ. Онъ не принялъ на себя никакой опредѣленной общественной должности, но былъ душою движенія и организаторомъ его. Арнольдъ былъ изъ числа тѣхъ немногихъ дѣятелей, которые не заботясь о видномъ положеніи, живутъ одною только идеею и для идеи, забывая извлекать изъ движенія какія либо личныя выгоды. Арнольдъ воодушевилъ римлянъ, напомнилъ имъ древнюю славу Рима, когда вѣчный городъ, благодаря мудрости сената и храбрости римскаго народа, господствовалъ надъ міромъ. Онъ совѣтовалъ римлянамъ возобновить Капитолій, собрать сенатъ, образовать военное сословіе. Римляне избрали сто пожизненныхъ сенаторовъ и двухъ консуловъ, чтобы одинъ завѣдывалъ внѣшними, а другой внутренними дѣлами города, подъ руководствомъ сената. Для насъ, въ настоящемъ случаѣ, не важно, насколько такая организація имѣла гарантіи для своего существованія, насколько она соотвѣтствовала духу времени. Для насъ необходимо отмѣтить только этотъ моментъ въ жизни и дѣятельности Арнольда. Онъ является здѣсь дѣятелемъ политическимъ. Но не думайте, что въ увлеченіи политикою онъ забылъ свои церковныя идеи. Онѣ именно и осуществляются во время этихъ политическихъ волненій. Папа уже не въ Римѣ и не управляетъ государствомъ; за нимъ остались только его духовная власть и пастырскія обязанности; богатыя церковныя имѣнія поступили въ пользу Рима и находятся подъ управленіемъ сената. Епископамъ предоставлена проповѣдь, а управлять имуществами, чинить судъ и расправу, облагать податями и налогами, передано на обязанность сената и тѣхъ, кому онъ ввѣритъ руководство этими дѣлами. Идеи Арнольда были не только церковныя, но и гражданскія, занимавшій его вопросъ одинаково касался церкви и государства и поэтому Арнольдъ не случайно, не по увлеченію горячею фантазіею является организаторомъ народнаго правленія въ Римѣ.

Республика была основана, но этого еще было недостаточно. Для римлянъ необходимо было войдти въ сношенія съ императоромъ, они желали, чтобы онъ принялъ корону изъ рукъ сената и народа римскаго. Отъ имени сената и народа римскаго отправлено было посольство къ Конраду. Въ своемъ письмѣ къ нему, римляне изложили свои планы, надежды и стремленія. Они напомнили о томъ времени, когда при Константинѣ и Юстиніанѣ, Римъ, благодаря мудрости сената и храбрости народа, управлялъ міромъ, извѣщали, что теперь сенатъ и республиканскія учрежденія возстановлены. Папа и его партія еще оспаривали такое устройство, почему римляне просятъ императора, чтобы онъ пришелъ, устранилъ всѣ препятствія со стороны клерикаловъ, сдѣлалъ Римъ своею столицею и принялъ корону отъ сената и народа. Приглашеніе было лестное по формѣ, но смыслъ его былъ таковъ, что на него ни въ какомъ случаѣ не могли согласиться императоры изъ дома Гогенштауфеновъ. Не будемъ говорить, что всѣ планы и надежды римлянъ были продуктомъ фантазіи, воспитанной историческими воспоминаніями, а не плодомъ разсудка, опредѣляющаго настоящія политическія отношенія. Значеніе Рима, какъ силы политической, въ это время уже изчезло. На исторической сценѣ первыя мѣста уже заняли другія націи. Стремленія старца подчинить себѣ все и всѣхъ далеко не соотвѣтствовало его ослабѣвшимъ силамъ, хотя и навѣяны были воспоминаніями о героической эпохѣ его юности, когда, дѣйствительно, предъ его богатырскими силами преклонялись цари и народы. Словомъ, это была республика, если судить строго, была прекрасная поэтическая мечта, но не болѣе. Но эта мечта римлянъ ни въ какомъ случаѣ не могла увлечь императора; ихъ фантазіи должны были показаться ему оскорбительнымъ поползновеніемъ унизить его значеніе, въ корнѣ подорвать власть, которую онъ такъ ревниво охранялъ отъ всѣхъ покушеній. Замѣтьте, въ основѣ лежитъ мысль о томъ, что высшая власть принадлежитъ сенату и народу, что императоръ получаетъ свою власть отъ нихъ. Очевидно, что Гогенштауфенъ не могъ согласиться съ толкованіями народа, противными его личнымъ стремленіямъ. Онъ скорѣе призналъ бы свѣтскую власть папы, несмотря на постоянную борьбу съ папами за эту именно власть. Конрадъ, впрочемъ, просто оставилъ безъ вниманія приглашеніе заявленія римлянъ; онъ не далъ никакого отвѣта.

Фактическій отвѣтъ на римское заявленіе далъ его преемникъ Фридрихъ Барбаросса. По мнѣнію Фридриха власть императора была высочайшею властью во всемъ христіанскомъ мірѣ, она не происходитъ ни откуда, источникъ этой власти въ ней самой, она правитъ всѣми мірскими отношеніями, даже лица духовныя и церковныя учрежденія, насколько они соприкасаются съ міромъ и государствомъ находятся въ вѣдѣніи императора. Его стремленіемъ было соединеніе подъ своею властію всѣхъ земель, составляющихъ имперію Карла великаго.

Императоръ съ такими взглядами долженъ былъ явиться врагомъ римской республики. Теперь противъ нея были два сильные врага: папа и императоръ. Какія же она имѣла средства обороны? Нужно признаться, что новая республика была дѣломъ чисто фактическимъ. Арнольдъ не зналъ качества матеріала, изъ котораго онъ строилъ. Въ Римѣ не было республиканцевъ, но была толпа, которую можно было взволновать, но невозможно было сообщить ей постоянства и устойчивости. Римскіе республиканцы не умѣли защитить свою республику. Въ этомъ пришлось горько убѣдиться Арнольду тотчасъ же послѣ возшествія на папскій престолъ Адріана IV. Этотъ папа принялся за дѣло энергичнѣе своихъ предшественниковъ и оказалось, что обаяніе папской власти было несравненно сильнѣе, чѣмъ республиканскія идеи и стремленіе къ свободѣ. Папа, неимѣвшій въ рукахъ матеріальной силы, употребилъ противъ непокорнаго Рима духовное оружіе, которое побѣдило римскую республику. Папа наложилъ интердиктъ на Римъ. Городъ, не признававшій никакой власти, кромѣ сената, и отрицавшій въ принципѣ власть надъ собою папы, пріуныл и скоро совершенно смирился. Римскіе республиканцы, чтобы получить папское разрѣшеніе, отказались отъ Арнольда и отъ своей независимости. Арнольдъ былъ принужденъ оставить Римъ. Горько было народному дѣятелю сознавать, что тотъ самый народъ, который глубоко уважалъ его и чтилъ, какъ великаго учителя и святого человѣка, отказался отъ него при первой же папской угрозѣ. Но этимъ еще не кончилась исторія бѣдствій Арнольда. Удалившись изъ Рима, безпріютный скиталецъ попалъ въ руки папскаго легата Гергарда. Плѣнъ его, однакожъ, продолжался недолго. Графы кампанскіе, какъ и римскіе жители, считавшіе Арнольда святымъ человѣкомъ, освободили его и дали убѣжище въ своихъ замкахъ. Но часъ его уже пробилъ. Въ Италію шелъ для торжественной коронаціи императоръ Фридрихъ Барбаросса. Папа Адріанъ потребовалъ отъ него, какъ защитника церкви, чтобы онъ захватилъ Арнольда, возмутителя противъ церкви и государства. Императоръ оказалъ папѣ эту услугу. Онъ принудилъ кампанскихъ графовъ выдать Арнольда. Плѣнника препроводили въ Римъ, гдѣ онъ и нашелъ свой конецъ.

„Дѣдъ и внукъ“ и „Крестъ въ горахъ“.

(Рис. стр. 265 и 268.)

Картина Гроба «Дѣдъ и внукъ» и Вольце «Крестъ въ горахъ», изображаютъ два, совершенно различные момента изъ будничной жизни, но онѣ обѣ полны тихой поэзіи. Семейная сцена дѣда, играющаго съ внукомъ, знакома каждому. Только что успѣлъ расплакаться маленькій внукъ послѣ непріятнаго купанья, какъ въ комнату является дѣдъ со своей мохнатой шапкой, которую и надѣваетъ на ребенка,—этого достаточно, чтобы унялись слезы и на дѣтскомъ лицѣ появилась улыбка: внучонокъ вполнѣ счастливъ, что на немъ надѣта шапка дѣда. Эта минута между слезами и смѣхомъ отлично передана художникомъ, сумѣвшимъ вполнѣ вѣрно передать выраженіе лицъ всѣхъ присутствующихъ при этой сценѣ членовъ счастливой семьи. Совсѣмъ въ другой міръ переноситъ наше воображеніе картина Вольце, рисунки котораго уже не разъ появлялись въ нашемъ журналѣ. Картина изображаетъ горный пейзажъ. Среди уступовъ скалъ возвышается простой деревянный крестъ,—быть можетъ, это чья-нибудь могила, быть можетъ, какой-нибудь настухъ соорудилъ на память этотъ крестъ, быть можетъ, это одинъ изъ тѣхъ крестовъ, которые такъ часто встрѣчаются на дорогахъ во всѣхъ католическихъ странахъ. Но кѣмъ бы ни былъ поставленъ этотъ крестъ—онъ всегда будетъ являться мѣстомъ отдыха для всѣхъ прохожихъ, занесенныхъ судьбою въ эту мѣстность, какъ онъ служитъ мѣстомъ отдыха для этой молодой дѣвушки. Усталость, тихая грусть, молчаливое раздумье выражаются во всей ея фигурѣ, въ ея лицѣ, въ ея глазахъ. Этотъ крестъ—эмблема тишины и спокойствія; эта дѣвушка—эмблема утомленной всякими невзгодами людской души, ищущей успокоенія. Вся эта картина дышетъ миромъ и тишиною.

Два вѣстника.

(Рис. стр. 272 и 273.)

Въ Германіи существуетъ обычай присылать спеціальныхъ вѣстниковъ для приглашенія на свадьбу или на похороны, и физіономія такихъ посланцевъ должна строго согласоваться съ веселымъ или скорбнымъ торжествомъ. Что за лихой, разбитной видъ у приглашающаго на свадебный пиръ! Какъ молодецки приподнимаетъ онъ свою шляпу, разукрашенную цвѣтами и лентами, имѣющими свое символическое значеніе. «Любитесь и будьте счастливы!» говоритъ его роза. «Ростите и множьтесь!» прибавляетъ подсолнечникъ. «Такой день свѣтитъ лишь одинъ разъ

въ жизни!» заявляютъ алыя ленты. Изъ тѣхъ же цвѣтовъ и лентъ букетъ красуется на груди вѣстника, весело пестрѣя на его свѣтлой одеждѣ, пока онъ произноситъ, въ шутливой, стихотворной формѣ, свое: «Милости просимъ!»

Сообразно характеру роли, въ свадебные вѣстники избирается почти всегда юноша, или, по крайней мѣрѣ, холостой человѣкъ. Злые языки поясняютъ такой выборъ тѣмъ, что женатый никакъ не можетъ проникнуться тѣмъ веселымъ настроеніемъ, которое требуется въ данномъ случаѣ, но это истолкованіе, очевидно, слишкомъ тенденціозно.

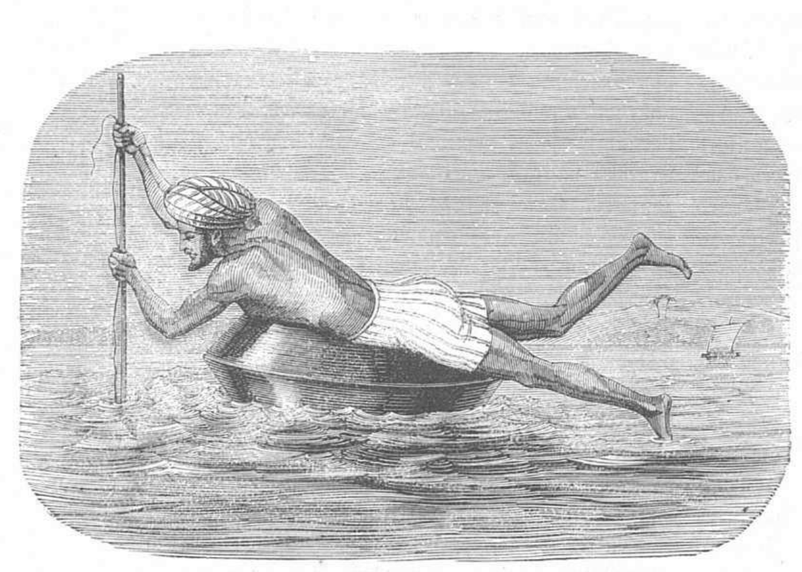
Фигура траурнаго вѣстника отличается совершенно другимъ характеромъ. Его лицо и движенія проникнуты печальнымъ достоинствомъ; голова нѣсколько склонена впередъ; глаза смотрятъ исподлобья; двѣ глубокія морщины бороздятъ щеки; углы рта стянуты внизъ; черная шляпа повита чернымъ крепомъ; черный галстухъ обмотанъ вокругъ шеи; сзади, отъ ворота платья, опускается длинная черная перевязь. Все напоминаетъ о смерти, разлукѣ и горѣ. И здѣсь опять, согласно характеру роли, въ вѣстники печальнаго событія избирается пожилой, женатый человѣкъ, извѣдавшій жизненные нужды и бремя, и которому нетрудно, поэтому, сохранить должное, горестное выраженіе лица и осанки. Самое приглашеніе передается имъ не въ забавныхъ виршахъ, не громкимъ голосомъ, а медленнымъ, глухимъ тономъ и съ курьезными старинными оборотами рѣчи.

Простой народъ въ Германіи не разстается съ обоими вѣстниками, потому что еще чувствуетъ потребность въ наглядномъ воплощеніи своихъ радостныхъ или горестныхъ чувствъ.

Индійскій рыбакъ.

Въ приморскихъ провинціяхъ Китая часто можно наблюдать весьма оригинальную рыбную ловлю, въ которой роль рыболовнаго снаряда остроумно выполняется кормораномъ, —птицею изъ породы альбатросовъ. Голодные, желтолицые сыны Небесной имперіи весьма изобрѣтательны по части отыскиванія средствъ для поддержанія своего жалкаго существованія. Замѣтивъ съ какимъ искуствомъ корморапы выхватываютъ рыбу изъ ея стихіи, китайцы задумали воспользоваться услугами пернатыхъ рыболововъ въ интересахъ своихъ голодныхъ желудковъ. Пойманныхъ кормораповъ дрессируютъ особеннымъ образомъ, а для того, чтобы птица, соблазнившись лакомымъ кускомъ, не вздумала проглотить пойманную рыбу—ей обматываютъ шею веревкой, сжимая, такимъ образомъ, горло; концы же веревки держатъ въ рукѣ, чтобы птица не улетѣла или не уплыла. Помощью длинной бамбуковой палки, китаецъ сталкиваетъ птицу въ воду и побуждаетъ ей вынырнуть уже съ добычею въ клювѣ. Птица слушается голоса своего хозяина, какъ собака. Чрезвычайно интересно смотрѣть, какъ сотни этихъ птицъ, преслѣдуя намѣченную ими жертву, какъ борзыя убѣгающую лисицу, поминутно ныряютъ на дно и опять всплываютъ на поверхность, вытаскивая иногда экземпляры рыбъ въ нѣсколько фунтовъ вѣсомъ. Корморанъ знаетъ своего хозяина и отыщетъ его въ толпѣ рыболововъ.

Не менѣе голодные сыны тропической Индіи, въ погонѣ за птицей, прибѣгаютъ къ такимъ фокусамъ, какимъ позавидовалъ бы любой жонглеръ нашихъ цирковъ. Нашъ рисунокъ изображаетъ такого эквилибриста-поневолѣ, въ его трудномъ промыслѣ. Онъ лежитъ на глиняномъ, пустомъ внутри, суднѣ, весьма легкомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма хрупкомъ, и закрываетъ грудью и животомъ отверстіе на верху судна. Вооружившись желѣзными вилами длиною до 15 футовъ и призвавъ на помощь Аллаха, рыболовъ безстрашно отдается на волю волнъ, ловко управляя помощью ногъ движеніями импровизированной лодки. Легко предвидѣть всю опасность подобной охоты: судно не прочно, члены нѣмѣютъ отъ невозможности перемѣнить положеніе тѣла; ноги, замѣняющія и руль, и весла, сводятся судорогой; вдобавокъ кругомъ пловца снуютъ крокодилы, жадно подстерегая каждое неловкое движеніе рыболова; ихъ глаза, ихъ пасти, вооруженныя острыми зубами, составляютъ весьма незаманчивую декорацію его положенія. Но голодъ не тетка, и человѣкъ съ крокодиломъ вступаютъ въ яростную борьбу за существованіе. Громкимъ крикомъ старается рыболовъ разогнать отвратительныхъ хищниковъ, плещетъ на нихъ водою, размахиваетъ вилами и вмѣстѣ съ тѣмъ не забываетъ править своимъ судномъ и прятать внутрь его пойманную вилами рыбу. Столько дѣйствій заразъ можетъ выполнить только развѣ дикарь: цивилизація раздвигаетъ общую сферу дѣятельности, но каждаго отдѣльнаго человѣка связываетъ спеціальностью.

Индійскій рыбакъ.

Честь солдата.

(Очеркъ Жюля Кларети.)

(*Окончаніе.*)

Черезъ нѣсколько времени старикъ-капитанъ оставилъ Кёльнъ. Чѣмъ больше онъ удалялся отъ этого города, тѣмъ яснѣе припоминались ему послѣднія слова Малепера. Сидя въ небольшой почтовой каретѣ, Фужерель, казалось, слышалъ приказаніе Малепера спасти ихъ знамя... Ему казалось, что Малеперъ не оставилъ его, что онъ съ нимъ ѣдетъ... Берлинъ вызвалъ въ немъ немного притихшее чувство ненависти къ нѣмцамъ вообще, а къ пруссакамъ въ особенности. Остановившись здѣсь только на нѣсколько часовъ, необходимыхъ для того, чтобы переодѣться, вынуть изъ багажа свѣжія перчатки и разспросить, какъ можно доѣхать до Потсдама, Фужерель занялъ мѣсто въ первой отходящей каретѣ въ Потсдамъ; старикъ былъ взволнованъ, какъ обыкновенно бываютъ люди долго выжидающіе чего-нибудь и наконецъ приближающіеся къ цѣли. Знамя и Малеперъ—вотъ о чемъ раздумывалъ во все время пути Фужерель, которому казалось, что онъ ужь цѣлый годъ ѣдетъ, такъ нетерпѣливо ждалъ онъ услышать, что наконецъ карета въ Потсдамѣ. «Бѣдняга, думалъ Фужерель, какъ бы онъ обрадовался, еслибы былъ живъ!»

Фужерель ни на минуту не сомнѣвался въ успѣхѣ. Онъ и не пріискивалъ способа, какъ слѣдовало дѣйствовать, чтобы вырвать знамя у враговъ: онъ только зналъ одно и былъ въ этомъ глубоко увѣренъ, что знамя должно быть и будетъ въ его рукахъ! Порой ему казалось, что онъ уже взялъ его, отнялъ и везетъ обратно на родину... Онъ грустно улыбался, когда, опомнившись, сознавалъ, что дѣло еще впереди...

Карета остановилась. Кондукторъ громко крикнулъ:

— Потсдамъ!

— Потсдамъ? переспросилъ Фужерель, какъ бы недовѣряя своимъ ушамъ.—«Неужели, мелькнуло у него въ головѣ, я уже у цѣли?..»

Фужерель вышелъ изъ кареты и у перваго попавшагося ему на встрѣчу человѣка спросилъ, какъ пройти въ «Гарнизонъ-кирхе». Изъ всего нѣмецкаго языка Фужерель помнилъ только это названіе—названіе церкви, въ которой существуетъ очевидное свидѣтельство позора его чести, чести его полка, чести родины...

Невзрачная, сѣренькая небольшая «Гарнизонъ-кирхе» въ Потсдамѣ, по всей вѣроятности, не обратила бы на себя ничьего вниманія, еслибы въ ея стѣнахъ не покоился прахъ Фридриха великаго. Она походитъ на деревенскую церковь; деревянныя скамьи, деревянныя галлереи, голыя стѣны и большія безцвѣтныя стекла въ окнахъ придаютъ ей суровый и холодный видъ протестантскихъ храмовъ. Гробница великаго короля занимаетъ большую часть ея. Памятникъ этотъ, передъ которымъ съ улыбкою удовольствія остановился побѣдитель при Іенѣ, находится на одномъ уровнѣ съ церковнымъ поломъ. Въ углубленіи, похожемъ на часовню за желѣзною рѣшоткою виденъ свинцовый гробъ безъ всякихъ украшеній. Когда-то шпага и знаки разныхъ орденовъ Фридриха великаго были единственными его украшеніями. Наполеонъ, въ 1806 году, велѣлъ перевезти ихъ во Францію. Одинъ изъ придворныхъ совѣтовалъ ему препоясать себѣ шпагу Фридриха.

— Неужели вы не знаете, спросилъ у него тогда Наполеонъ,—что у меня есть своя?

Пруссаки убрали гробъ своего короля французскими знаменами. Два пука французскихъ знаменъ украшаютъ небольшую мраморную часовню, находящуюся надъ гробницей. Надъ этой часовней расположена галлерея, на которую ведутъ двѣ узенькія лѣстницы по обѣимъ сторонамъ часовни. Стоя на галлереѣ можно видѣть бѣлыя и черныя мраморныя плиты церковнаго пола, рѣшотку, отдѣляющую гробъ отъ остальной церкви, и два пука французскихъ знаменъ, этихъ знаменъ великой арміи, полинялые цвѣта которыхъ, края, оборванные пулями (иные въ клочкахъ), такъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о храбрости старыхъ бойцовъ. Въ то время онѣ были развѣшаны такъ, что стоя на галлереѣ можно было до нихъ дотрогиваться рукою. Только нѣсколько лѣтъ тому назадъ устроена проволочная сѣтка, не допускающая подходить къ нимъ, такъ близко. Каждый французъ чувствуетъ боль въ груди при видѣ этихъ знаменъ, вырванныхъ изъ похолодѣвшихъ рукъ героевъ великаго ватерлооскаго эпилога.

Фужерель, дѣлающій надъ собою величайшія усилія, чтобы скрыть свое волненіе подъ личиной хладнокровія, при видѣ знаменъ не выдержалъ: дрожь пробѣжала по всему его тѣлу, слезы подступили къ горлу... Онъ не могъ ни шагу ступить: волненіе не дозволяло ему различать находящихся передъ нимъ предметовъ. Голова у него кружилась; въ вискахъ, точно въ кузницѣ,

ударъ за ударомъ, казалось, готовились разорвать черепъ старика въ куски...

Нѣсколько успокоившись, старикъ подошелъ къ памятнику.

— Вы, кажется, французъ и желаете осмотрѣть памятникъ? заискивающимъ тономъ обратился подошедшій къ нему, высокаго роста, мужчина. Унтеръ-офицерскій мундиръ, длинные сѣдые усы, фуражка съ двухцвѣтной кокардой: бѣлой серединкой и черною каймою—все это указывало, что обратившійся къ Фужерелю съ вопросомъ старикъ принадлежитъ къ числу немногихъ, оставшихся въ живыхъ, «черныхъ гусаръ».

— Да, отвѣтилъ Фужерель, узнавшій съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

Черный гусаръ зажегъ свѣчу, открылъ часовню и, остановившись у гроба, сталъ монотонно, равнодушно перечислять всѣ подвиги покойнаго короля... Фужерель слушалъ и молчалъ, чтобы скрыть волненіе, овладѣвавшее имъ. Когда нѣмецъ дошелъ до описанія Ватерлооскаго сраженія и сталъ перечислять, все на томъ же ломанномъ французскомъ языкѣ, подвиги пруссаковъ, Фужерель остановилъ его:

— Не нужно, сказалъ онъ. — Я это знаю, я участвовалъ въ сраженіи...

— А!

Наступила минута гробового молчанія. Вдругъ гусаръ спросилъ у Фужереля:

— Какого вы полка!

— Перваго гвардейскихъ гренадеръ! Я былъ въ послѣднемъ каре!

— А! сказалъ еще пруссакъ. — Нашъ полкъ аттаковалъ гренадеръ!

— Который?

— Черныхъ гусаръ!

Фужерель ничего не отвѣтилъ. Старикъ-капитанъ гордо выпрямился, посмотрѣлъ сверкающимъ отъ боли и гнѣва взоромъ на долговязаго пруссака и медленно вышелъ изъ часовни.

— Войдите на галлерею, раздался за нимъ голосъ унтеръ-офицера. — Оттуда лучше видны знамена!

Въ этомъ голосѣ звучала злоба и желаніе отмстить капитану за гордый взглядъ, передъ которымъ сѣренькіе, маленькіе глазки нѣмца невольно опустились.

Двери отворились и семья англичанъ съ шумомъ вошла въ церковь. Нѣмецъ, съ такою же заискивающею улыбкою, съ какою обратился къ Фужерелю, побѣжалъ и къ вошедшимъ англичанамъ, надѣясь на щедрую «благодарность». Пользуясь этимъ Фужерель вошелъ на галлерею. Гнѣвъ и радость, улыбка счастья и слезы перемѣшивались между собою: старикъ-воинъ переживалъ одну изъ тѣхъ минутъ, въ которыя человѣкъ теряетъ сознаніе... Орлы блестѣли передъ его глазами, освѣщенные лучами заходящаго солнца; знамена старой гвардіи находились передъ его глазами; онъ могъ дотронуться до нихъ... Старикъ плакалъ...

Какая-то невидимая сила, какой-то внутренній голосъ приказывалъ ему броситься на нихъ, вырвать ихъ, бѣжать съ ними... Вдругъ на одномъ изъ знаменъ старикъ увидѣлъ номеръ своего полка... Знамя! Такъ вотъ оно, разорванное, освященное кровью товарищей, вотъ честь его полка... и еще для большей славы пруссаковъ прелестныя руки нѣмецкой княжны постарались сшить эти дорогіе клочки!..

— Малеперъ! Малеперъ! глухимъ голосомъ воскликнулъ Фужерель, какъ бы призывая своего друга на помощь.

Въ ушахъ его раздавались послѣднія слова товарища. Фужерель ничего не видѣлъ, что дѣлалось кругомъ. Онъ былъ поглощенъ мыслью о знамени. Голова у него кружилась... Старикъ наклонился, рванулъ шелковый кусокъ матеріи, на которомъ виднѣлась надпись и номеръ перваго полка старыхъ гренадеръ... Черезъ минуту онъ, съ сіяющимъ отъ радости лицомъ, цѣловалъ этотъ кусокъ старой, полинялой, ни къ чему негодной матеріи!..

— Гробница находится дальше, господа, услышалъ Фужерель голосъ чернаго гусара, повторяющаго теперь англичанамъ на ломанномъ англійскомъ языкѣ все то, что нѣсколько времени тому назадъ онъ говорилъ капитану.

Фужерель только теперь вспомнилъ, что ему можетъ угрожать опасность. Онъ торопливо сложилъ знамя и, разстегнувъ сюртукъ, положилъ его на груди. Также поспѣшно, лихорадочно старикъ застегнулъ его, и унося изъ церкви дорогое знамя, сошелъ внизъ. Фужерель думалъ только о томъ, какъ бы поскорѣе выйти изъ церкви, а потомъ выѣхать изъ Потсдама. У самой двери онъ встрѣтился съ провожавшимъ его чернымъ гусаромъ. Фужерель бросилъ ему золотую монету и вышелъ изъ церкви.

Фужерелю и въ голову не приходило, что онъ совершилъ кражу: старикъ испытывалъ всѣ чувства радости солдата, взявшаго съ боя опасную позицію... Капитанъ старался какъ можно скорѣе скрыться изъ Потсдама. При этомъ, нужно замѣтить, о себѣ онъ и не думалъ. Ему хотѣлось только, какъ можно скорѣе сложить въ безопасное мѣсто дорогое знамя... Прямыя улицы Потсдама показались ему тянущимися до безконечности...

Вдругъ Фужерель услышалъ за собой крики и тяжелые шаги по мостовой. Онъ оглянулся. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него съ крикомъ и шумомъ бѣжала толпа людей.

«Это за нимъ!» мелькнуло въ головѣ капитана.

Въ настоящую минуту онъ заботился только о знамени: добрый старикъ забылъ подумать о себѣ! Одновременно съ этимъ старику пришла въ голову мысль бросить знамя въ воду... Онъ вспомнилъ, что по близости есть рѣка... Старикъ, не озираясь, бѣжалъ все впередъ, надѣясь бросить знамя въ рѣку... Черезъ нѣсколько времени онъ очутился на берегу какого-то канала. Дорогой еще онъ осторожно вынулъ хранившееся у него подъ сюртукомъ на груди знамя. Какъ разъ въ ту минуту, когда онъ готовъ былъ бросить знамя въ воду, нѣсколько подбѣжавшихъ солдатъ придавили его къ стѣнѣ.

— Не отдамъ его! Не отдамъ вамъ, подлые, ворчалъ Фужерель, готовый защищать знамя до послѣдней капли крови.

Несчастный старикъ, сжимая одною рукою дорогое знамя, другою старался защитить его отъ напиравшей и все возраставшей толпы.

— Саблей его! раздался голосъ унтеръ-офицера.

Одинъ изъ солдатъ обнажилъ саблю и ударилъ старика по лицу. Другіе старались вырвать у него знамя.

— Негодяй! простоналъ капитанъ, облитый кровью.—Малеперъ!.. знамя!..

И старикъ упалъ безъ чувствъ у ногъ разъяренной толпы, готовой разорвать его въ куски... Благодаря только приходу офицера жизнь Фужереля была спасена. Его перенесли въ тюремный госпиталь. Прійдя въ себя, онъ долженъ былъ давать показанія слѣдователямъ. Упрямый старикъ не хотѣлъ говорить ни слова. Послѣ долгихъ усилій удалось, наконецъ, слѣдователямъ услышать голосъ Фужереля.

— Оставьте меня въ покоѣ! нервно сказалъ онъ.—Разстрѣляйте меня, мнѣ все равно! Я васъ не знаю...

На вопросъ, для чего онъ оборвалъ знамя, старикъ гордо отвѣтилъ:

— Я далъ клятву, что возьму его обратно!

Больше ни слова не могли отъ него добиться. Какъ только капитанъ выздоровѣлъ, его засадили въ тюрьму. Шесть мѣсяцевъ тюремнаго заключенія (пока разбирали его дѣло) показались судьямъ слишкомъ малымъ наказаніемъ. Только по ходатайству французскаго посланника, удалось Фужерелю вырваться на свободу. При выходѣ изъ тюрьмы, Фужерель не выразилъ радости: лицо его, принявшее печальное выраженіе со времени несчастной катастрофы, осталось такимъ же и въ минуту освобожденія.

Подъ конвоемъ прусскихъ жандармовъ Фужерель былъ отосланъ на родину. Въ Кельнѣ старикъ просилъ дозволенія посѣтить кладбище. Ему отказали. «Это и лучше, съ горечью подумалъ старикъ.—Чтоже могъ бы сказать я Малеперу? Не сдержалъ я слова!..»

Въ Бельгіи старикъ-капитанъ почувствовалъ себя на свободѣ. Однако, Фужерель нисколько не былъ счастливѣе: онъ считалъ себя побѣжденнымъ, униженнымъ... Въ Живе, старикъ расплакался, увидя скамейку, на которой Малеперъ спдѣлъ въ памятный лѣтній вечеръ, когда тучи комаровъ носились въ воздухѣ.

— Да, со слезами вскричалъ Фужерель,—плачь, дуракъ! Только одно это и остается тебѣ дѣлать!..

Въ Вернонѣ, Фужерель нашелъ тѣ же дома; тѣхъ же людей, ту же жизнь. Ничего новаго. Старику стало больно и досадно: онъ нашелъ все, что оставилъ, не было только друга, товарища... Старушка-хозяйка, увидѣвъ Фужереля, котораго считала умершимъ, всплеснула руками. Привыкшая видѣть всегда обоихъ друзей вмѣстѣ, она сейчасъ же стала разспрашивать, что сталось съ Малеперомъ, пріѣхалъ-ли онъ?

— Онъ насъ навсегда оставилъ! вздохнулъ Фужерель...

Добрая старушка послѣ многихъ просьбъ, наконецъ, добилась, что Фужерель разсказалъ ей всѣ подробности о смерти Малепера.

— Бѣдный, бѣдный капитанъ! повторяла старушка качая головой.

Когда Фужерель кончилъ, она обратилась къ нему съ вопросомъ, откуда у него на щекѣ появилась рана, которой она не помнитъ?

— Пустое!... Постъ-скриптумъ прибавленное къ прошлому! Вотъ и все! махнулъ рукою капитанъ.

По немногу, капитанъ привыкалъ къ новой жизни. Какъ и прежде, Фужерель обѣдалъ въ гостинницѣ, а потомъ отправлялся въ городской ресторанъ, гдѣ прислуга никому не дозволяла занимать мѣсто у стола капитановъ. Часто капитанъ за столомъ требовалъ рюмку вина, чего прежде, какъ намъ извѣстно, никогда не дѣлалъ. Ее пилъ онъ теперь въ память Малепера.

Очень часто, возвратившись домой, Фужерель раскладывалъ бумаги друга: читалъ и перечитывалъ ихъ, качалъ головою, разговаривалъ какъ будто съ кѣмъ-нибудь невидимымъ. Иногда разсматривалъ мундиръ Малепера, отыскивалъ разорванное пулею мѣсто и говорилъ:

— Вотъ она! Въ самую грудь! И, вытерпѣвъ такія муки, умирать отъ какой-то горячки!...

Время между тѣмъ шло все впередъ и впередъ. Фужерель по немножку старѣлся. Маленькія дѣвочки, которыхъ Фужерель качалъ на колѣняхъ выросли, вышли замужъ, стали матерями. Ихъ дѣти играли теперь у ногъ Фужереля. Мальчики, съ которыми игралъ Фужерель, стали теперь взрослыми. Старушка-хозяйка переселилась въ лучшую жизнь. Все измѣнялось, росло, развивалось: новое поколѣніе занимало мѣсто стараго, понемногу сходившаго въ могилу, а старый капитанъ Фужерель, опираясь на палку, ходилъ среди этихъ новыхъ людей, какъ бы забытый смертью... Ему уже было далеко за восемьдесятъ лѣтъ. Все чаще и чаще Фужерель сталъ самъ съ собою разсуждать:

— Не сердись на меня... Чтожъ дѣлать?... И вдвоемъ не удалось бы намъ взять его!

Нерѣдко можно было видѣть капитана сидящимъ на солнцѣ, на городскомъ бульварѣ. Иногда случалось, что старикъ, сидя, дремалъ. Дѣти старались тогда не шумѣть, и предостерегали другъ друга словами:

— Тише, тише! Капитанъ Фужерель вздремнулъ.

Случалось иногда, что капитанъ оживлялся, разсказывалъ о подвигахъ великой императорской арміи и обыкновенно оканчивалъ слѣдующими словами:

— Да, ребята, съумѣйте посвятить свою жизнь какой-нибудь великой цѣли; будьте добродѣтельны, хотя бы васъ и не умѣли оцѣнить. Все, что прекрасно, достойно любви; у васъ должна быть своя вѣра, свое знамя, для котораго нужно быть готовымъ и умереть. Да, лучше жизнь отдать, защищая свое знамя, чѣмъ жить безъ него!

Наступилъ іюль мѣсяцъ 1870 г. Въ одинъ вечеръ, Фужерель, какъ онъ это часто дѣлалъ, отправился на станцію желѣзной дороги. Съ вечернимъ поѣздомъ обыкновенно приходили парижскія газеты. Фужерель, опираясь на палку погруженный въ думы о прошломъ, шелъ медленно, отвѣчая улыбкою на поклоны встрѣчавшихъ его по дорогѣ жителей Вернона. На станціи Фужерель увидѣлъ толпу людей, съ оживленіемъ толкующихъ о чемъ-то. Старикъ полюбопытствовалъ узнать, въ чемъ дѣло.

— Ахъ, капитанъ! кто-то отвѣтилъ изъ толпы,—война!

— Война? съ недоумѣніемъ спросилъ капитанъ.

— Мы объявили войну Пруссіи!

Капитанъ Фужерель принужденъ былъ взяться за желѣзную рѣшетку, чтобы не упасть. Онъ гордо выпрямился, поднялъ палку, которая въ эту минуту вовсе не была нужна старику, и громкимъ голосомъ крикнулъ:

— Да здравствуетъ Франція!

Всѣ недоумѣвали, видя восьмидесятилѣтняго старика бодрымъ и скорымъ шагомъ возвращающагося въ городъ. Фужерель, казалось, на двадцать лѣтъ помолодѣлъ.

— Маленеръ! Старый дружище, Маленеръ! вслухъ говорилъ Фужерель,—слушай! Теперь-то, наконецъ, возьмемъ у нихъ наше знамя!

За обѣдомъ въ гостинницѣ старый воинъ былъ веселъ, болталъ со всѣми, шутилъ и смѣялся. Онъ велѣлъ подать нѣсколько бутылокъ хересу и угостилъ всѣхъ, предлагая пить за здоровье французской арміи, отправляющейся въ походъ. Старикъ былъ внѣ себя отъ радости.

Вечеромъ, возвращаясь изъ гостинницы во все время пути, капитанъ громко повторялъ:

— Теперь, наконецъ, возьмемъ его, возьмемъ наше знамя! Слышишь, Маленеръ?!..

Старый воинъ уснулъ, мечтая о дорогомъ ихъ знамени...

На слѣдующій день, рано утромъ, жители Вернона узнали прискорбную новость... Старикъ Фужерель, капитанъ перваго полка гвардейскихъ гренадеръ, уснулъ вѣчнымъ сномъ... Старикъ не вынесъ радости.. Онъ умеръ съ улыбкою счастья на сіяющемъ и послѣ смерти лицѣ... Съ того времени во всемъ населеніи Вернона нѣтъ человѣка, считающаго себя достойнымъ занять мѣсто за «столомъ капитановъ».

Гёте въ Веймарѣ.

(Рис. стр. 280 и 281.)

Въ настоящемъ номерѣ мы помѣщаемъ двѣ иллюстраціи Каульбаха къ сочиненіямъ Гёте. Одна изъ этихъ иллюстрацій изображаетъ два поэтическихъ образа, созданныхъ Гёте въ его поэмѣ Германъ и Доротея. Другая передаетъ намъ одну изъ сценъ изъ жизни самого Гёте. 7-го ноября 1775 года Гёте прибылъ въ Веймаръ и былъ принятъ здѣсь молодымъ герцогомъ Карломъ-Августомъ, который скоро сдѣлался другомъ поэта. Герцогиня Луиза, герцогиня Анна Амалія, Виландъ и цѣлая масса писателей и придворныхъ окружали молодого поэта. Его жизнь въ Веймарѣ походила на феерію: празднества, пикники, собранія слѣдовали другъ за другомъ. Среди этихъ удовольствій не малое мѣсто занимали катанье на саняхъ и катанье на конькахъ. Одну изъ сценъ подобнаго катанья на конькахъ Гёте, окруженнаго веймарскимъ дворомъ передалъ Каульбахъ въ своей картинѣ.

Фельетонные наброски.

XV.

Письма человѣка, сошедшаго съ ума.

На дняхъ я получилъ слѣдующее письмо:

Милостивый Государь!

Просматривая ваши очерки, я замѣтилъ, что васъ интересуютъ лица съ парадоксальнымъ складомъ ума. Это навело меня на мысль послать къ вамъ прилагаемыя при этой запискѣ письма. Эти письма написаны человѣкомъ, недавно отправленнымъ въ сумасшедшій домъ. Я не знаю, когда писалъ онъ свои письма: до своего сумасшествія или уже во время своего умопомѣшательства. Я знаю только одно, что эти письма затрогиваютъ живые вопросы довольно оригинально, и полны любопытныхъ парадоксовъ: они являются интереснымъ памятникомъ нашего времени, когда развитое большинство блуждаетъ въ потьмахъ и сходитъ съ ума отъ проклятыхъ вопросовъ или, махнувъ рукой на эти вопросы, идетъ на торную дорожку наживы, подлостей и надепія, заботясь уже исключительно о своей шкурѣ. Просматривая эти письма, я вспомнилъ о васъ: можетъ быть, вы можете ими воспользоваться.

Примите увѣреніе и проч.

Я прочиталъ присланныя мнѣ при этой запискѣ письма и рѣшился напечатать нѣкоторыя изъ нихъ. На первый разъ печатаю письмо, озаглавленное авторомъ слѣдующимъ образомъ:

Письмо къ неизвѣстной мнѣ молодой матери.

Милостивая Государыня!

Я не имѣю удовольствія знать ни Вашего имени, ни Вашего званія, ни Вашего общественнаго положенія. Судьба свела меня съ Вами совершенно случайно въ вагонѣ желѣзной дороги. Мы разговорились отъ скуки объ одномъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ: о воспитаніи дѣтей. Я приласкалъ Вашего маленькаго, наряднаго, какъ куколка, сынишку и спросилъ, какъ думаете Вы воспитывать его, къ какой дѣятельности надѣетесь его подготовить. Вы сказали, что Вамъ крайне трудно отвѣтить на этотъ вопросъ, что Вы еще стоите на распутьи въ этомъ дѣлѣ, и замѣтили мнѣ, что Вы желали бы только одного, чтобы Вашъ мальчикъ былъ счастливъ и выросъ умнымъ, добрымъ, честнымъ и правдивымъ человѣкомъ. Конечно, не мнѣ было спорить съ Вами о томъ, что именно все это желательно для каждаго человѣка. Но, разставшись съ Вами, я глубоко и не безъ горечи задумался о Вашемъ желаніи и мнѣ пришло въ голову, что Вы очень легко можете погубить счастіе своего прелестнаго дитяти, если Вамъ дѣйствительно удастся сдѣлать его умнымъ, добрымъ, честнымъ и правдивымъ человѣкомъ. Этихъ качествъ, можетъ быть, было бы достаточно для счастія и блага человѣка въ какія-нибудь первобытныя времена, но въ наше время эти качества являются обоюдоострымъ оружіемъ и скорѣй служатъ источникомъ несчастія, чѣмъ счастія, если человѣкъ не будетъ умѣть распоряжаться ими. Вотъ почему, желая всего лучшаго Вашему милому мальчику, я рѣшился высказать Вамъ въ письмѣ нѣкоторыя мысли, которыя Вы не должны упускать изъ виду, воспитывая своего ребенка, если только Вы желаете ему счастья.

Представьте себѣ, что Вы вполнѣ разовьете умственныя способности своего мальчика и научите его понимать все то, что происходитъ вокругъ него: не увидитъ ли онъ въ мірѣ больше зла, чѣмъ добра, больше страданія, чѣмъ радостей, больше вражды, чѣмъ любви, и не сдѣлается-ли это открытіе для него источникомъ страданій, когда онъ будетъ видѣть недуги человѣчества, но не будетъ имѣть силъ исцѣлить эти недуги? Вы можете сдѣлать своего мальчика добрымъ, но оставите-ли Вы ему состояніе Креза или дадите-ли ему умѣнье наживать столько денегъ, сколько наживаютъ Ротшильды, Поляковы, Варшавскіе, Гинцбурги, Громовы, Розентали? Если нѣтъ, то что можетъ выйдти изъ его доброты? Встрѣчая на каждомъ шагу бѣдняковъ, притѣсненныхъ, эксплуатируемыхъ, брошенныхъ и голодныхъ, онъ будетъ, или безпомощно плакать объ этихъ несчастныхъ, или будетъ отдавать имъ послѣднюю рубашку, послѣдній грошъ и затянется въ работѣ, преждевременно сгубивъ себя, принеся въ сущности очень мало пользы ближнимъ и видя, что число голодныхъ все растетъ и растетъ. Вы сдѣлаете его честнымъ. Но позвольте Васъ спросить: какъ долженъ будетъ поступить честный человѣкъ, когда ему предложатъ, напримѣръ, мѣсто директора какого-нибудь акціонернаго общества съ тридцатью тысячами жалованья? Долженъ-ли онъ брать это жалованье, когда, съ одной стороны, акціонеры кричатъ о томъ, что ихъ грабитъ правленіе этого общества, а съ другой, конторщики того же общества жалуются, что они съ семьями гибнутъ отъ голода, получая изъ отпускаемыхъ на правленіе суммъ только по сорока или по пятидесяти рублей жалованья за тяжелую черную работу? Долженъ-ли честный человѣкъ, гдѣ бы то ни было, смотрѣть сквозь пальцы, когда его сослуживцы будутъ брать взятки, или расхищать казенныя деньги, или производить какія-нибудь продѣлки, въ родѣ поставки гнилого товара, печенья солдатскихъ сухарей съ пескомъ и т. д.? Вы скажете, что честный человѣкъ не долженъ брать у какого-нибудь акціонернаго общества за свой трудъ мошеннически чрезмѣрной платы, ложащейся бременемъ на членовъ этого общества и на низшихъ служащихъ, и также не долженъ потакать ворамъ, смотря на нихъ сквозь пальцы, но въ такомъ случаѣ, Вашъ сынъ никогда не найдетъ себѣ нигдѣ мѣста и будетъ

способенъ сдѣлаться развѣ только какимъ-нибудь стрѣлочникомъ на желѣзной дорогѣ, такъ какъ стрѣлочники, хотя отъ нихъ и зависитъ участь каждаго поѣзда, получаютъ не тридцати-тысячные оклады, а двѣнадцати-рублевое жалованье, но за то въ то же время, имѣютъ счастіе стоять совершенно особнякомъ отъ всего людскаго общества и, такимъ образомъ, не принимаютъ участія ни въ разграбленіи общественныхъ кассъ, ни во взяточничествѣ, ни въ мошенническихъ поставкахъ. Но, вѣроятно, Вы не такой судьбы желаете своему сыну, стремясь сдѣлать его честнымъ и въ то же время счастливымъ. Вы говорите, что Вамъ хочется сдѣлать его правдивымъ —прекрасно. Но если его друзья, его товарищи, его начальники будутъ говорить ложь и будутъ даже ссылаться на него, какъ на свидѣтеля, то долженъ-ли онъ будетъ обличать ихъ, или нужно ему будетъ поступиться своею правдивостью? Если Вы не желаете сдѣлать его врагомъ всѣхъ, то онъ долженъ будетъ въ извѣстныхъ случаяхъ поступаться своею правдивостью. Но гдѣ же границы этихъ отступленій отъ правды? Да, Милостивая Государыня, желая сдѣлать изъ своего сына умнаго, добраго, честнаго и правдиваго человѣка, Вы легко можете сдѣлать его не счастливымъ, а несчастнымъ человѣкомъ.

Но это не все.

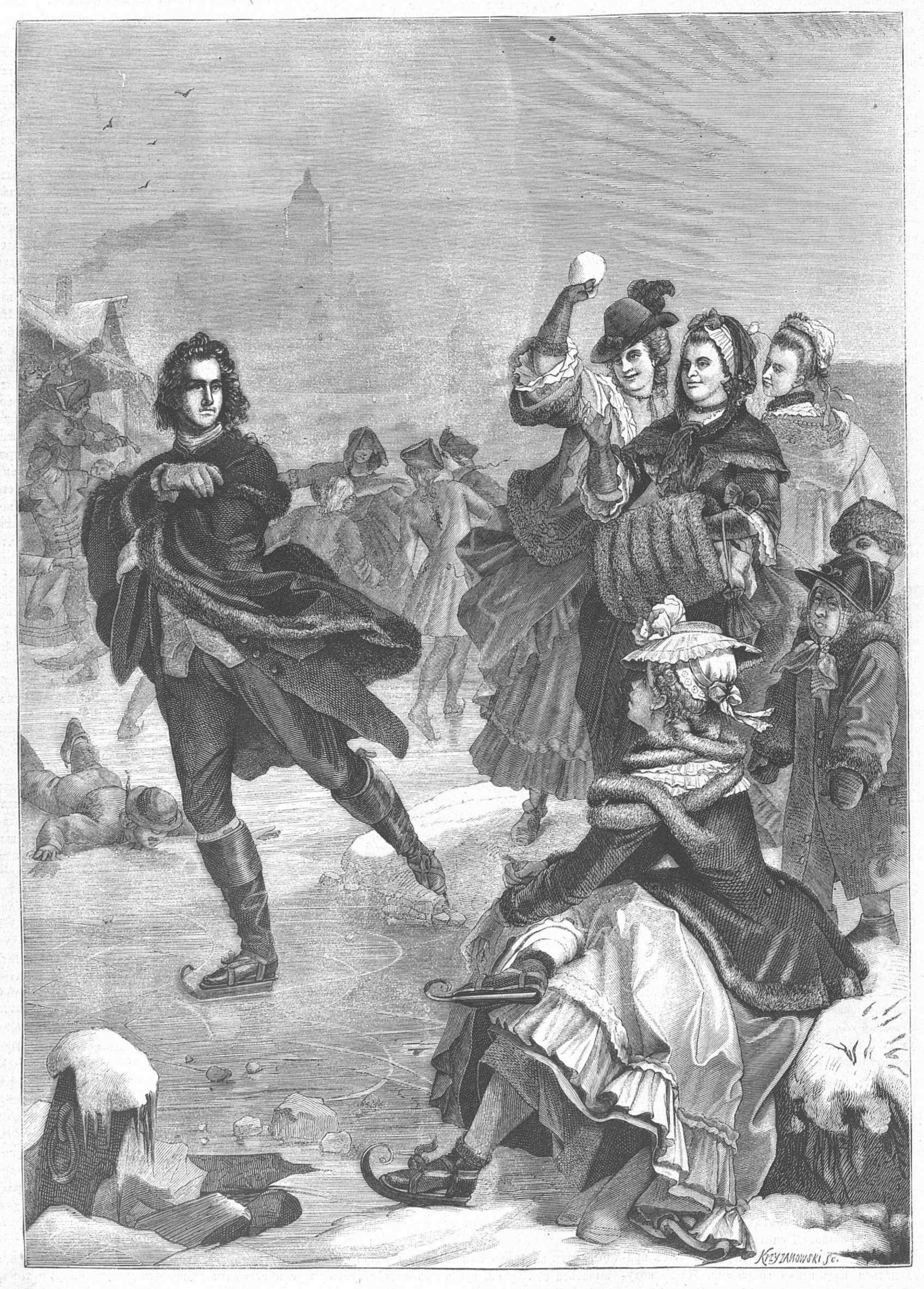
Вполнѣ счастливыхъ людей вообще мало на свѣтѣ и вы можете сказать, что для честнаго человѣка спокойная совѣсть дороже безграничнаго счастья, которое, въ сущности, есть мечта, химера. Но будетъ ли спокойна совѣсть у Вашего сына въ томъ положеніи, которое Вы готовите ему? Въ настоящее время, чѣмъ умнѣе человѣкъ, если онъ при этомъ добръ, честенъ и правдивъ, тѣмъ менѣе спокойна его совѣсть; такой человѣкъ постоянно мучается угрызеніями совѣсти, сознавая, что онъ дѣлаетъ далеко не все то, что нужно дѣлать для пользы человѣка; онъ постоянно упрекаетъ себя за то, что онъ не съумѣлъ во время спасти ближнихъ, что онъ не предотвратилъ какого-нибудь зла, что онъ не всталъ на защиту какого нибудь дѣла, убоявшись несмѣтнаго числа своихъ противниковъ; онъ долженъ быть, или вѣчно бездѣйствующимъ и вѣчно мучающимся тревогами совѣсти, Гамлетомъ, или идущимъ на вѣрную гибель и потому не приносящимъ въ сущности никакой пользы, Донъ-Кихотомъ. Подумайте хорошенько и вы увидите, что совѣсть можетъ быть спокойна у добраго человѣка только тогда, когда онъ рождается бѣднякомъ и умретъ нагой и лишенный крова подъ заборомъ голодною смертью; въ противномъ случаѣ онъ будетъ, или не добрымъ человѣкомъ, или онъ будетъ ощущать угрызенія совѣсти, уничтожая лакомый кусокъ хлѣба, когда около него будутъ люди, не имѣющіе вовсе куска хлѣба. У честнаго человѣка совѣсть можетъ быть спокойна только тогда, когда онъ будетъ не только самъ поступать честно, но когда онъ будетъ и громко проповѣдывать честность вездѣ и преслѣдовать всѣ нарушенія честности другими, а это будетъ стоить ему лишенія всѣхъ средствъ къ жизни, разрыва со всѣми близкими, голодной смерти, и потому онъ, въ концѣ концовъ, можетъ быть, поступится своею честностью и будетъ опять таки мучиться угрызеніями совѣсти. То же случится съ нимъ, если онъ будетъ вполнѣ правдивымъ человѣкомъ.

Всѣ эти мысли были вызваны Вашими словами о томъ, какимъ человѣкомъ Вы желаете сдѣлать своего сына. Я счелъ небезполезнымъ сообщить Вамъ эти мысли и заставить Васъ призадуматься надъ этими вопросами. Но не подумайте пожалуйста, что, сообщая Вамъ свои соображенія, я хочу сказать Вамъ, что Вы должны сдѣлать изъ своего сына глупаго, злого, безчестнаго и лживаго человѣка. Нѣтъ, я думаю только, что при настоящемъ положеніи общества Вамъ, какъ матери, заботящейся о счастіи своего ребенка, будетъ нужно сдѣлать изъ своего ребенка не просто умнаго, добраго, честнаго и правдиваго человѣка, а человѣка умѣющаго въ мѣру быть умнымъ, добрымъ, честнымъ и правдивымъ.

Если Вы дѣйствительно страстно желаете своему сыну счастія и спокойной совѣсти, то Вы должны принять на себя не малый трудъ и сдѣлать слѣдующее:

Продолжайте стараться, чтобы Вашъ ребенокъ былъ всегда красивъ и милъ, какъ онъ красивъ и милъ теперь. Если бы онъ даже и не былъ хорошенькимъ мальчуганомъ, то придать ему извѣстную привлекательность и миловидность не трудно; одѣвайте его хотя и просто, но всегда со вкусомъ, завивайте ему всегда волосы и причесывайте ихъ такъ, чтобы эта прическа была ему къ лицу; обнажайте ему долго, какъ Вы обнажаете ему и теперь, шейку и ножки, если онѣ будутъ долго красивы; однимъ словомъ, сдѣлайте все, чтобы каждая женщина и каждый мужчина, видя его, любовались имъ и говорили: «какое прелестное дитя!» Научите его при этомъ быть вѣжливымъ и развязнымъ, но отнюдь не навязчивымъ; пусть онъ привыкаетъ къ поцалуямъ и ласкамъ постороннихъ людей и не дичится даже тогда, когда его будетъ ласкать и цаловать какая нибудь отвратительная старуха, или совсѣмъ изношенный старикашка. Покровительство взрослыхъ вообще можетъ оказать въ будущемъ пользу дѣтямъ, а покровительство старухъ и стариковъ важно въ особенности. Бывали случаи, что старые люди оставляли даже свое наслѣдство въ пользу тѣхъ дѣтей, которыя имъ понравились и которыя не противились ихъ ласкамъ. Если Вашъ ребенокъ будетъ одѣтъ и причесанъ безъ вкуса, если онъ будетъ вести себя сорванцемъ, если онъ будетъ надоѣдать взрослымъ или дичиться ихъ, то его едва-ли будутъ любить, ему едва-ли будутъ покровительствовать, его едва-ли будутъ защищать отъ несправедливостей другихъ дѣтей, отъ притѣсненій учителей, отъ житейскихъ невзгодъ. Удача ждетъ только хорошенькихъ, чистенькихъ, вѣжливыхъ и притомъ скромныхъ дѣтей. Сдѣлать такимъ своего сына Вы можете смѣло, такъ какъ въ этомъ случаѣ Вы не сдѣлаете ничего такого, за что Васъ могла бы упрекнуть ваша совѣсть. Опредѣляя своего ребенка въ училище, позаботьтесь внушить ему, чтобъ онъ уважалъ учителей, любилъ товарищей, прилежно занимался ученьемъ и не думалъ бы ни о чемъ, что не касается его лично: иногда въ школахъ дѣти ропщутъ на учителей за неправильно поставленные баллы,—но если Вашъ сынъ будетъ съ уваженіемъ относиться къ учителямъ и учиться прилежно, то ему не поставятъ дурныхъ балловъ, о баллахъ же другихъ дѣтей онъ не долженъ заботиться, такъ какъ это не его дѣло; если въ школѣ его будутъ дурно кормить, то посовѣтуйте ему не протестовать противъ эконома,—привезите ему лучше чего нибудь поѣсть изъ дома, или пусть онъ привыкаетъ и къ дурной пищѣ, но не протестуетъ, такъ какъ изъ-за такихъ пустяковъ, какъ дурная пища, онъ можетъ испортить свою репутацію, не исправивъ въ то же время пищи, тогда какъ рисковать своими судьбами можно только тогда, когда изъ этого выйдетъ какая нибудь польза; бываютъ случаи, что въ школѣ весь классъ отказывается отвѣчать урокъ,—въ этихъ случаяхъ посовѣтуйте своему сыну заявить протестъ товарищамъ, пусть онъ объявитъ имъ, что только лѣнтяи могутъ отказываться отъ урока, пусть онъ подѣйствуетъ на самолюбіе товарищей, и если они все-таки не согласятся отвѣчать урокъ, то пусть онъ заявитъ имъ прямо, что онъ ни въ какомъ случаѣ не встанетъ на ихъ сторону, хотя бы они его побили, такъ какъ лучше пострадать за правду, чѣмъ уронить себя въ глазахъ учителей и показать, что онъ и лѣнивъ, и способенъ не исполнять приказанія старшихъ. Лучше всего было бы для Вашего сына, еслибы онъ нашелъ въ школѣ какихъ нибудь богатыхъ товарищей, у которыхъ есть приватные учителя. Держа себя съ этими товарищами ровно, искренно и ласково, онъ могъ бы сдѣлаться ихъ другомъ и пользоваться безплатно въ ихъ домахъ приватными уроками, которые необходимы, если ребенокъ хочетъ нынче кончить курсъ ученія, такъ какъ безъ приватныхъ уроковъ нечего и думать, не будучи исключеніемъ изъ общаго правила, дойдти успѣшно до конца въ гимназіяхъ или въ училищахъ съ гимназическимъ курсомъ: вступаетъ въ эти заведенія сотня дѣтей, а кончаетъ въ нихъ курсъ едва ли десятокъ, и потому нужно сдѣлать всевозможное, чтобы быть не въ числѣ девяноста изгнанныхъ, а въ числѣ десяти избранныхъ. Не бойтесь, что ему придется унижаться передъ богатыми товарищами: если онъ будетъ чисто и красиво одѣтъ, если онъ будетъ заботиться о своей внѣшности, если у него будутъ мягкія манеры, если Вы его научите бойко и красно говорить, то онъ, не унижаясь, сдѣлается другомъ этихъ богатыхъ товарищей и проникнетъ въ ихъ семьи, а тогда ему уже будетъ не трудно упрочить свое положеніе въ ихъ домахъ, такъ какъ родители богатыхъ дѣтей съумѣютъ оцѣнить его скромность, прилежаніе и порядочность. Онъ можетъ сдѣлаться любимчикомъ въ этихъ домахъ, не кривя душой и не заискивая, потому что можно быть честнымъ и самолюбивымъ человѣкомъ и все-таки съумѣть понять, что нужно поднять съ пола платокъ, если его уронитъ почтенный старикъ или почтенная старушка. Съумѣйте указать своему мальчику именно ту границу, гдѣ кончается полная достоинства вѣжливость и гдѣ начинается низкопоклонное лакейство и сдѣлайте его полнымъ сознанія собственнаго достоинства, вѣжливымъ человѣкомъ, котораго будутъ цѣнить всѣ, и предостерегите его отъ низкопоклоннаго лакейства, которое внушаетъ отвращеніе всѣмъ. Вы видите, я предлагаю Вамъ путь, отъ котораго не будетъ отвращать Васъ Ваша совѣсть. Если Вамъ угодно будетъ слѣдовать моимъ совѣтамъ, то вся задача воспитанія Вашего сына, сведется на одно простое правило: старайтесь сгладить всю шероховатость, всѣ неровности, всякую угловатость, какъ въ его характерѣ, такъ и въ его внѣшности. Пусть онъ ѣстъ и спитъ вволю, чтобы быть кругленькимъ и розовенькимъ, пусть онъ танцуетъ и упражняется гимнастикой, чтобъ быть ловкимъ и развязнымъ, пусть онъ пойметъ, что въ людяхъ есть много неизбѣжныхъ недостатковъ, а въ мірѣ много непреодолимаго зла, чтобы не кипятиться по пусту, прощать многое, смотрѣть сквозь пальцы на то, что покуда непоправимо. Все это придастъ ему бодрый видъ и дастъ ему спокойное расположеніе духа. При поступленіи его въ высшее учебное заведеніе Вы можете не бояться за то, что онъ впутается въ какую-нибудь скверную и безтактную исторію: пріученный заниматься своимъ дѣломъ, а не посторонними дѣлами, привыкнувшій сознавать, что въ мірѣ есть много недостатковъ, и не кипятиться напрасно изъ-за того, что покуда непоправимо, онъ будетъ застрахованъ отъ разныхъ нѣжныхъ увлеченій молодости, которыя очень часто губятъ въ самомъ началѣ карьеру и счастіе молодыхъ людей, не принося, въ сущности, никому никакой пользы. Но при этомъ я посовѣтую вамъ напомнить вашему сыну о томъ, что и профессора—люди съ извѣстными недостатками и слабостями: они иногда несправедливо относятся къ учащимся, если тѣ не съумѣютъ выставить себя сразу въ выгодномъ свѣ-

Картина В. КАУЛЬБАХА.

Гёте въ Веймарѣ.

Изъ иллюстрацій къ сочиненіямъ Гёте.

Картина В. КАУЛЬБАХА.

Германъ и Доротея.

Изъ иллюстрацій къ сочиненіямъ Гёте.

тѣ. Вотъ почему посовѣтуйте своему сыну садиться постоянно на первую скамью, не пропускать ни одной лекціи, спрашивать почаще совѣтовъ и указаній у профессоровъ, чтобы они, въ теченіи учебнаго года, привыкли къ физіономіи вашего сына, чтобы они убѣдились, что онъ не билъ баклушъ: тогда на экзаменахъ ему будетъ легче отвѣчать, если онъ даже и плохо будетъ знать свой предметъ. Если ему удастся познакомиться съ кѣмъ нибудь изъ профессоровъ—это будетъ лучше всего: знакомство съ умными и учеными людьми можетъ принести ему только пользу. Постарайтесь внушать ему, когда ему придется поступить на службу, что онъ долженъ будетъ служить честно, такъ какъ за подлости наказываетъ законъ, но въ то же время разъясните ему, что не его дѣло выводить на свѣжую воду тѣхъ изъ его сослуживцевъ, которые дѣлаютъ подлости, такъ какъ обличать ихъ и преслѣдовать—это дѣло закона и поставленныхъ закономъ властей. Разъясните ему также, что честность очень растяжимое понятіе и потому нужно поступать очень осторожно, чтобы съ одной стороны не сдѣлать подлостей, а съ другой не быть Донъ-Кихотомъ: человѣкъ, получающій жалованье или плату за трудъ, хотя бы это жалованье или эта плата дошли до сотни тысячъ въ годъ, остается честнымъ, если онъ получаетъ эти деньги на законномъ основаніи; человѣкъ же, взявшій одинъ казенный листъ бумаги въ свою пользу, перестаетъ уже быть честнымъ и является воромъ; человѣкъ, платящій работающимъ на него людямъ самую ничтожную плату, остается честнымъ человѣкомъ, если эти люди добровольно условились работать за эту плату; человѣкъ же, недодавшій, вслѣдствіе какихъ-нибудь обстоятельствъ, работающимъ на него людямъ хотя рубль, есть человѣкъ нечестный, хотя бы онъ и платилъ этимъ людямъ обыкновенно баснословно большія деньги; говоря проще и короче, вы должны внушить своему сыну, что все то честно, что законно, за что никакой судъ присяжныхъ не можетъ приговорить къ наказанію человѣка. Касаясь вопроса о правдивости, вы должны замѣтить своему сыну, что правда должна быть во всѣхъ его словахъ, что онъ не долженъ лгать, что ложью не далеко уйдешь, но въ то же время, вы должны объяснить ему, что уличать во лжи другихъ людей—это значитъ вредить себѣ и имъ. Люди лгутъ часто, но кто же возложилъ на насъ обязанности полицейскихъ въ отношеніи къ нашимъ ближнимъ: уличать, выводить на свѣжую воду, все это не только не наше дѣло, но это даже возмутительно съ извѣстной точки зрѣнія,—поступая такъ, человѣкъ играетъ роль какого-то шпіона и доносчика. Нѣтъ, мы должны отвѣчать только за себя, за свою искренность, а другіе могутъ и лгать, и обманывать, и отвѣчать за это передъ судомъ своей совѣсти. Относясь такимъ образомъ снисходительно къ ближнимъ, умный, честный человѣкъ будетъ всегда спокоенъ, онъ будетъ сознавать, что онъ нетолько уменъ, честенъ и правдивъ, но и добродушенъ, что онъ смотритъ съ состраданіемъ на чужіе пороки и ошибки, что онъ не играетъ самозванно роли строгаго и безпощаднаго судьи, что онъ не является непрошенно причиной гибели своихъ ближнихъ, что онъ не трогаетъ ихъ, пока ихъ не покараетъ законъ людской и божескій. Подобное сознаніе сильно укрѣпляетъ спокойствіе совѣсти въ человѣкѣ и дѣлаетъ его благодушнѣе; при такомъ состояніи духа, онъ охотно является даже помощникомъ и благодѣтелемъ ближнихъ, если у него есть на это излишнія деньги. Я говорю: «если у него есть излишнія деньги» потому, что вы должны внушить своему сыну одно неизмѣнное правило относительно доброты: быть добрымъ не значитъ быть расточителемъ. Если человѣкъ добръ, то онъ охотно помогаетъ ближнимъ, но помогать ближнимъ онъ долженъ только на столько, чтобы не лишать себя необходимаго, въ противномъ случаѣ, онъ самъ будетъ терпѣть недостатки, запутаетъ свои собственныя дѣла, потеряетъ хорошее расположеніе духа, разстроитъ свое здоровье,—а это ведетъ къ озлобленію, къ потерѣ добродушія, къ потерѣ мягкаго взгляда на людей: благотворить до конца жизни можетъ только тотъ, кто спокоенъ за свое будущее, кто доволенъ своею судьбою, кто вполнѣ счастливъ, вотъ почему въ интересахъ самихъ бѣдняковъ нужно ограничивать въ себѣ ту неразумную страсть помогать направо и налѣво, которою отличаются многіе недалекіе добряки, превращающіеся подъ конецъ жизни нерѣдко въ нищихъ и мизантроповъ. Не забудьте разъяснить все это своему мальчику, если Вы хотите, чтобы онъ былъ счастливъ. Мнѣ очень досадно, что я не могу коснуться мелочей и подробностей той системы воспитанія, которой должны Вы держаться, если Вамъ хочется, чтобы Вашъ сынъ, оставаясь умнымъ, добрымъ, честнымъ и правдивымъ, былъ счастливъ и спокоенъ совѣстью. Рамки моего письма не позволяютъ мнѣ слишкомъ распространяться, а между тѣмъ условія современной жизни такъ запутаны и сложны, что въ немногихъ строкахъ нельзя начертить всего того плана, которому должна слѣдовать каждая мать, заботящаяся при воспитаніи своего ребенка о его будущемъ счастіи. Помните только одно, что Вашему сыну придется жить, дѣйствовать и служить въ обществѣ, гдѣ есть мошенники и честные, радикалы и консерваторы, старики и молодежь, богачи и нищіе, начальники и подчиненные, среди которыхъ онъ долженъ лавировать такъ, чтобы не нажить себѣ враговъ, если онъ не желаетъ погибнуть: человѣкъ, нажившій враговъ, какъ бы онъ ни былъ уменъ, добръ, честенъ и правдивъ, гибнетъ почти неизбѣжно, такъ какъ наши враги въ обществѣ бываютъ всегда дѣятельны, друзья же всегда бываютъ пассивны—они только сочувствуютъ, сожалѣютъ, вздыхаютъ, но не борятся за погибающаго, боясь за свою собственную участь. Сражаясь одиноко съ массою враговъ, человѣкъ часто теряетъ вѣру въ людей, дѣлается озлобленнымъ, становится безполезнымъ мизантропомъ и умираетъ брошенный и забытый всѣми, проклиная нерѣдко и умъ, и доброту, и честность, и правду.

Вотъ отъ чего придется Вамъ спасти въ будущемъ своего ребенка, хотя, конечно, воспитывая его по намѣченному мною плану, Вы не застрахуете его отъ какихъ-нибудь мелкихъ огорченій, въ родѣ того, что какой-нибудь грубый нахалъ назоветъ его «ходячею мѣщанскою нравственностью». Въ жизни вѣдь нельзя прожить безъ мелкихъ непріятностей и Вы, какъ любящая мать, конечно, охотнѣе приготовите своему сыну эту маленькую непріятность, чѣмъ несчастную судьбу человѣка, вѣчно гонимаго за умъ, за доброту, за честность, за правду.

Вы, можетъ быть, спросите меня: готовлю-ли я по этой системѣ своихъ дѣтей къ жизни? Я Вамъ могу отвѣтить только одно: къ счастію, у меня нѣтъ дѣтей. Если бы у меня были дѣти, Милостивая Государыня, можетъ быть, я счелъ бы необходимымъ научить ихъ, главнымъ образомъ, только одному—умѣнью вовсе не дорожить жизнью, ни счастливою, ни несчастною, и всегда спокойно идти на встрѣчу смерти; только съ этимъ умѣньемъ можно, при современномъ положеніи общества, смѣло и бодро пройдти избранной дорогой, но для этого, сударыня, нужны вовсе не локончики вашего мальчика, и ни его голенькія ножки съ кокетливой, шотландской юбочкой.

Примите увѣреніе въ моемъ искреннемъ уваженіи къ вамъ, готовый къ услугамъ вашимъ

Нѣкто.

Новости наукъ и жизни.

— **Комиссія для рѣшенія вопроса о правахъ женщинъ-врачей.** По словамъ «Врачебныхъ Вѣдомостей», для разработки вопроса о правахъ женщинъ, съ успѣхомъ окончившихъ образованіе на женскихъ врачебныхъ курсахъ, учреждена особая коммиссія, въ составъ которой имѣютъ войти членами представители разныхъ вѣдомствъ; засѣданія этой коммиссіи ожидаются въ непродолжительномъ времени.

— **Американскія женщины.** Женщины штата Виргиніи, желая участвовать въ охраненіи государственнаго кредита, циркулярно пригласили населеніе предложить законодательному собранію подоходный налогъ въ 10 проц. съ каждой сотни долларовъ для уплаты національнаго долга. Всѣ виргинскія женщины обязались держаться самой строгой экономіи въ расходахъ, чтобы вознаградить своихъ мужей за новый, ими-же предложенный налогъ.

— **Вулканическая дѣятельность въ Сибири.** Въ 130 верстахъ отъ Омска, въ тарскомъ округѣ, образовался большой провалъ на мѣстѣ, которое, по словамъ мѣстныхъ жителей, нѣсколько времени курилось, т. е. изъ трещины выходилъ дымъ; обвалившееся мѣсто залито водою Иртыша; на Иртышѣ же, отъ убыли воды, уклонившейся въ провалившееся мѣсто, образовался островъ изъ торфа и лигнита.

— **Изверженіе Везувія.** Изъ Неаполя извѣщаютъ, что Везувій снова вышелъ изъ своего спокойнаго состоянія. Лава течетъ изъ трещины кратера 1872 года, называемаго Финестрой и направляется къ Атріодель-Ковалло. Изъ Неаполя невидно огня, потому что кратеръ заслоненъ горою, но съ обсерваторіи видъ на изверженіе великолѣпенъ. Профессоръ Пальміери велѣлъ сдѣлать насыпь, чтобы защитить обсерваторію и казарму карабинеровъ отъ перваго напора лавы и дать время людямъ спастись. Конусъ кратера расширился отъ дѣйствія огня, и можно ежеминутно ожидать, что онъ обрушится. Вправо отъ этого конуса образовалось новое отверстіе, въ которомъ также замѣтна сильная вулканическая дѣятельность. Образуется новый конусъ. Достаточно было двухдневнаго изверженія лавы для совершеннаго наполненія кратера 1872 года. Нестерпимый жаръ не позволяетъ оставаться на краю стараго конуса.

— **Парижскіе театры.** Въ Парижѣ въ настоящее время 48 театровъ. Изъ нихъ Шателе имѣетъ 3,500 мѣстъ и зрителей. Историческій театръ—2,500, Большая опера—2,100, Шато-д'О—2,000, Амбигю—1,901, Гетэ и Сен-Мартенскихъ воротъ—по 1,800, Комическая опера—1,500, Одеонъ—1,467, Французской комедіи—1,380. Остальные вмѣстительны менѣе этой цифры въ различной степени. Самымъ многочисленнымъ личнымъ составомъ обладаетъ Большая опера; именно, въ ней 95 музыкантовъ, 26 пѣвцовъ, 18 пѣвицъ, 7 танцоровъ-солистовъ, 42 танцорки-солистки, 92 хориста, 87 кордебалетныхъ, 155 машинистовъ и рабочихъ, 40 капельдинеровъ и 34 человѣка, занимающихъ должности кассировъ, контролеровъ и т. под., т. е. всего около 596 лицъ. Затѣмъ по многочисленности личнаго состава, слѣдуютъ: Сен-Мартенскій (359 человѣкъ) Шателе (свыше 300), Комическая опера (239) и Французской комедіи (220). Въ общей суммѣ личный составъ 26 болѣе значительныхъ парижскихъ театровъ: 3,210 чел. мужского пола и 1,859 женскаго. Самымъ богатымъ репертуаромъ можетъ похвалиться театръ Французской комедіи; въ прошедшемъ году на его сценѣ было сыграно 25 пьесъ изъ стараго (классическаго) репертуара и 47 изъ новаго; сверхъ того постановлены 4 новинки.

— **Желѣзная дорога.** Въ издающуюся въ Константинополѣ арабскую газету «Алъ-Явнибъ» пишутъ изъ Іерусалима, что какое-то международное общество добилось концессіи на сооруженіе желѣзной дороги между Яффою и Іерусалимомъ, а также на сооруженіе корабельнаго порта въ первомъ изъ этихъ двухъ городовъ. Во главѣ общества стоитъ американскій генералъ Моттъ, членъ общества «Краснаго Креста».

— **Я. Германъ.** Въ нынѣшнемъ году—двѣсти лѣтъ со времени рожденія нашего извѣстнаго академика по кафедрѣ высшей математики Якова Германа. Германъ родился въ Базелѣ и, имѣя уже степень магистра богословія, началъ изученіе математики. Напечатавъ сочиненіе въ защиту Лейбница противъ голландскаго математика Ніевентсита, Германъ пріобрѣлъ расположеніе знаменитаго ученаго, который и сдѣлалъ его членомъ основанной въ Берлинѣ академіи наукъ и рекомендовалъ сперва въ падуанскій, а затѣмъ франкфуртскій университеты. Вольфъ рекомендовалъ его Блюментросту. Германъ былъ первымъ русскимъ академикомъ; но раздоры заставили его просить отставки и въ 1731 году онъ оставилъ Петербургъ съ званіемъ почетнаго члена. Въ изданіяхъ академіи помѣщена масса статей его. Онъ скончался въ 1733 году.

— **Кронштадтская библіотека.** Въ теченіи 1877 года посѣтителей кронштадтской морской библіотеки и читальной комнаты было 43,402 человѣка, число же временныхъ членовъ библіотеки простиралось до 268. Выдано было книгъ для чтенія 31,320 въ 52,100 томахъ, на суда же внутренняго плаванія 276 сочиненій въ 730 томахъ. Библіотека пріобрѣла 1183 сочиненія въ 1796 томахъ. Въ 1878 г. въ ней имѣлось всего 27,787 сочиненій въ 49,024 томахъ, именно русскихъ 15,221 сочин. въ 28,977 том., французскихъ 5,308 сочиненій въ 7,946 том., нѣмецкихъ 4,596 сочин. въ 8167 том., англійскихъ 2408 сочин. въ 3715 томахъ, польскихъ 94 въ 131, шведскихъ 7 въ 11, латинскихъ 26 въ 38, итальянскихъ 13 въ 23, испанскихъ 13 въ 13, голландскихъ 1 въ 3.

— **Общество любителей древней письменности.** Изъ появившагося на дняхъ объемистаго отчета общества любителей древней письменности за 1877 годъ видно, что число членовъ этого общества достигло 42. Кромѣ того 13 учрежденій подписались на его изданія, съ уплатою, по 30 р. ежегодно. Въ отчетномъ году было предпринято 16 изданій и изъ нихъ появилось 13. Задавшись цѣлью издавать славянорусскія рукописи, замѣчательныя въ литературномъ, научномъ, художественномъ или бытовомъ отношеніи, и перепечатывать книги, сдѣлавшіяся библіографическою рѣдкостью, безъ всякихъ исправленій, общество выпустило рядъ любопытныхъ памятниковъ; внѣшняя сторона изданія вполнѣ удовлетворительна. Годичный взносъ членовъ общества 200 рублей.

— **Дѣвушка конокрадъ.** Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ люблинской губ. въ послѣднее время стали часто обнаруживаться случаи конокрадства. Всѣ старанія розыскать конокрадовъ долгое время были безполезны; наконецъ, крестьяне какъ-то узнали, что конокрадствомъ занимается молодая крестьянская дѣвушка, которая украла и увела лошадей у многихъ крестьянъ и перепродавала ихъ евреямъ. А потому крестьяне рѣшились сами расправиться съ молодою конокрадкою и наказать ее своимъ судомъ; рѣшеніе свое они въ скоромъ времени привели въ исполненіе самымъ жестокимъ, безсердечнымъ образомъ. Крестьянская дѣвушка эта жила въ посадѣ Казимірѣ, на Вислѣ. Однажды дѣвушка пропала безслѣдно, и долгое время розысканія ея оставались напрасными. Между тѣмъ, нѣсколько дней спустя, тѣло ее нашли въ рѣкѣ; когда вытащили трупъ ея изъ воды, то оказалось, что руки ея были выворочены назадъ и крѣпко связаны; очевидно стало, что она была утоплена и, по всей вѣроятности, изъ мести, крестьянами за ея конокрадство. Объ этомъ происшествіи производится формальное слѣдствіе.

— **Къ свѣденію дамъ.** Арендаторъ стекляннаго завода Якопо Томази, въ Венеціи, изготовляетъ изъ пряжи стеклянной нити шляпки всѣхъ фасоновъ и цвѣтовъ, отличающіяся изяществомъ, легкостью и крѣпостью.

— **Похититель женщинъ.** Въ «Русскомъ Инвалидѣ» опубликованъ слѣдующій приказъ по военному вѣдомству отъ 3-го сентября: «По приговору отдѣленія полевого военнаго суда дѣйствующей арміи при сѣверномъ отрядѣ: 4-го пѣхотнаго копорскаго его величества короля саксонскаго полка, штабсъ-капитанъ Немировъ, за похищеніе двухъ замужнихъ женщинъ, съ помощью нижнихъ чиновъ ввѣренной ему роты, съ цѣлью обольщенія, по лишеніи нѣкоторыхъ особенныхъ, лично и по состоянію ему присвоенныхъ и службою пріобрѣтенныхъ правъ и преимуществъ, исключается изъ службы, съ заключеніемъ въ смирительный домъ на два года».

— **Ужасныя послѣдствія голода въ Китаѣ.** Англійское министерство иностранныхъ дѣлъ обнародовало оффиціальныя статистическія данныя о произведенныхъ голодомъ въ китайской имперіи опустошеніяхъ. Въ теченіи 1878 года, т. е. въ продолженіи первыхъ семи мѣсяцевъ, умерло отъ голоду болѣе 8,000,000 человѣкъ! Въ провинціи Санса вымерло 5,000,000, болѣе $^{7}/_{10}$ всего населенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жители бросаются другъ на друга, какъ лютые звѣри. Матери убиваютъ и съѣдаютъ собственныхъ дѣтей.

— **Заводъ для производства боговъ.** Въ Кантонѣ образовалось акціонерное общество, устроившее обширный заводъ, на которомъ будутъ выдѣлываться «боги и богини», т. е. идолы для китайцевъ. До сихъ поръ идолы эти фабриковались въ Англіи и привозились въ Китай. Акціонерное общество является могучимъ конкурентомъ этой курьезной отрасли промышленности; оно образовалось подъ фирмою «Company for producing chinese Gods and Godesses» (limited).

— **Глухонѣмые.** Въ Европѣ всего около 250,000 глухо-нѣмыхъ; изъ этого числа наибольшій процентъ приходится на Германію, а именно, 40,000; изъ этихъ 40,000 глухо-нѣмыхъ ровно половина (20,000) приходится на долю Пруссіи.

— **Плавательный приборъ.** Венгерскій поручикъ гонведовъ Зубовичъ сдѣлалъ на-дняхъ опытъ плаванія на лошади, съ особеннымъ изобрѣтеннымъ имъ плавательнымъ аппаратомъ. Онъ отправился верхомъ по Темзѣ, изъ Лондона въ Гриничъ. Прекрасно дрессированная лошадь, по прикрѣпленіи къ ней аппарата, смѣло вступила въ воду. За пловцомъ-наѣздникомъ слѣдилъ пароходъ и нѣсколько лодокъ. На набережной у зданія парламента собралась несмѣтная толпа народа, восторженно привѣтствовавшая сѣдока и лошадь. Путешествіе было совершено благополучно и, по этому, важная задача блистательно рѣшена.

— **Полярная колонія.** Капитанъ Хаугетъ (изъ Соединенныхъ Штатовъ) предлагаетъ основать на берегахъ полярнаго моря колонію изъ людей энергичныхъ, отважныхъ, умныхъ, снабженныхъ всѣми изобрѣтеніями новѣйшей науки, для предотвращенія опасностей зимовки во льдахъ. Цѣль этой колоніи наблюдать за движеніемъ льдовъ и стеречь благопріятную минуту, чтобы отправиться на лодкѣ или саняхъ, или и тѣмъ и другимъ способомъ передвиженія вмѣстѣ на завоеваніе полюса. Колонія будетъ снабжена всѣмъ необходимымъ комфортомъ и въ опредѣленные сроки будетъ посѣщаться кораблями Соединенныхъ Штатовъ. Мѣстомъ для основанія колоніи капитанъ Хаугетъ выбралъ бухту леди Франклинъ.

— **Желтая лихорадка.** «Телеграфному Бюро Вольфа» сообщаютъ изъ Новаго Орлеана, что желтая лихорадка производитъ страшныя опустошенія въ южныхъ штатахъ союза. Въ одинъ день умерло: въ Новомъ Орлеанѣ 88 человѣкъ, въ Мемфисѣ 81, въ Виксбургѣ 27. Заболѣваетъ много врачей. Эпидемія распространяется уже до Луисвилля и опасаются, что смертность еще не достигла высшей степени. Населеніе объято паникой. Тысячи людей бѣгутъ отсюда. Изъ Порта-Гассона (въ штатѣ Миссисипи) выселилось уже 1,200 человѣкъ, опасаясь эпидеміи; изъ оставшихся 555 человѣкъ не болѣе ста пощажены ею, остальные больны или уже умерли. Общественная благотворительность напрягаетъ всѣ силы для оказанія пособія больнымъ и нуждающимся.

— **Образованіе въ Японіи.** Japan Mail очень подробно разбираетъ третій годовой отчетъ министерства народнаго просвѣщенія въ Японіи (годъ 1875—1876), составленный нынѣшнимъ министромъ Танака. Изъ этого отчета мы выписываемъ цифры, относящіяся до числа школъ, учителей и учениковъ. Населеніе Японіи достигаетъ 34 милліоновъ жителей, изъ которыхъ болѣе 5 милліоновъ дѣтей отъ 6 до 14 лѣтъ. Немного болѣе трети дѣтей посѣщаютъ школы, или два милліона. Число мальчиковъ втрое болѣе числа дѣвочекъ. 99 сотыхъ школъ имперіи—школы элементарныя. Между остальными сто приходится на школы среднія, посѣщаемыя 6,600 учениковъ; сто на школы нормальныя съ 7,700 учениковъ; сто школъ иностранныхъ языковъ (всѣ почти, за исключеніемъ полудюжины, англійскія) съ 6,700 учениковъ и восемь колегій спеціальныхъ наукъ съ 900 учениковъ. Между элементарными школами 9 десятыхъ основаны правительствомъ и одна десятая частными лицами. Между средними—одно изъ десяти правительственное, а девять остальныхъ заведенія частныя. Между нормальными школами одна изъ десяти зависитъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, а остальныя девять общественныя. Между школами иностранныхъ языковъ, одна изъ десяти зависитъ отъ министерства народнаго просвѣщенія; остальныя общественныя или частныя; почти всѣ онѣ находятся въ столицѣ. Колегія въ Казейгако и медицинская школа въ Токіо, зависятъ отъ правительства, а шесть остальныхъ коллегій общественныя или частныя. Число учениковъ, посѣщающихъ высшія школы, доходитъ до 21,000; въ числѣ ихъ только 668 дѣвушекъ, т. е. одна дѣвушка на 30 мальчиковъ. Число учениковъ, посѣщающихъ элементарныя школы, около полутора милліона. Въ личномъ составѣ учителей, 800 женщинъ, т. е. одна учительница на тридцать пять преподавателей.

— **Птицы Новой Зеландіи.** Правительство Новой Зеландіи приняло мѣры для предохраненія различныхъ породъ птицъ, какъ полезныхъ, такъ и тѣхъ, которыя по своей рѣдкости или красотѣ перьевъ заслуживаютъ охраненія. Если бы подобныя мѣры были введены раньше, то моа, которой невозможно болѣе найти въ живыхъ ни въ одномъ экземплярѣ, не изчезла бы. Нѣсколько времени тому назадъ, думали, опираясь на разсказы моряковъ, что моа водится еще въ почти непроходимыхъ лѣсахъ внутри острова; теперь надежды эти разсѣялись. Жаль, если безслѣдно изчезнутъ и нѣкоторыя другія разновидности, отличающіяся своими особенностями. Аптериксъ, птица безъ крыльевъ, которая, своей манерой копать землю, подходитъ скорѣе къ четвероногимъ землеройкамъ, чѣмъ къ двуногимъ крылатымъ,—сдѣлалась чрезвычайно рѣдкимъ явленіемъ и почти изчезла. Также почти изчезаетъ родъ попугаевъ, питающихся травами и кореньями и никогда непоказывающихся днемъ; за ними такъ много охотились, что теперь едва можно отыскать ихъ въ юго-западныхъ неприступныхъ оврагахъ южнаго острова. Лѣтъ десять назадъ, былъ пойманъ въ послѣдній разъ живой экземпляръ исполинскаго дергача въ окрестностяхъ Дуски-бей рыбаками, вниманіе которыхъ онъ привлекъ красотой своего яркаго оперенія—зелено-бронзоваго на спинѣ, малиноваго на груди и хвостѣ и ярко краснымъ клювомъ и ногами. Птица проповѣдникъ, великолѣпно подражающая голосомъ и члено-раздѣльнымъ звукамъ, можетъ поспорить съ птицей пересмѣшникомъ,—одна изъ любопытныхъ, но малочисленныхъ разновидностей, которую еще можно найти. Нѣкоторымъ породамъ голубей, питающихся плодами, и разновидности баклана, отличающейся особенно нѣжнымъ вкусомъ мяса, грозитъ конечное истребленіе, болѣе быстрое и болѣе полное, чѣмъ породамъ, негоднымъ для употребленія въ пищу. Не полезнѣе-ли, вмѣсто истребленія размножить ихъ, сдѣлавъ домашними птицами. Даже породы, недавно вывезенныя изъ Англіи въ Новую Зеландію для уничтоженія насѣкомыхъ, упомянуты въ спискѣ птицъ, требующихъ охранительныхъ мѣръ противъ сильно развитой страсти къ истребленію.

— **Битва между паукомъ и попугаемъ.** На островѣ Явѣ, какъ и во всемъ Индійскомъ архипелагѣ, царство животныхъ представляетъ самыя разнообразныя формы. Насѣкомыя достигаютъ

тамъ чудовищныхъ размѣровъ; особенно пауки отличаются своей величиной; у нѣкоторыхъ середина тѣла бываетъ съ небольшую птичку. Они прячутся въ дуплистыхъ стволахъ деревьевъ, гдѣ любятъ жить большіе муравьи, которыхъ пауки преслѣдуютъ и пожираютъ. Одинъ изъ путешественниковъ, отправившись въ лѣсъ на охоту, былъ свидѣтелемъ битвы между паукомъ и попугаемъ. Сильный жаръ заставилъ его присѣсть отдохнуть у корня дерева. Скоро странное движеніе въ листвѣ нижней вѣтви привлекло его вниманіе. Вглядѣвшись пристальнѣе, онъ замѣтилъ громадной величины паука, высасывающаго кровь изъ попугайчика, котораго онъ засталъ въ гнѣздѣ. Длинные ноги паука охватывали отверстіе гнѣзда, а безобразное тѣло, помѣщавшееся противъ центра, надувалось по мѣрѣ того, какъ чудовище упивалось кровью своей жертвы. Прилетаетъ мать попугайчика и, оперshись на вѣтку, поддерживающую гнѣздо, схватываетъ клювомъ одну изъ лапъ паука, чтобы заставить его выпустить добычу. Безполезный трудъ; лапа сопротивляется усиліямъ птицы, которая испускаетъ жалобные крики. Наконецъ, боль заставляетъ паука броситься на непріятеля. Онъ охватываетъ своими восемью лапами шею попугая и хочетъ высасывать изъ него кровь, но тотъ ударомъ своего остраго клюва распарываетъ врагу животъ. Паукъ падаетъ на землю, увлекая за собою храбрую птицу. Путешественникъ, свидѣтель этой битвы, освободилъ попугая, раздавивъ прикладомъ ружья отвратительную гадину.

— **Неутомимые велосипедисты.** Недавно въ Ниццу прибыли двое молодыхъ людей, воспитывающихся въ одномъ изъ англійскихъ университетовъ; они проѣхали всю Францію на велосипедахъ. Они сдѣлали всего 1,218 километровъ, среднимъ числомъ по 101 километру въ день. Они тѣмъ же порядкомъ намѣрены пуститься въ обратный путь.

Шахматы.

Бѣлые	*Черные*
1) E2—E4.	1) E7—E6.
2) D2—D4.	2) D7—D5.
3) B1—C3.	3) G8—F6.
4) C1—G5.	4) F8—E7.
5) E4—E5.	5) ...

Это еще не практиковалось до сихъ поръ на этомъ мѣстѣ.

5) ...	5) F6—D7.
6) G5—E7:	6) D8—E7:
7) D1—D2.	7) ...

Бѣлые предпочли этотъ ходъ предъ F2—F4, такъ какъ черные вслѣдствіе этого хода могли бы разгадать намѣреніе своего противника. Гораздо лучше для бѣлыхъ подобныя комбинаціи: 7) F4, C5; 8) B5, CD; 9) C7 †, D8; 10) A8:, B4 † 11) D2, B2: 12) D1, C6; 13) F3, C5; 14) D4:, D4: 15) D4:.

7) ...	7) A7—A6.
8) C3—E2.	8) C7—C5.
9) C2—C3.	9) B8—C6.
10) F2—F4.	10) 0—0.
11) G1—F3.	11) F7—F6.
12) E2—G3.	12) B7—B5.
13) F1—D3.	13) A8—B8.
14) 0—0.	14) F6—F5.

Черные стараются помѣшать F4—F5, но они достигли бы этого гораздо лучше посредствомъ D7—B6.

15) A1—C1.	15) D7—B6.
16) D2—F2.	16) C5—C4.
17) D3—E2.	17) A6—A5.
18) G3—H5.	18) B6—D7.
19) F2—G3.	19) G7—G6.

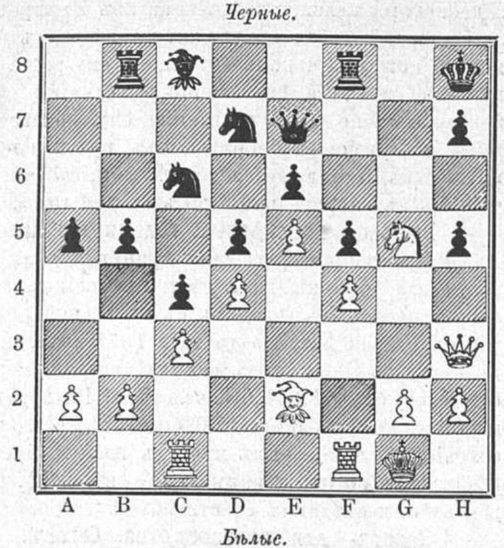
Послѣдніе ходы бѣлыхъ не хорошо разсчитаны и они понесли напрасные потери; но черные не воспользовались удобнымъ моментомъ для извлеченія въ свою пользу выгодъ изъ ошибки противника.

20) G3—H3.	20) G6—H5:
21) F3—G5.	21) G8—H8.

Здѣсь неизбѣжно слѣдовалъ ходъ H7—H6, послѣ котораго продолжалась бы партія съ 22) H5: (нельзя было бы придумать ничего лучшаго, какъ пронести эту вторичную жертву) HG; 23) G6 †, H8; 24) FG (но никакъ не F3, имѣя въ виду G5—G4!)

Положеніе партіи послѣ 21 хода.

Черные.

Бѣлые.

G8; 26) H6 †, H7: 26) E6:, E7 (угрожаетъ G6) выигрывается черными.

22) E2—H5:	22) B8—B7.

Черные готовятся пожертвовать дамой за троихъ офицеровъ. Но они могли бы, между тѣмъ, совершенно спокойно играть G8, послѣ чего они выиграли бы партію, потому что ни: (23) F7 (вслѣдствіи G5:) ни: 23) F7 † (вслѣдствіи H8—G7—F8) не могли бы выручить.

23) H5—G6.	23) D7—B6.
24) G6—H7:	24) E7—H7:

Теперь это стало необходимостью, потому что вслѣдъ за G7 ходили бы: 25) F5:!

25) G5—H7.	25) B7—H7:
26) H6—E3.	26) C6—E7.
27) F1—F3.	27) C8—D7.
28) F3—G3.	28) B5—B4.
29) E3—D2.	29) B4—B3.
30) C1—A1.	30) D7—E8.

31) A2—A3 и партія превратилась неразрѣшенной, такъ какъ она могла бы развиться въ безконечную.

Телеграммы.

Вѣна, 18-го сентября. Газетѣ «Pol. Corr.» сообщаютъ изъ Константинополя: «Третьяго дня, британскій флотъ отошелъ къ Артаки; предварительно же адмиральское судно отправилось къ сералю, для отданія чести турецкому флагу. Вчера султанъ посылалъ Османа-пашу къ г. Лэйарду, поблагодарить за удаленіе британскаго флота.

— 19-го сентября. Вчера городъ былъ пораженъ громовою вѣстью. На запросъ, посланный нѣсколько дней назадъ въ Пештъ, относительно способовъ покрытія предстоящихъ военныхъ расходовъ, венгерскій министръ финансовъ представилъ оффиціальный докладъ, въ которомъ заявилъ, что не можетъ предложить никакой финансовой мѣры, такъ какъ считаетъ невозможнымъ взвалить на Венгрію новые военные расходы, кромѣ уже произведенныхъ и разрѣшенныхъ парламентомъ; въ случаѣ, если императоръ не раздѣляетъ этого мнѣнія, Шель просилъ уволить его; остальные министры поддержали мнѣніе своего товарища по финансамъ, и венгерскій кабинетъ, въ полномъ своемъ составѣ, присоединился къ его просьбѣ объ увольненіи въ отставку.

Императоръ Францъ-Іосифъ еще не постановилъ окончательнаго рѣшенія; вызванные въ Вѣну бывшіе министры деакисты и консерваторы, Слави, Битто, Сенньей, Лоньай отказались отъ переговоровъ по этому предмету, такъ какъ раздѣляютъ мнѣніе о необходимости прекратить военныя дѣйствія въ Турціи.

— 21-го сентября. Употребляются всевозможныя усилія, чтобы убѣдить настоящій венгерскій кабинетъ остаться въ должности. Ему предложены слѣдующія уступки; отказъ отъ занятія Новобазарскаго санджака, сокращеніе оккупаціонной арміи и расходовъ на ея содержаніе до крайнихъ предѣловъ. Здѣсь надѣются скоро уладить кризисъ, который долженъ тяжело отозваться на дѣйствующей арміи, но тѣмъ не менѣе дѣло остается пока въ самомъ серьезномъ положеніи.

Буда-Пештъ, 24-го сентября. Въ оффиціальной газетѣ обнародованъ рескриптъ императора Франца-Іосифа, отъ 3-го октября, въ которомъ выражено, что императоръ принимаетъ прошеніе министра финансовъ Шелля объ отставкѣ, причемъ выражаетъ ему признательность за усердную и вѣрную службу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, императоръ приглашаетъ Шелля продолжать временно веденіе дѣлъ, впередъ до дальнѣйшаго рѣшенія.

Одновременно съ этимъ, обнародовано повелѣніе императора, въ которомъ сказано, что онъ принимаетъ отставку всего венгерскаго кабинета, повелѣвая, чтобъ министры оставались у дѣлъ до назначенія имъ преемниковъ.

Лондонъ, 21-го сентября. Совѣтъ британскихъ министровъ созванъ на субботу, для обсужденія афганистанскаго вопроса.

Въ виду возможности зимней кампаніи, приказано немедленно отправить постели и теплую форменную одежду для индійскихъ войскъ.

По свѣдѣніямъ газеты «Morning Advertiser», правительство предписало начальникамъ морскихъ станцій въ Остъ-Индіи отправить нѣкоторыя суда въ Персидскій заливъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ Д. А. Карчъ-Карчевскій.

Объявленія.

При этомъ нумерѣ «Живописн. Обозрѣн.» разсылается гг. подписчикамъ приложеніе: № 18-й «Парижскія Моды».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 Сентября 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр, 9 лин., д. № 12.

№ 41. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 8 Октября 1878 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

Судебная ошибка.

Романъ **Ф. Буагобея.** Переводъ **С. И. Воскресенской**

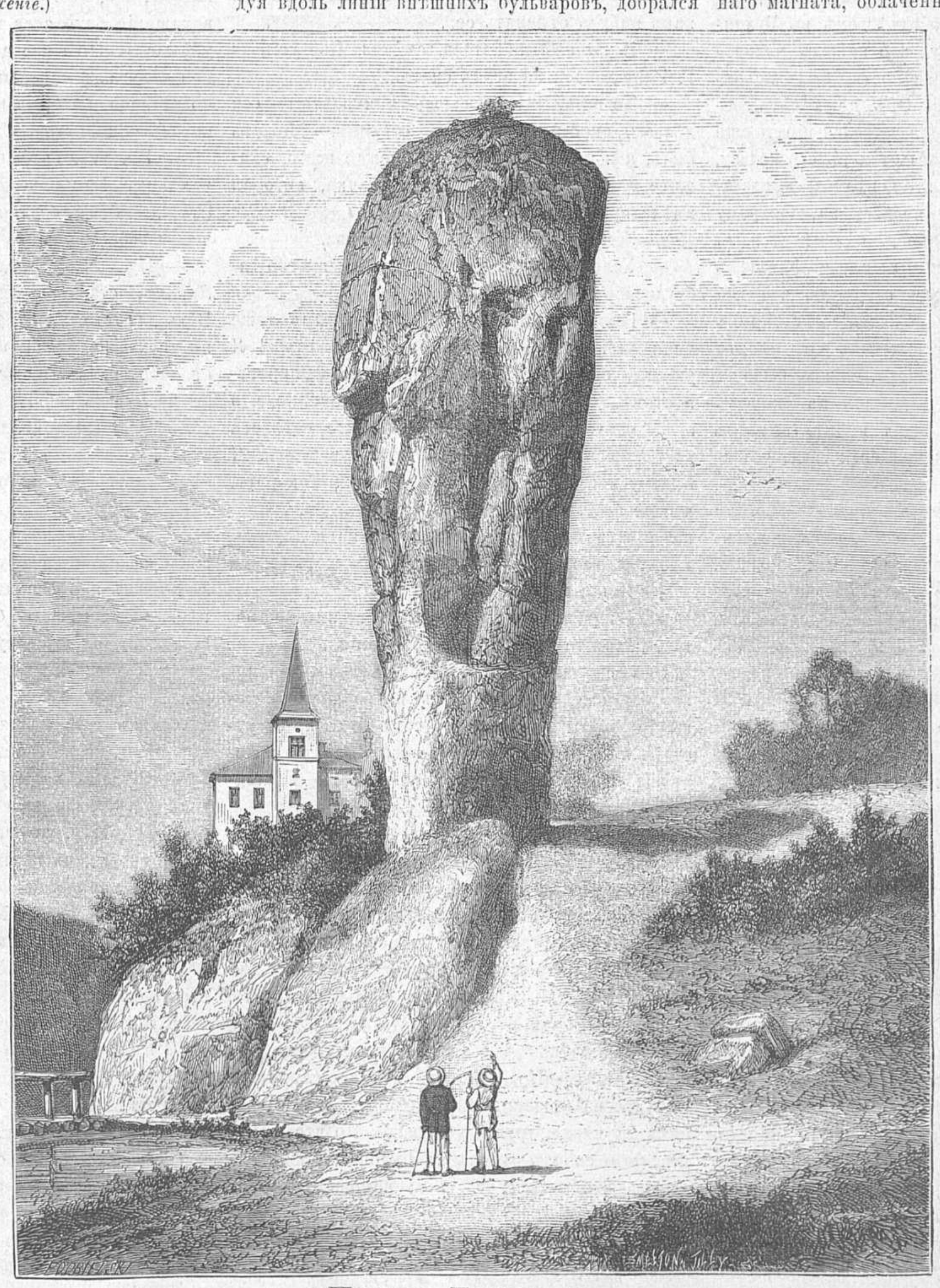
(Продолженіе.)

Глава IV.

Въ тотъ вечеръ, когда старику Лекоку предстояло увидѣться съ Камбремеромъ подъ видомъ ходатая по дѣламъ, онъ по своему обыкновенію выѣхалъ въ Булонскій лѣсъ для прогулки; но вѣрный Али въ этотъ разъ не сопровождалъ его, по нездоровью, какъ сообщилъ набобъ слугамъ отеля. «Парижскій климатъ ему не годится», прибавилъ онъ. Такимъ образомъ, Пьедушъ остался въ нумерѣ, занимаемомъ его господиномъ, но въ сумерки, пользуясь удобной минутой, онъ выскользнулъ изъ гостинницы, преобразясь въ скромнаго буржуа, и ушелъ на площадь Шато-д'О, чтобы встрѣтиться тамъ съ Камбремеромъ, какъ было между ними условлено.

Въ это время, набобъ, сидя въ большомъ ландо съ поднятыми стеклами (жители Индіи такъ зябки!), объѣхалъ раза три вокругъ озера, стараясь показываться гуляющимъ. Онъ встрѣтился нѣсколько разъ съ Арабеллою Дизни, которая каталась съ своей неразлучной Эрминіей, и вѣжливо раскланивался съ обѣими дамами. Въ шесть часовъ онъ направился обратно къ Парижу, но, вмѣсто того, чтобы поѣхать въ отель прямою дорогой, через Елисейскія поля, кучеръ его повернулъ въ Ваграмскую аллею, а потомъ, слѣдуя вдоль линіи внѣшнихъ бульваровъ, добрался до кладбища отца-Лашеза. Здѣсь онъ придержалъ лошадей и доѣхалъ шагомъ до совершенно безлюднаго мѣста, въ которомъ Лекокъ могъ выдти изъ экипажа, не замѣченный никѣмъ. И Лекокъ вышелъ... но уже не въ образѣ восточнаго магната, облаченнаго въ шелкъ и золото, а въ видѣ смиреннаго человѣчка, въ темномъ длиннополомъ сюртукѣ и сѣрой шляпѣ. Кучеръ, закадычный пріятель Пьедуша, посвященный въ тайны такихъ метаморфозъ, отправился съ своимъ экипажемъ далѣе, на Шаронскій бульваръ, гдѣ остановился противъ знакомаго погребка.

Черезъ полчаса Лекокъ, то есть, дядя Вине, сидѣлъ уже въ своемъ «кабинетѣ», въ ожиданіи посѣтителей. Онъ открылъ этотъ «кабинетъ для совѣщаній по тяжебнымъ и пр. дѣламъ» не болѣе какъ недѣли двѣ тому назадъ, однакожь, успѣлъ уже пріобрѣсть большую извѣстность въ кварталѣ, удаленномъ отъ центра города, но населенномъ всякимъ мелкимъ, промышленнымъ людомъ. Торговцы, позапутавшіеся въ дѣлахъ, ремесленники, обсчитанные хозяевами, наконецъ, спекулянты сомнительнаго свойства, — всѣ стали обращаться за совѣтомъ къ дядѣ Вине. Послѣдняя категорія кліентовъ была не особенно по сердцу старику, но, дѣлать было нечего, онъ долженъ былъ выслушивать ихъ, чтобы не выходить изъ принятой на себя роли; впрочемъ, благодаря своей опытности и знанію дѣла, онъ умѣлъ лавировать такимъ образомъ, что удовле-

Палица Геркулеса.

творялъ публику, не компрометируя себя. Онъ принималъ просителей въ назначенные дни, два раза въ недѣлю, и въ этотъ вечеръ, избранный для свиданія съ Камбремеромъ, ему нечего было опасаться посторонняго посѣщенія.

Рѣшась спасти своего сына, Лекокъ понялъ, что ему придется воплощаться въ нѣсколькихъ видахъ. Личность набоба была хороша тѣмъ, что вводила его въ извѣстный кругъ, сводившій его съ Толбіакомъ, котораго онъ заподозрилъ, въ особенности со времени своей поѣздки въ Лондонъ. Одинъ извѣстный англійскій полисменъ, знавшій по слухамъ Лекока, былъ польщенъ довѣріемъ знаменитаго парижскаго сыщика, сообщилъ ему много подробностей о Толбіакѣ, оставившемъ по себѣ не особенно хорошую память въ лондонской полиціи. Выслушавъ разсказъ Лекока, англичанинъ первый подалъ ему мысль о томъ, что женщина, убитая въ улицѣ Арбалетъ, могла быть изъ рода О'Сюлливанъ. Онъ прибавилъ, что наслѣдники маіора не отысканы до сихъ поръ, но существовало основаніе думать, что они во Франціи. Лекокъ, воротясь въ Парижъ, составилъ свой планъ дѣйствій, и послѣднія событія почти доказывали ему, что онъ не ошибался въ своихъ подозрѣніяхъ. Они были подкрѣплены еще болѣе самимъ Толбіакомъ, который, явясь, въ это самое утро, въ видѣ Гольца, къ набобу, передъ его отъѣздомъ въ Булонскій лѣсъ, сооьщилъ ему, что нашелъ человѣка, который, по всей очевидности, былъ потомкомъ маіора О'Сюлливана. Онъ не хотѣлъ назвать этого человѣка, желая сначала собрать еще нѣкоторыя вѣскія доказательства въ его пользу, но надѣялся достигнуть этой цѣли и представить тогда счастливаго наслѣдника, щедрому Джаферу. На вопросъ набоба, оказывается ли этотъ человѣкъ единственнымъ представителемъ рода О'Сюлливановъ, Гольцъ отвѣчалъ, что все подтверждаетъ такое предположеніе нѣкоторыхъ документовъ, свидѣтельствующихъ о смерти другихъ родственниковъ маіора, еще не было на лицо, но онъ надѣялся ихъ добыть въ скоромъ времени. Онъ ушелъ, обѣщая побывать снова черезъ нѣсколько дней и принести тогда рѣшительныя свѣдѣнія.

Это посѣщеніе было очень знаменательно, но Лекокъ не могъ еще уяснить себѣ, какими именно побужденіями руководился мнимый Гольцъ. Намѣренъ ли онъ былъ вывести на сцену подложнаго наслѣдника, сфабриковавъ документы, на основаніи которыхъ этотъ человѣкъ могъ воспользоваться, если не капиталомъ маіора, то, по крайней мѣрѣ, щедрыми дарами набоба? И хотѣлъ ли Гольцъ только просто утянуть значительную сумму, которую раздѣлилъ бы съ своимъ сообщникомъ, или же имѣлъ другіе планы, находившіеся въ связи съ преступленіемъ въ улицѣ Арбалетъ?

Прежде, чѣмъ Лекокъ успѣлъ придти къ какому-нибудь заключенію по этому предмету, въ прихожей раздался звонокъ. Старикъ всталъ, подошелъ на цыпочкахъ къ входной двери и приложилъ глазъ къ одной изъ дырочекъ, пробуравленныхъ въ ней съ цѣлью наблюденія надъ посѣтителями. Узнавъ Пьедуша, котораго сопровождалъ другой человѣкъ, по всей вѣроятности, Камбремеръ, старикъ поспѣшилъ отворить дверь. Пьедушъ вошелъ, разсыпаясь въ любезностяхъ и разыгрывая въ совершенствѣ роль простодушнаго буржуа, приводящаго пріятеля къ искусному законнику. Лекокъ отвѣчалъ ему съ такою же ловкостью и попросилъ обоихъ друзей войти. Но, говоря съ своимъ агентомъ, онъ разсматривалъ незамѣтно физіономію стрѣлочника, слѣдуя въ этомъ своей системѣ. Онъ изучалъ всегда наружность тѣхъ, съ которыми сталкивался, хотя бы даже не имѣлъ съ ними никакихъ особыхъ сношеній. «Пригодится, можетъ быть!» думалъ онъ; тѣмъ болѣе интересовала его каждая черта въ лицѣ человѣка, съ которымъ ему приходилось вступать непосредственно въ дѣло. Но онъ былъ нѣсколько изумленъ: Пьедушъ описывалъ ему Камбремера, какъ честнаго работника, съ открытымъ лицомъ, яснымъ взглядомъ, спокойными пріемами... Между тѣмъ, передъ Лекокомъ былъ человѣкъ, всѣ черты котораго были искажены какою-то душевною мукой, глаза воспалены, движенія раздражительны. Пьедушъ замѣтилъ впечатлѣніе своего патрона и поспѣшилъ объясниться.

— Г. Вине, сказалъ онъ, усѣвшись противъ его конторки,—я говорилъ вамъ, что этому моему пріятелю требуется потолковать съ вами на счетъ одного наслѣдства... Но выходитъ теперь вотъ какой казусъ: у него похитили дочь... дѣвочку, которой приходилось это наслѣдство.

Несмотря на привычное самообладаніе Лекока, онъ не могъ удержаться отъ невольнаго движенія при этомъ извѣстіи, все значеніе котораго онъ успѣлъ уже оцѣнить.

— Разскажите, что такое случилось? спросилъ онъ у Камбремера.

— Что я вамъ разскажу! воскликнулъ тотъ.— Съ той минуты, какъ похитили моего ребенка, я самъ не свой... И не пришелъ бы я сюда ни за что, если бы не думалъ, что вы поможете мнѣ какъ нибудь отыскать ее...

— И вы не ошибаетесь, замѣтилъ Пьедушъ.— Г. Вине дока и на этотъ счетъ...

— То есть, мнѣ случалось заниматься такими дѣлами, скромно перебилъ старикъ.—Можетъ быть, я и помогу вамъ... Но, прежде всего, скажите мнѣ: пропала именно та дѣвочка, которая имѣла право на наслѣдство?

— У меня только и была эта дочь...

— Успокойтесь; можетъ быть, она просто заблудилась..

— Говорятъ вамъ, нѣтъ! А комиссаръ тоже меня увѣряетъ!... Проситъ не тревожиться! Я умолялъ его разослать агентовъ по всѣмъ окрестностямъ... Онъ отвѣчаетъ мнѣ преспокойно, что онъ донесетъ префекту, а тотъ уже сдѣлаетъ распоряженіе... Это было вчера вечеромъ... Я былъ у него сегодня уже два раза... Говоритъ, что ее ищутъ... дали знать повсюду... Да, но пока они тамъ пишутъ въ своихъ канцеляріяхъ, моего ребенка мучатъ, убиваютъ, можетъ быть...

— Когда же она пропала?

— Вчера въ девять часовъ... Увезли въ каретѣ... какая-то дама... нарядно-одѣтая...

Онъ замолчалъ отъ волненія, потомъ, успокоясь немного, разсказалъ въ подробности похищеніе Марты, прибавя, что самъ былъ въ отсутствіи, именно въ Булони, у г-жи Леконтъ, которую хотѣлъ видѣть по поводу того же наслѣдства...

— Вы успѣли что-нибудь узнать? спросилъ Лекокъ.

— Да. Дочь этой дамы родня моей Мартѣ... Вѣроятно, по этому хотѣли убить и ее, въ то самое время, когда похищали мою дѣвочку...

— Убить! что вы говорите! вскричалъ, блѣднѣя, старикъ; въ тоже время и Пьедушъ тоже измѣнился въ лицѣ.

— Убить или увезти, не знаю, продолжалъ стрѣлочникъ.—По счастью, я тутъ случился... Кинулся на мошенниковъ, положилъ одного изъ нихъ на мѣстѣ, другой убѣжалъ... Но что я тутъ толкую о своихъ дѣлахъ въ Булони! Я пришелъ затѣмъ, чтобы спросить васъ: поможете вы мнѣ отыскать мою дочь?... Я не богатъ, живу жалованьемъ, но у меня припрятана тысяча франковъ... Берите ее за труды.

— Мы поговоримъ о вознагражденіи послѣ, сказалъ Лекокъ,—теперь же нечего терять время на это. Слушайте: я берусь хлопотать, но съ двумя условіями. Первое, никому ни слова о томъ, что я дѣйствую здѣсь! Вы сдѣлали заявленіе комиссару; прекрасно, пусть трудится полиція, это даже очень не лишнее для васъ, но я хочу работать отдѣльно отъ нея, потому что иначе мы будемъ другъ другу мѣшать...

— Я это понимаю; къ тому же, я не жду большой услуги отъ префектуры. У нихъ слишкомъ много дѣла безъ того; гдѣ имъ заниматься такимъ ничтожнымъ человѣкомъ, какъ я!... Хорошо еще, что меня такъ издавна знаютъ на орлеанской желѣзной дорогѣ... и мою Марту всѣ тамъ такъ любили... Всѣ ласкаютъ, цѣлуютъ ее... Директоръ, какъ только узналъ о моемъ горѣ, тотчасъ же далъ знать по всей линіи, и примѣты дѣвочки разослалъ...

— Это очень хорошо, сказалъ Лекокъ,—но я не договорилъ еще моихъ условій. Второе, вы позволите мнѣ одновременно заняться и наслѣдствомъ, которое можетъ достаться вашей дочери.

— Понимаю и это, произнесъ съ горькою усмѣшкою Камбремеръ.—Вамъ не хочется потерять барыша, который достанется вамъ, если дѣло удастся. Что же, хлопочите... Я сообщу вамъ все, что знаю...

— Вы ошибаетесь, тихо возразилъ Лекокъ.— Если я говорю теперь о наслѣдствѣ, то лишь потому, что, по моему мнѣнію, это наслѣдство и похищеніе находятся между собою въ связи. Я убѣжденъ, что ваша дочь похищена съ корыстной цѣлью... и совершили злодѣйство непремѣнно тѣ лица, которыя имѣютъ тоже права на капиталъ покойнаго О'Сюлливана...

— Вы, можетъ быть, правы, сказалъ съ отчаяніемъ Камбремеръ,—но тогда еще хуже! Эти люди не остановятся передъ убійствомъ, чтобы избавиться отъ Марты!

— Ну, зачѣмъ предполагать худшее, сказалъ Лекокъ, стараясь успокоить бѣднаго отца.— Вѣдь для того, чтобы смерть дѣвочки пошла имъ въ прокъ, необходимо представить документы о ее смерти... Они не осмѣлятся сдѣлать это, чтобы не выдать себя.

— О, Боже мой, злодѣи найдутъ всегда средство... Развѣ не могутъ они устроить такъ, чтобы тѣло ребенка было найдено гдѣ нибудь?.. Газеты заговорятъ о трупѣ дѣвочки... Я попытаюсь удостовѣриться, не моя ли дочь... и когда я признаю ее, смерть ея будетъ засвидѣтельствована законнымъ порядкомъ... Они не покажутся ранѣе... даже, можетъ быть, изъ большей предосторожности, не станутъ заявлять своихъ правъ на наслѣдство иначе, какъ черезъ годъ, черезъ два.

Лекокъ соглашался, что эти предположенія вѣроятны, но не захотѣлъ выказать этого.

— Будемъ надѣяться на болѣе счастливый исходъ дѣла, сказалъ онъ.—Вы принесли съ собою тѣ бумаги, на основаніи которыхъ вы считаете свою дочь наслѣдницею маіора?

— У меня всего только одна бумага, сказалъ Камбремеръ.—Моя покойная теща оставила ее моей женѣ съ цѣлою кипой другой бумажной рухляди, и я вздумалъ разсмотрѣть все это только потому, что одинъ господинъ странно заговорилъ со мной о наслѣдствѣ... Иначе я такъ и оставилъ бы безъ вниманія весь пакетъ. Вотъ эта бумага; возьмите, разсмотрите ее на досугѣ... Мнѣ она не нужна... Я думаю теперь только объ одномъ: найти мою дочь.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ «кабинета» дяди Вине. Пьедушъ послѣдовалъ за нимъ, торопясь проскользнуть снова незамѣтно въ гостиницу. Лекокъ, съ своей стороны, выбрался изъ того помѣщенія, въ которомъ разыгрывалъ такъ удачно роль ходатая по дѣламъ, дошелъ закоулками до своего экипажа и успѣлъ сѣсть въ него, незамѣченный никѣмъ. Экипажъ тронулся, старый сыщикъ совершилъ въ немъ свое переодѣ-

ваніе, и когда карета остановилась передъ подъѣздомъ Гранд-Отеля, то изъ нея вышелъ,—не смиренный дядя Вине, но багурскій набобъ.

Войдя къ себѣ, Лекокъ сѣлъ къ столу и разложилъ передъ собой документъ, полученный отъ Камбремера. Бумага пожелтѣла отъ времени, чернила поблѣднѣли; строки были написаны очевидно дрожащей рукою. Лекокъ сталъ читать:

«Ожидая ежеминутно смерти, я оставляю дочери моей, Катеринѣ, слѣдующія указанія, въ надеждѣ, что онѣ послужатъ ей, или ея дѣтямъ, для спасенія хотя какихъ-нибудь остатковъ нашего семейнаго достоянія, по несчастію, преданнаго моимъ уважаемымъ покойнымъ отцомъ въ руки англійскихъ ростовщиковъ».

Слѣдовало подпись: Елизабета О'Сюлливанъ, въ замужествѣ Гишаръ. Дано въ Аббевиллѣ, 11 сентября 1838 г.

Затѣмъ шла таблица, съ указаніемъ всѣхъ отраслей рода, вышедшихъ изъ одного общаго корня. Такихъ вѣтвей былой пять, и надъ ними виднѣлось, написанное большими буквами, имя общаго родоначальника:

«Мьерисъ Дэвидъ О'Сюлливанъ,
«ирландскій эсквайръ, капитанъ пѣхоты».

«Родился въ 1759 г., въ Дублинѣ, умеръ въ томъ же городѣ, 25 декабря 1810 г., оставя отъ своей покойной супруги, моей уважаемой матери, умершей за шесть мѣсяцевъ ранѣе его, пятерыхъ дѣтей. Имена ихъ:

1) Джэкъ Пэтрисъ О'Сюлливанъ, родившійся въ 1780 г., отправившійся въ 1799 г. въ Канаду, въ чинѣ мичмана, затѣмъ переѣхавшій въ Остъ-Индію, откуда онъ не возвращался никогда, сколько мнѣ извѣстно. Я не имѣю тоже свѣдѣній о томъ, женился ли онъ и живъ ли въ настоящее время, потому что не получала никакихъ извѣстій о немъ со времени смерти нашего отца.

2) Анна О'Сюлливанъ, родившаяся въ 1790 г., вышедшая въ 1805 г. за Джона Сло и умершая въ 1809 г.; отъ этого брака родилась дочь Юлія, въ 1806 г.; она вышла въ 1821 г. за Уилльяма Несли и скончалась въ 1828 г., оставя дочь, Софію Несли. Этой дочери, рожденной въ 1822 году, въ настоящее время шестнадцать лѣтъ; я узнала недавно, что она живетъ въ гувернанткахъ у одного лорда въ графствѣ Селисбери и готовится выдти замужъ.

3) Елизабета О'Сюлливанъ. Это я.

Я родилась въ 1708 г., лишилась всякихъ средствъ при смерти моихъ родителей и была принята изъ человѣколюбія въ дублинскій католическій институтъ, въ которомъ воспитываются бѣдныя дѣвушки. Когда мнѣ минуло четырнадцать лѣтъ, меня помѣстили въ одно торговое заведеніе во Франціи. Я вышла тамъ замужъ въ 1816 г., за заводскаго конторщика, Пьера Гишара, котораго имѣла несчастіе лишиться послѣ двухъ лѣтъ супружества. Я осталась вдовой съ малюткою-дочерью, Катериной. Ей минетъ теперь скоро двадцать одинъ годъ, и я надѣюсь выдать ее за Жана Бернье, отличнаго человѣка, рабочаго на бумаго-прядильной фабрикѣ.

«Да будетъ моя дочь счастливѣе своей матери!

«4) Джорджина О'Сюлливанъ, рожденная въ 1801 г.

Она пріѣхала во Францію, спустя два года послѣ меня, поступила на мѣсто въ Парижѣ и вышла тамъ замужъ, какъ я слышала, за какого-то служащаго въ нотаріальной конторѣ, по фамиліи Леконтъ. Слышала я тоже, что у нея родился сынъ; потомъ, что она умерла, но я незнаю, что сталось съ этимъ моимъ племянникомъ, потому что ни моя сестра, ни ея мужъ не отвѣчали никогда на мои письма.

— Леконтъ! Его сынъ долженъ быть отцомъ Терезы! сказалъ Лекокъ, прерывая на минуту свое чтеніе.—Всѣ числа подходятъ, какъ нельзя лучше. Мнѣ извѣстно, что онъ родился въ 1820 году, женился въ 1855 г., умеръ въ 1869. Тереза родилась въ 1857 г. Она приходится внукой маіору О'Сюлливанъ, которому ея отецъ былъ роднымъ племянникомъ... Такимъ образомъ, она оказывается болѣе близкою наслѣдницею, чѣмъ дочь Камбремера... Объ этомъ послѣднемъ ничего не говорится; списокъ помѣченъ 1838 г. и въ немъ упоминается только о Катеринѣ Гишаръ, выходящей за Бернье, но мнѣ извѣстно изъ разсказовъ Пьедуша, что у Катерины Бернье была дочь Полина, вышедшая за Камбремера и оставившая ему дочь, которую теперь украли. Эта дѣвочка происходитъ уже отъ третьяго поколѣнія; она правнука маіора... Такимъ образомъ, допустивъ, что похищеніе Марты и нападеніе на Терезу Леконтъ происходятъ изъ одного источника, слѣдуетъ предположить, что ими руководитъ который-нибудь изъ ихъ со-наслѣдниковъ по другой линіи, и именно, болѣе отдаленный наслѣдникъ, въ интересахъ котораго было бы уничтожить Терезу и Марту... Кто же это можетъ быть?.. Посмотримъ... Я не дочиталъ еще всего списка.

Онъ принялся снова читать:

«5) Эленъ О'Сюлливанъ, младшая изъ всѣхъ моихъ сестеръ, рожденная въ 1810 г. Мать наша умерла, произведя ее на свѣтъ. Я видѣла эту сестру только въ ея младенчествѣ. Судьба ея была очень печальна. — Она поступила на провинціальную сцену, вышла за странствующаго актера, Гарри Фасситa...

— Фасситъ! вскрикнулъ Лекокъ. Да вѣдь такъ звали женщину, убитую въ улицѣ Арбалетъ!

Онъ не ожидалъ подобнаго открытія и сразу понялъ его знаменательность. Если убитая Марія Фасситъ была дочерью этой Эленъ О'Сюлливанъ, то все объяснялось: она приходилась родною племянницею маіора и была, слѣдовательно, его ближайшею наслѣдницею. Тереза Леконтъ, какъ внука его по сестрѣ, занимала второе мѣсто, а затѣмъ былъ чередъ Марты Камбремеръ, какъ внуки. Такимъ образомъ, тѣ лица, которыя хотѣли завладѣть наслѣдствомъ, должны были уничтожить первое препятствіе въ лицѣ Маріи Фасситъ, затѣмъ перейти къ Терезѣ, и потомъ уже къ Мартѣ.

Но кто имѣлъ выгоду сдѣлать это?.. Оставалась линія Софіи Несли... Если у этой Несли, внуки Анны О'Сюлливанъ, были дѣти, то смерть потомковъ остальныхъ трехъ линій могла быть выгодна для нихъ.

Такъ разсуждалъ старый Лекокъ, но ему представились тотчасъ же слѣдующія возраженія:

Женщинѣ, убитой въ улицѣ Арбалетъ, было не болѣе двадцати двухъ или трехъ лѣтъ. Эленъ О'Сюлливанъ вышла замужъ около 1837 г., то есть, лѣтъ сорокъ тому назадъ. Если Марія Фасситъ была ея дочерью, то приходилось предположить, что Эленъ родила ее послѣ пятнадцати-осьмнадцати лѣтъ супружества и имѣя уже болѣе сорока лѣтъ. А Эленъ была актрисою въ странствующей труппѣ; была замужемъ тоже за бѣднякомъ актеромъ, словомъ, вела жизнь горемычную и должна была состариться преждевременно... Все это говорило противъ перваго предположенія, но, съ другой стороны, убитая обладала именно тѣмъ родомъ красоты и вела ту неправильную жизнь, которыя бываютъ часто удѣломъ дѣвушекъ, выросшихъ за театральными кулисами... Можетъ быть, она и сама играла на сценѣ... и Люи могъ познакомиться съ нею въ то время, когда находился въ клапгэмскомъ училищѣ... Но я не имѣю уже времени раслѣдовать это снова въ Англіи, думалъ Лекокъ. Мнѣ остается не болѣе трехъ недѣль для того, чтобы спасти моего сына. Надо искать здѣсь убійцу Маріи Фасситъ... И чѣмъ болѣе я думаю, тѣмъ тверже убѣждаюсь въ томъ, что это преступленіе совершено кѣмъ-нибудь изъ потомковъ Анны О'Сюлливанъ... Но гдѣ онъ прячется?.. Боже мой, какая мысль... Не самъ ли Толбіакъ?.. Нѣтъ, ему около пятидесяти лѣтъ, а Софія Несли родилась въ 1822 году... Онъ не можетъ быть сыномъ этой женщины...

Размышленія старика были прерваны появленіемъ Пьедуша, успѣвшаго преобразиться въ чернаго слугу.

— Что же ваша милость? спросилъ онъ.

— Что? Ясно, что дѣвочка происходитъ изъ рода О'Сюлливанъ и что ее украли; вотъ и все.

— Если узнаемъ, кто совершилъ штуку, то разгадаемъ многое.

— Да, но какъ узнать?

— Мнѣ кажется, что я уже знаю. Не выбьете у меня изъ головы, что главное лицо—Толбіакъ!

— Я и самъ не прочь отъ этой мысли, но однихъ нашихъ догадокъ мало.

— Позвольте, ваша милость. Похитилъ же онъ нѣмого? Я полагаю, вы въ этомъ не сомнѣваетесь. Отчего же не устроить ему и другого такого похищенія, съ помощью кареты, да бойкихъ лошадей? Похищеніе — это его система. Замѣтьте тоже, что я выпустилъ тогда его изъ рукъ на орлеанскомъ дебаркадерѣ. А дѣвочку куда повезли? Къ бульвару Италія... Все по одному же направленію! И я теперь думаю, что у Толбіака имѣется гнѣздо, гдѣ-нибудь тотчасъ за заставою... или подальше. Вы сообразите, что и горничная — англичанка помчалась по той же линіи, и въ одномъ поѣздѣ съ мошенникомъ! Смѣю думать, что это полновѣсное доказательство, и нисколько не удивляюсь, если узнаю, что это она явилась къ прачкѣ и увезла дѣвочку.

— Я самъ почти убѣжденъ въ этомъ, и можетъ случиться, что мы поѣдемъ съ тобою отсюда на нѣсколько дней... Но мнѣ надо прежде повидаться съ Толбіакомъ; онъ зайдетъ ко мнѣ сегодня же въ ложу, когда я буду въ оперѣ.

— А куда же мы поѣдемъ, ваша милость?

— Узнаешь послѣ спектакля. А теперь ѣдемъ, уже давно пора!

Черезъ нѣсколько времени, набобъ вошелъ въ свою абонированную ложу, въ ту самую минуту, когда занавѣсъ поднялся надъ четвертымъ актомъ «Гугенотовъ».

Раздался извѣстный великолѣпный хоръ «благословенія мечей». Зрители, поглощенные чудными звуками грандіознаго творенія Мейербера, не обратили особеннаго вниманія на появленіе индѣйскаго принца. Онъ воспользовался этимъ, чтобы окинуть взглядомъ всю залу. Въ креслахъ амфитеатра, рядомъ съ Толбіакомъ, сидѣла прелестная Арабелла Дизни, въ очаровательномъ туалетѣ и замѣчательныхъ брилліантахъ. Толбіакъ былъ одѣтъ безукоризненно, но былъ мало занятъ музыкою; онъ очень горячо разговаривалъ о чемъ-то съ своею сосѣдкой. Вниманіе Лекока было тоже болѣе приковано къ этимъ двумъ лицамъ, чѣмъ къ сценѣ. Пьедушъ прямой и неподвижный, какъ столбъ, стоялъ за кресломъ своего господина, изрѣдка обмѣниваясь съ нимъ двумя-тремя словами вполголоса, чтобы не слыхали сосѣди. Когда зала огласилась послѣднимъ гармоническимъ возгласомъ хора, поддержаннаго металлическими инструментами оркестра, Пьедушъ нагнулся немного къ Лекоку и сказалъ:

— Ваша милость, можетъ быть, намъ придется услыхать что-нибудь новое. Я замѣтилъ у подъѣзда театра угольщика и его жену. Они смотрѣли на васъ, да такъ и лѣзли впередъ... Я боялся, что заговорятъ при всѣхъ...

— Надо будетъ узнать, отвѣтилъ, едва шевеля губами, Лекокъ.—Но замолчи, на насъ смотритъ Толбіакъ...

Дѣйствительно, де-Теншебре, обводя биноклемъ всю залу, замѣтилъ бабоба и отвѣсилъ ему самый привѣтливый поклонъ, толкнувъ, въ то же время, локтемъ свою прекрасную сосѣдку.

Картина В. КАУЛЬБАХА.

Лили.

Изъ иллюстрацій къ сочиненіямъ Гёте.

Набобъ отвѣтилъ ему тоже поклономъ, послѣ чего погрузился въ самую азіятскую неподвижность. Черезъ минуту, Толбіакъ всталъ и вышелъ, не дождидаясь антракта, изъ креселъ.

— Вѣрно, хочетъ сказать мнѣ что-нибудь спѣшное, рѣшилъ Лекокъ,—если не дожидается даже конца дѣйствія.

Онъ не ошибся: Толбіакъ вошелъ въ его ложу. Набобъ принялъ его съ видомъ владыки, котораго безпокоятъ среди его удовольствій, но который желаетъ оставаться любезнымъ. Сыщикъ усѣлся, по его приглашенію, очень развязно и началъ сдержаннымъ голосомъ:

— Ваша свѣтлость, извините меня, но мнѣ пришлось побезпокоить васъ среди представленія, потому что Арабелла хочетъ уѣхать до конца оперы.

— Неужели! воскликнулъ набобъ съ видомъ удивленія.— Она добровольно желаетъ лишить себя наслажденія... Вы, парижане, уже слишкомъ пресыщены всякими великолѣпными произведеніями искуства, и потому такъ мало цѣните ихъ...

— Но, ваша свѣтлость, возразилъ Толбіакъ, улыбаясь, вы сами пропустили двѣ трети оперы...

— Да, только поневолѣ; меня задержали; но что же можетъ побуждать прекрасную Арабеллу...

— Она должна ѣхать завтра рано утромъ въ Лондонъ, ваша свѣтлость.

— Какъ, мы лишаемся ее навсегда?

— Нѣтъ, ваша свѣтлость, она возратится черезъ недѣлю... но, она беретъ съ собой и меня.

— Что вы говорите! Что вамъ за охота?

— О, ваша свѣтлость, охоты никакой; я терпѣть не могу Лондона... То ли дѣло, Парижъ! Но что прикажете дѣлать? Нельзя не уважить прихоти хорошенькой женщины... Но кромѣ моего желанія не уѣхать, не простясь съ вами, ваша свѣтлость, я желаю еще передать вамъ нѣкоторыя свѣденія по дѣлу о наслѣдникахъ О'Сюлливана. Самъ Гольцъ не рѣшился явиться къ вамъ, потому что все пошло не такъ быстро, какъ онъ ожидалъ... Этотъ Гольцъ, человѣкъ крайне добросовѣстный... онъ желаетъ обдѣлывать всегда все въ совершенствѣ... и онъ просилъ меня передать вамъ, что не придетъ къ вамъ прежде, чѣмъ добудетъ самыя точныя доказательства въ пользу наслѣдника.

— Къ какому же времени онъ надѣется ихъ получить?

— Все будетъ готово къ моему возвращенію изъ Англіи.

— И вы приведете его тогда ко мнѣ? спросилъ набобъ, смотря пристально на своего собесѣдника.

— Или пришлю одного, отвѣчалъ Толбіакъ безъ запинки.—Это такой застѣнчивый, или осторожный, кто его знаетъ, человѣкъ... Не любитъ говорить о дѣлахъ при третьемъ лицѣ... И такъ, досвиданія, ваша свѣтлость!

Онъ раскланялся и вышелъ, но не показался болѣе въ креслахъ, и когда набобъ взглянулъ внизъ, то Арабеллы Дизни тоже уже не было между зрителями; по всей вѣроятности, она поджидала своего услужливаго кавалера въ коридорѣ. Такая поспѣшность къ удаленію изъ театра была, конечно, не безъ цѣли. Можно было подумать, что достойная пара явилась въ театръ съ единственною цѣлью сообщить индѣйскому принцу, что посѣщенія Гольца прекратятся на время, и затѣмъ скрылась торопливо.

Подождавъ минутъ съ десять, набобъ тоже рѣшился уѣхать. Прибывъ въ свою гостинницу и оставшись наединѣ съ Пьедушемъ, онъ сказалъ своему вѣрному спутнику:

— Негодяй выдалъ себя. Онъ говоритъ, что наслѣдникъ отыщется, только къ его возвращенію... Понятно Гольцу нельзя приходить, когда Толбіака нѣтъ въ Парижѣ... Но я готовъ поклясться, что онъ въ Англію не поѣдетъ, а употребитъ эти дни на то, чтобы погубить Терезу и Марту, какъ погубилъ уже Марію Фасситъ!

— Но, если вы увѣрены, ваша милость, что это онъ убилъ англичанку, то отчего вы не заявите объ этомъ? спросилъ Пьедушъ.

— Если я это сдѣлаю, меня заарестуютъ, и только, а Люи не будетъ спасенъ. Меня обвинятъ въ вымышленномъ показаніи, мой бѣдный Пьедушъ! А предать Толбіака суду за одно то, что онъ занимается дѣлами по этому наслѣдству, конечно, невозможно.

— Но какъ же поступить въ такомъ случаѣ?

— Я скажу тебѣ тотчасъ. У него должно быть, гдѣ нибудь невдалекѣ отъ Парижа такое гнѣздо, въ которомъ онъ творитъ свои главныя мошенничества. Туда онъ упряталъ дочь Камбремера, туда хотѣлъ увезти Терезу Леконтъ, туда же, по всей вѣроятности, хотѣлъ скрыть и трупъ Маріи Фасситъ...

— Такъ, такъ, такъ!.. Вѣдь въ ту минуту, какъ мы схватили нѣмого, какая-то карета умчалась къ бульвару Италія...

— И тотъ экипажъ, въ которомъ увезли дѣвочку, тоже поѣхалъ въ этомъ направленіи...

— Нѣтъ сомнѣнія, что подлецъ ѣхалъ тоже въ это прекрасное мѣсто, когда улизнулъ отъ меня на станціи орлеанской дороги!.. И вмѣстѣ съ горничной, которую признали угольщики!.. Дѣло ясное, ваша милость... А что, если эта тварь, что была съ нимъ сегодня въ театрѣ, она самая и есть?..

— Можетъ быть, но сомнѣваюсь... Во всякомъ случаѣ, ты переодѣнешься снова, пойдешь сторожить всю ночь у квартиры Толбіака и послѣдишь за нимъ, куда онъ поѣдетъ. Потомъ возьмешь билетъ до той же станціи, какъ и онъ..

— Понимаю, ваша милость, нечего и толковать.

— Проводи его до мѣста, ты воротишься въ Парижъ съ первымъ попавшимся поѣздомъ, завернешь въ улицу Арбалетъ, чтобы потолковать съ угольщиками, и потомъ отдашь мнѣ отчетъ во всемъ.

— Слушаю, ваша милость, сказалъ Пьедушъ, исчезая.

Старикъ остался одинъ, но не могъ заснуть во всю ночь. Онъ написалъ Терезѣ Леконтъ записку, прося ее «не выходить никуда изъ дома до полученія дальнѣйшихъ извѣстій»; онъ умолялъ ее, вмѣстѣ съ тѣмъ, «не падать духомъ, потому что спасеніе было близко».

Едва онъ успѣлъ подчеркнуть эту фразу, какъ въ комнату влетѣлъ Пьедушъ, не успѣвшій даже преобразиться снова въ Али.

— Тутъ самъ чортъ замѣшанъ, ваша милость! воскликнулъ онъ.— Улизнулъ опять! Я продежурилъ даромъ всю ночь... Привратникъ объявилъ мнѣ сегодня по утру, что г. де-Теншебре уѣхалъ за-городъ еще съ вечера. Я подумалъ: Вѣрно, онъ остался ночевать у англичанки, чтобы уѣхать съ нею вмѣстѣ съ утреннимъ поѣздомъ... Я туда... Что же? Какъ разъ подхожу къ дому въ ту минуту, когда субретка этой госпожи говоритъ какому-то молодцу: «Мы можемъ погулять вволю... Моя госпожа уѣхала вчера, прямо послѣ оперы, и не будетъ домой цѣлую недѣлю...» Вотъ!

— Послѣ оперы! сказалъ Лекокъ.—Слѣдовательно, ихъ ожидалъ экипажъ съ этою цѣлью.

— Понятно! А знаете, изъ-за чего такъ пробивались къ вамъ угольщики? Хотѣли вамъ лично доложить, что видѣли какъ горничная покойной Фасситъ вошла въ театръ!

— Съ Толбіакомъ?

— Нѣтъ, одна... Но пренарядная: платье съ разными рюшами, брилліанты, вся обмотана кружевами, а на счетъ декольте... Ужь мое почтеніе!

— Они подождали ее при выходѣ, я надѣюсь?

— Вотъ гдѣ и бѣда. Жена хотѣла остаться, но эта скотина, ея мужъ, отговорилъ. Ему спать хотѣлось. Ужь я его разругалъ! Да что толку! Пропустили такой отличный случай, окаянные!.. А не подошли они къ намъ, знаете, отчего? Негра вашего боялись!.. Вотъ, поди-же ты! Конечно, гдѣ имъ знать, что этотъ негръ—я; но все какъ-то противъ насъ повертывается!

— Если бы они подошли, вышло бы еще хуже, перебилъ Лекокъ.—Полиція обратила бы вниманіе на угольщиковъ, которые бесѣдуютъ съ индѣйскимъ набобомъ, и тогда все могло открыться... Но, какъ бы то ни было, намъ нечего мучиться о томъ, что уже совершилось; будемъ думать о предстоящихъ дѣлахъ. Во всякомъ случаѣ, мы времени не теряли; успѣли пріобрѣсть много драгоцѣнныхъ указаній. Теперь, выслушай мой будущій планъ дѣйствій. Нѣтъ сомнѣнія, что у Толбіака есть загородный притонъ.—Гдѣ?— Между Парижемъ и Орлеаномъ... Далеко ли отъ Парижа?—Нѣтъ, потому что онъ отправился туда вчера вечеромъ на лошадяхъ, такъ какъ ночного желѣзнодорожнаго поѣзда въ Орлеанъ нѣтъ; да какъ видно, онъ и прежде ѣздилъ туда въ экипажѣ.

— Совершенно вѣрно, ваша милость.

— Теперь, далѣе. На наемныхъ лошадяхъ онъ не поѣдетъ по той причинѣ, что ему не выгодно показывать себя, при остановкахъ, на постоялыхъ дворахъ, гдѣ не преминутъ замѣтить его, въ особенности съ такою эфектною спутницей. Онъ долженъ ѣздить, не смѣняя запряжки, до мѣста, непремѣнно на собственныхъ лошадяхъ, хорошо кормленныхъ и способныхъ выдерживать продолжительную ѣзду... Сколько, по твоему, могутъ пробѣжать здоровыя упряжныя лошади безъ отдыха?

— Что же... пять, шесть, даже семь лье, въ случаѣ нужды... Но гонять ихъ часто такимъ образомъ будетъ для нихъ тяжеленько... Три, четыре лье, это легко.

— А если мѣсто еще ближе, то Толбіакъ никогда не ѣздилъ бы туда по желѣзной дорогѣ, между тѣмъ, ты самъ видѣлъ, какъ онъ отправлялся. Я полагаю, на основаніи всего этого, что намъ слѣдуетъ искать его притона въ пространствѣ, находящемся въ четырехъ, пяти, шести, семи или восьми лье отъ Парижа...

— По линіи желѣзной дороги?

— По линіи или возлѣ нея. Толбіакъ можетъ высаживаться на станціи, и потомъ добираться къ себѣ пѣшкомъ, или въ экипажѣ. И такъ, намъ слѣдуетъ начать поиски, примѣрно, между станціями Шуазы и Бретиньи... Я все обсудилъ. Ты одѣнешься разнощикомъ; я — странствующимъ прикащикомъ.

— Мы будемъ работать не вмѣстѣ?

— За одно, но не вмѣстѣ. Я буду пріѣзжать на каждую станцію по желѣзной дорогѣ и останавливаться въ лучшей мѣстной гостинницѣ; ты прибудешь за часъ ранѣе меня, пѣшкомъ, и помѣстишься на постояломъ дворѣ. Я буду бѣгать изъ дома въ домъ, предлагая образцы вина (я выбралъ вино, потому что съ нимъ можно сунуться во всякій домъ), а ты будешь ходить съ своими иголками, нитками, тесемками и прочимъ. И оба мы будемъ собирать свѣденія... Понятно, при встрѣчѣ, мы другъ друга не знаемъ, но, подъ вечеръ, мы будемъ сходиться у церкви (во всякомъ мѣстечкѣ есть церковь и ее не трудно отыскать), и будемъ сообщать другъ другу наши вѣсти... Понялъ?

— Понялъ, ваша милость. Мнѣ нуженъ билетъ на продажу въ разносъ, засвидѣтельствованный въ префектурѣ, но Пигашъ сварганитъ мнѣ это какъ разъ, сегодня же.

— А у меня сохранились разные прейскуранты и бланки для накладныхъ отъ ливерпульской

винноторговной фирмы «Раусонъ, Дженкинсъ и Ко». Дженкинсъ мнѣ пріятель. Я ему изловилъ кассира, который бѣжалъ, стащивъ десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

— Вотъ и отлично! Васъ не поддѣнутъ наши французскіе странствующіе приказчики. Они мало знакомы съ англійскими фирмами.

— Будь спокоенъ, я знаю, какъ имъ зубы заговаривать... И такъ, я скажу въ гостинницѣ, что уѣзжаю вечеромъ въ Гавръ, но оставляю за собою свой нумеръ. Ты же приготовь все нужное для нашего новаго маскарада въ квартирѣ, которую занимаетъ дядя Вине... Съ Богомъ!

(*Продолженіе будетъ.*)

Бѣдный Генрихъ.

(Изъ Гейне).

Стих. А. Немеровскаго.

I.

Веселятся Иванъ съ Маргаритой
На торжественной свадьбѣ своей.
Только Генрихъ, печалью убитый, —
Нѣмъ, какъ рыба, и мѣла бѣлѣй.

И женихъ, и невѣста, и гости,
Разодѣтые въ танцѣ летятъ.
Генрихъ ногти кусаетъ отъ злости,
За убогій стыдится нарядъ.

На обоихъ взирая съ тоскою,
Говоритъ въ размышленіи онъ:
«Эхъ, давно-бъ я покончилъ съ собою,
«Если-бъ не былъ, къ несчастью, уменъ»...

II.

«Мнѣ душу печаль поразила,
«Наполнила сердце тоской.
«Какая-то страшная сила
«Влечетъ меня съ мѣста долой.

«Найти исцѣленье желая,
«Стремлюся къ возлюбленной я;
«Но та-же печаль роковая
«Влечетъ меня вдаль отъ нея.

«На горы иду я съ тоскою,
«Гдѣ все такъ пустынно, и тамъ
«Вздыхаю, и слезы рѣкою
«Катятся изъ глазъ по щекамъ».

III.

Генрихъ по-городу мертвенно-блѣдный,
Съ тихой печалью, угрюмый бредетъ;
Гдѣ ни проходитъ по улицамъ бѣдный —
Смотритъ, дивится народъ.

Видя страдальца, дѣвицы твердили:
«Что, онъ пришелъ изъ могилы сырой»?
Нѣтъ, дорогія! Но скоро въ могилѣ
Встрѣтитъ онъ вѣчный покой.

Онъ Маргаритой покинутъ прекрасной;
Что-жъ его болѣе къ жизни манитъ?
Лучше заснетъ онъ въ могилѣ, несчастный,
Тяжкой измѣной убитъ...

Палица Геркулеса.

(рис. на стр. 285.)

Палица Геркулеса, иначе Соколиная Скала, какъ окрестные жители обыкновенно называютъ эту фантазію природы, находится въ окрестностяхъ Кракова въ мѣстности называемой Песковой скалою. Одинъ изъ польскихъ поэтовъ, Венжикъ, въ своей поэмѣ: «Окрестности Кракова» разсказываетъ между прочимъ, слѣдующее народное преданіе: Когда Кракусъ, одинъ изъ мифическихъ богатырей, свершилъ свой знаменитый подвигъ, состоявшій въ убіеніи дракона, свирѣпствовавшаго въ окрестностяхъ города — онъ воткнулъ въ землю свою палицу, которая облеклась со всѣхъ сторонъ скалами и стоитъ до сихъ поръ, какъ видимый знакъ давно свершеннаго имъ подвига.

„Андронъ Голованъ."

Разсказъ изъ жизни въ лѣсахъ далекаго Востока.

Н. Н. Каразина.

(*Продолженіе*.)

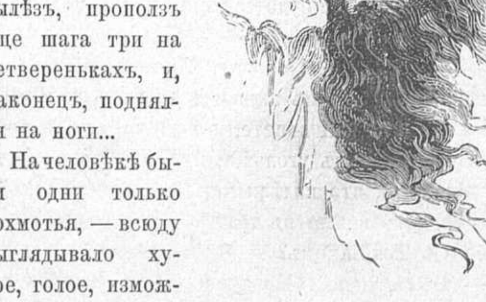
IX.

Оставшись одинъ, въ запертп сторожкѣ избу, медвѣженокъ Мишка, выждавъ малое время, полѣзъ знакомымъ ходомъ на крышу и первымъ дѣломъ сталъ объѣдать молодую траву, проросшую въ щеляхъ прогнившихъ бревенъ; затѣмъ всталъ на заднія лапы, дотянулся до вѣтвей, свѣсившихся надъ избою и ими тоже не побрезговалъ, потомъ посидѣлъ покойно съ часикъ, отмахиваясь лапами отъ назойливо-летающихъ надъ нимъ золотистыхъ осъ, гнѣздо которыхъ сѣрымъ кошелькомъ висѣло подъ самою трубою, хотѣлъ было внизъ спускаться, наружу, прогулки ради, да вдругъ боязливо хрюкнулъ, попятился, потянулъ носомъ воздухъ и бочкомъ подобравшись къ лазу, проворно юркнулъ внизъ, да и притаился тамъ въ сѣняхъ, забившись въ уголъ, по своему обыкновенію.

Звѣря испугало явленіе, совершенно неожиданное и новое; онъ зачуялъ и замѣтилъ глазомъ это явленіе прежде, чѣмъ самъ былъ замѣченъ... Онъ успѣлъ удрать и спрятаться, да надежно-ли? Медвѣженокъ слышалъ ясно, что это что-то, такъ его напугавшее, идетъ прямо сюда, все ближе и ближе и... наружная дверь слегка дрогнула и заскрипѣла, подъ напоромъ какой-то посторонней силы...

Между стволами кедровъ появилось новое живое существо; оно, постоявъ неподвижно на мѣстѣ, нерѣшительно двинулось впередъ и скрылось въ дичковой заросли... Слышно было, какъ шелестѣли и колебались вѣтви, густо усѣянныя розовымъ цвѣтомъ, какъ шуршалъ палый листъ подъ ногами, какъ треснулъ подломившійся сучекъ... Прошла минута, другая... Все вновь затихло и успокоилось, но вотъ снова колыхнулся кустъ, совсѣмъ на окраинѣ заросли, въ какихъ-нибудь двадцати шагахъ отъ сторожки, высунулась сперва голова, да низко такъ, у самой земли, потомъ плечи, потомъ и весь человѣкъ вылѣзъ, проползъ еще шага три на четверенькахъ, и, наконецъ, поднялся на ноги...

На человѣкѣ были одни только лохмотья, — всюду выглядывало худое, голое, изможженное, покрытое рубцами и запекшимися ссадинами, тѣло; голова его казалась громадною, несоотвѣтствующею росту, такъ взбиты, всклокочены, спутаны колтуномъ, были его покрытые грязью волосы, борода заросла чуть не до самыхъ глазъ, а глаза, эти двѣ глубокія, черныя ямы, на днѣ которыхъ тусклымъ блескомъ свѣтились двѣ живыя точки, смотрѣли дико, не такъ, какъ смотрятъ глаза человѣческіе.

А смотрѣли эти страшные глаза прямо на жилье, такъ неожиданно открытое ими въ этомъ глухомъ мѣстѣ, куда, казалось, и нога человѣческая не должна была бы заходить...

Это былъ тотъ самый человѣкъ, что, не страшась пурги, пустился смѣло на борьбу съ снѣжнымъ ураганомъ... Это былъ тотъ самый, съ желѣзнымъ кольцомъ на ногѣ, съ желтымъ квадратомъ на сѣрой шинели, только теперь не нѣмъ этой декорированной шинели не было и признаковъ.

Какъ онъ не погибъ въ снѣгахъ, какъ онъ добрался таки до опушки намѣченнаго имъ на горизонтѣ лѣса, какъ провелъ онъ здѣсь, въ лѣсу остатокъ суровой зимы? Все это знаетъ одинъ Богъ; онъ самъ не могъ бы дать отчета во всемъ случившемся съ нимъ за это время.

Питаясь кореньями, кое-какъ добытыми изъ подъ снѣга, изнемогая отъ холода, проводя безконечные дни и еще болѣе безконечныя ночи, безъ огня, прячась, какъ звѣрь, чтобы не попасться на глаза человѣку, какъ человѣкъ, чтобы не попасться на зубы звѣря, таская за собою всюду свою больную, искалѣченную желѣзомъ ногу, онъ жилъ.

Эта жизнь была для него пыткою, рядомъ тяжелыхъ, невыносимыхъ страданій и страданій безъ цѣли, безъ значенія; а онъ жилъ, онъ не пытался умереть. Мало того, онъ избѣгалъ смерти, онъ напрягалъ всѣ свои усилія къ тому, чтобъ сберечь, продлить эту проклятую жизнь, и дрожалъ отъ страха передъ опасностью, торжествовалъ, избѣгая этой опасности... Онъ боролся за свою жизнь, какъ борется за эту жизнь калѣка, волкъ, потерявшій свои зубы отъ старости, какъ борется рабочая кляча, изнемогающая отъ непосильной и вѣчной работы, безъ отдыха, какъ борется все то, что живетъ однимъ животнымъ инстинктомъ, повинуясь естественному чувству самосохраненія и борьбы, безъ какого либо участія сознательной мысли, безъ умственнаго разсчета: «да стоитъ-ли сама данная жизнь, чтобы ради ея сохраненія, вести эту невыносимую, безконечную, безотрадную борьбу!..»

Для того, чтобы сдѣлать такой разсчетъ, надо быть человѣкомъ, онъ и былъ имъ, но это было давно, это было еще до того, какъ началась эта лѣсная жизнь... Это было... это тянулось и послѣ... гасло-гасло, мало по малу, и погасло совсѣмъ, но когда именно—это нельзя себѣ представить, это само собою пришло, медленно, исподволь, неотразимо, но все-таки пришло...

И вотъ у него сохранился только внѣшній образъ человѣка, да и то еще если разсматривать его пристально и съ должнымъ вниманіемъ... а больше ничего не осталось человѣческаго... оно или погибло совсѣмъ, или, можетъ быть, живетъ еще, чуть-чуть теплится, но уже само собою, безъ толчка извнѣ, безъ посторонняго усилія, не оживетъ, не разгорится снова яркимъ и свѣтлымъ пламенемъ.

Съ нимъ случилось то, что должно было случиться. Дикая природа одолѣла одинокаго, нравственно уже разбитаго, лишеннаго помощи, оружія для борьбы, человѣка, она переработала его по своему, оставивъ ему только одни животные, въ самой природѣ живущіе инстинкты и во главѣ ихъ инстинктъ самосохраненія.

И человѣкъ этотъ пересталъ быть человѣкомъ. Онъ одичалъ.

Онъ бродилъ, не сознавая мѣста, не сознавая разстояній... Теперь было ему лучше, чѣмъ зимою, теплѣе... Легче корешки отрывать и больше ихъ гораздо стало... Недавно у него пиръ былъ, настоящій пиръ. Онъ нашелъ забытый капканъ, а въ капканѣ звѣрька, давно уже околѣвшаго... онъ сначала испугался было не много... испугался, впрочемъ, одной части своей находки, именно капкана. Странная вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, штука! Ну, а потомъ оправился, сообразилъ, какъ надо высвободить звѣрька и, высвободивъ, унесъ его въ кусты, забился въ самую глушь и началъ ѣсть; всего не могъ, конечно; что осталось, подъ пень спряталъ и сучьями завалилъ, да вѣрно не совсѣмъ акуратно, потому что когда на другой день опять пришелъ на это мѣсто, ужъ тутъ, оказалось, кто-то прежде него похозяйничалъ.

Одичалый даже взвылъ съ горя, и зубами защелкалъ... Попадись ему теперь воръ, кто бы онъ ни былъ, онъ бы въ клочья его изорвалъ, да воръ-то, хитеръ небось, удралъ во время...

Вотъ онъ теперь, случайно и сюда прибрелъ, съ какой стороны именно, Богъ вѣсть... Онъ видѣлъ только еще издали темныя шапки вѣковыхъ кедровъ, на нихъ и шелъ, потомъ замѣтилъ семью бѣлокъ-сибирокъ, прыгающихъ по развѣсистымъ вѣтвямъ, онѣ его заняли, онъ ближе подошелъ, оглянулся, вскрикнулъ и остолбенѣлъ...

Онъ увидалъ человѣческое жилье.

Въ первое мгновеніе этого открытія, его какъ громомъ ударило въ голову; онъ даже присѣлъ и закрылся руками... Потомъ отошло, полегчало, только въ груди забилось, заколотилось что-то усиленно, скоро, такъ что даже больно стало... Онъ снова приподнялся, снова выглянулъ и быстро ринулся въ чащу заросли, раздѣлявшую его отъ этого жилья. Ползкомъ, не замѣчая, какъ хлестали и царапали его раздвигавшіеся сучья, онъ выбрался на опушку заросли и опять прилалъ къ землѣ, повинуясь невольному чувству охватившей его паники... Здѣсь онъ лежалъ долго, высматривая изъ своей засады и, наконецъ, рѣшился подойти вплотную къ этому неожиданному, полному таинственности, жилищу.

А какъ работалъ его слухъ въ эту минуту!.. Малѣйшій звукъ: полетъ осы, шуршаніе усатаго жука, пробиравшагося по дверному косяку, упавшая на землю сосновая шишка, все это такъ звучно, такъ отчетливо отражалось въ его ухѣ.

Сквозь толстыя, бревенчатыя стѣны онъ ничего не могъ видѣть, но слухъ убѣдилъ его, что внутри пусто, что тамъ никого нѣтъ, въ самой то есть избѣ, а въ сѣняхъ есть, въ сѣняхъ кто-то притаился и чуть душетъ, только не человѣкъ, нѣтъ... значитъ не страшно.

Одичалый протянулъ руку и тронулъ за дверь. Заперта, не подается... Въ сѣняхъ завозилось и зацарапалось по стѣнѣ.

Это Мишка рѣшилъ убраться по добру, по здорову и направился къ верхнему лазу...

Подъ медвѣжьими лапами крыша затрещала, сухой хворостъ полетѣлъ во всѣ стороны... перепуганный звѣрь, черезъ голову перевалился съ крыши на дровяную кучу и пустился на утекъ въ лѣсъ, за оврагъ; человѣкъ, перепуганный не меньше звѣря, бросился въ другую сторону и снова залегъ въ кустахъ, не добѣжавъ даже до кедровника.

Прошло еще нѣсколько минутъ томительнаго, болѣзненно-усиленнаго сердцебіенія... Одичалый видѣлъ, что именно сидѣло въ избѣ и что ушло оттуда; это его нѣсколько успокоило.

Медвѣдь! такъ что же такое, что медвѣдь? Медвѣдь вовсе дѣло не страшное, да еще такой маленькій; а если медвѣдь здѣсь, такъ значитъ людей нѣту; чего же бояться.

А что, строятъ ли медвѣди такія избы, они ли здѣсь хзяева, или, можетъ, кто другой, да теперь только въ отлучкѣ, а могутъ и вернуться,—все это были соображенія слишкомъ уже сложныя,—одичалому не по силамъ. Вотъ копченымъ мясомъ изъ сѣней пахнетъ,—это вѣрно! это онъ понимать можетъ и добраться до этого мяса весьма ему желательно. Надо, значитъ, попытаться.

Потянувъ носомъ по данному направленію, человѣкъ снова направился къ дверямъ, снова тронулъ ихъ рукой и сталъ ощупывать косяки, какъ молъ эта дверь отворяется... Плечемъ поналегъ, не подается.

— А какимъ ходомъ медвѣдь вышелъ? мелькнуло у него въ головѣ.

Онъ обошелъ кругомъ, влѣзъ на кучу хвороста, оттуда на крышу и заглянулъ внизъ... Здѣсь, значитъ. Сперва онъ спустилъ въ отверстіе свои ноги, и здоровую и искалеченную, потомъ опустился самъ, держась на кистяхъ рукъ, повисъ и, освободивъ руки, упалъ, застонавъ отъ боли. Онъ упалъ, какъ разъ, на больную ногу, звякнувъ желѣзомъ о что-то въ сѣняхъ, тоже желѣзное...

Какъ темно здѣсь. Сѣрымъ пыльнымъ лучемъ врывается сюда свѣтъ сквозь отверстіе въ крышѣ, колышется паутина въ этомъ лучѣ, золотистою точкою блеснула большая, налетѣвшая муха и потухла, скрывшись снова во мракѣ, и внизу темно, только на землѣ обрисовалось свѣтлое пятно, такое же не ровное, клочковатое, какъ и само отверстіе... И какъ сильно теперь копченымъ мясомъ пахнетъ, горѣлымъ чѣмъ-то, и кислый запахъ невыдѣланныхъ шкуръ тоже въ носъ лѣзетъ... Все это такое пріятное, новое, то есть уже черезъ чуръ старое, только давно-давно, совсѣмъ забытое.

А вотъ мало по малу, все свѣтлѣе и свѣтлѣе становится, глаза привыкаютъ... обрисовывается и вторая дверь, полуоткрытая, и вороха самыхъ шкуръ на распялахъ, и уголъ бочки, выдвинувшійся изъ темноты своимъ пузатымъ бокомъ—все теперь видно. А одичалый сидитъ на землѣ, озирается и третъ рукою свою больную ногу...

Всталъ онъ, перешагнулъ черезъ порогъ въ избу... Тутъ уже совсѣмъ свѣтло. Его глаза смотрѣли на все, щурясь и перебѣгая съ предмета на предметъ, его руки цѣпко хватались за что ни попало и все ощупывали, онъ даже началъ гладить этими исхудалыми руками закопченое чело печки, словно хотѣлъ убѣдиться: давно-ли она топлена? потомъ онъ увидалъ на стѣнѣ висящій на полкѣ мѣховой ягакъ, торопливо сорвалъ его и натянулъ къ себѣ на плечи; это ему, очевидно, понравилось, онъ даже дико захохоталъ и сталъ прыгать... и вдругъ, словно опомнившись, разомъ перестатъ смѣяться, прекратилъ свою пляску, возрился въ уголъ, гдѣ висѣла черная, пятнистая доска и зашевелилъ губами, открывая свои черные зубы, изъѣденныя цингою, дряблыя десны...

Это созерцательное состояніе продолжалось долго... Изъ сѣней все-таки пахло окорокомъ, надо было только разыскать, гдѣ же именно лежитъ этотъ привлекательный предметъ, и одичалый, не снимая чужого ягака, такъ пріятно, ласково грѣющаго ему острыя плечи и его тощую, съ ясно очерченными угловатыми лопатками и хребтовою грядкою, спину, пошелъ на поиски.

Чутьемъ онъ скоро отыскалъ большую кость съ остатками мяса и принялся ея глодать... слабыя десны не выдержали этой бѣшенной жвачки, ротъ несчастнаго наполнился кровью, а онъ все грызъ и грызъ, пока острая боль въ животѣ не заставила его выпустить изъ рукъ свою добычу...

Онъ опять шагнулъ черезъ порогъ... и вдругъ струсилъ и метнулся къ окну... послышался металлическій, бренчащій ударъ, и когда одичалый былъ у самого окна, этотъ звукъ повторился снова... Это звякалъ о что попадалось обрывокъ цѣпи, на его кожаномъ браслетѣ... Причину страшнаго звука онъ скоро понялъ и снова успокоился...

Струя вѣтра, ворвавшись изъ сѣней въ открытую дверь ударила прямо въ печное жерло и коснулась кучи, не совсѣмъ еще остывшей золы; подъ этою грудою сѣраго пепла замелькали красныя искорки.—Одичалый замѣтилъ ихъ и снова захохоталъ, онъ даже нагнулся, влѣзъ чуть не съ плечами въ жерло и самъ принялся дуть на уголья, изъ всей мочи...

— «Огонь, огонь!» прошепталъ онъ совершенно ясно, отчетливо, и сталъ кидать въ печь, все, что находилъ удобнымъ, чтобы поддержать горѣніе.

Къ счастію, у самой печи лежала вязанка сухого валежника. Кто знаетъ: если бъ этого не случилось, въ печь полетѣло бы что-нибудь такое, что могло бы пригодиться и на другое, болѣе полезное дѣло.

Огонь разгорался живо, освѣщая это тощее лицо землистаго цвѣта, заросшее по глаза грязною щетиною... Пріятное ощущеніе костроваго тепла видимо дѣйствовало на одичалаго и дѣйствовало успокоительно. Онъ сѣлъ на полу, какъ разъ противъ печи, положилъ голову на согнутыя, поднятыя къ верху колѣни, охватилъ эти колѣни руками и не спускалъ глазъ съ этихъ бойкихъ, красныхъ языковъ пламени, вылетавшихъ даже наружу и облизывающихъ закругленное, закопченое печное чело...

Накиданные щедрою, не хозяйскою рукою дрова разгорѣлись на славу; яркій свѣтъ огня поборолъ слабый лучъ деннаго свѣта, врывающійся въ крохотное, заклеенное бумагою оконце; во всѣхъ углахъ на полкахъ все стало видно отчетливо; каждый предметъ далъ отблескъ и отбросилъ отъ себя на стѣну черную, мигающую тѣнь...

Одичалый сталъ осматриваться кругомъ. Его это все видимо занимало и занимало сильно.—Вдругъ онъ громко закричалъ и вскочилъ съ своего мѣста... Онъ увидалъ предметъ, который вспомнилъ и узналъ сразу.. Онъ вспомнилъ его значеніе, потому что и самый предметъ, и его значеніе долго долго господствовали въ его мозгу, долго составляли его единую мысль, единую мечту, единую слабую надежду.

Умирающій отъ жажды не кинется такъ къ сосуду съ водою, скупой маніакъ не бросится съ такою алчностью на груду золота, какъ одичалый бросился на этотъ предметъ, сорвалъ его со стѣны и снова опустился на землю, ослабѣвъ и отъ такого энергичнаго порыва, и отъ охватившаго его иного, давно имъ не испытываемаго волненія.

Этотъ предметъ былъ напилокъ, простой стальной напилокъ, висѣвшій на стѣнкѣ, на ременной петелькѣ.

Батька Максимъ, этимъ напилкомъ оглаживалъ кремни для своихъ винтовокъ. Головану онъ не надобился вовсе и висѣлъ праздно, рядомъ съ кое-какими прочими инструментами, тамъ, гдѣ его въ послѣдній разъ повѣсила рука хозяйская....

Какъ только это скромное орудіе очутилось въ рукахъ «одичалаго», тотъ, не теряя времени, сталъ ощупывать свое кандальное кольцо на ногѣ и, стиснувъ зубы, сверкая разгорѣвшимися глазами, поднесъ напилокъ къ спаямъ этого кольца.

Раздался скрипучій, рѣжущій ухо звукъ, одичалый, съ видимымъ наслажденіемъ, слушалъ эту музыку и все пилилъ и пилилъ...

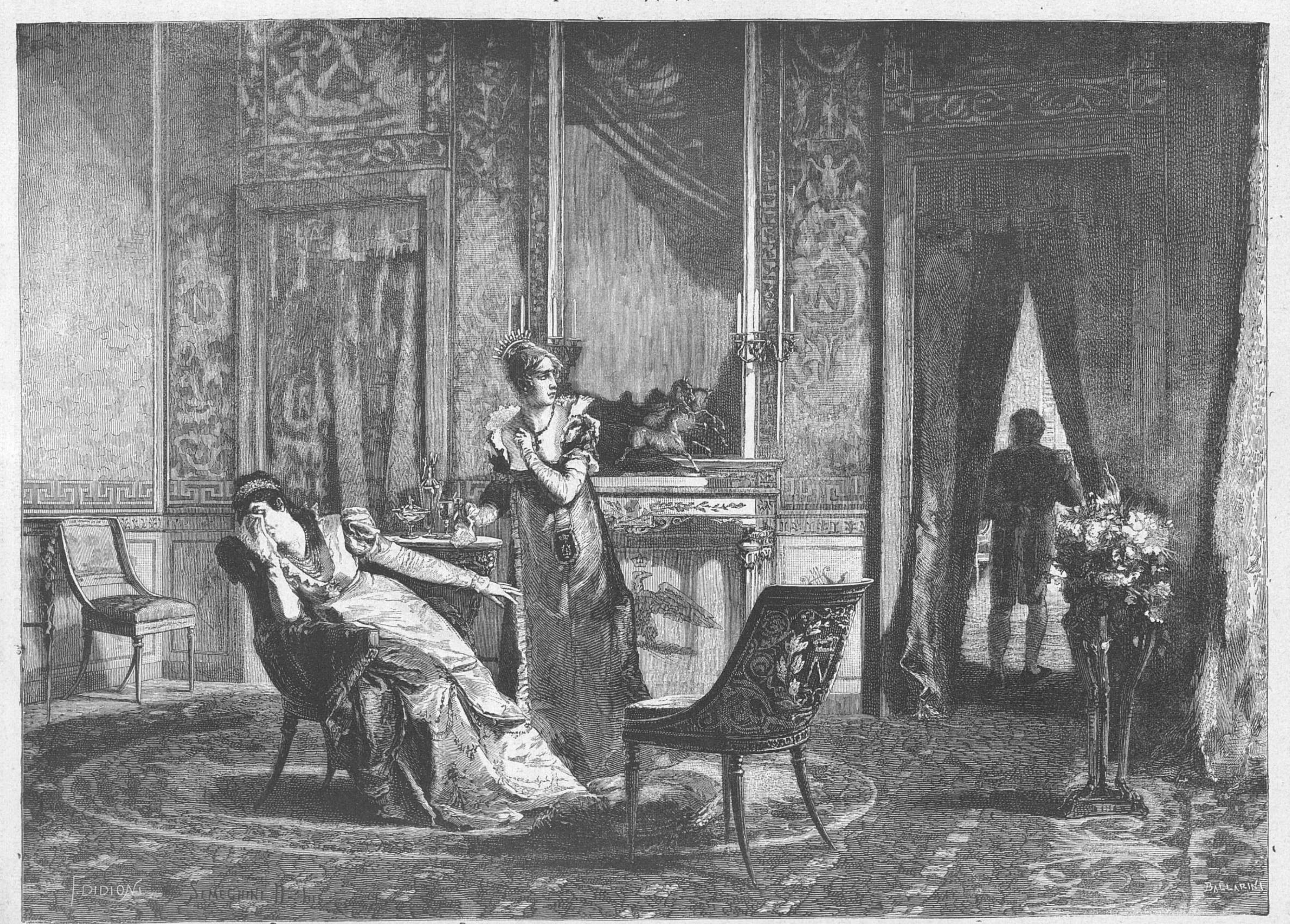
Потъ градомъ текъ по его впалымъ щекамъ, прокладывая грязныя полосы, руки дрожали отъ напряженія, инструментъ поминутно соскакивалъ съ пути и ёрзалъ прямо по голой ногѣ, по этой красной, кольцеобразной опухоли, что должно

Рисунокъ АНДРІОЛЛИ.

Лѣто.

Картина Ф. ДИДОНЬЕ.

Жозефина и Наполеонъ I-й.

было бы каждый разъ вызывать острую боль, но одичалый этой боли не чувствовалъ, весь погруженный въ свое занятіе.

Напилокъ проложилъ въ желѣзѣ себѣ глубокую дорогу; теперь онъ уже ходилъ ровно, скрипя и визжа на всю избу, глубже и глубже проникая въ этотъ желѣзный браслетъ, послышался послѣдній лязгъ, затѣмъ одна половина кольца отпала, глухо стукнувъ о земляной полъ, другая съ обрывкомъ цѣпи осталась въ лѣвой рукѣ человѣка...

Окончивъ работу, тотъ долго-долго смотрѣлъ на свою освобожденную наконецъ ногу и вдругъ судорожно сжалъ руками голову, зарыдалъ, какъ ребенокъ, и изъ этихъ темныхъ, провалившихся глазъ полились слезы, заискрившіяся свѣтлыми каплями на косматой бородѣ одичалаго.

— Проклятое, проклятое... бормоталъ онъ, съ отвращеніемъ и ужасомъ глядя на эти перепиленные обломки кольца, на этотъ неподвижно лежавшій на полу обрывокъ цѣпи.

Потомъ онъ отодвинулся отъ ненавистнаго для него предмета, отодвинулся порывисто, какъ будто сторонился отъ чего-то ядовитаго, смертельно опаснаго... желѣзные обломки лежали по прежнему неподвижно, а ему показалось, что они тоже поползли за нимъ, что они преслѣдуютъ его, гремятъ и металически скрипучимъ голосомъ шепчутъ:

— Нѣтъ, не уйдешь... куда, пріятель?!.. Мы за тобою, всюду за тобою! всю жизнь мы будемъ грызть твою ногу, всю жизнь, а когда сдохнешь, когда истлѣетъ твое тѣло, на голыхъ костяхъ останемся,—не уйдешь ты отъ насъ, не освободишься...

— Проклятое, проклятое! бормоталъ несчастный и все двигался дальше и дальше. Доползъ до порога, не перелѣзъ, перевалился какъ-то черезъ него всѣмъ тѣломъ и судорожнымъ движеніемъ захлопнулъ за собою дверь...

Въ сѣняхъ онъ вздохнулъ свободнѣе и успокоился. Онъ даже улыбнулся, всталъ на ноги и, отыскавъ внутренній запоръ наружныхъ дверей, растворилъ ихъ настежъ... Волна свѣжаго, ароматическаго воздуха пахнула на него, обдавъ его запахомъ цвѣтущихъ зарослей. Покрывающійся листвою лѣсъ глухо шумѣлъ своими вершинами. Маленькія птички носились по низу, черкая своими крылышками о сочную усѣянную цвѣтами траву... Тучи комаровъ и мошекъ съ мелодичнымъ звономъ стояли въ воздухѣ туманными пятнами, какой-то сѣренькій звѣрекъ пробирался кустами и, завидѣвъ человѣка, юркнулъ въ сторону, мелькнувъ въ чащѣ чернымъ кончикомъ своего пушистаго хвоста...

Надъ лѣсомъ, изъ-за оврага, надвигалась тяжелая, темно-сизая туча, мало-по-малу закрывая собою виднѣвшіеся межъ вершинами кедровъ клочки голубого неба.

Все предвѣщало грозу, и грозу страшную, весеннюю... Въ воздухѣ, въ этомъ усиленномъ размахѣ и раскачиваніи высокихъ кронъ, въ этомъ тревожномъ, низовомъ полетѣ птицъ, въ этомъ глухомъ, Богъ вѣсть откуда доносящемся рокотѣ, во всемъ чувствовалось ея приближеніе!

Одичалый сѣлъ на порогѣ и съ жадностью, полною грудью вдыхалъ въ себя наэлектризованный воздухъ. Прошелъ паническій страхъ, успокоились его разбитые нервы... Даже въ головѣ стало какъ будто яснѣе, шире начала работать мысль... Возстановлявшаяся память рисовала передъ нимъ давно забытыя картины... Въ его глазахъ, въ чертахъ его лица появилось что-то особенное, похожее даже на человѣческое выраженіе.

Онъ видимо преображался. И это свѣтлое, отрадное преображеніе началось въ немъ вслѣдъ за минутою освобожденія отъ своего позорнаго кольца, какъ будто въ этомъ кускѣ желѣза заключалась вся суть, вся мощь оскотинившей его силы...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Лили.

(Рисунокъ стр. 288.)

Копія съ картины В. Каульбаха «Лили», помѣщенная въ настоящемъ нумерѣ, представляетъ очаровательную блондинку, въ которую былъ влюбленъ Гёте въ своей молодости (1774—75), но, по различію взглядовъ родныхъ съ обѣихъ сторонъ на жизнь и ея потребности, свадьба Гёте съ дочерью франкфуртскаго банкира, Елизаветою Шёнеманъ, не состоялась. Какъ любилъ Гёте очаровательную «Лили», видно изъ тѣхъ стихотвореній, которые выражали его чувства къ ней. Передадимъ содержаніе хотя одного изъ нихъ въ подстрочномъ переводѣ.

Сердце, сердце, что съ тобою?
Что смущаетъ такъ тебя?
Новой, странной жизни трепетъ?
Не узнать тебя теперь!

Что любило ты—исчезло,
Все, о чемъ грустило ты, —
Твой покой исчезъ отрадный!
Такъ чего же жаждешь ты?

Или цвѣтъ прекрасной розы,
Этотъ образъ молодой,
Эти ласковые взгляды
Овладѣли такъ тобой?

Я готовъ разстаться съ ними,
Я готовъ ее забыть!
Но, пройдетъ одно мгновенье, —
И опять иду я къ ней.

И такой волшебной нитью,
Силъ порвать которой нѣтъ,
Эта милая малютка
Приковать меня могла!

И въ ея кругу волшебномъ,
Долженъ жить я, какъ она.
Но боюсь такой я жизни;
О, любовь! покинь меня!

Каульбахъ представилъ «Лили» въ тотъ незабвенный для Гёте день, 23 Іюня 1775 года, когда ей минуло семнадцать лѣтъ, и она пріѣхала съ родными въ городокъ Офенбахъ на Майнѣ, въ загородную виллу д'Орвилля, которую отецъ обѣщалъ уже прежде показать ей, и гдѣ друзья Лили, зная любовь ея къ царству пернатыхъ, собрали въ отдѣльной части сада, разныхъ его представителей, окруженная которыми Лили изображена и на нашемъ рисункѣ.

Изъ путевыхъ замѣтокъ о Курляндіи.

Пользуясь нѣсколькими недѣлями свободнаго времени, я задумалъ не на долго уѣхать изъ Петербурга въ Курляндію. Мнѣ хотѣлось кое что увидѣть, кое чему научиться. По отзывамъ знакомыхъ объ этомъ краѣ, по газетнымъ кореспонденціямъ, да отчасти и по слухамъ, я заранѣе былъ расположенъ къ этому уголку нашей родины. Предпринимая поѣздку туда, я хотѣлъ провѣрить все слышанное на мѣстѣ. Конечно, я заранѣе предугадывалъ, что не найду тамъ ничего необыкновеннаго, выходящаго изъ ряда вонъ. Но тѣмъ лучше, утѣшалъ я самого себя, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, не каждый день праздникъ; бываютъ и сѣренькіе, простенькіе будничные дни; не видѣть же всего въ розовой, праздничной одеждѣ. И пользы больше, если хорошенько вглядѣться въ трудовую жизнь, чѣмъ глазѣть на прилизанныхъ и причесанныхъ, ради праздника, людей. Принимая все это въ соображеніе, я рѣшился ѣхать въ Курляндію. Не долго думая, собравъ кое какія необходимыя вещи, въ одинъ прекрасный вечеръ вашъ покорный слуга, читатель, въ числѣ другихъ пассажировъ съ нетерпѣніемъ дожидался отхода поѣзда, на дебаркадерѣ петербургско-варшавской желѣзной дороги. Темная, пасмурная ночь, удушливый воздухъ нашей сѣверной Пальмиры, нагруженный до нельзя всевозможными испареніями восемсот-тысячнаго населенія, суетня и бѣготня въ вокзалѣ—все это какъ-то странно на меня дѣйствовало. Мнѣ казалось, что среди всѣхъ этихъ дѣловыхъ, озабоченныхъ и суетившихся хлопотуновъ—только одинъ я бездѣльный человѣкъ. Запасшись заранѣе билетомъ, мнѣ оставалось только скучать и дожидаться.

Послѣ перваго звонка всѣ бросились къ вагонамъ. Черезъ двѣ, три минуты всѣ сидѣли на своихъ мѣстахъ. Еще нѣсколько минутъ—два удара звонка, свистокъ—и поѣздъ тронулся. Не расположенный къ болтовнѣ и къ обыкновеннымъ прескучнымъ разспросамъ: куда? откуда? я, отъ нечего дѣлать, сталъ осматривать моихъ сосѣдей.

Вагонъ, въ которомъ мы сидѣли, скорѣе похожій на Ноевъ ковчегъ, чѣмъ на изобрѣтеніе девятнадцатаго столѣтія, представлялъ нѣчто въ родѣ арестантской. Неудобныя скамейки, расположенныя въ четыре ряда во всю его длину, не позволяли усѣсться поудобнѣе, такъ какъ кондукторъ, слѣдующій, видно, премудрому изрѣченію: чѣмъ больше, тѣмъ лучше, сверхъ законнаго комплекта индивидуумовъ, за свои деньги лишившихся свободы на болѣе или менѣе продолжительное время,—втиснулъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, еще четырехъ человѣкъ. Были, однако, среди насъ счастливцы, которые, оставшись довольны и частичкою того, что имъ за ихъ же деньги полагалось, сейчасъ же бросились въ объятія Морфея. Мои ближайшіе сосѣди справа и слѣва спали глубокимъ сномъ; темнота на дворѣ, ничтожное освѣщеніе, состоявшее изъ двухъ свѣчей, расположенныхъ въ разныхъ концахъ вагона—вотъ все, что меня окружало въ данную минуту. Свѣтящіяся точки, мелькавшія передъ окнами вагона, становились все рѣже и рѣже. Наконецъ, Петербургъ совсѣмъ исчезъ изъ виду. На горизонтѣ, куда ни взгляни, тучи и тучи...

Поѣздъ, между тѣмъ, какъ-то сонно подвигался впередъ. Темнота почти не позволяла осмотрѣть проѣзжаемыхъ нами мѣстностей; читать въ вагонѣ, особенно ночью, положительно невозможно,—мнѣ стало скучно. Я осматривался кругомъ, неудастся ли съ кѣмъ нибудь завязать разговоръ. Къ сожалѣнію, почти всѣ пассажиры спали тѣмъ тяжелымъ сномъ, который имѣетъ чудесное свойство укорачивать разстояніе и уменьшать дѣйствіе толчковъ, время отъ времени довольно чувствительцыхъ. Наконецъ, скучная и до нельзя казавшаяся долгою ночь прошла. Заря загоралась на востокѣ... Товарищи, къ которымъ я мало по малу привыкъ и какъ-бы познакомился съ ними ближе, изучая ихъ впродолженіи нѣсколькихъ часовъ, одинъ за другимъ просыпались... Стало какъ-то веселѣе... Еще нѣсколько часовъ и поѣздъ остановился въ Динабургѣ. Слава Богу, я значитъ въ Курляндіи.

Крѣпости вообще производятъ на меня не особенно располагающее къ нимъ впечатлѣніе; о Динабургѣ, однако, нельзя сказать, чтобы внѣшній его видъ не располагалъ къ нему. Скрытыя за красивою алеею невысокія стѣны крѣпости, украшенныя рядомъ пушекъ, по одну сторону, и довольно большой и опрятный городъ по другую сторону желѣзной дороги, представляются подъѣзжающему къ Динабургу какимъ-то оазисомъ среди необитаемой пустыни. Путешественникъ, привыкшій смотрѣть на необитаемыя тундры, среди которыхъ кое гдѣ стоятъ одинокіе домики сторожей, и потерявшій надежду увидѣть заселенное мѣсто, съ радостью осматриваетъ городъ

и крѣпость съ полною надеждою, что попалъ, наконецъ, въ городъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Недавно построенный вокзалъ, довольно изящный и очень удобный, напоминаетъ лучшіе вокзалы нашихъ большихъ городовъ. Увидѣвъ все это передъ собою, я повеселѣлъ: я радъ былъ, что могу, наконецъ, выйти изъ временной тюрьмы. Простившись съ нею, по крайней мѣрѣ, мѣсяца на два, я сѣлъ на прескверныя дрожки, немногимъ отличающіяся отъ нашихъ петербургскихъ извозчиковъ, и минутъ черезъ десять остановился у воротъ одной изъ гостинницъ. Низкіе дома, среди которыхъ куполы церквей кажутся довольно высокими,—а изъ нихъ дѣйствительно высокъ только куполъ прежде іезуитской, нынѣ православной церкви,—дома большею частью чисты и хорошо построены, хотя, конечно, на красивую внѣшнюю отдѣлку они и не претендуютъ. Вообще размѣры города не велики: отъ западной Двины до вокзала рижско-динабургской желѣзной дороги, не больше версты. Это длина его, а ширина несравненно меньше. Двина принадлежитъ къ числу судоходныхъ рѣкъ; водой она изобилуетъ до того, что принуждены были защитить городъ противъ ея вторженій, и со стороны Динабурга въ настоящее время усыпана плотина, вдоль которой проведена шоссейная дорога.

Въ настоящее время Динабургъ уѣздный городъ и вмѣстѣ съ тѣмъ центръ средняго образованія своего края: здѣсь находится гимназія. Со времени проведенія желѣзныхъ дорогъ—петербурго-варшавской, рижско-динабургской съ вѣтвью внутрь Россіи по направленію къ Витебску,—жизнь въ Динабургѣ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развивается, и недалеко то время, когда Динабургъ станетъ однимъ изъ главныхъ транзитныхъ пунктовъ нашей внутренней и внѣшней торговли.

Исторія возникновенія и судьбы Динабурга представляетъ много интереснаго. Рыцари меча, верстъ десять выше того мѣста, гдѣ въ настоящее время расположенъ городъ, въ 1278 году, построили укрѣпленный замокъ, который въ 1577 году постигла судьба многихъ уничтожаемыхъ въ то время городовъ. Иванъ Грозный велѣлъ его разрушить до основанія. Стефанъ Баторій отстроилъ его нѣсколько времени спустя на берегу рѣки и мало по малу, около него развилась городская жизнь. Расширенію Динабурга много способствовалъ уставъ сейма 1647 г., разрѣшающій открыть въ Динабургѣ амбары для склада провозимыхъ въ Ригу товаровъ и хлѣба.

Берега западной Двины довольно живописны. Черноватый цвѣтъ ея воды показываетъ наблюдателю, что хотя она шириной не щеголяетъ, по тѣмъ не менѣе принадлежитъ къ числу рѣкъ, могущихъ удержать и тяжелыя судна впродолженіе всего лѣта, а отъ Риги до Балтійскаго моря она умѣетъ справиться и съ торговыми морскими судами. Динабургъ расположенъ на правомъ берегу рѣки, на лѣвомъ—предмѣстье города Гривка. Ѣдущему вдоль рѣки, по теченію, бросается въ глаза крѣпость, о которой я упоминалъ выше. Смотря на ея теперешнюю конструкцію съ какимъ-то страннымъ чувствомъ вспоминаешь ея прошлое. На томъ же мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время расположены низкія стѣны крѣпости—два столѣтія тому назадъ возвышались гордыя стѣны башень замка. На этомъ же мѣстѣ въ 1600 году, происходило кровавое сраженіе, послѣ котораго князь зудерманскій, Карлъ, водрузилъ знамя побѣды на стѣнахъ замка. Воевода Александръ Госевскій съумѣлъ отстоять его независимость и отразить громадныя силы Густава Адольфа въ 1626 г. Даже въ настоящемъ столѣтіи, значительно преобразованной крѣпости удалось противостоять огромному войску Макдональда. Съ того времени, по мѣрѣ надобности и требованій инженернаго искуства,—очень часто передѣлываемая, крѣпость эта въ настоящее время принадлежитъ къ числу первоклассныхъ нашихъ крѣпостей. Гордый видъ ея вселяетъ увѣренность, что она съумѣетъ, въ случаѣ надобности, защитить и городъ и двинскій мостъ, по которому проходитъ желѣзная дорога. Мостъ этотъ, предназначенный для желѣзной дороги и проѣзда, во многомъ сходенъ съ варшавскимъ мостомъ. Проѣхавъ мостъ, находясь на лѣвомъ берегу Западной Двины, я въѣзжалъ на земли настоящей Курляндіи. Курляндскій берегъ довольно высокій, у Двины начинается прелестной равниной, которая, немного возвышаясь влѣво, постепенно переходитъ въ холмистую поверхность, покрытую мелкимъ лѣсомъ. Витебскій, правый берегъ рѣки, гораздо выше курляндскаго, представляетъ мрачный видъ: почти чернаго цвѣта, густой лѣсъ, покрывающій его на громадномъ пространствѣ, придаетъ ему видъ дикой, необитаемой мѣстности.

Нѣкоторое время мнѣ пришлось пробыть у одного знакомаго, въ имѣніи, расположенномъ у самаго берега рѣки. Пользуясь досугомъ я полюбопытствовалъ заглянуть въ прошлое Курляндіи. Туземные жители—латыши, въ отдаленномъ прошломъ, дѣлились на четыре колѣна. Кромѣ нихъ въ Курляндіи жили, хотя и въ меньшемъ числѣ—финны. Какъ одни, такъ и другіе вели патріархальный образъ жизни. Раздѣленные на общины, которыя управлялись старшинами, происходившими изъ знатныхъ и богатыхъ семействъ—латыши и финны заботились только о себѣ. О торговлѣ, обмѣнѣ продуктовъ—они не имѣли даже понятія. Жизнь ихъ, однообразная и полная заботъ о насущномъ хлѣбѣ, текла мирно: ничѣмъ не волнуемые, живущіе только тѣмъ, что удастся днемъ добыть на охотѣ или рыбной ловлѣ, они нуждались въ какомъ нибудь толчкѣ извнѣ, который открылъ бы имъ болѣе обширное поле дѣйствія. Это и случилось около 1158 г. Бременскіе купцы при устьѣ Двины основали свои факторіи; вслѣдъ за ними являются миссіонеры съ запада. Епископъ Альбрехтъ основываетъ орденъ рыцарей меча. Сначала воинственные туземцы храбро отстаивали родной уголъ, но принуждены были покориться ордену, когда этотъ послѣдній соединился во имя общей цѣли съ прусскимъ орденомъ того же названія, въ 1237 году. Покоряясь силѣ рыцарей, вождь туземцевъ, герой Вестгардъ, принужденъ былъ сдаться; замки туземцевъ превратились въ груды развалинъ, а несчастные жители стали рабами завоевателей. Въ этомъ печальномъ положеніи латыши и финны оставались до 1817 года. Только въ 1817 году, рѣшеніемъ ландтага, туземцамъ отдана была въ аренду та земля, которую, за нѣсколько столѣтій до нихъ. ихъ предки воздѣлывали, какъ свою собственность. Долгое время неволи наложило свою печать на характеръ, обычаи, даже выраженіе лица латышей. Понятно, что вслѣдъ за завоевателями тянулись цѣлые обозы купцовъ и мѣщанъ-нѣмцевъ, заселявшихъ опустѣлые, или основывая новые бурги. Такимъ образомъ, нѣмецкое вліяніе и нѣмецкій элементъ мало по малу стали господствующими въ странѣ. Дальнѣйшая судьба латышей не менѣе печальна. Въ 1526 г., когда орденъ рыцарей меча, волнуемый внутренними раздорами, принужденъ былъ искать помощи у болѣе могущественныхъ сосѣдей, владѣнія ихъ подпали подъ власть Польши и Швеціи. Наконецъ, въ 1795 г., Курляндія была присоединена къ Россіи.

До сихъ поръ, мнѣнія ученыхъ, относительно происхожденія латышей не согласуются между собою. Одни причисляютъ ихъ къ славянамъ, другіе считаютъ ихъ предками германцевъ. Какъ бы то ни было, однако, вполнѣ вѣрно одно, о чемъ часто забываютъ, что между ними и эстонцами, которыхъ мы называемъ чухонцами, нѣтъ ничего общаго. Конечно, въ Курляндіи въ настоящее время, особенно вблизи городовъ, живетъ очень много русскихъ, бѣлоруссовъ, а въ маленькихъ мѣстечкахъ есть и поляки.

Мнѣ хотѣлось, какъ можно скорѣе добраться до моря. Единственное средство исполнить мое желаніе—это сѣсть въ вагонъ и вдоль Двины, любуясь ея берегами, отправиться въ Ригу. Распростившись съ знакомыми, поблагодаривъ ихъ за ихъ гостепріимство, я отправился въ Ригу.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Наполеонъ и Жозефина.

(Рис. стр. 293.)

На парижской всемірной выставкѣ произвела хорошее впечатлѣніе картина Дидонье, копію съ которой мы помѣщаемъ въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала. Художникъ передаетъ тотъ трагическій моментъ, когда Наполеонъ I объявилъ Жозефинѣ, своей первой женѣ о необходимости ихъ развода ради того, что у нихъ нѣтъ дѣтей. Художникъ отлично схватилъ фигуру Наполеона, тяжеловатую, спокойную, рѣшительную, и въ контрастъ ей нарисовалъ мягкій, полный грацін, женственный образъ Жозефины. Марія-Жозефина-Роза Ташеръ де-ла-Пажери, родившаяся въ 1763 году на Мартиникѣ, на пятнадцатомъ году вышла замужъ за виконта Богарнэ, отъ котораго у нея было двое дѣтей, Евгеній и Гортензія. Ея мужъ во время революціи былъ взведенъ на эшафотъ, а она заключена въ тюрьму, откуда вышла живой только благодаря Тальену. Она пользовалась большимъ вліяніемъ на Тальена и на Барраса, заправлявшихъ дѣлами директоріи. Однажды ей нужно было выхлопотать у генерала Бонапарта помилованіе для одного лица и она встрѣтилась съ будущимъ императоромъ. Онъ влюбился въ нее и въ скоромъ времени послѣдовалъ ихъ бракъ. Это было въ 1796 году. Сдѣлавшись императрицею, она употребляла свое вліяніе на мужа только въ дѣлахъ благотворительности, смягченія суровыхъ приговоровъ и т. п. Любезность, доброта, мягкость и грація Жозефины привлекали къ ней всѣхъ. Если ее можно было за что нибудь упрекать, такъ это за неразсчетливую расточительность. Ея супружеское счастіе продолжалось до 1809 года, когда высшія соображенія, желаніе имѣть наслѣдника престола, заставили Наполеона предложить Жозефинѣ разводъ. Она безропотно покорилась своей участи и переселилась въ Наварскій замокъ. Она пережила паденіе Наполеона и умерла въ Мальмезонѣ въ 1814 году.

Золотые рудники въ Мускокѣ, въ верхней Канадѣ.

(Ст. Б. Ашера.)

На берегахъ бухты Георга, въ сѣверной оконечности озера Гуронъ, называемой Симкое,—въ округѣ верхней Канады, извѣстномъ подъ именемъ Мускока, недавно открыты золотые рудники. Газеты, разсказывая объ этомъ открытіи, умалчиваютъ, а можетъ быть, и дѣйствительно не знаютъ, въ какомъ количествѣ находится здѣсь драгоцѣнный минералъ: золотоискатели, найдя мѣсторожденіе золота, стараются держать въ тайнѣ о своей находкѣ. Извѣстно, однакожь, что вокругъ Роганскаго озера кварцъ лежитъ въ изобиліи и содержитъ въ себѣ значительныя золотыя жилы. Одинъ колонистъ, поселившійся въ этихъ краяхъ, привозилъ въ Торонто нѣсколько образцовъ для химическаго анализа. Далѣе, въ письмѣ одного изъ рудокоповъ къ своему другу въ Парижѣ, мы читаемъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Земля, на которой мы поселились, обѣщаетъ богатую добычу, но я не обладаю столь пылкой фантазіей, чтобы вообразить, что могу разбогатѣть въ одинъ день. Округъ Мускока, повиди-

мому, заключаетъ въ себѣ богатыя мѣсторожденія золота. Если приняться толково за работу, можно надѣяться на блестящіе результаты. Красота здѣшнихъ озеръ давно пользуется извѣстностію между туристами, которые съ наступленіемъ лѣта стекаются сюда и селятся въ палаткахъ по берегамъ или на островкахъ среди озеръ. Пароходы два раза въ недѣлю поддерживаютъ сообщеніе между озерами, а великолѣпная, хорошо содержимая и, что главное, очень недорогая гостиница дѣлаетъ селеніе Роганъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ мѣстопребываній.

«Выѣхавъ изъ Квебека 26 апрѣля, мы отправились по макадамизированной дорогѣ до Вортсмата, гдѣ должны были провести ночь. Къ ужину намъ подали бифштексъ изъ оленины, печеныхъ яицъ, ветчины, картофелю и чаю. Постели оказались сносными и свѣжими. На слѣдующее утро мы переправились черезъ рѣчку Ставу на плашкоутѣ или паромѣ въ родѣ тѣхъ, какіе употребляются и въ Европѣ и въ Соединенныхъ штатахъ и перетягиваются съ одного берега на другой посредствомъ веревокъ. По ту сторону этой рѣчки, впадающей въ рѣку св. Лаврентія, мы направились по равнинѣ съ богатыми пастбищами, на которыхъ торговцы имѣютъ обыкновеніе оставлять свой скотъ, пока сами отправляются въ Квебекъ и Монреаль искать между мясниками этихъ городовъ покупателей на свой товаръ. За равниной шелъ мостъ, переброшенный надъ пропастью, пройдя черезъ который, мы начали взбираться на цѣпь горъ, составлявшихъ въ прежнія времена неприступныя укрѣпленія колоніи.

«Лѣтъ 20 назадъ одинъ путешественникъ открылъ проходъ, вдоль котораго проложена теперь очень сносная дорога, въ родѣ тѣхъ, какія были проведены въ Альпахъ по приказанію Наполеона I. Взбираясь на Крегстонъ по бокамъ горъ, мы видѣли передъ собою громады утесовъ, взгроможденныхъ одинъ на другой. Каждую минуту казалось, что вотъ всѣ эти едва сплоченныя массы камней рухнутъ и раздавятъ насъ. Эта гигантская дорога, пробитая часто въ цѣльномъ камнѣ, идетъ тысячею зигзаговъ. По ней мы подвигались впередъ до гостиницы «Викторія», находящейся въ 22 миляхъ отъ Вортсмата.

«На разсвѣтѣ третьяго дня мы продолжали нашъ путь до подошвы горы «Гай-Пикъ», возведенныя около которой истинно геркулесовскія постройки могутъ поспорить съ лучшими сооруженіями европейскихъ инженеровъ. По ту сторону горы, оставивъ позади себя почтовую дорогу, мы направились черезъ болота равнины по одной изъ тропинокъ, прокладываемыхъ пастухами и охотниками. Въ этотъ разъ намъ пришлось пообѣдать на манеръ лѣсныхъ охотниковъ въ канадскомъ караванъ-сераѣ: обѣдъ нашъ состоялъ изъ морскихъ сухарей, солонины и вареныхъ овощей. Въ Сандову мы добрались около полудня на четвертыя сутки.

«Сандова лежитъ на берегу Гуронскаго озера, въ очень живописной долинѣ, которая составляетъ уже часть округа Мускока. Роганскіе рудники находятся въ 30 мил. отъ Сандовы, въ мѣстности, гдѣ нѣтъ даже признака дорогъ или тропинокъ.

«Золотая страна—пустыня посреди безплодныхъ, неприступныхъ овраговъ, съ разсѣянными по ней, какъ бы оазисами, клочками земли съ богатой растительностію, на которыхъ можно посѣять все, что производятъ наиболѣе обработанныя фермы Европы. Фермеръ, поселившійся лѣтъ 25 назадъ, невдалекѣ отъ Сандовы, въ 15 миляхъ отъ Мускока, нажилъ себѣ состояніе въ 20,000 фунтовъ стерлинговъ, продажей своей богатой жатвы и прежнихъ запасовъ—въ 1869 году, во время сильной засухи, когда ощущался недостатокъ въ хлѣбѣ не только въ этомъ округѣ, но и во всей Канадѣ. Сосѣди этого фермера, по имени Эльзабетъ, тоже фермеры, покинувшіе родину и поселившіеся здѣсь, какъ въ мѣстности, обильной ключами и источниками, и климатъ которой близко подходитъ къ климату Англіи. Здѣсь безпрестанно встрѣчаются превосходные сады и великолѣпно-обработанныя поля съ хлѣбомъ, овсомъ, картофелемъ, тыквами, арбузами; фермы, приготовляющія отличное масло, сыръ и проч. Почва представляетъ большія естественныя пространства, готовыя для плуга, и распахиваніе нови незатруднительно. На фермѣ Мекензи, владѣлецъ которой, тоже Мекензи, первый открылъ золотую руду, 120 акровъ пахатной земли; она окружена 10,000 акровъ высокоствольнаго лѣса. Настоящій земной рай для земледѣльца.

«Изъ всего сказаннаго видно, что золотые рудники Канады находятся въ 60 миляхъ отъ ближайшаго значительнаго города.

«Въ Сандовѣ мы разстались съ верховыми лошадьми и наняли телѣжку для перевозки вещей и инструментовъ для добыванія золота. Въ этой первобытной колесницѣ, я и мой товарищъ добрались до Мускока. Въ Балора,—селеніи, лежащемъ на пути, гдѣ мы съ трудомъ нашли пристанище въ избушкѣ, сложенной по американскому способу изъ нетесанныхъ бревенъ,—мы встрѣтили много бѣдняковъ. Одинъ изъ нихъ подошелъ ко мнѣ, разсказалъ, что онъ доведенъ до послѣдней крайности и предложилъ работать на меня даромъ двѣ недѣли изъ за куска хлѣба. Я принялъ незнакомца сколько изъ жалости, столько же изъ любопытства. На большую помощь отъ него я не разсчитывалъ. Черезъ полчаса по заключеніи условія, этотъ человѣкъ вернулся съ товарищемъ, котораго мы приняли на тѣхъ же условіяхъ.

«На слѣдующее утро мы отправились въ глубь тѣхъ непріютныхъ ущелій, куда стремятся рудокопы. Сверху горы, по которой шла дорога, мы увидѣли внизу скопленіе всевозможныхъ жилищъ: хижинъ, шалашей, палатокъ, съ разведенными передъ каждой огнями, дымъ которыхъ спиралью возносился къ небу. 15 небольшихъ артелей добывали золотоносную руду. Весь этотъ народъ рылъ землю, переносилъ ее и провѣвалъ на грохотѣ кварцъ. Стукъ кирокъ, ударяющихся о скалы, крики рабочихъ, шумъ машинъ, промывающихъ золото, — все это казалось страннымъ и въ умѣ невольно рождался вопросъ, какими судьбами эта страна, недавно еще совершенная пустыня, сдѣлалась теперь обитаемымъ мѣстомъ, населеніе котораго быстро увеличивается?

КАРТИНА А. КОВАЛЬСКАГО.

У заѣзжаго двора.

«Первые пришельцы не помышляли о золотѣ. Они пришли сюда для охоты на оленей и, выкапывая яму, чтобы вбить колъ для палатки, нашли самородокъ стоющій, по крайней мѣрѣ, 2,500 франковъ. Вскорѣ послѣ этой находки пастухъ, проходя между двумя скалами, замѣтилъ на дорогѣ что-то блестящее, но промолчалъ о своей находкѣ.

«Старый колонистъ въ Мускокѣ разсказывалъ намъ, что недавно еще здѣсь такъ было безлюдно, что развѣ одинъ человѣкъ въ мѣсяцъ заходилъ на ферму, теперь же вся земля его истоптана искателями золота.

«Въ одной милѣ отъ фермы этого колониста мы очутились въ центрѣ работъ. Здѣсь можно было найти людей, принадлежащихъ ко всѣмъ слоямъ общества: солдатъ и людей привилегированнаго сословія, эмигрантовъ и людей, стоящихъ внѣ всякаго общества; все это въ кучѣ работало и промывало золотоносную землю.

«Въ колоніи Мускока водворились англійскіе обычаи и установилось такое согласіе между колонистами и такое уваженіе къ личности и собственности другъ друга, что до сихъ поръ только одинъ разъ былъ примѣненъ судъ Линча, но не къ человѣку, а къ неодушевленному предмету. Какой-то спекулянтъ привезъ боченокъ виски. Собралась вся община и присудила единодушно, что слѣдуетъ разбить этотъ боченокъ, а содержимое выпустить на землю, что и было немедленно исполнено.

«До сихъ поръ здѣсь случилась только одна кража — это покража кирки. Вслѣдъ за этимъ происшествіемъ, на стволѣ гигантскаго кедра было выставлено объявленіе, написанное рукою рудокопа, состоящее въ слѣдующемъ: «10 фунтовъ стерлинговъ тому, кто принесетъ украденную кирку, или укажетъ на человѣка, укравшаго ее». Двѣ кирки, нарисованныя перомъ, служили иллюстраціей къ этому объявленію, приклеенному на самомъ видномъ мѣстѣ около дороги.

«Мы тотчасъ же принялись за устройство бревенчатой избы на манеръ скватеровъ. Я каждое утро отправлялся на охоту за дичью для обѣда рабочимъ, рубившимъ деревья, складывавшимъ изъ нихъ стѣны и пригонявшимъ крышу къ нашему маленькому жилью. Охота была почти всегда удачна, такъ какъ дичи здѣсь изобиліе.

«Товарищъ моихъ приключеній и путешествія не любитъ охоту, но страстный любитель рыбной ловли; также благодаря его таланту чинить обувь, моя содержится въ безукоризненномъ порядкѣ.

«Вотъ вамъ подробный разсказъ о нашемъ пребываніи въ верхней Канадѣ. Жаль только, что это такъ далеко отъ Парижа. Если бы послѣ тяжелой работы насъ здѣсь ожидалъ хорошій здоровый ужинъ и удобный ночлегъ нормандскихъ фермъ, можно было бы надѣлать чудесъ и сдѣлаться милліонеромъ. Но увы! Здѣсь мы далеко не роскошничаемъ. Хлѣба вовсе нѣтъ, вино замѣняется каплей хлѣбной водки, кофе плохъ; всѣ наши запасы состоятъ изъ солонины, отваренныхъ въ водѣ сушеныхъ грибовъ, дичи—оленины или фазана, зайца или кролика. А постели наши просто куча листьевъ особой породы канадской лиственницы, все же болѣе мягкихъ, чѣмъ земля, которую они прикрываютъ.

«Съ каждымъ днемъ добыча золота увеличивается и можно надѣяться, что вскорѣ страна населится, такъ какъ въ золотоискателяхъ никогда и нигдѣ недостатка не было».

—◦◦❧◦◦—

Изъ Парижа.

(Письмо **Н. Тарже.**)

Первое письмо мое къ вамъ начинаю сообщеніемъ о громадномъ успѣхѣ, выпавшемъ на долю вашей соотечественницы, г-жи Полонской. Эта молодая пѣвица, окончившая свое музыкальное образованіе въ парижской консерваторіи, рѣшительно очаровала тысячи слушателей, собравшихся на второй русскій концертъ въ залѣ Трокадеро. Она исполнила арію Гориславы изъ оперы «Русланъ и Людмила» вашего Глинки. У г-жи Полонской прекрасно обработанный голосъ замѣчательной силы. Зала Трокадеро устроена далеко не образцово въ акустическомъ отношеніи; пѣвецъ или пѣвица съ посредственнымъ голосомъ не могутъ рисковать пѣть въ этой залѣ, которая коварно выдастъ ихъ недостатки и очень мало поможетъ имъ выставить выдающіяся качества ихъ голоса. Пѣть здѣсь могутъ только артисты, обладающіе дѣйствительно замѣчательнымъ голосомъ. Г-жа Полонская принадлежитъ къ числу счастливицъ, богато одаренныхъ природою. Но она поняла, что природнаго дара недостаточно для того, чтобы сдѣлаться хорошей пѣвицей; что для этого необходимо учиться и учиться. Ея учителемъ былъ талантливѣйшій профессоръ Роже, когда-то извѣстный пѣвецъ. Роже присутствовалъ при торжествѣ своей ученицы. Когда г-жа Полонская, послѣ многочисленныхъ вызововъ, удалилась въ свою уборную, къ ней подошелъ Роже и, крѣпко пожимая ей руки, сказалъ со слезами радости на глазахъ:

— Мое дитя, за вами обезпечена слава, чрезъ васъ прославлюсь и я. Такой голосъ и такое умѣнье пѣть встрѣчаются не часто. Многое въ васъ напоминаетъ мнѣ Малибранъ.

Не знаю, вѣрно-ли,—я передаю то, что слышалъ,—но говорятъ, что г-жа Полонская ангажирована въ Петербургъ, на сцену русской оперы *).

Кстати о русскихъ концертахъ; они произвели фуроръ въ Парижѣ. Ваша музыка пріобрѣла право гражданства у насъ. Еще недавно наши парижане не признавали русской музыки, но, конечно, не потому, что отвергали ея достоинства, а просто были совершенно незнакомы съ нею. Случалось, между нумерами въ концертной программѣ, попадалась иногда пьеска русскаго композитора, но въ исполненіи оркестромъ она всегда выходила какъ-то неладно, можетъ быть, потому, что капельмейстеръ, самъ плохо знакомый вообще съ русскою музыкою, не могъ замѣтить во время репетицій промаховъ, дѣлаемыхъ музыкантами его оркестра. Я говорю это потому, что не узналъ отрывка изъ оперы Глинки, слышаннаго мною недавно въ одномъ изъ утреннихъ концертовъ, когда мнѣ привелось его снова услышать въ русскомъ концертѣ, сыграннымъ оркестромъ, подъ управленіемъ г. Рубинштейна. Тутъ только я былъ въ состояніи оцѣнить значеніе вашего талантливаго композитора. Глинка долженъ быть поставленъ на ряду съ первоклассными музыкальными писателями Италіи, Франціи и Германіи. Особенно поразилъ слушателей своей оригинальностію хоръ «Славься», исполненный оркестромъ. Когда послышался мелодичный колокольный звонъ, слушатели не выдержали и раздался громъ рукоплесканій.

Не мало помогло прекрасному впечатлѣнію, произведенному музыкою Глинки на парижанъ и то обстоятельство, что аріи изъ его оперъ были пропѣты такими исполнительницами, какъ г-жи Полонская, о которой сказано выше, и Бѣлоха, успѣвшая уже давно пріобрѣсти къ себѣ симпатіи парижской публики.

Также сильно поразили парижанъ «молитвы» Бортнянскаго. Какъ ни оригинальны русскія мотивы въ операхъ Глинки, но сама по себѣ опера представляетъ видъ музыкальнаго творчества, хорошо знакомаго моимъ соотечественникамъ. Произведенія же Бортнянскаго дышатъ такой самобытностію, что намъ рѣшительно нечего сравнивать съ ними—наши религіозныя пѣсни отличаются совсѣмъ другимъ характеромъ. Вотъ почему, можетъ быть, мнѣ чаще всего приходилось на мой вопросъ: «что вамъ болѣе всего понравилось въ русскихъ концертахъ?» получать слѣдующій отвѣтъ:

— Молитвы Бартнянскаго. Какъ сильно дѣйствуютъ онѣ на чувства? Замѣтили вы, многіе, не только женщины, но даже и мужчины, плакали во время исполненія его похоронныхъ молитвъ.

Можно утвердительно сказать, что всѣ нумера, исполненные въ русскихъ концертахъ, болѣе или менѣе понравились; только нѣсколько холоднѣе слушатели отнеслись къ «Садко», г. Римскаго-Корсакова, хотя за нимъ нельзя не признать выдающихся качествъ; но оно нѣсколько тяжеловато и недостаточно понятно иностранцу; мнѣ кажется, что вообще оцѣнить вполнѣ достоинства этого произведенія могутъ лишь спеціалисты-музыканты.

Русскіе концерты заставили много говорить о себѣ въ Парижѣ. Нѣсколько дней только о нихъ и толковали; они служили поводомъ къ многочисленнымъ преніямъ. Но Парижъ, обладающій въ сильнѣйшей степени свойствами большихъ городовъ, не любитъ долго останавливаться на одномъ и томъ же предметѣ. Поговорили парижане о русскихъ концертахъ и перешли къ другимъ событіямъ, съ какой-нибудь стороны возбуждающимъ интересъ. Однимъ изъ такихъ событій было пораженіе монсеньера Робера, епископа марсельскаго, возбудившее веселое настроеніе въ средѣ противниковъ клерикальной партіи. Марсельскій епископъ, одинъ изъ воинствующихъ представителей ультрамонтанской партіи, желая насолить противникамъ клерикализма, самъ поставилъ себя въ комичное положеніе.

Дѣло въ томъ, что, можетъ быть, ни въ одной странѣ въ Европѣ, партіонная рознь и происходящая отсюда взаимная ненависть представителей различныхъ партій другъ къ другу не доходитъ до такой крайней степени, какъ во Франціи. Понятно, что эта рознь и ненависть проявляются съ особенной силой, когда сталкиваются интересы фанатичныхъ клерикаловъ съ республиканскими, которые въ настоящее время отождествляются съ правительственными интересами. Недавно префектъ Марселя, желая положить конецъ вѣчнымъ уличнымъ столкновеніямъ, происходившимъ во время публичныхъ католическихъ религіозныхъ церемоній, воспользовался стариннымъ закономъ для ихъ воспрещенія. Законъ, изданный въ жерминалѣ IX года первой республики, воспрещаетъ публичныя религіозныя процессіи въ тѣхъ городахъ, гдѣ существуютъ храмы всѣхъ исповѣданій, признаваемыхъ во Франціи, а также появленіе публично духовенства въ церковномъ облаченіи. А такъ какъ въ Марсели, кромѣ католическихъ, есть и протестантскія церкви, а также еврейскія синагоги, то префектъ нашелъ возможнымъ, опираясь на вышеприведенный законъ, запретить публичныя католическія процессіи. Конечно, префектъ принялъ эту мѣру съ согласія министра внутреннихъ дѣлъ, де-Марсера.

Клерикалы разсердились и рѣшились отомстить при первомъ удобномъ случаѣ. Вскорѣ случай этотъ представился. Въ Марсель назначенъ былъ новый епископъ, монсеньеръ Роберъ. Закону IX года онъ противопоставилъ законъ, изданный въ мессидорѣ XII года, дающій право епископамъ на торжественный въѣздъ въ главный городъ своей эпархіи. Монсеньеръ Роберъ потребовалъ, чтобы, въ силу этого закона, на встрѣчу ему, за черту города, былъ высланъ военный конвой, состоящій изъ пѣхоты и кавалеріи, и чтобы при въѣздѣ его кареты въ Марсель, ему было салютовано пушечными выстрѣлами.

Узнавъ о желаніи новаго марсельскаго епископа, министерство послало уговорить его, чтобы онъ отказался отъ своей затѣи, которая можетъ вызвать волненія въ городѣ, отъ которыхъ произойдутъ непріятныя послѣдствія. Но епископъ не хотѣлъ внимать никакимъ уговорамъ: чувство мести, какъ извѣстно, плохой совѣтникъ. «Подавайте мнѣ торжественную встрѣчу!» твердилъ онъ. Волей-неволей министерство нашлось вынужденнымъ оставить въ покоѣ упрямаго прелата.

Уже клерикалы заранѣе торжествовали свою побѣду; въ ихъ органахъ стали уже появляться статьи, въ которыхъ съ ироніей обращались къ правительству съ вопросомъ: «что взяли»? Но префектъ очень ловко нашелся въ своемъ затруднительномъ положеніи. Его снова выручилъ законъ IX года. Ссылаясь на то, что этотъ законъ запрещаетъ духовенству появляться публично въ церковномъ облаченіи, префектъ предложилъ епископу совершить свой торжественный въѣздъ не въ епископскомъ облаченіи, а въ обыкновенной сутанѣ, которую онъ носитъ внѣ церковной службы, причемъ заявилъ, что и марсельскому католическому духовенству, пожелавшему встрѣтить своего епископа на паперти собора, воспрещено облачаться въ ризы, а предложено явиться въ обыкновенной одеждѣ, въ которой оно ходитъ по городу.

Монсеньеръ Роберъ вышелъ изъ себя; онъ говорилъ, что префектъ оскорбляетъ не только его, но и католическую церковь такими дикими требованіями. Теперь уже префектъ оставался глухъ ко всѣмъ возраженіямъ и кончилось тѣмъ, что епископъ уступилъ. Онъ отказался отъ торжественнаго въѣзда и отмстилъ проповѣдью, сказанною имъ въ съ соборѣ въ день принятія должности. Эта проповѣдь была направлена противъ республики и республиканцевъ. Но къ такимъ нападкамъ уже успѣло привыкнуть настоящее французское правительство и не обращаетъ на нихъ никакого вниманія.

Противники клерикаловъ вдоволь нахохотались; клерикалы же отъ досады кусали губы. Много остротъ ходило по Парижу на ихъ счетъ. Было бы ихъ, вѣроятно, и больше, но, къ счастію клерикаловъ, ихъ выручила новая опера Гуно, «Поліевктъ», которая должна была идти, въ первый разъ 25 сентября (7 октября) на сценѣ «Большой оперы». Она послужила предметомъ толковъ во всемъ Парижѣ. Гуно—любимецъ Парижа. Слухи ходятъ, что музыка талантливаго композитора очень хороша; хвалятъ также и либретто, написанное Барбье. Я буду на первомъ представленіи и не замедлю сообщить вамъ подробности о новомъ произведеніи автора «Фауста», этой нестарѣющей оперы, обошедшей всѣ оперныя сцены Европы и Америки.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о новой только-что появившейся газетѣ, которая, несомнѣнно, будетъ имѣть большой успѣхъ. Газета эта, «Le pére Gerard»,—національная газета общинъ,—выходитъ разъ въ недѣлю, она иллюстрированная и стоитъ всего 6 франковъ въ годъ. Програма ея слѣдующая: 1) Что совершилось втеченіе недѣли; 2) оцѣнка послѣднихъ политическихъ событій; 3) отчетъ о преніяхъ въ парламентахъ; 4) юмористическія письма; 5) силуэты современныхъ знаменитостей; 6) историческія и анекдотическія воспоминанія; 7) прогулка по французскимъ сельскимъ общинамъ; 8) сельскохозяйственныя бесѣды; 9) открытія и изобрѣтенія; 10) повѣсти, разсказы, очерки; 11) практическія свѣдѣнія и замѣтки и пр.

Новая газета—изданіе республиканской партіи. Заглавіе ея «Le pére Gerard» хорошо извѣстно во всей Франціи. Подъ этимъ заглавіемъ издано уже нѣсколько популярныхъ брошюръ. Объявленіе о новой газетѣ написано ловко, видно знакомство съ публикой, на которую издатели желаютъ подѣйствовать. Вотъ, напримѣръ, какъ объясняется въ немъ направленіе новой газеты:

«— Здраствуйте, «папа» Жераръ.

«— Вы меня знаете?

«— Кто же васъ не знаетъ, папа Жераръ? Мы знаемъ васъ уже давно и полюбили отъ всего сердца, потому что вы всегда говорите намъ истину о политическихъ дѣлахъ. Вовсе не желая вамъ льстимъ, мы смѣло утверждаемъ, что во всѣхъ сельскихъ общинахъ питаютъ къ вамъ большое довѣріе.

«— Благодарю васъ искренно, мои друзья, за ваши слова, дѣлающія меня счастливымъ и возбуждающія во мнѣ гордость.

«— Судите сами, насколько мы знаемъ васъ, папа Жераръ. Развѣ не вы написали: «Письма къ моему депутату»; «Республиканское правительство»; «Руководство для добраго гражданина»? Развѣ не вы издали 12 брошюръ, въ которыхъ разсказываете исторію первой французской революціи? Развѣ не вы издали объясненіе нашей современной конституціи?

«— Да, друзья мои, дѣйствительно, я издалъ всѣ эти брошюры.

«— Развѣ не вы разослали во время выбо-

*) Здѣсь, въ Петербургѣ, что-то не приходилось слышать объ этомъ. *Прим. Редакціи Ж. Об.*

ровъ 14 октября брошюру: «Вотируемъ за 363», а также въ послѣдній моментъ небольшой манифестъ, озаглавленный «Папа Жераръ своимъ друзьямъ, сельчанамъ»?

«— Да, я, мои друзья.

«— Вы видите, что мы хорошо знаемъ васъ и можете быть увѣрены въ хорошемъ пріемѣ во всѣхъ деревняхъ».

Такими изданіями французская республиканская партія пріобрѣтаетъ все большее и большее число сторонниковъ въ деревняхъ и вытѣсняетъ массу періодическихъ изданій и брошюръ, которыми надѣляютъ деревни клерикалы и бонапартисты.

Гугенотское движеніе во Франціи.

(История феодальной реакціи во Франціи въ 16 и 17 вѣка И. В. Лучицкаго. Т. I. «Феодальная аристократія и кальвинисты во Франціи». Т. II. «Католическая лига и кальвинисты во Франціи»).

Трудъ г. Лучицкаго, заглавіе котораго мы выписали выше, посвященъ исторіи интереснаго періода, мало знакомаго русской читающей публикѣ, по крайней мѣрѣ, у насъ издано очень мало и оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій, касающихся этого періода французской исторіи. «Исторія феодальной реакціи» — трудъ весьма почтенный и по задачѣ, и по выполненію. Слѣдующія строки предисловія по II-му тому указываютъ, какъ авторъ смотритъ на свой предметъ: «Изслѣдованіе, начало котораго представляется на судъ публики, принадлежитъ къ роду работъ чисто описательнаго характера, единственно возможнаго въ томъ отдѣлѣ знаній, которому авторъ посвятилъ свои силы. Приступая къ изученію тѣхъ событій, которыя происходили во Франціи во второй половинѣ XVI вѣка, онъ имѣлъ въ виду подготовить матеріалъ для будущихъ обобщеній въ другой наукѣ, еще зарождающейся, и вслѣдствіе этого, старался удовлетворить, насколько то было въ его власти, тѣмъ главнымъ требованіямъ, которыя предъявляютъ современнымъ изслѣдователямъ въ области описательныхъ наукъ. Изслѣдовать структуру общества въ данный періодъ времени, описать измѣненія, происшедшія втеченіи этого времени, указать на соотношеніе, существующее между структурою и событіями; другими словами — описать строй общества и его функціи въ статистическомъ и динамическомъ отношеніи, такова, по его мнѣнію, та задача, которую долженъ въ той или иной мѣрѣ выполнить изслѣдователь, будетъ-ли предметомъ его изученія одинъ какой-либо моментъ въ жизни народа или человѣчества, или рядъ послѣдовательныхъ моментовъ». Къ этому прибавимъ, что автору удалось въ значительной степени выполнить предположенную себѣ задачу.

Излагая исторію гугенотскаго движенія, г. Лучицкій держится того взгляда, что это движеніе отнюдь не демократическое, какъ полагали нѣкоторые изслѣдователи этой эпохи. Обращая во второй части своего труда главное вниманіе на развитіе средняго сословія, въ связи съ тѣми отношеніями, которыя установились между демократическимъ движеніемъ и католическимъ возрожденіемъ XVI в., г. Лучицкій указываетъ, что демократическое движеніе не вытекало прямо изъ гугенотскаго. Намъ кажется, что трудно разграничить эти два момента одного движенія — реформаціи — возникшаго въ XVI вѣкѣ въ Германіи и Франціи. Ниже мы укажемъ на тѣсную связь этихъ двухъ моментовъ.

Интересъ предмета изслѣдованія, мастерская рисовка данной эпохи, живость изложенія, наконецъ, достоинство перваго источника *) дѣлаютъ трудъ г. Лучицкаго цѣннымъ вкладомъ въ нашу историческую литературу. Жаль только, что форма диссертаціи, которую этотъ трудъ собственно и представляетъ, дѣлаетъ его мало удобнымъ для распространенія въ массѣ читателей.

Желая насколько возможно подробнѣе ознакомить нашихъ читателей съ трудомъ г. Лучицкаго, мы, гдѣ это окажется необходимымъ, будемъ придерживаться изложенія почтеннаго автора.

I.

Исторія XV вѣка представляетъ исторію анархіи. Каждый баронъ и свѣтскій и духовный обращается въ самостоятельнаго владѣльца, никого и ничего непризнающаго надъ собой. Императоръ не имѣетъ ни денегъ, ни войска и открещивается отъ поста императорскаго; папа, до сихъ поръ представлявшій авторитетъ и свѣтскій и духовный, утратилъ всякое значеніе: короли, прежде за непокорность ему стоявшіе по три дня подъ открытымъ небомъ, вымаливая прощеніе, теперь низвергаютъ строптивыхъ папъ и выбираютъ новыхъ, такъ что нерѣдко случалось, что царствовалъ не одинъ, а два, и даже три папы разомъ. Прочной власти не стало. Въ это время начали пріобрѣтать все больше значенія университеты, ученые. Мнѣніями ихъ руководятся короли въ своихъ распряхъ съ папами и подданными; собранія ихъ объявляютъ папъ низложенными и призываютъ ихъ къ своему суду. Всѣ науки слились въ одну: богословіе. Если сказать, что эти ученые были очень часто и духовные прелаты, имѣвшіе свѣтскихъ подданныхъ, по отношенію къ которымъ держали себя такъ же, какъ и свѣтскіе неученые бароны, то мы легко можемъ себѣ представить всю картину тогдашняго порядка вещей. Было еще сословіе горожанъ, имѣвшее нѣкоторое значеніе, благодаря деньгамъ, въ которыхъ всѣ нуждались, и которыя у нихъ однихъ только и были. Поэма того времени, воспѣвая побѣду, одержанную при Гемпахѣ нюренбергцами въ союзѣ съ швейцарцами надъ князьями и баронами, представляетъ Нюренбергъ хлѣвомъ, наполненнымъ баранами, около котораго, какъ волки, постоянно вертятся бароны и владѣтели; отъ времени до времени они пытаются ворваться въ хлѣвъ, но его оберегаютъ славныя собаки, какъ это доказываетъ гемпахская битва. Но у крестьянъ не было возможности имѣть при себѣ собакъ и такъ какъ при томъ они не имѣли и шерсти, которую волкамъ можно было бы постричь, то съ ними совсѣмъ ужь не церемонились. Однакожь, крестьяне время отъ времени заявляли о своемъ существованіи возстаніями, которыя быстро подавлялись. Затѣмъ, когда началась проповѣдь о простотѣ и святости жизни первыхъ христіанъ, когда стали составляться общины вѣрующихъ, поставившихъ цѣлію подражаніе первымъ христіанамъ, — крестьяне толпами стали присоединяться къ послѣдователямъ новаго ученія. Но папы объявили ихъ еретиками и для уничтоженія ихъ былъ объявленъ крестовый походъ. Исходъ альбигойской войны показалъ, что реформа еще не могла имѣть успѣха. Полное разореніе страны и совершенное обезлюденіе до того цвѣтущаго многолюднаго края, было достаточно убѣдительнымъ доводомъ въ пользу справедливости папы, аббатовъ и бароновъ (это было въ XII вѣкѣ). 200 лѣтъ спустя, тотъ порядокъ вещей, картину котораго мы пытались изобразить выше, главнымъ же образомъ соблазнъ, порождаемый одновременнымъ появленіемъ нѣсколькихъ папъ и ихъ взаимными изобличеніями, заставили ученыхъ всего католическаго міра серьезно призадуматься о мѣрахъ къ устраненію такого порядка вещей. И было надъ чѣмъ призадуматься — безобразія папъ подрывали авторитетность и ихъ власти. Къ ученымъ присоединились многіе князья и бароны; такъ какъ у нихъ было войско, то союзъ ихъ давалъ возможность привести въ исполненіе рѣшеніе, къ которому они могли прійдти. Но между ними были ученые и не князья или бароны — эти по простотѣ своей думали, что дѣло заключается не въ соблюденіи внѣшняго благообразія, а въ устраненіи коренныхъ злоупотребленій религіей для достиженія практическихъ цѣлей, и поэтому остались недовольны рѣшеніями своихъ собратій по наукѣ и это недовольство было, надо полагать, очень велико, такъ какъ до насъ дошли нѣкоторые сборники проповѣдей того времени и у одного изъ такихъ сборниковъ стоитъ эпиграфомъ: «Число дураковъ несмѣтно» — истина несомнѣнная для всѣхъ вѣковъ; — но тамъ же есть одна проповѣдь, спеціально посвященная одному виду дураковъ: называется она — «Ученый дуракъ»; говорится въ ней о чопорныхъ дуракахъ, о дуракахъ въ чепцахъ, о дуракахъ въ беретахъ, о дуракахъ, надѣющихся сдѣлаться умнѣе черезъ обладаніе множествомъ книгъ, о тѣхъ, кто пишетъ или печатаетъ, не имѣя ума; наконецъ, о дуракахъ, пренебрегающихъ книгами и заключающеюся въ нихъ мудростью. Или, наконецъ, книга — «Корабль дураковъ».

Попытки произвести коренной переворотъ въ господствующемъ порядкѣ вещей породили реформацію. Сначала Виклефъ и Гуссъ, затѣмъ Лютеръ, Цвингли и Кальвинъ явились протестантами, тѣмъ болѣе страстными въ своей протестующей проповѣди, что имъ на себѣ пришлось перенспытать все увлеченіе въ поклоненіи авторитету въ началѣ и полное разочарованіе въ святости еще вчерашнихъ кумировъ въ концѣ своей монашеской жизни. Послѣдствія ихъ протеста извѣстны: весь католическій міръ распался на двѣ половины. Но ихъ протестъ заключалъ въ себѣ противорѣчіе. Выводя человѣка изъ прежняго духовнаго рабства, объявляя свободу изслѣдованія въ религіи провозглашеніемъ евангелія единственнымъ руководствомъ въ дѣлѣ религіи, — протестантизмъ оставлялъ во всей неприкосновенности рабство свѣтское. Не монаховъ сдѣлать свѣтскими людьми, а всѣхъ свѣтскихъ людей монахами хотѣлъ протестантизмъ: папа замѣнялся пасторомъ, какъ исполненнымъ благодати, дающей право на толкованіе евангелія. Одинъ замѣнялся многими. Мало того, регламентація частной жизни узаконяла и свѣтскую власть пасторовъ. Но надо было для успѣшной борьбы съ духовной властью заручиться союзникомъ. Силѣ надо было противупоставить силу-же. И вотъ объявляется, что «власть столь же необходима для людей, какъ хлѣбъ, вода, солнце и воздухъ». Отъ власти требуется не только поддержанія порядка, но и защиты истинной религіи и преслѣдованіе и кара всякаго отступленія отъ ея правилъ и установленій. Фатализмъ предопредѣленія и грѣховная воля рядомъ дополняли собой этотъ рядъ противорѣчій.

Это былъ протестъ противъ существующаго, отжившаго свой вѣкъ, и потому необходимо должнаго устраниться. Настоятельная потребность измѣнить существующій порядокъ была такъ велика, что всѣ эти противорѣчія не только не препятствовали успѣшности новаго ученія, напротивъ, они, вербуя послѣдователей и въ лагерѣ угнетателей и среди угнетаемыхъ не разъ доставляли ему побѣды. Нѣсколько иной характеръ имѣло реформатское движеніе во Франціи: съ одной стороны, противурѣчивый характеръ новаго ученія достигъ наибольшей рельефности у Кальвина — французскаго реформатора, съ другой — отношеніе французскихъ коро-

*) Г. Лучицкій пользовался документами, хранящимися въ архивахъ большинства тѣхъ мѣстностей, гдѣ совершались описываемыя имъ событія: Парижа, Гренобля, Нима, Ліона, Монтобана, Тулузы и Монпелье. Онъ пользовался и библіотекой «Общества распространенія протестантизма во Франціи».

лей къ церкви въ своемъ государствѣ было иное, чѣмъ въ другихъ странахъ. Сначала прагматическая санкція, затѣмъ конкордатъ 1520 г. совершенно освободили французское духовенство изъ-подъ власти Рима: оно было обращено въ галликанское и монархическое, получило право распоряжаться бенефиціями, отдавало въ руки королей церковныя имущества. Словомъ, становясь на сторону реформаціи, короли не пріобрѣтали никакой выгоды. Возстаніе крестьянъ, исповѣдывавшихъ новыя религіозныя идеи, въ восточной Франціи и Германіи—было фактомъ, указывавшимъ, что въ массѣ народа проповѣдь политическаго рабства отдѣляется и отбрасывается отъ проповѣди эмансипаціи душъ. Францискъ I говорилъ о лютеранскомъ вѣроученіи: «эта секта и всѣ эти новыя секты стремятся гораздо болѣе къ разрушенію государствъ, чѣмъ къ назиданію душъ».

Такой взглядъ на протестантизмъ, становя короля во враждебное къ нему отношеніе способствовалъ измѣненію гугенотскаго движенія изъ религіознаго въ политическое. Въ этотъ второй моментъ религія или ставилась только, какъ предлогъ для борьбы, или вовсе стушевывалась. Согласно съ такимъ ходомъ событій и наше изложеніе исторіи ихъ распадется на двѣ части: выясненіе духа новаго ученія и изложеніе хода борьбы религіозно-политическихъ партій.

II.

Реформаторское движеніе во Франціи началось одновременно среди рабочаго населенія и въ группѣ ученыхъ. Впослѣдствіи оба движенія, подъ вліяніемъ враждебнаго къ нимъ отношенія королей, слились въ одно. Еще въ 1512 г. профессоръ парижскаго университета Лефевръ д'Энталь, говорилъ Гильому Фарелю, своему ученику: «Сынъ мой, Господь обновитъ вскорѣ міръ и ты будешь свидѣтелемъ этого обновленія». Въ этихъ словахъ не было ничего пророческаго, такъ какъ отношеніе къ духовенству и народа, и двора, злыя насмѣшки, сыпавшіяся на него со всѣхъ сторонъ, ясно указывали на необходимость близкой реформы.

Въ этомъ-же 1512 г. имъ были провозглашены основные принципы реформаціи: однихъ дѣлъ безъ благодати недостаточно для спасенія; священное писаніе—единственный источникъ и руководство истиннаго христіанства. Его проповѣдь была успѣшна.

Король не объявлялъ войны новому ученію. Оно даже имѣло послѣдователей въ самомъ дворцѣ. Луиза Савойская, королева-мать, выражала свое удовольствіе по поводу того, что Богъ сподобилъ и ее, и ея сына познать всѣхъ этихъ лицемѣровъ, бѣлыхъ, сѣрыхъ, черныхъ, и всѣхъ цвѣтовъ». Духовные прелаты раздѣлились: большая часть ихъ ополчилась на новую проповѣдь; но они могли мало сдѣлать, такъ какъ власть не сочувствовала слишкомъ энергическимъ мѣропріятіямъ, почему приходилось бороться словомъ. Знанія же и таланты были на сторонѣ противниковъ и нерѣдко протестантскій проповѣдникъ громилъ католическаго патера съ его же кафедры.

Во главѣ другой половины духовенства сталъ епископъ города Мо—Брисоне. Около него группировались всѣ наиболѣе видные послѣдователи новаго ученія. Здѣсь, въ Мо, чесальщикъ льна, Жанъ Леклеръ, сдѣлалъ даже попытку совершить рѣшительный переворотъ въ устройствѣ церкви.

Пока движеніе было исключительно религіозное. Такимъ, быть можетъ, оно бы и осталось еще долго, еслибы не встрѣчало препятствій. Плѣнъ Франциска I-го развязалъ руки католической партіи и на реформатовъ въ 1525 г. было поднято гоненіе. Надо было спасаться—бѣгство представлялось удобнѣйшимъ путемъ для этого. Въ числѣ бѣжавшихъ былъ и Фарель. «То былъ человѣкъ отважный и смѣлый, обладавшій краснорѣчіемъ, которое увлекаетъ массы, и неустрашимостью, спасающей человѣка въ опасности, но лишенный того такта, который свойственъ Лютеру и ему подобнымъ политикамъ. Избравъ Женеву центромъ своей дѣятельности, онъ посылалъ оттуда «возмутительные листки» во Францію. Его дѣятельность подготовила успѣхъ Кальвина. Фарель низвелъ движеніе, возникшее въ средѣ ученыхъ, на почву народную, Кальвинъ далъ ему окончательную отдѣлку.

Эпоха гоненій показала, что протестантовъ можетъ спасти только прочная организація, которая сплотила бы ихъ силы, теперь разбросанныя. Такимъ организаторомъ явился Кальвинъ. Онъ не владѣлъ геніемъ изобрѣтательности; такъ, свое ученіе онъ заимствовалъ частью у Лефевра и Лютера, частью у Цвингли, но разъ усвоенное имъ, онъ доводилъ до крайнихъ логическихъ послѣдствій. Холодное, упорное преслѣдованіе цѣли, разъ признанной имъ «правымъ дѣломъ»; непоколебимость въ достиженіи цѣли, неспособность къ сильнымъ проявленіямъ симпатіи или любви; нѣкоторая наклонность къ формализму и къ внѣшнимъ опредѣленіямъ, воспитанная въ немъ изученіемъ права—таковы черты характера этого французскаго реформатора. По крайней мѣрѣ, такимъ онъ былъ въ глазахъ современниковъ. Крайняя нетерпимость доводившая его по отношенію къ людямъ, несогласнымъ съ нимъ, до жестокости и ни передъ чѣмъ не сдающаяся энергія позволили ему достигнуть большихъ результатовъ, при своей жизни, чѣмъ это удалось Лютеру и Цвингли. Онъ былъ демагогъ, ставшій потомъ диктаторомъ.

Вниманіе его было обращено не столько на развитіе догмы, сколько на учрежденія, которыя были обязаны блюсти чистоту и безопасность религіи. Церковь по Кальвину представляла для вѣрующихъ какъ бы убѣжище отъ грѣха—«внѣ церкви нѣтъ оставленія и прощенія грѣховъ, нѣтъ спасенія». Поэтому авторитетъ церкви вы-

Латышка.
(См. статью «Путевыя замѣтки о Курляндіи».)

Латышъ.
(См. статью «Путевыя замѣтки о Курляндіи».)

Картина **ГЕРМАНА ЦЕЙЦА.**

Идиллія Феокрита.

ше всего и правила, ею установленныя, должны неуклонно соблюдаться всѣми ея членами. Для этого церковь должна имѣть возможность наблюдать ежеминутно за своими членами и пасторы получаютъ самыя обширныя полномочія. «Пасторы, говорилъ онъ, это нервы, которые связываютъ вѣрующихъ въ одно цѣлое, безъ нихъ существованіе церкви немыслимо—мясо и солнечный свѣтъ не такъ необходимы для сохраненія земной жизни, какъ пасторы для сохраненія церкви. Въ нихъ и черезъ нихъ какъ бы говоритъ самъ Богъ, представителями котораго они служатъ на землѣ».

Избраніе пасторовъ было въ рукахъ духовенста, такъ какъ пасторы представляли народу кандидата, такимъ образомъ, предупреждалась возможность ограниченія со стороны народа пасторской власти. Хотя пасторы лично не могли наказывать, но они были членами судебнаго трибунала, состоявшаго изъ пасторовъ и выбранныхъ народомъ старѣйшинъ. Предсѣдательствовалъ пасторъ же. Власть этого трибунала была велика: онъ могъ и карать и миловать. Надъ нимъ былъ только національный синодъ, такого же состава. На пасторовъ налагалась обязанность отличатся праведною жизнью.

Пасторы, чтобы ихъ власть не была номинальной, должны имѣть за собой и силу, и вотъ ставятся пунктъ за пунктомъ, опредѣляющіе отношеніе протестантовъ къ свѣтскимъ властямъ. «Въ одной изъ своихъ книгъ, говоритъ Кальвинъ, я писалъ, что мнѣ неправится вмѣшательство свѣтской власти, принуждающей протестантовъ силою присоединиться къ церкви, тогда я еще не испыталъ, на сколько суровая дисциплина улучшаетъ ихъ. Только нечестивые говорятъ, что апостолы не требовали у земныхъ царей преслѣдованія еретиковъ. Тогда были иныя времена, а императоры не вѣрили во Христа».

...«Государство, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, не менѣе необходимо для человѣка, какъ пища и питье, солнце и воздухъ, а его достоинство еще большее». Предписывалось повиноваться правительственнымъ лицамъ и въ тѣхъ случаяхъ даже, когда они прибѣгаютъ къ насильственнымъ, незаконнымъ мѣрамъ, когда они являются тиранами. Но этотъ громадный авторитетъ свѣтской власти обусловливается повиновеніемъ и исполненіемъ предписаній церкви.

Не надо забывать, что до самой Варфоломеевской ночи, въ глазахъ французскихъ протестантовъ, также, разумѣется, какъ и католиковъ, королевская власть во Франціи считалась божьимъ установленіемъ и даже право собраній штатовъ понималось только, какъ право доводить до свѣденія короля о злоупотребленіяхъ его чиновниковъ. «Въ вопросѣ о повиновеніи, говоритъ онъ, существуетъ одно исключеніе, или лучше правило, которое должно соблюдать прежде всего. Оно состоитъ въ томъ, чтобы это повиновеніе не отвращало насъ отъ покорности Тому, волей котораго должны ограничиваться всѣ желанія государей, повелѣніямъ котораго должны быть подчинены всѣ ихъ приказанія, и все ихъ могущество унижено предъ Его величіемъ. И, говоря правду, сколь превратно было бы для того, чтобы угодить людямъ, навлекать на себя гнѣвъ Того, ради чьей любви мы повинуемся людямъ? Господь есть поэтому царь царей, которому должно повиноваться прежде всего и больше всего. Послѣ него мы обязаны повиноваться людямъ, поставленнымъ надъ нами, но не иначе, какъ подъ этимъ условіемъ. Если же люди прикажутъ намъ что-либо противное Его волѣ, то это не должно имѣть для насъ никакого значенія и мы не должны обращать вниманія при этомъ на степень достоинства лица, потому что Богу надобно повиноваться скорѣе, чѣмъ людямъ».

Но, дозволяя сопротивленіе по вопросу чисто религіозному, Кальвинъ въ то же время своими политическими мнѣніями давалъ возможность распространить его и на другія области дѣятельности. Идеалъ государя, который онъ считалъ истиннымъ представителемъ божества на землѣ и который изображенъ имъ въ противуположность тѣмъ, кого Богъ посылаетъ на землю, какъ средство наказанія за грѣхи,—былъ слишкомъ рѣзко выставленъ, чтобы оговорки Кальвина относительно безусловнаго повиновенія могли сохранить силу. «Государи, говоритъ онъ, предназначены быть блюстителями спокойствія, чистоты, невинности и умѣренности въ государствѣ; ихъ обязанность не покрывать преступниковъ, а, напротивъ, ненавидѣть злыхъ, притѣснителей народа и гордецовъ и искать повсюду добрыхъ и вѣрныхъ совѣтниковъ. При этомъ они должны защищать добрыхъ отъ злыхъ и оказывать помощь угнетеннымъ». Во время Кальвина, какъ извѣстно, государей, подходящихъ къ его идеалу, вовсе не было.

Но какая же форма правленія по его мнѣнію, была лучшая? При началѣ своей дѣятельности Кальвинъ склонялся въ пользу монархіи. Тогда французскій король еще не сталъ открыто на сторону «враговъ истины», Кальвинъ разсчитывалъ повліять на Франциска I. Онъ посвятилъ ему первое изданіе своего «Institution» и превознесъ въ немъ монархическую форму правленія. Но его ожиданія не сбылись и его проектъ, при содѣйствіи власти уничтожить во Франціи суевѣріе и безбожіе, палъ. Неудача значительно измѣнила характеръ его политическихъ мнѣній, и онъ явился, если не открытымъ противникомъ, то сильнымъ недоброжелателемъ королевской власти и большихъ государствъ. Но воспитанный въ аристократической семьѣ, побуждаемый стремленіемъ по возможности расширить власть пасторовъ, онъ останавливается не на демократіи, а аристократіи. Аристократическое правленіе онъ утвердилъ послѣ нѣкоторой борьбы въ Женевѣ, аристократизмъ проповѣдывался его учениками и во Франціи. Правленіе избранныхъ, лучшихъ людей—таковъ государственный идеалъ Кальвина.

Такой уставъ кальвинистовъ, неуклонно проводимый въ жизнь, дѣйствительно быстро сплотилъ ихъ въ одну группу по церквамъ. Дѣятельность ихъ сосредоточивалась пока главнымъ образомъ въ городахъ.

Въ 1546 году Марино Кавалли въ своемъ донесеніи венеціянскому сенату говоритъ уже о цѣлыхъ городахъ, занимаемыхъ протестантами. Въ числѣ такихъ городовъ онъ считалъ уже Ла-Рошель, Каену, Пуатье и др.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Лѣто и осень.

(См. рис. на стр. 292, 296 и 297.)

Лѣто прошло, осень вполнѣ вступила въ свои права и грозитъ дождями, холодами, распутицей, невылазною грязью... Два рисунка «Лѣто» и «У заѣзжаго двора», помѣщенные въ нынѣшнемъ нумерѣ нашего журнала, представляютъ двѣ очень обыкновенныя, вполнѣ будничныя сценки изъ этихъ временъ года: лѣтнее partie de plaisir въ деревнѣ и осеннюю распутицу въ провинціальномъ городѣ. Каждому изъ насъ, конечно, приходилось наслаждаться лѣтомъ подобными удовольствіями въ кругу друзей и такъ же каждому изъ насъ, вѣроятно, хоть разъ въ жизни удалось узнать, какою тоскою вѣетъ отъ осени въ какомъ-нибудь провинціальномъ захолустьи, во время дождей и слякоти. Обѣ эти картинки очень характерно передаютъ контрастъ впечатлѣній, производимыхъ вообще лѣтней порой и осенью.

Феокритова идиллія.

(Рис. стр. 301.)

Чувство любви ищетъ уединенія; это сознавалось всѣми поэтами, даже въ древнѣйшія времена. Влюбленный хочетъ дѣлиться своими ощущеніями, прежде всего, съ матерью-природой; онъ становится болѣе чуткимъ къ ея красотамъ, какъ бы впервые открывающимъ передъ нимъ всю свою сокровенную прелесть. Но то чувство сладко-болѣзненной меланхоліи, которое тѣсно связано для насъ съ сердечной мечтательностью, знакомо только новѣйшимъ людскимъ поколѣніямъ.

Югу Европы незнакомы туманы, заволакивающіе формы и краски, смягчающіе ихъ до фантастическихъ обликовъ и породившіе сѣверную грустную поэзію. Въ Греціи и Италіи, горы выдѣляются рѣзкими очертаніями, ландшафтъ обрисовывается ясно въ прозрачности воздуха, оливковыя или каштановыя рощи пропускаютъ сквозь себя солнечные лучи. Все носитъ на себѣ отпечатокъ большей жизненности и силы; природа щедро, даже расточительно и беззаботно раскинула здѣсь свои дары. И весело, радостно откликалась она на призывъ влюбленныхъ, нашептывая имъ сладкозвучныя рѣчи голубыми волнами своихъ морей, серебристою листвою оливъ, упоительнымъ ароматомъ миртъ и розъ, сверкающимъ блескомъ солнца. Обстановка сцены вліяетъ на ея характеръ; подъ пламеннымъ небомъ своей страны, влюбленные античнаго міра вносили въ свою страсть большую ясность, опредѣленность цѣли, порывъ, художественность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и меньшую глубину чувства, чѣмъ сѣверные народы, окруженные сумрачными дубравами и бушующими вѣтрами. По этому въ греческой лирикѣ преобладаетъ изумительная точность, ясность и рѣзкость изображеній, ослѣпительная яркость красокъ и сила пластичности, заставляющія читателя видѣть передъ собою цѣлую любовную повѣсть, выхваченную изъ живой античной среды.

Творецъ буколической или пастушеской поэзіи, Феокритъ, служитъ до сихъ поръ образцомъ высшаго художественнаго воспроизведенія любви въ ея тѣсной связи съ лономъ природы. Онъ рисуетъ передъ нами простыхъ людей, живущихъ въ первобытныхъ условіяхъ, не искаженныхъ треволненіями и суетой городовъ. Юноша пасетъ стадо своевольныхъ, дикихъ воловъ, дѣвушка ходитъ за кроткими овцами и рѣзвыми козочками. Молодые люди сближаются; ихъ влечетъ другъ къ другу уединеніе и тишь долинъ; сердца ихъ испытываютъ движеніе страсти, покоряясь волѣ того божка, который властвуетъ надъ смертными. Наступаютъ для нихъ тѣ же радости и горести, которыя мы видимъ и въ современномъ намъ мірѣ, но онѣ облечены античными красками и ищутъ выраженія въ античныхъ, уже отлетѣвшихъ отъ насъ, образахъ.

Одна изъ идилій Феокрита внушила художнику Герману Цейцу сюжетъ бытовой картины, копія съ которой помѣщена въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала. Меналкъ, поручивъ охраненіе своего стада своему другу, Титиру, идетъ отыскивать свою возлюбленную Амариллисъ. Какъ поэтъ, такъ и живописецъ, переносятъ насъ въ міръ простой, но въ которотъ цвѣтетъ чудный цвѣтъ любви, не искалѣченной общественными условіями, полный силы и свѣжести.

Новости наукъ и жизни.

— **Стипендія.** Въ «Русскомъ Мірѣ» сообщаютъ, что между студентами медико-хирургической академіи въ настоящее время идетъ подписка для основанія стипендіи имени профессора академіи Грубера, извѣстнаго ученаго анатома. Сборъ простирается уже на сумму около 200 рублей.

— Новая опера. По словамъ «С.-Петерб. Вѣд.», г. Чайковскій, написавшій оперу «Евгеній Онѣгинъ», ставитъ ее на сценѣ московской консерваторіи. Участвующіе будутъ одѣты въ костюмы начала настоящаго столѣтія.

— Странности г. Макарта. Извѣстный художникъ Гансъ Макартъ, съ нѣкоторыми копіями картинъ котораго познакомились наши читатели, столько же извѣстенъ своимъ талантомъ, сколько и молчаливостью. Однажды онъ былъ приглашенъ на обѣдъ, и хозяинъ дома, желая доставить своему знаменитому гостю наибольшую сумму удовольствія, посадилъ подлѣ него одну чрезвычайно любезную и умную даму. Но Макартъ преспокойно ѣлъ и пилъ, неудостоивъ ни однимъ словомъ свою сосѣдку, которая съ изумленіемъ поглядывала на него и съ своей стороны тоже хранила молчаніе. Прошло такимъ образомъ полчаса и, наконецъ, сосѣдка Макарта сказала ему:

— Ну, г. профессоръ, поговоримъ теперь о чемъ-нибудь другомъ.

Макартъ изумленно взглянулъ на нее, улыбнулся, но все-таки не произнесъ ни слова.

— А. Петерманъ. Географическое общество лишилось одного изъ своихъ выдававшихся членовъ-корреспондентовъ, извѣстнаго доктора Августа Петермана, скончавшагося въ Готѣ на 56-мъ году отъ рожденія. Покойный извѣстенъ былъ составленіемъ карты центральной Азіи для Гумбольдта, физическими атласами, изъ которыхъ одинъ былъ имъ изданъ въ сотрудничествѣ съ Томасомъ Мильнеромъ въ Лондонѣ, картою центральной Африки, описаніемъ Австраліи и арктическою географіею. Онъ занималъ профессуру по части землевѣдѣнія въ готскомъ университетѣ и занимался въ мѣстномъ географическомъ институтѣ Юстуса Пертеса, гдѣ, начиная съ 1855 г., издавалъ географическій журналъ, подъ заглавіемъ «Mittheilungen», который достигъ громадной извѣстности.

— А. А. Тишининъ. Въ Румыніи скончался одинъ изъ молодыхъ дѣятелей въ области прессы и ученыхъ обществъ, Александръ Александровичъ Тишининъ, находившійся со времени мобилизаціи войскъ на службѣ по военно-желѣзнодорожному управленію. Покойный работалъ въ «Новомъ Времени», изданія г. Нотовича, въ «Новостяхъ» г. Шрейра, въ «Сынѣ Отечества», «Петербургской газетѣ», «Земледѣльческой газетѣ», «Биржевыхъ вѣдомостяхъ». А. А. состоялъ членомъ комитета грамотности, обществъ садоводства и энтомологическаго. Обладая незначительными матеріальными средствами, пробиваясь самъ кое-какъ, покойный жертвовалъ всюду, гдѣ могъ, личнымъ трудомъ. Обширныя знакомства въ ученой средѣ могли бы доставить ему ходъ; но, къ несчастью, обстоятельства слагались такимъ образомъ, что препятствовали исполненію его желаній. Такъ, онъ едва не отправился въ званіи коллектора въ Азію съ экспедиціей Пржевальскаго, въ южную Америку съ г. Нолькеномъ. Онъ началъ изданіе сельско-хозяйственнаго гербарія, преполагалъ открытіе естественно-исторической лабораторіи, имѣлъ сношенія съ существующими, доставлялъ многое для ботаниковъ Баталина, Петровскаго и др. Къ сожалѣнію, «походная» жизнь сгубила покойнаго. Получая достаточное содержаніе, онъ тѣмъ не менѣе впалъ въ долги и кончилъ жизнь самоубійствомъ.

— Марія Дюма. 5 октября умерла въ Парижѣ талантливая чтица, извѣстная и Петербургу, г-жа Марія Петель, урожденная Дюма, дочь Александра-Дюма-отца и сестра Александра Дюма-сына. Такъ какъ она сопровождала своего покойнаго родителя въ его путешествіяхъ, то ее многіе знали и заграницею, и, одно время, она даже попытала счастье, какъ политическая агентша, низшаго, впрочемъ, разбора. Она была не лишеннымъ дарованія живописцемъ, а потомъ написала нѣсколько сочиненій сомнительнаго достоинства. Одно изъ нихъ «Au lit de mort» («У смертнаго одра»), надѣлало нѣкоторый шумъ. Въ послѣднее время, Марія Дюма сдѣлалась совершенною ханжою.

— Еще изобрѣтеніе Эдисона. Геніальный изобрѣтатель снова далъ міру полезное изобрѣтеніе. Англійскимъ газетамъ сообщаютъ изъ Нью-Іорка, отъ 10-го октября, что изобрѣтатель телефона и фонографа, Эдисонъ, только что открылъ средство дѣлить новый электрическій свѣтъ, употребляемый въ настоящее время для освѣщенія въ Парижѣ Avenue de l'Opéra, такимъ образомъ, чтобъ его можно было примѣнить, при самомъ ничтожномъ расходѣ, ко всѣмъ существующимъ общественнымъ освѣтительнымъ приборамъ. Извѣстіе это произвело переполохъ среди акціонеровъ газовыхъ обществъ, акціи которыхъ немедленно же упали на 7% на лондонской биржѣ. Замѣна газа электрическимъ освѣщеніемъ, о чемъ уже давно возникъ вопросъ, кажется, почти вѣроятною въ настоящее время, когда она можетъ быть осуществлена при условіи сравнительно умѣренной цѣны. Вслѣдствіе этого, возникла паника среди владѣльцевъ газовыхъ акцій. По словамъ англійскихъ газетъ, Эдисонъ совершилъ въ теченіи нѣсколькихъ дней это открытіе, которое должно произвести столь радикальную перемѣну въ системѣ освѣщенія большихъ городовъ. Машина, у которой изобрѣтатель заимствуетъ необходимую силу для распространенія электричества, можетъ, повидимому, дать, если нужно, до 10,000 источниковъ свѣта. Эдисонъ заявляетъ, что ему достаточно будетъ машины въ 500 силъ, чтобъ освѣтить Нью-Іоркъ. Электрическіе проводы будутъ проведены подъ землею, такъ же точно, какъ газопроводныя трубы, и достаточно будетъ тронуть пружинку, чтобы всюду брызнулъ свѣтъ. Употребленіе спичекъ будетъ уничтожено. Наконецъ, изобрѣтеніе Эдисона позволитъ замѣнить паръ электричествомъ для всякаго провода требующаго двигательную силу».

— Машина-лилипутъ. Французскій рабочій въ Мерпденѣ (штатъ Коннектикутъ) изготовилъ паровую машину, вѣсъ которой всего 15 гранъ. Машина выдѣлана изъ серебра и золота и паръ, произведенный изъ трехъ капель воды, поддерживаетъ дѣйствіе ея въ теченіи 20 минутъ.

— Гранитъ съ острова Капреры. Римская газета «Diritto» сообщаетъ, какъ интересную новость, что нѣкоторыя улицы Рима будутъ вымощены гранитомъ съ острова Капреры. Гарибальди далъ позволеніе образовавшемуся съ этою цѣлью обществу производить на своемъ островѣ ломку гранита, и работы уже начались. Первая улица, которая будетъ вымощена доставленнымъ съ Капреры камнемъ, добавляетъ газета «Diritto», будетъ улица Гарибальди.

— По морю на лыжахъ. Американецъ Фоулеръ, переселившійся въ Европу и живущій постоянно въ Бордо, сдѣлалъ переходъ черезъ Британскій каналъ, изъ Булони въ Фолькстоунъ, на лыжахъ. Фоулеръ выѣхалъ изъ Булони въ $4\frac{1}{2}$ часа утра; въ первые два часа его плаванія погода была тихая и ясная, но потомъ французскій берегъ покрылся туманомъ, и затѣмъ пошелъ сильный дождь; около 8 часовъ утра по срединѣ канала началось довольно сильное волненіе. Все плаваніе продолжалось около 12 часовъ, въ теченіе которыхъ Фоулеру только одинъ разъ удалось съѣсть нѣсколько тартинокъ. Въ каналѣ смѣлый пловецъ встрѣтилъ нѣсколько пароходовъ, парусныхъ и рыбацкихъ судовъ, которые приближались къ нему, чтобы посмотрѣть на невиданное зрѣлище и провожали его восторженными криками. Фоулеръ прибылъ въ Фолькстоунъ въ 3 ч. 45 минутъ по полудни, страшно утомленный; особенно сильно, по его сознанію, у него устали ноги.

— Уличный локомотивъ. Недавно въ Парижъ прибылъ уличный локомотивъ, прошедшій разстояніе отъ Цюриха въ Парижъ (580 верстъ) въ девять дней. Строители этой машины получили со стороны властей специальное разрѣшеніе на слѣдованіе локомобиля по обыкновеннымъ дорогамъ. Несмотря на то, что локомобилю приходилось прослѣдовать множество городовъ и селъ, никакихъ несчастій не случилось.

— Интересная находка. Изъ Львова сообщаютъ, что, по произведеннымъ компетентными археологами изслѣдованіямъ, найденные недавно въ Михалковѣ, на берегу Днѣпра, въ Галиціи, какою-то крестьянкою золотые предметы (она случайно выкопала ихъ), въ томъ числѣ корона, бокалъ и пр., составляютъ королевскія регаліи персидскаго царя Кира, внука Астіага, павшаго въ 529 году до Р. Х. въ сраженіи противъ массагетовъ.

— Школы въ Лондонѣ. Въ происходившемъ нанадняхъ засѣданіи лондонскаго училищнаго совѣта, президентъ этого совѣта, Чарльзъ Ридъ, сообщилъ о результатахъ системы обязательнаго образованія въ Лондонѣ. Съ 1870 года, когда было введено обязательное образованіе въ Англіи, училищный совѣтъ основалъ въ Лондонѣ 278 начальныхъ школъ, въ которыхъ дѣти неимущихъ родителей обучаются даромъ, а другія, родители коихъ въ состояніи нѣсколько помогать имъ, платятъ отъ одного до десяти пенсовъ въ недѣлю. Въ этихъ 278 школахъ обучаются 184,468 дѣтей. Сверхъ того частными лицами, на такихъ же условіяхъ, были основаны школы, въ которыхъ обучаются 278,923 ученика и ученицы, что вмѣстѣ составляетъ 465,391 дѣтей, воспитывающихся въ Лондонѣ по новой школьной системѣ. Эти цифры свидѣтельствуютъ объ увеличеніи на $77,_4$% числа учащихся со времени приведенія въ дѣйствіе закона 1870 года. Въ то же время, цифровыми данными доказывается, что случаи непосѣщенія классовъ учениками съ каждымъ годомъ встрѣчаются рѣже. Такъ, въ 1874 году средняя цифра учениковъ, посѣщавшихъ школы ежедневно, составляла $70,_1$% въ 1875 г.—$72,_7$%; въ 1876 г.—$78,_3$%; въ 1877 г.—$80,_1$% и въ 1878 г.—$81,_1$%. Если отсутствіе ученика не оправдано никакою причиною, то училищный совѣтъ дѣлаетъ первое предостереженіе его родителямъ. Если же отсутствіе продолжается, то родителей требуютъ для объясненій въ комитетъ совѣта, и въ случаѣ отказа ихъ явиться, за вторымъ предостереженіемъ слѣдуетъ повѣстка отъ мирового судьи. Продолжительное отсутствіе ученика, безъ уважительной причины, наказывается штрафомъ. Въ послѣднемъ семестрѣ нынѣшняго учебнаго года такихъ судебныхъ повѣстокъ разослано было 3,705. Противъ 183 фабрикантовъ возбуждены были судебныя преслѣдованія за нарушеніе закона, воспрещающаго держать дѣтей, не обучающихся въ начальныхъ школахъ.

— Еще о заразительности дифтерита. Въ нашемъ журналѣ былъ разсказанъ случай зараженія отъ вѣнка, взятаго на могилѣ ребенка, умершаго отъ дифтерита. Приводимъ еще новый фактъ, доказывающій, въ какой сильной степени заразительна эта болѣзнь. Въ Берлинѣ отъ дифтерита умерла 8-ми лѣтняя дѣвочка, дочь небогатаго чиновника. Умершихъ отъ дифтерита, въ виду заразительности этой болѣзни и опасности отъ того для людей здоровыхъ, живущихъ въ тѣхъ домахъ, гдѣ умираютъ отъ этой болѣзни, хоронятъ тотчасъ же послѣ смерти больныхъ, не выждидая трехдневнаго срока. Несчастная мать умершей дѣвочки не могла помириться съ мыслью, что ей такъ скоро нужно разстаться съ трупомъ дорогого дѣтища, и желая проститься съ нею какъ слѣдуетъ, хотѣла разцаловать ее. Случившійся при этомъ врачъ воспротивился-было намѣренію матери, предупреждая ее объ опасности, ей грозившей отъ прикосновенія къ умершей; но чувство матери взяло верхъ. Несчастная женщина дала сильный и послѣдній поцѣлуй своей любимой, единственной дочери... и за то дорого поплатилась: она заразилась дифтеритомъ и, несмотря на самыя энергическія заботы и аккуратное леченіе врача, черезъ нѣсколько дней пала сама жертвою той-же болѣзни.

— Непрошенный гость. Въ «Врачебныхъ Вѣдомостяхъ» разсказанъ слѣдующій случай продолжительнаго пребыванія живой пьявки въ полости глотки и верхней части пищевода: «На бивуакѣ въ Деліорманскомъ лѣсу, при деревнѣ Куюнлы, рядовой 131-го тираспольскаго полка, Николай Олишенко, явился 24-го іюля нынѣшняго года, на амбулаторный пріемъ больныхъ съ жалобою на носовое кровотеченіе, являющееся всякій разъ при глотательныхъ движеніяхъ, особенно при лежачемъ положеніи, на чувство стѣсненія въ глоткѣ, и на боль во время акта глотанія. Явленія эти продолжались уже нѣсколько дней, постоянно усиливаясь. Риноскопическое изслѣ-

дованіе носа, кромѣ присутствія полузасохшихъ кровавыхъ густковъ въ обѣихъ носовыхъ полостяхъ ничего ненормальнаго не обнаружило. По промывкѣ насовыхъ ходовъ, они оказались свободными, проходимыми для воздуха. При осмотрѣ полости зѣва, на первый взглядъ тоже ничего особеннаго не бросалось въ глаза. Только при самомъ широкомъ раскрытіи рта и по оттяженіи языка наружу, съ совмѣстнымъ отдавливаніемъ его спинки ко дну рта—удалось примѣтить въ нижнемъ отдѣлѣ задней стѣнки глотки съуживающійся конецъ продолговатаго червеобразнаго тѣла, чернаго цвѣта, съ блестящею поверхностью и поперечною крупною полосатостью, тѣла, вытянувшагося по длинѣ пищевода и теряющагося въ глубинѣ его другимъ своимъ концомъ. Доступная зрѣнію часть этого тѣла на концѣ, обращенномъ вверхъ, представляла плоское расширеніе, какъ бы пьявочное рыльце, плотно приставшее къ слизистой оболочкѣ задней стѣнки глотки, тогда какъ вся остальная часть тѣла прилегала къ ней и свободно опускалась вглубь пищевода. Тщательный осмотръ глотки не оставилъ никакого сомнѣнія, что помѣщающееся въ ней, въ данномъ случаѣ, постороннее тѣло было не что иное, какъ пьявка, присосавшаяся своимъ рыльцемъ къ слизистой оболочкѣ задней стѣнки глотки и опустившаяся своимъ тѣломъ въ пищеводъ. Червеобразное движеніе, вызываемое легкимъ прикосновеніемъ къ ней, доказывало, что пьявка была жива. Тотчасъ же было приступлено къ извлеченію ея per os при помощи большого корнцанга, въ который она была ущемлена. Сила ея присоса оказалась настолько значительною, что въ моментъ отдѣленія чувствовалось нѣкоторое противодѣйствіе. При этомъ per orificium anale ея выступила часть содержавшейся въ ней крови. Извлеченіе произведено сразу, однимъ движеніемъ. Кровотеченіе, послѣдовавшее затѣмъ изъ слизистыхъ оболочекъ, остановилось скоро подъ вліяніемъ прополаскиванія зѣва холодною водою. Опущенная послѣ того въ стаканъ воды пьявка обнаруживала оживленныя движенія и имѣла слѣдующія размѣры: длина—шесть сантиметровъ, ширина тѣла—семь миллиметровъ. На вопросъ: какъ и когда попала пьявка въ глотку? больной не могъ дать никакихъ опредѣленныхъ указаній. Очевидно, онъ и самъ не подозрѣвалъ присутствія ея у себя. Не подлежитъ сомнѣнію, однако, что она была проглочена вмѣстѣ съ водою, причемъ успѣла присосаться и задержаться въ полости глотки. Основываясь на заявленіи больного о продолжительности кровотеченія и болевыхъ ощущеній въ глоткѣ, можно допустить, что пьявка оставалась тамъ, по крайней мѣрѣ, нѣсколько дней. Случай этотъ служитъ лучшимъ доказательствомъ того, въ какой степени наши нижніе чины неразборчивы, въ отношеніи воды и какую испытывали жажду въ походѣ подъ болгарскимъ солнцемъ».

— **Каковы нравы!** Корреспондентъ «Рус. Міра» изъ новомосковскаго уѣзда разсказываетъ, что мѣстное волостное начальство поретъ взрослыхъ дѣвушекъ безъ всякаго приговора, а по одному приказанію старшины, который объясняетъ, что это мѣстный обычай, и въ силу того, что сѣкутъ неженатые, будто бы, дѣвушки скоро выходятъ замужъ.

— **Фанатизмъ.** Въ Lond-Island-City недавно происходило слѣдующее странное судебное разбирательство. Дѣло шло о разводѣ съ женою фермера Луттина, который помѣшался нѣсколько отъ непомѣрнаго и безтолковаго чтенія библіи. Вслѣдствіе этого, онъ пытался уморить голодомъ свою жену Анну, съ спеціальною цѣлью убѣдиться: если Господь одѣваетъ полевыя лиліи, то ниспошлетъ ли онъ пищу и его женѣ чрезъ ангеловъ своихъ? Ангелы, конечно, не явились, но Анна Луттинъ принесла жалобу въ судъ. Во все время судоговоренія, т. е. въ теченіи $1\frac{1}{2}$ часа фермеръ Луттинъ цитировалъ болѣе 3,000 библейскихъ изреченій, и такъ загонялъ адвоката своей жены, что послѣдній, вмѣсто статей закона, нашелся вынужденнымъ прочесть главу изъ пятой книги Моисея. Чтобы и самому не спятить съ ума, судья долженъ былъ положить конецъ дальнѣйшимъ препирательствамъ.

Телеграммы.

Лондонъ, 26-го сентября. «Агентству Рейтера» телеграфируютъ изъ Константинополя, отъ 7-го октября: «Русскій комиссаръ въ Румеліи заявилъ сегодня, что Россія администрируетъ Румелію согласно санъ-стефанскому, а не берлинскому трактату. Прочіе комиссары обратились къ своимъ правительствамъ за инструкціями».

Константинополь, 28-го сентября. Г. Ону имѣлъ аудіенцію у великаго визиря и увѣдомилъ его, что христіанское населеніе Румеліи (турецкой), напуганное новыми звѣрствами турокъ, выселяется цѣлыми массами вслѣдъ за отступающими русскими войсками и часто мѣшаетъ передвиженію войскъ. Г. Ону предложилъ Портѣ отправить на указанныя имъ мѣста, гдѣ было избіеніе христіанъ, смѣшанныя русско-турецкія комиссіи для изслѣдованія и наказанія виновныхъ.

Англійскій флотъ устраивается на зимовку въ заливѣ Артаки; сдѣланы также приготовленія къ десанту.

Вѣна, 29-го сентября. Газетѣ «Politische Correspondenz» телеграфируютъ изъ Константинополя: «Порта объявила русскому послу, что она можетъ поручиться за безопасность христіанъ въ очищенныхъ русскими войсками областяхъ, если русскіе очистятъ Адріанополь. Князь Лобановъ-Ростовскій возразилъ, что очищеніе Адріанополя не можетъ послѣдовать ранѣе, какъ спустя три мѣсяца по подписаніи окончательнаго мирнаго договора между Россіею и Турціей».

Бѣлградъ, 1-го октября. Новое министерство образовалось въ слѣдующемъ составѣ: Ристичъ назначенъ президентомъ совѣта и министромъ иностранныхъ дѣлъ, Лешанинъ — военнымъ министромъ, Алимпичъ — министромъ народнаго просвѣщенія, Лазаревичъ—министромъ юстиціи, Михайловичъ—внутреннихъ дѣлъ, Іовановичъ—министромъ финансовъ, Васильевичъ — министромъ исповѣданій.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

При этомъ нумерѣ «Живописн. Обозрѣн.» разсылается гг. подписчикамъ приложеніе: «Руководство къ Гигіенѣ».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 Октября 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

№ 42. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 15 Октября 1878 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ на 1879 годъ.

Журналъ «**ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ**» будетъ издаваться въ будущемъ, 1879 году, по той же програмѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ настоящемъ, 1878 году.

Гг. годовые подписчики получаютъ при подпискѣ премію, уже полученную Редакціею и состоящую изъ **олеографической картины.**

Втеченіе года будетъ выдана вторая художественная премія, тоже **олеографія**, а также **иллюстрированная литературная премія**. Кромѣ того Редакція въ свое время предложитъ гг. подписчикамъ еще одну премію по своему выбору, какъ она это сдѣлала и въ нынѣшнемъ, 1878 году, съ преміей «**Свѣточи Христіанства**».

Въ первыхъ нумерахъ будущаго, 1879 года, между прочими, появятся слѣдующія произведенія: «*Мужъ и жена*», романъ **А. Михайлова**; поэма **Омулевскаго**; «*Лѣсное Хозяйство*», статья **Н. В. Шелгунова**; «*Козлы отпущенія*», разсказы **Н. И. Северина** и повѣсть **К. М. Станюковича**. Изъ гравюръ, между прочимъ, будутъ помѣщены копіи съ картинъ: **Брюлова, Гуна, Мещерскаго и Шварца.**

Редакція намѣрена въ будущемъ году дать рядъ копій съ картинъ **русскихъ художниковъ**, а также біографіи и портреты замѣчательныхъ **русскихъ** дѣятелей изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ нашей общественной дѣятельности. Эти біографіи будутъ составляться подъ редакціей **А. К. Шеллера (А. Михайлова)** и **Н. И. Шульгина.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣсяца.
Безъ пересылки...........	**6 р.**	**3 р. 50к.**	**1 р. 80 к.**
Съ пересылкою и доставкою........	**7 р.**	**4 р.**	**2 р.**

Подписка принимается: Въ Главной Конторѣ Журнала «**Живописное Обозрѣніе**» въ С.-Петербургѣ, Новый проспектъ, домъ № 20.

„Андронъ Голованъ.“

Разсказъ изъ жизни въ лѣсахъ далекаго Востока.

Н. Н. Каразина.

(*Продолженіе.*

X.

Внизу было тихо, а вверху все сильнѣе и сильнѣе колыхались темно-зеленыя вершины кедровъ, отряхивая съ своихъ вѣтвей высохшія за зиму, прошлогоднія шишки.

Молодой, серебристый листъ осинника дрожалъ и трепался на своихъ тонкихъ стебелькахъ; издали казалось, будто миріады мотыльковъ осыпали эти деревья и вьются вокругъ безчисленнымъ, неугомоннымъ роемъ... Къ сплошному шуму дремучаго лѣса присоединился какой-то зловѣщій посвистъ — этотъ звукъ раздавался все чаще и чаще и съ каждымъ его налетомъ тревожнѣе и тревожнѣе метались птицы, забиваясь въ дупла деревьевъ, въ чащу низовой поросли, даже подъ навѣсы крыши сторожки покойнаго батьки Максима...

Рои комаровъ и мошекъ спустились еще ниже; теперь они уже туманомъ осѣдали надъ самою травою и ихъ звона уже не слышно было вовсе. Всѣ голоса терялись въ общемъ гулѣ, надвигавшимся съ сѣверо-востока, вмѣстѣ съ этой тяжелою, темно-сизою тучею...

Темно стало въ лѣсу, ни одного клочка голубого неба нигдѣ не просвѣчивало; вершины кедровника казались теперь совсѣмъ черными, словно въ трауръ одѣтыми; за каждымъ размахомъ стволовъ слышался подозрительный скрипъ и сухой стукъ отъ ударовъ одной вѣтви о другую...

Растворенная дверь сама собою затворилась и снова распахнулась: человѣкъ, сидящій на порогѣ подвинулся къ косяку, нажалъ на дверь своимъ плечомъ и, оперпшись локтями на колѣни, сидѣлъ и ждалъ...

Онъ зналъ, что творится вокругъ него, онъ понималъ хорошо значеніе всѣхъ этихъ признаковъ лѣсного урагана — гроза его не пугала, а даже какъ будто радовала; что-то похожее на улыбку освѣтило теперь его лицо... Онъ сидѣлъ и ждалъ, покойно перенося свой взглядъ, — то на дичковую, волнующуюся заросль, то на эти колыхающіеся гиганты кедры, то туда, за ручей, гдѣ виднѣлась безконечная колонада стволовъ и между ними—вывороченные, обросшіе мохомъ, расколотые, можетъ быть, прежними грозами,—громадные камни, залегшіе надъ обрывистымъ склономъ лѣсного оврага.

Разомъ стихло въ лѣсу и успокоилось... Черный воронъ каркнулъ, камнемъ, сверкнувъ крыльями, ринулся внизъ и, не долетѣвъ немного до самой земли, снова расправилъ крылья и наискось, словно подкосивъ молодой бурьянъ, скрылся въ его гущинѣ...

Двѣ козы выскочили изъ кустовъ, переглянулись, замѣтили, должно быть, человѣка и, сдѣлавъ громадный скачекъ, мелькнувъ своими бѣлыми задками, изчезли снова...

Вдругъ, все освѣтилось зеленымъ, яркимъ, ослѣпительнымъ свѣтомъ... Мгновеніе—и разразился страшный ударъ грома — и покатились во всѣ стороны его трескучіе, безконечные отголоски, подхваченные эхомъ...

Крупные капли дождя точно пули защелкали о землю, дробясь о камни, смачивая толстые слои палаго листа, сбивая цвѣтковыя завязи, рикошетомъ отскакивая отъ гребня крыши, на плечи, на голову, на колѣни сидящаго на порогѣ.

А тотъ все сидѣлъ, ничѣмъ необнаруживая намѣренія уйти отъ грозы, схоронится отъ нея въ какое нибудь укромное мѣстечко, убѣжище, хоть въ эту же самую избу, что была у него за спиною, на порогѣ которой усѣлся онъ въ данную минуту...

За первымъ ударомъ грома послѣдовалъ второй, еще рѣзче, еще продолжительнѣе. Разомъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ вспыхнули молніи и засверкали ихъ слѣпящіе зигзаги...

Въ воздухѣ запахло сѣрою, синеватый дымъ заклубился между деревьями. Дождь усиливался

и усиливался, превращаясь мало по малу въ сплошной ливень.

Еще молнія!.. Ея стрѣла ударила совсѣмъ отвѣсно, гдѣ-то близко... Раздавшійся за нею ударъ грома, заставилъ даже «одичалаго» вздрогнуть и инстинктивно прикрыть голову руками... Одна изъ кедровыхъ вершинъ разщепилась надвое и по ея комлю, прыгая съ вѣтки на вѣтку, забѣгали голубоватые огоньки... Гдѣ-то за оврагомъ, съ трескомъ, ломая все по пути своего грузнаго паденія, рухнуло вѣковое дерево... Жалобный вой послышался въ той сторонѣ — и смолкъ, заглушенный новыми и новыми ударами грома.

Цѣлые потоки воды струились съ крыши, грязными пѣнистыми ручьями сбѣгая къ оврагу. Снова, какъ въ водополье, выступилъ изъ береговъ ближній ручей; цѣлыя озера воды скопились въ котловинахъ—на всѣхъ низкихъ мѣстахъ... Ураганъ только крыломъ своимъ захватилъ эти мѣста, а грядами, по его слѣдамъ, ложились вывороченныя съ корнемъ деревья.

Наступилъ непроницаемый мракъ, полный гула, грохота, свиста, хлестанья холоднаго ливня, треска гибнувшихъ сосенъ и буковъ... Удары молніи освѣщали на мгновеніе весь этотъ хаосъ и съ каждымъ ударомъ, какъ будто сильнѣе и сильнѣе разыгрывалась прихотливая мощь урагана.

А человѣкъ на порогѣ все сидѣлъ неподвижно, подставивъ свою голову разгулявшемуся ливню. Надѣтый на его плечи «чужой» ярчакъ, промокъ насквозь, несмотря на свою дубленую шкуру. Его босыя ноги по щиколотку полоскались въ дождевой канавѣ, образовавшейся отъ крышной капели. Избенной срубъ подозрительно вздрагивалъ отъ напора вѣтра, лицевая половина крыши уже оголилась, разметанныя вихремъ и безобразно, врозь и вкривь торчали ея обнаженныя ребра, будто кости полуоглоданнаго трупа.

Печь въ избѣ еще непрогорѣла и красныя огненныя искры, снопомъ вырываясь изъ трубы, гасли, тлѣя на смоченной крышѣ. Не будь дождя—разсѣянность одичалаго не обошлась бы дешево. Отъ жилища покойнаго Максима, законнаго наслѣдства отсутствующаго Голована съ товарищами, навѣрное, не осталось бы ничего, кромѣ груды угольевъ и пепла.

Много за полночь стала затихать гроза. Прекратился ливень... Рыхлая, заваленная толстымъ слоемъ лѣсного перегноя почва быстро всасывала въ себя дождевую воду... Раскаты грома слышались уже гдѣ-то далеко и все тише и тише; на расчистившимся небѣ засверкали яркія звѣзды... «Большая медвѣдица» раскинулась надъ самыми пострадавшими кедрами и «Оріонъ», опоясанный своимъ серебрянымъ поясомъ, поднимался уже надъ лѣсомъ, предвѣщая близость разсвѣта.

Въ дуплахъ деревьевъ, гукая и перекликаясь, стонали совы и неистово завывалъ колоссальный ушакъ филинъ. Летучія мыши, по всѣмъ направленіямъ, чертили прохладный воздухъ, своимъ быстрымъ, беззвучнымъ полетомъ. Въ мокрой травѣ, словно изумруды, засвѣтились свѣтляки—и какъ много ихъ!.. Всюду, куда не взглянешь, и тамъ, на полянѣ, и на низовьяхъ кустовъ, и вотъ здѣсь, ближе, на этихъ грудахъ смокшаго, почернѣлаго хворосга, всюду искрятся эти красивыя, зеленоватыя блестки...

«Одичалый», все, знай, сидитъ на своемъ мѣстѣ, словно приросъ къ нему и оторваться не можетъ, только положеніе его тѣла теперь измѣнилось, голова на грудь свѣсилась, самъ на бокъ перекосился, совсѣмъ опершись на дверной косякъ, одна рука на груди, за пазухой ярчака, а другая безжизненно плетью повисла...

Онъ теперь спалъ—и спалъ крѣпко. Ему снилось. . . . .

. . . .

Хорошій, свѣтлый сонъ ему снился. Этотъ сонъ пробудилъ въ немъ человѣка. Первый шагъ былъ сдѣланъ напилкомъ; дѣло этого простого, не хитро слаженнаго куска насѣченной стали, довершилъ благотворный, спасительный сонъ.

Онъ проснулся утромъ, когда солнце высоко поднялось надъ деревьями и стало согрѣвать его, намокшаго, своими живительными лучами, и проснулся онъ уже не одичалымъ.

XI.

Какъ тепло! Какъ чудесенъ этотъ освѣженный, очищенный грозою, утренній воздухъ!

Лѣниво потянулся, очнувшійся отъ глубокаго сна, человѣкъ и поднялся на ноги... Онъ пристально, съ выраженіемъ живого любопытства осмотрѣлся кругомъ, осмотрѣлъ сторожку и даже обошелъ вокругъ нея... Затѣмъ онъ шагнулъ черезъ порогъ, осмотрѣлъ сѣни, раздумывая и соображая что-то, безпрестанно прикладывая свою ладонь ко лбу... Онъ повторялъ это движеніе, какъ будто страдалъ сильною головною болью, но его лицо не выражало собою ничего болѣзненнаго, оно было спокойно, а глаза такъ даже весело смотрѣли изъ своихъ темныхъ впадинъ...

Человѣкъ этотъ былъ только немного слабъ на ногахъ и все еще прихрамывалъ... Сонъ, сырость мокраго отъ дождя тряпья, покрывавшаго его тѣло, отъ этого намокшаго, лубомъ стоявшаго мѣховаго ярчака, вызвали въ немъ лихорадочную дрожь, но ярчакъ былъ уже сброшенъ и лежалъ у порога, а жаркое солнце быстро высушивало тряпье и прогоняло эту несносную дрожь...

Человѣкъ изъ сѣней снова вошелъ въ избу, онъ прежде всего увидѣлъ куски желѣза на полу и съ отвращеніемъ оттолкнулъ ихъ съ дороги ногою. Затѣмъ онъ снова заглянулъ въ печь, снова растопилъ ее жарко, но теперь уже акуратно, тщательно собирая и укладывая въ огонь топливо...

На полкѣ, какъ разъ подъ темною доскою, лежала какая-то толстая книга, старая, почернѣвшая, съ мѣдными, прорѣзными застежками... Отблескъ отъ огня на этихъ застежкахъ, главное, и обратилъ его вниманіе. Онъ привсталъ колѣномъ на скамью, дотянулся рукою до этой книги, жадно схватилъ ее, не обращая вниманія на паука, выскочившаго изъ подъ книги и торопливо побѣжавшаго по его рукѣ, и развернулъ какъ разъ по срединѣ.

Онъ началъ читать. Сначала онъ читалъ про себя, шевеля губами, потомъ эти шевеленія стали живѣе и живѣе, выразительнѣе и выразительнѣе. Въ избѣ послышались сперва неясные звуки, изъ этихъ звуковъ составились слова, затѣмъ живымъ потокомъ полилась человѣческая рѣчь...

Онъ читалъ громко, отчетливо, жадно слѣдя глазами за этими узорными строками стараго шрифта, украшенными красными, хитровыведенными иниціалами, съ наслажденіемъ прислушиваясь къ звуку своего собственнаго голоса...

Всю ночь пролежалъ въ кустахъ трусливый бѣглецъ, медвѣженокъ-мишка. Передъ началомъ грозы онъ было хотѣлъ вернуться домой, на мѣсто, насиженное, привычное, «свое собственное»... Тихо, осторожно подобрался звѣрь къ избѣ, а тамъ возится—нѣчто чужое, съ роду имъ невиданное, какое-то громадное, страшное такое чудище и скрипитъ на всю окрестность желѣзомъ о желѣзо.

Попятился медвѣженокъ, задомъ, задомъ, да опять въ кусты... Переждалъ часикъ, видитъ гроза подвигается, страшно и тутъ на дворѣ оставаться—какъ быть?!.

А чудище это на порогъ вылѣзло и усѣлось какъ разъ въ дверяхъ, не даетъ косолапому ходу, да и только.

Уже онъ и сзаду обходилъ, большой кругъ кустами сдѣлалъ, все хоронился, какъ бы не замѣтили его... Зашелъ съ дровяницы... Теперь бы только наверхъ влѣзть, а дверь проклятая какъ хлопнетъ отъ вѣтра — и опять завозился, заерзалъ «не въ пору гость», опять спугнулъ мишку и заставилъ его удирать безъ оглядки.

Всю ночь такъ промаялся несчастный: и грозы страшно, и того еще страшнѣе...

Слѣпитъ молнія глаза медвѣженку, знай только отмаргивается, сечетъ его дождемъ, пробрало его мохнатую шубу, рушатся деревья кругомъ, того и гляди задавятъ горемыку... А въ избѣ бы въ теплыхъ сѣняхъ теперь хорошо бы спалось, уютно, тепло, сухо... «Вѣдь принесла же его не въ добрый часъ нелегкая!»

Такъ и промаялся косолапый до самаго утра. Смотритъ теперь: «вcталъ, убрался, проклятый». Смотритъ медвѣдь на отворенную настежь дверь, смотритъ на черный столбъ дыма, поднявшагося изъ трубы, безконечнымъ хвостомъ потянувшагося надъ зарослями, думаетъ:—Ишь ты, расхозяйничался!

И стало молодого, глупаго звѣря разбирать любопытство. Пойду, молъ, что будетъ, то будетъ, да понаблюдаю поближе...

Вотъ и пошелъ.

Бормочетъ что-то въ избѣ, все громче да громче, яснѣе да яснѣе... Плавно такъ рокочетъ, словно ручей лѣтомъ по камешкамъ пробирается, занятно слушать, и страшнаго ничего нѣтъ въ этомъ рокотѣ...

Стоитъ мишка уже близко, въ какихъ нибудь всего пяти шагахъ отъ порога; то одно ухо насторожитъ и голову на бокъ наклонитъ, то другое и голову нагнетъ на другую сторону, а самъ все впередъ да впередъ, крадучись, припадая брюхомъ къ самой землѣ;—вотъ и въ самый порогъ уткнулся...

И словно понимаетъ звѣрь эти слова. Ужъ теперь оба уха насторожилъ, морду внизъ, въ землю уткнулъ и лапою черезъ порогъ тянется...

А чтеніе продолжается безъ остановки... Страшное чудище посреди избы стоитъ, книгу въ обѣихъ рукахъ держитъ, не замѣчаетъ приближенія четвероногаго слушателя. А мишка неуклюже, бокомъ перевалилъ черезъ преграду, попятился снова, увидавъ во очію человѣка, да тотъ на него не смотритъ, вотъ онъ и успокоился. Теперь какъ разъ противъ избяной двери, что изъ сѣней вела, усѣлся... Чуть только вздрагиваютъ его маленькія ноздри, да лукавые, ребяческіе еще глаза щурятся.

Дочиталъ человѣкъ, вздохнулъ и поднялъ свои очи.

Такъ неожиданно появившійся мишка, съ перваго взгляда показался ему громаднымъ, взрослымъ медвѣдемъ, онъ громко, испуганно вскрикнулъ и выронилъ книгу, звякнувшую объ полъ своими мѣдными застежками.

Этотъ хриплый, полный ужаса крикъ, заставилъ мишку сдѣлать прыжокъ назадъ, кувырнуться черезъ порогъ и безъ оглядки драть въ заросли... Ошеломленный, охваченный ужасомъ звѣрь, занятъ былъ теперь только одною мыслью: дальше и дальше бѣжать отъ этого непонятнаго, неизвѣстнаго, издающаго такіе дикіе звуки существа—и онъ бѣжалъ.

Онъ уже миновалъ заросль, не сползъ, а скатился на дно оврага; разбрызгивая своимъ тѣломъ воды ручья, перебрался на тотъ берегъ, спрятался было за первымъ камнемъ, да почудилось ему, что за нимъ гонятся и онъ бѣжалъ дальше, бѣжалъ, оставляя за собою слѣды своего испуга, «срамной» слѣдъ, какъ говорятъ звѣропромышленники.

XII.

Верстахъ въ сорока отъ опушки лѣса, на рѣкѣ Орочнѣ, по ея нагорному берегу раскинулось село «Чумленое».

Лѣтъ семьдесятъ тому назадъ, а можетъ быть

и побольше немного, это было село большое, многолюдное, съ новою деревянною церковью св. Николы и называлось оно не настоящимъ печальнымъ имянемъ, а по своему храмовому празднику, селомъ Никольскимъ. И жилось въ тѣ поры въ этомъ селѣ бойко и прибыльно, по той главной причинѣ, что большой трактъ иркутскій проходилъ какъ разъ черезъ это село, гдѣ была и почтовая станція казенная, съ крашенными полосатыми столбами у крыльца, съ фонаремъ на одномъ и доскою съ цифрами на другомъ.

Кромѣ почтоваго проѣзда и товарный обозный путь проходилъ тутъ же, кромѣ казенной станціи, четыре заѣзжихъ двора тутъ было, бѣлая харчевня одна и кабаковъ четырнадцать. За полверсты не доѣзжая, большой этапный загонъ издали краснѣлся своею крашенною крышею на казармѣ... Начальство тоже жило здѣсь, хоть и не такъ, чтобы очень важное, ну, а все-таки начальство... Весело жилось тогда въ селѣ Никольскомъ.

Черные дни для села настали послѣ одной ревизіи великаго генерала наѣхавшаго въ Сибирь изъ Петербурга. Эта ревизія всколыхнула всю за долгія времена настоявшуюся грязь и тину сибирскую, много зла съ корнемъ повырывала, много только такъ подкосила, оставивъ корешки нетронутыми, много радостей принесла однимъ, не мало слезъ и горя другимъ, однимъ словомъ сокрушительно-очистительнымъ ураганомъ пронеслась по краю и крыломъ этого урагана зацѣпила и село Никольское.

Первою и великою бѣдою для села было то, что большой трактъ, пошелъ попрямѣе и поудобнѣе и миновалъ этотъ новый трактъ наше село, да такъ миновалъ, что верстъ на полторасто отскочилъ въ сторону...

Опустѣло село проѣзжимъ людомъ, повѣсили носы и постоянные его обитатели. Этапъ со всѣмъ начальствомъ перенесенъ былъ на новый трактъ, заѣзжіе дворы пропустовали съ годикъ, да тоже покинуты были хозяевами, изъ четырнадцати кабаковъ, тринадцать поснимали съ своихъ воротъ елки, да шесты съ бутылками... Тихо такъ стало на селѣ, какъ уйдутъ бывало въ рабочую пору мужики на поле, да въ луга, такъ и невидать въ немъ никого кромѣ десятка старухъ-бабушекъ съ внучатами на избяныхъ завалинкахъ.

А тутъ скоро и новая бѣда нагрянула, еще горше первой. Занесли съ китайской границы два наемщика батрака какую-то болѣзнь, чудную, да тяжкую.... Разгулялась эта болѣзнь по селу на славу. Докторовъ нѣтъ, начальства близко тоже, знать дать во время поопасались мужики и пошли они другъ за другомъ валиться, какъ мухи подъ осень. Священникъ старикъ, отецъ Митрофанъ, одинъ изъ первыхъ померъ, онъ принялся было лечить заболѣвающій народъ, да хоронить покойниковъ по обряду съ трехъдневною выстойкою на церковной паперти, заразился самъ да и отдалъ Богу душу, дьяконъ Никанорка, тотъ промысловалъ въ то время, капканы на лисицъ ставилъ, въ село по три мѣсяца не заглядывалъ, тотъ уцѣлѣлъ, да услыхалъ про сельскую бѣду, совсѣмъ уже назадъ не вернулся.

Съ мѣсяцъ, въ самую знойную пору бушевала болѣзнь на селѣ, безъ удержу, безъ пощады и выморила все это село до чиста, только и спаслись тѣ, кто, какъ Никанорка-дьяконъ, въ лѣсу таскались.

Многіе года пропустовало село Никольское, прослыло оно тогда чумленымъ, да такъ и осталось на вѣчныя времена съ этимъ прозвищемъ. Стало снова заселяться исподволь, да только народомъ совсѣмъ иного склада и дѣла.

Въ настоящее время жило здѣсь нѣсколько семей промышленниковъ, построившихъ себѣ на отлетѣ отъ прежней улицы—десятокъ теплыхъ избъ съ сараями. Занимались они больше пушною добычею, да рыбою въ рѣкѣ Орочнѣ, малость пахали для хлѣбнаго корму, сѣно косили, потому лошадей держали для ѣзды и коровъ для ребятишекъ. Прибылъ вскорѣ послѣ того, Богъ вѣсть откуда, кабатчикъ Пашка, поставилъ ведро водки даромъ міру и открылъ свою торговлю.

Пушной товаръ возили ново-поселяне подъ конецъ зимы на трактъ, да хлопотно было возить, времени много тратилось, опять и товаръ безъ приспособленной возки портился за долгую дорогу... Выручили тогда изъ бѣды чумленцевъ добрые люди купцы-кулаки. Тѣ сами два разъ въ годъ наѣзжать сюда начали, какъ прослышали сколько мѣхового добра скопляютъ звѣроловы. Пріѣдутъ эти купцы, бывало, навезутъ вина, ситцевъ разныхъ, желѣзнаго издѣлія, сукна толстаго, денегъ тоже захватятъ съ собою и давай мѣняться, и звѣроловамъ хорошо и купцамъ того много лучше. Такъ и завелись здѣсь сами собою два раза въ годъ, изъятно отъ казенныхъ сборовъ и всякаго надзору, не попавшіе ни въ какой статистическій списокъ, никакому начальству невѣдомые ярмарки.

Опустѣлая церковь святого Николы, была глухо на глухо новыми обитателями заколочена и вся утварь церковная собрана и въ землю зарыта, не потому что въ ней надобности не было, а потому, что новаго письма образа были и книги новой печати по никоновскимъ переводамъ, а теперешнимъ прихожанамъ все старо-писнаго требовалось и это старописное они хранили у мужика Ермила Сытаго, въ задней клѣти, гдѣ и службу справлялъ молельщикамъ этотъ Ермила Сытый, потому что за архіерея у нихъ считался.

Вотъ какъ въ настоящее время сложилась жизнь въ селѣ Чумленомъ, бывшемъ Никольскомъ.

Всполошилось сегодня все село чумляковъ и собрались передъ кабакомъ цѣловальника почти всѣ его обитатели, кто только на селѣ оставался.

Поймали мужики, самъ архіерей Ермилъ-Сытый и Манзуръ-Кузьма, на полѣ верстахъ въ пятнадцати мальчика незнакомаго, совсѣмъ дикаго какого-то, и привели сюда, а съ мальчикомъ и собаченка прибѣжала, презлющая, такъ за ноги и наровать хватить. Вкругъ этого пойманнаго мальчугана и столпились чумляки, допросъ ему чинятъ, а Пашка полведерка на заваленкѣ выставилъ.

— Идемъ это мы, разсказываетъ Ермилъ Сытый, а этотъ пробирается сторонкою. Мы его окликнули, онъ сперва было пріостановился, а какъ стали подходить, онъ какъ прыснетъ въ бокъ да за кочки, въ болотину... что за диковина. Я, это, съ одной стороны, Кузьма съ другой, только только обошли, онъ какъ выскочитъ, да бѣгомъ, мы за нимъ, онъ отъ насъ... Насилу насилу изобавили... Я кричу Кузьмѣ: «не тропь! Вишь, человѣкъ», а Кузьма: «какой человѣкъ, говоритъ, звѣрь особенный, облизьянъ». Чуть его по виску не ошарашилъ...

— Да, ошарашилъ, перебилъ тутъ Кузьма Манзуръ... визжитъ, какъ поросенокъ, когда брать начали, кусается. Эвось какъ зубами прохватилъ, въ кровь!..

— Диковина! подхватилъ Пашка цѣловальникъ... Да ты что за человѣкъ?! отвѣчай, коли слово какое знаешь?!

Приступилъ онъ съ грознымъ допросомъ къ ребенку, а тотъ прижался къ завалинѣ, собака къ нему прижалась тоже — оба смотрятъ дико, испуганно, оба въ грязи, не разберешь масти... Мальчикъ молчитъ, какъ пень, а собака ворчитъ злобно и боязно вмѣстѣ, хвостъ поджала и зубы клыки острые скалитъ: значитъ «не трогай!..»

Подошелъ тутъ еще одинъ мужикъ Никаноръ, бывшій дьяконъ, здоровый, рыжій такой, подошелъ, пригладѣлся пристально, головою покачалъ, опять пригладѣлся.

— А поди-ко сюда, дядя Иванъ!... гаркнулъ онъ во все горло.

— Здѣсь, отозвался дядя Иванъ, тоже рыжій, такой же здоровый. Онъ на задворкѣ своемъ гранчатки мылъ. Не хотѣлъ бросать важнаго дѣла не кончивши, ради какой нибудь бездѣлицы.

— Да поди сюда! толкомъ те говорятъ, чтобъ тя язвило! иди, что-ли.

— Чаго требуется? раздвинулъ толпу дядя Иванъ. Гранчатку съ отвинченнымъ казенникомъ въ одной рукѣ держитъ, а въ другой прутъ ивовый съ тряпкою.

— А погляди-ко на этого малыша, никакъ знакомый?!

Смотритъ дядя Иванъ, смотритъ снова Никаноръ, бывшій дьяконъ, смотритъ на нихъ и мальчикъ и уже не такъ пугливо и ему словно знакомое что-то представляется. А Варнашка, почуявъ запахъ пороховой гари отдалилъ свой хвостъ и махнулъ имъ раза два въ знакъ легкаго успокоенія.

— Да вѣдь это Максимовъ мальченко, вымолвилъ, наглядѣвшись въ волю, дядя Иванъ.

— Да я и самъ гляжу, что Андрошка, надо полагать... поддакнулъ и Никаноръ-дьяконъ.

Были эти звѣроловы тѣ самые, что прошлою зимою въ сторожку приходили, признали мальчика, стали расспрашивать. Первымъ дѣломъ накормили, обмыли, рубаху чистую надѣли, обдержали его денекъ, чтобы онъ огляделся, да въ разсудокъ пришелъ, а все таки настоящаго толку не добились.

Узнали только всѣ мужики, что онъ точно сынъ Максима, по прозвищу блаженнаго, того самаго, что въ лѣсу, особнякомъ жилъ не мало верстъ отсюда и съ прочими людьми не любилъ знаться. Услыхали отъ Андрошки, что «медвѣдица батьку задавила, а батька медвѣдицу», узнали что есть еще медвѣженокъ-Мишка, что этотъ медвѣженокъ теперь избу сторожитъ, а печку топить не смѣетъ, потому что Андронъ, уходя на село строго на строго заказалъ Мишкѣ не смѣть топить печки; узнали также, что лепешекъ нѣтъ уже больше у нихъ и мука вся изъ бочки вышла, что за этою мукою и пришелъ Голованъ, а воды горькой ему ненадо.

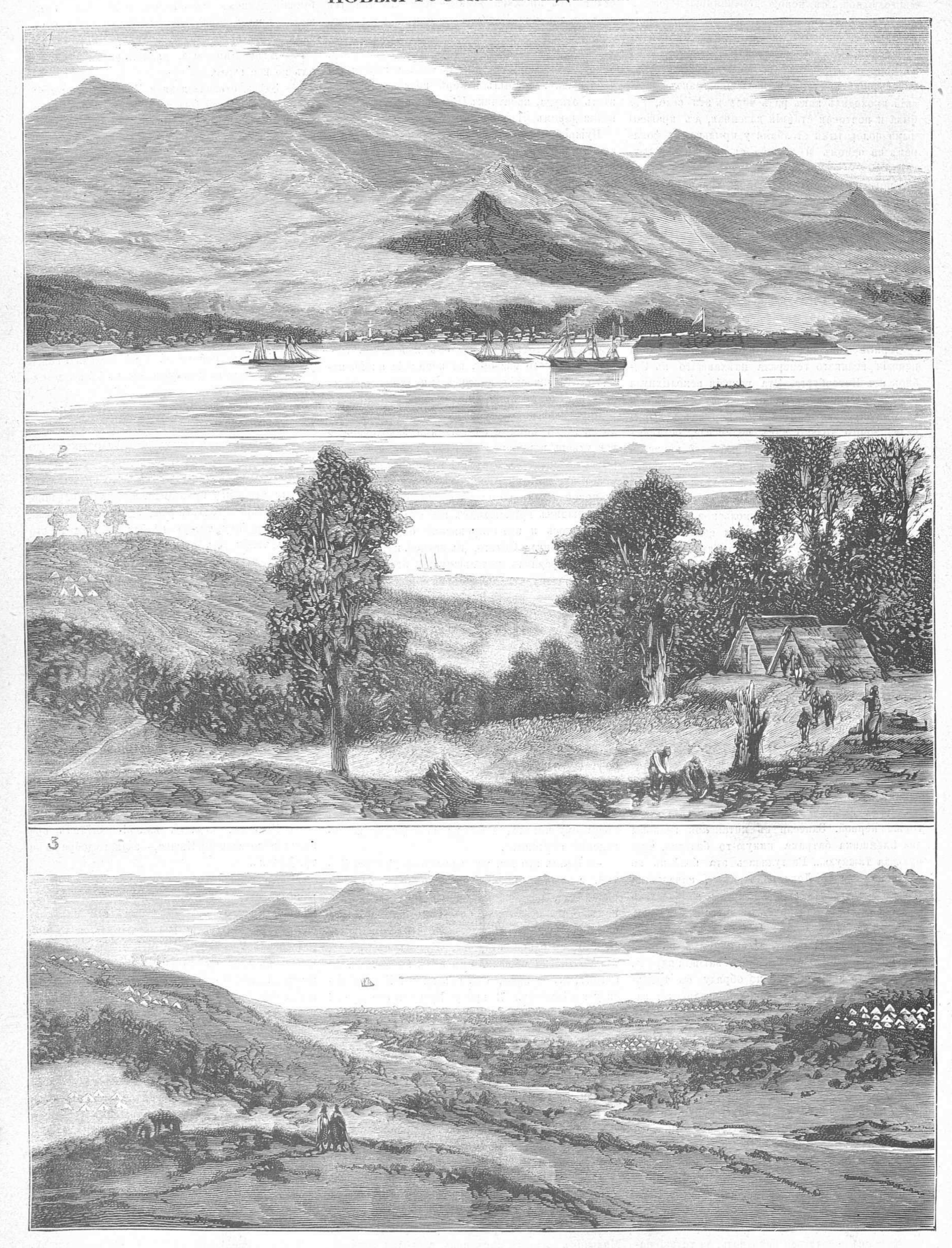
— Ишь ты, подлецъ какой! замѣтилъ при этомъ цѣловальникъ Пашка,—эдакаго добра да не требуется...

Много узнали мужики изъ короткихъ, отрывочныхъ отвѣтовъ Голована и сообразили то, что надо идти въ лѣсную сторожку дяди Максима, самимъ навѣдаться и все осмотрѣть, а то изъ разсказовъ Голована выходитъ только, что случилось въ лѣсу съ дядею Максимомъ, прозваннымъ за свой нравъ и жизнь блаженнымъ, лучшимъ промышленникомъ во всемъ околодкѣ самымъ добычнымъ и заговореннымъ, случилось, вопреки этому заговору что-то неладное, а это неладное надо самолично освидѣтельствовать.

Дня черезъ два собрались въ путь мужики. Пошли: дядя Иванъ, Никаноръ-дьяконъ, Ермила Сытый и еще старичекъ одинъ, сѣдой, какъ лунь, Якимъ-Желѣзновъ, изъ бѣглыхъ, лѣтъ восьмидесяти, ужь и языкъ настоящій потерявшій, а такъ только шамкавшій, однако на ногу еще крѣпкій, могущій хоть какой угодно походъ сломать и непремѣнно навязавшійся идти вмѣстѣ съ прочими въ тайгу, провѣдать жилье блаженнаго дяди Максима, ежели уже покойника, то помяни Господь его душу.

Забрали провіанту на всякій случай мужики, и всѣ шестеро: четыре мужика, Андрошка и песъ Варнашка вышли изъ села, чуть только зорька

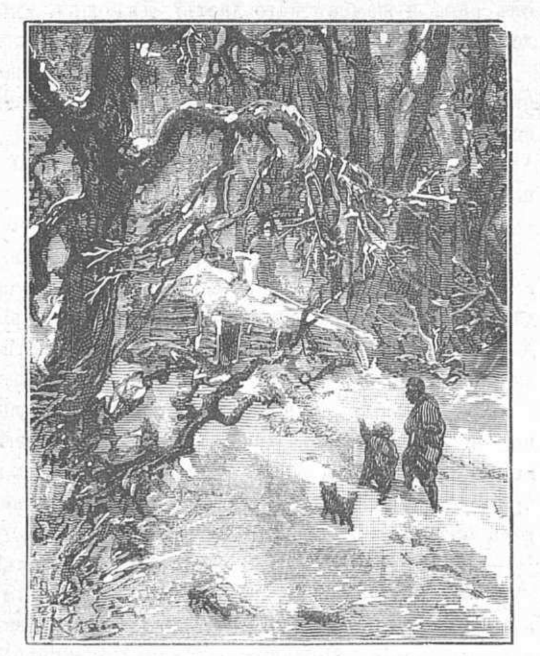
НОВЫЯ РУССКІЯ ВЛАДѢНІЯ.

Батумъ.

1. Городъ и гавань Батума.—2. Лагерь Дервиша-паши.—3. Долина Чурукъ-Су.

утренняя замигала надъ поростпею сочною травою, нагорною луговиною.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Продажа послѣдней коровенки.

(См. рисунокъ на стр. 312.)

Наши постоянные читатели уже знакомы съ даровитымъ польскимъ иллюстраторомъ Ф. Костшевскимъ, рисунки котораго уже не разъ появлялись въ нашемъ журналѣ въ прошломъ году. Эти рисунки обыкновенно касаются близко народной жизни, выхватываютъ изъ нея сцены и типы. Рисунокъ, помѣщенный въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала, тоже касается этой жизни и передаетъ сцену продажи послѣдней коровенки крестьяниномъ въ юго-западномъ краѣ еврею. Художникъ схватываетъ именно ту минуту, когда еврей уговариваетъ еще крестьянина уступить коровенку за предлагаемую, крайне низкую цѣну, когда крестьянинъ еще не рѣшается сказать своего послѣдняго слова, когда хозяйки коровенки еще стоятъ въ волненіи около нее, какъ бы не желая никому уступить своего сокровища. Выраженіе всѣхъ этихъ лицъ схвачено вѣрно художникомъ. Но особенно интересенъ маленькій жиденокъ, уже успѣвшій захватить купленнаго его отцомъ у крестьянъ гуся и ожидающій съ любопытствомъ, чѣмъ кончится торгъ отца изъ-за коровы. Такъ и видишь, что изъ этого еще неоперившагося птенца современемъ выйдетъ тоже славный... «гусь».

* * *

(Посвящается С. Б-еву.)

Стих. Вл. Дрентельна.

Пролетѣвъ надъ нами быстро,
Лучезарная звѣзда
Вдругъ потухла, точно искра,
Въ тёмномъ небѣ навсегда.

Слѣдъ мгновенный оставляя,
Гаснетъ новая за ней, —
Гаснетъ, будто жизнь земная
Не трудившихся людей!

Побочная дочь.

(См. рис. на стр. 313.)

Въ числѣ первыхъ, по времени, драматическихъ произведеній Гёте встрѣчаются иногда не вполнѣ оконченные сюжеты, хотя съ дѣйствующими лицами, мастерски очерченными геніальнымъ поэтомъ. Къ такимъ произведеніямъ можно отнести и трагедію «Побочная дочь» (Die natürliche Tochter), въ которой знаменитый поэтъ желалъ показать, до какой степени низости и коварства могутъ дойти даже ближайшіе родственники, побуждаемые желаніемъ не лишать себя даже и небольшой части громаднаго наслѣдства, предназначеннаго закономъ въ ихъ пользу.

Предлагаемая копія картины Каульбаха, изображаетъ героиню названной трагедіи, Евгенію, непризнанную еще закономъ дочь герцога, приходящагося дядей королю той страны, гдѣ происходитъ дѣйствіе.

Скрывая отъ короля происхожденіе дочери, воспитанной хотя и при дворѣ, но внѣ его вліянія, герцогъ, во время охоты съ королемъ, въ виду опасности, которой подвергалась его дочь при паденіи съ лошадью съ обрыва горы, невольно выдаетъ свою тайну.

Король, тронутый красотой и умомъ Евгеніи, выражаетъ желаніе признать ее дочерью своего дяди, герцога, который уже приготовилъ для нея богатый придворный костюмъ съ орденскою лентой, какъ принадлежностью особъ, родственныхъ царской семьѣ. Евгенія изображена, на рисункѣ Каульбаха, въ тотъ моментъ, когда она, одѣтая въ парадное придворное платье, желаетъ надѣть на себя и орденскую ленту, чтобы порадоваться впечатлѣнію, которое произведетъ ея костюмъ на предстоящемъ балу во дворцѣ короля. Но, увы! ея гофмейстерина, зная, что Евгеніи грозитъ опасность со стороны единственнаго законнаго сына герцога, въ случаѣ офиціальнаго признанія королемъ Евгеніи дочерью герцога, уговариваетъ ее не радоваться преждевременно, а серьезно обдумать, какъ бы избѣжать ненависти ея роднаго брата, которая можетъ довести его даже до убійства сестры изъ зависти, что ей будетъ выдѣлена часть громаднаго наслѣдства герцога, какъ признанной королемъ, а слѣдовательно и закономъ, его дочери. Замѣтимъ здѣсь кстати, что Евгенія, къ удовольствію читателей, остается въ живыхъ, но приговорена, вслѣдствіе интригъ ея брата, на изгнаніе изъ отечества. Но, прибывъ въ одинъ изъ приморскихъ городовъ своей родины, Евгенія встрѣчается съ однимъ изъ членовъ городского суда, который, сжалясь надъ положеніемъ изгнанницы, принялъ ее подъ свое покровительство и, скрывъ ея высокое происхожденіе, женился на ней.

Судебная ошибка.

Романъ Ф. Буагобея. Переводъ С. И. Воскресенской.

(*Продолженіе.*)

Глава V.

Черезъ три дня послѣ своего рѣшенія, набобъ Джаферъ превратился въ странствующаго прикащика, который звался Аристидъ Шалюме, а его слуга — въ разнощика, по имени Пьера Паладрю. Паспорты и торговыя свидѣтельства обоихъ были въ порядкѣ и позволяли имъ странствовать безпрепятственно по всей Франціи. Въ описаніи ихъ примѣтъ не было ничего, не схожаго съ ихъ настоящей наружностью: Пьедушъ съумѣлъ создать себѣ физіономію истиннаго горца изъ Дофине; сверхъ того, проживъ нѣкоторое время въ Греноблѣ по секретному порученію, онъ достаточно изучилъ эту мѣстность и могъ болтать о ней, въ случаѣ нужды, съ знаніемъ дѣла. Далѣе, онъ зналъ, какъ по-пальцамъ, цѣну ниткамъ, иголкамъ, почтовой бумагѣ, конвертамъ и прочему мелкому торговому скарбу, и обладалъ другимъ даромъ, еще болѣе нужнымъ, нежели способность находить покупателей: онъ умѣлъ заставить людей разговориться, и не ходилъ за словомъ въ карманъ, какъ при сношеніяхъ съ деревенскими женщинами, такъ и при встрѣчахъ съ жандармами.

Лекокъ помолодилъ себя только на двадцать лѣтъ и постарался никакъ не пересолить избраннаго имъ типа. Изъ всѣхъ разновидностей странствующаго прикащика, онъ выбралъ ту, которая наиболѣе подходила къ его возрасту, привычкамъ, характеру. Аристидъ Шалюме былъ путешественникъ степенный, хотя, что называется, добрый малый; вообще, человѣкъ охлажденный опытомъ и успѣвшій достигнуть, если не богатства, то независимости, что позволяло ему быть немного свысока съ своими клiентами, но и потакать имъ въ добрую минуту. Онъ былъ всегда веселъ и шутливъ съ содержателями гостинницъ; учтивъ и полонъ достоинства съ прочимъ обществомъ.

Первые два дня путешествія не принесли никакихъ результатовъ, хотя Шалюме и Паладрю успѣли произвести свои наблюденія въ двухъ деревушкахъ Аблонѣ и Атисѣ, и въ послѣдующемъ, нѣсколько болѣе значительномъ мѣстечкѣ, Жювизи. На третій день, утромъ, Шалюме былъ уже въ Савиньи на Оржѣ, куда, черезъ часъ, прибылъ и Паладрю, пѣшкомъ, съ своимъ тюкомъ за плечами.

Мѣстечко Савиньи, какъ казалось, заслуживало большаго вниманія, чѣмъ предыдущія три станціи. Въ немъ считается до тысячи жителей и окрестности его усѣяны виллами и богатыми замками. Находясь въ двадцати двухъ километрахъ отъ Парижа, Савиньи соединяется съ нимъ, не считая желѣзной дороги, еще двумя шоссе; первое изъ нихъ идетъ отъ заставы Анферъ, черезъ Со и Лонжюмо; второе, начинаясь отъ бульвара Италія, тянется черезъ Вильжюивъ и Жювизи. Такимъ образомъ, Савиньи находилось именно въ желаемыхъ условіяхъ: положеніе не слишкомъ близкое отъ Парижа и не слишкомъ отдаленное; сообщеніе легкое, посредствомъ хорошихъ, по малолюдныхъ, вслѣдствіе упраздненія почтовой ѣзды, дорогъ; населеніе, привыкшее къ тому, чтобы пріѣзжіе парижане или иностранцы избирали окрестность своимъ постояннымъ или временнымъ мѣстожительствомъ.

Мѣстность, довольно некрасивая до Жювизи, становится болѣе живописною при началѣ долины, орошаемой Оржею. Она разнообразится пригорками и рощами, и составляетъ очень привлекательный оазисъ между обнаженными холмами, окаймляющими верхнюю Сену. При сліяніи Оржи съ Иветою находится даже очень красивый лѣсъ. Однимъ словомъ, мѣсто такое, которое можетъ нравиться, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ разные удобные тайники для людей, желающихъ избѣжать гласности. Лекокъ понялъ сразу всѣ эти характеристическія черты и предчувствіе говорило ему, что здѣсь долженъ былъ находиться центръ операцій Толбіака и его сподвижниковъ.

Но, чтобы направить толково розыски, было необходимо навести подробныя справки о жителяхъ, къ чему Шалюме и Паладрю не замедлили приступить.

Шалюме сошелся сразу съ содержателемъ гостинницы, въ которой остановился. Звали этого почтеннаго человѣка: Бонассонъ. Онъ жилъ уже издавна въ Савиньи и обладалъ самыми точными свѣдѣніями о происхожденіи, связяхъ, состояніи ссорахъ и семейныхъ тайнахъ всѣхъ мѣстныхъ жителей. Какъ человѣкъ общительный, онъ дѣлился охотно этими свѣдѣніями со всякимъ желающимъ. Аристидъ Шалюме не преминулъ воспользоваться такою наклонностью къ распространенію извѣстій, давъ ловко понять Бонассону, что онъ, въ качествѣ представителя извѣстной англійской торговой фирмы, дѣлаетъ нѣкоторымъ образомъ честь, какъ мѣстечку, такъ и самому отелю, включивъ ихъ въ число пунктовъ для своихъ остановокъ. Дядя Бонассонъ чувствовалъ все это и ухаживалъ за своимъ гостемъ до того, что самъ лично состряпалъ ему первый завтракъ.

— Собственно въ нашемъ мѣстечкѣ настоящаго покупателя вы не найдете, говорилъ онъ, разставляя на столъ разныя принадлежности.—

Но въ окрестностяхъ—другое дѣло! Милліонеровъ не оберешься. Раскупятъ у васъ самую дорогую малагу. Кстати, у насъ собратъ вашъ находится: поставляетъ страсбургскіе пироги. Вотъ уморительный человѣкъ, я вамъ скажу! Захотите, онъ вамъ партію на биліардѣ своимъ носомъ сыграетъ. Онъ пріѣхалъ третьяго дня и успѣлъ уже золотыя дѣла обдѣлать...

— Человѣкъ, который дѣлаетъ карамболи своимъ носомъ! Это любопытно и я горю желаніемъ съ нимъ познакомиться, сказалъ шутливо Шалюме.

— А еще, если желаете, я сведу васъ съ однимъ здѣшнимъ именитымъ гражданиномъ, продолжалъ, въ томъ же тонѣ, трактирщикъ.—Онъ завтракаетъ у меня каждый день...

— Не семейный?

— Нѣтъ. И даже терпѣть не можетъ женщинъ, дѣтей и всякую домашнюю обузу.

— Чѣмъ же онъ занимается?

— А сплетничаетъ. Онъ нажилъ себѣ денегъ при какой-то торговой фирмѣ въ Парижѣ, потомъ продалъ свою часть, купилъ большой домъ въ Савиньи и живетъ въ немъ съ одною только старою ключницей... Дни свои онъ проводитъ, расхаживая изъ дома въ домъ, собираетъ всѣ новости и потомъ распространяетъ ихъ по возможности... какъ видите, занятія ему много. У себя, онъ сущій скаредъ, пьетъ одну воду, но охотно принимаетъ отъ другихъ и бордо, и бургонское, и даже шампанское.

— Значитъ, онъ приходитъ къ вамъ въ надеждѣ на даровое угощеніе?

— Болѣе изъ желанія очернить всѣхъ, кого только удается, разсказать разныя исторіи про женъ, надувающихъ своихъ мужей...

— Хорошъ! Пріятно будетъ съ нимъ познакомиться, сказалъ Шалюме иронически.—И онъ приходитъ къ вамъ каждый день?

— Непремѣнно. Ровно въ десять часовъ утра, онъ приходитъ сюда, посмотрѣть, нѣтъ ли новаго пріѣзжаго, и если есть, то я уже такъ и ставлю два прибора на одинъ столъ.

— А если пріѣзжій не пожелаетъ?

— Разумѣется, я не могу заставить, но рѣдкіе отказываются, потому что любятъ хоть посмѣяться надъ нимъ. Тамбурнакъ, продавецъ страсбургскихъ пироговъ, просто до бѣшенства его доводитъ.

— Онъ тоже будетъ завтракать съ нами, этотъ Тамбурнакъ?

— Нѣтъ, онъ отправился въ Вилль-Муассонъ, но къ полудню воротится... Что же это, однако, невидать Фуипе?.. Это нашего сплетника такъ зовутъ. Онъ аккуратенъ, какъ часы... Всегда въ десять показывается. И подумайте, что за скряга: платитъ мнѣ за завтракъ тридцать су, а ѣстъ за четверыхъ! Человѣкъ, у котораго, по крайней мѣрѣ, сорокъ тысячъ франковъ дохода... Но, вотъ и нашъ молодецъ! Смотрите, поворачиваетъ отъ собора.

— Такъ я сяду за столъ, сказалъ Шалюме.— Знакомство у васъ завяжется само собою, а вы только шепните ему, что я не прочь заплатить за лишнюю бутылку.

Черезъ нѣсколько минутъ, Фуипе показался на порогѣ столовой.

— Что это вы опоздали сегодня, г. Фуипе? спросилъ его шутливо трактирщикъ.—Вы, вѣрно, знали точнѣе свою службу, когда состояли при фирмѣ Лере, Бераръ и К°.

Шалюме встрепенулся при имени «Лере».

— То было время, а теперь другое, сказалъ сухо Фуипе, между тѣмъ, какъ Шалюме изучалъ его физіономію и приходилъ къ тому убѣжденію, что гость воплощаетъ въ себѣ типъ парижскаго лавочника, тщеславнаго, завистливаго, придирчиваго и преисполненнаго высокаго мнѣнія о своей особѣ. По наружности, это былъ и поджарый и сморщеный человѣчекъ, съ багровымъ лицомъ, ртомъ почти лишеннымъ губъ, заостреннымъ носомъ, узкимъ лбомъ, слезящимися глазами и угловатымъ корпусомъ. Улыбался онъ такъ, какъ будто только съѣлъ кислый лимонъ, но въ серьезныя минуты сохранялъ на своемъ лицѣ выраженіе глубокомысленной тупости, которой могъ бы позавидовать самъ легендарный Прюдомъ. Стоило только взглянуть на него, чтобы понять, что онъ провелъ свою жизнь въ надоѣданіи своимъ товарищамъ по фирмѣ, прикапливаніи денегъ и въ брюзжаніи на правительство, будто бы мало покровительствующее капиталистамъ и лавочникамъ. Лекокъ понялъ, на какой струнѣ слѣдуетъ играть съ этою неприглядною личностью.

— Вы правы, сударь, сказалъ онъ ему самымъ степеннымъ тономъ. — Свобода во всемъ! Всѣ люди равны и на основаніи этого, вы имѣете полное право заставлять меня ждать за табльдотомъ, а я имѣю право атаковать котлеты, не дождавшись васъ. Дядя Бонассонъ, прошу васъ поспѣшить съ котлетами и не забыть бутылочку, залитую зеленымъ сургучемъ... У васъ водятся, безъ сомнѣнія, бутылки подъ заповѣдной печатью!

— Вы путешествуете по винной части? спросилъ Фуипе, затыкая себѣ салфетку за жилетъ.

— Вы вѣрно говорите, сеньоръ! отвѣчалъ Шалюме, настраивая сразу разговоръ на фамильярный тонъ. — Но какъ это вы, съ перваго взгляда на человѣка, угадываете его истинную профессію?

— Проведя тридцать лѣтъ въ комерціи, немудрено пріобрѣсть навыкъ...

— А вы что продавали, смѣю спросить?

— Холсты.

— Такъ. Торговля хорошая... и самая національная. Льняное производство одно изъ тѣхъ, которыми Франція можетъ гордиться... А я истый французъ, хотя и провожу часть времени въ Ливерпулѣ...

— Вы агентъ англійской фирмы?

— Такъ точно: Раусонъ, Дженкинсъ и К°. Вина испанскія и португальскія. Торговые склады въ Хересѣ и Порто. Непосредственная доставка. Операціи на мѣстѣ самого производства.

— И вы пріѣхали въ Савиньи для сбыта вашихъ питій?

— Для затопленія ими мѣста и его окрестностей! Могу предложить хересъ, амонтильядо, портвейнъ, малагу, аликанте и пр. и пр. Въ бутылкахъ, бочкахъ, анкерахъ. Къ вашимъ услугамъ, г. Фуипе.

— Благодарю. Мнѣ запрещены эти зелья. У меня печень не въ порядкѣ.

— Оно и видно. Обзывать мой товаръ «зельемъ», это немножко рѣзко... но я не сержусь на подобные эпитеты, если только у меня берутъ сказанныя зелья, или помогаютъ ихъ продавать... Надѣюсь, что и вы, какъ человѣкъ, знающій всѣхъ и вся... Мнѣ Бонассонъ говорилъ...

— Знаю всѣхъ, какже, даже очень знаю... хотя и не знакомъ. Человѣку, занимавшемуся первостатейной торговлей въ Парижѣ...

— Не къ лицу знаться съ провинціалишками. Это истина печатная. Я и самъ не желалъ бы ихъ созерцать, но что дѣлать! Нужны они мнѣ. Вы, дѣло другое: набили кошель...

— Да, не таюсь, сколотилъ кое-какія деньжонки... и честнымъ образомъ... почестнѣе того биржевика, который купилъ здѣсь недавно помѣстье...

— Вѣроятно, вы всегда только дѣломъ занимались, а не кутили, не знались съ кокотками... А нынѣшніе дѣльцы безъ этого ни на шагъ...

— Да, я не изъ такихъ!

— Пью за ваше цѣломудріе, г. Фуипе! Напитки дяди Бонассона прибыли не изъ-за испанской границы, но ничего, въ горло проходятъ, сказалъ Лекокъ, наливая стаканъ Фуипе.—Можетъ быть, онъ намъ и шампанскаго дастъ? Дядюшка, двѣ, да поищите, которыя получше!

Трактирщикъ, польщенный честью, которая оказывалась его погребу, бросился со всѣхъ ногъ исполнять приказаніе.

— А не выпить-ли намъ за здоровье прекраснаго пола? продолжалъ мнимый Шалюме.

— Прекраснаго?

— Его такъ называютъ. Да развѣ женщины не украшаютъ жизнь? Я уже не совсѣмъ гожусь для роли трубадура, однако, все еще не прочь... Да и вы... не повѣрю, чтобы совсѣмъ расростились...

— Сударь мой, величественно произнесъ Фуипе,—я никогда не вступалъ въ бракъ, зная его печальныя стороны. Тѣмъ болѣе не заключалъ я преступныхъ связей! Я знаю слишкомъ хорошо, куда онѣ ведутъ...

— Кто-нибудь изъ вашихъ друзей пострадалъ?

— Не друзей, нѣтъ, потому что я не удостоилъ бы своею дружбою человѣка легкомысленнаго поведенія... Но одинъ изъ моихъ товарищей по фирмѣ дорого поплатился за свои грѣшки... Лере... Онъ былъ убитъ.

— Убитъ! воскликнулъ Лекокъ, притворяясь удивленнымъ.—Это какъ?

— Вы пріѣхали изъ-за моря и, вижу, ничего не знаете. Да, убитъ... Исторія съ пиковой дамой...

— Да, да! Теперь припоминаю что то... Я въ газетахъ читалъ.

— Газеты только этимъ и пробавлялись цѣлыхъ три мѣсяца. Но развѣ это кого нибудь проучитъ? Вотъ и Бераръ, другой хозяинъ фирмы, клонитъ туда же... Все съ актрисами... укокошатъ и его!

Лекокъ налилъ своему собесѣднику новый стаканъ.

— Вамъ пришлось, подн, являться въ судъ, какъ свидѣтелю, лично знавшему этого Лере? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, прошло уже три года послѣ оставленія мной фирмы, когда это случилось... А между тѣмъ, я единственный человѣкъ, съ которымъ Лере говорилъ за нѣсколько часовъ до своей смерти.

— Какъ? Вы его видѣли въ тотъ самый день? спросилъ Лекокъ, стараясь скрыть волненіе.

— За часъ до смерти, могу сказать! отвѣчалъ Фуипе съ довольнымъ видомъ, какъ человѣкъ, сознающій свое значеніе. — Вы прислушайтесь, я вамъ разскажу интересные факты.

— Позвольте... Отчего вы не заявили?

— Отчего? У меня на этотъ счетъ свои принципы. Я полагаю, что всякій гражданинъ обязанъ говорить, если его спрашиваютъ... А самому соваться... это излишне!.. Поясню примѣромъ. Я плачу налоги. Если я не внесъ деньги, мнѣ присылаютъ повѣстку: «Плати!»... Но мнѣ судебной повѣстки не присылали. Я не обязанъ бѣжать къ судьямъ, просить ихъ: «Допросите меня!» Зачѣмъ я буду это дѣлать? Они жалованье получаютъ; они должны исполнять свои обязанности; ихъ дѣло отыскать меня. А я имъ не слуга какой дался. Не въ полиціи состою.

— Это вѣрно, сказалъ Лекокъ, считая излишнимъ опровергать доводы своего собесѣдника.— Но мнѣ вы передадите свой разговоръ съ Лере?

— Извольте. Поѣхалъ я въ Парижъ затѣмъ, чтобы получить проценты изъ Банка... Это было въ субботу, 13 января... Вечеромъ я долженъ былъ опять воротиться въ Савиньи. Я ночую всегда дома!.. Тоже по принципу, сударь мой!.. Иду я, въ восьмомъ часу, на станцію желѣзной дороги. Остается мнѣ времени ровно столько, чтобы поспѣть... А иду я пѣшкомъ... Тоже принципъ!.. Вдругъ, на самомъ углу улицы Суфло, я

вижу Лере!.. И начинаетъ онъ мнѣ тотчасъ разсказывать о своей послѣдней глупости...—Это у него привычка такая. Говорите ему, что это васъ нисколько не интересуетъ, все равно, онъ мелетъ свое. Такъ и въ этотъ разъ. Занятъ онъ былъ своею англичанкой: и красавица-то она писаная, и влюблена въ него по-уши (а ему пятдесятъ два, замѣтьте!), и онъ готовъ для нея на все... Я ему прямо въ лицо: Лучше бы вамъ семьею заняться!.. Куда! Только смѣется, говоритъ, что идетъ ужинать къ ней и меня съ собой приглашаетъ...

— Зачѣмъ вы не пошли? Убійства бы не было.

— Благодарю покорно! Я радъ, что отказался. Уходили бы и меня... Убійца не остановился бы ни передъ чѣмъ... На Лере онъ давно мѣтилъ.

— Почему вы знаете?

— Изъ словъ Лере вижу. Онъ мнѣ говорилъ: «Милый мой, не было бы человѣка счастливѣе меня, еслибы за моей красавицею не волочился одинъ молодчикъ, который, надо полагать, знавалъ ее еще въ Лондонѣ... Я подстерегъ его уже два раза около дома и сильно боюсь, что онъ уговариваетъ Мери воротиться въ Англію... Она даже стала укладываться и мнѣ пригрозила, что уѣдетъ... Впрочемъ, мы опять помирились и она пригласила меня ужинать». Одно слово, дуракъ!

— Болѣе онъ вамъ ничего не сказалъ? спросилъ Лекокъ, голосъ котораго невольно дрожалъ.

— О, конца его рѣчамъ не было! Онъ хорохорился, кричалъ: «Если онъ только покажется, я его выброшу въ окно... Положимъ, ему лѣтъ двадцать восемь, смуглый такой, здоровенный.. но и я не промахъ... помѣряться могу»... Вотъ и помѣрялся. Этотъ злодѣй Лекокъ уложилъ его сразу!

Старикъ вздрогнулъ при этой фразѣ, прозвучавшей, какъ послѣдній приговоръ его сыну. Описаніе разсказчика такъ подходило къ наружности Люп... Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ предложить еще вопросъ Фуппе, дверь растворилась и въ столовую вошелъ крайне высокій и худощавый человѣкъ, оказавшійся тѣмъ самымъ Тамбурнакомъ, который продавалъ страсбургскіе пироги и игралъ такъ необыкновенно на бильярдѣ.

Онъ остановился передъ Фуппе въ позѣ тенора передъ публикой и затянулъ глухимъ голосомъ арію изъ Жоконды:

«Давно я скитаюсь по свѣту»...

— Милостивый государь, перебилъ его Фуппе,—вы могли бы пойти завывать гдѣ нибудь подалѣе.

— Вы на меня гнѣваетесь? воскликнулъ гасконецъ.—За что? Неужели за мои вчерашнія непочтительныя выходки? Это не основательно. Дни идутъ, но не походятъ одинъ на другой. Сегодня я тихъ и простодушенъ, какъ невинное дитя, и вы можете принять меня смѣло въ свое общество. Знайте, о Фуппе, что я уже излилъ мой суточный запасъ яда, и потому именно, я кротокъ, какъ сказано выше. Я битыхъ два часа глумился надъ англичаниномъ, который живетъ на мельницѣ, и теперь яда во мнѣ ни капли!

— Вы глумились! сказалъ Фуппе презрительно,—я думаю, скорѣе вамъ досталось отъ него!

— Тамбурнакамъ ни отъ кого не достается, знайте это, о, именитый сеньеръ! возразилъ гасконецъ съ невозмутимой серьезностью.—Вашъ англичанинъ дока въ своемъ родѣ... но онъ встрѣтилъ, въ моемъ лицѣ, перваго мастера своего дѣла! Я провелъ его такъ.

— Я думаю, онъ васъ даже не принялъ.

— Вы думаете? Хотите пари? Но я не держу менѣе, какъ на полдюжины шампанскаго... Вы молчите? То-то! Я, вотъ, предлагаю пари съ своей стороны, на счетъ того, что эти два сосуда, стоящіе полуопорожненными на столѣ, оплачиваются не вами...

Лекокъ воспользовался случаемъ, чтобы принять участіе въ разговорѣ.

— Не угодно-ли и вамъ? сказалъ онъ, наливая новый стаканъ.—Между товарищами по профессіи грѣхъ чиниться!

— Не отказываюсь, но вы мнѣ напоминаете, что я еще не успѣлъ вамъ представиться, отвѣчалъ гасконецъ.—Оскаръ Тамбурнакъ изъ Сен-Годена, представитель и чрезвычайный посолъ его королевскаго высочества Трюфеля... Вы хотите, съ своей стороны, объявить мнѣ свои титулы? Не надо! Дядя Бонассонъ уже сообщилъ мнѣ, съ кѣмъ я буду имѣть честь бесѣдовать. Вы Аристидъ Шалюме, представитель торговаго дома Раусонъ, Дженкинсъ and C^{o}... Замѣтьте, что я говорю and, хотя ни слова не знаю по-англійски. Вы путешествуете для сбыта винъ той счастливой страны, которая производитъ андалузяновъ... Я стараюсь помѣщать пироги, производимые отчасти и тою мѣстностью, въ которой родилась Клеманса Изора... Слѣдовательно, мы братья и я пью за здоровье вашихъ сердечныхъ привязанностей!

Онъ опорожнилъ стаканъ. Лекокъ послѣдовалъ его примѣру, хотя разсказъ Фуппе сильно разстроилъ его.

— Если вы признаете наше духовное родство, сказалъ онъ, поддѣлываясь подъ тонъ Тамбурнаку,—то я попрошу васъ подать мнѣ руку помощи... Мои патроны прислали меня сюда, а я въ этихъ мѣстахъ даже ни одной кошки не знаю! Надѣюсь на ваше покровительство.

— Уповайте твердо! Я буду руководить вашими шагами... Но напередъ говорю: немного продадите... Такой ледащій народъ... За ваше здоровье, г. Фуппе!

— Что вы, сказалъ Лекокъ.—Неужели и вашъ англичанинъ ничего не возьметъ?

Онъ говорилъ наудачу, но попалъ въ цѣль. Тамбурнакъ воскликнулъ:

— Дѣйствительно, его-то я и забылъ, этого годдема! Онъ пьетъ, какъ сороковая бочка. Вы ему продадите безъ труда анкерокъ портвейна, съ условіемъ, чтобы въ немъ было побольше водки... Только если вы отправитесь къ нему, то выбирайте время пораньше. Къ полудню онъ уже всегда готовъ.

— Неужели! Какже съ нимъ о дѣлахъ говорить?

— Ничего. По утрамъ все понимаетъ. А за деньгами дѣло не станетъ. У него ихъ тьма!.. Мнѣ удалось знатно обойти его. Онъ заказалъ мнѣ двѣнадцать дюжинъ пироговъ... Это вамъ кстати: надо же ему будетъ ихъ запивать.

— Онъ живетъ здѣсь круглый годъ?

— На счетъ этого, разспрашивайте почтеннаго Фуппе. Я здѣсь проѣзжій. Но вотъ уже два года, какъ я нахожу этого британца все въ той же берлогѣ; и всегда пьянаго, какъ тридцать шесть тысячъ человѣкъ. Истинно говорю.

— Если онъ пьетъ, то имѣетъ, быть можетъ, свои причины на это, сказалъ Фуппе съ особеннымъ удареніемъ.

Было понятно, что почтенный разноситель сплетень сильно желалъ разсказать что нибудь, и ждалъ только благовиднаго предлога. Чтобы вызвать его на откровенность, Лекокъ подлилъ ему еще вина, говоря съ усмѣшкою:

— Неужели у него сердечныя огорченія?

— Вотъ нашли! возразилъ Фуппе.—Скорѣе угрызенія совѣсти.

— Что вы! Развѣ у него на душѣ есть преступленіе?

— Одно преступленіе или нѣсколько ихъ, я не знаю, но скажу одно: жизнь, которую онъ ведетъ, слишкомъ загадочна... Во-первыхъ, онъ никуда не выходитъ и не знается ни съ кѣмъ, кромѣ своихъ мельниковъ... а они одного поля ягода съ нимъ. А во-вторыхъ, пусть кто нибудь мнѣ объяснитъ, на какой прахъ онъ здѣсь поселился?.. Мельница продавалась, но никто не хотѣлъ покупать ее, потому что вся постройка въ развалинахъ... Да потомъ, въ эпоху «шоферовъ», тамъ совершено было много злодѣйствъ, и мѣстность сохранила не совсѣмъ пріятную славу и до нашихъ дней... Вдругъ, въ одно прекрасное утро, ее покупаетъ какой-то господинъ изъ Парижа, не объявляя, на что она ему можетъ годиться. Хорошо. Проходитъ двѣ недѣли, пріѣзжаетъ этотъ англичанинъ съ лакеемъ... тоже какой-то странный этотъ слуга... и поселяются они въ сарайной постройкѣ, о-бокъ съ мельницею... Помѣщеніе, я вамъ скажу! Дождь такъ и льетъ сквозь кровлю...

— Фуппе, вы преувеличиваете! Дождь проходитъ только въ верхній этажъ, а внизу комфортабельно. Вездѣ ковры, сказалъ Тамбурнакъ.

— Да, туда понатаскали мебели... Но на какія деньги она куплена? Желалъ бы я, чтобы этотъ вопросъ былъ предложенъ прокурорскимъ надзоромъ.

Разговоръ былъ прерванъ появленіемъ трактирщика, который провозгласилъ:

— Г. Тамбурнакъ! Аптекарь и ветеринаръ ждутъ васъ на реваншъ въ билліардной.

— Лечу! воскликнулъ гасконецъ.—Реваншъ дѣло священное.

Онъ исчезъ, оставя своихъ собесѣдниковъ вдвоемъ, но Фуппе, уже порядочно нагрузившійся, какъ-то смолкъ и не поддавался болѣе ни на какіе вызовы. Лекокъ счелъ благоразумнымъ не настаивать болѣе. Онъ простился съ бывшимъ участникомъ фирмы «Лере, Бераръ и К^{o}», и отправился въ свой нумеръ, а потомъ, когда смерклось, вышелъ на соборную площадь и сталъ поджидать Пьедуша. Невеселы были думы старика: разсказъ Фуппе о соперникѣ Лере запалъ ему въ душу. Несчастный отецъ невольно приходилъ къ тому убѣжденію, что его сынъ могъ играть роль въ роковой драмѣ улицы Арбалетъ.....

— Ваша милость, сказалъ ему Пьедушъ, подходя осторожно,—мнѣ кажется, что мы, какъ говорится въ фантахъ, «горимъ!» Прежде всего, чтобы вы могли судить о томъ, какъ я умѣю собирать свѣденія, я вамъ скажу, что мнѣ уже извѣстно, что вы завтракали сегодня съ однимъ желчнымъ господиномъ, по имени Фуппе, и съ гасконцемъ Тамбурнакомъ... Такъ ли? А далѣе, знайте, что я напалъ на два слѣда. Во-первыхъ, неподалеку отсюда, между Виллымуассономъ и Мореаномъ, возлѣ лѣса, находится замокъ, который наняли въ этомъ году парижане,—господинъ съ дамою. Они не живутъ здѣсь постоянно, но пріѣзжаютъ на недѣльку, на двѣ? Это походитъ немного на то, что мы ищемъ... Во-вторыхъ, есть въ окрестности англичанинъ...

— На мельницѣ?

— А! вы тоже успѣли узнать? Что же вамъ разсказали про него?

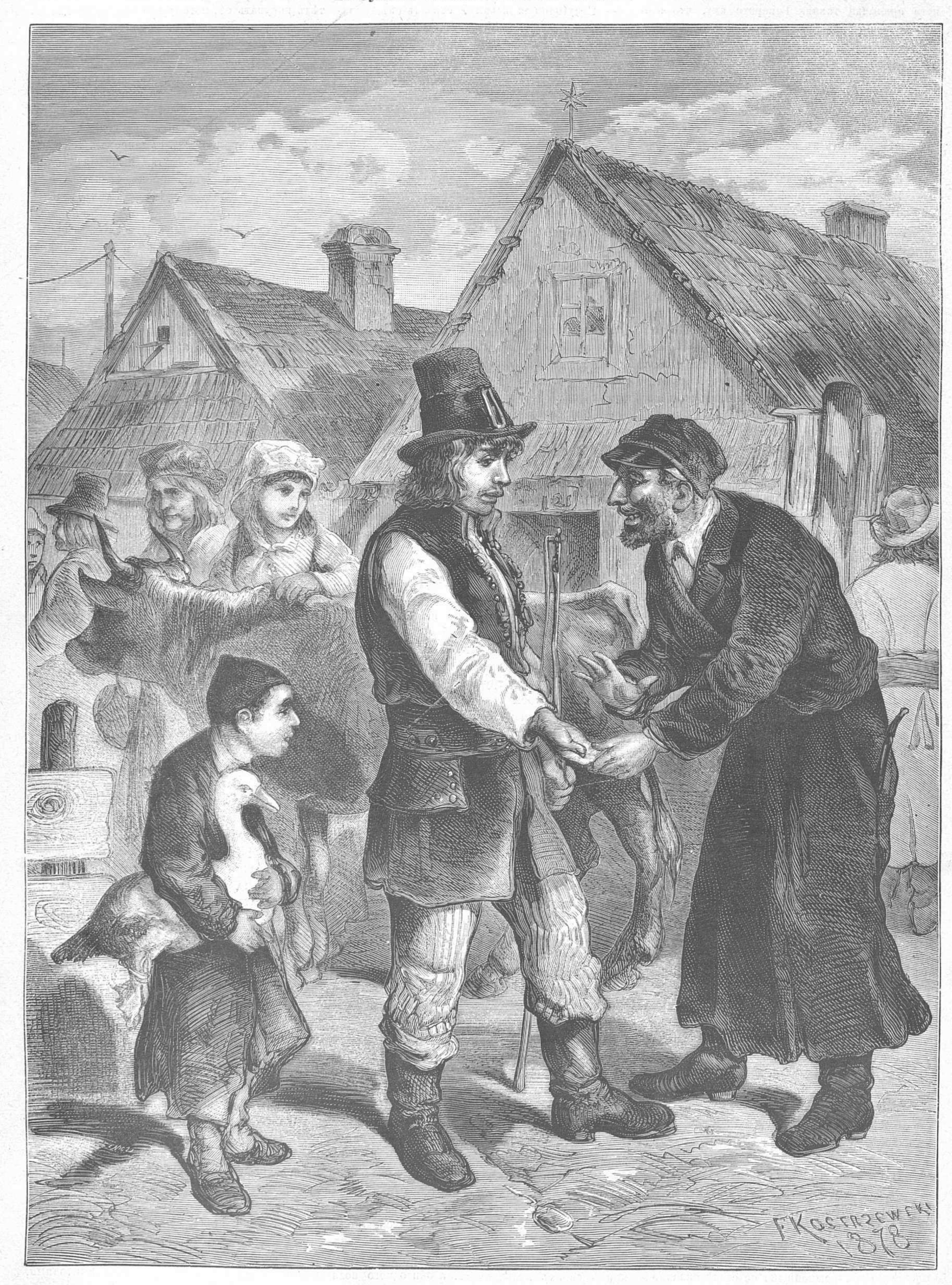
— Говорили, что пьетъ запоемъ. Это еще не особенно характерно.

— Да, но замѣтьте, что этотъ человѣкъ живетъ совершеннымъ дикаремъ и никто не знаетъ, что онъ дѣлаетъ, откуда и зачѣмъ появился... Мельникъ и мельничиха тоже личности очень загадочныя: пропадаютъ иногда... а куда, неизвѣстно.

— Сосѣди, вѣрно, знаютъ?

— Сосѣдей-то не имѣется. Мѣсто совершенно пустынное... Вы слышали уже, конечно, что въ прежнее время тамъ было много загублено душъ... Ходитъ молва, что по ночамъ видны привидѣнія... Поселяне вѣрятъ этимъ сказкамъ и стараются не заглядывать въ такую трущобу... Оттого-то и мельница, и домишко были отданы въ наемъ за самый пустякъ... и нельзя не удивляться, что человѣкъ, повидимому, достаточный, рѣшился засѣсть туда и не выходить...

Рисунокъ Ф. КОСТШЕВСКАГО.

Продажа послѣдней коровы.

Картина В. КАУЛЬБАХА.

Евгенія изъ поэмы **„Побочная дочь“.**

Изъ иллюстрацій къ сочиненіямъ Гёте.

— Между англичанами столько оригиналовъ! Къ тому же, можетъ быть, онъ любитъ охоту или рыбную ловлю...

— Право охоты въ лѣсу сдано какимъ-то парижанамъ, а въ двухъ рѣчкахъ, сливающихся у дома, водятся только пискари...

— Однако, ты узналъ столько подробностей, даже о пискаряхъ, что, вѣроятно, самъ болталъ много... Слишкомъ много, можетъ быть.

— Нѣтъ, ваша милость, только музыку заводилъ, а потомъ слушалъ. Но всѣ мои покупательницы такъ охотно разсказывали объ этомъ Аткинсѣ...

— Его зовутъ: Аткинсъ?

— Да, Джорджъ Аткинсъ. Ему лѣтъ подъ сорокъ, и жена ветеринара говоритъ, что онъ былъ, должно полагать, красавецъ... Да и теперь еще очень недуренъ собою. Впрочемъ, можетъ быть, и вретъ.

— Аткинсъ! повторилъ Лекокъ.—Этого имени нѣтъ въ спискѣ, полученномъ мною отъ Камбремера.

— Кстати о Камбремерѣ, замѣтилъ Пьедушъ.— О дѣвочкѣ нѣтъ никакого слуха... и трупа ея не отыскивалось.

— Злодѣи могли зарыть его въ какомъ-нибудь подвалѣ, или бросить въ воду, съ камнемъ на шеѣ.

— Да, на счетъ воды здѣсь раздолье, но, несмотря на это и на то, что хлѣба тутъ рядомъ вдоволь родится, мельница стоитъ безъ работы... Не удивительно-ли это?

— Но на ней живутъ настоящіе мельники, я надѣюсь?

— Живущихъ трое: мужчина, женщина и работникъ. Но посмотрите, какая штука: мужчина и женщина подмѣниваются другими, по временамъ.

— Что ты мелешь?

— Да, порою видятъ одну пару, порою другую; потомъ опять первая пара показывается.

— Это подозрительно.

— Еще какъ подозрительно, ваша милость! И я далъ себѣ слово забраться къ нимъ, не позже, какъ завтра.

— А я пойду къ англичанину. Когда онъ напьется, навѣрное, начнетъ болтать. Я умѣю «заводить» англичанъ.

— Отлично, а вечеромъ мы опять сойдемся здѣсь, у церкви?

— Хорошо. Остается теперь еще этотъ замокъ, въ которомъ поселились, какъ ты говоришь, какіе-то господа...

— Помѣстье зовутъ: Секиньи. Это въ той же сторонѣ, въ трехъ километрахъ отсюда и въ какихъ-нибудь полутора-тысячахъ метрахъ отъ мельницы. Можно зайти и туда, чтобы, такъ сказать, однимъ выстрѣломъ двухъ зайцевъ убить, но я думаю, что лучше будетъ не спѣшить.

— Ты правъ; излишняя торопливость можетъ повредить дѣлу, но нельзя тоже и мѣшкать. Каждый день дорогъ... Черезъ недѣлю, можетъ быть, и менѣе, кассаціонная палата займется аппеляціею Люп, и тогда...

— Ваша милость, Пигашъ говорилъ мнѣ, наканунѣ нашего отъѣзда, что это будетъ еще не такъ скоро.

— Пигашъ не можетъ знать.

— Онъ много знаетъ, ваша милость, хотя и не очень хитеръ... Сверхъ того, угольщики успѣютъ накрыть эту горничную...

Онъ не успѣлъ договорить, потому что Лекокъ сильно сжалъ ему руку, въ знакъ предостереженія... Вечеръ былъ темный и Лекокъ съ Пьедушемъ стояли близъ выступа церковной стѣны, которая почти совершенно закрывала ихъ, позволяя имъ самимъ наблюдать остальное, болѣе освѣщенное, пространство. Лекокъ замѣтилъ первый какую-то тѣнь, скользнувшую вдоль стѣнъ домовъ. Пьедушъ тоже увидалъ ее и шепнулъ своему патрону:

— Можетъ быть, это просто запоздавшій буржуа, но осторожность все же не мѣшаетъ.

— Да, отвѣчалъ Лекокъ. — Ступай вправо, а я налѣво.

Они разстались. Человѣкъ, на котораго они обратили вниманіе, повернулъ въ боковую улицу и скрылся изъ глазъ, но въ ту минуту, когда онъ проходилъ передъ окнами аптеки, въ которой еще былъ огонь, фигура его освѣтилась и Лекоку показалось, что онъ узнаетъ Фуппе.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Батумъ.

(Рис. стр. 308.)

Лучшій портъ на Черномъ морѣ, Батумъ, отошелъ къ намъ по мирному договору съ Турціей и въ настоящее время уже сданъ Россіи и въ немъ введена русская администрація. Изъ военной хроники, печатаемой въ «Жив. Об.», нашимъ читателямъ извѣстно, какъ трудно приходилось нашимъ войскамъ—отряду ген. Оклобжіо—дѣйствовать въ крайне-пересѣченной, гористой мѣстности, окружающей Батумъ. До послѣдней войны мы очень мало были знакомы съ этимъ краемъ. Года три тому назадъ, небольшая часть его—Аджара—была описана г. Немировичемъ-Данченко, напечатавшимъ свое произведеніе въ журналѣ «Дѣло». Затѣмъ, во время войны, появилось нѣсколько корреспонденцій объ этомъ краѣ, но все это очень мало подвинуло наше знакомство съ любопытнымъ краемъ, составляющимъ теперь часть обширной россійской имперіи. Въ настоящее время министерство финансовъ командировало туда г. Петровскаго, поручивъ ему тщательно ознакомиться съ экономическими условіями Батума и всего его округа, присоединеннаго къ Россіи. Разумѣется, единичныхъ усилій въ такомъ сложномъ дѣлѣ недостаточно. Но, по всей вѣроятности, этотъ интересный край привлечетъ и другихъ изслѣдователей.

Музыканты.

(Рис. на стр. 320 и 321.)

— «Итальянскіе шарманщики» и «Флорентійскій концертъ»,—двѣ картины, помѣщенныя въ настоящемъ нумерѣ, представляютъ невеселый контрастъ. Италія—страна искуства, страна пѣвцовъ и музыкантовъ; здѣсь на каждомъ шагу вы услышите, что кто нибудь поетъ или играетъ на какомъ нибудь музыкальномъ инструментѣ; сюда стекаются со всѣхъ концовъ Европы люди учиться музыкѣ и пѣнію; отсюда берутся, вербуются лучшіе пѣвцы, музыканты; тутъ родятся Паганини, Маріо, Верди, Дониццети, Беллини, Цингарелли и т. д. Но если Италія является родиной этихъ великихъ музыкантовъ, то она же является родиной несчастныхъ дѣтей-шарманщиковъ, наводняющихъ всѣ столицы Европы; участь этихъ дѣтей по истинѣ страшна, такъ какъ ихъ скупаютъ у матерей и отцовъ разные агенты шарманщиковъ-промышленниковъ; арендуютъ только хорошенькихъ дѣтей, надѣясь, что эти дѣти принесутъ доходъ хозяину не только игрой на шарманкѣ, но и развратомъ; этихъ дѣтей держатъ въ грязи, почти полунагими, кормятъ въ проголодь, кладутъ спать на общія постели, гдѣ они спятъ безъ бѣлья въ разныя стороны, такъ что ноги однихъ приходятся около головъ другихъ и на оборотъ. Картины Сорби и Шерментовскаго представляютъ намъ двѣ такія различныя группы музыкантовъ: въ первой группѣ блескъ, счастіе, спокойствіе и довольство; во второй—у всѣхъ, даже у обезьяны, является одна забота о томъ, великъ ли былъ дневной сборъ денегъ.

Изъ путевыхъ замѣтокъ о Курляндіи.

(*Окончаніе.*)

Путешествуя почти все время по желѣзной дорогѣ, мнѣ не приходилось долго любоваться прелестными видами береговъ Двины. Хотя эта часть описываемой мною мѣстности и не особенно богата живописными мѣстностями, тѣмъ не менѣе, однако, попадаются и здѣсь мѣста въ полномъ смыслѣ этого слова живописныя. Къ нимъ, между прочими, принадлежатъ попавшіеся мнѣ на пути развалины стараго замка въ Кокенкузенѣ. Исторія его, это исторія каждаго замка рыцарей меча. Постоянные переходы изъ однихъ рукъ въ другія, постоянныя нападенія властолюбивыхъ епископовъ, довели гордую когда-то твердыню до того печальнаго состоянія, въ которомъ мнѣ пришлось увидѣть ее теперь. Пробывъ нѣсколько часовъ въ окрестностяхъ замка, я опять сѣлъ въ вагонъ и, съ надеждою оставить его на болѣе продолжительное время въ Ригѣ, ѣхалъ по направленію къ ней.

Чѣмъ ближе подъѣзжаемъ къ городу, тѣмъ окрестности становятся скучнѣе. Около Кокенкузена можно было видѣть и красивый берегъ рѣчки Перси, притока Двины, и довольно старые лѣса, и большія пространства плодоносной почвы, засѣянныя прекраснымъ хлѣбомъ;—здѣсь же, около Риги, песокъ и болото чередуются между собою. Рига, прародительница нѣмецкихъ колоній въ прибалтійскихъ провинціяхъ, болѣе другихъ нѣмецкихъ городовъ носитъ характеръ своего происхожденія и отпечатокъ историческихъ событій. По ея постройкамъ можно, какъ по книгѣ, прочесть всю ея исторію, отъ основанія до настоящаго времени. Приближающемуся къ городу, прежде всего бросается въ глаза новая часть города, только теперь строющаяся. Широкія улицы, большіе каменные дома ясно показываютъ, что эта часть города построена по образцу большихъ городовъ, въ которыхъ обращено болѣе вниманія на заурядную красу построекъ, чѣмъ на существенныя удобства. Здѣсь среди многихъ домовъ, отличаются изящною отдѣлкою: вокзалъ желѣзной дороги, готическая церковь Св. Гертруды, довольно большой паркъ и нѣсколько частныхъ домовъ. Эта часть города отдѣлена отъ старой, исторической Риги, довольно широкимъ каналомъ. Въ старой Ригѣ меньше блеска, но за то больше исторіи. Прежде всего, здѣсь бросается въ глаза довольно большая, ничѣмъ не замѣчательная, постройка, въ которой помѣщается городской театръ. Пройдя мимо него я очутился на Калькштрасе. Эта улица, все съуживающаяся къ морю, ведетъ прямо въ рижскій портъ. Движеніе, крики, возгласы извощиковъ, самая пестрая толпа—все это доказываетъ, что здѣсь живутъ люди, дорожащіе временемъ. Здѣсь впервые бросилось мнѣ въ глаза то именно, что я надѣялся увидать: это перевѣсъ труда надъ праздностью. На улицѣ изящно одѣтыя дамы должны сторониться отъ рабочихъ и матросовъ, постоянно снующихъ въ одну и другую сторону, съ грузомъ и товарами. Изящныя дамы и кавалеры, которыхъ, впрочемъ, очень немного, какъ-то стушевываются—ихъ трудно даже замѣтить при огромномъ количествѣ рабочаго населенія, безъ устали въ одну и другую сторону перевозящаго товары. Улица эта ведетъ прямо къ берегамъ Двины, къ рижскому порту. Здѣсь вашимъ глазамъ представляется зрѣлище неусыпнаго труда на огромномъ пространствѣ. Безконечный рядъ пароходовъ всевозможныхъ величинъ, кораблей и корабликовъ, наконецъ, небольшихъ шлюпокъ и яликовъ—на нихъ непрерывающаяся ни на минуту выгрузка и нагрузка товаровъ, шумъ, крики на всѣхъ языкахъ, веселый смѣхъ, иногда и ругань, а вдали море, сливающееся съ синевой неба—все это слагается

въ картину, полную жизни и движенія. Испанцы, греки, шведы, французы, англичане, всѣ почти въ своихъ національныхъ костюмахъ, на этомъ пространствѣ живутъ мирно и дружно. Невольно приходитъ въ голову мысль, скоро ли на земномъ шарѣ наступитъ та желанная эпоха, которой такъ трудно дождаться,—эпоха всеобщаго мира, всеобщаго труда?.. Изъ этихъ мечтаній вырвалъ меня свистъ парохода, стоявшаго у берега. Я невольно спросилъ:

— Wo gehts hin, Capitain? (Куда идетъ пароходъ, капитанъ?)

— Nach Boldera! (Въ Больдеру.)

— Ich mit? (Возьмете меня?)

— Schön! (Хорошо), былъ отвѣтъ.

И черезъ нѣкоторое время я очутился въ Больдерѣ. Больдера — небольшая крѣпость, ничѣмъ не отличающаяся отъ обыкновенныхъ морскихъ фортовъ. Осмотрѣвъ ее, я полюбопытствовалъ взглянуть на то мѣсто, гдѣ чинятъ морскіе корабли. Мастерскія занимаютъ большое пространство. Самое устройство очень не сложное. Желѣзная платформа, по рельсамъ, помѣщеннымъ на наклонной плоскости, конечно, большихъ размѣровъ, опускается въ воду. Корабль наводится какъ разъ на то мѣсто, гдѣ она расположена. Потомъ платформа, помощью пара, подымается, съ нею вмѣстѣ подымается и корабль, и по прошествіи получаса, платформа съ кораблемъ вмѣстѣ находится на сушѣ.

Осмотрѣвъ мастерскія, я отправился по направленію къ маяку. Онъ построенъ въ 1863 году изъ желѣза, на мѣстѣ деревяннаго маяка, разрушеннаго во время крымской войны 1853 года.

На узенькой полоскѣ земли, клиномъ вдающейся въ море, возвышается на 20 футовъ надъ поверхностью воды, а на 11 футовъ надъ землею, башня, оканчивающаяся на вершинѣ громаднымъ фонаремъ. Я поторопился взобраться на верхнюю галерею, желая полюбоваться видомъ Балтійскаго моря. Но увы! полное разочарованіе! Минуту, двѣ—зритель любуется безконечнымъ пространствомъ сѣрыхъ волнъ, ихъ шумомъ и плескомъ; черезъ нѣсколько минутъ онѣ наводятъ скуку. Природа на сѣверѣ грандіозна, есть въ ней много величаваго, но никогда она не наполнитъ сердца тѣмъ чувствомъ радости, какое испытываешь, смотря на лазурь итальянскаго неба, на тихія воды Средиземнаго моря... На сѣверѣ природа—врагъ человѣка, съ которымъ приходится вести упорную борьбу; на югѣ, кажется, она дѣлаетъ все возможное, чтобы осчастливить своего властелина...

...Я торопился въ городъ...

Гугенотское движеніе во Франціи.

(Исторія феодальной реакціи во Франціи въ 16 и 17 вѣка И. В. Лучицкаго.

(*Продолженіе.*)

Распущенность нравовъ при дворѣ и въ высшихъ общественныхъ кружкахъ, въ связи съ общею анархіею въ государствѣ, дѣлавшею развратъ бичомъ страны, привлекала умы горожанъ и части народа на сторону гугенотскихъ проповѣдниковъ, противуполагавшихъ этой распущенности идеалъ строгой христіанской жизни. Долю успѣха гугенотской проповѣди въ средѣ низшихъ классовъ населенія справедливо будетъ приписать тѣмъ пасторамъ, которые, въ противуположность Безѣ и Кальвину, проповѣдывали необходимость демократическаго строя. Въ 1560 г., въ одной изъ областей юга, пасторы проповѣдывали возстаніе противъ власти: они говорили народу, собравшемуся послушать ихъ поученія, что всѣ тѣ, кто перейдетъ въ ихъ вѣру, перестанутъ платить подати, работать на сеньеровъ и пр.

Но это были только отдѣльные случаи отступленія отъ Кальвинова катехизиса новой религіи и значеніе ихъ проявлялось только въ увеличеніи численности протестанской партіи. Состояніе партіи въ это время видно изъ слѣдующаго донесенія Джовани Корреро венеціянскому сенату въ 1564 г.: «Три рода лицъ разумѣютъ подъ именемъ гугенотовъ: дворянъ, горожанъ и простой народъ! Дворяне присоединились къ сектѣ, движимые желаніемъ уничтожить враговъ; горожане вслѣдствіе любви къ свободѣ и надежды обоготиться на счетъ церкви, простой народъ вслѣдствіе увлеченія ложными доктринами. Дворяне могутъ похвастаться тѣмъ, что достигли цѣли и что имена принца Конде и адмирала (Колиньи) внушаютъ не меньше любви и страха, чѣмъ имена короля и королевы, а горожане тѣмъ, что съ успѣхомъ подвигаются къ выполненію своихъ цѣлей. Въ каждой области у нихъ существуетъ вождь, могущій соперничать своею властью съ губернаторомъ провинціи, если, какъ часто случалось, самъ же губернаторъ не былъ изъ числа гугенотовъ. Подъ вѣдѣніемъ вождя находятся всѣ дворяне той же области, которые своимъ авторитетомъ и властью поддерживаютъ простой народъ и покровительствуютъ ему».

Здѣсь не упомянутъ только одинъ элементъ, игравшій видную роль во всѣхъ событіяхъ—пасторы. Выше уже было указано, какое высокое мѣсто отведено было имъ въ организаціи церкви; здѣсь замѣтимъ только, что, примѣняясь къ обстоятельствамъ, пасторъ былъ всѣмъ: и солдатомъ и полководцемъ, проповѣдникомъ и публицистомъ, судьею и казначеемъ. Характеръ ихъ дѣятельности во всѣхъ этихъ положеніяхъ будетъ ясенъ, если сказать, что по большей части они назначались Кальвиномъ, лично знавшимъ многихъ изъ нихъ.

Но должно замѣтить, что если корпорація пасторовъ (консисторія) располагала большою властью, то она и была вполнѣ на высотѣ своего положенія: предъявляя большія требованія членамъ своей партіи, пасторы сами строго и неуклонно выполняли ихъ. И за это они пользовались любовью народа, «который защищалъ ихъ, вырывалъ ихъ изъ рукъ власти, наказывалъ всякое неповиновеніе или неуваженіе, оказанное учителямъ и проповѣдникамъ истины». Дѣло пасторовъ стало дѣломъ народнымъ. Къ пастору обращались гугеноты за совѣтомъ, отъ него слышали энергическую защиту своихъ правъ, съ нимъ терпѣли преслѣдованія и гоненія за вѣру.

Брошюры того времени (1550 г.), манифесты вождей партіи свидѣтельствуютъ объ отсутствіи среди дворянъ яснаго и опредѣленнаго представленія преслѣдуемой ими цѣли. Указывалось на существующія злоупотребленія, на интриги Гизовъ, дѣлались призывы къ оружію на защиту законовъ и тутъ-же рядомъ подтверждалась безспорность принципа, утверждающаго, что возстаніе противъ королевской власти не оправдывается ни божескими, ни человѣческими законами, что первая обязанность начальниковъ—содержать народъ въ повиновеніи. Такая непослѣдовательность была логическимъ слѣдствіемъ двойственности и противурѣчивости, проникавшихъ все ученіе Кальвина, а также неопредѣленности отношеній дворянъ къ двору.

Первая попытка къ возстанію, сдѣланная дворянами съ цѣлью «освободить» короля «изъ плѣна» въ Блуа (какъ они заявляли), показала все неустройство партіи. Адмиралъ Колиньи присутствовалъ въ замкѣ Амбуазъ, во время нападенія на него его единовѣрцевъ, а принцъ Конде, считавшійся тайнымъ вождемъ гугенотовъ, сражался даже противъ нихъ въ рядахъ католиковъ. Нападеніе на замокъ было неудачно и кончилось казнью многихъ заговорщиковъ. Впечатлѣніе, произведенное казнями, было очень сильно: отецъ историка д'Обиньи, по разсказу послѣдняго, выразилъ впечатлѣніе толпы восклицаніемъ: «палачи, они обезглавили Францію!» и тутъ же, въ виду труповъ казненныхъ, онъ заставилъ сына, еще мальчика, дать клятву, что тотъ отомститъ за смерть «этихъ славныхъ вождей». Но и эта неудача не способствовала немедленному устройству организаціи партіи. Большинство дворянъ, напротивъ, поспѣшило въ Парижъ.

Въ это время скончался Францискъ и вступилъ на престолъ Карлъ IX. Начало новаго царствованія возбудило большія надежды между гугенотами: Л'опиталь — управлявшій государствомъ—былъ сторонникъ терпимости, гугенотскіе пасторы проповѣдывали даже при дворѣ, и потому приготовляться къ войнѣ было излишне. Папскій нунцій жаловался Екатеринѣ Медичи, что истинная религія оскорбляется, испанскій посолъ доносилъ своему королю, что католическая религія гибнетъ во Франціи. Съ другой стороны, королевѣ-матери приходилось получать такія письма: «Долгъ короля, писалъ ей одинъ гугенотъ,—слѣдовать вѣрѣ и религіи тѣхъ, которые со временъ апостоловъ жили согласно предписаніямъ евангелія»... «Теперь именно Богу угодно было открыть всѣ обманы папъ»... «Истребите идолопоклонство, распространите по всей землѣ французской свѣтъ истины, дайте ей одной мѣсто въ вашемъ королевствѣ»... Такія же мысли проводились и въ многочисленныхъ брошюрахъ.

Не было недостатка и въ угрозахъ: «Бойтесь, чтобы въ то время, когда сынъ вашъ узритъ истину, а вы пребудете въ заблужденіи, вы не были лишены и почестей, и высокаго положенія», говорили гугенотскіе публицисты, обращаясь къ Екатеринѣ Медичи. — «Берегитесь! писали въ другомъ мѣстѣ, — вамъ представляется совершить дѣло служенія Господу, стать второй Юдифью, рука которой была укрѣплена и вооружена Богомъ брани, воспользуйтесь имъ, потому что если вы не пробудитесь отъ сна, онъ обратится въ смерть... Терпѣніе сыновъ Божіихъ можетъ превратиться въ неистовство».

Клики: «Cafard, parcide!» — раздавались все чаще послѣ 61 года.

Рѣзня протестантовъ въ Васси и торжество Гизовъ превратили «терпѣніе сыновъ Божіихъ въ неистовство»: составилась священная ассоціація всѣхъ гугенотовъ подъ начальствомъ Конде. Послѣдовавшая затѣмъ война названа современниками «священною войною». Если масса и ополчилась на защиту религіи, то партія дворянъ съ Конде во главѣ преслѣдовала другія цѣли. Война велась довольно успѣшно гугенотами. Но условія мира, заключеннаго Конде, такъ мало соотвѣтствовали его успѣхамъ, что вызвали рѣзкое осужденіе даже со стороны Колиньи, тоже дворянина: «Вы разрушили однимъ почеркомъ пера, сказалъ онъ принцу, гораздо больше церквей, чѣмъ могли бы ихъ разрушить всѣ непріятельскія силы втеченіи десяти лѣтъ... Вы гарантировали лишь права знати, прибавилъ онъ, и заставляете бѣдныхъ горожанъ во многихъ мѣстахъ ходить за двадцать лье слушать проповѣдь». Этими словами Колиньи вѣрно охарактеризовалъ положеніе, занятое дворянами гугенотской партіи.

Миръ былъ заключенъ, но волненіе продолжалось. Венеціянскій посолъ, донесенія котораго сенату мы цитировали выше, такъ характеризуетъ взаимное положеніе католической и гугенотской партіи: «Я нашелъ это королевство (Францію) въ сильномъ смятеніи, потому что религіозныя разногласія, раздѣлившія его на двѣ фракціи, были причиною, что каждый отрѣшался отъ всякихъ соображеній дружбы или родства и подозрительно прислушивался ко всему, что происходило вокругъ него. Въ страхѣ были гугеноты, въ страхѣ и католики, въ страхѣ король, въ страхѣ и подданные; но, говоря по правдѣ,

въ гораздо большемъ страхѣ были король и католики, чѣмъ гугеноты, которые становятся все храбрѣе и настойчивѣе, и изыскиваютъ всевозможныя средства для распространенія и утвержденія своей религіи».

Черезъ три года былъ нарушенъ миръ, но новая война была неудачна для гугенотовъ и результатъ войны—миръ въ Лонжюмо—тяжело сказался на большемъ стѣсненіи свободы совѣсти и исповѣданія гугенотовъ.

Теперь пасторы увидѣли, что большинство простого народа, фанатизированное католическимъ духовенствомъ, стоитъ противъ нихъ. Съ другой стороны, заключеніе перваго мира Конде указывало на роль дворянъ-гугенотовъ и, наконецъ, послѣдовательность, въ какой городскія общества присоединялись къ партіи гугенотовъ: сначала—лишенныя самоуправленія, и только такая свобода слова, что нельзя найти различія между папистами и ими». «Совѣсть многихъ начала отступать отъ правилъ», писалъ третій.

Рядомъ съ упадкомъ религіозной ревности, политическія тенденціи партіи выяснялись все больше и теперь ростъ партіи обусловился присоединеніемъ всѣхъ недовольныхъ положеніемъ вещей въ государствѣ. А такихъ было много, такъ какъ центральная власть потеряла всякое вліяніе на дѣла. Ея приказанія не исполнялись и всякій поступалъ какъ ему заблагоразсудится. Вооруженныя шайки грабили государство. Король издавалъ приказы, запрещающіе подъ страхомъ смертной казни вооруженныя скопища, но приказы оставались мертвою буквою. Когда же королю нужны были деньги, сборы производились насильно. Такимъ образомъ, народъ обязанъ былъ платить только за то, что въ его пользу пишутъ короля, поддержать bien public и добиться свободы совѣсти, и берутся они за оружіе.

Уже и теперь интересы церкви даже въ текстѣ объявленія войны отодвинуты на задній планъ. Недоставало только, чтобы какое нибудь внѣшнее событіе дало въ руки дворянъ ту силу, которой до сихъ поръ владѣли пасторы. Такимъ событіемъ была такъ называемая Варфоломеевская ночь.

(Продолженіе будетъ.)

ХОЗЯИНЪ.

(Разсказъ **Ф. Давида.**)

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ привелось попасть въ Копенгагенъ, родину знаменитаго астронома Тихо-Браге. Обдѣлавъ свои дѣла, я намѣревался уже возвратиться во Францію, когда въ одно прекрасное утро ко мнѣ зашелъ нашъ консулъ, мой старый товарищъ.

Больдера: Маякъ.

(См. статью «Путевыя замѣтки о Курляндіи».)

позже—болѣе широко имъ пользующіяся, убѣдительно говорили, что чисто религіозные вопросы перестаютъ быть главнымъ стимуломъ къ борьбѣ и такое же, если не большее, мѣсто, занимаютъ въ умахъ борющихся вопросы политическіе, взгляды болѣе либеральные на отношенія подданныхъ къ королю. Ведя постоянно борьбу съ партіей короля, нельзя было продолжать увѣрять себя въ вѣрноподданническихъ чувствахъ. Были уже и такія личности, которыя желали избрать королемъ Конде и даже выбили въ честь его медали съ надписью: «Le roi des fidelles». Сами пасторы свидѣтельствуютъ объ измѣненіи настроенія среди гугенотовъ: «Состояніе гугенотовъ, говорилъ одинъ изъ нихъ, сильно измѣнилось: нѣтъ болѣе прежнихъ нравовъ, многіе питаютъ мало любви къ религіи»... «Между многими изъ вѣрныхъ, писалъ другой пасторъ, развилась приказы. Неудовольствіе возрастало и стали появляться въ разныхъ мѣстахъ Франціи протесты противъ насилій, совершаемыхъ центральною властью. Въ Анжерѣ, напр., состоялось въ іюлѣ 1569 г. собраніе депутатовъ отъ разныхъ мѣстностей провинціи Анжу, которые явились благодарить городское управленіе за то, что оно отказало королю въ уплатѣ требуемыхъ имъ денегъ и «сохранило свободу страны». Иначе относились теперь и къ королю: въ манифестахъ, изданныхъ по случаю возобновленія войны, гугеноты прямо заявляютъ, что не будутъ признавать дѣйствительными никакихъ приказовъ, даже за подписью короля, пока онъ будетъ въ рукахъ кардинала лотарингскаго. «Король, говорятъ они, разоряетъ своихъ подданныхъ, отчуждаетъ ихъ отъ себя и этимъ подвергаетъ себя опасности потерять государство». И вотъ съ цѣлью спасти

— Я ѣду въ Стокгольмъ, сказалъ онъ мнѣ.— Не хотите-ли проѣхаться со мной? Вы побываете въ Швеціи, весьма любопытной странѣ.

— Далеко, отвѣчалъ я.

— Что вы, можно сказать въ двухъ шагахъ отсюда.

— Да, шведскій берегъ недалеко, но Стокгольмъ...

— Три дня, если ѣхать моремъ и пять, на почтовыхъ, сухимъ путемъ.

— Я предпочитаю ѣзду на почтовыхъ.

На слѣдующій день, рано утромъ мы сѣли на небольшой пароходъ «Офелія» и онъ черезъ какой-нибудь часъ высадилъ насъ на шведскій берегъ, а черезъ пять дней ѣзды на почтовыхъ мы были въ Стокгольмѣ.

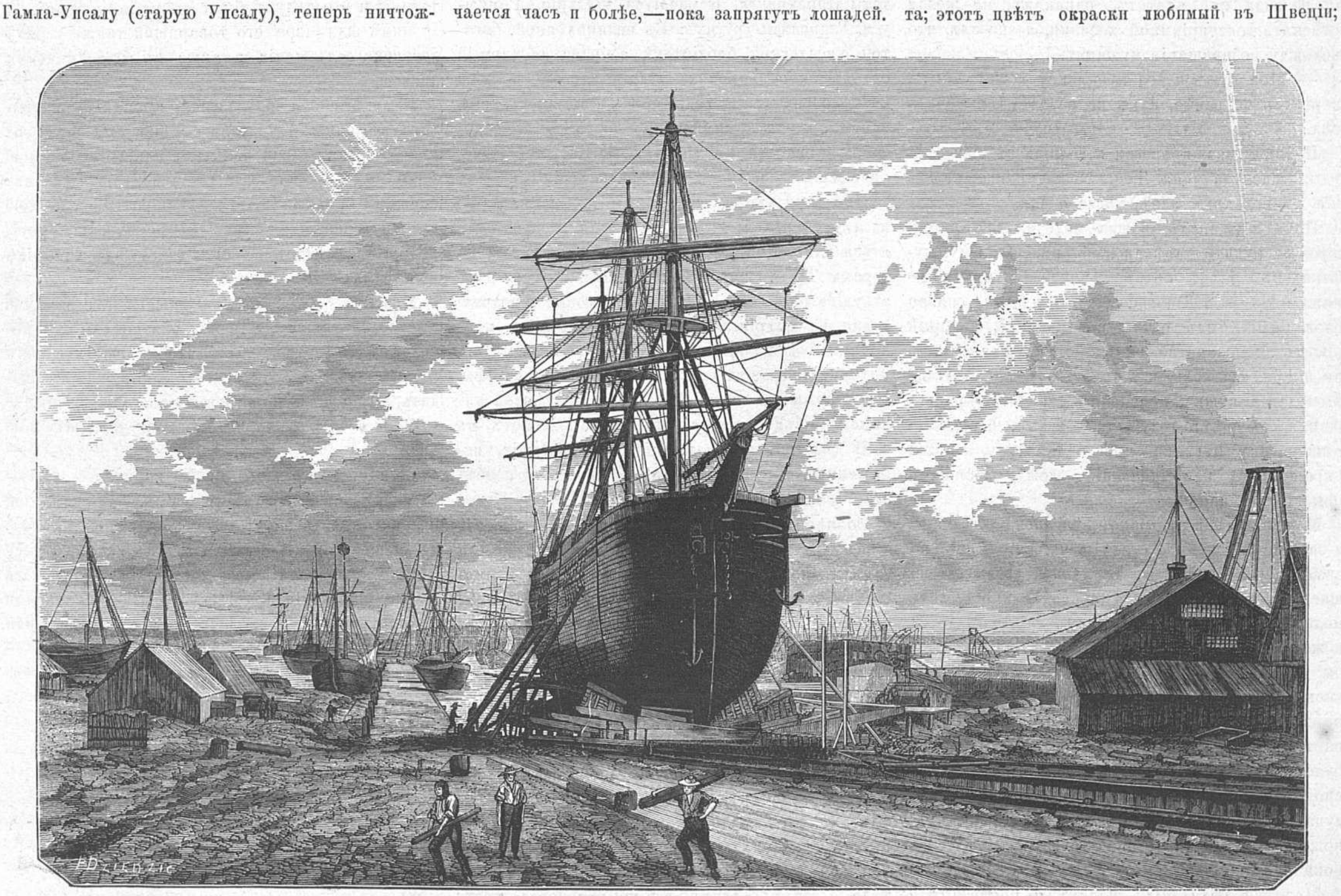
— Ну, вы еще мало увидали, сказалъ мнѣ мой товарищъ на восьмой день нашего пребыванія въ шведской столицѣ. Цѣлую недѣлю я шагалъ по Стокгольму, желая осмтрѣть все, что стоило и не стоило видѣть.

— Да, продолжалъ онъ, — если вы захотите послушаться совѣта друга, вы не уѣдете изъ Швеціи не осмотрѣвъ желѣзныхъ рудниковъ въ Даненорѣ, можетъ быть, самыхъ любопытныхъ и самыхъ богатыхъ въ свѣтѣ. Смотря по состоянію дороги, вы доѣдете туда въ три или четыре дня. По дорогѣ вы остановитесь на нѣсколько часовъ въ Упсалѣ. Посмотрите тамошній университетъ и его библіотеку, одну изъ самыхъ знаменитыхъ въ Европѣ. Упсалу нельзя назвать красивымъ городомъ, но она поражаетъ своей глубокой древностью и въ ней родились великій Линней и знаменитый химикъ Берцеліусъ. Далѣе, по дорогѣ, черезъ нѣсколько часовъ ѣзды, вы встрѣтите Гамла-Упсалу (старую Упсалу), теперь ничтожную деревушку; она расположена среди трехъ громадныхъ, остроконечныхъ гранитныхъ скалъ. По словамъ шведской легенды, здѣсь погребены Юпитеръ скандинавской мифологіи, Одинъ, и его семья. Ученые подрылись подъ самую высокую изъ трехъ скалъ и нашли тамъ остовъ лошади и нѣсколько уродливыхъ образцовъ посуды изъ красной глины. Эта неудача нисколько не смутила ученыхъ и они намѣрены продолжать свои изысканія... Совѣтую вамъ, поѣзжайте; а когда осмотрите все, возвращайтесь домой черезъ Германію. Вы высадитесь въ Готенбургѣ. Поѣзжайте далѣе по Готскому каналу; вы увидите геркулесовскія работы, передъ которыми прорытіе Суэзскаго канала—игрушка.

Черезъ нѣсколько дней я сѣлъ на маленькій пароходъ, отправлявшійся въ Упсалу. Искусно лавируя между многочисленными островами Меларскаго озера, пароходъ доставилъ насъ въ ученый городъ. Здѣсь я взялъ странный экипажъ, запряженный парой малорослыхъ лошадей, и въ немъ отправился въ Даннемору.

Если у путешествующаго по Швеціи нѣтъ своего собственнаго экипажа, онъ принужденъ ѣхать въ очень неудобной телѣгѣ, наполненной сѣномъ, которымъ запасается ямщикъ съ цѣлію покормить лошадей на станціи. Багажъ ставится въ ногахъ путешественника и, при каждомъ толчкѣ, очень непріятно даетъ знать о своемъ присутствіи. Ямщикъ сидитъ на облучкѣ и непрестанно погоняетъ лошадей, которыя бѣгутъ шибко

Въ полночь, черезъ шесть съ половиною часовъ ѣзды, то рысью, то галопомъ, я прибылъ безъ приключеній на станцію Висбу. Мужчинъ на станціи не было ни одного, конюшни пусты. Въ Швеціи незанятыхъ лошадей не держатъ въ конюшняхъ на станціяхъ; ихъ выпускаютъ на пастбище въ лѣсъ или обширные луга. Отъ этого на станціяхъ приходится ожидать долго, — случается часъ и болѣе,—пока запрягутъ лошадей.

Больдера: Мастерскія для починки судовъ.

(См. статью «Путевыя замѣтки о Курляндіи»)

На станціи мужчинъ не было, какъ я уже сказалъ; я засталъ только женщинъ; онѣ пряли, сидя у огромнаго очага, въ которомъ горѣли сучья смолистаго можевельника, дававшаго большое веселое пламя. Комната, въ которую я вошелъ, освѣщалась однимъ окномъ; въ его раму, раздѣленную на четыре гнѣзда, были вставлены не бѣлыя, а зеленыя стекла. На правой и на лѣвой сторонѣ комнаты, въ глубинѣ ея, стояли двѣ кровати, съ зелеными саржевыми балдахинами,—допотопныя кровати, которыя можно встрѣтить только въ Швеціи; на одной кровати лежала съежившаяся, скорчившаяся старуха, на видъ которой можно было дать всѣхъ сто лѣтъ; на другой—дѣти, бѣленькія, розовенькія, точно херувимы, спавшія сномъ невинности.

Едва я вошелъ въ комнату, одна изъ женщинъ поспѣшила бросить въ печь четыре или пять можевеловыхъ сучьевъ. Я забылъ сказать, что домъ былъ деревянный. Въ Швеціи, какъ и вообще во всѣхъ странахъ, гдѣ нѣтъ другого камня, кромѣ гранита, большая часть домовъ построена изъ дерева.

Пряхи, очевидно, ждали чьего-то возвращенія; столъ стоялъ накрытый и приборы были закрыты двумя длинными салфетками, вѣроятно, отъ мухъ. Тутъ же стоялъ букетъ изъ полевыхъ цвѣтовъ и зеленыя вѣтки можевельника и ели; ежедневно и букетъ и вѣтки ставятся свѣжіе, что въ Швеціи считается хорошимъ средствомъ для очищенія воздуха.

Ямщикъ поставилъ на полъ мой чемоданъ и, не простившись со мною и не давъ вздохнуть своимъ лошадямъ, отправился въ обратный путь.

Видя невозможность ѣхать далѣе, я рѣшился провести здѣсь ночь. Домъ, построенный изъ тесанныхъ бревенъ, какъ вообще строются деревянные дома въ Швеціи и Россіи, былъ окращенъ красной краской грубаго кирпичнаго цвѣта; этотъ цвѣтъ окраски любимый въ Швеціи; по словамъ туземцевъ, онъ предохраняетъ дерево отъ насѣкомыхъ, истачивающихъ его. Домъ состоялъ изъ двухъ этажей; нижній окруженъ былъ галлереей, а верхній имѣлъ балконъ, на который отворялись окна. На окнахъ висѣли шторы: на однихъ бѣлыя, на другихъ желтыя. Тѣ изъ моихъ читателей, которые бывали въ Швейцаріи и знакомы съ тамошними «шале» могутъ составить себѣ ясное понятіе о скандинавскихъ жилищахъ.

Къ двумъ сторонамъ дома были пристроены крылья, служащія сараями, конюшнями и хлѣвами; домъ былъ кругомъ обнесенъ заборомъ изъ кольевъ, связанныхъ между собою планками. Этотъ высокій заборъ предохранялъ отъ дикихъ звѣрей; колья стояли такъ густо, что препятствовали даже юркой лисицѣ попадать въ столь любимый ею курятникъ.

Домъ, хотя удаленный отъ жилищъ и стоящій среди лѣса, представлялъ видъ вполнѣ честнаго

жилья. Однакожъ, меня все-таки брало нѣкоторое сомнѣніе. Почему? я не могъ бы сказать, но ощущалъ лихорадочное состояніе, знакомое всякому, кому приходилось заблудиться въ мрачномъ, густомъ, почти первобытномъ лѣсу, гдѣ невольно лѣзетъ въ голову идея о разбойничьихъ шайкахъ, о засадахъ; гдѣ вооруженный путникъ непремѣнно тщательно осмотритъ свое оружіе.

Осмотрѣвшись нѣсколько въ комнатѣ, я сѣлъ подлѣ очага; ночь была прохладная и погрѣться у огня было не лишнее.

Г-жа Олафъ, женщина среднихъ лѣтъ, но свѣжая и проворная, какъ молодая дѣвушка, встала мнѣ на встрѣчу, отставивъ въ сторону свою прялку.

— Не хотите-ли ужинать? спросила она меня очень привѣтливо.

Я поблагодарилъ. Хотя дорожная тряска сильно развила мой апетитъ, однакожъ, не желая стѣснять гостепріимной хозяйки, я сказалъ, что подожду возвращенія мужчинъ.

— Мой мужъ и его товарищи, можетъ быть, вернутся не ранѣе, какъ на разсвѣтѣ, отвѣчала она.

Перспектива провести всю ночь въ ожиданіи ѣды, ужаснула меня. Я согласился принять ужинъ изъ нѣсколькихъ яицъ, масла и чая.

Пока я ужиналъ, вошла молодая пара, держась за руки и напѣвая любовную балладу, музыкальный ритмъ которой показался мнѣ чудовищно-дикимъ. Юноша, лѣтъ двадцати, сильно сложенный, былъ одѣтъ въ костюмъ, который носитъ большинство скандинавскихъ поселянъ, по имени «вадмель» изъ толстаго сѣраго сукна. Молодая дѣвушка, красивая и дородная, краснощекая, съ свѣтло-голубыми глазами, блондинка рыжеватаго оттѣнка, носила костюмъ, своими украшеніями напоминающій одежду женщинъ римской Кампаньи.

Молодые люди рядышкомъ усѣлись подлѣ очага и занялись тѣмъ, что стали жечь, непремѣнно по два, свѣжіе орѣхи на горячихъ угольяхъ; по шведскимъ повѣрьямъ, это необходимо дѣлать молодымъ людямъ, влюбленнымъ другъ въ друга и желающимъ вступить въ бракъ, для того, чтобы узнать, будетъ-ли ихъ послѣдующая жизнь спокойна и счастлива. Смотря потому, горятъ-ли орѣхи спокойно, или шелуха, лопаясь, разбрасывается съ трескомъ по сторонамъ, супружество будетъ мирное или бурное. Если орѣхъ горѣлъ спокойно, дамы весело смѣялись; если же скорлупа лопалась съ сильнымъ трескомъ, онѣ тревожно взглядывали одна на другую и съ грустію покачивали головами.

Молодые люди были женихъ и невѣста. На слѣдующій день, который былъ днемъ рожденія г-жи Олафъ, было предположено сыграть ихъ свадьбу.

Когда я поужиналъ, меня отвели въ большую комнату въ нижнемъ же этажѣ, рядомъ съ общей, гдѣ находилась старинная, громадныхъ размѣровъ, кровать; бѣлье на постели отличалось удивительной бѣлизной и свѣжестью. Г-жа Олафъ, поставивъ на столъ лампу съ тремя посочками, до краевъ наполненную рыбьимъ жиромъ, и пожелавъ мнѣ покойной ночи, удалилась.

Черезъ четверть часа всѣ находившіеся въ общей комнатѣ, разошлись по своимъ спальнямъ; нѣкоторыя изъ нихъ приходились надо мной, въ верхнемъ этажѣ; какъ ни старались обитательницы этихъ комнатъ ходить тихо, ихъ шаги все-таки гулко доносились до меня. Вскорѣ затихъ всякій шумъ. Можно было полагать, что весь домъ спитъ крѣпкимъ сномъ.

Вѣтеръ, порываясь чрезъ скважины въ дверяхъ и окнахъ, свистѣлъ печально, напоминая похоронное пѣніе. Этотъ свистъ вмѣстѣ съ криками совы не давали мнѣ уснуть. Мнѣ надоѣло, наконецъ, ворочаться съ боку на бокъ и я сталъ думать... Мало-по-малу мысли мои окончательно сосредоточились на скандинавскихъ легендахъ и сказкахъ. Между ними есть не мало такихъ, которыми съ большой охотой воспользовался бы Гофманъ.

Скандинавская миѳологія такъ же обширна, какъ и греческая. Суровые, но вмѣстѣ и легковѣрные шведы населили свои поля, скалы, таинственные, мрачные лѣса, болота, рѣки, ручьи множествомъ духовъ, добрыхъ или злыхъ, великодушныхъ или ужасныхъ, которыхъ надо бояться или благоговѣть передъ ними,—которые имѣютъ власть дѣлать добро или зло, обогатить или раззорить, смотря по ихъ натурѣ. Норвежецъ Вогатусъ написалъ очень интересное объемистое сочиненіе о богахъ, полубогахъ, богиняхъ, герояхъ и пр. скандинавской миѳологіи. Объ этомъ же предметѣ имѣются очень обстоятельные трактаты Пикатрикса, Корнеліуса, Дельріо, Ремигіуса, Главиля и другихъ. Въ великолѣпной, богатой упсальской библіотекѣ собранъ обширный отдѣлъ скандинавскихъ сагъ и эдъ. Есть тамъ не мало сочиненій, трактующихъ о дьявольскомъ навожденіи съ такими подробностями, что способны привести въ трепетъ людей нервныхъ, мало-мальски подверженныхъ суевѣрію.

Скептики улыбнутся, читая эти строки. Хотя я самъ скептикъ, но признаюсь, не рѣшусь смѣяться надъ этой людской слабостью. Вездѣ, на горахъ Тибета, въ Альпахъ и Пиринеяхъ, дѣйствуютъ болѣе или менѣе одинаковые предразсудки и суевѣрія. Каждый народъ, каждая провинція имѣютъ свои традиціонныя легенды, въ которыхъ играютъ роль дьяволъ, гномы, сильфы. Нѣкоторыя изъ этихъ легендъ не поддаются никакому объясненію, но многія заключаютъ въ себѣ дѣйствительныя историческія событія, искаженныя фантастическими добавленіями и объясненіями.

Со мной была книга «шведскихъ сказокъ». Я сталъ читать одну изъ этихъ сказокъ, но не успѣлъ окончить и половины ея, какъ почувствовалъ, что глаза мои начинаютъ слипаться. Я, однакожъ, не заснулъ, а впалъ въ полу-дремоту.

Часы съ кукушкой, въ общей комнатѣ, пробили три часа. Не успѣлъ еще замереть послѣдній звукъ отъ боя часовъ, какъ до моего слуха долетѣлъ не то крикъ, не то ревъ, заставившій меня привскочить на моей кровати. Я сталъ прислушиваться. Замѣчу мимоходомъ, что въ Швеціи очень рѣдко встрѣчаются окна со ставнями, а двери почти всегда запираются только на задвижку или даже на щеколду. Я услышалъ, что на землю тяжело упало точно человѣческое тѣло, а затѣмъ отчетливо были произнесены слѣдующія слова:

— Тысяча чертей! Тяжелъ разбойникъ!

Г-жа Олафъ отворила свое окно и до моего слуха долетѣлъ такой разговоръ.

— Это ты, Канутъ?

— Я, Эбба.

— Убилъ ты хозяина?

— Да, наконецъ-то удалось мнѣ уходить стараго чорта. Полюбуйся, онъ здѣсь лежитъ.

— Господи, какой же онъ здоровякъ!

— Я уже отчаявался покончить съ этимъ мошенникомъ. Чтобы чортъ его подралъ! Собака! онъ едва не задушилъ меня. Надо поторопиться раздѣть его и зажарить до наступленія утра, пока не соберутся всѣ наши. Собаки чуютъ, что имъ достанутся его кости. Я же самъ съ удовольствіемъ полакомлюсь печенью этого бродяги.

Проснувшіяся женщины стали спускаться внизъ чрезъ нѣсколько минутъ послѣ этого страннаго разговора, убѣждавшаго меня, что совершилось убійство. Ступени лѣстницы дрожали подъ тяжелыми, колеблющимися шагами спускавшихся женщинъ. Поднялись женихъ и невѣста, заявивъ дуэтомъ, похожимъ на вой волковъ, о томъ, что они сошлись вмѣстѣ въ общей комнатѣ.

Я быстро вскочилъ съ постели и подошелъ къ двери, неимѣвшей даже внутренней задвижки. Сквозь довольно широкую щель ея, при свѣтѣ смоляного факела, который держала г-жа Эбба, я увидѣлъ, что въ комнату вошелъ сильный, коренастый мужчина, Канутъ Олафъ, мужъ г-жи Эббы.

Признаюсь, его фигура вовсе не внушала довѣрія. Встрепанные рыжіе волосы, тонкія синія губы, носъ картофелиной, зубы острые и бѣлые, какъ слоновая кость, которые онъ выставлялъ, когда говорилъ: голосъ грубый, суровое выраженіе лица, однимъ словомъ, все въ немъ напоминало типъ разбойника, жестокаго и неумолимаго. По всему было видно, что онъ обладалъ необычайной силой. Прибавьте къ этому, что его панталоны и его тулупъ были забрызганы кровью и за нимъ шли двое его товарищей также геркулесовскаго сложенія и также съ разбойничьими лицами.

Канутъ снова разразился проклятіями противъ «хозяина». Его жена сдѣлала ему знакъ замолчать, показывая пальцемъ и глазами на мою комнату. Его свирѣпые глаза подъ густыми нависшими бровями съ угрозой обратились въ мою сторону, испуская тотъ фосфорическій свѣтъ, который замѣчается всегда въ глазахъ хищныхъ животныхъ.

Что мнѣ было дѣлать? Я зажегъ мою лампу и быстро одѣлся; я взялъ мои оба пистолета и поставилъ свое ружье такъ, чтобы оно было подъ рукою. Окончивъ эти приготовленія, я сталъ ожидать, рѣшившись дорого продать свою жизнь.

Черезъ нѣсколько минутъ постучали въ мою дверь.

— Мой мужъ и его друзья вернулись, сказала г-жа Эбба нѣжнымъ голосомъ.—Вы, кажется, не спите. Мы сейчасъ сядемъ за ужинъ; не угодно-ли вамъ будетъ пожаловать къ намъ.

«Его друзья!... Какова наглость!... Приглашать на каннибальскій пиръ! думалъ я.—Но не все-ли равно для меня, убьютъ-ли меня на кровати или въ кухнѣ! Надо быть мужественнымъ!»

— Сейчасъ я приду къ вамъ, отвѣчалъ я насколько было возможно твердымъ голосомъ;—я только одѣнусь...

Съ этими словами я положилъ пистолеты въ свои карманы и отворилъ дверь.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Изъ Парижа.

(Письмо **Н. Тарже.**)

Еще недавно нѣмецкіе ученые и публицисты, упоенные побѣдами германскихъ войскъ надъ французскими, изощряли свое тяжеловѣсное остроуміе надъ пороками и недостатками французскаго народа. Кромѣ легкомыслія и будто-бы влеченія къ разврату—этихъ традиціонныхъ обвиненій, которыми клеймили французовъ другія націи, высокоумные, философски-образованные нѣмцы укоряли насъ особенно строго за чрезвычайную привязанность къ театру. Съ стараніемъ, достойнымъ лучшей участи, они силились доказать, что мы, мало того, что предпочитаемъ театральныя зрѣлища всему на свѣтѣ, но и закулиснымъ интригамъ придаемъ значеніе почти міроваго событія. Укоряя насъ такими преступными дѣяніями, нѣмцы выводили заключеніе, что мы пропащій народъ и что для нашего спасенія намъ остается одно: отдать себя на время въ выучку нѣмцамъ, которые, заставивъ насъ вкусить сладость нѣмецкой дисциплины, несомнѣнно исправятъ насъ.

Откинувъ нелѣпый выводъ нѣмецкихъ философовъ, что мы пропащій народъ, нельзя не сознаться,—къ нашей похвалѣ или порицанію, какъ

кому заблагоразсудится предполагать,—мы дѣйствительно очень любимъ театральныя зрѣлища и не прочь (это уже къ нашему порицанію) посудачить о закулисныхъ интригахъ. Конечно, мы не возводимъ ихъ на степень міровыхъ событій, но, во всякомъ случаѣ, придаемъ имъ гораздо болѣе цѣны, чѣмъ они заслуживаютъ.

Такъ, въ послѣднее время парижане сильно волновались, будетъ-ли пѣть г-жа Гейльбронъ (знакомая Петербургу пѣвица итальянской оперы) въ оперѣ маркиза д'Иври «Веронскіе влюбленные», или же она выдержитъ характеръ и почитатели ея таланта будутъ лишены удовольствія услышать ее. Дѣло въ томъ, что извѣстный теноръ Капуль, сдѣлавшись директоромъ театра Вантадуръ, пріобрѣлъ для своего театра оперу маркиза д'Иври и, при распредѣленіи ролей въ этой пьесѣ, роль Ромео назначилъ себѣ, а Джульеты—г-жѣ Гейльбронъ. Уже нѣсколько времени каждый парижанинъ, говоря о Капулѣ, невольно вспоминалъ г-жу Гейльбронъ и на оборотъ, упоминая объ этой хорошенькой пѣвицѣ, считалъ своей обязанности приплести къ разговору и Капуля. Очаровательный теноръ, поражающій женскія сердца, и прелестная пѣвица, увлекающая мужчинъ, съ нѣкотораго времени были постоянно неразлучны и болтливая молва приписывала молодымъ людямъ очень близкія отношенія. Какъ вдругъ распространяется слухъ, что голубки поссорились, и что результатомъ этой размолвки явилась рѣшимость г-жи Гейльбронъ отказаться отъ роли Джульеты. Забѣгали вѣстовщики изъ дома въ домъ и два дня только и разговоровъ было, что объ этомъ отказѣ. Разумѣется, директоръ театра старался увѣрить всѣхъ, что любимая пѣвица больна, что должно было служить опроверженіемъ слуховъ о возникшихъ будто бы между нимъ и ею несогласіяхъ. Никто, однакожь, не хотѣлъ вѣрить этому объясненію, и слухъ о ссорѣ продолжалъ упорно держаться. Но вотъ настала день представленія и... г-жа Гейльбронъ спѣла свою партію и въ дуэтахъ съ Ромео проявила неподдѣльную страсть. «Очевидно, они помирились, твердили неисправимые пессимисты;—она и горчичники (пятна отъ горчичниковъ были очень замѣтны на прелестной шеѣ пѣвицы) поставила безъ всякой надобности, чтобы убѣдить публику, что она дѣйствительно была больна и никакой ссоры съ милымъ директоромъ у нея не было... Провести насъ не легко».

Къ сожалѣнію, приходится признаться, что и жажда услышать поскорѣе новую оперу Гуно, «Поліевктъ», проистекала не столько изъ уваженія къ признанному таланту автора, сколько вслѣдствіе побочнаго обстоятельства, никакой связи съ талантомъ неимѣющаго. Въ Лондонѣ въ настоящее время живетъ пѣвица Уэльдонъ, подверженная мистицизму, порою на нее находитъ даже помѣшательство. Нѣсколько лѣтъ къ ряду она находилась въ интимной связи съ талантливымъ авторомъ «Фауста». Неизвѣстно, какія причины заставили Гуно прервать эту связь, но только онъ внезапно уѣхалъ изъ Лондона, гдѣ жилъ для своей возлюбленной,—до такой степени внезапно, что не успѣлъ даже захватить написанной имъ партитуры оперы «Поліевктъ». Это случилось съ небольшимъ годъ тому назадъ. Г-жа Уэльдонъ писала письмо за письмомъ къ Гуно, прося его вернуться, но онъ оставался непоколебимымъ. Тогда въ отчаяніи больная пѣвица опубликовала всю ихъ переписку, доказывавшую, что талантливый композиторъ подверженъ мистицизму не менѣе г-жи Уэльдонъ, и только. Видя, что ничѣмъ не можетъ подѣйствовать на упрямаго Гуно, г-жа Уэльдонъ объявила, что не отдастъ партитуры «Поліевкта», будто бы подаренной ей авторомъ. Конечно, Гуно не дарилъ ей этой рукописи, но обѣщалъ дать ей главную роль въ пьесѣ. Послѣ же размолвки объ исполненіи этого обѣщанія нечего было и думать.

Между тѣмъ Галанзье, директоръ театра «большой оперы», уже давно объявилъ о предстоящемъ представленіи «Поліевкта». Волей-неволей Гуно принужденъ былъ выпрашивать у г-жи Уэльдонъ возвращенія рукописи. Что послужило поводомъ къ ихъ наружному примиренію, неизвѣстно, но только партитура была возвращена и опера, первое представленіе которой нѣсколько разъ отлагалось, наконецъ была дана. Въ прошломъ письмѣ я говорилъ уже съ какимъ нетерпѣніемъ публика ждала этого перваго представленія. Почти всѣ мѣста въ театрѣ были уже заняты за нѣсколько недѣль до спектакля. Театръ былъ совершенно полонъ.

Оправдались-ли ожиданія публики или они оказались преувеличенными? Опера, несомнѣнно, имѣла успѣхъ, но не тотъ успѣхъ, который вызываетъ энтузіазмъ зрителей, не тотъ успѣхъ, который является результатомъ невольной глубокой, сердечной симпатіи къ произведенію, но успѣхъ холодный, выраженіе удовольствія не по естественному влеченію, а какъ бы по принужденію, изъ опасенія обидѣть автора, котораго привыкъ уважать, привыкъ цѣнить его талантъ. По моему, «Поліевктъ» не лучшее произведеніе Гуно, какъ о томъ твердили заранѣе его друзья и отчасти онъ самъ, а скорѣе самое слабое. Говорятъ, въ этой оперѣ Гуно является новаторомъ. Но если признать, что «Поліевктъ» представляетъ собою новую музыку,—музыку будущаго (хотя и до Гуно было не мало попытокъ создать подобную музыку), то нельзя не согласиться, что эта новая музыка несравненно плоше старой и что главное ея качество—скука.

Надо и то сказать, что слабому успѣху «Поліевкта» не мало способствовали исполнительницы. Главныя роли были отданы г-жамъ Краусъ и Міоланъ, безспорно хорошимъ и талантливымъ пѣвицамъ, но уже значительно устарѣвшимъ и спавшимъ съ голоса. Онѣ имѣютъ еще успѣхъ, но этотъ успѣхъ такого же качества, какъ и выпавшій на долю автора «Поліевкта»: слишкомъ большимъ холодомъ вѣетъ отъ него.

Я предполагалъ-было написать вамъ еще о нѣсколькихъ выдающихся фактахъ изъ парижской жизни, но внезапная смерть одного изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ французскихъ дѣятелей, заставила меня измѣнить предположенную программу.

Французскіе клерикалы понесли незамѣнимую, можетъ быть, на долгое время, потерю въ лицѣ внезапно-скончавшагося, 29 сентября (11 октября), орлеанскаго епископа Дюпанлу. Боецъ ультрамонтанства, Дюпанлу, по словамъ его органа, газеты «Defense», «умеръ, какъ истинный воинъ вѣры, на пробитой имъ бреши. Онъ только-что одержалъ побѣду надъ Вольтеромъ». Положимъ, что клерикальная газета упомянула объ этой побѣдѣ болѣе для красоты слога, но несомнѣнно, что Дюпанлу, своимъ талантомъ, отражалъ не мало ударовъ, направленныхъ противъ партіи, которой онъ служилъ съ удивительнымъ рвеніемъ и самоотверженіемъ. Надо отдать полную справедливость французской журналистикѣ, она съ большимъ тактомъ отнеслась къ памяти покойнаго. Ни одна газета не пыталась отвергать въ немъ выдающагося таланта и услугъ, оказанныхъ имъ партіи, интересамъ которой онъ служилъ всю свою жизнь. Только одна, клерикальная же газета «Univers», издающаяся Вельо, вылила ведро помой на покойнаго. Желчный, завистливый, недобросовѣстный, способный клеветать на всѣхъ и каждаго, Вельо не забылъ, что разъ получилъ головомойку изъ Ватикана, по милости Дюпанлу, и мститъ ему даже послѣ смерти, обругавъ всю его дѣятельность, направленную къ пользамъ партіи, къ которой принадлежитъ самъ же Вельо. Но въ семьѣ не безъ урода.

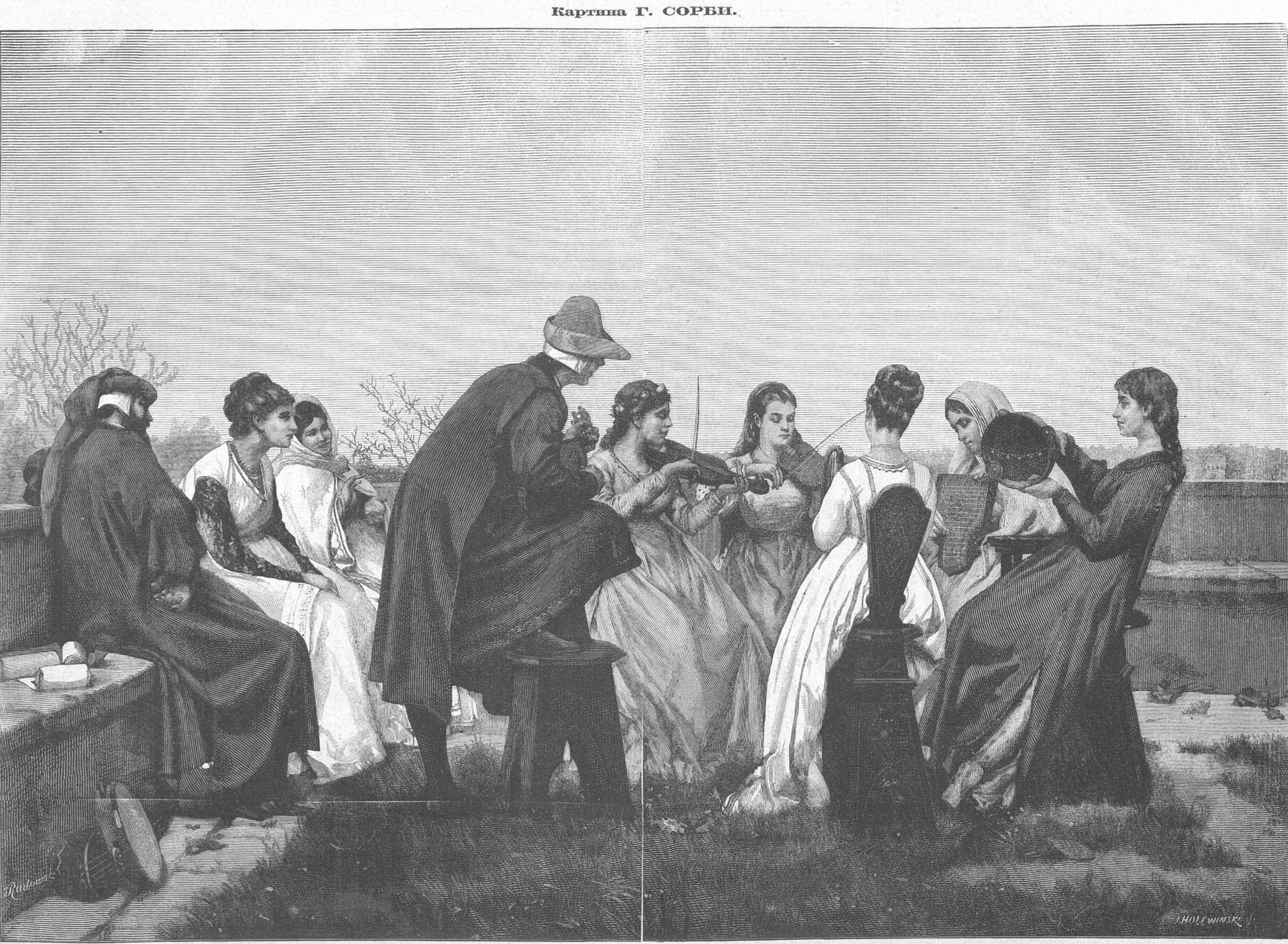
Нашимъ клерикаламъ вообще что-то несчастливится въ послѣднее время. Французское ультрамонтанство въ Дюпанлу потеряло единственнаго талантливаго бойца своей партіи, который, какъ равный, могъ бороться съ талантливѣйшими представителями партій ихъ противниковъ. Дюпанлу ратовалъ въ пользу клерикаловъ по убѣжденію; имъ менѣе всего руководили личныя эгоистическія побужденія. Этимъ я не хочу сказать, что Дюпанлу вовсе не мечталъ о кардинальской шапкѣ, которой римское ультрамонтанство должно было вознаградить его преданность и усердіе. Дюпанлу, конечно, не отказался бы отъ этой награды, но онъ для полученія ея никогда не прибѣгалъ къ интригамъ, къ которымъ обыкновенно прибѣгали и прибѣгаютъ его товарищи, прелаты. Тѣмъ не менѣе, покойный орлеанскій епископъ былъ очень честолюбивъ, но удовлетвореніе своему честолюбію онъ искалъ въ политической дѣятельности. Въ своихъ сочиненіяхъ и духовныхъ проповѣдяхъ онъ былъ не священникомъ, а трибуномъ, защищающимъ свою партію, какъ политическую фракцію.

Дюпанлу не всю свою жизнь трудился въ пользу ультрамонтанства; сперва онъ былъ либераломъ, т. е. либеральнымъ католикомъ, послѣдователемъ галликанства или независимости французской церкви отъ римской куріи. Вначалѣ своей политической дѣятельности, Дюпанлу защищалъ систему свободнаго образованія. Въ одномъ изъ своихъ религіозно-педагогическихъ трудовъ, онъ доказывалъ необходимость широкаго знакомства учениковъ съ древними классиками. Такая ересь вызвала рѣзкую критику въ газетѣ «Univers». Пресловутый Вельо призывалъ громы небесные и земные на голову «отщепенца отъ католической церкви, пожелавшаго обратить вѣрныхъ католиковъ въ язычниковъ». Дюпанлу вскипѣлъ и пожаловался папѣ. Изъ Рима прислали нагоняй Вельо и тотъ пересталъ рѣзко нападать на Дюпанлу, сдѣлавшагося между тѣмъ орлеанскимъ епископомъ, хотя не переставалъ задѣвать его при всякомъ удобномъ случаѣ. Во время собора 1869 года Дюпанлу былъ противникомъ признанія догмата папской непогрѣшимости. Онъ уже составилъ было довольно сильную партію своихъ сторонниковъ, но когда догматъ папской непогрѣшимости былъ принятъ соборомъ, Дюпанлу смирился и съ этого времени начинается его ревностное служеніе интересамъ ультрамонтанства. Въ 1854 году Дюпанлу былъ избранъ въ члены французской академіи, въ число безсмертныхъ, и явился здѣсь представителемъ крайняго консерватизма. Онъ сперва имѣлъ такое сильное вліяніе въ академіи, что воспрепятствовалъ выбору Литре, когда этотъ ученый явился въ первый разъ, въ 1863 году, кандидатомъ въ безсмертные. Дюпанлу издалъ брошюру «Предостереженіе отцамъ семействъ» и эта брошюра произвела такое впечатлѣніе, что многіе изъ членовъ академіи, желавшіе вотировать за Литре, или воздержались отъ подачи голоса или вотировали противъ извѣстнаго ученаго. Когда же въ декабрѣ 1871 года Литре былъ избранъ въ академію, Дюпанлу подалъ въ отставку. Академія объявила ему, что безсмертнымъ отставки не полагается, Дюпанлу взялъ ее назадъ, но уже никогда болѣе не посѣщалъ академіи. Покойный епископъ попробовалъ было явиться и на университетскую кафедру. Въ 1841 году онъ былъ приглашенъ въ сорбонну читать лекціи духовнаго краснорѣчія, но читалъ очень недолго. Отзывъ его о Вольтерѣ вызвалъ такой скандалъ въ аудиторіи, что Дюпанлу не счелъ возможнымъ прійдти на слѣдующую лекцію и отказался отъ дальнѣйшихъ чтеній. Къ чести Дюпанлу, онъ рѣзко порицалъ государственный переворотъ

Картина Я. ШЕРМЕНТОВСКАГО. Шарманщики-итальянцы.

Картина Г. СОРБИ.

Флорентинскій концертъ. Рисовалъ **Рудовскій**, рѣзалъ **Голевинскій**.

2 декабря и былъ въ числѣ очень немногихъ епископовъ, которые съумѣли въ это печальное время сохранить свое достоинство. Но со времени основанія республики онъ измѣнилъ свое мнѣніе о насильственныхъ государственныхъ переворотахъ и не прочь былъ согласиться на переворотъ въ пользу орлеанистовъ или легитимистовъ.

Много ошибокъ на своемъ вѣку сдѣлалъ покойный епископъ, но какъ бы то ни было, его слѣдуетъ считать однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей послѣдняго времени.

Наше безсиліе въ виду множества враговъ.—Нападеніе песковъ на Сестрорѣцкъ. — Мѣры противъ этого бѣдствія. — Обширная площадь наносныхъ песковъ.—Проектъ Спальдинга.—Докладъ с.-петербургской городской думѣ о выкупѣ предпріятія общества газоваго освѣщенія.)

Много обидъ приходится переносить русскому человѣку! И добро бы только люди обижали другъ друга, а то, съ позволенія сказать, какая-нибудь мразь, чуть не микроскопической величины, и та величается надъ нами и пакостить сколько можетъ. Не говоря уже о волкахъ и другихъ хищникахъ, въ одной мѣстности обижаютъ суслики, милые, забавные, но до крайности прожорливые и плодовитые звѣрьки, которые, если нападутъ на чье-нибудь поле, то безъ зазрѣнія совѣсти истребляютъ всю растительность до самыхъ корней. Въ другомъ мѣстѣ хозяйничаетъ картофельный жукъ; въ третьемъ свекловичный жучекъ; въ четвертомъ гусеница; въ пятомъ какая-то ничтожная личинка. Всѣ эти враги свирѣпо нападаютъ на злаки и плодовыя деревья и безжалостно истребляютъ ихъ. Несчастные земледѣльцы со слезами на глазахъ высчитываютъ свои потери, результатами которыхъ бываютъ иногда голодъ и нищета. Горюютъ бѣдняки и въ отчаяніи опускаютъ руки, сознавая свое безсиліе отвратить постигшее ихъ бѣдствіе. Правда, не бываетъ недостатка въ проектахъ уничтоженія враждебныхъ животныхъ и насѣкомыхъ,—проектахъ, подвергающихся обсужденію земскихъ собраній, но всѣ эти проекты болѣе или менѣе похожи на способъ уничтоженія блохъ, придуманный однимъ хитроумнымъ нѣмцемъ и состоящій въ томъ, чтобы поймать каждую блоху и осыпать ее порошкомъ, причиняющимъ смерть надоѣдливому насѣкомому. Развѣ много целесообразнѣе практиковавшійся прежде, даже практикующійся и теперь, слѣдующій способъ истребленія сусликовъ: въ норку суслика, какъ извѣстно, довольно глубокую, льютъ воду до тѣхъ поръ, пока звѣрекъ не задохнется и не выплыветъ наружу. Припомнимъ къ тому же, что суслики причиняютъ вредъ преимущественно въ степныхъ губерніяхъ, гдѣ воды не только не изобиліе, но въ ней встрѣчается часто настоятельная нужда, и мы постигнемъ всю силу остроумія этого радикальнаго средства истребленія вреднаго звѣрька.

Обижаютъ насъ четвероногіе, птицы, насѣкомые и гады; не щадятъ также и предметы неодушевленные. Недавно расходился песокъ, и гдѣ же? въ какихъ-нибудь 30 верстахъ отъ Петербурга. Песокъ угрожаетъ засыпать городъ Сестрорѣцкъ и сыграть роль лавы, залившей нѣкогда города Геркуланумъ и Помпею. Неужели нашимъ потомкамъ суждено будетъ отрывать развалины города Сестрорѣцка, чтобы по найденнымъ предметамъ судить о степени цивилизаціи, которая процвѣтала въ этомъ городѣ въ тотъ моментъ, когда онъ подвергся печальной участи погребенія подъ грудами песку? Слѣдуетъ принять самыя дѣятельныя мѣры, чтобы этого не случилось, хотя бы только для того, чтобы не давать въ руки нашимъ потомкамъ объекта для изслѣдованія степени нашего преуспѣянія, которое едва-ли дастъ имъ поводъ составить о насъ хорошее мнѣніе. Но мы можемъ быть покойны; грозящая Сестрорѣцку бѣда навѣрное будетъ отвращена стараніями дѣятельнаго с.-петербургскаго земства. Враждебныя дѣйствія песка уже давно обратили на себя вниманіе бдительныхъ земцевъ. Еще въ сессію 1876 года земское собраніе трактовало о сестрорѣцкихъ пескахъ, но признавъ ихъ врагомъ будущаго, не нашло нужнымъ принимать неотложныя мѣры, чтобы встрѣтить во всеоружіи грознаго врага. «Чего торопиться—успѣемъ!» «Поспѣшишь — людей насмѣшишь!» — таковъ обычный припѣвъ у русскаго человѣка, когда ему приходится браться за дѣло.

Между тѣмъ, песокъ, почуявъ, что его разрушительному нападенію преградъ не поставляется, сталъ дѣйствовать совершенно противоположно приведеннымъ выше поговоркамъ. Онъ усугубилъ свои усилія и яростно напалъ на беззащитный Сестрорѣцкъ. Онъ засыпалъ нѣсколько дворовъ вплоть до крыши; на главной улицѣ города между домами образовалась высокая песчаная гора, оставившая лишь узенькій проѣздъ и пр. и пр., однимъ словомъ, привелъ городъ въ такое положеніе, что если не принять немедленныхъ мѣръ къ пріостановкѣ распространенія бѣдствія, городу грозитъ серьезная опасность.

Земское собраніе 1876 года, хотя и просмотрѣло опасность или, по крайней мѣрѣ, не догадалось, что она должна наступить очень скоро, однакожь, поручило управѣ разработать вопросъ о предупрежденіи «могущихъ быть въ будущемъ» песчаныхъ наносовъ въ Сестрорѣцкѣ. Управа занялась этимъ дѣломъ и пришла къ заключенію, что главная причина песчаныхъ наносовъ въ окрестностяхъ Сестрорѣцка заключается въ вырубкѣ лѣса по направленію Финскаго залива. Но пока управа судила и рядила, Сестрорѣцкъ постигло непредвидѣнное ею бѣдствіе. Видя, что нельзя уже ограничиваться преніями и разсмотрѣніемъ болѣе или менѣе остроумныхъ проектовъ, управа предлагаетъ земскому собранію, которое вскорѣ должно открыться, принять слѣдующія мѣры: «а) пріостановить уже пришедшіе въ движеніе пески, такъ какъ, сами по себѣ, они не могутъ ни уменьшиться, ни улечься, и б) устранить причины раскрытія песчаныхъ залежей, способныхъ превратиться въ летучія части. Подъ мѣрами первой категоріи понимаются однѣ культурныя работы, имѣющія цѣлью покрыть древесною и кустарною растительностью голые подвижные пески, а подъ мѣрами второй групы подразумѣвается установленіе правильнаго и соотвѣтственнаго пользованія сестрорѣцкими лѣсами и тѣми угодьями, которыя могутъ превратиться въ пески впослѣдствіи. Разумѣется, было бы желательно осуществленіе всѣхъ этихъ мѣропріятій одновременно; но такъ какъ это немыслимо безъ значительной затраты капитала, а между тѣмъ, населеніе нуждается въ немедленной защитѣ отъ песковъ, то, въ видахъ ускоренія, приходится: не ожидая «общей» съёмки и необходимыхъ разрѣшеній по вопросамъ, требующимъ предварительныхъ сношеній, приступить безотлагательно къ исполненію работъ, чтобъ оградить только тѣ части Сестрорѣцка, которыя уже подверглись заносамъ. Осуществленіе такихъ работъ, по составленной смѣтѣ, обойдется въ 1,624 руб. единовременно и въ 360 руб. ежегодно». Конечно управа въ концѣ своего доклада съ грустію добавляетъ, что для выполненія этихъ расходовъ не имѣется никакихъ спеціальныхъ суммъ и что требуемую ассигновку придется покрыть новымъ земскимъ обложеніемъ.

Какъ-то разрѣшитъ этотъ вопросъ петербургское земство, которому, вѣроятно, извѣстно, что не одинъ Сестрорѣцкъ, но и многія другія мѣстности на берегу Финскаго залива также подвергаются опасности быть засыпанными пескомъ. Изъ книги г. Казакевича «Г. Нарва съ морскимъ его рейдомъ и р. Наровою», оказывается, что засыпаніе пескомъ прибрежныхъ мѣстностей происходитъ и въ устьѣ Наровы. Въ 1695 году ширина устья Наровы была 1240 сажень, въ 1729 году она была уже 230 сажень, въ 1770 году 85 сажень; въ 1845 году только 65 сажень, а теперь и того менѣе. Изъ этого видно, что петербургскому земству предстоитъ не легкая работа и что слишкомъ недостаточно еще ограничиться временнымъ предотвращеніемъ бѣдствія въ Сестрорѣцкѣ, а надо принять какія-нибудь общія мѣры на всемъ берегу Финскаго залива. Прежде всего земству, при содѣйствіи свѣдущихъ людей, придется изслѣдовать причины годъ отъ году увеличивающихся песчаныхъ наносовъ. Дальнѣйшія же работы, т. е. принятіе мѣръ къ предотвращенію бѣдствія, для нашего земства облегчаются ознакомленіемъ съ тѣми работами, которыя предпринимались и предпринимаются тамъ, откуда заимствовано нами уже много хорошаго, т. е. въ западной Европѣ.

Не одно финское прибрежье заносится пескомъ; многія другія мѣстности у насъ страдаютъ отъ наносныхъ песковъ. Въ особенности страждутъ отъ нихъ мѣстности, лежащія на пути движенія песковъ отъ аральскаго моря, въ губерніяхъ астраханской и самарской и въ уральской области. Для предотвращенія бѣдствій, которыя грозятъ этому краю, можетъ быть, въ близкомъ будущемъ, по словамъ газеты «Русская Правда», два года тому назадъ, американцемъ Спальдингомъ былъ предложенъ проектъ соединенія, посредствомъ канала, Чернаго моря съ Каспійскимъ, такъ чтобы послѣднее приняло старинные размѣры и чтобы мѣсто нынѣшнихъ пустынь, бесплодныхъ и почти недоступныхъ, занялъ большой водяной путь, открытый со стороны центральной Азіи. Для достиженія этого, по предложенію Спальдинга, надо воспользоваться рѣками Кумою и Манычемъ и, кромѣ того, устроить каналъ, длиною 190 верстъ, и шириною, въ восточномъ концѣ около 80 саж., а въ западномъ — около 50 саж. По разсчету Спальдинга, по прошествіи 40 лѣтъ, горизонтъ обоихъ морей почти сравняется, и можно будетъ открыть судоходство по каналу, устройство котораго, вообще не представляетъ особенныхъ техническихъ трудностей. Если бы это соединеніе морей совершилось, то поверхность Каспійскаго моря, по разсчету, достигла бы 250 тысячъ квадратныхъ миль, вмѣсто нынѣшнихъ 140 тысячъ, и осталась бы постоянною; прилегающіе переносные пески покрылись бы водою и растительностью и возвысился бы уровень рѣкъ, впадающихъ въ Каспійское море.

Неизвѣстно, какая судьба постигла грандіозный проектъ Спальдинга, но было бы недурно, если бы спеціалисты занялись тщательнымъ его разсмотрѣніемъ. Правда, спеціалисты нерѣдко ошибаются, убѣдительный примѣръ чему у насъ на глазахъ. Наши спеціалисты отнеслись довольно неблагосклонно къ извѣстной «свѣчѣ» г. Яб-

лочкова, а Парижъ, не долго думая, поспѣшилъ воспользоваться этимъ удобнымъ усовершенствованнымъ элекрическимъ освѣщеніемъ. Теперь ходятъ слухи, что элекрическое освѣщеніе г. Яблочкова будетъ введено для освѣщенія Большого театра въ Петербургѣ.

Будемъ надѣяться, что проектъ Спальдинга подвергнется всестороннему обсужденію нашими спеціалистами и что мы будемъ настолько богаты, что найдемъ средства для его осуществленія, если оно дѣйствительно представляетъ тѣ выгоды, которыя сулитъ авторъ проекта.

Впрочемъ, зачѣмъ мечтать о грандіозныхъ проектахъ, когда мы съ трудомъ справляемся и съ обыденными дѣлами. Взять хотя элекрическое освѣщеніе. Благодаря усовершенствованіямъ Яблочкова и Эдисона, это освѣщеніе стало дешевымъ, гораздо болѣе дешевымъ, чѣмъ газовое (въ особенности у насъ, въ Петербургѣ, гдѣ оно чуть-ли не въ 5 разъ дороже, чѣмъ въ Парижѣ и Лондонѣ), а когда-то еще мы введемъ его для освѣщенія петербургскихъ улицъ. «Поспѣшишь, людей насмѣшишь». Да хотя и захотѣли бы поспѣшить—нельзя, газовое общество, въ силу контракта, заключеннаго съ петербургской думой, будетъ еще долго (30 лѣтъ) дурно и дорого освѣщать улицы Петербурга.

Правда, дума имѣетъ право выкупить это освѣщеніе у газоваго общества, о чемъ она давно уже думаетъ. Въ одной изъ нашихъ предыдущихъ хроникъ было разсказано, какимъ событіемъ окончилась первая попытка думы обсудить вопросъ о выкупѣ. Городская управа, которой поручено было составить докладъ по этому дѣлу, пришла къ заключенію, что выкупать не слѣдуетъ. При обсужденіи этого доклада думою произошла бурная сцена; были выражены намеки, что подобный докладъ не могъ быть составленъ безъ воздѣйствія на его составителей газоваго общества. Намекъ этотъ почему-то оскорбилъ товарища городского головы г. Медвѣдева и члена управы г. Жуковскаго, и они вышли въ отставку.

Высказавшись значительнымъ большинствомъ за выкупъ, дума образовала особую коммисію, которой поручила войдти въ соглашеніе съ обществомъ столичнаго освѣщенія: 1) не найдетъ-ли оно возможнымъ за отказъ города отъ выкупа, сбавить цѣну за потребляемый газъ; 2) обязаться, втеченіи трехъ лѣтъ, проложить газовыя трубы въ частяхъ: рождественской и александроневской, подъ условіемъ, за неисполненіе сего обязательства, потерять право на прокладку и уплатить неустойку, и 3) предоставить городу право имѣть при обществѣ депутата для контроля и охраны, какъ интересовъ города, такъ и его обывателей. На случай, если бы общество не пошло на соглашеніе коммисіи разработать вопросъ о выкупѣ.

Общество, которое пользуясь своею 50-лѣтней монополіей, дурно освѣщаетъ городъ и беретъ непомѣрныя цѣны за свой газъ, отказалось входить въ какія-либо соглашенія по предложеніямъ коммисіи городской думы. «Кто себѣ врагъ, разсуждаетъ, вѣроятно, общество, — зачѣмъ же я соглашусь брать рубль, если никто не имѣетъ права воспрепятствовать мнѣ взять два, когда это мнѣ заблагоразсудится». Общество отвѣтило только, что выкупъ оно считаетъ для себя выгоднымъ. Еще бы! По разсчету, сдѣланному думою, на основаніи контракта, общество должно получить выкупную сумму въ 7.437,057 руб. 12 коп.; прибавляя сюда запасный капиталъ въ 1.380,000 руб., получится 8.817,057 руб. Основный же капиталъ, т. е. капиталъ акціонеровъ по нарицательной цѣнѣ акцій, равняется всего 4.000,000 руб. Отсюда ясно, что при выкупѣ предпріятія городомъ, акціонеры получатъ въ возвратъ затраченнаго ими на акціи капитала болѣе, чѣмъ двойную сумму.

Между тѣмъ срокъ выкупа предпріятія (дума имѣетъ право объявить о своемъ желаніи выкупить по прошествіи 20 лѣтъ со дня начала эксплоатаціи) наступилъ 10 октября. Наканунѣ этого дня происходило собраніе думы, и былъ прочитанъ докладъ коммисіи, которая пришла къ заключенію, что необходимо немедленно выкупить у общества газоваго освѣщенія его предпріятіе, а если бы общество заупрямилось, требовать выкупа законнымъ порядкомъ, т. е. начать тяжбу съ обществомъ.

Докладъ этотъ вызвалъ шумныя и продолжительныя пренія; одни стояли за выкупъ; другіе противъ выкупа. Не видя возможности опредѣлить, когда, наконецъ, окончатся пренія, городской голова предложилъ отложить обсужденіе этого дѣла и потребовать заключенія отъ городской управы (зачѣмъ же тогда избиралась коммисія?). Предложеніе было единогласно принято собраніемъ.

Изъ-за чего же тогда спорили гг. гласные. Не проще ли было ранѣе представленія думѣ доклада, разсмотрѣть его въ городской управѣ. И время не было бы даромъ потеряно и гг. гласные, вѣроятно, пришли бы къ какому-нибудь положительному выводу.

Впрочемъ, зачѣмъ спѣшить! «Тише ѣдешь, дальше будешь!» **Н. И.**

Новости наукъ и жизни.

— Предостереженіе. Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатано: «Однимъ изъ городскихъ головъ получено было изъ гор. Гамбурга печатное письмо, въ которомъ его просили сообщить адресы зажиточныхъ лицъ, понимающихъ нѣмецкій или французскій языки, причемъ однако цѣль, для которой необходимы эти адресы, объяснена не была. Обращеніе это имѣетъ связь съ весьма распространеннымъ въ Гамбургѣ неблаговиднымъ промысломъ разсылки по почтѣ заграничныхъ лоттерейныхъ билетовъ. Въ большинствѣ случаевъ дѣло идетъ о лотереяхъ не существующихъ. Гамбургскіе агенты начинаютъ обыкновенно переписку, высылая прямо билеты на лоттереи и прося о высылкѣ денегъ. Это мнимое довѣріе располагаетъ къ нимъ легковѣрныхъ людей. Если деньги будутъ высланы, то во второмъ письмѣ своемъ агентъ извѣщаетъ, что на билетъ палъ небольшой выигрышъ и что, согласно плану лоттереи, стоитъ только внести еще небольшую сумму, чтобы имѣть возможность войти въ слѣдующій классъ лоттереи, въ которомъ выигрыши значительнѣе и многочисленнѣе. Эта переписка продолжается, пока не истощится терпѣніе или карманъ обманутаго лица. Нѣтъ сомнѣнія, что полученный городскимъ головою печатный экземпляръ письма, есть циркуляръ, разосланный повсемѣстно въ Россіи въ большомъ количествѣ экземпляровъ, а потому департаментъ полиціи исполнительной въ видахъ предостереженія публики доводитъ о вышеизложенномъ до всеобщаго свѣдѣнія».

— Новая почтовая такса. «Голосъ» сообщаетъ слухъ, что съ апрѣля будущаго года предполагается понизить таксу какъ вѣсоваго, такъ и страховаго почтоваго сбора, именно: вмѣсто восьми копѣекъ съ лота, за письма будетъ взиматься лишь семь копѣекъ; тѣ же семь коп. съ лота будутъ взиматься за денежныя цѣнныя и страховыя отправленія вмѣсто взимаемыхъ нынѣ 10-ти копѣекъ; страховая премія съ суммъ меньше 100 руб. будетъ взиматься въ размѣрѣ не 1%, какъ теперь, а въ размѣрѣ ½%; дополнительныя платы за денежныя отправленія, въ 50 коп., 1 руб. 50 к. и 3 руб. 50 коп., будутъ отмѣнены.

— Сельско-хозяйственная станція. Ходитъ слухъ, что при лѣсномъ институтѣ съ разрѣшенія министерства государственныхъ имуществъ открывается станція для изслѣдованія всякаго рода сельско-хозяйственныхъ химическихъ продуктовъ. Производство сельско-хозяйственныхъ химическихъ изслѣдованій будетъ принимаемо отъ всѣхъ желающихъ за опредѣленное вознагражденіе. Станцію предположено содержать между прочимъ на средства, которыя будутъ получаться за работы.

— Техническое училище. Говорятъ, что въ средѣ нашихъ фабрикантовъ и заводчиковъ возникло предположеніе ознаменовать предстоящій юбилей технологическаго института образованіемъ, по особой для того подпискѣ, капитала для устройства техническаго училища для дѣтей заводскихъ и фабричныхъ рабочихъ. При школѣ этой предполагается устроить между прочимъ пріютъ для учениковъ ея, лишившихся родителей, въ которомъ они пользовались бы полнымъ содержаніемъ.

— Открытіе новой желѣзной дороги. 1-го октября началось правильное пассажирское движеніе и пріемъ товаровъ отъ Перми до Екатеринбурга.

— Желѣзныя дороги на Кавказѣ. «Бир. Вѣд». передаютъ, какъ слухъ, что, въ настоящее время, въ министерствѣ путей сообщенія разсматривается и обсуждается проектъ устройства новой сѣти желѣзныхъ дорогъ на Кавказѣ, для соединенія, съ одной стороны, Владикавказа съ Тифлисомъ, минуя почти недоступный для проложенія рельсоваго сообщенія горный перевалъ по прямой линіи соединенія этихъ пунктовъ, а съ другой стороны, на соединеніе Тифлиса съ Батумомъ, о чемъ мы недавно уже сообщали. Общій проектъ этотъ, какъ оказывается, имѣетъ между собою связь. Желѣзную дорогу отъ Владикавказа къ Тифлису предположено вести на городъ Петровскъ, Дербентъ и Баку, такъ какъ постройка дороги черезъ горный перевалъ почти невозможна, не говоря о томъ, что проведеніе тунеля въ этомъ мѣстѣ стоило бы очень большихъ денегъ и, все-таки, сообщеніе по этому пути было бы невполнѣ безопасно. По слухамъ, изъисканія пути для постройки желѣзной дороги, отъ Владикавказа до Тифлиса черезъ Дербентъ и Баку, недавно окончены и въ настоящее время представлены на разсмотрѣніе министерства путей сообщенія и что самая постройка этой дороги, какъ утверждаютъ, должна осуществиться въ недалекомъ будущемъ.

— Громадный самородокъ золота. Извѣстный сибирскій дѣятель, г. Сидоровъ получилъ изъ Красноярска слѣдующую телеграмму, сообщенную имъ газетѣ «Правда»: «Вчера прибылъ въ городъ Енисейскъ пароходъ «Москва» съ баржей изъ Кронштадта. На пріискѣ купца Матонина, на р. Верхней Тунгузкѣ (Ангарѣ), въ 100 верстахъ вверхъ отъ устья ея, около деревни Мотыгиной, найденъ самородокъ золота въ 147 фунтовъ». По словамъ г. Сидорова найденный самородокъ самый большой изъ всѣхъ самородковъ, до сихъ поръ найденныхъ въ Россіи.

— Электрическое освѣщеніе. Изобрѣтеніе г. Яблочкова, наконецъ, будетъ примѣнено и въ Петербургѣ. По слухамъ, скоро будетъ поставленъ фонарь у дома г. Сазикова въ большой Морской, а также освѣщенъ электрическимъ свѣтомъ по способу г. Яблочкова Большой театръ, для чего потребуется только 16 свѣчъ.

— Слѣпые могутъ переписываться между собою. Геніальный Эдисонъ подумалъ и о слѣпыхъ. Сотрудникъ газеты «New York Herald», посѣтившій знаменитаго изобрѣтателя, сообщаетъ о его новомъ изобрѣтеніи слѣдующія любопытныя данныя. Эдисонъ налилъ воды въ бутылку и писалъ этою жидкостью на листѣ бумаги. Написанное вышло блѣдно-сѣраго цвѣта. По истеченіи одной минуты края буквъ стали подниматься, сдѣлались совсѣмъ твердыми, и все написанное вышло рельефнымъ. «Проведите вашимъ пальцемъ по написанному», сказалъ Эдисонъ репортеру, «закройте глаза и попробуйте, съумѣете-ли вы отличить каждую отдѣльную букву однимъ осязаньемъ». Корреспондентъ убѣдился на дѣлѣ, что прикосновеніемъ пальца къ буквамъ можно отличить ихъ. Затѣмъ Эдисонъ продолжалъ: «Слѣпые, какъ извѣстно, обладаютъ необыкновенно развитымъ чувствомъ осязанія. Если они будутъ писать этими чернилами, то они могутъ переписываться между собою. Я, однако, еще не совсѣмъ дово-

ленъ моимъ новымъ изобрѣтеніемъ. Буквы должны еще болѣе рельефно отдѣляться отъ бумаги».

— **Телемахомъ.** Въ Америкѣ изобрѣтена электрическая машина, прозванная «телемахомъ». Это—машина для передачи силы, и изобрѣтатель ея, нѣкто Уоллесъ въ Конектикутѣ, заявляетъ, что посредствомъ своей машины сила водопада Ніагары можетъ быть примѣнена ко всѣмъ территоріямъ Соединенныхъ Штатовъ.

— **Новое примѣненіе къ телефону.** Парижскія газеты разсказываютъ о любопытномъ опытѣ, недавно произведенномъ извѣстнымъ академикомъ Дюмонселемъ въ присутствіи нѣсколькихъ журналистовъ и ученыхъ. Онъ бралъ тетрадь почтовой бумаги и перекладывалъ ея листы тонкими листиками олова, образовавшими родъ конденсатора. Затѣмъ тетрадь эта соединялась посредствомъ проволоки съ телефономъ, помѣщеннымъ въ одной изъ дальнихъ комнатъ.

Когда были окончены эти незатѣйливыя приготовленія, академикъ положилъ тетрадь бумаги на столъ и попросилъ одного изъ присутствующихъ спѣть что-нибудь въ телефонъ. Нельзя представить себѣ удивленія всѣхъ приглашенныхъ, когда, среди водворившейся тишины, тетрадь бумаги внезапно запѣла громкимъ человѣческимъ голосомъ, гораздо болѣе сильнымъ нежели какой былъ до настоящаго времени слышанъ изъ какого-либо телефона. Опытъ былъ повторенъ до десяти разъ при громкихъ рукоплесканіяхъ гостей и постоянно сопровождался одинаковымъ успѣхомъ. Это новое изобрѣтеніе принадлежитъ Поллару, офицеру французскаго флота.

— **Свѣтящіеся часы.** Въ Парижѣ изготовляются теперь свѣтящіеся карманные часы. Числа на циферблатѣ подвергаются какому-то особенному химическому процессу, благодаря которому они свѣтятся фосфорическимъ блескомъ, такъ что они видны въ самую темную ночь.

— **Хорошая мѣра.** Законодательное собраніе штата Джорджіа (въ Сѣверной Америкѣ) издало постановленіе, на основаніи котораго воспрещается продажа малолѣтнимъ табаку и спиртуозныхъ напитковъ. Лица, нарушающія это постановленіе, подвергаются строгой отвѣтственности.

— **Самыя красивыя женщины.** Какъ извѣстно нашимъ читателямъ, на парижской выставкѣ было назначено состязаніе красивыхъ женщинъ, портреты которыхъ разсматривались жюри и красивѣйшимъ назначалась премія. Нынѣ изъ Парижа сообщаютъ, что жюри признало красивѣйшими женщинами графиню Елену Андраши (дочь австро-венгерскаго министра иностранныхъ дѣлъ) и еще четырехъ мадьярскихъ дѣвушекъ. Отсюда слѣдуетъ, что самыхъ красивыхъ женщинъ слѣдуетъ искать въ Венгріи, что, конечно, чрезвычайно важно для будущаго этой страны, потому что, въ особенности въ наше время, женщины управляютъ всѣмъ.

— **Тридцать поцѣлуевъ за башмаки.** Въ пештскомъ судѣ разбирался надняхъ слѣдующій курьезный искъ. Какой-то сапожникъ жаловался, что дѣвица N не платитъ ему за сдѣланные ей башмаки, за которые она обязалась дать ему тридцать поцѣлуевъ. Между тѣмъ, она взяла башмаки, а отъ поцѣлуевъ отказывается. На основаніи этого галантный любовникъ проситъ судъ заставить дѣвицу N, выполнить принятое ею на себя, взамѣнъ пары башмаковъ, обязательство. Судъ отказалъ влюбленному сапожнику въ его искѣ.

— **Еще примѣръ фанатизма.** Недавно въ Римѣ умерла графиня Громениль. Покойная была женщина богатая, образованная и любившая блистать своею ученостію и талантами. Она занималась музыкой, литературой, живописью, и ея домъ былъ сборнымъ пунктомъ въ особенности для поэтовъ и художниковъ. Неизвѣстно, какимъ образомъ, но графиню внезапно обуяла страсть къ магнетизму и спиритизму. Такъ какъ у графини водились деньги и она не отличалась скупостію, то ее окружилъ скоро цѣлый рой спиритовъ, которые, умышленно или помимо своего вѣдома, еще болѣе затемнили ея разсудокъ и эксплуатировали ея вѣру въ спиритизмъ и ея состояніе. Г-жа Громениль вообразила, что призвана удивить весь міръ изумительнымъ дѣяніемъ. Она увѣровала въ возможность побѣдить свое бренное тѣло, отъучивъ себя отъ пищи, и, достигнувъ легкости пуха, летать съ быстротою молніи или мысли. За два мѣсяца до своей смерти, она начала уменьшать свои ежедневныя порціи, такъ что въ послѣднюю недѣлю жизни она довольствовалась нѣсколькими ложками супу и стаканомъ холодной воды въ теченіи 24-хъ часовъ. Приступивъ къ добровольному голоданію, графиня закрыла домъ свой для обильнаго круга своихъ знакомыхъ, и доступъ получили только посвященные и спириты. Прислуга получила строгій приказъ никому не сообщать о настоящемъ образѣ жизни своей госпожи. Наконецъ, послѣ 2-хъ мѣсяцевъ такого режима, графиня почувствовала себя дурно и испуганные слуги побѣжали за докторомъ, который немедленно-же призналъ симптомы голодной смерти и почти полную безнадежность слишкомъ усердной поклонницы духа. Несчастная состарѣлась въ эти два мѣсяца, какъ въ 20 лѣтъ, и исхудала такъ, что остались кости да кожа. Несмотря на всѣ старанія медиковъ, спасти графиню не удалось, и она умерла на рукахъ дочери, вызванной по телеграфу. По осмотрѣ ея квартиры, тамъ не оказалось ни гроша денегъ и ни одной цѣнной бумаги, между тѣмъ, какъ всѣмъ извѣстно было, что графиня Громениль принадлежала къ числу богатѣйшихъ лицъ французской колоніи въ Римѣ. Немедленно дали знать властямъ, и не малое число спиритовъ ожидаютъ теперь рѣшенія своей участи въ прохладныхъ камерахъ римскихъ тюремъ.

— **Чѣмъ увлекается наша публика.** Новгородскій корреспондентъ «Бирж. Вѣд.» пишетъ: «За неимѣніемъ театра, у насъ пріютился бродячій циркъ. 1-го октября аферистъ-содержатель наклеилъ на углы улицъ афиши объ имѣющемъ быть блестящемъ представленіи, «съ бесѣдою чертей», «ужиномъ въ аду» и т. д. Понятно, что публика наша, небывавшая никогда на спиритическихъ сеансахъ, пожелала увидѣть такія сверхъестественныя явленія хоть на аренѣ цирка. Билеты стали разбирать на расхватъ. Но какъ же бѣдная наша публика была наказана за свое любопытство. Пресловутый циркъ помѣстился въ артиллерійскомъ манежѣ при слѣдующей обстановкѣ: манежъ раздѣленъ пополамъ стѣнкой изъ парусины; по срединѣ этой стѣнки неопредѣленнаго цвѣта занавѣсъ и деревяшки, на которыхъ горятъ свѣчи. Занавѣсъ поднимается, и глазамъ зрителей представляются куклы, пляшущія на натянутой веревочкѣ—это первое отдѣленіе; второе отдѣленіе—тѣ же куклы пляшутъ; въ третьемъ то же. Публика шикаетъ, но все еще не теряетъ надежды увидѣть сверхъестественныя явленія, а куклы все пляшутъ. Публика волнуется, слышны возгласы: «Афера... деньги назадъ!...» Скамейки трещатъ. Наконецъ на аренѣ появилась исхудалая лошадка, предсказывающая судьбу; но—увы!—она не могла предсказать своему хозяину, что къ 9 ти часамъ онъ попадетъ въ полицію. До чего доходило желаніе видѣть «нечистыхъ»—видно изъ того, что когда публика, отдѣлавшаяся одними ушибами и попорченнымъ платьемъ (отъ ломанныхъ скамеекъ и сырыхъ обоевъ, которыми онѣ были оклеены), хлынула изъ цирка, навстрѣчу ей шло еще много публики, чаявшей увидѣть «ужинъ въ аду и бесѣду чертей».

— **Растеніе-компасъ.** Въ юго-восточной части Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, въ особенности въ Техасѣ и Орегонѣ, существуетъ растеніе, обладающее замѣчательнымъ свойствомъ—листья его всегда оборачиваются къ сѣверу, такъ что оно служитъ путешественникамъ магнитною иглою. Растеніе это (Sylbhium lacinatum), замѣняющее компасъ, по своему полярному характеру уже давно извѣстно мѣстнымъ жителямъ, въ особенности охотникамъ, которые, заблудившись ночью въ степяхъ, безъ труда находятъ дорогу, обращая вниманіе на направленіе листьевъ этого растенія.

Телеграммы.

Вѣна, 3-го октября. Отвѣтъ графа Андраши на послѣднюю турецкую ноту будетъ обнародованъ завтра. Русская нота изъ Ливадіи, о пріостановкѣ отступленія русской арміи, принята здѣсь очень благопріятно, но это только для вида. Андраши отвѣтилъ, что не имѣетъ ничего возразить противъ коллективнаго воздѣйствія державъ на Порту, но желаетъ знать, какимъ способомъ русскій кабинетъ предполагаетъ осуществить совмѣстную дипломатическую или иную мѣру.

Лондонъ, 5-го октября. Частная телеграмма изъ Симлы, полученная газетою «Globe», сообщаетъ: «Война съ Афганистаномъ считается неизбѣжною. Можно ожидать немедленнаго наступленія на Кандагаръ; другія экспедиціи имѣютъ характеръ лишь дополнительныхъ дѣйствій. На пути къ Кандагару ожидаютъ незначительнаго сопротивленія».

Буда-Пештъ, 8 го октября. Венгерскій сеймъ открытъ. Въ виду нынѣшняго положенія правительства и страны, тронная рѣчь обращаетъ вниманіе парламента только на два предмета, скорѣйшее разрѣшеніе которыхъ необходимо: на распоряженіе, касающееся вооруженной силы и на финансовую конвенцію, которую нужно заключить съ Хорватіей и Славоніей, такъ какъ дѣйствіе касающихся этого дѣла законовъ, истекаетъ въ концѣ нынѣшняго года.

Константинополь, 9-го октября. Сюда пріѣхали двое болгаръ, Арековъ и Ночовичъ, для представленія русскому послу, а также посламъ всѣхъ прочихъ европейскихъ державъ, подписавшихъ берлинскій трактатъ, петиціи болгарскаго народа къ русскому Царю о возстановленіи Болгаріи въ естественныхъ границахъ, опредѣленныхъ съ точностью въ санъ-стефанскомъ договорѣ. Петиція подписана, съ приложеніемъ печатей, болгарскими общинами Румеліи, части Ѳракіи и Македоніи. Русскія власти не только не способствовали составленію и подписанію этой петиціи, но мѣшали и во многихъ случаяхъ не допускали этого, а въ областяхъ, занятыхъ турками, подписаніе петиціи составляло немалую опасность для болгарскихъ общинъ; но болгаре чувствуютъ такія опасенія въ виду усиливающейся власти турокъ, что рѣшили прибѣгнуть къ защитѣ Россіи.

По слухамъ, вмѣстѣ съ графомъ Игнатьевымъ, и князь Дондуковъ-Корсаковъ имѣетъ шансы на избраніе княземъ Болгаріи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

При этомъ нумерѣ «Живоп. Обозрѣн.» разсылается гг. иногороднымъ годовымъ подписчикамъ олеографія портрета «Графини Потоцкой» и прейсъ-курантъ магазина подъ фирмою «Китай».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 Октября 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

№ 43. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 22 Октября 1878 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

ВСЕМІРНАЯ ПАРИЖСКАЯ ВЫСТАВКА.

Фасады Анамскаго и Тунисскаго отдѣловъ и отдѣла республики Санъ-Марино.

Промахнулись.

Комедія въ одномъ дѣйствіи

Казиміра Залевскаго.

(съ иллюстраціями Кс. Пилляти).

Дѣйствующія лица:

Ванъ-деръ-Кнакъ, содержатель гостинницы.
Марго.
Генрихъ
Донъ-Дьего.
Жибье.
Ванъ-денъ-Терабумъ.

Дѣйствіе происходитъ въ г. Флессингѣ, 1571 года.

(Сцена представляетъ обширную комнату въ гостинницѣ Ванъ-деръ-Кнака, съ лѣвой стороны выручка, нѣсколько столовъ и стульевъ, впереди опускная дверь въ погребъ. Въ глубинѣ сцены дверь, по обѣимъ сторонамъ окна: въ правой и въ лѣвой стѣнѣ двери; съ правой стороны окно).

СЦЕНА I.

Донъ-Дьего.—Жибье.—Ванъ-денъ-Терабумъ.

(Послѣ поднятія занавѣса во всѣхъ трехъ окнахъ показываются ихъ головы.)

Ванъ-денъ-Терабумъ (*разглядывая комнату и увидѣвъ своихъ товарищей*). Тсъ!

Жибье. Тсъ!

Донъ-Дьего. Тсъ!

Ванъ-денъ-Терабумъ. Никого!...

Жибье. Ни живой души!...

Донъ-Дьего. Значитъ, можно войдти.

Жибье. Это ясно! (*вскакиваетъ въ комнату вмѣстѣ съ Донъ-Дьего*).

Ванъ-денъ-Терабумъ. Хороши товарищи! Благо, что легки... а каково мнѣ? Пособите же, а то, право, самъ не справлюсь...

Жибье. Бочка!

Донъ-Дьего. Противный чурбанъ! Да, братъ, согласись, что ты не въ свои сани сѣлъ. (*Донъ-Дьего и Жибье втаскиваютъ Ванъ-денъ-Терабума въ комнату*).

Ванъ-денъ-Терабумъ. Уфъ!.:. Вотъ ужь усталъ, такъ усталъ! А еще чортъ знаетъ выйдетъ-ли что-нибудь путное изъ этого?

Донъ-Дьего. Если бы ты былъ здѣсь одинъ, конечно, ничего бы не вышло.

Ванъ-денъ-Терабумъ. Это почему?

Донъ-Дьего. Ну, братъ, не тебѣ объ этомъ спрашивать!

Ванъ-денъ-Терабумъ. Шутки въ сторону!

Донъ-Дьего. Не сердись, дружище...

Ванъ-денъ-Терабумъ. Нѣтъ, а ты вотъ скажи почему?

Жибье. Да, вѣдь ты бы счелъ первымъ долгомъ нализаться, а въ это время нашъ аристократъ успѣлъ бы десять разъ дать тягу!

Ванъ-денъ-Терабумъ. Хорошо, хорошо! Не тебѣ порицать меня, любезный Жибье. Что городъ, то норовъ—и если я люблю вино, то вѣдь всѣмъ отлично извѣстна твоя страсть къ прекрасному полу... Священное писаніе наказало Ноева сына за насмѣшки надъ маленькой слабостью отца, а изъ этого слѣдуетъ, что пить вино вовсе не грѣхъ, а твои поступки грѣшатъ противъ шестой заповѣди... Берегись, Жибье!

Донъ-Дьего. А я такъ вамъ обоимъ далъ бы одинъ совѣтъ: берегитесь, друзья! Не забывайте, что пусть только нашъ звѣрь уйдетъ въ лѣсъ, навѣрняка оба будете болтаться въ воздухѣ.

Жибье. А ты чѣмъ же лучше насъ? Можетъ быть, ты думаешь легко отдѣлаться въ случаѣ чего, потому что ты испанецъ, а мы фламандцы? Дудки, братецъ!... Хотя и правда, что мы немного опоздали, потому что Терабумъ напился пьянъ подъ «Золотымъ Гусемъ» въ Брюсселѣ, да я заболтался съ хорошенькой молочницей и переночевалъ въ какомъ-то сараѣ, но и ты, дружище, не безъ грѣха. Интересно знать, кто это что-то ужь больно долго обнюхивалъ какого-то господина въ Шатоденѣ... А вотъ и видимые знаки этого милаго разговора (*вынимаетъ у Донъ-Дьего изъ кармана носовой платокъ и табакерку*) даже съ вензелями.

Донъ-Дьего. Это онъ мнѣ подарилъ на память...

Жибье. А! а! Вотъ оно что! Можетъ быть, потому же насъ и задержали и, навѣрно, засадили бы въ кутузку, еслибъ не наши свидѣтельства изъ Брюсселя. Изъ этого только одно ясно, что нечего другъ друга укорять: всѣ мы одного поля ягоды! Чѣмъ ссориться, лучше вспомнить данную намъ инструкцію, дѣло не шутка: головой можно поплатиться!

Донъ-Дьего. Я помню ее отъ слова до слова.

Ванъ-денъ-Терабумъ. И я тоже. Мы обязаны поймать и, подъ сильнымъ карауломъ, привести въ Брюссель барона Генриха Монтиньи живымъ или мертвымъ.

Жибье. Молодого человѣка лѣтъ тридцати, высокаго роста.

Донъ-Дьего. Который здѣсь въ этой гостинницѣ долженъ встрѣтиться со своимъ слугою между 7 и 10 числомъ текущаго мѣсяца.

Ванъ-денъ-Терабумъ. Слуга его во всемъ этомъ сознался, будучи подвергнутымъ пыткѣ.

Жибье. Все значитъ въ порядкѣ. Сегодня 8 сентября, день Рождества Богородицы, (*всѣ трое крестятся*) слѣдовательно, мы во время поспѣли.

Донъ-Дьего. Нужно, однако, въ этомъ удостовѣриться. Здѣсь, кажется, ни живой души нѣтъ. Прежде всего нужно осмотрѣть квартиру: за прилавкомъ есть комната... (*входитъ въ двери и возвращается*) Никого.

Жибье. Здѣсь тоже дверь... (*выходитъ въ дверь съ правой стороны и сейчасъ возвращается на сцену*) Какой-то темный чуланъ.

Ванъ-денъ-Терабумъ. Вотъ что я совѣтую: войдемъ туда всѣ трое и подождемъ хозяина. Если онъ окажется еретикомъ, сейчасъ же прикажемъ его задержать; это легко узнать. Сегодня праздникъ (*всѣ трое крестятся*), если прійдетъ изъ церкви—тѣмъ лучше для него, если же возвратится изъ какого-нибудь еретическаго собранія—пусть самъ на себя пеняетъ.

Донъ-Дьего. Твоя правда, Ванъ-денъ-Терабумъ. Видно, что ты винца сегодня еще не видѣлъ. Посмотримъ, нѣтъ-ли тамъ еще какой-нибудь потаенной двери.

Жибье. Или женщины. Съ ними всегда опасно. (*уходятъ*).

СЦЕНА II.

Ванъ-деръ-Кнакъ.—Марго.

Ванъ-деръ-Кнакъ. Ну, мамзель Марго, я вами совсѣмъ не доволенъ. Во все время обѣдни ни разу не заглянуть въ молитвенникъ! Это хуже, чѣмъ скверно! Въ наше время когда за каждымъ движеніемъ человѣка зорко слѣдятъ, моя мамзель Марго держитъ молитвенникъ вверхъ ногами! Это чортъ знаетъ на что похоже!

Марго. Я много молитвъ знаю наизустъ!

Ванъ-деръ-Кнакъ. Дѣвушка, которая дорожитъ собой, не позволила бы себѣ этого! Или вотъ, скажи мнѣ, какъ ты вела себя во время проповѣди?... Отецъ Анзельмъ, самый знаменитый проповѣдникъ въ церкви св. Варвары, говоритъ объ еретикахъ, о бѣдствіяхъ, которыхъ они причиною, всѣ рыдали, наша сосѣдка, госпожа Ванло, содержательница гостинницы подъ «Зеленымъ Дракономъ» всхлипывала такъ, что казалось вотъ, вотъ въ обморокъ упадетъ, а ты, несчастная, хоть бы одну слезинку фартукомъ отерла!... Хорошо служишь своему господину!... Конечно, я работалъ за двоихъ! Не ронять же доброй славы гостинницы «Короля Карла»!... Вижу, что не исполняешь своихъ обязанностей, ну и давай молиться и рыдать за двоихъ—и по твоей винѣ—вотъ охрипъ, а глядишь, завтра горло распухнетъ! Ну и скажи, за что ты деньги получаешь, если я долженъ и за себя и за тебя рыдать и молиться, вмѣсто того, чтобы намъ обоимъ нѣсколько разъ, какъ слѣдуетъ, вздохнуть, да гдѣ слѣдуетъ—прослезиться?

Марго. Мнѣ кажется, что въ нашихъ условіяхъ объ этомъ ничего не сказано. Я поступила къ вамъ на службу, чтобы прислуживать гостямъ... Правда, гостей теперь съ каждымъ днемъ меньше, такъ какъ вы не хотите принимать «Нищихъ»—патріотовъ, но все-таки по хозяйству хлопотъ много. Вы спрашивали, католическаго-ли я исповѣданія, и удовлетворились отвѣтомъ, что я католичка. Довольствуйтесь этимъ и на будущее время оставьте мнѣ полную свободу въ выборѣ молитвъ... Я молюсь для самой себя, а не для короля и не для виду.

Ванъ-деръ-Кнакъ. Но, пойми же, что твоими поступками ты меня и себя погубишь. Нынче нельзя молиться, какъ кому угодно; нынче нужно молиться, какъ велятъ... Стоитъ, чтобы разъ замѣтили твое поведеніе въ церкви и все пропало, и тебя и меня спровадятъ... Не бѣда, еслибъ только одну тебя сожгли или повѣсили, потеря не большая, но нынче такое время, что не только слуга отвѣчаетъ за своего господина, что, впрочемъ, очень справедливо, но даже господинъ за слугу, что уже вопіющая несправедливость... (*оглядывается вокругъ и понижаетъ голосъ*) то есть, хочу сказать, доказательство высокаго ума, справедливости и милости великаго короля Филиппа II. Долженъ же я присматривать за тобой, не желая нести отвѣтственности за твои поступки...

Марго. Будьте спокойны; кому судьбою назначено висѣть между небомъ и землею, тому ножъ не страшенъ...

Ванъ-деръ-Кнакъ. Глупая ты дѣвчонка, вотъ и все! Охота же мнѣ погибать на висѣлицѣ! Я хочу, какъ всѣ Ванъ-деръ-Кнаки, умереть собственной своей смертью на собственной своей кровати. Поняла? Ну, такъ прошу тебя и повелѣваю, чтобы ты вела себя такъ, какъ должна бы вести себя благодарная дѣвушка, желающая видѣть своего господина не на висѣлицѣ, а какъ слѣдуетъ на катафалкѣ у св. Варвары. А не хочешь—такъ и тебя не нужно. Лучше раньше съ тобой разстаться...

Марго (*въ сторону*). Не будетъ ли это раньше, чѣмъ ты думаешь! (*Ванъ-деръ-Кнаку*) Какъ вамъ угодно, господинъ Ванъ-деръ-Кнакъ... Пока я завтракъ приготовлю, можете надуматься... (*уходитъ въ двери налѣво*).

СЦЕНА III.

Ванъ-деръ-Кнакъ.

Ухъ! тяжелое нынче время!... Дохода ни гроша, а опасностей тьма! Вотъ ужь больше мѣсяца, какъ не было гостей, а всѣ, которые для кружки пива приходятъ, ни гроша не платятъ: все, молъ, запиши, отдадимъ послѣ... Знаемъ мы это!... Хоть они положимъ и не принадлежатъ къ обществу «Нищихъ» да, въ сущности, кто нынче не нищій?... Чтобъ ихъ (*ударяетъ по столу кулакомъ*) эти испанскіе порядки... (*испугавшись своего собственнаго голоса, оглядывается по сторонамъ*) Дай Богъ, чтобы они во вѣки вѣковъ царили у насъ!... А вѣдь мой языкъ ужь больно разыгрался! Привычка, вторая натура. Въ прошлое царствованіе можно было говорить, что кому угодно... и неудивительно, что и половины тогдашнихъ добрыхъ малыхъ уже нѣтъ въ живыхъ, а другая половина ни гроша не стоитъ... Боже, что же я говорю! Молчи, проклятый языкъ, а то тебя вмѣстѣ съ твоимъ господиномъ раскрошатъ на мелкие кусочки!

СЦЕНА IV.

Ванъ-деръ-Кнакъ. — Жибье. — Ванъ-денъ-Терабумъ. — Донъ-Дьего. (выходятъ изъ темнаго чулана и становятся съ трехъ сторонъ Ванъ-деръ-Кнака, не будучи имъ замѣчены).

Жибье (*съ правой стороны*). Тсъ!

Донъ-Дьего (*съ лѣвой стороны*). Молчаніе!

Ванъ-денъ-Терабумъ. Ни гугу!

Ванъ-деръ-Кнакъ (*растерявшись*). Уже нѣтъ меня, я покойникъ, повѣсили, зарѣзали меня! Господа! Я самый вѣрный изъ всѣхъ слугъ милостиваго государя нашего Филиппа II (*съ поклономъ*) вѣчная слава имени его!... Я въ глаза «Нищихъ» не видѣлъ; еретиковъ боюсь, какъ адскихъ мученій; первымъ стою на рынкѣ когда ихъ вѣшаютъ или сожигаютъ на кострѣ! Господа! я обанкрутился, я разорился изъ любви, искреннѣйшей любви къ испанцамъ и царствующей династіи... я обоготворяю короля, княжну Маргариту, принца Альбу... Господа! хотя у меня нѣтъ ни жены, ни дѣтей...

Донъ-Дьего. Скоро ли это будетъ конецъ этой чепухѣ, глупый трусъ!... Къ чему вся эта болтовня!... Въ крайнемъ случаѣ, угрожаетъ тебѣ висѣлица...

Ванъ-деръ-Кнакъ. Бездѣлица!!... Благодарю!...

Донъ-Дьего. Сверхъ того, если не скажешь всего, что знаешь, могутъ, пожалуй, и пощекотать немного!...

Ванъ-деръ-Кнакъ. Я ничего не знаю! Добрые господа... я уже сказалъ все, все, что знаю... Защитите меня, добрые слуги закона!...

Донъ-Дьего. Это мы послѣ увидимъ. Кто живетъ въ этой гостинницѣ?

Ванъ-деръ-Кнакъ. Я все скажу, всю правду скажу, одну правду...

Донъ-Дьего. Кто живетъ здѣсь, въ этой гостинницѣ?

Ванъ-деръ-Кнакъ. А щекотокъ не будетъ? нѣтъ?!...

Жибье (*къ Донъ-Дьего и Терабуму*). Нужно его успокоить, этого дурака, а то никогда не кончимъ!

Ванъ-денъ-Терабумъ (*къ Жибье и Донъ-Дьего*). Лучше всего предложить ему одну, двѣ бутылки а затѣмъ разспрашивать. Иначе ничего не выйдетъ...

Донъ-Дьего (*къ Терабуму*). Понимаю, тебя ужь тянетъ къ бутылкѣ... Нѣтъ, есть средство вѣрнѣе... (*къ Ванъ-деръ-Кнаку*) Послушай, господинъ хозяинъ: въ твоей гостинницѣ должно было свершится ужасное преступленіе... Очень возможно, и мы склонны этому вѣрить, что ты ничего объ этомъ не знаешь; а въ послѣднемъ случаѣ только откровенность и дѣятельная помощь съ твоей стороны могутъ тебя спасти.

Ванъ-деръ-Кнакъ. Если дѣло въ томъ, чтобы ловить преступниковъ, господа, располагайте мною, я къ вашимъ услугамъ. Я готовъ хоть на край свѣта бѣжать за ними.

Донъ-Дьего. Потише, потише любезный Ванъ-деръ-Кнакъ. Прежде всего отвѣчайте на вопросы. Кто живетъ въ этой гостинницѣ?

Ванъ-деръ-Кнакъ. Я, хозяинъ, и моя служанка, Марго.

Донъ-Дьего. Вѣрная слуга великаго нашего короля Филиппа II?

Ванъ-деръ-Кнакъ. Не совсѣмъ, между нами будь сказано. Притворяется, и оно, кажется, такъ дѣйствительно, что католическаго вѣроисповѣданія, а все-таки во время сегодняшней проповѣди отца Анзельма не плакала!

Жибье. Подумаемъ объ этомъ!

Ванъ-деръ-Кнакъ. Я готовъ хоть сейчасъ отдать ее въ ваши руки.

Донъ-Дьего. Послѣ, послѣ объ этомъ. Теперь есть дѣла поважнѣе.

Ванъ-деръ-Кнакъ. Еще важнѣе! О Боже! Всѣ мои суставчики трясутся!

Жибье. И такъ, въ этой гостинницѣ, кромѣ тебя и твоей служанки никто больше не живетъ?

Ванъ-деръ-Кнакъ. Развѣ кто нибудь такимъ же образомъ вошелъ въ мой домъ, какъ господа; хотя онъ былъ бы не такимъ пріятнымъ гостемъ, но не менѣе неожиданнымъ.

Донъ-Дьего. Молчать! Отвѣчай только на вопросы!

Ванъ-деръ-Кнакъ. Молчу, ужь молчу... ни слова!

Донъ-Дьего. Давно пріѣзжихъ у тебя нѣтъ? (*Ванъ-деръ-Кнакъ молчитъ*). Слышишь ли, тебя спрашиваютъ? Намѣренъ ли ты отвѣчать или нѣтъ?

Ванъ-деръ-Кнакъ (*скороговоркой*). Болѣе двухъ недѣль живого человѣка не видѣлъ... (*въ сторону*). О Боже! вотъ пытка: велятъ молчать, а между тѣмъ на вопросы требуютъ отвѣта! (*вслухъ*). Да, третья недѣля идетъ съ того времени, какъ зашелъ ко мнѣ послѣдній посѣтитель. Неважный, впрочемъ, человѣкъ: портной Бильбо... Подлецъ! выпилъ въ долгъ и пропалъ.

Жибье. Молчи! (*къ своимъ товарищамъ*). Мы, значитъ, поспѣли во время... Этотъ остолопъ, какъ видно, говоритъ правду... Теперь дѣло въ томъ, чтобъ не спугнуть птички... Теперь нужно будетъ здѣсь расположиться, какъ въ собственномъ домѣ... Съ этимъ дуракомъ не трудно справиться...

Ванъ-денъ-Терабумъ (*къ Донъ-Дьего и Жибье*). Нужно, однако, убрать его куда нибудь... (*показываетъ въ сторону Ванъ-деръ-Кнака*).

Донъ-Дьего. Но, любезный хозяинъ, тебѣ нужно будетъ отправиться съ нами.

Ванъ-деръ-Кнакъ. Я пропалъ!

Жибье. Не бойся, другъ Ванъ-деръ-Кнакъ, тебѣ ничего не будетъ. Вотъ проводишь насъ только до первой гауптвахты. Мы города не знаемъ и долго пришлось бы намъ искать.

Ванъ-деръ-Кнакъ. По правдѣ сказать, господа, у меня силъ не хватитъ довести васъ до гауптвахты, она довольно далеко... Я разстроенъ... едва стою на ногахъ... Если смѣю предложить, Марго могла бы проводить господъ...

Донъ-Дьего. Нѣтъ, нѣтъ, ты долженъ идти съ нами...

Жибье. Да, мы тебѣ поможемъ... У насъ дѣла еще много, времени терять нельзя... Ванъ-денъ-Терабумъ, возьмемъ подъ руки Ванъ-деръ-Кнака, въ этомъ отказать ему нельзя... (*Ванъ-денъ-Терабумъ и Жибье съ обѣихъ сторонъ берутъ Ванъ-деръ-Кнака подъ руки, а Донъ-Дьего между тѣмъ беретъ съ выручки изящную кружку и прячетъ въ карманъ*).

Ванъ-деръ-Кнакъ. По крайней мѣрѣ, позвольте зайдти на минутку къ сосѣдямъ... Нужно проститься...

Жибье. А это зачѣмъ? Мы скоро будемъ обратно... (*въ сторону*). Испанецъ стибрилъ что-то съ выручки...

Донъ-Дьего. Ну, господа, въ путь-дорогу!

Ванъ-деръ-Кнакъ. Св. Христофоръ! Спасай меня... а то свѣчекъ не поставлю и окончательно съ тобой разойдусь (*плачетъ*).

(*Уходятъ*).

СЦЕНА V.

Марго (*выходитъ на сцену и смотритъ вслѣдъ за уходящими*). Это они, голубчики!.. Должно быть, скоро вернутся! Во всякомъ случаѣ, нельзя и думать о бѣгствѣ, не убѣдившись, что это онъ. Нужно съ нимъ откровенно объясниться, можетъ быть, придумаемъ что нибудь (*пріотворяетъ двери, ведущія въ погребъ*), господинъ, а господинъ, можете выйти на минуту—никого нѣтъ.

Генрихъ (*изъ погреба*). Благодарю васъ, сейчасъ иду... (*выходитъ изъ погреба*).

СЦЕНА VI.

Марго. — Генрихъ.

Генрихъ. Знаешь ли, право, очень пріятно выйдти на свѣтъ божій изъ этого подземелья, когда въ немъ просидишь цѣлый день, въ обществѣ крысъ и пауковъ.

Марго. Да, только въ погребѣ вы внѣ опасности, между тѣмъ какъ здѣсь...

Генрихъ. Кажется, и здѣсь кромѣ твоихъ хорошенькихъ глазокъ мнѣ нечего бояться...

Марго. Право, я васъ не понимаю! Неужели вы скрываетесь только изъ любви ко мнѣ?

Генрихъ. Къ сожалѣнію, не могу этого сказать, такъ какъ до того я не имѣлъ счастья знать тебя, прелестная Марго.. Но теперь, чортъ возьми, я готовъ хоть круглый годъ сидѣть въ этой вонючей ямѣ, лишь бы имѣть иногда удовольствіе видѣть твое хорошенькое личико...

Марго. Признаться вкусъ у васъ есть, господинъ наборщикъ! (*пристально смотритъ ему въ глаза*).

Генрихъ. Чтожь удивительнаго? Я тертый калачъ—бродилъ по бѣлу свѣту, не одно видѣлъ... Я вѣдь, дружокъ, въ нѣкоторомъ родѣ поэтъ: слагалъ разныя поэмы...

Марго. А потомъ афиши противъ испанцевъ!

Генрихъ. Не давалъ я себѣ тогда хорошенько отчета въ томъ, что дѣлаю... въ концѣ концовъ, нисколько въ этомъ не раскаиваюсь. Иначе не зналъ бы я тебя, Марго! Когда я принужденъ былъ бѣжать изъ Брюсселя, мой добрый другъ Иванъ Рапе,—онъ служитъ у одного изъ богатыхъ аристократовъ, — далъ мнѣ къ вамъ, миленькая Марго, рекомендательное письмо и сказалъ: «Въ гостинницѣ старика Ванъ-деръ-Кнака находится доброе и хорошенькое созданіе, имя ее — Марго. Она укажетъ тебѣ вѣрное убѣжище. Слушай ее и жди моего пріѣзда». Я поступилъ согласно совѣту Рапе и, вѣрьте мнѣ, готовъ ждать его пріѣзда цѣлые мѣсяцы, хотя бы и годы... Одного только искренне желаю: еслибы можно поменьше въ этомъ погребѣ сидѣть, а почаще въ твоемъ обществѣ проводить время.

Марго. Ну, а знаете ли вы, что сбиры увиваются около нашей гостинницы и увели съ собой хозяина.

Генрихъ. А чортъ возьми! И кого они здѣсь ищутъ?

Марго. Ужь, конечно, не бѣднаго наборщика, Другое дѣло, еслибы вы назывались Монтиньи, еслибы, бароном Генрихомъ Монтиньи, еслибъ вы не были простымъ наборщикомъ, а племянникомъ барона Монтиньи, нашего посла, убитаго въ Испаніи, по велѣнію короля Филиппа—тогда другое дѣло. Тогда я бы вамъ откровенно сказала: берегитесь, баронъ, знаютъ, что вы здѣсь скрываетесь, что дожидаетесь пріѣзда своего лакея Ивана Рапе, который долженъ привезти вамъ денегъ и извѣстить васъ, на которомъ кораблѣ можете бѣжать въ Англію, я бы сказала тогда: «берегитесь баронъ Генрихъ Монтиньи, агенты «Совѣта» напали на вашъ слѣдъ». Но, къ счастью, вы вѣдь простой наборщикъ—вамъ нечего бояться!

Генрихъ (*въ сторону*). Она знаетъ, кто я!.. Чтожь, пожертвовавъ половиной, отчего бы всего не поставить на карту?... Попытать счастье... кто знаетъ!... (*къ Марго*). Вы были когда нибудь въ Брюсселѣ, Марго?

Марго. Я родилась въ Брюсселѣ; я крестница графини Горнъ Монтиньи!

Генрихъ. Мачихи моего дяди? Зачѣмъ же намъ тогда играть комедію?

Марго. Вы хотѣли того, чтобы я васъ не узнала. Согласно вашему желанію, я и въ настоящую минуту не сказала бы вамъ, что знаю, кто вы, еслибы не крайняя необходимость.

Генрихъ. Ну, да—прелестная дѣвушка, я—тотъ баронъ Генрихъ Монтиньи, котораго преслѣдуютъ. Въ настоящее время я не только членъ общества «Нищихъ», но въ буквальномъ смыслѣ этого слова—нищій. Все мое имущество конфисковано тѣмъ, кто наложилъ цѣну и на мою голову. Все это, однако, не мѣшаетъ прекрасная мадемоазель Марго, мнѣ, барону Монтиньи или бѣдному наборщику, что все равно въ настоящее время, чувствовать себя вполнѣ счастливымъ въ твоемъ присутствіи и подъ твоей опекой. Принцъ Альба причинилъ мнѣ величайшее огорченіе тѣмъ, что я могу располагать въ данную минуту только этимъ кольцомъ, родовой драгоцѣнностью нашего семейства... Прими его въ знакъ искренней благодарности...(*надѣваетъ ей кольцо на палецъ*).

Марго. Господинъ баронъ, позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ о моей судьбѣ: я воспитывалась у графини Горнъ-Монтиньи; въ качествѣ крестницы, я очень часто имѣла счастье видѣть добрую нашу графиню. Лишнимъ считаю разсказывать вамъ, что мы всѣ были глубоко поражены арестомъ графа и тѣмъ, что произошло вслѣдъ за этимъ арестомъ. Въ то время, когда вы господа совѣтовались, что предпринять, какъ дѣйствовать, — мы, служащіе, рѣшились дѣйствовать по своему. Вотъ ужь болѣе года, какъ я здѣсь живу въ качествѣ служанки и постоянно поддерживаю сношенія съ Брюсселемъ. Увы! покойному графу мнѣ не суждено было помочь, но за то многіе «Нищіе» нашли здѣсь спасеніе отъ неминуемой смерти. Мы были знакомы съ Иваномъ Рапе, онъ зналъ, съ какою цѣлью я живу въ этомъ противномъ кабакѣ, и потому-то и прислалъ васъ сюда. Предупреждаю васъ, однако, баронъ, что нынче, когда агенты знаютъ, что вы должны находиться въ нашемъ городѣ—игра становится вдвойнѣ опасною.

Генрихъ. Чтожь дѣлать, дорогая Марго? Когда человѣку тридцать лѣтъ да притомъ жизнь ему улыбается,—не особенно пріятно проститься съ ней на вѣки, но если ужь суждено мнѣ гибнуть во цвѣтѣ лѣтъ, не хочу быть причиною твоей гибели. Желая спасти меня, ты можешь легко сама подвергнуться опасности, а чего добраго и поплатиться жизнью. Позволь мнѣ разцѣловать твои прелестныя губки; это будетъ мое послѣднее прощаніе съ жизнью, со всѣмъ тѣмъ, что въ ней есть прекраснаго: съ любовью и молодостью... Потомъ я самъ отдамъ себя въ ихъ руки. Пусть эшафотъ меня ждетъ впереди, пусть меня мучатъ—у меня всегда хватитъ силъ, чтобъ и умирая громко крикнуть: «да здравствуетъ Фландрія!»

Марго. Бога ради, тише, тише, господинъ баронъ.... Они могутъ быть близко... Кто-нибудь изъ прохожихъ...

Генрихъ. Ахъ, правда, здѣсь вѣдь и свои—измѣнники!...—Ну, прощай, милая Марго!

Марго. Господинъ баронъ, куда вы намѣрены идти? (*беретъ его за руку*).

Генрихъ. Пусти меня, Марго.

Марго. Никогда, никогда... Я должна васъ спасти!...

Генрихъ. Не въ твоихъ рукахъ мое спасеніе, доброе дитя! Хотя бы, положимъ, удалось мнѣ бѣжать отсюда, куда же мнѣ идти? Какъ бы ни была печальна судьба изгнанника, быть можетъ, я съумѣлъ бы перебиваться среди чужихъ, но какимъ образомъ оставить родину, на какія средства мнѣ, нищему, уѣхать въ Англію?

Марго. Это ужь мое дѣло, г. баронъ... Молитесь за свое спасеніе... Я такъ горячо сегодня молилась за васъ, баронъ! Есть же Провидѣніе, есть же Богъ, который заботится о своихъ дѣтяхъ.

Генрихъ. Эхъ милая, Богъ въ послѣднее время сталъ испанцемъ, какъ говорилъ Гизій послѣ побѣдъ Альбы. Во всякомъ случаѣ вѣрно, что Онъ отвернулъ глаза отъ бѣдной нашей родины.

Марго. Не нужно отчаяваться, г. баронъ. Теперь нужно вамъ не шевелиться даже въ вашемъ убѣжищѣ. Выходить изъ погреба не позволяю ни подъ какимъ предлогомъ, развѣ только тогда, когда я васъ позову.

Генрихъ. Скажу тебѣ откровенно, что не нравится мнѣ твое желаніе. Жизнь, какую мнѣ приходится вести, право, не стоитъ твоихъ заботъ.

Марго. Вы, какъ христіанинъ, обязаны защищаться. Человѣкъ обязанъ дорожить своей жизнію... Господинъ баронъ, не забывайте, что подвергая себя опасности, вы можете не только насъ обоихъ, но и Ивана Рапе, который скоро долженъ сюда пріѣхать, лишить свободы, а можетъ быть, и жизни.

Генрихъ. Значитъ, необходимо опуститься въ эту темницу?

Марго. Прошу, умоляю объ этомъ.

Генрихъ. Нельзя противиться твоей просьбѣ, прелестница, какъ ни противно сидѣть въ этой смрадной темнотѣ! Заживо предвкушаю всѣ прелести могилы...

Марго. Да хранитъ васъ Богъ!

Генрихъ. До свиданія... Въ случаѣ, еслибы меня нашли здѣсь—что очень возможно—помни, Марго, что ты меня не знаешь, и что ты не видѣла, когда и какъ я забрался въ этотъ погребъ...

Марго. Хорошо, хорошо... Сходите, а то могутъ прійдти.

Генрихъ. До свиданія, Марго, здѣсь или на томъ свѣтѣ, хотя, по правдѣ сказать, здѣсь было-бы гораздо лучше (*открываетъ опускную дверь и входитъ въ погребъ*).

Марго. Что-же придумать? Какимъ образомъ спасти его?... Красивый, молодой, умный—и ему умирать! Ахъ! никогда, никогда!... Ну, Марго, спасала же ты другихъ, которые всѣ вмѣстѣ не были достойны его одного, а теперь не съумѣла бы придумать средства спасти его? Нѣтъ, не можетъ быть... Я его спасу, я должна его спасти!...

СЦЕНА VII.

Марго. — Донъ-Дьего. — Жибье. — Ванъ-денъ-Терабумъ.

Донъ-Дьего. Здравствуйте, мадемоазель.

Марго (*въ сторону*). Ага! вотъ птичка, предвѣщающая бурю.

Донъ-Дьего. Вы здѣсь однѣ?

Марго. Хозяинъ, какъ видно, ушелъ куда-то.

Ванъ-денъ-Терабумъ. Нельзя-ли у васъ попросить бутылочку вина и чего-нибудь закусить?

Марго. Съ удовольствіемъ (*въ сторону*). Я готова хоть десять дать, лишь-бы напоить ихъ пьяными. (*Идетъ за выручку, и приноситъ бутылку и закуску.*)

Донъ-Дьего. Вы давно здѣсь въ этой гостинницѣ?

Марго. Годъ съ лишнимъ.

Донъ-Дьего. А много-ли пріѣзжающихъ у васъ?

Марго. Жить-то у насъ никто не живетъ. Иногда заходятъ выпить кружку, да и то нечего считать—никогда не платятъ.

Ванъ-денъ-Терабумъ. Что-же, хорошо дѣлаютъ... Это славный городъ, въ Флессингѣ не то, что у насъ въ Брюсселѣ... (*Жибье ударяетъ его кулакомъ въ бокъ*).

Жибье (*къ Ванъ-денъ-Терабуму*). Замолчишь ты, пьянюга?

Донъ-Дьего. Не мѣшай ему говорить! Надѣюсь, что мадемоазель, какъ истая патріотка, не выдастъ насъ... (*къ Марго*). Вамъ это не покажется страннымъ, въ этомъ я вполнѣ увѣренъ, что Иванъ Рапе со своими товарищами здѣсь дожидаются барона, у котораго они на службѣ, чтобы вмѣстѣ искать убѣжища, отъ гоненій этого тирана принца Альбы.

Марго. Къ сожалѣнію, вы ошиблись въ своихъ разсчетахъ. Мой хозяинъ и я не вмѣшиваемся въ эти дѣла: для этого есть другія гостинницы. Мы молимся Богу, любимъ короля и уважаемъ нашего намѣстника принца Альбу, и если вы, господа, пришли въ гостинницу не за бутылкой вина, то я вамъ совѣтую убираться поскорѣе, не дождаясь возвращенія хозяина...

Живье. Испанскій способъ къ чорту; попробуемъ на новый ладъ, а то, пожалуй, она готова шуму на весь городъ надѣлать (*вслухъ*). Мой другъ подшутилъ, сударыня.... Вамъ нечего насъ опасаться. Онъ хотѣлъ только васъ испытать и воспользовался именемъ, которое, какъ разъ во время нашего отъѣзда изъ Брюсселя, трубачи выкрикивали на площадяхъ... Но видно, вы также неустрашимы, какъ хороши!...

„Промахнулись“. Комедія **К. ЗАЛЕВСКАГО.**

Генрихъ и Марго.

(Рисовалъ **Кс. Пилляти.**)

Марго. У насъ это не диковина: портовый городъ—тутъ всякаго увидишь... Не разъ и «Нищій» попадается, ко всему приглядишься... Мало-ли шальныхъ головъ!

Ванъ-денъ-Терабумъ (*пьетъ*). Ужъ именно шальныхъ, точно не удобно имъ сидѣть на плечахъ у своихъ хозяевъ.

Марго. Вотъ давеча тоже проѣздомъ остановился какой-то молодой человѣкъ... красавецъ просто... По всему видно, что князь или графъ... И тоже спрашивалъ, если не ошибаюсь, про своего человѣка съ похожей на Рапе фамиліей...

Жибье. Спрашивалъ Ивана Рапе?

Марго. Кажется, что его называлъ.

Донъ-Дьего. Какъ онъ собой выглядѣлъ этотъ графъ?

Марго. Примѣрно лѣтъ тридцати, высокаго роста, лицо продолговатое — впрочемъ, похожій на всѣхъ людей.

нымъ Дракономъ» или старикъ Пимтекефуръ, хозяинъ гостинницы «подъ Испанской Короной», они ему не откажутъ. Это притоны всѣхъ «Нищихъ». Проѣзжій графъ даже просилъ указать Ивану Рапе эти двѣ гостинницы. Конечно, я не исполню его желанія, но я ужъ проболталась, такъ можете теперь, господа, если хотите, воспользоваться тѣмъ, что я сказала.

Донъ-Дьего (*къ Жибье*). Сейчасъ же ступай въ гостинницу Ванло, я пойду къ Пимтекефуру, а Ванъ-денъ-Терабума оставимъ здѣсь... Лишь бы только онъ не напился... Смотри, (*показываетъ глазами на Ванъ-денъ-Терабума*) онъ ужъ вцѣпился въ бутылку.

Жибье (*въ сторону*). Я такъ вцѣпился бы тоже, но не въ бутылку... Собачья служба! Ни минуты на мѣстѣ не посидишь! Охотно уступилъ бы этого проклятаго барона Донъ-Дьего, лишь бы мнѣ здѣсь одному остаться.

Донъ-Дьего (*къ Ванъ-денъ-Терабуму*). На тебѣ лежитъ большая отвѣтственность...

Ванъ-денъ-Терабумъ. Съ дѣвчонкой, кажется, сумѣю справиться.

Донъ-Дьего. Ну, помни же! (*Донъ-Дьего и Жибье уходятъ*).

СЦЕНА VIII.

Марго.—Ванъ-денъ-Терабумъ—(пьетъ).

Ванъ-денъ-Терабумъ. Какъ васъ зовутъ, сударыня?..

Марго. Марго, къ вашимъ услугамъ.

Ванъ-денъ-Терабумъ. И вы здѣсь одна? Какъ есть одна?

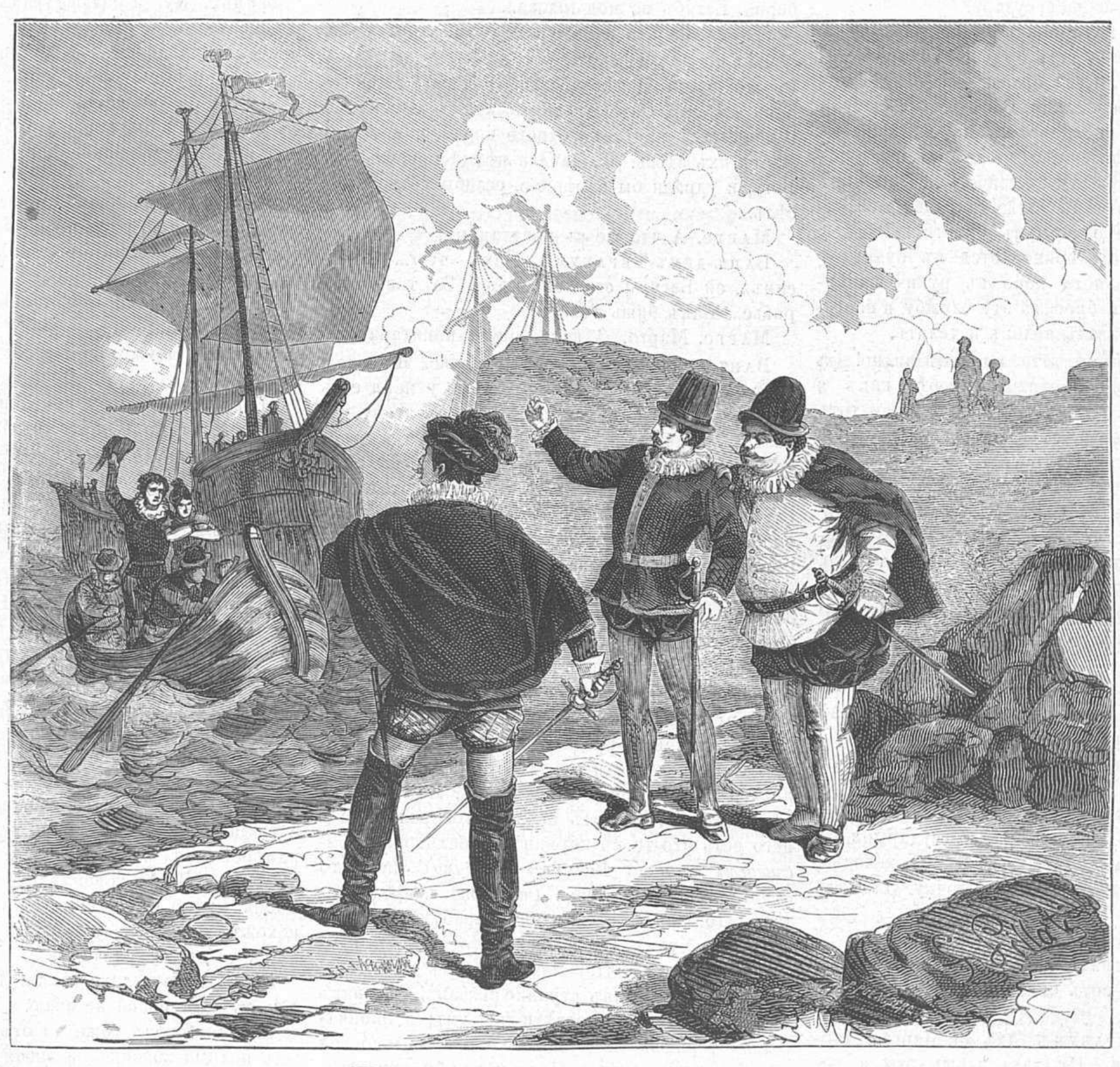
Марго. Какъ видите.

Ванъ-денъ-Терабумъ. И воровъ не боитесь?

Марго. Чтоже они могли бы украсть у насъ? Въ случаѣ, захотѣли бы выносить столы или стулья—сосѣди увидали бы.

Ванъ-денъ-Терабумъ. Ну, а вино?... По правдѣ сказать, вино-то у васъ не особенное, и наврядъ-ли позарился бы воръ на него... (*пьетъ*) развѣ ужъ больно пить бы ему захотѣлось.

„Промахнулись“. Комедія **К. ЗАЛЕВСКАГО.**

Донъ-Дьего, Жибье и Ванъ-денъ-Терабумъ.... промахнулись!

(Рисовалъ **Кс. Пилляти.**)

Жибье (*въ сторону*). Это онъ! (*къ Марго*). А гдѣ же онъ остановился?

Марго. Въ нашей гостинницѣ нѣтъ мѣста для подозрительныхъ личностей. Хозяинъ строго приказалъ не принимать такого сорта людей.

Донъ-Дьего (*въ сторону*). Какова дѣвчонка? Прогнала его!

Жибье. Неужели же у васъ такое жестокое сердце? Какъ же можно бѣдному красавцу, судя по вашему описанію, отказать въ ночлегѣ.

Марго. Я жалѣю только вѣрныхъ слугъ нашего короля.

Жибье (*въ сторону*). Брр...! Какъ она на меня посмотрѣла? Красавица дѣвчонка! Ахъ, еслибъ я былъ одинъ!

Донъ-Дьего. Если всѣ жители Флессинги вашего мнѣнія, сударыня, бѣдному красавцу придется провести ночь подъ открытымъ небомъ.

Марго. Найдетъ онъ себѣ уголъ. Мадамъ Ванло, что содержитъ гостинницу «подъ Зеле-

Донъ-Дьего (*послѣ тихаго разговора съ Ванъ-денъ-Терабумомъ*). Нашъ товарищъ уплатитъ за вино, а мы пока осмотримъ городъ и корабли.

Марго. Ничего нѣтъ теперь особеннаго: всего три корабля на якорѣ. Въ послѣднее время торговля прекратилась и пассажировъ нѣтъ. Отсюда видѣнъ портъ, какъ на ладони: вотъ всего три корабля... «Княжна Іоанна», немного правѣе «Красавица Амелія», а дальше «Молнія.»

Донъ-Дьего. Любопытно однако осмотрѣть ихъ (*къ Жибье*). Ты къ Ванло, я—«подъ Корону». Ахъ, еслибъ удалось поймать тамъ барона!

Жибье (*къ Донъ-Дьего*). Бѣгу! (*къ Марго*). Надѣюсь, скоро буду обратно, сударыня.

Марго. Очень рада.

Жибье. Ахъ, еслибъ можно остаться! (*Уходя, къ Ванъ-денъ-Терабумъ*) Только помни, не пей чрезъ мѣру, а то плохо будетъ.

Ванъ-денъ-Терабумъ. Ну, опять упреки! да я едва ротъ успѣлъ всполоснуть.

Марго. Есть у насъ и получше, только подороже... То, которое вы пили, приготовлено въ Меленѣ, но у насъ есть и хересъ, бордо и аликанте...

Ванъ-денъ-Терабумъ. Хересъ! Бордо! Аликанте! Никогда въ жизни не пилъ аликанте!

Марго. Если угодно...

Ванъ-денъ-Терабумъ (*въ сторону*). Хорошо бы, а чѣмъ платить? Эхъ, не бѣда. Хозяинъ въ кутузкѣ, а, въ крайнемъ случаѣ, и ее туда же спровадимъ (*къ Марго*). Знаете что, хорошо бы маленькій графинчикъ, только самый крошечный... Умѣренность прежде всего.

Марго (*приноситъ бутылку вина*). Вотъ бутылочка, стоитъ двѣ кроны.

Ванъ-денъ-Терабумъ. Графскій напитокъ! Вы не пьете?

Марго. Если позволите, съ удовольствіемъ.

Ванъ-денъ-Терабумъ. Право, вы славная дѣвушка!.. (*отвѣдавъ вина*) Ааа... вотъ вино, такъ вино!.. Ароматъ... какой ароматъ... Залюбуешься просто... Прекрасный напитокъ!

Марго (*выливаетъ свою рюмку подъ столъ*). Вы знатокъ, какъ видно.

Ванъ-денъ-Терабумъ. И какой еще! Еслибъ вы знали, какія массы этого благороднаго напитка прошли этимъ путемъ (*показываетъ на свое горло*): бочки, говорю вамъ, цѣлыя бочки!

Марго (*въ сторону*). Вѣрю, но интересно, много-ли ему нужно заразъ (*къ Ванъ-денъ-Терабуму*). И не подозрѣвала бы этого, смотрите я ужъ давно выпила свою рюмку, а вы второй еще не кончили...

Ванъ-денъ-Терабумъ (*въ сторону*). Не дурно пьетъ красавица! (*Марго*) Вообразите, а я и не замѣтилъ! (*наливаетъ въ обѣ рюмки*) Чокнемся! За наше здоровье, мадемоазель... Ну, и забылъ, какъ васъ зовутъ?

Марго. Марго, а васъ, сударь?

Ванъ-денъ-Терабумъ. Ванъ-денъ-Терабумъ. Старая фамилія: мой дѣдъ былъ церковнымъ старостой у св. Гудулы, въ брюссельской кафедрѣ, а отецъ мой, Вильгельмъ Ванъ-денъ-Терабумъ былъ одно время писаремъ въ консисторіи, но, не будучи особенно силенъ въ письмѣ, принужденъ былъ оставить эту должность... При томъ замѣчательно, что чѣмъ болѣе старался мой батюшка, тѣмъ болѣе портилъ бумаги... Рука у него была тяжелая: прикоснется къ бумагѣ—изомнетъ ее; возьметъ перо въ руки—навѣрняка пятно... ну, и бросилъ эту службу и поступилъ на бойню, рѣзалъ воловъ и телятъ.

Марго (*въ сторону*). Это по тебѣ видно! (*къ Ванъ-денъ-Терабуму*) Вообразите себѣ, какъ я ошиблась! Я была увѣрена, что вы именно тотъ Иванъ Рапé, о которомъ говорили ваши товарищи.

Ванъ-денъ-Терабумъ. Какъ можно, сударыня! Я—Ванъ-денъ-Терабумъ, Эзекіель Ванъ-денъ-Терабумъ, агентъ... (*спохватившись*) Тсъ!.. Превосходный напитокъ—это вино, нахожу только, что оно немножко слишкомъ крѣпко...

Марго. Однако, оно не опьяняетъ... Вотъ видите, я выпила двѣ рюмки и хоть бы что нибудь!..

Ванъ-денъ-Терабумъ. О! и мнѣ, конечно, ничего. Иначе я бы не пилъ, только странно, мнѣ становится какъ-то тепло...

Марго. Тѣмъ лучше, сегодня вѣдь холодно на дворѣ.

Ванъ-денъ-Терабумъ. Гмъ! Гмъ!.. Вѣрно—на дворѣ холодно... Ваша правда, сударыня. А знаете, что я вамъ скажу, на дворѣ холодно, значитъ, можно выпить еще бутылочку. Оно вѣдь не повредитъ.

Марго (*подаетъ бутылку*). Навѣрное.

Ванъ-денъ-Терабумъ (*пьетъ*). А то видите ли, мадемоазель.. вотъ опять забылъ!

Марго. Марго.

Ванъ-денъ-Терабумъ. Ахъ да, Марго... Марго... Имя не дурно... Ну, такъ чтожь это я хотѣлъ сказать?.. Да, да, мы говорили, что мой отецъ Ванъ-денъ-Терабумъ..

Марго. Мы говорили объ Иванѣ Рапé.

Ванъ-денъ-Терабумъ. Не можетъ быть! Я ни слова, ни словечка не говорилъ объ Иванѣ Рапé.

Марго. Напротивъ, вы начали что-то разсказывать объ Иванѣ Рапé и о баронѣ Монтиньи...

Ванъ-денъ-Терабумъ (*пьетъ одну рюмку за другой*). Нѣтъ, нѣтъ... Я не говорилъ... да я не могу говорить о баронѣ Монтиньи...

Марго (*въ сторону*). Еще мало, кажется, третья бутылка развяжетъ ему языкъ (*въ слухъ*). За ваше здоровье, господинъ Ванъ-денъ-Терабумъ.

Ванъ-денъ-Терабумъ. Вотъ мило... Ей Богу, хорошо! За ваше здоровье, мадемоазель...

Марго. Марго...

Ванъ-денъ-Терабумъ. Марго... Смотри, вотъ вино испарилось...

Марго. У насъ въ немъ недостатка не будетъ (*подаетъ третью бутылку; въ сторону*) Ну, теперь, кажется, будетъ съ тебя.

Ванъ-денъ-Терабумъ (*пьетъ*). А знаете, это вино какъ будто бы лучше того... Ну, какъ же.. вотъ я говорилъ...

Марго. Что Иванъ Рапé...

Ванъ-денъ-Терабумъ. Ахъ да, вотъ видители, Иванъ Рапé... да, что Иванъ Рапé?.. Что съ нимъ можетъ быть!.. Ничего не можетъ быть... его нѣтъ... Да, Ивана Рапé нѣтъ... Онъ (*дѣлаетъ соотвѣтственный жестъ*), онъ виситъ, болтаетъ ножками въ воздухѣ...

Марго (*въ сторону*). О Боже!

Ванъ-денъ-Терабумъ. Да, Иванъ Рапé виситъ... и его господинъ тоже будетъ висѣть, когда при вашей помощи, мы его поймаемъ... Да, будетъ висѣть.. будетъ... мадемоазель...

Марго. Марго (*въ сторону*) Нельзя прерывать его, а то ничего не узнаешь.

Ванъ-денъ-Терабумъ. Ну, мадемоазель Марго, за твое здоровье... и за Ивана Рапé, который виситъ... ей Богу, виситъ... а я за то пью это прелестное вино, хотя и крѣпкое, чортъ его бери... Еслибъ не моя голова...

Марго. За что же его повѣсили, этого Рапé.

Ванъ-денъ-Терабумъ. Какъ за что? Очень просто: взяли да и повѣсили... и Иванъ Рапè теперь виситъ... Онъ хотѣлъ бѣжать съ барономъ... и подкупилъ капитана одного корабля, который ждетъ ихъ здѣсь. Да, наняли цѣлый корабль.. ей Богу, и удрали бы навѣрное, еслибы тотъ не висѣлъ...

Марго. А что же съ капитаномъ?

Ванъ-денъ-Терабумъ. Какъ что?... Повѣсимъ... ей Богу, и его повѣсимъ... За твое здоровье... Какъ бишь тебя?

Марго. Марго. А какъ зовутъ капитана?

Ванъ-денъ-Терабумъ. Не знаю. Жибье и Дьего знаютъ... Я не знаю... За то у меня есть что-то такое въ карманѣ, что еслибъ я ему показалъ... нѣтъ, дудки, не покажу... И тебѣ не покажу, хоть по глазамъ вижу, хотѣлось бы тебѣ увидѣть... Нѣтъ... Что здѣсь такое происходитъ... Странный свѣтъ какой... Все танцуетъ... И бутылка танцуетъ... и мамзель танцуетъ... Чортъ возьми, и я бы танцовалъ, не смотря на то, что сегодня не праздникъ... Сударыня!.. Какъ васъ... За твое здоровье, сударыня... Не знаю, какъ тебя зовутъ... Рапé... За здоровье Иванъ Рапé!.. Ха! ха! ха! Онъ виситъ... Какъ... онъ виситъ (*по немногу опускается на скамейку и засыпаетъ*).

Марго. Онъ спитъ. Бѣдный Рапé! Не устоялъ противъ мученья, предалъ барона... Должно быть на оставшіяся крохи купилъ судно или мѣста на кораблѣ. Но который это корабль? Какъ зовутъ его капитана?... Этотъ пьяница говорилъ, что у него есть что-то въ карманѣ... Посмотримъ (*обыскиваетъ карманы Ванъ-денъ-Терабума*) какая-то бумага... свидѣтельство... (*читаетъ*) г. предъявитель сего, Эзекіель Ванъ-денъ-Терабумъ, агентъ... подпись—Хуанъ де-Варгасъ. Это можетъ пригодиться. А это что? Платокъ, вотъ и другой... этотъ больше... Какъ странно связанъ!.. Не знакъ ли это?... О Боже, просвѣти мой умъ; я окончательно теряюсь въ догадкахъ. Всего только три корабля на якорѣ стоятъ, какъ бы угадать?.. Ахъ, какое ужасное положеніе, имѣть въ рукахъ его спасенье и не умѣть имъ воспользоваться!.. Кто-то идетъ. Другая такая же птица, должно быть. Еслибъ и этого удалось напоить! Нѣтъ, лучше другого средства попробовать; можетъ быть, удастся его подкупить.

СЦЕНА IX.

Марго. — Жибье.

Жибье. У Ванло больше трехъ дней никто не останавливался. Напрасно только время потеряно. «Красавица Амелія» готовится въ путь, а ея капитанъ и неподозрѣваетъ, какое свершитъ путешествіе. Гдѣ же, однако, Ванъ-денъ-Терабумъ? Что вижу, не смотря на увѣщанія, нализалась скотина. Ванъ-денъ-Терабумъ, проснись, пьяница! (*трясетъ Ванъ-денъ-Терабума*).

Ванъ-денъ-Терабумъ. Какъ васъ зовутъ?.. За твое здоровье...

Жибье. Готовъ. Нашъ товарищъ черезъ край хватилъ вина.

Марго. Еще-бы. Выпилъ три бутылки аликанте, притомъ самого высокаго сорта, какой только у насъ есть. Требовалъ четвертую, но я на отрѣзъ отказала.

Жибье. И три его доканали. Неудивительно, въ такомъ пріятномъ обществѣ.

Марго. Я ненавижу пьяницъ.

Жибье (*въ сторону*). Прелесть дѣвочка! (*къ Марго*). Вы скучаете, должно быть, здѣсь одна въ гостинницѣ?

Марго. У меня всегда есть работа.

Жибье. Для рукъ, а сердце?

Марго. О немъ я не забочусь... Впрочемъ, тѣхъ, которые женились бы на мнѣ охотно, я не уважаю, а тѣ, которые мнѣ нравятся, и не посмотрятъ на меня.

Жибье (*въ сторону*). Въ дрожь меня бросило, какъ взглянула на меня! (*садится возлѣ Марго*). У васъ вкусъ есть—это видно по глазамъ. Интересно знать, кто это вамъ понравился. Молодой человѣкъ красивой наружности, не правда-ли?

Марго. Красивый, но не молодой: такъ отъ 40 до 50 лѣтъ.

Жибье. Ну, а дальше какъ: бѣлокурый или черноволосый?

Марго. Если ужъ на то пошло, такъ скажу вамъ откровенно: темнорусый.

Жибье (*обрадованный, въ сторону*). Темнорусый! (*къ Марго*). Вы были когда нибудь въ Брюсселѣ?

Марго. Нѣтъ, никогда, и правду сказать, не влечетъ меня туда.

Жибье. Очень жаль,—Брюссель прекрасный городъ. Какія тамъ церкви, дворцы, какое движеніе, жизнь... Если бы захотѣли, вмѣстѣ могли бы туда поѣхать.

Марго. Съ вами, можетъ быть, я и рѣшилась бы поѣхать.

Жибье. Неужели? Прелестная мадемоазель Марго.

Марго. Если бы вы попросили, отчего не поѣхать. Хотя не думайте, чтобы я готова была ѣхать съ первымъ встрѣчнымъ. Не разъ и не десять умоляли меня ѣхать, а я не соглашалась. Не дальше, какъ на этой недѣли, капитанъ одного изъ этихъ кораблей, которые вы сейчасъ осматривали, хотѣлъ взять меня съ собой въ Лондонъ, и не знаю, можетъ быть, и поѣду.

Жибье. Не дѣлайте этого. Вы развѣ не знаете, что такое капитанъ корабля? Сегодня здѣсь, а завтра—поминай, какъ звали.

Марго. Это извѣстно, постоянно путешествуетъ. Но въ этомъ я не вижу ничего особеннаго.

Жибье Это бы еще ничего...

Марго. А чтожь еще можетъ случиться?

Жибье. Такимъ господамъ иногда приходитъ фантазія перевозить слишкомъ крупные товары, а тогда обыкновенно они ѣдутъ дальше, чѣмъ намѣревались, и не по тому направленію.

Марго. Этотъ совсѣмъ не похожъ на такого. Очень милый человѣкъ... На васъ онъ немного похожъ, хотя, правду сказать, вы красивѣе его, но за то онъ—капитанъ!

Жибье. Не велика птица. Я никакихъ капитановъ надъ собой не знаю.

Марго. И онъ тоже ни отъ кого независитъ. Онъ полный хозяинъ на своемъ кораблѣ.

Жибье. Да, пока существуетъ.

Марго. Ну, нечего хвастаться, ручаюсь, что вы не съумѣли бы ему ничего сдѣлать.

Жибье. Еслибъ я только захотѣлъ! Хотите, хоть сейчасъ одного изъ нихъ могу засадить въ тюрьму.

Марго. Одного изъ этихъ? (*указываетъ рукой по направленію окна*).

Жибье. И очень можетъ быть, какъ разъ вашего капитанчишку, сударыня!

Марго. Вотъ смотрите. Отсюда видны всѣ три судна. Еслибъ я только платкомъ замахала, сейчасъ же прислали бы за мной лодку и черезъ часъ я ужь была бы въ открытомъ морѣ.

Жибье. «Красавица Амелія», кажется, ближе всѣхъ. Если вы объ ея капитанѣ говорите, право—не совѣтую.

Марго. Почему же?

Жибье. Будь я на вашемъ мѣстѣ, не искалъ бы такъ далеко. Есть ближе...

Марго. Можетъ быть, и посмотрю ближе, когда объясните, почему не совѣтуете мнѣ ѣхать съ капитаномъ.

Жибье. А если скажу, какая будетъ награда?

Марго. Посмотримъ еще.

Жибье. Разцѣлую ваши щечьки? Хорошо?

Марго. О, чего вы захотѣли... впрочемъ, чтожь вы знать о немъ можете; вы шутите только. Вѣдь только здѣсь вы и узнали, что «красавица Амелія» существуетъ на свѣтѣ.

Жибье. А если назову фамилію капитана? Что тогда—а?

Марго. Не скажете, потому что не знаете.

Жибье. Карлъ Дюбюиссонъ. А что знаю или нѣтъ?

Марго. Впрочемъ, узнать фамилію капитана очень легко: любой скажетъ. Это еще не можетъ служить доказательствомъ, чтобы ему что нибудь угрожало.

Жибье. А что вы скажете, когда узнаете, что если только захочу не пройдетъ и двухъ часовъ и г. капитанъ Дюбюиссонъ подъ сильною стражей поѣдетъ въ Брюссель, а потомъ высоко, очень высоко, чего, впрочемъ, раньше ли, позже ли не миновать ему. Что вы тогда скажете? Интересно знать, съ кѣмъ лучше ѣхать: съ нимъ ли или съ Германціемъ Жибье, вашимъ покорнымъ слугою.

Марго. Вы все это говорите для того только, чтобы я не отправилась съ капитаномъ въ Лондонъ. Понимаемъ... Нѣтъ — капитанъ славный человѣкъ... А что вы сочиняете — вотъ сейчасъ докажу: вывѣшу знакъ...

Жибье. Ну, и ничего не выйдетъ? Капитанъ не пріѣдетъ за вами, за это я головой ручаюсь. Другое дѣло, еслибы вы ему настоящій знакъ показали, котораго какъ разъ не имѣете... Да и то наврядъ-ли пріѣхалъ бы... Тутъ необходимы двое мужчинъ...

Марго. Хотите, докажу вамъ, что онъ сейчасъ явится...

Жибье. Жаль, что мнѣ некогда, а то, право, хотѣлось бы видѣть вашу неудачу...

Марго. Время терпитъ.

Жибье. Нѣтъ, сейчасъ за мной прійдетъ мой товарищъ. Вмѣсто того, чтобы терять время на пустяки, лучше взыскать свой долгъ... Вѣдь вы мнѣ должны? Не такъ ли?

Марго (*въ сторону*). Зовутъ его—Дюбюиссонъ, корабль—«Красавица Амелія», а знакъ—платокъ, нѣтъ сомнѣнія... Слава Богу! Но какъ отъ этого избавиться?

Жибье. Ну чтожь, красавица? Чтожь молчишь?.. Отдай долгъ сперва, а потомъ согласись ѣхать со мной въ Брюссель... право, тамъ хорошо жить.

Марго. Ахъ, вы ужасно настойчивы!

Жибье. А ты прелестна.

Марго. Боже, чтожь я дѣлаю! Вотъ такъ забылась, болтая съ вами! Смотрите, вотъ до сихъ поръ не убрала еще (*показываетъ на столъ*). Вашъ товарищъ розлилъ такъ много вина... Бутылки надо спрятать... А то бѣда, если хозяинъ прійдетъ!

Жибье. Если позволите, я готовъ вамъ помочь.

Марго. Если вы ужь такъ добры, потрудитесь снести эти бутылки въ чуланъ.

Жибье. Зачѣмъ же прятать порожнія бутылки?

Марго. Чтобъ ихъ наполнить потомъ.

Жибье. За вами, значитъ, два поцѣлуя.

Марго. Ахъ какой вы жадный!..

Жибье. Могу ли не быть такимъ, смотря на васъ, голубка! (*беретъ бутылки со стола и несетъ въ чуланъ; Марго подбѣгаетъ къ двери и захлопнувъ ее за нимъ запираетъ на ключъ*).

Марго. Дверь желѣзная... окна нѣтъ... Хоть до завтра кричи? А теперь за работу... (*входитъ Донъ-Дьего*). Вотъ несчастье, третій еще лѣзетъ.

СЦЕНА X.

Донъ-Дьего.—Марго.

Донъ-Дьего. Мой товарищъ еще не приходилъ?

Марго (*убираетъ со стола*). Нѣтъ.

Донъ-Дьего. А тотъ, который здѣсь остался?

Марго. Онъ пьянъ; спитъ на скамьѣ.

Донъ-Дьего (*въ сторону*). Такъ и зналъ. Жалкій народъ эти фламандцы! Сыщиковъ и то стоило бы на край свѣта изгнать (*къ Марго*). Былъ кто нибудь?

Марго. Да.

Донъ-Дьего. Кто?

Марго. Тотъ господинъ, о которомъ давеча вамъ говорила.

Донъ-Дьего. Какъ? Онъ здѣсь былъ? Что ему нужно было?.. Вы, конечно, его задержали... Гдѣ онъ.

Марго. Я уже говорила вамъ, что «подъ Королемъ Карломъ» не принимаютъ подозрительныхъ личностей, но этотъ такъ просилъ, такъ умолялъ, что не могла ему отказать никакъ... Онъ скоро долженъ быть. Говорилъ, что идетъ къ портному купить себѣ платье... Даже задатокъ оставилъ...

Донъ-Дьего. Гдѣ задатокъ, покажи?

Марго. Вотъ — это кольцо.

Донъ-Дьего. Гербъ Монтиньи! Это ихъ гербъ... Нѣтъ сомнѣнія!.. Попалась птичка!.. Иду за стражей!.. Если бы этотъ господинъ вернулся въ мое отсутствіе ты обязана его задержать: головой будешь отвѣчать. Это «Нищій», заговорщикъ...

Марго. Можетъ ли быть?

Донъ-Дьего. Да, не забывай, что на тебѣ лежитъ большая отвѣтственность...

Марго. Если бы вы раньше сказали, я бы его давно задержала.

Донъ-Дьего. Дѣло еще не потеряно: я сейчасъ буду обратно.

Марго. А кольцо?

Донъ-Дьего. Оно останется въ моихъ рукахъ, какъ неоспоримое доказательство (*уходитъ*).

СЦЕНА XI.

Марго.—Генрихъ.

Марго. Каждая минута дорога!.. Господинъ баронъ выходите скорѣе.

Генрихъ (*выходитъ изъ погреба*). Вотъ и я, что тебѣ угодно, милая?

Марго. Ни минуты не можемъ терять... Не могу вамъ сказать всего обстоятельно. Нужно бѣжать, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... Перенесемъ въ ту комнату этого пьяницу... Въ чуланѣ запертъ другой, а третій сейчасъ будетъ... Мы должны бѣжать вмѣстѣ. Подождите меня. Въ случаѣ, если кто прійдетъ, покажите это свидѣтельство. Не забудьте, что вы агентъ совѣта Эзекіель Ванъ-денъ-Терабумъ (*ведутъ Ванъ-денъ-Терабума подъ руки*).

Ванъ-денъ-Терабумъ. Да, я Эзекіель Ванъ-денъ-Терабумъ... Васъ какъ зовутъ, сударыня?.. За наше здоровье... Онъ виситъ... (*Марго и Ванъ-денъ-Терабумъ уходятъ*).

Генрихъ. Ничего не понимаю, однако, ей можно вполнѣ довѣриться. Бѣдная служанка и сколько въ ней благородства? Рискуетъ жизнью, чтобы спасти меня! А, Боже мой, сколько нашихъ барынь не могло бы рѣшиться на такое самоотверженіе!.. Неужели все безвозвратно потеряно? Неужели всѣмъ суждено гибнуть или искать спасенія въ бѣгствѣ?.. Кто-то идетъ! Боже, мы погибли!

СЦЕНА XII.

Генрихъ.—Ванъ-деръ-Кнакъ.

Ванъ-деръ-Кнакъ. Наконецъ-то, удалось! Пустили, право пустили... И своимъ глазамъ не вѣрю! А я ужь думалъ, что все скверно кончится! Хорошо, что полковникъ знаетъ меня... «Такой болванъ, какъ ты, сказалъ онъ мнѣ, не съумѣлъ бы быть заговорщикомъ»—и велѣлъ освободить меня. О св. Христофоръ, благодарю тебя... Четыре свѣчки поставлю!.. Да, значитъ, я у себя... Хорошо, ей Богу, хорошо, (*смѣется*)... Гдѣ же однако Марго?.. Не посадили ли ее тоже въ тюрьму?.. Не молилась, какъ слѣдуетъ — вотъ и вышло несчастье.

Генрихъ (*въ сторону*). Это хозяинъ... Марго говорила, что его взяли.

Ванъ-деръ-Кнакъ (*замѣтивъ Генриха*). А это кто? Точно новый хозяинъ!—Эй, господинъ, вы здѣсь какими судьбами?

Генрихъ. Молчи!

Ванъ-деръ-Кнакъ (*въ сторону*). Вотъ тебѣ на: новая бѣда!.. Новаго дьяволъ принесъ!.. Они всѣ такъ говорятъ: «молчи, ни гу-гу»... Господи! Опять меня упрячутъ! (*къ Генриху*). Господинъ! милый господинъ! Сжальтесь надо мной... Только что выпустили меня изъ тюрьмы. Полковникъ сказалъ, что я слишкомъ глупъ для заговора... Клянусь вамъ, что онъ сказалъ истинную правду.

Генрихъ. Молчи!.. Знаешь, съ кѣмъ ты говоришь? Я агентъ Совѣта... Видишь это свидѣтельство... Я Ванъ-денъ-Терабумъ. Здѣсь, въ этомъ чуланѣ запертъ баронъ Монтиньи, заговорщикъ. Какая это дверь? замокъ?

Ванъ-деръ-Кнакъ. Дверь желѣзная... Окна нѣтъ... ручаюсь, не убѣжитъ. Ахъ, какое счастье, что подъ Королемъ Карломъ» такому знаменитому агенту удалось поймать такую крупную птицу!

Генрихъ. Ни слова! Сиди здѣсь у дверей и ни съ мѣста!

Ванъ-деръ-Кнакъ. Ни гу-гу, господинъ, ни-ни... молчу (*въ сторону*). Какъ бы его поскорѣе убрали!

СЦЕНА XIII.

Тѣ-же и Марго (въ мужскомъ костюмѣ).

Марго. Вотъ и я, господинъ баронъ.

Генрихъ. Тише! Здѣсь Ванъ-деръ-Кнакъ. Онъ увѣренъ, что меня караулитъ.

Марго. Отлично. Время выиграемъ. Ивана Рапé повѣсили въ Брюсселѣ, я занимаю его мѣсто. На «Красавицѣ Амеліи» имъ уплочено за два мѣста. Вотъ условный знакъ.

Генрихъ. Понимаю (*къ Ванъ-деръ-Кнаку*). Помни, что за него головой отвѣчаешь... Я съ товарищемъ спѣшимъ за солдатами (*къ Марго*). Идемъ!

Марго. О Боже, помоги намъ!

Генрихъ. Богъ спасетъ насъ, какъ спасетъ и Фландрію!

Марго. Скорѣе, баронъ, скорѣе!

СЦЕНА XIV.

Ванъ-деръ-Кнакъ (*одинъ*) потомъ Донъ-Дьего, Жибье, Ванъ-денъ-Терабумъ.

Ванъ-деръ-Кнакъ. Боже! за что ты меня наказываешь!... Опять лихорадка пронимаетъ... Ключъ въ дверяхъ!.. А если бы вдругъ: крахъ!.. Такъ и не стало бы Ванъ-деръ-Кнака... Ой, дурно... Какъ бы не захворать... а то завтра висѣлица!.. Бррь!..

Донъ-Дьего (*входитъ со стражей*). Гдѣ онъ?.. Не приходилъ, что ли? Ванъ-деръ-Кнакъ!.. Ты здѣсь?

Ванъ-деръ-Кнакъ. Сказали, что я глупъ, и выпустили! Но я стерегу заговорщика, онъ здѣсь въ чуланѣ...

Донъ-Дьего. Гдѣ? Отвори...

Ванъ-деръ-Кнакъ. Благодарю... А если онъ вооруженъ?!

Донъ-Дьего. Проклятый трусъ! (*отворяетъ двери, изъ чулана выходитъ Жибье*). Что это?.. Жибье!

Жибье. Да, это я... Я вошелъ въ чуланъ, а кто-то и заперъ меня въ немъ. Глупая шутка! (*замѣтивъ Ванъ-деръ-Кнака*). А! это ты разбойникъ!

Ванъ-деръ-Кнакъ. Я?!.. Помилуйте, господинъ агентъ, неужели я бы осмѣлился?.. Это не я, клянусь... Это тотъ... господинъ Ванъ-денъ-Бубъ-бумъ... Онъ велѣлъ мнѣ сидѣть у двери...

Донъ-Дьего. Кто?.. Ванъ-денъ-Терабумъ безъ чувствъ. Что это такое? Гдѣ служанка?.. Посмотримъ въ этой комнатѣ (*уходитъ со стражей въ дверь съ правой стороны*).

Жибье. Дѣло еще не погибло: «Красавица Амелія» на якорѣ... (*смотритъ въ окно*). Это что?.. Какая-то лодка къ ней причаливаетъ... снимается съ якоря... (*кричитъ*). Не смѣйте!..

Донъ-Дьего (*со стражей вводятъ Ванъ-денъ-Терабума*).

Ванъ-денъ-Терабумъ. Я—Ванъ-денъ-Терабумъ... Какъ тебя?.. Онъ виситъ... ей Богу, виситъ...

Донъ-Дьего. А нашъ дружокъ здорово выпилъ: еще не пришелъ въ себя. Этой чертовской красавицы нѣтъ—бѣжала!

Жибье (*въ сторону*). Вотъ такъ одурачила меня! (*за сценой раздается пушечный выстрѣлъ*)... Смотрите... «Красавица Амелія» снялась съ якоря... На палубѣ высокаго роста мужчина...

Донъ-Дьего. Это онъ, баронъ Монтиньи, бѣжалъ съ ней... (*къ Ванъ-деръ-Кнаку*). Головой, головой, другъ, будешь отвѣчать!.. Завтра же на висѣлицу!

Ванъ-деръ-Кнакъ. Ужь видно судьба такая!

Донъ-Дьего (*къ солдатамъ*). Ведите его къ полковнику!

Ванъ-деръ-Кнакъ. Полковникъ хорошо знаетъ меня: навѣрно, выпуститъ!

Надежда.

Сонетъ изъ **Паоли**. Пер. **С. Бердяева**

(Посвящается Е. Г—о.)

Западъ былъ подернутъ дымкой золотою,
Солнце закатилось за предѣлъ степей...
По полямъ блуждалъ я тихою стопою,
Съ грустью вспоминая рядъ прожитыхъ дней.

Вдругъ увидѣлъ тучу въ небѣ надъ собою
И другія мчались быстро вслѣдъ за ней, —
Небо все покрыли черною грядою,
Молнія блеснула тысячью огней.

И душѣ такъ больно въ мракѣ этомъ стало,
Словно всё на свѣтѣ для нея пропало,
Будто улетѣло счастье навсегда...
Это не надолго! радостно забилось
Сердце, и надежда снова возвратилась:
Изъ-за тучъ блеснула яркая звѣзда!

„Андронъ Голованъ."

Разсказъ изъ жизни въ лѣсахъ далекаго Востока.

Н. Н. Каразина.

(*Продолженіе.*)

XIII.

Прожилъ сутки человѣкъ изъ лѣса въ Максимовой избѣ, прожилъ и вторые, за ними третьи... обжился, привыкать уже сталъ къ мѣсту, никто изъ настоящихъ хозяевъ сюда не возвращается.

Сама изба, построенная человѣческими руками, все, что въ ней приложено и приспособлено было для жилья, предметы домашней утвари,— оружіе, снасти, каждая мелочь, все это уже было изучено человѣкомъ изъ лѣса, даже получило особенную оцѣнку въ его глазахъ, все это такъ стало походить на что-то, какъ будто даже его собственное, что онъ сталъ пугаться одной мысли, когда либо бросить все это и бѣжать снова въ лѣсъ, уступить свое мѣсто другому, болѣе законному хозяину.

А что этотъ хозяинъ существуетъ, что онъ даже незадолго до его прихода ушелъ отсюда, это было ясно человѣку изъ лѣса, онъ на каждомъ шагу убѣждался въ существованіи этого таинственнаго, законнаго хозяина, ждалъ его со страхомъ, недоброе чуя въ его приходѣ.

Вѣдь онъ столько времени провелъ въ лѣсу, какъ звѣрь, нѣтъ, хуже звѣря, у звѣря нѣтъ на ногахъ желѣзныхъ колецъ, онъ столько выстрадалъ, столько перенесъ лишеній и невзгодъ, столько тяжелой борьбы за каждый моментъ своего существованія. Этотъ лѣсъ сокрушилъ его, этотъ лѣсъ посягнулъ даже на его разумъ... Вѣдь еслибы еще немного времени, еслибы онъ не наткнулся нечаянно на это жилье, еслибы это жилье, со всѣмъ, что въ немъ, не повѣяло на него благотворно, не вызвало бы реакціи, пробужденія отъ тяжелаго, томительнаго кошмара одичалости — что бы было тогда?!...

И вернуться снова въ этотъ страшный, проклятый лѣсъ!.. Да развѣ же это возможно!..

Положимъ, то, что заставило его бѣжать въ лѣсъ, то было еще ужаснѣй, но это было давно, это уже нѣсколько изгладилось изъ памяти, оно не такъ живо, не такъ уже ярко рисуется, возстановляясь въ его воображеніи, между тѣмъ, какъ картины и эпизоды послѣдней жизни въ лѣсу, за исключеніемъ какихъ-то темныхъ, непонятныхъ промежутковъ времени, живо стоятъ передъ его глазами, заставляютъ его съ ужасомъ просыпаться по ночамъ и долго потомъ дрожать на яву, ощущая на лбу, вызванныя страхомъ, капли холоднаго пота.

А здѣсь въ избѣ хорошо, здѣсь и лѣсъ кругомъ, какъ будто не тотъ, что тамъ, далеко, совсѣмъ иной, жилой и уютный... Здѣсь въ избѣ печь... Онъ затопитъ печь и сидитъ, любуется, воды въ котелкѣ вскипятитъ, положитъ туда кусокъ мяса варить; какъ это все хорошо!.. Онъ даже, затопивъ печь, выходилъ во дворъ, даже къ самымъ кедрамъ пробирался и оттуда съ наслажденіемъ смотрѣлъ на эту струю синеватаго дыма, вьющагося надъ закопченою трубою...

И рисуются въ его воображеніи, въ такія минуты, еще не забытыя, дорогія лица, чудятся они ему тамъ, будто въ избѣ сидятъ, они и огонь развели, а онъ былъ въ отлучкѣ и теперь возвращается, и его ждутъ...

Подходя къ избѣ, онъ даже въ окно заглядывалъ и барабанилъ пальцами, стучалъ кулакомъ въ дверь, кричалъ: — А ну, отворите, друзья!.. и, вздохнувъ, глубоко, глубоко, самъ отворялъ дверь и входилъ, одинокимъ, забытымъ.

Жилью, этому самому жилью онъ обязанъ былъ своими сладкими иллюзіями, здѣсь онъ послѣ столькихъ лѣтъ нашелъ первую книгу — и читалъ ее.

Приходи же ты, законный обитатель и собственникъ, и выгони отсюда этого чужого, выгони, если у тебя рука поднимется на это святотатственное дѣло...

И вѣрилось, инстинктивно чуялось этому чужому, что его отсюда не выгонятъ... А ну какъ!?.

Вчера вотъ ночью ему почудился, будто бы собачій лай вдалекѣ... Онъ вскочилъ, выскочилъ на порогъ сѣней и слушалъ, затаивъ дыханіе, зажавъ руками свое усиленно-бьющееся сердце.

Затѣмъ онъ, шатаясь, вошелъ въ избу, его нервная система не выдержала потрясенія и это потрясеніе разразилось истерическимъ припадкомъ. Онъ рыдалъ и смѣялся, его грудь, словно клещами раздирало, онъ не стоналъ, упалъ на колѣни, распростерся на земляномъ полу, передъ темною доскою, что висѣла высоко въ углѣ—и...

Онъ дѣлалъ теперь то, что уже давно, десятки лѣтъ, чуть не съ дѣтства еще было забыто, онъ молился.

Странная была эта молитва! въ ней не было словъ, въ ней не выражалось никакихъ просьбъ, ни желаній, это былъ просто охватывающій всю его натуру религіозный экстазъ, доводящій до изступленнаго, безсознательнаго состоянія...

Въ такомъ экстазѣ индѣйцы-фанатики бросаются подъ тяжелыя колеса своихъ уродливыхъ идоловъ. Самоистязатели рѣжутъ себя ножами и разсѣкаютъ свои головы собственноручно сабельными ударами...

За этою молитвою послѣдовалъ продолжительный обморокъ, отъ котораго онъ очнулся только утромъ, очнулся больной, разбитый, не понимая что такое и отчего это случилось.

Онъ забылъ причину припадка, какъ забываютъ страшный сонъ, какъ бы онъ отчетливо ни представлялся въ первый моментъ пробужденія.

А Мишка медвѣженокъ тотъ разъ такъ перетрусилъ, что даже и близко отъ избы перестал держаться. Бродилъ онъ все по лѣсу, да и шибко пришлось по медвѣжьему вкусу это вольное бродяжничество! Травы молодой, особенно голубого пострѣлу, теплыми днями вволю повыгнало, объѣдается просто Мишка этою новинкою, медвѣжьимъ салатомъ, кору молодыхъ побѣговъ гложетъ, за птицами съ дуру гоняется, скрадетъ *) какую-нибудь пичужку, выскочитъ, а она отлетитъ въ сторону, на ближній кустъ и стрекочетъ, словно подсмѣивается надъ неловкостью косолапаго...

Въ жаркіе дни, въ лѣсныхъ бакисахъ, въ лужахъ, густо поросшихъ осокою и купавками полощится звѣрь, лягушекъ распугиваетъ; валежину пашелъ рогатую, съ утра до самаго полудня съ нею провозился, все съ мѣста на мѣсто перекатывалъ эту колоду, лапы позанозилъ и очень доволенъ остался, когда приволокъ, наконецъ, ее къ скату оврага и внизъ спровадилъ... житье просто Мишкѣ въ лѣсу! Думаетъ звѣрь: — «полно, ужъ надо-ли когда-нибудь назадъ, въ избу, ворочаться?!...»

Только онъ это задумалъ, чу!.. знакомые послышались звуки. Голосъ Варнашкинъ, да звонкій такой, такъ и заливается. Шибко обрадовался звѣрь своему другу, на-проломъ черезъ чащу ринулся, на пересѣкъ, выскочилъ на тропу, а песъ пріятель, тутъ какъ тутъ, хвостомъ вертитъ отъ удовольствія, даже повизгиваетъ и со всѣхъ концевъ косматаго друга обнюхиваетъ.

И Мишка весело хрюкаетъ, лапою повалилъ пса, вмѣстѣ на землѣ валяются, не замѣтили какъ и третій подбѣжалъ, самъ Андрошка, за гриву Мишкину ухватился и ругается:

— Ты чего же это избу бросилъ, каторжный?!..

А тутъ и мужики подошли, окружили, ходу нѣтъ отъ нихъ, дубьемъ загораживаютъ, хохочутъ, взявшись за бока и диву дивятся, глядя на провинившагося батрака и сердитаго хозяина.

Мишка, какъ увидалъ мужиковъ, не хуже того раза перетрусилъ снова, да что дѣлать, самъ Андронъ на лицо, дѣтся некуда; да эти не орутъ такъ, эти, вишь, ободрили звѣря, приласкали; сѣдой дѣдушка корочку вкусную далъ поглодать, а Ермилъ Сытый, водки посулилъ поднести, какъ домой дойдутъ.

Сдѣлали всѣ на мѣстѣ встрѣчи привальчикъ легенькій и пошли далѣе.

XIV.

Человѣкъ изъ лѣсу въ это утро избу подмелъ, все вычистилъ, даже сѣни привелъ въ порядокъ, доску темную и ту снялъ и долго долго мылъ ея и протиралъ тряпкою. Выступили изъ-подъ густого слоя копоти красныя полосы, блеснула и позолота мѣстами, писанный ликъ въ терновомъ вѣнцѣ выказался, строгій такой, истощенный... Долго глядѣлъ, впивался глазами въ изображеніе, человѣкъ изъ лѣса и на мѣсто поставилъ отмытую доску. Затопилъ печь, самъ надѣлъ порты и рубаху чистую, покойнаго Максима, вышелъ на порогъ и сѣлъ, словно чуяло его сердце, что именно сегодня должны вернуться настоящіе домохозяева.

И какъ же забилось, какъ екнуло это самое сердце, когда, уже не во снѣ, а въ явь, послышался лай собаки за оврагомъ и въ лѣсномъ шумѣ отчетливо, ясно загалдѣли голоса человѣческіе...

— Батька! крикнулъ было Голованъ, издали замѣтивъ человѣка на избяномъ порогѣ, зоркіе глаза ребенка сразу поняли, что это не батька, а другой кто-то.

— Да эвось дядя Максимъ, произнесъ было и Никаноръ дьяконъ,— что же ты, пострѣлъ, сказывалъ, что батьку медвѣдица задавила?!

— Задавила, словно про себя промолвилъ Голованъ и замялся: — идти молъ къ избѣ, или нѣтъ?

А чужой человѣкъ стоитъ на колѣняхъ у дверей, земные поклоны отвѣшиваетъ подходящимъ и руки съ мольбою протягиваетъ.

Обступили его, стоятъ молча, полукругомъ, старый Якимъ Желѣзновъ смотритъ, глаза щуря, и соображаетъ что то, дядя Иванъ затылокъ скребетъ, Никаноръ дьяконъ, червымъ дѣломъ, черезъ головы, внутрь избы заглядываетъ, нѣтъ ли тамъ еще кого? Андрошка къ Ермилинымъ поламъ прижался, Мишка задомъ пятится, а Варнашка такъ и наскдаетъ на чужого, вотъ, вотъ наровитъ его зубами тяпнуть, какъ разъ за эти худыя, вытянутыя руки.

*) Подберется незамѣтно (мѣстное промысловое выраженіе).

Картина ВУЛЬФЕРТА.

У цистерны въ Венеціи.

— Не гоните!.. глухо, словно не горломъ, а грудью, проговорилъ чужой человѣкъ.

— Да ты самъ откуда будешь и кто такой?! спросилъ наконецъ Ермилъ Сытый.

— Не гоните... снова повторилъ чужой.

— Откуда, говорятъ?

— Оттуда, изъ лѣсу...

Указалъ рукою на лѣсъ бѣдняга и зарыдалъ, въ ногахъ валяется, твердитъ одно сквозь слезы «не гоните», да и только. Задумались мужики передъ порогомъ, смѣкаютъ, что либо человѣкъ не въ своемъ разумѣ, либо изъ такихъ, что ужь черезъ край хватилъ горя и напастей разныхъ, да и не изъ сѣрыхъ онъ будетъ, по облику видать, только во всякомъ случаѣ не изъ такихъ, что гнать слѣдуетъ.

— Очнись, милый человѣкъ, никто тебя гнать не хочетъ, какъ смогъ, поласковѣе сказалъ Ермилъ Сытый.—Да посторонись, другъ, дай и намъ въ избу ходу. Будетъ же тебѣ ревѣть-то, воронья снѣдь, сказываютъ «не погонимъ!..»

Забрались мужики въ избу, расхозяйничались, всему осмотръ подробный сдѣлали. Обѣдъ изъ принесенной провизіи на славу состряпали, потомъ для совѣта засѣли и порѣшили такъ:

Мальченку съ собой взять въ деревню, а этого здѣсь въ избѣ оставить, оставить ему и снасть, и винтовку, и боевого запасу, пускай молъ промыслуетъ, по Максимову наслѣдству. Блаженный, да послѣ блаженнаго. Чтобы, молъ, на село къ нимъ не приходилъ, потому отъ грѣха подальше, мало ли что бываетъ, а что къ нему, въ избу, время отъ времени будутъ навѣдываться промышленники; оно имъ и сподручно, когда жилье есть, ину пору непогоду пересидѣть, обогрѣться тоже зимою.

Распросовъ этому блаженному никакихъ не чинить, потому ихъ самихъ претитъ, отъ одного слова «допросъ», а тутъ еще сами эдакимъ богопротивнымъ дѣломъ да заниматься станутъ. Не подобаетъ!

— Богъ тебѣ судья, кто ты былъ и что сдѣлалъ, Богъ надъ тобою одинъ и останется, такъ-то!

Сообщили это рѣшеніе блаженному, тотъ все время на деревянницѣ сидѣлъ, какъ услышалъ, глаза у него даже заискрились. Андронъ тѣмъ временемъ все пытался Мишку опять въ ларь засадить, да неудачно, выросъ звѣрь, не хочетъ въ ларь садиться, а если влѣзетъ, то сейчасъ же вонъ оттуда, свободно и безъ всякой посторонней помощи.

Ночь прошла, переночевали всѣ, кто въ избѣ, кто на дворѣ, около, ужинать сварили каши съ саломъ; дивились, какъ блаженный эту кашу обработывалъ; наложили ему въ отдѣльную миску, сѣлъ онъ на порогѣ, Варнашка около, уже помирились, да такъ изъ общей посудины и пользовались...

— Какой вѣры? Вѣроисповѣданія какого придерживаешься? полюбопытствовалъ было Никаноръ, бывшій дьяконъ.

— Да ну, тебя, жеребячья порода! прошамкалъ старый Якимъ—чего пристаешь къ нему «какой вѣры, какой вѣры?..» да ты то самъ, долгогривый, какой? Христіанской что ли?! самъ вѣдь никоновецъ, чего же допрашиваешь...

— Не никоновецъ, а по исправленному, святой памяти, патріархомъ Никономъ, началъ было Никаноръ.

— Цыцъ! ражій волкъ! рявкнулъ Ермилъ Сытый—уговоръ помнишь! Аль забылъ?! такъ я напомню...

— Да ну васъ! махнулъ только рукою никоновецъ и полѣзъ въ котомку, гдѣ у него бутылка была заготовлена.

На другой день, оставивъ блаженнаго дома, пошли на то мѣсто, гдѣ Максимъ погибъ; мальчикъ дорогу имъ указывалъ. Отыскали берлогу, отыскали оглоданныя волками кости медвѣжьи и человѣческія, похоронили останки Максимовы, забрали и санки со снастью, вырубили топоромъ восьмиконечный крестъ на корѣ сосны, надъ могилою и домой вернулись, прогулявъ за этимъ дѣломъ безъ малаго двое сутокъ.

— Пора и въ село собираться, говорятъ Андрону:—ну, малый, готовься въ дорогу!

Андронъ какъ понялъ, что отъ него требуютъ, такъ и руками и ногами: «не хочу въ село, не хочу изъ батьковой сторожки». Убѣжалъ было въ лѣсъ отъ такого предложенія, на силу его изловили. Какъ же быть, не тащить же ребенка, словно звѣренаша какого, противъ воли его, въ мѣшкѣ, силою.

Якимъ Желѣзновъ тутъ рѣчь сталъ держать всему собранію, и началъ онъ эту рѣчь, помолившись и поклонившись, по старому обычаю, на всѣ четыре стороны:

— Таперича, говорилъ онъ,—отецъ евойный, Андрошкинъ, померъ, и померъ онъ какъ слѣдъ быть, значитъ, на чистоту, и есть онъ, Андронъ, таперича, круглый сирота, потому и матери у него тоже нѣту. Господь, милостивецъ, печется и денно и нощно о всѣхъ тваряхъ земныхъ и водныхъ и, таперича, сироту тоже своимъ надзоромъ не оставилъ, послалъ ему человѣка блаженнаго изъ лѣсу, и быть этому человѣку отцемъ Андрону, за мѣсто покойнаго дяди Максима. Такъ-то! Все, значитъ, сіе указуетъ перстъ Господень, и вы персту сему не должны, ни Боже мой, перечить и супротивъ прати.

— И это дѣло, погладивъ бороду, поддакнулъ Ермилъ Сытый.

— Оставаться, значитъ, Андрошкѣ въ лѣсу, потому устами младенца воля Божья сказывается.

Такъ закончилъ свое слово старикъ Якимъ Желѣзновъ, такъ и порѣшили дѣло прочіе звѣроловы.

Передъ отходомъ своимъ еще совѣтъ дали остающимся, теперь уже рѣчь держалъ не Якимъ, а самъ Ермилъ Сытый.

— Живите здѣсь, братцы, всѣ четверо, потому вѣдь васъ всего четыре штуки—онъ указалъ пальцемъ по очередно, словно подсчитывая, на блаженнаго, на мальчугана, на медвѣженка Мишку и на пса Варнашку.—И живите по Божьему. Коли Богъ пошлетъ кого, пріютите, ты, набольшій, ты замѣсто отца остаешься, такъ ты это памятуй завсегда и пекись о маломъ. Къ лѣсу пригладѣлся, такъ промысловать можешь и не праздничай. Коли, что понадобится, въ село Андрошку присылай. Онъ разъ нашелъ дорогу и другой разъ найдетъ, провожай его до опушки, а самъ не ходи, потому ты вѣдь не изъ сѣрыхъ, ты можетъ изъ такихъ, что выслѣживаютъ, а у насъ на селѣ не ровенъ часъ это случиться можетъ, особливо накъ нарвешься на день наѣзжій, мѣновой. Такъ ты уже лучше сиди безвылазно въ лѣсу и наблюдай свой этапъ, строй избу, потому тоже это самое жилье завсегда намъ въ промысловое время пригодиться можетъ... понялъ?!

— Понялъ! съ переполненнымъ чувствомъ благодарности сердцемъ, отвѣчалъ блаженный, никакъ только не соображая одного, что такое значитъ: «человѣкъ не изъ сѣрыхъ, а потому такой, что можетъ быть выслѣживаемый—и потому опасный».

Оставили мужики всю провизію, что съ собою притащили, забрали шкурье, что только нашли въ сѣняхъ на растягахъ, добычу покойнаго дяди Максима, и ушли, порѣшивъ къ общему удовольствію, и судьбу блаженнаго, и Андрошкину, сотоварищи, организовавъ себѣ на зимнее, промысловое время, обчественый, какъ они называли, этапъ, надежное пристанище и даже до времени складочное мѣсто.

Межь собою порѣшили, обо всемъ этомъ зря не болтать, особенно при чужихъ людяхъ, во время наѣзжее, мѣновое!

(Продолженіе будетъ.)

Новыя звѣзды.

(Ст. **Толивѣрова.**)

Полтора года тому назадъ, именно 24 ноября 1876 года, астрономъ Юліусъ Шмидтъ открылъ въ созвѣздіи Лебедя новую звѣзду третьей величины. Въ предшествующіе дни, 21, 22 и 23 ноября, погода была, къ сожалѣнію, пасмурная, и потому нельзя сказать, была ли въ это время звѣзда видима простымъ глазомъ или нѣтъ; что же касается до 23 ноября, то вечеромъ Шмидтъ ея не видѣлъ; а такъ какъ онъ внимательно осматривалъ созвѣздіе Лебедя, то можно заключить, что этой звѣзды тогда не было, а если она и была, то во всякомъ случаѣ весьма слабою. Очевидно, это была не обыкновенная неподвижная звѣзда, а новая *).

«Новыми звѣздами» называются тѣ, которыя появляются вдругъ. Вначалѣ онѣ горятъ очень ярко, затѣмъ изчезаютъ, — какъ бы потухаютъ. Такія звѣзды рѣдки. Причина ихъ появленія намъ неизвѣстна. Правда, существуетъ цѣлая масса гипотезъ и теорій, но всѣ онѣ еще не вышли изъ области однихъ только предположеній и фантазій. Объясненіе причинъ появленія «новыхъ» звѣздъ и ихъ жизни, — это непочатый край въ астрономіи.

«Новыя» звѣзды были еще извѣстны древнимъ. Въ китайскихъ, греческихъ и римскихъ лѣтописяхъ уже встрѣчаются описанія ихъ появленія на небѣ. Но такъ какъ объективное описаніе какого бы то ни было явленія было чуждо древнимъ, то мы встрѣчаемъ только изложеніе личныхъ воззрѣній лѣтописцевъ или же народныхъ повѣрій; къ тому же они носятъ отпечатокъ религіознаго характера. Эти свидѣтельства для астрономіи имѣютъ лишь одинъ хронологическій интересъ; научнаго же интереса для изученія самаго явленія—никакого. Даже въ средніе вѣка описанія не были чужды религіознаго вліянія.

При появленіи на небѣ «новой» звѣзды, ее замѣчаютъ тогда, когда она уже достигла довольно значительной яркости, когда она уже видима простымъ глазомъ. Нѣтъ примѣра, чтобы новую звѣзду въ первый разъ увидѣли при помощи трубы. Яркость открытой «новой» звѣзды быстро увеличивается, и послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго времени начинаетъ уменьшаться; звѣзда становится все слабѣе и слабѣе, наконецъ, изчезаетъ и становится невидимою для невооруженнаго трубою глаза. У всѣхъ «новыхъ» звѣздъ замѣчена одна общая черта въ измѣненіи яркости: увеличиваніе яркости идетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ уменьшеніе ея; другими словами, вспыхиваніе «новыхъ» звѣздъ происходитъ быстрѣе, чѣмъ потуханіе. Мы рѣшительно ничего не знаемъ о томъ, что дѣлается съ потухающими звѣздами, потому что лѣтописцы никакихъ свѣденій по этому поводу намъ не оставили; впрочемъ, они и сами не знали и ничего знать не могли, такъ какъ у нихъ не было астрономическихъ трубъ со стеклами, которыя были изобрѣтены лишь въ XVII столѣтіи. Мы имѣемъ основаніе предполагать, что звѣзда, видѣнная и описанная Тихо-де-Браге въ 1572 году, потерявъ свой блескъ, сдѣлалась постоянною, т. е. не мѣняющею своей яркости. Далѣе, «новая» звѣзда, открытая Бирмингамомъ въ 1866 году, уменьшившись въ яркости,

*) Необходимо замѣтить, что, несмотря на многочисленность звѣздъ, болѣе яркія изъ нихъ хорошо извѣстны каждому астроному, привыкшему къ наблюденіямъ; къ тому же всѣ онѣ занесены въ звѣздные каталоги. Неудивительно поэтому, что новая звѣзда бросилась въ глаза Ю Шмидту, который отличается замѣчательнымъ знаніемъ звѣзднаго неба.

какъ бы превратилась въ туманность, изъ которой въ свою очередь произошла постоянная звѣзда 10-й величины. То же самое представила и послѣдняя «новая» звѣзда, открытая Ю. Шмидтомъ. Къ этой звѣздѣ мы вернемся въ концѣ нашей статьи, когда изложимъ новѣйшую гипотезу, построенную астрономомъ Лозе объ образованіи «новыхъ» звѣздъ; теперь же приведемъ нѣкоторыя изъ извѣстныхъ гипотезъ.

Древніе далеко не ходили за объясненіями причинъ. Когда появилась замѣчательная звѣзда 1572 года, то ученые рѣшили, что міръ, подобный нашему, былъ пожираемъ огнемъ, и явленіе это было предостереженіемъ для земныхъ обитателей, относительно ихъ собственнаго мѣста жительства. «Всѣ звѣзды, говоритъ П. Рнчіоли въ своемъ «Almagestum», были сотворены Богомъ, между ними находятся такія, которыхъ поверхность не во всѣхъ своихъ частяхъ одарена одинаковою способностью свѣтить; одна сторона ихъ земная, другая же—свѣтящаяся. По желанію Бога, для предзнаменованія чего-нибудь важнаго, звѣзда вдругъ поворачивается къ землѣ своею свѣтящеюся поверхностью и становится видимою для земныхъ обитателей; затѣмъ, мало-по-малу, въ силу того же дѣйствія, звѣзда принимаетъ свое первоначальное положеніе и становится невидимою». Это можно сказать, первое объясненіе физическаго характера.

Федоръ Бэръ полагалъ, что звѣзда 1572 года та же, что появлялась волхвамъ, шедшимъ въ Вифлеемъ, и заключилъ изъ этого, что новое появленіе звѣзды въ 1572 году есть предзнаменованіе второго пришествія Христа.

Валезіусъ Коваррубіанусъ представлялъ себѣ небесный сводъ вещественнымъ, т. е. составленнымъ изъ твердаго матеріала, и причину появленія «новыхъ» звѣздъ видѣлъ въ томъ, что какая-нибудь изъ твердыхъ частей вещественнаго свода задѣла за звѣзду и налегла на нее такъ сильно, что звѣзда накалилась и загорѣлась. Хотя и это объясненіе тоже физическое, но оно не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ зависитъ отъ ошибочнаго представленія о небесномъ сводѣ, какъ предметѣ вещественномъ.

Можно было бы привести еще цѣлый рядъ гипотезъ, но всѣ онѣ, какъ мы замѣтили, субъективнаго характера и представляютъ лишь отголосокъ различныхъ эпохъ человѣческой жизни. Если нѣкоторыя изъ приведенныхъ гипотезъ смѣшны до крайности, то не слѣдуетъ забывать того времени, къ которому онѣ относятся (XVII стол.) и тѣхъ матеріаловъ, которые тогда существовали. Хотя съ тѣхъ поръ прошло много времени, появились еще «новыя» звѣзды, но наши свѣдѣнія о нихъ только въ послѣднее время нѣсколько расширились, благодаря научнымъ наблюденіямъ надъ «новыми» звѣздами 1866—1876 годовъ; говорю «нѣсколько» на томъ основаніи, что наблюденія «новыхъ» звѣздъ, даже при всѣхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, не могутъ дать многаго. Дѣло въ томъ, что въ самыя сильныя трубы звѣзда представляется намъ блестящею, яркою, мерцающею точкою, не болѣе: диска звѣзды не видно, потому что она находится на безконечномъ отъ насъ удаленіи. При такихъ условіяхъ мы видимъ только одинъ лучъ звѣзды, и по измѣненіямъ его яркости должны судить о тѣхъ переворотахъ, которые совершаются со звѣздою, о томъ, изъ чего она состоитъ, словомъ, о жизни самой звѣзды! Но что можетъ сказать намъ простой лучъ свѣта, идущій отъ безконечно удаленной звѣзды?

Вотъ эта-то недостаточность данныхъ и служитъ причиною того громаднаго произвола, который замѣчается въ многочисленныхъ гипотезахъ самаго разнообразнаго характера, построенныхъ иногда даже на діаметрально-противоположныхъ основахъ.

Есть-ли у насъ на Землѣ что-нибудь подобное? Рѣшительно нѣтъ. Есть ли, наконецъ, на небѣ, среди близкихъ намъ свѣтилъ, что-нибудь подобное? Тоже нѣтъ. Итакъ прямого заключенія по аналогіи, очевидно, и быть не можетъ. Но если признать справедливость существующей теоріи туманнаго образованія свѣтилъ, то можно сдѣлать нѣкоторыя не непосредственныя заключенія по аналогіи; однако, и они не будутъ вполнѣ лишены произвола, можно даже сказать, что они будутъ нѣсколько натянуты, но что же дѣлать—другого исхода нѣтъ, и при нынѣшнемъ состояніи наукъ, эти заключенія будутъ наиболѣе вѣроятны. Только значительные успѣхи въ наблюдательной астрономіи, и въ особенности въ астрофизикѣ, могутъ подвинуть впередъ рѣшеніе вопроса.

Когда мы усматриваемъ мгновенное появленіе звѣзды на какой-нибудь части неба, то заключаемъ, что въ этомъ направленіи скучена масса вещества, о существованіи котораго до мгновеннаго появленія звѣзды мы не имѣли никакого понятія, такъ какъ это вещество не достаточно сильно или же вовсе не свѣтилось, и въ которомъ произошли громаднѣйшія перемѣны, имѣвшія своимъ слѣдствіемъ увеличеніе теплоты и свѣта. Спрашивается, какимъ образомъ могло произойти столь значительное отдѣленіе теплоты и свѣта? Что за причина и откуда явилась столь сильная яркость? Отвѣтъ на эти вопросы въ главномъ можно найти въ тѣхъ представленіяхъ, которыя мы имѣемъ о различныхъ фазахъ развитія небесныхъ свѣтилъ и которыя зиждятся на наблюдательныхъ данныхъ. Чѣмъ больше вѣроятность, что явленія, сопровождающія различныя фазы развитія свѣтила, вѣрно поняты и объяснены, тѣмъ скорѣе мы приблизимся къ истинному объясненію мгновеннаго вспыхиванія и мгновеннаго появленія звѣзды.

Окружающія насъ звѣзды, которыя мы видимъ или простымъ, т. е. невооруженнымъ глазомъ, или же при помощи зрительной трубы, отличаются тѣмъ, что вещество, ихъ составляющее, находится въ сильно раскаленномъ состояніи. Мы здѣсь не будемъ разсматривать, происходитъ ли сгущеніе вещества и его накаливаніе единственно отъ силы взаимнаго притяженія частицъ его, или же отъ какихъ-нибудь другихъ причинъ,—мы примемъ это, какъ исходную точку, указавъ на то, что мы только и видимъ тѣ звѣзды, которыя находятся въ раскаленномъ состояніи; другихъ видѣть мы не можемъ; поэтому массѣ неподвижной звѣзды мы всегда будемъ приписывать свойство—обладаніе высокой температурой.

Температура массы звѣзды, достигнувъ наибольшей своей высоты начинаетъ уменьшаться; вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается и яркость звѣзды, такъ что, по истеченіи довольно длиннаго промежутка времени, охлажденіе будетъ столь значительно, что звѣзда станетъ слабовидимою или же изчезнетъ для нашего глаза и для нашихъ инструментовъ. Въ такомъ состояніи звѣзда должна была находиться въ продолженіи очень долгаго времени; вдругъ, вслѣдствіе какихъ-то причинъ, она вспыхиваетъ, сильно увеличивается въ яркости, затѣмъ тухнетъ и мало-по-малу изчезаетъ, т. е. становится для насъ невидимою. Спрашивается, при какихъ обстоятельствахъ и какимъ образомъ можетъ произойти это изчезаніе. Мы уже сказали, что при очень значительномъ удаленіи отъ насъ звѣздъ, необходимо заключить, что масса всякой видимой для насъ звѣзды находится въ страшно раскаленномъ состояніи; въ тоже время нѣтъ необходимости дѣлать заключенія, что поверхность изчезнувшей для насъ звѣзды покрыта охлажденною твердою корою, которая не пропускаетъ ни одного луча изъ раскаленнаго ядра звѣзды. Напротивъ, для этого достаточно себѣ представить звѣзду, окруженную охлажденною атмосферою, которая сильно поглощаетъ свѣтовые лучи При такихъ именно условіяхъ гораздо легче представить себѣ мгновенное вспыхиваніе звѣзды, чѣмъ при всѣхъ другихъ гипотезахъ, напр., при сильныхъ и мгновенныхъ изверженіяхъ звѣздныхъ вулкановъ и др. Въ самомъ дѣлѣ, можно усумниться, въ состояніи ли произвести вулканическія изверженія, то сильное увеличеніе яркости звѣзды, которое мы наблюдаемъ, если расплавленное и раскаленное ядро покрыто твердою и земною корою. Звѣзда, какъ и всякое свѣтило, окружена слоемъ охлажденныхъ паровъ, которые сильно поглощаютъ свѣтовые лучи и тѣмъ умаляютъ яркость всякаго свѣтоваго явленія.

Разсмотримъ первое предположеніе, — парообразную звѣзду, окруженную охлажденными, сильно поглощающими парами, принявъ во вниманіе нѣкоторыя неоспоримыя данныя, полученныя путемъ наблюденій.

Наблюденія показываютъ, что простыя тѣла въ звѣздахъ, въ особенности въ Солнцѣ, находятся въ чистомъ состояніи, т. е. въ соединеніи съ другими тѣлами, или, какъ выражаются химики, пребываютъ въ диссоціаціи, а это есть непремѣнное слѣдствіе высокой температуры. Теплота, достигнувъ извѣстной степени, разъединяетъ всѣ сложныя тѣла или ассоціаціи, извѣстныя подъ именемъ химическихъ соединеній. Когда же температура звѣздной массы понизилась и достигла извѣстнаго предѣла, то смѣсь разныхъ простыхъ тѣлъ можетъ превратиться въ химическое соединеніе ихъ; при этомъ процессѣ выдѣлится нѣкоторое количество теплоты, которое было израсходовано при разъединеніи простыхъ тѣлъ.

Эта неизбѣжная реакція можетъ, безъ сомнѣнія, быть причиною тѣхъ измѣненій звѣзды, которыя намъ представляются въ видѣ сильнаго увеличенія ея яркости, но этому необходимо обратить вниманіе на химическое сродство для объясненія причины появленія «новыхъ звѣздъ». По самой природѣ своей явленія, зависящія отъ химическаго сродства, наступаютъ мгновенно, достигаютъ своего максимума и затѣмъ дѣйствіе постепенно уменьшается. Вполнѣ тоже самое мы наблюдаемъ при появленіи «новой звѣзды». Она появляется вдругъ, имѣя всегда наибольшую свою яркость въ началѣ появленія, и затѣмъ постепенно блекнетъ. Едва ли могутъ вулканическія изверженія произвести подобное явленіе, и едва ли могутъ они придать ему такой характерный ходъ, не говоря уже о причинѣ мгновенныхъ и притомъ столь значительныхъ, какъ по своей величинѣ, такъ и по напряженію, изверженій.

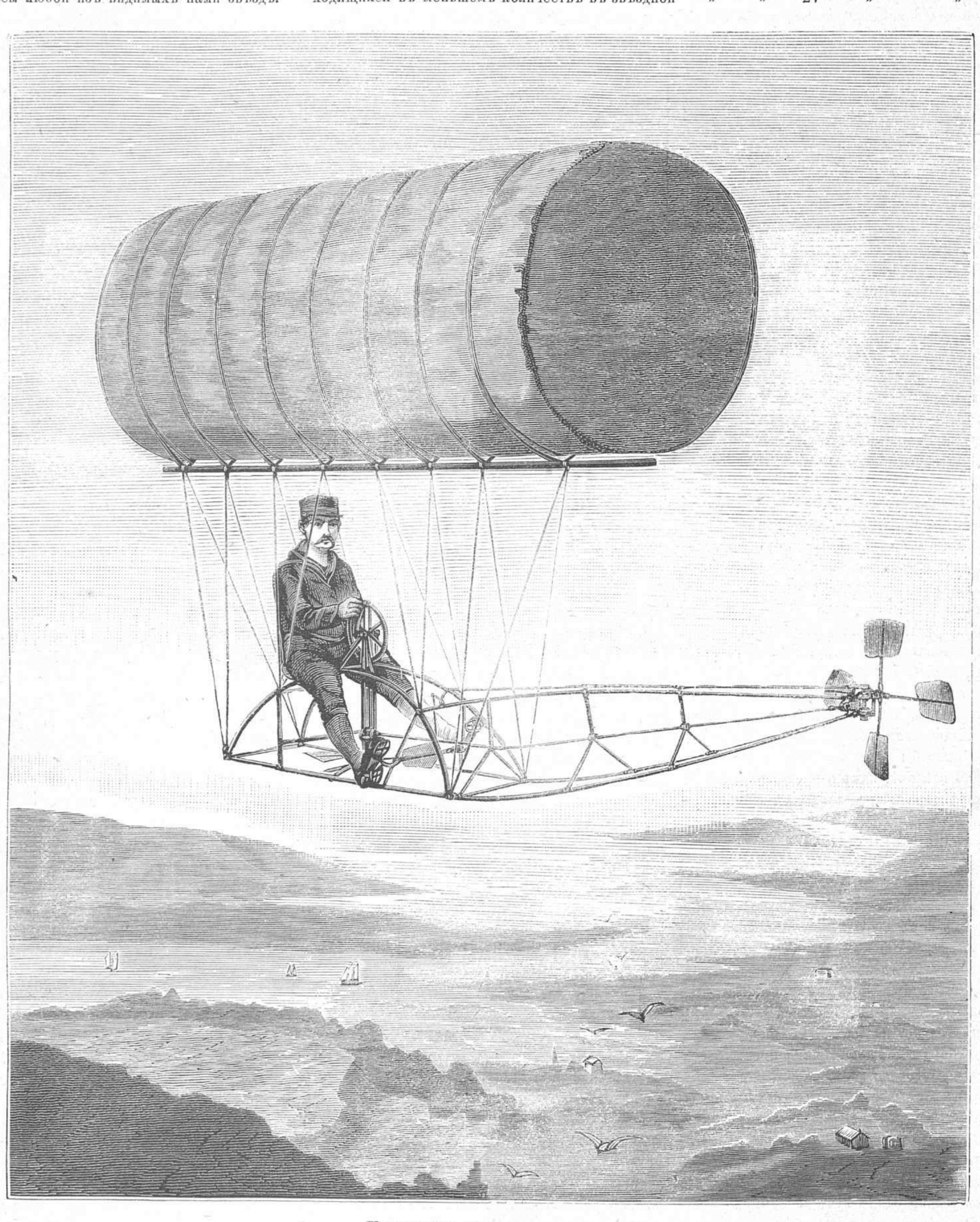
Всякое раскаленное тѣло неизбѣжно должно достигнуть такого состоянія, когда начнутся эти химическіе процессы. Но такъ какъ химическія соединенія нѣкоторыхъ тѣлъ могутъ происходить при очень высокихъ температурахъ, то можетъ случиться, что процессъ соединенія наступитъ тогда, когда звѣзда еще для насъ не потухла, когда она еще въ полномъ блескѣ; это вызоветъ временное увеличеніе яркости звѣзды. Происшедшіе отъ этого химическаго соединенія пары, облегая свѣтило, будутъ охлаждаться и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе задерживать свѣтовые лучи, и звѣзда можетъ для насъ изчезнуть прежде, чѣмъ наступитъ моментъ химическаго соединенія главныхъ простыхъ тѣлъ, составляющихъ массу звѣзды. Такъ какъ температура, при которой разлагаются химическія соединенія, различна для различныхъ соединеній, то процессы соединенія простыхъ тѣлъ звѣздной массы могутъ слѣдовать одинъ за другимъ, и каждому соединенію будетъ соотвѣтствовать большее или меньшее выдѣленіе теплоты, а слѣдовательно и большее или меньшее увеличеніе яркости звѣзды. Эти процессы будутъ повторяться до тѣхъ поръ,

пока не произойдутъ всевозможныя химическія соединенія простыхъ тѣлъ.

Каковы температуры, при которыхъ совершаются подобные процессы, можно судить изъ того, что температура, развивающаяся при горѣніи водорода въ кислородѣ, по новѣйшимъ изысканіямъ Бартело, лежитъ между предѣлами 2400 и 3800° Цельсія. Для другихъ тѣлъ она гораздо выше. Вотъ какова, по меньшей мѣрѣ, температура массы любой изъ видимыхъ нами звѣздъ.

температуры химическаго сродства простыхъ тѣлъ, тогда начнется химическое соединеніе, при чемъ выдѣлится значительное количество теплоты и свѣта. Отдѣлившіеся во время процесса пары снова охлаждаются и задерживаютъ лучи звѣзднаго ядра и дѣлаютъ его для насъ невидимымъ.

За главнымъ соединеніемъ могутъ слѣдовать второстепенныя соединенія простыхъ тѣлъ, находящихся въ меньшемъ количествѣ въ звѣздной

Летательная машина.

И такъ, появленію «новой звѣзды» соотвѣтствуетъ химическое соединеніе главныхъ простыхъ тѣлъ, входящихъ въ составъ ея раскаленной массы. Жизнь же звѣзды до вспыхиванія можетъ быть представлена слѣдующимъ образомъ: раскаленные пары, находящіеся на внѣшней поверхности звѣзднаго шара, охлаждаются постепенно поглощаютъ вслѣдствіе этого лучи свѣта, и дѣлаютъ для насъ невидимымъ внутренній свѣтъ звѣзды. Когда охлажденіе дойдетъ до

массѣ. При соединеніи главныхъ тѣлъ происходитъ то, что мы называемъ вспыхиваніемъ звѣзды, а второстепеннымъ соединеніямъ будутъ соотвѣтствовать болѣе или менѣе значительныя колебанія яркости звѣзды.

Наблюденія «новой звѣзды», открытой Ю. Шмидтомъ въ созвѣздіи Лебедя, вполнѣ подтверждаютъ изложенную нами гипотезу, равно какъ и всѣ вытекающія слѣдствія. Мы приводимъ наблюденія, произведенныя д-ромъ Фогелемъ въ Берлинѣ надъ этой звѣздой. Противъ числа и мѣсяца въ послѣднемъ столбцѣ показана величина звѣзды, опредѣляющая ея яркость. Величина выражена въ цѣлыхъ числахъ и десятыхъ доляхъ.

1876,	ноября	24	«нов. звѣзда»	была	3.0	велич.
»	декабря	5	»	»	4.5	»
»	»	8	»	»	5.1	»
»	»	14	»	»	6.0	»
»	»	26	»	»	6.6	»
»	»	27	»	»	6.7	»
1877,	января	1	«нов. звѣзда»	была	7.2	велич.
»	»	2	»	»	7.4	»
»	»	16	»	»	7.6	»
»	»	18	»	»	7.3	»
»	февраля	2	»	»	7.6	»
»	»	17	»	»	8.0	»
»	марта	2	»	»	8.0	»
»	»	10	»	»	8.3	»
»	октября	25	»	»	10.0	»
1878,	февраля	13	»	»	11.0	»

Изъ этихъ наблюденій видно, что втеченіи четырехъ мѣсяцевъ съ открытія «новой звѣзды», ея яркость уменьшилась отъ 3-й величины до 8-й. Это уменьшеніе шло такъ быстро, что можно было втеченіи сутокъ хорошо замѣтить происшедшее измѣненіе въ ея яркости. Изъ приведенной же таблицы видно, что уменьшеніе яркости не шло равномѣрно, а съ нѣкоторыми скачками. Всего рѣзче бросается въ глаза скачекъ или колебаніе яркости «новой звѣзды» втеченіи января 1877 года. Яркость быстро уменьшалась до средины января; къ 18 января она увеличилась, а затѣмъ снова послѣдовало равномѣрное уменьшеніе. Эти колебанія яркости, по изложенной нами гипотезѣ, соотвѣтствуютъ второстепеннымъ химическимъ соединеніямъ, т. е. соединеніямъ такихъ тѣлъ, которыя входятъ сравнительно въ незначительномъ количествѣ въ составъ звѣзды, и притомъ температура при химическомъ соединеніи этихъ тѣлъ не соотвѣтствуетъ температурѣ при химическомъ соединеніи главныхъ составныхъ элементовъ.

Летательная машина.

(Рис. стр. 336.)

Этотъ снарядъ, съ перваго взгляда, нисколько не похожій на воздушный шаръ, изобрѣтенъ профессоромъ Ритчелемъ, задавшимся мыслію устроить летательный снарядъ, которымъ бы можно было управлять по произволу, независимо отъ направленія вѣтра. Снарядъ Ритчеля состоитъ изъ цилиндрическаго шара, длиною въ 8 метровъ, въ діаметрѣ 3 метра, наполняемаго водороднымъ газомъ. Обручи, которымъ обтянутъ шаръ, прикрѣплены къ металической полосѣ, связанной съ снарядомъ, имѣющимъ видъ челнока. Механизмъ, приводящій въ движеніе и направляющій шаръ, находится впереди этого снаряда и подъ сидѣньемъ управителя механизмомъ. Воздухоплаватель управляетъ имъ, нажимая на подножки ногами, подобно тому, какъ это устроено въ велосипедѣ. Рукоятка, которую воздухоплаватель поворачиваетъ своей рукой, служитъ спеціально для того, чтобы поворачивать шаръ направо или налѣво.

Опыты надъ летательной машиной Ритчеля были произведены въ Гартфордѣ, въ Коннектикутѣ. Машина поднялась на высоту 100 саженъ и зрители легко могли слѣдить за всякимъ движеніемъ воздухоплавателя. Каждый могъ ясно видѣть, что машина повинуется волѣ человѣка, его управляющаго. Правда, былъ прекрасный лѣтній день и легкій вѣтерокъ. Очень вѣроятно, что въ сильный вѣтеръ и въ ненастную погоду представится болѣе затрудненій для управленія машиной Ритчеля и что она менѣе способна выдерживать напоры вѣтра, чѣмъ сферическіе воздушные шары.

Судебная ошибка.

Романъ Ф. Буагобея. Переводъ С. И. Воскресенской.

(*Продолженіе.*)

Глава VI.

На слѣдующее утро Лекокъ всталъ очень рано и объявилъ хозяину, что позавтракаетъ въ восемь часовъ, чтобы имѣть болѣе времени для своего обхода. Онъ желалъ, такимъ образомъ, избѣжать встрѣчи съ Фуипе, приходившимъ всегда въ десять часовъ: Этотъ непріятный старикашка не могъ уже сообщить ему ничего особенно интереснаго, а между тѣмъ, вѣроятно, навязался бы къ нему въ товарищи изъ любопытства или просто отъ нечего дѣлать. Если Лекокъ не ошибся и дѣйствительно призналъ его въ томъ человѣкѣ, который крался за соборомъ, то можно было предположить, что онъ подсматриваетъ съ какою нибудь цѣлью за представителемъ фирмы Роусонъ, Дженкинсъ и Кº. Это было довольно непріятно. Отецъ Люи хотѣлъ прежде всего дѣйствовать незамѣтно, а Фуипе принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые охотно принимаютъ мирнаго буржуа за бѣглаго каторжника и способны прямо сообщать свои подозрѣнія надлежащимъ властямъ.

Чтобы лучше сбить съ толку этого шпіона-аматера, Лекокъ объявилъ трактирщику, что отправляется въ Вири, Гриньи и Ри, — небольшія села, лежащія на дорогѣ въ Корбейль и окруженныя красивыми виллами, но находящіяся въ сторонѣ, совершенно противоположной мельницѣ на Иветтѣ. Лекокъ хотѣлъ выдти изъ Савиньи по дорогѣ въ Вири, и потомъ воротиться, сдѣлавъ довольно большой крюкъ, къ жилищу англичанина. Онъ успѣлъ уже нѣсколько изучить топографію мѣстности и добылъ себѣ карту всего округа, что позволяло ему не обращаться за разспросами ко всякому встрѣчному; какъ человѣкъ опытный, онъ зналъ, что подобные разспросы служатъ нерѣдко непріятной уликой впослѣдствіи.

Онъ вышелъ изъ Савиньи пѣшкомъ; не смотря на его лѣта, ноги служили ему еще очень исправно. Дойдя до Оржи, онъ оставилъ въ сторонѣ мостъ, ведущій къ Вири, и поворотилъ на тропинку, которая тянется вдоль рѣки, до сліянія ея съ Иветтой. Мѣстность здѣсь живописна и весела и никакой драматургъ не выбралъ бы ее мѣстомъ дѣйствія для мрачной мелодрамы. Однакожь, по народному преданію, воды двухъ мирныхъ рѣчекъ схоронили въ себѣ не одинъ трупъ въ эпоху Директоріи. Главная квартира «шофферовъ» находилась въ Оржерскомъ лѣсу и старожилы увѣряли, что племя этихъ злодѣевъ не перевелось еще совершенно. Стоило поискать въ лѣсныхъ окрестностяхъ Савиньи, чтобы найти потомковъ нѣкоторыхъ изъ этихъ разбойниковъ, казненныхъ въ Шатрѣ, во времена консульства.

Но парижане, наслаждающіеся въ этихъ мѣстахъ прелестями деревенской жизни, не помышляютъ о «шоферахъ»; не думалъ о нихъ и Лекокъ, идя по дорогѣ къ мельницѣ. Ему хотѣлось только разузнать, не находился-ли англичанинъ, о которомъ говорилъ Фуипе, въ какихъ нибудь сношеніяхъ съ Толбіакомъ. Загадочные мельникъ и мельничиха, потомъ замокъ, нанятый господиномъ съ дамой, пріѣзжавшими въ него только по временамъ, — все это, сопоставленное съ отсутствіемъ Толбіака, наводило Лекока на мысль, что онъ напалъ на истинный слѣдъ.

Послѣ получасовой ходьбы по тѣнистому берегу Оржи, старикъ увидѣлъ, на другой сторонѣ рѣки, какой-то домъ съ двумя башнями по сторонамъ, прислоненный къ густой рощѣ.

«Должно быть замокъ, подумалъ Лекокъ, справляясь съ своею картой.— Постройка имѣетъ нѣсколько феодальный характеръ и, пожалуй, можетъ носить кличку «замка». Вправо находится Вилль - Муассонъ; влѣво Морсанъ... Все такъ, какъ разсказывалъ Пьедушъ».

Въ ту минуту, какъ Лекокъ пряталъ карту въ карманъ, онъ увидѣлъ, на поворотѣ тропинки, какого-то священника, который шелъ на встрѣчу къ нему, но, очевидно, не замѣчалъ его, потому что былъ углубленъ въ чтеніе своего молитвенника. Въ подобной встрѣчѣ не было ничего опаснаго, и Лекокъ приготовился раскланяться учтиво съ прохожимъ, но тотъ, не обращая вниманія на него и продолжая читать, поворотилъ къ рѣкѣ. Лекокъ остановился и сталъ наблюдать... Священникъ подошелъ къ берегу, закрылъ свою книгу и приложилъ руку къ глазамъ, защищая ихъ отъ солнца. Въ ту же минуту на противоположномъ берегу поднялся изъ травы рослый человѣкъ, вѣроятно, отдыхавшій въ тѣни. Онъ принялся дѣлать какіе-то жесты руками; въ отвѣтъ на нихъ, священникъ сдѣлалъ ему знакъ, которымъ, очевидно, хотѣлъ выразить: «иди сюда!»

Дѣлавшій знаки тотчасъ же исчезъ за береговымъ выступомъ. Лекокъ рѣшилъ, что это былъ перевощикъ, который спустился къ своей лодкѣ, чтобы доставить священника на другой берегъ.

«Но, подумалъ онъ, — къ чему бы здѣсь существовать перевозу? Въ трехстахъ шагахъ отсюда мостъ».

Это размышленіе заставило его притаиться и наблюдать, что будетъ дальше. Вскорѣ священникъ показался уже на противоположномъ берегу, опираясь на руку своего спутника. Они шли, разговаривая съ большимъ оживленіемъ, сколько можно было судить по ихъ жестамъ, и направлялись къ небольшой хижинѣ, стоявшей одиноко между берегомъ и замкомъ. По всей вѣроятности, это была пастушечья будка, или же временное убѣжище для охотниковъ. Дойдя до нея, перевощикъ пропустилъ священника впередъ, потомъ вошелъ самъ за нимъ и заперъ за собою дверь. Наблюденія Лекока прервались и онъ рѣшился продолжать свой путь, чтобы не терять даромъ времени, хотя прибытіе священника въ уединенную хижину заинтриговало его. «Здѣсь все какія-то странности, думалъ онъ, приближаясь къ тому мѣсту, гдѣ Иветта, окаймленная дикими, обрывистыми берегами, сливается съ болѣе мирною Оржею.—Но я разузнаю со временемъ и эту тайну; теперь, надо поспѣшить къ мельницѣ».

Онъ увидалъ скоро цѣль своего путешествія: на полуостровѣ, образуемомъ сліяніемъ двухъ рѣчекъ у подошвы холма, стояло полуразрушенное мельничное строеніе. Въ небольшомъ разстояніи отъ него, тянулось какое-то другое длинное зданіе, крытое черепицею. Въ немъ было всего три окна съ разбитыми стеклами, по крыльцо было массивной постройки, на обѣихъ оконечностяхъ крыши высились рѣзные флюгера и передъ переднимъ фасадомъ былъ раскинутъ садикъ. Но онъ давно уже заросъ всякими сорными травами; ступени крыльца покрылись мхомъ, и все вообще представляло собою картину самаго глубокаго запустѣнія. Можетъ быть, Фуипе былъ и правъ, намекая на то, что здѣсь могли поселиться только люди, которые не искали дневного свѣта для своей дѣятельности... Черезъ Иветту, внизъ по теченію отъ мельницы, былъ перекинутъ полусгнившій мостикъ. Въ ста шагахъ отъ него, соединяя оба берега Оржи, видѣнъ былъ другой, тоже уже плохой мостъ. Лекокъ прошелъ еще нѣсколько шаговъ до оврага, находившагося прямо напротивъ мельницы, и увидалъ, что ея три колеса бездѣйствовали. Вода, приводившая ихъ въ движеніе, не была спущена, шлюзы заперты. Впрочемъ, эти колеса были до того негодны, что не могли работать: въ нихъ недоставало нѣсколькихъ лопастей и оси едва держались. Не смотря на это, мельница была не безлюдна: въ окнахъ ея виднѣлось бѣлье, вывѣшенное для просушки. Но все кругомъ какъ бы вымерло, не слышалось голосовъ, не замѣчалось движенія. Но по мѣрѣ того, какъ Лекокъ прислушивался, до слуха его долетѣлъ какой-то повторявшійся глухой звукъ... Казалось, то были удары лома о твердый предметъ..... Желая узнать, кто это работаетъ, Лекокъ воротился и сталъ перебираться на правый берегъ по деревянному мостику. Дойдя до его конца, онъ могъ видѣть, что происходило въ глубинѣ канала, отмежеваннаго строителями мельницы отъ русла рѣчки. Дно его было сухо и прочная стѣнка преграждала сбоку воды Иветты; выше находились плотина и запертые шлюзы. Въ этомъ каналѣ стоялъ человѣкъ и разбивалъ киркою землю. Онъ стоялъ спиною къ Лекоку и потому не замѣчалъ его. Старикъ могъ внимательно слѣдить за его движеніями... Оказывалось, что онъ

вырываетъ яму въ видѣ продолговатаго четвероугольника. Трудно было угадать цѣль такой работы, да Лекоку было и некогда наблюдать, и онъ пошелъ далѣе. Но при его движеніи съ мѣста, старыя доски моста заскрипѣли и этотъ звукъ заставилъ работавшаго человѣка оборотиться. Замѣтивъ наблюдавшаго за нимъ незнакомца, онъ вскинулъ себѣ ломъ на плечо, бросился къ лѣстницѣ, приставленной къ ближайшему шлюзу, и исчезъ изъ вида.

Черезъ нѣсколько минутъ чья-то невидимая рука открыла шлюзы и вода быстро наполнила каналъ.

«Что за странная штука! подумалъ Лекокъ. Къ чему этотъ молодецъ рылъ яму и зачѣмъ спустилъ воду? Конечно, не для помола, потому что онъ не снялъ даже засововъ съ колесъ... Обыкновенно, на мельницахъ болѣе берегутъ воду и отворяютъ шлюзы лишь въ случаѣ дѣйствительной надобности. И къ чему онъ такъ кинулся прочь, завидѣвъ меня?.. Впрочемъ, Пьедушъ обѣщалъ пробраться къ этимъ людямъ... Онъ, вѣрно, съумѣетъ объяснить мнѣ всѣ эти загадочныя подробности; мое же дѣло увидѣть англичанина».

Онъ направился къ той постройкѣ, въ которой жилъ Аткинсъ; для этого ему приходилось пройти передъ жилищемъ мельниковъ. Дверь въ него была открыта настежъ. Пройдя потомъ черезъ заглохшій садъ, Лекокъ вступилъ на крыльцо, покрытое мхомъ и обломками бутылокъ, и отворилъ полупритворенную и едва державшуюся на петляхъ дверь. За нею шли большія запущенныя сѣни; въ нихъ не было другой мебели, кромѣ большого деревяннаго стола. Въ углу стояла печь, топившаяся, не смотря на жаркое время года, и какой-то человѣкъ, сидя передъ нею на корточкахъ, наблюдалъ за кострюлей, въ которой варилась какая-то смѣсь.

При легкомъ покашливаніи, которымъ Лекокъ заявилъ о своемъ присутствіи, этотъ человѣкъ быстро оборотился и представилъ гостю лицо, заросшее рыжими бакенбардами и увѣнчанное такою же массою рыжихъ волосъ на головѣ.

«Фуппе былъ правъ, подумалъ Лекокъ. Этотъ уродъ напоминаетъ собою не только дикаря, но даже орангъ-утанга».

— Чего вамъ? крикнулъ рыжій съ сильнымъ британскимъ акцентомъ.

— Хотѣлось бы видѣть г. Аткинса.

— Онъ спитъ.

— Такъ я подожду, пока онъ проснется.

— А тогда онъ будетъ пить грогъ.

— Что же, я пережду и это.

— Когда онъ его выпьетъ, то его опять нельзя будетъ видѣть, потому что онъ напьется пьянъ.

— Напьется! Тѣмъ лучше, сказалъ находчивый Лекокъ.

— Какъ, тѣмъ лучше?

— Да такъ. Я хочу предложить ему купить вина.

— Вино ему негодится. Онъ тянетъ только водку и джинъ.

— Мое вино будетъ позабористѣе всякой водки. Пусть только попробуетъ... другого ничего и пить не захочетъ!

Рыжій призадумался на минуту и потомъ спросилъ:

— Въ кредитъ продаете?

— Платежъ можно разсрочить на годъ.

— А когда доставите бочки?.. Онъ не покупаетъ иначе, какъ бочками.

— Черезъ недѣлю могу прислать хоть десять, если онъ столько пожелаетъ.

— И мнѣ одну въ видѣ подарка?

— Идетъ.

— Въ такомъ случаѣ, отправляйтесь на верхъ. М-ръ Аткинсъ только что всталъ и голова у него еще свѣжа. Самая лучшая минута съ нимъ говорить.

— Вы обо мнѣ не доложите?

— Незачѣмъ. Идите прямо по лѣстницѣ, и потомъ въ первую дверь направо. Тамъ его и найдете.

Лекокъ послѣдовалъ указанію и сталъ подниматься по покривившимся и выбитымъ ступенькамъ, по которымъ человѣку непривычному было даже опасно идти. Отставшіе отъ стѣнъ обои, висѣвшіе громадными лоскутами, еще болѣе затрудняли путь. Добравшись, наконецъ, благополучно до второго этажа, Лекокъ отворилъ указанную дверь и увидѣлъ странную картину: въ комнатѣ, потолокъ которой грозилъ обвалиться, сидѣлъ передъ столикомъ человѣкъ исполинскаго роста и толщины. Его блѣдное и вздутое лицо походило на громадный кусокъ сала; лобъ былъ на половину закрытъ мочалистыми волосами, пряди которыхъ спускались до самыхъ глазъ, мутныхъ и выпученыхъ, какъ у вареной рыбы. Изъ-за нижней губы, отвисшей на толстый подбородокъ, виднѣлся рядъ бѣлыхъ и острыхъ зубовъ... И этотъ гиппопотамъ, одѣтый въ холщевые панталоны и красную шерстяную рубашку, покачивался безсмысленно на своемъ стулѣ, держа въ рукахъ стаканъ, который онъ готовился поднести къ своимъ губамъ въ ту минуту, когда Лекокъ отворилъ дверь.

Завидя незнакомаго человѣка, Аткинсъ зарычалъ, какъ звѣрь, и принялся ругаться:

— Damn your eyes! Go in the hell, roscal!

Старикъ понялъ хорошо, что эти любезныя восклицанія означали въ переводѣ: «Проклятые твои глаза! Проваливай къ чорту, мошенникъ!» но онъ притворился, что ничего не понимаетъ, и произнесъ по-французски:

— Милостивый государь, не угодно ли вамъ настоящаго портвейна, приготовляемаго исключительно для Англіи? Двадцать шиллинговъ шесть пенсовъ за галлонъ. Уплата разсрочивается на годъ.

При этомъ необыкновенно выгодномъ предложеніи, Аткинсъ опустилъ стаканъ на столъ и взглянулъ съ бѣшенствомъ на посѣтителя.

— Ты кто таковъ? закричалъ онъ.—Такой же торгашъ-надуватель, какъ и вся ваша братія? Провести меня желаешь?.. Нѣтъ, я не изъ тѣхъ, которымъ глаза отводятъ! Самъ обману всякаго!

— Вы любите шутить, м-ръ Аткинсъ, сказалъ Лекокъ весело.—Что же, побалагуримъ немножко; я не прочь.

— Шучу!.. Нѣтъ, я говорю, что ты своею разсрочкою хочешь поймать меня на удочку, а тамъ притянешь къ суду...

— Васъ-то! Такого богача! Смѣяться изволите.

— Откуда ты взялъ, что я богатъ? Это тебѣ сказалъ твой пріятель, тотъ, что надулъ меня гнилыми пирогами?... Скажи ему, что онъ отъ меня за проданную дрянь не получитъ ни одного су!

— Если дрянь, то и не слѣдуетъ за нее платить. Но мой портвейнъ не то! Пальчики себѣ оближете. Наша фирма продаетъ только неподдѣльныя вина: Роусонъ, Дженкинсъ и Кº... Сколько бочекъ вамъ требуется? Я напишу сегодня же въ Ливерпуль.

— Въ Ливерпуль?... Ты, стало быть, англичанинъ?.. Убирайся, песъ! Я ненавижу англичанъ... а Ливерпулю желаю сгорѣть до-тла!.. Тамъ мою мать освистали.

Не обижаясь ругательствами пьяницы, Лекокъ замѣтилъ, изъ всей его рѣчи, одну только послѣднюю фразу. Она могла содержать въ себѣ слишкомъ значительный смыслъ для того, чтобы онъ рѣшился уйти, не выяснивъ его окончательно. По этому, вмѣсто того, чтобы направиться къ двери, онъ взялъ стулъ, сѣлъ и сказалъ развязно:

— Вамъ угодно увѣрить меня, что ваша уважаемая мать была ошикана въ Ливерпулѣ; но для того, чтобы это случилось, ей приходилось бы быть актрисой... Какже вы хотите убѣдить меня въ этомъ?.. Развѣ похоже на то, что вы не изъ джентльменской породы?

— Заткни глотку! заревѣлъ пьяница. — Кто говоритъ тебѣ про свистки... про мою мать? Ни слова болѣе... слышишь?

Онъ опорожнилъ разомъ свой стаканъ.

— Я и радъ перемѣнить разговоръ, сказалъ Лекокъ,—особенно если мы поведемъ теперь рѣчь о моихъ дѣлишкахъ.—Вы изволили сказать, что не терпите англичанъ... И я тоже, потому что мы французы изъ роду въ родъ!

— Ты французъ? Зачѣмъ же ты у ливерпульскихъ подлецовъ служишь?

— Потому что они платятъ мнѣ хорошо и продаютъ перваго сорта портвейнъ...

— А зовутъ тебя?

— Аристидъ Шалюме. Надѣюсь, это прозвище чисто французское, и его не можетъ носить сынъ коварнаго Альбіона!

— Стало быть, ты не Тамбурнакъ?

— Нѣтъ. Тамбурнакъ — это тотъ, что продаетъ страсбургскіе пироги.

— Это, я тебѣ скажу, самый плевый человѣкъ. Подумай, джина не пьетъ! А ты пьешь?

— Еще бы! Но только грогъ, по моему, лучше.

— Говоришь, а самъ даже не знаешь, что такое грогъ, пари подержу! Ты думаешь, онъ съ водою и сахаромъ?

— Какъ не такъ! Грогъ на водѣ, — это годится для пансіонерокъ. Нѣтъ, по нашему, чистый ромъ, только впустить въ него немного лимоннаго сока... Вотъ это, питье!

— Ты слушай рецептъ: три бутылки рома, три джина, три щепотки перца и мускатный орѣхъ. Это все вскипятить. Понялъ?

— Давно знаю и испыталъ. Вашъ грумъ занятъ теперь такимъ варевомъ.

— Хочешь полакать?

— Отъ такихъ сластей не отказываются. Кстати, я слышу, что вашъ слуга уже несетъ сюда этотъ великолѣпнѣйшій напитокъ.

Дѣйствительно, дверь отворилась и рыжій вошелъ, держа въ рукахъ миску, въ которой дымилось адское зелье, описанное Аткинсомъ.

— Другъ мой, сказалъ ему Лекокъ, — дѣло у насъ съ твоимъ господиномъ улажено. Онъ заказываетъ мнѣ десять боченковъ вина. И мое обѣщаніе остается во всей силѣ: боченокъ тебѣ.

— Выпить можно, лаконически замѣтилъ слуга.

— Шалюме, сказалъ Аткинсъ недовѣрчиво, — ты что-то слишкомъ щедръ. Кто тебя подослалъ сюда?.. Не канальи-ли Гарри?

— Гарри? Кто такой Гарри?

— Извѣстный подлецъ. Но это не твоего ума дѣло.

— Разумѣется, подлецы или не подлецы, а ваши Гарри до меня не касаются. Я пробрался къ вамъ, потому что много наслышался о васъ въ Савиньи; я подумалъ: отчего не пойти?.. и пошелъ.

— И сдѣлалъ не дурно. Ты мнѣ понравился, хотя и худъ, какъ селедка. Когда доставишь вино?

— Черезъ десять дней... а вы мнѣ векселекъ подпишете, на годъ.

— Нѣтъ, пусть подписываетъ Гарри. Заставь его подписать, а если и горло перервешь ему при этомъ, такъ сдѣлаешь самое отличное дѣло.

— Я не знаю вашего Гарри, невозмутимо сказалъ Лекокъ.

— Правда... жаль. Нечего дѣлать, стряпай вексель на мое имя... Черезъ годъ заплачу... и даже ранѣе, пріятель! Гарри говоритъ, что я

буду скоро, по его милости, милліонеръ... понимаешь: милліонеръ!

Сердце отца Люи сжалось почти до боли. Сильная радость производитъ иногда тѣ же физическія ощущенія, какъ и сильная скорбь... Неожиданно, при попыткѣ, сдѣланной совершенно наудачу, Лекокъ слушалъ рѣчи, позволявшія ему надѣяться, что онъ попалъ на слѣдъ. Аткинсъ говорилъ, что онъ будетъ скоро очень богатъ, благодаря какому-то Гарри. Передъ тѣмъ онъ сказалъ, что его мать была ошикана въ Ливерпулѣ. Имя «Анри» произносится, по-англійски, «Гарри»; а Толбіака звали «Анри»... Далѣе, меньшая сестра маіора О'Сюлливана, по имени Эленъ, вышла за странствующаго актера Фасситта... Ея внука по сестрѣ, Софія Песли, могла послѣдовать ея примѣру... Въ сущности, эти предположенія были шатки еще, но можно было надѣяться на дальнѣйшую откровенность Аткинса во время попойки. Рыжій слуга поставилъ миску на столъ, досталъ изъ покривившагося шкапика большой стаканъ, подалъ его гостю и удалился, не сказавъ болѣе ни слова.

— Пить умѣешь? спросилъ Аткинсъ, глядя прямо въ лицо Лекоку.

— Не хуже васъ, отвѣчалъ тотъ.

— Не хвались. Мы должны осушить съ тобой эту чашу. А если ты спасуешь, я вытолкаю тебя вонъ и вина твоего не куплю.

— Выдержу испытаніе, не бойтесь... За здоровье вашихъ милліоновъ!

— Милліоновъ, проговорилъ Аткинсъ, пропустивъ себѣ въ горло нѣсколько глотковъ прямо изъ миски,—нѣтъ ихъ еще у меня, этихъ милліоновъ... да и будутъ-ли, кто ихъ знаетъ!

— Будутъ, если они достаются вамъ по наслѣдству.

— По наслѣдству! Кто тебѣ сказалъ о наслѣдствѣ?..

— Да вы сами, отвѣчалъ смѣло Лекокъ.

— Неправда. Никакого наслѣдства нѣтъ... а еслибы было, я не разсказывалъ бы никому... Гарри велитъ молчать.

Лекокъ понялъ, что торопиться не слѣдовало, а лучше было выждать той благопріятной минуты, въ которую признанія срываются сами собой съ языка пьянаго человѣка, подобно водѣ, убѣгающей безпрепятственно изъ трещинъ сосуда. Ждать долго не приходилось, потому что Аткинсъ то и дѣло черпалъ большою ложкой изъ чаши. Приходилось, напротивъ, бояться, что онъ впадетъ слишкомъ скоро въ то состояніе, при которомъ уже нельзя будетъ добиться отъ него толковаго слова. Недопустить его до этого было столько же трудно, какъ и выливать незамѣтно прочь тѣ порціи грога, которыя Аткинсъ не забывалъ подливать своему гостю. Но Лекокъ исполнялъ удачно этотъ маневръ.

— Если не позволяется говорить объ этомъ дѣлѣ, то и не будемъ, сказалъ онъ въ отвѣтъ на послѣднія слова Аткинса.—Потолкуемъ о другомъ... Часто вы бываете въ Парижѣ?

— Никогда... Гарри не велитъ.

— Жаль. Я угостилъ бы васъ въ свою очередь. Знаю я тамъ одинъ ресторанчикъ... А потомъ въ театръ бы махнули.

— Въ театръ! закричалъ великанъ. — Ты смѣешь напоминать мнѣ о театрѣ, когда я самъ принадлежалъ къ труппѣ.

— Какъ! Я вижу передъ собою артиста?

— Да, червь ничтожный... Преклоняйся въ прахъ!.. Я выступалъ на всѣхъ сценахъ Великобританіи... и если бы ты видѣлъ меня въ роли Фальстафа, то понялъ бы, что значитъ настоящій актеръ!

— Вѣрю, что вы были великолѣпны въ образѣ Фальстафа.

— Ты думаешь потому, что я толстъ, презрѣнная лягушка? Такъ знай же, что я былъ одинаково хорошъ и въ роляхъ Гамлета, Макбета, Ромео... Я родился на театральныхъ подмосткахъ, отъ родителей, которые имѣли честь быть въ числѣ сподвижниковъ великаго Кина на Гей-Маркетскомъ театрѣ! Моя мать исполняла Дездемону и обезсмертила свое имя! Звали ее...

Въ это мгновеніе дверь отворилась и, къ изумленію Лекока, на порогѣ показался жандармъ въ полной формѣ, съ нахлобученною на лобъ шляпою и при саблѣ.

Это появленіе было не слишкомъ успокоительно для человѣка съ паспортомъ на имя Аристида Шалюме... Однако, Лекокъ не выказалъ страха и сталъ ожидать объясненія со стороны представителя общественной власти.

— Здравія желаемъ, сказалъ довольно любезно жандармъ. — Кто здѣсь Аристидъ Шалюме?

— Это я, отвѣчалъ Лекокъ, вставая. — Что вамъ угодно?

— Требуется мнѣ слова два съ вами перемолвить. Выйдемъ за дверь.

Однимъ изъ выдающихся качествъ Лекока была смѣтливость при затруднительныхъ положеніяхъ. Онъ тотчасъ же догадался, что Фунне донесъ жандармскому начальству о томъ, что въ мѣстности показался подозрительный человѣкъ, и что для охраны общественнаго спокойствія не мѣшало бы полюбопытствовать, какія у него бумаги...

Аристидъ Шалюме былъ спокоенъ насчетъ документовъ; они были у него въ порядкѣ, но его тревожила слѣдующая мысль: было очевидно, что Фунне подстерегъ его во время бесѣды съ Пьедушемъ. Чѣмъ могъ мотивировать свои сношенія съ простымъ разнощикомъ представитель значительной англійской фирмы, если бы полиціи вздумалось разспросить его на этотъ счетъ?... Но, какъ бы то ни было, Лекоку оставалось одно: послѣдовать безпрекословно за жандармомъ, потому что иначе можно было только усилить подозрѣнія.

— Я къ вашимъ услугамъ, сказалъ онъ, готовясь идти и желая даже, чтобы допросъ происходилъ не въ присутствіи Аткинса. Но тотъ самъ не пропустилъ случая вмѣшаться въ дѣло.

— Вотъ оно какъ, другъ Шалюме! воскликнулъ онъ. — У тебя не совсѣмъ ладно съ полиціей. Жаль, что ты не принялъ британскаго подданства... Въ Англіи нѣтъ жандармовъ.

— Оно и видно, сухо возразилъ жандармъ.— Во Франціи сумашедшихъ не выпускаютъ за границу.

Аткинсъ вытаращилъ на него глаза, но обратился снова къ Лекоку, говоря:

— Не забудь только прислать мнѣ твои бочки, милѣйшій... А пока, маршъ въ тюрьму!

Лекокъ не выдалъ своего волненія. Онъ былъ готовъ дорого заплатить за то, чтобы узнать фамилію матери этого пьяницы, но онъ понималъ, что добиваться отъ него чего-нибудь въ эту минуту, было рѣшительно невозможно.

— Будьте спокойны, отвѣчалъ онъ,—я сегодня же напишу въ Ливерпуль...

Сойдя внизъ, онъ остановился въ палисадникѣ и сказалъ:

— Теперь, г. унтеръ офицеръ, вы объясните мнѣ, что вамъ отъ меня требуется. Я человѣкъ коммерческій и время мнѣ дорого.

Жандармъ былъ польщенъ титуломъ унтеръ-офицера, даннымъ ему, не носившему еще никакихъ нашивокъ; но пріятное ощущеніе не заглушило въ немъ чувства долга и онъ отвѣтилъ рѣзко:

— Сначала покажите мнѣ свой паспортъ, а дѣлами уже послѣ займетесь.

— Паспортъ мой не при мнѣ.

— Слѣдовательно, вы отказываетесь исполнить требованіе?

— Позвольте; я ни отъ чего не отказываюсь. Всѣ документы, подтверждающіе мое коммерческое званіе, находятся у меня въ совершенномъ порядкѣ, и я готовъ вамъ показать ихъ, но только не здѣсь.

— Мнѣ мало обыкновенныхъ документовъ. Можно имѣть преступныя цѣли, будучи и коммерческимъ человѣкомъ. Вы должны доказать мнѣ, что вамъ дано отъ г. префекта право свободнаго передвиженія по государству!

— Извольте, есть у меня формальное дозволеніе и на это. Приходите сегодня вечеромъ въ гостинницу «Большой Олень». Хозяинъ, г. Бонассонъ, вѣроятно, поручится за меня.

— Мнѣ на вашего Бонассона смотрѣть нечего. Давайте бумаги, вотъ и все.

— Боже мой, говорятъ вамъ, онѣ у меня въ гостинницѣ. Тамъ и всѣ вещи мои... Не убѣгу же я, бросивъ ихъ.

— Ничего я не знаю и прошу васъ послѣдовать за мною.

— Куда?

— Въ Савиньи; а если вы не въ состояніи будете оправдать свою личность, то пожалуете со мною въ главный кантональный пунктъ.

Такая перспектива была очень непривлекательна. Даже при самомъ благопріятномъ исходѣ, всѣ эти мытарства по разнымъ инстанціямъ могли отнять у бѣднаго отца Люи добрыя сутки... Потерять столько времени даромъ, когда каждый часъ былъ дорогъ и спасеніе молодого человѣка могло зависѣть отъ случайнаго открытія на загадочной мельницѣ!.. По счастію, въ то самое время, когда Лекокъ не зналъ, чѣмъ умилостивить жандарма, онъ увидалъ Пьедуша, направлявшагося къ мельницѣ съ своимъ тюкомъ за плечами.

«Онъ исполнитъ пока мою работу здѣсь за меня и исполнитъ хорошо», подумалъ Лекокъ, успокоиваясь немного.—Что же, г. унтеръ-офицеръ, продолжалъ онъ громко,—хотя вы и огорчаете меня своими распоряженіями, но я не сержусь. Вы исполняете свою службу и только. Къ тому же, Савиньи не далеко отсюда... Черезъ какой-нибудь часъ вы удостовѣритесь, что я мирный гражданинъ и позволите мнѣ вновь свободно заниматься своими дѣлами.

— Мнѣ-то что? проворчалъ жандармъ. — Занимайтесь, если законное право имѣете...

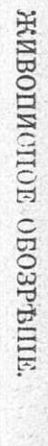
Онъ тронулся въ путь рядомъ съ своимъ арестантомъ, уже значительно смягченный его покорностью и любезностью. Дорогою, его доброе расположеніе еще усилилось, благодаря разнымъ шутливымъ разсказамъ Аристида Шалюме. Наконецъ, почтенный стражъ общественной безопасности почувствовалъ уже такое довѣріе къ своему спутнику, что подтвердилъ его подозрѣнія о доносѣ, и далъ ему понять, что составитель этого доноса жилъ въ Савиньи.

Какъ бы въ доказательство этихъ словъ, Фунне показался на площади, въ то время, когда Аристидъ Шалюме переходилъ черезъ нее, подъ конвоемъ, къ своей гостинницѣ. Почтенный Фунне пришелъ, конечно, насладиться плодами своихъ трудовъ и порадоваться затрудненію того самаго человѣка, который угощалъ его накапунѣ шампанскимъ. Но торжество его было очень не продолжительно. Аристидъ Шалюме показалъ свои бумаги, а Бонассонъ воскликнулъ, что готовъ поручиться и головою, и состояніемъ, за представителя фирмы Роусонъ, Дженкинсъ и К°. Жандармъ объявилъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ и удалился, извиняясь за причиненное безпокойство. Но въ книгѣ судебъ было написано, что этотъ день долженъ отмѣтиться роковою чертою въ жизни Лекока. Въ то время, когда жандармъ разглядывалъ его паспортъ, старикъ взялъ въ руки какую-то газету, валявшуюся на столѣ, и первыя строки, попавшіяся ему на глаза, были слѣдующія:

Картина ВАСТКОВСКАГО.

Передъ дождемъ.

Игра въ карты въ лѣсу.

«Въ своемъ вчерашнемъ засѣданіи, уголовное отдѣленіе кассаціонной палаты постановило: оставить безъ послѣдствій кассаціонную жалобу Лекока, приговореннаго къ смертной казни, 30 апрѣля сего года, сенскою палатою уголовнаго суда».

(*Продолженіе будетъ.*)

Аліетта.

Разсказъ Роберта Гальта.

Переводъ **С. И. Бурениной.**

I.

Заговорили о женщинахъ. Разговоръ вышелъ живой, интересный, такой, какого можно было ожидать отъ людей болѣе или менѣе опытныхъ, и окончился любезной похвалой этой «ужасной сладости жизни», какъ выразился одинъ изъ разговаривающихъ.

Только Поль Генекенъ, вошедшій при этой похвалѣ, протестовалъ противъ нея. Это былъ человѣкъ довольно молчаливый, про котораго знали, что онъ недолюбливалъ женщинъ. Въ этотъ вечеръ къ нему до того приставали, до того смѣялись надъ нимъ, что онъ не выдержалъ.

— Если уже необходимо отвѣчать вамъ, сказалъ онъ,—я, въ первый разъ въ жизни, разскажу вамъ одно воспоминаніе молодости, которое, безъ сомнѣнія, объяснитъ вамъ мой протестъ. Вы знаете силу первыхъ впечатлѣній, въ особенности вы, Бартесъ, который избѣгаете рыбнаго блюда потому, что тридцать лѣтъ тому назадъ ваша двоюродная сестра умерла передъ вами отъ непереварившейся въ желудкѣ тюрбо; и вы также, Баже, который съ восьмилѣтняго возраста дрожитъ при звукахъ пѣнія соловья, потому что видѣли, какъ это дивное созданіе съ ожесточеніемъ умертвило маленькую, любимую вами птичку. Можетъ быть, я буду разсказывать урывками и не особенно связно, по нравы и мѣста, о которыхъ я буду говорить, вѣроятно, вамъ мало знакомы, ну да и мысль спасетъ форму изложенія.

Всѣ замолчали, онъ началъ:

— Когда я учился въ коллегіи Генриха IV, въ числѣ моихъ товарищей былъ одинъ южанинъ, Эмильенъ Лафельядъ, мальчикъ робкій, деликатный, нѣжный. При малѣйшей шуткѣ онъ краснѣлъ, какъ молодая дѣвушка, такъ что его прозвали mademoiselle. Мы были очень дружны. Одинъ или два раза мнѣ удалось защитить его отъ дерзости неучей. Жизнь, съ самыхъ первыхъ шаговъ, не баловала его. Въ день окончанія курса онъ получилъ извѣстіе о смерти своего отца, оставившаго ему состояніе довольно запутанное. Сирота—матери его уже не было въ живыхъ—уѣхалъ изъ Парижа въ Пезенасъ, свой родной городъ. Мы очень трогательно разстались. Онъ обѣщалъ скоро вернуться. Я чувствовалъ дружескую потребность поддерживать этого бѣднаго, мечтательнаго мальчика. Онъ не возвратился. Прелесть юга, работа (критика на латинскихъ поэтовъ), начатая имъ еще въ коллегіи, наконецъ, любовь, удержали его тамъ. По ликвидаціи дѣлъ, ему осталось отъ двухъ до трехъ тысячъ франковъ годового дохода. Мы переписывались. Черезъ два года онъ началъ писать мнѣ о своей привязанности къ одной молодой дѣвушкѣ на его родинѣ. Вскорѣ мнѣ показалось, что эта страсть выливалась лишь въ письмахъ ко мнѣ, но что любимая дѣвушка и не подозрѣвала о ней. Я живо представилъ себѣ страданія моего робкаго друга. «А! думалъ я, какъ бы я помогъ ему, еслибы не былъ такъ далеко!» Не оттого, чтобы я былъ очень опытенъ въ этомъ дѣлѣ—мнѣ было 19 лѣтъ, и я былъ занятъ изученіемъ права; но мое сердце было тогда переполнено хорошими стремленіями. Эмильенъ нѣсколько разъ приглашалъ меня полюбоваться чуднымъ солнцемъ, виноградниками и нравами его испанскаго и вмѣстѣ сарацинскаго Пезенаса, но вдругъ въ концѣ мая я получилъ отъ него слѣдующее письмо, которое я знаю наизусть, потому что еще сегодня утромъ перечитывалъ его:

«Дорогой другъ, я заключаюсь въ Мужеръ, сосѣдній картезіанскій монастырь. Я не выйду изъ него, если только моя робость передъ небомъ не будетъ также велика, какъ передъ Аліэттой.—Ее зовутъ Аліэтта.—Кажется, въ картезіанскомъ монастырѣ скоро умираютъ, если поступаютъ въ него монахъ лѣтъ, и это прекрасная надежда для тѣхъ, у кого не хватаетъ духу на самоубійство. Прощай, мой другъ!

«Эмильенъ».

— Дуракъ!.. Бѣдняжка!..

Я немедленно собрался. Мои родители были довольны мною и охотно позволили мнѣ это путешествіе, думая, какъ я имъ сказалъ, что Эмильенъ боленъ. И вотъ я на дорогѣ къ Пезенасу, съ полнымъ убѣжденіемъ, что не пройдетъ и трехъ недѣль, какъ я буду шаферомъ на свадьбѣ Аліэтты и картезіанскаго монаха.

II.

Вечеромъ, въ восемь часовъ, я пріѣхалъ въ городъ, бывшій родной принцевъ Конти и цирюльника Жели, который брилъ Мольера. Жители у дверей своихъ домиковъ наслаждались свѣжестью наступающей ночи. Говоръ и смѣхъ слышались всюду. Вездѣ виднѣлись смуглыя испанскія лица съ великолѣпными черными глазами. Проходя мимо булочной, я замѣтилъ, одиноко сидѣвшую у дверей, какую-то женщину съ добродушнымъ лицомъ. Подойдя къ ней, я спросилъ, гдѣ я могу достать экипажъ, чтобы ѣхать въ мужерскій картезіанскій монастырь. Женщина быстро встала.

— Вы парижанинъ?.. Ангазеръ! Ангазеръ! Вотъ парижанинъ, пріѣхавшій на богомолье!

Ангазеръ, сопровождаемый тремя дѣтьми, вышелъ изъ лавки и церемонно поклонился мнѣ. Люди, говорящіе южнымъ нарѣчіемъ не могутъ отдѣлаться отъ нѣкотораго уваженія къ тѣмъ, кто говоритъ языкомъ хорошаго общества, общепринятымъ въ Парижѣ.

Часть народа, находившагося на улицѣ, уже собралась вокругъ насъ; остальные приближались. Ангазеръ ввелъ меня въ свою лавку.

— Вы пріѣхали изъ Парижа на богомолье? Это доставитъ большое удовольствіе картезіанцамъ. Но сегодня вы не достанете экипажа; уже нѣсколько дней тому назадъ всѣ экипажи наняты на завтрашній день.

— А завтра, сказала г-жа Ангазеръ,—вы не достанете даже телѣжки, на которой возятъ куръ; но, можетъ быть, не согласитесь ли вы взять мѣсто въ нашемъ шарабанѣ. Аліэтъ повезетъ насъ.

Аліэтъ, Аліэтта? Я спросилъ, кто такой Аліэтъ. Оказалось, что это содержатель экипажей. И, не дожидаясь больше вопросовъ, булочница говорила мнѣ объ Аліэтѣ до тѣхъ поръ, пока не сообщила о немъ все, что знала. Аліэтъ былъ человѣкъ важный, богатый, имѣвшій около пятидесяти тысячъ франковъ. У него была сестра, вдова, еще богаче его, жившая въ деревнѣ Тору. Онъ былъ вдовецъ и все состояніе его и его сестры должно было перейти къ Аліэттѣ, его дочери, такъ какъ г-жа Кристофоръ была бездѣтна.

— Хе! сказалъ я,—а что м-ль Аліэтта хороша собой?

— Хороша собой! черная коза, каракка (цыганка). Ея бабушка была настоящая каракка. Моя бабушка знавала ее, когда она въ дырявой рубашкѣ воровала кошекъ или танцовала среди улицы за два ліара шниша (цыгане танцуютъ шниша, ударяя оборотомъ руки по подбородку такимъ образомъ, чтобы стучали зубы, что замѣняетъ имъ музыку). Хорошенькая! скверная маленькая шестнадцатилѣтняя рожица! За то тщеславная, какъ королева, потому что ея отецъ и тетка, съ тѣхъ поръ, какъ у нея есть уши, не переставали жужжать ей, что она прекрасна, какъ небо.

Такая дѣвушка могла-ли быть предметомъ любви моего друга Эмильена? Я спросилъ, не было-ли другихъ Аліэттъ въ Пезенасѣ. Она была единственная.

Я заговорилъ объ Эмильенѣ Лафельядѣ; булочники знали также и его.

— Очень скромный молодой человѣкъ, сказали они мнѣ, — немного молчаливъ и очень религіозенъ, потому что даже живетъ въ уединеніи въ картезіанскомъ мужерскомъ монастырѣ.

Я сказалъ имъ, что ѣду туда къ нему и они были очень удивлены религіознымъ пыломъ молодыхъ людей, воспитывающихся въ Парижѣ. Очевидно, любовь Эмильена была неизвѣстна въ Пезенасѣ.

Ангазеръ любезно проводилъ меня въ гостинницу Мира, главную въ городѣ, и просилъ меня быть на другой день въ пять часовъ утра у него, чтобы ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ шарабанѣ, которымъ будетъ править Аліэтъ.

— М-ль Аліэтта поѣдетъ съ нами?

— Нѣтъ. Она уже съ недѣлю гоститъ у тетки въ Тору; но вы увидите козочку на богомольѣ.

III.

На другой день въ четыре часа я былъ на ногахъ. Весь городъ также. Повозки, кабріолеты, телѣжки, ослы, были уже нагружены. Изъ моего окна я могъ видѣть всю торговую площадь, очень шумную. Мужчины, громко шутя, закладывали лошадей; женщины, перенося провизію, отвѣчали на ихъ шутки. Нѣкоторыя дѣвушки появлялись у оконъ въ однѣхъ рубашкахъ; другія, уже вышедшія, нисколько не стѣсняясь, позволяли цѣловать себя. Такимъ образомъ всѣ приготовлялись къ священному дню. Нѣтъ благочестія болѣе свободнаго и болѣе пріятнаго, чѣмъ у жителей юга, если только не примѣшается политика.

Въ то время, когда я подходилъ къ назначенному мѣсту въ улицѣ Конти, у булочника остановился очень жалкій шарабанъ, влекомый лошаденкой въ веревочной упряжи. Несмазанныя колеса скрипѣли. На козлахъ возсѣдалъ толстенькій человѣчекъ, съ важнымъ видомъ, съ высоко поднятой головой и съ грубыми манерами. На жалобу булочника на невзрачный экипажъ, онъ пожалъ плечами.

— Ты сердишься, а между тѣмъ я, Аліэтъ, собственной особой, служу тебѣ кучеромъ! Подержимъ пари на сто экю, что, поѣхавъ со мной, ты заткнешь за поясъ всѣ мои коляски, нанятыя мѣсяцъ тому назадъ!—(Онъ зазвенѣлъ деньгами въ карманѣ.)—Ну садись, или я уѣду!

Потомъ, взглянувъ на меня, закричалъ:

— Этотъ господинъ не поѣдетъ съ нами! Нѣтъ мѣста. Лошаденка не въ состояніи будетъ везти такую кладь. Невозможно же, чортъ возьми, зарѣзать бѣдное животное.

При моихъ титулахъ парижанина и друга г. Эмильена Лафельяда, провозглашенныхъ булочникомъ, Аліэтъ поклонился и отвѣчалъ, что мнѣ будетъ стоить лишь $12^{1}/_{2}$ франковъ стѣснить его (путешествіе было нѣсколько километровъ), и если г. Эмильенъ Лафельядъ желалъ тоже ѣхать за ту же цѣну...

Онъ замолчалъ и отстранилъ булочника, который съ окорокомъ и съ другой провизіей въ рукахъ подходилъ къ шарабану. Шарабанъ былъ уже переполненъ съѣстными припасами, которые Аліэтъ везъ своей дочери и сестрѣ; онѣ должны были встрѣтиться съ нимъ на богомольѣ. Въ особенности драгоцѣнны были четыре бу-

тылки стараго адиссанскаго вина, вина боговъ, для гастрономическаго желудка г-жи Кристофоръ. Если бы намъ пришлось класть окорокъ и колбасы къ себѣ въ карманы, онъ ни за что не передвинулъ бы эти бутылки!

Мы должны были поставить большую корзину въ ноги. Наконецъ, мы, т. е. г. и г-жа Ангазеръ, ихъ трое дѣтей и я, размѣстились съ грѣхомъ пополамъ и среди всеобщаго гвалта тронулись въ путь. Выхавъ на большую дорогу, я сталъ подозрѣвать, что Аліэтъ не желалъ унижать своихъ колясокъ. Онъ поминутно терялъ кнутъ и останавливался. Сначала дѣти выходили поочередно поднимать его, и пока они искали, Аліэтъ спокойно насвистывалъ какой-то псаломъ! Потомъ пришла очередь Ангазера, наконецъ, моя. Я вышелъ изъ шарабана, нашелъ кнутъ на кучѣ камней и забросилъ его въ сосѣдній виноградникъ.—«Не потеряемъ-ли мы теперь сто экю»? сказалъ я садясь въ экипажъ. Аліэтъ перестлалъ свистать; онъ взглянулъ на меня съ удивленіемъ человѣка, привыкшаго къ всеобщей предупредительности и, засвенѣвъ въ карманѣ деньгами, вдругъ грубо спросилъ меня: богатъ-ли я?

— Очень богатъ, г. Аліэтъ.

Этотъ отвѣтъ, чистѣйшая ложь, заставилъ его задуматься.

— Мильонеръ, сказалъ лукаво булочникъ,— вотъ бы для Аліэтты!

— Развѣ я предлагаю мою дочь, хотя она достаточно хороша даже для обладателя двухъ и трехъ милліоновъ? рѣзко отвѣтилъ содержатель экипажей.—Посмотрите на нее, если у васъ есть глаза. Одна женщина могла бы поровняться съ нею лицомъ: ея бѣдная мать, которая умерла, произведя ее на свѣтъ, и изъ-за которой три богача дрались на ножахъ. А красавица досталась Аліэту.

Разговаривая, я произнесъ имя Эмильена; но Аліэтъ даже не обратилъ на него вниманія. Очевидно, онъ также не зналъ объ его любви. Между тѣмъ, несмотря на отсутствіе кнута, мы все-таки подвигались и догнали хотя не коляски, но таратайки. Вся дорога была усѣяна путешественниками, обмѣнивавшимися при встрѣчѣ любезностями или дерзостями, смотря по обстоятельствамъ. Всюду былъ страшный гвалтъ и смѣхъ. А надъ всѣмъ этимъ солнце ярко свѣтило съ небесъ.

— Золото на верху, золото внизу, преклонитесь, г. парижанинъ, г. мильонеръ! весело сказалъ мнѣ Ангазеръ, указывая на небо и на виноградники;—вы проѣзжаете по самой богатой равнинѣ этой страны, которая считается одной изъ кормилицъ Франціи. Знаете-ли вы, сколько стоитъ среднимъ числомъ рѣка вина, вытекающая ежегодно изъ округа Эро? Двѣсти милліоновъ франковъ, милостивый государь! Двѣсти милліоновъ!

Конечно, я поклонился и этому небу и этой землѣ и, въ порывѣ патріотизма, пропѣлъ одинъ куплетъ «Виноградника» Дюпона. Мы пріѣхали.

IV.

Какъ въ духовномъ, такъ и въ свѣтскомъ отношеніи, картезіанскій мужерскій монастырь не представлялъ ничего особеннаго. Въ немъ было всего восемь монаховъ и два или три чудесныя исцѣленія, бывшія въ этомъ монастырѣ, едва держались въ памяти народа. Теперь я слышалъ, что, благодаря новѣйшимъ чудесамъ, зданіе обстроилось и монастырская собственность увеличилась до двухъ квадратныхъ километровъ великолѣпныхъ виноградниковъ.

Я побѣжалъ позвонить у воротъ монастыря, гдѣ братъ-привратникъ сказалъ мнѣ, что г. Эмильенъ Лафельадъ вышелъ на утреннюю прогулку.

Это извѣстіе привело меня въ восторгъ. Деревня Тору, какъ я узналъ, находилась близь Мужера, Аліэтта уже восемь дней жила въ Тору; въ ту сторону, очевидно, и пошелъ гулять влюбленный.

Мой другъ, вѣрно, обошелся безъ моей помощи. Я ждалъ, что онъ появится подъ руку съ Аліэттой. Передъ церковью была большая площадь, запруженная продавцами куколъ, четокъ, цѣлой массой статуетокъ.

Рядомъ съ площадью находился постоялый дворъ. Запахъ пота животныхъ смѣшивался съ запахомъ окороковъ, цыплятъ, сосисокъ и жарившихся вафель. Среди всего этого ходили веселые, улыбающіеся богомольцы.

Вскорѣ справа и слѣва показались процессіи съ крестами, хоругвями и священниками, онѣ шли изъ сосѣднихъ деревень, Алиньяна, Габіона, Тору, Ко, Ружана и Нефіэ: дѣвушки были всѣ въ бѣломъ, старухи—въ черномъ, тутъ же шло нѣсколько мужчинъ съ багровыми носами, въ одеждѣ пилигримовъ, со множествомъ раковинъ на шеѣ; сзади нихъ, сбоку, на нѣкоторомъ разстояніи, шли толпы безъ раковинъ на шеѣ и вовсе не набожно, нагруженные провизіей, и очень шумно веселились, какъ язычники. Воздухъ былъ наполненъ пронзительнымъ пѣніемъ. Смѣсь молебнаго пѣнія съ шансонетками, возгласами, мычаніемъ животныхъ, гуломъ колоколовъ, весь этотъ шумъ шелъ все crescendo и crescendo.

На небѣ сіяло солнце; листья лозъ и мелкія травки трепетали отъ едва замѣтнаго сѣверо-восточнаго вѣтерка. Тамъ и сямъ широкія лужи сверкали въ почти высохшей въ то время рѣкѣ Пейнѣ, которая огибаетъ монастырь. Я шелъ, наслаждаясь этимъ зрѣлищемъ и ища въ одно и тоже время Эмильена, Аліэтту и моихъ булочниковъ. Я наткнулся на отца Аліэтты. Онъ бережно держалъ въ рукахъ свои четыре бутылки «вина боговъ» и шелъ, какъ онъ сказалъ мнѣ, поставить ихъ на холодокъ въ рѣку. Вдругъ онъ вскрикнулъ:—«Хоругви изъ Тору! Вотъ и малютка съ теткой!»—Дѣйствительно, на другомъ концѣ площади показалась процессія. Аліэтъ свиснулъ и толстая женщина, лѣтъ пятидесяти, съ лицомъ, почти закрытымъ громадной старомодной шляпкой съ голубыми перьями, съ толстой золотой цѣпочкой на косыночкѣ съ зелеными цвѣтками, въ черномъ шелковомъ платьѣ, вышла изъ толпы и приблизилась къ намъ. Слѣдомъ за нею шла молодая дѣвушка въ бѣломъ, худенькая, маленькая, съ бронзовымъ цвѣтомъ лица, отъ котораго рѣзко отдѣлялась бѣлизна платья. Лицо у нея было неправильное, съ угловатыми чертами, которое дѣйствительно напоминало «козью мордочку» по выраженію г-жи Ангазеръ. Какъ! это-то и была Алліэтта; изъ-за нея-то мой другъ умиралъ отъ любви, для нея я самъ сдѣлалъ двѣсти миль! Но вотъ она подняла глаза, которые до тѣхъ поръ держала опущенными, такъ какъ лучи солнца били прямо ей въ лицо, и эти глаза чудесно освѣтили и оживили темное личико; глаза были большіе, страстные, подвижные, то суровые, то нѣжные, то дерзкіе...

Поставивъ свои бутылки на землю, отецъ поцѣловалъ сначала свою сестру, г-жу Кристофоръ, потомъ дочку, и сказалъ съ восхищеніемъ:

— О! милочка! какая ты хорошенькая въ этомъ бѣломъ платьицѣ!

Онъ нѣжно ударилъ ее два раза по плечу. Она отодвинулась.

— Ахъ! батюшка, у васъ грязныя руки!

Это разсмѣшило его. Онъ представилъ г. парижанина, котораго привезъ въ Мужеръ.

— Парижанинъ? вы парижанинъ?

Она смотрѣла на меня съ радостнымъ любопытствомъ, граціозно покачиваясь и улыбаясь, между тѣмъ, какъ я, поклонившись ей, осматривался кругомъ, удивляясь, что не вижу Эмильена.

— А! Вотъ изъ Габіана, сказала Аліэтта, внезапно поблѣднѣвъ. Она указала пальцемъ на вторую приближавшуюся процессію. Въ ея рядахъ шло нѣсколько дѣвушекъ, рѣдкой, немного чувственной красоты; цвѣтъ лица у нихъ былъ бѣлый, жизненный; губы полныя, красныя, какъ вишня, глаза живые съ длинными рѣсницами, съ какъ бы нарисованными бровями; роскошный бюстъ, руки и ноги, изобличали высшую расу. Наканунѣ, въ гостинницѣ Мира, одинъ изъ служителей разсказалъ мнѣ, что эти габіанскія жемчужины происходятъ изъ одного сосѣдняго аббатства, упраздненнаго въ 1789 г.—аббатства, если не ошибаюсь, Премонтресъ;—туда удалялись младшіе члены знатныхъ фамилій Лангедока, чтобы подъ монашескимъ одѣяніемъ сыскать себѣ спасеніе, охотясь за зайцами и за сосѣдними женщинами.

Я знаю одну особу, которой ея бабушка разсказывала, что лишь за нѣсколько дней до упраздненія монастыря одинъ изъ этихъ странныхъ монаховъ, передъ церковью, среди бѣлаго дня, когда она выходила отъ обѣдни, обнялъ ее.

Покуда я восхищался ими, Аліэтта, съ сжатыми губами, съ презрѣніемъ смотрѣла на нихъ, и когда процессія миновала насъ она проводила ее короткимъ смѣхомъ и сказала:

— Восковыя куклы... кому хотѣлось бы походить на нихъ?

Отецъ поднялъ съ земли бутылки и направился къ рѣкѣ.

— Пятнадцатилѣтнее красное вино короля Испаніи, говорилъ онъ г-жѣ Кристофоръ, которая медленно облизывала себѣ губы, какъ кошка передъ чашкой молока,—и никто не попробуетъ его кромѣ моей сестры!..

Я послѣдовалъ за семьей, которая спустилась съ берега и подошла къ лужѣ, находящейся въ тѣни, куда Аліэтъ и поставилъ свои бутылки. Онъ кликнулъ оборваннаго мальчишку и сказалъ ему:

— Ты постережешь эти бутылки, пока мы будемъ у обѣдни; за это ты получишь два су. Кто подойдетъ, ты только скажи: это вино г. Аліэта, содержателя экипажей! Г. Аліэта! этого будетъ достаточно!

Мальчишка сѣлъ на корточки, не спуская глазъ съ бутылокъ.

Между тѣмъ козочка Аліэтта ходила около лужи и бросала въ мою сторону бѣглые взгляды. Ея отецъ занялся разговоромъ съ теткой и она подошла ко мнѣ.

— Это правда, что вы парижанинъ? Въ Парижѣ должно быть много прекрасныхъ вещей и красивыхъ дамъ?

Я изъ любезности отвѣтилъ, что это можно найти и въ другихъ мѣстахъ. Она приняла мой отвѣтъ за чистую монету и засмѣялась съ самой наивной радостью. Этотъ смѣхъ былъ очарователенъ, также какъ живое личико, какъ всѣ движенія этого маленькаго созданія, которое булочница право слишкомъ строго судила. Я начиналъ извинять Эмильена. Но гдѣ же онъ былъ, что онъ дѣлалъ въ то время, какъ его возлюбленная такъ мило смѣялась со мной? Я пріѣхалъ изъ Парижа, чтобы помочь ему; нечего было терять времени. Я попробовалъ заговорить о немъ.

— М-ль Аліэтта, сказалъ я,—развѣ господинъ Эмильенъ не былъ съ вами во время процессіи? Это мой другъ.

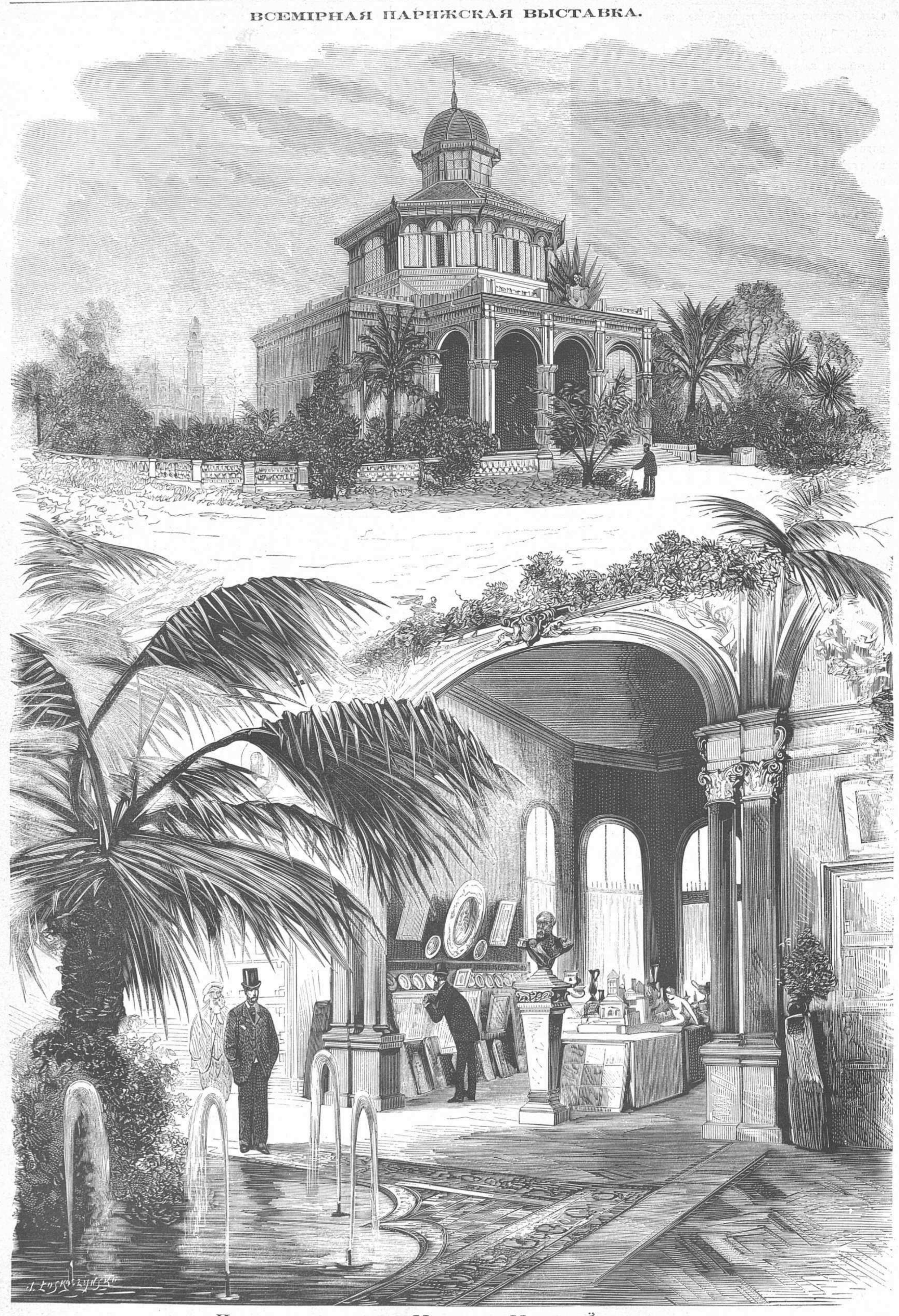
Она казалась удивленной и спросила о какомъ Эмильенѣ я говорилъ; ихъ было пять или шесть въ Пезенасѣ и еще нѣсколько въ окрестностяхъ.

Я яснѣе обрисовалъ моего.

— А, это длинный молодой человѣкъ, довольно скучный, сказала она;—однажды я ему вылила на ноги кувшинъ съ водой.

Это было все; она даже не слыхала звука его голоса. Вотъ онъ, каковъ мой юноша! мой дикарь! Насмѣшливая дѣвушка облила ему ноги,

ВСЕМІРНАЯ ПАРИЖСКАЯ ВЫСТАВКА.

Павильонъ княжества Монако на Марсовой площади.
(Внутри и внѣшній видъ.)

и онъ ушелъ совсѣмъ промокшимъ, безъ одного слова протеста.

Подъ впечатлѣніемъ этого разсказа и подъ вліяніемъ порыва доброжелательности, я съ чувствомъ, не переводя духа, произнесъ слѣдующую тираду:

— Ни здѣсь, ни въ Парижѣ, нѣтъ человѣка, умнѣе и добрѣе моего друга, и онъ васъ обожаетъ, обожаетъ до того, что рѣшился сдѣлаться картезіанцомъ! Я примчался изъ Парижа, чтобы сказать вамъ это, и...

Тутъ мой голосъ оборвался; это было мое первое объясненіе съ женщиной; мнѣ было 19 лѣтъ. Аліэтта, на лицѣ которой блеснуло сначала самодовольство, смотрѣла на меня теперь съ замѣшательствомъ. Въ это время ея отецъ и тетка подошли къ намъ; я быстро поклонился и, взбѣжавъ на берегъ, направился къ монастырю.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

ХОЗЯИНЪ.

(*Окончаніе.*)

Я вошелъ въ общую комнату. Олафъ сидѣлъ предъ ярко-пылавшимъ очагомъ. Рядомъ съ нимъ, у огня, помѣстились двое его товарищей, далекарлійскихъ поселянъ, уже снявшихъ съ себя тулупы и сапоги. Женщины занимались приготовленіемъ ужина. Одна кипятила молоко, другая хлопотала съ яйцами, третья намазывала масломъ ломти хлѣба; четвертая разставляла въ симметрическомъ порядкѣ тарелки съ апетитной закуской, состоявшей изъ маринованныхъ грибовъ, маринованной же мелкой рыбы, русской икры, а также различныхъ соленій. Кофе кипѣлъ въ громадномъ кофейникѣ, давая ароматъ, столь пріятный для обонянія голоднаго человѣка.

«Какова наглость! думалъ я.—И онѣ могутъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ разставлять всѣ эти апетитныя кушанья,—онѣ, которыя, можетъ быть, черезъ минуту будутъ помогать при отправленіи меня на тотъ свѣтъ, а потомъ разрѣжутъ меня на части и станутъ жарить, какъ какого-нибудь барана».

Олафъ, сказавъ мнѣ обычное привѣтствіе, взялъ свою нѣмецкую трубку, фарфоровую, грубо раскрашенную, набилъ ее темнымъ табакомъ, взялъ горящій уголь изъ очага и имъ закурилъ трубку. Затянувшись нѣсколько разъ и выпустивъ клубы густого сѣраго дыма, онъ началъ разсказывать мнѣ со смѣхомъ, обнаружившимъ его острые каннибальскіе зубы, что онъ ходилъ въ лѣсъ и убилъ тамъ «хозяина», надѣлавшаго ему не мало пакостей. Благодаря этой удачѣ, ему есть чѣмъ угостить своихъ друзей и знакомыхъ, которые соберутся къ нему завтра праздновать какъ рожденіе его жены, такъ и вѣнчаніе его племянницы и вскормленницы. Въ заключеніе онъ предлагалъ мнѣ отправиться на слѣдующую ночь въ лѣсъ и убить сына, который, по его словамъ, такой же подлецъ, какъ и его убитый отецъ. Говоря это, онъ неистово вращалъ своими свирѣпыми глазами.

Меня привело въ столбнякъ хладнокровіе этого человѣка, съ цинизмомъ сознававшагося въ совершеніи преступленія, мало того, желающаго совершить на слѣдующій день новое.

«Чортъ возьми, не надо терять мужества, подумалъ я;—если эти негодяи захотятъ зарѣзать меня, надо умереть, какъ умирали доблестные римляне, осужденные на растерзаніе дикими звѣрьми для потѣхи праздной публики.

Я принялъ самый спокойный видъ.

— Не могу-ли я спросить васъ, сказалъ я самымъ увѣреннымъ тономъ,—кто такой этотъ «хозяинъ», котораго вы убили и намѣреваетесь угостить имъ вашихъ друзей и знакомыхъ?

— Это дядя Косматый, разбойникъ, воръ самаго низшаго разряда. Поселившись въ нашемъ околодкѣ, онъ не довольствовался, что таскалъ моихъ куръ, мой медъ, ячмень и рожь, онъ угрожалъ каждому, кому случалось проходить здѣсь, по сосѣдству... Давно я искалъ случая встрѣтиться съ нимъ. Я далъ обѣщаніе, что если онъ не уберется отъ насъ, я всажу ему пулю. А если мнѣ что западетъ въ голову, я не успокоюсь, пока не добьюсь своего.. Я поклялся, что или я возьму его шкуру или онъ мою. Долго я не рѣшался на послѣднюю борьбу, наконецъ, сегодня, послѣ обѣда, я сказалъ моей женѣ: «Слышала ты, Эбба, дядя Косматый опять надѣлалъ проказъ въ окрестности. Пора покончить съ этимъ разбойникомъ. Пусть будетъ, что будетъ.—«Это хорошо, отвѣчала жена,—но смотри, непремѣнно покончи. Не забывай, что на завтра мы пригласили много гостей: если мы зажаримъ лучшія части «хозяина», достанетъ на всѣхъ».

Я съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на г-жу Олафъ. Боже! Какова сторонка! Здѣсь женщины ободряютъ мужей, идущихъ на убійство, и угощаютъ родныхъ и знакомыхъ человѣческимъ мясомъ. Хороша полиція въ Швеціи, если она допускаетъ совершеніе такихъ возмутительныхъ преступленій! Правда, домъ этотъ уединенный, стоитъ среди лѣса и не легко догадаться о томъ, что здѣсь происходитъ.

Хладнокровіе, съ которымъ разсказывалъ Олафъ о своемъ чудовищномъ преступленіи, еще болѣе утвердило меня въ мысли о неизбѣжности моей гибели. Если онъ такъ спокойно разсказывалъ, значитъ, онъ не боялся, что я выдамъ его. Чѣмъ же, какъ не убійствомъ, онъ могъ сдѣлать меня безвреднымъ для себя? Мертвые не говорятъ. А датскій консулъ увѣрялъ меня, что въ Швеціи преступленіе очень рѣдкое явленіе и что здѣсь можно смѣло спать съ незапертыми дверями. Подло убить своего ближняго; но какимъ же именемъ назвать тѣхъ, которые убиваютъ человѣка съ цѣлью лакомиться его мясомъ, подобно дикарямъ людоѣдамъ. Хорошъ будетъ этотъ брачный пиръ! Каковы же качества ума и сердца у этихъ окружающихъ меня людей, которые, не сморгнувъ, выслушали разсказъ объ убійствѣ, точно дѣло шло о застрѣленномъ зайцѣ! Конечно, негодяи обыкновенно не стѣсняются другъ съ другомъ. Да, случай бросилъ меня на произволъ разбойничьей шайки. Неужели нѣтъ средства спастись изъ ея когтей?

— Взявъ ружье, продолжалъ Олафъ,—я отправился въ сопровожденіи этихъ двухъ славныхъ ребятъ, живущихъ на моей фермѣ. Вооруженные длинными рогатинами и стоя въ засадѣ, они должны были придти ко мнѣ на помощь, если бы въ томъ встрѣтилась надобность. Вскорѣ, на моей землѣ, мы встрѣтили разбойника, хозяйничающаго въ моихъ снопахъ. Луна свѣтила ярко, онъ уже издалека замѣтилъ насъ, но не обратилъ вниманія, точно насъ и вовсе не было. Я приблизился къ нему, какъ къ честному созданію, но держа ружье на готовѣ, чтобы во время спустить курокъ. Мы должны быть вѣжливы со всѣми, даже съ своими врагами. Я поклонился ему и, по обычаю нашей страны, держалъ къ нему слѣдующую краткую, но энергическую рѣчь: «Мы тебя не трогаемъ, оставь же и ты насъ въ покоѣ. Зачѣмъ ты разбойнически нападаешь на насъ? Я не сдѣлаю тебѣ никакого вреда, если ты уйдешь отъ насъ. Въ твоемъ распоряженіи огромный лѣсъ, ты можешь охотиться въ немъ вволю; у тебя рѣки и озера, лови рыбу сколько тебѣ угодно. Наконецъ, перейди русскую границу, тамъ для тебя широкое раздолье въ пустынѣ. Твоя физіономія противна нашимъ женщинамъ и дѣтямъ; удались же, иначе я сдеру съ тебя кожу и отдамъ твои кости собакамъ, что, конечно, будетъ не особенно пріятно членамъ твоей семьи». Разбойникъ, на мои примирительныя слова, отвѣчалъ свирѣпымъ рычаніемъ, похожимъ на вой голодной гіены, и, какъ бѣшенный, бросился на меня. Я выстрѣлилъ и пуля засѣла въ его черепѣ. Онъ зашатался и упалъ съ ревомъ, далеко разнесшимся по окрестности... Не доказываетъ-ли это, что разсужденіями философовъ и пѣснями поэтовъ нельзя пронять такихъ негодяевъ, какъ дядя Косматый. Я убилъ его и не жалѣю, что сдѣлалъ это; напротивъ, я доволенъ, потому что мы зажаримъ и съѣдимъ этого мерзавца!

Олафъ говорилъ медленно, съ разстановками, прерывая свой разсказъ для того, чтобы затянуться изъ своей трубки и выпустить клубы дыма черезъ носъ, что придавало ему еще болѣе свирѣпый видъ. Далѣе, онъ сообщилъ, что уже цѣлый годъ въ ихъ мѣстности падежъ рогатаго скота и что, по крайней мѣрѣ, шесть мѣсяцевъ онъ не отвѣдывалъ бифштекса.

— Судите же, заключилъ онъ,—какое благополучіе, накануне предстоящаго у насъ пира, всадить пулю въ башку хозяина. Надѣюсь, вы отвѣдаете его. Правда, мясо его, можетъ быть, не такъ нѣжно, какъ то, которое вы привыкли ѣсть въ Парижѣ. Мясо стариковъ нѣсколько жестко, но, хорошо приготовленное, оно не дурно; оно далеко не такъ безвкусно, какъ многіе полагаютъ. У васъ, въ Парижѣ, не ѣдятъ такую дичь... вамъ это запрещено...

Трескъ угольевъ и высоко-поднимавшееся пламя въ очагѣ невольно напомнили мнѣ костры инквизиціи. Въ этомъ чудовищномъ очагѣ можно было зажарить цѣлаго быка.

«Для какой цѣли развели они такой ужасный огонь, думалъ я;—теперь на дворѣ еще не можетъ быть стужи; для приготовленія обыкновенныхъ блюдъ достаточенъ болѣе слабый огонь; очевидно, они намѣрены зажарить меня всего и сжечь мои внутренности, чтобы не оставалось слѣда ихъ преступленія».

Если дурное впечатлѣніе засѣло въ мозгу, всякая ничтожная подробность усиливаетъ его и еще болѣе возбуждаетъ чувство страха. Хорошо разсуждать потомъ въ спокойномъ состояніи, но когда нервы возбуждены, воображеніе работаетъ и ослабѣвшій умъ способенъ признавать за дѣйствительность самыя нелѣпыя представленія. При послѣднихъ словахъ Олафа, мнѣ представилось, что я нахожусь въ шалашѣ туземца Новой Зеландіи.

«Ясно, думалъ я,—я попалъ въ разбойничій вертепъ».

И я горько возропталъ на судьбу, забросившую меня, безпомощнаго, въ эту трущобу.

— Ребята! поворачивайтесь! зарычалъ Олафъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ, которые флегматически курили свои трубки, прихлебывая медъ.—Скорѣе за дѣло! Пора раздѣть дядю Косматаго.

Мнѣ показалось, что, говоря это, онъ исподлобья смотрѣлъ на меня.

— Наточите хорошенько ваши ножи, прибавилъ онъ.—Пламя начинаетъ спадать; приходитъ время жарить нашу дичь. Принесите сюда хозяина. А ты, жена, подай мнѣ вертелъ. Я самъ насажу на него мясо и буду жарить; черезъ часъ мы можемъ попробовать одну ногу.

Увидя, какъ оба бородатые помощники принялись старательно точить свои ножи, я сталъ думать о томъ, нельзя-ли мнѣ какъ-нибудь спастись. Хотя у меня въ карманахъ были пистолеты, но я опасался, что они едва-ли помогутъ мнѣ уйти изъ предательской комнаты.

Я уже сдѣлалъ шагъ, другой, стараясь незамѣтно проскользнуть въ дверь, какъ товарищи Олафа втащили въ комнату огромнаго медвѣдя, съ великолѣпнѣйшимъ мѣхомъ.

— Такъ вы его называли «хозяиномъ»? спросилъ я весело; мои страхи мгновенно исчезли.

— Да, у насъ медвѣдямъ даютъ много проз-

вищъ. Мы зовемъ его также дѣдушка Костоломъ или Косолапый. Хитеръ онъ бестія, золъ и очень опасенъ. У насъ, въ Швеціи, его ѣдятъ и существуетъ обычай, если кто убьетъ его, долженъ пригласить на пиръ сосѣдей. Завтра мы съ апетитомъ съѣдимъ его. Вы, вѣрно, не откажетесь попробовать.

Признаюсь, теперь я чувствовалъ себя совсѣмъ хорошо.

Медвѣдя выпотрошили и розняли на нѣсколько частей въ самое короткое время. Затѣмъ началось жаренье, во время котораго г-жа Олафъ объявила, что ужинъ готовъ. Всѣ усѣлись за столъ, даже женихъ и невѣста, которые, впрочемъ, не особенно торопились, до того занимала ихъ операція съ орѣхами.

Между тѣмъ часть жаркого изжарилась; я попробовалъ кусочекъ—вкусно; другой показался мнѣ превосходнымъ.

— Жаркое слѣдуетъ запить стаканомъ, другимъ портвейна, сказалъ женихъ, раскупоривая бутылку, покрытую мохомъ. Вино оказалось очень старымъ и превосходнаго качества; такого драгоцѣннаго вина не легко достать и въ самой Португаліи.

Ужинъ прошелъ весело. Я ѣлъ все, что мнѣ накладывали на тарелку и пилъ вино, которымъ не скупились меня угощать. Я долженъ былъ признать, что мясо «хозяина» очень вкусно и что его можно назвать тонкимъ блюдомъ. По окончаніи ужина, остальную часть ночи мы провели въ бесѣдѣ о шведской литературѣ, смакуя при этомъ пуншъ, любимый напитокъ народовъ скандинавской расы. Олафъ пилъ очень исправно и почти не покидалъ своей трубки, отчаянно затягиваясь и выпуская черезъ носъ клубы дыма.

Этотъ почтенный человѣкъ, котораго я принялъ за убійцу, грабителя и людоѣда, былъ не только образцовымъ супругомъ и семьяниномъ, но также отличнымъ гражданиномъ, разносторонне-образованнымъ и вполнѣ джентльменомъ. Онъ прошелъ курсъ въ двухъ университетахъ, въ Упсалѣ и въ Лундѣ. Онъ много путешествовалъ, разговоръ его былъ чрезвычайно пріятенъ; голова его была полна самыми разнообразными свѣденіями.

Черезъ день, послѣ сытнаго завтрака, Олафъ самъ отвезъ меня въ даннеморскіе рудники, самые любопытные и самые богатые въ свѣтѣ. Здѣсь добывается желѣзо самаго лучшаго качества и руда иногда содержитъ до 82% метала.

Гугенотское движеніе во Франціи.

Исторія феодальной реакціи во Франціи въ 16 и 17 вѣка И. В. Лучицкаго.

(*Продолженіе.*)

III.

Событія Варфоломеевской ночи были уже много разъ воспроизводимы съ достаточной подробностью. Ограничимся указаніемъ размѣровъ рѣзни. Пало 10,000 въ самомъ Парижѣ и 100,000 гугенотовъ во всей Франціи. Двусмысленное поведеніе короля должно было разсѣять послѣднія иллюзіи, если такія еще оставались. Правда, онъ не рѣшился сразу взять на себя отвѣтственность за совершеніе «великаго дѣла», съ чѣмъ поздравлялъ его испанскій король. Въ циркулярахъ, разосланныхъ имъ губернаторамъ и мэрамъ, онъ сваливаетъ вину на партію Гизовъ, называетъ рѣзню «плачевнымъ событіемъ». Но два дня спустя, въ торжественномъ засѣданіи парламента, онъ объявилъ, что все происшедшее въ Парижѣ совершилось не только съ его согласія, но и вслѣдствіе его личнаго желанія и приказанія. Его заявленіе, всюду разосланное, утвердило за нимъ славу творца рѣзни. Онъ объявилъ и мотивы, побудившіе его къ совершенію рѣзни: посягновеніе Колиньи на королевскую власть, такъ что убійство ста тысячъ было только истребленіемъ его партіи, опасной королевской власти.

Первое впечатлѣніе, произведенное на гугенотовъ этою рѣзнею—была всеобщая паника. Слѣдующій характерный случай показываетъ, какъ велики были ея размѣры. За три дня до парижской рѣзни, 21 августа 1572 года, въ Парижѣ, около площади Моберъ, произошла драка кальвинистовъ-дворянъ съ городскими сержантами, что было обыкновеннымъ въ тѣ времена явленіемъ. Дворяне затѣяли дуэль, и сержанты хотѣли помѣшать ей. Въ свалкѣ, происшедшей по этому поводу, одинъ изъ участниковъ, извѣстный историкъ Д'Обинье, ранилъ сержанта и вынужденъ былъ бѣжать изъ Парижа. Онъ ушелъ въ глубь Франціи. То было время, когда, не смотря на почти ежедневные приказы властей, запрещающіе всякія собранія и ношеніе оружія, путешественникъ повсюду могъ встрѣтить бродящія толпы вооруженныхъ всадниковъ. Насиліе приходилось отражать насиліемъ и защищать себя собственными своими силами. Д'Обинье собралъ подобную же шайку, человѣкъ въ 80. То были все храбрые воины, ветераны прежнихъ войнъ, люди, считавшіеся храбрѣйшими солдатами французской арміи. Съ ними Д'Обинье предпринялъ безцѣльное шатаніе по Франціи. На дорогѣ дошло до нихъ извѣстіе о страшной парижской рѣзнѣ. Мгновенно измѣнилось ихъ настроеніе. Ужасъ охватилъ ихъ, и каждую минуту они ждали смерти. Вездѣ виднѣлись имъ опасности. И вотъ, когда они были близь Орлеана, кто-то крикнулъ: «вотъ они». Достаточно было этихъ словъ—храбрѣйшіе и смѣлѣйшіе воины разбѣжались, какъ «стадо барановъ».

Таково было первое впечатлѣніе, произведенное на гугенотовъ рѣзнею. Но то былъ не единственный примѣръ. На всемъ пространствѣ, занимаемомъ Франціей, вездѣ, куда доходило извѣстіе о рѣзнѣ и гдѣ были гугеноты, подобный же страхъ овладѣвалъ ими. Большинство искало спасенія въ бѣгствѣ, а бѣгство это было такъ сильно, что, по выраженію одного современника, la terre leur manqua. Обширная эмиграція началась изо всѣхъ провинцій Франціи, лежащихъ на сѣверѣ, востокѣ и въ ея центрѣ. Жители Пикардіи, Нормандіи, Бретани и другихъ областей, обращенныхъ къ Англіи, «предались въ полное распоряженіе волнамъ», спасаясь отъ бури, грозившей имъ на родинѣ. Они ушли на близь лежащіе острова и материкъ, «не обращая вниманія на то, съ какой стороны дуетъ вѣтеръ».

Кто могъ оправиться раньше изъ входящихъ въ составъ партіи элементовъ: дворянство, горожане или пасторы, тому надлежало и играть первенствующую роль въ послѣдующей борьбѣ съ центральною властью. Общая молва объясняла Варфоломеевскую ночь, какъ проявленіе централизаціонныхъ стремленій короля: подъ предлогомъ религіи истреблялись опасные феодалы. Не палъ Монморанси, какъ палъ Колиньи, только потому, что отсутствовалъ. Имена же его и его братьевъ были въ спискѣ обреченныхъ на смерть. Такимъ образомъ, рѣзня была объявленіемъ войны дворянству. Оно приняло вызовъ. Эмигрировавшая часть его хлопотала о помощи въ протестантскихъ государствахъ. Другіе, оставшіеся во Франціи, пытались заручиться союзомъ городовъ. Попытки ихъ не были удачны. Даже такіе города, какъ Нимъ, Рошель—бывшіе центры кальвинистской дѣятельности, подъ вліяніемъ недавнихъ событій, обнаруживали склонность изъявить покорность и даже поступиться частью привиллегій. Такой образъ дѣйствій объясняется также и тѣмъ недовѣріемъ, которое питали горожане къ дворянамъ. Но одно событіе, скоро случившееся, сначала поколебало довѣріе къ королю, а затѣмъ повтореніе его въ другихъ мѣстахъ окончательно привело къ гражданской войнѣ. Это событіе — рѣзня всѣхъ гугенотовъ, хотя и преданныхъ правительству, въ Кастрѣ. Указаніе на такіе поступки власти было самымъ вѣскимъ аргументомъ въ пользу дворянъ. Пропаганда ихъ начинала имѣть успѣхъ. Первыя же пораженія отрядовъ королевскаго войска, указавъ на его безсиліе, рѣшили союзъ городовъ съ дворянами.

Рошель укрѣпилась. Дофине и весь Лангедокъ въ короткое время возстали. Чрезвычайно характерны тѣ гарантіи, которыми обставляли себя города, впуская дворянъ и поручая имъ командованіе войскомъ. Не говоря о совѣтѣ, состоявшемъ въ большинствѣ изъ горожанъ и имѣвшемъ верховную власть, не пренебрегали даже такими мѣрами, какъ частая перемѣна начальниковъ отряда. Одинъ и тотъ же начальникъ переводился изъ отряда въ отрядъ. Съ другой стороны, волненія, испытанныя буржуазіей въ первыя войны, достаточно уже утомили ее. Роль пасторовъ тоже существенно измѣнилась. Отъ дворянства зависѣло, чтобы они были въ большинствѣ. А между тѣмъ дворяне откровеннѣе другихъ заявили, что религія для нихъ дѣло второстепенное. Связующихъ элементовъ, какимъ былъ Колиньи, не было и пасторы силою обстоятельствъ все больше оттѣснялись на задній планъ.

Не будемъ останавливаться на подробностяхъ войны. Къ сдѣланной характеристикѣ взаимнаго отношенія элементовъ партіи гугенотовъ, прибавимъ только указаніе на характеръ дѣйствій начальниковъ королевскихъ войскъ. Принцъ Анжуйскій мѣсяцы стоялъ подъ Рошелью, не имѣя возможности принудить ее къ сдачѣ. Данвиль-Монморанси, командующій южной арміей, не хотѣлъ ничего дѣлать и въ то время, какъ гугеноты брали городъ за городомъ, замокъ за замкомъ, онъ заключалъ перемирія, выгодныя для осаждаемыхъ имъ городовъ. Только Ла-Шатръ, осаждавшій Сенсеръ, дѣйствовалъ энергично. Но здѣсь послѣ рѣзни сосредоточились бѣглецы со всей Франціи, ставившіе на первомъ планѣ религію и отстранявшіе отъ себя совершенно вопросы политическіе. Поэтому побѣда надъ ними, очень дорого стоившая, не имѣла большого значенія для королевской власти. Понятно недоумѣніе и негодованіе, которое возбудила вѣсть о мирѣ, заключенномъ Рошелью отъ имени всей партіи. Рошель гарантировала для себя свое самоуправленіе, но для цѣлой партіи условія мира были самыя невыгодныя. Однако, обсужденіе этихъ условій дало возможность гугенотамъ собраться и, выяснивъ свои силы, дать имъ лучшую организацію. Рядомъ съ дѣломъ организаціи были выработаны и слѣдующія условія, на которыхъ гугеноты соглашались положить оружіе: 1) оказаніе примѣрнаго правосудія убійцамъ судьями, избранными изъ среды лицъ обѣихъ религій; 2) публичное признаніе, что заговора Колиньи никогда не было; 3) возстановленіе чести и имени Колиньи и всѣхъ тѣхъ, у кого правительство отняло ихъ, какъ отняло имѣнія и должности, которыя должны быть имъ возвращены; 4) уничтоженіе всѣхъ монументовъ, медалей, книгъ и всего того, что безчеститъ имена и память убитыхъ, а также всѣхъ эдиктовъ и постановленій парламентовъ, направленныхъ противъ гугенотовъ; 5) объявленіе реформатской религіи свободною на всемъ пространствѣ королевства, отмѣна обязательной уплаты десятины, дарованіе права погребенія, женитьбы и т. д.; 6) установленіе особаго отдѣленія при судахъ для рѣшенія гугенотскихъ дѣлъ и споровъ между гугенотами и католиками, съ тѣмъ, чтобы судьи выбирались изъ лицъ обѣихъ религій и при томъ, чтобы суды эти находились въ городахъ, не заподозрѣнныхъ гугенотами; 7) разрѣшеніе взимать деньги на уплату долговъ, сдѣланныхъ протестантами въ послѣднюю войну; 8) гарантированіе правъ гугенотовъ и ихъ безопасности, посредствомъ заключенія союза съ

протестантскими государствами Европы на вѣчныя времена, союзъ долженъ быть утвержденъ клятвою и нарушеніе его влечетъ наказаніе, совершаемое при посредствѣ остальныхъ членовъ союза; 9) оставленіе за гугенотами всѣхъ тѣхъ мѣстъ, которыми они завладѣли въ послѣднюю войну, а также уступка имъ тѣхъ городовъ, которые будутъ указаны выборными депутатами отъ гугенотовъ, королевскіе гарнизоны должны находиться лишь въ пограничныхъ крѣпостяхъ и притомъ возможно дальше отъ гугенотскихъ городовъ; 10) запрещеніе королевскимъ чиновникамъ входить въ гугенотскіе города съ оружіемъ и свитою; 11) сохраненіе въ цѣлости всѣхъ тѣхъ укрѣпленій, которыя были построены гугенотами, а также оставленіе за ними всѣхъ боевыхъ снарядовъ.

Въ заключеніе, они ставили непремѣннымъ условіемъ мира, чтобы всѣ предложенныя ими требованія были прочитаны въ парламентѣ въ присутствіи самого короля съ его семействомъ и дана была торжественная клятва въ сохраненіи всѣхъ предложенныхъ условій. Подобное же торжественное объявленіе эдикта должно быть произведено во всѣхъ учрежденіяхъ королевства. А чтобы эдиктъ выполнялся во всей строгости, гугеноты потребовали учрежденія въ главномъ городѣ каждой епархіи штатовъ, куда бы собирались представители всѣхъ сословій обѣихъ религій, а также созванія каждыя 5 лѣтъ генеральныхъ штатовъ.

Таковы были требованія, предъявленныя власти. Они были прочитаны въ собраніи и подписаны знатнѣйшими изъ присутствовавшихъ. Собраніе утвердило депутатовъ, выбранныхъ въ Нимѣ. То были люди сильные духомъ, знавшіе, что такое дворъ; они были изъ тѣхъ, которыхъ называли тогда «мѣдными лбами». Послы немедленно отправились къ королю. Въ городѣ Тарарѣ встрѣтились они съ послами отъ средняго сословія областей Дофинэ и Прованса и вмѣстѣ отправились ко двору. Они оправдали вполнѣ довѣріе, оказанное имъ собраніемъ. Въ горячихъ энергическихъ выраженіяхъ защищали они предъявленныя ими требованія. Ихъ рѣчи были крайне рѣзки. И это были тѣ же гугеноты, погибель которыхъ была такъ несомнѣнна годъ тому назадъ. Они не только не оказались послушными и боязливыми, а напротивъ, готовы были энергически отстаивать свои требованія. Никогда и никто до этого не предъявлялъ такихъ притязаній; ни разу власть не только не соглашалась, но просто и не думала дать гугенотамъ даже небольшую долю тѣхъ правъ, которыхъ теперь съ такою настойчивостью требовала гугенотская конфедерація. Для Екатерины Медичи, для ея плановъ и цѣлей, это было страшнымъ ударомъ. Видѣть, что всѣ ея планы обратились въ ничто, слушать рѣчи, о которыхъ даже и не помышляли ни Колиньи, ни Конде, было слишкомъ большимъ униженіемъ для нея и для королевскаго могущества. Рѣчи депутатовъ вывели ее изъ себя и въ немногихъ, но энергически сказанныхъ словахъ, она сама обрисовала всѣ тѣ послѣдствія, къ которымъ привела ее ея же политика. «Если бы Конде былъ живъ, съ негодованіемъ и гнѣвомъ отвѣтила она посламъ, и съ 20 т. конницы и 50 т. пѣхоты находился въ центрѣ государства, онъ не потребовалъ бы и половины того, чего требуете вы».

А между тѣмъ, рядомъ съ этими заявленіями подымался другой голосъ. Выраженія были мягки, голосъ тихъ, но одинъ тотъ фактъ, что голосъ принадлежалъ буржуа, не раскрывавшему раньше рта, иначе, какъ на защиту королевскихъ правъ, придавалъ ему болѣе грозное значеніе, чѣмъ всѣ требованія гугенотовъ. Смыслъ жалобы былъ таковъ: страна разорена, среднее сословіе истощено, такъ что не можетъ добыть средствъ къ существованію. Причина этого въ податяхъ, субсидіяхъ и налогахъ, установляемыхъ королевскою властью, переставшею даже спрашивать у штатовъ, каковы средства страны. Страна на краю гибели. Спасти ее можно, отсрочивъ на 10 лѣтъ взысканіе всѣхъ податей и налоговъ. Но это не значило, что черезъ 10 лѣтъ буржуа соглашались платить, у нихъ есть граматы, освобождающія ихъ отъ платежей.

Такія жалобы приносились и католиками. Рошель заключила миръ оттого, что буржуа, послѣ изгнанія пасторами дворянъ, получили преобладаніе; теперь эти же буржуа и буржуа-католики прямо порицали распоряженія власти и даже косвенно указывали на возможность съ ихъ стороны отказа платить по требованію короля.

Это было начало новаго движенія, къ изложенію исторіи котораго мы и перейдемъ, а здѣсь постараемся выяснить внутренній смыслъ гугенотскаго движенія.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Новости наукъ и жизни.

— Розина Гейкель. Въ александровскомъ университетѣ, въ Финляндіи, недавно блистательно выдержала экзаменъ на степень лиценціата медицины, дѣвица Розина Гейкель, намѣревающаяся ходатайствовать о разрѣшеніи ей медицинской практики. Такъ какъ г-жа Гейкель лишена этого права только потому, что, по университетскому уставу, она не могла быть внесена въ списки студентовъ университета, то, по словамъ гельсингфорскихъ газетъ, университетская консисторія, съ своей стороны, также ходатайствуетъ предъ своимъ августѣйшимъ канцлеромъ о расширеніи въ этомъ отношеніи правъ женщинъ, съ открытіемъ имъ доступа въ университетъ наравнѣ со студентами и съ присвоеніемъ одинаковыхъ обязанностей и преимуществъ. Въ честь этой первой женщины-врача въ Финляндіи, 11-го октября было устроено гельсингфорскими женщинами шумное и оживленное празднество въ зданіи театра. Одна изъ дамъ, отъ имени всѣхъ присутствующихъ, сказала г-жѣ Гейкель прочувствованное привѣтствіе, въ которомъ, между прочимъ, коснулась положенія финской женщины вообще и необходимости для нея высшаго образованія, какъ надежнѣйшаго орудія самопомощи. Потомъ гостьѣ былъ поднесенъ букетъ цвѣтовъ съ синею и бѣлою лентами, на которыхъ вытиснены золотыми буквами приличная случаю надпись и четверостишіе, сочиненное г-жою Вильгельминою Нордстрёмъ. За поднесеніемъ букета послѣдовало поднесеніе красивой малахитовой броши, съ прикрѣпленными къ ней миніатюрными золотыми изображеніями лавроваго вѣнка и посоха Эскулапа. Потомъ г-жа Нордстрёмъ прочла другое стихотвореніе, также посвященное Розинѣ Гейкель и принятое громкими одобрительными кликами. Во время празднества, окончившагося исполненіемъ нѣкоторыхъ народныхъ гимновъ и пѣсенъ, было получено изъ разныхъ городовъ Финляндіи множество поздравительныхъ телеграмъ на имя виновницы торжества и начата подписка для образованія женской медицинской стипендіи при медицинскомъ факультетѣ александровскаго университета. Открытая во время этого праздника подписка на учрежденіе женской медицинской стипендіи при александровскомъ университетѣ, дала уже сумму въ 2,000 марокъ и очень успѣшно продолжается. Гельсингфорская газета «Morgonbladet» предлагаетъ назвать фондъ будущей стипендіи «фондомъ дѣвицы Розины Гейкель для финляндскихъ женщинъ, обучающихся медицинѣ».

— Женскія гимназіи въ Петербургѣ. По свѣденіямъ журнала «Женское Образованіе» къ 26-му сентября 1878 года состояло учениць въ с.-петербургскихъ гимназіяхъ: въ педагогическихъ курсахъ 250 учениць, въ маріинской гимназіи 772 уч., въ коломенской 536 уч., въ васильевской 429 уч., въ петровской 328 уч., въ александровской 354 уч., въ литейной 348 уч., въ екатерининской 292 уч., въ рождественской 235 уч., въ прогимназіи при педагогическомъ курсѣ 203 уч. Во всѣхъ же с.-петербургскихъ гимназіяхъ къ 26-му числу сентября 1878 года состояло 3,747 учениць.

— Полное собраніе сочиненій. По слухамъ, извѣстный писатель г. Гончаровъ, окончилъ свои переговоры съ книгопродавцами насчетъ изданія полнаго собранія его сочиненій. Право на это изданіе пріобрѣлъ И. И. Глазуновъ, за сумму 12 тысячъ рублей. Какъ извѣстно, въ продажѣ сочиненія даровитаго писателя исчерпаны.

— Лѣсоустройство. Г. Рудзкій, преподаватель лѣсоустройства въ земледѣльческомъ институтѣ, и Битный-Шляхто, членъ спеціальнаго по лѣсной части комитета, перевели со второго нѣмецкаго изданія сочиненіе д-ра Фриха Юдейха, директора Тарандской лѣсной академіи, «Лѣсоустройство». Г. Рудзкій призналъ книгу эту лучшимъ изъ учебниковъ по этому предмету. Юдейхъ, не прибѣгая къ крутому разрыву съ существующею практикою, далъ, однако, значительное развитіе новому (финансовому) ученію; ученіе это, въ формѣ предложенной Юдейхомъ, можетъ служить полезнымъ указаніемъ при устройствѣ и такихъ лѣсовъ, въ которыхъ пока нѣтъ достаточныхъ основаній для введенія новой системы во всей ея чистотѣ. Таковы отношенія новаго ученія къ практикѣ; огромныя же преимущества его при изложеніи теоріи лѣсоустройства должны быть признаны и тѣми, кто несочувственно относится къ непосредственному приложенію этого ученія на дѣлѣ. Способъ выраженія Юдейха сжатый и точный, значительно облегчающій чтеніе и изученіе.

— Спеціальное изданіе. П. Н. Вереха, начальникъ отдѣленія лѣсного департамента и членъ спеціальнаго по лѣсной части комитета, извѣстный уже сборникомъ «Порядокъ отпуска лѣсныхъ матеріаловъ изъ дачъ вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ, по лѣсному департаменту», издалъ на дняхъ систематическій сборникъ дѣйствующихъ циркулярныхъ распоряженій, послѣдовавшихъ по лѣсному департаменту министерства государственныхъ имуществъ съ 1838 г. по 15 марта 1877 г.

— Новая опера. Директоръ Большой Оперы, въ Парижѣ, Галандье, пригласилъ Гуно написать музыку къ новому 5-ти-актному либретто Деннери и Жюля Брезиля, подъ названіемъ «Племя Цамора». Гуно принялъ это предложеніе.

— Рабочіе-акціонеры. Въ 1871 году, женевскіе фабриканты, Бильонъ и Исаакъ, предложили своимъ акціонерамъ примѣнить къ ихъ предпріятію принципъ участія рабочихъ въ его доходахъ. Предложеніе было принято общимъ собраніемъ акціонеровъ и при этомъ рѣшено раздѣлять чистую прибыль слѣдующимъ образомъ: 50% отчислять въ пользу акціонеровъ и администраціи, и 50% въ пользу рабочихъ и служащихъ, съ тѣмъ, чтобы половина этихъ послѣднихъ 50% употреблялась на выкупъ акцій. Рабочій дѣлался такимъ образомъ акціонеромъ предпріятія. По словамъ газеты «Temps» дѣло это идетъ прекрасно, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Въ годы торговыхъ кризисовъ, заведеніе уменьшаетъ число рабочихъ, какъ это дѣлается во всѣхъ стѣсненныхъ предпріятіяхъ, и отпускаемый рабочій получаетъ свою долю прибылей по день разсчета. Рабочіе, ставшіе акціонерами, несутъ риски предпріятія наравнѣ съ другими акціонерами; они могутъ, конечно, и продать свои акціи, но только въ установленномъ порядкѣ.

— Г. Томсонъ. Лондонскія газеты извѣщаютъ о смерти Георга Томсона, члена парламента, прославившагося въ молодости произнесеніемъ нѣсколькихъ блистательныхъ рѣчей въ пользу уничтоженія невольничества въ англійскихъ колоніяхъ. Онъ съ такою ревностью взялся за это дѣло, что позже лордъ Броугэмъ приписывалъ ему одному успѣхъ дѣла эманципаціи негровъ. Какъ только торговля невольниками была уничтожена въ англійскихъ колоніяхъ, Томсонъ поѣхалъ въ Соединенные Штаты и тамъ учредилъ около 150 обществъ противъ невольничества. Эта поѣздка сдѣлала его не популярнымъ среди южанъ, и генералъ Джаксонъ возбудилъ противъ него ненависть своей партіи, написавши посланіе

палатамъ. Тогда Томсонъ сдѣлался жертвой нѣсколькихъ покушеній на убійство и долженъ былъ, покинувъ Америку, возвратиться въ Англію. Во время гражданской войны онъ вновь поѣхалъ въ Соединенные Штаты, гдѣ на сей разъ палата представителей встрѣтила его съ распростертыми объятіями въ присутствіи президента Линкольна и большинства кабинета. Ему было 75 лѣтъ отъ роду.

— **В. Циммерманъ.** Германія лишилась одного изъ своихъ замѣчательнѣйшихъ историковъ Вильгельма Циммермана. Въ теченіе своей почти 50-лѣтней дѣятельности онъ написалъ; исторію нѣмецкой литературы, исторію церкви, исторію крестьянской войны, исторію Гогенштауфеновъ, исторію Вюртемберга, исторію германской войны за освобожденіе отъ Наполеона І-го, біографію принца Евгенія Савойскаго и т. д. Сынъ ремесленника, покойный воспитывался въ блаубэрнской семинаріи, въ одно время съ Давидомъ Штраусомъ и Ф. Фишеромъ. Онъ началъ службу по церковной части, а затѣмъ былъ избираемъ членомъ франкфуртскаго парламента и депутатомъ ландтага. Циммерманъ являлся кромѣ того однимъ изъ выдающихся представителей такъ-называемой швабской школы поэтовъ.

— **Б. Вальрондъ.** Въ Лондонѣ недавно скончался богатый эксцентрикъ Бетель Вальрондъ, который почти всю свою жизнь занимался процессами, имъ же возбуждаемыми для научныхъ цѣлей. Онъ придирался ко всякому случаю, чтобы затѣять процессъ спеціально для того, чтобы на дѣлѣ изучить судебное производство своей страны, констатировать злоупотребленія и заставить правительство осуществлять реформы. Онъ одновременно давалъ занятіе сорока адвокатамъ и если выигрывалъ несправедливое дѣло, то, въ назиданіе всѣмъ, публиковалъ о томъ въ газетахъ.

— **Стипендіи.** Въ Петроковѣ умеръ въ весьма преклонныхъ лѣтахъ, докторъ медицины Валентинъ Осиповичъ Кочаровскій, который оставилъ по духовному завѣщанію 37,000 р. въ пользу лицъ бѣднаго учащагося юношества, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ изъ процентовъ этой суммы каждый годъ выдавалось шесть стипендій, въ размѣрѣ каждая по 300 р., бѣднѣйшимъ студентамъ медицинскаго факультета варшавскаго университета. Всѣ эти шесть стипендій составятъ общую годовую сумму въ размѣрѣ 1,800 р.; остальныя затѣмъ деньги отъ завѣщанныхъ процентовъ, въ числѣ 600 р. ежегодно, врачъ завѣщалъ, въ видѣ преміи, на выдачу тому изъ студентовъ названнаго университета, который представитъ въ совѣтъ университета лучшее научное сочиненіе по естествознанію или литературѣ.

— **Милліоны подъ водой.** Въ 1815 году испанское правительство послало въ Южную Америку большой транспортный корабль Сан-Педро съ дессантомъ въ 1,500 чел. и 3.000,000 долларовъ золота и серебра. По прибытіи корабля къ берегу Венецуэлы, жившіе тамъ богатые испанскіе купцы перевезли на этотъ корабль свои драгоцѣнности, разсчитывая, что деньги ихъ на кораблѣ будутъ гораздо сохраннѣе, чѣмъ на берегу, гдѣ подчасъ подъ видомъ инсургентовъ появлялись разбойничьи шайки, грабившія безъ различія какъ испанцевъ, такъ и мѣстныхъ достаточныхъ плантаторовъ. Сокровища эти состояли преимущественно изъ драгоцѣнныхъ камней, золотой и серебряной монеты, дорогихъ церковныхъ сосудовъ и другихъ предметовъ. Вскорѣ послѣ этого на кораблѣ происходилъ пиръ, на который были приглашены и нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей. Въ самый разгаръ праздника случился пожаръ на кораблѣ, суматоха поднялась страшная: всѣ, разумѣется, стали заботиться о спасеніи своей жизни. Едва успѣли спастись люди, какъ на кораблѣ произошелъ страшный пороховой взрывъ, и всѣ драгоцѣнности, находящіяся на немъ, упали на дно морское. Полагаютъ, что цѣнность имущества, погибшаго вмѣстѣ съ судномъ, въ разстояніи одной мили отъ острова Куагуа, простиралась до 6.000,000 долларовъ. Съ того времени было сдѣлано много попытокъ къ отысканію утонувшихъ сокровищъ, и нѣкоторыя изъ нихъ увѣнчивались успѣхомъ. Такъ, напримѣръ, на другой годъ послѣ катастрофы одному американскому капитану изъ Массачусетса удалось, при помощи водолазнаго колокола, отыскать на морскомъ днѣ боченокъ съ серебряною монетою на сумму въ 30,000 долларовъ. Въ 1845 году въ Балтиморѣ образовалась спеціальная компанія для отысканія клада, и къ острову Куагуа было послано судно, но результаты дѣятельности этой компаніи были такъ ничтожны, что она сочла за лучшее прекратить свои поиски; общее составившееся мнѣніе порѣшило, что, вѣроятно, сильнымъ взрывомъ, погубившимъ судно, все находящееся на немъ было разбросано на большое пространство. Однако еще, прежде чѣмъ были прекращены работы, большинство водолазовъ бѣжало, желая утаить найденныя богатства. Ихъ скоро арестовали, украденное серебро было возвращено, по работы компанія все таки прекратила. Въ 1876 году американскій водолазъ Фолингсби вошелъ въ формальное соглашеніе съ правительствомъ Венецуэллы о предоставленіи ему исключительнаго права отыскиванія утонувшихъ сокровищъ въ продолженіе 6 лѣтъ, причемъ на его долю должно было причитаться только пять процентовъ съ найденнаго. Фолингсби снарядилъ экспедицію и приступилъ къ поискамъ; онъ хорошо знаетъ мѣстность около острова Куагуа, такъ какъ былъ все время при поискахъ, производимыхъ балтиморскою компаніею. Предпріимчивый американецъ полагаетъ, что сундуки съ золотомъ, драгоцѣнными камнями и дорогими церковными сосудами не пострадали отъ взрыва, а просто были имъ разбросаны, и хотя при всѣхъ предъидущихъ попыткахъ совсѣмъ не находили золота, а только серебряную монету, тѣмъ не менѣе вполнѣ достовѣрно, что на погибшемъ кораблѣ было золото. Фолингсби предполагаетъ, что драгоцѣнные сундуки и боченки зарылись въ илѣ, и, чтобы ихъ отыскать, онъ привезъ съ собою лучшія машины для расконки морского дна. Осмотрѣвъ положеніе остатковъ корабля, лежащихъ на глубинѣ 60 фут. въ грунтѣ, состоящемъ изъ ила и песку, смѣлый водолазъ разсчитываетъ окончить свою работу втеченіи 8 мѣсяцевъ.

— **Какъ наживаются желѣзнодорожники.** Послѣ смерти извѣстнаго прусскаго желѣзнодорожнаго заводчика Борзига, осталось наличными деньгами и фондами 33.000,000 марокъ, не считая громадныхъ недвижимостей, какъ-то: домовъ, заводовъ, помѣстій, рудниковъ и пр., также на большую сумму.

— **Разрѣшеніе отъ бремени въ воздушномъ пространствѣ.** 13 октября, воздушный шаръ, въ Парижѣ, достигалъ уже наибольшей высоты, какъ вдругъ одна дама, принимавшая участіе въ восхожденіи, вскрикнула и упала. Сначала полагали, что это нервный припадокъ или слѣдствіе головокруженія, но находившійся тутъ-же докторъ объявилъ, что дама... рожаетъ. Тотчасъ-же былъ данъ сигналъ къ нисхожденію, а докторъ, не медля ни минуты, приступилъ къ выполненію своей обязанности. Роды состоялись при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ и на высотѣ нѣсколькихъ сотъ метровъ надъ поверхностью земли на свѣтъ Божій явился здоровый мальчуганъ. Какъ скоро аэростатъ и лодка были прикрѣплены, рабочіе на рукахъ принесли молодую женщину къ ждавшему ее у воротъ экипажу. Одна дама несла новорожденнаго въ своей шали. Докторъ, заплатившій за восхожденіе только 20 фр., спустившись на землю, получилъ 500 фр. Отецъ младенца—сынъ богатаго манчестерскаго фабриканта. Его жена, подвергавшаяся припадкамъ необъяснимыхъ, столь нерѣдкихъ во время беременности прихотей, во что-бы-то ни стало, желала совершить воздушное путешествіе.

— **Воровство въ воздушномъ пространствѣ.** Въ Парижѣ арестовали молодую, красивую и шикарно одѣтую англичанку, занимавшуюся кражею—на воздухѣ. Для этой своей оригинальной промышленности она часто отправлялась въ ballon captif въ воздушное путешествіе и въ то время, какъ остальные пассажиры любовались восхитительнымъ видомъ Парижа съ птичьяго полета, флегматическая дочь Альбіона обирала ихъ карманы. Эти учащенные полеты молодой элегантной авантюристки, наконецъ, обратили на себя вниманіе полиціи Парижа. Полиція стала зорко слѣдить за нею и однажды, когда прекрасная англичанка спустилась съ небесъ, къ ней подошли два обитателя земли, въ образѣ полицейскихъ сержантовъ, и вѣжливо попросили позволенія обыскать ее. Не смотря на исполненные благороднаго негодованія протесты, обыскъ былъ произведенъ и далъ изумительный результатъ: 22 элегантныхъ портмоне съ общею суммою въ 8,000 фр. золотомъ.

— **Находчивый мужъ.** Одинъ супругъ-философъ въ Сакраменто перехватилъ письмо, въ которомъ его женѣ назначалось rendez-vous въ часъ пополудни. Но какъ же поступилъ онъ? Быть можетъ, онъ прочистилъ свой револьверъ, приготовилъ патроны и отправился подкарауливать преступную жену? Ничуть не бывало. Онъ просто положилъ въ карманъ фальшивые зубы своей жены, поцѣловалъ дѣтей, закурилъ сигару и отправился погулять по городу, вполнѣ убѣжденный, что свиданіе устранено самымъ радикальнымъ образомъ.

Телеграммы.

Берлинъ, 12-го октября. Здѣсь получены извѣстія о возстаніи въ Румеліи и Македоніи; въ Эпирѣ и Ѳессаліи ожидаются вспышки. Лондонскія газеты увѣряютъ, что Россія подготовила это движеніе. Сообщаютъ также о формальномъ союзѣ между Россіей и Афганистаномъ.

Константинополь, 15 го октября. Болгарскіе инсургенты въ Македоніи, которыхъ насчитываютъ до 20,000, хорошо вооружены оружіемъ и орудіями. Въ числѣ выжженныхъ ими пунктовъ находится также и Іеникіой.

Вѣна, 13-го октября. Газетѣ «Polit. Corr». сообщаютъ изъ Константинополя: «Порта, кромѣ циркуляра къ своимъ представителямъ, отправила также ноту князю Лобанову-Ростовскому, въ которой она говоритъ о существованіи и тенденціи инсуррекціоннаго движенія румелійцевъ и македонцевъ. Съ одной стороны, нота сводится къ формальному обвиненію Россіи, а съ другой, требуетъ содѣйствія русской силы для подавленія возстанія. Порта извѣщаетъ, что восемь большихъ мохамеданскихъ мѣстностей Македоніи выжжены инсургентами, которые угрожаютъ и другимъ округамъ. Порта оставила опасенія, которыя внушало ей все общее вооруженіе мохамеданъ въ возставшихъ округахъ и, сверхъ того, предписала принять самыя энергическія мѣры для подавленія возстанія».

Бомбей, 12-го октября, Въ «Bombay Gazette» напечатано письмо изъ Толля, отъ 15-го октября, въ которомъ сказано: «Посланецъ вице-короля высказалъ, что внезапное вторженіе въ Афганистанъ представляетъ большія затрудненія. По достовѣрнымъ слухамъ, силы эмира состоятъ изъ 60,000 человѣкъ пѣхоты, большая часть которой вооружена ружьями, 100 орудій и соотвѣтственнаго количества кавалеріи. Полагали, что эмиръ рѣшился оказать сопротивленіе и защищать Али-мусыдъ, Джелалабадъ и Кабулъ, но не Кандахаръ»,

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 Октября 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

№ 44. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 29 Октября 1878 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

ВСЕМІРНАЯ ПАРИЖСКАЯ ВЫСТАВКА.

Дамскій будуаръ.

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ" на 1879 годъ.

Журналъ «**ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ**» будетъ издаваться въ будущемъ, 1879 году, по той же програмѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ настоящемъ, 1878 году.

Гг. годовые подписчики получаютъ при подпискѣ премію, уже полученную Редакціею и состоящую изъ **олеографической картины.**

Втеченіе года будетъ выдана вторая художественная премія, тоже **олеографія**, а также **иллюстрированная литературная премія.** Кромѣ того Редакція въ свое время предложитъ гг. подписчикамъ еще одну премію по своему выбору, какъ она это сдѣлала и въ нынѣшнемъ, 1878 году, съ преміей «**Свѣточи Христіанства**».

Въ первыхъ нумерахъ будущаго, 1879 года, между прочими, появятся слѣдующія произведенія: «*Мужъ и жена*», романъ **А. Михайлова**; поэма **Омулевскаго**; «*Лѣсное Хозяйство*», статья **Н. В. Шелгунова**; «*Козелъ отпущенія*», повѣсть **Н. И. Северина** и повѣсть **К. М. Станюковича.** Изъ гравюръ, между прочимъ, будутъ помѣщены копіи съ картинъ: **Брюлова, Гуна, Мещерскаго** и **Шварца.**

Редакція намѣрена въ будущемъ году дать рядъ копій съ картинъ **русскихъ** художниковъ, а также біографіи и портреты замѣчательныхъ **русскихъ** дѣятелей изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ нашей общественной дѣятельности. Эти біографіи будутъ составляться подъ редакціей **А. К. Шеллера (А. Михайлова)** и **Н. И. Шульгина.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ":

	На годъ.	На полгода.	На три мѣсяца.
Безъ пересылки....................	**6 р.**	**3 р. 50к.**	**1 р. 80 к.**
Съ пересылкою и доставкою........	**7 р.**	**4 р.**	**2 р.**

Подписка принимается: Въ Главной Конторѣ Журнала «**Живописное Обозрѣніе**» въ С.-Петербургѣ, Новый проспектъ, домъ № 20.

Ночное.

Стих. **Николая Ники.**

I.

Если ночь пеленою звѣздистою
Синеву разукраситъ небесъ,
Если пахнетъ травою росистою
И луной озаряется лѣсъ,

Если вѣтра струею прохладною
Освѣжится усталая грудь,—
Этой лунною ночью отрадною
Не хочу, не могу я уснуть.

Каждый жизненный нервъ въ напряженіи,
Разливается нѣга въ крови...
И поетъ соловей о прощеніи,
И поетъ соловей о любви.

Соловьиную трель перекатную
Чуткимъ ухомъ я жадно ловлю
И весь міръ въ эту ночь ароматную,
Въ эту чудную ночку люблю!

II.

Да, люблю!.. Но придетъ непроглядная
Ночь дождливая—будетъ опять
Снова дума со мной безотрадная,
Снова грусть, какъ піявица жадная,
Будетъ сердце больное сосать,
Снова буду я жизнь проклинать...

Горе многое вдругъ обѣщающимъ
И безсильнымъ призванье свершить!
Горе въ будущность вѣру теряющимъ,
Всѣмъ безцѣльно въ борьбѣ погибающимъ!..
Впрочемъ... полно безплодно тужить,
Дай хоть въ лунныя ночи пожить!

III.

Въ воду склонилась ива вѣтлистая,
Въ озеро смотритъ луна
Тихая, влажная ночь серебристая
Мглы и видѣній полна;

Хмѣлемъ кудрявымъ березы повитыя
Рѣзвыхъ русалокъ таятъ,
Рѣки, озера, луною залитыя,
Полны веселыхъ наядъ.

IV.

А надъ лѣсомъ темь великая,
Словно саванъ, опустилася,
Пронеслася вѣдьма дикая,
Съ неба звѣздочка скатилася...

Въ это время непроглядное
Лѣсомъ сумрачнымъ съ дубинкою
Ходитъ чудище громадное
Неизвѣданной тропинкою.

Бродитъ поступью удалою,
Съ перевалкою лѣнивою,
Машетъ, словно вѣткой малою,
Съ корнемъ вырванною ивою.

Горе конному и пѣшему,
Что по-лѣсу пробираются;
Попадутся въ лапы къ лѣшему —
Во всю ночь не отчураются...

V.

Подъ лохматыми бровями
Не глаза—огни горятъ,
Три сажени—межъ плечами,
Самъ огроменъ и косматъ...

А въ пучинѣ водъ глубокихъ
Безобразный и сѣдой,
Межъ наядъ зеленоокихъ,
Смотритъ «дѣдко-водяной»...

VI.

Но между ночными видѣньями
Я образъ одинъ узнаю:
«Она» водяными растеньями
Убрала головку свою,

«Она» звонкимъ смѣхомъ залилася
И сонный всполошила лѣсъ,
И звѣздочкой яркой скатилася
Къ ногамъ моимъ съ темныхъ небесъ!....

„Андронъ Голованъ."

Разсказъ изъ жизни въ лѣсахъ далекаго Востока.

Н. Н. Каразина.

(*Продолженіе.*)

XV.

Хорошо зажили обитатели максимовой избы, на новомъ, порѣшенномъ положеніи.

Андронъ скоро привыкъ звать батькою человѣка изъ лѣса; этотъ человѣкъ даже полюбился мальчику больше, чѣмъ его прежній батька; тотъ былъ грозенъ больно и суровъ, рѣдко отъ него на долю ребенка перепадало ласковое слово, а этотъ мягкій, обходительный, не крикнетъ даже на мальчугана никогда, а все съ ласкою обращается. Отецъ, покойникъ, правда, добычливъ былъ шибко на звѣря и птицу, и уже очень интересныя вещи про звѣрье разсказывалъ, этотъ тоже много хорошаго говоритъ, совсѣмъ новаго, страсть тоже занятнаго, хотя вовсе не похожаго на батькины максимовы розсказни.

Максимъ горькую воду пилъ, и это питье всегда сопровождалось большими непріятностями для ребенка, а этотъ не пьетъ горькой воды вовсе, а бутылку бережетъ на полкѣ, на всякій иной случай...

Мысленно не разъ Голованъ сравнивалъ своего прежняго батьку съ новымъ, и каждый разъ такое сравненіе не было особенно выгодно для покойнаго... и съ каждымъ днемъ совмѣстной жизни, ребенокъ все болѣе и болѣе привязывался къ человѣку изъ лѣса, вытѣсняя изъ своего сердца и памяти образъ батьки Максима, такъ, что этотъ образъ отошелъ уже на совсѣмъ отдаленный планъ, рисуясь въ представленіяхъ Голована, въ самыхъ неясныхъ чертахъ, вызывающихъ всегда болѣе непріятное, нежели пріятное воспоминаніе.

Скоро, еще скорѣе мальчика, привязался къ новому хозяину и Варнашка песъ, упорнѣе всѣхъ косился и обходилъ при встрѣчѣ бокомъ, ворчалъ и даже зубы скалилъ Мишка-медвѣженокъ, да и тотъ скоро покорился, особенно послѣ того разу, какъ человѣкъ изъ лѣса, нашелъ за оврагомъ, въ дуплѣ, улей дикихъ пчелъ, выцарапалъ оттуда сладкіе, сочные соты и принесъ эту находку въ избу... Правда, тутъ непріятность маленькая для всѣхъ случилась: за похитителемъ ворвался цѣлый рой раздраженныхъ покражею со взломомъ, крылатыхъ собственниковъ, и досталось же всѣмъ отъ нихъ: у кого носъ раздуло огурцемъ, у кого ухо вспухнуло, у Мишки такъ даже глаза закрылись на день. Насилу откурились осажденные, да за то послѣ великій праздникъ насталъ.

Новый батька оттопилъ соты въ котелкѣ, медъ густой, темный такой, особо слилъ, а ярко-желтый воскъ особо; говорилъ Головану, что изъ этого воска свѣчи будетъ дѣлать и, что отъ этихъ свѣчей свѣтло и не дымно, какъ отъ печки, будетъ у нихъ въ избѣ когда темныя, долгія ночи зимнія начнуться.

Заинтересовался мальчикъ, что такое за свѣчи, да такъ заинтересовался, что даже сталъ желать: «какъ бы это зима скорѣе приходила!»

Новый батька тоже ходилъ на охоту, всегда съ Голованомъ, только мало удачи было спачала. Понималъ Андронъ, что этотъ не ладно будто ведетъ промысловое дѣло, не такъ споро выходитъ у него все, какъ у стараго батьки. Ну, а потомъ дѣло пошло ладнѣе. Заходили тоже разъ сюда, уже передъ осенью, тотъ же дьяконъ Никаноръ со старикомъ Якимомъ Желѣзновымъ, долго говорили съ батькою, ночевали, съ разсвѣтомъ всѣ трое ушли и Варнашку взяли, Мишку съ Андрономъ дома оставили и цѣлую недѣлю въ лѣсу путались.

На пользу пошла новому батькѣ эта охотничья недѣля... Смѣтки-разуму было у него довольно, больше даже, чѣмъ надо на такое дѣло, а смѣлостью Богъ не обидѣлъ... Послѣ этой недѣли совсѣмъ наладилось промыслованіе...

Кромѣ мѣховой добычи, еще дѣло было затѣяно. Новый батько кедровые да сосновые пни рылъ по близости и въ кучу стаскивалъ, много возни было съ этою работою; тяжелые пни, иной такой крѣпкій, что и не расколешь его, цѣлый день съ топоромъ возившись, однако терпѣніе все одолѣвало. Кучи эти батька землею засыпалъ, дерномъ рѣзаннымъ обкладывалъ, желоба проводилъ изъ пвняка долбленаго, а потомъ подвалитъ съ одного конца сухолому разнаго, разведетъ огонь, страсть! въ десяти шагахъ стоять жарко, и дастъ этому огню прогорѣть хорошенько. Цѣлую недѣлю, а то и больше все дымитъ такая куча, такъ, полосою черный дымъ и стелется по лѣсу; по желобамъ черное, густое потечетъ, батька дегтемъ называлъ и собиралъ этотъ деготь въ бочепки пересѣки, да мало такихъ оказалось, батька самъ началъ долбить подходящую посудину.

Пчелъ дикихъ перевелъ въ яблоковую заросль и колоды долбленыя своего издѣлья имъ понаставлялъ, перегородокъ въ нихъ понадѣлалъ... послѣ у нихъ уже много меду было и воску накопилось столько, что съ залишкомъ на свѣчи хватало, а залишекъ этотъ продать, такъ можно, какъ батька говорилъ Андрону, новую гранчатку купить, со всѣмъ приборомъ.

Дивились мужики, какъ приходили, хотя и очень рѣдко повторялись такія посѣщенія, всѣмъ затѣямъ батькиннымъ, звать его досужливымъ начали; забирали деготь, захватывали меду, шкурье, все, что добыто, а въ избу провіанту подносили..

Батька голубей развелъ; они и прежде прилетали было на крышу, да немного, а теперь и селиться здѣсь гнѣздами стали, когда имъ нарочно отведена была для этого часть чердака. Шибко хотѣлось батькѣ куръ развести, какъ просилъ достать ему изъ села пару; обѣщали все, да что-то не достали должно быть.

Какъ начнетъ батька соображать да разсказывать, что онъ только еще собирается завести да устроить, такъ просто глаза разгорятся у Андрона; и сталъ онъ теперь уже много понятливѣй прежняго, уже онъ теперь зналъ не то только, что самъ глазами видѣлъ, да руками ощупывалъ, а многое даже такое, чего и не слыхалъ и не видалъ до этого, потому что, когда батька работаетъ, сынъ его, названный, все около него, а батька не молчитъ, у батьки и руки и языкъ въ ходу, все разсказываетъ, и толково такъ, ясно, не со злостью, да урывками, какъ покойный Максимъ.

Разсказовъ батькиныхъ даже большіе мужики и тѣ заслушивались бывало, такъ оно занятно выходило.

Сколотилъ батька большущую доску, выстрогалъ ее ладно да гладко, и поставилъ эту доску въ сѣняхъ, къ свѣту лицемъ..

— Это зачѣмъ, батька? полюбопытствовалъ Голованъ, размазывая пальцемъ свѣтлую смолу, что сочилась на свѣжей струганкѣ.

— А это великое дѣло будетъ, отвѣчалъ батька, гладя его по головѣ.—Это ты будешь грамотѣ учиться, а учатся для того, чтобы свѣту больше тебѣ было. Какъ выучишься, такъ самъ увидишь какая разница быть грамотнымъ, или быть человѣкомъ темнымъ...

— И Мишка учиться будетъ? спрашивалъ, заинтересовавшійся ребенокъ, не спуская теперь глазъ съ доски.

— Коли поймётъ, пусть и Мишка учится, засмѣялся батька...

Время стояло такое, что не до ученья грамотѣ дѣло было, батька отложилъ это ученіе до зимы. Изо дня въ день шла покойная духомъ, рабочая жизнь... Батька веселый сталъ, меньше и меньше задумывался уже, какъ прежде бывало, въ мальчикѣ подросточкѣ души не чаялъ, да и какже иначе! въ этомъ ребенкѣ, Богомъ ему ниспосланнымъ, сосредоточилась вся его жизнь, онъ теперь составлялъ цѣль этой жизни — онъ воскресилъ ее...

Лѣсъ, дремучій, безконечный лѣсъ охватилъ его со всѣхъ сторонъ и отрѣзалъ его отъ всего остальнаго міра, но кромѣ лѣса стояла между нимъ и этимъ міромъ, еще другая преграда, не сокрушимая, не перелазная, хотя и невидимая простымъ глазомъ.

Онъ умеръ для того міра, а здѣсь, въ этомъ новомъ міру, судьба послала ему вновь и новую жизнь, и новые привязанности.

Человѣкъ изъ лѣса мечталъ, что онъ можетъ и долженъ сдѣлать изъ этой чистой, первобытной, цѣльной натуры, каковъ былъ сынъ покойнаго дяди Максима, онъ увлекался въ своихъ мечтахъ даже за предѣлы возможнаго... Когда онъ говорилъ что нибудь ребенку, онъ не сводилъ съ него глазъ и съ жадностью ловилъ на его лицѣ каждую черту, сколько нибудь выражавшую, что ребенокъ его понимаетъ ясно, когда этого не удавалось, когда онъ убѣждался, что его слова не были поняты, онъ долго обдумывалъ и взвѣшивалъ свои собственные способы выраженій, искалъ въ нихъ причину непонятности, но ни какъ не въ недостаткѣ способностей мальчика, мучился, страдалъ и все-таки, послѣ долгихъ, терпѣливыхъ усилій, добивался таки того, что требовалось.

А время шло своимъ чередомъ.

Мишка въ холѣ, да на привольныхъ кормахъ подросъ, всѣхъ своихъ лѣсныхъ собратій перегналъ ростомъ, просто звѣремъ большимъ сталъ выглядывать, былъ бы при маткѣ давно бы братишекъ своихъ малыхъ пѣстовалъ... Самъ темнобурый, къ спинѣ и темени совсѣмъ черный, на лбу звѣздочка бѣлая, на груди тоже бѣлая проталина, изъ самыхъ, что ни на-есть свирѣпыхъ долженъ былъ быть по этимъ примѣтамъ, его даже мужики большіе, когда приходили, поопасывались, да привыкъ онъ къ духу и виду человѣческому, сдружился съ людьми и звѣрь былъ ласковый, даже услужливый, а къ тому же великій забавникъ, какъ примется кувыркаться, да меду просить у большака, такъ просто всѣ за животы хватаются отъ смѣха, на его продѣлки глядючи.

И Варнашка большимъ псомъ сталъ, степеннымъ сторожемъ и настоящимъ помощникомъ въ промысловомъ дѣлѣ, пересталъ зря, по глупости, брехать на вѣтеръ, когда и подастъ голосъ, такъ съ толкомъ. Съ медвѣдемъ въ большой дружбѣ состоялъ по прежнему, а спалъ врозь: медвѣдь въ сѣняхъ, а песъ всегда на дворѣ, у порога.

Андронъ Голованъ тоже выровнялся ростомъ, головою уже по поясъ хваталъ батькѣ и силы понабрался не по лѣтамъ, другому и взрослому не поднять то, что мальчикъ, шутя, взваливалъ себѣ на спину. Шустрый сталъ мальчуганъ, понятливый, на все способный, только намекни ему, а онъ уже и сообразилъ, словно за старое, давно знакомое дѣло принимается.

Пришло время грамотѣ учиться, такъ сразу сталъ перенимать эту науку у батьки; что онъ начертитъ углемъ на доскѣ запомнитъ и самъ чертить тоже примется. Въ мѣсяцъ работы уже цѣлыя фразы на доскѣ писанныя разбиралъ и самъ слова складывалъ...

Разъ Никаноръ-дьяконъ, заставъ пашихъ за такою работою, упрекнулъ было батьку:

— Ты чтожь это, человѣче, сказалъ онъ,— гражданской грамотѣ его обучаешь, а не съ часослова началъ?

— Доберемся и до этого, отмолвился только батька,—всему свое время...

И замялъ сейчасъ разговоръ, перейдя на то, какъ надо будетъ на выдру ловушки ставить, потому они на лѣсныхъ озерахъ мѣсто такое отыскали, что непремѣнно выдра водиться должна, какъ примѣты показываютъ.

Осень пришла. Пожелтѣлъ листъ на деревьяхъ, опадать сталъ, еще чернѣе выдѣлялись кедры и сосны на этомъ желто-красномъ фонѣ лѣса. Натрясли цѣлый уголъ въ сѣняхъ дикихъ яблокъ, насушили грибовъ, наготовили на зиму; этими мелочами покойный Максимъ никогда, бывало, не занимался, бабствомъ непутевымъ называлъ, топлива наготовили, гора горою, выше избы самой и сложили эту гору теперь на иномъ мѣстѣ, болѣе удобномъ, какъ разъ съ сквозной стороны, чтобы дрова дровами, а и отъ вѣтру тоже была защита. Щели, какія только свѣтились въ срубѣ, всѣ тщательно законопатили, завалину землею обвалили, плетень вычинили, а гдѣ и новый заборъ сдѣлали.

Устроилъ тоже батька сани большія, хоть и легкія на ходу, это, говоритъ, Мишка таскать будетъ; мы его пріучимъ, вотъ какъ снѣгъ выпадетъ. Уже и шлею на медвѣжью шею изготовилъ, все какъ слѣдуетъ сладилъ.

Задумывался онъ только надъ тѣмъ, что изба тѣсновата какъ будто, а какъ ея пораздвинешь, да и темно въ избѣ, окно-то больно мало. Ну, да, Богъ дастъ, перезимуемъ, а тамъ у него планы были такіе, чтобы упросить мужиковъ подсобить на общественное дѣло и съобща выстроить избу большую, свѣтлую, на двѣ половины и непремѣнно чтобы съ банею.

Разъ долго что-то не навѣдывались пріятели изъ села, а надо было. Послалъ батька Голована. Помня уговоръ самому на село не соваться, проводилъ его до опушки, даже на гору поднялся и оттуда все слѣдилъ глазами за ребенкомъ.

Сколько онъ мучился, сколько перенесъ, пока тотъ не вернулся; все ему худое мерещилось, все ему казалось, что вотъ ушелъ туда мальчуганъ и только онъ его и видѣлъ, что уже болѣе его Андронъ къ нему не вернется. Пройди еще послѣднее ожиданіе и батька не вытерпѣлъ-бы, онъ самъ пустился бы на поиски за сыномъ и какъ разъ влопался бы въ бѣду, пожалуй, потому что, въ эту именно пору, прибыли на село два чужихъ чиновала:—урядникъ казачій съ казеннаго этапу и мѣщанинъ одинъ нерчинскій, что иногда навѣдывался въ село Чумленое, соболей скупать, и тѣмъ отъ прочихъ торгашей-скупщиковъ отличался, что отъ никакого товару другого, кромѣ соболей ему не требовалось. Захватитъ сколько есть, двѣ-ли штуки, три-ли, хоть одну, и ѣдетъ себѣ назадъ, на своей саврасой кобылѣ.

И разсказывали эти два заѣзжихъ человѣка, что въ Нерчинскѣ, одного, года два тому назадъ, бѣглаго розыскиваютъ, примѣты разосланы повсюду и награды обѣщано пять сотенныхъ бумажекъ тому, кто либо самого розыскиваемаго доставитъ, либо укажетъ начальству мѣсто его жительства.

Ермилъ Сытый, Никаноръ-дьяконъ бывшій, дядя Иванъ, Якимъ Желѣзновъ старый, всѣ прочіе мужики даже и глазомъ не моргнули, слыша такія рѣчи, только Пашка цѣловальникъ, словно возрился въ говорящаго и про себя въ бороду промолвилъ:

— Пять сотенныхъ деньги, за нихъ можно бы постараться, да гдѣ ты его отыщешь, этого бѣглаго острожника, мало ли въ побѣгахъ кажинный годъ гибнетъ. Полтора года сказываютъ прошло, что-ли?... переспросилъ онъ уже громко.

Рисунокъ В. ЛОСЯ.

Малороссійская перевозчица.

Рѣзалъ на деревѣ Б. Пуцъ.

— Можетъ, и больше немного, отвѣчалъ казачій урядникъ.—Я самъ бумаги не видалъ, а сказывали въ этапной канцеляріи.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Судебная ошибка.

Романъ Ф. Буагобей. Переводъ С. И. Воскресенской.

(*Продолженіе.*)

Глава VII.

Согласно заранѣе начертанной программѣ, Пьедушъ вышелъ изъ Савиньи поутру, не особенно рано и направился по дорогѣ, которая вела прямо къ слiянiю Иветы съ Оржею. Вставъ съ зарею, онъ обошелъ снова рѣшительно всѣ дома въ Савиньи. По окончаніи этой дополнительной рекогносцировки, не осталось ни одной служанки, которая не вымела бы сора изъ избы передъ любезникомъ Паладрю. Онъ просвѣтился на столько, что могъ бы написать скандалезную хронику всѣхъ мѣстныхъ жителей. Какъ известно, прислуга, мелочные лавочники, булочники и мясники, — это шпіоны, ниспосланные обывателю самою природой, противъ которыхъ ни наука, ни опытъ не открыли еще никакихъ средствъ. Пьедушъ эксплуатировалъ удачно такое положеніе вещей, и послѣ своего успѣха въ Савиньи, надѣялся разузнать многое и въ его окрестностяхъ. Тюкъ, который онъ несъ за плечами, долженъ былъ открыть ему доступъ во всѣ фермы и поселки. Поселяне, вообще недовѣрчивые къ буржуазіи, не хоронятся отъ разнощиковъ, избавляющихъ ихъ отъ необходимости ходить вдаль за мелочью и притомъ доставляющихъ имъ невинное развлеченіе выставкою своего незатѣйливаго продажнаго скарба. Это послѣднее условіе дѣйствуетъ особенно обаятельно на прекрасный полъ. Нѣтъ ни одной фермерши, мельничихи, поселянки, которая осталась бы нечувствительною къ соблазнительнымъ ситцамъ, платочкамъ, бусамъ и всѣмъ другимъ обворожительнымъ предметамъ, заключеннымъ въ тюкѣ, тщательно закрытомъ клеенкой... И если разнощикъ не совершенно простъ, ему очень не трудно заставить болтать красавицъ, созерцающихъ всѣ эти диковинки. Пьедушъ принадлежалъ къ числу ловкихъ продавцевъ, но онъ превосходилъ ихъ всѣхъ тѣмъ, что отдавалъ свой товаръ дѣйствительно въ убытокъ себѣ; онъ могъ, поэтому, смѣло разсчитывать на полноту излiяній своихъ покупательницъ.

Онъ не ошибся въ разсчетахъ: его принимали вездѣ охотно, тѣмъ болѣе, что, на его счастье, разнощики стали рѣдко посѣщать эту мѣстность, послѣ ея сближенія съ Парижемъ посредствомъ желѣзной дороги. Привѣтливость и уступчивость Паладрю довершили остальное. Поселянки всѣхъ возрастовъ довѣрчиво болтали съ угодливымъ разнощикомъ, и лишь въ одномъ отношеніи выказывали большую сдержанность: едва только онъ заводилъ вскользь рѣчь о мельницѣ на Иветѣ, всѣ умолкали и только многозначительно покачивали головами. Пьедушъ заключилъ изъ этого, что мельники внушаютъ жителямъ какой-то загадочный страхъ. Это укрѣпило его еще болѣе въ намѣреніи изучить хорошенько характеръ и обстановку таинственныхъ обитателей бездѣйствующей мельницы.

Дойдя благополучно до моста на Иветѣ, онъ окинулъ взглядомъ окрестность и увидѣлъ вдалекѣ замокъ, уже обратившій на себя вниманіе Лекока. Ближе стояла постройка, занятая англичаниномъ.

«Этими двумя жильями займется самъ старикъ, подумалъ Пьедушъ, перебираясь по мосту на правый берегъ рѣчки.—Мое дѣло—мельница».

Едва окончилъ онъ свою думу, какъ замеръ на мѣстѣ отъ удивленія: онъ увидѣлъ Лекока, бесѣдовавшаго съ какимъ-то жандармомъ. Это зрѣлище повергло Пьедуша въ законное безпокойство. Вмѣшательство властей въ дѣла Лекока въ подобную минуту могло окончательно испортить все предпріятіе... Впрочемъ, старикъ казался спокойнымъ и пошелъ, благодушно разговаривая съ своимъ спутникомъ. Въ то же время онъ помахивалъ какъ-то особенно рукою, которую держалъ за спиной, и Пьедушъ принялъ этотъ знакъ за приглашеніе быть осторожнымъ. Это заставило его успокоиться и продолжать свой путь къ мельницѣ, какъ бы не замѣтивъ ничего.

Дверь въ нижнее помѣщеніе была отворена настежь. Пьедушъ вошелъ и увидѣлъ нѣсколько валявшихся жерноговъ, мѣшковъ, веревокъ. Въ углу стояли двѣ скамьи; лѣстница, прислоненная къ стѣнѣ, уходила своею верхнею оконечностью въ отверстіе, продѣланное въ потолкѣ. Въ полу было нѣсколько подъемныхъ дверей, запертыхъ, но ясно обозначенныхъ между досками. Оконъ не было: все помѣщеніе освѣщалось только входною дверью и отверстіемъ въ потолкѣ. Людей не показывалось и Пьедушъ могъ бы воспользоваться случаемъ для болѣе подробныхъ наблюденій... но онъ зналъ, что и необитаемыя зданія обладаютъ невидимыми глазами, которые слѣдятъ за каждымъ движеніемъ гостя, и потому рѣшился дѣйствовать осторожно. Онъ прислонился къ одному жернову, подражая носильщикамъ, которые временно облегчаютъ себя, поставя свою ношу на какой-нибудь выступъ. Потомъ онъ принялся стучать палкою въ полъ, чтобы дать знать о своемъ присутствіи.

При этомъ звукѣ, изъ отверстія въ потолкѣ выглянула старая женщина, а одна изъ подъемныхъ дверей въ полу приподнялась, пропуская мужскую голову, но Пьедушъ, смотрѣвшій вверхъ, не замѣтилъ этой послѣдней.

— Хозяюшка, крикнулъ онъ, — не угодно ли товарцу? Есть преотличнѣйшій... Не откажите съ почину!

Женщина прорычала что то въ отвѣтъ и скрылась. Голова въ полу опустилась тоже, по прежнему незамѣченная Пьедушемъ. Въ ту же минуту, кто-то скользнулъ внизъ по лѣстницѣ съ быстротою кошки, и передъ изумленнымъ разнощикомъ выпрямилась таже женщина, долговязая, сухая, съ морщинистымъ лицомъ, впалыми глазами, длинными, какъ у старой лошади, зубами и полусѣдою всклокоченной головой.

— Что вамъ требуется? проговорила эта колдунья хриплымъ голосомъ.

— Какъ изволите видѣть, продаю разныя разности. Дешевыя матеріи, платочки...

— Здѣсь вамъ не мѣсто. Я этого тряпья не употребляю!.. Убирайтесь по-добру, по-здорову!

— Ну, ну, не сердитесь, сказалъ Пьедушъ мягкимъ голосомъ.—Я продаю дешево, можно даже сказать задаромъ, но насильно моего товара никому не навязываю... Я зашелъ къ вамъ болѣе потому, что хотѣлъ отдохнуть... башмаки жмутъ такъ, что страсть!.. Да и пить до смерти хочется... Нельзя-ли мнѣ получить глоточекъ вина, да полежать у васъ часокъ, другой...

— Здѣсь не постоялый дворъ, проворчала старуха.

— Знаю, хозяюшка, знаю, но это не причина для того, чтобы отказывать человѣку, который готовъ хорошо заплатить...

— Много у васъ денегъ-то, видно? продолжала мельничиха, окидывая Пьедуша, съ головы до ногъ, недовѣрчивымъ взглядомъ.

— Что Бога гнѣвить... зима была не плоха. Положилъ я въ кубышку тысячи четыре франковъ... и если и лѣтомъ такъ пойдетъ, то наберу капиталецъ для покупки землицы, на которую давно зорю глаза... Больно уже хороша... рядомъ съ моею... Я изъ Буръ-Уазана, въ Дофинѣ. Только и не даромъ же досталася мнѣ этотъ клочекъ... Вотъ пятнадцать лѣтъ, какъ я всю Францію, изъ конца въ конецъ, пѣшимъ образомъ исколесываю... Сегодня утромъ былъ въ Палезо и хотѣлъ пройти до Монлера или хотя до Сенъ-Мишеля, да надули, проклятые, съ этими башмаками на ярмаркѣ въ Со! Купилъ дешево, за то всѣ ноги себѣ искалечилъ... Вотъ почему я и рѣшился къ вамъ заглянуть... Если не продамъ ничего, думалось мнѣ, все же хотя передохну... Винца выпью... Не сдерутъ здѣсь, какъ въ кабакѣ...

— У меня вино только разлитое въ бутылкахъ; дешевле тридцати су нѣтъ.

— Не дешево, хозяюшка, но нечего дѣлать... если винцо хорошо, то можно раскошелиться...

Говоря это, Пьедушъ вытащилъ изъ кармана большой кожаный мѣшокъ и высыпалъ изъ него пригоршню монетъ.

— Извольте получить напередъ, сказалъ онъ, подавая старухѣ пятифранковикъ. Онъ догадывался, что она хочетъ удостовѣриться въ его состоятельности, прежде чѣмъ подастъ ему вина. Видъ серебра произвелъ свое дѣйствіе. Глаза старухи сверкнули, она схватила монету своими крючковатыми пальцами и быстро опустила ее въ карманъ.

— Если вы позволите переночевать у васъ и накормите ужиномъ, то я у васъ сдачи не попрошу, продолжалъ Пьедушъ.

— Мужа моего дома нѣтъ, проворчала она.— Какъ онъ скажетъ... Обождите, пока онъ воротится... Муку повезъ тутъ не подалеку... А пока можете распить бутылку и отдохнуть... Жако! крикнула она, стукнувъ ногою о полъ. — Подай сюда бутылку вина... изъ закупоренныхъ! Поворачивайся живѣе!

Дверь въ полу поднялась и изъ нея вылѣзъ Жако съ бутылкой въ рукахъ.

— А у кого вы останавливались въ Палезо? спросила старуха, вытаскивая пробку ножницами, висѣвшими у нея на передникѣ.—Я спрашиваю у васъ это потому, что одинъ нашъ родственникъ содержитъ тамъ постоялый дворъ.

— Ночевалъ я въ такой гостинницѣ, у которой вывѣски нѣтъ! отвѣчалъ Пьедушъ, смѣясь.— По-просту говоря, на чистомъ воздухѣ, въ какомъ-то гумнѣ... Оно дешевле выходитъ... Я всегда такъ,—и паспорта показывать не требуется.

— И никто не знаетъ, куда вы пошли?

— Не имѣю привычки разсказывать... Знаете, если бы нашъ мэръ вздумалъ потомъ, когда я ворочусь на родину, разузнать: гдѣ это Паладрю странствовалъ, какія мѣста посѣщалъ? Мудрено бы ему было собрать справки, потому что я никогда въ настоящихъ городахъ или селахъ не останавливаюсь... Все въ сторонѣ... Оно экономнѣе, хозяюшка, не такъ-ли?

Пьедушъ имѣлъ свои причины лгать, а у старухи были тоже, конечно, свой поводъ разспрашивать его такъ настойчиво. Его отвѣтъ доставилъ ей видимое удовольствіе. Она перестала хмуриться и сказала довольно привѣтливо:

— Берите, милый мой, съ собою бутылочку и докончите ее на травѣ... Тамъ, внизъ по рѣкѣ, найдете отличное мѣстечко, подъ ивами, чтобы уснуть. А когда Шофайль, мой мужъ, воротится, Жако сходитъ за вами. Тюкъ свой можете оставить здѣсь.

— Ладно, тетушка Шофайль. Винцо ваше недурно. За ваше здоровье... и до свиданія!

Пьедушъ вышелъ съ этими словами и направился къ указанному мѣсту. Проходя черезъ мостъ, онъ оглянулъ мельницу попристальнѣе и замѣтилъ въ стѣнѣ жилого строенія длинное и узкое отверстіе, находившееся приблизительно на высотѣ оси колесъ... По всей вѣроятности, оно должно было покрываться водою, когда ее спускали въ каналъ, отдѣлявшійся стѣнкою отъ рѣки. Пьедушъ запомнилъ все это, на случай, но побоялся продолжать открыто свои наблюде-

нія. Онъ пошелъ скорѣе къ ивамъ, о которыхъ говорила старуха Шофайль, растянулся на травѣ подъ ихъ раскидистыми вѣтвями и закурилъ трубку. Мѣсто было самое удобное для отдыха и мечтаній, но Пьедушъ, если и отдыхалъ, то пустыми грезами не занимался, а употреблялъ всегда время съ пользою. Такъ было и теперь. Онъ устремилъ свои глаза, сквозь зелень, на мельницу и увидалъ нѣчто неожиданное: изъ слухового окна, продѣланнаго на самомъ верху крыши, смотрѣлъ какой-то человѣкъ, но не Жако, потому что тотъ былъ довольно худощавъ, а этотъ казался массивнымъ и туловище его наполняло собою всю ширину окна. Этотъ человѣкъ смотрѣлъ въ подзорную трубу на Секины.

— Это Шофайль, мужъ мельничихи, рѣшилъ Пьедушъ.—Зачѣмъ же эта мошенница соврала; говоря, что его нѣтъ дома?.. И что разсматривалъ этотъ загадочный человѣкъ? Надо разузнать.

Онъ повернулся тихонько на другой бокъ и увидалъ, за сліяніемъ двухъ рѣчекъ, большую луговину, поднимавшуюся косогоромъ къ деревушкѣ Морсанъ, вправо отъ которой стоялъ замокъ, замѣченный Лекокомъ и прислонявшійся къ лѣсу. На лугу не было ни стада, ни людей... На кого же была устремлена подзорная труба съ мельницы? Пьедушъ, обладавшій отличнымъ зрѣніемъ, не замѣтилъ ничего особеннаго въ деревушкѣ. Оставался замокъ. На немъ развѣвался большой бѣлый флагъ. Онъ могъ просто свидѣтельствовать о присутствіи домохозяина, но могъ тоже быть и сигналомъ. Пьедушъ склонялся къ послѣднему предположенію, и оно какъ бы подтвердилось, потому что флагъ скоро опустился и исчезъ. Быстро оборотясь опять къ мельницѣ, Пьедушъ успѣлъ замѣтить, что толстякъ въ слуховомъ окнѣ прячетъ, одновременно съ своею подзорною трубкою, какой-то красный лоскутъ, привязанный къ длинной жерди.

Сомнѣваться было нельзя: между мельницею и замкомъ происходилъ обмѣнъ воздушныхъ сигналовъ. Пьедушъ, успѣвшій подсмотрѣть это тайное сообщеніе, былъ внѣ себя отъ восторга. Онъ еще не зналъ, какую практическую пользу принесетъ это открытіе, но основывалъ на немъ большія надежды. Въ настоящую минуту, слѣдовало только обмануть бдительность мельниковъ, можетъ быть, тоже наблюдавшихъ за своимъ гостемъ. Всего лучше было притвориться спящимъ до прихода Жако. Пьедушъ такъ и сдѣлалъ; онъ закрылъ глаза и вытянулся во всю длину... Но, отъ усталости-ли, или отъ вина, только онъ незамѣтно погрузился въ настоящій, глубокій сонъ... Когда онъ проснулся, уже стемнѣло. Жако, очевидно, не приходилъ его будить. Что это значило? Въ деревняхъ ужинаютъ рано, стараясь обходиться безъ искуственнаго освѣщенія. Но на этой мельницѣ все было не такъ, какъ у людей... Пьедушъ поспѣшно вскочилъ, не желая сердить угрюмой хозяйки.

— Извините меня, тетушка Шофайль, сказалъ онъ, входя на мельницу.—Заспался я... Неужели вы меня ждали съ ужиномъ?..

— Ну ужь нѣтъ, извините! отвѣчала старуха. — Супъ выхлебали мы весь, ничего не осталось. Хотите кусокъ хлѣба съ саломъ, берите. Болѣе ничего нѣтъ.

— Если прибавите къ этому еще бутылку винца, то съ меня и довольно, отвѣчалъ Пьедушъ.—А гдѣ же вашъ мужъ?

— Не воротился. Вѣроятно, остался на ночь въ Корбейлѣ. Все равно, можете переночевать здѣсь... Вотъ, на мѣшкахъ... мягко будетъ, что твое сѣно.

— Спасибо, хозяюшка, будетъ преотлично. Я выйду немного покурить, чтобы не надымить здѣсь, а потомъ и залягу.

— Смотрите, не запоздайте. Черезъ полчаса, запру дверь на засовъ, и тогда кто не воротился, пусть и спитъ на дворѣ.

— Будьте покойны, не загуляюсь.

Выйдя на крыльцо, Пьедушъ прошелся по двору и потомъ спустился къ рѣкѣ. Въ ту минуту, какъ онъ поровнялся съ мостикомъ, ему послышалось какое-то тихое пѣніе. Онъ остановился, пораженный этими звуками. Голосъ былъ тихій и доносился, какъ бы изъ подземелья... Чѣмъ болѣе прислушивался Пьедушъ, тѣмъ знакомѣе казалась ему мелодія, напоминавшая тѣ несложныя пѣсни, которыми сопровождаются нѣкоторыя дѣтскія игры. Но прежде чѣмъ Пьеушъ успѣлъ выяснить свое впечатлѣніе, пѣніе смолкло и все погрузилось въ прежнее безмолвіе.

«Что за притча? подумалъ онъ. Очевидно, это поетъ не Жако и не эта колдунья. Или мнѣ просто начинаетъ чудиться въ этомъ проклятомъ мѣстѣ? Да и продрогъ я не на шутку... Сырость съ рѣки поднимается. Еще воспаленіе въ груди схватишь. Лучше воротиться».

Онъ пошелъ къ мельницѣ, но снова остановился, завидя на противоположномъ берегу бѣлую фигуру, медлено подвигавшуюся впередъ.

«Ну, то слышалось, а теперь мерещиться начинаетъ! подумалъ онъ. Настоящее привидѣніе, какъ быть должно: футовъ въ шесть ростомъ, въ бѣлой хламидѣ и движется, какъ бы не переставляя ногъ. Хорошо, что я не суевѣренъ и догадываюсь, что умные люди рядятся въ такой обликъ, чтобы отводить глаза глупымъ поселянамъ. Придумано удачно. Всякій можетъ смѣло сказать, что видѣлъ призракъ у рѣки. А хотѣлось бы мнѣ его нагнать и стянуть съ него простыню, да времени нѣтъ; эта колдунья, поди, ночевать не впуститъ. Ее-то, вмѣстѣ съ ея мужемъ и Жако, я не боюсь; у меня съ собою шести-ствольный револьверъ и ножъ въ видѣ кинжала. Одно только нехорошо: голова что-то отяжелѣла, отъ вина-ли, или я лихорадку схватилъ, лежа въ этой травѣ. Пройдетъ, какъ согрѣюсь».

— Нечего сказать, хорошъ! Шляется себѣ, не думая о томъ, что добрымъ людямъ пора спать! крикнула на него старуха, когда онъ вошелъ на мельницу. — Стоило бы передъ вами ворота запереть!

— Запирайте крѣпче, хозяюшка! А то тамъ привидѣнія таскаются, шутливо возразилъ Пьедушъ.

— Привидѣнія? полно глупости врать, проворчала она.— Ложись-ка лучше, вотъ здѣсь.

Она указала ему на груду мѣшковъ у перегородки, а сама полѣзла по лѣстницѣ на чердакъ и захлопнула за собою верхнее окно, такъ что Пьедушъ очутился въ совершенной темнотѣ. Не смотря на это, онъ рѣшился не закрывать глазъ, предчувствуя, что эту ночь должно случиться что то особенное. Но голова у него отяжелѣла еще болѣе и ощущеніе это замѣтно усиливалось съ тѣхъ поръ, какъ онъ растянулся на своей новой постели. Кровь такъ и приливала ему къ вискамъ. Сверхъ того, онъ испытывалъ шумъ въ ушахъ, жженіе въ глазахъ и какую-то общую болѣзненность во всѣхъ членахъ. Ему случалось не разъ выпивать лишнее, но то, что онъ чувствовалъ теперь, вовсе не походило на обыкновенныя послѣдствія выпивки. Онъ попытался приподняться, чтобы сѣсть, но не былъ въ силахъ это сдѣлать и снова упалъ на свое изголовье. Съ нимъ происходило что-то очень странное. Передъ глазами вспыхивали огни, голова какъ бы надувалась и готовилась лопнуть. И къ этимъ болѣзненнымъ физическимъ ощущеніямъ, прибавлялось и непонятное умственное затмѣніе. Память и соображеніе быстро ослабѣвали; Пьедушъ сознавалъ это, но не могъ удержать связи между самыми обыкновенными представленіями. Лекокъ, его сынъ Люп, Пигашъ, Толбіакъ набобъ Джаферъ, Гольцъ, старая мельничиха, Камбремеръ, ложа въ оперѣ, станція орлеанской желѣзной дороги, все это проходило передъ нимъ въ одной общей путаницѣ, и разсудокъ его могъ только замѣчать нелѣпость подобной амальгамы, но не былъ уже въ состояніи обособлять каждое появленіе. Несчастный терялъ сознаніе времени и пространства, и только съ какимъ-то инстинктивнымъ любопытствомъ присматривался къ лучу свѣта, внезапно пробившемуся сквозь щель въ перегородкѣ... За этой перегородкой,—такъ чудилось, по крайней мѣрѣ, Пьедушу,—сидѣли мельничиха и мужчина исполинскаго роста. Передъ ними стоялъ штофъ съ водкою; они пили и бесѣдовали. Казалось-ли то Пьедушу въ бреду, или онъ слышалъ дѣйствительно? но въ его ушахъ раздавались слова:

— Что же «Красный» такъ замѣшкался? говорилъ мужчина сердито.—Цѣлую ночь ждать его, что-ли?

— Еще не поздно, отвѣчала женщина,—и опять то подумай: выѣхать ему засвѣтло изъ Парижа нельзя, да нужно добрыхъ два часа для того, чтобы сюда на коняхъ прикатить...

— А если онъ опять срѣжется, какъ въ прошлый разъ? Плохъ онъ, надо правду сказать... Щелкоперъ, вотъ и все!

— Не ругайся... Кто же намъ хлѣбъ дастъ, какъ не онъ?

— Дастъ... да только съ нимъ и на гильотину угодить можно. Все дурацкія хитрости какія-то. Къ чему держать здѣсь этихъ цацъ, которыя ему мѣшаютъ? Нельзя имъ просто шею свернуть?

— Ну, потерпи, сегодня покончимъ съ ними.

— Покончимъ... еще тащить ихъ на рельсы велитъ. Для чего, спрашиваю?

— Къ тому, чтобы ихъ будто бы машиной раздавило. Нешто не понимаешь?

— Хорошо, если все такъ съ рукъ сойдетъ...

— Слушай, я что придумала. Когда все кончится, мы мельницу подпалимъ, а сами тягу.

— Это ладно. Чего тутъ сидѣть. Я этому «Красному» не очень-то довѣряю. Доведетъ насъ до бѣды, а самъ сухъ изъ воды выйдетъ.

— И очень уже онъ виляетъ. То одно велитъ, то другое. Приказалъ Жако яму вырыть въ каналѣ, а теперь говоритъ: не понадобится. Нѣтъ, все же она пригодится...

— Къ чему?

— А мы зароемъ туда разнощика...

— Стоитъ-ли о него руки марать?

— Стоитъ, муженекъ, стоитъ! Съ нимъ денегъ много; ну, и товаръ. Я уже распорядилась. Подсыпала ему зелья въ вино. Выкупаемъ его съ другими, а завтра, когда Красный повезетъ свою мертвечину на рельсы, мы высушимъ каналъ, зароемъ молодца въ яму и спустимъ опять воду... Хитры будутъ тѣ, которые отыщутъ его! Ну, налей-ка мнѣ еще чарочку. Чу! слышишь-ли? Трубятъ въ рогъ. Это Красный... Надо кувырнуть разнощичка.

Пьедушъ хотѣлъ сдѣлать движеніе, но не могъ. Въ ту же минуту, старуха протянула руку, сдвинула какой-то крюкъ, полъ дрогнулъ и Пьедушъ полетѣлъ въ пропасть.

Онъ смутно почувствовалъ самое паденіе, затѣмъ сильное сотрясеніе и ударъ... Что было послѣ, онъ не зналъ... Когда онъ снова очнулся, то ощупалъ вокругъ себя что-то мягкое, рыхлое... оказалось, что это была груда песка. Онъ всталъ, отряхнулся, отхаркался и мало-по-малу пришелъ въ себя. Паденіе послужило ему въ пользу, вышибя странный хмѣль изъ его головы. Онъ понималъ теперь все: старуха напоила его какимъ-то дурманомъ и приготовила ему западню. Чего слѣдовало ожидать еще? Смерти, конечно. Но Пьедушъ рѣшился дорого продать свою жизнь.

— Они думаютъ, что я сломалъ себѣ шею, разсуждалъ онъ,—или, если я живъ, то уже таковъ, что меня легко доканать. Ладно, покажу я имъ... Револьверъ и ножъ при мнѣ... Положу еще одного или двухъ изъ нихъ на мѣстѣ, прежде чѣмъ растянусь самъ. Но это что за звуки?

Ему слышался легкій шорохъ; потомъ раздался вздохъ, и вслѣдъ за тѣмъ, тихій, дѣтскій голосокъ запѣлъ ту самую наивную пѣсенку, припѣвъ которой слышался уже Пьедушу во время его прогулки:

«Приходите на лужокъ,
Собирайтеся въ кружокъ...
Будемъ пѣть и плясать,
Лѣтній день коротать...»

Пьедушъ не могъ придти въ себя отъ изумленія. Гдѣ слышалъ онъ уже прежде эту дѣтскую пѣсню? «Лѣтній день коротать», повторилъ, между тѣмъ, голосокъ, и въ памяти Пьедуша внезапно воскресла сцена въ Ботаническомъ саду. «Марта пѣла эту пѣсню, играя съ своими подругами, пока я сидѣлъ съ ея отцемъ. Помню теперь, помню, твердилъ онъ себѣ. Неужели она здѣсь? Надо удостовѣриться».

Не смотря на всю опасность, которой онъ могъ подвергнуться, обративъ на себя вниманіе злодѣевъ, бросившихъ его въ это подземелье, онъ вынулъ изъ кармана спички и зажегъ маленькій огарокъ. Дѣвочка между тѣмъ смолкла, вѣроятно, испугавшись заслышаннаго ею движенія. Едва только слабый свѣтъ свѣчи озарилъ темное пространство, изъ угла раздался глухой крикъ и Пьедушъ увидалъ Марту. Она сидѣла на голой землѣ, вся собравшись въ комочекъ и смотрѣла съ ужасомъ на человѣка, появившагося передъ нею такъ неожиданно. Было очевидно, что она принимаетъ его за одного изъ своихъ губителей.

— Папа, папа, не отдавай меня. Папа, гдѣ ты? слабо вскрикнула она, видя, что незнакомецъ идетъ къ ней.

— Не бойся, малютка, торопливо шепнулъ ей Пьедушъ.—Я тебѣ ничего худого не сдѣлаю. Я другъ твоего отца.

— Вы? проговорила она въ недоумѣніи.

— Да. Развѣ ты не помнишь меня? Я гулялъ съ вами въ Ботаническомъ саду, когда еще старуха хотѣла тебя увести.

Марта снова вскрикнула отъ радости и хотѣла броситься на шею своему избавителю, но подъемная дверь надъ ихъ головами заскрипѣла на своихъ петляхъ.

— Тише! шепнулъ чуть слышно Пьедушъ.— Притворись, что спишь, а я изъ себя мертваго представлю.

Онъ погасилъ свѣчу и кинулся поспѣшно ничкомъ на землю. Въ тоже мгновеніе подъемная дверь отворилась и изъ нея спустился на веревкѣ фонарь, который сталъ перемѣщаться съ мѣста на мѣсто, освѣщая всю внутренность подземелья. Тѣ, которые держали этотъ фонарь за веревку, должны были остаться довольны своимъ наблюденіемъ: Пьедушъ лежалъ, какъ пластъ, лицомъ къ землѣ, раскинувъ широко руки и изогнувъ ноги, подобно человѣку, убившемуся при своемъ паденіи. Марта, уткнувшись головою въ стѣну, неподвижная, съ закрытыми глазами, казалась при своемъ послѣднемъ издыханіи.

— Оба готовы, произнесъ кто-то сверху насмѣшливо.—Посылайте имъ въ компанію и эту!

Пьедушъ полуоткрылъ одинъ глазъ и увидалъ надъ собою что-то длинное, завернутое въ холстъ, подобно тѣмъ трупамъ, которые хоронятся въ морѣ. Это тѣло упало; въ то самое мгновеніе, какъ оно коснулось земли, фонарь исчезъ, подъемная дверь захлопнулась и на нее стали наваливать что-то тяжелое,—вѣроятно, жернова и тому подобные грузы, способные противостоять всякому усилію приподнять дверь. «Замуровали совсѣмъ, сказалъ про себя Пьедушъ. Но такъ уже лучше: болѣе къ намъ не заглянутъ».

Основываясь на такомъ предположеніи, онъ смѣло зажегъ спичку и бросился къ упавшему тѣлу, чтобы узнать, кто новый ихъ товарищъ. Передъ нимъ лежала женщина съ связанными на груди руками; ротъ у нея былъ затянутъ платкомъ; распущенные волоса мотались въ безпорядкѣ вокругъ лба и шеи.

Пьедушъ прежде всего сорвалъ платокъ, отвелъ волоса отъ лица и проговорилъ:

— Я такъ и думалъ! Тереза Леконтъ!

Молодая дѣвушка была блѣдна, лицо ея искажалось ужасомъ, но жива.

— Убейте меня, только не мучьте, проговорила она.

Пьедушъ не сталъ терять времени на разувѣренія. Онъ понималъ, что въ иныхъ случаяхъ, дѣло убѣдительнѣе всякихъ словъ, и потому принялся энергично рѣзать веревки, которыми была связана дѣвушка. Докончивъ эту работу, онъ помогъ ей подняться и сѣсть.

— Сударыня, сказалъ онъ тогда,—не пугайтесь. Вы попали къ злодѣямъ, которые хотятъ погубить васъ, эту дѣвочку, за одно и меня. Но я не дамся и спасу васъ обѣихъ.

— Но кто же вы? Я, какъ будто, узнаю вашъ голосъ.

— Да, сударыня, мы встрѣчались, но какъ и когда, это я вамъ послѣ разскажу. Довольно вамъ знать, что я совершенно преданъ г. Лекоку, отцу г. Люи. Не перебивайте меня, слушайте далѣе. Я увѣренъ, что васъ заманили... сказали, что г. Лекокъ хочетъ васъ видѣть, ждетъ васъ въ каретѣ.

— Да, при въѣздѣ въ Булонскій лѣсъ... Мнѣ не слѣдовало вѣрить, меня уже хотѣли похитить однажды такимъ образомъ. Но мнѣ сказали, что отъ меня зависитъ спасеніе Люи, я не смѣла колебаться.

— Остальное угадываю... Схватили васъ, повезли. Они мастера устраивать ловушки. Но теперь не до этихъ подробностей, надо подумать, какъ отсюда уйти. Они хотятъ насъ убить, сегодня же ночью. Но какимъ способомъ? Сойдутъ ли они сюда, чтобы перерѣзать насъ? Это невѣроятно, имъ было бы легче сдѣлать это на верху. Къ тому же, старуха толковала съ своимъ сожителемъ о томъ, что...

Онъ не договорилъ, чтобы не увеличить ужаса бѣдныхъ дѣвушекъ, но онъ зналъ хорошо, что злодѣи намѣревались бросить ихъ трупы на желѣзно-дорожные рельсы. Трупы... Стало быть, они хотѣли сначала убить своихъ узниковъ. Какъ?..

— Что ломать, впрочемъ, голову надъ этимъ вопросомъ, рѣшилъ Пьедушъ. — Надо думать только объ одномъ: какъ бы улизнуть изъ этого мѣста погибели.. Осмотримъ его подробнѣе!

Подземелье оказалось большимъ и глубокимъ подваломъ, служившимъ прежде для склада дровъ. Въ настоящее время, въ немъ находились только кучки хвороста и нѣсколько пустыхъ бочекъ. Другого выхода, кромѣ верхней подъемной двери, не было... Однако, откуда-то тянуло свѣжимъ воздухомъ. Пьедушъ оглядѣлся еще разъ кругомъ и замѣтилъ свѣтлую полосу на общемъ темномъ фонѣ подвала.

— Отдушина! сказалъ онъ.—Это единственный путь къ нашему спасенію. Какъ бы добраться до нея... Можно нагромоздить бочки...

Онъ пошелъ къ завидѣнному отверстію, поручивъ Терезѣ оберегать горѣвшій огарокъ. Пьедушъ, разсматривая отдушину, увидѣлъ, къ своему удивленію и радости, что она не закрыта рѣшеткой.

— Странно немножко, что эти дьяволы такъ оплошали, замѣтилъ онъ про себя.—Конечно, они думаютъ, что я разбился до смерти, дѣвушка связана, а Марта уже полумертвая... Ну, наше счастье.

Разсуждая такъ, Пьедушъ стоялъ, поднявъ голову вверхъ, и вдругъ почувствовалъ, что ему окатило лицо холодной водою. Онъ отскочилъ назадъ, не понимая въ чемъ дѣло... Глухой плескъ и новая волна, перекатившаяся черезъ отдушину, объяснили ему скоро загадочное явленіе.

— Мошенники! воскликнулъ онъ.— Они отперли верхній шлюзъ и заперли нижній... Каналъ наполнится водою, которая зальетъ и этотъ подвалъ... Намъ суждено утонуть... Еще какіе нибудь полчаса и все будетъ кончено.

Онъ вернулся въ ужасѣ къ Терезѣ и Мартѣ. Молодая дѣвушка, забывая свои собственныя страданія, старалась отогрѣть въ своихъ объятіяхъ малютку и осыпала ее поцѣлуями.

— Это Марта Камбремеръ, которую я такъ желала видѣть! сказала она Пьедушу.—Гдѣ намъ пришлось встрѣтиться! Боже мой!

— Да, сказалъ Пьедушъ, вы обѣ богатыя наслѣдницы и потому васъ хотятъ уморить. Видите-ли, что они придумали? Вода прибываетъ ежеминутно.

— Мы погибли! прошептала Тереза.

— Нѣтъ еще, возразилъ Пьедушъ, взявъ у нея свѣчу и бросаясь къ тому углу, въ которомъ стояли пустые бочонки. Чтобы превратить ихъ въ спасительные буи, требовалось только замѣнить чѣмъ нибудь отсутствующія въ нихъ втулки. Пьедушъ схватилъ одинъ изъ мѣшковъ, служившихъ ему постелью, и нарѣзалъ изъ него полосъ, которыя свернулъ туго, въ видѣ большихъ пробокъ. Заткнувъ ими отверстія въ трехъ боченкахъ, онъ скатилъ эти послѣдніе на середину подвала, гдѣ успѣла уже образоваться глубокая лужа, взялъ за руку Терезу и сказалъ:

— Сударыня, намъ остается только одно это средство. Если вы чувствуете въ себѣ достаточно силы и мужества для того, чтобы лечь на одинъ изъ этихъ бочонковъ и удержаться на немъ, вы будете спасены.

— А Марта? спросила Тереза.

— Ее я положу на другой бочонокъ, а самъ поплыву между вами.. Я буду стараться о томъ чтобы вы не упали и чтобы насъ не относило теченіемъ, когда мы приблизимся къ отдушинѣ... Если же она окажется слишкомъ узка для того, чтобы намъ пробраться черезъ нее съ бочонками, то вы и малютка ухватитесь за мои плечи и я вытащу васъ за собой... Не бойтесь, я плаваю не хуже моржа. Я надѣюсь, что мнѣ удастся доставить васъ обѣихъ невредимо на берегъ...

— Я готова сказала просто Тереза.

— А ты, малютка?

— И я не боюсь. Я теперь узнала васъ. Вы тотъ самый, что разговаривалъ съ папой.

— Я надѣюсь, ты скоро обнимешь своего папу, сказалъ Пьедушъ, поднимая дѣвочку, чтобы уложить ее на бочонокъ. Тереза приготовилась тоже къ опасному пути. Пьедушъ стоялъ пока между ними, ободряя ихъ обѣихъ. Вода доходила ему уже до колѣнъ и лилась съ шумомъ черезъ отдушину.

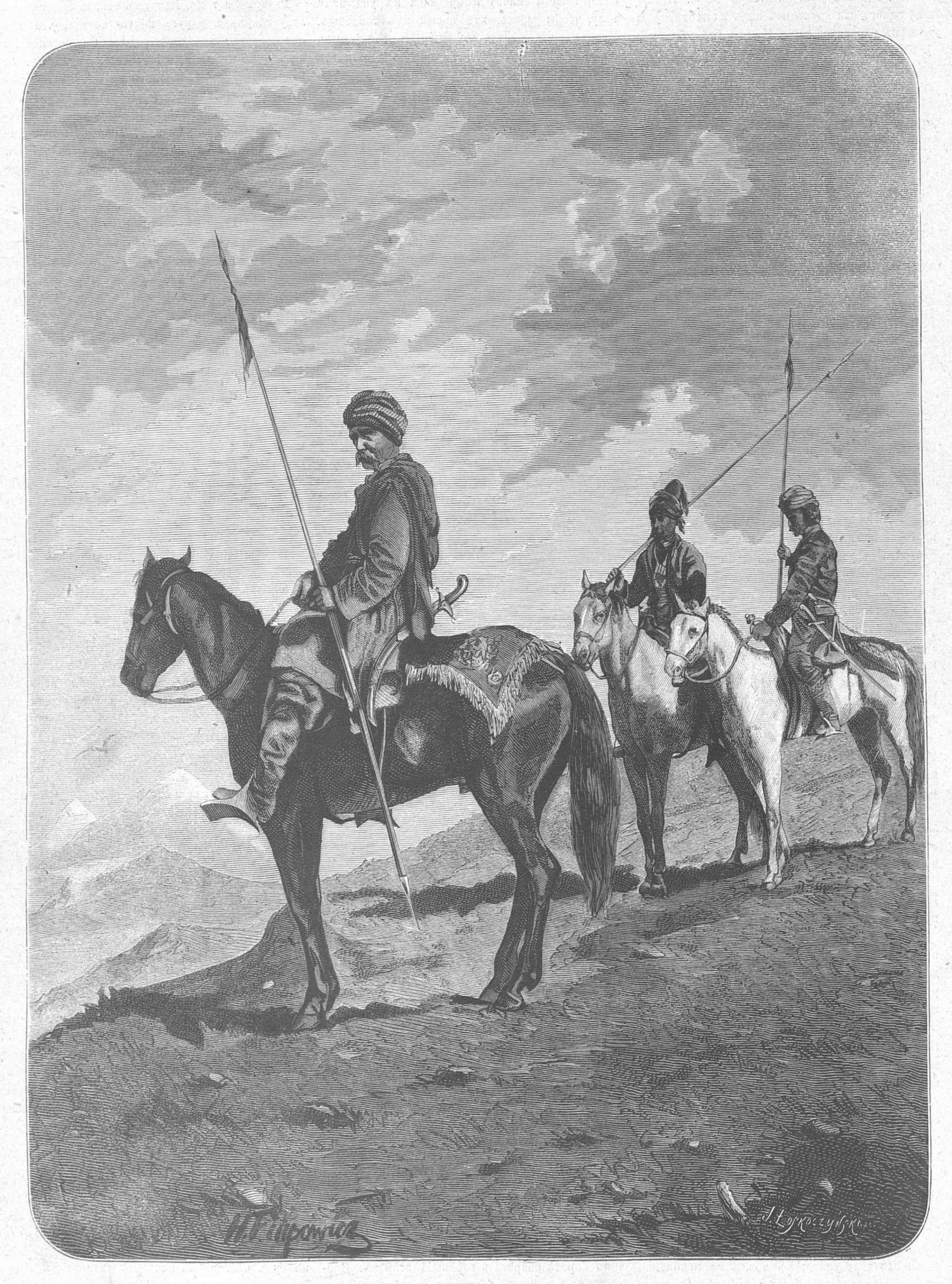
(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Колоссальная ваза.

(Рис. стр. 336.)

На парижской художественной выставкѣ 1877 года, Гюставъ Доре въ первый разъ выступилъ на судъ публики въ качествѣ скульптора. Выставленная имъ группа «Парка и Амуръ» очень понравилась, и самые строгіе судьи рѣшили, что Доре такой же талантливый скульпторъ, какъ иллюстраторъ и художникъ. Нынче, на парижской всемірной выставкѣ Доре явился съ произ-

Картина Г. ФИЛИПОВИЧА.

Пикетъ Курдовъ у подножія Арарата.

ВСЕМІРНАЯ ПАРИЖСКАЯ ВЫСТАВКА.

Колоссальная ваза, изваянная Густавомъ Доре́.

веденіемъ оригинальнымъ, еще разъ доказавшимъ, что за что бы ни взялся этотъ талантливый художникъ, онъ непремѣнно создастъ выдающееся произведеніе. Онъ выставилъ колоссальную вазу, снимокъ съ которой (съ одной стороны) помѣщенъ въ настоящемъ нумерѣ «Жив. Обозр.» Ваза, высотою въ $2^1/_2$ метра ($3^1/_2$ аршина), имѣетъ форму итальянской пузатой бутыли съ сравнительно узкимъ и тонкимъ горлышкомъ. Бутыль покрыта тонкимъ слоемъ окисленной бронзы зеленоватаго цвѣта, что придаетъ многочисленнымъ фигурамъ, на ней изваяннымъ, веселый, живой видъ.

У подножія вазы изображены группы амуровъ, копошащихся въ виноградникахъ; они защищаютъ виноградные лозы отъ ихъ естественныхъ враговъ: одни амуры гонятъ паука, другіе тянутъ за хвостъ полевую мышь, третьи борятся со змѣей; одинъ изъ нихъ, толстощекій мальчуганъ цѣлуется съ мотылькомъ; другой ведетъ таинственный разговоръ съ крупной бабочкой; двое ребятъ уставляютъ короткую лѣстницу, съ цѣлью, конечно, взобраться по ней и сорвать сочную гроздь винограда.

Подымаясь вверхъ по бутыли, виноградные лозы образуютъ три гирлянды; отъ этихъ гирляндъ поднимаются еще выше вѣтви виноградныхъ лозъ такимъ образомъ, что образуются три свободныя пространства и на нихъ-то изваяны чудныя группы, служащія доказательствомъ удивительнаго разнообразія фантазіи художника. На первомъ планѣ фавнъ съ козлиными ногами. Зачѣмъ оставилъ онъ лѣсъ, гдѣ ему жилось привольно и спокойно? Бѣдный фавнъ возгорѣлъ страстною любовью къ веселой нимфѣ, которая, пользуясь его увлеченіемъ, деретъ ему уши. Терпи фавнъ, придетъ и твой чередъ! На второмъ планѣ мы видимъ эту нимфу, лѣниво раскинувшуюся на землѣ и держащую чашу, въ которую падаетъ нѣсколько капель чуднаго напитка; свита нимфы разбрелась по лугу и предается веселымъ играмъ. Далѣе, нимфа уже одна; никто не охраняетъ ее; этимъ пользуется фавнъ; онъ подходитъ къ ней, беретъ ее за руку и старается увести въ густой лѣсъ, покрытый мягкимъ ковромъ изъ мху.

Подъ этими фигурами находится лучшая фигура всего произведенія. Прекрасная богиня, гордо выставляющая свой дивный торсъ, сидитъ, имѣя подъ себя маленькаго амура. Ея поза и самая ея нагота, въ высшей степени цѣломудренны. Она еще не прикоснулась къ винограду, она находится вдали отъ своихъ подругъ, уже попробовавшихъ соблазнительнаго плода, возбудившаго ихъ нервы; онѣ шалятъ съ фавнами, бѣгущими за ними, съ цѣлію поймать ихъ.

Но на долго-ли хватаетъ благоразумія у красавицы? Очень не надолго. На слѣдующей картинѣ мы видимъ ее бесѣдующей съ толстымъ Силеномъ, увѣшаннымъ гроздьями винограда. Еще далѣе, красавица пьетъ виноградный сокъ изъ чаши, которую поддерживаетъ амуръ.

Вотъ главные эпизоды, выраженные въ произведеніи Доре́. Но это сухое описаніе, разумѣется, не можетъ дать яснаго понятія о поэтической прелести, которою оно проникнуто. Ничего подобнаго колоссальной вазѣ Доре́, не производилъ ни одинъ скульпторъ. Были и прежде попытки ваять большія группы, напримѣръ, «Тибръ» или «Нилъ»; фигура послѣдняго составлена изъ сотень дѣтей, которыхъ онъ питаетъ; но бутыль Г. Доре́ далеко оставляетъ за собою эти произведенія, страдающія непропорціональностію и отсутствіемъ граціи, и можно смѣло утверждать, что съ нею декоративному искусству открываются новые горизонты.

Разлука.

Разсказъ **Сальватора Фарина.** Перев. съ итальянскаго **П. В. Га—на.**

I.

Квартира моя, состоявшая всего изъ одной комнаты, была дѣйствительно выше, чѣмъ бы слѣдовало. Эту аксіому я повторялъ себѣ ежедневно, когда приходилось взбираться на высоту ста двѣнадцати ступеней, отдѣлявшихъ меня отъ лежавшаго внизу итальянскаго города Т***. Не смотря на такое неудобство, я не рѣшался мѣнять квартиру потому, что мнѣ нравилась открывавшаяся изъ окна моей комнаты панорама безчисленныхъ дымовыхъ трубъ на крышахъ домовъ. Проживъ мѣсяца четыре на такой высотѣ, я познакомился съ моими сосѣдями; не со всѣми, конечно, такъ какъ между ними найдутся и такіе, съ которыми не всегда желательно быть знакомымъ.

Первое сближеніе я сдѣлалъ съ замѣчательными, во многихъ отношеніяхъ, супругами, подобныхъ которымъ едва-ли можно отыскать второй экземпляръ. Если бы кто пожелалъ представить себѣ Сульпиціо и жену его Консету, отдѣльно, то это было бы не легко, такъ какъ въ нихъ едва доставало костей и мяса на одного субъекта, и то весьма незначительной величины.

Что же касается ихъ возраста, то сумма лѣтъ обоихъ супруговъ значительно превышала полтора столѣтія. И когда у меня являлась мысль опредѣлить величину ихъ роста, то я иначе не могъ представить его себѣ, какъ вообразивъ Консету стоящею на головѣ своего мужа, и въ такой позиціи только едва касавшейся головою потолка моей комнаты, высота которой равнялась всего пяти аршинамъ безъ четырехъ вершковъ.

Сдѣлавъ подобное математическое опредѣленіе роста и возраста замѣчательныхъ супруговъ, я, надѣюсь, облегчилъ тѣмъ читателю возможность представить ихъ въ своемъ воображеніи. Прибавлю еще, что эта парочка отличалась рѣдкою худобой и безчисленными морщинами на лицахъ; головы ихъ были покрыты сѣдыми волосами; глубоко впавшіе глаза все еще блестѣли жизнью.

Почти цѣлыя двадцать пять лѣтъ они дружно и безропотно дѣлили всѣ печали и радости жизни. Они такъ сжились другъ съ другомъ, и такъ похожи были одинъ на другого, за исключеніемъ только своихъ носиковъ, что ихъ легко было принять за сестру и брата.

Но ихъ носы или, какъ я сказалъ, носики, упрямо сохранили свою особую форму; и дѣйствительно, никогда не приходилось мнѣ встрѣчать подобнаго различія въ формѣ носовъ. У Сульпиціо носъ былъ закругленный, какъ у орла, выражавшій желаніе наблюдать за всѣмъ, что попадало въ ротъ; у Консеты на оборотъ, носикъ какъ бы прятался, подобно мудрецу, осторожно сходящему съ дороги, чтобы дать просторъ и свободу пропускать въ ротъ лакомые кусочки нероскошной пищи.

Двадцать четыре года и одиннадцать мѣсяцевъ прожили мои знакомцы въ полномъ согласіи и вдругъ, не смотря на совершенное сходство своихъ характеровъ, въ одну изъ несчастныхъ минутъ, воспылали другъ на друга сильнѣйшимъ негодованіемъ, и когда же? во время обѣда, изъ-за какого-то соуса, отзывавшагося на вкусъ дымомъ. Это было первое облако, явившееся такъ неожиданно на ихъ ясномъ горизонтѣ брачной жизни; но облако это было весьма мрачное, оно поднималось отъ соуса къ носу, отъ носа къ головѣ, а отъ нея въ самую глубину ихъ душевнаго настроенія.

Въ заключеніе ссоры, они пришли къ весьма печальному сознанію, что ни одна супружеская чета, съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ земля, не испытывала подобнаго тяжелаго положенія. Консета выразила сгоряча желаніе переѣхать къ своимъ роднымъ, а Сульпиціо заявилъ въ пылу гнѣва, чтобы она исполнила это благое намѣреніе—безотлагательно.

Но сообразивъ потомъ, что родные Консеты жили отъ мѣста ихъ размолвки въ разстояніи семисотъ верстъ, онъ поневолѣ согласился съ необходимостью отложить на время исполненіе обоюднаго ихъ желанія—разстаться другъ съ другомъ.

Но все же слово «разлука» было произнесено, и оно послужило паролемъ для глубоко несчастныхъ супруговъ. Впрочемъ, на слѣдующій же день послѣ ссоры, Сульпиціо вспомнилъ, какъ подруга его жизни, будучи еще невѣстой, передана была ему, какъ единственное сокровище ея родныхъ; память подсказала ему и трогательную бесѣду съ тестемъ, по поводу предстоявшаго счастья вручаемой ему дорогой Консеты; припомнилъ онъ также и обѣтъ свой «сдѣлать ее счастливою». При такихъ воспоминаніяхъ въ его душѣ явились и добрыя мысли, а съ ними и благородная рѣшимость уговорить жену не покидать домашній очагъ, и остаться жить съ нимъ по прежнему. Въ свою очередь, и Консета, какъ женщина вполнѣ разумная, также припомнила совѣты своей матери, и данное предъ алтаремъ обѣщаніе раздѣлять съ мужемъ радость и горе до конца жизни. Вспомнила Консета и зависть ея подругъ, оставшихся дѣвицами, и грусть своихъ родныхъ при прощаньи, и просьбы ихъ избѣгать ссоръ съ мужемъ. Подъ такими впечатлѣніями прошлаго, она невольно пришла къ сознанію, что Сульпиціо въ душѣ своей все же былъ не злой человѣкъ, и что вся причина ихъ первой ссоры заключается въ несчастномъ соусѣ. Подобныя размышленія супруговъ привели къ тому, что когда Сульпиціо подошелъ съ дружеской улыбкой къ женѣ своей, то Консета также встрѣтила его съ радостной улыбкой; пожавъ другъ другу руки, они сердечно поцѣловались, и драгоцѣнный миръ былъ возстановленъ въ семьѣ. Но, увы! въ нихъ все же осталось сознаніе, что они подвергали себя тяжелому испытанію, выразивъ такъ необдуманно рѣшимость покинуть другъ друга. И потому нѣтъ ничего удивительнаго, что ссоры ихъ повторялись по временамъ и, къ сожалѣнію, все съ большею силою; такъ что сосѣди бывали иногда свидѣтелями внезапнаго взрыва негодованія супруговъ.

— Это кричитъ, должно быть, Консета! говорили сосѣди.

И дѣйствительно, это былъ ея крикъ негодованія на мужа.

Когда несчастная жертва своего тирана, израсходовавъ весь собранный ею въ теченіи четверти столѣтія запасъ неласковыхъ словъ, безъ всякой надежды перекозырять далеко не любезныя выраженія своего мужа, разражалась неистовымъ крикомъ, доходившимъ до слуха сосѣдей, а старичекъ Сульпиціо, улепетывая внизъ по лѣстницѣ, получалъ въ догонку самое сильное недоброе слово изъ устъ раздраженной супруги;—на этотъ крикъ прибѣгали сосѣдки, спѣша къ ней на помощь, и изъ горячаго сочувствія къ ней, давали ей полную свободу высказать всѣ горькіе упреки, обращенные къ ея мужу.

Когда же припадокъ гнѣва проходилъ у Консеты, сосѣдки ея, въ свою очередь, начинали жестоко бранить Сульпиціо, выражая при этомъ глубокое сожалѣніе къ несчастной судьбѣ жены его.

Тогда, неожиданно для всѣхъ, Консета съ жаромъ противорѣчила имъ, и съ изумительною горячностью начинала защищать своего мужа, говоря, что она одна понимаетъ и цѣнитъ его, что только она одна умѣетъ читать въ его любя-

щемъ сердцѣ, и что Сульпиціо, во всѣхъ отношеніяхъ, несравненно лучше и добрѣе другихъ мужей.

Когда же сосѣдки, озадаченныя такимъ панегирикомъ, оставляли ее одну, Консета надѣвала на дрожавшую еще отъ волненія головку свою черный шелковый капоръ, и тихонько спускалась по лѣстницѣ въ третій этажъ, въ квартиру молодой вдовы Нины, жившей со своимъ дядею, пріятелемъ Сульпиціо. Старушка знала, что мужъ ея уважалъ молодую вдову вовсе не ревнуя къ ней, Консета умоляла ее быть посредницей для возстановленія семейнаго мира. Въ это же время возвращался и скрывшійся на утекъ Сульпиціо, но не въ свою квартиру, а прямо въ мою комнату. Зная, что Консета относилась ко мнѣ почти съ материнскою нѣжностью, онъ былъ убѣжденъ, что мое ходатайство имѣло въ глазахъ Консеты серьезное значеніе, а потому и удостоивалъ меня, не вполнѣ пріятнымъ порученіемъ, быть посредникомъ въ примиреніи его съ женою.

II.

Откровенно говоря, обязанность примирителя мужа съ женою не могла быть особенно тяжелою для меня жертвой, какъ равно, полагаю, и для Нины.

При первой со мною встрѣчѣ, послѣ примиренія съ мужемъ, Консета дружески жала мою руку своими обѣими ручками, и давала мнѣ понять молчаливымъ наклоненіемъ головы и печальнымъ взоромъ своимъ — все сожалѣніе о случившейся ссорѣ, и твердое намѣреніе вернуться къ своимъ обязанностямъ, какъ равно и признательность за мои увѣнчавшіяся успѣхомъ старанія посредника.

Для меня было ясно, что ни Консета безъ своего Сульпиціо, ни самъ онъ, не могли жить одинъ безъ другого. Въ нихъ была сильна взаимная привязанность, и несмотря на явившееся вдругъ расположеніе къ ссорамъ, они любили другъ друга, на сколько чувство любви бываетъ доступно людямъ. Я вижу, какъ теперь, Сульпиціо возвратившагося изъ невольнаго бѣгства; и какъ онъ желалъ скрыть свое волненіе подъ искуственнымъ равнодушіемъ, въ отвѣтъ на которое Консета въ своемъ смущеніи старалась показать видъ, что усердно ищетъ наперстокъ или игольникъ въ карманахъ своего платья.

И помню, какъ въ такія минуты, стараясь отрѣзать имъ отступленіе, я направлялся къ двери и съ притворнымъ вниманіемъ разсматривалъ картины, висѣвшія близь дверей, что не мѣшало мнѣ, конечно, наблюдать за супругами. Чрезъ нѣсколько мгновеній, я замѣчалъ взаимное пожатіе рукъ, потомъ весело улыбавшіеся лица и, наконецъ, пару слезинокъ, скользившихъ по морщинистымъ лицамъ супруговъ.

И когда, въ заключеніе, они обнимали другъ друга, я быстро мѣнялъ позицію и, подходя къ окну, говорилъ, если только не было настоящаго ливня, что по случаю прекрасной погоды, я долженъ спѣшить на прогулку, что имъ также совѣтую сдѣлать.

Вотъ какъ безхитростно происходили примиренія супруговъ. Но въ одинъ несчастный день ссора ихъ достигла силы шторма, для усмиренія котораго потребовалось нѣсколько часовъ дипломатическихъ усилій, и едва удалось ввести оба корабля, или, вѣрнѣе, оба челнока, въ спокойную гавань супружеской жизни.

На этотъ разъ уже слово «разлука» произнесено было супругами съ особенной рѣшительностью; а для избѣжанія всякихъ переговоровъ съ посредниками-примирителями, обѣ враждующія стороны, чтобы не встрѣчаться, ушли изъ квартиры, и отправились бродить въ разныя стороны. Молодая служанка ихъ, принятая изъ состраданія къ ея круглому сиротству, отвѣчала на расспросы мои, что хозяева вышли одинъ за другимъ, но куда и на долго-ли — не знаетъ. Я рѣшился ожидать ихъ возвращенія, и сѣлъ у камина. Это было зимой, погода стояла ясная; солнечные лучи игриво проникали въ комнату, и весело горѣлъ огонь въ каминѣ. Мнѣ также не было скучно. Я старался угадать, который изъ супруговъ вернется первымъ? Безъ сомнѣнія, Консета. Вдругъ мнѣ послышался шелестъ платья; я привсталъ, обернулся къ вошедшей, и увидѣлъ Нину, молодую вдову, жившую въ третьемъ этажѣ, подъ моей квартирой. Она казалась удивленною, увидѣвъ меня. Войдя съ привычной увѣренностью, Нина была озадачена, встрѣтивъ незнакомца, и, чтобы скрыть свое смущеніе, показала видъ, что незамѣчаетъ меня, давая мнѣ тѣмъ понять свое право бывать у сосѣдей. Замѣтивъ неловкое положеніе Нины, я считалъ своею обязанностью раскланяться и заговорить съ нею; но она предупредила меня.

— Хозяйки нѣтъ дома? спросила Нина меня.

— Нѣтъ ни хозяйки, ни мужа ея. Я ожидаю ихъ возвращенія.

— А я желала переговорить съ однимъ изъ нихъ. Я приду потомъ.

Сообщеніе мое объ отсутствіи обоихъ супруговъ, казалось встревожило Нину, и она не уходила.

— Я намѣрена была подождать ихъ, но зайду послѣ.

— Прошу васъ остаться, я пришелъ сюда съ тѣмъ же намѣреніемъ, и...

При этихъ словахъ яотошелъ немного въ сторону, какъ бы предлагая ей свое мѣсто. Минуту спустя Нина сидѣла въ креслѣ, съ котораго я всталъ при ея входѣ. Въ свою очередь, и я остался, не желая упускать случая поближе разсмотрѣть Нину. Молодая вдова меня вовсе незнала; мнѣ же она была знакома изъ тѣхъ наблюденій, которыя я нерѣдко дѣлалъ изъ окна, приходившагося надъ окномъея комнаты, изучая цвѣтъ ея волосъ, и съ нетерпѣніемъ ожидая случая увидать цвѣтъ ея глазъ. Какъ-то разъ, въ одно изъ такихъ наблюденій, я кашлянулъ; это испугало Нину и заставило ее закрыть окно; съ той минуты я, конечно, уже не кашлялъ, стоя у окна. Маленькія, прелестныя ручки Нины, въ искуствѣ которыхъ мнѣ приходилось убѣждаться, подслушивая нерѣдко ея игру на фортепьяно, лежали на краю камина и какъ бы манили меня своей прекрасною формой. Теперь я могъ видѣть ея лицо, бывшее до того скрытымъ для меня завѣсою неизвѣстности. Да, Нина была очаровательна; такою она мнѣ казалась. Видя, что я продолжаю стоять, она движеніемъ руки пригласила меня сѣсть. Я послѣдовалъ ея приглашенію, и затѣмъ наступила минута молчаливаго ожиданія. Супруги медлили возвращеніемъ; никто изъ нихъ не являлся домой. Нинѣ показалось неловкимъ дальнѣйшее молчаніе. Она первая заговорила о Сульпиціо, я же напротивъ интересовался подробностями о Консетѣ. Когда я коснулся своихъ обязанностей примирителя, исполняемыхъ мною добросовѣстно съ тѣхъ поръ, какъ я познакомился съ супругами, Нина улыбнулась.

И что за прелестная была улыбка! и какіе прелестные зубки она показала при этомъ!

— Что за несчастіе! сказала она послѣ минутнаго молчанія. — Жить вмѣстѣ двадцать пять лѣтъ и не понимать другъ друга!

— Да, къ сожалѣнію, я не разъ былъ свидѣтелемъ ихъ ссоръ, но это не поколебало во мнѣ убѣжденія, что они искренно расположены другъ къ другу!

Вдова улыбнулась какой-то странной улыбкой, но ничего не сказала.

— Подобное душевное настроеніе въ супругахъ, продолжалъ я, — можно сравнить съ противнымъ вѣтромъ на морѣ, гонящимъ съ большою силой волны одна на другую, но когда буря утихнетъ, море успокоивается и его поверхность снова дѣлается гладкою. Я вообще думаю, что супругамъ живущимъ долгое время другъ съ другомъ, невозможно избѣгнуть ссоръ.

Сказавъ это въ защиту супруговъ, я замолчалъ.

— Который теперь часъ? спросила Нина, полагая, что ея дальнѣйшее молчаніе могло показаться для меня обиднымъ.

— Четыре часа.

— Поздно; мнѣ пора идти, но я зайду послѣ.

— До четырехъ еще не достаетъ десяти минутъ, возразилъ я, снова взглянувъ на часы.

Нина засмѣялась и — не уходила.

При этомъ я почувствовалъ, какъ сердце у меня радостно забилось, хотя не могъ объяснить себѣ причины.

Вдругъ послышался шумъ шаговъ, дверь отворилась, и на порогѣ появились оба супруга, подъ ручку.

— Миръ заключенъ? спросили мы оба, Нина и я, не словами, а взглядомъ, обращеннымъ къ вошедшимъ.

— Да, миръ заключенъ между нами, отвѣчали намъ супруги, также не словами, а взглядомъ.

— Я приходила поздравить васъ съ заключеніемъ мира, сказала Нина. — Теперь уже поздно, и мнѣ пора домой.

Консета была въ веселомъ расположеніи духа; на ея морщинистомъ лицѣ играла радостная улыбка, а глаза блестѣли удовольствіемъ.

— Неправда-ли, что синьоръ Паоло весьма любезно раздѣлялъ съ вами ожиданіе нашего возвращенія? обратилась она къ молодой вдовѣ съ вопросомъ.

Нина вдругъ покраснѣла; а я почувствовалъ при этомъ, что сердце забилось у меня сильнѣе. Нина ушла, а за нею и я вскорѣ простился съ хозяевами. Весь вечеръ я думалъ только о прелестной вдовѣ, и всю ночь мнѣ снилась она. Проснувшись рано и будучи подъ вліяніемъ первой встрѣчи съ очаровательной Ниной, я почувствовалъ потребность излить свои чувства, и написалъ, въ подражаніе Данте, терцетами слѣдующее признаніе Нинѣ.

Признаніе Нинѣ.

Красавицъ многихъ я встрѣчалъ,
Но красоты подобной вашей,
Я не встрѣчалъ, я не видалъ!
  Былъ очарованъ вами я,
  Хотя васъ видѣлъ въ первый разъ,
  Какъ не бывалъ я никогда!
Вашъ чудный голосъ мнѣ звучалъ
Такой гармоніей небесъ,
И нѣжно слухъ онъ мой ласкалъ!
  А выраженье дивныхъ глазъ
  Всю душу взволновало мнѣ,
  И въ жизни не забыть мнѣ васъ!
Тогда чужою были мнѣ,
Но сколько грусти, сколько горя,
Я въ вашей разгадалъ судьбѣ!
  Такъ много выстрадать, какъ вы,
  И вѣру сохранить въ душѣ,
  Могъ только ангелъ доброты!
Какъ буду радъ сердечно я,
Когда для васъ настанетъ счастье;
О чемъ мечтаете всегда!

Написавъ эти строки я немного успокоился, и простоялъ все утро у окна въ надеждѣ увидѣть Нину; и какъ я былъ счастливъ, когда она, замѣтивъ меня, кивнула головкой въ отвѣтъ на мой поклонъ. Въ теченіи мѣсяца, каждое утро, я не пропускалъ случая видѣть ее въ этотъ часъ у окна, чтобы насладиться тѣмъ же счастіемъ. Я улыбался при видѣ ея, и Нина встрѣчала также улыбкой меня у окна. Въ эти дни я все свободное время гулялъ по окрестностямъ города, постоянно мечтая о милой моей Нинѣ.

Возвратясь какъ то разъ поздно домой, я нашелъ у себя письмо отъ единственнаго друга,

жившаго въ Ниццѣ, съ упреками въ молчаніи на дружескія его бесѣды со мной. При этомъ я вспомнилъ, что на его послѣднее письмо я не отвѣчалъ уже болѣе мѣсяца, и потому рѣшился сейчасъ же писать къ нему. Но, находясь подъ вліяніемъ чувствъ моихъ къ Нинѣ, я не могъ писать тогда обыкновенною прозою, и вотъ что набросалъ въ отвѣтъ на мысли друга о жизни и людяхъ:

Посланіе къ другу.

Ты пишешь мнѣ о всепрощеньи людямъ
Всего, что выстрадалъ отъ злобы къ нимъ;
Что ты простилъ своимъ друзьямъ обманы,
И всю безумную вражду врагамъ.
Теперь людей ты братски сожалѣешь,
И имъ помочь ты отъ души готовъ;
Но будто только вѣрить не умѣешь,
Въ ихъ безкорыстную къ тебѣ любовь.
Въ отвѣтъ могу сказать тебѣ я только,
Что безкорыстья нѣтъ ни въ комъ изъ насъ;
Что вовсе на землѣ его не будетъ,
До той поры, когда настанетъ часъ ..
Какъ хочешь ты, чтобъ тотъ былъ безкорыстенъ,
Кто по природѣ эгоистъ всегда;
Кому завѣтъ былъ данъ, въ примѣръ любви,
Другихъ любить, какъ самого себя!
И если ты захочешь откровенно
Сказать не мнѣ, а самому себѣ,
Причину грусти, недовольства жизнью,
То скажешь: вѣру потерялъ въ душѣ!
А наилучшій даръ, для насъ, та вѣра;
Она живетъ въ душѣ не гордецовъ,
Не мнящихъ о себѣ, что геніи они,
Что призваны спасать людей отъ наглецовъ.
Отъ зла никто спасти людей не можетъ,
Все потому, что не хотятъ всегда
Безъ самомнѣнья и гордыни вѣрить,
Что сила есть повыше ихъ ума!
А между тѣмъ, кто вѣру сохраняетъ,
Тотъ благодарности людей не ждетъ;
И въ жизни тотъ, повѣрь мнѣ, не мечтаетъ,
Что міръ вѣнокъ изъ лавръ ему сплететъ!

Если бы кто изъ читателей вздумалъ сдѣлать мнѣ упрекъ за кажущееся отступленіе въ разсказѣ, то на это я готовъ возразить, что желалъ только не скрывать своего душевнаго настроенія въ то незабвенное для меня время, когда мысль о Нинѣ наполняла все существо мое.

Сказавъ, что въ теченіи цѣлаго мѣсяца я дежурилъ по утрамъ у окна, чтобы взглянуть на молодую вдову, я долженъ признаться, что подобное дежурство сдѣлалось для меня невыносимымъ болѣе, и я поспѣшилъ познакомиться съ дядей, чтобы сблизиться съ племянницей. Ровно черезъ пять мѣсяцевъ и пять дней, я имѣлъ уже полное право прижать милую къ сердцу. Очаровательная Нина была болѣе не вдовой, а моею женой.

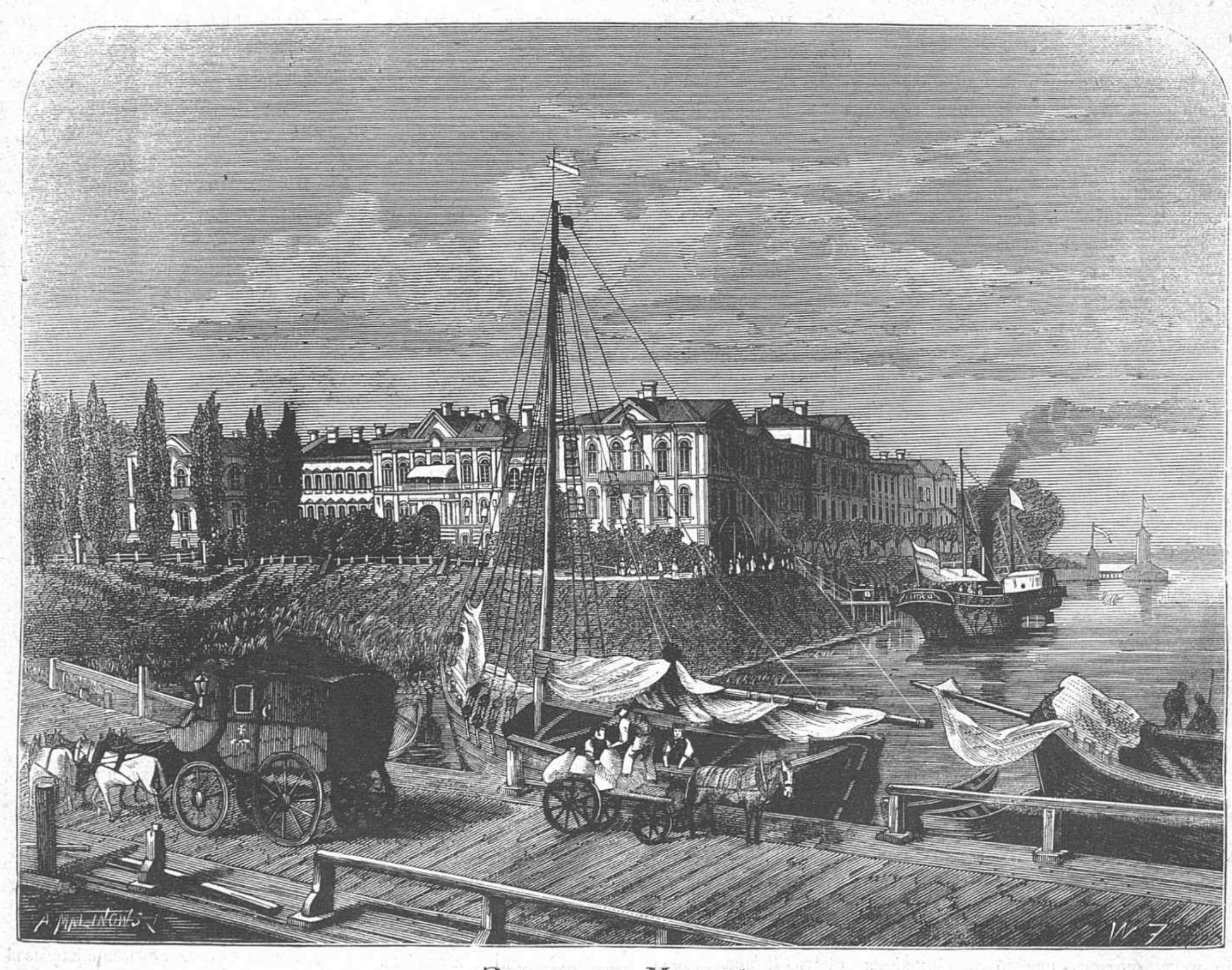
(*Продолженіе будетъ.*)

Изъ путевыхъ замѣтокъ объ Остзейскомъ краѣ.

Мѣрные удары веселъ и плескъ воды немного ободрили меня: теперь я былъ увѣренъ, что черезъ часъ я буду въ Больдера, а тамъ и городъ близко. Устье Двины отдѣлено отъ моря посредствомъ большой плотины, построенной съ цѣлью огражденія рѣки отъ заваливщаго это устье песку, наносимаго съ моря. Это, конечно, мѣшало правильной навигаціи и Рига отъ этого терпѣла большіе убытки. На самомъ концѣ этой плотины построенъ небольшой маякъ, служащій превосходной путеводной звѣздой для кораблей, входящихъ въ рѣку. Плотина довольно глубоко вдается въ море; она каменная и отлично исполняетъ возложенную на нее обязанность, что особенно хорошо можно оцѣнить послѣ не рѣдко случающихся здѣсь бурныхъ приливовъ и сильныхъ вѣтровъ. Море было спокойно. Зеркальная, темнаго цвѣта его поверхность, не представлявшая прелестнаго вида южныхъ морей, какъ-то странно дѣйствовала на меня, непривыкшаго къ сѣренькимъ, хотя и грандіознымъ, сѣвернымъ ландшафтамъ. По правдѣ сказать, Балтійское море гораздо красивѣе, если смотрѣть на него съ вершины маяка. Сѣверный пейзажъ: сѣрое, одноцвѣтное небо, сѣрая вода, сѣрый воздухъ, вдали песокъ, а на краю горизонта — темные игольчатые лѣса—вотъ что было передо мною. Не могу объяснить причины, но мнѣ хотѣлось какъ можно скорѣе распроститься съ этой печальной картиной. Но вотъ и Больдера. Черезъ десять минутъ старый пароходъ опять несетъ меня въ Ригу.

Кстати скажемъ нѣсколько словъ о ея памятникахъ. Самая старая часть города, Шмиде, Зюндеръ и Маршаль-штрассе, вмѣстѣ съ тѣмъ и самая богатая памятниками, изъ которыхъ многіе относятся къ XII столѣтію. Здѣсь находится построенная еще въ 1204 году соборная церковь. Рядомъ съ нею зданіе библіотеки. Въ этомъ же домѣ до 1861 года помѣщалась школа, прославленная дѣятельностью Гердера. Теперь, увы! въ домѣ знаменитаго человѣка проживаютъ мыши, привлекаемыя запахомъ хлѣба и льняного сѣмени, которымъ домъ этотъ служитъ мѣстомъ постояннаго жительства: въ немъ практичные нѣмцы устроили склады этихъ продуктовъ. Печальная судьба этого дома невольно навела меня на мысль о многознаменательномъ и неразрѣшимомъ вопросѣ, который служитъ предметомъ пустыхъ разговоровъ въ салонахъ и ученыхъ споровъ въ академіяхъ — о «духѣ времени». Два слова, которыя подлежатъ разбору всѣхъ людей и смыслъ которыхъ до настоящаго времени никто не съумѣлъ ближе и точнѣе опредѣлить— эти два слова нашли себѣ конкретнаго представителя въ этомъ домѣ. Въ самомъ дѣлѣ: сопоставленіе двухъ этихъ вещей, арены дѣятельности великаго человѣка и склада хлѣба и льняного сѣмени— не хорошо-ли иллюстрируетъ все то, что мы привыкли подразумѣвать подъ «духомъ времени?»

— Tempora mutantur, вертѣлось у меня въ головѣ, когда я подходилъ къ мрачному зданію, построенному три вѣка тому назадъ. Зданіе это—замокъ Вальтера фон-Платтенберга, по-

Замокъ въ Митавѣ.

(Къ ст. «Изъ путевыхъ замѣтокъ объ Остзейскомъ краѣ».)

строенный имъ между 1494 и 1515 годами. Только имени Платтенберга этотъ замокъ обязанъ своимъ существованіемъ, такъ какъ будь онъ произведеніемъ другого смертнаго, въ безформенномъ его тѣлѣ въ настоящее время давно покоились бы чаны пивовареннаго завода.

Въ этой же части города, нѣсколько дальше, находятся двѣ церкви: католическая и англиканская, построенныя въ новѣйшемъ вкусѣ. Неподалеку отъ нихъ находится домъ «Черноголовыхъ» (Schvartzhäupterhaus). Зданіе это построено нѣкіимъ Дитрихомъ Кригe въ 1359 году, а въ 1460 отдано масонской ложѣ. Оригинальный, по внѣшнему виду напоминающій монастырь, домъ этотъ Еще нѣсколько церквей и зданій, неотличающихся ничѣмъ особеннымъ, вотъ все, что мнѣ удалось осмотрѣть во время этой прогулки.

Верманскій паркъ или, вѣрнѣе, садъ, куда я зашелъ отдохнуть въ этотъ вечеръ по случаю теплой, хорошей погоды былъ переполненъ публикой. Усталые отъ дневного труда купецъ и бухгалтеръ, спекулирущій на биржѣ бачкиръ и ремесленникъ, даже нѣмецкіе бароны—всѣ спѣшатъ провести нѣсколько свободныхъ часовъ за кружкою пива въ обществѣ друзей и знакомыхъ. И нужно замѣтить, что несмотря на самое разнохарактерное общество, здѣсь никогда или очень рѣдко случаются скандалы и то самаго невинслѣдующая исключительно только за добычей и отнимающая ее у самаго нуждающагося, самаго голоднаго, потому что въ окружающихъ онъ видитъ единственно только конкурентовъ, враговъ, а ужь воля ваша, что ни толкуйте о любви даже къ неприятелю, — врагъ будетъ врагомъ и обирать его тѣмъ или другимъ манеромъ считается не грѣшно. Впрочемъ этому «тьму мы примѣровъ знаемъ...» Я дѣлаю эту оговорку потому, что привыкъ слышать очень и очень часто нелестные мнѣнія о нѣмцахъ вообще, такъ что вступиться за нѣмца считается неловкимъ; ходячее это мнѣніе большинства сложилось у насъ издавна и начало его найти не трудно. Масса

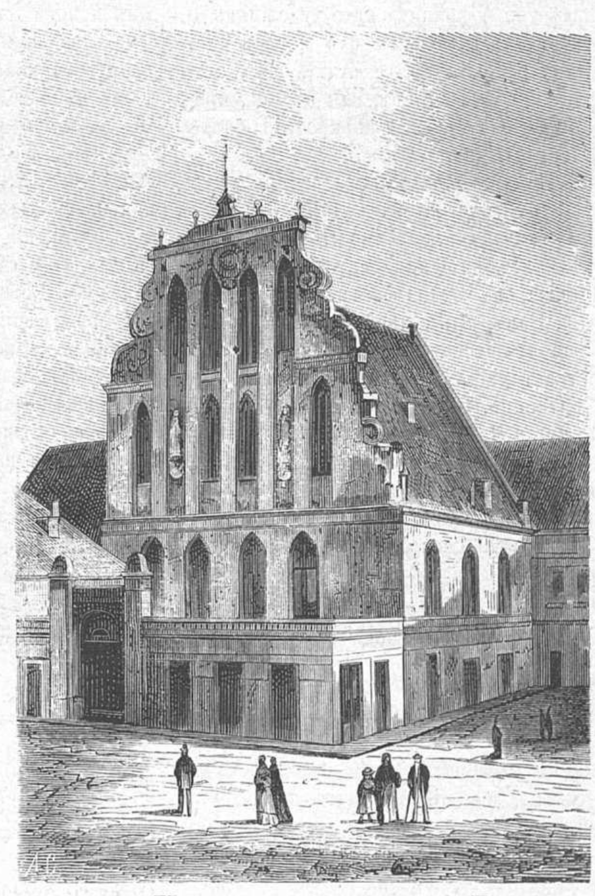
Замокъ въ Ригѣ.

Ратуша въ Ригѣ.

Соборная церковь въ Ригѣ.

Домъ Черноголовыхъ въ Ригѣ.

(Къ статьѣ «Изъ путевыхъ замѣтокъ объ Остзейскомъ краѣ».)

только этимъ и обращаетъ на себя вниманіе. На наружной стѣнѣ онъ украшенъ образомъ св. Маврикія, патрона «черныхъ головъ». Въ немъ находятся портреты всѣхъ шведскихъ государей, отъ Густава Адольфа до Карла XII и русскихъ отъ Петра Великаго до послѣдняго времени. Напротивъ этого дома, по ту сторону довольно большой площади, возвышается темное зданіе ратуши, о которомъ можно одно только сказать, что оно напоминаетъ собою всѣ нѣмецкіе «ратьгаузы». Церковь св. Петра, къ которой я затѣмъ подошелъ, очень красива, чему много способствовала ея отстройка въ 1746 году, по плану графа (впослѣдствіи фельдмаршала) Миниха. наго характера. Все здѣсь вѣжливо, никакихъ развеселыхъ пикантныхъ пѣсенъ, все, однимъ словомъ, какъ говорятъ нѣмцы, «gemüthlich». Я увѣренъ, что все сказанное мною выше о нѣмцахъ покажется читателю преувеличеннымъ, если еще, пожалуй, не совсѣмъ не вѣрнымъ, и потому принужденъ оговориться. Нѣмецъ у себя дома, среди своихъ, и нѣмецъ, бросающій родной уголъ на болѣе или менѣе продолжительное время, очень часто навсегда — это два разныхъ нѣмца. Безъ сомнѣнія, оба они холодны, разсчетливы, акуратны и т. п., но первый—труженникъ, привыкшій смотрѣть на окружающихъ его, какъ на своихъ братьевъ, а послѣдній — хищная птица, судитъ о нѣмцахъ по видѣннымъ ею петербургскимъ и провинціальнымъ булочникамъ и колбасникамъ, а вѣдь vox populi vox Dei...

Послѣ трехъ дней, проведенныхъ мною въ Ригѣ, впродолженіи которыхъ мнѣ удалось кое съ кѣмъ познакомиться и разспросить о мѣстной жизни я убѣдился, что здѣсь живутъ если не роскошно, то во всякомъ случаѣ удобно, а главное умѣютъ жить, довольствуясь тѣмъ, что трудомъ, упорнымъ трудомъ удалось добыть. Осуждая нѣмцевъ, къ чему мы съ дѣтства привыкаемъ, мы должны бы сперва хорошенько вглядѣться въ ихъ жизнь... Я увѣренъ, что многому мы могли бы у нихъ научиться.

Наконецъ, я простился съ Ригою. Послѣ полуторачасового прескучнаго путешествія я очутился въ Митавѣ, главномъ городѣ Курляндіи. Правду сказать, я радовался, что всего полтора часа ѣзды въ вагонѣ отъ Риги до Митавы, а то иначе пришлось бы съума сойти... Прескучныя окрестности, прескучное общество до того разстраиваетъ, что съ какимъ-то страннымъ чувствомъ радости смотришь на замокъ, окруженный зеленью, и виднѣющіяся за нимъ стѣны города. Еще нѣсколько минутъ... несемся черезъ мостъ на рѣкѣ Аа. Вотъ и вокзалъ... Слава Богу, я въ городѣ.

Митава, по-латышски Ельгава, по-литовски Нитава, что въ переводѣ значитъ «не твоя»— чистый, маленькій, напоминающій собою деревню, городокъ. И жизнь здѣсь похожа скорѣе на деревенскую: движенія почти нѣтъ, улицы плохо вымощены, мѣстные жители всѣ другъ съ другомъ знакомы, живутъ точно члены одной семьи. Изъ числа болѣе выдающихся зданій, кромѣ историческаго Митавскаго замка, заслуживаютъ вниманія нѣсколько церквей, гимназія, старая ратуша и домъ, гдѣ помѣщается кредитное общество. Вотъ и все. Здѣсь пришлось мнѣ прожить болѣе мѣсяца, познакомиться съ разными людьми, и я еще болѣе убѣдился въ томъ, что въ Курляндіи жить хорошо, особенно тому, кто умѣетъ и любитъ трудиться.

Данте Алигіери.

(Рис. стр. 364 и 365.)

Помѣщая въ нашемъ журналѣ нѣсколько рисунковъ извѣстнаго французскаго художника Доре, на сюжеты, взятые имъ изъ первой части Божественной Комедіи Данте «Адъ», состоящей изъ тридцати четырехъ главъ, или пѣсень, предлагаемъ вниманію читателей и краткій очеркъ жизни знаменитаго поэта.

Данте Алигіери, величайшій итальянскій поэтъ, родился въ 1265 году, во Флоренціи. Онъ былъ не только первымъ поэтомъ своего вѣка, но и ученымъ, такъ какъ въ университетахъ: Болоньи, Падуи и Парижа, онъ изучилъ всѣ извѣстныя въ то время науки. Какъ сынъ знойнаго юга, не достигнувъ еще юношескаго возраста, Данте почувствовалъ страстную любовь къ Беатриче, изъ фамиліи Портинари. Она умерла двадцати четырехъ лѣтъ, когда Данту минуло всего двадцать пять. Желая заглушить глубокую скорбь о потерѣ дорогой Беатричи, Данте принялъ участіе въ междоусобныхъ войнахъ своего отечества, и присоединясь къ партіи Гвельфовъ, державшей сторону императора, своею храбростью и энергіей, много способствовалъ побѣдамъ своей партіи. Послѣ того, Данте исполнялъ разныя дипломатическія порученія, и въ 1300 году, былъ избранъ въ число главныхъ правительственныхъ лицъ своего родного города, Флоренціи. Но чрезъ два года, вслѣдствіе возникшихъ новыхъ политическихъ партій, носившихъ названіе «Черныхъ и Бѣлыхъ», Данте, стоявшій во главѣ послѣднихъ, не желавшихъ предать Флоренцію иноземцу, Карлу де-Валуа, былъ за то осужденъ не только на изгнаніе изъ отечества, но въ случаѣ самовольнаго возвращенія, приговоренъ даже къ сожженію живымъ. Вотъ причина, почему Данте послѣднія двадцать лѣтъ своей жизни, скитался изгнанникомъ, и долженъ былъ бороться съ нищетою. По изгнаніи своемъ изъ отечества, онъ переходилъ изъ города въ городъ, и останавливался только въ Сіеннѣ, Веронѣ и въ Парижѣ. Послѣдніе же годы жизни прожилъ въ Равеннѣ, гдѣ и умеръ въ 1321 году, пятидесяти шести лѣтъ отъ роду. Данте былъ женатъ и оставилъ послѣ себя дѣтей. Во время своего изгнанія онъ написалъ поэму, получившую всемірную извѣстность, подъ названіемъ «Божественная Комедія», которая раздѣляется на три части: «Адъ, Чистилище и Рай». Описывая въ своей поэмѣ судьбу душъ въ жизни загробной, Данте отводитъ мѣсто въ Аду и въ Чистилищѣ—тѣмъ изъ нихъ, которыя, во время земной жизни, отличались своими пороками и преступленіями, а въ особенности изобрѣтателямъ разнообразныхъ пороковъ. Въ Раю же Данте описываетъ состояніе тѣхъ душъ, которыя, живя на землѣ, совершали добрыя дѣла и помогали бѣднымъ. Въ этой поэмѣ Данте представляетъ себѣ, что любимый имъ древній поэтъ, Виргилій, жившій до временъ христіанства, сопровождаетъ его въ Адъ и въ Чистилище для объясненій разнообразныхъ и ужасныхъ мученій грѣшниковъ. Въ Раю же Данте представляетъ себѣ руководительницей тѣнь умершей, дорогой ему, Беатричи.

Но главная заслуга Данте заключается въ томъ, что «Божественная Комедія» была имъ написана на языкѣ итальянскомъ, что имѣло громадное въ то время значеніе, такъ какъ до Данте всѣ писали на языкѣ латинскомъ, чуждомъ его родной націи. По формѣ своей поэма также замѣчательна, она написана терцетами, т. е. строфами въ три строки и тройными рифмами. При своемъ появленіи, она вызвала всеобщее удивленіе и восторгъ, и вскорѣ получила такую извѣстность, что во многихъ университетахъ учреждены были даже особыя кафедры для истолкованія и разъясненій ея. Первымъ истолкователемъ ея былъ Боккачіо, и въ той же самой Флоренціи, которая осудила своего великаго поэта на вѣчное изгнаніе.

Не только причудливое, но и мрачное по своимъ намекамъ или иносказаніямъ, содержаніе «Божественной Комедіи» требуетъ при чтеніи знанія не только древней исторіи и миѳологіи, но и современныхъ Данте событій. Въ третьей части поэмы, Данте, описывая видѣнія въ Раю, достигаетъ созерцанія Всемогущаго. Можно съ увѣренностью сказать, что оставаясь всю жизнь свою въ отечествѣ, Данте не написалъ бы подобной безсмертной поэмы; только въ изгнаніи онъ и могъ написать ее; и дѣйствительно, она была лебединною пѣснью Данте, доставившею ему славу величайшаго поэта своей націи. Но первымъ произведеніемъ его пера были стихотворенія о любви его къ Беатриче, изданныя Дантомъ спустя десять лѣтъ по смерти ея, подъ названіемъ «Vita nuovo», т. е. новая жизнь. Затѣмъ появилось изданіе «Covito», какъ первый образецъ итальянской научной прозы; а за нимъ «Rime», т. е. сборникъ разныхъ стихотвореній и сонетовъ. Божественная Комедія переведена на всѣ европейскіе языки; на русскомъ имѣется переводъ первой части поэмы «Адъ», сдѣланный Фанъ-Димомъ, и переводъ г. Минаева «Адъ» и «Чистилище», изданный въ 1874 году. Поясненія помѣщаемыхъ рисунковъ Доре взяты изъ перевода Д. Д. Минаева, какъ лучшаго изо всѣхъ, имѣющихся у насъ переводовъ великаго поэта.

Пѣснь вторая (Рис. стр. 364.) Данте сомнѣвается въ своихъ силахъ и думаетъ, что не въ состояніи будетъ сойдти въ адъ вмѣстѣ съ Виргиліемъ. Ободренный послѣднимъ, Данте рѣшается слѣдовать за нимъ, какъ за своимъ наставникомъ и путеводителемъ.

День потухалъ. На землю сумракъ легъ,
Людей труда къ покою призывая.
Лишь я одинъ покойнымъ быть не могъ,
Путь трудный, утомительный свершая.
Все то, что предстояло мнѣ впередъ—
Страданія и обаянья рая,—
То въ памяти на вѣки не умретъ...
О, музы, о, святое вдохновенье!
Теперь вы мой единственный оплотъ!
Запомни, память, каждое явленье,
Которое замѣтитъ только взглядъ!
«Скажи поэтъ!» воскликнулъ я въ волненьѣ:
Мой путь тяжелъ, въ пути препятствій рядъ...
По силамъ-ли мнѣ подвигъ предстоящій?

Пѣснь третья (Рис. стр. 365.) Данте, слѣдуя за Виргиліемъ, достигаетъ дверей ада, куда оба входятъ. Виргилій, указавъ поэту на мученія, которыя заслужили трусы, ведетъ его далѣе. Они приходятъ къ рѣчкѣ, называемой Ахеронъ, у которой находятъ Харона, перевозящаго души на другой берегъ.

Мы дальше шли, и я хранилъ молчанье,
Пока не увидалъ со всѣхъ сторонъ
Большой рѣки, бѣжавшей безъ журчанья.
Вотъ подплылъ къ намъ сѣдой старикъ въ челнѣ.
«О, горе вамъ, преступныя созданья!»
Онъ закричалъ Виргилію и мнѣ:
«Надежды всѣ вамъ нужно здѣсь оставить,
Вамъ неба не увидѣть въ вышинѣ.
Я здѣсь, чтобы туда васъ переправить,
Гдѣ холодъ вѣчный царствуетъ и ночь,
Гдѣ пламя въ состояньи все расплавить.
А ты, онъ мнѣ сказалъ, отсюда прочь!
Среди умершихъ мѣста нѣтъ живому».

Автоматическіе часы Стефана Энгля.

(Рис. стр. 368.)

Часовыхъ дѣлъ мастеръ, г. Энгль, построилъ недавно часы, которые затмили знаменитые автоматическіе-страсбургскіе часы. Эти часы показываютъ не только секунды, минуты, часы, дни, мѣсяцы и годы, но и положеніе солнца, звѣздъ, луны и земли. Кромѣ того въ нихъ есть органъ, звонокъ и другіе инструменты, а также 48 автоматическихъ фигуръ. Это образцовое произведеніе равняется 3,46 метра вышины. Энгль посвятилъ двадцать лѣтъ упорнаго труда для постройки этихъ часовъ.

Вазы Уаткомба на парижской выставкѣ.

(Рис. стр. 368.)

На рисункѣ, помѣщенномъ въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала, представлена группа прелестныхъ вазъ, сдѣланныхъ изъ теракоты на фабрикѣ Уаткомба, въ Англіи. Директоромъ этой фабрики въ настоящее время состоитъ одинъ изъ знаменитыхъ художниковъ Г. Гиль. Вазы эти, помѣщающіяся въ англійскомъ отдѣлѣ на парижской выставкѣ, обращаютъ на себя вниманіе всѣхъ посѣтителей.

Фельетонные наброски.

XVI.

ПИСЬМА ЧЕЛОВѢКА, СОШЕДШАГО СЪУМА.

2.

Письмо къ бывшему другу.

Другъ моей юности, нынѣ мой врагъ!

Начинаю этою Некрасовскою строкою письмо къ тебѣ, во-первыхъ, потому, что она вполнѣ характеризуетъ наши отношенія, а во-вторыхъ, потому, что мнѣ, какъ человѣку, сходящему съума, постоянно при каждомъ новомъ событіи, при каждомъ новомъ явленіи вспоминаются какіе-то прочитанные когда-то стихи, изрѣченія, афоризмы и чаще всего твержу я теперь однѣ и тѣ же двѣ строки:

Бывали хуже времена,—
Но не было подлѣй...

Вчера впервые я не подалъ тебѣ своей руки,

когда ты протянулъ мнѣ свою руку на прощаньи, и тебѣ, можетъ быть, покажется страннымъ, что уже сегодня я протягиваю тебѣ снова руку не только для простого рукопожатія, но для того, чтобы написать тебѣ длинное письмо. Въ подобныхъ случаяхъ пишутся обыкновенно только ругательныя или извинительныя письма. Первыя не читаются получателями, вторыя вызываютъ въ получателяхъ гадливое чувство къ пишущимъ. Въ моемъ письмѣ ты не найдешь ни ругательствъ, ни извиненій. Въ настоящее время я и порываю, и завязываю связи съ людьми совершенно равнодушно и каждый разъ при сближеніи или разрывѣ съ ними думаю: «это только на короткое время, потому что для меня скоро замолкнетъ и злоба и любовь, такъ какъ я самъ замолкну для нихъ въ царствѣ вѣчнаго сна—въ царствѣ смерти или безумія». Я пишу тебѣ и другимъ, когда-то близкимъ мнѣ людямъ, просто потому, что мнѣ, сходящему съ ума человѣку, все еще кажется, что я могу остановить ихъ на проходимомъ ими пути,—перемѣнить полетъ пущенной изъ лука стрѣлы, остановить громовой ударъ, когда уже блеснула молнія. Эта безумная мысль позволительна, можетъ быть, только мнѣ, но я крѣпко держусь за нее, какъ за послѣднее утѣшеніе, и продолжаю воображать, что мнѣ стоитъ только освѣтить передъ людьми ту пропасть, къ которой они стремятся, и они остановятся, своротятъ въ сторону и спасутъ себя. Они спасутъ себя и почему же? — потому, что имъ открылъ глаза сходящій съ ума человѣкъ! Впрочемъ, эта мысль не совсѣмъ безумная, такъ какъ какой-то мудрецъ сказалъ, что только безумцы спасали міръ и дѣлали перевороты въ умственномъ и нравственномъ направленіи общества.

Мы никогда не ссорились съ тобою, до вчерашняго дня мы были друзьями, вчера тоже, повидимому, не произошло ничего особеннаго и ты, можетъ быть, крайне удивился, когда я не подалъ тебѣ руки. Ты, можетъ быть, даже приписалъ мой поступокъ моему умственному разстройству и потому мнѣ нужно напомнить тебѣ всѣ мелочи вчерашняго дня...

— Тебѣ нужно бы отдохнуть мѣсяцъ, другой, разсѣяться, полечиться...

Ты сказалъ мнѣ эти слова вчера — сказалъ ихъ теплымъ, дружескимъ тономъ; на твоемъ лицѣ отражалось чувство искренняго участія. Я могъ бы только поблагодарить тебя за этотъ совѣтъ, если бы онъ данъ былъ въ другое время, если бы я не зналъ, во имя какихъ принциповъ и убѣжденій давался онъ. Но вспомни все, что предшествовало вчера твоимъ послѣднимъ словамъ, обращеннымъ ко мнѣ.

Вчера были открыты въ правленіи желѣзной дороги, гдѣ мы оба служимъ, крупныя злоупотребленія одного изъ директоровъ. Управляющій призвалъ насъ на совѣтъ и спросилъ, что намъ дѣлать.

— Изслѣдовать все дѣло и представить общему собранію подробный отчетъ объ этомъ мошенничествѣ, сказалъ я.

Управляющій поблѣднѣлъ и съ проніей замѣтилъ мнѣ:

— Вашъ совѣтъ очень простъ, но, къ сожалѣнію, онъ никуда не годится. Мы не должны подрывать кредитъ нашей желѣзной дороги въ общественномъ мнѣніи и предавать огласкѣ всякія закулисныя дрязги.

— То есть мы должны прикрывать каждаго мерзавца? спросилъ я. — Это хорошій способъ расплодить негодяевъ!

Я говорилъ по обыкновенію прямо и рѣзко и вовсе не думалъ о томъ, пріятно-ли это нашему управляющему, но меня поразило выраженіе твоего лица: ты дѣлалъ мнѣ какіе-то знаки глазами, какъ будто старался остановить меня на полусловѣ. Я только потомъ вспомнилъ, что воръ-директоръ былъ родственникомъ нашего управляющаго, какъ и всѣ прочіе наши директора.

— Вы говорите такимъ тономъ, точно мы служимъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ сидитъ воръ на ворѣ, не безъ ѣдкости въ голосѣ сказалъ управляющій. — Но, не касаясь вопроса о томъ, на сколько тактично съ вашей стороны такое мнѣніе, я долженъ вамъ сказать, что вашъ совѣтъ очень непрактиченъ, очень вреденъ именно для тѣхъ акціонеровъ, о пользѣ которыхъ вы такъ горячо заботитесь. Предать огласкѣ это дѣло, значитъ уронить кредитъ нашего общества, понизить цѣнность нашихъ бумагъ и дать случай биржевымъ спекулянтамъ раздуть скандалъ еще болѣе для полнаго паденія нашихъ бумагъ. Наши акціонеры, конечно, не выиграютъ отъ этого, а спекуляторы съумѣютъ нагрѣть руки. Вотъ къ чему приведетъ выполненіе вашего совѣта.

— А вы полагаете, что всего этого не случится, если мы домашнимъ образомъ замажемъ это мошенничество? спросилъ я. — Шила въ мѣшкѣ не утаишь и слухи все равно пройдутъ въ общество. Эти слухи, быть можетъ, еще хуже повліяютъ на наши бумаги, чѣмъ откровенное и честное изложеніе всего дѣла съ нашей стороны передъ общимъ собраніемъ. Разница будетъ только въ томъ, что наша откровенность сложитъ съ насъ упрекъ въ солидарности съ негодяемъ, тогда какъ наше молчаніе заставитъ считать и насъ причастными къ мошенничеству.

— Такъ вы вполнѣ увѣрены, что въ нашемъ кружкѣ есть шпіоны и доносчики? спросилъ съ насмѣшкой управляющій.—Я надѣюсь, что ихъ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ между нами троими, за директоровъ же я ручаюсь, что это честные люди...

Онъ круто перемѣнилъ разговоръ и минутъ черезъ пять вышелъ съ тобою изъ моей комнаты.

Я не имѣю привычки подслушивать, но есть минуты, когда чужой разговоръ самъ собою долетаетъ до слуха, бьетъ по уху, заставляетъ застывать въ жилахъ кровь. Это случилось со мною вчера.

Я случайно зашелъ въ архивную комнату за справкой; комната была пуста; я отворилъ шкапъ и сталъ просматривать одно дѣло. Вдругъ до моего слуха долетѣли громкія, отрывистыя фразы управляющаго:

— Я нисколько не обижаюсь! говорилъ онъ.— Мало-ли грубіяновъ на свѣтѣ! Онъ пользуется своимъ исключительнымъ положеніемъ, которое далось ему знаніемъ дѣла, и потому ломается, оскорбляетъ...

Я замеръ на мѣстѣ; я понялъ, что рѣчь идетъ обо мнѣ; я считался лучшимъ дѣльцомъ въ правленіи, какъ неглупый человѣкъ среди дураковъ, какъ человѣкъ, бывшій въ университетѣ, среди выгнанныхъ за лѣность гимназистовъ, какъ хорошій работникъ среди праздныхъ тунеядцевъ. Меня заинтересовало, съ кѣмъ говоритъ управляющій, и я ждалъ отвѣта.

— Я васъ увѣряю, что онъ просто нездоровъ, разстроенъ, послышался мягкій, вкрадчивый голосъ.

Это былъ твой голосъ.

— Нездоровъ! Разстроенъ! желчно воскликнулъ управляющій. — Я тоже нездоровъ-съ, я тоже разстроенъ-съ, однако же я не говорю людямъ въ глаза подлеца, я не даю имъ нравственныхъ пощечинъ!..

— Я вамъ долженъ откровенно сознаться, что я замѣчаю въ немъ не простое нездоровье, опять заговорилъ мягкій, вкрадчивый голосъ,— я просто боюсь въ послѣднее время за его умственныя способности...

Мнѣ надо было уйдти и не слушать далѣе, но—прости мнѣ этотъ грѣхъ—я продолжалъ слушать, я уже ловилъ съ жадностью каждое слово. Впрочемъ, оно и понятно: я впервые услыхалъ, что даже близкіе ко мнѣ люди начинаютъ считать меня за сумасшедшаго.

— Вотъ какъ! съ проніей сказалъ управляющій.—Умъ за разумъ зашелъ!..

— Мнѣ грустно говорить объ этомъ, съ чувствомъ произнесъ ты,—но я вижу по всѣмъ его поступкамъ, по всѣмъ разговорамъ, что онъ близокъ къ сумасшествію...

— Этого только не доставало, чтобы онъ въ сумасшествіи надѣлалъ чортъ знаетъ чего! воскликнулъ управляющій.

— Ему нужно бы дать отпускъ, уговорить его съѣздить на воды, дать ему значительное пособіе, замѣтилъ ты.

— Теперь-съ намъ не отпуски нужны, а дѣльцы нужны, сухо сказалъ управляющій.

— Дѣла можно и безъ него обдѣлать, сказалъ ты.—Мнѣ даже кажется, что лучше бы было, еслибъ онъ уѣхалъ на то время, когда мы изыщемъ средства потушить это прискорбное дѣло.

Слушая твой мягкій голосъ, слушая твои осторожныя фразы, я начиналъ убѣждаться, что я точно сумасшедшій: я называлъ кражу «мошенничествомъ», а ты нашелъ ей названіе «прискорбнаго дѣла»; я сразу вооружилъ противъ себя управляющаго, а ты незамѣтно, мягко забиралъ его въ руки... Да, я безумецъ и не мнѣ тягаться съ такими разумными людьми, какъ ты!

— Но какъ же потушить это дѣло? воскликнулъ управляющій. — Я разсчитывалъ на него, онъ вѣдь всю нашу механику знаетъ, можетъ такъ составить отчеты...

— Я думаю, что я могъ бы попробовать это сдѣлать, такъ какъ я всегда помогалъ моему бѣдному другу въ составленіи отчетовъ, сказалъ ты.— Я, признаюсь вамъ, самъ возмущенъ этимъ случаемъ, намъ нужно сдѣлать большія усилія, чтобы подобные случаи не повторялись... но я вполнѣ согласенъ съ вами, что для акціонеровъ выгоднѣе, если мы потушимъ это дѣло, вотъ почему я готовъ поработать надъ изысканіемъ средствъ, какъ все это поправить...

Я горько усмѣхнулся, услышавъ послѣднія слова. Я понималъ, что тебѣ еще гадко сознаться передъ самимъ собою въ томъ, что ты берешься сдѣлать подлость, и что потому ты стараешься оправдаться тѣмъ, что этою мерзостью ты приносишь пользу акціонерамъ.

Мнѣ стало скверно, тяжело и я ушелъ въ свою комнату. Я не могъ болѣе работать; меня мучило сдѣланное мною открытіе. Я теперь зналъ, что мнѣ дадутъ продолжительный отпускъ, что въ это время ты изобрѣтешь средства для того, чтобы замазать слѣды мошенничества, что именно это откроетъ новый путь къ другимъ мошенничествамъ, такъ какъ форма для скрытія этихъ мошенничествъ будетъ найдена тобою. Я началъ мысленно припоминать всѣ обстоятельства совершенной кражи и понялъ, что эта кража сдѣлана была не вдругъ, а производилась въ теченіе извѣстнаго времени, что въ ней принимали участіе и другія лица, что изложеніе всего этого дѣла передъ общимъ собраніемъ поразило бы цѣлую шайку воровъ, и меня, какъ ножъ, рѣзала мысль, что я не могу сдѣлать этого открытія, не могу разогнать этихъ негодяевъ. Мысли, одна другой мрачнѣе, закрадывались мнѣ въ голову и, наконецъ, я остановился на одной изъ нихъ...

— Что задумался? послышался мнѣ твой вопросъ.

— О мерзавцахъ разныхъ думаю, что съ ними дѣлать, отвѣтилъ я.

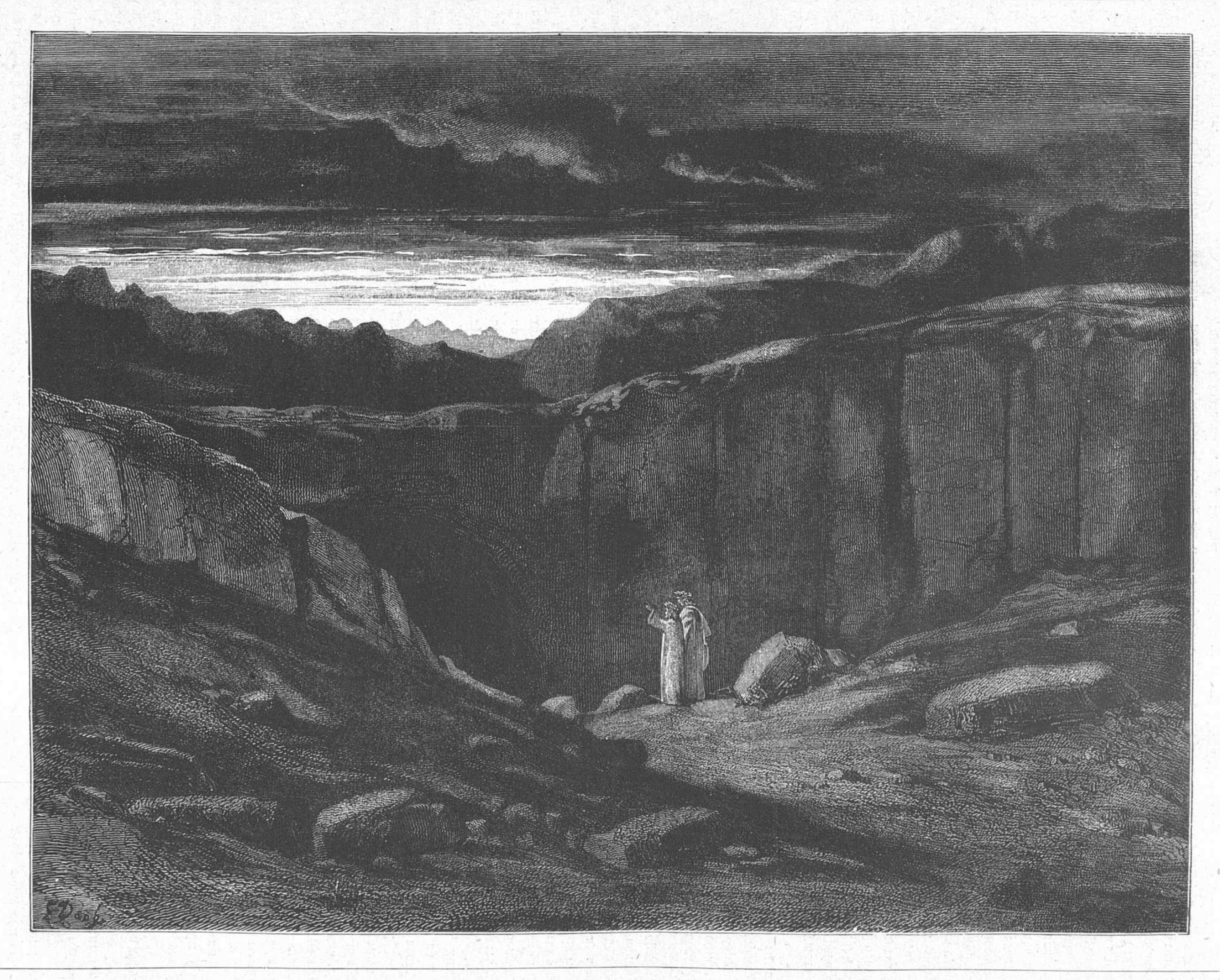
— Что это ты нынче все ругаешься только, улыбнулся ты мягкой улыбкой.

— Скоро и драться начну, сказалъ я.

— Ну, это ужь послѣдній способъ доказывать свою правоту, снова улыбнулся ты.

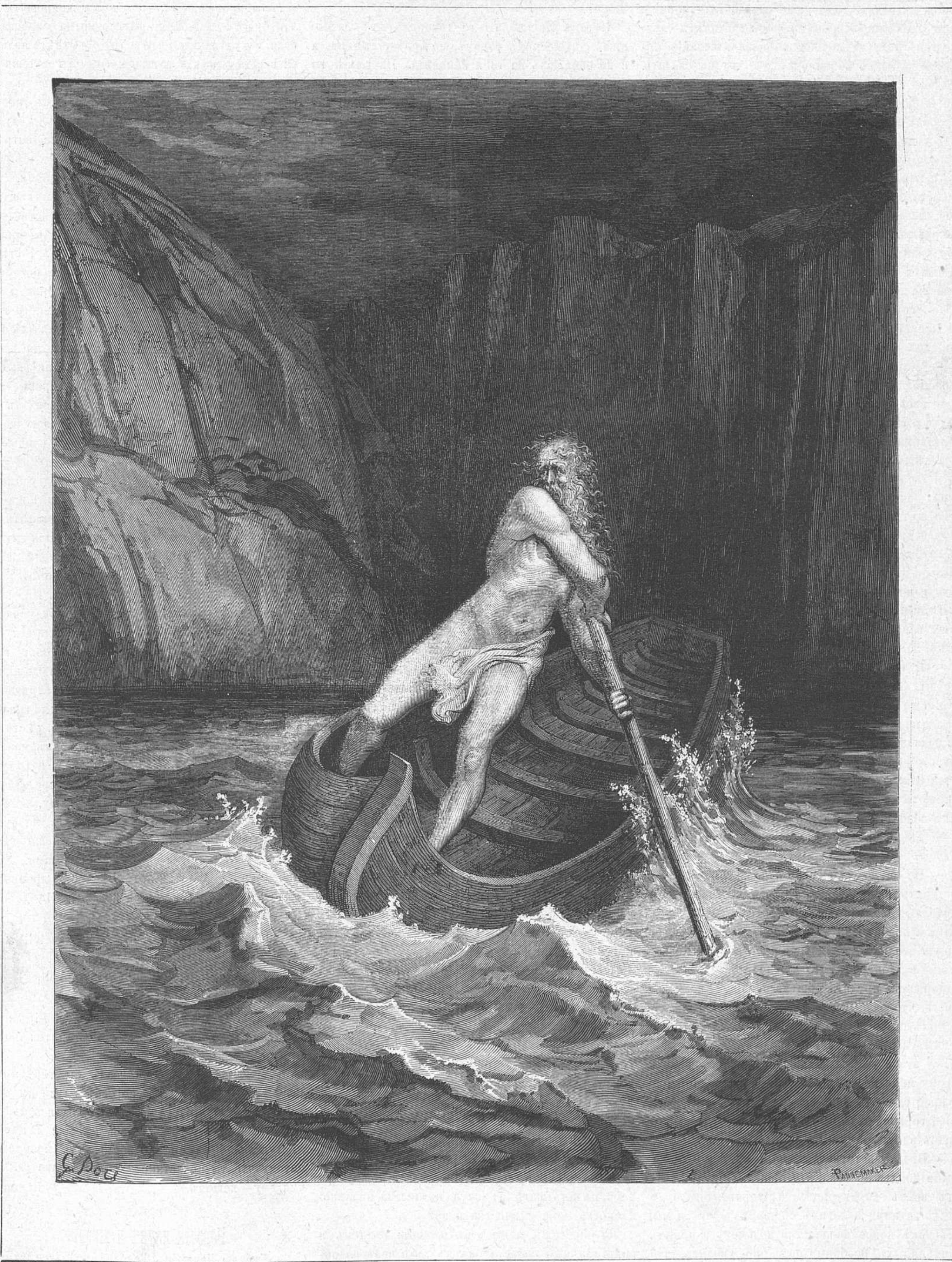
— А какъ ты думаешь, что я могу сдѣлать,

Рисунокъ Г. ДОРЕ́.

Адъ Данте. Рѣзалъ на деревѣ **Паннемакеръ** въ Парижѣ.

Рисунокъ Г. ДОРЕ́.

Адъ Данте.

Рѣзалъ на деревѣ **Паннемакеръ** въ Парижѣ.

чтобы общество узнало о продѣлкахъ, совершенныхъ у насъ? спросилъ я.—Доложить общему собранію объ этомъ помимо правленія я не могу; описать это дѣло въ газетахъ я могу, но для этого мнѣ нужно выкрасть документы отсюда, а иначе меня сочтутъ клеветникомъ, что и докажетъ въ печати само наше правленіе; наконецъ, всѣ подобныя обличенія у насъ считаются слѣдствіемъ интриги, личной неприязни, желанія попасть на мѣсто обвиняемаго, и трудно сказать, на чью сторону склоняются симпатіи общества, на сторону-ли обличаемаго мошенника, или на сторону обличающаго правдолюбца. Тутъ, право, невольно придешь къ заключенію, что нужно просто избить до полусмерти или даже убить такого мерзавца, какъ этотъ воръ, чтобы попасть подъ уголовный судъ и тамъ разсказать публично все дѣло, затребовавъ документы, доказывающіе совершенное мошенничество, разъяснить, что все правленіе состоитъ изъ шайки тѣсно сплоченныхъ между собою воровъ, покрывающихъ и защищающихъ другъ друга...

— Что тебѣ за мысли приходятъ въ голову съ испугомъ сказалъ ты.—Ты окончательно испортишь себѣ карьеру...

— Карьеру, карьеру! воскликнулъ я съ негодованіемъ.—Мнѣ свою совѣсть хочется спасти, а не свою карьеру; съ испорченной карьерой я съумѣю смотрѣть людямъ прямо въ глаза, а съ запятнанной совѣстью я передъ подлецомъ буду краснѣть, боясь, что онъ мнѣ скажетъ: «э, братъ да и ты тоже порядочный негодяй...» Ты, вѣроятно, знаешь, что иногда пробуждается такое чувство, что хочется какъ-нибудь доказать и себѣ и другимъ, что поступаешь честно, когда въ глубинѣ души уже сознаешь, что дѣлаешь подлость,—вотъ отъ этого-то гаденькаго чувства я и хочу навсегда застраховать себя...

Я сказалъ послѣднія слова насмѣшливымъ тономъ, вспомнивъ твой разговоръ съ управляющимъ. Ты прошелся по комнатѣ.

— Я понимаю, что твои убѣжденія вполнѣ честны, но нельзя же перешибить плетью обухъ, нельзя же лбомъ пробить стѣну, проговорилъ ты.—Мы должны дѣлать то, что намъ по силамъ. Если мы зададимся мыслью истребить вездѣ и всюду зло и неправду, то въ концѣ концовъ намъ придется отказаться отъ всякой дѣятельности: намъ закроютъ доступъ на всѣ пути и мы издохнемъ, какъ собаки.

— Такъ значитъ надо смотрѣть на все сквозь пальцы?

— Не на все, но есть случаи, когда иначе поступить нельзя... Вотъ ты утромъ вспылилъ у управляющаго, а вѣдь ты былъ неправъ.

И ты началъ опять доказывать мнѣ, что нужно скрыть совершенное мошенничество для пользы самихъ акціонеровъ, что нужно это сдѣлать для поддержанія кредита общества нашей желѣзной дороги, что разныя раскапыванья мелкихъ закулисныхъ исторій принесутъ пользу только биржевымъ игрокамъ, спекуляторамъ и т. д.

Все это я уже слышалъ отъ управляющаго и потому меня не изумляли твои доводы. Но меня изумило одно: ты уже дошелъ до того, что среди своей горячей рѣчи въ пользу системы укрыванья воровъ вдругъ замѣтилъ:

— Вѣдь дѣйствуя такъ, какъ предлагаешь ты, можно дойдти до того, что общее собраніе смѣнитъ всѣхъ директоровъ и управляющаго, а вслѣдъ за ними полетимъ со своихъ мѣстъ и мы, такъ какъ новое начальство возьметъ и новыхъ подчиненныхъ, особенно если оно увидитъ, что эти подчиненные склонны выносить соръ изъ избы. Это вѣдь значитъ лишить людей куска хлѣба...

Когда ты договорилъ эту послѣднюю фразу, я повернулся къ тебѣ спиною и пошелъ къ выходу: намъ дальше нечего было говорить. Ты договорился до того, до чего договаривались взяточники старыхъ временъ, говорившіе въ свое оправданіе: «жена, дѣти». Да, если кусокъ хлѣба дѣлается человѣку дороже всего, то отчего же и не идти воровать, грабить, убивать, подличать...

— Нѣтъ, голубчикъ, у тебя нервы разстроены. тебѣ нужно отдохнуть, говорилъ ты, слѣдуя за мною.

Потомъ ты еще что-то говорилъ мнѣ ласковымъ, дружескимъ тономъ, но я спѣшилъ одѣться и не обращалъ на тебя вниманія. На улицѣ ты протянулъ мнѣ руку на прощаньи, но я сѣлъ на дрожки и даже не взглянулъ на тебя. Ты для меня умеръ, какъ старый товарищъ, какъ единомышленникъ, какъ другъ. Передо мною стоялъ другой человѣкъ и этого человѣка я начиналъ презирать...

«Бѣдняга, какъ онъ сталъ все преувеличивать, какое общественное значеніе придаетъ онъ каждой мелочи, съ какимъ пафосомъ онъ говоритъ о всякихъ житейскихъ пустякахъ!»

Эти восклицанія сорвутся у тебя съ языка, когда ты прочтешь все написанное мною выше. Въ этомъ случаѣ ты сойдешься во мнѣніи со всѣмъ нашимъ обществомъ, такъ какъ эти восклицанія сорвутся съ языка не у одного тебя, а у каждаго, такъ-называемаго порядочнаго человѣка, которому попадется въ руки это письмо. Дѣйствительно, изъ-за чего я волнуюсь, изъ-за чего кипячусь? Изъ-за того, что ты начинаешь поступать такъ, какъ поступаютъ всѣ другіе практическіе порядочные люди, что ты плывешь съ ними по одному теченію, что ты не вступаешь въ борьбу съ тѣмъ грязнымъ потокомъ, который уже затянулъ въ омутъ биржевыхъ продѣлокъ, желѣзнодорожныхъ мошенничествъ, банковыхъ кражъ тысячи и тысячи молодыхъ жертвъ!

Стоитъ-ли изъ-за этого волноваться? Вѣдь это такое будничное явленіе, вѣдь это все повторяется ежедневно, вѣдь теперь и счетъ потерянъ всѣмъ этимъ практикамъ наживы: Ковнерамъ, Струсбергамъ, Гулакъ-Артемовскимъ, Сѣдковымъ Варшавскимъ, Коганамъ, Горвицамъ, Грегорамъ, Овсянниковымъ, Юханцевымъ. Кажется, нужно бы привыкнуть къ тому, что ихъ полчище все растетъ и растетъ, что и твой честный другъ дѣтства, и твой безупречный меньшой братъ, и твой бывшій благородный учитель и твой нравственно неиспорченный ученикъ идутъ на ту же торную дорогу, приводящую въ концѣ концовъ къ милліонному состоянію или къ ссылкѣ въ Сибирь. И общество привыкаетъ къ этому, оно почти привыкло къ этому, и только иногда какіе-нибудь сошедшіе съ ума люди, подобные мнѣ, бьютъ тревогу, волнуются, видя, какъ человѣкъ еще вчера бывшій честнымъ, сегодня подаетъ руку помощи и содѣйствія мошенникамъ. Это, конечно, глупо и смѣшно въ глазахъ серьезныхъ людей и намъ, безумцамъ, остается утѣшаться только тѣмъ, что у насъ еще осталось право давать нравственныя пощечины этимъ людямъ каждый разъ, когда они своею воровскою поступью подкрадываются къ общественнымъ богатствамъ, когда они, изгибая свою низкопоклонную спину, пробираются по скользкому пути къ карьерѣ, когда они еще съ краской стыда на лицѣ и чувствомъ страха въ душѣ стараются оправдать себя въ глазахъ честныхъ безумцевъ, боясь, что эти безумцы въ порывѣ сумасшествія могутъ подставить имъ ножку при первомъ ихъ шагѣ на пути подлости, низкопоклонства, мошенничества и наживы.

Ты спросишь, можетъ быть, меня: въ чемъ я вижу главный недостатокъ въ тебѣ и въ подобныхъ тебѣ людяхъ?

Я тебѣ отвѣчу вотъ что:

Кто-то—кажется, Бёрне—сказалъ, что онъ потерялъ долю своего гражданскаго мужества и долю своей честной смѣлости, пріобрѣтя фарфоровый сервизъ. Вы, порядочные люди нашего времени, не только пріобрѣли эти фарфоровые сервизы, но и сознали необходимость имѣть эти сервизы, пришли къ убѣжденію, что безъ этихъ фарфоровыхъ сервизовъ вы не можете существовать. Вслѣдствіе этого каждый вашъ поступокъ, каждый вашъ шагъ, каждое ваше стремленіе сопровождается роковымъ вопросомъ: «а что будетъ съ нашими фарфоровыми сервизами, если мы сдѣлаемъ то-то и то-то?» Отвѣтъ является всегда одинъ и тотъ же: «если ты хочешь сохранить свой фарфоровый сервизъ, то ты долженъ быть осторожнымъ, ты долженъ подчиняться средѣ, ты долженъ плясать подъ дудку большинства, ты не долженъ идти на встрѣчу опасностямъ». И вы подавляете въ себѣ всѣ честные порывы, всѣ благія намѣренія, всѣ гражданскія чувства, лишь бы спасти въ цѣлости свои фарфоровые сервизы. Но дѣйствительно-ли вамъ удастся сохранить свои фарфоровые сервизы навсегда или даже на долго? Нѣтъ-ли такой силы, которая при всей вашей осторожности разобьетъ эти фарфоровые сервизы въ дребезги? Вспомни, что Овсянниковъ много грѣшилъ ради сохраненія своихъ фарфоровыхъ сервизовъ,—а гдѣ онъ теперь? Взгляни на этого блестящаго петербургскаго льва Юханцева; онъ ли не юлилъ, чтобы пріобрѣсти фарфоровые сервизы,—а каково ему теперь будетъ сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ? Каково будетъ всю жизнь притворявшейся изъ за фарфоровыхъ сервизовъ Гулакъ-Артемовской провести нѣсколько дней въ судѣ, пригвожденною къ скамьѣ подсудимыхъ и не могущею удержать на своемъ лицѣ маску которую сорвутъ съ ея лица, чтобъ показать его публикѣ во всей его неприглядности? Или ты скажешь, что попадаются въ просакъ единицы, а десятки и сотни торжественно остаются побѣдителями со своими фарфоровыми сервизами. Но, вѣрь мнѣ, что можетъ наступить день, когда будутъ спасаться изъ вашей братьи только единицы, а десятки и сотни будутъ платиться за свои продѣлки и тогда они будутъ не только людьми, неимѣющими, подобно намъ, фарфоровыхъ сервизовъ, но и людьми оплеванными, забросанными грязью, опозоренными. Если не вѣрить въ это, то стоитъ ли и жить?.. Вы думаете, что спокоенъ можетъ быть человѣкъ только тогда, когда у него уже припасены какими бы то ни было средствами фарфоровые сервизы,—а я вамъ скажу, что безстрашно и спокойно можетъ смотрѣть на будущее только тотъ, кто не запасался и не дорожилъ никакими фарфоровыми сервизами. Nihil habeo—nihil timeo,—это изреченіе древности было и останется великой истиной. Не даромъ же старикъ Гёте говорилъ:

Ich hab' mein Sach' auf Nichts gestellt,
Iuchhé.
Drum ist's so wohl mir in der Welt, *)
Iuchhé.

Не даромъ онъ говорилъ, что весь міръ принадлежитъ только тому, кто не гонится ни за чѣмъ.

Я, можетъ быть, не написалъ бы тебѣ этого письма, потому что самъ по себѣ ты не имѣешь теперь для меня значенія, но, обращаясь къ тебѣ, я въ сущности обращаюсь къ массѣ нашей выступающей на практическій путь молодежи, потому что ты представитель извѣстнаго типа и имя ему—легіонъ.

Нѣкто.

Новости наукъ и жизни.

— Гибель Ливадіи. Телеграмма «Правительственнаго Вѣстника» сообщаетъ о гибели императорской яхты «Ливадія», которая стала на мель около Тарханкутскаго маяка, утромъ 22-го октября. Всѣ пассажиры, въ томъ числѣ и его императорское высочество великій князь Сергій

*) Ничего не имѣю, ничего не боюсь.

Александровичъ со свитою, а также экипажъ парохода спасены, но самая яхта погибла, будучи отброшена на каменный берегъ. «Ливадія», роскошная императорская яхта, имѣла слѣдующія измѣренія: длина 266 футъ 6 дюйм., ширина 36 футъ, углубленіе кормою 15 футъ 9 дюйм., водоизмѣщеніе яхты 1964,5 тонны. Машина въ 460 номинальныхъ силъ, сообщала яхтѣ скорость до 14-ти узловъ. Мирное вооруженіе яхты состояло изъ 4-хъ орудій, а въ послѣднюю войну съ Турціею, когда яхта состояла въ числѣ судовъ активной обороны черноморскихъ прибрежій, на ней была поставлена довольно крупная артиллерія. Съ давнихъ поръ яхтою командовалъ флигель-адъютантъ капитанъ 1-го ранга, Кроунъ.

— **Женщины-врачи.** Вопросъ о правахъ на врачебную практику окончившихъ медицинское образованіе на женскихъ врачебныхъ курсахъ подвергнутъ былъ, 17-го октября, разсмотрѣнію медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, въ засѣданіи котораго на этотъ разъ присутствовало болѣе тридцати членовъ. Послѣ довольно продолжительнаго обсужденія, какъ «Врач. Вѣд.», передаютъ, совѣтъ единогласно пришелъ къ такому заключенію: хотя права и предѣлы самостоятельной медицинской практики для слушательницъ медицинскаго курса еще не утверждены въ законодательномъ порядкѣ; но въ виду того, что онѣ, по единогласному свидѣтельству высшихъ врачебныхъ авторитетовъ, принимавшихъ участіе въ выпускныхъ испытаніяхъ, обладаютъ всѣми необходимыми познаніями для врачебной практики, медицинскій совѣтъ ходатайствуетъ о предоставленіи имъ врачебной практики впредь до окончательнаго разрѣшенія этого вопроса въ законодательномъ порядкѣ. Военное министерство, однакожь, продолжаетъ пользоваться услугами женщинъ-врачей. Такъ недавно—сообщаетъ газета «Голосъ»—по распоряженію военнаго министра, мѣста ассистентовъ при петербургскихъ женскихъ врачебныхъ курсахъ должны быть занимаемы врачами-женщинами. Въ настоящее время назначены ассистентами при врачебныхъ курсахъ: а) по акушерскимъ болѣзнямъ М. Ф. Павловская; б) по глазнымъ М. О. Попова и в) во вновь устраиваемомъ дѣтскомъ отдѣленіи О. Н. Шабанова.

— **Женщины-адвокаты.** Въ Калифорніи принята въ адвокаты женщина — Клара Фольцъ, вдова, живущая въ Сан-Хозе. Она допущена къ адвокатской практикѣ въ судахъ всего штата. М-съ Фольцъ отлично выдержала требуемое испытаніе предъ комиссіей изъ лучшихъ мѣстныхъ адвокатовъ. Находясь въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, она, одновременно съ изученіемъ права, добывала уроками средства къ жизни для себя и для троихъ своихъ дѣтей.

— **Экзамены для дѣвицъ.** «С.-Петербургскія Вѣдомости» сообщаютъ, что, по распоряженію г. министра народнаго просвѣщенія, допускаются дѣвицы, получившія домашнее воспитаніе, къ экзамену одновременно съ ученицами, переходящими изъ IV въ V классъ женскихъ гимназій, а равно съ оканчивающими курсъ въ трехклассныхъ и четырехклассныхъ прогимназіяхъ и въ шести и семиклассныхъ гимназіяхъ, съ тѣмъ, чтобы съ каждой экзаменующейся дѣвицы взималось по 10 рублей и онѣ пользовались соотвѣтствующими экзамену правами.

— **Юбилей.** Въ будущемъ 1879 году исполнится пятидесятилѣтіе ученой и литературной дѣятельности ординарнаго академика императорской академіи наукъ и профессора здѣшняго университета Измаила Ивановича Срезневскаго. Въ виду той громадной извѣстности, которою пользуется г. Срезневскій, возникла мысль торжественно праздновать юбилей. Празднество предполагается въ широкихъ размѣрахъ, т. е. публичнымъ, почему и предполагается организовать для обсужденія всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ его устройствомъ, особый комитетъ.

— **Курьезъ.** Въ одесскомъ окружномъ судѣ при разсмотрѣніи причинъ неявки присяжнаго засѣдателя мѣщанина Федора Бахмутова, обнаружился, какъ пишетъ «Правда», слѣдующій курьезъ: полиція возвратила повѣстку Бахмутову неврученною, такъ какъ Бахмутовъ умеръ 28 лѣтъ тому назадъ. Явившіеся присяжные Петръ Альбюсонъ и Осипъ Долговъ заявили: первый, что онъ французъ и ни слова не говоритъ по-русски, а второй, что ему 80 лѣтъ. Судъ освободилъ Альбюсона и Долгова отъ участія въ сессіи.

— **Гарнье-Пажесъ.** 31-го октября скоропостижно скончался въ Парижѣ, отъ послѣдствій простуды, бывшій членъ французскаго временного правительства 1848 года и правительства національной обороны 1870 года, Люи-Антуанъ Гарнье-Пажесъ. Родившись въ 1803 году, онъ былъ единокровнымъ братомъ Гарнье-Пажеса старшаго (Этьена-Жозефа-Люи), игравшаго роль при іюльскомъ правительствѣ. Младшій братъ, выбранный въ 1841 году въ депутаты и примкнувшій къ крайней лѣвой сторонѣ, скоро выказалъ себя весьма компетентнымъ въ бюджетныхъ и финансовыхъ вопросахъ, а послѣ февральской революціи сдѣлался членомъ временного правительства. 5-го марта 1848 года, его назначили министромъ финансовъ, послѣ того, какъ онъ, незадолго передъ тѣмъ, былъ парижскимъ мэромъ. Впослѣдствіи Люи-Антуанъ Гарнье-Пажесъ принадлежалъ къ членамъ исполнительной комиссіи, но вскорѣ вернулся къ частной жизни и въ 1849 году не былъ выбранъ въ законодательное собраніе. Только въ 1863 году Сент-Антуанское предмѣстье выбрало его въ свои представители въ законодательномъ корпусѣ. Онъ постоянно повторялъ тогда, что не умретъ, не провозгласивъ снова въ городской ратушѣ республики. Этому предсказанію суждено было осуществиться, такъ какъ Гарнье-Пажесъ сдѣлался, въ сентябрѣ 1870 года, членомъ правительства. Въ бордоскомъ собраніи онъ появился только для того, чтобъ сложить съ себя данныя ему полномочія. Въ послѣднія восемь лѣтъ покойный не принималъ уже болѣе участія въ государственной жизни.

— **Проектъ постройки двухъ постоянныхъ мостовъ въ Петербургѣ.** По словамъ «Голоса», явилось предположеніе о постройкѣ двухъ постоянныхъ мостовъ: одного—взамѣнъ такъ-называемаго Троицкаго (чрезъ Большую Неву), а другого—отъ биржи Васильевскаго острова къ Мытнинскому перевозу, на Петербургскую сторону. Сущность этого предпріятія заключается въ слѣдующемъ: означенные два моста будутъ сооружены на счетъ и страхъ строителя, безъ всякой гарантіи или субсидіи отъ города и правительства. Проектируемые мосты приблизятся къ типу строющагося Литейнаго моста. Мало того, лицо или компанія, которой будетъ предоставлено осуществленіе проекта, обязуется на свой счетъ урегулировать нѣкоторыя набережныя и улицы Петербургской стороны. За все это авторъ проекта требуетъ только «примѣненія закона отчужденія частной собственности, въ видахъ общественной пользы», къ тѣмъ мѣстностямъ Петербургской стороны, которыя «проектъ» предполагаетъ урегулировать; другими словами—въ основаніи проекта лежитъ дешевое отчужденіе земли и разсчетъ на повышеніе цѣнъ на дома и земли Петербургской стороны, вслѣдствіе постройки двухъ новыхъ постоянныхъ мостовъ.

— **Стоимость освѣщенія г. Яблочкова.** Въ своемъ письмѣ въ газету «Новое Время», г. Яблочковъ, между прочимъ, говоритъ: Электрическая свѣча расходуетъ въ часъ пять граммовъ своего стержня, состоящаго просто изъ кокса и цемента. Лучшій коксъ стоитъ 45 фр. за тонну, а килограммъ цементу 50 сант. Принявъ эти цифры за основаніе, мы найдемъ, что электрическій свѣтъ, замѣняющій 10,000 газовыхъ рожковъ, стоитъ всего 27 сантимовъ, тогда какъ эти 10,000 рожковъ обходятся $4^1/_5$ франка въ часъ. Никто не можетъ заподозрить въ невѣрности эти цифры, но я все-таки не признаю ихъ удобными для практическаго примѣненія. Относительно стоимости электрическаго освѣщенія, я скажу только, что гдѣ оно было примѣнено, тамъ замѣчалась очень чувствительная экономія. Напримѣръ, въ Луврѣ, гдѣ этотъ свѣтъ былъ въ употребленіи цѣлый годъ, владѣльцы магазиновъ оказались въ барышахъ на 30% и свѣтъ получался ярче газоваго. Въ заключеніе, я скажу, что прогрессъ въ удешевленіи электрическаго свѣта ясно обнаружился. Электрическая свѣча, дѣлаемая теперь на заводѣ, въ размѣрѣ отъ 3,000 до 5,000 рожковъ въ день, стоитъ всего 50 сант. въ часъ и по необходимости станетъ дешевле, когда мы будемъ приготовлять на 50,000 рожковъ въ день. Но объявить заранѣе будущій окончательный результатъ, какъ совершившійся фактъ, значило бы вводить публику въ заблужденіе».

— **Проектъ новаго водяного пути.** Изъ Берлина извѣщаютъ, что группа мѣстныхъ банкировъ вошла въ сношеніе съ нашимъ министерствомъ путей сообщенія, по вопросу о соединеніи Балтійскаго моря съ Чернымъ, т. е. рѣки Вислы до Ивангорода и ея притока Вепржъ съ Припетью и Днѣпромъ, для устройства водяного сообщенія Одессы съ Данцигомъ. Длина этого водяного пути 2,023 версты, въ числѣ которыхъ по Вислѣ 280 верстъ, по каналу вмѣстѣ съ рѣками Вепржъ и Припеть 280 верстъ и по Днѣпру 1,050, остальное по лиману до Одессы.

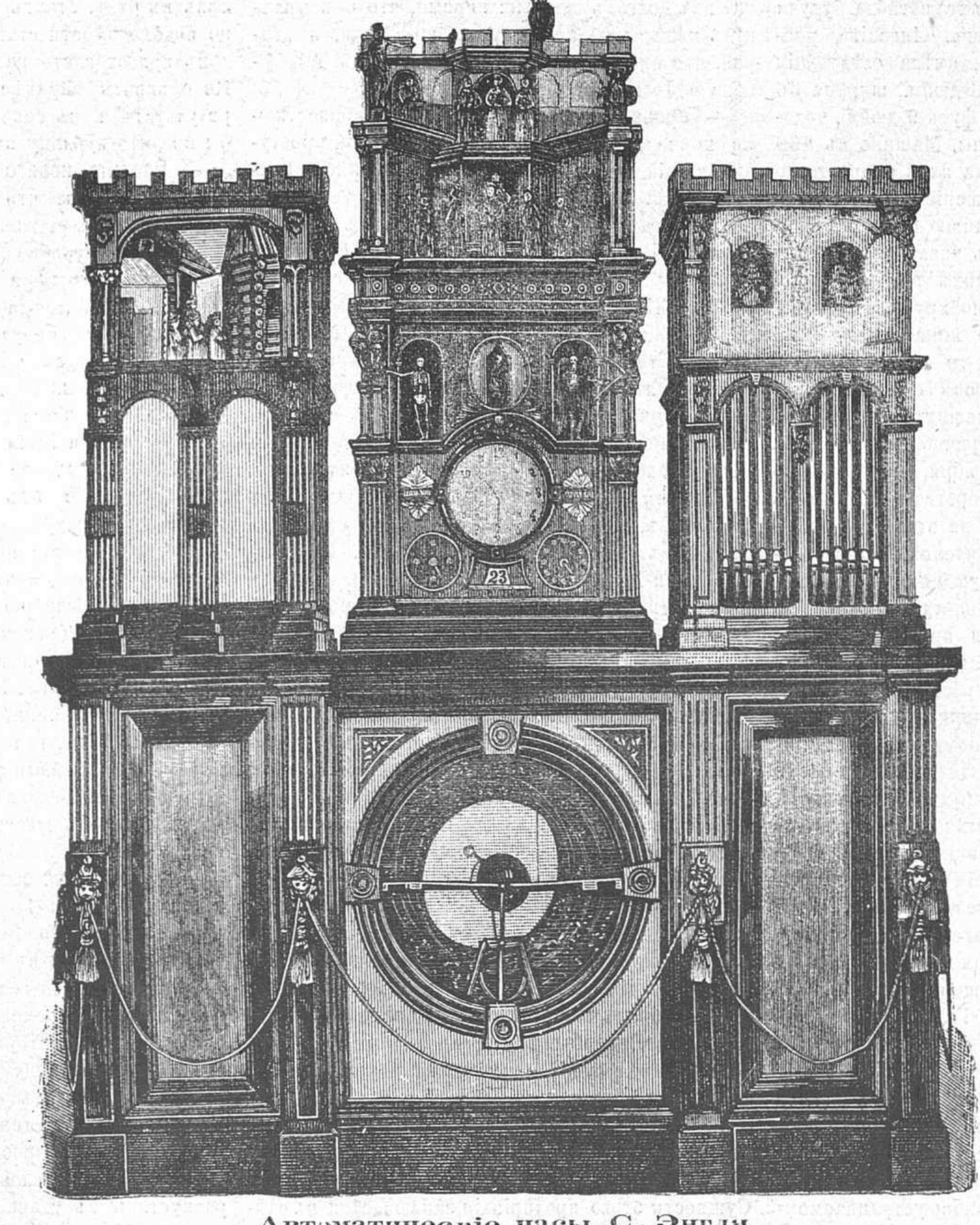
— **Излеченіе отъ водобоязни.** Французскіе медицинскіе журналы приводятъ интересный фактъ, что русскіе врачи, Лебедевъ и Шмидтъ, излечили отъ водобоязни 12-ти лѣтнюю дѣвочку, укушенную бѣшеною собакою въ руку, послѣ того, какъ проявились уже всѣ симптомы зараженія: трудность глотанія, одышка, конвульсіи, спазмы дыхательныхъ органовъ, полная потеря сознанія. Примѣненное этими врачами средство—былъ кислородъ, который дали вдыхать больной два раза, въ первый разъ въ размѣрѣ 3-хъ кубическихъ футъ, во второй—въ продолженіи 45-ти минутъ. Черезъ мѣсяцъ дѣвочка уже выздоровѣла совершенно.

— **Поваренная соль, какъ средство отъ лихорадки.** Во время 18-ти-лѣтнихъ научныхъ экскурсій своихъ по Венгріи и Америкѣ, докторъ Брокъ убѣдился въ чрезвычайной дѣйствительности поваренной соли, какъ средства противъ сильнѣйшихъ перемежающихся лихорадокъ. Способъ леченія, который онъ рекомендуетъ, состоитъ въ слѣдующемъ: обыкновенную поваренную соль слѣдуетъ прокалить въ печкѣ, пока она не приметъ темнобураго цвѣта жженаго кофе. Затѣмъ взрослому человѣку слѣдуетъ взять добрую столовую ложку этой соли и, распустивъ въ стаканѣ горячей воды, выпить залпомъ. Утолять возбужденную такимъ пріемомъ жажду, слѣдуетъ лишь въ томъ случаѣ, если она дѣлается невыносимою и то самымъ незначительнымъ количествомъ воды, которую лучше всего всасывать черезъ соломинку. Точно также въ теченіи 48 часовъ послѣ пріема, слѣдуетъ воздерживаться отъ всякой пищи, кромѣ мясного или куринаго бульона, а затѣмъ, вообще, поддерживать діэту и остерегаться простуды. Пріемы соли слѣдуетъ производить на утро дней слѣдующихъ за лихорадочными, но отнюдь не въ день пароксизма. Брокъ утверждаетъ, что ему еще не случалось ни разу замѣтить недѣйствительности этого радикальнаго средства.

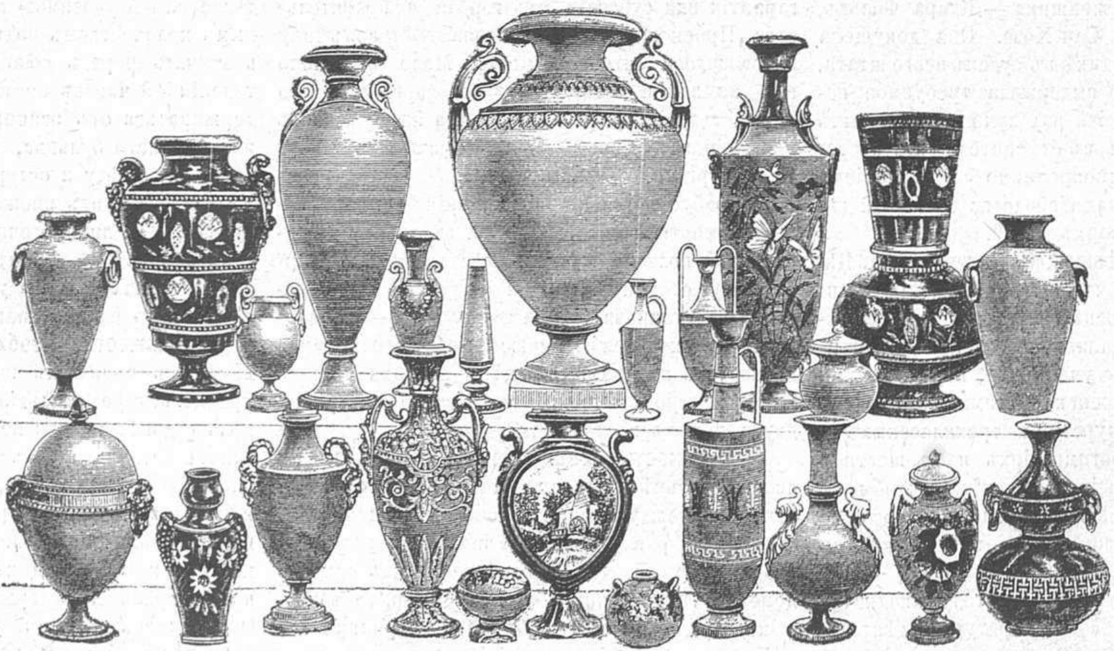
— **Количество необходимой пищи.** Докторъ Михольсъ произвелъ надъ самимъ собою рядъ крайне интересныхъ діэтетическихъ опытовъ, съ цѣлью доказать, что не усиленное питаніе составляетъ источникъ силъ человѣка и содѣйствуетъ развитію его организма, а правильный подборъ пищевыхъ веществъ, причемъ самое количество принимаемой пищи должно быть сведено до возможнаго минимума. Докторъ Михольсъ отличался всегда крайнею воздержностью и умѣренностью. Онъ встаетъ въ 5 ч. утра, принимаетъ пищу лишь два раза въ день, такъ какъ считаетъ долгіе промежутки между пріемами пищи болѣе выгодными для организма, чѣмъ короткіе. Легкій сонъ передъ обѣдомъ (отнюдь не послѣ), по его мнѣнію, весьма подкрѣпляетъ. Приступивъ къ своимъ діэтическимъ опытамъ, которые длились непрерывно 6 недѣль, докторъ тщательно взвѣшивалъ всю принимаемую имъ пищу, не принимая при этомъ въ разсчетъ содержащуюся въ пищевыхъ веществахъ воду, которая не принадлежитъ къ питательнымъ веществамъ. Яйца и молоко—онъ считаетъ лучшею пищею; въ подспорье имъ онъ предлагаетъ хлѣбъ, плоды и овощи. Втеченіе первой недѣли, докторъ питался исключительно этими веществами и совершенно воздерживался отъ мяса, вина, пива,

спиртныхъ напитковъ, чая, кофе и табака; при этомъ имъ было принято всего, въ общей сложности, 3,8 фунта различныхъ припасовъ, т. е. по $1/2$ фунта въ день. Впродолженіи второй недѣли онъ питался исключительно овощами и потребилъ ихъ 4,2 ф., т. е., 0,6 ф. въ день. Затѣмъ, впродолженіи слѣдующихъ четырехъ недѣль онъ постепенно свелъ количество принимаемой пищи (также овощей) до 0,4 ф. въ день. Втеченіе всего этого времени онъ чувствовалъ себя совершенно здоровымъ и бодрымъ. Вѣсъ его тѣла уменьшился слегка лишь къ концу четвертой недѣли. Руководствуясь этими опытами, докторъ Михольсъ утверждаетъ, что минимумъ количества пищи, необходимый для поддержанія здоровья и бодрости взрослаго человѣка составляетъ $5/7$ ф. въ день и не совѣтуетъ никогда переходить за максимумъ $1\frac{1}{8}$ ф. Между тѣмъ, другіе современные врачи опредѣляли до сихъ поръ эту норму въ $2\frac{1}{2}$ и даже до $3\frac{3}{4}$ ф. въ день. «Будьте воздержны» «и умѣренны, говоритъ докторъ Михольсъ, и вы навсегда будете застрахованы отъ разстройства пищеваренія. Питайте столь же умѣренно дѣтей вашихъ и вы уменьшите ихъ смертность. Только умѣренная пища даетъ здоровую кровь и въ состояніи продлить человѣческую жизнь».

— **Дѣйствительно-полезный охотникъ.** Одинъ офицеръ главнаго штаба англійской арміи въ Индіи, маіоръ Пробайнъ, въ прошедшемъ году, убилъ въ Колдашскомъ округѣ 400 тигровъ. Услуги, которыя онъ оказалъ странѣ, освободивъ ее отъ такого множества этихъ свирѣпыхъ животныхъ, заставили замолчать нѣкоторыхъ изъ туземцевъ, считающихъ, что убить тигра — это значитъ совершить святотатство.

Автоматическіе часы С. Энгля.
На парижской всемірной выставкѣ.

Вазы Уаткомба.
На парижской всемірной выставкѣ.

Телеграммы.

Вѣна, 16-го октября. Газетѣ «Politische Correspodenz» передаютъ изъ Константинополя: «Болгарское возстаніе распространилось на нѣсколько округовъ Румеліи и сѣверной Македоніи. Инсургенты истребили три роты турецкихъ регулярныхъ войскъ. Мѣстопребываніемъ центральнаго комитета служитъ Кюстендиль. Славянскіе комитеты въ Россіи доставляютъ деньги и оружіе. Цѣль возстанія состоитъ въ соединеніи Румеліи, Фракіи и Македоніи съ Болгаріею въ болгарское царство. Численность инсургентовъ считаютъ въ 12,000 человѣкъ; къ нимъ, говорятъ, присоединится милиція болгарскаго княжества, вслѣдствіе чего число ихъ возрастетъ по меньшей мѣрѣ до 30,000.

«Жалоба Порты по поводу заявленій князя Дондукова-Корсакова относительно скораго соединенія Румеліи и Болгаріи, отвергнута княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, какъ подозрѣніе, лишенное основанія.

Берлинъ, 18-го октября. Англійская дипломатія обратилась къ западнымъ державамъ съ приглашеніемъ сдѣлать Россіи коллективное представленіе по поводу русской политики въ Болгаріи. Германское правительство имѣетъ очень мало желанія облегчить Англіи занятіе Галлиполи и отвѣчало отказомъ на предложеніе Салисбюри.

Лондонъ, 20-го октября. Ультиматумъ британскаго правительства къ эмиру требуетъ, какъ сообщаютъ газетѣ «Daily News» изъ Симлы, отъ 31-го октября, чтобъ эмиръ представилъ полное извиненіе, принялъ британское посольство и выполнилъ другія условія. Въ Симлѣ не думаютъ, чтобъ эмиръ принялъ этотъ ультиматумъ, но полагаютъ, что онъ вступитъ вскорѣ въ переговоры.

— 20-го октября. «Агентству Рейтера» телеграфируютъ изъ Симлы, отъ 31-го октября: «По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, отвѣтъ эмира вовсе неудовлетворителенъ. Эмиръ не представилъ извиненія, и вообще обнаружилъ мало наклонности къ мирному разрѣшенію дѣла. Тѣмъ неменѣе, англійское правительство рѣшило предоставить эмиру послѣдній случай къ тому, чтобъ избѣгнуть войны, пославъ ему ультиматумъ, въ которомъ оно перечислило свои условія и потребовало быстраго отвѣта.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

При этомъ нумерѣ «Живоп. Обозрѣн.» разсылаются гг. подписчикамъ приложенія: № 19 и 20-й «Парижскія Моды» и копія съ картины Рубенса «Снятіе со креста».

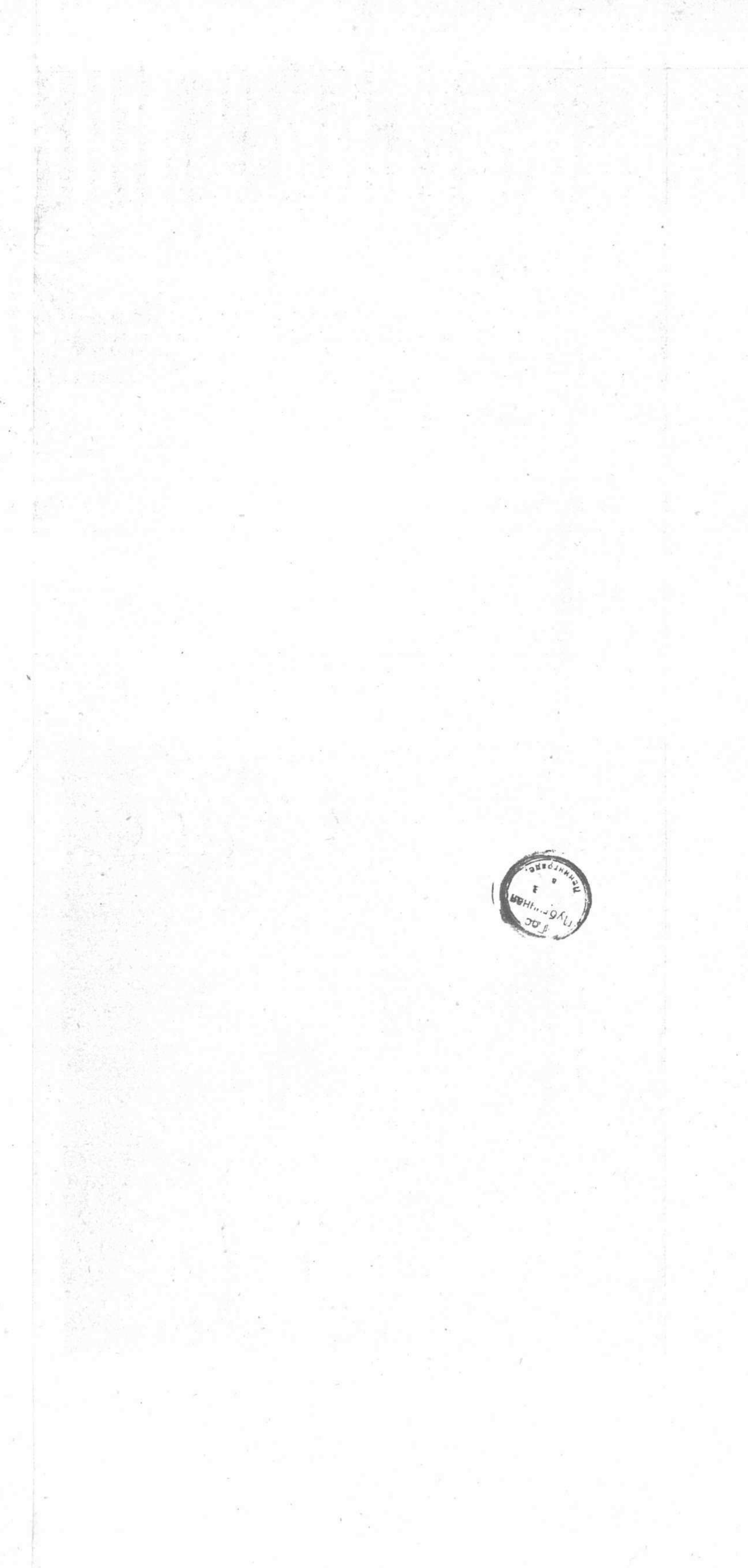
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 Октября 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

Дозволено цензурою, СПб. 18 Октября 1878 г.

Типографія Императорской Академіи Наукъ (В. О. 9 л. № 12.)

СНЯТІЕ СО КРЕСТА.

№ 45. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода – 4 руб.; на 3 мѣсяц. – 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 5 Ноября 1878 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

ИЛЛЮСТРАЦІИ КЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Странникъ, сказка А. Михайлова.

Рисовалъ Далькевичъ, рѣзалъ на деревѣ А. Шлипперъ.

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ на 1879 годъ.

Журналъ «**ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ**» будетъ издаваться въ будущемъ, 1879 году, по той же програмѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ настоящемъ, 1878 году.

Гг. годовые подписчики получаютъ при подпискѣ премію, уже полученную Редакціею и состоящую изъ **олеографической картины.**

Втеченіе года будетъ выдана вторая художественная премія, тоже **олеографія**, а также **иллюстрированная литературная премія.** Кромѣ того Редакція въ свое время предложитъ гг. подписчикамъ еще одну премію по своему выбору, какъ она это сдѣлала и въ нынѣшнемъ, 1878 году, съ преміей «**Свѣточи Христіанства**».

Въ первыхъ нумерахъ будущаго, 1879 года, между прочими, появятся слѣдующія произведенія: «*Мужъ и жена*», романъ **А. Михайлова**; поэма **Омулевскаго**; «*Лѣсное Хозяйство*», статья **Н. В. Шелгунова**; «*Козелъ отпущенія*», повѣсть **Н. И. Северина** и повѣсть **К. М. Станюковича.** Изъ гравюръ, между прочимъ, будутъ помѣщены копіи съ картинъ: **Брюлова, Гуна, Мещерскаго** и **Шварца.**

Редакція намѣрена въ будущемъ году дать рядъ копій съ картинъ **русскихъ** художниковъ, а также біографіи и портреты замѣчательныхъ **русскихъ** дѣятелей изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ нашей общественной дѣятельности. Эти біографіи будутъ составляться подъ редакціей **А. К. Шеллера (А. Михайлова)** и **Н. И. Шульгина.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣсяца.
Безъ пересылки....................	**6 р.**	**3 р. 50к.**	**1 р. 80 к.**
Съ пересылкою, и доставкою........	**7 р.**	**4 р.**	**2 р.**

Подписка принимается: Въ Главной Конторѣ Журнала «**Живописное Обозрѣніе**» въ С.-Петербургѣ, Новый проспектъ, домъ № 20.

Разлука.

Разсказъ **Сальватора Фарина.** Перев. съ итальянскаго **П. В. Га—на.**

(*Окончаніе.*)

III.

Жили мы въ отдѣльномъ домикѣ, вдали отъ шумнаго центра города, въ одномъ изъ предмѣстьевъ его, и были вполнѣ счастливы. Изъ оконъ нашихъ виднѣлись поле и роща, замѣнявшія намъ невсегда пріятное сосѣдство людей. Солнце освѣщало нашу квартиру съ утра до полудня, и придавало всей нашей мебели какой-то праздничный видъ.

Старый дядя Нины ни за что не хотѣлъ остаться жить одинокимъ въ прежней квартирѣ, и потому перебрался къ одной изъ сестеръ своихъ, жившей въ томъ же городѣ.

Мы были одни съ нашими грёзами и планами на будущее; и этого было для насъ совершенно достаточно; всякое другое общество только стѣсняло бы насъ. Настоящее и будущее казалось намъ какимъ-то чуднымъ сновидѣніемъ. Нина была для меня вполнѣ очаровательное существо. Она такъ обворожительно улыбалась; ея взглядъ проникалъ въ сердце и какъ бы ласкалъ; а голосъ Нины звучалъ той гармоніей, которая вселяетъ желаніе слушать полную мелодіи рѣчь, не только всю жизнь, но и за гробомъ, какъ сказалъ одинъ изъ поэтовъ сѣвера.

Болѣе всего очаровывало меня въ Нинѣ ея рѣдкая мягкость движеній, когда она подходила ко мнѣ и, положивъ свои ручки на мои плечи, не произнося громкихъ словъ, говорила мнѣ: «я люблю тебя!» всѣмъ существомъ своимъ и глубоко западавшимъ мнѣ въ душу чарующимъ взглядомъ небесной лазури очей. Могу увѣрить читателя, что при всемъ желаніи отыскать въ своемъ прошедшемъ или настоящемъ женщину, которая любила бы его такъ, какъ Нина любила меня, онъ едва ли найдетъ. Прибавлю для тѣхъ, кто сходитъ съ ума, какъ и я отъ дамскихъ ножекъ, что Нина обладала такими миніатюрными ножками, какія могутъ только присниться во снѣ. И каждый разъ, какъ я надѣвалъ ей туфли, или ботинки, на что выговорилъ себѣ безусловное право въ день свадьбы, я приходилъ въ восторгъ, и при этомъ, разумѣется, покрывалъ поцѣлуями ея ножки. А что за волосы были у Нины: длинные и густые, волнистые и мягкіе, какъ лебяжій пухъ; и сознавая достоинство своихъ чудныхъ съ золотистымъ отливомъ волосъ, она носила ихъ распущенными волнами, лежавшими у ней за плечами. Однимъ словомъ, Нина была для меня совершенствомъ. Но какъ и въ солнцѣ есть пятна, такъ и у Нины былъ недостатокъ; но только одинъ: она не могла перейдти изъ одной комнаты въ другую, чтобы не прихлопнуть за собою дверь. Нина привыкла къ этому, живя съ дядей, который, страдая ревматизмомъ, боялся малѣйшаго сквозного вѣтра, и всегда требовалъ отъ племянницы, чтобы она плотно притворяла за собою двери. И когда работая за письменнымъ столомъ, я вздрагивалъ отъ шума, съ какимъ Нина запирала двери, и желалъ выразить ей свое неудовольствіе, но, взглянувъ на ея прелестное личико, я не рѣшался сдѣлать ей замѣчаніе. Тѣмъ не менѣе, я напрасно старался спокойно переносить этотъ единственный ея недостатокъ. Не нарушая скромности, я готовъ выдать себѣ атестатъ въ томъ, что въ отношеніи Нины имѣлъ полное право считать себя почти безукоризненнымъ мужемъ.

Я оставлялъ ее одну, по возможности, рѣдко, и то на самое короткое время; я никогда не противорѣчилъ ей; всегда старался предупреждать ея желанія и никогда не говорилъ съ ней сурово или жестко, а мягко и дружески. Этого мало, въ тѣ дни, когда нездоровилось Нинѣ, и она казалась менѣе веселою, я продѣлывалъ множество глупостей, чтобы поддержать въ ней веселое расположеніе духа. Но по свойственной мнѣ откровенности, я долженъ признаться, что и у меня былъ хотя и не большой, но все же недостатокъ. Я былъ чрезвычайно разсѣянъ. Такъ, иногда, погруженный въ мысли о занимавшемъ меня предметѣ, я не замѣчалъ, что Нина, смѣясь сама, напрасно ждала и моей улыбки; а случалось и такъ, что на ея забавную и милую выходку, я отвѣчалъ серьезнымъ видомъ неодобренія. Все это наводило меня на недобрую мысль, что судьбѣ, соединившей парочку, подобную намъ, узами Гименея, вовсе не было желательно олицетворить въ нашемъ союзѣ супружеское согласіе.

Какъ то разъ я былъ разсѣянъ болѣе обыкновеннаго, а Нина въ этотъ день затворяла за собою двери съ особеннымъ шумомъ. Я не выдержалъ, и у меня вырвалось громкое «О!»

Нина услышала мое восклицаніе, и я поспѣшилъ выразить ей сожалѣніе. Напрасно! Когда она потомъ вошла въ мой кабинетъ, то уже осторожно, и тихо притворила за собою двери. Удары страшнаго молота Вулкана не могли бы заставить меня быстрѣе вскочить съ кресла, я бросился къ Нинѣ, обнялъ и разцѣловалъ ее, и мы оба смѣялись отъ чистаго сердца. Но все же явилось сознаніе въ томъ, что у каждаго изъ насъ есть свои недостатки.

Не смотря на всѣ усилія, Нинѣ не удавалось избавиться отъ странной привычки ея; только замѣчу при этомъ, что всякій разъ какъ она съ шумомъ запирала двери, она дѣлала гримасу, въ которой выражалось и сожалѣніе, и желаніе подразнить меня, что придавало ея личику еще болѣе прелестное выраженіе.

Я также, попрежнему, неодобрительно покачивалъ головой, и не кстати казался озадаченнымъ, когда во время моихъ соображеній о какихъ-нибудь пустякахъ, Нина обращалась ко мнѣ или съ вопросомъ, или съ милою шуткой. Такъ началось у насъ второе полугодіе съ минуты заключенія нашего въ оковы Гименея; но за то всѣ первые шесть мѣсяцевъ были для насъ тѣмъ, чѣмъ для другихъ бываетъ только медовый мѣсяцъ. Мы не замѣчали ни малѣйшей тѣни неудовольствія другъ на друга, за все первое полугодіе съ перваго дня нашей свадьбы.

Въ одинъ изъ жаркихъ іюльскихъ дней, когда солнце такъ горячо припекаетъ людей, Нина и теперь еще увѣряетъ меня, что она первая мнѣ сказала тогда: «Какъ желала бы знать я, о чемъ ты такъ часто мечтаешь? И что за мысли у тебя на умѣ?» И повѣритъ-ли читатель тому, что будто я первый оскорбилъ ее какимъ-то не вполнѣ нѣжнымъ восклицаніемъ, которое, впрочемъ, будто я самъ только понялъ тогда, когда оно уже на половину сорвалось у меня съ языка?

Но случилось такъ, что одинъ изъ насъ отвѣтилъ немного жестко, а другой возразилъ уже болѣе дерзко; затѣмъ посыпались взаимныя колкости и насмѣшки, а потомъ и горькіе упреки другъ другу. Но эта размолвка кончилась тѣмъ, что глазки Нины были на столько же полны слезъ, на сколько сердце мое переполнено было чувствомъ обиженнаго самолюбія. Подобная ссора повторилась вскорѣ и кончилась, какъ и первая,— у Нины слезами, а у меня накипѣвшею горечью въ сердцѣ. И наши ссоры повторялись все чаще и чаще.

— Этой жизни я больше выносить не могу! сказала мнѣ Нина.

— Я также нахожу, что выносить ее долго нельзя! возразилъ я.

— Да? ты также находишь? А я прямо скажу что несчастна съ тобою! И что уже цѣлый годъ, какъ ты тиранишь меня!

— Всего только десять мѣсяцевъ, поправилъ я Нину.

— Тебѣ мѣсяцы могутъ казаться годами; мнѣ

Это не такъ кажется долгимъ. Но видно по всему, что счастье наше намъ надоѣло. Я убѣждена, что ты будешь ненавидить меня; даже, быть можетъ, уже ненавидишь теперь! Но знай, что и я въ состояніи буду возненавидѣть тебя!

А мнѣ хотѣлось поднять разгнѣванную Нину, и съ торжествомъ пронести ее, подъ градомъ поцѣлуевъ, по всѣмъ тремъ комнаткамъ нашего домика. Но Нина предупредила меня, разсмѣясь и сказавъ:

— Но будетъ, довольно!

И въ эту минуту я желалъ упасть передъ ней на колѣни, и заявивъ глубокое раскаяніе въ причиненномъ ей горѣ, просить прощенья у ней. Было и другое желаніе, обнять Нину и такъ цѣловать ее, чтобы она вполнѣ убѣдилась въ глубокой искренности моей привязанности къ ней. Въ эти минуты мнѣ приходили мысли, какія только могутъ придти самому образцовому мужу. Но, взглянувъ на Нину, я напрасно ждалъ отъ ней слова примиренія; она только пожала плечами въ отвѣтъ на мой взглядъ. Я подошелъ къ ней поближе, чтобы обнять ее, а Нина отвернулась отъ меня, и вышла изъ комнаты.

Что же мнѣ было дѣлать тогда? Я также вышелъ, но въ другую дверь, и считая себя глубоко обиженнымъ, сходя съ крыльца, уже чувствовалъ угрызенія совѣсти за одну рѣшимость привести въ исполненіе задуманное мною мщеніе.

Въ сильномъ волненіи ходилъ я около нашего домика; дальше уйдти я не могъ, и какъ-то невольно глаза не могли оторваться отъ него, какъ отъ жилища, въ которомъ обитало мое счастье.

Въ эти минуты невыразимыхъ душевныхъ страданій, вдругъ вспомнилъ я о нашихъ прежнихъ друзьяхъ, Сульпиціо и Консетѣ!

Я, конечно, пожалѣлъ при этомъ, что нѣтъ у насъ, какъ были у нихъ, примирителей въ минуты семейной размолвки. Но эту мысль я тотчасъ прогналъ отъ себя, глубоко сознавая, что допустить посредника между мною и Ниной, я никогда не рѣшусь.

Я сказалъ себѣ: «Это въ первый разъ случилось; но кто знаетъ въ послѣдній-ли разъ? Къ ней вернуться ты долженъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Ты обязанъ быть ласковымъ съ Ниной, и увѣрить ее, что больше не будешь сердить ее. Но какъ же все это я скажу Нинѣ, когда она не хочетъ меня слушать? Но такъ-ли это? Вѣрнѣе всего, что на первое доброе мое слово, Нина отвѣтитъ мнѣ поцѣлуемъ. Тогда всѣ оправданья напрасны, и мы отъ души будемъ оба смѣяться!» Подобная мысль не разъ и не два приводила меня къ порогу; но столько же разъ я снова удалялся отъ него. Наконецъ, я рѣшился перейти Рубиконъ; быстро взошелъ на крыльцо, и мгновенье спустя я стоялъ передъ Ниной, которая, завидѣвъ меня, вся въ слезахъ, встрѣтила меня у дверей. Закрывъ руками свои глазки, она молчала. Обнявъ Нину и войдя съ нею въ комнату, я посадилъ ее къ себѣ на колѣни; нѣжно отвелъ руки ея отъ лица и склонясь надъ нею просилъ прощенья у ней. Но вмѣсто того, чтобы простить меня, Нина проливала только горячія слезы, припавъ головкой къ моему плечу.

О, какъ сильно билось тогда у меня сердце!

Но что же могло случиться въ такое короткое время, когда я бродилъ кругомъ нашего дома? Снова слова утѣшенья и ласки, но все было напрасно! Нина продолжала все плакать. И когда я выразилъ опасеніе на счетъ здоровья ея, то она вдругъ сказала мнѣ:

— Она умерла!

— Кто?

— Консета, бѣдная Консета!

Я замолчалъ. По правдѣ сказать, смерть старушки близко меня не касалась, и тревожить меня не могла. Добрая Консета уже нѣсколько лѣтъ какъ пережила положенный псалмопѣвцемъ Давидомъ предѣлъ людской жизни, такъ какъ ей далеко было за семьдесятъ лѣтъ. Но все же я считалъ своимъ долгомъ раздѣлить грусть и огорченіе Нины о кончинѣ доброй старушки. И когда Нина наплакалась вдоволь, то сказала глубоко взволнованнымъ голосомъ:

— Теперь, наконецъ, они въ разлукѣ!

— Кто же тебѣ о томъ сообщилъ?

— Одна изъ подругъ, навѣстившихъ меня. Бѣдняжка Консета третьяго дня вдругъ скоропостижно умерла.

— А Сульпиціо, съ нимъ что?

— Онъ въ отчаяніи. Молчитъ, какъ убитый, и глубоко пораженъ смертью жены.

— Я пойду его навѣстить.

— Поспѣши это сдѣлать, мой другъ!

Я отправился. Когда я пришелъ—увы! Бѣдное сердце Сульпиціо не вынесло страданій одиночества. Въ ту же ночь, когда за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, вынесли тѣло дорогой его спутницы жизни, Сульпиціо легъ на опустѣвшую кровать въ твердомъ убѣжденіи, что наступающаго утра не увидитъ болѣе.

Застывшая на устахъ улыбка, какъ бы передавала мнѣ его послѣднюю мысль: «насъ разлучить не могла даже смерть!» Въ грустномъ настроеніи я вернулся домой. Молча обнялъ я Нину, ничего не сказавъ о Сульпиціо. Но Нина и безъ словъ меня поняла и, печально склонивъ головку свою ко мнѣ на плечо, сказала:

— Паоло!

— Нина!

И бросивъ на меня испытующій взглядъ, какъ бы желая прочесть мои мысли, Нина шепотомъ спросила тогда:

— Мы также, Паоло! Не правда-ль?

Сельское кладбище.

Стих. Нико Ники.

Въ концѣ села зоветъ прохладой.
У бѣлой церкви старый кленъ,
Гдѣ деревянною оградой
Покой умершихъ огражденъ.

Какъ тихо тамъ! Погостъ старинный
Заросъ высокою травой,
Кругомъ ложится тѣнью длинной
На дернъ могилъ кленъ вѣковой...

Быть можетъ, скоро часъ урочный
Пробьетъ и я оставлю міръ;
Захлопнутъ гробъ доскою прочной,
Споетъ мнѣ «память» черный клиръ;

Могильщикъ въ яму гробъ зароетъ,
Придавитъ черною землей...
Кто-жь, другъ, глаза мои закроетъ?
Кто будетъ плакать надо мной?

На сельскомъ кладбищѣ-ль убогомъ,
Подъ покосившимся крестомъ,
Сгніетъ мой трупъ въ молчаньи строгомъ,
Покрытый высохшимъ листомъ?

Иль въ упокойницѣ парадной,
Среди обители святой,
Мой гробъ свинцовый и нарядный
Придавятъ мраморной плитой?

Не все-ль равно?... Но у могилы,
Дай Богъ, чтобъ кто-нибудь сказалъ:
«Не даромъ онъ потратилъ силы
И пѣсни добрыя слагалъ».

Гугенотское движеніе во Франціи.

Исторія феодальной реакціи во Франціи въ 16 и 17 вѣкахъ, И. В. Лучицкаго.

(*Продолженіе.*)

IV.

Рядомъ съ борьбою оружіемъ, гугеноты вели борьбу печатнымъ словомъ. Памфлеты, выпускаемые ими въ большомъ числѣ, лучше всего отражали перемѣну ихъ взглядовъ.

Идеи, высказываемыя здѣсь, исходили отъ защитниковъ феодальнаго строя; самый радикальный изъ публицистовъ-католиковъ, Готоманъ, прямо формулируетъ, что господство черни столь же гибельно, какъ и господство тирана. Аристократія Богомъ установлена для ограниченія королевской власти—то лучшіе люди. Но впослѣдствіи аргументы, приводимые за ограниченіе въ пользу аристократіи, были примѣнены къ дѣлу и развиты буржуазіей въ приложеніи къ себѣ. «Народъ, по ученію публицистовъ кальвинистской партіи, самъ создалъ правительство и создалъ его для своего собственнаго блага. Во всѣхъ странахъ, въ царствѣ Израиля, какъ и во французскомъ государствѣ, короли обязаны своимъ существованіемъ исключительно народному избранію. Народъ, избирая ихъ, заключилъ съ ними договоръ, по которому они обязаны блюсти его пользу. Подобно капитану корабля, король — не иное что, какъ управитель государства, народъ—собственникъ. Онъ долженъ соблюдать выгоды народа, и его званіе не почесть, а трудъ».

Какъ хранитель законовъ, дѣятель на пользу общую, король, такимъ образомъ, является въ глазахъ гугенотовъ просто первымъ между равными. Безъ согласія представителей народа онъ не вправѣ ни заключать мира, ни начинать войны, ни распоряжаться единолично распредѣленіемъ податей и даже входить въ самые необходимые расходы.

Такой критикѣ принципъ монархической власти подвергся во Франціи впервые. Жакерія и другія, ранѣе бывшія, крестьянскія возстанія не имѣли никакой программы дѣйствія. Альбигойцы на югѣ Франціи представляютъ уже большую выработку стремленій. Но наука устами юристовъ впервые формулировала во Франціи настоящую программу дѣйствія, именно въ памфлетахъ гугенотскихъ публицистовъ. Юристы французскіе—соль буржуазіи—выразили идеи, сознаваемыя всѣмъ сословіемъ.

Оглядываясь на это время, начало движенія, мы видимъ, что протестантизмъ внесъ въ народныя массы принципъ свободы изслѣдованія въ религіи, дальнѣйшимъ развитіемъ чего, какъ мы видѣли у Кальвина, напр., было отрицаніе и свѣтской власти, если она еретична. Такимъ образомъ, принципъ авторитета, полной безконтрольной власти, съ одной стороны, при слѣпомъ подчиненіи—съ другой, былъ замѣненъ принципомъ свободы мысли и изслѣдованія и власти, подчиненіе которой теперь обусловливалось ея отношеніемъ къ народу, ею управляемому.

Правда, это была только область права, но мы ниже увидимъ, какъ отвлеченное право начинаетъ осуществляться въ формѣ конкретныхъ фактовъ.

Новое отношеніе къ власти и проистекшая отсюда борьба вызывались и поддерживались самымъ положеніемъ вещей. Въ борьбѣ должны были принять участіе всѣ сословія. Народъ бѣдствовалъ, положеніе дворянъ было печальное При Францискѣ I, казалось, оно совсѣмъ подчинилось королю, отказавшись отъ всѣхъ своихъ правъ. Позже вербовка арміи въ средѣ сельскаго населенія должна была окончательно уничтожить привиллегированное положеніе дворянства, какъ военной силы государства. Для нихъ ставился вопросъ жизни и смерти. Протестантизмъ давалъ имъ готовыхъ союзниковъ и поводъ начать борьбу съ королевскою властью. Они примкнули къ нему и съ оружіемъ въ рукахъ отстаивали свою самостоятельность, какъ привиллегированной и независимой корпораціи.

Гражданскія войны, порожденныя религіознымъ движеніемъ, обезсилили центральную власть, дискредитировали ея авторитетъ въ глазахъ поддан-

Наставленіе передъ разлукой.

ныхъ, породивъ анархію, онѣ дали окрѣпнуть автономіи городскихъ общинъ и, раззоривъ и обезсиливъ дворянъ и умаливъ значеніе духовенства, выдвинули на первый планъ буржуазію городовъ.

Но параллельно движенію гугенотовъ, организаціи ихъ партіи, закончившейся образованіемъ дворянской коалиціи, среди католическаго населенія Франціи, было сдѣлано нѣсколько попытокъ къ образованію лиги или ассоціаціи, имѣвшей, какъ и у гугенотовъ, своею цѣлью борьбу съ гугенотами, и окончившихся образованіемъ прямо политическаго союза съ Гизами во главѣ. Недовѣріе, обнаруженное городами по отношенію къ дворянамъ, повторилось и здѣсь, только еще въ бо́льшихъ размѣрахъ. Среднее сословіе составило отдѣльную, совершенно обособившуюся партію. Относясь съ недовѣріемъ ко всѣмъ остальнымъ сословіямъ, оно не имѣло еще силъ перейдти къ наступательному образу дѣйствій, и только одинъ Парижъ обнаруживалъ прямо революціонныя тенденціи. Партія Гизовъ, такимъ образомъ, уравновѣшивалась. Вся Франція представляла нѣсколько вооруженныхъ лагерей, или, иначе говоря, находилась въ состояніи полной анархіи. На каждомъ шагу обнаруживалось крайнее безсиліе власти, ея авторитетъ палъ такъ низко, что не было той мѣры, того распоряженія, которыя она могла бы осуществить. Армія короля, не получая жалованья, грабила страну, какъ бы непріятельскую. Правительственные агенты не смѣли преслѣдовать солдатъ, хотя бы тѣ совершали и убійства. Губернаторы и начальники армій, пытавшіеся возстановить дисциплину, подвергали опасности свою жизнь.

При такомъ безотрадномъ положеніи дѣлъ не было недостатка въ печатныхъ указаніяхъ на причины его, попыткахъ начертить образъ дѣйствій, представлявшій гарантіи къ устраненію такого порядка вещей.

Выше мы уже привели нѣсколько отзывовъ публицистовъ гугенотской партіи, тѣ же аргументы приводились ими и теперь и въ заключеніи указывалось, что единственная мѣра, могущая повести къ умиротворенію и исцѣленію растерзанной Франціи,—это созваніе государственныхъ штатовъ. Такъ, одинъ публицистъ, изложивъ перечень реформъ, необходимыхъ для улучшенія положенія государства, говоритъ: «дотолѣ, пока все указанное не будетъ исполнено и генеральные штаты не будутъ созваны, не должно платить ни одного деньє налоговъ, не должно отдавать ихъ, чтобы они не послужили въ рукахъ министровъ его величества ножемъ, которымъ они перерѣжутъ намъ горло». Въ этомъ заявленіи проявляется сознаніе своей силы, какъ платящаго класса. Ниже мы увидимъ, какъ это сознаніе, примѣненное къ дѣлу, доставитъ третьему сословію побѣду надъ остальными двумя.

Недовольство и ропотъ стали такъ сильны, что одинъ изъ вѣрныхъ слугъ короля выразилъ открыто свое опасеніе, что «если король и королева-мать не перестанутъ дѣйствовать по прежнему, то можно думать, что я увижу ихъ столь же маленькими людьми, какъ и я самъ». Еще при Карлѣ IX депутація католиковъ Прованса и Дофине излагала нужды народа, приравнивая его анатомированному человѣческому тѣлу, лишенному и крови, и жира, и мяса, и получила обѣщаніе, что созваніе штатовъ состоится въ близкомъ будущемъ и мѣстомъ созванія назначалась Компьенъ. Но послѣдовавшая затѣмъ смерть Карла IX, послѣ войны съ гугенотами, дала возможность королевской власти отсрочить исполненіе обѣщанія. Но теперь всѣ частныя собранія штатовъ категорически заявили, что всѣ налагаемыя центральною властью взысканія не будутъ собраны. При этомъ предлагались разныя улучшенія—буржуазія Дофине, напр., прямо указываетъ, что необходимо равное распредѣленіе всѣхъ податей между всѣми тремя сословіями. Требовалось изъ среды «плебеевъ» избранія генеральнаго прокурора и его помощниковъ, какъ гарантія отправленія правосудія. Смѣна его не могла произойти помимо средняго сословія.

Потребность въ уплатѣ жалованья арміи, необходимость новыхъ издержекъ на наемъ солдатъ для борьбы съ гугенотами, при совершенномъ истощеніи средствъ казны, вынудило правительство обратиться къ народу, просить у присланныхъ имъ депутатовъ выдачи необходимыхъ суммъ. Не желая созывать генеральные штаты, правительство думало достигнуть своей цѣли, добыть необходимыя средства для веденія войны путемъ приглашенія представителей важнѣйшихъ городовъ Франціи, у которыхъ оно надѣялось выпросить нужную для его цѣлей сумму.

Представители 26 городовъ собрались 28 іюля 1575 г. въ Луврѣ, но на первыхъ же порахъ они показали правительству, что требованія общественнаго мнѣнія относительно созванія всеобщихъ штатовъ не только не ослабѣли, но еще болѣе усилились, и что частное собраніе, созванное королемъ, не въ состояніи удовлетворить его.

На требованіе средствъ на покрытіе издержекъ на первый разъ ни дворянство, ни духовенство не дало отвѣта; они просили отсрочки. Среднее сословіе, собравшись на второй день, единогласно постановило: «Мы не получили никакихъ полномочій на этотъ счетъ; мы призваны лишь для того, чтобы выслушать приказы короля и то, что будетъ предложено въ собраніи, и, затѣмъ, передать все это на обсужденіе тѣхъ, кто избралъ насъ депутатами». Каждый депутатъ обязался строго придерживаться этого рѣшенія изъ опасенія, чтобы высказанныя ими мнѣнія «не обязывали тотъ городъ, который отправилъ ихъ на собраніе». Депутаты средняго сословія до конца остались вѣрны своему рѣшенію. Дворянство въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ членовъ доставило королю нѣкоторыя средства и только духовенство, какъ сословіе, высказалось за снабженіе короля денежными средствами. Не меньшее фіаско потерпѣло правительство, попытавшись покрыть недостающія средства кратковременнымъ займомъ—всѣ сословія единодушно отказались отъ пособія правительству и этимъ путемъ.

Въ Парижѣ составлялись заговоры съ цѣлью перерѣзать горла «á tous ces d'Italiens». Предводитель заговора былъ казненъ; по поводу этой казни Люталь, умѣренный и мирный парижскій буржуа, выражаетъ свое удивленіе «точно будто правительство желало упрочить иноземное господство во Франціи, чтобы поработить ее и отдать во власть тиранніи». Правительство обратилось къ городу съ просьбою о денежной помощи и буржуазія воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы высказать королю о положеніи дѣлъ и дѣйствіяхъ правительства. Въ отвѣтъ на просьбу, почетные граждане Парижа явились въ королевскій дворецъ, и здѣсь, въ присутствіи короля, купеческій старшина Шарронъ въ торжественной рѣчи высказалъ рѣзкое порицаніе существовавшему до сихъ поръ порядку дѣлъ и слѣдующими словами закончилъ рѣчь: «Дотолѣ, пока вы, ваше величество, станете терпѣть все это зло и всю эту испорченность, не будетъ мира во Франціи. Мы просимъ васъ, чтобы было приступлено немедленно и возможно скорѣе къ полной реформѣ государства». Онъ грозилъ королю возстаніемъ въ томъ случаѣ, если онъ откажется выполнить требованія Парижа. Всѣ эти симптомы ясно указывали на степень опасности дальнѣйшей отсрочки созванія штатовъ. Между тѣмъ, искусный образъ дѣйствій могъ дать составъ штатовъ благопріятный правительству. Гугеноты требовали исполненія всѣхъ условій послѣдняго мира; католическая часть населенія была противъ этого, власть была безсильна. Еще аргументъ за созваніе штатовъ.

Наконецъ, правительство назначило собраніе штатовъ на 15 ноября 1576 г. въ Блуа. Это объявленіе было сдѣлано 16-го августа, три мѣсяца назначалось на выборы депутатовъ.

Слѣдовало воспрепятствовать выбору гугенотовъ въ депутаты,—такъ было рѣшено при дворѣ и сообразно рѣшенію были сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія: итальянскіе банкиры и государственные фермеры явились на помощь со своими капиталами, масса агентовъ была разослана во всѣ провинціи. Было условлено, чтобы собранія для обсужденія и производства выборовъ происходили во время обѣденъ, въ католическихъ приходахъ. Гугеноты были лишены, такимъ образомъ, возможности подавать голоса, нерѣдко ихъ просто не допускали до участія въ выборахъ.

(*Продолженіе будетъ.*)

Маніакъ.

(Съ французскаго.)

Изнуренный, поджарый, худой,
Точно волкъ, отощавшій зимою,
Онъ выходитъ на промыселъ свой
Только городъ покроется тьмою.

Здѣсь собьетъ онъ у кружки замокъ,
Тамъ прокрадется въ двери чулана,
Или стащитъ негодный платокъ
По пути изъ чужого кармана.

Льетъ-ли дождикъ, трещитъ-ли морозъ,
За добычей онъ робко плетется,
Весь въ лохмотьяхъ, — а утромъ, какъ песъ,
Спитъ въ углу, на полу, гдѣ придется.

Еле держится платье на немъ,
Онъ отъ голода часто страдаетъ,
Но что ночью добудетъ, то днемъ
Все сполна въ кабакѣ пропиваетъ.

Молча онъ осушаетъ свой штофъ,
Глядя тупо куда-то въ пространство,
Ни надеждъ, ни мечтаній, ни сновъ
Не даетъ ему мрачное пьянство.

Все пропивъ, что возможно пропить,
Онъ уходитъ съ тяжелой заботой:
Какъ бы денегъ еще раздобыть
Хоть на шкаликъ ночною работой.

Судъ и судьи знакомы ему,
Кодексъ весь уголовный онъ знаетъ,
Часто онъ попадаетъ въ тюрьму,
Часто онъ изъ нее убѣгаетъ.

Для чего? Онъ не знаетъ и самъ,
Но, попавъ подъ тюремные своды,
Бредитъ онъ на яву по ночамъ,
Какъ добиться желанной свободы.

А. М.

Аліетта.

Разсказъ Роберта Гальта.

Переводъ **С. И. Бурениной.**

(*Продолженіе.*)

Глава V.

Эмильенъ только что возвратился; я побѣжалъ въ его комнату; мы три раза поцѣловались; отъ избытка благодарности, дружбы, радости и горя глаза его наполнились слезами.

— А! взрослый ребенокъ! сказалъ я ему, обнимая его и самъ очень взволнованный,—развѣ здѣсь поселяются люди, ухаживающіе за любимыми дѣвушками?

Говоря это, я разсматривалъ его келью. На кровати темнаго дерева были нарисованы желтой краской человѣческія кости; на стѣнѣ висѣло большое распятіе; рядомъ стоялъ старый стулъ.

— Куда ходилъ ты утромъ гулять? Уже восемь дней Аліэтта живетъ въ Тору.

Онъ былъ очень удивленъ. Онъ не зналъ объ этомъ сосѣдствѣ и пришелъ, съ противуположной стороны, со стороны Ко.

Я быстро разсказалъ ему о моемъ путешествіи изъ Парижа въ Пезенасъ и оттуда въ Мужеръ, въ шарабанѣ Аліэта, разсказалъ ему и о томъ, что видѣлъ Аліэтту.

Онъ не отвѣчалъ. Его глаза задумчиво остановились на лучѣ солнца, который, пробиваясь въ щель запертаго ставня, весело освѣщалъ одинъ уголъ кельи. Бѣдный, дорогой мальчикъ! У него былъ все тотъ же видъ молодой дѣвушки; его лицо, обрамленное едва замѣтной бородой, сохранило свою юношескую прелесть его движенія были нѣсколько свободнѣе, чѣмъ прежде, но дурной покрой платья лишалъ ихъ изящества.

Онъ прервалъ молчаніе, поблагодаривъ меня за то, что я такъ скоро пріѣхалъ на его зовъ и разсказалъ мнѣ о своихъ новыхъ впечатлѣніяхъ. Только три дня, какъ онъ находился въ монастырѣ, а уже спокойствіе начало водворяться въ его душѣ; онъ чувствовалъ себя погруженнымъ въ возстановляющую ванну; виноградники распространяли благоухающую прохладу и одиночество имѣло привлекательность, передъ которой не устоялъ бы даже и я, парижанинъ.

— Но, вскричалъ я, — любимая дѣвушка и жизнь въ наши годы еще болѣе привлекательны, чѣмъ виноградныя лозы и монахи, тѣмъ болѣе что Аліэтта знаетъ теперь, что ты ее любишь!

— Ты сказалъ ей!!.

— Не насмѣхаясь надъ тобою, какъ бы ты того заслуживалъ.

— Да, вотъ уже годъ, какъ я люблю ее и она не знала этого. Мое сердце пылало, слова застывали передъ нею на моихъ губахъ. Однажды мнѣ представился отличный случай объясниться; когда я проходилъ мимо ея дома, она, шутя, выплеснула мнѣ на ноги кувшинъ воды, это было зимою. Ледяная вода, обмочившая меня съ башмаковъ до колѣнъ, — эта вода выплеснутая ея руками, была для меня величайшимъ наслажденіемъ; я хотѣлъ благодарить, благословлять ее и не могъ ;я ушелъ; она засмѣялась... Ты видѣлъ ее...

— Очень живая дѣвушка, отвѣчалъ я, — но довольно безобразная.

— Безобразная! несчастный!

— Колоритъ цыганки...

— Колоритъ... чудный, какъ янтарь; золотистый, какъ восходящее солнце!

— Эта козья мордочка...

Онъ пожалъ плечами. Бородавки возлюбленной всегда бываютъ безцѣнными брилліантами.

— Ну, сказалъ я, смѣясь, — мы возобновимъ этотъ разговоръ сейчасъ же въ ея присутствіи и она разсудитъ насъ.

Дверь отворилась; вошелъ картезіянецъ и, слегка поклонившись, сталъ въ упоръ смотрѣть на меня.

Это былъ довольно маленькій человѣкъ, болѣе безцвѣтный, чѣмъ его ряса,—кости и кожа, само изображеніе изнуренія и чахотки. Его дыханіе распространяло запахъ поста; нѣсколько клочковъ волосъ висѣли вокругъ гладкаго черепа; одни лишь сѣрые глаза сохранили нѣкоторую живость.

— Милостивый государь, вы говорите слишкомъ громко, сказалъ онъ мнѣ и затѣмъ обратился къ Эмильену:—Предполагаете-ли вы сегодня опять выйти?

— Нѣтъ, отецъ мой, отвѣчалъ Эмильенъ, — я въ вашемъ распоряженіи. Я прошу васъ извинить моего друга, который выражалъ мнѣ посвоему свои чувства ко мнѣ. Онъ пріѣхалъ изъ Парижа навѣстить меня и былъ бы очень счастливъ, я думаю, если бы вы позволили ему нѣсколько дней остаться въ монастырѣ.

— Чтожь, сказалъ картезіянецъ, немного подумавъ и внимательно вглядываясь въ меня,— мы увидимъ. Теперь же, господа, часъ обѣдни.

Онъ взялъ за руку Эмильена и спросилъ меня, не желаю-ли и я идти на службу монаховъ.

Я отвѣчалъ, что меня ждутъ и пошелъ на площадь, залитую солнцемъ и оживленную шумомъ. Большинство толпы направлялось къ церкви. Проталкиваясь между животными и людьми, я шелъ на поиски за моими товарищами по путешествію, т. е., вѣрнѣе, за Аліэттой. Мой планъ былъ готовъ: я имѣлъ твердое намѣреніе вполнѣ раскрыть молодой дѣвушкѣ чудную душу моего друга, своимъ краснорѣчіемъ воспламенить ее любовь къ нему и соединить эти два сердца навсегда.

Но нигдѣ не видно было Аліэтты, или когонибудь изъ моихъ товарищей по путешествію. Я забылъ, что они были у обѣдни. Предавшись моимъ размышленіямъ я слѣдилъ глазами за хорошенькими парочками, томно бродившими по виноградникамъ и за группами, которыя тамъ и сямъ на лужайкахъ на берегу рѣки приготовляли завтракъ или пили, въ ожиданіи его.

— Ахъ, они украли вино!

Я обернулся. Говорилъ ребенокъ, которому Аліэтъ поручилъ стеречь свои бутылки.

— Господинъ, я ихъ хорошо стерегъ! продолжалъ онъ, рыдая;—я только побѣжалъ за бабочкой... господинъ, не говорите этого... Когда я вернулся, они украли всѣ четыре бутылки! Я думаю, это молодые люди изъ Ко, они все ходили мимо меня... Боже мой, Боже мой! Мои два су! г. Аліэтъ обѣщалъ мнѣ два су!

Онъ былъ въ отчаяніи.

— Гдѣ г. Аліэтъ?

— У обѣдни съ Аліэттой.

Я далъ пятьдесятъ сантимовъ мальчугану, который, вскрикнувъ, прыгнулъ, какъ заяцъ, и скоро исчезъ изъ виду. Такимъ образомъ, драгоцѣнныя бутылки «вина боговъ» были украдены!

Я пошелъ къ церкви, чтобы предложить Аліэттѣ руку, когда она будетъ выходить.

Народъ, непомѣстившійся въ церкви толпился у открытой двери. Я пробрался въ церковь. На кафедрѣ толстый священникъ, съ широкимъ ртомъ, проповѣдывалъ на самомъ отчаянномъ французскомъ языкѣ о мукахъ ада и о небесномъ блаженствѣ. Хорошо управляемый голосъ, то звучалъ нѣжно, то гремѣлъ, какъ громъ. Слушатели были глубоко тронуты. Я сталъ на цыпочки, чтобы поискать въ толпѣ Аліэтту, какъ вдругъ увидѣлъ ея отца.

Въ двухъ шагахъ отъ меня содержатель экипажей плакалъ на-взрыдъ. Я подошелъ къ нему и шепнулъ:

— Ваши бутылки украдены!

Онъ обернулся ко мнѣ, какъ бы непонимая.

— Да, г. Аліэтъ, молодые люди изъ Ко украли ваше вино, которое вы поставили на холодъ.

— О!

Онъ схватилъ меня за шиворотъ и закричалъ:

— Я ихъ убью!

Потомъ, не утеревъ слезъ, сопровождаемый шиканьемъ публики, онъ, какъ ураганъ, выскочилъ изъ церкви.

Глава VI.

Я достоялъ службу до конца. У выхода Аліэтта первая замѣтила меня и подошла ко мнѣ съ тетушкой Кристофоръ, которая, при извѣстіи о покражѣ бутылокъ, жалобно опустила голову и, казалось, вся ушла въ свою шляпку съ голубыми перьями. Аліэтта не выразила никакого волненія: вино для молодыхъ дѣвушекъ составляетъ самую меньшую изъ ихъ заботъ, въ особенности на югѣ, гдѣ онѣ очень рѣдко пьютъ вино. Но она была голодна; она умирала отъ голода, сказала она, и если ея отецъ убѣжалъ за бутылками, можно начать завтракать и безъ него. Она вытащила изъ шарабана провизію и присоединилась съ нею къ семейству Ангазеръ, уже сидѣвшему на травѣ, въ двухъ шагахъ отъ насъ. Они любезно предложили намъ сѣсть съ ними,—я забылъ сказать, что при выходѣ изъ церкви я купилъ пару жареной дичи, — и пикникъ начался. Кругомъ всѣ ѣли; громкая работа челюстей, сопровождаемая пронзительными звуками смѣха или пѣсни, наполняла пространство; солнце золотило зелень общей скатерти. До сихъ поръ я не видалъ никогда такого яркаго свѣта, такого синяго неба. Видѣнія востока проносились передъ моими глазами; вино способствовало этому; оно было безъ примѣси, хорошее. Каково же должно было то, за которымъ бѣгалъ Аліэтъ?

Вдругъ я замѣтилъ его на другомъ концѣ луга. Его лицо было также обильно орошено, какъ и во время обѣдни, но уже не отъ чувства религіознаго смиренія. Онъ былъ весь въ поту; паръ шелъ отъ его одежды, деньги звенѣли въ его карманѣ. Мы кликнули его. Онъ намъ отвѣтилъ, не останавливаясь, что поклялся убить мошенниковъ.

— Бѣги, бѣги, сказала г-жа Кристофоръ,— можетъ быть, они еще не все выпили!

— Моя тетушка до того жадна, что за одну бутылку вина готова умертвить своего брата и всѣхъ богомольцевъ, сказала мнѣ Аліэтта.

Потомъ шепотомъ прибавила:

— Вы видѣли монаха? вы скажете мнѣ, что онъ вамъ говорилъ?

Она не дала мнѣ времени открыть ротъ.

— А дѣвушекъ изъ Габіона вы хорошо разсмотрѣли?

Я не помню, что я ей отвѣтилъ. Вѣроятно, что-нибудь вѣжливое до подлости; ея смѣлость внушала мнѣ уваженіе. Аліэтта, казалось, была довольна. Завтракъ оживилъ ее; кровь видимо быстрѣе бѣжала подъ ея смуглой кожей, глаза искрились.

— Вы увидите, что бутылки пропадутъ! жалобно сказала г-жа Кристофоръ.

Племянница отвѣтила ей насмѣшкой и тетушка смирилась.

— Какъ она мила! сказала она.

— И какъ хороша, лукаво прибавила г-жа Ангазеръ, толкнувъ меня локтемъ.

— И хороша! да!

Между тѣмъ трапеза кончалась, говоръ усилился; присутствующіе перекидывались ужасными выраженіями, которыя Ангазеръ переводилъ мнѣ, и втайнѣ сокрушался о бѣдности французскаго языка. Отъ стола къ столу летали куски хлѣба, пироговъ, сыру, которыми со смѣхомъ перестрѣливались. Покраснѣвшія лица лоснились, но совсѣмъ не было пьяныхъ. Ихъ почти никогда не увидишь въ странѣ вина; человѣкъ злоупотребляетъ лишь тѣмъ, въ чемъ чувствуетъ недостатокъ.

Мы встали, не смотря на сильные вздохи г-жи Кристофоръ, которая надѣялась, сидя на травѣ, скорѣй дождаться своихъ бутылокъ и брата. Мы снова увидѣли его на другой сторонѣ рѣки. Онъ махнулъ платкомъ, которымъ вытиралъ лицо и крикнулъ, что напалъ на слѣдъ. Всѣ мы, кромѣ г-жи Кристофоръ и Аліэтты, которая уже нѣсколько минутъ вертѣлась около меня, кричали ему, чтобы онъ отдохнулъ. Это равнодушіе молодой дѣвушки къ продолжительному голоду и усталости своего отца, оскорбило меня менѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Было-ли это слѣдствіемъ граціи Аліэтты или довольства завтракомъ и живописнымъ зрѣлищемъ—не знаю, но только я чувствовалъ себя въ полномъ расположеніи къ снисходительности.

Наконецъ, козочка подошла ко мнѣ и сказала:

— Неужели вашъ другъ, въ самомъ дѣлѣ, умретъ въ монастырѣ?

— Я побѣгу за нимъ и приведу его къ вамъ!.. но съ условіемъ, что вы ему запретите ворочаться туда!

Она остановила меня, кокетливо покачавъ головой.

— Парижане пріѣзжаютъ сюда посмѣяться надъ дѣвушками. Если молодому человѣку у насъ нравится дѣвушка, онъ ей показываетъ это другими способами, чѣмъ молчаніемъ и бѣгствомъ въ монастырь. Какъ это смѣшно, заставить своего друга сдѣлать двѣсти миль, чтобы сказать мнѣ... ха!.. ха!.. ха!..

Маленькая рожица смѣялась и ея чудные, вызывающіе глаза, казалось, говорили: «Да, да, конечно, онъ обожаетъ меня, можно-ли въ этомъ сомнѣваться? Но скажите мнѣ объ этомъ пространнѣе, нѣжнѣе; въ случаѣ, если и вы меня обожаете, не скрывайте этого ради вашего друга. Онъ писалъ вамъ объ Аліэттѣ, онъ обрисовалъ вамъ меня; ради этого чуднаго изображенія вы примчались изъ Парижа, не правда-ли? Ну, что же? Я здѣсь! говорите, я васъ слушаю?»

Между тѣмъ она стала волноваться и бросала на правую сторону такіе свирѣпые взгляды, что я взглянулъ туда. Къ намъ приближалась толпа молодыхъ дѣвушекъ; среди которыхъ были жемчужины габіонской процессіи.

— Останьтесь! повелительно сказала мнѣ Аліэтта, какъ будто я хотѣлъ уйти отъ нея, — вы пойдете въ монастырь позже.

Дѣвушки прошли мимо насъ, прелестныя, легкія, какъ птички.

— Дерзкія! продолжала козочка, — хорошо-ли вы разсмотрѣли ихъ и ихъ чудный цвѣтъ лица?.. Но вы, вѣроятно, не знаете, что онѣ мажутъ лицо мѣломъ, а губы бычачьей кровью. Смотрите! Начинаютъ танцовать!..

Дѣйствительно, въ пятидесяти шагахъ отъ насъ молодыя дѣвушки брались уже за руки. Аккомпанируя себѣ голосомъ, онѣ начали между собою кадриль безъ мужчинъ.

— Прекрасно, сказала Аліэтта, увлекая меня, — вторую кадриль я буду танцовать съ вами!

Но второй кадрили не было, — по окончаніи первой, многія танцующія предложили хороводъ. Три или четыре хороводныя пѣсни послышались съ разныхъ сторонъ, — вышла разноголосица. Одинъ изъ зрителей крикнулъ какое-то мѣстное названіе; мысль одобрили; молодыя дѣвушки составили цѣпь. Ангазеръ объяснилъ мнѣ, что дѣло шло объ игрѣ, въ которой самая красивая дѣвушка, по признанію всѣхъ, должна была встать среди круга и дирижировать хороводомъ. Крикнули нѣсколько именъ дѣвушекъ изъ Габіона. Красавицы, красныя, какъ макъ, скромничали. Граціозно передавали онѣ одна другой вѣнокъ и тихо пѣли:

Войдите самая красивая,
Войдите въ этотъ кругъ.
Въ этотъ кругъ...

Аліэтта отошла отъ меня и присоединилась къ играющимъ. Взволнованная, съ пылающимъ лицомъ, она оглядывала окружающую публику, которая уже начинала терять терпѣніе.

— Поди же, поди, шепнула ей ея сосѣдка слѣва, маленькое созданіе съ лукавымъ видомъ.

— Да, конечно, поди! прибавила г-жа Кристофоръ, стоявшая сзади.

И Аліэтта, выпрямившись во весь ростъ съ поднятой головой, съ широко раскрытыми глазами, выскочила на средину круга. При этой невѣроятной дерзости водворилось всеобщее молчаніе, потомъ вдругъ раздался громкій ропотъ. Смѣхъ и насмѣшки посыпались градомъ.

— Брысь! Брысь, чернавка! коза! Убирайся коракка!

— О? О! Она воображаетъ себя красивой! Брысь, она воображаетъ себя хорошенькой!

Смѣхъ габіонокъ, смѣхъ пронзительный, какъ свистки, преобладалъ надъ общимъ гвалтомъ.

Аліэтта блѣднѣе мертвеца стояла лицомъ къ лицу съ этими ужасными насмѣшницами; она попробовала выпрямиться и улыбнуться, потомъ, шатаясь, сдѣлала нѣсколько шаговъ, въ то время, какъ тетка, которую я толкнулъ къ ней, протягивала руку, чтобы поддержать ее. Но кругъ не разорвался и бѣшеный хороводъ начался подъ музыку насмѣшекъ. Кричали: «брысь! брысь!» и хохотали.

Толпа увеличивалась. Я страдалъ за Аліэтту и бросился къ хороводу. Ангазеръ схватилъ меня и удержалъ силой.

— Остерегитесь! сказалъ онъ мнѣ. — Мужчины вмѣшаются — произойдетъ рѣзня: жители Габіона и Тору находятся во враждебныхъ отношеніяхъ.

— Оставьте, прибавила булочница, — ея тщеславіе нуждается въ этомъ урокѣ.

Я видѣлъ, какъ глаза козочки то метали молніи, то наполнялись слезами. Г-жа Ангазеръ, несмотря на ея послѣднія слова, имѣвшая чувствительное сердце, тихо подошла къ кругу, и когда двѣ самыя красивыя дѣвушки хоровода проходили мимо нея, она положила палецъ на ихъ руки и сказала имъ нѣсколько словъ.

Онѣ сдѣлали еще одинъ кругъ и раздѣлились. Моментально Аліэтта бросилась въ это отверстіе и, преслѣдуемая криками, побѣжала отъ толпы. Она спустилась по откосу къ рѣкѣ, которая въ этомъ мѣстѣ дѣлала поворотъ, и скрылась.

— Бѣгите, у меня нѣтъ силъ, сказала мнѣ г-жа Кристофоръ, прислонясь къ дереву. — Боже мой! Гдѣ ея отецъ? Она способна на какой-нибудь ужасный поступокъ!

Когда я расталкивалъ толпу, раздалось нѣсколько голосовъ: «обожатель! обожатель!» Но я едва разслышалъ; я былъ въ отчаяніи за Аліэтту. Я спустился къ рѣкѣ, справился о глубинѣ воды и убѣдясь, что въ ней невозможно было утопиться, перебѣжалъ по высохшему дну и поднявшись на противоположный берегъ, направился къ пустыннымъ задамъ монастыря.

Наконецъ, вдали, въ виноградникѣ, мелькнула какая-то бѣлая фигура. Дорога туда шла изгибами. Я наклонился и побѣжалъ. Вскорѣ я былъ вблизи Аліэтты. Она сидѣла на дорожкѣ и говорила сама съ собою, сильно жестикулируя. Я всталъ за толстый стволъ оливковаго дерева, откуда могъ все видѣть и слышать.

— Безобразная! Безобразная Аліэтта! говорила она хриплымъ голосомъ. — Заговори, красавица Женни, открой ротъ, покажи твои зубы; они желтѣе, чѣмъ черепъ кортезіанца! А ты, дочь вора, молчи! Семь лѣтъ тому назадъ, твой отецъ попался въ воровствѣ! Брысь! Брысь!.. О! о! подальше! Здѣсь дурно пахнетъ: шея, какъ у угольщика и гнойныя уши! Брысь! А! а! видите-ли вы эти щеки, на нихъ слѣды поцѣлуевъ четырнадцати любовниковъ... Маріэтта, несчастная нищая, убирайся, у твоего отца нѣтъ ни гроша. Брысь!

Она подбоченилась и захохотала судорожнымъ смѣхомъ.

— Цыганка! Они назвали меня цыганкой! да, моя бабушка, — въ голосѣ ея послышались слезы. — А, моя бѣдная бабушка, зачѣмъ ты умерла? Сегодня ты бы отдала мнѣ свой даръ колдовать. Я бы накликала порчу на ихъ глаза, на ихъ косы, на ихъ розовыя губы, на ихъ шеи, на ихъ груди! Я бы накликала чесотку, проказу, горячку, холеру на этихъ дѣтей развратниковъ! Я безобразная! Я коза! А, отвратительныя твари, я отомщу.

Ея неистовство ужасало меня. Я дрожалъ. О! какъ бы я желалъ, чтобы въ эту минуту Эмильенъ былъ со мною! Я подошелъ къ ней. Увидѣвъ меня, она видимо смѣшалась и, отвернувъ голову, заплакала такъ тихо, такъ жалобно, что я былъ тронутъ.

— Зачѣмъ вы тутъ? сказала она мнѣ, рыдая.

— Меня прислала ваша тетушка.

— Идите, идите, кому какое дѣло до такой безобразной дѣвушки, какъ я.

— Успокойтесь, Аліэтта, вы не безобразны, но нужно быть добрѣе.

Она вскрикнула:

— Не лгите! Посмотрите на меня хорошенько! Безобразна-ли я? Прошу васъ, будьте откровенны, безобразна-ли я?

— Когда вы не злитесь, вы хорошенькая.

Однимъ прыжкомъ она бросилась мнѣ на шею и страстно обняла меня.

Ея головка легла на мое плечо... Я, девятнадцатилѣтній юноша, еще не бывалъ въ подобномъ положеніи и не зналъ какъ держать себя; какъ вдругъ она сняла руки съ моей шеи и сказала:

— Я видѣла изъ хоровода ваше движеніе, когда вы хотѣли броситься мнѣ на помощь; надо было бѣжать и не слушаться Ангазера... нѣтъ, вамъ не слѣдовало его слушаться! Теперь, если смѣлость вернулась къ вамъ, проводите меня къ тетушкѣ и отцу. Не покидайте меня! Вы не уѣзжаете сегодня вечеромъ?

— Нѣтъ.

— Вы должны остаться. Вы и вашъ другъ Эмильенъ... у меня только васъ двое на свѣтѣ... да васъ двое... вы мнѣ приведете его въ Тору, я пробуду тамъ еще недѣлю.

— Приведу, если онъ согласится.

— Если согласится?.. и онъ говоритъ, что любитъ меня!.. О! Прошу васъ, приведите его ко мнѣ! Я такъ несчастна!.. Вы обѣщаете?

Она произнесла эти слова такимъ ласковымъ голосомъ, что онъ стоилъ всякихъ приказаній. Я обѣщалъ, въ надеждѣ на то, что какая-нибудь новая вспышка Аліэтты навѣрно вылечитъ Эмильена, если только у него не пройдетъ его болѣзнь послѣ того, какъ я разскажу ему все, что видѣлъ. Маленькая цыганка была бы ужасной женой для моего робкаго и нѣжнаго друга.

Мы пошли! Приближаясь къ монастырю, я сказалъ, что намъ лучше разойтись, чтобы не дать пищи злымъ языкамъ. Она крѣпко ухватилась за мою руку.

— Развѣ вы не знаете, что сегодня молодые люди могутъ свободно ходить съ дѣвушками? Влюбленные и ихъ семьи сходятся въ Мужерѣ и объясняются. Скажутъ, что вы мой женихъ; но такъ какъ вы и не думаете имъ быть, то отъ этой сплетни пострадаю только я, а не вы. Не покидайте меня! Какъ могу я показаться одна?

— Скромны-ли парижане? Я увижу, прибавила она въ полголоса, опустивъ глаза.

Этотъ намекъ на то, что она бросилась мнѣ на шею, поразилъ меня. Я чувствовалъ, что эта дѣвочка умѣетъ держать въ рукахъ мужчинъ.

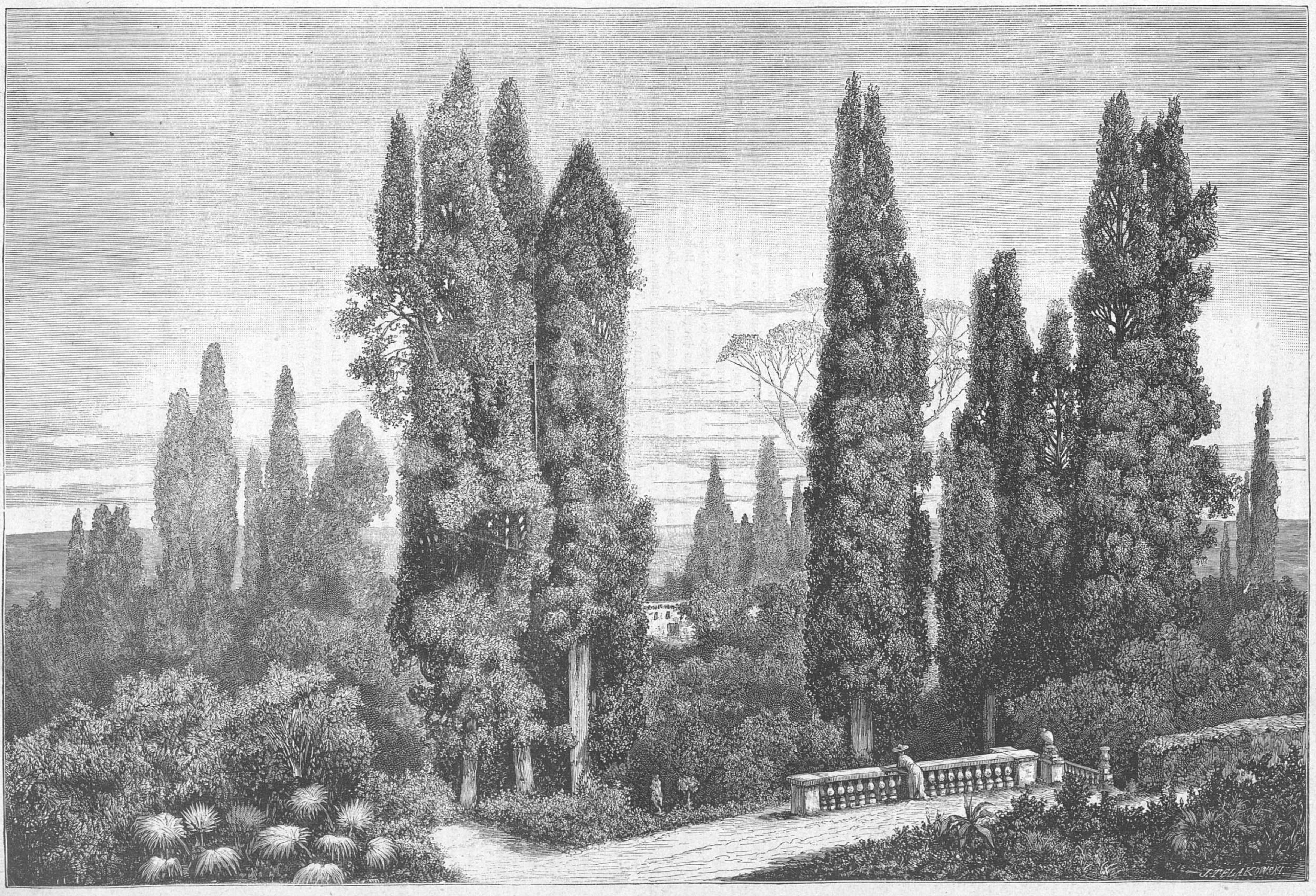
Мы прошли подъ-руку между группами, смотрѣвшими на насъ съ лукавымъ вниманіемъ; Аліэтта шла съ высоко-поднятой головой; я — очень сконфуженный. Тетушка Кристофоръ вышла къ намъ на встрѣчу на монастырской площади и крѣпко поцѣловала племянницу, не произнеся ни одного слова, даже чтобы поблагодарить меня. Народъ выходилъ отъ вечерни. Процессіи снова устанавливались, чтобы возвратиться въ деревни. Процессія изъ Тору уже проходила мимо насъ. Во главѣ ея шелъ толстый патеръ. Аліэтта, увлекая свою тетку, подошла къ нему и что-то шепотомъ сказала ему; выслушавъ ее, священникъ, улыбаясь, сдѣлалъ ко мнѣ нѣсколько шаговъ:

— Я слышалъ, милостивый государь, что вы пріѣхали изъ Парижа на богомолье. Это дѣлаетъ вамъ честь. Завтра у меня большой завтракъ. Доставьте мнѣ честь и удовольствіе вашимъ присутствіемъ на немъ вмѣстѣ съ вашимъ другомъ г. Эмильеномъ Лафельядомъ, если только это маленькое развлеченіе не помѣшаетъ его

Эльзасскій аптекарь, картина Пабста.

Картина А. СВѢШЕВСКАГО.

Тиволи, близъ Рима. – Колоссальные кипарисы.

набожному уединенію; онъ прекрасный христіанинъ! У насъ будетъ пулярдка... съ трюфелями

И онъ самодовольно засмѣялся. Онъ самъ былъ какъ-бы съ трюфелями; отъ него пахло смѣсью окорока съ чеснокомъ, который онъ ѣлъ послѣ обѣдни, и ладона, которымъ онъ во время вечерни окуривалъ себя.

Я поблагодарилъ за любезное приглашеніе и онъ, поклонившись мнѣ и снова ставъ во главѣ процессіи, запѣлъ Magnificat.

— Имѣя богатую тетку и длинный языкъ, дѣвочка угощаетъ пулярдками своихъ обожателей! сказала около меня одна старуха.

Сосѣди засмѣялись; я покраснѣлъ. Аліэтта, очевидно, командовала и священникомъ! Чего она хотѣла, заставивъ его пригласить меня? Я былъ взволнованъ, благодаря всѣмъ неожиданностямъ, въ которыя я попадалъ съ самаго утра, по милости Аліэтты. «Къ счастью, подумалъ я, Эмильенъ также приглашенъ». Въ то время, какъ проходила процессія красивыхъ габіонокъ, Аліэтта стояла между теткой и мною. Габіонки указывали на нее другъ другу, но она гордо, съ презрѣніемъ смотрѣла на нихъ и, казалось, осталась бы такъ стоять до конца процессіи, еслибы не потревожила насъ г-жа Ангазеръ.

— Аліэтъ, сказала она,—дерется въ ложбинѣ рѣки съ однимъ изъ жителей Ко.

Мы и нѣсколько мужчинъ побѣжали туда. Оба противника катались по землѣ, схватившись другъ съ другомъ, и обмѣнивались страшными ударами подъ звуки монетъ, звенѣвшихъ въ карманахъ Аліэта. Мы присоединились къ Ангазеру, который, прибѣжавъ при самомъ началѣ битвы, не могъ разнять дерущихся. Крѣпко схваченный нами и двумя богомольцами въ раковинныхъ ожерельяхъ, Аліэтъ ревѣлъ; онъ требовалъ свое вино и клялся, что будетъ искать его въ животахъ всѣхъ жителей Ко, мошенниковъ, нищихъ, воровавшихъ, когда имъ хотѣлось пить!

Его противникъ возражалъ. Наконецъ, истощивъ весь запасъ ругательствъ, Аліэтъ сильнымъ движеніемъ оттолкнулъ насъ. Мы снова подошли къ нему; но онъ, вмѣсто того, чтобы броситься на своего противника, опустилъ руку въ карманъ и, вытащивъ штукъ тридцать монетъ, показалъ ихъ ему.

— Слушай, гадина, сказалъ онъ, — только по этому можно судить людей! Покажи мнѣ столько же и я удалюсь со стыдомъ.

Житель Ко поспѣшилъ уйти; онъ былъ побѣжденъ. Богатая г-жа Кристофоръ съ восхищеніемъ поцѣловала громко смѣявшагося побѣдителя. Мы проводили его къ остаткамъ завтрака, на которые онъ накинулся, какъ человѣкъ, у котораго совѣсть удовлетворена, а желудокъ пустъ. Кончивъ завтракать, онъ шепнулъ мнѣ:

— Я слышалъ, что вы цѣлый день ухаживали за моей дочерью. Вы честный человѣкъ, потому что вы богаты, какъ вы сами говорили; ну-съ и мы также честны, какъ вы; примите это къ свѣденію.

— Г. Аліэтъ, отвѣчалъ я,—примите также къ свѣденію, что я шутилъ сегодня утромъ, говоря что я очень богатъ.

Онъ смотрѣлъ на меня пораженный, розиня ротъ.

— Мой отецъ самъ не знаетъ, что говоритъ. Я все слышала. Не слушайте его, сказала Аліэтта. — Ступайте въ монастырь и приходите завтра въ Тору, вмѣстѣ съ г. Эмильеномъ.

Замѣтивъ нерѣшимость на моемъ лицѣ, она прибавила:

— Вы мнѣ обѣщали!

Я ничего не отвѣчалъ.

— Если вы не сдержите своего обѣщанія... да, если вы его не сдержите, я буду презирать васъ всѣми силами моей души.

Сказавъ это почти грубо, она подарила меня самой увлекательной улыбкой и, почти недавъ времени проститься съ ея отцомъ и съ булочниками, толкнула меня по направленію къ монастырю.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Судебная ошибка.

Романъ Ф. Буагобея. Переводъ С. И. Воскресенской.

(*Продолженіе.*)

Глава VIII.

Въ то время, какъ Пьедушъ старался спасти Терезу, Марту и самого себя отъ ужасной смерти, старикъ Лекокъ прохаживался вокругъ церкви въ Савиньи, тщетно поджидая своего товарища, и очень тревожился, потому что зналъ его безусловную точность. Если Пьедушъ не шелъ, то это значило, что съ нимъ случилось несчастіе. Вообще положеніе становилось критическимъ: со времени своей встрѣчи съ жандармомъ, старикъ боялся навлекать на себя дальнѣйшее вниманіе властей; онъ не смѣлъ также явиться опять къ англичанину, разговоръ съ которымъ былъ прерванъ въ самую интересную минуту... Все это обрекало Лекока на невольное бездѣйствіе; но Пьедушъ не внушалъ никому подозрѣнія; Пьедушъ могъ безпрепятственно расхаживать по окрестности и поэтому онъ одинъ былъ въ состояніи довершить начатый розыскъ. Самъ старикъ рѣшился воротиться въ Парижъ; съ той минуты, какъ онъ прочелъ въ газетахъ, что аппеляціонная жалоба Люи была отвергнута, онъ былъ внѣ себя, онъ стремился къ сыну, съ какой-то болѣзненной надеждой облегчить своимъ присутствіемъ его участь. Онъ не успѣлъ еще добыть доказательствъ его невинности, но ему казалось, что судъ найдетъ возможнымъ отсрочить исполненіе приговора, въ виду уже однихъ тѣхъ слѣдовъ, по которымъ можно было отыскать факты, вполнѣ подтверждающіе виновность Толбіака.

Но уѣхать, не увѣдомивъ Пьедуша, было тоже невозможно. Прождавъ его до одиннадцати часовъ, Лекокъ воротился въ гостинницу въ крайне тревожномъ состояніи. Онъ придумывалъ разныя средства, чтобы увѣдомить Пьера Паладрю о своемъ отъѣздѣ, но Аристиду Шалюме, представителю фирмы Роусонъ, Дженкинсъ и К°, было немыслимо пойти на простой постоялый дворъ и распрашивать тамъ о странствующемъ разнощикѣ, это непремѣнно возбудило бы особенное вниманіе, котораго Лекокъ боялся теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь. Онъ остановился на слѣдующемъ рѣшеніи: уѣхать на другой день, съ первымъ утреннимъ поѣздомъ въ Парижъ, повидаться тамъ съ своимъ прежнимъ пріятелемъ, начальникомъ сыскной полиціи, и потомъ воротиться въ Савиньи вечеромъ, подъ другимъ видомъ, который позволялъ бы ему безпрепятственно видѣться съ Пьеромъ Паладрю. Рѣшивъ такимъ образомъ, старикъ написалъ въ тотъ же вечеръ Пьедушу, увѣдомляя его о своемъ отъѣздѣ, заплатилъ по счету Бонассону и уѣхалъ. Письмо было, конечно, составлено такъ, что одинъ Пьедушъ могъ разобрать его истинный смыслъ и угадать своего корреспондента.

Прибывъ въ Парижъ, Лекокъ оставилъ свой чемоданъ на станціи и отправился прямо къ Пигашу. На его счастье, тотъ не былъ дежурнымъ въ этотъ день и еще не вставалъ съ постели.

— Я знаю, что аппеляціонная жалоба оставлена безъ послѣдствій, сказалъ ему Лекокъ. — Говори, что извѣстно еще?

— Ваша милость, было бы глупо скрывать отъ васъ истину... У насъ, въ полиціи, думаютъ, что смягченія приговора не будетъ... Г. Люи отказался подписать просьбу о помилованіи, не смотря на увѣщанія своего адвоката.

— Я такъ и думалъ... Но... день еще не назначенъ?

— Вы знаете, ваша милость, что полицейскія бригады получаютъ увѣдомленіе только наканунѣ; завтра еще ничего не будетъ, потому что бумагамъ не успѣть воротиться изъ палаты; послѣ завтра воскресенье... тоже не будетъ ничего. Въ понедѣльникъ, — но врядъ-ли... Никогда почти не казнятъ въ понедѣльникъ, потому что слишкомъ много народа кутитъ ночь напролетъ и на площадь собрались бы цѣлыя тьмы... Поэтому, вѣроятнѣе, что во вторникъ...

— Во вторникъ, повторилъ старикъ, сжимая себѣ голову обѣими руками. Но этотъ припадокъ отчаянія продолжался только одно мгновеніе. Лекокъ овладѣлъ собой снова и произнесъ твердымъ голосомъ:

— Пигашъ, ты нуженъ мнѣ на цѣлый день.

— Къ вашимъ услугамъ, ваша милость!

— Прежде всего ступай къ своему пріятелю извощику. У него мои чемоданы и мой индѣйскій костюмъ. Вели запрягать тотчасъ же лошадей и ждать меня съ экипажемъ на бульварѣ Менильмонтанъ. Я хочу воротиться въ Грандъ-Отель, какъ бы съ Сен-Лазарскаго дебаркадера. Чемоданъ пусть положитъ на козлы, а костюмъ внутрь кареты. Я переряжусь дорогою... Затѣмъ ты поѣдешь въ Савиньи, остановишься на постояломъ дворѣ «Великій Побѣдоносецъ» и спросишь тамъ Пьера Паладрю.

— Пьеръ Паладрю,—это Пьедушъ?

— Да. Если ты его отыщешь, скажи ему, чтобы онъ лучше пріѣхалъ сюда ко мнѣ, сегодня же вечеромъ. Костюмироваться негромъ не зачѣмъ; пусть явится какъ простой буржуа, съ какой-нибудь просьбой, что-ли, ко мнѣ... Если его не будетъ на постояломъ дворѣ, ступай на цветскую мельницу... Если же мельники скажутъ тебѣ, что не видѣли никакого разнощика, это будетъ значить, что онъ убитъ.

— Ваша милость!

— Да, они способны на это, но если это случилось, я ихъ отправлю на гильотину, вмѣстѣ съ Толбіакомъ, холодно заключилъ Лекокъ. — Во всякомъ случаѣ, если ты нигдѣ не отыщешь своего товарища, возвращайся сегодня же съ отчетомъ ко мнѣ. Ступай, я полагаюсь на тебя.

— Будьте покойны, ваша милость, сказалъ Пигашъ.—Я времени не потеряю... Ахъ, подлецы! хотятъ удушить Пьедуша... Посмотримъ еще.

Старикъ уже вышелъ и направился вверхъ по набережной къ Аустерлицкому мосту. Никто не обращалъ на него вниманія, благодаря его незамѣтному костюму, но часа черезъ полтора къ Грандъ-Отелю подъѣхалъ набобъ Джаферъ. Онъ объявилъ, что его черный слуга, Али, заболѣлъ въ Гаврѣ, но пріѣдетъ съ однимъ изъ послѣдующихъ поѣздовъ; до того времени, его свѣтлость удостоивалъ удовлетвориться прислугой гостинницы. Онъ приказалъ принимать всѣхъ, кто пожелаетъ его видѣть. Дѣлая это распоряженіе, Лекокъ желалъ доставить Пьедушу болѣе удобный способъ проникнуть къ нему въ буржуазномъ костюмѣ.

Но первымъ явился къ его свѣтлости не Пьедушъ, а Гольцъ, то есть, Толбіакъ, загримированный въ совершенствѣ въ безобразнаго и неряшливаго ходатая по тайнымъ дѣламъ.

— Что новаго? спросилъ Лекокъ, стараясь сохранить свое хладнокровіе.—Есть успѣхъ?

— Даже превзошедшій мои ожиданія, ваша свѣтлость! Я отыскалъ наслѣдника маіора О'Сюлливана.

— Благодареніе небу! Я могу, наконецъ, исполнить свой долгъ признательности... Но вы говорите «наслѣдникъ»... Слѣдовательно, остается всего только одинъ членъ этой семьи?

— Такъ надо полагать, хотя я еще не вполнѣ увѣренъ. Но это будетъ не трудно разузнать окончательно, потому что у меня теперь въ рукахъ документъ, указывающій на все нисходящее поколѣніе О'Сюлливановъ.

— Какже зовутъ этого человѣка? спросилъ набобъ съ неподдѣльнымъ волненіемъ.

— Джорджъ Аткинсъ... англичанинъ... единственный сынъ Софіи Несли, внуки Анны Сюлливанъ, родной сестры маіора... И какъ часто ищешь далеко то, что находится подъ рукою. Этотъ Аткинсъ живетъ всего въ нѣсколькихъ лье отъ Парижа, близъ Савиньи.

— Въ какомъ же онъ теперь положеніи? Имѣетъ состояніе?

— Никакого. Его мать вышла по любви за актера, подобно своей теткѣ, младшей сестрѣ маіора О'Сюлливана, и оставила своему сыну самый небольшой капиталецъ, который онъ прожилъ по необходимости.

— Вы уже объявили этому Аткинсу о моихъ намѣреніяхъ?

— Нѣтъ еще; я хотѣлъ сначала удостовѣриться, не измѣнили-ли вы своего рѣшенія; я боялся обрадовать его понапрасну...

— Вы можете ему сказать, что я усыновляю его... Относительно вашей собственной награды, любезнѣйшій г. Гольцъ, назначайте ее сами.

— Я еще не довершилъ дѣла, ваша свѣтлость, скромно отвѣчалъ Гольцъ.—Мнѣ необходимо добыть свидѣтельства о смерти прочихъ наслѣдниковъ. Но завтра же я представлю вамъ Аткинса.

— Вы ѣдете сегодня за нимъ въ Савиньи?

— Такъ точно.

Этотъ вопросъ и отвѣтъ были разслышаны новымъ посѣтителемъ, котораго слуга впустилъ безъ доклада, считая его излишнимъ для человѣка съ столь невзрачною внѣшностью. Но набобъ сохранилъ съ трудомъ свой равнодушный видъ при появленіи этого лица, въ которомъ узналъ, къ своему крайнему изумленію, Пьедуша. Вѣрный агентъ былъ въ костюмѣ простого буржуа, но какимъ образомъ могъ онъ уже повидаться съ Пигашемъ и получить отъ него инструкцію?

Гольцъ, между тѣмъ, продолжалъ расшаркиваться; Лекокъ, искоса поглядывавшій на Пьедуша, замѣтилъ на его лицѣ мимику, говорившую ясно:—Не выпускайте его!

Однако, старикъ не задержалъ Толбіака, и когда дверь затворилась за нимъ, онъ сказалъ Пьедушу:

— Часъ еще не насталъ, но завтра этотъ злодѣй придетъ самъ, со своимъ сообщникомъ, въ устроенную мной западню!

— Не придетъ онъ! воскликнулъ Пьедушъ.— Вы не знаете, что произошло въ эту ночь: онъ хотѣлъ утопить невѣсту г. Люн и маленькую Марту Камбремеръ... да и меня въ придачу... Это ему, разумѣется, неудалось, потому что я передъ вами.

— Объяснись, я ничего не понимаю, сказалъ пораженный старикъ.

Пьедушъ передалъ, что уже извѣстно читателю.

— Вы представьте себѣ, сказалъ онъ взаключеніе,—боченки не могли пройти сквозь отверстіе... Но какъ храбры эти дѣвушки!.. Ни крика, ни жалобы... Только держались за меня... Я и выплылъ.

— И ты доставилъ ихъ сюда, въ Парижъ? спросилъ Лекокъ, дрожа отъ волненія.

— Не прямымъ путемъ. Онѣ совсѣмъ обезсилили. Я отвелъ ихъ на одну ферму, на которой мнѣ случилось быть наканунѣ; я зналъ, что хозяева тамъ добрые люди. Насъ не слишкомъ расспрашивали и уложили отдохнуть. Бѣдняжки обсушились, заснули немного, а въ десять часовъ, въ Эпине, мы сѣли на поѣздъ. Я отвезъ потомъ дѣвочку къ Камбремеру, а м-ль Терезу въ Булонь. О радости родителей нечего и говорить!.. Но какъ же вамъ ждать послѣ этого Толбіака? Вы догадываетесь, чѣмъ заняты теперь эти мошенники на Иветтѣ? Они спускаютъ воду изъ подвала, чтобы отыскать трупы, которые Толбіакъ хочетъ стащить сегодня ночью на рельсы... Узнавъ, что никого не нашли, онъ пойметъ, что дѣвушки спаслись, что онѣ донесутъ на мельника и что тогда ему не сдобровать. Понятно, онъ удеретъ.

— Это вѣрно, прошепталъ старикъ.—И тогда у меня не будетъ доказательствъ въ пользу Люн, а Пигашъ сказалъ мнѣ, что остается всего три дня. Необходимо спѣшить, иначе все потеряно!

— Чтожь, воротиться мнѣ въ Савиньи, донести мэру? Какъ разсудите, ваша милость?

— Нѣтъ, главное наше дѣло здѣсь... Пьедушъ, я рѣшаюсь обратиться къ своему старому другу, начальнику сыскной полиціи, и ты будешь нуженъ мнѣ, какъ свидѣтель.

— Ваша милость, я готовъ, но не надѣлаютъ-ли вамъ непріятностей?

— Все равно, я ставлю на карту послѣднее... Да и не достанетъ у нихъ духа арестовать отца, который явился спасти своего сына.

Пьедушъ не раздѣлялъ увѣренности своего патрона, но не противорѣчилъ и отправился съ нимъ въ префектуру, конечно, уже не въ видѣ негра Али. Лекокъ принялъ тоже свой настоящій образъ... Появленіе ихъ обоихъ въ коридорѣ, который велъ въ сыскное отдѣленіе, произвело настоящій переполохъ. Дежурные полицейскіе узнали старика и своего бывшаго товарища, Пьедуша, и пришли въ немалое изумленіе. Всѣ они знали, что эти лица розыскиваются и что, по долгу службы, ихъ слѣдовало бы немедленно остановить, но никто не рѣшился этого сдѣлать, изъ уваженія и привязанности къ бѣдному старику. Къ тому же, онъ давался самъ въ руки... зачѣмъ было оскорблять его преждевременною формальностью?

Между тѣмъ Лекокъ, въ сопровожденіи Пьедуша, дошелъ до кабинета начальника сыскной полиціи и велѣлъ доложить о себѣ.

— Вы, здѣсь! воскликнулъ тотъ, увидя его.

— Да, сказалъ Лекокъ, садясь безъ церемоніи.—И я привелъ вамъ Пьедуша.

— Вы знаете, что васъ обоихъ приказано арестовать?

— Знаю, и вы можете исполнить этотъ приказъ, но должны прежде выслушать меня. Я приношу вамъ доказательство невинности моего сына!

Полицейскій сдѣлалъ движеніе, которое не ускользнуло отъ старика.

— Вы хотите сказать, что уже поздно? сказалъ онъ. — Но я не терялъ времени, клянусь вамъ! Цѣлыхъ четыре мѣсяца ищу я злодѣя, вмѣсто котораго страдаетъ мой сынъ, и я давно открылъ бы его, если бы не имѣлъ дѣла съ человѣкомъ, хитрымъ, какъ самъ дьяволъ...

— Кто же это?

— Толбіакъ.

Полицейскій грустно улыбнулся и сказалъ безъ всякаго гнѣва:

— Естественное желаніе спасти сына, увлекаетъ васъ... Но я сочувствую вашей скорби, хотя и не могу раздѣлять вашихъ подозрѣній. Я не стану даже допрашивать васъ на счетъ вашихъ дѣйствій въ этотъ промежутокъ времени, потому что мнѣ все извѣстно.

— Какъ, вы знаете...

— Мы не спускали глазъ съ набоба багурскаго... и если не препятствовали его дѣйствіямъ, то единственно изъ уваженія къ прежнимъ заслугамъ г. Лекока.

— Благодарю, прошепталъ тронутый старикъ. — Но если вы знаете это, то будете довольны тѣми свѣдѣніями, которыя мнѣ удалось добыть въ качествѣ набоба...

— Вы узнали, что Толбіакъ водится съ дамами полусвѣта, за которыми Пьедушъ устроилъ надзоръ черезъ угольщиковъ... Я знаю, какъ видите, все... не исключая и того, что нашъ нумеръ 33 измѣнялъ не разъ долгу службы, благопріятствуя вашей новой роли.

— И вы не предупреждали Толбіака?

— Нѣтъ. Вы все еще считаете меня своимъ врагомъ?

— Вы великодушнѣйшій изъ друзей! воскликнулъ Лекокъ.

— Я глубоко сожалѣлъ о васъ и выхлопоталъ позволеніе не препятствовать вашимъ усиліямъ. Вдвойнѣ скорблю о томъ, что они не увѣнчались успѣхомъ... Теперь уже невозможно...

— Все возможно, перебилъ старикъ. — Я докажу вамъ, что Толбіакъ убилъ англичанку, и почему онъ ее убилъ.

— Говорите, сказалъ полицейскій, съ видомъ человѣка, считающаго своимъ долгомъ выслушать оправданіе, хотя бы и не способное повліять на его убѣжденіе.

— Я скажу все въ короткихъ словахъ. Вы знаете, что Толбіакъ занимался розысканіемъ наслѣдниковъ одного богача...

— Маіора О'Сюлливана. Онъ никогда не скрывалъ этого... и даже говорилъ какъ-то недавно, что напалъ на слѣдъ одного изъ лицъ, имѣющихъ право...

— Онъ давно нашелъ этого человѣка и сдѣлалъ изъ него свое орудіе или своего сообщника. Всѣхъ наслѣдниковъ О'Сюлливана было четверо. Пріятель Толбіака самый отдаленный изъ нихъ и можетъ наслѣдовать лишь въ случаѣ смерти трехъ прочихъ. Толбіакъ началъ съ того, что убилъ Марію Фасситъ, ближайшую, наслѣдницу...

— Какъ! Эта англичанка была изъ семьи О'Сюлливановъ?

— Да, она была дочерью младшей сестры маіора. Знаете, кто слѣдуетъ за нею? Тереза Леконтъ, невѣста моего сына, а далѣе, дочь одного стрѣлочника на Орлеанской желѣзной дорогѣ...

— Не та-ли дѣвочка, которая пропала недавно?

— Она. Толбіакъ похитилъ ее, какъ похитилъ вчера Терезу, и хотѣлъ утопить ихъ обѣихъ въ эту ночь. Если онѣ спаслись, то лишь благодаря неожиданной помощи Пьедуша... Но, въ случаѣ ихъ погибели, Джорджъ Аткинсъ, правнукъ маіора по сестрѣ, остался бы одинъ наслѣдникомъ десяти милліоновъ, которыми онъ подѣлился бы съ своимъ наставникомъ Толбіакомъ... Понимаете вы теперь?

— Вы разсказываете какую-то сказку.

— Сказку! Призовите Терезу Леконтъ, Марту Камбремеръ, приведите къ присягѣ Пьедуша... Пошлите въ Савиньи, арестуйте Аткинса, Толбіака и Арабеллу Дизни, которая, по всей вѣроятности, служила горничной у Маріи Фасситъ. Дайте имъ очную ставку сегодня же съ ихъ жертвами, а завтра...

— Завтра! повторилъ полицейскій съ страннымъ удареніемъ,—это уже будетъ поздно... Слушайте, Лекокъ. Я сдѣлаю все, отъ меня зависящее, чтобы выяснить истину, но пока я желалъ бы оказать вамъ личное одолженіе... Хотите вы повидаться съ сыномъ?

— Хочу-ли! Дайте мнѣ съѣздить въ Савиньи съ четырьмя — пятью вашими агентами, чтобы захватить виновныхъ, и тогда мы отправимся въ тюрьму, чтобы извѣстить Люн о его спасеніи.

— Нѣтъ, лучше повидайтесь съ нимъ теперь же, сказалъ полицейскій, вставая. — Я готовъ ѣхать съ вами тотчасъ.

Такая настойчивость показалась Лекоку добрымъ предзнаменованіемъ и онъ не сталъ противорѣчить. Ему хотѣлось скорѣе изловить Толбіака и его шайку, но надо было воспользоваться доброю услугой, которую ему предлагали. Поѣздку въ Савиньи можно было отложить до вечера.

Во время дороги въ тюрьму, полицейскій го-

ворилъ мало. Пьедушъ, занявшій мѣсто въ фіакрѣ по его приказанію, объяснялъ ему нѣкоторыя второстепенныя подробности своего пребыванія на мельницѣ. Лекокъ думалъ только о предстоявшемъ свиданіи съ своимъ сыномъ, и не вступалъ въ разговоръ.

Первыя минуты этого свиданія прошли въ взаимныхъ объятіяхъ и отрывочныхъ восклицаніяхъ. Начальникъ сыскной полиціи отворотился, чтобы скрыть свое волненіе.

— Я тебя спасу, шепталъ старикъ.—Сегодня же вечеромъ твоя невинность будетъ доказана.

— Я не невиненъ, глухо произнесъ Люи.

— Что ты говоришь, несчастный? Развѣ ты не понимаешь, что я открылъ убійцу Маріи Фасситъ? Это Толбіакъ... онъ такъ себя называетъ, по крайней мѣрѣ, но онъ англичанинъ, или жилъ долгое время въ Англіи и познакомился тамъ съ этою женщиной...

— И я зналъ ее, перебилъ молодой человѣкъ.

Полицейскій, стоявшій въ сторонѣ, подошелъ ближе при этихъ словахъ.

— Милостивый государь, сказалъ ему Люи,— я не подумалъ бы призвать васъ сюда для выслушанія исповѣди, которая не измѣнитъ моей судьбы. Я покорился приговору и рѣшился молчать. Но если я обязанъ вамъ этимъ свиданіемъ съ моимъ отцомъ, то я хочу, чтобы вы знали все... Прости мнѣ, продолжалъ онъ, обращаясь къ старику, едва державшемуся на ногахъ,—но смерть будетъ для меня менѣе ужасна и, можетъ быть, ты будешь менѣе краснѣть за своего сына, когда узнаешь всю истину...

«Боже мой, думалъ несчастный отецъ, неужели я ошибся?»

— Я много лгалъ, теперь говорю правду, началъ твердымъ голосомъ Люи.—Это я приходилъ на другой день послѣ убійства въ улицу Арбалетъ. Портретъ, найденный у меня, былъ подаренъ мнѣ Маріей Фасситъ... Когда меня подстерегли въ ея будуарѣ, я не зналъ еще, что ея уже нѣтъ въ живыхъ...

— Стало быть не ты убилъ ее?..

— Я познакомился съ нею въ Лондонѣ, когда былъ въ клапгемскомъ пансіонѣ, продолжалъ Люи, не отвѣчая на восклицаніе отца.—Ея мать была актрисой и назначала свою дочь тоже для сцены; отецъ, бѣдный странствующій актеръ, давно уже умеръ, но въ домѣ у нихъ жилъ человѣкъ, который хотѣлъ жениться на Мери противъ ея воли. Мы влюбились другъ въ друга, какъ любятъ въ ребяческіе года, и рѣшились бѣжать вмѣстѣ. Этотъ пасьянсъ, эти карты, найденныя у меня, все это память о моемъ послѣднемъ свиданіи съ Мери. Я сказалъ на судѣ, что сохранялъ все это въ воспоминаніе о дѣвушкѣ, которую полюбилъ въ Гейдельбергѣ... это неправда. Когда ты увезъ меня въ Германію, я потосковалъ, однако, недолго и скоро моя отроческая любовь къ Мери совершенно изгладилась изъ моего сердца... Полгода тому назадъ, когда я былъ уже женихомъ прекрасной дѣвушки, я нечаянно встрѣтилъ Мери въ Елисейскихъ поляхъ. Мнѣ слѣдовало бы бѣжать отъ нея... у меня не достало на это силы, когда она стала меня умолять... не любить ее, потому что я не скрылъ отъ нея моей привязанности къ другой, но защитить ее. Послѣ того, какъ я уѣхалъ изъ Англіи, ея преслѣдователь соблазнилъ ее... Она была уже круглой сиротой, безъ всякихъ средствъ.. но она все не рѣшалась выдти за него замужъ, не смотря на его предложенія... Онъ наводилъ на нее какой-то ужасъ...

— Я понимаю, почему онъ хотѣлъ жениться на ней, замѣтилъ Лекокъ.

— Я имѣлъ слабость навѣщать ее и скоро убѣдился во всей глубинѣ ея паденія, продолжалъ Люи.—Злодѣй, погубившій ее, поселилъ ее въ глухомъ кварталѣ и позволялъ ей заниматься постыднымъ ремесломъ. Она призналась мнѣ, что состоитъ на содержаніи у одного стараго развратника, негоціанта... Я встрѣчался раза два или три съ этимъ человѣкомъ на тротуарѣ, у квартиры Мери, и возбудилъ, какъ кажется, его ревность. Эта несчастная все еще любила меня и моя холодность только усиливала ея страсть... Клянусь, я ничѣмъ не поощрялъ ея склонности, но мнѣ было жаль ее... она писала мнѣ отчаянныя письма, говоря, что ея губитель, преслѣдовавшій ее съ самаго дѣтства, сталъ осыпать ее угрозами, съ той минуты, какъ твердо убѣдился въ ея отказѣ выдти за него замужъ. Она боялась, что онъ убьетъ ее. Приходя къ ней, я часто заставалъ ее за пасьянсомъ, ей казалось, что переносясь этимъ наивнымъ занятіемъ къ временамъ своей юности, она какъ бы смываетъ съ себя свой настоящій позоръ. Она заставила меня, однажды, взять ея портретъ... тотъ, который нашли у меня... и изобразила себя на немъ съ пиковою дамой... той роковой картой, которая, по ея суевѣрному мнѣнію, предсказала ей однажды о нашей вѣчной разлукѣ...

— А ея преслѣдователь зналъ о вашихъ свиданіяхъ? спросилъ Лекокъ.

— Зналъ, черезъ горничную, которая была предана ему. Но ему было неизвѣстно мое имя и я не встрѣчался съ нимъ у Мери ни разу. Она говорила мнѣ только, что онъ запрещаетъ ей видѣть меня.

— И онъ убилъ ее?

— Болѣе некому. Онъ требовалъ, чтобы она воротилась въ Англію; она не хотѣла. Но онъ принудилъ ее приготовиться къ этой поѣздкѣ и, по его приказанію, горничная уже отправилась впередъ. Когда онъ явился, Мери, по всей вѣроятности, стала снова сопротивляться... начался споръ, можетъ быть, она сказала ему, что нибудь оскорбительное... онъ отвѣтилъ ей ножомъ...

— Очень жаль, сказалъ холодно полицейскій, —что вы не разсказали всего этого присяжнымъ... Вы могли тронуть ихъ... Г-жа Фасситъ называла вамъ, конечно, по имени этого, какъ вы его называете, ея преслѣдователя?

— Его звали: Гарри Дермотъ.

— Дермотъ! повторили, съ различнымъ удареніемъ, Лекокъ и полицейскій.

— Я вижу, продолжалъ молодой человѣкъ, обращаясь къ этому послѣднему,—что вы подозрѣваете, съ моей стороны, намѣреніе разжалобить васъ... Вы ошибаетесь; я не ищу помилованія: я убійца и заслуживаю казнь.

— Ты убійца! воскликнулъ Лекокъ, не довѣряя своему слуху.

— Я убилъ Лере, отвѣтилъ, неколеблясь, молодой человѣкъ.

— Берегитесь, сказалъ полицейскій, понижая свой голосъ.—Это сознаніе въ преступленіи... и хотя я пришелъ не съ цѣлью его услышать, но я обязанъ принять его къ свѣдѣнію.

— Убійца! повторилъ Лекокъ, закрывая себѣ лицо руками.

— Разскажите, однако, какъ все это произошло, сказалъ полицейскій уже болѣе сострадательнымъ тономъ. Чистосердечіе Люи смягчало его враждебное настроеніе.

— Вечеромъ 13 января, началъ осужденный,— я обѣдалъ въ Булони; воротясь въ Парижъ, я пошелъ къ Мери, потому что получилъ отъ нея въ тотъ день отчаянную просьбу придти. Къ несчастію, я явился къ ней въ десять часовъ, между тѣмъ, она ждала меня ранѣе. Калитка и крыльцо были не заперты; я вошелъ прямо въ столовую, въ которой видѣлъ огонь... но, вмѣсто Мери, я встрѣтился тамъ лицомъ къ лицу съ Лере... Онъ ужиналъ одинъ. Почему съ нимъ не было Мери, это осталось мнѣ неизвѣстнымъ. Можетъ быть, она поссорилась съ своимъ покровителемъ; можетъ быть, не хотѣла, чтобы я засталъ ее съ нимъ... Лере былъ пьянъ. Завидя меня, онъ вскочилъ, какъ бѣшеный. Я хотѣлъ уйти... Онъ сталъ ругаться... схватилъ меня за горло... я его оттолкнулъ... завязалась драка... Я былъ сильнѣе его и мнѣ удалось бы освободиться, но онъ ударилъ меня по лицу... Тогда я забылся и въ свою очередь нанесъ ему ударъ тростью... одинъ только... Онъ упалъ, увлекая и меня за собою... Я хотѣлъ его поднять и увидалъ, что онъ мертвъ... Тогда я потерялъ голову и убѣжалъ...

— Не повидавъ женщины, бывшей причиной этого ужаснаго случая? спросилъ полицейскій.

— О, я жалѣю тысячу разъ о томъ, что не пошелъ къ ней! грустно сказалъ Люи.—Ей не пришлось бы погибнуть... Но я обезумѣлъ. Я выбѣжалъ изъ этого дома и кинулся впередъ, самъ не разбирая куда... Я провелъ страшную ночь... а на слѣдующее утро, когда мнѣ пришлось пойти къ отцу, выслушивать его веселыя рѣчи о моей счастливой будущности... О, какая это была мука!... Я страдалъ невыносимо... Мысль о томъ положеніи, въ которомъ должна была находиться Мери, тоже не покидала меня... Я не зналъ тогда о ея смерти... Газеты не писали еще ничего... Трупъ Лере былъ у меня передъ глазами и я говорилъ себѣ, что я буду подлъ, оставляя безъ помощи бѣдную женщину, которую обвиняютъ, быть можетъ, несправедливо... И я пошелъ, поздно вечеромъ, въ улицу Арбалетъ, взявъ съ собою полицейскій билетъ на имя Лекока. Я думалъ, что онъ можетъ мнѣ пригодиться... Какъ видите, я уже прибѣгалъ къ уловкамъ, какъ убійца по ремеслу... Я вошелъ.. отворилъ дверь въ гостиную.. добрался до будуара... позвалъ Мери... Остальное вамъ извѣстно.

— Зачѣмъ же ты утаилъ все это на судѣ?

— О, правда была готова сорваться съ моего языка нѣсколько разъ... Но я видѣлъ передъ собою Терезу... Сказать при ней, что я поддерживалъ знакомство съ падшею женщиной, что я любилъ ее нѣкогда... я не могъ рѣшиться на это... Еслибы я сталъ увѣрять, что между нами все было кончено, Тереза не повѣрила бы мнѣ... Она подумала бы: «Онъ лжетъ!» Я предпочелъ умереть.

— Несчастный! сказалъ, рыдая, старикъ.— Ты не знаешь ее... Она простила бы тебѣ все... Но благодари теперь моего великодушнаго друга, который далъ мнѣ случай видѣть тебя и узнать то, что послужитъ къ твоему спасенію...

— Не благодарите меня заранѣе, перебилъ полицейскій.—Необходимо еще повѣрить ваши показанія, а каждая минута дорога. Любезный Лекокъ, пойдемте.

Старикъ понималъ, что онъ долженъ былъ подавить свои отеческія чувства, для того, чтобы исполнить тяжелую задачу, которая еще предстояла ему. Онъ поцѣловалъ наскоро Люи и вышелъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ.

— Вы вѣрите теперь въ его невинность? спросилъ онъ съ волненіемъ.

— Я полагаю, что онъ не убивалъ англичанки, отвѣчалъ полицейскій уклончиво.

— Но онъ осужденъ именно за это убійство! Смертельный ударъ, нанесенный Лере, повлекъ бы за собою не болѣе, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тюремнаго заключенія... Люи былъ оскорбленъ и вызванъ къ самозащитѣ... Если онъ убилъ человѣка, то безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія.

— Въ душѣ, я совершенно убѣжденъ въ этомъ, но для того, чтобы мое убѣжденіе раздѣлили и тѣ, которые могутъ имѣть вліяніе на ходъ правосудія, необходимы доказательства фактическія, неопровержимыя...

— Я прошу у васъ только помощи для арестованія Толбіака; я знаю, гдѣ его настигнуть. Вы же препроводите къ генералъ-прокурору показанія Терезы, Камбремера, его дочери и Пьедуша. Слѣдствіе покажетъ тотчасъ...

Анна Напрстекъ.

Род. 24 апрѣля 1788 года. Сконч. 19 октября 1873 года.

Рисовала и рѣзала на деревѣ **Августа Шлехта.**

— Вы полагаете все это достаточнымъ? Вы думаете, что если даже будетъ доказано, что на цветской мельницѣ хотѣли убить разнощика, молодую дѣвушку и ребенка, то это послужитъ доказательствомъ невинности вашего сына? Вы забываете, что преступники будутъ защищаться, что Толбіакъ станетъ отрицать все, что вы и Пьедушъ состоите въ подозрѣніи, и что судьи мало цѣнятъ романическія исторіи. Вы забываете главное, бѣдный другъ мой: недостатокъ времени. Я повторяю, что буду помогать вамъ всѣми силами, потому что вашъ сынъ, самъ того не подозрѣвая, подтвердилъ мнѣ вѣрность вашихъ догадокъ. Онъ сказалъ, что преслѣдователя Маріи Фасситъ звали Дермотъ... а въ префектурѣ извѣстно, что настоящее имя Толбіака: «Дермотъ».

— Чего же вамъ еще надо?

— Мнѣ надо недѣлю времени... а у насъ всего пятнадцать часовъ.

— Пятнадцать часовъ!

— Дорогой Лекокъ, вы мужчина, и лучше сказать вамъ правду. Исполненіе смертнаго приговора назначено на завтра.

— Это невозможно! произнесъ Лекокъ, шатаясь, какъ пьяный.—Приговоръ по апелляціонной жалобѣ состоялся только вчера.

— Да, но было еще заранѣе рѣшено оставить эту жалобу безъ послѣдствій. Преступленіе надѣлало слишкомъ много шума; осужденный принадлежитъ къ развитому сословію, по этому требуется примѣрная строгость... Вообще, хотятъ кончить поскорѣе съ этой грустной исторіей. Повторяю вамъ, я сдѣлаю все, но вы сами знаете административную механику; чего стоитъ остановить только ходъ какого-нибудь дѣла! Я поѣду къ прокурору, къ министру... я буду настаивать, умолять. Вамъ же я дамъ нашихъ лучшихъ агентовъ... Берите и Пьедуша... Постарайтесь изловить Толбіака, но, главное, найдите нѣмого! Если онъ признаетъ Толбіака, а вашего сына не признаетъ, то исполненіе приговора отстрочатъ, я въ этомъ увѣренъ.

— Богъ не допуститъ казни невиннаго! сказалъ старикъ.

(*Продолженіе будетъ.*)

Анна Напрстекъ.

По свѣденіямъ, сообщеннымъ **Ф. Коцедарскимъ**.

Замѣчательная по своей энергической дѣятельности на пользу родины, Анна Напрстекъ, умершая пять лѣтъ тому въ Прагѣ, заслуживаетъ глубокаго сочувствія всѣхъ патріотовъ, къ какой бы національности ни принадлежали они. Вотъ почему и предлагаемъ мы нашимъ читателямъ краткую ея біографію, вмѣстѣ съ ея портретомъ. Основательница чешскаго промышленнаго музея въ Прагѣ, Анна Напрстекъ, родилась 24 апрѣля 1788 г., а скончалась 19 октября 1873 г. на восемьдесять шестомъ году жизни, получивъ въ 85-й день годовщины своего рожденія отъ императора австрійскаго, орденъ «За заслуги», какъ признаніе имъ пользы, принесенной ею своему народу.

Вѣроятно, многіе изъ нашихъ соотечественниковъ, бывшихъ въ столицѣ Чехіи, въ послѣднее пятилѣтіе, имѣли возможность посѣтить въ Прагѣ зданіе, извѣстное подъ названіемъ «у Голанковъ», находящееся на Вифлеемской площади, знаменитой въ исторіи чешскаго народа. Въ этомъ зданіи хранятся коллекціи разнообразныхъ предметовъ для промышленнаго музея, собранныхъ покойною Анной Напрстекъ, при энергическомъ содѣйствіи ея сына, Войта, который и завѣдуетъ, въ настоящее время, музеемъ и постоянно стремится къ его расширенію и улучшенію. Онъ же и принимаетъ всѣхъ посѣтителей музея, и знакомитъ ихъ со всѣми его сокровищами. Болѣе обширное зданіе для настоящаго музея, строится на той же площади, и на томъ мѣстѣ, гдѣ въ теченіи четырехъ столѣтій (1391—1793) находилась часовня, въ которой знаменитый ректоръ университета и проповѣдникъ въ Прагѣ, Іоганъ Гуссъ *) говорилъ (1400—1414) свои вдохновенныя проповѣди чешскому народу. Всѣ, посѣщающіе музей, получаютъ фотографическій портретъ его основательницы, чтобы сохранить въ памяти заслуги ея своему народу. Невольно приходится удивляться, какъ небольшой чешскій народъ, въ послѣднее время, сдѣлался дѣятельнымъ и энергичнымъ, при всей своей бѣдности и затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ со стороны центральныхъ властей, хотя сравнительно съ другими національностями чехи вносятъ болѣе всѣхъ налоговъ.

Зданіе народнаго театра въ Прагѣ, по своей величинѣ, можетъ служить украшеніемъ лучшихъ столицъ Европы, воздвигнуто на конечныя пожертвованія чеховъ. Постройка его обошлась уже теперь болѣе милліона гульденовъ, и все еще не окончена. Надпись, сдѣланная на фронтонѣ театра: «Народъ себѣ», совершенно умѣстна, и служитъ выраженіемъ стремленія къ образованію чеховъ. Кромѣ театра, есть еще не мало и другихъ сооруженій, уже оконченныхъ, или еще воздвигаемыхъ на пользу народа и на пожертвованныя имъ средства. Но всего болѣе заслуживаетъ глубокой признательности чеховъ пожертвованіе Анны Напрстекъ, память о которой, въ теченіи многихъ столѣтій, будетъ сохраняться въ Чехіи. Въ числѣ знаменитыхъ женщинъ она займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ, какъ по любви къ своему народу, такъ и по мудрому желанію видѣть въ немъ развитіе образованія, для чего и пожертвовала она все свое весьма значительное состояніе, пріобрѣтенное ею съ большими усиліями и энергической дѣятельностью. Вотъ почему, и на промышленномъ музеѣ слѣдовало бы сдѣлать надпись: «Народу». Это слово напоминало бы грядущимъ поколѣніямъ о золотомъ сердцѣ и великой душѣ основательницы. Еще при жизни ея, не только во всей Чехіи, но и за ея предѣлами, были извѣстны необыкновенная ея доброта, любезность и щедрость, а потому неудивительно, что когда пять лѣтъ тому скончалась Анна Напрстекъ, то весь чешскій народъ былъ глубоко опечаленъ утратой такой лучшей, по великодушію, изъ дочерей своей родины.

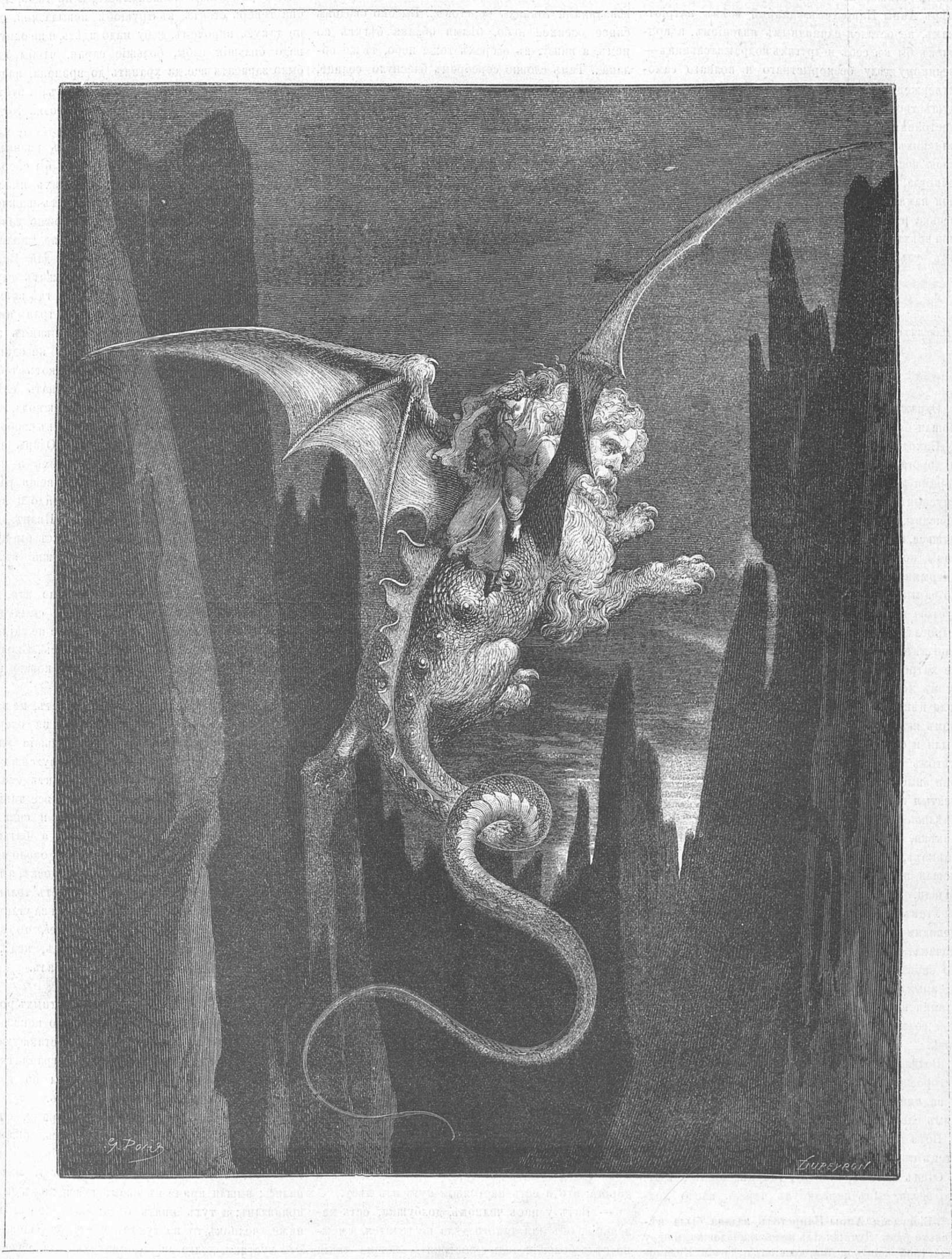
Но прежде, чѣмъ перейдти къ біографическому ея очерку, да позволено намъ будетъ бросить взглядъ на исторію культуры въ Чехіи, послѣ несчастнаго для нея сраженія на Бѣлой горѣ, близь Праги, 8 ноября 1620 года, потому что только тогда мы будемъ въ состояніи вполнѣ оцѣнить всю степень заслуги, оказанной этою замѣчательною женщиной своему отечеству.

Двѣсти пятьдесятъ восемь лѣтъ тому, чешскій народъ, какъ извѣстно, пользовался матеріальнымъ благосостояніемъ, и значительными средствами къ своему образованію. И случилось такъ, что неудавшаяся попытка дворянскаго сословія къ законному пользованію своими правами, отзывается уже болѣе двухъ столѣтій на чешскомъ народѣ. И когда, 21 іюля 1621 г., кровавая казнь многихъ тысячь дворянъ ужаснула сосѣднія государства своею жестокостью, тогда началось безумное гоненіе народа за вѣру, и наибольшая масса его, бывшая протестантскаго исповѣданія, была силою оружія обращена въ католичество.

Грозное вліяніе Рима напрягло всѣ усилія, во время гусситскихъ войнъ для отмщенія за отвагу и храброе сопротивленіе славнѣйшаго изъ чешскихъ королей, Юрія. Мечемъ и огнемъ распространялась въ народѣ католическая вѣра; эшафотъ, пытки, поджоги селеній и городовъ, сопровождали ученіе іезуитовъ, получавшихъ вмѣстѣ съ начальниками войскъ, и все имущество ограбленнаго и убитаго народа. И когда Фердинандъ II издалъ указъ о томъ, что другого вѣроисповѣданія, кромѣ католическаго, въ Чехіи терпимо не будетъ, тогда до сорока тысячь семействъ вынуждено было обречь себя на изгнаніе изъ своего отечества въ сосѣднія государства. Такимъ образомъ изъ превышавшаго три милліона населенія осталось въ Чехіи не болѣе восьми сотъ тысячь жителей, т. е. болѣе двухъ милліоновъ изъ народа чешскаго было убито, казнено, замучено въ пыткахъ, и только небольшая часть нашла себѣ спасеніе въ бѣгствѣ. Понятно, что процвѣтавшіе прежде искусства, ремесла и торговля пришли въ совершенный упадокъ. Народъ обнищалъ и потерялъ всякую надежду на свое возрожденіе; онъ безмолвно страдалъ, при видѣ разрушенія всѣхъ памятниковъ его славнаго прошлаго. Всѣ библіотеки, какъ общественныя, такъ и частныя, не только расхищались, но предавались сожженію. Что еще могло сохраниться отъ грабежа войскъ, то попадало въ руки іезуитовъ и такъ называемыхъ миссіонеровъ. Одинъ изъ нихъ, Коніасъ, самъ разсказываетъ, что въ теченіи 37 лѣтъ его проповѣди въ Чехіи, онъ сжегъ болѣе 16,000 чешскихъ книгъ. А писатель К. Тамъ, обращая вниманіе потомства на подобныя подвиги іезуитовъ, истреблявшихъ такъ варварски старочешскую литературу, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Не считаю нужнымъ скрывать, что еще въ 1780 году какое-то общество изъ духовныхъ лицъ, разъѣзжавшее по всѣмъ городамъ Чехіи, точно какъ алчные волки отыскивало вездѣ чешскія книги и предавало ихъ сожженію. Разумѣется, что уничтожая литературу народа, гонители разрушали и умственную его жизнь. Такимъ образомъ, въ концѣ XVIII вѣка, жизнь чешскаго народа доведена была до крайняго убожества и нищеты, какъ матеріальной, такъ и духовной. Пришлое, чуждое дворянство, большею частью нѣмецкое, не сочувствуя языку народа, сдѣлало изъ него своихъ рабовъ. Средній классъ, мѣщане, началъ подражать дворянству, и отдавалъ воспитывать дѣтей своихъ въ нѣмецкія школы, такъ какъ безъ знанія нѣмецкаго языка не было возможности поступить на государственную службу. Изгоняемый изъ городовъ, народный языкъ сохранялся еще только въ деревняхъ. Всѣ права были отняты у чеховъ; всѣ древніе договоры съ ними были нарушены; грубая сила завладѣла страной, такъ долго боровшейся съ Римомъ, осудившимъ на сожженіе ея лучшаго патріота, Іогана Гусса, котораго народъ призналъ святымъ мученикомъ и глубоко чтитъ дорогую память о немъ. У чеховъ есть преданіе, въ которомъ говорится о горѣ, прозванной Бланикъ. Народъ вѣрилъ, что въ пещерахъ этой горы спаслись отъ гоненія древніе рыцари, и спятъ въ нихъ до того времени, когда народу будетъ грозить окончательная погибель. Тогда чешскіе рыцари возстанутъ для защиты своего народа, и что побѣды надъ врагами его будутъ сопутствовать имъ на каждомъ шагу. И что же мы видимъ теперь? Когда чешская рѣчь замолкла повсюду въ странѣ и только едва сохранилась въ средѣ поселянъ, гдѣ матери увеселяли своихъ сыновей, будущихъ богатырей отечества, чешскою пѣснью, благословляли ихъ на чешскомъ языкѣ, провожая на ученье въ нѣмецкія школы,—тогда, по возвращеніи юношей изъ чуждыхъ имъ школъ, молодое поколѣніе смотрѣло на родныя избы свои, какъ на Вифлеемъ, въ которомъ должна была возродиться новая Чехія.

*) Гуссъ родился въ 1369 г. въ Гусеницѣ, въ Чехіи, и былъ сожженъ по приказанію папы Александра V на кострѣ, въ Констанцѣ, 6 іюля 1415 г. за то, что признавалъ главою церкви только одного І. Христа. Послѣдствіемъ жестокой казни Гусса были извѣстныя въ исторіи гусситскія войны, окончившіяся только чрезъ 70 лѣтъ, въ 1485 г.

Рисунокъ Г. ДОРЕ́.

Адъ Данте.

Рѣзалъ на деревѣ Дюпейронъ въ Парижѣ.

завѣщанія великодушной благодѣтельницы народа чешскаго, удалось благополучно окончить начатое ею великое дѣло, и чтобы сынъ ея, еще втеченіи многихъ, и многихъ лѣтъ, служилъ образцомъ для всѣхъ патріотовъ, любящихъ родину не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ.—Пожелаемъ также, не менѣе искренно, чтобы примѣръ Анны Напрстекъ, данный всѣмъ патріоткамъ, не остался единичнымъ явленіемъ, а привлекъ бы къ себѣ и другихъ подражательницъ—великому дѣлу безкорыстнаго и полнаго самоотверженія служенія родинѣ. Да будетъ миръ душѣ твоей рѣдкая по великодушію женщина, достойная занять мѣсто въ ряду лучшихъ славянскихъ женщинъ-патріотокъ. Ты всю жизнь свою посвятила на благодѣянія родинѣ, которая никогда, никогда не забудетъ тебя и въ народной памяти воздвигнетъ тебѣ мавзолей, котораго весьма рѣдко заслуживаютъ великіе міра сего, при всѣхъ несмѣтныхъ богатствахъ, достающихся имъ безъ труда и заботъ *).

„Андронъ Голованъ."

Разсказъ изъ жизни въ лѣсахъ далекаго Востока.

Н. Н. Каразина.

(*Продолженіе.*)

XVI.

Однажды, уже глубокою осенью дѣло было, пошли батька съ сыномъ на дальнія озера.

Находились эти озера за высокимъ кряжемъ, и дорога къ нимъ пролегала трудная; пока еще горами да сухимъ лѣсомъ ничего, а дальше за спускомъ, болотины все залегли, да топи, такія трясины, что, не зная путемъ мѣста, и не выберешься, какъ залѣзешь съ дуру... Черезъ эти трясины, по кочкамъ да по корнямъ сплетшимся, хитрыми извилинами шли кабаньи тропы, вплоть до самыхъ камышей, издали желтѣвшихся своею густою щетиною... Тамъ въ одномъ мѣстѣ ива выросла какъ-то, и у этой самой ивы, батька, еще лѣтомъ, выдолбивши челнокъ, держалъ это не хитрое суденышко на привязи. На челнокѣ этомъ можно было перебраться на островки, что шли цѣпью, по самой срединѣ озера, а на одномъ изъ этихъ островковъ, повыше, намѣчены были и слѣды выдровой зимовки; тутъ батька лѣтомъ тоже видалъ и самыхъ звѣрковъ, какъ они высовывали изъ-подъ воды свои круглыя, усатыя головы, видѣлъ даже на берегу двухъ; грѣлись они на солнышкѣ, а какъ зачуяли человѣка, проворно такъ, на своихъ короткихъ лапкахъ, опять къ водѣ удрали, только круги пошли на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они нырка задали.

Утокъ тоже здѣсь на озерахъ было видимоневидимо. Во время весенняго прилета, такъ, по ночамъ, бывало, не видать самой птицы, а только звонъ стоитъ во тьмѣ отъ взмаховъ безчисленныхъ крыльевъ. Лебеди здѣсь, долгошеи, стаями плавали, гуси разводили семьи, что разной голенастой птицы, просто царство пернатое!..

Водилась тутъ и гадина разная, надо было съ осторожностью ходить въ этихъ мѣстахъ, а то и на смерть свою набрести можно было бы. Однимъ словомъ, мѣста были чудесныя!..

Вотъ и собрались провѣдать эти самыя мѣста отецъ съ сыномъ.

Отецъ взялъ гранчатку, топоръ, лопату, вмѣсто весла, сынъ перекинулъ черезъ плечо холщевую сумку съ харчами, шутя, еще до полудни перевалили кряжъ, начали спускаться.

Обрамленныя, желтыми камышами, широкою полосой зеленовато-бурой трясины, а дальше сплошною стѣною дремучаго синяго лѣса, эти озера развернулись передъ ихъ глазами со всѣми своими островками, со всѣми мельчайшими извилинами топкихъ береговъ... Высоко сводомъ синее осеннее небо, бѣлыя облака бѣгутъ по немъ, а внизу, въ озерахъ тоже небо, тѣ же облака... Тамъ словно серебромъ блеснуло солнце, скользнувъ своими косыми лучами по водѣ, тамъ всколыхнулась мелкая, темно-свинцовая рябь, тамъ тихо, покойно, какъ въ зеркалѣ, отражаются, на гладкой поверхности, каждый островокъ, опрокинутый внизъ вершинами своихъ деревьевъ, каждый полетъ птицы издалека мелькающей своими бѣлыми крыльями... Вотъ вереницею тянутъ, да низко такъ, запоздалые гуси. Вонъ, черные орлы плавно носятся надъ берегомъ, поджидая и подстерегая, не выкинетъ ли имъ прибоемъ, на сухое мѣсто, какую-нибудь уснувшую рыбину... Вонъ и семья кабановъ тропинкою къ водѣ пробирается... вязнутъ тоже тяжелыя твари, чуть вытаскиваютъ изъ тины свои ноги. Старый кабанъ сѣкачъ, весь смолой залитый, цѣлое лѣто о сосны чесался должно быть, передомъ идетъ, рыло-пятакъ поднялъ и сверкаетъ на солнцѣ своими острыми клыками... злобно, подозрительно смотрятъ крохотные глазки, дыбомъ торчитъ жесткая, грязная щетина, такъ и ходятъ косматыя, стоячія уши и слышится его отрывистое, предостерегательное похрюкиваніе.

Сдѣлали тутъ наши привалъ, огонекъ развели, потому, день хотя и солнечный былъ, а все-таки холодновато въ лѣсу, особенно здѣсь, съ навѣтренной стороны; такъ и пронизываетъ насквозь этимъ злымъ осеннимъ вѣтромъ... Сидятъ, закусываютъ, любуются видомъ на озера со всѣмъ, что на этихъ озерахъ живетъ и движется, разговариваютъ, а Варнашка тоже около лежитъ и гложетъ кость, зажавъ ея между передними лапами.

— Вотъ, видишь ты эти самыя озера, говоритъ названный батька,—они другъ съ дружкою протоками связаны, можно эти протоки и поразсчистить, тутъ большого труда не будетъ. А озера эти далеко идутъ, я знаю, вонъ за тою горою огибаютъ серпомъ, верстъ на сто не меньше, а тамъ, рѣка изъ послѣдняго большая выходитъ. Я помню эту рѣку... я ее видѣлъ... я чуть не утонулъ въ ней, когда переплывалъ, добавилъ онъ, задумавшись и, словно припоминая какое-то обстоятельство, давно уже минувшее...

— Тогда они стрѣляли еще по мнѣ...

— Кто стрѣлялъ? испуганно спросилъ ребенокъ,—развѣ человѣка можно стрѣлять... волка стрѣляютъ, медвѣдя. Дядя Никаноръ вотъ бѣлокъ все бьетъ изъ гранчатки, а человѣка развѣ стрѣлять можно?!..

— Значитъ, можно, промолвилъ батька.—А можетъ, я тогда человѣкомъ не былъ, можетъ быть меня за волка и считали.

— За волка?!..

— Э, да нѣтъ, не къ тому я началъ! словно опомнившись и тряхнувши головою, продолжалъ батька.—Такъ вотъ, значитъ, по этимъ озерамъ можно до рѣки добраться, а тамъ уже широкая дорога; это и есть настоящій путь изъ лѣсу.

— Вотъ у насъ челнокъ, долбушка, есть маленькій, онъ для такого дѣла не годится, а можно вѣдь большія лодки построить, можно такія сдѣлать, что всю нашу избу цѣликомъ поставить на нихъ можно. На этихъ лодкахъ надо возить изъ лѣсу все, что здѣсь добываемъ... Здѣсь вотъ, гдѣ мы сидимъ, можно уголь жечь, деготь гнать, лѣсъ валить, доски пилить, тёсъ... зимою, когда морозомъ стянетъ трясину, можно хоть цѣликомъ самыя большія деревья къ озеру стащить на сопкахъ, тамъ ихъ въ плоты вязать, на льду-то, а какъ разстаетъ по веснѣ, гони водою эти плоты куда хочешь... Вода вѣдь дѣло великое! многосильное!!..

— Тутъ и избѣ нашей мѣсто, а не тамъ, гдѣ она теперь стоитъ, въ трущобѣ невылазной, да не такую, впрочемъ, избу надо здѣсь, и не одну... надо большія избы, большіе сараи, чтобы гдѣ было запасать все, да хранить до времени, надо, чтобы здѣсь народу много жило и жилъ бы этотъ народъ дружно, вотъ какъ мы съ тобою... тогда все хорошо пошло бы...

— Въ лѣсу тоже нужны избы, въ разныхъ мѣстахъ, особнячки. Эти избы народъ бы сберегали, промышленники притонъ въ нихъ имѣли бы, а здѣсь главное мѣсто сходки; тутъ и склады общественные... Тутъ больницу можно завести, знаешь, когда кто занеможетъ? не знаешь ты еще этого, что значитъ занемочь, дай Богъ и не знать тебѣ никогда, да все можетъ случиться. Больница такое мѣсто, жилье, гдѣ всѣхъ больныхъ складываютъ и лечатъ ихъ, травы имъ даютъ полезные, кормятъ, присматриваютъ за ними... Школу тоже для дѣтей... Вѣдь не одинъ ты на свѣтѣ маленькій мальчикъ. Я вотъ тебя учу грамотѣ, разсказываю все, что знать слѣдуетъ и другимъ тоже надо учиться, а школа, это большая, свѣтлая изба и въ ней дѣти въ свободное время собираются, и ихъ учатъ. Одинъ человѣкъ большой учитъ ихъ разомъ всѣхъ и писать учитъ и читать, и тоже хорошія вещи разсказываетъ... Вотъ все бы это здѣсь надо и все это можно сдѣлать, только бы дядя Иванъ, да Никаноръ, да Ермилъ, Якимъ тоже, всѣ бы мужики взялись дружно за дѣло, все можно было бы сдѣлать.

— Дикія эти мѣста, безлюдныя, мало кто, а можетъ кромѣ насъ и совсѣмъ никто, сюда не заглядывалъ, и много лѣтъ пройдетъ еще не заглянутъ, а то бы совсѣмъ все перемѣнилось... Сколько добра въ лѣсу пропадаетъ, все бы пошло на пользу...

Говоритъ батька, а Андронъ слушаетъ, не все хорошо понимаетъ, а слушаетъ и все на озеро озирается, чудятся ему и лодки большія уже идутъ по нимъ и плота безъ конца тянутся и мужики на берегу копошатся. Дымъ валитъ столбомъ на горѣ, избы стоятъ большія, все такія, какъ тотъ разъ онъ въ селѣ видалъ, и сидятъ полукругомъ все мальчики маленькіе, а батька въ серединѣ стоитъ, доска струганная около него, и чертитъ батька углемъ на этой доскѣ, а тѣ еще пока не понимаютъ что, понимаетъ только онъ, одинъ, Андронъ, и читаетъ, слѣдя за углемъ батьки, длинное слово, «Благосостояніе», то самое слово, надъ складомъ котораго онъ, недѣли три тому назадъ, особенно усердствовалъ.

Живо прошелъ въ отцевскихъ занятныхъ розсказняхъ часъ отдыха, минутою одною показался этотъ часъ Андрону. Поубрали оставшуюся снѣдь въ котомку, оглядѣлъ батька гранчатку, переобулись какъ слѣдуетъ для ходьбы по трясиннымъ тропамъ и тронулись въ путь.

Нелегка была дорога лѣсомъ да горами, еще того тяжелѣе пошла низомъ... Бились, бились путники, насилу только къ вечеру добрались до камышей, за которыми уже чистыя воды начинались; вышли прямо къ ивамъ, гдѣ челнокъ былъ привязанъ; а тутъ опять бѣда: вода сошла по ниже, челнокъ-то на сухомъ мѣстѣ оказался.—Это пустяки, долго ли его спихнуть, да разщелился онъ отъ засухи, нельзя спустить на воду, не проканопативши какъ слѣдуетъ, затонетъ...

Принялись за работу. Моху кругомъ въ волю; часа два возились однако, совсѣмъ темнѣть начало. Рѣшили во всякомъ случаѣ ночевать не

*) Біографія Анны Напрстекъ издана была нѣсколько разъ. Лучшая изъ нихъ принадлежитъ перу извѣстной чешской писательницы, Софіи Подлипской, изъ которой и заимствованы главныя черты жизни покойницы. Считаемъ долгомъ обратить вниманіе нашихъ читателей на замѣчательное исполненіе портрета Анны Напрстекъ, рисованнаго и рѣзаннаго на деревѣ для нашего журнала Августою Шлехтой. *Прим. Ред.*

здѣсь въ болотѣ, а на островѣ; тамъ много суше, тамъ даже есть одно мѣсто песчаное и сосенникомъ поросшее, тамъ и посмолить можно будетъ челнокъ, только бы въ немъ на ту сторону выбраться.

Стащили долбушку въ воду, ничего, держитъ. Сѣлъ осторожно, на кормовую сторону батька съ лопатою, Андрона впередъ посадилъ, съ строгимъ наказомъ сидѣть смирно и не ворочаться, а Варнашку не пустили, Варнашка вплавь можетъ держаться за лодкою. По срединѣ сложили добро и оружіе.

Валокъ челнокъ, того и гляди перекувырнется; сидитъ онъ теперь глубоко въ водѣ подъ грузомъ, каждое движеніе размѣрять да взвѣшивать надо. А плыть не близко; глазомъ-то кажется, будто вотъ онъ, островъ-то рукою подать, а поди, доберись сначала до его берега.

Холодновато стало подъ вечеръ, да и вѣтеръ усилился. Здѣсь между островкомъ еще тихая полоса, чуть только рябь набѣгаетъ, а по ту сторону, по большему озеру, даже зайчики бѣлые забѣгали... Солнце садилось за тучи и красное такое стало... Безпокойно поглядываетъ батька въ ту сторону. «Ужь не вернуться ли?» думаетъ. А ворочаться теперь уже нѣтъ никакого разсчета, отъ острова-то, пожалуй, теперь ближе будетъ, чѣмъ отъ матерова берега—да и на островѣ лѣсъ есть, починку можно справить... Работаетъ батька усердно лопатою...

— Вода набирается! остерегъ его Голованъ— онъ вѣдь на самомъ днищѣ сидѣлъ, такъ живо почувствовалъ холодную воду, просочившуюся сквозь сухую конопатку...

— Вижу, что вода — ничего не подѣлаешь... Скоро доберемся, небось, не затопемъ...

Сунулъ батька лопату прямикомъ въ воду, не досталъ, однако, дна, хоть и просвѣчиваютъ оттуда длинные перепутанные стебли водорослей...

Варнашка бодро плыветъ за ладьею, только пофыркиваетъ носомъ; въ сторону было погнался за какою-то чуркою, принявъ ее за живое существо, да замѣтилъ во время свою ошибку, сконфузился и сталъ на прежній курсъ, къ песчаной отмели...

— Батька, вода все больше набирается!..

— Вижу, что больше, задыхаясь, отвѣтилъ батька, изо всей мочи налегая на лопату...

Потянулся ребенокъ, чтобы грачатку убрать, да рожекъ съ порохомъ отъ подмочки спасти, набѣжала зыбь въ эту самую минуту, качнуло челнокъ, мальчикъ за бортъ рукою схватился, еще больше накренилось, черпнуло воды краемъ...

— Сиди смирно!...

Шагахъ въ двадцати отъ берега, немного не доплыли, пошелъ челнокъ ко дну, до краевъ водою переполненный, взвылъ Варнашка, глядя на крушеніе и около кружится... Ничего, обошлось благополучно—показалась намокшая голова батьки, струями вода течетъ съ бороды.. Здѣсь точно, что уже не глубоко было, всего по грудь батькѣ. Головану нельзя стоять, онъ ухватился за плечо отцовское, и ногами бьетъ по водѣ, а грачатку и сумку не выпускаетъ, зубами держитъ за ременную перевязь...

Выбрались кое-какъ на берегъ, насквозь промокши, такъ и обдало ихъ холоднымъ вѣтромъ, зубы дробь выбиваютъ... Бѣгомъ бросились въ молодой сосенникъ, тамъ затишье. Огонь разводить принялись, да вотъ бѣда — трутъ подмокъ, надо еще сыскать что подходящее... Часа два возились съ огнемъ—пока запылало яркое пламя —тогда пораздѣвались оба до нага, стали сушиться... Поѣсть бы теперь хорошо чего горячаго, да нечего, утопили провизію, вмѣстѣ съ самодѣльною лодкою... Какъ согрѣлись, легли спать, не ѣвши, на тощій желудокъ, а ночью дождь пошелъ, да ливень осенній, холодный къ утру, такъ даже съ изморозью закрутилъ..

Задумался батька, какже быть теперь съ обратною дорогою? Челнока со дна одному не поднять, да его теперь, чай, такъ тиною засосало, что и не отыщешь скоро, а здѣсь же на островѣ не зимовать, на ту, на свою сторону перебираться надо. Бросилъ онъ и выдру слѣдить, ну ее къ нелегкому, другая теперь, болѣе серьезная забота...

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Памяти Триніуса.

(Ст. Н. Н. Вакуловскаго.)

Въ нынѣшнемъ году исполнилось столѣтіе рожденія одного изъ выдававшихся нѣкогда ботаниковъ Триніуса. Карлъ-Бернгардъ Триніусъ родился въ 1778 году, въ Эйслейбенѣ, въ Саксоніи. Ему только что окончилось пять лѣтъ, когда умеръ его отецъ. Мать его, сестра извѣстнаго доктора Ганнемана, творца гомеопатіи, оставшись вдовою, вышла замужъ за доктора Мюллера, главнаго смотрителя церквей въ Саксоніи. Она приложила всѣ старанія къ воспитанію сына, который, по окончаніи въ 1796 году въ родномъ городѣ курса гимназіи, поступилъ сначала въ іенскій университетъ, а затѣмъ перешелъ сперва въ гальскій, потомъ въ лейпцигскій и, наконецъ, въ геттингенскій. Въ 1802 году онъ былъ уже обладателемъ всѣхъ ученыхъ степеней, доступныхъ студенту. Окончивъ курсъ, Триніусъ, больной, провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Рюкенбургѣ у дяди по матери, для леченія отъ нервной болѣзни. Дядя вылечилъ его, но болѣзнь настолько повліяла на молодого человѣка, что онъ рѣшился держать экзаменъ въ Берлинѣ, на званіе медика-практика, хотя прежде мечталъ о профессорской кафедрѣ. Онъ встрѣтилъ содѣйствіе у Гуфеланда, который рекомендовалъ его на открывшуюся вакансію медика, въ Вестфалію. По причинѣ ошибки въ адресѣ случилось, что Триніусъ вмѣсто этого мѣста получилъ другое въ Курляндіи. Вскорѣ онъ былъ назначенъ врачемъ при герцогинѣ Александрѣ Виртембергской, урожденной принцессѣ Саксенъ-Кобургской, которая въ 1809 году привезла его съ собою въ С.-Петербургъ.

Триніусъ началъ учено-литературную дѣятельность тремя работами, исполненными имъ при содѣйствіи доктора Либошитца. Это: 1) Ботаническая таблица родовъ растеній, водящихся въ Россіи, расположенная по естественной системѣ (напечатана въ 1810 году); 2) Флора окрестностей С.-Петербурга и Москвы (въ 1811 году) и 3) Описаніе мховъ изъ окрестностей Петербурга (въ 1811 году). Избранный членомъ-корреспондентомъ академіи наукъ, онъ представилъ ей въ 1813 г. работу для «Мемуаровъ». Кажется, что въ это же время Триніусъ предался изученію той спеціальности, которую разработывалъ съ такимъ рвеніемъ до конца жизни, такъ какъ въ 1820 г. появились его «Основанія агростографіи или теорія строенія цвѣтка злаковъ», съ присоединеніемъ перечня родовъ этого семейства, а въ 1822 году «Ключъ къ древней агростографіи, или обзоръ положенія ея изученія до Линнея съ опытомъ сопоставленія старинной синонимiи съ современною». Эти работы доставили автору въ 1823 г. кресло академика, вакантное по смерти Рудольфа. Дѣятельность Триніуса въ званіи академика была вдвойнѣ полезна академіи, такъ какъ рядомъ съ кабинетными работами, которыми онъ обогатилъ область знанія, или, скорѣе, обширный отдѣлъ злаковъ, избранный имъ для изученія, Триніусъ основалъ ботаническій музей. Коллекціи растеній, привезенныя нѣкогда знаменитыми путешественниками академіи, гнили забытыми въ погребѣ стараго зданія музея. Триніусъ подвергъ ихъ тщательному пересмотру; 4—5000 образцовъ, оказавшихся годными, составили основаніе новаго музея, который подъ непосредственнымъ управленіемъ Триніуса, благодаря его неусыпнымъ трудамъ, быстро развивался и достигъ еще при жизни своего основателя блестящаго состоянія. Правда, не мало помощи оказали въ этомъ дѣлѣ отпущенныя правительствомъ средства,—но все же много значила и личность основателя, который проводилъ въ музеѣ большую часть дня, заинтересовалъ дѣломъ многихъ друзей и знакомыхъ, изъ которыхъ, напр., Прескотъ проводилъ свободное отъ коммерческихъ дѣлъ время въ перетряхиваніи и перекладкѣ пакетовъ, Бонгардъ, можетъ быть, здѣсь и увлекся ботаникой, и др. Триніусъ желалъ установить новую классификацію злаковъ по естественнымъ признакамъ. Втеченіе восьми лѣтъ онъ печаталъ выпусками свой трудъ «Species graminum», составившій три тома in quarto съ 360 таблицами прекрасныхъ рисунковъ, имъ самимъ рисованныхъ. Авторитетъ Триніуса, какъ спеціалиста, сдѣлался громаднымъ и чрезъ его руки стало проходить все доставлявшееся путешественниками даже другихъ странъ. Онъ опредѣлилъ и описалъ агростологическую добычу, привезенную съ Алтая гг. Ледебуромъ и Бунге, съ Кавказа и западнаго берега Каспійскаго моря гг. Мейеромъ и Эйхвальдомъ, съ Ситхи—Мертенсомъ, изъ сѣвернаго Китая—г. Бунге, изъ Талыша—Гогенакеромъ, изъ южной Америки—Пеппигомъ. Во время своей поѣздки заграницу, какъ для знакомства съ европейскими гербаріями, такъ и для поправленія здоровья, Триніусъ имѣлъ случай убѣдиться, какъ относились къ трудамъ его выдававшіеся ботаники. Кунтъ и Нисъ-фон-Изенбекъ, единственные его соперники, предоставили въ распоряженіе Триніуса состоявшія подъ ихъ вѣдѣніемъ и лично имъ принадлежавшія коллекціи. Къ сожалѣнію, во время этой поѣздки, полной надежды на будущее, Триніусъ былъ пораженъ внезапно въ Мюнхенѣ нервнымъ ударомъ, угрожавшимъ если не жизни его, то, по крайней мѣрѣ, умственнымъ способностямъ. Онъ поправился медленно и не вполнѣ, и хотя представилъ академіи еще работы, но онѣ были окончены имъ ранѣе наступленія болѣзни. Удрученный болѣзнью, Триніусъ передалъ академіи лично составлявшійся имъ втеченіи болѣе чѣмъ двадцати лѣтъ «гербарій злаковъ». Триніусъ умеръ 29 февраля 1844 года, послѣ долгой и мучительной агоніи.

Въ 1829 году, на Триніуса было возложено преподаваніе естественныхъ наукъ Наслѣднику Цесаревичу, нынѣ царствующему Императору.

Триніусъ былъ членомъ: академій бонской и болоньской, московскаго общества испытателей природы и геттингенскаго ботаническаго.

Къ рисункамъ.

Въ нашемъ журналѣ уже было помѣщено нѣсколько копій съ картинъ и статуй, произведшихъ хорошее впечатлѣніе на публику на парижской всемірной выставкѣ и въ парижскомъ Салонѣ 1878 года. Къ числу этихъ копій въ настоящемъ нумерѣ прибавляется еще двѣ: снимокъ съ картины «Эльзасскій аптекарь» и снимокъ со статуи «Слава побѣжденнымъ». Оба эти произведенія чрезвычайно хороши, хотя и носятъ совершенно различный характеръ: картина изображаетъ простую, выхваченную изъ жизни сценку, какъ приводитъ крестьянка больного мальчика къ сельскому аптекарю, желая узнать отъ послѣдняго, чѣмъ лечить мальчугана; статуя же воплощаетъ въ аллегорической группѣ прекрасную и ободряющую мысль о томъ, что слава ждетъ не однихъ гордыхъ побѣдителей, но и честныхъ бойцевъ, павшихъ въ бою подъ ударами болѣе сильнаго врага. Эти оба произведенія произвели самое хорошее впечатлѣніе на публику въ Парижѣ. Рядомъ съ «Эльзасскимъ

ВСЕМІРНАЯ ПАРИЖСКАЯ ВЫСТАВКА.

Слава побѣжденнымъ.

аптекарем» мы предлагаемъ еще одну такую же простую и понятную по содержанію картинку— «Наставленіе передъ разлукой». Это мать, простая деревенская женщина, даетъ своей молоденькой дочери, ѣдущей на мѣсто, наставленіе, какъ вести себя въ чужомъ городѣ, въ чужихъ людяхъ: старуха сознаетъ, какія опасности грозятъ молоденькой дочери и строго-настрого приказываетъ ей беречь себя отъ всякихъ соблазновъ. Убережетъ-ли себя эта неопытная дѣвушка? Путь жизни такъ труденъ: человѣкъ похожъ на странника, который идетъ безъ пути, безъ дороги въ степи, въ грязь, подъ дождемъ и нерѣдко погибаетъ, попадая въ разные овраги, въ разныя болота; хорошо еще тому, передъ кѣмъ свѣтится гдѣ-нибудь далеко путеводный огонекъ, по направленію къ которому можно идти смѣлѣе, надѣясь на близкій отдыхъ подъ мирнымъ кровомъ. Это сравненіе человѣка съ странникомъ выражено въ стихотворной сказкѣ А. Михайлова, которая была напечатана года два тому назадъ въ одномъ изъ журналовъ и иллюстрацію, къ которой мы помѣщаемъ въ настоящемъ нумерѣ. Среди картинъ, лежащихъ въ настоящую минуту передъ читателемъ, читатель, конечно, обратитъ вниманіе и на гигантскіе тополи въ Тиволи близъ Рима. Мы помѣщаемъ этотъ видъ, какъ напоминаніе объ одномъ изъ прелестнѣйшихъ уголковъ европейскаго юга. Какой контрастъ между этою богатою природою и тою степью, по которой приходится иногда всю жизнь брести «страннику-человѣку».

„Адъ" Данте.

Пѣснь восьмая (Рис. стр. 384.) Пятый кругъ «Ада»; Флегіасъ перевозитъ чрезъ болото Стикса Виргилія и Данте. Отвратительныя мученія Филиппа Арджепти.

Неуловимъ и быстръ стрѣлы полетъ,
Не тотъ челнокъ, что намъ на встрѣчу мчался,
Скользя подъ испареньемъ болотъ,
Быстрѣй стрѣлы и молніи казался.
Одинъ гребецъ сидѣлъ въ немъ и кричалъ:
— «Преступный духъ! Ты, наконецъ, попался!
Ты уже здѣсь!» Мой спутникъ отвѣчалъ:
— «О, Флегіасъ! *) Ты сердишься напрасно!
Языкъ твоихъ угрозъ безсиленъ сталъ:
Пока ты можешь только безопасно
Перевезти черезъ болото насъ».
Какъ человѣкъ, которому ужасно
Скрывать безсильный гнѣвъ, такъ Флегіасъ
Умолкнулъ вдругъ. Учитель въ челнъ спустился,
Я вслѣдъ за нимъ и челнъ на этотъ разъ
Гораздо глубже въ волны погрузился.
Когда по темной, мертвой глубинѣ
Летѣли мы, вдругъ грѣшникъ появился,
Весь тиною покрытъ, и молвилъ мнѣ:
— «Скажи, кто ты? За чѣмъ ты раньше срока
Блуждаешь въ этой адской тишинѣ?»
Я отвѣчалъ: «То время не далеко,
Когда могу отсюда я уйдти.
Но кто ты самъ, скажи мнѣ, такъ жестоко
Истерзанный? Кто ты?» — «Въ своемъ пути
На вѣчный, вѣчный плачъ осужденъ я»,
Сказала тѣнь. — «Лети же ты, лети,
Проклятый духъ, спокойствія не зная!
Рыданія и скорби — твой удѣлъ.
Твое лицо въ грязи распознавая,
Тебя теперь припомнить я успѣлъ»,
Отвѣтилъ я... Тутъ грѣшникъ обѣ руки
Простеръ къ челну, какъ будто бы хотѣлъ
Въ немъ отдохнуть отъ нестерпимой муки,
Но спутникъ мой столкнулъ его назадъ:
— «Иди ты прочь, туда, гдѣ слышны звуки
Проклятій псовъ, какъ ты, попавшихъ въ адъ».
Затѣмъ поэтъ, меня обнявъ, какъ брата,
Поцѣловалъ и молвилъ: — «О, стократъ
Блаженна мать, носившая когда-то
Тебя подъ сердцемъ! Чистая душа,
Себя ты уберегъ среди разврата.
Знай: эта тѣнь *), всю жизнь свою грѣша,
Всѣхъ презирала въ собственной гордынѣ,
Лишь злобой постоянною дыша.
Бѣснуется и здѣсь она донынѣ.
И много гордыхъ нѣкогда владыкъ
Въ зловонье этой мерзостной пустыни,
Здѣсь пресмыкаться будутъ каждый мигъ,
Какъ свиньи, въ мірѣ общее презрѣнье
Оставивъ за собою. Ихъ постигъ
Стыдъ и позоръ». — «Могу-ль безъ затрудненья,
Учитель», я сказалъ: «теперь взглянуть,
Какъ будетъ это жалкое творенье
Въ грязи и тинѣ медленно тонуть?..»
И мнѣ отвѣтилъ мудрый мой учитель:
«Еще въ ладьѣ мы не окончимъ путь,
Увидишь ты, какъ флорентинскій житель
Казнимъ въ аду...» И видѣлъ я вблизи,
Какъ грѣшника караетъ Вѣчный мститель.
Его давили призраки въ грязи,
«Филиппъ Арджепти!» всѣ они кричали:
«Вотъ онъ! Сюда! Дави его, рази!»
И призракъ флорентинца окружали,
А онъ съ себя зубами тѣло рвалъ...
За эту казнь, не чувствуя печали,
Я небеса тогда благословлялъ.

Пѣснь семнадцатая (Рис. стр. 384) (Безъ оглавленія, какъ другія).

Вотъ, вотъ оно, чудовище съ хвостомъ,
Какъ пика, заостреннымъ! Черезъ горы
Оно летитъ и рушитъ все кругомъ.
. . . .
Учитель мой уже сидѣлъ въ то время
На раменахъ чудовища и былъ
Готовъ летѣть. «Садись, двойное бремя
Ему легко; будь твердъ теперь и смѣлъ.
Отсюда спускъ,—скалы отлогого темя,
Опасенъ намъ, и ты бы оробѣлъ
Безъ помощи чудовища спускаться.
Хочу чтобъ въ серединѣ ты сидѣлъ,
Иначе хвостъ, что очень можетъ статься,
Тебѣ дорогой можетъ повредить».
И вотъ, учителю послушный, сѣлъ
Чудовищу на плечи я, желая
Просить пѣвца, но только не рѣшился
Ему сказать: «Ахъ, обними меня!»
Но мысль мою онъ понялъ, наклонился,
Привлекъ къ себѣ, руками охраняя,
И крикнулъ такъ: «Ну, Геріонъ, въ дорогу!
Ты, ношу непривычную цѣня,
Спускайся внизъ кругами по немногу:
Пусть будетъ тихъ могучій твой полетъ».
Я затаилъ въ себѣ души тревогу,
Прильнувъ къ путеводителю — и вотъ,
Какъ челнъ съ песчаной отмели сходящій
И тихо выплывающій впередъ,
Такъ двигался нашъ кормчій настоящій,
Махая грозно лапами во тьмѣ,
И съ нами быстро въ воздухѣ летящій...

*) Флегіасъ, царь лапитовъ, отецъ Корониды, обольщенный Аполлономъ; въ отмщеніе онъ сжегъ Дельфійскій храмъ, былъ за это убитъ Аполлономъ и свергенъ имъ въ адъ. Въ личности Флегіаса Данте олицетворяетъ бѣшенство и неукротимый гнѣвъ.

*) Филиппъ Арджепти, богатый и знатный флорентинецъ, былъ извѣстенъ по своему бѣшеному нраву.

Странствующій англичанинъ.

(Разсказъ **А. Бувье.**)

Онъ былъ истый англичанинъ; волосы у него были цвѣта, напоминающаго солому, бакенбарды рыжія, носъ красный; разстоянія между поздрями и ртомъ почти не существовало, что ему давало возможность не имѣть усовъ; нѣсколько вздернутая губа обнаруживала три зуба... но какіе зуба! шириною въ большой палецъ. Глаза у него были голубые... голубые на подобіе мыльной воды, а не неба; безконечная его шея пропадала какъ булавка въ жесткомъ воротникѣ.

На немъ всегда были панталоны слишкомъ короткіе, пальто слишкомъ широкое и шляпа слишкомъ узкая... На перевязи изъ лакированной кожи у него висѣлъ бинокль, а въ рукѣ постоянно былъ дорожный мѣшокъ изъ желтоватой кожи... Когда онъ обстригалъ и подчищалъ себѣ ногти, то вынималъ изъ кармана перочинный ножикъ, который заключалъ въ себѣ и подпилокъ для ногтей, и ножницы, и ложку, и вилку, и чернильницу. Все это было величиною въ кулакъ, очень тяжело, очень неудобно къ употребленію; но, по мнѣнію его, практично.

Я съ нимъ познакомился въ 1865 году, за табльдотомъ, онъ мнѣ предложилъ шампанскаго знакóмъ, не зная тогда ни одного слова по-французски. Вынужденное молчаніе, которое я хранилъ въ сношеніяхъ съ нимъ, дало ему такое высокое мнѣніе о моей любезности, что съ этого дня мы сдѣлались друзьями.

У меня еще хранится его подарокъ—перочинные ножи, говорятъ поддерживаютъ дружбу—но въ этомъ ножѣ заключались: ножичекъ, штопоръ, ручка для пера, зубная щетка, гребенка; на немъ были вырѣзаны:

W. Z. A.—13.

Однажды я спросилъ у него, что значила эта цифра. Онъ отвѣчалъ что за этимъ нумеромъ онъ былъ извѣстенъ въ пансіонѣ, и чтобъ не мѣнять мѣтокъ на бѣльѣ, онъ сохранилъ его на всю жизнь.

Я встрѣчалъ его въ Брюсселѣ, въ Кельнѣ, въ Марсели; онъ всегда, казалось, только что вышелъ изъ вагона.

Когда я его видѣлъ въ послѣдній разъ, онъ ужь говорилъ по-французски; это было въ Женевѣ. Я обѣдалъ съ нимъ и спросилъ, гдѣ его постоянное мѣстожительство.

— Я нигдѣ не живу постоянно, отвѣчалъ онъ.

— Какъ, у васъ нѣтъ дома! но есть семейство...

— У меня чемоданы, и я одинъ.

— Какъ должны вы скучать!

— Нѣтъ!

— Что вы дѣлаете?

— Я путешествую.

— Для собственнаго удовольствія?

— Нѣтъ!

— По дѣламъ?

— Нѣтъ!

— Въ такомъ случаѣ безъ цѣли.

— Напротивъ.

— ?...

Этотъ вопросительный знакъ онъ прочелъ на моемъ лицѣ.

— Я путешествую, чтобъ сдѣлаться жертвою какого-нибудь несчастья на желѣзной дорогѣ!

Я остолбенѣлъ.

— Да, продолжалъ онъ, съ нѣкоторою горечью:—я путешествовалъ по Америкѣ, три раза случались столкновенія поѣздовъ, но я проѣзжалъ по этой дорогѣ или въ предъидущемъ или въ послѣдующемъ поѣздѣ. Во время извѣстнаго несчастья въ 1863 году, близь Лондона, въ тунелѣ, когда поѣздъ сошелъ съ рельсовъ, я опоздалъ двумя минутами. Во время горестнаго приключенія на Сѣверной желѣзной дорогѣ въ 1864 году, больной, утомленный, я вышелъ изъ вагона за двѣ станціи ранѣе... При столкновеніи на дамартинской желѣзной дороги, я сидѣлъ въ вагонѣ, который остался цѣлъ...

Я смотрѣлъ на него съ изумленіемъ и страхомъ.

Онъ грустно вынулъ изъ кармана часы, которые обозначали время, число, день, мѣсяцъ, годъ и играли God save the Queen.

Увидавъ который часъ, онъ поспѣшно всталъ, и сказалъ мнѣ, взявъ свой дорожный мѣшокъ:

— Я съ вами разстаюсь, до свиданія; черезъ девять минутъ я отправляюсь съ курьерскимъ поѣздомъ и никакъ не хочу опоздать. Кочегаръ сегодня новый, есть надежда.

Онъ уѣхалъ и я его не старался удержать.

— Есть надежда!..

Мнѣ страшно вспомнить какимъ голосомъ и съ какою улыбкою онъ выговорилъ эти слова. Съ этого дня мы болѣе не видались.

Прошлый мѣсяцъ въ Брюсселѣ, я покупалъ револьверъ и ружейный мастеръ мнѣ предложилъ маленькій, англійскій пистолетъ, говоря:

— Онъ былъ поднятъ полицейскимъ въ Кимбрейскомъ лѣсу, подлѣ трупа застрѣлившагося человѣка. Чиновникъ, производившій слѣдствіе, принесъ мнѣ этотъ пистолетъ для продажи.

Я вертѣлъ и переворачивалъ это смертоносное оружіе... дуло было еще черно отъ послѣдняго выстрѣла. Вдругъ я увидалъ на стальной дощечкѣ, вдѣланной въ ручку:

W. Z. A.—13.

— Узнали-ли имя несчастнаго? спросилъ я.

— Кажется, нѣтъ.

— Гдѣ можно получить подробности объ этомъ самоубійствѣ?

— Въ газетахъ.

Я купилъ пистолетъ... и отправился въ контору Etoile Belge, просмотрѣть нѣсколько нумеровъ этой газеты.

Случай мнѣ благопріятствовалъ; я прочелъ въ разныхъ извѣстіяхъ:

«Приключеніе, случившееся на французской линіи, о которомъ мы разсказали третьяго дня, оказалось гораздо менѣе важнымъ, чѣмъ полагали. Число убитыхъ и раненыхъ очень преувеличено, завтра мы объявимъ точныя подробности этого приключенія».

«Вчера, полицейскій, Х... обходя Кимбрейскій лѣсъ, нашелъ убитаго человѣка; трупъ былъ прислоненъ къ дереву, ноги нѣсколько раздвинуты, руки висѣли на обѣ стороны, а голова закинута назадъ. У ногъ его лежалъ маленькій карманный пистолетъ, которымъ застрѣлился несчастный, очевидно англичанинъ. На немъ ничего не найдено, что могло бы обнаружить его имя».

Мой бѣдный англичанинъ, я готовъ биться объ закладъ, опоздалъ минутою на поѣздъ.

Обѣдъ въ честь врачей бывшихъ на войнѣ.

Со времени возвращенія гвардіи съ театра военныхъ дѣйствій, въ Петербургѣ безпрестанно даются по подпискѣ обѣды въ честь возвратившихся. Послѣдніе два мѣсяца жизни Петербурга очень удобно можно охарактеризовать «періодомъ обѣдовъ». Съѣдено и выпито масса и трактирщики начинаютъ поправлять свои дѣла, бывшія въ застоѣ во время войны.

Изъ числа многочисленныхъ обѣдовъ выдаются особенно два: одинъ въ честь симпатичнѣйшаго изъ нашихъ генераловъ, Радецкаго,—единственнаго, заслуги котораго признаются всѣми безъ исключенія. Обѣдъ этотъ былъ данъ инженерами, получившими воспитаніе въ инженерномъ училищѣ. Кромѣ военныхъ, преобладавшихъ на обѣдѣ, участвовало также нѣсколько извѣстныхъ литераторовъ и ученыхъ: гг. Григоровичъ, Достоевскій, Сѣченовъ и др. Много прекрасныхъ рѣчей было сказано на этомъ обѣдѣ; присутствовавшіе литераторы и ученые не безмолствовали; ихъ вкладъ въ общую массу рѣчей былъ самый выдающійся. Къ сожалѣнію, теперь уже поздно приводить эти рѣчи, но, вѣроятно, намъ придется къ нимъ возвратиться при случаѣ.

Другой выдающійся обѣдъ, былъ обѣдъ, устроенный петербургскими врачами ихъ товарищамъ, возвратившимся съ войны. Этотъ обѣдъ отличался многочисленностію обѣдавшихъ. И хозяевъ и гостей собралось до 500 человѣкъ. Обѣдъ прошелъ весело, одушевленно; забыты были ранги и чины, забыто всякое соперничество. Пиръ принялъ чисто семейный, дружескій характеръ. Много было сказано рѣчей, изъ которыхъ самою выдающеюся по справедливости, слѣдуетъ считать рѣчь бывшаго президента петербургской медико-хирургической академіи, Я. А. Чистовича, выяснившаго въ своей рѣчи заслуги военныхъ врачей передъ наукой и обществомъ. Изъ стихотвореній, прочитанныхъ на обѣдѣ, особенное сочувствіе возбудило стихотвореніе г. Богданова «Товарищамъ», прочитанное самимъ авторомъ. Позволяемъ себѣ перепечатать это прекрасное стихотвореніе, помѣщенное въ газетѣ «Врачебныя вѣдомости». Вотъ оно:

Товарищамъ.

Въ семьѣ врачей, присутствующихъ тутъ,
Мы съ гордостью жмемъ крѣпко ваши руки;
Исторіи нелицемѣрный судъ
Прославитъ лицъ, подъ знаменемъ науки
Свершившихъ свой тяжелый трудъ.

Минувшая кровавая война
Героевъ рядъ повсюду создавала,
И доблесть ихъ молвой оцѣнена...
Но трудъ врачей вполнѣ-ль молва узнала?
Узнала-ль ваши имена?

Подъ грохотъ битвъ, идя съ мечемъ въ рукахъ,
Нетрудно впасть въ экстазъ ожесточенья:
Задоръ борьбы прогонитъ смерти страхъ,
Рядъ падшихъ жертвъ пробудитъ жажду мщенья,
И злоба заблеститъ въ глазахъ.

Рядъ подвиговъ герой тутъ совершитъ..
А въ этотъ мигъ—безвѣстный, незамѣтный
Врачъ трудится... Въ немъ злоба не кипитъ,
И холодно, съ отвагой беззавѣтной,
Онъ смерти тутъ въ глаза глядитъ.

Смерть не щадитъ... да, много свѣжихъ силъ
Изъ васъ легло на полѣ брани грозной,
И длинный рядъ безвременныхъ могилъ,
Могилъ борцовъ съ заразою тифозной,
Вашъ скорбный путь обстановилъ.

Вы шли на смерть не съ грохотомъ пальбы,
Не съ бѣшенствомъ горячки кровожадной,—
Нѣтъ, взвѣсивши всѣ ужасы борьбы,
Вы шли дышать заразой безпощадной,
И гибли жертвами судьбы.

Громъ славы васъ за подвиги не ждалъ:
На полѣ битвъ смерть храбраго солдата
Встрѣчала рядъ восторженныхъ похвалъ,
А новый врачъ умершаго собрата
Собой безмолвно замѣнялъ.

На кладбище прахъ падшаго несли
Безъ звука трубъ, безъ почести военной,
На гробъ его бросали горсть земли,
И--кончено... Что-жъ?—фактъ обыкновенный:
Отъ тифа умеръ... погребли...

Лишь изрѣдка. въ безмолвіи палатъ,
Страдальцевъ сонмъ труды врача вспомянетъ,
Вздохнетъ о немъ, и слезы заблестятъ,
«За упокой» когда креститься станетъ
Рукой израненной солдатъ.

Награды нѣтъ вамъ выше этихъ слезъ!
Въ нихъ вылилось, какъ долгъ свершенъ вашъ свято,
Какъ смѣло врачъ тяжелый крестъ свой несъ,
Какъ гибъ онъ самъ, спасая жизнь солдата,
И какъ онъ много перенесъ!

Миръ заключенъ, громъ пушекъ замолчалъ,
Погашено войны открытой пламя,
Вы—здѣсь опять... Но міръ уже узналъ,
Какъ высоко науки нашей знамя
Нашъ русскій врачъ вездѣ держалъ.

И намъ теперь желанная пора
Привѣтствовать товарищей настала:
За героизмъ, за подвиги добра,—
Съ поднятіемъ заздравнаго бокала,
Давайте, грянемъ имъ—«ура»!

Новости наукъ и жизни.

— Сестры милосердія. По словамъ «Врачебныхъ Вѣдомостей», въ послѣднемъ засѣданіи военно-госпитальнаго комитета былъ разсмотрѣнъ вопросъ о введеніи сестеръ милосердія въ штаты постоянныхъ военныхъ госпиталей, по предложенію главнаго военно-медицинскаго инспектора. Вопросъ этотъ разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Введеніе сестеръ милосердія въ штатъ госпиталей, признано дѣломъ необходимымъ и полезнымъ, и притомъ въ такомъ разсчетѣ, чтобы на 50 больныхъ была одна сестра милосердія.

— Изъ Сибири въ Лондонъ. «Голосъ» сообщаетъ слѣдующую телеграмму, полученную изъ Лондона: «Парусная шкуна «Сибирь», выстроенная въ Тюмени и принадлежащая г. Трапезникову, подъ управленіемъ капитана Курзена, благополучно прибыла изъ Тобольска въ Лондонъ, съ сибирскими товарами, преимущественно пшеницею. Судно это, безъ груза, по выстройкѣ было пробуксировано въ Тобольскъ, тамъ приняло грузъ и выбуксировано было по рѣкѣ Оби въ море, пароходомъ «Луиза», того же г. Трапезникова. Навигація его продолжалась весь сентябрь и часть октября. Изъ всего этого еще разъ подтверждается возможность морского торговаго движенія по рѣкамъ Оби и Енисею, ихъ заливамъ и Карскому морю, даже въ сентябрѣ, и не только на паровыхъ, но и на парусныхъ судахъ».

— Первый астрономическій музей. Директоръ парижской обсерваторіи, адмиралъ Мушезъ, предпринимаетъ устройство астрономическаго музея. Министръ финансовъ ассигновалъ для этой цѣли довольно значительную сумму денегъ, и въ настоящее время уже приступлено къ заказу предметовъ. Цѣль музея заключается въ устройствѣ слѣдующихъ коллекцій: 1) коллекція портретовъ астрономовъ и ученыхъ, содѣйствовавшихъ успѣхамъ астрономіи; 2) коллекція медалей или же ихъ копій, розданныхъ различными академіями за выдающіеся труды по астрономіи; 3) коллекція рисунковъ, гравюръ и фотографій, изображающихъ небесные тѣла и астрономическія явленія въ такомъ видѣ, въ какомъ они представляются въ лучшія трубы; 4) коллекція древнихъ инструментовъ, составившихъ эпоху въ наукѣ. Музей будетъ открытъ для публики безплатно. Нельзя не отнестись сочувственно къ этому учрежденію, и надо полагать, что и у насъ, въ Россіи, современемъ будетъ нѣчто подобное.

— Потребленіе бумаги, какъ мѣрило образованія. По словамъ Либиха, хорошимъ мѣриломъ уровня народнаго образованія служитъ въ наше время количество потребляемаго мыла. Но еще надежнѣе и достовѣрнѣе въ этомъ отношеніи количество потребляемой бумаги, которой всего больше приходится на Соединенные Штаты Америки, именно: 14 килограмовъ ($24,_{20}$ фунта) на каждаго жителя. За Америкою слѣдуютъ: Швейцарія ($6,_{3}$ килогр.), Германія (6), Бельгія ($5,_{1}$), Англія (5), скандинавскія королевства (5), Франція ($3,_{6}$), Австро-Венгрія ($2,_{5}$), Италія ($1,_{4}$) и Россія ($0,_{9}$).

— Народное образованіе въ Финляндіи. На сколько распространено народное образованіе въ Финляндіи, можно видѣть изъ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ, заимствованныхъ изъ вышедшаго недавно отчета о дѣтскомъ образованіи въ Финляндіи за 1877 г. Общее число жителей въ Финляндіи считалось въ 1.875,426 чел., изъ которыхъ 342,880 ч. школьнаго возраста (отъ 7 до 16 лѣтъ). Число высшихъ учебныхъ заведеній было 417; передвижныхъ школъ — 546 и начальныхъ школъ—473. Въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ числилось 930 учителей и 523 учительницы, а всего — 1,453 преподавателя, изъ которыхъ, однако, только 296 кончили курсъ въ семинаріяхъ для учителей народныхъ школъ. Учащіеся были распредѣлены такъ: въ элементарныхъ и реальныхъ школахъ — 5,855; въ постоянныхъ народныхъ школахъ — 18,443; въ передвижныхъ школахъ — 116,201; въ начальныхъ школахъ — 17,252 и во временныхъ школахъ—124; итого въ школахъ обучалось 157,905

дѣтей; кромѣ того, получили домашнее образованіе 177,992 чел., а всего обучалось—335,897 дѣтей. Неполучающихъ никакого образованія было — 6,983 чел.; изъ нихъ 1,801 чел. вслѣдствіе физическихъ недостатковъ, а 5,182 — по другимъ причинамъ.

— **Примѣненіе телефона къ физіологическимъ опытамъ.** По словамъ «Голоса», телефону удалось оказать немаловажную услугу физіологіи. Всякому, знакомому сколько нибудь съ физіологіей, извѣстно, какъ трудно наблюдаются первные токи, вслѣдствіе ихъ слабости. Наблюденія надъ ними до сихъ поръ производились при помощи весьма чувствительныхъ мультипликаторовъ, въ которыхъ, помощью системы астатическихъ стрѣлокъ, устранялось дѣйствіе земнаго магнетизма, а увеличеніе числа оборотовъ спирали дѣлало отклоненіе стрѣлки больше. Но какъ точно ни устроенъ былъ бы мультипликаторъ, полный астазіи стрѣлокъ въ немъ достичь весьма трудно, а увеличеніе числа оборотовъ спирали ослабляетъ дѣйствіе первнаго тока. Въ послѣднее время, въ физіологической лабораторіи медико-хирургической академіи, профессоромъ И. Тархановымъ произведены были опыты, имѣвшіе цѣлью замѣнить мультипликаторъ телефономъ. Профессоръ дѣлалъ такого рода опытъ: отпрепарированный нервъ лягушки былъ положенъ на неполяризующіеся электроды Дю-Буа-Реймона и нервный токъ, посредствомъ изолированной проволоки, отводился въ телефонъ, причемъ въ воронкѣ телефона получался довольно явственный шумъ, схожій съ жужжаньемъ комара. Шумъ этотъ немедленно прекращался, лишь только нервъ былъ удаляемъ съ электродовъ Дю-Буа-Реймона; слѣдовательно, причина звука заключалась именно въ нервѣ. Другой опытъ производился для того, чтобъ доказать, посредствомъ телефона, существованіе отрицательнаго колебанія на мышцахъ живыхъ людей. Опытъ состоялъ въ слѣдующемъ: экспериментаторъ погружаетъ пальцы рукъ въ два сосуда, наполненные растворомъ сѣрнокислаго цинка и соединенные при помощи двухъ изолированныхъ проволокъ съ телефономъ. Когда обѣ руки наблюдателя остаются въ покоѣ, въ телефонѣ не проявляется ни малѣйшаго звука, но лишь только экспериментаторъ начинаетъ сокращать мышцы одной руки, то получается довольно интенсивный звукъ. Явленіе это объясняется тѣмъ, что въ телефонѣ при этомъ опытѣ появляются два тока различнаго направленія. Оба эти тока взаимно уравновѣшиваются при покойномъ состояніи мышцъ рукъ, и звука въ телефонѣ не получается; но лишь только одна рука начинаетъ сокращаться сильнѣе другой, то немедленно происходитъ явленіе отрицательнаго колебанія, выражаемое въ телефонѣ звукомъ. Въ настоящее время г. Тархановъ занятъ приспособленіями и измѣненіями въ телефонѣ для того, чтобъ звукъ, въ немъ получаемый, былъ какъ можно болѣе интенсивенъ для слушателей.

— **Телегастрографъ.** Газеты сообщаютъ о новомъ любопытномъ открытіи Эдиссона—телегастрографѣ, машинѣ, передающей, при посредствѣ электрическаго тока, на огромное разстояніе, вкусъ кушанья и питья. Лицо, принимающее ощущеніе, должно только взять конецъ проводника въ зубы. Опыты съ этою машиною, еще весьма немногочисленные, невполнѣ разъяснены и не подтверждены окончательно научными свидѣтельствами, но представляютъ поразительные факты. Такъ, достаточно налить въ резервуаръ телегастрографа какого-нибудь вина, и проводникъ отъ электромагнитной батареи, приведенной въ дѣйствіе, передастъ по проводнику ощущеніе вкуса вина. Передавали такимъ же образомъ вкусъ лимона и даже горячаго супа. Съ научной точки зрѣнія, нельзя отвергать возможности такого явленія, но надо ожидать болѣе положительныхъ свѣдѣній объ этомъ открытіи.

— **Новое растеніе.** Петербургскіе сѣмянные магазины получили этою осенью, въ первый разъ, самую громадную луковицу, какую только производятъ лилейныя растенія. Луковица эта въ человѣческую голову и принадлежитъ растенію Scilla maritima; другой видъ того же семейства Scilla bifolia—голубой подснѣжникъ—распространенъ по всей средней и южной Россіи, и весною красуется своими гіацинтовыми голубыми цвѣтками на окнахъ цвѣточныхъ магазиновъ. Судя по выходу первыхъ листовъ Scilla maritima, размѣры этого новаго растенія должны быть замѣчательно велики.

— **Ранняя зима въ Вѣнѣ.** 21 октября (2 ноября) въ Вѣнѣ была такая вьюга, какой не было тамъ уже десять лѣтъ. Въ 11 час. ночи началъ идти снѣгъ и къ утру его навалило столько, что улицы и площади были покрыты снѣгомъ на нѣсколько футовъ. Вьюга продолжалась всю ночь и все утро, такъ что всякое сообщеніе сдѣлалось невозможнымъ. Къ этому присоединился такой вѣтеръ, что всѣ дома занесло снѣгомъ. Въ полдень массы снѣга, отдѣлившіяся отъ стѣнъ, начали падать на тротуары, проходить по которымъ было небезопасно. Вообще, сообщеніе могло производиться съ крайними трудностями. Пѣшеходы вязли въ снѣгъ по-колѣна, идя посреди улицъ, такъ какъ съ крышъ падали цѣлыя лавины и лились потоки воды. Подъ тяжестью снѣга во многихъ мѣстахъ оборвались телеграфныя проволоки, а на нѣкоторыхъ улицахъ телеграфныя проволоки опустились такъ низко, что омнибусы не могли проѣзжать. Городъ понесъ большой убытокъ, преимущественно отъ того, что снѣгъ сломалъ большую часть деревьевъ, съ которыхъ еще листья не осыпались; снѣгъ, задержанный листьями, скоплялся на вѣтвяхъ массами и производилъ такое давленіе на деревья, что тѣ или сламывались совсѣмъ, или у нихъ обламывались сучья. На одномъ Пратерѣ погибли тысячи деревьевъ. Паркъ совершенно испорченъ, и деревьями завалены всѣ дороги. Всѣ частные сады Вѣны погибли. Къ вечеру городъ принялъ страшно унылый видъ; улицы были пусты, въ ресторанахъ и кофейняхъ не было ни души. Въ эти дни во всей южной Германіи шелъ снѣгъ.

— **Столѣтняя старуха.** Въ посадѣ Сомпольнѣ, вольскаго уѣзда, живетъ 110-ти лѣтняя старуха, еврейка Райзня Вильчинская, сохранившаяся до сихъ поръ весьма хорошо: она ходитъ и работаетъ бодро, имѣетъ хорошее зрѣніе, отличный слухъ и сохраняетъ постоянно полное присутствіе духа, при нормальной памяти. Живетъ она при 80-тилѣтней дочери своей, имѣетъ многочисленное потомство; самая старшая ея пра-пра-правнучка имѣетъ 16 лѣтъ. Въ теченіи всей своей жизни, Вильчинская, по ея словамъ, никогда не ѣла никакого масла, кромѣ гусинаго жира, который былъ единственнымъ продуктомъ, замѣнявшимъ ей постоянно масло. Апетитъ у нея очень хорошъ, и она никогда не страдала никакими желудочными болями. Росту она средняго, худая. По свидѣтельству мѣстнаго войта гмины и почти всего мѣстнаго населенія, Вильчинская дѣйствительно имѣетъ болѣе 100 лѣтъ.

— **Страшный толстякъ.** Въ Ставрополѣ временно проживаетъ замѣчательный толстякъ, вѣсомъ 11 пудовъ 30 фунтовъ, казакъ Старокорсунской станицы, кубанскаго войска, Кондратій Игнатьевъ Дорошенко. Ему 25 лѣтъ, росту 2 аршина 6 вершковъ, объемъ таліи 2 аршина 11 вершковъ, лицо симпатичное. Ходитъ или, вѣрнѣе, переступаетъ съ ноги-на-ногу медленно и больше ста шаговъ не въ состояніи сдѣлать.

Непомѣрное ожиреніе всего тѣла начало развиваться у Дорошенко лѣтъ 10 тому назадъ, повидимому, при здоровомъ организмѣ, пока, наконецъ, не лишило его способности къ какому-либо производительному физическому труду. Его средства къ жалкому существованію исключительно заключаются въ немногихъ копѣйкахъ, подаваемыхъ ему народомъ на базарной площади.

— **Общество воровъ.** Римской полиціи удалось сдѣлать любопытное открытіе. Въ одномъ изъ великолѣпнѣйшихъ палаццо улицы Фламинія накрыли правильно организованное общество воровъ, къ которому, между прочимъ, принадлежали нѣкоторые знатные граждане вѣчнаго города. Общество имѣло свой совѣтъ управленія, двухъ директоровъ, четырехъ вице-директоровъ и кассира. Совѣтъ управленія постановлялъ, гдѣ совершать кражи и пр. О его засѣданіяхъ составлялись формальные протоколы. Директоръ получалъ жалованье въ 12,000 фр. ежегодно, вице-директоръ—6,000, а секретарь—3,000. Въ совѣтѣ управленія предсѣдательствовалъ старшій членъ ассоціаціи. Въ распоряженіи управленія были экипажи и лошади. Для «научнаго образованія» молодыхъ членовъ, общество имѣло особенныхъ инструкторовъ; больные и престарѣлые члены общины получали пенсіи.

— **Любопытная вывѣска.** Одинъ портной въ Канзасъ-Сити возбуждаетъ общее вниманіе слѣдующею курьезною вывѣскою; вывѣска представляетъ громадныхъ размѣровъ яблоко. Когда его спрашиваютъ на счетъ столь страннаго способа заявленія о своемъ ремеслѣ, портной отвѣчаетъ.

— Что было бы съ нами, портными, если бы прародительница Ева не предложила яблоко Адаму?

— **Убійство изъ ревности.** Въ окрестностяхъ Болоньи въ Италіи совершено слѣдующее преступленіе изъ ревности: Одинъ молодой поселянинъ, узнавъ о невѣрности своей жены, спрятался близъ кровати, на которой она въ ту минуту лежала. Спустя полчаса, убѣдившись, что его жена ужь не одна, ревнивый мужъ выстрѣлилъ изъ револьвера въ мѣшокъ, привязанный имъ заранѣе подъ кроватью и вмѣщавшій въ себѣ до восьми фунтовъ пороха. За выстрѣломъ моментально послѣдовалъ ужасный взрывъ. Не только кровать и лежавшие на ней разлетѣлись въ куски, но и часть стѣны и крыши обрушилась отъ сильнаго сотрясенія; жестокій же мужъ отдѣлался лишь нѣсколькими царапинами и обжогами.

— **Къ характеристикѣ г. Малкіеля.** Давно уже сложилась поговорка, что еврей всегда тянетъ за собой еврея. Однакожь, бываютъ исключенія и вотъ разительный тому примѣръ. Газета «Новости» напечатала слѣдующій любопытный документъ: «Я нижеподписавшійся, торгующій подъ фирмою «братья Малкіель», потомственный почетный гражданинъ первой гильдіи купецъ Исаакъ Мироновичъ Малкіель, даю сію подписку г. с.-петербургскому окружному интенданту въ томъ, что если останется за торговымъ нашимъ домомъ петербургская провіантская операція въ полномъ количествѣ или же часть ея, то при исполненіи мною поставки, я не въ правѣ буду употреблять повѣренныхъ или прикащиковъ изъ евреевъ, какъ на мѣстахъ заготовленія на волжскихъ или другихъ пристаняхъ, такъ и во время слѣдованія провіанта по воднымъ сплавамъ. Въ случаѣ нарушенія мною сего условія, я устраняюсь отъ исполненія контракта, какъ за нарушеніе договора, въ чемъ и подписуюсь».

— **Спасеніе отъ большой опасности.** Король и королева датскіе, вмѣстѣ съ принцесою Тирою, недавно благополучно спаслись отъ большой опасности, которая имъ грозила на возвратномъ пути изъ замка Берисдорфа въ Копенгагенъ. Въ ту минуту, когда королевскіе экипажи переѣзжали полотно гельсингёр-копенгагенской желѣзной дороги, по ней на всѣхъ парахъ пронесся поѣздъ, проскочивъ между двухъ экипажей, изъ которыхъ одинъ только-что миновалъ рельсы, а другой успѣли почти мгновенно остановить у самаго локомотива. Какъ было близко несчастіе, доказывается тѣмъ, что заднія колеса перваго экипажа сильно пострадали. Оказалось, что барьерный сторожъ забылъ опустить шлагбаумы. По желанію короля, онъ освобожденъ отъ всякаго наказанія.

— **Кошачья выставка.** Въ Лондонѣ недавно открыта кошачья выставка. Красивѣйшимъ экземпляромъ признана ангорская кошка «Mistleteen», принадлежащая одной изъ англійскихъ любительницъ кошачьей породы и уже получившая первый призъ и семь «почотныхъ дипломовъ» на выставкѣ «ангорскихъ котовъ и кошекъ». Жирнѣйшій котъ нынѣшней лондонской выставки—«Тоби», вѣситъ почти 20 фунтовъ.

— **Выгодность парижской выставки.** Не смотря на то, что парижская выставка, повидимому, дастъ дефицитъ въ 11.000,000 фр., она принесла большую пользу Парижу и Франціи. Газета «Rappel» приводитъ слѣдующій балансъ дѣлъ выставки. Всего собрано за входъ въ теченіе мая,

іюня, іюля, августа и первой половины сентября 8.665,054 фр. Полагаютъ, что до конца октября сумма эта увеличится приблизительно до 13.000,000 фр. Къ этой суммѣ слѣдуетъ прибавить еще слѣдующіе доходы: за продажу матеріяла зданія на Марсовомъ полѣ 7.000,000 фр., субсидія отъ города Парижа 6.000,000, покупка городомъ Парижемъ зданія выставки въ Трокадеро 3.000,000, арендная плата за кофейныя и рестораны въ паркѣ 4.000,000, сборъ концертовъ 1.000,000; если къ этому прибавить еще вышеприведенные 13.000,000, то будетъ всего 34.000,000 фр. Такъ какъ общіе расходы на постройку выставки простираются до 45.300,000, то дефицитъ будетъ всего только 11.300,000 фр. Но, взамѣнъ того, и несомнѣнно вслѣдствіе выставки, доходы казны отъ неокладныхъ сборовъ въ первые восемь мѣсяцевъ 1878 года увеличились на 51.000,000 фр. и до конца года излишекъ этотъ дойдетъ до 70.000,000 фр., въ то время, какъ въ смѣтѣ бюджета доходъ этотъ былъ предположенъ только въ 10.000,000 фр. Такимъ образомъ, пассиву дефицита отъ выставки въ 11.000,000 фр. можно противуставить активъ увеличенія государственныхъ доходовъ въ 60.000,000 фр., уже не говоря о другихъ выгодахъ, пріобрѣтенныхъ французскою торговлею и промышленностью отъ выставки.

— Дорожный стругъ. Для поддержанія въ порядочномъ состояніи проселочныхъ и полевыхъ дорогъ, германскимъ помѣщикомъ въ Гуммель-Радекѣ, близь Любена, Веберомъ устроенъ дорожный стругъ, дѣйствующій на подобіе столярнаго струга и долженствующій оказывать большое вліяніе на экономію въ работѣ при исправленіи грунтовыхъ дорогъ. Этотъ стругъ имѣетъ въ ширину 6 футъ, снабженъ прочными желѣзными лезвеемъ и скребкомъ и прикрѣпляется къ передку, везомому двумя лошадьми; срѣзая болѣе возвышенныя части дорожнаго полотна и сваливая эту землю къ срединѣ дороги, стругъ, такимъ образомъ, при повторенныхъ проходахъ, выравниваетъ колеи и придаетъ профилю полотна покатость отъ средины къ краямъ. Весь снарядъ стоитъ у изобрѣтателя 45 марокъ.

— Телефонъ. Въ «Пекинской Оффиціальной газетѣ» помѣщено письмо ученаго китайца, который доказываетъ, будто «говорящій вдаль тростникъ» (телефонъ) былъ изобрѣтенъ однимъ жителемъ Пекина еще въ 962 году.

— Микроскопическая книга. Къ числу достопримѣчательностей итальянскаго отдѣла всемірной выставки принадлежитъ микроскопическое изданіе «Божественной Комедіи» Данта. Книга эта, напечатанная въ $^1/_{128}$ долю листа, является дѣйствительно самымъ маленькимъ изъ до сихъ поръ извѣстныхъ произведеній типографскаго искуства. Она напечатана въ Падуѣ въ 1876 г. въ типографіи братьевъ Сальменъ, иждивеніемъ Джакомо Ньоччи, и состоитъ изъ 500 страницъ микроскопической печати, впрочемъ довольно четкой подъ лупою. Книга имѣетъ въ длину 5, а въ ширину $3^1/_2$ сантиметра. Въ продажу будетъ выпущено всего лишь около 1000 экземпляровъ. Шрифтъ, служившій для печатанія, въ настоящее время уже уничтоженъ. Онъ состоялъ изъ стальныхъ литеръ, изготовленныхъ еще въ 1834 году итальянцемъ Антоніо Фариной и названныхъ имъ occhio di mosca (глазъ мухи). Литеры эти значительно мельче самаго миніатюрнаго шрифта парижской типографіи Фирмена Дидо, котораго никакъ не могли перещеголять англичане. Печатаніе этой книги продолжалось цѣлыхъ пять лѣтъ, такъ какъ наборщики и корректоры, взявшіеся за это дѣло, или окончательно теряли зрѣніе, или же, въ самомъ благопріятномъ случаѣ, подвергались серьознымъ глазнымъ болѣзнямъ. Послѣднюю корректуру читалъ Луиджи Бузато, имя котораго, также какъ и метранпажа Джузеппе Джече, чуть не потерявшаго зрѣніе, упомянуто на заглавномъ листѣ. Конечно такое изданіе—рѣдкость, но стоило-ли прибѣгать къ нему, когда оно было причиной страданія многихъ людей. Право, человѣчество ничего не потеряло бы, еслибъ не явилось этого изданія.

— Степень дѣлимости золота. Утербриджъ, директоръ филадельфійскаго монетнаго двора, вырѣзавъ изъ тонкой листовой мѣди пластинку въ 20 квадр. дюйм. и взвѣсивъ ее на чувствительныхъ вѣсахъ, нанесъ на нее, гальванопластическимъ путемъ, тонкій слой золота. Повторивъ взвѣшиваніе, онъ нашелъ, что вѣсъ нанесеннаго слоя не превышалъ $1^1/_2$ долей, что соотвѣтствовало толщинѣ золотого слоя всего въ $^1/_{980400}$ часть дюйма. Вытравивъ затѣмъ съ позолоченной пластинки всю мѣдь, Утербриджъ получилъ золотой листокъ, почти совершенно прозрачный и пропускавшій, если смотрѣть его на свѣтъ, характеристическіе зеленые лучи. Тѣмъ же способомъ ему удалось изготовить листъ золота, толщиною всего въ $^1/_{2798000}$ часть дюйма, т. е. такой толщины, что 10,500 подобныхъ листковъ, положенныхъ одинъ на другой, имѣли бы общую толщину листа обыкновенной газетной бумаги.

— Переносная желѣзная дорога. Французскій инженеръ придумалъ видъ рельсоваго пути, названный имъ переносной желѣзной дорогой. Она представляетъ собою рядъ звеньевъ изъ рельсовъ, соединенныхъ поперечными связями; звенья дѣлаются длиною въ $1^1/_4$, $2^1/_2$ и 3 метра и легко могутъ быть переносимы съ мѣста на мѣсто однимъ рабочимъ; при ширинѣ такого рельсоваго пути въ $^4/_{10}$ метра, одинъ погонный метръ его вѣситъ всего 5 киллограмовъ. При твердомъ грунтѣ, звенья укладываются на него непосредственно и соединяются между собою тѣмъ, что приклепанныя къ одному концу рельсовъ накладки всовываются подъ головки сосѣднихъ рельсовъ; такимъ образомъ достигается достаточная связность системы, дозволяющая сразу поднимать нѣсколько сосѣднихъ звеньевъ и, при небольшомъ числѣ рабочихъ, въ короткое время укладывать и перекладывать значительной длины участки. Грузы передвигаются людьми или животными, причемъ въ вагончикѣ помѣщаются отъ 300 до 400 киллограмовъ. Изобрѣтатель проектируетъ для своей системы особый маленькій локомотивъ.

— Фабрикація ручного огнестрѣльнаго оружія. Въ Соединенныхъ штатахъ существуетъ 46 частныхъ заводовъ, приготовляющихъ оружіе. Капиталъ для производства ихъ оцѣнивается до 50 милліоновъ долларовъ. Ежедневно на этихъ заводахъ изготовляется однихъ ружей до 1000 штукъ.

— Наѣздница въ циркѣ изъ знатныхъ русскихъ дамъ. Директоръ коннаго цирка Саломонскаго, въ Берлинѣ, напечаталъ во всѣхъ тамошнихъ газетахъ, какъ передаютъ «Спб. Вѣд.», слѣдующую рекламу: «Знатная русская дама, въ качествѣ наѣздницы, въ циркѣ Саломонскаго». Около года тому назадъ, въ Петербургѣ обращала на себя особенное вниманіе молодая, знатная русская дама, какъ своею красотою и богатствомъ своихъ брилліантовъ, такъ и своими великолѣпными лошадьми и знаніями высшей верховой ѣзды. Но русская аристократка жаждала славы желаніемъ показать свое искуство предъ публикою. Но такъ какъ подобное выступленіе на сцену оказалось невозможнымъ въ Петербургѣ, то она приняла ангажементъ въ циркѣ Саломонскаго въ Берлинѣ, куда и прибыла съ нѣкоторыми изъ собственныхъ своихъ великолѣпныхъ лошадей. Надняхъ она въ первый разъ показалась въ циркѣ предъ небольшимъ избраннымъ кружкомъ зрителей-любителей, которые были восхищены наѣздницею. Новая артистка выступитъ вскорѣ публично, подъ именемъ г-жи Одиле. Интересно было бы знать, что это за молодая русская аристократка, выступающая въ берлинскомъ циркѣ Саломонскаго, въ качествѣ наѣздницы—если, вообще, вся эта реклама не есть только приманка для падкой на всякую таинственность публики. Г-жа Одиле дебютировала съ успѣхомъ въ субботу, 21 октября (2 ноября).

Телеграммы.

Берлинъ, 24-го октября. Въ Лондонъ отправленъ отказъ германскаго правительства на предложеніе Англіи сдѣлать Россіи представленія по поводу берлинскаго трактата. Германія находитъ, что Россія исполняетъ свои обязательства.

Лондонъ. 24-го октября. По слухамъ, вицекороль Индіи, лордъ Литтонъ, намѣренъ выйдти въ отставку, вслѣдствіе того, что, вопреки его настояніямъ, военныя дѣйствія противъ афганскаго эмира не были начаты немедленно. Въ англійскомъ ультиматумѣ заключается требованіе, чтобъ эмиръ удалилъ русское посольство изъ Кабула и не заключалъ никакихъ договоровъ съ Россіей.

Адріанополь, 23-го октября. Около Демотики появилась шайка башибузуковъ, числомъ отъ трехъ до четырехъ сотъ человѣкъ, руководимая турецкими офицерами. Башибузуки выжгли болгарскую деревню и разбойничаютъ. Вооруженія Турціи создали положеніе, недопускающее скораго возвращенія русскихъ войскъ въ Россію. Слухи о возстаніи болгаръ большею частію вымышлены, болгары принимаютъ только мѣры къ самоохраненію.

Афины, 26-го октября. Кумундуросъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, Бубулисъ — военнымъ и морскимъ, Аргеріосъ— министромъ народнаго просвѣщенія и исповѣданій, Деліанисъ — министромъ иностранныхъ дѣлъ и финансовъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

Отъ Редакціи. Предназначенная въ этотъ нумеръ статья «Обо всемъ» отлагается до будущаго нумера.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 Ноября 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

№ 46. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 12 Ноября 1878 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

ИЗЪ СТАРОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ЖИЗНИ.

Вербовщики.

„Андронъ Голованъ.“

Разсказъ изъ жизни въ лѣсахъ далекаго Востока.

Н. Н. Каразина.

(*Продолженіе.*)

Долго думалъ батька и надумалъ: навязать пучки хворосту побольше, да на этихъ вязанкахъ и перебраться; принялись за работу... Съ холоду-то горячо за дѣло взялись; батька подсѣкаетъ вѣтви, Андронъ въ кучи стаскиваетъ на берегъ и вяжетъ, а дождь, какъ на зло, не перестаетъ, сѣрыя сплошныя тучи все небо обложили, туманомъ берега затянуло, только гулъ безконечнаго лѣса съ матерой стороны сюда доносится.

Вырубилъ батька жердь длинную, обчистилъ сучья, осмотрѣлъ вязанки, скрѣпилъ ихъ, какъ могъ, и спустилъ на воду... усѣлся, хорошо держитъ, хоть и ноги въ водѣ; усадилъ Андрона, тотъ смѣется, все ему, малому, забавно; усадили и Варнашку—поплыли... Снесло ихъ вѣтромъ далеко отъ двухъ ивъ, отъ того мѣста, куда кабанья тропа выходила, пришлось потомъ еще долго сквозь камыши пихаться шестомъ. Прибыли къ ивамъ, совсѣмъ измучившись, даже Варнашка и тотъ носъ повѣсилъ, хвостъ опустилъ и воетъ на вѣтеръ жалобно... На силу, на силу добрались до сухого пути, до лѣсного затишья; опять огонь развели, опять сушиться начали, еще ночь провели, озябши на тощій желудокъ.

Ночью батька проснулся отъ сильной головной боли, проснулся и наклонился къ спящему Андрону, этотъ бредитъ во снѣ, не разберешь словъ, а воркотня одна... Взялъ его за руку батька, нахмурился, положилъ ладонь свою ребенку на голову... Словно котелъ нагрѣтый, такъ и пышетъ... Всю ночь остальную просидѣлъ батька, не смыкая глазъ надъ спящимъ сыномъ, сдѣлалъ надъ нимъ шалашъ изъ хвойныхъ вѣтокъ. Чуть свѣтать начало, проснулся Голованъ и первымъ дѣломъ пить запросилъ.

Заторопился батька домой—пошли. Только теперь Андронъ далеко не такъ прытко шагалъ, какъ сюда—на второй же верстѣ сталъ приставать, поблѣднѣлъ весь въ лицѣ, ноги подкашиваться начали, а только присѣлъ на минуту, опять всего въ жаръ кинуло...

Тутъ уже зналъ батька, что ему надо дѣлать. Взялъ онъ ребенка на руки, какъ перышко вскинулъ и, позабывъ свою головную боль, позабывъ усталость, словно не чувствуя своей довольно тяжелой ноши, зашагалъ такъ, что и на лошади не всякій бы догналъ его по этимъ, еле проходимымъ, лѣснымъ тропинкамъ...

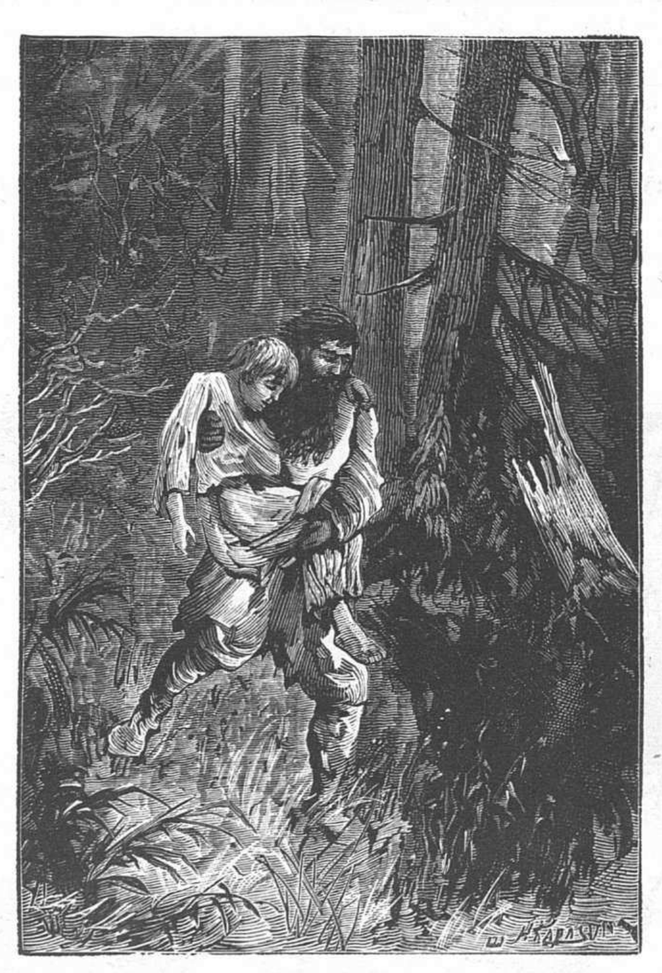
Разнемогся бѣдняга Голованъ, не на шутку... Одолѣли таки этотъ желѣзный, хотя и крохотный организмъ осенняя непогода да двѣ ночи подъ дождемъ, послѣ невольнаго купанья; понялъ батька, что тутъ уже не отдѣлаться мальчугану легкою простудною хворостью, а надо будетъ, пожалуй, со злою болотною горячкою помѣряться силами... А болѣзнь эта въ здѣшнихъ краяхъ смертельный врагъ человѣка, отъ нея и взрослые богатыри не часто выздоравливаютъ, а ребенку гдѣ же перенести...

Добѣжалъ батька съ больнымъ дѣтищемъ на рукахъ до дому, ногою дверь вышибъ съ разбѣга, Мишку только напугалъ съ просонковъ; тотъ ластиться сталъ къ прибывшимъ, ноги ребенку обнюхиваетъ, Андронъ не слышитъ медвѣжьихъ ласокъ; положилъ его батька на скамью, яргакъ подъ полку сунулъ, а онъ и лежитъ пластомъ, глаза закрылъ, стонетъ въ жару и руками безсознательно за голову хватается...

Живо батька печь растопилъ, обѣ двери настежь, чтобы воздухъ освѣжить въ избѣ, воды согрѣлъ, и мечется, то отъ больного къ печи, то отъ печи къ больному и тоже все за голову хватается... Мяты-бы, липоваго цвѣту, чаю.. Господи! ничего-то у нихъ нѣту, а можно бы, вѣдь и не трудно бы все запасти было въ свое время... Да не запасено...

Проклинаетъ себя батька за такую оплошность,—кинулся къ полкѣ подъ образомъ, тамъ бутылка стояла съ водкою, неужели же дядя Никаноръ послѣдній разъ, какъ приходилъ, всю выпопалъ... Нѣтъ, слава тебѣ Господи, есть еще немного!..

Раздѣлъ онъ Голована до нага, натеръ его всего остатками водки, надѣлъ рубаху сухую, чистую, завернулъ въ яргакъ, прикрылъ сверху шкурами, самъ у изголовья сѣлъ и глазъ не спускаетъ съ этого пылающаго дѣтскаго личика... Пить все проситъ Андронъ, только и твердятъ его запекшіеся губы: «пить да пить».. А батька уже позаботился, бросилъ въ котелокъ съ кипяткомъ горсть кислицъ-яблокъ, ждетъ только,

чтобы вскипѣли...

Быстро прошелъ первый день заботъ, настала ночь, тяжкая ночь для больного... Изнылъ душею батька, слушая дикій, несвязный, безтолковый бредъ ребенка, глядя на эти воспаленные, то мутно уставленные въ одну точку, то сверкающіе лихорадочнымъ блескомъ глаза... А Варнашка, какъ на бѣду, все воетъ, на дворѣ, да такъ уныло, словно бѣду какую-то песъ чуетъ...

Прошла и эта печальная ночь... Утромъ какъ-будто полегчало больному... Жаръ унялся и пришелъ сонъ покойный, ровный... Добрый знакъ!.. Повеселѣлъ и батька, и вышелъ на дворъ, подышать свѣжимъ воздухомъ, да поразмяться на теплемъ, осеннемъ солнышкѣ...

И самому ему неможилось, да въ заботахъ о сынѣ своя немочь не чувствовалась, сама собою проходила. Ходитъ батька по двору, всѣ лечебныя средства перебираетъ; знаетъ онъ многое, да гдѣ бы взять можно было...

— «Хины бы, думаетъ онъ,—это первое дѣло... зубами даже заскрипѣлъ отъ злости на свое безсиліе, на полную невозможность добыть это спасительное средство... Нѣтъ, не умретъ онъ, разсуждаетъ самъ съ собою батька, натура цѣльная, нетронутая, выдержитъ... не умретъ... не можетъ умереть... объ этомъ и думать нечего... Вотъ скоро, даже очень скоро, переломъ,—четыре-пять дней какихъ-нибудь, только наблюдать за жаромъ, чтобы жаръ этотъ не усилился чрезмѣрно, а тамъ... тамъ уже пойдетъ все хорошо... это пустяки... какая тутъ смерть..! и похожаго ничего нѣту... Вздоръ!.. Варнашка!.. поди сюда дуракъ, поди!.. Ну говори, умретъ онъ, ну скажи,—да ну-же...

Подошелъ песъ, на человѣка смотритъ не весело и хвостомъ не вертитъ по обыкновенію, а все на двери избяныя оглядывается..

— Э, глупый! ты ничего не понимаешь — ты, дуракъ, вотъ тоже струсилъ, какъ я сначала. А теперь, смотри на меня, видишь,—вѣдь я ничего не боюсь, я покоенъ... мнѣ даже весело.. ну смотри на меня... и ты будь покоенъ и Мишкѣ скажи, чтобы не волновался, я говорю тебѣ: живъ будетъ.. Бу—детъ—живъ! Пойми ты!..

Выкрикнулъ батька послѣднія слова, такъ выкрикнулъ, что даже гулъ пошелъ по лѣсу... да какъ заплачетъ вдругъ и, шатаясь, подальше отъ избы, чтобы ребенокъ не слыхалъ во снѣ этихъ надрывающихъ душу рыданій, да не проснулся бы до времени...

Тихо, тихо, словно не къ себѣ домой, а къ чужому добру, за худымъ дѣломъ, подкрался батька къ избѣ, осторожно перешагнулъ за порогъ, и заглядываетъ на спящаго, а у того опять загорѣлись недобрымъ румянцемъ щеки и по лбу красноватыя, расходящіяся пятна выступили...

Схватился за голову названный отецъ, ноги подкосились... Сѣлъ онъ на порогѣ и прислушивается...

— Пить... лепечетъ ребенокъ и снова метаться начинаетъ, снова руками въ воздухѣ размахиваетъ; яргакъ съ себя сбилъ, шкуры раскидалъ,—приподняться хочетъ, да голова уже очень тяжела стала, словно свинцомъ налитая, къ изголовью притягиваетъ, перевѣшиваетъ...

Забылъ въ этотъ день батька про себя, ѣсть даже себѣ не сварилъ и Варнашка остался впроголодь... А Мишка на цѣлый день въ лѣсъ удралъ продовольствоваться,—онъ уже теперь частенько сталъ изъ дому шататься, въ силу звѣрь вошелъ, увѣренность въ себѣ почувствовалъ.

День за днемъ проводили, ничего отраднаго не принесли эти дни несчастному названному отцу, по временамъ, особенно, подъ утро, если солнце на минуту показывалось, ребенокъ чувствовалъ себя бодрѣе, даже отца узнавалъ и Варнашку легонько по головѣ гладилъ, а потомъ снова становилось хуже и хуже. А погода, какъ на бѣду, тоже хмурилась,—время-то уже къ зимѣ близилось. Листъ послѣдній опалъ, по ночамъ морозы всю землю бѣлымъ налетомъ одѣвали, днемъ дожди зачастили и вѣтеръ холодный дулъ съ сѣвера. Разъ утромъ даже снѣгъ выпалъ, да растаялъ за день отъ дождя, только грязи прибавилъ. Не въ удобное время расхворался Андронъ Голованъ, самое для поправки тяжелое.

И мужики-звѣроловы, словно на-зло, не идутъ да и только; правда, имъ теперь и дѣлать-то здѣсь въ лѣсу нечего, а все бы могли зайти провѣдать отшельниковъ. Теперь вотъ провизія вся выходитъ, а кого посылать за нею, опять чаю хорошо бы раздобыть, ужь этого добра навѣрно на селѣ достать можно; очень хорошо бы, полезно было поить мальчика тепленькимъ чайкомъ... Думалъ батька самому сходить, да страшно: какъ мальчугана хвораго одного оставить на Варнашкинъ присмотръ!.. О томъ, что самому не слѣдъ въ людное мѣсто показываться, батька и не

вспомнилъ, онъ бы теперь для Андрона—чорту на рога полѣзъ, а не то, чтобы какого этапнаго испугался... Просто не зналъ, что и дѣлать бѣдняга и рѣшилъ, наконецъ, идти самому на село, какъ только, хотя самую малость, сынъ поправляться станетъ...

Все онъ соображалъ, сколько времени долженъ онъ потерять на этотъ походъ, все онъ припоминалъ, гдѣ они ночевали, сколько уходили за день, разсчитывалъ и потомъ сокращалъ все ровно на половину, предполагая—бѣгомъ, и день и ночь, съ самыми только малыми роздыхами, совершать свое путешествіе.

Вчера вотъ, передъ вечеромъ, больной въ первый разъ заговорилъ съ нимъ ясно и сознательно, онъ даже присѣлъ на скамейкѣ и держался, сидя безъ чужой помощи, силы, значитъ, начали возвращаться.

Какъ обрадовался отецъ, видя эти добрые признаки... Ужь онъ ухаживалъ за мальчикомъ, ухаживалъ, — вымылъ его всего водою теплою, шкуры-покрышки перемѣнилъ, старыя въ складѣ провѣтриться повѣсилъ, Мишкѣ не велѣлъ въ дверь скрестись, и даже въ рыло его за это ткнулъ ногою...

Сегодня день тоже прошелъ ничего, слава Богу, больной даже ѣсть запросилъ... Наскребъ коекакъ остатковъ крупы батька, уныло поглядѣлъ на пустое дно берестянки, гдѣ эта крупа хранилась, сварилъ, сталъ кормить... Только глазами ѣстъ больше ребенокъ, смотритъ на кашку, чуть только тронулъ ея на языкъ и оттолкнулъ мисочку... Сберегъ отецъ эту мисочку, тщательно обвязалъ и на полку верхнюю поставилъ. Вѣдь послѣдняя, не кормить же его хвораго копченымъ мясомъ...

— Надо идти, надо идти... волнуется батька... Эки, дьяволы!—лѣтомъ, небось, чуть не каждую недѣлю таскались, а теперь и носу не высунутъ изъ своего села, черти! — Обабились, непогоды боятся, а еще промышленниками называются!.. Надо самому идти!.. Пять дней, пять ночей... ну, положимъ, не пять, положимъ четыре, Господи! Да что же мнѣ дѣлать? Что же мнѣ дѣлать?!.

— Батька, зачѣмъ ты смотришь такъ страшно! проговорилъ неожиданно ребенокъ. Онъ давно слѣдилъ глазами за отцомъ, какъ тотъ все волосы себѣ ерошилъ, да по избѣ изъ угла въ уголъ мѣрялъ.

— Что, голубчикъ мой, что родной! кинулся къ нему отецъ... Куда же ты встаешь!—Нельзя еще, лежи! Вѣдь ты слабъ, мой милый, лежи...

— Я немного, батька, похожу тоже, надоѣло лежать-то... Я могу... посмотри, я могу!..

И ребенокъ попытался спустить ноги со скамьи, коснулся уже пола своими исхудалыми ногами, хотѣлъ встать, да трудно... Улыбнулся мальчикъ и снова убралъ ноги подъ шкуры.

— Холодно, проговорилъ онъ и съежился, свернулся калачикомъ.

Подкинулъ батька еще охапку сухолому въ печь... Опять объ чаѣ вспомнилъ, что ужь куда хорошо бы было теперь-то сварить этого душистаго, вкуснаго чаю...

И вотъ можетъ еще денекъ такой, какъ сегодня, и пойду... Ей Богу пойду... Видимое дѣло, что вся опасность миновала—видимое дѣло, и оправляется мальчикъ—Позывъ къ ѣдѣ есть, возвратъ силъ чувствуется... ощущеніе холода тоже хорошій признакъ... Еще одинъ такой день и пойду—ей Богу пойду... Тѣхъ, до морозовъ, до снѣгу путевого не дождешься, надо идти самому, надо!..

Еще день прошелъ, тоже съ добрыми признаками; оно, можетъ быть, этихъ добрыхъ признаковъ и не было, да желаніе ихъ видѣть было сильно очень у батьки, вотъ онъ и видѣлъ во всемъ хорошее, да хорошее... Варнашка тоже пересталъ выть, ужь онъ цѣлую недѣлю не воетъ, разъ только да и то совсѣмъ не потому, а волка, должно быть, почуялъ—это тоже важное предзнаменованіе, инстинктъ собаки, великое дѣло. Наука еще не дошла, почемъ знать, а тутъ есть основаніе, навѣрное, есть... Смотри-ко, какъ весело смотритъ песъ, стоитъ на порогѣ, языкъ высунулъ на бокъ и смотритъ на Андрона, словно глазами его въ лѣсъ на охоту выманиваетъ... Поди сюда, глупый, поди, мой умница, дай я тебя разцалую!..

И батька обнялъ пса за шею и цалуетъ его въ глаза, въ голову, а мальчикъ улыбается—ему это занятно кажется.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Тайныя слезы.

Стих. А. Алѣева.

Никто не видитъ слезъ моихъ,
Что льются въ тишинѣ ночной
Подъ гнетомъ думъ тяжелыхъ, злыхъ,
Подъ шумъ дождя и вѣтра вой!

И ранъ больной моей души
Никто не видитъ: мой языкъ
Ихъ боль высказывать въ тиши,
Никѣмъ не слышимый привыкъ.

Въ уединеньи только я,
Вдали отъ всѣхъ суетъ мірскихъ,
То выражаю, что, тая
И отъ друзей и отъ родныхъ,

Ношу въ груди моей всегда...
О какъ прекрасно въ тишинѣ
Я понимаю все тогда: —
И отчего такъ тяжко мнѣ,

И отчего такъ хилъ я, слабъ
И для борьбы негоденъ съ тѣмъ,
Чему служу, какъ глупый рабъ,
Передъ грозой и бурей нѣмъ!

И льются слезы у меня,
Летитъ изъ груди тяжкій стонъ
Въ сознаньи горькомъ, что и я
Когда-то тоже былъ силёнъ,

Но раньше времени убилъ
Я на бездѣлье и развратъ
Такъ много, много юныхъ силъ,
Которыхъ не вернуть назадъ...

Да, гадко прожилъ я себя,
Проживъ безъ дѣла весь мой вѣкъ!
Теперь—приди ко мнѣ борьба, —
Я палъ: я слабый человѣкъ!

Вотъ что гнететъ меня, когда
Ручьи горячихъ слезъ бѣгутъ
Изъ глазъ моихъ, горятъ уста,
Болитъ душа и ноетъ грудь!...

Маленькій музыкантъ.

(Къ картинѣ А. Пиккарда).

Картина Пиккарда—просто этюдъ съ натуры. Художникъ, не задаваясь никакими особенными цѣлями, вѣрно передалъ одинъ изъ типовъ маленькихъ итальянскихъ виртуозовъ съ характерной головой, утопающей въ шапкѣ курчавыхъ волосъ. Что выйдетъ изъ этого ребенка: одинъ ли изъ тѣхъ бродячихъ музыкантовъ, которые проводятъ жизнь на улицѣ и умираютъ подъ заборами, или второй Паганини? Вѣрнѣе, что первое, такъ какъ несчастныхъ загубленныхъ талантовъ всегда бываетъ много, а таланты, успѣвающіе пробить себѣ путь къ славѣ, насчитываются единицами...

Судебная ошибка.

Романъ Ф. Буагобея. Переводъ С. И. Воскресенской.

(*Продолженіе.*)

Глава IX.

Когда Лекокъ вышелъ изъ тюрьмы, было уже не рано и онъ могъ поспѣть лишь на четырехъчасовой поѣздъ, потому что на сборы Пьедуша и шести избранныхъ полицейскихъ потребовалось тоже нѣкоторое время. Всѣ они были снабжены правильными предписаніями и открытыми листами на случай, если бы имъ пришлось обратиться за содѣйствіемъ къ мѣстнымъ властямъ. Самому Лекоку было дано полномочіе дѣйствовать по своему усмотрѣнію при всякихъ случайностяхъ. Бѣдный старикъ былъ спокоенъ по внѣшности, но сердце у него замирало при мысли о краткости срока, который оставался ему для спасенія сына. Онъ зналъ, что начальникъ сыскной полиціи сдержитъ свое слово и сдѣлаетъ все возможное для спасенія Люи, но онъ зналъ тоже, что судебный механизмъ не выпускаетъ легко своихъ жертвъ съ начертаннаго имъ роковаго пути. Прошли тѣ времена, когда, въ виду эшафота, неожиданный всадникъ расталкивалъ толпу, поднимая вверхъ листъ, на которомъ стояло слово помилованія, подписанное королевской рукою, и палачъ опускалъ свой топоръ, а осужденный поднималъ голову съ плахи, при восторженныхъ восклицаніяхъ зрителей. Въ настоящее время все подведено подъ неуклонно-формальныя правила, даже и милосердіе, и современная публика знаетъ, что если казнь назначена, то она никакъ не будетъ отмѣнена стариннымъ романическимъ образомъ.

Лекокъ зналъ также, что одной поимки Толбіака будетъ еще недостаточно для того, чтобы освободить Люи, и что одно только показаніе нѣмого можетъ имѣть вѣсъ въ глазахъ правосудія. Но гдѣ найти этого нѣмого, котораго такъ искусно съумѣлъ спрятать убійца? Ни Лекоку, ни Пьедушу не удалось напасть на его слѣдъ и можно было предположить, что Толбіакъ давно уже избавился отъ него какимъ-нибудь насильственнымъ способомъ. Но если онъ былъ еще живъ, то его слѣдовало искать въ замкѣ, въ которомъ, по всѣмъ предположеніямъ, проживали Толбіакъ и его сообщница, Арабелла Дизни. Лекокъ составилъ себѣ слѣдующій планъ: напасть сначала на мельницу, подвергнуть ее самому тщательному обыску и арестовать всѣхъ, живущихъ на ней, потомъ пройти къ Аткинсу, который, разумѣется, не оказалъ бы сопротивленія, будучи всегда пьянъ послѣ полудня, и затѣмъ окружить замокъ, въ который слѣдовало проникнуть хотя силою, если бы живущіе въ немъ не захотѣли добровольно впустить посѣтителей. Все это можно было сдѣлать довольно быстро, и смотря по слѣдамъ, добытымъ при обыскахъ, приняться за открытіе нѣмого. Лекокъ рѣшилъ выдти съ своими людьми на станціи Эпине. Онъ не хотѣлъ показываться въ Савиньи; хотя въ его наружности и костюмѣ не сохранилось ничего, напоминавшаго Аристида Шалюме, но благоразуміе заставляло его избѣгать встрѣчи съ Фунне, способнымъ испортить всякое дѣло своимъ непрошеннымъ вмѣшательствомъ.

Эта программа была исполнена во всей точности. Дойдя до сліянія Иветы съ Оржею, на что потребовалось, по дорогѣ отъ Эпина, не болѣе времени, чѣмъ отъ Савиньи, команда раздѣлилась слѣдующимъ порядкомъ: двое полицейскихъ заняли каменный мостъ, двое другихъ остановились у деревяннаго, а двое остальныхъ пошли вслѣдъ за Лекокомъ и Пьедушемъ. Они вошли на мельницу, дверь которой, какъ всегда, была отворена настежь. Пьедушъ узналъ мѣсто, на которомъ ему пришлось недоспать своей ночи. Онъ указалъ своему патрону и на прочія подробности этого загадочнаго жилища, но въ немъ не было видно ни одного человѣка.

— Понятно, сказалъ Пьедушъ. — Когда Толбіакъ воротился, послѣ своего послѣдняго визита къ вамъ, ваша милость, и узналъ, что труповъ не отыскалось, онъ догадался, что его жертвы спаслись и, разумѣется, донесутъ на него. Онъ

далъ тягу; супруги Шофайль и Жако послѣдовали его примѣру и, конечно, сюда не воротятся.

— Твоя правда, замѣтилъ Лекокъ, — но, можетъ быть, они не успѣли еще покинуть окрестности; въ такомъ случаѣ, они спрятались въ замкѣ; но прежде, чѣмъ мы направимся туда, намъ надо зайти къ англичанину.

Окна въ жилищѣ Аткинса были открыты, но въ домѣ не было замѣтно никакого движенія. Точно оставить одного человѣка для наблюденія за этими двумя боровами. Другой полицейскій остался при мельницѣ. Взявъ съ собою остальныхъ, Лекокъ направился къ замку.

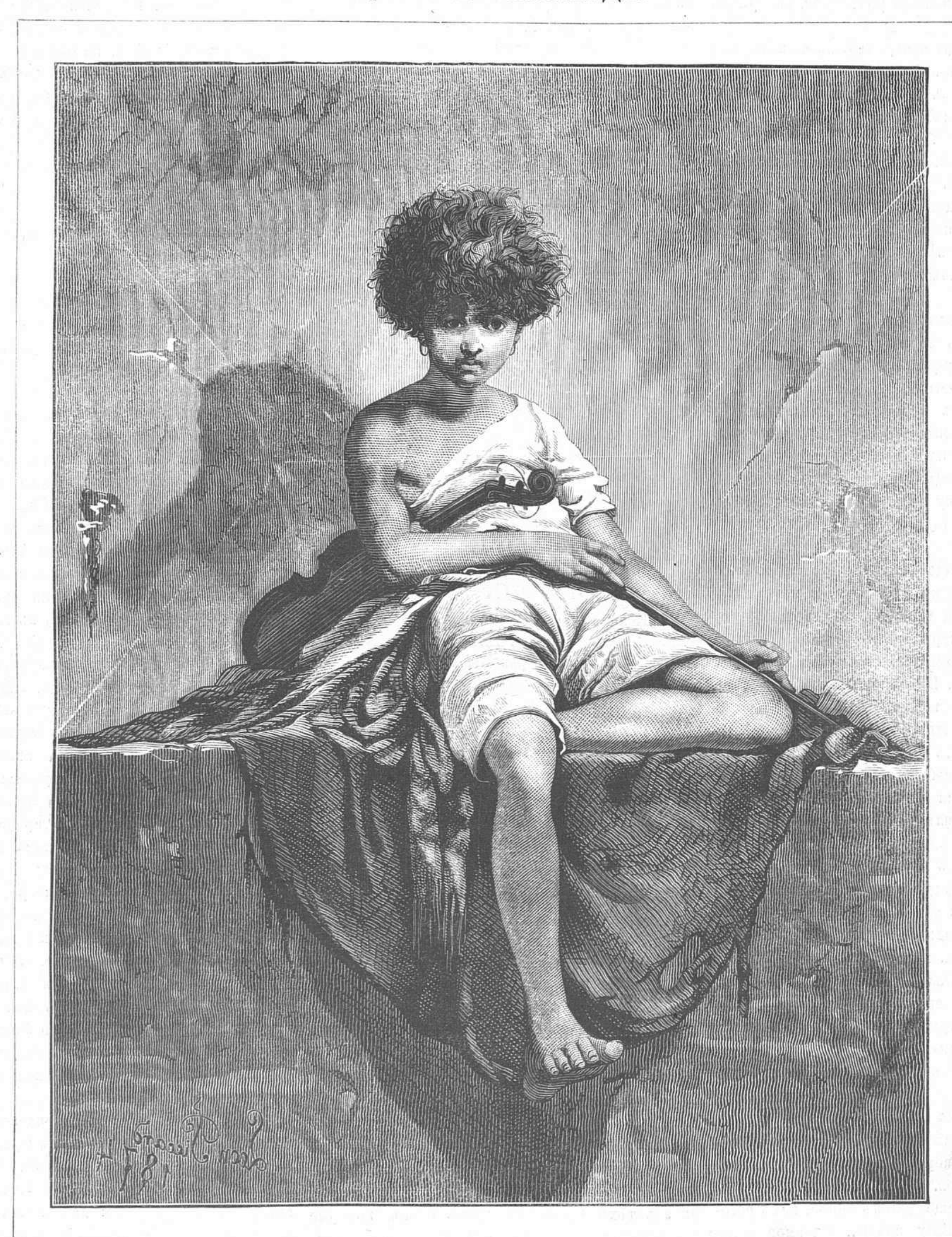
Издали это строеніе имѣло отчасти феодальный характеръ, но вблизи теряло всякую величавость. Башни оказывались простыми голубятнями, самый домъ былъ очень невзраченъ и несоразмѣренъ съ окружавшей его высокой огра-валялись открытые чемоданы, мужское и женское платье, разные бумаги.

— Чемоданы-то и картинки очень походятъ на тѣ, что были найдены въ улицѣ Арбалетъ, проворчалъ Пьедушъ.

— А вотъ и пустой конвертъ съ адресомъ! «Гарри Дермотъ, въ замкѣ Секины». Дермотъ — это Толбіакъ, сказалъ Лекокъ.

— Они всѣ гдѣ-нибудь неподалеку, ваша ми-

Картина Л. ПИККАРДА.

Маленькій музыкантъ.

Лекокъ былъ увѣренъ, что и здѣсь не окажется никого, но къ его изумленію, онъ увидѣлъ въ сѣняхъ уже знакомаго ему рыжаго слугу. Онъ храпѣлъ, лежа на полу, около котелка, въ которомъ кипятилось какое-то алкоголическое варево. Во второмъ этажѣ, лежалъ такимъ же образомъ, мертвецки-пьяный, Джорджъ Аткинсъ, среди цѣлой батареи опорожненныхъ бутылокъ. Какъ господинъ, такъ и слуга, были оба не въ состояніи сопротивляться или бѣжать, и было доста-дой. Лекокъ хотѣлъ позвонить, но замѣтилъ, что калитка была незаперта. Онъ вошелъ и поднялся на крыльцо. Дверь въ сѣни была тоже распахнута настежь. Пьедушъ слѣдовалъ за своимъ патрономъ, прочіе полицейскіе раздѣлились: одинъ изъ нихъ остался на дорогѣ, другіе наблюдали за оградой. Но эти предосторожности оказались, къ сожалѣнію, излишними: Лекокъ скоро увѣрился, что домъ былъ пустъ. Вездѣ были видны слѣды недавняго и торопливаго отъѣзда: на полу лость. Вы подумайте: Толбіакъ едва успѣлъ воротиться изъ Парижа и надо же ему было еще переговорить съ мельниками... Но правда и то: онъ могъ удрать по орлеанской желѣзной дорогѣ, и дьяволъ знаетъ, гдѣ онъ теперь! Слѣдовало бы дать знать по телеграфу...

— Нѣтъ, сказалъ старикъ прерывающимся голосомъ, — нѣтъ, это будетъ излишне... Уже семь часовъ... а, завтра, на разсвѣтѣ... Мнѣ нуженъ нѣмой... увезъ его Толбіакъ или нѣтъ?... Что мнѣ дѣлать?

Онъ опустился на стулъ, закрывъ лицо руками, но скоро опять поднялъ голову и проговорилъ:

— Слушай, Пьедушъ. Ты поѣдешь въ Парижъ. Разскажи начальнику сыскной полиціи обо всемъ, что ты видѣлъ. Сообщи, что я имѣю самыя положительныя данныя противъ Толбіака. Покажи ему этотъ адресъ... скажи, что бѣжали не только Толбіакъ съ Арабеллой, но и мельники... Наконецъ, солги даже, если увидишь въ томъ надобность: скажи, что я напалъ на слѣдъ нѣмого и умоляю только объ отсрочкѣ казни на сутки... Мнѣ пришла мысль... вдохновеніе свыше, быть можетъ... но если мнѣ дадутъ только двадцать четыре часа времени, я спасу моего сына!

Пьедушъ подумалъ, что старикъ теряетъ разсудокъ, но не позволилъ себѣ противорѣчить ему и отвѣтилъ почтительно:

— Будьте благонадежны, ваша милость. Я отправлюсь и если не добьюсь отсрочки, то уже не я буду виноватъ. Поздненько немножко для того, чтобы перераспорядиться всѣмъ этимъ... но все равно... Неужели мнѣ не удастся убѣдить ихъ въ томъ, что грѣхъ не повременить немного?

Онъ поклонился старику и отправился скорымъ шагомъ на станцію.

По уходѣ Пьедуша, Лекокъ оставилъ одного полицейскаго при домѣ Толбіака, а съ тремя остальными отправился къ деревушкѣ Морсанъ. Онъ шелъ быстро, разговаривая съ самимъ собою и дѣлая жесты руками, такъ что его спутники начали тоже думать: «Не рехнулся-ли онъ»? Удивленіе ихъ возросло, когда, въ трехстахъ шагахъ отъ замка, старикъ внезапно остановился и потомъ кинулся бѣгомъ, по косогору, къ рѣкѣ. Они послѣдовали за нимъ, по обязанности службы, и увидѣли, что онъ догоняетъ какого-то священника, который шелъ вдоль берега Оржи, читая какую-то книгу. Лекокъ настигъ этого священника въ ту минуту, когда тотъ хотѣлъ вступить на мостъ, и закричалъ ему:

— Ради самого Создателя, г. священникъ, скажите мнѣ, не вы-ли приходили вчера въ хижину на противоположномъ берегу?.. Васъ перевозилъ молодой человѣкъ...

— Дѣйствительно, такъ, сказалъ священникъ, изумленный такимъ вопросомъ. — Но позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю честь?..

— Жизнь моего сына зависитъ отъ того, что вы мнѣ отвѣтите, перебилъ старикъ.—Говорите: кто этотъ молодой человѣкъ?

Священникъ замялся немного, но сказалъ:

— Одинъ бѣдный глухонѣмой, котораго я взялся обучить... Я даю ему ежедневно уроки...

Лекокъ едва не лишился чувствъ отъ радости и могъ промолвить только съ трудомъ:

— Онъ живетъ въ этомъ замкѣ, что возлѣ лѣса?

— То есть жилъ тамъ, но эти господа уѣхали сегодня...

— И увезли его?

— Нѣтъ; они отправились, если не ошибаюсь, въ Парижъ, и онъ долженъ поѣхать за ними сегодня же вечеромъ. Вы не отъ нихъ-ли?

— Нѣтъ, нѣтъ... Онъ поѣдетъ къ нимъ, говорите вы?

— Да, но онъ долженъ прежде зайти за однимъ англичаниномъ, который живетъ здѣсь на мельницѣ...

— Этотъ нѣмой... тоже англичанинъ?

— Бѣднякъ самъ не знаетъ своего происхожденія. Онъ привезенъ сюда, въ прошломъ году, изъ Англіи, г. Дермотомъ, но сохранилъ лишь самыя смутныя воспоминанія о своемъ дѣтствѣ. Вѣроятно, онъ былъ брошенъ своими родителями и никто не могъ разсказать ему что либо о его прошломъ, потому что, назадъ тому четыре мѣсяца, онъ еще не умѣлъ ни писать, ни объясняться знаками.

— Но теперь, благодаря вамъ...

— Онъ сдѣлалъ удивительные успѣхи... удивительные тѣмъ болѣе, что онъ былъ вынужденъ учиться тайкомъ... Вообразите себѣ, что г. Дермотъ желалъ удержать его въ полномъ невѣжествѣ... По счастію, я знакомъ съ методомъ аббата Л'Епе, филантропа, нашедшаго возможность возвращать языкъ лишеннымъ его...

— Но какимъ же образомъ отдавалъ ему приказанія Дермотъ? Какъ онъ велѣлъ ему, напримѣръ, пойти сегодня вечеромъ къ Аткинсу?

— Дѣйствительно, фамилія этого англичанина: Аткинсъ. Вы это знаете?

— И многое еще. Но вы не отвѣтили мнѣ...

— Дермотъ объяснялся съ нимъ просто. Онъ указалъ ему на домъ Аткинса и потомъ поднялъ вверхъ девять пальцевъ. Нѣмой понялъ. Но позвольте мнѣ спросить въ свою очередь: какая цѣль вашихъ разспросовъ?

— Г. священникъ дѣло идетъ о спасеніи невиннаго, готоваго пасть на плахѣ!.. Вы слышали о преступленіи въ улицѣ Арбалетъ?

— Какже... ужасное злодѣяніе...

— Васъ не поразила одна подробность: участіе въ этомъ дѣлѣ нѣмого, который потомъ исчезъ?

— Да, я обратилъ вниманіе на это, какъ и всѣ... Скажу вамъ даже, что я нѣсколько сомнѣваюсь въ виновности осужденнаго...

— Этотъ осужденный,—мой сынъ!

— Вашъ сынъ!

— Да, и вы одинъ можете возвратить ему жизнь и то, что дороже жизни—честь...

— Я? Какимъ образомъ?

— Выслушайте меня... само провидѣніе, свело меня съ вами... Убійца, это Дермотъ... Женщина, которая съ нимъ, его сообщница. Я объясню вамъ все подробнѣе, когда покончу съ палачомъ... который уже ждетъ... Моего сына казнятъ завтра... Нѣмой съ чемоданомъ, въ которомъ лежалъ трупъ, это тотъ самый, котораго вы учите...

— Я припоминаю теперь, что онъ пропадалъ отсюда, на нѣкоторое время, зимою... Я зналъ его тогда только по случайнымъ встрѣчамъ съ нимъ. Когда онъ воротился опять, я сошелся съ нимъ ближе, успѣлъ внушить ему довѣріе и началъ учить его...

— Онъ никогда не разсказывалъ вамъ о томъ, что съ нимъ было въ Парижѣ?

— Какже, говорилъ, но многое осталось для меня неяснымъ; я понялъ только, что онъ попалъ какъ-то въ тюрьму, но потомъ его выпустили, благодаря ходатайству Дермота...

— Благодареніе Богу! сказалъ Лекокъ.—Люи не умретъ на эшафотѣ. Но гдѣ же этотъ нѣмой?

— Въ лѣсу, гдѣ онъ проводитъ большую часть своего времени. Не имѣя возможности сообщаться съ людьми, онъ бесѣдуетъ съ птицами, деревьями, со всею природой... Отыскать его теперь нѣтъ возможности, но въ восемь часовъ онъ придетъ... И я намѣренъ его подождать, потому что мнѣ хочется обнять его еще разъ на прощанье.

— Только въ восемь часовъ! проговорилъ старикъ, думавшій о гильотинѣ, которую начнутъ воздвигать съ полуночи на площади Рокетъ.

— Будьте увѣрены, что онъ не опоздаетъ, сказалъ священникъ.—Онъ не смѣетъ ослушаться своего господина, а для узнанія времени, у него съ собою часы... мой подарокъ.

Въ эту минуту къ Лекоку подошелъ полицейскій, оставшійся у дома Аткинса.

— Ваша милость, отрапортовалъ онъ, — въ домъ къ англичанину пробрались трое мужчинъ и двѣ женщины.

— Примѣты ихъ?

— Господинъ съ госпожею, а остальные, сдается мнѣ, мельникъ съ своею вѣдьмой и ихъ батракъ.

— Они тебя невидали?

— Помилуйте, свое дѣло знаемъ. Я лежалъ, какъ пластъ, въ грядѣ капусты. А товарищъ мой, тотъ въ самую мельницу пробрался и притаился за жерновами, когда запримѣтилъ этихъ людей. Будьте покойны облава удастся.

— Ступай же назадъ и свистни, если увидишь, что кто-нибудь высунетъ носъ изъ этой берлоги.

Полицейскій поклонился и исчезъ въ туманѣ, уже поднимавшемся съ рѣки. Лекокъ воротился къ священнику, который стоялъ въ сторонѣ, наблюдая съ изумленіемъ за всею сценой.

— Г. священникъ, сказалъ ему Лекокъ, — прошу вашего содѣйствія. Я ищу убійцу той женщины, которая погибла въ улицѣ Арбалетъ. Эти люди—мои агенты.

Священникъ сдѣлалъ движеніе, говорившее ясно, что ему было бы крайне непріятно вмѣшиваться въ полицейскія дѣла.

— Умоляю васъ, выслушайте меня до конца, продолжалъ старикъ.—Передъ вами отецъ, старающійся спасти невинно гибнущаго сына... Я стремлюсь къ этому цѣлыхъ четыре мѣсяца... Богъ помогъ мнѣ открыть истиннаго преступника, но если бы я не встрѣтилъ васъ, то мой сынъ былъ бы казненъ завтра утромъ...

— Завтра!

— Да, и для отсрочки казни, мнѣ необходимо представить сегодня же ночью всѣхъ этихъ злодѣевъ въ руки властей... Но главное, это нѣмой. Вы поможете мнѣ его разспросить... Вы согласны?

— Съ радостью, увѣряю васъ.

— Этого мало. Мое показаніе можетъ быть подозрительно; свидѣтельства одного нѣмаго тоже еще недостаточно, но ваши слова будутъ имѣть полный вѣсъ. Вы духовное лицо, вы здѣшній обыватель...

— Уже двадцать лѣтъ священнодѣйствую въ этомъ приходѣ.

— Вы знаете Дермота, его сообщницу, мельника и его жену; вы заставите говорить нѣмого, вы засвидѣтельствуете, что онъ не разыгрываетъ комедію. Вамъ повѣрятъ, хотя бы изъ одного уваженія къ вашему сану... Вы поѣдете со мною.

— Въ Парижъ? испуганно произнесъ священникъ.

— Да, сегодня же вечеромъ... какъ только придетъ нѣмой.

— Милостивый государь, вы подумайте, что я никуда не трогаюсь отсюда! Какъ мнѣ оставить моихъ прихожанъ?..

— Вы нужны и невинному, который погибнетъ безъ вашей помощи. Вы не можете мнѣ отказать.

— Позвольте... послѣдній поѣздъ въ Парижъ останавливается на станціи Савиньи, въ девять часовъ десять минутъ. Позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, воротиться въ Морсанъ, чтобы предупредить моего викарія...

— Одинъ изъ моихъ агентовъ выполнитъ это, когда мы покончимъ здѣсь. Какъ только покажется нѣмой, вы ему объясните, чего мы ждемъ отъ него, а мои люди арестуютъ всѣхъ, находящихся у Аткинса. Черезъ полчаса, мы будемъ въ Савиньи, въ полночь у начальника сыскной полиціи... Въ полночь будетъ еще время...

Лекокъ не договорилъ и обратился къ своей командѣ.

— Слушайте, сказалъ онъ.—Волки въ западнѣ; всѣхъ ихъ семеро: пять мужчинъ и двѣ женщины, изъ которыхъ одна стоитъ любого дѣтины. Васъ будетъ пятеро; постарайтесь справиться съ ними. Оно будетъ, впрочемъ, не такъ трудно, потому что англичанинъ и его слуга мертвецки пьяны. Но Толбіакъ и мельникъ, по всей вѣро-

ятности, вооружены и будутъ защищаться отчаянно. Необходимо, однако, взять ихъ живьемъ. Ну, маршъ!

Агенты не возразили ни слова и двинулись впередъ съ тѣмъ холоднымъ мужествомъ, которое болѣе рѣдко, чѣмъ пылкая отвага на полѣ сраженія. Каждый изъ нихъ зналъ, что идетъ рисковать жизнью, безъ надежды на знакъ отличія, на громкую славу,—по одному только долгу службы, но ни одинъ изъ этихъ смиренныхъ героевъ не выразилъ колебанія.

Едва полицейскіе успѣли удалиться, священникъ шепнулъ Лекоку:

— Вотъ и нѣмой.

Старикъ быстро оборотился и увидалъ, въ вечернемъ туманѣ какую-то приближавшуюся фигуру. Сердце у него задрожало при видѣ этого существа, отъ котораго зависѣла жизнь или смерть Люи.

Священникъ между тѣмъ, подошелъ къ нѣмому, взялъ его за руку и подвелъ къ Лекоку.

Старикъ хотѣлъ приступить тотчасъ къ его допросу, но было темно, что составляло препятствіе къ разговору посредствомъ знаковъ.

— Пойдемте на мельницу, сказалъ Лекокъ.— Мы тамъ зажжемъ свѣчу; спички со мною. А пока мои молодцы будутъ вязать негодяевъ, я распрошу, при вашемъ посредствѣ, этого добраго малаго.

Священникъ не противорѣчилъ болѣе; онъ взялъ нѣмого подъ руку и направился съ нимъ вслѣдъ за Лекокомъ. По мѣрѣ того, какъ они приближались къ жилищу Аткинса, окружавшій ихъ туманъ окрашивался какимъ-то непонятнымъ отблескомъ и скоро въ немъ ясно обрисовались окна дома, повидимому, ярко освѣщеннаго внутри.

«Что за странность», подумалъ Лекокъ, но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ выговорить какое-нибудь замѣчаніе, изъ одного окна юркнулъ огненный языкъ, который поднялся къ верху и освѣтилъ зловѣщимъ блескомъ все мрачное убѣжище злодѣевъ.

— Пожаръ! воскликнулъ Лекокъ.—Этотъ несчастный пьяница поджегъ домъ... Толбіакъ выскользнулъ изъ нашихъ рукъ... Бѣжимъ скорѣе!

Онъ бросился впередъ. Священникъ и нѣмой поспѣшили за нимъ.

Пожаръ распространялся съ неимовѣрною быстротою. Старая лачуга пылала какъ груда хвороста. Огонь возникъ, по всей вѣроятности, въ сѣняхъ, гдѣ рыжій слуга варилъ свой адскій напитокъ, и пламя уже разрушало потолокъ нижняго этажа и лѣстницу, которая вела на чердакъ. Черезъ нѣсколько мгновеній, изъ слуховаго окна раздался страшный вопль: женщины, пытаясь выдти, встрѣтили передъ собою огненную стѣну. Изъ оконъ той комнаты, въ которой лежалъ безчувственный Аткинсъ, показались Жако, Шофайль и Толбіакъ. Увидя, при свѣтѣ пламени, полицейскихъ, находившихся передъ домомъ, Толбіакъ испустилъ крикъ бѣшенства.

— Это ты, старый воронъ! закричалъ онъ, узнавая Лекока.—Постой же ты: мнѣ не сдобровать, но твой сынъ будетъ гильотинированъ завтра, а ты отправишься къ чорту еще раньше его!

Въ тоже мгновеніе онъ навелъ на него свой револьверъ, выстрѣлилъ и пуля задѣла плечо старика.

— Ваша милость, берегитесь! крикнулъ одинъ полицейскій.—Если васъ здѣсь уложатъ, вашему сыну отъ этого легче не будетъ!

Эти слова заставили Лекока укрыться за дерево и взглянуть на часы.

— Половина девятаго! воскликнулъ онъ съ ужасомъ.—Г. священникъ, поспѣшимъ въ Савиньи, чтобы не опоздать на поѣздъ! Умоляю васъ, пойдемте!

Священникъ былъ радъ уйти отъ ужаснаго зрѣлища; его удерживало только желаніе призвать милосердіе божіе на гибнувшихъ ужасною смертью, но въ ту минуту, какъ новый выстрѣлъ Толбіака заставилъ упасть одного полицейскаго, полъ второго этажа обрушился съ страшнымъ трескомъ, поднимая облака дыма и пламени...

— Старайтесь спасти кого можно! закричалъ Лекокъ своимъ людямъ.—Я спѣшу избавить моего сына. Г. священникъ, въ путь!

Священникъ послѣдовалъ за нимъ; нѣмой, относившійся довольно равнодушно ко всему, что происходило, шелъ покорно за своимъ наставникомъ. Старикъ задыхался отъ радостнаго волненія... наконецъ-то онъ держалъ въ своихъ рукахъ живое доказательство невинности своего сына... Еще какіе нибудь два часа; и онъ войдетъ въ кабинетъ начальника сыскной полиціи... Люи будетъ спасенъ!

Несчастный отецъ забывалъ про роковыя случайности. Когда пѣшеходы прибыли на станцію, едва переводя духъ отъ поспѣшной ходьбы, поѣзда уже не было. Они опоздали на пять минутъ...

(*Продолженіе будетъ.*)

Карикатурный городъ.

(Изъ путешествія Амичиса по Голландіи.)

Принимаясь за описаніе своего путешествія, я постоянно лелѣялъ мысль о томъ, съ какимъ наслажденіемъ я буду описывать знаменитый голландскій городъ Брекъ, и если иной разъ у меня бывали минуты унынія и утомленія, воспоминаніе объ этомъ городѣ воскрешало меня. Брекъ былъ моею полярною звѣздою.—«Сколько тебѣ еще остается до Брека»? спрашивали меня дома, и я отвѣчалъ, вздыхая: «Еще два мѣсяца... двѣ недѣли... одна!..» И такъ я дожилъ до желаннаго дня. Мнѣ весело и меня разбираетъ нетерпѣніе; мнѣ хотѣлось бы выражать свои мысли одновременно и словами, и перомъ, и кистью; такъ много мнѣ хочется разсказать читателю и не знаю, съ чего начать; я самъ себѣ смѣшонъ, да, вѣроятно, покажусь смѣшнымъ и читателю.

Во всѣхъ городахъ Голландіи, въ которыхъ я бывалъ отъ Роттердама и до Амстердама, часто упоминали при мнѣ про Брекъ, но всегда какъ-то между прочимъ, и такъ, что скорѣе возбуждали мое любопытство, а не удовлетворяли его. Если невзначай произносили въ обществѣ слово «Брекъ», всѣ смѣялись. А когда я спросилъ кого-то, чему онъ смѣется, онъ мнѣ сухо отвѣчалъ:

— Потому, что это нелѣпость.

Другой, въ Гаагѣ, отвѣтилъ мнѣ полувѣжливо, полусердито:

— Однако, когда же иностранцы покончатъ, наконецъ, съ этимъ злосчастнымъ Брекомъ? Точно нѣтъ другого предмета для насмѣшекъ!

Въ Амстердамѣ хозяинъ гостинницы, показывая мнѣ на картѣ дорогу, по которой мнѣ надо было ѣхать въ Брекъ, смѣялся про себя, какъ бы говоря: «Дѣтская забава». У всѣхъ я спрашивалъ указать мнѣ на какія-нибудь достопримѣчательности Брека, но никто не хотѣлъ просвѣтить меня на этотъ счетъ. Всякій подымалъ плечи и говорилъ: «Сами увидите». Только по кое-какимъ, случайно вырвавшимся, то у того, то у другого, словамъ, я могъ заключить, что это престранный городъ, знаменитый еще съ прошлаго вѣка; иностранцы описывали его, изображали на бумагѣ, смѣялись надъ нимъ, ставили его въ примѣръ, когда хотѣли указать на какое-нибудь особенное чудачество или нелѣпость, свойственную однимъ голландцамъ.

Можно себѣ представить, какъ меня мучило любопытство. Скажу только, что Брекъ снился мнѣ каждую ночь; у меня могла бы составиться цѣлая книга, еслибъ я сталъ описывать всѣ тѣ чудесные, сверхъ-естественные города, какіе представлялись мнѣ во снѣ; пришлось сдѣлать надъ собой усиліе и принудить себя посѣтить сначала Утрехтъ; но лишь только я снова вернулся въ Амстердамъ, я направилъ свои стопы къ таинственному городу.

Брекъ находится въ сѣверной Голландіи, въ среднемъ или около того разстояніи между городами Эдамомъ и Амстердамомъ и не въ далекомъ разстояніи отъ берега Зюдерзее. Чтобы попасть въ него мнѣ пришлось переѣхать Эйскій заливъ и проѣхать нѣкоторую часть Сѣвернаго канала.

Я сѣлъ рано утромъ на одинъ изъ маленькихъ пароходовъ, которые каждый часъ отправляются въ Алкмааръ и Гелдеръ. Черезъ нѣсколько минутъ мы въѣхали въ Большой каналъ.

Это одинъ изъ главныхъ каналовъ Голландіи, удивительнѣйшее созданіе человѣческихъ рукъ, сооруженное въ XIX столѣтіи. Я полагаю, многіе изъ моихъ читателей знаютъ, какимъ образомъ и съ какою цѣлью былъ открытъ этотъ каналъ. Въ прежнее время большіе корабли должны были проходить черезъ бурный и покрытый песчаными мелями заливъ Зюдерзее, чтобъ достигнуть амстердамскаго рейда. Это длинное и полное опасностей плаваніе, представляло особенную трудность въ томъ мѣстѣ, гдѣ Эйскій заливъ соединяется съ Зюдерзее, потому что тамъ возвышается огромная песчаная мель, извѣстная подъ именемъ Пампусъ, которую большія суда не могли пройти иначе, какъ освободившись отъ части своего груза, и тогда еще приходилось ихъ тащить на буксирѣ съ большою потерею времени и денегъ. Чтобы открыть болѣе легкій доступъ къ амстердамской гавани, голландцы прорыли этотъ Большой каналъ, длиною въ 80 километровъ (73 версты), шириною въ 40 метровъ (56 аршинъ) и глубиною въ 6 ($8^1/_2$ аршинъ), идущій отъ Эйскаго залива до Нѣмецкаго моря и пересѣкающій всю сѣверную Голландію. Онъ былъ начатъ въ 1819 году, а конченъ въ 1825 и стоилъ 30 милліоновъ франковъ. Благодаря этому каналу, самые большіе корабли переплываютъ менѣе чѣмъ въ 24 часа, если погода благопріятствуетъ, изъ Нѣмецкаго моря въ Амстердамъ. Несмотря на то, положеніе этого города чрезвычайно невыгодно въ торговомъ отношеніи, въ сравненіи съ остальными приморскими городами Голландіи, такъ какъ входъ изъ Сѣвернаго канала, близъ острова Тексель въ высшей степени недоступенъ; въ самомъ каналѣ приходится подымать корабли на буксирѣ, такъ что переѣздъ сверху внизъ обходится въ нѣсколько тысячъ франковъ; а въ суровыя зимы воды замерзаютъ, навигація прекращается или пріостанавливается, и иногда приходится издержать болѣе тридцати тысячъ флориновъ, чтобъ открыть себѣ проходъ. Однако, смѣлость голландцевъ не остановилась даже и передъ этимъ препятствіемъ и проложила новый путь для торговли. Другой каналъ, прорытый еще очень недавно, проходитъ Эйскій заливъ по направленію его наибольшей длины, прорѣзываетъ дюны и изливается въ море близь деревни Викан-зее, отдѣляя такимъ образомъ сѣверную Голландію отъ материка. Каналъ этотъ, длиною въ 25 километровъ ($21^1/_2$ версты), равняется по ширинѣ Суэзскому; благодаря ему, корабли изъ моря могутъ достигнуть Амстердама въ $2^1/_2$ часа; большая часть Эйскаго залива, наполненная вырытою изъ канала землею, обращена въ пахатную землю; и такимъ образомъ разъ навсегда положенъ предѣлъ морскимъ наводненіямъ, безпрестанно угрожавшимъ Амстердаму. Работы, начатыя въ 1866 году, окончены черезъ 6 лѣтъ. 25-го сентября 1872 года, общество, предпринявшее это полезное дѣло, послало отъ себя корабль, который побѣдоносно прошелъ по новой дорогѣ, радостно привѣтствуемый городомъ, какъ провозвѣстникъ будущаго благосостоянія.

Едва пароходъ прошелъ черезъ монументальныя шлюзы Сѣвернаго канала, изъ глазъ моихъ скрылись и заливъ, и гавань, и Амстердамъ; въ этомъ мѣстѣ воды канала на 3 метра ниже уровня; вскорѣ я увидѣлъ однѣ верхушки мачтъ и колоколенъ и оконечности крыльевъ вѣтряной мельницы, возвышающіеся надъ огромными плотинами, посреди которыхъ лежалъ нашъ путь. Отъ времени до времени, пароходъ проходилъ черезъ узкіе шлюзы; берега были пустынны; каналъ закрытъ со всѣхъ сторонъ; небо невидимо; казалось, мы плывемъ по излучинамъ наводненной крѣпости. Послѣ такого получасового плаванія, мы добрались наконецъ до деревни, чрезвычайно загадочной по внѣшности; она состояла изъ нѣсколькихъ крашенныхъ домиковъ, выстроенныхъ вдоль плотины и совершенно закрытыхъ рядомъ деревьевъ, вырѣзанныхъ въ формѣ вѣера и посаженныхъ близь входа, какъ бы для того, чтобъ защитить семейныя тайны отъ любопытныхъ взглядовъ прохожихъ. Пароходъ прошелъ черезъ другіе шлюзы и вышелъ въ открытую мѣстность, гдѣ глазамъ моимъ представилось совсѣмъ другое зрѣлище. Такъ какъ воды канала были гораздо выше окружающей земли, то пароходъ шелъ на одной высотѣ съ верхушками деревьевъ и крышами домовъ, обрамлявшихъ плотину; люди, проходившіе по тропинкѣ, подымали глаза кверху, чтобъ взглянуть на нашъ пароходъ, точно такъ, какъ нѣсколько минутъ раньше, намъ приходилось смотрѣть кверху, чтобъ видѣть проходящихъ по плотинѣ.

Намъ попадались на встрѣчу большіе корабли, втаскиваемые кверху при помощи лошадей маленькими барками; далѣе, пароходы, шедшіе изъ Алкмаара въ Гелдеръ, на которыхъ толпились крестьянки съ золотыми вѣнчиками на бѣлокурыхъ волосахъ; со всѣхъ сторонъ виднѣлись парусныя суда, казалось, плывшія по травѣ, такъ какъ каналъ совершенно пропадалъ за покрывающею плотины зеленью.

Достигнувъ цѣли своего путешествія, я сошелъ на землю, остановился немного, чтобы посмотрѣть на отходившій пароходъ, а затѣмъ одинъ-одинешенекъ направился въ Брекъ. Вдоль дороги шелъ слѣва каналъ, а справа плетень. Мнѣ предстоялъ часъ ходьбы. Мѣстность, испещренная тысячью каналовъ, покрытая зеленью, группами деревьевъ, была безмолвна, какъ степь. Прекраснѣйшія бѣлыя и черныя коровы бродили или отдыхали по берегамъ каналовъ, не оберегаемыя никѣмъ; цѣлыя стаи утокъ, бѣлыхъ, какъ лебеди, гусей полоскались въ бассейнахъ, то тамъ, то сямъ крестьянинъ, гребя веслами переплывалъ съ одной лужайки на другую. Эта тихая безмятежная жизнь на такой обширной равнинѣ внушала мнѣ чувство столь безмятежнаго спокойствія, что самая чудная музыка непріятно поразила бы меня и показалась бы мнѣ неумѣстною въ эту минуту.

Спустя полъ-часа ходьбы, я сталъ различать признаки близости города, хотя виднѣлась только верхушка колокольни въ Брекѣ. Дорога шла вдоль плотины, по краямъ которой виднѣлись кое-гдѣ дома. Одинъ изъ нихъ былъ маленькій, пустой, деревянный, крыша его едва подымалась выше улицы; дикій, сломанный, кривой, онъ походилъ болѣе на нору, чѣмъ на домъ, а между тѣмъ сквозь окошечко, съ бѣлой занавѣской, привязанной съ одной стороны голубой лентой, виднѣлся столикъ, сплошь уставленный чашками, цвѣтами и всякими другими бездѣлушками, блестѣвшими, какъ выставленныя на продажу рѣдкости; пройдя этотъ домъ, я увидѣлъ два вбитые въ землю шеста, подпирающихъ заборъ, оба выкрашенные въ голубой цвѣтъ съ бѣлыми полосками, на подобіе хоругвей, которыя въ католическихъ странахъ ставятъ во время общественныхъ праздниковъ. Нѣсколько далѣе я встрѣтилъ еще крестьянскій домикъ, возлѣ котораго выставлены ведерки, скамейки, грабли, колья, заступы, всѣ выкрашенные въ красное, голубое, бѣлое, желтое и покрытые полосками другихъ цвѣтовъ, совершенно какъ въ балаганѣ. Иду далѣе и вижу другіе деревенскіе дома, крытые ярко-размалеванными черепицами, съ окнами, украшенными кружевами, лентами, желѣзными сѣтками, подвижными зеркалами и дверьми, покрытыми лакомъ. Чѣмъ далѣе я подвигаюсь, тѣмъ болѣе возрастаетъ яркость красокъ, чистота, блескъ, пышность. Я вижу шитыя занавѣски и розовыя ленты у оконъ мельницъ; телѣги и наборы на рабочихъ хомутахъ блестятъ, какъ серебро; деревянные дома полированы; изгороди и частоколье выкрашены въ бѣлое и красное; окна покрыты двумя, тремя разноцвѣтными полосами и наконецъ—самая странная изъ всѣхъ странностей—стволы деревьевъ отъ корня до вѣтвей выкрашены въ небесно-голубой цвѣтъ!

Изумляясь всѣмъ этимъ диковинамъ, я подошелъ къ обширному пруду, обрамленному густолиственными и плотно-прилегающими другъ къ другу деревьями, за которыми далѣе на противоположномъ берегу возвышается верхушка колокольни. Я оглядываюсь кругомъ и вижу только мальчика, лѣниво-растянувшагося на землѣ. Я спрашиваю у него:

— Брекъ?

Онъ смѣется и отвѣчаетъ:

— Брекъ.

Я вглядываюсь пристальнѣе и изъ-за зелени деревьевъ вижу такіе невозможные, яркіе, ослѣпляющіе, дерзкіе цвѣта, что у меня вырывается невольное восклицаніе изумленія.

Я обхожу вокругъ пруда, перехожу бѣлый, какъ снѣгъ, деревянный мостъ, вхожу въ маленькую улицу... Да, это Брекъ, Брекъ, Брекъ!.. Я узнаю его, не остается никакого сомнѣнія, что это Брекъ!

Представьте себѣ миніатюрныя ясли, сдѣланныя изъ картона восьми-лѣтнимъ ребенкомъ, городокъ, слѣпленный для продажи въ нюренбергскомъ игрушечномъ магазинѣ, деревню, построенную для сцены балетмейстеромъ по рисунку китайскихъ вѣеровъ, собраніе домиковъ, построенныхъ разбогатѣвшими балаганными шутами, деревни, какія бываютъ на театрахъ маріонетокъ, нѣчто, напоминающее въ одно и то же время Японію, Индію, Туркестанъ, Швейцарію, стиль рококо и помпадуръ и сахарныя зданія, выставляемыя въ окнахъ кондитерскихъ; смѣшеніе варварства и цивилизаціи, напыщенности, жеманства, простоты и шутовства, нѣчто оскорбляющее вкусъ, возбуждающее смѣхъ и въ тоже время привлекающее;—словомъ, представьте себѣ самую сумасбродную нелѣпость, какой только можно дать названіе села или города, и у васъ будетъ слабое понятіе о томъ, что такое Брекъ!

Всѣ дома окружены палисадниками, отдѣленными отъ улицы частоколомъ небеснаго цвѣта, а на концѣ каждаго колышка красуются деревянныя яблоки, дыни или апельсины. Улицы, вдоль которыхъ идутъ эти частоколы, чрезвычайно узки и вымощены расноцвѣтными изразцами, расположенными въ самыхъ прихотливыхъ узорахъ, такъ что издали улицы кажутся покрытыми турецкими шалями. Дома, большею частью деревянные, одноэтажные, крохотные, всѣ выкрашены въ розовое, черное, сѣрое, пунцовое, свѣтло-голубое, зеленое; они покрыты муравленными черепицами, расположенными въ видѣ шахматной доски; водосточныя трубы украшены деревянными рѣзными фестонами, напоминающими кружево; фасадъ крыши оканчивается остроконечно, а вверху обыкновенно помѣщаютъ или флюгеръ, или маленькую пику, или что-нибудь похожее на букетъ цвѣтовъ; окна съ красными или голубыми стеклами украшены занавѣсками, прошивками, лентами, сѣтками, бахромой, кисточками, различными бездѣлушками; на раскрашенныхъ и позолоченныхъ дверяхъ находятся барельефы, изображающіе цвѣты и фигурки, посреди которыхъ красуется имя и профессія хозяина дома. Почти у каждаго дома двѣ двери; одна спереди, другая сзади, одна для будничныхъ входовъ и выходовъ, другая, отворяющаяся только по торжественнымъ днямъ, какъ-то, въ день рожденія, смерти или свадьбы.

Сады также странны, какъ и дома. Они какъ-будто устроены для пигмеевъ. Аллеи такъ узки, что пѣтъ мѣста ногамъ; клумбы можно обхватить руками, въ бесѣдкахъ едва могутъ помѣститься двое, да и то скорчившись; миртовыя аллеи придутся по-колѣно четырехъ-лѣтнему ребенку. Между этими бесѣдками и этими клумбами вырыты крохотные каналы, словно предназначенные для бумажныхъ лодокъ; черезъ нихъ перекинуты вовсе излишніе деревянные мостики, съ цвѣтными колонками и перилами.

Пруды, величиною съ ванну, на которыхъ плаваютъ крохотныя лодочки, привязанныя красною тесемкою къ голубому стеблю; маленькія лѣсенки, маленькія дорожки, маленькія перекрестки; крохотные крылечки, крохотные портики и рѣшетки, все такое миніатюрное, что можно измѣрить одною рукою, перескочить однимъ прыжкомъ и подбросить кверху, какъ мячъ. Вокругъ домовъ и садиковъ возвышаются деревья, вырѣзанныя въ формѣ вѣеровъ, дисковъ, трапецій, метелокъ, выкрашенныя въ бѣлое и голубое; тамъ и сямъ разбросаны разноцвѣтные, раззолоченные и украшенные рѣзьбой домики для домашнихъ животныхъ, напоминающіе дворцы въ театрѣ маріонетокъ.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ.*)

Благословеніе бабушки.

Къ картинѣ Я. Грюневальда.

Нѣмецкимъ художникамъ очень удаются семейныя сцены изъ простой крестьянской жизни. Одна изъ такихъ сценъ замѣчательно хорошо передана талантливымъ художникомъ Яковомъ Грюневальдомъ,—это благословеніе бабушки. Пара молодыхъ, влюбленныхъ, женихъ и невѣста, въ нарядныхъ деревенскихъ одеждахъ, явились къ старухѣ-бабкѣ за благословеніемъ на бракъ. Старуха опустила на колѣни свою библію и, соединивъ руки молодой пары, даетъ наставленіе влюбленнымъ, потупившимъ скромно глаза. Въ этой картинѣ прекрасно переданы не только выраженія лицъ и фигуры присутствующихъ, но разные аксессуары, переносящіе насъ вполнѣ въ счастливую семью нѣмецкихъ поселянъ. Отъ всей картины вѣетъ спокойствіемъ, благодушіемъ и, если можно такъ выразиться, здоровьемъ.

Прекрасный видъ.

Къ картинѣ Ф. Колларца.

Забравъ съ собою лорнеты и бинокли, палки и зонтики, карабкаясь съ кочки на кочку, съ камня на камень, семья завзятыхъ туристовъ, наконецъ, добралась до вершины горы, откуда представляется «прекрасный видъ». Утомленный ходьбою отецъ семейства давно уже снялъ съ себя сюртукъ, его нарядная жена сбросила съ себя шляпку и оба они, въ блаженномъ настроеніи духа, усѣлись на самое удобное мѣсто, чтобы полюбоваться «прекраснымъ видомъ». Съ неменьшимъ любопытствомъ устремилъ въ даль свои глазенки, приставивъ къ нимъ бинокль, ихъ сынишка, вставшій подъ тѣнистымъ деревомъ за родителями. Съ ихъ устъ срываются восклицанія: «Ахъ, какая прелесть! Какая зелень, какая синяя даль! Что за воздухъ, что за

КАРТИНА Я. ГРЮНЕВАЛЬДА.

Благословенiе бабушки.

КОПІЯ СЪ КАРТИНЫ Ф. КОЛЛАРЦА.

Прекрасный видъ.

ароматъ!» Восторженнымъ восклицаніямъ нѣтъ конца. Но чу! что за звуки раздаются среди этого лѣтняго затишья? Отецъ семейства насторожилъ уши: онъ слышитъ знакомый ему по опыту шопотъ любви, онъ слышитъ торопливые поцалуи. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ обернуться, раздался лай его собачонки: предательское животное вообразило, что молодой человѣкъ, сопровождавшій семью путешественниковъ, обижаетъ молоденькую барышню, сестру почтенной матери семейства, и сочло своимъ долгомъ громкимъ лаемъ возвѣстить хозяевамъ о грозящей опасности. Этого лая было довольно, чтобы смолкли и поцалуи, и шопотъ въ кустахъ и двое молодыхъ людей, раскраснѣвшіеся и смущенные, вышли изъ своей засады, гдѣ они тоже любовались... «прекраснымъ видомъ».

Аліэтта.

Разсказъ Роберта Гальта.

Переводъ **С. И. Бурениной.**

(*Продолженіе.*)

Глава VII.

Когда я вошелъ въ келью Эмильена, онъ разсѣянно перелистывалъ «Житіе Святыхъ». Онъ съ видимымъ нетерпѣніемъ ждалъ моего разсказа; но я не зналъ какъ приняться и началъ его, наконецъ, приглашеніемъ торскаго патера на завтракъ. Затѣмъ я разсказалъ все то, что видѣлъ и слышалъ. Когда я дошелъ до дерзости хоровода, въ который вошла тщеславная Аліэтта, Эмильенъ вскочилъ, сильно растроганный.

— Тщеславіе? вскричалъ онъ, — тщеславіе! это наивность, дѣтская наивность! Она должна была появиться въ этомъ хороводѣ съ такой чистой граціей, съ такой беззавѣтной вѣрой! Она вѣритъ въ свою красоту. Отчего жь и не вѣрить? Грубые умы, конечно, невидятъ ее; но какъ могъ ошибиться ты, мой другъ? Оригинальный характеръ головки, несравненные глаза... Да, имъ обыкновенно предпочитается банальная правильность, обыденныя черты лица. Утонченное блюдо сбиваетъ съ толку мужика и онъ требуетъ свой картофель. Странно, что ты, Поль, не понялъ ея красоты. Габіонки куклы! А! бѣдное дитя! какъ она должна была страдать! И ты не защитилъ ее! Ты не возвысилъ голоса въ виду несправедливости, въ виду черной злобы! Есть-ли еще время? Я бѣгу. Она унижена, осмѣяна! О! Боже мой!

Я разсказалъ ему всѣ подробности о томъ, что дѣлала Аліэтта въ виноградникѣ, при чемъ замѣтилъ, что какъ бы ни была оригинальна ея красота, но ея умъ слишкомъ обыкновенный, такъ какъ она выказала ярость оскорбленнаго самолюбія слишкомъ поздно, часъ спустя послѣ оскорбленія.

— Оцѣпѣненіе и пробужденіе; все это очень ясно, отвѣчалъ онъ; — это сосредоточенность, — это сила!

— Другъ, сказалъ я ему, — пожелай, чтобы кто-нибудь другой, какъ можно скорѣе, полюбилъ эту дѣвушку.

Онъ посмотрѣлъ на меня пристально и я почувствовалъ, что краснѣю. Я вспомнилъ о сумасшедшей фантазіи Аліэтты броситься мнѣ на шею, о чемъ я не сказалъ моему другу. Я поспѣшно перешелъ къ разсказу о битвѣ содержателя экипажей съ жителемъ Ко. Наконецъ, послушникъ постучалъ къ намъ въ дверь, и пригласилъ насъ сойти въ столовую, гдѣ насъ ожидалъ ужинъ. Мы послѣдовали за нимъ. Эмильенъ съѣлъ яичницу и немного бобовъ, которые сильно пахли прогорклымъ масломъ. Я отказался отъ этого ужина. По выходѣ изъ столовой, пріоръ отвелъ меня въ сторону и подвергъ допросу. По знаку Эмильена, я сочинилъ вполнѣ успокоительный разсказъ: я былъ у обѣдни и на проповѣди, потомъ завтракалъ съ однимъ булочникомъ бараниной съ чеснокомъ, отъ которой мнѣ до сихъ поръ было тяжело и провелъ остатокъ дня, смотря, какъ богомольцы играли въ кегли. Нѣтъ, я никогда не подозрѣвалъ, чтобы можно было такъ скоро выдумать и лгать съ такимъ нахальствомъ.

Восхищенный монахъ, къ стыду моему, сказалъ, что онъ считаетъ меня прекраснымъ молодымъ человѣкомъ и что я могу провести въ монастырѣ столько времени, сколько мнѣ угодно. Потомъ, любезно благословивъ, онъ проводилъ меня въ келью, очень отдаленную отъ кельи Эмильена. Тоже убранство, то же распятіе, тѣ же кости, нарисованныя желтой краской на деревянной кровати! Трудно уснуть на новомъ мѣстѣ, особенно въ обществѣ мертвыхъ костей. Среди ночи я всталъ и отправился на службу, куда пришелъ и Эмильенъ. Я разсчитывалъ умилиться; но монотонность напѣвовъ, нарочно лишенныхъ поэзіи, при скудномъ освѣщеніи дымящихся лампадъ испортили мнѣ всю прелесть новизны. Эмильенъ, въ противоположность со мною, казался мнѣ очень сосредоточеннымъ. Когда, по окончаніи службы, мы шли въ наши кельи, я попробовалъ напомнить ему о приглашеніи священника изъ Тору. Онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я не мѣшалъ его размышленіямъ.

«Кажется, подумалъ я съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, онъ не тронется отсюда».

Онъ пришелъ ко мнѣ на зарѣ.

— Началась утреня, сказалъ онъ, — поторопимся... Сегодня ночью я рѣшился, продолжалъ онъ; — я хочу составить окончательное мнѣніе объ Аліэттѣ. Несмотря на то, что я говорилъ, твое мнѣніе о ней нѣсколько испортило мнѣ чистоту ея образа; я не нанесу ей оскорбленія моимъ сомнѣніемъ. Аліэтта знаетъ о моей любви, она какъ будто призываетъ меня... и, наконецъ, мнѣ хочется побѣдить мою робость!

Я не отвѣчалъ. Мы вышли. Увы! надо было покориться судьбѣ!

Солнце взошло среди дивной весенней свѣжести и возвратило мнѣ мою веселость. Я запѣлъ.

— Да, дѣйствительно, какая чудная погода, сказалъ Эмильенъ, — но представь себѣ, здѣсь сентябрьское утро положительно лучше майскаго. О, какое наслажденіе войти въ эти виноградники во время сбора винограда, пораньше утромъ и, срѣзавъ вѣтку, выпить сокъ ягодъ, обрызганныхъ утренней росой.

Онъ дотронулся до кисти винограда, непоспѣвшія ягоды которой были величиной съ горошину, и съ грустной улыбкой прибавилъ:

— Я тоже еще не дозрѣлъ... Не нужно-ли и мнѣ дождаться своего сентября?

И онъ посмотрѣлъ на меня такъ пристально, что я смутился; я отвѣтилъ общимъ мѣстомъ и заговорилъ о критикѣ на латинскихъ поэтовъ, которую онъ писалъ; цѣлые два часа мы говорили о литературѣ.

Оставалось еще много времени до полудня. Утомившись ходьбой и латынью, мы растянулись подъ тѣнью фиговаго дерева и пролежали слишкомъ за полдень. Наконецъ, вскочивъ, гонимые голодомъ, мы въ запуски побѣжали въ Тору, находившуюся отъ насъ въ километрѣ разстоянія.

Глава VIII.

На первомъ поворотѣ длинной улицы деревни Тору, среди ползучей зелени, обрамлявшей окно, показалась смуглая головка козочки съ выраженіемъ нетерпѣнія на лицѣ. У полуоткрытой двери дома стояла г-жа Кристофоръ; она побранила насъ за поздній приходъ и сказала, что мы навѣрно застанемъ гостей уже за столомъ.

— Какъ! Г-жа Кристофоръ не приглашена?

— У насъ не въ обычаѣ, чтобы женщины обѣдали у священниковъ? сказала Аліэтта, показываясь у дверей съ лейкой въ рукахъ. Не забывайте, что священники начинаютъ служить обѣдню, не ожидая тѣхъ, кто приходитъ лишь къ вечернѣ.

Полунасмѣшливая, полунедовольная, она принялась поливать плющъ, бросая взгляды на Эмильена, который немного дрожалъ. Вдругъ, обернувшись къ нему, она сказала:

— Не полить-ли мнѣ васъ еще разъ?

И, звонко смѣясь, она погрозила ему лейкой, весело подпрыгивая. Эмильенъ тоже смѣялся и бормоталъ слова безъ связи. Онъ страшно покраснѣлъ.

Козочка показалась мнѣ лучше, чѣмъ вчера и болѣе къ лицу одѣтой; бѣлое платье, рѣзко отдѣлявшееся отъ цвѣта ея лица, было замѣнено палевымъ, которое хорошо обрисовывало ея нѣжныя формы. Красныя ленты украшали ея напомаженные волосы. Ея большіе глаза, ея губы, ея ноги, вся ея нервная фигурка такъ и двигалась, какъ бы подъ звуки какой-то внутренней музыки.

— Ну, идите! сказала она намъ, — я приду, когда будутъ подавать кофе.

Эти послѣднія слова были сказаны почти шепотомъ и съ истомой въ голосѣ.

Я увелъ Эмильена. Едва мы отошли, онъ спросилъ, что я думаю о всемъ видѣнномъ и слышанномъ.

— Существо болѣе странное, чѣмъ пріятное, сказалъ я.

Онъ, казалось, былъ въ восхищеніи и отвѣчалъ:

— Она прелестна! Я объяснюсь сегодня же, клянусь!

Священникъ, съ завязанной подъ подбородокъ салфеткой, встрѣтилъ насъ на порогѣ и затѣмъ представилъ «г. парижанина» своимъ гостямъ: восемерымъ священникамъ и четыремъ мѣстнымъ аристократамъ, которые при нашемъ приходѣ поднялись съ своихъ мѣстъ.

Мы сѣли. Какой обѣдъ! Тутъ была не одна пулярдка съ трюфелемъ, но цѣлыхъ двѣ; и дичь и устрицы, неговоря уже о рагу съ пикантными соусами, услаждавшими желудокъ. Вино вѣроятно было взято изъ бочки «вина боговъ» Аліэта. Съ третьяго стакана у меня зашумѣло въ головѣ. Впрочемъ, всѣ вообще пили много и громко говорили. При воспоминаніи о вчерашнемъ богомольѣ и о картезіанцахъ, бесѣдующіе разгорячились, лица нахмурились. По ихъ словамъ, картезіанцы страшно округляютъ свои владѣнія! Это бы еще ничего, но они дѣйствуютъ всякими способами; напримѣръ, вотъ уже три мѣсяца, какъ они служатъ обѣдни за пятнадцать су! Да, за 15 су! Если это будетъ продолжаться, окрестное духовенство принуждено будетъ идти по міру.

Послѣ этихъ изліяній, всѣ снова принялись пить, и когда добрякъ священникъ спросилъ моего мнѣнія о винѣ, я вскричалъ довольно взволнованный:

— Bonus vinum!

— Bonum, bonum! вскричали въ одинъ голосъ священники, восхищенные ошибкой парижскаго бакалавра; — vinum средняго рода!

Но я поправился.

— Bonus, господа, мужескій родъ, первый изъ всѣхъ родовъ, а ваше вино первое изъ всѣхъ винъ!

За десертомъ начали разсказывать разныя исторійки. Каждый что нибудь прибавилъ отъ себя къ соли сосѣда. Одинъ маленькій аббатикъ, круглый, какъ яблоко, началъ тѣмъ, что заплакалъ отъ смѣха, потомъ сказалъ, что разкажетъ намъ исторійку «Оселъ Гигу». Я не могу вамъ повторить этого страннаго фарса, который аббатикъ прокричалъ съ мимикой и каррикатурными жестами. Несмотря на то, что никто изъ присутствующихъ не находился въ невѣдѣніи относительно происшествія съ Гигу, веселость была всеобщая. Они такъ хохотали, что рты раскры-

вались до ушей; кулаки стучали по столу; качающіяся головы сталкивались. Наконецъ всѣ встали изъ-за стола, чтобы идти въ садъ пить кофе. Аліэтта была уже тамъ и, съ помощію своей тетки, какой-то довольно хорошенькой дѣвушки и служанки, уставляла чашки на столъ, стоявшій подъ вишневымъ деревомъ. Въ деревнѣ считалось очень почетнымъ для женщинъ извѣстныхъ, каковой была г-жа Кристофоръ, прислуживать г. аббату.

— Она здѣсь! сказалъ мнѣ Эмильенъ, крѣпко сжимая мою руку,

Онъ пилъ болѣе, чѣмъ ѣлъ, но, несмотря на это, очень твердо держался на ногахъ. Я также былъ доволенъ собою; я чувствовалъ только нѣкоторое отяжелѣніе вѣкъ, что, впрочемъ, не помѣшало мнѣ замѣтить хорошенькую новую гостью и даже лукаво посмотрѣть на нее. Аліэтта помѣшала смотрѣть мнѣ, ставъ между мною и нею. Потомъ она медленно подошла ко мнѣ, между тѣмъ, какъ два священника и маленькій аббатикъ завладѣли Эмильеномъ и допрашивали его, правда-ли, что онъ собирается сдѣлаться картезіанцемъ.

— Посмотрите, сказала мнѣ козочка,—я приколола вишни къ моимъ волосамъ.

И она показала мнѣ свое тонкое изящное ухо, подъ которымъ дрожала кисть яркихъ вишень, только что сорванная съ дерева. Я похвалилъ ея вкусъ.

— Продолжайте смотрѣть на Люси, сказала Аліэтта,— вы тогда, можетъ быть, замѣтите ея уши. Она дочь мэра; онъ сдѣлалъ ей этотъ крупный подарокъ.

У мэра, дѣйствительно, были громадныя уши; я ихъ замѣтилъ. Потомъ, посмотрѣвъ на Эмильена, который, не зная какъ вырваться, ходилъ взадъ и впередъ между двумя священниками, она спросила меня, ужь не исповѣдывается-ли онъ?

Я сдѣлалъ знакъ Эмильену. Онъ подошелъ къ намъ. Но м-ль Люси, которая его знала, остановила его. Едва онъ началъ отвѣчать ей, какъ Аліэтта была уже около нихъ и, быстро сунувъ двѣ чашки въ руки Люси, сказала ей, что гости кричатъ, какъ глухіе, требуя кофе. Она сама снесла чашку проповѣднику.

Положительно не слѣдовало заниматься въ ея присутствіи какой бы то ни было другой особой, даже если у нея и громадныя уши.

— Смѣлѣй! сказалъ я Эмильену,—ты поклялся объясниться! Ты могъ заговорить съ нею, когда она разлучила тебя съ Люси.

Мнѣ бы слѣдовало сказать: «Призови Люси и заговори съ нею о любви; ты долженъ сдѣлать ей твое признаніе, чтобы другая приняла его». Но, господа, неопытность молодости!

Эмильенъ посмотрѣлъ на меня своимъ пристальнымъ, знакомымъ мнѣ взглядомъ и спросилъ нѣсколько сдавленнымъ голосомъ, о чемъ говорили мы съ Аліэттой, во время нашего, довольно длиннаго разговора?

Довольно длиннаго! Два слова лишь: одно о вишняхъ, другое объ ушахъ! Я былъ пораженъ неужели мой бѣдный другъ ревновалъ ее ко мнѣ?

Проповѣдникъ, подойдя съ группой аббатовъ, прервалъ допросъ; они съ серьезнымъ видомъ потягивали кофе и бросали бѣглые взгляды на женщинъ, которыя хлопотали, угощая мужчинъ ликерами.

На краю стола, подъ вишневымъ деревомъ, Аліэтта поставила рюмки и графинъ кирасо. Она подозвала насъ, я толкнулъ впередъ Эмильена. Увы! какое смущеніе овладѣло имъ передъ этимъ столомъ! Взявъ рюмку, онъ неловко задѣлъ за графинъ, который упалъ и разбился. Ликеръ вылился на платье Аліэтты. Произошло всеобщее смятеніе. Наконецъ, священникъ тихо проговорилъ: «не бѣда» и всѣ повторили: «не бѣда!»

Эмильенъ, сконфузившись, какъ ребенокъ, сказалъ вполголоса:

— Извините меня, м-ль.

Она отряхивала свое платье и казалась недовольною. Я поспѣшилъ на помощь утопающему.

— М-ль Аліэтта, сказалъ я смѣясь, —Эмильенъ отомстилъ вамъ: вы облили его чистой водой, онъ отплачиваетъ вамъ ликеромъ; это очень любезно.

Она коротко засмѣялась.

— Уйдемъ, сказалъ мнѣ Эмильенъ, голосомъ, не допускавшимъ возраженій.

Мы начали прощаться, но, когда обмѣнявшись поклонами со всѣми присутствующими, мы подошли къ двери, Аліэтта была уже тамъ; она загородила намъ дорогу и рѣшительно проговорила:

— Нѣтъ, нѣтъ, вы еще не уйдете! Уйти такъ рано! Ужь не изъ-за моего-ли это платья. Но на немъ не осталось пятна, да, наконецъ, у меня много другихъ! Развѣ уходятъ такъ рано, хотя бы даже и въ монастырь? Вы возвращаетесь въ монастырь, г. Эмильенъ?

Онъ отвѣтилъ утвердительнымъ жестомъ, такъ какъ у него не хватило голоса. Аліэтта обернулась ко мнѣ:

— Если вы имѣете вліяніе на вашего друга, скажите ему, прошу васъ, что мы всѣ были бы очень рады, если бы онъ остался еще немного.

Нѣтъ, никакая принцесса не просила бы милѣе. Настоящія женщины всѣ принцессы! И вы увидите, зачѣмъ она такъ хлопотала удержать насъ въ Тору. Тронутый этой любезностью, почти улыбающійся, Эмильенъ сказалъ, что остается.

На улицѣ передъ дверьми на шумъ праздника собралась толпа народа. Съ нѣкоторыми изъ молодыхъ людей, находившихся въ толпѣ, Аліэтта немедленно заговорила. Она шутила, смѣялась, но въ то же время не позволяла забывать о томъ, что она богата. Вдругъ лица омрачились, голоса понизились, мнѣ послышалось слово «Габіонъ», ужасное слово, отъ котораго Эмильенъ и я такъ старательно воздерживались. Глаза всѣхъ устремились на конецъ улицы. Очевидно, чего-то ждали.

— Вотъ они! сказалъ чей-то голосъ.

Къ намъ подходила группа, состоящая изъ четырехъ дѣвушекъ и восьми молодыхъ людей. Я узналъ габіонокъ. Аліэтта съ пылающимъ лицомъ, съ сверкающими глазами, повелительно посмотрѣла на насъ.

— Если эти дѣвушки идутъ сюда оскорблять меня, сказала она,—то надѣюсь, здѣсь нѣтъ подлецовъ?

Эмильенъ торжественно всталъ около нея.

— Эти дѣвушки обѣдали здѣсь у родственника; онѣ проходятъ не за тѣмъ, чтобы оскорблять тебя, сказала одна женщина;—пусть онѣ покойно возвратятся съ ихъ возлюбленными домой, зачѣмъ возбуждать ненависть между деревнями?

— Пусть тѣ, которые стоятъ за Габіонъ, уходятъ въ Габіонъ, отвѣчала Аліэтта;—я родилась въ Тору, а вчера Тору была оскорблена!

— Да, оскорблена! повторили мои сосѣди, окружая Аліэтту.

Непріятель подходилъ молча; прелестныя дѣвушки шли выпрямившись, поднявъ голову, съ улыбкой на губахъ; молодые люди не спускали съ насъ глазъ.

Тогда медленнымъ и звонкимъ голосомъ Аліэтта спросила, неужели только одна дорога въ этомъ краю? или Тору уже принадлежитъ идолопоклонникамъ?

— Гдѣ же тутъ идолопоклонники, прекрасная танцовщица? отвѣчала одна изъ габіонокъ.

— Тамъ, гдѣ вы, паршивыя дѣти грѣха! крикнула Аліэтта, дико вытянувъ впередъ голову и руки.

Габіоне бросились на насъ. Одинъ изъ нихъ, маленькій, кинулся на меня, но я немедленно оттолкнулъ его. Онъ возобновилъ нападеніе и на этотъ разъ не одинъ. Крики и удары раздавались со всѣхъ сторонъ. Я приблизился къ Эмильену, чтобы, въ случаѣ надобности, помочь ему и не узналъ его. Онъ былъ великолѣпенъ: опрокинувъ одного врага, онъ встряхивалъ другого, какъ пустой мѣшокъ. Мужчины должны бы были всегда драться въ глазахъ любимой женщины. Вдругъ я упалъ, получивъ ударъ въ затылокъ и лишь смутно видѣлъ то, что происходило потомъ вокругъ меня. Мнѣ казалось, что священники и другіе гости подходили къ дверямъ и немедленно исчезали, между тѣмъ, какъ Аліэтта хлопала въ ладоши и, звонкимъ голосомъ, съ сверкающими глазами, возбуждала бойцевъ. Я опомнился уже въ креслѣ у аббата подлѣ Эмильена, лежащаго на диванѣ. Его лицо было разбито. Восемь священниковъ и другіе гости окружали насъ. Аббатъ сказалъ намъ, что онъ собственноручно поднялъ насъ послѣ очень горячей битвы и что побѣда не была ни на чьей сторонѣ. Онъ извинился передъ нами за послѣдствія своего приглашенія.

— Я никогда не утѣшусь, что молодые люди, такіе набожные, и пострадали изъ-за того, что пришли ко мнѣ пообѣдать! Сколько мы ни старались остановить битву, но ничего не могли сдѣлать. Г. мэръ достигъ этого лишь надѣвъ свой шарфъ; на это потребовалось время: его жена не хотѣла ему его давать. Впрочемъ, друзья мои, постараемся извлечь хорошее изъ дурного; мы видимъ изъ этого случая, до чего можетъ доводить насъ женскій полъ. Габіонки ужасное для насъ сосѣдство! Онѣ слишкомъ хороши; чортъ вмѣшался въ ихъ рожденіе. Кажется, вчера на богомольѣ, онѣ серьезно оскорбили м-ль Аліэтту, которая, по моему, тоже слишкомъ погорячилась. Ея теткѣ, уважаемой г-жѣ Кристофоръ, удалось увести ее лишь по окончаніи битвы.

— Она ранена? сказалъ Эмильенъ, вскакивая.

— Нисколько, успокойтесь; въ битвахъ дѣвушки остаются только зрительницами; выпейте этой водки, чтобы немного оправиться; она право лучше всевозможныхъ красавицъ.

Онъ налилъ намъ каждому по полустакану водки, которую мы выпили залпомъ, какъ воду, что насъ немедленно поставило на ноги. Аббатъ предложилъ намъ остаться у него ночевать; но мы отвѣчали, что чувствуемъ себя въ силахъ сдѣлать нѣсколько миль. Послѣ обоюдныхъ извиненій и благодарностей, мы простились съ аббатомъ и съ его гостями.

Эмильенъ не хотѣлъ идти мимо дома Аліэтты. Я молча слѣдовалъ за нимъ, предчувствуя объясненіе. Между тѣмъ, пройдя шаговъ двѣсти, мы начали сильно покачиваться. Свѣжій воздухъ, послѣ полустакана водки, доканалъ насъ. Выйдя изъ деревни на пустынную дорогу, мой другъ остановился и сказалъ съ горечью, немного заикаясь:

— Ты храбръ; ты краснорѣчивъ!.. Да, я хотѣлъ, наконецъ, объясниться, я далъ себѣ въ этомъ клятву; я подхожу къ ней и разбиваю графинъ, обливаю ей платье. Я краснѣю, не знаю, какъ извиниться. Твой умъ, твое краснорѣчіе являются мнѣ на помощь и окончательно уничтожаютъ меня! Да, ты смѣлъ, ты краснорѣчивъ!

Вотъ ударъ, котораго я ожидалъ; я потупилъ глаза, сознавая свою вину.

— Показывая вишни, она позволила тебѣ вдыхать ароматъ ея волосъ, продолжалъ онъ,—и когда я со стыдомъ хотѣлъ удалиться, она тебѣ сказала:—удержите его!

— Аліэтта, вскричалъ я,—насмѣхается надъ тобой, надо мной, надъ всѣми молодыми людьми, которыми она окружаетъ себя для того, чтобы натравливать на проходящихъ и мстить за оскорбленіе своего тщеславія! Созданіе эгоистич-

ное, пользующееся всѣмъ и отплачивающее неблагодарностью, дѣвушка безъ сердца; я понялъ ее. Ты долженъ вырвать эту страсть изъ своего сердца. И такъ какъ мы теперь на большой дорогѣ, впередъ! Слѣдуй за мной до Парижа.

— Ты ее любишь и между тѣмъ бранишь ее и хочешь бѣжать отъ нея. Ты честный человѣкъ! Полно! Я все понимаю и все могу выслушать; скажи мнѣ ради всего святого, что было между вами?

Но могъ-ли я разсказать ему, особенно въ эту минуту, о томъ, что было между нами вчера, въ виноградникѣ? Помолчавъ немного, я взялъ его за руку и сказалъ:

— Прощай, я возвращаюсь въ Парижъ!

Тогда со слезами онъ бросился мнѣ на шею. Опьяненіе сильно помогало его впечатлительности. Я тоже былъ чрезмѣрно тронутъ. Мы обнимались, плача, давая клятву не разставаться до самой смерти и проклиная женщинъ, отраву дружбы. Затѣмъ мы упали подъ дерево, ноги не держали насъ болѣе.

Какимъ образомъ и черезъ сколько времени мы поднялись и добрели до монастыря, не знаю. Но была уже глубокая ночь, когда мы вошли въ него. Какъ сейчасъ вижу въ темномъ корридорѣ, въ которомъ мы отыскивали лѣстницу, ведущую въ наши кельи, при тускломъ освѣщеніи фонаря бѣлую фигуру ожидавшаго насъ пріора. Вино сдѣлало насъ такими смѣлыми, что мы приблизились къ нему смѣясь и съ распростертыми объятіями. Онъ остановилъ насъ жестомъ и рѣзко спросилъ, какъ осмѣлились мы убѣжать, какъ негодные школьники, и возвращаться пьяными. Эта дерзость оскорбила меня; я также рѣзко отвѣтилъ, что Эмильенъ и я были два агнца, которыхъ напоили, но что тѣмъ не менѣе мы считаемъ себя настолько свободными, что можемъ уйти ночевать и въ другое мѣсто! Моя увѣренность и, вѣроятно, страхъ, выгнавъ насъ, окончательно погубить нашу нравственность, остановили монаха. Эмильенъ, стоявшій со мной подъ руку, подтверждалъ мои слова жестами.

Понизивъ тонъ, пріоръ спросилъ насъ, гдѣ мы обѣдали.

— У священника деревни Тору, съ священниками и съ фарисеями, отвѣчалъ я;—обѣдъ кардинальскій! Устрицы, трюфели, пулярдки!

— А! а! вскричалъ самодовольно монахъ,—обжоры! вотъ современное духовенство! обжоры, которые скоро пожрутъ и религію!

— Не нападайте такъ на нихъ, отецъ мой! Священники разсорены, пущены по міру! Вы служите обѣдни за 15 су; они плачутъ объ этомъ.

— А! а! ну чтожъ! пусть плачутъ, пусть идутъ по міру. А! а! обѣдни за пятнадцать су! мы скоро будемъ служить ихъ за двѣнадцать, за десять! Духовенство должно быть одно, настоящее, которое не будетъ угощаться виномъ и пулярдками!... Вы видѣли... эту особу? спросилъ онъ, обращаясь къ Эмильену.

— Въ послѣдній разъ, отецъ мой!

Онъ сказалъ это очень твердо; я тоже утвердительно кивнулъ головой. Пріоръ замолчалъ; это рѣшеніе, по его мнѣнію, вполнѣ искупало наше бѣгство. Протянувъ руку, онъ довольно любезно благословилъ насъ.

— Идите спать, сказалъ онъ.—Завтра утромъ я ожидаю васъ, г. Эмильенъ въ трибуналѣ покаянія.

Благодаря лунѣ, освѣщавшей лѣстницу, мы добрались до нашихъ келій.

(Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ.)

(Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ.)

Узы любви.

(Къ статуѣ А. Мальфатти).

Среди статуй, бывшихъ на парижской всемірной выставкѣ, обратило на себя вниманіе не малое число произведеній. Болѣе всего похвалъ досталось на долю нашего русскаго художника г. Антокольскаго, представившаго «Смерть Сократа» и голову «Спасителя». Эти вполнѣ серьезныя произведенія рѣзко выдѣлялись въ массѣ болѣе легкихъ по содержанію статуй и статуэтокъ. Среди послѣднихъ не остались безъ вниманія такія вещи, какъ «Слава побѣжденнымъ», «Купальщица», «Ночь», «Дочь Фараона» и, между прочимъ, «Узы любви»,—статуя, копію съ которой мы помѣщаемъ въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала. Это граціозная женская фигура, которую амуръ опуталъ узами любви въ видѣ виноградныхъ лозъ. Выраженіе лица этой дѣвушки, лукаво заглядывающій на нее амуръ, красивыя линіи женскаго тѣла, все это очень удалось А. Мальфатти, одному изъ талантливыхъ итальянскихъ скульпторовъ.

Гугенотское движеніе во Франціи.

История феодальной реакціи во Франціи въ 16 и 17 вѣкахъ, И. В. Лучицкаго.

(Продолженіе.)

Становясь въ такія отношенія къ гугенотамъ, правительство тѣмъ самымъ содѣйствовало успѣху католической лиги. Поэтому здѣсь будетъ умѣстно разсмотрѣть, что представляла въ это время лига. Вотъ въ главныхъ чертахъ содержаніе документа, посланнаго партіей Гизовъ къ папѣ для испрошенія его содѣйствія планамъ лиги. Партія католическая, по преимуществу дворянская, намѣревалась измѣнить порядокъ престолонаслѣдія. «Царствующая линія, линія Капетинговъ, говорилось въ мемуарѣ,—лишь временно захватила въ свои руки наслѣдіе Карла Великаго. Она не получила того благословенія апостольскаго, которое дано было одному лишь потомству Каровинговъ. Узурпаторы, члены семьи Капета, навлекли на себя и на своихъ потомковъ вѣчное проклятіе и представители этой семьи оказались недостойными, неповинующимися сынами церкви, покровителями ереси, творцами гибельнаго заблужденія, которое называютъ свободою галиканской церкви. Въ настоящую минуту, проклятіе сказалось съ особенною силою: одни изъ членовъ семьи поражены умственно, другіе отвергнуты и Богомъ и людьми, какъ еретики, проклятые и отлученные церковью. Только одни потомки Карла Великаго сильны и духомъ и плотью, только они одни цвѣтутъ и любятъ добродѣтель, готовы вполнѣ къ совершенію великихъ и славныхъ дѣлъ. Корона должна быть возвращена имъ». Эти цвѣтущіе добродѣтелью потомки Карла были Гизы.

Такова была цѣль лиги. Въ «мемуарѣ» излагались и средства, которыми вожди лиги разсчитывали осуществить эту цѣль. Агенты Гиза должны озаботиться избраніемъ въ депутаты вѣрныхъ людей. «Затѣмъ герцогъ Гизъ употребитъ всѣ усилія, чтобы съ помощію королевы-матери привлечь герцога алансонскаго (брата короля), принца Конде и короля наварскаго на генеральные штаты, представители которыхъ будутъ въ большинствѣ преданы Гизу. Въ то же время, всѣмъ вооруженнымъ лицамъ, всѣмъ вождямъ лиги будутъ отданы приказанія собраться въ то мѣсто, куда соберутся штаты, для того, чтобы обезпечить осуществленіе ихъ рѣшеній. Были приняты мѣры, чтобы генеральные штаты, тотчасъ послѣ собранія, принесли клятву въ томъ, что они будутъ неизмѣнно сохранять и блюсти свои рѣшенія, которыя будутъ посланы его святѣйшеству для подтвержденія и послужатъ новымъ конкордатомъ между престоломъ и Франціей. Генеральные штаты возобновятъ клятву въ полномъ повиновеніи престолу, примутъ постановленія тридентскаго собора и отвергнутъ всѣ эдикты, изданные въ пользу еретиковъ; Гизъ будетъ назначенъ намѣстникомъ короля, герцогъ Алансонъ объявленъ измѣнникомъ, что очиститъ путь къ престолу для Гиза. Еретики будутъ преданы заслуженной ими казни. Король и королева, съ разрѣшенія папы, будутъ пострижены въ монахи—такова была программа дѣйствій вождей лиги. И хотя лига въ своемъ уставѣ организаціи прикрывается знаменемъ защиты религіи, но и современники, еще до опубликованія гугенотами мемуара, составили себѣ надлежащее представленіе о ея задачахъ. «Изъ частныхъ разговоровъ и сообщеній, писалъ въ началѣ 1577 г. одинъ изъ дворянъ, присоединившійся къ лигѣ и затѣмъ отказавшійся отъ нея,—я узналъ и понялъ, что защита религіи и короля не болѣе, какъ маска, подъ которою члены лиги скрываютъ свои стремленія къ чудовищному перевороту въ государствѣ».

Гизы, очевидно, не разсчитывали одними собственными средствами осуществить свой планъ перемѣны въ ихъ пользу порядка престолонаслѣдія, такъ какъ, кромѣ посла къ папѣ, отправленъ былъ посолъ и ко двору испанскаго короля и, кромѣ того, были начаты дѣятельные переговоры о взаимной помощи между Гизомъ и намѣстникомъ испанскаго короля въ Нидерландахъ. Первоначальный успѣхъ лиги объясняется тѣмъ фанатическимъ настроеніемъ всего католическаго населенія Франціи, которое овладѣло имъ послѣ большихъ уступокъ, сдѣланныхъ королевскою властью гугенотамъ при заключеніи послѣдняго мира (при Шатенуа). Но и тогда города уже старались либо путемъ образованія самостоятельныхъ лигъ, либо прямо уклоняясь, отстраниться отъ лиги, организація которой, направленная къ большому сплоченію силъ и вытекавшей отсюда централизаціи, шла въ разрѣзъ съ привилегіями городовъ, заставляя ихъ рисковать свободой, допуская къ себѣ дворянъ съ войскомъ, а также налагая на нихъ обязанность платить за выгоды, которыя должны были получить одни дворяне, да еще, пожалуй, духовенство.

То обстоятельство, что мемуаръ, содержавшій планы католической лиги, былъ опубликованъ гугенотами, и послужило причиною недовѣрія, съ какимъ отнеслось къ нему правительство. Дѣйствительно, большинство избранныхъ депутатовъ были лица, преданныя Гизу; предсѣдателями всѣхъ трехъ сословій избраны также приверженцы Гизовъ.

Гугеноты, встрѣчая сопротивленіе, сначала совсѣмъ уклонились отъ выборовъ, позже меньшая часть ихъ постаралась принять участіе, но они остались въ громадномъ меньшинствѣ. Спеціальныя посольства отъ имени вождей гугенотовъ протестовали противъ законности выборовъ. Предстоящее собраніе штатовъ должно было рѣшить два важныхъ вопроса: о реформахъ и о единствѣ религіи и закона въ государствѣ. Особенное значеніе, придаваемое Гизами утвердительному рѣшенію послѣдняго вопроса—дѣлало его важнымъ и въ глазахъ правительства, увидѣвшаго теперь опасность, какой грозила ему лига.

Первое же засѣданіе показало, на что можетъ разсчитывать королевская власть. Тотчасъ же послѣ открытія штатовъ къ королю явилась депутація отъ средняго сословія, изложившая ему слѣдующее: «Мы покорнѣйше просимъ, ваше величество, назначить извѣстное число лицъ, къ которымъ должны присоединиться депутаты отъ штатовъ по одному отъ каждой провинціи, мы желаемъ, чтобы коммисія, составленная такимъ образомъ, занялась обсужденіемъ рѣшеній и предложеній всѣхъ трехъ сословій, и чтобы все, что будетъ принято ею, считалось ненарушаемымъ, имѣло силу закона». Это значило, что штаты присвоивали себѣ власть законодательную, до сихъ поръ всецѣло принадле-

жавшую королю. Духовенство, а за нимъ дворянство сочувственно отнеслись къ мысли объ ограниченіи законодательной власти короля. До сихъ поръ, депутаты были простыми уполномоченными, сводившими въ одно списки требованій и жалобъ и представлявшіе ихъ королю, который передавалъ ихъ на обсужденіе своему совѣту, рѣшенія котораго, скрѣпленныя королевскою подписью, имѣли уже силу закона. Вышеприведеннымъ же требованіемъ этотъ порядокъ совершенно измѣнялся. Уполномоченные становились законодателями. Ограниченіе законодательной власти короля по проекту, выработанному дворянствомъ и духовенствомъ, должно было совершиться въ такой формѣ: государственный совѣтъ долженъ состоять изъ 24-хъ членовъ и 36-ти депутатовъ, по 12 отъ каждаго сословія. Эти 60 человѣкъ образуютъ законодательное собраніе. Единогласное принятіе какого либо рѣшенія депутатами, имѣетъ силу закона. Рѣшенію же совѣта подлежали только вопросы спорные, по отношенію къ которымъ, всѣ три сословія не были между собою согласны. Среднее сословіе соглашалось поддержать это требованіе на условіи дополненія его слѣдующей оговоркой: «въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ наиболѣе заинтересовано одно какое-либо сословіе, два остальные могутъ имѣть одинъ только голосъ». Другая поправка, внесенная третьимъ сословіемъ — чтобы депутаты комиссіи имѣли только совѣщательный, а не рѣшающій голосъ,—была отвергнута и третье сословіе уступило. Но разногласіе по первому пункту оставалось и потому рѣшено было сдѣлать заявленіе не письменно, а только словесно.

Въ отвѣтной рѣчи король обѣщалъ устройство смѣшанной комиссіи, но исполнилъ обѣщаніе по своему: онъ передалъ президентамъ сословій очень длинный списокъ членовъ совѣта, вовсе не отвѣчающій требованію ограничить число членовъ совѣта 24 членами. Штаты истолковали это, какъ желаніе замедлить на сколько возможно обсужденіе дѣлъ и выиграть время.

Между тѣмъ правительству, увидѣвшему опасность, которой грозила ему лига, приходилось позаботиться о принятіи какихъ-либо мѣръ къ устраненію опасности. Послѣ долгихъ обсужденій, правительство сочло за лучшее стать самому во главѣ лиги. Было приступлено къ образованію ассоціаціи; уставъ оставался прежній, только была прибавлена статья, касавшаяся королевской власти, и члены ассоціаціи клялись повиноваться «нынѣ царствующему королю, котораго Господь поставилъ намъ нашимъ владыкою, королемъ-сеньеромъ,—королю, законно призванному къ наслѣдованію трона своихъ предшественниковъ на основаніи закона, какъ и все его потомство изъ дома Валуа»—клялись жертвовать всѣмъ для сохраненія власти и исполненія его приказаній.

Такимъ своимъ поступкомъ — объявленіемъ себя главою лиги,—король изъ верховнаго государя превратился въ зависимое лицо, изъ общаго всѣмъ отца—дѣлался врагомъ половины своихъ подданныхъ. Но за то шансы Гизовъ на успѣхъ ихъ предпріятія уменьшились. Внѣшніе союзники, папа и испанскій король, уклонились отъ содѣйствія ихъ планамъ. Рѣшеніе же короля стать во главѣ лиги отдѣляло отъ ихъ интересовъ интересы духовенства и изъ фанатизма приставшей къ лигѣ буржуазіи. Такимъ образомъ, Гизы могли разсчитывать только на однихъ дворянъ, политическіе интересы которыхъ были связаны съ ихъ интересами. Теперь уже задача ихъ сводилась на достиженіи преобладающаго положенія въ государствѣ. Въ этомъ смыслѣ и былъ рѣшенъ вопросъ о единствѣ религіи. «Всѣ пасторы, по рѣшенію дворянъ, должны быть изгнаны изъ государства, и дворянинъ, укрывающій кого-либо изъ нихъ, долженъ быть наказанъ конфискаціей всего его имущества». Духовенство вслѣдъ за дворянствомъ заявило о необходимости возстановленія одной римско-католической церкви: «всякая иная религія должна быть запрещена, всѣ эдикты, изданные въ пользу еретиковъ, уничтожены, а протестантскіе пасторы изгнаны изъ государства».

Вопросъ же о признаніи для Франціи обязательности рѣшеній Тридентскаго собора породилъ среди духовенства расколъ, возбудивъ протестъ низшаго духовенства. Обсужденія единства религіи въ средѣ средняго сословія, положило начало обособленію его отъ остальныхъ двухъ. Едва поднялся вопросъ о признаніи необходимости одной религіи въ государствѣ, какъ одинъ изъ депутатовъ заявилъ, что это значитъ вызвать новую войну. Его избиратели поручили ему ходатайствовать о соблюденіи уже заключеннаго мира. Этотъ депутатъ былъ Боденъ, впослѣдствіи ставшій главою оппозиціи. Теперь же его протестъ остался безъ послѣдствій, большинство постановило рѣшеніе, согласное съ рѣшеніями духовенства и дворянъ.

Послы коалиціи, жившіе тогда въ Блуа и ранѣе уже протестовавшіе противъ компетентности штатовъ обсуждать вопросъ о религіи, узнавъ о рѣшеніи штатовъ, бѣжали изъ Блуа. Вслѣдъ за этимъ пришли извѣстія объ открытіи гугенотской коалиціей враждебныхъ дѣйствій. Для веденія войны нужны были деньги. Дворянство предложило употребить на это дѣло часть податей, шедшихъ до сихъ поръ на содержаніе чиновниковъ, съ своей же стороны предлагало выставить двадцати трехъ тысячную армію. Духовенство заявило, что «все имущество духовенства составляетъ собственность короля и вполнѣ зависитъ отъ его власти». Среднее же сословіе вошло съ требованіемъ назначить слѣдствіе о чрезмѣрныхъ и громадныхъ подаркахъ, раздаваемыхъ правительствомъ; оно объявило при этомъ, что пока штатамъ не будетъ въ точности извѣстна та сумма, которую можетъ получить казна при реформахъ въ финансовомъ управленіи, оно отсрочитъ обсужденіе дѣлъ.

Правительство не сочло удобнымъ представить для повѣрки всѣ счеты, а давало только извлеченія изъ нихъ,—это возбудило недовѣріе къ вѣрности счетовъ. Поэтому, обсужденіе требованія короля объ ассигнованіи ему необходимыхъ средствъ на войну и на государственные расходы, затянулось. Когда же среднему сословію передали проектъ дворянства, отдѣляющій на войну средства, шедшія на содержаніе чиновниковъ,

ВСЕМІРНАЯ ПАРИЖСКАЯ ВЫСТАВКА.

Узы любви, статуя Мальфатти.

проектъ былъ отвергнутъ. «Мы никогда не согласимся, говорили депутаты третьяго сословія, чтобы столь несправедливое предложеніе, нарушающее обѣщаніе короля и грозящее благосостоянію многихъ частныхъ лицъ, было принято».

Не выработавъ своего проекта, отвергнувъ предложенный, среднее сословіе объявило себя противъ войны. Тогда король, выведенный изъ терпѣнія, приказалъ депутатамъ средняго сословія обсудить немедленно его предложеніе, прося о томъ же духовенство. Въ отвѣтъ на это среднее сословіе окончательно устранилось отъ участія въ коммиссіи, обсуждавшей это королевское требованіе. Тогда король рѣшился прибѣгнуть къ ускоренію конца сессіи, надѣясь, что, быть можетъ, заставитъ штаты придти скорѣе къ благопріятному для правительства рѣшенію. 12-го января, онъ пригласилъ къ себѣ важнѣйшихъ изъ представителей всѣхъ трехъ сословій и заявилъ имъ, что на 17-е число онъ назначаетъ собраніе штатовъ подъ своимъ личнымъ предсѣдательствомъ. Этимъ торжественнымъ засѣданіемъ обыкновенно заканчивалась сессія штатовъ. Король потребовалъ поэтому отъ депутатовъ, чтобы они возможно скорѣе выработали cahiers *), составили рѣчи и порѣшили вопросъ о субсидіяхъ. Съ цѣлью облегчить ихъ работу въ этомъ отношеніи, онъ вручилъ имъ мемуаръ, заключавшій въ себѣ проекты финансовыхъ сдѣлокъ. Среднее сословіе и послѣ этого осталось при своемъ прежнемъ образѣ дѣйствій. Оно потребовало, чтобы единство религіи въ государствѣ было установлено, но подъ условіемъ мягкихъ мѣръ и безъ войны. Затѣмъ возобновлялся вопросъ о реформѣ юстиціи, объ изслѣдованіи финансовыхъ злоупотребленій и изгнаніи чужеземцевъ, занимающихъ мѣста въ государствѣ. Этимъ ясно указывалось, что общественное мнѣніе, отъ котораго штаты было уклонились при обсужденіи вопроса о религіи, снова принято ими за руководство. Собраніе штатовъ, подъ предсѣдательствомъ короля, не привело ни къ чему. Секретарь третьяго сословія, Варсарисъ, преданный Гизамъ, въ рѣчи, произнесенной имъ передъ королемъ, выпустилъ, правда, требованіе безъ войны, но и эта уловка ни къ чему не повела, такъ какъ вопросъ о субсидіяхъ остался нерѣшеннымъ, а безъ разрѣшенія штатовъ, при томъ настроеніи, на которое мы указали при общемъ обзорѣ положенія Франціи предъ созывомъ штатовъ въ Блуа, не было надежды собрать налоговъ. Общее собраніе штатовъ, 17-го января, закончилось рѣчью короля, въ которой онъ потребовалъ, чтобы депутаты ни подъ какимъ предлогомъ не смѣли оставлять Блуа до распущенія имъ штатовъ.

Дальнѣйшая дѣятельность штатовъ сосредоточилась на выработкѣ каждымъ сословіемъ возможно широкихъ ограниченій въ свою пользу королевской власти. Но деньги, а слѣдовательно и сила были въ рукахъ третьяго сословія, ихъ же проекты всѣ были направлены къ ограниченію власти дворянъ, уничтоженію феодальнаго строя, замѣняя его такимъ расширеніемъ правъ буржуазіи, которое по своемъ осуществленіи устанавливало строй, благопріятный промышленности, все болѣе развивающейся. Таковъ былъ проектъ судебной реформы, проектъ уменьшенія арміи, реформа финансовая.

Между тѣмъ, переговоры, начатые съ вождями гугенотской коалиціи, шли къ концу. Гугеноты не соглашались положить оружіе иначе, какъ на условіяхъ послѣдняго мирнаго договора. Это дало поводъ къ возобновленію королевскихъ требованій о субсидіяхъ. Духовенство, соглашаясь дать извѣстную сумму, хотѣло гарантировать употребленіе денегъ и потому обязалось содержать 5,000 человѣкъ. Дворянство, предлагая личную службу, оговорило необходимость уплаты ему жалованья. Среднее сословіе подало прошеніе, въ которомъ настоятельно требовало мира.

Упорная оппозиція средняго сословія склонила къ миру и менѣе воинственныхъ членовъ другихъ двухъ сословій. При такомъ настроеніи большинства было принято въ совѣтѣ рѣшеніе, благопріятное миру.

Еще разъ среднее сословіе разошлось, и уже окончательно, съ духовенствомъ и дворянствомъ по вопросу о средствахъ гарантировать приведеніе въ исполненіе проекта реформъ. Въ самыхъ реформахъ уже было полное разногласіе, но депутаты разошлись окончательно, когда было предложено избрать смѣшанную коммиссію, подобную той, о которой шла рѣчь при началѣ засѣданій штатовъ. Среднее сословіе опровергло этотъ проектъ, указывая на легкость, съ какою правительству будетъ возможно превратить эту коммиссію въ орудіе своихъ плановъ; такимъ образомъ штаты подписали бы сами свой смертный приговоръ. Было предложено взамѣнъ коммиссіи назначить слѣдующее собраніе штатовъ.

Духовенство отреклось отъ прежнихъ воинственныхъ стремленій, дворянство послѣдовало за нимъ, и потому на послѣднемъ собраніи королю осталось только сказать: «Я всегда и сильно желалъ установленія одной религіи, но штаты не дали мнѣ средствъ для этого».

Черезъ три дня, къ королю наварскому было отправлено посольство для начатія переговоровъ о мирѣ.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ.*)

*) Сводъ жалобъ.

Портретъ.

(Разсказъ **А. Бувье.**)

Въ разводномъ процесѣ, надѣлавшемъ много шуму въ началѣ прошлой недѣли, предсѣдатель, обращаясь къ просительницѣ, сказалъ:

— Какъ могли вы покинуть вашъ домашній очагъ послѣ двухлѣтней счастливой жизни, имѣя ребенка и мужа, который обожалъ васъ. Если жена могла забыть все это, то мать должна была помнить!

— Именно потому я и забыла, что перестала быть матерью, отвѣчала г-жа X.:—нашъ ребенокъ умеръ.

— Въ такомъ случаѣ, печаль должна была васъ навѣки сблизить, а не разъединить.

Эти слова заставили улыбнуться г-жу X. Однакожь, они до такой степени вѣрны, сударыня, что я беру смѣлость посвятить вамъ мой разсказъ.

Мари была блондинка, съ зеленоватыми глазами, бѣлыми зубами, пунцовыми губами, розовыми ушами и черными бровями.

Жакъ былъ темнорусый, съ черными глазами, блестящими зубами, пухлыми губами, острымъ носомъ, рыжими усами и вѣчно улыбающимся ртомъ.

Мари работала въ первомъ этажѣ у окна, Жакъ работалъ въ домѣ напротивъ, съ шести часовъ утра и не вставалъ до семи вечера. Въ первый разъ, какъ они увидали другъ друга, онъ улыбнулся, она покраснѣла, поникла головою и надула губы. Черезъ недѣлю они обмѣнивались улыбками; черезъ двѣ, они встрѣтились у дверей и... оба покраснѣли.

Спустя мѣсяцъ они разговаривали, а черезъ шесть недѣль вечеркомъ, онъ ждалъ ее къ себѣ... Наконецъ, спустя полгода, заручившись согласіемъ всѣхъ ихъ родныхъ, они порѣшили немедленно отправиться къ г. мэру.

Трудно вамъ передать сколько веселились на свадьбѣ. О, прелестный пиръ! какъ всѣ радовались! Какъ смѣялись, какъ танцовали! не говоря уже о томъ, какъ всякій разъ при выходѣ изъ гостинницы для прогулки съ новобрачными во главѣ, проходящіе обертывались говоря:

— О, прелестные молодые... парочка хоть куда!

Были скептики, поднимавшіе на смѣхъ букетъ померанцевыхъ цвѣтовъ. Но, извѣстно, свѣтъ слишкомъ золъ... Короткіе знакомые говорили: «Гдѣ же найти совершенство».

Надо было видѣть, какъ эта парочка принялась за работу послѣ свадьбы. Оба они, и Жакъ, и Мари, пламенно желали, чтобъ ихъ будущій ребенокъ, появившись на свѣтъ, нашелъ готовое приданое, и полную копилку.

Трудъ—дѣло не легкое, повѣрьте, господа, имѣющіе достатокъ; если вы трудитесь, то ровно столько, чтобы не утомлять себя. Жакъ и Мари по себѣ знали, легко-ли трудиться цѣлый день, не разгибая спины и, понятно, не желали, чтобъ ихъ ребенокъ былъ простымъ работникомъ; они жаждали обезпечить ему болѣе выгодную, болѣе удобную будущность. Поэтому для своего будущаго малютки они тратили здоровье и жертвовали жизнью. Благородные труженники!

Однажды, въ воскресенье, возвратясь изъ мастерской къ обѣду, Жакъ узналъ, что онъ отецъ!

Онъ едва не сошелъ съума; стоило на него посмотрѣть; онъ бѣгалъ взадъ и впередъ, пѣлъ... осыпалъ мать поцѣлуями, а ребенка чуть не задушилъ ласками. Онъ повелъ въ мэрію болѣе десяти свидѣтелей, чтобъ записать новорожденнаго.

Какъ только родильница встала, работа снова закипѣла, и какъ еще! теперь ихъ было трое!

Втеченіи года ребенокъ сдѣлался прелестенъ и милъ. Отецъ находилъ, что ребенокъ похожъ на мать; она, конечно, находила, что онъ двѣ капли воды отецъ. Онъ былъ иногда до того очарователенъ, что разъ, въ воскресенье, когда солнце свѣтило ярко, его снесли къ фотографу.

— Денегъ прошу не жалѣть, сказалъ Жакъ,— сдѣлайте какъ можно лучше и не торопитесь.

Портретъ вышелъ очень похожъ, его повѣсили въ рамкѣ, по одну сторону камина, въ симетрію съ акварельной миніатюрой бабушки.

Однажды вечеромъ, когда Жакъ возвратился съ работы, Мари сказала ему, что у ребенка болитъ горло. Жакъ побѣжалъ за докторомъ и принесъ лекарство; всю ночь попеременно отецъ или мать носили крошку на рукахъ. На слѣдующее утро ребенокъ умеръ на колѣняхъ у отца. Ахъ! еслибъ вы видѣли Мари у колыбели ея сына!

— Зачѣмъ, Создатель, Ты отнялъ его? Что онъ сдѣлалъ бѣдный херувимчикъ?.. Тебѣ, Господи, извѣстно, что мужъ и я, мы отдали бы охотно за него нашу жизнь... Чтоже я теперь буду дѣлать, Боже мой! безъ моего ребенка?

А когда гробовщикъ пришелъ за умершимъ, какая ужасная сцена произошла тогда!

Какъ только бѣднаго малютку снесли на кладбище, молодая чета сильно загрустила; Мари плакала, постоянно плакала; Жакъ, зная, что дома онъ не найдетъ болѣе радости, возвращался все позже и позже. Начались споры, ссоры... не было уже пухленькихъ, розовенькихъ щечекъ, на которыхъ встрѣчались бы ихъ губы, и потому они не мирились по цѣлымъ днямъ и недѣлямъ.

Разъ, утомленные жизнью, которая только сулила скуку въ настоящемъ, и нищету въ будущемъ, они совсѣмъ поссорились и рѣшились разстаться.

— Я мужчина, сказалъ онъ,—я могу зарабатывать хлѣбъ, я ухожу и беру только свое платье, а тебѣ оставляю все хозяйство.

— Мнѣ оно не нужно..,. хозяйство твое, не хочу ничего твоего.

— Ты говоришь глупости, я тебѣ оставляю все и кончено.

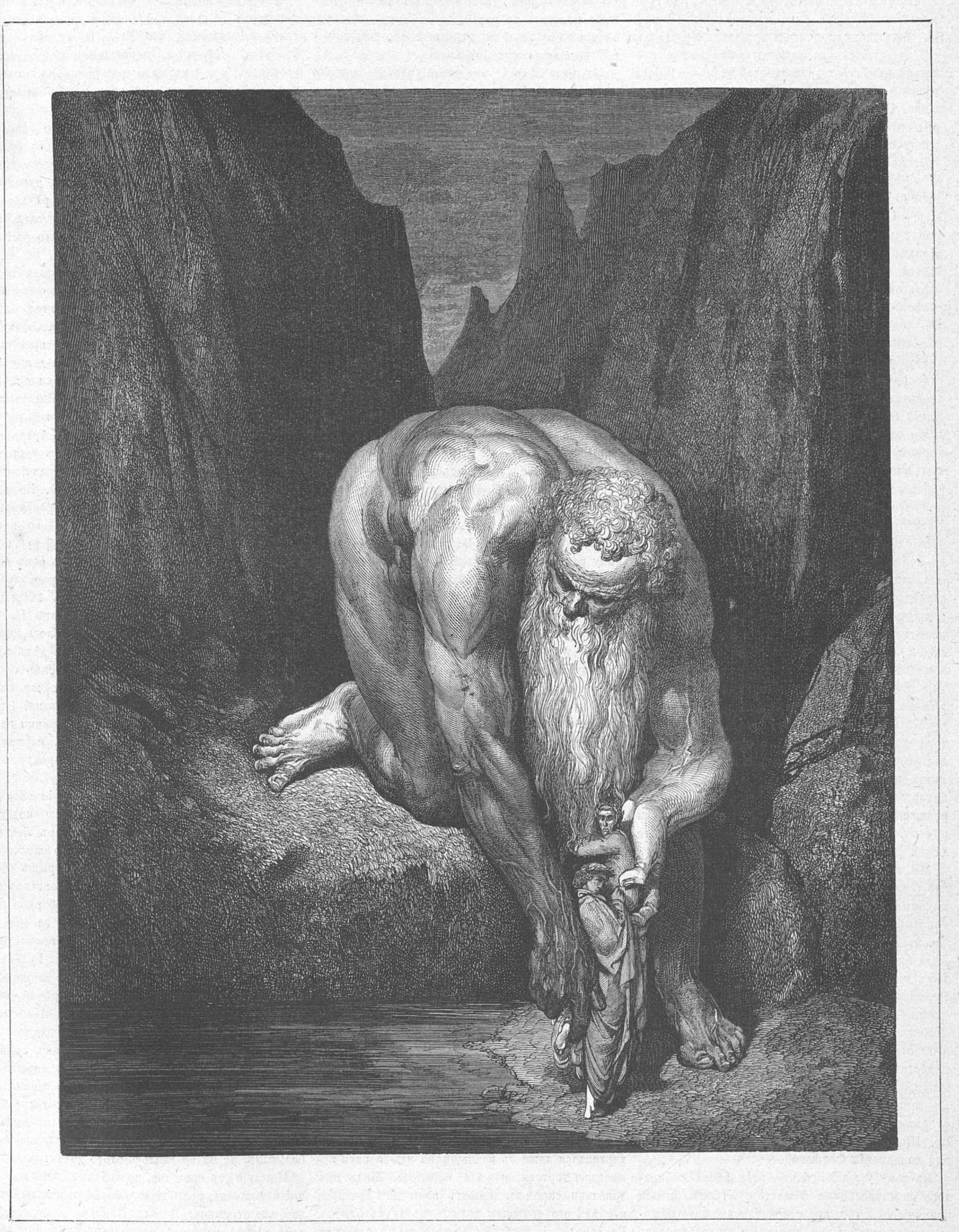
— Нѣтъ, я не хочу ничего, кромѣ одной вещи, которую я уже взяла... Я буду жить съ матерью.

— Что ты взяла?

— Портретъ крошки.

И она показала его.

Рисунокъ Г. ДОРЕ́.

Адъ Данте.

Рѣзалъ на деревѣ **Паннемакеръ** въ Парижѣ.

она хорошо играетъ на фортепьяно. Можетъ быть, у нея есть музыкальный талантъ, но едва-ли ей когда-нибудь въ голову приходила мысль, что этотъ талантъ можетъ давать средства къ существованію. Она знала, что онъ можетъ послужить женщинѣ ловкой, не глупой, красивой, свѣтски-воспитанной, какъ одно изъ средствъ блистать въ обществѣ, очаровывать мужчинъ. Но сдѣлать его средствомъ для зарабатыванія денегъ, сдѣлаться, напримѣръ, учительницей музыки—fi, donc! развѣ можетъ подумать объ этомъ свѣтская женщина? Никто и никогда не говорилъ ей о благородствѣ труда, никогда не слышала она объ общественномъ значеніи труда, о пользѣ, какую обязанъ приносить каждый по мѣрѣ своихъ силъ и способностей. Но что же ей оставалось дѣлать помимо труда? Въ ея распоряженіи находились красота, молодость, ловкость свѣтской женщины. Она хорошо знала, что въ нашемъ обществѣ, обладая этими качествами и умѣя ими распорядиться, можно достигнуть многого. Не могла не знать она, что во многихъ случаяхъ хлопоты по извѣстному дѣлу только потому сопровождались успѣхомъ, что за нихъ бралась молодая, красивая, свѣтски-воспитанная женщина. У нея были требуемыя качества и она принялась, по ея собственному выраженію, «проводить» дѣла, т. е. хлопотать о скорѣйшемъ производствѣ или рѣшеніи такихъ дѣлъ, которыя безъ хлопотъ еще долго ожидали бы своей очереди. Ея хлопоты по первому же такому дѣлу сопровождались успѣхомъ и она въ вознагражденіе получила довольно значительный пай въ золотыхъ пріискахъ. Понимая, что трудно ей слѣдить за предпріятіемъ изъ Петербурга, она съѣздила въ Сибирь и тамъ продала свой пай. Какъ видно, практической сметки въ ней было не мало. Возвратясь въ Петербургъ, она зажила широко—женщинѣ, занимающейся «проведеніемъ» дѣлъ, вѣдь надо же имѣть роскошную обстановку на показъ! Но извѣстно, роскошь втягиваетъ, подобно тинѣ, въ особенности людей, получившихъ недостаточное воспитаніе; даже достаточно твердый характеръ не гарантируетъ такихъ людей отъ легкомысленныхъ замашекъ. Г-жа Гулакъ-Артемовская, конечно, втянулась въ роскошь и вскорѣ занимаемая ею квартира показалась ей тѣсной, а меблировка ея недостаточно богатой. Людмила Михайловна переѣхала на новую, уже болѣе обширную квартиру, которую, очевидно, потребовалось и меблировать роскошнѣе. Для всего этого нужны были деньги и деньги, а добывать ихъ, какъ извѣстно, не легко.

Мы ни на минуту не станемъ сомнѣваться, что г-жа Гулакъ-Артемовская получала довольно крупныя деньги за «проведеніе дѣлъ», какъ она показывала въ судѣ. Какія это были дѣла, мы не знаемъ; обвиняемая не разъяснила этого пункта. Дѣла бываютъ разныя: чѣмъ сомнительнѣе дѣло, тѣмъ дороже за него платятъ «проводителямъ». Не прибѣгая къ оцѣнкѣ, проведеніемъ какихъ именно дѣлъ занималась г-жа Артемовская, мы можемъ заключить изъ показанія свидѣтелей, что этой отрасли доходовъ все-таки было слишкомъ недостаточно для удовлетворенія потребностей Людм. Мих., довольно широкихъ, если судить по занимаемой ею квартирѣ, по каретѣ и собственнымъ лошадямъ, которыхъ она держала и пр. Приходилось изыскивать и другія средства для пополненія бюджета.

Въ домѣ у г-жи Гулакъ-Артемовской собиралось многочисленное общество. Утромъ бывали преимущественно представители высшаго общественнаго круга; по вечерамъ же собирались представители самыхъ разнообразныхъ кружковъ до темныхъ людей включительно: «бывали у нея люди сомнительнаго свойства, напримѣръ, какой-то темный жидокъ», выразился одинъ изъ свидѣтелей. Утренніе посѣтители пріѣзжали чаще просто побесѣдовать съ любезной хозяйкой, рѣже поговорить о дѣлѣ, т. е. сообщить о томъ, что они сдѣлали для нея, по ея просьбѣ. Вечерніе же состояли частію изъ такихъ посѣтителей, которые нуждались въ г-жѣ Артемовской, какъ въ проводительницѣ дѣлъ; большинство же пріѣзжало поиграть въ карты, отъ чего не отказывалась и сама хозяйка, игравшая «по большой» и выигрывавшая крупные куши.

Людмила Михайловна имѣла подругу, занимавшую мѣсто гувернантки у экс-профессора и издателя книгъ, Петра Николаевича Полеваго. Бывая у своей подруги, она познакомилась и съ г. Полевымъ, котораго пригласила бывать у себя. Не въ руку пошло ей это знакомство: г. Полевой явился самымъ враждебнымъ для нея свидѣтелемъ во время процесса. Многорѣчивое показаніе г. Полеваго проникнуто желчью и сарказмомъ. Ни на минуту нельзя было сомнѣваться, что онъ врагъ Людм. Мих. Онъ настолько не затруднялся въ выраженіяхъ относительно нея, что предсѣдатель суда счелъ своею обязанностію напомнить ему о томъ, что онъ долженъ сдерживаться въ выраженіяхъ, такъ какъ онъ говоритъ все-таки о женщинѣ, хотя и обвиняемой въ извѣстномъ преступленіи. Г. Полевой упомянулъ и о томъ, что онъ игралъ съ г-жей Гулакъ-Артемовской въ дурачки и она выиграла у него 150 руб. Присяжный повѣренный Жуковскій, защитникъ подсудимой, выслушавъ это показаніе, спросилъ г. Полеваго: «При этомъ г-жа Гулакъ-Артемовская не поила васъ виномъ?» — «Нѣтъ», отвѣчалъ г. Полевой. «И зелья въ вино не клала?» спросилъ г. Жуковскій.—«Я не понимаю вашего вопроса», отвѣчалъ г. Полевой.

Но это мимоходомъ. Возвратимся къ прерванному разсказу. Г. Полевой былъ хорошо знакомъ съ богатымъ человѣкомъ Николаемъ Александровичемъ Пастуховымъ, ссужавшимъ его иногда деньгами для издательскаго дѣла. Г. Полевой, по его словамъ, «бралъ у Пастухова отъ 12 до 15,000 руб.; возвращалъ и опять бралъ безъ процентовъ, которыхъ онъ не принималъ, такъ что, по моему расчету, я остался долженъ покойному отъ 5 до 6,000 руб. Это долгъ, который не обязываетъ меня ни къ чему. Это долгъ моей совѣсти. Росписокъ нѣтъ. При первой возможности я раздѣлаюсь. Теперь наслѣдникамъ я еще не плачу и они мнѣ не напоминали». Эти слова ясно показываютъ, что г. Полевой былъ очень близокъ съ Н. А. Пастуховымъ. Въ домѣ у г. Полеваго и познакомилась г-жа Гулакъ-Артемовская съ Пастуховымъ.

Странный человѣкъ былъ Пастуховъ! По словамъ его пріятеля, г. Полевого, покойный «туго увлекался чѣмъ-нибудь, но, увлекшись, терялъ всякую узду, такъ что разувѣрить его было чрезвычайно трудно». Далѣе: «Онъ былъ страннаго рода идеалистъ, который былъ способенъ увлекаться женщинами такими, о которыхъ нельзя говорить въ порядочномъ обществѣ. Будучи студентомъ, онъ влюбился въ публичную женщину, выкупилъ ее изъ заведенія и не осмѣливался цѣловать у нея руки, чтобъ возвысить ее въ ея собственныхъ глазахъ... онъ чрезвычайно высоко ставилъ каждую женщину». Далѣе: «Гдѣ нужно было помочь человѣку, онъ не взвѣшивалъ тягости расхода... но тамъ, гдѣ дѣло касалось собственно его лично, онъ былъ расчетливъ и торговался даже съ извощиками изъ-за пяти копѣекъ и торговался ради процесса. Жилъ онъ довольно скромно, держалъ всего двѣ прислуги и обѣдъ его состоялъ только изъ двухъ блюдъ». Въ дополненіе къ этой характеристикѣ, слѣдуетъ еще привести слова г. Полевого, сказанныя г-жѣ Гулакъ-Артемовской о Пастуховѣ и повторенныя имъ въ своемъ свидѣтельскомъ показаніи. По словамъ г. Полевого, на вопросъ Людмилы Михайловны, можетъ-ли Пастуховъ вступить въ супружество, женился-ли бы онъ на ней? онъ сказалъ: «Я отвѣчалъ на все это полнымъ отрицаніемъ, и сказалъ ей прямо, что Николай Пастуховъ для нея слишкомъ глупъ, что ей нужно не такого мужа».

Изъ этихъ показаній г. Полевого, а также изъ показаній братьевъ покойнаго и другихъ свидѣтелей, оказывается, что Н. А. Пастуховъ былъ человѣкъ скромный, нерѣшительный, отчасти идеалистъ, что не мѣшало ему, однакожь, играть на биржѣ; игра была неудачна и онъ прекратилъ ее; но еслибы онъ встрѣтилъ удачу, онъ, конечно, продолжалъ бы играть и, кто знаетъ, значительно увеличивъ свое и безъ того большое состояніе, онъ, можетъ быть, превратился бы въ черстваго эгоиста: превращеніе идеалистовъ въ черствыхъ людей, у насъ не рѣдкость. Но этого не случилось и Пастуховъ остался овцой, стричь которую могъ всякій, кто умѣлъ браться за дѣло.

Съ такимъ-то человѣкомъ познакомилась Людмила Михайловна. Какіе именно виды она имѣла на него, добиваясь знакомства съ нимъ, для насъ не важно, для насъ интересенъ тотъ фактъ, что Пастуховъ своимъ значительнымъ проигрышемъ Людм. Михайл. далъ ей средства для удовлетворенія ея стремленій къ роскоши, которыя должны были постоянно возрастать. Пастуховъ проигралъ ей 160,000 руб. Свидѣтели говорятъ, что игра шла въ дурачки; г-жа Гулакъ-Артемовскаа энергично протестуетъ противъ «дурачковъ»; она говоритъ, что играли въ вистъ и проигрышъ былъ сравнительно ничтожный. Но играли ли въ вистъ, или въ дурачки,—проигрышъ въ дурачки несравненно пикантнѣе,—во всякомъ случаѣ фактъ проигрыша 160,000 руб. несомнѣненъ: кто же станетъ обманывать самъ себя, выводя въ своей собственной расходной книжкѣ несуществовавшій расходъ въ 160,000 руб., а этотъ расходъ показанъ въ книгѣ Н. А. Пастухова. Къ тому же не обнаружилось, что Людм. Мих. имѣетъ долги; «проведеніе» дѣлъ тоже, какъ видно, приносило ей не особенно блестящіе доходы (по ея мѣрѣ); откуда же она брала средства для своей роскошной жизни? Эти 160,000 руб., выигранные ею—въ дурачки или въ вистъ, это все равно—у Пастухова служатъ отвѣтомъ на нескромный вопросъ прокурора: гдѣ брала она средства для жизни.

Пастуховъ, какъ видно изъ показаній свидѣтелей, отчасти не отрицаемыхъ и самою подсудимой, одно время былъ сильно увлеченъ Людм. Мих. Очевидно, онъ былъ увлеченъ до самозабвенія, иначе какъ же объяснить проигрышъ цѣлаго состоянія? Въ нормальномъ состояніи никакой человѣкъ не проиграетъ 160,000 руб. Но этотъ проигрышъ отрезвилъ Пастухова. Онъ сталъ удаляться дома Людм. Михайл., всасывавшаго въ себя такіе крупные куши. Г-жѣ Гулакъ-Артемовской, конечно, непріятно было лишиться такого хорошаго партнера въ игрѣ и она всѣми силами старалась удержать его. Но онъ выскользнулъ безвозвратно. Романъ—если только можно назвать это романомъ—такъ губительно подѣйствовалъ на него, что пострадали его умственныя способности. Болѣзнь приняла опасные размѣры, потребовавшіе вмѣшательства врача душевныхъ болѣзней. Г-жа Гулакъ-Артемовская нѣсколько разъ пыталась видѣться съ больнымъ, но ей не удалось этого достигнуть.

Между тѣмъ средства, позволявшіе вести роскошную жизнь, все болѣе и болѣе изсякали. Надо было отыскивать новыя. Правда, въ перспективѣ виднѣлось полученіе по векселямъ Логинова... но оказалось, что изъ этого дѣла долженъ выйти мыльный пузырь.

Остановимся на минуту на дѣлѣ Логинова, оно чрезвычайно характеристично. Г. Логиновъ, сынъ состоятельнаго человѣка, прожигалъ жизнь,

надѣлалъ долговъ на 900,000 руб., объявленъ несостоятельнымъ и когда пришлось продавать его имущество для удовлетворенія кредиторовъ, то это имущество было оцѣнено въ 1 р. 50 коп. и продано за 6 р. 50 к. Невѣроятно! Какимъ же образомъ человѣкъ, ничего неимѣющій, могъ сдѣлать милліонный долгъ? А вотъ какимъ. У Логинова, какъ мы сказали, былъ состоятельный отецъ. Кредиторы, лучше сказать, скупщики векселей, давали кое-что за векселя г. Логинова, въ надеждѣ, что отецъ не допуститъ своего сына до позора и войдетъ въ сдѣлку съ кредиторами. Большая часть векселей была дутая, по которымъ самъ Логиновъ не получилъ ничего, по остальнымъ же получилъ тоже почти ничего. На вопросъ прокурора, что его побуждало выдавать векселя на такія громадныя суммы, Логиновъ отвѣчалъ: «Видите-ли, у г-жи Сержинской была кутежная компанія: поѣздки, игра въ карты и т. д. Тутъ всегда просятъ: напишите вексель... По нимъ я никогда не получалъ. Случалось получать десятки или много сотню рублей.—В. Напримѣръ, если вы написали вексель въ 1,000 руб., то выдавали 100 р.—О. Иногда, можетъ быть, а можетъ быть меньше, а можетъ быть и ничего».

Вотъ на этого-то Логинова г-жа Гулакъ-Артемовская предъявила въ конкурсъ по его дѣламъ векселей на 160,000 руб. Въ тоже время, туда же явились съ претензіями: пріятельница подсудимой, г-жа Зыбина въ 200,000 руб. и ея компаньонка, г-жа Митропольская, слишкомъ въ 100,000 руб. Логиновъ объявилъ, что ни одной изъ этихъ дамъ онъ не знаетъ, ни одной копѣйки денегъ отъ нихъ не получалъ, а подписывалъ векселя по предложенію предсѣдателя его конкурса, г. Гутцайта.

Вышепоименованныя дамы, спрошенныя по поводу этихъ векселей показали:—г-жа Гулакъ-Артемовская: «Я г. Логинова никогда не видала... Векселя его я имѣла, но все это произошло по почину Гутцайта... Мнѣ говорили, что это выгодное дѣло, Говорили, что у Логинова отецъ богатый, а самъ онъ единственный наслѣдникъ, что если я дамъ по 10 или 15 коп. за рубль, то могу получить отъ отца вдвое. Когда я узнала, что онъ обвиняется въ подлогѣ, мнѣ князь Кейкуатовъ посовѣтовалъ взять векселя обратно, причомъ сказалъ, что это грязное дѣло, что нужно держаться подальше». Г-жа Зыбина: «Не знаю, были-ли векселя на мое имя или на чье-нибудь другое; меня только просили (просилъ Хаймовичъ) позволить взять векселя на мое имя... Я слышала, что Логинова векселя всѣ скупали за ничтожную сумму, но такъ какъ своего капитала я не тратила, то этимъ дѣломъ и не интересовалась»... На вопросъ же, какъ она рѣшилась отдать свое имя въ распоряженіе, она поясняла: «Я знаю, что подобныя вещи бываютъ часто; напримѣръ, я слышала, что иногда лицо, имѣющее золотой пріискъ, даетъ довѣренность на заявленіе участка другому лицу. Точно также можно дѣлать и съ векселями». Г-жа Митропольская показала, что Хаймовичъ просилъ ее дозволить купить на ея имя векселя Логинова и говорилъ, что это дѣло будетъ выгодно, такъ какъ за Логинова заплатитъ его отецъ. Впослѣдствіи же Хаймовичъ сказалъ, что лучше оставить это дѣло, потому что по этимъ векселямъ никогда не придется получить. *Предс.* Вы не опасались отдать свое имя въ распоряженіе Хаймовича? *Митр.* Я не понимала, что значитъ отдать свое имя другому... Я слышала, что это возможно, что такимъ образомъ скупаютъ векселя.—В. А хорошо это —скупать векселя? Какъ вы смотрите на эту операцію?—О. Да, вѣдь, я не скупала векселей».

Какіе дѣтскіе отвѣты! Какое непониманіе самыхъ обычныхъ нравственныхъ основъ, не говоря уже о полнѣйшемъ невѣденіи существующихъ законовъ, хотя нашъ законъ и гласитъ, что «невѣденіемъ законовъ никто отговариваться не можетъ». Да и откуда же нашей свѣтски-воспитанной женщинѣ набраться такихъ свѣденій. Воспитана и обучена она въ большинствѣ случаевъ плохо. Можно-ли, въ самомъ дѣлѣ, обвинять дамъ, показанія которыхъ приведены нами выше, за то, что онѣ отдали свое имя для фабрикованія дутыхъ векселей? Онѣ подписывали текстъ векселей, не читая. Вмѣсто обычнаго текста векселя могло быть написано признаніе въ совершеніи какого-нибудь тяжкаго преступленія и онѣ также легкомысленно, съ дѣтски-наивной улыбкой на губахъ, подписали бы его. Грустно читать признанія въ такой непроходимой наивности. А есть еще не мало у насъ мужчинъ, утверждающихъ, что женщинѣ лишнее учиться. «Выучьте ее читать, писать, да сдѣлайте изъ нея хорошую хозяйку, —и будетъ съ нея, а ваши науки къ добру не приведутъ», твердятъ они. Искреннѣйшіе изъ нихъ, выражающіе свое мнѣніе безъ тенденціозности, имѣютъ въ виду, главнымъ образомъ, наше свѣтское воспитаніе, развивающее въ женщинѣ легкомысленное отношеніе къ жизни и чрезмѣрно усиливающееся кокетство, нисколько не уничтожая стремленій къ суевѣрію и предразсудкамъ. И вступаетъ женщина въ жизнь, имѣя самыя превратныя понятія о ней, не вооруженная знаніемъ противъ невѣжества и предразсудковъ. А ей предстоитъ быть матерью, предстоитъ великая плодотворная задача: воспитать своихъ дѣтей, пока тѣ не поступятъ въ общественную школу. А еще въ послѣднее время часто приходится слышать такія сѣтованія мужчинъ образованныхъ классовъ: «баба все забрала въ руки, ворочаетъ мужчиной, какъ хочетъ!» Выводъ изъ этого предоставляется дѣлать каждому по своему усмотрѣнію.

Потерпѣвъ фіаско на векселяхъ Логинова и разойдясь съ Н. Пастуховымъ, г-жа Гулакъ-Артемовская, очевидно, должна была почувствовать нѣкоторое стѣсненіе въ матеріальныхъ средствахъ, по крайней мѣрѣ, она должна была сознавать, что оно наступитъ въ ближайшемъ будущемъ.

Въ это время умираетъ Н. А. Пастуховъ. Распространяется слухъ, иниціатива котораго исходитъ отъ самой г-жи Гулакъ-Артемовской, что покойный остался долженъ Людм. Мих. значительную сумму. И дѣйствительно, вскорѣ г-жа Гулакъ-Артемовская предъявляетъ братьямъ покойнаго векселей на 58,000 руб., выданныхъ ей отъ его имени. Пересмотрѣвъ книги, веденныя очень акуратно Н. Алек., и свѣривъ подпись на векселяхъ съ несомнѣннымъ почеркомъ покойнаго, его наслѣдники удостовѣрились, что подпись на векселяхъ подложная, о чемъ и сообщили прокурору окружного суда. Возникло дѣло и на судебномъ разбирательствѣ г-жа Гулакъ-Артемовская признана виновною и приговорена въ ссылку на житье въ иркутскую губ. **Н. И.**

(Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ.)

Новости наукъ и жизни.

— Розина Гейкель. Финляндскія женщины продолжаютъ чествовать свою первую женщину-врача, дѣвицу Розину Гейкель. Ей недавно была устроена торжественная встрѣча въ городѣ Вазѣ, куда г-жа Гейкель переселилась для медицинской практики. Городскія дамы пропѣли въ честь пріѣзжей кантату, написанную одною изъ мѣстныхъ поэтесъ, Торою Вальстремъ, и въ тотъ же день дали новой вазаской жительницѣ обѣдъ въ городской гостинницѣ.

— Живопись по фарфору. Съ увеличеніемъ у насъ числа хорошо устроенныхъ фарфоровыхъ заводовъ расширилось и участіе женщинъ въ этомъ производствѣ, въ качествѣ рисовальщицъ по фарфору. По отзыву торговцевъ и фабрикантовъ фарфоровыхъ издѣлій, живописная работа женщинъ по своимъ достоинствамъ значительно превосходитъ мужскую работу этого рода, въ виду чего ими поручается женщинамъ украшеніе живописью по преимуществу высшихъ сортовъ фарфоровыхъ издѣлій. Къ сожалѣнію, говоритъ «Русскій Міръ», пока число женщинъ, занимающихся живописью по фарфору, все еще крайне ограничено, не смотря на доставляемые ею хорошіе заработки.

— Къ характеристикѣ нашего развитія. Въ 2-хъ верстахъ отъ Кіева есть посадъ Куреневка. По словамъ корреспондента «Бирж. Вѣд.», въ настоящее время около одного домика въ этомъ посадѣ ежедневно съѣздъ самыхъ разнообразныхъ экипажей; у крыльца толпится народъ. Что же это за съѣздъ? Въ этомъ домикѣ живетъ кіевскій пророкъ, къ которому кіевляне рвутся наперерывъ. Уже нѣсколько лѣтъ назадъ стало извѣстно, что въ Куреневкѣ есть мальчикъ, предвѣщающій будущее. Разсказывали, что этотъ мальчикъ-полуидіотъ, сидитъ въ полубезсознательномъ состояніи, мотаетъ головой изъ стороны въ сторону и приходящимъ къ нему разсказываетъ ихъ судьбу; увидавъ кого-нибудь въ первый разъ въ жизни, онъ называетъ его по имени и пр. Шли къ этому мальчику мѣстныя бабы, давали ему за предвѣщаніе по нѣсколько копѣекъ, и мальчикъ или, вѣрнѣе, его родители были этимъ довольны. Мальчикъ, какъ говорили, предвѣщалъ только въ ясные дни, въ пасмурные же отказывался. Родители, получая деньги за гаданіе, исправно пропивали ихъ. Затѣмъ мальчикъ куда-то исчезъ. Шелъ слухъ, что его куда-то взяли и отвезли очень далеко. Куда его брали и зачѣмъ — неизвѣстно. Только онъ опять вернулся. Одно время онъ жилъ нѣсколько ближе къ городу, по дорогѣ въ Кирилловскій монастырь, но потомъ опять поселился въ Куреневкѣ. Скоро слава его разошлась по городу, и теперь отъ посѣтителей и въ особенности отъ посѣтительницъ, въ шелку и бархатѣ, нѣтъ отбоя. Мальчикъ уже превратился въ молодого человѣка, но его малый ростъ и физическая неразвитость, все еще заставляютъ называть его мальчикомъ. Онъ предвѣщаетъ по прежнему только въ ясные дни. Теперь уже крестьянамъ и крестьянкамъ съ ихъ грошами не пробиться къ нему: господа и барыни везутъ ему подарки и за визитъ платятъ не меньше, чѣмъ любому доктору.

— Двадцатипятилѣтіе. 18-го ноября исполнится 25 лѣтъ со дня синопскаго боя. Нѣкоторыя лица изъ участвовавшихъ въ немъ, желая почтить этотъ достопамятный для нихъ день, располагаютъ собраться и отобѣдать вмѣстѣ въ ресторанѣ Бореля. Они приглашаютъ и всѣхъ другихъ участниковъ сраженія присоединиться къ нимъ и почтить день 18-го ноября своимъ присутствіемъ на предполагаемомъ обѣдѣ. Желающихъ воспользоваться настоящимъ приглашеніемъ, просятъ сообщить о томъ заблаговременно на Сергіевскую улицу, домъ № 8-й, въ квартиру генералъ-лейтенанта Жандра, или же близь николаевской желѣзной дороги, домъ Фредерикса, въ квартиру контръ-адмирала Кузьмина-Короваева.

— Торгово-ремесленная школа. Въ средѣ нашихъ старообрядцевъ вновь возбужденъ поднимавшійся уже между ними не разъ вопросъ о ходатайствѣ передъ правительствомъ относительно разрѣшенія устройства школы для дѣтей старообрядцевъ. Все отличіе настоящаго ходатайства отъ прежнихъ, не увѣнчивавшихся успѣхомъ, заключается въ томъ, что теперь ими предполагается учрежденіе не обще-образовательной школы, а торгово-ремесленной, съ двумя отдѣленіями: коммерческимъ и техническимъ, и притомъ относительно преподаванія закона Божія предпринимаемое ходатайство ограничивается лишь исключеніемъ этого предмета изъ программы школы, между тѣмъ какъ въ прежнихъ ходатайствахъ испрашивалось дозволеніе на преподаваніе въ школѣ догмъ старообрядческаго исповѣданія.

— Н. В. Ханыковъ. Въ «Голосѣ» пишутъ: 3-го

ноября, скончался въ Рамбулье, близь Парижа, извѣстный оріенталистъ Николай Владиміровичъ Ханыковъ, 58-ми лѣтъ. Окончивъ курсъ въ царскосельскомъ лицеѣ, онъ служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, потомъ долгое время жилъ въ Персіи и путешествовалъ по Средней Азіи. Плодомъ изученія его этихъ странъ было замѣчательное сочиненіе «Описаніе Бухарскаго ханства», съ картою и планами, изданное азіятскимъ департаментомъ въ 1843 году. На англійскій языкъ оно переведено барономъ Клемомъ, въ 1865 году, подъ названіемъ «Bokhara, its Amer and its people». Сверхъ того, онъ издалъ «Списокъ мѣстъ въ сѣверозападной части Средней Азіи, положеніе которыхъ опредѣлено астрономически». Второе изданіе этой книги вышло въ 1855 году. Онъ писалъ много въ русскихъ и иностранныхъ журналахъ: такъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1863 года, помѣщено имъ подробное описаніе «Библіотеки британскаго музея»; въ «Journal Asiatique» 1866 года обстоятельный разборъ книги Мельгунова «О южномъ берегѣ Каспійскаго моря». Послѣдній трудъ Н. В. Ханыкова — переводъ извѣстнаго сочиненія К. Риттера «Иранъ», съ значительными дополненіями переводчика, изданъ въ 1874 году русскимъ географическимъ обществомъ. Наша публичная библіотека обогатилась значительною библіотекою восточныхъ рукописей, собранныхъ Н. В. Ханыковымъ и принесенныхъ ей въ даръ. Подробный отчетъ объ этомъ важномъ пріобрѣтеніи составилъ академикъ Дорнъ въ «Mélanges asiatiques». 1864 года. Послѣднее время Ханыковъ жилъ въ Парижѣ, находя тамъ болѣе удобствъ для своихъ ученыхъ работъ, и умеръ, окруженный попеченіями семейства покойнаго Николая Ивановича Тургенева.

Телеграммы.

Лондонъ, 1-го ноября. Газетѣ «Daily Telegraph» сообщаютъ изъ Перы, что Порта согласилась, въ принципѣ, на исправленіе греческой границы и предложила греческому посланнику назначить для этого делегатовъ.

Берлинъ, 2-го ноября. Достовѣрно, что всѣ дипломатическіе планы лондонскаго кабинета разбились. Англія изолирована, и это стало явственнымъ. Между европейскими державами въ настоящее время уже ведутся переговоры о матеріальныхъ гарантіяхъ исполненія берлинскаго трактата со стороны Порты. Быть можетъ, смѣшанные военные отряды державъ, подписавшихъ берлинскій трактатъ, должны будутъ способствовать умиротворенію греческихъ и другихъ провинцій, оставленныхъ Портѣ, причемъ они помѣшаютъ опустошенію ихъ со стороны турокъ, а также парализуютъ исключительное преобладаніе Англіи или Россіи въ Константинополѣ. Такое дополненіе къ берлинскому трактату предложено и обсуждается въ дипломатическихъ переговорахъ.

Неаполь, 5-го ноября. Сегодня, послѣ полудня, прибыла сюда королевская чета, встрѣченная здѣсь восторженно. При проѣздѣ по улицѣ Карбонара, на короля бросился какой-то человѣкъ съ кинжаломъ и нанесъ королю накожную рану въ лѣвую руку, а министру-президенту Кайроли—легкую рану въ верхнюю часть лѣваго бедра. Король ударилъ преступника саблею по головѣ, а Кайроли схватилъ его за волосы. Одинъ кирасирскій капитанъ нанесъ рану также и преступнику, котораго и передалъ стражѣ. Королева и принцъ неаполитанскій, сидѣвшіе въ одномъ экипажѣ съ королемъ, обнаружили большое спокойствіе и самообладаніе. Населеніе проводило короля до дворца, среди непрерывныхъ, восторженныхъ возгласовъ. Имя виновника покушенія—Джіованни Пассаменте; онъ заявилъ, что не принадлежитъ ни къ какому обществу, но не желаетъ, чтобъ существовали короли.

Римъ, 6-го ноября. У виновника покушенія на жизнь короля Гумберта найдено нѣсколько писемъ отъ членовъ интернаціонала. Нѣсколько лицъ, принадлежащихъ къ интернаціоналу, арестовано и сдѣлано распоряженіе о производствѣ дальнѣйшихъ арестовъ.

Флоренція, 7-го ноября. Во время патріотической демонстраціи въ честь короля, происходившей вчера вечеромъ на площади Синьоріо, среди толпы народа послѣдовалъ взрывъ орсиніевской бомбы, причемъ два человѣка были убиты и нѣсколько человѣкъ ранены. Несмотря на общее раздраженіе, демонстрація спокойно продолжалась.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ Д. А. Карчъ-Карчевскій.

Объявленія.

ОТЪ РЕДАКЦІИ: Контора Редакціи журнала «Живописное Обозрѣніе», имѣетъ честь просить гг. подписчиковъ, не выславшихъ еще дополнительныхъ денегъ за высылаемый имъ журналъ, дослать означенныя деньги въ теченіи ноября мѣсяца текущаго 1878 года.

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ" на 1879 годъ.

Журналъ «**ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ**» будетъ издаваться въ будущемъ, 1879 году, по той же програмѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ настоящемъ, 1878 году.

Гг. годовые подписчики получаютъ при подпискѣ премію, уже полученную Редакціею и состоящую изъ **олеографической картины.**

Втеченіе года будетъ выдана вторая художественная премія, тоже **олеографія**, а также **иллюстрированная литературная премія.** Кромѣ того Редакція въ свое время предложитъ гг. подписчикамъ еще одну премію по своему выбору, какъ она это сдѣлала и въ нынѣшнемъ, 1878 году, съ преміей «**Свѣточи Христіанства**».

Въ первыхъ нумерахъ будущаго, 1879 года, между прочими, появятся слѣдующія произведенія: «*Мужъ и жена*», романъ **А. Михайлова;** поэма **Омулевскаго;** «*Лѣсное Хозяйство*», статья **Н. В. Шелгунова;** «*Козелъ отпущенія*», повѣсть **Н. И. Северина** и повѣсть **К. М. Станюковича.** Изъ гравюръ, между прочимъ, будутъ помѣщены копіи съ картинъ: **Брюлова, Гуна, Мещерскаго и Шварца.**

Редакція намѣрена въ будущемъ году дать рядъ копій съ картинъ **русскихъ** художниковъ, а также біографіи и портреты замѣчательныхъ **русскихъ** дѣятелей изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ нашей общественной дѣятельности. Эти біографіи будутъ составляться подъ редакціей **А. К. Шеллера (А. Михайлова)** и **Н. И. Шульгина.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ":

	На годъ.	На полгода.	На три мѣсяца.
Безъ пересылки	**6 р.**	**3 р. 50к.**	**1 р. 80 к.**
Съ пересылкою и доставкою	**7 р.**	**4 р.**	**2 р.**

Подписка принимается: Въ Главной Конторѣ Журнала «**Живописное Обозрѣніе**» въ С.-Петербургѣ, Новый проспектъ, домъ № 20.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 Ноября 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

№ 47. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. – 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 19 Ноября 1878 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

ИЛЛЮСТРАЦІИ КЪ СОЧИНЕНІЯМЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

„НОЧНОЕ“ А. МИХАЙЛОВА.

Рисунокъ М. Далькевича.

Рѣзали на деревѣ по заказу редакціи Б. Пуцъ и Висневскій.

„Андронъ Голованъ."

Разсказъ изъ жизни въ лѣсахъ далекаго Востока.

Н. Н. Каразина.

(*Продолженіе.*)

XVII.

Выпалъ первый снѣгъ, ровною бѣлою скатертью легъ онъ на поля. Пріѣхалъ въ село Чумленое мѣщанинъ нерчинскій, соболятникъ, и подкатилъ на соврасомъ въ легкихъ санкахъ прямо къ воротамъ Пашкинскаго кабака.

Чужому, наѣзжему человѣку всегда рады. Часу не прошло, другъ за другомъ пособрались всѣ чумленцы, каждый будто такъ, за своимъ дѣломъ, не для чего-нибудь другого зашелъ—набилось полно народу питейное заведеніе. Мѣщанинъ новости разсказываетъ, какъ на тракту купца варнаки зарѣзали, прошлую недѣлю, а у купца того, говорятъ, кромѣ товару, деньгами десять тысячъ было, какъ поймали одного нѣмца въ Нерчинскѣ съ казеннымъ золотымъ пескомъ, какъ баба въ Ягодневѣ ребенка родила съ телячьей головою, какой такой новый становой наѣхалъ къ нимъ смѣнять стараго, потому на стараго доносовъ много уже очень было въ губернію... много занятнаго разсказываетъ словоохотливый мѣщанинъ, наливаясь горячимъ чаемъ за самоваромъ—какъ не послушать такихъ розсказней!..

Всѣ, кто только жилъ въ Чумленомъ, да не находился въ отлучкѣ, всѣ сошлись. Пашка цѣловальникъ усердствуетъ, въ аршинъ балычину выложилъ на прилавокъ,—пирогъ постановить приказалъ бабамъ, самъ стоитъ за стойкою у окна, ему и здѣсь-то всѣхъ видно и на улицѣ кто пройдетъ, тоже не минуетъ его шустраго, пронырливаго глаза.

— И пріѣзжали еще наши съ Ирбита, говорилъ мѣщанинъ, жалуютсѣ всѣ, страсть!.. Вѣрителн, братцы, какъ нонечѣ на мѣховой товаръ цѣны падаютъ, упаси Господи! просто такихъ низкихъ цѣнъ и не слыхивали, долженъ былъ, падысь, что тогда у васъ собралъ, въ убытокъ себѣ спустить, потому, говорятъ, что дальше, то дешевле будетъ...

— Что же такъ? усумнился Ермилъ Сытый, въ бороду себѣ посмѣиваясь, какая тому причина будетъ?

— А такая причина, понизилъ голосъ пріѣзжій, и даже не безъ таинственности кругомъ оглядѣлся,—такая причина, что изъ вѣрныхъ устъ извѣстіе есть... Война будетъ, во-что!..

— Это какая же война-то, съ кѣмъ?

— Да уже тамъ какая война и съ кѣмъ—это дѣло не наше, а времена, охъ-охъ, какія тяжелыя подходятъ!..

Вздохнулъ глубоко мѣщанинъ и сталъ себѣ цѣдить изъ чайника новую чашечку.

— Это ты, братъ, намъ кажинный разъ про цѣны толкуешь, якобы на упадъ идутъ эти цѣны самыя, и тоже который разъ войною пугаешь... заговорилъ степенно Ермилъ Сытый.—А мы тебѣ одно слово держимъ, что война не война—намъ все единственно, и какіе у тебя тамъ барыши будутъ, какіе убытки, это тоже твое, не наше дѣло, копѣйкою меньше со старой цѣны мы не спустимъ—вотъ-те и сказъ!

— Да кто м ы, за кого говоришь ты—м ы. Вишь ты заладилъ, м ы, да я съ твоею милостью и дѣловъ водить не стану, я вотъ съ прочими честными промышленниками, а не съ тобою—знай свою моленную «подпольную» да береги, чтобы туда кто не заглянулъ, кто тебя за пастыря не почитаетъ, озлился пріѣзжій.

— Ты мнѣ о моленной не говори, потому самъ не знаешь, есть-ли такая, али зря люди болтаютъ, а что не со мною дѣло ведешь, такъ тебѣ же хуже, потому все дѣло у меня во гдѣ! Видишь!..

И Ермилъ сжалъ свой здоровый кулачище и протянулъ его по направленію къ мѣщанину соболятнику.—Безъ моего слова съ тобою здѣсь и разговаривать-то никто не станетъ...

— Знаю я, милый человѣкъ, знаю, что ты здѣсь голова, чего во гнѣвъ приходить изволишь... экіе сердитые стали они у тебя нонечѣ, подмигнулъ онъ другу своему Пашкѣ цаловальнику,—али къ первопутку это!

— Къ первопутку, должно быть, усмѣхнулся цѣловальникъ, пристально въ окно вглядываясь. Кого же это Богъ несетъ, незнакомый совсѣмъ, какъ будто... робята, гляньте,—кто это, вонъ черезъ плетень напрямикъ сюда переходитъ?

Выглянулъ въ окошко Ермилъ Сытый и нахмурился, посмотрѣлъ Никаноръ дьяконъ—«ишь ты нелегкая его несетъ», проворчалъ и на мѣщанина покосился... Посмотрѣлъ и самъ мѣщанинъ, проговорилъ: совсѣмъ лѣшій какъ его значитъ на картинахъ представляютъ, и спросилъ: «Кто такой это будетъ»?

А черезъ заборъ перелѣзъ и шелъ, спотыкаясь о замерзшія гряды, покрытыя снѣгомъ, такъ что только кочерыжки капустныя торчали наружу, не кто иной, какъ ч е л о в ѣ к ъ и з ъ л ѣ с а, безъ шапки, съ всклоченными волосами, въ разорванномъ мѣховомъ ягракѣ съ суковатою дубиною въ рукахъ... Шелъ онъ словно пьяный, шатаясь, чуть не упалъ, задѣвъ за порогъ, и, не отворивъ руками, а всѣмъ тѣломъ сунувшись, распахнулъ дверь, ввалился въ избу, да тутъ и сѣлъ, какъ куль, еле переводя дыханіе отъ чрезмѣрной усталости.

— Зачѣмъ пришелъ? вполголоса спросилъ его старикъ Якимъ Желѣзновъ,—онъ всѣхъ ближе къ нему находился.

— Андронъ болѣнъ... хлѣбъ вышелъ, чаю надо... коснѣющимъ языкомъ пролепеталъ человѣкъ изъ лѣса.—Заморился я очень... силъ нѣтъ... Помоги мнѣ, Господи!..

Тихо стало въ избѣ. Всѣ разступились и смотрятъ, и знакомые и незнакомые, всѣ смотрятъ молча, кто съ участіемъ, кто подозрительно поглядываетъ, на этого страннаго, замореннаго человѣка.

Подошелъ старикъ Желѣзновъ къ прилавку, налилъ стаканъ водки, поднесъ человѣку изъ лѣса.

— На выпей, поскорѣе, отойдетъ, полегчаетъ...

— Уведи ты его, дѣдушка, отсюда, отъ грѣха; уведи скорѣе къ себѣ, тамъ я зайду ужо потолкуемъ, шепнулъ ему на ухо Ермилъ Сытый.

— Кто же таковъ будетъ? снова полюбопытствовалъ мѣщанинъ соболятникъ, когда дѣдушка, помявшись съ минутку для приличія, всталъ и ушелъ, уведя съ собою «человѣка изъ лѣса».

— А кто его знаетъ! мало-ли всякаго народа въ этихъ мѣстахъ шатается! отвѣтилъ равнодушнымъ тономъ цѣловальникъ Пашка, а самъ такое лицо состроилъ, что читать на этомъ лицѣ надо: «догадываюсь, кто, да не только догадываюсь, а даже увѣренность имѣю...»

— Незнакомый какой?

— Кому нѣтъ, кому, можетъ, и знакомый.

— Кто же такіе ирбитскіе-то пріѣзжали? рѣзко перевелъ разговоръ на другой предметъ Ермилъ Сытый.

— Едрёновы купцы съ трубчаниновскими прикащиками, во кто! не задумываясь, совралъ мѣщанинъ.

— Старика Едрёнова знаю, отозвался Никаноръ, бывшій дьяконъ.

— Ермилъ, подь-ко суда! высунулся изъ дверей Якимъ дѣдъ.—Подь скорѣе, любезный, дѣло есть насчетъ капканной постановки...

Хитрилъ старикъ тоже. Извѣстно, какая тамъ капканная постановка, да не хитро выходило.

Даже фыркнулъ подлецъ цѣловальникъ, а мѣщанинъ пріѣзжій только покосился на Ермила и еще налилъ чашечку.

Всталъ Ермилъ, будто не хотя.—Сейчасъ ворочусь, говоритъ.—Не спѣша натянулъ на плечи полушубокъ.

— Дѣдушка, а дѣдушка, крикнулъ Пашка. Да что ты мнешься! свои люди! Веди сюда п я т и с о т е н н а г о. Мы его чайкомъ да водочкою побалуемъ... Веди что-ли! Экій народъ скрытный да пуганый...

Ермилъ до дверей дошелъ, а тутъ вернулся прямо къ прилавку, кулачищами оперся, да такъ въ глаза цѣловальнику и уставился... Тотъ даже попятился и боязливо кругомъ оглядѣлся: ребята, молъ, выручайте.

— Какое ты слово сейчасъ сказалъ?! медленно, съ разстановкою произнесъ Ермилъ—какое слово такое?!. О какомъ п я т и с о т е н н о м ъ вспомнилъ?!. Есть у тебя крестъ-отъ на шеѣ, али нѣту, а если есть, такъ покажи сначала какой; можетъ, такой, «коимъ не возбраняется человѣку на человѣка бѣду накликать, алчности ради—кровь ближняго предати»...

— Да за такое слово тебя и прирѣзать не грѣхъ, ей-же-ей! припаперъ съ другой стороны и Никаноръ, бывшій дьяконъ.

— Да отстаньте, лѣшіе, чего пристали, засмѣялся цѣловальникъ, только смѣхъ у него не больно смѣшенъ вышелъ... И въ правду пристали, медвѣжье... Извѣстно пошутилъ, что же такое! отъ шутки ничего не станется...

— Ты-то шути да незашучивайся, предостерегъ его Ермилъ и вышелъ вонъ изъ избы, по «капканьему дѣлу» вызванный...

Не сидѣть же и прочимъ цѣлый день въ заведеніи; у каждаго тоже свои дѣла нашлись, да и мѣщанинъ пріѣзжій, менѣе словоохотливъ сталъ, позевываетъ... Бабы ему за перегородкою постель постлали и баню уже съ дорожки сготовили...

Разошлись мужики.

— Думаешь, тотъ самый? вполголоса спросилъ гость у хозяина, когда они вдвоемъ остались.

— Полагаю такъ; самъ листа съ примѣтами не читалъ, а сказывали, что есть бумага...

— Есть, есть—самъ знаю, что есть.

— Таперича его накормятъ, а тамъ назадъ спроводятъ, только ежели не оченно далеко отсюда, да не должно быть, чтобы очень далеко, дальше Максимовой избы негдѣ жить ему.

— Гдѣ это Максимова изба?

— Не знаю, самъ въ тайгу не хожу, незачѣмъ, да и опасно.

— До опушки хоша бы выслѣдить.

— Чего?

— Нѣтъ это я такъ... А что не слыхать есть ч е р н ы ш и съ просѣдью... Попадались чай передъ осенью?

— Маловато... У Мапзура запасена парочка, да у Ваньки штука, у Ермилы, еще прежнихъ пятокъ спрятано, безъ него не отдадутъ...

— Этотъ архипастырь вашъ, язва его жги, на семь еще полтину накидываетъ.

— Цѣну знаетъ.

— Придется дать, хоть въ убытокъ, а придется... эхъ, времена-времена!

Вздохнулъ соболятникъ, разуваясь да залѣзая подъ стеганное ватное одѣяло и еще поверхъ натягивая халатъ изъ оленьяго мѣха, шерстью внутрь и наружу.

— Ври больше, ухмыльнулся цѣловальникъ. А о тебѣ сноха Прасковья соскучилась: «когда же это да когда Иванъ Митричъ пожалуетъ»? а вотъ онъ, Иванъ Митричъ, и пожаловалъ—дождалась, гладкая!..

— И вовсе неправда, вы ему, Иванъ Митричъ, не вѣрьте. Вретъ все безстыдникъ, отозвался тонкій голосъ Прасковьи съ полатей...

— Привезъ я тебѣ лебедка понѣ платъ китайскій, по синему полю бѣлая птица съ желтыми крыльями и краснымъ носомъ, во весь ротъ зѣвая, протянулъ мѣщанинъ соболятникъ.

— Мягко-ли спать-то постлано?

— Спасибо, лебедка, спасибо... Ужь всегда ты мнѣ, какъ слѣдъ быть, логовомъ у - ва - жишь...

Заснулъ гость пріѣзжій съ дороги, часокъ другой до обѣда... Припёръ Пашка заведеніе, самъ ходитъ полегоньку,—бабамъ не велѣлъ горшками, да мисками звякать... Не обезпокоили-бы...

Крѣпко спалъ въ «заведеніи» гость-пріѣзжій, еще крѣпче спалъ заморенный, мало что не до смерти, «человѣкъ изъ лѣса» въ курной землянкѣ Якима Желѣзнаго.

Никаноръ съ Ермиломъ ему сготовляли тѣмъ временемъ все, что требовалось изъ запасовъ— чаю четверку завернули въ бумажку, даже сахару фунтъ добыли... Удивлялись звѣроловы, какъ ухитрился эдакую дорогу человѣкъ такъ скоро отмахать, просто диву дались, на что сами ходоки первые въ округѣ. Разсказалъ имъ уже все человѣкъ изъ лѣсу, что у него случилось; жалѣли мужики мальчика, крѣпко жалѣли, обѣщали черезъ недѣлю, какъ торги пошабашатъ, непремѣнно навѣдаться. Успокоились, когда услыхали, что Андронъ, слава Богу, теперь поправляется, что даже встаетъ самъ и по избѣ ходитъ; однако, все-таки рѣшили сегодня же въ ночь выпроводить «блаженнаго» отсюда, ужь очень смущало Ермила слово кабачника шуточное «пятисотенный!»

Какъ только смерклось какъ слѣдуетъ,— разбудили замореннаго, напоили его, накормили, Никаноръ съ Якимомъ взялись проводить до лѣсу, а Ермилъ дома остался, наблюдать за пріѣзжимъ, да за продавцами, чтобы цѣны «по малодушію своему» безъ него не скинули бы.

Вышелъ Ермилъ на улицу, часу въ девятомъ вечера, глядитъ: что за диковина!.. Саврасый въ запряжкѣ у кабака стоитъ, держитъ его самъ Пашка, а мѣщанинъ, запоясываясь, съ крылечка сходитъ.

— Куда это, поштенный? Аль уже домой безъ товару собрался, на ночь глядючи?..

— Здравствуй, не прямо отвѣтилъ соболятникъ... нѣтъ, зачѣмъ домой... это вишь ты...

— Это онъ мнѣ продать савраса хочетъ, перебилъ, бойко, потряхивая возжами, горяча коня, цѣловальникъ Пашка... Подъ верхомъ-то я его видѣлъ, а каковъ ходъ въ упряжи—не знаю...

— Хорошо бѣжитъ, ужь говорю тебѣ... поддакнулъ тутъ и мѣщанинъ,—такъ бѣжитъ, что наподи... слово рысакъ наѣзженный...

— И не закидывается?..

— Ни-Боже мой... на возжахъ идетъ; всею грудью въ хомутъ ложится. Диво не конь! Вѣрь на слово—нечего и пробовать...

— Какъ, безъ пробы... Безъ пробы невозможно.

— Врутъ, думаетъ Ермилъ. А что, ребятки, и я съ вами... я давно что-то въ санкахъ не ѣзжалъ.

Посмотрѣлъ цѣловальникъ на мѣщанина, тотъ на него взглянулъ... «Какъ же быть теперь соображаютъ».

— Не тѣсновато-ли будетъ втроемъ, почесалъ затылокъ Пашка, вымѣряя глазами крохотныя саночки, на длинныхъ, широкихъ, словно лыжи, полозьяхъ.

— Извини, поштенный, ужь другой разъ когда прокатимъ, рѣшительно отрѣзалъ мѣщанинъ нерчинскій и сѣлъ въ сани.—Садись, пріятель! потянулъ онъ за рукавъ Пашку, бери самъ возжи, и на чистоту...

Только сѣли, саврасый съ мѣста подхватилъ; пыль снѣжная ударила въ лицо Ермилу... глазъ протерѣть не успѣлъ, а они уже далеко,—крайнюю избу огибаютъ... Выбѣжалъ и архипастырь за околицу, глядитъ... Нѣтъ, слава-ти, Господи, совсѣмъ въ другую сторону погнали.

Вернулись наши наѣздники однако поздненько, уже совсѣмъ свѣтать начало; должно быть большой крюкъ сдѣлали; не ради одной пробы такъ коня замылили, что паръ отъ него валилъ обламокъ, бока подвело и подколѣнки дрожали, подгибаясь.

Пріѣздъ ихъ выслѣдилъ Ермилъ и порѣшилъ, что дѣло какъ-будто не совсѣмъ чисто выходитъ.

Утромъ же вернулись и Никаноръ, бывшій дьяконъ и Якимъ Желѣзновъ, дѣдушка. Они проводили «человѣка изъ лѣса» до опушки, сдали ему салазки съ провизіей. Разсказывали тоже, что видѣли слѣдъ санный, когда возвращались, и пересѣкалъ этотъ слѣдъ ихъ дорогу, какъ разъ у горы послѣдней, за болотами... Дивились они шибко этому необычному слѣду, а когда Ермилъ сообщилъ имъ, въ чемъ дѣло, тоже призадумались и согласились, что дѣйствительно не чисто что-то выходитъ...

Торопливо повелъ мѣщанинъ свои дѣла, полтинку сверхъ семи набавилъ, не долго оспаривая, уложилъ въ санки девять штукъ чернышей съ просѣдью, даже, сверхъ обыкновенія, у Манзура шесть волчьихъ шкуръ купилъ по семи гривенъ за штуку, пообѣдалъ, да послѣ обѣда и махнулъ домой, на большой трактъ, пообѣщавъ вскорости еще разокъ, до глубокаго снѣга, повидаться.

А вечеромъ Ермилъ въ кабакѣ сказку разсказывалъ, какъ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, жилъ тоже одинъ паренекъ ледащій, и позарился тотъ паренекъ на сорокъ рублей посуленнаго вознагражденія, да и продалъ человѣка одного гонялаго—такъ что же случилось послѣ этого? тотъ-то «преданный» пострадалъ вельми, а предателя нашли въ лѣсу на-двое, межь деревьевъ разорваннаго... такъ-то!

Непонравилась эта сказка что-то Пашкѣ цѣловальнику.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Передъ вырытой могилой.

Стих. **Д. А. Рубина.**

Послѣдній взмахъ лопатъ желѣзныхъ
Сверкнулъ могильною землей, —
И передъ вырытой могилой
Стою съ поникшей головой.

Совсѣмъ готовая могила
Въ свои объятья гостя ждетъ,
Съ слезой сердечная кручина
Больную грудь, какъ камень, жметъ.

И знаю я, что въ этой ямѣ
Зароютъ счастіе мое, —
А все-жь съ сердечною тоскою
Смотрѣть мнѣ хочется въ нее.

И взгляда оторвать нѣтъ силы,
И тяжело такъ дышетъ грудь;
У этой вырытой могилы
На вѣкъ хотѣлъ бы я уснуть, —

Уснуть, чтобы, страдая, муки
Мнѣ больше въ жизни не встрѣчать,
И чтобы горечи разлуки,
Живя, опять не испытать.

Карикатурный городъ.

(Изъ путешествія Амичиса по Голландіи.)

(*Окончаніе.*)

Взглянувъ на первые дома и первые сады, я направился далѣе въ городъ. Ни на улицахъ, ни у оконъ не видно было живой души. Всѣ двери были затворены, всѣ занавѣски спущены, всѣ каналы пустынны, всѣ лодки неподвижны. Городъ построенъ такъ, что ни откуда не видно болѣе четырехъ или пяти домовъ сразу; по мѣрѣ того, какъ подвигаешься далѣе вглубь, одинъ прячется, другой выглядываетъ украдкой, третій виднѣется весь; со всѣхъ сторонъ посреди древесныхъ стволовъ появляются и снова пропадаютъ полосы самыхъ яркихъ цвѣтовъ, точно цѣлое общество ряженныхъ играетъ въ прятки. Съ каждымъ шагомъ открываешь новую театральную декорацію, новое диковинное сочетаніе цвѣтовъ, новую выдумку, новую причуду. Кажется, будто вотъ-вотъ изъ какой-нибудь двери появится цѣлая толпа куколокъ, какія танцуютъ на шарманкахъ съ бубнами и тамбуриномъ въ рукахъ. Въ пятьдесятъ шаговъ обойдешь вокругъ дома, перейдешь мостъ, пройдешь цѣлый садъ и цѣлую улицу и вернешься къ прежнему мѣсту. Ребенокъ здѣсь выглядитъ взрослымъ, а взрослый великаномъ. Тутъ все крохотно, сжато, вылизано, выкрашено, ненатурально, изуродовано, дѣтски забавно! Сначала вамъ просто смѣшно, потомъ васъ разбираетъ досада при мысли, что жители этого города подумаютъ, что вы находите его красивымъ; эта карикатура становится вамъ противна; вы охотно обругали-бы болваномъ хозяина каждаго дома; вамъ хочется убѣдить жителей городка, что ихъ знаменитый Брекъ оскорбляетъ искусство и природу и что у нихъ нѣтъ ни вкуса, ни здраваго смысла. Но когда вы устанете браниться, вамъ снова становится смѣшно и, въ концѣ концовъ, смѣхъ становится преобладающимъ.

Пройдясь нѣсколько разъ и не встрѣтя никого, я возымѣлъ желаніе увидать внутренность какого-нибудь дома. Пока я оглядывался во всѣ стороны, отыскивая какого-нибудь гостепріимнаго хозяина, я услыхалъ чей-то голосъ и, обернувшись, увидалъ на порогѣ женщину, которая робко спросила меня на ломанномъ французскомъ языкѣ, не пожелаю-ли я осмотрѣть частный домъ. Я принялъ ея предложеніе; она оставила свои деревянные башмаки у входа, какъ это здѣсь водится во всѣхъ домахъ, и повела меня. Какъ только мы вошли въ дверь, она сообщила мнѣ, что она бѣдная вдова и что у нея всего одна комната. Но какая комната!.. Полъ былъ покрытъ чистыми циновками, мебель блестѣла, какъ зеркало, ручки шкатулки, язычекъ сундука, гвозди въ стульяхъ и даже гвозди, вбитые въ стѣну, всѣ казались серебряными; изразцовый каминъ походилъ на маленькій храмъ, до того чисты были кафли, до которыхъ дымъ словно никогда и не касался. На столѣ стояла мѣдная чернилица, лежало стальное перо и еще кое-какія бездѣлушки, которыя привлекли-бы вниманіе даже въ витринѣ часовыхъ дѣлъ мастера. Куда ни обращался взоръ, вездѣ блестѣло что-нибудь. Такъ-какъ въ комнатѣ не видно было кровати, я спросилъ у нея, гдѣ она спитъ. Вмѣсто отвѣта она приблизилась къ стѣнѣ и растворила дверцы, скрытыя обоями. Въ этомъ домѣ, такъ же, какъ и въ остальныхъ голландскихъ домахъ, кровать спрятана въ чемъ-то, похожемъ на стѣнной шкафъ, и состоитъ изъ матраца и соломенника, положенныхъ на нижней части стѣны и, такимъ образомъ, въ нихъ нѣтъ ни спинки, ни изголовья; кровать эта, вѣроятно, очень удобна зимою, но лѣтомъ, я думаю, въ ней задыхаешься. Привѣтливая хозяйка показала мнѣ всю утварь, служащую ей для чистки. Изъ этого одного составилась-бы цѣлая лавка: — вѣникъ, половая щетка, зубныя щеточки, стирки, лопатки, грабли, помело, заступы, метелочки изъ перьевъ, крѣпкая водка, особый составъ для чистки стеколъ, другой для чистки приборовъ, угольный порошокъ для мѣдныхъ кострюль, наждакъ для утюговъ, англійскій кирпичъ для половъ и наконецъ палочки, чтобъ вынимать микроскопическія пылинки изъ расщелинъ кирпичей.

Благодаря ей, я пріобрѣлъ курьезнѣйшія свѣденія на счетъ страсти къ чистотѣ, прославившей Брекъ по всей Голландіи. Еще въ недавнее время, при входѣ въ городъ находилась надпись, которая гласила слѣдующее:—Н и к о м у н е д о з в о л я е т с я к у р и т ь в ъ Б р е к ѣ д о и л и п о с л ѣ з а х о д а с о л н ц а, и н а ч е, к а к ъ е с л и т р у б к а с н а б ж е н а к р ы ш к о ю, (чтобы не разлетался

ПАРИЖСКІЙ САЛОНЪ 1878 ГОДА.

КАРТИНА ЛОБРИШОНА.

Насѣдка.

По фотографіи Лекадра.

пепелъ), и проѣзжающимъ черезъ городъ верхомъ не дозволяется оставаться на лошади, а приказывается вести её въ рукахъ.—Также было запрещено проѣзжать по городу въ экипажахъ, или проводить по улицѣ овецъ или коровъ, или какихъ-либо другихъ животныхъ, которыя могли-бы запачкать улицу; и хотя теперь этого запрещенія не существуетъ уже болѣе, однако телѣги и животныя, все еще по старой памяти объѣзжаютъ вокругъ Брека. Вблизи каждаго дома до сихъ поръ, еще стоятъ каменныя плевательницы, въ которыя курящіе плевали изъ оконъ. Обычай оставаться въ комнатахъ безъ обуви и теперь еще въ полной силѣ, такъ-что возлѣ каждой двери видны нагроможденные другъ на друга туфли, сапоги и деревянные башмаки. Разумѣется, разсказы о происходившихъ въ Брекѣ народныхъ возмущеніяхъ противъ иностранцевъ за то, что тѣ бросали по улицамъ вишневыя косточки — сущая выдумка, но правда, что если кто-либо изъ жителей увидитъ возлѣ своей двери, занесенный вѣтромъ листикъ или соринку, онъ бережно подбираетъ ихъ и бросаетъ въ каналъ. «Разсказываютъ также, говорила мнѣ вдова,—будто у насъ уходятъ чистить сапоги за пять сотъ шаговъ отъ дома, что нанимаютъ нарочно мальчиковъ затѣмъ, чтобъ каждые четверть часа выдувать пыль изъ кирпичей на мостовой, что въ нѣкоторыхъ домахъ носятъ гостей своихъ на плечахъ, чтобъ они не запачкали улицъ, — все это разсказываютъ, но, вѣроятно, этого никогда не дѣлалось».

Напослѣдокъ она разсказала мнѣ анекдотъ, который вполнѣ подтверждаетъ всѣ эти нелѣпости, если только онъ справедливъ.

— Въ прежнее время, разсказывала она мнѣ,— эта манія чистоты достигла такихъ размѣровъ, что брекскія женщины стали небрежно относиться къ своимъ религіознымъ обязанностямъ, отъ того-что вѣчно мыли и скребли. Тогда, мѣстный пасторъ, напрасно испробовалъ всякаго рода убѣжденія, чтобы прекратить этотъ скандалъ, придумалъ, наконецъ, другую мѣру. Онъ написалъ большую проповѣдь, въ которой говорилъ, что всякая голландская женщина, честно исполнившая свои религіозныя обязанности въ земной жизни, найдетъ на томъ свѣтѣ домъ биткомъ набитый мебелью, всякой утварью и разнообразнѣйшими бездѣлушками, и тутъ, не развлекаясь никакими другими занятіями, она можетъ цѣлую вѣчность скрести, чистить и мыть и никогда не знать конца своему блаженству. Представленіе о столь великой наградѣ, мысль о столь неизмѣримомъ блаженствѣ внушила такое рвеніе и такую набожность брекскимъ женщинамъ, что съ тѣхъ поръ и понынѣ онѣ ревностно исполняютъ свои религіозныя обязанности и не нуждаются болѣе ни въ какой приманкѣ.

Однако, ни эта страсть къ чистотѣ, ни странная архитектура, описанная мною, не привлекли Бреку той полу-серьезной, полу-комической извѣстности, какою онъ пользуется. Извѣстность эта проистекала изъ необыкновенно странныхъ обычаевъ, о которыхъ нынѣ существующіе только слабо напоминаютъ. Современный Брекъ представляетъ только остовъ прежняго. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно посѣтить домъ, находящійся при входѣ въ городъ; доступъ въ него открытъ всѣмъ иностранцамъ; это самый полный образецъ старинныхъ домовъ и аккуратно сохраняется хозяиномъ, какъ историческій памятникъ прежнихъ безумствъ. По наружности, домъ не отличается отъ остальныхъ—такой же балаганъ для маріонетокъ, какъ и тѣ! Самый курьезъ заключается въ комнатахъ и садѣ. Каждая изъ крохотныхъ комнатъ напоминаетъ базаръ, и пришлось-бы составить цѣлую книгу, еслибъ описывать каждую изъ нихъ отдѣльно. Страсть голландцевъ громоздить одинъ предметъ на другой и искать красоты и изящества въ комбинаціи самыхъ неподходящихъ элементовъ, здѣсь доведена до крайней степени нелѣпости. Фарфоровыя фигурки на шкафахъ, китайскія чашки и сахарницы на столахъ и подъ ними, тарелки, развѣшанныя вдоль стѣнъ, начиная съ потолка и до самого пола; часы, страусовыя яйца, лодочки, корабли, раковины, вазы, блюда, чаши всунуты во всевозможныя отверстія и запрятаны во всѣ дырки; картины, изображающія различныя фигуры, смотря по тому, съ какой стороны смотришь на нихъ; шкафы, переполненные всевозможными бездѣлушками; украшенія безъ всякаго названія, декораціи безъ всякаго смысла, такой хаосъ, такое рѣжущее глаза сочетаніе цвѣтовъ, такое безвкусіе и такъ наивно-выказанное, что смѣшно и досадно смотрѣть.

Но садъ далеко превосходитъ всѣ эти нелѣпости. Здѣсь вы увидите мостики надъ ручейками шириною въ ладонь, миніатюрныя пещеры и каскады, греческіе храмики, китайскіе кіоски, индійскія пагоды, крашенныя статуи, маленькія куколки, съ позолоченными руками и ногами, выскакивающія изъ корзинокъ съ цвѣтами, автоматы въ ростъ человѣческій, курящіе и занимающіеся пряжей, шкафы, отворяющіеся посредствомъ пружины и наполненные маріонетками, сидящими вокругъ стола, прудики, въ которыхъ плаваютъ оловянные лѣбеди и гуси, клумбы, покрытыя цѣлой мозаикой изъ разноцвѣтныхъ раковинъ, съ красивой фарфоровой вазой посрединѣ, деревья, изображающія людей, буксовые кусты, вырѣзанные въ формѣ колоколенъ, церквей, кораблей, павлиновъ, разстилающихъ свой хвостъ и дѣтей разставляющихъ руки, тропинки, бесѣдки, заборы, цвѣты, растенія, всѣ излучены, искривлены, изуродованы, ненатуральны. И таковы были въ прежнее время всѣ дома и сады въ Брекѣ.

Теперь, не только видъ города, но и самый составъ народонаселенія чрезвычайно измѣнился. Брекъ слылъ прежде подъ названіемъ города милліонеровъ, потому что всѣ его жители были очень богатые торговцы, которые удалялись туда изъ любви къ миру и уединенію. Мало-по-малу, скука, насмѣшки, преслѣдовавшія ихъ дома и ихъ самихъ, навязчивость путешественниковъ и желаніе чего-нибудь лучшаго отвлекли отъ Брека большую часть самыхъ богатыхъ семействъ, а такъ какъ съ ихъ отъѣздомъ прекратилось и соревнованіе, произведшее столько диковинъ, немногія оставшіяся семейства перестали думать о созданіи новыхъ чудесъ и по немногу запустили и затеряли старыя. Въ настоящее время въ Брекѣ около тысячи жителей, большая часть которыхъ имѣютъ сыроварни, остальные—лавочники и ремесленники.

Не смотря на упадокъ, Брекъ все-таки посѣщается еще всѣми иностранцами, отправляющимися путешествовать по Голландіи. Въ одной изъ комнатъ описаннаго мною дома находится огромная книга, заключающая нѣсколько тысячъ визитныхъ карточекъ и писанныхъ фамилій людей самыхъ разноплеменныхъ. Я просмотрѣлъ ее всю. Большая часть посѣтителей—англичане или американцы, меньшая—итальянцы, да и тѣ принадлежатъ къ аристократіи южныхъ провинцій. Среди множества извѣстныхъ именъ, я прочелъ имена Виктора Гюго, Вальтеръ-Скота, Гамбеты и французскаго драматическаго писателя Ожье. Изъ сувенировъ замѣчателенъ альбомъ, подаренный русскимъ Государемъ и Государынею одному брекскому горожанину въ знакъ благодарности за гостепріимство, оказанное въ 1864 году Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу.

Между прочими именитыми путешественниками Брекъ посѣтили императоръ Александръ I и Наполеонъ I. Мѣстное преданіе говоритъ, что какъ тотъ, такъ и другой, желая увидать внутреннее устройство дома, должны были прежде, чѣмъ взойти, надѣть принесенные имъ служанкой толстые шерстяные чулки, чтобы сапогами не запачкать половъ. Не смѣю утверждать, чтобы это была правда; но я знаю, потому что читалъ въ «Мемуарахъ», говорившихъ о путешествіи Наполеона по Голландіи, и что его чрезвычайно оскорбило то, что улицы были пустынны, а жители, запершись дома, казалось, наблюдали изъ оконъ, чтобъ онъ не запачкалъ рѣшетокъ сада. Императоръ Іосифъ II тоже посѣтилъ Брекъ, но разсказываютъ, что, не имѣя съ собой рекомендательныхъ писемъ, онъ не былъ допущенъ ни въ одинъ домъ. А когда флигель-адъютантъ настаивалъ на томъ, чтобъ впустили его величество, одинъ хозяинъ дома отвѣтилъ:

— Я не знакомъ съ вашимъ императоромъ, и хотя бы это былъ самъ амстердамскій бургомистръ, —я не принимаю тѣхъ, съ кѣмъ не знакомъ.

Посѣтивъ старинный домъ и садъ, я вошелъ въ маленькое кафе, гдѣ босоногая дѣвочка принесла мнѣ полформы эдамскаго сыра, яицъ и масла, все это подъ фаянсовой крышкой, покрытой сверху желѣзной сѣткой и необыкновенной бѣлизны шитою салфеткою; а затѣмъ я отправился на ферму, въ сопровожденіи мальчика, объяснявшагося со мной при помощи знаковъ. Многіе изъ тѣхъ, которые носятъ богатыя вещи и золотые часы, не имѣютъ такого чистаго и опрятнаго помѣщенія, какъ то, которымъ могутъ похвалиться брекскія коровы.

Передъ тѣмъ, какъ войти, надо вычистить ноги о рогожку, положенную передъ дверью, и если вы этого не дѣлаете, васъ попросятъ объ этомъ. Полъ въ стойлахъ выложенъ разноцвѣтными кафлями, такими чистыми, что можно провести по нимъ рукою, стѣны обшиты сосновымъ деревомъ. на окнахъ занавѣски и цвѣты; ясли раскрашены; коровы выскоблены, вымыты, вычесаны, а чтобъ онѣ не запачкали хвостовъ, ихъ прикрѣпляютъ къ гвоздику, вбитому въ потолокъ; ручеекъ, протекающій черезъ стойла постоянно уноситъ нечистоты; даже между ногъ животныхъ едва примѣтны соринки, а воздухъ такъ чистъ, что, закрывши глаза, можно подумать, что входишь въ гостиную. Комнаты рабочихъ, помѣщеніе, гдѣ дѣлаютъ сыръ, дворы, чуланы, все одинаково чисто и блестяще.

Передъ отъѣздомъ въ Амстердамъ, я еще разъ прошелся по городу, стараясь скрыть сигару, лишь-только замѣчалъ въ окнѣ какую-нибудь женщину съ золотымъ вѣнчикомъ; я перешелъ два, три бѣлыхъ мостика, тронулъ ногою лодочку, остановился немного передъ наиболѣе яркими домами, а затѣмъ, не видя живой души, ни на улицахъ, ни въ садахъ, я пошелъ своей одинокой дорогой съ тѣмъ чувствомъ грусти, какое всегда испытываетъ человѣкъ, удовлетворивъ какое-нибудь давнишнее завѣтное желаніе.

Аліэтта.

Разсказъ Роберта Гальта.

Переводъ **С. И. Бурениной.**

(*Окончаніе.*)

Глава IX.

На другой день пріоръ былъ боленъ лихорадкой. Онъ съ утра прислалъ намъ сказать, чтобы мы никуда не выходили безъ его позволенія.

Эмильенъ снова углубился въ чтеніе. Я съ удовольствіемъ разсматривалъ мертвыя кости на моей кровати; я чувствовалъ почти ужасъ къ Аліэттѣ. Тщеславіе, эгоизмъ женщины дѣлаютъ подобныя чудеса.

Черезъ три дня послѣ этого нервнаго возбужденія, Эмильенъ слегъ въ постель въ сильной лихорадкѣ.

— Какое счастіе, если бы я могъ умереть! сказалъ онъ.

Взволнованный, я бросился въ сосѣднюю деревню за докторомъ. Братъ привратникъ, получившій, вѣроятно, инструкціи, лишь послѣ долгаго колебанія отперъ мнѣ дверь.

Когда я переходилъ черезъ рѣку, на краю той самой лужи, въ которой стояли бутылки Аліэта; я увидалъ козочку. Съ засученными рукавами, своей худенькой и нѣжной рукой она старалась поймать рыбу. Въ этихъ лужахъ вода проточная и постоянно поддерживается ключами. Я подошелъ къ Аліэттѣ. Ея глаза, казавшіеся еще темнѣе отъ тѣни, бросаемой большими полями ея шляпы, выразили при моемъ появленіи сильное удивленіе. Затѣмъ она улыбнулась, встала, держа въ рукахъ только что пойманную рыбку и, поднеся ее къ моему рту, шаловливо сказала:

— Завтракалъ-ли ты, Жако?

Такая выходка поразила бы человѣка и поопытнѣе меня. Я стоялъ, какъ дуракъ, и мы молча смотрѣли другъ на друга. Мало по малу ея лицо приняло очень трогательное выраженіе.

— Простите меня, тихо сказала она,—за тѣ побои, которые вы получили изъ-за меня. Вы сами видѣли, что эти дряни обидѣли меня. Правда, я горда, но за самую лучшую золотую цѣпочку, я не хотѣла бы, чтобы вы получили во время драки хотя малѣйшую царапину. А гдѣ же вашъ другъ?

— Боленъ, въ постели.

— Боленъ?

— Да, я иду за докторомъ.

— Боленъ!

Она закрыла глаза руками, вѣроятно, чтобы скрыть слезы.

— Онъ раненъ, можетъ быть, опасно?

— Да, да, очень опасно, Аліэтта.

— Боже мой! и вы допускаете его умирать, не говоря никому объ этомъ ни слова!

— Полноте! вскричалъ я,—развѣ вы этого не знали? да, наконецъ, болѣзнь, даже смерть, не лучше ли онѣ для него, чѣмъ ваше кокетство? Онъ поклялся не видѣть васъ болѣе и я далъ ту же клятву.

Она глубоко вздохнула и, опустивъ голову, грустно сказала:

— Да, да, я была недобрая; мнѣ очень жаль, я очень страдаю, и знаете ли вы, зачѣмъ я здѣсь?.. Я ждала васъ.., да, я хотѣла просить у васъ прощенія. Вотъ уже два дня, какъ я прихожу сюда.

— О, Аліэтта! сказалъ я, тронутый ея словами,—Аліэтта, неужели у васъ есть сердце?

— Если я поступила дурно, я сожалѣю объ этомъ; я раскаиваюсь. Боже мой! отчего женщины не имѣютъ права входить въ Мужеръ? Я пошла бы сказать г. Эмильену, что я раскаиваюсь отъ всего сердца.

Она уронила на песокъ рыбку, которая болѣе не шевелилась. Она нѣжно подняла ее и съ состраданіемъ на лицѣ, снова опустила въ воду, гдѣ та очнулась и поплыла.

— Эмильенъ также оживетъ, сказалъ я,—если вы позволите ему сказать вамъ, что онъ любитъ васъ!

— Но, Боже мой, я не запрещаю ему.

— Что вы отвѣтите ему на его признаніе?

Она стыдливо улыбнулась и прошептала:

— Приведите его.

Я пристально посмотрѣлъ на нее.

— Если онъ согласится придти, онъ можетъ придти одинъ!

— Отчего?

— Оттого, что я его другъ! оттого, что въ день богомолья... въ виноградникахъ! вырвалось у меня невольно. Аліэтта вытаращила глаза и съ удивленіемъ медленно спросила:

— Что такое въ виноградникахъ?

Я былъ пораженъ; что это—нахальство или безсознательность? Женщины, значитъ, такъ легко забываютъ? Потомъ сознаніе моей неделикатности уничтожило меня и я совсѣмъ растерялся при видѣ удивленнаго взгляда этихъ чудныхъ глазъ.

— Слушайте, сказала она,—мы не должны здѣсь дольше оставаться; насъ могутъ увидѣть и теперь слишкомъ рано идти за Эмильеномъ. Но сегодня вечеромъ большой ужинъ у моей кормилицы; она сегодня имянинница. Она живетъ въ деревнѣ Ко. Эмильенъ приглашенъ вмѣстѣ съ вами; васъ ждутъ. На этотъ разъ будутъ и дамы; кормилица не священникъ и вамъ необходимо вознаградить себя за обѣдъ въ Тору! Я привезла вчера изъ Пезенаса торты, пироги... и вино моего отца, прибавила она, смѣясь.—Мы выѣдемъ въ экипажѣ изъ Тору, ровно въ пять часовъ: не опоздайте... Нѣтъ, нѣтъ, не отвѣчайте! Молодой человѣкъ не смѣетъ отказываться отъ приглашенія дѣвушки!

И она ласково положила свою руку на мою; какая она была въ эту минуту хорошенькая! Я отвѣчалъ на пожатіе ея руки. Она засмѣялась и вдругъ, оставивъ меня, быстро взбѣжала на берегъ рѣки; потомъ, сверху, просунувъ свою улыбающуюся головку между вѣтвями дерева, она крикнула:

— Привезите мнѣ красивый букетъ для кормилицы.

Я сдѣлалъ быстрое движеніе, чтобы броситься къ ней, но, къ счастью, она не замѣтила его и удалилась.

Я остался уничтоженный. Я презиралъ самого себя. «Такъ вотъ, думалъ я, моя честность, дружба, разумъ! Что означало мое волненіе передъ Аліэттой: ужь не околдовала ли меня каракка? Полный гнѣва, я побѣжалъ къ Эмильену. Я нашелъ его немного успокоившимся съ «подражаніемъ» въ рукахъ.

— Другъ, сказалъ онъ мнѣ,—лихорадка прошла, я чувствую себя лучше!

— Встань же, сказалъ я ему,—и иди къ доктору, который окончательно вылечитъ тебя... Аліэтта ждетъ тебя, она тебя любитъ!

Послѣ этой лжи, я почувствовалъ большое облегченіе; мнѣ казалось, что я сдѣлалъ прекрасный поступокъ.

— Она любитъ меня...

— Да, она зоветъ тебя! Я встрѣтилъ ее на берегу рѣки, гдѣ она, впродолженіи двухъ дней, ждала извѣстій о тебѣ.

Онъ закрылъ голову простыней и лежалъ безъ движенія, пока я кончалъ разсказъ о моемъ свиданіи съ молодой дѣвушкой. Я кончилъ въ томъ же духѣ, какъ и началъ, т. е. изощрялся во лжи, чтобы придать храбрости моему другу и чтобы окончательно заградить къ себѣ доступъ преступному чувству. Какъ только я кончилъ, онъ заплакалъ навзрыдъ и забормоталъ:

— Возможно-ли это, возможно-ли это?.. Ты лучшій и благороднѣйшій изъ людей, сказалъ онъ, соскакивая съ кровати.—Идемъ въ Тору!

Онъ быстро одѣлся и отперъ дверь. Я отказался слѣдовать за нимъ. Онъ обнялъ меня и сталъ просить прощеніе за свою смѣшную ревность. Что онъ будетъ тамъ дѣлать и говорить безъ меня? Я былъ его храбростью. Нѣтъ, онъ не пойдетъ одинъ; онъ долженъ былъ дать мнѣ это удовлетвореніе. Я сопротивлялся; онъ сердился и кончилъ тѣмъ, что увлекъ меня; мы сошли внизъ.

Братъ привратникъ на отрѣзъ отказался выпустить насъ; во время спора пришелъ пріоръ. Онъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго. Не смотря на свою болѣзнь, онъ всталъ при извѣстіи о нашемъ уходѣ. Не давъ ему времени открыть ротъ, Эмильенъ сказалъ:

— Отецъ мой, я ухожу и не возвращусь болѣе; горе загнало меня сюда, надежда выводитъ меня отсюда. Тысячу разъ благодарю васъ за вашу доброту. Не откажите мнѣ, прошу васъ, въ вашемъ благословеніи.

Монахъ бросилъ на меня яростный взглядъ и пробормоталъ:

— Воръ!

Потомъ онъ началъ что-то говорить. Но мы такъ твердо направились къ двери, что по неволѣ пришлось насъ выпустить.

Глава X.

Недалеко отъ монастыря, вдоль дороги, тянулись фруктовые сады. Въ одномъ изъ нихъ было много цвѣтовъ. Эмильенъ быстро вошелъ туда. Теперь онъ въ свою очередь велъ меня и былъ въ отличномъ расположеніи духа. Аліэтта любила его! и она просила принести цвѣтовъ! Что касается меня, то я съ болью въ сердцѣ, все болѣе и болѣе волнуясь, рѣшилъ во чтобы то ни стало уѣхать въ Парижъ въ эту же ночь.

Садовникъ любезно позволилъ намъ грабить его садъ. Благодаря моей разсѣянности, я составилъ букетъ безъ всякаго вкуса: голубой, красный и бѣлый цвѣта такъ и сіяли въ немъ. Букетъ, составленный Эмильеномъ, былъ полонъ изящества и вкуса. Я хотѣлъ бросить свое произведеніе; онъ упросилъ меня сохранить его.

Въ половинѣ пятаго мы были въ Тору, у Аліэтты. Г-жа Кристофоръ въ полномъ парадѣ, въ зеленомъ шелковомъ платьѣ, въ желтой шали, въ бѣлой шляпкѣ, точь въ точь, какъ мой букетъ, приняла насъ. Рукава у нея были немного засучены и она держала въ рукахъ флаконъ ароматическаго масла, Аліэтта тоже вышла изъ своей комнаты.

— Ахъ! сказала она,—я еще не причесана; но какъ вы милы, что пришли такъ рано!

Она сіяла; она взяла наши цвѣты, понюхала ихъ и взглядомъ спросила, кто былъ авторъ трехцвѣтнаго букета. Я назвалъ себя. Она спрятала лицо за букетомъ, чтобы скрыть свой смѣхъ.

— Онъ очень хорошо пахнетъ!

— Пойдемъ, сказала г-жа Кристофоръ,—пора причесываться.

— Да, извините меня господа, я ухожу причесываться, вы видите!

И она провела рукой по волосамъ, которые тотчасъ же разсыпались по ея плечамъ. Они были такъ длинны, такъ роскошны, что мы вскрикнули, между тѣмъ, какъ Аліэтта съ сконфуженнымъ видомъ и съ легкимъ крикомъ убѣжала въ свою комнату, куда за ней послѣдовала г-жа Кристофоръ, вооруженная ароматнымъ масломъ.

— Дѣвушки Габіона, сказалъ мнѣ Эмильенъ; крикнули бы «брысь», увидавъ эти волосы, не правда-ли?

— Да, чудные волосы, отвѣчалъ я и подумалъ: «Такъ вотъ отчего мы милы, что пришли такъ рано».

Она вышла причесанная и граціозно приблизила къ намъ надушенную голову, въ хорошенькой соломенной шляпкѣ. На ней было надѣто свѣтлорозовое платье. Она была прелестна.

— Я беру вашъ букетъ, сказала она мнѣ.

Эмильенъ поблѣднѣлъ. Она прибавила:

— И сохраню другой.

Сердце мое сжалось, между тѣмъ, какъ мой другъ улыбался. О! господа, какая женщина!

Пора было ѣхать въ Ко. Влѣзли въ тележку, слуга съ фермы правилъ. Несмотря на всѣ увѣщанія, я сѣлъ на козлы, усадивъ Эмильена между теткой и племянницей. Къ счастью, ему не пришлось открыть рта. Всю дорогу Аліэтта смѣялась надо всѣмъ: надъ прохожими, надъ собаками, надъ кучеромъ, надъ шляпой г-жи Кристофоръ, надъ своимъ отцомъ, который наконецъ найдетъ украденное вино.

Пріѣхавъ въ Ко, Аліэтта предложила намъ выйти изъ экипажа, при самомъ началѣ деревни, чтобы поразмять себѣ ноги. Ея лицо стало

серьезно. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, она рѣзко сказала:

— Есть нѣчто, о чемъ я забыла васъ предупредить. Но вѣдь вы мужчины!.. Слушайте же! Моя кормилица кормила также двухъ дѣвушекъ изъ Габіона, которыя были на богомольѣ, она ихъ также пригласила къ себѣ на имянины. Пожалуй, мы встрѣтимъ у нея и другихъ габіонокъ, потому что у нея есть родственники въ этой проклятой деревнѣ. Вы уже дрались за меня; вы мои защитники: но теперь дѣло не въ дракѣ; мнѣ слишкомъ много горя причинила она; да, слишкомъ много горя. Но вотъ что вы сдѣлаете: вы не скажите ни слова съ этими дѣвушками, вы не взглянете на нихъ! Если будутъ танцы, вы будете танцовать только со мной и съ моими подругами! Тогда только я увѣрюсь, что вы великодушные люди. Васъ будутъ просить, вы откажетесь... Но отказать просьбѣ женщины, несравненно труднѣе, чѣмъ побѣдить мужчину, во время драки. Могу ли я на васъ разсчитывать?

Она не спускала съ насъ своихъ повелительныхъ черныхъ глазъ.

— Да, сказалъ Эмильенъ.

— Ни слова, ни взгляда, ничего, ничего этимъ дѣвушкамъ! Вы поклянетесь?

— Да, отвѣчалъ Эмильенъ.

Я въ знакъ согласія еле кивнулъ головой, потому что понялъ теперь всю политику Аліэтты.

Кормилица, толстая крестьянка, вышла намъ на встрѣчу. Она обняла козочку и съ радостнымъ крикомъ прижала ее къ сердцу. Аліэтта отдала ей мой рыночный букетъ, приведшій ее въ восхищеніе, мѣшочекъ леденцовъ и чепчикъ съ лентами, принесенный кучеромъ. Кормилица поклонилась намъ и поблагодарила за честь, которую мы ей сдѣлали, и мы вошли въ домъ.

Восемь молодыхъ дѣвушекъ, въ томъ числѣ четыре изъ габіонскаго хоровода, находились уже тутъ, въ обществѣ нѣсколькихъ молодыхъ людей, незнакомыхъ намъ. Не было ни одного изъ нашихъ противниковъ, дравшихся въ Тору. Всѣ стояли молча и видимо чего-то ожидали.

Гордо, какъ будто она входила въ хороводъ, Аліэтта поздоровалась съ тѣми, кого знала, и, казалось, не замѣчала ни присутствія габіонокъ, ни нашего смущенія. Ведя насъ за собою, Аліэтта прошла черезъ комнату и вышла въ садъ. Тутъ былъ накрытъ столъ на 25 приборовъ. Скатерть и салфетки были изъ небѣленаго полотна. Старикъ Аліэтъ уставлялъ бутылки.

— А! г. парижанинъ, закричалъ онъ, увидѣвъ меня.—Посмотримъ, посмѣютъ-ли у меня украсть эти бутылки? Пусть только придутъ прощалыги!

Онъ засмѣялся, потомъ, поцѣловавъ дочь и любуясь ею, продолжалъ:

— Если эти дряни изъ Габіона скажутъ тебѣ, что ты не красива, позови меня!

Пока онъ здоровался съ Эмильеномъ, дѣвушки и молодые люди вышли въ садъ и остановились у стола. Я спросилъ у кормилицы, не были-ли они всѣ ея питомцами.

— Моихъ питомцевъ тутъ пятеро, съ гордостью отвѣчала она,—и я хочу, чтобы всѣ мои дѣти обнялись сегодня вечеромъ, всѣ, непремѣнно всѣ. Для этого-то я и собрала ихъ всѣхъ у себя. Я знаю исторію, происшедшую во время богомолья. Моя Аліэточка немного избалована и слишкомъ самолюбива; но онѣ объяснятся, я хочу, чтобы онѣ объяснились при мнѣ и при моемъ мужѣ, онъ человѣкъ безпристратный. Онъ скоро вернется съ работы.

Она подошла къ старику Аліэту, который, стоя у двери, освобождалъ г-жу Кристофоръ отъ свертковъ съ провизіей. Я хватился Эмильена. Къ моему изумленію, я увидѣлъ его рядомъ съ Аліэттой. Они шли молча по извилистой дорожкѣ. Онъ, очень взволнованный, она, очевидно, кокетничая и бросая взгляды по направленію къ столу, у котораго стояла вся остальная компанія. Вдругъ, съ видомъ человѣка, принявшаго отчаянное рѣшеніе, онъ загородилъ дорогу молодой дѣвушкѣ и задыхающимся голосомъ произнесъ слова, которыя я отлично разслышалъ, потому что они подошли уже довольно близко ко мнѣ.

— Я васъ люблю, хотите-ли вы быть моей женой?

Она вскрикнула; потомъ, продолжая идти по направленію къ дому, отвѣчала, волнуясь, звонкимъ голосомъ:

— Вашей женой... какъ! вдругъ, сію же минуту, вашей женой?

Она звонко засмѣялась и, полуобернувшись къ влюбленному, попятилась отъ него. О, какое было блистательное начало для ея торжества, ради котораго она и привезла насъ на праздникъ.

Ея смѣхъ привлекъ нѣсколькихъ дѣвушекъ и тѣ подошли къ ней. Съ видомъ взволнованной стыдливости, она начала имъ разсказывать о томъ, что произошло въ аллеѣ. Эмильенъ стоялъ, какъ пораженный громомъ. Наконецъ, Аліэтъ подошелъ къ моему бѣдному другу и насмѣшливо проговорилъ:

— Вы дѣлаете намъ большую честь, г. Лафельядъ, но есть-ли у васъ деньги?

Уже нѣсколько минутъ сердце мое билось отъ негодованія.—Но при этой дерзости я былъ не въ силахъ долѣе сдерживаться; со всѣмъ пыломъ юности, не думая о томъ, что скажу, я вскричалъ:

— Деньги, г. Аліэтъ, деньги! Г. Лафельядъ презираетъ ихъ, потому что онъ можетъ завтра же имѣть въ одномъ изъ своихъ кармановъ столько, сколько не наберется во всѣхъ вашихъ! Онъ баккалавръ! Ему стоитъ захотѣть и онъ будетъ мильоперомъ, префектомъ, министромъ! И нельзя допустить, чтобы баккалавръ выслушивалъ дерзости отъ содержателя экипажей!

Эта неожиданная защита и особенно энергія, которая звучала въ моемъ голосѣ, уничтожили Аліэта, который, очевидно, не только не подозрѣвалъ величія, но даже не зналъ и названія титула моего друга. Онъ поклонился съ уваженіемъ.

— Г. парижанинъ, сказалъ онъ мнѣ,—я этого не зналъ; у меня и въ мысли не было оскорбить г. Лафельяда... Баккалавръ!

При этомъ извиненіи все общество выразило удовольствіе и кормилица, чтобы прекратить общее неловкое положеніе, весело закричала:

— Музыкантъ! вотъ и музыкантъ! Начинайте же танцовать!

Старикъ въ зеленой курткѣ, которая, вѣроятно, сохранялась со дня его свадьбы, и въ колпакѣ такой же древности, былъ радостно принятъ габіонками. Онъ сѣлъ и съигралъ на своемъ кларнетѣ прелюдію.

Между тѣмъ Аліэтта подошла ко мнѣ, какъ бы не замѣчая строгаго выраженія моего лица.

— Вы очень хорошо говорили, сказала она мнѣ льстиво;—у отцовъ на умѣ лишь деньги, но дочки очень хорошо понимаютъ, что такое баккалавръ. Да! да!

Я оставался очень серьезенъ и не отвѣчалъ. Тогда она протянула мнѣ только что сорванную розу. Въ ту минуту изъ-за куста выходилъ съ однимъ изъ молодыхъ людей Эмильенъ. Я сдѣлалъ знакъ Аліэттѣ, чтобъ она удалилась. Она не тронулась съ мѣста; когда же подошелъ Эмильенъ, она протянула ему розу. Онъ поклонился, но розы не принялъ, взялъ меня подъ руку и увлекъ въ глубину сада, который былъ довольно обширенъ. Здѣсь, съ искаженными чертами лица, хриплымъ голосомъ онъ сказалъ мнѣ:

— Я видѣлъ твой знакъ Аліэттѣ. Она любитъ тебя... Въ день богомолья она поцѣловала тебя въ виноградникѣ за монастыремъ... У васъ былъ свидѣтель, который и разсказалъ мнѣ это...

И онъ указалъ на молодого человѣка, съ которымъ только что гулялъ.

— Ты изъ жалости ко мнѣ скрывалъ это, не правда-ли?

О, какимъ отчаяннымъ голосомъ были сказаны эти слова. Двѣ слезы скатились изъ моихъ глазъ.

— О! Мой дорогой, мой единственный другъ! сказалъ я,—да, это правда, она поцѣловала меня; но она не любитъ меня; она никогда никого не любила и не полюбитъ, потому что это чудовище! Я уже говорилъ тебѣ это, и тогда же разсказалъ бы тебѣ все откровенно, если бы ты былъ въ состояніи выслушать меня. Уйдемъ отсюда... она поцѣловала меня... нѣтъ, это не она, это ея раненное тщеславіе поцѣловало меня, ради банальнаго утѣшенія, которое я ей бросилъ, какъ милостыню. Уйдемъ отсюда; ты узнаешь все, ты, наконецъ, поймешь, что за ледяная душа у этой несчастной. Пойдемъ!

Онъ послѣдовалъ за мной, но двое молодыхъ людей остановили насъ и спросили насъ съ утонченной вѣжливостью, будемъ-ли мы танцовать? Очевидно, габіонки подослали ихъ къ намъ, чтобы завязать ссору. Между деревьями я видѣлъ вызывающія улыбки этихъ очаровательныхъ дѣвушекъ.

— Слушай, сказалъ я Эмильену,—ты сейчасъ клялся Аліэттѣ и я, кажется также, танцовать лишь съ нею и не смотрѣть даже на габіонокъ... Ихъ четыре, ну такъ мы протанцуемъ съ каждой изъ нихъ поочередно и потомъ уйдемъ.

— Иди танцуй, отвѣчалъ онъ, — я подожду тебя.

Я подошелъ къ танцующимъ и пригласилъ самую красивую дѣвушку.

— Съ удовольствіемъ, звучнымъ голосомъ, съ любезной улыбкой отвѣчала она.

Меня окружили, меня хвалили. Я оглядѣлся кругомъ; къ несчастью, Аліэтта не присутствовала при моемъ клятвопреступленіи. Музыкантъ пошелъ закусить. Наконецъ, онъ появился снова и знакомъ подозвалъ меня; я подошелъ къ нему.

— Кормилица зоветъ васъ, милостивый государь, сказалъ онъ мнѣ.

Я вошелъ въ корридоръ, который былъ рядомъ съ главной комнатой. Тамъ было довольно темно. Вдругъ, изъ полуоткрытой двери, чьи-то руки схватили меня и втащили въ маленькую комнатку.

— Аліэтта, вскрикнулъ я.

— Да, Аліэтта, клятвопреступникъ, лгунъ и злой, потому что теперь вы хотите оскорбить меня! Я все видѣла изъ окна. Вы не будете танцовать!

Она схватила меня за пальто; я оттолкнулъ ее. Тогда она, какъ сумасшедшая, бросилась къ двери, заперла ее на ключъ и положила его въ карманъ.

— Несчастная! вскричалъ я, — насъ увидятъ.

— Вы поклялись танцовать лишь со мною.

— Нѣтъ, нѣтъ, мы не будемъ болѣе куклами въ вашихъ рукахъ! Мой другъ страдаетъ, онъ меня подозрѣваетъ, онъ меня обвиняетъ! Мы уходимъ.

— Уйти! они хотятъ уйти! О! подлецы! они способны уйти! о! о!

И она съ яростью затопала ногами.

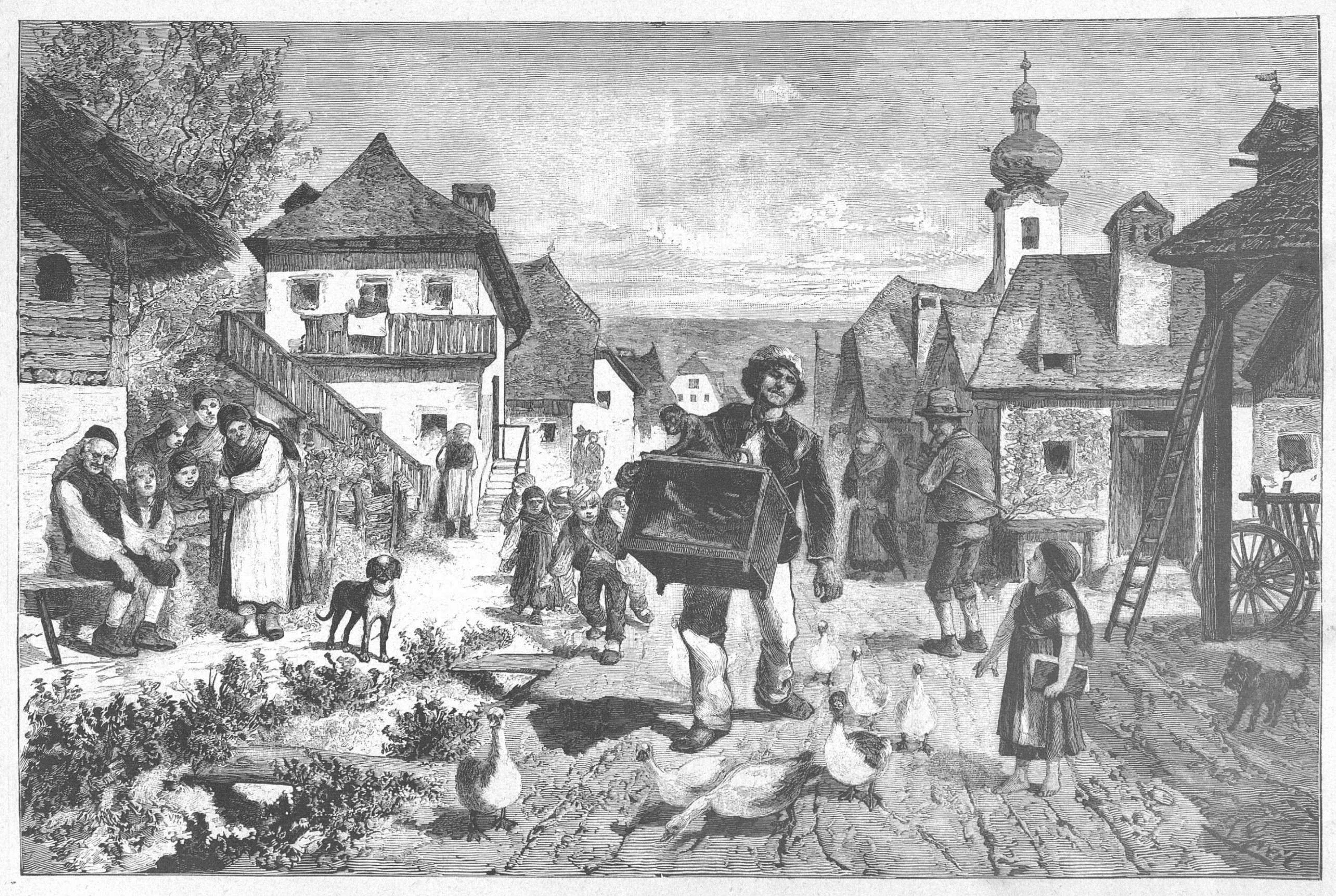
— Но, Аліэтта, поймите меня; Эмильенъ тамъ Онъ можетъ придти; другіе также!

— Тамъ танцуютъ; вотъ музыка, вы не уйдете!

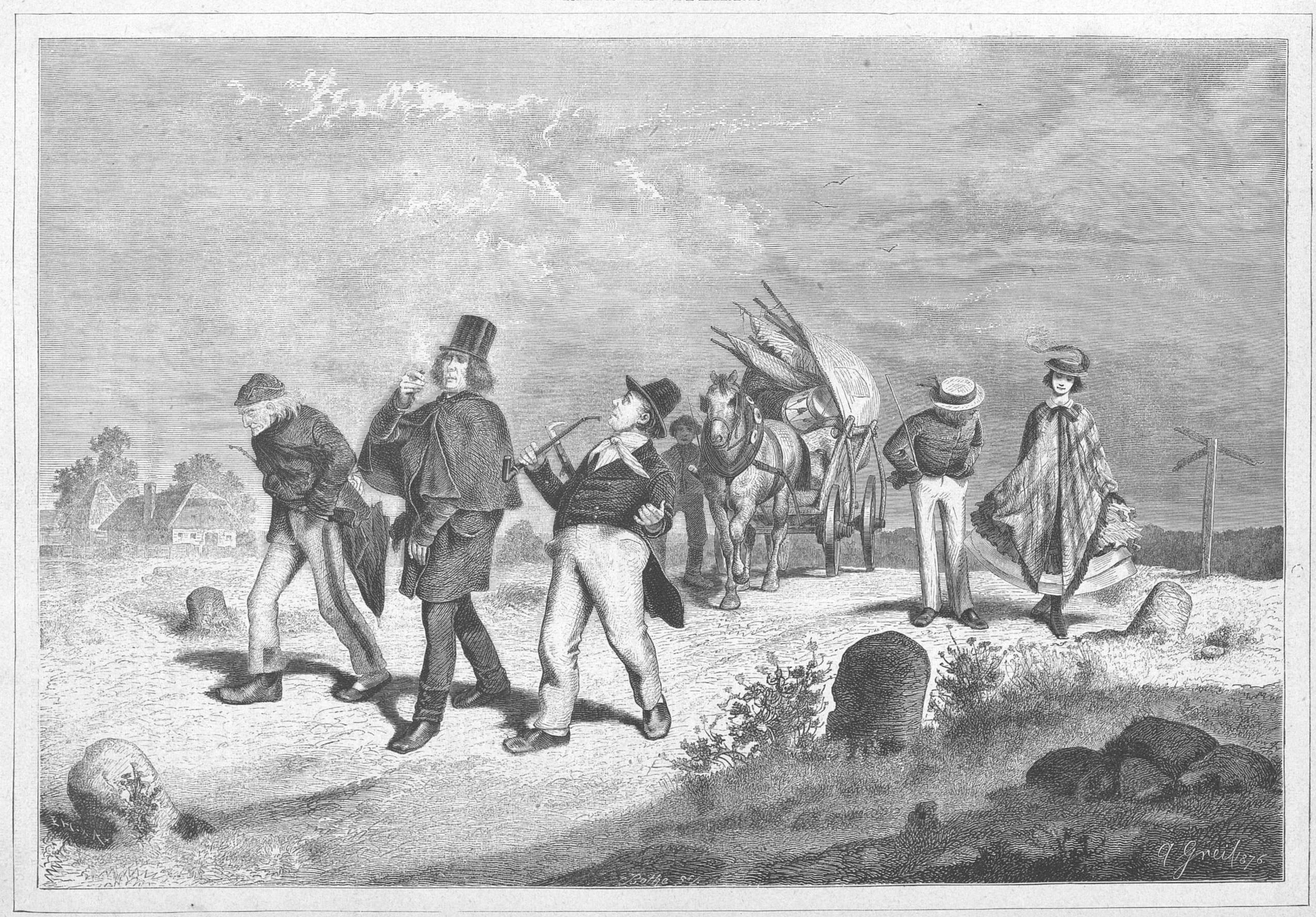
— Отдайте мнѣ ключъ или я вырву его у васъ.

Я сказалъ это такимъ тономъ, что она утихла.

— Слушайте, сказала она,—я вамъ не сдѣлала зла, будьте же и вы добры со мною; вы мужчина; мужчины должны защищать женщинъ. А вы хорошо видите, что, уходя, вы убиваете меня, покрываете меня стыдомъ и униженіемъ,

Шарманщикъ.

Странствующіе актеры.

что оскорбленіе, во время богомолья, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что вы собираетесь сдѣлать! О, сжальтесь же надо мною!

Теперь она плакала, отчаянно качала головою, съ мольбой складывала руки. Я былъ тронутъ.

— Сначала отоприте, сказалъ я.

— Я отопру, тихо отвѣчала она, покорно опустивъ голову.

Она сдѣлала шагъ къ двери, остановилась, посмотрѣла на меня со всѣмъ могуществомъ своихъ прекрасныхъ глазъ и вдругъ бросилась мнѣ на шею, какъ и въ виноградникѣ, но на этотъ разъ не спрятавъ лица на моемъ плечѣ. Я былъ ослѣпленъ, уничтоженъ... и осыпалъ ея лицо поцѣлуями. Постучали въ дверь, послышался голосъ.

— Это моя тетя, сказала Аліэтта.

Она отперла дверь, поцѣловала мимоходомъ г-жу Кристофоръ и ушла.

— Какъ! почти строго сказала мнѣ г-жа Кристофоръ,—развѣ можно запираться на ключъ съ молодой дѣвушкой? Къ счастью, вы честный человѣкъ и гости ничего не подозрѣваютъ, они въ это время танцовали; только одинъ вашъ другъ видѣлъ васъ въ замочную скважину, я его застала...

— Эмильенъ! Эмильенъ видѣлъ меня!.. Гдѣ онъ?

— Убѣжалъ.

— О!

— Да, со всѣхъ ногъ.

Я прислонился къ стѣнѣ, чтобы не упасть; потомъ, пересиливъ себя и отстранивъ г-жу Кристофоръ, я бросился на улицу. Въ нѣсколько прыжковъ я выбѣжалъ изъ деревни, взбѣжалъ на гору и въ страшномъ безпокойствѣ сталъ осматривать дорогу и тропинки. Наконецъ, довольно далеко, между деревьями, мнѣ показалось, что я увидѣлъ Эмильена. Радостный крикъ вырвался у меня и слезы полились градомъ. Онъ былъ живъ.

Да, съ первой же минуты мысль о самоубійствѣ Эмильена засѣла мнѣ въ голову. Любовь, дружба—все у него разбито; его довѣріе обмануто, всѣ несчастія разразились надъ нимъ; нѣтъ, эта глубокая душа не въ состояніи будетъ вынести такого отчаянія... Онъ былъ живъ! Это былъ онъ, я узналъ его по платью и по походкѣ. Онъ возвращался въ монастырь; только сердце разобьется въ немъ; я буду лишь полу-убійцей. Онъ будетъ жить!

Я побѣжалъ со всѣхъ ногъ, надрывая грудь рыданіями; я хотѣлъ видѣть, какъ онъ позвонитъ у воротъ монастыря. «Еще нѣсколько дней, думалъ я, и онъ узнаетъ правду этой роковой минуты, если бы даже пришлось для того, чтобы убѣдить его, притащить къ нему Аліэтту за волосы».

Черезъ четверть часа я потерялъ его изъ виду въ извилинахъ дороги. Тропинки, ведущія въ виноградники, пересѣкали одна другую. Я узналъ ту, на которой въ первый разъ... Группы оливковыхъ деревьевъ мѣшали мнѣ видѣть вдаль. Вмѣсто того, чтобы идти черезъ виноградники, я рѣшилъ, что мнѣ было проще направляться прямо въ Мужеръ; Эмильенъ могъ пройти туда какой-нибудь окольной дорогой. Я побѣжалъ и позвонилъ у воротъ монастыря. Онъ не приходилъ еще. Тогда я быстро побѣжалъ назадъ и принялся громко звать его. Страшное предчувствіе снова овладѣло мной. Минутъ десять я шелъ и кричалъ, какъ вдругъ, на одной изъ тропинокъ, я увидѣлъ бѣжавшаго крестьянина съ поднятыми руками, съ лицомъ, искаженнымъ ужасомъ.

— Онъ умеръ! крикнулъ я.

— Тамъ, въ этомъ рвѣ, отвѣчалъ крестьянинъ, —я вытащилъ ножъ.

Я побѣжалъ въ ровъ, на который онъ указалъ. Эмильенъ лежалъ тамъ...

Я бросился на трупъ, началъ цѣловать его въ глаза, въ губы, потомъ схватилъ ножъ, который валялся тутъ же рядомъ. Крестьянинъ грубо обезоружилъ меня, схватилъ въ охапку и держалъ до тѣхъ поръ, пока я нѣсколько успокоился. Потомъ онъ разсказалъ мнѣ, что двадцать минутъ тому назадъ онъ работалъ въ своемъ виноградникѣ. Несчастный подошелъ къ нему и попросилъ одолжить ножъ, чтобы срѣзать съ дерева вѣтку.

— Онъ взялъ ножъ, пришелъ сюда... Я видѣлъ, какъ онъ зарѣзался, бѣдный мальчикъ!

— Останьтесь тутъ, постерегите его, сказалъ я крестьянину,—я сейчасъ вернусь.

Я снова побѣжалъ въ Ко; я бѣжалъ, какъ сумасшедшій; черезъ десять минутъ я былъ уже тамъ. Я хотѣлъ поразить Аліэтту этимъ ужаснымъ извѣстіемъ, хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, доставить моему бѣдному другу удовлетвореніе въ ея крикѣ раскаянія и жалости, если ужь не любви. Я вошелъ въ домъ. Сидѣли за столомъ. Изъ сада я услыхалъ слѣдующія слова:

— Но куда же они ушли?

Голосъ Аліэтты отвѣчалъ:

— Можетъ быть, они пошли драться.

— Изъ-за тебя? спросила ее съ ироніей одна изъ дѣвушекъ.

Я вошелъ. При взглядѣ на мое лицо, всѣ замолчали.

— Онъ умеръ! Онъ зарѣзался! сказалъ я.

— Изъ-за меня? спросила Аліэтта, немного поблѣднѣвъ.

— Изъ-за васъ!

Тогда, высоко поднявъ голову, съ торжествующей улыбкой, она оглядѣла габіонокъ и громкимъ голосомъ проговорила:

— Посмѣйте теперь сказать, что я не хорошенькая дѣвушка!

Только чрезъ четверть часа я пришелъ въ сознаніе: я упалъ, какъ пораженный громомъ, при словахъ Аліэтты. На другой день, похоронивъ моего бѣднаго Эмильена, я уѣхалъ въ Парижъ.

Сказавъ это, Поль Генекенъ всталъ и вышелъ. Споръ о женщинахъ снова начался.

Бродячая труппа актеровъ.

Очеркъ **К. Вакано.**

Примадонна придворной оперы въ В., Теа Кортези, была дурно настроена и никого не хотѣла принимать къ себѣ. Вслѣдствіе этого принимать разныхъ посѣтителей приходилось госпожѣ Эльстеръ, компаньонкѣ молодой примадонны. Госпожа Эльстеръ когда-то тоже удостоивалась тріумфовъ и овацій, въ качествѣ актрисы, но времена измѣнились и ей пришлось подъ старость занять мѣсто дуэньи при молоденькой Кортези.

Первое лицо, о посѣщеніи котораго доложила горничная Эрнестина, было... «женщина».

— Женщина! со вздохомъ повторила госпожа Эльстеръ.—Что-жь, введите и женщину! Да кто она? Какъ она выглядитъ? Что ей нужно?

— На ней шляпка изъ желтаго tulle anglais съ ярко красною розою, отвѣтила горничная.— Зовутъ ее Порція Ейнгейзель; называетъ она себя директриссою театра и говоритъ, что желаетъ познакомиться съ синьорой. Тонъ какой-то наглый...

— Ну, ну, вводите желтую шляпку съ красными розами, проговорила госпожа Эльстеръ.

Горничная вышла и черезъ минуту въ комнату влетѣла съ распростертыми объятіями комическая фигура старой бродячей актрисы.

— Вотъ она, вотъ она, Кортези, чудная Кортези! воскликнула посѣтительница, направляясь къ г-жѣ Эльстеръ.

Госпожа Эльстеръ уклонилась отъ объятій, проговоривъ поспѣшно:

— Вы ошибаетесь! Я не синьора Кортези! Вы, кажется, очень плохо знаете въ лицо своихъ подругъ.

Старуха нисколько не смутилась и бойко произнесла:

— Такъ, такъ! Это вовсе не Кортези! Но съ кѣмъ же я имѣю удовольствіе говорить?

— Я—Эльстеръ, компаньонка синьоры, и прошу васъ поскорѣе изложить, что вамъ нужно отъ синьоры Кортези. У меня найдется, впрочемъ, въ карманѣ гульденъ... если этого съ васъ довольно...

Но Порція Ейнгейзель уже снова открыла объятія и кричала:

— Эльстеръ! Эльстеръ! Теперь только я узнала тебя! Вѣдь ты была самою знаменитою «Терезой Кронсъ» на нѣмецкой сценѣ. И ты не узнаешь меня? Неблагодарная! А я узнала тебя, хотя ты и растолстѣла. Правда, меня страшно изнурила судьба. Я...

— Госпожа Ейнгейзель, или что-то въ родѣ этого, какъ мнѣ сказала горничная...

— Не Ейнгейзель вовсе! Для тебя, Эльстеръ, я остаюсь все по старому неизмѣнною, единственною...

— Годорекъ! воскликнула компаньонка, внезапно вспомнивъ это лицо, эту фигуру.—Годорекъ! Теперь мнѣ все ясно! Моя первая директрисса!

— Да, да, неблагодарная, я твоя первая директрисса!

— Но, скажи, пожалуйста, съ чего это ты съ такою увѣренностью обращаешься ко всѣмъ «на ты», даже къ самой синьорѣ Кортези?

— Потому, что я всѣхъ знавала, должна была знать, съ гордостью отвѣтила желтая шляпка.—Гдѣ это есть такая сцена, на которой-бы я не была примадонной, трагической актрисой, комической старухой, субреткой, хористкой, парикмахершей, швеей или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ?.. Ахъ, дитя, хороши были времена, когда я ввела тебя на сцену...

— Да, когда ты узнала, что я приношу на сцену сотни двѣ гульденовъ, ты сдѣлалась мнѣ второю матерью. Кстати, какъ это ты пріобрѣла нынче имя Ейнгейзель?

— Ейнгейзель былъ моимъ послѣднимъ мужемъ, сказала старуха, дѣлая трагическій жестъ. —Но и онъ сошелъ въ могилу и я осталась несчастнымъ, безпомощнымъ, брошеннымъ созданьемъ и начинаю понемногу приходить въ отчаянье. У меня есть разрѣшеніе на открытіе театра. Но ты знаешь, что бываетъ, когда входишь съ кѣмъ нибудь въ долю...

— Еще бы, засмѣялась госпожа Эльстеръ.— Тотъ, кто стоитъ у кассы, беретъ все себѣ.

— Да, истиннаго искусства болѣе не существуетъ. И кромѣ того, я ищу еще свою дочь! Ахъ, Лиди, Лиди Годорекъ?

— Годорекъ?

— Да, такъ назывался мой второй мужъ. На четырнадцатомъ году я ввѣрила ее одному директору въ Штейермакѣ. Тамъ она и осталась.

— Что она тамъ дѣлаетъ?

— Пропала, совсѣмъ пропала, продекламировала старуха.

— Совсѣмъ пропала?

— Да, совсѣмъ! вздохнула старуха.—Я какъ сейчасъ вижу ее въ ту минуту, когда она пропала. Это было въ Поттинбруннѣ. Я должна была остаться, потому что я была приглашена въ Тессдорфъ играть благородныхъ матерей, ее же впервые пригласилъ кроатъ Нейденфрейхъ. Я проводила труппу до мѣста. Это было въ прекрасный лѣтній день, какъ говоритъ леди Мильфордъ. Впереди шелъ старый директоръ, который такъ долго игралъ Франца Мора, что у него на лицѣ осталось навсегда выраженіе плута. Я умоляла его, чтобы онъ защитилъ святую ду-

шу моей Лиди. Онъ поклялся. Рядомъ съ нимъ шелъ великій трагикъ — въ сущности великій оселъ, но онъ могъ сводить концы съ концами вслѣдствіе своего сходства съ Іосифомъ Вагнеромъ, на имя котораго онъ даже дѣлалъ долги и потомъ женился на дочери мѣдника. Я и его умоляла и онъ тоже поклялся быть двоюроднымъ братомъ моей дочери. Тутъ же шелъ комикъ Мартинкали, человѣкъ, копировавшій Шольца и жившій фабрикаціей ваксы. Далѣе ѣхала повозка съ декораціями. Затѣмъ шелъ первый любовникъ, Квазель, а съ нимъ шла и Лиди, моя Лиди. Квазель былъ молодой, красивый блондинъ, чувствовавшій призваніе къ искусству, потому что его дядя былъ извѣстнымъ комикомъ въ В. Онъ и Лиди шли все медленнѣе и, наконецъ, совсѣмъ отстали. Я увидала это, стоя на постояломъ дворѣ. Небо было лазурное и безоблачное, птички чирикали на деревьяхъ, я еще разъ разглядѣла красную шаль моей Лиди и — вся труппа исчезла изъ моихъ глазъ. Съ той поры я ничего не слыхала о моей Лиди. Никто не говоритъ, что изъ нея вышло. Она выступила въ Нейштадтскомъ театрѣ и провалилась, какъ «она открыла свое бсердце», а затѣмъ и исчезла, исчезла совсѣмъ. Говорятъ, что ее видѣли въ Иглау съ фельдфебелемъ тамошней полковой канцеляріи, но я не вѣрю этому. Я скорѣе думаю, что ее...

— Убили? тѣмъ же трагическимъ тономъ докончила госпожа Эльстеръ.

— Нѣтъ! Я думаю, что она составила себѣ карьеру и перемѣнила имя, такъ какъ я ищу ее въ каждомъ мѣстечкѣ, въ каждомъ городѣ, въ каждомъ театральномъ альманахѣ, въ каждой афишѣ. Но все напрасно! О Лиди, Лиди, гдѣ ты?

Въ эту минуту въ комнату вошла молодая, красивая, элегантно одѣтая придворная артистка, игравшая на королевскомъ театрѣ пажей. Она, не взглянувъ даже на старуху, быстро подошла къ госпожѣ Эльстеръ и пролепетала:

— Я заѣхала сказать милой Теа, что я вчера уѣхала, не простясь, съ пикника, только потому, что мнѣ понездоровилось и мой женихъ, графъ, увезъ меня домой. Я думаю, Теа не сердится на меня за это и не подумаетъ ничего дурного?

Компаньонка не успѣла еще отвѣтить гостьѣ, какъ госпожа Ейнгейзель испустила страшный вопль. Молоденькая дѣвушка испугалась.

— Небо, мое дитя! кричала Ейнгейзель.

— Господи, моя мама! воскликнула хорошенькая актриса.

— Лиди!

— Мама!

— Лиди Годорекъ!

— Меня зовутъ теперь фрейленъ Доре, отвѣтила молодая дѣвушка, вздрогнувъ.

Ейнгейзель стремительно обняла ее.

— Лиди, дитя мое! Гдѣ же ты скиталась? Почему не извѣщала о себѣ? На тебѣ шелковое платье? Заплочено-ли за него? Кажется, на твоей шляпѣ настоящія страусовыя перья? Да говори же, дитя!

— Ты сомнешь мои оборки, мама!.. Я здѣсь ангажирована. Почему я не писала? Да гдѣ же мнѣ было искать тебя? И кромѣ того... я буду откровенна... у меня есть женихъ здѣсь, рекомендованный мнѣ первымъ любовникомъ, съ которымъ я тогда бѣжала изъ труппы. Мой женихъ графъ и я должна была поклясться ему, что я дочь одного изъ валахскихъ господарей... иначе онъ не женится на мнѣ.

— Ты отлично сдѣлала, мое дитя! воскликнула старуха въ восторгѣ.—Такъ и надо дѣлать! Я никогда не выдамъ тебя. Развѣ послѣ свадьбы скажу, что я тебѣ мать. Но вѣдь ты возьмешь меня къ себѣ? не въ качествѣ матери, конечно, но какъ каммеръ-юнферу.

— О, конечно!

— Ты какъ ангажирована?

— На роли пажей, мама.

— На роли пажей. Значитъ въ качествѣ ногъ. Прочное положеніе! Очень прочное! Да, я всегда, всегда говорила, что талантъ переходитъ по наслѣдству.

— Прошу тебя, милая Ейнгейзель, безцеремонно сказала госпожа Эльстеръ,—разскажи свою біографію своей дочери у себя дома... я слышу, кто-то идетъ...

— Поѣдемъ, мама! сказала Лиди.—Я въ сущности рада, что мы можемъ наболтаться съ тобою...

— Не мама, дитя мое, не мама! воскликнула трагическимъ тономъ Порція.—Отнынѣ я для тебя просто Ейнгейзель! Вспомни о своемъ графѣ!

Два эгоизма.

(Ст. Н. В. Ш—ва.)

Какая, повидимому, противоположность двѣ недавнія жертвы уголовнаго правосудія и «общественнаго темперамента»—Гулакъ-Артемовская и Ковальчукова! Вы говорите, онѣ продуктъ общества. Но позвольте, если общество создаетъ человѣка, развѣ не человѣкъ создаетъ и общество? Наконецъ, развѣ исторія не борьба личности съ обществомъ, развѣ она не нескончаемый антагонизмъ, развѣ новое убійство Каиномъ Авеля не повторилось еще вчера на нашихъ глазахъ, точно библейскихъ шести тысячъ лѣтъ вовсе не было? И ровно шесть тысячъ лѣтъ Каинъ каждый день убиваетъ Авеля, а что же мы знаемъ о Каинѣ и объ Авелѣ? И новый Каинъ и новый Авель опять передъ нами; мы ихъ судимъ и все-таки ихъ не знаемъ. Жизнь Гулакъ-Артемовской и Ковальчуковой была, повидимому, совсѣмъ разоблачена, но и та, и другая остались загадкой.

Факты, которые обнаружилъ судъ, страшные факты, нехорошіе факты. Г-жа Гулакъ-Артемовская, какъ ее трактовали на судѣ, не женщина, это что-то холодное, головное, безстрастное, неспособное любить, неспособное ни на жертву, ни на самопожертвованіе. Для нея золото — единственная цѣль жизни, для нея люди, точно цифры, съ которыми она упражняется въ сложеніи, вычитаніи, умноженіи и дѣленіи; они для нея простыя средства и она съ адскимъ, холоднымъ, спокойнымъ разсчетомъ эксплуатируетъ ихъ. Она неспособна ни на уступку, ни на прощеніе; она подобно Ласенеру не можетъ слышать равнодушно звона золота и видѣть деньги въ чужихъ рукахъ. Она устраняетъ человѣка, если онъ стоитъ на дорогѣ, и если она не была убійцей, то кто знаетъ, остановилась-ли бы женщина ея типа передъ отравой. Самый близкій къ ней человѣкъ, ея тетка, говоритъ, что она характерна.

Эта характерная женщина, какъ видно изъ словъ прокурора, обладала плѣнительной внѣшностью, дѣйствовала на мужчинъ притягательно и, зная свою власть надъ ними, пользовалась ею. Все это дѣлалось безъ всякаго участія сердца, не по чувству, не по стремленію къ людямъ, не изъ потребности душевнаго общенія, а только для денегъ: ей были нужны не люди, а кредитные билеты. Спокойно, холодно составляла она планъ нападенія на избранную жертву и также спокойно и холодно приводила его въ исполненіе. Когда она намѣтила Пастухова, она заранѣе познакомилась съ г. Полевымъ, но не Полевой былъ ей нуженъ, какъ не былъ ей нуженъ и Пастуховъ. Она дѣлаетъ надъ Полевымъ нравственное насиліе, сама пріѣзжаетъ къ нему на обѣдъ и, не торопясь, медленно, шагъ за шагомъ, вкрадывается къ нему въ довѣріе, приглашаетъ его къ себѣ, ласкаетъ съ замѣчательной ловкостью, показываетъ, что интересуется лично имъ, старается обойти его всѣми средствами, а между тѣмъ высматриваетъ его слабости и, подмѣтивъ, что онъ любитъ вино, пользуется имъ, какъ средствомъ. Подпоивъ, она распрашиваетъ о Пастуховѣ, богатъ-ли онъ, располагаетъ-ли своимъ капиталомъ, можетъ-ли жениться, женился-ли бы онъ на ней? Намѣтивъ себѣ новую жертву, она приглашаетъ къ себѣ доктора К. въ домашніе врачи и плѣняетъ его щедрымъ гонораромъ; когда онъ отказывается, она проситъ его давать ей уроки англійскаго языка, ежедневно, за плату по 10 руб. за урокъ... Но К. — новый Полевой; онъ только средство, чтобы познакомить ее съ богачемъ Горвицомъ. Когда она завлекала Пастухова, она хотѣла устроить ему сбыть желѣза изъ его заводовъ; но Пастуховъ оказался не жаднымъ на деньги. Тогда она пустила въ ходъ свои женскія чары, задушевность, свои музыкальныя способности и таланты. Она не пренебрегала никакими средствами и не опредѣляла ихъ моральности, она пользовалась всѣмъ, что только вело къ цѣли.

Совершенно также она относилась ко всѣмъ, кто былъ ей нуженъ. Она была окружена какими-то таинственными темными личностями, большею частію ограниченными, но за то и болѣе пригодными для ея цѣли. Съ какимъ-то Хаймовичемъ, путешествующимъ подъ вымышленной фамиліей, она обыгрываетъ, заграницей, богатаго сибирскаго купца и беретъ съ него вексель въ 96000 руб. Она пользуется безличнымъ, ничтожнымъ, ограниченнымъ новгородскимъ купеческимъ сынкомъ и заставляетъ его сочинить подложные векселя, расчитывая, что братья Пастуховы не пойдутъ на судебный процессъ, позорящій память ихъ брата. Она пользуется преданными ей Зыбиной и Митропольской: и на ихъ имя замотавшійся Логиновъ даетъ дутыхъ векселей на 460,000 р. Она знаетъ, что если съ его отца получитъ и по 10 коп. съ рубля, то это составитъ очень почтенную цифру въ 46,000 руб. Она объигрываетъ Пастухова въ дурачки на 160,000 р. Она съ полнѣйшимъ безсердіемъ заставляетъ одного несчастнаго еврея отдавать ей по 3,000 руб. пачку за пачкою и понукаетъ его: «что вы, давайте же все!» И онъ отдаетъ ей все — всѣ 40,000 руб. и уходитъ, проклиная и Петербургъ, всѣ его дѣла и всѣ его салоны. Она не гнушается и мелкими кушами, она объигрываетъ Полевого въ дурачки на 150 руб.; она не стѣсняется пріѣхать къ человѣку, котораго не видала три года и просить у него 300 р. для какого-то благотворительнаго дѣла; она, увидѣвъ у Пастухова мѣшечекъ съ золотомъ, проситъ на память одинъ изъ полуимперіаловъ, а когда тотъ согласился, она говоритъ: «а что если я всѣ возьму» и увозитъ мѣшочекъ съ собой. Она «проводила» разныя дѣла, пользовалась для этого своимъ знакомствомъ, связями, родствомъ, устраивала нарочно знакомства съ вліятельными лицами и много, много денегъ, какъ она сама говоритъ, добыла этимъ путемъ.

Обнаружилась на судѣ и еще одна ея черта Она съ беззастѣнчивостью отрицала показанія самыхъ достовѣрныхъ свидѣтелей, отказывалась отъ своихъ словъ, а чтобы оправдаться въ подлогѣ векселей, она не побоялась сдѣлаться даже клеветницей. И на кого же она клеветала? На покойника, который не могъ быть спрошенъ и не могъ оправдываться. Она говорила, что фальшивые векселя ей были выданы самимъ Пастуховымъ и хотя даже для ея неопытнаго глаза, была замѣтна разница въ почеркѣ, но она не знала, чѣмъ это объяснить. Какъ бы боясь оскорбить память покойника, котораго она считала честнымъ человѣкомъ, она, опустивъ скромно глаза, сказала: «я не знаю, какую онъ причину имѣлъ мнѣ мстить... Что я не вышла за него замужъ? Но за это мстить нельзя»... И прокуроръ былъ правъ, когда говорилъ присяжнымъ, что имъ приходится судить трехъ лицъ, «одинъ изъ нихъ не-

видимый подсудимый, прожившій всю жизнь честно, несчастный идеалистъ, влюбившійся и умершій съ разбитымъ сердцемъ человѣкъ, жизнь котораго не имѣетъ на себѣ пятна и о памяти котораго нельзя говорить безъ уваженія; онъ обвиняется Гулакъ-Артемовскою въ томъ, что, взявъ у нея деньги, совершилъ завѣдомо подлогъ собственной подписи и коварно, изъ мести или корысти, выдалъ ей подложные векселя, изготовленные имъ при помощи Богданова... И память умершаго имѣетъ свои права, и мертвый человѣкъ имѣетъ свою честь. Но какое ей было дѣло до чести мертваго человѣка, когда для нея не существовало чести у живыхъ людей!

Изъ всѣхъ разоблаченій, какія были сдѣланы на судѣ, ни одно не раскрыло сердца, не разоблачило души этой женщины, точно у нея не было ни сердца, ни души. Всѣ говорили только объ ея дѣловитости, о ея холодномъ коммерческомъ разсчетѣ, объ ея искуствѣ эксплуатировать. Она устроила у себя роскошный салонъ, въ которомъ умѣла являться по желанію, то самымъ холоднымъ, сосущимъ дѣльцомъ, то очаровательной хозяйкой, съ аристократическимъ пошибомъ, то вкрадчивымъ другомъ, но ни одинъ изъ свидѣтелей ни однимъ словомъ не заикнулся объ ней, какъ о женщинѣ. Въ то время, какъ Ковальчукова разоблачалась, какъ чувственность, какъ женщина, для которой жизнь была нескончаемымъ садомъ розовыхъ кустовъ и наслажденій, о Гулакъ-Артемовской говорятъ всѣ съ какимъ-то отталкивающимъ холодомъ, не допуская въ ней ни малѣйшаго чувства, ни малѣйшей сердечности. А между тѣмъ и Гулакъ-Артемовская была женщиной, можетъ быть, не меньше, чѣмъ и Ковальчукова. На судѣ было прочитано ея интимное письмо къ Пастухову, въ которомъ она говоритъ: «Мнѣ право стыдно, что ты извиняешься передо мною, которая такъ часто была виновата передъ тобою... Твоя единственная вина будетъ та, если ты будешь сомнѣваться въ моей безграничной готовности... Даю святое слово исправиться и быть болѣе достойною тебя»... Когда это письмо было прочитано, подсудимая пришла въ сильное волненіе и заплакала; небудучи въ состояніи отъ слезъ говорить, она прерывающимся голосомъ молила:—«Я женщина... Мою интимную жизнь разоблачаютъ... Вы судите подлогъ... а меня, какъ женщину, не можете судить за интимныя»... и она зарыдала не договоривъ. О своихъ отношеніяхъ къ Пастухову она сказала, что «еслибы онъ исполнилъ условіе, которое она отъ него требовала и сдержалъ свое слово, она была бы его женою и ей бы не пришлось сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ. Пастуховъ упалъ на колѣни, говорилъ, «что онъ всю жизнь готовъ»... и опять рыданія прерываютъ ея слова. Когда г. Полевой, не стѣсняясь въ своихъ выраженіяхъ, тронулъ самое нутро обвиняемой, она пришла въ сильнѣйшее негодованіе и этотъ хладнокровный всегда расчетливый купецъ-женщина, оказалась совсѣмъ неспособной владѣть собою. На этотъ разъ она не плакала, въ ней явилось негодованіе; то самое чувство, съ которымъ она не совладѣла, выслушавъ приговоръ суда, когда, взглянувъ на Полевого, она сказала ему съ сарказмомъ: «Довольны?!»

Что за странная женщина? И для чего ей нужны были деньги? Для салона? Но развѣ можно жить только для салона, для того, чтобы принимать по утрамъ представителей высшаго общества? Говорятъ, она утромъ принимала ихъ, чтобы вечеромъ обдѣлывать дѣла. Но зачѣмъ ей дѣла? Для того, чтобы добывать средства? А зачѣмъ ей средства? Опять для салона? Въ чемъ же ея жизнь, ея внутренній душевный міръ? Вѣдь не могли же его наполнять Хаймовичи, Богдановы, Зыбины, Митропольскіе. Или она страстный игрокъ, какимъ была Рашель? Но никто не говоритъ объ ея страсти къ игрѣ,—говорятъ, что она объигрывала, а объигрываніе только средство. Но для чего? Для денегъ? А зачѣмъ ей деньги?.. И опять тотъ же отвѣтъ—для салона.

Говорятъ, что и у нея была жажда дѣятельности, честолюбія. Это возможно. Но что такое честолюбіе? Она дѣйствительно чувствовала свою власть надъ людьми, повелѣвала ими, она играла роль. А для чего ей власть, для чего ей роль? Честолюбіе имѣетъ цѣли только моральныя, хотя онѣ не всегда бываютъ нравственными. Честолюбіе не можетъ имѣть задачей деньги ради денегъ—онѣ могутъ быть ему нужны только какъ средство. Но какое же честолюбіе составить себѣ репутацію фальшиваго игрока, поддѣлывателя векселей, возбуждать подозрѣніе и недовѣрчивость порядочныхъ людей и, наконецъ, оттолкнуть ихъ отъ себя?

Говорятъ еще, что при оцѣнкѣ г-жи Гулакъ-Артемовской нужно брать ее проще и не вдаваться въ глубокій анализъ. Это, конечно, самое вѣрное къ ней отношеніе. Тутъ честолюбіе, славолюбіе, широкая дѣятельность, жажда власти и другія громкія слова отойдутъ на второй планъ. Вѣдь не Наполеона I мы судимъ. И если бы она искала дѣятельности для своего честолюбія—точно, она не могла бы ея достигнуть и, ужь, конечно, безъ объигрыванія и поддѣлки векселей. Говорятъ, она жертва общества. Скажите, почему? Почему же общество, которое вы вините, осудило ее и до суда и на судѣ? Отчего она изъ этого общества выбрала себѣ только Хаймовичей, Богдановыхъ, Зыбиныхъ и т. д. Откройте ей широкое поле дѣятельности и подумайте, чтобы она стала на немъ дѣлать? И какую дать пищу ея честолюбію; какіе у нея таланты, способности, знанія, стремленія; однимъ словомъ, какой у нея умственный и душевный міръ? Этого міра въ ней никто не знаетъ и она его ничѣмъ не заявила. Съ идеальной точки зрѣнія, общество, какъ среда, дѣйствительно сила, управляющая и руководящая человѣкомъ; но вѣдь есть же у этого человѣка и какія-нибудь свои личныя, нравственныя убѣжденія, нравственныя понятія объ отношеніи къ людямъ.

Было время, когда лицо поглощалось обществомъ, совсѣмъ уничтожалось и съѣдалось имъ. Съ концомъ прошлаго столѣтія явился протестъ противъ этого поглощенія; лицо заявило свои права, обособилось, потребовало признанія себя, какъ гражданской, общественной и индивидуальной единицы. У насъ этотъ протестъ явился въ шестидесятыхъ годахъ. Какія же индивидуальныя требованія предъявило это лицо въ образѣ г-жи Гулакъ-Артемовской?

Предъ нами глубоко эгоистическая натура, для которой существуютъ только самые узкіе интересы. Что дѣлаетъ эта женщина, въ какой сферѣ мысли она живетъ, какой дѣятельности себя посвящаетъ, какіе существуютъ для нея общественные интересы, въ чемъ ея наклонности, вкусы? Окружаетъ она себя людьми интеллектуальными, политическими и общественными дѣятелями, литераторами, художниками, музыкантами? Служитъ-ли ея салонъ центромъ, въ которомъ собираются лучшіе представители русской мысли и общественныхъ стремленій? Напоминаетъ-ли ея салонъ блестящіе французскіе салоны прошлаго столѣтія? Ничего не бывало. Утромъ, въ видѣ вывѣски, она собираетъ вокругъ себя немногихъ людей высшаго круга, а вечеромъ салонъ ея набитъ какими-то подозрительными и темными личностями; обдѣлываются дѣла, играютъ въ карты, пьютъ вино. И во всемъ, что ни дѣлаетъ Гулакъ-Артемовская, передъ вами ни разу не является интеллигентный человѣкъ, женщина съ общественнымъ честолюбіемъ, съ общественными чувствами, съ общественными мыслями. Она дѣлаетъ все, чтобы добывать себѣ деньгу, но деньга-ли ей нужна для того, чтобы жить на широкую ногу въ мірѣ ограниченныхъ мыслей, маленькихъ пустыхъ желаній, въ ничтожномъ мелкомъ эгоизмѣ, понятномъ развѣ только ей одной и тѣмъ ничтожнымъ людямъ, которые окружали ее. У Гулакъ-Артемовской есть, повидимому, способности, она образована, она «характерна»; но у нея нѣтъ никакихъ порядочныхъ понятій, никакихъ порядочныхъ чувствъ. Еще бы ей не придти туда, куда она пришла! Слѣдуетъ-ли винить во всемъ этомъ общество или пожалѣть его, что оно можетъ состоять изъ подобныхъ единицъ, личныя требованія которыхъ настолько ничтожны, что люди этого сорта являются врагами самого общества, которое за нихъ же еще и обвиняютъ? Это узелъ, въ которомъ трудно найти начало и конецъ. Можно сказать только одно, что если индивидуализмъ принимаетъ такой цвѣтъ, какой онъ принялъ въ Гулакъ-Артемовской, то на немъ не выстроится ни одно изъ тѣхъ общественныхъ началъ, при которыхъ возможно нормальное существованіе общества.

Индивидуализмъ г-жи Ковальчуковой проявился въ другой области и онъ, повидимому, проще и понятнѣе. Гулакъ-Артемовская наживаетъ деньги для салона, чтобы жить на широкую ногу; у ней, повидимому, нѣтъ никакихъ женскихъ слабостей, она даже и не похожа на женщину. Ковальчукова, напротивъ, вся состоитъ изъ однихъ аппетитовъ, вы видите въ ней одни физическія желанія, стремленіе къ тому, чтобы блистать внѣшностью и привлекать къ себѣ мужчинъ. Это честолюбіе и этотъ индивидуализмъ гораздо понятнѣе, по крайней мѣрѣ, встрѣчается гораздо чаще.

Ковальчуковой, по ея наклонностямъ, аппетитамъ и индивидуальному представленію о нравственности, не слѣдовало бы выходить замужъ. Если бы у нея было тысячъ десять въ годъ доходу, если бы она могла исполнять всѣ свои желанія и прихоти, она бы отдавалась мимолетнымъ и скоропреходящимъ влеченіямъ своего чувства и за одно можно бы было поручиться, что она прожила бы весело. Забудьте, что она замужемъ и тогда ея жизнь представляется очень простою. Передъ вами молодая красивая женщина, которая живетъ то съ бывшимъ гусаромъ, шьющимъ ей двадцати рублевыя рубашки, то еще съ кѣмъ-то, и еще съ кѣмъ-то; вамъ становится понятно, почему она всегда окружена мужчинами. Такихъ «миленькихъ барынекъ» очень много на свѣтѣ; у нихъ обыкновенно соединяется привлекательная внѣшность съ легкомысліемъ, ихъ честолюбіе устремлено только на привлеченіе къ себѣ поклонниковъ и не будь на свѣтѣ для г-жи Ковальчуковой никого, кромѣ одной ея, да того роя, которымъ она была окружена, и изъ котораго она выбирала себѣ мужчину по вкусу, она прожила бы счастливо, беззаботно, не попала бы на скамью подсудимыхъ.

И Ковальчукова дѣйствуетъ именно такъ, какъ будто бы на свѣтѣ не существуетъ ничего, кромѣ ея личныхъ желаній; а ея желанія—любовь, въ той формѣ, въ какой она практикуетъ ее. Она не понимаетъ, что тутъ, можетъ быть, обиднаго для кого бы то ни было, кому она дѣлаетъ зло, кому она мѣшаетъ? Она сближается и расходится съ мужчинами, когда ей кто нравится и лично внутри самой себя не носитъ никакой ни порицающей, ни одобряющей нравственной идеи, а подчиняется только закону своихъ желаній. Это птица вольная и свободная, которая летаетъ—гдѣ она хочетъ, любитъ—кого любитъ, и для которой нѣтъ никакихъ нравственныхъ законовъ. Да и зачѣмъ они для свободной птицы!

На бѣду оказалось, что птица не такъ свободна какъ ей думалось, что кромѣ нея есть еще другія птицы; что взявъ на себя извѣстнаго

рода обязательства и не съумѣвъ съ ними справиться, или отъ нихъ освободиться, она поставила свой личный, маленькій эгоизмъ въ такія запутанныя отношенія, которыхъ не ея силамъ было распутать: Ковальчукова вышла замужъ. Она сдѣлала это легкомысленно, какъ все, что она дѣлала. Она думала только о себѣ, но и о себѣ она не могла подумать правильно, потому что считала себя единственно божьей птицей, для которой существуетъ міръ. И вотъ начало всей путаницы, всѣхъ гражданскихъ усложненій и тѣхъ непосильныхъ для Ковальчуковой комбинацій, въ которыхъ она очутилась, какъ птица въ сѣти. Жизнь казалась ей такой простой и жизнь, конечно, была бы простой и легкой, если бы въ мірѣ божьемъ не было никого, кромѣ нея. Но на бѣду оказалась еще масса людей, начиная съ ненужнаго для нея мужа, который не подходилъ къ ней ни по лѣтамъ, ни по характеру. У мужа явились друзья, которые держали его сторону, у ней братья и друзья, которые держали ея сторону. Отношенія путались и усложнялись. Обстоятельства играли Ковальчуковой, какъ мячикомъ. Живя внѣшними впечатлѣніями, она отдавала себя имъ въ полную власть, и въ концѣ концовъ, одинъ изъ любовниковъ является убійцей ея мужа. Не спрашивайте Ковальчукову, какъ все это случилось; она вамъ также въ состояніи отвѣтить, какъ отвѣтила бы и всякая птица Божія, которая не знаетъ въ мірѣ никого, кромѣ себя, ничего другого, кромѣ своихъ личныхъ аппетитовъ, кромѣ того крошечнаго индивидуализма, для котораго не существуетъ никакихъ другихъ людей, не существуетъ ни общества, ни общественныхъ понятій, ни общественныхъ интересовъ, ни общественныхъ желаній.

Чтобы понять общественное уродство этихъ двухъ эгоизмовъ, представьте себѣ общество состоящимъ только изъ нихъ.

Квитка-Основьяненко *).

(Ст. А. Н. Сальникова).

Григорій Федоровичъ Квитка-Основьяненко, со дня рожденія котораго исполнилось вчера 100 лѣтъ, представляетъ собою на столько крупное, выдающееся явленіе въ исторіи малороссійской литературы, что, конечно, будетъ небезъинтересно узнать о немъ нѣкоторыя біографическія данныя, характеризующія его какъ писателя и какъ общественнаго дѣятеля, не мало потрудившагося на пользу родной Украйны. Квитка родился въ селѣ Основѣ, въ двухъ верстахъ отъ Харькова. Эта прекрасная усадьба съ роскошной сосновой рощей, принадлежавшая старшему брату Квитки, Андрею Федоровичу Квиткѣ, одному изъ самыхъ зажиточныхъ и вліятельныхъ харьковскихъ помѣщиковъ, занимавшему, втеченіи двадцати пяти лѣтъ, постъ губернскаго предводителя дворянства. Основа до сихъ поръ служитъ единственнымъ мѣстомъ прогулокъ для горожанъ, которые собираются сюда въ жаркіе лѣтніе дни, подышать свѣжимъ воздухомъ и провести нѣсколько часовъ на лонѣ природы. Нѣкоторые даже живутъ здѣсь, нанимая себѣ у крестьянъ дачи въ видѣ миніатюрныхъ домиковъ. Разсказываютъ, что императоръ Александръ I, проѣздомъ черезъ Харьковъ, останавливался въ Основѣ и былъ пораженъ тою роскошью и великолѣпіемъ, съ которыми принялъ его бывшій владѣлецъ усадьбы, Андрей Федоровичъ Квитка. Вся дорога отъ Харькова до Основы была эффектно освѣщена смоляными бочками; внутри дома блистали на каждомъ шагу зеркала и бронза. Государь невольно улыбнулся и сказалъ: «не во дворцѣ-ли я?»

Здѣсь-то, какъ сказано выше, и пришлось Квиткѣ увидѣть впервые свѣтъ божій и прожить, почти безвыѣздно, до самой смерти. Отсюда понятна та неподдѣльная любовь, которую онъ питалъ къ этому уголку своей родины.

Фамилія Квитокъ — одна изъ старинныхъ и извѣстныхъ фамилій Слободской Украйны. Въ первый разъ она упоминается въ мѣстныхъ лѣтописяхъ въ 1666 году. Самъ же Квитка, какъ это видно изъ статьи его: «Основаніе Харькова», помѣщенной въ «Молодикѣ», альманахѣ Бецкаго за 1843 годъ, считаетъ родиною своихъ предковъ Приднѣпровскую Украйну, откуда онъ выводитъ героя-сиротку, красиваго какъ цвѣточикъ (по малороссійски квитка), очутившагося, послѣ долгихъ странствованій, на берегу рѣкъ, гдѣ возникалъ Харьковъ. Но такъ какъ эти соображенія автора не подкрѣпляются никакими положительными историческими данными, то имъ нельзя поэтому придавать значенія достовѣрнаго факта.

Въ дѣтствѣ своемъ Квитка былъ слабымъ, болѣзненнымъ мальчикомъ и страдалъ сильною золотухою, отъ которой даже ослѣпъ. Когда ему исполнилось пять лѣтъ, слѣпота прошла. Одинъ изъ его біографовъ, Корсунъ, говоритъ, что излеченіе ребенка совершилось при весьма исключительныхъ обстоятельствахъ.

Мать взяла его съ собою на богомолье въ Озерянскій монастырь, и «когда малютку внесли въ церковь, то онъ спросилъ: какой это образъ, маменька?—Развѣ ты видишь? сказала мать. Мнѣ свѣтло! отвѣтилъ онъ и излечился».

Хотя этотъ фактъ—дѣло простой случайности, но тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ, въ связи съ другими подобными фактами, громадное значеніе въ послѣдующей жизни писателя, повліявъ на его характеръ и на складъ его умственнаго развитія.

Учился Квитка плохо. Школа, въ которую онъ ходилъ, была устроена при монастырѣ, и преподавателемъ въ ней былъ монахъ, педагогическія способности котораго подлежали большому сомнѣнію. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ издателю «Современника», П. А. Плетневу, говоря про свое первоначальное воспитаніе, Квитка замѣчаетъ:

«Я и родился въ то время, когда образованіе не шло далеко, да и мѣсто не доставляло къ тому удобствъ; притомъ же болѣзни съ дѣтства, желаніе не быть въ свѣтѣ, а, быть можетъ, безпечность и лѣнь, свойственныя тогдашнему возрасту—все это было причиною, что я не радѣлъ о будущемъ и уклонялся даже отъ того, что было подъ руками и чему могъ бы научиться. Выучась ставить каракульки, я положилъ, что умѣю и такъ писать, для меня довольно; въ дальнѣйшія премудрости не пускался и объ именительныхъ, родительныхъ и прочихъ, какъ-то: о глаголахъ, междомѣтіяхъ не могъ слушать терпѣливо. Молодость, страсти, обстоятельства, служба заставляли писать, но какъ? Я въ это не входилъ. Еже писахъ писахъ!..»

Любя уединеніе и будучи чрезвычайно религіознымъ, Квитка задумалъ на двѣнадцатомъ году поступить въ монастырь. Большого труда стоило родителямъ уговорить его — не дѣлать этого. Въ 1794 году они опредѣлили его въ военную службу, вахмистромъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ, думая, что это подѣйствуетъ на него отрезвляющимъ образомъ; но черезъ годъ онъ вышелъ въ отставку и поступилъ въ департаментъ герольдіи, гдѣ числился до 1796 года, не у дѣлъ. Затѣмъ онъ снова надѣлъ на себя военный мундиръ, опредѣлившись ротмистромъ въ Сѣверскій карабинерный полкъ. Въ 1797 году, по указу императора Павла I, онъ былъ переведенъ также въ чинѣ ротмистра, въ харьковскій кирасирскій полкъ. На двадцать-же третьемъ году, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, развившихъ въ немъ религіозное чувство, Квитка рѣшился, во чтобы-то ни стало, посвятить себя монашеству и поступилъ въ Куряжскій монастырь, гдѣ прожилъ, въ качествѣ послушника, почти четыре года.

Куряжскій монастырь, основанный въ концѣ XVII столѣтія, расположенъ на возвышенности, въ 8 верстахъ отъ Харькова, по дорогѣ въ Полтаву. Изъ обрыва горы, которымъ граничитъ эта возвышенность съ западной стороны, бьютъ ключи холодной, свѣжей воды. Вся мѣстность, окруженная садами, представляетъ вообще живописный видъ.

Будучи послушникомъ, Квитка, по словамъ Корсуна, «со всею строгостью исполнялъ монастырскій уставъ» и занимался самыми трудными работами, чтобы еще сильнѣе почувствовать всю тягость испытанія. Вліяніе монастырской обстановки, съ ея уединеніемъ и молитвою, оставило глубокій слѣдъ въ молодомъ человѣкѣ, развивъ въ немъ элегическое настроеніе, отразившееся даже на его литературныхъ трудахъ.

Возвратясь въ свѣтъ, онъ долго еще не могъ отстать отъ монастырскихъ привычекъ и въ полномъ смыслѣ слова казался отшельникомъ; ходилъ вездѣ съ церковными ключами, благовѣстилъ къ обѣднѣ и все свободное время посвящалъ молитвѣ. Но молодость и новая обстановка произвели, наконецъ, въ немъ крутой переворотъ къ лучшему: монастырь былъ забытъ и Квитка, здоровье котораго совсѣмъ поправилось, не отказывался уже отъ удовольствій свѣтской жизни, учавствуя иногда въ домашнихъ спектакляхъ, играя на своемъ любимомъ инструментѣ, флейтѣ, и устраивая фейерверки. Послѣднее удовольствіе осталось навсегда памятнымъ Квиткѣ: отъ взрыва пороха, онъ опалилъ себѣ лицо, вслѣдствіе чего потерялъ лѣвый глазъ.

Въ 1806 году онъ еще разъ попробовалъ поступить въ военную службу, по провіантской комиссіи, но на другой годъ уже окончательно бросилъ ее.

Въ 1812 году, ровно черезъ семь лѣтъ, съ открытія въ Харьковѣ университета, который значительно оживилъ все общество, Квитка является директоромъ мѣстнаго театра и чуть было не женится на одной изъ актрисъ — красавицѣ Преженковской. Въ воспоминаніяхъ своихъ объ этомъ театрѣ, напечатанныхъ въ «Литературной Газетѣ» за 1841 годъ, онъ сообщаетъ интересныя свѣденія о началѣ драматическихъ представленій въ родномъ городѣ. Изъ воспоминаній этихъ, между прочимъ, видно, что на театральныхъ подмосткахъ появился въ то время въ Харьковѣ, въ качествѣ дебютанта, знаменитый впослѣдствіи актеръ М. С. Щепкинъ, игравшій передъ тѣмъ въ Полтавѣ роли принцевъ и графовъ во французскихъ мелодрамахъ.

Видя, что это амплуа совершенно не соотвѣтствуетъ направленію таланта великаго артиста, Квитка сказалъ ему за кулисами: «эхъ, братъ Щепкинъ, играй въ комедіяхъ! изъ твоихъ фижмъ и министерства постоянно выглядываютъ мольеровскіе Жокрисы!..» Эти слова навсегда порѣшили участь знаменитаго комика, направивъ его на путь, который привелъ къ славѣ.

Горячо принимая къ сердцу дѣло, которому посвятилъ свои силы, Квитка заботился о процвѣтаніи харьковскаго театра. Такъ онъ выхлопоталъ разрѣшеніе поставить на немъ оперу Котляревскаго «Наталка-Полтавка», которая и была дана въ бенефисъ М. С. Щепкина. Будучи занятъ театромъ, Квитка принималъ живѣйшее участіе и въ другихъ сферахъ общественной дѣятельности. Между прочимъ онъ былъ членомъ возникшаго въ городѣ «Благотворительнаго Общества», по инціативѣ и на средства котораго открытъ въ Харьковѣ «Институтъ для образова-

*) Портретъ Основьяненки, также, какъ и окончаніе его біографіи будутъ помѣщены въ слѣдующемъ № «Жив. Об.» *Пр. Ред.*

нія бѣднѣйшихъ благородныхъ дѣвицъ». Завѣдываніе дѣлами этого института возложено было на Квитку, которому, по словамъ И. И. Срезневскаго, теперешняго профессора с.-петербургскаго университета, принадлежитъ даже мысль объ открытіи этого полезнаго учрежденія. Въ 1818 году, благодаря Квиткѣ, бывшему уже предводителемъ дворянства харьковскаго уѣзда, институтъ былъ принятъ подъ покровительство императрицы Маріи Феодоровны.

«Оставаясь въ званіи правителя дѣлъ «Благотворительнаго Общества», говоритъ Сементовскій, Г. Ф. Квитка оказалъ краю услугу, которой одной достаточно было-бы для сохраненія памяти о немъ. Однимъ изъ попеченій Общества было доставленіе воспитанія юношеству бѣдныхъ семействъ. Дѣти мужескаго пола опредѣляемы были, на иждивеніи общества, въ пансіонъ при губернской гимназіи; для воспитанія же дѣвицъ, ни въ харьковской, ни въ сосѣднихъ губерніяхъ, не существовало еще тогда общественныхъ учебныхъ заведеній. Квиткѣ принадлежитъ первая мысль объ учрежденіи такого заведенія въ Харьковѣ; его-же заботливости, трудамъ и жертвамъ принадлежитъ и осуществленіе этой мысли. По его старанію открытъ институтъ, гдѣ должны были получать воспитаніе, изъ каждаго уѣзда харьковской губерніи, по двѣ дѣвицы благороднаго происхожденія, изъ бѣднѣйшихъ семействъ, чтобы потомъ, въ свою очередь, быть наставницами и учительницами дочерей достаточныхъ помѣщиковъ. Скоро туда стали помѣщаться и дочери помѣщиковъ на ихъ собственномъ иждивеніи и на счетъ казны».

(*Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ.*)

Судебная ошибка.

Романъ Ф. Буагобея. Переводъ С. И. Воскресенской.

(*Окончаніе.*)

Глава X.

На тюремныхъ часахъ пробило двѣнадцать.

Ночь была темная, небо задернулось чернымъ покровомъ, и на площади, отведенной подъ отрубливаніе человѣческихъ головъ, виднѣлись смутныя тѣни, копошившіяся вокругъ нѣсколькихъ фонарей, поставленныхъ на землѣ.

Городскіе сержанты уже загораживали улицы, направляющіеся къ площади Ла-Рокетъ, и ночные бродяги начинали скучиваться за этою живою преградой. Они знали, что на утро будутъ казнить убійцу... знаменитаго убійцу, о преступленіи котораго говорилъ весь Парижъ. И какъ было не говорить: не простой былъ человѣкъ, а богачъ и красавецъ, женихъ тоже богатой дѣвушки! На его казнь стоило поглазѣть и даже простоять нѣсколько часовъ въ ожиданіи этого зрѣлища...

Собственно говоря, съ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ находилась толпа, нельзя было разсмотрѣть ничего, кромѣ зелени деревьевъ и, можетъ быть, ножа, висящаго между стоекъ гильотины. Но любопытно уже и просто присутствовать, хотя бы и очень издали, при агоніи осужденнаго, догадываться, по движенію въ массѣ болѣе привиллегированныхъ лицъ, что жертва приближается, слышать глухой гулъ голосовъ, слѣдующій за ударомъ топора.

Въ ресторанахъ, сидя за ужиномъ, кутилы и ихъ веселыя подруги торопились опоражнивать свои стаканы, чтобы не опоздать на кровавое зрѣлище и успѣть нанять, хотя бы за дорогую цѣну, какое-нибудь окно, выходящее на площадь. Но такихъ «ложъ» мало и онѣ разбираются на расхватъ.

Однако, небольшая группа избранныхъ лицъ, состоявшая изъ журналистовъ, литераторовъ, въ погонѣ за сильными впечатлѣніями, свѣтскихъ людей, интересующихся ужасами отъ нечего дѣлать, иностранцевъ эксцентрическаго пошиба и личностей, имѣющихъ входъ въ префектуру, тѣснилась съ мрачнымъ любопытствомъ вокругъ рокового центра площади, слѣдя за странною работою нѣсколькихъ человѣкъ.

Эти рабочіе вытащили изъ большого крытаго фургона какіе-то куски дерева, корзины и ящики. Потомъ, расположивъ крестообразный накатъ, они настлали на него квадратный полъ и принялись уставлять, на этой узкой платформѣ, два столба, окрашенные въ кирпичный цвѣтъ.

Все это дѣлалось при тускломъ свѣтѣ фонаря, который былъ въ рукахъ одного рабочаго. Прочіе люди сводили связки, завинчивали винты, продѣвали болты, работая быстро и безмолвно. Изрѣдка только раздавался ударъ молота, но какъ бы застѣнчивый, сдержанный... Наконецъ, постройка довершилась и приняла ужасный обликъ. Столбы, соединенные на верху перекладиной, приняли видъ висѣлицы. Тогда, удостовѣрясь въ томъ, что они стоятъ твердо, и осмотрѣвъ мѣдные желобки, продѣланные на ихъ внутренней сторонѣ, человѣкъ, распоряжавшійся ходомъ работъ, вынулъ изъ плоскаго ящика трехгранное лезвее, вдѣланное въ высокую и тяжелую свинцовую полосу, и наладилъ его между столбами. Прочіе рабочіе прицѣпили къ этому ножу веревку и принялись поднимать его и спускать, чтобы убѣдиться въ ровности и легкости хода орудія. Видя, что все дѣйствуетъ исправно, они подняли ножъ и закрѣпили его на пружину, приспособленную къ удержанію его на извѣстной высотѣ.

Послѣ этой работы, тѣ же люди принесли двѣ подвижныя доски съ выемками въ серединѣ, имѣвшими видъ полумѣсяцевъ, изъ которыхъ могъ бы образоваться цѣлый кругъ, при соединеніи этихъ досокъ. Впереди ихъ приспособилась еще узенькая и длинная досчечка, съ опускною дверцою на крючкахъ. Вправо отъ этой дверцы поставили корзину, крышка которой была открыта, а подъ досчечку ввели чанъ изъ красной мѣди, вылуженный внутри. Въ него насыпали немного отрубей.

Усовершенствованная, отбросившая свою лѣстницу и перила, уменьшенная въ объемѣ, словомъ, сокращенная до своего безусловно необходимаго выраженія, гильотина какъ бы стыдилась и старалась казаться простымъ рабочимъ орудіемъ. Самъ палачъ походилъ на простого обывателя, его помощники на обыкновенныхъ мастеровыхъ, и экипажъ, поджидавшій обезглавленое тѣло, не отличался отъ тѣхъ повозокъ, въ которыхъ развозятъ по городу мороженное и другіе припасы.

Прежнія, устрашающія приспособленія для казней устранены въ настоящее время; людей убиваютъ при самой буржуазной обстановкѣ. Оно проще и вѣрнѣе, но отвратительнѣе.

Толпа постепенно прибывала и городскіе сержанты оттѣсняли съ трудомъ ея наплывъ на площадь. Конные жандармы выстроились на шоссе.

Пьедушъ и Пигашъ стояли въ сторонѣ, прислонясь къ зеленой фурѣ, которая должна была отвезти въ могилу окровавленные останки Люи Лекока.—Поѣздка Пигаша въ Савиньи была неудачна. Получивъ свою инструкцію наскоро, онъ не сдѣлалъ ничего путного и только возбудилъ подозрѣнія Жако, угадавшаго въ немъ развѣдчика, чѣмъ предупредилъ мельниковъ, которые поспѣшили скрыться. Потерпѣвъ подобную же неудачу у Аткинса и въ Секиньи, Пигашъ воротился въ префектуру, старательно скрывая свою отлучку. Онъ не зналъ еще, что его начальникъ самъ содѣйствовалъ усиліямъ несчастнато отца.

Пьедушъ повелъ свое дѣло успѣшнѣе. Исполняя буквально приказанія своего патрона, онъ, по прибытіи въ Парижъ, отправился прямо къ своему бывшему начальнику, разсказалъ обо всемъ, что происходило въ окрестностяхъ Савиньи, и умолялъ, именемъ старика Лекока, отсрочить казнь на двадцать четыре часа, съ условіемъ доставить къ вечеру же живыя доказательства невинности осужденнаго. Полицейскія власти выслушали его внимательно, даже съ сочувствіемъ, но не дали ему никакихъ положительныхъ обѣщаній, и вечеромъ, толкуя съ товарищами, бѣдный Пьедушъ узналъ, что не было сдѣлано никакихъ распоряженій на счетъ отмѣны исполненія приговора. Тогда, растерзанный, убитый отчаяніемъ, вѣрный агентъ бросился на Орлеанскую желѣзную дорогу, чтобы встрѣтить Лекока, но послѣдній поѣздъ пришелъ, а старика не оказывается... Пьедушъ воротился назадъ, какъ безумный. Встрѣча съ Пигашемъ нѣсколько привела его въ себя и онъ рѣшился пойти на мѣсто казни, чтобы бросить послѣдній дружескій привѣтъ осужденному на его пути къ эшафоту.

Начинало свѣтать...

— Старика нѣтъ; значитъ, онъ ничего не нашелъ, и минутъ черезъ сорокъ все будетъ кончено, прошепталъ Пьедушъ.

— Почему знать? возразилъ Пигашъ, стараясь утѣшить своего пріятеля.— Нашъ начальникъ долженъ бы уже прибыть, а онъ не показывается; это добрый знакъ. Пока его не увидимъ и священникъ не войдетъ въ тюрьму, нечего терять надежды.

— Толкуетъ еще о надеждѣ! проговорилъ съ горечью Пьедушъ.— Взгляни: г. Рокъ смотритъ на часы... дѣлаетъ знакъ своему зятю... обратился къ дежурному комиссару...

— Онъ говоритъ ему, надо полагать, о томъ, что «нашего» нѣтъ. А это добрый знакъ, повторяю тебѣ.

— Вонъ онъ, «вашъ-то»... Я узнаю его по фигурѣ... Видишь, вдоль стѣнки пробирается... и священникъ съ нимъ... Кончено!

— Однако, что за странность... отчего онъ съ этой стороны показался? проворчалъ Пьедушъ.— И священникъ не здѣшній... Къ тому же, отецъ Крозъ пріѣзжаетъ всегда въ фіакрѣ, а фіакра не видать... и что это еще за люди съ нимъ?.. Цѣлыхъ трое...

— Приставъ или судебный слѣдователь, который хочетъ спросить, быть можетъ, у несчастнаго, не имѣетъ-ли онъ чего заявить...

— Одинъ въ бѣломъ галстухѣ, дѣйствительно, но другіе-то?

— Они входятъ... вошли...

Пьедушъ не ошибался. Нѣсколько человѣкъ, во главѣ которыхъ шелъ начальникъ полиціи, вошли въ тюремныя ворота.

Палачъ посмотрѣлъ еще разъ на свои часы, сдѣлалъ знакъ своимъ помощникамъ и направился съ ними къ роковой двери, которая должна была скоро распахнуться настежъ, чтобы пропустить осужденнаго и его похоронную свиту.

Въ этотъ день, съ самого ранняго утра, по всему Парижу разнеслась неслыханная, необычайная вѣсть.

Въ первый разъ, въ цѣлыя шестьдесятъ лѣтъ, эшафотъ былъ разобранъ, не совершивъ своей кровавой работы. Толпа, ожидавшая появленія осужденнаго, была разсѣяна городскими сержантами въ тотъ самый часъ, который былъ назначенъ для казни, и въ публикѣ заговорили, что приговоренному къ смерти дана отсрочка.

Богъ не позволилъ, чтобы голова невиннаго пала на плахѣ...

Вскорѣ стали извѣстны всѣ подробности, этой страшной, полной потрясающихъ перипетій, исторіи. Городъ заволновался, при разсказахъ о смерти виновныхъ, погребенныхъ подъ дымящимися развалинами дома Аткинса, о счастливой находкѣ нѣмого, о геройскихъ усиліяхъ отца, стремившагося спасти своего сына... И публика прониклась состраданіемъ къ жертвѣ рокового сцѣпленія обстоятельствъ, и принялась

изумляться заблужденію судей и присяжныхъ, забывая о томъ, что самые свѣдущіе и честные люди способны подвергаться ошибкамъ.

Но страшная жертва едва не совершилась. Начальникъ сыскной полиціи сдѣлалъ все, добиваясь отсрочки казни; онъ внутренно склонялся къ тому убѣжденію, что Лекокъ и его сынъ говорили правду относительно того, что убилъ Марію Фасситъ не Люи, а Толбіакъ; молодой же человѣкъ былъ только невольнымъ убійцею негоціанта Лерс. Но свидѣтельства заинтересованныхъ лицъ было мало, и потому другъ Лекока встрѣчалъ всюду отказъ. Ему говорили, что дѣло произвело много шума; Люи Лекокъ занималъ слишкомъ высокое положеніе въ свѣтѣ; общественный интересъ требовалъ, поэтому, немедленнаго и примѣрнаго наказанія виновнаго.

Выслушивая повсюду неутѣшительные отвѣты, основанные преимущественно на томъ, что защита не представляла единственнаго свидѣтеля, показаніе котораго могло имѣть юридическій вѣсъ, другъ Лекока долженъ былъ возложить всю свою надежду на то, что старику удастся привести нѣмого въ тотъ же вечеръ. Ожидая его, онъ не выходилъ болѣе никуда изъ своего кабинета въ префектурѣ.

Лекокъ переживалъ, между тѣмъ, въ это самое время, страшныя минуты. Онъ прибылъ на станцію съ нѣмымъ и священникомъ уже по отходѣ послѣдняго пассажирскаго поѣзда, а курьерскіе поѣзда не останавливаются на мелкихъ станціяхъ. Старику пришлось бѣжать въ Савиньи и отыскивать въ заснувшемъ уже городкѣ экипажъ, лошадь и кучера. На бѣду, повозка трактирщика, уже знакомаго Лекоку, была отдана; онъ потерялъ около часа на розыски по другимъ трактирамъ и постоялымъ дворамъ. Наконецъ, уже въ половинѣ одиннадцатаго, ему удалось сѣсть, съ своими двумя спутниками, въ добытую телѣжку, и въ три четверти двѣнадцатаго, взмыленная лошадь остановилась у воротъ префектуры въ Парижѣ.

Послѣдовавшія объясненія были кратки, но рѣшительны. Начальникъ сыскной полиціи пришелъ къ полному убѣжденію въ невинности Люи, когда выслушалъ разсказъ о погибели Толбіака, о предшествовавшихъ тому обстоятельствахъ, и прочелъ письменное показаніе нѣмого, который съумѣлъ передать на бумагѣ всѣ факты, пояснявшіе его участіе въ дѣлѣ. Подтвержденія священника, санъ котораго исключалъ всякое подозрѣніе въ лжесвидѣтельствѣ, послужили еще болѣе вѣскимъ аргументомъ въ пользу истины. Но было необходимо заставить раздѣлить это убѣжденіе и тѣхъ лицъ, которыя одни имѣли власть остановить исполненіе приговора. А время шло: былъ уже часъ по полуночи!

Дѣйствуя одинъ, старикъ Лекокъ не могъ бы достичь столь горячо желаннаго результата, но усердіе, самоотверженіе и настойчивость начальника полиціи послужили къ тому, что на площади Ла-Рокетъ не совершилось, подъ покровомъ закона, страшное преступленіе. Не задолго до разсвѣта, когда Люи Лекоку оставалось жить уже не болѣе нѣсколькихъ минутъ, въ его келью вошли четыре избавителя, вмѣстѣ съ членомъ суда, посланнымъ высшею судебною властью и снабженнымъ полномочіемъ для отсточки казни, въ случаѣ, еслибы это требовалось по его убѣжденію. Послѣ получасового допроса и очныхъ ставокъ, былъ отданъ приказъ разобрать гильотину. Съ этой минуты, осужденный могъ быть увѣренъ въ сохраненіи своей жизни, потому что даже и виновнаго человѣка не подвергаютъ дважды ужасамъ приготовленія къ казни.

Но Люи Лекокъ не могъ быть освожденъ тотчасъ же; разслѣдованіе шло медленно; прежде, чѣмъ публично признать свою ошибку, судебное вѣдомство требовало подробнѣйшаго разъясненія дѣла.

Смягченіе приговора или даже полное помилованіе не возвратило бы чести Люи Лекоку. Онъ хотѣлъ оправданія, основаннаго на приговорѣ суда, то есть, такого распоряженія, примѣры которому крайне рѣдки. Если бы дѣйствительный преступникъ былъ живъ, то его осужденіе было бы, само по себѣ, оправданіемъ прежняго подсудимаго, но Толбіакъ или, лучше сказать, Дермотъ, погибъ, и притомъ вмѣстѣ съ прочими косвенными участниками преступленія, совершеннаго въ улицѣ Арбалетъ. Такимъ образомъ, для возстановленія истины, были необходимы другія свидѣтельства, въ которыхъ, по счастію, не оказалось недостатка.

Прошлое убійцы и его жертвы было разслѣдовано во всей точности. Сущность ихъ отношеній была выяснена, равно какъ и связь Толбіака съ горничной, превратившейся въ Арабеллу Дизни. Стало ясно, что Толбіаку было выгодно уничтожить наслѣдницу, которая отказывалась выдти за него замужъ, и двухъ другихъ ближайшихъ родственницъ покойнаго маіора, заключивъ притомъ договоръ съ спившимся Аткинсомъ, съ цѣлью укрѣпить наслѣдство за нимъ и взять съ него львиную долю. Разбойники, жившіе на цветской мельницѣ, помогали Толбіаку во всѣхъ его злодѣйствахъ.

Для полнѣйшаго доказательства невинности Люи Лекока, нѣмой разсказалъ знаками и письменно о своей поѣздкѣ въ Парижъ въ ночь на 13 января. Толбіакъ привезъ его изъ Секиньи въ сумерки, провелъ незамѣтно въ домъ на улицѣ Арбалетъ и заперъ его тамъ въ подвалѣ; потомъ, въ два часа ночи, онъ вывелъ его оттуда и взвалилъ ему на плечи чемоданъ. Жако и Шофайль служили попеременно кучерами при той каретѣ, которая поджидала трупъ на бульварѣ Италія, и потомъ послужила для похищеній нѣмого, Марты Камбремеръ и Терезы Леконтъ.

Чего могли требовать еще добросовѣстные судьи? Такихъ показаній было достаточно, и черезъ три мѣсяца послѣ той ночи, которая могла быть для него послѣднею, Люи Лекокъ вышелъ изъ тюрьмы со смѣло поднятой головой.

Эти послѣдніе мѣсяцы его пребыванія въ тюрьмѣ не были для него особенно тяжки. Отецъ навѣщалъ его ежедневно, и если Тереза не сопровождала его, то лишь потому, что она считалась въ числѣ свидѣтелей по дѣлу и не имѣла права видѣться съ подсудимымъ, но она не запрещала старику передавать Люи, что она любитъ его по прежнему и давно простила ему заблужденіе, за которое онъ такъ тяжело поплатился. Г-жа Леконтъ тоже простила ему, хотя ей было довольно трудно возвратить свое расположеніе человѣку, подвергнувшему столь тяжкимъ испытаніямъ ея дочь.

Тереза должна была получить милліоны маіора. Это было для нея новымъ поводомъ для сохраненія вѣрности данному слову, хотя Люи просилъ ее считать себя совершенно свободной. Гордость не позволяла ему поступить иначе, потому что онъ былъ бѣденъ теперь, послѣ того, какъ его отецъ растратилъ большую часть своего состоянія въ роли набоба, но нѣтъ надобности говорить, что Тереза не воспользовалась даннымъ позволеніемъ, и что Люи былъ слишкомъ влюбленъ, для того, чтобы остаться непреклоннымъ.

Молодые люди были обвѣнчаны въ концѣ лѣта, въ старой булоньской церкви, и уѣхали въ Италію, куда вскорѣ послѣдовала за ними и г-жа Леконтъ. Лекокъ благословилъ ихъ, но отказался отъ путешествія и водворился снова въ своей уютной квартиркѣ на набережной Конти, причемъ воротился ко всѣмъ своимъ старымъ привычкамъ.

Букинисты, торгующіе на набережной, и воробьи тюльерійскаго сада встрѣтили его радостно, какъ добраго друга послѣ долгой разлуки. У старика оказалось еще дѣло: молодые, уѣзжая, просили его пріискать имъ хорошенькое помѣстье въ провинціи. Это ему удалось и онъ долженъ былъ потомъ заняться отдѣлкою дома для пріѣзда новыхъ владѣльцевъ.

Прежде всего онъ отправилъ туда Пьедуша въ качествѣ главнаго управителя. Ребятишки его будутъ ходить въ училище и будутъ обезпечены на всю жизнь; но браконьерамъ не поздоровится. Бывшій нумеръ 29 не забылъ своего прежняго ремесла.

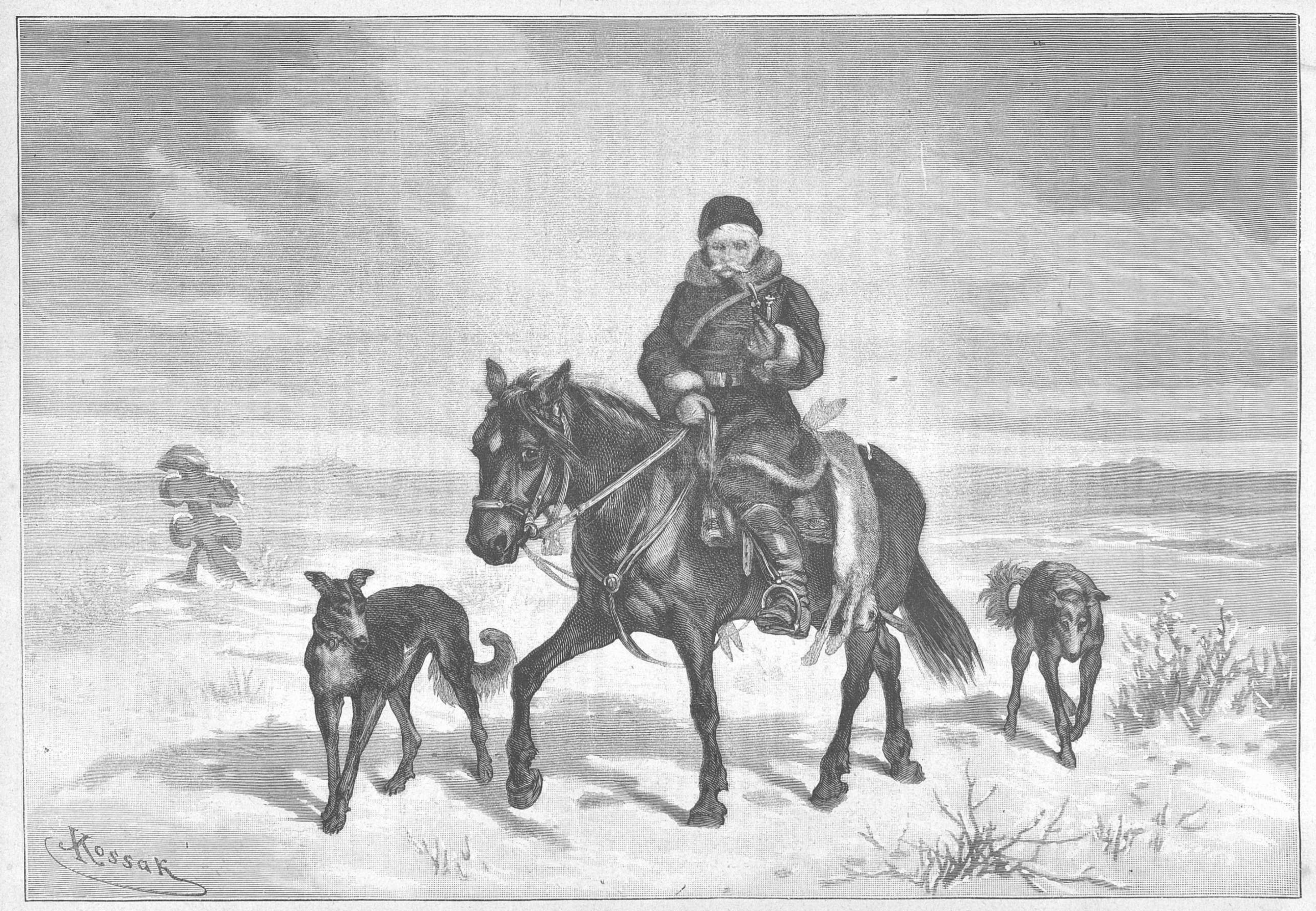
Пигашъ не рѣшился разстаться съ Парижемъ и служитъ въ полиціи по прежнему, но онъ умретъ не въ бѣдности, потому что Люи Лекокъ укрѣпилъ за нимъ пожизненную пенсію.

Нѣмой вступилъ въ институтъ Сен-Жерменскаго предмѣстья и сдѣлается тамъ со временемъ преподавателемъ. Супруги Галупья не остались тоже безъ вознагражденія. Они продали свою лавочку, возвратились въ Овернь и округляютъ съ каждымъ днемъ, участокъ тетушки Кувиньи.

Камбремеръ не служитъ болѣе стрѣлочникомъ. Тереза подарила своей кузинѣ пятьдесятъ тысячъ годового дохода и, по возвращеніи молодыхъ, Марта и ея отецъ будутъ жить съ ними. Но врядъ-ли Люи и Тереза скоро воротятся. Они провели зиму въ Сорренте, а лѣто на берегахъ Комо. У нихъ уже дочка, похожая и на отца, и на мать, и счастіе ихъ не омрачается никакимъ облачкомъ. Страшно начатая исторія, завершится сказочнымъ концомъ.

Къ рисункамъ.

Рисунокъ М. Далькевича «Ночное» изображаетъ одну изъ сценъ русской жизни, знакомую каждому изъ насъ: крестьянскіе мальчики выѣхали въ «Ночное», то есть выгнали въ лѣсъ на ночь лошадей и разложили на лужайкѣ огонь; среди нихъ идутъ оживленные толки, конечно, о разныхъ ужасахъ, происходящихъ въ лѣсу; имъ и хорошо и жутко. Этой темы не разъ уже касались и наши писатели: у г. Тургенева есть разсказъ «Бѣжинъ лугъ», гдѣ описана одна изъ подобныхъ сценъ; г. Михайловъ годъ тому назадъ написалъ на эту же тему небольшую поэму, къ которой и былъ сдѣланъ помѣщаемый у насъ въ журналѣ рисунокъ. Знакомый же сюжетъ изображенъ и на картинѣ Коссака «По первому снѣгу на охоту». Это пейзажъ и типъ, выхваченные изъ южно-русской жизни. Но если лица, изображенныя на картинахъ Далькевича и Коссака, знакомы намъ, какъ наши русскіе типы, то, конечно, не менѣе знакома намъ и личность шарманщика, изображенная нѣмецкимъ художникомъ Грейлемъ. Хотя эта картина изображаетъ сцену въ нѣмецкомъ городкѣ, то все-таки она близко знакома намъ: такіе же шарманщики бродятъ и по нашимъ городамъ, сопровождаемые толпами дѣтей. Смотря на эту картину, думаешь невольно, что этотъ шарманщикъ встрѣчался гдѣ-то и намъ. Кромѣ этихъ картинъ, читатели найдутъ въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала одну изъ картинъ, красовавшихся въ «Салонѣ» 1878 года въ Парижѣ,— эта картина Лобришона «Насѣдка». Лобришонъ изобразилъ свѣтскую женщину и въ то же время любящую мать, окруженную, какъ насѣдка цыплятами, своими дѣтьми. Эта группа напоминаетъ группу В. Каульбаха «Материнская любовь», хотя въ группѣ В. Каульбаха нѣтъ того оттѣнка, который встрѣчается здѣсь: у него мать вполнѣ спокойно и благодушно наслаждается ласками дѣтей, здѣсь мать какъ будто хочетъ защитить своихъ дѣтей, заслонивъ ихъ платьемъ, какъ насѣдка крыльями.

По первому снѣгу на охоту.

КАРТИНА КАРГЕРА.

Щекотливое обстоятельство. По фотографіи Б. Ангерера въ Вѣнѣ.

Щекотливое обстоятельство.

(См. рис. на стр. 429.)

Переписка между влюбленными вообще дѣло простое и легкое. У нихъ всегда есть о чемъ писать другъ другу и имъ нечего задумываться надъ способомъ выраженій въ письмахъ: языкъ любви всегда краснорѣчивъ и не нуждается въ изысканныхъ фразахъ. Влюбленные читаютъ между строкъ даже и то, чего не написано въ письмѣ. И то сказать, вѣдь умѣютъ же они выражать свою любовь при встрѣчахъ какимъ нибудь мимолетнымъ взглядомъ, какимъ-нибудь легкимъ рукопожатіемъ, не нуждаясь въ излишнихъ словахъ. Но все идетъ въ любви хорошо и просто, покуда влюбленные могутъ списаться другъ съ другомъ безъ посредниковъ, покуда они могутъ прямо писать другъ къ другу. А каково имъ, когда ихъ раздѣляетъ большое пространство и когда для писанія писемъ недостаетъ одного—умѣнья писать и читать. Затрудненіе увеличивается еще болѣе, когда въ деревнѣ единственное, вполнѣ грамотное лицо—священникъ. Приходится по неволѣ обращаться именно къ нему съ просьбою написать любовное посланіе, — это очень щекотливое обстоятельство и слава Богу, если священникъ походитъ на того добряка, который изображенъ на картинѣ молодого художника К. Каргера: передъ такимъ священникомъ можно менѣе краснѣть, можно быть откровеннѣе. Эта милая жанровая сценка крайне оригинальна, и свидѣтельствуетъ о большихъ успѣхахъ, сдѣланныхъ Каргеромъ, который съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ все большую и большую извѣстность, какъ иллюстраторъ и создатель бойкихъ жанровыхъ картинъ.

Обо всемъ.

(*Окончаніе.*)

Г-жа Ковальчукова представляетъ собою иной типъ, хотя въ ней общее съ г-жей Гулакъ-Артемовской—непомѣрное себялюбіе, заставляющее обѣихъ дамъ видѣть въ жизни только одно: удовлетвореніе во чтобы то ни стало, своимъ узкимъ эгоистическимъ стремленіямъ. Но г-жа Гулакъ-Артемовская женщина съ твердымъ характеромъ; г-жа же Ковальчукова, повидимому, совершенно безхарактерна.

Не успѣлъ я дописать этихъ словъ, вошелъ одинъ мой знакомый, нѣсколько лѣтъ прожившій въ Харьковѣ.

— Вѣрно о Ковальчуковой пишете? спросилъ онъ.

— Именно о ней. Я только что написалъ, что у нея отсутствуетъ характеръ.

— Что вы! что вы! закричалъ онъ съ испугомъ.—Помилуйте, это ужасная женщина: изъ-за нея кончили самоубійствомъ трое моихъ товарищей...

— Положимъ, что вы имѣете правильныя свѣдѣнія и дѣйствительно любовь—нераздѣленная или раздѣленная и затѣмъ охлажденіе—послужили поводомъ къ самоубійству вашихъ знакомыхъ. Но развѣ эти случаи говорятъ что-нибудь противъ моего заключенія о безхарактерности г-жи Ковальчуковой. Вспомните исторію. Извѣстные тираны, о которыхъ почти невозможно вспомнить безъ ужаса, были, по большей части, люди совершенно безхарактерные, легкомысленные. Можно въ одно время быть и безсердечнымъ и безхарактернымъ человѣкомъ и такіе люди даже опаснѣе характерныхъ безсердечныхъ эгоистовъ. Послѣдніе могутъ иногда остановиться, могутъ круто повернуть, тогда какъ первые этого никогда не сдѣлаютъ добровольно, въ силу разсудочности. Они дѣлаютъ зло по легкомыслію; они не въ состояніи мыслить и потому плохо понимаютъ и значеніе и размѣры тѣхъ гадостей, которыя они дѣлаютъ своимъ ближнимъ.

Г-жа Ковальчукова, урожденная Ермоленко, воспитывалась въ Харьковскомъ институтѣ. Дома она застала мачиху. «За мною было много ухаживающихъ, говоритъ г-жа Ковальчукова,—но я смотрѣла индиферентно на своихъ ухаживателей, такъ какъ мнѣ было все-равно, за кого не выйти замужъ». Таковъ былъ ея взглядъ на бракъ. Впрочемъ, этого взгляда держались и нѣкоторыя другія изъ окружающихъ ее женщинъ. Марьѣ Самойловнѣ было только 16 лѣтъ, когда она окончила свое образованіе, и вотъ какую жизненную философію преподала ей жена Ковальчукова (въ это время была еще жива его первая жена): «Все равно, за кого не идти (замужъ), говорила она.—Вы предполагаете идти по любви—вы ошибаетесь; всѣ мужчины одинаковы. Вы думаете, что я пользуюсь счастьемъ? Относительно—да. Я любила, когда выходила замужъ, но мужъ мнѣ измѣняетъ». Начиненная такими практическими совѣтами, Марья Самойловна вступила въ жизнь. Между тѣмъ, умерла первая жена Ковальчукова и онъ задумалъ жениться на Марьѣ Самойловнѣ. У него были какія-то общія дѣла по рекрутскимъ наборамъ съ Ермоленкой, отцомъ Маріи Самойловны. Какія это были дѣла—мы говорить не будемъ, на судѣ не разъяснено, какого качества они были, но только въ показаніяхъ свидѣтелей сквозила увѣренность, что Ермоленко по этимъ дѣламъ былъ тѣсно связанъ съ докторомъ Ковальчуковымъ. Марья Самойл., какъ видно, жившая не въ ладахъ съ своей мачихой, говоритъ, что мачиха не желала брака ея съ Ковальчуковымъ, а это обстоятельство и заставило Марью Сам. дать свое согласіе на предложеніе о замужествѣ, сдѣланное ей Ковальчуковымъ. Свадьбой торопились до того, что все было окончено въ недѣлю. Съ перваго же вступленія въ домъ мужа Марьи Сам., начались несогласія между молодыми. «Не успѣла я войти въ домъ къ мужу, говоритъ г-жа Ковальчукова,—какъ застала у него двухъ любовницъ: экономку Михайловскую и няньку Елену, которая всячески вооружала противъ меня дѣтей». По словамъ г-жи Ковальчуковой, дѣти отъ перваго брака ея мужа были привязаны къ ней; она любила ихъ. Но, основываясь на показаніяхъ другихъ свидѣтелей, мы считаемъ себя вправѣ заподозрить искренность этого показанія. Г. Дмитріевъ, хорошо знавшій семейную жизнь Ковальчуковыхъ, показываетъ: «Первоначальные разлады между мужемъ и женой начали проявляться по поводу дѣтей отъ первой жены. Жена его начала высказывать неудовольствіе на его дѣтей отъ первой жены, находила ихъ капризными, непослушными, вслѣдствіе этого выходили и размолвки между мужемъ и женою». Для водворенія мира въ семьѣ, Ковальчуковъ увезъ дѣтей въ Петербургъ, гдѣ и помѣстилъ ихъ въ учебныя заведенія.

Но не одни только дѣти служили поводомъ къ разладу между супругами. Г-жа Ковальчукова ссылается на то, что ея мужъ держалъ любовницъ въ домѣ. Г. Дмитріевъ говоритъ о слишкомъ частыхъ посѣщеніяхъ г. Ильяшенко, гусара, которыя не нравились Ковальчукову. Онъ требовалъ прекращенія ихъ, а Ильяшенко не соглашался, ссылаясь, что онъ гость Марьи Самойл. Наконецъ, г. Ильяшенко уѣхалъ изъ Харькова, а въ это время Ковальчуковъ получилъ письма своей жены къ Ильяшенко, присланныя деньщикомъ послѣдняго, изъ которыхъ узналъ, что онъ, Ковальчуковъ, противенъ своей женѣ и что она находится въ близкихъ отношеніяхъ съ г. Ильяшенко. Вскорѣ послѣ этого, Ковальчуковъ получаетъ телеграмму объ опасной болѣзни своего сына. Онъ немедленно ѣдетъ въ Петербургъ. Телеграмма оказывается фальшивой. А во время его отсутствія изъ Харькова, Марья Самойл. вывезла изъ дома мужа свое имущество и, по словамъ свидѣтеля Ильяшенко, уѣхала въ имѣніе г. Ильяшенко, въ Полтавскую губернію. По словамъ г. Савченко, вскорѣ между Марьею Сам. и Ильяшенко послѣдовалъ разрывъ. Что послужило поводомъ къ разрыву, выясняется изъ показанія того же г. Савченко. «Причины этого разрыва, говоритъ онъ,—довольно сложны. Между прочимъ, одинъ разъ она (г-жа Ковальчукова) высказалась такимъ образомъ, что она бросила Ильяшенко изъ-за того, что онъ, будто бы, связался съ своею горничною, и она возмутилась этимъ поступкомъ, бросила его и уѣхала въ Харьковъ; говорила, что Ильяшенко ревнивый и одинъ разъ изъ ревности гонялся за нею въ Полтавѣ. Ильяшенко послѣ разрыва съ Ковальчуковою разсказалъ мнѣ, что будто разрывъ совершился изъ-за того, что она потребовала отъ него, чтобъ онъ передалъ на ея имя имѣніе, чтобъ онъ ее обезпечилъ, а онъ, будто бы, такимъ образомъ выразился (онъ говорилъ по малороссійски): «Маруся, у мене пятеро дитей, що вони скажатъ? А ще буде якъ ты мене прогонишь, якъ я передамъ тиби имѣніе? Мене тоди диты проклянуть». Ильяшенко человѣкъ женатый, но съ женою не жилъ и имѣетъ довольно достаточное число дѣтей».

Г-жа Ковальчукова опровергала показанія г. Савченки, давая понять, что онъ не можетъ быть безпристрастнымъ свидѣтелемъ, какъ отринутый воздыхатель. Что онъ былъ увлеченъ красотой Марьи Сам. явствуетъ изъ слѣдующаго письма его къ ней, прочитаннаго на судѣ: «Харьковъ, 17-го марта 1876 года. Письмо ваше, добрая, уважаемая Марія Самойловна, я получилъ. Оно очень обрадовало меня своимъ содержаніемъ, полнымъ малороссійской искренности и неподдѣльнаго чувства дружбы. Я считаю себя счастливымъ, что дѣйствія мои поняты вами такъ, какъ я того желалъ, и письмо ваше, полное задушевной теплоты и искренности, утверждаетъ меня въ этомъ. Ничего въ людяхъ не цѣню такъ высоко, какъ чувство безкорыстной дружбы—явленіе въ нашъ продажный вѣкъ очень рѣдкое, и оно попадается только въ благодатныхъ степяхъ нашей родной Малороссіи. А такъ какъ вы есть одно изъ прелестнѣйшихъ созданій малороссійской матери-природы, то нѣтъ ничего удивительнаго, что вы владѣете такими рѣдкими качествами, несмотря даже на то, что горькая доля вашей жизни постоянно вытравляла у васъ это единственное счастье человѣка на землѣ. Собаки-люди выгрызли у васъ ваше доброе сердце, и вы боитесь довѣрять имъ; но не всѣ же люди-собаки, есть люди—люди!.. До свиданія, добрая Марія Самойловна. Весь вашъ съ перьями Савченко».

Что дѣлала Марья Самойл. послѣ разрыва съ г. Ильяшенко—мы не знаемъ до тѣхъ поръ, пока не встрѣчаемъ ее на южномъ берегу Крыма, куда она поѣхала, по ея словамъ, для дочери (ея дочь, а не падчерица), которой необходимо было покупаться въ морѣ и прожить на югѣ. Здѣсь г-жа Ковальчукова, по показаніямъ свидѣтелей, вела жизнь веселую, разсѣянную; здѣсь она была постоянно окружена кавалерами. Дальнія поѣздки въ горы, въ сопровожденіи толпы мужчинъ, заставлявшіе ее иногда не ночевать дома, катанье на лодкѣ въ морѣ, пикники, отнимали все время свѣтской барыни. Сопровождавшіе ее мужчины дѣлали ей всевозможныя угожденія, чтобы заслужить хотя ея улыбку. Мудрено-ли, что у нея, женщины легкомысленной, плохо понимающей принципы истинной нравственности, закружилась голова. Въ Крыму она познакомилась съ Безобразовымъ и на немъ остановила свой выборъ. Почему она предпочла его другимъ—понять трудно. Онъ менѣе всего удовлетворялъ тѣмъ качествамъ, которыхъ ищутъ въ мужчинѣ женщины, по своему характеру и степени развитія, подобныя г-жѣ Ковальчуковой. Прежде всего ему было

47 лѣтъ, далѣе, онъ былъ разорившійся человѣкъ, кругомъ въ долгахъ. Правда, по его словамъ, онъ говорилъ Мар. Сам., что онъ богатъ, но едва-ли можно предположить, чтобы до нея не доходили слухи о дѣйствительномъ положеніи средствъ Безобразова. Какъ бы то ни было, Мар. Сам. на немъ остановила свой выборъ.

Григорій Александровичъ Безобразовъ представляетъ собою типъ, въ настоящее время, къ сожалѣнію, имѣющій у насъ очень многихъ представителей. Получивъ самое поверхностное образованіе, хотя онъ и былъ въ университетѣ, но вышелъ оттуда не кончивъ курса, онъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ сталъ, какъ говорится, «прожигать жизнь», разматывать свое состояніе направо и налѣво. Денегъ, получаемыхъ имъ отъ отца, было слишкомъ недостаточно для разсѣянной жизни, какую онъ велъ, и ему пришлось обращаться къ «піявкамъ» современнаго общества, засасывающимъ множество человѣческихъ существованій, къ ростовщикамъ. Извѣстно, какъ эти «благодѣтели» умѣютъ пользоваться безвыходностью положенія кутящаго юноши, какъ 100 руб., дѣйствительно взятые у нихъ взаймы, черезъ какой-нибудь годъ превращаются въ 2 и 3 тысячи. Все это переиспыталъ Безобразовъ, и въ одинъ прекрасный день убѣдился, что на немъ долга состоитъ милліонъ рублей. Видя невозможность вести далѣе жизнь, какую велъ до сихъ поръ, Безобразовъ, по совѣту своего отца, поступилъ на службу на желѣзную дорогу. Вскорѣ онъ узнаетъ, что отецъ его умеръ; онъ узнаетъ это «секретно», не отъ родныхъ, незахотѣвшихъ увѣдомить его о болѣзни отца. Вмѣсто громадныхъ капиталовъ, ожидаемыхъ наслѣдниками, покойный оставилъ сравнительно небольшое состояніе, Григ. же Алекс. досталось менѣе, чѣмъ слѣдовало бы, еслибъ раздѣлъ былъ произведенъ правильно. Гр. Ал. объявилъ себя несостоятельнымъ должникомъ, отдавъ все полученное наслѣдство своимъ кредиторамъ, которые назначили ему пенсію. Сперва эта пенсія выдавалась правильно, затѣмъ прекратилась Въ это же время умерла женщина, съ которою Безобразовъ жилъ 12 лѣтъ. Лишеніе пенсіи довело Гр. Ал. до крайней нищеты и потому онъ съ радостію воспользовался предложеніемъ повѣреннаго по дѣламъ его невѣстки ѣхать въ Ялту и наблюдать за производившимися тамъ постройками.

На судѣ Безобразовъ велъ себя истиннымъ рыцаремъ въ отношеніи г-жи Ковальчуковой. Самый опытный адвокатъ едва-ли бы съумѣлъ такъ ловко выгораживать Мар. Сам. отъ всякаго соучастія въ совершенномъ имъ, Безобразовымъ, преступленіи. И, какъ извѣстно, его старанія увѣнчались полнымъ успѣхомъ: г-жа Ковальчукова признана невиновною въ преступленіи, за которое судилась.

По пріѣздѣ въ Ялту, на вопросъ: «что новаго въ городѣ», Безобразовъ съ разныхъ сторонъ слышитъ одинъ отвѣтъ: «сюда пріѣхала генеральша Ковальчукова... милая... прелестная» и т. д. Понятно, Гр. Ал. захотѣлъ съ нею познакомиться и познакомился. Онъ сдѣлался ея постояннымъ кавалеромъ во всѣхъ прогулкахъ, катаніяхъ, пикникахъ и пр. Мало-по-малу, они сблизились и поѣхали вмѣстѣ въ Петербургъ. Разсказывая о своемъ сближеніи съ Мар. Сам., Безобразовъ и здѣсь является истиннымъ рыцаремъ; онъ выгораживаетъ любимую женщину, хочетъ доказать, что связь его съ нею явилась случайно, лучше сказать, что онъ обманулъ довѣрившую его слову женщину. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Безобразовъ съ своею спутницею отправились въ гостинницу Бельвю, гдѣ намѣревалась остановиться Мар. Сам., такъ какъ эта гостинница стоитъ близко отъ Екатерининскаго института, въ которомъ воспитывалась ея дочь. Оказался свободнымъ только одинъ номеръ изъ двухъ комнатъ. Ковальчукова не желала останавливаться въ одномъ номерѣ съ Безобразовымъ и хотѣла ѣхать въ другую гостинницу. «Я сталъ уговаривать Марью Самойловну, говоритъ Безобразовъ,—остановиться въ этомъ номерѣ, говоря, что это все равно на одинъ день, а потомъ она можетъ перейти въ другой номеръ, и что я надѣюсь, что я настолько пріобрѣлъ ея довѣріе, что она не имѣетъ права отказать мнѣ въ этомъ: на одинъ день остановиться въ одномъ и томъ же номерѣ. Я потому надѣялся на ея довѣріе, что во все прежнее время употреблялъ всѣ силы для того, чтобъ пріобрѣсти ея довѣріе и расположеніе. Наконецъ она согласилась. Въ этотъ же день я употребилъ во зло довѣріе, которое мнѣ было дано, и съ того времени я сдѣлался любовникомъ г-жи Ковальчуковой... Я сталъ больше и больше разработывать мысль, чтобъ ее сдѣлать своею женою, чтобъ она сдѣлалась вдовою. Я употреблялъ всѣ средства, чтобъ предупреждать всѣ ея желанія... Все, что только она ни задумаетъ, все, чего только она ни захочетъ, я употреблялъ всѣ средства, какъ въ Ялтѣ, такъ и въ Петербургѣ на ея удовлетвореніе...»

Разрабатывая мысль о томъ, чтобъ Мар. Сам. сдѣлалась вдовою, Безобразовъ дошелъ до вывода, что необходимо для этого убить ея мужа, для чего и поѣхалъ въ Харьковъ. Дорогою въ вагонѣ онъ прочелъ, что какой-то ростовщикъ былъ убитъ ударомъ топора и рѣшилъ убить Ковальчукова этимъ оружіемъ. По пріѣздѣ въ Харьковъ онъ остановился въ гостинницѣ «Дагмара» и сейчасъ же купилъ топоръ. Но тутъ, по словамъ его, ему пришла мысль: «а что, если я совершу это преступленіе, а г-жа Ковальчукова, вдова его, узнавъ, что я ничего не имѣю, что разоренъ, откажетъ мнѣ въ томъ предложеніи, которое я готовился сдѣлать ей? Тогда совершенное мною преступленіе не будетъ имѣть никакой существенной для меня пользы! Я, гг. присяжные засѣдатели, откровенно вамъ говорю. И тутъ мнѣ пришла мысль, я сталъ ее разработывать... Я не зналъ, что мнѣ начать, что мнѣ дѣлать, чѣмъ ее связать, потому что ея расположеніе и тѣ отношенія, въ которыхъ я находился съ нею, не достаточно меня гарантировали. Эта мысль, что она мнѣ можетъ отказать, остановила меня совершить преступленіе при первомъ пріѣздѣ ко мнѣ Ковальчукова; остановила меня и 8-го декабря, потому что только 8-го декабря мнѣ пришла слѣдующая мысль: расположеніе я снискалъ—давай, я ее свяжу страхомъ. Зная ея отношенія къ мужу не отъ нея, а отъ другихъ, я былъ убѣжденъ, что подозрѣніе болѣе или менѣе падетъ на нее, а потому, давъ ей депешу, я буду имѣть въ этомъ орудіе, которымъ я могу ее всегда стращать, что «вотъ вы, сударыня, изволили получить телеграмму, извѣщавшую васъ объ убійствѣ вашего мужа; вамъ это было извѣстно; эта телеграмма можетъ служить доказательствомъ, что этотъ Денисовъ есть вашъ сообщникъ». Черезъ это я имѣлъ больше шансовъ, въ случаѣ отказа съ ея стороны, заставить ее выйти за меня замужъ. Въ случаѣ же откроется посылка этой депеши, то я зналъ, что она будетъ привлечена къ суду; но я зналъ также, что она будетъ оправдана передъ судомъ, потому что не имѣется никакихъ данныхъ; но послѣ суда она никогда ни за кого замужъ не пошла бы, кромѣ какъ за меня. Такимъ образомъ, я имѣлъ выходъ, я имѣлъ на своей сторонѣ больше шансовъ».

И онъ послалъ эту телеграмму, помогшую правосудію найти настоящаго виновника преступленія и бросившую подозрѣніе въ соучастіи на г-жу Ковальчукову.

Назвавшись барономъ Штемпелемъ, Безобразовъ пригласилъ къ себѣ Ковальчукова, какъ доктора. Но пусть разсказываетъ онъ самъ. «Давъ 8 декабря телеграмму, говоритъ Безобразовъ,—я хотѣлъ 9 декабря совершить преступленіе. Но Ковальчуковъ, который постоянно пріѣзжалъ ко мнѣ часовъ въ 11—12 дня, въ этотъ день пріѣхалъ только въ 3-мъ часу; а въ третьемъ часу постоянно приходила прислуга спрашивать, буду-ли я обѣдать дома. Вотъ почему для меня въ такой поздній часъ было слишкомъ много риску совершить преступленіе. Когда Ковальчуковъ пріѣхалъ ко мнѣ, я говорю ему, что хочу на другой день выѣхать, что дѣла мои требуютъ отъѣзда, Онъ меня сталъ увѣрять, что моя болѣзнь, мнимая, на столько серьезна, что я долженъ остаться. Я ему отвѣтилъ на это, что я оставаться не могу, а потому покорнѣйше прошу его пріѣхать на другой день пораньше и дать мнѣ лекарствъ на нѣсколько дней, такъ какъ мои дѣла требуютъ отбытія моего въ Таганрогъ. На другой день онъ пріѣхалъ въ 11 часовъ, сталъ осматривать меня и убѣждать остаться, увѣряя въ серьезности моей мнимой болѣзни. Я положительно ему сказалъ, что мнѣ нужно ѣхать и потому прошу его дать мнѣ разныхъ лекарствъ на дорогу. Вотъ, когда онъ сѣлъ писать рецептъ, я зашолъ за ширму, взялъ топоръ и нанесъ ему ударъ прямо по головѣ, такъ что голова раздвоилась... онъ упалъ... (подсудимый въ сильномъ волненіи) онъ сдѣлалъ поворотъ на лѣво и упалъ... можетъ быть, я далъ два удара... этого я не помню... Когда онъ упалъ и полилась, конечно, кровь... онъ сталъ захлебываться и хрипѣть... я тутъ только вспомнилъ, что у меня дверь не заперта, такъ какъ мнѣ невозможно было запереть ее при приходѣ Ковальчукова... Ковальчуковъ лежитъ... дверь у меня не заперта... я съ топоромъ въ рукахъ. Когда онъ хрипѣлъ, я, можетъ быть, далъ ему еще нѣсколько ударовъ, я этого рѣшительно не помню. Но когда я вспомнилъ, что дверь у меня не заперта, я откинулъ топоръ и побѣжалъ въ другую комнату, чтобъ запереть дверь. Заперши дверь на ключъ, я снялъ съ него шубу и накрылъ его ею. Записка, дѣйствительно, была мною оставлена на ломаномъ малороссійскомъ языкѣ... Но сперва мною была написана другая записка порусски, въ которой я говорилъ, что дѣлаю большую услугу харьковскому обществу, избавляя его отъ подобной піявки. Потомъ я эту записку разорвалъ и сжегъ. Потомъ я сталъ искать у него въ карманахъ, нѣтъ-ли у него моего письма, но не нашелъ его. Что мнѣ было дѣлать? Я долженъ былъ оставить свои вещи, потому что съ вещами выходить изъ гостинницы нельзя было. Мнѣ оставалось придать преступленію видъ грабежа. Я сорвалъ съ него цѣпь, выдернулъ часы и взялъ шапку, такъ какъ больше у него нечего было брать. Я умылся, переодѣлся и вышелъ изъ гостинницы. Потомъ я отправился на Московскую улицу, въ парикмахерскую, выбрилъ себѣ бороду и поѣхалъ на вокзалъ».

Конечно, Безобразовъ признанъ виновнымъ и приговоренъ въ каторжную работу.

Окончилась драма въ судѣ. Наступилъ эпилогъ, дѣйствіе котораго происходило внѣ суда,—эпилогъ ужасный, — да, именно ужасный и циничный.

Желая отпраздновать свое оправданіе г-жа Ковальчукова задала пиръ своимъ роднымъ и знакомымъ въ той самой гостинницѣ Дагмарѣ, гдѣ былъ убитъ ея мужъ. Положимъ, онъ ей былъ ненавистенъ, но надо имѣть большую дозу легкомыслія и цинизма, чтобы рискнуть на такое попраніе самого обыкновеннаго чувства приличія, на такое оскорбленіе нравственнаго чувства. «Предъ вами воскресаютъ первобытныя времена людоѣдства, когда люди находили наслажденіе плясать на трупахъ своихъ жертвъ», говоритъ «Коломенскій Кандидъ», фельетонистъ газеты «Новости», и нельзя не согласиться, что его слова

могутъ быть удобно примѣнимы къ пиру, устроенному г-жею Ковальчуковою.

Да, господа, ужасны бываютъ иногда люди легкомысленные, безпринципные!

Петербургъ посѣтилъ издатель самой распространенной въ мірѣ ежедневной газеты «New-Iork-Herald» Джемсъ-Гордонъ Беннетъ. Полагаемъ, что читатели не посѣтуютъ на насъ за сообщеніе нѣкоторыхъ любопытныхъ свѣденій, касающихся этой газеты, имѣющей до 250,000 подписчиковъ.

Газета основана отцомъ настоящаго владѣльца въ 1835 году. Начиная свою газету, Беннетъ имѣлъ въ карманѣ всего 500 долларовъ. Взамѣнъ денегъ и литературнаго имени, Беннетъ обладалъ изумительной настойчивостію, твердостію характера и способностію къ рекламѣ, что въ Соединенныхъ штатахъ, въ особенности во время основанія газеты «New-Iork-Herald», — было качествомъ весьма прибыльнымъ. Умѣя угождать въ своей газетѣ той партіи, которая въ данный моментъ была господствующею, пуская безпрерывно въ ходъ рекламу, темой которой бывали и такіе случаи, когда издатель бывалъ кѣмъ-нибудь побитъ за слишкомъ неумѣренныя выраженія въ полемическихъ статьяхъ, Беннетъ мало-по-малу завоевалъ себѣ извѣстность и сдѣлалъ свою газету чрезвычайно интересной для массы читателей, находящихъ въ газетѣ всевозможныя новости, сообщенныя раньше, чѣмъ въ другихъ газетахъ. Беннетъ не жалѣлъ издержекъ для улучшенія своего изданія и эти издержки возвращались ему сторицей. Умирая, онъ оставилъ своему сыну капиталъ въ 25,000,000 долларовъ и газету, имѣющую болѣе 200,000 подписчиковъ.

Газета, улучшаясь въ содержаніи, увеличивалась и въ своихъ размѣрахъ. Средній нумеръ «New-Iork-Herald'a» состоитъ изъ 849,575 буквъ, что составляетъ болѣе 23 печатныхъ листовъ формата нашихъ журналовъ, т. е. почти книжку, а такихъ нумеровъ выходитъ 312.

Кромѣ главнаго редактора, самого Беннета, и его помощника, «редактора-распорядителя», газета имѣетъ 10 редакторовъ и 25 репортеровъ, не считая нѣсколькихъ десятковъ сотрудниковъ по различнымъ отдѣламъ. Газета имѣетъ свой домъ, который по его громаднымъ размѣрамъ, можно считать отдѣльнымъ городкомъ. Здѣсь помѣщаются квартиры сотрудниковъ, корректоровъ, наборщиковъ, газетныхъ разносщиковъ и другихъ рабочихъ; пять конторъ газеты, почта, телеграфъ, громадная типографія и пр. Газета имѣетъ своихъ нѣсколько пароходовъ. Расходы газеты громадны, напримѣръ, отысканіе Ливингстона стоило ей болѣе 300,000 долларовъ.

Когда-то мы достигнемъ, что и у насъ, въ Россіи, появится газета, обставленная такъ выгодно, какъ «New-Iork-Herald». Мы только пожелаемъ, чтобы наша русская газета руководилась извѣстными принципами, а не заботилась бы только объ угожденіи господствующей партіи, чему постоянно слѣдовала американская газета.

Въ концѣ каждаго года, обыкновенно выходитъ нѣсколько такъ-называемыхъ, стѣнныхъ календарей, состоящихъ изъ отдѣльныхъ листиковъ по числу дней въ году, на которыхъ напечатанъ мѣсяцъ, число, день недѣли и мѣсяцесловъ. День проходитъ и листикъ отрывается. Въ нынѣшнемъ году вышло много такихъ календарей. Одинъ изъ нихъ отличается очень остроумнымъ и полезнымъ нововведеніемъ и на него мы обращаемъ вниманіе нашихъ читателей. Это «Календарь-термометръ», г. Глазенапа. Въ красивую папку, къ которой прикрѣплены листочки стѣнного календаря, вдѣланъ небольшой, хорошо-вывѣренный термометръ Реомюра. Кромѣ того между листиками стѣнного календаря вклеено нѣсколько хорошо-исполненныхъ портретовъ. Календарь напечатанъ очень красиво. **Н. И.**

Новости наукъ и жизни.

— **Сестры милосердія.** Во «Врач. Вѣд.» сообщены слѣдующія свѣденія о числѣ сестеръ милосердія и «Краснаго Креста», отправленныхъ въ дѣйствующія арміи и работавшихъ въ военно-временныхъ госпиталяхъ и лазаретахъ общества «Краснаго Креста». Всѣхъ сестеръ милосердія и «Краснаго Креста» было болѣе 900. Въ это число не вошли сестры милосердія, трудившіяся въ тѣхъ госпиталяхъ, которые были устроены мѣстными отдѣлами общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ и которые именовались «выдвижными» госпиталями. Изъ общаго числа, болѣе 500 далъ Петербургъ, и изъ послѣднихъ 400 слишкомъ относились къ женщинамъ, пожелавшимъ нести обязанности сестры милосердія во время войны и получившимъ подготовленіе къ уходу за больными и ранеными въ здѣшнихъ больницахъ, въ военномъ госпиталѣ и въ врачебной общинѣ, при главномъ завѣдываніи всѣмъ этимъ дѣломъ ея высочества Евгеніи Максиміиановны.

— **Предразсудки китайцевъ.** Почти во всѣхъ китайскихъ городахъ выставлены на видныхъ мѣстахъ надписи, состоящія изъ пяти знаковъ. Эти надписи высѣчены иногда на камнѣ, иногда написаны на деревянной доскѣ, иногда же вылѣплены изъ глины или гипса. Онѣ обыкновенно ставятся противъ входа въ аллею, на перекресткахъ улицъ или просто на углахъ улицъ. Если величина надписей или знаковъ различна, то значеніе ихъ всегда одно и то же. Читаются они слѣдующимъ образомъ: «Т'ай-Шанъ-Шихъ-Канъ-Тангъ», что приблизительно означаетъ: «горные утесы съ нимъ сравнятся». Съ кѣмъ сравнятся? Кто это? спрашиваетъ путешественникъ и въ отвѣтъ получаетъ слѣдующее разъясненіе, вытекающее изъ понятія китайцевъ о непостижимомъ: на каждомъ мѣстѣ пребываютъ постоянно духи зловреднаго вліянія. Къ счастью, эти злые духи обладаютъ столь малымъ разумомъ и столь незначительною энергіею, что достаточно небольшого земляного вала или же невысокой каменной стѣны, чтобъ остановить ихъ и отклонить отъ первоначальнаго направленія; особенно же сильное вліяніе на нихъ оказываютъ упомянутыя доски. По мнѣнію китайцевъ, небольшая доска съ надписью «Т'ай-Шанъ-Шихъ-Канъ-Тангъ», поставленная гдѣ-бы то ни было, оказываетъ такое же дѣйствіе, какъ будто здѣсь дѣйствительно находится утесъ или гора, которая и не позволяетъ злому духу идти далѣе. Такимъ образомъ, китаецъ, гуляя по улицамъ, постоянно оставляетъ за собою злыхъ духовъ, у которыхъ отнята возможность перейти преграду, устроенную небольшою доскою. Китайцы увѣрены въ дѣйствительномъ вліяніи доски на духовъ.

— **Женщины-врачи.** Мы уже сообщали, что первая финляндская женщина-врачъ, дѣвица Розина Гейкель, переселилась въ Вазу, гдѣ намѣрена, въ случаѣ разрѣшенія, заниматься медицинскою практикою. Гельсингфорскія газеты передаютъ, что финляндскій сенатъ нисколько не затруднился дать г-жѣ Гейкель разрѣшеніе, о которомъ она ходатайствовала, и, такимъ образомъ, уравнялъ въ Финляндіи права мужчинъ и женщинъ-врачей.

— **Проекты новыхъ налоговъ.** «Голосъ» слышалъ, что въ министерствѣ финансовъ изготовляется проектъ новаго налога на валовый сборъ съ желѣзныхъ дорогъ. Говорятъ, что проектъ этотъ въ скоромъ времени внесенъ будетъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Предполагается существующіе пассажирскіе и товарные тарифы увеличить на 20 проц., а такъ какъ общій валовой сборъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ простирается до 150,000,000 руб., то 20 проц. надбавки на эту сумму дадутъ, какъ разсчитываютъ, въ пользу казны до 30,000,000 р. «Бирж. Вѣд.» также сообщаютъ слухъ о томъ, что въ непродолжительномъ времени долженъ разрѣшиться въ высшемъ правительственномъ учрежденіи вопросъ объ увеличеніи гербовыхъ пошлинъ. Предполагается поднять цѣну марокъ 40-копѣечной — до 60 копѣекъ, а 5-копѣечной — до 10 копѣекъ. Увѣряютъ, что этотъ вопросъ разрѣшится прежде вопросовъ о поразрядномъ, табачномъ и т. п. налогахъ.

— **Потребленіе соли.** Россія потребляетъ въ годъ 51.500,000 пуд. соли, что составляетъ по 27 фунт. на единицу населенія въ европейской Россіи и по 12 ф. въ Сибири. А между тѣмъ, въ западной Европѣ на каждаго жителя приходится:

въ Англіи	80	фунтовъ
» Франціи	40	»
» Австро-Венгріи	33	»
» Германіи	36	»

Современная наука опредѣляетъ нормальное потребленіе соли на каждаго человѣка, по меньшей мѣрѣ, 40 фунтовъ въ годъ, а такая норма дѣйствительнаго потребленія, въ свою очередь, служитъ признакомъ значительнаго развитія сельскаго хозяйства и промышленности, какъ это мы видимъ во Франціи и Англіи.

— **Преступленія въ Пруссіи.** Франкфуртская газета въ статьѣ «Нравственное одичаніе» сообщаетъ слѣдующія неутѣшительныя статистическія данныя о все возрастающей развращенности въ Пруссіи. Въ сравненіи съ прошлымъ годомъ число преступленій удвоилось (вмѣсто 6403—12807); число убійствъ увеличилось на 128, отравленій на 125, злостныхъ банкротствъ на 140 и преступленій противъ нравственности на 204%.

— **Оперетта.** «Рижскій Вѣстникъ» сообщаетъ, что 5-го ноября, въ залѣ латышскаго общества будетъ представлена «Pehrkona gais» (Проза), оперетта въ трехъ дѣйствіяхъ. Это первая большая оперетта на латышскомъ языкѣ.

Телеграммы.

Лондонъ, 10-го ноября. Индѣйскія войска вторглись въ Афганистанъ по тремъ дорогамъ. Лондонскій кабинетъ повидимому прекращаетъ свою агитацію по вопросу о восточной Румеліи и склоняется къ политикѣ раздѣла Турціи.

— 11-го ноября. По оффиціальному сообщенію, парламентъ соберется 5-го декабря.

— 14-го ноября. «Daily News» сообщаетъ, что въ Македоніи началась рѣзня; болгарская деревня Красница, близь Мельника, вырѣзана турецкими войсками. Зарѣзано 360 человѣкъ. Пятидесяти болгарамъ удалось бѣжать, но турки настигли ихъ и положили на мѣстѣ. Только четверо мужчинъ и три женщины съ двумя дѣтьми спаслись. Паника въ цѣломъ округѣ.

Парижъ, 9-го ноября. Послѣдствіемъ словъ, произнесенныхъ Гамбеттой противъ Фурту два дня назадъ въ засѣданіи палаты 7 (19) ноября, сегодня утромъ, близь Шатильона, была между ними дуэль. Противники обмѣнялись двумя пулями безъ всякихъ результатовъ. Ни одинъ изъ нихъ не раненъ.

Римъ, 10-го ноября. Германское правительство обратилось къ державамъ съ предложеніемъ принять общія мѣры для преслѣдованія «Интернаціональнаго общества».

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 Ноября 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ" на 1879 годъ.

Журналъ «**ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ**» будетъ издаваться въ будущемъ, 1879 году, по той же програмѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ настоящемъ, 1878 году.

Гг. годовые подписчики получаютъ при подпискѣ премію, уже полученную Редакціею и состоящую изъ **олеографической картины.**

Втеченіе года будетъ выдана вторая художественная премія, тоже **олеографія**, а также **иллюстрированная литературная премія.** Кромѣ того Редакція въ свое время предложитъ гг. подписчикамъ еще одну премію по своему выбору, какъ она это сдѣлала и въ нынѣшнемъ, 1878 году, съ преміей «**Свѣточи Христіанства**».

Въ первыхъ нумерахъ будущаго, 1879 года, между прочими, появятся слѣдующія произведенія: «*Мужъ и жена*», романъ **А. Михайлова;** поэма **Омулевскаго;** «*Лѣсное Хозяйство*», статья **Н. В. Шелгунова;** «*Козелъ отпущенія*», повѣсть **Н. И. Северина** и повѣсть **К. М. Станюковича.** Изъ гравюръ, между прочимъ, будутъ помѣщены копіи съ картинъ: **Брюлова, Гуна, Мещерскаго** и **Шварца.**

Редакція намѣрена въ будущемъ году дать рядъ копій съ картинъ **русскихъ** художниковъ, а также біографіи и портреты замѣчательныхъ **русскихъ** дѣятелей изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ нашей общественной дѣятельности. Эти біографіи будутъ составляться подъ редакціей **А. К. Шеллера (А. Михайлова)** и **Н. И. Шульгина.** Въ 1 № будетъ помѣщенъ портретъ **М. Е. Салтыкова (Щедрина).**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ":

	На годъ.	На полгода.	На три мѣсяца.
Безъ пересылки	**6 р.**	**3 р. 50к.**	**1 р. 80 к.**
Съ пересылкою и доставкою	**7 р.**	**4 р.**	**2 р.**

Подписка принимается: Въ Главной Конторѣ Журнала «**Живописное Обозрѣніе**» въ С.-Петербургѣ, Новый проспектъ, домъ № 20.

Въ Книжномъ магазинѣ

С. П. ГЛАЗЕНАПА

(Поварской Пер., д. № 15, въ С.-Петербургѣ)

поступилъ въ продажу:

КАЛЕНДАРЬ-ТЕРМОМЕТРЪ

на 1879 годъ

Къ роскошной папкѣ **прикрѣпленъ термометръ** Реомюра.

(Самый полный, съ отрывающимися листами.)

Къ роскошной папкѣ придѣланъ небольшой изящный термометръ Реомюра. Въ календарѣ три портрета командировъ крейсеровъ русскаго **добровольнаго флота.**

Цѣна **1 р.**, съ перес. **1 р. 40 коп.**

Требованія исполняются немедленно. Принимаются всевозможные заказы книгъ и подписка на всѣ журналы и газеты.

Приготовленіе и продажа нижеозначенной жидкости разрѣшены врач. прис. СПБ. градонач.

ДЕЗИНФЕКЦІОННАЯ ЖИДКОСТЬ

Л. ПЕЛЬЦА и К°,

Предупреждающая и уничтожающая **запахъ пота ногъ** и друг. частей тѣла, также **прѣніе** тѣла съ складкахъ. Ц. **60 к.**; съ пересылкою **не менѣе** двухъ флаконовъ **2** р., за 10-ть флак. **7** р. Продается въ **С.-Петербургѣ**, въ магазинѣ **В. Лебедева,** на Невск, просп., д. № 67, и въ гостин. дворѣ у Ушакова и Парикова. **ДЕПО** на Пескахъ, 2-ая ул., домъ № 20, кв. № 7. **Высылаетъ** по почтѣ **только** депо въ С.-Петербургѣ и агентъ его **К. КЛОССЕ, въ г. Новгородѣ, домъ Г. А. Воронова.**

ОБЪ ИЗДАНІИ

Литературно-Политическаго Журнала

„ДѢЛО"

въ 1879 году.

Журналъ «ДѢЛО» будетъ издаваться въ 1879 году при постоянномъ участіи прежнихъ его сотрудниковъ, въ томъ-же направленіи и по той-же программѣ, какъ и въ прошлыя **двѣнадцать** лѣтъ своей дѣятельности.

Годовое изданіе журнала «ДѢЛО» состоитъ изъ *двѣнадцати* книгъ, отъ 30—32 листовъ каждая, большого формата, что составляетъ въ годъ около 400 листовъ компактной печати.

Подписная цѣна журналу на годъ:

Безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
Съ доставкой въ С.-Петербургѣ	15 р. 50 к.
Съ пересылкой иногороднымъ	16 р. »
» за-границу	19 р. »

Подписка адресуется: въ С.-Петербургъ, въ контору Редакціи журнала «ДѢЛО»—(Надеждинская ул., домъ № 39—5.)

При главной конторѣ редакціи журнала «ДѢЛО» продаются слѣдующія изданія:

Происхожденіе человѣка и половой подборъ. Чарльса Дарвина. Перев. съ англ., подъ редакціею Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна тремъ выпускамъ 5 р. сер.; съ перес. 5 р. 60 к.

Теорія естественнаго подбора. Очерки Альфреда Росселя Валласа. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Популярная гигіена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Карла Реклама. Перев. съ нѣмецк Изданіе четвертое. 1878 г. Съ приложеніемъ «*Военной Гигіены*» д-ра Вейнмана. Съ рисунками. Ц. 2 руб.; съ пересылкой 2 р. 30 к.

Вопросы общественной гигіены. В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

О питаніи въ физіологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-ра Жюля Сира. Перев. съ французскаго, подъ редакціей А. Н. Моргеровскаго. Цѣна 2 р; съ перес. 2 р. 30 к.

Уроки элементарной физіологіи. Т. Гексли. Пер. съ англ., съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Изданіе третье. Ц. 1 р. 25 к.; съ пер. 1 р. 40 к.

Комедія всемірной исторіи. Іог. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмец. Два выпуска. Цѣна обоимъ выпускамъ 3 р; съ пересылкой 3 р. 50 коп.

Исторія крестьяской войны въ Германіи. Д-ра В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и разсказамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна тремъ выпускамъ 2 руб; съ перес. 2 р. 50 к.

Избранныя рѣчи Джона Брайта. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена. Перев съ нѣмецк Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес 3 р. 50 к.

Девяносто третій годъ. Романъ В. Гюго, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Ц. 2 р.; съ перес. 2 р. 40 к.

Современные политическіе дѣятели. (Біографіи и характеристики) Э. Реклю (М. Триго). Цѣна 2 р; съ перес 2 р. 30 к.

Исповѣдь старика. Политическій романъ Иполита Ньево, перев. съ итальянскаго В. А. Зайцева. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины. Дж. Ст. Миля. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціею и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Іог. Шерра: «*Историческіе женскіе типы*». Изданіе второе. Цѣна 1 р.; съ перес. 1 р. 25 к.

Автобіографія Джона Стюарта Миля. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Внѣ общественныхъ интересовъ. Романъ П. Лѣтнева, изданный безъ предварительной цензуры. Ц. 1 р. 50 к.; съ перес. 2 р.

Американка. Романъ Луизы Алькотъ. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкой 1 р. 50 к.

Русскія историческія женщины. (Женщины до-петровской Руси). Д. Л. Мордовцева. Ц. 2 р. 75 коп.; съ перес. 3 р. 25 коп.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. В. М. Флоринскаго. Ц. 50 к.; съ пер. 70 к.

Сочиненія Ѳ. М. Толстаго. (Повѣсти и разсказы.) Съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Два тома. Ц. 1 р. 50 к.; съ перес. 1 р. 80 к.

Мертвая петля. Драма въ пяти дѣйствіяхъ, Н. А Потѣхина. Ц. 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Записки военнаго. Белетристическіе очерки, разсказы и картины изъ военнаго быта. Д. Гирса. Ц. 1 р. 60 к.; съ перес. 1 р 80 к.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. Ж. Верна. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 коп. съ перес. 70 к.

Брилліантовое ожерелье. Романъ Антони Троллопа. Перев. съ англ. Ц. 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

На всѣ вышеозначенныя изданія **подписчикамъ журнала** *«ДѢЛО» уступается 20%* **съ номинальныхъ цѣнъ** (*стоимость книги безъ пересылки.*)

1—4.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1879 ГОДЪ

НА

Годъ второй. **„ИЗУМРУДЪ"** Годъ второй.

СБОРНИКЪ РОМАНОВЪ, ПУТЕШЕСТВІЙ И НЕБОЛЬШИХЪ РАЗСКАЗОВЪ

въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскій.

Начавъ изданіе сборника въ самое трудное для всѣхъ время, т. е. въ разгаръ Русско-Турецкой войны, когда многія отрасли торговли и въ особенности книжная находились въ полномъ застоѣ, редакція, разумѣется, должна была вступить въ трудную борьбу съ различными препятствіями, но, благодаря усиліямъ и желанію пріобрѣсть своему изданію одобреніе публики, ей удалось выполнить принятую на себя задачу, хотя и не вполнѣ, но, однако, настолько, чтобы убѣдиться, что старанія эти остались не безплодными.

Множество писемъ, полученныхъ редакціею отъ Гг. подписчиковъ, обратившихся къ ней за различными свѣдѣніями и въ которыхъ они высказываютъ полное одобреніе сочиненіямъ, напечатаннымъ въ сборникѣ, служитъ, какъ нельзя лучше, доказательствомъ справедливости сказаннаго.

Презирая громкія фразы и пышныя рекламы, редакція не желаетъ прибѣгать къ нимъ, но тѣмъ не менѣе считаетъ необходимымъ замѣтить, что она надѣется угодить Гг. подписчикамъ въ 1879 году несравненно болѣе, чѣмъ въ 1878, такъ какъ ею принимаются мѣры улучшить изданіе сборника во всѣхъ отношеніяхъ и вообще сдѣлать все то, чего она не могла сдѣлать въ первый годъ, обыкновенно тяжелый для большинства издателей. Говоря яснѣе, редакція обратитъ строгое вниманіе на то, чтобы переводы помѣщаемыхъ статей отдѣлывались тщательнѣе, чтобы корректура была исправна и чтобы книги, которыя будутъ несравненно объемистѣе, выходили акуратно въ срокъ.

ПРОГРАММА.

Сборникъ будетъ выходить въ слѣдующіе сроки, а именно: между 10 и 20 числами января, марта, мая, іюля, сентября и ноября мѣсяцевъ, т. е. шесть разъ въ годъ книгами солиднаго формата и объема.

Каждая книга будетъ заключать въ себѣ не менѣе 320 страницъ, напечатанныхъ убористымъ, но пріятнымъ для глазъ шрифтомъ.

Каждая книга будетъ, по возможности, вмѣщать въ себѣ одинъ совершенно-законченный романъ и нѣсколько разсказовъ. Отъ этого правила редакція позволитъ себѣ отступить только въ такомъ случаѣ, если ей встрѣтится произведеніе очень интересное по содержанію, но велико по объему. Во всякомъ случаѣ редакція не допуститъ, чтобы произведеніе занимало болѣе 2 книгъ.

Каждое произведеніе, помѣщаемое въ сборникѣ, будетъ имѣть особую нумерацію страницъ, каждый романъ особый заглавный листъ, а для разсказовъ будетъ одна общая обертка.

не исключительно отъ редакцій и авторовъ. Такъ, обѣщанные въ прошедшемъ году: Сороковые годы въ исторіи русскаго народа, Мордовцева; Любовь Марата, ром. Мете; и княжна Тараканова не могли быть помѣщены по независящимъ отъ Редакціи обстоятельствамъ.

Цѣна годовому изданію остается прежняя **6** руб. **50** коп. безъ пересылки, и **8** руб. съ перес. Такая цѣна доставляетъ возможность и небогатымъ лицамъ пріобрѣсти историческія сочиненія, стоющія въ отдѣльной продажѣ болѣе, чѣмъ вдвое дороже.

Подписка на 1878 продолжается и всѣ новые подписчики получаютъ всѣ вышедшіе номера.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ Редакціи журнала (бол. Садовая, д. 121, кв. 12) и въ Книжномъ Магазинѣ **Я. Исакова**, Невскій просп. гостин. дв. № 24.

Гг. Иногородные благоволятъ адресовать: въ Петербургъ въ Редакцію журнала **«Историческая Библіотека»** (бол. Садовая, д. 121, кв 12).

Редакторъ-издатель **П. В. Полежаевъ**. 1—3.

„ТРУДЫ“ ИМПЕРАТОРСКАГО ВОЛЬНАГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

въ 1879 году.

„Труды“ И. В. Э. Общества въ 1879 году будутъ издаваться по программѣ, утвержденной Обществомъ въ минувшемъ году и состоящей изъ слѣдующихъ отдѣловъ.

I. Сельское хозяйство, куда входятъ статьи, относящіеся къ сельскому хозяйству и главнѣйшимъ его отраслямъ, предметы естественно-историческаго содержанія, направленнаго къ разъясненію вопросовъ земледѣльческихъ, доклады и журналы засѣданій I Отдѣленія. Сюда же отнесенъ отдѣлъ «Пчеловодства», статьи котораго будутъ помѣщаться въ видѣ особой рубрики, подъ заглавіемъ «Пчеловодство».

II. Техническія производства, тѣсно связанныя съ сельскимъ хозяйствомъ, какъ то: обработка льна и другихъ волокнистыхъ растеній, маслобойное дѣло, сыровареніе, картофельно-паточное производство и т. п., земледѣльческая механика, доклады и журналы засѣданій II Отдѣленія.

III. Политическая экономія и статистика, гдѣ помѣщаются статьи политико-экономическаго и статистическаго содержанія по предметамъ, касающимся круга дѣятельности Общества, доклады и журналы засѣданій III Отдѣленія.

IV. Сельско-хозяйственное обозрѣніе, гдѣ дается ежемѣсячный обзоръ экономическихъ явлений русскаго народнаго хозяйства вообще и сельскаго по преимуществу, а также сообщаются свѣдѣнія о болѣе замѣчательныхъ явленіяхъ и открытіяхъ по сельскому хозяйству за границею.

V. Библіографическое обозрѣніе посвящается оцѣнкѣ появляющихся въ свѣтъ сельскохозяйственныхъ и вообще экономическихъ отдѣльныхъ сочиненій и журнальныхъ статей на русскомъ языкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаются указанія на болѣе замѣчательныя иностранныя сочиненія.

VI. Корреспонденція Общества, куда входятъ небольшія и отрывочныя сообщенія по предметамъ занятій Общества изъ провинцій, разнаго рода запросы землевладѣльцевъ и отвѣты на нихъ со стороны Общества или непосредственно отъ Редакціи.

Въ концѣ каждой книжки помѣщаются **„Объявленія“** о продажѣ сельскохозяйственныхъ орудій и машинъ, сѣмянъ, растеній, книгъ и т. п., о предстоящихъ сельскохозяйственныхъ выставкахъ, съѣздахъ и пр.

„Труды“ Общества будутъ выходить разъ въ мѣсяцъ книжками, каждая отъ семи до восьми печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе **„Трудовъ“**, остается прежняя:
безъ пересылки . . . . 3 р. 50 к.
Съ пересылкою по почтѣ внутрь имперіи,
а равно и съ доставкою на домъ въ
С.-Петербургѣ . . . . 4 » — »

Подписка на **„Труды“** на 1879 годъ принимается въ С.-Петербургѣ (на углу 4-й роты Измайловскаго полка и Царскосельскаго проспекта) въ домѣ В. Э. Общества и въ сѣменной торговлѣ А. В. Запѣвалова (за Казанскимъ соборомъ, въ домѣ Лѣсникова). Иногородные благоволятъ адресоваться въ С.-Петербургъ, въ домъ В. Э. Общества.

Редакторъ **А. Совѣтовъ**. 1—4.

Открыта подписка на полученіе въ 1879 году

(ГОДЪ СЕДЬМОЙ)

самой дешевой въ Россіи ежедневной газеты

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

ОБЪЯВЛЕНІЙ.

Шесть лѣтъ мы издаемъ «Одесскій Листокъ Объявленій», шесть лѣтъ работаемъ мы для достиженія тѣхъ цѣлей, которыя намѣтили своему изданію, и съ удовольствіемъ можемъ заявить, что необыкновенный успѣхъ нашего изданія даетъ намъ пріятную увѣренность въ томъ, что всѣ наши труды и всѣ мѣры, принятыя къ усовершенствованію изданія, вполнѣ достигаютъ своего назначенія. Намъ не могли помѣшать ни тяжелый коммерческій кризисъ въ Одессѣ, ни продолжительныя смуты военнаго времени, ни общій застой въ дѣлахъ. «Одесскій Листокъ Объявленій» съ каждымъ днемъ расширяетъ кругъ своихъ читателей, пріобрѣтая широкую извѣстность во всемъ краѣ, и для общества онъ давно получилъ значеніе необходимой настольной газеты. Намъ остается только заявить, что мы будемъ продолжать свою дѣятельность съ постоянной энергіей, въ счастливой конкуренціи будемъ видѣть залогъ дальнѣйшаго успѣха изданія, а вниманіе читающей публики мы будемъ принимать, какъ лестное доказательство того, что «Одесскій Листокъ» по прежнему вполнѣ удовлетворяетъ ея требованіямъ.

Въ интересахъ читателей «Листка» ежедневные номера его наполняются свѣжими, интересными и разнообразными новостями дня, общеполезными свѣдѣніями изъ общественной жизни и всевозможнаго рода практическими указаніями, имѣющими значеніе для обыденной жизни каждаго читателя. Ссылаясь на отзывъ постоянныхъ читателей «Листка», мы позволяемъ себѣ заявить, что газета наша читается съ одинаковымъ интересомъ въ теченіи круглаго года; она не прибѣгаетъ къ тѣмъ пріемамъ, которыми пользуются другія газеты, предъ подпискою выходящія въ свѣтъ во фракѣ, а въ остальное время щеголяющія въ халатѣ. «Одесскій Листокъ» уже потому не подчиняется «подписочнымъ сезонамъ», что у него круглый годъ съ каждымъ днемъ число подписчиковъ возрастаетъ.

Для свѣденія коммерческаго люда можемъ заявить, что съ 1879 года въ «Одесскомъ Листкѣ» будутъ помѣщаемы всѣ публикаціи о казенныхъ и частныхъ подрядахъ, поставкахъ, торгахъ, продажахъ, о несостоятельностяхъ, ликвидаціяхъ, о видахъ торговли на предметы ввоза и вывоза, базарныя, биржевыя и сельско-хозяйственныя свѣденія и пр., за тѣмъ кромѣ всевозможнаго рода торговыхъ и промышленныхъ справокъ, въ «Листкѣ» будетъ помѣщаться, судебный указатель, въ которомъ, кромѣ свѣдѣній о дѣлахъ, назначенныхъ къ разбору во всѣхъ судебныхъ учрежденіяхъ г. Одессы, читатели найдутъ всегда и резолюціи по дѣламъ уже рѣшеннымъ.

Въ этомъ отношеніи «Одесскій Листокъ» не будетъ имѣть соперника: справочный отдѣлъ газеты будетъ заключать въ себѣ массу обстоятельныхъ, необходимыхъ и весьма важныхъ свѣдѣній. Ни одна мѣстная газета такого отдѣла еще не имѣла.

Что же касается до объявителей, то они, навѣрное, давно убѣдились, что изданіе наше, главнымъ образомъ, служитъ ихъ интересамъ. Многочисленные объявители знаютъ, что громадная распространенность «Одесскаго Листка», его популярность, общедоступность и расклейка по городу въ большомъ количествѣ экземпляровъ служатъ наиболѣе благопріятными условіями для широкой огласки той или другой публикаціи. Лица, постоянно печатающія въ «Одесскомъ Листкѣ» свои объявленія, личнымъ опытомъ могли убѣдиться, что объявленія быстро и вполнѣ достигаютъ своего назначенія, т. е. дѣлаются извѣстными въ одинъ день во всѣхъ слояхъ мѣстнаго населенія, а за тѣмъ и въ другихъ городахъ. Да иначе и быть не можетъ: достаточно обратить вниманіе на одно названіе газеты, чтобы видѣть въ ней спеціальный органъ объявленій. Одно названіе газеты служитъ для каждаго объявленія рекламой, слѣдовательно интересы объявителя всегда обезпечены.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Для иногородныхъ подписчиковъ съ пересылкою по почтѣ на годъ (12 мѣсяцевъ) 3 руб., полъ-года (6 мѣсяцевъ) 2 рубля.

Для городскихъ подписчиковъ, съ доставкою на домъ, въ годъ 3 руб., полъ-года 2 руб., три мѣсяца 1 р. 10 коп.

Подписка на газету и объявленія принимается въ конторѣ редакціи «Одесскаго Листка Объявленій», въ Одессѣ, на углу Преображенской и Дерибасовской улицъ, въ домѣ Синицыной, противъ собора.

Въ виду своевременнаго заготовленія печатныхъ адресовъ, накопляющихся всегда въ огромномъ количествѣ, просимъ гг. иногородныхъ подписчиковъ присылать свои требованія на газету заблаговременно, адресуя денежные пакеты по вышеозначенному адресу. За своевременную высылку газеты контора редакціи отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, когда подписка принята заблаговременно.

Редакторъ-издатель **В. В. Навроцкій**. 1—3.

ОБЪ ИЗДАНІИ СБОРНИКА

„ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ“

въ 1879 году.

(ПЯТЫЙ ГОДЪ).

Ежемѣсячный, историческій, иллюстрированный сборникъ **„Древняя и Новая Россія“** будетъ издаваться въ 1879 году на тѣхъ же основаніяхъ, по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ предшествовавшіе четыре года (1875, 1876, 1877 и 1878).

Сборникъ **«Древняя и Новая Россія»** выходитъ каждый мѣсяцъ книжками, въ размѣрѣ отъ десяти до двѣнадцати печатныхъ листовъ большого формата, in 4^0, въ два столбца печати на страницѣ, съ нѣсколькими портретами и рисунками и другими художественными приложеніями, такъ что по окончаніи года составятся три большихъ тома до 150 печатныхъ листовъ съ 50 — 60 гравюрами, литографіями и хромолитографіями.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ двѣнадцать руб., съ доставкою на домъ двѣнадцать руб. пятьдесятъ коп., съ пересылкой тринадцать р. пятьдесятъ коп., за границу четырнадцать рублей.

Главная Контора Редакціи сборника «Древняя и Новая Россія» находится въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, рядомъ съ Пассажемъ № 46, при хромолитографіи и типографіи издателя В. И. Граціанскаго, куда гг. иногородныхъ и просятъ исключительно обращаться со всѣми своими требованіями.

Разсрочка въ платежѣ допускается по соглашенію съ редакціею.

Въ Главной Конторѣ можно получать оставшіеся отъ подписки экземпляры сборника «Древняя и Новая Россія» за 1875, 1876, 1877 и 1878 годы. Каждый годъ состоитъ изъ трехъ большихъ томовъ (до 150 печатныхъ листовъ) съ 60 — 70 портретами и рисунками.

Цѣна каждаго года безъ пересылки двѣнадцать руб., съ пересылкой тринадцать руб. пятьдесятъ коп. Всѣ четыре года вмѣстѣ уступаются за сорокъ руб. сер. безъ пересылки; за пересылку же слѣдуетъ прилагать деньги за одинъ пудъ, по разстоянію.

1—3.

въ 1879 году

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

„КРОНШТАДТСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ, ПО ПРЕЖНЕМУ, ТРИ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ:

по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ.

Подписная цѣна:

	на годъ.	на полгода.	на 3 мѣсяца.	на 1 мѣс.
Безъ доставки	7 р.	4 р.—к.	2 р. — к.	70 к.
Съ доставкою на домъ и пересылкою во всѣ города.	8 р.	5 р.—к.	2 р. 50 к.	1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Кронштадтѣ: при книжномъ магазинѣ «Кроншт. Вѣстника» (на Соборной площади, въ домѣ Никитиныхъ).

Въ С.-Петербургѣ: у книгопродавца Я. А. Исакова, въ Гостиномъ дворѣ № 24. 1—3.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1879 ГОДУ ЖУРНАЛА

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ

ГОДЪ ПЯТЫЙ

ПРОГРАММА

Въ журналѣ помѣщаются исключительно романы, повѣсти и разсказы въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскій.

Каждый номеръ журнала будетъ содержать въ себѣ, по возможности, одинъ законченный романъ, или часть его и небольшую повѣсть или разсказъ.

Годовое изданіе состоитъ изъ 12 книгъ отъ 20-ти до 30-ти печатныхъ листовъ каждая. Срокъ выхода ежемѣсячный.

Въ концѣ года, подписчикамъ на «Библіотеку для чтенія» будетъ выдана въ видѣ преміи 13-я книжка, отъ 30 до 40 печатныхъ листовъ, которая будетъ заключать въ себѣ одинъ, вполнѣ законченный романъ.

Условія подписки на годъ.

Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки 8 р.
Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ . 8 » 50 к.
Съ пересылкою иногороднымъ. . . . . 9 »

Редакція допускаетъ слѣдующую разсрочку подписныхъ денегъ: при подпискѣ 5 руб. и къ 1-му Мая остальныя.

Для Гг. служащихъ допускается разсрочка по мѣсячно чрезъ гг. казначеевъ. Просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Подписка принимается:

Для городскихъ подписчиковъ: — Въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи, въ книжномъ магазинѣ Исакова и въ другихъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ, при книжныхъ магазинахъ Соловьева — Страстной бульв., д. Алексѣева и Живорева — Большая Дмитровка, д. Благороднаго Собранія.

Гг. иногородные адресуютъ свои требованія непосредственно въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала «Библіотека для чтенія», Шпалерная ул. д. № 42.

Подписывающихся съ разсрочкой просятъ обращаться: иногородныхъ исключительно въ редакцію, а городскихъ — въ книжный магазинъ Бортневскаго, уголъ Троицкаго и Графскаго пер.

Въ 1879 году редакція предполагаетъ помѣстить, между прочими романами, слѣдующіе: «Морской Король», истор. ром. Георга Борка, «Призракъ», истор. ром. Бульвера Литтона, и др.

На 1878 годъ подписка еще продолжается.

1—4.

ПОДПИСКА
НА
„ВЕЧЕРНЮЮ ГАЗЕТУ“
въ 1879 году.

Съ 1879 г. «Вечерняя Газета» вступаетъ, подъ нынѣшнею редакціею, въ **шестой** годъ своего существованія. По своей программѣ она представляетъ собою органъ **политическій, литературный** и **общественный.**

Сообразно этой программѣ, сверхъ передовыхъ статей по вопросамъ внѣшней политики и внутренней жизни, корреспонденцій изъ-за границы и русскихъ городовъ, библіографическихъ замѣтокъ, театральныхъ и музыкальныхъ рецензій, текущихъ извѣстій и т. п., составляющихъ обычный, ежедневный матеріалъ газеты, въ ней помѣщаются, въ видѣ еженедѣльныхъ періодическихъ обозрѣній: а) разборъ текущихъ явленій русской литературы и журналистики (**А. М. Скабичевскаго**), б) фельетонъ, подъ заглавіемъ «Наброски и Недомолвки», имѣющій содержаніемъ петербургскую общественную жизнь (**И. Ѳ. Василевскаго**), в) юмористическое обозрѣніе въ стихахъ и прозѣ явленій современной общественной жизни, подъ заглавіемъ «Чѣмъ Хата Богата» (**Д. Д. Минаева**), г) «Московскія Письма» (**А. И. Лукина**). Кромѣ того въ газетѣ дается мѣсто другимъ статьямъ фельетоннаго характера и произведеніямъ беллетристическимъ, какъ оригинальнымъ, такъ и переводнымъ, изъ которыхъ въ нынѣшнемъ году между прочимъ напечатаны: «Наровилъ по Совѣсти» **Г. И. Успенскаго**, «На свою шею» **А. Н. Плещеева**, «Изъ воспоминаній о пишущей братіи» **П. Д. Боборыкина**, «Изъ воспоминаній о послѣдней войнѣ» **Н. В. Максимова**, «Исторія одного мошенничества» **Арсеньева**, «Герои послѣдней войны» его же, «Съ дороги» **В. Ѳ. Кеневича**, «Набобъ» романъ **А. Додэ**, «Разсказы» его же, «Святая парочка Форскихъ горъ» **Бретъ-Гарта**, «Близнецы» **Эдм. Абу**, «Аттака мельницы» **Э. Зола**, и др. Въ отдѣлъ «Изо дня въ день» входятъ не только текущія извѣстія, какъ доставляемыя собственными репортерами, такъ и извлекаемыя изъ другихъ газетъ, но и замѣтки по поводу разныхъ явленій петербургской и заграничной жизни и газетныхъ статей, мелочи въ стихахъ и прозѣ, биржевыя бюллетени и торговыя извѣстія и т. п. Сверхъ того, тутъ же помѣщаются, по мѣрѣ накопленія матеріала: а) обозрѣніе иностранной сатирической печати (**П. И. Вейнберга**), съ приведеніемъ въ переводѣ лучшихъ стихотвореній и прозаическихъ статей ея, б) отчеты о произведеніяхъ современной иностранной литературы (**А. Н. Плещеева** и др.) и т. п. Въ отдѣлѣ судебномъ помѣщаются подробные или сокращенные стенографическіе отчеты о выдающихся процессахъ. Заграничныхъ корреспондентовъ газета имѣетъ: въ Лондонѣ, въ Парижѣ, Миланѣ, Вѣнѣ и Прагѣ; внутреннихъ: въ Москвѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Самарѣ, Саратовѣ, Оренбургѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Николаевѣ, Новочеркасскѣ, Таганрогѣ, Твери, Ригѣ, Архангельскѣ, Енисейскѣ и др. городахъ.

Труды собственно редакціонные раздѣляетъ съ нижеподписавшимся Э. К. Ватсонъ, завѣдывающій также и иностраннымъ отдѣломъ. Постоянное участіе въ газетѣ принимаютъ слѣдующія лица: П. Д. Боборыкинъ, И. Ѳ. Василевскій, П. И. Вейнбергъ, Ѳ. Ѳ. Воропоновъ, К. П. Галлеръ, В. Ѳ. Кеневичъ, Н. Н. Константиновъ, Н. С. Курочкинъ, С. И. Ламанскій, А. П. Лукинъ, Н. В. Максимовъ, Д. Д. Минаевъ, В. О. Михневичъ, А. Н. Плещеевъ, А. О. Преженцевъ, А. М. Скабичевскій, К. М. Станюковичъ, Г. И. Успенскій, Н. Н. Фирсовъ.

Подписка на «**Вечернюю Газету**» принимается на слѣдующихъ основаніяхъ:

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
съ доставкою въ Петербургѣ и съ пересылкою въ губерніи:

	р.	к.		р.	к.		р.	к.
На 12 мѣс.	8	—	На 8 мѣс.	6	—	На 4 мѣс.	3	50
» 11 »	7	50	» 7 »	5	50	» 3 »	2	50
» 10 »	7	—	» 6 »	5	—	» 2 »	1	70
» 9 »	6	50	» 5 »	4	20	» 1 »	—	90

Подписка открыта въ главной конторѣ «Вечерней Газеты», въ С.-Петербургѣ, по Литейному проспекту, въ домѣ № 42; въ отдѣленіяхъ конторы: въ Одессѣ, Успенская улица, домъ № 33 и въ Харьковѣ у Николая Петровича Овсянникова, Богуновскій переулокъ, домъ Савченко.

Подписка принимается не иначе какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Разсрочка платежа подписныхъ денегъ допускается: для служащихъ — по третямъ чрезъ ихъ казначеевъ; для неслужащихъ — по личному или письменному соглашенію съ редакціею, для чего необходимо обращаться въ главную контору «Вечерней Газеты».

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ, за годовой экземпляръ съ пересылкою въ губерніи и доставкою въ Петербургѣ, — высылаютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при самой подпискѣ 3 руб., въ концѣ марта 3 руб. и въ началѣ августа 2 руб.

Редакторъ-издатель В. А. Полетика. 1—3.

Съ 1-го Января 1879 года
БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ЕЖЕ-ЕДѢЛЬНО
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКЪ И ИСКУССТВЪ,
ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ:

„ОГОНЕКЪ“,
съ безплатными художественными приложеніями,
52 нумера въ годъ.

Приступая къ изданію **„ОГОНЬКА“**, Редакція имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, дать читателямъ такой журналъ, который, при своихъ внутреннихъ достоинствахъ и наилучшей внѣшности, былъ бы, въ то-же время, **доступенъ, по цѣнѣ, каждому.**

Важнѣйшую часть **„ОГОНЬКА“** составятъ:

1) Оригинальные романы, повѣсти, разсказы, драмы, комедіи и другія произведенія поэзіи, **съ иллюстраціями къ нимъ**, такъ что всѣ, наиболѣе интересныя сцены и положенія героевъ и поэтическіе образы будутъ изображены въ **рисункахъ**, исполненныхъ лучшими художниками и граверами.

2) Біографіи, съ портретами, замѣчательныхъ дѣятелей всего міра.

3) Систематическій обзоръ наукъ и искусствъ.

КАКЪ ПРЕМІЯ:

24 (въ годъ) безплатныхъ художественныхъ приложенія, отпечатанныхъ на роскошной веленевой бумагѣ.

Въ числѣ сотрудниковъ, въ «ОГОНЬКѢ» благосклонно согласились принять участіе многіе изъ извѣстныхъ нашихъ писателей.

Не говоря уже о томъ, что это будетъ единственный иллюстрированно-литературный журналъ въ Россіи и что издатель его не остановится ни передъ какими издержками, чтобы сдѣлать изъ новаго журнала изданіе самое популярное, «ОГОНЕКЪ» однѣми только художественными преміями (на отдѣльныхъ листахъ) дастъ втрое больше, чѣмъ его подписная цѣна.

Громадный успѣхъ, которымъ пользуются журналы «Всемірная Иллюстрація» и «Модный Свѣтъ», даетъ право издателю ихъ надѣяться, что и его третье новое изданіе, «ОГОНЕКЪ», будетъ благосклонно принято публикой.

Годовая цѣна: на **„ОГОНЕКЪ“**: безъ доставки **4 руб.**; съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою во всѣ города Россіи **5 руб.**

Подписка принимается въ конторѣ издателя журнала **„ОГОНЕКЪ“**, въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая ул., д. Коровина, № 16.

Редакт. жур. **„ОГОНЕКЪ“** Издат жур. **„ОГОНЕКЪ“**
Ник. Пав. Аловертъ. **Германъ Дмитр. Гоппе.**
1—3.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1879 ГОДУ
ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА.

„ПРИРОДА и ОХОТА“.

Популярный естественно-историческій и Охотничій Журналъ.

Выходитъ ежемѣсячно, книгами около 15 печатныхъ листовъ, **съ рисунками** въ текстѣ и **2—3 литографированными** (частью хромолитограф.) приложеніями Въ концѣ года, по примѣру прежнихъ лѣтъ, будутъ выданы подписчикамъ особыя преміи. Въ журналѣ принимаютъ участіе многіе извѣстные популяризаторы, путешественники и охотники.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА СЛѢДУЮЩАЯ:

I. Популярныя статьи по чистому и прикладному естествознанію, медицинѣ, гигіенѣ, технологіи и сельскому хозяйству, военному и морскому дѣлу и т. п.

II. Статьи этнографическаго содержанія. Путешествія русскихъ и иностранцевъ.

III Хроника новѣйшихъ открытій, усовершенствованій и изобрѣтеній.

IV. Монографіи охотничьихъ и промысловыхъ, вредныхъ и полезныхъ животныхъ.

V. Статьи по ружейной и псовой охотѣ, — о ружьяхъ, собакахъ, породахъ птицъ и звѣрей, какъ предметѣ охоты.

VI. Охотничьи разсказы и очерки.

VII. Мелкія статьи и корреспонденціи. Смѣсь.

Подписная цѣна: на годъ 12 р., съ перес. 13 р. 50 к., на полгода 7 р., съ перес. 8 р.

Примѣчаніе: Лица, подписавшіяся *(въ конторѣ редакціи)* до 1-го января, получаютъ **4 хромолитографированныя преміи** (Боръ, Лоси, Глухариный токъ Вызовъ гончихъ изъ острова) на 1878 годъ и пользуются уступкой 20% со всѣхъ изданій редакцій, включая журналъ за 1878 годъ.

Оставшіеся экземпляры Сборника **„Природа“** и **„Журналъ Охоты“** (издававшихся до 1877 года отдѣльно) продаются въ редакціи по слѣдующей цѣнѣ: Сборникъ «Природа» 1873 — 1877 гг. (17 томовъ, съ 120 отд. хромолитографир. и литографированными приложеніями и множествомъ рисунковъ въ текстѣ) за 40 р. (пересылка за сорокъ пять фунт. — по разстоянію); «Журналъ Охоты» со 2-й половины 1874 по 1877-й годъ включительно (7 томовъ, по полугодіямъ; съ 40 отдѣльными хромолитогр. и литограф. рисунками и многими политипажами въ текстѣ 7 преміями и особыми приложеніями: «Записки псоваго охотника Симбирской губ.» П. М. Мачеваріанова и «Тетеревъ-косачъ» — монографія Л. П. Сабанѣева) — за 20 р. (пересылка за 20 ф. по разстоянію). Каждый томъ Сборника и Ж. Охоты продается отдѣльно по 3 р. (перес. 4 ф.).

Адресъ редакціи: **С.-Петербургъ**, Троицкій пер. д. № 23, кв. 3. Редакторъ-издатель: **Л. П. Сабанѣевъ.**
1—4.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1879 годъ.

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

(еженедѣльное изданіе, съ офиціальною и неофиціальною частями, отъ 2-хъ до 4-хъ печатныхъ листовъ въ номерѣ)

и

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

(двухмѣсячное — отъ 18 до 24-хъ печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ)

Будутъ издаваться при с.-петербургской духовной академіи въ 1879 году на прежнихъ основаніяхъ. Но съ начала 1879 года начнется въ «Христіанскомъ Чтеніи» въ особомъ приложеніи (съ особымъ счетомъ страницъ) печатаніе **„Толкованій на свящ. книги Ветхаго Завѣта“**, изъ которыхъ къ концу каждаго года составится отдѣльный томъ — около 20 печатныхъ листовъ. Въ обоихъ журналахъ въ теченіи года напечатается болѣе 260 листовъ убористаго шрифта. Годовая цѣна за оба журнала **семь рублей** съ пересылкою; за каждый отдѣльно **пять рублей** съ пересылкою. — Отдѣльные номера «Церковнаго Вѣстника» — **по 15 коп.**

Въ «Церковномъ Вѣстникѣ» печатаются **стороннія объявленія**: авторовъ и книгопродавцевъ о вновь выходящихъ книгахъ, банковъ, о ихъ операціяхъ, магазиновъ и т. д. по опредѣленной таксѣ, именно **по 20 коп.** за строчку петита (въ $5^1/_2$ квадратовъ), если объявленіе печатается одинъ разъ, и **по 15 к.**, если печатается два раза и болѣе. При «Церковномъ Вѣстникѣ» также и разсылаются стороннія объявленія — **по пяти руб.** съ каждой тысячи.

Иногородные адресуются просто: **Въ Редакцію „Церковнаго Вѣстника“** и **„Христіанскаго Чтенія“ въ С.-Петербургѣ.**

Адресъ редакціи, гдѣ принимаются статьи и объявленія для напечатанія: Невскій проспектъ, домъ № 125 (противъ бывшей Конной площади); кв. № 2.

Адресъ конторы, гдѣ принимается подписка на журналы отъ петербургскихъ подписчиковъ: Невскій проспектъ, домъ № 190, кв. № 3 (подлѣ духовной консисторіи).

Въ Москвѣ отдѣленіе конторы редакціи — при книжномъ магазинѣ А. Н. Ферапонтова.
1—3.

О ПОДПИСКѢ
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ
ГАЗЕТУ

„СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“.
на 1879 годъ.

«Сынъ Отечества» въ 1879 году будетъ издаваться ежедневно, въ форматѣ большого листа; воскресный № будетъ состоять изъ двухъ листовъ съ каррикатурами.

въ программу газеты входятъ:

1) Внутренній отдѣлъ. 2) Иностранный отдѣлъ. 3) Статьи по отраслямъ наукъ, искуствъ, художествъ и ремеслъ. 4) Критика, журналистика, библіографія. 5) Беллетристическій отдѣлъ: романы, повѣсти, разсказы, и пр. 6) Театральныя и музыкальныя извѣстія и отчеты объ общественныхъ увеселеніяхъ. 7) Биржевыя и торговыя извѣстія и курсы. 8) Зрѣлища, желѣзныя дороги. 9) Каррикатуры. 10) Смѣсь. 11) Объявленія внутри газеты и въ приложеніяхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ:

для городскихъ: Съ дост. въ Петерб. по город. почтѣ	для иногородныхъ: Съ пересылкою.
На годъ.... 7 руб.	На годъ.... 8 руб.
На полгода. 3 » 60 к.	На полгода. 4 руб.

Подписка на газету «Сынъ Отечества» принимается исключительно въ главной конторѣ, находящейся въ С.-Петербургѣ, въ Почтамтской улицѣ, помѣ **№ 4**, куда и просятъ обращаться какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ подписчиковъ. 1—3.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 Ноября 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

№ 48. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 26 Ноября 1878 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

ЭТЮДЫ ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

РИСУНОКЪ М. ДАЛЬКЕВИЧА.

Деревенскіе нищіе.

Рѣзалъ на деревѣ **А. Шлипперъ.**

„Андронъ Голованъ.“

Разсказъ изъ жизни въ лѣсахъ далекаго Востока.

Н. Н. Каразина.

(*Окончаніе.*)

Спѣшно возвращался батька къ себѣ въ сторону, салазки за собою волокъ, все сомнѣніе брало его дорогою, да раздумье, хорошо-ли онъ распорядился, въ порядкѣ-ли все дома застанетъ...

Когда онъ ушелъ, мальчикъ на ногахъ уже былъ, хоть и пошатывался, а все-таки держался, спалъ ту ночь хорошо, поѣлъ немного... чего же лучше? Не велѣлъ ему батька изъ избы ни шагу, а дома сидѣть, да больше лежать, чѣмъ сидѣть, печку топить два раза въ сутки и трубы не закрывать вовсе, чтобы воздухъ всегда чистый былъ, легкій. Дровъ онъ запасъ ему достаточно и въ избѣ сложилъ; Мишку изъ сѣней выгналъ, можетъ, молъ, и на дворѣ ночевать, не маленькій, а Варнашку въ сѣняхъ водворилъ... Отлично значитъ.

Вотъ теперь вернется самъ съ провизіей, застанетъ сына уже совсѣмъ молодцомъ... Недолго отсутствовалъ, можетъ быть, уже совсѣмъ поправился хворый. Дай-то Господи!...

Иной разъ и худое думалось батькѣ дорогою, да такое худое, что онъ, самъ того не замѣчая, въ бѣгъ переходилъ и злился все на салазки, что тѣ мѣшаютъ, тяжело нагружены, да за пни все цѣпляются...

Чѣмъ ближе была цѣль его похода, тѣмъ безпокойнѣе и безпокойнѣе билось отцовское сердце. Выбиваясь изъ силъ, онъ ускорялъ свои шаги, сокращалъ часы отдыха, самъ себя обманывалъ, стараясь не замѣчать эту ноющую боль въ спинѣ и поясницѣ, это дрожаніе ногъ въ колѣняхъ... Онъ хваталъ снѣгъ на ходу и набивалъ себѣ ротъ, чтобы унять этотъ жгучій жаръ, сжигавшій его внутренности... Тѣло его было окончательно изнурено и разбито непосильнымъ трудомъ, его поддерживали и гнали къ цѣли только непомѣрное возбужденіе и энергія.

Онъ все шелъ...

Вотъ уже недалеко, часъ ходьбы... даже меньше. Вонъ они сквозь оголенный лѣсъ чернѣютъ желанные кедры. Вотъ и слѣды Мишкины идутъ отъ ручья... Уже совсѣмъ близко...

Какъ болѣзненно сжалось и замерло его сердце, когда съ той стороны донесся жалобный вой собаки. Это вылъ Ворнашка въ сѣняхъ... больше некому выть...

Батька пріостановился, вздохнулъ усиленно, полною грудью, бросилъ санки. Недалеко, послѣ взять можно, и побѣжалъ далѣе.

— Андронъ! крикнулъ онъ, видя уже глазами избу и кучу дровъ около, и эти запертыя двери сѣней.—Андронъ, дитя мое... мальчикъ мой, дорогой!..

Никто не отвѣчаетъ, никто не выходитъ на встрѣчу, только Варнашка, заслышавъ хозяйскій голосъ, еще жалобнѣе завыла и начала царапаться въ дверь, защелкнутую по обыкновенію изнутри засовомъ.

— Андронъ! не вскрикнулъ, прохрипѣлъ, надорвавши горло батька и кулаками высадилъ окно...

Тихо въ избѣ... пусто... Варнашка перебѣжалъ теперь сюда изъ сѣней, какъ бомба вылетѣлъ изъ окна, прямо подъ ноги прибывшему, все воетъ, оборачиваясь назадъ, глядя въ это черное, четвероугольное отверстіе, съ обрывками бумаги и прилипшимъ кусочкомъ стеклышка по сломанной перекладинѣ.

И дверь вылетѣла также, какъ окошко...

— Мальчикъ мой, малюточка, хрипитъ отецъ, хватаясь за дверные косяки...

У печи, давно потухшей и даже холодной, не то лежитъ, не то сидитъ, согнувшись въ три погибели, какой-то комочекъ, завернутый ягарчиною... Рука только одна видна изъ-подъ мѣха, и рука эта синяя, холодная, какъ ледъ, твердая, окоченѣлая и ногти на ней совсѣмъ черные...

Схватилъ на руки этотъ комочекъ батька, поднялъ: такъ и застыли скорчившіеся члены, не разгибаются. Больше сутокъ, какъ померъ, должно быть, несчастный мальчишка...

XVIII.

Не прошло и недѣли, какъ уѣхалъ мѣщанинъ соболятникъ, какъ нежданно, негаданно, нагрянули въ село Чумленое двое саней и конныхъ казаковъ шестеро.

Въ первыхъ саняхъ, запряженныхъ тройкою, гусемъ, сидѣлъ новый становой, усатый такой, брови сдвинуты вмѣстѣ, такъ и срослись, лицо тощее, щеки провалистыя, да желтыя такія, прозеленью пошли даже—золъ должно быть становой, какъ медвѣдь, къ зимѣ жиромъ не запасшійся. Со становымъ помощникъ этапнаго начальника—этотъ знакомый—прежній, мягкій въ голосѣ; самъ былъ прежде ссыльнымъ, да выслужился, доносы все писалъ анонимные, ласковый, добрый, никто отъ него слова не слыхалъ браннаго, и колодниковъ иначе и не называлъ, какъ «голубчики вы мои, несчастненькіе».

Въ другихъ саняхъ—писарь и четыре этапныхъ солдата съ ружьями.—Остановились у кабака по обыкновенію.

Сбили все село Чумленое на ноги. Всѣмъ велѣлъ становой въ кабакъ собираться; только собралось-то не больно много, человѣкъ съ десятокъ, у кого только какіе ни-на-есть бумаженки были, а прочіе всѣ, издали еще завидѣвши грозный поѣздъ, тягу дали, и въ кустахъ по оврагу запрятались.

Начались допросы, и простые и перекрестные, загуляло перо писарское по бумагѣ. Пашка сейчасъ самоваръ и наливки запасной поставилъ.

Становой съ командою прибылъ утромъ, а къ обѣду, того же дня, пригналъ и мѣщанинъ нерчинскій на своемъ саврасомъ,—продажа коня этого цѣловальнику Пашкѣ, надо полагать, разстроилась.

Пріѣхалъ мѣщанинъ и удивляется, что молъ за съѣздъ, что случилось?... Ужь не уголовщинали какая—оборони Господи!?..

— Какое дѣло случилось, это мы еще доподлинно не знаемъ, а что твоя тутъ есть частица, такъ это, пожалуй, что и правда, отвѣчалъ ему Ермилъ Сытый, ожидая своей очереди къ допросу, подъ надзоромъ казачьимъ.

Въ числѣ заблаговременно схоронившихся былъ, конечно, и бывшій дьяконъ, самовольно промѣнявшій кадило на гранчатку охотничью... Только онъ, сообразивъ обстоятельства и заподозривъ истинную цѣль наѣзда, ушелъ не въ оврагъ, а прямо къ лѣсу, порѣшивъ предупредить блаженнаго объ облавѣ и спрятать его гдѣ-нибудь въ иномъ глухомъ мѣстѣ. Ушелъ дьяконъ вмѣстѣ съ Якимомъ Желѣзновымъ. Тотъ долженъ былъ въ избѣ оставаться, замѣсто хозяина—коли молъ набредутъ на жилье, такъ чтобъ подозрительности не было.

Они, всѣ трое съ Ермиломъ, давно предчувствовали недоброе и заранѣе уговорились, какъ надо дѣйствовать—оттого Ермилъ и покойно ждалъ допроса, подсмѣиваясь, въ какихъ дуракахъ останутся предатели, и что имъ за то надлежитъ въ воздаяніе сдѣлать!..

Спѣшатъ Никаноръ съ Якимомъ, тоже день и ночь идутъ, а все не такъ ходко, какъ по той же дорогѣ шагалъ самъ «блаженный». Наконецъ-то прибыли на мѣсто...

Изба заколочена, Варнашка у порога лежитъ, тощій-претощій, даже не всталъ гостямъ на встрѣчу, а только хвостомъ махнулъ раза два, ласково...

Подумали мужики, обошли кругомъ... Неужли же дома никого нѣту? такъ зачѣмъ же собака не съ ними, а тутъ осталась?!.. Окликнули: нѣтъ отвѣта. Повозились у дверей,—отперли... Первымъ вошелъ Никаноръ, да какъ бросится назадъ...

— Съ нами сила крестная! шепчетъ бывшій дьяконъ, а самъ побѣлѣлъ весь и губы трясутся.

Сунулся и Якимъ Желѣзновъ, и тотъ назадъ подался и произнесъ:

— Вотъ такъ грѣхъ случился... Эко горе какое!..

Заглянули теперь оба:

Лежитъ ребенокъ у печки, какъ тогда былъ, такъ и лежитъ... рядомъ доска, что въ углу висѣла, надвое топоромъ расколотая, а на аршинъ отъ полу висятъ ноги человѣческія.. Темно вверху избы, гдѣ перекладины, ничего не видно, а что есть немного свѣту изъ оконца, такъ освѣщаетъ только этимъ свѣтомъ ноги въ опоркахъ, веревочками перевязанныхъ.

Тѣмъ временемъ къ лѣсу приближался весь казенный поѣздъ и съ нимъ мужики чумленцы, взятые, замѣсто провожатыхъ, въ таежныхъ трущобахъ всѣ тропы знающихъ.

А снѣгъ повалилъ хлопьями, давно засыпалъ слѣды Никанора съ Якимомъ, тѣ, что они къ избѣ проложили, засыпалъ и тѣ, что назадъ отъ избы шли.

Тѣло ребенка они съ собой взяли, чтобы похоронить послѣ въ мѣстѣ хорошемъ, по христіанскому обычаю, а къ избѣ подвалили хворосту и подпалили ее, вмѣстѣ съ трупомъ самоубійцы, рѣшивъ, что эта изба опоганенная, никому не будетъ на пользу, только молъ отъ нея «нечисти» въ лѣсу прибавится—такъ и сдѣлали.

И пепелъ отъ этой избы остыть успѣлъ, когда подвелъ, наконецъ, Ермилъ Сытый къ мѣсту всю компанію, проплутавшись безъ малаго недѣлю по тайгѣ, понапрасну.

Стихотворенія Е. Воронова.

Падшій.

Не гляди на меня съ укоризной,
Не брани меня съ горькой тоской,
Вѣдь и такъ ужь страдаю я много
Вѣдь и такъ я наказанъ судьбой.

Если я и виновенъ въ прошедшемъ,
То, повѣрь мнѣ, я тѣмъ заплатилъ,
Что дороже и денегъ и счастья,
Что дороже физическихъ силъ,

И теряя всей жизни богатство,
Я не думалъ пенять и роптать,
И не думалъ хотя на минуту
Этимъ горемъ тебя упрекать.

Такъ зачѣмъ же съ тоской и упорствомъ
Мнѣ въ то время упреки кидать,
Когда я ужь и такъ изнываю,
И не знаю, какъ жизнь доканать.

Горе-доля.

Горе да заботы,
Нужды да печали,
Да въ ночи работа
Силы надорвали.

Все, къ чему, бывало,
Я такъ рвался страстно,
Все теперь пропало,
Все теперь напрасно.

Прежнія желанья,
Молодость и сила,
Гордыя призванья, —
Васъ нужда убила.

А потомъ ужь съ горя,
Сердце, чтобъ молчало,
Водочное море
Раны заливало.

И желанья, грезы...
Гдѣ они, былые?..
Лишь остались слезы,
Да и тѣ хмѣльныя...

Нѣту прежней мочи,
Только душитъ злоба,—
И пойдутъ, какъ ночи,
Дни мои до гроба

Знаю, эта блѣдность,
А за ней чахотка...
Эхъ, кабы не бѣдность!..
Эхъ, кабы не водка!..

Квитко-Основьяненко.

(Ст. А. Н. Сальникова).

(*Окончаніе.*)

Состоя членомъ институтскаго совѣта, Квитка познакомился съ одной изъ образованнѣйшихъ классныхъ дамъ, дѣвицею Вульфъ, бывшею пепиньеркой Екатерининскаго института, на которой и женился. Въ это время ему было слишкомъ сорокъ лѣтъ. Анна Григорьевна (имя жены) составляла для него все на свѣтѣ: она страстно любила мужа и видѣла въ немъ полнѣйшій идеалъ всѣхъ нравственныхъ совершенствъ, а на его литературную карьеру смотрѣла какъ на что-то такое, съ чѣмъ была тѣсно связана и ея судьба. Въ письмѣ къ П. А. Плетневу отъ 8-го февраля 1839 года, Квитка такъ отзывается объ отношеніяхъ своихъ къ любимой женщинѣ. — «Мой собственный цензоръ и критикъ мой безпристрастный — Анна Григорьевна. Если занесусь, она меня притянетъ; если опускаюсь низко, она велитъ вылазить или оставить и приподняться; она въ пору меня останавливаетъ въ разговорахъ, въ описаніи дѣйствій. Она судьбою дана мнѣ въ награду, не знаю, за что; но только изъ того института, который здѣсь учрежденъ! Она первая прибыла сюда классная дама и наградила меня собою за всѣ заботы мои объ институтѣ».

Въ 1816 году въ Харьковѣ было положено основаніе мѣстной журналистики: при университетской типографіи сталъ выходить журналъ «Украинскій Вѣстникъ» подъ редакціею Филомафитскаго и Гонорскаго. Однимъ изъ издателей этого журнала на второй годъ его существованія, былъ Квитка. Здѣсь онъ печаталъ отчеты о состояніи дѣлъ «Благотворительнаго общества», и института, а также мелкія юмористическія статьи, подписываясь подъ послѣдними псевдонимомъ — Фалалей Повинухинъ. Вскорѣ появился въ Харьковѣ и другой журналъ—«Харьковскій Демократъ», съ исключительно веселымъ направленіемъ. Въ немъ Квитка фигурировалъ въ качествѣ поэта и помѣстилъ нѣсколько стихотвореній. Впрочемъ, эти стихотворенія почти не имѣютъ никакого литературнаго значенія.

Когда прекратился «Украинскій Вѣстникъ», Квитка сталъ участвовать въ «Вѣстникѣ Европы», который, какъ извѣстно, издавался первоначально въ Москвѣ Каченовскимъ. Тутъ онъ писалъ подъ псевдонимомъ: Аверьянъ Любопытный, состоящій не у дѣлъ коллежскій протоколистъ, имѣющій хожденіе по тяжебнымъ дѣламъ и по денежнымъ взысканіямъ, а также подъ псевдонимомъ: Юноша Бѣлаго города. Послѣдній псевдонимъ придуманъ Квиткой по случаю поѣздки его въ Бѣлгородъ, ближайшій городъ къ Харькову.

Около 1827 года, Квитка написалъ первую свою комедію въ пяти дѣйствіяхъ: «Пріѣзжій изъ столицы или суматоха въ уѣздномъ городѣ», имѣющую, по содержанію своему, нѣкоторое сходство съ «Ревизоромъ» Гоголя. Но сходство это внѣшнее, кажущееся, и сравнивать скучную, растянутую піэсу Квитки съ геніальнымъ произведеніемъ великаго юмориста, конечно, немыслимо. Въ свое время, однако, было весьма распространено и упорно держалось въ нѣкоторыхъ литературныхъ кружкахъ мнѣніе, что будто-бы «Ревизоръ» написанъ подъ вліяніемъ вышеупомянутой комедіи Квитки. Мнѣніе это не выдерживаетъ критики, такъ-какъ извѣстно, что Гоголь напечаталъ «Ревизора» раньше, чѣмъ узналъ о «Пріѣзжемъ изъ столицы». Къ числу другихъ появившихся въ печати комедій Квитки относятся: «Дворянскіе выборы» и «Шельменко-деньщикъ». Кромѣ того, имъ были написаны двѣ, нигдѣ не напечатанныя и не поставленныя на сценѣ, комедіи: «Турецкая шаль» и «Сомнамбулка». Въ 1832 году явилась въ свѣтъ первая малороссійская повѣсть Квитки, «Ганнуся», имѣвшая большой успѣхъ и положившая начало цѣлому ряду подобныхъ повѣстей, разсказанныхъ Грицкомъ Основьяненкомъ. Изъ повѣстей этихъ особенно замѣчательны: «Маруся», «Божія дѣти», «Сердечная Оксана», «Солдатскій портретъ», «Козырь-дѣвка» и др.

«Написавъ нѣсколько повѣстей на малороссійскомъ языкѣ, говоритъ Квитка, я, по обычаю добрыхъ земляковъ моихъ, кромѣ своего настоящаго прозвища, принимать другое или по имени отца, напр.: Петріенко, Василенко, или по мѣсту жительства, напр., Зайченко, Боровенко, (такая ужь у нихъ натура!) взялъ себѣ прозвище по мѣсту жительства: живу въ Основѣ, и такъ да буду Основьяненко, и пошелъ такъ писаться».

Вслѣдъ за повѣстями явились: оперетка «Сватанье на Гончаровкѣ» и «Листы до любезныхъ земляковъ», поучительныя посланія къ простонародью. Въ 1842 году, за годъ до смерти, онъ, говорятъ, написалъ на малороссійскомъ языкѣ «Краткую священную исторію», которая, однако, не издана. Завѣтною мыслью его было составить для простого народа «Сводъ уголовныхъ законовъ», въ которомъ онъ предполагалъ выяснить послѣдствія различныхъ преступленій.

Съ этихъ поръ имя Квитки сдѣлалось популярнымъ въ литературѣ: издатели журналовъ наперерывъ стали обращаться къ нему съ просьбами о сотрудничествѣ. Жуковскій, будучи въ Харьковѣ, познакомился съ нимъ и привезъ для «Современника» нѣсколько его повѣстей въ переводѣ на русскій языкъ. Съ 1839 года, Квитка сталъ работать въ «Отечественныхъ Запискахъ», гдѣ помѣщенъ былъ романъ его «Панъ Халявскій», историческая монографія «Головатый» и повѣсть «Двѣнадцатый годъ въ провинціи».

Въ 1840 году, Квитка былъ избранъ въ предсѣдатели Харьковской палаты уголовнаго суда. Не смотря на свои преклонныя лѣта, «болтливый и оживленный въ кругу знакомыхъ, которые стекались къ нему въ Основу, старикъ былъ по прежнему наблюдателемъ и изумлялъ своею необыкновенною памятью, которая вызывала минувшіе годы его дѣтства и молодости, вызывала во всей свѣжести и яркости любопытнѣйшіе мемуары и историческіе разсказы. Многіе помнятъ его въ эту пору, въ темномъ стариковскомъ сюртукѣ, зеленомъ жилетѣ, галстукѣ безъ воротничковъ, съ однимъ глазомъ, глядѣвшимъ, впрочемъ, на свѣтъ очень зорко, и съ большою прадѣдовскою золотою цѣпью, черезъ грудь, цѣпью, съ которой связано было какое-то таинственное событіе въ жизни его предковъ. Полное круглое лицо его оживлялось среди разсказовъ и особаго рода улыбка, свойственная только кореннымъ старосвѣтскимъ малороссамъ, дѣлали выразительныя черты его лица еще болѣе выразительными. Его устные разсказы, извѣстные до сихъ поръ подъ именемъ квиткинскихъ, занимали каждый уголокъ, гдѣ только появлялся Основьяненко» *).

Въ характерѣ Квитки замѣчалась нѣкоторая скрытность, соединенная съ искренностью; въ его простодушіи просвѣчивало неподдѣльное остроуміе. Въ отношеніяхъ своихъ къ окружающимъ онъ былъ необыкновенно честенъ и всегда избѣгалъ людей, которые ему не нравились. Особенное удовольствіе находилъ онъ въ обществѣ дѣтей, которымъ любилъ разсказывать сказки, и принималъ даже участіе въ ихъ играхъ. При этомъ, однако, необходимо упомянуть, что онъ былъ крайне лѣнивъ и иногда легко относился къ дѣлу, которое требовало усиленнаго труда и аккуратности.

За годъ до смерти Квитка совсѣмъ измѣнился: сдѣлался раздражительнымъ, малодушнымъ; прежняя веселость и болтливость исчезли и мысли его приняли мрачный оттѣнокъ. Причиною тому была болѣзнь, заставившая его слечь въ постель.

Литературная дѣятельность Квитки закончилась статьей, помѣщенной въ «Звѣздочкѣ», съ подписью: «Посвящается воспитанницамъ Харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ». Извѣстно также, что и первая появившаяся въ печати статья его была посвящена любимому институту.

Въ 1843 году Квитка умеръ отъ воспаленія въ легкихъ и похороненъ на холодногорскомъ кладбищѣ, вблизи Харькова. Надъ могилою, находящеюся у самаго обрыва горы, поставленъ бѣлый мраморный памятникъ, обнесенный чугунною рѣшеткою. На одной сторонѣ памятника сдѣлана надпись:

Здѣсь покоится прахъ
Григорія Ѳедоровича
Квитки.
(Основьяненка).
Родился 18 ноября 1778 г.
Скончался 8 августа 1843 г.

А на другой:

Анна Григорьевна Квитка,
урожденная Вульфъ.
Родилась 1800 года мая 17 дня.
Скончалась 13 января 1852 года.

На похоронахъ Квитки собралось множество народа. Въ печальной процессіи участвовали не одни только горожане, но и крестьяне изъ сосѣднихъ деревень. Фактъ этотъ краснорѣчиво говоритъ, что память о покойномъ была дорога его соотечественникамъ и что они глубоко цѣнили въ немъ честнаго и полезнаго общественнаго дѣятеля.

Гугенотское движеніе во Франціи.

Исторія феодальной реакціи во Франціи въ 16 и 17 вѣкахъ, И. В. Лучицкаго.

(*Окончаніе.*)

V.

Такимъ образомъ, получились два замѣтныхъ результата: королевская власть уцѣлѣла отъ посягательствъ на нее Гизовъ,—и среднее сословіе, сознавъ свою силу, сдѣлало первый шагъ къ упроченію своего значенія въ жизни государства.

Обезсиленная лига перестала угрожать власти короля. Среднее сословіе не разрѣшило новыхъ налоговъ. Финансы королевскіе были плохи по прежнему: изъ испрашиваемыхъ субсидій король

*) Данилевскій—«Матеріалы для исторіи украинской литературы и народнаго образованія».

получилъ только 450 тысячъ ливровъ отъ духовенства—взамѣнъ обязательства содержать 5,000 солдатъ. А между тѣмъ, война, объявленная гугенотами, не прекращалась, пойдти на уступки королевскій совѣтъ не хотѣлъ, да и не могъ, такъ какъ наемныя войска не получили денегъ еще за прошлое время, а деньги король могъ получить только отъ Гиза, требовавшаго продолженія войны съ гугенотами. Война была формально объявлена.

Гугенотская коалиція распалась или распадалась. Буржуазія хотѣла играть первенствующую роль—это повлекло за собою разрывъ съ Данвилемъ-Монморанси, мечтавшимъ о возстановленіи феодальнаго строя. Данвиль вступилъ въ переговоры съ королемъ, дѣлавшимъ ему самыя выгодныя предложенія. Пасторы въ своихъ распряхъ съ буржуазіей изъ-за первенства, оправившіеся на рабочее населеніе, теперь вступили съ нею въ союзъ противъ дворянъ. Это стремленіе къ гегемоніи, кромѣ отпаденія Данвиля, повлекло за собой и бездѣйствіе Конде, разсорившагося съ Рошелью. Наконецъ, среди гугенотовъ-дворянъ начались раздоры, доходившіе нерѣдко до вооруженныхъ столкновеній. Всѣ эти причины объясняютъ успѣхъ королевской арміи, тріумфальное шествіе которой, сопровождалось заборомъ всѣхъ встрѣчныхъ городовъ.

Партія Гизовъ опять начала усиливаться. Средства, доставленныя королю Гизами, были не велики и истощались. Усиленіе Гизовъ грозило королю серьезною опасностью. Гугенотской коалиціи уже не существовало, остатки ея были даже полезны королю, какъ противовѣсъ Гизамъ; притомъ же гугеноты, при продолженіи войны, могли найдти союзниковъ внѣ государства, о чемъ они энергично хлопотали. Всѣ эти соображенія склонили королевскій совѣтъ къ заключенію мира.

Условіями мира подтверждались всѣ права вождей коалиціи и городовъ, даровалась гугенотамъ свобода совѣсти, ограничивалась только свобода богослуженія.

Ничего не достигли Гизы, ничего не выигралъ король; онъ даже проигралъ, согласившись на войну.

Раньше депутація отъ южныхъ провинцій, описывая Карлу IX положеніе страны, говорила: «Представьте, ваше величество, трупъ анатомированный, съ него снята кожа, жиръ и мясо, остался голый скелетъ, этотъ трупъ—мы», продолжая аналогію, эта депутація теперь должна была бы сравнить Францію съ костями скелета, раздробляемыми и вывариваемыми для извлеченія изъ нихъ послѣдняго жира. Война окончательно разорила Францію, а между тѣмъ цѣль ея—единство религіи, если и не оправдывающее столько жертвъ, то по крайней мѣрѣ, составляющее сколько нибудь приличный предлогъ для принесенія ихъ,—не была достигнута. Анархія царила всюду. Поборы сеньеровъ, достигшіе чудовищныхъ размѣровъ, вызывали многочисленныя возстанія крестьянъ. Судъ бездѣйствовалъ, онъ былъ безсиленъ предъ наглостью грабительскихъ шаекъ. Нерѣдко въ отвѣтъ на приговоръ парламента, осуждавшій за грабежъ какого нибудь сеньера, осужденный съ шайкою являлся подъ стѣны города, разорялъ окрестности. Судебные пристава должны были отправляться для исполненія приговора во главѣ цѣлаго войска. Дворянство составляло заговоры съ цѣлью отдѣленія отъ королевства цѣлыхъ провинцій. Вмѣсто исполненія требованій, предъявленныхъ штатами въ Блуа, король, нуждаясь въ деньгахъ, издавалъ эдиктъ за эдиктомъ, налагавшими новыя подати.

Вотъ какъ рисуетъ г. Лучицкій положеніе страны въ это время, правительство обратилось съ просьбою о займѣ къ духовенству; оно отказало, указывая на то, что ни одно изъ его представленій не уважено. Послѣ долгихъ переговоровъ и дарованія духовенству новыхъ льготъ, королю удалось получить отъ него обѣщаніе уплачивать втеченіе шести лѣтъ по 1.300 000 ливровъ ежегодно, взамѣнъ чего король обязывался не производить съ духовенства никакихъ поборовъ и свято чтить всѣ его вольности. «Отказъ духовенства помочь правительству выпутаться зъ тяжелаго и затруднительнаго финансоваго положенія, его заявленія, выраженныя въ рѣзкихъ и рѣшительныхъ формахъ, показали уже окончательно правительству, что сильнѣйшая опора его, важнѣйшее орудіе вліянія и источникъ доходовъ потеряны для него, и оно ясно сознало всю опасность положенія, въ какомъ находилось. Въ иностранныхъ государяхъ, папѣ и испанскомъ королѣ, оно встрѣтило, если не враговъ, то враждебно настроенныхъ противъ него лицъ, въ дворянствѣ опасныхъ соперниковъ, вышедшихъ окончательно изъ-подъ его власти и вліянія, беззастѣнчиво попиравшихъ его авторитетъ; города обнаруживали все большую и большую наклонность освободиться отъ стѣсненій, налагаемыхъ имъ, отъ зависимости и подчиненія ему; крестьянское сословіе волновалось и подымалось съ оружіемъ въ рукахъ, требовало реформъ, уравненія повинностей. Теперь ко всему этому присоединилась оппозиція духовенства, а парламенты выказывали сильное нежеланіе исполнять его волю, его указы. Втеченіе одного года, сразу измѣнялись радикально отношенія къ нему тѣхъ лицъ и тѣхъ сословій, которыя прежде только частично высказывались противъ него. Искать опоры въ губернаторахъ, въ судѣ, въ арміи, въ духовенствѣ и дворянствѣ, въ городахъ—оказалось невозможнымъ, Парижъ, столица королевства, уже давно настроенный въ революціонномъ духѣ, волновался, и король чувствовалъ себя въ немъ столь мало безопаснымъ, что уже въ концѣ 1577 г. счелъ необходимымъ усилить свою гвардію».

Правда, положеніе правительства еще не было отчаяннымъ—оставался народъ, главный плательщикъ.

Притомъ и города не были прямо объяты революціей и духовенство искало легальныхъ путей къ оппозиціи. Всюду царило пока еще глухое броженіе. «Это все плоды лиги, восклицалъ Генрихъ III,—тѣ, кто руководитъ народомъ, великіе мастера, но я покажу имъ, что я мастеръ получше ихъ». Но король ошибался: Гизы, дѣйствительно, старались овладѣть движеніемъ, чтобы воспользоваться имъ для своихъ цѣлей, но не они подняли его. Это вскорѣ пришлось услышать и правительству отъ депутаціи, присланной провинціальными (бургундскими) штатами. Объяснивъ ту степень разоренія, какое испытывали провинціи, и ту анархію, какая въ нихъ царила, депутаты съ такой ироніей закончили свои представленія: «Сколько эдиктовъ, столько-же и новыхъ налоговъ, такъ что намъ приходится просить (Бога) не о томъ, чтобы въ году было два лѣта и двѣ жатвы, а о томъ, чтобы было столько жатвъ, сколько эдиктовъ». Парламенты возвращали королю его эдикты; число протестующихъ штатовъ (провинціальныхъ) все увеличивалось; рѣзкость выраженій, безпощадность критики, постоянно росли. Король пробовалъ было распускать собиравшіеся самовольно штаты, они чрезъ нѣсколько времени вновь собирались. Въ Нормандіи жители прямо объявили губернатору, что не станутъ платить податей; штаты-же собравшіеся въ Руанѣ, привлекли толпы народа, пришедшаго, если это понадобится, «оказать поддержку штатамъ». Король просилъ денегъ—штаты отвѣчали, что «взысканію всякаго налога они будутъ противиться всѣми зависящими отъ нихъ (штатовъ) средствами». Вспомнимъ толпы народа, пришедшаго «оказать штатамъ поддержку», и мы признаемъ что это была не пустая угроза. Не получая отвѣта на свои требованія, крестьяне въ Нормандіи возстали. Возстали католики, возстали и гугеноты.

Поняли, наконецъ, король и его совѣтники, что сопротивленіе болѣе немыслимо, что дальнѣйшее упорство поведетъ къ гибели и рѣшились уступить. Въ Бургундію, Нормандію и другія провинціи были отправлены комисары для успокоенія народа, Бургундскимъ штатамъ, созваннымъ въ февралѣ 1579 г, было торжественно объявлено отъ имени короля, что онъ уничтожаетъ нѣкоторые налоги и удовлетворитъ всѣмъ требованіямъ народа. Такія-же заявленія были сдѣланы и жителямъ другихъ провинцій. Въ этомъ-же духѣ даны обѣщанія депутатамъ находившимся въ Парижѣ. Въ Нормандіи королевскій комисаръ объявилъ, что король обязуется не взимать впредь налоговъ безъ согласія штатовъ и не станетъ преслѣдовать участвовавшихъ въ возстаніи.

Но всего этого королю казалось мало. Вмѣсто прежнихъ эдиктовъ о налогахъ и продажѣ должностей, стали выходить повелѣнія о сокращеніи расходовъ. Сокращалось число лакеевъ, число гвардіи, пажей; сокращались издержки на пиры, сокращались пенсіи. Откупщикамъ велѣно представить всѣ счеты. Тѣхъ изъ нихъ, счеты которыхъ оказались неправильными, заставляли возвращать украденныя суммы. Съ Гизами послѣдовало примиреніе. Наконецъ, король, клятвенно обѣщавшій исполнить требованія депутатовъ отъ провинціальныхъ штатовъ, предписалъ парламенту ускорить составленіе ордонанса, который долженъ былъ служитъ отвѣтомъ на рѣшенія штатовъ, собиравшихся въ Блуа.

Въ маѣ 1579 г. ордонансъ, наконецъ, явился. Значительная часть требованій, высказанныхъ на штатахъ въ Блуа и повторенныхъ провинціальными штатами, была удовлетворена. Духовенство, дворянство и армія подвергались кореннымъ реформамъ. Король обязывался не посылать впредь въ провинціи чрезвычайныхъ комиссій, уничтожить юрисдикцію своего частнаго совѣта, не продавать впредь должностей, уменьшить число чиновниковъ, примѣнить избирательное начало къ лицамъ, которыя впредь будутъ назначены, ежегодно посылать въ провинціи судебныя комиссіи. Онъ обязывался не производить отчужденія государственныхъ доменъ; постановлялъ, чтобы парламенты заявляли протесты противъ его распоряженій, противныхъ этому ордонансу, если будутъ такія сдѣланы; вводилъ рядъ ограниченій въ завѣдываніи коронными землями. Прилагались большія старанія улучшить финансовое управленіе. Вновь дано было торжественное обѣща[illegible] уменьшить налоги и подати: строжайше запр[illegible]лось сборщикамъ, подъ угрозой смертной казни, производить неправильныя взиманія. Вводилась строгая отчетность всѣхъ расходовъ, надъ размѣромъ королевскихъ подарковъ, вводился контроль счетныхъ палатъ. Изъятія отъ платежа податей, распространявшіяся прежде на королевскія и чиновничьи земли, объявлялись недѣйствительными. Угнетенному и разоренному народу обѣщался правый судъ и облегченіе въ тягостяхъ платежей: огражденіе отъ насилій и арміи, и дворянъ, и сборщиковъ; право выбора мѣстныхъ чиновниковъ. Упоминалось о ежегодномъ созывѣ провинціальныхъ штатовъ, а гдѣ ихъ нѣтъ—окружныхъ собраній.

Благодаря этимъ мѣропріятіямъ, обѣщаніямъ, а главное—удовлетворенію нѣкоторыхъ насущныхъ потребностей, правительству удалось нѣсколько успокоить волненіе. Провинціальные штаты стали уступчивѣе: Нормандія, напр., соглашалась выдать королю просимыя имъ суммы

Здѣсь кончается собственно гугенотское дви-

женіе и другое, возникшее непосредственно подъ его вліяніемъ. Въ дальнѣйшемъ ходѣ событій религія не служитъ даже и предлогомъ или поводомъ. Домократическое движеніе вступитъ въ новую, совершенно уже самостоятельную фазу развитія. Здѣсь будетъ умѣстно привести общій очеркъ этого движенія, дѣлаемый г. Лучицкимъ въ предисловіи къ 1-му тому его труда.

«Борьба началась между центральной властью и кальвинистскою знатью, къ которой присоединилась почти вся туземная, не пришлая, католическая знать и которая искала поддержки въ городскихъ общинахъ юга и западнаго побережья, гдѣ духъ независимости былъ развитъ съ большею силою, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ и гдѣ живо чувствовались тягости усиливающейся централизаціи. Борьба эта, которую вели въ виду усиленія знати, благодаря отчасти крайнему хаосу въ управленіи дѣлами, финансовому разстройству и слабости правительства, окончилась торжествомъ аристакратической лиги. Но то разореніе, которое она привела за собою, въ связи съ страшными тягостями, лежавшими на народѣ, благодаря финансовой неурядицѣ и крайнему эгоизму правительства, забывавшему обо всемъ, когда дѣло касалось «nos deniers», а также въ связи съ ненавистью, которую питала буржуазія и народъ къ знати, и съ религіознымъ фанатизмомъ—вызвали сильную реакцію въ народѣ, которою воспользовались монахи, получавшіее жалованье отъ испанскаго правительства, и пришлая знать въ лицѣ Гизовъ и ихъ родичей. Король примкнулъ къ этой новой лигѣ, но крайнія революціонныя доктрины, проповѣдуемыя лигерами, ихъ демократизмъ въ средневѣкрвомъ духѣ, заставили его искать союза въ другомъ мѣстѣ, и онъ нашелъ его въ той аристократической лигѣ, которая вела съ нимъ борьбу, но которой грозила страшная опасность въ случаѣ торжества католической лиги, и которая въ виду этого протягивала своему вчерашнему врагу руку. Результатомъ союза явилось торжество королевской власти въ лицѣ Генриха IV, паденіе опаснаго соперника въ видѣ католической лиги, и аристократическая лига увидѣла себя вновь въ томъ старомъ положеніи, которое вызвало ее прежде къ борьбѣ съ центральною властью. Вновь обнаружились попытки со стороны королевской власти, особенно при Людовикѣ XIII, управлять произвольно государствомъ, вновь начиналось торжество фаворитовъ, господство новыхъ людей, словомъ, все то, что дѣлалось при Екатеринѣ Медичи, что приравнивалось къ турецкому игу. Борьба возобновилась, но вести ее съ прежнею энергіею было трудно. Союзъ съ короною повлекъ за собою одно послѣдствіе, крайне вредное для знати: знать пріучилась къ придворной жизни, развила въ средѣ своихъ членовъ стремленіе видѣть въ жизни при дворѣ идеалъ существованія; ее легко было купить,—привлечь обѣщаніями пустыхъ отличій и т. п. Ришелье было не трудно подавить эту оппозицію, подавить вмѣстѣ съ нею и тѣ общины, которыя вели за одно съ знатью борьбу, но которыя вѣчно ссорились, вѣчно недовѣряли знати, опасаясь насилій со стороны надменныхъ и тщеславныхъ ея представителей».

Къ этому должно только прибавить, что занимаясь преимущественно исторіей феодальной реакцію, г. Лучицкій оставляетъ безъ вниманія исторію буржуазіи, упоминая только мимоходомъ, что съ оппозиціей дворянъ Ришелье были подавлены и городскія общины, союзныя съ ними. Дѣйствительно, начиная съ Генриха IV королевская власть возрастаетъ, централизація все усиливается, при чемъ автономія отдѣльныхъ общинъ все уменьшается;—это какъ бы противорѣчитъ развитію демократическаго духа, проявленія котораго были выше отмѣчены нами. Но не надо забывать, что этотъ процессъ усиленія королевской власти совершался къ выгодѣ буржуазіи, занимавшейся главнымъ образомъ торговлей и промышленностью. Нами было отмѣчено послѣдовательное измѣненіе ея взглядовъ на королевскую власть; въ то-же время она находилась въ постоянной войнѣ съ дворянами. Король, усиливаясь, бралъ на себя борьбу съ дворянствомъ,—а въ это время буржуазія, скопляла капиталы, зная уже и силы и значеніе обладателей ихъ для государства. Распредѣленіе капиталовъ, какъ оно совершалось на практикѣ подготовляло экономическую науку. Съ другой стороны критическое направленіе, внесенное протестантизмомъ, пускало корни въ массѣ третьяго сословія и подготовляло умы къ философіи XVIII в.

Эти замѣчанія достаточно выясняютъ значеніе гугенотскаго движенія для послѣдующей исторіи Франціи.

Мать.

Разсказъ А. Бувье.

Если вы захотите хорошо выпить и наѣсться до отвалу, остановитесь въ кабачкѣ «Мерлотъ», въ которомъ останавливался я, бывая въ Отри, въ Арденскихъ горахъ.

Здѣсь все просто, по-деревенски: длинная зала съ четырьмя столами, конторкой, поставцемъ и каминомъ, величиною въ огромную дверь; судорожно пылающія полѣнья отражаются яркимъ блескомъ на кострюляхъ, стаканахъ и фаянсовой посудѣ; это для глазъ.

Для обонянія стоитъ въ воздухѣ вонь или благоуханіе, смотря по вкусу, отъ зелена вина и пригорѣлаго масла.

Когда дилижансъ пересталъ ходить мимо, хозяинъ кабачка, Гетинъ, умеръ отъ скуки, оставивъ вдову и маленькую дочь.

Г-жа Гетинъ никогда не славилась примѣрной нравственностью... но вдова Гетинъ превзошла супругу Гетинъ; она любила почти что всѣхъ своихъ кліентовъ, помрачая ихъ мысли своимъ виномъ и соблазняя своими взглядами. Такъ какъ всѣ скамейки обыкновенно были заняты посѣтителями, то хозяйка находила себя вынужденной садиться на колѣни гостей. Вообще посѣтители кабачка, если и не принадлежали къ избранному обществу, за то ихъ было всегда очень много.

Въ этой обстановкѣ и среди этого люда выросла дочь Гетина, красивая дѣвушка шестнадцати или семнадцати лѣтъ; ея черные, какъ вороново крыло, волоса, были всегда гладко причесаны; глаза у нея были голубые, рѣсницы темныя, носъ прямой и тоненькій, ротъ дѣтскій; когда она улыбалась,—что случалось рѣдко,—то обнаруживала маленькіе зубы, ровные, какъ жемчугъ. Однимъ словомъ, Аннета Гетинъ была очень хороша собою, несмотря на ея болѣзненную блѣдность.

Вдова Гетинъ обожала свою дочь до пятилѣтняго возраста; позже она ее только любила, но, повидимому, была очень довольна, когда во время перехода отъ дѣтства къ юношеству Аннета очень подурнѣла. Но съ того дня, въ который одинъ изъ посѣтителей замѣтилъ пятнадцатилѣтней дѣвушкѣ: «А знаешь, Нета, ты становишься красавицей»,—вдова возненавидѣла свое дѣтище. Она одѣвала дѣвушку въ свои старыя платья и обрекла на самыя тяжкія, домашнія работы.

Среди безчинствъ своей матери, бѣдная дѣвушка осталась непорочною, отворачивая свое зардѣвшееся личико отъ того, чего ей не слѣдовало видѣть, прикидываясь глухой, когда ей должно было слышать.

Вдова Гетинъ была здоровенная женщина, которая легко могла убавлять пять лѣтъ изъ стукнувшихъ ей тридцати пяти; ея глаза, волосы, рѣсницы и легкій пушекъ на губахъ были темные, лицо румяное, губы толстыя и алыя. Когда ея взоръ обращался на мужчину, то въ глазахъ было такъ много всего, что мужчина невольно краснѣлъ. Поцѣлуи вдовы походили на ея вино; достаточно было вытерѣть губы, чтобъ не осталось ихъ и слѣда.

Одинъ изъ завсегдатаевъ вдовы совершенно взволновалъ ея сердце. Это былъ высокій дѣтина, грубый, какъ и вкусъ его возлюбленной. Его звали Мику. Желто-бѣлокурый, онъ имѣлъ волосы, походившіе на мочалку; глаза у него были живые, губы толстыя, лобъ низкій... Вѣчная улыбка озаряла глупостью все его лицо; широкоплечій, косолапый съ огромными ногами и руками, онъ походилъ столько же на быка, сколько и на человѣка.

Одинъ Мику выдерживалъ, не краснѣя, грязные взгляды вдовы и отвѣчалъ на нихъ улыбкою.

Однажды вечеромъ въ послѣднихъ числахъ декабря, снѣгъ валилъ хлопьями; дымная зала трактира «Мерлотъ» кишѣла народомъ; вдова, опершись на плечо одного изъ обычныхъ посѣтилей, слѣдила внимательно за ходомъ пикетной игры. Нета, сидя у камина, кроила лифъ изъ старой юбки матери.

Мику отошелъ отъ карточнаго стола и, убѣдившись, что вдова не глядитъ на него, приблизился къ камину, какъ будто грѣя свои большія руки; онъ съ улыбкою посмотрѣлъ на Нету.

— А знаешь-ли, сказалъ онъ въ полголоса,— ты становишься красавицей.

Аннета насупила брови и не отвѣчала.

— Знаешь-ли, что тебѣ стоитъ только пожелать и у тебя будутъ новыя платья, Нета.

Молодая дѣвушка не подняла даже глазъ и еслибъ она не прикусила своей губы до крови, то можно было бы подумать, что она ничего не слыхала.

— Мнѣ не весело сюда ходить... а еслибъ ты была у меня дома, я не вышелъ бы изъ него и былъ бы счастливъ, повѣрь...

Аннета подняла глаза, она окинула убійственнымъ взглядомъ Мику и невыразимымъ голосомъ сказала:

— Матушка на васъ смотритъ, г. Мику.

Дѣйствительно, когда руки Мику, точно экраны заслонили въ каминѣ пламя, вдова повернула голову; увидавъ своего возлюбленнаго, говорящаго съ ея дочерчью шепотомъ, она поблѣднѣла и зубы ея стиснулись. Когда же молодая дѣвушка отвѣтила, ему, изъ глазъ ея посыпались искры; выйдя изъ себя, она съ пѣной у рта бросилась на Аннету и схватила ее за руку такъ сильно, что бѣдная дѣвушка вскрикнула отъ боли.

— Ахъ, ты дрянь! воскликнула мать.—Негодная! ты заставляешь меня краснѣть за твое поведеніе съ мужчинами... Ахъ! ты бездушная, бѣлоручка, ну, ну, сейчасъ отправляйся наверхъ, шатунья!..

Молодая дѣвушка не отвѣчала, смертельная блѣдность покрыла ея лицо, двѣ крупныя слезы выкатились изъ ея глазъ, она собрала тряпки, изъ которыхъ кроила себѣ платье, и молча пошла въ свою комнату.

Затѣмъ вдова щипнула Мику и сказала ему вполголоса:

— Чего ты слушаешь эту дѣвчонку, вѣтренникъ!

Мику разразился громкимъ хохотомъ и возвратился на свое прежнее мѣсто около играющихъ въ карты. Вдова пошла на верхъ къ дочери.

Вскорѣ послышался надъ залой шумъ, какъ бы падающаго человѣка, потомъ удушливые крики.

— Такъ! вотъ начинается разсчетъ съ Нетъ, сказалъ одинъ изъ играющихъ.—Побьюсь о закладъ, что это за Мику.

Мику улыбнулся.

— Какой негодяй этотъ Мику, сказалъ другой, ударяя Мику по плечу.

Дѣтина расхохотался.

— У красотки будутъ завтра сипяки, замѣтилъ первый; — квартъ отъ валета и три туза: есть!

И партія продолжалась. Нѣсколько минутъ спустя, вдова сошла въ залу и сказала Мику:

— Знай, что ты больше не увидишь ее; довольно вы съ нею переглядывались... Завтра я отправляю ее въ Парижъ.

Мику засмѣялся, взялъ вдову за талію и поцѣловалъ ее. Миръ былъ заключенъ...

Снѣгъ шелъ всю ночь. По утру вдова отвела свою дочь на станцію желѣзной дороги. Бѣдная дѣвушка, блѣдная и дрожащая, несла маленькій узелокъ. Когда кондукторъ засвисталъ, мать положила въ руку дочери пяти-франковую монету, говоря:

— Дорога уплачена; завтра утромъ ты будешь въ Парижѣ; одинъ знакомый человѣкъ придетъ за тобою на станцію и отдастъ тебя въ ученье... старайся вести себя хорошо, чтобъ не заставлять меня краснѣть... Прощай.

Поѣздъ тронулся. Одинъ изъ стоящихъ вблизи замѣтилъ вдовѣ, что она забыла поцѣловать свое дѣтище.

— Отъ волненія, отвѣчала она.

На слѣдующій день въ 4 часа утра Аннета пріѣхала въ Парижъ; въ станціонной залѣ она увидала молодого человѣка, который, казалось, искалъ кого-то... она признала его и, покраснѣвъ, надвинула на лицо капишонъ.

Это былъ старинный другъ ея матери.

Она вышла; не зная куда направиться въ такую раннюю пору, и желая избѣгнуть того, который искалъ ее, она прижалась въ уголокъ галлереи и стала ждать.

Отъ стыда и страха ее била лихорадка. Съ выступившимъ потомъ на лбу и дрожащая всѣмъ тѣломъ, она простояла на снѣгу до тѣхъ поръ, пока служащій при станціи, спросилъ ее, чего она ждетъ.

Она посмотрѣла на него безсмысленно и отвѣчала что-то несвязное; онъ хотѣлъ помочь ей приподняться, но она упала въ изнеможеніи.

Онъ пошелъ за помощью и отправилъ несчастную въ больницу.

Черезъ нѣсколько дней послѣ, этого большая зала кабачка «Мерлотъ» была переполнена народомъ; играли въ карты, пили, веселились! Надо было видѣть, какъ поцѣлуи сыпались на вдову.

— Мику, да запрети же имъ! кричала она.

— Надо всѣмъ веселиться, отвѣчалъ Мику, хохоча во все горло.

Вошелъ почтальонъ, онъ принесъ письмо, и такъ какъ вдова не умѣла читать, то Мику взялъ письмо, но г-жа Гетинъ вырвала конвертъ изъ его рукъ.

— Это отъ дѣвчонки и тебѣ хочется прочесть... Почтальонъ, прочтите мнѣ письмо потихоньку, а ты иди за карты.

— О! Господи! г-жа Гетинъ, сказалъ почтальонъ, прочитавъ письмо,—большое несчастье!

— Что-такое?

— Нета умерла недѣлю тому назадъ.

— Ахъ! Боже мой! сказала вдова съ удивленіемъ;—гдѣ же она умерла?

— Въ больницѣ.

— Въ больницѣ, Милосердный Боже! что теперь скажутъ? Я всегда была увѣрена, эта дѣвчонка плохо кончитъ!

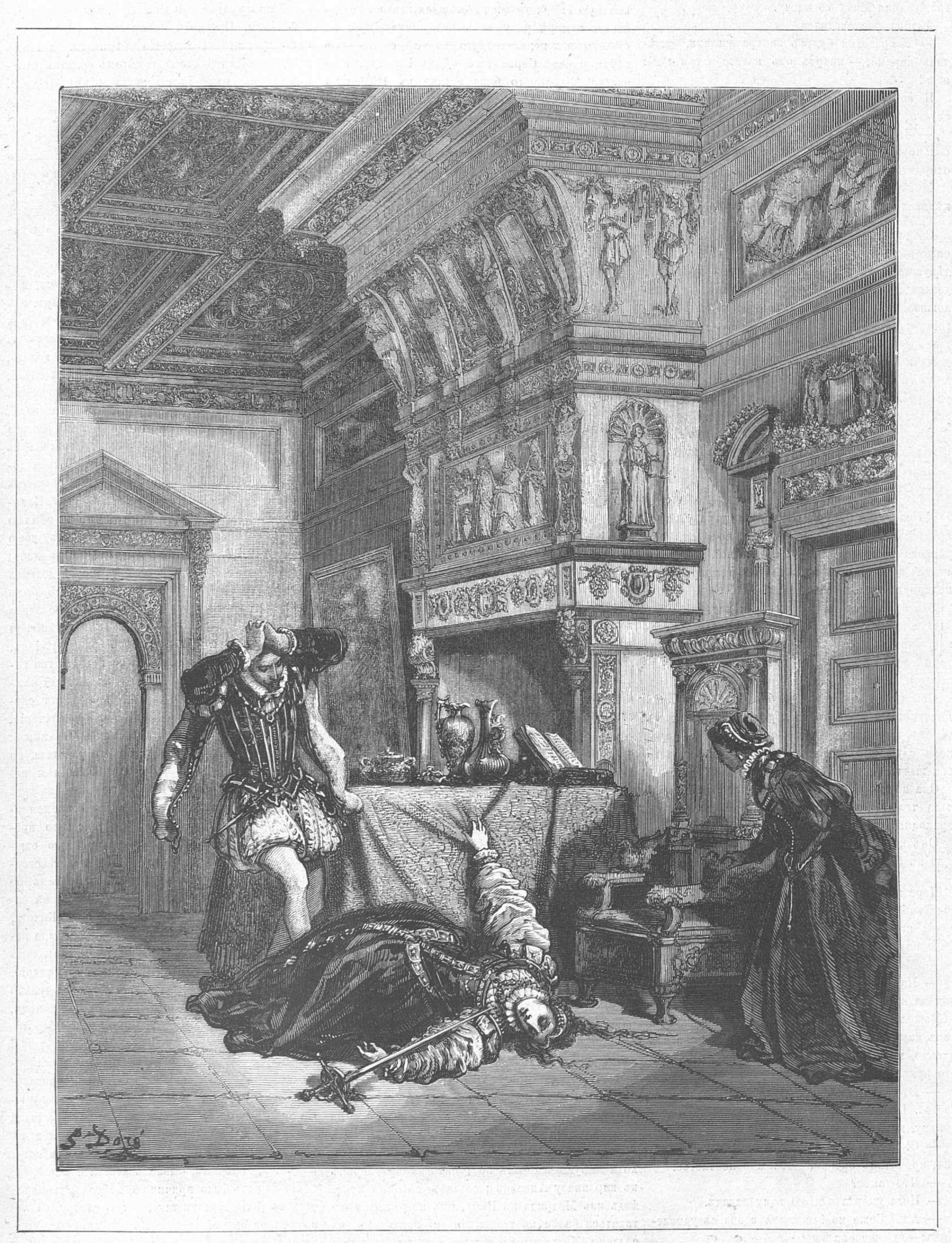
Мигуэль де-Сервантесъ Сааведра.

Полагая, что читателямъ нашимъ интересно будетъ ознакомиться съ жизнью знаменитаго испанскаго писателя Сервантеса, предпосылаемъ краткую его біографію, помѣщаемымъ въ настоящемъ нумерѣ рисункамъ художника Доре, на сюжеты изъ переведеннаго на всѣ европейскіе языки романа Сервантеса «Донъ Кихотъ», первая часть котораго была издана въ 1605 г., а вторая спустя десять лѣтъ послѣ первой, всего за годъ до смерти автора. Весь романъ состоитъ изъ двухъ частей въ двѣнадцати книгахъ, раздѣленныхъ на 126 главъ, заключающихъ въ себѣ сатирическое описаніе подвиговъ средневѣковаго странствующаго рыцарства, олицетвореннаго въ героѣ романа. Канва романа состоитъ въ томъ, что бѣдный дворянинъ, владѣтель деревни Ла-Манчъ, Донъ-Кихотъ, помѣшавшійся на чтеніи рыцарскихъ романовъ, задумалъ воскресить давно отжившее рыцарство. Взявъ въ оруженосцы своего крестьянина, Санхо-Пансу, онъ, въ старыхъ уродливыхъ доспѣхахъ, на клячѣ Расинантѣ, отправляется защищать угнетенныхъ, мстить за обиженныхъ, подобно изображаемымъ въ рыцарскихъ романахъ героямъ, борется съ вѣтреными мельницами, овцами и т. п., принимая ихъ за волшебниковъ или войско, и, послѣ цѣлаго ряда смѣшныхъ приключеній, возвращается домой, признанный съумасшедшимъ. Въ Донъ-Кихотѣ авторъ изобразилъ типъ идеалиста, желающаго людямъ добра, готоваго пожертвовать для нихъ всѣмъ, но вовсе непонимающаго практической жизни. Донъ-Кихотъ—это крайняя противоположность нерѣшительнаго, мучающагося сомнѣніями Гамлета. Санхо же—типъ простоватаго, добраго малаго, смотрящаго на жизнь исключительно съ практической стороны: въ своемъ легковѣріи, онъ надѣется, что его господинъ сдѣлаетъ его губернаторомъ какого-нибудь завоеваннаго острова. На русскомъ языкѣ первые два перевода Донъ-Кихота появились въ тридцатыхъ годахъ: Шаплета 1831 г. и Масальскаго 1838 г. (только первой части), но оба эти перевода были сдѣланы не съ испанскаго, а съ французскаго языка. Порядочнаго изданія Донъ-Кихота нѣтъ у насъ и до сихъ поръ. Мигуель де-Сервантесъ Сааведра родился 9-го октября 1547 г., въ городѣ Алкала де-Генаресъ, а умеръ 23-го апрѣля 1616 года, на шестьдесятъ девятомъ году жизни, большую часть которой провелъ въ бѣдности, преслѣдуемый соотечественниками, не только не признававшими его заслугъ, какъ писателя, его геройскихъ подвиговъ, какъ воина, въ битвахъ съ турками, но даже преслѣдовавшихъ его клеветой за его честныя убѣжденія, какъ гражданина и патріота. Сервантесъ принадлежалъ къ древней, но бѣдной фамиліи, и былъ младшимъ въ семьѣ, состоявшей изъ двухъ сестеръ и двухъ братьевъ. Еще въ ранней молодости, онъ страстно любилъ чтеніе и собиралъ даже по улицамъ куски бумаги, чтобы прочесть написанное. Наклонность его къ поэзіи и къ театру выразилась уже на одиннадцатомъ году возраста. Окончивъ свое образованіе въ университетѣ родного города, онъ прослушалъ еще курсъ въ Саламанкскомъ университетѣ, но не находя средствъ къ жизни на родинѣ, не смотря на развившійся уже въ немъ поэтическій талантъ, будущій авторъ Донъ-Кихота вынужденъ былъ поступить камердинеромъ къ кардиналу Аквавива; сдѣлавъ съ нимъ переѣздъ изъ Мадрида въ Римъ, онъ не рѣшился оставаться болѣе въ услуженіи и поступилъ въ солдаты. Получивъ въ сраженіи съ турками, при Левантѣ, въ 1571 г., двѣ раны въ грудь и третью въ лѣвую руку, Сервантесъ потерялъ навсегда возможность владѣть ею, за что и награжденъ былъ ежегодной пенсіей, равнявшейся почти тридцати шести рублямъ. Возвращаясь, моремъ, на родину, онъ взятъ былъ корсарами и отвезенъ въ Алжиръ, гдѣ и прожилъ въ теченіи пяти лѣтъ до выкупа изъ плѣна. Вообще, можно сказать, что Мигуэль де-Сервантесъ былъ однимъ изъ тѣхъ замѣчательныхъ людей, которые несчастіемъ своей жизни заплатили за поздній почетъ посмертной славы. Получивъ либеральное образованіе, принужденный, вслѣдствіе бѣдности, принять должность камердинера, и потомъ солдата, израненный въ сраженіи съ врагами христіанства, пробывъ нѣсколько лѣтъ въ плѣну, по окончаніи котораго снова вынужденъ былъ служить солдатомъ въ Португаліи и, наконецъ, сдѣлаться поставщикомъ съѣстныхъ припасовъ для морского вѣдомства, несправедливо обвиненный въ присвоеніи общественныхъ суммъ, Сервантесъ былъ заключенъ въ тюрьму, изъ которой освобожденъ вполнѣ оправданнымъ; потомъ вторично арестованный по ложному доносу, онъ снова томился въ заключеніи. Получивъ, наконецъ, свободу, Сервантесъ предался литературнымъ занятіямъ, женясь, въ 1584 году, на Каталинѣ Салазаръ, изъ Возмедіано,—дѣвушкѣ, также какъ и онъ, изъ благородной, но бѣдной фамиліи. Поселясь съ женою въ небольшомъ городкѣ, близъ Толедо, Сервантесъ написалъ до тридцати комедій, интермедій и фарсовъ, т. е. шутовскихъ пьесъ, неимѣвшихъ, впрочемъ, успѣха на сценѣ. Видя неудачу, онъ вынужденъ былъ заняться коммиссіонерствомъ, и въ теченіе четырехъ лѣтъ (1588—1592) прожилъ въ Севильи. Только достигнувъ пятидесяти лѣтъ Сервантесъ открылъ въ себѣ настоящее призваніе къ сатирѣ. Написавъ первую часть Донъ-Кихота, онъ, по обычаю того времени, долженъ былъ посвятить свою книгу одному изъ высокопоставленныхъ лицъ; отыскавъ, наконецъ, такого, онъ, послѣ долгихъ просьбъ, дождался того, что романъ его былъ напечатанъ, но первая часть его не произвела на публику желаемаго авторомъ впечатлѣнія, и была принята съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Тогда Сервантесъ, въ досадѣ на невѣжество современниковъ, рѣшился написать анонимный памфлетъ, въ которомъ, подъ видомъ критики своего романа, разъяснилъ настоящее его значеніе, и заявилъ, что какъ бы ни казались странными и невозможными подвиги героя его разсказа, но весьма вѣроятно, что мнѣнія, убѣжденія и поступки не только Донъ-Кихота, но и другихъ лицъ романа, имѣютъ много общаго съ современниками автора такого ѣдкого сатирическаго произведенія. Подобное разъясненіе принесло ожидаемую Сервантесомъ пользу. Умные, дѣйствительно, люди взялись за книгу и, прочитавъ ее до конца, обратили вниманіе общества на заслуги автора, и такъ расхвалили Донъ-Кихота, что онъ, втеченіе года, выдержалъ четыре изданія въ Испаніи, и вскорѣ переведенъ и изданъ былъ во Франціи, Италіи, Португаліи и Фландріи. Казалось бы, что Сервантесу оставалось только радоваться своему успѣху, и пожать, наконецъ, плоды своего таланта? Но вышло на-оборотъ. Самый успѣхъ его книги въ кругу читающей публики былъ причиною страшныхъ преслѣдованій, доносовъ, и клеветы со стороны писателей средней руки; исключеніе было только въ средѣ немногихъ, дѣйствительно, выдающихся своимъ талантомъ, писателей, относившихся къ успѣху Сервантеса безъ всякой злобы и зависти, какъ это, впрочемъ, бываетъ всегда и вездѣ.

Но что же было причиною, побудившею написать въ Донъ-Кихотѣ такую злую сатиру на современное ему общество? Въ отвѣтъ на это приведемъ, хотя въ сокращеніи, мнѣніе одного изъ лучшихъ біографовъ Сервантеса, Луи Віардо, и переводчика Донъ-Кихота на французскій языкъ.

Эпоха процвѣтанія странствующаго рыцарства, когда совершали свои подвиги паладины, такъ-называемые главнѣйшіе его представители, отно-

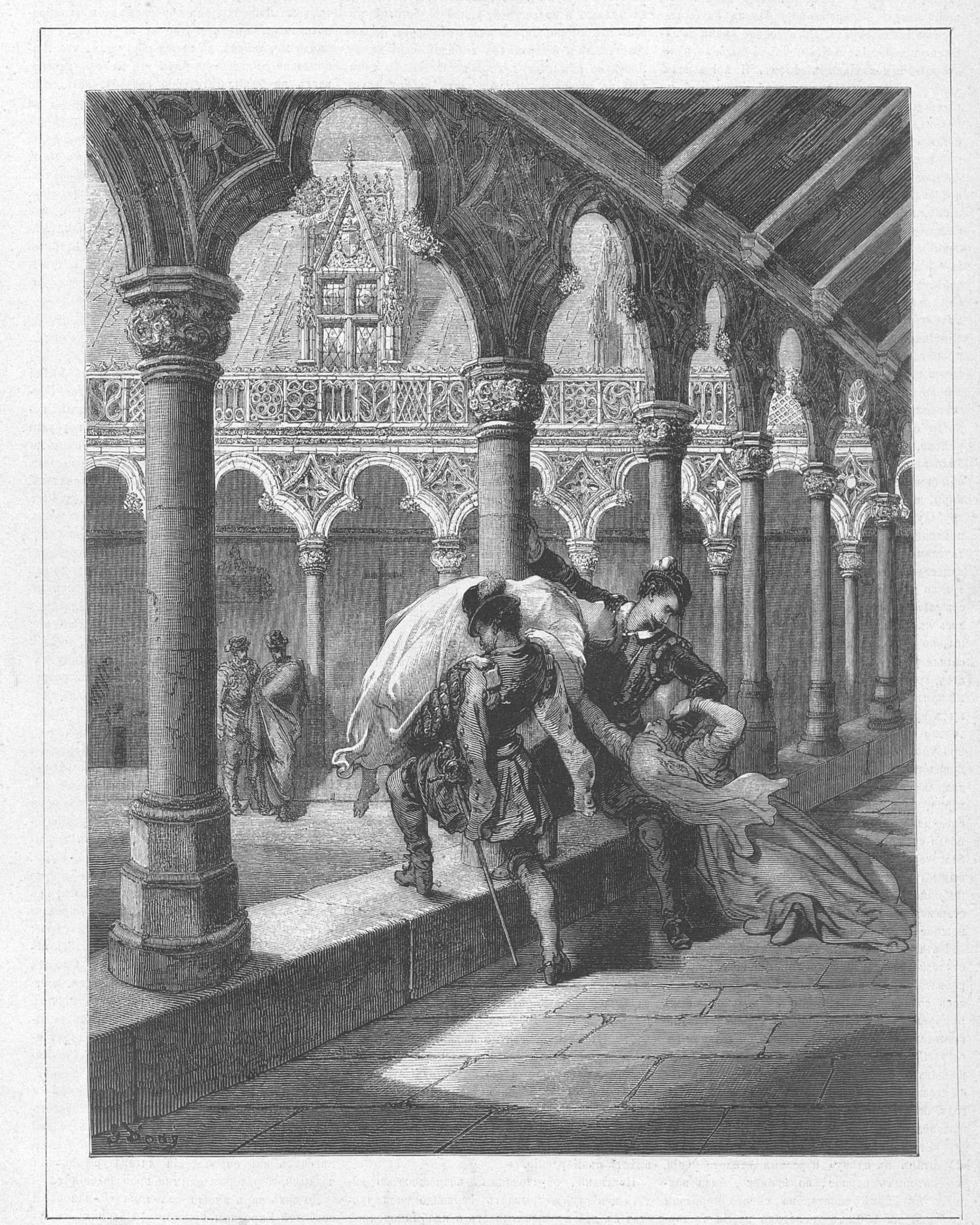
Рисунокъ Г. ДОРЕ́.

Эпизодъ изъ „Донъ-Кихота“ Сервантеса.

Рѣзалъ на деревѣ **Паннемакеръ** въ Парижѣ.

Рисунокъ Г. ДОРЕ́.

Эпизодъ изъ „Донъ-Кихота“ Сервантеса.

Рѣзалъ на деревѣ **Паннемакеръ** въ Парижѣ.

сится, говоритъ Віардо, къ тому времени, когда древняя цивилизація уступала мѣсто новой. Эта эпоха была временемъ умственнаго мрака и нравственнаго варварства, когда законъ олицетворялся въ одной только физической силѣ, когда справедливость и право рѣшались поединкомъ, когда анархія безпрерывно угрожала опустошеніемъ цѣлыхъ странъ. Въ подобное время защищать несчастныхъ и угнетенныхъ было, конечно, добрымъ и похвальнымъ дѣломъ. И когда паладинъ убивалъ разбойниковъ, грабившихъ на большихъ дорогахъ, или когда освобождалъ изъ оковъ невинныхъ, обреченныхъ уже на смертную казнь, когда, однимъ словомъ, онъ возобновлялъ въ первые года новой общественной жизни, знаменитые въ древности подвиги Геркулеса и Тезея, то имя подобнаго рыцаря переходило изъ устъ въ уста, и онъ, являясь благодѣтелемъ современниковъ, пользовался не только благодарностью, но и глубокимъ ихъ къ себѣ уваженіемъ. Кромѣ того, женщины въ то время были лишены должнаго къ себѣ уваженія мужчинъ и были ими угнетаемы, какъ и у большинства древнихъ народовъ; вотъ почему странствующіе рыцари считали первою обязанностью оказывать имъ свою защиту и покровительство, что и было главною причиною почти всѣхъ битвъ рыцарей съ гражданами не только въ своемъ отечествѣ, но и въ другихъ странахъ. Такіе подвиги рыцарей того времени могли служить богатой канвой не для одного романа, но для цѣлой литературы. Не трудно было прибавить къ нимъ и описаніе нравовъ, обычаевъ странствующаго рыцарства, ихъ турниры, праздники при дворахъ государей, пѣсни трубадуровъ, пляски жонглеровъ, путешествіе поклонниковъ св. земли и, такимъ образомъ, читателямъ представлялся бы Востокъ, со всѣми его чудесами, описанный болѣе или менѣе вѣрно, смотря по дарованію и образованію романиста. Къ сожалѣнію, писатели того времени не стремились къ этой цѣли. Не уважая не только истины, но даже подобія ея, т. е. вѣроятности, писатели рыцарскихъ романовъ дѣлали, по невѣжеству, грубыя ошибки въ исторіи, географіи, физикѣ и, что всего хуже,—они уклонялись отъ основныхъ правилъ нравственности. Не ошибались они только въ описаніяхъ ударовъ копья и меча, придумывая нескончаемыя битвы, къ которымъ приплетали разныя выдумки и небылицы, продолжая свой разсказъ не только безъ всякаго плана, безъ связи, но даже безъ смысла. Такъ соединяли они въ герояхъ своихъ чувства нѣжности съ жестокостью; самый грубый порокъ съ благочестіемъ и призывали на помощь своему вымыслу: великановъ, чудовищъ и разныхъ волшебниковъ. Каждый изъ подобныхъ романистовъ старался превзойти другихъ, придумывая невозможное и самое невѣроятное.

Къ чтенію подобныхъ романовъ общество было отчасти подготовлено крестовыми походами. Съ появленіемъ въ печати Донъ-Кихота, прекратилось совершенно печатаніе не только новыхъ рыцарскихъ романовъ, но и перепечатываніе прежнихъ. Въ этомъ и заключается главная заслуга Сервантеса, написавшаго, кромѣ того: «Двѣнадцать повѣстей», изданныхъ въ 1612 г., поэму «Путешествіе на Парнасъ», изданную въ 1614 году, поэму «Галатея», на героинѣ которой онъ и женился, имѣя тридцать семь лѣтъ отъ роду, «Студентъ Видріера», «Мнимая тетушка», «Капитанъ въ плѣну» и разныя стихотворенія, изъ которыхъ первое, по времени, была эпитафія, въ формѣ сонета, на смерть королевы Изабеллы въ 1568 году; потомъ элегія въ терцетахъ, пасторальная поэма «Филена» и множество сонетовъ и романсовъ, несчитая пьесъ для театра.

Не смотря на все разнообразіе литературной дѣятельности Сервантеса, «Донъ-Кихотъ» затмилъ всѣ прежнія произведенія его талантливаго пера и музы.

Въ первой части «Донъ-Кихота» (книга пятая, гл. 2, 3 и 4) Сервантесъ включилъ повѣсть о «неприличномъ и непростительномъ любопытствѣ» одного изъ двухъ друзей, Анзельма, женившагося на молодой и прелестной, умной и богатой дѣвицѣ изъ Флоренціи, гдѣ жили и оба друга. Вполнѣ счастливый и безгранично любящій свою жену, Анзельмо рѣшается, вскорѣ послѣ свадьбы, испытать ея вѣрность, и убѣждаетъ своего друга, Лотаріо, ухаживать за Камиллой, своею женой. Не смотря на всѣ увѣщанія его друга не подвергать подобному испытанію свою жену, Анзельмъ, послѣ долгихъ просьбъ, получаетъ, наконецъ, согласіе своего друга.

И когда Лотаріо, не смотря на борьбу долга и дружбы съ чувствомъ, влекущимъ его къ прелестной Камиллѣ, дѣйствительно измѣняетъ дружбѣ, и вполнѣ овладѣваетъ сердцемъ жены Анзельма, тогда, чтобы разсѣять подозрѣнія мужа, Камилла разыгрываетъ заранѣе условленную роль оскорбленной жены, съ Лотаріо, въ присутствіи горничной своей, Леонеллы, зная, что ея мужъ, Анзельмо, скрывается въ той же комнатѣ и подслушиваетъ ихъ разговоръ. На нашемъ рисункѣ изображенъ тотъ моментъ повѣсти, когда Камилла, въ притворномъ гнѣвѣ на Лотаріо, желаетъ заколоть его, но будучи не въ состояніи нанести ему ударъ, наноситъ себѣ мечемъ рану въ лѣвое плечо, чтобы напугать тѣмъ своего мужа, который и остается вполнѣ убѣжденнымъ въ ея супружеской къ нему вѣрности. Убѣдясь же впослѣдствіи въ измѣнѣ жены, Анзельмъ умираетъ съ горя отъ сознанія, что самъ разрушилъ свое семейное счастіе. Камилла же, узнавъ о смерти мужа и о кончинѣ Лотаріо въ сраженіи близь Неаполя, поступаетъ въ монастырь, гдѣ вскорѣ и умираетъ отъ тоски по убитомъ другѣ своего мужа, заплатившаго жизнью за безумное любопытство.

Въ первой части «Донъ-Кихота» находится разсказъ о несчастной любви Карденіо, изъ богатой дворянской фамиліи, уроженца Андалузіи. Встрѣченный Донъ-Кихотомъ въ Черныхъ горахъ, Карденіо разсказываетъ ему исторію любви своей къ Люциндѣ, молодой красавицѣ, жившей въ одномъ съ нимъ городѣ и принадлежавшей къ богатому семейству. Получивъ согласіе не только Люцинды, но и отца ея, на бракъ съ нею, Карденіо приходитъ къ своему отцу, чтобы получить и его согласіе, но, не успѣвъ еще сообщить ему о своемъ намѣреніи, получаетъ приказаніе отца немедленно отправиться къ герцогу Рикардо, въ другой городъ, чтобы находиться при старшемъ сынѣ герцога, въ качествѣ товарища и друга. Поневолѣ отложивъ свое намѣреніе жениться, Карденіо пріѣзжаетъ къ герцогу и, вступивъ въ дружескія отношенія съ его сыновьями, видитъ особую къ себѣ привязанность второго сына герцога, Фернанда, также взрослаго уже юноши, влюбленнаго въ Доротею, дочь одного изъ бѣдныхъ вассаловъ его отца. Фернандо не скрываетъ отъ Карденіо своего намѣренія даже жениться на бѣдной дѣвушкѣ, если она не со гласится отвѣчать его чувствамъ; тотъ отговариваетъ его отъ неравнаго брака, въ которомъ вскорѣ Фернандо и самъ болѣе не нуждается; желая покинуть Доротею, онъ получаетъ разрѣшеніе герцога уѣхать на время въ Андалузію, вмѣстѣ съ Карденіо.

Послѣдній, обрадованный возможностью видѣть невѣсту, открываетъ Фернандо свои чувства къ ней и разсказываетъ о необыкновенной красотѣ ея. Прибывъ въ родной городъ своего друга, Фернандо настаиваетъ, чтобы Карденіо показалъ свою невѣсту и, увидѣвъ ее, влюбляется самъ въ Люцинду, и, чтобы удалить пріятеля, даетъ ему порученіе къ старшему своему брату. Во время отсутствія Карденіо, Фернандо дѣлается женихомъ невѣсты своего друга. Но когда тотъ, получивъ извѣстіе отъ Люцинды о сватовствѣ Фернандо, спѣшитъ къ ней, то застаетъ уже обрученіе ея съ Фернандомъ.

Возмущенный измѣною друга и обвиняя въ томъ же Люцинду, онъ обрекаетъ себя на добровольное изгнаніе и скитается въ горахъ. Фернандо же, узнавъ, во время обрученія, что Люцинда не соглашается быть его женою, настаиваетъ на безотлагательной свадьбѣ, вслѣдствіе чего Люцинда оставляетъ родителей и скрывается въ монастырь. Помѣщенный на 9-й страницѣ рисунокъ Доре́ изображаетъ похищеніе Фернандомъ, при помощи друзей, Люцинды изъ монастыря, гдѣ они подкараулили ее съ одною изъ монахинь, у воротъ, оставленныхъ случайно открытыми. Разсказъ оканчивается тѣмъ, что Фернандо, видя явное нерасположеніе къ себѣ Люцинды, рѣшается возвратить ее Карденіо, съ которымъ неожиданно встрѣчается, вскорѣ послѣ похищенія ея изъ монастыря, и самъ женится на Доротеѣ, которую вновь полюбилъ.

Каролина Гравьеръ.

Бельгійская литература до сихъ поръ имѣла только одного замѣчательнаго романиста—Генриха Кансьянса, многочисленные романы, повѣсти и правоописательные очерки котораго переведены съ фламандскаго языка почти на всѣ европейскіе; но въ послѣдніе годы сталъ появляться въ двухъ французскихъ журналахъ, издаваемыхъ въ Брюсселѣ, рядъ замѣчательныхъ разсказовъ Каролины Гравьеръ—псевдонимъ жены одного изъ извѣстныхъ бельгійскихъ библіографовъ. Написанные не на мѣстномъ нарѣчіи, какъ сочиненія Кансьянса, а изящнымъ французскимъ языкомъ, они представляютъ не только художественныя картины фламандскихъ и валонскихъ нравовъ, но и психологическіе, реальные этюды современной жизни, общей всѣмъ образованнымъ странамъ, а потому заслуживаютъ занять почетное мѣсто въ современной европейской литературѣ, нельзя сказать, чтобы слишкомъ богатой истинными талантами. «Бельгія, говоритъ въ своей статьѣ, разбирающей полное собраніе сочиненій Каролины Гравьеръ, извѣстный французскій литераторъ Жюль Лакруа,—пріобрѣла въ этой новой писательницѣ романиста едва-ли много уступающаго Бальзаку и Жоржъ-Занду. Въ произведеніяхъ г-жи Гравьеръ художественность исполненія сопровождается всегда философской идеей. Талантливая бельгійская писательница—истинный художникъ, но не фламандской школы; всѣ ея произведенія поражаютъ трезвымъ, реальнымъ колоритомъ. У нея небо всегда сѣрое; чтеніе ея романа или повѣсти вызываетъ въ читателѣ не мечты, а глубокую думу. Сюжетъ ихъ простой, взятый изъ обыденной жизни, всегда одухотворенъ разумной идеей и звучитъ грустной нотой современнаго общественнаго диссонанса». Къ этой краткой, но вѣрной характеристикѣ, мы прибавимъ только, что талантъ Каролины Гравьеръ, какъ по его свѣжей, безъискуственной, художественной сторонѣ, такъ и по его политическимъ стремленіямъ, составляетъ отрадное явленіе среди массы бьющихъ только на одинъ внѣшній эфектъ романистовъ, наводняющихъ всѣ европейскія литературы своими чахлыми, мертворожденными произведеніями.

До сихъ поръ вышло два тома «Романовъ и повѣстей Каролины Гравьеръ» и въ нихъ заслуживаютъ наибольшого вниманія слѣдующія произведенія: 1) «Тайна доктора Бурга», физіолого-психологическій анализъ нѣкоторыхъ патологическихъ явленій человѣческаго сердца, напоминающій во многомъ подобные этюды Баль-

зака; 2) «Служанка», глубоко прочувствованное изслѣдованіе въ художественной, романической формѣ животрепещущаго современнаго вопроса объ отношеніи низшихъ классовъ къ высшимъ, и «Діана», повѣсть, начало которой мы печатаемъ въ настоящемъ нумерѣ. Она избрана нами для ознакомленія нашихъ читателей съ новой талантливой писательницей, представительницей литературы, почти вовсе неизвѣстной въ Россіи.

Діана.

(Повѣсть **Каролины Гравьеръ.**)

I.

Домъ графа Ксантиса считался однимъ изъ лучшихъ въ Брюсселѣ. Это былъ красивый, небольшой домъ въ кварталѣ Леопольда, въ улицѣ Искусствъ, роскошно меблированный. Обладатели его хорошо ѣли, хорошо одѣвались, имѣли хорошую прислугу и возбуждали общую зависть.

Вообще домъ былъ поставленъ на широкую ногу. Прислуга, состоявшая изъ четырехъ лицъ, легко тянула лежавшее на ней бремя, какъ хорошая четверка лошадей тянетъ небольшой и не тяжелый экипажъ; у графской прислуги были сподручные для черной работы, такъ что она съ достоинствомъ поддерживала честь дома, хозяинъ котораго былъ титулованной особой. Эта высшая прислуга заключалась въ кухаркѣ, камердинерѣ, гувернанткѣ и камеристкѣ; первая, презирая жалованьемъ, довольствовалась процентами съ провизіи; второй ничего не дѣлалъ, гордо возсѣдая въ передней, одѣтый въ роскошную ливрею; третья, носившая званіе «миссъ», гуляла съ молодой графиней, а четвертая умѣла причесывать, какъ парикмахеръ. Всѣ они кичились своимъ высокимъ положеніемъ въ домѣ, вмѣсто того, чтобъ работать. Посторонній зритель не подозрѣвалъ, что за этими модными слугами находились настоящіе труженники, которые работали съ утра до вечера, топили печки, чистили сапоги, натирали полы, мыли посуду, стирали бѣлье, и т. д. Хозяева платили имъ жалованье, но никогда ихъ не видали, и величественный корабль богатаго хозяйства торжественно плылъ по океану великосвѣтской жизни, не дозволяя даже подозрѣвать, что въ его нѣдрахъ копошились таинственные работники, которые приводили его въ движеніе. Наемный экипажъ, который невозможно было отличить отъ собственнаго, сохранялъ въ одно и тоже время приличіе и деньги; званый обѣдъ одинъ разъ въ мѣсяцъ, на которомъ подавались рѣдкія кушанья, балъ одинъ разъ въ зиму, на которомъ появлялись всѣ громкія имена бельгійскаго общества, и закрытыя ставни впродолженіи трехъ мѣсяцевъ, ясно говорившія, что господа уѣхали въ деревню или на воды, ясно доказывали хорошее, достаточное состояніе, по крайней мѣрѣ 50,000 франковъ ежегоднаго дохода.

Это было справедливо, только съ измѣненіемъ одного слова: хозяева великолѣпнаго дома жили не на доходъ, а на капиталъ; давно о первомъ не было и помину, и второй быстро уничтожался. Все состояніе было обращено въ государственные фонды, это удобное изобрѣтеніе нашего времени, которое такъ легко укладывается въ карманѣ рядомъ съ портсигаромъ и способствуетъ разоренію, уничтоживъ позоръ, сопровождавшій явку заемныхъ обязательствъ у нотаріуса.

На сколько лѣтъ еще оставалось капитала? Вотъ что разсчитывалъ графъ Ксантисъ однажды ночью, расхаживая взадъ и впередъ по своей спальнѣ. У него оставалось всего 60,000 франковъ въ государственныхъ бумагахъ и 100,000 разбросанныхъ по финансовому волкану. Онъ поддерживалъ свое блестящее положеніе въ свѣтѣ биржевыми спекуляціями; но еслибъ каждая его спекуляція удавалась, то все же не было возможности сохранить всего капитала, а малѣйшая неудача, которая всегда рано или поздно случается съ спекуляторами, могла окончательно погубить его. Подведя итогъ, который съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убавлялся, графъ Ксантисъ съ нетерпѣніемъ оттолкнулъ отъ себя лежавшіе передъ нимъ бумаги и заперъ ихъ въ желѣзный сундукъ, въ обширномъ пространствѣ котораго хранились остатки его прежняго состоянія и геральдическія грамоты его древняго рода.

— Я право готовъ бы продать свою душу! произнесъ онъ громко.

Но въ наши дни дьяволъ заключаетъ сдѣлки публично и официально на биржѣ, а не входитъ въ тайныя сношенія. Однако, на слова графа что-то откликнулось; это было дыханіе спящаго ребенка въ сосѣдней комнатѣ.

«Какую пользу можно извлечь изъ двѣнадцати-лѣтняго ребенка, подумалъ онъ, подходя къ кровати своего сына Гастона и пожимая плечами;—онъ имѣетъ все, что еще покупается, не смотря на грубость нашего времени: имя, титулъ и высокое положеніе въ свѣтѣ; но теперь все это мертвый капиталъ. Еслибъ можно было выиграть время, то онъ нѣкогда будетъ стоить милліонъ, для пріобрѣтенія котораго ему не надо будетъ даже погрузиться въ омутъ мѣщанства; но плодъ еще не созрѣлъ».

Потомъ графъ направился на другой конецъ дома въ комнату Діаны. Молодая дѣвушка спала въ альковѣ, задернутомъ занавѣсками и ночникъ слабо освѣщалъ ея маленькую комнату, обитую розовымъ ситцемъ. Отецъ подошелъ къ кровати и взялъ ее за руку.

— Что случилось? Боже мой! воскликнула Діана, съ испугомъ открывъ глаза.

— Ничего, я не успѣлъ сказать тебѣ, что ты должна ѣхать завтра въ половинѣ третьяго.

— Куда?

— Къ теткѣ Фасенъ, въ Сартлупъ.

— Какое счастье! и на долго, папа? могу я взять Гастона? Намъ обоимъ такъ давно хочется отдохнуть на чистомъ воздухѣ.

— Нѣтъ, ты поѣдешь съ одной миссъ, на два или на три дня. Я васъ провожу на желѣзную дорогу. Тетка даетъ для тебя обѣдъ, на которомъ мнѣ неприлично присутствовать.

Лучь радости, на минуту освѣтившій лицо Діаны, мгновенно исчезъ.

— Опять обѣды и официальные пріемы въ іюнѣ мѣсяцѣ! сказала она съ нетерпѣніемъ.—Я надѣялась, что все это кончилось по крайней мѣрѣ до начала сезона.

— Все это кончится, когда ты съумѣешь положить конецъ, сказалъ графъ саркастически;—выходи замужъ; я въ этомъ не помѣха. Я тебѣ далъ всѣ благоразумныя и возможныя средства для достиженія этой цѣли, кромѣ главнаго—приданаго; но ты знаешь, дать его я не могу. Я представилъ тебя ко двору, ты была принята вездѣ, у министровъ, у посланниковъ; мы посѣщали католическій міръ, гдѣ всего легче сдѣлать себѣ дорогу, мы не пропускали ни одной конференціи въ конгрегаціяхъ, ни одного собранія у старыхъ герцогинь, у которыхъ каждую недѣлю собираются шить тряпки для бѣдныхъ, что даетъ возможность молодымъ дѣвушкамъ, прицѣпившись къ ихъ юбкамъ, приподняться на нѣсколько ступеней по общественной лѣстницѣ. Но все это ни къ чему не привело; тебѣ уже двадцать одинъ годъ.

Діана, опершись рукою на подушку, смотрѣла на отца съ глубокою грустью.

— Еслибъ вы знали, папа, какъ мнѣ надоѣлъ и опротивѣлъ свѣтъ.

— Я вѣрю. Молодая дѣвушка, танцующая третій годъ, ѣздитъ на балъ только по обязанности.

— По обязанности на балъ! Какое странное сопоставленіе словъ.

— Обязанностью можно назвать все, что скорѣе скучно, чѣмъ пріятно... Но я разбудилъ тебя не для того, чтобъ философствовать. Мои дѣла чрезвычайно плохи и я уже думалъ ввести тебя въ финансовый міръ, какъ это ни оскорбительно для нашего рода, но вдругъ получилъ письмо отъ тетки, которая нашла великолѣпный случай пристроить тебя.

— Какъ же вы не хотите понять, папа, что безъ приданаго, всѣ ваши планы ни къ чему не приведутъ въ сферѣ, гдѣ всѣ браки основаны только на деньгахъ и свѣтскіе франты помышляютъ только о томъ, чтобы блестящими связями сдѣлать себѣ карьеру.

— Поэтому надо бросить эту сферу. Есть другая, о которой рѣдкія женщины думаютъ, хотя она очень заманчива. Чтобъ осмѣлиться вступить въ эту область, надо имѣть красоту... ты ею обладаешь, и твердую волю... у меня ея хватитъ на двоихъ. Ты должна испробовать свои силы или доказать свое послушаніе отцу въ сферѣ эксцентричности, гдѣ англичане владыки, а каждая красавица можетъ быть владычицей. Дѣло въ томъ, что ты не должна себя вести ребенкомъ. Ты говоришь по англійски?

— Да, отвѣчала Діана, испуганная словами отца.

— Сестра Фасенъ пишетъ, что какой-то знатный англичанинъ влюбился въ твой портретъ, разсматривая на дняхъ альбомъ твоей тетки. Онъ до того восхитился твоей красотой, что укралъ портретъ; хитрая сестра не показала и вида, что это замѣтила и заставила твоего обожателя расспросить, кто ты, гдѣ тебя можно видѣть и т. д. Вотъ почему она и устроила завтрашній обѣдъ.

— Ну, сказала Діана вздыхая свободнѣе,— отъ этого до свадьбы...

— Одинъ шагъ. Англичане артисты только въ отношеніи женщинъ, но артисты настоящіе; они одни женятся на красотѣ. Не забудь, что дѣло идетъ о представителѣ одного изъ лучшихъ именъ Англіи. Лордъ Еліасъ, герцогъ Линь не молодой человѣкъ, но и не старикъ; у него милліонъ годового дохода, великолѣпный замокъ въ Сусексѣ и онъ засѣдаетъ въ палатѣ лордовъ. Особыя обстоятельства заставляютъ его соединить свою судьбу съ той или другой женщиной, красота которой сдѣлала бы ему честь.

— А какія это обстоятельства? спросила Діана съ безпокойствомъ.

— Совершеннолѣтняя дѣвушка не невинный ребенокъ, и я тебѣ разскажу въ чемъ дѣло; къ тому же протанцовавъ три сезона съ нашими свѣтскими кавалерами нельзя оставаться простушкой. Лордъ Еліасъ въ послѣднее время сдѣлался жертвою трехъ парижскихъ камелій. Первая бросила его будто бы обидясь, что онъ называлъ свою лошадь кокоткой. Вторая, которую онъ повезъ въ свой сусекскій замокъ, бѣжала отъ скуки съ его грумомъ, а третья нашла остроумнымъ прибавить свою особу къ призу на послѣднихъ скачкахъ, и когда лошадь маленькаго француза, который пьетъ много абсента, опередила лошадь лорда Еліаса, она бросилась къ побѣдителю, восклицая: да здравствуетъ Франція!

— Избавьте меня отъ этихъ подробностей, сказала Діана съ отвращеніемъ,—и позвольте мнѣ спать.

— Развѣ я сплю! воскликнулъ гнѣвно графъ Ксантисъ;—развѣ я пришелъ бы къ тебѣ ночью, еслибъ всему дому не грозила вѣрная погибель? Да, да, спи пока тебя не разбудитъ судебный приставъ, который продастъ изъ подъ тебя кро-

вать, пока тебѣ не придется изъ-за куска хлѣба, подобно мнѣ, войти въ родство съ презрѣннымъ мѣщанствомъ.

Каждый разъ, какъ отецъ оскорблялъ память ея матери, слезы появлялись на глазахъ Діаны и ея нѣжныя щеки покрывались багровымъ оттѣнкомъ.

— Ну, Діана, сказалъ графъ, — не разънгрывай ребенка; наша участь, честь нашего имени, все въ твоихъ рукахъ. Тебѣ надо только принарядиться, надо декольтироваться по англійской модѣ; у тебя талія аристократки, руки прелестной статуи, профиль королевы. Надѣнь длинное платье со шлейфомъ, и однимъ взмахомъ хвоста ты одержишь побѣду. Теперь спи. Во снѣ ты себя увидишь герцогиней и женою пэра Англіи, а завтра, собравшись съ силами, вступай въ бой.

Съ этими словами, графъ Ксантисъ вышелъ изъ комнаты дочери; но, не смотря на его пожеланія, бѣдная Діана не сомкнула глазъ до самого утра; ее терзали тысячи грустныхъ, безпокойныхъ мыслей.

Жизнь Діаны проходила до сихъ поръ въ нравственномъ одиночествѣ; въ дѣтствѣ она почти не знала ласкъ матери, а въ юности—нѣжнаго вліянія любви. Въ ея воспоминаніяхъ была только одна свѣтлая точка, свѣтился для нея только одинъ теплый, свѣтлый лучъ. Ея мать умерла вскорѣ послѣ рожденія Гастона, когда Діанѣ было девять лѣтъ и она осталась въ памяти молодой дѣвушки легендарнымъ образомъ любящей матери и смиренной мученицы.

Исторія графини Ксантисъ составляетъ печальную страницу въ лѣтописяхъ брюссельскаго общества; она вся заключается въ одномъ, краткомъ эпизодѣ. Общество назвало ее «мельничихой», и ни ея добродѣтель, ни ея золото не могли измѣнить этотъ приговоръ, повлекшій за собою много страданій для несчастной жертвы.

Графъ Ксантисъ, проживъ наслѣдственное состояніе на лошадяхъ и игрѣ, былъ принужденъ жениться на трехъ милліонахъ, въ лицѣ Луизы Вандевильде, дочери богатого фландрскаго промышленника, владѣвшаго паровыми мельницами и отличавшагося страстью къ титуламъ, если не для себя, то для своихъ дѣтей. Бѣдной Луизѣ пришлось горько искупить тщеславіе своего отца. Луиза была прелестная, изящная, образованная молодая дѣвушка, съ сердцемъ ангела и душой артиста. Она говорила на трехъ языкахъ, прекрасно ѣздила верхомъ, артистически играла на фортепьяно и была знатокомъ въ картинахъ. Ея искренняя прямота, скромность, красота отсутствіе кокетства и широкая благотворительность не могли обезоружить сарказмы однихъ и зависть другихъ. Она имѣла безспорное право быть аристократкой и блестящей представительницей великосвѣтскаго общества по своему богатству, по имени мужа и по тому внутреннему благородству, которымъ возвышенная душа освѣщала юныя черты ея двадцати-лѣтняго лица; а общество безжалостно прозвало ее «мельничихой», и отъ передней до раззолоченныхъ залъ, нигдѣ не хотѣли признавать ее графиней. «Первосортная крупчатка», говорила про нее ея свекровь. На великосвѣтскомъ вечерѣ, жена одного посланника повернулась къ ней спиной; дамы во время кадрили не протягивали ей руки. Вокругъ нея образовалась пустыня, такъ какъ она не дерзнула поднять перчатку и отвѣчать сарказмомъ на сарказмъ или окружить себя мужчинами, которые, компрометируя ее, съ тѣмъ вмѣстѣ заставили бы своихъ женъ и матерей принять ее въ ихъ среду. Вскорѣ Луиза дошла до такого отчаянія, что стыдилась своихъ талантовъ, красоты и богатства. Презрѣніе, выказываемое ей всѣмъ обществомъ, и ея грустное смиреніе бѣсили ея мужа, но онъ изливалъ свой гнѣвъ на бѣдную жертву, а не на ея притѣснителей. Онъ обходился съ нею, какъ съ маленькой дѣвочкой, которую забываютъ въ углу, и открыто велъ интриги съ другими женщинами.

Какъ ни были жестоки эти оскорбленія, но еще мучительнѣе отзывались на Луизѣ униженія, которымъ графъ подвергалъ ея семейство, и послѣдовавшее затѣмъ ея отчужденіе отъ близкихъ ей людей. Отецъ ея никогда не входилъ въ домъ зятя иначе, какъ прождавъ долгое время въ передней, и каждый разъ графъ выражалъ ему удивленіе, что работящій человѣкъ могъ такъ часто отлучаться. Единственная сестра Луизы провела однажды нѣсколько дней въ домѣ графа, во все это время графиня обѣдала въ своей комнатѣ. Эта молодая женщина, на нѣсколько лѣтъ старше Луизы, была замужемъ за богатымъ фландрскимъ землевладѣльцемъ по имени Десвартъ, который самъ обработывалъ землю. Выбранный бургомистромъ, онъ далъ оффиціальный обѣдъ своимъ

Григорій Основьяненко.
Рѣзалъ на деревѣ **Грачевъ.**

родственникамъ и друзьямъ; онъ пригласилъ и зятя, но графъ объявилъ, что ни онъ, ни жена не примутъ участія въ фермерскихъ попойкахъ. За этимъ послѣдовали и другія непріятныя столкновенія. Старикъ Вандевильде умеръ въ полномъ убѣжденіи, что Луиза была несчастнѣйшей изъ женщинъ. Обѣ сестры поддерживали иногда между собою дружескія отношенія, но съ большимъ трудомъ и съ значительными промежутками. Когда г-жа Десвартъ пріѣзжала въ Брюссель безъ мужа, она забѣгала къ Луизѣ и обѣ онѣ съ сожалѣніемъ вспоминали свое счастливое дѣтство и мирное блаженство сельской жизни. Г-жа Десвартъ была очень пріятная, образованная женщина, жившая открытымъ домомъ и очень любимая въ своемъ околодкѣ. Еслибъ у Луизы не было дѣтей, то ничто не помѣшало бы ей разстаться съ мужемъ, но теперь ея свобода и совѣсть принадлежали Діанѣ. Такимъ образомъ обѣ сестры продолжали видѣться отъ времени до времени до того роковаго дня, когда сынъ г-жи Десвартъ, еще ребенокъ, зайдя къ теткѣ, былъ посланъ графомъ обѣдать въ людскую. Съ этой минуты оба семейства на вѣки разлучились.

Болѣе всего не нравилось графу въ женѣ, что, получивъ образованіе въ модномъ пансіонѣ, она оставалась со вкусами и наклонностями, привитыми къ ней съ дѣтства. Рожденная въ деревнѣ, она нетолько любила цвѣты, но и огороды, поля, колосистую рожь и душистое сѣно. Ея трудолюбивый характеръ внушалъ ей любовь къ мирнымъ занятіямъ; она задумчиво мечтала, рисуя какой-нибудь пейзажъ и цѣлыми часами сидѣла у окна, вдыхая въ себя благоуханіе цвѣтовъ, тогда какъ пальцы ея быстро бѣгали по какой-нибудь работѣ. Такимъ образомъ, она собственными руками приготовляла бѣлье своимъ обѣимъ дѣтямъ къ великому негодованію швей. Она принадлежала къ тому разряду женщинъ, которыя придаютъ большое значеніе образованію и таланту. Она артистически играла на фортепьяно, рисовала съ натуры и, читая книги, дѣлала отмѣтки на поляхъ.

— Она образована, какъ горничная, гувернантка или артистка, говорила про нее старая графиня Ксантисъ.

Презрѣніе свѣта къ бѣдной Луизѣ не пощадило даже ея любви къ дочери; знакомыя ея мужа женщины издѣвались при графѣ надъ ея мѣщанской родительской привязанностью. Онъ самъ краснѣлъ отъ гнѣва, видя, что жена его сама кормила ребенка, водила его гулять и впослѣдствіи учила читать.

Рожденіе Гастона ровно черезъ восемь лѣтъ послѣ Діаны чрезвычайно польстило самолюбію графа Ксантиса, но послужило на погибель бѣдной матери. На другой день послѣ этого счастливаго событія, Луиза мирно дремала, прижимая къ груди юное созданіе, только что родившееся на свѣтъ, какъ явилась съ визитомъ грозная свекровь и, послѣ ея строгаго выговора, графъ вбѣжалъ въ спальню жены и схватилъ ребенка.

— Я молчалъ, когда дѣло шло о дочери, но сына я не дамъ унизить мѣщанской кровью.

Бываютъ слова хуже всякаго преступленія. Графиня Ксантисъ умерла отъ молочной горячки. Ее изгнали изъ свѣтскаго общества, она вся предалась материнской любви, а теперь ее лишили и этого послѣдняго утѣшенія. Она умерла, радуясь, что не доживетъ до того времени, какъ ея дѣти будутъ краснѣть за нее.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Боснійскій видъ.

(Ст. А. Макаревича.)

Яйце, одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ городковъ Босніи съ истинно восточнымъ характеромъ, изображенный на нашемъ рисункѣ съ западной стороны, лежитъ на отлогой возвышенности и окруженъ высокими горами, частью покрытыми густымъ лѣсомъ, частью поросшими высокою травою. Городъ лежитъ въ двухдневномъ разстояніи отъ Баньялуки, по дорогѣ въ Травникъ и Сераево. Видъ города производитъ неизгладимое впечатлѣніе на каждаго смѣлаго туриста, который рѣшится проѣхаться по Босніи—этой южнославянской Швейцаріи—на маленькой турецкой лошадкѣ, испытывая всѣ муки отъ неловкаго мѣстнаго сѣдла. Ландшафтъ здѣсь такъ очарователенъ и оригиналенъ, что всѣ неудобства долгаго и труднаго путешествія быстро забываются и путника поражаетъ только впечатлѣніе чего-то невиданнаго, неиспытаннаго имъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Расположеніе города терассами, бѣлыя блестящія мечети съ тонкими минаретами, поднимающимися въ воздухѣ, удивительные ту-

рецкіе дома, съ неизмѣнными рѣшетчатыми окнами гаремовъ; здѣсь зданія, выкрашенныя бѣлой краской, тамъ дома чуть не черные, въ третьемъ мѣстѣ зеленые, голубые или даже красные, все это вмѣстѣ такъ пестро, такъ напоминаетъ востокъ и такъ живописно, что большаго трудно и ожидать отъ городка въ турецкомъ вкусѣ. Особенную прелесть придаютъ городу полуразрушенный замокъ, стоящій на вершинѣ горы, и серебряная лента рѣки Верби, огибающей полукругомъ гору. Къ прелестямъ этого вида нужно прибавить еще одну неожиданность: попавъ сюда, вы слышите однозвучный глухой шумъ на юго-западномъ склонѣ горы, къ которой прилѣпился городокъ, и передъ вашими глазами поднимается облако водяной пыли, говорящее вамъ, что передъ вами тотчасъ откроется зрѣлище водопада, являющагося какъ бы для контраста съ тишиною остальной части пейзажа. Таковъ городъ при первомъ взглядѣ на него. Каждому человѣку, не особенно поклоняющемуся всему восточному, можно посовѣтовать не дѣлать дальнѣйшихъ наблюденій и не приподнимать покрова съ жизни этого города, чтобы вмѣстѣ съ этимъ покровомъ не исчезло и очарованіе. Для тѣхъ, кто не повѣритъ намъ на слово, мы готовы вдаться въ нѣкоторыя подробности, хотя это нѣсколько и ослабитъ то впечатлѣніе, которое получается при бѣгломъ взглядѣ на чудный городокъ. Съ первыхъ шаговъ въ городъ путешественникъ встрѣчается уже не съ поэзіей, а съ прозой, о чемъ говорятъ ему и глаза и носъ. Самый пестрый хаосъ стараго, ничего не стоющаго, запыленнаго хлама, лежитъ здѣсь на каждомъ шагу передъ открытыми деревянными лавчонками старья; оборванныя, полуголыя фигуры, въ полинялыхъ чалмахъ, съ неизмѣнными длинными трубками и блестящими пистолетами за поясами, вслѣдствіе чего вы сразу узнаете въ нихъ турокъ, бродятъ здѣсь праздно или лѣниво сидятъ съ поджатыми ногами на землѣ, слѣдя за поднимающимися изъ ихъ трубокъ клубами дыма; грязь и пыль и зловоніе,— вотъ что васъ встрѣчаетъ внутри города. Но не всегда таковъ былъ городокъ. Нѣкогда онъ былъ прекрасенъ, цвѣтущъ и удовлетворялъ вполнѣ ожиданіямъ, которыя невольно рождаются при первомъ взглядѣ на него. Долгое время онъ былъ второю столицею страны, покуда она была подъ управленіемъ христіанъ. Правда, это было давно, —болѣе четырехсотъ лѣтъ тому назадъ,—когда городъ являлся въ болѣе достойномъ видѣ, но слѣды его прежняго положенія сохранились и до сихъ поръ въ христіанской части города, по другую сторону рѣки. Названіе города указываетъ на его славянское происхожденіе и происходитъ, вѣроятно, вслѣдствіе его яйцеобразной формы. Время возникновенія города трудно опредѣлить; по остаткамъ находящейся на вершинѣ горы постройки можно только сказать, что эта постройка венеціянскаго происхожденія, такъ что, вѣроятно, во времена славянскаго владычества сюда были вызываемы венеціянскіе строители. Важную роль игралъ этотъ городокъ въ исторіи Босніи въ началѣ XV вѣка, когда Венгрія, послѣ смерти послѣдняго боснійскаго короля, Фомы II, завоевала страну и подчинила ее своему владычеству. Городъ сдѣлался резиденціей бана или намѣстника и здѣсь построился роскошный францисканскій монастырь, который потомъ турки сравняли съ землею. На этомъ мѣстѣ стоитъ теперь бѣдный домишко, гдѣ два монаха ведутъ тихую, согласно своему сану, жизнь и съ горечью разсказываютъ иностранцамъ о томъ, какъ былъ великъ и хорошъ ихъ монастырь, гордость и украшеніе города. Съ башенъ замка, говорятъ эти бѣдные монахи, развѣвался тогда венгерскій флагъ и съ монастырской колокольни слышались звуки колокола, сзывавшіе вѣрующихъ къ молитвѣ. И вѣчно эти простые разсказы вызываютъ слезы на глаза бѣдныхъ монаховъ. Судьба городка стала самою непостоянною и тяжелою съ того времени, какъ османы избрали Европу мѣстомъ для своихъ завоеваній, и исторія Босніи показываетъ, что этотъ городъ игралъ не послѣднюю роль во время разныхъ осадъ и нападеній. Началомъ этихъ войнъ былъ 1463 годъ. Въ этотъ годъ турки проникли въ Боснію и какъ потокъ устремились къ границамъ Австріи; природные и искуственные валы Яйца стали на пути этого бурнаго потока. Венгерскія орудія, распространяя смерть въ рядахъ враговъ, какъ бы гремѣли извѣстный девизъ: «noli me tangere» и османы не рѣшились перейти рѣку и вступить въ городъ. Съ яростью отступили турки, чтобы выждать время, когда можно будетъ покорить храбрыхъ противниковъ. Ожидать пришлось не долго. При султанѣ Магомедѣ османы снова проникли въ Боснію и осадили Яйце. Шестьдесятъ орудій гремѣли, не умолкая, втеченіи трехъ дней и трехъ ночей подъ городомъ, опустошая его, и, наконецъ, слабый его гарнизонъ за недостаткомъ продовольствія долженъ былъ удалиться, оставивъ населеніе на произволъ судьбы. Въ страхѣ и отчаяніи открыли жители ворота и на колѣняхъ молили враговъ о состраданіи и пощадѣ. «Едва показался мѣсяцъ на горизонтѣ, говоритъ городской хроникеръ, какъ его окружилъ кровавый отблескъ, едва поднялось солнце надъ горою, какъ городъ сталъ огненнымъ моремъ, а зеленыя воды рѣки кровавымъ потокомъ». Съ этого времени, съ 1463 года, судьба городка мѣнялась постоянно: онъ то попадалъ въ руки венгровъ, то захватывался турками. Три раза знамена Венгріи развѣвались снова надъ нимъ, возвѣщая его освобожденіе и каждый разъ снова Венгрія уступала силѣ Турціи. Наконецъ, въ 1528 году, городъ въ послѣдній разъ попалъ въ руки турокъ; на замкѣ сталъ развѣваться зеленый флагъ съ полумѣсяцемъ, немногіе уцѣлѣвшіе жители ради своего спасенія перешли въ магометанство, звуки церковныхъ колоколовъ смолкли навсегда.

Къ рисункамъ.

«Деревенскіе нищіе»—слѣпой дѣдъ и маленькая внучка—фигуры, знакомыя каждому изъ насъ. Это не тѣ нищіе по профессіи, которые осаждаютъ насъ заученными просьбами въ большихъ городахъ; это просто несчастные бѣдняки, просящіе милостыню вслѣдствіе того, что у нихъ нѣтъ уже ни силъ, ни возможности работать. Голодъ въ деревнѣ, пожаръ, падежъ скота, слѣпота, вотъ что заставило ихъ идти по міру; они не идутъ въ большіе города, къ богатымъ людямъ, но бродятъ по сосѣднимъ деревнямъ, собирая мѣдные гроши и куски ржаного хлѣба у своего же брата-мужика, тихо приближаясь къ могилѣ. При видѣ ихъ, сердце невольно сжимается отъ грусти и пробуждается въ душѣ невольное уваженіе къ этимъ покорнымъ, всевыносящимъ бѣднякамъ, скорбно кончающимъ свою труженическую жизнь, не давшую имъ ничего, кромѣ горя.

Совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ другая сцена, помѣщенная въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала (стр. 436) и выхваченная изъ западно-европейской жизни,—мы говоримъ о «монастырскомъ погребщикѣ». Картина Поля Стаде, кончившаго курсъ въ Кенигсбергской академіи у профессора Отто Гюнтера, полна юмора: передъ вами сидитъ окруженный монахами настоятель монастыря и разсматриваетъ портретъ монастырскаго погребщика; оригиналъ этого портрета съ самодовольной улыбкой находится тутъ же, по другую сторону стола; около стола же помѣщается и молодой художникъ, ожидающій приговора своему произведенію. Всѣ эти сжатыя, довольныя и комическія фигуры монастырской братіи вызываютъ невольную улыбку. Эта картина произвела сильное впечатлѣніе на художественной выставкѣ въ Берлинѣ въ 1877 году, хотя молодому художнику и предстояло выдержать опасныя сравненія съ высокодаровитымъ Грюцнеромъ, уже не разъ изображавшимъ типы монаховъ. Но молодой художникъ съумѣлъ быть настолько оригинальнымъ, что никому и въ голову не пришло назвать его подражателемъ Грюцнера.

Стараясь знакомить читателей съ самыми разнообразными художественными произведеніями, обращающими на себя вниманіе современнаго общества, мы предлагаемъ нашимъ читателямъ, между прочимъ, образецъ испанской иллюстраціи. «Сладкій отдыхъ», картина Тони Февра, гравирована въ Мадридѣ Карлосомъ Пенозо, и отличается оригинальнымъ, тонкимъ штрихомъ. Самое содержаніе картины крайне просто и переноситъ насъ въ тотъ маленькій рай семейной жизни, который такъ легко устраивается при большихъ денежныхъ средствахъ и о которомъ могутъ только мечтать бѣдняки.

Наши ближніе.

Фельетонные наброски.

XVII.

Письма человѣка, сошедшаго съ ума.

3.

Письмо къ доктору.

Любезный мой докторъ!

Я, право, не знаю, какъ благодарить Васъ за ту заботливость обо мнѣ, которую выказали Вы. Вы вчера выслушивали меня, Вы уложили меня въ постель, и пробовали сгибать мои ноги и руки, Вы дѣлали мнѣ циркулемъ уколы на оборотѣ руки, спрашивая меня, сколько уколовъ я чувствую, два или одинъ, Вы пристально всматривались въ мои глаза, Вы ощупывали меня, нѣтъ-ли у меня желѣзокъ, говорящихъ, что моя болѣзнь является слѣдствіемъ «старыхъ грѣшковъ», Вы распрашивали подробно о моемъ аппетитѣ, о моихъ идеяхъ, о моихъ занятіяхъ, о моемъ прошломъ и о моемъ настоящемъ, о томъ, чѣмъ умерли мои дѣдъ и бабка, мои дяди и тетки,—однимъ словомъ, Вы сдѣлали все, чтобы узнать, съумасшедшій я или нѣтъ, отзываются-ли на моей умственной дѣятельности «старые грѣшки» или просто малокровіе мозга доводитъ меня до состоянія невмѣняемости. За все это я благодарю Васъ, но мнѣ кажется, что всѣ Ваши заботы напрасны: лекарства мнѣ не помогутъ, ни cali jodati, ни cali bromati, ни ртутныя втиранья съ теплыми ваннами, черезъ каждыя пять дней, ни отдыхъ отъ работы, ни усиленное занятіе серьезнымъ трудомъ, ни воздержаніе отъ горячительныхъ напитковъ, ни мясная пища, ни мушки, приставленныя къ затылку не спасутъ меня. Моя меланхолія растетъ и растетъ, и если бы не упадокъ воли, за который Вы упрекаете меня, объ устраненіи котораго Вы хлопочете, то я уже давно отправилъ бы себя къ праотцамъ. Но, къ несчастію, моя болѣзнь именно такого свойства, что я ненавижу жизнь и страстно хочу жить, что я сознаю въ болѣзненности свою неизлѣчимость и мучительно хочу вылечиться.

— Это не съумашествіе, это меланхолія, говорили вы на-дняхъ одному изъ близкихъ мнѣ лицъ, думая, что я не слышу Васъ.

И это близкое мнѣ лицо утѣшилось, успокоилось. Было бы лучше, если бы Вы сказали ему:

— Это не съумашествіе, это хуже съумашествія,—это меланхолія, отъ которой можно вылечить больного, перевернувъ предварительно вверхъ дномъ весь свѣтъ.

Свѣта вверхъ дномъ Вы не перевернете и зна-

читъ я такъ и останусь больнымъ до той минуты, когда настанетъ для меня минутный вполнѣ свѣтлый промежутокъ: въ этотъ промежутокъ, сознавъ вполнѣ трезво неизлѣчимость своей болѣзни, я пристрѣлю себя...

Вѣдь пристрѣливаютъ же лошадей, когда онѣ переломаютъ себѣ ноги, потому что лошади, потерявшія способность употреблять на пользу общества свои ноги, такъ же ненужны людямъ, какъ люди, потерявшіе способность употреблять на пользу общества свой умъ...

Когда Вы расправшивали меня о причинахъ моей болѣзни, я Вамъ сказалъ, что «я боленъ отъ всѣхъ причинъ». По Вашему лицу скользнула улыбка и я понялъ, что Вы приняли мою фразу за слѣдствіе умственнаго разстройства. Я хочу теперь разъяснить Вамъ ее.

Когда мнѣ было одиннадцать, двѣнадцать лѣтъ, въ нашъ домъ взяли гувернантку, — женщину лѣтъ тридцати. Я былъ очень красивымъ ребенкомъ и эта женщина влюбилась въ меня. Она научила меня и теоріи и практикѣ любви, говоря въ тоже время всѣмъ и каждому, что она спасаетъ меня отъ скрытыхъ пороковъ. Это продолжалось два года.

Докторъ, не отъ этого ли я теперь схожу съ ума?

Когда мнѣ было пятнадцать лѣтъ, мой отецъ женился во второй разъ и мачиха, боясь лишнихъ глазъ, лишняго свидѣтеля ея продѣлокъ, заставила отца выгнать меня изъ дома. Меня отдали на полный пансіонъ въ гимназію, и лишили той свободы, къ которой я уже слишкомъ сильно привыкъ. Въ гимназіи нравственность пансіонеровъ, какъ это всегда бываетъ въ закрытыхъ заведеніяхъ, была не особенно хороша, а я въ свою очередь былъ хорошею почвою для того мелкаго развратца, который царствуетъ нерѣдко среди дѣтей, запертыхъ вмѣстѣ, насмотрѣвшихся на всякую закулисную семейную грязь дома, живущихъ среди развращеннаго городскаго населенія. Я увлекался этимъ развратцемъ, я покучивалъ, я дурно учился. Меня наказывали учителя, наказывалъ отецъ. Но поддержки, тщательной заботливости, терпѣливой любви я не встрѣчалъ ни въ комъ и шелъ тѣмъ путемъ, на которомъ вырабатываются червонные валеты, жильцы долгового отдѣленія, кабачные посѣтители, люди, заѣденные средой. Какъ мнѣ жилось въ это время отцовскихъ пороковъ и гимназическихъ карцеровъ, это уяснитъ Вамъ одинъ фактъ. Разъ у насъ стали перемѣнять старыя курточки на новыя и это причинило мнѣ невыразимое горе. Я цаловалъ свою старую куртку и не хотѣлъ ее отдать.

— Да что ты съума сошелъ, что ли? спросилъ у меня одинъ товарищъ.

— Да какъ же мнѣ ее не жалѣть, воскликнулъ я.—Она вся смочена моими слезами...

Не думайте, что я выдумываю этотъ фактъ: мой отецъ, моя мачиха, мои товарищи, знающіе этотъ фактъ, могутъ засвидѣтельствовать Вамъ его правдивость. Да, я дошелъ въ гимназіи до того состоянія, что сталъ ежедневно плакать и молиться о своихъ грѣхахъ...

Докторъ, можетъ быть, это могло не хорошо отозваться на моемъ мозгу?

Случайно, въ это время нравственнаго перелома, въ это время сознанія своихъ грѣховъ, мнѣ попался одинъ человѣкъ, сказавшій мнѣ: «съ твоими способностями стыдно быть такимъ пошлякомъ». Отъ этого человѣка я не слышалъ ничего кромѣ упрековъ, но уже черезъ полгода я любилъ его, какъ вѣрный песъ. Я любилъ его потому, что онъ первый сказалъ мнѣ про мой умъ, первый призналъ во мнѣ достоинства, которыхъ не замѣчалъ во мнѣ никто. Съ этимъ человѣкомъ просиживалъ я ночи, но уже не ради гульбы и разврата, а ради чтенія книгъ и толковъ о вопросахъ, о которыхъ я прежде и не думалъ. Подъ его вліяніемъ я началъ нравственно перерождаться, перестаю кутить, сталъ серьезно работать, отецъ даже далъ мнѣ комнату въ своемъ домѣ. Это было во дни моего студенчества. Вдругъ однажды я пришелъ домой и засталъ отца въ своей комнатѣ: онъ сидѣлъ у печки и что-то жегъ.

— Что ты дѣлаешь, отецъ? спросилъ я.

— Помилуй, что у тебя за рукописи, что за письма, что за книги! Я случайно заглянулъ къ тебѣ въ столъ и ужаснулся!

Я поблѣднѣлъ.

— Ты шаришь у меня по столамъ? спросилъ я.

— Я думаю, я отецъ тебѣ, а не чужой, сказалъ онъ.—Хорошо еще, что это нашелъ я и могъ во время все сжечь.

Я пришелъ въ бѣшенство и наговорилъ дерзостей отцу. Мы разстались и разстались, повидимому, навсегда.

Для меня началась нищенская студенческая жизнь: плохой уголъ, плохой столъ, плохая одежда, бѣганье по урокамъ въ грязь и холодъ, въ рваной одеждѣ, въ рваныхъ сапогахъ. Я выносилъ эту жизнь молча, стойко, смѣло. Но было одно обстоятельство, которое я не могъ перенести спокойно.

— Знаешь-ли, что со мною случилось, сказалъ мнѣ однажды мой другъ.—Мнѣ въ двухъ домахъ отказали отъ уроковъ.

— Что ты! Это почему? удивился я.

— Въ эти дома вхожъ твой отецъ. Онъ разсказываетъ вездѣ, что я развращаю и совращаю съ прямого пути юношество, что я отъявленный мерзавецъ, что я сѣю раздоры въ семействахъ. Это бы ничего, на всякое чиханье не наздравствуешься, но слухи слишкомъ далеко заходятъ. У твоего отца большія связи. Этакъ и вовсе на подножномъ корму останешься...

Докторъ, можетъ быть и это повліяло на складъ моего ума.

Въ одинъ прекрасный день, я превратился изъ студента въ человѣка безъ занятій, безъ надежды получить казенное мѣсто, безъ возможности кончить курсъ и даже безъ нравственной поддержки своего друга, который вдругъ выбылъ изъ Петербурга. Я началъ искать работы: я занимался корректурой, переводами, перепиской, бился, какъ рыба объ ледъ. Въ это время порвались всѣ мои товарищескія связи: одни товарищи куда-то исчезли, другіе сторонились отъ меня, какъ отъ нищаго, третьи при встрѣчахъ со мною, наставительно говорили мнѣ, что я испортилъ себѣ карьеру, что я могъ бы съ моими талантомъ и умомъ приносить пользу, еслибы я занимался наукой, а не пустыми вопросами, что я теперь не могу принести пользы именно разрѣшенію этихъ вопросовъ, не кончивъ курса, тогда какъ они, люди степенные и ученые, будутъ служить разрѣшенію этихъ вопросовъ на практикѣ. Это меня бѣсило и мучило. Во мнѣ проснулось мелкое самолюбіе, мнѣ хотѣлось доказать имъ, что я и безъ дипломовъ могу пробить себѣ путь и мнѣ мучительно хотѣлось найдти какое нибудь обезпечивающее въ матеріальномъ отношеніи занятіе, чтобы имѣть возможность въ свободные часы заняться серьезно наукой. Я сознавалъ, что два, три года такой работы, дадутъ мнѣ возможность составить себѣ въ литературѣ имя. Въ эту пору мнѣ случайно пришлось встрѣтиться съ однимъ изъ тузовъ нашего биржеваго и коммерческаго міра. Я занимался въ это время въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ продажею книгъ, корректурой, чѣмъ попало. Однажды, стоя за прилавкомъ, я увидалъ этого коммерческаго туза, котораго я встрѣчалъ еще въ дѣтствѣ въ домѣ моего отца. Онъ узналъ меня и заговорилъ со мною.

— Что вамъ за охота сидѣть здѣсь за прилавкомъ? Съ вашими способностями можно посвятить свои силы болѣе полезной дѣятельности. Васъ приняли бы съ распростертыми объятіями вездѣ, гдѣ нужны честные и умные работники.

«Хорошо поетъ собака! Убѣдительно поетъ!» Этотъ стихъ Некрасова всегда вспоминается мнѣ, когда мнѣ приходитъ на память разговоръ съ этимъ ловкимъ дѣльцомъ. Я растаялъ отъ любезностей. Еще бы! Самолюбіе пощекотали. Я отвѣтилъ по своему обыкновенію юмористически, что, не смотря на мои великія способности, кареты что-то никто за мною не присылаетъ съ приглашеніемъ осчастливить общество своею службою.

— Скажите только слово и я вамъ предложу свою карету, отвѣтилъ онъ шутливо.

Я сказалъ это слово—и черезъ двѣ недѣли я уже сидѣлъ въ правленіи желѣзной дороги, гдѣ служу до сихъ поръ. Мѣсто мнѣ сразу дали хорошее, требовавшее нѣкоторой смѣкалки, нѣкотораго развитія. Я быстро сдѣлался однимъ изъ лучшихъ работниковъ правленія. Опредѣлившій меня къ мѣсту тузъ любезничалъ со мною и даже посвящалъ меня въ свои ловеласовскія похожденія. Однажды въ минуту откровенности, онъ мнѣ сказалъ:

— А вашъ старикъ очень доволенъ, что я васъ сманилъ на мѣсто.

— Да развѣ мой фатеръ еще помнитъ о моемъ существованіи? спросилъ я.

— Эхъ вы, молодежь! проговорилъ онъ.—Будете отцами, сами узнаете, какъ болитъ сердце по дѣтямъ. Конечно, вы погорячились и ушли отъ отца, но вѣдь старикъ вамъ же добра желалъ. Разумѣется, онъ глядитъ на вещи по своему и, желая помочь вамъ, задѣлъ въ васъ больныя стороны, задѣлъ ваши самолюбіе, стремленіе къ свободѣ и самостоятельности, но нельзя же упрекать его за то, что онъ неумѣло выразилъ свою заботливость о васъ. На него скверно дѣйствуетъ вашъ разрывъ. И то сказать, онъ старѣетъ, дряхлѣетъ и не можетъ уже такъ бодро, какъ прежде, переносить разладъ съ собственнымъ своимъ сыномъ. Вы вѣдь все-таки его гордость...

Въ этомъ духѣ говорилось много и долго; мое сердце все болѣе и болѣе умилялось. Черезъ недѣлю у моего покровителя произошло мое свиданіе съ отцемъ. Отецъ плакалъ, я плакалъ, покровитель плакалъ, мачиха плакала, маленькія дѣти отца плакали... Это была чувствительная сцена изъ библейской исторіи: блудный сынъ возвращался въ родную семью..

Черезъ полгода мачиха начала со слезами жаловаться мнѣ, что отецъ сталъ скупъ, что онъ мало даетъ на дѣтей, что имъ нужны шубки и кафтанчики.

— Голубчикъ, милый, какъ ты добръ! говорили мнѣ, когда я привезъ и шубки и кафтанчики.

Меня обнимали и цаловали. Я былъ вполнѣ счастливъ: меня любили въ родной семьѣ, я могъ отплачивать ей за эту любовь своими заботами...

— Я очень, очень радъ, что вы сошлись опять съ семьею, говорилъ мнѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мой покровитель.—Отецъ вѣдь всегда заботился о васъ, онъ и просилъ меня, чтобы я съѣздилъ повидаться съ вами, чтобы я опредѣлилъ васъ къ мѣсту, подходящему къ вашимъ способностямъ.

Я слушалъ и внутренне былъ благодаренъ отцу.

— Дѣйствительно, онъ и не могъ не волноваться за васъ, продолжалъ мой покровитель.—Всѣ его знакомые дѣлали намеки на ваше плохое положеніе, на вашу бѣдность. Всѣ обвиняли его за безсердечность. Наконецъ, это было щекотливо: онъ въ такихъ чинахъ, а старшій сынъ

сидитъ гдѣ-то въ лавчонкѣ за прилавкомъ... И то сказать, теперь вы можете стать полезны семьѣ: вашъ отецъ, не смотря на свой чинъ, получаетъ относительно мало; вы, попавъ на выгодное мѣсто, можете не мало помочь младшимъ братьямъ, и въ случаѣ его смерти все же поддержите семью. Это его очень безпокоило...

Я упалъ съ неба на землю, я очнулся отъ радужнаго сна въ мірѣ грязныхъ и пошлыхъ разсчетовъ...

Докторъ, мнѣ иногда кажется, что и это могло отозваться на моемъ психическомъ состояніи...

Можетъ быть, Вы скажете, что я, какъ человѣкъ, страдающій меланхоліей вижу все въ мрачномъ свѣтѣ и изображаю себя какимъ-то бѣднымъ Макаромъ подъ валящимися на него шишками. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Я не мученикъ, не страдалецъ, моя жизнь была полна и веселыхъ и свѣтлыхъ минутъ. Кутежи съ товарищами, когда въ накуренной комнатѣ лилась водка, лилось пиво, лилось вино; загулъ съ падшими женщинами, когда въ тяжелой атмосферѣ ихъ домовъ слышались хмѣльныя пѣсни, шелъ хмѣльный плясъ, раздавались хмѣльные поцалуи; наслажденіе театромъ въ тридцати-градусной атмосферѣ райка, откуда съ кучкой пріятелей мы шли обсуждать пьесу за кружками пива, шумя и споря до бѣлаго дня, все это испыталъ и я, какъ испытываютъ это всѣ городскіе юноши-бѣдняки, не имѣющіе около себя ни честной семьи, ни серьезнаго кружка, связаннаго серьезнымъ дѣломъ...

Но, докторъ, я сильно боюсь, что и эти радости влили капельки яда въ мой разстроенный мозгъ.

Взвѣсьте все сказанное мною, призадумайтесь надъ жизнью бѣдной городской молодежи, чтобы дополнить недосказанное мною, и найдите лекарство, которое могло бы смыть въ моемъ организмѣ слѣды всего этого прошлаго,—и я буду здоровъ...

Примите увѣреніе въ моемъ уваженіи къ Вамъ. **Нѣкто.**

Любовная записка.

(Новелла Поля Парфэ).

Въ одно прекрасное утро старикъ Казиміръ Пупарденъ, входилъ въ свой кабинетъ съ челомъ, омраченнымъ непріятной, повидимому, думой.

Дѣло въ томъ, что когда онъ брился у окна, то заприметилъ, что молодой Альфредъ съ подозрительнымъ усердіемъ прохаживался взадъ и впередъ по улицѣ, не сводя глазъ съ оконъ квартиры, занимаемой г. Пупарденомъ. Спрашивается, что нужно этому молодцу?

Трудно предположить, чтобы эти прогулки обусловливались желаніемъ видѣть прекрасные глаза самого г. Пупардена, или старушки Викторіи, или же, наконецъ, мальчугана Огюста. Ясно, какъ божій день, что цѣль этихъ подозрительныхъ прогулокъ—видѣть красавицу Клементину, племянницу г. Пупардена... Да, не можетъ быть сомнѣнія, чортъ возьми!

Но чело г. Пупардена нахмурилось еще грознѣе, когда, отворивъ дверь въ кабинетъ, онъ засталъ Клементину у открытаго окна,—у того окна, изъ котораго можно было любоваться спектаклемъ, вызвавшимъ тучи на чело г. Пупардена въ то время, когда онъ брился.

Эти грозныя тучи сгустились до крайности и грозили разразиться бурей, когда Пупарденъ заприметилъ, что племянница плохо маскируетъ овладѣвшее ею смущеніе и что она держитъ себя такъ, словно бы она желала что-нибудь скрыть передъ накрывшимъ ее врасплохъ дядей.

Пупарденъ дипломатически сдѣлалъ видъ, будто онъ ничего не замѣчаетъ подозрительнаго и, цѣлуя въ лобъ племянницу, сказалъ:

— Доброе утро, дитя мое!

— Добраго утра, дядюшка! отвѣчала Клементина, смущенная и озабоченная.

Тогда коварный Пупарденъ взялъ ее за руку, а другой своей рукой сталъ нѣжно поглаживать руку Клементины, лукаво заглядывая въ глаза дѣвушки.

— Ну, дитя мое, хорошо-ли ты спала сегодня?

Онъ говорилъ медленно, съ разстановкой, и во время паузъ еще нѣжнѣе поглаживалъ руку смущенной племянницы.

Пупарденъ зналъ досконально, что если держать кого-нибудь за руку и эту руку прикрыть другою своею рукой, то этотъ кто-нибудь непремѣнно также положитъ свою другую руку въ видѣ отвѣта на заданный вопросъ.

Этотъ-то физіологическій фактъ коварный Пупарденъ избралъ базой для своей дальнѣйшей предательской рекогносцировки.

Но, видя, что другая рука Клементины не спѣшитъ присоединиться къ первой, Пупарденъ вдругъ остановился и измѣнилъ тактику. Нагнувшись къ упорной рукѣ, онъ обратился къ племянницѣ:

— Что у тебя тамъ въ рукѣ?

— Я... прошептала Клементина, зардѣвшись какъ вишня.

— Кто-нибудь могъ бы, пожалуй подумать, что ты желаешь скрыть что-нибудь...

Клементина не находила, повидимому, отвѣта. Пристально устремленный на нее взглядъ дяди привелъ ее въ окончательное смущеніе, подъ вліяніемъ котораго она сконфуженно опустила внизъ глаза.

Тогда безжалостный дядя медленно притянулъ къ себѣ такъ упорно скрываемую лѣвую руку, разжалъ стиснутыя пальцы и—уже безъ сопротивленія—вынулъ сложенную бумажку, нѣжнаго цвѣта.

Когда затѣмъ Пупарденъ поднесъ свою добычу выше къ глазамъ, то носъ его ощутилъ пріятное щекотаніе тонкаго аромата.

— Это какъ-же называется? спросилъ онъ.

— Это, дядюшка... Это записка...

Пупарденъ, не выпуская изъ руки предательской улики, торопливо искалъ по всѣмъ многочисленнымъ своимъ карманамъ очковъ, но поиски были безуспѣшны.

— А отъ кого же эта записка, позвольте спросить?

— Но я не знаю, дядюшка... Я вошла сюда и нашла ее на полу...

Пупарденъ между тѣмъ не прекращалъ своихъ поисковъ: шарилъ, щупалъ вездѣ—очковъ не было. Безъ нихъ же Пупарденъ лишь напрасно напрягалъ зрѣніе и не могъ разобрать ни одного слова записки. Наконецъ, ему въ голову пришла счастливая идея.

— Что же тамъ, въ этой запискѣ? спросилъ онъ,

— Не знаю, дядюшка...

— Э? не знаешь? допрашивалъ онъ дальше съ дьявольской улыбкой,—ты хочешь меня убѣдить, что будто ты не читала записки?

— Но, дядюшка...

И, сконфуженная, но прелестная въ своемъ смущеніи дѣвушка, наивно прибавила:

— Я не имѣла пока времени...

— Ну, въ такомъ случаѣ, прочитай ее при мнѣ, сказалъ Пупарденъ, подавая записку Клементинѣ.

Дѣвушка дрожащею рукой развернула бумажку и, кашлянувъ слегка, для пущей храбрости, начала читать:

— «Ангелъ моей жизни!..»

— Начало многообѣщающее! прервалъ Пупарденъ.

— «Какъ описать тебѣ тѣ сладостныя терзанія, которыя я испытываю со вчерашняго вечера?..»

— «Сладостныя терзанія!» вставилъ Пупарденъ, ехидно пожимая плечами.—Ну, есть-ли здѣсь хоть капля здраваго смысла?

Клементина читала дальше:

— «Напрасно-бы я пытался нарисовать тебѣ...»

— О, дубина! Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ и пытаться! острилъ Пупарденъ.

— «Нарисовать тебѣ безумную страсть моей души, полной живѣйшаго восторга...»

— Этакой слогъ, чортъ возьми! воскликнулъ Пупарденъ.

— Можетъ быть, довольно, дядя?

— Нѣтъ, читай дальше; все читай!

— «Знаешь-ли, какъ я провелъ всю ночь? Всю ночь я лишь мечталъ о тебѣ...»

— Дуракъ! Лучше бы спалъ!

— «Передо мной носилась твоя талья, тонкая, какъ у осы, твои ножки, стройныя, какъ у газели, твоя лебединая шейка..»

— По всей видимости, намъ предстоитъ познакомиться съ цѣлымъ звѣринцемъ! не унимался Пупарденъ.

— «Глаза души моей видѣли твои роскошные волосы, длинные и гибкіе, какъ ліаны въ дѣвственныхъ лѣсахъ Америки..»

— О! теперь мы переходимъ къ царству растительному!

— «Твои глаза, ахъ, глаза, ясные и прозрачные, какъ хрустальная вода ручья, извивающагося между скалами...»

— Этакая скотина! воскликнулъ Пупарденъ.

— «И чѣмъ больше я отдавался чарамъ прелестнаго видѣнія, тѣмъ осязательнѣе чувствовалъ глубокое сожалѣніе къ тѣмъ безсмысленнымъ глупцамъ, что пытаются ставить преграды нашему взаимному блаженству...»

Пупарденъ вдругъ выпрямился. Негодованіе исказило его насмѣшливое дотолѣ лицо.

— Вотъ доказательство, какъ эти прощалыги и молокососы уважаютъ семейныя основы! гнѣвно воскликнулъ онъ.

— «Чувствовалъ глубокое сожалѣніе къ тѣмъ безсмысленнымъ глупцамъ...»

— Довольно, довольно! прервалъ съ живостью Пупарденъ.—И неужели же онъ осмѣлился подписаться подъ этой дурацкой тарабарщиной?

Клементина перевернула страницу.

— Да, подписался...

На ея губахъ скользнула ядовитая усмѣшка, но лишь на одно мгновеніе.

— «Казиміръ», прочла она, пристально глядя въ лицо Пупардену.

— Какой тамъ еще Казиміръ?! воскликнулъ тотъ.—Давай сюда!

Онъ схватилъ записку и, моментально отыскавъ очки, оказавшіяся подъ газетой на бюро, порывисто напялилъ ихъ на носъ.

Пупарденъ остолбенѣлъ! Этотъ пылкій Казиміръ былъ онъ самъ, собственной персоной! Это пламенное любовное посланіе было писано его собственною рукою, твердою и размашистой,—его молодою рукою...

— Да... такъ... бормоталъ онъ смущеннымъ голосомъ,—такъ это не отъ...

— Вѣдь я же тебѣ говорила, дядюшка, что, войдя сюда, я нашла эту записку на полу.

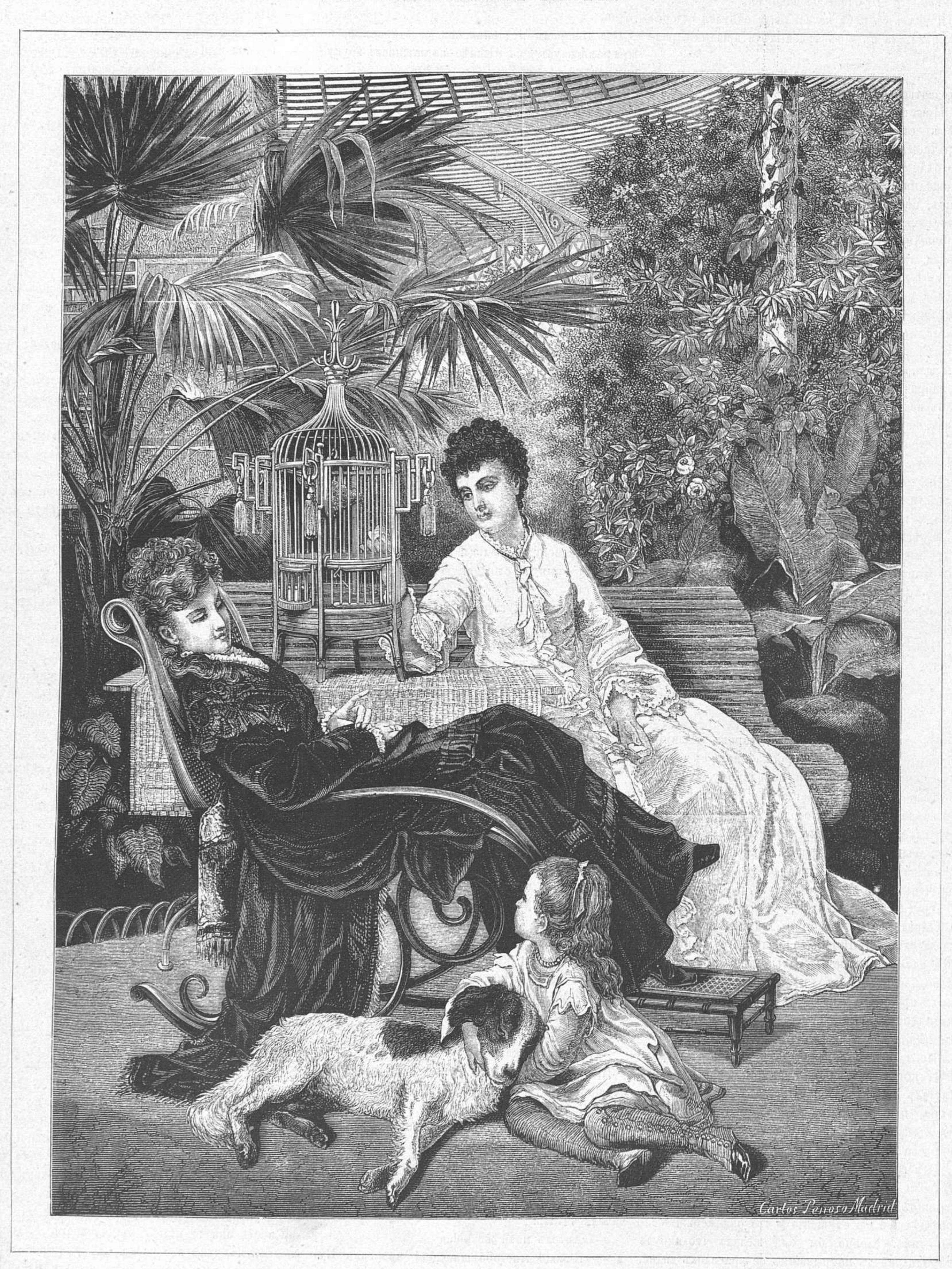
Пупарденъ растерянно чесалъ себѣ за ухомъ. Онъ вспомнилъ, что наканунѣ онъ приводилъ въ порядокъ свои старыя бумаги и, должно быть, обронилъ нечаянно эту злополучную записку. По всей вѣроятности, это былъ черновикъ какого-то письма, копія съ котораго когда-то была отправлена по назначенію.

Спустя минуту нѣмой задумчивости, въ безплодной попыткѣ воскресить забытыя впечатлѣнія, Пупарденъ нашелся лишь пожать плечами и сказать:

— И какъ только бываетъ глупъ человѣкъ, когда онъ молодъ!..

ИЗЪ ИСПАНСКОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ.

КАРТИНА ТОНИ ФЕВРА.

Сладкій отдыхъ.

Рѣзалъ на деревѣ **Карлосъ Пеньозо** въ Мадридѣ.

Потомъ онъ взглянулъ на племянницу, но та стояла уже у окна и, прильнувъ къ стеклу, казалось, искала кого-то глазами. Пупардену оставалось только ретироваться, докапчивая про себя недосказанную имъ сентенцію.

— Жаль только, что онъ немногимъ дѣлается умнѣе къ старости...

Некрологъ.

(Ст. П. В. Быкова.)

Н. П. Матвѣевскій. Скоропостижно умершій годовъ чиновникомъ особыхъ порученій при главноначальствующемъ надъ почтовымъ департаментомъ, состоялъ сотрудникомъ императорскаго вольнаго экономическаго общества, въ періодическомъ изданіи котораго помѣстилъ, между прочимъ: «О выставкѣ сельскихъ произведеній И. В. Э. Общ.», «О свойствахъ почвы въ химическомъ отношеніи», «Опытный маляръ» и друг. Въ журналахъ конца 50-хъ годовъ, онъ помѣстилъ нѣсколько правоописательныхъ очерковъ. Будучи однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ опозиціи въ с.-петербургскомъ обществѣ взаимнаго кредита, «Опытный маляръ и стекольщикъ, или полное наставленіе въ малярномъ дѣлѣ». Спб. 1853.— Тоже. Изд. 2-е. 8°. Спб. 1859.

Д. В. Полѣновъ. 13-го октября скончался русскій археологъ и библіографъ, сенаторъ Дмитрій Васильевичъ Полѣновъ Сынъ извѣстнаго академика Василія Алексѣевича Полѣнова († 1851 г.), онъ родился въ 1806 г. Воспитанникъ с.-петербургскаго университета, онъ кончилъ въ немъ курсъ, со степенью кандидата, въ 1827 г. Служилъ, въ 50-хъ годахъ, чиновникомъ особыхъ порученій при государственномъ канцлерѣ, въ министерствѣ

БОСНІЙСКІЙ ПЕЙЗАЖЪ.

Яйце.

Рисовалъ **I. Кирхнеръ.**

въ засѣданіи нашей городской думы, 13 октября, гласный ея Николай Павловичъ Матвѣевскій, извѣстенъ не только какъ энергичный и полезный общественный дѣятель, но и какъ образованный человѣкъ, принимавшій участіе въ литературѣ, преимущественно пятидесятыхъ—шестидесятыхъ годовъ. Происходилъ изъ духовнаго званія и родился въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія. Онъ имѣлъ огромныя литературныя знакомства и связи и обладалъ крайне цѣнными воспоминаніями для исторіи русской литературы. Н. П. служилъ въ концѣ пятидесятыхъ онъ издалъ (вмѣстѣ съ Григоровичемъ) сборникъ статей объ этомъ обществѣ; состоялъ членомъ-попечителемъ совѣта измайловскаго благотворительнаго приходскаго общества и сдѣлалъ много полезнаго. Отдѣльно изданы имъ слѣдующія книги: «О выставкѣ сельскихъ произведеній, съ рисунками замѣчательнѣйшихъ орудій и машинъ». Спб. 1850. 8°.—«Московская выставка сельскихъ произведеній, въ 1852 г.» Спб. 1857.—«Портной. Описаніе быта портныхъ, начиная отъ возрожденія портного мальчуги, включительно до портного высшаго полета», съ полит. Спб. 1857. 8°.—

иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ во II отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, исторію котораго издалъ въ 1876 г. къ 50-ти-лѣтнему юбилею отдѣленія. Состоялъ членомъ императорскихъ русскихъ обществъ: историческаго и археологическаго и членомъ-корреспондентомъ (съ 1861 г.) академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности. Написалъ множество историческихъ и библіографическихъ статей и цѣльныхъ монографій, въ періодическихъ изданіяхъ. Изъ этихъ трудовъ наиболѣе обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія: «Отправленіе

брауншвейгской фамиліи изъ Холмогоръ заграницу» («Труды Росс. Акад.») 1840, «Библіографическое обозрѣніе русскихъ лѣтописей». Спб. 1850 г., «Обозрѣніе лѣтописца Переяславскаго». Спб. 1854, «Памяти П. С. Савельева» («Изв. Имп. Арх. Общ.», 1859), «О руническихъ надписяхъ на Пирейскомъ львѣ» (Ibid), «Житіе св. Нифонта Константинопольскаго, по рукописи XII—XIII вѣка» («Изв. Имп. Акад. Наукъ». 1861 и отд. оттискъ Спб. 1862. 8°. 23 стр.), «А. Я. Полѣновъ, русскій законовѣдъ XVIII вѣка» («Русск. Арх.» 1865 и отд. оттискъ М. 1866), «Замѣч. на статью «О науч. дѣят. митроп. Евгенія» («Сбор. статей отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ», т. 5, в. 1) «Матеріалы для исторіи русскаго законодательства. Палата о Уложеніи 1700 г.» (Спб. 1865), «Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Коммиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Спб. 1869—1875 гг. 3 части (трудъ этотъ составляетъ томы IV, VIII и XIV «Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ.»), «О лѣтописяхъ, изданныхъ отъ св. синода» («Зап. Имп. Акад. Наукъ», 1864), «Краткій очеркъ дѣятельности II отдѣл. соб. Е. И. В. канц. 1826—1876. Спб. 1876 и мн. друг.

I. М. Ковалевскій. 26-го октября, отъ удара, скончался, въ Варшавѣ, пожизненный деканъ историко-филологическаго факультета, варшавскаго университета и ордин. проф. древней исторіи Іосифъ Михайловичъ Ковалевскій. Покойный завоевалъ себѣ почетную извѣстность своими учеными трудами и считался лучшимъ знатокомъ монгольскаго языка въ Европѣ; и филологія и лингвистика справедливо могутъ гордиться этимъ ученымъ, всю свою жизнь, съ университетской скамьи, посвятившимъ себя изученію классической древности. Литвинъ по происхожденію, онъ родился въ 1800 г., въ гродненской губерніи; первоначальное образованіе получено имъ въ гимназіи, въ Свислочѣ, а затѣмъ въ Гродно. Въ 1817 г. окончилъ курсъ въ виленскомъ университетѣ, со степенью кандидата, и поступилъ учителемъ въ этотъ университетъ. Въ 1823 г. будучи преподавателемъ греческаго и латинскаго языковъ въ гимназіи, онъ, за принадлежность къ обществу филаретовъ и филоматовъ, былъ удаленъ въ Казань, вмѣстѣ съ другими своими университетскими товарищами по этому дѣлу: Томасомъ Заномъ и Адамомъ Мицкевичемъ. Въ Казани онъ дѣятельно изучалъ арабскій, персидскій и татарскій языки. Въ 1828 г. командированъ въ Иркутскъ правительствомъ, съ цѣлью изученія монгольскаго и манджурскаго языковъ; нѣсколько разъ ѣздилъ за Байкалъ къ тунгусамъ, проникая до устья рѣки Амура и степей монгольскихъ. Въ эту пору имъ составлены словарь и грамматика монгольскаго языка, что ему стоило громадныхъ трудовъ и усилій; послѣ годового пребыванія здѣсь, отправился съ русской миссіей въ Пекинъ, гдѣ провелъ годъ и одинъ мѣсяцъ, и получилъ весьма важные матеріалы для изслѣдованія буддизма отъ тамошняго князя Манзуля, собственноручно имъ написанные. Нѣсколько строкъ, написанныхъ Манзулемъ, считаются въ Китаѣ необыкновенною драгоцѣнностью. Ковалевскій же получилъ отъ него цѣлую книгу. По возвращеніи изъ Пекина, Іос. Мих. провелъ пять лѣтъ между азіятскими народами, послѣ чего его вызвала Импер. Академія Наукъ для отчета въ С.-Петербургъ. Затѣмъ онъ занялъ профессуру въ Казани, преподавая монгольскій языкъ, а также и римскую литературу, а потомъ назначенъ ректоромъ университета; слишкомъ десять лѣтъ онъ управлялъ гимназіей и школами казанской губерніи. Въ 1862 г. варшавскій университетъ, который тогда былъ еще главной школой, пригласилъ его на службу, гдѣ онъ занялъ мѣсто декана филологическаго факультета и преподавалъ всеобщую исторію. Ковалевскій состоялъ дѣйствительнымъ членомъ обществъ: московскаго—исторіи и древностей россійскихъ, и копенгагенскаго—сѣверныхъ древностей, почетнымъ членомъ парижскаго и азіятскаго обществъ, членомъ-корреспондентомъ с.-петерб. академіи наукъ и членомъ другихъ ученыхъ обществъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Казани, Москвѣ, Варшавѣ, Вильнѣ, Одессѣ. Изъ трудовъ его наиболѣе извѣстны: «Краткая грамматика монгольскаго книжнаго языка» (на русскомъ языкѣ), «Словарь монгольско-русско-французскій», 3 т. 4°. Казань. 1844 (изд. на казен. счетъ), «Монгольская хрестоматія», 2 т. Казань. 1837. 8°, «Буддійская космологія». Казань. 1837. 8°, на монгольскомъ языкѣ издана имъ «Исторія ветхаго и новаго завѣта». Кромѣ того, много изслѣдованій его, статей и замѣтокъ, помѣщено въ «Энциклопедическомъ словарѣ», «Журналѣ мин. народ. просв.», «Записк. Казанск. унив.» и другихъ русскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ 1878 году, въ іюнѣ, варшавскій университетъ праздновалъ 50-ти-лѣтній юбилей ученой и педагогической дѣятельности Іосифа Михайловича.

Новости наукъ и жизни.

— Образчикъ санитарныхъ порядковъ въ нашихъ городахъ. «Голосу» пишутъ изъ Нарвы: «У насъ свирѣпствуетъ дифтеритъ, который съ дѣтей переходитъ и на взрослыхъ. Всѣ принятыя врачами мѣры противъ распространенія заразы и противъ смертности не имѣютъ успѣха. Особенно, говорятъ, сильно развивается дифтеритъ на фабрикахъ, гдѣ заразительности, при большой скученности населенія, имѣется богатая пища. Не защищенъ отъ дифтерита и самый зажиточный классъ населенія: было много случаевъ заболѣванія и смертности. Въ виду распространенія болѣзни и заявленія нѣкоторыхъ обывателей, городскою управою была назначена надняхъ коммиссія для осмотра колбасныхъ, мясныхъ и т. п. лавокъ и особенно дворовъ при домахъ. Въ большей части дворовъ, говорятъ, найдено мусору и грязи съ заразительнымъ зловоніемъ столько, что, навѣрно, грязь невывозилась нѣсколько лѣтъ».

— Подводное освѣщеніе. Американскіе механики Бернетъ и Фостеръ, изобрѣли весьма остроумный аппаратъ, служащій для освѣщенія подводной поверхности при водолазныхъ работахъ, или, въ военное время, для обнаруженія подводныхъ минъ. Аппаратъ ихъ представляетъ обыкновенную спиртовую лампу, заключенную въ стеклянный колпакъ, снабженный приспособленіемъ для выпуска изъ него газообразныхъ продуктовъ горѣнія. Лампа эта (опускаемая на желаемую глубину подъ воду), соединяется гибкой каучуковой трубкою съ находящимся на суднѣ желѣзнымъ резервуаромъ, въ которомъ заключенъ, сжатый до упругости 30 атмосферъ, чистый кислородъ. Кислородъ этотъ, проникая по трубкѣ въ резервуаръ лампы, горитъ блестящимъ свѣтомъ и ярко освѣщаетъ подводную поверхность на значительное пространство кругомъ. Аппаратъ можетъ дѣйствовать безпрерывно впродолженіе 4 часовъ. Точно также и механики Нейнке и Дэвисъ пользуются для подводнаго освѣщенія электричествомъ. Ихъ аппаратъ состоитъ изъ хрустальнаго, герметически замкнутаго цилиндра, вмѣщающаго въ себѣ обыкновенную электрическую лампу. Углы лампы приспособлены такимъ образомъ, что не требуютъ возобновленія впродолженіе нѣсколькихъ часовъ. Лампа прикрѣплена къ нырялу, которое и увлекаетъ ее въ глубину на желаемое разстояніе, причемъ сообщеніе лампы съ динамоэлектрической машиною, установленною на суднѣ поддерживается металлическимъ проводникомъ. Сила свѣта такой лампы равняется 20 тысячамъ свѣчей.

— Разстроенная свадьба. Въ Петербургѣ разстроилась свадьба слѣдующимъ неожиданнымъ образомъ. Женихъ лютеранинъ и невѣста православная, принадлежащіе къ образованному классу, пріѣхали вѣнчаться во Владимірскую церковь, гдѣ уже собралось много родныхъ и знакомыхъ, приглашенныхъ на свадьбу. Ожидали начала обряда. Но передъ тѣмъ, какъ начинать вѣнчаніе, священникъ предложилъ жениху и невѣстѣ дать подписку въ томъ, что дѣти отъ будущаго брака будутъ крещены по обрядамъ православной церкви. Такія подписки всегда берутся. Женихъ, вѣроятно, незнакомый съ нашими законами, наотрѣзъ отказался дать такую подписку, вслѣдствіе чего священникъ объявилъ, что вѣнчать не будетъ, и всѣ разъѣхались.

— Ледяныя пушки. Артиллерійскій музей въ Парижѣ обогатился недавно интереснымъ и своеобразнымъ историческимъ предметомъ временъ Людовика XIV-го—формой, въ которой, по повелѣнію короля, замораживалась вода и, такимъ образомъ, приготовлялись пушки изъ льда. Эта дикая идея принадлежала одной изъ любимыхъ фаворитокъ Людовика XIV-го, капризному желанію которой, во чтобы ни стало имѣть пушки изъ льда, король не могъ не повиноваться. Повелѣніе было исполнено, въ формахъ замораживали воду и получали пушки въ натуральную величину, но съ болѣе толстыми стѣнами. Въ присутствіи многочисленной публики, эти ледяныя пушки были заряжаемы порохомъ и сферическимъ шаромъ изъ прессованнаго снѣга; этимъ импровизованнымъ ядромъ стрѣляли по щитамъ. Оказывалось, что еще на дистанціи 50 шаговъ, деревянная доска была пробиваема такимъ ядромъ. Въ честь изобрѣтательницы такого оригинаго типа пушекъ, орудія эти названы были «артиллеріею фаворитки».

— Новое мѣсторожденіе золота. По словамъ англійскихъ газетъ, нѣкто Андрю Кларкъ, членъ совѣта вице-короля Индіи, посѣтилъ Уайнандъ въ февралѣ этого года. Знакомый съ условіями залеганія золотоносныхъ мѣсторожденій въ Австраліи, Кларкъ нашелъ мѣстность около Уайнанда весьма благонадежною для отъисканія золота и съ разрѣшенія вице-короля пригласилъ изъ Викторіи извѣстнаго тамъ горнаго инженера Бро Смита, съ партіею рабочихъ для произведенія развѣдокъ на золото въ кварцевыхъ жилахъ. Смиту удалось уже отъискать на площади длиною въ 25 и шириною въ 13 миль девяносто выходовъ золотоносныхъ кварцевыхъ жилъ, толщиною отъ 2 до 4 футовъ и содержащихъ въ себѣ отъ нѣсколькихъ драхмъ до 200 унцій золота, въ тоннѣ горной породы. По нашему счету, это составляло бы 20 зол. въ пудѣ, содержаніе золота мыслимое только въ отдѣльныхъ штуфахъ, а никакъ не въ массѣ горной породы. Такъ кажется и надо понимать слова телеграммы о содержаніи найденнаго золота, такъ какъ въ ней говорится далѣе: «Нѣкоторые куски кварца по направленію слоевъ, оказываются покрытыми сплошнымъ и довольно толстымъ слоемъ золота, другіе, по виду вовсе золота не содержащіе, оказываются при пробѣ заключающими въ себѣ 8, 10, 14 драхмъ, 2 и 4 унціи золота въ тоннѣ (отъ 2 до 16 долей золота въ пудѣ кварца).» Предполагаютъ, что новое открытіе скоро породитъ дѣятельную промышленность. Климатъ въ Уайнандѣ умѣренный и пріятный для европейцевъ втеченіе 9 мѣсяцевъ въ году, и только втеченіе остальныхъ 3 мѣсяцевъ предрасполагающій къ лихорадкѣ.

— Провалъ. Въ началѣ іюля, въ 100 вер. отъ Омска, подлѣ дер. Серебряковой образовался значительный провалъ и на Иртышѣ появилось 2 острова. Провалъ и появленіе острововъ случились вскорѣ одно за другимъ и почти передъ самымъ закатомъ солнца. Сперва былъ слышенъ сильный шумъ, похожій на раскаты отдаленнаго грома; одновременно съ этимъ берегъ началъ медленно и спокойно садиться; нѣсколько минутъ спустя, часть его, ближайшая къ водѣ, начала медленно подниматься, а потомъ, появились по срединѣ рѣки Иртыша острова. Все это произошло въ весьма короткій промежутокъ времени. Новые острова поднялись съ глубины болѣе 12 аршинъ и возвышаются надъ уровнемъ Иртыша аршинъ на шесть, т. е. дно рѣки поднялось слишкомъ на 18 аршинъ. Верхній слой ихъ, имѣющій форму двухскатной крыши, состоитъ изъ слежавшихся слоевъ коры, близкой къ лигниту; нижніе же—изъ песка и глины. Направленіе острововъ—по теченію, слѣдовательно, и по длинѣ провала. Обстоятельство это даетъ возможность объяснить ихъ появленіе боковымъ давленіемъ осѣвшаго слоя и происшедшимъ отсюда волнообразнымъ движеніемъ. Самый провалъ аршинъ 200 ширины, аршинъ 12 глубины и около версты въ длину. Ближайшею причиною его считаютъ пещеру, образовавшуюся вслѣдствіе постояннаго вымыванія водою извести и песка. На присутствіе же извести указываютъ найденные въ изобиліи куски мергеля.

— Метеоръ. 19 октября, послѣ шести часовъ вечера, въ Дерптѣ видимъ былъ весьма красивый метеоръ, похожій на блестящую ракету, съ умѣренною быстротою двигавшійся по направленію съ запада на востокъ въ небесной вышинѣ, пробѣжавъ около трехъ четвертей небосвода. Передъ своимъ исчезновеніемъ явленіе это значительно усилилось, блеснувъ на короткое время яркимъ зеленымъ свѣтомъ.

— Ураганъ. Телеграммою изъ Филадельфіи отъ 24-го октября сообщается, что страшный ураганъ, начавшійся въ Атлантическомъ океанѣ почти въ виду береговъ Флориды, разразился, спустя нѣкоторое время, въ штатахъ Пенсильваніи и Нью-Джерси. Въ самой Филадельфіи и ея окрестностяхъ ураганъ свирѣпствовалъ около трехъ часовъ, отъ 5 до 8 час. утра (по наблюденіямъ, произведеннымъ въ мѣстной обсерваторіи, скорость вѣтра доходила до 70 итальянскихъ миль въ часъ). Въ этотъ небольшой сравнительно промежутокъ времени, ураганъ успѣлъ надѣлать множество болѣе или менѣе значительныхъ бѣдъ: въ самомъ городѣ насчитывается до пяти смертныхъ случаевъ и болѣе 50 ушибленныхъ и изувѣченныхъ; 180 домовъ совершенно разрушено и болѣе чѣмъ съ 400 сорваны кровли; кромѣ того значительно повреждены 32 церкви, 80 фабрикъ, много магазиновъ, школъ и желѣзнодорожныхъ станцій. На рѣкѣ внезапно поднявшеюся водою снесены два моста и до 17 судовъ сорвано съ якорей и выброшено на берегъ, причемъ много погибло цѣнныхъ товаровъ и еще болѣе испорчено или подмочено.

— Землетрясеніе. 20-го октября, въ 6 часовъ вечера, въ Пасанаурѣ (на военно-грузинской дорогѣ), было чувствуемо землетрясеніе, и до того сильное, что стѣны двухъ-этажнаго станціоннаго дома задрожали и мебель вся сдвинулась съ мѣста; продолжалось оно около 3—4 секундъ. День былъ довольно жаркій, какъ среди лѣта.

— Ходячія солнца. Это обыкновенные вагоны, приспособленные для элекрическаго освѣщенія пути, станцій, мастерскихъ, мостовъ и вообще всѣхъ тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ случайныя экстренныя работы, или происшествіе съ поѣздомъ требуютъ быстро установляемаго и сильнаго освѣщенія. Подобные вагоны введены уже на сѣверной австрійской дорогѣ императора Фердинанда. Каждый изъ нихъ заключаетъ въ себѣ небольшую паровую машинку, съ котломъ и принадлежностями, динамо-электрическую машину и спеціально для этой цѣли изобрѣтенную (Маркусомъ) лампу, которая остается нечувствительною къ качкѣ вагона и даетъ сильный, непрерывный свѣтъ. Имѣя въ поѣздѣ подобный вагонъ, можно въ теченіе не болѣе 5—10 минутъ освѣтить яркимъ дневнымъ свѣтомъ любой пунктъ дороги, или же прямо освѣщать путь во все время хода поѣзда, предотвращая этимъ множество несчастныхъ случайностей, вызываемыхъ темнотою.

— Агафонъ. Американскія газеты сообщаютъ о новомъ приборѣ—агафонѣ, изобрѣтеніи аптекаря И. Д. Эвеля въ Сент-Омерѣ, въ штатѣ Индіанѣ, которое грозитъ сильною конкуренціей телефону. Приборъ дѣйствуетъ безъ помощи электричества и на значительныя разстоянія передаетъ звуки, нисколько не теряющіе при этомъ своей полноты и тембра. Въ сентябрѣ, надъ агафономъ были произведены удачные опыты въ Цинциннати, причемъ длина проводника между пунктами отправленія и пріема звуковъ составляла около полумили. Пробовали говорить на разстояніи четырехъ футовъ отъ прибора, и каждое слово хорошо слышалось на противоположномъ пунктѣ. То же замѣчено и объ игрѣ на скрипкѣ, происходившей въ восьми футахъ отъ начальнаго звукособирателя прибора. Можно было, не приставляя къ нему уха, слышать скрипъ отдаленной затворявшейся двери, ходьбу надъ потолкомъ и даже бой часовъ. Изобрѣтатель, до полученія привилегіи на свое изобрѣтеніе, не желаетъ объяснять системы его устройства.

— Сросшіеся близницы. Докторъ Панкатъ, анатомировавшій знаменитыхъ сіамскихъ близнецовъ, объявляетъ о находкѣ такого же рода. Онъ привезъ изъ Канады двухъ молодыхъ дѣвушекъ, Розу и Марію, сросшихся между собой. У нихъ руки и голова свободны. Соединяющая ихъ перепонка находится съ боку, подъ грудью. Роза и Марія дѣйствуютъ независимо другъ отъ друга, одна неиспытывая ощущеній другой, такъ что представляется странное зрѣлище, когда одна бываетъ скучна и молчалива, и въ тоже время другая весела и болтлива. Родители ихъ французскаго происхожденія, поселившіеся въ Канадѣ.

— Трихины въ рыбѣ. Подлѣ Остенде поймана недавно щука, которая, по микроскопическимъ изслѣдованіямъ остендскимъ врачемъ А. Кленденномъ, оказалась переполненною трихинами. Думаютъ, что щука проглотила ихъ вмѣстѣ съ органическими примѣсями къ клоачнымъ водамъ Остенде. «Но вѣдь, не въ одномъ же Остенде и не одна же порода рыбъ случайно можетъ глотать такія примѣси», справедливо замѣчаетъ изслѣдователь щуки.

— Пятнадцатиженецъ. Въ Лондонѣ судился за многоженство Адольфъ Гофманъ, который, подъ разными вымышленными именами: Экштейна, Гаусмана, Бергера и пр., успѣлъ пережениться на пятнадцати зрѣлыхъ вдовахъ и прибрать къ рукамъ значительную часть ихъ достатковъ. Гофманъ присужденъ къ заключенію на 8 лѣтъ въ смирительный домъ.

— Материнская любовь. Миланскій корреспондентъ «Бирж. Вѣд.» пишетъ: Говорятъ, будто Марія Стюартъ и Марія Антуанетта, узнавъ наканунѣ казни объ ожидающей ихъ участи, посѣдѣли за одну ночь. Мнѣ же случилось видѣть, какъ сѣдѣютъ люди отъ сильнаго душевнаго потрясенія въ одну минуту. На дняхъ я шелъ по Corso Ticinese; впереди меня шла молодая женщина, съ мальчикомъ лѣтъ пяти, бѣгавшимъ и прыгавшимъ вокругъ своей матери; дойдя до угла, рѣзвый малютка побѣжалъ впередъ на противоположный тротуаръ, но посреди улицы споткнулся и упалъ какъ разъ у ногъ лошадей, запряженныхъ въ карету и бѣжавшихъ быстрою рысью. Несчастная мать, отчаянно вскрикнувъ, бросилась было къ своему ребенку, но, сдѣлавъ шага два, тутъ же упала въ обморокъ. Ребенокъ отдѣлался лишь незначительными ушибами, благодаря ловкости кучера, моментально удержавшаго лошадей, повернувъ ихъ въ сторону; но когда я подбѣжалъ вмѣстѣ съ прочими прохожими къ лежавшей замертво женщинѣ, она была уже сѣдою! Первымъ словомъ ребенка, пораженнаго этимъ, когда его подвели къ очнувшейся матери, было восклицаніе: «Mama, tu sei bianca!»—«Пустяки это, отвѣчала мать, обнимая ребенка,—ты живъ,—и я рада».

— Предусмотрительность. Одинъ импрессаріо, набравъ оперную труппу, отправляется съ нею въ Америку, чтобы, при помощи пѣвцовъ, сколотить себѣ капиталецъ въ Новомъ Орлеанѣ. Артисты не были знакомы другъ съ другомъ. По временамъ они страдали отъ морской болѣзни, и вотъ однажды первый теноръ, французъ, отъ скуки запѣлъ арію изъ «Вильгельма Телля»: «O Mathilde, idole de mon âme». Одинъ изъ его товарищей, нѣсколько изумленный, тоже исполнилъ чистѣйшимъ теноромъ: «Celesta Aida, forma gentile». Настала очередь удивляться и французу. Но какъ описать ихъ изумленіе, когда третій актеръ, все тѣмъ же чистѣйшимъ теноромъ началъ: «Accanto a te, Selica»! Оказалось, что въ труппѣ находятся три первыхъ тенора, изъ которыхъ каждый былъ ангажированъ импрессаріо въ качествѣ единственнаго перваго тенора. Дѣло дошло до крайне бурнаго объясненія съ импрессаріо, который далъ артистамъ время успокоиться и затѣмъ благодушно сказалъ имъ:

— Прежде всего скажу вамъ, дѣти мои, что я человѣкъ честный. Правда, въ условіи каждаго изъ васъ сказано, что предъявитель таковаго состоитъ въ труппѣ единственнымъ теноромъ. Теперь сообразите сами: одинъ изъ васъ, по выходѣ на берегъ непремѣнно умретъ отъ желтой лихорадки, послѣ нѣсколькихъ репетицій за нимъ отправится и второй, и когда начнутся спектакли, третій несомнѣнно останется уже единственнымъ первымъ теноромъ труппы.

— Непрошенный гость. Изъ находящагося временно въ Дартмундѣ звѣринца недавно сбѣжалъ около десяти часовъ вечера, огромный черный медвѣдь и преспокойно отправился гулять по городу. Дорогою онъ соблаговолилъ зайти въ магазинъ Рейсерта, къ неописанному ужасу приказчиковъ оперся передними лапами на прилавокъ и, разинувъ пасть, заревѣлъ на продавщицу. Всѣ пустились на утекъ и въ попыхахъ забыли затворить дверь. Къ счастью, Топтыгинъ не вошелъ въ открытую дверь смежной комнаты, въ которой спали одни дѣти, но дверью, ведущею во дворъ, убрался изъ магазина. Между тѣмъ, прибѣжали потребованные изъ звѣринца служители, которые даже не подозрѣвали о побѣгѣ медвѣдя; около полуночи залучили его въ указанное властями мѣсто и здѣсь окончательно изловили Мишку.

— Живописецъ Карло. Въ Петербургъ долженъ пріѣхать надняхъ извѣстный Карло, который, во время концерта, исполняемаго оркестромъ, пишетъ на выбранную публикою тему въ теченіе 45—60 минутъ картину масляными красками! По окончаніи концерта картина тотчасъ розыгрывается въ лотерею, билетъ на которую безплатно выдается каждому при входѣ въ залу. Г. Карло, какъ видно изъ нѣмецкихъ газетъ, пользовался во всей Германіи значительнымъ успѣхомъ и показывалъ свое искусство при дворахъ нѣкоторыхъ владѣтельныхъ особъ.

— Универсальный языкъ. Въ Парижѣ одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, нѣкто г. Гаевскій, прочелъ недавно лекцію объ изобрѣтенномъ имъ универсальномъ языкѣ. Не смотря на то, что лекція эта была безплатная, публики собралось очень немного, и, поэтому, когда г. Гаевскій явился на эстрадѣ, на его лицѣ ясно было написано смущеніе: «Какъ! я читаю даромъ и является такъ мало слушателей!» Гаевскій—человѣкъ лѣтъ семидесяти, съ длинною бѣлою бородою. Это, повидимому, одна изъ тѣхъ личностей, которыя сами портятъ свою судьбу разными химерами. Бросивъ меланхолическій взглядъ на своихъ слушателей, Гаевскій началъ съ заявленія, что онъ владѣетъ двѣнадцатью языками, но что онъ, вообще, врагъ всѣхъ языковъ, которыхъ всего насчитывается до 30,000 (!): 587 въ Европѣ, 276 въ Африкѣ и 1,264 въ Америкѣ. Онъ изобрѣлъ одинъ универсальный языкъ, на которомъ должны говорить всѣ народы земного шара. Изученіе языковъ, отнимающее теперь столько времени, сдѣлается тогда совершенно лишнимъ. Алфавитъ новаго универсальнаго языка (изученіе котораго очень легко) состоитъ изъ названія музыкальныхъ нотъ do, re, mi, fa и пр. Благодаря системѣ изобрѣтателя, число словъ доведено до 3,200, образуемыхъ соединеніемъ музыкальныхъ нотъ. Дофа означаетъ онъ; для образованія женскаго рода удвоивается согласная—доффа. Множественное число получается посредствомъ удвоенія послѣдней гласной буквы—доффа—она; доффаа—онѣ. Домисоль означаетъ слово «Богъ», а Сольмидо—«дьяволъ»; ремире—братъ; ремисире—сестра; мисоль—хорошо; сольми—скверно и пр. Вотъ основа всемірнаго языка. «Если, заключилъ ораторъ свою лекцію, языкъ этотъ будетъ преподаваться во всѣхъ училищахъ и сдѣлается общимъ, тогда всѣ народы сдѣлаются братьями». Г. Гаевскій, повидимому, вѣритъ въ свое изобрѣтеніе; но этого нельзя сказать о его слушателяхъ, которые какъ-то скептически относятся къ новому универсальному языку.

— Чортово сало. Изъ кобелякскаго уѣзда, полтавской губерніи, пишутъ газетѣ «Недѣля»: «Въ одной изъ деревень, крестьяне начали употреблять для освѣщенія керосинъ. Вообще, какъ кажется, керосинъ мало еще употребляется крестьянами въ Малороссіи, все больше «каганцомъ» свѣтятъ. Священникъ въ церкви произноситъ проповѣдь, въ которой убѣждаетъ мужиковъ бросить керосинъ, потому что это «чортово сало». Чортъ, изволите видѣть, провалился на Кавказѣ сквозь землю и должно быть сгнилъ подъ землею до тла, оставивши только свой жиръ, служащій освѣщенію беззаконныхъ. Крестьяне вняли голосу своего пастыря духовнаго и бро-

сили употребленіе «чортового сала». Подлинность сообщеннаго, корреспондентъ, по его словамъ, можетъ подтвердить свидѣтельскими показаніями многихъ лицъ».

— **Дорогія сутки.** Въ «Рус. Вѣд.» пишутъ: Извѣстный изобрѣтатель электрической свѣчи П. Н. Яблочковъ, проѣзжая въ Петербургъ, остановился на сутки въ Москвѣ, въ гостинницѣ «Славянскій Базаръ». Не справившись о цѣнѣ номера и прочаго въ гостинницѣ, онъ пригласилъ близкихъ знакомыхъ на обѣдъ, и вечеромъ, на другой день, собрался уѣхать въ Петербургъ. Принесли г. Яблочкову счетъ и, можно себѣ представить его удивленіе, когда оказалось, что, за прожитыя сутки въ «Славянскомъ Базарѣ», ему пришлось уплатить 250 рублей!..

— **Курьезъ.** Въ остроумномъ фельетонѣ г. М. Д. («Чѣмъ хата богата» въ «Бирж. Вѣд.») сообщено слѣдующее: Извѣстный Льюисъ разсказываетъ, что, живя въ Италіи, онъ послалъ своему пріятелю въ Лондонъ собраніе моллюсковъ въ жестяномъ ящикѣ съ надписью: «Осторожнѣе, —животныя». На почтѣ приняли эту фразу за личное оскорбленіе и конфисковали посылку...

Шахматы.

Бѣлые	*Черные*
1) E2—E4.	1) C7—C5.
2) B1—C3.	2) E7—E6.
3) G1—F3.	3) B8—C6.
4) F1—B5.	4) C6—D4.
5) B5—C4.	5) ...

Этотъ ходъ не дуренъ, но мы предпочли бы: 5) D4:, CD6. E2, F6, 7) G3.

5) ...	5) A7—A6.
6) A2—D3.	6) G8—E7.
7) D2—D3.	7) E7—C6.
8) F3—D4:	8) C6—D4:
9) 0—0.	9) G7—G6.
10) C1—F4.	10) D7—D6.
11) D1—D2.	11) H7—H6.
12) F4—G3.	12) C8—D7.
13) C3—D1.	13) B7—B5.
14) C2—C3.	14) ...

Пожалуй что такъ лучше; такъ какъ послѣ хода 14) AB, AB. 16) A2, A7 и т. д. выгода была бы на сторонѣ черныхъ.

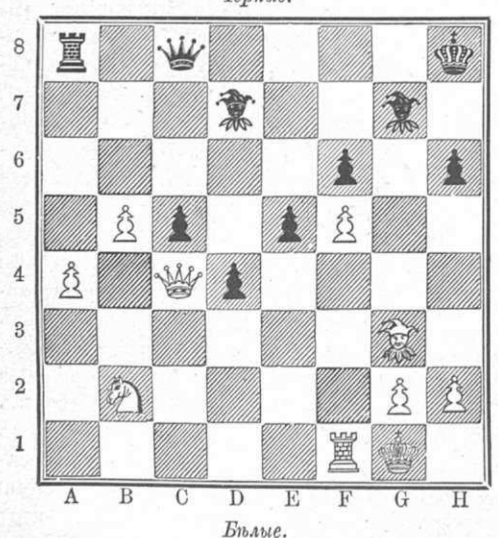
14) ...	14) B5—C4:
15) C3—D4:	15) C5—D4:
16) D3—C4:	16) E6—E5.
17) F2—F4.	17) F8—G7.
18) B2—B4.	18) 0—0.
19) F4—F5.	19) G6—F5:
20) E4—F5:	20) F7—F6.
21) D2—D3.	21) D8—C8.
22) D1—B2.	22) C8—B7.
23) B4—B5.	23) F8—C8
24) A1—C1.	24) C8—C5.
25) D3—B3.	25) A6—B5:
26) C4—B5 †.	26) G8—H8.
27) C1—C5:	27) D6—C5:

Бѣлые полагаютъ свое положеніе на столько сильнымъ, что не боятся пожертвовать своему противнику трехъ среднихъ пѣшекъ.

28) B3—C4.	28) B7—C8.

Положеніе партіи послѣ 28 хода.

Черные.

Бѣлые.

29) C4—D3?	29) ...

Гораздо лучше было бы ходить C4—D5, хотя это еще вопросъ—выигралибы бѣлые.

29) ...	29) C8—G8!
30) F1—A1.	30) C5—C4!

Этотъ хорошо расчитанный ходъ окончательно рѣшаетъ участь партіи.

31) D3—C4:	31) G8—C4:
32) B2—C4:	32) D7—B5:
33) C4—B6.	33) A8—A6.
34) G3—E1.	34) B5—D3.

Послѣ B6! слѣдовало бы 35) B1.

35) B6—D5.	35) D3—F5:
36) A4—A5.	36) F5—E4.
37) D5—C7.	37) A6—C6.
38) C7—E8.	38) E4—D3.
39) A1—D1.	39) D3—E2.
40) D1—D2.	40) E2—A6.
41) E8—G7:	41) H8—G7:
42) D2—B2.	42) E5—E4.
43) G1—F2.	43) G7—G6.
44) E1—B4.	44) C6—C1.
45) F2—G3.	45) E4—E3.
46) G3—F4.	46) E3—E2.
47) F4—E4.	47) D4—D3.
48) E4—E3.	48) E2—E1 †.
49) B4—E1.	49) C1—E1 †.

Черные выиграли.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

При этомъ нумерѣ «Живоп. Обозрѣн.» разсылаются гг. подписчикамъ приложенія: № 21 и 22-й «Парижскія Моды»

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 Ноября 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ" на 1879 годъ.

Журналъ «**ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ**» будетъ издаваться въ будущемъ, 1879 году, по той же програмѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ настоящемъ, 1878 году.

Гг. годовые подписчики получаютъ при первомъ нумерѣ премію, уже полученную Редакціею и состоящую изъ **олеографической картины.**

Втеченіе года будетъ выдана вторая художественная премія, тоже **олеографія**, а также **иллюстрированная литературная премія.** Кромѣ того Редакція разошлетъ своимъ подписчикамъ въ видѣ **четвертой** преміи **гравюру**, длиною 1 ар. 4 вер., шириною 13 верш. Гравюра эта составляетъ копію съ картины художника, имѣющаго міровую извѣстность. Гравюра вырѣзана на стали и такъ хороша, что, вставленная въ рамку, можетъ быть повѣшена въ любой гостинной.

Въ первыхъ нумерахъ будущаго, 1879 года, между прочими, появятся слѣдующія произведенія: «*Мужъ и жена*», романъ **А. Михайлова**; поэма **Омулевскаго**; «*Лѣсное Хозяйство*», статья **Н. В. Шелгунова**; «*Козелъ отпущенія*», повѣсть **Н. И. Северина**, *Сестра Милосердія*, романъ **Э.** и **Ж. Гонкуровъ**, въ переводѣ **П. Лѣтнева**, *Иза*, романъ **А. Бувье**; повѣсти **Н. Ф. Бажина** и **К. М. Станюковича**; *Правда о женщинахъ*, ст. **Н. И. Шульгина.** Изъ гравюръ, между прочимъ, будутъ помѣщены копіи съ картинъ: **Н. А. Богданова, Брюлова, Гуна, А. И. Мещерскаго И. Т. Михайлова** и **Шварца.**

Редакція намѣрена въ будущемъ году дать рядъ копій съ картинъ **русскихъ** художниковъ, а также біографіи и портреты замѣчательныхъ **русскихъ** дѣятелей изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ нашей общественной дѣятельности. Эти біографіи будутъ составляться подъ редакціей **А. К. Шеллера (А. Михайлова)** и **Н. И. Шульгина.** Въ 1 № будетъ помѣщенъ портретъ **М. Е. Салтыкова (Щедрина).**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ":

	На годъ.	На полгода.	На три мѣсяца.
Безъ пересылки....................	**6 р.**	**3 р. 50к.**	**1 р. 80 к.**
Съ пересылкою и доставкою........	**7 р.**	**4 р.**	**2 р.**

Подписка принимается: Въ Главной Конторѣ Журнала «**Живописное Обозрѣніе**» въ С.-Петербургѣ, Новый проспектъ, домъ № 20.

Открыта подписка на полученіе въ 1879 году.

(ТРЕТІЙ ГОДЪ).

ежемѣсячнаго научнаго и художественно-литературнаго журнала

„СВѢТЪ"

(ПРИ НОВОМЪ СОСТАВѢ РЕДАКЦІИ).

„**СВѢТЪ**" поставилъ себѣ не легкой задачей развивать въ обществѣ чувство человѣчности, общественности, — развивать знанія, проникнутыя и связанныя общими идеями — и, такимъ образомъ, расширить мало по малу міровоззрѣніе и человѣчное настроеніе общества. Для исполненія своей цѣли онъ имѣетъ два средства: 1) дѣйствовать на чувства общества и развивать въ нихъ тѣ гармоническія отношенія, которыя дастъ намъ искуство; 2) дѣйствовать на умъ общества и давать этому уму матеріалъ для мысли, по возможности, облегчая при этомъ его работу. Удовлетворяя этимъ двумъ сторонамъ развитія. „**СВѢТЪ**", по необходимости, долженъ быть научно-художественнымъ изданіемъ.

Въ немъ принимаютъ участіе извѣстные ученые, художники и беллетристы.

Въ прошедшемъ году были помѣщены, между прочими, слѣдующія, болѣе выдающіяся, статьи: «Физіологическій взглядъ на психологію», проф. Н. О. Ковалевскаго. «Физіологическое объясненіе нѣкоторыхъ элементовъ чувства красоты», Л. Е. Оболенскаго. «Спектральный анализъ и его приложенія», Н. Гезехуса. «Перелеты птицъ», М. Н. Богданова. «Борьба за существованіе», «Приспособляемость и цѣлесообразность», «Характеръ человѣческаго прогресса», «Воля человѣка и прогрессъ», «Трудъ и его стоимость» (экономическій этюдъ). «Общество и организмъ», «Двойственность общественныхъ явленій», «Наука и соціологія», «Мысль критическая и мысль наивная», «Основныя начала художественно - литературной критики» и мн. др. Въ отдѣлѣ критики и журнальнаго обозрѣнія, а также въ отдѣлѣ Современная жизнь и наука, печатались, между прочимъ, обзоры выдающихся произведеній нашей текущей журналистики (съ сентября), «Русская живопись на всемірную выставку». «Среда, подъ которой развивался Некрасовъ», «Наша интелигенція», «Наивность интелигенціи», «Причины паденія нашей литературы» и пр. Въ отдѣлѣ беллетристики: романъ А. Любовича «Прогрессъ», повѣсть Ю. Яковлевой «На чистый воздухъ», повѣсть М. И. Красова «На смѣну» (изъ жизни современной деревни), разсказы Л. Е. Оболенскаго: «Не вернется», «Мартынъ Семеновъ», «Пустоцвѣтъ» (въ стихахъ), «Плоты» (поэма), «Безъ свѣта» разсказъ Кота Мурлыки, и стихотворенія Н Курочкина, Я. Полоскаго, Чепы, Л. Е. Оболенскаго, Арсеньева, А. Круглова, П. Быкова и мн. др. Въ отдѣлѣ научныхъ новостей дано болѣе 50 отдѣльныхъ, цѣльныхъ статеекъ о новѣйшихъ научныхъ открытіяхъ.

Журналъ будетъ имѣть слѣдующія рубрики:

1) Передовыя статьи, указывающія основныя научныя воззрѣнія на природу, человѣка и общество.

2) Научныя и теоретическія статьи по частнымъ вопросамъ.

3) Основныя начала общественной науки.

4) Частные вопросы текущей жизни съ точки зрѣнія науки.

5) Критическія статьи и журнальное обозрѣніе, разработывающія проявленія нашей умственной, нравственной и художественной жизни и выясняющія ихъ основныя начала.

6) Беллетристика: романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, очерки.

7. Художественныя приложенія.

Въ 1879 году „**СВѢТЪ**" будетъ издаваться въ прежнемъ объемѣ, отъ 3-хъ до 6-ти листовъ ежемѣсячно, съ художественными приложеніями, выходящими не менѣе четырехъ разъ въ годъ. Приложенія эти будутъ состоять изъ офортовъ, цинкографій, альбертотиній, ксилографій, автографій. Кромѣ приложеній, въ форматѣ журнала будутъ даны:

ТРИ ПРЕМІИ

состоящія изъ большихъ гравюръ лучшихъ иностранныхъ художниковъ.

Въ видахъ большого распространенія журнала, назначается ему крайне умѣренная цѣна. За 12 выпусковъ въ годъ, со всѣми приложеніями

четыре рубля

безъ доставки, въ Москвѣ — четыре рубля пятьдесятъ коп.

За доставку въ Петербургѣ и Москвѣ прилагается 50 коп.

Для всѣхъ другихъ городовъ Россіи

пять рублей.

Эта подписная сумма можетъ быть разсрочена или даже уменьшена въ видахъ общедоступности изданія.

За пересылку премій прикладывается особо

одинъ рубль.

За эту цѣну каждая премія будетъ доставлена отдѣльной посылкой. Желающіе получать преміи всѣ вмѣстѣ прилагаютъ за пересылку:

пятьдесятъ копѣекъ.

Не приложившимъ этихъ пересылочныхъ денегъ, преміи будутъ посылаемы въ бандерольныхъ трубкахъ и за вѣрность ихъ доставки

редакція не отвѣчаетъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

для городскихъ подписчиковъ: въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени», Невскій просп., № 60; Я. А. Исакова, Невскій просп., Гостиный дворъ, № 24; Н. И. Мамонтова, Невскій просп., № 46, а въ Москвѣ — Кузнецкій мостъ. Гг. иногородные подписчики обращаются исключительно въ редакцію журнала: С.-Петербургъ, Университетъ, кв, 21, Профессору Николаю Петровичу Вагнеру.

Подписка на 1877 г. и 1878 г. продолжается и гг. подписчики получаютъ всѣ вышедшіе №№ съ приложеніями:

За 1877 г. три рубля безъ доставки, съ доставкою 3 р. 50 к.. съ пересылкою 4 р.

За 1878 г. четыре рубля безъ доставки, съ доставкою 4 р. 50 к., съ пересылкою 5 р., 1—3.

Объ изданіи въ 1879 году еженедѣльнаго журнала

„СЕЛЬСКОЕ ЧТЕНІЕ".

Названіе журнала указываетъ уже цѣль его — служить сельскому населенію. Мы думаемъ, что это населеніе нуждается въ чтеніи, изъ котораго оно могло бы извлекать свѣдѣнія, полезныя въ его быту и непосредственно приложимыя къ жизни, пріобрѣтать по разнымъ отраслямъ наукъ познанія, необходимыя для болѣе полнаго уразумѣнія явленій природы, среди которой оно живетъ и, наконецъ, узнавать своевременно хотя о главнѣйшихъ событіяхъ внутренней и внѣшней жизни нашего отечества и сосѣднихъ государствъ. За тѣмъ, сельское населеніе, наравнѣ съ городскимъ, нуждается въ чтеніи, которое удовлетворяло бы его духовнымъ потребностямъ, то есть потребностямъ ума, воображенія и сердца.

Сообразно такому взгляду на потребности сельскаго населенія, въ содержаніе журнала «**Сельское Чтеніе**» входятъ: правительственныя распоряженія; статьи духовнаго и нравственнаго содержанія; извѣстія о внутренней жизни Россіи; земская лѣтопись; статьи научныя по сельскому хозяйству, врачеванію и промысламъ; краткіе обзоры главнѣйшихъ текущихъ событій какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ; извѣстія о новыхъ полезныхъ книгахъ различнаго содержанія, о новыхъ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ и проч. Понятно, что въ каждомъ нумерѣ не можетъ быть статей по всѣмъ указаннымъ предметамъ, — перечень этотъ выражаетъ лишь общее содержаніе журнала. Въ каждомъ отдѣльномъ нумерѣ бываетъ одна статья по какому-либо вопросу внутренней жизни, одна или двѣ статьи техническія, иногда статья религіознаго содержанія, на тѣмъ извѣстія внутреннія, политическое обозрѣніе, политическія, или историко-политическія статьи. Въ такомъ своемъ видѣ, выработанномъ по указаніямъ опыта «Сельское Чтеніе» сообщая каждую недѣлю всѣ важнѣйшія извѣстія, можетъ замѣнить сельскому жителю газету и доставить ему много полезныхъ свѣдѣній, приложимыхъ къ практической жизни.

Мы приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы внѣшность «Сельскаго Чтенія» была вполнѣ изящная въ отношеніи бумаги, печати и рисунковъ къ научнымъ статьямъ.

«Сельское Чтеніе» выходитъ каждую недѣлю, кромѣ праздниковъ Рождества Христова и Св. Пасхи, такъ что въ теченіи года выйдетъ 48 нумеровъ; каждый нумеръ будетъ состоять изъ 16 страницъ въ два столбца.

Считаемъ долгомъ присовокупить, что Ученый Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, разсмотрѣвъ наше изданіе, одобрилъ «Сельское Чтеніе» для библіотекъ начальныхъ народныхъ училищъ и учительскихъ семинарій.

Подписная цѣна на «Сельское чтеніе»:

	На годъ	На $1/2$ года	На 3 мѣсяца
Безъ пересылки..	3 руб.	2 р. —	1 р. 25 коп.
Съ пересылкою...	4 »	2 » 50 коп.	1 » 50 »

Отдѣльные нумера «Сельскаго Чтенія» продаются по 10 к. и высылаются по почтѣ, если при требованіи приложены почтовыя марки на 16 коп.

Подписка на «Сельское Чтеніе» принимается:

Въ Петербургѣ въ книжн. маг. «Русская книжная торговля»: Невскій, противъ гостинаго двора, домъ № 42.

Въ Москвѣ: Въ книжн. маг. И. И. Смирнова, Моховая, въ зданіи Университета.

Въ Вильнѣ: Въ конторѣ «**Сельскаго Чтенія**».

Гг. иногородные подписчики благоволятъ обращаться исключительно въ Вильну, надписывая свои письма: *въ Вильну, Сергѣю Андреевичу Полю.* 1—4.

О ПОДПИСКѢ НА **1879** ГОДЪ НА

„ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ"

Большой иллюстрированный журналъ

съ разными безплатными приложеніями.

Съ 1-го января 1879 г. журналъ **„Всемірная Иллюстрація"** начнетъ XI годъ, (т. е. Томы XXI и XXII) своего существованія и будетъ выходить также аккуратно, какъ и въ прошлые года, еженедѣльно (т. е. 52 нумера въ годъ), въ увеличенномъ форматѣ большаго двойнаго листа самой лучшей бумаги, и каждый нумеръ будетъ заключать въ себѣ 16—24 страницъ, изъ которыхъ половина будетъ наполнена роскошными рисунками изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

„Всемірная Иллюстрація", благодаря своей аккуратности и строгому выполненію программы, пріобрѣла втеченіи десятилѣтняго своего существованія заслуженную репутацію и, служа вѣрнымъ отраженіемъ жизни, какъ русской, такъ и иностранной, соперничаетъ съ лучшими иллюстрированными и литературными журналами въ свѣтѣ.

Неограничиваясь достигнутыми результатами, Редакція «Всемірной Иллюстраціи» стремится къ улучшенію своего изданія, сообразуясь съ желаніями подписчиковъ, не останавливается передъ расходами и всегда даетъ больше, чѣмъ обѣщала.

Убѣжденная, что втеченіи своей дѣятельности она достаточно заявила себя. Редакція считаетъ излишними всѣ пышныя рекламы и ограничивается только обѣщаніемъ, что употребитъ всѣ усилія, чтобъ оправдать возрастающее къ ней ежегодно довѣріе публики.

Цѣна годовому изданію **„Всемірной Иллюстраціи"** на 1879 г.:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ.... 13 р. — к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.... 14 р. 50 к.
Безъ доставки въ Москвѣ.......... 14 » — »
Съ пересылкою въ другіе города... 16 » — »

«ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ»

представляетъ политическія событія, войну изящныя искусства, исторію, изящную словесность, географію, путешествія, естественную исторію, технологію, промышленность, морское и военное искусства, и пр, и пр.; однимъ словомъ: цивилизацію, нравы и обычаи народовъ въ картинахъ

Каждый томъ "ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ» представляетъ собою

РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ

до 500 печатн. страницъ, съ 300—400 рисунками, и есть необходимое дополненіе каждой хорошей библіотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній каждой гостинной.

ПОКРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА

„Всемірной Иллюстраціи",

изъ англ. каленкора, съ золотыми тисненіями по рисунку художника К. Брожа. Цѣна покрышки для переплета на каждый томъ: безъ пересылки **1** р. **75** к, съ пересылкою **2** р. **50** к.

Цѣна первыхъ 18 томовъ „Всемірной Иллюстраціи":

1869 г. (томы I и II) **10** р. безъ перес., въ англ. каленкор. перепл. **14** р.; 1870 г. (т. III и IV), 1871 г. (т. V и VI), 1872 г. (т. VII и VIII) и 1873 г. (т. IX и X)—по **8** р. безъ пересылки; каждый годъ. Въ англ, тисненн. золотомъ переплетахъ, каждый годъ стоитъ по **12** р. безъ пересылки. 1874 (т. XI и XII), 1875 (т. XII и XIV), 1876 (т. XV и XVI) и 1877 г. (т. XVII и XVIII) (безъ приложеній)—по **9** р. безъ перес., каждый годъ.

Въ переплетахъ безъ перес. по **13** р

На пересылку каждаго года слѣдуетъ прилагать 3 руб. сер.

Главная контора Редакціи **„Всемірной Иллюстраціи"** въ С.-Петербургѣ, Бол. Садовая, д. № 16.

Редакторъ-Издатель «Всемірной Иллюстраціи» **Германъ Гоппе.** 1—3.

О ПОДПИСКѢ НА

ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ „ТЕЛЕГРАФЪ" 1879 Г.

«Телеграфъ» будетъ выходить въ 1879 году по прежнему ежедневно, за исключеніемъ дней, слѣдующихъ за табельными праздниками, но въ случаѣ полученія важныхъ новостей имѣютъ и въ эти дни выходить особыя прибавленія. По понедѣльникамъ (кромѣ слѣдующихъ за табельными праздниками или за двумя праздничными днями) будетъ издаваться полный листъ или полулистъ газеты, но безъ передовыхъ статей.

«Телеграфъ» — политическая, литературная и общественная ежедневная газета—самая дешевая изъ всѣхъ существующихъ нынѣ ежедневныхъ газетъ въ Россіи, издается безъ предварительной цензуры.

Дешевизна, общедоступность, полнота, отзывчивость ко всѣму интересующему общество — вотъ главныя цѣли, къ которымъ стремится газета «Телеграфъ». Немногіе имѣютъ возможность платить дорого за газету, не у всѣхъ досугъ прочитывать длинные столбцы большихъ изданій; но всѣ, отъ столичнаго до провинціальнаго и деревенскаго жителя, желаютъ внимательно слѣдить за явленіями общественной и государственной жизни; всѣ желаютъ найти отголосокъ своимъ взглядамъ и желаніямъ и жить общею жизнію съ отечествомъ. Такихъ читателей, редакція исключительно имѣетъ въ виду; для нихъ она трудится, и труды ея уже увѣнчались успѣхомъ. Въ теченіи перваго года число подписчиковъ на газету «Телеграфъ» превзошло 10,000, такъ, что газетѣ пришлось обзавестись собственною типографіею, вполнѣ обезпечивающею отнынѣ исправную доставку газеты.

«Телеграфъ» выходитъ въ большомъ форматѣ въ пять газетныхъ столбцовъ четкаго и убористаго шрифта.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ въ главной конторѣ газеты «Телеграфъ», на Большой Конюшенной, д. № 15, Языковой, кв. № 22.

Подписная цѣна на газету «Телеграфъ» съ доставкою ея на домъ въ Петербургѣ и съ пересылкою иногороднымъ въ 1879 году слѣдующая:

На 12 м. 6 р., на 11 м. 5 р. 50 к., на 10 м. 5 р., на 9 м. 4 р. 75 к., на 8 м. 4 р. 25 к., на 7 м. 4 р, на 6 м. 3 р. 50 к., на 5 м. 3 р., на 4 м. 2 р. 50 к., на 3 м. 2 р., на 2 м. 1 р. 50 к, на 1 м. 75 к.

Подписка принимается на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна за-границею вдвое противъ означенныхъ выше цѣнъ.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: для служащихъ, по третямъ, чрезъ ихъ казначеевъ; не служащіе же могутъ обращаться съ своими заявленіями въ главную контору редакціи.

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ за годовой экземпляръ съ пересылкою и доставкою, присылаютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при самой подпискѣ 2 р. 50 к., въ началѣ марта 2 р. и въ началѣ августа 1 р. 50 к. Нарушившіе который-либо изъ означенныхъ сроковъ лишаются права на разсрочку.

Редакція проситъ иногородныхъ присылать адреса четко написанные, съ обозначеніемъ ближайшей почтовой станціи, въ которой раздаются газеты подписчикамъ, а при перемѣнѣ адреса прилагать двѣ 8-ми коп. марки, а также сообщать свой старый адресъ, безъ чего не можетъ быть сдѣлана своевременная пересылка.

Издатель и редакторъ **К. Трубниковъ.** 1—2.

ПОДПИСКА НА

„МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ"

1879 ГОДА.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

«Модный магазинъ» будетъ выходить въ 1879 году, по прежнему, въ количествѣ 48-ми нумеровъ въ годъ, по четыре нумера въ мѣсяцъ (два модныхъ и два литературныхъ), 1-го и 15-го числа.

Годовое изданіе заключаетъ въ себѣ:

== 24 техническіе нумера, съ 2000 политипажныхъ рисунковъ новѣйшихъ парижскихъ туалетовъ, женскаго, дѣтскаго и мужскаго бѣлья, шляпъ, причесокъ, обуви, канвовыхъ, тамбурныхъ и другихъ узоровъ, и множества разнородныхъ женскихъ работъ, съ объяснительнымъ текстомъ.

== 24 парижскія модныя раскрашенныя гравюры.

== 24 вырѣзныя выкройки въ цѣлый ростъ: платьевъ, тюниковъ, шубокъ, пальто, мантилій и пр.

== 12 большихъ листовъ, съ 300 выкроекъ всевозможныхъ предметовъ, входящихъ въ составъ дѣтскаго и женскаго гардероба; мѣтки, вензеля, узоры для суташи, глади, application и пр. Всѣ выкройки будутъ относиться къ рисункамъ въ текстѣ.

== 24 литературные нумера, которые въ концѣ года составятъ великолѣпный иллюстрированный волюмъ, въ 24 печатныхъ листа, избранной литературы для семейнаго чтенія.

Въ 1879 году число политипажей и печатныхъ выкроекъ будетъ значительно увеличено, причемъ редакція обратитъ особенное вниманіе на то, чтобы помѣщаемые въ «Модномъ Магазинѣ» туалеты были настолько же изящны, насколько практичны и доступны для небогатыхъ людей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ, съ 1 января: въ С.-Петербургѣ,
безъ доставки.................. 6 р. — к.
съ доставкою.................. 8 » — »
На полгода, съ 1 января и 1 іюля:
безъ доставки.................. 3 » 50 »
съ доставкою и пересылкою......... 4 » 50 »

Подписка принимается въ конторѣ редакціи «Моднаго Магазина», въ Спб., уголъ Колокольной и Дмитровскаго пер. № 4—17, кв. 5.

NB. Подписчики на 1879 годъ, выславшіе деньги до 1 января, получатъ безплатную премію: листъ оригинальныхъ узоровъ для вышиванія русскихъ костюмовъ.

Редакторъ-издательница **С. Г. Мей.** 1—4.

О ПОДПИСКѢ НА **1879** ГОДЪ НА

„МОДНЫЙ СВѢТЪ",

самый полный и дешевый модный и семейный журналъ въ Россіи.

Съ 1-го января 1879 года **„МОДНЫЙ СВѢТЪ"** начнетъ XII годъ своего существованія и будетъ издаваться съ прежнею со стороны издателя заботливостью о наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ **„МОДНЫЙ СВѢТЪ"** въ 1879 году будетъ выходить также въ двухъ изданіяхъ, въ количествѣ 48 нумеровъ въ годъ, т. е. четыре нумера въ мѣсяцъ (два модныхъ и два литературныхъ), и будетъ заключать въ себѣ втеченіи года:

Болѣе 2,000 политипажныхъ рисунковъ модъ и рукодѣлій въ текстѣ.

Рисунки канвовыхъ и тамбурныхъ работъ.

Рисунки и выкройки бѣлья мужскаго, дамскаго и дѣтскаго.

Раскрашенные рисунки канвовыхъ, тамбурныхъ и друг. работъ. Рисунки въ русскомъ вкусѣ.

Болѣе 300 выкроекъ на 12-ти большихъ листахъ.

24 вырѣзныхъ выкройки въ натуральную величину.

24 (или 12 для 1 изданія) модныхъ раскрашенныхъ парижскихъ картинъ, исполненныхъ лучшими иностранными художниками.

Новѣйшія музыкальныя пьесы (ноты) любимыхъ композиторовъ.

Коллекцію рисунковъ: изъ семейной жизни, модъ стараго времени, характерныхъ костюмовъ для маскарадовъ, портреты, типы и проч.

Новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фельетоны, стихотворенія, анекдоты, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.

Разныя отдѣльныя безплатныя приложенія, и «Почтовый ящикъ» съ самыми разнообразными и полезными совѣтами.

Журналъ **„МОДНЫЙ СВѢТЪ"** имѣетъ гораздо болѣе подписчиковъ, чѣмъ всѣ модные журналы, издающіеся въ Россіи, въ совокупности.

Цѣна годовому изданію «МОДНАГО СВѢТА» на 1879 г.:

І-му изданію, съ 12 раскрашенн. парижск. картинами и всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ доставки—**4** р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—**5** р. **50** к.; съ пересылкою во всѣ города Россійск. Имперіи **6** руб.

ІІ-му изданію, съ 24 раскрашенн. парижск. картинами и всѣми приложеніями; въ С.-Петербургѣ безъ доставки—**5** р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—**6** р. **50** к.; съ пересылкою во всѣ города Россійск. Имперіи **7** р.

Въ Москвѣ цѣна безъ доставки: І-му изданію 5 руб, ІІ му изданію 6 р. 50 коп; съ пересылкою: І-му изданію 6 р., ІІ-му изданію—7 руб.

Издатель «Моднаго Свѣта» **Германъ Гоппе.**

Главная контора Редакціи «МОДНАГО СВѢТА» находится въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой улицѣ, домъ Коровина, № 16. 1—3.

„ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ".

педагогическій листокъ для родителей, наставницъ и наставниковъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1879 ГОДЪ

(4-й годъ изданія).

Въ 1879 году журналъ «Женское Образованіе» будетъ преслѣдовать тѣ же цѣли, какъ и въ первые три года своего существованія.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться, кромѣ правительственныхъ распоряженій и оффиціальныхъ свѣдѣній, статьи, касающіяся исторіи женскаго образованія за границей и у насъ, состоянія его въ настоящее время, оцѣнки различныхъ взглядовъ на него и т. п., психологическіе очерки, замѣтки и наблюденія, могущія послужить основою для выработки вѣрныхъ взглядовъ на дѣтскую натуру и пріемовъ воспитанія и обученія; спеціально педагогическія статьи (методы и пріемы преподаванія, «образцовые уроки» и пр.) Кромѣ того, будутъ рубрики: а) обзоръ иностранной педагогической литературы, b) хроника и с) библіографія (разборъ педагогическихъ сочиненій, учебниковъ и дѣтскихъ книгъ). Всѣ книги для дѣтей, выходящія у насъ, будутъ своевременно разобраны.

Журналъ будетъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца (за исключеніемъ іюня и іюля), книжками около четырехъ печатныхъ листовъ. Кромѣ того, будетъ дано въ концѣ года приложеніе для дѣтей (разсказы изъ Русской исторіи съ гравюрами). Всего съ приложеніемъ журналъ будетъ заключать болѣе 50 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годъ, т. е. за 10 №№ и приложеніе: 2 р. 50 к.; съ доставкою 3 р.; съ пересылкой (иногороднымъ) 3 р. 50 к.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи (Васильевскій островъ, 9-я линія, д. № 6), въ помѣщеніи женской гимназіи; а также во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ въ Петербургѣ. Иногородныхъ подписчиковъ редакція проситъ адресоваться непосредственно въ главную контору редакціи.

Редакторъ-издатель **В. Сиповскій.**

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА,

за 1877 годъ.

Содержаніе: 1) Изъ путешествія по Китаю — д-ра **Пясецкаго.** 2) Черногорія, Боснія и Герцоговина — **Е. Свѣшниковой.** 3) Лютеръ — **Я. Гуровича.** 4) Поэтическія преданія сербовъ о паденіи ихъ царства — **А. Степовича.** 5) Дѣтство Линнея. 6) Дѣтство Диккенса — **М. Артемьевой,** и друг.

Цѣна 80 к., съ пересылкой 1 р. — Продается во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ. — Иногородныхъ просятъ обращаться въ главный складъ, въ редакцію «Женскаго Образованія» (Спб., Васильевскій островъ, 9-я линія, д. № 22).

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА,

1879 года.

Содержаніе: 1) Магометанство и арабы — **Ѳ. Булгакова.** 2) Константинополь — **В. Новикова.** 3) Микель Анджело (съ двумя гравюрами) — **А. Прахова.** 4) Александръ I (нѣкоторыя черты изъ жизни) съ портретомъ. 5) Три казацкія думы въ турецкой неволѣ — **А. Степовича.** 6) Изъ путешествія по Черногоріи. (Статьи эти были напечатаны въ приложеніи къ журналу «Женское Образованіе» за 1877 годъ).

Цѣна 1 р. На пересылку прилагается 10-ти копечная марка. Иногородныхъ просятъ обращаться въ главный складъ, въ редакцію «Женскаго Образованія», Спб., Васильевскій островъ, 9-я линія, д. № 22. Продается во всѣхъ главнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ. 1—3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА САМУЮ ДЕШЕВУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ

ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„НОВОСТИ"

на 1879 годъ.

Газета **„Новости"** выходитъ **безъ предварительной цензуры** ежедневно, не исключая понедѣльниковъ, полными нумерами, а въ дни, слѣдующіе за табельными праздниками, въ видѣ прибавленій или телеграфныхъ бюллетеней.

Газета «Новости», по подписной цѣнѣ, **на половину дешевле всѣхъ большихъ ежедневныхъ газетъ,** а по разнообразію, полнотѣ и свѣжести содержанія, стоитъ на одномъ уровнѣ съ ними, въ чемъ можетъ убѣдиться каждый читатель, сравнивъ содержаніе любаго нумера «Новостей» съ нумерами другихъ газетъ, вышедшими въ одинъ и тотъ же день.

Что касается литературнаго отдѣла газеты, то редакція успѣла уже до первой половины сентября помѣстить въ газетѣ болѣе пятидесяти большихъ беллетристическихъ и публицистическихъ произведеній наиболѣе популярныхъ и серьезныхъ, русскихъ и иностранныхъ писателей. Вотъ названія главнѣйшихъ сочиненій: "Барбаруссa», ром. П. Гейзе. — «Трубачъ голубыхъ гусаровъ», Эркмана-Шатріана. — «Тысяча одна брачная ночь», нѣсколько разсказовъ Катреля — «Тактика маркиза», разск. Уида. — «Исторія преступленія», В. Гюго. — «Блудный сынъ, I. I. Крашевскаго (еще печатается). — «Банкиръ воровъ», романъ де-Лонея. — «Романъ княгини», Поля Бонно. — «Отравительница», разсказъ. — «Открытъ!», разск. — «Драматическій эпизодъ изъ исторіи Ватикана». — «Не стая вороновъ слеталась», ориг. очеркъ. — «Среди милостивыхъ государей», оригинальный очеркъ. — «Подъ шумъ войны», ориг. романъ изъ петербургскихъ нравовъ. — «Среди марчоновъ», оч. Пашино. — «Изъ области преступленій», ориг. разск. — «Передъ подпиской», ориг. очеркъ. — «Кавалеръ на часъ», ориг. разсказъ. — «Въ пріемномъ покоѣ», ориг. сцены. — «Букетъ изъ плѣнныхъ турокъ», ор. очеркъ Пашино. — «Осада Индѣйцевъ», разсказъ. — «Воспоминаніе о королѣ Викторѣ-Эммануилѣ», Пашино. — «Невидимые когти», ориг. разск. — «Набобъ», разск. Додэ. — «Семидесятилѣтняя годовщина Чарльза Дарвина». — «На спиритическомъ сеансѣ у Слэда», ориг. очеркъ. — «Что я видѣлъ и слышалъ у мистера Слэда», ориг. очеркъ. — «Возможенъ ли походъ въ Индію?», Пашино. — «Генри Стэнли», очеркъ. — «Возвращеніе Стэнли», очеркъ. — «59-я годовщина с.-петербургск университета». — «Умственное движеніе во Франціи». — «Очеркъ дѣятельности академика Бэра». — «Суевѣрія, какъ источникъ преступленій», очеркъ. — «Практическій взглядъ на предстоящую тюремную реформу. — «Культъ усопшихъ», ст. Литрова. — «Мужичій поэтъ» (характеристика Некрасова). — «Статьи Леруа-Болье и Петтенкофера. — «Походныя письма сестры милосердія» (8 пис.). — «Еще по поводу дѣятельности славянскаго общества». — «Письма о парижской выставкѣ». — «Первая любовь Нодье», разсказъ Пола Февалѧ. — «Семейныя драмы», рядъ романовъ Монтепена. — «Около чужихъ милліоновъ», ориг. очеркъ. — «Дневникъ молодой женщины», романъ Октава Фелье. — «Розовое домино», романъ Бувье (печатается). — «Интригантка», романъ Г. Яковлева (печатается). — «Уголовно-интендантскія мемуары». — «Историческій очеркъ нашихъ сношеній съ Китаемъ» по непереведеннымъ китайскимъ документамъ. — «Ядовитая трава», разск., перев. съ китайскаго. — «Мелочи архіерейской жизни», рядъ очерковъ Лѣскова — Стебницкаго (печатается). — «М. М. Антакольскій, біогр. оч. Л Леванда, и т. д. Кромѣ того, рядомъ съ помѣщаемыми въ газетѣ оригинальными и переводными произведеніями извѣстныхъ писателей, Редакція знакомитъ читателей, посредствомъ компиляцій и извлеченій, съ наиболѣе выдающимися произведеніями нашей журнальной и книжной литературы.

Изъ всего изложеннаго здѣсь читатели могутъ убѣдиться въ томъ, что, при относительно крайне дешевой подписной цѣнѣ, газета **„Новости"** даетъ самое разнообразное чтеніе, удовлетворяющее требованіямъ всѣхъ сословій и классовъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ образованности.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ: на 1 г. 8 р., на 11 м. 7 р. 50 к., на 10 м. 7 р., на 9 м. 6 р. 50 к., на 8 м. 6 р., на 7 м. 5 р. 50 к, на 6 м. 5 р, на 5 м. 4 р. 50 к., на 4 м. 3 р. 80 к, на 3 м. 3 р., на 2 м. 2 р., на 1 м. 1 р.

Съ пересылкою: на 1 г. 9 р., на 11 м. 8 р. 25 к., на 10 м. 7 р. 50 к., на 9 м. 7 р., на 8 м. 6 р. 50 к, на 7 м. 5 р. 75 к., на 6 м. 5 р., на 5 м. 4 р. 50 к., на 4 м. 4 р., на 3 м. 3 р., на 2 м. 2 р., на 1 м. 1 р.

Подписывающіеся сразу на всѣ послѣдніе мѣсяцы 1878 г. и на весь 1879 годъ платятъ за время съ 1-го сентября 1878 г. по 31-е декабря 1879 г., т. е. **за 16 мѣсяцевъ, всего 12 р. 50 к.,** съ 1-го октября 1878 года по 31-е декабря 1879 г., т. е. **за 15 мѣсяцевъ — 11 р. 50 к.,** съ 1-го ноября — 10 р. 50 к., и съ 1-го декабря — 9 р. 75 к.

Разсрочка платежа допускается чрезъ посредство казначеевъ или по соглашенію съ конторою редакціи.

Письма и деньги адресуются: *въ Петербургъ, въ редакцію газеты «НОВОСТИ».* 1—6.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ИЗВѢСТІЙ И УЧЕНЫХЪ ЗАПИСОКЪ"

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

въ 1879 году.

«ИЗВѢСТІЯ» и «УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ» Казанскаго Университета выходятъ шесть разъ въ годъ, начиная съ января мѣсяца, выпусками, содержащими въ себѣ до 15 и болѣе листовъ. По окончаніи года каждое изданіе составитъ отдѣльный томъ, до сорока листовъ съ особымъ заглавіемъ.

«Извѣстія» представляютъ собою оффиціальную исторію Университета, протоколы совѣтскихъ засѣданій, мнѣнія о диссертаціяхъ на ученыя степени, отчеты, программы курсовъ, замѣтки, касающіяся университетской жизни. — «Ученыя Записки» — труды казанскихъ профессоровъ по наукамъ историческимъ, филологическимъ, математическимъ, естественнымъ, юридическимъ и медицинскимъ, магистерскія и докторскія диссертаціи, пробныя и вступительныя лекціи, документы и неизданные памятники, отчеты факультетскихъ клиникъ и лабораторій и критико-библіографическій отдѣлъ, составляемый спеціалистами.

Подписная цѣна за оба изданія шесть рублей съ пересылкою. Студенты Казанскаго Университета платятъ за годовое изданіе два руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ недопускается.

Заявленіе объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ Редакціи «Извѣстій» и «Ученыхъ Записокъ» Казанскаго Университета.

Подписка принимается въ редакціи «Извѣстій» и «Ученыхъ Записокъ» Казанскаго Университета, а также въ книжномъ магазинѣ Дубровина въ Казани.

Подъ редакціей А. Осипова. 1—4.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„РУССКУЮ ПРАВДУ"

1879 года.

Газета «Русская Правда» въ будущемъ году будетъ выходить, какъ и нынѣ, ежедневно, листами большаго формата; въ случаѣ надобности, редакція будетъ выпускать полтора листа, вмѣсто одного, какъ это дѣлаютъ всѣ большія газеты. Направленіе остается прежнее. Во всѣхъ отдѣлахъ произведены будутъ значительныя дополненія и улучшенія. Внутренній отдѣлъ будетъ значительно расширенъ, согласно указанію опыта и заявленному желанію публики. Редакція постарается постоянно давать въ газетѣ статьи для легкаго чтенія, т. е. разсказы, повѣсти и стихотворенія.

Подписка открыта въ С.-Петербургѣ — въ главной конторѣ газеты (Невскій пр., № 44, противъ Гостиннаго двора). — Иногородные адресуютъ письма и деньги! Спб — газетѣ «Русская Правда». — Редакція отвѣчаетъ за вѣрную доставку газеты лишь передъ тѣми лицами, которыя подпишутся по этому адресу. — Просятъ заблаговременно подписываться; поздняя подписка можетъ быть причиною несвоевременной высылки газеты. — Просятъ подписчиковъ писать четко свой адресъ и адресовать газету на тѣ ближайшія станціи, гдѣ есть почтовыя учрежденія. — Подписываться можно не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: для служащихъ — по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ; неслужащіе же могутъ обращаться съ своими заявленіями въ С.-Петербургѣ — въ главную контору «Русской Правды» (Невскій пр., № 44).

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ, за годовой экземпляръ съ пересылкою, доставляютъ деньги: при самой подпискѣ 7 р., въ концѣ марта 7 р. и въ началѣ августа 3 р.; съ доставкой въ Петербургѣ — уплачивать при самой подпискѣ 5 р. 50 к., въ концѣ марта 5 р. 50 к. и въ концѣ іюня 5 р.; безъ доставки — уплачиваютъ конторѣ при подпискѣ 5 р., въ концѣ марта 5 р. и въ началѣ іюля 4 р. 50 к.

Подписная цѣна въ Россіи:

На годъ, съ	Безъ доставки.	Съ доставкою.	Съ пересылкою.
1-го января	14 р. 50 к.	16 р. — к.	17 р. — к.
На 11 мѣсяцевъ	14 » — »	15 » — »	16 » — »
» 10 »	12 » — »	14 » — »	15 » — »
» 9 »	11 » — »	13 » — »	14 » — »
» 8 »	10 » — »	11 » — »	13 » — »
» 7 »	9 » — »	10 » — »	12 » — »
» 6 »	8 » — »	9 » — »	10 » — »
» 5 »	7 » — »	8 » — »	9 » — »
» 4 »	5 » 50 »	6 » — »	7 » 50 »
» 3 »	4 » 50 »	5 » — »	6 » — »
» 2 »	3 » — »	3 » 50 »	4 » — »
» 1 »	1 » 50 »	1 » 80 »	2 » — »

Подписная цѣна заграницею, съ пересылкою. (въ рубляхъ).

	Въ Европу, Сѣверн. Амер и Египетъ.	Въ Китай, Индію и Японію.
На годъ	26	47
» 9 мѣсяцевъ	21	38
» 6 »	14	25
» 3 »	8	15
» 2 »	6	11
» 1 »	3	6

Съ 1879 года, газета «Русская Правда» уже не будетъ разсылаться безплатно никому изъ подписчиковъ прекратившихся газетъ. Редакція еще разъ заявляетъ, что не приняла на себя никакихъ дальнѣйшихъ обязательствъ въ этомъ отношеніи.

Редакторъ-издатель **Дмитрій Гирсъ.** 1—3.

БУДИЛЬНИКЪ.

☞ Подписка на 1879 годъ. ☜

(Пятнадцатый годъ изданія.)

Въ 1879 году «Будильникъ» будетъ выходить въ прежнемъ направленіи и по прежней программѣ:

I. Обозрѣніе политической жизни иностранныхъ государствъ въ юмористическихъ очеркахъ, разсказахъ, стихотвореніяхъ, каррикатурахъ и проч.

II. Юмористическая лѣтопись современныхъ событій вообще. Провинціальная хроника. Нравоописательныя корреспонденціи изъ провинціи.

III. Московская жизнь. Петербургскій фельетонъ.

IV. Литературная лѣтопись. Журнальные и газетные курьезы. Статьи полемическія.

V. Повѣсти, разсказы, драматическія сцены, бытовые очерки, стихотворенія.

VI. Новости, слухи, анекдоты, памфлеты, юмористическія стихотворенія и т. д.

VII. Каррикатуры.

VIII. Рекламы и объявленія.

«Будильникъ» будетъ выходить еженедѣльно (50 нумеровъ въ годъ), въ объемѣ отъ 2-хъ до $2^1/_2$ листовъ, что составитъ за годъ большой томъ, въ 700 страницъ слишкомъ, изъ которыхъ 100 заняты хромолитографіями, остальныя—текстомъ. Въ концѣ года подписчики получаютъ указатель статей и художественно исполненную обертку. Каждый новый годовой подписчикъ получаетъ журналъ—съ перваго нумера того года, на который принята подписка.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

12 мѣсяцевъ.	р. к.	6 мѣсяцевъ.	р. к.
Съ перес. въ города	7 50	Съ пересылкою . . .	4 50
Съ дост. въ Москвѣ	7 —	Съ доставкою	4 —
Безъ доставки	6 —	Безъ доставки	3 50

За своевременную высылку журнала, контора редакціи отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если подписка заявлена **заблаговременно.** Деньги высылаются **на имя издательницы.** Подписчикамъ, недославшимъ денегъ, не будутъ досланы въ концѣ года, по разсчету, послѣдніе №№ журнала. Контора покорнѣйше проситъ высылать доли рубля монетою, а не почтовыми марками. Жалобы на неаккуратное полученіе журнала заявляются—не позже, какъ **въ теченіе мѣсяца** отъ первой неисправной получки нумера.

За перемѣну адреса (бандероли) контора взимаетъ 20 коп.

Кромѣ главной конторы редакціи (Москва, большая Никитская, д. Кохановской), подписка на «Будильникъ» принимается:

1) **въ Москвѣ**—у главныхъ книгопродавцевъ; 2) **въ провинціи**—во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и 3) **въ Парижѣ**—въ главной конторѣ Общества Гаваса, Лафитта и Комп. (Place de la Bourse, № 8), гдѣ открытъ **исключительный** пріемъ рекламъ и объявленій изъ Франціи для помѣщенія въ «Будильникѣ».

У Н. А. Мейера (Москва, Моросейка, д. Леонова)—исключительный пріемъ рекламъ и объявленій изъ Россіи. 1—4

ИЗДАНІЕ ПРИДВОРНАГО Е. И. В. КНИГОПРОДАВЦА К. К. РЕТГЕРА

ПОДЪ ФИРМОЮ ШМИЦДОРФЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1879 ГОДЪ.

НА

САМЫЙ ПОЛНЫЙ И САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ

ДАМСКІЙ МОДНЫЙ И ИЛЛЮСТРИРОВАННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

„НОВЫЙ РУССКІЙ БАЗАРЪ".

Честь имѣю заявить, что съ настоящаго времени, право на изданіе моднаго журнала «**Новый Русскій Базаръ**» перешло ко мнѣ въ полную мою собственность. Доводя объ этомъ до свѣденія многоуважаемыхъ гг. подписчиковъ, я не нахожу нужнымъ прибѣгать къ многообѣщающей рекламѣ. Извѣстность моей фирмы, существующей уже болѣе пятидесяти лѣтъ, и лестное довѣріе къ ней,не только въ Петербургѣ, но и повсюду въ Россіи, могутъ служить самымъ лучшимъ ручательствомъ въ томъ, что дѣло изданія пойдетъ впредь добросовѣстно и аккуратно.

Принявъ всѣ мѣры, чтобы журналъ «Новый Русскій Базаръ» отличался изяществомъ, полнотою и разнообразіемъ какъ въ техническомъ, такъ и въ литературномъ отношеніяхъ, я вполнѣ увѣренъ, что журналъ этотъ, — издаваемый съ сего времени, одной изъ извѣстнѣйшихъ и старѣйшихъ фирмъ (Шмицдорфъ), — пріобрѣтетъ здѣсь, въ Россіи, такое же заслуженное вниманіе почтенной публики, какимъ давно уже пользуется онъ повсюду заграницей, печатаясь на двѣнадцати языкахъ и расходясь въ количествѣ болѣе полмилліона экземпляровъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ.		На полгода.	
Въ С.-Петербургѣ:	р.	Въ С.-Петербургѣ:	р. к.
безъ доставки	6	безъ доставки	3 50
съ доставкою	7	съ доставкою	4 —
Въ Москвѣ:		Въ Москвѣ:	
безъ доставки	7	безъ доставки	4 —
съ доставкою	8	съ доставкою	4 50
съ пересылкою во всѣ города Россіи	8	съ пересылкою во всѣ города Россіи	4 50

Журналъ «**Новый Русскій Базаръ**» въ 1879 году будетъ выходить въ количествѣ 48 нумеровъ въ годъ, т. е. четыре нумера въ мѣсяцъ, въ самомъ большомъ форматѣ (in-folio), (два модныхъ и два литературныхъ) и будетъ заключать въ себѣ въ теченіе года:

ВЪ МОДНЫХЪ НУМЕРАХЪ:

== Около 3,000 рисунковъ парижскихъ модъ, нарядовъ (дамскихъ и дѣтскихъ), и рукодѣлій.
== Значительное количество изящныхъ узоровъ по канвѣ, атласу, кожѣ, шелками и бисеромъ.
== Выкройки, рисунки и мѣтки бѣлья: дамскаго, мужского и дѣтскаго.
== До 800 выкроекъ въ натуральную величину на 24 большихъ листахъ.
== 12 изящно раскрашенныхъ парижскихъ модныхъ картинокъ, работы извѣстнѣйшихъ французскихъ художниковъ.
== 24 вырѣзныя выкройки въ натуральную величину.
== Текстъ, то есть самое подробное описаніе всѣхъ работъ.

ВЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ НУМЕРАХЪ:

Оригинальные и переводные романы, повѣсти и разсказы для семейнаго чтенія, съ иллюстраціями. — Стихотворенія. — Картины изъ семейной и общественной жизни. — Виды замѣчательныхъ зданій и мѣстностей съ описаніемъ ихъ. — Біографіи замѣчательныхъ лицъ, съ портретами ихъ. — Новости изъ области литературы, искуства и музыки. — Смѣсь (фельетонъ). — Анекдоты. — Описаніе новѣйшихъ модъ. — Новые музыкальные пьесы извѣстныхъ композиторовъ. — Хозяйство и проч.

Кромѣ того, гг. подписчики получатъ въ теченіе года вмѣстѣ съ литературными нумерами нѣсколько безплатныхъ премій, въ видѣ акварельныхъ картинъ, гравюръ и пр.

Подписка принимается: въ главной конторѣ редакціи «Новый Русскій Базаръ» въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., № 5, при придворномъ книжномъ магазинѣ Шмицдорфъ (К. Ретгеръ); въ Москвѣ — у книгопродавцевъ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Алексѣева, И. П. Анисимова, на Никольской ул. д. Заиконоспасскаго монастыря, А. Лангъ, на Кузнецкомъ мосту, и Б. Постъ, на Неглинной, въ д. Фирсанова.

Примѣчаніе: Многіе изъ иногородныхъ подписчиковъ присылали свои требованія на журналъ 1878 г. въ январѣ, февралѣ и даже въ мартѣ мѣсяцахъ и редакція, не имѣя въ виду того, что число подписчиковъ увеличится на нѣсколько тысячъ противъ 1877 года, вынуждена была печатать второе изданіе, при чемъ приложенія, печатаемыя отдѣльно заграницею, не могли быть напечатаны вторично и потому подписчики, запоздавшіе съ своими требованіями на журналъ, получили его безъ прибавленія. Вслѣдствіе этого, редакція покорнѣйше проситъ иногородныхъ подписчиковъ присылать свои требованія заблаговременно и, по возможности, обращаться съ ними прямо въ редакцію «Новаго Русскаго Базара».

Издатель: Придворный Е. И. В. книгопродавецъ **К. К. Ретгеръ (подъ фирмою Шмицдорфъ).**

1—4.

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ"

ГОДЪ VI. въ **1879** году ГОДЪ VI.

будетъ издаваться на прежнихъ основаніяхъ; т. е. будетъ заключать въ себѣ отдѣлы: церковный, внутренній, иностранный судебный и біографическій (отчеты о книгахъ и журнальныхъ статьяхъ) и выходить три раза въ недѣлю, безъ предварительной цензуры.

По прежнему, задачею „**Церковно-Общественнаго Вѣстника**" будетъ: содѣйствовать поддержанію въ обществѣ религіозно-нравственнаго начала, сближенію духовенства съ обществомъ, уясненію правъ и обязанностей духовенства въ сферѣ общественной и церковной, огражденію ближайшихъ интересовъ духовенства, наиболѣе, правильному и цѣлесообразному рѣшенію вопроса о духовно-судебной реформѣ, преуспѣянію духовной школы, уясненію путей и средствъ для сближенія съ православіемъ различныхъ неправославныхъ обществъ внутри Россіи и за границей, разработкой вопросовъ благотворительности, общественной нравственности, народнаго образованія и прочихъ, входящихъ въ программу газеты и интересующихъ общество и духовенство.

Въ каждомъ № помѣщается не менѣе трехъ сообщеній собственныхъ корреспондентовъ. Въ наступающемъ году, кромѣ другихъ заготовленныхъ уже статей, будутъ помѣщены два обширныя изслѣдованія покойнаго Д. И. Ростиславова, доставленныя въ редакцію по разборѣ бумагъ: 1) «О взаимныхъ отношеніяхъ между епархіальными властями и бѣлымъ духовенствомъ» и 2) «О русскомъ ученомъ монашествѣ» и будетъ продолжаться періодическое обозрѣніе русскаго проповѣдничества.

Въ №№, выпускаемыхъ по средамъ, печатается полный сводъ распоряженій по духовному вѣдомству за истекшую недѣлю, въ томъ числѣ и епархіальныхъ, представляющихъ общій интересъ.

Съ № 1 «Церковно-Общественнаго Вѣстника» на наступающій годъ, всѣмъ годовымъ подписчикамъ, по примѣру первыхъ пяти лѣтъ, будетъ разосланъ, въ видѣ безплатнаго приложенія, «Календарь для духовенства» на 1879 годъ, въ составъ котораго войдутъ, кромѣ календарныхъ свѣденій, сводъ указовъ и опредѣленій Св. Синода по церковному управленію и учебному вѣдомству, различныя инструкціи, правила и постановленія, имѣющія руководственное значеніе; свѣденія историческія, библіографическія и др.

Цѣна газеты съ безплатнымъ приложеніемъ: за годъ 6 р., за полгода 3 р. 50 к., за три мѣсяца 2 р., за одинъ мѣсяцъ 1 р. съ доставкою и пересылкою.

Подписка принимается въ редакціи «Церковно-Общественнаго Вѣстника», на Пескахъ, по Конногвардейской улицѣ, д. № 59.

Въ редакціи «Церковно-Общественнаго Вѣстника» можно получить изданный ею

АДРЕСЪ-КАЛЕНДАРЬ

ДУХОВНАГО ВѢДОМСТВА.

Центральныя учрежденія. — Главное духовное управленіе. — Придворное и военное духовенство. — Цензурные комитеты. — Ставропигіальные монастыри. — Епархіальн. управленіе. — Консисторіи. — Попечительства.—Мѣстные комитеты.—Братства.— Миссіи. — Благочинные. — Духовно-учебныя заведенія. — Академіи, семинаріи, женскія и мужскія училища.—Редакціи духовныхъ журналовъ и епархіальныхъ вѣдомостей.

Первый полный сборникъ справочныхъ именныхъ указаній всѣхъ должностныхъ лицъ духовной администраціи.

Цѣна одинъ рубль съ пересылкой.

Редакторъ-издатель **А. Поповицкій.** 1—2.

въ 1879 году

„СЕМЬЯ И ШКОЛА",

(ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ),

иллюстрированный журналъ домашняго и общественнаго воспитанія.

Будетъ издаваться по той-же программѣ, въ тѣже сроки и въ такомъ-же объемѣ, какъ и въ 1878 году.

Полное годовое изданіе журнала состоитъ **изъ двадцати двухъ книгъ и сорока нумеровъ «Педагогической хроники»**. Подписная цѣна на полный журналъ съ пересылкою **12** р.

Полное изданіе состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, на которые допускается также отдѣльная подписка:

I. **Семейное чтеніе** (**отдѣлъ для дѣтскаго чтенія**) выходитъ ежемѣсячно, т. е. 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. **10** р.

II. **Воспитаніе и обученіе** (**отдѣлъ для родителей и воспитателей**) выходитъ въ количествѣ 10 книхъ (т. е. ежемѣсячно, кромѣ іюня и іюля), съ добавленіемъ «**Педагогической хроники**», выходящей въ количествѣ 40 нумеровъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. **5** р.

Семейное чтеніе даетъ статьи религіозно-нравственнаго содержанія, разсказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и пр., а также игры, работы, рукодѣлія, мастерства и проч. матеріалъ для физическаго и умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картины.

Воспитаніе и обученіе съ „Педагогическою хроникою" содержитъ въ себѣ: общія статьи педагогическаго содержанія, статьи по воспитанію и обученію домашнему и общественному (высшему, среднему и начальному), нравственному, умственному и физическому; критику и библіографію; біографическіе очерки педагоговъ и статьи по исторіи педагогіи; отдѣлъ математическій (самостоятельныя изслѣдованія въ области элементарной математики; разработка тѣхъ или другихъ частей курса учебныхъ заведеній на научно-педагогическихъ основаніяхъ, и т. п.) „**Педагогическая хроника**" даетъ отчеты по текущимъ вопросамъ учебно-воспитательнаго дѣла какъ въ Россіи, такъ и заграницею и полную библіографію вновь выходящихъ по воспитанію и обученію книгъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-Пб. Васильевск. остр., 15-я линія, д. № 8, кв. № 20; или адресуется просто: **Въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Семья и Школа"** (адресъ почтамту извѣстенъ),—съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

Редакторъ-Издатель **К. Краевичъ.** 1—4.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1879 г.

НА НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ И ГИГІЕНИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„ЗДОРОВЬЕ".

Органъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія,

издаваемый подъ редакціей профессора Гигіены въ Императорской Медико - хирургической Академіи **А. П. Доброславина.**

Въ наступающемъ 5-мъ году изданія Редакція журнала «Здоровье» имѣетъ въ виду слѣдовать прежней программѣ — распространять въ популярной формѣ изложенія гигіеническія истины и предлагать обществу наиболѣе цѣлесообразныя мѣры для охраненія здоровья. Какъ и прежде, всѣ стороны быта — гигіена дѣтей, воспитанія, школьной жизни, гигіена взрослыхъ въ различныхъ отрасляхъ профессій, гигіена казармъ, больницъ и др общественныхъ учрежденій, городовъ, ихъ ассенизація, вопросы дезинфекціи, медикополицейскія мѣры для охраны доброкачественности пищи, воды, напитковъ, и пр. не менѣе важные отдѣлы здравохраненія будутъ изложены въ общедоступной формѣ. Кромѣ того журналъ постоянно заботится о сообщеніи свѣденій, касающихся санитарной дѣятельности земствъ и городскихъ управленій, равно какъ и о санитарныхъ новостяхъ заграничной литературы. Библіографическія указанія о всѣхъ новыхъ книгахъ по гигіенѣ тоже найдутъ въ журналѣ свое мѣсто, какъ и въ прошедшіе годы. Въ журналѣ помѣщаютъ всѣ прототолы, труды русскаго общества охраненія народнаго здравія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

За годъ съ пересылкой........5 руб.
За полгода съ пересылкой........3 »

Гг. служащіе подписываются черезъ своихъ казначеевъ.

Иногородные адресуютъ деньги и требованія въ Редакцію, помѣщающуюся на Выборской сторонѣ по Нижегородской улицѣ № 4, въ зданіи Императорской Медико-хирургической Академіи, а городскихъ подписчиковъ просятъ обращаться въ контору журнала, въ типографіи Н. А. Лебедева, Невскій пр., д. № 8. 1—4.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1879 ГОДУ

ГАЗЕТЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ И ГИГІЕНЫ

„ВРАЧЕБНЫЯ ВѢДОМОСТИ"

для врачей, публики и земства.

Сообщеніе новостей изъ области медицины и гигіены, извѣстій о событіяхъ въ медицинскомъ мірѣ, о ходѣ санитарнаго дѣла, разсмотрѣніе профессіональныхъ и общественныхъ вопросовъ, ознакомленіе публики и земства съ положеніями общественной гигіены и медицины — вотъ, въ главныхъ чертахъ, задачи „**Врачебныхъ Вѣдомостей**". Въ теченіе трехъ лѣтъ «Врачебныя Вѣдомости» неуклон-

разсказъ М. Артемьевой, съ рисункомъ, Пчелы, съ рисункомъ».

Журналъ выходитъ въ объемѣ отъ 5–6 листовъ въ 8-ю долю большого формата. Цѣна 4 р. 50 к. безъ доставки; съ пересылкой и доставкой — 5 р

Подписка принимается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, и въ редакціи: Екатерингофскій пр., д. № 51, кв. 4.

Издатель **А. Поповъ.** Редакторъ **Н. Бѣлозерская.**

Изданія въ пользу высшихъ женскихъ курсовъ М. Цебриковой:

Эмиль XIX вѣка А. Эскироса, съ приложеніемъ статьи, Теорія воспитанія Спенсера; 2-е изданіе Ц. 1 р. 25 к.

Новая жизнь, романъ Ауэрбаха, изъ быта народныхъ учителей. Ц. 2 р. 20 к.

Медицина и медики Э. Литтре. Ц. 2 р.

Разсказы о погибшихъ дѣтяхъ, Н. Р., выпускъ 1-й, повѣсть — «Маменьки». Ц. 60 к. Выпускъ 2-й — «Самодуры». Ц. 50 к.

Депутатъ города Парижа. Романъ изъ временъ 2-й французской имперіи. Ц. 2 р. 1–4.

ОБЪ ИЗДАНІИ

Литературно-Политическаго Журнала

„ДѢЛО“

въ 1879 году.

Журналъ «ДѢЛО» будетъ издаваться въ 1879 году при постоянномъ участіи прежнихъ его сотрудниковъ, въ томъ-же направленіи и по той-же программѣ, какъ и въ прошлыя **двѣнадцать** лѣтъ своей дѣятельности.

Годовое изданіе журнала «ДѢЛО» состоитъ изъ *двѣнадцати* книгъ, отъ 30—32 листовъ каждая, большого формата, что составляетъ въ годъ около 400 листовъ компактной печати.

Подписная цѣна журналу на годъ:

Безъ пересылки и доставки...... 14 р. 50 к.
Съ доставкой въ С.-Петербургѣ.. 15 р. 50 к.
Съ пересылкой иногороднымъ.... 16 р »
» за-границу..... 19 р. »

Подписка адресуется: въ С.-Петербургъ, въ контору Редакціи журнала «ДѢЛО»–(Надеждинская ул., домъ № 39—5.)

При главной конторѣ редакціи журнала «ДѢЛО» продаются слѣдующія изданія:

Происхожденіе человѣка и половой подборъ. Чарльса Дарвина. Перев. съ англ., подъ редакціею Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна тремъ выпускамъ 5 р. сер.; съ перес. 5 р. 60 к.

Теорія естественнаго подбора. Очерки Альфреда Росселя Валласа. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Популярная гигіена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Карла Реклама. Перев. съ нѣмецк Изданіе четвертое. 1878 г. Съ приложеніемъ *«Военной Гигіены»* д-ра Вейнмана. Съ рисунками. Ц. 2 руб.; съ пересылкой 2 р. 30 к.

Вопросы общественной гигіены. В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

О питаніи въ физіологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-ра Жюля Сира. Перев. съ французскаго, подъ редакціей А. П. Моригеровскаго. Цѣна 2 р; съ перес. 2 р. 30 к.

Уроки элементарной физіологіи. Т. Гексли Пер. съ англ., съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Изданіе третье. Ц. 1 р. 25 к.; съ пер. 1 р. 40 к.

Комедія всемірной исторіи. Іог. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмец. Два выпуска. Цѣна обоимъ выпускамъ 3 р; съ пересылкой 3 р. 50 коп.

Исторія крестьяской войны въ Германіи. Д-ра В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и разсказамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна тремъ выпускамъ 2 руб; съ перес. 2 р. 50 к.

Избранныя рѣчи Джона Брайта. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена. Перев. съ нѣмецк Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Девяносто третій годъ. Романъ В. Гюго, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Ц. 2 р.; съ перес. 2 р. 40 к.

Современные политическіе дѣятели. (Біографіи и характеристики) Э. Реклю (М. Триго). Цѣна 2 р; съ перес. 2 р. 30 к.

Исповѣдь старика. Политическій романъ Иполита Ньево, перев. съ итальянскаго В. А. Зайцева. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины. Дж. Ст. Миля. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціею и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Іог. Шерра: *«Историческіе женскіе типы»*. Изданіе второе. Цѣна 1 р.; съ перес. 1 р. 25 к

Автобіографія Джона Стюарта Миля. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 р. 20 к; съ перес. 1 р. 50 к.

Внѣ общественныхъ интересовъ. Романъ П. Лѣтнева, изданный безъ предварительной цензуры. Ц. 1 р 50 к.; съ перес. 2 р.

Американка. Романъ Луизы Алькотъ. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкой 1 р. 50 к.

Русскія историческія женщины. (Женщины до-петровской Руси). Д. Л. Мордовцева. Ц. 2 р. 75 коп.; съ перес. 3 р. 25 коп.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. В. М. Флоринскаго. Ц. 50 к.; съ пер. 70 к.

Сочиненія Ѳ. М. Толстаго. (Повѣсти и разсказы.) Съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Два тома. Ц. 1 р. 50 к.; съ перес. 1 р. 80 к

Мертвая петля. Драма въ пяти дѣйствіяхъ, Н. А. Потѣхина. Ц. 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Записки военнаго. Белетристическіе очерки, разсказы и картины изъ военнаго быта. Д. Гирса. Ц. 1 р. 60 к.; съ перес. 1 р. 80 к.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. Ж. Верна. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 коп. съ перес. 70 к.

Брилліантовое ожерелье. Романъ Антони Троллопа. Перев. съ англ. Ц. 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

На всѣ вышеозначенныя изданія **подписчикамъ журнала** *«ДѢЛО» уступается 20% съ* **номинальныхъ цѣнъ** (*стоимость книги безъ пересылки.*)

2–4.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1879 ГОДЪ

НА

Годъ второй **„ИЗУМРУДЪ“** Годъ второй.

СБОРНИКЪ РОМАНОВЪ, ПУТЕШЕСТВІЙ И НЕБОЛЬШИХЪ РАЗСКАЗОВЪ

въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскій.

Начавъ изданіе сборника въ самое трудное для всѣхъ время, т. е. въ разгаръ Русско-Турецкой войны, когда многія отрасли торговли и въ особенности книжная находились въ полномъ застоѣ, редакція, разумѣется, должна была вступить въ трудную борьбу съ различными препятствіями, но, благодаря усиліямъ и желанію пріобрѣсть своему изданію одобреніе публики, ей удалось выполнить принятую на себя задачу, хотя и не вполнѣ, но, однако, настолько, чтобы убѣдиться, что старанія эти остались не безплодными.

Множество писемъ, полученныхъ редакціею отъ Гг. подписчиковъ, обратившихся къ ней за различными свѣденіями и въ которыхъ они высказываютъ полное одобреніе сочиненіямъ, напечатаннымъ въ сборникѣ, служитъ, какъ нельзя лучше, доказательствомъ справедливости сказаннаго.

Презирая громкія фразы и пышныя рекламы, редакція не желаетъ прибѣгать къ нимъ, но тѣмъ не менѣе считаетъ необходимымъ замѣтить, что она надѣется угодить Гг. подписчикамъ въ 1879 году несравненно болѣе, чѣмъ въ 1878, такъ какъ ею принимаются мѣры улучшить изданіе сборника во всѣхъ отношеніяхъ и вообще сдѣлать все то, чего она не могла сдѣлать въ первый годъ, обыкновенно тяжелый для большинства издателей. Говоря яснѣе, редакція обратитъ строгое вниманіе на то, чтобы переводы помѣщаемыхъ статей отдѣлывались тщательнѣе, чтобы корректура была исправна и чтобы книги, которыя будутъ несравненно объемистѣе, выходили акуратно въ срокъ.

ПРОГРАММА.

Сборникъ будетъ выходить въ слѣдующіе сроки, а именно: между 10 и 20 числами января, марта, мая, іюля, сентября и ноября мѣсяцевъ, т. е. шесть разъ въ годъ книгами солиднаго формата и объема.

Каждая книга будетъ заключать въ себѣ не менѣе 320 страницъ, напечатанныхъ убористымъ, но пріятнымъ для глазъ шрифтомъ.

Каждая книга будетъ, по возможности, вмѣщать въ себѣ одинъ совершенно-законченный романъ и нѣсколько разсказовъ. Отъ этого правила редакція позволитъ себѣ отступить только въ такомъ случаѣ, если ей встрѣтится произведеніе очень интересное по содержанію, но велико по объему. Во всякомъ случаѣ редакція не допуститъ, чтобы произведеніе занимало болѣе 2 книгъ.

Каждое произведеніе, помѣщаемое въ сборникѣ, будетъ имѣть особую нумерацію страницъ, каждый романъ особый заглавный листъ, а для разсказовъ будетъ одна общая обертка.

Наружный видъ изданія будетъ тоже улучшенъ.

Въ настоящее время редакція имѣетъ въ виду слѣдующіе романы:

Истребитель Львовъ—изъ американскихъ нравовъ.
Мужъ графини Эммы—изъ нѣмецкой семейной жизни.
Княгиня Кастель-Франко—изъ италіанскихъ нравовъ.
По слѣдамъ убійцы—уголовный.
Драма въ Константинополѣ—изъ послѣднихъ событій на востокѣ.

И многіе другіе романы и разсказы, принадлежащіе перу лучшихъ иностранныхъ писателей.

Примѣчаніе. Впрочемъ, хотя редакція и назвала упомянутые романы, она оставляетъ за собою право замѣнить ихъ другими если ей встрѣтятся болѣе интересные.

Подписная цѣна за „Изумрудъ“ въ годъ.

Въ Москвѣ безъ доставки на домъ... 5 руб.
» » съ доставкою » » ... 5 руб. 50 к.
Съ пересылкою иногороднымъ....... 6 руб.

На полгода подписка не принимается.

Кромѣ вышеупомянутыхъ шести книгъ, всѣ подписчики на 1879 годъ **получатъ безплатно** въ концѣ его большой историческій или уголовный романъ, который отдѣльно будетъ продаваться не менѣе 2 или 3 рублей за экземпляръ.

Въ вышедшихъ книгахъ сборника «Изумрудъ» за 1878 годъ помѣщены:

Братоубійца—Эли Бертэ.
Леила—изъ турецкихъ нравовъ.
Король Англо-Саксовъ—Э. Бульвера.
Обелискъ Нерона—изъ временъ папы Сикста V.
Пиръ смерти—изъ временъ первой французской революціи.
Ночь въ Фонтенебло—изъ царствованія Людовика XVI.
Трагическая развязка—автора романа графъ де Фуа.
Испорченая жизнь—Эли Бертэ.
Тайна индѣйскихъ офицеровъ—Миссъ Бреддонъ.
Поединокъ въ Гернейскомъ лѣсу—изъ слѣдственаго дѣла Ліонсля Варлейга—Уильки Коллинза.

и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Иногородные, желающіе выписать этотъ годъ, остающійся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, могутъ еще получить его изъ конторы редакціи по 6 рублей за экземпляръ.

Примѣчаніе. Для новыхъ иногородныхъ подписчиковъ на 1879 годъ, редакція **считаетъ возможнымъ** сдѣлать уступку, а именно: вмѣсто слѣдуемыхъ за сборникъ 1878 года, шести рублей, они благоволятъ высылать только 4 рубля.

Во избѣжаніе недоразумѣній, редакція считаетъ нужнымъ прибавить, что сборникъ за 1878 годъ уступается только тѣмъ новымъ иногороднымъ подписчикамъ на 1879 годъ, которые вышлютъ деньги за оба года одновременно, т. е. 10 рублей.

Гг. подписчиковъ просятъ покорнѣйше присылать свои адресы, написанные разборчивою рукою и съ точнымъ поименованіемъ губерній и уѣздовъ, гдѣ находится ихъ жительство.

Примѣчаніе. Желающіе получить отъ конторы сборника какія-либо свѣденія, благоволятъ присылать на отвѣтъ почтовую 8 копѣечную марку.

Подписка принимается.

Въ Москвѣ въ **конторѣ редакціи** и книжныхъ магазинахъ: И. Г. Соловьева, братьевъ Улитиныхъ, В. Д. Кашкина и Центральномъ.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ обращаться исключительно только къ издателю сборника, адресуя требованія слѣдующимъ образомъ: въ г. Москву, въ контору редакціи сборника «Изумрудъ», г. Редактору-Издателю Михаилу Николаевичу Воронову, на Тверской улицѣ, домъ № 280.

Редакторъ-издатель **М. Вороновъ.** 2—4.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1879 ГОДЪ.

ОСНОВАНЪ ВЪ 1831 ГОДУ. **ВАЗА** **СУЩЕСТВУЕТЪ 47 ЛѢТЪ.**

ЖЕНСКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ РУКОДѢЛЬНО-МОДНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЪ РОССІИ МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ СЪ ПРЕМІЯМИ.

Выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца большими тетрадями.

24 номера журнала, **12** рукодѣльно-модныхъ и **12** литературныхъ (романы, повѣсти, стихотворенія, путешествія, анекдоты, домашнее хозяйство и т. п.)
1000 политипажей въ текстѣ.
24 модныя гравюры.
12 листовъ литографирован. узоровъ и выкроекъ.
24 вырѣзныя выкройки въ натуральную величину.
6 раскрашенныхъ узоровъ (во второмъ полугодіи).
Карманный календарь на 1879 годъ.

Каждый подписчикъ **1879** года получитъ **ШЕСТЬ ПРЕМІЙ** а именно:

I. **Коверъ** къ письменному столу или роялю, на плетеной коричневой канвѣ (новость). Вышивка шерстью. Матерьялъ полный. (Канва и раскрашенный узоръ—по моделямъ съ Парижск. выставки). Цѣна оконченному въ отдѣльной продажѣ 10 руб.

II. **Воротникъ** большой къ визитному платью. Работа изъ миньярдизы, въ видѣ кружева, весьма легкая и изящная. Цѣна готоваго въ отдѣльной продажѣ 3 руб.

III. **Абажуръ** на большую лампу, состоящій изъ 12 частей, весьма изящной вырѣзки, соединяемыхъ шерстью. Часъ работы. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 1 руб. 50 коп.

IV. **Пажъ** для платья, фигурный, высеребренный, Парижской работы со шнуромъ. Новость необходимая для нынѣшнихъ костюмовъ. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 1 руб. 50 коп.

V. **Подчасникъ** изъ спеціально для этого приготовленной, тисненой съ вырѣзкою, серебряной канвы. Вышивка шерстью. Полезное украшеніе для

письменнаго стола. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 1 руб. 25 коп.

VI. **Перевязь** для ружья, (годится и для пояса). Вышивка по канвѣ шерстью. Матерьялъ полный.

Всѣ преміи, предназначенныя для подписчиковъ 1879 года, отличаются необыкновеннымъ изяществомъ и новизною. Цѣнность же ихъ далеко превышаетъ подписную цѣну на журналъ

Выдача и разсылка премій начнется съ Января по порядку поступленія подписныхъ денегъ, а потому лица желающія получить премію раньше, должны ускорить высылку подписныхъ денегъ. Всѣ шесть премій высылаются заразъ—посылкою.— 47-ми лѣтняя извѣстность журнала служитъ ему рекомендаціей.

Разсрочка допускается для служащихъ—по третямъ; для неслужащихъ—по соглашенію съ редакціей.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ безъ премій... **7** р.—к. (безъ пер. **6** р.—к.)
На полгода безъ премій **4** р.—к. (безъ пер. **3** р. **40**»)
На 3 мѣсяца безъ премій **1** р. **80** к. (безъ пер. **1** р. **41** к.)

Съ ПРЕМІЯМИ 5 руб. дороже.

На укупорку премій Редакція проситъ выслать 40 к. (марками).

Адресъ: **С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „ВАЗА“. Разъѣзжая, д. 32.** 3—4.

О ПОДПИСКѢ

на ежедневную политическую и литературную газету

„РУССКІЙ МІРЪ“

съ еженедѣльнымъ „Литературнымъ Прибавленіемъ“.

«Русскій Міръ», какъ по составу сотрудниковъ и по полнотѣ программы, такъ и по значительному кругу подписчиковъ и читателей, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду ежедневныхъ русскихъ изданій.

Своимъ твердымъ политическимъ направленіемъ, своими статьями и корреспонденціями, равно какъ и обиліемъ помѣщаемыхъ свѣдѣній, «Русскій Міръ» пріобрѣлъ широкую извѣстность не только въ Россіи, но и за границею.

„Русскій Міръ“, при сравнительно **доступной цѣнѣ**, даетъ читателямъ гораздо болѣе матеріала, чѣмъ другія большія ежедневныя изданія.

Редакція прилагаетъ всѣ старанія и не жалѣетъ средствъ, чтобы сдѣлать «Русскій Міръ» **самою полною, разнообразною и интересною по содержанію** изъ всѣхъ существующихъ газетъ.

Подписчики «Русскаго Міра» получаютъ, сверхъ ежедневной газеты въ формать большого печатнаго листа, еще особое **безплатное „Литературное Прибавленіе“**, выходящее разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ, и составляющее къ концу года объемистый томъ въ формартѣ нашихъ еженедѣльныхъ журналовъ: «Нивы», «Недѣли» и другихъ.

Въ **„Литературномъ Прибавленіи“**, нумера котораго составляются съ особою тщательностью, находятся слѣдующіе отдѣлы:

1) **Романы**, оригинальные и переводные; 2) **Повѣсти и разсказы**, преимущественно изъ русской жизни; 3) **Путешествія**, этнографическіе и бытовые очерки; 4) **Критика и библіографія**, русская и иностранная; 5) **Стихотворенія**, и 6) **Смѣсь**.

Въ настоящемъ 1878 году печатается, между прочимъ, обширный **романъ** изъ русской жизни **въ трехъ частяхъ**, подъ заглавіемъ **„На нашихъ глазахъ“,—Евгенія Раппа.** Новые годовые и полугодовые подписчики получать этотъ романъ или недостающіе его листы, въ видѣ **безплатной преміи.**

«Русскій Міръ» имѣетъ постоянныхъ корреспондентовъ **во всѣхъ главныхъ городахъ Россіи**, а также за границею—**въ Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Бухарестѣ, Бѣлградѣ, Тырновѣ, Константинополѣ и Эрзерумѣ.** Въ случаѣ какихъ-либо политическихъ или военныхъ событій, редакція отправляетъ спеціальныхъ корреспондентовъ на мѣсто дѣйствія.

Особенное вниманіе обращено редакціею на полноту и содержательность отдѣловъ внутренняго, политическаго и литературнаго. Постоянныхъ **фельетоновъ** полагается три въ недѣлю, воскресный (г. Нѣкто), московскій (по четвергамъ) и литературный (по пятницамъ). Въ остальные дни фельетоны бываютъ или случайные, или беллетристическіе. Между прочимъ, въ настоящее время печатается въ фельетонномъ отдѣлѣ новый романъ К. Дебана—«Кожа Мертвеца».

Провинціальныя и петербургскія **извѣстія** доставляются ежедневно особыми репортерами и корреспондентами; текущія **административныя новости** сообщаются также аккуратно изъ источниковъ вполнѣ достовѣрныхъ.

Торговыя извѣстія помѣщаются два раза въ недѣлю, а **курсы**—ежедневно.

Въ «Литературномъ Прибавленіи», съ конца 1877 года, помѣщены, между прочимъ, сверхъ многочисленныхъ разсказовъ и очерковъ, романы: «Свѣтская женщина», Эрнеста Додэ, Милліонное наслѣдство, Ф. Фридрихса, «Вампиръ» (изъ болгарской жизни «Наполеоновское время», Фрица Рейтера (еще не окончено), а также разсказы Альфонса Додэ, Альфреда де-Виньи, Эркмана Шатріана Эмиля Золя, Бретъ-Гарта, Біара и многихъ другихъ.

Изъ стихотвореній помѣщены: А. Майкова (Знаменіе времени), В. Головина, Н. Минскаго, Круглова, Бекетовой и др.

Въ настоящее время печатается новая повѣсть **Н. Н. Каразина** «Варвара Лѣпно и ея семья», а также разсказъ извѣстнаго путешественника по Востоку, г. П. Огородникова: «Съ богомольцами въ пустынѣ».

Цѣна „Русскаго Міра“ съ „Литературнымъ Прибавленіемъ“ (съ доставкою и пересылкою въ Россіи):

	р. к.		р. к.
На годъ.........	14 —	На полгота.........	8 —
» 11 мѣсяцевъ....	13 —	» 5 мѣсяцевъ.....	7 —
» 10 » ...	12 —	» 4 »	5 50
» 9 » ...	11 —	» 3 »	4 50
» 8 » ...	10 —	» 2 »	3 25
» 7 » ...	9 —	» 1 »	1 75

Разсрочки въ платежѣ подписныхъ денегъ допускаются по желанію подписчиковъ и по соглашенію съ редакціею (для служащихъ—черезъ казначеевъ).

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: Въ конторѣ газеты, Большая Морская, д. 11.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ и у другихъ книгопродавцевъ, у А. Н. Мейера (Маросейка, д. Леонова).

Въ Орлѣ: у А. А. Бранчанинова, въ обществѣ взаимнаго кредита.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться исключительно въ главную контору газеты «Русскій Міръ», въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 11.

Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1 числа каждаго мѣсяца. 2—3.

„ТРУДЫ“ ИМПЕРАТОРСКАГО ВОЛЬНАГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

въ 1879 году.

„Труды“ И. В. Э. Общества въ 1879 году будутъ издаваться по программѣ, утвержденной Обществомъ въ минувшемъ году и состоящей изъ слѣдующихъ отдѣловъ.

I. Сельское хозяйство, куда входятъ статьи, относящіяся къ сельскому хозяйству и главнѣйшимъ его отраслямъ, предметы естественно-историческаго содержанія, направленнаго къ разъясненію вопросовъ земледѣльческихъ, доклады и журналы засѣданій I Отдѣленія. Сюда же отнесенъ отдѣлъ «Пчеловодства», статьи котораго будутъ помѣщаться въ видѣ особой рубрики, подъ заглавіемъ «Пчеловодство».

II. Техническія производства, тѣсно связанныя съ сельскимъ хозяйствомъ, какъ то: обработка льна и другихъ волокнистыхъ растеній, маслобойное дѣло, сыровареніе, картофельно-паточное производство и т. п., земледѣльческая механика, доклады и журналы засѣданій II Отдѣленія.

III. Политическая экономія и статистика, гдѣ помѣщаются статьи политико-экономическаго и статистическаго содержанія по предметамъ, касающимся круга дѣятельности Общества, доклады и журналы засѣданій III Отдѣленія.

IV. Сельско-хозяйственное обозрѣніе, гдѣ дается ежемѣсячный обзоръ экономическихъ явленій русскаго народнаго хозяйства вообще и сельскаго по преимуществу, а также сообщаются свѣдѣнія о болѣе замѣчательныхъ явленіяхъ и открытіяхъ по сельскому хозяйству за границею.

V. Библіографическое обозрѣніе посвящается оцѣнкѣ появляющихся въ свѣтъ сельскохозяйственныхъ и вообще экономическихъ отдѣльныхъ сочиненій и журнальныхъ статей на русскомъ языкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаются указанія на болѣе замѣчательныя иностранныя сочиненія.

VI. Корреспонденція Общества, куда входятъ небольшія и отрывочныя сообщенія по предметамъ занятій Общества изъ провинцій, разнаго рода запросы землевладѣльцевъ и отвѣты на нихъ со стороны Общества или непосредственно отъ Редакціи.

Въ концѣ каждой книжки помѣщаются **„Объявленія“** о продажѣ сельскохозяйственныхъ орудій и машинъ, сѣмянъ, растеній, книгъ и т. п., о предстоящихъ сельскохозяйственныхъ выставкахъ, съѣздахъ и пр.

„Труды“ Общества будутъ выходить разъ въ мѣсяцъ книжками, каждая отъ семи до восьми печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе **„Трудовъ“**, остается прежняя:
безъ пересылки. .... 3 р. 50 к.
Съ пересылк:ю по почтѣ внутри имперіи, а равно и съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ............ 4 » — »

Подписка на **„Труды“** на 1879 годъ принимается въ С.-Петербургѣ (на углу 4-й роты Измайловскаго полка и Царскосельскаго проспекта) въ домѣ В. Э. Общества и въ сѣменной торговлѣ А. В. Запѣвалова (за Казанскимъ соборомъ, въ домѣ Лѣсникова). Иногородные благоволятъ адресоваться въ С.-Петербургъ, въ домъ В. Э. Общества.

Редакторъ **А. Совѣтовъ.** 2—4.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ДОНСКОЙ ГАЗЕТЫ“

въ 1879 году.

„Донская Газета“, состоящая подъ редакціею А. А. Карасева, будетъ выходить въ будущемъ 1879 году два раза въ недѣлю — по Воскресеньямъ и Четвергамъ.

Подписная цѣна съ доставкой на домъ и пересылкой

За годъ съ 1 Января 1879 по 1 Января 1880 года.................. 6 р.
» полгода.................... 3 » 50 к.
» мѣсяцъ......................... — 75 »

Иногородные подписчики обращаются съ требованіями о подпискѣ по слѣдующему адресу: въ Редакцію „Донской Газеты“, въ Новочеркаскѣ. 1—3.

1879 (седьмой) **годъ изданія.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

ГАЗЕТУ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ПОЛИТИКИ.

Выходитъ три раза въ недѣлю.

Въ программу изданія входятъ всѣ обычные газетные отдѣлы.

Подписная цѣна:

На годъ съ достав. и пересылкой... 6 р. 50 к.
На 6 мѣс. » » ... 3 р. 75 к.

Подписка принимается: въ конторѣ газеты, въ Орлѣ, по Зиновьевской ул., д. № 1-й.

Редакторъ издатель **А. Н. Чудиновъ.** 1—3.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНІИ

„ДОНСКОЙ ГАЗЕТЫ“

въ 1879 г.

„Донская Газета“, состоящая подъ редакціею А. А. Карасева, будетъ выходить въ будущемъ 1879 году два раза въ недѣлю—по Воскресеньямъ и Четвергамъ

Подписная цѣна съ доставкой на домъ и пересылкой:

За годъ, съ 1 Января 1889 по 1 Января 1870 г. 6 р.
» полгода........................ 3 » 50 к.
» мѣсяцъ.......................... — 75 к.

Иногородные подписчики обращаются съ требованіями о подпискѣ по слѣдующему адресу: **въ Редакцію „Донской Газеты“, въ Новочеркаскѣ.** 1—4.

ОБЪ ИЗДАНІИ СБОРНИКА

„ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ“

въ 1879 году.

(ПЯТЫЙ ГОДЪ).

Ежемѣсячный, историческій, иллюстрированный сборникъ **„Древняя и Новая Россія“** будетъ издаваться въ 1879 году на тѣхъ же основаніяхъ, по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ предшествовавшіе четыре года (1875, 1876, 1877 и 1878).

Сборникъ **«Древняя и Новая Россія»** выходитъ каждый мѣсяцъ книжками, въ размѣрѣ отъ десяти до двѣнадцати печатныхъ листовъ большого формата, in 4^0^, въ два столбца печати на страницѣ, съ нѣсколькими портретами и рисунками и другими художественными приложеніями, такъ что по окончаніи года составятся три большихъ тома до 150 печатныхъ листовъ съ 50 — 60 гравюрами, литографіями и хромолитографіями.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ двѣнадцать руб., съ доставкою на домъ двѣнадцать руб. пятьдесятъ коп., съ пересылкой тринадцать р. пятьдесятъ коп., за границу четырнадцать рублей.

Главная Контора Редакціи сборника «Древняя и Новая Россія» находится въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, рядомъ съ Пассажемъ № 46, при хромолитографіи и типографіи издателя В. И. Граціанскаго, куда гг. иногородныхъ и просятъ исключительно обращаться со всѣми своими требованіями.

Разсрочка въ платежѣ допускается по соглашенію съ редакціею.

Въ Главной Конторѣ можно получать оставшіеся отъ подписки экземпляры сборника «Древняя и Новая Россія» за 1875, 1876, 1877 и 1878 годы. Каждый годъ состоитъ изъ трехъ большихъ томовъ (до 150 печатныхъ листовъ) съ 60 — 70 портретами и рисунками.

Цѣна каждаго года безъ пересылки двѣнадцать руб., съ пересылкой тринадцать руб. пятьдесятъ коп. Всѣ четыре года вмѣстѣ уступаются за сорокъ руб. сер. безъ пересылки; за пересылку же слѣдуетъ прилагать деньги за одинъ пудъ, по разстоянію.

2—3.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 Ноября 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)

№ 49. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 3 Декабря 1878 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

ТИПЫ И СЦЕНЫ ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Конокрадъ.

Рисовалъ Далькевичъ, рѣзалъ на деревѣ А. Шлипперъ.

Отъ Редакціи. Въ объявленіи объ изданіи нашего журнала въ будущемъ 1879 году, мы предложили гг. подписавшимся на годовое изданіе журнала, въ числѣ другихъ премій, двѣ преміи, состоящія изъ **олеографическихъ картинъ**, при чемъ мы заявили, что одна изъ этихъ премій будетъ выдаваться гг. подписчикамъ при первомъ нумерѣ журнала за 1879 годъ. Сверхъ нашего ожиданія и вторая премія, олеографическая картина, изготовлена въ Берлинѣ значительно ранѣе предположеннаго срока, что даетъ намъ возможность раздавать и эту вторую премію при первомъ нумерѣ журнала за 1879 годъ. Первая изъ этихъ премій называется **„Наказанное любопытство“**, вторая—**„Графъ Кассельмонте“**. Съ полной глубокаго драматизма исторіей юнаго графа, Кассельмонте, надѣлавшей много шума въ Парижѣ, мы познакомимъ читателей во второмъ нумерѣ нашего журнала, 1879 года.

Русская.

Стих. **Омулевскаго.**

Встань, пройдись со мной, родная,
Спляшемъ русскую вдвоемъ:
Значитъ—удаль молодая
Заходила ходуномъ.

Выходи, не унывай-ка;
Вонъ, ужь скинулъ я зипунъ.
Жги, лихая балалайка!
Не жалѣй хозяйскихъ струнъ!

Ужь я выкину колѣнцо,—
Удавись, честной народъ,
(Вонъ, на стѣнкѣ, полотенце),
Коли зависть заберетъ.

Какъ махнула ты платочкомъ,
Раскрасавица моя,
Какъ пошла впередъ носочкомъ—
Разуважила меня!

Еще то-ли мы умѣемъ,
Еще то-ли знаемъ мы!
Поцѣлуями согрѣемъ
Мы и ледъ среди зимы;

Уберется мигомъ съ печи
Злое горюшко домой,
Какъ начнемъ вести мы рѣчи,
Обнимаючись съ тобой.

Прочь, мірскіе пересуды!
Провались ты, бабій смѣхъ!
Прежде насъ любились люди,
Такъ и намъ любить не грѣхъ.

У меня въ казнѣ сухотка,
За душою ни гроша,—
Эхъ! за то, моя красотка,
На распашку вся душа.

Съ работящими руками,
Да со смѣтливымъ умомъ—
Всю деревню вверхъ ногами
Мы съ тобой перевернемъ;

А какъ станемъ мы съ устатку
Вмѣстѣ ночки коротать,—
Жизнь сама пойдетъ въ присядку,
Припѣваючи, плясать!

Діана.

(Повѣсть **Каролины Гравьеръ.**)

(*Продолженіе.*)

II.

На другое утро графъ и его дочь дожидались поѣзда на Люксембургской станціи. Ихъ сопровождала англичанка, которая жила въ домѣ въ качествѣ гувернантки и должна была ѣхать съ Діаной. Большой чемоданъ съ платьями и различными модными бездѣлушками, необходимыми, повидимому, даже въ деревнѣ, былъ сданъ въ багажъ. Графъ, на прощанье съ дочерью, ироническимъ тономъ свѣтскаго человѣка, нежелающаго говорить ни о чемъ серьезно, подробно развивалъ дочери свои инструкціи; но чѣмъ онъ болѣе шутилъ, тѣмъ грустнѣе и задумчивѣе становилась молодая дѣвушка.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этой группы стоялъ молодой человѣкъ и пристально смотрѣлъ на нихъ, какъ бы пораженный неожиданной встрѣчей. Лѣтъ тридцати, высокаго роста, коренастый, онъ отличался блѣднымъ, очень подвижнымъ лицомъ; на немъ былъ полотняный сюртукъ и широкая соломенная шляпа. «Да, это благородный дядя Ксантисъ, а красивая молодая дѣвушка должна быть двоюродная сестра, Діана», думалъ Жанъ Десвартъ.

Въ эту минуту судьба свела послѣ многихъ лѣтъ дѣтей сестеръ Вандевильде; молодой человѣкъ, котораго графъ не замѣтилъ, а Діана не могла узнать, былъ именно тотъ ребенокъ, котораго нѣкогда послали обѣдать въ людскую.

«Какъ она походитъ на мать, продолжалъ разсуждать про себя Жанъ:—то же мягкое, грустное выраженіе... а графъ все тотъ же олицетворенный сарказмъ; онъ дочери даже улыбается съ ироніей. Кажется, онъ не можетъ пожать руки, чтобъ не стиснуть ее до крови».

Графъ Ксантисъ посадилъ Діану и гувернантку въ вагонъ перваго класса и поспѣшно удалился со станціи.

Не удивительно, что на Жана Десварта произвела сильное впечатлѣніе неожиданная встрѣча съ родственниками, которые составляли предметъ мрачныхъ, семейныхъ легендъ. Этотъ великолѣпный аристократъ, жена котораго умерла съ горя, былъ Синей Бородой его дѣтства; а потомъ возбудилъ его юношескую ненависть. Что же касается Діаны, бывшей моложе его десятью годами, то Жанъ помнилъ, какъ онъ игралъ съ нею въ дѣтствѣ, когда еще посѣщалъ съ матерью домъ графа Ксантиса. Впослѣдствіи, онъ видѣлъ ее еще разъ въ грустный день, который остался на вѣки запечатлѣнъ въ его памяти.

Вспоминая прошлое, онъ машинально пошелъ за двоюродной сестрой, которая, какъ онъ былъ увѣренъ, не могла узнать его, и сѣлъ въ одинъ вагонъ съ нею. Молодая дѣвушка, опершись рукою на окно, была погружена въ грустную думу; она находилась въ томъ мрачномъ расположеніи духа, когда человѣкъ, смотря, ничего не видитъ, кромѣ своего внутренняго міра. Впрочемъ, къ чему ей было любоваться пейзажами, быстро пробѣгавшими передъ ея глазами? Не до природы было той, которая должна была завоевать себѣ положеніе въ свѣтѣ. Чистый, благоуханный воздухъ, солнечные лучи, отражавшіеся въ гладкихъ, какъ зеркало, ручьяхъ, колокольни церквей, виднѣвшіяся надъ купами деревъ, стада, пасущіяся на зеленыхъ лугахъ, поселяне, мирно работавшіе въ полѣ—все это, прельщая ея глаза, тягостно отзывалось въ ея сердцѣ, представляя страшный контрастъ съ печальными воспоминаніями о неудавшихся попыткахъ, дорого оплаченныхъ тряпкахъ, всевозможныхъ разочарованіяхъ и финансовыхъ затрудненіяхъ, о блестящихъ балахъ, на которыхъ она вальсировала съ улыбкой на губахъ и съ опасеніемъ въ сердцѣ, что вся окружавшая ее роскошь, возбуждавшая столько зависти, должна рано или поздно привести къ неминуемой катастрофѣ. Въ то время, когда она разговаривала съ свѣтскими франтами о послѣдней оперѣ или о будущемъ концертѣ, ея мысли были далеко и она молила Бога, чтобъ тѣ или другія денежныя бумаги повысились на биржѣ. Она, повидимому, весело танцовала, а въ сущности думала, какъ бы не разорвать платья, еще не оплаченнаго; она смѣялась, играя вѣеромъ, но какой грустный былъ этотъ смѣхъ. Все это была комедія,—комедія счастья, комедія богатства, комедія дѣтской невинности, тогда какъ всѣ ея мысли были начинены цыфрами. Долги и спекуляціи—вотъ все, что она слышала съ утра до вечера. Чувства и мысли были безполезными орудіями для выгодной продажи ея красоты; ничто въ ней не составляло ея собственности, ничѣмъ она не могла распорядиться по своему желанію; все: честь, красота, наклонности были подчинены одной цѣл —выгодному браку. И эта цѣль должна быть достигнута, танцуя и смѣясь. Это называлось спасти честь своего имени.

Однако, подъ маской свѣтской суеты и корыстныхъ интригъ, скрывалась великолѣпная женская натура, твердый, мужественный, безкорыстный характеръ, который тщетно старался освободиться изъ гнетущаго его ветхаго, общественнаго строя. Чего у нея недоставало, чтобъ имѣть право располагать собою? Денегъ! Развѣ одной воли, одной энергіи недостаточно для измѣненія своей судьбы? Неужели не было никакого способа избѣгнуть этой золоченной нищеты? Неужели необходимо было вѣчно оставаться на театральной сценѣ и лавировать между подводными камнями? Noblesse oblige!

Дѣйствительно, она чувствовала, что въ ней течетъ благородная кровь ея матери,—кровь артистки, жертвы! Она знала, отъ кого наслѣдовала взглядъ, съ любовью обнимавшій всю природу, и сердце, понимавшее ея красоты. Отъ матери она пріобрѣла инстинктъ къ труду, тайное желаніе приложить свою прелестную ручку къ могучему рычагу, которымъ нашъ вѣкъ уничтожаетъ въ прахъ всякаго рода предразсудки. Она порою ясно сознавала, что только трудъ отворялъ двери въ обѣтованную землю счастья и независимости.

Гастонъ, подобно Діанѣ, былъ сынъ своей матери; онъ не выносилъ золоченной узды, стѣснявшей всѣ порывы его юной души. Онъ всегда былъ первый въ школѣ и, повидимому, хотѣлъ занять мѣсто въ ряду людей знающихъ и дѣйствующихъ Но какъ попасть въ сферу мысли и жизни? Что хотѣли сдѣлать изъ него прежде, чѣмъ онъ будетъ самъ въ состояніи руководить своей волей? Конечно, сына своего отца? Приносить пользу можно было, сдѣлавшись докторомъ, адвокатомъ, купцомъ, инженеромъ, но все это были такія занятія, которыхъ не любилъ его отецъ. Гастону суждено было, безъ сомнѣнія, сдѣлаться великосвѣтскимъ франтомъ и спортсменомъ, а потомъ продать свой титулъ той или другой богатой наслѣдницѣ. А чтобъ достигнуть этой блестящей цѣли и помѣшать погибели рода графовъ Ксантисъ, прежде чѣмъ «созрѣетъ плодъ», Діана должна была принести себя въ жертву.

Въ то время, какъ поѣздъ летѣлъ на всѣхъ парахъ, молодая дѣвушка въ тысячный разъ старалась умственно выйти изъ лабиринта, который называютъ безъисходнымъ положеніемъ. Отъ времени до времени, на прелестныхъ ея глазахъ показывалась слеза. Она сожалѣла, что она не старуха, такъ какъ силы ни къ чему не примѣненныя, подавленныя чувства и безполезныя желанія причиняютъ нестерпимыя муки.

Жанъ любовался красотой своей двоюродной сестры, которая задумчивымъ нѣжнымъ выраженіемъ лица внушала невольное уваженіе. Она была достойна имени Діаны. Всѣ богини и феи, прославившія это имя, какъ бы одарили ее при рожденіи. Богиня охоты надѣлила ее гордостью, богиня ночи—меланхоліей, а на Діану Пуатье она походила, какъ двѣ капли воды. Ея нѣжное

тѣло, какъ бы изваянное изъ перламутра и слоновой кости, отличалось, однако, стальными мускулами, которые одерживали верхъ надъ овладѣвавшею ею по временамъ томностью. Ея тонкій профиль, шея и руки были высѣчены изъ мрамора, но изъ мрамора прозрачнаго, теплаго, освѣщеннаго внутреннимъ пламенемъ, искры котораго иногда блестѣли изъ-подъ постоянно опущенныхъ рѣсницъ. На ней было сѣрое небѣленое платье, отдѣланное краснымъ снуркомъ, а на головѣ соломенная шляпа съ черными перьями.

Любуясь Діаной, Жанъ, однако, не могъ забыть, что она была дочь знатнаго графа Ксантиса, и никакъ не могъ понять, почему она была такъ грустна, тогда какъ ея судьба, казалось, могла возбуждать только зависть. Ему очень хотѣлось назвать себя и воскресить дорогія воспоминанія дѣтства; но его пугала мысль, что Діана, быть можетъ, съ презрѣніемъ отвернется отъ него.

Такимъ образомъ, онъ не рѣшился заговорить съ нею и не прерывалъ молчанія до прибытія поѣзда въ Сиэ. Тамъ необходимо было рѣшиться на что-нибудь, т. е. по просту выйти изъ вагона. Но Діана и ея гувернантка остались на станціи и съ безпокойствомъ посматривали по сторонамъ. Наконецъ, молодая дѣвушка сказала что-то поанглійски гувернанткѣ и та, выйдя на дорогу, постояла тамъ нѣсколько минутъ, и, вернувшись, молча покачала головой. Очевидно, онѣ кого-то или чего-то ждали.

Жанъ подошелъ къ Діанѣ и почтительно поклонился.

— Если вамъ что-нибудь нужно, сдѣлайте одолженіе приказывайте, сказалъ онъ,—я вашъ двоюродный братъ, Жанъ Десвартъ.

— Неужели вы мой двоюродный братъ?

— Да, но, быть можетъ, съ моей стороны дерзко вамъ это напоминать.

— Отчего? я не забыла сестры моей матери. Я и васъ не забыла, хотя мы не видались уже двѣнадцать лѣтъ... Но теперь, всматриваясь въ ваши черты, я узнаю васъ. Да, это вы; я васъ видѣла въ послѣдній разъ въ такой день, который никогда не забывается.

Голосъ Діаны пресѣкся и слезы показались на глазахъ.

— Да, сказалъ Жанъ,—это былъ день похоронъ вашей матери. Графъ Ксантисъ не написалъ намъ особаго письма, а только прислалъ общій пригласительный билетъ; но отецъ и дядя хотѣли отдать послѣдній долгъ сестрѣ и мы всѣ, четверо, въ глубокомъ траурѣ, отправились въ вашъ домъ. Входя, отецъ объявилъ, что онъ родственникъ умершей и слуги провели насъ въ гостинную, гдѣ находился графъ съ своими двумя дѣтьми, сестрой и какимъ-то родственникомъ епископомъ. Увидѣвъ насъ...

— Умоляю васъ, не воскрешайте этого тяжелаго воспоминанія.

— Я напоминаю вамъ это обстоятельство только для того, чтобъ показать, почему я сегодня осмѣлился подойти къ вамъ. Увидѣвъ насъ, графъ Ксантисъ бросился къ слугѣ, который докладывалъ о насъ и гнѣвно воскликнулъ: «Сюда имѣютъ доступъ только родственники; проводите этихъ господъ внизъ». Тогда маленькая дѣвочка въ траурѣ, плакавшая въ углу, подойдя къ отцу, сказала: «Но вѣдь это мои дяди»!

Діана, глубоко тронутая словами Жана Десварта, протянула ему руку.

— Мы тотчасъ ушли изъ блестящаго дома и не присутствовали на пышныхъ похоронахъ; но, возвратясь домой, въ деревню, отецъ отслужилъ заупокойную обѣдню по теткѣ Луизѣ. И много было пролито тамъ слезъ, но болѣе объ ея жизни, чѣмъ объ ея смерти.

Наступило молчаніе, продолжавшееся нѣсколько минутъ.

— Вы дожидаетесь кого-нибудь, спросилъ наконецъ Жанъ,—могу я вамъ чѣмъ-нибудь служить?

— Я дожидаюсь кареты, которую должна прислать за мною тетка изъ Сартлупа.

Въ эту минуту къ ней подошла гувернантка, стоявшая все время у дверей, и объявила, что экипажъ ѣдетъ.

— И такъ, сказалъ Жанъ Десвартъ,—намъ остается только снова проститься лѣтъ на десять; наши дороги въ жизни совершенно противоположны.

Діана хотѣла сказать ему что-нибудь теплое, что-нибудь такое, что могло бы загладить воспоминаніе о тяжеломъ оскорбленіи; сердце подсказало ей, что надо было сдѣлать.

— Я васъ увѣряю, братецъ, сказала она,—что сегодня счастливый для меня день; я очень рада, что съ вами встрѣтилась и хочу вполнѣ воспользоваться этой пріятной встрѣчей. Я отпущу карету и, если вы согласны, мы пойдемъ пѣшкомъ въ Сартлупъ. Погода прекрасная и эта прогулка займетъ не болѣе получаса.

— Я съ удовольствіемъ провожу васъ, если вы не найдете это неприличнымъ.

— Что же можно сказать противъ этого? Я прибѣгаю къ покровительству человѣка, который послѣ отца и брата, мой ближайшій родственникъ.

Діана дѣйствительно отпустила карету, сказала гувернанткѣ, что пойдетъ пѣшкомъ и выразила ей въ пламенныхъ выраженіяхъ свое удовольствіе при встрѣчѣ родственника, который напоминалъ ей мать.

— Вы говорите по-англійски, спросила Діана, замѣтивъ, что лицо его приняло счастливое, радостное выраженіе.

— Да. Теперь иное время. И въ нашемъ классѣ есть люди съ знаніями. Въ наше время слѣдуетъ дѣлить людей на полезныхъ и безполезныхъ... Но что мнѣ вздумалось говорить вамъ объ этомъ... я полагаю, вы не привыкли къ такимъ рѣчамъ.

— Я понимаю ихъ, отвѣчала она смиренно.

Они шли полемъ; солнце пекло и было очень пыльно.

— Вы храбры, сказалъ Жанъ Десвартъ, любуясь, какъ твердо и легко шла молодая дѣвушка, не смотря на непріятную дорогу.

— Вы меня слишкомъ мало знаете, чтобъ прійти къ этому убѣжденію.

— Я въ этомъ увѣренъ, судя потому, что вы говорите и дѣлаете. Вы слѣдуете однимъ преданіемъ, а я совершенно другимъ, и что же? вы идете теперь съ человѣкомъ, который самъ обработываетъ землю, продаетъ зерно и занимается скотоводствомъ.

— Но вы, кажется, мнѣ сказали, что вы приготовлялись къ совершенно иной карьерѣ.

— Да, я воспитывался въ Гентѣ, въ инженерной школѣ, а потомъ былъ въ Парижѣ въ школѣ промышленности и искуствъ, путешествовалъ по Германіи и долго жилъ въ Англіи. Неожиданная смерть отца, котораго я былъ единственнымъ сыномъ, перемѣнила мою судьбу. Я счелъ своимъ долгомъ жить съ матерью на нашей землѣ близь Тамиза и дѣлать то, что дѣлалъ отецъ.

— Какая прекрасная жизнь, воскликнула Діана и съ глубокой грустью прибавила:—какое страшное различіе между моей судьбой и вашей.

Жанъ взглянулъ на молодую дѣвушку съ изумленіемъ и глубокимъ чувствомъ. Она шла, поникнувъ головой, и едва удерживала слезы. Наступило молчаніе; разговоръ принялъ такой характеръ, что съ одной стороны онъ долженъ былъ повести къ откровенной исповѣди, а съ другой могъ окончиться непрошеннымъ вмѣшательствомъ.

Глубоко разочарованная окружавшей ее свѣтской пустотой, Діана всегда съ пламенной жаждой искала человѣка искренняго, прямого, съ которымъ она могла бы подѣлиться своимъ горемъ. Выраженіе лица Жана и узы родства со стороны матери, которую она горячо любила, внушили ей мгновенно сочувственное къ нему довѣріе, несмотря на ея обычную сдержанность. Только чувство приличія удерживало ее отъ искренней исповѣди передъ этимъ случайно встрѣтившимся человѣкомъ; она жаждала спросить его совѣта, что дѣлать и какъ поступить. Она находилась въ одномъ изъ тѣхъ тягостныхъ положеній, когда слезы душатъ человѣка, сердце обливается кровью и молодость громко протестуетъ, именно въ эту минуту судьба послала ей неожиданно невѣдомаго друга, который могъ поддержать ее и утѣшить.

— Братецъ, сказала она, вдругъ останавливаясь,—для меня наступаетъ роковая, критическая минута: мнѣ предстоитъ спасти погибшее положеніе и создать новое. Вокругъ меня нѣтъ ни одного человѣка, который могъ бы дать мнѣ настоящій совѣтъ. Поэтому я обращаюсь за этимъ совѣтомъ къ вамъ, котораго я встрѣтила сегодня случайно и, быть можетъ, никогда болѣе не увижу... Повиновеніе дочери къ отцу должно-ли идти до уничтоженія собственной воли?

— То, что кажется простымъ въ теоріи, далеко не такъ просто на практикѣ, сказалъ Жанъ, въ голосѣ котораго звучало болѣе нѣжнаго сожалѣнія, чѣмъ въ самыхъ его словахъ:—вы ранили бы въ кровь ваши бѣлыя ручки, еслибъ захотѣли вырвать всѣ терніи гнетущихъ васъ свѣтскихъ предразсудковъ. Семейныя оковы не легко сбросить. Я не знаю тѣхъ обстоятельствъ, противъ которыхъ возстаетъ ваша душа и, давая вамъ совѣтъ, не выйду изъ границъ вашего вопроса. Вотъ мой совѣтъ: сохраните свободу, это предвкушеніе счастья; а если счастье васъ не посѣтитъ, то возложите все свое упованіе на единственное благо, могущее замѣнить его на землѣ,—на трудъ.

— Но чтобъ эти блага имѣли свою цѣну, они должны быть примѣнены съ пользою. Какой смыслъ имѣетъ свобода воли и трудъ безъ цѣли?

— Свобода безъ цѣли! Трудъ безъ цѣли! воскликнулъ Жанъ, оживляясь:—развѣ вы не понимаете все величіе, заключающееся въ свободѣ воли, особенно для бѣднаго человѣка, въ томъ, что онъ не зависитъ ни отъ кого, не повинуется никому? Въ дѣлѣ брака берегитесь, чтобъ слово повиновеніе не сдѣлалось синонимомъ продажи; роковая судьба существуетъ только для тѣхъ, которые отказываются отъ свободы воли. Въ этомъ заключается, быть можетъ, вся тайна человѣческой силы. Если вы вѣрите въ безполезность труда, если вы отрицаете полезный результатъ всякаго разумнаго усилія, терпѣливой работы и энергичной дѣятельности—посмотрите вокругъ себя и вспомните, что высокіе колосья на поляхъ произошли отъ незамѣтнаго сѣмени, брошеннаго въ землю пахаремъ. Обрабатывайте свою нравственную почву, образуйте свой умъ; первая произведетъ на свѣтъ добродѣтели, послѣдній таланты и наступитъ минута, когда случай, необходимость, или человѣкъ, дорогой вашему сердцу, спросятъ въ нихъ отчетъ. Всякій трудъ оплачивается на землѣ и служитъ лучшимъ орудіемъ противъ грозныхъ враговъ нашего спокойствія. Въ жизненный бой вступаютъ безоружными только тунеядцы.

Діана жадно слушала его слова. Какъ желала бы она умѣть обращаться съ орудіемъ, представляющимъ подспорье для искуства не убивать, а жить—съ трудомъ!

Въ глубинѣ своего сердца она съ удовольствіемъ признала, что ея двоюродный братъ отличался тактомъ, знаніемъ, деликатностью и

Идилія. Рѣзалъ на деревѣ **Брендамуръ**.

тѣмъ особымъ поэтическимъ настроеніемъ ума, которое англичане называютъ юморомъ.

— Мнѣ кажется, братецъ, сказала она,—что я иду на авось. Знаете вы дорогу въ Сартлупъ?

— Конечно. Я по своимъ дѣламъ часто бываю въ этой сторонѣ; въ четверти мили отъ замка, я хотѣлъ сказать, крѣпости г-жи Фассенъ, находится моя ферма. Вотъ мы и пришли. Эти деревья уже въ паркѣ вашей тетки.

Они вмѣстѣ дошли до рѣшетки параднаго двора.

— Теперь намъ надо проститься, сказалъ Жанъ.

— Я предпочитаю сказать до свиданія, отвѣчала Діана, протягивая ему руку.

Пройдя черезъ дворъ и взойдя на крыльцо, она обернулась и еще разъ кивнула головой удалявшемуся Жану.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Сельскіе пожары и средства противъ нихъ.

(Плодъ женскаго досуга.)

Ст. г-жи Кармиловой.

3 августа этого года, въ виду всего города Пензы, происходило одно изъ ужасныхъ зрѣлищъ, которыя нерѣдко представляетъ деревенская жизнь въ лѣтнее время. Горѣло село Терновка, въ 3 верстахъ отъ Пензы. Болѣе 70 домовъ истреблено огнемъ менѣе, чѣмъ въ часъ. Изъ Пензы высылали пожарную команду, но она была безсильна остановить огонь. Это село горѣло два раза на одной недѣлѣ.

Вообще, въ лѣтнее время сельскіе пожары довольно часты и всегда болѣе или менѣе опустошительны. Нерѣдко также случается, что значительныя селенія цѣликомъ пожираются огнемъ, превращаясь въ пепелъ, какъ с. Терновка. Сколько притомъ гибнетъ даромъ народныхъ силъ и крестьянскаго труда, сколько тратится безплодно земскихъ капиталовъ и сколько семействъ ежегодно дѣлается нищими, ища пропитаніе милостыней!

Терновка видна изъ оконъ занимаемой мною квартиры и послѣдній пожаръ ея происходилъ передъ моими глазами. Впечатлѣніе этой картины было таково, что ему невольно подчинились наши домашнія думы и мысли, и темою нашего разговора въ этотъ день было: «пожары и средства противъ нихъ». Тоже, вѣроятно, было и во многихъ другихъ домахъ Пензы. По крайней мѣрѣ, на улицѣ только и слышалась одна рѣчь: о пожарѣ. Несомнѣнно, не одни печали и сожалѣнія о погорѣвшихъ занимали зрителей печальнаго событія; вѣроятно, ими высказаны были также мысли и соображенія болѣе или менѣе полезныя. И какъ знать, если бы эти мысли и соображенія переданы были ко всеобщему свѣденію, быть можетъ, въ нихъ нашлось бы что-нибудь, чѣмъ можно бы было воспользоваться для уменьшенія гибельнаго дѣйствія пожаровъ.

Странно! Наука, съумѣвшая побѣдить пространство, подчинившая себѣ громъ и молнію, изыскивающая способъ создать живую клѣточку, грозящая подвергнуть сомнѣнію самый законъ смерти, на этотъ разъ остается безмолвною. По крайней мѣрѣ, она ничего не дала намъ, что бы могло служить сколько-нибудь надежнымъ средствомъ противъ опустошительности сельскихъ пожаровъ. Но значитъ-ли это, что она безсильна? Едва-ли. Не должно-ли объяснять это простымъ недоразумѣніемъ, состоящимъ въ томъ, что жрецамъ ея мало приходится наблюдать такіе пожары, а потому они или совсѣмъ не имѣютъ представленія о нихъ, или же смѣшиваютъ ихъ съ пожарами, происходящими въ столицахъ, въ которыхъ они въ большинствѣ случаевъ живутъ. Если же наука молчитъ, то понятно и техника будетъ въ бездѣйствіи. Въ такомъ случаѣ почипъ долженъ слѣдовать со стороны людей, ближе стоящихъ къ дѣлу, со стороны публики. Да и что такое публика въ данномъ случаѣ? Вѣдь это таже наука, только разбросанная по крохамъ. Соберите всѣ эти крохи и образуется цѣлое, не менѣе грандіозное, какъ и совокупныя знанія присяжныхъ ученыхъ.

Въ силу этой идеи и въ интересахъ настоящаго предмета, я беру на себя смѣлость представить на судъ публики, бывшій по поводу пожара въ с. Терновкѣ, разговоръ въ нашей семьѣ.

Сельскіе пожары обращаютъ на себя вниманіе, главнымъ образомъ, своей гибельной опустошительностью. Причины же ея заключаются въ томъ, что сельскія постройки дѣлаются изъ очень горючаго и легко воспламеняющагося матеріала и, кромѣ того, располагаются слишкомъ близко одна къ другой, представляя почти сплошную стѣну. Поэтому, разъ начался огонь, онъ скоро пріобрѣтаетъ такое быстрое движеніе, что его трудно уже остановить. Вторая причина—отсутствіе у насъ болѣе радикальныхъ средствъ для тушенія сильнаго огня. Машины наши хороши только тамъ, гдѣ огонь не успѣлъ еще пріобрѣсти достаточной энергіи, или гдѣ можетъ быть сосредоточено дѣйствіе многихъ машинъ въ одномъ пунктѣ. При этомъ требуется громадный расходъ рабочей силы и значительный запасъ воды. Оба эти условія почти не выполнимы въ деревнѣ въ лѣтнюю пору. Въ это время, какъ извѣстно, большинство взрослаго населенія бываетъ или на заработкахъ, или на полевыхъ работахъ, отстоящихъ часто очень далеко отъ селеній, слѣдовательно, въ отлучкѣ отъ дома. Наличные же жители, вмѣстѣ съ тѣми, которые успѣютъ прибѣжать на пожаръ съ поля, бываютъ заняты каждый своими пожитками. Извѣстно, что въ селахъ обыкновенно бываетъ такъ: загорѣлась одна изба,—всѣ выбираются изъ своихъ домовъ. А потому разсчитывать на свободную рабочую силу трудно. Что же касается запасовъ воды, то извѣстно безводіе многихъ изъ нашихъ среднихъ и южныхъ губерній. Пензенская губернія занимаетъ не послѣднее мѣсто въ числѣ ихъ. Очень часто въ лѣтнее время и особенно въ жаркую пору, когда наиболѣе опасны пожары, воды едва достаетъ для питья и для варки пищи мѣстному населенію, и ту нужно доставать нерѣдко или изъ 10-ти-саженнаго колодца, или же изъ родника, гдѣ-нибудь въ лѣсу, версты за двѣ отъ селенія. Что въ такихъ условіяхъ могутъ сдѣлать наши машины? Я не говорю уже о томъ, осуществимо-ли на практикѣ содержаніе ихъ въ нашихъ селахъ въ достаточномъ количествѣ?

Избѣгнуть легко воспламеняющагося матеріала въ сельскихъ постройкахъ очень трудно, по крайней мѣрѣ теперь, при настоящемъ уровнѣ благосостоянія сельскаго населенія, потому что главный изъ нихъ, солома, какъ продуктъ очень дешевый и притомъ свой и всегда имѣющійся подъ руками, если не на всегда, то надолго еще останется господствующимъ матеріаломъ для покрышки. Точно также и дерево. Впрочемъ, введеніемъ въ постройку, вмѣсто деревянныхъ стѣнъ, глиняныхъ значительно уменьшается количество горючаго матеріала. Въ этомъ отношеніи въ Пензенской губерніи, говорятъ, кое-что сдѣлано. Это, конечно, уже нѣкоторый шагъ впередъ. При этомъ условіи, хотя раззорительность пожаровъ будетъ менѣе ощутительна. Стремительность же огня, говорятъ, мало парализуется ими, такъ что при большинсвѣ даже такихъ построекъ въ составѣ селенія, опустошительность пожаровъ остается въ прежней силѣ. Въ смыслѣ мѣры, предупреждающей сильное развитіе пожара, нельзя также не обратить вниманія на обычай крестьянъ Пензенской губерніи, разсаживать предъ своими домами деревья. Къ сожалѣнію, однакожь, это дѣлается не вездѣ и не въ достаточныхъ размѣрахъ.

Болѣе рѣдкое размѣщеніе въ планѣ дворовъ несомнѣнно будетъ полезно въ видахъ уменьшенія вреда отъ пожаровъ. Только притомъ промежутки между дворами должны быть не уже 15—20 саж. Пространство это, конечно, не должно пропадать втунѣ; оно съ большимъ удобствомъ можетъ быть занято огородомъ или садомъ. Нѣчто подобное въ расположеніи дворовъ въ селеніяхъ, мнѣ привелось видѣть въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, Олонецкой губерніи, и тамъ о сплошныхъ пожарахъ нѣтъ и помину. Если къ этому еще прибавить разсадку высокоствольныхъ лиственныхъ деревъ вокругъ дворовъ, то можно смѣло утверждать, что при этихъ условіяхъ, большіе пожары совершенно прекратятся.

Само собою разумѣется, что вслѣдствіе такого размѣщенія дворовъ, объемы селеній, по занимаемому ими квадратному пространству, должны будутъ значительно возрости. Будетъ-ли это практично въ другихъ отношеніяхъ, я не берусь рѣшать; но, повидимому, особенныхъ неудобствъ отъ этого не должно произойти. Быть можетъ, будетъ лучше, если мы вмѣсто расширенія объемовъ селеній, обратимся къ замѣнѣ большихъ селъ поселками, съ соблюденіемъ въ нихъ также размѣщенія дворовъ на разстояніяхъ. Система поселковъ хороша, кромѣ того, и тѣмъ, что при ней полнѣе могутъ быть удовлетворены интересы хлѣбопашества, такъ какъ предполагается, что каждый поселокъ будетъ занимать положеніе въ центрѣ обработываемыхъ имъ земель и, слѣдовательно, будетъ имѣть послѣднія на ближайшемъ разстояніи, чѣмъ это бываетъ при большихъ селахъ. Съ такою именно формою разселенія крестьянскаго земледѣльческаго населенія, мы встрѣчаемся въ Вятской губерніи, и намъ извѣстно, что вятскій крестьянинъ пользуется относительно наибольшимъ благосостояніемъ. Таковъ же въ существенныхъ чертахъ и современный типъ земледѣльческой усадьбы, рекомендуемый политической экономіи.

Такимъ образомъ, улучшеніе способовъ тушенія пожаровъ остается пока единственною мѣрою, къ которой мы должны обратиться для предотвращенія опустошительности сельскихъ пожаровъ. Выше было упомянуто, что существующія у насъ пожарныя машины мало примѣнимы къ тушенію сельскихъ пожаровъ, такъ какъ при совокупномъ дѣйствіи нѣсколькихъ машинъ могутъ давать полезный результатъ; къ такому же сосредоточенію ихъ на сельскихъ пожарахъ встрѣчаются препятствія со стороны практическихъ условій. Объ этихъ условіяхъ сказано достаточно. Обратимся теперь къ разъясненію первой половины даннаго положенія, утверждающей несостоятельность нашихъ пожарныхъ машинъ, въ случаѣ дѣйствія ихъ въ недостаточномъ, относительно силы огня, числѣ. Сколько извѣстно, всѣ наши пожарныя машины дѣйствуютъ водою. Заливаніе огня водою имѣетъ своимъ основаніемъ разсчетъ на пониженіе температуры пламени, вслѣдствіе испаренія воды. Но въ сильномъ жару (краснокалильномъ) вода, какъ извѣстно, разлагается на составные свои элементы: водородъ и кислородъ. Первый изъ нихъ, въ нагрѣтомъ состояніи и въ присутствіи кислорода воздуха, самъ горитъ, выдѣляя при этомъ очень большое количество теплоты; присутствіемъ же второго обусловливается процессъ обыкновеннаго горѣнія, и при томъ такъ, что сила послѣдняго вполнѣ зависитъ отъ степени концетраціи его (кислорода). Въ чистомъ кислородѣ, напримѣръ, можетъ горѣть даже желѣзо. Поэтому, если, при заливаніи огня водою, мы не успѣемъ сразу понизить его температуру настолько, чтобы, какъ говорится, задавить пламя, то цѣль наша останется недостигнутою. Правда, разложеніемъ воды, температура огня также понижается весьма значительно, и даже гораздо болѣе, чѣмъ отъ испаренія ея,

но если количество воды будетъ малое, а пламя очень большое, то въ общемъ это пониженіе будетъ мало чувствительно и тѣмъ болѣе, что слѣдующее затѣмъ возгараніе газовъ, на которые разложилась вода, возобновляетъ энергію пламени въ прежней его силѣ. Мало того, такъ какъ при горѣніи водорода выдѣляется большое количество теплоты, то тамъ, гдѣ онъ будетъ горѣть, пламя будетъ наиболѣе жарко, и слѣдовательно наиболѣе способно воспламенять отдаленные предметы. Это дѣйствіе его еще болѣе можетъ быть усилено вліяніемъ находящагося въ средѣ пламени, въ болѣе или менѣе концентрированномъ видѣ, кислорода, который выдѣлился при разложеніи воды, такъ какъ предполагается, что горѣніе водорода будетъ происходить насчетъ кислорода воздуха. Пиро-техника давно уже знакома съ этимъ процессомъ и очень часто пользуется имъ для своихъ цѣлей, когда нужно бываетъ усилить дѣйствіе пламени въ данный моментъ. Это достигается тѣмъ, что въ топку дѣйствующей печи вводятъ пары воды, пропуская ихъ предварительно сквозь раскаленные угли. Получаемый при этомъ пирометрическій эффектъ даетъ изумительные результаты.

Кромѣ этого, сгараніе водорода, при данныхъ условіяхъ, необходимо должно сопровождаться взрывами, вслѣдствіе образованія гремучаго газа. Взрывы эти еще болѣе опасны при сельскихъ пожарахъ, такъ какъ ими главнымъ образомъ обусловливается выбрасываніе головней и такъ-называемыхъ «огневыхъ галокъ», которыми пожаръ разносится часто на значительныя разстоянія.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что 1) полезный результатъ отъ заливанія огня водою можетъ быть достигнутъ только въ томъ случаѣ, если мы сразу вольемъ въ огонь такое количество воды, на разложеніе и испареніе котораго израсходовалась бы вся энергія (живая сила) пламени, или, по крайней мѣрѣ, значительно большая часть ея, т. е. температура пламени, вслѣдствіе разложенія и испаренія воды понизилась бы настолько, чтобы была ниже температуры обыкновеннаго горѣнія. А такъ какъ при сельскихъ пожарахъ во время лѣта огонь бываетъ чрезвычайно силенъ, то, для затушенія его, требуется и соотвѣтственно большое количество машинъ, 2) дѣйствуя при сильномъ пожарѣ незначительнымъ числомъ машинъ, мы въ лучшемъ случаѣ получимъ результатъ, равный переливанію изъ пустого въ порожнее, т. е. сдѣлаемъ совершенно непроизводительную затрату силы, а въ худшемъ можемъ еще усилить пожаръ.

Чтобы пожарная машина была удобопримѣнима къ тушенію сельскихъ пожаровъ, она должна удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: 1) она должна давать сразу гораздо большее, чѣмъ теперь, количество силы, способной понижать температуру огня; 2) дѣйствіе ея не должно требовать большого расхода мускульной рабочей силы; 3) постоянство ея дѣйствія не должно находиться въ зависимости отъ запаса въ данной мѣстности воды. Такъ какъ очевидно при этомъ, что мы не можемъ ни расширять объема настоящей машины, ни увеличивать количество потребляемой ею воды, то намъ остается искать средства только въ замѣнѣ употребляемой въ настоящее время воды, какою-нибудь другою жидкостью, которая бы имѣла большую испарительную, а слѣдовательно и охлаждающую пламя способность. Извѣстно, что нѣкоторыя жидкости такъ летучи, что могутъ оставаться въ капельно-жидкомъ состояніи только при герметической закупоркѣ ихъ въ непроницаемыхъ для газовъ сосудахъ; будучи же открыты, скоро испаряются. Такъ, капля эфира, выпущенная на воздухъ, испаряется такъ быстро, что при разстояніи въ 1 арш. отъ полу, она не успѣваетъ долетать до него. Это испареніе всегда сопровождается значительнымъ пониженіемъ температуры, которая будетъ при томъ тѣмъ больше, чѣмъ быстрѣе происходитъ испареніе. Если смочить руку эфиромъ, то чрезъ нѣсколько секундъ она охлаждается такъ, какъ будто бы долго оставалась на холоду.

Извѣстно также, что наука очень часто пользуется этимъ свойствомъ летучихъ жидкостей, когда требуется пониженная температура. Тотъ же эфиръ, напр., въ распыленномъ состояніи, способенъ заморить въ любомъ мѣстѣ члены живого организма и медицина пользуется этимъ, употребляя его какъ мѣстно-анестезическое средство при хирургическихъ операціяхъ. Достигаемая при этомъ температура доходитъ до 22° Ц. Употребленіемъ другихъ болѣе летучихъ жидкостей достигается еще болѣе низкая температура. Мы давно уже имѣемъ средства искуственнымъ холодомъ замораживать ртуть, для чего требуется тепература въ — 40° Ц. Въ настоящее же время, когда найдена возможность переводить такъ называемые постоянные газы въ въ жидкое состояніе, въ которомъ испарительная способность ихъ должна быть чрезвычайна, мы имѣемъ средство понижать температуру до невѣроятныхъ размѣровъ. Уже углекислота, которую удалось сконцентрировать въ жидкость гораздо прежде, чѣмъ многіе другіе газы, при испареніи ея изъ жидкаго состоянія, понижаетъ температуру до — 78° Ц., а въ соединеніи съ эфиромъ даже до — 100° Ц. Отъ чего бы намъ не примѣнить къ тушенію пожаровъ такихъ летучихъ жидкостей? Способъ былъ бы самый радикальный. Этимъ способомъ, говоря гиперболически, можно бы просто заморозить пламя.

Съ примѣненіемъ къ тушенію пожаровъ газовыхъ жидкостей, мы нетолько бы имѣли могущественное средство противъ опустошительности пожаровъ, но и все дѣло упростилось бы до чрезвычайности; расходъ же рабочей силы могъ бы быть сокращенъ до минимума. Представимъ себя газовую жидкость, заключенную въ герметически-закупоренномъ сосудѣ. Вслѣдствіе большой испарительной способности этой жидкости, внутри сосуда будетъ развиваться постоянно давленіе, соотвѣтственно, высокой степени. Если такой сосудъ снабдить полою трубкою, одинъ изъ концовъ которой будетъ погруженъ въ жидкость, а другой оставаться снаружи сосуда, то заключенная въ сосудѣ жидкость будетъ выбрасываться изъ него чрезъ эту трубку струею, на подобіе фонтана. Сила этой струи будетъ зависѣть всякій разъ отъ степени развиваемаго внутри сосуда давленія, слѣдовательно, отъ величины испарительной способности заключенной въ сосудѣ жидкости. А такъ какъ эта послѣдняя предполагается пропорціональною упругости газа, изъ котораго сконцентрирована будетъ жидкость, то и сила струи должна находиться въ зависимости отъ той же причины. Изъ опыта же духового ружья, дѣйствующаго сгущеннымъ воздухомъ, мы можемъ отчасти убѣдиться, что она должна быть очень большою. Далѣе, если наружный конецъ трубки мы соединимъ съ удобоподвижнымъ рожкомъ, снабженнымъ краномъ, такъ чтобы имѣть возможность направлять и прекращать дѣйствіе струи по желанію, то уже и въ этомъ видѣ данный аппаратъ можетъ служить для дѣйствія на пожарахъ. Легко видѣть, что разъ онъ будетъ установленъ, для дѣйствія имъ не представляется уже никакихъ затрудненій: нуженъ будетъ одинъ только работникъ, для управленія рожкомъ. Само собою разумѣется, что теперь должно считать еще преждевременнымъ входить въ болѣе подробное обсужденіе возможно лучшаго устройства подобнаго аппарата; настоящимъ примѣромъ имѣлось цѣлію только дать болѣе наглядное выраженіе предлагаемой идеи.

Противъ этого способа тушенія пожаровъ, можетъ быть только одно возраженіе — дороговизна его. Но дѣйствительно ли это такъ? Правда, добываніе газовыхъ жидкостей въ настоящее время должно обходиться чрезвычайно дорого, но не надо забывать, что теперь оно находится пока только въ сферѣ научныхъ опытовъ, а при этихъ условіяхъ всякая операція должна стоить несравненно дороже, чѣмъ при организованномъ производствѣ. Когда же это дѣло передано будетъ въ руки промышленной техники, то имѣется полное основаніе предполагать, что этотъ способъ обойдется гораздо дешевле, чѣмъ тѣ милліоны рублей, которые теперь ежегодно уносятся у насъ одними сельскими пожарами, тѣ сотни тысячъ, которыя стоитъ намъ содержаніе многочисленныхъ страховыхъ обществъ, и тѣ десятки тысячъ, которыя теперь требуются на содержаніе сложныхъ и многолюдныхъ пожарныхъ командъ.

Чтобы поставить настоящій вопросъ на болѣе реальную почву, нахожу не лишнимъ дополнить сказанное еще слѣдующими соображеніями. Не всякій газъ можетъ быть одинаково пригоденъ для данной цѣли; вмѣстѣ съ тѣмъ отъ примѣненія того или другого газа, должна значительно разниться стоимость производства потребной газовой жидкости. Мы должны выбрать такой газъ, который бы и удовлетворялъ требованіямъ болѣе или менѣе полно и находился бы въ изобиліи. Однимъ изъ такихъ, безъ сомнѣнія, должно считать углекислоту, которая кромѣ того и по другимъ своимъ качествамъ, какъ нельзя лучше, соотвѣтствуетъ данному назначенію. 1) Объ испарительной способности жидкой углекислоты довольно сказать, что для полученія одного объема ея требуется болѣе 40 объемовъ газа; слѣдовательно, выпускаемая въ свободное пространство, она должна будетъ расшириться болѣе чѣмъ въ 40 разъ, чтобы достигнуть нормальной плотности. Точка кипѣнія ея — 76° Ц. О температурѣ, получаемой при испареніи ея сказано выше. 2) Углекислота, какъ въ жидкомъ, такъ и въ газообразномъ состояніи не можетъ ни сама горѣть, ни поддерживать горѣнія, слѣдовательно, отъ употребленія ея не можетъ быть опасности усиленія пожара. 3) При отрицательномъ отношеніи ея къ процессамъ горѣнія, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, должна дѣйствовать подавляющимъ образомъ на пламя и потому уже, что массою ея механически будетъ разбавляться всякій разъ кислородъ воздуха, на счетъ котораго происходитъ горѣніе, почему кислородъ будетъ дѣйствовать на горючій матеріалъ менѣе энергично. Наконецъ 4) углекислотою легче, чѣмъ какимъ либо другимъ газомъ, обезпечить наши потребности. Кромѣ громадныхъ запасовъ ея въ минеральномъ царствѣ *), она, какъ извѣстно, составляетъ одинъ изъ главныхъ продуктовъ обыкновеннаго горѣнія; точно также ея весьма много выдѣляется при процессахъ спиртового броженія и при гніеніи. Изъ всѣхъ этихъ процессовъ она, во многихъ случаяхъ, легко можетъ быть утилизирована, когда будетъ настоять въ томъ надобность.

Я не обольщаю себя надеждою, что моя идея найдетъ себѣ скорое осуществленіе на практикѣ; прежде, чѣмъ перейти въ дѣло, она должна быть строго разработана наукою и опытомъ. Затѣмъ послѣдуютъ практическія изысканія. Такимъ образомъ, можетъ пройти добрый десятокъ лѣтъ прежде, чѣмъ мы увидимъ пожарную машину, дѣйствующую газовою жидкостію. А потому желательно было бы найти такое средство,

*) Изъ минеральнаго царства достаточно указать на одну углекислую извѣсть ($Ca\ Co_3$), называемую въ обыденной жизни мѣломъ, залежи котораго во многихъ мѣстахъ представляютъ неизчерпаемые запасы и въ составѣ котораго содержится углекислоты до 44% по вѣсу.

которое можно бы было примѣнить къ практикѣ въ ближайшемъ времени. Въ этихъ видахъ можно бы рекомендовать слѣдующую комбинацію.

Выше мы видѣли, что заливаніе огня водою не достигаетъ часто своей цѣли потому именно, что въ жаркомъ пламени вода легко разлагается на свои составные элементы: водородъ и кислородъ, которые, если температура горѣнія не будетъ значительно понижена, въ свою очередь, возгараются, производя при этомъ дѣйствіе противоположное нашей цѣли. Замѣнить воду другою какою-нибудь жидкостію не представляется никакой возможности, такъ какъ всѣ онѣ еще менѣе устойчивы въ высокой температурѣ, чѣмъ вода, не говоря уже о томъ, что большая часть изъ нихъ способны къ непосредственному горѣнію. Слѣдовательно, намъ остается искать способа, посредствомъ котораго можно бы было: 1) сообщить водѣ большую силу дѣйствія, въ смыслѣ фактора понижающаго температуру горѣнія; 2) устранить, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать болѣе труднымъ возгораніе ея составныхъ элементовъ по разложеніи ея въ жару пламени. Этого можно, повидимому, достигнуть, если мы къ водѣ, которою дѣйствуютъ наши пожарныя машины, будемъ прибавлять достаточное количество той же углекислоты.

Извѣстно, что этотъ газъ, при обыкновенной температурѣ и при обыкновенномъ атмосферическомъ давленіи, растворяется въ водѣ объемъ на объемъ, имѣетъ удѣльный вѣсъ по отношенію къ воздуху 1,524, а оттуда по отношенію къ водѣ 0,002; при нагрѣваніи же воды онъ скоро улетучивается, что, конечно, должно сопровождаться болѣе или менѣе значительнымъ поглощеніемъ теплоты и, слѣдовательно, пониженіемъ температуры. Но при увеличеніи давленія, растворимость его, оставаясь тою же, по отношенію къ объему, увеличивается въ отношеніи вѣсовыхъ количествъ пропорціонально давленію. А такъ какъ въ нашихъ пожарныхъ машинахъ давленіе обыкновенно очень сильное, то мы легко можемъ достигнуть двойного, тройного и даже гораздо большаго количества ея въ растворѣ.

Добываніе углекислаго газа и введеніе его въ машину не можетъ представлять никакихъ затрудненій. Извѣстно, что дву-углекислая сода (употребляемая при фабрикаціи многихъ шипучихъ напитковъ) содержитъ его до $5\frac{1}{2}\%$ по вѣсу; извѣстно также, что эта соль растворима въ водѣ. Если же къ раствору ея прибавить какой-нибудь кислоты, болѣе энергичной, чѣмъ углекислота (напр., виннокаменной, соляной, сѣрной, азотной и др.; для даннаго случая всего лучше будетъ соляная или хлористо-водородная кислота), то послѣдняя выдѣлится въ видѣ газа. Легко видѣть, что на счетъ выдѣлившейся, такимъ образомъ, углекислоты, если ея будетъ болѣе, чѣмъ можетъ раствориться въ данномъ объемѣ воды, при существующемъ давленіи, оно увеличится. Для этого нужно только, чтобы количество соды въ водѣ было въ избыткѣ, противъ потребнаго, для раствора количества углекислоты. Избытокъ соды и самъ по себѣ можетъ быть полезенъ. Извѣстно, что эта соль, при нагрѣваніи, легко разлагается, выдѣляя углекислоту; въ остаткѣ же получается ѣдкій натръ. Эта именно реакція произойдетъ и въ томъ случаѣ, если растворъ соды будетъ влитъ въ огонь. При этомъ углекислота должна будетъ улетучиваться, окислъ же, какъ соединеніе очень прочное, останется въ пламени пассивнымъ *). Ясно, что вслѣдствіе разложенія соли и улетучиванія углекислоты, температура пламени должна будетъ значительно понизиться. Даже однимъ этимъ способомъ можно достигнуть значительныхъ результатовъ въ сравненіи съ чистою водою. Если мы примемъ во вниманіе при этомъ силу дѣйствія, которое будетъ производить еще вода сама по себѣ, то намъ понятно будетъ, что 1) въ данномъ случаѣ степень пониженія температуры горѣнія будетъ болѣе значительна, чѣмъ при дѣйствіи одною водою, чѣмъ съ одной стороны будетъ предупреждена возможность разложенія послѣдней, а съ другой возможность возгаранія ея составныхъ элементовъ, если бы часть ея все-таки разложилась. 2) Улетучивающеюся углекислотою значительно будетъ разбавлена атмосфера, въ которой происходитъ горѣніе, что также, какъ мы видѣли выше, должно дѣйствовать подавляющимъ образомъ на пламя.

Точно также данный способъ можно рекомендовать, какъ средство для замѣны мускульной рабочей силы, при дѣйствіи нашими пожарными машинами. Неизвѣстно, почему до сихъ поръ не воспользовалась этимъ практика. Представимъ себѣ бочку, наполненную растворомъ соды и снабженную, сверху герметически закрывающимся отверстіемъ, чрезъ которое бочка наполняется жидкостію, а съ боку, внизу прямымъ краномъ, съ которымъ соединяется обыкновенная пожарная труба (кишка). Если, послѣ того, какъ бочка будетъ наполнена жидкостію, мы прильемъ къ послѣдней достаточное количество соляной кислоты, то выдѣляющаяся затѣмъ углекислота можетъ произвести такое давленіе на жидкость, котораго не въ состояніи дать ни одна изъ нашихъ пожарныхъ машинъ. Если отвернуть послѣ того кранъ и направить какъ слѣдуетъ трубу, то вода будетъ выходить чрезъ послѣднюю струею, сила которой будетъ находиться въ зависимости отъ степени давленія внутри бочки. А такъ какъ послѣднее предполагается большимъ, чѣмъ то, которое даютъ наши машины, то и сила напряженія струи должна быть значительнѣе.

Всѣ эти соображенія имѣютъ въ своемъ основаніи пока только теоретическія построенія, а потому, какъ ни ясны послѣднія, они все-таки нуждаются въ подтвержденіи ихъ опытомъ. Такъ какъ опыты въ этомъ родѣ очень просты и стоятъ не дорого, то желательно бы было произвести ихъ какъ можно скорѣе.

*) Въ водѣ кромѣ того будетъ находиться въ растворѣ нѣкоторая часть, именно на 1 фунтъ выдѣлившейся угсекислоты $1\frac{1}{3}$ фунта хлористаго натрія (N a C l. или обыкновенной столовой соли), который долженъ получиться вслѣдствіе дѣйствія соляною кислотою на соду. Хлористый натрій также представляетъ соединеніе очень прочное, а потому предполагается, что онъ также будетъ оставаться въ пламени, при данныхъ условіяхъ, пассивнымъ.
(*Примѣч. автора*).

На Дальнемъ Западѣ.

Путевые наброски Сѣверной Америки.

Ст. А. И. Елишева.

Индѣйская территорія.

I.

На рабочемъ поѣздѣ.

Парсонсъ.—Отъѣздъ въ Индѣйскую территорію.—Мексиканцы.—Рабочій поѣздъ.—Граница территоріи.—Винита.—Разливъ Вердегри-ривера.—Установка моста.—Змѣи.—Ночлегъ.—Старикъ ирланецъ.—Запрещенная торговля виномъ.—Перевозка пассажировъ.—Уборка разбитаго поѣзда.—Исправленіе пути.—Общество рабочихъ.—Погоньщикъ.—Убитый рабочій.—Пробный поѣздъ.—Разсчетъ.

Въ жаркій полдень въ началѣ іюля подходилъ я къ Парсонсу, городу возникшему года три тому назадъ при соединеніи двухъ рельсовыхъ путей въ Техасъ. Красивыя, опрятныя новыя зданія, бойкая торговля въ биткомъ набитыхъ магазинахъ, снующіе взадъ и впередъ по улицамъ поѣзда желѣзной дороги и фермерскіе фургоны—все это произвело на меня живое впечатлѣніе, ободрило и заразило своею дѣятельностью, и хотя весь долгій переходъ, я только и мечталъ объ отдыхѣ, тутъ, среди кипучей жизни, я предпочелъ немедленно же отправиться искать работу.

Не смотря на свою юность, городъ имѣетъ уже до 2-хъ тысячъ жителей, 2 газеты, 2 банка, нѣсколько фабрикъ и заводовъ и, возвышающееся надъ всѣмъ этимъ, зданіе нормальной школы. Потолкавшись между фермерами на улицѣ и въ гостинницахъ, и не успѣвъ найти никакого занятія, я отправился на станцію желѣзной дороги. Участковый инженеръ, заставивъ два раза подтвердить, что я русскій, и затѣмъ, пристально осмѣтрѣвъ меня съ головы до ногъ, объявилъ мнѣ, что на ихъ линіи рабочіе нужны только въ Индѣйскую территорію, гдѣ вчера смыло мостъ на Вердегри-риверѣ. Плата — 1 дол. 25 цен. въ день и харчи отъ компаніи. Завтра утромъ долженъ придти рабочій поѣздъ съ Востока, на которомъ я могу ѣхать къ мѣсту работы.

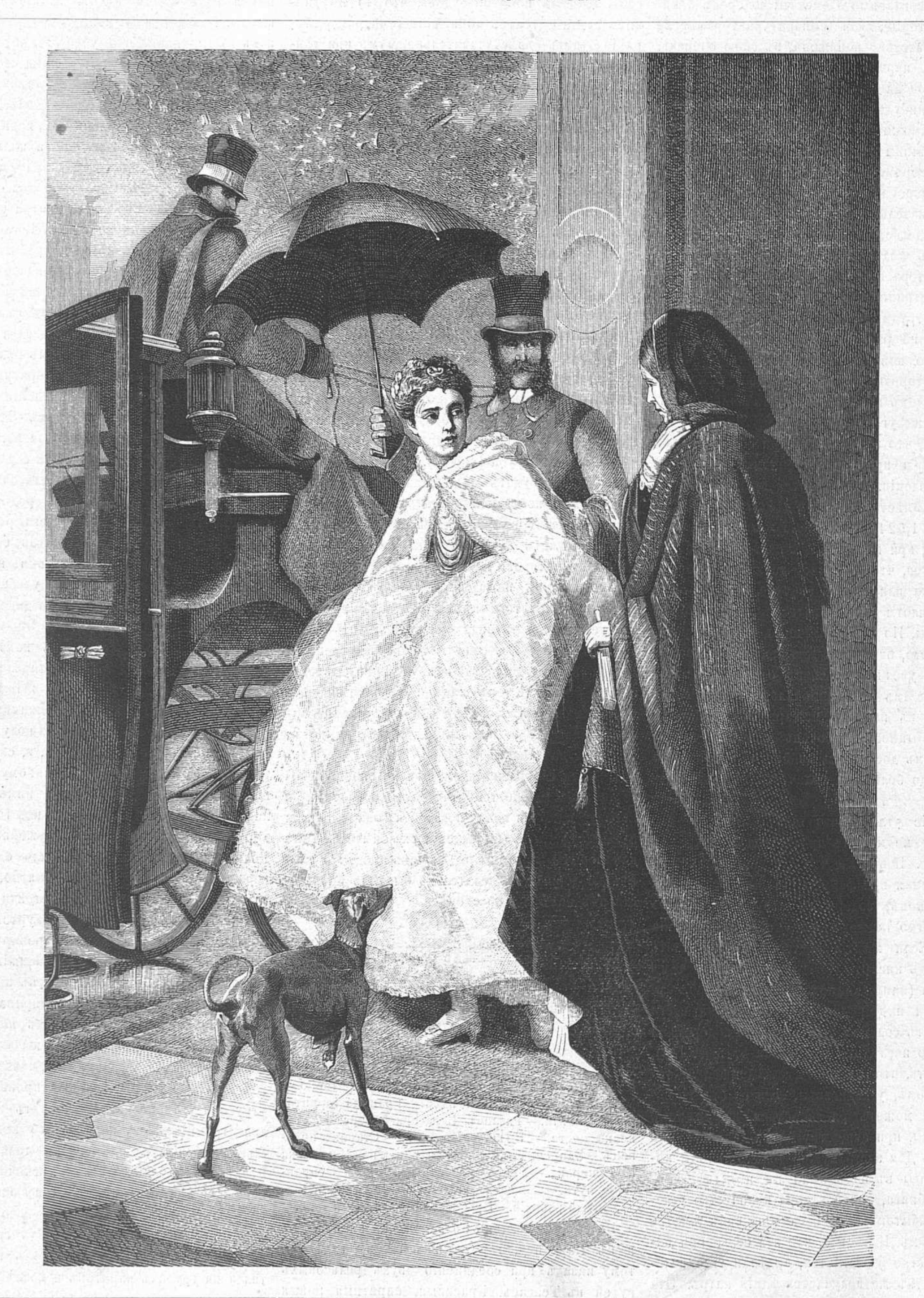
Хотя Индѣйская территорія вовсе не входила въ мой маршрутъ, но возможность побывать въ этомъ прелестномъ краѣ сразу измѣнила мои планы и я рѣшилъ неупускать случая сдѣлать такую интересную поѣздку, тѣмъ болѣе, что мнѣ обѣщали дать безплатно и обратный билетъ, если бы я по окончаніи исправленія моста пожелалъ возвратиться въ Канзасъ. Чтобы скоротать время оставшееся до вечера, я пошелъ опять осматривать городокъ. За обѣдомъ въ гостинницѣ, хозяинъ французъ былъ очень обрадованъ, услыша отъ меня свою родную рѣчь и предложилъ мнѣ остаться у него работникомъ, на подгородной фермѣ. Но мысль побывать въ Индѣйской территоріи настолько понравилась мнѣ, что я мало заботился объ удобствахъ и заработкѣ и не согласился на его довольно выгодныя условія.

Возвратившись ночевать въ вокзалъ, я, несмотря на усталость, тщетно старался сколько-нибудь заснуть. Почти половину маленькой пассажирской комнаты заняли мексиканцы, расположившіеся на своихъ плащахъ на полу. Они ѣхали изъ Чикаго, куда отвозили скотъ, и, сильно подкутивъ, цѣлую ночь не давали никому покоя: мѣняли ружья и револьверы. Къ нимъ пристроились какіе-то темныя личности изъ города, найдя хорошій сбытъ всякому оружейному хламу. Большинство мексиканцевъ было одѣто въ совершенно новыя костюмы, вѣроятно, только что купленные въ Чикаго. Они состояли изъ коротенькихъ, отдѣланныхъ шнурками куртокъ изъ черного бархата и такихъ же шароваръ. Смуглыя, почти черныя лица, выглядывавшія изъ подъ широчайшихъ шляпъ, обличали въ нихъ присутствіе африканской крови. Они принадлежали къ тѣмъ полуосѣдлымъ обитателямъ пограничныхъ съ Мексикой мѣстностей, въ жилахъ которыхъ текла индѣйская, африканская, испанская, а можетъ быть, и англосаксонская кровь. Только къ утру они угомонились. Чуть свѣтъ насъ разбудилъ громкій звонъ паровознаго колокола. Это былъ рабочій поѣздъ. Лишь только я и еще нѣсколько рабочихъ успѣли вскочить на него, пока перемѣняли паровозъ, какъ онъ снова понесся дальше. Солнце еще не всходило и было раннее, сѣрое утро. Весь поѣздъ состоялъ изъ платформъ. Вскочивъ на одну изъ нихъ, я очутился на грудахъ канатовъ и поспѣшилъ завернуться въ плэдъ и прилечь пониже, чтобы не быть на рѣзкомъ и холодномъ вѣтрѣ отъ движенія поѣзда. Когда стало свѣтлѣе и громадные безобразные предметы, лежавшіе на платформахъ приняли свои очертанія, я разглядѣлъ въ нихъ подъемные краны, лодки, брусья, шпалы, тачки, лопаты и т. п. Тамъ и сямъ между этими предметами, кучками и въ одиночку лежали рабочіе. Ни на одномъ изъ нихъ не было сколько нибудь теплаго платья и они корчились отъ холода.

Солнце взошло почти въ тотъ моментъ, когда мы въѣзжали въ индѣйскую территорію. Вдали мелькали еще бѣлыя, окруженныя зеленью и клочками воздѣланной земли фермы, а мы уже мчались по равнинѣ, принадлежащей индѣйцамъ. Если бы даже мой сосѣдъ и не сообщилъ мнѣ, что мы покинули штатъ Канзасъ, то объ этомъ можно было догадаться по рѣзкой перемѣнѣ окрестностей дороги. Сразу прерываются человѣческія жилища и передъ вами растилается роскошная, волнообразная пустыня, если такое названіе идетъ къ полному жизни краю,—хотя и не человѣческой жизни.

Поѣздъ мчался, какъ стрѣла. Въ первый и, вѣроятно, въ послѣдній разъ я испытывалъ такую бѣшеную ѣзду. Если кто-нибудь подпимался, чтобы сдѣлать два шага по платформѣ, онъ рисковалъ быть сброшеннымъ сильнымъ потокомъ воздуха. Эту опасность еще болѣе усиливала неровность пути; наши платформы, какъ утлые челны среди океана, бросало изъ стороны въ сторону. Быстро, какъ въ понорамѣ, мѣнялись виды, одинъ лучше другого. Всѣ они были безконечныя комбинаціи трехъ составныхъ—свѣтло-зеленаго, пестрѣющаго цвѣтами, луга, темнозеленаго лѣса, да чистаго неба. Изрѣдка эта картина разнообразилась: то серебрилась рѣка сверкающей лентой, то выростала одинокая бревенчатая хата съ маленькимъ обработаннымъ клочкомъ луга, затерявшаяся среди необозримой степи, то всадникъ мелькалъ на горизонтѣ, то уносилась вдаль на своихъ гибкихъ ногахъ испуганная поѣздомъ антилопа, завидѣвъ впереди рабочихъ, исправляющихъ путь, нашъ поѣздъ уменьшалъ ходъ, забиралъ ихъ и мчался дальше. Онъ вышелъ изъ крайняго пункта дороги и долженъ былъ привести къ смытому мосту всѣхъ участковыхъ и на время нанятыхъ рабочихъ. У станціи мы не останавливались и только разъ пере-

КАРТИНА Ф. КРАУСА.

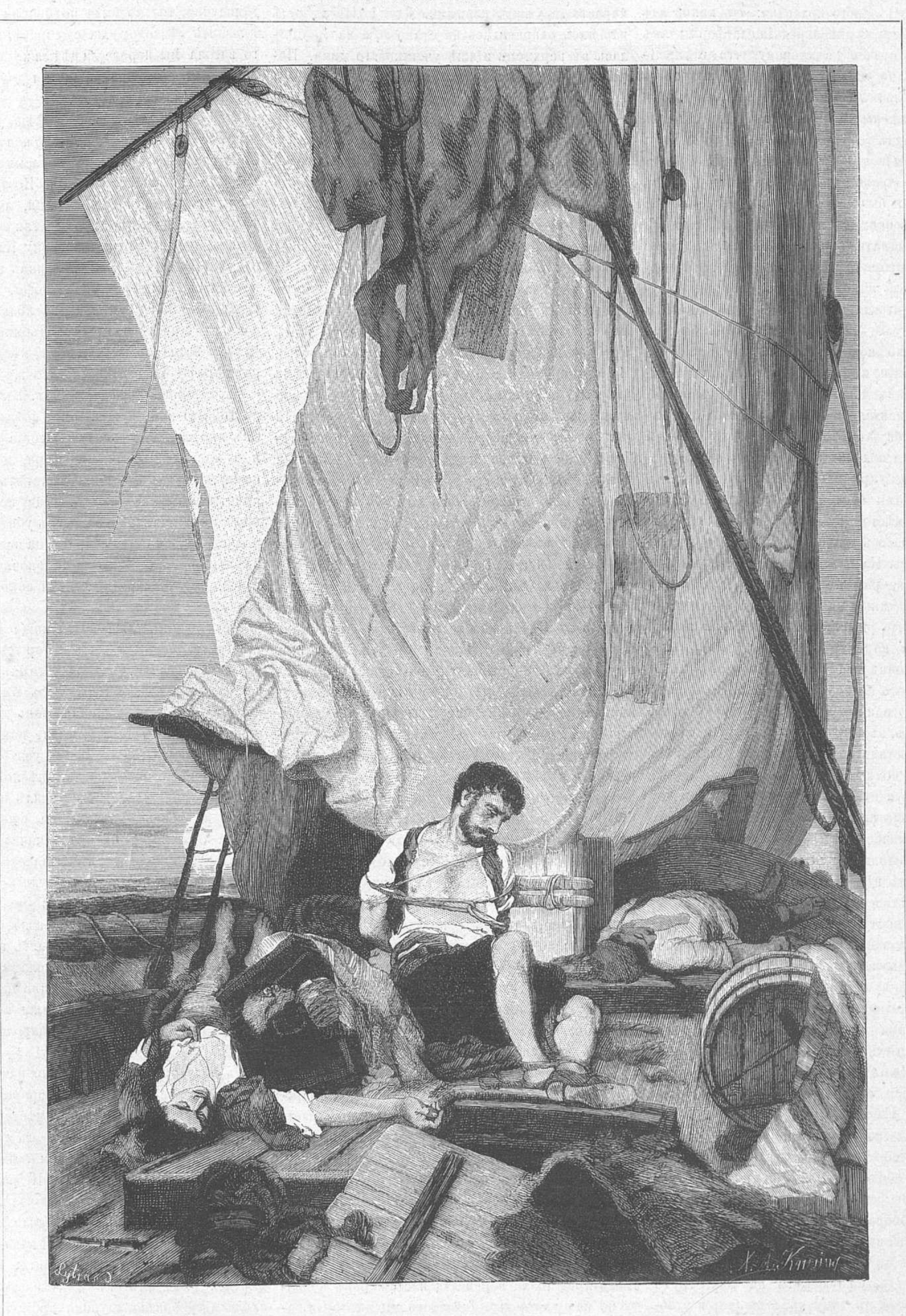
На первый балъ.

мѣняли локомотивъ. По пути часто попадались большіе загоны для скота, съ приспособленными для его нагрузки платформами. У нѣкоторыхъ изъ нихъ стояли вагоны-клѣтки, биткомъ набитые этимъ живымъ товаромъ, приготовленнымъ къ отправкѣ на Востокъ.

вагоновъ и локомотива, изъ которой торчали ноги и головы рогатаго скота и лошадей.. Часа же черезъ три ѣзды мы были на послѣдней станціи. Миляхъ двухъ хъ отъ нея была рѣка Вердегри, своимъ разливомъ смывшая мостъ. Довольно двухъ дней непрерывнаго дождя, чтобы

назадъ, мы понеслись по прежнему быстро, не смотря на то, что размытое мѣсто было недалеко. Черезъ нѣсколько минутъ, вдали, подъ лучами заходящаго солнца, сверкнуло цѣлое море воды—это и былъ разлившійся рукавъ рѣки Вердегри. Наконецъ затормозили поѣздъ и,

КАРТИНА ЛИТРАСА.

Жертва корсара.

Въ Винитѣ насъ ожидалъ обѣдъ. Эта станція служитъ конечнымъ пунктомъ желѣзной дороги. Первоначально существовало предположеніе соединить Тихій и Атлантическій океаны въ южномъ направленіи, но дальше Индѣйской территоріи эта дорога не пошла. Далѣе невдалекѣ отъ полотна мелькнула груда разбитыхъ

рѣки прерій вышли изъ своихъ береговъ и надѣлали много горя сосѣднимъ фермамъ. Онѣ заносятъ пескомъ, иломъ и сломаннымъ лѣсомъ засѣянныя поля, сносятъ изгороди, а иногда добираются и до неосторожно поставленныхъ построекъ.

Переставивъ платформы впередъ, а локомотивъ

еле подвигаясь впередъ и шумя колесами, платформы одна за другой все глубже и глубже входили въ воду. На передней стояли инженеръ съ дорожнымъ мастеромъ на готовѣ подать знакъ, когда остановиться поѣзду. Давно уже не видно было колесъ и вода почти касалась насъ, а мы все подвигались впередъ. Дальше невозможно

было ѣхать, не рискуя полетѣть въ воду съ размытой насыпи... Для того, чтобы узнать, на мѣстѣ ли дальше хоть шпалы и рельсы, дорожный мастеръ соскочилъ на путь и выше пояса въ водѣ пошелъ впереди поѣзда На случай несчастія спустили двѣ лодки, а артели плотниковъ велѣли сбить плоты изъ досокъ и брусьевъ. Даже бывалые рабочіе пожимали только плечами, на вопросъ одного ирландца: «въ какой адъ мы ѣдемъ». Вдругъ двѣ переднія платформы такъ сильно покачнулись на сторону, что стоявшіе на нихъ чуть не упали въ воду... Наконецъ-то былъ поданъ знакъ остановиться. До моста еще оставалось сажень 20. Небольшой, деревянный, онъ напоминалъ собою продолговатую клѣтку, въ которой были вынуты двѣ стѣнки. Весь мостъ поддерживали только два прибрежныхъ устоя, съ нихъ-то онъ и былъ сдвинутъ теченіемъ. Вода была такъ высока, что я недоумѣвалъ, что мы тутъ будемъ дѣлать, пока она не спадетъ. Но не то думалъ инженеръ, средняго роста, коренастый, загорѣлый янки. На сбитые на скорую руку плоты нагрузили канаты и блоки. Подплывъ къ мосту мы увидѣли, что на немъ вода была не болѣе какъ по поясъ. Затѣмъ мы узнали, что рельсовыя линіи не были вовсе порваны, по крайней мѣрѣ съ нашей стороны. Планъ постановки моста явился немедленно. Рѣшено было воспользоваться группою громадныхъ дубовъ, торчавшихъ до половины изъ воды въ сторонѣ отъ дороги и, укрѣпивъ канаты за мостъ, съ помощію системы блоковъ притянуть послѣдній на прежнее мѣсто. Плотники живо зацѣпили блоки и оставалось только стать на мосту и тянуть за канатъ. На плотахъ и на лодкахъ подъѣхали къ мосту рабочіе и опять прежде всѣхъ выступилъ дорожный мастеръ, а за нимъ перебрались и другіе рабочіе. Ирландцы при этомъ, какъ и всегда впрочемъ, немилосердно бранились: «God damn you! God damn your soul!» и т. п. раздавалось со всѣхъ сторонъ. Подъ звуки: «о-го-э! о-го-э!» одного изъ формановъ *) наша толпа человѣкъ въ 200 дружно потянула за канаты и мостъ сталъ подвигаться. Всѣ мы были по поясъ въ водѣ и должны были стоять на шпалахъ, рискуя попасть въ промежутки между ними; нѣкоторые прилѣпились къ стѣнамъ моста. Громадное количество змѣй, водящихся въ особенности по долинамъ рѣкъ, не успѣло уйти отъ наводненія, онѣ цѣплялись за непокрытые водой макушки и вѣтви деревьевъ и во множествѣ прибились къ мосту. Массы насѣкомыхъ, между которыми попадались и тарантулы, также облѣпили его и заползали къ намъ за платье и обувь. Змѣи были преимущественно небольшія, немогшія доплыть до далекаго берега. Болѣе всего было между ними макасино. Это—небольшая сѣрая съ красными пятнами, чрезвычайно ядовитая змѣя. Долго жившіе въ этихъ мѣстахъ рабочіе говорили мнѣ, что въ водѣ она никогда не кусаетъ. И дѣйствительно, не смотря на такое количество гадовъ, никто изъ рабочихъ не былъ ими укушенъ. Вообще даже въ южныхъ странахъ, при обиліи самыхъ ядовитыхъ пресмыкающихся, опасность укушенія сильно преувеличивается воображеніемъ путешественниковъ, падкихъ до дешевыхъ эффектовъ. Мѣстные жители относятся къ нимъ совершенно равнодушно: они не всегда даже берутъ на себя трудъ убивать ихъ, если къ тому представляется удобный случай. Наиболѣе опасными въ преріяхъ считаются caper head—мѣдная голова, и гремучая змѣя—rattle snike. Ядъ гремучей змѣи далеко не всегда смертеленъ и лучшимъ средствомъ противъ него рекомендуютъ водку, которой нужно напиться до опьяненія или, какъ лечатъ индѣйцы, печень гремучей же змѣи.

Мы вернулись на станцію совершенно мокрые. Вблизи было всего два дома: въ одномъ помѣщалась лавка со всевозможными товарами и съ почтовой конторой, а въ другомъ жилъ участковый десятникъ. У послѣдняго приготовили для насъ ужинъ. Домъ былъ тѣсный, а потому пришлось обѣдать смѣнами, по очереди. Холодъ и голодъ заставили рабочихъ забыть всѣ приличія, и они толпою ломились въ маленькій домикъ, чтобы попасть за ужинъ первыми. Для ночлега часть изъ насъ отправилась на станцію, а часть улеглась въ верхнемъ этажѣ участковаго дома. Почти ни у кого не было запаснаго бѣлья и мы принуждены были въ мокромъ платьѣ разлечься на голомъ полу, который служилъ намъ постелью. Рабочіе лежали, что называется, вповалку. Моимъ сосѣдомъ съ одной стороны былъ старый ирландецъ, а съ другой молодой янки. Когда ирландецъ увидѣлъ у меня пузырекъ съ лекарствомъ отъ лихорадки, онъ весь просіялъ. Еще раньше на работѣ онъ у меня спрашивалъ—курю ли я табакъ или жую?—и на мой отвѣтъ, что я не дѣлаю ни того, ни другого, онъ съ презрѣніемъ отвернулся. Теперь же, дружески улыбаясь, онъ протянулъ за пузырькомъ руку. Я объяснилъ ему, что это не виски, а лекарство. Но онъ принялъ это за шутку и я послѣ всѣхъ увѣреній все-таки долженъ былъ отдать ему мой пузырекъ. Къ моему удивленію, моя горькая микстура очень понравилась старику и на слѣдующій день онъ просилъ у меня еще выпить и взялъ бутылочку съ собой на работу: она своимъ острымъ вкусомъ хоть немного напоминала ему виски. Бѣдный ирландецъ вотъ уже второй день былъ въ невольномъ воздержаніи отъ употребленія виски. Рабочій поѣздъ засталъ его врасплохъ на линіи, когда его неизмѣнный спутникъ—карманная фляжка—была уже опорожнена, а въ Индѣйской территоріи наполнить ее было очень трудно. Законы Соедин. Штатовъ, подъ страхомъ десятилѣтняго тюремнаго заключенія, запрещаютъ торговлю спиртными напитками въ земляхъ индѣйцевъ. Несмотря на такую строгость, находятся смѣльчаки, которые продаютъ виски. Въ лавкѣ въ фортѣ Джибсонѣ продавались и лекарства и хозяинъ ея жаловался мнѣ, что конгрессъ остается неумолимымъ къ петиціямъ торговцевъ Индѣйской территоріи о дозволеніи имъ продавать водку для медицинскихъ цѣлей. Не трудно догадаться, почему конгрессъ отклоняетъ такія ходатайства. Даже въ тѣхъ городахъ Союза, гдѣ, по иниціативѣ самихъ мѣстныхъ обществъ былъ принятъ законъ, воспрещающій продажу спиртныхъ напитковъ, и допускающій только исключеніе для аптекъ, эти послѣднія обратились въ тайные кабаки. Хотя упомянутый законъ и недостигаетъ вполнѣ своей цѣли, но онъ, удесятеривъ цѣну водки, тѣмъ самымъ несомнѣнно сократилъ ея потребленіе.

Ночь я проспалъ, какъ убитый, а утромъ, еще до свѣту, опять разбудилъ меня колоколъ паровоза, немилосердно звонившаго у самаго нашего дома. Было еще темно, когда мы подъѣхали къ рѣкѣ. У противоположнаго берега, по крайней мѣрѣ, въ милѣ отъ насъ, въ водѣ также стоялъ паровозъ, далеко освѣщая своими рефлекторами воду и извергая изъ трубы клубы краснаго дыма и искръ. Онъ напоминалъ какое-то сказочное водяное чудовище. Это былъ поѣздъ изъ Техаса. Намъ предстояло перевезти пассажировъ и почту на нашу сторону. Для этого мы натянули канаты между торчавшими изъ воды верхушками деревьевъ отъ одного до другого берега. Уже свѣтало, когда мы подъѣхали къ вагонамъ и стали высаживать пассажировъ и выгружать ихъ багажъ. Подъѣхать къ самому полотну мѣшали кусты, а потому пассажирамъ-мужчинамъ было предоставлено путешествовать по перекинутымъ мосткамъ изъ вагоновъ на плоты, дамъ же мы переносили на рукахъ по поясъ въ водѣ. Все происходило акуратно и въ порядкѣ и леди чрезвычайно хладнокровно переносили неудобства и опасность плаванія на едва сколоченныхъ плотахъ; при томъ эти плоты были такъ нагружены, что едва не топули. Кругомъ раздавались только шутки и смѣхъ по поводу комическихъ положеній и приключеній, неизбѣжныхъ при такомъ способѣ переправы. Впрочемъ, все обошлось благополучно; только была подмочена почта, да выкупались нѣсколько пассажировъ. Изъ багажнаго вагона мы перевезли цѣлыя коллекціи живыхъ попугаевъ, антилопъ, орловъ и другихъ представителей техасской фауны.

Затѣмъ, до слѣдующаго поѣзда, т. е до завтра, дѣлать было намъ рѣшительно нечего, такъ какъ приступить къ исправленію насыпи, еще покрытой водой, было невозможно. Поэтому 30 рабочихъ, въ томъ числѣ и меня, отправили для уборки разбитаго поѣзда, остатки которагомы видѣли по пути въ форту Джибсону. Намъ дали всего одинъ локомотивъ, и мы, облѣпивъ его какъ мухи, помчались къ мѣсту катастрофы. На промежуточной станціи прицѣпили нѣсколько платформъ и въ томъ числѣ одну съ подъемнымъ краномъ. Черезъ полчаса мы были на мѣстѣ. Причиной катастрофы былъ отчасти тотъ же дождь, отчасти неосторожность служащихъ. Въ самый ливень въ темную ночь пущенъ былъ поѣздъ со скотомъ. Онъ перешелъ благополучно тогда еще невредимый мостъ на рѣкѣ Вердегри, но на одномъ незначительномъ ручейкѣ полетѣлъ въ ровъ, съ высоты четырехъ сажень. Еще передъ нашимъ проѣздомъ былъ убранъ трупъ убитаго при этомъ машиниста и насыпь исправлена настолько, чтобы поѣзда могли ходить безостановочно. Намъ оставалось только убрать остатки локомотива и вагоновъ.

Невыносимо тяжелое зрѣлище представляла эта груда обломковъ, изъ которыхъ торчали ноги и головы несчастныхъ животныхъ. Трупы ихъ начали уже разлагаться. День былъ жаркій и безвѣтренный и ужасная вонь не позволяла приблизиться къ поѣзду, иначе какъ съ заткнутымъ носомъ. Степные волки уже безъ насъ тутъ похозяйничали и обглодали нѣсколько труповъ. Тутъ же было мѣсто, гдѣ лежалъ и трупъ машиниста и теперь видна была еще запекшаяся кровь. Установленный кранъ началъ быстро поднимать обломки и намъ оставалось только помогать ему. Къ вечеру мы вернулись въ Джибсонъ. Вода быстро спадала и мало-по-малу раскрывала слѣды своей разрушительной силы. Насыпи были размыты, но рельсы не порвались нигдѣ и вмѣстѣ съ прибитыми къ нимъ шпалами висѣли надъ глубокими промоинами Страшно было подумать, надъ какими ямами стояли наши переднія платформы. Вдали опять пыхтѣлъ паровозъ почтоваго поѣзда.

Съ полудня можно было уже начинать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ починку поврежденій. Вода глубоко промыла во многихъ мѣстахъ насыпь, а полотно дороги, т. е. шпалы, съ прибитыми къ нимъ рельсами, были отнесены теченіемъ на нѣкоторое разстояніе отъ линіи. Не раздѣляя рельсовъ и не отбивая отъ нихъ шпалъ, мы силами всей артели поднимали и относили ихъ на старое мѣсто. Промоины же задѣлывались на скорую руку. Для этого изъ старыхъ шпалъ складывался рядъ клѣтокъ на столько высоко, на сколько требовала глубина промоины. Поверхъ этихъ клѣтокъ клались прямо шпалы съ рельсами. Если въ промоинахъ текла еще вода, то ее засыпали сначала камнями, которые не могли быть ни размыты, ни сдвинуты съ мѣста. Эти камни на ручныхъ вагончикахъ возили по рельсамъ дороги нанятые въ окрестностяхъ негры. Работы шли одновременно съ обоихъ концовъ дороги, отъ Техаса и съ сѣвера. Каждое утро слѣдующаго дня мы прежде всего перевозили пассажи-

*) Тоже что наши «десятники».

ровъ почтоваго поѣзда, а потомъ исправляли путь. Обѣдали и ночевали, по прежнему, въ участковомъ домѣ. Большинство изъ насъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые ложились спать тотчасъ послѣ ужина, отправлялись въ лавку близь станціи и проводили время въ веселой болтовнѣ. А въ иныхъ кучкахъ кто-нибудь, съ припѣвомъ «Янки-дуделя», отбивалъ веселыя па изъ котильона, этого, можно сказать, національнаго танца американцевъ. Общество рабочихъ состояло изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ. Главную массу его составляли ирландцы, строители всѣхъ американскихъ дорогъ, затѣмъ было нѣсколько нѣмцевъ, американцевъ, французовъ. Было еще нѣсколько весьма подозрительныхъ, оборванныхъ личностей, явившихся изъ степи, когда уже начались работы. Я спалъ недалеко отъ одного изъ нихъ, и онъ мнѣ сообщилъ, что долго былъ пастухомъ въ Индѣйской территоріи и не разъ гонялъ стада черезъ весь американскій материкъ до Калифорніи. Жалованье тамъ платятъ хорошее, но бродяги и индѣйцы доставляютъ не мало хлопотъ пастухамъ и дѣлаютъ ихъ службу крайне тяжелою. При томъ и изъ большого жалованья при безпорядочной жизни и господствующей среди погонщиковъ карточной игрѣ не остается сбереженій.

Такимъ образомъ прошла недѣля. Рельсы и шпалы были уже положены, но пускать поѣзда не рѣшались, потому что путь былъ чрезвычайно неровенъ, а въ нѣкоторыхъ низкихъ мѣстахъ и покрытъ водой. Пассажировъ мы перевозили теперь на ручныхъ вагончикахъ, причемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходилось путешествовать по поясъ въ водѣ. Во время этой перевозки одинъ изъ рабочихъ попалъ между двумя вагонами и былъ раздавленъ. Кровь убитаго машиниста и этотъ несчастный наглядно иллюстрировали выводъ статистики, показывающій, что служба при путяхъ сообщенія самая опасная.

Хотя на слѣдующій день путь исправился очень незначительно, однако, инженеръ приказалъ пустить поѣздъ. Черезъ нѣкоторыя промоины еще до сихъ поръ стекала вода и мѣшала исправлять ихъ. Мнѣ со старикомъ ирландцемъ пришлось работать у перваго изъ этихъ опасныхъ мѣстъ. Было уже довольно поздно, когда мы заложили послѣдній камень въ нашу воздушную постройку. Вода продолжала пробиваться сквозь камни и брусья и даже безъ тяжести поѣзда грозила унести съ собой нашу работу. Инженеръ махнулъ маленькимъ фонарикомъ и поѣздъ, почти незамѣтно двигаясь, сталъ приближаться къ намъ. Я отошелъ въ сторону и съ замираніемъ сердца смотрѣлъ на приближающійся громадный двуглазый паровозъ. Вотъ его переднія колеса вступили на опасное мѣсто. Чуть замѣтно заскрипѣли притиснутые ужасною тяжестью шпалы, клинья и клинушки, на которыхъ все держалось. Еще нѣсколько томительныхъ мгновеній и надъ промоиной мелькали яркоосвѣщенныя окна легкихъ пассажирскихъ вагоновъ...

На другой день, я, въ числѣ другихъ рабочихъ, нанятыхъ только для исправленія моста, получилъ разсчетъ. Оканчивать поправку остались лишь участковые рабочіе, да дешевле насъ получавшая артель негровъ. Но разсчетъ оказался далеко не «чистымъ»: вмѣсто денегъ намъ выдали росписки, уплату по которымъ можно было получить только черезъ мѣсяцъ. Пришлось воспользоваться услугами мѣстнаго лавочника, который скупалъ ихъ со скидкою 25%.

(*Продолженіе будетъ.*)

Ночь игрока.

(Разсказъ **А. Бувье.**)

Всякій день Герто встаетъ съ разсвѣтомъ; въ вѣтеръ, снѣгъ или дождь онъ идетъ въ мастерскую, при блѣдномъ лунномъ освѣщеніи, стараясь дыханіемъ согрѣть свои окоченѣлые пальцы; зимняя сырость смачиваетъ насквозь его плохенькую панковую одежду.

Съ утра до вечера онъ работаетъ и работаетъ изо всѣхъ силъ, вырабатывая хлѣбъ въ потѣ лица, этой крови солдата, у котораго поле брани — мастерская.

Каждый вечеръ онъ возвращается утомленный, съ болью въ поясницѣ, давая всегда своей хозяйкѣ — высокой и красивой молодой женщинѣ, съ темнорусыми волосами, большими темными глазами, полными и свѣжими губами, нѣсколько блѣдной и обладающей очаровательной улыбкой — честный поцѣлуй истинно любящаго человѣка.

Герто, славный и красивый малый, хорошій работникъ, но... совершенства вѣдь не существуетъ — онъ игрокъ, игрокъ страшнѣйшій.

Понимаете-ли вы, онъ — игрокъ! этотъ бѣднякъ, у котораго жена и ребенокъ, который съ трудомъ вырабатываетъ двадцать или тридцать франковъ въ недѣлю, — и игрокъ до того отчаянный, что ни одну субботу онъ не возвращался съ полнымъ заработкомъ.

Одиннадцать часовъ; холодный туманъ зимней ночи стоитъ въ воздухѣ, мостовая мокрая, проходящихъ мало.

Передъ окномъ плохенькаго кабачка ожидаетъ дрожащая женщина, приподнимаясь иногда на цыпочки, чтобъ посмотрѣть въ отверстіе занавѣски, или гуляя взадъ и впередъ по тротуару... Уставъ ожидать, она постучала въ стекло... Отвѣта не было. Она стучитъ сильнѣе... Послышались ругательства, дверь отворяется, выскакиваетъ Герто.

— Перестанешь-ли ты надоѣдать мнѣ! кричитъ онъ бѣшено, — ты знаешь, я запрещаю тебѣ приходить сюда.

— Но, Герто вѣдь я не вошла.

— Да чтожъ тебѣ надо?

— Чтобъ ты возвратился домой, чтобъ ты не проигрывалъ свои деньги; онѣ намъ нужны для пропитанія... Будь же благоразуменъ.

— Да будетъ-ли этому конецъ! Ты приходишь сюда, чтобы дѣлать мнѣ сцены! У насъ нѣтъ ни копѣйки; ну вотъ тебѣ пять франковъ... оставь меня въ покоѣ.. и скорѣй убирайся наверхъ...

— Пойдемъ вмѣстѣ со мною...

— Довольно я тебѣ говорю!.. убирайся, тебѣ слѣдовало бы уже спать.. Стыдно порядочной, честной женщинѣ въ эти часы быть на улицѣ... За кого тебя примутъ... Ну, ну, отправляйся скорѣй!

— А ты скоро возвратишься?

— Да!

— Обнимим еня.. Ты возвратишься тотчасъ, мой другъ!

— Черезъ полчаса.

Поцѣловавъ ее, Герто возвращается въ кабакъ; жена идетъ домой.

Послѣ полуночи она рѣшается снова выдти. Погода сдѣлалась еще хуже.. ночь темная, дождь проливной. Время отъ времени мелькаютъ черныя тѣни полицейскихъ, а красные и зеленые фонари дилижансовъ сверкаютъ въ ночной мглѣ, какъ глаза дикаго звѣря. Лавки заперты. Жена Герто, послѣ долгаго колебанія, стучитъ въ ставень... При первомъ ударѣ, Герто выходитъ.. лицо его искажено, зубы скрежещутъ.

— Какъ! ты въ этотъ поздній часъ все еще тутъ... я тебѣ приказалъ идти домой! Или ты хочешь, чтобъ я тебя поколотилъ?

— Пожалуй, колоти, но только возвратись домой.

— Да чего-жъ тебѣ надо? Денегъ? У меня ихъ болѣе нѣтъ! и проигралъ я по твоей винѣ; зачѣмъ ты приходишь меня мучить, надоѣдать мнѣ... Ты принесла мнѣ несчастье.

— Тѣмъ хуже! все же иди домой.. каждую субботу повторяется одно и то же.

— Ну! такъ чтожъ? Если это и повторяется каждую субботу... Не ты вырабатываешь мои деньги. Наконецъ, мнѣ надоѣла эта жизнь... Если ты недовольна, тѣмъ хуже! Не думаешь-ли ты, что мнѣ весело слушать твои наставленія?..

— Чтожь, Герто, ты не хочешь возвратиться домой?

— Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! оставь меня въ покоѣ... Ступай къ себѣ и ложись спать.

— Я пойду только съ тобою!

— Хорошо! такъ оставайся тутъ и издохни!

И, въ неистовой злобѣ, Герто возвращается... въ кабакъ.

Оставшись одна, бѣдная молодая женщина закрываетъ лицо руками и горько плачетъ.

Герто за картами; онъ ставитъ свои послѣдніе два франка!.. онъ выигрываетъ! Онъ удвоиваетъ ставку; онъ выигрываетъ снова, опять выигрываетъ, еще выигрываетъ.

Было два часа ночи, когда хозяинъ выгоняетъ за дверь своихъ посѣтителей.

Герто выигралъ двѣсти франковъ, цѣлое состояніе для него... Гордясь своимъ успѣхомъ, онъ, наконецъ, идетъ домой доказать женѣ, что онъ былъ правъ, играя въ карты... Онъ знаетъ теперь, какъ надо поступать, чтобъ выигрывать.

Двѣсти франковъ! Надо было бы работать шесть недѣль, чтобъ выработать столько денегъ. Его жены ужь нѣтъ у кабака.

— Бѣдняжка, она ушла домой... Я былъ жестокъ къ ней... Но я это заглажу теперь... дамъ ей денегъ, сколько она захочетъ... Потомъ заплачу кормилицѣ за два мѣсяца и будемъ спокойны на долго...

Онъ поднимаетъ голову; въ ихъ квартирѣ нѣтъ огня... темно...

— Впрочемъ, ужь болѣе двухъ часовъ, она спитъ, бѣдная голубушка!

Онъ стучится, привратница отворяетъ, спрашивая:

— Кто тутъ?

— Герто.

— Герто, вашъ ключъ у меня.

— Мой ключъ! а развѣ жена не дома?

— Нѣтъ, она отдала мнѣ ключъ, говоря, что не возвратится.

— Куда же она пошла? проговорилъ несчастный съ стѣсненнымъ сердцемъ.

— Быть можетъ, къ своей матери.

— Но ея мать живетъ отсюда въ двадцати миляхъ... Ахъ, Господи! что случилось?

Въ отдѣльной комнатѣ у Бребана, на масляницѣ, эту исторію мнѣ разсказывала высокая и красивая молодая женщина съ темнорусыми волосами, большими темными глазами, полными и алыми губами; она была нѣсколько блѣдна и обладала обворожительной улыбкой.

Она стояла, опершись на каминъ, держа въ бѣлой и округленной рукѣ бокалъ съ шампанскимъ, которымъ орошала голову одного изъ ужинавшихъ съ нею.

— А потомъ? спросилъ я.

— Потомъ.. да вотъ и все.

— Но что же съ нею сталось?

— Какъ онъ глупъ... Да вѣдь это я!

— Вы! воскликнулъ я, ошеломленный.

— А! я измѣнилась, не правда-ли... Чортъ возьми! этому ужь почти мѣсяцъ!

Почти мѣсяцъ! Какъ скоро всему научаются въ Парижѣ!

Къ рисункамъ.

Чуть брежжетъ утренній свѣтъ; поле и лѣсъ окутаны густымъ туманомъ, въ которомъ едва

виднѣются тѣни лошадей, выпущенныхъ въ «ночное»; въ лѣсу стоитъ тишина и въ ней едва разслышишь осторожный шагъ лошади, пробирающейся по лѣсной опушкѣ; на ней сидитъ оборванный мужичонко, не то русскій, не то цыганъ, съ арканомъ въ рукѣ; это конокрадъ. Вотъ содержаніе рисунка, помѣщаемаго нами на первой страницѣ нынѣшняго нумера. Конокрадство одно изъ тѣхъ золъ, отъ которыхъ сильно страдаетъ наше крестьянство; этимъ гибельнымъ промысломъ занимаются и цыгане, и татары, и русскіе и горе тому конокраду, который попадается въ руки крестьянъ на мѣстѣ преступленія: его ждетъ иногда страшная расправа самосуда. Другого вида разбойничества касается картина Литраса «Жертвы корсара». Пираты, корсары, морскіе разбойники долго были страшилищами для торговыхъ кораблей. Они были извѣстны уже въ древнія времена, такъ, напримѣръ, въ Средиземномъ морѣ уже въ 67 году до Р. Х. велась сильная борьба съ морскими разбойниками; съ VIII по XI вѣкъ грозными пиратами являлись норманны; сѣверо-африканскіе и греческіе пираты вели свои разбойничьи дѣла вплоть до новѣйшихъ временъ; во время войны за независимость испанской Америки, отдѣлявшейся отъ Испаніи, корсары тревожили воды Вестъ-Индіи и Южной Америки и т. д. Корсары —это противоположность каперовъ; они выкидываютъ флагъ по произволу, грабятъ судно, берутъ въ плѣнъ людей, заботясь при этомъ только о своей личной выгодѣ. Такъ какъ для ремесла корсара нужна значительная доля смѣлости, такъ какъ за это дѣло брались во всякомъ случаѣ люди энергичные, такъ какъ жизнь корсаровъ была полна самыхъ разнообразныхъ приключеній и романическихъ эпизодовъ, то корсары и служили нерѣдко темой для поэтическихъ романовъ, поэмъ и стихотвореній, и поэты окружали часто этихъ разбойниковъ извѣстнымъ ореоломъ славы и поэзіи. Въ жизни, конечно, на этихъ господъ смотрѣли иначе и относительно пиратовъ и корсаровъ издавались самые строгіе законы.

Изъ другихъ картинъ, помѣщенныхъ въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала, читатель, конечно, обратитъ вниманіе на фантастическую картину Чауча «Идиллія». Эта скала на берегу моря, эти постройки, этотъ полуобнаженный юноша съ самодѣльной флейтой переносятъ насъ въ древній міръ, въ Элладу, въ міръ сходившихъ на землю боговъ и богинь, въ міръ шаловливыхъ наядъ, въ міръ всевозможныхъ идиллій. Одну изъ этихъ идиллій изобразилъ художникъ: юный вдохновенный музыкантъ играетъ на флейтѣ на берегу моря и его заслушалась шаловливая наяда, пробирающаяся среди камышей, чтобы взглянуть на юнаго виртуоза. Вся эта картинка полна фантастической поэзіи, какъ и многія картины этого художника, изъ которыхъ особенно хороши иллюстраціи къ извѣстной сказкѣ о спящей царевнѣ. Рядомъ съ этою картиною стоятъ картины, переносящія насъ въ міръ болѣе реальный, хотя и столько же поэтическій,—мы говоримъ о двухъ рисункахъ Доре: одинъ изъ этихъ рисунковъ изображаетъ чудную лѣтнюю ночь, съ массою народа въ роскошномъ замкѣ; всѣ эти люди словно притихли, словно заслушались «голосовъ ночи», соловьиныхъ пѣсенъ; въ такія ночи не хочется говорить, въ такія ночи хочется уйти куда-нибудь одному или вдвоемъ, въ такія ночи просыпается любовь. И вотъ вы видите эту «затихшую» влюбленную пару на другомъ рисункѣ. Эта лѣстница, кажется, другою стороною замка, куда удалось скрыться отъ большого общества двумъ влюбленнымъ. Отъ этихъ поэтическихъ картинъ, съ людьми и зданіями, напоминающими средніе вѣка, мы переносимся къ нашему времени: у богатого дома стоитъ карета, къ подножкѣ кареты положенъ коверъ, по ковру ступаетъ осторожно молодая дѣвушка, сопровождаемая матерью, надъ ними лакей держитъ раскрытый зонтикъ,—онѣ ѣдутъ на балъ. Это содержаніе картины Крауса.

Послѣдняя минута.

Деревья-бутылки.

(Рис. стр. 465.)

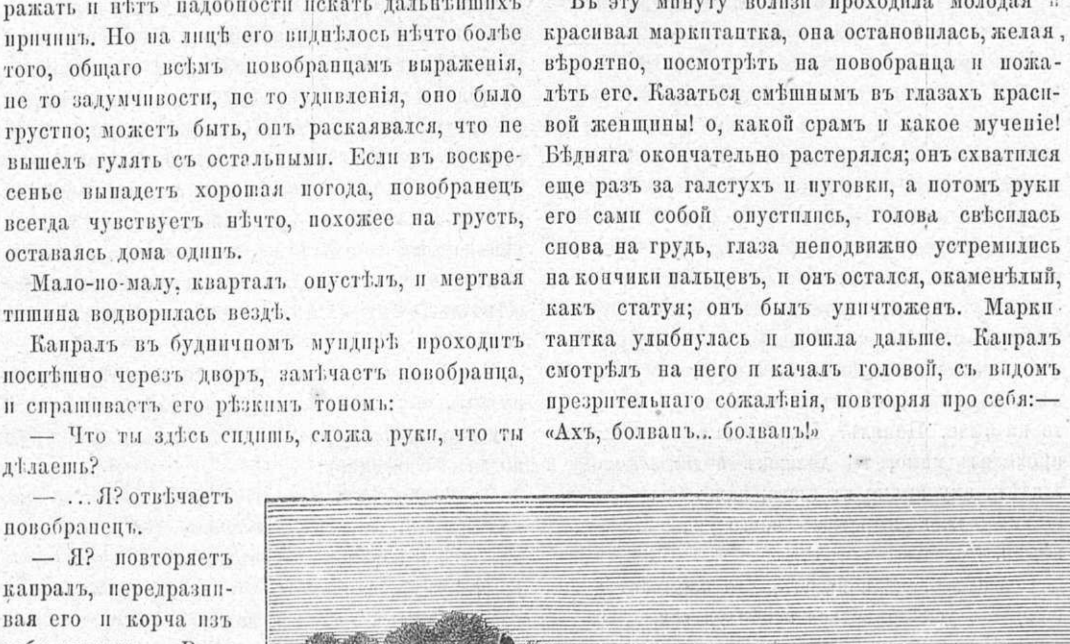
Много диковинныхъ животныхъ и растеній найдено въ Австраліи, но въ этой любопытной, мало-изслѣдованной странѣ такъ много своеобразнаго, не похожаго на представителей животнаго и растительнаго міра, встрѣчаемыхъ въ другихъ мѣстностяхъ земного шара, что путешественникъ и теперь можетъ разсчитывать на встрѣчу съ какой-нибудь еще неизвѣстной диковиной. Деревья, изображенныя на нашемъ рисункѣ, принадлежатъ къ числу такихъ, недавно открытыхъ диковинъ. Ихъ описалъ Джоржъ Беннетъ, впервые увидавшій ихъ во время путешествія своего по южной Австраліи. Натуралисты назвали эти деревья «Delabechia», а мѣстные колонисты изъ европейцевъ зовутъ ихъ «деревьями-бутылками», такъ какъ они своей формой напоминаютъ обыкновенныя бутылки. Эти любопытныя деревья достигаютъ высоты шестидесяти футовъ; попадаются иногда стволы въ тридцать пять футовъ въ окружности; эта толщина обыкновенно бываетъ въ части ствола, отстоящей отъ поверхности почвы на семь футовъ. Изъ легкаго ствола этого дерева туземцы выдалбливаютъ свои лодки. Несмотря на свою колоссальность деревья-бутылки прекрасно ростутъ въ песчаномъ суглинкѣ, изъ котораго, большею частію, состоитъ почва этой страны. Они выростаютъ даже на чисто-песчаной почвѣ, но тутъ не достигаютъ той громадной высоты, какой они отличаются на почвѣ болѣе плодоносной.

Новобранецъ.

(Съ итальянскаго, перев. г-жи **Бакуниной**.)

Въ воскресенье, въ пять часовъ вечера, стояла прекрасная погода и казармы были почти пусты. Большая часть солдатъ ушла гулять по городу; немногіе, запоздавшіе, собирались тоже уйти; одни кончали одѣваться на верху, а другіе дожидались ихъ во дворѣ; отъ времени до времени нижніе кричали верхнимъ: —«Скорѣе».— «Сейчасъ», отвѣчали верхніе, затягивая свой кушакъ, чтобы придать гибкость тальѣ. Одна партія рекрутъ, пріѣхавшая въ полкъ дня два тому назадъ, вышла уже, другая же собиралась выходить; они шли по шести, по восьми, и по десяти врядъ, серьезные, вытянутые въ струнку, нахлобуча кепи на самыя брови; шинели у нихъ висѣли въ складкахъ, а затянутыя въ бѣлыя перчатки руки казались желѣзными, фехтовальными рукавицами, до того неуклюже они растопыривали пальцы; караульные солдаты, сидя на скамейкѣ у дверей казармы, подымали ихъ на-смѣхъ, когда они проходили мимо, рука въ руку. Караульные не обращали ни малѣйшаго вниманія на воркотню фельдфебеля, который изрѣдка говорилъ: —«Оставьте бѣдняжекъ въ покоѣ».— Поручикъ, лежа на кровати въ верхнемъ этажѣ, лѣниво почитывалъ газету.

Въ наиболѣе удаленномъ уголкѣ двора сидѣлъ новобранецъ одинъ-одинешенекъ, облокотясь на колѣни и уткнувъ подбородокъ въ руки. Онъ слѣдилъ глазами за каждымъ изъ удалявшихся товарищей, а когда никто не проходилъ, взоръ его неподвижно устремлялся на землю. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ добрыхъ малыхъ, которые, хотя и съ большой грустью отрываются отъ родной семьи и родимаго села, но несутъ солдатскую лямку безропотно, съ величайшимъ спокойствіемъ и охотою, зная, что существуетъ столько печатныхъ законовъ, говорящихъ объ

этомъ совершенно ясно, и зная, что на листѣ, прибитомъ къ дверямъ волости, отчетливо виднѣлись ихъ имена, отчества и фамиліи, а также потому, что и старики ихъ поступали на ту же службу, и товарищи ихъ идутъ, и наконецъ, потому что самъ король ихъ зоветъ и нечего возражать и нѣтъ надобности искать дальнѣйшихъ причинъ. Но на лицѣ его виднѣлось нѣчто болѣе того, общаго всѣмъ новобранцамъ выраженія, не то задумчивости, не то удивленія, оно было грустно; можетъ быть, онъ раскаявался, что не вышелъ гулять съ остальными. Если въ воскресенье выпадетъ хорошая погода, новобранецъ всегда чувствуетъ нѣчто, похожее на грусть, оставаясь дома одинъ.

Мало-по-малу, кварталъ опустѣлъ, и мертвая тишина водворилась вездѣ.

Капралъ въ будничномъ мундирѣ проходитъ поспѣшно черезъ дворъ, замѣчаетъ новобранца, и спрашиваетъ его рѣзкимъ тономъ:

— Что ты здѣсь сидишь, сложа руки, что ты дѣлаешь?

— ...Я? отвѣчаетъ новобранецъ.

— Я? повторяетъ капралъ, передразнивая его и корча изъ себя дурачка.— Вотъ прекрасно! Съ кѣмъ же я теперь говорю? Съ луною, что-ли? Да, какъ разъ ты. Да встань, и стой прямо, когда говоришь съ начальствомъ.

Новобранецъ подымается.

— Кто ты такой? Изъ чьей роты?

— ...Роты?

— Роты? въ свою очередь, передразниваетъ капралъ. — Да знаешь-ли ты, что ты ужасный олухъ.

Съ этими словами онъ подходитъ къ солдату, хватаетъ его за фалды шинели и, дергая его такъ, что тотъ подпрыгиваетъ, кричитъ: — посмотри, какъ ты отдѣлалъ свою шинель, сидя здѣсь на землѣ, какъ какой-нибудь бродяга.

Новобранецъ принимается отчищать шинель рукою.

— Гляди, въ какое состояніе ты привелъ сапоги.

И солдатъ ощущаетъ въ кончикахъ пальцевъ ударъ отъ капральской ноги.

Онъ вытягиваетъ изъ кармана платокъ и нагибается, чтобъ вытереть сапоги.

— Поправь галстухъ, смотри, онъ лѣзетъ подъ самыя уши.

И, схвативъ его за галстухъ, капралъ такъ раскачиваетъ его, что еще немного и тотъ упалъ-бы на землю.

Новобранецъ поднимаетъ руки къ галстуху.

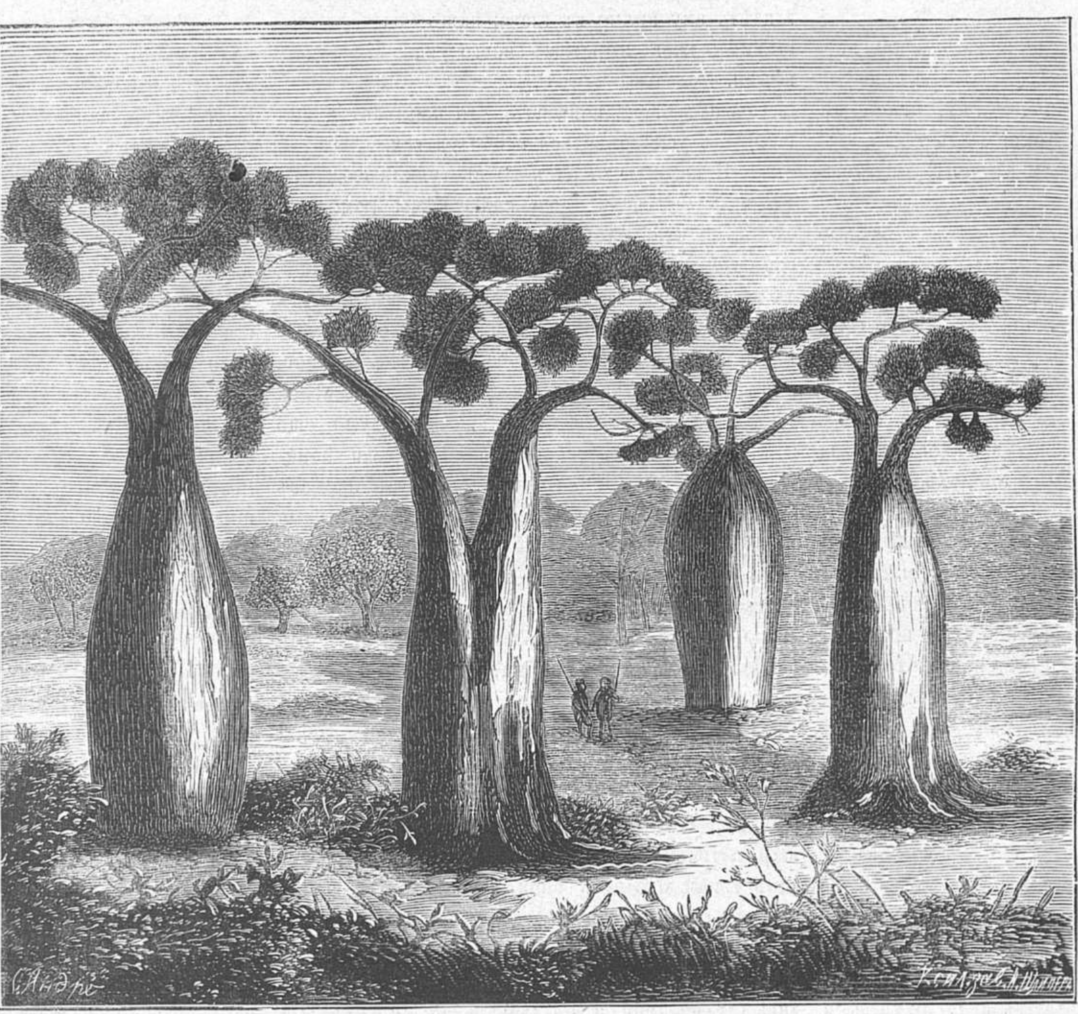
— Надѣнь хорошенько кэпи.

И руки хватаются за кэпи.

— И подтяни штаны, если не хочешь, чтобъ они испортились черезъ недѣлю, и выверни пуговки шинели, да выпь изъ ушей сережки, потому-что это какое-то шутовство, и прошу не сидѣть, свѣсивъ голову на грудь, какъ монахъ, и не смотрѣть на людей съ этой глупой рожей...

Бѣдный юноша хватался дрожащими руками то за галстухъ, то за штаны, то за пуговки, то за кэпи, и ничего ему не удавалось сдѣлать, и чѣмъ болѣе онъ спѣшилъ и выбивался изъ силъ, тѣмъ менѣе видѣлъ и понималъ, чего отъ него требуютъ.

Въ эту минуту вблизи проходила молодая и красивая маркитантка, она остановилась, желая, вѣроятно, посмотрѣть на новобранца и пожалѣть его. Казаться смѣшнымъ въ глазахъ красивой женщины! о, какой срамъ и какое мученіе! Бѣдняга окончательно растерялся; онъ схватился еще разъ за галстухъ и пуговки, а потомъ руки его сами собой опустились, голова свѣсилась снова на грудь, глаза неподвижно устремились на кончики пальцевъ, и онъ остался, окаменѣлый, какъ статуя; онъ былъ уничтоженъ. Маркитантка улыбнулась и пошла дальше. Капралъ смотрѣлъ на него и качалъ головой, съ видомъ презрительнаго сожалѣнія, повторяя про себя:— «Ахъ, болванъ... болванъ!»

Деревья бутылки.

— Надо тебѣ проснуться, другъ мой, сказалъ онъ, возвышая голосъ, — и проснуться поскорѣе, не то мы разбудимъ тебя, да еще какъ! Могу тебя въ этомъ увѣрить! Въ карцеръ, на хлѣбъ и на воду; на хлѣбъ и на воду и карцеръ, въ перемежку, знаешь-ли, чтобы не слишкомъ надоѣло. Заруби это себѣ на носу. А теперь ступай къ себѣ и вычисти платье, маршъ!

И онъ подтвердилъ свое приказаніе, поднявъ руку и указывая пальцемъ на окна казармы.

— Но я...

— Молчать!

— Я не...

— Молчать, когда говоришь со старшими, не то карцеръ; вотъ онъ, видишь.

И капралъ удаляется, ворча про себя:

— Что за народъ, что за народъ! Бѣдная армія! Бѣдная Италія!

— Г. капралъ! смущенно восклицаетъ новобранецъ.

Капралъ оборачивается и снова, грозно поводя глазами, указываетъ на карцеръ.

— Я бы хотѣлъ спросить у васъ что-то.

Вопросъ былъ сдѣланъ такъ почтительно и робко, что капралъ невольно остановился.

— Чего тебѣ надо?

— Я хотѣлъ бы спросить у васъ, знаете-ли вы, что здѣсь, въ этомъ полку, есть офицеръ изъ моей стороны, что онъ здѣсь долженъ быть... но я не знаю, здѣсь-ли онъ...

— Изъ твоей стороны? Если тамъ все такіе олухи, какъ ты, то будемъ лучше надѣяться, что въ полку только одинъ такой и есть.

И, вздернувъ плечи, онъ пошелъ дальше.

— Что за обращеніе! грустно прошепталъ новобранецъ, смотря въ слѣдъ капралу.— А все-таки, мнѣ сказали, что онъ здѣсь... прибавилъ онъ, усаживаясь снова.— Но отчего они съ нами такъ поступаютъ? отчего они такъ дурно съ нами обращаются? Что имъ отъ насъ надо? Что же мы-то такое? Обращаются съ нами, какъ съ собаками!.. И пять лѣтъ надо такъ промаяться!.. Охъ... это черезчуръ!..

И, закрывъ лицо руками, онъ задумался о далекой семьѣ. «Когда-бъ они видѣли меня въ такомъ состояніи, думалъ онъ; —бѣдные люди!»

До него долетѣли звуки громкаго смѣха въ глубинѣ двора, онъ поднялъ глаза и увидѣлъ трехъ дежурныхъ солдатъ, которые разсматривали его и смѣялись между собою.

— Что за гусь, говорили они. — Онъ влюбленъ.— Онъ думаетъ о своей милой — Гдѣ ты покинулъ ее, скажи намъ? Бѣдняжка, теперь ужь она, вѣроятно, съумѣла утѣшиться. — Посмотри, посмотри, какіе глазища онъ на тебя уставилъ.

И всѣ трое запѣли въ одинъ голосъ: «Охъ, какой гусь!»

Бѣдняга поблѣднѣлъ; они попали въ больное мѣсто; онъ не могъ болѣе удерживаться; онъ поднялся...

«Кто этотъ влюбенный?» подумалъ ротный офицеръ, подвигаясь къ окну съ газетой въ рукахъ. Караульные солдаты, увидѣвъ его, разбѣжались; рекрутъ поднялъ взволнованное лицо къ окну и посмотрѣлъ на офицера. Тотъ тоже взглянулъ на него и, замѣтя, что онъ сначала вглядывался внимательно, потомъ удивленно и, наконецъ, не спуская съ него глазъ, сдѣлалъ такое довольное, сіяющее лицо, офицеръ подумалъ:—«Что это за чудакъ?»—и спустившись во дворъ, остановился передъ нимъ.

— Что тебя разбираетъ? чего ты хохочешь и потираешь руки? строго спросилъ онъ.

А солдатъ, хотя и смущенный, все же продолжалъ улыбаться.

— Да знаешь-ли ты, что ты идіотъ, совсѣмъ новаго чекана?.. Я тебя спрашиваю, чему ты смѣешься?

— Ну, вотъ, отвѣчалъ новобранецъ, опуская глаза и потирая обѣими руками фалды своего мундира;—я зналъ, что вы здѣсь, въ этомъ полку,

и меня тоже сюда прислали... Ужь вы вѣрно забыли меня; а я-то нѣтъ; три года, какъ вы уѣхали, и я васъ знавалъ и зналъ также ваше семейство, а вы насъ не знали; мы были сосѣди, и по утрамъ я всегда видѣлъ, какъ вы шли на охоту... и... мы земляки... вотъ и все.

— А! теперь понимаю, сказалъ офицеръ, внимательно вглядываясь въ него и стараясь припомнить, кто онъ такой.

— Я зналъ, когда вы уѣхали, что вы отправились на королевскую службу, что вы поступили въ армію, а съ тѣхъ поръ вы не вернулись. А покамѣсть передѣлали фасадъ собора и на площади поставили кафе, большое, какъ... почти такое, какъ половина этого двора, и онъ всегда полонъ...

— Погоди, погоди; теперь вспоминаю, тебя зовутъ Ренцо, неправда-ли?

— Такъ точно-съ.

— Ты жилъ въ домикѣ около церкви, за селомъ.

— Ну да, да, конечно! въ домикѣ, за селомъ.

И бѣдный малый едва сдерживалъ свой восторгъ.

— Помню, хорошо помню. И... ну, скажи-ка, какъ тебѣ нравится солдатское житье?

Рекрутъ сразу измѣнился въ лицѣ, опустилъ глаза и замолчалъ.

— Отчего ты не вышелъ гулять съ остальными?

Онъ не отвѣчалъ и смотрѣлъ на свои ноги, какъ-будто тамъ ища вдохновенія для отвѣта, но въ глазахъ отражались его думы. Офицеръ понялъ, и добродушно мягко спросилъ:

— Что съ тобой?

Ласковое обращеніе развязало бѣднягѣ языкъ; постепенно оживляясь, онъ заговорилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Со мною... послушайте, г. офицеръ; со мною... я самъ не знаю, что со мной; но только со мною обращаются такъ, что мнѣ непріятно, вотъ и все. Спрашиваешь что-нибудь—не отвѣчаютъ, а потомъ говорятъ такія вещи, что обидно слушать, и надо молчать, не то — карцеръ; вотъ онъ, тамъ (подражая голосу капрала). Я и самъ знаю, что мы еще не умѣемъ одѣваться, не годимся еще въ солдаты; но вѣдь мы здѣсь всего два дня; развѣ наша вина что мы еще не привыкли? Развѣ мы можемъ что-нибудь сдѣлать противъ этого? Вѣдь знаютъ, что мы и пришли-то сюда именно за тѣмъ, чтобъ учиться, и не мѣшало бы немножко снисхожденія, мнѣ кажется. А потомъ, потѣшаются надъ нами въ присутствіи другихъ, и даже даютъ волю рукамъ, и даютъ пинки, а мы должны все терпѣть, а они смѣются, а я не могу понять, отчего съ нами такъ дурно обходятся. Я пришелъ служить охотно и говорилъ самъ себѣ: я буду исполнять свою обязанность, и мои начальники будутъ со мной добры; а вмѣсто того, что же... можетъ быть, когда мы привыкнемъ, мы не станемъ обращать вниманія; но теперь больно видѣть, что тебя такъ обижаютъ. Мы такъ привыкли къ дому, къ семьѣ, всѣ намъ желали добра, любили насъ, а здѣсь, напротивъ... смѣются даже надъ своими... терпѣніе однакожь, мы... но... жалко, право жалко, черезчуръ жалко!

Эти послѣднія слова были произнесены съ выраженіемъ самаго искренняго огорченія; онъ замолчалъ и, опустивъ глаза, продолжалъ что то бормотать про себя.

Офицеръ помолчалъ немного; закурилъ сигару, а потомъ небрежно, какъ будто онъ не хотѣлъ слышать, или дѣйствительно ничего не слыхалъ, сказалъ:

— Подтяни немножко галстухъ.

И онъ самъ помогъ ему.

— Вотъ такъ, теперь хорошо, повернись.

Солдатъ повернулся. Офицеръ взялъ его за складки шинели и поправилъ ихъ.

— Шинель не должна дѣлать сборокъ; она должна обхватывать талью, какъ корсетъ. Повернись.

Онъ повернулся. Офицеръ поправилъ ему кэпи.

— Вотъ такъ, немножко на бекрень, чтобы походить на бывалаго служиваго.

Новобранецъ улыбнулся.

— Стой ты всегда совершенно прямо, и держи голову высоко; когда ты ходишь, движенія твои должны быть проворны, свободны, развязны, какъ прежде, когда ты игралъ въ бабки у насъ во дворѣ, помнишь?

Новобранецъ усмѣхнулся и знакомъ показалъ, что помнитъ.

— Ну, хорошо, продолжалъ офицеръ, прислоняясь къ стѣнѣ и кладя одну ногу на другую,— и смотри всегда всѣмъ въ лицо, потому что тебѣ нѣтъ надобности бояться или стыдиться кого бы то ни было. Понялъ? Еслибъ даже самъ король проходилъ мимо, ты долженъ поднять голову и глядѣть ему прямо въ глаза; нашъ братъ служивый не долженъ выражать своего уваженія иначе; помни.

Солдатъ опять показалъ, что понимаетъ; онъ начиналъ успокоиваться и ободряться.

— И помни, что разъ ты поступилъ сюда, ты долженъ измѣнить даже свою рѣчь; поменьше словъ, но чтобъ каждое изъ нихъ было произнесено громко, чтобъ они были звучны и искренни, съ кѣмъ бы ты ни говорилъ: да или нѣтъ, нѣтъ или да, а если тебѣ больше нечего сказать— тѣмъ лучше. А когда ты въ строю, это все равно, какъ бы ты былъ въ церкви и молчи, а внѣ строя ты у себя дома; если другіе шумятъ, шуми еще громче, а не гляди только на нихъ; если нападетъ тоска, прогони ее сейчасъ. Будь ласковъ съ товарищами, увидишь, какіе они отличные люди; ты встрѣтишь молодыхъ, которые будутъ тебѣ замѣсто братьевъ. Здѣсь, можетъ быть, бѣдность и недостатокъ во всемъ, но ужь любовь и дружбу ты здѣсь найдешь, въ этомъ я тебѣ ручаюсь... Есть у тебя трубка?

— Нѣтъ.

— А то ты бы могъ курить... И если съ тобой побранится кто-нибудь изъ старшихъ—если онъ правъ, послушай его и постарайся исправить ошибку; если же онъ неправъ, все-таки слушай, а только не принимай къ сердцу; въ этомъ мірѣ у каждаго есть свои недостатки и всякій можетъ ошибиться... но если ты не послушаешься, то навѣрное ошибешься. И не думай, чтобы всѣ, кто кричитъ на тебя, были злые, и сердились бы на тебя и не любили. У многихъ изъ этихъ грубіяновъ золотыя сердца; они желаютъ добра вамъ, новобранцамъ, и еслибъ ихъ съ вами разлучили, они умерли бы съ тоски черезъ нѣсколько дней. Они горланятъ, осыпаютъ бранью, но больше по привычкѣ, для развитія легкихъ. Ты кончишь тѣмъ, что будешь любить ихъ больше, чѣмъ всѣхъ остальныхъ. Увидишь, когда они уходятъ, другіе солдаты плачутъ. Много такихъ знавалъ и я; видалъ такого молодца при Кустоццѣ...

— Это та битва, что кончилась для насъ дурно?

— Та самая. Одинъ такой капитанъ казался пугаломъ всей роты, его даже ненавидѣли и были неправы. Во время сраженія, едва падалъ раненый,—капитанъ тотчасъ же подбѣгалъ къ нему на помощь; онъ перевязывалъ имъ раны, ободрялъ ихъ, всегда былъ тамъ, гдѣ въ немъ нуждались, такъ что усталъ до истощенія, «Охъ, капитанъ, капитанъ, не оставляйте меня, капитанъ!» кричали раненые, удерживая его за руку и за одежду.—«Нѣтъ, милый, отвѣчалъ онъ,—я останусь здѣсь съ тобой, буду всегда съ тобой, пока ты не поправишься. Ободрись, мой другъ, ободрись, твой капитанъ тебя не покинетъ».—Понимаешь ты теперь, какой это былъ человѣкъ? А такихъ, какъ онъ, много. Не надо судить людей по ихъ внѣшности, надо жалѣть о дурныхъ и любить добрыхъ, и уважать всѣхъ, потому что они всѣ солдаты, и не сегодня—завтра мы можемъ видѣть ихъ умирающими геройской смертью. А когда любишь кого, то готовъ за него жертвовать жизнью. Вотъ примѣры. Солдатъ Перье въ 48-мъ году, бросившись между любимымъ офицеромъ и непріятелемъ, упалъ на землю, сраженный пулею въ грудь и закричалъ: «Не забывайте меня, поручикъ, я умираю съ радостью, зная, что спасъ вамъ жизнь. А восемь или десять солдатъ, которые во время битвы при Риволи отняли у нѣмцевъ, подъ градомъ пуль, трупъ своего офицера, желая похоронить его въ собственномъ лагерѣ и воздать ему послѣдній долгъ... Есть у тебя спичка?

Новобранецъ, стоявшій до сихъ поръ съ разинутымъ ртомъ и выпученными глазами, въ какомъ-то забытьи, поспѣшно вытащилъ спичку и подалъ ее офицеру.

— Чтобы быть солдатомъ и служить хорошо, надо умѣть смотрѣть нѣсколько выше казармы и далѣе плацъ-парада, продолжалъ офицеръ.— Къ тому же, понемногу можно привыкнуть ко всему. Ранецъ сначала кажется очень тяжелъ. «Какое мученіе!» говорятъ новобранцы, а потомъ, мало-по-малу, привыкаютъ и онъ уже кажется имъ легкимъ. А ѣда? Говоря по правдѣ, у насъ ѣда бываетъ иногда прескверная; но надо быть терпѣливымъ; не надо жаловаться и хныкать, какъ это дѣлаютъ иные, обо всякихъ пустякахъ; надо ѣсть то, что даютъ. Вдобавокъ, когда работаешь и трудишься, исполняешь свой долгъ и доволенъ собой, является аппетитъ, а аппетитъ отличный поваръ. Я знаю, что всѣ порядочные молодые люди несутъ солдатскую службу охотно, потому что начальство смотритъ на нихъ доброжелательно, товарищи ихъ цѣнятъ, земляки уважаютъ; бываютъ такіе, которые въ пять лѣтъ, что пробыли солдатомъ, ни одного разу не попали въ карцеръ, и оставили свое мѣсто въ штрафной книгѣ такимъ же бѣлымъ и чистымъ, какимъ оно было при ихъ поступленіи въ полкъ. И ты будешь изъ такихъ, не правда-ли?

Солдатъ быстро кивнулъ головою въ знакъ согласія.

— Ну, ладно, и не думай, чтобы тебя ожидали однѣ непріятности въ нашемъ ремеслѣ; бываютъ также и удовольствія для тѣхъ, кто умѣетъ искать ихъ, а порядочные солдаты находятъ ихъ. Учись добросовѣстно исполнять свои обязанности, будь всегда опрятенъ, почтителенъ и доволенъ судьбой, и тебѣ часто придется слышать какъ отъ капрала, такъ и отъ офицеровъ, похвалы, которыя придадутъ тебѣ аппетиту и бодрости. Время уйдетъ скоро. Никогда нельзя знать впередъ, что можетъ случиться втеченіи пяти лѣтъ; можетъ быть, ты десять разъ перемѣнишь гарнизонъ, а тогда время летитъ, такъ что мѣсяцы кажутся днями. Увидишь новыя страны, города, новыхъ людей, горы, моря, цѣлый новый міръ, всю нашу прекрасную страну, Италію, которую ты до сихъ поръ знаешь только по имени: вездѣ увидишь ты великолѣпные образцы искусства; въ свободные часы ты будешь ходить все разсматривать, чтобы потомъ разсказывать семьѣ и пріятелямъ, когда будешь дома. Лѣтомъ мы собираемся въ лагерь; ты увидишь, какую красивую картину представляетъ цѣлый станъ, какой шумъ, какое веселье, какая жизнь господствуютъ въ немъ цѣлые дни, и какіе празднества будутъ передъ снятіемъ лагеря — музыка, балы, лотереи, бѣга; всѣ офицеры и генералы забавляются вмѣстѣ съ солдатами, и публика собирается съ окрестностей и любуется на это зрѣлище и аплодируетъ. Къ этому времени ты уже будешь знакомъ со всѣми солдатами своей ро ты, будешь

имѣть много друзей, твой полкъ будетъ казаться тебѣ твоей большой семьей, и вся слава, какая достанется на его долю, покажется тебѣ твоею личною заслугою; ты будешь любить своего стараго полковника. Постепенно ты привяжешься ко всему: къ своему оружію, къ своей дивизіи, къ этому двору, къ этой лѣстницѣ, къ этимъ стѣнамъ. Когда же ты будешь уѣзжать и прощаться со своимъ капитаномъ, съ офицерами, съ фельдфебелями, и когда всѣ остальные солдаты окружатъ тебя:—«Прощай, и добраго пути, и не забывай насъ», раздадутся со всѣхъ сторонъ,—тогда сердце твое сожмется такъ же, какъ при разставаніи съ домашними и, выйдя на улицу, ты еще разъ повернешься, чтобъ послѣдній разъ взглянуть на эти окна казармъ, и ты остановишься, и, если хватитъ голоса, ты еще разъ скажешь: «Прощай второй мой домашній очагъ, гдѣ у меня было столько друзей, гдѣ я провелъ столько прекрасныхъ дней, гдѣ совѣсть всегда была чиста, гдѣ я столько думалъ и столько вздыхалъ; прощай моя жалкая кровать»... Что съ тобою?

Новобранецъ стоялъ неподвижный, но съ взволнованнымъ лицомъ. Онъ попытался отвѣтить, опустилъ голову и выпрямилъ шею, какъ-бы глотая что-то огромное; но у него едва хватило голосу, чтобъ тихо и отрывисто прошептать:

— Ничего.

Офицеръ улыбнулся.

— Умѣешь ты писать?

— . . . .Немного, отвѣчалъ рекрутъ.

— Такъ ступай со мною.

Онъ направился къ своей комнатѣ; новобранецъ послѣдовалъ за нимъ. Когда они вошли, офицеръ усадилъ своего земляка за столъ, далъ ему перо въ руки, положилъ передъ нимъ листъ бумаги и сказалъ ему:

— Пиши своему отцу.

Новобранецъ смотрѣлъ на него, разинувъ ротъ.

— Пиши отцу

— . . . . Что же я буду писать?

— То, что ты видишь, что думаешь, что чувствуешь, словомъ, все, что хочешь.

— Но...

— Молчать! Пока ты не кончишь, я тебѣ не позволю сказать ни одного слова.

И онъ усѣлся читать газету возлѣ окна.

Новобранецъ продолжалъ удивленно глядѣть во всѣ стороны, затѣмъ опустилъ голову, задумался на нѣсколько минутъ и медленно принялся писать. Спустя четверть часа, офицеръ спросилъ:

— Скоро конецъ?

— Кончено, весело отвѣчалъ солдатъ.

— Прочти.

Солдатъ конфузился.

— Тебѣ говорятъ, читай! Но сперва скажи: ты пишешь правду? Ты искрененъ? Сказалъ-ли ты именно то, что думаешь и чувствуешь?

Солдатъ положилъ руку на грудь и поднялъ глаза къ небу.

— Ну такъ читай.

Солдатъ прочелъ:

«Любезный отецъ.

Я пріѣхалъ въ полкъ, и меня сейчасъ обрили и одѣли. Помнишь офицера съ нашей стороны, ты знаешь, какъ его зовутъ; я видѣлъ его сегодня во дворѣ и говорилъ съ нимъ болѣе часа. Здѣсь не ѣдятъ по-господски, извѣстно, но когда стряпаешь на столькихъ людей, трудно, чтобы вышло хорошо, да къ тому же аппетитъ всегда есть, лишь бы исполнять свою обязанность. Начальники бранятся, но они всѣ не злые, бывали даже солдаты, которые клали животъ свой за нихъ и не хотѣли оставлять ихъ въ рукахъ непріятелей, даже послѣ ихъ смерти. Есть также и такіе солдаты, которые ни разу не были наказаны, и я надѣюсь быть изъ такихъ. А время проходитъ скоро, потому что мы будетъ ломать походы и увидимъ много памятниковъ, садовъ, и церквей, а потомъ лагерная жизнь, тогда генералы веселятся вмѣстѣ съ солдатами, и устраиваются также лотереи. Потомъ бываютъ также и друзья. А затѣмъ, кланяюсь тебѣ и будь здоровъ, и т. д... Любящій тебя сынъ».

— Молодецъ!

Солдатъ усмѣхнулся.

— Теперь ты сдѣлаешь мнѣ одолженіе, сходишь внизъ и выпьешь стаканъ вина за здоровье новобранцевъ. На.

И онъ подалъ ему бумажку.

— Г. поручикъ! сказалъ конфузясь солдатъ и сдѣлалъ видъ, что не принимаетъ.

— Что? грозно закричалъ офицеръ.

Новобранецъ взялъ бумажку и, направляясь къ двери, пробормоталъ нѣсколько словъ:

— Я... право не знаю... я чувствую, что...

— Молчать!

Новобранецъ быстро выбѣжалъ, опрометью спустился по лѣстницѣ, подпрыгнулъ два, три раза во дворѣ, потирая руки и бормоча про себя. Затѣмъ онъ вошелъ въ погребокъ; маркитантка любезно налила ему стаканъ вина, съ улыбкой, которая заставила его забыть недавнюю сцену; выпивъ свой стаканъ, онъ вышелъ. Войдя во дворъ, онъ встрѣтилъ своего капрала: лицо его было менѣе сердито и манеры менѣе рѣзки.

— Скажи-ка, родня тебѣ тотъ офицеръ, что говорилъ съ тобой недавно?

— Нѣтъ.

— Но ты знавалъ его?

— Очень хорошо.

— Это тотъ офицеръ изъ твоей стороны, котораго ты искалъ?

— Тотъ самый.

— Я, знаешь-ли, не понялъ, когда ты у меня спросилъ...

— О, это ничего не значитъ.

— Когда-бы я понялъ, я-бъ тебѣ отвѣтилъ.

— Благодарю покорно.

Капралъ удалился. Оставшись одинъ, новобранецъ подумалъ: «а въ сущности, капралъ вовсе не такой звѣрь, какимъ казался прежде».

Въ это время солдаты стали возвращаться отдѣльными группами въ казармы; они разсуждали громко и распѣвали пѣсни. Пришла и партія новобранцевъ, они нѣсколько подгуляли и подымали ужаснѣйшій гамъ.

«Когда другіе шумятъ и веселятся, шуми и кричи еще громче ихъ», вспомнилъ новобранецъ слова офицера. «Надо шумѣть», подумалъ онъ.

— Ура! да здраствуетъ Перье! заоралъ онъ, что было силы.

А остальные, хоть и не разслышали, можетъ быть, въ чемъ дѣло, отвѣчали ему громкимъ «Ура!» Нашъ новобранецъ вмѣшался въ толпу; съ пѣснями и криками поднялся онъ наверхъ.

Офицеръ слѣдилъ за нимъ изъ окошка и сказалъ про себя: «Этотъ молодецъ будетъ славнымъ солдатомъ».

Некрологъ.

(Ст. П. В. Быкова)

Н. П. Кильбергъ. 8-го ноября скончался отъ легочной чахотки молодой, талантливый писатель Николай Петровичъ Кильбергъ. Дворянинъ по происхожденію, онъ родился въ концѣ 1847 года и первоначальное воспитаніе получилъ дома. Его отецъ, служившій одно время въ контрольномъ департаментѣ военныхъ отчетовъ, старался дать сыну хорошее образованіе, въ кругъ котораго онъ включилъ и серьезное изученіе новѣйшихъ языковъ. Лѣтъ 16—17 Кильбергъ опредѣлился въ лейбъ-гвардіи гренадерскій полкъ юнкеромъ и вскорѣ былъ произведенъ въ офицеры, съ прикомандированіемъ его для перевода въ гвардейскую конную артиллерію. Къ этому времени относится начало литературной дѣятельности покойнаго, который, своими поэмами и мелкими пьесами лирическаго и юмористическаго характера, приводилъ въ восхищеніе своихъ товарищей и знакомыхъ. Первыя произведенія Н. П. печатались безъ подписи его имени въ «Искрѣ» и «Будильникѣ» въ самомъ концѣ 60-хъ годовъ, а затѣмъ онъ сталъ употреблять псевдонимъ Густавъ Непадо, помѣстивъ подъ этимъ псевдонимомъ цѣлую массу переводныхъ и оригинальныхъ юмористическихъ стихотвореній въ «Будильникѣ» (петерб. и московскомъ), «Петерб. Листкѣ», «Петербургской Газетѣ» и «Стрекозѣ»; въ послѣдней онъ подписывался и другими псевдонимами; въ 1877 г. въ «Будильникѣ» онъ велъ Петербургскій фельетонъ, бойкій и остроумный подъ псевдонимомъ: Петербургскій Демокритъ, а въ «Голосѣ» 1877—78 г. помѣщалъ рецензіи драматическихъ спектаклей русскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ, отличавшіяся знаніемъ дѣла и полнѣйшимъ безпристрастіемъ. Имѣя весьма ограниченныя средства и будучи слабаго здоровья, Н. П. принужденъ былъ оставить военную службу и поступить въ штатъ канцеляріи военнаго министерства, но штатнаго мѣста онъ не занималъ до кончины. Посвящая все свое время урокамъ и литературнымъ трудамъ, покойный почти весь свой заработокъ долженъ былъ употреблять на леченіе. Непосильные труды свели его въ могилу. Нѣсколько стихотвореній 1869—1871 гг. было собрано Н. П. въ отдѣльномъ изданіи и выпущено въ свѣтъ подъ заглавіемъ «Пока! Стих.—я и куплеты. Густава Нападо». Спб. 1872 г.

Г. И. Будаковскій. Въ первыхъ числахъ ноября въ Варшавѣ скончался, профессоръ тамошняго университета Германъ Игнатьевичъ Будаковскій. Онъ родился въ кіевской губерніи, въ концѣ 30-хъ годовъ. Окончивъ курсъ въ кіевской гимназіи, Г. И. поступилъ въ дерптскій университетъ, откуда перешелъ въ берлинскій, гдѣ и кончилъ высшее образованіе. Въ 1863 г. университетъ св. Владиміра предложилъ ему каѳедру физіологической химіи, которую онъ занималъ недолго, такъ какъ его перевели въ главную варшавскую школу, гдѣ и оставался до самой кончины, послѣ того, когда школа эта была преобразована въ университетъ. Покойный сотрудничалъ въ «Журналѣ Химическаго Общества», кромѣ того нѣсколько изслѣдованій и работъ его помѣщено въ «Варшавскихъ Университетскихъ извѣстіяхъ».

Ф. Р. Вреденъ. 13-го ноября скончался адъюнктъ по каѳедрѣ химіи горнаго института Феликсъ Романовичъ Вреденъ. Сынъ бывшаго преподавателя во 2 мъ кадетскомъ корпусѣ Романа Васил. Вредена, покойный родился въ 1842 году и воспитаніе получилъ въ здѣшней четвертой (ларинской) гимназіи, которую окончилъ въ 1859 г. съ золотой медалью, затѣмъ поступилъ въ физико-математическій факультетъ петербургскаго университета, откуда вышелъ со степенью кандидата. Сейчасъ же по выходѣ изъ него, занялъ мѣсто консерватора минералогическаго кабинета, а потомъ лаборанта химической лабораторіи при университетѣ. Въ это время онъ сталъ помѣщать свои первыя работы частію въ «Запискахъ Минералогическаго Общества», частію въ «Журналѣ Химич. Общ.» и въ «Трудахъ перваго и второго съѣзда русскихъ естествоиспытателей»; изъ нихъ обратили на себя вниманіе: «Разложеніе антрацитовъ и каменныхъ углей изъ нѣкоторыхъ мѣсторожденій, лежащихъ по линіи предполагаемой харьково-таганрогской жел. дороги и съ рѣки Луньи, пермск. губ.». «О нахожденіи щавелевой кислоты въ богородицкомъ каменномъ углѣ и о гигроскопичности углей», «Анализъ нѣкоторыхъ почвъ и подпочвъ изъ русскихъ мѣсторожденій» и друг. Въ 1873 г. онъ защитилъ диссертацію на степень магистра химіи, подъ заглавіемъ «Монографія о камфарной кислотѣ», послѣ чего въ 1874 г. получилъ профессуру въ варшавскомъ университетѣ, гдѣ пробылъ два года и затѣмъ его перевели въ горный институтъ. Въ 1876 г. онъ удостоенъ степени доктора химіи, за свое разсужденіе: «О гидрогенизаціи манобензоловыхъ углеводородовъ», кото-

Рисунокъ Г. ДОРЕ́.

Свиданіе.

Рѣзалъ на деревѣ Панчемакеръ въ Парижѣ.

Рисунокъ Г. ДОРЕ́.

Лѣтній вечеръ.

Рѣзалъ на деревѣ **Паннемакеръ** въ Парижѣ

рое публично защищалъ въ 1876 г. въ варшавскомъ университетѣ. Въ «Журналѣ Химическаго Общества» Фел. Ром. помѣстилъ цѣлый рядъ статей по химіи (1874—1878), изъ которыхъ можно указать на изслѣдов. о «гексагидроизоксилолѣ» и анализъ минеральныхъ солей и водъ изъ Цѣхазынска (вмѣстѣ съ А. Фуксомъ); кромѣ того, въ этомъ самомъ изданіи онъ нѣсколько времени редижировалъ извлеченія изъ иностранныхъ изданій по химіи. Въ 1874 г. онъ помѣстилъ въ «Записк. кіевскаго отдѣленія технич. общества по свеклосахарн. промышленности», обстоятельную статью о спектро-колориметрическомъ изслѣдованіи сахарныхъ соковъ по методѣ Фародта. А въ 1875 г., по порученію этого отдѣленія, Вреденъ перевелъ съ французскаго, «Практическій курсъ сахарнаго производства во Франціи», А. Вивьена (Кіевъ 1875. Унив. Тип. 8°, II и 195 стр.). Феликсъ Роман. состоялъ дѣйствит. членомъ обществъ: императорскаго с.-петерб-го и русскаго физико-химическаго и членомъ берлинскаго химическ. общества.

А. П. Шиповъ. Въ ночь съ 11 на 12 ноября, въ Москвѣ, скончался довольно видный общественный дѣятель, дѣйст. ст. сов. Александръ Павловичъ Шиповъ, принадлежавшій къ извѣстной фамиліи Шиповыхъ, изъ которыхъ Сергій Павл. (старшій братъ), генер.-адъют., игралъ замѣтную роль 14 дек., во время польской войны и потомъ въ управленіи Царства Польскаго; два другіе брата извѣстны по своимъ обширнымъ торговымъ и промышленнымъ предпріятіямъ и наконецъ сестра, въ замужествѣ Леонтьева, не такъ давно умершая, въ званіи статсъ-дамы, продолжительное время завѣдывала Смольнымъ монастыремъ. Происходя изъ дворянъ костромской губерніи, Ал. Павл. родился въ 1800 году и, окончивъ курсъ въ костромской гимназіи, получилъ высшее образованіе въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, въ которомъ, однако, курса некончилъ, по случаю дуэли съ однимъ изъ преподавателей этого заведенія. Послѣ этого онъ поступилъ на службу въ преображенскій полкъ, гдѣ между прочимъ, служилъ вмѣстѣ съ Чевкинымъ; въ военной службѣ Ал. Павл. пробылъ десять лѣтъ и былъ замѣченъ графомъ Киселевымъ, который, при образованіи тогда (въ 30-хъ годахъ) министерства государственныхъ имуществъ, предоставилъ Ал. П-чу управленіе палатою государственныхъ имуществъ, въ костромской губерніи; совершавшій въ эту пору свое ученое путешествіе по Россіи, извѣстный баронъ Августъ Гакстгаузенъ, которому Шиповъ далъ множество полезныхъ свѣденій о русской жизни, относится о Шиповѣ съ уваженіемъ, какъ о лучшемъ знатокѣ Россіи. Независимо отъ служебной дѣятельности, Ал. П. заявилъ себя съ хорошей стороны, въ Костромѣ, и какъ общественный дѣятель, основавъ въ Костромѣ механическій заводъ, съ русскими техниками и работающій изъ чисто русскихъ матеріяловъ, который существуетъ и до сей поры. Затѣмъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ Ал. П. занималъ мѣсто предсѣдателя московскихъ отдѣленій коммерческаго и мануфактурнаго совѣтовъ, принимая самое горячее участіе въ разсмотрѣніи разныхъ экономическихъ вопросовъ, имѣвшихъ большую важность. Въ 1857 г. внезапное пониженіе тарифа принесло нашей торговлѣ и промышленности громадные убытки, потому что застало ее совершенно врасплохъ. Шиповъ обратилъ на это серьезное вниманіе, способствуя тому, чтобы вопросы объ измѣненіяхъ въ тарифѣ небыли рѣшаемы столь нежданно и негласно. Такая мѣра оказала, при послѣдующемъ измѣненіи тарифа, благодѣтельное вліяніе. Подобной дѣятельностью Ал. П. снискалъ себѣ уваженіе во всемъ торгово-промышленномъ сословіи. Наконецъ Ал. П. очень долго занималъ постъ предсѣдателя нижегородскаго ярмарочнаго комитета, много содѣйствуя благоустройству этого нашего внутренняго рынка, имѣющаго такое важное значеніе, а также способствуя организаціи ярмарочной статистики. Онъ устроилъ при нижегородской ярмаркѣ водопроводы и выхлопоталъ торговцамъ право пріобрѣтать въ собственность торговыя помѣщенія. По его же иниціативѣ въ Петербургѣ основалось «Общество для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ», въ которомъ Ал. П. состоялъ вицепрезидентомъ и почетнымъ членомъ. Всю свою жизнь онъ посвятилъ вполнѣ безкорыстному служенію русской фабричной промышленности и торговлѣ и развитію пароходства, поставивъ себѣ задачей укрѣпленіе русской промышленности путемъ покровительственной системы, которая впервые примѣнена графомъ Канкринымъ, въ 1822 году. Покойный напечаталъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ массу статей, по предметамъ, сильно его интересовавшимъ; изъ нихъ мы укажемъ на слѣдующія: «Хлопчато-бумажная промышленность и важность ея значенія въ Россіи». Отдѣлъ I и II. М. 1857 — 1858 г., рецензіи книгъ гр. Н. С. Толстого: «Заволжская часть макарьевск. уѣзда, нижегород. губ.» и «Заволжскіе очерки» («Журн. Сельск. Хозяйства» 1858 г.), «Куда и отчего исчезли у насъ деньги?» Спб. 1860 г., «Объ ассигнаціонномъ курсѣ и его вліяніи на наше хозяйство». («Биб. д. чт.» 1864 г.), «По поводу записки о таможенномъ договорѣ между Россіей и таможеннымъ союзомъ, составленной корпораціей германскихъ купцовъ». Рѣчь (Ibid. 1864 г.), «Практич. замѣтка по поводу введенія въ дѣйствіе земскихъ учрежденій» (Ibid.), «Очеркъ практической системы устройства банковъ въ Россіи» (Ibid., издано отдѣльно), «Наша чайная торговля». (Ibid. 1865 г.), «Очеркъ жизни и государственной дѣятельности графа Канкрина». (Ibid. 1864; издано отдѣльно въ 1864 и 1866 г.), «О средствахъ къ устраненію нашихъ экономическихъ и финансовыхъ затрудненій» Рядъ статей («Спб. Вѣд.» 1866 г.; изданы отдѣльно), «Опытъ общепонятнаго изложенія нѣкоторыхъ началъ финансовой науки, съ примѣненіемъ ихъ къ Россіи. Спб. 1865 г., «Обзоръ основаній раціональнаго тарифа, примѣненнаго къ потребностямъ Россіи. Спб. 1868 г., «Практическое примѣненіе къ началамъ раціональнаго тарифа фискальныхъ пошлинъ на предметы, служащіе для непроизводительнаго потребленія». Спб. 1868 г. и мн. друг.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій,

царь польскій, великій князь финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Въ 22-й день сего ноября, любезнѣйшая Наша Невѣстка, ея императорское высочество государыня Цесаревна и великая княгиня Марія Ѳеодоровна, супруга любезнѣйшаго Нашего Сына, его императорскаго высочества государя Наслѣдника Цесаревича, разрѣшилась отъ бремени, рожденіемъ Намъ внука, а ихъ императорскимъ высочествамъ сына, нареченнаго Михаиломъ.

Таковое императорскаго Нашего дома приращеніе пріемлемъ Мы новымъ ознаменованіемъ благодати Всевышняго, на Насъ и на имперію Нашу изливаемой, и, возвѣщая о семъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ, пребываемъ удостовѣрены, что всѣ они вознесутъ съ Нами къ Богу усердныя молитвы о благополучномъ возрастѣ и преуспѣяніи новорожденнаго.

Повелѣваемъ писать и именовать во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ приличествуетъ, сего любезнѣйшаго Намъ внука, новорожденнаго великаго князя, его императорскимъ высочествомъ.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 22-й день ноября, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ семьдесятъ восьмое, царствованія же Нашего въ двадцать четвертое.

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою написано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Правительственное сообщеніе.

Въ «Прав. Вѣст.» напечатано: По поводу происходившихъ въ послѣднее время въ Харьковѣ между студентами тамошнихъ ветеринарнаго института и университета безпорядковъ, распространяются невѣрные слухи лицами, желающими воспользоваться этими безпорядками для того, чтобы произвести волненіе въ средѣ учащейся молодежи. По этому министерство народнаго просвѣщенія считаетъ неизлишнимъ напечатать имѣющіяся въ министерствѣ свѣденія объ означенныхъ безпорядкахъ.

Профессоръ Журавскій, читающій анатомію животныхъ (зоотомію) въ харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ, въ который, на основаніи устава ветеринарныхъ институтовъ, принимаются гимназисты, перешедшіе изъ шестаго въ седьмой классъ, желая облегчить для студентовъ перваго курса института трудъ усвоенія этого предмета и въ тоже время побудить ихъ исправнѣе посѣщать лекціи, предложилъ имъ собираться по пятницамъ, въ свободное отъ лекцій время, для научныхъ бесѣдъ по анатоміи. Эти научныя бесѣды имѣли характеръ репетицій, такъ какъ на нихъ студентамъ предлагались вопросы изъ пройденной части предмета. Трудящіеся студенты отнеслись къ этой мѣрѣ сочувственно, но нѣкоторые изъ студентовъ, преимущественно изъ оставшихся на второй годъ въ первомъ курсѣ, стали противъ нея агитировать: они распустили слухъ, что репетиціи, съ разрѣшенія попечителя, сдѣланы, будто-бы, обязательными и что онѣ унижаютъ званіе студента, приравнивая его къ ученикамъ среднихъ учебныхъ заведеній. Агитація эта постоянно росла: сначала Журавскій получилъ анонимное письмо, въ которомъ съ угрозами требовалась отмѣна репетицій Когда Журавскій о полученіи имъ этого письма сообщилъ своимъ слушателямъ, то многіе изъ нихъ просили его не обращать вниманія на письмо, вслѣдствіе чего онъ изорвалъ его, и о томъ, что въ немъ заключалось, до настоящаго времени не заявлялъ никому изъ начальствующихъ лицъ. Видя, что агитація такимъ путемъ не удалась, противники репетицій, 8-го ноября, по окончаніи лекцій, имѣли между собою совѣщаніе, на которомъ рѣшили собраться въ возможно большемъ числѣ на слѣдующій день на лекцію Журавскаго и изгнать его изъ аудиторіи. Они полагали, что, нанеся такимъ образомъ профессору Журавскому, по ихъ выраженію, нравственный ударъ, они заставятъ его оставить институтъ, и репетиціи будутъ вырваны съ корнемъ. Намѣреніе это было ими осуществлено 9-го ноября: въ началѣ лекціи, на которую собралось значительно большее обыкновеннаго число студентовъ и притомъ не только перваго, но и втораго курса, раздались свистки, шиканье и крики «вонъ»; затѣмъ толпа хлынула къ профессору и заставила его удалиться изъ аудиторіи. Послѣ этого нѣкоторые изъ студентовъ остановили Журавскаго, заявили ему, что они не солидарны съ агитаторами, и просили его записать ихъ имена. Журавскій началъ составлять списокъ, и успѣлъ уже записать до сорока фамилій, но въ это время сквозь толпу къ нему пробрался почти ползкомъ какой-то студентъ и вырвалъ изъ его рукъ составленный списокъ. Въ тотъ же день у квартиры попечителя харьковскаго учебнаго округа собралась толпа студентовъ ветеринарнаго института, желавшихъ, чтобы тайный совѣтникъ Жерве лично ихъ выслушалъ. Приказавъ имъ объявить, что къ толпѣ для объясненій онъ не находитъ нужнымъ выйти, но въ тоже время желая лично объяснить всю преступность ихъ поступка, тайный совѣтникъ Жерве разрѣшилъ имъ прислать къ нему нѣсколькихъ человѣкъ, съ тѣмъ, чтобы остальные немедленно разошлись. Требованіе это было исполнено. Явившимся студентамъ, въ числѣ четырехъ человѣкъ, заявившимъ свое неудовольствіе на профессора Журавскаго, попечитель объявилъ, что о происшедшемъ въ институтѣ безпорядкѣ будетъ произведено совѣтомъ разслѣдованіе; дальнѣйшая же участь виновниковъ безпорядка будетъ зависѣть отъ справедливости ихъ показаній и чистосердечности раскаянія. Соотвѣтственно сему приступлено было совѣтомъ института къ обсужденію предварительныхъ мѣръ для производства слѣдствія.

Черезъ три дня послѣ сего, 12-го ноября, въ 7 часовъ вечера, у квартиры попечителя вновь собралась толпа, состоящая на этотъ разъ изъ студентовъ института и университета, которая выдѣлила изъ своей среды шесть университетскихъ студентовъ. Эти послѣдніе заявили тайному совѣтнику Жерве, отъ имени студентовъ университета, ходатайство не подвергать никакому взысканію виновниковъ безпорядковъ, происшедшихъ въ ветеринарномъ институтѣ. Разъяснивъ имъ неумѣстность и незаконность ихъ вмѣшательства въ дѣло, имъ чуждое, которому дано должное направленіе, попечитель предложилъ имъ передать объ этомъ своимъ товарищамъ и посовѣтовать имъ заниматься своимъ дѣломъ.

Когда совѣтъ института приступилъ къ допросу

своихъ воспитанниковъ по поводу происходившихъ безпорядковъ—то вызванные для сего въ институтъ студенты заявили, что каждый изъ нихъ намѣренъ давать показанія не иначе, какъ въ присутствіи всѣхъ своихъ товарищей, а такъ какъ они, являясь на лекціи въ институтъ, въ аудиторіи для слушанія лекцій не входили и вели себя крайне грубо и дерзко, то попечителемъ, въ предупрежденіе болѣе значительныхъ безпорядковъ, признано было необходимымъ принять слѣдующія мѣры: лекціи въ институтѣ на время слѣдствія прекратить, всѣ входы оградить полиціею, у главныхъ воротъ и на другихъ видныхъ мѣстахъ зданія вывѣсить объявленія о прекращеніи лекцій и запрещеніи входа во дворъ и зданія института для всѣхъ, кромѣ вызываемыхъ къ допросу особыми повѣстками. Большинство вызванныхъ явились и подвергнуты допросу.

Желая лично ознакомиться съ порядкомъ производства слѣдствія по настоящему дѣлу, тайный совѣтникъ Жерве посѣтилъ институтъ 16-го ноября, утромъ. Здѣсь ему было доложено предсѣдателемъ совѣта, что студенты, вызванные на этотъ день къ допросу, въ числѣ сорока семи, узнавъ о присутствіи въ совѣтѣ профессора Журавскаго, неявившагося наканунѣ по болѣзни, рѣшительно отказались давать показанія. Поэтому попечитель обратился къ нимъ съ увѣщаніемъ, но нѣкоторые изъ нихъ, возражая довольно грубо и рѣзко, настойчиво просили, отъ имени всѣхъ, устранить профессора Журавскаго отъ участія въ дѣлѣ. Объявивъ имъ рѣшительно, что просьба ихъ уважена быть не можетъ и что дальнѣйшее неподчиненіе требованіямъ начальства можетъ повлечь за собою рѣшительныя мѣры, тайный совѣтникъ Жерве предложилъ совѣту внести въ протоколъ фамиліи упорствующихъ и вызвать къ допросу новыхъ лицъ. Послѣ этого двадцать изъ отказавшихся выразили готовность давать показанія, и затѣмъ слѣдствіе продолжается до настоящаго времени своимъ порядкомъ. Необходимость присутствія профессора Журавскаго при самомъ разслѣдованіи дѣла обусловливалась тѣмъ, что, не зная фамилій всѣхъ участниковъ произведеннаго на лекціи его безпорядка, онъ одинъ могъ указать ихъ въ лицо.

Принятыми попечителемъ въ отношеніи къ ветеринарному институту мѣрами предотвращена всякая возможность дальнѣйшихъ безпорядковъ въ зданіи сего института. Вслѣдствіе сего нѣкоторые изъ воспитанниковъ этого заведенія, по всѣмъ вѣроятіямъ, главные зачинщики, пользуясь свободою доступа въ университетъ, стали всѣми мѣрами возбуждать студентовъ университета къ соучастію въ безпорядкахъ. Къ сожалѣнію, агитація эта не осталась совершенно безуспѣшною. 16-го ноября, утромъ, сдѣлалось извѣстнымъ, что въ тотъ же день, вечеромъ, готовится въ университетѣ сходка студентовъ, для совѣщаній по дѣлу о безпорядкахъ въ институтѣ. Вслѣдствіе этого университетское начальство распорядилось, чтобы по окончаніи лекцій всѣ входы въ университетъ были заперты. Но въ пять часовъ вечера, несмотря на эту мѣру, толпа студентовъ университета и ветеринарнаго института собралась у входа въ университетъ и ворвалась въ зданіе. Узнавъ объ этомъ, тайный совѣтникъ Жерве распорядился, чтобы инспекторомъ студентовъ и ректоромъ университета послѣдовательно было предложено студентамъ разойтись. Требованія этого студенты, ничего не возражая, не исполнили. Тогда, извѣстивъ губернатора о томъ, что происходило, попечитель, вмѣстѣ съ ректоромъ, отправился къ студентамъ. Послѣ настоятельнаго требованія, неоднократно заявленнаго, студенты выразили готовность разойтись и стали выходить съ этимъ намѣреніемъ изъ зданія университета. Къ этому времени прибылъ губернаторъ, въ сопровожденіи чиновъ полиціи, и когда толпа, вышедшая на улицу, медлила расходиться, то губернаторъ объявилъ ей, что, предварительно принятія понудительныхъ мѣръ, онъ назначаетъ студентамъ пять минутъ срока, вслѣдствіе чего они немедленно разошлись.

Новости наукъ и жизни.

— Сообщеніе. Бразильское правительство поручило своему министру-резиденту въ Россіи оффиціально заявить, что оно не желаетъ болѣе прибытія въ Бразилію новыхъ поселенцевъ и предписало въ то же время агентамъ своимъ въ Европѣ, преимущественно въ Гамбургѣ, не поощрять нѣмецкихъ колонистовъ въ Россіи къ переселенію въ Бразилію, а напротивъ того, отсовѣтывать имъ такое переселеніе, въ виду невозможности для правительства приличнымъ образомъ пристроить ихъ.

— Новая прогимназія. Въ Моршанскѣ 12-го ноября послѣдовало открытіе женской прогимназіи, почннъ устройства которой приписываютъ мѣстному городскому головѣ Плотицыну.

— Докторъ философіи. Молодая дѣвица, Лина Бергеръ, родомъ изъ Швейцаріи, получила, послѣ блестящаго испытанія, выдержаннаго ею при бернскомъ университетѣ, дипломъ на доктора философіи. Двѣ другія дѣвицы признаны докторами медицины.

— Георгіевскіе кавалеры. «Русскій Инвалидъ», по поводу орденскаго праздника, приводитъ слѣдующія свѣдѣнія о числѣ пожалованныхъ орденовъ св. Георгія и о числѣ кавалеровъ, награжденныхъ въ теченіи послѣдней войны 1877—1878 годовъ этимъ орденомъ. Св. Георгія 1-й степени: августѣйшіе главнокомандующіе, великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи. Св. Георгія 2-й степени: Наслѣдникъ Цесаревичъ, великій князь Николай Николаевичъ старшій, военный министръ, генералъ-адъютантъ, графъ Милютинъ, генералъ-адъютанты: Непокойчицкій, Тотлебенъ, князь Святополкъ-Мирскій 1-й, графъ Лорисъ-Меликовъ, Радецкій, генералъ-лейтенанты: Лазаревъ, Гейманъ (скончался). Св. Георгія 3-й степени: великій князь Владиміръ Александровичъ; тридцать шесть кавалеровъ, которые распредѣляются слѣдующимъ образомъ по чинамъ: генераловъ 2, генералъ-лейтенантовъ 19, генералъ-маіоровъ 12, штабъ-офицеровъ 3; по родамъ оружія: пѣхотныхъ войскъ 14, кавалеріи 4, артиллеріи 2, инженерныхъ войскъ 2, генеральнаго штаба 13, военнаго флота 1. Св. Георгія 4-й степени: великіе князья Алексѣй Александровичъ, Сергѣй Александровичъ, Константинъ Константиновичъ, Николай Николаевичъ младшій, Николай Михаиловичъ, Николай Максимиліановичъ Романовскій герцогъ Лейхтенбергскій; двѣсти пятьдесятъ семь кавалеровъ, которые распредѣляются слѣдующимъ образомъ по чинамъ и по родамъ оружія: по чинамъ: генераловъ 48, штабъ-офицеровъ 102, оберъ-офицеровъ 107; по родамъ оружія: пѣхотныхъ и стрѣлковыхъ войскъ 142, кавалерійскихъ съ казачьими 26, артиллерійскихъ войскъ 38, инженерныхъ и саперныхъ 9, генеральный штабъ 25, военный флотъ 17.

Сводя вышеприведенныя свѣдѣнія о числѣ кавалеровъ, награжденныхъ орденомъ св. Георгія, за особыя боевыя отличія, оказанныя во время послѣдней войны, получимъ слѣдующее число кавалеровъ по степенямъ ордена и по чинамъ:

	Члены императорской фамиліи.	Генераловъ	Штабъ-офиц.	Оберъ-офиц.	Всего.
1-й степени	2	—	—	—	2
2-й »	2	8	—	—	10
3-й »	1	33	3	—	37
4-й »	6	48	102	107	263

Приведенныя числа изображаютъ число пожалованныхъ орденовъ, такъ какъ собственно число кавалеровъ нѣсколько менѣе, потому что нѣкоторые изъ нихъ получили ордена двухъ степеней, именно: его высочество великій князь Николай Николаевичъ старшій—орденъ 1-й и 2-й степеней; генералы: Непокойчицкій, Лорисъ-Меликовъ, Радецкій и Лазаревъ—2-й и 3-й степеней и 13 лицъ—3-й и 4-й степеней. Сопоставляя эти данныя съ вышеприведенными, получимъ слѣдующее число кавалеровъ ордена св. Георгія: 1-й степени 1, 1-й и 2-й степеней 1, 2-й степени 5, 2-й и 3-й степеней 4, 3-й степени 20, 3-й и 4-й степеней 13, 4-й степени 250, всего 294. Изъ этого числа кавалеровъ ордена св. Георгія нѣкоторыхъ уже нѣтъ въ живыхъ; какъ-то генераловъ: Геймана, Граббе, Шелковникова, Губскаго и др. Сверхъ того, св. Георгія 3-й степени пожалованъ князю черногорскому Николаю и румынскому Карлу, а орденъ св. Георгія 4-й степени—принцу Арнульфу Баварскому, принцу Баттенбергу, и нѣсколькимъ офицерамъ черногорской, сербской, румынской, а также германской, французской и австрійской службы.

— Табачное производство въ Россіи. Приводимъ нѣкоторыя любопытныя данныя о табачномъ производствѣ, сообщаемыя «Ежегодникомъ» министерства финансовъ: въ Россіи есть 91,269 табачныхъ плантацій, занимающихъ 48,556 десятинъ. Почти третья часть этого пространства приходится на долю черниговской губ. (15,987) и немного меньше на полтавскую (13,881). Малороссіи такимъ образомъ принадлежитъ болѣе половины табачнаго производства. Затѣмъ идутъ самарская (6,188 десят.), бессарабская (4,309 десятинъ), Кавказъ (2,055 десят.), харьковская (1,094 дес.), тамбовская (845 дес.) и таврическая (811 дес.). Средній размѣръ плантаціи—около $^1/_2$ десятины. Относительно количества табака представляются слѣдующія данныя: во всей Россіи въ 1876 году произведено 3.306,000 пудовъ, въ томъ числѣ 1.480,000 въ черниговской губерніи, 702,000—въ полтавской, 355,000—въ самарской, 215,000—въ Бессарабіи и 131,000—на Кавказѣ. Отсюда видно, на какихъ именно мѣстностяхъ, главнымъ образомъ, можетъ отозваться вліяніе предполагаемыхъ новыхъ табачныхъ налоговъ. Изъ общаго сбора табака было приготовлено на фабрикахъ 858,000 пуд. курительнаго, 104,000 нюхательнаго и кромѣ того 187.435,000 штукъ сигаръ и 1:833.997,000 папиросъ. Конечно, вполнѣ полагаться на свѣдѣнія «Ежегодника» нельзя, такъ какъ самые способы полученія свѣдѣній недостаточно надежны и разумѣется, многія мелкія плантаціи, особенно крестьянскія, въ табачную статистику не попали. Кто мѣритъ въ точности плантаціи и какъ усчитать тотъ продуктъ, который потребляется прежде оклейки бандеролемъ и поступленія на фабрику?

— Снова Эдисонъ. Корреспондентъ газеты «Daily News» телеграфируетъ изъ Нью-Іорка, отъ 3-го декабря: «Г. Эдисонъ сообщаетъ, что имъ усовершенствована машина, регулирующая токъ, употребляемый въ электрическомъ свѣтѣ. Машина состоитъ изъ аппарата, помѣщеннаго въ каждомъ домѣ, освѣщаемомъ электричествомъ; аппаратъ этотъ обозначаетъ количество израсходованнаго электричества и расходуетъ на это одну тысячную часть изъ того количества, которое идетъ на освѣщеніе зданія. Эдиссонъ объявляетъ, что его изобрѣтеніе способа освѣщенія, включая и приспособленіе для воспрепятствованія потери электрическаго тока при его подраздѣленіи, въ настоящее время закончено. Опыты его теперь направлены къ тому, чтобъ уменьшить стоимость освѣщенія. По словамъ Эдиссона, онъ уже положительно довелъ эту стоимость гораздо ниже стоимости газа, и какъ только будетъ достигнутъ минимумъ, онъ объявитъ о результатахъ во всеобщее свѣдѣніе».

— Полезное изобрѣтеніе. Докторъ А. П. Аристовъ изобрѣлъ приборъ, содержащій въ себѣ носилки, кресло, столъ (операціонный) и койку. До сихъ поръ для переноски раненыхъ или ушибленныхъ на улицѣ, или просто заболѣвшихъ внѣ дома служили разнаго рода аппараты, болѣе или менѣе отвѣчающіе своему назначенію. Разнообразіе и количество изобрѣтенныхъ носилокъ, стульевъ, операціонныхъ столовъ и пр. указываетъ на степень ихъ необходимости, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Существенный недостатокъ, присущій всѣмъ прежнимъ аппаратамъ, состоитъ въ томъ, что они приноровлены для каждаго отдѣльнаго случая, но ни одно изобрѣтеніе въ этомъ родѣ не удовлетворяло въ одно и то же время столь многимъ цѣлямъ, сколькимъ удовлетворяетъ приборъ доктора А. Аристова. Кромѣ того, громоздкость прежнихъ приборовъ, ихъ тяжесть и неудобоподвижность, дороговизна и трудность содержанія въ надлежащей исправности, равно какъ и трудность дезинфекціи, всѣ эти неудобства тщательно устранены въ новомъ приспособленіи безъ всякаго ущерба по существу дѣла.

Докторъ Аристовъ задался мыслію соединить въ одномъ цѣломъ все, что можетъ потребоваться ежеминутно, при всевозможныхъ раненіяхъ или заболѣваніяхъ, ушибахъ, потрясеніяхъ и пр. Изобрѣтенныя носилки вѣсятъ со всѣми приспособленіями всего 42 фунта; въ одну или двѣ минуты могутъ быть превращены въ операціонный столъ, удовлетворяющій самымъ изысканнымъ требованіямъ медицины. Также легко столъ превращается въ койку съ легкимъ навѣсомъ для защиты отъ солнца или дождя. Наконецъ, этотъ же приборъ такъ приноровленъ, что легко можетъ быть под-

вѣшенъ на кольцахъ въ любомъ санитарномъ поѣздѣ и въ такомъ видѣ служить больному для всевозможныхъ перевозокъ. Не малую выгоду представляетъ дешевизна прибора: простой желѣзный, выкрашенный масляною краскою, будетъ стоить недороже 22 руб., а стальной 35 руб. Приборъ легко выдерживаетъ на себѣ тяжесть вѣсомъ въ 8 пудовъ.

— Гибель парохода. Пароходъ «Померанія», содержавшій сообщеніе между Гамбургомъ и Нью-Іоркомъ, шелъ съ пассажирами и почтою въ Европу. Въ ночь на 14-е (26-е) ноября, идя въ Британскомъ каналѣ со скоростью около 15 узловъ, въ $11^1/_2$ час. ночи пароходъ столкнулся съ парусным судномъ, шедшимъ въ Англію. Парусная барка «Эліанъ» ударила пароходъ въ правый бортъ, около дымовой трубы, и образовала громадную пробоину, большая часть которой была ниже ватеръ-линіи. При столкновеніи, происшедшемъ ночью, естественно нельзя было ожидать порядка: экипажъ быстро тонущей «Помераніи» бросился къ гребнымъ судамъ,—изъ которыхъ нѣсколько пострадало отъ удара,—и, спустивъ ихъ на воду, покинулъ оставшихся на суднѣ на произволъ судьбы, такъ какъ и барка не остановилась для подания помощи, а быстро оставила мѣсто катастрофы, желая сколь возможно скорѣе достигнуть берега, по причинѣ собственныхъ, весьма серьезныхъ повреждений. Спасшіеся на шлюпкахъ были взяты на шедшій мимо пароходъ «Гленгарн»; остальныхъ всѣхъ считали погибшими. Впослѣдствіи, однако, оказалось, что капитанъ Швензенъ и нѣсколько человѣкъ изъ экипажа парохода были подняты другимъ пароходомъ спустя около получаса послѣ гибели «Помераніи». Изъ общаго числа находящихся на пароходѣ людей (109 пассажировъ и 111 человѣкъ офицеровъ и команды) погибло около 40 человѣкъ, что не особенно много, если принять во вниманіе, что столкновеніе произошло ночью и пароходъ послѣ него продержался на водѣ не болѣе $^1/_4$ часа. Замѣчательно, что погибшая «Померанія» почти втрое больше паруснаго судна; водоизмѣщеніе первой 3,382 тон., а второго около 1,100 тоннъ.

— Измѣреніе краснорѣчія Ласкера. Съ 1865 г., когда Ласкеръ въ первый разъ вступилъ на парламентскую трибуну (сперва въ прусскомъ сеймѣ) онъ произнесъ рѣчи, заключающія въ себѣ 927.745,328 словъ, въ 1541 разъ болѣе всѣхъ словъ, заключающихся въ ветхомъ завѣтѣ, въ 422 болѣе, чѣмъ всѣ сочиненія Гете, вмѣстѣ взятыя, или въ 3,912 разъ болѣе, чѣмъ произнесъ Цицеронъ во всю свою жизнь. Если написать всѣ парламентскія рѣчи Ласкера на бумажной лентѣ, то лента эта болѣе чѣмъ девять разъ могла бы обнять земной шаръ, т. е. девять разъ изъ Берлина черезъ Атлантическій океанъ, Америку, Тихій океанъ, Японію, Азію, Іерусалимъ и опять обратно въ Берлинъ.

— Разбой. 22-го ноября, въ петербургскомъ военноокружномъ судѣ, слушалось дѣло о рядовыхъ лейбъ-гвардіи кирасирскаго Ея Величества полка: Малинниковѣ, Рашевскомъ и Третьяковѣ, обвинявшихся: Малинниковъ—въ разбоѣ, а Рашевскій и Третьяковъ—въ попустительствѣ и укрывательствѣ этого преступленія. 30-го августа, нынѣшняго года, около семи часовъ вечера, въ Гатчинскомъ паркѣ, именуемомъ Пріоратомъ, вдова коллежскаго регистратора Фанни Остафьева, гуляла съ дочерью полковника Екатериною Мерклингъ. Замѣтивъ приближеніе трехъ солдатъ, Мерклингъ сказала, что она боится ихъ, и просила Остафьеву въ разговорѣ громче упоминать фамилію отца, также служащаго въ кирасирскомъ полку. Солдаты сначала прошли мимо, но, отойдя не болѣе двадцати шаговъ, Мерклингъ замѣтила, что они вернулись и бѣгутъ за ними; гуляющіе не успѣли еще опомниться отъ овладѣвшаго ими страха, какъ солдатъ, бывшій въ мундирѣ, схватилъ Мерклингъ; двое же другихъ пробѣжали мимо. Остафьева, видя, что солдатъ тащитъ Мерклингъ въ сторону отъ дороги, ударила его зонтикомъ по плечу, на что солдатъ отвѣтилъ ударомъ по лицу, отъ котораго Остафьева упала; Мерклингъ же, которую солдатъ продолжалъ тащить, растерявшись, стала предлагать ему 10 р., и, вынувъ изъ кармана портмонэ, въ которомъ находилось 15 р., намѣревалась отсчитать обѣщанную ею сумму, но солдатъ, вырвавъ у нея портмонэ, сказалъ: «Ну, убирайтесь къ чорту». Мерклингъ и Остафьева не успѣли сдѣлать двухъ шаговъ, какъ солдатъ вновь схватилъ Мерклингъ и потащилъ ее въ сторону отъ дороги. Остафьева бросилась за ними, крича, что это дочь полковника Мерклинга, на что солдатъ отвѣтилъ новымъ ударомъ по лицу, съ такою силою, что Остафьева упала, лишившись чувствъ, и когда черезъ нѣсколько минутъ пришла въ себя, то около нея никого уже не было. Вышедши изъ парка, она направилась къ станціи балтійской желѣзной дороги, откуда начальникомъ станціи, въ сильномъ испугѣ и окровавленная, была доставлена домой, гдѣ уже застала и Мерклингъ, по словамъ которой солдатъ, оттащивъ ее нѣкоторое пространство въ лѣсъ, вдругъ остановился, отпустилъ ее и скрылся. При предъявленіи потерпѣвшимъ нижнихъ чиновъ полка, онѣ указали, какъ на ограбившаго ихъ, на рядового Малинникова. По объясненію одного изъ подсудимыхъ, Рашевскаго, дѣло это было такъ: отправившись съ Малинниковымъ и Третьяковымъ въ паркъ, они встрѣтили барыню съ барышней; пройдя ихъ, Малинниковъ сказалъ: «Пойдемъ посмотримъ, что за дамы». Третьяковъ уговаривалъ ихъ не ходить, но Малинниковъ побѣжалъ за ними, говоря: «обѣ будутъ наши». Когда же онъ схватилъ барышню и та закричала, что пожалуется полковнику Мерклингу, то Рашевскій испугался и убѣжалъ. Третьяковъ же убѣжалъ еще раньше. По рѣшенію суда, Малинниковъ приговоренъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, а Рашевскій и Третьяковъ—къ переводу въ разрядъ штрафованныхъ и къ одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ: Рашевскій на четыре мѣсяца, а Третьяковъ на два мѣсяца и двѣ недѣли.

— Кража трупа для спекуляціи. Около двухъ лѣтъ тому назадъ, скончался въ Нью-Іоркѣ извѣстный милліонеръ Стюартъ, оставившій своей женѣ колоссальное состояніе. Милліонера пока похоронили на кладбищѣ, какъ обыкновеннаго смертнаго, до постройки для него грандіознаго мавзолея. Когда мавзолей этотъ былъ оконченъ и хотѣли туда перевезти бренные останки Стюарта, то трупа не нашли: его украли. Воры разсчитали на піэтизмъ вдовы, и они не ошиблись. Г-жа Стюартъ назначила премію въ 100,000 долларъ за возвращеніе трупа своего мужа. Но такъ какъ до сихъ поръ трупъ не возвращенъ, то значитъ, воры находятъ сумму слишкомъ незначительною для тѣла архимилліонера.

— Мужественная укротительница. Красавица Рейнгардъ, стройная, небольшая женщина, лѣтъ около тридцати, соединяетъ женскую грацію съ мужской силою и отвагою, укрощаетъ дикихъ звѣрей и выѣзжаетъ самыхъ рѣзвыхъ злонравныхъ лошадей. Теперь она даетъ представленія въ звѣринцѣ Коопа, въ 14-й улицѣ Нью-Іорка. Войдя недавно въ клѣтку, гдѣ находились левъ, львица и леопардъ, безстрашная Рейнгардъ производила чудеса рѣшимости и самообладанія, имѣя въ рукахъ только небольшой хлыстъ. Цари звѣрей смирились послушно, но коварный леопардъ неожиданно запустилъ лапу въ ногу красавицы, почуялъ запахъ крови и, предвкушая сытый кормъ, собирался попробовать филе молодой укротительницы. Однако, послѣдняя схватила гастронома за ноздри и вонзила ему въ горло ручку хлыста; испуганное животное бросилось въ уголъ клѣтки, а не потерявшая присутствія духа женщина спокойно вышла, окровавленная, но непобѣжденная.

Телеграммы.

Константинополь, 22-го ноября. (Оффиціальная теллеграмма). Здѣсь состоялись слѣдующія назначенія: Хейреддинъ-паша назначенъ великимъ визиремъ, Уріансаде-Эссадъ — шейхомъ-уль-исламомъ, гази Османъ-паша—военнымъ министромъ, Саидъ-паша — министромъ юстиціи, Кадри-паша — министромъ внутреннихъ дѣлъ, Каратеодори-паша — министромъ иностранныхъ дѣлъ, Савасъ-паша—министромъ общественныхъ работъ, Джевдетъ-паша — министромъ торговли. Назначеніе главнаго начальника артиллеріи послѣдуетъ позже. Зять гази Османа-паши назначенъ первымъ секретаремъ султана. Вмѣсто Кадри-паши, уѣзжающаго въ Багдадъ, и Каратеодори-паши, уѣзжающаго на островъ Критъ, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ будетъ временно завѣдывать Саидъ-паша, а министерствомъ иностранныхъ дѣлъ—Савасъ-паша.

Берлинъ, 23-го ноября. Въ «Германскомъ Имперскомъ Указателѣ» обнародованы три императорскіе указа. Изъ нихъ въ первомъ, на имя наслѣднаго принца, объявляется, что съ сегодняшняго числа императоръ вновь принимаетъ на себя управленіе дѣлами. Вторымъ и третьимъ указами имперскому канцлеру, т. е. государственному министерству сообщается первый указъ, для того, чтобы о немъ было доведено до всеобщаго свѣдѣнія.

Особымъ указомъ императоръ выразилъ свою благодарность наслѣдному принцу за исполненіе обязанностей императора, выполненное имъ съ полнымъ усердіемъ и тщательнымъ соблюденіемъ принциповъ императора.

Лондонъ, 25-го ноября. «Отвѣтъ эмира на ультиматумъ полученъ; повидимому, онъ написанъ послѣ завоеванія Алимеджида. Въ отвѣтѣ этомъ эмиръ заявляетъ о полученіи ультиматума и, подвергая критикѣ теперешнія дружественныя чувства британскаго правительства, указываетъ на прежнія дѣйствія британскаго правительства, особенно его посредничество въ пользу Якуба-хана. Эмиръ пишетъ, что онъ отказался принять англійское посольство изъ опасенія лишиться независимости и заявляетъ, что между Афганистаномъ и британскимъ правительствомъ не существуетъ вражды. Ширъ-Али желаетъ возобновить прежнія дружественныя отношенія и изъявляетъ готовность принять небольшое временное посольство».

Парижъ, 24-го ноября. «Агентству Гаваса» сообщаютъ изъ Перы: «Послы иностранныхъ державъ получили отъ своихъ правительствъ разрѣшеніе собраться на конференцію для улаженія затрудненій, возникшихъ въ коммиссіи по установленію границъ Румеліи. Говорятъ, конференція состоится сегодня».

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 Декабря 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ
„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“
на 1879 годъ.

Журналъ «**ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ**» будетъ издаваться въ будущемъ, 1879 году, по той же програмѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ настоящемъ, 1878 году.

Гг. годовые подписчики получаютъ при первомъ нумерѣ премію, уже полученную Редакціею и состоящую изъ **олеографической картины.**

Втеченіе года будетъ выдана вторая художественная премія, тоже **олеографія,** а также **иллюстрированная литературная премія.** Кромѣ того Редакція разошлетъ своимъ подписчикамъ въ видѣ **четвертой** преміи **гравюру**, длиною 1 ар. 4 вер., шириною 13 верш. Гравюра эта составляетъ копію съ картины художника, имѣющаго міровую извѣстность. Гравюра вырѣзана на стали и такъ хороша, что, вставленная въ рамку, можетъ быть повѣшена въ любой гостинной.

Въ первыхъ нумерахъ будущаго, 1879 года, между прочими, появятся слѣдующія произведенія: «*Мужъ и жена*», романъ **А. Михайлова;** поэма **Омулевскаго;** «*Лѣсное Хозяйство*», статья **Н. В. Шелгунова;** «*Козелъ отпущенія*», повѣсть **Н. И. Северина**, *Сестра Милосердія*, романъ **Э.** и **Ж. Гонкуровъ**, въ переводѣ **П. Лѣтнева**, *Иза*, романъ **А. Бувье;** повѣсти **Н. Ф. Бажина** и **К. М. Станюковича;** *Правда о женщинахъ*, ст. **Н. И. Шульгина.** Изъ гравюръ, между прочимъ, будутъ помѣщены копіи съ картинъ: **Н. А. Богданова, Брюлова, Гуна, А. И. Мещерскаго И. Т. Михайлова** и **Шварца.**

Редакція намѣрена въ будущемъ году дать рядъ копій съ картинъ **русскихъ** художниковъ, а также біографіи и портреты замѣчательныхъ **русскихъ** дѣятелей изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ нашей общественной дѣятельности. Эти біографіи будутъ составляться подъ редакціей **А. К. Шеллера (А. Михайлова)** и **Н. И. Шульгина.** Въ 1 № будетъ помѣщенъ портретъ **М. Е. Салтыкова (Щедрина).**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣсяца.
Безъ пересылки..................	**6 р.**	**3 р. 50к.**	**1 р. 80 к.**
Съ пересылкою и доставкою........	**7 р.**	**4 р.**	**2 р.**

Подписка принимается: Въ Главной Конторѣ Журнала «**Живописное Обозрѣніе**» въ С.-Петербургѣ, Новый проспектъ, домъ № 20.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на имѣющій выйти въ декабрѣ нынѣшняго года

русскій художественный и литературный альманахъ
„КОМЕТА“

Содержаніе Альманаха будетъ слѣдующее: Отдѣлъ I. Общія календарныя свѣденія. (Святцы: перечень русскихъ святыхъ и мѣстночтимыхъ угодниковъ: митрополиты и патріархи русскіе; желѣзные дороги и пароходы; почта и телеграфы; историческія, статистическія, и иныя свѣденія; примѣты, обычаи и повѣрья на Руси; бюджеты нашихъ земствъ за три послѣднія года; адресъ-календарь, и проч., и проч.). Отдѣлъ II. Литературный. Ночь подъ Плевной. Разсказъ В. И. Немировича-Данченко. Русскій бивакъ подъ Константинополемъ. Сцены Г-ича. Новыя силы. Повѣсть Ан. Григорьева. Изъ жизни провинціальнаго театра. Наброски Н. С. Стружкина. Подъ землею. Отрывокъ изъ романа «Русскій Монте-Кристо» А. М. Д-іева. Мимоходомъ. Сцены К А. Тарновскаго. Балетъ при свѣтѣ луны. Изъ воспоминаній охотника С. С. Б-ова. «Батюшка Иванъ Назарычъ и Матушка Агафья Дмитревна». Очеркъ быта сельскаго духовенства Демокритова (псевдонимъ). Видѣніе. Фантастическій разсказъ—скаго. Въ деревнѣ. Фельетонъ Я. Б. Петербургскія замѣтки. Фельетонъ Н. Наши думцы. Фельетонъ А. Д. К. Московскій листокъ. Фельетонъ «Зрителя». И то, и се. Фельетонъ А. П.

Всѣ названныя статьи написаны исключительно для нашего альманаха. Свои стихотворенія намъ обѣщали: Н. Л. Пушкаревъ. Л. Г. Граве, Л—рь, и многіе другіе. Въ числѣ переводныхъ статей, между прочими, будутъ: новый разсказъ Альфонса Доде, очеркъ Пьера Верона, и нѣсколько отрывковъ изъ книги Рембо «Русская Исторія». Отрывки эти будутъ выбраны такимъ образомъ, что читатели ознакомятся со всѣми отдѣлами этой крайне интересной книги. Смѣсь. Анекдоты, маленькія стихотворенія, шутки, остроты, и проч. Отдѣлъ III. Художественный. Картины: К. А. Трутовскаго—«Лѣтнею ночью»; Н. В. Неврева—«Роковая встрѣча»; Вл. Е. Маковскаго—«Пріятельская пирушка»; Степанова, П. С.—«Саввинъ Сторожевскій монастырь»; Н. И. Грибкова—«Ссора Иванъ Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ», и историческій эскизъ Н. С—а.

Изъ этихъ картинъ, только двѣ, гг. Грибкова и Маковскаго, извѣстны публикѣ по выставкамъ; остальныя же—г. Неврева—до сихъ поръ не вышла изъ мастерской художника, а гг. Трутовскаго, Степанова и С—а написаны для нашего альманаха *). Кромѣ произведеній этихъ художниковъ, будутъ помѣщены рисунки нашихъ извѣстныхъ художниковъ-каррикатуристовъ, работающихъ въ русскихъ сатирическихъ журналахъ—гг. Богданова, Чичагова, Кланга, Виноградова, и друг. И эти рисунки исполнены исключительно для «Кометы». Въ текстѣ Альманаха будетъ, кромѣ того, множество мелкихъ рисунковъ.

Какъ новость, мы напечатаемъ въ Альманахѣ до 300 fac-simile (точный снимокъ съ почерка) наиболѣе выдающихся политическихъ дѣятелей, ученыхъ, писателей, музыкантовъ, художниковъ, артистовъ, и проч. Перечислять имена всѣхъ ихъ, заняло бы слишкомъ много мѣста, а потому мы укажемъ только на нѣкоторыхъ. Въ числѣ ихъ мы назовемъ: Политическихъ дѣятелей: Наполеона III; имп Евгеніи; Пія IX; Макъ-Магона; Тьера; Гамбетту; герцоговъ Брольи и Деказъ; Бюффе; Эм. Жирардена; Луи Блана; Жюль Симона; Греви; Бисмарка; Мольтке; Гурко; Радецкаго; Скобелева 2, ит. д. Ученыхъ и писателей: Виктора Гюго; Ал. Дюма; Ал. Доде; Ренана; Эркмана—Шатріана; Жюль Симона; Эм. Золя; Эм. Ѳжье; Литре; Легуве; Окт. Фелье; Фр. Серсе; Л. Фигье; Поль-де-Кока; Жоржъ Зандъ; Ал. Карръ; Г. Дроза; Клодъ Бернара, Вирхова; Дарвина; Нелатона; Пушкина; Лермонтова; Грибоѣдова; Гоголя; Островского; Тургенева; Некрасова; Щедрина; Гончарова; Диккенса; Текеррея, и др. Музыкантовъ, художниковъ, актеровъ и пѣвцовъ: Глинку; Даргомыжскаго; Сѣрова; Верстовскаго; Чайковскаго; А. и Н. Рубинштейновъ; Берліоза; Россини; Гуно; Викт. Массе; Амбр. Тома; Ф. Давида; Верди; Вагнера; К. Таузига; Вьетана; Лауба; Іохима; Мошелесса; Сивори; Пол. Віардо; Листа; Литольфа; Рашели; Ристори; Росси; Щепкина; Живокини; Садовскаго; Шумскаго; Ѳедотовой; К. Н. Васильевой; Самойлова; Бозіо; Патти (ею сочиненный и писанный романсъ); Лукка; Нильсонъ; Герстеръ; Тамберлика, и проч., и проч.

Чтобы собрать эту массу fac-simile, редакціи Альманаха приходилось покупать иной разъ ради одной подписи цѣлыя сочиненія. Выпуская такой Альманахъ, мы не безъ основанія разсчитываемъ конкурировать съ знаменитыми англійскими изданіями въ этомъ же родѣ. Что каждый изъ шести первыхъ рисунковъ, будетъ достоинъ рамки, за это могутъ быть порукою имена художниковъ—любимцевъ нашей публики, о произведеніяхъ которыхъ русская пресса всегда отзывается весьма сочувственно.

Подписавшіеся на Альманахъ до 20-го декабря платятъ за него 2 р. съ пересылкою; въ отдѣльной продажѣ цѣна ему назначается 3 р.

Въ Москвѣ подписка принимается: у И. Г. Соловьева; въ Центральномъ книжномъ магазинѣ; у И. И. Смирнова, и у М. О. Вольфа. Иногородные подписчики требованія свои адресуютъ исключительно къ редактору-издателю альманаха—А. М. Дмитріеву, въ Москву, на 3-ю Мѣщанскую, д. Тимофѣевскихъ.

Объявленія принимаются въ редакціи журнала «Свѣтъ и Тѣни», а также и у издателя, только до 15-го декабря. Впереди текста цѣна: за страницу (60 строкъ, а въ строкѣ отъ 60—70 буквъ) 40 р.; за поль-страницы—25 р., и за четверть—15 р.; въ концѣ книги: за страницу 35 р.; за пол-страницы—20 р., и за четверть—12 р.

Примѣчаніе. Альманахъ будетъ отпечатанъ въ количествѣ 12 т. экземпляровъ. 1—

*) Всѣ шесть картинъ этихъ, размѣромъ въ большой полулистъ, исполнены будутъ хромолитографіей—въ нѣсколько красокъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„СЛОВО“
въ 1879 году.

Научный, литературный и политическій журналъ «Слово» будетъ издаваться въ 1879 году въ С.-Петербургѣ, безъ предварительной цензуры, по прежней программѣ и въ прежнемъ объемѣ (отъ 20 до 30 листовъ большого формата).

Въ вышедшихъ до сихъ поръ книжкахъ журнала были, между прочимъ, помѣщены слѣдующія статьи:

Не у дѣлъ. Сцены П. Д. Боборыкина.—Записки лондонскаго врача для бѣдныхъ. Ф. Шаля. — Кто во что гораздъ. Повѣсть П. Вологдина. — Страница романа. Романъ Э. Зола.—Гражданка. Сцены А. И. Пальма.—Вогезскіе разсказы. Эркмана-Шатріана. — Идеалистка. Повѣсть Анны Стацевичъ.—Поѣздка во Фратешти. Е. Л. Ивановой. — Странные люди. Разсказъ Златовратскаго. — Бѣшеная. Разсказъ Г. И. Богрова. — Первый блинъ комомъ. В—вой. — Забытые. Очерки Н. Максимова. — Сами по себѣ. Романъ П. Д. Боборыкина. — Пармская шартреза. Романъ Стендаля. — Историческое значеніе военнаго подбора. М. П. Чурилова, — Трудовое начало въ народномъ обычномъ правѣ. А. Я. Ефименко. — Экономическая теорія Маркса. Н. И. Зибера. — Новыя данныя объ общинномъ землевладѣніи въ Россіи. П. А. Соколовскаго. — Наука о языкѣ и ея отношенія къ антропологіи и соціологіи. Д. Н. Куликовскаго. — Общественно-экономическія отношенія къ юговосточной Россіи. В. П. Гиляранскаго. Культурные піонеры (этюдъ о религіозныхъ сектахъ). Д. Н. Куликовскаго. — Фердинандъ Лассаль сквозь очки Чичерина. Н. З.—Обезцѣненіе крестьянской собственности. Б. Ленскаго.—Происхожденіе и развитіе торговли и торговаго класса. М. Кулишера. — Староверье. Юзова.—Лѣсное царство. П. Вологдина. — Борьба за существованіе и политическій строй. М. Кулишера.—Очеркъ исторіи обращенія съ дѣтьми. М. Кулишера. — Родовое начало въ древнемъ обществѣ. Д. А. Коропчевскаго. — Темная страна (отчетъ о путешествіи Стэнли).— Послѣднее слово буржуазной философіи. Б. Ленскаго. — Ученое невѣжество. А. А. Головачева. — Общества животныхъ, какъ матеріалъ для соціальной науки. И. Л—аго. — Вольтеръ. Жика.—Физіологическія основы поэзіи. Т—скаго. — Финансовое хозяйство Россіи. А. С. — Британскіе интересы на Востокѣ. И. И. Янжула. — Временный застой. Вл. И. Жуковскаго. — О земскихъ дѣлахъ и дѣятеляхъ.—Обозрѣніе русской и иностранной журналистики. — Политическіе вопросы дня. И. Л. — Корреспонденціи изъ Италіи, Англіи, Парижа, Германіи и пр. — Научная хроника. — Библіографія русская и иностранная.—Театръ въ провинціи и пр.

Въ приложеніи: Исторія одного преступленія. Виктора Гюго. — Программа для собиранія свѣденій объ общинномъ землевладѣніи. П. С. Ефименко.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА:

	На годъ.	На полгода.
Безъ доставки и пересылки..............	15 р. 50 к.	8 р. — к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	16 » — »	8 » 50 »
Съ пересылкою въ другіе города........ .	17 » — »	9 » — »
Съ пересылкою заграницу..............	19 » — «	10 » 50 »

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ — въ главной конторѣ редакціи, Гороховая, № 9; въ Москвѣ — у И. Г. Соловьева, Страстной бульваръ, д. Алексѣева.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ обращаться исключительно въ редакцію журнала «Слово», С.-Петербургъ, Гороховая, № 9.

Разсрочка платежа подписной суммы допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 7 руб., къ 1-му марта — 5 руб. и къ 1-му мая — 5 руб. Желающіе воспользоваться разсрочкою обращаются непосредственно въ редакцію. 1—3.

новое хромолитографированное изданіе

„СВѢТЪ и ТѢНИ"

ЖУРНАЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ и КАРРИКАТУРНЫЙ.

Успѣхъ предлагаемаго изданія, успѣхъ, вынудившій редакцію, еще задолго до окончанія полнаго подписнаго года, заявить о прекращеніи пріема подписки, за распродажей всѣхъ, заготовленныхъ въ количествѣ пяти тысячъ, экземпляровъ, служитъ лучшимъ выразителемъ общественнаго мнѣнія, какъ относительно его достоинствъ, такъ и той добросовѣстности, съ которой редакція, не смотря на множество, встрѣтившихся на первыхъ порахъ, затрудненій, старалась выполнять всѣ принятыя ею на себя обязательства.

Примѣчаніе. Главное изъ этихъ затрудненій — неприспособленность даже лучшихъ московскихъ литографій къ исполненію тонкихъ художественныхъ работъ — устранено тѣмъ, что редакція нашла возможнымъ выписать изъ заграницы машины послѣднихъ конструкцій и открыть при главной конторѣ собственныя хромолитографическое и типографское заведеніе, въ которыхъ съ 15-го ноября этого года и производяться всѣ работы по журналу.

Въ 25-ти выпускахъ, вышедшихъ въ теченіи первыхъ 6-ти мѣсяцевъ существованія, журнала «Свѣтъ и Тѣни» было помѣщено:

1) Сто страницъ большого формата каррикатуръ и рисунковъ, принадлежащихъ карандашу такихъ извѣстныхъ художниковъ, какъ академики — К. А. Трутовскій, А. К. Саврасовъ, каррикатуристы — Н. А. Богдановъ, И. И. Клангъ, М. А. Виноградовъ и др. — 2) Около пятидесяти отдѣльныхъ, оригинальныхъ и фотогравюрныхъ картинъ (портретовъ, бытовыхъ сценъ, эскизовъ, видовъ замѣчательныхъ мѣстностей, копій съ произведеній великихъ художниковъ и пр.). — 3) Шесть ежемѣсячныхъ премій— большихъ (около $^{3}/_{4}$ арш. дл. и 9-ти вершк. выш.) фотогравюръ, и, наконецъ, 4) Литературныя приложенія, въ которыя вошли: два большихъ оригинальныхъ романа — историческій «Драма на Лубянкѣ». И изъ уголовной хроники новыхъ судовъ — «Глухою ночью». Знаменитая поэма Кольриджа. «Пѣснь стараго моряка» иллюстрированная 12-тью большими рисунками Густава Доре; множество разсказовъ, повѣстей, стихотвореній, юмористическихъ сценъ, фельетоновъ, очерковъ изъ жизни замѣчательныхъ людей, біографій, исторій происхожденія различныхъ игръ, забавъ и обычаевъ, художественныхъ и театральныхъ обозрѣній и проч.

Если ко всему сказанному прибавить, что большая часть поименованныхъ картинъ, каррикатуръ и рисунковъ, — составляющихъ только половину того, что войдетъ въ полное годовое изданіе, — были иллюминованы красками и, что кромѣ того всѣ годовые подписчики получатъ еще безплатную годовую премію — большую олеографическую картину, — то успѣхъ журнала сдѣлается понятенъ каждому.

Примѣчаніе. Для подписчиковъ 1879 года, въ видѣ такой преміи, редакція предполагаетъ выдать олеографическую, сдѣланную въ натуральную величину (около 2-хъ дл. и 1 арш. выш.) копію съ послѣдней, надѣлавшей столько шума, картины академика К. А. Трутовскаго: «Ночь на Ивана Купалу въ Малороссіи». Сюжетъ годовой преміи 1878 г. заимствованъ изъ заграничныхъ олеографій, и немедленно по полученіи всего заказа будетъ разосланъ гг. подписчикамъ.

Съ января мѣсяца 1879 года редакція, паралельно съ изданіемъ журнала «Свѣтъ и Тѣни», намѣрена издавать и другое, освобожденное отъ предварительной цензуры и располагающее самой широкой программой, еженедѣльное изданіе.

„МІРСКОЙ ТОЛКЪ"

ЖУРНАЛЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, ПОЛИТИКИ и ЛИТЕРАТУРЫ,

главной задачей котораго будетъ — отвѣчать на всѣ тѣ вопросы, на которые не въ состояніи отвѣтить журналъ «Свѣтъ и тѣни», чтобы, такимъ образомъ, за сравнительно ничтожную подписную плату (12 р. — за оба изданія) дать возможность, необладающему излишними средствами читателю, замѣнить ими — и ежедневную политическую газету, и литературный сборникъ, и художественно иллюстрированное изданіе и даже журналъ каррикатурный и юмористическій.

Согласно съ этой задачей, «Мірской Толкъ» будетъ также, какъ и «Свѣтъ Тѣни», выходить еженедѣльными выпусками (50 №№ — въ годъ), въ форматѣ большихъ заграничныхъ иллюстрацій, по слѣдующей программѣ:

1) Статьи, извѣстія и обозрѣнія по предметамъ и явленіямъ внутренней жизни: правительственныя распоряженія и узаконенія. 2) Статьи, извѣстія и обозрѣнія по предметамъ внѣшней политики. 3) Беллетристика — оригинальные и переводные романы, повѣсти, драмы, комедіи, путешествія, юмористическіе разсказы, сцены и стихотворенія. — 4) Театръ и музыка. — 5) Новѣйшія открытія и изобрѣтенія. — 6) Очерки изъ исторіи искусствъ и словесности. — 7) Критика и библіографія. — 8) Фельетоны. — 9) Корреспонденціи, русскія и заграничныя. — 10) Судебная хроника. — 11) Смѣсь. — 12) Почтовый ящикъ и отвѣты редакціи. — 13) Справочный Листокъ. — 14) Частныя и казенныя объявленія

Въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, всѣ гг. подписавшіеся на журналъ «Мірской Толкъ», кромѣ еженедѣльныхъ выпусковъ, будутъ безплатно (съ прибавкою, впрочемъ, 1 р. 20 к. почтовыхъ расходовъ) въ теченіи всего года получать ежедневныя приложенія, заключающія въ себѣ: телеграфныя извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій и всѣ послѣднія политическія новости, сообщаемыя въ лучшихъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ газетахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ОБА ИЗДАНІЯ:

На журналъ «Свѣтъ и Тѣни»:

На годъ съ достакой и пересылкой	9 р.
» $^{1}/_{2}$ года » »	6 »

На журналъ «Мірской Толкъ»:

На годъ съ доставкой и пересылкой	7 р.
» $^{1}/_{2}$ года » »	4 »

Лица, подписавшіяся на оба изданія, вмѣсто 16-ти, платятъ всего 12 р. за полное годовое изданіе и 7 р. — при подпискѣ на шесть мѣсяцевъ.

Подписка принимается: 1) въ Москвѣ: въ главной конторѣ редакціи (Сретенка, домъ Шагаева), а также и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. 2) Въ Петербургѣ: при книжномъ магазинѣ О. И. Бакста. 3) Въ Казани: при книжномъ магазинѣ «Восточная Лира». 4) Въ Одессѣ: въ собственномъ отдѣленіи конторы (Дерибасовская ул, д. княгини Ди-Санъ-Лоренцо. 5) Въ Парижѣ: въ генеральномъ Агентствѣ редакціи (Rue Lafayette, 142).

Гг. иногородные благоволятъ обращаться съ требованіями исключительно въ главную контору редакцій журналовъ «Мірской Толкъ» и «Свѣтъ и Тѣни».

Редакторъ-издатель **Н. Пушкаревъ.** 1—3.

ПОДПИСКА

НА ГАЗЕТУ

„ВОРОНЕЖСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ"

на 1879 г.

Подписная цѣна:

за годъ:

Въ Воронежѣ безъ доставки	4 р. 50 к.
» » съ доставкою	5 р. — »
съ пересылкою въ другіе города и мѣстности	6 р — »

за полгода:

Въ Воронежѣ безъ доставки	2 р. 50 к.
» » съ доставкою	2 р. 75 к.
съ пересылкою въ другіе города и мѣстности	3 р. — »

ПОДПИСКА на «Воронежскій Телеграфъ» принимается въ конторѣ Редакціи, при типографіи В. И. Исаева, въ Воронежѣ, въ домѣ Столль, и въ книжномъ магазинѣ П. Н. Аносова.

Редакторъ-Издатель **В. И Исаевъ.** 1—3.

Объ изданія въ 1879 году ежемѣсячнаго ученолитературнаго журнала

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА"

(годъ второй).

Предпринимая изданіе «**Исторической Библіотеки**», Редакція задалась цѣлью передавать на страницахъ своего журнала тѣ, какъ отечественныя, такъ и переводныя литературныя произведенія, въ которыхъ бы историческіе факты, кромѣ своего интереса и популярности изложенія, освѣщались бы правдивымъ взглядомъ, выражали бы собою не нѣчто отдѣльное и случайное, а естественное послѣдствіе движеній народнаго духа, такъ какъ при такомъ только изложеніи историческія знанія получаютъ смыслъ и значеніе въ примѣненіи къ позднѣйшему времени. Насколько Редакція выполнила свою задачу,— судить не ей самой, но она надѣется, что изданныя ею статьи—не безполезное пріобрѣтеніе для русской исторической литературы.

Въ объемъ настоящаго 1878 г. вошли слѣдующія произведенія: Понизовая вольница, сообщ. **Н. В. Калачовымъ**; Капитанъ Гренадерской роты, романъ-хроника XVIII в. **Вс. С. Соловьева**; Homo Sum, ист. ром. **Эберса**; Очерки древне римской жизни, **Симонса**; Земскій Ярыжка, **Богословскаго**; Братья Орловы, **Графа Саліаса**; Рыцарь или Дама, **Гр. Самарова**; (въ №№ XI и XII) и Престолъ и Монастырь, лѣтопись 1682 и 1689 гг. (въ № XII); Россія и Турція, **Д. Бухарова**; Московское Княжество, ист. эт. **Полежаева**; Экономическій бытъ сельскаго населенія Россіи и колонизація юговосточныхъ степей, **П. А. Соколовскаго**; Реформаторы до Виклефа и Гуса, **Деларю**; Государст. тайна временъ Людовика XIV; Очеркъ исторіи казачества, **Н. Марковина**; Супружества Генриха VIII, **д'Аржи**; Изъ масонскаго ритуала начала настоящаго столѣтія, **Н. Варсова**; (въ № XI); Вопросъ о децентрализаціи во Франціи въ XVIII в., **Ю. Афанасьева** (въ № XI); Колонизація башкирскаго края, **В. Новикова** (въ № XII) и мн. друг.

Редакція надѣется въ будущемъ году увеличить объемъ книгъ расширеніемъ беллетристическаго отдѣла и помѣщеніемъ переводовъ произведеній западныхъ передовыхъ историковъ, по справедливости заслужившихъ извѣстность; точно также надѣется придать отдѣлу библіографическаго указателя должное значеніе.

Открывая подписку на будущій годъ, Редакція заявляетъ, что изданіе будетъ продолжаться по той же программѣ и будетъ выходить ежемѣсячно въ тѣ же сроки. Называть заранѣе, какія именно произведенія будутъ помѣщены, Редакція не находитъ удобнымъ, такъ какъ помѣщеніе статей зависитъ не исключительно отъ редакцій и авторовъ. Такъ, обѣщанные въ прошедшемъ году: Сороковые годы въ исторіи русскаго народа, Мордовцева; Любовь Марата, ром. Мете; и княжна Тараканова не могли быть помѣщены по независящимъ отъ Редакціи обстоятельствамъ.

Цѣна годовому изданію остается прежняя **6** руб. **50** коп. безъ пересылки, и **8** руб. съ перес. Такая цѣна доставляетъ возможность и небогатымъ лицамъ пріобрѣсти историческія сочиненія, стоющія въ отдѣльной продажѣ болѣе, чѣмъ вдвое дороже.

Подписка на 1878 продолжается и всѣ новые подписчики получаютъ всѣ вышедшіе номера.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ Редакціи журнала (бол. Садовая, д. 121, кв. 12) и въ Книжномъ Магазинѣ **Я. Исакова**, Невскій просп. гостин. дв. № 24.

Гг. Иногородные благоволятъ адресовать: въ Петербургъ въ Редакцію журнала «**Историческая Библіотека**» (бол. Садовая, д. 121, кв. 12).

Редакторъ-издатель **П. В. Полежаевъ.** 2—3.

Открыта подписка на полученіе въ 1879 году

(ГОДЪ СЕДЬМОЙ)

самой дешевой въ Россіи ежедневной газеты

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ"

ОБЪЯВЛЕНІЙ.

Шесть лѣтъ мы издаемъ «Одесскій Листокъ Объявленій», шесть лѣтъ работаемъ мы для достиженія тѣхъ цѣлей, которыя намѣтили своему изданію, и съ удовольствіемъ можемъ заявить, что необыкновенный успѣхъ нашего изданія даетъ намъ пріятную увѣренность въ томъ, что всѣ наши труды и всѣ мѣры, принятыя къ усовершенствованію изданія, вполнѣ достигаютъ своего назначенія. Намъ не могли помѣшать ни тяжелый коммерческій кризисъ въ Одессѣ, ни продолжительныя смуты военнаго времени, ни общій застой въ дѣлахъ. «Одесскій Листокъ Объявленій» съ каждымъ днемъ расширяетъ кругъ своихъ читателей, пріобрѣтая широкую извѣстность во всемъ краѣ, и для общества онъ давно получилъ значеніе необходимой настольной газеты. Намъ остается только заявить, что мы будемъ продолжать свою дѣятельность съ постоянной энергіей, въ счастливой конкуренціи будемъ видѣть залогъ дальнѣйшаго успѣха изданія, а вниманіе читающей публики мы будемъ принимать, какъ лестное доказательство того, что «Одесскій Листокъ» по прежнему вполнѣ удовлетворяетъ ея требованіямъ.

Въ интересахъ читателей «Листка» ежедневные номера его наполняются свѣжими, интересными и разнообразными новостями дня, общеполезными свѣденіями изъ общественной жизни и всевозможнаго рода практическими указаніями, имѣющими значеніе для обыденной жизни каждаго читателя. Ссылаясь на отзывъ постоянныхъ читателей «Листка», мы позволяемъ себѣ заявить, что газета наша читается съ одинаковымъ интересомъ въ теченіи круглаго года; она не прибѣгаетъ къ тѣмъ пріемамъ, которыми пользуются другія газеты, предъ подписокою выходящія въ свѣтъ во фракѣ, а въ остальное время щеголяющія въ халатѣ. «Одесскій Листокъ» уже потому не подчиняется «подписочнымъ сезонамъ», что у него круглый годъ съ каждымъ днемъ число подписчиковъ возрастаетъ.

Для свѣденія коммерческаго люда можемъ заявить, что съ 1879 года въ «Одесскомъ Листкѣ» будутъ помѣщаемы всѣ публикаціи о казенныхъ и частныхъ подрядахъ, поставкахъ, торгахъ, продажахъ, о несостоятельностяхъ, ликвидаціяхъ, о видахъ торговли на предметы ввоза и вывоза, базарныя, биржевыя и сельско-хозяйственныя свѣденія и пр., за тѣмъ кромѣ всевозможнаго рода торговыхъ и промышленныхъ справокъ, въ «Листкѣ» будетъ помѣщаться, судебный указатель, въ которомъ, кромѣ свѣдѣній о дѣлахъ, назначенныхъ къ разбору во всѣхъ судебныхъ учрежденіяхъ г. Одессы, читатели найдутъ всегда и резолюціи по дѣламъ уже рѣшеннымъ.

Въ этомъ отношеніи «Одесскій Листокъ» не будетъ имѣть соперника: справочный отдѣлъ газеты будетъ заключать въ себѣ массу обстоятельныхъ, необходимыхъ и весьма важныхъ свѣдѣній. Ни одна мѣстная газета такого отдѣла еще не имѣла.

Что же касается до объявителей, то они, навѣрное, давно убѣдились, что изданіе наше, главнымъ образомъ, служитъ ихъ интересамъ. Многочисленные объявители знаютъ, что громадная распространенность «Одесскаго Листка», его популярность, обще-

доступность и расклейка по городу въ большомъ количествѣ экземпляровъ служатъ наиболѣе благопріятными условіями для широкой огласки той или другой публикаціи. Лица, постоянно печатающія въ «Одесскомъ Листкѣ» свои объявленія, личнымъ опытомъ могли убѣдиться, что объявленія быстро и вполнѣ достигаютъ своего назначенія, т. е. дѣлаются извѣстными въ одинъ день во всѣхъ слояхъ мѣстнаго населенія, а за тѣмъ и въ другихъ городахъ. Да иначе и быть не можетъ: достаточно обратить вниманіе на одно названіе газеты, чтобы видѣть въ ней спеціальный органъ объявленій. Одно названіе газеты служитъ для каждаго объявленія рекламой, слѣдовательно интересы объявителя всегда обезпечены.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Для иногороднихъ подписчиковъ съ пересылкою по почтѣ на годъ (12 мѣсяцевъ) 3 руб., полъ-года (6 мѣсяцевъ) 2 рубля.

Для городскихъ подписчиковъ, съ доставкою на домъ, въ годъ 3 руб., полъ-года 2 руб., три мѣсяца 1 р. 10 коп.

Подписка на газету и объявленія принимается въ конторѣ редакціи «Одесскаго Листка Объявленій», въ Одессѣ, на углу Преображенской и Дерибасовской улицъ, въ домѣ Синицыной, противъ собора.

Въ виду своевременнаго заготовленія печатныхъ адресовъ, накопляющихся всегда въ огромномъ количествѣ, просимъ гг. иногороднихъ подписчиковъ присылать свои требованія на газету заблаговременно, адресуя денежные пакеты по вышеозначенному адресу. За своевременную высылку газеты контора редакціи отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, когда подписка принята заблаговременно.

Редакторъ-издатель **В. В. Навроцкій.** 2—3.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1879 ГОДУ ЖУРНАЛА

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ

ГОДЪ ПЯТЫЙ

ПРОГРАММА

Въ журналѣ помѣщаются исключительно романы, повѣсти и разсказы въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскій.

Каждый номеръ журнала будетъ содержать въ себѣ, по возможности, одинъ законченный романъ, или часть его и небольшую повѣсть или разказъ.

Годовое изданіе состоитъ изъ 12 книгъ отъ 20-ти до 30-ти печатныхъ листовъ каждая. Срокъ выхода ежемѣсячный.

Въ концѣ года, подписчикамъ на «Библіотеку для чтенія» будетъ выдана въ видѣ преміи 13-я книжка, отъ 30 до 40 печатныхъ листовъ, которая будетъ заключать въ себѣ одинъ, вполнѣ законченный романъ.

Условія подписки на годъ.

Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки 8 р.
Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ . 8 » 50 к.
Съ пересылкою иногороднымъ.......... 9 »

Редакція допускаетъ слѣдующую разсрочку подписныхъ денегъ: при подпискѣ 5 руб. и къ 1-му Мая остальные.

Для Гг. служащихъ допускается разсрочка по мѣсячно чрезъ гг. казначеевъ. Просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Подписка принимается:

Для городскихъ подписчиковъ: — Въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи, въ книжномъ магазинѣ Исакова и въ другихъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ, при книжныхъ магазинахъ Соловьева — Страстной бульв., д. Алексѣева и Живорева — Большая Дмитровка, д. Благороднаго Собранія.

Гг. иногородные адресуютъ свои требованія непосредственно въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала «Библіотека для чтенія», Шпалерная ул. д. № 42.

Подписывающихся съ разсрочкой просятъ обращаться: иногороднихъ исключительно въ редакцію, а городскихъ — въ книжный магазинъ Бортневскаго, уголъ Троицкаго и Графскаго пер.

Въ 1879 году редакція предполагаетъ помѣстить, между прочими романами, слѣдующіе: «Морской Король» истор. ром. Георга Борка, «Призракъ», истор. ром. Бульвера Литтона, и др.

На 1878 годъ подписка еще продолжается.

2—4.

ПОДПИСКА НА

„МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ"

1879 ГОДА.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

«Модный магазинъ» будетъ выходить въ 1879 году, по прежнему, въ количествѣ 48-ми нумеровъ въ годъ, по четыре нумера въ мѣсяцъ (два модныхъ и два литературныхъ), 1-го и 15-го числа.

Годовое изданіе заключаетъ въ себѣ:

== 24 техническіе нумера, съ 2000 политипажныхъ рисунковъ новѣйшихъ парижскихъ туалетовъ, женскаго, дѣтскаго и мужского бѣлья, шляпъ, причесокъ, обуви, канвовыхъ, тамбурныхъ и другихъ узоровъ, и множества разнородныхъ женскихъ работъ, съ объяснительнымъ текстомъ.

== 24 парижскія модныя раскрашенныя гравюры.

== 24 вырѣзныя выкройки въ цѣлый ростъ: платьевъ, тюниковъ, шубокъ, пальто, мантилій и пр.

== 12 большихъ листовъ, съ 300 выкроекъ всевозможныхъ предметовъ, входящихъ въ составъ дѣтскаго и женскаго гардероба; мѣтки, вензеля, узоры для суташи, глади, application и пр. Всѣ выкройки будутъ относиться къ рисункамъ въ текстѣ.

== 24 литературные нумера, которые въ концѣ года составятъ великолѣпный иллюстрированный волюмъ, въ 24 печатныхъ листа, избранной литературы для семейнаго чтенія.

Въ 1879 году число политипажей и печатныхъ выкроекъ будетъ значительно увеличено, причемъ редакція обратитъ особенное вниманіе на то, чтобы помѣщаемые въ «Модномъ Магазинѣ» туалеты были настолько же изящны, насколько практичны и доступны для небогатыхъ людей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ, съ 1 января: въ С.-Петербургѣ,
безъ доставки .... 6 р. — к.
съ доставкою.............................. 8 » — »
На полгода, съ 1 января и 1 іюля:
безъ доставки .... 3 » 50 »
съ доставкою и пересылкою .... 4 » 50 »

Подписка принимается въ конторѣ редакціи «Моднаго Магазина», въ Спб., уголъ Колокольной и Дмитровскаго пер. № 4—17, кв. 5.

NB. Подписчики на 1879 годъ, выславшіе деньги до 1 января, получатъ безплатную премію: листъ оригинальныхъ узоровъ для вышиванія русскихъ костюмовъ.

Редакторъ-издательница **С. Г. Мей.** 2—4.

О ПОДПИСКѢ НА

ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ „ТЕЛЕГРАФЪ" 1879 Г.

«Телеграфъ» будетъ выходить въ 1879 году по прежнему ежедневно, за исключеніемъ дней, слѣдующихъ за табельными праздниками, но въ случаѣ полученія важныхъ новостей имѣютъ и въ эти дни выходить особыя прибавленія. По понедѣльникамъ (кромѣ слѣдующихъ за табельными праздниками или за двумя праздничными днями) будетъ издаваться полный листъ или полулистъ газеты, но безъ передовыхъ статей.

«Телеграфъ» — политическая, литературная и общественная ежедневная газета—самая дешевая изъ всѣхъ существующихъ нынѣ ежедневныхъ газетъ въ Россіи, издается безъ предварительной цензуры.

Дешевизна, общедоступность, полнота, отзывчивость ко всѣму интересующему общество — вотъ главныя цѣли, къ которымъ стремится газета «Телеграфъ». Немногіе имѣютъ возможность платить дорого за газету, не у всѣхъ досугъ прочитывать длинные столбцы большихъ изданій; но всѣ, отъ столичнаго до провинціальнаго и деревенскаго жителя, желаютъ внимательно слѣдить за явленіями общественной и государственной жизни; всѣ желаютъ найти отголосокъ своимъ взглядамъ и желаніямъ и жить общею жизнію съ отечествомъ. Такихъ читателей, редакція исключительно имѣетъ въ виду; для нихъ она трудится, и труды ея уже увѣнчались успѣхомъ. Въ теченіи перваго года число подписчиковъ на газету «Телеграфъ» превзошло 10,000, такъ, что газетѣ пришлось обзавестись собственною типографіею, вполнѣ обезпечивающею отнынѣ исправную доставку газеты.

«Телеграфъ» выходитъ въ большомъ форматѣ въ пять газетныхъ столбцовъ четкаго и убористаго шрифта.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ въ главной конторѣ газеты «Телеграфъ», на Большой Конюшенной, д. № 15, Языковой, кв. № 22.

Подписная цѣна на газету «Телеграфъ» съ доставкою ея на домъ въ Петербургѣ и съ пересылкою иногороднымъ въ 1879 году слѣдующая:

На 12 м. 6 р., на 11 м. 5 р. 50 к., на 10 м. 5 р., на 9 м. 4 р. 75 к., на 8 м. 4 р. 25 к., на 7 м. 4 р., на 6 м. 3 р. 50 к., на 5 м. 3 р., на 4 м. 2 р. 50 к., на 3 м. 2 р., на 2 м. 1 р. 50 к., на 1 м. 75 к.

Подписка принимается на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна за-границею вдвое противъ означенныхъ выше цѣнъ.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: для служащихъ, по третямъ, чрезъ ихъ казначеевъ; не служащіе же могутъ обращаться съ своими заявленіями въ главную контору редакціи.

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ за годовой экземпляръ съ пересылкою и доставкою, присылаютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при самой подпискѣ 2 р. 50 к., въ началѣ марта 2 р. и въ началѣ августа 1 р. 50 к. Нарушившіе который-либо изъ означенныхъ сроковъ лишаются права на разсрочку.

Редакція проситъ иногороднихъ присылать адреса четко написанные, съ обозначеніемъ ближайшей почтовой станціи, въ которой раздаются газеты подписчикамъ, а при перемѣнѣ адреса прилагать двѣ 8-ми коп. марки, а также сообщать свой старый адресъ, безъ чего не можетъ быть сдѣлана своевременная пересылка.

Издатель и редакторъ **К. Трубниковъ.** 2—2.

О ПОДПИСКѢ НА **1879** ГОДЪ НА

„ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ"

Большой иллюстрированный журналъ

съ разными безплатными приложеніями.

Съ 1-го января 1879 г. журналъ **„Всемірная Иллюстрація"** начнетъ XI годъ, (т. е. Томы XXI и XXII) своего существованія и будетъ выходить также аккуратно, какъ и въ прошлые года, еженедѣльно (т. е. 52 нумера въ годъ), въ увеличенномъ форматѣ большаго двойнаго листа самой лучшей бумаги, и каждый нумеръ будетъ заключать въ себѣ 16—24 страницъ, изъ которыхъ половина будетъ заполнена роскошными рисунками изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

„Всемірная Иллюстрація", благодаря своей аккуратности и строгому выполненію программы, пріобрѣла втеченіи десятилѣтняго своего существованія заслуженную репутацію и, служа вѣрнымъ отраженіемъ жизни, какъ русской, такъ и иностранной, соперничаетъ съ лучшими иллюстрированными и литературными журналами въ свѣтѣ.

Неограничиваясь достигнутыми результатами, Редакція „Всемірной Иллюстраціи" стремится къ улучшенію своего изданія, сообразуясь съ желаніями подписчиковъ, не останавливается передъ расходами и всегда даетъ больше, чѣмъ обѣщала.

Убѣжденная, что втеченіи своей дѣятельности она достаточно заявила себя. Редакція считаетъ излишними всѣ пышныя рекламы и ограничивается только обѣщаніемъ, что употребитъ всѣ усилія, чтобъ оправдать возрастающее къ ней ежегодно довѣріе публики.

Цѣна годовому изданію **„Всемірной Иллюстраціи"** на 1879 г.:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ.... 13 р. — к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ..... 14 р. 50 к.
Безъ доставки въ Москвѣ.......... 14 » — »
Съ пересылкою въ другіе города.... 16 » — »

„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ"

представляетъ политическія событія, войну изящныя искусства, исторію, изящную словесность, географію, путешествія, естественную исторію, технологію, промышленность, морское и военное искусства, и пр., и пр.; однимъ словомъ: цивилизацію, нравы и обычаи народовъ въ картинахъ

Каждый томъ „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ" представляетъ собою

РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ

до 500 печатн. страницъ, съ 300—400 рисунками, и есть необходимое дополненіе каждой хорошей библіотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній каждой гостинной.

ПОКРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА

„Всемірной Иллюстраціи",

изъ англ. каленкора, съ золотыми тисненіями по рисунку художника К. Брожа. Цѣна покрышки для переплета на каждый томъ: безъ пересылки **1 р. 75** к., съ пересылкою **2 р. 50 к.**

Цѣна первыхъ 18 томовъ „Всемірной Иллюстраціи":

1869 г. (томы I и II) **10** р. безъ перес., въ англ. каленкор. перепл. **14** р.; 1870 г. (т. III и IV), 1871 г. (т. V и VI), 1872 г. (т. VII и VIII) и 1873 г. (т. IX и X)—по **8** р. безъ пересылки; каждый годъ. Въ англ., тисненн. золотомъ переплетахъ, каждый годъ стоитъ по **12** р. безъ пересылки. 1874 (т. XI и XII), 1875 (т. XII и XIV), 1876 (т. XV и XVI) и 1877 г. (т. XVII и XVIII) (безъ приложеній)—по **9** р. безъ перес., каждый годъ.

Въ переплетахъ безъ перес. по **13** р.

На пересылку каждаго года слѣдуетъ прилагать 3 руб. сер.

Главная контора Редакціи **„Всемірной Иллюстраціи"** въ С.-Петербургѣ, Бол. Садовая, д. № 16.

Редакторъ-Издатель „Всемірной Иллюстраціи" **Германъ Гоппе.** 2—3.

„ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ".

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ, НАСТАВНИЦЪ И НАСТАВНИКОВЪ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1879 ГОДЪ

(4-й годъ изданія).

Въ 1879 году журналъ «Женское Образованіе» будетъ преслѣдовать тѣ же цѣли, какъ и въ первые три года своего существованія.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться, кромѣ правительственныхъ распоряженій и оффиціальныхъ свѣденій, статьи, касающіяся исторіи женскаго образованія за границей и у насъ, состоянія его въ настоящее время, оцѣнки различныхъ взглядовъ на него и т. п., психологическіе очерки, замѣтки и на-

кое же заслуженное вниманіе почтенной публики, какимъ давно уже пользуется онъ повсюду заграницей, печатаясь на двѣнадцати языкахъ и расходясь въ количествѣ болѣе полмилліона экземпляровъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ.		На полгода.	
Въ С.-Петербургѣ:	р.	Въ С.-Петербургѣ:	р. к.
безъ доставки........	6	безъ доставки	3 50
съ доставкою	7	съ доставкою......	4 —
Въ Москвѣ:		Въ Москвѣ:	
безъ доставки........	7	безъ доставки	4 —
съ доставкою	8	съ доставкою......	4 50
съ пересылкою во всѣ города Россіи.........	8	съ пересылкою во всѣ города Россіи..	4 50

Журналъ **«Новый Русскій Базаръ»** въ 1879 году будетъ выходить въ количествѣ 48 нумеровъ въ годъ, т. е. четыре нумера въ мѣсяцъ, въ самомъ большомъ форматѣ (in-folio), (два модныхъ и два литературныхъ) и будетъ заключать въ себѣ въ теченіе года:

ВЪ МОДНЫХЪ НУМЕРАХЪ:

== Около 3,000 рисунковъ парижскихъ модъ, нарядовъ (дамскихъ и дѣтскикъ), и рукодѣлій.
== Значительное количество изящныхъ узоровъ по канвѣ, атласу, кожѣ, шелками и бисеромъ.
== Выкройки, рисунки и мѣтки бѣлья: дамскаго, мужского и дѣтскаго.
== До 800 выкроекъ въ натуральную величину на 24 большихъ листахъ.
== 12 изящно раскрашенныхъ парижскихъ модныхъ картинокъ, работы извѣстнѣйшихъ французскихъ художниковъ.
== 24 вырѣзныя выкройки въ натуральную величину.
== Текстъ, то есть самое подробное описаніе всѣхъ работъ.

ВЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ НУМЕРАХЪ:

Оригинальные и переводные романы, повѣсти и разсказы для семейнаго чтенія, съ иллюстраціями. — Стихотворенія. — Картины изъ семейной и общественной жизни. — Виды замѣчательныхъ зданій и мѣстностей съ описаніемъ ихъ. — Біографіи замѣчательныхъ лицъ, съ портретами ихъ. — Новости изъ области литературы, искуства и музыки. — Смѣсь (фельетонъ). — Анекдоты. — Описаніе новѣйшихъ модъ. — Новые музыкальные пьесы извѣстныхъ композиторовъ. — Хозяйство и проч.

Кромѣ того, гг. подписчики получатъ въ теченіе года вмѣстѣ съ литературными нумерами нѣсколько безплатныхъ премій, въ видѣ акварельныхъ картинъ, гравюръ и пр.

Подписка принамается: въ главной конторѣ редакціи «Новый Русскій Базаръ» въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., № 5, при придворномъ книжномъ магазинѣ Шмицдорфъ (К. Ретгеръ); въ Москвѣ — у книгопродавцевъ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Алексѣева, И. П. Анисимова, на Никольской ул. д. Заиконоспасскаго монастыря, А. Лангъ, на Кузнецкомъ мосту, и Б. Постъ, на Ниглинной, въ д. Фирсанова.

Примѣчаніе: Многіе изъ иногородныхъ подписчиковъ присылали свои требованія на журналъ 1878 г. въ январѣ, февралѣ и даже въ мартѣ мѣсяцахъ и редакція, не имѣя въ виду того, что число подписчиковъ увеличится на нѣсколько тысячъ противъ 1877 года, вынуждена была печатать второе изданіе, при чемъ приложенія, печатаемыя отдѣльно заграницею, не могли быть напечатаны вторично и потому подписчики, запоздавшіе съ своими требованіями на журналъ, получили его безъ прибавленія. Вслѣдствіе этого, редакція покорнѣйше проситъ иногородныхъ подписчиковъ присылать свои требованія заблаговременно и, по возможности, обращаться съ ними прямо въ редакцію «Новаго Русскаго Базара».

Издатель: Придворный Е. И. В. книгопродавецъ **К. К. Ретгеръ (подъ фирмою Шмицдорфъ).**

2—4.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА САМУЮ ДЕШЕВУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ

ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„НОВОСТИ"

НА 1879 ГОДЪ.

Газета **„Новости"** выходитъ **безъ предварительной цензуры** ежедневно, не исключая понедѣльниковъ, полными нумерами, а въ дни, слѣдующіе за табельными праздниками, въ видѣ прибавленій или телеграфныхъ бюллетеней.

Газета «Новости», по подписной цѣнѣ, **на половину дешевле всѣхъ большихъ ежедневныхъ газетъ,** а по разнообразію, полнотѣ и свѣжести содержанія, стоитъ на одномъ уровнѣ съ ними, въ чемъ можетъ убѣдиться каждый читатель, сравнивъ содержаніе любаго нумера «Новостей» съ нумерами другихъ газетъ, вышедшими въ одинъ и тотъ же день.

Что касается литературнаго отдѣла газеты, то редакція успѣла уже до первой половины сентября помѣстить въ газетѣ болѣе пятидесяти большихъ беллетристическихъ и публицистическихъ произведеній наиболѣе популярныхъ и серьезныхъ, русскихъ и иностранныхъ писателей. Вотъ названія главнѣйшихъ сочиненій: «Барбаруссa», ром. П. Гейзе. — «Трубачъ голубыхъ гусаровъ», Эркмана-Шатріана. — «Тысяча одна брачная ночь», нѣсколько разсказовъ Катреля — «Тактика маркиза», разск. Уида.— «Исторія преступленія», В. Гюго.—«Блудный сынъ, І. І. Крашевскаго (еще печатается).— «Банкиръ воровъ», романъ де-Лонея.— «Романъ княгини», Поля Бонно. — «Отравительница», разсказъ.—«Открытъ!», разск. — «Драматическій эпизодъ изъ исторіи Ватикана».—«Не стая вороновъ слеталась», ориг. очеркъ. — «Среди милостивыхъ государей», оригинильный очеркъ. — «Подъ шумъ войны», ориг. романъ изъ петербургскихъ нравовъ. — «Среди мармоновъ», оч. Пашино.—«Изъ области преступленій», ориг. разск. —«Передъ подпиской», ориг. очеркъ. — «Кавалеръ на часъ», ориг. разсказъ. — «Въ пріемномъ покоѣ», ориг. сцены. — «Букетъ изъ плѣнныхъ турокъ», ор. очеркъ Пашино. — «Осада Индѣйцевъ», разсказъ.— «Воспоминаніе о королѣ Викторѣ-Эммануилѣ», Пашино. — «Невидимые когти», ориг. разск. — «Набобъ», разск. Додэ. — «Семидесятилѣтняя годовщина Чарльза Дарвина». — «На спиритическомъ сеансѣ у Слэда», ориг. очеркъ. — «Что я видѣлъ и слышалъ у мистера Слэда», ориг. очеркъ. — «Возможенъ ли походъ въ Индію?», Пашино. — «Генри Стэнли», очеркъ. — «Возвращеніе Стэнли», очеркъ. —«59-я годовщина с.-петербургск. университета».— «Умственное движеніе во Франціи». — «Очеркъ дѣятельности академика Бэра». — «Суевѣрія, какъ источникъ преступленій», очеркъ. — «Практическій взглядъ на предстоящую тюремную реформу. — «Культъ усопшихъ», ст. Литрова. — «Мужичій поэтъ» (характеристика Некрасова). — «Статьи Леруа-Болье и Петтенкофера.— «Походныя письма сестры милосердія» (8 пис.). — «Еще по поводу дѣятельности славянскаго общества». — «Письма о парижской выставкѣ».— «Первая любовь Нодье», разсказъ Поля Феваля. — «Семейныя драмы», рядъ романовъ Монтепена. — «Около чужихъ милліоновъ», оригин. очеркъ. — «Дневникъ молодой женщины», романъ Октава Фелье. — «Розовое домино», романъ Бувье (печатается). — «Интригантка», романъ Г. Яковлева (печатается). — «Уголовно-интендантскіе мемуары». — «Историческій очеркъ нашихъ сношеній съ Китаемъ» по непереведеннымъ китайскимъ документамъ. — «Ядовитая трава», разск., перев. съ китайскаго. — «Мелочи архіерейской жизни», рядъ очерковъ Лѣскова — Стебницкаго (печатается). — «М. М. Антакольскій, біогр. оч. Л. Леванда, и т. д. Кромѣ того, рядомъ съ помѣщаемыми въ газетѣ оригинальными и переводными произведеніями извѣстныхъ писателей, Редакція знакомитъ читателей, посредствомъ компиляцій и извлеченій, съ наиболѣе выдающимися произведеніями нашей журнальной и книжной литературы.

Изъ всего изложеннаго здѣсь читатели могутъ убѣдиться въ томъ, что, при относительно крайне дешевой подписной цѣнѣ, газета **„Новости"** даетъ самое разнообразное чтеніе, удовлетворяющее требованіямъ всѣхъ сословій и классовъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ образованности.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ: на 1 г. 8 р., на 11 м. 7 р. 50 к., на 10 м. 7 р., на 9 м. 6 р. 50 к., на 8 м. 6 р., на 7 м. 5 р. 50 к , на 6 м. 5 р., на 5 м. 4 р. 50 к., на 4 м. 3 р. 80 к., на 3 м. 3 р., на 2 м. 2 р., на 1 м. 1 р.

Съ пересылкою: на 1 г. 9 р., на 11 м. 8 р. 25 к., на 10 м. 7 р. 50 к., на 9 м. 7 р., на 8 м. 6 р. 50 к., на 7 м. 5 р. 75 к., на 6 м. 5 р., на 5 м. 4 р. 50 к., на 4 м. 4 р., на 3 м. 3 р., на 2 м. 2 р., на 1 м. 1 р

Подписывающіеся сразу на всѣ послѣдніе мѣсяцы 1878 г. и на весь 1879 годъ платятъ за время съ 1-го сентября 1878 г. по 31-е декабря 1879 г., т. е. **за 16 мѣсяцевъ, всего 12 р. 50 к.,** съ 1-го октября 1878 года по 31-е декабря 1879 г., т. е. **за 15 мѣсяцевъ — 11 р. 50 к.,** съ 1-го ноября—10 р. 50 к., и съ 1-го декабря — 9 р. 75 к.

Разсрочка платежа допускается чрезъ посредство казначеевъ или по соглашенію съ конторою редакціи.

Письма и деньги адресуются: *въ Петербургъ, въ редакцію газеты «НОВОСТИ».* 2—6.

ВЪ 1879 ГОДУ

„СЕМЬЯ И ШКОЛА",

(ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ),

иллюстрированный журналъ домашняго и общественнаго воспитанія.

Будетъ издаваться по той-же программѣ, въ тѣже сроки и въ такомъ-же объемѣ, какъ и въ 1878 году.

Полное годовое изданіе журнала состоитъ изъ **двадцати двухъ книгъ и сорока нумеровъ «Педагогической хроники».** Подписная цѣна на полный журналъ съ пересылкою **12** р.

Полное изданіе состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, на которые допускается также отдѣльная подписка:

I. **Семейное чтеніе (отдѣлъ для дѣтскаго чтенія)** выходитъ ежемѣсячно, т. е. 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. **10** р.

II. **Воспитаніе и обученіе (отдѣлъ для родителей и воспитателей)** выходитъ въ количествѣ 10 книхъ (т е. ежемѣсячно, кромѣ іюня и іюля), съ добавленіемъ **«Педагогической хроники»,** выходящей въ количествѣ 40 нумеровъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. **5** р.

Семейное чтеніе даетъ статьи ролигіозно-нравственнаго содержанія, разсказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и пр., а также игры, работы, рукодѣлія, мастерства и проч. матеріалъ для физическаго и умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картины.

Воспитаніе и обученіе съ „Педагогическою хроникою" содержитъ въ себѣ: общія статьи педагогическаго содержанія, статьи по воспитанію и обученію домашнему и общественному (высшему, среднему и начальному), нравственному, умственному и физическому; критику и библіографію; біографическіе очерки педагоговъ и статьи по исторіи педагогіи; отдѣлъ математическій (самостоятельныя изслѣдованія въ области элементарной математики; разработка тѣхъ или другихъ частей курса учебныхъ заведеній на научно-педагогическихъ основаніяхъ, и т. п.) **„Педагогическая хроника"** даетъ отчеты по текущимъ вопросамъ учебно-воспитательнаго дѣла какъ въ Россіи, такъ и заграницею и полную библіографію вновь выходящихъ по воспитанію и обученію книгъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-Пб. Васильевск. остр , 15-я линія, д. № 8, кв. № 20; или адресуется просто: **Въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Семья и Школа"** (адресъ почтамту извѣстенъ),—съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

Редакторъ-Издатель **К. Краевичъ.** 2—4.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1879 Г.

НА НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ И ГИГІЕНИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„ЗДОРОВЬЕ".

Органъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія,

издаваемый подъ редакціей профессора Гигіены въ Императорской Медико - хирургической Академіи **А. П. Доброславина.**

Въ наступающемъ 5-мъ году изданія Редакція журнала «Здоровье» имѣетъ въ виду слѣдовать прежней программѣ — распространять въ популярной формѣ изложенія гигіеническія истины и предлагать обществу наиболѣе целѣсообразныя мѣры для охраненія здоровья. Какъ и прежде, всѣ стороны быта — гигіена дѣтей, воспитанія, школьной жизни, гигіена взрослыхъ въ различныхъ отрасляхъ профессій, гигіена казармъ, больницъ и др общественныхъ учрежденій, городовъ, ихъ ассенизація, вопросы дезинфекціи, медикополицейскія мѣры для охраны доброкачественности пищи, воды, напитковъ, и пр. не менѣе важные отдѣлы здравохраненія будутъ изложены въ общедоступной формѣ. Кромѣ того журналъ постоянно заботится о сообщеніи свѣденій, касающихся санитарной дѣятельности земствъ и городскихъ управленій, равно какъ и о санитарныхъ новостяхъ заграничной литературы. Библіографическія указанія о всѣхъ новыхъ книгахъ по гигіенѣ тоже найдутъ въ журналѣ свое мѣсто, какъ и въ прошедшіе годы. Въ журналѣ помѣщаютъ всѣ прототолы, труды русскаго общества охраненія народнаго здравія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

За годъ съ пересылкой.......... 5 руб.
За полгода съ пересылкой ...... 3 »

Гг. служащіе подписываются черезъ своихъ казначеевъ.

Иногородные адресуютъ деньги и требованія въ Редакцію, помѣщающуюся на Выборской сторонѣ по Нижегородской улицѣ № 4, въ зданіи Императорской Медико-хирургической Академіи, а городскихъ подписчиковъ просятъ обращаться въ контору журнала, въ типографіи Н. А. Лебедева, Невскій пр., д. № 8. 2—4.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„АСТРАХАНСКАГО СПРАВОЧНАГО ЛИСТКА".

Съ разрѣшенія главнаго управленія по дѣламъ печати, «Астраханскій Справочный Листокъ» будетъ выходить въ наступающемъ 1879 году ежедневно кромѣ дней послѣ - праздничныхъ: по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ въ прежнемъ размѣрѣ, а въ промежуточные дни въ видѣ прибавленій къ предшествовавшимъ нумерамъ, по мѣрѣ накопленія матеріала

Извѣщая объ этомъ, редакція считаетъ не лишнимъ присовокупить, что для приданія болѣе мѣстнаго интереса газетѣ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ ея размѣра, увеличено число сотрудниковъ и корреспондентовъ. Цѣна же газеты остается прежняя, именно:

	Въ Астрахани.	Чрезъ почту.
На годъ............	6 р. — к.	7 р. 50 к.
» полгода.........	4 » — »	5 » — »
» 3 мѣсяца........	2 « 50 »	3 » 25 »
» 1 »	1 » — »	1 » 50 »

Адресоваться просятъ въ Астрахань, въ редакцію «Справочнаго Листка». 1—3.

ченіе трехъ лѣтъ «Врачебныя Вѣдомости» неуклонно стремились къ поставленнымъ задачамъ и въ каждомъ № помѣщались свѣдѣнія о дѣятельности врачебныхъ учрежденій и обществъ, о положеніи врачебнаго и санитарнаго дѣла, извѣстія изъ врачебнаго быта, рефераты новѣйшихъ работъ по разнымъ отраслямъ медицины и гигіены и пр. Въ послѣднее-же время, въ виду бывшей войны, вызвавшей къ театру военныхъ дѣйствій большинство врачей, отдавалось довольно мѣста вопросамъ военной медицины, положенію военныхъ врачей и вообще врачебной дѣятельности на войнѣ и послѣ нея. Всѣ текущіе явленія и вопросы, интересующіе врачебную корпорацію, не только были сообщаемы, но и обсуждаемы въ газетѣ. Имѣя особый отдѣлъ **„Земско-медицинское дѣло“** и газета посвящаетъ довольно мѣста сообщеніямъ и обсужденію явленій земской жизни; равно также и популярное изложеніе врачебныхъ и гигіеническихъ совѣтовъ имѣетъ въ виду служить интересамъ и удовлетворять нужды публики. «Врачебныя Вѣдомости» выходятъ въ 1879 году по той же программѣ и въ такомъ же размѣрѣ.

Къ свѣдѣнію земствъ и врачей. Въ 1878 г. «Врачебныя Вѣдомости» расширили справочный отдѣлъ преимущественно о свободныхъ вакансіяхъ въ земствахъ, городахъ, войскахъ и проч., чтобы земскія учрежденія могли получать свѣдѣнія о лицахъ, желающихъ поступить на медицинскую службу, и чтобы врачи получали своевременныя извѣстія о свободныхъ мѣстахъ и условіяхъ службы. Подписная цѣна остается таже.

Безъ пересылки на годъ 6 р., на 6 мѣс. 4 р., на 3 мѣс. 2 р., на 1 мѣс. 75 коп.

Съ доставкою и пересылкою на годъ 8 р., на 6 мѣс. 5 р., на 3 мѣс. 3 р., на 1 мѣс. 1 р.

Подписка принимается: въ *Петербургѣ* — въ конторѣ редакціи, Литейный просп., д. № 51, кв. № 21, и, сверхъ того, въ книжныхъ магазинахъ гг. Исакова, Попова, Риккера, Черкесова, въ «магазинѣ для иногородныхъ» и др. Въ *Москвѣ* — въ книжныхъ магазинахъ Соловьева и въ «центральномъ». Въ *Казани* — въ магазинѣ «Восточная Лира». Гг. иногородные адресуютъ письма и требованія исключительно въ контору редакціи «Врачебныхъ Вѣдомостей». Въ конторѣ редакціи имѣется ограниченное число экземпляровъ изданія за 1876 годъ, которые высылаются желающимъ брошюрованными по цѣнѣ 8 р., за годовое изданіе.

Редакторъ-издатель **П. А. Илинскій.** 2—4.

ОБЪ ИЗДАНІИ

ИНЖЕНЕРНАГО ЖУРНАЛА

въ 1879 году.

Инженерный журналъ будетъ издаваться въ 1879 г. въ такомъ же объемѣ, какъ и въ 1878 г., въ числѣ 12 книжекъ въ годъ. Программа журнала остается прежняя:

Оффиціальный отдѣлъ.

I. Приказы, циркуляры, постановленія и распоряженія по военно-инженерному вѣдомству.—Здѣсь помѣщаются различныя постановленія и распоряженія, касающіяся до частей искусственной; технической, учебной и строевой; перемѣны по личному составу и пр.

II. Различныя оффиціальныя статьи, донесенія и отчеты главныхъ учрежденій военно-инженернаго вѣдомства.

Неоффиціальный отдѣлъ.

I. Часть ученая, историческая и техническая.—Здѣсь помѣщаются оригинальныя, компилированныя и переводныя статьи ученаго, историческаго и техническаго содержанія, относящіяся къ инженерному искуству въ обширномъ смыслѣ, а также и статьи собственно военнаго содержанія, имѣющія значеніе въ инженерномъ отношеніи.

II. Часть литературная.—Здѣсь могутъ быть помѣщаемы статьи общаго содержанія, относящіяся къ военно-инженерному вѣдомству.

III. Критика и библіографія.—Сюда относятся разборы сочиненій: какъ собственно спеціальныхъ, такъ и тѣсно связанныхъ съ инженернымъ исскуствомъ; замѣчанія на разныя статьи; обозрѣнія спеціальныхъ изданій: библіографическія замѣтки и перечни книгъ спеціальнаго содержанія и по части вспомогательныхъ наукъ. Разсматриваемыя сочиненія, статьи, или періодическія изданія и указываемыя книги могутъ быть какъ русскія, такъ и иностранныя.

IV. Смѣсь.—Сюда относятся разныя мелкія статьи и извѣстія разнороднаго характера, сообразно съ цѣлью журнала.

Условія подписки.

Подписная цѣна за годовое изданіе Инженернаго журнала, т. е. за 12 книжекъ, для лицъ, служащихъ въ военно-инженерномъ вѣдомствѣ—4 р. 50 к., и съ пересылкою, а для постороннихъ—въ С.-Петербургѣ, безъ пересылки, 4 р. 50 к., а съ пересылкою по почтѣ въ С.-Петербургѣ и во всѣ мѣста Имперіи—5 р. Подписка принимается: для лицъ, служащихъ въ военно-инженерномъ вѣдомствѣ—въ Редакціи журнала, а для постороннихъ—въ Редакціи, у коммисіонера Инженернаго журназа Я. А. Исакова, въ Гостиномъ Дворѣ, № 24, и въ газетныхъ экспедиціяхъ С.-Петербургскаго и Московскаго почтамтовъ. Редакція отвѣчаетъ за исправность доставки и пересылки журнала только въ случаѣ подписки въ указанныхъ здѣсь мѣстахъ.

Гг. подписчики приглашаются доставлять адресы четко и обстоятельно написанные, а въ случаѣ перемѣны адресовъ—немедленно увѣдомлять о томъ контору Редакціи, для своевременной доставки книжекъ журнала.

Контора Редакціи Инженернаго журнала помѣщается въ Инженерномъ замкѣ, входъ съ Большой Садовой, въ ворота возлѣ церкви, во дворѣ, во 2-мъ этажѣ.

Въ конторѣ Редакціи продаются и оставшіеся экземпляры журнала за прежніе годы, по той же цѣнѣ, а также отдѣльные выпуски прилагаемыхъ къ журналу сочиненій, какъ нынѣшнихъ, такъ и за прежнее время. 2—2.

„ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ“,

бывшій

„ДѢТСКІЙ САДЪ“,

будетъ выходить въ 1879 году въ направленіи, принятомъ въ 1876 г. Правильное практическое воспитаніе возможно лишь тогда, когда выяснена теорія. Редакція поставила себѣ задачей въ статьяхъ о развитіи умственнаго и нравственнаго строя ребенка и о предметахъ преподаванія выяснить теорію, на которой должно быть основано воспитаніе. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи даются отзывы о педагогическихъ и дѣтскихъ книгахъ и журналахъ. Въ отдѣлѣ смѣси — замѣтки изъ воспитательной практики. Въ отдѣлѣ чтенія для дѣтей старшаго и младшаго возраста помѣщаются разсказы, стихотворенія, біографіи, статьи естественно-научнаго содержанія, путешествія. Для младшаго возраста прилагаются рисунки. Въ 1878 г. были помѣщены статьи въ педагогическомъ отдѣлѣ: «Вліяніе семьи и школы, Забывчивость, Мнѣніе англійскаго педагога объ экзаменахъ, Теорія воспитанія Спенсера. Дюбуа Реймонъ о современномъ образованіи, Причина дѣтской смертности, Португалова, Женское рукодѣлье М. Артемьевой, Дѣти-игрушки, Что должно требовать отъ учителя, Чтеніе, Какъ воспитывать женщину, Воля, преподаваніе географіи, Глухота къ нотамъ». Въ отдѣлѣ чтенія для дѣтей старшаго возраста: «Вильямъ Пеннъ, Сказка о рубашкѣ, Булатъ и мысль, стихотвореніе, Бури и кораблекрушенія Зеленый островъ. Изъ пѣсенъ о городѣ, стихотвореніе А. Михайлова, Н. А. Некрасовъ, М. Артемьевой, съ портретомъ Некрасова». Для младшаго возраста: «Встрѣча, съ рисункомъ, Пропажа Лены, Каучукъ и гуттаперча, Погоня при лунномъ свѣтѣ, Алена, разсказъ М. Артемьевой, съ рисункомъ, Пчелы, съ рисункомъ».

Журналъ выходитъ въ объемѣ отъ 5—6 листовъ въ 8-ю долю большого формата. Цѣна 4 р. 50 к. безъ доставки; съ пересылкой и доставкой — 5 р.

Подписка принимается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, и въ редакціи: Екатерингофскій пр., д. № 51, кв. 4.

Издатель **А. Поповъ.** Редакторъ **Н. Бѣлозерская.**

Изданія въ пользу высшихъ женскихъ курсовъ М. Цебриковой:

Эмиль XIX вѣка А. Эскироса, съ приложеніемъ статьи, Теорія воспитанія Спенсера; 2-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к.

Новая жизнь, романъ Ауэрбаха, изъ быта народныхъ учителей. Ц. 2 р. 20 к.

Медицина и медики Э. Литтре. Ц. 2 р.

Разсказы о погибшихъ дѣтяхъ, Н. Р., выпускъ 1-й, повѣсть—«Маменьки». Ц. 60 к. Выпускъ 2-й—«Самодуры». Ц. 50 к.

Депутатъ города Парижа. Романъ изъ временъ 2-й Французской имперіи. Ц. 2 р. 1—4.

БУДИЛЬНИКЪ.

☞ Подписка на **1879** годъ. ☜

(Пятнадцатый годъ изданія.)

Въ 1879 году «Будильникъ» будетъ выходить въ прежнемъ направленіи и по прежней программѣ:

I. Обозрѣніе политической жизни иностранныхъ государствъ въ юмористическихъ очеркахъ, разсказахъ, стихотвореніяхъ, каррикатурахъ и проч.

II. Юмористическая лѣтопись современныхъ событій вообще. Провинціальная хроника. Нравоописательныя корреспонденціи изъ провинціи.

III. Московская жизнь. Петербургскій фельетонъ.

IV. Литературная лѣтопись. Журнальные и газетные курьезы. Статьи полемическія.

V. Повѣсти, разсказы, драматическія сцены, бытовые очерки, стихотворенія.

VI. Новости, слухи, анекдоты, памфлеты, юмористическія стихотворенія и т. д.

VII. Каррикатуры.

VIII. Рекламы и объявленія.

«Будильникъ» будетъ выходить еженедѣльно (50 нумеровъ въ годъ), въ объемѣ отъ 2-хъ до $2^1/_2$ листовъ, что составитъ за годъ большой томъ, въ 700 страницъ слишкомъ, изъ которыхъ 100 заняты хромолитографіями, остальныя—текстомъ. Въ концѣ года подписчики получаютъ указатель статей и художественно исполненную обертку. Каждый новый годовой подписчикъ получаетъ журналъ—съ перваго нумера того года, на который принята подписка.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

12 мѣсяцевъ.	р. к.	6 мѣсяцевъ.	р. к.
Съ перес. въ города	7 50	Съ пересылкою...	4 50
Съ дост. въ Москвѣ	7 —	Съ доставкою.....	4 —
Безъ доставки.....	6 —	Безъ доставки....	3 50

За своевременную высылку журнала, контора редакціи отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если подписка заявлена **заблаговременно.** Деньги высылаются **на имя издательницы.** Подписчикамъ, недославшимъ денегъ, не будутъ досланы въ концѣ года, по разсчету, послѣдніе №№ журнала. Контора покорнѣйше проситъ высылать доли рубля монетою, а не почтовыми марками. Жалобы на неаккуратное полученіе журнала заявляются—не позже, какъ **въ теченіе мѣсяца** отъ первой неисправной получки нумера.

За перемѣну адреса (бандероли) контора взимаетъ 20 коп.

Кромѣ главной конторы редакціи (Москва, большая Никитская, д. Кохановской), подписка на «Будильникъ» принимается:

1) **въ Москвѣ**—у главныхъ книгопродавцевъ; 2) **въ провинціи**—во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и 3) **въ Парижѣ**—въ главной конторѣ Общества Гаваса, Лафитта и Комп. (Place de la Bourse, № 8), гдѣ открытъ **исключительный** пріемъ рекламъ и объявленій изъ Франціи для помѣщенія въ «Будильникъ».

У Н. А. Мейера (Москва, Моросейка, д. Леонова)—исключительный пріемъ рекламъ и объявленій изъ Россіи. 2—4

Объ изданіи въ 1879 году еженедѣльнаго журнала

„СЕЛЬСКОЕ ЧТЕНІЕ“.

Названіе журнала указываетъ уже цѣль его — служить сельскому населенію. Мы думаемъ, что это населеніе нуждается въ чтеніи, изъ котораго оно могло бы извлекать свѣдѣнія, полезныя въ его быту и непосредственно приложимыя къ жизни, пріобрѣтать по разнымъ отраслямъ наукъ познанія, необходимыя для болѣе полнаго уразумѣнія явленій природы, среди которой оно живетъ и, наконецъ, узнавать своевременно хотя о главнѣйшихъ событіяхъ внутренней и внѣшней жизни нашего отечества и сосѣднихъ государствъ. За тѣмъ, сельское населеніе, наравнѣ съ городскимъ, нуждается въ чтеніи, которое удовлетворяло бы его духовнымъ потребностямъ, то есть потребностямъ ума, воображенія и сердца.

Сообразно такому взгляду на потребности сельскаго населенія, въ содержаніе журнала **«Сельское Чтеніе»** входятъ: правительственныя распоряженія; статьи духовнаго и нравственнаго содержанія; извѣстія о внутренней жизни Россіи; земская лѣтопись; статьи научныя по сельскому хозяйству, врачеванію и промысламъ; краткіе обзоры главнѣйшихъ текущихъ событій какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ; извѣстія о новыхъ полезныхъ книгахъ различнаго содержанія, о новыхъ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ и проч. Понятно, что въ каждомъ нумерѣ не можетъ быть статей по всѣмъ указаннымъ предметамъ, — перечень этотъ выражаетъ лишь общее содержаніе журнала. Въ каждомъ отдѣльномъ нумерѣ бываетъ одна статья по какому-либо вопросу внутренней жизни, одна или двѣ статьи техническія, иногда статья религіознаго содержанія, а тѣмъ извѣстія внутреннія, политическое обозрѣніе, политическія, или историко-политическія статьи. Въ такомъ своемъ видѣ, выработанномъ по указаніямъ опыта «Сельское Чтеніе» сообщая каждую недѣлю всѣ важнѣйшія извѣстія, можетъ замѣнить сельскому жителю газету и доставить ему много полезныхъ свѣдѣній, приложимыхъ къ практической жизни.

Мы приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы внѣшность «Сельскаго Чтенія» была вполнѣ изящная въ отношеніи бумаги, печати и рисунковъ къ научнымъ статьямъ.

«Сельское Чтеніе» выходитъ каждую недѣлю, кромѣ праздниковъ Рождества Христова и Св. Пасхи, такъ что въ теченіи года выйдетъ 48 нумеровъ; каждый нумеръ будетъ состоять изъ 16 страницъ въ два столбца.

Считаемъ долгомъ присовокупить, что Ученый Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, разсмотрѣвъ наше изданіе, одобрилъ «Сельское Чтеніе» для библіотекъ начальныхъ народныхъ училищъ и учительскихъ семинарій.

Подписная цѣна на «Сельское чтеніе»:

	На годъ	На $1/_2$ года	На 3 мѣсяца
Безъ пересылки..	3 руб.	2 р. —	1 р. 25 коп.
Съ пересылкою..	4 »	2 » 50 коп.	1 » 50 »

Отдѣльные нумера «Сельскаго Чтенія» продаются по 10 к. и высылаются по почтѣ, если при требованіи приложены почтовыя марки на 16 коп.

Подписка на «Сельское Чтеніе» принимается:

Въ Петербургѣ въ книжн. маг. «Русская книжная торговля»: Невскій, противъ гостинаго двора, домъ № 42.

Въ Москвѣ: Въ книжн. маг. И. И. Смирнова, Моховая, въ зданіи Университета.

Въ Вильнѣ: Въ конторѣ **«Сельскаго Чтенія».**

Гг. иногородные подписчики благоволятъ обращаться исключительно въ Вильну, надписывая свои письма: *въ Вильну, Сергѣю Андреевичу Полю.* 1—4.

ПОДПИСКА НА 1879 ГОДЪ.

ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА,

ПОЛИТИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ И РЕМЕСЛЕННАЯ.

Иллюстрированное еженедѣльное изданіе, въ объемѣ 2-хъ 3-хъ листовъ въ недѣлю,

во время войны и въ важныхъ случаяхъ, выходитъ, вмѣсто одного, по два раза въ недѣлю.

Адресъ Конторы Редакціи: Москва, близь Никитскихъ воротъ, уголъ Столоваго и Мѣдвѣжьяго пер., д. Долинской.

Сообщаетъ подробныя свѣденія о военныхъ дѣйствіяхъ, политическія и общественныя новости, распоряженія правительства, новости торговыя и биржевыя, изобрѣтенія и открытія въ области ремеслъ, искуствъ и наукъ, такъ что, кромѣ телеграмъ, она во всѣхъ отношеніяхъ, можетъ замѣнять и ежедневныя газеты и отчасти журналы, сберегая при томъ для читателя время, употребляемое имъ на чтеніе и пересмотръ послѣднихъ.

Для легкаго чтенія помѣщаются стихотворенія, повѣсти и разсказы лучшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей, какъ въ самой «Газетѣ», такъ и въ особомъ приложеніи къ ея номерамъ, изъ котораго въ теченіе года составляется отдѣльный томъ **«Сборникъ повѣстей и разсказовъ»**, отчасти даже иллюстрированный.

Кромѣ того въ «Газетѣ А. Гатцука» помѣщаются статьи научнаго содержанія, а также Критика, Библіографія и Моды съ рисунками.

Въ газетѣ участвуютъ извѣстнѣйшіе наши литераторы, ученые и художники (Ѳ. И. Буслаевъ, Н. И. Костомаровъ, А. Ѳ. Писемскій, И. И. Срезневскій, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Ольга Н. и другіе).

Газета даетъ въ годъ болѣе 300 рисунковъ въ текстѣ, и по изяществу своему не уступаетъ лучшимъ иллюстрированнымъ изданіямъ Европы; по дешевизнѣ-же цѣны представляетъ небывалое еще явленіе въ Россіи.

Подписная цѣна безъ доставки 3 руб.; съ доставкою-же и пересылкою на годъ — 4 руб., на полгода (съ Января и Іюля) 2 р. 25 к., на четверть года (съ Января, Апрѣля, Іюля и Октября) 1 р. 25 к., на 1 мѣсяцъ 50 к.

Редакторъ А. А. ГАТЦУКЪ. 2—3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„РУССКУЮ ПРАВДУ"

1879 ГОДА.

Газета «Русская Правда» въ будущемъ году будетъ выходить, какъ и нынѣ, ежедневно, листами большаго формата; въ случаѣ надобности, редакція будетъ выпускать полтора листа, вмѣсто одного, какъ это дѣлаютъ всѣ большія газеты Направленіе остается прежнее. Во всѣхъ отдѣлахъ произведены будутъ значительныя дополненія и улучшенія. Внутренній отдѣлъ будетъ значительно расширенъ, согласно указанію опыта и заявленному желанію публики. Редакція постарается постоянно давать въ газетѣ статьи для легкаго чтенія, т. е. разсказы, повѣсти и стихотворенія.

Подписка открыта въ С.-Петербургѣ — въ главной конторѣ газеты (Невскій пр., № 44, противъ Гостиннаго двора). — Иногородные адресуютъ письма и деньги: Спб. — газетѣ «Русская Правда». — Редакція отвѣчаетъ за вѣрную доставку газеты лишь передъ тѣми лицами, которыя подпишутся по этому адресу. — Просятъ заблаговременно подписываться; поздняя подписка можетъ быть вричиною несвоевременной высылки газеты. — Просятъ подписчиковъ писать четко свой адресъ и адресовать газету на тѣ ближайшія станціи, гдѣ есть почтовыя учрежденія.— Подписываться можно не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: для служащихъ — по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ; неслужащіе же могутъ обращаться съ своими заявленіями въ С.-Петербургѣ — въ главную контору «Русской Правды» (Невскій пр., № 44).

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ, за годовой экземпляръ съ пересылкою, доставляютъ деньги: при самой подпискѣ 7 р., въ концѣ марта 7 р. и въ началѣ августа 3 р.; съ доставкой въ Петербургѣ — уплачивать при самой подпискѣ 5 р. 50 к., въ концѣ марта 5 р. 50 к. и въ концѣ іюня 5 р.; безъ доставки — уплачиваютъ конторѣ при подпискѣ 5 р., въ концѣ марта 5 р. и въ началѣ іюля 4 р. 50 к.

Подписная цѣна въ Россіи:

На годъ, съ	Безъ доставки.	Съ доставкою.	Съ пересылкою.
1-го января	14 р. 50 к.	16 р. — к.	17 р. — к.
На 11 мѣсяцевъ	14 » — »	15 » — »	16 » — »
» 10 »	12 » — »	14 » — »	15 » — »
» 9 »	11 » — »	13 » — »	14 » — »
» 8 »	10 » — »	11 » — »	13 » — »
» 7 »	9 » — »	10 » — »	12 » — »
» 6 »	8 » — »	9 » — »	10 » — »
» 5 »	7 » — »	8 » — »	9 » — »
» 4 »	5 » 50 »	6 » — »	7 » 50 »
» 3 »	4 » 50 »	5 » — »	6 » — »
» 2 »	3 » — »	3 » 50 »	4 » — »
» 1 »	1 » 50 »	1 » 80 »	2 » — »

Подписная цѣна заграницею, съ пересылкою. (въ рубляхъ).

	Въ Европу, Сѣверн. Амер. и Египетъ.	Въ Китай, Индію и Японію.
На годъ	26	47
» 9 мѣсяцевъ	21	38
» 6 »	14	25
» 3 »	8	15
» 2 »	6	11
» 1 »	3	6

Съ 1879 года, газета «Русская Правда» уже не будетъ разсылаться безплатно никому изъ подписчиковъ прекратившихся газетъ. Редакція еще разъ заявляетъ, что не приняла на себя никакихъ дальнѣйшихъ обязательствъ въ этомъ отношеніи.

Редакторъ-издатель **Дмитрій Гирсъ.** 2—3.

„ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО".

Иллюстр. журн. для дѣтей и юношества. Цѣна въ годъ на отд. для дѣтей 5 р., съ пер. 6 р., на отд. для юношества 5 р., съ пер. 6 р. Контора редакціи при книжн. маг. М. О. Вольфа въ Спб. и Москвѣ. 1—4.

О ПОДПИСКѢ

на ежедневную политическую и литературную газету

„РУССКІЙ МІРЪ"

съ еженедѣльнымъ „Литературнымъ Прибавленіемъ".

«Русскій Міръ», какъ по составу сотрудниковъ и по полнотѣ программы, такъ и по значительному кругу подписчиковъ и читателей, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду ежедневныхъ русскихъ изданій.

Своимъ твердымъ политическимъ направленіемъ, своими статьями и корреспонденціями, равно какъ и обиліемъ помѣщаемыхъ свѣденій, «Русскій Міръ» пріобрѣлъ широкую извѣстность не только въ Россіи, но и за границею.

„Русскій Міръ", при сравнительно **доступной цѣнѣ**, даетъ читателямъ гораздо болѣе матеріала, чѣмъ другія большія ежедневныя изданія.

Редакція прилагаетъ всѣ старанія и не жалѣетъ средствъ, чтобы сдѣлать «Русскій Міръ» **самою полною, разнообразною и интересною по содержанію** изъ всѣхъ существующихъ газетъ.

Подписчики «Русскаго Міра» получаютъ, сверхъ ежедневной газеты въ форматѣ большого печатнаго листа, еще особое **безплатное „Литературное Прибавленіе"**, выходящее разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ, и составляющее къ концу года объемистый томъ въ форматѣ нашихъ еженедѣльныхъ журналовъ: «Нивы», «Недѣли» и другихъ.

Въ **„Литературномъ Прибавленіи"**, нумера котораго составляются съ особою тщательностью, находятся слѣдующіе отдѣлы:

1) **Романы**, оригинальные и переводные; 2) **Повѣсти и разсказы**, преимущественно изъ русской жизни; 3) **Путешествія**, этнографическіе и бытовые очерки; 4) **Критика и библіографія**, русская и иностранная; 5) **Стихотворенія**, и 6) **Смѣсь.**

Въ настоящемъ 1878 году печатается, между прочимъ, обширный **романъ** изъ русской жизни **въ трехъ частяхъ**, подъ заглавіемъ **„На нашихъ глазахъ"**,—**Евгенія Раппа.** Новые годовые и полугодовые подписчики получатъ этотъ романъ или недостающіе его листы, въ видѣ **безплатной преміи.**

«Русскій Міръ» имѣетъ постоянныхъ корреспондентовъ **во всѣхъ главныхъ городахъ Россіи**, а также за границею—**въ Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Бухарестѣ, Бѣлградѣ, Тырновѣ, Константинополѣ и Эрзерумѣ.** Въ случаѣ какихъ-либо политическихъ или военныхъ событій, редакція отправляетъ спеціальныхъ корреспондентовъ на мѣсто дѣйствія.

Особенное вниманіе обращено редакціею на полноту и содержательность отдѣловъ внутренняго, политическаго и литературнаго. Постоянныхъ **фельетоновъ** полагается три въ недѣлю, воскресный (г. Нѣкто), московскій (по четвергамъ) и литературный (по пятницамъ). Въ остальные дни фельетоны бываютъ или случайные, или беллетристическіе. Между прочимъ, въ настоящее время печатается въ фельетонномъ отдѣлѣ новый романъ К. Дебана—«Кожа Мертвеца».

Провинціальныя и петербургскія **извѣстія** доставляются ежедневно особыми репортерами и корреспондентами; текущія **административныя новости** сообщаются также аккуратно изъ источниковъ вполнѣ достовѣрныхъ.

Торговыя извѣстія помѣщаются два раза въ недѣлю, а **курсы**—ежедневно.

Въ «Литературномъ Прибавленіи», съ конца 1877 года, помѣщены, между прочимъ, сверхъ многочисленныхъ разсказовъ и очерковъ, романы: «Свѣтская женщина», Эрнеста Додэ, Милліонное наслѣдство, Ф. Фридрихса, «Вампиръ» (изъ болгарской жизни «Наполеоновское время», Фрица Рейтера (еще не окончено), а также разсказы Альфонса Додэ, Альфреда де-Виньи, Эркмана Шатріана Эмиля Золя, Бретъ-Гарта, Біара и многихъ другихъ.

Изъ стихотвореній помѣщены: А. Майкова (Знаменіе времени), В. Головина, Н. Минскаго, Круглова, Бекетовой и др.

Въ настоящее время печатается новая повѣсть **Н. Н. Каразина** «Варвара Лѣпно и ея семья», а также разсказъ извѣстнаго путешественника по Востоку, г. П. Огородникова: «Съ богомольцами въ пустынѣ».

Цѣна „Русскаго Міра" съ „Литературнымъ Прибавленіемъ" (съ доставкою и пересылкою въ Россіи):

	р.	к.		р.	к.
На годъ	14	—	На полгота	8	—
» 11 мѣсяцевъ . . .	13	—	» 5 мѣсяцевъ	7	—
» 10 » . . .	12	—	» 4 »	5	50
» 9 » . . .	11	—	» 3 »	4	50
» 8 » . . .	10	—	» 2 »	3	25
» 7 » . . .	9	—	» 1 »	1	75

Разсрочки въ платежѣ подписныхъ денегъ допускаются по желанію подписчиковъ и по соглашенію съ редакціею (для служащихъ—черезъ казначеевъ).

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: Въ конторѣ газеты, Большая Морская, д. 11.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ и у другихъ книгопродавцевъ, у А. Н Мейера (Маросейка, д. Леонова).

Въ Орлѣ: у А. А. Бранчанинова, въ обществѣ взаимнаго кредита.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться исключительно въ главную контору газеты «Русскій Міръ», въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 11.

Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1 числа каждаго мѣсяца. 3—3.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1879 ГОДУ

ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА.

„ПРИРОДА и ОХОТА".

Популярный естественно-историческій и Охотничій Журналъ.

Выходитъ ежемѣсячно, книгами около 15 печатныхъ листовъ, **съ рисунками** въ текстѣ и 2—3 **литографированными** (частью хромолитограф.) приложеніями. Въ концѣ года, по примѣру прежнихъ лѣтъ, будутъ выданы подписчикамъ особыя преміи. Въ журналѣ принимаютъ участіе многіе извѣстные популяризаторы, путешественники и охотники.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА СЛѢДУЮЩАЯ:

I. Популярныя статьи по чистому и прикладному естествознанію, медицинѣ, гигіенѣ, технологіи и сельскому хозяйству, военному и морскому дѣлу и т. п.

II. Статьи этнографическаго содержанія. Путешествія русскихъ и иностранцевъ.

III Хроника новѣйшихъ открытій, усовершенствованій и изобрѣтеній.

IV. Монографіи охотничьихъ и промысловыхъ, вредныхъ и полезныхъ животныхъ.

V. Статьи по ружейной и псовой охотѣ, — о ружьяхъ, собакахъ, породахъ птицъ и звѣрей, какъ предметѣ охоты.

VI. Охотничьи разсказы и очерки.

VII. Мелкія статьи и корреспонденціи. Смѣсь.

Подписная цѣна: на годъ 12 р., съ перес. 13 р. 50 к., на полгода 7 р., съ перес. 8 р.

Примѣчаніе: Лица, подписавшіяся (*въ конторѣ редакціи*) до 1-го января, получаютъ **4 хромолитографированныя преміи** (Боръ, Лоси, Глухариный токъ, Вызовъ гончихъ изъ острова) на 1878 годъ и пользуются уступкой 20% со всѣхъ изданій редакціи, включая журналъ за 1878 годъ.

Оставшіеся экземпляры Сборника **„Природа"** и **„Журналъ Охоты"** (издававшихся до 1877 года отдѣльно) продаются въ редакціи по слѣдующей цѣнѣ: Сборникъ «Природа» 1873 — 1877 гг. (17 томовъ, съ 120 отд. хромолитографир. и литографированными приложеніями и множествомъ рисунковъ въ текстѣ) за 40 р. (пересылка за сорокъ пять фунт. — по разстоянію); «Журналъ Охоты» со 2-й половины 1874 по 1877-й годъ включительно (7 томовъ, по полугодіямъ); съ 40 отдѣльными хромолитогр. и литограф. рисунками и многими политипажами въ текстѣ 7 преміями и особыми приложеніями: «Записки псоваго охотника Симбирской губ.» П. М. Мачеваріанова и «Тетеревъ-косачъ» — монографія Л. П. Сабанѣева) — за 20 р. (пересылка за 20 ф. по разстоянію). Каждый томъ Сборника и Ж. Охоты продается отдѣльно по 3 р. (перес. 4 ф.).

Адресъ редакціи: **С.-Петербургъ,** Троицкій пер. д. № 23, кв. 3. Редакторъ-издатель: **Л. П. Сабанѣевъ.** 3—4.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1879 ГОДУ

ГАЗЕТЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ И ГИГІЕНЫ

„ВРАЧЕБНЫЯ ВѢДОМОСТИ"

для врачей, публики и земства.

Сообщеніе новостей изъ области медицины и гигіены, извѣстій о событіяхъ въ медицинскомъ мірѣ, о ходѣ санитарнаго дѣла, разсмотрѣніе профессіональныхъ и общественныхъ вопросовъ, ознакомленіе публики и земства съ положеніями общественной гигіены и медицины — вотъ, въ главныхъ чертахъ, задачи **„Врачебныхъ Вѣдомостей".** Въ те-

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 Декабря 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)

1879 ГОДЪ. НУВЕЛЛИСТЪ 40-й ГОДЪ.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО
И
„МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА“.

Съ 1-го января 1879 года „Нувеллистъ“ вступаетъ въ 40-й годъ своего существованія.

Цѣль изданія «**Нувеллиста**» доставить каждому семейству и каждому любителю музыки возможность получать по самой недорогой цѣнѣ значительный выборъ новѣйшихъ, лучшихъ и любимѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ для фортепіано, романсовъ и танцевъ. Чтобы удовлетворить такому назначенію, редакція находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ русскими композиторами и музыкальными издателями въ Европѣ и помѣщаетъ въ журналѣ пріобрѣтаемыя отъ нихъ наиболѣе избранныя новости, достойныя вниманія общества, и по степени трудности доступныя для большинства публики.

Если принять въ соображеніе дороговизну музыкальныхъ произведеній въ отдѣльной продажѣ, затруднительность для лицъ живущихъ въ провинціи слѣдить за появленіемъ новыхъ произведеній и до извѣстной степени рискъ, сопряженный съ выборомъ пьесъ за глаза, на основаніи лишь газетныхъ объявленій и каталоговъ, нельзя не придти къ заключенію, что изданіе „**Нувеллиста**“ значительно облегчаетъ выборъ и удешевляетъ пріобрѣтеніе названныхъ произведеній въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ хорошо обставленныхъ музыкальныхъ магазиновъ.

Въ 1879 г. „НУВЕЛЛИСТЪ“ будетъ выходить, какъ и прежде, перваго числа каждаго мѣсяца тетрадями отъ 30 до 35 страницъ музыки, большаго нотнаго формата, что составитъ въ годъ болѣе 400 страницъ избранной музыки.

КАЖДАЯ ТЕТРАДЬ БУДЕТЪ СОДЕРЖАТЬ ВЪ СЕБѢ:

1) Четыре или пять салонныхъ пьесъ. 2) Одинъ или два танца. 3) Русскій романсъ. Сверхъ того въ течении года въ «НУВЕЛЛИСТѢ» будутъ помѣщены двѣ пьесы въ четыре руки.

„МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА“.

Будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

1) Руководящія статьи, посвященныя обзору всего примѣчательнаго въ области музыки и театра, какъ въ Россіи, такъ и заграницей.
2) Музыкально-театральная хроника: отчеты о новыхъ операхъ, концертахъ, театральныхъ пьесахъ и т. д.
3) Возможно полный сводъ новостей касающихся музыки и сценическаго искусства.
4) Библіографическій отдѣлъ.
5) Фельетонъ.

МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА будетъ выходить въ продолженіи музыкальнаго сезона—въ Январѣ, Февралѣ, Мартѣ, Апрѣлѣ, Сентябрѣ, Октябрѣ, Ноябрѣ и Декабрѣ.

Кромѣ огромнаго количества музыкальныхъ пьесъ и восьми нумеровъ Музыкально-театральной газеты, подписчики получатъ въ видѣ *преміи* полную оперу для фортепіано въ 2 руки или другія музыкальныя сочиненія по ихъ выбору, *изъ 70-ти нумеровъ*.

СОЧИНЕНІЯ НАЗНАЧЕННЫЯ ДЛЯ ПРЕМІИ.

Оперы въ 2 руки:

AUBER: La Muette de Portici. Le Maçon. — BEETHOVEN: Fidelio. Prometheus. Egmont. BELLINI: I Montecchi et i Capuletti. Norma. I Puritani. La Sonnambula.—BOIELDIEU: La Dame blanche. Jean de Paris.—CHERUBINI: Les deux journées.—CIMAROSA: Matrimonio Segretto.—DONIZETTI: Elisir d'Amore. Lucia.—GLUCK: Orphée.—HEROLD. Zampa.—MOZART: Don Juan. Figaro. La flûte enchantée.—RICCI: Crispino.—ROSSINI: Le Barbier de Séville.—Othello. — VERDI. Traviata. Trovatore. Rigoletto.—WEBER: Freischütz. Euryanthe. Oberon. Preciosa.

РАЗНЫЯ СОЧИНЕНІЯ:

Фильдъ, 17 Ноктюрнъ.—Гайднъ, 10 знамен. сонатъ.—Огинскій, полонезы.—Шопенъ, всѣ вальсы.—Шопенъ, всѣ ноктюрны. — Шубертъ, 50 пѣсенъ.—Мендельсонъ, Альбомъ любимыхъ сочиненій. — Мендельсонъ, всѣ 48 пѣсенъ безъ словъ. — Роббелингъ, Альбомъ 50 оперныхъ мелодій (легкій). — Бетховенъ 11 увертюръ.—Беллини и Россини, 8 увер.—Боальдіе, Герольдъ, Оберъ и Спонтини, 8 увер. — Керубини, 8 увер. — Глюкъ, Гайднъ, Мегюль, Пэръ, Чимароза, 8 увер.—Моцартъ, 10 увер. — Шубертъ, Шпоръ, Линдпайнтнеръ, 8 увер.—Шубертъ, Букетъ изъ русскихъ пѣсенъ. Попурри.—Шубертъ, Русскіе цвѣточки. Попурри.

Альбомъ салонныхъ пьесъ:

Томъ I (легкій) 19 люб. піесъ Бадаржевской, Рихардса, Вели и др. — Томъ II (легкій), 12 люб. піесъ Делера, Юнгмана, Лейбаха, Лешгорна, Фосса и проч. — Томъ III (легкій), 9 люб. піесъ Листа, Юнгмана, Шпиндлера, Фосса и пр.—Томъ IV (легкій), 9 люб. піесъ Фосса, Лешгорна, Іаэля, Волленгаупта и пр. — Томъ V (трудный), 4 люб. сочиненія Раффа.—Томъ VI (средней трудн.), 6 переложеній соч. Раффа.—Томъ VII (трудный), 4 соч. Листа, Бюлова, Таузига и Рубинштейна.—VIII (средней трудн.), 4 переложеній соч. Іаэля.—Томъ IX (средней трудн.), 5 переложеній соч. Іаэля —Томъ X (легкій), 6 переложеній Фосса. — Томъ XI (легкій), 8 піесъ Круга, Фосса и проч. — Томъ XII (легкій), 8 піесъ Эггарда, Кафка, Круга и проч. — XIII (средней трудн.), 4 любим. сочиненія Волленгаупта, Фосса и проч.—Томъ XIV (трудный), 4 соч. Раффа.—Томъ XV (сред. трудн.), 6 люб. піесъ Бенделя, Шпиндлера и Мейера.

Для фортепіано въ 4 руки:

Оберъ, Боальдіе, Герольдъ, увертюры.—Беллини, увертюры.—Керубини, Мегюль, Пэръ, Глюкъ, увертюры.—Доницетти, увертюры. — Моцартъ, увертюры.—Россини, увертюры.—Шубертъ, Шуманъ, увертюры.—Веберъ, уверт. —Мендельсонъ, 5 знамен. увертюръ.—Мендельсонъ оригин. сочиненія.—Мендельсонъ Сонъ въ лѣтнюю ночь.

Цѣна годовому изданію „НУВЕЛЛИСТА“:

съ Музыкально-театральною Газетою и преміею . . . . 5 руб.
съ доставкою и пересылкою. . . . . 6 руб.

Для лицъ, не состоящихъ подписчиками на „**Нувеллистъ**“, годичная подписная цѣна на „Музыкально-Театральную Газету“ назначается 1 рубль. Гг. иногородные прилагаютъ на пересылку 30 коп. почтовыми марками.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ „**Нувеллиста**“ при музыкальномъ магазинѣ М. БЕРНАРДА, Поставщика Двора Е. И. Величества, Невскій просп., № 10. *Въ Москвѣ*, въ музыкальномъ магазинѣ А. Б. Гутхейля, поставщика Двора Е. И. Величества. Кузнецкій мостъ, домъ Юнкера. *Въ Казани*, въ музыкальномъ магазинѣ „Восточная Лира“. *Въ Харьковѣ*, въ музыкальномъ магазинѣ Гергарда. *Въ Одессѣ*, у А. Цанотти. *Въ Кіевѣ*, у Корейво.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 4-го Ноября 1878 года. Типографія В. С. Балашева, Екатерин. каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинск. мостами, № 90—1.

Страничка изъ „Нувеллиста“.
Первый разъ pp.
Andante maestoso. Второй разъ ff.
Соч. Г. Флиге.
PIANO
pp dol
ffr
fr
sempre.
marcato.
pp
ff
al Coda
riten.
Repetition con 8-va.
sf
con anima grazioso.
tr
riten
Fr
marcato.
Coda.
Dal Segno

№ 50. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода – 4 руб.; на 3 мѣсяц. – 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 10 Декабря 1878 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

КАРТИНА Л. КНАУСА.

R. Brendamour X.A. Tesch sc.

Крестины.

Съ фотографіи **Гупиля**, въ Парижѣ, рѣзалъ на деревѣ **Брендамуръ**.

Послѣдній лучъ.

Очеркъ смерти въ полярныхъ льдахъ
Н. Костельскаго.

...Въ неподвижномъ и безпредѣльномъ мракѣ постепено появилось неуловимое мерцанье; полная тишина перешла въ слабый гулъ. Свѣтлѣе и свѣтлѣе цвѣтныя точки, переходящія въ красныя и зеленыя пятна, все шире и шире захватывающія пространство; яснѣй и чище трепещущій гулъ, точно холодные, металлическіе звуки быстро несутся изъ невѣдомой дали. Ближе... и ближе... вотъ будто отступили, вотъ снова набѣгаютъ съ возрастающею силой. Пятна слились въ мѣняющійся, но все свѣтлѣющій темно-красноватый фонъ, звуки налетѣли, смѣшались и будто обрушились съ оглушающимъ шумомъ и рокотаньемъ. Все вокругъ колыхнулось.

Рѣзкій холодъ обдалъ Вадима съ головы до ногъ. Онъ втянулъ въ себя горько-соленую воду и открылъ глаза. Масса шипящей пѣны, сбѣгающей съ его изорванной одежды и непокрытой головы, разбивалась о плотикъ, грубо скрѣпленный изъ неровныхъ брусьевъ, который круто перекачнулся на другую сторону, выпустивъ изъ подъ себя высокій гребень волны. Веревка, которой Вадимъ былъ привязанъ, крѣпко затянулась и рѣзала грудь. Во всемъ тѣлѣ чувствовалась тупая, ноющая боль и крайнее изнеможеніе.

Онъ судорожно ухватился за веревочныя скрѣпы плота и приподнялъ голову. Возлѣ лежали, привязанные къ плоту, свертки съ остатками кое-какихъ припасовъ, а на краю до половины свѣшивались въ море изуродованные, посинѣвшіе трупы двухъ его спутниковъ, прикрѣпленные къ плоту, также, какъ и онъ, веревкою. Каждая волна безобразно бросала и била ихъ о жесткое дерево. Несмотря на изнеможеніе и полусознательное состояніе, холодное чувство ужаса сдавило сердце Вадима. Оцѣпенѣлый, съ широкораскрытыми глазами, онъ нѣсколько минутъ неподвижно смотрѣлъ на нихъ, безсильный предпринять чтобы-то ни было. А жалкій плотъ безпрерывно колебался, скрипѣлъ и вздрагивалъ, то опускаясь въ глубокія лощины,—и тогда его отовсюду окружали темно-зеленые, зыбкіе склоны волнъ, увѣнчанные пѣною и всплесками,— то подымаясь на пѣнистые гребни, съ которыхъ открывалось безпредѣльное море: изъ-за шумныхъ ближнихъ волнъ, въ тысячѣ пунктовъ поминутно выпрыгивали плещущіе гребни новыхъ волнъ, точно гривы безчисленнаго стада чудовищъ, мчавшихся со всѣхъ сторонъ на свою добычу. Рѣдко мелькала за ними еще большая даль, въ которой глазъ уже не различалъ отдѣльныхъ гребней, но и тогда не видно было линіи горизонта, скрывавшейся въ сѣрой мглѣ милліоновъ брызгъ. Холодный, ровный вѣтеръ дулъ съ сѣвера; сплошная пелена сѣрыхъ облаковъ одѣвала больше половины неба, оставляя свѣтлую полосу только на югѣ; только тамъ сіялъ горизонтъ и темной лазурью сверкало море. Но все больше удалялось сіяніе, все гуще и ниже, и дальше на югъ надвигались облака. Гналъ ли ихъ вѣтеръ съ сѣвера, или плотикъ несло морскимъ теченіемъ съ юга?

Изнуренный голодомъ, отупѣвшій отъ качки, окоченѣвшій отъ вѣтра, Вадимъ тщетно пытался припомнить, гдѣ онъ и что онъ. Онъ безсильно опустилъ голову на плотъ и слѣдилъ за пассивной игрой воспоминаній. Образы и краски, свѣтъ, тѣни и звуки медленно возникали въ его воображеніи, то безсвязные и едва уловимые, то отчетливые почти до осязаемости, хотя отрывочные. Сначала они появлялись и исчезали безъ правильнаго соотношенія ко времени и мѣсту, однако, понемногу стали связываться въ послѣдовательныя группы, то проходившія другъ за другомъ со всѣми свойствами дѣйствительности, то принимавшія характеръ сна, въ которомъ вѣрны и дѣйствительны только ощущенія, тогда какъ образы и событія случайны и фантастичны.

Мелькали передъ нимъ отдѣльныя части корабля: свертки канатовъ, паруса, мачты, матросы, пассажиры; слышалась суровая команда, громъ якорной цѣпи, свистъ вѣтра въ снастяхъ, трескъ сломанной мачты. Передъ нимъ проносились картины лѣсистыхъ береговъ, угрюмыхъ скалъ съ пѣнистымъ прибоемъ, тихихъ заливовъ и гаваней съ лѣсомъ карабельныхъ мачтъ и красивыми городами, раскинутыми среди полей и виноградниковъ. Но всѣ эти образы смѣнялись такъ быстро, что онъ не успѣвалъ поймать связывающую ихъ нить.

Вотъ улеглась суетливая толкотня воспоминаній. Передъ Вадимомъ выяснилась и осталась въ полѣ зрѣнія картина ранняго іюньскаго утра изъ поры его дѣтства.

Солнце недавно взошло и обливаетъ розовымъ свѣтомъ, отлогіе склоны полосатыхъ полей и темно-зеленыя рощи, заслоняющія большую часть горизонта. Внизу, у ручья, небольшая деревня съ вѣтряной мѣльницей въ концѣ. Ярко освѣщены соломенныя крыши; дымятся печныя трубы; сіяетъ зеркальный прудъ. Отъ плотины свѣтлая лента полевой дороги взбѣгаетъ легкимъ изгибомъ, мимо усадьбы съ красными крышами, на отлогость, увѣнчанную кудрявой дубовой рощей. По сторонамъ дороги свѣтлая зелень молодыхъ полей чуть колышется отъ дуновенія утренняго воздуха; окропленная росой, она отливаетъ синеватымъ шелковымъ блескомъ. Высоко, въ прозрачномъ воздухѣ звенятъ и порхаютъ рѣзвые жаворонки. По краю дороги стелется мелколистная травка. Кое-гдѣ желтые, бѣлые и синіе цвѣточки покачиваются на длинныхъ стебелькахъ. Вотъ лѣниво машетъ крыльями пестрая бабочка, вотъ быстро прожужжала пчела... Какъ чисты всѣ краски, какъ легко дышетъ этимъ свѣжимъ воздухомъ дѣтская грудь Вадима! Вчера онъ нарочно легъ спать рано, чтобъ встать на восходѣ солнца; ему давно хотѣлось сбѣгать раннимъ утромъ въ рощу, посмотрѣть, какъ живутъ тамъ въ эту пору птицы, букашки, кусты и деревья, нарвать цвѣтовъ и земляники для себя, для сестры и мамы, чтобъ букеты стояли у нихъ на столѣ, когда онѣ проснутся; онѣ такъ удивятся и обрадуются.

Весело добѣжалъ онъ до опушки и, оставивъ дорогу, пошелъ черезъ кусты и луговыя полянки. Какая густая и высокая трава, совсѣмъ мокрая отъ росы... сколько цвѣтовъ! Но здѣсь онъ не будетъ ихъ рвать: онъ знаетъ еще лучшую полянку съ цвѣтами и земляникой, тамъ дальше, въ лѣсу, въ красивой долинѣ, гдѣ бѣжитъ по камнямъ шумный ручей...

Онъ вошелъ въ зеленый сумракъ лѣсной гущи. Тутъ нѣтъ росы; трава рѣдкая; подъ ногами мягкій, бурый коверъ прошлогоднихъ листьевъ съ обломками сухихъ, полуистлѣвшихъ сучьевъ. Толстые и тонкіе стволы деревьевъ, обросшіе мхомъ, но почти безъ вѣтвей и листьевъ, стоятъ прямо, какъ колонны, и только вершинами сплетаются въ сплошную массу листвы. Кое-гдѣ прорвавшійся сквозь нее солнечный лучъ лежитъ яркими золотыми пятнышками на стволахъ, на валежникѣ, на разрѣзномъ листѣ папоротника. Хорошо и въ этой чащѣ, только не такъ весело, какъ на полянѣ: какъ-то очень серьезно, даже немного страшно... Но впереди уже показались яркіе просвѣты между деревьевъ, видны зеленые кусты, слышно журчаніе ручья...

Вдругъ что-то большое, чорнее шумно сорвалось изъ-подъ ногъ его и взлетѣло косвенно вверхъ. Вадимъ чуть не упалъ со страху, но скоро оправился, посмѣялся и веселѣе прежняго быстро пошелъ впередъ... Вотъ и долинка, окруженная густолистными кустами и деревьями, съ изумрудной зеленью сочной лужайки, съ яркими цвѣтами и свѣтлымъ, быстрымъ ручьемъ. На крутомъ склонѣ противуположнаго берега множество земляники: крупныя, темно-красныя ягоды всюду выглядываютъ изъ свѣтлой травы...

Вадимъ прыгаетъ черезъ ручей, но рыхлый берегъ осыпается подъ ногой и онъ падаетъ въ холодную воду. Сильный потокъ мгновенно его подхватываетъ и несетъ внизъ по теченію. Тщетно усиливается онъ встать, или схватиться за береговые камни и растенія: руки скользятъ, срываются, теченіе безпрерывно его переворачиваетъ и заливаетъ. По сторонамъ быстро мелькаютъ деревья, обрывы, скалы. Члены коченѣютъ отъ холода, болятъ отъ ушибовъ... Свѣтъ какъ будто слабѣетъ. Вадиму кажется, что теченіе несетъ его въ какое-то мрачное подземелье

«Мама, мама!» кричитъ онъ въ ужасѣ, но вода льется ему въ ротъ, бѣшеный потокъ ударяетъ его головой о камень и сбрасываетъ съ крутого уступа въ темную пучину...

Вадимъ очнулся и открылъ глаза... Опять темно-зеленая, зыбкая волна убѣгала прочь, опять вода и пѣна шумно сливались съ плота, а кругомъ все тоже безпредѣльное, волнующееся море. Оно волновалось какъ будто меньше, но смотрѣло еще угрюмѣе въ сѣромъ сумракѣ облаковъ, которыя казались еще гуще и темнѣе, еще ближе къ землѣ. Только вдали, въ одномъ мѣстѣ сплошная пелена ихъ была разорвана, въ прорывѣ виднѣлось голубое небо, и солнечный свѣтъ, прорѣзавъ воздухъ косыми туманными полосами, ложился на морскую зыбь узкимъ пятномъ яркого свѣта, въ которомъ плещущіе гребни сверкали ослѣпительной бѣлизной.

«Тамъ солнечный свѣтъ и тепло, думалъ коченѣющій Вадимъ: въ теплѣ и свѣтѣ жизнь, а въ жизни радость и счастье. Какъ хорошо тамъ этимъ зеленымъ волнамъ... Но что за бѣлый предметъ надъ самымъ горизонтомъ? Вонъ и другой... кажется и третій... Это не облака, не свѣтъ...

«Паруса!?» мелькнуло въ умѣ Вадима и эта мысль, какъ молнія, потрясла его нервы: возможность спасенія мгновенно оттѣнила безотрадный характеръ его обстановки, къ которому онъ относился съ апатіей безсилія; съ отчаяннымъ стономъ онъ стремительно приподнялся на рукахъ и судорожно взявшись за скрѣпы, сталъ всматриваться въ даль.

Теперь онъ вдругъ вспомнилъ все, что случилось въ послѣдніе дни. Онъ вспомнилъ, что плылъ на большомъ кораблѣ черезъ большое сѣверное море, плылъ, можетъ быть, въ сотый разъ, изъ двѣсти первой гавани въ двѣсти вторую... Зачѣмъ онъ плавалъ? Или, лучше: почему онъ плавалъ? Потому, что какъ-бы ни былъ прекрасенъ берегъ, онъ есть граница суши, за которой разстилается еще неизвѣданное море, потому вообще, что какъ-бы ни было велико пространство, но если коснуться его предѣла, оно кажется тѣсной темницей. Какъ нѣчто эфирное, безпредѣльно упругое, расширяются умъ и сердце на встрѣчу окружающему міру, точно стремятся перерости его, включить въ себя, или, если не самый міръ, то хотя включить въ себя производимыя имъ впечатлѣнія... Зачѣмъ? Праздный вопросъ, когда есть отвѣтъ на другой: почему? Включить въ себя міръ—это, конечно, много, это все, потому что затѣмъ ничего не остается, но именно потому, что задача безпредѣльна, каждый шагъ къ ея разрѣшенію есть великое благо и стремленіе къ нему столь-же неудержимо—стихійно, какъ безконечное расширеніе упругаго эфира.

Вадимъ странствовалъ, отдыхалъ и странствовалъ вновь; смотрѣлъ, слушалъ, думалъ, работалъ. Число впечатлѣній росло, но тысячи подробностей обстановки нарушали послѣдовательность въ поступленіи впечатлѣнія, нарушали

такъ же, какъ нарушаютъ форму, плотность и равновѣсіе газоваго шара внѣшнія преграды, которыя онъ отодвигаетъ, или сквозь которыя онъ растетъ: то увеличивая свою напряженность, то вытягиваясь въ капризные отростки, то вырываясь съ силой, то отдавая назадъ, вся масса колеблется и вздрагиваетъ, стремясь возстановить равновѣсіе. То запутываясь и ослабѣвая, то ободряясь вновь, Вадимъ часто чувствовалъ себя счастливымъ и потомъ страдалъ, раскаиваясь въ этомъ чувствѣ; онъ не менѣе часто страдалъ и послѣ наслаждался своей способностью страдать.

Немного утомленный, немного недовольный, онъ плылъ въ знакомую страну, чтобъ отдохнуть, привести въ порядокъ собранный матеріалъ, подѣлиться имъ съ другими людьми, и составить планы новыхъ предпріятій. Корабль качался и поскрипывалъ; на палубѣ и въ каютахъ пестрѣли разноцвѣтныя одежды и разноцвѣтныя лица, слышался разнозвучный говоръ... Началась буря, одна изъ тѣхъ, которыхъ онъ выдерживалъ десятки... хотя не безъ болѣзни и тоски, но всегда терпѣливо. Прошли три тягостные дня, а буря не унималась; сломалась мачта, былъ сорванъ руль, корабль потерялъ курсъ и получилъ течь. На разсвѣтѣ шестого дня съ палубы увидали, что ихъ несетъ на бѣшеный бурунъ, бѣлѣвшій на горизонтѣ, какъ снѣжный валъ. Тщетно бросали якорь: канаты и цѣпи рвались и корабль быстро приближался къ мели. Черезъ полчаса восходящее солнце освѣтило, въ хаосѣ пѣны и брызгъ, полуразрушенный корабль, разнородные обломки и трупы убитыхъ и потонувшихъ. Трое живыхъ были выброшены на пустынную отмель, едва поднимавшуюся надъ уровнемъ моря. Одинъ изъ троихъ былъ онъ, Вадимъ, другой матросъ, третій—больной старикъ, пассажиръ откуда-то издалека. Суша занимала не болѣе двухъ квадратныхъ верстъ и не представляла ничего, кромѣ скопленія мелкихъ закругленныхъ камней. По отсутствію угловатыхъ обломковъ и всякихъ слѣдовъ растительности слѣдовало думать, что островокъ только временно существуетъ надъ уровнемъ моря, быть можетъ подъ вліяніемъ опредѣленныхъ вѣтровъ, которые то воздвигаютъ его, то разрушаютъ. Два дня бродили бѣдняки по безпріютной землѣ, поджидая не стихнетъ-ли буря, гдѣ они и что слѣдуетъ предпринять. На третій день, угрожаемые голодной смертью, они рѣшились на отчаянную попытку: связали изъ корабельныхъ брусьевъ плотъ, устроили руль и парусъ, захватили изъ выброшенныхъ съ корабля остатковъ кое-что изъ одежды и съѣстныхъ припасовъ и пустились въ море, направляя путь по солнцу. Они знали, что находятся сѣвернѣе, чѣмъ слѣдовало.

Въ тѣ минуты, когда скрылась изъ глазъ пустынная отмель, когда, наконецъ, сталъ исчезать за волнами изуродованный остовъ корабля, сердце Вадима тоскливо сжалось, какъ будто онъ навсегда покидалъ что-то родное: такъ мрачно смотрѣло разстилавшееся впереди море!

Сначала все шло относительно хорошо; но на другой же день плотъ вошелъ въ полосу сильнаго теченія, которое быстро повлекло его на сѣверовостокъ. Стихавшая буря вновь разразилась съ прежней силой; парусъ былъ сорванъ, и съ нимъ исчезла всякая возможность управлять плаваніемъ.

Все, что было послѣ, представлялось Вадиму безпорядочнымъ хаосомъ: страшная качка, шумъ волнъ, скрипъ плота, мученія усталости, ушибы, холодъ, обмороки... Ожиданіе смерти стало привычнымъ, ежеминутнымъ, если была еще надежда, то не на жизнь, а только на временный покой при стихнувшей качкѣ, на тепло въ солнечныхъ лучахъ... И вдругъ паруса, корабли, люди! Спасенье и прежняя жизнь. Опять все то далекое, милое, родное!...

Но желанные предметы еще слишкомъ удалены, чтобъ можно было явственно распознать ихъ; они то выясняются, то снова меркнутъ въ усталыхъ глазахъ. Руки не въ силахъ долго поддерживать Вадима въ напряженномъ положеніи. Судорожными усиліями освобождаетъ онъ отъ уцѣлѣвшаго свертка кусокъ какой-то ткани привязываетъ его къ парусному древку, какъ знакъ, по которому могли-бы его замѣтить съ предполагаемыхъ кораблей и совершенно обезсиленный, падаетъ на плотъ. Полузакрытыми, неподвижными глазами онъ пассивно слѣдитъ за смѣной предметовъ, которые послѣдовательно ставитъ передъ нимъ движеніе качающагося на волнахъ плота: темно-зеленая вода, мглистая даль, сѣрыя облака съ голубымъ просвѣтомъ... Небо, даль и вода, вода, даль и небо—смѣняютъ другъ друга мѣрно и однообразно... Солнечный просвѣтъ становится какъ будто шире и ближе, но вмѣстѣ съ тѣмъ тускнѣетъ и стушевывается; стушевывается и меркнетъ морская зыбь, слабѣютъ движенія плота, шумъ волнъ постепенно замираетъ, какъ будто все окружающее медленно уходитъ въ даль, утопая въ мрачномъ туманѣ.

Наступаетъ тьма; только справа остается сѣрое пятно, точно невѣрный полусвѣтъ зимней ночи проникаетъ сквозь обмерзлое стекло въ какое-то тѣсное пространство. Налѣво отъ Вадима чьи-то черные силуэты, а прямо передъ нимъ неясно рисуется на сѣромъ фонѣ знакомая фигура граціозной дѣвушки, закутанной въ шубу и шаль, два большіе свѣтлые глаза устремлены на него. Это они возвращаются съ бала, изъ ближняго села; Вадима пригласили занять мѣсто въ семейномъ возкѣ. Кругомъ снѣжныя поля; вѣтеръ поднимаетъ легкую мятель. Въ воздухѣ холодно... но изъ милыхъ, пристальныхъ глазъ льются въ глаза Вадима двѣ такія живыя, согрѣвающія струи, что его сердцу чудно-тепло. Часъ назадъ онъ услыхалъ давно желанное, святое слово «люблю» и въ тотъ же мигъ весь міръ преобразился; какъ по волшебному знаку, точно утренняя заря озарила его розовымъ сіяніемъ, позолотила края снѣжно-бѣлыхъ облаковъ, зажглась брилліантами въ капляхъ росы! Сердце дрожитъ отъ нежданнаго счастья и чувство блаженства такъ полно и велико, что доходитъ почти до страданья. Не затемнить ночному мраку сіяющихъ въ душѣ, надеждъ, не заглушить завываньямъ вьюги звуковъ страстной молитвы на сердцѣ, не погасить зимнему холоду горячій пламень любви!.. Онъ невольно протягиваетъ руки, освобождаетъ изъ-подъ шали маленькую, теплую ручку и припадаетъ къ ней губами... А мятель все завываетъ, снѣгъ хруститъ подъ полозьями, возокъ ныряетъ по ухабамъ. Вотъ они стали спускаться съ горы; возокъ постукиваетъ и раскатывается направо и налѣво. Вдругъ сильно раскатившись, онъ нагнулся на бокъ, закачался, и стремглавъ полетѣлъ съ крутого обрыва. Сердце Вадима замерло въ ожиданіи моментальной гибели... Но паденіе длится; возокъ получаетъ толчки о какіе-то выступы, трескаетъ въ разныхъ направленіяхъ и разваливается на части. Вадимъ, обхвативъ одной рукой испуганную дѣвушку, хватается другой за уголъ отвѣснаго утеса и остается на вѣсу. Но онъ не въ силахъ держаться: рука нѣмѣетъ и скользитъ... Онъ дѣлаетъ движеніе, выпускаетъ дорогую ношу и срывается самъ. Они падаютъ порознь на дно глубокаго оврага, заваленное рыхлымъ снѣгомъ. Онъ видитъ, какъ она тонетъ въ сугробѣ, спѣшитъ туда, но съ каждымъ движеніемъ вязнетъ все глубже, такъ что наконецъ, ему не видно ничего, кромѣ высокихъ стѣнъ снѣговой ямы. Отчаянныя усилія приводятъ его въ совершенное изнеможеніе, руки и ноги перестаютъ повиноваться; онъ падаетъ и неодолимый сонъ закрываетъ ему глаза. «Я немного усну, думаетъ онъ, а потомъ я до нея докопаюсь... Она тоже успетъ... въ снѣгу тепло...» И онъ засыпаетъ.

Холодная комната; дождливые осенніе сумерки. Вадимъ и старинный другъ его сидятъ передъ каминомъ; между ними столикъ съ двумя стаканами вина. Они только-что возвратились изъ дальней поѣздки, усталые и промокшіе. Погруженные въ вялую дремоту, они долго молчатъ. Наконецъ, Вадимъ дѣлаетъ надъ собой усиліе и не мѣняя положенія, спрашиваетъ: «Ну что, согрѣлся-ли ты?» Отвѣта нѣтъ. Онъ поворачивается и видитъ, что его другъ сидитъ неподвижно и тяжело, какъ мертвый: ноги вытянуты, руки повисли по сторонамъ стула, голова опущена на грудь. «Онъ заснулъ, думаетъ Вадимъ; однако, ему становится немного страшно. Не замерзъ-же онъ! продолжаетъ Вадимъ про себя: здѣсь холодно, но мороза нѣтъ. Надо разжечь огонь». Онъ наклоняется къ камину и ворочаетъ угли маленькой кочергой. Огонь свѣтлѣетъ; едва тлѣвшіе угли становятся ярко-красными и Вадимъ чувствуетъ, какъ согрѣваются его ноги. Ему хочется пить; онъ подноситъ къ губамъ стаканъ, но вино оказывается холодной, горьковато-прѣсной жидкостью, возбуждающей тошноту.

А каминъ разгорается все ярче и ярче: уже засіяли въ срединѣ раскаленные угольки, сверкнули ослѣпительные бѣлыя искры. Благодатное тепло разлилось по членамъ Вадима, тяжкая дремота перешла въ нѣжащее разслабленіе; его вѣки немного приподнялись... Онъ видитъ, что комната освѣтилась; надъ каминомъ, какъ будто въ открывшемся окнѣ, явилось нѣчто ярко-голубое, сквозь стѣны, сквозь каминъ и огонь просвѣчиваетъ что-то далекое и зеленое, какъ подкошенная степь, шумящее и движущееся, какъ вода.

Вадимъ открылъ глаза. Солнце обливало яркимъ свѣтомъ плотъ и прилежащую часть почти успокоившагося моря. Гонимыя легкимъ вѣтромъ, безъ шума колыхались мелкія свѣтло-зеленыя волны и солнечные лучи зажигали на нихъ сотни золотистыхъ огней. Морская даль незамѣтно тонула въ фіолетовой тѣни. Согрѣтый солнцемъ, Вадимъ чувствовалъ, какъ постепенно воскресала въ немъ угасавшая жизнь, какъ скорѣе и полнѣе билось сердце и какъ съ каждымъ его ударомъ, точно горячая волна разливалась по жиламъ. Чувство счастья наполнило его грудь. Тихое плесканье волнъ о края плота казалось ему то журчаньемъ ручья, мѣшавшимся съ шумомъ деревьевъ, то веселымъ лепетомъ играющихъ дѣтей. Біеніе пульса все ускорялось и усиливалось; возраставшій лихорадочный жаръ сушилъ губы и горло; но, не смотря на жажду, Вадиму не хотѣлось двигаться. Онъ тихо вздохнулъ и лѣниво поднялъ глаза на небо, гдѣ сіяло солнце и свѣтлая голубая лазурь. Ярко освѣщенные края разорванныхъ тучъ медленно вытягивались, рѣдѣли и вновь сливались, безпрерывно мѣняя форму и цвѣтъ. Фантастическіе образы постепенно опредѣлялись, искажались и переходили въ другіе: изломанный контуръ развалины на краю утесистой горы превращался, понемногу смягчаясь, въ косматую голову старика съ высокимъ лбомъ и длинной бородой; старикъ медленно закидывалъ голову назадъ, борода вытягивалась, изгибалась и перешла въ длинный флагъ, красиво завернутый вѣтромъ и будто застывшій въ воздухѣ.

Вотъ засквозилъ въ густой сѣрой тучѣ новый просвѣтъ: что-то розовое и золотое мелькало въ немъ, быстро опредѣляясь и выростая, точно какая-то изящная фигура приближалась сквозь туманъ. Еще нѣсколько секундъ и въ фокусѣ расходящихся туманныхъ лучей явилась прелест-

ная дѣвушка въ бѣломъ платьѣ и золотыхъ кружевахъ. Ея розовое лицо сіяло чудной свѣжестью; свѣтлыя кудри откидывались назадъ; обнаженная рука, граціозно изгибаясь, простиралась впередъ. Она плавно летѣла къ Вадиму. Онъ уже видѣлъ ея безпредѣльно-ясную улыбку, ея полные свѣта голубые глаза и, подъ обаяніемъ чудеснаго видѣнія, улыбался самъ.

«Это ты, сестра? проговорилъ онъ... и отъ восхищенія его слабый голосъ звучно дрожалъ, какъ струна.

«А сказали, что ты умерла!.. Ты прилетѣла ко мнѣ, какъ ангелъ... Я думалъ, что меня всѣ забыли, что я погибну... Я боленъ. Мнѣ грезилось, что я одинъ, гдѣ-то далеко въ бурномъ морѣ... Было такъ холодно и страшно... Но бредъ прошелъ; ты, свѣтлая, добрая, принесла мнѣ жизнь и счастье... Какъ хорошо теперь... Пойдемъ! Дай руку!»

Чудная дѣвушка, ласково улыбаясь, протянула руку; она смотритъ ему въ глаза съ невыразимой нѣжностью; она уже такъ близко, что чрезъ секунду коснется его рукъ...

Вдругъ, точно тѣнь промелькнула по ея лицу; она поблѣднѣла и испуганно кинулась въ сторону.

«Сестра, сестра, останься!» вскрикнулъ онъ въ отчаяніи... Но отъ свѣтлаго видѣнія осталось только блѣдное пятно, быстро исчезавшее въ сумракѣ тучи.

Холодная тѣнь осѣнила Вадима.

«Она не узнала меня! Я погибну!» горько прошепталъ онъ и его глаза наполнились слезами. Онъ тоскливо замѣтался и изъ груди его вырвалось тяжкое рыданіе.

Вадимъ повернулъ голову въ ту сторону, куда убѣжалъ солнечный лучъ,—его послѣдній лучъ! и вдругъ вздрогнулъ и остолбенѣлъ; широко раскрытыми глазами, онъ съ нѣмымъ ужасомъ смотрѣлъ на представившійся ему видъ.

Недалеко отъ него, надъ темной поверхностью, возвышались громады пловучихъ льдинъ. Какъ гигантскіе обломки какихъ-то сказочныхъ хрустальныхъ горъ, вырѣзывались на сѣромъ небѣ ихъ причудливыя формы, блистая ослѣпительными снѣгами и сапфирно-голубыми утесами. Вершины однихъ были отлого-наклонны, почти плоски, какъ пустынные, скалистые острова; у другихъ онѣ заострялись въ косыя пирамиды, громоздились скученными башнями, закруглялись кудрявыми холмами, будто обросшими густыми, серебряными рощами. Неподвижные снѣговые потоки извивались по крутымъ долинамъ, падали съ уступовъ каскадами и, какъ мертвые водопады, свѣшивались застывшими, пѣнистыми струями съ окраинъ лазуревыхъ скалъ. Кое-гдѣ торчалъ камень или просвѣчивала сквозь ледъ и разсыпалась по поверхности красноватая смѣсь земли и камней, когда-то давно, въ безвѣстной странѣ, осыпавшихся на снѣгъ съ прибрежной кручи.

За передними ледяными горами виднѣлись другія, за другими третьи, все въ бо́льшемъ и бо́льшемъ числѣ, такъ что вдали онѣ смыкались въ непрерывную, зубчатую гряду, постепенно терявшуюся въ обѣ стороны и, быть можетъ, примыкавшую къ сушѣ нѣкотораго полуострова.

Вадимъ понялъ, что далекіе бѣлые предметы, принятые имъ за паруса и исполнившіе его свѣтлыми надеждами на спасеніе, были эти ледяныя массы, несущія не жизнь, а вѣрную смерть. Переходъ отъ солнечнаго тепла къ холодному сумраку, отъ счастливой улыбки милаго призрака къ нѣмому величію ледяныхъ громадъ, былъ слишкомъ жестокъ и внезапенъ, чтобъ можно было сразу понять всю непреодолимую силу грозной обстановки.

Вадимъ безсознательно приподнялся на локоть и растеряннымъ взглядомъ осматривалъ кругомъ, какъ бы ища спасенья... но кругомъ не было ничего, кромѣ холодной водной пустыни... Взглядъ его упалъ на трупъ товарища; онъ былъ одинъ; другой раньше оторвали волны. Синеватое изнуренное лицо съ приставшими прядями мокрыхъ волосъ, безцвѣтныя губы и полураскрытый темный ротъ заставили Вадима содрогнуться, не столько отъ страха, сколько отъ отвращенія. Казалось, трупъ начиналъ разлагаться. «Не просто умереть, а сгнить, подумалъ Вадимъ, стать кучей вонючей грязи!» Онъ опустилъ руку въ карманъ, вынулъ ножъ и пододвинувшись къ трупу, перерѣзалъ державшую его веревку. Трупъ соскользнулъ въ воду и, тихо переворачиваясь, отошелъ отъ плота.

Льды приближались; передовыя массы уже обходили плотъ по сторонамъ: глубоко сидящія въ водѣ, онѣ шли противъ поверхностнаго теченія, которое несло плотъ. Отъ нихъ вѣяло жестокой стужей. Члены Вадима коченѣли, суставы томило, кости ныли. Напрягая послѣднія силы, онъ собралъ и развернулъ всѣ уцѣлѣвшіе лоскутья и укрылся какъ могъ; но все было мо́кро и начинало обмерзать. Вадимъ безсильно опустилъ голову на брусья.

Неизбѣжность смерти была ясна. Кто можетъ подать ему помощь въ этой мертвой полярной пустынѣ? Если загнанное бурей китоловное судно и явилось бы на горизонтѣ, еслибъ оно шло въ этомъ направленіи, еслибъ могло и хотѣло оказать помощь, то едва-ли ему успѣть подойти прежде, чѣмъ угаснутъ въ изнуренномъ, коченѣющемъ тѣлѣ послѣднія силы. Все, что видѣлось кругомъ—и необъятное, темное море, и морозный воздухъ, и эти пловучія ледяныя гробницы—все говорило о такой страшной стихійной силѣ, что всякая мысль о борьбѣ была невозможна. Какъ человѣкъ, котораго туловище раздавлено упавшей скалой, Вадимъ уже не страдалъ мыслію о смерти, потому что сознавалъ себя непобѣждаемымъ, а побѣжденнымъ, не слабымъ, а ничтожнымъ. Онъ сталъ равнодушенъ и къ самому себѣ и къ цѣлому міру; его сердце, нравственное сердце, оцѣпенѣло и впечатлѣнія принимались и переработывались только въ умѣ.

Плотъ толкнулся о льдину и, скользнувъ угломъ по ея склону, захватилъ кучу снѣга и льда, засыпавшую ноги Вадима; но онъ не двинулся; только глухой, неопредѣленный звукъ вырвался изъ его засохшихъ губъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ почувствовалъ острые уколы въ пальцы ногъ, и вслѣдъ затѣмъ стали стихать ломота въ костяхъ и болѣзненное ощущеніе озябшей кожи. Онъ замерзалъ. Его лицо стало мертвеннопокойно, глаза потухли.

«Становится теплѣе, думалъ Вадимъ; я напрасно боялся льдинъ; онѣ заслоняютъ отъ вѣтра... Меня принесетъ къ берегу, я разведу огонь изъ плота. Можно жить въ снѣговой норѣ... Потомъ придетъ сестра... Теперь мнѣ лучше... я только слабъ еще и долженъ уснуть...»

И онъ погрузился въ полузабытье. Все окружающее задернулось густымъ флеромъ и потонуло въ безсвязномъ хаосѣ образовъ, звуковъ и неопредѣленныхъ ощущеній, которые двигались, вспыхивали, исчезали и появлялись вновь. Разноцвѣтныя пятна, спирали, арабески кружились и падали въ темномъ пространствѣ; что-то большое, выпуклое, но неуловимое валилось и выворачивалось. «Вадимъ!» кричалъ незнакомый голосъ надъ самымъ ухомъ; «Вадимъ!» едва слышалось изъ безпредѣльной дали... Блѣдное, суровое лицо грозно сдвигало брови, стискивало зубы и

Поймаю!..

съ выраженіемъ неистовой ярости исчезало. На красномъ заревѣ быстро бѣжали другъ за другомъ черныя фигуры, останавливались толпились, и бѣжали опять; слышался грозный, торопливый шопотъ. Въ глубокомъ мракѣ съ трескомъ вспыхнула яркая искра; дрожа, звенѣла лопнувшая струна...

Сильные толчки, трескъ и колебанье плота заставили Вадима очнуться. Онъ почувствовалъ, что давитъ тяжестью своего тѣла на одно плечо, что плотъ косо приподнятъ. Онъ хотѣлъ двинуть рукою, но не могъ, и подумалъ, что не захотѣлъ... Снова послышалось хрустѣнье снѣга и звонъ ледяныхъ обломковъ; плотъ, сдѣлавъ еще движеніе, остановился. Водворилась мертвая тишина...

Вадимъ приподнялъ отяжелѣвшія вѣки, сколько могъ, и, сквозь синій ночной сумракъ, увидалъ бѣловатый отблескъ снѣжныхъ сугробовъ. За ними возвышались неясныя громады ледяныхъ горъ, сомкнувшихся въ сплошное кольцо, точно колоссальныя статуи, вѣчно неподвижныя, съ ихъ безстрастными лицами и безцвѣтными очами, столпились для торжественной, безмолвной молитвы вокругъ ледяного гроба Вадима, прикрытаго холоднымъ, снѣговымъ саваномъ.

Минута уходила за минутой. Тьма сгущалась. Величественныя молящіяся фигуры, казалось, все ниже и ниже склонялись главами и тихо сливались съ темнымъ пространствомъ... Послѣдній ударъ сердца замеръ въ груди Вадима; застыла послѣдняя капля крови... Послѣдняя искра, тлѣющая въ мозгу, тускнѣетъ... Вотъ она вспыхнула ярче и погасла.

Глубокій мракъ наполнилъ пространство.

Поймалъ!..

Слово — одно, а дѣло — другое.

(Воспоминанія зуава.)

Разсказъ **Гренвилля Муррея** *).

Переводъ **А. Г. Сахаровой**.

I.

Я помню, какъ я обрадовался, прочитавъ въ газетѣ превосходную рѣчь нашего принца-президента, въ которой онъ произнесъ отрадную фразу: L'émpire c'est la paix (Имперія—это миръ). Онъ былъ тогда только принцемъ-президентомъ, но титулъ въ данномъ случаѣ не имѣлъ особеннаго значенія. «Если имперія—миръ, сказалъ я, то я стою за имперію».

— А почему? спросила Бланшета.

— Потому что, если имперія—миръ, то правительству не понадобится больше солдатъ и мнѣ не придется прослужить моихъ семи лѣтъ.

— Это правда, подтвердила Бланшета, слегка краснѣя.—Въ такомъ случаѣ, и я тоже стою за имперію.

Бланшета была моей невѣстой, т. е. мы порѣшили съ отцомъ Бланшеты, старымъ Жаномъ Пуаро, что, если я не попаду въ солдаты, онъ выслушаетъ меня и обдумаетъ мое предложеніе. Я не особенно долюбливалъ стараго Жана Пуаро. Если я поджидалъ Бланшету, когда она выходила изъ церкви послѣ вечерни, или танцовалъ съ нею нѣсколько кадрилей на деревенскихъ балахъ, онъ подходилъ ко мнѣ и говорилъ:

— Послушай, Аристидъ, отваливай, когда ты вынешь жребій и я узнаю, что изъ тебя будетъ, мы посмотримъ, но пока держись въ сторонѣ.

Бланшетѣ и мнѣ приходилось часто только кивать другъ другу головой и вздыхать. Я думаю, это было тяжело и для нея; я же страдалъ сильно.

Наконецъ, наступила недѣля рекрутскаго набора и вынутіе жребіевъ должно было происходить въ пятницу. Въ воскресенье, отправляясь къ обѣднѣ (церковь всегда полна въ воскресенье передъ наборомъ), я встрѣтилъ Бланшету.

— Бланшета, сказалъ я, — я чувствую, что вся моя бодрость покидаетъ меня при наступленіи этого дня; если я выну дурной нумеръ, мнѣ остается только утопиться въ прудѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала Бланшета, поблѣднѣвъ,—ты не долженъ этого дѣлать. Обѣщай мнѣ, что ты этого не сдѣлаешь, прибавила она, положивъ руку мнѣ на рукавъ. Ея глаза наполнились слезами и ея рука дрожала. Я злился на себя за то, что я огорчилъ ее. Я пожалъ ея руку дрожащей рукой и прошепталъ:

— Знаешь-ли, что я тебѣ скажу, я отправлюсь завтра утромъ къ нашему депутату въ палатѣ, который даетъ намъ такъ много прекрасныхъ обѣщаній во время выборовъ. Я никогда не просилъ у него ничего и онъ, вѣрно, не откажетъ мнѣ замолвить за меня словечко префекту, чтобы тотъ избавилъ меня отъ военной службы. Онъ скажетъ ему, что я близорукъ или что у меня въ сердцѣ неладно.

Бланшета осушила свои глаза и пыталась улыбнуться. Ея улыбка ободрила меня. Мы просидѣли рядомъ за обѣдней, а на другой день, я рано утромъ отправился въ замокъ нашего депутата графа Гишо, съ двумя превосходными каплунами, откормленными моей матерью, и съ букетомъ зимнихъ цвѣтовъ въ рукѣ.

Графъ де-Гишо былъ однимъ изъ главныхъ воротилъ въ нашемъ округѣ. Въ 1851 году у насъ была республика, но мы все-таки называли его графомъ, что очень сердило его во время выборовъ, ибо онъ настаивалъ, чтобы его называли гражданиномъ, говоря, что теперь титуловъ уже болѣе нѣтъ. Онъ былъ очень любезенъ во время выборовъ со всѣми своими избирателями, вотъ почему я и рѣшился обратиться къ нему съ просьбой о помощи.

Однако, говоря правду, то, о чемъ я намѣревался просить его, было несовсѣмъ справедливо, потому что законъ освобождалъ отъ военной службы только тѣхъ, которые были въ состояніи нанять вмѣсто себя охотника, которые были единственными сыновьями вдовъ, или увѣчные, а я не принадлежалъ ни къ одной изъ этихъ категорій. Но вѣдь всѣ очень хорошо знали, что графъ не стѣснялся употреблять свое вліяніе въ пользу своихъ арендаторовъ и почему бы ему не похлопотать обо мнѣ? Да и къ тому же, если имперія есть миръ (всѣ начали поговаривать о томъ, что у насъ скоро будетъ имперія), то что значило для правительства имѣть однимъ солдатомъ больше или меньше?

Я засталъ графа читающимъ газету на лужайкѣ, съ чашкой кофе и съ сигарой. Такъ какъ до выборовъ было еще далеко, то онъ не возразилъ мнѣ ничего, когда я назвалъ его графомъ. Онъ благосклонно согласился принять моихъ каплуновъ и обѣщалъ мнѣ передать цвѣты графинѣ потомъ вставилъ стеклышко въ лѣвый глазъ и спросилъ меня, что мнѣ нужно.

Сознаюсь, я почувствовалъ, что мнѣ лучше вернуться домой, потому что графъ съ одноглазкой и гражданинъ Гишо, пожимавшій всѣмъ намъ руки передъ избирательной урной, были такъ не похожи другъ на друга, что трудно было себѣ представить, что это одно и то же лицо. Я забормоталъ что-то о наборѣ, но смутился такъ, что онъ вскорѣ остановилъ меня.

— Ахъ! да, я вполнѣ понимаю васъ, сказалъ онъ, — вы готовитесь встать въ ряды нашихъ храбрыхъ защитниковъ и пришли проститься. Прекрасно, мой милый, желаю вамъ всего лучшаго и какъ можно больше сражаться.

*) Автора извѣстныхъ русской публикѣ романовъ: «Депутатъ города Парижа» и «Будуарная интрига».

Онъ не понялъ меня. Я совсѣмъ растерялся.

— Нѣтъ, графъ, не то. Я согласенъ съ вашей рѣчью о всеобщемъ братствѣ и объ отмѣнѣ набора. Я вовсе не желаю ни съ кѣмъ сражаться; я хочу сдѣлаться честнымъ земледѣльцемъ и жениться на Бланшетѣ.

Я замѣтилъ, что лицо нашего депутата вытянулось, когда я повторилъ термины, заимствованные изъ его рѣчи къ избирателямъ; выраженіе «честный земледѣлецъ» тоже принадлежало ему. Онъ закашлялъ и отвѣчалъ, конфузясь:

— Гмъ! совершенно вѣрно, я, какъ вы сказали, преданъ миру и всегда—да, всегда—преклонялся передъ братствомъ. Въ мірѣ нѣтъ ничего выше братства. Но, гмъ! если бы вы изучали латинское изрѣченіе, смыслъ котораго заключается въ томъ, что если у Франціи не будетъ наготовѣ обширной арміи, то всѣ основы цивилизаціи будутъ потрясены и ни поле вашего отца, ни мое не будутъ въ безопасности. Только поэтому я вотировалъ за контингентъ изъ восьмидесяти тысячъ человѣкъ въ нынѣшнемъ году. Извините, я не разслышалъ, что вы сказали.

— Я сказалъ, графъ, что очень тяжело служить семь лѣтъ, не имѣя къ тому ни малѣйшаго желанія.

— Одно изъ славнѣйшихъ преданій демократіи, отвѣчалъ графъ,—обязуетъ каждаго гражданина платить государству свой долгъ и эта обязанность выпадаетъ на долю каждаго. Въ то время, какъ вы, мой милый, отдадите семь лѣтъ вашей жизни, я, съ своей стороны, тоже долженъ буду принести нѣкоторыя жертвы. Въ нынѣшнемъ же году мнѣ придется уплатить не менѣе двухъ тысячъ пяти сотъ франковъ, чтобы избавить моего сына Гектора, другой изъ моихъ сыновей уже служитъ своей родинѣ въ гусарскомъ полку.

— Да, графъ, возразилъ я съ горечью,—но вашъ сынъ офицеръ и можетъ жениться, если захочетъ.

— Но вѣдь и вы дослужитесь современемъ до офицера, если будете усердны и храбры. Послушайте, мой милый, прибавилъ нашъ депутатъ съ внезапнымъ приливомъ благосклонности,—вы можете положиться на меня, если вы попадете на службу, я воспользуюсь своимъ вліяніемъ въ военномъ министерствѣ и васъ произведутъ въ капралы.

— А Бланшета? прошепталъ я, не слишкомъ ослѣпленный этой блестящей перспективой.

— Кто такой Бланшета? спросилъ графъ, который, замѣчу мимоходомъ, фабрилъ свои усы, красилъ волосы и слылъ поклонникомъ прекраснаго пола.

Я объяснилъ ему, кто была Бланшета, графъ слушалъ меня внимательнѣе, чѣмъ прежде, и когда я кончилъ, онъ улыбнулся ободрительно.

— Успокойтесь, мой милый, я слышалъ о м-ль Бланшетѣ, хотя не видалъ ее ни разу. Я поговорю съ ея отцомъ, когда вы уѣдете и мы позаботимся о томъ, чтобы она вышла замужъ только за достойнаго человѣка.

Послѣ такого утѣшенія, мнѣ осталось только ретироваться, что я и сдѣлалъ. По дорогѣ домой, я пѣлъ и свисталъ и былъ бѣшено веселъ въ слѣдующіе три дня. Десять или двѣнадцать человѣкъ моихъ товарищей поселянъ были въ такомъ же положеніи, какъ и я, и мнѣ не хотѣлось распускать нюни передъ ними. Мужчина долженъ оставаться мужчиной и не быть бабой. Я страдалъ, но мнѣ все-таки удалось скрыть мое страданіе. Къ пятницѣ я съумѣлъ справиться съ моими нервами и приготовился встрѣтить огонь, т. е. ящикъ съ жребіями, такъ какъ мужчина долженъ вообще встрѣчать всякую непріятность.

Въ то время, какъ я отправлялся въ мэрію, чтобы вынуть жребій, Бланшета, которая подстерегала меня, удивляясь, почему я держался вдали отъ нея втеченіе трехъ дней, перебѣжала черезъ дорогу и сунула мнѣ въ руку небольшой пакетикъ. Въ немъ былъ образокъ Богородицы и слѣдующая записка: «Аристидъ, они говорятъ, что если ты будешь носить этотъ образокъ у сердца и повторять три раза Ave Maria и скажешь, прежде чѣмъ опустишь руку въ ящикъ: «Пресвятая Богородица, выслушай ту, которая меня любитъ», то ты вынешь хорошій нумеръ. Пожалуйста, Аристидъ, сдѣлай это для меня и не смѣйся, когда будешь это дѣлать. Ты знаешь, что это не можетъ повредить тебѣ.—Бланшета».

Нѣтъ, Бланшета, я увѣренъ, что это не повредило мнѣ; но, вѣроятно, фортуна очень разгнѣвалась на меня, потому что, когда я опустилъ руку въ ящикъ, увѣряю васъ, я не смѣялся,—я вытащилъ нумеръ, который я сначала не могъ прочесть при мысли о тебѣ. И такъ, я далъ его маіору и онъ прочелъ его за меня.

— Который нумеръ? спросилъ префектъ и наступила минутная пауза, въ то время, какъ слышался шелестъ развертываемой бумаги.

— Нумеръ тринадцатый, закричалъ маіоръ.

— Зачисленъ на службу, произнесъ генералъ.

И черезъ десять дней послѣ этого, моя бѣдная Бланшета, я былъ зуавомъ.

II.

У меня не было никакого основанія такъ торопиться, потому что въ это время правительство обыкновенно давало намъ пятимѣсячную отсрочку; мы вынимали жребіи въ февралѣ и поступали на службу въ іюлѣ. Но къ чему было ждать? Какъ только я вынулъ жребій, старый Жанъ Пуаро сказалъ мнѣ:

— Мой милый, Аристидъ, мнѣ очень жаль тебя, но теперь уже все кончено и я увѣренъ, что ты такъ честенъ, что не будешь говорить съ Бланшетой.

На слѣдующій день, видя, какъ я выхожу изъ дома маіора, куда я ходилъ за паспортомъ, онъ смягчился немного и закричалъ:

— Послушай, мой милый, ты можешь повидаться съ нею и проститься передъ отъѣздомъ, если хочешь.

— Нѣтъ, дядя Пуаро, отвѣчалъ я,—намъ лучше не видаться, вы пожмете ей руку за меня; я уѣзжаю сегодня вечеромъ.

И, дѣйствительно, я уѣхалъ съ послѣднимъ поѣздомъ.

Вы понимаете, почему я предпочелъ полкъ зуавовъ всякому другому полку. Въ то время зуавы всегда стояли въ Алжирѣ. Имъ приходилось имѣть вѣчныя столкновенія съ арабами, людьми храбрыми, сражавшимися, какъ мужчины. При поступленіи въ полкъ я находился въ такомъ настроеніи, что, право, не огорчился бы, если бы одинъ изъ арабовъ избралъ бы меня мишенью и покончилъ бы мою военную карьеру. Такова сила впечатлѣнія, производимаго на насъ разлукой съ родимой деревней. Но мало по малу, прошагавъ съ ружьемъ на плечѣ, мы становимся разумнѣе или тупѣемъ—трудно рѣшить.

Я пробылъ только двѣ недѣли на африканской почвѣ и едва успѣлъ привыкнуть къ тому, что передняя часть моей головы была выбрита по обычаю зуавовъ, когда мнѣ приказали отправиться вмѣстѣ съ моимъ батальономъ проучить Сиди-Бенъ-Махмуда изъ племени Дусти. Я несовсѣмъ понималъ, чѣмъ могъ Сиди-Бенъ заслужить наше посѣщеніе, но насколько мнѣ было понятно, онъ и его предки жили мирно въ той же деревнѣ цѣлыхъ два столѣтія и онъ упорно отказывался выселиться для того, чтобы дать намъ возможность построить крѣпость въ его владѣніяхъ. Случилось такъ, что въ этомъ же году въ палатѣ происходили пренія о состояніи Алжира. Жаловались на то, что мы ничего не дѣлаемъ тамъ, что мы владѣемъ Алжиромъ двадцать лѣтъ безъ всякой пользы, что англичане колонизовали бы страну вдвое скорѣе. Члены оппозиціи шумно настаивали на томъ, что мы должны цивилизовать арабовъ, а принцъ-президентъ приказалъ генералъ-губернатору немедленно двинуть дѣло цивилизованія. Нашъ полковникъ де-Фракасъ напомнилъ намъ эти факты, когда мы отправились въ путь и замѣтилъ, что нашъ долгъ цивилизовать Сиди Бена. И такъ, мы отправились атаковать его деревню. Сиди-Бенъ и его приближенные защищались, какъ львы, и надѣлали намъ не мало хлопотъ. Битва продолжалась съ десяти часовъ утра до шести вечера и мы потеряли двѣсти человѣкъ—восемьдесятъ человѣкъ убитыми и сто двадцать ранеными. Но подъ конецъ, побѣда, все-таки, осталась за нами, и мы цивилизовали Сиди-Бена, потому что когда битва окончилась, въ деревнѣ не осталось камня на камнѣ, верблюды, лошади, мужчины, женщины и дѣти погибли или бѣжали, и самъ Сиди-Бенъ лежалъ мертвымъ среди поля, покрытый двадцатью ранами.

Я все время находился въ первыхъ рядахъ; когда мы вернулись въ казармы, полковникъ де-Фракасъ позвалъ меня и сказалъ:

— Аристидъ Бросъ; ты именно такой солдатъ, какіе намъ нужны. Ты сразу свыкся съ битвой, какъ рыба съ водой. Я назначаю тебя капраломъ.

И такъ, я сталъ капраломъ. Вмѣсто пяти су, уплачиваемыхъ регулярно каждые пять дней, я сталъ получать десять су, у меня на рукавѣ красовалась красная шерстяная нашивка и я былъ избавленъ отъ стоянья на часахъ. Это было не дурно. Но моя должность имѣла и непріятную сторону. Подъ моимъ начальствомъ было двадцать человѣкъ солдатъ и если ихъ винтовки, башмаки, штыки, пряжки и пуговицы на мундирахъ не были вычищены и не блестѣли, то мнѣ приходилось отвѣчать за это. Тутъ я невольно припоминаю какое назидательное зрѣлище представляли наши зуавскіе полки. Правительство принимало въ зуавы только тѣхъ, кто былъ гибокъ и твердъ на ногахъ.

Но нравственность не входила въ число требованій и, потому вспыльчивые, шумливые, черноглазые уроженцы Прованса, были охотно принимаемы, они дрались, какъ дьяволы, во время кампаній и вели себя не лучше, находясь въ гарнизонѣ. Я съ удовольствіемъ выслушалъ однажды одного патріота префекта, который говорилъ, что армія лучшая школа для пріобрѣтенія привычекъ къ порядку и степенности, потому что мнѣ не пришло бы въ голову выразить такое мнѣніе. Когда мои солдаты были свободны отъ обязанностей службы, они пили абсентъ; когда они не пили абсента, они поддерживали національную репутацію любезныхъ кавалеровъ, осаждая женъ или дочерей арабовъ, которые въ отплату за это разбивали имъ головы или же головы этихъ арабовъ разбивались во славу цивилизаціи. Количество смертей отъ delirium tremens въ нашихъ рядахъ доходило до семи процентовъ въ годъ,—вы найдете эти статистическія свѣденія въ оффиціальныхъ отчетахъ военнаго министерства за 1851 годъ, если вы потрудитесь заглянуть въ нихъ.

Я пробылъ въ Алжирѣ девять мѣсяцевъ и втеченіе этого времени, имѣлъ утѣшеніе узнать какъ безгранично ненавидятъ насъ въ этой преданной намъ колоніи и пришелъ къ тому убѣжденію, что насъ, вѣроятно, будутъ также ненавидѣть и сто лѣтъ спустя, если только насъ не выгонятъ оттуда до этого времени. По прошествіи девяти мѣсяцевъ, полковника Фракаса вызвали въ Парижъ съ его полкомъ. Тогда въ первый разъ заставили зуавовъ занимать гарнизоны во Франціи и въ обществѣ и въ нашихъ рядахъ господствовало любопытство и желаніе узнать, что изъ этого выйдетъ.

Дѣло было въ половинѣ ноября и первая фраза, которую я услышалъ, вступивъ снова на французскую почву, была: «Имперія—это миръ». Парижъ находился въ состояніи медленнаго кипѣнія, принца-президента каждый день изображали въ каррикатурномъ журналѣ «Charivari» съ птичьимъ клювомъ. Помню, это обстоятельство показалось мнѣ зловѣщимъ, потому что я зналъ по опыту, что когда французская пресса достигала степени свободы птичьяго клюва, то за кулисами всегда совершалось что нибудь грозное. Намъ, зуавамъ, нельзя было жаловаться на сдѣланный намъ пріемъ. Напротивъ, намъ казалось, что мы попали прямо въ рай. Раціоны вина, пачки сигаръ, жареное мясо за обѣдомъ въ будни, наконецъ, посѣщеніе и похвалы самого принца-президента, пятифранковыя монеты, все это свалилось къ намъ, какъ манна небесная. Наши офицеры получали въ подарокъ дичь и шампанское дюжинами изъ Елисейскаго дворца Бонапартовъ. Повидимому, со всѣми парижскими полками обращались такъ же предупредительно, какъ и съ нами. Конечно, это намъ пришлось по вкусу и когда намъ объявили, что такъ будетъ продолжаться круглый годъ, если у насъ только будетъ имперія вмѣсто скаредной палаты, которая мѣшаетъ щедрости принца-президента, то мы всѣ порѣшили единогласно, что президентъ сдѣлаетъ отлично, если пошлетъ на лату ко всѣмъ чертямъ. Я былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ защитниковъ этого мнѣнія, потому что правительственные органы непрестанно увѣряли, что «Имперія—это миръ», разоруженіе, поощреніе земледѣлія, а это было для меня дороже сигаръ и жареной говядины. Я не забылъ еще Бланшету.

Однажды полковникъ Фракасъ въѣхалъ на нашъ полковой дворъ, раскраснѣвшійся и взволнованный и отъ насъ не ускользнуло, что на немъ былъ надѣтъ орденъ командора почетнаго легіона вмѣсто той офицерской розетки, которой онъ щеголялъ наканунѣ. Полковникъ былъ очень красивый малый и, выпивъ одинъ или два стакана бургонскаго, становился краснорѣчивымъ.

— Зуавы! воскликнулъ онъ,—не довольно-ли съ насъ этой республики, управляемой собраніемъ лжецовъ, надувающихъ насъ обѣщаніями, которыхъ они не сдерживаютъ?

Передо мной воскресъ образъ гражданина Гишо, и я вскрикнулъ энергически: «Да, да!»

Полковникъ взглянулъ на меня съ удовольствіемъ.

— Капралъ Бросъ, сказалъ онъ,—ты храбрый солдатъ.

Послѣ этого поощренія мои товарищи и зуавы тотчасъ же закричали: «Да, да!»

— Браво! отвѣчалъ полковникъ въ восторгѣ. —Кто изъ васъ, товарищи, не пожелалъ бы, чтобы жалованье было удвоено или, чтобы его отправили домой въ деревню?

Крики становились оглушительными.

— Кто изъ васъ не пожелалъ бы, чтобы его стаканъ былъ всегда полонъ виномъ, его мѣшокъ полонъ табакомъ и чтобы онъ могъ жениться на любимой дѣвушкѣ?

Наши лица пахмурились.

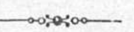
— И такъ, да здравствуетъ принцъ...

Но я сорвалъ чалму и изо всѣхъ силъ, отъ всей души и сердца вскрикнулъ:

— Да здравствуетъ императоръ!

Послѣ этого, меня тотчасъ же сдѣлали сержантомъ, а черезъ два дня, я лежалъ въ военномъ госпиталѣ Валь-де-Грасъ, потому что я былъ раненъ во время свалки, въ день государственнаго переворота.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Разольются, разбушуются.

Стих. Д. А. Рубина.

Разольются, разбушуются
Снѣговыя воды, вешнія,
Расплескавшись, разъиграются
На большихъ и малыхъ рѣченькахъ...

Думы черныя, суровыя,
До поры что спятъ до времени,
Вдругъ проснутся, да подымутся
Въ удалой моей головушкѣ...

У тѣхъ водъ забота первая:
Затопить поля широкія,
Напугать села убогія,
Да снести стога высокіе.

Въ моихъ думахъ горе лютое
Сжить со свѣта хочетъ молодца,
Уложить его въ могилушку,
Сиротой оставить милую...

Усмиритесь, волны быстрыя,
Вы разсѣйтесь, думы черныя,
Не губите добра молодца,
Дайте жить ему какъ хочется...

Прогрессъ въ сферѣ свѣтовыхъ воспріятій.

(Ст. Л. Невольскаго.)

Извѣстный арабскій врачъ и ученый Авиценна (980—1087) сказалъ, что «въ этомъ мірѣ, кромѣ незримыхъ устоевъ вселенной, все подвергается безпрерывнымъ перемѣнамъ»*). Этимъ положеніемъ резюмируется вся философія тогдашнихъ натуралистовъ, а оно явилось плодомъ изслѣдованій въ области естественныхъ наукъ, какъ самихъ арабовъ, такъ и греческихъ послѣдователей знаменитаго Эскулапа, или такъ называемыхъ асклепіадовъ, сочиненія которыхъ были извѣстны арабскимъ ученымъ. Втеченіи среднихъ вѣковъ, наука арабовъ покрылась плѣсенью средневѣковаго невѣжества и только сравнительно недавно вышеприведенныя слова Авиценны получили опять весь ихъ смыслъ и значеніе въ глазахъ современныхъ ученыхъ.

Правда, спокон вѣковъ было извѣстно, что наши моря и океаны не всегда волновались въ однихъ и тѣхъ же ложахъ, что рѣки также измѣняли свои теченія. Въ афинскомъ пимфаумѣ учили, что виды растеній перерождаются, что животныя формы подлежатъ измѣненіямъ, что, наконецъ, самъ человѣкъ далеко не тотъ, какимъ онъ вышелъ изъ-подъ дѣйствія силъ, призвавшихъ его къ существованію. Но вышеприведенныя слова Авиценны имѣютъ болѣе обширный смыслъ и захватываютъ собою болѣе широкую сферу. Они распространяются, безъ сомнѣнія, на образованіе человѣческихъ обществъ, отношеній правовыхъ и нравственныхъ, на развитіе и перерожденіе органическихъ существъ, можетъ быть, даже на прогрессированіе послѣднихъ и нарожденіе болѣе совершенныхъ и благородныхъ формъ. Какъ бы то ни было, но мысль, что изъ этого «сочетанія перемѣнъ» вытекаетъ извѣстное стремленіе въ природѣ къ усовершенствованію,—мысль, такъ прекрасно восполняющая слова Авиценны, выросла и окрѣпла лишь на почвѣ новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій и получила окончательную формулировку лишь сравнительно въ недавнее время.

Никто не станетъ спорить, что и человѣкъ управляется тѣми же законами природы, какимъ подчинены другіе организмы, по крайней мѣрѣ, по той степени, въ какой въ его организмѣ замѣчается проявленіе растительныхъ и животныхъ процессовъ. Но, по мѣрѣ развитія частей человѣческаго организма, чувствъ, этихъ органовъ души, какъ ихъ называетъ Э. Кантъ,—безконечно раздвигается кругозоръ человѣческаго познанія и теперь уже нѣтъ недостатка въ доводахъ въ пользу постепеннаго прогрессивнаго развитія органовъ чувствъ у человѣка и постояннаго совершенствованія послѣднихъ втеченіи его долгаго историческаго существованія. Мы не станемъ, въ поискахъ за этими доводами, углубляться въ доисторическія времена человѣчества. не станемъ останавливаться на формахъ переходныхъ, которыя ждутъ, пока рука археолога или антрополога пробудитъ ихъ изъ тысячелѣтняго сна и извлечетъ изъ земли на тотъ солнечный свѣтъ, который когда-то озарялъ ихъ при жизни. Для подкрѣпленія нашихъ положеній, мы удовольствуемся экскурсіей въ область человѣческой культуры уже исторической эпохи.

Съ тѣхъ поръ, какъ человѣчество въ памятникахъ письменности начало оставлять слѣды своей умственной жизни,—съ тѣхъ поръ остался и перешелъ къ намъ достовѣрный свидѣтель жизни народовъ далекихъ намъ эпохъ. Поэты и вообще писатели, эти лучшіе представители своего вѣка и народа, записывали, между прочимъ, свои впечатлѣнія,—какъ на нихъ дѣйствовалъ громъ разгнѣваннаго божества, нѣжный лунный свѣтъ, или шелестъ деревъ священной рощи, запахъ розы, пѣніе соловья, блескъ разноцвѣтной радуги. Со стороны современнаго изслѣдователя требуется самый поверхностный анализъ этихъ записанныхъ впечатлѣній, чтобы убѣдиться, что чувственныя воспріятія человѣка въ настоящее время представляются далеко не тѣми, какими они были у людей данной, отдаленной отъ насъ исторической эпохи.

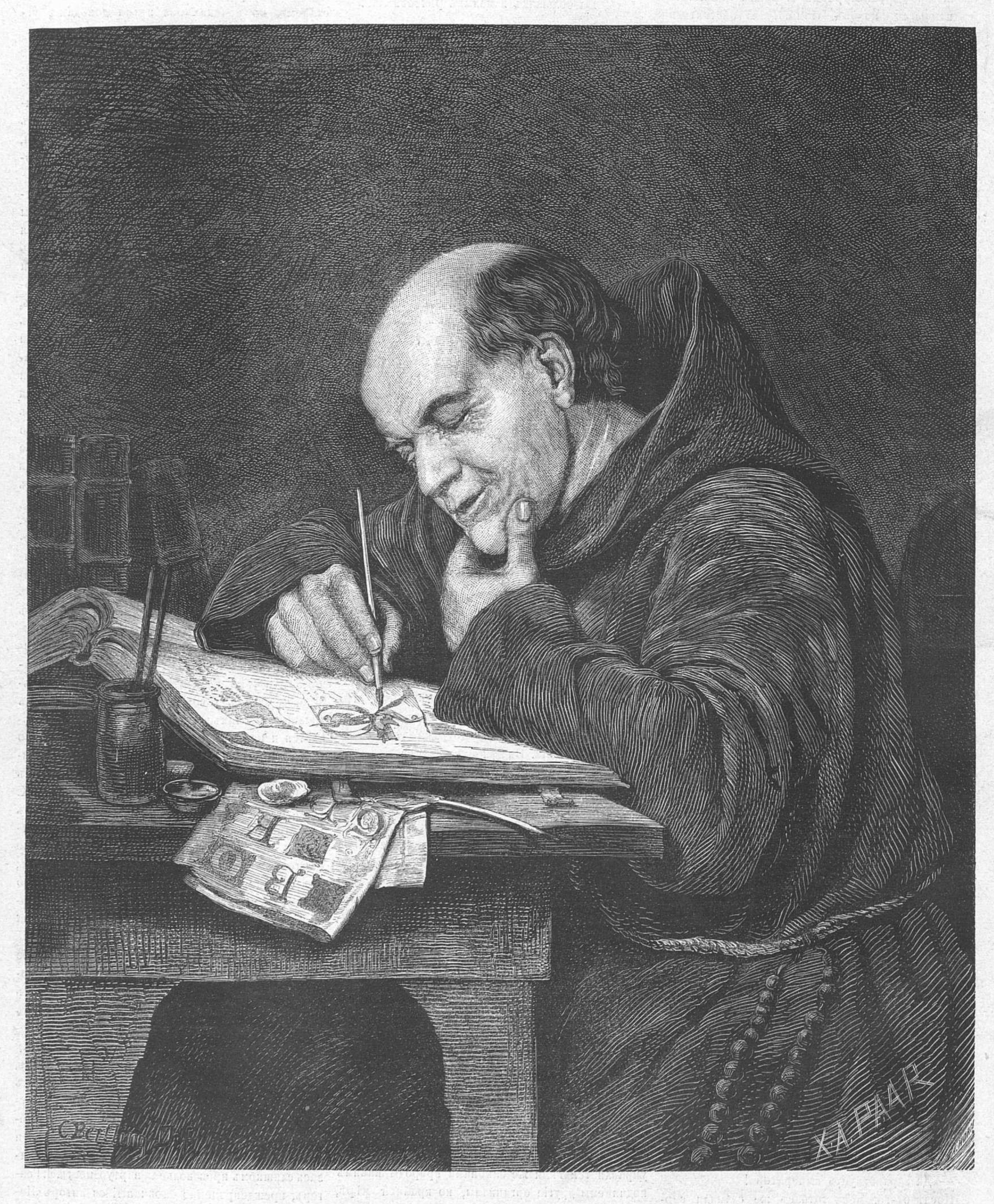
Но гораздо труднѣе представится задача тому, кто попытается согласовать историческія и естественно-научныя изслѣдованія; за то, при удачномъ выборѣ и группировкѣ фактовъ, доставляемыхъ тою и другою наукою, при умѣломъ ихъ освѣщеніи, получаются выводы, съ избыткомъ вознаграждающіе пытливую кропотливость изслѣдователя. Сказанное по преимуществу примѣняется къ предмету настоящей статьи. Въ самомъ дѣлѣ, не поразительно-ли то обстоятельство, что, какъ говоритъ Магнусъ, въ самыхъ древнихъ книгахъ ветхаго завѣта нигдѣ не встрѣчается и намека даже о запахѣ цвѣтовъ и только въ Соломоновой книгѣ «Пѣсней» впервые упоминается объ этомъ предметѣ. Великій художникъ Гомеръ называетъ цвѣты нѣжными (Одис. IX. 449), бѣлыми (Ил. XVII, 56), но, по словамъ Гладстона, Гомеръ нигдѣ не упоминаетъ о благоуханіи цвѣтовъ. Уже на основаніи этихъ только фактовъ, мы вполнѣ имѣемъ право предположить, что чувство обонянія у народовъ древности, по крайней мѣрѣ, у евреевъ и грековъ, было совершенно отлично по силѣ отъ того же чувства современнаго человѣка.

Прослѣдимъ же внимательнѣе эти письменные памятники древней культуры, эти духовные сокровища вымершихъ поколѣній и народовъ, и сгруппируемъ факты, касающіеся только однихъ свѣтовыхъ воспріятій.

Еще въ прошломъ столѣтіи ученые филологи обратили вниманіе на тотъ поразительный фактъ, что названіе красокъ въ твореніяхъ греческихъ и римскихъ классиковъ не вполнѣ соотвѣтствуютъ принятымъ у насъ опредѣленіямъ цвѣтности. Обыкновенно въ переводахъ греческихъ и латинскихъ словъ, означающихъ цвѣта, допускалась слишкомъ произвольная виртуозность. Л. Гейгеръ, преждевременно скончавшійся авторъ «Исторіи человѣческаго развитія», констатировалъ фактъ, что ни въ Ведахъ, ни въ книгахъ Зороастра «Зендавестъ», этихъ почтенныхъ и сѣдыхъ памятникахъ прошлаго Индіи и Ирана, нигдѣ не упоминается о зеленомъ цвѣтѣ. Въ Библіи, въ твореніяхъ Гомера и даже въ сравнительно новѣйшемъ Коранѣ, хотя весьма часто рѣчь идетъ

*) Canonum medicinae libri V. Падуа, 1493, поарабски въ Римѣ 1593.

КАРТИНА К. БЕРТЛИНГА.

Рисующій монахъ.

Рисовалъ на деревѣ І. Веле. Рѣзалъ на деревѣ Паaръ.

КАРТИНА І. ВЕЛЕ.

Въ саду.

Рѣзалъ на деревѣ **Пааръ.**

о небѣ, но нигдѣ къ нему не примѣняется эпитетъ «голубой». Этотъ цвѣтъ не имѣлъ своего особаго названія. И если у Гомера мы встрѣчаемъ слово κυάνεος, которое въ настоящее время въ нашихъ школахъ мы позволяемъ себѣ переводить словомъ «голубой» или «синій», то тѣмъ не менѣе, по мнѣнію лучшихъ филологовъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что это греческое слово въ сущности значитъ «темный», такъ какъ, въ противномъ случаѣ, трудно объяснить и понять приложеніе этого эпитета къ названіямъ предметовъ безусловно темныхъ. Также точно и «caeruleus» Виргилія равнозначуще въ сущности вышеприведенному греческому слову. Въ сочиненіяхъ Ювенала и Валерія Флакка можно указать много мѣстъ, на которыхъ оправдывается тожество caeruleus и niger.

Кромѣ опредѣленій чернаго и бѣлаго, темнаго и свѣтлаго, у Гомера встрѣчается еще опредѣленіе краснаго цвѣта (ἐρυθρός, ἐρυθαίνειν, καλλιπάρῃος, ῥοδόεις и ῥοδοδάκτυλος), а можетъ быть, даже желтаго. Но пѣсни Гомера не знаютъ цвѣтовъ зеленаго и голубого; Гомеръ не вспоминаетъ о синевѣ неба, о зелени луговъ, деревьевъ и лѣсовъ. Плиній говоритъ, что древніе живописцы пользовались лишь чернымъ, бѣлымъ, краснымъ и желтымъ цвѣтомъ. Изъ исторіи извѣстно также, что только красныя, пурпурныя одѣянія считались у древнихъ символомъ высокаго сана, эмблемою могущества и власти, и только позднѣйшіе письменные памятники, да и то весьма рѣдко, упоминаютъ о желтыхъ одѣяніяхъ; о зеленыхъ же и о голубыхъ нѣтъ нигдѣ и намека.

Радугу — эту разноцвѣтную ленту — древніе памятники письменности изображаютъ различно. Въ самыхъ древнихъ изъ нихъ не встрѣчается выраженій, на основаніи которыхъ можно было бы заключить, что древніе воспринимали и сознавали цвѣтность радуги; ее зовутъ «красною», «огненной». Въ книгѣ «Генезисъ» (9.13) не говорится о цвѣтности радуги: «Лукъ мой я положилъ на облакахъ и да будетъ онъ завѣтомъ между мной и землею». Изъ Библіи у Магнуса цитируется весьма любопытное мѣсто. Езекіилъ, надъ чудными берегами Хебара, серебристой лентой вьющагося по Месопотаміи, въ своемъ пророческомъ видѣніи говоритъ: «На тронѣ я видѣлъ ликъ (Бога), подобный человѣческому, и отъ бедръ до головы онъ уподоблялся раскаленному металлу, отъ бедръ же внизъ походилъ на огонь. А вокругъ былъ яркій блескъ. Какъ видъ радуги на тучахъ въ дождливый день, такимъ казался этотъ блескъ». И такъ есть основаніе предполагать, что органъ зрѣнія пророка воспринималъ свѣтовыя впечатлѣнія радуги преимущественно, если не исключительно, въ красномъ ея цвѣтѣ. Гомеръ, какъ говоритъ тотъ же Магнусъ, въ радугѣ видѣлъ только красный или пурпурный цвѣтъ (πορφυρέη Ил. XVII. 547.). Арабы зовутъ радугу «nadathon», т. е. красная, какъ заря. Между тѣмъ Ксенофанъ различаетъ уже три цвѣта радуги: красный (phoinikeon), пурпуровый (porhyreon) и желто-зеленый (chloron), а новѣйшая письменность изощряется въ описаніяхъ ея разнообразной окраски. Аристотель и Галенъ упоминаютъ тоже только о трехъ цвѣтахъ. То же самое мы находимъ въ арабской литературѣ и въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ народовъ запада. Въ Самундаръ-Эддѣ, около 1100 года переведенной изъ руновъ на латинскій языкъ, и изобилующей поэтическими образами, упоминается о черномъ, бѣломъ, красномъ, пурпуровомъ, желтомъ и блѣдно-желтомъ цвѣтахъ. Въ пѣсняхъ же средневѣковыхъ трубадуровъ Франціи и Германіи попадаются цвѣтовыя опредѣленія, совсѣмъ непонятныя намъ и неприложимыя къ извѣстному предмету. Такъ, напр., въ этихъ пѣсняхъ часто можно встрѣтить: «фіялковое озеро», а отсюда заключить, что поэтическіе трубадуры не имѣли вѣрнаго понятія о цвѣтѣ фіялки. Финскія, арамейскія и баскскія нарѣчія тоже не имѣютъ особаго понятія для опредѣленія голубого цвѣта. Такимъ образомъ, только новѣйшая сравнительно литература упоминаетъ о пяти, шести, семи цвѣтахъ и только Ньютонъ установилъ теорію спектра или теорію семи цвѣтовъ различной преломляемости.

И такъ, Гомеръ, этотъ несравненный художникъ, воспѣвая битвы героевъ и ссоры боговъ, рисуя «черныя» чувства людей, красоту моря и пылающую Трою, обладалъ лишь весьма ограниченными свѣтовыми воспріятіями. Зороастръ, описывая «горнія небесныя сферы», не упоминаетъ о краскахъ. Безъ сомнѣнія, и Гомеръ, и Зороастръ не промолчали бы относительно этого обстоятельства, если бы только ихъ органъ зрѣнія такъ же былъ чувствительнымъ къ свѣтовымъ воспріятіямъ, какъ у насъ. «Конечно, Гомеръ, говоритъ Гладстонъ (Der Farbensinn mit besonderer Berücksichtigung der Farbenkentniss des Homer, von W. E. Gladstone, Premier-Minister von Grossbritanien. 1878), не могъ сдѣлать этого лишь потому, что его органъ зрѣнія не былъ въ той же степени развитъ, какъ у насъ. Теперь трехлѣтній ребенокъ получаетъ болѣе сложныя и разнообразныя цвѣтовыя воспріятія и больше знаетъ о цвѣтахъ, чѣмъ, напр., Гомеръ — великій творецъ безсмертныхъ памятниковъ человѣческаго ума». Отсюда понятно, что способность различать цвѣта спектра, присущая органамъ зрѣнія современнаго человѣка, усвоена имъ только вѣками, путемъ продолжительнаго совершенствованія чувства зрѣнія, — совершенствованія, сдѣлавшагося затѣмъ наслѣдственнымъ.

Докторъ Гуго Магнусъ, извѣстный бреславльскій окулистъ, первый попытался доказать, что съ теченіемъ вѣковъ количество и качество свѣта, воспринимаемыя человѣческимъ глазомъ, были различны, что съ теченіемъ вѣковъ, глазъ изощрялся въ распознаваніи лучей различной длины свѣтовыхъ волнъ. Этотъ трудолюбивый изслѣдователь усердно собиралъ всѣ подробности, касающіяся окулистики и, дѣйствительно, усилія этого ученаго увѣнчались блестящими результатами. На основаніи собранныхъ и систематизированныхъ имъ фактовъ, Магнусъ пытается установить нѣсколько историческихъ періодовъ, которые прожилъ человѣкъ, пока онъ не научился различать три основныхъ цвѣта, изъ которыхъ образуются всѣ остальные и что, по теоріи Юнга Гельмгольца, принимается за нормальную дѣятельность сѣтчатой оболочки человѣческаго глаза. Но свѣтовыя воспріятія зависятъ, какъ извѣстно изъ оптики, во-первыхъ, отъ преломляемости лучей и, во-вторыхъ, отъ количества свѣта вообще относительно высоты колеблющейся волны. Эта способность свѣтовыхъ воспріятій въ настоящее время сдѣлалась наслѣдственною.

Въ первомъ періодѣ Магнуса, человѣкъ видѣлъ только ясное и темное, слабѣе или сильнѣе освѣщенные предметы. Уже Анаксагоръ, правда, только по предположенію, училъ, что въ самыя древнія времена люди не умѣли различать цвѣтовъ и только впослѣдствіи научились различать черное и красное, или черное и свѣтлое, или черное и бѣлое. Что понятія о свѣтломъ, красномъ и бѣломъ были въ близкомъ физіологическомъ родствѣ, въ пользу этого говоритъ, кромѣ физическихъ свойствъ лучей, потребныхъ для вызова впечатлѣній этихъ цвѣтовъ, еще и то обстоятельство, что въ Ригведахъ, какъ говоритъ Гейгеръ, понятіе о красномъ смѣшивается съ опредѣленіемъ бѣлаго цвѣта.

За этимъ первымъ періодомъ наступилъ второй, когда глазъ началъ воспринимать и различать первые цвѣта спектра Ньютона, т. е. красный, оранжевый и желтый. Тогда-то жили поэты гомеровскихъ пѣсней, или же самъ Гомеръ, незнавшій зеленаго и голубого цвѣта. Колоритъ пейзажа, которымъ услаждался глазъ гомеровскаго героя, былъ окрашенъ безцвѣтнымъ свѣтомъ или же желто-краснымъ блескомъ, подобно тому освѣщенію, которое мы наблюдаемъ при послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца, или же при зловѣщемъ освѣщеніи зарева пожара. И такъ человѣку этого второго періода небо казалось не голубымъ, а мѣдно-краснымъ, лѣса не были зелеными, луга казались темными, фіялки черными. Теперь легко понять, почему въ эти древнія времена цари любили одѣваться въ пурпуръ, почему этотъ цвѣтъ занимаетъ первенствующее мѣсто между другими и почему пурпурная краска обогащаетъ финикіянъ. Только пурпуръ, вслѣдствіе богатства лучей (количество свѣта) и длины волнъ этихъ лучей, рѣзко и рельефно выдѣлялся на общемъ темномъ или же бѣломъ (свѣтломъ) фонѣ и только пурпурная краска ласкала глазъ человѣка живостью своего цвѣта.

Третій періодъ Магнуса захватываетъ собою время, когда человѣкъ различаетъ уже зеленую окраску и близкіе къ желтому оттѣнки. Въ четвертомъ періодѣ, къ этимъ цвѣтамъ присоединяются цвѣта голубой и фіолетовый, и это именно современный намъ періодъ. Уже по одной аналогіи, мы имѣемъ полное право заключить, что мы отнюдь не достигли предѣловъ усовершенствованія свѣтовыхъ воспріятій, что современемъ родъ человѣческій вступитъ въ новый, пятый періодъ, когда глазъ станетъ отличать и воспринимать особые цвѣта, которые заключаются въ такъ называемой подфіолетовой части спектра. Эти лучи дѣйствуютъ весьма сильно химически; длина волнъ ихъ такъ незначительна, что глазъ получаетъ оптическія ощущенія лишь тогда, когда онъ нѣкоторое время передъ этимъ пробылъ въ темнотѣ и вслѣдствіе этого сталъ болѣе впечатлительнымъ къ свѣтовымъ воспріятіямъ (Экснеръ въ Вѣнѣ). Что преломляющія части глаза не совсѣмъ поглощаютъ подфіолетовые лучи, это фактъ, достаточно хорошо констатированный наукою (Brücke E. Die Pysiologie, I. 39. Ultraviolette Strahlen).

Кто занимался изслѣдованіемъ функцій органа зрѣнія, имѣя въ виду свѣтовыя воспріятія, тотъ легко можетъ убѣдиться, что и въ настоящее время не всѣ люди стоятъ на рубежѣ вышесказаннаго четвертаго магнусовскаго періода, такъ какъ встрѣчаются субъекты, органъ зрѣнія которыхъ индиферентно относится къ зеленому, голубому и фіолетовому цвѣтамъ. Въ то время, когда каждый, безъ затрудненія, можетъ отличать красный цвѣтъ отъ желтаго, желтый отъ зеленаго, т. е. имѣетъ хорошо усвоенную способность воспринятія краснаго, желтаго и, наконецъ, зеленаго цвѣта, — другіе цвѣта, какъ индиго, фіолетовый, многими часто смѣшиваются. Считаемъ долгомъ оговориться, что здѣсь мы не говоримъ о состояніи апериконсіи (дальтонизмъ), аріаноклепсіи прежней школы окулистовъ, или о патологическомъ состояніи никталопіи (scotoma для красныхъ лучей) и случаяхъ пораженія зрительнаго нерва. Даже незначительная перемѣна въ освѣщеніи влечетъ за собою ошибочное сужденіе о цвѣтѣ, лишь только дѣло коснется цвѣтовъ спектра съ короткими волнами. Мы не говоримъ здѣсь также объ искуственномъ освѣщеніи, при которомъ даже живописцы, по причинамъ чисто физическимъ, но не физіологическимъ, не отличаютъ зеленаго цвѣта отъ голубого. Но въ обыденной жизни люди, не различающіе коротковолнистыхъ цвѣтовъ, напр., фіолетоваго, не замѣчаютъ этого недостатка зрѣнія, такъ какъ они знаютъ изъ опыта, что извѣстный оттѣнокъ темно-синяго цвѣта называется фіоле

товымъ. Такъ ассистентъ при глазной клиникѣ въ Краковѣ, докторъ Эмануилъ Махекъ, работою котораго мы пользуемся въ настоящей статьѣ, упоминаетъ объ одномъ, знакомомъ ему, докторѣ-окулистѣ, который отъ свѣтло-зеленаго цвѣта спектра вплоть до фіолетовыхъ лучей все видѣлъ почти одинаково сѣрымъ, съ тою лишь особенностью, что, по мѣрѣ приближенія къ фіолетовому цвѣту, сѣрый цвѣтъ въ глазахъ его принималъ болѣе густой оттѣнокъ. Несмотря на это, онъ вѣрно называлъ цвѣта, зная, что другіе называютъ извѣстные видимые имъ оттѣнки сѣраго цвѣта, то голубымъ, то фіолетовымъ и т. д. цвѣтомъ. Изъ 118 наблюденій надъ людьми образованнаго класса и совершенно здоровыми тотъ же докторъ Махекъ нашелъ 6 человѣкъ, невидѣвшихъ разницы между фіолетовымъ, индиго и голубымъ. Вартманъ и Вильсонъ (Эдинбургъ) приводятъ аналогичные этимъ факты. Народы, стоящіе въ культурномъ отношеніи на низшихъ ступеняхъ развитія, такъ часто ошибаются въ распознаваніи коротковолнистыхъ красокъ, что этотъ фактъ не ускользнулъ отъ вниманія ученыхъ путешественниковъ. Такъ Бастіанъ (Zeitschrift für Ethnologie. Гластонъ loc. cit. стр. 12). говоритъ, что племена, обитающія въ Бирмѣ, часто не отличаютъ зеленаго отъ голубого.

Въ настоящей статьѣ мы уже нѣсколько разъ упомянули имя Гладстона. Знаменитый бывшій премьеръ-министръ Великобританіи и лордъ-ректоръ глазговскаго университета, а теперь вождь парламентской оппозиціи, В.-Е. Гладстонъ послѣдовалъ за славной традиціей государственныхъ людей своей страны, въ родѣ, напр., извѣстнаго лорда графа де-Сентъ Альбанъ-Бэкона веруламскаго и другихъ, съумѣвшихъ совмѣстить въ своихъ особахъ мудрость государственныхъ дѣятелей со славой великихъ ученыхъ и писателей. И Дизраэли, лордъ Биконсфильдъ и премьеръ-министръ Великобританіи, тоже пользуется заслуженною извѣстностью въ области наукъ и литературы. Когда Гладстонъ долженъ былъ уступить свой постъ Дизраэли, то все-таки на немъ осталась слишкомъ отвѣтственная тяжесть вождя оппозиціи; казалось бы, что самая страстность парламентской борьбы должна бы была всецѣло заглушить всѣ иные порывы; но Гладстонъ съ честью умѣетъ служить и интересамъ своей партіи, и интересамъ своей любимой науки—археологіи. Результатомъ этихъ научныхъ занятій явилось новое сочиненіе Гладстона, въ которомъ онъ высказывается въ смыслѣ магнусовской теоріи прогрессированія цвѣтовыхъ воспріятій.

Еще прежде, изучая Гомера, Гладстонъ замѣтилъ, что хотя Гомеръ мастерски описывалъ впечатлѣнія, вызванныя большею или меньшей силой свѣта въ освѣщеніи различныхъ предметовъ, но что касается цвѣтовыхъ воспріятій, то у того же Гомера замѣтна значительная сбивчивость понятій и неточность опредѣленій и, упоминая весьма рѣдко вообще о цвѣтности, онъ вовсе умалчиваетъ о нѣкоторыхъ цвѣтахъ. Такъ Гомеръ говоритъ о черныхъ страданіяхъ, о душѣ, покрытой ночнымъ мракомъ, объ ясномъ громѣ, о сверканіи оружія, котораго блескъ ударяется въ небо, объ улыбкѣ земли отъ ярко сверкавшаго оружія (Иліада XIX, 362). На этомъ основаніи уже и тогда (1858 г.) казалось Гладстону, что вышеприведенное обстоятельство проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на развитіе человѣческихъ ощущеній и на законъ наслѣдственнаго развитія послѣднихъ; на томъ-же основаніи Гладстонъ высказалъ мысль, что Гомеръ различалъ цвѣта радуги лишь весьма несовершенно. Въ настоящее время, опираясь на изслѣдованія нѣсколькихъ нѣмецкихъ физіологовъ, филологовъ и оріенталистовъ и высказываясь о теоріи Магнуса, Гладстонъ говоритъ, что «весьма трудно сдѣлать вѣрное заключеніе о существѣ свѣтовыхъ воспріятій Гомера, но, во всякомъ случаѣ, кажется, что Магнусъ приписываетъ Гомеру способность распознаванія цвѣтовъ въ значительно болѣе совершенной степени, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ».

И такъ, Гладстонъ, авторитетъ весьма солидный по отношенію къ Гомеру, думаетъ, что «сѣтчатая оболочка глаза грековъ вѣка Гомера была впечатлительна лишь къ количеству свѣта, слѣдовательно отличала темное отъ свѣтлаго, но ощущенія цвѣтности почти не существовало». Вотъ почему Гомеръ говоритъ о блескѣ вина, которое сверкаетъ и искрится, когда его взбалтывать и разсматривать передъ свѣтомъ. Если же вино стоитъ спокойно, то оно кажется темнокраснымъ и даже чернымъ, такъ какъ оно въ этомъ состояніи мало отражаетъ и много поглощаетъ свѣтовыхъ лучей. На этомъ основаніи Гладстону кажется, что время Гомера слѣдовало бы помѣстить на рубежѣ перваго и второго періодовъ Магнуса, что, впрочемъ, совершенно согласно съ теоріей Томаса Юнга и Гельмгольца; человѣкъ, различающій лишь одинъ изъ основныхъ цвѣтовъ, въ сущности, не имѣетъ понятія о цвѣтности, хотя онъ и замѣчаетъ извѣстную разницу, извѣстный оттѣнокъ между отраженными лучами различной длины волнъ. Гладстонъ тщетно искалъ у Гомера названій другихъ цвѣтовъ, кромѣ бѣлаго и чернаго. Правда, Гомеръ говоритъ о крови Менелая, что она φοῖνξ, но этотъ же эпитетъ онъ прилагаетъ и къ молодому коню, и къ молодой пальмѣ; слѣд., здѣсь рѣчь идетъ «скорѣе о какомъ-нибудь оттѣнкѣ свѣта, чѣмъ объ отдѣльномъ физіологически воспринятомъ цвѣтѣ». Еще труднѣе рѣшить, что подразумѣваетъ Гомеръ подъ словомъ πορφύρεος, которое мы обыкновенно переводимъ «красный». Этимъ эпитетомъ снабжены у Гомера одѣяніе, ковры, даже траурная одежда; этимъ же словомъ онъ опредѣляетъ радугу, тучи, море, волны, смерть и, наконецъ, боязнь. Правы-ли мы, переводя это слово словомъ «красный?» спрашиваетъ Гладстонъ. Вообще отношеніе словъ, опредѣляющихъ понятіе объ ясномъ и темномъ, къ тѣмъ словамъ, которыя служатъ опредѣленіями понятій цвѣтности (и то только краснаго и желтаго цвѣтовъ), для Одиссеи выражается цифрами 103 : 31, а для Илліады 150 : 58.

Но если съ теченіемъ вѣковъ наши чувства совершенствуются и облагораживаются, то трудно себѣ представить, какъ безгранично можетъ раздвинуться кругозоръ человѣческаго познаванія. Съ теченіемъ времени нашъ органъ зрѣнія, очень вѣроятно, станетъ воспринимать впечатлѣніе тепловыхъ лучей спектра, которые мы теперь только ощущаемъ, но не видимъ; точно также глазъ научится воспринимать подфіолетовые лучи спектра, о которыхъ мы теперь судимъ лишь по тѣмъ химическимъ процессамъ, которые совершаются при воздѣйствіи этихъ лучей. Паралельно съ зрѣніемъ будутъ прогрессировать и другія наши чувства, и современемъ, пожалуй, получатъ нѣкоторую реальную правдоподобность слова поэта, и мы будемъ въ состояніи внять

неба содроганье
И горнихъ ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье...

А слова Авиценны, осмысленные и доказанные устами корифеевъ новѣйшей школы естествоиспытателей, должны постоянно напоминать намъ, что въ природѣ все совершенствуется и что человѣческій умъ безповоротно подвигается впередъ по пути къ источнику знанія, свѣта и правды. Иногда безжалостная рука времени и сила историческихъ событій обрываетъ въ рукахъ извѣстнаго народа безконечную нить знанія, но проходятъ вѣка умственнаго застоя, мрака и невѣжества, и другой народъ схватываетъ оборванную пряжу и продолжаетъ славную вѣковую работу. Все, что было плодомъ умственной жизни египтянъ, грековъ или арабовъ, спустя тысячи лѣтъ, гдѣ-нибудь на западѣ или на сѣверѣ, извлекается изъ мрака и совершенствуется потомкомъ какого-нибудь варвара. Вотъ почему человѣчество, смотря на извилистые пути, по которымъ шествовало человѣческое знаніе, имѣетъ право вѣрить и надѣяться на окончательную побѣду правды и свѣта — надъ мракомъ.

Рисующій монахъ.

(См. рис. на стр. 480.)

Извѣстно, что средневѣковые монахи оказали значительныя услуги цивилизаціи. Ихъ неусыпнымъ трудамъ обязаны мы нашимъ знакомствомъ съ древнимъ міромъ. Они тщательно переписали каждую страницу древнихъ классиковъ, и до насъ дошло бы очень мало изъ твореній Гомера, Платона, Аристотеля, Цицерона и Тацита, если бы средневѣковые монахи не позаботились о сохраненіи ихъ. Но какая перемѣна совершилась съ тѣхъ поръ въ книжномъ дѣлѣ! Скоропечатные станки впродолженіи какого-нибудь часа исполняютъ работу, на которую несчастные труженики монахи употребили бы цѣлыя десятилѣтія. Да, это была медленная, утомительная работа вполнѣ соотвѣтствующая праздной, созерцательной жизни. Монахи работали, не торопясь, и выполняли отдѣльныя страницы или буквы съ особенною любовью и стараніемъ. Этой-то любви и преданности дѣлу мы обязаны несравненными заглавными буквами и миніатюрами, нерѣдко украшающими древнія рукописи. Художникъ Бертлингъ изобразилъ на своей картинѣ такого рисующаго монаха; выразительная голова его выполнена такъ отчетливо, какъ будто бы самъ художникъ—монахъ, которому предстояло нарисовать прекрасную миніатюру.

Діана.

(Повѣсть **Каролины Гравьеръ**.)

(*Продолженіе*.)

Глава III.

Г-жа Фассенъ съ нервнымъ нетерпѣніемъ ожидала Діану и встрѣтила ее въ сѣняхъ.

— Наконецъ, ты явилась, красавица. Отосланная тобою карета уже давно пріѣхала и слава Богу, что кучеръ догадался взять твой багажъ. Что это за исторія съ двоюроднымъ братомъ и откуда тебѣ вошла въ голову фантазія гулять по полямъ?

— Очень просто, тетушка; я случайно встрѣтила единственнаго моего двоюроднаго брата со стороны матери и очень была рада возобновить съ нимъ знакомство.

— Къ чему ты это дѣлала? съ подобными людьми не надо знаться, и еслибъ твой отецъ узналъ объ этой выходкѣ, то былъ бы очень недоволенъ... Пойди къ себѣ въ комнату и займись туалетомъ; жаръ и пыль совершенно испортили твой цвѣтъ лица и тебѣ такъ нельзя показываться.

— Вся прелесть деревни заключается именно въ томъ, что не надо заботиться о туалетахъ, отвѣчала Діана, слѣдуя за теткой.

— Вы, кажется, капризничаете, моя милая, замѣтила старуха,—но вы одержите побѣду надъ сердцемъ лорда Эліаса, противъ собственнаго желанія. Побѣды, одержанныя такимъ образомъ, самыя надежныя.

Съ этими словами она повлекла молодую дѣвушку въ уборную и стала сама одѣвать ее. Дорожное платье быстро упало на полъ и распущенные волосы покрыли бѣлыя плечи Діаны. Искусныя руки въ нѣсколько минутъ одѣли ее

съ ногъ до головы и Діана явилась въ полномъ бальномъ костюмѣ.

— Но, тетушка, говорила она, протестуя противъ этого насильственнаго туалета,—я смѣшна въ деревнѣ въ этомъ бальномъ платьѣ декольте, со шлейфомъ.

Въ семь часовъ вечера Діана Ксантисъ появилась въ большой столовой замка. Ставни были закрыты, свѣчи зажжены; столъ сіялъ хрусталемъ и цвѣтами. Нѣкоторые изъ сосѣдей, приглашенные г-жею Фассенъ, составляли фонъ блестящей картины, на первомъ планѣ которой виднѣлась сама хозяйка, съ торжествомъ обозрѣвавшая постановку пьесы, имѣющей быть разыгранной подъ ея руководствомъ. Г-жа Фассенъ была гордая, высокомѣрная лицемѣрка, которая, имѣя небольшое состояніе, всю жизнь разыгрывала комедію богатства и счастья, благодаря чему въ ней чрезвычайно развился духъ интригъ. Вдова и безъ дѣтей, она цѣлый годъ жила въ своемъ небольшомъ помѣстьѣ, приносившемъ нѣсколько тысячъ дохода; въ этой дикой странѣ не дорого было поддерживать аристократическія замашки. Конечно, въ честь ея не устраивались турниры и единоборства, но за то она была дѣятельнымъ членомъ воинствующей церкви. Она никого не любила, но съ пламеннымъ жаромъ защищала классъ общества, къ которому себя причисляла.

При театральной обстановкѣ, Діана, взволнованная всѣми событіями дня и оскорбленная позорною ролью, которую ее заставляли разыгрывать, произвела на лорда Эліаса впечатлѣніе геніальныхъ картинъ, передъ которыми невольно говорятъ вполголоса.

Лордъ Эліасъ былъ настоящій типъ англійскаго аристократа, до того гордаго, что онъ одинаково учтиво обходится съ нищимъ и герцогомъ, до того богатаго, что прикрываетъ своимъ именемъ самыя эксцентричныя фантазіи. Аристократія, неимѣющая предразсудковъ, произрастаетъ только на великобританской почвѣ; другія націи не могутъ слѣдовать ея примѣру и даже не понимаютъ ее. Физически, Эліасъ былъ человѣкъ не молодой, но въ томъ дипломатическомъ возрастѣ, когда появленіе старости искусно и почти безконечно отсрочивается косметическими средствами, виндзорскимъ мыломъ, жесткими щетками и т. д. Въ нравственномъ отношеніи, онъ былъ дилетантъ, любитель и знатокъ всякихъ рѣдкостей, начиная отъ свѣжаго гороха въ январѣ, до послѣднихъ театральныхъ звѣздъ. Его умъ развился серьезными занятіями и путешествіями, такъ какъ невѣжество въ Англіи не считается признакомъ хорошаго тона. Какъ всѣ его соотечественники, онъ не отличался изящнымъ вкусомъ въ вопросахъ искусства, но, по выраженію графа Ксантиса, былъ настоящимъ артистомъ только въ отношеніи женщинъ и лошадей.

Нельзя положительно сказать, чтобъ онъ очень любилъ женщинъ, но достовѣрно, что онъ не зналъ женщины и обожалъ красоту. Въ этомъ заключался его курсъ эстетики. Еслибъ онъ встрѣтилъ живую Венеру Милосскую, то предложилъ бы ей свою руку, ни мало не думая унизиться подобнымъ бракомъ. Съ перваго взгляда на Діану, онъ поставилъ ея красоту на ряду съ геніальными произведеніями классическаго искуства, но въ то же время взглянулъ на нее съ высокомѣріемъ человѣка, который знаетъ, что его карманы туго набиты золотомъ, и что очень многое продается съ публичнаго торга.

Передъ обѣдомъ, лордъ Эліасъ былъ оффиціально представленъ Діанѣ, такъ что, сидя за столомъ рядомъ съ нею, могъ разговаривать сколько угодно.

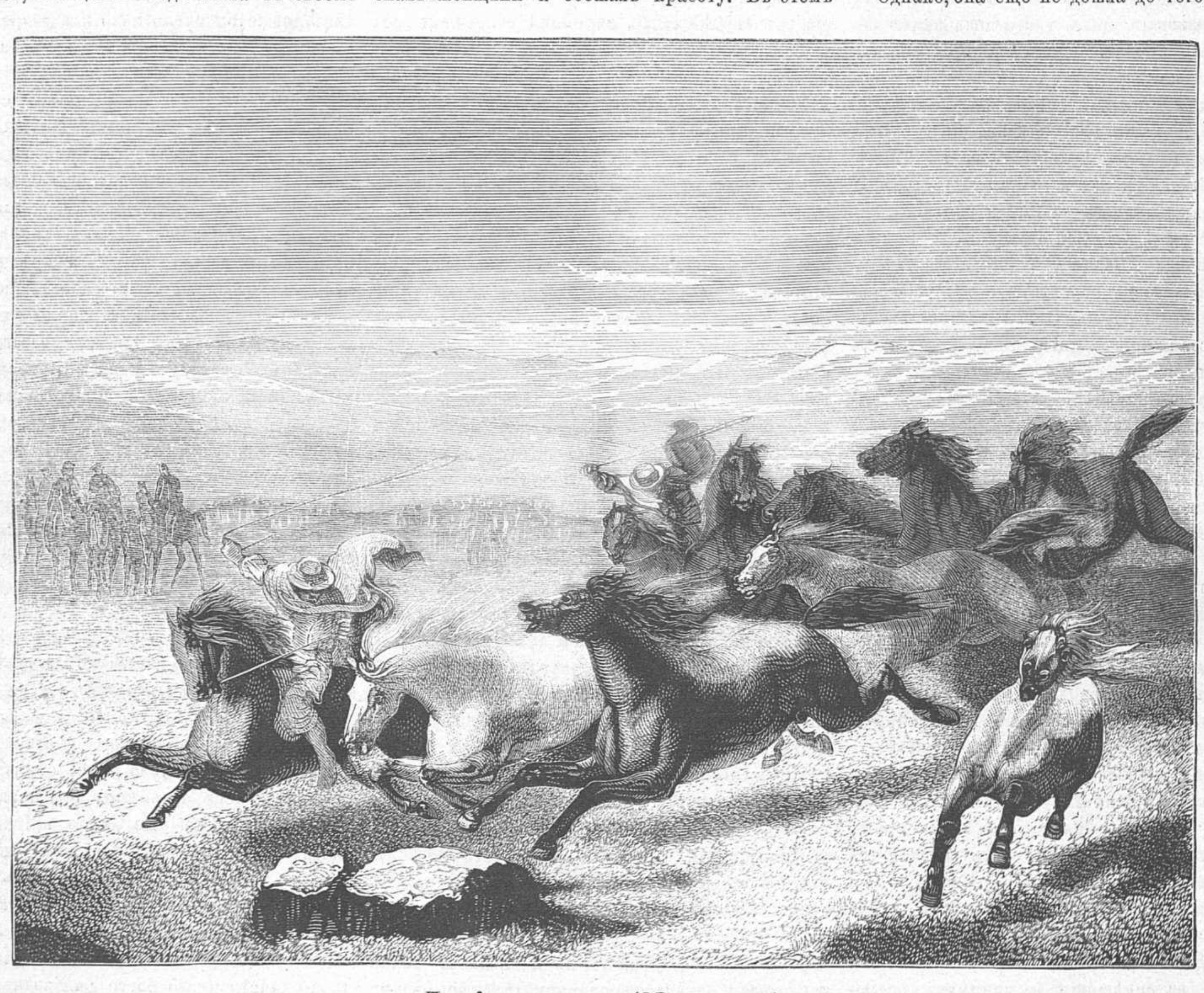
— Отвѣчай ему по англійски, шепнула г-жа Фассенъ своей племянницѣ.

Діана повиновалась, но съ холодной учтивостью, что только возвысило ее въ глазахъ лорда Эліаса и придало ей оттѣнокъ настоящей англійской леди. Впрочемъ, ему не было никакого дѣла до чувствъ и идей молодой дѣвушки; онъ изучалъ только гармонію ея жестовъ, позъ и чертъ лица; онъ хотѣлъ убѣдиться лишь въ томъ, что никакое движеніе бровей или рта не нарушали ея пластической красоты. Онъ не слушалъ ее, а смотрѣлъ, какъ она говоритъ.

Діана вполнѣ понимала какому экзамену она подвергалась и видѣла, что результатъ вполнѣ удовлетворителенъ. Она приняла на себя холодный, презрительный видъ статуи, нисходящей съ своего пьедестала. Контрасты, которые она видѣла въ этотъ день, были живыми, нравственными уроками для нея. За нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, на чистомъ воздухѣ, подъ блестящими лучами солнца, она восторгалась героями свободной трудовой жизни, а теперь, въ спертой атмосферѣ обѣденной залы, она видѣла комедію роскоши и суеты. Все, окружающее ее, казалось ложью, все, что она слышала, звучало въ ея ушахъ какъ-то глухо, безсмысленно.

Однако, она еще не дошла до того, чтобъ мечтать о чемъ-нибудь опредѣленномъ и едва приводила въ порядокъ свои воспоминанія. Она просто входила во владѣніе своей собственной особой и этимъ самымъ актомъ свободной воли, становилась на недостижимую высоту. Подобно тому, какъ самая малѣйшая случайность открываетъ людямъ иногда ихъ призваніе, встрѣчи съ честнымъ энергичнымъ человѣкомъ было достаточно, чтобъ Діана открыла въ себѣ и сильный характеръ и сильную волю.

Послѣ обѣда, пока гости пили кофе, лордъ Эліасъ удалился въ уединенный уголъ гостинной и тамъ, вынувъ изъ кармана украденный имъ портретъ Діаны, предался подробному сравненію его съ оригиналомъ и съ лежавшей передъ нимъ на столѣ гравюрой извѣстной статуи Діаны Пуатье, работы Жана Гужона. Дѣйствительно, сходство было поразительное; двѣ сестры близницы не могли походить другъ на друга болѣе, чѣмъ изображеніе Діаны Пуатье и портретъ Діаны Ксантисъ. Англичанинъ, наконецъ, нашелъ прак-

Дикія лошади (Мустанги).

тическое олицетвореніе своей артистической мечты.

— Еслибъ я былъ король, сказалъ онъ шопотомъ, подходя къ г-жѣ Фассенъ,—я сдѣлалъ бы ее королевой; но лордъ можетъ сдѣлать только леди.

Ночью, укладывая спать молодую дѣвушку г-жа Фассенъ торжественно поцѣловала ее и охотно бы благословила ее.

— Жена англійскаго пэра, воскликнула она;— что-то скажетъ наша бельгійская аристократія? Ты знаешь, что замокъ Линъ почти королевская резиденція и жена лорда Эліаса, въ качествѣ герцогини Линъ, имѣетъ право нести шлейфъ королевы Викторіи?

Діана хранила холодное молчаніе.

Въ тотъ же вечеръ ея тетка написала графу, что дѣла идутъ прекрасно и она проситъ оставить Діану въ Сартлупѣ на недѣлю, такъ какъ лордъ Эліасъ обѣщалъ погостить еще нѣсколько дней. По окончаніи этого срока, она была увѣрена въ побѣдѣ.

Но дѣла пошли еще скорѣе, такъ какъ г-жа Фассенъ не понимала на сколько можно надѣяться на англійскую эксцентричность. На слѣдующее утро лордъ Эліасъ, герцогъ Линъ, оффиціально просилъ руки Діаны въ самыхъ почтительныхъ и восторженныхъ выраженіяхъ. Г-жа Фассенъ взяла на себя переговорить съ племянницей и побѣжала къ ней, думая, что молодая дѣвушка упадетъ въ обморокъ отъ радости.

— Никогда, отвѣчала Діана, — никогда я не соглашусь, чтобъ на мнѣ женился человѣкъ такъ же безцеремонно, какъ покупаютъ картины или статуи.

Эти слова возбудили гнѣвъ г-жи Фассенъ; но видя, что милліоны не ослѣпляютъ молодую дѣвушку, она принялась за угрозы и инсинуаціи, а потомъ стала распространяться о долгѣ дочери, объ отчаянномъ положеніи отца, о разореніи семейства, о чести имени и т. д. Она приводила всѣ доводы, которыми обыкновенно убѣждаютъ молодую дѣвушку продать свою красоту; она терзала ея сердце ея же собственными орудіями, взывая къ совѣсти и чести; но Діана осталась непоколибимой въ своей рѣшимости.

Лордъ Эліасъ тщетно умолялъ о свиданіи съ Діаной и уѣхалъ изъ Сартлупа, не видѣвшись съ нею.

Въ ту минуту, какъ молодая дѣвушка хотѣла возвратиться въ Брюссель, она получила письмо отъ отца, которое къ величайшему ея изумленію привезъ ея братъ Гастонъ. Графъ Ксантисъ отвѣчалъ на извѣстіе о неудачѣ брака по капризу Діаны страшной вспышкой гнѣва. По его словамъ, ея поведеніе было чисто буржуазное, она забыла честь своего имени и поступила, какъ достойная представительница семейства своей матери, къ которому онъ и совѣтывалъ ей обратиться за покровительствомъ послѣ неминуемой катастрофы. Страшная кара неблагодарной дочери не заставитъ себя ждать. Требованія Ланграна о возвратѣ фондовъ нанесло графу послѣдній ударъ и лишало его возможности поддерживать свое положеніе. Ему ничего не оставалось, кромѣ попытки выиграть большую сумму денегъ въ рулетку въ Баденѣ или Гамбургѣ, втеченіи тѣхъ немногихъ недѣль, которыя оставались до срока векселей.

Діана чувствовала себя еле живой. Каждая минута приближала ея отца все ближе и ближе къ погибели. Что станется съ ними? Въ горѣ и отчаяніи она не сожалѣла о своемъ отказѣ лорду Эліасу, но спрашивала, не слѣдовало-ли принести себя въ жертву близкимъ людямъ. Но въ минуты сомнѣнія, какой-то тайный голосъ шепталъ ей, что долгъ никогда не можетъ идти далѣе границъ совѣсти и что всѣмъ можно жертвовать ради семейства, кромѣ своимъ существомъ.

До полученія новаго письма отъ отца, необходимо было оставаться въ Сартлупѣ и выносить гнѣвныя выходки г-жи Фассенъ. Діана рѣшилась, хотя бы на сутки окунуться въ сельскую жизнь, какъ человѣкъ погружается въ воду, послѣ прикосновенія къ чему-нибудь нечистому. Она знала, что въ Брюсселѣ ей снова надо будетъ подчиниться всѣмъ ограниченіемъ свѣтской жизни. Она вспоминала прогулку съ двоюроднымъ братомъ, Жаномъ Десвартомъ. Она встала въ пять часовъ утра и отправилась въ паркъ; но онъ показался ей театральной декораціей, а цвѣты искуственными; это была природа умаленная, приглаженная, налакированная. Какъ далекъ былъ тотъ прекрасный день, когда Діана жадно впивала въ себя чистый воздухъ и мужественную теорію о свободѣ воли, которая поддержала ее во время вчерашняго испытанія. Но какъ все измѣнилось. Дождикъ покрылъ траурной дымкой всю природу. Черныя тучи и сырость не дозволяли выйдти въ садъ или въ поле. Приходилось оставаться въ комнатахъ, читать избранныя богословскія сочиненія, выслушивать укоры г-жи Фассенъ, смотрѣть на скуку Гастона и съ безпокойствомъ ожидать извѣстій о графѣ Ксантисѣ. Смѣлая храбрость въ бою ничто въ сравненіи съ хладнокровнымъ мужествомъ, необходимымъ въ подобномъ случаѣ.

Наконецъ, пришло письмо отъ отца изъ Бадена, съ черной печатью, адресованное сыну, такъ какъ онъ говорилъ, что у него болѣе не было дочери. Это жестокое, варварское письмо было написано черезъ десять минутъ послѣ рокового оборота рулетки, унесшаго его послѣднія тысячи франковъ и создавшаго ему долгъ въ двадцать пять тысячъ. Онъ не выражалъ никакихъ упрековъ, не объяснялъ своихъ плановъ, а только выражалъ прямо, что онъ погруженъ въ бездну, изъ которой выхода не было; онъ давалъ наставленіе сыну, какъ вести себя благороднымъ человѣкомъ, т. е. спортсменомъ, ничего не дѣлающимъ и презирающимъ всѣхъ. Письмо оканчивалось сѣтованіемъ, что всѣ его надежды спасти одно изъ лучшихъ имень Бельгіи не исполнились.

Это письмо повергло всѣхъ обитателей Сартлупа въ отчаянное безпокойство. Спустя сутки была получена телеграмма.

Графъ Ксантисъ застрѣлился.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Ловля дикихъ лошадей въ Америкѣ.

По общепринятому мнѣнію, дикія лошади американскихъ степей происходятъ отъ европейской породы. Названіе «мустангъ», подъ которымъ извѣстны дикія лошади, какъ въ сѣверной, такъ и въ южной Америкѣ, ничто иное, какъ испорченное испанское слово mesteno (отъ mesta, пастбище). Въ Мехикѣ и пограничныхъ съ нею частяхъ сѣверо-американскихъ штатовъ, мустанги еще въ большомъ употребленіи, хотя они начинаютъ уже замѣняться болѣе усовершенствованными конскими породами. Обширныя югозападныя степи все еще населены громадными табунами мустанговъ, и ловля ихъ составляетъ важный промыслъ для мехиканцевъ и другихъ жителей Америки. Главнымъ орудіемъ при поимкѣ дикой лошади служитъ лассо, но иногда, при благопріятной мѣстности, животныхъ просто загоняютъ въ огороженное пространство. Искуство мехиканцевъ въ набрасываніи лассо по истинѣ изумительно, но и другіе американцы не уступаютъ имъ въ этомъ отношеніи. При такомъ способѣ ловли дикой лошади, или другого животнаго, играетъ важную роль та прирученная лошадь, на которой сидитъ наѣздникъ. Сѣдло должно быть очень прочное и прикрѣпляется самыми надежными подпругами. Одинъ конецъ лассо (длина всего лассо 30—40 фут.), прикрѣпляется къ сѣдлу, и когда охотникъ накидываетъ лассо, что дѣлается на полномъ галопѣ, и петля падаетъ на шею намѣченнаго животнаго, то прирученная къ дѣлу лошадь, какъ бы сама заинтересовывается успѣхомъ охоты. Въ тотъ моментъ, какъ мустангъ заарканивается, лошадь «собирается», стараясь представить возможное сопротивленіе для борьбы.

Видъ большихъ дикихъ табуновъ великолѣпенъ, по разсказамъ путешественниковъ; но иногда это зрѣлище сопровождается неожиданными эпизодами. «Мы выѣхали, разсказываетъ одинъ туристъ, изъ мѣстечка «Тѣло Господне» въ Техасѣ и странствовали уже дней пять по преріи, не встрѣтивъ ни одного мустанга, такъ что стали даже сомнѣваться въ существованіи дикихъ лошадей и признали ихъ, наконецъ, положительнымъ мифомъ. Но на шестое утро, мы почти внезапно очутились среди громаднаго табуна. На всемъ пространствѣ, обнимаемомъ глазомъ, были видны лошади,—не только сотни, но тысячи лошадей! Сначала, онѣ паслись спокойно, но, завидѣвъ насъ, приподняли головы и стали на насъ смотрѣть. Можетъ быть, вниманіе ихъ было особенно привлечено нашими фурами и бѣлыми попонами нашихъ муловъ, но имъ очевидно захотѣлось познакомиться ближе съ невиданными доселѣ предметами и онѣ стали подвигаться къ намъ, раздѣлясь на эскадроны, полки и цѣлыя дивизіи, и описывая, на всемъ скаку, болѣе и болѣе тѣсные круги, центромъ которыхъ служили мы съ нашими мулами. Картина была великолѣпная: благородныя животныя, съ ихъ развѣвающимися гривами и хвостами, были необыкновенно красивы, но намъ пришлось любоваться всею этою сценой очень недолго. Мулы, вслѣдствіе своей извѣстной симпатіи къ лошадямъ, пришли въ восторженное состояніе и скоро совершенно забыли всякую субординацію. Не было никакой возможности удержать ихъ на мѣстѣ; мы принялись было стрѣлять изъ ружей и пистолетовъ, чтобы испугать мустанговъ и заставить ихъ удалиться; эта мѣра подѣйствовала, но лишь только мустанги шарахнулись прочь, наши мулы кинулись тоже вслѣдъ за ними. Тогда началось нѣчто, превосходящее всѣ замѣчательнѣйшія скачки въ мірѣ. Болѣе пятидесяти обезумѣвшихъ муловъ неслись, закусивъ удила, а за ними, тоже обезумѣвъ отъ гнѣва, скакали проводники—техасцы; мулы ржали, техасцы ругались, но ни крики ихъ, ни весьма энергическія увѣщанія бичами не помогали бѣдѣ. Прекратилась эта фантастическая скачка лишь въ то время, когда мулы, пронесясь во весь карьеръ, нѣсколько миль, выбились изъ силъ окончательно и сами остановились; мустанги были уже далеко и исчезли съ нашихъ глазъ такъ же быстро, какъ появились».

Къ рисункамъ.

Наши читатели уже знакомы отчасти съ талантомъ Людвига Кнауса, картины котораго появлялись не разъ на страницахъ нашего журнала. Изъ многочисленныхъ произведеній этого высокодаровитаго художника, картина, помѣщаемая нами въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала, возбудила едва-ли не самое живое удивленіе; она появилась впервые на художественной выставкѣ въ Берлинѣ, въ 1862 году; зрителей сразу поразили достоинства этого произведенія, отличающагося свѣжестью, бодростью и замѣчательнымъ искуствомъ мастера; въ обществѣ начали ходить толки о баснословныхъ цѣнахъ, которыя предлагаются художнику за эту картину, которую вскорѣ пріобрѣлъ Леонаръ Рейхенгеймъ. Берлинская публика удивлялась тѣмъ успѣхамъ, которые сдѣлалъ Кнаусъ въ промежутокъ десяти

или двѣнадцати лѣтъ: когда въ 1850 году онъ представилъ на берлинскую выставку свои первыя картины,—его почти не замѣтили или, лучше сказать, замѣтили только немногіе знатоки и любители, теперь же его достоинства стали ясны для всѣхъ. Этимъ успѣхомъ онъ обязанъ былъ своему пребыванію въ Парижѣ: восемь лѣтъ работы въ Парижѣ сдѣлали его первоклассньмъ европейскимъ художникомъ и парижане первые рукоплескали даровитому нѣмцу. Простота, поэзія, выразительная экспрессія лицъ, прекрасный колоритъ, основательное знакомство съ рисункомъ и крайняя свѣжесть замысла, вотъ отличительныя черты картинъ Кнауса; онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ юмористовъ, которые умѣютъ всегда вызвать добродушную улыбку на лицо зрителя; это сторона таланта Л. Кнауса повторяется изъ всѣхъ современныхъ художниковъ развѣ только у Вотье, съ которымъ наши читатели также нѣсколько знакомы, такъ какъ у насъ въ журналѣ были помѣщены «Разссорившіеся шахматные игроки». Кнаусъ и Вотье въ живописи напоминаютъ Эркмана и Шатріана въ литературѣ. Добродушный и здоровый юморъ этихъ художниковъ, главнымъ образомъ, способствуетъ тому, что они сдѣлались любимцами всей Европы. Всмотритесь попристальнѣе въ выраженія всѣхъ этихъ лицъ: сколько комизма въ мальчуганѣ, закусившемъ краюху хлѣба, въ старикѣ, дѣлающемъ сладкую улыбку, смотря на ребенка, въ дѣвочкѣ, поднявшейся на цыпочки передъ младенцемъ, въ парнѣ, усердно истребляющемъ чай. Чѣмъ пристальнѣе всматриваешься въ эту картину, тѣмъ сильнѣе впадаешь въ какое-то благодушное настроеніе и не можешь воздержаться отъ улыбки... ну, хоть бы смотря на забытую всѣми собаченку, выставившую изъ-подъ скатерти свою лохматую морду съ высунутымъ языкомъ..

Въ другой, не столь счастливый міръ переносятъ насъ два рисунка изъ русской жизни: эти рисунки сдѣланы къ небольшому стихотворному разсказу г. А. Михайлова «Дѣдъ и внукъ». Разсказъ очень простъ и мы передадимъ вкратцѣ его содержаніе. Авторъ говоритъ:

Не было въ старые годы
Школы въ деревнѣ у насъ;
Нанятъ былъ нами учитель,
Только какъ воля далась.
Прежде-жь училъ насъ по святцамъ
Старый заштатный дьячокъ;
Бился онъ съ нами, да малый
Вышелъ изъ этого прокъ...
Знали мы всѣ старикашку:
Нанковый длинный сюртукъ,
Съ хвостикъ крысиный косичка,
Носъ, словно рѣпчатый лукъ.
Носъ украшался очками
И сквозь стекло ихъ на насъ,
Словно въ окошко, бывало,
Смотритъ единственный глазъ.
Вплоть надъ очками висѣли
Брови густыя, какъ мохъ;
Лобъ его былъ не ровнѣе
Старыхъ проѣзжихъ дорогъ.

У этого учителя комнатка вся была убрана клѣтками, рыболовными удочками, сѣтями. Старикъ любилъ дѣтей, но болѣе всего былъ ему дорогъ его внукъ-сирота. Дѣдъ проводилъ съ внукомъ цѣлые дни, разсказывая ему были и небылицы.

Льются и сказки, и были
И мальчуганъ подъ разсказъ
Слезы глотаетъ нерѣдко,
Тихо смѣется подчасъ.

Именно моментъ такой бесѣды переданъ на первой картинѣ. Но эта свѣтлая жизнь старика и ребенка кончилась драмой. Разъ дѣдъ ждалъ внука съ купанья и сидѣлъ, глядя на дорогу.

Смотритъ и видитъ—деревней
Къ дому мальчонка бѣжитъ:
Щеки бѣлѣе рубахи,
Весь отъ испуга дрожитъ,
«Дяденька, Митрій Вавилычъ,
Горе надъ нами стряслось...
Вася...» воскликнулъ мальчонка
И захлебнулся отъ слезъ.
Вспрянулъ старикъ, пошатнулся...
«Вася?.. погибъ?.. утонулъ?»
Крикнулъ и, путаясь въ сѣти,
Прочь отъ парнишки шагнулъ.
Словно отъ долгой дремоты
Вдругъ пробудившись чрезъ мигъ,
Вдоль по селу, спотыкаясь,
Быстро помчался старикъ.
Онъ добѣжалъ до прибрежья
И, увидавши у ногъ,
Дѣтское, мертвое тѣло,
Вскрикнувъ, упалъ на песокъ...
Страшно тянулись минуты,
Точно конца у нихъ нѣтъ,—
Много прошло ихъ, покуда
Снова опомнился дѣдъ,
«Умеръ, голубчики, умеръ!»
Молвилъ беззвучно старикъ,
Сѣлъ на пригоркѣ у трупа
И головою поникъ...

Старикъ сошелъ съума. Вотъ содержаніе второй картины, нарисованной М. Далькевичемъ.

Послѣ тяжелаго впечатлѣнія, навѣваемаго этой простой драмой, читатель, можетъ быть, не безъ улыбки остановится на комическомъ выраженіи лица мальчугана, желающаго поймать бабочку и накрывшаго на стѣнѣ своею шапкою... пустое мѣсто! Экспрессія лица мальчугана на обѣихъ картинахъ схвачена отлично: это живое лицо. Въ настоящемъ нумерѣ помѣщена еще одна картина «Дѣвушка въ саду», Веле. Это прелестная головка дѣвушки, сорвавшей цвѣтокъ и задумавшейся, вѣроятно, о миломъ,—по крайней мѣрѣ, авторъ картины назвалъ ее «Sinnen und Minnen», что можно перевести словами «Раздумье и любовь».

Фельетонные наброски.

XVIII.

Письма человѣка, сошедшаго съ ума.

4.

Письмо безъ заголовка.

...За мной слѣдятъ, меня развлекаютъ, меня уговариваютъ и все это дѣлается ради того, чтобы я не прикончилъ съ собою. Они воображаютъ, что они этимъ выказываютъ свою любовь ко мнѣ. Но если бы они знали, какую пытку я выдерживаю въ каждый лишній день жизни,—они сами дали бы мнѣ бритву, револьверъ или веревку и сказали бы: «успокойся»! Я долженъ, наконецъ, откровенно сознаться, что̀ меня сводитъ съ ума...

Наше время—время погони за наживой, мошенническихъ поставокъ, злостныхъ банкротствъ, громадныхъ кражъ, безумныхъ аферъ, биржевой игры, Варшавскихъ, Гулакъ-Артемовскихъ, Овсянниковыхъ, Юханцевыхъ. Нужно быть крайне осторожнымъ, крайне недовѣрчивымъ, крайне осмотрительнымъ человѣкомъ, чтобы не попасть какъ нибудь случайно въ кашу, завариваемую разными червонными валетами, дамами и тузами, и не разыграть крайне непривлекательную роль дурачка или негодяя на судѣ, въ качествѣ свидѣтеля или подсудимаго по дѣламъ этихъ господъ. Человѣку честному и самолюбивому, случайно запутанному въ подобное дѣло, остается нерѣдко одинъ исходъ—смерть и, я думаю, ни одно самоубійство совершилось именно потому, что подобные люди нерѣдко попадали въ эту грязь, завязали въ ней по уши и, боясь позора, спѣшили сойдти со сцены жизни. Я, по крайней мѣрѣ, именно потому не могу долѣе жить. Я разскажу теперь подробно свою поучительную исторію.

Лѣтъ шесть тому назадъ, я встрѣтился съ человѣкомъ, про котораго ходили слухи, что это честный человѣкъ, что это человѣкъ съ широкими планами, что это чуть не будущій спаситель отечества. Въ первое же время знакомства съ нимъ я узналъ, что онъ устраиваетъ какія-то артели, что онъ хочетъ удешевить народныя книги, что онъ хочетъ устранить издательскую эксплуатацію, что онъ хочетъ поставить на новыя начала наше банковое дѣло. Когда онъ говорилъ—голова кружилась отъ его замысловъ. Ворочая большими дѣлами, онъ самъ жилъ до послѣдней степени просто, онъ помогалъ, кому могъ, онъ выглядѣлъ какимъ-то безсребренникомъ. Со мной онъ сошелся сразу, откровенно, дружески, какъ онъ сходился со всѣми въ качествѣ простой и широкой русской натуры. Я сталъ ему помогать въ его предпріятіяхъ, видя ихъ полезную сторону.

— Эхъ, голубчикъ, все это идетъ отлично и все это должно рухнуть завтра изъ-за какихъ нибудь пустяковъ, сказалъ онъ мнѣ однажды.

Онъ былъ взволнованъ и блѣденъ.

— Что случилось? спросилъ я.

— Да то, что нужны деньги, а денегъ нѣтъ, сказалъ онъ.—Впрочемъ, это участь всѣхъ великихъ предпріятій, когда думаешь не о наживѣ, а объ общественной пользѣ. Будь-ко деньги у Песталоцци, у Ланкастера, у Оуэна, у Фурье, развѣ то бы осталось отъ нихъ, что мы видимъ теперь.

Онъ тревожно ходилъ по комнатѣ и потиралъ себѣ лобъ.

— Да неужели же нельзя нигдѣ достать денегъ? спросилъ я.

— Я и то придумываю, какъ бы извернуться на время, сказалъ онъ.—Видите-ли что: можно застраховать чью нибудь жизнь и потомъ подъ эту страховку занять деньги въ одномъ изъ банковъ...

— Но кто же дастъ деньги подъ такую страховку? замѣтилъ я.

— Дадутъ!

Онъ назвалъ мнѣ банкъ, гдѣ у него были знакомые директора и гдѣ охотно дали бы деньги подъ такое обезпеченіе. Кромѣ того онъ сказалъ мнѣ, что если бы нѣсколько человѣкъ изъ нашего кружка сдѣлались членами этого банка, то намъ открылся бы въ банкѣ кредитъ въ

сять разъ болѣе внесенной нами суммы. При этомъ у насъ въ рукахъ очутились бы большія суммы и мы могли бы начать свои предпріятія въ громадныхъ размѣрахъ. Широкіе планы развернулись передо мною во всей своей привлекательности и прожектеръ доказалъ мнѣ, какъ дважды два четыре, что я могу принести неисчерпаемую пользу обществу.

— У насъ только смѣлости, предпріимчивости нѣтъ. Мы сидимъ, сложа руки, и высиживаемъ скуку, когда нужно работать и дѣйствовать, говорилъ онъ съ жаромъ.—Вотъ почему мошенники и люди наживы и захватываютъ дѣло въ свои руки. Право, иногда, смотря на апатію и на трусость окружающихъ, бросилъ бы все и уѣхалъ-бы въ Америку... Вѣдь вы подумайте, сколько пользы мы могли бы принести, если бы у насъ было побольше энергіи...

Онъ говорилъ горячо и много: черезъ недѣлю я уже застраховалъ свою жизнь, заложилъ страховку, вступилъ членомъ въ банкъ, занялъ деньги. Это все совершилось, какъ волшебный сонъ, по щучьему велѣнью энергичнаго фонтазера. Началась дѣятельность составителя широкихъ плановъ. Я усердно помогалъ ему, видя честность его намѣреній...

Черезъ два года Петербургъ былъ изумленъ однимъ изъ тѣхъ грандіозныхъ банкротствъ, при которыхъ люди спрашиваютъ другъ друга: «да что же мы пьяны были, что-ли, когда давали этому человѣку деньги, или ужь мы такіе дураки, что насъ каждый надуть можетъ». Достаточно сказать, что составитель широкихъ плановъ, успѣлъ надѣлать долговъ на семьсотъ тысячъ, пустить по міру десятокъ людей, разорить двухъ богачей, поставить въ неловкое положеніе два акціонерныя общества. Я въ это время уже служилъ въ правленіи желѣзной дороги и былъ внезапно пораженъ повѣсткою изъ банка о томъ, что я состою поручителемъ по векселямъ на три тысячи и кромѣ того долженъ банку по заложенной страховкѣ двѣ тысячи. Я въ первую минуту потерялъ голову: отказаться платить, значило попасть въ скверную исторію, потерять мѣсто, поплатиться, можетъ быть, свободой, скомпрометировать фамилію отца; заплатить долгъ— на это у меня не было средствъ и я могъ предложить банку только одно—вычетъ изъ моего жалованья денегъ на уплату долга. Директора банка, скомпрометировавшіе себя допущеніемъ подобныхъ сдѣлокъ, обрадовались моему предложенію и написали мнѣ, чтобы я попросилъ кого-нибудь написать новые векселя на пять тысячъ, на которыхъ я поставлю свою поручительскую подпись; затѣмъ они пришлютъ мнѣ обратно мой вексель въ три тысячи и уничтожатъ залогъ страхованія въ двѣ тысячи; далѣе я буду уплачивать по частямъ деньги по векселю. Вексель нужно было выдать не болѣе какъ на полугодовой срокъ, а черезъ полгода нужно было обмѣнить его на новый вексель въ ту сумму, какую я буду долженъ послѣ сдѣланныхъ мною втеченіи полугода взносовъ. Я согласился на все, лишь бы избѣжать огласки, суда, лишенія мѣста. Но давъ свое согласіе на эту сдѣлку, я остановился на мысли: кто рѣшится написать вексель? Мои знакомые все бѣдняки; мой отецъ никогда не напишетъ такого векселя; просить кого-нибудь изъ начальства было неловко и неудобно, такъ какъ тогда я попалъ бы въ руки этого начальства, какъ крѣпостной, да можетъ быть, никто изъ нихъ и не согласился бы на эту услугу; наконецъ, кто бы ни написалъ этотъ вексель, я буду мучиться и бояться, что я умру и подведу другое лицо подъ отвѣтственность, заставлю его уплатить пять тысячъ. Не мало безсонныхъ ночей провелъ я въ эту пору: мой умъ мутился, меня била лихорадка. Наконецъ, я рѣшился: я сѣлъ за письменный столъ и написалъ вексель не своею рукою, измѣненнымъ почеркомъ отъ имени Ивана Петровича Федорова; на оборотѣ я написалъ своимъ почеркомъ свою фамилію. Если бы кто-нибудь зналъ, что за страшные дни пережилъ я, ожидая отвѣта изъ банка, куда посланъ былъ этотъ вексель. Черезъ пять дней отвѣтъ получился: мой новый вексель приняли. У меня отлегло на душѣ. Черезъ шесть мѣсяцевъ я получилъ изъ банка снова письмо, въ которомъ просили меня выслать новый вексель въ пять тысячъ и получить обратно старый. Въ пять тысячъ? Но вѣдь я же уплачивалъ деньги втеченіи шести мѣсяцевъ? Это вѣрно ошибка. Я написалъ объ этомъ въ банкъ. Мнѣ отвѣтили, что я дѣлалъ взносы, равняющіеся какъ разъ только процентамъ по векселю... Меня бросило въ жаръ. Значитъ, я или долженъ отдавать чуть не все свое жалованье, или я вѣчно буду долженъ пять тысячъ. Но кромѣ этого меня мучило еще одно обстоятельство: въ банкѣ перемѣнились директора и они могли попристальнѣе вглядѣться въ мой новый вексель, значитъ нужно было потщательнѣе измѣнить руку и написать вексель отъ имени какого-нибудь болѣе или менѣе значительнаго по чину лица, а не просто отъ имени какого-нибудь купца Ивана Ивановича... Долго я старался надъ написаніемъ этого векселя отъ имени какого-то дѣйствительнаго статскаго совѣтника Петра Васильевича Челищева. Еще болѣе трусилъ я, пославъ этотъ вексель въ банкъ. Его приняли опять. Но во мнѣ уже начали появляться какія-то странности: мнѣ хотѣлось забыться, я то ѣздилъ почти ежедневно въ театры, то пилъ, то покупалъ книгъ и зачитывался до одуренія. Мнѣ словно хотѣлось уйдти отъ самого себя, отъ мысли о будущемъ. Прошло и еще полгода. Я получилъ опять извѣщеніе о перемѣнѣ векселя и нашелъ въ письмѣ приписку о томъ, что, присылая векселя неизвѣстныхъ банку лицъ, я долженъ помѣчать адресъ ихъ мѣстожительства, чтобы, въ случаѣ моей смерти или чего-нибудь подобнаго, банкъ зналъ, куда обратиться къ векселедателю... Да вѣдь это же пытка, невыносимая пытка!.. Мои нервы не выдержали и я расплакался какъ ребенокъ, какъ женщина... Среди этихъ сценъ засталъ меня одинъ изъ моихъ друзей и я признался ему во всемъ.

— Давай я напишу вексель, сказалъ онъ.

Это было сказано просто, честно и я ожилъ на минуту. Онъ сказалъ мнѣ, что по его мнѣнію это пустяки, что не умру же я въ эти полгода, что не откажусь же я въ это время платить, что онъ не рискуетъ ничѣмъ. Онъ былъ правъ, и я согласился. Но когда я послалъ вексель, я началъ мучиться еще болѣе: я боялся самой легкой простуды, мнѣ все казалось, что я не выживу эти полгода, что я «подведу» моего друга. Кромѣ того въ концѣ полугодія явился вопросъ: «А кого же я стану просить теперь подписать вексель? Много-ли у меня такихъ друзей, какъ этотъ другъ»? Я пришелъ къ заключенію, что нужно опять поддѣлывать векселя. А что если банкъ сдѣлаетъ справку по адресу векселедателя и узнаетъ обманъ? Не привлекутъ-ли меня къ суду? Новымъ директорамъ это будетъ выгодно, такъ какъ, обличивъ меня, они могутъ разомъ получить мой долгъ съ прежнихъ директоровъ, которыхъ обвинятъ за дурное веденіе дѣлъ банка. Въ эти дни въ моей головѣ мелькнула впервые мысль о самоубійствѣ, не оставляющая меня теперь ни на минуту...

На этомъ мѣстѣ обрывается это недоконченное письмо, писанное неизвѣстно къ кому. Я могу только добавить къ этому отрывку отъ себя одно: въ одномъ изъ іюльскихъ нумеровъ петербургскихъ газетъ было сообщено, что Иванъ Протопоповъ, такъ звали автора этихъ писемъ, въ припадкѣ меланхоліи бросился въ Неву и, не смотря на подоспѣвшую къ нему на спасеніе помощь, утонулъ... **Нѣкто.**

Изъ Парижа *).

(Письмо **Н. Тарже.**)

Медленно, крайне медленно, даже интеллигентная часть цивилизованныхъ обществъ освобождается отъ традиціонныхъ предразсудковъ, доставшихся ему въ наслѣдіе отъ вѣковъ минувшихъ, — вѣковъ варварства и насилія. Посмотрите, какъ живуча еще дуэль, этотъ «судъ Божій», по наивному вѣрованію средневѣковыхъ сеньеровъ, а отчасти и невѣжественныхъ монаховъ, непонимавшихъ, что въ этомъ опредѣленіи заключается кощунство. Но исчезло понятіе о «судѣ Божьемъ», а дуэли не только не прекратились совершенно, но въ XVII и XVIII столѣтіи число ихъ увеличилось до чудовищности. Въ это время дуэли были въ ходу во всей Европѣ, но въ особенности часто прибѣгали къ нимъ у насъ, во Франціи. Вызовы на дуэль у насъ принимали характеръ эпидеміи во время владычества фаворитовъ, или же ненавистныхъ министровъ. Изъ всѣхъ полновластныхъ министровъ, управлявшихъ Франціею, ни одинъ не возбуждалъ такой ненависти, какъ кардиналъ Ришелье. Возвышая королевскую власть на счетъ феодальныхъ привилегій аристократіи, Ришелье вызвалъ къ себѣ ненависть въ дворянствѣ. Безсильное свергнуть могущественнаго министра или заставить его измѣнить внутреннюю политику, враждебное ему дворянство вело противъ него придворныя интриги и обратилось къ дуэлямъ, какъ къ средству насолить ненавистному министру. Послѣдователей и друзей кардинала безпрерывно вызывали на дуэль. Лишившись одного вслѣдъ за другимъ, нѣсколькихъ изъ любимыхъ своихъ приверженцевъ, Ришелье съ своей обычной рѣшимостью принялъ самыя крутыя мѣры. Онъ издалъ королевское повелѣніе, что впредь дуэлистовъ будутъ судить и наказывать смертію. Но, конечно, перспектива казни не могла устрашить дуэлистовъ. «Долгъ чести повелѣвалъ мнѣ послать вызовъ на дуэль, отвѣчалъ обвиняемый, призванный къ суду.— Лучше смерть, чѣмъ безчестіе». И дуэли продолжались и самъ Ришелье нашелся вынужденнымъ не настаивать на строгомъ примѣненіи закона о дуэляхъ. Впродолженіи первыхъ трехъ четвертей XVIII вѣка дуэли происходили чуть не ежедневно и часто изъ-за самыхъ ничтожныхъ, пустыхъ поводовъ. Въ первые годы революціи страсть къ дуэлямъ нѣсколько ослабѣла, но возобновилась съ новою силою съ наступленіемъ времени «директоріи». Снова на сцену выступили самые пустячные поводы къ дуэлямъ—чаще всего изъ-за какой-нибудь куртизанки. Дошло до того, что дуэли стали происходить даже между женщинами, примѣры этого, впрочемъ, бывали и прежде, но какъ очень рѣдкое исключеніе.

Такъ продолжается и до настоящаго времени, пароксизмами: численность дуэлей въ извѣстный періодъ времени увеличивается, затѣмъ снова ослабляется; опять увеличивается и т. д.

Въ наше время двѣ арены чаще всего даютъ поводы къ дуэлямъ: журналистика и парламентъ. Въ послѣднее время очень нерѣдки случаи дуэлей или между журналистами, вслѣдствіе крайностей въ полемикѣ, или же между депутатами по поводу какого-нибудь рѣзкаго слова во время горячаго возраженія. Самая послѣдняя дуэль, о которой много говорили, говорятъ и, вѣроятно, долго еще будутъ говорить не только въ Парижѣ, но и во всей Франціи,—происходила между Гамбетой и Фурту. Вызовъ былъ сдѣланъ Фурту, который обидѣлся перерывомъ, сдѣланнымъ Гамбетой во

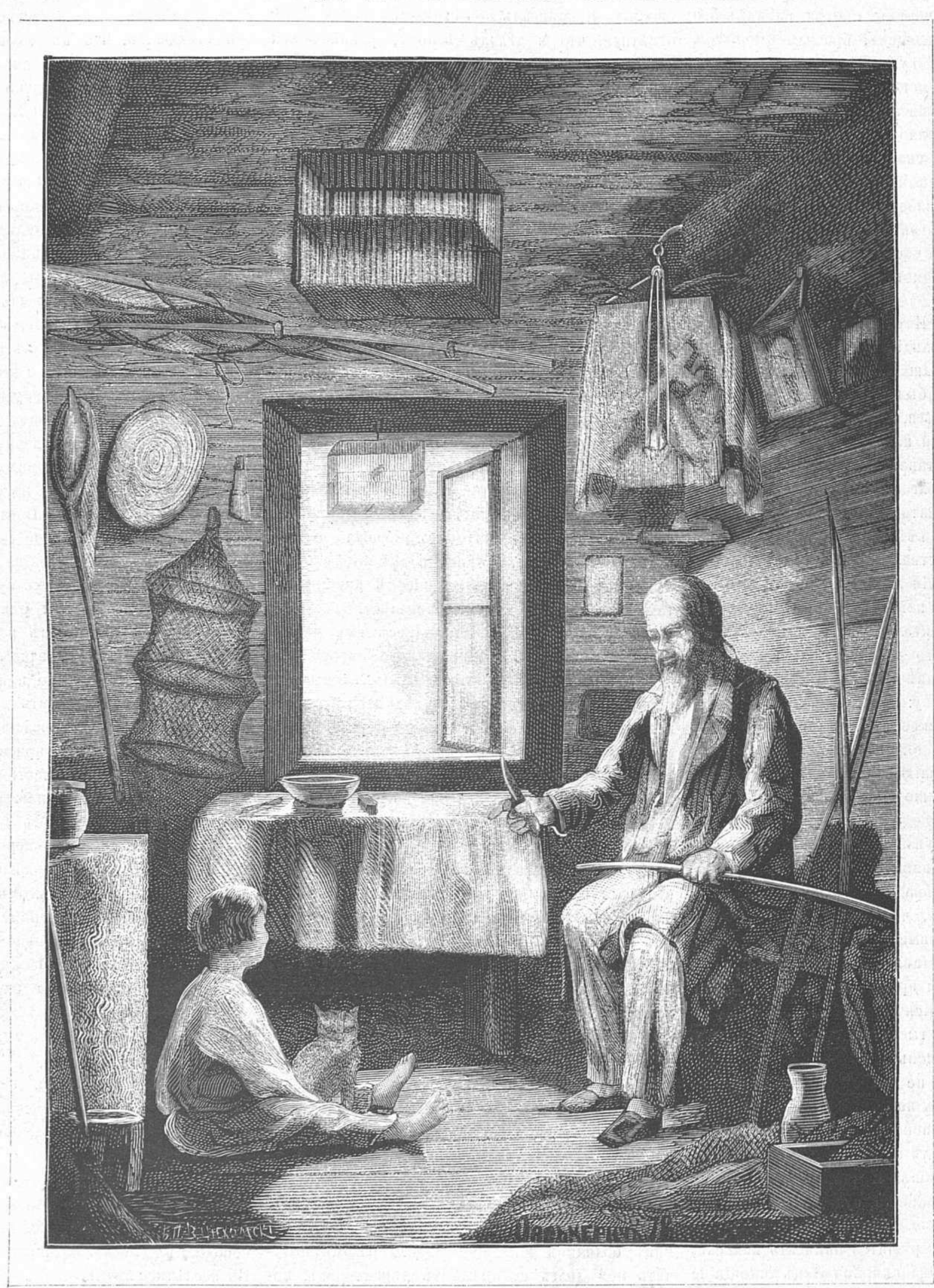
---

*) Письмо это предназначалось для помѣщенія въ № 49 Ж. О., но не попало по недостатку мѣста. *Прим. ред.*

время рѣчи бывшаго министра «нравственнаго порядка» въ засѣданіи палаты, посвященномъ провѣркѣ правильности выбора Фурту въ депутаты. Друзья Гамбеты употребили всѣ усилія, чтобы отклонить его отъ принятія вызова; они доказывали ему, что онъ не имѣетъ никакого права принимать вызовъ, потому что, какъ глава партіи, онъ принадлежитъ не самому себѣ, а Франціи. Признавая безусловную правильность этихъ доводовъ, мало того, соглашаясь, что дуэль не болѣе какъ остатокъ средневѣкового варварства, Гамбета, однакожь, рѣшилъ, что долженъ непремѣнно драться, иначе онъ дастъ поводъ къ обвиненію себя въ трусости и къ прославленію Фурту. Къ сожалѣнію, Гамбета былъ какъ нельзя болѣе правъ. Во Франціи человѣку, занимающему такое выдающееся положеніе, какъ Гамбета, нельзя еще отказаться отъ дуэли, по крайней мѣрѣ, отъ первой. Вы не повѣрите, — а это дѣйствительно такъ, — Гамбета много выигралъ въ глазахъ массы, отдавъ дань, противъ своего убѣжденія, предразсудку, котораго общество все еще не въ силахъ побороть. Гамбета принялъ вызовъ и дуэль была назначена на 21 ноября. Однакожь, друзья его все еще надѣялись, что онъ одумается и отклонитъ дикій поединокъ. 20 ноября Гамбета присутствовалъ на обѣдѣ, который давалъ членамъ бюджетной комиссіи (Гамбета ея предсѣдатель) министръ торговли и земледѣлія. Гамбета былъ веселъ и спокоенъ и его друзья уже стали радоваться, что онъ вѣрно отказался отъ дуэли. Въ день поединка, утромъ, у подъѣзда квартиры Гамбеты собралась громадная толпа народа. Темой разговора всей этой толпы было мнѣніе, что Гамбета не долженъ драться и если онъ не захочетъ послушать своихъ друзей, то необходимо воспрепятствовать ему силой поѣхать въ мѣсто, назначенное для дуэли. Понимая, что невозможно убѣдить толпу, такимъ образомъ настроенную, Гамбета прибѣгъ къ хитрости. Одинъ изъ секундантовъ вышелъ и сѣлъ въ карету, ожидавшую у подъѣзда; Гамбета же остался дома. Толпа, думая, что Гамбета внялъ представленіямъ друзей и не поѣдетъ драться, мало-по-малу разошлась. Между тѣмъ карета вернулась, Гамбета сѣлъ въ нее и отправился въ Плеси-Пикъ, гдѣ должна была произойти дуэль. Въ послѣднее время дуэли между парижанами, во из-

ИЛЛЮСТРАЦІИ КЪ СОЧИНЕНІЯМЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

КЪ СКАЗКѢ „ДѢДЪ И ВНУКЪ“ А. МИХАЙЛОВА.

Рисунокъ М. Далькевича.

Рѣзали на деревѣ по заказу редакціи Б. Пуцъ и Цехомскій въ Варшавѣ.

бѣжаніе вмѣшательства французской полиціи, происходили обыкновенно въ Бельгіи. Но Гамбета и Фурту—депутаты и въ качествѣ депутатовъ неприкосновенны. По этому они смѣло могли драться въ окрестностяхъ Парижа.

Дуэль состоялась. Фурту близорукъ, а Гамбета видитъ однимъ глазомъ. Естественно, что оба противника, поставленные на довольно далекомъ разстояніи другъ отъ друга, въ 35 шагахъ, стрѣляли на удачу, и оба остались цѣлы и невредимы.

Эта дуэль вызвала нѣсколько статей въ нашей журналистикѣ. Я не буду останавливаться на пошлыхъ и глупыхъ насмѣшкахъ надъ тѣмъ, что разстояніе между противниками на дуэли, было выбрано слишкомъ большое и пр. и пр. У насъ есть газеты, готовыя ради скандала, дающаго имъ барышъ, изображать изъ себя шута на потѣху праздной толпы зѣвакъ. Не о нихъ рѣчь. Въ статьяхъ серьезныхъ и уважаемыхъ газетъ проводилась одна общая мысль, что самыя безнравственныя изъ всѣхъ дуэлей, именно дуэли политическія, поводомъ для которыхъ послужила рѣчь, произнесенная въ парламентѣ. Посредствомъ дуэли не трудно избавиться отъ талантливаго противника. И въ настоящее время въ бонапартистской партіи французской палаты есть нѣсколько бретеровъ, забіякъ, способныхъ исполнить свою роль до конца. Согласятся они одинъ за другимъ вызывать Гамбету и который-нибудь изъ нихъ, наконецъ, убьетъ главу республиканской партіи и самаго выдающагося изъ ея ораторовъ. Всѣ эти газеты единодушно просятъ Гамбету болѣе не принимать вызововъ. Онъ доказалъ, что онъ не трусъ—и достаточно.

Надо еще сказать о поводѣ къ дуэли.

Комиссія, повѣрявшая правильность выбора засѣдающихъ въ настоящее время въ палатѣ депутатовъ, признала, что при выборахъ Фурту допущена масса злоупотребленій и потому его выборъ слѣдуетъ признать неправильнымъ и кассировать. Послѣ прочтенія доклада комиссіи въ палатѣ, на трибуну вышелъ Фурту для произнесенія оправдательной рѣчи.

Прежде, чѣмъ приступлю къ анализу рѣчи бывшаго министра «нравственнаго порядка», напомню, что Фурту былъ членомъ министерства 16 мая, желавшаго произвести государственный переворотъ (чему имѣются неопровержимыя доказательства), но въ послѣднюю минуту не рискнувшаго на него. Газеты, солидарныя съ Фурту и его товарищами, можетъ быть, отчасти и правы, утверждая, что комиссія въ числѣ поводовъ къ кассированію выборовъ помѣстила нѣсколько слишкомъ мелочныхъ фактовъ, но несомнѣнно и то, что доказано не мало дѣйствительныхъ злоупотребленій, изъ которыхъ каждое даетъ право признать выборъ Фурту недѣйствительнымъ. Конечно, нельзя не пожалѣть, что страстное отношеніе заставило комиссію недостаточно критически отнестись ко всѣмъ обвиненіямъ, собраннымъ слѣдственною комиссіею, потому что это дало возможность Фурту ловко отпарировать нѣкоторыя изъ этихъ обвиненій, что разумѣется, вызвало рукоплесканія въ группѣ его сторонниковъ. Но вообще республиканская партія палаты держала себя съ большимъ тактомъ, ни разу не прервавъ оратора выраженіями порицанія.

Но Фурту самъ поразилъ себя несравненно чувствительнѣе нападокъ своихъ противниковъ. Онъ увлекся до наглости. Ему не разъ приходилось выслушивать въ палатѣ обвиненія въ злоупотребленіи имъ властію въ то время, какъ онъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Онъ вздумалъ воспользоваться своей оправдательной рѣчью для отвѣта на эти обвиненія. Съ обычнымъ нахальствомъ онъ сталъ обвинять настоящее министерство въ тѣхъ злоупотребленіяхъ, въ которыхъ былъ самъ виновенъ (что составляетъ чистѣйшую ложь, и Гамбета имѣлъ право охарактеризовать этотъ и нѣкоторыя другія части рѣчи Фурту эпитетомъ «ложь», что и послужило поводомъ къ дуэли); мало того, Фурту закончилъ это безсовѣстное обвиненіе слѣдующими словами: «Если бы я до конца исполнилъ свой долгъ, вы не сидѣли бы здѣсь!» вскричалъ онъ, обращаясь къ лѣвой сторонѣ.

Понятно, эти слова вызвали цѣлую бурю. Даже сторонники Фурту были недовольны, находя,

ИЛЛЮСТРАЦІИ КЪ СОЧИНЕНІЯМЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

КЪ СКАЗКѢ „ДѢДЪ И ВНУКЪ" А. МИХАЙЛОВА.

Рисунокъ М. Далькевича.

Рѣзали на деревѣ по заказу редакціи **Б. Пуцъ** и **Цехомскій** въ Варшавѣ.

что онъ зарвался. Фурту, однакожь, нисколько не растерялся въ виду вызванной имъ бури. Онъ далъ нѣсколько смолкнуть взрывамъ негодованія и совершенно хладнокровно отвѣтилъ: «Вы говорите: «государственный переворотъ»! Пустяки! О немъ никто и не думалъ!»

Судьба точно хотѣла, чтобы Фурту осложнялъ одну ошибку другою. Онъ рѣшился сдѣлать личный вызовъ Дюфору и попалъ въ новый просакъ. Онъ обратился къ президенту министерства съ такимъ вопросомъ: «Кто вы? Какая ваша программа?» и самъ отвѣтилъ: «Вы слѣпое орудіе въ рукахъ Гамбеты!»

Не выдержалъ старикъ Дюфоръ и рѣзко прервалъ расходившагося оратора: «Недостойно обращаться съ такими гнусностями къ человѣку, который когда-то былъ вашимъ товарищемъ по министерству» (во время президентства Тьера, которому Фурту измѣнилъ и перешелъ въ лагерь его противниковъ). Но и это напоминаніе не образумило представителя партіи «нравственнаго порядка» и онъ, какъ разгоряченный до крайности конь, закусивъ удила, понесся далѣе.

Приводить далѣе отрывки изъ его рѣчи не стоитъ, она вся наполнена бранью и нелѣпыми обвиненіями. Но нельзя не остановиться на достойномъ, полномъ такта отвѣтѣ стараго парламентскаго бойца, Дюфора. Онъ окончательно доканалъ не въ мѣру разгорячившагося Фурту. Дюфоръ говорилъ спокойно; его рѣчь дышала иронiею, мѣстами слышалось презрѣніе; вообще же каждое слово, каждый жестъ оратора какъ бы говорили, что онъ чувствуетъ свое полное превосходство надъ противникомъ, безсильнымъ отразить его удары. Не удивительно, что правая сторона, видя изумительное спокойствіе и достоинство оратора, выходила изъ себя, безпрерывно прерывая его враждебными восклицаніями. Но всему бываетъ предѣлъ; угомонились и противники Дюфора, конецъ рѣчи котораго былъ прослушанъ безъ перерывовъ и угрозъ. Болѣе всего раздражило ихъ то мѣсто рѣчи Дюфора, въ которомъ министръ иронически напомнилъ своимъ противникамъ, что болѣе мѣсяца онъ ежедневно бываетъ въ сенатѣ и ждетъ запроса, которымъ грозила ему правая сторона, хваставшаяся, что этимъ запросомъ она поразитъ министерство въ его самое больное мѣсто.

«Вы спрашиваете меня, кто я, и къ какой партіи принадлежу, говорилъ Дюфоръ, обращаясь къ Фурту;—я отвѣчу вамъ на это, но прежде скажу, кто вы».

Сказавъ, что онъ понимаетъ смыслъ и значеніе партій легитимистской и бонапартистской, имѣющихъ опредѣленную программу, руководящихся извѣстными принципами, съ которыми можно не соглашаться, противъ которыхъ можно ратовать, но нельзя не признать, что они существуютъ на самомъ дѣлѣ;—Дюфоръ затѣмъ переходитъ къ опредѣленію безличной партіи, которая зоветъ себя «орлеанистами», но въ сущности не имѣетъ ничего общаго съ этой партіей, кромѣ имени; и не можетъ имѣть, потому что орлеанизмъ въ настоящее время не имѣетъ никакого смысла для своего существованія. «Эта партія безъ имени, сказалъ онъ,—потому что я не вижу никакой возможности подыскать ей подходящее имя и программу. Она враждебна, какъ имперіалистамъ, такъ легитимистамъ и республиканцамъ и легко можетъ создать самыя серьезныя затрудненія для каждой изъ поименованныхъ партій,—для той изъ нихъ, которая въ данный моментъ, держитъ власть въ своихъ рукахъ. Къ этой-то партіи и принадлежитъ г. Фурту».

Далѣе Дюфоръ отвѣтилъ на вопросъ: кто такой онъ и его друзья. «Наше имя извѣстно, сказалъ онъ. — Мы представители либеральныхъ принциповъ... Мы основываемъ на этихъ принципахъ республиканскую форму правленія, созданную конституціей 1875 года... Мы либеральные республиканцы...»

Рѣчь Дюфора имѣла громадный успѣхъ. Ей аплодировали въ палатѣ, о ней сочувственно отозвалась вся республиканская пресса. О ней говорили и коментировали ее вездѣ, въ Парижѣ. Наконецъ, по рѣшенію министровъ, утвержденному президентомъ республики, маршаломъ Макъ-Магономъ, рѣчь эта отпечатана отдѣльной брошюрой и разослана во всѣ городскія и сельскія общины Франціи.

Дюфоръ въ послѣднее время былъ въ особенномъ ударѣ. Поразивъ Фурту въ національномъ собраніи, онъ въ сенатѣ прижалъ къ стѣнѣ герцога Брольи, считающаго себя предводителемъ правой стороны. Брольи, плохо знакомый съ финансовыми вопросами, вздумалъ порицать финансовыя предположенія и распорядки существующаго министерства и наговорилъ столько вздора, что выдалъ себя головой гораздо болѣе знакомому съ финансовымъ дѣломъ, Дюфору. И Дюфоръ не далъ пощады своему противнику. Онъ доказалъ не только несостоятельность обвиненій Брольи, но также показалъ и полнѣйшее невѣжество почтеннаго герцога въ тѣхъ вопросахъ, о которыхъ онъ такъ пространно разглагольствовалъ, утомляя своихъ товарищей-сенаторовъ.

Но если попадаютъ въ просакъ такіе столпы партіи «нравственнаго порядка», какъ Брольи и Фурту, то нечего удивляться, если дѣлаютъ неловкости (чтобы не сказать болѣе) люди менѣе опытные, менѣе искусившіеся въ интригахъ, чѣмъ эти господа. Въ Парижѣ много толкуютъ о скандалѣ, содѣянномъ директоромъ политехнической школы. Правда, этотъ директоръ едва-ли принадлежитъ къ какой-нибудь партіи, но извѣстно, что онъ находится подъ вліяніемъ людей, черпающихъ свое вдохновеніе отъ гг. Брольи, Фурту и иныхъ имъ подобныхъ. Слѣдовательно, на этихъ людей и должна пасть отвѣтственность за скандалъ, произведенный директоромъ, всецѣло подчиненнымъ ихъ вліянію.

Инспекторомъ политехнической школы состоялъ академикъ Осіанъ Бонне, не совсѣмъ ладившій съ директоромъ, но очень любимый воспитанниками и пользующійся большимъ уваженіемъ въ ученомъ мірѣ. Директора увѣрили, что его помощникъ, человѣкъ опасный и потому надо найти предлогъ для удаленія его изъ школы. Директоръ и такъ и сякъ намекалъ инспектору, «не угодо-ли, молъ, вамъ удалиться», но Бонне не внималъ намекамъ и продолжалъ исполнять свою должность. Долго думалъ директоръ, на чемъ бы поймать своего упрямаго помощника и, наконецъ, выдумалъ. Бонне, какъ старый холостякъ, имѣлъ у себя въ домѣ экономку. Эта-то несчастная экономка и послужила искомымъ поводомъ для удаленія Бонне. Директоръ донесъ военному министру, что—о, ужасъ!—Бонне состоитъ въ слишкомъ близкой связи съ своей экономкой, что эта связь пріобрѣла гласность, произвела скандалъ и что, наконецъ, все сіе можетъ вредно отразиться на нравственности юныхъ воспитанниковъ.

Къ несчастію для себя, военный министръ, генералъ Борель, слѣпо повѣрилъ директору политехнической школы и сдѣлалъ представленіе президенту республики о необходимости, во избѣжаніе скандала, немедленно удалить изъ школы безнравственнаго инспектора. Макъ-Магонъ согласился съ представленіемъ министра.

И что же оказалось? Экономка Бонне — старуха 60 лѣтъ, особа скромная и уважаемая всѣми, кто ее знаетъ. Мало того, всѣ профессора школы протестовали противъ несправедливаго удаленія почтеннаго ученаго, принесшаго много пользы учебному заведенію, которымъ гордится Франція. Затѣмъ, когда, согласно устава школы, они приступили къ выбору двухъ кандидатовъ на мѣсто уволеннаго инспектора, они выбрали Бонне и Филипса, хорошо зная, что послѣдній откажется и, такимъ образомъ, останется одинъ Бонне, котораго придется снова утвердить. Конецъ этой исторіи мнѣ еще неизвѣстенъ.

Въ одно время съ профессорами протестовали противъ несправедливости военнаго министра и всѣ академики. Лучшая часть прессы явилась также горячей защитницей Бонне.

О театральныхъ новостяхъ, которыхъ накопилась масса, до слѣдующаго письма.

Правительственное сообщеніе.

Въ «Прав. Вѣстн.» напечатано: Въ послѣднихъ числахъ минувшаго ноября, между студентами императорской медико-хирургической академіи, вслѣдствіе полученныхъ свѣдѣній о временномъ прекращеніи лекцій въ харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ, началось броженіе, выражавшееся въ томъ, что многіе изъ нихъ перестали посѣщать лекціи и стали собираться на запрещенныя академическимъ уставомъ сходки.

Броженіе это продолжалось нѣсколько дней и 30-го ноября приняло болѣе широкіе размѣры. Въ этотъ день большинство студентовъ постоянно собиралось толпами, имѣвшими на столько бурный характеръ, что начальникъ академіи не могъ достичь прекращенія этихъ безпорядковъ путемъ личныхъ убѣжденій. Около часу пополудни, студенты, избравъ изъ среды своей нѣсколькихъ человѣкъ, послали ихъ для заявленія начальнику академіи, что причиной ихъ волненій есть неизвѣстность рѣшенія, послѣдовавшаго на поданное ими государю наслѣднику цесаревичу прошеніе и желаніе знать поводы, по которымъ въ ночь съ 28 на 29 ноября подверглись аресту нѣсколько ихъ товарищей. Неудовольствовавшись отвѣтомъ начальника академіи, что онъ можетъ заявить имъ объ этомъ по полученіи отъ кого слѣдуетъ увѣдомленія, студенты выразили желаніе переговорить съ с.-петербургскимъ градоначальникомъ, находившимся въ то время въ квартирѣ начальника академіи. Вслѣдствіе сего, свиты его величества генералъ-маіоръ Зуровъ вышелъ къ нимъ, объяснилъ противозаконность ихъ поведенія и тѣ вредныя послѣдствія, которыя подобный образъ дѣйствій неминуемо повлечетъ за собой, и затѣмъ предложилъ спокойно разойтись по домамъ. Немедленно, по выходѣ этихъ студентовъ изъ квартиры начальника академіи, они были окружены ожидавшей ихъ у крыльца толпой, приблизительно до 300 человѣкъ, а затѣмъ между ними началось крайне шумное и безпорядочное совѣщаніе. Толпа эта размѣстилась, въ меньшинствѣ, въ воротахъ зданія, гдѣ помѣщается академическая библіотека; въ большинствѣ же—на улицѣ, прилегающей къ сему зданію. Мѣстная полиція убѣждала ихъ не толпиться на улицѣ и разойтись по домамъ, но увѣщанія эти не только не имѣли успѣха, но вызвали цѣлый рядъ неприличныхъ и дерзкихъ возраженій. Тогда къ нимъ вышелъ с.-петербургскій градоначальникъ, и небольшая часть студентовъ, внявъ его увѣщаніямъ, начала расходиться, большинство же продолжало упорствовать, вслѣдствіе чего, свиты его величества генералъ-маіоръ Зуровъ предупредилъ ихъ, что въ случаѣ дальнѣйшаго съ ихъ стороны упорства, онъ вынужденъ будетъ, для прекращенія безпорядка, обратиться къ содѣйствію воинской команды. На это изъ толпы стали кричать: «если такъ, то всѣ назадъ, арестуйте всѣхъ!» и вслѣдъ затѣмъ часть начавшихъ расходиться студентовъ опять присоединилась къ своимъ упорствовавшимъ товарищамъ. Это обстоятельство вынудило градоначальника потребовать полуэскадронъ жандармовъ. Едва жандармы успѣли показаться на улицѣ, какъ вся толпа съ

крикомъ «назадъ», бросилась во дворъ академіи, причемъ одна часть студентовъ разбѣжалась, другая же вскочила въ библіотеку, гдѣ и заарестовано 142 человѣка. При арестованіи сопротивленія со стороны студентовъ оказано не было. Такимъ образомъ, распущенные по городу слухи о томъ, что при арестованіи студентовъ пускались въ дѣло толчки, побои и т. п. мѣры, оказываются лишенными всякаго основанія. Слухи эти опровергаются заявленіемъ профессоровъ Склифасовскаго и Богдановскаго, свидѣтельствовавшихъ, по распоряженію начальства, заарестованныхъ студентовъ. При самомъ тщательномъ осмотрѣ не было найдено никакихъ слѣдовъ побоевъ или насилій, за исключеніемъ лишь того, что двое изъ студентовъ, поскользнувшись при бѣгствѣ, ушибли себѣ ноги, одинъ въ колѣнѣ, другой въ ступнѣ. Всѣ заарестованные отправлены для содержанія подъ арестомъ въ казармы ближайшаго по мѣсту расположенія лейбъ-гвардіи московскаго полка, а къ дальнѣйшему разъясненію сего дѣла приняты мѣры.

Новости наукъ и жизни.

— **Реальное училище.** Недавно въ Моршанскѣ получено разрѣшеніе открыть шестикласное реальное училище, причемъ правительство даетъ субсидію въ размѣрѣ 6,800 руб., а остальные 14,000 р. беретъ на себя городъ.

— **Полезная дѣятельность.** Въ Тобольскѣ 12 лѣтъ существуетъ «Общество вспоществованія бѣднымъ студентамъ тобольской губ.» и, въ ожиданіи открытія сибирскаго университета, распространяетъ свою благотворительность на тѣхъ бѣдныхъ молодыхъ людей (уроженцевъ тобольской губерніи), которые получаютъ образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ обѣихъ столицъ и другихъ университетскихъ городовъ. Въ настоящее время, число всѣхъ членовъ общества доходитъ до 400; за весь періодъ существованія общества, на выданныя имъ ссуды (до 15,000 р.) получили высшее образованіе 59 молодыхъ людей. Въ 1877 году, помощью отъ общества пользовалось 21 лицо, получившія 4,185 руб. Изъ нихъ восемь стипендіатовъ учились въ медико хирургической академіи, три въ петербургскомъ и десять въ казанскомъ университетахъ. Такой размѣръ оказываемыхъ обществомъ вспомоществованій нельзя не признать широкимъ, если принять во вниманіе относительную скудость его денежныхъ средствъ. Такъ, въ 1877 году, въ кассу общества поступило всего 3,197 р. 4 к., тогда какъ на помощь учащимся ему пришлось израсходовать 3,206 р. 70 к.

— **Таинственная пропажа.** По словамъ тифлисской газеты «Обзоръ» въ канцеляріи тифлисскаго окружного суда пропало цѣлое дѣло, имѣющее весьма важный характеръ. Извѣстно, что видный тифлисскій богачъ, г. Хосроевъ, имѣющій въ Тифлисѣ каравансарай, нѣсколько домовъ, экипажи и т. п., обвинялся въ подлогѣ. Дѣло о немъ разрослось въ цѣлые тома, благодаря тому, что масса лицъ привлечена была къ отвѣтственности, по обвиненію въ соучастіи въ его преступленіи. Утащить изъ суда такое громадное дѣло, среди бѣлаго дня, такъ же невозможно, какъ и вынести цѣлый шкафъ, не возбудивъ подозрѣнія. По всей вѣроятности, дѣло унесено было ночью.

— **Обсерваторія.** Новая магнитная и метеорологическая обсерваторія въ Павловскѣ находится уже въ полномъ дѣйствіи, и по всѣмъ частямъ ведутся правильныя наблюденія. Расположена она близь посада Этюпъ. Для ученыхъ цѣлей ея служатъ три зданія, а именно: одно каменное, съ башнею, преимущественно для метеорологическихъ наблюденій, другое, каменное-же, съ двойнымъ сводомъ, покрытое землею, и деревянный павильонъ, построенный совершенно безъ желѣза — для магнитныхъ наблюденій. Четыре деревянныхъ строенія заняты квартирами служащихъ и хозяйственными принадлежностями. Библіотека, пожертвованная статсъ-секретаремъ Головнинымъ, вмѣстѣ съ шкафами для книгъ, вполнѣ устроена.

— **Польская пресса.** «Газета Варшавская» сообщаетъ, что всѣхъ польскихъ періодическихъ изданій, какъ журналовъ, такъ и газетъ, въ настоящемъ году было 140. Изъ нихъ въ Царствѣ Польскомъ выходитъ 60, а именно: 54 въ Варшавѣ и 6 въ провинціи. Остальныя приходятся на великое княжество Познанское и Галицію. 3 изданія выходятъ въ Америкѣ.

— **Разумно-устроенныя отношенія.** «Новое Время», со словъ финляндской газеты «Keski-Suomi» сообщаетъ слѣдущій случай, съ весьма хорошей стороны характеризующій отношеніе между владѣльцами финляндскихъ фабрикъ и ихъ рабочими. Владѣльцу бумажной фабрики въ мѣстечкѣ Лохикоски (въ средней Финляндіи) г. Окергьельму недавно, въ день его рожденія, отправлена была рабочими депутація, которая, рано утромъ съ факелами и цвѣтными фонарями, подошла къ дому своего патрона и, послѣ привѣтственной рѣчи одного изъ рабочихъ, поднесла г. Окергьельму купленные рабочими, на собранныя ими, по собственной иниціативѣ, деньги, золотые часы, съ соотвѣтствующей случаю надписью.

— **Возрожденіе.** Норвежскія газеты сообщаютъ, что вдова Гунгильда Баневейненъ, которой въ прошломъ февралѣ исполнилось 100 лѣтъ отъ роду, долгое время страдала глухотою и слабымъ зрѣніемъ, заставлявшимъ ее носить очки. Теперь-же, вначалѣ второго столѣтія жизни, старуха Гунгильда Баневейненъ снова стала отлично слышать и видѣть, причемъ очки оказались ей совершенно ненужными. Удивительнѣе же всего, по сообщеніямъ норвежскихъ газетъ, тотъ фактъ, что на головѣ почтенной дамы снова стали рости черные волосы

— **Интересный процессъ.** Въ стокгольмскомъ судѣ разбиралось слѣдующее дѣло. Дѣвица Гельга де-ла-Брахе, выдающая себя за дочь короля Густава-Адольфа VI, затѣяла процессъ противъ нынѣ царствующаго короля Оскара о выдачѣ ей пенсіи, признанной за нею шведскимъ правительствомъ въ 1861 г., но не уплаченной съ 1870 г. Защитникъ истицы представилъ суду просьбу о томъ, чтобы обязать короля уплатить дѣвицѣ де-ла-Брахе слѣдуемые ей 28,000 кронъ. Адвокатъ корсля оспаривалъ искъ, такъ какъ, на основаніи рѣшенія верховнаго суда, доказано, что дѣвица де-ла-Брахе вовсе не та особа, за которую она выдаетъ себя, а что настоящее ея имя Аврора Флорентина Маргусонъ. Защитникъ истицы опровергалъ этотъ доводъ и, въ доказательство, требовалъ, чтобы отвѣтчикъ (король) представилъ находящееся у него письмо Густава-Адольфа VI къ королю Карлу-Іоанну XIV и еще другіе документы, доказывающіе, что истица есть то лицо, за которое она выдаетъ себя, и что ей слѣдуютъ означенныя деньги.

— **Дикая месть.** Въ Ряжскѣ разбиралось слѣдующее дѣло. Одинъ молодой парень хотѣлъ жениться на дѣвушкѣ, съ которой, какъ показали свидѣтели въ камерѣ мирового судьи, онъ ставалъ (вѣроятно въ хороводахъ), но другой предупредилъ его и женился на ней. Прозѣвавшій невѣсту парень, желая отомстить своему сопернику, уводитъ у него лошадь и, въ глухомъ оврагѣ, четвертуетъ несчастное животное; отрѣзалъ у ней ноги, затѣмъ шею, вырѣзалъ животъ и разсѣкъ спину вдоль позвоночнаго столба. Предоставляю судить читателямъ, какое содрагающее, ужасное впечатлѣніе производило на слушающихъ разъясненіе этого неслыханнаго, ужаснаго мщенія надъ животнымъ.

— **Расправа съ конокрадомъ.** «Современныя Извѣстія» приводятъ слѣдующій случай: «Въ одномъ изъ селеній вольскаго уѣзда праздновали день покрова Богородицы. На этотъ праздникъ, къ одному изъ крестьянъ упомянутаго села зашолъ сосѣдъ. Неизвѣстно, подъ вліяніемъ-ли угощенія или чего другого, но только сосѣду пришло на мысль воспользоваться лошадью хозяина. Намѣреніе свое онъ и привелъ въ исполненіе. Къ счастью для себя, хозяинъ скоро замѣтилъ продѣлку гостя и уличилъ его въ покражѣ лошади. Крестьянскій сходъ опредѣлилъ, запрячь конокрада въ рыдванъ и заставить его возить экипажъ до потери силъ. Согласно этому рѣшенію, конокрада запрягли; но сдвинуть экипажъ онъ не могъ. Крестьяне, не долго думая, принялись хлестать его кнутомъ, и дохлестали конокрада до потери сознанія. Досталось при этомъ и женѣ его, которая явилась на мѣсто казни и заступилась за мужа».

— **Какіе бываютъ еще педагоги!** Газетѣ «Обзоръ» пишутъ изъ Озургетъ, что въ мѣстномъ духовномъ училищѣ, 15-го ноября, случился слѣдующій печальный фактъ: «Учитель пѣнія г. Ивановъ, имѣя уроки на послѣднихъ часахъ, отправляется въ училище, по своему обыкновенію, не иначе, какъ подкрѣпивъ себя хорошенько приношеніемъ жертвы Бахусу. Но 15-го ноября, онъ выказалъ болѣе усердія къ его служенію. Идетъ онъ въ училище, шатаясь во всѣ стороны, шумя, заходитъ въ классъ, садится на стулъ, и говоритъ дѣтямъ, махая рукою: «продолжайте!» Дѣти переглянулись, какъ бы спрашивая другъ друга, что же продолжать, и, собравшись съ духомъ, отвѣтили: «что продолжать, когда мы еще ничего не начинали?» Педагогъ, поднявъ голову и окинувъ грознымъ взоромъ своихъ питомцевъ за грубый отвѣтъ, начинаетъ какую-то базарную пѣсню. Закончивъ ее, онъ приказываетъ дѣтямъ повторить. Ученики опять переглядываются и недоумѣваютъ. Между ними оказался одинъ несчастный мальчикъ, который осмѣлился высказаться за цѣлый классъ: «мы не въ состояніи повторить, потому что слышимъ эту пѣсню въ первый разъ». Такое комичное положеніе молодого педагога и не менѣе комичный педагогическій пріемъ его вызвали на устахъ дѣтей невольную улыбку. Разгоряченный педагогъ еще болѣе разъярился за такую «демонстрацію» со стороны питомцевъ и, мня себя оскорбленнымъ, объявилъ имъ войну. Ученики отступаютъ въ безпорядкѣ, избѣгая линейныхъ ударовъ. Но воинственный педагогъ гонится за ними по пятамъ, ударяя линейками по головѣ, лицу и лбу непріятеля. Кровь питомцевъ полилась... Тяжело раненъ въ глазъ первый ученикъ, осмѣлившійся сказать: «мы не можемъ повторить»... Выздоровленіе его глаза очень сомнительно. Многіе контужены. Дѣти сдались на капитуляцію. Трофеями побѣды остались поломанныя, во время битвы, линейки».

— **Смерть при исключительныхъ обстоятельствахъ.** «Современныя Извѣстія» сообщаютъ, что 20-го ноября, рано утромъ, когда разсвѣло, подъ однимъ изъ деревьевъ, украшающихъ аллеи московскаго воспитательнаго дома, найденъ мертвый младенецъ. Случай самъ по себѣ не важный, но вся суть не въ самомъ случаѣ, а въ томъ, какъ онъ произошелъ. Несчастный, безъименный малютка оставилъ юдоль скорби и плача при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Накунѣ, 19-го ноября, около вечера, является въ крестовую старушка съ двухмѣсячнымъ ребенкомъ, съ тѣмъ, чтобъ помѣстить его въ воспитательномъ домѣ; но ребенка не приняли, «потому-де, что онъ незаконнорожденный и былъ безъ свидѣтельства». Старушка возражала, что свидѣтельства ей взять сейчасъ негдѣ и невозможно, а кормить ребенка нечѣмъ, такъ какъ молока у нея нѣтъ; тѣмъ не менѣе ребенка не приняли. Тогда неудовлетворенная старуха обратилась, должно быть, съ своимъ дѣломъ и протестомъ къ Господу Богу и положила ребенка подъ дерево, а сама ушла... Несчастный малютка кричалъ нѣсколько часовъ... Сторожа воспитательнаго дома и путешествующіе по двору ночные патрули слышали эти ужасные крики, но думали, что они раздаются изъ грудного отдѣленія. Умершій ребенокъ исцарапалъ себѣ до крови всѣ ножонки и закоченѣлъ, крича о помощи и не докричавшись...

— **Загадочная кража.** Въ «Рус. Вѣд.» пишутъ: Въ Москвѣ бываютъ кражи всѣхъ родовъ; крадутъ даже дѣтей въ оконныя форточки. Въ домѣ Хвостуновой проживаетъ нѣкто г. Пасевьевъ, имѣющій сына трехъ лѣтъ, Юрія; этотъ-то малютка на-дняхъ сонный былъ переданъ изъ квартиры Пасевьева, въ оконную форточку какой-то дамѣ, ожидавшей въ каретѣ. Вслѣдъ за передачею ребенка изъ квартиры Пасевьева, но не изъ

параднаго крыльца, а черезъ дворъ вышла закутанная въ манто дама и, быстро добѣжавъ до кареты, впрыгнула въ экипажъ; лошади помчались, и только чрезъ добрый часъ времени карета остановилась на углу одного переулка.

— Троеженецъ. «Бирж. Вѣд.» сообщаютъ, что въ Самарѣ одинъ изъ писцовъ мѣстнаго губернскаго правленія обвиненъ въ троеженствѣ. Обвиненный, сынъ священника, Андреевъ, человѣкъ бѣдный и не обладающій большими умственными способностями, двѣ послѣднія женитьбы устроилъ не ради того только, чтобы вкушать удовольствіе новобрачнаго, а ради выхода изъ тяжелаго положенія, ради пріобрѣтенія средствъ къ существованію. Приданое, получаемое за двумя послѣдними женами, онъ проживалъ съ семьей отъ первой жены. Но какъ искусно ни велъ онъ свои дѣла — жены узнали другъ друга и предали своего султана въ руки прокурорской власти, которая и заключила его въ тюрьму. И такъ три брачныя ложа осиротѣли.

— Голодныя собаки. Въ ноябрѣ, вблизи помѣстья Загаевскихъ, около Зарты, близь Калиша на крестьянскую дѣвушку лѣтъ 10—12-ти, проходившую полемъ, напали голодныя деревенскія собаки и буквально разорвали несчастную на куски. Часть тѣла ребенка собаки съѣли, а уцѣлѣвшая часть была страшно изуродована и искусана.

— Какъ въ Америкѣ обличаютъ недобросовѣстныхъ торговцевъ. Въ «Новостяхъ» напечатано: На одной изъ многолюднѣйшихъ улицъ Нью-Іорка, Бралуэй (нашъ Невскій проспектъ) обратилъ на себя вниманіе гуляющей публики негръ, величественно прогуливающійся по бульвару. На плечахъ онъ несъ разорванный до-нельзя зонтикъ, на которомъ исполинскими буквами огненнаго цвѣта красовалась слѣдующая надпись: «Зонтикъ Джонсона перваго сорта послѣ шестинедѣльнаго употребленія». Фабриканты Джонсонъ и Комп., на которыхъ мѣтила надпись, распорядились объ арестованіи негра; но лишь только его привели въ полицію, какъ судьѣ представился мистеръ Сеймуръ изъ Чикаго и заявилъ, что это онъ нанялъ негра и что онъ принимаетъ на себя всякую за него отвѣтственность. Сеймуръ разсказалъ судьѣ, что шесть недѣль тому назадъ онъ купилъ corpus delicti у Джонсона, и зонтикъ теперь находится въ такомъ состояніи, въ какомъ его показывалъ негръ. Онъ заявилъ Джонсону, что его обманули зонтикомъ, но такъ какъ не получилъ никакого удовлетворенія, то онъ рѣшился отомстить ему, чѣмъ законъ не нарушается. Судья раздѣлилъ его мнѣніе и освободилъ негра, который продолжалъ свои прогулки передъ магазиномъ Джонсона.

— Еще проектъ постояннаго моста чрезъ Неву. По словамъ «Нов. Вр.», 300 обывателей Петербургской стороны Петербура подали городскому головѣ прошеніе объ устройствѣ постояннаго моста на мѣсто существующаго плашкоутнаго, Петербургскаго. По ихъ расчисленію, мостъ можетъ быть сооруженъ на 3 мил. руб. Какъ на главный источникъ для покрытія этого расхода, указывается на прибрежное пространство отъ крѣпостной стѣны у нынѣшняго Петербургскаго моста почти до Самсоніевскаго въ количествѣ 25 т. кв. саж., составляющее городскую собственность. Предполагается, что если постройка моста будетъ разрѣшена, то продажная цѣна этой земли, не можетъ быть ниже 80 р. за кв. с. Такимъ образомъ, за 25 т. кв. с. городъ выручитъ капиталъ въ 2 м. р., слѣдовательно, на сооруженіе моста недостаетъ ролько 1 м. р. Допуская на эту сумму заемъ, съ выпускомъ облигацій по 85 проц. за сто и съ платежемъ по нимъ 7 проц. интереса и погашенія, окажется, что городъ приметъ на себя долгъ приблизительно въ 1.176,000 р., и на эту сумму обязанъ будетъ уплачивать процентовъ впредь до погашенія капитала по 82,320 р. въ годъ. Расходъ этотъ предполагается покрыть тѣми доходами и сбереженіями, которые явятся прямымъ послѣдствіемъ сооруженія моста, а именно: 1) Предполагаемая въ продажу городская собственность 25 т. кв. саж. можетъ быта разбита примѣрно на 50 участковъ, въ 500 саж. каждый. Предполагая, что цѣнность каждаго дома, воздвигнутаго на этихъ участкахъ, будетъ простираться, среднимъ числомъ, до 125 т. р., общая стоимость частнаго имущества опредѣляется въ 6.250,000 р., а чистый доходъ съ этихъ имуществъ, считая 7 проц. съ капитальной суммы, около 450 т. р. По разсчету 8 проц. съ этой послѣдней суммы, городъ получитъ дохода 36 т. р., а за вычетомъ 12 т. р., поступающихъ и нынѣ въ городскую казну съ пеньковыхъ амбаровъ, излишекъ дохода будетъ простираться до 24,000 р. 2) Разныя торговыя заведенія, которыя неминуемо откроются въ предположенной къ застройкѣ мѣстности, могутъ дать дохода приблизительно 10,000 руб. 3) Съ постройкой постояннаго моста прекратятся производимые нынѣ городомъ расходы: по ремонту плашкоутовъ и мостового полотна 40,000 р., по постройкѣ мостковъ по льду для пѣшеходовъ и деревянныхъ спусковъ къ Невѣ для зимняго пути, а также по расчисткѣ этого пути послѣ замерзанія рѣки 15,340 р. Всего съ постройкой постояннаго моста получится городомъ новыхъ доходовъ и сбереженій, сравнительно съ прежними расходами, до 89,340 р., или на 7,220 р. болѣе той суммы, которую необходимо будетъ уплачивать въ видѣ процентовъ по займу на сооруженіе моста. Въ заключеніе говорится въ запискѣ, что остаются еще другія, едва-ли не важнѣйшія статьи дохода, открывающіяся вслѣдъ за постройкой моста. Такъ, напр., городской доходъ съ недвижимыхъ имуществъ значительно увеличится вслѣдствіе возвышенія цѣнъ на эти имущества на всей Петербургской сторонѣ.

— Раскопки въ Троѣ. Извѣстный археологъ, докторъ Шлиманъ, пишетъ одному изъ своихъ пріятелей въ Россію отъ 16-го ноября, съ развалинъ Трои: «Мнѣ удалось открыть въ развалинахъ дворца послѣдняго троянскаго царя два маленькіе клада и одну довольно значительную коллекцію золотыхъ вещей. По условію, заключенному съ турецкимъ правительствомъ, на мою долю приходится только третья часть этихъ вещей, и я присоединяю ее къ моей большой коллекціи троянскихъ сокровищъ, хранящейся въ кенсингтонскомъ музеѣ въ Лондонѣ. Грандіозныя троянскія стѣны откопаны теперь на большомъ протяженіи и открыта широкая улица, обходившая вокругъ дворца».

— Дешевый и удобный способъ. Въ «Пет. Листкѣ» пишутъ: «Хотите-ли вы, чтобы ваша лампа горѣла ярче, не прибавляя, однако, ни на одну іоту горючаго вещества? Ну, употребляйте свѣтильни не иначе, какъ первоначально намоченныя въ уксусѣ и затѣмъ совершенно высушенныя, такъ чтобы въ ней не оставалось ни малѣйшей сырости. Этотъ способъ примѣнимъ ко всѣмъ лампамъ, будь онѣ растительнаго масла, минеральнаго и спиртовыя, и начиная отъ самыхъ модныхъ салоновъ до ночника работницы».

— Исполинское растеніе. Недавно открыто исполинское растеніе необычайное по размѣрамъ и красотѣ, и въ сравненіи съ которымъ Victoria regia и Rafflesia Arnoldi—чистые пигмеи. Счастливецъ, которому удалось сдѣлать это открытіе, называется Одоардо Беккари. Въ настоящее время онъ занимается изслѣдованіемъ остъиндскаго архипелага. Вновь открытое растеніе красуется своими громадными цвѣтками въ лѣсахъ Суматры. Одоардо Беккари причислилъ его къ семейству Amorphophallus и далъ ему видовое названіе titanum. Въ поперечникѣ цвѣтовъ этого растенія имѣетъ 83 сантиметра, а по вертикальной оси—1,72 метра.

Телеграммы.

Берлинъ, 1-го декабря. Полагаютъ, что между Англіей и Россіей состоится соглашеніе, въ силу котораго Россія останется нейтральной въ продолженіе всей войны англичанъ въ Афганистанѣ, но для обезпеченія своихъ границъ въ Азіи займетъ Мервъ.

Албанская лига отклонила соглашеніе съ Портой и требуетъ полной автономіи для Албаніи.

Вѣна, 1-го декабря. Существуетъ дипломатическій проектъ послать будущей весной отряды англійскихъ и австрійскихъ войскъ въ Восточную Румелію для защиты христіанскаго населенія, послѣ ухода русскихъ.

— 2-го декабря. Газетѣ «Politische Correspondenz» сообщаютъ изъ Константинополя: «Полагаютъ, что заключеніе англо-турецкой конвенціи предстоитъ непосредственно. По слухамъ, не только многія морскія станціи будутъ предоставлены Англіи, но и нѣкоторые стратегическіе пункты турецкой территоріи будутъ прочно заняты британскими войсками.

Лондонъ, 2-го декабря. Англія ведетъ переговоры съ Китаемъ относительно торгово-политическаго трактата и, по слухамъ, переговоры скоро будутъ благополучно закончены.

По извѣстіямъ изъ Китая, тамъ вспыхнуло большое восстаніе; во главѣ движенія стоитъ бригадный генералъ, который собралъ 50,000 войска.

Парижъ, 3-го декабря. «Journal des Débats» повторяетъ слухъ, что Англія, можетъ быть, приметъ на себя гарантію по турецкому займу, взамѣнъ уступки ей гавани Александретты, которая должна служить исходною точкой малоазіятской желѣзной дороги.

Константинополь, 6-го декабря. Порта получила увѣдомленіе, что Россія не признаетъ займа, который нарушитъ права Россіи на полученіе военной контрибуціи, согласно статьямъ сан-стефанскаго договора, неотмѣненнымъ на берлинскомъ конгрессѣ. Россія будетъ вынуждена обезпечить себѣ уплату контрибуціи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 Декабря 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ" на 1879 годъ.

Журналъ «**ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ**» будетъ издаваться въ будущемъ, 1879 году, по той же програмѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ настоящемъ, 1878 году.

Гг. годовые подписчики получаютъ при первомъ нумерѣ премію, уже полученную Редакціею и состоящую изъ **олеографической картины.**

Втеченіе года будетъ выдана вторая художественная премія, тоже **олеографія**, а также **иллюстрированная литературная премія.** Кромѣ того Редакція разошлетъ своимъ подписчикамъ въ видѣ **четвертой** преміи **гравюру**, длиною 1 ар. 4 вер., шириною 13 верш. Гравюра эта составляетъ копію съ картины художника, имѣющаго міровую извѣстность. Гравюра вырѣзана на стали и такъ хороша, что, вставленная въ рамку, можетъ быть повѣшена въ любой гостинной.

Въ первыхъ нумерахъ будущаго, 1879 года, между прочими, появятся слѣдующія произведенія: «*Мужъ и жена*», романъ **А. Михайлова**; поэма **Омулевскаго**; «*Лѣсное Хозяйство*», статья **Н. В. Шелгунова**; «*Козелъ отпущенія*», повѣсть **Н. И. Северина**, *Сестра Милосердія*, романъ **Э.** и **Ж. Гонкуровъ**, въ переводѣ **П. Лѣтнева**, *Иза*, романъ **А. Бувье**; повѣсти **Н. Ф. Бажина** и **К. М. Станюковича**; *Правда о женщинахъ*, ст. **Н. И. Шульгина.** Изъ гравюръ, между прочимъ, будутъ помѣщены копіи съ картинъ: **Н. А. Богданова, Брюлова, Гуна, А. И. Мещерскаго И. Т. Михайлова** и **Шварца.**

Редакція намѣрена въ будущемъ году дать рядъ копій съ картинъ **русскихъ** художниковъ, а также біографіи и портреты замѣчательныхъ **русскихъ** дѣятелей изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ нашей общественной дѣятельности. Эти біографіи будутъ составляться подъ редакціей **А. К. Шеллера (А. Михайлова)** и **Н. И. Шульгина.** Въ 1 № будетъ помѣщенъ портретъ **М. Е. Салтыкова (Щедрина).**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ":

	На годъ.	На полгода.	На три мѣсяца.
Безъ пересылки....................	**6 р.**	**3 р. 50к.**	**1 р. 80 к.**
Съ пересылкою и доставкою........	**7 р.**	**4 р.**	**2 р.**

Подписка принимается: Въ Главной Конторѣ Журнала «**Живописное Обозрѣніе**» въ С.-Петербургѣ, Новый проспектъ, домъ № 20.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

объ изданіи

АРТИЛЛЕРІЙСКАГО ЖУРНАЛА

на 1879 годъ.

Артиллерійскій Журналъ издается при Главномъ Артиллерійскомъ Управленіи, подъ редакціею (съ мая 1875 г.) Постояннаго члена Артиллерійскаго Комитета генералъ-маіора Бѣляева. Журналъ выходитъ въ началѣ каждаго мѣсяца, книжками отъ 15-ти до 20-ти листовъ, съ чертежами и политипажами.

Въ Артиллерійскомъ журналѣ печатаются приказы по артиллеріи и циркулярныя распоряженія, какъ относящіяся до личнаго состава этого рода оружія, такъ и касающіяся матеріальной и технической части, а также помѣщается обзоръ журналовъ Артиллерійскаго Комитета, дающій понятіе о тѣхъ вопросахъ, которые обсуждаются по части преобразованія и улучшенія различныхъ отраслей артиллерійскаго дѣла. При этомъ въ большинствѣ случаевъ подробно излагаются мотивы принятія того или другаго рѣшенія.

Въ неофиціальномъ отдѣлѣ Артиллерійскаго журнала помѣщаются какъ оригинальныя, такъ и переводныя, болѣе или мѣнѣе замѣчательныя статьи по различнымъ отраслямъ артиллерійскаго дѣла, имѣющимъ значеніе въ боевомъ, техническомъ или учебно-артиллерійскомъ отношеніяхъ. Редакція Артиллерійскаго журнала принимаетъ мѣры, чтобы на ряду со статьями техническо-учебнаго характера дать развитіе отдѣлу объ употребленіи артиллеріи въ полевой, крѣпостной и осадной войнѣ.

Подписная цѣна за годовое изданіе Артиллерійскаго журнала (12 книжекъ) съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи—семь руб.

Подписка принимается въ Редакціи Артиллерійскаго журнала: въ С.-Петербургѣ, по Фурштадтской улицѣ, въ домѣ № 13.

Редакторъ, Генералъ-маіоръ **Бѣляевъ.** 1—2.

НОВАЯ
ЕЖЕДНЕВНАЯ БОЛЬШАЯ ГАЗЕТА

Бывшій издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей», К. В. Трубниковъ, подъ редакціею котораго эта газета издавалась въ теченіи пятнадцати лѣтъ (съ 1859 по 1874 годъ), приступаетъ, въ настоящее знаменательное время какъ въ области политики, такъ и финансовъ, къ возобновленію изданія большой ежедневной политической, экономической и литературной газеты безъ предварительной цензуры, подъ названіемъ:

„БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА".

«Биржевая Газета» будетъ выходить съ 1-го января 1879 года ежедневно, въ самомъ большомъ объемѣ, въ семь газетныхъ столбцовъ четкаго и убористаго шрифта. Всѣхъ нумеровъ выйдетъ 350.

«Биржевая Газета», составляя продолженіе изданія «Биржевыхъ Вѣдомостей» 1874 года, будетъ издаваться на прежнихъ основаніяхъ, съ прежнимъ направленіемъ, съ тѣмъ же всестороннимъ содержаніемъ, подъ тою-же редакціею и по той-же цѣнѣ.

«Биржевая Газета» будетъ сообщать не только то, что служитъ неотъемлемымъ содержаніемъ всякой большой политической и литературной газеты, но въ составъ ея войдутъ самые обширные матеріалы по части финансовъ, торговли, промышленности, акціонернаго дѣла, банковъ, желѣзныхъ дорогъ и т. д., не исключая и всѣхъ объявленій отъ разныхъ правленій кредитныхъ и акціонерныхъ обществъ, а также всѣхъ тиражей процентныхъ бумагъ, какъ правительственныхъ, такъ и общественныхъ учрежденій.

Въ «Биржевой Газетѣ» будутъ печататься политическія и торговыя телеграммы, какъ отъ своихъ корреспондентовъ, такъ и отъ всѣхъ телеграфныхъ агенствъ: Генеральнаго, Русскаго и Международнаго.

Условія подписки на „Биржевую Газету" 1879 года.

подписная цѣна въ россіи:

	Безъ доставки.	Съ доставкою въ Петербургѣ.	Съ пересылкою иногороднымъ.
на годъ....	16 руб.	18 руб. — коп.	20 руб.
» полгода..	8 »	9 » — »	10 »
» 3 мѣсяца	4 »	4 » 50 »	5 »

подписная цѣна за-границею съ пересылкою:

	Въ Европу, Сѣверн. Америку и Египетъ.	Въ Китай, Индію и Японію.
на годъ....	30 руб.	47 руб.
» полгода.	15 »	28 »
» 3 мѣсяца	8 »	14 »

Подписываться можно не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ «Биржевой Газеты» въ С.-Петербургѣ, на Большой Конюшенной, домъ № 15, Языковой, квар. № 22. 1—

ОБЪ ИЗДАНІИ

Литературно-Политическаго Журнала „ДѢЛО"

въ 1879 году.

Журналъ «ДѢЛО» будетъ издаваться въ 1879 году при постоянномъ участіи прежнихъ его сотрудниковъ, въ томъ-же направленіи и по той-же программѣ, какъ и въ прошлыя **двѣнадцать** лѣтъ своей дѣятельности.

Годовое изданіе журнала «ДѢЛО» состоитъ изъ *двѣнадцати* книгъ, отъ 30—32 листовъ каждая, большого формата, что составляетъ въ годъ около 400 листовъ компактной печати.

Подписная цѣна журналу на годъ:

Безъ пересылки и доставки......	14 р. 50 к.
Съ доставкой въ С.-Петербургѣ..	15 р. 50 к.
Съ пересылкой иногороднымъ....	16 р. »
» за-границу.....	19 р. »

Подписка адресуется: въ С.-Петербургъ, въ контору Редакціи журнала «ДѢЛО»—(Надеждинская ул., домъ № 39—5.)

При главной конторѣ редакціи журнала «ДѢЛО» продаются слѣдующія изданія:

Происхожденіе человѣка и половой подборъ. Чарльса Дарвина. Перев. съ англ., подъ редакціею Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна тремъ выпускамъ 5 р. сер.; съ перес. 5 р. 60 к.

Теорія естественнаго подбора. Очерки Альфреда Росселя Валласа. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Популярная гигіена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Карла Реклама. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое. 1878 г. Съ приложеніемъ «*Военной Гигіены*» д-ра Вейнмана. Съ рисунками. Ц. 2 руб.; съ пересылкой 2 р. 30 к.

Вопросы общественной гигіены. В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

О питаніи въ физіологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-ра Жюля Сира. Перев. съ французскаго, подъ редакціей А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Уроки элементарной физіологіи. Т. Гексли. Пер. съ англ., съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Изданіе третье. Ц. 1 р. 25 к.; съ пер. 1 р. 40 к.

Комедія всемірной исторіи. Іог. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмец. Два выпуска. Цѣна обоимъ выпускамъ 3 р; съ пересылкой 3 р. 50 коп.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и разсказамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна тремъ выпускамъ 2 руб; съ перес. 2 р. 50 к.

Избранныя рѣчи Джона Брайта. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Девяносто третій годъ. Романъ В. Гюго, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Ц. 2 р.; съ перес. 2 р. 40 к.

Современные политическіе дѣятели. (Біографіи и характеристики) Э. Реклю (М. Триго). Цѣна 2 р; съ перес. 2 р. 30 к.

Исповѣдь старика. Политическій романъ Ипполита Ньево, перев. съ итальянскаго В. А. Зайцева. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины. Дж. Ст. Миля. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціею и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Іог. Шерра: «*Историческія женскіе типы*». Изданіе второе. Цѣна 1 р.; съ перес. 1 р. 25 к.

Автобіографія Джона Стюарта Миля. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Внѣ общественныхъ интересовъ. Романъ П. Лѣтнева, изданный безъ предварительной цензуры. Ц. 1 р. 50 к.; съ перес. 2 р.

Американка. Романъ Луизы Алькотъ. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкой 1 р. 50 к.

Русскія историческія женщины. (Женщины до-петровской Руси). Д. Л. Мордовцева. Ц. 2 р. 75 коп.; съ перес. 3 р. 25 коп.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. В. М. Флоринскаго. Ц 50 к.; съ пер. 70 к.

Сочиненія Ѳ. М. Толстаго. (Повѣсти и разсказы.) Съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Два тома. Ц. 1 р. 50 к.; съ перес. 1 р. 80 к.

Мертвая петля. Драма въ пяти дѣйствіяхъ, Н. А. Потѣхина. Ц. 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Записки военнаго. Белетристическіе очерки, разсказы и картины изъ военнаго быта. Д. Гирса. Ц. 1 р. 60 к.; съ перес. 1 р. 80 к.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. Ж. Верна. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 коп. съ перес. 70 к.

Брилліантовое ожерелье. Романъ Антони Троллопа. Перев. съ англ. Ц. 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

На всѣ вышеозначенныя изданія **подписчикамъ журнала** *«ДѢЛО» уступается 20% съ* **номинальныхъ цѣнъ** (*стоимость книги безъ пересылки.*)

3—4.

ВѢДОМОСТИ

ТАГАНРОГСКАГО ГРАДОНАЧАЛЬСТВА будутъ выходить въ 1879 году, по прежней программѣ, два раза въ недѣлю:

ПО СРЕДАМЪ И ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ: для городскихъ подписчиковъ 5 р.
» 1/2 года » » 2 р. 50 к.
» 3 мѣсяца » » 1 р. 25 »
» 1 мѣсяцъ » » — 50 »
На годъ: для иногородн. подписчиковъ 6 р.
» 1/2 года » » 3 р.
» 3 мѣсяца » » 1 р. 75 к.
» 1 мѣсяцъ » » 1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Редакціи, Вѣдомостей, при Канцеляріи Таганрогскаго Градоначальника и у всѣхъ Полицейскихъ Приставовъ г. Таганрога, ихъ Помощниковъ и Смотрителя Волостей Градонач. 1—4.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ДОНСКОЙ ГАЗЕТЫ“

въ 1879 году.

„Донская Газета“, состоящая подъ редакціею А. А. Карасева, будетъ выходить въ будущемъ 1879 году два раза въ недѣлю — по Воскресеньямъ и Четвергамъ.

Подписная цѣна съ доставкой на домъ и пересылкой:

За годъ съ 1 Января 1879 по 1 Января 1880 года.............. 6 р.
» полгода...................... 3 » 50 к.
» мѣсяцъ........................ — 75 »

Иногородные подписчики обращаются съ требованіями о подпискѣ по слѣдующему адресу: въ Редакцію „Донской Газеты“, въ Новочеркаскъ.

2—3.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ГОДЪ „СТРЕКОЗА“ IV-Й.

ПОДПИСКА на 1879 г.

Трехгодичное изданіе художественно-юмористическаго журнала «Стрекоза» выработало ему достаточную популярность и распространенность. Программа журнала, постоянно вращающаяся около и вокругъ общественной жизни, объемлетъ самыя разнообразныя рубрики и внѣшнія литературныя формы. Она состоитъ изъ недѣльной столичной хроники, обозрѣнія чудачествъ и волшебствъ провинціальной жизни, летучихъ замѣтокъ, посвященныхъ иностранному матеріалу, беллетристики, критики, юмористической библіографіи, театра, искусствъ и проч. Въ каждомъ нумерѣ журнала фигурируютъ легкіе фельетоны, наброски, очерки, сцены, пьесы, пародіи, афоризмы, экспромты, рѣчи, посвященія, стихи, анекдоты, и проч. Со стороны иллюстрированія, въ каждомъ нумерѣ помѣщаются три большіе (въ полную страницу) рисунка и отъ 6 до 10 отдѣльныхъ каррикатуръ, силуэтовъ, художественныхъ виньетокъ, контурныхъ шалостей, капризовъ карандаша въ жанрѣ Шама, Стопа, Гревена, Буша и друг. Всѣ клише съ рисунковъ для журнала исполняются въ собственномъ ателье «Стрекозы» подъ руководствомъ выписаннаго изъ Парижа художника-спеціалиста, по новому паникографическому способу.

Годовымъ подписчикамъ на журналъ будутъ разосланы въ 1879 году двѣ даровыя преміи. Одной изъ нихъ явится чисто художественный «Театральный альбомъ»; другая премія будетъ состоять изъ 3-ей серіи «Каррикатурнаго Альбома современныхъ русскихъ дѣятелей» — на отдѣльныхъ большихъ листахъ слоновой бумаги, въ особой обложкѣ и съ приложеніемъ краткихъ біографій. Оба альбома будутъ печататься на цвѣтномъ фонѣ.

Въ журналѣ, въ качествѣ постоянныхъ сотрудниковъ, принимаютъ участіе слѣдующія лица: С. П. Андреевскій, П. В. Быковъ, И. И. Барышевъ, П. И. Вейнбергъ, И. Ф. Василевскій, (Буква), А. Ѳ. Ивановъ, (Классикъ), В. А. Крыловъ, (Александровъ), Н. А. Лейкинъ, Н. В. Максимовъ, В. О. Михневичъ, В. И. Немировичъ - Данченко, И. Л. Михайловскій, А. А. Плещеевъ, А. А. Соколовъ и многіе др. Художественная часть журнала ввѣрена Н. А. Богданову, А. Б. Броллингу, А. И. Лебедеву, В. И. Порфирьеву, В. С. Шпаку, и другимъ.

Въ редактированіи журнала принимаетъ непосредственное участіе И. Ф. Василевскій (Буква).

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛЪ:

	На годъ. Съ преміями.	На полугодіе. Безъ премій.
Съ пересылкой .	9 р. 50 к.	5 р. 50 к.

На пересылку премій по почтѣ, гг. годовые подписчики благоволятъ прилагать къ подписной суммѣ еще 50 коп. особо.

Подписку слѣдуетъ адресовать только и исключительно «въ редакцію журнала «Стрекоза», въ С.-Петербургѣ, по Лиговкѣ № 32».

Германъ Корнфельдъ

Издатель. 2—4.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ИЗВѢСТІЙ И УЧЕНЫХЪ ЗАПИСОКЪ“

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

въ 1879 году.

«ИЗВѢСТІЯ» и «УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ» Казанскаго Университета выходятъ шесть разъ въ годъ, начиная съ января мѣсяца, выпусками, содержащими въ себѣ до 15 и болѣе листовъ. По окончаніи года каждое изданіе составитъ отдѣльный томъ, до сорока листовъ съ особымъ заглавіемъ.

«Извѣстія» представляютъ собою оффиціальную исторію Университета, протоколы совѣтскихъ засѣданій, мнѣнія о диссертаціяхъ на ученыя степени, отчеты, программы курсовъ, замѣтки, касающіяся университетской жизни. — «Ученыя Записки»—труды казанскихъ профессоровъ по наукамъ историческимъ, филологическимъ, математическимъ, естественнымъ, юридическимъ и медицинскимъ, магистерскія и докторскія диссертаціи, пробныя и вступительныя лекціи, документы и неизданные памятники, отчеты факультетскихъ клиникъ и лабораторій и критико-библіографическій отдѣлъ, составляемый спеціалистами.

Подписная цѣна за оба изданія шесть рублей съ пересылкою. Студенты Казанскато Университета платятъ за годовое изданіе два руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ недопускается.

Заявленіе объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ Редакціи «Извѣстій» и «Ученыхъ Записокъ» Казанскаго Университета.

Подписка принимается въ редакціи «Извѣстій» и «Ученыхъ Записокъ» Казанскаго Университета, а также въ книжномъ магазинѣ Дубровина въ Казани

Подъ редакціей А. Осипова. 2—4.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1879 ГОДЪ

НА

Годъ второй. „ИЗУМРУДЪ“ Годъ второй.

СБОРНИКЪ РОМАНОВЪ, ПУТЕШЕСТВІЙ И НЕБОЛЬШИХЪ РАЗСКАЗОВЪ

въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскій.

Начавъ изданіе сборника въ самое трудное для всѣхъ время, т. е. въ разгаръ Русско-Турецкой войны, когда многія отрасли торговли и въ особенности книжная находились въ полномъ застоѣ, редакція, разумѣется, должна была вступить въ трудную борьбу съ различными препятствіями, но, благодаря усиліямъ и желанію пріобрѣсть своему изданію одобреніе публики, ей удалось выполнить принятую на себя задачу, хотя и не вполнѣ, но, однако, настолько, чтобы убѣдиться, что старанія эти остались не безплодными.

Множество писемъ, полученныхъ редакціею отъ Гг. подписчиковъ, обратившихся къ ней за различными свѣдѣніями и въ которыхъ они высказываютъ полное одобреніе сочиненіямъ, напечатаннымъ въ сборникѣ, служитъ, какъ нельзя лучше, доказательствомъ справедливости сказаннаго.

Презирая громкія фразы и пышныя рекламы, редакція не желаетъ прибѣгать къ нимъ, но тѣмъ не менѣе считаетъ необходимымъ замѣтить, что она надѣется угодить Гг. подписчикамъ въ 1879 году несравненно болѣе, чѣмъ въ 1878, такъ какъ ею принимаются мѣры улучшить изданіе сборника во всѣхъ отношеніяхъ и вообще сдѣлать все то, чего она не могла сдѣлать въ первый годъ, обыкновенно тяжелый для большинства издателей. Говоря яснѣе, редакція обратитъ строгое вниманіе на то, чтобы переводы помѣщаемыхъ статей отдѣлывались тщательнѣе, чтобы корректура была исправна и чтобы книги, которыя будутъ несравненно объемистѣе, выходили акуратно въ срокъ.

ПРОГРАММА.

Сборникъ будетъ выходить въ слѣдующіе сроки, а именно: между 10 и 20 числами января, марта, мая, іюля, сентября и ноября мѣсяцевъ, т. е. шесть разъ въ годъ книгами солиднаго формата и объема.

Каждая книга будетъ заключать въ себѣ не менѣе 320 страницъ, напечатанныхъ убористымъ, но пріятнымъ для глазъ шрифтомъ.

Каждая книга будетъ, по возможности, вмѣщать въ себѣ одинъ совершенно-законченный романъ и нѣсколько разсказовъ. Отъ этого правила редакція позволитъ себѣ отступить только въ такомъ случаѣ, если ей встрѣтится произведеніе очень интересное по содержанію, но велико по объему. Во всякомъ случаѣ редакція не допуститъ, чтобы произведеніе занимало болѣе 2 книгъ.

Каждое произведеніе, помѣщаемое въ сборникѣ, будетъ имѣть особую нумерацію страницъ, каждый романъ особый заглавный листъ, а для разсказовъ будетъ одна общая обертка.

Наружный видъ изданія будетъ тоже улучшенъ.

Въ настоящее время редакція имѣетъ въ виду слѣдующіе романы:

Истребитель Львовъ—изъ американскихъ нравовъ.
Мужъ графини Эммы—изъ нѣмецкой семейной жизни.
Княгиня Кастель-Франко—изъ италіанскихъ нравовъ.
По слѣдамъ убійцы—уголовный.
Драма въ Константинополѣ—изъ послѣднихъ событій на востокѣ.

И многіе другіе романы и разсказы, принадлежащіе перу лучшихъ иностранныхъ писателей.

Примѣчаніе. Впрочемъ, хотя редакція и назвала упомянутые романы, она оставляетъ за собою право замѣнить ихъ другими если ей встрѣтятся болѣе интересные.

Подписная цѣна за „Изумрудъ“ въ годъ.

Въ Москвѣ безъ доставки на домъ... 5 руб.
» » съ доставкою » » .. 5 руб. 50 к.
Съ пересылкою иногороднымъ....... 6 руб.

НА ПОЛГОДА ПОДПИСКА НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ шести книгъ, всѣ подписчики на 1879 годъ **получатъ безплатно** въ концѣ его большой историческій или уголовный романъ, который отдѣльно будетъ продаватся не менѣе 2 или 3 рублей за экземпляръ.

Въ вышедшихъ книгахъ сборника «Изумрудъ» за 1878 годъ помѣщены:

Братоубійца—Эли Бертэ.
Леила—изъ турецкихъ нравовъ.
Король Англо-Саксовъ—Э. Бульвера.
Обелискъ Нерона—изъ временъ папы Сикста V.
Пиръ смерти—изъ временъ первой французской революціи.
Ночь въ Фонтенебло—изъ царствованія Людовика XVI.
Трагическая развязка—автора романа графъ де Фуа.
Испорченая жизнь—Эли Бертэ.
Тайна индѣйскихъ офицеровъ—Миссъ Бреддонъ.
Поединокъ въ Гернейскомъ лѣсу—изъ слѣдственаго дѣла Ліонеля Варлейга—Уилки Коллинза.

и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Иногородные, желающіе выписать этотъ годъ, остающійся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, могутъ еще получить его изъ конторы редакціи по 6 рублей за экземпляръ.

Примѣчаніе. Для новыхъ иногородныхъ подписчиковъ на 1879 годъ, редакція **считаетъ возможнымъ** сдѣлать уступку, а именно: вмѣсто слѣдуемыхъ за сборникъ 1878 года, шести рублей, они благоволятъ высылать только 4 рубля.

Во избѣжаніе недоразумѣній, редакція считаетъ нужнымъ прибавить, что сборникъ за 1878 годъ уступается только тѣмъ новымъ иногороднымъ подписчикамъ на 1879 годъ, которые вышлютъ деньги за оба года одновременно, т. е. 10 рублей.

Гг. подписчиковъ просятъ покорнѣйше присылать свои адресы, написанные разборчивою рукою и съ точнымъ поименованіемъ губерній и уѣздовъ, гдѣ находится ихъ жительство.

Примѣчаніе. Желающіе получить отъ конторы сборника какія-либо свѣдѣнія, благоволятъ присылать на отвѣтъ почтовую 8 копѣечную марку.

Подписка принимается.

Въ Москвѣ въ **конторѣ редакціи** и книжныхъ магазинахъ: И. Г. Соловьева, братьевъ Улитиныхъ, В. Д. Кашкина и Центральномъ.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ обращаться исключительно только къ издателю сборника, адресуя требованія слѣдующимъ образомъ: въ г. Москву, въ контору редакціи сборника «Изумрудъ», г. Редактору-Издателю Михаилу Николаевичу Воронову, на Тверской улицѣ, домъ № 280.

Редакторъ-издатель **М. Вороновъ.** 3—4.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„СЛОВО“

въ 1879 году.

Научный, литературный и политическій журналъ «Слово» будетъ издаваться въ 1879 году въ С.-Петербургѣ, безъ предварительной цензуры, по прежней программѣ и въ прежнемъ объемѣ (отъ 20 до 30 листовъ большого формата).

Въ вышедшихъ до сихъ поръ книжкахъ журнала были, между прочимъ, помѣщены слѣдующія статьи:

Не у дѣлъ. Сцены П. Д. Боборыкина.—Записки лондонскаго врача для бѣдныхъ. Ф. Шаля. — Кто во что гораздъ. Повѣсть П. Вологдина. — Страница романа. Романъ Э. Зола.— Гражданка. Сцены А. И. Пальма. — Вогезскіе разсказы. Эркмана-Шатріана. — Идеалистка. Повѣсть Анны Стацевичъ.— Поѣздка во Фратешти. Е. Л. Ивановой.— Странные люди. Разсказъ Златовратскаго. — Бѣшеная. Разсказъ Г. И. Богрова. — Первый блинъ комомъ. В—вой.— Забытые Очерки Н. Максимова. — Сами по себѣ. Романъ П. Д. Боборыкина. — Пармская шартреза. Романъ Стендаля. — Историческое значеніе военнаго подбора. М. П. Чурилова, — Трудовое начало въ народномъ обычномъ правѣ. А. Я. Ефименко. — Экономическая теорія Маркса. Н. И. Зибера. — Новыя данныя объ общинномъ землевладѣніи въ Россіи. П. А. Соколовскаго. — Наука о языкѣ и ея отношенія къ антропологіи и соціологіи. Д. Н. Куликовскаго. — Общественно-экономическія отношенія въ юговосточной Россіи. В. П. Гиляранскаго. Культурные піонеры (этюдъ о религіозныхъ сектахъ). Д. Н. Куликовскаго. — Фердинандъ Лассаль сквозь очки Чичерина. Н. З.—Обезцѣненіе крестьянской собственности. Б. Ленскаго.— Происхожденіе и развитіе торговли и торговаго класса. М. Кулишера. — Старовѣрье. Юзова.—Лѣсное царство. П. Вологдина. — Борьба за существованіе и политическій строй. М. Кулишера.—Очеркъ исторіи обращенія съ дѣтьми. М. Кулишера. — Родовое начало въ древнемъ обществѣ. Д. А. Коропчевскаго. — Темная страна (отчетъ о путешествіи Стэнли).— Послѣднее слово буржуазной философіи. Б. Ленскаго. — Ученое невѣжество. А. А. Головачева. — Общества животныхъ, какъ матеріалъ для соціальной науки. И. Л—аго. — Вольтеръ. Жика.— Физіологическія основы поэзіи. Т—скаго. — Финансовое хозяйство Россіи. А. С. — Британскіе интересы на Востокѣ. И. И. Янжула. — Временный застой. Вл. И. Жуковскаго. — О земскихъ дѣлахъ и дѣятеляхъ.—Обозрѣніе русской и иностранной журналистики. — Политическіе вопросы дня. И. Л. — Корреспонденціи изъ Италіи, Англіи, Парижа, Германіи и пр. — Научная хроника. — Библіографія русская и иностранная.—Театръ въ провинціи и пр.

Въ приложеніи: Исторія одного преступленія. Виктора Гюго. — Программа для собиранія свѣдѣній объ общинномъ землевладѣніи. П. С. Ефименко.

подписная цѣна журнала:

	На годъ.	На полгода.
Безъ доставки и пересылки	15 р. 50 к.	8 р. — к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	16 » — »	8 » 50 »
Съ пересылкою въ другіе города	17 » — »	9 » — »
Съ пересылкою заграницу	19 » — «	10 » 50 »

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ — въ главной конторѣ редакціи, Гороховая, № 9; въ Москвѣ — у И. Г. Соловьева, Страстной бульваръ, д. Алексѣева.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ обращаться исключительно въ редакцію журнала «Слово», С.-Петербургъ, Гороховая, № 9.

Разсрочка платежа подписной суммы допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 7 руб., къ 1-му марта — 5 руб. и къ 1-му мая — 5 руб. Желающіе воспользоваться разсрочкою обращаются непосредственно въ редакцію. 2—3.

Новое хромолитографированное изданіе „СВѢТЪ и ТѢНИ"
ЖУРНАЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ и КАРРИКАТУРНЫЙ.

Успѣхъ предлагаемаго изданія, успѣхъ, вынудившій редакцію, еще задолго до окончанія полнаго подписнаго года, заявить о прекращеніи пріема подписки, за распродажей всѣхъ, заготовленныхъ въ количествѣ пяти тысячъ, экземпляровъ, служить лучшимъ выразителемъ общественнаго мнѣнія, какъ относительно его достоинствъ, такъ и той добросовѣстности, съ которой редакція, не смотря на множество, встрѣтившихся на первыхъ порахъ, затрудненій, старалась выполнять всѣ принятыя ею на себя обязательства.

Примѣчаніе. Главное изъ этихъ затрудненій — неприспособленность даже лучшихъ московскихъ литографій къ исполненію тонкихъ художественныхъ работъ — устранено тѣмъ, что редакція нашла возможнымъ выписать изъ заграницы машины послѣднихъ конструкцій и открыть при главной конторѣ собственныя хромолитографическое и типографское заведеніе, въ которыхъ съ 15-го ноября этого года и производятся всѣ работы по журналу.

Въ 25-ти выпускахъ, вышедшихъ въ теченіи первыхъ 6-ти мѣсяцевъ существованія, журнала «Свѣтъ и Тѣни» было помѣщено:

1) Сто страницъ большого формата каррикатуръ и рисунковъ, принадлежащихъ карандашу такихъ извѣстныхъ художниковъ, какъ академики — К. А. Трутовскій, А. К. Саврасовъ, каррикатуристы — Н. А. Богдановъ, И. И. Клангъ, М. А. Виноградовъ и др. — 2) Около пятидесяти отдѣльныхъ, оригинальныхъ и фотогравюрныхъ картинъ (портретовъ, бытовыхъ сценъ, эскизовъ, видовъ замѣчательныхъ мѣстностей, копій съ произведеній великихъ художниковъ и пр.). — 3) Шесть ежемѣсячныхъ премій— большихъ (около $^{3}/_{4}$ арш. дл. и 9-ти вершк. выш.) фотогравюръ, и, наконецъ, 4) Литературныя приложенія, въ которыя вошли: два большихъ оригинальныхъ романа — историческій «Драма на Лубянкѣ». И изъ уголовной хроники новыхъ судовъ — «Глухою ночью». Знаменитая поэма Кольриджа. «Пѣснь стараго моряка» иллюстрированная 12-тью большими рисунками Густава Доре; множество разсказовъ, повѣстей, стихотвореній, юмористическихъ сценъ, фельетоновъ, очерковъ изъ жизни замѣчательныхъ людей, біографій, исторій происхожденія различныхъ игръ, забавъ и обычаевъ, художественныхъ и театральныхъ обозрѣній и проч.

Если ко всему сказанному прибавить, что большая часть поименованныхъ картинъ, каррикатуръ и рисунковъ, — составляющихъ только половину того, что войдетъ въ полное годовое изданіе, — были иллюминованы красками и, что кромѣ того всѣ годовые подписчики получатъ еще безплатную годовую премію — большую олеографическую картину,— то успѣхъ журнала сдѣлается понятенъ каждому.

Примѣчаніе. Для подписчиковъ 1879 года, въ видѣ такой преміи, редакція предполагаетъ выдать олеографическую, сдѣланную въ натуральную величину (около 2-хъ дл. и 1 арш. выш.) копію съ послѣдней, надѣлавшей столько шума, картины академика К. А. Трутовскаго: «Ночь на Ивана Купалу въ Малороссіи». Сюжетъ годовой преміи 1878 г. заимствованъ изъ заграничныхъ олеографій, и немедленно по полученіи всего заказа будетъ разосланъ гг. подписчикамъ.

Съ января мѣсяца 1879 года редакція, паралельно съ изданіемъ журнала «Свѣтъ и Тѣни», намѣрена издавать и другое, освобожденное отъ предварительной цензуры и располагающее самой широкой программой, еженедѣльное изданіе.

„МІРСКОЙ ТОЛКЪ"
ЖУРНАЛЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ,

главной задачей котораго будетъ — отвѣчать на всѣ тѣ вопросы, на которые не въ состояніи отвѣтить журналъ «Свѣтъ и тѣни», чтобы, такимъ образомъ, за сравнительно ничтожную подписную плату (12 р. — за оба изданія) дать возможность, необладающему излишними средствами читателю, замѣнить ими — и ежедневную политическую газету, и литературный сборникъ, и художественно иллюстрированное изданіе и даже журналъ каррикатурный и юмористическій.

Согласно съ этой задачей, «Мірской Толкъ» будетъ также, какъ и «Свѣтъ Тѣни», выходить еженедѣльными выпусками (50 №№ — въ годъ), въ форматѣ большихъ заграничныхъ иллюстрацій, по слѣдующей программѣ:

1) Статьи, извѣстія и обозрѣнія по предметамъ и явленіямъ внутренней жизни: правительственныя распоряженія и узаконенія. 2) Статьи, извѣстія и обозрѣнія по предметамъ внѣшней политики. 3) Беллетристика — оригинальные и переводные романы, повѣсти, драмы, комедіи, путешествія, юмористическіе разсказы, сцены и стихотворенія. — 4) Театръ и музыка. — 5) Новѣйшія открытія и изобрѣтенія. — 6) Очерки изъ исторіи искусствъ и словесности.— 7) Критика и библіографія.— 8) Фельетоны.— 9) Корреспонденціи, русскія и заграничныя. — 10) Судебная хроника. — 11) Смѣсь. — 12) Почтовый ящикъ и отвѣты редакціи. — 13) Справочный Листокъ. — 14) Частныя и казенныя объявленія

Въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, всѣ гг. подписавшіеся на журналъ «Мірской Толкъ», кромѣ еженедѣльныхъ выпусковъ, будутъ безплатно (съ прибавкою, впрочемъ, 1 р. 20 к. почтовыхъ расходовъ) въ теченіи всего года получать ежедневныя приложенія, заключающія въ себѣ: телеграфныя извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій и всѣ послѣднія политическія новости, сообщаемыя въ лучшихъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ газетахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ОБА ИЗДАНІЯ:

На журналъ «Свѣтъ и Тѣни»:

На годъ съ достакой и пересылкой .... 9 р.
» $^{1}/_{2}$ года » » .... 6 »

На журналъ «Мірской Толкъ»:

На годъ съ доставкой и пересылкой .... 7 р.
» $^{1}/_{2}$ года » » .... 4 »

Лица, подписавшіяся на оба изданія, вмѣсто 16-ти платятъ всего 12 р. за полное годовое изданіе и 7 р. — при подпискѣ на шесть мѣсяцевъ.

Подписка принимается: 1) въ Москвѣ: въ главной конторѣ редакціи (Сретенка, домъ Шагаева), а также и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. 2) Въ Петербургѣ: при книжномъ магазинѣ О. И. Бакста. 3) Въ Казани: при книжномъ магазинѣ «Восточная Лира«. 4) Въ Одессѣ: въ собственномъ отдѣленіи конторы (Дерибасовская ул., д. княгини Ди-Санъ-Лоренцо. 5) Въ Парижѣ: въ генеральномъ Агентствѣ редакціи (Rue Lafayette, 142).

Гг. иногородные благоволятъ обращаться съ требованіями исключительно въ главную контору редакцій журналовъ «Мірской Толкъ» и «Свѣтъ и Тѣни».

Редакторъ-издатель **Н. Пушкаревъ**. 2—3.

„ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ", бывшій „ДѢТСКІЙ САДЪ",

будетъ выходить въ 1879 году въ направленіи, принятомъ въ 1876 г. Правильное практическое воспитаніе возможно лишь тогда, когда выяснена теорія. Редакція поставила себѣ задачей въ статьяхъ о развитіи умственнаго и нравственнаго строя ребенка и о предметахъ преподаванія выяснить теорію, на которой должно быть основано воспитаніе. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи даются отзывы о педагогическихъ и дѣтскихъ книгахъ и журналахъ. Въ отдѣлѣ смѣси — замѣтки изъ воспитательной практики. Въ отдѣлѣ чтенія для дѣтей старшаго и младшаго возраста помѣщаются разсказы, стихотворенія, біографіи, статьи естественно-научнаго содержанія, путешествія. Для младшаго возраста прилагаются рисунки. Въ 1878 г. были помѣщены статьи въ педагогическомъ отдѣлѣ: «Вліяніе семьи и школы, Забывчивость, Мнѣніе англійскаго педагога объ экзаменахъ, Теорія воспитанія Спенсера, Дюбуа Реймонъ о современномъ образованіи, Причина дѣтской смертности, Португалова, Женское рукодѣлье М. Артемьевой, Дѣти-игрушки, Что должно требовать отъ учителя, Чтеніе, Какъ воспитывать женщину, Воля, преподаваніе географіи, Глухота къ нотамъ». Въ отдѣлѣ чтенія для дѣтей старшаго возраста: «Вильямъ Пеннъ, Сказка о рубашкѣ, Булатъ и мысль, стихотвореніе, Бури и кораблекрушенія Зеленый островъ. Изъ пѣсенъ о городѣ, стихотвореніе А. Михайлова, Н. А. Некрасовъ, М. Артемьевой, съ портретомъ Некрасова». Для младшаго возраста: «Встрѣча, съ рисункомъ, Пропажа Лены, Каучукъ и гуттаперча, Погоня при лунномъ свѣтѣ, Алена, разсказъ М. Артемьевой, съ рисункомъ, Пчелы, съ рисункомъ».

Журналъ выходитъ въ объемѣ отъ 5—6 листовъ въ 8-ю долю большого формата. Цѣна 4 р. 50 к. безъ доставки; съ пересылкой и доставкой — 5 р. Подписка принимается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, и въ редакціи: Екатерингофскій пр., д. № 51, кв. 4.

Издатель **А. Поповъ**. Редакторъ **Н. Бѣлозерская**.

Изданія въ пользу высшихъ женскихъ курсовъ М. Цебриковой:

Эмиль XIX вѣка А. Эскироса, съ приложеніемъ статьи, Теорія воспитанія Спенсера; 2-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к.

Новая жизнь, романъ Ауэрбаха, изъ быта народныхъ учителей. Ц. 2 р. 20 к.

Медицина и медики Э. Литтре. Ц. 2 р.

Разсказы о погибшихъ дѣтяхъ, Н. Р., выпускъ 1-й, повѣсть—«Маменьки». Ц. 60 к. Выпускъ 2-й—«Самодуры». Ц. 50 к.

Депутатъ города Парижа. Романъ изъ временъ 2-й Французской имперіи. Ц. 2 р. 2—4.

Объ изданіи въ 1879 году еженедѣльнаго журнала „СЕЛЬСКОЕ ЧТЕНІЕ".

Названіе журнала указываетъ уже цѣль его — служить сельскому населенію. Мы думаемъ, что это населеніе нуждается въ чтеніи, изъ котораго оно могло бы извлекать свѣдѣнія, полезныя въ его быту и непосредственно приложимыя къ жизни, пріобрѣтать по разнымъ отраслямъ наукъ познанія, необходимыя для болѣе полнаго уразумѣнія явленій природы, среди которой оно живетъ и, наконецъ, узнавать своевременно хотя о главнѣйшихъ событіяхъ внутренней и внѣшней жизни нашего отечества и сосѣднихъ государствъ. За тѣмъ, сельское населеніе, наравнѣ съ городскимъ, нуждается въ чтеніи, которое удовлетворяло бы его духовнымъ потребностямъ, то есть потребностямъ ума, воображенія и сердца.

Сообразно такому взгляду на потребности сельскаго населенія, въ содержаніе журнала «**Сельское Чтеніе**» входятъ: правительственныя распоряженія; статьи духовнаго и нравственнаго содержанія; извѣстія о внутренней жизни Россіи; земская лѣтопись; статьи научныя по сельскому хозяйству, врачеванію и промысламъ; краткіе обзоры главнѣйшихъ текущихъ событій какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ; извѣстія о новыхъ полезныхъ книгахъ различнаго содержанія, о новыхъ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ и проч. Понятно, что въ каждомъ нумерѣ не можетъ быть статей по всѣмъ указаннымъ предметамъ, — перечень этотъ выражаетъ лишь общее содержаніе журнала. Въ каждомъ отдѣльномъ нумерѣ бываетъ одна статья по какому-либо вопросу внутренней жизни, одна или двѣ статьи техническія, иногда статья религіознаго содержанія, на тѣмъ извѣстія внутреннія, политическое обозрѣніе, или историко-политическія статьи. Въ такомъ своемъ видѣ, выработанномъ по указаніямъ опыта «Сельское Чтеніе» сообщая каждую недѣлю всѣ важнѣйшія извѣстія, можетъ замѣнить сельскому жителю газету и доставить ему много полезныхъ свѣдѣній, приложимыхъ къ практической жизни.

Мы приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы внѣшность «Сельскаго Чтенія» была вполнѣ изящная въ отно-

шеніи бумаги, печати и рисунковъ къ научнымъ статьямъ.

«Сельское Чтеніе» выходитъ каждую недѣлю, кромѣ праздниковъ Рождества Христова и Св. Пасхи, такъ что въ теченіи года выйдетъ 48 нумеровъ; каждый нумеръ будетъ состоять изъ 16 страницъ въ два столбца.

Считаемъ долгомъ присовокупить, что Ученый Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, разсмотрѣвъ наше изданіе, одобрилъ «Сельское Чтеніе» для библіотекъ начальныхъ народныхъ училищъ и учительскихъ семинарій.

Подписная цѣна на «Сельское чтеніе»:

	На годъ	На ½ года	На 3 мѣсяца
Безъ пересылки..	3 руб.	2 р. —	1 р. 25 коп.
Съ пересылкою...	4 »	2 » 50 коп.	1 » 50 »

Отдѣльные нумера «Сельскаго Чтенія» продаются по 10 к. и высылаются по почтѣ, если при требованіи приложены почтовыя марки на 16 коп.

Подписка на «Сельское Чтеніе» принимается:

Въ Петербургѣ въ книжн. маг. «Русская книжная торговля»: Невскій, противъ гостинаго двора, домъ № 42.

Въ Москвѣ: Въ книжн. маг. И. И. Смирнова, Моховая, въ зданіи Университета.

Въ Вильнѣ: Въ конторѣ **«Сельскаго Чтенія»**.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ обращаться исключительно въ Вильну, надписывая свои письма: *въ Вильну, Сергѣю Андреевичу Полю.* 2—4.

Съ 1-го января 1879 года будетъ выходить еженедѣльное изданіе:

"ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ",

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

ПРОГРАММА:

1) Правительственныя распоряженія и узаконенія по всѣмъ частямъ государственнаго управленія. 2) Политическія извѣстія. 3) Земство. 4) Судебная хроника. 5) Научное и художественное современное обозрѣніе. 6) Характеристика общественной жизни. 7) Смѣсь, отрывочныя извѣстія, замѣтки, разсказы, очерки этнографическіе, историческіе, сельско-хозяйственные и проч. 8) Телеграммы политическія и торговыя. 9) Казенныя и частныя объявленія.

Газета выходитъ еженедѣльно въ размѣрѣ листа. Особенно важныя или срочныя свѣденія сообщаются въ теченіи недѣли отдѣльными прибавленіями.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

За годъ 6 руб. съ пересылкой и доставкой; въ отдѣльной продажѣ 15 коп. за нумеръ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Симбирскѣ, въ редакціи газеты.
Въ Казани, въ книжномъ магазинѣ А. С. Дубровина, на Воскресенской, противъ университета.
» Самарѣ, въ книжномъ магазинѣ Грау.

Редакторъ-издатель **В. Черниковъ**, 2—3.

„ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО".

Иллюстр. журн. для дѣтей и юношества. Цѣна въ годъ на отд. для дѣтей 5 р., съ пер. 6 р., на отд. для юношества 5 р., съ пер. 6 р. Контора редакціи при книжн. маг. М. О. Вольфа въ Спб. и Москвѣ. 2—4.

ИЗДАНІЕ ПРИДВОРНАГО Е. И. В. КНИГОПРОДАВЦА К. К. РЕТГЕРА

ПОДЪ ФИРМОЮ ШМИЦДОРФЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1879 ГОДЪ.

НА

САМЫЙ ПОЛНЫЙ И САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ

ДАМСКІЙ МОДНЫЙ И ИЛЛЮСТРИРОВАННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

„НОВЫЙ РУССКІЙ БАЗАРЪ".

Честь имѣю заявить, что съ настоящаго времени, право на изданіе моднаго журнала **«Новый Русскій Базаръ»** перешло ко мнѣ въ полную мою собственность. Доводя объ этомъ до свѣденія многоуважаемыхъ гг. подписчиковъ, я не нахожу нужнымъ прибѣгать къ многообѣщающей рекламѣ. Извѣстность моей фирмы, существующей уже болѣе пятидесяти лѣтъ, и лестное довѣріе къ ней, не только въ Петербургѣ, но и повсюду въ Россіи, могутъ служить самымъ лучшимъ ручательствомъ въ томъ, что дѣло изданія пойдетъ впредь добросовѣстно и аккуратно.

Принявъ всѣ мѣры, чтобы журналъ «Новый Русскій Базаръ» отличался изяществомъ, полнотою и разнообразіемъ какъ въ техническомъ, такъ и въ литературномъ отношеніяхъ, я вполнѣ увѣренъ, что журналъ этотъ, — издаваемый съ сего времени, одной изъ извѣстнѣйшихъ и старѣйшихъ фирмъ (Шмицдорфъ), — пріобрѣтетъ здѣсь, въ Россіи, такое же заслуженное вниманіе почтенной публики, какимъ давно уже пользуется онъ повсюду заграницей, печатаясь на двѣнадцати языкахъ и расходясь въ количествѣ болѣе полмилліона экземпляровъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ. Въ С.-Петербургѣ:	р.	На полгода. Въ С.-Петербургѣ:	р. к.
безъ доставки........	6	безъ доставки	3 50
съ доставкою	7	съ доставкою......	4 —
Въ Москвѣ:		Въ Москвѣ:	
безъ доставки........	7	безъ доставки	4 —
съ доставкою	8	съ доставкою......	4 50
съ пересылкою во всѣ города России.........	8	съ пересылкою во всѣ города Россіи..	4 50

Журналъ **«Новый Русскій Базаръ»** въ 1879 году будетъ выходить въ количествѣ 48 нумеровъ въ годъ, т. е. четыре нумера въ мѣсяцъ, въ самомъ большомъ форматѣ (in-folio), (два модныхъ и два литературныхъ) и будетъ заключать въ себѣ въ теченіе года:

ВЪ МОДНЫХЪ НУМЕРАХЪ:

== Около 3,000 рисунковъ парижскихъ модъ, нарядовъ (дамскихъ и дѣтскикъ), и рукодѣлій.
== Значительное количество изящныхъ узоровъ по канвѣ, атласу, кожѣ, шелками и бисеромъ.
== Выкройки, рисунки и мѣтки бѣлья: дамскаго, мужского и дѣтскаго.
== До 800 выкроекъ въ натуральную величину на 24 большихъ листахъ.
== 12 изящно раскрашенныхъ парижскихъ модныхъ картинокъ, работы извѣстнѣйшихъ французскихъ художниковъ.
== 24 вырѣзныя выкройки въ натуральную величину.
== Текстъ, то есть самое подробное описаніе всѣхъ работъ.

ВЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ НУМЕРАХЪ:

Оригинальные и переводные романы, повѣсти и разсказы для семейнаго чтенія, съ иллюстраціями. — Стихотворенія. — Картины изъ семейной и общественной жизни. — Виды замѣчательныхъ зданій и мѣстностей съ описаніемъ ихъ. — Біографіи замѣчательныхъ лицъ, съ портретами ихъ. — Новости изъ области литературы, искуства и музыки. — Смѣсь (фельетонъ). — Анекдоты. — Описаніе новѣйшихъ модъ. — Новые музыкальные пьесы извѣстныхъ композиторовъ. — Хозяйство и проч.

Кромѣ того, гг. подписчики получатъ въ теченіе года вмѣстѣ съ литературными нумерами нѣсколько безплатныхъ премій, въ видѣ акварельныхъ картинъ, гравюръ и пр.

Подписка принамается: въ главной конторѣ редакціи «Новый Русскій Базаръ» въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., № 5, при придворномъ книжномъ магазинѣ Шмицдорфъ (К. Ретгеръ); въ Москвѣ — у книгопродавцевъ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Алексѣева, И. П. Анисимова, на Никольской ул. д. Заиконоспасскаго монастыря, А. Лангъ, на Кузнецкомъ мосту, и Б. Постъ, на Ниглинной, въ д. Фирсанова.

Примѣчаніе: Многіе изъ иногородныхъ нодписчиковъ присылали свои требованія на журналъ 1878 г. въ январѣ, февралѣ и даже въ мартѣ мѣсяцахъ и редакція, не имѣя въ виду того, что число подписчиковъ увеличится на нѣсколько тысячъ противъ 1877 года, вынуждена была печатать второе изданіе, при чемъ приложенія, печатаемыя отдѣльно заграницею, не могли быть напечатаны вторично и потому подписчики, запоздавшіе съ своими требованіями на журналъ, получили его безъ прибавленія. Вслѣдствіе этого, редакція покорнѣйше проситъ иногородныхъ подписчиковъ присылать свои требованія заблаговременно и, по возможности, обращаться съ ними прямо въ редакцію «Новаго Русскаго Базара».

Издатель: Придворный Е. И. В. книгопродавецъ
К. К. Ретгеръ (подъ фирмою Шмиццорфъ).

3—4.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА САМУЮ ДЕШЕВУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ

ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„НОВОСТИ"

НА 1879 ГОДЪ.

Газета **„Новости"** выходитъ **безъ предварительной цензуры** ежедневно, не исключая понедѣльниковъ, полными нумерами, а въ дни, слѣдующіе за табельными праздниками, въ видѣ прибавленій или телеграфныхъ бюллетеней.

Газета «Новости», по подписной цѣнѣ, **на половину дешевле всѣхъ большихъ ежедневныхъ газетъ,** а по разнообразію, полнотѣ и свѣжести содержанія, стоитъ на одномъ уровнѣ съ ними, въ чемъ можетъ убѣдиться каждый читатель, сравнивъ содержаніе любаго нумера «Новостей» съ нумерами другихъ газетъ, вышедшими въ одинъ и тотъ же день.

Что касается литературнаго отдѣла газеты, то редакція успѣла уже до первой половииы сентября помѣстить въ газетѣ болѣе пятидесяти большихъ беллетристическихъ и публицистическихъ произведеній наиболѣе популярныхъ и серьезныхъ, русскихъ и иностранныхъ писателей. Вотъ названія главнѣйшихъ сочиненій: «Барбарусса», ром. П. Гейзе. — «Трубачъ голубыхъ гусаровъ», Эркмана-Шатріана. — «Тысяча одна брачная ночь», нѣсколько разсказовъ Катреля — «Тактика маркиза», разск. Уида.— «Исторія преступленія», В. Гюго. — «Блудный сынъ, І. І. Крашевскаго (еще печатается). — «Банкиръ воровъ», романъ де-Лонея. — «Романъ княгини», Поля Бонно. — «Отравительница», разсказъ. — «Открытъ!», разск. — «Драматическій эпизодъ изъ исторіи Ватикана». — «Не стая вороновъ слеталась», ориг. очеркъ. — «Среди милостивыхъ государей», оригинильный очеркъ. — «Подъ шумъ войны», ориг. романъ изъ петербургскихъ нравовъ. — «Среди мармоновъ», оч. Пашино. — «Изъ области преступленій», ориг. разск. — «Передъ подпиской», ориг. очеркъ. — «Кавалеръ на часъ», ориг. разсказъ. — «Въ пріемномъ покоѣ», ориг. сцены. — «Букетъ изъ плѣнныхъ турокъ», ор. очеркъ Пашино. — «Осада Индѣйцевъ», разсказъ. — «Воспоминаніе о королѣ Викторѣ-Эммануилѣ», Пашино. — «Невидимые когти», ориг. разск. — «Набобъ», разск. Додэ. — «Семидесятилѣтняя годовщина Чарльза Дарвина». — «На спиритическомъ сеансѣ у Слэда», ориг. очеркъ. — «Что я видѣлъ и слышалъ у мистера Слэда», ориг. очеркъ. — «Возможенъ ли походъ въ Индію?», Пашино. — «Генри Стэнли», очеркъ. — «Возвращеніе Стэнли», очеркъ. — «59-я годовщина с.-петербургск. университета». — «Умственное движеніе во Франціи». — «Очеркъ дѣятельности академика Бэра». — «Суевѣрія, какъ источникъ преступленій», очеркъ. — «Практическій взглядъ на предстоящую тюремную реформу. — «Культъ усопшихъ», ст. Литрова. — «Мужичій поэтъ» (характеристика Некрасова). — «Статьи Леруа-Болье и Петтенкофера. — «Походныя письма сестры милосердія» (8 пис.). — «Еще по поводу дѣятельности славянскаго общества». — «Письма о парижской выставкѣ». — «Первая любовь Нодье», разсказъ Поля Феваля. — «Семейныя драмы», рядъ романовъ Монтепена. — «Около чужихъ милліоновъ», оригин. очеркъ. — «Дневникъ молодой женщины», романъ Октава Фелье. — «Розовое домино», романъ Бувье (печатается). — «Интригантка», романъ Г. Яковлева (печатается). — «Уголовно-интендантскіе мемуары». — «Историческій очеркъ нашихъ сношеній съ Китаемъ» по непереведеннымъ китайскимъ документамъ. — «Ядовитая трава», разск., перев. съ китайскаго. — «Мелочи архіерейской жизни», рядъ очерковъ Лѣскова — Стебницкаго (печатается). — «М. М. Антакольскій, біогр. оч. Л. Леванда, и т. д. Кромѣ того, рядомъ съ помѣщаемыми въ газетѣ оригинальными и переводными произведеніями извѣстныхъ писателей, Редакція знакомитъ читателей, посредствомъ компиляцій и извлеченій, съ наиболѣе выдающимися произведеніями нашей журнальной и книжной литературы.

Изъ всего изложеннаго здѣсь читатели могутъ убѣдиться въ томъ, что, при относительно крайне дешевой подписной цѣнѣ, газета **„Новости"** даетъ самое разнообразное чтеніе, удовлетворяющее требованіямъ всѣхъ сословій и классовъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ образованности.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ: на 1 г. 8 р., на 11 м. 7 р. 50 к., на 10 м. 7 р., на 9 м. 6 р. 50 к., на 8 м. 6 р., на 7 м. 5 р. 50 к, на 6 м. 5 р., на 5 м. 4 р. 50 к., на 4 м. 3 р. 80 к, на 3 м. 3 р., на 2 м. 2 р., на 1 м. 1 р.

Съ пересылкою: на 1 г. 9 р., на 11 м. 8 р. 25 к., на 10 м. 7 р. 50 к., на 9 м. 7 р., на 8 м. 6 р. 50 к, на 7 м. 5 р. 75 к., на 6 м. 5 р., на 5 м. 4 р. 50 к., на 4 м. 4 р., на 3 м. 3 р., на 2 м. 2 р., на 1 м. 1 р

Подписывающіеся сразу на всѣ послѣдніе мѣсяцы 1878 г. и на весь 1879 годъ платятъ за время съ 1-го сентября 1878 г. по 31-е декабря 1879 г., т. е. **за 16 мѣсяцевъ, всего 12 р. 50 к.,** съ 1-го октября 1878 года по 31-е декабря 1879 г., т. е. **за 15 мѣсяцевъ — 11 р. 50 к.,** съ 1-го ноября—10 р. 50 к., и съ 1-го декабря — 9 р. 75 к.

Разсрочка платежа допускается чрезъ посредство казначеевъ или по соглашенію съ конторою редакціи.

Письма и деньги адресуются: *въ Петербургѣ, въ редакцію газеты «НОВОСТИ».* 3—6.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1879 ГОДУ

ГАЗЕТЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ И ГИГІЕНЫ

„ВРАЧЕБНЫЯ ВѢДОМОСТИ"

для врачей, публики и земства.

Сообщеніе новостей изъ области медицины и гигіены, извѣстій о событіяхъ въ медицинскомъ мірѣ, о ходѣ санитарнаго дѣла, разсмотрѣніе профессіональныхъ и общественныхъ вопросовъ, ознакомленіе публики и земства съ положеніями общественной гигіены и медицины — вотъ, въ главныхъ чертахъ, задачи **„Врачебныхъ Вѣдомостей".** Въ теченіе трехъ лѣтъ «Врачебныя Вѣдомости» неуклонно стремились къ поставленнымъ задачамъ и въ каждомъ № помѣщались свѣдѣнія о дѣятельности врачебныхъ учрежденій и обществъ, о положеніи врачебнаго и санитарнаго дѣла, извѣстія изъ врачебнаго быта, рефераты новѣйшихъ работъ по разнымъ отраслямъ медицины и гигіены и пр. Въ послѣднее-же время, въ виду бывшей войны, вызвавшей къ театру военныхъ дѣйствій большинство врачей, отдавалось довольно мѣста вопросамъ военной медицины, положенію военныхъ врачей и вообще врачебной дѣятельности на войнѣ и послѣ нея. Всѣ текущіе явленія и вопросы, интересующіе врачебную корпорацію, не только были сообщаемы, но и обсуждаемы въ газетѣ. Имѣя особый отдѣлъ **„Зем-**

ско-медицинское дѣло“ и газета посвящаетъ довольно мѣста сообщеніямъ и обсужденію явленій земской жизни; равно также и популярное изложеніе врачебныхъ и гигіеническихъ совѣтовъ имѣетъ въ виду служить интересамъ и удовлетворять нужды публики. «Врачебныя Вѣдомости» выходятъ въ 1879 году по той же программѣ и въ такомъ же размѣрѣ.

Къ свѣдѣнію земствъ и врачей. Въ 1878 г. «Врачебныя Вѣдомости» расширили справочный отдѣлъ преимущественно о свободныхъ вакансіяхъ въ земствахъ, городахъ, войскахъ и проч., чтобы земскія учрежденія могли получать свѣденія о лицахъ, желающихъ поступить на медицинскую службу, и чтобы врачи получали своевременныя извѣстія о свободныхъ мѣстахъ и условіяхъ службы. Подписная цѣна остается таже.

Безъ пересылки на годъ 6 р., на 6 мѣс. 4 р., на 3 мѣс. 2 р., на 1 мѣс. 75 коп.

Съ доставкою и пересылкою на годъ 8 р., на 6 мѣс. 5 р., на 3 мѣс. 3 р., на 1 мѣс. 1 р.

Подписка принимается: въ *Петербургѣ* — въ конторѣ редакціи, Литейный просп., д. № 51, кв. № 21, и, сверхъ того, въ книжныхъ магазинахъ гг. Исакова, Попова, Риккера, Черкесова, въ «магазинѣ для иногородныхъ» и др. Въ *Москвѣ* — въ книжныхъ магазинахъ Соловьева и въ «центральномъ». Въ *Казани* — въ магазинѣ «Восточная Лира». Гг. иногородные адресуютъ письма и требованія исключительно въ контору редакціи «Врачебныхъ Вѣдомостей». Въ конторѣ редакціи имѣется ограниченное число экземпляровъ изданія за 1876 годъ, которые высылаются желающимъ брошюрованными по цѣнѣ 8 р., за годовое изданіе.

Редакторъ-издатель **П. А. Илинскій.** 3—4.

въ 1879 году

„СЕМЬЯ И ШКОЛА“,

(ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ),

иллюстрированный журналъ домашняго и общественнаго воспитанія.

Будетъ издаваться по той-же программѣ, въ тѣже сроки и въ такомъ-же объемѣ, какъ и въ 1878 году.

Полное годовое изданіе журнала состоитъ изъ **двадцати двухъ книгъ и сорока нумеровъ «Педагогической хроники».** Подписная цѣна на полный журналъ съ пересылкою **12** р.

Полное изданіе состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, на которые допускается также отдѣльная подписка:

I. **Семейное чтеніе (отдѣлъ для дѣтскаго чтенія)** выходитъ ежемѣсячно, т. е. 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. **10** р.

II. **Воспитаніе и обученіе (отдѣлъ для родителей и воспитателей)** выходитъ въ количествѣ 10 книхъ (т. е. ежемѣсячно, кромѣ іюня и іюля), съ добавленіемъ **«Педагогической хроники»**, выходящей въ количествѣ 40 нумеровъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. **5** р.

Семейное чтеніе даетъ статьи религіозно-нравственнаго содержанія, разсказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и пр., а также игры, работы, рукодѣлія, мастерства и проч. матеріалъ для физическаго и умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картины.

Воспитаніе и обученіе съ „Педагогическою хроникою“ содержитъ въ себѣ: общія статьи педагогическаго содержанія, статьи по воспитанію и обученію домашнему и общественному (высшему, среднему и начальному), нравственному, умственному и физическому; критику и библіографію; біографическіе очерки педагоговъ и статьи по исторіи педагогіи; отдѣлъ математическій (самостоятельныя изслѣдованія въ области элементарной математики; разработка тѣхъ или другихъ частей курса учебныхъ заведеній на научно-педагогическихъ основаніяхъ, и т. п.) **„Педагогическая хроника“** даетъ отчеты по текущимъ вопросамъ учебно-воспитательнаго дѣла какъ въ Россіи, такъ и заграницею и полную библіографію вновь выходящихъ по воспитанію и обученію книгъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-Пб. Васильевск. остр., 15-я линія, д. № 8, кв. № 20; или адресуется просто: **Въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Семья и Школа“** (адресъ почтамту извѣстенъ),—съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

Редакторъ-Издатель **К. Краевичъ.** 3—4.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1879 г.

НА НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ И ГИГІЕНИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„ЗДОРОВЬЕ“.

Органъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія,

издаваемый подъ редакціей профессора Гигіены въ Императорской Медико-хирургической Академіи **А. П. Доброславина.**

Въ наступающемъ 5-мъ году изданія Редакція журнала «Здоровье» имѣетъ въ виду слѣдовать прежней программѣ — распространять въ популярной формѣ изложенія гигіеническія истины и предлагать обществу наиболѣе целѣсообразныя мѣры для охраненія здоровья. Какъ и прежде, всѣ стороны быта — гигіена дѣтей, воспитанія, школьной жизни, гигіена взрослыхъ въ различныхъ отрасляхъ профессій, гигіена казармъ, больницъ и др. общественныхъ учрежденій, городовъ, ихъ ассенизація, вопросы дезинфекціи, медикополицейскія мѣры для охраны доброкачественности пищи, воды, напитковъ, и пр. не менѣе важные отдѣлы здравохраненія будутъ изложены въ общедоступной формѣ. Кромѣ того журналъ постоянно заботится о сообщеніи свѣденій, касающихся санитарной дѣятельности земствъ и городскихъ управленій, равно какъ и о санитарныхъ новостяхъ заграничной литературы. Библіографическія указанія о всѣхъ новыхъ книгахъ по гигіенѣ тоже найдутъ въ журналѣ свое мѣсто, какъ и въ прошедшіе годы. Въ журналѣ помѣщаютъ всѣ прототолы, труды русскаго общества охраненія народнаго здравія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

За годъ съ пересылкой......... 5 руб.
За полгода съ пересылкой ...... 3 »

Гг. служащіе подписываются черезъ своихъ казначеевъ.

Иногородные адресуютъ деньги и требованія въ Редакцію, помѣщающуюся на Выборской сторонѣ по Нижегородской улицѣ № 4, въ зданіи Императорской Медико-хирургической Академіи, а городскихъ подписчиковъ просятъ обращаться въ контору журнала, въ типографіи Н. А. Лебедева, Невскій пр., д. № 8. 3—4.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„АСТРАХАНСКАГО СПРАВОЧНАГО ЛИСТКА“.

Съ разрѣшенія главнаго управленія по дѣламъ печати, «Астраханскій Справочный Листокъ» будетъ выходить въ наступающемъ 1879 году ежедневно кромѣ дней послѣ-праздничныхъ: по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ въ прежнемъ размѣрѣ, а въ промежуточные дни въ видѣ прибавленій къ предшествовавшимъ нумерамъ, по мѣрѣ накопленія матеріала

Извѣщая объ этомъ, редакція считаетъ не лишнимъ присовокупить, что для приданія болѣе мѣстнаго интереса газетѣ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ ея размѣра, увеличено число сотрудниковъ и корреспондентовъ. Цѣна же газеты остается прежняя, именно:

	Въ Астрахани.	Чрезъ почту.
На годъ............	6 р. — к.	7 р. 50 к.
» полгода.........	4 » — »	5 » — »
» 3 мѣсяца........	2 « 50 »	3 » 25 »
» 1 »	1 » — »	1 » 50 »

Адресоваться просятъ въ Астрахань, въ редакцію «Справочнаго Листка». 2—3.

БУДИЛЬНИКЪ.

☛ Подписка на **1879** годъ. ☚

(Пятнацатый годъ изданія.)

Въ 1879 году «Будильникъ» будетъ выходить въ прежнемъ направленіи и по прежней программѣ:

I. Обозрѣніе политической жизни иностранныхъ государствъ въ юмористическихъ очеркахъ, разсказахъ, стихотвореніяхъ, каррикатурахъ и проч.

II. Юмористическая лѣтопись современныхъ событій вообще. Провинціальная хроника. Нравоописательныя корреспонденціи изъ провинціи.

III. Московская жизнь Петербургскій фельетонъ.

IV. Литературная лѣтопись. Журнальные и газетные курьезы. Статьи полемическія.

V. Повѣсти, разсказы, драматическія сцены, бытовые очерки, стихотворенія.

VI. Новости, слухи, анекдоты, памфлеты, юмористическія стихотворенія и т. д.

VII. Каррикатуры.

VIII. Рекламы и объявленія.

«Будильникъ» будетъ выходить еженедѣльно (50 нумеровъ въ годъ), въ объемѣ отъ 2-хъ до $2^1/_2$ листовъ, что составитъ за годъ большой томъ, въ 700 страницъ слишкомъ, изъ которыхъ 100 заняты хромолитографіями, остальныя—текстомъ. Въ концѣ года подписчики получаютъ указатель статей и художественно исполненную обертку. Каждый новый годовой подписчикъ получаетъ журналъ—съ перваго нумера того года, на который принята подписка.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

12 мѣсяцевъ.	р. к.	6 мѣсяцевъ.	р. к.
Съ перес. въ города	7 50	Съ пересылкою...	4 50
Съ дост. въ Москвѣ	7 —	Съ доставкою.....	4 —
Безъ доставки.....	6 —	Безъ доставки....	3 50

За своевременную высылку журнала, контора редакціи отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если подписка заявлена **заблаговременно.** Деньги высылаются **на имя издательницы.** Подписчикамъ, недославшимъ денегъ, не будутъ досланы въ концѣ года, по разсчету, послѣдніе №№ журнала. Контора покорнѣйше проситъ высылать доли рубля монетою, а не почтовыми марками. Жалобы на неаккуратное полученіе журнала заявляются—не позже, какъ **въ теченіе мѣсяца** отъ первой неисправной получки нумера.

За перемѣну адреса (бандероли) контора взимаетъ 20 коп.

Кромѣ главной конторы редакціи (Москва, большая Никитская, д. Кохановской), подписка на «Будильникъ» принимается:

1) **въ Москвѣ**—у главныхъ книгопродавцевъ; 2) **въ провинціи**—во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и 3) **въ Парижѣ**—въ главной конторѣ Общества Гаваса, Лафитта и Комп. (Place de la Bourse, № 8), гдѣ открытъ **исключительный** пріемъ рекламъ и объявленій изъ Франціи для помѣщенія въ «Будильникѣ».

У Н. А. Мейера (Москва, Моросейка, д. Леонова) —исключительный пріемъ рекламъ и объявленій изъ Россіи. 3—4

ПОДПИСКА

НА ГАЗЕТУ

„ВОРОНЕЖСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

на 1879 г.

Подписная цѣна:

за годъ:

Въ Воронежѣ безъ доставки	4 р. 50 к.
» » съ доставкою	5 р. — »
съ пересылкою въ другіе города и мѣстности.........	6 р — »

за полгода:

Въ Воронежѣ безъ доставки	2 р. 50 к.
» » съ доставкою	2 р. 75 к.
съ пересылкою въ другіе города и мѣстности.........	3 р. — »

ПОДПИСКА на «Воронежскій Телеграфъ» принимается въ конторѣ Редакціи, при типографіи В. И. Исаева, въ Воронежѣ, въ домѣ Столль, и въ книжномъ магазинѣ П. Н. Аносова.

Редакторъ-Издатель **В. И Исаевъ.** 2—3.

„ТРУДЫ“ ИМПЕРАТОРСКАГО ВОЛЬНАГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

въ 1879 году.

„Труды“ И. В. Э. Общества въ 1879 году будутъ издаваться по программѣ, утвержденной Обществомъ въ минувшемъ году и состоящей изъ слѣдующихъ отдѣловъ.

I. Сельское хозяйство, куда входятъ статьи, относящіяся къ сельскому хозяйству и главнѣйшимъ его отраслямъ, предметы естественно-историческаго содержанія, направленнаго къ разъясненію вопросовъ земледѣльческихъ, доклады и журналы засѣданій I Отдѣленія. Сюда же отнесенъ отдѣлъ «Пчеловодства», статьи котораго будутъ помѣщаться въ видѣ особой рубрики, подъ заглавіемъ «Пчеловодство».

II. Техническія производства, тѣсно связанныя съ сельскимъ хозяйствомъ, какъ то: обработка льна и другихъ волокнистыхъ растеній, маслобойное дѣло, сыровареніе, картофельно-паточное производство и т. п., земледѣльческая механика, доклады и журналы засѣданій II Отдѣленія.

III. Политическая экономія и статистика, гдѣ помѣщаются статьи политико-экономическаго и статистическаго содержанія по предметамъ, касающимся круга дѣятельности Общества, доклады и журналы засѣданій III Отдѣленія.

IV. Сельско-хозяйственное обозрѣніе, гдѣ дается ежемѣсячный обзоръ экономическихъ явленій русскаго народнаго хозяйства вообще и сельскаго по преимуществу, а также сообщаются свѣдѣнія о болѣе замѣчательныхъ явленіяхъ и открытіяхъ по сельскому хозяйству за границею.

V. Библіографическое обозрѣніе посвящается оцѣнкѣ появляющихся въ свѣтъ сельскохозяйственныхъ и вообще экономическихъ отдѣльныхъ сочиненій и журнальныхъ статей на русскомъ языкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаются указанія на болѣе замѣчательныя иностранныя сочиненія.

VI. Корреспонденція Общества, куда входятъ небольшія и отрывочныя сообщенія по предметамъ занятій Общества изъ провинцій, разнаго рода запросы землевладѣльцевъ и отвѣты на нихъ со стороны Общества или непосредственно отъ Редакціи.

Въ концѣ каждой книжки помѣщаются **„Объявленія“** о продажѣ сельскохозяйственныхъ орудій и машинъ, сѣмянъ, растеній, книгъ и т. п., о предстоящихъ сельскохозяйственныхъ выставкахъ, съѣздахъ и пр.

„Труды“ Общества будутъ выходить разъ въ мѣсяцъ книжками, каждая отъ семи до восьми печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе **„Трудовъ“**, остается прежняя:

безъ пересылки.	3 р. 50 к.
Съ пересылкою по почтѣ внутрь имперіи, а равно и съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ.........................	4 » — »

Подписка на **„Труды“** на 1879 годъ принимается въ С.-Петербургѣ (на углу 4-й роты Измайловскаго полка и Царскосельскаго проспекта) въ домѣ В. Э. Общества и въ сѣменной торговлѣ А. В. Запѣвалова (за Казанскимъ соборомъ, въ домѣ Лѣсникова). Иногородные благоволятъ адресоваться въ С.-Петербургъ, въ домъ В. Э. Общества.

Редакторъ **А. Совѣтовъ.** 3—4.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1879 ГОДУ ЖУРНАЛА

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ

годъ пятый

ПРОГРАММА

Въ журналѣ помѣщаются исключительно романы, повѣсти и разсказы въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскій.

Каждый номеръ журнала будетъ содержать въ себѣ, по возможности, одинъ законченный романъ, или часть его и небольшую повѣсть или разказъ.

Годовое изданіе состоитъ изъ 12 книгъ отъ 20-ти до 30-ти печатныхъ листовъ каждая. Срокъ выхода ежемѣсячный.

Въ концѣ года, подписчикамъ на «Библіотеку для чтенія» будетъ выдана въ видѣ преміи 13-я книжка, отъ 30 до 40 печатныхъ листовъ, которая будетъ заключать въ себѣ одинъ, вполнѣ законченный романъ.

Условія подписки на годъ.

Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки 8 р.
Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ . 8 » 50 к.
Съ пересылкою иногороднымъ.......... 9 »

Редакція допускаетъ слѣдующую разсрочку подписныхъ денегъ: при подпискѣ 5 руб. и къ 1-му Мая остальныя.

Для Гг. служащихъ допускается разсрочка по мѣсячно чрезъ гг. казначеевъ. Просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Подписка принимается:

Для городскихъ подписчиковъ: — Въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи, въ книжномъ магазинѣ Исакова и въ другихъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ, при книжныхъ магазинахъ Соловьева — Страстной бульв., д. Алексѣева и Живорева — Большая Дмитровка, д. Благороднаго Собранія.

Гг. иногородные адресуютъ свои требованія непосредственно въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала «Библіотека для чтенія», Шпалерная ул. д. № 42.

Подписывающихся съ разсрочкой просятъ обращаться: иногородныхъ исключительно въ редакцію, а городскихъ — въ книжный магазинъ Бортневскаго, уголъ Троицкаго и Графскаго пер.

Въ 1879 году редакція предполагаетъ помѣстить, между прочими романами, слѣдующіе: «Морской Король», истор. ром. Георга Борка, «Призракъ», истор. ром. Бульвера Литтона, и др.

На 1878 годъ подписка еще продолжается.

3—4.

ПОДПИСКА НА

„МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ“

1879 года.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

«Модный магазинъ» будетъ выходить въ 1879 году, по прежнему, въ количествѣ 48-ми нумеровъ въ годъ, по четыре нумера въ мѣсяцъ (два модныхъ и два литературныхъ), 1-го и 15-го числа.

Годовое изданіе заключаетъ въ себѣ:

== 24 техническіе нумера, съ 2000 политипажныхъ рисунковъ новѣйшихъ парижскихъ туалетовъ, женскаго, дѣтскаго и мужского бѣлья, шляпъ, причесокъ, обуви, канвовыхъ, тамбурныхъ и другихъ узоровъ, и множества разнородныхъ женскихъ работъ, съ объяснительнымъ текстомъ.

== 24 парижскія модныя раскрашенныя гравюры.

== 24 вырѣзныя выкройки въ цѣлый ростъ: платьевъ, тюниковъ, шубокъ, пальто, мантилій и пр.

== 12 большихъ листовъ, съ 300 выкроекъ всевозможныхъ предметовъ, входящихъ въ составъ дѣтскаго и женскаго гардероба; мѣтки, вензеля, узоры для суташи, глади, application и пр. Всѣ выкройки будутъ относиться къ рисункамъ въ текстѣ.

== 24 литературные нумера, которые въ концѣ года составятъ великолѣпный иллюстрированный волюмъ, въ 24 печатныхъ листа, избранной литературы для семейнаго чтенія.

Въ 1879 году число политипажей и печатныхъ выкроекъ будетъ значительно увеличено, причемъ редакція обратитъ особенное вниманіе на то, чтобы помѣщаемые въ «Модномъ Магазинѣ» туалеты были настолько же изящны, насколько практичны и доступны для небогатыхъ людей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ, съ 1 января: въ С.-Петербургѣ,
безъ доставки .... 6 р. — к.
съ доставкою.............. 8 » — »
На полгода, съ 1 января и 1 іюля:
безъ доставки .... 3 » 50 »
съ доставкою и пересылкою .... 4 » 50 »

Подписка принимается въ конторѣ редакціи «Моднаго Магазина», въ Спб., уголъ Колокольной и Дмитровскаго пер. № 4—17, кв. 5.

NB. Подписчики на 1879 годъ, выславшіе деньги до 1 января, получатъ безплатную премію: листъ оригинальныхъ узоровъ для вышиванія русскихъ костюмовъ.

Редакторъ-издательница **С. Г. Мей.** 3—4.

„ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ“.

педагогическій листокъ для родителей, наставницъ и наставниковъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1879 годъ (4-й годъ изданія).

Въ 1879 году журналъ «Женское Образованіе» будетъ преслѣдовать тѣ же цѣли, какъ и въ первые три года своего существованія.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться, кромѣ правительственныхъ распоряженій и оффиціальныхъ свѣдѣній, статьи, касающіяся исторіи женскаго образованія за границей и у насъ, состоянія его въ настоящее время, оцѣнки различныхъ взглядовъ на него и т. п., психологическіе очерки, замѣтки и наблюденія, могущія послужить основою для выработки вѣрныхъ взглядовъ на дѣтскую натуру и пріемовъ воспитанія и обученія; спеціально педагогическія статьи (методы и пріемы преподаванія, «образцовые уроки» и пр.) Кромѣ того, будутъ рубрики: a) обзоръ иностранной педагогической литературы, b) хроника и c) библіографія (разборъ педагогическихъ сочиненій, учебниковъ и дѣтскихъ книгъ). Всѣ книги для дѣтей, выходящія у насъ, будутъ своевременно разобраны.

Журналъ будетъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца (за исключеніемъ іюня и іюля), книжками около четырехъ печатныхъ листовъ. Кромѣ того, будетъ дано въ концѣ года приложеніе для дѣтей (разсказы изъ Русской исторіи съ гравюрами). Всего съ приложеніемъ журналъ будетъ заключать болѣе 50 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годъ, т. е. за 10 №№ и приложеніе: 2 р. 50 к.; съ доставкою **3 р.;** съ пересылкой (иногороднымъ) **3 р. 50 к.**

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи (Васильевскій островъ, 9-я линія, д. № 6), въ помѣщеніи женской гимназіи; а также во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ въ Петербургѣ. Иногородныхъ подписчиковъ редакція проситъ адресоваться непосредственно въ главную контору редакціи.

Редакторъ-издатель **В. Сиповскій.**

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА,

за 1877 годъ.

Содержаніе: 1) Изъ путешествія по Китаю — д-ра **Пясецкаго.** 2) Черногорія, Боснія и Герцоговина — **Е. Свѣшниковой.** 3) Лютеръ — **Я. Гуровича.** 4) Поэтическія преданія сербовъ о паденіи ихъ царства — **А. Степовича.** 5) Дѣтство Линнея. 6) Дѣтство Диккенса — **М. Артемьевой,** и друг.

Цѣна 80 к., съ пересылкой 1 р. — Продается во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ. — Иногородныхъ просятъ обращаться въ главный складъ, въ редакцію «Женскаго Образованія» (Спб., Васильевскій островъ, 9-я линія, д. № 22).

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА,

1879 года.

Содержаніе: 1) Магометанство и арабы — **Ѳ. Булгакова.** 2) Константинополь — **В. Новикова.** 3) Микель Анджело (съ двумя гравюрами) — **А. Прахова.** 4) Александръ I (нѣкоторыя черты изъ жизни) (съ портретомъ. 5) Три казацкія думы въ турецкой неволѣ — **А. Степовича.** 6) Изъ путешествія по Черногоріи. (Статьи эти были напечатаны въ приложеніи къ журналу «Женское Образованіе» за 1877 годъ).

Цѣна 1 р. На пересылку прилагается 10-ти копѣечная марка. Иногородныхъ просятъ обращаться въ главный складъ, въ редакцію «Женскаго Образованія», Спб., Васильевскій островъ, 9-я линія, д. № 22. Продается во всѣхъ главнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ. 3—3.

Открыта подписка на полученіе въ 1879 году

(ГОДЪ СЕДЬМОЙ)

самой дешевой въ Россіи ежедневной газеты

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

ОБЪЯВЛЕНІЙ.

Шесть лѣтъ мы издаемъ «Одесскій Листокъ Объявленій», шесть лѣтъ работаемъ мы для достиженія тѣхъ цѣлей, которыя намѣтили своему изданію, и съ удовольствіемъ можемъ заявить, что необыкновенный успѣхъ нашего изданія даетъ намъ пріятную увѣренность въ томъ, что всѣ наши труды и всѣ мѣры, принятыя къ усовершенствованію изданія, вполнѣ достигаютъ своего назначенія. Намъ не могли помѣшать ни тяжелый коммерческій кризисъ въ Одессѣ, ни продолжительныя смуты военнаго времени, ни общій застой въ дѣлахъ. «Одесскій Листокъ Объявленій» съ каждымъ днемъ расширяетъ кругъ своихъ читателей, пріобрѣтая широкую извѣстность во всемъ краѣ, и для общества онъ давно получилъ значеніе необходимой настольной газеты. Намъ остается только заявить, что мы будемъ продолжать свою дѣятельность съ постоянной энергіей, въ счастливой конкуренціи будемъ видѣть залогъ дальнѣйшаго успѣха изданія, а вниманіе читающей публики мы будемъ принимать, какъ лестное доказательство того, что «Одесскій Листокъ» по прежнему вполнѣ удовлетворяетъ ея требованіямъ.

Въ интересахъ читателей «Листка» ежедневные номера его наполняются свѣжими, интересными и разнообразными новостями дня, общеполезными свѣдѣніями изъ общественной жизни и всевозможнаго рода практическими указаніями, имѣющими значеніе для обыденной жизни каждаго читателя. Ссылаясь на отзывъ постоянныхъ читателей «Листка», мы позволяемъ себѣ заявить, что газета наша читается съ одинаковымъ интересомъ въ теченіи круглаго года; она не прибѣгаетъ къ тѣмъ пріемамъ, которыми пользуются другія газеты, предъ подпискою выходящія въ свѣтъ во фракѣ, а въ остальное время щеголяющія въ халатѣ. «Одесскій Листокъ» уже потому не подчиняется «подписочнымъ сезонамъ», что у него круглый годъ съ каждымъ днемъ число подписчиковъ возрастаетъ.

Для свѣденія коммерческаго люда можемъ заявить, что съ 1879 года въ «Одесскомъ Листкѣ» будутъ помѣщаемы всѣ публикаціи о казенныхъ и частныхъ подрядахъ, поставкахъ, торгахъ, продажахъ, о несостоятельностяхъ, ликвидаціяхъ, о видахъ торговли на предметы ввоза и вывоза, базарныя, биржевыя и сельско-хозяйственныя свѣденія и пр., за тѣмъ кромѣ всевозможнаго рода торговыхъ и промышленныхъ справокъ, въ «Листкѣ» будетъ помѣщаться, судебный указатель, въ которомъ, кромѣ свѣдѣній о дѣлахъ, назначенныхъ къ разбору во всѣхъ судебныхъ учрежденіяхъ г. Одессы, читатели найдутъ всегда и резолюціи по дѣламъ уже рѣшеннымъ.

Въ этомъ отношеніи «Одесскій Листокъ» не будетъ имѣть соперника: справочный отдѣлъ газеты будетъ заключать въ себѣ массу обстоятельныхъ, необходимыхъ и весьма важныхъ свѣдѣній. Ни одна мѣстная газета такого отдѣла еще не имѣла.

Что же касается до объявителей, то они, навѣрное, давно убѣдились, что изданіе наше, главнымъ образомъ, служитъ ихъ интересамъ. Многочисленные объявители знаютъ, что громадная распространенность «Одесскаго Листка», его популярность, общедоступность и расклейка по городу въ большомъ количествѣ экземпляровъ служатъ наиболѣе благопріятными условіями для широкой огласки той или другой публикаціи. Лица, постоянно печатающія въ «Одесскомъ Листкѣ» свои объявленія, личнымъ опытомъ могли убѣдиться, что объявленія быстро и вполнѣ достигаютъ своего назначенія, т. е. дѣлаются извѣстными въ одинъ день во всѣхъ слояхъ мѣстнаго населенія, а за тѣмъ и въ другихъ городахъ. Да иначе и быть не можетъ: достаточно обратить вниманіе на одно названіе газеты, чтобы видѣть въ ней спеціальный органъ объявленій. Одно названіе газеты служитъ для каждаго объявленія рекламой, слѣдовательно интересы объявителя всегда обезпечены.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Для иногородныхъ подписчиковъ съ пересылкою по почтѣ на годъ (12 мѣсяцевъ) 3 руб., полъ-года (6 мѣсяцевъ) 2 рубля.

Для городскихъ подписчиковъ, съ доставкою на домъ, въ годъ 3 руб., полъ-года 2 руб., три мѣсяца 1 р. 10 коп.

Подписка на газету и объявленія принимается въ конторѣ редакціи «Одесскаго Листка Объявленій», въ Одессѣ, на углу Преображенской и Дерибасовской улицъ, въ домѣ Синицыной, противъ собора.

Въ виду своевременнаго заготовленія печатныхъ адресовъ, накопляющихся всегда въ огромномъ количествѣ, просимъ гг. иногородныхъ подписчиковъ присылать свои требованія на газету заблаговременно, адресуя денежные пакеты по вышеозначенному адресу. За своевременную высылку газеты контора редакціи отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, когда подписка принята заблаговременно.

Редакторъ-издатель **В. В. Навроцкій.** 3—3.

Открыта подписка на полученіе въ 1879 году.

(ТРЕТІЙ ГОДЪ).

ежемѣсячнаго научнаго и художественно-литературнаго журнала

„СВѢТЪ“

(ПРИ НОВОМЪ СОСТАВѢ РЕДАКЦІИ).

„СВѢТЪ“ поставилъ себѣ не легкой задачей развивать въ обществѣ чувство человѣчности, общественности, — развивать знанія, проникнутыя и связанныя общими идеями — и, такимъ образомъ, расширить мало по малу міровоззрѣніе и человѣчное настроеніе общества. Для исполненія своей цѣли онъ имѣетъ два средства: 1) дѣйствовать на чувства общества и развивать въ нихъ тѣ гармоническія отношенія, которыя дастъ намъ искуство; 2) дѣйствовать на умъ общества и давать этому уму матеріалъ для мысли, по возможности, облегчая при этомъ его работу. Удовлетворяя этимъ двумъ сторонамъ развитія, **„СВѢТЪ“**, по необходимости, долженъ быть научно-художественнымъ изданіемъ.

Въ немъ принимаютъ участіе извѣстные ученые, художники и беллетристы.

Въ прошедшемъ году были помѣщены, между прочими, слѣдующія, болѣе выдающіяся, статьи: «Физіологическій взглядъ на психологію», проф. Н. О. Ковалевскаго. «Физіологическое объясненіе

нѣкоторыхъ элементовъ чувства красоты», Л. Е. Оболенскаго. «Спектральный анализъ и его приложенія», Н. Гезехуса. «Перелеты птицъ», М. Н. Богданова. «Борьба за существованіе», «Приспособляемость и цѣлесообразность», «Характеръ человѣческаго прогресса», «Воля человѣка и прогрессъ», «Трудъ и его стоимость» (экономическій этюдъ). «Общество и организмъ», «Двойственность общественныхъ явленій», «Наука и соціологія», «Мысль критическая и мысль наивная», «Основныя начала художественно - литературной критики» и мн. др. Въ отдѣлѣ критики и журнальнаго обозрѣнія, а также въ отдѣлѣ Современная жизнь и наука, печатались, между прочимъ, обзоры выдающихся произведеній нашей текущей журналистики (съ сентября), «Русская живопись на всемірную выставку». «Среда, подъ которой развивался Некрасовъ», «Наша интеллигенція», «Наивность интеллигенціи», «Причины паденія нашей литературы» и пр. Въ отдѣлѣ беллетристики: романъ А. Любовича «Прогрессъ», повѣсть Ю. Яковлевой «На чистый воздухъ», повѣсть М. И. Красова «На смѣну» (изъ жизни современной деревни), разсказы Л. Е. Оболенскаго: «Не вернется», «Мартынъ Семеновъ», «Пустоцвѣтъ» (въ стихахъ), «Плоты» (поэма), «Безъ свѣта» разсказъ Кота Мурлыки, и стихотворенія Н. Курочкина, Я. Полонскаго, Чепы, Л. Е. Оболенскаго, Арсеньева, А. Круглова, П. Быкова и мн. др. Въ отдѣлѣ научныхъ новостей дано болѣе 50 отдѣльныхъ, цѣльныхъ статеекъ о новѣйшихъ научныхъ открытіяхъ.

Журналъ будетъ имѣть слѣдующія рубрики:

1) Передовыя статьи, указывающія основныя научныя воззрѣнія на природу, человѣка и общество.

2) Научныя и теоретическія статьи по частнымъ вопросамъ.

3) Основныя начала общественной науки.

4) Частные вопросы текущей жизни съ точки зрѣнія науки.

5) Критическія статьи и журнальное обозрѣніе, разрабатывающія проявленія нашей умственной, нравственной и художественной жизни и выясняющія ихъ основныя начала.

6) Беллетристика: романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, очерки.

7. Художественныя приложенія.

Въ 1879 году „**СВѢТЪ**" будетъ издаваться въ прежнемъ объемѣ, отъ 3 хъ до 6-ти листовъ ежемѣсячно, съ художественными приложеніями, выходящими не менѣе четырехъ разъ въ годъ. Приложенія эти будутъ состоять изъ офортовъ, цинкографій, альбертотипій, ксилографій, автографій. Кромѣ приложеній, въ форматѣ журнала будутъ даны:

ТРИ ПРЕМІИ

состоящія изъ большихъ гравюръ лучшихъ иностранныхъ художниковъ.

Въ видахъ большого распространенія журнала, назначается ему крайне умѣренная цѣна. За 12 выпусковъ въ годъ, со всѣми приложеніями

четыре рубля

безъ доставки, въ Москвѣ — четыре рубля пятьдесятъ коп.

За доставку въ Петербургѣ и Москвѣ прилагается 50 коп.

Для всѣхъ другихъ городовъ Россіи

пять рублей.

Эта подписная сумма можетъ быть разсрочена или даже уменьшена въ видахъ общедоступности изданія.

За пересылку премій прикладывается особо

одинъ рубль.

За эту цѣну каждая премія будетъ доставлена отдѣльной посылкой. Желающіе получать преміи всѣ вмѣстѣ прилагаютъ за пересылку:

пятьдесятъ копѣекъ.

Не приложившимъ этихъ пересылочныхъ денегъ, преміи будутъ посылаемы въ бандерольныхъ трубкахъ и за вѣрность ихъ доставки

редакція не отвѣчаетъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

для городскихъ подписчиковъ: въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени», Невскій просп., № 60; Я. А. Исакова, Невскій просп., Гостинный дворъ, № 24; Н. И. Мамонтова, Невскій просп., № 46, а въ Москвѣ — Кузнецкій мостъ. Гг. иногородные подписчики обращаются исключительно въ редакцію журнала: С.-Петербургъ, Университетъ, кв, 21, Профессору Николаю Петровичу Вагнеру.

Подписка на 1877 г. и 1878 г. продолжается и гг. подписчики получаютъ всѣ вышедшіе №№ съ приложеніями:

За 1877 г. три рубля безъ доставки, съ доставкою 3 р. 50 к., съ пересылкою 4 р.

За 1878 г. четыре рубля безъ доставки, съ доставкою 4 р. 50 к., съ пересылкою 5 р., 3—3.

Объ изданія въ 1879 году ежемѣсячнаго ученолитературнаго журнала

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА"

(годъ второй).

Предпринимая изданіе «**Исторической Библіотеки**», Редакція задалась цѣлью передавать на страницахъ своего журнала тѣ, какъ отечественныя, такъ и переводныя литературныя произведенія, въ которыхъ бы историческіе факты, кромѣ своего интереса и популярности изложенія, освѣщались бы правдивымъ взглядомъ, выражали бы собою не нѣчто отдѣльное и случайное, а естественное послѣдствіе движеній народнаго духа, такъ какъ при такомъ только изложеніи историческія знанія получаютъ смыслъ и значеніе въ примѣненіи къ позднѣйшему времени. Насколько Редакція выполнила свою задачу,— судить не ей самой, но она надѣется, что изданныя ею статьи—не безполезное пріобрѣтеніе для русской исторической литературы.

Въ объемъ настоящаго 1878 г. вошли слѣдующія произведенія: Понизовая вольница, сообщ. **Н. В. Калачовымъ**; Капитанъ Гренадерской роты, романъ-хроника XVIII в. **Вс. С. Соловьева**; Homo Sum, ист. ром. **Эберса**; Очерки древне римской жизни, **Симонса**; Земскій Ярыжка, **Богословскаго**; Братья Орловы, **Графа Саліаса**; Рыцарь или Дама, **Гр. Самарова**; (въ №№ XI и XII) и Престолъ и Монастырь, лѣтопись 1682 и 1689 гг. (въ № XII); Россія и Турція, **Д. Бухарова**; Московское Княжество, ист. эт. **Полежаева**; Экономическій бытъ сельскаго населенія Россіи и колонизація юговосточныхъ степей, **П. А. Соколовскаго**; Реформаторы до Виклефа и Гуса, **Деларю**; Государст. тюрьма временъ Людовика XIV; Очеркъ исторіи казачества, **Н. Марковина**; Супружества Генриха VIII, **д'Аржи**; Изъ масонскаго ритуала начала настоящаго столѣтія, **Н. Варсова**; (въ № XI); Вопросъ о децентрализаціи во Франціи въ XVIII в., **Ю. Афанасьева** (въ № XI); Колонизація башкирскаго края, **В. Новикова** (въ № XII) и мн. друг.

Редакція надѣется въ будущемъ году увеличить объемъ книгъ расширеніемъ беллетристическаго отдѣла и помѣщеніемъ переводовъ произведеній западныхъ передовыхъ историковъ, по справедливости заслужившихъ извѣстность; точно также надѣется придать отдѣлу библіографическаго указателя должное значеніе.

Открывая подписку на будущій годъ, Редакція заявляетъ, что изданіе будетъ продолжаться по той же программѣ и будетъ выходить ежемѣсячно въ тѣ же сроки. Называть заранѣе, какія именно произведенія будутъ помѣщены, Редакція не находитъ удобнымъ, такъ какъ помѣщеніе статей зависитъ не исключительно отъ редакціи и авторовъ. Такъ, обѣщанные въ прошедшемъ году: Сороковые годы въ исторіи русскаго народа, Мордовцева; Любовь Марата, ром. Мете; и княжна Тараканова не могли быть помѣщены по независящимъ отъ Редакціи обстоятельствамъ.

Цѣна годовому изданію остается прежняя **6** руб. **50** коп. безъ пересылки, и **8** руб. съ перес. Такая цѣна доставляетъ возможность и небогатымъ лицамъ пріобрѣсти историческія сочиненія, стоющія въ отдѣльной продажѣ болѣе, чѣмъ вдвое дороже.

Подписка на 1878 продолжается и всѣ новые подписчики получаютъ всѣ вышедшіе номера.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ Редакціи журнала (бол. Садовая, д. 121, кв. 12) и въ Книжномъ Магазинѣ **Я. Исакова**, Невскій просп. гостин. дв. № 24.

Гг. Иногородные благоволятъ адресовать: въ Петербургъ въ Редакцію журнала «**Историческая Библіотека**» (бол. Садовая, д. 121, кв. 12).

Редакторъ-издатель **П. В. Полежаевъ**. 3—3.

ПОДПИСКА НА 1879 ГОДЪ.

ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА,

ПОЛИТИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ И РЕМЕСЛЕННАЯ.

Иллюстрированное еженедѣльное изданіе, въ объемѣ 2-хъ 3-хъ листовъ въ недѣлю,

во время войны и въ важныхъ случаяхъ, выходитъ, вмѣсто одного, по два раза въ недѣлю.

Адресъ Конторы Редакціи: Москва, близь Никитскихъ воротъ, уголъ Столоваго и Мѣдвѣжьяго пер., д. Долинской.

Сообщаетъ подробныя свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ, политическія и общественныя новости, распоряженія правительства, новости торговыя и биржевыя, изобрѣтенія и открытія въ области ремеслъ, искуствъ и наукъ, такъ что, кромѣ телеграмъ, она во всѣхъ отношеніяхъ, можетъ замѣнять и ежедневныя газеты и отчасти журналы, сберегая при томъ для читателя время, употребляемое имъ на чтеніе и пересмотръ послѣднихъ.

Для легкаго чтенія помѣщаются стихотворенія, повѣсти и разсказы лучшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей, какъ въ самой «Газетѣ», такъ и въ особомъ приложеніи къ ея номерамъ, изъ котораго въ теченіе года составляется отдѣльный томъ «**Сборникъ повѣстей и разсказовъ**», отчасти даже иллюстрированный.

Кромѣ того въ «Газетѣ А. Гатцука» помѣщаются статьи научнаго содержанія, а также Критика, Библіографія и Моды съ рисунками.

Въ газетѣ участвуютъ извѣстнѣйшіе наши литераторы, ученые и художники (Ѳ. И. Буслаевъ, Н. И. Костомаровъ, А. Ѳ. Писемскій, И. И. Срезневскій, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Ольга Н. и другіе).

Газета даетъ въ годъ болѣе 300 рисунковъ въ текстѣ, и по изяществу своему не уступаетъ лучшимъ иллюстрированнымъ изданіямъ Европы; по дешевизнѣ-же цѣны представляетъ небывалое еще явленіе въ Россіи.

Подписная цѣна безъ доставки 3 руб.; съ доставкою-же и пересылкою на годъ — 4 руб., на полгода (съ Января и Іюля) 2 р. 25 к., на четверть года (съ Января, Апрѣля, Іюля и Октября) 1 р. 25 к., на 1 мѣсяцъ 50 к.

Редакторъ А. А. ГАТЦУКЪ. 3—3.

О ПОДПИСКѢ НА **1879** ГОДЪ НА

„ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ"

Большой иллюстрированный журналъ

съ разными безплатными приложеніями.

Съ 1-го января 1879 г. журналъ „**Всемірная Иллюстрація**" начнетъ XI годъ, (т. е. Томы XXI и XXII) своего существованія и будетъ выходить также аккуратно, какъ и въ прошлые года, еженедѣльно (т. е. 52 нумера въ годъ), въ увеличенномъ форматѣ большаго двойнаго листа самой лучшей бумаги, и каждый нумеръ будетъ заключать въ себѣ 16—24 страницъ, изъ которыхъ половина будетъ заполнена роскошными рисунками изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

„**Всемірная Иллюстрація**", благодаря своей аккуратности и строгому выполненію программы, пріобрѣла втеченіи десятилѣтняго своего существованія заслуженную репутацію и, служа вѣрнымъ отраженіемъ жизни, какъ русской, такъ и иностранной, соперничаетъ съ лучшими иллюстрированными и литературными журналами въ свѣтѣ.

Не ограничиваясь достигнутыми результатами, Редакція «Всемірной Иллюстраціи» стремится къ улучшенію своего изданія, соображаясь съ желаніями подписчиковъ, не останавливается передъ расходами и всегда даетъ больше, чѣмъ обѣщала.

Убѣжденная, что втеченіи своей дѣятельности она достаточно заявила себя. Редакція считаетъ излишними всѣ пышныя рекламы и ограничивается только обѣщаніемъ, что употребитъ всѣ усилія, чтобъ оправдать возрастающее къ ней ежегодно довѣріе публики.

Цѣна годовому изданію „**Всемірной Иллюстраціи**" на 1879 г.:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ.: . . . 13 р. — к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . . . 14 р. 50 к.
Безъ доставки въ Москвѣ . . . . 14 » — »
Съ пересылкою въ другіе города . . . 16 » — »

«ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ»

представляетъ политическія событія, войну изящныя искусства, исторію, изящную словесность, географію, путешествія, естественную исторію, технологію, промышленность, морское и военное искусства, и пр., и пр.; однимъ словомъ: цивилизацію, нравы и обычаи народовъ въ картинахъ

Каждый томъ «ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ» представляетъ собою

РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ

до 500 печатн. страницъ, съ 300—400 рисунками, и есть необходимое дополненіе каждой хорошей библіотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній каждой гостинной.

ПОКРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА „Всемірной Иллюстраціи",

изъ англ. каленкора, съ золотыми тисненіями по рисунку художника К. Брожа. Цѣна покрышки для переплета на каждый томъ: безъ пересылки **1** р. **75** к., съ пересылкою **2** р. **50** к.

Цѣна первыхъ 18 томовъ „Всемірной Иллюстраціи":

1869 г. (томы I и II) **10** р. безъ перес., въ англ. каленкор. перепл. **14** р.; 1870 г. (т. III и IV), 1871 г. (т. V и VI), 1872 г. (т. VII и VIII) и 1873 г. (т. IX и X)—по **8** р. безъ пересылки; каждый годъ. Въ англ., тисненн. золотомъ переплетахъ, каждый годъ стоитъ по **12** р. безъ пересылки. 1874 (т. XI и XII), 1875 (т. XII и XIV), 1876 (т. XV и XVI) и 1877 г. (т. XVII и XVIII) (безъ приложеній)—по **9** р. безъ перес., каждый годъ.

Въ переплетахъ безъ перес. по **13** р.

На пересылку каждаго года слѣдуетъ прилагать 3 руб. сер.

Главная контора Редакціи „**Всемірной Иллюстраціи**" въ С.-Петербургѣ, Бол. Садовая, д. № 16.

Редакторъ-Издатель «Всемірной Иллюстраціи» **Германъ Гоппе.** 3—3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„РУССКУЮ ПРАВДУ"

1879 ГОДА.

Газета «Русская Правда» въ будущемъ году будетъ выходить, какъ и нынѣ, ежедневно, листами большаго формата; въ случаѣ надобности, редакція

будетъ выпускать полтора листа, вмѣсто одного, какъ это дѣлаютъ всѣ большія газеты Направленіе остается прежнее. Во всѣхъ отдѣлахъ произведены будутъ значительныя дополненія и улучшенія. Внутренній отдѣлъ будетъ значительно расширенъ, согласно указанію опыта и заявленному желанію публики. Редакція постарается постоянно давать въ газетѣ статьи для легкаго чтенія, т. е. разсказы, повѣсти и стихотворенія.

Подписка открыта въ С.-Петербургѣ — въ главной конторѣ газеты (Невскій пр., № 44, противъ Гостиннаго двора). — Иногородные адресуютъ письма и деньги! Спб. — газетѣ «Русская Правда». — Редакція отвѣчаетъ за вѣрную доставку газеты лишь передъ тѣми лицами, которыя подпишутся по этому адресу. — Просятъ заблаговременно подписываться; поздняя подписка можетъ быть вричиною несвоевременной высылки газеты. — Просятъ подписчиковъ писать четко свой адресъ и адресовать газету на тѣ ближайшія станціи, гдѣ есть почтовыя учрежденія.— Подписываться можно не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: для служащихъ — по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ; неслужащіе же могутъ обращаться съ своими заявленіями въ С.-Петербургѣ — въ главную контору «Русской Правды» (Невскій пр., № 44).

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ, за годовой экземпляръ съ пересылкою, доставляютъ деньги: при самой подпискѣ 7 р., въ концѣ марта 7 р. и въ началѣ августа 3 р.; съ доставкой въ Петербургѣ — уплачивать при самой подпискѣ 5 р. 50 к., въ концѣ марта 5 р. 50 к. и въ концѣ іюня 5 р.; безъ доставки — уплачиваютъ конторѣ при подпискѣ 5 р., въ концѣ марта 5 р. и въ началѣ іюля 4 р. 50 к.

Подписная цѣна въ Россіи:

На годъ, съ	Безъ доставки.	Съ доставкою.	Съ пересылкою.
1-го января	14 р. 50 к.	16 р. — к.	17 р. — к.
На 11 мѣсяцевъ	14 » — »	15 » — »	16 » — »
» 10 »	12 » — »	14 » — »	15 » — »
» 9 »	11 » — »	13 » — »	14 » — »
» 8 »	10 » — »	11 » — »	13 » — »
» 7 »	9 » — »	10 » — »	12 » — »
» 6 »	8 » — »	9 » — »	10 » — »
» 5 »	7 » — »	8 » — »	9 » — »
» 4 »	5 » 50 »	6 » — »	7 » 50 »
» 3 »	4 » 50 »	5 » — »	6 » — »
» 2 »	3 » — »	3 » 50 »	4 » — »
» 1 »	1 » 50 »	1 » 80 »	2 » — »

Подписная цѣна заграницею, съ пересылкою. (въ рубляхъ).

	Въ Европу, Сѣверн. Амер. и Египетъ.	Въ Китай, Индію и Японію.
На годъ	26	47
» 9 мѣсяцевъ	21	38
» 6 »	14	25
» 3 »	8	15
» 2 »	6	11
» 1 »	3	6

Съ 1879 года, газета «Русская Правда» уже не будетъ разсылаться безплатно никому изъ подписчиковъ прекратившихся газетъ. Редакція еще разъ заявляетъ, что не приняла на себя никакихъ дальнѣйшихъ обязательствъ въ этомъ отношеніи.

Редакторъ-издатель **Дмитрій Гирсъ**. 3—3.

ОБЪ ИЗДАНІИ СБОРНИКА „ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ“

въ 1879 году.

(ПЯТЫЙ ГОДЪ).

Ежемѣсячный, историческій, иллюстрированный сборникъ **„Древняя и Новая Россія“** будетъ издаваться въ 1879 году на тѣхъ же основаніяхъ, по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ предшествовавшіе четыре года (1875, 1876, 1877 и 1878).

Сборникъ **«Древняя и Новая Россія»** выходитъ каждый мѣсяцъ книжками, въ размѣрѣ отъ десяти до двѣнадцати печатныхъ листовъ большого формата, in 4°, въ два столбца печати на страницѣ, съ нѣсколькими портретами и рисунками и другими художественными приложеніями, такъ что по окончаніи года составятся три большихъ тома до 150 печатныхъ листовъ съ 50 — 60 гравюрами, литографіями и хромолитографіями.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ двѣнадцать руб., съ доставкою на домъ двѣнадцать руб. пятьдесятъ коп., съ пересылкой тринадцать р. пятьдесятъ коп., за границу четырнадцать рублей.

Главная Контора Редакціи сборника «Древняя и Новая Россія» находится въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, рядомъ съ Пассажемъ № 46, при хромолитографіи и типографіи издателя В. И. Граціанскаго, куда гг. иногородныхъ и просятъ исключительно обращаться со всѣми своими требованіями.

Разсрочка въ платежѣ допускается по соглашенію съ редакціею.

Въ Главной Конторѣ можно получать оставшіеся отъ подписки экземпляры сборника «Древняя и Новая Россія» за 1875, 1876, 1877 и 1878 годы. Каждый годъ состоитъ изъ трехъ большихъ томовъ (до 150 печатныхъ листовъ) съ 60 — 70 портретами и рисунками.

Цѣна каждаго года безъ пересылки двѣнадцать руб., съ пересылкой тринадцать руб. пятьдесятъ коп. Всѣ четыре года вмѣстѣ уступаются за сорокъ руб. сер. безъ пересылки; за пересылку же слѣдуетъ прилагать деньги за одинъ пудъ, по разстоянію.

3—3.

О ПОДПИСКѢ НА **1879** ГОДЪ НА

„МОДНЫЙ СВѢТЪ“,

самый полный и дешевый модный и семейный журналъ въ Россіи.

Съ 1-го января 1879 года **„МОДНЫЙ СВѢТЪ“** начнетъ XII годъ своего существованія и будетъ издаваться съ прежнею со стороны издателя заботливостью о наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ **„МОДНЫЙ СВѢТЪ“** въ 1879 году будетъ выходить также въ двухъ изданіяхъ, въ количествѣ 48 нумеровъ въ годъ, т. е. четыре нумера въ мѣсяцъ (два модныхъ и два литературныхъ), и будетъ заключать въ себѣ втеченіи года:

Болѣе 2,000 политипажныхъ рисунковъ модъ и рукодѣлій въ текстѣ.

Рисунки канвовыхъ и тамбурныхъ работъ. Рисунки и выкройки бѣлья мужскаго, дамскаго и дѣтскаго.

Раскрашенные рисунки канвовыхъ, тамбурныхъ и друг. работъ. Рисунки въ русскомъ вкусѣ.

Болѣе 300 выкроекъ на 12-ти большихъ листахъ.

24 вырѣзныхъ выкройки въ натуральную величину.

24 (или 12 для 1 изданія) модныхъ раскрашенныхъ парижскихъ картинъ, исполненныхъ лучшими иностранными художниками.

Новѣйшія музыкальныя пьесы (ноты) любимыхъ композиторовъ.

Коллекцію рисунковъ: изъ семейной жизни, модъ стараго времени, характерныхъ костюмовъ для маскарадовъ, портреты, типы и проч.

Новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фельетоны, стихотворенія, анекдоты, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.

Разныя отдѣльныя безплатныя приложенія, и «Почтовый ящикъ» съ самыми разнообразными и полезными совѣтами.

Журналъ **„МОДНЫЙ СВѢТЪ“** имѣетъ гораздо болѣе подписчиковъ, чѣмъ всѣ модные журналы, издающіеся въ Россіи, въ совокупности.

Цѣна годовому изданію «МОДНАГО СВѢТА» на 1879 г.:

1-му изданію, съ 12 раскрашенн. парижск. картинами и всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ доставки—**4** р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—**5** р. **50** к.; съ пересылкою во всѣ города Россійск. Имперіи **6** руб.

II-му изданію, съ 24 раскрашенн. парижск. картинами и всѣми приложеніями; въ С.-Петербургѣ безъ доставки—**5** р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—**6** р. **50** к.; съ пересылкою во всѣ города Россійск. Имперіи **7** р.

Въ Москвѣ цѣна безъ доставки: I-му изданію 5 руб, II му изданію 6 р. 50 коп; съ пересылкою: I-му изданію 6 р., II-му изданію—7 руб.

Издатель «Моднаго Свѣта» **Германъ Гоппе.**

Главная контора Редакціи «МОДНАГО СВѢТА» находится въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой улицѣ, домъ Коровина, № 16. 3—3.

РЕДАКЦІЯ СПРАВОЧНАГО ЛИСТКА

РАЮНА

МОРШАНСКО-СЫЗРАНСКОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ

и пріемъ объявленій.

Открывъ съ 1 декабря 1875 г. изданіе «Справочнаго Листка раіона Моршанско-Сызранской желѣзной дороги», единственной частной газеты этой мѣстности какъ для г. Пензы, такъ и для Моршанска, Кузнецка и Сызрана, редакція обратила особенное вниманіе на облегченіе возможности помѣщенія объявленій въ этой газетѣ, для чего ею назначена весьма дешевая плата за эти объявленія, сравнительно со всѣми другими повременными изданіями, и для удобства лицъ, мало знакомыхъ съ общепринятымъ разсчетомъ за помѣщеніе объявленій, плата взимается не построчно, а по числу словъ, такъ какъ съ послѣднимъ способомъ публика достаточно ознакомилась при передачѣ телеграммъ. Для пріема объявленій редакціею открыты, сверхъ главной конторы въ Пензѣ, отдѣленія: въ Сызранѣ, Кузнецкѣ, Моршанскѣ и Казани, куда желающіе и могутъ обращаться ежедневно отъ 9 час. утра до 6 ч. вечера.

Для большей распространенности «Листка» и, вмѣстѣ съ тѣмъ, помѣщаемыхъ въ немъ частныхъ объявленій, редакція получила разрѣшеніе на распродажу своего изданія по линіи Моршанско-Сызранской желѣзной дороги черезъ особо посылаемыхъ для сего лицъ; затѣмъ «Листокъ» продается во всѣхъ книжныхъ шкафчикахъ, расположенныхъ по вокзаламъ этой линіи и, сверхъ того, номера его, тотчасъ по выходѣ, приклеиваются на особо заведенныя для того доски и вывѣшиваются на всѣхъ станціяхъ линіи, гдѣ расположены буфеты.

При таксированіи объявленій, помѣщаемыхъ въ нашемъ изданіи, принято за норму—объявленіе въ 20 словъ; за помѣщеніе такого объявленія обыкновеннымъ шрифтомъ, которымъ набирается текстъ газеты, на послѣдней страницѣ плата взимается: за 1 разъ 15, за 3 раза 30, за 10 разъ 75 к.

За годовое объявленіе въ 20 словъ, помѣщаемое не менѣе одного раза въ недѣлю, или же за помѣщеніе такого объявленія черезъ иные промежутки, но не менѣе 50 разъ, 3 рубля. За украшенія, узорчатые шрифты, политипажи и проч. взимается смотря по мѣсту, занимаемому ими, а именно за одинъ дюймъ въ длинну и 3 дюйма въ ширину берется столько-же, какъ и за объявленіе въ 20 словъ; одно или два слова болѣе крупнымъ шрифтомъ ставятся безплатно. За объявленія, содержащія больше 20 словъ, плата увеличивается соразмѣрно числу лишнихъ словъ, которыя считаются десятками, такъ что объявленія въ 31, 43 и 79 словъ считаются содержащими 40, 50 и 80 словъ. За помѣщеніе объявленій на 1-й страницѣ плата взимается вдвое. За разсылку отдѣльныхъ объявленій при газетѣ взимается 3 руб.

Сообщая Вамъ эти свѣденія, редакція «Справочнаго Листка» имѣетъ въ виду обратить Ваше благосклонное вниманіе на дешевый и удобный способъ помѣщенія объявленій, которыя Вы желали бы распространить въ Моршанскѣ, Пензѣ, Кузнецкѣ и Сызранѣ.

Тѣ №№ Листка, въ которыхъ помѣщены будутъ Ваши объявленія, согласно Вашему желанію, могутъ быть высланы съ приплатою по 5 коп. за № съ доставкою въ г. Пензѣ и по 7 коп. съ пересылкою въ другіе города; но лица, помѣщающія или годовыя объявленія на сумму не менѣе 12 р., или на меньшую сумму мелкихъ объявленій, получаютъ полное годовое изданіе «Листка» безплатно, подъ условіемъ высылки впередъ вышеозначенныхъ двѣнадцати рублей за помѣщеніе этихъ объявленій

Редакторъ-Издатель **В. Умновъ**. 1—2.

СПРАВОЧНАЯ ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАЯ ТАБЛИЦА—заключающая самыя подробныя свѣденія относительно тарифовъ—для пассажировъ, купцовъ и конторскихъ учрежденій.

Складъ изданія — С.-Петербургъ, Забалканскій проспектъ, домъ № 105—1, кв. 28.

Александръ Бликминъ.—Цѣна Таблицы 25 к. с. съ пересылкою. 1—3.

Въ Книжномъ магазинѣ

С. П. ГЛАЗЕНАПА

(Поварской Пер., д. № 15, въ С.-Петербургѣ)

поступилъ въ продажу:

КАЛЕНДАРЬ-ТЕРМОМЕТРЪ

на 1879 годъ.

Къ роскошной папкѣ **прикрѣпленъ термометръ** Реомюра.

(Самый полный, съ отрывающимися листами.)

Къ роскошной папкѣ придѣланъ небольшой изящный термометръ Реомюра. Въ календарѣ три портрета командировъ крейсеровъ русскаго **добровольнаго флота.**

Цѣна **1 р.**, съ перес. **1 р. 40 коп.**

Требованія исполняются немедленно. Принимаются всевозможные заказы книгъ и подписка на всѣ журналы и газеты.

въ 1879 году

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

„КРОНШТАДТСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ, ПО ПРЕЖНЕМУ, ТРИ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ:

по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ.

Подписная цѣна:

	на годъ.	на полгода.	на 3 мѣсяца.	на 1 мѣс.
Безъ доставки	7 р.	4 р.—к.	2 р. — к.	70 к.
Съ доставкою на домъ и пересылкою во всѣ города.	8 р.	5 р.—к.	2 р. 50 к.	1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Кронштадтѣ: при книжномъ магазинѣ «Кроншт. Вѣстника» (на Соборной площади, въ домѣ Никитиныхъ).

Въ С.-Петербургѣ: у книгопродавца Я. А. Исакова, въ Гостиномъ дворѣ № 24. 3—3.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 Декабря 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)

PROSPEKT na 1879 rok.

a) **Przegląd Tygodniowy Życia Społecznego, Literatury i Sztuk Pięknych,** zawiera co tydzień **12** trzyszpaltowych kolumn druku, przeszło 3,000 wierszy, 115,000 liter.

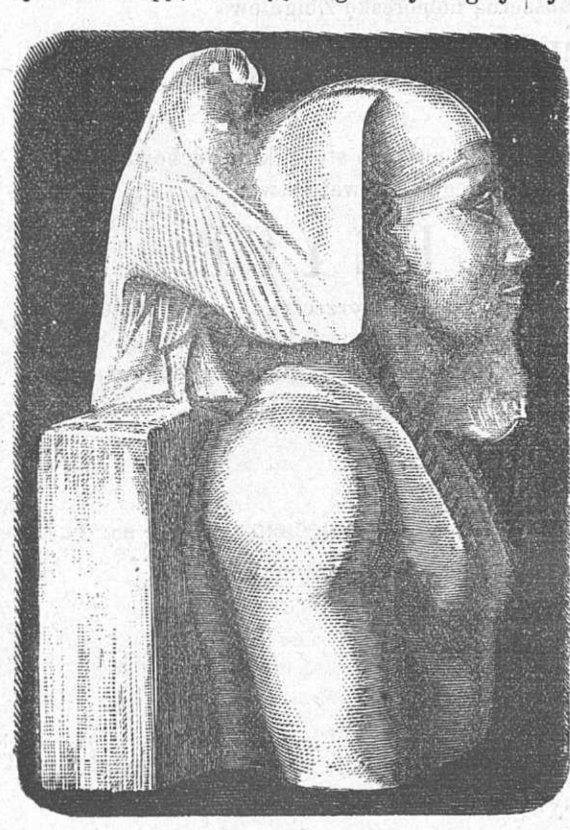
b) **Dodatek miesięczny** powieści oryginalnych i tłumaczonych **jeden tom** z **10** arkuszy druku złożony.

c) **Premium bezpłatne:** Panteon wiedzy ludzkiej, arkusz objaśniony **drzeworytami** co tydzień.

d) **Nakłady naszej Redakcyi** dodajemy bardzo często dla abonentów **po cenach kosztu,** jak to w roku zeszłym miało miejsce z Smilesa **Pomocą własną,** którą nabywać było można po kop. 60—zamiast ceny obecnej rs. 1.

Program naszego Pisma:

Czternasty rok istnienia *Przeglądu* przypada na czas trudnych i ważnych okoliczności. Chmurny i niepewny polityczny horyzont Europy, uciskając regularny bieg życia naszego społeczeństwa, nakłada na organ publiczny obowiązki jasnego informowania opinii, aby praca na wszelkich polach nie była na szwank narażoną, lub niepokojoną bezpotrzebnie. Nie podlegając złudzeniom, zimno politycznym rozsądkiem mierząc wypadki, jak dotąd tak i nadal punkt ciężkości naszego życia społecznego widzi *Przegląd* i popiera w *wewnętrznej* pracy narodu, gdzie się skupiają zasadnicze warunki bytu. Jeżeli jednak bierność polityczna jest częstokroć najwyższą mądrością, to społeczno-ekonomiczny absenteizm bywa niedarowanym zawsze błędem; nieobecność społeczeństwa przy załatwianiu jego spraw podstawowych prowadzi do niepowetowanych strat, gdy czynny udział natomiast przynosi moralne i materyalne korzyści. Wsparci na tej zasadzie wskazywaliśmy i wskazywać nie przestaniemy ważnych obowiązków ciążących na ogóle co do przechowania odrębności plemiennej i depozytu ziemi zostającej dotąd w naszych rękach — jako podstaw koniecznych, bez których nie ma bytu i rozwoju.

Biust króla Chafra.
z Historyi Egiptu Joh. Dümichena.

Nie ulegając błędom socyalistycznym i potępiając je, nie mniej jednak pragniemy udziału klas oświeconych w stopniowej i legalnej organizacyi warstw niższych; pragniemy aby prawem zagwarantowany udział wszystkich żywiołów w gminie kładł podstawy rozumnego samorządu, żeby wielka sprawa służebności rozwiązaną została z dobrem nietylko jednej klasy większych właścicieli, ale z uwzględnieniem pożytku całego społeczeństwa; aby szkoła elementarna stała się polem, na któremby wszystkie krajowe narodowości i wyznania mogły otrzymywać wspólne w jedności i do zgody bratniej dążące wychowanie. Kładąc dobrobyt i wszystko co do niego zmierza: pracowitość, oszczędność, wytrwałość jako główne podścielisko organicznego wzrostu społecznego, zalacać widzimy konieczność te różnorodne środki, które warunkują i ułatwiają wytwarzanie się bogactwa, według praw naturalnych. Więc też na pierwszym planie mamy na uwadze rolnictwo polskie, które przez szersze zastosowanie nauk agronomicznych i specyalne przygotowanie niższych i wyższych pracowników, przez wytworzenie stacyj doświadczalnych, instytucyj kredytowych, oraz naukowych o postęp wiedzy i rozwój interesów ziemian troszczących się — ulepszone i do stanowiska kwitnącego doprowadzone widzieć życzymy. Zwolennicy zasad wolnohandlowych jako jedynie naturalnych i interesom sielskich społeczności odpowiednich, w przemyśle przekładamy kierunek wolny od sztucznej protekcyjności, oparty na płodach surowych krajowych, a zatem przedewszystkiem rolniczy — oraz drobny przemysł po miastach zasobny ulepszonymi wynalazkami, zdrowo zbogacający ogół w jednostki zamożne bez upośledzenia mas i zadość czyniący tak potrzebom miejscowym jak i obszernego rynku na wschodzie, względem którego położeniem geograficznem korzystne zajmujemy stanowisko.

Wypukłorzeźba z Karnaku przedstawiająca boginię Muth prowadzącą na tron Amona króla Sethora (XIV w. przed Chr.).

Wznosząc się do wyższych warunków życia i upatrując w jego swobodnych formach rzeczywisty ideał, pragniemy uchylenia tego wszystkiego co przesądy, zabytki starych wyobrażeń bez racyi bytu, stronnicze widoki i interesa kładą jako tamę naturalnemu rozwinięciu. Pragniemy pozbyć się dowolności w społeczeństwie i rodzinie, usiłujemy mieć kobietę równoprawną i swobodną, a nie silną tylko swemi wdziękami istotę, chcemy przewodników religijnych postawionych w warunkach odpowiednich ludzkiej naturze, wykształconych i tolerancyjnych; pragniemy uczonych badających naukę bez restrykcyj i nareszcie — harmonii wszystkich w poszanowaniu wzajemnych przekonań. Naród jakkolwiek przywiązany do swych cech odrębnych jest cząstką ludzkości, której interesów nie może zapoznawać, ani się jej przeciwstawiać. Przeciwnie

musi on dzielić z innemi ludami ciągły ruch naprzód, aby pomagać lub współczuć zwycięztwu szlachetnych zasad i osiągnąć w równym biegu z innemi postęp i rozrost, które są niemylnem znamieniem zdrowia i życia. Nie żądamy i nie propagujemy w swem piśmie ni mniej ni więcej nad to cośmy wyłożyli powyżej i czemu staramy się współdziałać w naszym zakresie, aby urzeczywistnić te zasady *w czynie* zarówno względem siebie, jak i tych którym nasz organ jako doradca i przyjaciel służy i służyć będzie wiernie.

Warunki Wydawnictwa naszego Pisma:

Dla przeprowadzenia tego zadania posiadamy odpowiedni układ działowy w których się mieszczą:

ARTYKUŁY WSTĘPNE polityczne i społeczne.
ROZPRAWY ze wszystkich dziedzin nauki.
SPRAWOZDANIA literackie i artystyczne.
ROZBIORY KRYTYCZNE.
KORESPONDENCYE z kraju i zagranicy.
POWIEŚCI I DRAMATA.
FELIETON czyli tak zwane ECHA WARSZAWSKIE skupiające bieg życia codziennego.
KRONIKA POWSZECHNA zbierająca krótko ale może najpełniej ze wszystkich pism polskich fakta z obszaru kraju i wszechświata.
WIADOMOŚCI POLITYCZNE I HANDLOWE, oraz OGŁOSZENIA.

Dla pomieszczenia większych utworów beletrystycznych, posiadamy osobny dodatek miesięczny, a premium „Panteon wiedzy ludzkiej" bezpłatnie dołączane—jest zbiorem dzieł naukowych mających na celu zasilić polskie biblioteki.

W roku przyszłym 1879 spodziewamy się nie tylko w staranności redakcyjnej nie ustać, ale działalność naszą pomnożyć, mianowicie przez uregulowanie z głównych ognisk cywilizacyi stosownych korespondencyj i kronik, jak to już w ostatnim kwartale roku zeszłego czytelnicy mogli zauważyć; dwa razy na miesiąc pojawiać się będzie kronika paryzka, dwa razy niemiecka, raz włoska, czeska, krakowska, lwowska i poznańska; również zwrócimy uwagę aby literatura polska w krytycznym obrazie wyczerpująco była traktowaną. Z beletrystycznych utworów przygotowanych na rok przyszły wymieniamy:

Wincentego Rapackiego historyczny dramat

ACERNUS (SEBASTIAN KLONOWICZ).

autora „Sokołów Królewskich" historyczną powieść

OBLĘŻENIE WARSZAWY

z czasów osady naszego grodu przez wojska pruskie.

obszerną humoreskę Zbigniewa

STRYJ INOCENTY.

powieść społeczną na tle naszych stosunków duchowieństwa wiejskiego i obywatelstwa:

PRZEŻYCI.

prócz oryginalnych jakie mamy przyrzeczone, oraz tłumaczonych z Zoli, Auerbacha, Tołstoja (Dekabryści) Ebersa (Uarda), Stengla (Pessymiści) i t. p. któreby do ram Przeglądu Tygodniowego odpowiedniemi się okazały.

W **Panteonie Wiedzy Ludzkiej**, gdzie w obecnym roku kończymy ważne i zasłużonem wzięciem cieszące się dzieło Hellwalda ZIEMIA I JEJ MIESZKAŃCY, drukować będziemy obszerne streszczenie:

LOGIKI STUARTA MILLA.

w opracowaniu Adolfa Dygasińskiego.

Następnie zaś jeżeli zostanie ukończoną pójdzie CHEMIA przez A. Boguskiego, a potem korzystając ze znakomitego i świeżo rozpoczętego zbioru Onkena umieścimy:

ILLUSTROWANĄ HISTORYĘ POWSZECHNĄ

gdzie za pomocą tekstu i prześlicznych illustracyj, których próbkę dołączamy do prospektu, odtworzoną zostanie kultura ludów starożytności i nowożytnych. Dzieło to — pierwsza illustrowana historya w naszym języku — obejmie na początek:

Historyę Starożytnego Egiptu, przez profesora D-ra Johannes'a Dümichena z Strasburga.
Historyę Assyryi i Babilonu, przez profesora D-ra Eberharda Schredera z Berlina.
Historyę Starożytnych Indyj, przez profesora D-ra S. Lefmana z Heidelberga.
Historyę Starożytnej Persyi, przez profesora D-ra Ferdynanda Justi, z Marburga.
Historyę Hellady i Rzymu, przez D-ra Hartzberga z Halli.
Historyę Ludu Izraelskiego, przez D-ra Bernharda Stade z Giesen, i t. d.

Warunki Prenumeraty.

PRZEGLĄD TYGODNIOWY, wraz z PANTEONEM i dodatkowym TOMEM POWIEŚCI, co miesiąc wychodzącym, kosztuje:

w Warszawie:		*Na prowincyi:*	
Rocznie	Rs. 6	Rocznie	Rs. 8
Półrocznie	„ 3	Półrocznie	„ 4
Kwartalnie	„ 1 kop. 50	Kwartalnie	„ 2
Miesięcznie	„ — „ 50		

Pojedynczy Nr. bez dodatków 10 z przesyłką Nr. k. 15.

Każda zmiana adresu na prowincyi kop. 10.

Uwaga. Nowo przybywający abonenci wrazie żądania mogą nabywać Panteon dawniejszych lat: Część I Matematyka Rs. 1. Część II Fizyka Rs. — kop. 50. Część III Hellwald Ziemia i jej ludy (Geografia i Etnografia) pięć tomów Rs. 5 k. 75, a z przesyłką wszystkie części Rs. 8.

Adres Redakcyi Przeglądu Tygodniowego, w Warszawie ulica Czysta № 2.

TANIE WYDAWNICTWO

DZIEŁ LITERATURY OJCZYSTEJ I ZAGRANICZNEJ.

OGŁOSZENIE

Nie bez słuszności wszyscy się chlubimy starą naszą cywilizacyą, bogatą literaturą; nie bez słusznej dumy przytoczyć możemy długi szereg naszych pisarzów, tłumaczów, lub wskazać stotysięczny poczet druków polskich bieżącego stolecia. Lecz to wewnętrzne uczucie zadowolenia nie byłoby zupełnem, gdybyśmy mieli ustać w pracy i spocząć na zebranych laurach. Owszem, z ciągłym trudem musimy pośpieszać za postępem, aby wydążyć innym narodom rozwijającym się szybko i pomyślnie. Musimy wiedzieć i powiedzieć sobie, iż piśmiennictwo polskie, mimo niepospolitych bogactw, przedstawia liczne i bardzo liczne braki, przeszkadzające niemało samoistnemu kształceniu się w języku ojczystym, co stawia nas w porównaniu z obcemi narodami w niekorzystnych i poniżających warunkach. Tak niezawodnie! Czy posiadamy naszych znakomitszych autorów w kompletnych edycyach? Czy dzieła zagranicznych geniuszów i talentów mamy w zupełności na nasz język przełożone? Czy te edycye w formie zręcznej i taniej są przystępne naszemu ogółowi? Zaprawdę w ostatnich czasach wiele zrobiono: Brodziński, Szajnocha, Korzeniowski, Rzewuski, Kaczkowski i kilku innych, stali się więcej upowszechnionymi i ogółowi znanymi; z obcych jeden Szekspir wyszedł dotąd w spaniałej, a zatem kosztownej edycyi. A reszta? Pisarze greccy, rzymscy, włoscy, nowożytni geniusze Niemiec, Anglii, Francyi, Skandynawii i całej Słowiańszczyzny? Czy mamy kompletny zbiór Getego, Szyllera, Heinego, Boernego, Hugona, Musseta, Byrona i tylu innych? A jednak spojrzyjmy na okół! Sąsiednie społeczeństwa mężnieją, karmiąc się esencyą cywilizacyi ludzkiej, udostępnionej w licznych i do wszelkich wymagań zastosowanych edycyach.

Mówimy i piszemy często o potrzebie literatury ludowej, specyalnej — a czyż ludem jest tylko siermiężny, czytać niestety nieumiejący chłopek? Czyliż masy już poduczone, ze średniem wykształceniem niewięcej potrzebują literatury ludowej, to jest dzieł zawsze żywych, zawsze świeżych, bo przez geniusz ludzki stworzonych? Czyż wydawnictwo dzieł tych nie jest najpilniejszem, aby w krew umysłową narodu wprowadzić szlachetne pierwiastki cywilizacyjne? W znacznej części jesteśmy posiadaczami tych skarbów—lecz albo są one w formie przedawnionej, w przekładach przestarzałych, albo ukryte i rozproszone po czasopismach, niedostępne ogółowi— albo nareszcie spoczywają w oryginałach służących tym tylko, którzy posiadają klucz cudzoziemskich języków. Lubo i u nas dla zaradzenia tej wyżej wskazanej potrzebie, uczyniono w ostatnich czasach poważne starania — to jednak nie sądzimy, aby one już wyczerpywały zadanie i aby na tem obszernem polu nie było dużo jeszcze do zrobienia.

Owszem, dzisiejszy stan naszej oświaty wymaga nietylko wydawnictw dobrych, kompletnych, ale i tanich odpowiednio do powszechnego ubóstwa, obok powszechnej chęci czytania. Luksusowe wielkie na welinach edycye służyć mogą tylko bogaczom— maleńkie, szare ubogim a oświaty łaknącym biedakom. Młodzież niezamożna—ta falanga przyszłości, drobni właściciele, urzędnicy, przemysłowcy, oświeceni rzemieślnicy łakną książek tanich, stosownie do objętości ich kieszeni. Wszystkie też narody posiadają takie tanie wydawnictwa arcydzieł literatury własnej i obcej, odnawiające się niemal corocznie, dla milionów co chwila przybywających do stołu oświaty. Anglicy cieszą się swemi pennowemi bibliotekami, a Filip Reclam swą „Uniwersal Bibliothek", której każdy tomik kosztuje 20 fenigów, zasiewa obfite ziarno po całych Niemczech. Dokonać czegoś podobnego dla literatury polskiej jest gorącą naszą chęcią, świętym obowiązkiem, gdyż tego pilna zachodzi potrzeba, gdyż coraz bardziej nowe pokolenia ze słuchu tylko powtarzają wieści o własnych i obcych arcydziełach. Unosimy się częstokroć nad Cierpieniami Werthera nieczytając ich wcale; Jean Paula dzieł nie mamy ani jednego w osobnem wydaniu. Tysiące przykładów podobnych moglibyśmy przytoczyć. Czy taki stan ma się nazywać oświatą — czyż ma odpowiadać godności oświeconego narodu?

Trzeba temu zaradzić!

Dziś nie chwila na podobne przedsięwzięcia, dziś ciężkie czasy — słyszę odpowiedź. Nie czas? — zawsze jest czas na oświecanie się i pracę — a kto tego zaniedbuje, dobrowolną umiera śmiercią. Ciężkie czasy, tak! postanowiliśmy też zastosować się do nich i wydawać książki odpowiednio tanie. Wydawnictwo które niniejszym prospektem ogłaszamy, składać się będzie z arcydzieł własnych i obcych literatur wybranych z dziedzin najobszerniejszych i najrozmaitszych. Cały szereg autorów z których czerpać zamierzamy, znajdą czytelnicy przykładowo u spodu. Nie wątpimy iż znakomici nasi tłumacze pracami już gotowemi lub mogącemi być wykonanemi, poprą nasze usiłowania, aby ten zbiór postawić na stanowisku użyteczności i popularności. Ponieważ nie tworzymy żadnego *zbiorowego wydania*, a jedynym związkiem między pojedynczymi tomami będzie jednostajność formatu i okładki, przeto nie ogłaszamy żadnej peryodyczności w wychodzeniu tomów, ani *żadnej z góry uiszczać się mającej prenumeraty*. Jeżeli przedsiębiorstwo o czem nie wątpimy przyjęte zostanie życzliwie, tomiki puszczać w świat będziemy szybciej; jeżeli zaś publiczność okaże się chłodną, ukazywać się będą tomy rzadziej, ale będziemy cierpliwie czekać dopóki przedsięwzięcie taniością i praktycznością nie zjedna sobie uznania ogółu i szerokiego wzięcia.

Żadnej też przedpłaty nie ogłaszamy; każdy tomik nabywać będzie można osobno po jednostajnej cenie. Każdy tomik złożony z pięciu do sześciu arkuszy druku, szesnastki wyraźnym bourgoisem zadrukowanej, na czystym papierze, kosztować będzie w Warszawie i we wszystkich ajenturach księgarskich:

Dwanaście kopiejek srebrem,

a z przesyłką pocztową *piętnaście kopiejek*. — Dla uniknienia jednak pomyłek przy przesyłce pieniędzy z prowincyi, zamówienia tylko na kolejne tomiki przyjmować będziemy: to znaczy: nadsyłający rs. 1 kop. 50 otrzymają dziesięć z rzędu wydanych tomików, rs. 3 dwadzieścia i t. d.

Oto nasze zamiary — oto nasze warunki. Od publiczności zależy aby to nowe przedsiębiorstwo w trudnych chwilach poczęte, okazało się płodnem w dobre następstwa. To też w ręce publiczności oddajemy to nowe dziecię literackiej działalności, przekonani, że mu ojczymem społeczeństwo polskie nie będzie.

Spis autorów których głównie mamy na widoku.

Anakreont	Bürger	Eckstein	Goldsmith	Klopstock	Maistre	Moeser	Plaut	Sardou	Stern	Victor Hugo
Andersen	Burns	Eschylos	Heine	Koerner	Malczewski	Murad-effendi	Pousard	Schlegel	Swift	Voltaire
Balzak	Byron	Eurypides	Hofmann	Krasicki	Manzoni	Murger	Pope	Schopenhauer	Szekspir	Voss
Béranger	Chamisso	Feuillet	Hölty	Krasiński	Marlit	Nibellungi	Puszkin	Schüching	Sziller	Weilen
Björnson	Czajkowski	Foscolo	Homer	Kraszewski	Marryat	Osian	Rasin	Scott	Tacyt	Wieland
Boccacio	Danilewski	Gellert	Horacy	Lesage	Mickiewicz	Niemcewicz	Rabelais	Scribe	Tasso	Wirgiliusz
Börne	Dante	Girardin	Iffland	Lessing	Molier	Pellico	Rochefoucauld	Sheridan	Teguer	Zaleski
Brentano	Delavigne	Göethe	Jan Paweł	Longfellow	Moore	Pestalozzi	S. Pierre	Słowacki	Tenyson	Zmorski
Bret-Harte	Dikens	Gogol	Jokay	Lope de Vega	Moreto	Petoefi	Sand	Sofokles	Teofrast	Zschokke
Bulwer	Dumas	Goldoni	Kalderon	Maffai	Morus	Platen	Sandeux	Souvestre	Turgeniew	Zachariae

i wielu, wielu innych mianowicie nowożytnych.

Cena w 1879 roku o POŁOWĘ zniżona

NA

ŚWIAT

CZASOPISMO ILLUSTROWANE DLA DZIECI I MŁODZIEŻY.

PROGRAM: I. Artykuły treści moralnej.—II. Opowiadania historyczne.—III. Nauki przyrodnicze.—IV. Opowiadania i powieści.—V. Poezye.—VI. Podróże.—VII. Życiorysy.—VIII. Rozmaitości.—IX. Roboty.—Gry.—Prace.—Rękodzieła i tym podobne zajęcia do fizycznego i umysłowego rozwoju dzieci i młodzieży. W miarę potrzeby dodawane są rysunki, litografie kolorowane, nuty i ryciny.

Zakładając przed trzema laty czasopismo *Świat*, mieliśmy na celu zająć wolne stanowisko organu dla dzieci i młodzieży polskiej płci obojej. Przekonani iż wiek przejścia z dzieciństwa do dojrzałości, wymaga szczególniejszego baczenia, iż umysł wtedy winien być starannie uprawiany, a od wszelkich niewłaściwych wpływów ochraniany, umieszczaliśmy w piśmie naszem artykuły poważne i zajmujące, uwzględniając różne działy nauk i prac ręcznych, właściwych wiekowi czytelników. Usiłowania nasze o tyle osiągnęły skutek, iż głosy bezstronnej i umiejętnej krytyki jak np. pani Dzieduszyckiej, Piotra Chmielowskiego i t. d. przyznały naszej publikacyi użyteczność i staranność. Mimo to, ogół czyni nam uwagę iż wykwintność formy wydawniczej w jakiej staraliśmy się myśl naszą przeprowadzić, pociągając znaczne koszta, czyni dla wielu pismo nasze nieprzystępnem, a odstęp dwutygodniowego ukazywania się *Świata*, jest za długi dla młodych czytelników.

DLA PTASZKÓW.

Chcąc zaradzić temu Redakcya *Świata* udała się do wyższej Władzy, celem wyjednania tygodniowego wychodzenia pisma, bez żadnej innej zmiany w programie.

Świat więc w roku przyszłym 1879 wychodzić zamierza co tydzień w sobotę rano, w formie arkusza o 16 stronnicach ścisłego druku, z wielu rycinami w tekscie, z premiami robót, wzorami, formami i muzykaliami, jak dotychczas. Papier będzie piękny a druk staranny i wyraźny, rozkład zaś kolumn tak urządzony, iż powieść i dzieło naukowe w szpaltach pisma drukowane, będą mogły być wycięte i osobną całość utworzą. Mimo tych wszystkich praktycznych ulepszeń, cenę zniżamy na rok przyszły do POŁOWY, to jest wynosić ona będzie rocznie w Warszawie Rs. 3, kwartalnie kop. 75, na prowincyi Rs. 4, kwartalnie Rs. 1. Sądzimy iż tak znaczne zniżenie ceny bez żadnej zmiany co do treści pisma, posłuży w tych ciężkich materyalnie czasach, do zachęty ogółowi, który weźmie liczny udział w abonamencie na *Świat*, którego koszt i najmniej zamożnej kieszeni przystępny będzie.

Niepotrzebujemy zdaje się zapewniać iż w staranności redagowania pisma naszego **nic się** nie zmieni, co się zaś tyczy zewnętrznej szaty, nadamy jej ile tylko środki dozwolą świetność, konieczną dla tego rodzaju publikacyj, dla młodzieży, i dzieci przeznaczonych.

W roku przyszłym drukować będziemy znacznych rozmiarów *powieść historyczną* dla młodzieży, oraz z prac naukowych: *Miłość macierzyńską u zwierząt* przez Ernesta Menaulta, *Rośliny pod mikroskopem* przez Juljusza Girarda, *Kolosy starożytne i nowożytne* przez E. Lesbazeilles i inne. Każda z tych prac ozdobiona drzeworytami stanowić będzie osobne, prześliczne dziełko i skończy się w ciągu kwartału.

Stawiając pismo nasze w takich warunkach, czyniąc go przystępnem treścią dla dziatwy, a ceną dla najmniej zamożnych, spodziewamy się iż matki, ojcowie, opiekunowie skorzystają z tych usiłowań Redakcyi, która niczego nie poszczędzi, aby ile tylko w jej mocy zająć swych czytelników, nauczyć i zabawić. Nie zrażeni przeciwnościami, pracując wytrwale na niwie ulubionej sobie, siejąc zdrowe ziarno na sercu i umyśle młodego pokolenia, jesteśmy pewni iż spełniamy nasz obywatelski obowiązek, w czem ogół tak jak zawsze nam dopomoże.

Do was zaś młodzieży odzywamy się równie, abyście korzystaniem pilnem z naszego pisma, dali dowód że starania rodziców, koszta łożone, oraz nadzieje naszej redakcyi, zawiedzionemi nie będą.

Дозволено Цензурою, Варшава, 8 Ноября 1878 г.—W drukarni Przeglądu Tygodniowego, ulica Czysta Nr. 2.— Redaktor i Wydawca Adam Wiślicki.

№ 51. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 17 Декабря 1878 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ на 1879 годъ.

Журналъ **«ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»** будетъ издаваться въ будущемъ, 1879 году, по той же програмѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ настоящемъ, 1878 году.

Гг. годовые подписчики получаютъ при первомъ нумерѣ премію, уже полученную Редакціею и состоящую изъ **олеографической картины.**

Втеченіе года будетъ выдана вторая художественная премія, тоже **олеографія**, а также **иллюстрированная литературная премія.** Кромѣ того Редакція разошлетъ своимъ подписчикамъ въ видѣ **четвертой преміи гравюру**, длиною 1 ар. 4 вер., шириною 13 верш. Гравюра эта составляетъ копію съ картины художника, имѣющаго міровую извѣстность. Гравюра вырѣзана на стали и такъ хороша, что, вставленная въ рамку, можетъ быть повѣшена въ любой гостинной.

Въ первыхъ нумерахъ будущаго, 1879 года, между прочими, появятся слѣдующія произведенія: *«Мужъ и жена»*, романъ **А. Михайлова**; поэма **Омулевскаго**; *«Лѣсное Хозяйство»*, статья **Н. В. Шелгунова**; *«Козелъ отпущенія»*, повѣсть **Н. И. Северина**, *Сестра Милосердія*, романъ **Э. и Ж. Гонкуровъ**, въ переводѣ **П. Лѣтнева**, *Иза*, романъ **А. Бувье**; повѣсти **Н. Ф. Бажина и К. М. Станюковича**; *Правда о женщинахъ*, ст. **Н. И. Шульгина.** Изъ гравюръ, между прочимъ, будутъ помѣщены копіи съ картинъ: **Н. А. Богданова, Брюлова, Гуна, А. И. Мещерскаго И. Т. Михайлова и Шварца.**

Редакція намѣрена въ будущемъ году дать рядъ копій съ картинъ **русскихъ** художниковъ, а также біографіи и портреты замѣчательныхъ **русскихъ** дѣятелей изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ нашей общественной дѣятельности. Эти біографіи будутъ составляться подъ редакціей **А. К. Шеллера (А. Михайлова)** и **Н. И. Шульгина.** Въ 1 № будетъ помѣщенъ портретъ **М. Е. Салтыкова (Щедрина).**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣсяца.
Безъ пересылки	6 р.	3 р. 50к.	1 р. 80 к.
Съ пересылкою и доставкою	7 р.	4 р.	2 р.

Подписка принимается: Въ Главной Конторѣ Журнала **«Живописное Обозрѣніе»** въ С.-Петербургѣ, Новый проспектъ, домъ № 20.

Если-бъ она знала!..

Очеркъ **Северова-Зеленскаго.**

«...Завтра, когда войдутъ въ мою комнату, меня не застанутъ въ живыхъ. Благодаря двумъ черпымъ крупинкамъ, смерть послѣдуетъ мгновенная. Я не буду долѣе страдать, не буду мучиться... Неужели и тамъ я не найду покоя?

Покой! какъ странно для меня звучитъ это слово...

Всю жизнь я не знала его. Какъ часто меня преслѣдуетъ вопросъ—кто всему виною? но отвѣта на него я никогда не могла найти. Обстоятельства такъ сложились, вотъ и все тутъ. Какъ бы тамъ ни было, но за послѣдній годъ жизнь стала невыносима, нѣтъ больше силъ терпѣть, да и для чего? въ будущемъ ждать нечего...

Сегодня десятое ноября, день моей свадьбы. Для меня очень памятенъ этотъ день. Можно даже сказать, что это единственный счастливый день въ моей жизни. У капризной старухи, за утомительнымъ чтеніемъ, подъ несносную воркотню, я вздохнула немного отъ невыносимой жизни съ злой, развратной теткой, отдохнула настолько, чтобъ забыть прошлое.

Въ душѣ даже начали пробуждаться совершенно новыя чувства, я привязалась къ моей новой хозяйкѣ и полюбила Юрія...

За что? Можетъ быть, за то, что и онъ былъ не изъ счастливыхъ... Матери лишился онъ ребенкомъ, отецъ его всю жизнь страдалъ и терзалъ близкихъ какой-то странной болѣзнью... Печальное дѣтство наложило свой мрачный отпечатокъ на характеръ и на складъ ума Юрія. До своей встрѣчи со мной, онъ никого не любилъ и всѣхъ чуждался... Долго, долго не хотѣлъ онъ вѣрить моему участію, моей любви къ нему. Любовь эта и пугала, и восхищала его.

— Знаешь-ли, отчего ты меня спасаешь? говорилъ онъ въ тѣ рѣдкія минуты, когда вѣра въ счастье брала верхъ надъ тяжкими предчувствіями, постоянно его мучившими.—Мнѣ грозитъ бѣда хуже смерти, мнѣ грозитъ сумасшествіе, если я останусь такимъ одинокимъ, какимъ былъ до сихъ поръ.

Слова эти безконечно меня радовали.

Одинъ изъ его товарищей спросилъ у меня накапунѣ нашей свадьбы: знаю-ли я Юрія коротко, извѣстны-ли мнѣ особенности его характера? Вопросъ этотъ показался мнѣ не только страннымъ, но даже и смѣшнымъ. Я-ли не привыкла подчиняться всякимъ характерамъ! подлаживаться съ малолѣтства ко всякимъ нравамъ!

Но не прошло и мѣсяца, какъ вопросъ пріятеля моего мужа сдѣлался мнѣ понятенъ.

Юрій страдалъ страннымъ, непонятнымъ недугомъ,—онъ былъ ревнивъ до бѣшенства, до потери всякаго сознанія, до сумасшествія. Теперь мнѣ кажется, что страсть эта начала проявляться въ немъ только съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился.

Онъ ревновалъ меня не только къ знакомымъ и незнакомымъ мужчинамъ, но даже къ женщинамъ и къ дѣтямъ.

Порой мнѣ даже казалось, что неодушевленныя вещи, особенно мною любимыя, ему дѣлались противны. Какая-то странная тоска видимо угнетала его. Расположеніе духа мѣнялось безъ всякой причины, стоило кому-нибудь изъ нашихъ знакомыхъ придти въ то время, когда онъ на службѣ, чтобъ онъ сдѣлался угрюмъ и золъ. Не было конца разспросамъ:

— Почему такой-то былъ утромъ, а не вечеромъ? Что говорилъ, долго-ли сидѣлъ, не было-ли еще кого-нибудь?

Насъ перестали навѣщать.

Одному только другу дѣтства Юрія, Сергѣеву, не надоѣдало подвергаться капризнымъ выходкамъ моего мужа. Онъ продолжалъ приходить къ намъ и пѣть со мною когда-то любимые романсы Юрія, не обращая вниманія на то, что лицо мужа искажалось, что онъ блѣднѣлъ и судорожно сжималъ себѣ пальцы при его появленіи.

Я рѣшилась намекнуть Сергѣеву на неудобство дальнѣйшаго знакомства, ссылаясь на нездоровье мужа и на его разстроенные нервы. Это не помогло... Въ каждомъ моемъ поступкѣ Юрій видѣлъ хитрость, дулся, сердился, не говорилъ со мною цѣлыми днями, или же мучилъ меня насмѣшками и ѣдкими оскорбительными подозрѣніями. Обращеніе его со мной совершенно измѣнилось, порой мнѣ казалось, что онъ меня ненавидитъ и что сидитъ цѣлыми часами за книгою въ кабинетѣ единственно для того, чтобъ со мной не встрѣчаться. Стоило мнѣ войти къ нему, какъ онъ вскакивалъ, молча хваталъ шляпу и убѣгалъ изъ дому на цѣлый день. Возвратившись поздно домой, онъ всю ночь бродилъ по комнатамъ, передвигалъ и переставлялъ мебель, рылся по ящикамъ моего письменнаго стола, перевертывалъ все верхъ дномъ въ шкафахъ и комодахъ и только подъ утро, утомленный, не раздѣваясь, засыпалъ въ креслѣ или на диванѣ... И вдругъ происходила перемѣна: онъ успокоивался на время, выбивался изъ силъ, чтобъ заставить меня забыть вынесенную обиду и страдалъ при этомъ невыносимо.

Мнѣ было его жаль, я все прощала и думала только объ одномъ — какимъ способомъ избавиться отъ повторенія подобныхъ мученій.

Такое затишье длилось иногда подолгу, однажды цѣлыхъ два мѣсяца, Юрій былъ довольно веселъ, много работалъ и безвыходно сидѣлъ дома. Отъ прежнихъ странностей упорно держалась только одна — скупость, усиливающаяся съ каждымъ днемъ. Онъ сталъ требовать отчета въ каждой копѣйкѣ, выдаваемой мнѣ, и по недѣлямъ оставлялъ меня безъ гроша.

Онъ объяснялъ это тѣмъ, что ожидаетъ рожденія ребенка.

— Въ случаѣ, если будетъ дочь, ей необходимы деньги; дѣвушка безъ средствъ разбирать не можетъ, она должна выйти замужъ за нелюбимаго человѣка, продать себя, какъ-то странно улыбаясь, добавлялъ онъ скороговоркой.

И я не могла не понять, что онъ говоритъ на мой счетъ.

Однажды Юрій вернулся со службы очень злой.

— Сергѣевъ опять шляется мимо оконъ моего дома? сердито, нахмуривъ брови, проговорилъ онъ, швыряя шапку въ уголъ. — Или, можетъ быть, вы ему въ мое отсутствіе свиданія назначаете?

Я молчала, зная по опыту безполезность какихъ бы то ни было объясненій.

Эту ночь онъ не ложился. Снова началось передвиганіе мебели, а тамъ послышались глухіе удары молотка въ стѣну...

Я вспомнила, что уже нѣсколько дней, какъ Юрій принесъ съ собою большіе крюки, и, не помня себя, бросилась въ его кабинетъ.

Онъ стоялъ на столѣ и со всего размаху вбивалъ въ стѣну крюкъ.

— Юрій! Юрій! что ты дѣлаешь? вскричала я, внѣ себя отъ страха.

Мнѣ удалось оттащить его отъ стола и тутъ онъ въ первый разъ ясно, откровенно и сознательно высказалъ мнѣ все, что такъ давно мучило его душу. О! обвиненія его были ужасны, безжалостны. Онъ не только отвергалъ мою любовь къ нему, но даже до малѣйшихъ подробностей описывалъ воображаемую мою измѣну, низость, подлость, передавая мои свиданія съ моимъ любовникомъ, онъ называлъ мнѣ дни, часы, мѣста этихъ свиданій. Говоря о ребенкѣ, онъ злобно хохоталъ, сжимая до боли мнѣ руки.

Этого мало, онъ описывалъ мнѣ, какъ могъ бы онъ быть счастливъ съ другою женщиною и при этомъ такъ живо, такъ краснорѣчиво представлялъ эту женщину, что я вскричала:

— Зачѣмъ же ты на ней не женился, если ты знаешь и любишь такую женщину?

Онъ смолкъ на мгновеніе, сурово посмотрѣлъ на меня, а затѣмъ началъ умолять меня сознаться во всемъ, обѣщая простить мнѣ мой позоръ! Угрозы смѣнялись мольбами, мольбы угрозами.

Я изнемогала подъ этой пыткой, всѣ мысли путались въ головѣ, порой мнѣ казалось, что, дѣйствительно, я виновата, до того опредѣленно, отчетливо объяснялъ онъ всѣ мои воображаемые поступки, я не оправдывалась, но ему этого было мало. И тогда онъ началъ настаивать на какомъ-то письменномъ сознаніи, и, вложивъ мнѣ перо въ руки, заставилъ написать все, что ему вздумалось мнѣ продиктовать...

Я писала, у меня было одно только на умѣ — покой, но чтобы то ни стало и на какой бы то ни было срокъ. Но покоя не было...

Съ этого дня жизнь сдѣлалась еще того ужаснѣе, страхъ мой въ присутствіи мужа усилился; малѣйшій шорохъ ночью заставлялъ меня вскакивать и съ испугомъ озираться кругомъ.

Иногда во снѣ мнѣ казалось, что гибкіе, тонкіе пальцы Юрія сжимаютъ мое горло и душатъ меня. Я боялась уснуть и, лежа ночью въ постелѣ, старалась не шевелиться, чтобъ не привлечь его вниманія. Холодный потъ выступалъ при всякомъ неожиданномъ появленіи мужа.

А Юрій? Онъ тоже съ своей стороны остерегался и подозрѣвалъ меня. За обѣдомъ онъ вдругъ переставалъ ѣсть тѣ кушанья, которыя я не ѣла; однажды, отодвигая блюдо, онъ прошепталъ какую-то фразу, въ которой слово «ядъ» явственно долетѣло до моего слуха.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ родилась наша дочь! Ребенокъ меня привязалъ къ жизни, я стала равнодушнѣе относиться къ дикимъ выходкамъ мужа, стала снисходительна къ нему... онъ былъ отецъ моей крошки. Прошелъ годъ, дѣвочка моя стала лепетать, начала ходить, я не разставалась съ нею ни на минуту.

Юрій былъ съ нею также неровенъ, какъ и со мной, — одинъ день крайне ласковъ, а другой золъ и грубъ. Бѣдная моя дѣвочка! она боялась отца, и съ громкимъ крикомъ пряталась при его появленіи.

Сегодня ровно недѣля, какъ она умерла, черезъ два дня ей было бы два года... За нѣсколько часовъ до смерти, она весело играла въ саду, роясь въ пескѣ.. Въ тотъ же вечеръ, ея громкій, жалобный крикъ раздался по всему дому. Когда я вбѣжала въ дѣтскую, запахъ дыма рѣзалъ мнѣ глаза, душилъ меня... Объятая пламенемъ, моя крошка жалобно стонала, въ испугѣ прижавшись къ своей люлькѣ, пологъ которой ярко пылалъ.

Въ ту же ночь она скончалась.

Гдѣ была няня? люди? Я ничего не могла добиться; отвѣты ихъ были такъ сбивчивы. Изъ нихъ можно было заключить только то, что дѣвочку оставили съ отцомъ...

Ужасное подозрѣніе закралось мнѣ въ душу. Съ такимъ подозрѣніемъ нельзя жить, никакъ нельзя; я съума сойду, а отъ безумной невозможно требовать сдержанности.

Эти два черныя зернышка спасутъ Юрія отъ новаго еще преступленія, спасутъ отъ скамьи подсудимыхъ.

Письмо это вы получите по почтѣ; никто объ немъ не узнаетъ, вы его сожжете, не правда-ли?»

Она сама отнесла это письмо и бросила его въ почтовый ящикъ, а на другой день въ N-скихъ вѣдомостяхъ, между объявленіями о побѣгѣ извѣстнаго мошенника и о встрѣчѣ новаго губернатора, стояло извѣстіе о горестномъ происшествіи, случившемся въ домѣ уважаемаго профессора В*.

Вотъ что стояло въ этой газетѣ:

«Намъ пишутъ, отъ 30-го декабря, что въ домѣ извѣстнаго профессора В* случилось ужасное событіе: была найдена мертвою его жена, извѣстная въ нашемъ городѣ, какъ по своему симпатичному характеру, такъ и по чрезвычайно-рѣдкой своей красотѣ. Оказалось, что смерть послѣдовала отъ отравленія. На столикѣ же, возлѣ умершей, лежала маленькая записка. «Никого не вините въ моей смерти», — вотъ общій смыслъ написаннаго. На похоронахъ своей жены профессоръ В* изумилъ всѣхъ присутствовавшихъ своимъ крайне страннымъ поведеніемъ и дикими выходками. Однако, дѣло скоро разъяснилось. Находившіеся на похоронахъ, два врача, по освидѣтельствованіи профессора В*, пришли къ совершенному убѣжденію, что несчастный страдаетъ полнымъ разстройствомъ душевныхъ способностей. Говорятъ, что на выздоровленіе надѣяться почти невозможно, такъ какъ выяснилось, что и дѣдъ, и отецъ больного страдали и умерли отъ умопомѣшательства.

Утѣшеніе.

Стих. **Д. А. Рубина.**

Если одолѣетъ тебя злое горе, —
Пей и вѣрь, что будетъ по колѣно море;
Скука ли насядетъ, грустью-ль заболѣешь, —
Пей, какъ можешь больше, и — повеселѣешь.

Снова жить захочешь, снова затолпятся
Радостныя мысли длинной вереею,
Мрачныя же думы прахомъ разлетятся,
Будущее встанетъ яркою зарею.

Все душа забудетъ, стоитъ лишь напиться
И восторгомъ счастья сердце будетъ биться,
Позабудешь горе, знать не будешь слезъ, —
И о счастьѣ просто разрѣшенъ вопросъ...

Слово — одно, а дѣло — другое.

(Воспоминанія зуава.)

Разсказъ **Гренвилля Муррея**. Переводъ **А. Г. Сахаровой.**

(*Продолженіе.*)

III.

— Хорошую штуку вы устроили, сержантъ, простоналъ раненый, лежавшій подлѣ меня въ зданіи ратуши, прежде чѣмъ насъ перевезли въ больницу.

Онъ попытался приподняться на одномъ локтѣ, но онъ былъ раненъ въ грудь пулей, кровь полила, онъ ослабѣлъ и упалъ.

— Обыщите карманы моего сюртука, прошепталъ онъ, — и въ нихъ вы найдете записную книжку съ моимъ именемъ и адресомъ, нѣсколько писемъ и небольшую сумму денегъ. Вы мой врагъ, но, я увѣренъ, вы отнесете все это моей женѣ.

Сильная боль заставила его прервать свою рѣчь, онъ задыхался, но вскорѣ снова заговорилъ:

— Скажите ей, чтобы она простила меня. Видите-ли, я обѣщалъ ей сегодня утромъ, что не приму участія въ сраженіи, — она плакала, потому-то я и обѣщалъ ей, — но когда я увидалъ какъ вы, солдаты, расправляетесь съ закономъ, мнѣ показалось, что я не имѣю права стоять, сложа руки... я принялъ участіе въ сраженіи. Вы скажете ей объ этомъ, неправда-ли? И... у меня дома двое маленькихъ дѣтей; пусть она передастъ имъ отъ меня, что человѣкъ можетъ умереть только разъ и что если его жизнь была...

Онъ сдѣлалъ снова усиліе приподняться, но кровь опять хлынула изъ раны и слова замерли у него губахъ. Когда я подползъ къ нему, чтобы отыскать его записную книжку, онъ взглянулъ на меня съ благодарностью и умеръ.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого явился патруль, сопровождаемый нѣсколькими офицерами и полицейскими агентами, чтобы отдѣлить раненыхъ солдатъ отъ бунтовщиковъ и перевезти первыхъ въ больницу, а послѣднихъ въ тюремные лазареты. Въ то время, какъ меня подняли на носилки (у меня была сломана нога), одинъ полицейскій нагнулся осмотрѣть моего сосѣда.

— О! это нашъ старый знакомый, вскрикнулъ онъ съ усмѣшкой, — это одинъ изъ радикаловъ журналистовъ. Ну, дурная трава изъ поля вонъ.

Я корчился на носилкахъ и лицо мое пылало; замѣтивъ это, одинъ изъ офицеровъ сказалъ:

— Ты, кажется, страдаешь, мой милый. Ободрись! Ты пролилъ свою кровь за благородное дѣло и ты будешь вознагражденъ.

Да, конечно, я былъ вознагражденъ, я долженъ отдать имъ справедливость. Въ то время, какъ я лежалъ въ госпиталѣ, страдая не столько отъ раны, какъ отъ мрачнаго настроенія, которое овладѣло мною неизвѣстно почему, меня произвели уже въ фельдфебели, хотя я прослужилъ сержантомъ всего нѣсколько дней.

— Сержантъ Бросъ, поздравляю тебя, сказалъ полковникъ де-Фракасъ, который пришелъ въ госпиталь навѣстить раненыхъ своего полка.— Ты велъ себя превосходно, мой милый! Да, славный денекъ мы пережили и красные не скоро позабудутъ его. Да здравствуетъ императоръ! да здравствуетъ армія, не такъ-ли, мой милый?

«Да здравствуетъ армія!» Мнѣ казалось немного страннымъ, что онъ кричалъ: «да здравствуетъ армія!» въ то время какъ мы только что установили новое правительство, которое обязалось водворить у насъ миръ. По моимъ понятіямъ: «да здравствуетъ миръ!» было бы гораздо болѣе кстати. Какъ только я выписался изъ больницы, я сталъ просить, чтобы мнѣ дали мѣсячный отпускъ; я желалъ съѣздить къ себѣ въ деревню. Мнѣ нечего вамъ говорить, что я хлопоталъ объ отпускѣ не потому, что мнѣ хотѣлось провѣтрить мой мундиръ съ двумя золотыми галунами, но потому, что во мнѣ возродилась надежда, что Жанъ Пуаро, нежелавшій отдать свою дочь за рядового, получающаго одинъ су въ день, позволитъ ей подождать нѣсколько мѣсяцевъ фельдфебеля, располагавшаго ежедневнымъ жалованьемъ въ два франка. Однакожь, адъютантъ наотрѣзъ отказалъ мнѣ въ отпускѣ.

— Ты храбрый солдатъ, Бросъ, сказалъ онъ, — и мы не можемъ обойтись безъ тебя. Теперь прошло только четыре мѣсяца послѣ государственнаго переворота и ты знаешь, мы не можемъ еще положиться на парижанъ. Мы должны быть всякую минуту наготовѣ.

— Какъ! неужели недостаточно той крови, которая была пролита въ декабрѣ? прошепталъ я.

— Это были только цвѣточки, возразилъ спокойно адъютантъ.—Кто знаетъ, можетъ быть, скоро придется увидѣть и ягодки.

Онъ перевернулся на каблукѣ и далъ мнѣ гаванскую сигару, чтобы вознаградить меня за то, что я не увижу Бланшеты.

И такъ, мнѣ оставалось только ждать. Я не видалъ Бланшеты болѣе года, но я получалъ извѣстія о ней два или три раза въ письмахъ изъ нашей деревни. Вскорѣ послѣ отказа адъютанта, въ отпускѣ, я получилъ письмо. Въ немъ между прочимъ, писали мнѣ: «Вамъ будетъ пріятно слышать, Аристидъ, что ваша бывшая невѣста Бланшета здорова и еще болѣе похорошѣла. Но она уже не бѣдная деревенская дѣвушка, потому что графъ Гишо, который былъ очень добръ къ семейству Пуаро съ самаго вашего отъѣзда, нашелъ ей мѣсто швеи въ городѣ Мовевиллѣ, гдѣ она живетъ счастливо, заработывая по четыре франка въ день. Когда она послѣдній разъ пріѣзжала въ деревню, на ней было надѣто шелковое платье».

Я получилъ хорошее мнѣніе о Гишо за то, что онъ сдержалъ данное мнѣ слово; я радовался, узнавъ, что у Бланшеты было шелковое платье. Это письмо дошло ко мнѣ не по почтѣ, оно было передано мнѣ моимъ землякомъ по имени Фурмиссо, который только что былъ зачисленъ въ нашъ полкъ рекрутомъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что Бланшета горько плакала о моемъ отъѣздѣ. Бѣдняжка! Онъ тоже подтвердилъ все; что я слышалъ о добротѣ Гишо. Графъ часто навѣщалъ Жана Пуаро; онъ отстроилъ его хижину и досталъ Бланшетѣ мѣсто, чтобы она не портила своихъ хорошенькихъ рукъ битьемъ масла и печеньемъ хлѣба. Я сталъ относиться сочувственнѣе къ Гишо и пожалѣлъ, что мысленно обидѣлъ его. Вѣроятно, Фурмиссо подмѣтилъ во мнѣ слѣды волненія.

— О, сержантъ! сказалъ онъ, глотая слезы,— на свѣтѣ нѣтъ ничего подобнаго нашей деревнѣ. Я тоже женился бы, если бы не этотъ проклятый наборъ. Вы знаете Розу Миньонъ, самую хорошенькую дѣвушку въ нашей деревнѣ.

— Терпѣнье, Фурмиссо, терпѣнье, ты увидишься съ нею.

— Да, но мы были бы такъ счастливы вмѣстѣ. (Тутъ честный малый началъ утирать слезы кулаками). Мы были обручены въ то время еще, когда насъ едва было видно отъ земли; и она поклялась, что меня не забудетъ. Но могу-ли я надѣяться на это теперь? (тутъ слезы полились ручьемъ изъ глазъ Фурмиссо). Какъ только мы повернемся къ нимъ спиною, сержантъ, прощай надежда! Мы не можемъ требовать, чтобы они ждали насъ семь лѣтъ.

— Но имъ не придется ждать семь лѣтъ, отвѣчалъ я, стараясь утѣшить его.—Имперія еще не провозглашена, но черезъ день или два сенатъ отправится въ Сен-Клу и предложитъ корону принцу-президенту.

— Чтожь изъ этого? спросилъ онъ со вздохомъ.

— Какъ что изъ этого? Имперія — это миръ и императоръ, вступивъ въ Тюльерійскій дворецъ, распуститъ насъ всѣхъ по домамъ, такъ сказалъ полковникъ.

— О, да благославитъ Богъ императора, закричалъ Фурмиссо и мнѣ кажется, что онъ тотчасъ же отправился писать письмо Розѣ Миньонъ, прося ее подождать его немножко подольше.

Я былъ правъ, говоря о намѣреніи сената. Черезъ нѣсколько дней на утреннемъ парадѣ, намъ былъ отданъ приказъ явиться въ полдень и образовать почетную стражу на пути депутаціи. Въ этомъ парадѣ участвовали не только мы, зуавы, но и вся пѣхота парижскаго гарнизона— тридцать тысячъ человѣкъ. Мы выстроились въ двойную линію вдоль всей дороги изъ Парижа въ Сен-Клу. Парижъ представлялъ великолѣпную картину; все населеніе города высыпало, какъ и всегда, на улицу, готовое поглазѣть на всякое зрѣлище, и окна пестрѣли яркими флагами и длинными знаменами съ именемъ Наполеона III. Всѣ слѣды декабрьской рѣзни исчезли. Правда, окинувъ взглядомъ толпу, вы могли бы встрѣтить ребенка или женщину въ траурѣ, которыя спѣшили убѣжать отъ праздничнаго зрѣлища, не желая останавливаться и рукоплескать съ прочими. Но, повидимому, такихъ было немного, люди въ траурѣ оставались дома и кареты сенаторовъ могли безпрепятственно катиться среди двухъ рядовъ парижанъ, которые, казалось, были также возбуждены, какъ четыре года тому назадъ, когда была провозглашена республика. Однако, я долженъ сказать, что если въ общей массѣ замѣчалось восторженное состояніе, то въ отдѣльныхъ группахъ раздавалась безпощадная критика. Въ то время, какъ передъ нами проѣзжала карета за каретой, унося сенаторовъ и депутатовъ (депутаты ѣхали поглазѣть на церемонію), я слышалъ много интересныхъ замѣчаній въ окружающей толпѣ зрителей:

— Жюль, видишь, стараго де-Турнкозака? у него совершенно такое же лицо, какое было въ то время, когда онъ присягалъ Карлу X и Люи-Филиппу... Вотъ другая образина, старый Деля-Брошъ-Кракеленъ, который предалъ Генриха V, а рядомъ съ нимъ Флупенъ, бывшій адвокатъ Орлеанской фамиліи. Ну! ступайте, вымойте себѣ физіономіи!.. Вотъ еще парочка барсуковъ; они оба были бы уже въ Клиши, если бы не государственный переворотъ.

Подобные отзывы слышались ежеминутно. Сначала это забавляло меня, потому что мнѣ не было никакого дѣла до тѣхъ, о которыхъ они говорили. Наконецъ, проѣхала карета графа Гишо, который недавно былъ избранъ вновь нашимъ департаментомъ въ качествѣ оффиціальнаго кандидата; его привѣтствовали слѣдующимъ образомъ:

— А, вотъ де-Гишо, старый грѣшникъ, если онъ не бѣгаетъ за какой-нибудь балетной танцоркой, то онъ пляшетъ въ присядку передъ новымъ правительствомъ. Я видѣлъ его въ красномъ фригійскомъ колпакѣ въ 48 году, кричащимъ: «да здравствуетъ республика!» Съ какой бы высоты его не сбросили, онъ встанетъ на ноги.

При этихъ словахъ я вышелъ изъ терпѣнія. Графъ былъ благодѣтелемъ Бланшеты, и его смѣли оскорблять. Я обернулся съ гнѣвомъ и вскричалъ:

— Какъ вы смѣете говорить такъ о вашемъ начальствѣ?

Вѣрно моя наполовину выбритая голова и мои усы показались очень внушительными, потому что насмѣшники тотчасъ замолчали и остальныя кареты проѣхали, не вызвавъ никакихъ замѣчаній.

Депутація проѣхала и вернулась назадъ. Въ этотъ вечеръ была зажжена роскошная иллюминація въ честь превращенья республики въ имперію. Солдатъ угощали виномъ въ казармахъ, а намъ, фельдфебелямъ, подносили бордо и по стакану коньяку. Однако, имперія еще не была провозглашена оффиціально; это должно было произойти только въ декабрѣ черезъ восемь мѣсяцевъ. И такъ мнѣ оставалось еще долго ждать, прежде, чѣмъ я могъ надѣяться получить отпускъ. «Надо быть благоразумнымъ, разсуждалъ я,— императоръ только что вступилъ на престолъ и не можетъ сократить своей арміи, пока его власть не упрочится. Подожду восемь мѣсяцевъ».

И я ждалъ и былъ вознагражденъ за свою стойкость, потому что, наконецъ, наступилъ желанный для меня день: имперія была торжественно провозглашена въ ратушѣ; потомъ въ соборѣ Богоматери былъ отслуженъ благодарственный молебенъ и вся армія блестѣла въ новыхъ пуговицахъ съ императорскимъ орломъ и короною. Я не пьяница, но я осушилъ три бутылки въ этотъ день и пилъ за здоровье императора до тѣхъ поръ, пока столы не завертѣлись у меня глазахъ. Конечно, я не очень твердо стоялъ на ногахъ, когда подходилъ къ постели, но все-таки у меня хватило сознанія пробормотать въ то время, какъ я завертывался въ простыню.

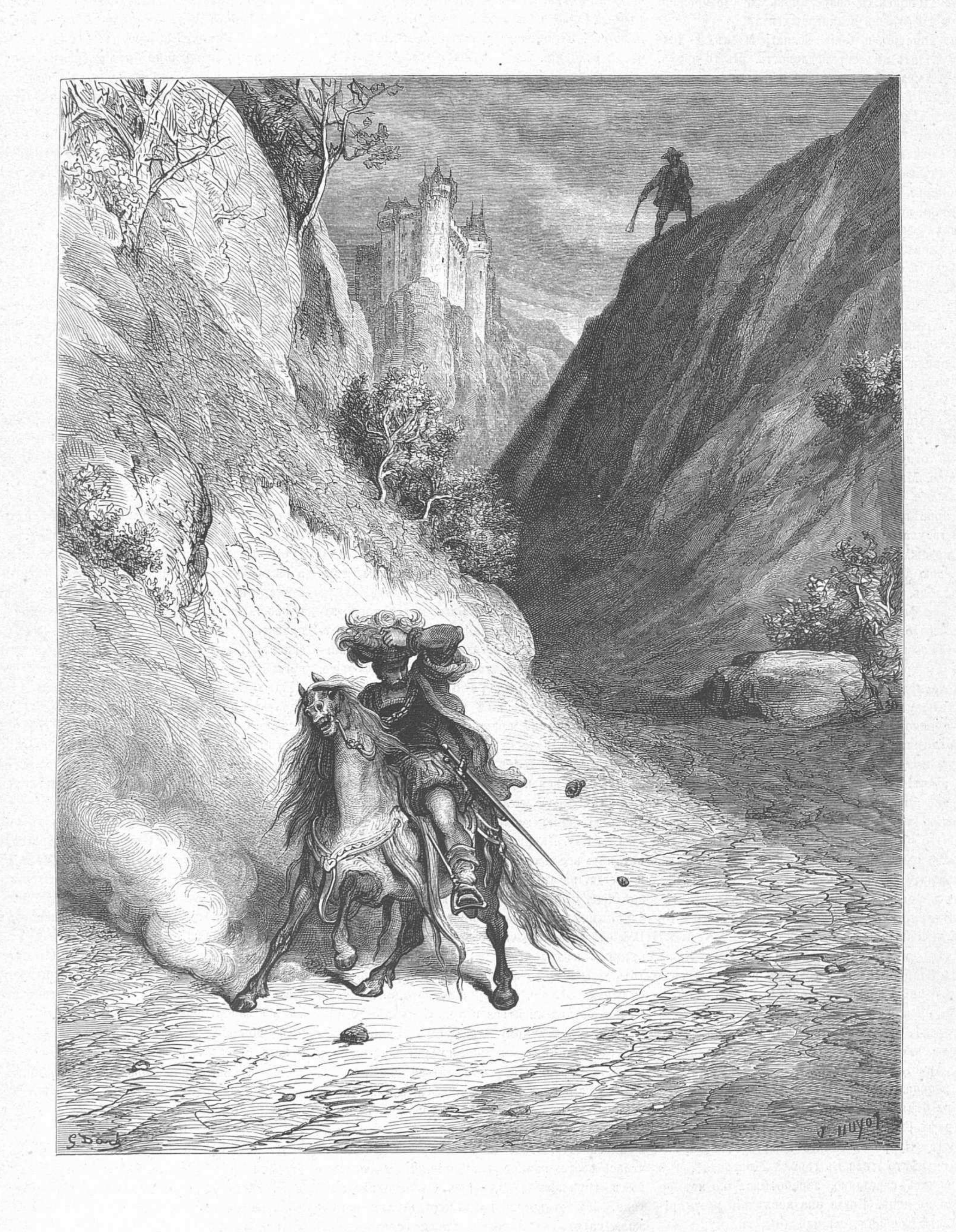
— Наконецъ-то! Слава провидѣнію! Теперь у насъ будетъ миръ.

(***Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ.***)

Птичьи казино.

Птичьи гнѣзда и самый процессъ ихъ постройки представляютъ собою интересный предметъ наблюденія, но нѣкоторыя изъ гнѣздъ устраиваются такъ оригинально и съ такимъ техническимъ совершенствомъ, что могутъ служить образцами искусства. Таковы, напримѣръ, гнѣзда иволги, имѣющія видъ длиннаго мѣшка и свитыя изъ крѣпкихъ травяныхъ стеблей, или же веревокъ, тесемокъ и тому подобнаго матеріяла, который только удается достать птицѣ. Такое гнѣздо обыкновенно виситъ на тонкой вѣтви, въ видѣ длиннаго кошелька.

Рисунокъ Г. ДОРЕ.

Въ горахъ.

Рѣзалъ на деревѣ Гюйо.

Но какъ ни замысловаты многія гнѣзда, которыя птицы готовятъ для своего убѣжища и высиживанія въ немъ птенцовъ, ихъ превосходитъ своею оригинальностью такое гнѣздо, которое строится птицами только для своихъ игръ. Этотъ фактъ, кажущійся даже невѣроятнымъ, подтверждается, однако, свидѣтельствомъ путешественниковъ и образцами подобныхъ гнѣздъ, доставленными изъ Австраліи въ Европу. Гнѣздо строится изъ крѣпкихъ травяныхъ стеблей, которые располагаются такимъ образомъ, что верхушки ихъ соединяются вмѣстѣ, между тѣмъ какъ низъ окружается камешками для удержанія стеблей на мѣстѣ. Внутренность гнѣзда, какъ построеннаго не для семейной жизни, а для однихъ удовольствій, убирается листьями и перышками, и даже, что еще страннѣе, раковинками и костями, приносимыми птицами, иногда, очень издалека. Согласно разсказамъ путешественниковъ, птицы собираются въ подобные «казино» для того, чтобы порхать и рѣзвиться, хотя самцы вступаютъ здѣсь иногда въ ожесточенныя драки. На рис. 1 изображено одно изъ подобныхъ гнѣздъ, устраиваемыхъ всегда въ древесной гущѣ.

Но едва-ли не еще замѣчательнѣе гнѣзда съ палисадникомъ вокругъ нихъ. Подобныя гнѣзда встрѣчаются въ Новой Гвинеѣ, гдѣ растутъ разнообразныя породы орхидій; нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ живутъ, какъ паразитное растеніе, только на сучьяхъ деревьевъ, а не на землѣ. Птица-садоводъ пользуется этими орхидіями. Она принадлежитъ къ породѣ райскихъ птицъ, но крупнѣе ихъ (почти съ голубя) и покрыта не блестящими, а темными перьями. Для постройки гнѣзда, птица выбираетъ ровное мѣсто, гдѣ-нибудь подъ кустомъ, стволъ котораго равняется толщиною обыкновенной трости. Она окружаетъ этотъ стволъ мхомъ, въ видѣ конуса, вышиною около 2 футовъ, устраивая такимъ способомъ центральный устой. Потомъ она притягиваетъ, отъ верха этого конуса къ землѣ, въ видѣ стропилъ, близко прикасающихся другъ къ другу, стебли орхидій, способныхъ не увядать очень долго. Такимъ образомъ, устроивается круглый домикъ (см. рис. 2), нижній діаметръ котораго равняется 3 ф. Для входа оставляется отверстіе. Покончивъ съ этою постройкой, птица начинаетъ дѣлать то, чему не научились еще туземцы Нов. Гвинеи, а именно, она устраиваетъ передъ своимъ домикомъ палисадникъ. Натаскавъ чистаго, красиваго мха, она укладываетъ его вокругъ домика, тщательно отбрасывая прочь всякіе камешки и соръ; когда такой газонъ готовъ, она приноситъ самыя яркіе цвѣты, ягоды и мелкіе плоды, и втыкаетъ ихъ группами въ мохъ. По мѣрѣ того, какъ они завядаютъ, она замѣняетъ ихъ свѣжими, поддерживая, такимъ образомъ, свой садикъ въ порядкѣ. Итальянскій путешественникъ и естествоиспытатель Бескари, сообщающій эти любопытныя свѣденія, не приводитъ, къ сожалѣнію, большихъ подробностей о жизни этой замѣчательной птицы. Онъ говоритъ только, что цвѣты и пр. собираетъ самецъ, какъ бы желающій угодить тѣмъ своей подругѣ. Туземцы зовутъ эту птицу «бурукъ-гурса», что значитъ «царь-птица» и никогда не разрушаютъ ея гнѣздъ. Она подражаетъ часто крику и пѣнію другихъ птицъ, вводя, такимъ образомъ, въ заблужденіе охотниковъ. На рис. 3 показанъ планъ гнѣзда и окружающаго его садика.

Птичьи казино.

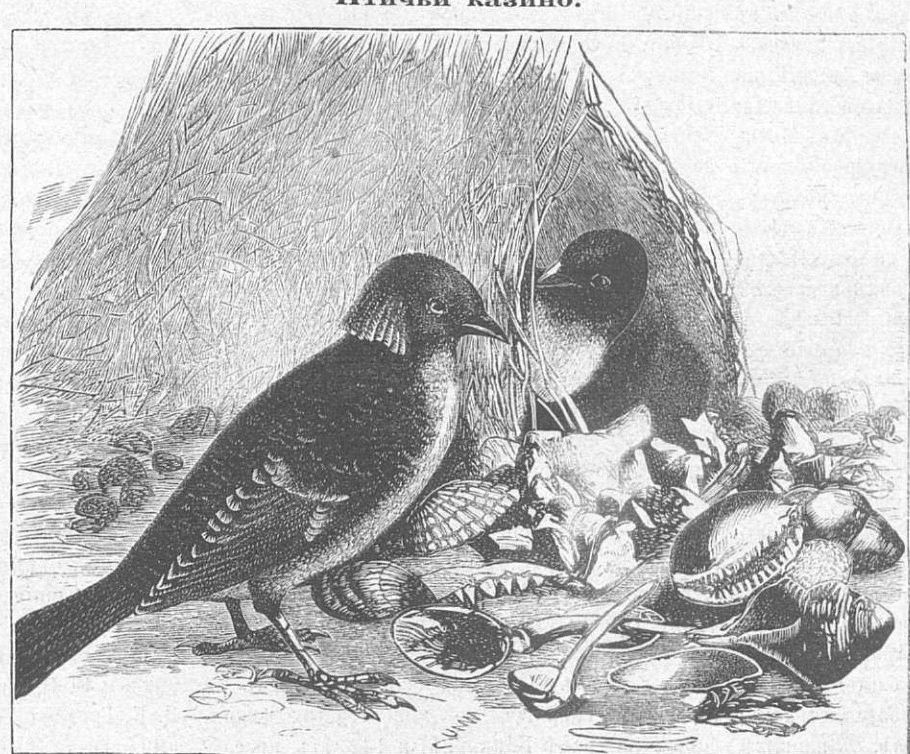

Рис. 1.

Рис. 2.

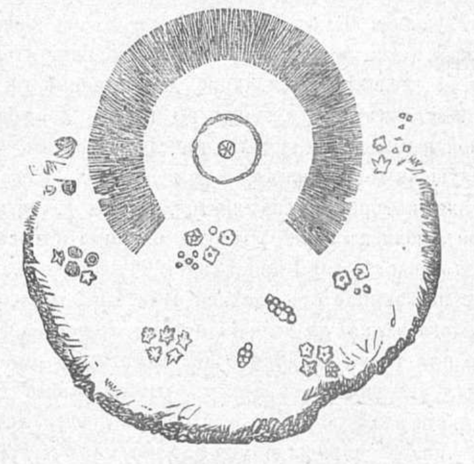

Рис. 3.

Князь П. А. Вяземскій.

(Ст. П. В. Быкова).

Въ томъ самомъ Баденъ-Баденѣ, въ которомъ черезъ двадцать шесть лѣтъ послѣ кончины Карамзина, умеръ поэтъ Жуковскій, окончилъ также свое земное поприще, черезъ двадцать шесть лѣтъ послѣ смерти послѣдняго, нашъ маститый поэтъ, ветеранъ русской словесности — князь Вяземскій, послѣдній представитель блестящаго, пушкинскаго періода отечественной литературы. Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій родился 12 іюля 1792 года, въ Москвѣ, отъ брака кн. Андрея Ивановича Вяземскаго съ Евгеніей Ивановной О'Рейли, ирландскаго происхожденія. Родоначальникомъ фамиліи Вяземскихъ, составляющей вѣтвь рода князей Смоленскихъ, считается сынъ Владиміра Рюриковича — Андрей, по прозванію Долгая-Рука; онъ былъ женатъ на дочери князя Мстислава Романовича кіевскаго, павшаго въ битвѣ съ татарами на Калкѣ въ 1224 году, и получилъ въ удѣлъ городъ Вязьму. Отецъ покойнаго поэта, сенаторъ, екатерининскій генералъ-поручикъ и намѣстникъ нижегородскій и пензенскій при Павлѣ I-мъ, былъ человѣкъ умный и образованный, объѣхавшій въ молодости всю Европу и имѣвшій сношенія со многими иностранными свѣтилами въ области науки, литературы и искуства. Гостепріимный и радушный, подобно всѣмъ вельможамъ тѣхъ временъ, онъ, поселившись въ Москвѣ, собиралъ у себя въ домѣ весь цвѣтъ интеллигентнаго общества, представителей разныхъ эпохъ, всевозможныхъ направленій и оттѣнковъ; здѣсь были и люди блестящаго екатерининскаго вѣка, и послѣдніе изъ могиканъ царствованія Павла I-го и, наконецъ, молодые умы, развивавшіеся подъ вліяніемъ благодѣтельныхъ реформъ первой эпохи царствованія Александра I-го; здѣсь сталкивались приверженцы партій Шишкова и, такъ сказать, отщепенцы, — послѣдователи Карамзина, а также люди діаметрально-противоположныхъ ученій и вѣрованій: «волтеріанцы» и сыны православной церкви. Когда князь Андрей Вяземскій выдалъ свою старшую дочь за исторіографа Карамзина, къ обществу князя, чрезвычайно богатому замѣчательными людьми, прибавилось много современныхъ знаменитостей русской литературы и литературный элементъ сдѣлался въ немъ преобладающимъ. Подъ вліяніемъ общественнымъ и нравственнымъ этой разнообразной, но несомнѣнно интеллигентной среды, развивались дѣт-

ство и молодость князя Петра Андреевича и формировалась богато одаренная натура его,— его оригинальный, замѣчательный талантъ. Первоначальное образованіе получено княземъ въ петербургской іезуитской коллегіи, лучшемъ учебномъ заведеніи того времени, и затѣмъ въ благородномъ пансіонѣ при тамошней гимназіи; окончивъ здѣсь курсъ онъ переселился въ Москву, гдѣ докончилъ свое образованіе въ домѣ профессора университета Рейса, какъ подъ руководствомъ его самого, такъ и другихъ профессоровъ, дававшихъ князю уроки на дому. Встрѣчая въ домѣ отца своего лучшихъ писателей своей эпохи, Дмитріева, Нелединскаго-Мелецкаго, Жуковскаго и другихъ, ласкавшихъ его еще отрокомъ, князь рано проявилъ наклонность къ поэзіи, и первое произведеніе свое напечаталъ, когда ему едва исполнилось 16 лѣтъ; оно помѣщено въ «Вѣстн. Европы» 1808 г. и называется: «Посланіе къ Жуковскому въ деревню», который былъ другомъ и руководителемъ покойнаго поэта съ первыхъ лѣтъ его молодости и впослѣдствіи (1822) посвятилъ ему свой переводъ «Шильонскаго Узника». Карамзинъ также имѣлъ большое вліяніе на развитіе дарованія князя Вяземскаго, всегда съ любовью и благоговѣніемъ упоминающаго о Карамзинѣ въ своихъ стихахъ; связанный съ нимъ родствомъ, онъ, съ первыхъ дней юности нашелъ въ немъ наставника, а впослѣдствіи вѣрнаго, опытнаго друга, о связи съ которымъ онъ говоритъ, въ отрывкѣ изъ своего стихотворенія «Деревня».

О, Карамзинъ! ты здѣсь съ любимыми творцами.
Въ душѣ твой образъ слитъ съ священными мечтами:
Родитель, на одрѣ болѣзни роковой,
Тебѣ ввѣрялъ меня хладѣющей рукой
И мыслью отдыхалъ въ страданіяхъ недуга,
Что сынъ его найдетъ въ тебѣ отца и друга.
О, какъ исполнилъ ты сей дружества завѣтъ!
Ты юности моей взлелѣялъ сирый цвѣтъ!
О, мой второй отецъ! Любовью, дѣломъ, словомъ
Ты былъ мнѣ отческимъ примѣромъ и покровомъ...

Въ 1807 г. князь поступилъ на службу въ межевую канцелярію, юнкеромъ; черезъ четыре года онъ былъ пожалованъ камеръ-юнкеромъ, и въ этомъ же, 1811 году, женился на княжнѣ Вѣрѣ Гагариной, а въ слѣдующемъ году вступилъ въ ополченіе, въ гусарскій полкъ графа Мамонова и находился при Милорадовичѣ, во время Бородинской битвы; князь, подъ которымъ въ сраженіи были убиты двѣ лошади, вспоминаетъ объ этомъ сраженіи въ своемъ стихотвореніи «Русскіе проселки» («Современникъ» 1842 г.). Съ 1817 г., когда окончилась война, кн. Вяземскій перешелъ на службу въ Варшаву, гдѣ состоялъ при бывшемъ правительственномъ коммиссарѣ польскаго министерства Новосильцевѣ; здѣсь, князь вступилъ въ литературныя и пріятельскія сношенія съ польскими литераторами, былъ друженъ съ извѣстнымъ поэтомъ Нѣмцевичемъ и другими и, между прочимъ, увлекался польскимъ либерализмомъ: это видно изъ того, что его нравственный опекунъ Карамзинъ, въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву, говоритъ что «князь Петръ бредитъ варшавскими порядками». Въ 1821 году Вяземскій вышелъ въ отставку и совсѣмъ не служилъ нигдѣ до 1831 года, отдавшись «служенію музамъ». Въ этотъ періодъ времени онъ написалъ множество стихотвореній, которыя съ перваго выступленія своего на литературное поприще (1808 г.), онъ помѣщалъ въ слѣдующихъ изданіяхъ: «Вѣстн. Европы», «Санктпетерб. Вѣстн.», «Сынъ Отеч.», «Россійск. Музеумъ», «Амфіонъ», «Благонамѣренный», «Новости Литературы», «Соревнователь просвѣщенія», «Дамск. Журн.», «Моск. Телеграфъ», «Славянинъ», «Русскій Зритель», «Галатея», «Литерат. Газета», и друг., а также и въ альманахахъ и сборникахъ: «Сборн. Стих.» изд. Жуковскимъ, «Пантеонъ Русской Поэзіи», «Труды Общ. Любит. Росс. Словесн.», «Новыя Аониды», «Мнемозина», «Полярная Звѣзда», «Сѣверн. цвѣты», «Невскій Альманахъ», «Уранія», «Памятн. Отечеств. Музъ», «Литер. Музеумъ», «Альбомъ Сѣверн. Музъ», «Русск. Старина», «Подснѣжникъ», «Радуга», «Денница», и друг. Вмѣстѣ съ тѣмъ, князь писалъ и въ прозѣ, участвуя, какъ въ упомянутыхъ, такъ и въ другихъ журналахъ, газетахъ и сборникахъ; между прочимъ, онъ написалъ статьи: «О Державинѣ», характеристику Карамзина, о В. Л. Пушкинѣ, съ которымъ былъ друженъ и который посвятилъ князю, любопытное для исторіи литературы посланіе, «О г-жѣ Сталь», «О кавказскомъ плѣнникѣ Пушкина», «О чернецѣ Козлова», «О Ламартинѣ», «Сонеты Мицкевича», «О жизни и сочиненіяхъ В. А. Озерова», «Извѣстіе о жизни и стихотвореніяхъ И. И. Дмитріева» и друг., а также издалъ отдѣльно: «Адольфъ». Соч. Бенжаменъ-Констана, пер. съ франц; (Спб. 1831 г.), посвятивъ книгу Пушкину. При императорѣ Николаѣ Павловичѣ, въ 1831 г., князь Вяземскій снова выступилъ на служебное поприще, по министерству финансовъ (при графѣ Канкринѣ) и 14 лѣтъ прослужилъ вице-директоромъ департамента внѣшней торговли, а потомъ въ должности управляющаго заемнымъ банкомъ. Потеря любимыхъ дѣтей и семейныя огорченія дурно подѣйствовали на здоровье князя; для поправленія его, по совѣту врачей, онъ въ 1849 г. отправился путешествовать по Востоку; прожилъ годъ въ Константинополѣ у своего сына, князя Павла (занимающагося нынѣ филологическими изысканіями), служившаго при посольствѣ; весной 1850 г. былъ въ Іерусалимѣ, здоровье его поправилось и онъ, въ 1851 г., предпринялъ новую поѣздку за границу: былъ въ Парижѣ, гдѣ, ему пришлось быть свидѣтелемъ государственнаго переворота, положившаго основаніе правительству второй имперіи, въ Дрезденѣ, гдѣ, при помощи саксонскаго министра барона Бейста, старался отыскать слѣды пребыванія Ломоносова въ сосѣдственномъ Фрейбергѣ и, наконецъ, жилъ въ Карлсбадѣ, воды котораго значительно помогли ему; стихи, присланные имъ оттуда, радовали его друзей, какъ знакъ того, что князь оправился и возвратился къ любимымъ занятіямъ. Въ 1853 г. князь назначенъ членомъ совѣта министра финансовъ. Когда, возвращаясь съ Востока, въ концѣ 1850 г., онъ проѣзжалъ черезъ Москву, его друзья и семья московскихъ литераторовъ дали въ честь его обѣдъ; тамъ было произнесено много рѣчей, въ которыхъ высказывалось о значеніи литературной дѣятельности виновника торжества. Между прочимъ, извѣстный писатель Н. Ф. Павловъ, сказалъ въ своемъ привѣтствіи слѣдующее: «Вашъ умъ и сердце въ ту эпоху, когда глаза наши были ослѣплены блистательными явленіями западной образованности, и между тѣмъ въ эту эпоху вы горячо полюбили свой языкъ, вы съумѣли прислушаться къ его задушевнымъ звукамъ, и мы читаемъ у васъ стихи, которыхъ безъ чистой, глубокой, истинной любви къ своей родинѣ, не могли бы внушить никакіе дары провидѣнія, Чужеземное вліяніе не закрыло отъ васъ ни чудесныхъ красотъ нашего языка, ни величія нашего отечества. Ваше имя тѣсно соединено съ памятными именами...» Въ своемъ скромномъ отвѣтѣ князь Вяземскій сдѣлалъ небольшой обзоръ своего литературнаго поприща и указалъ на свои литературныя связи: «Въ области литературы, сказалъ онъ,—я живое преданіе. Я былъ питомцемъ Карамзина: тѣснѣйшія узы родства и сердца связывали меня съ нимъ. Нелединскій, Дмитріевъ также ласкали меня, отрокомъ, въ домѣ отца моего. Послѣ, когда я возмужалъ, они удостоили меня своей особенной пріязни. На дружескихъ и веселыхъ пирахъ обмѣнивались мы съ Денисомъ Давыдовымъ рифмами и бокалами. Я не дожилъ еще до глубокой старости, (князю тогда было 58 лѣтъ), но грустно уже пережилъ многихъ друзей, многія литературныя поколѣнія. Пушкинъ, Баратынскій, Языковъ возросли, созрѣли, прославились и сошли въ могилу при мнѣ. Во мнѣ привѣтствуете вы старѣйшаго друга нашего перваго современнаго поэта, Жуковскаго, и другого поэта, еще живого, но, къ сожалѣнію, давно умолкшаго, Батюшкова». Къ этому слѣдуетъ прибавить, что кн. Вяземскій былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ А. С. Грибоѣдовымъ, съ которымъ особенно подружился въ 1823 г. въ Москвѣ, когда Грибоѣдовъ исправлялъ и дополнялъ рукопись «Горе отъ ума»; въ тоже время они вмѣстѣ написали для московской сцены водевиль «Кто братъ, кто сестра?» Кромѣ того, онъ былъ въ близкихъ, пріязненныхъ сношеніяхъ съ Д Н. Блудовымъ, Д. В. Дашковымъ, С. П. Жихаревымъ, Вас. Львов. Пушкинымъ, С. С. Уваровымъ, А. И. Тургеневымъ и Н. И. Тургеневымъ, П. А. Плетневымъ, Я. К. Гротомъ, М. П. Погодинымъ, Ѳ. И. Тютчевымъ, гр. В. А. Соллогубомъ и друг., а также съ даровитымъ гр. М. Ю. Вьельгорскимъ, положившимъ на музыку многіе стихи кн. Вяземскаго; въ молодости князь состоялъ дѣятельнымъ членомъ веселаго литературнаго общества «Арзамасъ» (1815—1820), въ которомъ носилъ прозвище Асмодея. Съ 1855 г. (по 1858 годъ) онъ получилъ служебное назначеніе, гораздо болѣе соотвѣтствовавшее его характеру и склонностямъ: его сдѣлали товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, А. С. Норова. 2-го марта 1861 года императорская академія наукъ праздновала юбилей пятидесятилѣтней литературной дѣятельности князя, состоявшаго съ 1838 г. членомъ россійской академіи, а съ 1841 г., т. е., по преобразованіи этой послѣдней, носящаго званіе академика по II отдѣленію академіи наукъ. Въ 1862 году вышелъ первый большой сборникъ стихотвореній Вяземскаго, разбросанныхъ по разнымъ изданіямъ, но въ него вошло далеко не все,—и можно сказать самая меньшая часть,—написанное княземъ; мы уже говорили о литературной дѣятельности его до 1831 года; съ этого года до выхода въ свѣтъ названнаго сборника, озаглавленнаго «Въ дорогѣ и дома», князь, помимо упомянутыхъ изданій, участвовалъ: въ «Современникѣ» (1836—1844), «Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русск. Инвалиду» (1838), «Отеч. Записк.» (1832—1840), «Москвитянинѣ» (1841—1854), «Русск. Инвалидѣ» (1849), «Сѣв. Пчелѣ» (1854), «Русск. Бесѣдѣ» (1856—1858), «Спб. Вѣдом.» (1858), «Нашемъ Времени» (1860), «Русск. Вѣстникѣ» (1861), «Днѣ» (1861) и друг. и въ Альманахахъ 1831—1851 гг.: «Альціонѣ», «Новосельѣ», «Альманахѣ на 1838 г.», «Утренней Зарѣ», «Одесск. альманахѣ», «Молодикѣ», сборн. «Вчера и Сегодня», «Московск. Сборникѣ», «Раутѣ» и въ «Извѣст. II Отд. Акад. Наукъ»; а также издалъ нѣсколько стихотворныхъ сборниковъ: «Къ Ружью» (1854), «Шесть стихотвореній» (1855), «За границей» (1859), «Плачь и утѣшеніе. 18 февр. 17 апрѣля 1855» (1855), «Осьмое января 1853» (1853), «Францу Листу» (1842) и проч. Независимо отъ стихотвореній князь, въ этотъ періодъ, писалъ также и въ прозѣ; одинъ изъ первыхъ помѣстилъ «Разборъ комедіи Гоголя: «Ревизоръ» («Современникъ» 1836), напечаталъ статьи: «Языковъ и Гоголь», «Сергѣй Николаевичъ Глинка» и друг. и издалъ отдѣльно сочиненіе «Фонъ-Визинъ» (Спб. 1848), гдѣ изображена обстоятельно характеристика этого славнаго писателя и

его вѣка,—сочиненіе образцовое по части біографіи и критики. «Въ этой біографіи, говоритъ Гоголь,—обнаружилось обиліе даровъ въ немъ заключенныхъ. Тамъ слышенъ философъ, политикъ, тонкій критикъ и даже вѣдатель практической стороны жизни—словомъ всѣ тѣ качества, которыя долженъ заключать въ себѣ историкъ въ значеніи высшемъ»; кромѣ того намъ извѣстны слѣдующія отдѣльныя изданія князя на французскомъ языкѣ: «Incendie du palais d'hivers à Saint-Pétérsbourg» (Paris, 1838), «Lettres d'un vétéran de l'armée Russe en 1812» (Bruxelles, 1854), «Appendice aux lettres d'un vétéran Russe, par d'Ostafiew» (Lausanne, 1855) и друг. Много мелкихъ статей князя напечатано подъ псевдонимами и безъ подписи имени; въ «Московск. Телеграфѣ» 1825—1827 годовъ подъ такими статьями, Вяземскій, большей частью подписывалъ псевдонимъ «Журнальный Сыщикъ». Въ 1866 г. князь былъ избранъ президентомъ «Русскаго историческаго общества», а въ послѣдніе годы состоялъ членомъ государственнаго совѣта и оберъ-шенкомъ высочайшаго двора; онъ также состоялъ членомъ московскаго университета и сенаторомъ. Лѣтъ за пять передъ кончиной, князь писалъ очень мало стихотвореній, изъ которыхъ послѣднія встрѣчаются въ сборникѣ «Складчина» и въ «Гражданинѣ»; за то въ прозѣ онъ напечаталъ много своихъ воспоминаній и выдержекъ изъ своего астафьевскаго (по имени деревни князя) архива, преимущественно въ «Русскомъ Архивѣ», драгоцѣнныхъ для исторіи нашей литературы. До самой смерти, князь, не смотря на холодныя отношенія къ нему современной литературы, горячо любилъ русскую литературу и живо интересовался ею. Онъ принадлежалъ къ тому поколѣнію просвѣщенныхъ русскихъ людей, которые воспитались подъ вліяніемъ реформъ Александровской эпохи, перваго періода царствованія императора; по образованію своему онъ принадлежитъ къ той порѣ, когда классическое направленіе литературы нашей перешло къ романтическому, на его литературное воспитаніе, главнымъ образомъ, вліялъ французскій классицизмъ, но князь былъ чуждъ его односторонности. Вся сила его таланта была въ эпиграммѣ и сатирѣ, но многія стихотворенія князя проникнуты также глубиною чувства, душевной теплотой. «Съ поэтическимъ дарованіемъ, говоритъ про него Я. К. Гротъ,—онъ соединялъ самостоятельность и глубину мысли, рѣзкость и оригинальность выраженія; сатира его была мѣтка и язвительна.. Къ сожалѣнію, князю Вяземскому не былъ чуждъ тотъ недостатокъ, который такъ часто препятствуетъ полному развитію силы и даровитости русскаго человѣка:—его не увлекала жажда труда, онъ легко предавался бездѣйствію... При такомъ недостаткѣ дѣятельности... надо еще удивляться, какъ успѣлъ князь Вяземскій, посреди свѣтской жизни, въ которой онъ по своему положенію вращался, написать такъ много замѣчательнаго: это объясняется только высокою степенью его ума и способностей». Нравственная личность князя всегда вызывала глубокую симпатію во всѣхъ, мало-мальски знавшихъ и понимавшихъ его людяхъ. Онъ былъ характера твердаго, вѣрный въ дружбѣ, обладалъ блестящимъ, своеобразнымъ и тонкимъ умомъ и былъ остроумнымъ, веселымъ и злымъ на языкъ, собесѣдникомъ, но вмѣстѣ и добрымъ, простодушнымъ человѣкомъ, ради чего никогда не забудутъ про князя Вяземскаго ни во дворцахъ, гдѣ онъ бывалъ любимымъ гостемъ, ни въ бѣдныхъ хижинахъ, которыя онъ навѣщалъ во время своихъ неутомимыхъ прогулокъ съ дарами благотворенія, съ ободряющимъ и участливымъ словомъ». Онъ глубоко сочувствовалъ родной литературѣ и былъ всегда самаго высокаго мнѣнія о значеніи и призваніи русскаго писателя; что онъ относился съ сочувствіемъ и къ молодому поколѣнію, это видно изъ его собственныхъ словъ:

Да плодъ воздастъ благое сѣмя,
Чья ни посѣй его рука:
Богъ въ помощь вамъ, младое племя,
И вамъ, грядущіе вѣка!

«Имя князя Вяземскаго, говорится въ «Исторіи Литературы» А. Д. Галахова,—какъ замѣчательнаго сатирика и критика, навсегда останется въ исторіи нашей словесности... Вмѣстѣ съ лучшими людьми, онъ, во всѣ періоды своей жизни и на всѣхъ путяхъ ея, неизмѣнно сохранялъ горячую преданность просвѣщенью и литературѣ, видя въ нихъ главныя орудія успѣховъ гражданскаго благоденствія и человѣческаго совершенства».

Гадальщица.

(См. рис. на стр 501.)

Сегодня сломали тяжелый, утомительный походъ! Задолго до разсвѣта выступили солдаты, чтобъ проводить Кельнскаго купца, возвращающагося съ франкфуртской ярмарки, внизъ по Рейну, и защитить его отъ разбойничьей шайки, засѣвшей въ горахъ Таунуса. Со щедрою наградою, въ палящій полдневный зной отправились они въ обратный путь, и несмотря на все желаніе проводника, на губахъ котораго еще не пробились усы, но который успѣлъ отличиться въ боевыхъ схваткахъ, пройти еще часть пути, это не удалось, вслѣдствіе усталости, какъ людей, такъ и его маленькой лошадки, лѣниво волочившей ноги по пыльной дорогѣ. Они завернули въ лѣсную корчму, чтобы отдохнуть и освѣжиться кружкою золотистаго вина, налитаго изъ каменнаго кувшина хорошенькою дочерью трактирщика. Когда тяжелая, жестяная кружка обошла кругомъ, явилась у всѣхъ охота поиграть въ карты, въ особенности у смуглаго Піетро, который, какъ истый итальянецъ, питаетъ необузданную страсть къ картамъ и костямъ, не могутъ спокойно улежать въ карманѣ полученныя деньги. «Эй, принеси-ка намъ карты!» кричитъ онъ стройной, ловкой дѣвушки, которая присмотрѣлась уже къ гостямъ и знаетъ, какъ ей быть съ ними, чтобъ спасти себя и хозяйство отъ грозящей опасности. Немедленно, повинуясь приказанію Пьетро, отправляется она за картами. «Ладно, говоритъ она равнодушно, выдвигая столъ на средину комнаты, играйте, если хотите, но вы смотрите сурово и непривѣтливо, и я думаю, что ландскнехтъ не принесетъ вамъ сегодня счастья!» Ого, ворчитъ Пьетро, почемъ ты это знаешь, маленькая колдунья?—«Я это не знаю, и не колдунья; но мнѣ такъ кажется», и съ плутовскою улыбкою, садясь за столъ, она смѣшиваетъ карты и начинаетъ ихъ раскладывать одну за другою «Смотрите, вотъ пиковый валетъ, это вы, а вотъ пиковая семерка...» Солдаты тѣснятся ближе къ столу и съ любопытствомъ и удивленіемъ слѣдятъ за хорошенькой гадальщицей. Напротивъ ея садится Винцентъ, кое-что смыслящій въ этомъ искуствѣ, и скрывающій подъ хитрой улыбкой свое критическое мнѣніе. Смуглый Пьетро вытащилъ изо рта свою трубку и сидитъ, скрестивъ руки, съ задумчивымъ лицомъ. Неужто ему сегодня не повезетъ счастье въ игрѣ? У него уже прошла охота къ ней, хотя ему и хотѣлось бы рискнуть и выиграть, но онъ слишкомъ остороженъ, чтобы идти наперекоръ неизбѣжной неудачѣ. За нимъ стоитъ Конрадъ, смотря сверху на дьявольское искуство, которое кажется ему дерзкимъ и грѣшнымъ дѣломъ. Совсѣмъ другими глазами смотритъ Гейнцъ, беззаботный, славный малый; онъ подвинулъ свой стулъ къ восхитительной плутовкѣ, и чѣмъ больше смотритъ на нее, тѣмъ больше она ему нравится; да, Пьетро правъ, она колдунья, она околдовала бѣднаго Гейнца. Въ сознаніи своего достоинства, проводникъ стоитъ нѣсколько въ сторонѣ, но и онъ не спускаетъ глазъ съ дочери трактирщика и едва замѣтная усмѣшка скользитъ по его молодому, красивому лицу. И ему нравится она, но еще болѣе, красиваго лица, и миловидной осанки, нравится ему, что она такъ умна, и для избѣжанія ссоръ и шума, умѣла подмѣтить слабую струнку Пьетро. Какъ ни владѣетъ имъ демонъ игры, но суевѣріе его еще сильнѣе, и если бы онъ могъ выиграть сегодня груды золота, онъ не разъ подумалъ бы, прежде чѣмъ рѣшился взять въ руки карты. Да, дѣвушка не промахъ, невинной шуткой удалось ей подчинить себѣ буйныхъ гостей и они не замѣтили даже, какъ хорошо ихъ провели.

Діана.

(Повѣсть Каролины Гравьеръ.)

(*Окончаніе.*)

Глава IV.

Въ первыхъ числахъ августа произошло нѣкоторое движеніе въ домѣ графа Ксантиса, который былъ запертъ со времени роковой катастрофы, поразившей ужасомъ весь Брюссель. Ставни на окнахъ большой гостинной перваго этажа были отворены; слуга, оставленный для храненія дома, смахнулъ пыль съ мебели и поставилъ посреди комнаты большой овальный столъ, а вокругъ него два кресла и нѣсколько стульевъ для членовъ семейнаго совѣта.

Прежде всѣхъ прибыли нотаріусъ и стряпчій, два крупные капиталиста, болѣе спекуляторы, чѣмъ законники, типы обновленные и также мало похожіе на сутягъ старинныхъ комедій, какъ желѣзная дорога на дилижансъ. Они поговорили о новой комедіи Сарду, а потомъ осмотрѣли мебель и картины съ явнымъ намѣреніемъ купить кое-что на аукціонной распродажѣ.

— Мы здѣсь только для формы, сказалъ нотаріусъ;—кромѣ движимости, здѣсь нечего продавать.

— Значитъ мы въ положеніи двухъ авгуровъ, которые не могли смотрѣть другъ на друга безъ смѣха, отвѣчалъ стряпчій.

Въ эту минуту раздался звонокъ, второй, третій и мало по малу гостинная наполнилась родственниками покойнаго. При каждомъ новомъ гостѣ, слуга отворялъ дверь настежъ и выкликалъ историческое имя Бельгіи. Вскорѣ трое главныхъ представителей фамиліи и мировой судья присоединились къ нотаріусу и стряпчему. Въ одномъ изъ креселъ помѣстился мировой судья, а въ другомъ старикъ худой, высокаго роста, епископъ, in partibus, благороднаго африканскаго города, отъ котораго теперь не осталось и камня на камнѣ, извѣстный въ политическомъ мірѣ по участію въ парламентской борьбѣ. Направо отъ него помѣстились виконты Леонсъ и Адемеръ Ксантисъ, братья покойнаго, холостяки на шестомъ десяткѣ, живущіе въ своихъ помѣстьяхъ, пустые, неспособные люди.

Собраніе отличалось приличнымъ безмолвіемъ, великосвѣтской холодностью и аристократичной неподвижностью. Всѣ ждали равнодушно и терпѣливо. Наконецъ, у подъѣзда остановилась карета и явилась г-жа Фасенъ, съ высокомѣрной гордостью носившая семейный трауръ. За нею шли Діана и Гастонъ, съ ногъ до головы въ черномъ сукнѣ, придающемъ горю мрачный видъ. Страшная вѣсть о смерти отца подѣйствовала на Діану, какъ землетрясеніе, колебля почву, вырываетъ съ корнями молодое дерево. Она сильно похудѣла и вдругъ потеряла всю свѣжесть юности; молодая дѣвушка, лишившись иллюзій и веселыхъ улыбокъ, походитъ на розу, смоченную дождемъ, которая не можетъ снова

РИСУНОКЪ Г. ШОНТКОВСКАГО.

Любительница археологіи. Рѣзалъ на деревѣ Краевскій.

Гадальщица на картахъ. Съ фотографіи **В. Ангерера,** рисовалъ **Эмиль Гёрнеръ.**

пріобрѣсти ни блеска, ни благоуханія. Ея глаза не смотрѣли уже съ прежней энергіей; ей нечего было искать или ожидать въ жизни. По временамъ только она останавливала свой взглядъ на Гастонѣ съ такимъ безмолвнымъ отчаяніемъ, что ребенокъ бросался въ ея объятія и старался утѣшить ее. Онъ чувствовалъ, что въ ней отражалось теперь возвышенное сердце ихъ матери. Отъ горя появились сѣдые волосы на вискахъ Діаны и вообще она не казалась уже молодой дѣвушкой. Въ ней пробуждалась женщина, и Гастонъ инстинктивно сознавалъ, чѣмъ могла быть его мать. Она перенесла невыносимыя страданія, слыша упреки тетки, обвинявшей ее въ смерти отца, и были минуты, когда она сама приходила въ горькое сомнѣніе.

Прибывшія лица заняли мѣста за столомъ противъ епископа.

— Мы уже давно ждемъ, сказалъ стряпчій.

— Родственники, вызванные со стороны матери, тотчасъ явятся, отвѣчалъ мировой судья.

— Мы могли бы обойтись безъ нихъ, замѣтила г-жа Фасенъ.

Въ эту минуту слуга доложилъ: «гг. Вандевильде и г. Жанъ Десвартъ». Первые два были дяди графини Луизы Ксантисъ и значительные фламандскіе фабриканты. Луи Вандевильде имѣлъ большую хлопчато-бумажную фабрику въ Тамизѣ, а Франсуа—ситцевую въ Сен-Никола. Они явились сюда не охотно и на ихъ лицахъ было ясно написано, что они не желали терять времени, но въ то же время хотѣли исполнить свой долгъ. Они оба казались людьми честными, разумными, практическими, благодаря продолжительнымъ сношеніямъ съ различными лицами. Мы уже знаемъ, что Жанъ Десвартъ былъ единственный сынъ Луизы сестры графини.

Увидавъ Жана Десварта и предчувствуя, что онъ явился къ ней на помощь, Діана легко вздохнула, какъ, спасающійся отъ кораблекрушенія на обломкѣ мачты увидя передъ собою землю. Водоворотъ ея чувствъ и мыслей какъ бы вдругъ затихъ; на нее пахнуло дѣйствительной, настоящей жизнью и въ ея растерзанномъ, наболѣвшемъ сердцѣ стало вдругъ спокойно, мирно. При встрѣчѣ съ ея взглядомъ, лицо Жана не измѣнилось, но сердце дрогнуло.

Епископъ открылъ засѣданіе семейнаго совѣта краткой молитвой; послѣ чего мировой судья далъ слово нотаріусу для изложенія финансовыхъ дѣлъ.

— Продавъ всю движимость, которая уже оцѣнена, сказалъ нотаріусъ,—и реализировавъ оставшіеся фонды, мы получимъ въ приходѣ 50,000 франковъ. Но расходъ доходитъ до 60,000 фр. въ значительныхъ долгахъ поставщикамъ и пр., такъ что дефицитъ будетъ въ 10,000 фр. Кромѣ того, вамъ извѣстно, что графъ Ксантисъ проигралъ свои послѣднія деньги въ Баденѣ и оставилъ еще игорный долгъ, подтвержденный его роспиской, въ 15,000 фр., но законъ не признаетъ подобныхъ обязательствъ. Такимъ образомъ, послѣ общей ликвидаціи у васъ останутся —дѣти.

— Они уже прожили у меня шесть недѣль, сказала г-жа Фасенъ,—но мое состояніе не позволяетъ мнѣ содержать ихъ такъ, какъ требуетъ носимый ими титулъ.

— Ихъ привычки, поправилъ ее Жанъ Десвартъ.

— Откуда явился этотъ грубіянъ? спросила гордо г-жа Фассенъ.

Епископъ торжественно махнулъ рукой, требуя молчанія.

— Я увѣренъ, сказалъ онъ,—что всѣ родные поручатъ мнѣ опеку и потому я буду говорить именемъ всѣхъ родныхъ. Племянница наша, Діана Ксантисъ, совершеннолѣтняя, а потому объ ней я скажу послѣ; а теперь прежде всего прошу стряпчэго объяснить намъ, что слѣдуетъ дѣлать въ финансовомъ отношеніи.

— Законъ предусмотрѣлъ подобный случай, отвѣчалъ стряпчій,—и противъ необходимости ничего нельзя подѣлать. Дѣтямъ графа Ксантиса не предстоитъ никакого выбора: они должны отказаться отъ наслѣдства отца.

— Какъ же расквитаться съ долгами? замѣтилъ Жанъ Десвартъ.

— Дефицитъ доказанъ, продолжалъ епископъ,—а у меня лично, нѣтъ никакого состоянія.

— Мнѣ и то тяжело нести расходы по содержанію моего дома, замѣтила г-жа Фасенъ, глубоко вздыхая.

— Наслѣдственныя помѣстья такъ мало приносятъ дохода владѣльцамъ, не притѣсняющимъ своихъ фермеровъ, сказалъ медовымъ голосомъ виконтъ Леонсъ Ксантисъ,—что я рѣшительно не могу одолжить моимъ племянникамъ такой большой суммы. Впрочемъ, я очень сожалѣю, что не могу уплатить долга чести.

— Всякій долгъ есть долгъ чести, отвѣчалъ Франсуа Вандевильде,—не неуплата долговъ во всякомъ случаѣ банкротство.

— Двадцать пять тысячъ франковъ не Богъ знаетъ какая сумма, замѣтилъ Луи Вандевильде,—и еслибъ мы всѣ сложились...

— Мы придержимся буквальному смыслу закона, произнесъ Адемаръ Ксантисъ;—людямъ благородной крови нечего стыдиться своей бѣдности.

— Мы, виллены, не любимъ слово «банкротство», сказалъ Жанъ Десвартъ съ ироническою улыбкой,—и я сдѣлаю все, зависящее отъ меня, чтобъ оно не опозорило членовъ моей фамиліи.

— Вамъ нечего безпокоиться объ имени Ксантисовъ, которое не имѣетъ ничего общаго съ вами, сказала г-жа Фасенъ.

— Мы еще поговоримъ объ этомъ, сударыня, отвѣчалъ Жанъ.

— Прежде, чѣмъ назначить опекуна Гастону, снова началъ епископъ,—я бы желалъ сказать два слова о Діанѣ. Сто лѣтъ тому назадъ, общество предоставляло столько средствъ къ существованію дѣвицъ благородныхъ фамилій, что имъ никогда не угрожала нищета или борьба съ униженіемъ. Всего болѣе жаль благороднаго учрежденія «канонисъ», которое было достойнымъ плодомъ эпохи, считавшей знатное имя великимъ отличіемъ. Также существовали тогда монастыри исключительно для дѣвицъ высшаго круга. Но все это измѣнилось! Вредный духъ философствованія уничтожилъ эти полезныя учрежденія.

— Все это вина Вольтера и Руссо, подтвердилъ Жанъ Десвартъ, такъ серьезно, что епископъ, виконты и г-жа Фасенъ не знали въ какомъ смыслѣ истолковать его слова.

— Настоящее время представляетъ мало средствъ къ существованію членовъ высшаго класса, случайно посѣщенныхъ несчастіемъ, продолжалъ епископъ:—духъ философствованія подточилъ преданія, а духъ либерализма—состоянія, такъ какъ первой побѣдой его было дробленіе большихъ помѣстій. Благородныя учрежденія исчезли и замѣнить ихъ можетъ только индивидуальная щедрость. Я внесу необходимый вкладъ въ Берлемонскій монастырь за племянницу.

Эти слова были приняты остальными родственниками одобрительными восклицаніями.

— Я хочу съ своей стороны сдѣлать что-нибудь для племянника Гастона, сказалъ старшій изъ виконтовъ,—я помѣщу его въ военную школу, а потомъ мы сдѣлаемъ изъ него папскаго зуава.

— Благодарите вашихъ дядей, сказала г-жа Фасенъ, очень довольная, что отдѣлалась отъ племянниковъ.

Съ самаго начала семейнаго совѣта, Діана чувствовала, что на ней былъ сосредоточенъ взглядъ Жана Десварта и пламенный огонь этого взгляда придавалъ ей силы и жизнь. Ея кровь, оледенѣвшая отъ горя и отчаянія, теперь снова закипѣла и окрасила легкимъ румянцемъ ея блѣдныя щеки. Постоянно опущенныя вѣки приподнялись и ея глаза встрѣтили тотъ сочувственный взглядъ, который въ памятный для нея день встрѣчи на желѣзной дорогѣ вдохнулъ въ нее энергію. Нѣтъ слова на человѣческомъ языкѣ, достаточно сильнаго, чтобъ выразить торжественную клятву, даваемую взглядомъ!

— Мнѣ кажется, сказалъ Жанъ Десвартъ, вставая, — необходимо прежде спросить согласіе двоюродной сестры.

Его голосъ звучалъ такъ твердо и благородно, что наэлектризированная его заступничествомъ, Діана, въ свою очередь, встала. Честная гордость и непреклонная рѣшимость просвѣчивали во всей ея фигурѣ.

— Я не хочу идти въ монастырь, сказала она просто:—я буду работать.

— Работать! воскликнула со смѣхомъ г-жа Фасенъ: — графиня Ксантисъ будетъ работать! Да что вы умѣете дѣлать, сударыня?

— Развѣ женщина не можетъ употребить всѣ свои усилія, чтобъ спасти себя отъ голода и нужды и помимо монастыря? отвѣчала молодая дѣвушка; — я знаю англійскій языкъ и музыку.

— Учительница!

— Я дѣятельна, ловка...

— Фи, фи! съ презрѣніемъ сказала г-жа Фасенъ:—я не могу болѣе этого слушать. Если вы, сударыня, хотите идти въ горничныя, то, конечно, не расчитывайте на мою рекомендацію.

По горечи, съ которой были произнесены эти слова, епископъ понялъ, что пора ему вмѣшаться.

— Что вы имѣете противъ монастыря, дитя мое? добродушно спросилъ онъ, обращаясь къ молодой дѣвушкѣ.

— Дядя, отвѣчала она, — я желаю сохранить свою свободу.

— Если теперь нельзя заключать въ тюрьму неблагодарныхъ, непослушныхъ дѣтей, то все же можно отдать ихъ въ монастырь для исправленія! воскликнула г-жа Фасенъ.

— Вы забыли, тетушка, что я совершеннолѣтняя, сказала Діана.

Въ эту минуту положеніе дѣлъ неожиданно измѣнилось. Адемаръ Ксантисъ, франтъ 1835 г., пятидесяти-семи-лѣтній холостякъ, въ напудренномъ парикѣ и въ золотыхъ очкахъ, такъ долго спавшій въ своей деревнѣ, что никто вѣрно не зналъ, находился-ли онъ на землѣ или подъ землею,—неожиданно всталъ, осѣненный геройскимъ вдохновеніемъ.

— Я, рѣшительно сказалъ онъ, — женюсь на Діанѣ!

Несмотря на свое грустное положеніе, Діана улыбнулась.

— Дядя, вы слишкомъ добры, но я несогласна, сказала она.

— Вотъ плоды современныхъ идей, замѣтилъ виконтъ Леонсъ Ксантисъ:—пропало всякое уваженіе къ религіи и къ благороднымъ брачнымъ связямъ. Однако, для дѣвушки высокаго происхожденія и безъ состоянія нѣтъ другого выбора, какъ одно изъ этихъ общественныхъ положеній, если она желаетъ остаться въ своемъ кругу.

— Въ этомъ-то и вопросъ, иронически сказалъ Жанъ Десвартъ.

— Куда дѣлось послушаніе дѣтей? со вздохомъ произнесъ епископъ.

— Свобода! воскликнула г-жа Фасенъ, которая уже давно хотѣла высказаться, но не могла пріискать словъ для выраженія своего негодованія: — вотъ оно слово! Свобода мысли, свобода дѣйствія, свобода дѣлать, что хочу и какъ хочу!

Но я надѣюсь, что вы, сударыня, исполните свой долгъ и вспомните, что вы принадлежите къ нашему семейству.

— Я принадлежу также къ семейству моей матери, перебила ее Діана, устремляя на Жана Десварта такой взглядъ, отъ котораго онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

— Да, отвѣчалъ онъ, вполголоса, подходя къ ней, — вы наша. Благородство души также обязываетъ, какъ и древность имени; оно даетъ силу голубицѣ и мужество агнцу. Теперь моя очередь говорить. Не бойтесь ничего.

— Подумайте также о братѣ, сказала она, пожавъ ему руку.

— А какое ремесло выбрала молодая дѣвица? спросилъ отвергнутый женихъ въ золотыхъ очкахъ.

— Довольно говорить вздоръ! воскликнулъ Жанъ Десвартъ, вставая съ мѣста, на которое онъ вернулся послѣ разговора съ Діаною; — теперь моя очередь говорить и я постараюсь быть краткимъ и не злоупотреблять вашимъ терпѣніемъ. Дѣло заключается въ томъ, чтобъ не опозорить банкротствомъ вашего и моего семейства, а также, чтобъ спасти дѣтей покойнаго, я предлагаю сдѣлать и то, и другое. Дяди имѣютъ болѣе моего правъ на званіе опекуна, но гг. Вандевильде просили меня говорить отъ ихъ имени и предложить себя въ опекуны Гастону. Мы примемъ наслѣдство и я уплачу долги. Я богатъ, гг. Ксантисы, а вы только кажетесь богачами. Ни одинъ изъ васъ къ тому же совершенно неспособенъ къ удовлетворительному исполненію обязанности опекуна. Вы, въ спящіе въ своихъ помѣстьяхъ, чтобъ позабыть недостатокъ средствъ къ жизни, не въ состояніи поддерживать племянниковъ. Тѣ средства, которыми располагали нѣкогда ваши предки для замѣны состоянія въ случаяхъ подобныхъ настоящему, совершенно исчезли. Вы пытались обойти бѣдную молодую дѣвушку и запереть ее въ монастырь, незная иначе, что съ нею дѣлать, но, къ счастію, вамъ это не удалось. Ничего другого вы не умѣете придумать... Я надѣюсь, вы согласитесь, что я соединяю всѣ, недостающія вамъ, качества хорошаго опекуна и покровителя. На моей сторонѣ молодость, образованіе, энергія и деньги. Ничѣмъ не доказано, что Гастонъ чувствуетъ призваніе къ военной службѣ. Когда онъ кончитъ университетскій курсъ, то будетъ время подумать объ его карьерѣ, причемъ конечно, я никогда не подумаю насиловать его волю, или обойти его хитростью. Что же касается Діаны Ксантисъ, она сообщитъ мнѣ свои намѣренія и я помогу ей устроить ея судьбу наилучшимъ образомъ. Этимъ путемъ будетъ дѣйствительно спасена честь имени, память отца останется не опозоренной и счастье дѣтей будетъ обезпечено. Не правда-ли?

Гастонъ подъ вліяніемъ инстинктивнаго движенія сердца, подобнаго тѣмъ душевнымъ порывамъ, которые составляли всю прелесть и величіе характера Діаны, бросился къ Жану Десварту и обнялъ его.

— Вы не имѣете права... началъ виконтъ Леонсъ.

— Обнять двоюроднаго брата? спросилъ ребенокъ съ неожиданной энергіей.

— Я отвѣчалъ на рѣчь этого господина, произнесъ виконтъ, кусая губы.

— Бѣдный братъ! сказала г-жа Фасенъ: — постыдному браку суждено мучить его и за гробомъ.

— Вы живете во Фландріи, г. Десвартъ? спросилъ мировой судья, заинтересованный молодымъ человѣкомъ.

— Да, между Сен-Никола и Тамизой.

Представители рода Ксантисъ встрѣтили слова Жана холоднымъ молчаніемъ и даже избѣгали взглянуть на дерзкаго, предложеніе котораго было такъ неприлично, что не заслуживало отвѣта.

Епископъ, обязанный по своему званію быть миротворцемъ, обратился къ Жану Десварту.

— Я съ своей стороны, милостивый государь, являюсь представителемъ семейства Ксантисъ и снова повторяю, что относительно наслѣдства, мы поступимъ по буквѣ закона. Что же касается опеки, то, кажется, никто не станетъ оспаривать ее у меня.

Виконты молча поклонились.

— Исключая насъ, отвѣчалъ Жанъ Десвартъ; — представимъ рѣшить дѣло г. мировому судьѣ, который по закону имѣетъ два голоса. Я надѣюсь, что онъ въ интересахъ малолѣтняго поручитъ мнѣ опеку.

Судья пустилъ вопросъ на голоса. Родственники со стороны отца выбрали епископа, а родственники со стороны матери — Жана Десварта. Такимъ образомъ, голоса раздѣлились по ровну; мировой судья присоединился къ родственникамъ со стороны матери и Жанъ Десвартъ былъ назначенъ опекуномъ.

— Теперь, сказалъ Жанъ, не обращая вниманія на негодованіе Ксантисовъ, — займемся двоюродной сестрой, хотя, строго говоря, она, какъ совершеннолѣтняя, не касается опеки. Позвольте мнѣ сказать ей наединѣ два слова прежде, чѣмъ она воспользуется вашими добрыми совѣтами и устроитъ свою судьбу.

Діана послѣдовала за нимъ въ амбразуру окна.

— Діана, сказалъ онъ, съ доброй, сочувственной улыбкой, — я однажды сказалъ вамъ, что есть на свѣтѣ другіе люди, кромѣ отжившихъ представителей стараго времени, въ родѣ господина, только что предложившаго вамъ руку. Вѣрите вы, что внѣ этого общества можетъ найтись человѣкъ съ сердцемъ, достойный вашей руки.

— Да, отвѣчала она, возвращаясь на свое мѣсто.

Полускрытая своимъ креповымъ вуалемъ, гордо поднявъ голову и съ блестящими глазами, Діана громко сказала:

— Я предлагаю свою руку и сердце моему милому двоюродному брату, Жану Десварту.

Месть обезьяны.

(Ст. Г. Ревойля, переводъ А. А. Разсказовой.)

Дѣйствіе происходитъ на Борнео. Между обезьянами, которыя въ громадномъ количествѣ населяютъ эту часть земного шара, нѣкоторыя породы принадлежатъ къ виду такъ называемыхъ человѣкообразныхъ обезьянъ. Съ наступленіемъ ночи, обезьяны толпою идутъ къ рѣкѣ утолять свою жажду и купаться. Далеко тогда слышны ихъ хриплые, крикливые голоса. Нѣкоторыя изъ нихъ приближаются къ человѣческимъ жилищамъ, входятъ въ сады и дворы и по цѣлымъ часамъ играютъ съ товарищами, пойманными колонистами и содержащимися на привязи. Ничто не можетъ сравниться съ быстротою, легкостію, проворствомъ ихъ движеній и съ нѣжной заботливостью, съ которой матери-обезьяны предохраняютъ своихъ дѣтенышей отъ всякихъ опасностей. При малѣйшемъ подозрительномъ шумѣ дѣтеныши цѣпляются за мать, которая, ловко перескакивая съ дерева на дерево, уноситъ ихъ въ безопасное мѣсто.

Охотнику чрезвычайно трудно подстрѣлить эту обезьяну; ея постоянныя скачки въ разныхъ направленіяхъ между вѣтвями съ одного дерева на другое не даютъ времени для прицѣла. На обезьянъ можно иногда напасть въ расплохъ при лунномъ свѣтѣ, дѣлая для этого большіе обходы и соображаясь съ направленіемъ вѣтра. Эти обезьяны по ночамъ сотнями скучиваются на одномъ деревѣ, какъ вороны или сѣрые дрозды въ нашихъ странахъ. Опасно стрѣлять въ эту плотную массу, потому что часто она бросается на своего врага. Но чаще случается, что при звукѣ выстрѣла вся эта масса быстро удаляется. Товарищи поддерживаютъ во время бѣгства легко раненыхъ, раненые же смертельно въ своей агоніи ухватываются за первую ближайшую вѣтку и часто умираютъ въ такомъ положеніи.

Туземцы острова Борнео употребляютъ очень простой способъ для ловли этихъ обезьянъ. Они берутъ кокосовый орѣхъ, выдалбливаютъ его внутри и черезъ небольшое круглое отверстіе въ скорлупѣ наполняютъ различными фруктами. Орѣхи разбрасываются подъ деревьями. Обнюхавъ и осмотрѣвъ орѣхъ со всѣхъ сторонъ, обезьяна всовываетъ лапу въ круглое отверстіе, чтобы вынуть содержимое. Она старается вытянуть зажатый кулакъ, но не въ силахъ этого сдѣлать и настолько глупа, что не догадается бросить свою добычу; а остается на мѣстѣ, испуская громкіе крики, такъ какъ орѣхъ слишкомъ тяжелъ, чтобы бѣжать съ нимъ. Такимъ способомъ ловятъ обезьянъ въ большомъ количествѣ.

Обезьяны эти, ростомъ съ человѣка, имѣютъ продолговатое лицо, широкій плоскій носъ, выдающіяся скулы, большія уши, покатый лобъ и маленькіе глаза. Все ихъ тѣло покрыто рыжей шерстью за исключеніемъ рукъ и верхушки головы, украшенной пучкомъ волосъ, въ родѣ скуфейки.

Туземцы Борнео убѣждены, что эти обезьяны такіе же люди, какъ и мы, но что разгнѣванное божество присудило имъ жить въ униженіи и лишило дара слова. Но ни одна порода обезьянъ, не проявляетъ столько ума или, лучше сказать, столь развитаго разсудка, какъ эта. Онѣ не только понимаютъ всѣ знаки, съ которыми къ нимъ обращаются, но каждое слово, произносимое человѣкомъ. Было замѣчено, что когда въ ихъ присутствіи говорилось о ихъ безобразіи, вся ихъ фигура и черты лица выражали недовольство.

Обезьяны острова Борнео любятъ общество женщинъ и дѣтей. Когда имъ удается бѣжать, онѣ стараются унести съ собою въ лѣсъ молоденькихъ дѣвушекъ и дѣтей безъ различія пола и перепрыгиваютъ съ ними съ вѣтки на вѣтку съ осторожностію и проворствомъ, по истинѣ изумительными.

Перехожу къ событію, столь живо представленному на нашемъ рисункѣ. Въ 1860 г. на островѣ Борнео поселился голландецъ, по имени Ван-деръ-Брокъ, съ женою и двумя дѣтьми, изъ которыхъ младшее — дѣвочка — родилось во время переѣзда изъ Антверпена въ колонію. Первые года жизни въ колоніи не легко дались Ван-деръ-Броку и его женѣ. Ихъ средства были не велики; жили они на плантаціи дальняго родственника, принявшаго ихъ радушно, который далъ имъ нѣсколько акровъ земли для воздѣлыванія рису и сахарнаго тростнику, хорошо произраставшихъ на этой почвѣ.

Однажды старый родственникъ прислалъ за Ван-деръ-Брокомъ и сказалъ ему:

— Ты достойно вынесъ испытаніе: я видѣлъ тебя за работой, всегда спокойнаго, довольнаго. Ты будешь моимъ наслѣдникомъ, и я желаю, чтобы твои дочь и сынъ получили образованіе, соотвѣтствующее состоянію. Я выписалъ изъ Европы двухъ ученыхъ, достойныхъ особъ: учителя для твоего сына и наставницу для твоей дочери. Завтра же перебирайтесь въ мой домъ. Видишь новую пристройку. Она меблирована по европейски и назначается для васъ.

Это произошло въ 1874 году.

Домъ Вандергейма былъ великолѣпенъ. Прислуги — множество и — странность, которую не мѣшаетъ замѣтить — въ числѣ слугъ, мужчинъ и женщинъ, Вандергеймъ держалъ двухъ большихъ

обезьянъ, взятыхъ въ лѣсу очень молодыми, прирученныхъ и прекрасно выдрессированныхъ. Лучшая, но въ то же время самая безобразная изъ нихъ, называлась Гомбо. Она сопровождала Вандергейма въ его прогулкахъ съ большимъ зонтикомъ въ рукахъ, чтобы защищать своего господина отъ палящихъ солнечныхъ лучей. Кротость ея равнялась ея безобразію: никогда ни одного признака дурного расположенія духа.

Сначала отецъ Евы (такъ называлась дочь Ван-деръ-Брока), переселяясь къ Вандергейму, опасался свободы, данной Гомбо и Дандоло (имя другой обезьяны), такъ какъ извѣстно, что вообще животныя не любятъ дѣтей. Но Евѣ было четырнадцать лѣтъ, ея брату Жоржу шестнадцать, и, поразмысливъ хорошенько, колонистъ рѣшилъ, что бояться нечего.

Первые мѣсяцы пребыванія Ван-деръ-Брока у его родственника прошли незамѣтно. И взаимная привязанность, и дѣла шли въ строгомъ порядкѣ. Замѣчали только, что Гомбо питалъ къ прелестной Евѣ сильную дружбу. Какъ хорошій слуга, онъ былъ чрезвычайно внимателенъ къ молодой дѣвушкѣ и часто лежалъ, свернувшись, у ея ногъ, какъ бы выражая этимъ, что онъ ея покорный рабъ.

Эта привязанность къ молодой дѣвушкѣ усиливалась по мѣрѣ того, какъ Ева становилась старше. Два года спустя послѣ переселенія колонистовъ къ Вандергейму, Гомбо повиновался только Евѣ, которой набобъ охотно передалъ свои права на Гомбо и довольствовался Дандоло, теперь, въ свою очередь, носившимъ зонтикъ надъ господиномъ и опахивавшимъ его вѣеромъ, когда тропическій жаръ казался невыносимымъ старому Вандергейму.

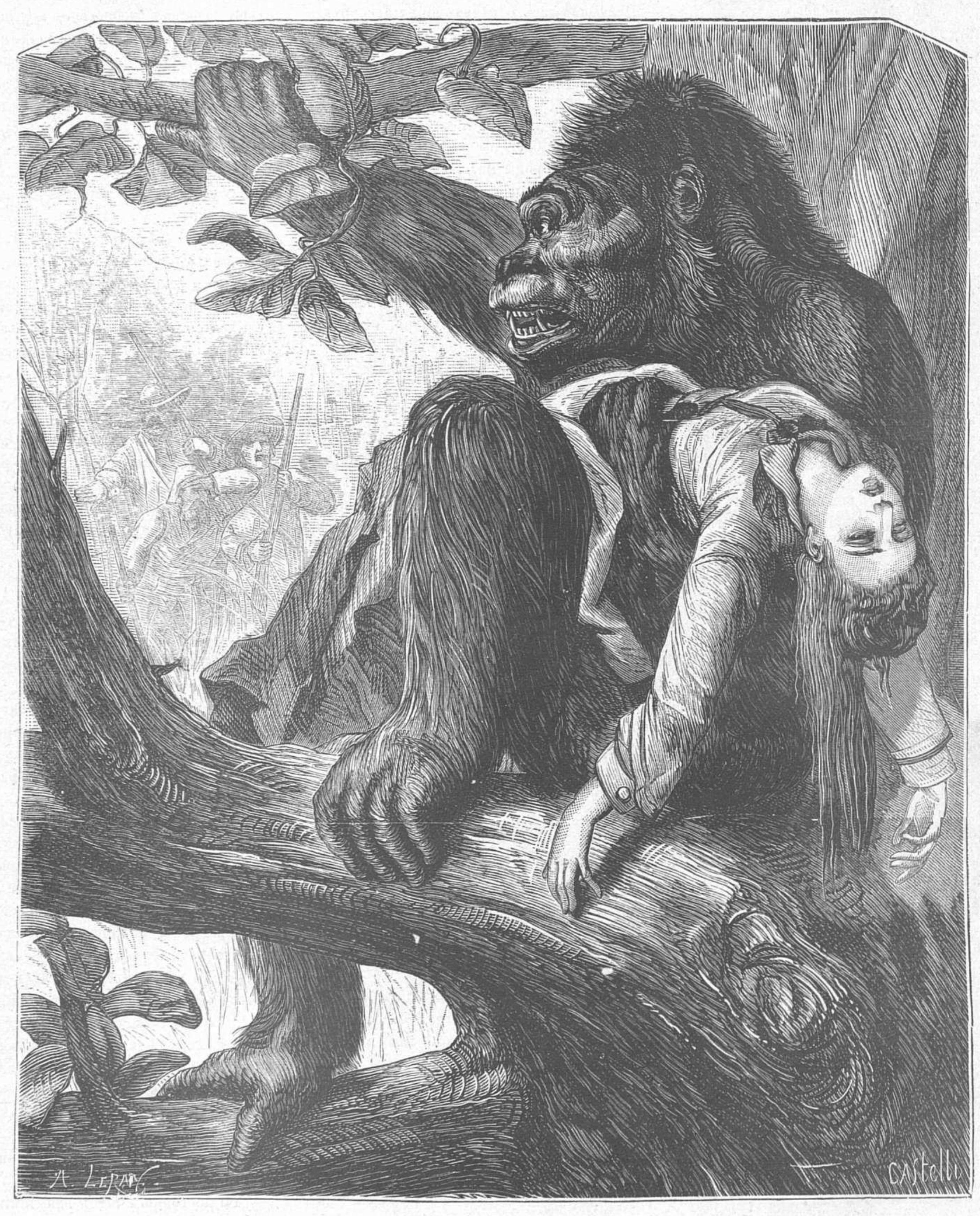
Разъ утромъ, Гомбо, прибиравшій комнаты въ домѣ, какъ настоящій слуга, разбилъ великолѣпную китайскую вазу, стоявшую на столѣ посреди залы. Вандергеймъ, въ присутствіи котораго это случилось, страшно разсердился, схватилъ находившуюся по близости палку и ударилъ неловкую обезьяну. Животное, выведенное изъ себя этимъ наказаніемъ, бросилось на своего господина и разорвало бы его въ куски, такъ какъ обладало страшной мускульной силой, еслибъ ему не помѣшали слуги Вандергейма, сбѣжавшіеся къ нему на помощь. Обезьяна, покусавъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, перебралась черезъ садовую стѣну и скрылась въ лѣсу.

Ева жалѣла о потерѣ Гомбо. Неужели это славное животное возвратилось къ прежней дикой жизни? Или, быть можетъ, оно умерло? или въ немъ пробудились врожденные инстинкты и оно смѣшается со стадами обезьянъ, населяющихъ лѣса острова?

Прошло два дня послѣ побѣга Гомбо. Разъ вечеромъ приходитъ одинъ изъ слугъ и разсказываетъ, что видѣлъ Гомбо на опушкѣ сосѣдняго лѣса.

— Онъ возвратится и мы заключимъ съ нимъ миръ, сказалъ набобъ.

Дѣйствительно, на слѣдующую ночь слышны

Месть обезьяны.

(Къ статьѣ «Месть обезьяны».)

были шаги Гомбо вдоль стѣнъ дома. Изъ окна своей комнаты Ева различила фигуру большой обезьяны, которая осматривала домъ и, казалось, искала мѣста, куда войти. Ева побоялась открыть окно ночью, но рѣшилась идти на розыски утромъ. Какъ только разсвѣло, молодая дѣвушка спустилась въ садъ и пошла вдоль тѣнистой дорожки по теченію ручья, отдѣлявшаго обработанныя земли набоба отъ большого лѣса, самымъ нѣжнымъ голосомъ призывая Гомбо.

Скоро она услышала шумъ шаговъ и увидѣла, выходящаго изъ глубины лѣса и мокраго отъ росы, Гомбо, который приближался къ ней съ признаками неудержимой радости. Доброе животное бросилось къ ногамъ своей госпожи, щелкало языкомъ, испускало радостные крики.

Ева подошла къ обезьянѣ и взяла ее за лапу, чтобы показать, что она желаетъ, чтобы та возвратилась съ нею домой. Сначала обезьяна послѣдовала за нею, но, приблизившись къ дому, повернула назадъ, отказываясь повиноваться, и сколько ни настаивала дѣвушка, всѣ ея усилія были напрасны.

Воспользовавшись удобной минутой, Гомбо схватилъ на руки молодую дѣвушку и быстро унесъ ее за сто метровъ отъ жилища къ подошвѣ, покрытой мохомъ, скалы, защищенной густымъ кустарникомъ.

Ева сперва звала на помощь, потомъ лишилась чувствъ. Когда же къ ней вернулось сознаніе, она увидѣла надъ собою обезьяну, которая ухаживала за нею, какъ нѣжная мать за ребенкомъ. Дѣвушка встала и нетвердыми шагами пробовала удалиться; но Гомбо насильно привлекъ ее въ это, удачно имъ выбранное, закрытое со всѣхъ сторонъ мѣсто. Здѣсь были собраны запасы провизіи: банановъ, гуявъ и разныхъ сочныхъ плодовъ, въ изобиліи растущихъ на Борнео, которыми плѣнница могла утолить свой голодъ, а для утоленія жажды тутъ же изъ разщелины скалы билъ ключъ свѣжей воды.

Читатели легко поймутъ, что должны были испытывать Вандеръ-Брокъ и его жена, когда замѣтили исчезновеніе Евы. Вандергеймъ разослалъ во всѣ стороны слугъ на поиски за своей пріемной внучкой. Посланные исходили лѣсъ въ разныхъ направленіяхъ, призывая молодую дѣвушку. Все напрасно.

Поиски возобновились и на слѣдующій день. Около полудня прибѣгаетъ къ Вандергейму одинъ изъ его негровъ и говоритъ, что, пробравшись ползкомъ черезъ густой кустарникъ, онъ видѣлъ Еву, спавшую около Гомбо.

Это извѣстіе было лучомъ свѣта. Тутъ только поняли, что обезьяна унесла Еву... Съ какою цѣлью? Кто могъ знать.

Чрезъ нѣсколько минутъ всѣ, кто могъ, съ негромъ во главѣ, отправились въ путь. Вандеръ-Брокъ, его сынъ и слуги Вандергейма были вооружены ружьями.

Въ стройномъ порядкѣ подвигались впередъ охотники. Вдругъ, на поворотѣ чуть замѣтной тропинки, проводникъ остановился и указалъ на Гомбо, притаившагося между вѣтвями большого дерева, обхвативъ своими могучими руками безчувственную Еву.

Онъ страшно щелкалъ челюстями, и охотники не смѣли ни стрѣлять по немъ, изъ боязни ранить Еву, ни подойти къ нему, потому что по всѣмъ признакамъ онъ былъ въ страшной ярости.

Ван-деръ-Брокъ въ отчаяніи не зналъ, что ему дѣлать, когда негръ-проводникъ сказалъ ему нѣсколько словъ на ухо.

— Дѣлай, какъ знаешь, отвѣчалъ отецъ,— только не задѣнь моей дочери.

Негръ исчезъ въ кустарникахъ, держа въ рукѣ широкій ножъ. Вскорѣ, не дѣлая ни малѣйшаго шума, позади животнаго появилась фигура негра. Колонистъ и его слуги слѣдили за каждымъ его движеніемъ. Они видѣли, какъ негръ поднялъ свое оружіе и тяжело опустилъ его на голову животнаго, которое машинально разжало и вытянуло руки, при чемъ Ева выпала изъ его опасныхъ объятій.

Дочь Ван-деръ-Брока была спасена.

Велика была радость отца, матери, набоба и всѣхъ колонистовъ плантаціи, когда милое созданіе снова находилось между ними.

Сильное потрясеніе мозга было слѣдствіемъ этого приключенія съ Евой, и только, благодаря искуству хорошаго доктора, удалось скоро возвратить ей разсудокъ. По немногу сгладились и всѣ слѣды этого событія, въ которомъ она была главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

Вандергеймъ, наученный опытомъ, не хотѣлъ имѣть болѣе обезьянъ въ числѣ слугъ. Онъ разстался съ Дандоло, пожертвовавъ его въ звѣринецъ въ Гагѣ и съ первымъ купеческимъ кораблемъ отправилъ его въ Европу.

Кожа Гомбо тоже находится въ музеѣ естественной исторіи въ столицѣ Голландіи.

Памяти О. М. Ковалевскаго.

(Ст. г. В.)

Недавно угасъ въ Варшавѣ на 78-мъ году жизни за чтеніемъ «Русскаго Міра» маститый старецъ, профессоръ варшавскаго университета и деканъ историко-филологическаго факультета, Осипъ Михайловичъ Ковалевскій.

Неутомимый, дѣятельный, онъ сохранилъ до конца жизни счастливую память и вѣрное пониманіе своихъ обязанностей. Уроженецъ гродненской губерніи, студентъ виленскаго университета, ученикъ и послѣдователь Лелевеля, получившій отъ него первые плоды исторической науки, молодой Ковалевскій рано испыталъ на себѣ удары судьбы. Переведенный въ казанскій университетъ, онъ съ усердіемъ отдался изученію монгольскаго языка и сдѣлался замѣчательнымъ ученымъ въ сферѣ оріенталистовъ. Неоднократныя путешествія его въ монгольскій край и посѣщеніе Пекина развили въ молодомъ ученомъ наклонность къ ученымъ занятіямъ о Востокѣ, но не изгладили въ немъ слѣды европейскаго образованія.

Съ пріятною манерою въ обращеніи, съ гуманнымъ образомъ мысли, молодой адъюнктъ быстро достигъ профессорскаго званія и выбранъ былъ въ ректоры казанскаго университета. Ровно двадцать лѣтъ назадъ мы застали его въ университетскомъ кружкѣ уже въ старческомъ возрастѣ.

Университетъ не былъ спокоенъ, страсти волновали его; молодежь искала чего-то неопредѣленнаго, а ея руководители осуществленія своихъ личныхъ расчетовъ. Среди этого разнообразія стремленій и столкновенія личностей, одинъ ректоръ оставался невозмутимымъ. Онъ уклонялся отъ всеобщаго волненія и сосредоточивался въ себѣ. Теперь, когда все это сдѣлалось прошлымъ, когда и самый проводитель успокоительной системы и уклончивой политики уже сошелъ въ могилу, мы можемъ безъ всякихъ подозрѣній въ услужливости и лести высказать нашъ взглядъ.

Мы не принадлежимъ къ числу лицъ, усвоивающихъ себѣ девизъ: «de mortuis aut bene, aut nihil» о лицахъ сошедшихъ съ поприща жизненнаго; мы считаемъ правду выше всего, чтобы напомнить лицамъ живымъ тѣ черты, которыя не скрывалъ и самъ покойный, но выражалъ своимъ образомъ дѣйствія. Благородный характеръ ректора, но выстраданный и чрезъ это сдержанный и уклончивый, не могъ нравиться ни товарищамъ, ни молодежи. Разладъ отражался на дѣлахъ, но не переходилъ въ крайность, благодаря сдержанности и уму ловкаго администратора. Перейдя въ варшавскій университетъ, Осипъ Михайловичъ оставался безсмѣннымъ деканомъ филологическаго факультета, но не пріобрѣлъ особеннаго расположенія. Здѣсь онъ казался, къ сожалѣнію, болѣе русскимъ, тогда какъ въ Казани его считали полякомъ. За годъ до смерти О. М., по возвращеніи изъ-за границы, проѣздомъ чрезъ Варшаву мы видѣли его состарѣвшимся, но еще бодрымъ и съ свѣжими воспоминаніями. Все былое воскресло предъ нами! Я видѣлъ предъ собою человѣка надломленнаго, но счастливаго окончаніемъ прошедшихъ испытаній и судьбою своей семьи. Два талантливыхъ сына, одинъ— профессоръ въ Казани, другой—академикъ-баталистъ, съ честію поддерживали имя маститаго

О. М. Ковалевскій.

старца. Но прежняя сдержанность не покидала и теперь старика. Такъ вѣрнымъ своему характеру онъ дошелъ и до могилы!

Польская молодежь, по отзывамъ газетъ, холодно отнеслась къ извѣстности своего профессора. Для нея не существовало ничего прошедшаго отраднаго въ старцѣ, да едва ли она и освѣдомлялась объ немъ: на нее дурно дѣйствовала благоразумная осторожность О. М. Боевыя огненныя натуры иногда незаслуженно привлекаютъ къ себѣ; высокая, но умудренная опытомъ личность, тихо приближавшаяся къ послѣднему пріюту, не вызывала сочувствія. Молодежи некогда было подумать: какія же были причины, сломившія пылъ жизни, одушевлявшій нѣкогда и этого старца, и сдѣлавшія изъ него скромнаго и спокойнаго почитателя высокихъ идей человѣчества безъ страстныхъ порывовъ. Будемъ ожидать правдивыхъ и дѣльныхъ свѣдѣній о покойномъ, какъ ученомъ и администраторѣ, отъ лицъ близко его знавшихъ. Имя же О. М. Ковалевскаго занимаетъ почетное мѣсто въ ученомъ представительствѣ Россіи предъ западною Европою. Къ этому слабому очерку характера покойнаго мы присоединяемъ портретъ, очень вѣрно передающій его умную физіономію.

Къ рисункамъ.

Въ настоящемъ нумерѣ наши читатели найдутъ рисунокъ Г. Доре «Въ горахъ»—прелестный горный пейзажъ съ всадникомъ, конь котораго взбѣсился отъ внезапно пущенныхъ съ горы камней,—и три картины Филипса, Вейзера и Піонтковскаго. Двѣ первыя изъ этихъ трехъ картинъ изображаютъ будничныя сцены: и этотъ заснувшій въ паркѣ красавецъ охотникъ, и молодая женщина, накалывающая ему цвѣтокъ на шляпу, и этотъ дѣдъ съ внучкою, заставляющій стоять на заднихъ лапкахъ «ученую собачку»—сцены и образы, знакомые каждому. Менѣе обыденна личность, изображенная на картинѣ Піонтковскаго: въ мрачной комнатѣ, заваленной всякими остатками глубокой старины, сидитъ въ старинномъ креслѣ молодая, но серьезная дѣвушка; она смотритъ на эти старинныя латы, на эти древнія копья, на эти заржавленные мечи и, кажется, всѣ ея помысли унеслись въ туманную даль прошлаго: въ вѣка монашества, являвшагося носителемъ высшаго образованія, и въ вѣка рыцарства, являвшагося выразителемъ высшаго благородства,—въ вѣка, когда высокія добродѣтели и сильные характеры стояли рядомъ съ самымъ невообразимымъ варварствомъ и съ самой ужасной забитостью. Піонтковскій очень удачно задумалъ свою картину, такъ какъ, смотря на нее, зритель невольно переносится и самъ къ историческимъ воспоминаніямъ. О другихъ рисункахъ нынѣшняго нумера мы не упоминаемъ здѣсь, такъ какъ о нихъ сказано въ другомъ мѣстѣ.

Киргискія свадьбы.

(Ст. Н. Стремоухова.)

Во время странствованій по степи мнѣ удалось ознакомиться съ различными обрядами кочевниковъ, частью по собственнымъ наблюденіямъ, а частью по разсказамъ самихъ киргизовъ. Въ настоящей замѣткѣ я намѣренъ познакомить читателей съ свадебными обрядами Средней Орды.

Киргизы считаются мусульманами болѣе номинально, чѣмъ фактически; они нисколько не стѣсняются нарушать правила, предписываемыя кораномъ, а о шаріатѣ [1]) положительно не имѣютъ никакого понятія; во всемъ они руководствуются только своимъ адатомъ, т. е. обычаемъ [2]). Вліяніе обычнаго права болѣе всего высказывается въ свадебныхъ обрядахъ, которые совершенно не имѣютъ религіознаго характера.

Бракъ у киргизовъ представляетъ собою договоръ купли и продажи, совершаемой между отцомъ жениха или самимъ женихомъ съ одной стороны, и отцомъ невѣсты съ другой. Вступаютъ въ бракъ очень рано: мальчикъ лѣтъ шести можетъ уже имѣть невѣсту, иногда и не одну. Невѣсты или приторговываются, или же переходятъ по наслѣдству; такъ, напримѣръ, невѣсты и жены старшаго брата переходятъ по наслѣдству къ младшему. Браки взрослыхъ съ малолѣтними не обходятся безъ скандаловъ: дѣвушки и молодыя женщины стараются освободиться отъ малолѣтнихъ мужей посредствомъ побѣга или развода; но есть и такія, которыя мирятся со своею участью и даже съ материнскою заботливостью ухаживаютъ за своими несовершеннолѣтними супругами. Къ разводу прибѣгаютъ рѣдко, потому что онъ сопряженъ съ расходами: родители невѣсты обязаны возвратить калымъ [3]) и туркунлей [4]), на что по бѣдности или по скупости они рѣдко соглашаются. Если же разводъ невозможенъ, невѣстѣ остается одинъ исходъ: бѣжать къ «другу избранному»; но это не совсѣмъ безопасно, такъ какъ обычай, ревниво оберегая права мужа, строго преслѣдуетъ жену за побѣгъ. Если взрослый мужъ получаетъ въ наслѣдство жену-ребенка, онъ сперва заботится о ея воспитаніи и вступаетъ съ нею въ супружескія отношенія когда ему заблагоразсудится, впрочемъ, не раньше какъ по достиженіи его женою десятилѣтняго возраста.

Кромѣ нѣсколькихъ (не опредѣлено сколько) законныхъ женъ [5]), каждый киргизъ можетъ имѣть сколько хочетъ наложницъ, которыя покупаются какъ вещи [6]). Куны [7]) считаются работницами законныхъ женъ; а дѣти отъ нихъ, пока они не усыновлены, признаются слугами, рабами законныхъ дѣтей.

Время для заключенія браковъ не опредѣляется адатомъ; дочерей принято отдавать замужъ между 10 и 15 годами. День свадьбы зависитъ только отъ времени уплаты калыма; получивъ условленный калымъ сполна, отецъ невѣсты не имѣетъ права долѣе удерживать у себя дочь. Если родители [8]) находятся въ хорошихъ между собою отношеніяхъ, въ такомъ случаѣ невѣстѣ даютъ подрости; при дурныхъ же отношеніяхъ дѣвушку берутъ и ранѣе, а обязанность воспитать ее возлагаютъ на мать жениха.

Тамыры [9]) и досы [10]) сватаютъ своихъ дѣтей даже до ихъ рожденія, а именно: когда жены ихъ беременны, мужья заключаютъ между собою условіе—женить будущихъ дѣтей. Чтобы условіе это имѣло силу, мѣняются халатами или лошадьми; съ этого времени они уже называются сватьями [11]). Въ случаѣ, если новорожденные будутъ одного пола, сватья, все-таки, не теряютъ свои права, утвержденныя условіемъ; они обязаны только пріискать жениховъ или невѣстъ между своими ближайшими родственниками, смотря, къ какому полу принадлежатъ новорожденные.

Калымъ опредѣляется отцами невѣсты и жениха, причемъ одна сторона всегда запрашиваетъ по возможности больше, другая старается сбавить. На сватахъ же [12]), играющихъ роль посредниковъ, лежитъ обязанность привести стороны къ соглашенію. Во время сватовства сговариваются также и о приданомъ [13]), безъ котораго даже самая бѣдная невѣста не выходитъ замужъ. Обычай требуетъ, чтобы невѣста принесла съ собою въ приданное отца [14]), постель, саукелеу [15]) и нѣсколько самыхъ необходимыхъ предметовъ одѣянія для себя и для мужа. Калымъ и кінтъ обозначаются до мельчайшихъ подробностей, но не у всѣхъ родовъ одинаково: разница заключается въ наименованіи предметовъ и въ ихъ количествѣ.

У зажиточныхъ киргизовъ свадебные обряды совершаются слѣдующимъ образомъ:

Сперва тщательно выбираютъ сватовъ, которымъ поручаютъ сдѣлать предложеніе. Давшіе свое согласіе на бракъ угощаютъ [16]) сватовъ и одѣляютъ ихъ подарками: старшій получаетъ одного верблюда, одну лошадь и 9 разныхъ предметовъ [17]), а младшіе по лошади и по 9 вещей низшаго достоинства. Сваты съ своей стороны также должны отдарить; обыкновенно они даютъ 3 верблюдовъ и 6 лошадей. При этой церемоніи иногда присутствуетъ бай-биче [18]). Черезъ нѣсколько дней отецъ жениха ѣдетъ въ гости къ невѣстиному отцу, который устраиваетъ по этому случаю праздникъ, извѣстный подъ названіемъ: «той». И этотъ праздникъ не обходится безъ подарковъ: отецъ невѣсты даритъ своему гостю или 40 тиллей [19]), или вещи одинаковой этой суммѣ цѣнности. При разводѣ этотъ подарокъ вычитается изъ возвращаемаго калыма. Приглашенные на той забавляются скачкою, или же игрою, называемою кызъ-кагаръ. На байгѣ, т. е. скачкѣ испытываютъ быстроту лошадей, состязаются въ ловкости, отнимая другъ у друга козла на всемъ скаку. Кызъ-катаръ—буквально бѣгъ дѣвушки—состоитъ въ томъ, что молодые киргизы на лошадяхъ стараются догнать дѣвушку, которая на быстромъ скакунѣ должна спасаться отъ нихъ,—поймать ее бываетъ не легко, такъ какъ киргизки въ наѣздничествѣ не уступаютъ киргизамъ.

Послѣ праздника начинается уплата калыма, который, можетъ быть, выплаченъ сразу или втеченіи 10—15 лѣтъ, смотря по возрасту молодыхъ и состоянію родителей. Калымъ состоитъ изъ двухъ частей: кара-милъ [20]) и милъ-якши [21]). Кара-милъ заключаетъ въ себѣ: бамъ-якши (150 барановъ), аягъ-якши (5 верблюдовъ) и на придачу джили-тупъ (хорошій верблюдъ). Милъ-якши считается: если оговорено — верблюдъ и 8 кобылъ съ жеребятами; но всегда обязательно: кишъ-адъ (посредственная лошадь съ уборомъ низшаго достоинства), дупенъ-айгыръ (четырехгодовалый жеребецъ), саутъ-біюссе (жеребая кобыла) и унъ-ике-байдакъ (12 лошадей трехгодовалыхъ).

Супружескія отношенія признаются законными только по уплатѣ всего калыма. Правило это, впрочемъ, не всегда соблюдается и жениху дозволяется везти жену къ себѣ за 2 или 3 мѣсяца до послѣдняго взноса, но съ тѣмъ услові-

[1]) Шаріатъ—собраніе каноническихъ и гражданскихъ законовъ и проистекаетъ изъ началъ религіи.

[2]) Обычаи передаются изъ рода въ родъ устно; писаннаго сборника нѣтъ. Кромѣ обычаевъ, общихъ всѣмъ родамъ, каждый родъ имѣетъ свои особенные.

[3]) Калымомъ называется плата за невѣсту.

[4]) Туркунлеемъ называются подарки отъ родителей невѣсты — жениху.

[5]) По примѣру мусульманъ киргизы ограничиваются, самое большее, четырьмя женами.

[6]) Хотя торгъ невольниками преслѣдуется и рабство почти уничтожено, между киргизами можно, однако, найти много наложницъ.

[7]) Кунъ — наложница.

[8]) Родители жениха и невѣсты.

[9]) Тамыръ — пріятель.

[10]) Досы — тоже, что у насъ крестовые братья. Досы имѣютъ все общее, кромѣ женъ.

[11]) Сватья по киргизски называется куда.

[12]) Не слѣдуетъ смѣшивать со сватьями.

[13]) Приданое—кінтъ.

[14]) Отау—юрта съ полнымъ хозяйствомъ.

[15]) Саукелеу—головной уборъ невѣсты, состоящій изъ высокой, остроконечной, красной кички, украшенной разными монетами и побрякушками.

[16]) Для этого угощенія въ большомъ употребленіи бауръ-куртъ, т. е. холодная печенка, посыпанная сыромъ.

[17]) Тогузъ—девять предметовъ.

[18]) Бай-биче—старшая жена отца невѣсты.

[19]) Тилля—золотая монета.

[20]) Кара-милъ—черный скотъ.

[21]) Милъ-якши—хорошій скотъ.

емъ, чтобы первый ребенокъ не родился до окончательной выплаты калыма; въ противномъ случаѣ молодая чета (въ особенности мужъ) считается обезчещенною.

Передъ свадьбою первая поѣздка [22]) жениха въ аулъ невѣсты сопряжена съ большими расходами: онъ долженъ одарить отца невѣсты и всѣхъ его женъ и наложницъ. Отецъ невѣсты получаетъ 50 тиллей, 3 тогуза вещами и кобылу; его старшей женѣ достается верблюдъ, а младшимъ по одной лошади; вообще при раздачѣ этихъ подарковъ сообразуются съ числомъ женъ и положеніемъ ихъ при мужѣ. Наложницы также должны быть одарены, и если онѣ пользуются вліяніемъ, то имъ иногда даютъ лучшіе подарки, чѣмъ старшимъ женамъ, иначе женихъ рискуетъ получить отказъ.

Поѣздка совершается по извѣстнымъ обрядамъ: женихъ, съ нѣсколькими изъ своихъ сверстниковъ (дружки), пріѣзжаетъ къ аулу невѣсты и останавливается не далеко отъ него. Дружки отправляются съ подарками въ аулъ, а женихъ, тѣмъ временемъ, прячется гдѣ нибудь по близости. Объявивъ отцу о цѣли пріѣзда и одаривъ всѣхъ, кого слѣдуетъ, дружки расходятся по кибиткамъ аула и извѣщаютъ жениха, что подарки приняты. Если въ подаркахъ отказано, женихъ поспѣшно удаляется во свояси, чтобы не быть побитымъ, такъ какъ отецъ невѣсты, не принявъ предложенія, немедленно бросается его розыскивать съ намѣреніемъ наказать за дерзость. Если же согласіе дано, въ такомъ случаѣ будущій тесть приказываетъ выставить въ сторонѣ отъ аула юрту или джуламейку [23]) для жениха. Когда юрта готова, дружки собираются въ ней и приводятъ туда жениха для осмотра его всѣми женщинами аула, а затѣмъ его угощаютъ. За смотрины женихъ обязанъ одарить киргизокъ кусками маты [24]).

Невѣста, между тѣмъ, старается скрыться или въ какомъ-нибудь сосѣднемъ аулѣ, или же въ степи. Подъ вечеръ киргизки идутъ искать ее и приносятъ бѣглянку съ жалобными пѣснями на коврѣ или на кошмѣ [25]) въ юрту отца ея, который тѣмъ временемъ уже занимается пріемомъ гостей; по лѣвую сторону двери для нея устроена постель за занавѣскою, которою перегораживается юрта. Съ наступленіемъ ночи невѣста, одѣтая въ нарядный халатъ, съ покрытою головою [26]) садится между двухъ женщинъ на середину постели и въ такомъ положеніи ожидаетъ жениха.

Когда невѣста готова къ пріему, двѣ женщины идутъ за женихомъ, тихонько подводятъ его къ невѣстиной юртѣ и сажаютъ съ наружной ея стороны, напротивъ того мѣста, гдѣ находится невѣста. Затѣмъ киргизки-ассистентки, поднявъ кошму юрты, черезъ сѣтку жердей [27]), соединяютъ руки будущихъ супруговъ.

Послѣ обряда рукопожатія приступаютъ ко вводу жениха въ юрту невѣсты. Съ наружной стороны у порога обыкновенно лежитъ старуха и, подражая лаю и ворчанію собаки [28]), не пускаетъ жениха въ юрту, пока онъ не откупится халатомъ. Внутри юрты у самаго входа лежитъ другая старуха, тѣло которой также мѣшаетъ жениху войти,—вновь подаренный халатъ очищаетъ путь [29]). Преодолѣвъ наконецъ всѣ препятствія, женихъ подходитъ къ постели и, съ помощью одной изъ сидящихъ съ невѣстою женщинъ, кладетъ руку на голову своей будущей жены [30]). Посредница получаетъ халатъ и уходитъ. Оставшаяся вторая ассистентка укладываетъ молодыхъ и послѣ нѣкотораго времени сдергиваетъ съ постели мату и спѣшитъ къ отцу извѣстить, что обрядъ совершенъ; за это она требуетъ суюнга, т. е. подарокъ за пріятное извѣстіе.

Подъ утро женихъ вмѣстѣ съ дружками уѣзжаетъ домой. Подобныя поѣздки жениха повторяются нѣсколько разъ, но уже безъ особенныхъ церемоній. Когда поѣздъ молодого выѣзжаетъ за черту аула, отецъ невѣсты со своими людьми спѣшитъ въ погоню, силою отбираетъ у жениха лошадь, оружіе и верхнюю одежду и принуждаетъ его возвратиться домой пѣшкомъ.

При послѣдней уплатѣ калыма назначается день свадьбы. Въ назначенный срокъ женихъ со своею матерью и съ дружками снова ѣдетъ въ аулъ невѣсты, гдѣ устраивается великій пиръ, который длится нѣсколько дней. Вечеромъ въ послѣдній день къ невѣстѣ приходятъ ея подруги и садятся въ юртѣ лицомъ къ стѣнѣ; напротивъ нихъ снаружи располагаются холостые джигиты [31]); нижнія кошмы юрты поднимаются и воздухъ оглашается веселыми свадебными пѣснями. Съ одной стороны киргизы, съ другой киргизки поютъ попарно, по очереди, и стараются превзойти другъ друга не столько голосомъ, сколько остроуміемъ въ сравненіяхъ и загадкахъ. Невѣста же все время сидитъ молча и не принимаетъ никакого участія въ пѣсняхъ. Въ другой юртѣ женихъ тоже проводитъ время въ разныхъ забавахъ. Когда всѣ угомятся и улягутся спать, одна изъ женщинъ тайно приводитъ невѣсту въ юрту жениха.

Пріѣзжая на свадьбу, женихъ обязанъ привезти послѣднюю плату за невѣсту. Тоймалъ т. е. окончательная выплата калыма, большею частью состоитъ изъ 100 тиллей и двухъ кобылъ. Одновременно съ этимъ дружки принимаютъ приданое невѣсты.

Приданое составляютъ 20 верблюдовъ, 2 лошади съ полнымъ уборомъ, въ томъ числѣ и иноходецъ, на которомъ должна ѣхать молодая (иноходецъ убирается очень роскошно), 100 кіимъ (платье, бѣлье, халаты, сапоги и проч.), 20 ковровъ, палацевъ или кошемъ и юрта.

Молодую провожаетъ только ея мать. Отправляясь къ своимъ новымъ роднымъ, молодая закрываетъ лицо бѣлымъ покрываломъ; если встрѣчающіеся на пути люди пожелаютъ видѣть ее, имъ это дозволяется въ замѣнъ извѣстнаго подарка. Отецъ жениха, въ ожиданіи молодыхъ, ставитъ для нихъ юрту около своей и приготовляетъ угощеніе. Впослѣдствіи юрта эта замѣняется новою, данною въ приданое.

Подъѣхавъ къ аулу, молодая сходитъ съ лошади и идетъ пѣшкомъ къ выставленной юртѣ, первая переступаетъ черезъ порогъ и бросаетъ на очагъ кусокъ сала; это дѣлается съ цѣлью расположить къ себѣ домового.

Молодые киргизы признаютъ за униженіе долго жить съ отцомъ въ одномъ аулѣ. Когда они поселяются въ другомъ аулѣ, имъ отдѣляютъ прислугу, необходимыя для хозяйства вещи, нѣсколько десятковъ барановъ и кобылъ для пищи, но хозяйство остается еще общимъ; только по достиженіи 30 лѣтъ киргизъ получаетъ свою долю изъ отцовскаго имущества и живетъ своимъ отдѣльнымъ домомъ.

Праздникъ свадьбы заканчивается угощеніемъ у молодыхъ, послѣ чего все вступаетъ въ рамки обыденной жизни: для мужа начинается барская жизнь, а для молодой жены жизнь рабочаго животнаго. Отъ многочисленныхъ и тяжелыхъ работъ у женщины скоро исчезаетъ румянецъ молодости и она впадаетъ въ преждевременную старость. Дни радости и отдохновенія несчастная имѣетъ только тогда, когда, черезъ 3 года, послѣ свадьбы она можетъ ѣхать къ своимъ роднымъ. Поѣздка эта называется туркулей по подаркамъ, которые мужъ получаетъ отъ родныхъ своей жены. Если родные богаты и если между сватьями сохранилась дружба, поѣздка эта превращается для молодой женщины въ веселый праздникъ; въ противномъ случаѣ, за дурные подарки ей приходится ожидать отъ мужа упреки, брань и побои. Жена ѣдетъ безъ мужа, съ дѣтьми и большою свитою, въ хорошей обстановкѣ, и живетъ у родныхъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ подарковъ, требуемыхъ ея мужемъ. Хорошія отношенія дозволяютъ нѣсколько разъ повторить эту поѣздку и каждый разъ выпрашиваются новыя приношенія.

Выше я замѣтилъ, что киргизъ, женившись, старается немедленно отдѣлиться отъ родныхъ и обзавестись собственнымъ хозяйствомъ; рѣдко случается, чтобы женатые сыновья жили вмѣстѣ съ родителями. Разъ сынъ выдѣленъ, онъ теряетъ право наслѣдовать имущество отца. Инчи, т. е. наслѣдственное право очень подробно опредѣляется обычнымъ правомъ киргизовъ. Вотъ главнѣйшія его положенія: Наслѣдниками вообще считаются всѣ не отдѣленные дѣти мужескаго пола; если при отцѣ остается одинъ младшій сынъ, то онъ и вступаетъ въ права наслѣдства. Если сыновья женаты, но не выдѣлены, то, при выдѣлѣ ихъ, калымъ, уплаченный за ихъ невѣстъ и женъ, ставится въ счетъ и исключается изъ приходящейся на ихъ долю части наслѣдства. Незамужнія сестры и дочери наслѣдства не получаютъ; за то братья и дядья обязаны ихъ выдать замужъ, надѣливъ приличнымъ приданнымъ; споры въ подобныхъ случаяхъ передаются на судъ біевъ [32]). Отдѣленные сыновья и замужнія дочери, какъ уже получившіе свою часть, на наслѣдство не могутъ имѣть никакихъ притязаній. Наслѣдники вступаютъ въ свои права черезъ годъ послѣ смерти наслѣдодателя. За неимѣніемъ сыновей, наслѣдство переходитъ къ братьямъ умершаго, которые, по отношенію къ своимъ племянницамъ, принимаютъ на себя обязанности ихъ родныхъ братьевъ. Жены скончавшагося, въ качествѣ опекунщей, получаютъ во временное свое управленіе все наслѣдство, приходящееся на долю ихъ малолѣтнихъ дѣтей. Сколько женъ —столько и частей. Киргизка, не вышедшая замужъ за брата покойнаго мужа своего или за его ближайшаго родственника, получаетъ восьмую долю всей части, слѣдовавшей ей и ея дѣтямъ. Вдова, вышедшая замужъ за посторонняго киргиза, кромѣ обыкновенной одежды ничего не получаетъ; въ этомъ случаѣ дѣти должны быть переданы на попеченіе брату покойнаго. Если всѣ сыновья холостые, то при раздѣлѣ имущества принимается въ разсчетъ калымъ, уплаченный за ихъ невѣстъ, въ случаѣ, если они сосватаны. Если покойный оставляетъ по себѣ вдову и только одну дочь, послѣдняя признается прямою наслѣдницею; если же вдова выходитъ за брата умершаго мужа своего, то ей отдѣляется восьмая часть, а мужъ ея вступаетъ въ права отца по наслѣдству, относительно своей племянницы.

Несмотря на то, что не имѣется писанныхъ законовъ, киргизы соблюдаютъ правила, предписываемыя адатомъ, съ замѣчательною точностью.

Хотя мусульмане и употребляютъ всѣ усилія, чтобы принудить кочевниковъ сообразовать свой бытъ съ требованіями корана и шаріата, но эти

[22]) Поѣздка эта называется—урунъ-джиртысъ.

[23]) Джуламейка или кошъ—дорожная юрта; она и меньше и проще обыкновенной.

[24]) Мата—холстяная матерія.

[25]) Кошма—войлокъ.

[26]) Голова невѣсты покрывается кускомъ шаи (шелковая матерія), ситца или маты.

[27]) Покрытая кошмами сѣтка изъ тонкихъ жердей образуетъ стѣну юрты.

[28]) Этотъ обрядъ называется итъ-сарендаръ, т. е собака ворчитъ.

[29]) Приведшія жениха женщины тоже получаютъ подарки.

[30]) Такой обрядъ носитъ названіе чашъ-сапаръ, что значитъ прикасаться къ волосамъ невѣсты.

[31]) Джигитами называютъ лихихъ наѣздниковъ, удалыхъ молодцовъ и вообще молодыхъ киргизовъ.

[32]) Бій—киргизскій судья.

КАРТИНА ФИЛИПСА.

Спящій охотникъ.

Рѣзалъ на деревѣ Брендамуръ.

КАРТИНА І. ВЕЙЗЕРА.

Ученая собачка.

Рѣзалъ на деревѣ Брендамуръ.

попытки до сихъ поръ не имѣли ни малѣйшаго успѣха. Пріѣзжаетъ, напримѣръ, въ аулъ какой-нибудь мулла [33]) и начинаетъ проповѣдывать ученіе Магомета. Киргизы принимаютъ его радушно, выказываютъ глубокое уваженіе, щедро одариваютъ и какъ будто внимаютъ его краснорѣчію, въ сущности же, они остаются вѣрными своему адату и кажутся мусульманами, покуда ученый мулла не покинетъ аула,—послѣ чего и коранъ и шаріатъ мигомъ забыты.

Понятія киргизовъ о религіи весьма смутны и неопредѣленны; если между ними и существуютъ кое-какія нравственныя начала, то этимъ они обязаны древнимъ обычаямъ и преданіямъ, передаваемымъ изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Такое мнѣніе было высказано мнѣ однимъ татариномъ; впослѣдствіи я лично убѣдился въ его справедливости.

Моя хроника.

П. А. Салманова.

(*Продолженіе.*)

Глава VI.

1831—32 годы.

Настоящій годъ памятенъ для меня въ особенности тремя событіями: первыя два относятся къ числу историческихъ, а послѣднее касается лично меня.

Пришло извѣстіе о возстаніи въ Польшѣ. Въ Москвѣ распространился было слухъ о насильственной смерти великаго князя Константина Павловича, который былъ въ то время намѣстникомъ Польши; однакожъ, москвичи вскорѣ узнали, что какъ только распространилось возстаніе, къ великому князю Константину Павловичу явилась депутація отъ предводителей возстанія и предложила ему выѣхать изъ Варшавы подъ ихъ прикрытіемъ, и великій князь выѣхалъ, сопровождаемый уваженіемъ со стороны поляковъ. Этому, вѣроятно, способствовало то обстоятельство, что великій князь, во время управленія Польшею, при абсолютной власти, ему данной, обращался съ поляками чрезвычайно снисходительно и кротко, чѣмъ заслужилъ большую любовь варшавскихъ жителей.

Въ 1831 году, въ Россіи были два военныхъ свѣтила: графъ Дибичъ-Забалканскій и графъ Паскевичъ Эриванскій,—оба фельдмаршалы. Встревоженный возстаніемъ въ Польшѣ, императоръ Николай Павловичъ, желая подавить его немедленно, послалъ туда войска подъ начальствомъ побѣдоноснаго графа Дибича, но знаменитый побѣдами надъ турками, Дибичу не посчастливилось противъ поляковъ. Борьба съ Польшею принимала очень серьезный характеръ. Трудно сказать, что было причиною нашихъ неудачъ. Военныя дарованія Дибича извѣстны были всей Европѣ. Вѣчная сплетница Москва приписывала эти неудачи измѣнѣ Дибича, въ которомъ по фамиліи подозрѣвала поляка. Но вскорѣ графъ Дибичъ умеръ. Государь назначилъ на его мѣсто фельдмаршала графа Паскевича-Эриванскаго. Вся Россія надѣялась, что дѣла пойдутъ лучше и возстаніе будетъ подавлено въ самомъ непродолжительномъ времени. Однакожъ, вышло иначе. Поляки дрались отчаянно, война длилась около года. Много пало храбрыхъ на полѣ битвы, а возстаніе все еще продолжалось. Пришлось усилить наши войска; былъ произведенъ усиленный рекрутскій наборъ, сформировано новое свѣжее многочисленное войско и послано къ графу Паскевичу, который, кажется, только и ожидалъ этого. По прибытіи свѣжаго войска, не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ. Варшава была взята штурмомъ и возстаніе въ Польшѣ окончательно подавлено. Польша при этомъ утратила многія льготы, дарованныя ей покойнымъ государемъ Александромъ I.

Второе событіе—высочайшій манифестъ о наборѣ рекрутъ изъ духовнаго званія. Вздрогнуло русское духовенство. Подобнаго событія не было съ нимъ со временъ Елизаветы Петровны. Изъ семинаристовъ, изъ дьячковъ, еще не посвященныхъ въ стихарь, сформировался цѣлый полкъ, подъ именемъ левитскаго, который и погибъ во время похода въ Польшу. Изнѣженное духовенство не могло перенести трудностей военной жизни солдата тогдашняго времени, уцѣлѣли только тѣ, которые попали въ писаря; они оказались полезны потому, что были болѣе развиты, чѣмъ полковые писаря тогдашняго времени.

Третье событіе, касающееся меня лично, была перемѣна къ лучшему въ матеріальномъ отношеніи нашей семьи. Отецъ мой былъ женатъ три раза. Дѣти у него были отъ перваго и третьяго брака.

Дѣти отъ перваго брака, Василій и Елена, были очень хороши собою, имѣли черные волосы, матовое лицо и римскій носъ, и такъ были похожи другъ на друга, что каждый посторонній человѣкъ, встрѣтивъ ихъ вмѣстѣ, узнавалъ въ нихъ брата и сестру съ перваго взгляда. Василій впослѣдствіи пріобрѣлъ дворянство, а Елена вышла замужъ за богатого человѣка, г. Головина, въ 1820 году, когда мнѣ было всего три года.

Прошло 11 лѣтъ. Елена изрѣдка писала намъ и, по ея словамъ, жила счастливо. Мы думали уже, что она совсѣмъ забыла объ насъ, какъ вдругъ получаемъ отъ нея дружеское нѣжное письмо съ приложеніемъ подарковъ для каждаго и съ 1,000 руб. денегъ, причемъ она обѣщала, что отецъ ежегодно будетъ получать по 1,000 руб. Эта прибавка къ доходамъ, нами получаемымъ, настолько улучшила наше положеніе, что теперь уже не могло быть и сомнѣнія о продолженіи мною образованія.

Въ сентябрѣ 1832 года, я разстался съ Высокопетровскимъ уѣзднымъ училищемъ и въ числѣ первыхъ учениковъ поступилъ въ семинарію. По тогдашнему времени семинарія давала почти высшее образованіе въ Россіи. Я зналъ, что черезъ 6 лѣтъ я кончу курсъ, а вмѣстѣ съ окончаніемъ курса буду имѣть право считаться образованнымъ гражданиномъ Россіи. Такимъ образомъ, уже одно поступленіе въ семинарію дѣлало меня болѣе чѣмъ простымъ ученикомъ. Это очень льстило моему самолюбію и заставило меня держать себя солиднѣе, а особенно предъ моими братьями, что было очень смѣшно.

Къ несчастью, сознаніе собственнаго достоинства не избавляло меня отъ тѣхъ непріятностей, которые испытывалъ болѣе или менѣе каждый семинаристъ, при поступленіи его изъ училища въ семинарію.

Въ семинаріи были три класса или отдѣленія: низшее, въ которомъ занимались преимущественно словесностью; среднее—философіею и высшее—богословіемъ. Кромѣ этихъ главныхъ наукъ, проходили еще языки: еврейскій, греческій, латинскій, французскій и нѣмецкій; но этими языками, разумѣется, кромѣ латинскаго и греческаго, занимались, какъ ученики, такъ и наставники, очень слабо, такъ что семинаристъ, оканчивая курсъ, даже неумѣлъ читать по еврейски, а по французски читалъ съ такимъ произношеніемъ, что безъ смѣха нельзя его было слушать человѣку, хорошо знающему французскій языкъ; а если семинаристъ рисковалъ говорить по французски, то выговоръ его похожъ былъ на выговоръ нѣмца, прожившаго въ Россіи два мѣсяца и имѣющаго претензію на разговоръ съ русскимъ на его отечественномъ родномъ языкѣ. Проходили въ семинаріи также алгебру, геометрію; но профессоры, ничего не смыслившіе въ математикѣ, преподавали эти предметы совершенно безсознательно, такъ что семинаристъ, оканчивая курсъ, не выносилъ почти никакого понятія о математикѣ.

Въ каждомъ изъ отдѣленій, низшемъ, среднемъ и высшемъ, учащійся долженъ былъ просидѣть два года, то есть, поступалъ въ слѣдующее отдѣленіе по выдержаніи опредѣленнаго экзамена, не иначе какъ чрезъ два года, а если не выдерживалъ экзамена, то оставался еще на два года, то есть въ одномъ классѣ онъ учился четыре года и назывался всегда «старымъ». Такихъ старыхъ учениковъ почти никогда не было въ отдѣленіяхъ философіи и богословія, но въ отдѣленіи словесности, которое называлось и низшимъ отдѣленіемъ и риторикою,—старыхъ учениковъ всегда было много. То были по большей части или лѣнивцы, или ни на что негодный народъ. Но это не мѣшало, однакожъ, такъ называемымъ старымъ риторамъ, передъ поступившими вновь учениками изъ разныхъ училищъ,—считать себя «патриціями» и обходиться съ новыми своими товарищами, какъ съ своими рабами. Въ то время, когда въ ожиданіи профессора, старые риторы съ гордостью расхаживали по классу и горланили пѣсни, младшій риторъ не только не имѣлъ права присоединиться къ нимъ, но даже не смѣлъ встать съ своего мѣста. Я горячо возставалъ противъ такой вопіющей несправедливости и подговаривалъ къ возстанію своихъ товарищей, но никто не рѣшался на прямое возмущеніе, потому что цензоръ—первый ученикъ, на которомъ лежала обязанность доносить о поведеніи каждаго его товарища, былъ старый риторъ, который естественно поддерживалъ своихъ прямыхъ товарищей и возстаніе младшихъ риторовъ породило бы на нихъ доносъ, за доносами могли послѣдовать или карцеръ, или, что еще хуже, исключеніе изъ семинаріи. Что же оставалось дѣлать? Терпѣть и молчать. Въ училищѣ непремѣнно возстали бы за такое нарушеніе права равенства, и возстаніе окончилось бы тѣмъ, что двухъ или трехъ человѣкъ наказали бы розгами; но въ нашей семинаріи въ мое время тѣлесное наказаніе не допускалось и за возстаніе сдѣлали бы деликатный выговоръ публично, а послѣ выговора учтиво вручили бы вамъ атестатъ, въ которомъ бы написано было, что вы исключены изъ такого-то класса семинаріи за дурное поведеніе и дерзость противъ начальства, и затѣмъ не только съ вѣжливостью, но даже съ благословеніемъ, въ лицѣ ректора или инспектора семинаріи, васъ отправили бы на всѣ четыре стороны. Наслаждайтесь съ такимъ атестатомъ жизнію и счастіемъ, какъ съумѣете!

Да, много я перенесъ непріятностей отъ старыхъ риторовъ, которые не могли мнѣ простить того, что я въ глазахъ всѣхъ профессоровъ поставленъ былъ почти выше всѣхъ ихъ по моимъ занятіямъ и способностямъ. Люди—всегда люди: въ юношѣ, въ человѣкѣ среднихъ лѣтъ и въ старикѣ одни и тѣже страсти! Зависть всегда стоитъ на первомъ планѣ и люди всѣхъ возрастовъ и всѣхъ классовъ, все вамъ простятъ—порокъ, даже преступленіе, но достоинства—никогда; отъ этой-то самой причины мы и видимъ, что дуракъ всегда преслѣдуетъ умнаго, а безчестный—честнаго. Я сносилъ непріятности отъ старыхъ риторовъ два года—до поступленія моего въ философскій классъ, и не одинъ разъ случалось, что дерзости или наглости старыхъ риторовъ готовы были довести меня до крайности. Я готовъ былъ даже на катастрофу, и если избѣгъ ея и не исключенъ изъ риторики съ дурнымъ атестатомъ, то этимъ обязанъ былъ моему другу и товарищу Ростуновскому, который одинъ умѣлъ воздержать меня во время отъ вспышки.

(*Продолженіе будетъ.*)

33) Мулла—мусульманскій священникъ.

Правительственныя сообщенія и распоряженія.

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатано слѣдующее правительственное сообщеніе:

Въ четвергъ, 7-го сего декабря, во второмъ часу дня, на подъѣздъ дома, занимаемаго министромъ путей сообщенія, собралось до ста человѣкъ, изъ числа слушателей института инженеровъ путей сообщенія императора Александра I, съ цѣлью, какъ потомъ оказалось, подачи г. министру коллективнаго прошенія по предмету, до означеннаго института не относящемуся, и притомъ помимо непосредственнаго ихъ начальства.

Министръ путей сообщенія вызвалъ изъ среды собравшихся трехъ человѣкъ и, выслушавъ ихъ въ пріемной своего дома, разъяснилъ незаконность ихъ образа дѣйствій, и предложилъ передать о томъ оставшимся во дворѣ, которые затѣмъ немедленно же разошлись.

Въ «Вѣдомостяхъ Петерб. Град. и Петерб Город. Полиціи» напечатано слѣдующее обязательное постановленіе петербургскаго градоначальника: «Принимая во вниманіе, что ст. 246 Уст. о пред. и пресѣч. прест., т. XIV, свод. зак. изд. 1876 г., установлено подвергать отвѣтственности, на основаніи ст. 118 уст. о наказ., нал. мир. суд., тѣхъ, кто, кромѣ лицъ, имѣющихъ на то право или обязанность, а равно безъ особой надобности, будетъ «въ такомъ мѣстѣ, гдѣ сіе правительствомъ запрещено», ходить съ оружіемъ; что вышеприведенная ст. 118 Уст. о нак. предусматриваетъ ношеніе оружія лишь тамъ, гдѣ это запрещено; что посему, при примѣненіи означенныхъ указаній закона можетъ возникнуть сомнѣніе относительно повсемѣстнаго въ предѣлахъ петербургскаго градоначальства дѣйствія означеннаго воспрещенія,—петербургскій градоначальникъ призналъ полезнымъ, на основаніи высочайше утвержденнаго, 13-го іюля 1876 г., положенія комитета министровъ, издать слѣдующее постановленіе: «Ношеніе при себѣ оружія тѣми, кому законъ того не дозволяетъ или не предписываетъ, на точномъ основаніи ст. 243 Уст. о предупр. и пресѣч. прест., запрещается въ предѣлахъ петербургскаго градоначальства повсемѣстно».

Новости наукъ и жизни.

— Разъясненіе. «С.-Петерб. Вѣд.» получили отъ ректора петербургскаго университета слѣдующее письмо: "По поводу статьи, напечатанной въ № 333 вашей уважаемой газеты, позволяю себѣ сообщить вамъ слѣдующую замѣтку: Слѣдствіе, предпринятое по случаю университетскаго суда, уже заключившаго свое дѣло, показало, что на сходкѣ 27 ноября не было постороннихъ лицъ, о чемъ мнѣ, впрочемъ, извѣстно было и прежде. Слова, будто бы мною сказанныя на сходкѣ, что «я не узнаю сегодня студентовъ», мною произнесены не были. Собравшіеся на сходку были преданы суду за то, что не повиновались приглашенію разойтись. Такъ какъ всѣ они, числомъ до 150 человѣкъ, отнеслись къ суду съ полнымъ уваженіемъ, сами представивъ списокъ своихъ именъ инспектору, въ чемъ нельзя не видѣть готовности ихъ подчиниться установленнымъ правиламъ, такъ какъ нижеподписавшійся и самъ подалъ отчасти поводъ предполагать, что сходки не будутъ преслѣдоваться, допустивъ ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ прошедшемъ году; такъ какъ притомъ сходка 27 ноября собралась безъ всякой предварительной агитаціи, то только трое изъ привлеченныхъ къ суду были приговорены къ трехдневному аресту; остальные же или оправданы, попавъ въ списокъ по недоразумѣнію, или подверглись только выговору и замѣчанію. «Горячее желаніе представить дѣло въ его настоящемъ видѣ, и тѣмъ оказать услугу университету, проглядываетъ въ тонѣ вашей передовой статьи, а потому вы вѣроятно не затруднитесь помѣстить эту мою замѣтку въ ближайшемъ нумерѣ вашей газеты. Это тѣмъ болѣе необходимо, что въ толкахъ и пересудахъ, возникающихъ по поводу указанной статьи, проявляются уже невѣрности, могущія только затемнить дѣло. Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи и преданности. Ректоръ университета, А. Бекетовъ».

— Премія. Петербургское педагогическое общество выработало слѣдующія правила по присужденію золотой медали, учрежденной обществомъ въ память А. С. Воронова: Для соисканія преміи могутъ быть представляемы только сочиненія педагогическаго содержанія по слѣдующимъ отдѣламъ: исторія педагогики, теорія воспитанія и обученія, учебники, хрестоматіи и трактаты по обязательности обученія, притомъ, преимущество отдается сочиненіямъ, относящимся къ начальному обученію и воспитанію. Отъ сочиненій требуются самостоятельность въ разработкѣ вопроса или самостоятельность и практичность системы. Допускаются и рукописи, но премія въ этомъ случаѣ выдается не ранѣе напечатанія премированной рукописи. Рукопись должна быть напечатана не позже двухъ лѣтъ со времени присужденія преміи. Печатныя сочиненія должны быть изданы не болѣе двухъ лѣтъ до соисканія преміи. Сочиненія представляются въ совѣтъ педагогическаго общества не позже 1-го марта. Присужденіе преміи объявляется въ годовомъ, февральскомъ, засѣданіи педагогическаго общества. Первый конкурсъ объявляется на 1-е марта 1879 года и потомъ въ нечетные годы на 1-е марта.

— Г. Н. Федотова. «Рус. Міръ» сообщаетъ изъ достовѣрнаго источника, что артистка московскихъ театровъ, Г. Н. Федотова, имѣетъ въ виду посѣтить будущимъ великимъ постомъ Петербургъ. Кромѣ ролей своего репертуара, игранныхъ ею въ Москвѣ, она готовитъ для Петербурга не исполняемую ею въ Москвѣ роль Маріи въ трагедіи Шиллера «Марія Стюартъ».

— Бюсты Некрасова и М. Е. Салтыкова. «Бирж. Вѣд.» сообщаютъ, что въ Петербургѣ, въ мастерской извѣстнаго скульптора Забѣлло (Знаменская, д. № 43, кв. № 22), находятся прекрасно выполненные изъ гипса небольшіе бюсты Некрасова и г. Щедрина. «Обращаемъ на это вниманіе почитателей таланта вышеупомянутыхъ писателей, пишутъ въ «Бир. Вѣд». такъ какъ, кромѣ чистоты отдѣлки, бюсты отличаются большимъ сходствомъ».

— Ребенокъ-композиторъ. Въ Минскѣ появился музыкальный феноменъ, 14-ти-лѣтняя дѣвица-композиторъ, Изабелла Цухтманъ, еврейка. Не получивъ необходимаго для этого музыкальнаго образованія, она написала нѣсколько пьесъ, для оркестра и фортепіано; труды ея скоро, говорятъ, будто бы, появятся въ свѣтъ; одно изъ сочиненій ея «Moskewka» (русская) была исполнена минскимъ театральнымъ оркестромъ.

— Панорама сдачи Плевны. По словамъ «Одесскаго Вѣстника», въ настоящую минуту въ Одессѣ находятся проѣздомъ французскіе батальные живописцы Т. Пуальпо и С. Жакобъ. Они отправляются въ Севастополь, а оттуда черезъ Константинополь и Адріанополь въ Плевну для снятія плановъ мѣстности, моделей укрѣпленій и т. д. Они намѣреваются составить картину-панораму сдачи Плевны, такую, какая составлена объ осадѣ Парижа. Эта картина-панорама будетъ имѣть 180 метровъ длины и 14 метр. высоты. Всѣ дѣйствовавшія при плѣненіи арміи Османа-паши лица, будутъ на картинѣ изображены по портретамъ или съ натуры. Оба живописца снабжены рекомендательными письмами нашего посла въ Парижѣ, князя Орлова. Произведеніе свое они намѣрены выставить сначала въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ, а затѣмъ уже увезутъ за границу.

— Осушеніе болотъ. «Голосу» пишутъ изъ Петрозаводска: «Для осушенія болотъ и обращенія ихъ въ полезныя сельско-хозяйственныя угодья, губернское земское собраніе ассигновало 5,000 рублей и постановило ходатайствовать у министра государственныхъ имуществъ о командированіи, лѣтомъ 1879 года, въ Олонецкую губернію, экспедиціи, для предварительнаго ученаго изслѣдованія болотныхъ мѣстностей и изученія способовъ къ ихъ осушкѣ».

— Новая желѣзная дорога. «С.-Петерб. Вѣд.» слышали, что разрѣшена недавно постройка лодзе-калишской желѣзной дороги, которая пойдетъ отъ Бреславля чрезъ пограничное мѣстечко Подзамче и г. Серадзь въ г. Лодзь, на протяженіи 109 верстъ, съ вѣтвью отъ г. Серадзя до Калиша въ 57 верстъ, и отъ Слупца чрезъ Конинъ въ Лодзь, на протяженіи 132 верстъ, длина же всей линіи составляетъ 298 верстъ.

— Очень полезное предпріятіе. Въ Петербургѣ предполагается нѣсколькими врачами устройство товарищества для пріобрѣтенія лекарствъ оптомъ и снабженія ими земствъ по ихъ требованіямъ. Главная цѣль учредителей — лишить частные аптекарскіе склады возможности слишкомъ увеличивать стоимость продаваемаго товара. Товарищество предполагаетъ продавать продукты дешевле и намѣрено обойти необходимость имѣть большой оборотный капиталъ въ деньгахъ и товарахъ, предварительнымъ сношеніемъ съ земствами о заблаговременныхъ требованіяхъ. Въ этомъ отношеніи задуманъ рядъ мѣръ, въ видахъ возможно дешеваго исполненія заказовъ. Таксы будутъ печатаемы на каждое полугодіе впередъ, съ указаніемъ, какимъ земствамъ, на какіе товары и въ какомъ размѣрѣ была сдѣлана сбавка противъ таксы предшествовавшаго полугодія.

— Погребеніе умершихъ у индѣйцевъ острововъ королевы Шарлотты. Недавно одинъ изъ миссіонеровъ англійскаго библейскаго общества поселился на островахъ королевы Шарлотты, и сообщилъ въ «Отчетахъ» названнаго общества интересныя свѣдѣнія о погребеніи умершихъ. Послѣ смерти индѣйца срубается дерево и изъ него выдалбливается внутренность; затѣмъ тѣло покойнаго вкладывается въ пустое дерево, которое наглухо заколачивается и разукрашенное выставляется на видномъ мѣстѣ. Для князей и знатныхъ индѣйцевъ выбираются особенно большія деревья и вставляются въ наружныя стѣны дома, такъ, чтобы одна половина дерева выходила на улицу или дворъ, а другая—во внутренніе покои. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ одномъ деревѣ покоятся нѣсколько покойниковъ одной и той же семьи.

— Наказаніе за «прожиганіе» жизни. Министръ внутреннихъ дѣлъ Японіи, Гевакура выработалъ проектъ, на основаніи котораго всѣ японскіе дворяне, дѣлающіе долги или ведущіе разгульную жизнь, должны быть ссылаемы на островъ Іедо и тамъ работать на земляхъ государственныхъ имуществъ. Лишь по полномъ нравственномъ исправленіи имъ дозволено будетъ возвратиться.

— Ловеласы нашего времени. "Новое Время" сообщаетъ, что въ кружкахъ, близкихъ къ театральному міру, говорятъ о слѣдующей, разыгравшейся надняхъ въ Александринскомъ театрѣ, исторіи: сидѣвшіе въ одной изъ ложъ бель-этажа молодые люди отправили съ капельдинеромъ записку къ участвовавшей въ пьесѣ актрисѣ г-жѣ С. съ просьбой ѣхать съ ними ужинать. Надо замѣтить, что молодые люди съ актрисой незнакомы. Возмущенная такимъ приглашеніемъ, артистка передала записку въ руки полиціи, и молодымъ людямъ пришлось извиниться передъ нею. Другая исторія изъ закулиснаго міра... По окончаніи опернаго спектакля—актриса Д., сѣвъ въ карету, замѣтила, что карета не театральная и направляется не по направленію къ ея квартирѣ. Актриса вопрошаетъ кучера, но тотъ безмолвствуетъ и мчится. Подъѣзжаютъ къ подъѣзду незнакомаго ей дома. Дверцы кареты отпираетъ нѣкій, хорошо извѣстный петербургскимъ театраламъ, полный юноша и приглашаетъ артистку къ нему на чашку чаю. Артистка отвергла предложеніе и потребовала, чтобъ ее тотчасъ же доставили домой.

— Знахари. Московскій корреспондентъ «Русск. Правды» разсказываетъ, что заболѣлъ купецъ Рязановъ и пригласилъ знахаря. Тотъ запросилъ 2,000 руб. Согласились дать эти деньги и онъ приступилъ къ леченію. Зашептались молитвы, послышались вздохи; сознаніе важности насту-

пвшаго момента тяжело налегло на сердца присутствующихъ. «Докторъ», а за нимъ и его спутникъ съ какимъ-то сверткомъ, вошли въ спальню. Черезъ минуту отчаянные, надрывающіе душу стоны разносились по купеческимъ покоямъ. Свершилось. Грудь московскаго 2-й гильдіи купца, не знавшая никакихъ стѣсненій, была накрѣпко затянута въ цѣлительный корсетъ и обсыпана пескомъ... Черезъ полчаса докторъ, получившій по условію 200 руб. задатку, покачиваясь выходилъ изъ двери, напутствуемый низкими, подобострастными поклонами домашнихъ спеленутаго купца Рязанова. Прошло не мало времени; о цѣлителѣ ни слуху, ни духу. Купецъ невыносимо страдалъ: разбитая грудь ныла; мученія переходили мѣру человѣческаго терпѣнія, но судьба сжалилась надъ несчастнымъ. Къ захворавшей хозяйкѣ былъ приглашенъ врачъ; нужно было увидѣть его удивленіе, когда при немъ произнесли фамилію цѣлителя. «Да вѣдь это сапожникъ»!.. Завѣса спала съ глазъ ослѣпленныхъ вѣрующихъ; орудіе пытки сняли съ купца Рязанова, и онъ вздохнулъ полной грудью...

— **Любопытные часы.** Въ Житомірѣ недавно г. Померанцъ устроилъ новые часы, замѣчательные по своему исполненію. Часы-календарь г. Померанца состоятъ изъ нѣсколькихъ лампъ въ видѣ канделябра. Часы имѣютъ маятникъ, внутри котораго и находится весь механизмъ. Первая лампа показываетъ часы, минуты. Двѣ другія лампы показываютъ числа мѣсяца и число дней въ мѣсяцѣ. Всѣ эти лампы приспособлены для керосиноваго освѣщенія. Г. Померанцъ уже давно работаетъ надъ различными улучшеніями и на петербургской выставкѣ 1870 г. получилъ похвальный отзывъ за часы съ юліанскимъ и грегоріанскимъ календаремъ; а въ 1872 г. на выставкѣ въ Москвѣ получилъ большую серебряную медаль за шагомѣръ и музыкальный метрономъ.

— **Лондонскіе извощики.** Изъ отчета начальника лондонской полиціи оказывается, что въ числѣ 13,900 легковыхъ извозчиковъ Лондона находятся также представители высшихъ слоевъ общества—медики, адвокаты, пасторы и даже одинъ лордъ. По словамъ того же отчета, извозчики и омнибусы Лондона заработываютъ ежегодно до 4,000,000 ф ст. (болѣе 30,000,000 руб.); стоимость оставленныхъ въ дрожкахъ различныхъ предметовъ, доставленныхъ полиціей, простиралась до 18,000,000 ф ст въ прошломъ году.

— **Манія убійства.** «Голосъ» воспроизводитъ изъ «Финляндской Оффиціальной Газеты» слѣдующее письмо, полученное генераломъ-губернаторомъ Финляндіи, графомъ Н. В. Адлербергомъ: «Ваше сіятельство! Меня мучитъ непреодолимая внутренняя потребность убить васъ. Для этого я и пріѣхалъ сюда. Въ ожиданіи удобнаго случая къ этому, я сторожилъ васъ около вашего дома, но случая не представилось. Теперь, успѣвъ на нѣсколько времени укротить въ себѣ несчастное, гнетущее меня чувство, я поспѣшно беру перо и увѣдомляю васъ объ этомъ. Но, ахъ! какъ быстро измѣняется мое настроеніе, и я опять думаю: поди, убей генералъ-губернатора Финляндіи, и тебѣ отсѣкутъ голову, какъ Геделю, и ты покинешь эту скорбную жизнь. Поэтому, если ваша жизнь дорога вамъ, я заклинаю васъ прислать ко мнѣ на квартиру вашихъ служителей, потому что, клянусь Богомъ, я ни за что не могу отвѣчать въ случаѣ встрѣчи съ вами. Карлъ-Августъ Мункъ. Адресъ мой: Glogatan, № 8-й, въ гостинницѣ.

Дознаніемъ на мѣстѣ обнаружено, что письмо принадлежитъ 17-ти-лѣтнему юношѣ К. А. Мунку, который былъ допрошенъ въ присутствіи директора лапвикской больницы, доктора Селана, и подтвердилъ свое намѣреніе убить графа Адлерберга. Изъ допроса оказалось, что Мункъ страдаетъ временнымъ разстройствомъ умственныхъ способностей и что въ его платьѣ былъ спрятанъ большой пукко—финскій народный ножъ, предназначенный, по словамъ несчастнаго, для исполненія намѣренія, о которомъ онъ писалъ генералъ-губернатору. По совѣту врача, Мункъ отправленъ полицейскими властями въ лапвикскую больницу. На пути туда онъ увѣрялъ своихъ провожатыхъ, что считаетъ графа Адлерберга гуманнымъ и справедливымъ человѣкомъ, не питаетъ къ нему никакой личной ненависти, но, тѣмъ не менѣе, чувствовалъ потребность лишить его жизни. По счастливой случайности, графъ Н. В. Адлербергъ, вслѣдствіе легкаго нездоровья, не выходилъ изъ дома именно въ тѣ два дня, въ которые около его дома бродилъ Мункъ. По словамъ той же газеты, узнавъ объ опасности, которая ему грозила отъ умопомѣшаннаго юноши, графъ нашелъ, что этотъ случай не заслуживаетъ дальнѣйшаго вниманія.

— **Леченіе водой водобоязни.** Въ газетѣ «Сибирь» пишутъ: «Назадъ тому около 20 лѣтъ, въ Кяхтѣ, родственникъ мой, Д. Д. Кузнецовъ, въ февралѣ мѣсяцѣ, былъ укушенъ въ икру правой ноги бѣшеною, монгольскою собакою. Кое-какъ дойдя до дому, Кузнецовъ снялъ сапогъ, затекшій кровью и послалъ за докторомъ Персинымъ. Докторъ, по прибытіи, тотчасъ же сдѣлалъ перевязку и прописалъ примочку. Съ перваго же дня у паціента обнаружилось тревожное состояніе духа и безотчетная боязнь съ безсонницею; на третій день больной впалъ въ безпамятство. Персинъ рѣшился дать совѣтъ, на основаніи устнаго преданія, отвезти больного къ оз. Байкалу, гдѣ и приступили къ леченію слѣдующимъ образомъ: на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега приготовили двѣ проруби рядомъ, на аршинъ другъ отъ друга, больному связали руки и ноги и, раздѣвъ, окунули въ одну прорубь такъ, чтобы вытащить изъ другой, по исполненіи чего, тотчасъ же, завернувъ больного въ теплую одежду, привезли въ натопленную избу и положили на печь, вслѣдствіе чего у него появилась обильная испарина и онъ пришелъ въ сознаніе, прося повторить леченіе. Послѣ второго повторенія рана очистилась отъ гноя и возвратившееся вновь сознаніе продолжалось $1/2$ сутокъ, а послѣ третьяго повторенія и большого пота больной совсѣмъ опомнился и рана начала заживать. Проживя на мѣстѣ леченія трое сутокъ и возстановивъ свои силы, больной возвратился въ Кяхту, гдѣ и прожилъ еще 15 лѣтъ, не подвергаясь никакимъ припадкамъ. Другой случай: послѣ леченія Кузнецова, спустя два или три года, близъ Иркутска, въ д. Урикѣ, бѣшенымъ волкомъ было укушено одиннадцать человѣкъ. О происшествіи этомъ дано было знать врачебной управѣ въ Иркутскъ, инспектору ея, С. В. Сорочинскому, который, вѣроятно, на основаніи опыта Персина, сдѣлалъ распоряженіе командировать лекарскаго ученика П. И. Смагина на мѣсто происшествія. Всѣ 11 человѣкъ найдены были имъ уже въ безпамятствѣ и связанными доставлены къ Байкалу; двое дорогою умерли въ страшныхъ страданіяхъ, а девять, благополучно достигнувъ моря, при видѣ его пришли въ изступленіе: кусали себѣ руки и грызли веревки; но послѣ перваго купанья, получили облегченіе, а спустя пять дней, ежедневно купаясь, получили полное выздоровленіе и возвратились домой».

— **Леченіе бромомъ.** Въ «Петерб. Листкѣ», г. Висковатовъ заявляетъ объ изумительномъ дѣйствіи брома, въ особенности на больныхъ чахоткою. Г. Висковатовъ разсказываетъ, что жена его страдала сильнѣйшею мигренью и хроническою ломотою костей во всемъ тѣлѣ, и онъ тоже самое, но, кромѣ того — застарѣлою чахоткою легкихъ (Phthysis tuberculosa), а нынѣ оба они пользуются вожделѣннымъ здоровьемъ, вслѣдствіе внутренняго употребленія брома, по предписанію доктора Максимиліановской лечебницы, г. Ландсберга, въ слѣдующей формѣ: Rp. Bromatis Calicis ʒjs, Aquae destillatae ℥ vj, Saccari albi ʒ iij. — M. Ds. — Принимать три раза въ день по столовой ложкѣ. Въ изумительной врачебной силѣ брома, въ этихъ болѣзняхъ, можетъ удостовѣриться каждый больной самъ на себѣ лично.

— **Ископаемый дубъ.** Въ долинѣ рѣки Фульды, по извѣстіямъ королевскаго геолога доктора Места, на глубинѣ отъ 3-хъ до 4-хъ метровъ открытъ дубовый лѣсъ, существованіе котораго современно первобытнымъ эпохамъ земного шара. По произведеннымъ наблюденіямъ, въ рѣкѣ между Герсфельдомъ и Мейлунгеномъ, находится отъ 2 до 3-хъ тысячъ древесныхъ стволовъ, слѣдовательно въ соотвѣтствующей долинѣ погребено деревьевъ, по меньшей мѣрѣ, въ десять разъ больше. Дерево этихъ, по большей части хорошо сохранившихся дубовъ, отъ долговременнаго дѣйствія воды совершенно почернѣло, пріобрѣло необычайную плотность и поэтому можетъ служить отличнымъ матеріаломъ для скульпторовъ и рѣзчиковъ. Нѣкоторыя деревья достигаютъ поистинѣ громадныхъ размѣровъ. Такъ одинъ стволъ, вытащенный изъ рѣки противъ деревни Баумбахъ и отправленный въ берлинскій геологическій музей, имѣетъ въ длину 18 метровъ; въ нижней части своей онъ достигаетъ въ поперечникѣ 1,5 метра, а у вершины — 0,8 метра, такъ что объемъ его равняется полнымъ 18 кубическимъ метрамъ.

— **Оригинальная надпись.** На одномъ изъ нью-іоркскихъ кладбищъ находится надгробный памятникъ съ слѣдующею оригинальною надписью: «Подъ симъ сводомъ погребенъ Петрусъ Стювезансъ, бывшій генералъ-капитанъ и губернаторъ анъ-шефъ Амстердама, въ Новомъ Нидерландѣ, нынѣ называемомъ Нью-Іоркомъ. Онъ былъ великимъ грѣшникомъ, воромъ и грабителемъ сиротъ и вдовъ; но передъ смертью покаялся и нынѣ пьетъ изъ чаши агнца. Умеръ по Р. Х. 1682 года, 80 лѣтъ отъ роду».

— **Убійство изъ ревности.** Въ Одессѣ, 4-го декабря, ночью, въ квартирѣ генерала Сокальскаго, на Спиридоновской улицѣ, произошла новая любовная драма: «Слуга генерала воспылалъ сильною страстью къ служанкѣ и, не встрѣтивъ съ ея стороны отвѣта, застрѣлилъ ее и послѣ того выпустилъ самому себѣ двѣ пули въ лицо. Она умерла тотчасъ же, а его, еще живого, съ надеждою на выздоровленіе, отправили въ одесскій городской лазаретъ».

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

При этомъ нумерѣ «Живоп. Обозрѣн.» разсылаются гг. подписчикамъ приложенія: № 23 и 24-й «Парижскія Моды» и пятый нумеръ «Жизнь и Хозяйство».

Дозволено цензурою С-Петербургъ, 16 Декабря 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ Книжномъ магазинѣ

С. П. ГЛАЗЕНАПА

(Поварской Пер., д. № 15, въ С.-Петербургѣ)

поступилъ въ продажу:

КАЛЕНДАРЬ-ТЕРМОМЕТРЪ

на 1879 годъ.

Къ роскошной папкѣ **прикрѣпленъ термометръ** Реомюра.

(Самый полный, съ отрывающимися листами.)

Къ роскошной папкѣ придѣланъ небольшой изящный термометръ Реомюра. Въ календарѣ три портрета командировъ крейсеровъ русскаго **добровольнаго флота.**

Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 40 коп.

Требованія исполняются немедленно. Принимаются всевозможныя заказы книгъ и подписка на всѣ журналы и газеты.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ"

въ 1879 году.

«Новороссійскій Телеграфъ» будетъ выходить въ 1879 году ежедневно, кромѣ дней слѣдующихъ за большими праздниками, листами большого формата (кромѣ того, до 100 нумеровъ въ годъ будетъ выпущено въ объемѣ $1\frac{1}{2}$ листа), по той-же программѣ и съ тѣми же отдѣлами, какъ и въ предъидущіе годы.

Четырехлѣтнее существованіе «Новороссійскаго Телеграфа» избавляетъ редакцію отъ принятаго обычая прибѣгать къ рекламамъ по поводу возобновленія годовой подписки и дѣлать заманчивыя «обѣщанія», изъ которыхъ обыкновенно цѣлая половина не можетъ быть выполнена. Мы и прежде не «обѣщали» нашимъ подписчикамъ «ни расширенія отдѣловъ газеты», ни «привлеченія новыхъ сотрудниковъ» съ громкими именами, однако, предпринимая, постепенно, различныя улучшенія въ газетѣ, мы достигли того, что «Новороссійскій Телеграфъ» — самая распространенная газета въ краѣ. Удержать ее въ этомъ положенія, не смотря ни на какую конкуренцію — вотъ единственное наше обѣщаніе.

Для свѣдѣнія нашихъ подписчиковъ, считаемъ не лишнимъ заявить, что съ 1-го января 1879 года «Новороссійскій Телеграфъ» будетъ печататься въ собственной типографіи *), что дастъ намъ возможность не только улучшить газету въ типографскомъ отношеніи, но и вѣрнѣе обезпечить своевременность выхода и доставки ея подписчикамъ. Если мы рѣшились на значительную затрату, потребную для устройства собственной типографіи, то это потому только, что надѣемся добросовѣстнымъ изданіемъ газеты поддержать то сочувствіе къ ней публики, которымъ пользуемся уже четвертый годъ. Какъ важно для всякой газеты имѣть свою типографію лучше всего видно изъ того, что всѣ лучшія столичныя газеты владѣютъ собственными типографіями, которыя, такимъ образомъ, существуютъ для газеты, а не газета существуетъ для типографіи, какъ это всегда бываетъ, когда ей приходится пользоваться услугами постороннихъ типографовъ, интересы которыхъ всегда становятся выше интересовъ подписчиковъ газеты.

Подписка принимается исключительно въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи на Соборной площади, въ домѣ Папудова.

условія подписки:

съ пересылкою или доставкою:

На годъ	12 р. — к.
» 6 мѣсяцевъ	7 » — »
» 3 мѣсяца	4 » — »
» 1 мѣсяцъ	1 » 35 »

безъ доставки или пересылки:

На годъ	10 р. — к.
» 6 мѣсяцевъ	6 » — »
» 3 мѣсяца	3 » 50 »
« 1 мѣсяцъ	1 » 20 »

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ, при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть: или полугодовые по 6 р. (къ 1-му января и къ 1-му іюня); или по четвертямъ года по 3 р. (къ 1 января, 1 марта, 1 іюня и 1 сентября), т. е. всегда впередъ за мѣсяцъ до наступленія срока разсрочки. При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 20 к.

Для различныхъ казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій допускается выписка газеты въ кредитъ, по письменнымъ офиціальнымъ предложеніямъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1877 года.

Заявленія, предложенія, статьи, корреспонденціи и письма адресуются: въ Одессу, въ редакцію «Новороссійскаго Телеграфа». 1—3.

*) Типографія будетъ помѣщаться въ домѣ издателя въ Сабанскомъ переулкѣ, гдѣ помѣщается и редакція «Новороссійскаго Телеграфа».

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1879 ГОДУ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА

для дѣтей,

СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ И ЮНОШЕСТВА

„СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА"

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

Удостоеннаго Высочайшаго покровительства Государыни Императрицы Маріи Александровны; рекомендованнаго ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для гимназій, уѣздныхъ училищъ и начальныхъ школъ; состоящихъ при IV отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи, учебнымъ комитетомъ для чтенія воспитанницамъ женскихъ учебныхъ заведеній Императрицы Маріи. Духовно-учебнымъ управленіемъ рекомендованнаго начальствамъ духовныхъ семинарій и училищъ, и главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній рекомендованнаго для библіотекъ военныхъ гимназій и прогимназій, какъ изданіе, представляющее обильный матеріалъ для выбора статей, пригодныхъ для чтенія воспитанниковъ.

«Семейные вечера» въ 1879 году будутъ издаваться въ томъ же направленіи, подъ тою же редакціею, съ тѣми же сотрудниками, и будутъ выходить по прежнему, ежемѣсячно, книжками отъ 7-ми до 12-ти листовъ для каждаго отдѣла.

Отдѣлъ для дѣтей, какъ и въ прошлые года, будетъ распадаться, какъ бы на двѣ половины: одна будетъ заключать въ себѣ матеріалъ для чтенія дѣтямъ отъ 8 до 14 лѣтъ, — а другая (въ видѣ приложенія къ каждой книжкѣ, подъ заглавіемъ: «для самыхъ маленькихъ дѣтей») отъ 5 до 8 лѣтъ. Въ томъ и другомъ отдѣлѣ будетъ обращено особенное вниманіе на бытовую, этнографическую, какъ равно научно-естественную и біографическую стороны — путемъ живыхъ разсказовъ, освѣщаемыхъ описаніемъ мѣстностей и природы.

Что же касается отдѣла для семейнаго чтенія и юношества, то онъ будетъ наполняемъ, какъ и въ прошедшихъ годахъ, такими статьями, которыя бы составили пріятный и полезный матеріалъ для чтенія всему семейству.

Редакція приметъ всѣ зависящія мѣры къ иллюстрированію журнала лучшими произведеніями русскихъ и иностранныхъ художниковъ, также будутъ помѣщаться копіи съ лучшихъ гравюръ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

подписная цѣна:

Полный журналъ (въ 24 кн.)

безъ доставки..... 10 р. съ доставкою 11 р.

Отдѣлъ для дѣтей (12 кн.)

безъ доставки..... 5 р. съ доставкою 5 р. 50 к.

Отдѣлъ для семейнаго чтенія (12 кн.)

безъ доставки..... 5 р. съ доставкою 5 р. 50 к.

Для всѣхъ учебныхъ заведеній, подписывающихся прямо въ редакціи на полный журналъ, уступается 1 р.

Для земскихъ школъ, подписывающихся не менѣе, какъ на 25 полныхъ экземпляровъ, уступается 2 р.

Кромѣ того, плата можетъ быть разсрочена: для лицъ, служащихъ въ казенныхъ заведеніяхъ, за ручательствомъ гг. казначеевъ; для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній — за ручательствомъ ихъ начальствъ; для частныхъ лицъ, — не иначе, какъ по соглашенію съ редакціей.

Разсрочка допускается по третямъ, слѣдующимъ образомъ:

На одинъ изъ отдѣловъ, съ доставкою:

За 1-ю треть впередъ	2 р. 50 к.
» 2-ю » »	2 » — »
» 3-ю » »	1 » — »

На полный журналъ, съ доставкою:

За 1-ю треть впередъ	4 р. — к.
» 2-ю » »	4 » — »
» 3-ю » »	3 » — »

Подписка принимается: Въ редакціи журнала «Семейные вечера», у Симеоновскаго моста, на углу Караванной и Фонтанки, въ д. Раля, № 1-2, кв. № 21.

Редакторъ-издательница **СОФІЯ КАШПИРЕВА.**

За всѣ года, начиная съ 1873 года, имѣются полные экземпляры въ изящныхъ переплетахъ съ хромолитографированной картиной.

ЦѢНА.

Семейное чтеніе въ 3-хъ книгахъ	5 р. — к.
Пересылка за 3 фунта, смотря по разстоянію.	
Отдѣлъ для дѣтей въ одной книгѣ	4 » 75 »
Пересылка за 3 фунта.	
Отдѣлъ для самыхъ маленькихъ дѣтей	1 » 30 »
Пересылка за 1 фунтъ.	

Для всѣхъ подписавшихся на «Семейные вечера» въ 1879 году и выписывающихъ прямо изъ редакціи шесть прежнихъ годовъ разомъ, уступается на старые года 25%, именно: вмѣсто 66 р. 30 к. за 50 р. безъ пересылки. 1—3.

ГАЗЕТА

КОННОЗАВОДЧИКОВЪ и ЛЮБИТЕЛЕЙ ЛОШАДЕЙ

въ 1879 году.

(годъ шестой).

Будетъ издаваться по той же программѣ и въ томъ же видѣ, оставаясь вѣрною тому направленію, которое въ пять лѣтъ ея существованія пріобрѣло ей лестное сочувствіе читателей, и продолжая тѣмъ же путемъ свое посильное, въ качествѣ независимаго органа, служеніе интересамъ коннозаводскаго дѣла и спорта въ Россіи. Газета выходитъ безъ предварительной цензуры два раза въ мѣсяцъ, 1-го и 15-го числа, въ объемѣ одного (или болѣе) печатнаго листа убористаго шрифта.

Въ особомъ приложеніи къ газетѣ, носящемъ заглавіе «Альбомъ замѣчательныхъ лошадей», помѣщаются фотолитографическіе портреты наиболѣе выдающихся лошадей съ описательнымъ текстомъ. По мѣрѣ заготовленія портретовъ разсылаются въ продолженіе года въ видѣ преміи всѣмъ подписчикамъ 2—3 выпуска этого альбома въ неопредѣленные сроки.

Кромѣ того, въ приложеніи къ газетѣ по примѣру прежнихъ лѣтъ печатаются по особымъ условіямъ съ владѣльцами описи рысистыхъ и верховыхъ заводовъ въ Россіи, составляющія продолженіе изданныхъ уже по этому предмету заводскихъ книгъ стутбуковъ).

Цѣна годовому изданію газеты со всѣми къ ней приложеніями остается прежняя: семь руб. съ пересылкою и доставкою на домъ.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ редакціи газеты и у книгопродавцевъ И. Г. Соловьева, А. Л. Васильева, М. О. Вольфа, Н. И. Мамонтова и другихъ; въ С.-Петербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ Я. А. Исакова, Мамонтова, Вольфа и другихъ.

Гг. иногородные благоволятъ адресовать свои требованія исключительно такъ: въ Москву, въ редакцію «Газеты Коннозаводчиковъ и Любителей Лошадей», на углу Остоженки и Лопухинскаго переулка, домъ Мясникова.

Редакторъ-издатель **Н. ЛОДЫГИНЪ.**

1—2.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1879 ГОДУ

„ДОНСКОЙ ПЧЕЛЫ"

ГАЗЕТЫ

ПОЛИТИЧЕСКО-ЛИТЕРАТУРНОЙ.

Съ 1-го января 1879 года «Донская Пчела» будетъ издаваться по той же программѣ, какъ и въ текущемъ 1878 году два раза въ недѣлю: по четвергамъ и воскресеньямъ, по одному листу большого формата въ 5-ти столбцахъ.

«Донская Пчела» имѣетъ своею главною цѣлью обсужденіе вопросовъ, относящихся до нуждъ и интересовъ При-азовскаго края, давая, впрочемъ, какъ видно изъ предъидущихъ годовъ, мѣсто и тѣмъ вопросамъ, которые составляютъ въ данное время общій животрепещущій интересъ, какъ напримѣръ, политическія событія.

Значительно увеличивъ въ настоящее время контингентъ своихъ постоянныхъ сотрудниковъ и пригласивъ также къ участію въ газетѣ корреспондентовъ изъ всѣхъ наиболѣе выдающихся городовъ и мѣстечекъ При-азовскаго края, а равно и изъ столицъ и изъ заграницы (въ Константинополѣ, Эрзерумѣ, Ванѣ, Карсѣ, Парижѣ, Вѣнѣ и пр.), — редакція въ будущемъ году надѣется, кромѣ спеціальной разработки мѣстныхъ вопросовъ, не упускать также изъ виду, по примѣру прошедшихъ годовъ, и всѣ текущіе вопросы изъ области политической и общественной жизни.

подписная цѣна:

съ доставкою въ Ростовѣ на Дону:

на годъ	6 р. — к.
» полгода	3 » 50 »
» 3 мѣсяца	2 » — »

съ пересылкою иногороднымъ:

на годъ	7 р. — к.
» полгода	4 » — »
» 3 мѣсяца	2 » 50 »

За перемѣну адреса редакція взимаетъ 25 коп.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи «Донской Пчелы» въ Ростовѣ на Дону, на Большой Садовой улицѣ, въ д. И. А. Теръ-Абраміанъ (бывшій Драшковича). Иногородные благоволятъ адресовать: въ редакцію «Донской Пчелы» въ Ростовѣ на Дону.

Редакція покорнѣйше проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ присылать свои требованія заблаговременно, написавъ свои полные адреса четко и разборчиво.

Редакторъ-издатель **И. А. ТЕРЪ-АБРАМІАНЪ.** 1—2.

и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-ра Жюля Сира. Перев. съ французскаго, подъ редакціей А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р; съ перес. 2 р. 30 к.

Уроки элементарной физіологіи. Т. Гексли. Пер. съ англ., съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Изданіе третье. Ц. 1 р. 25 к.; съ пер. 1 р. 40 к.

Комедія всемірной исторіи. Іог. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмец. Два выпуска. Цѣна обоимъ выпускамъ 3 р; съ пересылкой 3 р. 50 коп.

Исторія крестьяской войны въ Германіи. Д-ра В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и разсказамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна тремъ выпускамъ 2 руб; съ перес. 2 р. 50 к.

Избранныя рѣчи Джона Брайта. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Девяносто третій годъ. Романъ В. Гюго, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Ц. 2 р.; съ перес. 2 р. 40 к.

Современные политическіе дѣятели. (Біографіи и характеристики) Э. Реклю (М. Триго). Цѣна 2 р; съ перес. 2 р. 30 к.

Исповѣдь старика. Политическій романъ Иполита Ньево, перев. съ итальянскаго В. А. Зайцева. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины. Дж. Ст. Миля. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціею и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Іог. Шерра: *«Историческіе женскіе типы»*. Изданіе второе. Цѣна 1 р.; съ перес. 1 р. 25 к.

Автобіографія Джона Стюарта Миля. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Внѣ общественныхъ интересовъ. Романъ П. Лѣтнева, изданный безъ предварительной цензуры. Ц. 1 р. 50 к.; съ перес. 2 р.

Американка. Романъ Луизы Алькотъ. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкой 1 р. 50 к.

Русскія историческія женщины. (Женщины до-петровской Руси). Д. Л. Мордовцева. Ц. 2 р. 75 коп.; съ перес. 3 р. 25 коп.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. В. М. Флоринскаго. Ц. 50 к.; съ пер. 70 к.

Сочиненія Ѳ. М. Толстаго. (Повѣсти и разсказы.) Съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Два тома. Ц. 1 р. 50 к.; съ перес. 1 р. 80 к.

Мертвая петля. Драма въ пяти дѣйствіяхъ, Н. А. Потѣхина. Ц. 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Записки военнаго. Белетристическіе очерки, разсказы и картины изъ военнаго быта. Д. Гирса. Ц. 1 р. 60 к.; съ перес. 1 р. 80 к.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. Ж. Верна. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 коп. съ перес. 70 к.

Брилліантовое ожерелье. Романъ Антони Троллопа. Перев. съ англ. Ц. 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

На всѣ вышеозначенныя изданія **подписчикамъ журнала** *«ДѢЛО» уступается* **20%** *съ* **номинальныхъ цѣнъ** (*стоимость книги безъ пересылки.*)

4—4.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1879 ГОДЪ

на

Годъ второй **„ИЗУМРУДЪ“** Годъ второй.

СБОРНИКЪ РОМАНОВЪ, ПУТЕШЕСТВІЙ И НЕБОЛЬШИХЪ РАЗСКАЗОВЪ

въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскій.

Начавъ изданіе сборника въ самое трудное для всѣхъ время, т. е. въ разгаръ Русско-Турецкой войны, когда многія отрасли торговли и въ особенности книжная находились въ полномъ застоѣ, редакція, разумѣется, должна была вступить въ трудную борьбу съ различными препятствіями, но, благодаря усиліямъ и желанію пріобрѣсть своему изданію одобреніе публики, ей удалось выполнить принятую на себя задачу, хотя и не вполнѣ, но, однако, настолько, чтобы убѣдиться, что старанія эти остались не безплодными.

Множество писемъ, полученныхъ редакціею отъ Гг. подписчиковъ, обратившихся къ ней за различными свѣдѣніями и въ которыхъ они высказываютъ полное одобреніе сочиненіямъ, напечатаннымъ въ сборникѣ, служитъ, какъ нельзя лучше, доказательствомъ справедливости сказаннаго.

Презирая громкія фразы и пышныя рекламы, редакція не желаетъ прибѣгать къ нимъ, но тѣмъ не менѣе считаетъ необходимымъ замѣтить, что она надѣется угодить Гг. подписчикамъ въ 1879 году несравненно болѣе, чѣмъ въ 1878, такъ какъ ею принимаются мѣры улучшить изданіе сборника во всѣхъ отношеніяхъ и вообще сдѣлать все то, чего она не могла сдѣлать въ первый годъ, обыкновенно тяжелый для большинства издателей. Говоря яснѣе, редакція обратитъ строгое вниманіе на то, чтобы переводы помѣщаемыхъ статей отдѣлывались тщательнѣе, чтобы корректура была исправна и чтобы книги, которыя будутъ несравненно объемистѣе, выходили акуратно въ срокъ.

ПРОГРАММА.

Сборникъ будетъ выходить въ слѣдующіе сроки, а именно: между 10 и 20 числами января, марта, мая, іюля, сентября и ноября мѣсяцевъ, т. е. шесть разъ въ годъ книгами солиднаго формата и объема.

Каждая книга будетъ заключать въ себѣ не менѣе 320 страницъ, напечатанныхъ убористымъ, но пріятнымъ для глазъ шрифтомъ.

Каждая книга будетъ, по возможности, вмѣщать въ себѣ одинъ совершенно-законченный романъ и нѣсколько разсказовъ. Отъ этого правила редакція позволитъ себѣ отступить только въ такомъ случаѣ, если ей встрѣтится произведеніе очень интересное по содержанію, но велико по объему. Во всякомъ случаѣ редакція не допуститъ, чтобы произведеніе занимало болѣе 2 книгъ.

Каждое произведеніе, помѣщаемое въ сборникѣ, будетъ имѣть особую нумерацію страницъ, каждый романъ особый заглавный листъ, а для разсказовъ будетъ одна общая обертка.

Наружный видъ изданія будетъ тоже улучшенъ.

Въ настоящее время редакція имѣетъ въ виду слѣдующіе романы:

Истребитель Львовъ—изъ американскихъ нравовъ.
Мужъ графини Эммы—изъ нѣмецкой семейной жизни.
Княгиня Кастель-Франко—изъ италіанскихъ нравовъ.
По слѣдамъ убійцы—уголовный.
Драма въ Константинополѣ—изъ послѣднихъ событій на востокѣ.

И многіе другіе романы и разсказы, принадлежащіе перу лучшихъ иностранныхъ писателей.

Примѣчаніе. Впрочемъ, хотя редакція и назвала упомянутые романы, она оставляетъ за собою право замѣнить ихъ другими если ей встрѣтятся болѣе интересные.

Подписная цѣна за „Изумрудъ“ въ годъ.

Въ Москвѣ безъ доставки на домъ . . . 5 руб.
» » съ доставкою » . . . 5 руб. 50 к.
Съ пересылкою иногороднымъ . . . . 6 руб.

На полгода подписка не принимается.

Кромѣ вышеупомянутыхъ шести книгъ, всѣ подписчики на 1879 годъ **получатъ безплатно** въ концѣ его большой историческій или уголовный романъ, который отдѣльно будетъ продаваться не менѣе 2 или 3 рублей за экземпляръ.

Въ вышедшихъ книгахъ сборника «Изумрудъ» за 1878 годъ помѣщены:

Братоубійца—Эли Бертэ.
Леила—изъ турецкихъ нравовъ.
Король Англо-Саксовъ—Э. Бульвера.
Обелискъ Нерона—изъ временъ папы Сикста V.
Пиръ смерти—изъ временъ первой французской революціи.
Ночь въ Фонтенебло—изъ царствованія Людовика XVI.
Трагическая развязка—автора романа графъ де Фуа.
Испорченая жизнь—Эли Бертэ.
Тайна индѣйскихъ офицеровъ—Миссъ Бреддонъ.
Поединокъ въ Гернейскомъ лѣсу—изъ слѣдственнаго дѣла Ліонеля Варлейга—Уильки Коллинза.

и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Иногородные, желающіе выписать этотъ годъ, остающійся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, могутъ еще получить его изъ конторы редакціи по 6 рублей за экземпляръ.

Примѣчаніе. Для новыхъ иногородныхъ подписчиковъ на 1879 годъ, редакція **считаетъ возможнымъ** сдѣлать уступку, а именно: вмѣсто слѣдуемыхъ за сборникъ 1878 года, шести рублей, они благоволятъ высылать только 4 рубля.

Во избѣжаніе недоразумѣній, редакція считаетъ нужнымъ прибавить, что сборникъ за 1878 годъ уступается только тѣмъ новымъ иногороднымъ подписчикамъ на 1879 годъ, которые вышлютъ деньги за оба года одновременно, т. е. 10 рублей.

Гг. подписчиковъ просятъ покорнѣйше присылать свои адресы, написанные разборчивою рукою и съ точнымъ поименованіемъ губерній и уѣздовъ, гдѣ находится ихъ жительство.

Примѣчаніе. Желающіе получить отъ конторы сборника какія-либо свѣдѣнія, благоволятъ присылать на отвѣтъ почтовую 8 копѣечную марку.

Подписка принимается.

Въ Москвѣ въ **конторѣ редакціи** и книжныхъ магазинахъ: И. Г. Соловьева, братьевъ Улитиныхъ, В. Д. Кашкина и Центральномъ.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ обращаться исключительно только къ издателю сборника, адресуя требованія слѣдующимъ образомъ: въ г. Москву, въ контору редакціи сборника «Изумрудъ», г. Редактору-Издателю Михаилу Николаевичу Воронову, на Тверской улицѣ, домъ № 280.

Редакторъ-издатель **М. Вороновъ.** 4—4.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

объ изданіи

АРТИЛЛЕРІЙСКАГО ЖУРНАЛА

на 1879 годъ.

Артиллерійскій Журналъ издается при Главномъ Артиллерійскомъ Управленіи, подъ редакціею (съ мая 1875 г.) Постояннаго члена Артиллерійскаго Комитета генералъ-маіора Бѣляева. Журналъ выходитъ въ началѣ каждаго мѣсяца, книжками отъ 15-ти до 20-ти листовъ, съ чертежами и политипажами.

Въ Артиллерійскомъ журналѣ печатаются приказы по артиллеріи и циркулярныя распоряженія, какъ относящіяся до личнаго состава этого рода оружія, такъ и касающіяся матеріальной и технической части, а также помѣщается обзоръ журналовъ Артиллерійскаго Комитета, дающій понятіе о тѣхъ вопросахъ, которые обсуждаются по части преобразованія и улучшенія различныхъ отраслей артиллерійскаго дѣла. При этомъ въ большинствѣ случаевъ подробно излагаются мотивы принятія того или другаго рѣшенія.

Въ неофиціальномъ отдѣлѣ Артиллерійскаго журнала помѣщаются какъ оригинальныя, такъ и переводныя, болѣе или менѣе замѣчательныя статьи по различнымъ отраслямъ артиллерійскаго дѣла, имѣющимъ значеніе въ боевомъ, техническомъ или учебно-артиллерійскомъ отношеніяхъ. Редакція Артиллерійскаго журнала принимаетъ мѣры, чтобы на ряду со статьями техническо-учебнаго характера дать развитіе отдѣлу объ употребленіи артиллеріи въ полевой, крѣпостной и осадной войнѣ.

Подписная цѣна за годовое изданіе Артиллерійскаго журнала (12 книжекъ) съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи—семь руб.

Подписка принимается въ Редакціи Артиллерійскаго журнала: въ С.-Петербургѣ, по Фурштадтской улицѣ, въ домѣ № 13.

Редакторъ, Генералъ-маіоръ **Бѣляевъ.** 2—2.

РЕДАКЦІЯ СПРАВОЧНАГО ЛИСТКА

района

МОРШАНСКО-СЫЗРАНСКОЙ

ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ

и пріемъ объявленій.

Открывъ съ 1 декабря 1875 г. изданіе «Справочнаго Листка района Моршанско-Сызранской желѣзной дороги», единственной частной газеты этой мѣстности какъ для г. Пензы, такъ и для Моршанска, Кузнецка и Сызрана, редакція обратила особенное вниманіе на облегченіе возможности помѣщенія объявленій въ этой газетѣ, для чего ею назначена весьма дешевая плата за эти объявленія, сравнительно со всѣми другими современными изданіями, и для удобства лицъ, мало знакомыхъ съ общепринятымъ разсчетомъ за помѣщеніе объявленій, плата взимается не построчно, а по числу словъ, такъ какъ съ послѣднимъ способомъ публика достаточно ознакомилась при передачѣ телеграммъ. Для пріема объявленій редакціею открыты, сверхъ главной конторы въ Пензѣ, отдѣленія: въ Сызранѣ, Кузнецкѣ, Моршанскѣ и Казани, куда желающіе и могутъ обращаться ежедневно отъ 9 час. утра до 6 ч. вечера.

Для большей распространенности «Листка» и, вмѣстѣ съ тѣмъ, помѣщаемыхъ въ немъ частныхъ объявленій, редакція получила разрѣшеніе на распродажу своего изданія по линіи Моршанско-Сызранской желѣзной дороги черезъ особо посылаемыхъ для сего лицъ; затѣмъ «Листокъ» продается во всѣхъ книжныхъ шкафчикахъ, расположенныхъ по вокзаламъ этой линіи и, сверхъ того, номера его, тотчасъ по выходѣ, приклеиваются на особо заведенныя для того доски и вывѣшиваются на всѣхъ станціяхъ линіи, гдѣ расположены буфеты.

При таксированіи объявленій, помѣщаемыхъ въ нашемъ изданіи, принято за норму—объявленіе въ 20 словъ; за помѣщеніе такого объявленія обыкновеннымъ шрифтомъ, которымъ набирается текстъ газеты, на послѣдней страницѣ взимается: за 1 разъ 15, за 3 раза 30, за 10 разъ 75 к.

За годовое объявленіе въ 20 словъ, помѣщаемое не менѣе одного раза въ недѣлю, или же за помѣщеніе такого объявленія черезъ иные промежутки, но не менѣе 50 разъ, 3 рубля. За украшенія, узорчатые шрифты, политипажи и проч. взимается смотря по мѣсту, занимаемому ими, а именно за одинъ дюймъ въ длину и 3 дюйма въ ширину берется столько-же, какъ и за объявленіе въ 20 словъ; одно или два слова болѣе крупнымъ шрифтомъ ставятся безплатно. За объявленія, содержащія больше 20 словъ, плата увеличивается соразмѣрно числу лишнихъ словъ, которыя считаются десятками, такъ что объявленія въ 31, 43 и 79 словъ считаются содержащими 40, 50 и 80 словъ. За помѣщеніе объявленій на 1-й страницѣ плата взимается вдвое. За рассылку отдѣльныхъ объявленій при газетѣ взимается 3 руб.

Сообщая Вамъ эти свѣдѣнія, редакція «Справочнаго Листка» имѣетъ въ виду обратить Ваше благосклонное вниманіе на дешевый и удобный способъ помѣщенія объявленій, которыя Вы желали бы распространить въ Моршанскѣ, Пензѣ, Кузнецкѣ и Сызранѣ.

Тѣ №№ Листка, въ которыхъ помѣщены будутъ Ваши объявленія, согласно Вашему желанію, могутъ быть высланы съ приплатою по 5 коп. за № съ доставкою въ г. Пензѣ и по 7 коп. съ пересылкою въ другіе города; но лица, помѣщающія или годовыя объявленія на сумму не менѣе 12 р., или на неменьшую сумму мелкихъ объявленій, получаютъ полное годовое изданіе «Листка» безплатно, подъ условіемъ высылки впередъ вышеозначенныхъ двѣнадцати рублей за помѣщеніе этихъ объявленій

Редакторъ-Издатель **В. Умновъ.** 2—2.

ВѢДОМОСТИ

ТАГАНРОГСКАГО ГРАДОНАЧАЛЬСТВА будутъ выходить въ 1879 году, по прежней программѣ, два раза въ недѣлю:

ПО СРЕДАМЪ И ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ: для городскихъ подписчиковъ	5 р.
» $1/2$ года » »	2 р. 50 к.
» 3 мѣсяца » »	1 р. 25 »
» 1 мѣсяцъ » »	— 50 »
На годъ: для иногородн. подписчиковъ	6 р.
» $1/2$ года » »	3 р.
» 3 мѣсяца » »	1 р. 75 к.
» 1 мѣсяцъ » »	1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Редакціи, Вѣдомостей, при Канцеляріи Таганрогскаго Градоначальника и у всѣхъ Полицейскихъ Приставовъ г. Таганрога, ихъ Помощниковъ и Смотрителя Волостей Градонач. 2—4.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ДОНСКОЙ ГАЗЕТЫ"

въ 1879 году.

„Донская Газета", состоящая подъ редакціею А. А. Карасева, будетъ выходить въ будущемъ 1879 году два раза въ недѣлю — по Воскресеньямъ и Четвергамъ.

Подписная цѣна съ доставкой на домъ и пересылкой.

За годъ съ 1 Января 1879 по 1 Января 1880 года	6 р.
» полгода	3 » 50 к.
» мѣсяцъ	— 75 »

Иногородные подписчики обращаются съ требованіями о подпискѣ по слѣдующему адресу: въ Редакцію „Донской Газеты", въ Новочеркасскъ.

3—3.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ГОДЪ „СТРЕКОЗА" IV-Й.

подписка на 1879 г.

Трехгодичное изданіе художественно-юмористическаго журнала «Стрекоза» выработало ему достаточную популярность и распространенность. Программа журнала, постоянно вращающаяся около и вокругъ общественной жизни, объемлетъ самыя разнообразныя рубрики и внѣшнія литературныя формы. Она состоитъ изъ недѣльной столичной хроники, обозрѣнія чудачествъ и волшебствъ провинціальной жизни, летучихъ замѣтокъ, посвященныхъ иностранному матеріалу, беллетристики, критики, юмористической библіографіи, театра, искусствъ и проч. Въ каждомъ нумерѣ журнала фигурируютъ легкіе фельетоны, наброски, очерки, сцены, пьесы, пародіи, афоризмы, экспромты, рѣчи, посвященія, стихи, анекдоты, и проч. Со стороны иллюстрированія, въ каждомъ нумерѣ помѣщаются три большіе (въ полную страницу) рисунка и отъ 6 до 10 отдѣльныхъ каррикатуръ, силуэтовъ, художественныхъ виньетокъ, контурныхъ шалостей, капризовъ карандаша въ жанрѣ Шама, Стопа, Гревена, Буша и друг. Всѣ клише съ рисунковъ для журнала исполняются въ собственномъ ателье «Стрекозы» подъ руководствомъ выписаннаго изъ Парижа художника-спеціалиста, по новому паникографическому способу.

Годовымъ подписчикамъ на журналъ будутъ разосланы въ 1879 году двѣ даровыя преміи. Одной изъ нихъ явится чисто художественный «Театральный альбомъ»; другая премія будетъ состоять изъ 3-ей серіи «Каррикатурнаго Альбома современныхъ русскихъ дѣятелей» — на отдѣльныхъ большихъ листахъ слоновой бумаги, въ особой обложкѣ и съ приложеніемъ краткихъ біографій. Оба альбома будутъ печататься на цвѣтномъ фонѣ.

Въ журналѣ, въ качествѣ постоянныхъ сотрудниковъ, принимаютъ участіе слѣдующія лица: С. П. Андреевскій, П В. Быковъ, И. И. Барышевъ, П. И. Вейнбергъ, И. Ѳ. Василевскій, (Буква), А. Ѳ. Ивановъ, (Классикъ), В. А. Крыловъ, (Александровъ), Н. А. Лейкинъ, Н. В. Максимовъ, В. О. Михневичъ, В. И. Немировичъ-Данченко, И. Л. Михайловскій, А. А. Плещеевъ, А. А. Соколовъ и многіе др. Художественная часть журнала ввѣрена Н. А. Богданову, А. Б. Броллингу, А. И. Лебедеву, В. И. Порфирьеву, В. С. Шпаку, и другимъ.

Въ редактированіи журнала принимаетъ непосредственное участіе И. Ѳ. Василевскій (Буква).

условія подписки на журналъ:

	На годъ. Съ преміями.	На полугодіе. Безъ премій.
Съ пересылкой	9 р. 50 к.	5 р. 50 к.

На пересылку премій по почтѣ, гг. годовые подписчики благоволятъ прилагать къ подписной суммѣ еще 50 коп. особо.

Подписку слѣдуетъ адресовать только и исключительно «въ редакцію журнала «Стрекоза», въ С.-Петербургѣ, по Лиговкѣ № 32».

Германъ Корнфельдъ
Издатель. 3—4.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„СЛОВО"

въ 1879 году.

Научный, литературный и политическій журналъ «Слово» будетъ издаваться въ 1879 году въ С.-Петербургѣ, безъ предварительной цензуры, по прежней программѣ и въ прежнемъ объемѣ (отъ 20 до 30 листовъ большого формата).

Въ вышедшихъ до сихъ поръ книжкахъ журнала были, между прочимъ, помѣщены слѣдующія статьи:

Не у дѣлъ. Сцены П. Д. Боборыкина.— Записки лондонскаго врача для бѣдныхъ. Ф. Шаля. — Кто во что гораздъ. Повѣсть П. Вологдина. — Страница романа. Романъ Э. Зола.— Гражданка. Сцены А. И. Пальма. — Вогезскіе разсказы. Эркмана-Шатріана. — Идеалистка Повѣсть Анны Стацевичъ. — Поѣздка во Фратешти. Е. Л. Ивановой. — Странные люди. Разсказъ Златовратскаго. — Бѣшеная. Разсказъ Г. И. Богрова. — Первый блинъ комомъ. В—вой. — Забытые Очерки П. Максимова. — Сами по себѣ. Романъ П. Д. Боборыкина. — Пармская шартреза. Романъ Стендаля. — Историческое значеніе военнаго подбора. М. П. Чурилова. — Трудовое начало въ народномъ обычномъ правѣ. А. Я. Ефименко. — Экономическая теорія Маркса. Н. И. Зибера. — Новыя данныя объ общинномъ землевладѣніи въ Россіи. П. А. Соколовскаго. — Наука о языкѣ и ея отношенія къ антропологіи и соціологіи. Д. Н. Куликовскаго. — Общественно-экономическія отношенія къ юговосточной Россіи. В. П. Гиляранскаго. Культурные піонеры (этюдъ о религіозныхъ сектахъ). Д. Н. Куликовскаго. — Фердинандъ Лассаль сквозь очки Чичерина. Н. З. — Обезцѣненіе крестьянской собственности. Б. Ленскаго.— Происхожденіе и развитіе торговли и торговаго класса. М. Кулишера. — Старовѣры. Юзова.— Лѣсное царство. П. Вологдина. — Борьба за существованіе и политическій строй. М. Кулишера.—Очеркъ исторіи обращенія съ дѣтьми. М. Кулишера. — Родовое начало въ древнемъ обществѣ. Д. А. Коропчевскаго. — Темная страна (отчетъ о путешествіи Стэнли) — Послѣднее слово буржуазной философіи. Б. Ленскаго. — Ученое невѣжество. А. А. Головачева. — Общества животныхъ, какъ матеріалъ для соціальной науки. И. Л—аго. — Вольтеръ. Жика.— Физіологическія основы поэзіи. Т—скаго. — Финансовое хозяйство Россіи. А. С. — Британскіе интересы на Востокѣ. И. И. Янжула. — Временный застой. Вл. И Жуковскаго. — О земскихъ дѣлахъ и дѣятеляхъ.—Обозрѣніе русской и иностранной журналистики. — Политическіе вопросы дня. И. Л. — Корреспонденціи изъ Италіи, Англіи, Парижа, Германіи и пр. — Научная хроника. — Библіографія русская и иностранная.—Театръ въ провинціи и пр.

Въ приложеніи: Исторія одного преступленія. Виктора Гюго. — Программа для собиранія свѣдѣній объ общинномъ землевладѣніи. П. С. Ефименко

подписная цѣна журнала:

	На годъ.	На полгода.
Безъ доставки и пересылки	15 р. 50 к.	8 р. — к.
Съ доставкою въ С. Петербургѣ	16 » — »	8 » 50 »
Съ пересылкою въ другіе города	17 » — »	9 » — »
Съ пересылкою заграницу	19 » — «	10 » 50 »

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ — въ главной конторѣ редакціи, Гороховая, № 9; въ Москвѣ — у И. Г. Соловьева, Страстной бульваръ, д. Алексѣева.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ обращаться исключительно въ редакцію журнала «Слово», С.-Петербургъ, Гороховая, № 9.

Разсрочка платежа подписной суммы допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 7 руб., къ 1-му марта — 5 руб. и къ 1-му мая — 5 руб. Желающіе воспользоваться разсрочкою обращаются непосредственно въ редакцію. 3—3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1879 г.

НА НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ И ГИГІЕНИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„ЗДОРОВЬЕ".

Органъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія,

издаваемый подъ редакціей профессора Гигіены въ Императорской Медико-хирургической Академіи

А. П. Доброславина.

Въ наступающемъ 5-мъ году изданія Редакція журнала «Здоровье» имѣетъ въ виду слѣдовать прежней программѣ — распространять въ популярной формѣ изложенія гигіеническія истины и предлагать обществу наиболѣе целѣсообразныя мѣры для охраненія здоровья. Какъ и прежде, всѣ стороны быта — гигіена дѣтей, воспитанія, школьной жизни, гигіена взрослыхъ въ различныхъ отрасляхъ профессій, гигіена казармъ, больницъ и др общественныхъ учрежденій, городовъ, ихъ ассенизація, вопросы дезинфекціи, медикополицейскія мѣры для охраны доброкачественности пищи, воды, напитковъ, и пр. не менѣе важные отдѣлы здравоохраненія будутъ изложены въ общедоступной формѣ. Кромѣ того журналъ постоянно заботится о сообщеніи свѣдѣній, касающихся санитарной дѣятельности земствъ и городскихъ управленій, равно какъ и о санитарныхъ новостяхъ заграничной литературы. Библіографическія указанія о всѣхъ новыхъ книгахъ по гигіенѣ тоже найдутъ въ журналѣ свое мѣсто, какъ и въ прошедшіе годы. Въ журналѣ помѣщаютъ всѣ прототолы, труды русскаго общества охраненія народнаго здравія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

За годъ съ пересылкой	5 руб.
За полгода съ пересылкой	3 »

Гг. служащіе подписываются черезъ своихъ казначеевъ.

Иногородные адресуютъ деньги и требованія въ Редакцію, помѣщающуюся на Выборской сторонѣ по Нижегородской улицѣ № 4, въ зданіи Императорской Медико-хирургической Академіи, а городскихъ подписчиковъ просятъ обращаться въ контору журнала, въ типографіи Н. А. Лебедева, Невскій пр., д. № 8. 4—4.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„АСТРАХАНСКАГО СПРАВОЧНАГО ЛИСТКА".

Съ разрѣшенія главнаго управленія по дѣламъ печати, «Астраханскій Справочный Листокъ» будетъ выходить въ наступающемъ 1879 году ежедневно кромѣ дней послѣ-праздничныхъ: по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ въ прежнемъ размѣрѣ, а въ промежуточные дни въ видѣ прибавленій къ предшествовавшимъ нумерамъ, по мѣрѣ накопленія матеріала.

Извѣщая объ этомъ, редакція считаетъ не лишнимъ присовокупить, что для приданія болѣе мѣстнаго интереса газетѣ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ ея размѣра, увеличено число сотрудниковъ и корреспондентовъ. Цѣна же газеты остается прежнія, именно:

	Въ Астрахани.	Чрезъ почту.
На годъ	6 р. — к.	7 р. 50 к.
» полгода	4 » — »	5 » — »
» 3 мѣсяца	2 « 50 »	3 » 25 »
» 1 »	1 » — »	1 » 50 »

Адресоваться просятъ въ Астрахань, въ редакцію «Справочнаго Листка». 3—3.

ПОДПИСКА

НА ГАЗЕТУ

„ВОРОНЕЖСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ"

на 1879 г.

Подписная цѣна:

за годъ:

Въ Воронежѣ безъ доставки	4 р. 50 к.
» » съ доставкою	5 р. — »
съ пересылкою въ другіе города и мѣстности	6 р — »

за полгода:

Въ Воронежѣ безъ доставки	2 р. 50 к.
» » съ доставкою	2 р. 75 к.
съ пересылкою въ другіе города и мѣстности	3 р. — »

ПОДПИСКА на «Воронежскій Телеграфъ» принимается въ конторѣ Редакціи, при типографіи В. И. Исаева, въ Воронежѣ, въ домѣ Столль, и въ книжномъ магазинѣ П. Н. Аносова.

Редакторъ-Издатель **В. И Исаевъ.** 3—3.

1879 (седьмой) годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ",

ГАЗЕТУ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ПОЛИТИКИ.

Выходитъ три раза въ недѣлю.

Въ программу изданія входятъ всѣ обычные газетные отдѣлы.

Подписная цѣна:

На годъ съ достав. и пересылкой	6 р. 50 к.
На 6 мѣс. » »	3 р. 75 к.

Подписка принимается: въ конторѣ газеты, въ Орлѣ, по Зиновьевской ул., **д. № 1-й**

Редакторъ издатель **А. Н. Чудиновъ.** 3—3.

№ 52. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 24 Декабря 1878 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Іордань въ деревнѣ.

Кира.

Славянская повѣсть **Э. Щешинскаго.**

Прологъ.

Народъ славянъ, народъ опальный!
Въ правдивой повѣсти моей
Ты встрѣтишь ликъ многострадальный
Не первой дочери своей.
На гнусныхъ торжищахъ Стамбула
Ихъ продавалъ законъ враговъ,
Ихъ въ глубь бушующихъ валовъ
Бросалъ османъ во дни разгула.
Твой край, подъ гнётомъ дикихъ силъ,
Курганы дѣдовскихъ могилъ
Дополнилъ жертвами своими
И часто кровью обагрялъ,
Когда надъ градами родными
Символъ свой варваръ водружалъ.
Твои сыны въ бояхъ мужали,
Идя за вольность подъ топоръ,
И злобной Азіи напоръ
Желѣзной грудью отражали.
Но и геройству есть предѣлъ —
Не стало силъ. Исламъ сталъ смѣлъ..
Ряды славянскихъ поколѣній
Жестокой бурею гоненій
Вѣка томилъ свирѣпый рокъ.
Еще вчера своимъ булатомъ,
Своимъ кровавымъ газаватомъ
Грозилъ вамъ дерзостный Востокъ.
Но вотъ—съ холмовъ столицы дальной
Могучій голосъ прозвучалъ...
И для Болгаріи печальной
Часъ искупленія насталъ.
Весь міръ туда направилъ очи,
Не вѣря въ мощь славянскихъ странъ;
Но рать геройская полночи
Взвилась на высь крутыхъ Балканъ...
. . . .

I.

Въ странѣ, гдѣ сводъ небесъ лазурныхъ
Лучами знойными горитъ,
Гдѣ рядъ столѣтій славныхъ, бурныхъ
На башни древнія глядитъ,
Гдѣ съ двухъ сторонъ двѣ части міра
Нависли твердымъ рубежемъ,
Гдѣ византійская порфира
Померкла въ прахѣ боевомъ —
Въ странѣ поклонниковъ Пророка,
Подъ тѣнью пальмъ, виномъ согрѣтъ,
Старикъ султанъ, глава Востока,
Мечталъ о счастьи прошлыхъ лѣтъ,
Тѣхъ лѣтъ, когда порывы страсти
Кипѣли силой огневой,
Когда ему дороже власти
Былъ взглядъ рабыни молодой;
Когда онъ полнымъ пилъ бокаломъ
Вино гяуровъ и ихъ кровь,
Когда лишь вóйны да любовь
Считалъ онъ жизни идеаломъ;
Когда въ главѣ несмѣтныхъ ордъ
Бывалъ онъ самъ могучъ и гордъ,
И, пользуясь побѣды правомъ,
Онъ слылъ грозой сосѣднихъ странъ,
Держа на остріѣ кровавомъ
Милльоны жизней христіанъ...

II.

Увы, всевластенъ гнетъ природы!
Сегодня немощь въ немъ видна,
Огонь страстей умчали годы,
Его не радуетъ война.
Сегодня чаще стихъ корана
Предъ нимъ развернутый лежитъ,
Но думъ томительныхъ султана
И Магометъ не устранитъ.

III.

Пора печальная заката!
Скажи, за что твой грозный валъ,
Какъ дерзкій парусъ супостата,
Ладью султанскую нагналъ?..
Гдѣ прежнихъ лѣтъ златая доля,
Гдѣ вѣра прежняя въ коранъ?..
Увяло все, какъ травы поля,
Все пріодѣлося въ туманъ.
Въ его умѣ теперь сомнѣнья,
Предъ нимъ проносятся видѣнья...
Онъ зритъ Каабы храмъ святой,
То вотъ мятежъ... побѣгъ... Медина,
То ликъ Пророка-исполина
Встаютъ, подернутые мглой;
То калифатъ предъ нимъ витаетъ
Своимъ пространствомъ вдоль и въ ширь...
На берегъ Инда онъ взираетъ,
То на Маграбъ, на Кашемиръ.
Порой и тѣнь гяуровъ славы
И Константинъ Палеологъ,
Герой развѣнчанной державы,
Предъ нимъ вставали, какъ намёкъ
Судьбы грядущей оттомановъ...
Какъ знать, что́ кроетъ цѣпь вѣковъ,
Какая участь ждетъ султановъ
У побѣжденныхъ береговъ?.
Иль какъ пришельцы, какъ номады,
Они отхлынутъ за Евфратъ,
Иль, брегъ классической Эллады —
Ихъ вѣковѣчный калифатъ?...

IV.

Но своеволіе судьбины
Порой и въ дни преклонныхъ лѣтъ
Даетъ забыть печаль, сѣдины,
Взглянуть съ улыбкою на свѣтъ.
Такъ и султану вѣтръ служебный
Однажды съ дальнихъ береговъ
Принесъ въ Стамбулъ отчетъ хвалебный
О разрушеньи городовъ
И селъ Болгаріи; при этомъ,
Съ глубоко-рабственнымъ привѣтомъ,
Доставленъ былъ султану въ даръ
Цвѣтокъ гяуровъ, для теплицы,
Сіявшій, точно свѣтъ денницы,
Красою непорочныхъ чаръ.

V.

И съ той поры, какъ лучъ эдема
Со взглядомъ Киры въ грудь проникъ,
Чертоги пышные гарема
Вновь посѣщать любилъ старикъ.
Пластичность формъ прекрасной Киры
Вновь страсть въ султанѣ шевелитъ,
Свои любовные турниры
Онъ вспомнилъ вновь и вновь горитъ...
Но ужь не то, что встарь бывало,
Когда, избыткомъ силъ живыхъ,
Султана сердце побѣждало
Упорство плѣнницъ молодыхъ.
Теперь калифъ напрасно проситъ
Привѣтныхъ ласкъ и жаркихъ словъ,
И Кира въ даръ ему приноситъ
Покорность — да, но не любовь.

VI.

Гаремъ. Красою гурій рая
Блистаютъ группы стройныхъ дѣвъ,
Предъ падишахомъ расточая
Весь міръ чудесъ... Полуодѣвъ
Прозрачной, газовой волною
Изгибы стана и плечей,
Онѣ чаруютъ наготою
И формъ и шёлковыхъ кудрей;
Жемчугъ и камни ихъ нарядовъ
Плѣняютъ въ нихъ и умъ и нравъ,
Потокомъ бьётъ изъ юныхъ взглядовъ
Лишь жажда страсти да забавъ.
Всѣ одалиски вкругъ султана
Здѣсь вьются лентою живой,
Какъ плющъ весеннею порой
Вкругъ кипарисовъ Индостана.
Какихъ красотъ межъ ними нѣтъ!
Здѣсь дань свою принёсъ весь свѣтъ:
Брегá Нумидіи, Мериды,
Златой Лигуріи поля,
Страна Днѣпра и край Колхиды,
И Галилейская земля...
Въ объятьяхъ вѣтреной судьбы
Всѣ дѣвы родину забыли
И кругозоръ свой, безъ борьбы,
Въ стѣнахъ гарема заключили.
Здѣсь сладострастья ароматъ,
Здѣсь нѣга, роскошь, лѣнь царятъ,
Здѣсь и вино въ ковшахъ высокихъ
Играетъ влагою златой
И искромётною струёй
Манитъ красавицъ черноокихъ:
Подъяты чаши къ небесамъ,
Уста прильнули къ ихъ краямъ,
И Вакха даръ рѣкою льется,
Воспламеняя страстныхъ дѣвъ;
Изъ устъ волшебницъ раздается
Ихъ соблазнительный напѣвъ:

«Глянь, калифъ, на роскошь стана,
«Глянь къ груди младой,
«Что волною океана
«Бьетъ подъ кисеей!
«Глянь, какъ вся она пылаетъ,
«Какъ трепещетъ вся,
«Какъ по жиламъ пробѣгаетъ
«Жгучая струя!..
«Роза пышная Эмира
«Ждетъ любви твоей,
«Глянь ко мнѣ властитель міра,
«Свѣтъ моихъ очей!
«И приникни, безпокойный,
«Ты къ моимъ красамъ...
«Поцалуй, какъ небо, знойный
«Я въ награду дамъ;
«Буйной, черною косою
«Вскину надъ тобой
«И всего тебя сокрою,
«Точно въ тьмѣ ночной».—

Но среди жрицъ любви восточной
Не блещетъ дѣвственнымъ лучемъ
Звѣзда Болгаріи полночной,
И падишахъ поникъ челомъ.
Онъ ласкамъ дѣвъ другихъ не внемлетъ.
Лишь Кира грудь его томитъ,
Она лишь мысль его объемлетъ,
Для ней любовь его горитъ.
«Гдѣ Кира!» падишахъ взываетъ—
И вотъ рабынь послушный строй
Ступени лѣстницъ пролетаетъ
Съ приказомъ дѣвѣ молодой.
Въ пространство залъ тревожнымъ окомъ
Взираетъ трепетный султанъ
И ждетъ, въ волненіи глубокомъ,
Мелькнетъ ли скоро Киры станъ.

VII.

Но Киру тяжкая печаль
Влечетъ всегда отъ сборищъ шумныхъ,
Ей скученъ кликъ рѣчей безумныхъ,
Душею дѣва рвется въ даль—
На лоно тихое природы,
Къ вершинамъ родственныхъ ей горъ,
Гдѣ знала миръ святой свободы,
Гдѣ протекли младые годы
Въ кругу ровесницъ и сестеръ;
Гдѣ первый зовъ любви отрадной
Всю силу чувства пробудилъ,
Гдѣ врагъ войною кровожадной
Село родное разорилъ...
Мечтаетъ Кира на балконѣ,
Онъ весь открытъ въ тѣнистый садъ.
Надъ нимъ, на тихомъ небосклонѣ,
Свѣтила вѣчныя горятъ.
Весь міръ одѣлся луннымъ свѣтомъ.
Брега замолкли. Вѣтеръ спитъ.
Лишь ночь таинственнымъ привѣтомъ
Печальной Кирѣ говоритъ...
И воскресаютъ передъ нею
Подруги дѣтства, игры ихъ,
И мать съ любовію своею,
И кругъ знакомыхъ и родныхъ;
Поля, и горы, и сады,
Гдѣ въ дѣтствѣ бѣгала, гуляла,
Гдѣ послѣ трепетно внимала
Словамъ чарующей мольбы.
И чувства Киры одинокой
Наполнилъ вдругъ огонь святой—
Въ укоръ судьбѣ своей жестокой
Она поетъ про край родной
Ту пѣснь, что встарь еще пѣвала,
Когда и смысла многихъ словъ
Ея душа не постигала,
Полна безгрѣшныхъ, свѣтлыхъ сновъ.
Такъ соловей, лишенный воли,
Припомня въ клѣткѣ майскій день,
Поетъ про дни счастливой доли,
Когда онъ зналъ весну и тѣнь;
Когда напѣвъ его чудесный,
Подхваченъ эхомъ водъ и горъ,
Будилъ отъ сна весь край окрестный
И оживлялъ полей просторъ.

Пѣсня плѣнницы.

Когда заря, прогнавъ туманы,
Зардѣетъ вешнею красой
И озаритъ собой Балканы—
Прекрасенъ ты, мой край родной!

Зовутъ къ себѣ твои долины
И говоръ дремлющихъ лѣсовъ,
Потоки водъ и скалъ вершины,
Зоветъ—полетъ твоихъ орловъ.

Зовутъ—бойцы твои младые,
Ихъ жгучій взоръ, свободный станъ,
Богатыри твои сѣдые,
И вдохновенный твой баянъ.

Зовутъ—твои славянки-жены,
Когда, крестя сыновъ на бой
И заглушая сердца стоны,
Гласятъ: «за родину постой!...»

Ты весь и все въ тебѣ прекрасно,
Мой край безцѣнный, край родной!
Тебѣ мечты мои всечасно
Несу я пламенной душой.

Ты вновь встаешь передъ глазами
И въ сновидѣніяхъ моихъ,
Сверкая гордыми хребтами
Балканъ излучистыхъ своихъ.

Изъ-за затворъ моей темницы
Я рвусь къ тебѣ, родимый край—
Тамъ краше блещетъ свѣтъ денницы,
Тамъ катитъ волны нашъ Дунай.

И жажду я волшебной силой
Весь твой просторъ заразъ обнять
И прахъ земли отчизны милой
Къ груди пылающей прижать!

Едва послѣдній звукъ напѣва
Замолкъ на розовыхъ устахъ,
Изъ устъ невольницъ слышитъ дѣва:
«Тебя окликнулъ падишахъ»...
Очнулась Кира изъ забвенья,
Исчезли сладкія мечты,
Какъ исчезаютъ сновидѣнья.
Въ воображеньи красоты
Востали нравственныя муки
Свиданья съ нимъ, невольный страхъ...
Простерла Кира къ небу руки,
Сверкнули слезы на глазахъ...

VIII.

Еще жемчужною слезою
Увлажен Киры грустный ликъ,
Но вновь гремитъ призывный кликъ,
И Кира тихою стопою
Идётъ туда...

IX.

«Аллахъ великъ!..
Подумалъ Турціи властитель,—
Она, быть можетъ, въ этотъ разъ
Мнѣ будетъ геній—утѣшитель;
Быть можетъ, мой влюблённый глазъ
Воспламенитъ и чувства Киры,
Зажжётъ и въ ней страстей потокъ?..
О еслибъ такъ!.. Прости Пророкъ,
Но безъ нея и блескъ порфиры
Несносенъ мнѣ! Не узнаю
Себя съ тѣхъ поръ, какъ взоръ чудесный
Проникъ, какъ пламень поднебесный,
Въ грудь охладѣвшую мою.
Я чувствую—я не достоинъ
Служить исламу головой,
Не падишахъ я и не воинъ
Предъ этой гордою красой,
Но такъ и быть... Моей любовью
Не дамъ я болѣе шутить...
Она должна меня любить,
Иль обагрится плаха кровью.
Но... хватитъ-ли отваги хладной
На подвигъ мрачный, роковой—
Казнить, рукою безпощадной,
Цвѣтокъ невинный и живой,
Казнить тогда, какъ лучь надежды
На счастье съ Кирою моей
Чаруетъ старческія вѣжды,
Какъ мѣсяцъ—міръ въ тиши ночей?..»

X.

Дверь распахнулась. Входитъ Кира,
Мила, какъ первый день весны,
Какъ райскій воздухъ Кашемира,
Какъ юныхъ дней златые сны.
Какъ свѣжій цвѣтъ долинъ Іемена,
Она свѣжа. Краса ланитъ
Стыдливымъ пурпуромъ горитъ.
Младая грудь ея, какъ пѣна,
Взоръ поражаетъ бѣлизной
И дышетъ знойною волной.
Изъ-подъ рѣсницъ глаза сверкаютъ,
Какъ лучь сквозь утренній туманъ.
Какъ пальма строенъ дѣвы станъ.
Уста, какъ роза, расцвѣтаютъ.
И, точно ворона крыло,
Коса чернѣетъ мракомъ ночи.
Но Кира потупляетъ очи,
Склонивши юное чело.
Колѣни гнетъ властитель свѣта,
И, преклонившись передъ ней,
Привѣта ждетъ. Но нѣтъ привѣта...
Безмолвенъ взглядъ ея очей.
И падишахъ въ любовномъ горѣ
На Киру устремляетъ взоръ,
И все слилось въ томъ страстномъ взорѣ:
Мольба, любовь, приказъ, укоръ.
Султанъ весь міръ позабываетъ.
Мечтой завѣтной увлеченъ,
И передъ плѣнницею онъ
Сѣдую голову склоняетъ.
Трепещутъ легкіе покровы,
Зардѣлась Кира, какъ заря,
И слезы брызнуть вновь готовы
Къ ногамъ всевластнаго царя.

XI.

Какою силой сокровенной
Красу Всевышній надѣлилъ,
Какой огонь души нетлѣнной
Онъ въ эти взоры заключилъ,
Что даже тамъ, гдѣ власть закона
Жену сковала, какъ рабу,—
Что даже тамъ властитель трона
Свою могучую главу,
Забывъ коранъ, согнулъ, и въ прахѣ
Предъ дѣвой нѣжной и нѣмой,
Какъ истый мученикъ на плахѣ,
Онъ молитъ милости одной!..

XII.

Султанъ.

О, просіяй, мой ангелъ нѣжный,
Взгляни, звѣзда души моей,
И укроти мой духъ мятежный
Дѣвичьей ласкою твоей!
За мигъ съ тобой, мигъ счастья ясный,
Клянусь, что даже Магометъ
Оставилъ бы свой рай прекрасный,
Сошелъ бы въ нашъ печальный свѣтъ
Чтобы, какъ я, твоимъ дыханьемъ
Здѣсь упиваться и страдать,
Какъ я, молить тебя страданьемъ,
Какъ я, прахъ ногъ твоихъ лобзать—
Ловить мгновенья дорогія
Твоихъ улыбокъ, ждать любви...

Кира.

О, царь! Промчались дни былые
И нѣтъ огня въ моей крови.
Ты знаешь все... И я любила,
И много мукъ перенесла,
И всѣ надежды схоронила...
Не знаю я, какая сила
Все пережить мнѣ помогла.
Но, уступивъ той властной силѣ,
Неволить не могу себя...
Все, что мнѣ дорого—въ могилѣ,
Что ненавистно—вкругъ меня.

Султанъ.

Зачѣмъ могильною мечтою
Ты возмущаешь свой покой?
Люби меня!.. передъ тобою
Сверкнетъ міръ новый, міръ иной!..

Кира.

Нѣтъ, падишахъ, воспоминаній
Не заглушитъ во мнѣ ничто:
По нынѣ слышу крикъ страданій—
Когда ты жегъ мое село.
Я вижу, какъ въ огнѣ жестокомъ,
Тамъ гибнетъ кучами народъ,
И кровь невинная потокомъ,
Потокомъ пламеннымъ течетъ...
Видѣнья тѣ меня терзаютъ,
Мнѣ не забыть ужасныхъ дней,
Они и жизнь всю отравляютъ
Несчастной плѣнницѣ твоей.
Оставь меня съ моею скукой,
Вѣдь у тебя красавицъ рой;
Благослови меня разлукой,
Благословлю я подвигъ твой.

Султанъ.

Въ твоемъ присутствіи, о Кира,
Красавицъ нѣтъ! Я для тебя
Возжгу алтарь, какъ для кумира,
Но не отталкивай меня!
Ты, ты одна воспламенила
Уже потухшій, было, жаръ,
Ты холодъ сердца оживила
Своимъ огнемъ...

Кира.

Но этотъ даръ—
Единый даръ твоей рабыни.
Другого дать я не могу,
И чистоту моей святыни
До гроба, царь, я сберегу.
Молю—разстанься ты со мною!

Султанъ.

Съ тобой?.. На то́ не станетъ силъ;
Скорѣй разстался бы съ душою...
Насъ рокъ иль Богъ соединилъ.

Кира.

Нѣтъ, Онъ не могъ—ты врагъ суровый,
Моей ты родины палачъ!..

Султанъ.

Отвѣтъ и дерзкій и не новый.
Но, Кира милая, не плачь!
Тебѣ одной я все прощаю
И все могу тебѣ простить,
Я власть и гордость забываю,
Но согласись меня любить!
Моею будь!.. богатства міра
И все, чѣмъ жизнь прекрасна намъ,
И трона блескъ, младая Кира,
Повергну я къ твоимъ ногамъ..

Кира.

Какое адское страданье!

Султанъ.

Моею будь, моею станъ..

Кира.

Калифъ, пошли меня въ изгнанье!

Султанъ.

Сюда, къ ногамъ своимъ, ты глянь!..
Главу я гну передъ тобою;
Я, милліоновъ властелинъ,
Какъ рабъ, передъ твоей стопою,
Клоню сребро моихъ сѣдинъ.
Я для тебя законъ Пророка
Готовъ ослабить, крестъ признать,
Султаншей гордаго Востока
Готовъ я плѣнницу назвать.

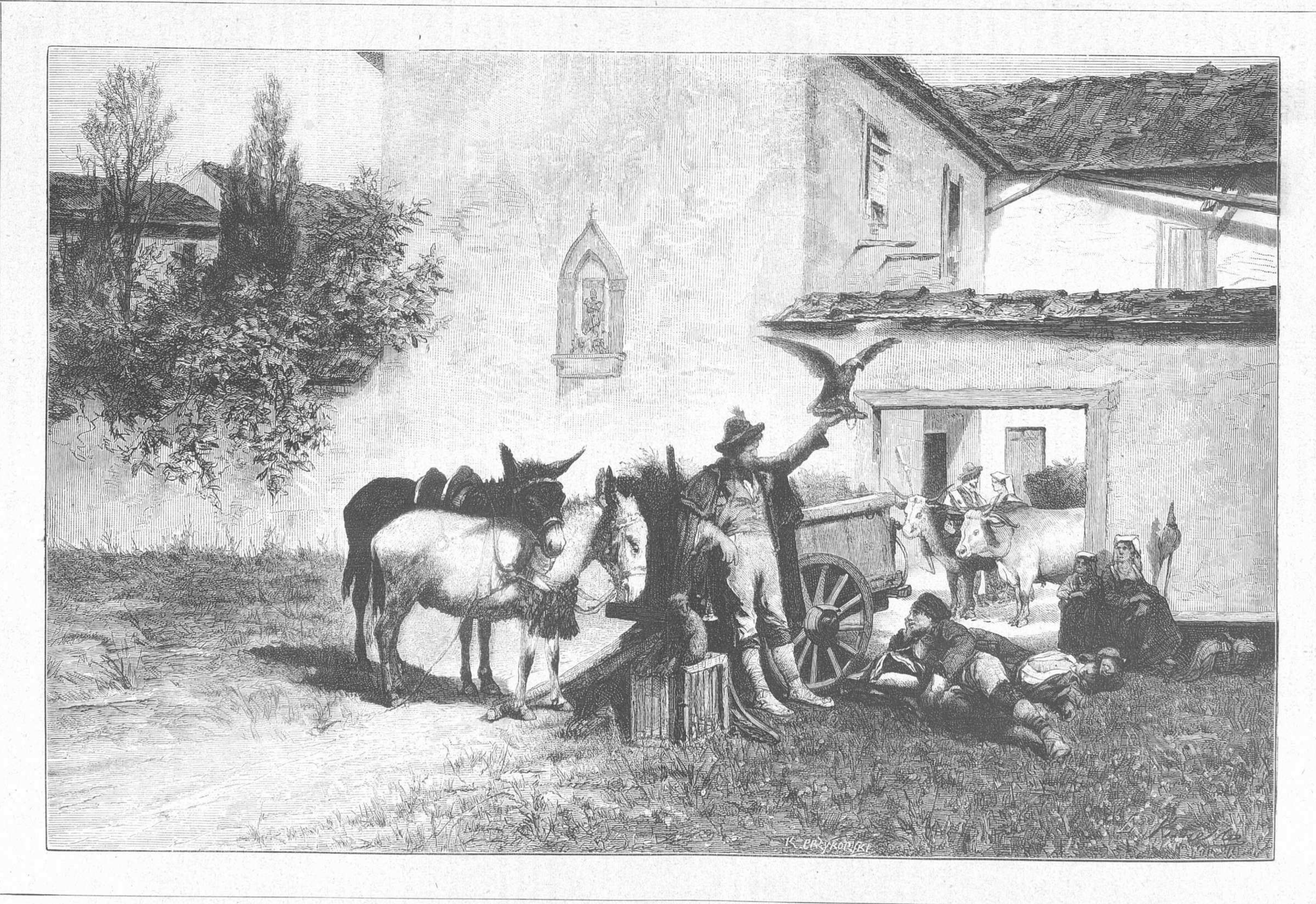
Кира.

О, нѣтъ!.. Но знай, что я таила
До этихъ поръ передъ тобой:
Тамъ, въ сторонѣ моей родной,
Въ ту ночь я замужъ выходила,
Въ ту ночь ужасную, когда
Твоя свирѣпая орда
Вломилась къ намъ въ село родное,
Едва обрядъ былъ совершенъ,
Благословеніе святое
Едва намъ дали—мой Діонъ,
Сраженный, палъ передо мною...
И въ тяжкой горести своей,
При трупѣ, клятвою святою,
Я поклялась не быть ничьей.
И никакія казни, кары
Не поколеблятъ въ томъ меня:
Снесу тюрьму, плетей удары,
Но все-жь твоей не буду я!

Султанъ.

Опомнись! Твой султанъ страдаетъ,
И гнѣвъ въ груди его кипитъ,

СЪ ИТАЛЬЯНСКОЙ АКВАРЕЛИ.

Сладкій отдыхъ.

Любовникъ многое прощаетъ,
Но падишахъ—не пощадитъ!..

Кира.

И не щади, тиранъ надмѣнный!
Пока же духъ живетъ во мнѣ,
То вѣдай ты—что прахъ мой тлѣнный
Не покорится самъ тебѣ.
Мнѣ смерть—отрада, и съ мольбою
Я отойду предъ божій тронъ,
Предстану съ чистою душою
Туда, гдѣ ждетъ меня Діонъ.

XIII.

Отказомъ Киры благородной
Султанъ взволнованъ, возмущенъ.
Высокихъ чувствъ души свободной
Не могъ понять, не понялъ онъ.
Въ его умѣ сложилось твердо
Понятіе о власти той,
Съ которой дерзко, смѣло, гордо
Царятъ надъ жизнью и душой
Своихъ рабовъ. И вдругъ преграда
Предъ нимъ возстала, какъ стѣна;
И Кира, дней его отрада,
Все непреклонна, все грустна.
Въ борьбѣ съ любовью онъ, страдая
У ногъ красавицы младой,
То умолялъ, то, проклиная,
Грозилъ ей пыткой роковой.
И долго, долго деспотъ страстный
Колѣни дѣвы обнималъ,
И взоръ, то нѣжный, то ужасный,
Во взоры плѣнницы вперялъ.
Его лицо порой блѣднѣло,
Порой текла по немъ слеза,
Но вдругъ оно побагровѣло
И кровью налились глаза.
Сверкая гнѣвными очами,
Онъ произноситъ: «Погибай!
«Иди, знакомся съ палачами,
«А тамъ—къ Христу, къ Діону, въ рай!..»

XIV.

Султанъ умолкъ. Гаремъ въ боязни,
Какъ пораженный, онѣмѣлъ
И съ сожалѣніемъ глядѣлъ
На жертву преданную казни.
Она молчала, какъ могила;
Не вздрогнулъ Киры нѣжный станъ,
Лишь грудь младая говорила,
Прощаясь съ міромъ...
Вдругъ султанъ
Далъ знакъ послѣдній. Двѣ рабыни
Ее уводятъ... Черезъ часъ
Всѣ тайны дѣвственной святыни
На вѣкъ задернулись отъ насъ.
Лишь вóды спящаго Босфора
Да звѣзды выси голубой
Могли-бъ сказать—гдѣ отъ позора
Сокрылась дѣва на покой.

XV.

Съ тѣхъ поръ султана видъ угрюмый
Не прояснялся. Онъ страдалъ
И часто, пóлонъ тайной думой,
О бѣдной Кирѣ вспоминалъ.
Тогда мечта ему чертила
Погибшей Киры хладный ликъ,
Какъ лучъ полночнаго свѣтила,
И перепуганный старикъ
Бѣжалъ въ гаремъ... Но тамъ онъ тщетно
Въ прахъ забвенія искалъ,
Трупъ Киры, прочимъ незамѣтно,
Предъ нимъ, за нимъ, вездѣ стоялъ
И скорбнымъ взглядомъ укорялъ.
Чтобы избавиться видѣнья,
Созвалъ онъ новый газаватъ,
Рѣшился вновь на преступленья
И на земель чужихъ захватъ.
Напрасно все. Ни кликъ побѣдный,
Ни громы жизни боевой
Не отгоняли тѣни блѣдной,
Всегда грозящей — хоть нѣмой.
Въ дыму-ль пожаровъ, въ жаркой битвѣ,
Въ гаремѣ, Портѣ, на пирахъ,
Или въ мечети на молитвѣ —
Холодный трупъ стоялъ въ очахъ.
Султанъ блѣднѣлъ, смыкались очи,
Проклятья бормоталъ языкъ;
Но и терпѣть не стало мочи,
На одръ болѣзни онъ поникъ...
И тамъ, прощаяся съ землею,
Когда онъ въ мукахъ жизнь кончалъ,
Еще, дрожавшею рукою,
На страшный призракъ указалъ.

Слово — одно, а дѣло — другое.

(Воспоминанія зуава.)

Разсказъ **Гренвилля Муррея**. Переводъ **А. Г. Сахаровой**.

(Окончаніе.)

Глава IV.

Черезъ шесть недѣль послѣ отказа мнѣ въ отпускѣ, адъютантъ ласково взялъ меня за руку и сказалъ таинственнымъ голосомъ, безъ малѣйшаго приготовленія:

— Ну, Броссъ, ты славный малый и ужь, конечно, не проболтаешься. Знаешь-ли, у насъ скоро будетъ война.

Я взглянулъ на него съ недоумѣніемъ.

— Война! повторилъ я.

— Да, война, сказалъ онъ.—Я зналъ, что ты будешь доволенъ; но тсъ! ни слова никому: это тайна и мы должны дѣлать видъ, что ничего не знаемъ о ней.

— Съ кѣмъ же мы будемъ драться?

— Тсъ! Я думаю нечего и говорить объ этомъ. Ты французъ, Броссъ, и рана, нанесенная при Ватерлоо, должна болѣть въ твоемъ сердцѣ. Я видѣлъ тебя въ дѣлѣ и знаю, что ты храбрый солдатъ. Ну, вотъ, у насъ будетъ война, которая придется тебѣ по вкусу, это не битва съ какими нибудь арабами, а настоящая война.

— Значитъ, мы будемъ драться съ англичанами, замѣтилъ я съ спокойнымъ отчаяніемъ.

— Да, съ англичанами. Ты понимаешь, императоръ долженъ показать этимъ шалопаямъ парижанамъ, что въ его жилахъ течетъ старинная французская кровь. Если онъ не объявитъ войны, они подумаютъ, что онъ одного поля ягода съ Люи-Филиппомъ, который далъ Франціи почти восемнадцать лѣтъ мира, чѣмъ вызвалъ противъ себя насмѣшки. Нѣтъ, Бросъ, онъ долженъ смыть старый позоръ съ Ватерлоо и ты, и я поможемъ ему въ этомъ. Ты можешь получить на три дня отпускъ, если хочешь, но не больше, потому что скоро подойдутъ рекруты и тебѣ придется обучать ихъ.

— И это имперія мира, замѣтилъ я съ грустной улыбкой.

— Да, отвѣчалъ адъютантъ, тоже улыбаясь,— у насъ будетъ миръ—послѣ войны.

Я отправился въ нашу читальную, вынулъ карандашъ и бумагу и началъ вычислять, при помощи цифръ и вѣроятностей, сколько времени можетъ продлиться эта кампанія, съ радостью я убѣдился, что Англія плохо подготовлена къ войнѣ. Номинальная сила ея арміи равнялась 85,000 человѣкъ, вѣроятная—не болѣе 70,000. Конечно, англійскій флотъ самъ по себѣ внушителенъ, но морское дѣло не касалось меня. Противъ 70,000 человѣкъ мы могли выставить безъ хлопотъ 700,000, т. е. десять на одного. Вѣроятный результатъ: мы прогонимъ англичанъ во Фландрію и истребимъ все ихъ войско въ три недѣли. И такъ, кампанія со всѣми приготовленіями должна была продолжаться по моему разсчету около двухъ мѣсяцевъ.

«Ну, это еще не большая бѣда, подумалъ я, утѣшая себя.—Если военныя операціи начнутся вскорѣ, то я увижу Бланшету черезъ три-четыре мѣсяца. Но стоитъ-ли отправляться въ деревню на два дня, я лучше обожду. И такъ, я принялся усердно за обученіе рекрутъ. Если бы я былъ менѣе поглощенъ идеями о всеобщей гармоніи, я замѣтилъ бы давно, что съ той поры, какъ президентъ стоялъ во главѣ правленія, оборонительныя силы увеличивались очень медленно. Ставъ же императоромъ, Наполеонъ III тотчасъ же потребовалъ, чтобы армія была увеличена на двадцать тысячъ человѣкъ. Были и другіе признаки, незамѣтные для статскаго, но понятные для солдата. Всѣ запасные магазины были наполнены заново, наши ружья осматривали, пробовали и замѣняли лучшими, намъ шили новые мундиры, кавалеріи дали новыхъ лошадей и новую организацію, отпускъ было трудно получить. Всѣ эти признаки предвѣщали войну. Однакожь, война началась не такъ скоро, какъ предвѣщалъ адъютантъ. Прошелъ мѣсяцъ, второй, третій, не было и помину о войнѣ съ Великобританіей. Напротивъ, у насъ только и толковали, что о нашихъ храбрыхъ союзникахъ, о симпатичномъ Пальмерстонѣ, о графѣ Абердинѣ, который такъ любилъ насъ и о путешествіи изъ Парижа въ Лондонъ за 110 франковъ въ первомъ классѣ, причемъ ѣзды всего двѣнадцать часовъ. Когда я обратилъ вниманіе адъютанта на все это, онъ отвѣчалъ:

— Мы дѣлаемъ это для того, чтобы пустить имъ пыль въ глаза. Коварный Альбіонъ даже и не догадается ни о чемъ, пока мы не нахлынемъ на него.

Но даже и адъютантъ долженъ былъ сознаться, что онъ ошибся, несмотря на свою проницательность, Франція и Англія вскорѣ пошла рука въ руку. Рисунки, изображающіе смѣшныхъ шотландцевъ, исчезли съ оконъ продавцевъ картинъ. Комическимъ актерамъ, которые превосходно изображали англичанъ, посовѣтовали менѣе подчеркивать смѣшныя мѣста своихъ ролей, журналистамъ дали намекъ, чтобы они не смѣялись надъ британцами. Явился новый врагъ—Россія, съ которымъ Франція не рѣшилась воевать безъ помощи Англіи.

Будемъ-ли мы сражаться или нѣтъ? Мы долго не могли рѣшить этого вопроса. Наконецъ, была объявлена война. Франція словно пробудилась отъ сорокалѣтней летаргіи. Воинственный пылъ охватилъ всю страну. Еще находились въ живыхъ обломки той могучей арміи, которая нашла пораженіе и смерть въ Россіи въ 1812 году. Старые солдаты, императорскіе чиновники и патеры проповѣдывали крестовый походъ противъ русскихъ. Молодые люди распѣвали марсельезу и спѣшили записываться на службу: старики подняли головы и заговорили о мщеніи, молодыя дѣвушки улыбались только солдатамъ и считали трусами тѣхъ, которые оставались дома, матери сидѣли, вздыхая терпѣливо, и щипали корпію—потому что матери никогда не будутъ стоять за войну, несмотря на всѣ доводы честолюбія и славы. И изъ-за чего все это волненіе, все это бѣшенство, вся эта горячка, всѣ эти явные крики мужчинъ, всѣ эти тайныя слезы женщинъ? Изъ-за того, чтобы убивать людей, которыхъ вздумалось считать врагами. Странно, что мы могли вдругъ такъ возненавидѣть людей, ничего дурного намъ не сдѣлавшихъ.

Въ Парижѣ все шло вверхъ дномъ. Одинъ журналистъ, въ своей газетѣ проповѣдывавшій миръ, принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ отъ своихъ преслѣдователей на бульварѣ Капуциновъ; а подписка на войну увеличивалась такъ быстро, что вскорѣ достигла десяти милліоновъ франковъ. Парижане успѣли забыть о государственномъ переворотѣ; теперь всѣ думали только о пораженіи непріятеля.

Что касается меня, я, конечно, тоже заразился воинственной горячкой. Нельзя пролежать долго въ лазаретѣ среди горячечныхъ и не заболѣть. Неужели я пересталъ вздыхать о мирѣ и о Бланшетѣ? О, нѣтъ, но я началъ сознавать истину словъ нашего адъютанта: «Мы не можемъ требовать, чтобы императоръ показалъ себя трусомъ, разсуждалъ я,—пусть онъ сначала докажетъ, что не боится войны и тогда у насъ

будетъ вѣчный миръ, потому что другія націи не посмѣютъ тревожить его». Правда, я не могъ понять, на какомъ основаніи мы начинали войну съ русскими, но это было не важно. Обязанность солдата: не разсуждать и повиноваться.

Однакожь, мнѣ не удалось внушить этихъ взглядовъ Фурмиссо, который выказалъ вовсе не патріотическое настроеніе при извѣстіи о томъ, что ему надо отправляться къ Черному морю. Напрасно я указывалъ ему, что мы идемъ мстить за страданія, причиненныя его дѣдушкѣ, и утвердить тронъ турецкаго султана. Онъ отозвался очень непочтительно о своемъ дѣдушкѣ и посылалъ турокъ ко всѣмъ чертямъ. Невозможно было образумить его. Онъ визжалъ и хныкалъ жалобно.

— Вы обѣщали мнѣ миръ, сержантъ, и я не писалъ Розѣ, чтобы она ждала меня. Теперь мнѣ больше не удастся писать ей.

— Ободрись, Фурмиссо! воскликнулъ я.— Вспомни о чинахъ и орденахъ, мой милый!

— Да, на свѣтѣ много орденовъ, простоналъ Фурмиссо,— но только одна Роза Миньонъ. Она мнѣ дороже тысячи крестовъ.

Что я могъ сказать на это? У меня тоже было тяжело на сердцѣ. Сначала мнѣ хотѣлось съѣздить въ деревню на денекъ и посмотрѣть на Бланшету. Но было-ли бы честно съ моей стороны возобновить нашу дружбу, когда вскорѣ послѣ моего отъѣзда къ ней могла придти вѣсть о томъ, что я убитъ. Мнѣ захотѣлось также поблагодарить Гишо за то, что онъ сдѣлалъ для Бланшеты, какъ-то легче идти на встрѣчу смерти, когда сознаешь, что долгъ благодарности уплаченъ. И мнѣ это удалось.

Я уже сказалъ, что въ это время шла подписка на войну. Подписывались на военныя издержки, на помощь раненымъ, на угощеніе войскъ. Случилось такъ, что въ комитетѣ угощенія войскъ участвовалъ нашъ депутатъ и, въ утро нашего отъѣзда изъ Парижа, явился со свитой отъ разныхъ господчиковъ въ лайковыхъ перчаткахъ и барынь съ трехцвѣтными кокардами раздавать стаканы коньяку, болонскія сосиски, пачки сигаръ, и кружки бургонскаго изъ тележки на рессорахъ, покрытой флагами. Я протолкался къ нему сквозь толпу, взволнованную его появленіемъ и сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Я хочу поблагодарить васъ, г. графъ, за великодушное покровительство, оказанное вами той дѣвушкѣ, о которой я говорилъ. Съ вашей стороны такъ благородно и великодушно помочь дочери бѣдняка.

Онъ не узналъ меня сначала, потому что мой костюмъ зуава измѣнилъ мою наружность, но когда я произнесъ имя Бланшеты, мнѣ показалось, что онъ покраснѣлъ.

— Я тоже бѣднякъ, г. графъ, прибавилъ я,— но чрезъ нѣсколько дней, можетъ быть, я буду лежать мертвымъ, а благословеніе умирающаго никогда не приноситъ вреда. Я надѣюсь, вы позволите мнѣ пожать вамъ руку.

При этомъ краска исчезла съ его лица и внезапно смѣнилась блѣдностью. Онъ подалъ мнѣ руку, которая была холодна и немного дрожала, но онъ не смотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Вы честный малый, пробормоталъ онъ.— Я... я... надѣюсь, что съ вами не случится никакого несчастія. Онъ, очевидно, спѣшилъ перемѣнить предметъ разговора; онъ обернулся къ офицеру въ гусарской формѣ, пришедшему съ нимъ, и сказалъ:

— Вотъ мой сынъ, который тоже отправляется туда. Рауль, это нашъ землякъ. Я надѣюсь, что если у тебя будетъ случай оказать ему услугу, ты воспользуешься этимъ случаемъ.

Виконтъ отвѣтилъ на мой поклонъ и радушно пожалъ мнѣ руку.

— Пожалуйста, г. лейтенантъ, доставьте мнѣ случай доказать, что благодарность не пустое слово, сказалъ я.—Если вы когда-нибудь будете въ опасности, то я буду вполнѣ счастливъ, если мнѣ удастся отвратить ее.

Онъ не зналъ, что произошло между его отцемъ и мною и, повидимому, подумалъ, что его отецъ далъ мнѣ билетъ въ сто франковъ; но такъ какъ у насъ, французовъ, вошло въ привычку выражать свою готовность умирать другъ за друга при каждомъ удобномъ случаѣ, то моя благодарность не показалась ему преувеличенной.

Въ концѣ свиданья, графъ подалъ мнѣ стаканъ искрящагося вина, который я осушилъ за здоровье Бланшеты.

Я не стану описывать крымскую кампанію; ее описывали много разъ и мой разсказъ едва-ли прибавитъ что-нибудь къ тому, что всѣмъ уже извѣстно. Я замѣчу только, что блестящіе подвиги, на которые я насмотрѣлся въ небольшихъ размѣрахъ при осадѣ деревни Сиди Бена, повторились при Альмѣ, Инкерманѣ и осадѣ Севастополя. Битва—хорошая вещь! Сражаться, значитъ, стоять тѣсными рядами и стрѣлять въ такія мишени, которыхъ вы часто не видите, тогда какъ въ васъ, въ свою очередь, летятъ пули и ядра. Но и сраженія бываютъ разныя. Не особенно важнымъ сраженіемъ называется такое сраженіе, которое продолжается часовъ десять и обѣ стороны теряютъ только десять или пятнадцать тысячъ людей—населеніе цвѣтущаго провинціяльнаго городка; хорошее сраженіе, о которомъ стоитъ говорить, заставляетъ васъ продержаться на ногахъ часовъ двѣнадцать или четырнадцать, и въ которомъ обѣ стороны теряютъ около пятидесяти тысячъ людей—населеніе цвѣтущаго промышленнаго города. Я уже не говорю о тѣхъ мелкихъ схваткахъ на аванпостахъ, въ которыхъ теряется человѣкъ двѣсти, триста, т. е. число людей, достаточное для основанія австралійской колоніи, — о нихъ обыкновенно тотчасъ же забываютъ.

Я достигъ театра военныхъ дѣйствій однимъ изъ первыхъ и покинулъ его однимъ изъ послѣднихъ. Сначала я думалъ, что война продлится не болѣе полугода; втеченіи долгой осады Севастополя, я каждый день былъ убѣжденъ, что мы завтра овладѣемъ городомъ. Я писалъ домой рѣдко, мнѣ отвѣчали еще рѣже и я очень мало зналъ о Бланшетѣ, лучше сказать, почти ничего не зналъ о ней, потому что въ письмахъ, получаемыхъ мною отъ моихъ стариковъ, говорилось только обо мнѣ, какъ и во всѣхъ письмахъ матерей и отцовъ, писанныхъ на театръ военныхъ дѣйствій. Почему же я не просилъ извѣстій о Бланшетѣ? Мы, солдаты, суевѣрны и вѣримъ, что если нѣтъ новостей, значитъ хорошія новости. Однакожь, ночью, на бивуакахъ, когда пронзительные вѣтры завывали и отгоняли отъ насъ сонъ, я не разъ вспоминалъ терпѣливыя маленькія руки, которыя, можетъ быть, шили во Франціи въ ту самую минуту, когда я раздумывалъ о нихъ. Бланшета! Бланшета! воспоминаніе о тебѣ освѣтило для меня не одну холодную зимнюю ночь, и въ тотъ день, когда мы зажгли потѣшные огни въ лагерѣ при извѣстіи о мирѣ, я покраснѣлъ, какъ школьникъ, при мысли о томъ, что теперь насъ ничто уже не разлучитъ: я былъ уже не бѣднымъ крестьяниномъ, а капитаномъ и кавалеромъ почетнаго легіона. Повышеніе идетъ быстро въ военное время, особенно у зуавовъ, которыхъ всегда посылали въ самыя опасныя мѣста и наши офицеры валились десятками. Я заслужилъ эполеты подпоручика при Альмѣ, лейтенанта при Инкерманѣ, чинъ капитана въ такой отчаянной схваткѣ, въ которой я едва не погибъ, но спасся какимъ-то чудомъ. Что касается ордена, онъ былъ прицѣпленъ къ моему мундиру послѣ небольшой схватки, въ которой сотни другихъ отличились больше моего и остались незамѣченными. Таковъ удѣлъ военныхъ. Мнѣ удалось замѣтить, лежавшаго на землѣ, гусарскаго офицера, который только былъ сброшенъ съ лошади, и такъ какъ виконтъ де-Гишо былъ часто у меня на умѣ, то я бросился поднять этого офицера. И въ самомъ дѣлѣ, это былъ виконтъ. Я взвалилъ его къ себѣ на плечи и вернулся съ нимъ къ нашимъ рядамъ, подвигаясь задомъ, такъ чтобы защищать, его насколько возможно, отъ русскихъ пуль. Наконецъ, когда я опустилъ его благополучно на землю, я видѣлъ, что 500 нашихъ солдатъ перестали стрѣлять и захлопали въ ладоши и нѣсколько гусарскихъ офицеровъ увели меня къ дивизіонному генералу де-Фракасу, нашему прежнему полковому командиру. Онъ обнялъ меня и далъ мнѣ свой собственный орденъ. Мнѣ показалось, что придали слишкомъ много значенія пустякамъ, потому что, въ то время, я даже не замѣтилъ, что былъ раненъ и чувствовалъ себя уже вознагражденнымъ тѣмъ, что мнѣ удалось спасти жизнь виконта де-Гишо.

Въ маѣ 1856 года, я ѣхалъ по очень пыльной дорогѣ въ тряскомъ экипажѣ, на козлахъ котораго Фурмиссо, оставившій одну руку въ Крыму и поступившій ко мнѣ въ услуженіе, жестикулировалъ своей единственной рукой. Никогда не умѣвшій сдерживать своихъ чувствъ, Фурмиссо далъ полную волю своей чувствительности и его честное лицо увлажнилось заразительными слезами. Дѣло въ томъ, что мы отправлялись къ себѣ въ деревню, гдѣ я не былъ втеченіи пяти, а Фурмиссо четырехъ лѣтъ и Фурмиссо началъ жестикулировать въ ту самую минуту, когда мы подъѣхали къ первой памятной намъ хижинѣ, вокругъ которой собралась вся деревня, чтобы встрѣтить насъ. На насъ смотрѣли, какъ на героевъ; мои старики зарыдали, когда я выходилъ изъ экипажа, и уцѣпились за меня. Бѣдный отецъ! Его честныя старыя руки дрожали, какъ въ лихорадкѣ, когда онъ дотрогивался до моего креста и эполетъ. Но мать не посмотрѣла на нихъ.

— Къ чему у тебя костыль, сынокъ, ты не писалъ намъ, что ты раненъ?

— Это пустяки, матушка; рана не мѣшаетъ мнѣ ходить.

— Но... сынокъ, ты едва стоишь... ты изувѣченъ... тебя искалѣчили...

Я эгоистъ и говорю только о себѣ, но та же сцена повторилась и съ Фурмиссо.

Война оставила страшные слѣды на нашихъ деревняхъ. Вслѣдъ за отцомъ и матерью около насъ собрались наши бывшіе пріятели, т. е. тѣ изъ нихъ, которые были въ живыхъ, потому что между ними не было ни дюжаго Жака, который такъ хорошо управлялъ плугомъ, ни Антуана, который пѣлъ веселыя пѣсни на деревенскихъ посидѣлкахъ, ни Люи, который былъ нашимъ товарищемъ по игрѣ въ шары. Вотъ мать Жака съ лицомъ, дряблымъ отъ слезъ, вотъ отецъ Антуана, который спрашиваетъ насъ, схороненъ-ли его сынъ въ отдѣльной могилѣ на балаклавскомъ кладбищѣ; а въ той хижинѣ недавно жили родители Люи, но теперь она опустѣла. Когда старики получили конвертъ съ черной каймой, сердца ихъ переполнились печалью и они умерли оба.

Но зачѣмъ останавливаться на такихъ эпизодахъ? День возвращенія долженъ быть радостнымъ днемъ. Одни должны умирать для того, чтобы другіе могли побѣждать, и если Жакъ, Антуанъ и Люи лишились жизни ради своей родины, то родители-патріоты не могли желать имъ лучшей участи. Я отворачиваюсь отъ окружающихъ меня лицъ, большинство изъ которыхъ озабочены, потому что въ этомъ году налоги были велики, а рабочихъ рукъ было мало, такъ что въ августѣ нельзя было ожидать хорошей

жатвы,—я отворачиваюсь отъ нихъ и ищу стараго Жана Пуаро и потомъ спрашиваю шепотомъ о Бланшетѣ. Мнѣ кажется, что она должна быть гдѣ-нибудь тутъ, въ толпѣ, что она прячется, чтобы узнать, спрошу-ли я о ней, что она готова выйти мнѣ на встрѣчу съ своимъ милымъ взглядомъ, съ улыбающимися и полными слезъ глазами, готова взглянуть мнѣ въ глаза своимъ прежнимъ честнымъ взглядомъ. Я оглянулся, Бланшеты не было. Но, можетъ быть, она все еще въ Мовевилѣ, на томъ мѣстѣ, которое ей досталъ графъ и ея старый отецъ поѣхалъ жить съ нею?

— Матушка, Бланшета все еще въ Мовевилѣ?

— О, мой милый! отвѣчала мать. — Ты говоришь о Бланшетѣ? Она сдѣлалась знатной дамой.

— Знатной дамой, матушка?

— Да, графъ нашелъ ей мѣсто въ Мовевилѣ, но она уже два года какъ отошла оттуда. Кто-то другой нашелъ ей мѣсто въ Парижѣ и теперь она очень богата, у нея своя карета и золотые браслеты.

— Значитъ она замужемъ?

— Не знаю, дитя мое, можетъ быть. Но я слышала, что она знаменитая актриса въ одномъ изъ парижскихъ театровъ и заработываетъ много денегъ.

Въ ту минуту Фурмиссо дернулъ меня за рукавъ, печальный и блѣдный.

— Я зналъ, что это случится, капитанъ. Роза Миньонъ ушла. Она покинула деревню для Парижа и никто не знаетъ ничего о ней.

— И не одна онѣ, замѣтилъ нашъ бѣдный старикъ пасторъ со вздохомъ, — рекрутскій наборъ уводитъ деревенскихъ дѣвушекъ такъ же, какъ и парней.

Глава V.

Бланшета актриса! Бланшета, разъѣзжающая въ собственной каретѣ! А почему и не такъ? Мы, солдаты, не пуритане и не считаемъ погибшей женщину, которая выступаетъ на театральныхъ подмосткахъ. Мы уважаемъ искуство, а развѣ сцена не одна изъ его высшихъ отраслей? Развѣ это не благородная профессія, въ которой отличались многія изъ самыхъ чистыхъ и лучшихъ женщинъ? Почему бы моей Бланшетѣ и не быть актрисой?

Я думалъ нѣкоторое время, что мнѣ придется остаться калѣкой на всю жизнь, такъ какъ я былъ раненъ ядромъ и моя рана была докучлива и долго не заживала. Но я поправился и послѣ шестимѣсячнаго ухода я былъ достаточно силенъ, чтобы снова вернуться на службу и отправился въ Парижъ, намѣреваясь обойти всѣ театры и отыскать Бланшету. Я долженъ упомянуть, что пересталъ относиться восторженно къ разоруженію. Въ концѣ русской кампаніи, я былъ зачисленъ въ гвардейскіе зуавы, съ жалованьемъ въ 6,000 франковъ, и нѣкоторые изъ моихъ взглядовъ на военные вопросы сильно измѣнились. Я уже говорилъ, что великая нація не должна быть скупа къ своимъ войскамъ и, не отрицая выгодъ мира, я считалъ, что война имѣетъ свои хорошія стороны. Такой взглядъ является неизбѣжнымъ результатомъ существованія громадной постоянной арміи.

Я пріѣхалъ въ Парижъ. Я узналъ отъ нашего друга-мэра, что Бланшета не была замужемъ. Во Франціи нельзя выйти замужъ безъ оглашенія въ деревнѣ, а Бланшету не окликали. Я заключилъ, что ей, вѣроятно, помогъ какой-нибудь извѣстный артистъ, который увидалъ въ ней признаки таланта, какой-нибудь антрепренеръ, который, проѣзжая черезъ Мовевиль, былъ пораженъ ея красотой. Я не рѣдко встрѣчалъ такія исторіи въ книгахъ. Правда, въ то время, какъ я зналъ ее, Бланшета умѣла только читать и писать, но вѣдь она могла усовершенствовать свое образованіе въ Мовевилѣ, послѣ моего отъѣзда. Но такъ или иначе, она была ангажирована, а я былъ убѣжденъ, что всѣ актрисы должны быть хорошо образованы.

Я напрасно искалъ имени Бланшеты Пуаро во всѣхъ газетахъ и афишахъ, но это не тревожило меня. Не совсѣмъ понимая смыслъ обычая, я зналъ, что французскія актрисы рѣдко играютъ подъ настоящими именами, а въ нашей деревнѣ никто не могъ сообщить мнѣ псевдонима Бланшеты. Я началъ свой обходъ съ «французскаго» театра, въ который я отправлялся втеченіи пяти вечеровъ сряду смотрѣть новыя пьесы; потомъ я пошелъ въ «Одеонъ», далѣе въ театръ «Гимназія» и, наконецъ, театръ «Водевиля». Затѣмъ, я изслѣдовалъ театры: Гэте, Амбигю, и Сен-Мартенскій. Однажды, вечеромъ, я отправился въ Палерояльскій театръ и цѣлый вечеръ волновался, потому что меня пугала мысль встрѣтить тутъ Бланшету. Мнѣ пришло въ голову, что поселяне ошиблись и что Бланшета пѣвица, а не актриса. Ея голосъ всегда казался мнѣ достаточно симпатичнымъ для любой оперы. Я напяливалъ парадную форму и бѣлыя перчатки и каждый вечеръ отправлялся, то въ одинъ, то въ другой, то въ третій оперные театры. Мои товарищи офицеры говорили за обѣдомъ въ столовой:«Броссъ помѣшался на музыкѣ». Они шутили, что я скоро растрачу все свое жалованье. Одинъ изъ офицеровъ написалъ своему брату, который имѣлъ связи въ министерствѣ изящныхъ искуствъ и я получилъ пачку даровыхъ билетовъ, которой съ меня хватило бы на цѣлый годъ. Правительство въ высшей степени было любезно къ намъ, гвардейскимъ офицерамъ.

Это происходило въ мартѣ 1857 года и парижскій зимній сезонъ шелъ къ концу. Я видѣлъ всѣхъ современныхъ знаменитостей такъ часто, что онѣ успѣли мнѣ надоѣсть. Въ это время многія изъ главныхъ актрисъ оставили Парижъ и отправились пожинать лавры въ провинцію. Не смотря на всѣ мои поиски, я не имѣлъ никакихъ свѣденій о Бланшетѣ и рѣшилъ было отложить мои поиски до слѣдующаго года, какъ однажды нашъ полковникъ сказалъ мнѣ, что одно высокопоставленное лицо отправляется въ одинъ бульварный театрикъ и что я назначенъ дежурнымъ.

У насъ во Франціи принято, когда высокопоставленныя лица отправляются въ театръ, отправлять десятка два солдатъ въ галлерею, а пять или шесть офицеровъ въ кресла. Офицеры ѣдутъ въ театръ въ штатскомъ платьѣ, но имъ предоставляется право имѣть при себѣ револьверъ. Въ семь часовъ я появился въ театрѣ съ смертоноснымъ орудіемъ въ карманахъ моего сюртука, но съ мирнымъ видомъ и въ мирномъ костюмѣ. Фурмиссо отправился со мною. Онъ все еще служилъ у меня и за нѣсколько дней до этого выразилъ желаніе сходить въ театръ. Я воспользовался случаемъ доставить ему удовольствіе и онъ отправился въ партеръ.

Въ театрѣ, куда мы прибыли, давались пьесы, вошедшія въ моду при началѣ второй имперіи; фарсы, разыгрываемые тамъ, вѣроятно, вызвали бы враждебныя манифестаціи въ другихъ странахъ со стороны, такъ называемыхъ, порядочныхъ зрителей. Но мы, французы, люди безъ предразсудковъ, мы не гонимся за порядочностью, которую мы во время владычества бонапартистовъ считали невыносимо глупой добродѣтелью, недостойной развитого народа.

Въ тотъ вечеръ, когда я отправлялся въ театръ, на афишахъ было объявлено: «Жена моего сосѣда», маленькая одноактная пьеска для съѣзда и «Царь Кандавлъ», музыкальный фарсъ въ трехъ актахъ.

Послѣдняя пьеса была главной приманкой. Это была милая галиматья, которая пришлась по вкусу нашей столичной золотой молодежи; антрепренеръ получалъ съ нее громадный сборъ, вѣроятно, благодаря двумъ или тремъ дамамъ, одѣтымъ въ весьма прозрачные костюмы и исполнявшимъ главныя роли съ большимъ шикомъ. Что же касается меня, то не питая сочувствія къ пьесамъ въ духѣ «Кандавла», я еще ни разу не былъ въ этомъ театрѣ и, подумавъ, что высокопоставленное лицо не пріѣдетъ въ свою ложу ранѣе восьми часовъ, я присѣлъ въ буфетѣ съ своимъ собратомъ офицеромъ напиться кофе и поболтать.

Время выборовъ приближалось и газеты были переполнены избирательными новостями. Мы обсуждали всѣ шансы оппозиціи, которая, повидимому, сосредоточивала всѣ свои силы для борьбы. Мой товарищъ зуавъ утверждалъ, что мы обладаемъ идеальнымъ парламентомъ. Ни одного члена со стороны оппозиціи, печатанье дебатовъ не дозволяется, всѣ законы вотируются въ строгой тайнѣ двумя стами депутатами, избранными скорѣе префектами, чѣмъ десятью милліонами избирателей.

— При такомъ парламентѣ сказалъ онъ, — и при такомъ сенатѣ для насъ все идетъ, какъ по маслу. Нѣтъ рѣчи ни о сокращеніи состава, ни объ уменьшеніи жалованья и мы получаемъ самыя лучшія мѣста. Если кто-нибудь изъ либеральныхъ крикуновъ попадетъ туда, мы запоемъ другую пѣсню. Тогда намъ будетъ хуже. Чортъ побери! ненавижу этихъ либераловъ. Пошлые моралисты! Они еще осмѣливаются утверждать, что вторая имперія царство безнравственности! Я не нахожу вторую имперію безнравственной. Ты какъ думаешь, Броссъ?

Въ эту минуту вошелъ слуга и сказалъ:

— Кажется, онъ пріѣхалъ, сударь.

Этотъ «онъ» было то высокопоставленное лицо, о которомъ я говорилъ Я заплатилъ за кофе и мы оба съ товарищемъ поспѣшили на свои мѣста.

Высокопоставленное лицо только что усѣлось и уже обратило свой бинокль на сцену. Въ креслахъ, среди зрителей, принадлежащихъ къ числу членовъ Жокей-клуба или клуба Королевской Улицы, раздался шепотъ волненія, они ждали звѣзду пьесы — м-ль Помпонинъ, весь талантъ которой заключался, судя по разсказамъ, въ умѣньи поднимать ногу на удивительную высоту при выполненіи нашего національнаго танца. Наконецъ, раздалось восторженное хлопанье моихъ сосѣдей и м-ль Помпонинъ появилась.

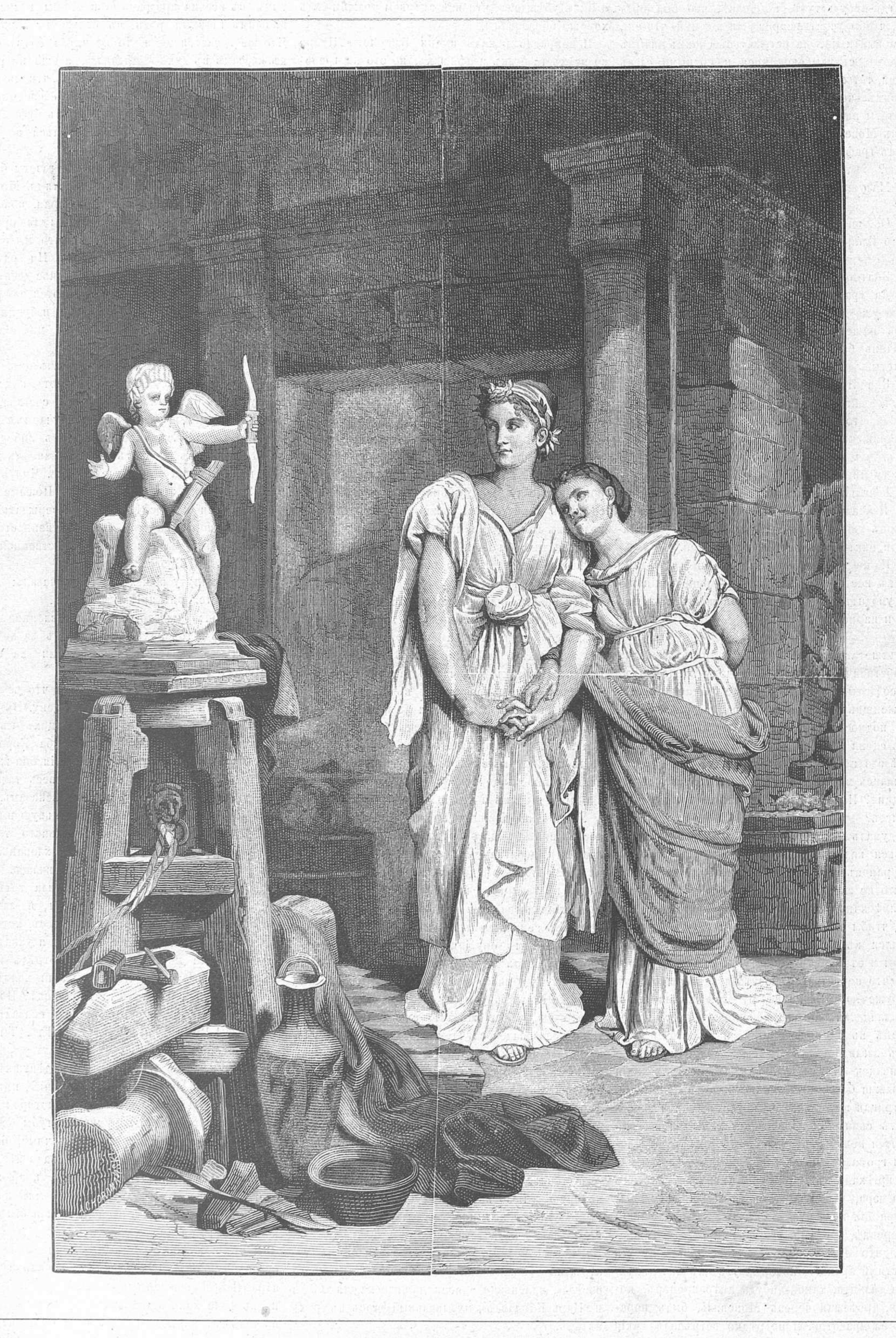
Да, она явилась, быстро подхватила тотъ мотивъ, который наигрывали скрипачи, и запѣла. Но почему же я... я, Аристидъ Броссъ, который сидѣлъ, какъ вкопаный... почему же я ухватился за обѣ ручки моего кресла и смотрѣлъ вдаль безумнымъ взоромъ? Почему капли холоднаго пота выступили на моемъ глупомъ лицѣ? Почему мой товарищъ взглянулъ на меня и сказалъ:

— Эге! Броссъ, ты вѣрно заболѣлъ. Ты поблѣднѣлъ, какъ полотно?

Въ этой наглой, обольстительной дѣвушкѣ, появившейся на сценѣ, въ этой дѣвушкѣ, которая была почти раздѣта, плечи и руки которой были осыпаны пудрой, лицо нарумянено, губы безстыдно улыбались публикѣ и симпатичный, безконечно симпатичный голосокъ напѣвалъ пѣсенку, заставившую меня, стараго солдата, покраснѣть до корней волосъ — я узналъ... но мнѣ нечего говорить вамъ кого? Съ этой минуты я болѣе не произносилъ ея имени.

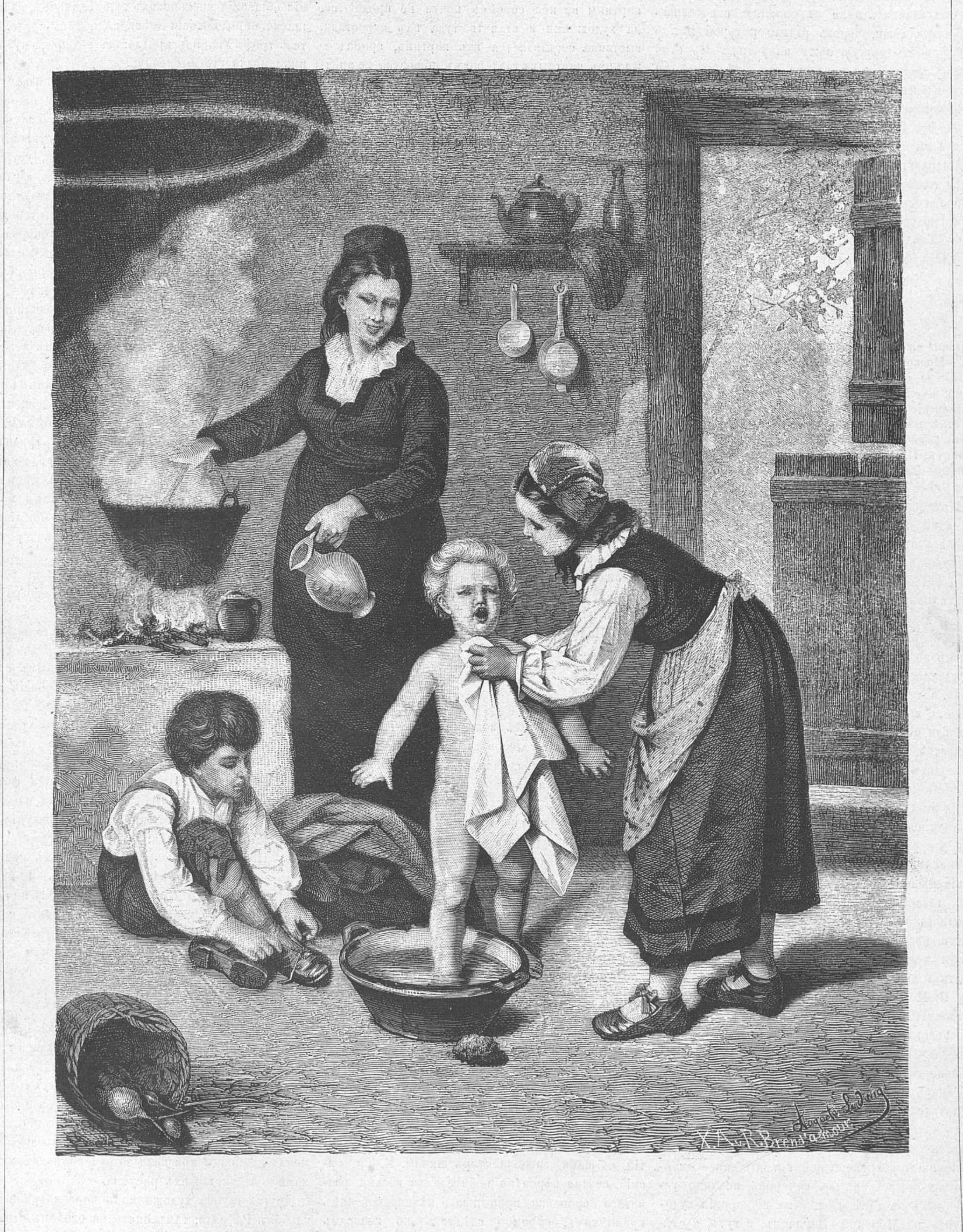
Я предоставилъ высокопоставленное лицо волѣ судебъ, вскочилъ съ кресла и выбѣжалъ изъ театра. Я намѣревался отправиться прямо домой, но въ фойе меня остановилъ Фурмиссо, который вышелъ изъ партера и шагалъ взадъ и впередъ, размахивая грозно своей единственной рукой и бормоча ругательства, которыя поражали лаке-

КАРТИНА А. КУРТЕНА.

Въ мастерской скульптора.

КАРТИНА А. ЛЮДВИГА.

Праздничное купанье.

Рѣзалъ на деревѣ Брендамуръ.

евъ. Увидя меня, онъ бросился впередъ и пробормоталъ:

— А, вы ее видѣли, капитанъ?

— Да, Фурмиссо, но не будемъ говорить объ этомъ. Не напоминай мнѣ никогда о ней.

Но онъ не обратилъ вниманія на мои слова и продолжалъ размахивать рукою.

— Да о комъ же ты говоришь, Фурмиссо?

Онъ схватилъ меня за манжету и потащилъ къ двери ложи, черезъ стекло которой можно было видѣть другую ложу напротивъ. Въ этой ложѣ сидѣли два кавалера съ нафабренными усами и женщина, одѣтая въ радужные цвѣта и бросающая на всѣхъ нахальные взгляды.

— Это Роза Миньонъ, прошипѣлъ онъ.—Неужели вы и теперь посовѣтуете мнѣ крикнуть. «Да здравствуетъ война!» Что же сдѣлала для меня ваша война? Вотъ что (и онъ коснулся обрубка и болтающагося рукава) и вотъ что (и онъ свирѣпо указалъ на Розу Миньонъ).

— Тсъ, Фурмиссо, сказалъ я.—Не такъ громко. Насъ подслушиваютъ.

Въ мірѣ искусства.

(Ст. Н. А Александрова.)

Задачи ежемѣсячнаго художественнаго фельетона.—Московское «общество любителей художествъ.—Вечера для сближенія художниковъ съ любителями. — «Любимѣйшій» московскій художникъ и московскіе любители художествъ.—Вечера въ «Обществѣ поощренія художествъ» въ Петербургѣ.—Фотографическое описаніе ихъ. — Новый молодой талантъ, Шильдеръ, и наши соображенія о его талантѣ. — Художественный аукціонъ въ Петербургѣ.—Разныя художественныя извѣстія.

Мнѣ еще ни разу не приходилось писать ежемѣсячно художественный фельетонъ, но, если принять въ соображеніе, что наше искусство,—совершенно непочатый уголъ, то задача подобнаго фельетона окажется далеко не такой трудной, какой представляется на первый взглядъ. Наши художественные критики, по газетному обыкновенію, плетутъ паутину въ этомъ углу только во время выставокъ; но не въ урочную пору туда не заглядываетъ ни чей любопытный глазъ, а тамъ между тѣмъ, часъ отъ часу, совершаются, хотя и не чудеса, но весьма любопытныя или интересныя явленія; т. е. основываются общества, школы, музеи, галлереи; и все это проходитъ мимо и мимо, какъ то въ тихомолку, къ намъ долетаютъ только по слухамъ одни названія этихъ обществъ, галлерей и музеевъ, мы пользуемся глухими извѣстіями или отрывистыми репортерскими увѣдомленіями. Смѣшно сказать, москвичи и до сихъ поръ не знаютъ о существованіи въ Москвѣ лучшей въ Россіи художественной галлереи П. М. Третьякова, которая открыта къ тому же безплатно и ежедневно для всѣхъ посѣтителей. Трудно также повѣрить, чтобы московское «Общество любителей художествъ» не знало что дѣлать съ подаренными ему П. М. Третьяковымъ ста тысячами, въ видѣ знаменитой Верещагиновской галлереи; трудно предположить, чтобы такой подарокъ былъ бы обществу въ тягость; но это все факты, и нѣсколько далѣе мы ихъ разъяснимъ.

Теперь же, желая послѣдовательно дѣлиться съ читателемъ тѣмъ громаднымъ, художественнымъ матеріаломъ, который у насъ подъ руками, считаемъ необходимымъ начать настоящій фельетонъ съ животрепещущей новости дня,— именно: съ художественныхъ вечеровъ, недавно устроенныхъ въ домѣ «Общества поощренія художествъ» на Морской. Впрочемъ, и тутъ, я сдѣлаю маленькое отступленье: ради характеристики этихъ вечеровъ, а также художниковъ и любителей Москвы и Петербурга, этихъ двухъ главныхъ центровъ нашего искусства, — я начну не съ Морской, а съ Москвы, т. е. съ художественныхъ вечеровъ, бывшихъ годъ тому назадъ въ «Обществѣ московскихъ любителей художествъ». Тамъ эти вечера устроились по слѣдующему случаю: одинъ изъ членовъ на годичномъ собраніи заявилъ, что «общество любителей художествъ», вслѣдствіе своей бездѣятельности, не приноситъ художникамъ ни малѣйшей пользы. Постоянная выставка, находясь на задворкахъ Страстнаго монастыря, никѣмъ не посѣщается, картины на ней совсѣмъ почти не продаются, да художники и ставить туда ихъ перестали, выставка составляется изъ картинъ, принадлежащихъ частнымъ галлереямъ, общество не предпринимаетъ ровно ничего, чтобы могло способствовать развитію искусства, ни о какомъ сближеніи между художниками и любителями, что намѣчено однимъ изъ главныхъ параграфовъ устава, не заботится; и т. д...

— Нѣтъ-съ о сближеніи общество заботится, возражалъ одинъ изъ главныхъ членовъ комитета, В. Станкевичъ. — Сближеніе, говорилъ онъ,—это значитъ не то, что брюхо съ брюхомъ сойдтись... художники ставятъ картины, а любители ихъ смотрятъ, — вотъ и сближеніе... были наконецъ, и художественные вечера...

— Отчего-жъ ихъ теперь нѣтъ, замѣтилъ кто-то изъ членовъ.

— Да потому что никто ихъ не хотѣлъ посѣщать... на первый разъ пришло человѣкъ двадцать, на второй явилось десять; а на третій общество даромъ только керосинъ жгло...

Такимъ образомъ, сближеніе не удалось; но несмотря, однако, и на такіе внушительные доводы, что у общества керосинъ даромъ горѣлъ, ради сближенія, рѣшено было, большинствомъ голосовъ, вновь устроить художественные вечера.

Вечера устроились...

— Какъ пріятно, необыкновенно пріятно сойдтись хоть разъ въ недѣлю и любителямъ, и художникамъ... Необходимо сближеніе... обмѣнъ мыслей, взглядовъ... очень пріятно, говорилъ кто-то изъ художниковъ.

— Надо дѣло затѣять, предлагалъ другой художникъ...

— Надо предсѣдателя выбрать, говорилъ третій...

Предсѣдателя вечеровъ выбрали...

— Надо на счетъ закуски подумать, раздалось нѣсколько голосовъ...

— Нарисуемте сейчасъ по картинкѣ и разыграемъ ихъ для закуски въ лоттерею, рѣшилъ предсѣдатель...

Рисунки быстро разыгрались, закуска явилась. На другой вечеръ она явилась еще быстрѣе; на третій не успѣли собраться, какъ закуска была уже на столѣ...

— А что на счетъ дѣла, замѣтилъ кто-то на четвертомъ и, кажется, послѣднемъ вечерѣ...

— Да какое-жъ еще дѣло... сближаемся... чего-жъ еще, слышалось нѣсколько голосовъ.

На этомъ сближеніи за закуской вечера окончились и болѣе уже не возобновлялись. Но художники лишній разъ повидали своихъ любителей, а любители лишній разъ оказали художникамъ извѣстное вниманіе и любезность... Въ Москвѣ любители совершенно въ иныхъ отношеніяхъ съ художниками, чѣмъ въ Петербургѣ, отчего и любезности, проявляемыя любителями, бываютъ также иныя... Такъ одинъ изъ любителей ходитъ, напримѣръ, по классамъ школы, во время занятій, въ шапкѣ, и инспекторъ школы, К. Трутовскій, считая вѣроятно любителя за весьма развитаго европейца, привыкшаго къ европейскимъ привычкамъ, скромно слѣдуетъ по классамъ вслѣдъ за европейцемъ-любителемъ. «Общество любителей художествъ» объявляетъ о выставкѣ какихъ-то двухъ произведеній «любимѣйшаго публикою художника» (слово въ слово изъ «Москов. вѣдомостей»), фамилію котораго публика впервые слышитъ. Въ Петербургѣ никто никогда и не слыхалъ ни о какихъ любимѣйшихъ художникахъ, но въ Москвѣ они во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ состоятъ при каждомъ любителѣ. Вслѣдствіе, вѣроятно, этого вечера для сближенія тамъ и неудаются, такъ какъ любимѣйшіе молчатъ, желая слушать любителей, а любители молчатъ, не желая много разговаривать. Этимъ же отличаются обыкновенно и годичныя собранія общества московскихъ любителей, гдѣ, единогласно, впродолженіи двѣнадцати лѣтъ предсѣдатель графъ Уваровъ предлагалъ выборы, а художники молча его выбирали...

Въ Петербургѣ любители искусства извѣстны только по фамиліямъ и «Общество поощренія художествъ» никогда еще не объявляло о какомъ-либо «любимѣйшемъ» художникѣ. Вслѣдствіе этого художественные вечера въ Петербургѣ, устраиваемые прежде въ академіи, потомъ въ «артели художниковъ», а также и въ «художественномъ клубѣ» всегда были многолюдны, веселы и полезны. Объ академическихъ пятницахъ и теперь еще вспоминаютъ художники съ особеннымъ удовольствіемъ. Это, дѣйствительно, или безспорно, были прекрасные вечера и если они разстроились, то причина, конечно, заключалась не въ молчаніи на нихъ. Опытъ однако, даетъ, извѣстные результаты и можно надѣяться, какъ выразился одинъ изъ художниковъ, на прогресъ или на то, что художественные вечера идутъ впередъ, такъ какъ были четверги, пятницы, а теперь въ «Обществѣ поощренія художествъ» назначены субботы.

Въ первую субботу было человѣкъ тридцать художниковъ и нѣсколько литераторовъ, во вторую было уже пятьдесятъ человѣкъ; и, нѣтъ сомнѣнія, что вечера эти разовьются, такъ какъ общество обладаетъ превосходнѣйшею библіотекою и затѣмъ всѣми средствами для вечернихъ художественныхъ занятій.

Для нагляднаго ознакомленія съ этими вечерами, я постараюсь ихъ нѣсколько фотографировать.

Среди большой залы постоянной выставки, обставленной множествомъ различнаго рода картинъ, стоятъ длинные, покрытые зеленымъ сукномъ, столы. На нихъ повсюду въ изобиліи лежатъ фотографіи, альбомы, рисунки, замѣчательныя изданія; тутъ же послѣдніе нумера художественныхъ журналовъ. Около одного альбома или изданія собралась одна группа художниковъ, у другого другая; тамъ разсматриваются фотографіи съ рисунковъ Леонардо де-Винчи, и одинъ изъ профессоровъ академіи любуется рисунками знаменитаго художника.

— Посмотрите, говоритъ онъ, — какъ правиленъ рисунокъ, съ какимъ смысломъ и какъ бойко каждая черта проведена, тутъ нѣтъ ничего лишняго, ничего утрированнаго... взгляните, какъ человѣкъ изучалъ и добивался начертить вотъ эту голову или ногу: разъ вонъ начертилъ, другой, третій... и все мало... онъ и еще ее зачерчиваетъ... У насъ такъ серьезно къ рисунку относился только одинъ Ивановъ.

И альбомъ фотографій де-Винчи долго, тщательно всѣми просматривается; всѣ согласны съ замѣчаніями профессора, но иныхъ болѣе интересуетъ самый характеръ нарисованныхъ головъ и фигуръ; указываютъ на экспрессію, на движеніе; говорятъ, что русскіе давно уже отличались педантизмомъ въ рисункѣ, и въ давнія еще времена европейцы признали за русскими художниками достоинство ихъ рисунка.

Другая группа художниковъ пересматриваетъ альбомъ Рафаэля; тамъ опять, на особомъ столѣ, всѣ занялись драгоцѣннѣйшимъ изданіемъ «россійскихъ древностей» Солнцева. Въ одной же изъ группъ идетъ оживленная бесѣда о послѣдней всемірной выставкѣ; говорятъ о надѣлавшей много шума картинѣ Макарта, о «Мильтонѣ», Мункачи, объ Альмѣ Тодемѣ, картинахъ Форту-

ни, объ испанской, французской, итальянской, англійской школахъ...

— Любопытно видѣть всѣ эти школы вмѣстѣ, разсказываетъ одинъ изъ художниковъ, бывшихъ на выставкѣ, — тутъ ясно замѣчаешь, какъ природа и жизнь дѣйствуютъ на искуство; у французовъ — блескъ, драпировки, женщины; у испанцевъ — превосходнѣйшій колоритъ, краски, но ничего другого, никакого содержанія; у русскихъ — картины всѣ черны, тусклы, но выработался въ ихъ длинные вечера рисунокъ, есть содержаніе...

— Хотя и печальное содержаніе, замѣчаетъ одинъ изъ литераторовъ, — и странно, отчего это наши, напримѣръ, пейзажисты не ѣздятъ по Россіи, а приклеились къ одному Петербургу, и изображаютъ нашу сѣрую, дождливую, грязную природу, и какіе-то скучные, однотонные, печальные мотивы...

— Какъ не ѣздятъ по Россіи, — какъ лѣто, рѣдко кто изъ пейзажистовъ остается въ Петербургѣ, вмѣшивается въ разговоръ Д. В. Григоровичъ, и слова его подтверждаютъ нѣсколько рядомъ сидѣвшихъ художниковъ.

— Мотивы печальны вовсе не по этому у русскихъ художниковъ, вставляетъ кто-то изъ жанристовъ свое замѣчаніе.

И какъ слова Д. В. Григоровича, такъ и замѣчаніе жанриста имѣютъ безспорно основаніе. Разговоръ тѣмъ не менѣе не прекращается; литераторъ дѣлаетъ весьма мѣтко нѣсколько замѣчаній, художники объясняютъ ихъ по своему, и оживленная бесѣда усложняется разными вопросами, толкованіями, которыя наводятъ каждаго на мысль, на извѣстный взглядъ, касающійся того или другого предмета.

Второй художественный вечеръ Д. В. Григоровичъ открылъ весьма интереснымъ сообщеніемъ о необыкновенно талантливомъ, восемнадцати-лѣтнемъ юношѣ—пейзажистѣ г. Шильдерѣ. Послѣ нѣсколькихъ прочувствованныхъ словъ, сказанныхъ Григоровичемъ о томъ, какъ у насъ рѣдки выдающіеся таланты и какъ отрадно, когда является такой талантъ, — на мольбертѣ показались и самыя произведенія г. Шильдера. Онѣ крайнимъ образомъ всѣхъ заинтересовали. Передъ художниками явились рисунки, сдѣланные карандашомъ и соусомъ на холстѣ, — но это были не рисунки начинающаго, а смѣлая, бойкая, опытная рука, обличающая знаніе, вкусъ, извѣстный пріемъ и серьезное направленіе. Тоже самое обнаружилось и въ альбомахъ г. Шильдера, тутъ же представленныхъ и переходившихъ изъ рукъ въ руки. Вездѣ и повсюду, начиная съ зачерчиваній и простыхъ бѣглыхъ карандашныхъ замѣтокъ, талантливый юноша казался опытнымъ, много практиковавшимся художникомъ, и это одно, а также однообразность эфекта, нѣкоторый затверженный пріемъ, и наконецъ особый способъ выдѣлять листья и вѣтки посредствомъ ножа и бѣлилъ, навело на насъ цѣлый рядъ размышленій. Въ рисункахъ г. Шильдера мы нигдѣ и ни въ чемъ не замѣтили той наивности и той, опять-таки, своеобразности, которыя присущи всегда самымъ талантливымъ начинающимъ художникамъ: въ нихъ нѣтъ той свѣжести, той простоты и той также легкости, которая свойственна живой натурѣ, незаѣженной школами и обработкой; въ нихъ не видать и той жизненности впечатлѣній, которыя болѣе всего обнаруживаютъ художественный талантъ. Рисунки г. Шильдера однообразны, какъ мы уже и сказали, по эфектамъ, однообразны по мотивамъ, по пріему; и, выражаясь рѣзко, отъ нихъ скорѣе отпахиваетъ старостью, чѣмъ юностью. Г. Шильдеръ, сынъ извѣстнаго художника-портретиста. И что скажемъ мы въ заключеніе, если восемнадцатилѣтній юноша, лѣтъ уже двѣнадцать или десять, какъ рисуетъ и рисуетъ настойчиво, усидчиво, обладая при этомъ громаднымъ терпѣніемъ?

Я не берусь ничего предрѣшать относительно таланта г. Шильдера, но ставлю послѣдній вопросъ на томъ основаніи, что, при тщательномъ осмотрѣ рисунковъ и альбома, на этотъ вопросъ невольно наводятъ представленныя нами выше соображенія.

Впрочемъ, такъ или иначе, но восемнадцатилѣтній юноша, обладающій такими техническими способами и знаніемъ, какіе мы видимъ у г. Шильдера, если и не геніяльный талантъ, то, во всякомъ случаѣ, талантъ незаурядный. Не увлекаясь особенно и не вдохновляясь преждевременно, мы все-таки привѣтствуемъ въ немъ появленіе хорошаго художника. Отъ души желаемъ, какъ ему, такъ и художественнымъ вечерамъ, прекрасно устроеннымъ «Обществомъ поощренія художествъ», дальнѣйшаго совершенствованія и развитія. Авось, хоть эти вечера завоюютъ себѣ право гражданства на долгое существованіе!..

Въ заключеніе сообщу еще одну отрадную художественную новость, — о новомъ рынкѣ для художниковъ, — аукціонной камерѣ «художественнаго отдѣленія общества заклада движимыхъ имуществъ». Отдѣленіе это устроилось тому назадъ два года; но дѣла его шли не особенно блистательно; теперь же аукціонная продажа на столько развилась, что ежемѣсячно продается до двухсотъ художественныхъ произведеній. На выставкѣ этого аукціона попадаются картины И. Шишкина, Айвазовскаго, Гине, Карзухина, Журавлева, и недавно шла на аукціонѣ громадная колекція акварелей и рисунковъ иностранныхъ и русскихъ художниковъ. Въ Москвѣ также пробовали было устроить художественный аукціонъ, но тамъ и такъ называемый артистическій кружокъ, нѣчто въ родѣ здѣшняго художественнаго клуба, не нуждается ни въ какихъ художественныхъ произведеніяхъ, за исключеніемъ развѣ всякихъ художествъ по части безобразій.

Закончу, однако, свой ежемѣсячный фельетонъ еще одной отрадной новостью: г. Леманъ, владѣтель магазина эстамповъ въ Петербургѣ, пріобрѣлъ право на выставку «Христа» Макса. Эта знаменитая картина уже прибыла въ Петербургъ, и, какъ намъ сообщили, будетъ выставлена въ «с.-петербургскомъ обществѣ художниковъ». Исторію этой картины, а также ея описаніе мы дадимъ нашимъ читателямъ своевременно; что же касается исторіи Верещагиновской галлереи, о чемъ мы упомянули въ началѣ фельетона, то ее отлагаемъ до перваго случая, когда дѣло будетъ идти о развитіи искусства въ Москвѣ.

Дикіе въ Австраліи.

Австралія, подобно Африкѣ, представляетъ для путешественника, желающаго ознакомиться съ ея природой, трудно преодолимыя преграды. О той и другой странѣ можно сказать: «много тропинокъ ведетъ въ львиную яму, немного изъ нея выводитъ». Голодъ, жажда, ядовитыя змѣи и хитрые туземцы, — вотъ враги, ожидающіе здѣсь путешественника; во многихъ мѣстахъ жажда и сильный вѣтеръ отнимаютъ у путешественника остатки силъ. Днемъ, напримѣръ, солнце прожжетъ землю, обративъ ее въ легко подымающуюся въ воздухѣ пыль; вечеромъ нѣтъ ни капельки росы, а ночью — жаркій, удушливый вѣтеръ, какъ бы исходящій изъ кузнечной печи, довершаетъ мученіе. Нерѣдко случается, что путешественнику нѣсколько дней къ ряду не удается встрѣтить воды и онъ легко можетъ лишиться лошадей. Лишившись же ихъ, путешественникъ находится въ самомъ безотрадномъ положеніи, и тогда пойметъ разумность и необходимость мѣры, предпринимаемой обитателями сѣверо-американскихъ степей, которые караютъ одинаково строго за убійство и за кражу лошадей. Притомъ нужно замѣтить, что опасность въ сѣверо-американскихъ степяхъ гораздо меньше, чѣмъ въ Австраліи.

Трудно, болѣе или менѣе опредѣленно, сказать, сколько путешественниковъ пало отъ руки туземцевъ. Во всякомъ случаѣ, число ихъ громадно. Къ такимъ жертвамъ нужно причислить и несчастнаго Людвига Лейгардта, безслѣдно исчезнувшаго въ 1848 году во время поисковъ новаго пути поперегъ континента изъ Сиднея къ западному берегу. Онъ былъ слишкомъ опытнымъ и практичнымъ путешественникомъ, чтобы его исчезновеніе можно было приписать недостатку воды или пищи. Впрочемъ, одинъ изъ туземныхъ жителей сознался, что какой-то бѣлый, по описанію и примѣтамъ Лейгардтъ, былъ окруженъ австралійцами въ мѣстности, находящейся въ 40 нѣмецкихъ миляхъ отъ Кондамины и вмѣстѣ со своими товарищами былъ ими убитъ. Убійство другого путешественника — Кунегама, который вмѣстѣ съ маіоромъ Митчелемъ принималъ участіе въ одномъ изъ важнѣйшихъ путешествій по Австраліи вполнѣ доказано. Кунегамъ какъ-то отлучился отъ своихъ товарищей и больше къ нимъ не возвратился. Послѣ долгихъ поисковъ друзьямъ его удалось найти у дикарей вещи, принадлежавшія Кунегаму. Съ цѣлью добыть новыя свѣдѣнія былъ высланъ чиновникъ конной полиціи. Двое изъ племени дружелюбнаго бѣлымъ, разсказали ему, что какой-то «бѣлый» дѣйствительно погибъ отъ руки австралійцевъ, имена которыхъ они сейчасъ же и передали чиновнику. При содѣйствіи двухъ дикихъ, согласившихся указать чиновнику мѣсто пребыванія дикарей, удалось захватить ихъ врасплохъ на берегу озера. Ихъ было числомъ до 40. У пойманныхъ найдены были вещи принадлежавшія убитому. Трое изъ нихъ сознались въ убійствѣ. Они разсказали, что во время отдыха они увидѣли «бѣлаго, показывавшаго имъ, что онъ голоденъ. Они его накормили и повели съ собою. Ночью онъ нѣсколько разъ вставалъ и этимъ возбудилъ ихъ подозрѣніе. Чтобы избавиться отъ его бѣгства и могущей вслѣдствіе этого возникнуть опасности, они рѣшили отдѣлаться отъ него. Одинъ изъ дикарей ударилъ Кунегама палицей въ голову, а когда онъ, оглушенный этимъ ударомъ, упалъ на землю — другіе нѣсколькими ударами довершили задуманное убійство. Трупъ убитаго нѣсколько времени спустя былъ найденъ и погребенъ.

Только немногіе изъ австралійскихъ дикарей охотно предлагаютъ свои услуги путешественникамъ. Къ выдающимся среди нихъ личностямъ должно отнести Майенгелли (рис. 1), начальника австралійскаго племени, названнаго англичанами наттаи. Это названіе происходитъ отъ мѣстности, расположенной у истоковъ рѣки Наттаи, гдѣ обитаетъ Майенгелли со своими подданными. Когда въ этой мѣстности предприняты были нивеллирныя работы, Майенгелли оказывалъ инженерамъ неоцѣнимыя услуги, безъ которыхъ они никогда не съумѣли бы выполнить возложенной на нихъ задачи. Вся мѣстная почва представляетъ одинъ сплошной рядъ непроходимыхъ пропастей и ямъ, вертикальныя стѣны которыхъ доступны только опытному глазу туземца. Въ настоящее время въ однѣхъ каменоломняхъ, принадлежащихъ англичанамъ и расположенныхъ въ этой мѣстности, добываютъ великолѣпный кристаллическій мраморъ, изъ котораго въ Сиднеѣ выдѣлываютъ плиты для столовъ, паркетовъ и т. п. вещи.

Съ языкомъ дикарей, въ большинствѣ, по крайней мѣрѣ, путешественники незнакомы, и потому почти всегда названія племенъ взяты отъ названій рѣкъ или озеръ, въ окрестностяхъ которыхъ обитаетъ то или другое племя. Отъ этого

Рис. 1. **Майенгелли.**

Рис. 3. Дикій изъ племени, обитающаго на берегахъ рѣки Боганъ.

часто происходитъ сбивчивость въ описаніяхъ путешествій: въ одной и той же книгѣ, одно и тоже племя приводится подъ разными названіями. Только немногія изъ здѣшнихъ рѣкъ не высыхаютъ лѣтомъ, а потому понятно, что живущія у ихъ береговъ племена волей неволей принуждены скитаться съ мѣста на мѣсто. Вообще, однако, при этихъ переходахъ, дикія австралійскія племена стараются придерживаться извѣстныхъ направленій; такъ, напримѣръ, обыкновенно они переходятъ внизъ по теченію, стараются по возможности дольше имѣть на глазахъ извѣстную часть обитаемой ими страны, узнавая ее по какимъ-нибудь природнымъ ея качествамъ. Эту часть они считаютъ своей собственностью. Путешественнику въ этомъ очень легко убѣдиться, если онъ внимательно слѣдитъ за проводникомъ изъ дикихъ. Этотъ послѣдній избѣгаетъ густыхъ лѣсовъ и переходовъ черезъ рѣки, считая землю, расположенную по ту сторону рѣки или лѣса, чужою, и опасаясь мести другого племени.

Тѣ изъ туземцевъ, которые поддерживаютъ сношенія съ европейцами и сблизились съ ними, даютъ

Рис. 2. **Таламбе.**

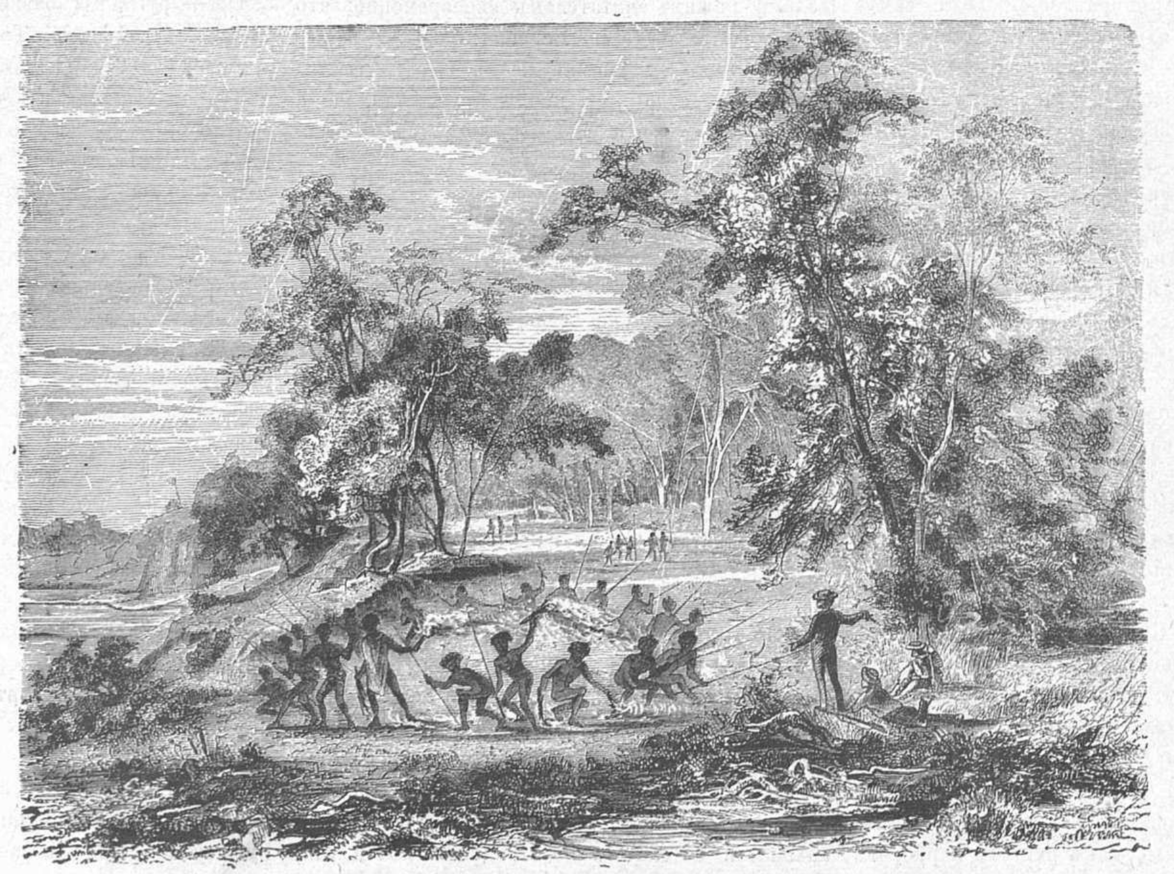

Рис. 4. Пляска дикарей.

(Къ статьѣ «Дикіе въ Австраліи».)

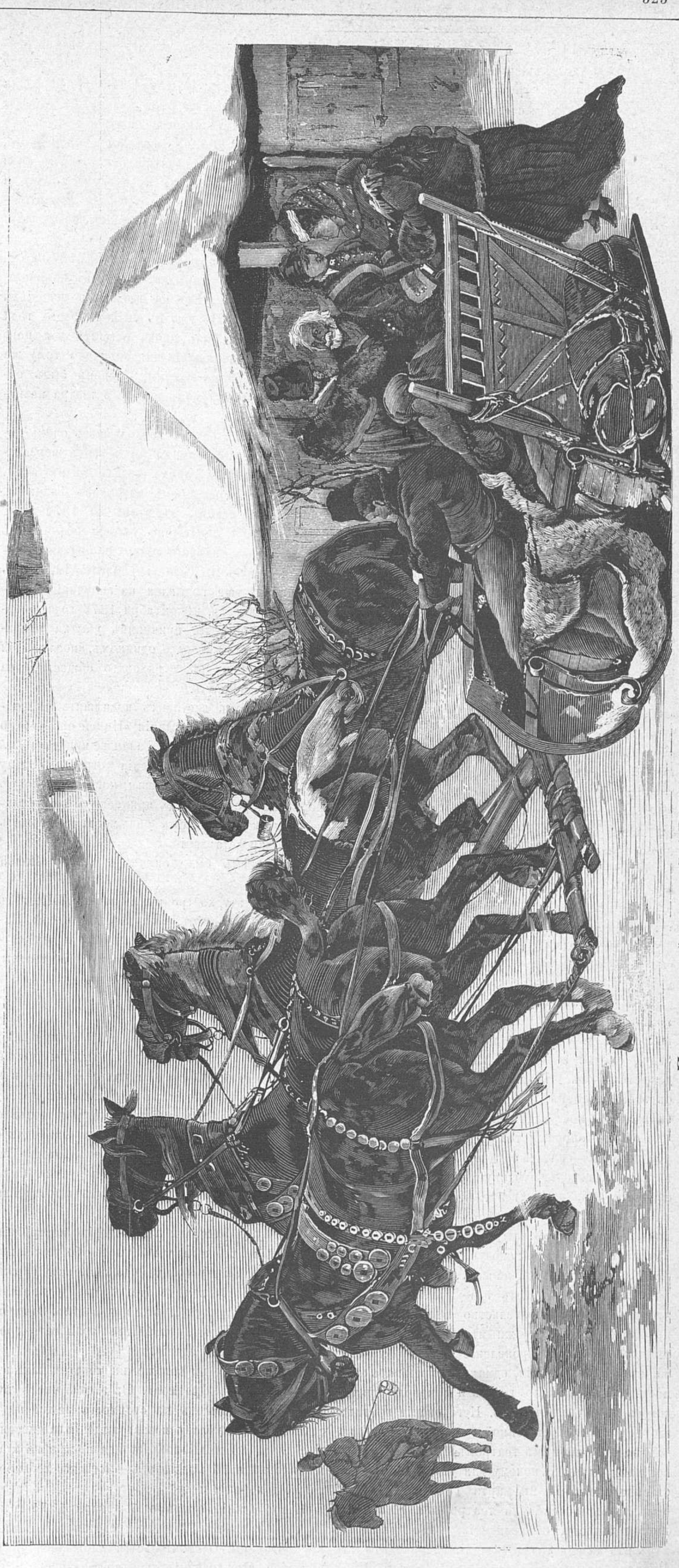
названіе мыалисъ (дикихъ) тѣмъ изъ своихъ собратьевъ, которые до сихъ поръ сторонятся отъ бѣлыхъ. Иногда мыалисы прибѣгаютъ къ жестокимъ средствамъ, чтобы избавить свою территорію отъ непрошенныхъ гостей. Одинъ изъ путешественниковъ, находясь на вершинѣ высокой горы вблизи рѣки Лахланъ, былъ свидѣтелемъ слѣдующаго: «Изъ всѣхъ холмовъ, видныхъ съ того мѣста, на которомъ я находился, возвышались столбы густого дыма. Туземцевъ нигдѣ не было, а потому я никакъ не могъ понять, что значатъ эти столбы дыма, тѣмъ болѣе, что, насколько мнѣ было извѣстно, дикіе стараются жить вблизи рѣкъ и озеръ въ долинахъ. Мѣстность же, находящаяся передъ моими глазами, лишена была воды. Мои старанія разъяснить причину дыма остались тщетными. Оставивъ мѣсто наблюденія, мы поѣхали дальше. Къ ночи мы очутились въ лѣсу. Трескъ сухихъ вѣтвей и сильный вѣтеръ ясно доказывалъ, что огонь приближается. На слѣдующій день мы проѣзжали мимо горящаго лѣса. Съ разныхъ точекъ исходящее пламя было лучшимъ свидѣтельствомъ того, какъ ловко задуманъ былъ туземцами

планъ избавиться отъ насъ: они хотѣли окружить насъ горящимъ лѣсомъ, будучи увѣрены, что въ пламени мы неминуемо погибнемъ. Громадныя деревья падали съ ужаснымъ трескомъ. На протяженіи пяти англійскихъ миль мы ѣхали среди удушливаго дыма, опасаясь на каждомъ шагу встрѣтить дикихъ».

Нужно замѣтить, что дикіе, рѣшившіеся на это средство избавленія отъ бѣлыхъ, жили въ мѣстности небогатой водою, а деревья, сжигаемыя ими, дорого цѣнились. Во время засухи, страшной въ этой лишенной воды мѣстности, дикіе вырываютъ деревья и сокомъ ихъ корней утоляютъ мучительную жажду. Часто случается встрѣтить ихъ за этой работой: они разрѣзываютъ корни на малые куски и высасываютъ изъ нихъ сокъ. Что имъ часто приходится голодать, это очень легко замѣтить, смотря на ихъ жалкое, высохшее тѣло. Среди нихъ однако попадаются единицы атлетическаго тѣлосложенія, точно также среди ихъ уродливыхъ вообще физіономій случается увидѣть лицо довольно красивое. Конечно, это красота относительная. Особенно среди юношей попадаются индивидуумы, которыхъ не постыдились бы европейскіе родители. Дикіе украшаютъ ихъ зелеными вѣтвями, такъ что только одно лицо и ноги остаются не покрытыми. Молодого австралійца — таламбе (рис. 2) очень легко отличить отъ стараго. Родители не украшаютъ своего тѣла зеленью, а покрываютъ его, ради охраны отъ насѣкомыхъ, толстымъ слоемъ глины.

Одинъ изъ прежнихъ и опытныхъ эксплоататоровъ Австраліи встрѣтилъ на берегахъ рѣки Боганъ дикое племя, обычаи котораго были для него совсѣмъ новы. Первыми попались ему на встрѣчу взрослый мужчина (рис. 3) и юноша. Взявъ въ руки зеленую вѣтвь, онъ сталъ къ нимъ приближаться. Мужчина, державшій такую же вѣтвь, знаками старался дать понять, чтобы къ нему не подходили. Его движенія были настолько краснорѣчивы, что нашъ путешественникъ со своими товарищами отошелъ отъ нихъ въ сторону. Старшій изъ дикихъ взялъ тогда въ руки копье и дѣлалъ имъ движенія, цѣлью которыхъ, какъ казалось, былъ созывъ другихъ дикихъ. Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько времени явилось человѣкъ двадцать дикихъ, точно также украшенныхъ зеленью и державшихъ въ рукахъ зеленыя вѣтви, которыми они дѣлали знаки, довольно краснорѣчивые для того, чтобъ понять, что они требуютъ немедленнаго удаленія бѣлыхъ. «Когда я хотѣлъ подойти къ нимъ, разсказываетъ далѣе путешественникъ, они стали бросать въ меня пескомъ и махать вѣтвями. Изъ всего было видно, что они намѣревались, въ случаѣ, если бы мы сейчасъ не ушли, съ оружіемъ въ рукахъ сдѣлать на насъ нападеніе. Отъ этого избавилъ насъ нашъ кузнецъ, расположившійся неподалеку съ своей кузницей, что заинтересовало дикарей. Я подарилъ одному изъ дикихъ топоръ, употребленіе котораго было ему извѣстно, такъ какъ онъ сейчасъ же сдѣлалъ нѣсколько ударовъ по близь стоящему дереву. Двое дикихъ протянули руки за пистолетами, находившимися при мнѣ. Желая узнать какое это произведетъ на нихъ впечатлѣніе, я выстрѣлилъ изъ пистолета. Дикіе смотрѣли на меня съ удивленіемъ. Постоявъ двѣ-три минуты они стали танцовать (рис. 4) вокругъ насъ, подбрасывая вверхъ копья и махая вѣтвями. Вообще ихъ поведеніе и обычаи во всемъ не сходились съ обычаями другихъ дикихъ племенъ, которыя случалось мнѣ встрѣчать въ Австраліи».

Вообще австралійскіе дикари стоятъ на самой низшей ступени развитія, если еще они способны развиваться. Никакой традиціи, никакого постояннаго угла, никакихъ болѣе или менѣе удобныхъ къ употребленію снарядовъ—ничего

Передъ отъѣздомъ. Картина Хелмонскаго.

подобнаго нѣтъ у нихъ и слѣдовъ. Американскіе краснокожіе удостоились чести быть воспѣтыми въ поэзіи и романѣ; грязные дикари Австраліи наврядъ-ли будутъ въ состояніи воодушевить какого-нибудь Шатобріана или Купера?..

Изъ Парижа.

(Письмо **Н. Тарже.**)

Приступая къ обѣщанному въ прошломъ письмѣ обзору театральныхъ новостей, я прежде остановлюсь нѣкоторое время на такъ называемомъ «оперномъ вопросѣ», который представилъ собою удобный матеріялъ для газетныхъ хроникеровъ и для толковъ въ городѣ. Кромѣ того онъ возбудилъ надежды во многихъ «мастерахъ» театральнаго дѣла, такъ какъ разрѣшеніе его въ извѣстномъ направленіи давало возможность тому или другому лицу ухватиться за лакомый пирогъ, олицетворяемый должностью директора, управляющаго такъ называемою «Большою оперою».

Интересно прослѣдить исторію нашей итальянской оперы за послѣднее время. Первая итальянская оперная труппа была приглашена во Францію кардиналомъ Мазарини. Понятно, правительство взяло на свой рискъ предпріятіе и новая забава обходилась Франціи не дешево. Съ тѣхъ поръ, итальянская опера водворилась въ Парижѣ. Настоящимъ антрепренеромъ ея было по большей части правительство, но случалось, министру надоѣдали постоянные дефициты оперы и онъ отдавалъ оперный театръ въ частныя руки, но не съ торговъ, а по своему выбору. Были счастливцы, которымъ удавалось вести дѣло безъ убытковъ, но большинство частныхъ содержателей прогорало и правительство, во избѣжаніе скандала, платило ихъ долги. Такимъ образомъ, въ результатѣ выходило одно и тоже: чистая потеря отъ итальянской оперы, хотя стоимость мѣстъ на ея представленіяхъ значительно превышала стоимость ихъ во всѣхъ другихъ театрахъ.

Въ моментъ декабрьскаго государственнаго переворота, итальянская опера находилась въ частномъ содержаніи Рокеплана, дѣла котораго шли такъ плохо, что къ началу 1854 года у него образовался долгъ въ 900,000 франковъ. Поневолѣ пришлось ему поклониться бонапартистскому правительству и просить, чтобы его выручили изъ затруднительнаго положенія.

Наполеонъ III, желая имѣть театръ спеціально для богатой публики («Французскій» театръ находился въ оппозиціи къ новому правительству), охотно согласился помочь Рокеплану и декретомъ отъ 1 іюля 1854 года объявилъ, что съ этого времени лирическій театръ (итальянская опера) поступаетъ на казенное содержаніе. Что стоилъ оперный театръ правительству второй имперіи — сказать трудно, потому что составители бюджетовъ, публикуемыхъ для всеобщаго свѣдѣнія, тщательно избѣгали касаться этого щекотливаго вопроса; извѣстно было только, что многіе, помимо артистовъ и непосредственной администраціи театра, получали негласно пенсіоны изъ театральной кассы.

Такое положеніе дѣлъ возбуждало говоръ въ публикѣ. Хотя правительство второй имперіи прибѣгало ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы сдерживать всякое проявленіе враждебнаго ему общественнаго мнѣнія, однакожь, время отъ времени, оно возвышало голосъ и поневолѣ приходилось считаться съ нимъ. Негодованіе противъ злоупотребленій казенной администраціи въ управленіи опернымъ театромъ, стали слышаться все чаще и чаще, почему для успокоенія общественнаго мнѣнія, 22 марта 1866 года, изданъ былъ декретъ о свободѣ театровъ, а 11 апрѣля другой декретъ, объявляющій, что оперный театръ изъ казеннаго содержанія переходитъ къ Перрену, на правахъ частной антрепризы. Перренъ соглашался взять театръ безъ всякой субсидіи отъ правительства и вносилъ еще залогу 500,000 франковъ. Но такая выгодная передача театра, въ сущности, была только на бумагѣ. Перренъ получилъ въ безвозвратное пособіе отъ правительства 800,000 франковъ, кромѣ того, императоръ обязался платить ежегодно за свои ложи 100,000 франковъ. Во всякомъ случаѣ, и эта сдѣлка была очень выгодна для правительства, несшаго огромные убытки отъ завѣдыванія опернымъ театромъ.

Вторая имперія пала 4 сентября 1870 года. Оперный театръ закрылся и Перренъ объявилъ, что далѣе вести дѣло на прежнихъ условіяхъ онъ не можетъ. Но уже въ октябрѣ этого года оперный театръ былъ снова открытъ для концертовъ и распоряженіе ими поручено тому же Перрену. Во время комуны, Перренъ былъ отставленъ и директоромъ опернаго театра назначенъ Е. Гарнье.

Директорство Гарнье продолжалось очень недолго. Возставшій Парижъ былъ взятъ версальскими войсками и Гарнье подалъ въ отставку. Временнымъ директоромъ назначенъ Галанзье, съ которымъ вскорѣ, въ этомъ же 1871 году, 1 ноября, было заключено условіе объ отдачѣ ему на 8 лѣтъ опернаго театра на правахъ частнаго антрепренера. Галанзье повелъ дѣло очень хорошо; онъ уже надѣялся на полученіе барышей, какъ вдругъ, 29 октября 1873 года, оперный театръ сгорѣлъ, причинивъ убытка правительству (часть котораго, однакожь, впослѣдствіи была получена съ страховаго общества) на 2.300,000 франковъ.

Этотъ пожаръ заставилъ поспѣшить окончаніемъ великолѣпнаго зданія «Новой оперы»; но пока еще шли постройки, Галанзье приспособилъ для оперныхъ представленій огромную залу «Вантадуръ». Здѣсь Галанзье поставилъ новую оперу Мамбре «Рабыня», принесшую ему большой убытокъ, такъ какъ она могла выдержать всего 15 представленій.

Между тѣмъ было окончено зданіе «Новой оперы».

Задумавъ эту постройку, Наполеонъ III хотѣлъ удивить ею весь міръ, онъ желалъ, чтобы Парижъ имѣлъ театръ, великолѣпіемъ и изяществомъ превосходящій всѣ существующіе театры. 29 сентября 1860 года былъ назначенъ конкурсъ и 17 архитекторовъ явились конкурентами. Всѣхъ проектовъ постройки было, однакожь, представлено 43, изъ нихъ 7 признано лучшими и авторамъ проектовъ выданы преміи отъ 1,500 до 6,000 фр. Оставалось выбрать изъ этихъ семи, но комиссія, разсматривавшая проекты, долго не могла высказать свое рѣшительное мнѣніе; наконецъ 2 іюня 1861 года она «единогласно» согласилась признать превосходство за проектомъ Шарля Гарнье и ему поручена была постройка новаго театра. Фундаментъ постройки заложенъ въ августѣ 1861 года.

Я не буду разсказывать исторію постройки, предполагая, что читатели «Живоп. Обозр.» знакомы съ нею. Скажу только, что знаменитый архитекторъ встрѣтился съ такими затрудненіями при постройкѣ, которыхъ не предвидѣлъ. Отчасти этому обстоятельству слѣдуетъ приписать громадную стоимость зданія.

Обошлось оно ни больше, ни меньше, какъ въ 100 милліоновъ франковъ. Въ этомъ числѣ 50 милліоновъ падаютъ на стоимость земли подъ зданіемъ и на уплату вознагражденія за снесенные дома; 35 милліоновъ стоила постройка зданія вчернѣ и 15 милліоновъ — отдѣлка, меблированіе, декораціи и пр.

Новое зданіе открыто 5 января 1875 года. Въ него перенесъ Галанзье представленія итальянской оперы. Обстоятельства сложились такъ, что дѣла его должны были пойти хорошо. Въ первый годъ театръ наполняла масса желающихъ посмотрѣть новое, дѣйствительно-замѣчательное зданіе театра. Въ 1875 году Галанзье имѣлъ чистаго дохода 651,561 фр.; въ этомъ году только одинъ первый мѣсяцъ, январь, былъ убыточенъ. Доходы слѣдующихъ двухъ годовъ были значительно меньше. Въ 1876 году, Галанзье получилъ чистаго дохода 239,284 фр.; но убытокъ получился въ трехъ мѣсяцахъ: мартѣ, іюнѣ и августѣ. Въ 1877 г., чистый доходъ Галанзье выразился цифрой въ 242,311 франковъ; убыточные мѣсяцы: мартъ, апрѣль и іюль. Въ настоящемъ, 1878 году, въ Парижѣ происходила всемірная выставка; почти всѣ театры дали лучшіе сборы, сравнительно съ предъидущими годами, и эксплоатація опернаго театра достигла благопріятныхъ результатовъ; въ первые 9 мѣсяцевъ этого года, Галанзье получилъ чистаго дохода 349,100 франковъ; убыточнымъ мѣсяцемъ былъ только одинъ: апрѣль. Лучшимъ мѣсяцемъ для доходовъ съ оперныхъ представленій за всѣ четыре года былъ сентябрь.

Такимъ образомъ, Галанзье въ $3^3/_4$ года своего управленія опернымъ театромъ получилъ чистаго дохода 1.482,256 фр. Этотъ-то доходъ смутилъ парламентскую комиссію и побудилъ ее настаивать на измѣненіи системы управленія опернымъ театромъ, т. е. на возвращеніи къ казенному содержанію, которое должно наступить со дня окончанія контракта, съ 31 октября будущаго, 1879 года.

Мнѣ кажется, комиссія ошибается въ своемъ выводѣ; при казенномъ содержаніи чистый доходъ, очевидно, долженъ уменьшиться — потому что расходы на администрацію значительно увеличатся. Гораздо цѣлесообразнѣе было бы отдать театръ въ аренду, за извѣстную плату. Во Франціи есть не мало опытныхъ богатыхъ антрепреноровъ театровъ. Нѣкоторые изъ нихъ не отказались бы взять на свой страхъ оперный театръ; явилась бы конкуренція и правительство не встрѣтило бы затрудненія въ выборѣ.

Галанзье упрекаютъ въ томъ, что онъ довольствуется старымъ репертуаромъ, даетъ мало новинокъ. Упрекъ, можетъ быть, и справедливый, но, повѣрьте, если бы частая постановка новыхъ оперъ давала выгоды антрепенеру, онъ, разумѣется, ставилъ бы ихъ неукоснительно. Въ Парижѣ директоръ театра всегда можетъ вѣрно опредѣлить; нужно ему ставить новую пьесу или нѣтъ; получился дурной сборъ 3 — 4 спектакля къ ряду, когда даютъ извѣстную пьесу, и ее непремѣнно снимутъ съ репертуара и замѣнятъ новой, а пока она даетъ хорошіе сборы, у антрепренера нѣтъ побужденія отказываться отъ нея. Стала давать убытокъ «Рабыня» и Галанзье тотчасъ снялъ ее съ репертуара.

Собственно оперныя представленія дали меньшій барышъ, чѣмъ показано въ вышеприведенныхъ отчетахъ. На увеличеніе его цифры значительно повліялъ доходъ съ «баловъ», данныхъ въ оперномъ театрѣ. Такъ въ нынѣшнемъ году 4 бала, въ январѣ, февралѣ и мартѣ, дали чистаго дохода 137,453 франка. Чистый доходъ съ театра за эти 3 мѣсяца въ отчетѣ показанъ всего въ 96,165 фр., слѣдовательно, въ первую четверть настоящаго года собственно оперныя представленія дали убытка 41,288 фр.

Переходя къ чисто театральнымъ новостямъ, замѣчу, что парижане внезапно возлюбили или переводныя драмы или такія произведенія, въ которыхъ дѣйствующими лицами являются иностранцы, а не французы, чего прежде никогда не случалось, потому что, въ чемъ другомъ, а въ обиліи оригинальныхъ драматическихъ произведеній у насъ никогда не бываетъ изъяна. Остановлюсь на двухъ произведеніяхъ, въ которыхъ дѣйствующими лицами являются иноземцы.

Первой по времени шла драма «Гражданская

смерть» Джіакомети, въ переводѣ А. Витю. *) Содержаніе драмы не важное, натянутое, неестественное. Герой драмы похищаетъ дѣвушку съ ея согласія и женится на ней. Братъ ея желаетъ увезти ее отъ мужа силой или хитростію; происходитъ ссора между нимъ и мужемъ, послѣдній становится убійцей и присуждается къ каторгѣ. Черезъ 14 лѣтъ онъ бѣжитъ съ каторги и встрѣчается съ женой. Еслибы онъ совершилъ преступленіе изъ низкихъ побужденій, былъбы понятенъ страхъ матери, чтобы ея дочь не узнала въ этомъ преступникѣ своего отца. Но его преступленіе чисто-случайное, по всему видно, что онъ человѣкъ хорошій, такъ изъ-за чего же волнуется мать? и несчастный умираетъ, не будучи признанъ дочерью. Это страшная мелодраматическая натяжка. Несмотря на такой недостатокъ и на то, что первые три акта очень скучны, пьеса понравилась публикѣ. Это тѣмъ болѣе странно, что на французскомъ языкѣ есть пьеса подобнаго же содержанія, но написанная лучше и съ несравненно болѣе естественнымъ содержаніемъ. Почему же было не дать ее? Тѣмъ болѣе, что эта пьеса давалась давно. Я говорю о пьесѣ Ш. Эдмонда «Африканецъ». Вотъ ея содержаніе: Г-жа Ланси вышла замужъ за второго мужа и живетъ очень счастливо. Ея мужъ любитъ ея дочь отъ перваго брака, какъ свою собственную. Семья наслаждается полнымъ благополучіемъ, вдругъ является каидъ Гамза. Г-жа Ланси узнаетъ въ немъ своего перваго мужа, графа Маттеи. Онъ бросилъ свою жену чрезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы, отправился въ Алжиръ, оказалъ тамъ чудеса храбрости и дослужился до полковника. Онъ явился къ г-жѣ Ланси случайно. Узнавъ въ ней свою жену, онъ разсказываетъ ей свои приключенія. Когда же жена сообщила ему, что его сочли мертвымъ и она вышла замужъ, онъ подбѣгаетъ къ сонеткѣ и звонитъ.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали? спросила жена.

— А затѣмъ, чтобы пригласить сюда г. Ланси; я намѣренъ съ нимъ драться на дуэли.

На звонокъ приходитъ Люсиль, ихъ дочь.

— Представляю вамъ, говоритъ г-жа Ланси,— мою дочь, родившуюся чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отъ.. послѣ смерти моего перваго мужа, графа Леона Маттеи.

Графъ съ восторгомъ смотритъ на свою дочь, онъ готовъ сжать ее въ своихъ объятіяхъ, но ему приходитъ на мысль, что онъ можетъ своимъ вмѣшательствомъ разрушить счастіе благоденствующей семьи и онъ сдерживаетъ свой порывъ и удаляется.

Драма эта написана прекрасно и въ свое время имѣла громадный успѣхъ, благодаря отчасти превосходной игрѣ безподобнаго артиста Жофруа, исполнявшаго роль графа Маттеи.

Вашему соотечественнику, г. Невскому, посчастливилось несравненно меньше. Въ прошломъ году онъ написалъ на французскомъ языкѣ драму «Данишевы». Александръ Дюма перечиталъ ее, кое-что исправилъ и передѣлалъ. Драма была дана въ театрѣ «Одеонъ» и имѣла большой успѣхъ. Польщенный имъ, г. Невскій написалъ другую драму «Княгиня Боровская» и поставилъ ее на сцену театра «Амбигю», уже безъ сотрудничества Дюма. Въ первое представленіе пьеса не имѣла никакого успѣха главное, потому, что мѣстами французскій языкъ въ ней очень плохъ. Затѣмъ въ слѣдующія представленія она пошла нѣсколько лучше, потому что неправильности языка были кое-гдѣ исправлены и уже не такъ рѣзали слухъ французовъ. Дѣйствіе пьесы происходитъ въ 1863 году. Во время возстанія поляковъ, князь Боровскій является между начальниками повстанцевъ. Уѣзжая, онъ поручаетъ жену своему двоюродному брату, Владиславу Боровскому. Конечно, г-жа Боровская и ея покровитель влюбляются другъ въ друга и уѣзжаютъ въ Парижъ. Возстаніе подавлено. Князь Боровскій преданъ суду; его можно бы было спасти отъ наказанія, потому что уликъ противъ него не было. Но въ судъ поступаетъ анонимное письмо, указывающее на такія улики, до которыхъ судъ никогда не добрался бы. Князя ссылаютъ въ Сибирь. Амнистія даетъ ему возможность вернуться на родину. Не желая жить съ мужемъ, княгиня будто бы, случайно роняетъ бумагу, компрометирующую князя и его снова ссылаютъ. Князь, выдерж[ав]ъ наказаніе, опять возвращается чрезъ нѣсколько лѣтъ и узнаетъ, кто былъ причиной его гибели. Онъ входитъ въ свой домъ тайно, съ намѣреніемъ убить Владислава. Онъ кидается уже на него, но между нимъ и его врагомъ является посредницей дочь его Ванда (олицетворенная добродѣтель) и умоляетъ простить. Князь, конечно, соглашается. Между тѣмъ пріѣзжаетъ княгиня. Узнавъ о пріѣздѣ мужа и опасаясь расчета за свои гнусности, она стрѣляетъ себѣ въ грудь изъ охотничьяго ружья (она только что возвратилась съ охоты). Увлеченный примѣромъ, застрѣливается и Владиславъ.

Въ пьесѣ есть эфектныя мѣста, но вообще она написана плохо. Трудно вѣрить, что это ходульное произведеніе принадлежитъ перу автора «Данишевыхъ».

*) Здѣсь мы дѣлаемъ необходимое сокращеніе въ изложеніи автора. Нашъ почтенный корреспондентъ довольно подробно передаетъ содержаніе этой драмы, переведенной у насъ подъ заглавіемъ «Семья преступника» и часто дающейся на нашихъ сценахъ. Мы ограничились краткимъ изложеніемъ, необходимымъ для связи съ дальнѣйшимъ содержаніемъ статьи. *Прим. Ред.*

Тайна дяди Корниля.

(Разсказъ **А. Доде**.)

Франсуа Маманъ, занимавшійся прежде игрой на флейтѣ, зайдя какъ-то на дняхъ переночевать ко мнѣ, разсказалъ, за стаканомъ грѣтаго вина, небольшую деревенскую драму, случившуюся лѣтъ 20 тому назадъ.

— Наша страна, разсказывалъ старый флейтщикъ,— не всегда была такимъ безжизненнымъ и глухимъ мѣстомъ, какимъ она считается теперь. Прежде у насъ, здѣсь, процвѣтали мельницы, куда фермеры съ десяти льё въ окружности привозили хлѣбъ... Кругомъ нашей деревни на всѣхъ холмахъ возвышались вѣтряныя мельницы. Куда ни взгляни, вездѣ виднѣлись мельничныя крылья, которыя при мистралѣ приходили въ движеніе, поднимаясь выше сосенъ; вездѣ по дорогѣ тянулись обозы маленькихъ ословъ, нагруженныхъ мѣшками съ мукой, то спускающихся въ долину, то поднимающихся въ гору; любо было слышать возгласы и понуканія работниковъ мельника, раздававшіеся втеченіи цѣлой недѣли. И по воскресеньямъ мы большими компаніями ходили на мельницы. Мельники угощали насъ мускатнымъ виномъ. Мельничихи въ кружевныхъ косыночкахъ и съ золотыми крестами на шеѣ, выглядѣли чистыми королевами. Я приходилъ обыкновенно съ флейтой, подъ звуки которой танцовали фарандолу до глубокой ночи. Вы видите, что мельницы были радостью и богатствомъ нашей страны. Къ несчастью, французамъ пришло въ голову выстроить по дорогѣ въ Тарасконъ паровую мельницу. «Хорошо и ново!» какъ говорятъ у насъ. Вотъ и стали всѣ посылать свой хлѣбъ на новую мельницу, а наши бѣдныя, вѣтряныя мельницы остались безъ работы. Нѣкоторое время онѣ старались еще держаться, но паръ одолѣлъ ихъ и онѣ, одна за другою, закрылись... Не видно маленькихъ ословъ... Прекрасныя мельничихи продали свои золотые кресты. Прощай мускатное вино!.. Прощай фарандола!.. Напрасно дулъ мистраль, мельничныя крылья не двигались съ мѣста. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день, деревенская община велѣла снести всѣ эти постройки, а на мѣсто ихъ посадить виноградъ и оливки... Отъ этого разрушенія осталась только одна мельница, продолжавшая вертѣться на зло новымъ выдумкамъ. Эта мельница принадлежала дядѣ Корнилю, тому самому, про котораго я хочу разсказать вамъ исторію...

— Дядя Корниль, продолжалъ разсказчикъ, послѣ нѣкотораго молчанія,— состарѣлся въ своемъ ремеслѣ; онъ привязался къ нему, живя шестьдесятъ лѣтъ посреди муки. Когда построили паровую мельницу, онъ ходилъ какъ сумасшедшій. Втеченіи недѣли онъ бѣгалъ по деревнѣ, собирая около себя толпу и крича, что мука съ новой мельницы будетъ отравой для Прованса. «Не обращайтесь къ нимъ, говорилъ онъ. эти разбойники мельники для того, чтобы молоть, пользуются паромъ, который ничто иное, какъ дьявольское навождніе, между тѣмъ я работаю съ помощью вѣтровъ, которые выдыхаетъ изъ себя нашъ милосердный Творецъ»... И Корниль находилъ цѣлую кучу прекрасныхъ словъ для прославленія вѣтряныхъ мельницъ, но, увы, его никто не слушалъ. Тогда, со злости, старикъ заперся въ своей мельницѣ, и жилъ одинъ-одинешенекъ, какъ дикое животное. Онъ не захотѣлъ даже оставить у себя свою внучку, Вивету, дѣвочку 15 лѣтъ, у которой, съ тѣхъ поръ, какъ умерли родители, не осталось на свѣтѣ никого, кромѣ дѣдушки. Бѣдной дѣвочкѣ пришлось самой заработывать деньги и она нанималась по фермамъ, то здѣсь, то тамъ, когда на время жатвы, когда для сбора шелковичныхъ червей, когда для оливокъ. А между тѣмъ, дѣдушка очень любилъ эту дѣвочку. Ему случалось часто ходить пѣшкомъ, по солнопеку, лье за четыре, на фермы, гдѣ она работала, и когда онъ былъ около нея онъ, плача смотрѣлъ, на нее по цѣлымъ часамъ... Въ нашихъ краяхъ думали, что дѣдушка отъ скупости не хотѣлъ оставить свою внучку у себя и, конечно, нельзя было похвалить его за такой поступокъ. Дѣвочкѣ приходилось слоняться съ одной фермы на другую, постоянно переносить грубости работниковъ, а можетъ быть, и того хуже... Осуждали дядю Корниля также и за то, что онъ, пользовавшійся прежде уваженіемъ и извѣстностью, ходилъ какъ нищій, босикомъ, въ дырявомъ колпакѣ и въ лохмотьяхъ... Такъ что въ воскресенье, когда онъ входилъ въ церковь, намъ старикамъ было стыдно за него; и Корниль такъ хорошо понималъ это, что не осмѣливался даже садиться на скамейку. Всегда онъ оставался въ глубинѣ церкви, около кропильницы, гдѣ стояли нищіе... Была одна загадка въ жизни дяди Корниля. Уже давно никто не возилъ ему хлѣба, а мельничныя крылья, между тѣмъ, продолжали вертѣться, какъ всегда... Вечеромъ, на дорогѣ, можно было видѣть, какъ онъ погонялъ осла, нагруженнаго большими мѣшками съ мукой.

— Добрый вечеръ, дядя Корниль, кричали ему крестьяне,— что ваша мельница по прежнему все работаетъ?

— Да, да все по прежнему, отвѣчалъ старикъ веселымъ тономъ.— Благодаря Богу, у насъ нѣтъ недостатка въ работѣ.

Когда-же его спрашивали, откуда, чортъ возьми, беретъ онъ эту работу, то онъ прикладывалъ палецъ къ губамъ и важно отвѣчалъ:

— Т-съ, моя работа идетъ для вывоза за границу...

Никогда не удавалось узнать отъ него ничего больше. Заглянуть же въ его мельницу, нечего было и думать. Онъ не пускалъ туда даже маленькой Виветы. Проходившіе мимо мельницы не видѣли ничего, кромѣ закрытой двери, двигающихся мельничныхъ крыльевъ, стараго осла,

У колодца.

Рисунокъ **АНДРІОЛИ.** Еврейскій шабашъ.

жующаго траву на площадкѣ передъ домомъ и тощей кошки, которая, сидя на подоконникѣ, грѣлась на солнцѣ и сердито посматривала на любопытныхъ. Во всемъ этомъ видна была какая-то тайна. Всякій по своему объяснялъ тайну дяди Корниля, но общее мнѣніе было таково, что въ мельницѣ больше мѣшковъ съ золотомъ, чѣмъ съ мукой.

Однако, все раскрылось съ теченіемъ времени. И вотъ какъ это случилось: играя какъ-то разъ на флейтѣ для танцующей молодежи, я замѣтилъ, что старшій изъ моихъ сыновей и Вивета влюблены другъ въ друга. Въ глубинѣ души я не былъ огорченъ, узнавъ объ этомъ; имя Корниля пользовалось у насъ уваженіемъ и извѣстностью; къ тому же я не безъ удовольствія думалъ, что Вивета, этотъ хорошенькій воробушекъ, будетъ суетиться у меня въ домѣ. Только зная, что моимъ влюбленнымъ случалось часто оставаться наединѣ, я, для предупрежденія какихъ-нибудь случайностей, рѣшился повернуть дѣло, какъ можно быстрѣе. Я отправился на мельницу, потолковать съ дѣдушкой... Старый колдунъ! нужно было видѣть, какъ онъ меня принялъ. Невозможно было заставить его отворить дверь. Я ему началъ объяснять, какъ умѣлъ, причину, почему пришелъ къ нему. Я переговаривался съ нимъ черезъ отверстіе въ замкѣ, и все время, пока я говорилъ, старая кошка ворчала, какъ чортъ, надъ моей головой. Старикъ даже не далъ мнѣ докончить; онъ закричалъ, чтобы я лучше шелъ играть на флейтѣ, чѣмъ говорить глупости, что если моему сыну такъ ужь необходимо нужно жениться, то онъ можетъ выбрать себѣ невѣсту на паровой мельницѣ. Кровь бросилась мнѣ въ голову отъ такихъ нехорошихъ словъ, но я все-таки былъ на столько разсудителенъ, что съумѣлъ скрыть свой гнѣвъ и, оставивъ этого съумасшедшаго, отправился къ дѣтямъ, сообщить имъ о моей неудачѣ.. Бѣдные ягнята не хотѣли вѣрить горю. Они стали просить у меня позволенія самимъ отправиться на мельницу, поговорить съ дѣдушкой... У меня не хватило мужества отказать имъ и мои влюбленные полетѣли. Какъ разъ передъ тѣмъ, какъ имъ придти на мельницу, дядя Корниль куда-то вышелъ. Дверь была заперта двойнымъ замкомъ; но старикъ, уходя, забылъ убрать лѣстницу. И вотъ дѣтямъ пришло въ голову влѣзть въ окошко и заглянуть однимъ глазкомъ въ эту знаменитую мельницу. Странное дѣло! мельничный складъ былъ пустъ... Ни одного мѣшка, ни одного хлѣбнаго зерна; ни малѣйшаго слѣда муки ни на стѣнахъ, ни на паутинахъ... Даже не чувствовался тотъ нѣжный запасъ молотаго хлѣба, которымъ пропитаны всѣ мельницы. Мельничный жерновъ былъ покрытъ пылью, на немъ спала старая тощая кошка. Нижнее помѣщеніе имѣло такой же видъ заброшенности и нищеты — плохая постель, кое-какія лохмотья, кусокъ черстваго хлѣба на одной изъ ступеней лѣстницы, а въ углу нѣсколько потрескавшихся мѣшковъ, изъ которыхъ сыпался мусоръ и известка... Вотъ въ этомъ-то и заключалась тайна дяди Кориля. Эту известку онъ развозилъ по дорогамъ, чтобы спасти честь своей мельницы, заставя вѣрить тому, что на ней мелется мука... Бѣдная мельница! Бѣдный Корниль! Богъ знаетъ, сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ паровыя мельницы отняли у нихъ послѣднюю работу... А мельничныя крылья, несмотря ни на что все вертѣлись, да вертѣлись, безъ всякой цѣли..

Дѣти вернулись домой въ слезахъ и разсказали мнѣ, что видѣли. Я слушалъ ихъ и сердце болѣло за Корниля... Не теряя ни одной минуты, я побѣжалъ къ сосѣдямъ, передалъ имъ наскоро сущность дѣла и условился въ томъ, что сейчасъ-же нужно свезти на мельницу Корниля все зерно, какое только находится въ деревнѣ... Сказано, сдѣлано... Вся деревня снаряжается въ путь, мы отправляемся съ цѣлой вереницейословъ, нагруженныхъ настоящимъ зерномъ. Мельница была открыта настежъ... Передъ дверью дядя Корниль, сидя на мѣшкѣ съ известкой, плакалъ, закрывъ лицо руками. Вернувшись домой, онъ замѣтилъ, что во время его отсутствія, кто-то пробрался къ нему и узналъ его горестную тайну. «Несчастный я человѣкъ! говорилъ онъ. — Теперь мнѣ ничего не остается, какъ умереть... Честь мельницы потеряна навсегда!» И его рыданія разрывали душу; онъ называлъ свою мельницу разными именами, обращаясь къ ней, какъ къ живому существу... Въ эту минуту, ослы достигаютъ площадки, а мы кричимъ, какъ въ прежнее, старое время: «Гэй! отворяйте мельницу!» «Гэй, дядя Корниль!» Мѣшки наваливаются кучей у дверей и золотистое зерно сыпется на землю со всѣхъ сторонъ.

Дядя Корниль былъ страшно изумленъ. Онъ положилъ нѣсколько зеренъ на свою ладонь, и заговорилъ, смѣясь и плача въ одно и то же время:

— Это пшеница... Господи милостивый!.. Это прекрасная пшеница.. Дайте-ка мнѣ насмотрѣться на нее... Я зналъ раньше, что вы придете опять ко мнѣ... на этихъ паровыхъ мельницахъ воруютъ.

Мы хотѣли пронести его торжественно черезъ деревню:

— Нѣтъ, нѣтъ, дѣти мои; я пойду прежде покормлю свою мельницу. Подумайте только, сколько времени она ничѣмъ не питалась.

И мы всѣ чуть не плакали, видя, какъ бодрый еще старикъ поспѣвалъ во всѣ стороны, вытряхалъ мѣшки, смотрѣлъ за мельницей. Она между тѣмъ дѣлала свое дѣло, дробила зерно, отъ котораго поднималась къ потолку мелкая пшеничная пыль.

Нужно отдать намъ справедливость: начиная съ этого дня мы не оставляли стараго мельника безъ работы.

Прошло немного времени, дядя Корниль умеръ и на этотъ разъ, крылья нашей послѣдней мельницы перестали вертѣться... Никто не захотѣлъ продолжать дѣла дяди Корниля.. Что же будешь дѣлать? Все имѣетъ свой конецъ въ этомъ мірѣ и нужно думать, что пора вѣтряныхъ мельницъ прошла также, какъ время перевозныхъ судовъ на Ронѣ, старинныхъ парламентовъ и жилетовъ съ крупными цвѣтами.

Ужасная месть.

Двое англичанъ, ѣдущіе по лагунѣ, раздѣлявшей Венецію отъ твердой земли, замѣтили вдали какой-то предметъ, колыхавшійся на волнахъ и окруженный тучей птицъ. Путешественники подъѣхали ближе и увидѣли, что это человѣкъ, связанный по рукамъ и по ногамъ, а для того, чтобы голова его постоянно держалась на водѣ, къ плечамъ его было привязано по пустому стеклянному сосуду, герметически закупоренному.

Несчастный еще дышалъ, но не могъ говорить; страшно распухшій языкъ высовывался у него изо рта. Его израненное лицо потеряло человѣческое подобіе; страшныя раны виднѣлись на черепѣ и мускулахъ. Носъ и уши были исклеваны птицами; тоже и глаза, которыхъ не осталось и слѣдовъ. Перенесенный въ больницу, онъ умеръ, не будучи въ состояніи сказать, кто совершилъ надъ нимъ это преступленіе.

Тщательный розыскъ въ окрестной мѣстности привелъ къ аресту фермера Луиджи Пармачетти и его двухъ братьевъ. Арестованные, не колеблясь, сдѣлали полное признаніе. Они разсказали слѣдующую потрясающую драму, и разсказъ ихъ былъ удостовѣренъ многими свидѣтелями.

Пармачетти, владѣлецъ небольшой фермы въ лагунахъ, человѣкъ честный и трудолюбивый, былъ женатъ на замѣчательной красавицѣ и имѣлъ отъ нея дочь восьми лѣтъ. Нѣкто, Тебальдо, нанялся къ нему въ работники, главное для занятій въ саду. Тебальдо воспылалъ жгучей страстью къ женѣ своего хозяина и такъ настоятельно преслѣдовалъ ее своей любовью, что она нашлась вынужденной пожаловаться мужу. Разсвирѣпѣвшій Пармачетти побилъ Тебальдо и прогналъ его.

Черезъ нѣсколько дней, слѣдуя своей привычкѣ, Пармачетти въ полночь отплылъ въ Венецію на лодкѣ, нагруженной фруктами изъ его сада. Черезъ нѣсколько времени, по его отъѣздѣ, жена его была разбужена шумомъ шаговъ, раздававшихся въ ея спальнѣ. Мужчина, съ кинжаломъ въ рукѣ, и одѣтый только въ панталоны, которые обыкновенно носятъ рыбаки, вошелъ въ комнату черезъ окно, оставленное открытымъ по случаю жары.

Несчастная стала кричать; мужчина подскочилъ къ ней, угрожая убить ее, если она не замолчитъ. Она, здоровая и сильная, защищалась энергично. Разбуженная шумомъ борьбы, ея дочь, спавшая вмѣстѣ съ нею на одной постели, скользнула съ кровати и спряталась подъ нею. Произведенный ею слабый шумъ заставилъ прислушаться негодяя; его моментальнымъ замѣшательствомъ воспользовалась г-жа Пармачетти и успѣла соскочить съ своей кровати.

Къ несчастью для нея, послѣ отъѣзда мужа, она заперла дверь на ключъ; а убійца, влѣзши въ окно, затворилъ его. Такимъ образомъ, бѣдная женщина находилась совершенно въ рукахъ напавшаго на нее чудовища. Обезумѣвшая отъ ужаса, она стала бѣгать вокругъ круглаго стола, стоявшаго посрединѣ комнаты. Каждый разъ, какъ убійца настигалъ ее, онъ наносилъ ей ударъ кинжаломъ. Наконецъ, лезвіе цѣликомъ вонзилось въ бедро несчастной и она упала бездыханная. Послышавшійся извнѣ шумъ заставилъ убійцу бѣжать.

Какъ ни была испугана дѣвочка, дрожавшая отъ страха, но она все видѣла и узнала Тебальдо. Едва онъ удалился, она вышла изъ-подъ кровати и позвала на помощь. Сбѣжались сосѣди, но несчастная мать ея уже была мертвой. Бѣдной страдалицѣ было нанесено извергомъ тридцать двѣ раны.

Когда возвратился Луиджи Пармачетти, онъ, вмѣстѣ съ двумя своими братьями, отправился на поиски за убійцей. Они нашли Тебальдо въ одномъ дворѣ, спрятавшимся за навозной кучей. Обезумѣвшій отъ ярости и горя, Пармачетти нанесъ убійцѣ три удара вилами въ грудь; въ тоже время его братья колотили свою жертву по рукамъ и ногамъ желѣзной полосой, которой припирались ворота фермы.

Производя свою расправу, братья запихали въ ротъ убійцѣ навозу, чтобы онъ не кричалъ. Они рѣшили-было сжечь его живымъ, когда одинъ изъ братьевъ предложилъ пустить его по волѣ волнъ Адріатическаго моря, чтобы его живого съѣли морскія птицы и рыбы. Они облили голову несчастнаго масломъ, чтобы тѣмъ привлечь къ нему хищныхъ птицъ, затѣмъ, крѣпко связавъ его разбитыя руки и ноги и привязавъ у плечъ стеклянные сосуды, вывезли его въ море и пустили по волнамъ.

Таково, слово въ слово, показаніе братьевъ Пармачетти. Всѣ трое они явились передъ судомъ и приговорены къ десяти годамъ каторжной работы. Какъ все мѣстное населеніе, такъ и населеніе Венеціи, подписало петицію къ королю о совершенномъ помилованіи братьевъ Пармачетти.

Къ рисункамъ.

Рождество, Новый Годъ, Крещенье — цѣлыя двѣ недѣли праздниковъ, отдыха, веселья! И благо тѣмъ, кто можетъ безъ тяжелыхъ думъ, безъ гнетущихъ заботъ провести хоть это праздничное время. Жизнь невесела, будней много и истинные праздники рѣдко выпадаютъ на долю людей. Различно встрѣчаютъ и проводятъ праздники тѣ или другія лица, тѣ или другія національности. Взгляните на этотъ русскій крестный ходъ на Іордань въ русской, занесенной снѣгомъ деревнѣ, съ купающимися въ ледяной, сейчасъ только что освященной водѣ, мужиками; взгляните на этотъ обильно уставленный яствами столъ, на этого молящагося передъ праздничнымъ ужиномъ еврея, главу семьи; взгляните на этого голенькаго и плачущаго ребенка, котораго моетъ сестренка по приказанію улыбающейся матери-нѣмки, готовящей къ празднику лакомыя блюда; взгляните на этотъ дворъ въ итальянскомъ домѣ, гдѣ, повидимому, все наслаждается лѣнивымъ праздничнымъ бездѣльемъ, съ выраженіемъ беззаботности и счастья; взгляните на эту бойкую четверню, запряженную въ широкія, сани, съ лихимъ ямщикомъ, въ одеждѣ крестьянина изъ юго-западнаго края;—это все встрѣчи и проводы праздниковъ и въ каждой изъ этихъ картинъ есть свои характерныя черты, характерныя лица. Рядомъ съ этими праздничными картинами наши читатели найдутъ въ настоящемъ нумерѣ еще картины, уже не касающіяся праздниковъ. Сюжетъ этихъ картинокъ понятенъ самъ собою и распространяться о нихъ мы не будемъ. Прощаясь съ нашими читателями до перваго нумера будущаго года, мы кстати замѣтимъ, что въ будущемъ году у насъ будетъ введена постоянная рубрика «Къ рисункамъ», гдѣ мы постараемся въ сжатой формѣ давать объясненія къ каждому рисунку. Нынѣшній годъ намъ не всегда удавалось дѣлать это, такъ какъ иногда приходилось скупиться на мѣсто,—но въ будущемъ году объемъ журнала увеличивается еще на половину листа и потому простору будетъ больше.

Новости наукъ и жизни.

— **Женскіе курсы.** Въ здѣшнихъ газетахъ напечатано слѣдующее заявленіе: «Всякія попытки женщинъ къ высшему образованію встрѣчаются русскимъ обществомъ съ большимъ сочувствіемъ. По этому-то и учрежденные профессоромъ Бестужевымъ-Рюминымъ высшіе женскіе курсы, сразу сдѣлались популярными, и число женщинъ, явившихся для возможно полнаго завершенія своего образованія, весьма значительно. Но такъ какъ расходы по содержанію курсовъ не могутъ покрываться одною платою, вносимою за слушаніе лекцій, то въ настоящее время, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, образовалось особое общество, взявшее на себя попеченіе о доставленіи высшимъ женскимъ курсамъ необходимыхъ денежныхъ средствъ. Мы не сомнѣваемся, что напечатанное комитетомъ общества приглашеніе къ денежнымъ пожертвованіямъ, которыя могутъ выразиться, со стороны сочувствующихъ этому дѣлу лицъ, или присоединеніемъ къ числу постоянныхъ членовъ общества (съ ежегоднымъ взносомъ 5 р., или единовременнымъ 100 р.), или же просто денежными пособіями. Заявленія о желаніи записаться въ члены общества, а равно и денежныя пожертвованія въ пользу общества — принимаются у членовъ комитета: А. Н. Анненской (4 рота Измайловскаго полка, 7), Г. В. Бардовскаго (Пантелеймоновская, 8), Е. А. Боткиной (Галерная, 77), С. В. Ковалевской (Васильевскій островъ, уголъ Большого пр. и 9 линіи, домъ Ковалевской), О. А. Мордвиновой (Манежный пер., 6), О. Н. Рукавишниковой (Офицерская, 48), Н. В. Стасовой (Сергіевская, 79), А. Н. Страннолюбскаго (Екатерингофскій пр., у Аларчина моста, д. Каралли), В. П. Тарновской (Надеждинская, 3), А. П. Философовой (Мойка, у Поцѣлуева моста, домъ главнаго военно-суднаго управленія) и М. К. Цебриковой (Екатерингофскій пр., близъ Аларчина моста, д. Голубинскаго»).

Въ «Нов. Вр.» мы находимъ извѣстіе, что съ согласія министерства финансовъ внесено представленіе въ государственный совѣтъ о назначеніи здѣшнимъ высшимъ женскимъ курсамъ ежегоднаго пособія отъ казны, въ количествѣ трехъ тысячъ рублей. Въ правительственныхъ сферахъ возникла мысль о совершенно новой отрасли женскаго труда—именно о возможности опредѣленія женщинъ ученицами аптеки.

— **Женщина кандидатъ философіи.** Недавно при упсальскомъ университетѣ окончила экзамены, на степень кандидата философскаго факультета, г-жа Бергіусъ. Въ Швеціи это уже вторая женщина—кандидатъ философіи.

— **Кіевскій университетъ.** «Спб. Вѣд.» сообщаютъ, что, согласно ходатайству совѣта университета св. Владиміра, разрѣшено студентамъ этого университета, исключеннымъ изъ него по второй категоріи за безпорядки, бывшіе въ мартѣ нынѣшняго года, вновь поступить въ университетъ для окончанія начатаго ими ученія.

— **Новые налоги.** «Agence General Russe» сообщаютъ: «Государственный совѣтъ принялъ всѣ пять проектовъ новыхъ налоговъ, которые были предложены министромъ финансовъ. Налоги эти падаютъ на гербовыя марки, спиртные напитки, пассажирскую плату за проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ, страхованіе недвижимыхъ имуществъ и на ввозъ хлопка, доставляемаго въ имперію не чрезъ азіятскую границу».

— **Готовящіяся ученыя сочиненія.** По словамъ «Рус. Міра» приготовляются два интересныя сочиненія: 1) Извѣстный нашъ археологъ графъ Уваровъ трудится надъ новымъ обширнымъ сочиненіемъ—описаніемъ найденныхъ по настоящее время въ Россіи остатковъ каменнаго вѣка. Это обширное изданіе будетъ выходить въ Москвѣ; въ немъ будутъ помѣщены и изображенія самихъ предметовъ. 2) Одинъ изъ нашихъ ученыхъ готовитъ къ печати своеобразное сочиненіе. Часто, какъ извѣстно, бросается въ глаза, то разительное сходство, которое имѣетъ нерѣдко физіономія человѣка съ лицевою стороною головы животныхъ. Разнообразіе человѣческихъ физіономій безгранично. Буквально трудно подобрать два лица, абсолютно между собою схожихъ. Между тѣмъ внимательное наблюденіе физіономій убѣждаетъ въ несомнѣнномъ сходствѣ ихъ съ физіономіями животныхъ. Классификація человѣческихъ лицъ и сравненіе ихъ съ животными физіономіями и составляютъ предметъ упомянутаго сочиненія.

— **Карточная игра.** По словамъ «Моск. Вѣд.», тамбовскіе торговцы картами утверждаютъ, что никогда еще не расходилось въ Тамбовѣ такъ много картъ, какъ въ нынѣшнемъ году, и что нынче торговали ими успѣшнѣе, чѣмъ за прежнія пять лѣтъ въ сложности.

— **Изъ практики мировыхъ судей.** Въ одномъ изъ мировыхъ судовъ западной Сибири состоялось слѣдующее интересное рѣшеніе. Собака порвала пальто; предъявленъ былъ искъ о вознагражденіи за убытки. Мировой судья, выслушавъ объясненія сторонъ, постановилъ рѣшеніе, которымъ отвѣтчикъ (владѣлецъ собаки) обязывался «заштопать дыру въ пальто такъ, чтобы она для глазъ постороннихъ не была замѣтна», при этомъ истцу былъ выданъ исполнительный листъ на приведеніе рѣшенія въ исполненіе; при выдачѣ исполнительнаго листа, истецъ просилъ сдѣлать въ листѣ оговорку: «новыми и крѣпкими нитками», что и было уважено судьей.

— **Портретъ Виктора Гюго.** На будущей ежегодной парижской выставкѣ долженъ появиться портретъ Виктора Гюго, работы Бонна. До сихъ поръ существуютъ только два портрета знаменитаго поэта: одинъ, на которомъ Викторъ Гюго изображенъ въ сидячей позѣ, вмѣстѣ съ меньшимъ изъ своихъ сыновей, писанъ Огюстомъ Шатильономъ въ 1838 году; другой—принадлежитъ кисти Луи Буланже и написанъ въ 1842 году. На немъ В. Гюго изображенъ стоя.

— **Новый академикъ.** Президентъ фразузскаго сената, герцогъ Одифре-Пакье, избранъ членомъ «французской академіи», на мѣсто монсиньора Дюпанну, большинствомъ 22-хъ изъ числа 27-ми голосовъ. Пять билетиковъ оказались пустыми, а двѣнадцать академиковъ отсутствовали.

— **Шахматный турниръ.** Въ Петербургѣ устраивается шахматный турниръ, въ которомъ примутъ участіе разныя отечественныя знаменитости шахматнаго міра, о чемъ уже распорядители напечатали объявленіе. Условія, на которыхъ устраивается этотъ турниръ, опредѣлены распорядителями слѣдующія: Въ участники турнира будутъ принимаемы всѣ любители этой игры, которые внесутъ 10 р. Каждый игрокъ будетъ играть съ другимъ одну рѣшительную партію, причемъ партія, сыгранная въ ничью, будетъ считаться за $^1/_2$ партіи. Выигравшій, такимъ образомъ, большинство партій будетъ признанъ достойнымъ перваго приза. Число призовъ, по словамъ, «Новаго Времени», ограничивается пока двумя: первый предполагается опредѣлить въ 200 р., второй въ 100 р., по цѣнность призовъ и число ихъ можетъ быть увеличено, что будетъ зависѣть отъ успѣха подписки. Подробныя правила можно узнать у завѣдывающаго кассою турнира, г. Тимофеева, въ домѣ № 42, по Мойкѣ, кв. № 52.

— **Конно-желѣзные дороги въ Петербургѣ.** Съ 1-го октября 1877 по 1-е октября 1878 года, валовой доходъ конно-желѣзныхъ дорогъ въ Петербургѣ простирается до 1,268,650 руб. 48 коп. Изъ этой суммы, на основаніи контракта, поступило въ пользу города 25,373 руб. 1 коп. т. е. 2%. Сравнительно съ прошлымъ годовымъ періодомъ валовой доходъ съ упомянутыхъ дорогъ въ нынѣшнемъ году увеличился на 263,540 руб. 5 коп., а сумма 2% вычета въ пользу города на 5,270 руб. 80 коп.

— **Хлопокъ.** Въ нынѣшнемъ году въ С.-Американскихъ Штатахъ небывалый урожай хлопка. Надѣются извлечь 19.200,000 центнеровъ. До сихъ поръ 1860 годъ считался самымъ счастливымъ для хлопчатобумажной производительности, такъ какъ онъ далъ 18.080,000 центнеровъ, менѣе противъ нынѣшняго года на 1.120,000 центнеровъ.

— **Какъ могутъ любить женщины.** Въ одномъ изъ парижскихъ госпиталей лечился слѣпецъ Ж. Моро, бывшій артиллеристъ, которому въ 1871 году въ сраженіи при Бапомѣ оторвало осколкомъ гранаты нижнюю челюсть и совершенно повредило оба глаза. Моро вышелъ изъ госпиталя съ искуственнымъ лицомъ, сдѣланнымъ хирургомъ Делаленемъ. Эта металлическая маска съ глазами, носомъ и зубнымъ приспособленіемъ, которое налагается на поднебный сводъ, приходитъ въ правильное соотношеніе съ зубами нижней челюсти и способствуетъ разжевыванію пищи, размельченіе которой совершалось прежде очень недостаточнымъ образомъ. При отъѣздѣ въ сѣверную армію, артиллеристъ Моро оставилъ на родинѣ невѣсту. По возвращеніи несчастный калѣка былъ вполнѣ увѣренъ, что его нарѣченная откажетъ ему; но мужественная молодая дѣвушка изъявила напротивъ, готовность выйти замужъ за человѣка, лишеннаго зрѣнія и части лица. Это не только подвигъ любви, но и высокаго героизма. Моро по выходѣ изъ госпиталя отправился на родину къ своей женѣ.

— **Предостереженіе.** До свѣдѣнія князя Николая черногорскаго дошло, что въ послѣднее время въ различныхъ мѣстностяхъ Россійской Имперіи, особенно же въ Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ, стало появляться множество личностей, выдающихъ себя за черногорцевъ и эксплуатирующихъ русское общество, присвоивая себѣ имена черногорскихъ воеводъ и главарей, пріобрѣвшихъ въ послѣднюю войну общую извѣстность. Его свѣтлость, искренно желая избавить русское общество, коего симпатіи ему хорошо извѣстны, отъ этихъ проходимцевъ, поручилъ управляющему россійско-императорскою миссіею въ Черногоріи объявить: 1) что ни одного черногорскаго главаря, въ настоящее время, въ предѣлахъ россійской имперіи не находится; 2) что проживающіе въ Россіи черногор-

цы принадлежатъ почти всѣ къ учащейся молодежи; 3) что вообще всѣ черногорцы, ѣдущіе въ Россію, снабжаются черногорскими паспортами, которые визируются императорскою миссіею изъ ближайшихъ къ Черногоріи русскихъ консульствъ, и 4) что выдающіе себя за черногорцевъ и не могущіе представить законнаго въ томъ доказательства, въ громадномъ большинствѣ случаевъ,—самозванцы.

— **Находка.** Изъ селенія Дагкесаманъ, казахскаго уѣзда, въ газету «Кавказъ» пишутъ: «12-го ноября, житель селенія Шихилы, казахскаго уѣзда, Кули, Айвазъ-оглы, ѣхавшій совершенно одинъ въ селеніе Дагкесаманъ, отстоящее въ 32-хъ верстахъ отъ Шихиловъ, нашолъ на почтовой дорогѣ, въ третьемъ часу пополудни, почтовую сумку подъ № 61-мъ, въ которой, какъ оказалось, было около трехъ пудовъ семи фунтовъ золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ. Мѣстность, гдѣ найдена такая, повидимому, соблазнительная сумка, окружена горами и представляетъ большія удобства для укрытія подобной находки. Но Кули-Айвазъ-оглы, хотя онъ человѣкъ вполнѣ бѣдный, не соблазнился. Нашедши сумку съ деньгами и убѣдившись, что какъ печать на сумкѣ, такъ и самая сумка не повреждены, онъ насилу взвалилъ ее на свою лошадь и доставилъ мѣстной полицейской власти, которая, въ свою очередь, немедленно передала смотрителю акстафинской станціи совершенно въ цѣлости. Найденная сумка съ деньгами была 12-го ноября утеряна съ почтовой телѣги во время прохода почты изъ салаглинской на акстафинскую станцію. Нашедшій сумку, въ которой по меньшей мѣрѣ должно было заключаться три съ лишнимъ тысячи рублей, гордился своимъ поступкомъ передъ собравшеюся въ Дагкесаманѣ массою мусульманъ и они восторженно одобряли такой его поступокъ.

— **Г-жа Бенуа.** Въ «Рус. Правдѣ» пишутъ: Въ настоящее время, въ Вѣнѣ пожинаетъ лавры русская піанистка г-жа Бенуа, съумѣвшая, въ короткое время, приковать къ себѣ симпатіи вѣнской публики, не особенно падкой на восторги. Вѣнскія газеты отзываются о ея игрѣ съ чрезвычайною похвалою. Она поразила публику отчетливостью исполненія самыхъ трудныхъ музыкальныхъ пьесъ, требующихъ, помимо чрезвычайнаго развитія техники, вѣрной передачи всѣхъ оттѣнковъ игры и мыслей композиторовъ. Особенно отличалась г-жа Бенуа въ исполненіи тріо «Раффа». Подобной симпатичной игры, говорятъ вѣнскія газеты, вливающейся нѣжною, ласкающею струею въ самую душу, мы давно уже не слышали. Г-жа Бенуа превозмогла техническія трудности исполненной ею пьесы, безъ малѣйшихъ напряженій и вложила въ свое исполненіе столько чувства, что въ продолженіе всей игры своей не переставала вызывать самые восторженные, и вполнѣ заслуженные аплодисменты.

— **Къ статистикѣ Лондона.** Изъ отчетовъ лондонскаго муниципальнаго совѣта видно, что, въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ, населеніе британской столицы увеличилось на 1.300,000 человѣкъ. Въ тотъ же періодъ времени число домовъ возросло на 150,000, а общее протяженіе улицъ, приблизительно,—на 900 верстъ. Расходы по городскому бюджету на 1879 годъ исчислены въ 587,596 фунтовъ стерлинговъ, т. е. на 103,362 фунт. ст. болѣе, чѣмъ въ предшествовавшемъ 1878 году. Текущіе и отвержденные долги города Лондона представляютъ въ общей сложности весьма почтенную сумму 15,415,068 ф. ст. которая, впрочемъ, за вычетомъ, имѣющихся на лицо активовъ, сокращается до 10.395,707 фунт. стерлинговъ.

— **Зеркальная фотографія.** Корреспондентъ журнала «Fanfulla», изъ Лимы (Перу) сообщаетъ о слѣдующемъ замѣчательномъ открытіи въ области фотографіи, сдѣланномъ въ Лимѣ однимъ нѣмцемъ химикомъ, Карломъ Штейнбахомъ. Открытіе будетъ дѣйствительно замѣчательно, если только справедливость извѣстія подтвердится. Штейнбахъ, послѣ двѣнадцатилѣтнихъ трудовъ и разнообразныхъ опытовъ, нашелъ такой химическій составъ, который, будучи смѣшанъ съ ртутью, помѣщается на зеркальное стекло. Противоположная сторона стекла покрывается особеннымъ маслянистымъ веществомъ. Потомъ, приготовленное такимъ образомъ зеркало помѣщается передъ лицемъ, желающимъ, снять съ себя портретъ. Постепенно и какъ по волшебству, маслянистое вещество улетучивается, исчезаетъ и на зеркалѣ остается изображеніе позирующаго, со всѣми естественными цвѣтами тѣла и одежды; это изображеніе является такимъ, какъ будто снимавшееся лицо находится постоянно передъ зеркаломъ. Изображеніе погружается потомъ въ надлежащую ванну и въ заключеніе выставляется на полчаса на солнце, чѣмъ и оканчивается операція. Я видѣлъ одинъ такой портретъ—прибавляетъ корреспондентъ— и остался вполнѣ пораженнымъ. Штейнбахъ окрестилъ свое изобрѣтеніе именемъ зеркальной фотографіи (Spiegelfotografiee) и уже продалъ его за 400 тысячъ долларовъ. Цѣна за подобные портреты варьируетъ отъ 4, 6, 10 до 40 долларовъ.

— **Рѣдкій случай.** Вопросъ объ электрическомъ освѣщеніи принимаетъ въ Англіи такое значеніе, что одинъ изъ кандидатовъ на предстоящіе парламентскіе выборы произвелъ на свой собственный счетъ съ электрическимъ свѣтомъ въ приморскомъ англійскомъ городкѣ Весгетъ-онъ-Зеа, въ надеждѣ пріобрѣсти этимъ способомъ популярность. Этотъ «электрическій кандидатъ», какъ его прозвали его сограждане, употребляетъ свѣчи системы Яблочкова. Освѣтительные аппараты, въ числѣ шести, расположенные въ разстояніи 80 метровъ одинъ отъ другого, вполнѣ достаточны для яркаго освѣщенія промежуточнаго между ними пространства. Опыты свои эксцентричный кандидатъ предлагаетъ продолжить цѣлый мѣсяцъ. Составленіе подробнаго отчета о результатахъ этихъ опытовъ поручено инженерамъ Валлону и Бенету. Замѣчателенъ при этомъ тотъ фактъ, что добивающійся популярности поклонниковъ электрическаго свѣта, клерикальный кандидатъ Девисъ, состоитъ въ тоже время владѣльцемъ газоваго завода въ Бирмингтонѣ снабжающаго газомъ и городъ Весгетъ.

— **Концерты въ циркѣ.** Парижскій гипподромъ,—громадная элліптическая зала изъ желѣза и стекла, построенная для конныхъ представленій, съ исключительною цѣлью помѣщенія въ ней возможно большаго числа зрителей, совершенно неожиданно оказалась превосходною въ акустическомъ отношеніи. Въ ней даются ежемѣсячно большіе, устраиваемые Альбертомъ Вицентини, концерты съ 400 исполнителей (оркестръ и хоръ); въ залѣ же помѣщается очень солидныхъ размѣровъ органъ, на которомъ играетъ замѣчательный виртуозъ на этомъ инструментѣ Гильманъ. На первомъ концертѣ, 17 декабря новаго стиля, были заняты всѣ 15,000 мѣстъ залы и, кромѣ того, по крайней мѣрѣ, 3,000 желающимъ было отказано за продажею всѣхъ билетовъ. Въ этомъ концертѣ исполнялись: венгерскій маршъ Берліоза, религіозный маршъ и кантата «Галлія»—Гуно, маршъ «Востокъ и Западъ» и карнавалъ изъ оп. «Timbre d'argent» Сен-Санса, 3-й актъ изъ оп. «Roi de Lahore»— Массенэ и проч.

Телеграммы.

Берлинъ, 16-го декабря. Въ здѣшней печати усиливаются толки относительно мирнаго соглашенія между Англіей и Россіей. Одна южногерманская газета сообщаетъ, будто Россія предоставляетъ лондонскому кабинету полную свободу дѣйствія въ Афганистанѣ и не будетъ возражать противъ захвата порта Александретты и острова Крита, взамѣнъ чего Болгарія будетъ возстановлена въ границахъ сан-стефанскаго договора.

Константинополь, 15-го декабря. Совѣтъ министровъ постановилъ, отложить пренія объ окончательномъ мирномъ договорѣ между Россіей и Турціей и поручилъ министру иностранныхъ дѣлъ Каратеодори-пашѣ вести переговоры непосредственно съ русскимъ посломъ. Князь Лобановъ-Ростовскій обратился за инструкціями въ Петербургъ.

Лэйардъ ведетъ переговоры съ Портой относительно окончательной уступки острова Кипра, взамѣнъ денежнаго вознагражденія. Лэйардъ предлагаетъ 15,000 фунт. стерлин., Порта требуетъ 55,000 фунт.

Вѣна, 15-го декабря. По извѣстіямъ изъ Скутари, въ Албаніи итальянская агитація усиливается; предводители албанской лиги сообразуютъ всѣ свои дѣйствія съ приказаніями изъ Рима. Занятіе Новобазарскаго санджака будетъ сопряжено для Австріи съ важными политическими осложненіями.

— 18-го декабря. Извѣстія о конвенціи между Австріей и Портой лишены основанія; переговоры затягиваются; возникли серьезныя затрудненія.

Италія предъявляетъ серьезныя требованія на протекторатъ надъ Албаніей.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ Д. А. Карчъ-Карчевскій.

При этомъ нумерѣ «Живоп. Обозрѣн.» разсылаются гг. подписчикамъ приложеніе: «Руководство къ Гигіенѣ.»

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 23 Декабря 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ на 1879 годъ.

Журналъ «**ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ**» будетъ издаваться въ будущемъ, 1879 году, по той же програмѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ настоящемъ, 1878 году.

Гг. годовые подписчики получаютъ при первомъ нумерѣ премію, уже полученную Редакціею и состоящую изъ **олеографической картины**.

Втеченіе года будетъ выдана вторая художественная премія, тоже **олеографія**, а также **иллюстрированная литературная премія**. Кромѣ того Редакція разошлетъ своимъ подписчикамъ въ видѣ **четвертой** преміи **гравюру**, длиною 1 ар. 4 вер., шириною 13 верш. Гравюра эта составляетъ копію съ картины художника, имѣющаго міровую извѣстность. Гравюра вырѣзана на стали и такъ хороша, что, вставленная въ рамку, можетъ быть повѣшена въ любой гостинной.

Въ первыхъ нумерахъ будущаго, 1879 года, между прочими, появятся слѣдующія произведенія: *«Мужъ и жена»*, романъ **А. Михайлова**; поэма **Омулевскаго**; *«Лѣсное Хозяйство»*, статья **Н. В. Шелгунова**; *«Козелъ отпущенія»*, повѣсть **Н. И. Северина**, *Сестра Милосердія*, романъ **Э.** и **Ж. Гонкуровъ**, въ переводѣ **П. Лѣтнева**, *Иза*, романъ **А. Бувье**; повѣсти **Н. Ф. Бажина** и **К. М. Станюковича**; *Правда о женщинахъ*, ст. **Н. И. Шульгина**. Изъ гравюръ, между прочимъ, будутъ помѣщены копіи съ картинъ: **Н. А. Богданова**, **Брюлова**, **Гуна**, **А. И. Мещерскаго И. Т. Михайлова** и **Шварца**.

Редакція намѣрена въ будущемъ году дать рядъ копій съ картинъ **русскихъ** художниковъ, а также біографіи и портреты замѣчательныхъ **русскихъ** дѣятелей изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ нашей общественной дѣятельности. Эти біографіи будутъ составляться подъ редакціей **А. К. Шеллера (А. Михайлова)** и **Н. И. Шульгина**. Въ 1 № будетъ помѣщенъ портретъ **М. Е. Салтыкова (Щедрина)**.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣсяца.
Безъ пересылки	6 р.	3 р. 50 к.	1 р. 80 к.
Съ пересылкою и доставкою	7 р.	4 р.	2 р.

Подписка принимается: Въ Главной Конторѣ Журнала «**Живописное Обозрѣніе**» въ С.-Петербургѣ, Новый проспектъ, домъ № 20.

„ШУТЪ“
БОЛЬШОЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ КАРРИКАТУРЪ.

Будетъ выходить въ 1879 году съ 1-го января еженедѣльно, въ формат большихъ иллюстрацій, помѣщая на своихъ стра ицахъ каррикатуры, рисунки, стихотворенія, очерки, разсказы, сцены, монологи, анекдоты, афоризмы и проч. и проч. Художественный отдѣлъ, на который главнымъ образомъ обращено вниманіе задачи изданія, будетъ исполненъ массою талантливыхъ силъ лучшихъ художниковъ и каррикатуристовъ, всесторонне касаясь текущей жизни и вообще интересовъ, горячо занимающихъ общество.

Годовые подписчики получатъ въ видѣ преміи два большихъ рисунка, исполненные красками, въ срединѣ и концѣ года, а подписавшимся до 15-го января будетъ выслано къ масляницѣ и пасхѣ еще двѣ другихъ преміи съ рисунками академика Микѣшина изъ «Альбома Сумасшедшаго» и изъ коллекціи иностранныхъ художниковъ, тоже дополненные красками.

Цѣны: за годъ безъ доставки 5 р., на полгода 3 р., съ пересылкою и доставкою за годъ 6 р., за полгода 4 р.

Подписка открыта и принимается для иногородныхъ только въ редакціи« Художественнаго журнала Шутъ», во 2-й ротѣ Измайловскаго полка, д. № 17, а для городскихъ при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени», Невск. просп., № 60. 1—3.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1879 ГОДУ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА
для дѣтей,
СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ И ЮНОШЕСТВА

„СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

Удостоеннаго Высочайшаго покровительства Государыни Императрицы Маріи Александровны; рекомендованнаго ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для гимназій, уѣздныхъ училищъ и начальныхъ школъ; состоящихъ при IV отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи, учебнымъ комитетомъ для чтенія воспитанницамъ женскихъ учебныхъ заведеній Императрицы Маріи. Духовно-учебнымъ управленіемъ рекомендованнаго начальствамъ духовныхъ семинарій и училищъ, и главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ-заведеній рекомендованнаго для библіотекъ военныхъ гимназій и прогимназій, какъ изданіе, представляющее обильный матеріалъ для выбора статей, пригодныхъ для чтенія воспитанниковъ.

«Семейные вечера» въ 1879 году будутъ издаваться въ томъ же направленіи, подъ тою же редакціею, съ тѣми же сотрудниками, и будутъ выходить по прежнему, ежемѣсячно, книжками отъ 7-ми до 12-ти листовъ для каждаго отдѣла.

Отдѣлъ для дѣтей, какъ и въ прошлые года, будетъ распадаться, какъ бы на двѣ половины: одна будетъ заключать въ себѣ матеріалъ для чтенія дѣтямъ отъ 8 до 14 лѣтъ, — а другая (въ видѣ приложенія къ каждой книжкѣ, подъ заглавіемъ: «для самыхъ маленькихъ дѣтей») отъ 5 до 8 лѣтъ. Въ томъ и другомъ отдѣлѣ будетъ обращено особенное вниманіе на бытовую, этнографическую, какъ равно научно-естественную и біографическую стороны — путемъ живыхъ разсказовъ, освѣщаемыхъ описаніемъ мѣстностей и природы.

Что же касается отдѣла для семейнаго чтенія и юношества, то онъ будетъ наполняемъ, какъ и въ прошедшихъ годахъ, такими статьями, которыя бы составили пріятный и полезный матеріалъ для чтенія всему семейству.

Редакція приметъ всѣ зависящія мѣры къ иллюстрированію журнала лучшими произведеніями русскихъ и иностранныхъ художниковъ, также будутъ помѣщаться копіи съ лучшихъ гравюръ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

подписная цѣна:

Полный журналъ (въ 24 кн.)
безъ доставки..... 10 р. съ доставкою 11 р.

Отдѣлъ для дѣтей (12 кн.)
безъ доставки..... 5 р. съ доставкою 5 р. 50 к.

Отдѣлъ для семейнаго чтенія (12 кн.)
безъ доставки..... 5 р. съ доставкою 5 р. 50 к.

Для всѣхъ учебныхъ заведеній, подписывающихся прямо въ редакціи на полный журналъ, уступается 1 р.

Для земскихъ школъ, подписывающихся не менѣе, какъ на 25 полныхъ экземпляровъ, уступается 2 р.

Кромѣ того, плата можетъ быть разсрочена: для лицъ, служащихъ въ казенныхъ заведеніяхъ, за ручательствомъ гг. казначеевъ; для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній — за ручательствомъ ихъ начальствъ; для частныхъ лицъ, — не иначе, какъ по соглашенію съ редакціей.

Разсрочка допускается по третямъ, слѣдующимъ образомъ:

На одинъ изъ отдѣловъ, съ доставкою:
За 1-ю треть впередъ.......... 2 р. 50 к.
» 2-ю » » .... 2 » — »
» 3-ю » » .... 1 » — »

На полный журналъ, съ доставкою:
За 1-ю треть впередъ.......... 4 р. — к.
» 2-ю » » .... 4 » — »
» 3-ю » » .... 3 » — »

Подписка принимается: Въ редакціи журнала «Семейные вечера», у Симеоновскаго моста, на углу Караванной и Фонтанки, въ д. Раля, № 1—2, кв. № 21.

Редакторъ-издательница **СОФІЯ КАШПИРЕВА.**

За всѣ года, начиная съ 1873 года, имѣются полные экземпляры въ изящныхъ переплетахъ съ хромолитографированной картиной.

ЦѢНА.

Семейное чтеніе въ 3-хъ книгахъ....... 5 р. — к.
Пересылка за 3 фунта, смотря по разстоянію.
Отдѣлъ для дѣтей въ одной книгѣ...... 4 » 75 »
Пересылка за 3 фунта.
Отдѣлъ для самыхъ маленькихъ дѣтей ... 1 » 30 »
Пересылка за 1 фунтъ.

Для всѣхъ подписавшихся на «Семейные вечера» въ 1879 году и выписывающихъ прямо изъ редакціи шесть прежнихъ годовъ разомъ, уступается на старые года 25%, именно: вмѣсто 66 р. 30 к. за 50 р. безъ пересылки. 2—3.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1879 ГОДУ ВЪ Г. ТИФЛИСѢ ЕЖЕДНЕВНОЙ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ

„ТИФЛИССКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

(седьмой годъ изданія).

Въ 1879 году «Тифлисскій Вѣстникъ» будетъ издаваться по той же программѣ, при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ нынѣшнемъ.

Газета будетъ выходить ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за воскресными и праздничными.

условія подписки:

	Безъ доставки.	Съ доставкою въ Тифлисѣ.
На годъ	10 р. — к.	11 р. — к.
» полгода	5 » 50 »	6 » — »
» 3 мѣсяца	3 » — »	3 » 50 »
» 1 мѣсяцъ	1 » — »	1 » 25 »

Съ пересылкою.

	По имперіи.	По почтовому союзу.
На годъ	12 р. — к.	15 р — к.
» полгода	6 » 50 »	9 » — »
» 3 мѣсяца	4 » — »	6 » — »
» 1 мѣсяцъ	1 » 50 »	1 » 75 »

Подписка принимается въ г. Тифлисѣ, на Эриванской площади, въ домѣ Харазова, № 3.

Иногородные адресуютъ свои требованія: Въ Тифлисъ, въ редакцію «Тифлисскаго Вѣстника». 1—3.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

„ОБЗОРЪ“

будетъ издаваться въ городѣ Тифлисѣ въ 1879 году по той же программѣ, въ томъ же направленіи, въ тѣ же сроки и въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ издавалась въ 1878 году.

Подписная цѣна, съ пересылкою или доставкою: на годъ — 15 р., на полгода—8 р., на три мѣсяца — 4 р. 25 к. и на одинъ мѣсяцъ—1 р. 50 к. Желающіе подписаться съ разсрочкою на цѣлый годъ, вносятъ по 5 р. къ началу января, апрѣля и августа.

Подписка принимается: въ конторѣ газеты, въ г. Тифлисѣ, на Головинскомъ проспектѣ, д. № 7. Иногородные адресуютъ свои требованія просто: «въ г. Тифлисъ, въ редакцію газеты «Обзоръ».

Редакторъ **Н. НИКОЛАДЗЕ.** 1—3.

„ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО“.

Иллюстр. журн. для дѣтей и юношества. Цѣна въ годъ на отд. для дѣтей 5 р., съ пер. 6 р., на отд. для юношества 5 р., съ пер. 6 р. Контора редакціи при книжн. маг. М. О. Вольфа въ Спб. и Москвѣ. 3—4.

Новое хромолитографированное изданіе

„СВѢТЪ и ТѢНИ“

ЖУРНАЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ и КАРРИКАТУРНЫЙ.

Успѣхъ предлагаемаго изданія, успѣхъ, вынудившій редакцію, еще задолго до окончанія полнаго подписнаго года, заявить о прекращеніи пріема подписки, за распродажей всѣхъ, заготовленныхъ въ количествѣ пяти тысячъ экземпляровъ, служитъ лучшимъ выразителемъ общественнаго мнѣнія, какъ относительно его достоинствъ, такъ и той добросовѣстности, съ которой редакція, не смотря на множество, встрѣтившихся на первыхъ порахъ, затрудненій, старалась выполнять всѣ принятыя ею на себя обязательства.

Примѣчаніе. Главное изъ этихъ затрудненій — неприспособленность даже лучшихъ московскихъ литографій къ исполненію тонкихъ художественныхъ работъ — устранено тѣмъ, что редакція нашла возможнымъ выписать изъ заграницы машины послѣднихъ конструкцій и открыть при главной конторѣ собственныя хромолитографическое и типографское заведенія, въ которыхъ съ 15-го ноября этого года и производяться всѣ работы по журналу.

Въ 25-ти выпускахъ, вышедшихъ въ теченіи первыхъ 6-ти мѣсяцевъ существованія, журнала «Свѣтъ и Тѣни» было помѣщено:

1) Сто страницъ большого формата каррикатуръ и рисунковъ, принадлежащихъ карандашу такихъ извѣстныхъ художниковъ, какъ академики — К. А. Трутовскій, А. К. Саврасовъ, каррикатуристы — Н. А. Богдановъ, И. И. Клангъ, М. А. Виноградовъ и др. — 2) Около пятидесяти отдѣльныхъ, оригинальныхъ и фотогравюрныхъ картинъ (портретовъ, бытовыхъ сценъ, эскизовъ, видовъ замѣчательныхъ мѣстностей, копій съ произведеній великихъ художниковъ и пр.). — 3) Шесть ежемѣсячныхъ премій — большихъ (около 3/4 арш. дл. и 9-ти вершк. выш.) фотогравюръ, и, наконецъ, 4) Литературныя приложенія, въ которыя вошли: два большихъ оригинальныхъ романа — историческій «Драма на Лубянкѣ». И изъ уголовной хроники новыхъ судовъ — «Глухою ночью». Знаменитая поэма Кольриджа. «Пѣснь стараго моряка» иллюстрированная 12-тью большими рисунками Густава Доре; множество разсказовъ, повѣстей, стихотвореній, юмористическихъ сценъ, фельетоновъ, очерковъ изъ жизни замѣчательныхъ людей, біографій, исторій происхожденія различныхъ игръ, забавъ и обычаевъ, художественныхъ и театральныхъ обозрѣній и проч.

Если ко всему сказанному прибавить, что большая часть поименованныхъ картинъ, каррикатуръ и рисунковъ, — составляющихъ только половину того, что войдетъ въ полное годовое изданіе, — были иллюминованы красками и, что кромѣ того всѣ годовые подписчики получатъ еще безплатную годовую премію — большую олеографическую картину, — то успѣхъ журнала сдѣлается понятенъ каждому.

Примѣчаніе. Для подписчиковъ 1879 года, въ видѣ такой преміи, редакція предполагаетъ выдать олеографическую, сдѣланную въ натуральную величину (около 2-хъ дл. и 1 арш. выш.) копію съ послѣдней, надѣлавшей столько шуму, картины академика К. А. Трутовскаго: «Ночь на Ивана Купалу въ Малороссіи». Сюжетъ годовой преміи 1878 г. заимствованъ изъ заграничныхъ олеографій, и немедленно по полученіи всего заказа будетъ разосланъ гг. подписчикамъ.

Съ января мѣсяца 1879 года редакція, паралельно съ изданіемъ журнала «Свѣтъ и Тѣни», намѣрена издавать и другое, освобожденное отъ предварительной цензуры и располагающее самой широкой программой, еженедѣльное изданіе.

„МІРСКОЙ ТОЛКЪ“

ЖУРНАЛЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, ПОЛИТИКИ и ЛИТЕРАТУРЫ,

главной задачей котораго будетъ — отвѣчать на всѣ тѣ вопросы, на которые не въ состояніи отвѣтить журналъ «Свѣтъ и Тѣни», чтобы, такимъ образомъ, за сравнительно ничтожную подписную плату (12 р. — за оба изданія) дать возможность, необладающему излишними средствами читателю, замѣнить ими — и ежедневную политическую газету, и литературный сборникъ, и художественно иллюстрированное изданіе и даже журналъ каррикатурный и юмористическій.

Согласно съ этой задачей, «Мірской Толкъ» будетъ также, какъ и «Свѣтъ Тѣни», выходить еженедѣльными выпусками (50 №№ — въ годъ), въ форматѣ большихъ заграничныхъ иллюстрацій, по слѣдующей программѣ:

1) Статьи, извѣстія и обозрѣнія по предметамъ и явленіямъ внутренней жизни: правительственныя распоряженія и узаконенія. 2) Статьи, извѣстія и обозрѣнія по предметамъ внѣшней политики. 3) Беллетристика — оригинальные и переводные романы, повѣсти, драмы, комедіи, путешествія, юмористическіе разсказы, сцены и стихотворенія. — 4) Театръ и музыка. — 5) Новѣйшія открытія и изобрѣтенія. — 6) Очерки изъ исторіи искусствъ и словесности. — 7) Критика и библіографія. — 8) Фельетоны. — 9) Корреспонденціи, русскія и заграничныя. — 10) Судебная хроника. — 11) Смѣсь. — 12) Почтовый ящикъ и отвѣты редакціи. — 13) Справочный Листокъ. — 14) Частныя и казенныя объявленія.

Въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, всѣ гг. подписавшіеся на журналъ «Мірской Толкъ», кромѣ еженедѣльныхъ выпусковъ, будутъ безплатно (съ прибавкою, впрочемъ, 1 р. 20 к. почтовыхъ расходовъ) въ теченіи всего года получать ежедневныя приложенія, заключающія въ себѣ: телеграфныя извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій и всѣ послѣднія политическія новости, сообщаемыя въ лучшихъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ газетахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ОБА ИЗДАНІЯ:

На журналъ «Свѣтъ и Тѣни»:

На годъ съ достакой и пересылкой .... 9 р.
» 1/2 года » » .... 6 »

На журналъ «Мірской Толкъ»:

На годъ съ доставкой и пересылкой .... 7 р.
» 1/2 года » » .... 4 »

Лица, подписавшіяся на оба изданія, вмѣсто 16-ти, платятъ всего 12 р. за полное годовое изданіе и 7 р. — при подпискѣ на шесть мѣсяцевъ.

Подписка принимается: 1) въ Москвѣ: въ главной конторѣ редакціи (Сретенка, домъ Шагаева), а также и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. 2) Въ Петербургѣ: при книжномъ магазинѣ О. И. Бакста. 3) Въ Казани: при книжномъ магазинѣ «Восточная Лира«. 4) Въ Одессѣ: въ собственномъ отдѣленіи конторы (Дерибасовская ул., д. княгини Ди-Санъ-Лоренцо. 5) Въ Парижѣ: въ генеральномъ Агентствѣ редакціи (Rue Lafayette, 142).

Гг. иногородные благоволятъ обращаться съ требованіями исключительно въ главную контору редакцій журналовъ «Мірской Толкъ» и «Свѣтъ и Тѣни».

Редакторъ-издатель **Н. Пушкаревъ**. 3—3.

„ТРУДЫ“ ИМПЕРАТОРСКАГО ВОЛЬНАГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

въ 1879 году.

„Труды“ И. В. Э. Общества въ 1879 году будутъ издаваться по программѣ, утвержденной Обществомъ въ минувшемъ году и состоящей изъ слѣдующихъ отдѣловъ.

I. Сельское хозяйство, куда входятъ статьи, относящіяся къ сельскому хозяйству и главнѣйшимъ его отраслямъ, предметы естественно-историческаго содержанія, направленнаго къ разъясненію вопросовъ земледѣльческихъ, доклады и журналы засѣданій I Отдѣленія. Сюда же отнесенъ отдѣлъ «Пчеловодства», статьи котораго будутъ помѣщаться въ видѣ особой рубрики, подъ заглавіемъ «Пчеловодство».

II. Техническія производства, тѣсно связанныя съ сельскимъ хозяйствомъ, какъ то: обработка льна и другихъ волокнистыхъ растеній, маслобойное дѣло, сыроваренie, картофельно-паточное производство и т. п., земледѣльческая механика, доклады и журналы засѣданій II Отдѣленія.

III. Политическая экономія и статистика, гдѣ помѣщаются статьи политико-экономическаго и статистическаго содержанія по предметамъ, касающимся круга дѣятельности Общества, доклады и журналы засѣданій III Отдѣленія.

IV. Сельско-хозяйственное обозрѣніе, гдѣ дается ежемѣсячный обзоръ экономическихъ явленій русскаго народнаго хозяйства вообще и сельскаго по преимуществу, а также сообщаются свѣдѣнія о болѣе замѣчательныхъ явленіяхъ и открытіяхъ по сельскому хозяйству за границею.

V. Библіографическое обозрѣніе посвящается оцѣнкѣ появляющихся въ свѣтъ сельскохозяйственныхъ и вообще экономическихъ отдѣльныхъ сочиненій и журнальныхъ статей на русскомъ языкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаются указанія на болѣе замѣчательныя иностранныя сочиненія.

VI. Корреспонденція Общества, куда входятъ небольшія и отрывочныя сообщенія по предметамъ занятій Общества изъ провинцій, разнаго рода запросы землевладѣльцевъ и отвѣты на нихъ со стороны Общества или непосредственно отъ Редакціи.

Въ концѣ каждой книжки помѣщаются **„Объявленія“** о продажѣ сельскохозяйственныхъ орудій и машинъ, сѣмянъ, растеній, книгъ и т. п., о предстоящихъ сельскохозяйственныхъ выставкахъ, съѣздахъ и пр.

„Труды“ Общества будутъ выходить разъ въ мѣсяцъ книжками, каждая отъ семи до восьми печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе **„Трудовъ“**, остается прежняя:
безъ пересылки. .... 3 р. 50 к.
Съ пересылкою по почтѣ внутрь имперіи,
а равно и съ доставкою на домъ въ
С.-Петербургѣ.......................... 4 » — »

Подписка на **„Труды“** на 1879 годъ принимается въ С.-Петербургѣ (на углу 4-й роты Измайловскаго полка и Царскосельскаго проспекта) въ домѣ В. Э. Общества и въ сѣменной торговлѣ А. В. Запѣвалова (за Казанскимъ соборомъ, въ домѣ Лѣсникова). Иногородные благоволятъ адресоваться въ С.-Петербургъ, въ домъ В. Э. Общества.

Редакторъ **А. Совѣтовъ**. 4—4.

ИЗДАНІЕ ПРИДВОРНАГО Е. И. В. КНИГОПРОДАВЦА К. К. РЕТГЕРА
ПОДЪ ФИРМОЮ ШМИЦДОРФЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1879 ГОДЪ.

НА

САМЫЙ ПОЛНЫЙ И САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ

ДАМСКІЙ МОДНЫЙ И ИЛЛЮСТРИРОВАННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

„НОВЫЙ РУССКІЙ БАЗАРЪ“.

Честь имѣю заявить, что съ настоящаго времени, право на изданіе моднаго журнала **«Новый Русскій Базаръ»** перешло ко мнѣ въ полную мою собственность. Доводя объ этомъ до свѣденія многоуважаемыхъ гг. подписчиковъ, я не нахожу нужнымъ прибѣгать къ многообѣщающей рекламѣ. Извѣстность моей фирмы, существующей уже болѣе пятидесяти лѣтъ, и лестное довѣріе къ ней, не только въ Петербургѣ, но и повсюду въ Россіи, могутъ служить самымъ лучшимъ ручательствомъ въ томъ, что дѣло изданія пойдетъ впредь добросовѣстно и аккуратно.

Принявъ всѣ мѣры, чтобы журналъ «Новый Русскій Базаръ» отличался изяществомъ, полнотою и разнообразіемъ какъ въ техническомъ, такъ и въ литературномъ отношеніяхъ, я вполнѣ увѣренъ, что журналъ этотъ, — издаваемый съ сего времени, одной изъ извѣстнѣйшихъ и старѣйшихъ фирмъ (Шмицдорфъ), — пріобрѣтетъ здѣсь, въ Россіи, такое же заслуженное вниманіе почтенной публики, какимъ давно уже пользуется онъ повсюду заграницей, печатаясь на двѣнадцати языкахъ и расходясь въ количествѣ болѣе полмилліона экземпляровъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ.	р.	На полгода.	р.	к.
Въ С.-Петербургѣ:		Въ С.-Петербургѣ:		
безъ доставки.... ...	6	безъ доставки	3	50
съ доставкою	7	съ доставкою......	4	—
Въ Москвѣ:		Въ Москвѣ:		
безъ доставки.......	7	безъ доставки	4	—
съ доставкою	8	съ доставкою......	4	50
съ пересылкою во всѣ города Россіи........	8	съ пересылкою во всѣ города Россіи..	4	50

Журналъ **«Новый Русскій Базаръ»** въ 1879 году будетъ выходить въ количествѣ 48 нумеровъ въ годъ, т. е. четыре нумера въ мѣсяцъ, въ самомъ большомъ форматѣ (in-folio), (два модныхъ и два литературныхъ) и будетъ заключать въ себѣ въ теченіе года:

ВЪ МОДНЫХЪ НУМЕРАХЪ:

== Около 3,000 рисунковъ парижскихъ модъ, нарядовъ (дамскихъ и дѣтскихъ), и рукодѣлій.
== Значительное количество изящныхъ узоровъ по канвѣ, атласу, кожѣ, шелками и бисеромъ.
== Выкройки, рисунки и мѣтки бѣлья: дамскаго, мужского и дѣтскаго.
== До 800 выкроекъ въ натуральную величину на 24 большихъ листахъ.
== 12 изящно раскрашенныхъ парижскихъ модныхъ картинокъ, работы извѣстнѣйшихъ французскихъ художниковъ.
== 24 вырѣзныя выкройки въ натуральную величину.
== Текстъ, то есть самое подробное описаніе всѣхъ работъ.

ВЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ НУМЕРАХЪ:

Оригинальные и переводные романы, повѣсти и разсказы для семейнаго чтенія, съ иллюстраціями. — Стихотворенія. — Картины изъ семейной и общественной жизни. — Виды замѣчательныхъ зданій и мѣстностей съ описаніемъ ихъ. — Біографіи замѣчательныхъ лицъ, съ портретами ихъ. — Новости изъ области литературы, искусства и музыки. — Смѣсь (фельетонъ). — Анекдоты. — Описаніе новѣйшихъ модъ. — Новые музыкальные пьесы извѣстныхъ композиторовъ. — Хозяйство и проч.

Кромѣ того, гг. подписчики получатъ въ теченіе года вмѣстѣ съ литературными нумерами нѣсколько безплатныхъ премій, въ видѣ акварельныхъ картинъ, гравюръ и пр.

Подписка принамается: въ главной конторѣ редакціи «Новый Русскій Базаръ» въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., № 5, при придворномъ книжномъ магазинѣ Шмицдорфъ (К. Ретгеръ); въ Москвѣ — у книгопродавцевъ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Алексѣева, И. П. Анисимова, на Никольской ул. д. Заиконоспасскаго монастыря, А. Лангъ, на Кузнецкомъ мосту, и Б. Постъ, на Неглинной, въ д. Фирсанова.

Примѣчаніе: Многіе изъ иногородныхъ подписчиковъ присылали свои требованія на журналъ 1878 г. въ январѣ, февралѣ и даже въ мартѣ мѣсяцахъ и редакція, не имѣя въ виду того, что число подписчиковъ увеличится на нѣсколько тысячъ противъ 1877 года, вынуждена была печатать второе изданіе, при чемъ приложенія, печатаемыя отдѣльно заграницею, не могли быть напечатаны вторично и потому подписчики, запоздавшіе съ своими требованіями на журналъ, получили его безъ прибавленія. Вслѣдствіе этого, редакція покорнѣйше проситъ иногородныхъ подписчиковъ присылать свои требованія заблаговременно и, по возможности, обра-

щаться съ ними прямо въ редакцію «Новаго Русскаго Базара».

Издатель: Придворный Е. И. В. книгопродавецъ **К. К. Ретгеръ (подъ фирмою Шмицдорфъ).**

4—4.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ГОДЪ „СТРЕКОЗА" IV-Й.

ПОДПИСКА на 1879 г.

Трехгодичное изданіе художественно-юмористическаго журнала «Стрекоза» выработало ему достаточную популярность и распространенность. Программа журнала, постоянно вращающаяся около и вокругъ общественной жизни, объемлетъ самыя разнообразныя рубрики и внѣшнія литературныя формы. Она состоитъ изъ недѣльной столичной хроники, обозрѣнія чудачествъ и волшебствъ провинціальной жизни, летучихъ замѣтокъ, посвященныхъ иностранному матеріалу, беллетристики, критики, юмористической библіографіи, театра, искуствъ и проч. Въ каждомъ нумерѣ журнала фигурируютъ легкіе фельетоны, наброски, очерки, сцены, пьесы, пародіи, афоризмы, экспромты, рѣчи, посвященія, стихи, анекдоты, и проч. Со стороны иллюстрированія, въ каждомъ нумерѣ помѣщаются три большіе (въ полную страницу) рисунка и отъ 6 до 10 отдѣльныхъ каррикатуръ, силуэтовъ, художественныхъ виньетокъ, контурныхъ шалостей, капризовъ карандаша въ жанрѣ Шама, Стопа, Гревена, Буша и друг. Всѣ клише съ рисунковъ для журнала исполняются въ собственномъ ателье «Стрекозы» подъ руководствомъ выписаннаго изъ Парижа художника-спеціалиста, по новому паникографическому способу.

Годовымъ подписчикамъ на журналъ будутъ разосланы въ 1879 году двѣ даровыя преміи. Одной изъ нихъ явится чисто художественный «Театральный альбомъ»; другая премія будетъ состоять изъ 3-ей серіи «Каррикатурнаго Альбома современныхъ русскихъ дѣятелей» — на отдѣльныхъ большихъ листахъ слоновой бумаги, въ особой обложкѣ и съ приложеніемъ краткихъ біографій. Оба альбома будутъ печататься на цвѣтномъ фонѣ.

Въ журналѣ, въ качествѣ постоянныхъ сотрудниковъ, принимаютъ участіе слѣдующія лица: С. П. Андреевскій, П. В. Быковъ, И. И. Барышевъ, П. И. Вейнбергъ, И. Ф. Василевскій, (Буква), А. Ѳ. Ивановъ, (Классикъ), В. А. Крыловъ, (Александровъ), Н. А. Лейкинъ, Н. В. Максимовъ, В. О. Михневичъ, В. И. Немировичъ-Данченко, И. Л. Михайловскій, А. А. Плещеевъ, А. А. Соколовъ и многіе др. Художественная часть журнала ввѣрена Н. А. Богданову, А. Б. Броллингу, А. И. Лебедеву, В. И. Порфирьеву, В. С. Шпаку, и другимъ.

Въ редактированіи журнала принимаетъ непосредственное участіе И. Ф. Василевскій (Буква).

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛЪ:

	На годъ. Съ преміями.	На полугодіе. Безъ премій.
Съ пересылкой .	9 р. 50 к.	5 р. 50 к.

На пересылку премій по почтѣ, гг. годовые подписчики благоволятъ прилагать къ подписной суммѣ еще 50 коп. особо.

Подписку слѣдуетъ адресовать только и исключительно «въ редакцію журнала «Стрекоза», въ С.-Петербургѣ, по Лиговкѣ № 32».

Германъ Корнфельдъ
Издатель. 4—4.

БУДИЛЬНИКЪ.

Подписка на **1879** годъ.

(Пятнадцатый годъ изданія.)

Въ 1879 году «Будильникъ» будетъ выходить въ прежнемъ направленіи и по прежней программѣ:

I. Обозрѣніе политической жизни иностранныхъ государствъ въ юмористическихъ очеркахъ, разсказахъ, стихотвореніяхъ, каррикатурахъ и проч.

II. Юмористическая лѣтопись современныхъ событій вообще. Провинціальная хроника. Нравоописательная корреспонденція изъ провинціи.

III. Московская жизнь Петербургскій фельетонъ.

IV. Литературная лѣтопись. Журнальные и газетные курьезы. Статьи полемическія.

V. Повѣсти, разсказы, драматическія сцены, бытовые очерки, стихотворенія.

VI. Новости, слухи, анекдоты, памфлеты, юмористическія стихотворенія и т. д.

VII. Каррикатуры.

VIII. Рекламы и объявленія.

«Будильникъ» будетъ выходить еженедѣльно (50 нумеровъ въ годъ), въ объемѣ отъ 2-хъ до $2^1/_2$ листовъ, что составитъ за годъ большой томъ, въ 700 страницъ слишкомъ, изъ которыхъ 100 заняты хромолитографіями, остальныя—текстомъ. Въ концѣ года подписчики получаютъ указатель статей и художественно исполненную обертку. Каждый новый годовой подписчикъ получаетъ журналъ—съ перваго нумера того года, на который принята подписка.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

12 мѣсяцевъ.	р. к.	6 мѣсяцевъ.	р. к.
Съ перес. въ города	7 50	Съ пересылкою	4 50
Съ дост. въ Москвѣ	7 —	Съ доставкою	4 —
Безъ доставки	6 —	Безъ доставки	3 50

За своевременную высылку журнала, контора редакціи отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если подписка заявлена **заблаговременно**. Деньги высылаются **на имя издательницы**. Подписчикамъ, недославшимъ денегъ, не будутъ досланы въ концѣ года, по разсчету, послѣдніе №№ журнала. Контора покорнѣйше проситъ высылать доли рубля монетою, а не почтовыми марками. Жалобы на неаккуратное полученіе журнала заявляются—не позже, какъ **въ теченіе мѣсяца** отъ первой неисправной получки нумера.

За перемѣну адреса (бандероли) контора взимаетъ 20 коп.

Кромѣ главной конторы редакціи (Москва, большая Никитская, д. Кохановской), подписка на «Будильникъ» принимается:

1) **въ Москвѣ**—у главныхъ книгопродавцевъ; 2) **въ провинціи**—во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и 3) **въ Парижѣ**—въ главной конторѣ Общества Гаваса, Лафитта и Комп. (Place de la Bourse, № 8), гдѣ открытъ **исключительный** пріемъ рекламъ и объявленій изъ Франціи для помѣщенія въ «Будильникѣ».

У Н. А. Мейера (Москва, Моросейка, д. Леонова)—исключительный пріемъ рекламъ и объявленій изъ Россіи. 4—4

въ 1879 году

„СЕМЬЯ И ШКОЛА",

(ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ),

иллюстрированный журналъ домашняго и общественнаго воспитанія.

Будетъ издаваться по той-же программѣ, въ тѣже сроки и въ такомъ-же объемѣ, какъ и въ 1878 году.

Полное годовое изданіе журнала состоитъ изъ **двадцати двухъ книгъ и сорока нумеровъ «Педагогической хроники»**. Подписная цѣна на полный журналъ съ пересылкою **12 р.**

Полное изданіе состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, на которые допускается также отдѣльная подписка:

I. **Семейное чтеніе (отдѣлъ для дѣтскаго чтенія)** выходитъ ежемѣсячно, т. е. 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. **10 р.**

II. **Воспитаніе и обученіе (отдѣлъ для родителей и воспитателей)** выходитъ въ количествѣ 10 книгъ (т. е. ежемѣсячно, кромѣ іюня и іюля), съ добавленіемъ **«Педагогической хроники»**, выходящей въ количествѣ 40 нумеровъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. **5 р.**

Семейное чтеніе даетъ статьи религіозно-нравственнаго содержанія, разсказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и пр., а также игры, работы, рукодѣлія, мастерства и проч. матеріалъ для физическаго и умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картины.

Воспитаніе и обученіе съ „Педагогическою хроникою" содержитъ въ себѣ: общія статьи педагогическаго содержанія, статьи по воспитанію и обученію домашнему и общественному (высшему, среднему и начальному), нравственному, умственному и физическому; критику и библіографію; біографическіе очерки педагоговъ и статьи по исторіи педагогіи; отдѣлъ математическій (самостоятельныя изслѣдованія въ области элементарной математики; разработка тѣхъ или другихъ частей курса учебныхъ заведеній на научно-педагогическихъ основаніяхъ, и т. п.) **„Педагогическая хроника"** даетъ отчеты по текущимъ вопросамъ учебно-воспитательнаго дѣла какъ въ Россіи, такъ и заграницею и полную библіографію вновь выходящихъ по воспитанію и обученію книгъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-Пб. Васильевск. остр, 15-я линія, д. № 8, кв. № 20; или адресуется просто: **Въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Семья и Школа"** (адресъ почтамту извѣстенъ),—съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

Редакторъ-Издатель **К. Краевичъ**. 4—4.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1879 ГОДУ

ГАЗЕТЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ И ГИГІЕНЫ

„ВРАЧЕБНЫЯ ВѢДОМОСТИ"

для врачей, публики и земства.

Сообщеніе новостей изъ области медицины и гигіены, извѣстій о событіяхъ въ медицинскомъ мірѣ, о ходѣ санитарнаго дѣла, разсмотрѣніе профессіональныхъ и общественныхъ вопросовъ, ознакомленіе публики и земства съ положеніями общественной гигіены и медицины — вотъ, въ главныхъ чертахъ, задачи **„Врачебныхъ Вѣдомостей"**. Въ теченіе трехъ лѣтъ «Врачебныя Вѣдомости» неуклонно стремились къ поставленнымъ задачамъ и въ каждомъ № помѣщались свѣдѣнія о дѣятельности врачебныхъ учрежденій и обществъ, о положеніи врачебнаго и санитарнаго дѣла, извѣстія изъ врачебнаго быта, рефераты новѣйшихъ работъ по разнымъ отраслямъ медицины и гигіены и пр. Въ послѣднее-же время, въ виду бывшей войны, вызвавшей къ театру военныхъ дѣйствій большинство врачей, отдавалось довольно мѣста вопросамъ военной медицины, положенію военныхъ врачей и вообще врачебной дѣятельности на войнѣ и послѣ нея. Всѣ текущіе явленія и вопросы, интересующіе врачебную корпорацію, не только были сообщаемы, но и обсуждаемы въ газетѣ. Имѣя особый отдѣлъ **„Земско-медицинское дѣло"** и газета посвящаетъ довольно мѣста сообщеніямъ и обсужденію явленій земской жизни; равно также и популярное изложеніе врачебныхъ и гигіеническихъ совѣтовъ имѣетъ въ виду служить интересамъ и удовлетворять нужды публики. «Врачебныя Вѣдомости» выходятъ въ 1879 году по той же программѣ и въ такомъ же размѣрѣ.

Къ свѣдѣнію земствъ и врачей. Въ 1878 г. «Врачебныя Вѣдомости» расширили справочный отдѣлъ преимущественно о свободныхъ вакансіяхъ въ земствахъ, городахъ, войскахъ и проч., чтобы земскія учрежденія могли получать свѣдѣнія о лицахъ, желающихъ поступить на медицинскую службу, и чтобы врачи получали своевременныя извѣстія о свободныхъ мѣстахъ и условіяхъ службы. Подписная цѣна остается таже.

Безъ пересылки на годъ 6 р., на 6 мѣс. 4 р., на 3 мѣс. 2 р., на 1 мѣс. 75 коп.

Съ доставкою и пересылкою на годъ 8 р., на 6 мѣс. 5 р., на 3 мѣс. 3 р., на 1 мѣс. 1 р.

Подписка принимается: въ *Петербургѣ* — въ конторѣ редакціи, Литейный просп., д. № 51, кв. № 21, и, сверхъ того, въ книжныхъ магазинахъ гг. Исакова, Попова, Риккера, Черкесова, въ «магазинѣ для иногородныхъ» и др. Въ *Москвѣ* — въ книжныхъ магазинахъ Соловьева и въ «центральномъ». Въ *Казани* — въ магазинѣ «Восточная Лира». Гг. иногородные адресуютъ письма и требованія исключительно въ контору редакціи «Врачебныхъ Вѣдомостей». Въ конторѣ редакціи имѣется ограниченное число экземпляровъ изданія за 1876 годъ, которые высылаются желающимъ брошюрованными по цѣнѣ 8 р., за годовое изданіе.

Редакторъ-издатель **П. А. Илинскій.** 4—4.

Съ 1-го января 1879 года будетъ выходить еженедѣльное изданіе:

"ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ",

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

ПРОГРАММА:

1) Правительственныя распоряженія и узаконенія по всѣмъ частямъ государственнаго управленія. 2) Политическія извѣстія. 3) Земство. 4) Судебная хроника. 5) Научное и художественное современное обозрѣніе. 6) Характеристика общественной жизни. 7) Смѣсь, отрывочныя извѣстія, замѣтки, разсказы, очерки этнографическіе, историческіе, сельско-хозяйственные и проч. 8) Телеграммы политическія и торговыя. 9) Казенныя и частныя объявленія.

Газета выходитъ еженедѣльно въ размѣрѣ листа. Особенно важныя или срочныя свѣдѣнія сообщаются въ теченіи недѣли отдѣльными прибавленіями.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

За годъ 6 руб. съ пересылкой и доставкой; въ отдѣльной продажѣ 15 коп. за нумеръ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Симбирскѣ, въ редакціи газеты.
Въ Казани, въ книжномъ магазинѣ А. С. Дубровина, на Воскресенской, противъ университета.
» Самарѣ, въ книжномъ магазинѣ Грау.

Редакторъ-издатель **В. Черниковъ**, 3—3.

Объ изданіи въ 1879 году еженедѣльнаго журнала

„СЕЛЬСКОЕ ЧТЕНІЕ".

Названіе журнала указываетъ уже цѣль его — служить сельскому населенію. Мы думаемъ, что это населеніе нуждается въ чтеніи, изъ котораго оно могло бы извлекать свѣдѣнія, полезныя въ его быту и непосредственно приложимыя къ жизни, пріобрѣтать по разнымъ отраслямъ наукъ познанія, необходимыя для болѣе полнаго уразумѣнія явленій природы, среди которой оно живетъ и, наконецъ, узнавать своевременно хотя о главнѣйшихъ событіяхъ внутренней и внѣшней жизни нашего отечества и сосѣднихъ государствъ. За тѣмъ, сельское населеніе, наравнѣ съ городскимъ, нуждается въ чтеніи, которое удовлетворяло бы его духовнымъ потребностямъ, то есть потребностямъ ума, воображенія и сердца.

Сообразно такому взгляду на потребности сельскаго населенія, въ содержаніе журнала **«Сельское Чтеніе»** входятъ: правительственныя распоряженія; статьи духовнаго и нравственнаго содержанія; извѣстія о внутренней жизни Россіи; земская лѣтопись; статьи научныя по сельскому хозяйству, врачеванію и промысламъ; краткіе обзоры главнѣйшихъ текущихъ событій какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ; извѣстія о новыхъ полезныхъ книгахъ различнаго содержанія, о новыхъ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ и проч. Понятно, что въ каждомъ нумерѣ не можетъ быть статей по всѣмъ указаннымъ предметамъ, — перечень этотъ выражаетъ

лишь общее содержаніе журнала. Въ каждомъ отдѣльномъ нумерѣ бываетъ одна статья по какому-либо вопросу внутренней жизни, одна или двѣ статьи техническія, иногда статья религіознаго содержанія, на тѣмъ извѣстія внутреннія, политическое обозрѣніе, политическія, или историко-политическія статьи. Въ такомъ своемъ видѣ, выработанномъ по указаніямъ опыта «Сельское Чтеніе» сообщая каждую недѣлю всѣ важнѣйшія извѣстія, можетъ замѣнить сельскому жителю газету и доставить ему много полезныхъ свѣдѣній, приложимыхъ къ практической жизни.

Мы приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы внѣшность «Сельскаго Чтенія» была вполнѣ изящная въ отношеніи бумаги, печати и рисунковъ къ научнымъ статьямъ.

«Сельское Чтеніе» выходитъ каждую недѣлю, кромѣ праздниковъ Рождества Христова и Св. Пасхи, такъ что въ теченіи года выйдетъ 48 нумеровъ; каждый нумеръ будетъ состоять изъ 16 страницъ въ два столбца.

Считаемъ долгомъ присовокупить, что Ученый Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, разсмотрѣвъ наше изданіе, одобрилъ «Сельское Чтеніе» для библіотекъ начальныхъ народныхъ училищъ и учительскихъ семинарій.

Подписная цѣна на «Сельское чтеніе»:

	На годъ	На 1/2 года	На 3 мѣсяца
Безъ пересылки..	3 руб.	2 р. —	1 р. 25 коп.
Съ пересылкою...	4 »	2 » 50 коп.	1 » 50 »

Отдѣльные нумера «Сельскаго Чтенія» продаются по 10 к. и высылаются по почтѣ, если при требованіи приложены почтовыя марки на 16 коп.

Подписка на «Сельское Чтеніе» принимается:

Въ Петербургѣ въ книжн. маг. «Русская книжная торговля»: Невскій, противъ гостинаго двора, домъ № 42.

Въ Москвѣ: Въ книжн. маг. И. И. Смирнова, Моховая, въ зданіи Университета.

Въ Вильнѣ: Въ конторѣ «Сельскаго Чтенія».

Гг. иногородные подписчики благоволятъ обращаться исключительно въ Вильну, надписывая свои письма: *въ Вильну, Сергѣю Андреевичу Полю.* 3—4.

СПРАВОЧНАЯ ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАЯ ТАБЛИЦА—заключающая самыя подробныя свѣдѣнія относительно тарифофъ—для пассажировъ, купцовъ и конторскихъ учрежденій.

Складъ изданія — С.-Петербургъ, Забалканскій проспектъ, домъ № 105—1, кв. 28.

Александръ Бликминъ.—Цѣна Таблицы 25 к. с. съ пересылкою 2—3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ"

въ 1879 году.

«Новороссійскій Телеграфъ» будетъ выходить въ 1879 году ежедневно, кромѣ дней слѣдующихъ за большими праздниками, листами большого формата (кромѣ того, до 100 нумеровъ въ годъ будетъ выпущено въ объемѣ 1½ листа), по той-же программѣ и съ тѣми же отдѣлами, какъ и въ предъидущие годы.

Четырехлѣтнее существованіе «Новороссійскаго Телеграфа» избавляетъ редакцію отъ принятаго обычая прибѣгать къ рекламамъ по поводу возобновленія годовой подписки и дѣлать заманчивыя «обѣщанія», изъ которыхъ обыкновенно цѣлая половина не можетъ быть выполнена. Мы и прежде не «обѣщали» нашимъ подписчикамъ «ни расширенія отдѣловъ газеты», ни «привлеченія новыхъ сотрудниковъ» съ громкими именами, однако, предпринимая, постепенно, различныя улучшенія въ газетѣ, мы достигли того, что «Новороссійскій Телеграфъ» — самая распространенная газета въ краѣ. Удержать ее въ этомъ положенія, не смотря ни на какую конкуренцію — вотъ единственное наше обѣщаніе.

Для свѣденія нашихъ подписчиковъ, считаемъ не лишнимъ заявить, что съ 1-го января 1879 года «Новороссійскій Телеграфъ» будетъ печататься въ собственной типографіи *), что дастъ намъ возможность не только улучшить газету въ типографскомъ отношеніи, но и вѣрнѣе обезпечить своевременность выхода и доставки ея подписчикамъ. Если мы рѣшились на значительную затрату, потребную для устройства собственной типографіи, то это потому только, что надѣемся добросовѣстнымъ изданіемъ газеты поддержать то сочувствіе къ ней публики, которымъ пользуемся уже четвертый годъ. Какъ важно для всякой газеты имѣть свою типографію лучше всего видно изъ того, что всѣ лучшія столичныя газеты владѣютъ собственными типографіями, которыя, такимъ образомъ, существуютъ для газеты, а не газета существуетъ для типографіи, какъ это всегда бываетъ, когда ей приходится пользоваться услугами посторонныхъ типографовъ, интересы которыхъ всегда становятся выше интересовъ подписчиковъ газеты.

Подписка принимается исключительно въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи на Соборной площади, въ домѣ Папудова.

условія подписки:

съ пересылкою или доставкою:

На годъ	12 р. — к.
» 6 мѣсяцевъ	7 » — »
» 3 мѣсяца	4 » — »
» 1 мѣсяцъ	1 » 35 »

без доставки или пересылки:

На годъ	10 р. — к.
» 6 мѣсяцевъ	6 » — »
» 3 мѣсяца	3 » 50 »
« 1 мѣсяцъ	1 » 20 »

Для годовыхъ подписчиковъ допускаетси разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ, при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть: или полугодовые по 6 р. (къ 1-му января и къ 1-му іюня); или по четвертямъ года по 3 р. (къ 1 января, 1 марта, 1 іюня и 1 сентября), т. е. всегда впередъ за мѣсяцъ до наступленія срока разсрочки. При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 20 к.

Для различныхъ казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій допускается выписка газеты въ кредитъ, по письменнымъ офиціальнымъ предложеніямъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1877 года.

Заявленія, предложенія, статьи, корреспонденціи и письма адресуются: въ Одессу, въ редакцію «Новороссійскаго Телеграфа». 2—3.

*) Типографія будетъ помѣщаться въ домѣ издателя въ Сабанскомъ переулкѣ, гдѣ помѣщается и редакція «Новороссійскаго Телеграфа».

ГАЗЕТА
КОННОЗАВОДЧИКОВЪ и ЛЮБИТЕЛЕЙ ЛОШАДЕЙ

въ 1879 году.

(годъ шестой).

Будетъ издаваться по той же программѣ и въ томъ же видѣ, оставаясь вѣрною тому направленію, которое въ пять лѣтъ ея существованія пріобрѣло ей лестное сочувствіе читателей, и продолжая тѣмъ же путемъ свое посильное, въ качествѣ независимаго органа, служеніе интересамъ коннозаводскаго дѣла и спорта въ Россіи. Газета выходитъ безъ предварительной цензуры два раза въ мѣсяцъ, 1-го и 15-го числа, въ объемѣ одного (или болѣе) печатнаго листа убористаго шрифта.

Въ особомъ приложеніи къ газетѣ, носящемъ заглавіе «Альбомъ замѣчательныхъ лошадей», помѣщаются фотолитографическіе портреты наиболѣе выдающихся лошадей съ описательнымъ текстомъ. По мѣрѣ заготовленія портретовъ разсылаются въ продолженіе года въ видѣ преміи всѣмъ подписчикамъ 2—3 выпуска этого альбома въ неопредѣленные сроки.

Кромѣ того, въ приложеніи къ газетѣ по примѣру прежнихъ лѣтъ печатаются по особымъ условіямъ съ владѣльцами описи рысистыхъ и верховыхъ заводовъ въ Россіи, составляющія продолженіе изданныхъ уже по этому предмету заводскихъ книгъ стутбуковъ).

Цѣна годовому изданію газеты со всѣми къ ней приложеніями остается прежняя: семь руб. съ пересылкою и доставкой на домъ.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ редакціи газеты и у книгопродавцевъ И. Г. Соловьева, А, Л. Васильева, М. О. Вольфа, Н. И. Мамонтова и другихъ; въ С.-Петербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ Я. А. Исакова, Мамонтова, Вольфа и другихъ.

Гг. иногородные благоволятъ адресовать свои требованія исключительно такъ: въ Москву, въ редакцію «Газеты Коннозаводчиковъ и Любителей Лошадей», на углу Остоженки и Лопухинскаго переулка, домъ Мясникова. Редакторъ-издатель **Н. ЛОДЫГИНЪ.**

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1879 ГОДУ

„ДОНСКОЙ ПЧЕЛЫ"

ГАЗЕТЫ

ПОЛИТИЧЕСКО-ЛИТЕРАТУРНОЙ.

Съ 1-го января 1879 года «Донская Пчела» будетъ издаваться по той же программѣ, какъ и въ текущемъ 1878 году два раза въ недѣлю: по четвергамъ и воскресеньямъ, по одному листу большого формата въ 5-ти столбцахъ.

«Донская Пчела» имѣетъ своею главною цѣлью обсужденіе вопросовъ, относящихся до нуждъ и интересовъ При-азовскаго края, давая, впрочемъ, какъ видно изъ предъидущихъ годовъ, мѣсто и тѣмъ вопросамъ, которые составляютъ въ данное время общій животрепещущій интересъ, какъ напримѣръ, политическія событія.

Значительно увеличивъ въ настоящее время контингентъ своихъ постоянныхъ сотрудниковъ и пригласивъ также къ участію въ газетѣ корреспондентовъ изъ всѣхъ наиболѣе выдающихся городовъ и мѣстечекъ При-азовскаго края, а равно и изъ столицъ и изъ заграницы (въ Константинополѣ, Эрзерумѣ, Ванѣ, Карсѣ, Парижѣ, Вѣнѣ и пр.), — редакція въ будущемъ году надѣется, кромѣ спеціальной разработки мѣстныхъ вопросовъ, не упускать также изъ виду, по примѣру прошедшихъ годовъ, и всѣ текущіе вопросы изъ области политической и общественной жизни.

подписная цѣна:

съ доставкою въ Ростовѣ на Дону:

на годъ	6 р. — к.
» полгода	3 » 50 »
» 3 мѣсяца	2 » — »

съ пересылкою иногороднымъ:

на годъ	7 р. — к.
» полгода	4 » — »
» 3 мѣсяца	2 » 50 »

За перемѣну адреса редакція взимаетъ 25 коп.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи «Донской Пчелы» въ Ростовѣ на Дону, на Большой Садовой улицѣ, въ д. И. А. Теръ-Абраміанъ (бывшій Драшковича). Иногородные благоволятъ адресоваться: въ редакцію «Донской Пчелы» въ Ростовъ на Дону.

Редакція покорнѣйше проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ присылать свои требованія заблаговременно, написавъ свои полные адресы четко и разборчиво.

Редакторъ-издатель **И. А. ТЕРЪ-АБРАМІАНЪ.** 2—2.

„ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ",

БЫВШІЙ

„ДѢТСКІЙ САДЪ",

будетъ выходить въ 1879 году въ направленіи, принятомъ въ 1876 г. Правильное практическое воспитаніе возможно лишь тогда, когда выяснена теорія. Редакція поставила себѣ задачей въ статьяхъ о развитіи умственнаго и нравственнаго строя ребенка и о предметахъ преподаванія выяснить теорію, на которой должно быть основано воспитаніе. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи даются отзывы о педагогическихъ и дѣтскихъ книгахъ и журналахъ. Въ отдѣлѣ смѣси — замѣтки изъ воспитательной практики. Въ отдѣлѣ чтенія для дѣтей старшаго и младшаго возраста помѣщаются разсказы, стихотворенія, біографіи, статьи естественно-научнаго содержанія, путешествія. Для младшаго возраста прилагаются рисунки. Въ 1878 г. были помѣщены статьи въ педагогическомъ отдѣлѣ: «Вліяніе семьи и школы, Забывчивость, Мнѣніе англійскаго педагога объ экзаменахъ, Теорія воспитанія Спенсера, Дюбуа Реймонъ о современномъ образованіи, Причина дѣтской смертности, Португалова, Женское рукодѣлье М. Артемьевой, Дѣти-игрушки, Что должно требовать отъ учителя, Чтеніе, Какъ воспитывать женщину, Воля, преподаваніе географіи, Глухота къ нотамъ». Въ отдѣлѣ чтенія для дѣтей старшаго возраста: «Вильямъ Пеннъ, Сказка о рубашкѣ, Булатъ и мысль, стихотвореніе, Бури и кораблекрушенія Зеленый островъ. Изъ пѣсенъ о городѣ, стихотвореніе А. Михайлова, Н А. Некрасовъ, М. Артемьевой, съ портретомъ Некрасова». Для младшаго возраста: «Встрѣча, съ рисункомъ, Пропажа Лены, Каучукъ и гуттаперча, Погоня при лунномъ свѣтѣ, Алена, разсказъ М. Артемьевой, съ рисункомъ, Пчелы, съ рисункомъ».

Журналъ выходитъ въ объемѣ отъ 5—6 листовъ въ 8-ю долю большого формата. Цѣна 4 р. 50 к. безъ доставки; съ пересылкой и доставкой — 5 р.

Подписка принимается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, и въ редакціи: Екатерингофскій пр., д. № 51, кв. 4.

Издатель **А. Поповъ.** Редакторъ **Н. Бѣлозерская.**

Изданія въ пользу высшихъ женскихъ курсовъ М. Цебриковой:

Эмиль XIX вѣка А. Эскироса, съ приложеніемъ статьи, Теорія воспитанія Спенсера; 2-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к.

Новая жизнь, романъ Ауэрбаха, изъ быта народныхъ учителей. Ц. 2 р. 20 к.

Медицина и медики Э. Литтре. Ц. 2 р.

Разсказы о погибшихъ дѣтяхъ, Н. Р., выпускъ 1-й, повѣсть—«Маменьки». Ц. 60 к. Выпускъ 2-й—«Самодуры». Ц. 50 к.

Депутатъ города Парижа. Романъ изъ временъ 2-й Французской имперіи. Ц. 2 р. 3—4.

Въ Книжномъ магазинѣ

С. П. ГЛАЗЕНАПА

(Поварской Пер., д. № 15, въ С.-Петербургѣ)

поступилъ въ продажу:

КАЛЕНДАРЬ-ТЕРМОМЕТРЪ

на 1879 годъ.

Къ роскошной папкѣ **прикрѣпленъ термометръ** Реомюра.

(Самый полный, съ отрывающимися листами.)

Къ роскошной папкѣ придѣланъ небольшой изящный термометръ Реомюра. Въ календарѣ три портрета командировъ крейсеровъ русскаго **добровольнаго флота.**

Цѣна **1 р.**, съ перес. **1 р. 40 коп.**

Требованія исполняются немедленно. Принимаются всевозможные заказы книгъ и подписка на всѣ журналы и газеты.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 Декабря 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)

вкл. илл. после № 35, 44.

нет с. с. 407–408

Сорокова 2.04.88 ТЭ

11^{00}